This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

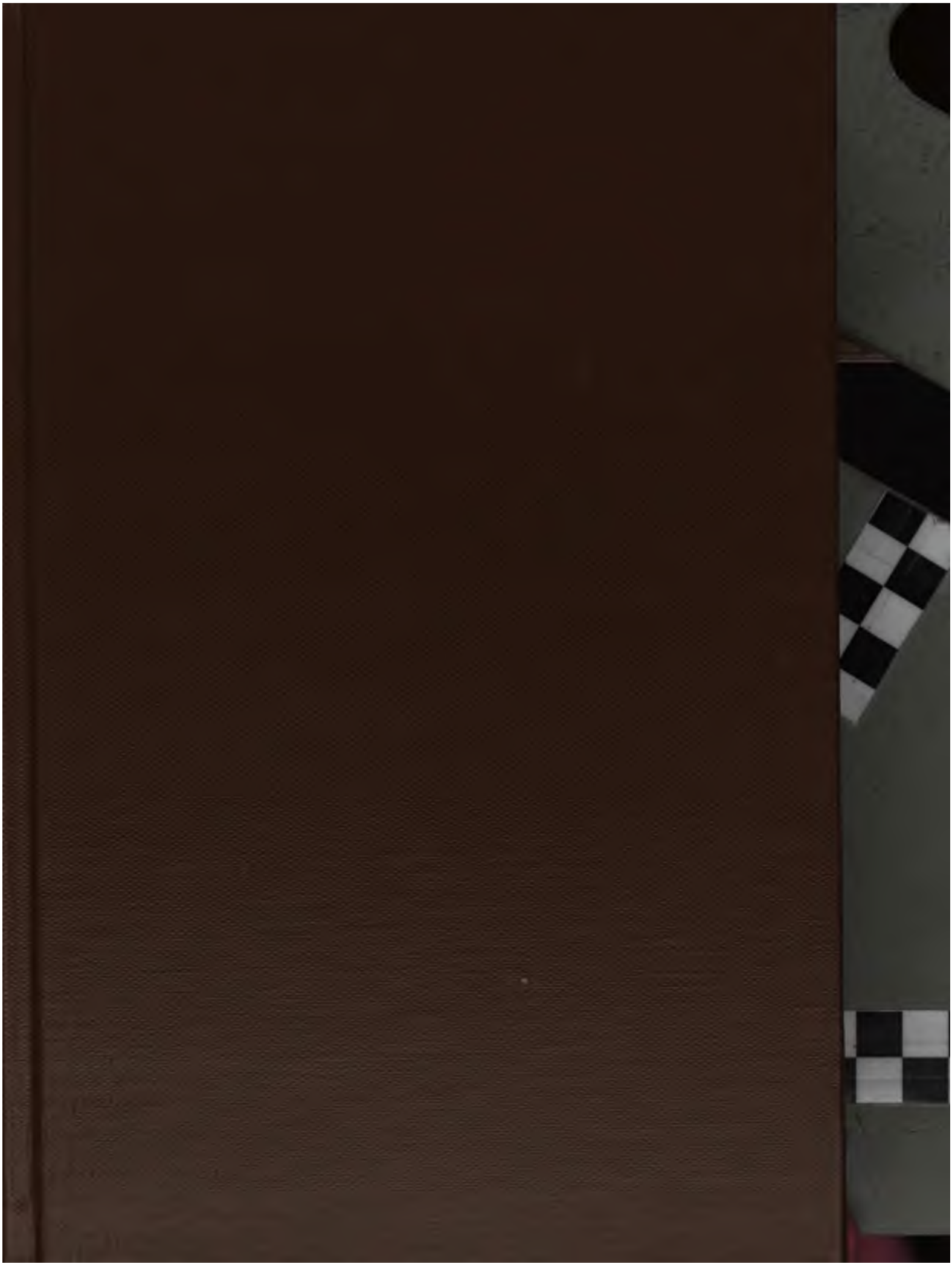
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Václav Hanka

ТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Pisma k. Viacheslava Ganka

ПИСЬМА

КЪ

ЯЧЕСЛАВУ ГАНКЪ

изъ славянскихъ земель.

ИЗДАЛЪ

В. А. ФРАНЦЕВЪ,

профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

Краковское Предмѣстье № 3.

1905.

PG 34
H3 A4
905

ПИСЬМА КЪ В. ГАНКѢ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ, проф. П. Зиловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

»Szukajmy materyałów, —
znajdzie się dziejopis.«
H. Kołłątaj.

Корреспонденція Вячеслава Ганки (р. 10. іюня н. ст. 1791, † 12. янв. н. ст. 1861), одного изъ заслуженнѣйшихъ дѣятелей чешскаго возрожденія, давно уже привлекала вниманіе какъ чешскихъ историковъ этого періода литературной и общественной жизни, такъ и другихъ славянскихъ ученыхъ, искавшихъ въ богатомъ собраніи писемъ къ Ганкѣ, хранящемся нынѣ въ библіотекѣ Музея Королевства Чешскаго, разрѣшенія того или другого, спеціально ихъ занимавшаго вопроса. Раньше всего, естественно, обратили вниманіе на чешскую переписку Ганки, ее предпочтительно изучали, изъ нея дѣлались извлеченія. Въ различное время отдѣльныя части ея печатались въ Часописи Чешскаго Музея и другихъ журналахъ (напр., взаимная переписка Ганки и Добровскаго, въ Č. Č. Mus. 1870 г.; взаимная переписка Ганки и Коллара, тамъ же, 1893; письма Ганки къ В. А. Мацѣевскому и къ Пуркине въ Slov. Sborn. Эд. Іелинка, 1883 и 1886, и пр.), но изданіе этой переписки велось безъ всякаго плана, выборъ той или другой части огромнаго матеріала былъ чисто случайный, а между тѣмъ важное значеніе этой переписки для исторіи чешскаго возрожденія очевидно было для всякаго, кто подходилъ къ разнообразнымъ вопросамъ этого періода. Желаніе увидѣть въ числѣ изданій писемъ славянскихъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей изданіе корреспонденціи Ганки высказывалось и въ чешской и въ русской печати (ср., напр., Osvěta, IX, 538, замѣчаніе проф. І. І. Первольфа), но къ этому дѣлу

никто не приступалъ. Впрочемъ, для того, чтобы приступить къ изданію полной переписки Ганки, необходимо было предварительно заняться разборомъ бумагъ его, такъ какъ только часть славянской корреспонденціи была приведена въ порядокъ и доступна была изученію; другая же, впрочемъ, менѣе значительная часть ея находилась въ связкахъ еще не разобранныхъ бумагъ Ганки.

Занятія наши періодомъ чешскаго литературнаго возрожденія привели насъ къ тому же неисчерпаемому источнику, которымъ пользовались уже многіе до насъ, — къ бумагамъ Шафарика, Ганки и многихъ другихъ представителей этой великой эпохи. Благодаря безконечно любезному содѣйствію и указаніямъ б. библіотекаря Чешскаго Музея, достоуважаемаго А. О. Патеры, мы имѣли возможность тщательно перебрать нѣсколько связокъ неразобранныхъ бумагъ Ганки и убѣдиться при этомъ, насколько неполны нѣкоторыя группы писемъ, считавшіяся уже законченными. Къ тому же въ этихъ связкахъ бумагъ, собранныхъ, очевидно, послѣ смерти Ганки въ его кабинетѣ, оказалось еще значительное число, по большей части, собственноручныхъ его карандашныхъ черновиковъ писемъ къ разнымъ лицамъ. И изъ этихъ черновыхъ бумагъ Ганки намъ удалось извлечь немало интереснаго и, во всякомъ случаѣ, достойнаго вниманія матеріала, который едвали когда-либо можетъ быть возстановленъ во всей полнотѣ.

Изъ всего разсмотрѣннаго нами матеріала мы поставили себѣ задачей извлечь письма исключительно славянскихъ корреспондентовъ Ганки, кромѣ писемъ чешскихъ, изданіе которыхъ въ полномъ объемѣ лежитъ на обязанности чешскихъ ученыхъ. Особенный интересъ представляла та часть славянской корреспонденціи Ганки, въ которой сгруппированы были письма русскихъ ученыхъ людей, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: она занимаетъ въ ряду другихъ частей переписки Ганки выдающееся мѣсто какъ по своему значительному объему, такъ и по замѣчательнымъ именамъ корреспондентовъ.

Слѣдующую большую группу писемъ къ Ганкѣ, значительную и по именамъ авторовъ ихъ, представляютъ письма польскихъ ученыхъ. Если изъ первой группы писемъ извѣстная, при томъ довольно важная по значенію часть извлечена и издана была въ разное время русскими учеными, то изъ обширной переписки Ганки съ представителями науки и литературы польской лишь немногое, къ тому же и не наиболѣе интересное и цѣнное, сдѣлалось общимъ достояніемъ. Нѣкоторыя письма польскихъ корреспондентовъ Ганки (напр., гр. Т. Дзялынскаго, А. Ю. Росцишевскаго, В. Цыбульскаго и др.) были напечатаны извѣстнымъ чешскимъ писателемъ Эд. Іелинкомъ въ различныхъ польскихъ изданіяхъ, но появленіе ихъ въ печати было чисто случайнымъ, они были выхвачены изъ общей польской переписки Ганки. На необходимость изданія ея тоже дѣлались указанія въ польскихъ журналахъ (ср. сообщеніе Эд. Іелинка въ ж. Kraj, 1895, № 10; Kwartalnik Histor., IX, 545—547). Менѣе обширна была корреспонденція Ганки съ представителями прочихъ славянскихъ народовъ, — съ учеными сербо-лужицкими, болгарскими, сербскими, словинскими; но и тутъ найдемъ отдѣльныя группы писемъ, заключающихъ немало цѣнныхъ мелочей для исторіи связей и сношеній представителей разныхъ вѣтвей славянства съ Прагой.

Приступивъ къ выполненію задуманнаго нами изданія славянской переписки Ганки, мы должны были прежде всего разобраться въ тысячахъ хранящихся въ бумагахъ его писемъ, ознакомиться съ ихъ содержаніемъ, чтобы опредѣлить, что изъ этой массы матеріала достойно быть напечатаннымъ, такъ какъ далеко не все сохранившееся имѣетъ значеніе, даже въ смыслѣ мелкихъ крупицъ для будущей біографіи Ганки. Десятки и сотни писемъ отъ множества случайныхъ, въ большинствѣ никому невѣдомыхъ посѣтителей Музея и его библіотеки, навѣщавшихъ Ганку на пути къ чешскимъ водамъ, чтобы передать ему книжныя посылки его русскихъ ученыхъ друзей, не содержатъ въ себѣ рѣшительно ничего достойнаго вниманія. Такого рода матеріалъ пришлось исключить изъ нашего собранія. Поэтому изданіе наше является лишь собраніемъ

избранныхъ писемъ славянскихъ корреспондентовъ Ганки, писемъ, представляющихъ извѣстный научный интересъ; имѣющихъ, въ значительной своей части, прямое отношеніе къ судьбамъ славянскихъ изученій у насъ, у поляковъ и др. славянъ; дающихъ немало интереснѣйшихъ страницъ для исторіи нашей и польской общественной жизни; наконецъ, въ изобиліи заключающихъ драгоцѣнныя зерна для біографіи Ганки, особенно — для характеристики его, какъ дѣятельнѣйшаго представителя славянской взаимности.

Нельзя, конечно, быть увѣреннымъ въ томъ, что среди множества не описанныхъ еще бумагъ различныхъ собраній рукописнаго отдѣленія библіотеки Чешскаго Музея не найдется уже ничего больше изъ славянской переписки Ганки. Въ библіотеку продолжаютъ поступать и новыя собранія, и въ нихъ тоже можетъ оказаться со временемъ кое-что новое для насъ. Такъ, въ 1904 году библіотека Музея пріобрѣла бумаги извѣстнаго чешскаго публициста И. Скрейшовскаго, среди коихъ неожиданно оказалось незначительное число разныхъ бумагъ Ганки, купленныхъ Скрейшовскимъ или полученныхъ въ даръ отъ наслѣдниковъ Ганки. Какъ бы то ни было, издаваемое нами собраніе заключаетъ несомнѣнно наиболѣе значительную по содержанію часть славянской переписки Ганки, и едвали къ ней прибавится со временемъ что-либо особенно существенное по значенію или обширное по объему.

Надо пожалѣть, конечно, о томъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣлась только одна половина этой обширной корреспонденціи, хранящаяся нынѣ въ библіотекѣ Чешскаго Музея, и осталась для насъ недоступной другая половина — письма самого Ганки, разсѣянныя по огромному пространству славянскихъ земель, всюду, гдѣ только были у Ганки ученые друзья. Лишь весьма немногое изъ этой драгоцѣнной второй части намъ удалось пріобщить къ матеріаламъ библіотеки Музея: нѣкоторыя письма Ганки, какъ мы сказали выше, намъ удалось возстановить по черновикамъ и наброскамъ, въ большинствѣ совершенно законченнымъ; другія

ъ П. И. Кеппену и гр. С. С. Уварову) были
ми изъ рукописныхъ собраній библіотеки Имп.
къ и изъ Архива Министерства Народн. Просвѣ-
го досталось намъ совершенно случайно (напр.,
Ганки къ Н. И. Крылову); письма Ганки къ Г. С.
печатанныя въ числѣ дополненій, найдены были
ковскихъ библіотекахъ; одно письмо его къ Ромуе оказалось въ библіотекѣ варшавскаго универ-
. д. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы указываемъ
къ, изъ котораго такіе матеріалы нами почерпнуты.
горая, впрочемъ, весьма незначительная часть слапереписки Ганки, какъ мы замѣтили выше, была
стна въ печати. Изъ этихъ уже изданныхъ матеріавнесли въ наше собраніе все существенно необхоакъ какъ, во-первыхъ, нѣкоторыя изъ вторично сохъ нами писемъ были напечатаны въ малоизвѣстныхъ
ъ галицко-русскихъ, польскихъ, хорватскихъ и др.,
рыя необходимо было бы сдѣлать въ соотвѣтственмѣстахъ ссылки и указанія; во-вторыхъ, нѣкоторыя
переписки Ганки были изданы въ неполномъ видѣ или
ціальнымъ соображеніямъ издателя, который извлеизъ нея наиболѣе для него важное, или же потому,
здателю въ то время, когда онъ изучалъ извѣстную
корреспонденціи, была доступна та или другая группа
ъ не во всей ея полнотѣ. Такъ, напр., не всѣ письма
ена и не въ полномъ видѣ были изданы проф. А. А.
убинскимъ въ приложеніи (IV-омъ) къ его изслѣдованію
чальные годы русскаго славяновѣдѣнія“ (Одесса, 1887—
8); проф. Е. В. Пѣтуховъ могъ напечатать только полону писемъ О. М. Бодянскаго къ Ганкѣ, такъ какъ вторая
ловина ихъ была найдена нами позже среди неразобранныхъ бумагъ Ганки. Мы не рѣшились однако перепечатать
новь письма Ганки къ Бодянскому, изданныя въ Чтеніяхъ
И. О. И. и Др. Росс., 1887, кн. II., такъ какъ они были сообщены не въ подлинникахъ, а въ переводѣ съ чешскаго языка;
къ тому же и журналъ, гдѣ они напечатаны сравнительно

недавно еще, найдется, вѣроятно, въ каждой славянской библіотекѣ. Во всѣхъ случаяхъ перепечатки изданныхъ уже писемъ мы указываемъ, гдѣ и когда эти письма были сообщены.

При чрезвычайномъ разнообразіи содержанія писемъ, при значительномъ числѣ участниковъ переписки и обиліи упоминаемыхъ въ ней лицъ, представлялось необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ снабдить письма примѣчаніями. Тутъ мы вынуждены были ограничиться самыми краткими поясненіями, прежде всего, біографическаго характера, относительно авторовъ писемъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось отказываться и отъ этихъ краткихъ замѣчаній, а именно: когда объ авторѣ письма мы не могли сообщить точныхъ данныхъ, или когда авторъ самъ достаточно точно опредѣлялъ свое положеніе, или, наконецъ, когда при незначительномъ объемѣ сообщаемаго матеріала и общей извѣстности, особенно для слависта, имени автора такія поясненія казались намъ излишними. Значительный объемъ изданія, далеко переступившаго первоначально опредѣленные размѣры, вынуждалъ насъ быть въ этомъ отношеніи крайне экономными. Впрочемъ, мы увѣрены, что никакихъ особенно темныхъ мѣстъ читатель, даже не спеціалистъ in slavicis, въ издаваемыхъ письмахъ не встрѣтитъ; всякаго же рода библіографическія справки, если въ таковыхъ встрѣтится надобность, читатель наведетъ безъ затрудненій. Вносить указанія послѣдняго рода въ наше изданіе въ большей полнотѣ, чѣмъ мы это сдѣлали, не представлялось возможнымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы внесли въ подстрочныя примѣчанія наиболѣе характерныя записи изъ альбомовъ Ганки, въ которые заносили свои имена всѣ виднѣйшіе посѣтители Музея. Очень часто при помощи такихъ записей намъ удавалось установить даты нѣкоторыхъ писемъ; къ тому же эти записи, какъ бы скептически ни относиться къ горячимъ и восторженнымъ фразамъ ихъ, зачастую заключаютъ далеко не безцѣнныя черты для характеристики отношеній къ Ганкѣ его многочисленныхъ славянскихъ друзей.

Издаваемые нами матеріалы при ихъ чрезвычайномъ разнообразіи нелегко поддаются общей характеристикѣ: на протяженіи болѣе чѣмъ четырехъ десятилѣтій, въ письмахъ почти двухъ сотенъ корреспондентовъ затрагивается такое множество разнообразнѣйшихъ по содержанію и значенію вопросовъ, что трудно свести въ одно цѣлое заключенія о нихъ и вызываемыя ими мысли. Съ увѣренностью можно однако сказать объ издаваемыхъ нами матеріалахъ, что они должны будутъ во многомъ измѣнить сужденія и отзывы о Ганкѣ, по крайней мѣрѣ, что касается его роли и значенія въ исторіи славянскихъ ученыхъ и литературныхъ связей въ теченіе половины XIX столѣтія. Если связи представителей науки русской съ чешскими учеными за этотъ періодъ болѣе или менѣе уже выяснены (прежде всего въ статьяхъ проф. І. І. Первольфа, затѣмъ въ капитальномъ изслѣдованіи проф. А. А. Кочубинскаго „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“ и въ нашихъ „Очеркахъ по исторіи чешскаго возрожденія“), то этого никакъ нельзя сказать о сношеніяхъ польско-чешскихъ, которыя начались даже раньше русскихъ ученыхъ связей съ Прагой. Переписка Ганки съ такими представителями польской науки, какъ Г. С. Бандтке, М. К. Бобровскій, А. С. Гельцель, Р. Губе, А. Ф. Кухарскій, С. Б. Линде, В. А. Мацѣевскій, И. В. Раковецкій и др., внесетъ не одну новую страницу въ исторію славянскихъ изученій у поляковъ. На эту сторону дѣятельности Ганки, усердно и неуклонно осуществлявшаго одинъ изъ идеаловъ славянской взаимности Коллара, будущій безпристрастный біографъ его долженъ будетъ обратить больше вниманія, оцѣнить ее спокойнѣе и съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. „Значеніе Ганки въ исторіи чешскаго возрожденія еще не вполнѣ выяснено“, говоритъ акад. И. В. Ягичъ. „Развиваясь подъ благотворными лучами такого могучаго духа, какимъ былъ Добровскій, Ганка пріобрѣлъ весьма солидныя познанія въ славянской филологіи и археологіи, которыми онъ блисталъ долгое время еще послѣ смерти своего учителя. Не только Кеппенъ или Шишковъ, но и Срезневскій цѣнилъ его

очень высоко, какъ видно изъ воспоминаній послѣдняго о Ганкѣ, напечатанныхъ въ IX томѣ „Извѣстій“. Мнѣ кажется, и это высказываю я не въ первый разъ, что этотъ взглядъ на Ганку гораздо правильнѣе того совершенно отрицательнаго отношенія къ нему, которое можно найти въ новѣйшей чешской критикѣ . . . Уже тѣ немногія данныя, которыя заключаются въ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ, устраняютъ возможность относиться къ Ганкѣ только отрицательно“ (Письма Добровскаго и Копитара, LXXI—LXXII). А между тѣмъ этотъ отрицательный взглядъ упорно сохраняется не только въ оцѣнкѣ научнаго значенія его дѣятельности, но и въ характеристикѣ его „славянскихъ стремленій“, его сношеній, напримѣръ, съ русскими учеными. Послѣднюю попытку характеризовать заслуги Ганки въ области „славянской взаимности“ сдѣлалъ I. Ганушъ въ новѣйшемъ коллективномъ трудѣ: „Literatura česká devatenáctého století“, I, 1902, стр. 713 и сл., въ главѣ „Slovanské snahy Hankovy“. Говоря спеціально о развитіи руссофильства Ганки, новѣйшій историкъ періода возрожденія склоненъ допустить, что въ этомъ отношеніи оказали свое вліяніе не только политическія событія начала XIX ст., въ которыхъ Россіи принадлежала столь блестящая роль, но также и „парадные мундиры высшихъ русскихъ офицеровъ, являвшихся выразить свое почтеніе Добровскому, а отчасти и русскіе ордена, медали, перстни и другія отличія, которыя съ 1818 г., со времени „открытія“, сыпались на Ганку чуть ли не дождемъ.“ Это, несомнѣнно, слишкомъ одностороннее и неглубокое объясненіе того широкаго идейнаго движенія въ чешской наукѣ и общественной мысли, въ которомъ такое видное мѣсто принадлежало и Добровскому, и Юнгманну, и Антонину Марку, и Пухмайеру, и Шафарику и др. Многолѣтнія близкія отношенія Ганки, — это относится и къ другимъ чешскимъ ученымъ, особенно къ Шафарику, — съ виднѣйшими представителями русскаго славяновѣдѣнія и русской науки вообще нельзя называть „довольно интимными связями съ русской бюрократіей.“ Этотъ недвусмысленный намекъ оскорбителенъ не только для памяти Ганки,

который далекъ былъ отъ таинственной интимности, какъ объ этомъ могутъ свидѣтельствовать хотя бы тѣ немногія письма его къ Кеппену, Норову, Погодину, Уварову, которыя намъ извѣстны, но и для именъ русскихъ друзей его, въ числѣ коихъ достаточно назвать старѣйшаго въ ихъ сонмѣ Шишкова, Бодянскаго, Григоровича, Прейса, Срезневскаго, Гильфердинга, Кеппена, Норова, Сперанскаго и мн. др. Развѣ эти лица для современнаго чешскаго ученаго только „бюрократы“, и больше ни о чемъ ихъ имена ему не говорятъ? Тотъ же литературный историкъ повторяетъ старое обвиненіе Ганки въ томъ, что онъ своимъ „неискреннимъ, коварнымъ образомъ дѣйствій“ разстроилъ извѣстное дѣло призванія „тріумвирата“ въ Россію, сначала на славянскія каѳедры, потомъ — на должности библіотекарей. Новые матеріалы для исторіи славянской филологіи, изданные въ 1897 году И. В. Ягичемъ, разсѣяли въ извѣстной степени это обвиненіе, и въ отчетѣ о трудѣ акад. Ягича въ журналѣ „Listy Filologické“, 1898, str. 416, было указано на то, что въ безплодности долгихъ переговоровъ виновны были сами русскіе. Въ числѣ писемъ Ганки къ Кеппену нашлось одно съ собственноручнымъ новымъ свидѣтельствомъ о томъ же столь близкаго участника переговоровъ, какимъ былъ Кеппенъ. „Вызывающіеся ученые остались въ обманѣ“, какъ оказывается, по винѣ Академіи (см. стр. 472, примѣч.). Быть можетъ, издаваемые нами матеріалы прольютъ нѣкоторый свѣтъ и на другіе, связанные съ дѣятельностью Ганки „темные“ вопросы.

Въ русской литературѣ мы можемъ отмѣтить нѣсколько статей, посвященныхъ жизнеописанію Ганки и оцѣнкѣ его ученой и общественной дѣятельности. Лучшій по полнотѣ такой оцѣнки, по спокойствію тона и сдержанности сужденій очеркъ принадлежитъ акад. А. Н. Пыпину („Вячеславъ Ганка“, въ ж. Современникъ, 1861, т. 86-й, отд. II). И. И. Срезневскій, преданнѣйшій другъ Вячеслава Вячеславича, написалъ „Воспоминаніе о Ганкѣ“ въ Извѣстіяхъ II отд. И. А. Н., т. IX, 215–219, и отд. брошюрой. П. А. Лавровскій въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета 30 августа 1861 г.

почтилъ память Ганки и Шафарика въ особой рѣчи („Въ воспоминаніе о Ганкѣ и Шафарикѣ", Харьковъ 1861), а въ № 9-омъ 1861 г. Московскихъ Вѣдом. помѣстилъ тотчасъ послѣ смерти Ганки „Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ". Воспоминанія о личныхъ сношеніяхъ съ Ганкой, съ выдержками изъ писемъ его, сообщилъ въ Отечеств. Запискахъ, 1861, № 2, П. П. Дубровскій. Извѣстный біографическій очеркъ Легисъ-Глюкзелига („Wenceslaw Hanka, ein Beitrag zur Geschichte der Cultur und National-Literatur Böhmens und der Slawen überhaupt", въ альманахѣ Libussa, 1852 г.), написанный въ высоко-панегирическомъ тонѣ, переведенъ на русскій языкъ въ Славянскомъ Ежегодн., Кіевъ, 1880. Небольшая статья В. Качановскаго „Чешскій дѣятель В. В. Ганка" помѣщена въ V кн. Вѣстника Славянства.

Русскіе друзья и почитатели Ганки не преувеличивали никогда его ученыхъ заслугъ, не выдвигали ихъ въ отзывахъ о его дѣятельности на первое мѣсто, — напротивъ, всюду подчеркивалось значеніе его практической, общественной дѣятельности, какъ безкорыстнаго наставника, руководителя по мѣрѣ силъ и знаній, искренняго славянскаго патріота, расположеннаго „ко всѣмъ вообще славянамъ и особенно къ сѣвернымъ". Вообще, учено-литературная дѣятельность Ганки, по вѣрному замѣчанію П. А. Лавровскаго, служила какъ бы уясненіемъ, подтвержданіемъ и пополненіемъ его дѣятельности общественной, и послѣдняя всегда будетъ выдаваться на первый планъ въ глазахъ внимательнаго и безпристрастнаго судьи. А безпристрастныхъ и строгихъ судей своихъ ученыхъ трудовъ Ганка и въ русской литературѣ имѣлъ достаточно. Укажемъ для примѣра на отзывы Куника и Билярскаго объ изданіи Реймскаго Евангелія, которому въ Россіи такъ не посчастливилось. „Ученая дѣятельность Ганки, — говоритъ Пыпинъ, — имѣла свои недостатки; критики замѣчали у него недостатокъ строгой эрудиціи, устарѣлыя понятія и т. д.; требовательные филологи подвергали сомнѣнію его филологическія знанія, по которымъ онъ считалъ себя спеціалистомъ. Мы не станемъ опровергать этого: Ганка не вла-

дѣлъ конечно большимъ талантомъ, онъ слишкомъ поздно сталъ учиться и слишкомъ рано началъ свою литературную дѣятельность, къ которой постоянно побуждало его желаніе принести пользу своей народности. Въ защиту его можно сказать только одно, что трудно найти человѣка, который бы при тѣхъ же средствахъ такъ добросовѣстно и съ такой любовію употребилъ свой трудъ для народнаго дѣла. Оттого дѣятельность Ганки была гораздо плодотворнѣе для народа, чѣмъ присяжная ученость людей, далеко превосходящихъ Ганку и талантомъ и знаніемъ, но дѣлающихъ изъ науки безжизненнаго, никому кромѣ ихъ ненужнаго идола. Сила его вліянія была не въ этой учености, а въ честномъ убѣжденіи, которому онъ служилъ одинаково и въ своихъ ученыхъ трактатахъ и въ житейской дѣятельности; онъ не пряталъ своего убѣжденія и безбоязненно его высказывалъ . . . Масса инстинктивно узнаетъ цѣну такого убѣжденія и отдаетъ человѣку все свое довѣріе; въ этомъ довѣріи заключается тогда и его нравственное достоинство и историческое значеніе.“ Въ другомъ мѣстѣ тотъ же близко знавшій Ганку ученый говоритъ о немъ: „Съ самой молодости и до послѣднихъ дней Ганка неутомимо трудился для дѣла своей родины. Онъ былъ почти исключительно археологомъ, нумизматомъ, издателемъ старыхъ памятниковъ; но эта сухость его личныхъ занятій не мѣшала ему долго сохранить теплое нравственное вліяніе среди нѣсколькихъ поколѣній молодежи, которую училъ онъ славянскимъ языкамъ и которой передавалъ свои славянскія симпатіи. Любовь къ своей чешской родинѣ соединялась у него всегда съ любовью ко всему славянству: онъ много лѣтъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ учеными разныхъ концовъ славянскаго міра, русскими и польскими, хорватскими и сербскими, — въ его обширной перепискѣ найдется безъ сомнѣнія очень много интереснаго для исторіи новой славянской жизни.“

Выясненію этого нравственнаго вліянія Ганки въ славянствѣ и значенія дѣятельности его, какъ беззавѣтно преданнаго дѣлу работника на нивѣ славянской взаимности, по-

служатъ, мы надѣемся, издаваемыя нами письма къ нему виднѣйшихъ славянскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей.

Считаемъ въ заключеніе пріятнымъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность б. библіотекарю Чешскаго Музея А. О. Патерѣ и настоящему — профессору Ч. Зибрту за постоянное любезное содѣйствіе намъ въ нашихъ занятіяхъ, много облегчавшее наши разысканія и многочисленныя справки. Комитету Музея Королевства Чешскаго приношу благодарность за разрѣшеніе издать переписку Ганки, а Императорскому Варшавскому университету — за осуществленіе давно задуманнаго, но по различнымъ обстоятельствамъ отлагавшагося изданія.

ВЛ. ФРАНЦЕВЪ.

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ [1]).

1.

Милостивый Государь,

Имѣвъ честь получить почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 13/1 сентября, спѣшу принесть Вамъ искреннѣйшую благодарность за доставляемый мнѣ случай способствовать благому предпріятію Вашему ознаменовать особою медалью настоящее свиданіе Августѣйшихъ Монарховъ нашихъ [2]). Я весьма желалъ бы нынѣ же доставить къ Вамъ, Милостивый Государь, вѣрное изображеніе Императора Всероссійскаго, но онаго у насъ здѣсь нѣтъ, и потому я предоставляю себѣ по возвращеніи въ С.-Петербургъ тотчасъ удовлетворить Вашему желанію. Между тѣмъ пользуюсь симъ случаемъ, чтобы изъявить Вамъ наичувствительнѣйшую благодарность за благосклонное вниманіе, оказанное женѣ моей во время пребыванія ея въ Прагѣ, и покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи, съ коимъ честь имѣю быть Вашимъ, М. Г., всепокорнѣйшимъ слугою

Владиміръ Адлербергъ.

Монахогородище,
3/15-го Сентября 1833.

---

[1]) Адлербергъ Владиміръ Ѳеодоровичъ (р. 10 ноября 1791 † 8 марта 1884) въ 1833 г. состоялъ начальникомъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи, съ 1852 г.—министръ Императорскаго двора.

[2]) Свиданіе имп. Николая I съ австрійскимъ имп. Франциемъ I и прусскимъ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Мниховомъ Градищѣ (Münchengraetz), въ Чехіи, въ 1833 г. Медаль была выбита только въ 1835 г. въ воспоминаніе посѣщенія Николаемъ I Праги. Ее изготовилъ пражскій граверъ Jos. Lerch z Lerchenawy. Надпись на медали вокругъ портрета имп. Николая I: „Mikoláš I. Cïsař Ruský". На оборотѣ: „Ney gasnegšimu Hostu w Praze V. rigna MDCCCXXXV".

2.

М. Г. Приношу искреннѣйшую мою Вамъ благодарность за присылку мнѣ Русскаго перевода Краледворской рукописи, столь любопытной и замѣчательной въ историческомъ отношеніи. Мнѣ остается только сожалѣть, что я получилъ Ваше письмо не въ Ольмюцѣ, но уже по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, и потому лишенъ былъ возможности прочитать на самомъ мѣстѣ событія разсказъ о пораженіи Татаръ Чехами и Моравцами въ 1241 году.

Жена моя также весьма Вамъ благодарна за Вашу о ней память, доставленіемъ ей экземпляра Вашихъ пѣсень. Прочіе пакеты, Вами присланные, доставлены мною по принадлежности.

Примите и пр. Графъ Владиміръ Адлербергъ.

17/29 Іюня 1851-го.
Г-ну Ганкѣ.

3.

М. Г., Вечеславъ Вечеславовичъ!

Имѣвъ честь получить, чрезъ посредство Г-на Директора Императорской Публичной Библіотеки, присланный для меня экземпляръ изданной Вами Краледворской рукописи, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять за доставленіе онаго изъявленіе искренней моей благодарности и увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Гр. В. Адлербергъ.

Въ С.-Петербургѣ.
2-го Генваря 1853.
Г-ну Профессору В. В. Ганкѣ.

4.

М. Г., Вечеславъ Вечеславовичъ!

Г. Директоръ Императорской Публичной Библіотеки доставилъ ко мнѣ присланный Вами для меня экземпляръ изданнаго Вашимъ иждивеніемъ Евангелія по Остромірову списку.

Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность вновь покорнѣйше благодарить Васъ, Милостивый Государь, за Ваше ко мнѣ вниманіе.

Примите и пр. Графъ В. Адлербергъ.

Въ С.-Петербургѣ.
17 февраля 1853.
Г-ну Профессору В. В. Ганкѣ.

И. С. Аксаковъ.

1.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславовичъ,

Вотъ уже и годъ пролетѣлъ, какъ мы съ Вами разстались [1]). Я часто вспоминалъ нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ Вы купались въ водахъ Влтавы—при температурѣ 4 градусовъ! Дай Богъ, чтобъ это купанье продолжало укрѣплять Ваше, всѣмъ намъ дорогое, здоровье. Благодарю Васъ за память, т. е. за присылку книгъ, и посылаю Вамъ и для Чешскаго Музея свое сочиненіе, изданное русскимъ Географическимъ Обществомъ, именно: „Описаніе Малороссійскихъ ярмарокъ“ [2]). Для Васъ и для прочихъ Чешскихъ читателей можетъ имѣть интересъ только брошюра, въ которой помѣщено „Введеніе“ къ самому описанію. Долженъ объявить Вамъ новость. Съ 1-го января 1859 года буду я издавать еженедѣльную газету подъ названіемъ *Парусъ*. Въ этой газетѣ я открываю особый Славянскій Отдѣлъ съ цѣлью сообщать русскимъ читателямъ самыя свѣжія, достовѣрныя и подробныя извѣстія о ходѣ наукъ и литературы у разныхъ Славянскихъ племенъ, между которыми Чешское въ этомъ отношеніи занимаетъ, разумѣется, первое мѣсто. Мнѣ очень бы желательно было получать по нѣскольку разъ въ годъ: Обозрѣніе Чешской журналистики, т. е. Чешскихъ журналовъ и газетъ; обозрѣніе литературы, наукъ и искусствъ; также извѣстія о каждой новости въ наукахъ, литературѣ и искусствѣ, съ критическою оцѣнкою. Будьте такъ добры, закажите, кому слѣдуетъ, эти статьи, равно и сообщеніе мнѣ извѣстій. Все это, разумѣется, будетъ щедро вознаграждаемо.

Такъ какъ теперь, по случаю назначенія Ал. Ив. Кошелева депутатомъ въ Крестьянскомъ Комитетѣ въ г. Рязани, редакція Русской Бесѣды перешла въ мои руки, то я намѣренъ придать и въ Бесѣдѣ Славянскому Отдѣлу больше полноты и стройно-

---

[1]) Аксаковъ расписался въ альбомѣ Ганки 22/10 сент. 1857 г. Онъ написалъ тогда на память Ганкѣ: „Съ необыкновеннымъ уваженіемъ смотрю я на Васъ, Венцеславъ Венцеславичъ, на бодрость 66-лѣтняго мужа, на постоянство вашего служенія одной завѣтной мысли. Нужны нашему поколѣнію знаніе, живые примѣры, а потому да продолжитъ Богъ вашу жизнь на многія, многія лѣта на пользу всего славянскаго міра. Всею душою благодарю Васъ за вашъ добрый, ласковый пріемъ“.

[2]) „Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ“, удостоенное большой Константиновской медали Географ. Общества и половинной Демидовской преміи отъ Академіи Наукъ.

сти. Съ будущаго года Бесѣда будетъ выходить не въ IV, а въ VI книгахъ [1]). Мнѣ бы нужно имѣть статистическое и еще бо-

[1]) Къ письму этому приложено слѣдующее печатное обращеніе Редакціи:

Pane!

Vám je, tušíme, vědomo, že v Moskvě už tři léta vychází třimesiční časopis „Ruská Beseda", a že jej vydávají lidé, kteří sou plni soucitu ke Slovanské národnosti. Beseda skrze tři léta neustale snažila se, aby seznámovala Ruské čtenáře s dějinami, zeměpisem, bytem, slovesností, vůbec s duchovní a mravní činností Slovanských kmenův, a měla štěstí ozdobiti své stránky původními plody mnohých učených působitelův Slovanské osvěty.

Od 1859 roku Ruská Beseda bude vycházeti ve 6 velikých knihách, místo 4, a krom toho, my budeme také vydávati týdenní noviny „Parus". V obou výdaních určen je zvláštní rozdíl pro články o Slovanech. Mimo to, při redakciích Ruské Besedy a Parusa, zřizuje se Slovanská písárna, s oučelem usnadniti vědecko-literární spojení mezi Rusy a Slovany, zjednávati knihy, časopisy a t. d. Však o ní obdržíte zvláštní ohlašení.

Parus směřuje dávati Ruským čtenařům kratké, živé zprávy o Slovanech; Ruská Beseda, ne obmezujíc se těsným prostorem novin, může přijímati obšírnější učená dějepisná a statistická skoumání, etnografická vyobražení, kritická zpytovaní, přehledy vědeckých prací a slovesnosti a t. d.

Rozumí se samo od sebe, že obsah článků, rovně jak celé naše předsevzití, mají býti v z d á l e n é o d v š e l i k é h o p o l i t i c k é h o c h a r a k t e r u.

Ve jméno našeho kmenovního pokrevenství, ve jméno naše duchovní Slovanské jednoty my, Rusové, podáváme bratrské ruce všem Slovanským národnostem: nechť každá z nich rozvíjí se docela samostatně! nechť každé plémě vnese svůj díl práce v obecné dílo Slovanské osvěty! nechť každé, svobodně, směle, nezamezovaně, vykoná své vlastní povolání, zvěstí své slovo, obohatí svým duchovním příspěvkem obecnou pokladnici Slovanského ducha! My všickni, Čechové, Rusové, Poláci, Srbové, Chorvati, Bulhaři, Slovenci, Slováci, Rusini, Lužičané, my všickni, vyražujíce sebou rozličné strany mnohotvarného ducha Slovanského, vzájemně doplňujeme jedni druhých, a jen skrze svornou společnost práce můžeme dosáhnouti plnoty Slovanského rozvinutí a zachovati naši duchovní samostatnost. Ne vnější politická, alebrž vnitřní, mravní, duchovní jednota nám je drahocena a vážna. Ne jen materialní prospěch, alebrž vědomí, poznávání, šetření a vzdělávání základných živlův Slovanských, toť je potřebno Slovanským národům, aby mohli ukázati se samostatnými dělovateli všečlověcké osvěty, aby mohli obnoviti stařející svět se svěžími silami svého ducha a životu. Arci, mnoho zkoušek historie poslala Slovanskému národu, ale komu je dáno mnoho darův duchovních, od onoho více bude i požádano, komu je souzeno mnoho vykonati, onoho práce je nejtěžší.

My se obracíme ke všem Slovanským spisovatelům s přísnou prosbou aby račili přijmouti činné oučastenství v našich vydáních, a posýlali nám články jichž obsah může býti následující:

I. Pro Besedu:

1) Přehledy rozvinutí Slovanských slovesností a duchovního hnutí u rozličných Slovanských národův.

же *этнографическое* описаніе Чехіи и Моравіи, также описаніе крестьянскаго сельскаго хозяйства, народнаго быта, обычаевъ

---

2) Životopisy znamenitých Slovanských působitelův.

3) Obecné etnografické přehledy jednotlivých Slovanských kmenův.

4) Podrobné popisy rozličných krajin ve Slovanských zemích, při čemž obzvláštní pozornosť musí býti obrácena na život a povahu sedlákův, na zřízení vesnich obcí a schůzek, na spůsob volby veských starost, na zbytky dřevního obecního vlastnictví země, a také na národní obyčeje, svátky, pověry a t. d.

5) Monografie vážných dob v dějinách Slovanských národův, jen aby ty monografie ne měly rázu suchých letopisných poznamenání.

6) Kritická posouzení důležitých Slovanských spisův, jak starých, tak i nových, s označením vplyvu na ně s jedné strany cizich slovesností, z druhé národných živlův.

II. Pro Parus:

7) Periodické zprávy o všech literárních a vědeckých předsevzitich v Slovanských zemích, a vůbec o všech nových případích duchovního života u našich příbuznikův.

8) Kratké kritické přehledy nových Slovanských knih a časopisův.

9) Zprávy o předešlé a nynější činnosti vědecko-literárních Slovanských spolkův, a periodická navěstí o jejich předsevzitich.

10) Povídky a obrázky z národního Slovanského života a kratké etnografické popisy Slovanských krajin.

11) Články, na hoře spomínéné pod č. 1, 2, 4, 6, kdyby po objemu dříve hodily se k novinám, než k většímu časopisu, mohou také přijímati se v „Parus".

Rozumí se, my nikolivěk nechceme obmezovati s tou programou činnosť našich spoluprácovníkův. Všeliké spisy jakéhokoli obsahu, kdyby jen ne odstoupaly od předmětu našeho vědecko-literárního předsevzití, budou přijaty s ouplnou vděčností.

Míra honoráru je určena po čtyřicíti rubl. stř. za tištěný arch.

Články a psání, v jakémkoli Slovanském nářečí, mají se adresirati: Въ редакцію Русской Бесѣды, въ Москвѣ (à la rédaction de la Rousskaïa Besséda, à Moscou) a posýlati se, bez frankování, na knihkupce Franz'a Wagner'a v Lipsku. Psání mohou také posýlati se zpřima po poště. Slované, bydlící v Rusku, mají adresirati zpřima v redakcii Besedy. Peníze budou posýlati se spisovatelům neodkladně přez p. Wagner'a nebo jinou cestou, kterou redakcie najde nejhodnější.

Ano, my věříme pevně, že naše upřímné pozváni ne zůstane bez ohlasu, a že mnohorozličná plemena Slovanská, vstoupí ve vědě a slovesnosti jedno s druhým ve společnosť mysli a obnoví svazek svého rodového a duchovního bratrství. Očekáváme odpověď.

Redaktor Ruské Besedy: А. Кошелевъ.

Redaktor novin Parus: Ив. Аксаковъ.

Ohlášení o zřízení Slovanské písárny při redakciích „Ruské Besedy" a „Parusa" v Moskvě.

§ 1.

Při redakciích časopisu „Ruská Beseda" a novin „Parus" zřizuje se, v Moskvě, Slovanská písárna, se směrem usnadniti vědecko-literární spoje-

и проч. Если бы кто изъ вашихъ писателей взялся бы написать для русскихъ читателей „Картины Чехіи и Моравіи" живымъ,

ní mezi Rusy a příbuznými Slovanskými národy, totiž Čechy, Moravány, Slováky, Rusiny, Poláky, Lužičany, Slovenci, Chorvaty, Srby a Bulhary.

§ 2.

K povinnostem Slovanské písárny sluší:

a) Objednání vycházejících ve všeckých Slovanských nářečích knih, časopisův a novin po žádaní Ruských čtenářův, a naopak—odeslání Ruských knih a časopisův ve Slovanské země po žádaní odtud.

b) Dopisováni. Písárna rado bere na se opatření všech žádaní a všeliká dopisování mezi Rusy a Slovany a naopak, ve všech věcech, týkajících se věd a literatury. Písárna bude zavázána odpovídati na všecka vůbec psáni ze Slovanských zemí, když by ta, psání jen ne vycházely ze kruhu činnosti písárny a ne týkaly se předmětův politických.

§ 3.

Krom podotknutého oučelu (usnadnění vědecko-literárního spojení se Slovany) redakcie Ruské Besedy a Parusa mají v ohledu, prostředkem zřízení Slovanské písárny při jejich písárnách, nabýti možnost aby dávaly svým čtenářům hojné a důverné zprávy o chodu vědy a literatury ve Slovanských zemích, o nynějším duchovním a moralním stavu Slovanských národův, o nynějších jejich usilováních a potřebách, -vůbec aby rozširovaly v naši vlasti známosť pokrevných nám národův.

§ 4.

Pro to, aby dosíci svrchu řečeného (v § 3) oučelu, umiňuje se:

a) Sesíliti a rozšířiti v Ruské Besedě „Slovanský rozdíl". Články o Slovanech vydávaly se v Besedě už tři léta bez přestání; nyní ale ony budou vycházeti v soustavnějším řadu, tak aby o každém kmenu Slovanském mohly se shromážditi podle možnosti ouplné zprávy.

b) Vydati zvlášté pro předplatitele „Ruské Besedy" obširnou zeměpisnou mapu Slovanských kmenův v Europě; tu mapu všickni předplatitelí na 1859 r. mají obdržeti zdarma.

c) Výdati také, jako přílohu, která bude zdarma odeslána předplatitelům Ruské Besedy, pro sdělení jim základních vědomosti o Slovanech, zeměpisný a statistický nástin Slovanských národův, se stručným přehledem jejich dějin a literatury a ukázkami jejich nářečí.

d) Otevříti také v novinách „Parus" Slovanský rozdíl, ve kterém budou nalaziti místo všeliké současné zprávy o Slovanech, psání ze Slovanských zemí, výňatky ze Slovanských novin a t. d.

e) Držeti ve Slovanské písárně všecky důležitější Slovanské noviny a časopisy, a také mluvnice a slovníky všech Slovanských nářečí.

f) Opatřiti Slovanskou písárnu potřebným počtem překladatelův s každého Slovanského nářečí.

g) Zjednati za hranicí ve všech vážnějších Slovanských městech, podle možnosti, prostředníky a komisionáře.

§ 5.

Všecka vědecko-literární sdělení písárna přijmá na své vlastní outraty, rozumí se, krom opatření soukromých osob a spolkův knihami, novinami a časopisy, za které, mimo jejich cenu, platí se vylohy na odeslání.

изящнымъ языкомъ, онъ оказалъ бы намъ великую услугу и могъ бы получить отъ насъ доброе вознагражденіе, черезъ обязательное посредничество почтеннѣйшаго Михаила Ѳедоровича [1]).

Прощайте, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичъ, да продлитъ Господь Ваши лѣта; пособите мнѣ въ благомъ дѣлѣ и не забывайте всею душою Вамъ преданнаго и почитающаго Васъ Ивана Аксакова.

Москва,
24 Авг. (ст. ст.) 1858 г.

2.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Вы вѣроятно не ожидаете получить письмо отъ меня изъ Лейпцига, отъ меня, Ивана Сергѣевича Аксакова. Но какъ въ

---

§ 6.

Každý bydlející ve Slovanských zemích, když požádá obdržeti knihy, časopisy a t. p. z Ruska nebo poslati pisárně čili redakciím Ruské Besedy a Parusa nějaké články, zprávy a psání, má se obrátiti k pisárně, opatřiv svůj list adresou: „Въ редакцію Русской Бесѣды, въ Москву (à la rédaction de la Rousskaïa Besséda, à Moscou), a odeslav jej buď poštou, buďto prostředkem knihkupce Franz'a Wagner'a v Lipsku. On může býti ujistěn, že na všeliké žádání vzhledem objednání knih nebo časopisův, on obdrží od pisárny rychlou odpověď s uvědoměním, kde a od koho má přijmouti, co požádal, a rovně kolik a komu má zaplatiti peníz.

Redaktor Ruské Besedy, A. Košelev.
Redaktor novin Parus, J. Aksakov.

[1]) Отъ редакціи было прислано Ганкѣ еще слѣдующее предложеніе (безъ даты):

Редакція журнала Русская Бесѣда, препровождая къ Вамъ 1-ю книжку своего журнала, покорнѣйше проситъ Васъ, Милостивый Государь, принять участіе учеными трудами Вашими въ ея изданіи.

Для Редакціи интересно будетъ получать:

„Обозрѣніе разныхъ Славянскихъ литературъ;

„Свѣдѣнія о вышедшихъ въ послѣднее время ученыхъ трудахъ о Славянскихъ народахъ, объ исторіи, древнемъ бытѣ и проч., какъ на Славянскихъ нарѣчіяхъ, такъ и на Нѣмецкомъ языкѣ;

„Свѣдѣнія объ общинномъ бытѣ древнемъ и нынѣшнемъ въ Славянскихъ земляхъ;

„Свѣдѣнія о замѣчательныхъ сочиненіяхъ по Славянской филологіи".

Редакція будетъ присылать Вамъ свой журналъ.

Всѣ статьи, изслѣдованія, замѣчанія, корреспонденціи соблаговолите присылать въ Вѣну: An Sr. Hochwürden Herrn M. Raewsky, Erzpriester bei der Russische Gesandschaft. Wien. Stadt. № 1020, или по почтѣ, или чрезъ частныя лица. За статьи особенной важности Редакція не отказывается посылать и денежныя вознагражденія, когда пожелаетъ Сочинитель. Имя Сочинителя будетъ обозначено подъ статьею, когда онъ пожелаетъ.

настоящее время, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ[1]), я лишенъ журнальной дѣятельности и раньше года не могу возвратиться къ ней, то и рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, чтобы поѣздить за границей. Въ планъ моего путешествія входитъ: прожить мѣсяца два въ Прагѣ, поучиться Чешскому языку и посѣтить вообще Славянскія земли. Но къ этому я приступлю не раньше Мая мѣсяца.

Между тѣмъ посылаю Вамъ чрезъ книгопродавца Франца Вагнера: 1) Славянскую Библію, изданную при Императрицѣ Елизаветѣ, библіографическую рѣдкость. Это подарокъ Вамъ отъ *Ольги Ѳедоровны Кошелевой*. Она узнала, что Вамъ недостаетъ этой Библіи, отъ г. Бѣляева, купила ее, велѣла переплесть и поручила мнѣ ее Вамъ доставить. Напишите Ольгѣ Ѳедоровнѣ, когда получите Библію. Адрессъ этой достойной всякаго уваженія дамы, я думаю, Вамъ извѣстенъ, но на всякой случай напишу его Вамъ:

Въ Москвѣ, На Поварской улицѣ, въ собственномъ домѣ, Ольгѣ Ѳедоровнѣ Кошелевой.

Всѣ Ваши присылки она получила и благодаритъ. 2) Отъ Александра Ѳедоровича Гильфердинга его сочиненія: Боснія и Герцеговина, Письма объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ. Одинъ экземпляръ „Босніи“ и „Писемъ“ назначенъ Вамъ, другіе передайте почтеннымъ господамъ *Риггу* и *Вртяшкѣ*.

Пишите мнѣ покуда такъ: Mr. Jean Aksakoff. Leipzig, poste restante.

Здѣсь оставлю адрессъ, куда пересылать мнѣ письма.

Прощайте покуда, дорогой господинъ Ганка. Да сохранитъ Богъ Ваше здоровье.

Преданный Вамъ Иванъ Аксаковъ.

P. S. Я также получилъ всѣ Ваши присылки, т. е. книги, и отъ души благодарю. Пишите мнѣ, не франкируя.

Лейпцигъ,
27 Января 1860 г.

3.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ,

Благодарю васъ за письмецо. № Allgem. Zeit., который Вы указали, я прочелъ и одинъ экземпляръ послалъ Вамъ, на имя

---

[1]) Имѣетъ, очевидно, въ виду смерть отца (30 апр. 1859 г.) и болѣзнь брата Константина († 7 дек. 1860 г.), надолго остановившія литературную дѣятельность его.

Музеума. Не знаю, дошелъ ли онъ до Васъ. Отдайте отъ меня дружескій поклонъ Лавровскому; я еще надѣюсь съ нимъ лично видѣться. Очень бы желалъ путешествовать вмѣстѣ съ нимъ, но теперь не могу еще ничего сказать опредѣлительнаго. Получили ли Вы книги? Мой адрессъ теперь: Гейдельбергъ, poste restante, или же Friedrichsstrasse, 12. Здѣсь останусь я все время, т. е. мѣсяца три. Прощайте покуда. Обнимаю Васъ отъ всей души.

Преданный Вамъ Ив. Аксаковъ.

Гейдельбергъ,
1860, 12 Февр./31 Янв.

И. Андреовъ-Богоевъ [1]).

1.

Ваше Господство Г. Вячеславъ Ганка.

Отъ все сѫрдце желаѫ да премините новѫтѫ годинѫ сѫсъ здравіе, радость и т. п.

Вашето честно отъ 11/23 Ноемврія, за минѫлѫтѫ годинѫ, заедно съ едно писмо отъ г. Априлова съ радость пріехъ и ви благодарѭ. Видя, че искате да пріимате Извѣстникѫтъ ми, за когото азъ не могѫ пріе още никаквѫ пренумерацію, защо е неизвѣстно здравото му излазваніе, че до сега нѣмамъ нито единъ помощникъ отъ нашытѣ Бѫлгаре. Причината на тва е, че тѣ искатъ да са пише на единъ другъ языкъ, а нѣ както говори нашѫтъ народъ, което азъ не могѫ направи, защо непознавамъ другъ нѣкой Бѫлгарски языкъ освѣнъ бащиніетъ си, и така май мѫчно щемъ са сговоримъ.

За отъ нашытѣ книгы дѣто искате нѣмамъ при себе си, нѫ ако обычате могѫ писа̀ въ Турско да ви испратятъ.

Едвамъ съ голѣмѫ мѫкѫ до днесь сѫмь нащампалъ отъ извѣстникѫтъ си до три броя, отъ които ви испращамъ днесь 2-й

---

[1]) Одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей болгарскаго возрожденія. К. Фотиновъ въ своемъ „Любословіи“ (Смирна, 1846, II, стр. 140) такъ характеризуетъ его: „I. Иванчо Андреовъ, кого то имахме случай лично да знаемъ въ Одесса, е воспламененъ соревнователь на Българско-то ученіе и не жалѣе трудове за това добро. Той поживе малко време въ Българія та, дѣто, ако оставаше по много, по много свѣдѣнія ищаше да открые за языкъ атъ. Той издаде Географія Българска... Тіи дни видехме първый атъ му брой (пумеръ) на Извѣстникъ атъ му Български, издаденъ въ Липиска 20-го априлія сего года“.

и 3-й по три листа: за васъ, за Г. Шафарика и за Г. Григоріевича [1]), ако ся намиратъ още въ Прагѫ, и каквото стане за излазванието на извѣстникѫтъ ми, щѫ ви извѣстѭ съ второ.

Имамъ честь да бѫдѫ вашъ покоренъ ратай

Иванъ Андреовъ испѫрвомъ Иванъ А. Богоевъ.

Липиска,
7 Януарія, 1847.
Meine Wohnung ist: Nikolaistrasse № 1.

2.

М. Г., Господинъ Венчеславъ Ганка!

Попреди още додѣ беше тукъ г. Априловъ ми казвà, какво испроводилъ на 18 Априлія 1847 г. до мене въ Липискѫ 14 Бѫлгарски книжки, които азъ не получихъ, защо си отидохъ отъ тамъ, както знаете. Заради тва тѣ трѣбва да сѫ у г. І. Фридриха Харткноха, до когото ви приключавамъ днесь еднѫ запискѫ, коѭто щете испратите въ Липискѫ, за да ги проводятъ вамъ. Отъ тѣхъ двѣтѣ книжки щете дадете на г. Шафарика, комуто извѣстете тѣ забѣлежванія:

„*Бобу́шово* са нахожда край рѣка Струма на дѣсніятъ и брѣгъ, между Дупница и Джомая, на разстояніе 3 часа отъ Дупница и има до 200 кѫщи, жителье Бѫлгаре.

„*Малѝшово* са нахожда и тò на Струма отъ дѣсно на разстояніе отъ Дупница 11 часа и има до 100 кѫщи съ Бѫлгаре.

Отъ Шуменъ на разстояніе 12 часа са нахождатъ млого развалини, но не можáхъ да са науча за нѣкое име, защо тамкошнитѣ жителье не знаятъ никакво име.

За другытѣ като са науча щѫ ѝмъ извѣстя.

Вашъ горящъ пріятель Иванчо Андреовъ.

Цариградъ,
8 октоврія, 1847.

3.

Милостиве Господарь Венчеславъ Ганка!

На 8 Октоврія за минѫлата година ви писахъ наедно ви бѣлежахъ да пріемите отъ Липискѫ 14 книжки Бѫлгарски, кои-

[1]) Т. е. В. Н. Григоровича.

то ви беше проводилъ покойніятъ г. В. Априловъ отъ Одесса, и са надѣвамъ до сега да сте ги получили.

Днесь ида съ радость, да ви извѣстя, какво начнахъ отъ 1 Януарія 1848 г. да изваждамъ вѣстникатъ си подъ име: „*Цариградскій Вѣстникъ*“, отъ когото испратихъ днесь г. Миклошиху въ Віенна, и ако желаете, да го получвате, то щете отпишете на браточета ми г. Христа Д. Гешоглу въ Віенна. Имамъ да ви испроводя нѣкои си бѫлгарски книги; но остахъ за лѣтоша съ пароходатъ.

Г. Халчинскій, при кого то бѣхъ вчера, вы поздравлява отъ все сърдце. Оставамъ вашъ покоренъ слуга

И. Андреовъ.

Стамболъ,
4 Февруарія, 1848.

Sr. Wohlg: Herrn Venceslav Hanka in Prag.

В. Е. Априловъ[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Почтеннѣйшее письмо Ваше съ книжками, давно уже писанное изъ Праги, я имѣлъ удовольствіе получить своевременно. И хотя мнѣ желалось безъ отлагательства отвѣчать Вамъ, но изнурительная болѣзнь, гнетущая меня болѣе двухъ лѣтъ и приковавшая меня къ постели, не позволяла мнѣ доселѣ отозваться на интересное письмо Ваше. Тяжкій недугъ и неимѣніе вѣрнаго случая помѣшали мнѣ также выслать къ Вамъ и нѣсколько книгъ на Болгарскомъ языкѣ, которыя Вы желали имѣть, и о чемъ Вамъ угодно было просить меня чрезъ г-на Карейшу, посѣщавшаго Васъ въ Прагѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1843 года. Теперь представляется возможность исполнить и одно и другое. Братья г-на Карейши[2]) ѣдутъ на воды въ Богемію, и я, пользуясь этимъ случаемъ, посылаю чрезъ нихъ десять книгъ изъ имѣющихся у меня подъ рукою.

---

[1]) Василій Евстафіевичъ Априловъ, болгарскій патріотъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей болгарскаго возрожденія, р. 21 іюля 1789 г. въ Габровѣ, † 20 окт. 1847 г. См. Венгерова, Словарь, I, 706.

[2]) См. ниже письмо ихъ.

Примите эту небольшую посылочку, какъ слабый знакъ того искренняго уваженія, которое за Ваши полезные труды, Вашу благонамѣренность, заочно къ Вамъ питаетъ преданный Вамъ покорнѣйшій слуга Василій Априловъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, и я съ своей стороны долгомъ считаю высказать Вамъ заочно то душевное уваженіе, которое я къ Вамъ почувствовалъ съ первой минуты знакомства и которое всегда сохраню въ душѣ моей. Г. Априловъ посылаетъ Вамъ чрезъ моихъ братьевъ 10 книгъ, именно: 1) Математическа географія, 2) Начала на христіанското ученіе, 3) Мѣсецословъ 1842 г., 4) Болгарска грамматика, 5) Христоиѳія, 6) Краткая священная исторія, 7) Болгарскитѣ книжницы, 8) Велисарій, драма, 9) дополненіе къ книгѣ Денница новоболгарскаго образованія и 10) Дворянски выборы, комедія. Ежели что Вамъ понадобится впередъ, то пишите мнѣ, и я съ удовольствіемъ постараюсь исполнить Ваше желаніе. А до того, желая Вамъ возможныхъ благъ, остаюсь глубоко уважающій Васъ и преданный слуга

Демьянъ Васильевъ Карейша.

Одесса,
24/12 Іюня 1845.

Г-ну В. В. Ганкѣ, въ Прагѣ, въ Градчинѣ. Директору Національнаго Музея.

2.

Hochgeehrtester Professor Herr Veceslaf Hanca!

Den 10 December v. Jahres habe ich die Ehre gehabt, Ihnen durch Herrn Wolfgang H. Hütter zu schreiben, durch welche Gelegenheit ich Ihnen ein Kleines Werk: „Болгарскія Грамоты“ überschickte mit der Bitte, ähnliches Exemplar sammt Brief dem Herrn Schafarik zu übergeben. Ich bemerkte Ihnen in jenem Briefe, dass ich Ihnen den 7 Juni desselben Jahres durch Herrn Careuscha zehn bulgarische Bücher übersendet habe. Weil ich von diesem allen bis diese Zeit keine Kunde von Ihnen habe, so benütze ich die Gelegenheit sie durch Überbringer dieses Herrn Ivanzo Andreov in Leipzig (beim Buchhändler Ernst Keil) zu bitten, wegen der Bücher zu benachrichtigen, um, falls Sie nichts bekommen haben, sie nachzusuchen. Durch den nämblichen Brief 10 Dec. bat ich zugleich Herrn Schafarik für die in seine Hände bul. Manuscripten, dass ich die Spesen der Ausgabe auf mich annehmen

werde, wenn er die Güte haben wird, mir den Inhalt derselben zu offenbaren.

Ich bitte Sie ihm von meiner Seite meine Complimente zu machen. Indessen habe ich die Ehre zu sein mit voller Hochachtung
Ihr unterthänigster Diener Basil Aprilov.

22 іюля 1846.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

На сихъ дняхъ имѣлъ я честь получить почтенное письмо Ваше отъ 8/20 Сент. Прекрасно изданное Вами Сазаво-Эмаузское Евангеліе мнѣ тоже было доставлено, но, къ сожалѣнію, безъ письма. За таковую посылку симъ приношу Вамъ мою чувствительную благодарность. Жалѣю, что письмо мое отъ 22 Іюля, посланное Вамъ чрезъ жительствующаго въ Лейпцигѣ Г. Иванча Андреова, Вами не получено. Въ ономъ увѣдомлялъ я Васъ, что 10 Дек. 1845 послалъ я Вамъ книгу мою: „Болгарскія Грамоты" чрезъ Г. Wolfgang H. Hütter, прося Васъ вручить другой экземпляръ съ письмомъ Г. Шафарику, коему предлагалъ я мои услуги въ томъ, чтобы взять на себя издержки къ изданію въ свѣтъ имѣющихся у него Болгарскихъ грамотъ. Сказанный Андреовъ издаетъ Болгарскаго Орла [1]), и такъ какъ онъ можетъ быть Вамъ насчетъ Болгарской литературы полезнымъ, то при семъ посылаю Вамъ письмо, которое покорно прошу ему отослать. Настоящее письмо посылаю Вамъ прямо по почтѣ; удостоивъ меня отвѣтомъ, вѣрнѣе всего писать по почтѣ, адресуя: „Василію Евстафьевичу Априлову. Въ Одессѣ, на Екатеринской улицѣ, въ домѣ Маразли". Что же касается до отсылки книгъ, то всего удобнѣе указать мнѣ корреспондента въ Вѣну, которому я могъ бы адрессоваться чрезъ моего Галицкаго пріятеля по Австрійскому пароходу, а чтобы не посылать Вамъ такія книги, которыя уже у Васъ имѣются, то всего лучше было бы увѣдомить меня объ нихъ.

Мнѣ пріятно видѣть, что Вы придерживаитесь неуспоримой истинѣ, признавая переводъ Св. Писанія за старо-Болгарскій языкъ. Многіе не хотятъ признать его таковымъ и прибѣгаютъ къ названію: „Церковнаго языка". Но существовалъ ли когда нибудь Церковный языкъ, подобно гіероглифическому? Не нуж-

[1]) Български Орелъ. Извѣстникъ граждански, търговски и книженъ. Липиска, 1846—1847. Всего изданы были три номера.

но ли было, чтобы сіи господа въ то же время объяснили, какому Словенскому нарѣчію принадлежалъ сей Церковный языкъ? Какъ извѣстно, Болгаре настоящіе Словене. Они удержали первое названіе по имени своего столичнаго города „Болгара" на Атилѣ (Волгѣ). Римляне, Венеціане, Генуезцы—настоящіе Итальянцы; Спартанцы, Аѳиняне—ничто болѣе, какъ Греки, и пр. Словене вообще, и въ особенности Болгаре, много обязаны Г-ну Востокову за грамматическія правила, которыя онъ приложилъ къ Евангелію. Эти правила чисто Болгарскія. Вышесказанный Андреовъ въ 1844 году издалъ въ Букарестѣ Болг. грамматику [1]), основанную на нынѣшнее народное произношеніе Болгаръ, во всѣхъ отношеніяхъ сходное съ правилами Г. Востокова. Правда, что всѣ почти изданныя понынѣ Б. книги и грамматики основаны, болѣе или менѣе, на исправленное Русскими Церковное Писаніе и на изданныя сими послѣдними и Сербами грамматики. Сіи писатели безъ всякаго критическаго разбора и историческихъ изысканій считали себя довольно учеными, если приближались къ печатнымъ книгамъ; въ сочиненіяхъ они отбрасывали юсы (ѫ), но сами говорили ими съ народомъ. Такимъ образомъ закоренѣли они въ своихъ предразсудкахъ и нынѣ даже споривають нарѣчіе своихъ предковъ. Они, будучи ограничены въ самой Болгаріи, не могли знать, того, что дѣлалось около нихъ.

По расположенію Вашему къ Болгарскому образованію, я надѣюсь, что Вы не откажитесь принять въ соображеніе изложенное мною выше; за симъ съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ, М. Г., покорный слуга

Василій Априловъ.

Одесса,
18/30 Октября 1846.

А. В. Ашикъ [2]).

1.

Милостивый Государь,

Я не имѣю чести знать Васъ лично; но знаю, какъ Члена нашего Одесскаго Общества исторіи и древностей, знаю, какъ

[1]) Първичка Българска Грамматика. Букурещъ. 1844.

[2]) Антонъ Валтасаровичъ Ашикъ, археологъ, р. въ 1802 г. въ Дубровникѣ, въ 1812 г. переселился съ отцомъ въ Одессу; служилъ по администраціи, съ 1853 г. занималъ должность библіотекаря Городской Одесской публичной библіотеки, † въ 1854 г. Отдѣльно изданы имъ „Керченскія древности. О Пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками"

мужа глубоко ученаго. По симъ уваженіямъ, я смѣло рѣшаюсь писать къ Вамъ, чтобъ усерднѣйше просить участія Вашего въ распространеніи изданнаго мною сочиненія—Воспорское Царство. Книги такого содержанія, какъ моя, не могутъ окупиться, если ученыя и почетныя лица не поддержатъ ихъ. Сочиненіе мое удостоено похвальнымъ отзывомъ Академіи наукъ; но публика слишкомъ къ нему равнодушна.

Вы изволили бы обязать меня истинною благодарностію, еслибы не отказали въ Вашемъ краю раздать нѣсколько экземпляровъ моего сочиненія, по прилагаемому при семъ билету.

Поручая себя расположенію Вашему, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, всегда готовый къ услугамъ Вашимъ А. Ашикъ.

Мой адресъ: Антонъ Вальтасаровичъ Ашикъ. Покорнѣйше прошу сообщить мнѣ и Вашъ.

Одесса,
19-го Декабря 1849.

1 а.

Милостивый Государь!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше съ билетомъ на полученіе Вашего сочиненія, за который прошу покорнѣйше принять мою усердную благодарность. О Воспорскомъ царствѣ и я написалъ маленькую статью, и она вышла въ Народныхъ Новинахъ Чешскихъ 14 Генваря с. г. № 13. Въ послѣдствіи я видѣлъ эту статью напечатану и въ Моравскихъ, Словенскихъ и Хорватскихъ газетахъ, да тоже и въ Словеніи, повременномъ листкѣ Люблянскомъ (Laibach).

Мы тоскуемъ, что сообщеніе съ Россіей здѣлалось въ послѣдніе два года такъ трудно, литературныя извѣстія такъ рѣдки, что ничего узнать нельзя.

Родители Г-на Федора Крепелки просили меня прибавить къ письму моему письмо для него; зная, что Вы его знаете и покровительствуете, здѣлайте милость, неоткажитесь его ему навѣрно доставить. Случитлися Вамъ увидѣть Г-на Скальковскаго и помѣщика Леонтовича, то прошу покорнѣйше засвидѣтельство-

(Одесса, 1845); „Воспорское царство“ (3 т., Одесса, 1848), удостоенное малой Демидовской преміи; „Часы досуга съ присовокупленіемъ писемъ о Керченскихъ древностяхъ“ (Одесса, 1850); „De la decouverte de deux statues antiques à Kertsche“ (1851) и рядъ статей въ Ж. М. В. Дѣлъ, 1845, 1846, 1847. Письма Ганки къ нему напечатаны въ Слав. Ежег., 1880.

вать мое почтеніе: послѣднему извольте доложить, что докторъ Опиць заразясь въ военномъ госпиталѣ умеръ.

Примите, М. Г., увѣреніе моего высокопочитанія и сердечной преданности съ которой имѣю честь быть покорнѣйшій

Вячеславъ Ганка.

Адресъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Директору Керченскаго Музеума, разныхъ орденовъ Кавалеру Антону Ивановичу Ашику.

Crim. Monsieur le Directeur Anton Achik à Odessa.

Прага,
17 февраля/1 марта 1850 г.

2.

М. Г.! Душевно благодарю за письмо, которымъ Вы почтили меня, отъ 1-го Марта; равно и за лестный отзывъ Вашъ о моемъ Воспорскомъ Царствѣ. Берлинскій и Парижскій Археологи также хвалили мою книгу. Спасибо имъ. Славы много, а книгу между тѣмъ не требуютъ. Вѣнская библіотека взяла одинъ экземпляръ; нельзя ли, достойнѣйшій Профессоръ, раздать чрезъ посредство Ваше нѣсколько экземпляровъ для Вашихъ и Германскихъ библіотекъ? При свиданіи съ Г. Г. Скальковскимъ и Леонтовичемъ порученіе Ваше исполню непремѣнно.

Письмо Крепелкѣ я лично вручилъ. Хорошо бы было, еслибы его родные уговорили воротиться домой. Мономанія совершенно овладѣла имъ; его вездѣ отравляютъ, даже и у меня съ трудомъ рѣшается откушать. Короче сказать — погибшій человѣкъ. Кончитъ тѣмъ, что его возьмутъ въ госпиталь: бѣденъ до крайности.

Располагайте мною вездѣ, гдѣ только могу служить Вамъ, и вѣрьте, что мнѣ истинно пріятно будетъ доказать Вамъ истинное мое высокопочитаніе и преданность, съ коею имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Ашикъ.

Одесса,
3/15 марта 1850.

2 а.

М. Г., Антонъ Вальтасаровичъ!

Сестрица Г-на Крепелки, принесши ко мнѣ письмо и видъ для полученія 22 р. сер. и 50 conv. мон. на Г-на Рафаловича,

просила меня къ Вамъ писать и покорнѣйше просить, чтобы милостиво изволили вступиться за ея бѣднаго брата: уговорить его возможно ли немедленно писать къ родителямъ для ихъ успокоенія собственноручное письмо, и убѣдить воротиться на родину. При семъ и я покорнѣйше прошу, чтобы Вы не отказались стараться, дабы, если уже все поздно и утеряно, и эти деньги не пропали; ибо отецъ скудной ремесленникъ имѣючи еще болѣе дѣтей упалъ бы въ большее бѣдствіе.

На счетъ Вашего сочиненія „Воспорское царство" я здѣлалъ предложеніе купить экземпляръ для здѣшней Университетской библіотеки; но Вы знаете, какъ казенныя опредѣленія довольно тянутся, но я надѣюсь, что не откажутъ.

Два года, какъ у насъ вольно преподавать въ Университетѣ. Я читаю довольно многочисленному собранію студентовъ въ зимнемъ курсѣ грамматику и литературу священнаго языка Славянъ и въ лѣтнемъ грамматику и литературу русскаго языка. Кстати о русскомъ языкѣ! Прилагаю при семъ нумеръ газеты „Уніонъ". Вотъ куда насъ Славянъ въ Австріи склоняетъ нѣмецкая несносна навязчивость. Имъ (здѣшнимъ нѣмцамъ) очень трудно отвыкать господства надъ Славянами Прошу покорнѣйше сообщить это Аполлону Александровичу Скальковскому, Владиславу Максимовичу Княжевичу и другимъ знакомымъ.

Препоручаясь Вашему благосклонному расположенію, имѣю честь быть съ совершенною преданностію Вашъ покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

Прилагаемая при семъ карточка объявитъ Вамъ, что Вы хотѣли знать. Отецъ мой былъ тоже Вячеславъ.

Адресъ: Въ Одессу, Его Высокоблагородію, Милостивому Государю, Керченскаго Музеума Директору Антону Вальтасаровичу Ашику.

A Monsieur le Directeur Anton Achik, en Russie, à Odessa.

Прага,
23 марта/4 апрѣля 1850 г.

3.

М. Г., Достойнѣйшій Вячеславъ Вячеславлевичъ,

Поспѣшаю отвѣчать на письмо, которымъ Вы почтили меня, отъ 23 Марта: я получилъ его вчера. Удивляюсь, гдѣ оно могло пролежать такъ долго, потому что письма изъ Вѣны доходятъ до меня обыкновенно на девятый день.

Прилагаю при семъ отвѣтъ Крепелки на письмо сестры его. Добрыми словами съ нимъ ничего нельзя сдѣлать. Если онъ останется въ Одессѣ,—то просто пропадетъ, потому что всѣ считаютъ его дуракомъ, впрочемъ ума онъ не лишился, но мономанія овладѣла имъ до такой степени, что и въ моемъ домѣ рѣшается принять пищу съ видомъ сомнѣнія. По его мнѣнію всѣ, весь міръ въ заговорѣ, чтобы отравить его. Въ слѣдствіе этой дурацкой мысли, онъ не можетъ быть полезнымъ ни себѣ, ни другимъ. Я все дѣлалъ, что могъ,—но безполезно.

Благодарю за нумеръ газеты Уніонъ. Статья о Славянскомъ языкѣ была уже помѣщена въ нѣмецкихъ газетахъ. Я сообщу этотъ нумеръ Г. Княжевичу, который находится въ Симферополѣ; равно и Г. Скальковскому, который находится внѣ Одессы. Да, нѣмцамъ не хочется, чтобы нашъ Славянскій языкъ воскресъ во всей своей силѣ; напрасно это они возстаютъ. Что назначено Провидѣніемъ, то и будетъ, а между тѣмъ мы будемъ идти своей дорогой; авось, Богъ дастъ, достигнемъ цѣли. Я родомъ Рагузинецъ, воспитанный на почвѣ русской, слѣдовательно—вдвойнѣ Славянинъ. Все, что относится до этого родоваго языка, интересуетъ меня въ высшей степени. Я могъ издать мое сочиненіе на французскомъ языкѣ и навѣрное выручить могъ распродавъ,—но изъ любви къ родному я писалъ по-русски; книга моя далеко не окупилась; не жалѣю; я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій другой вѣрный слуга Царя своего и отечества. Пишу новое сочиненіе и пишу опять по-русски, и если Богъ сохранитъ мое зрѣніе и вообще здоровье,—то предполагаю издать маленькое сочиненьице на Славянскомъ языкѣ. Кстати о сочиненіяхъ. Душевно благодарю Васъ за продажу одного экз. моего Воспорскаго Царства въ Библіотеку Вашего Университета. Потрудитесь слѣдуемыя за него деньги отослать къ Протоіерею Михаилу Ѳедоровичу Раевскому, старому другу моему, отъ котораго книги будутъ Вамъ высланы немедленно.

Не лишайте меня расположенія Вашего, располагайте мною, какъ знаете, и вѣрьте моей неизмѣнной преданности и пр.

А. Ашикъ.

Одесса,
2/14 Іюня 1850.

3 а.

М. Г., Антонъ Вальтасаровичъ!

Рекомендую Вамъ земляка, учителя музыки Осипа Краля, который бывъ прежде ужъ въ Россіи сирѣчь въ Харьковской

Губерніи и видѣвъ области Польскія и Галицкія возвращается чрезъ Одессу. Онъ взядъ съ собой нѣкоторія моихъ изданій, и Вы ихъ милостиво примите, въ память нашего письменнаго знакомства.

Какъ Г. Крепелка, какъ его здоровье? Родители и сестра его ожидаютъ.

Прощайте, М. Г., и сохраняйте въ ласковой памяти душевно преданнѣйшаго Вамъ, Вячеславъ Ганка.

Адресъ: Въ Одессу, Его Высокоблагородію Милостивому Государю Директору Керченскаго Музеума Антону Вальтасаровичу Ашику.

Прага,
19/31 Августа 1850.

4.

М. Г., Достойнѣйшій Вячеславъ Вячеславлевичь.

Г. Краль прислалъ мнѣ изъ Букареста коротенькое письмецо Ваше; я получилъ его, какъ и все, что идетъ отъ имени Вашего, съ истиннымъ удовольствіемъ. Г. Краля не пропустили въ Россію; писали въ Петербургъ, и вѣроятно онъ не встрѣтитъ затрудненія пріѣхать къ намъ. Между тѣмъ, я рекомендовалъ его нашему консулу въ Букарестѣ. По пріѣздѣ же Г. Краля въ Одессу я постараюсь сдѣлать въ его пользу все, что могу, и тѣмъ доказать Вамъ, съ какимъ уваженіемъ я принимаю просьбы Ваши и съ какимъ усердіемъ готовъ ихъ исполнить.

Книги, которыя Вамъ угодно было прислать мнѣ чрезъ Г. Краля, я просилъ его передать Г. Букарестскому Почтмейстеру. Я заранѣе благодарю Васъ отъ души за дорогой подарокъ: при случаѣ постараюсь отплатить Вамъ тѣмъ же.

Бѣдный Крепелка совершенно потерянъ. Въ началѣ октября я снарядилъ было его въ дорогу, выдалъ ему присланныя деньги, хлопоталъ о паспортѣ его, все было готово,—но потомъ его уговорили остаться, — а теперь онъ самъ желаетъ отправиться, но какъ?—Я могъ бы собрать въ пользу его деньги, но онъ въ такомъ положеніи, что самаго отправить нельзя. Плачетъ безпрестанно и говоритъ, что голова его кругомъ идетъ. Короче сказать, онъ внушаетъ глубокое сожалѣніе. Едва-ли его можно излечить.

Будьте здоровы и не забывайте глубоко Васъ уважающаго и душевно Вамъ преданнаго и пр. А. Ашикъ.

5.

М. Н. П.

Одесская Городская
Публичная Библіотека

5 Ноября 1853 года.
№ 100.

Господину Почетному Члену
С.-Петербургской Императорской
Публичной библіотеки В. В. Ганка.

Одесской Публичной Библіотекѣ извѣстно, что Вы, соревнуя умноженію богатствъ С.-Петербургской Императорской библіотеки, принесли ей въ даръ нѣсколько богемскихъ изданій XVI вѣка, а также собственныхъ и другихъ новѣйшихъ сочиненій.

Одесская библіотека не имѣетъ никакого права на вниманіе Ваше, но въ надеждѣ на готовность Вашу поддержать это не богатое, но весьма полезное заведеніе, рѣшается изъяснить, что она приняла бы съ величайшею признательностью приношеніе, которымъ бы Вамъ угодно было почтить ее, и публиковала бы объ этомъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ. Приношенія Ваши могутъ быть доставляемы чрезъ Вѣнское наше Посольство.

Библіотека будетъ имѣть честь ожидать на это благосклоннаго отзыва Вашего.

Завѣдывающій Библіотекою Ашикъ.

P. S. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ привести себя на память достопочтеннаго и многоуважаемаго профессора и просить его вѣрить постоянной моей преданности и сочувствію къ полезнымъ трудамъ его. Ашикъ.

6.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.

Одесская
Городская Библіотека.

5/17 Марта 1854 года.
№ 86.

Господину Члену С.-Петербургской
Императорской Академіи Наукъ, члену многихъ ученыхъ Обществъ и
кавалеру, Профессору Ганка.

Библіотека имѣла честь получить почтеннѣйшій отзывъ Вашъ, отъ 13/25 Января, посылка съ книгами доставлена только на дняхъ. Приношеніе, сдѣланное Вами въ пользу Одесской Библіотеки, принято съ истинною благодарностью, доведено до свѣ-

дѣнія Начальства и имѣетъ быть, въ свое время, публиковано чрезъ Одесскій Вѣстникъ.

Завѣдывающій Библіотекой А. Аш и к ъ.

7.

Состоящаго въ Вѣдомствѣ
Азіятскаго Департамента
при
Новороссійскомъ и Бессарабскомъ
Генералъ-Губернаторѣ.

5/17 Марта 1854.
Одесса.

Милостивый Государь,
Достойнѣйшій
Вячеславъ Вячеславичь,

Въ ожиданіи полученія посылки Вашей, я опоздалъ отвѣтомъ на пріятнѣйшее письмо, отъ 13/25 Января, которымъ Вы изволили почтить меня. Великое спасибо Вамъ за книги, отправленіе ихъ по почтѣ чрезвычайно затруднительно и дорого. Съ почты онѣ попадаютъ въ таможню и отсюда въ Цензуру. Самое удобное и дешевое средство отправлять подобныя посылки— это чрезъ наше Вѣнское посольство, и Библіотека теперь же представила объ этомъ Начальству.

Отрывокъ Евангелія, найденный Вами въ Грацѣ, весьма любопытенъ, и мы всѣ съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать его изданія. Если Вамъ угодно будетъ доставить мнѣ копію съ статьи Вашей объ этомъ важномъ документѣ, то я просилъ бы Васъ дозволить мнѣ перевести ее на русскій языкъ и помѣстить въ запискахъ нашего общества. Между тѣмъ о драгоцѣнной находкѣ этой я упомянулъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ, при извѣщеніи о полученныхъ отъ Васъ въ даръ книгахъ, не исключая и Часописи, пріобрѣтеніе которой я считаю для Библіотеки очень полезнымъ. Радъ бы помѣняться съ Вами въ этомъ случаѣ; но въ Одессѣ, кромѣ Вѣстника, другихъ повременныхъ изданій нѣтъ: я могъ бы предложить Вамъ его, — но пересылка обойдется гораздо дороже самаго Вѣстника.

Дипломъ и все, что было при немъ, доставлено исправно Г. Лобойко: тамъ было два Вашихъ портрета; и потому, по письму Вашему, гдѣ сказано: „чего въ посылкѣ въ двухъ экземплярахъ, оставьте для себя“, — я позволилъ себѣ взять одинъ портретъ: пріятно мнѣ имѣть его и сохранить, какъ дорогую память сношеній моихъ съ человѣкомъ, котораго, лично не зная, давно привыкъ любить и уважать.

Не лишайте меня расположенія Вашего и вѣрьте готовности моей служить вездѣ, гдѣ только могу, равно и глубокому уваженію и искреннѣйшей преданности. А. Ашикъ.

И. К. Вабстъ [1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Недѣли двѣ тому назадъ, я воротился въ Москву и спѣшу теперь выразить Вамъ всю мою искреннюю благодарность за Вашъ дружескій и радушный пріемъ, который останется навсегда въ моей памяти. Немедленно по пріѣздѣ въ Москву я былъ въ конторѣ журналовъ Атенея и Русскаго Вѣстника и получилъ обѣщаніе, что въ Чешскій музей означенные журналы будутъ высланы.

Передайте мое почтеніе Г-ну Эрбену, Цапу, Мужаку и всѣмъ добрымъ Пражскимъ знакомымъ, ласковый пріемъ которыхъ не изгладится никогда изъ памяти глубоко ихъ всѣхъ уважающаго одноплеменника.

Если чѣмъ только могу Вамъ служить, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, прошу убѣдительно обращаться ко мнѣ. Вы найдете во мнѣ самого акуратнаго корреспондента.

Съ искреннимъ уваженіемъ и пр. И. Бабстъ.

Москва,
Сентября 16-го.

[1]) Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, проф. политической экономіи въ Казанскомъ (1851–1857) и потомъ въ Московскомъ (1857—1874) университетѣ (род. 1823, † 1881 г.), ученикъ Т. Н. Грановскаго.

Письмо это относится, очевидно, къ 1858 году. 30 мая (11 іюня) 1858 г. Бабстъ написалъ въ альбомъ Ганкѣ: „Наученные горькимъ опытомъ, взросшіе среди гоненій и преслѣдованій, Славяне да уподобятся той общинѣ, которая вышла побѣдительницей послѣ цѣлыхъ вѣковъ гоненій, восторжествовала надъ старымъ міромъ и подарила міру завѣтъ братской любви. „Возлюби ближняго, яко самого себя", провозгласила община христіанская. Вольность, равенство и братство всѣхъ народовъ въ мірѣ — это да будетъ завѣтъ, который даруетъ міру община славянская, новое свѣжее племя, за которымъ и въ рукахъ котораго останется будущее исторіи. Таково убѣжденіе искренно Вамъ преданнаго Ивана Бабста".

В. П. Валабинъ.

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславлевичъ.

Получивъ письмо Ваше отъ 11 Іюля, поспѣшилъ исполнить Ваше желаніе на счетъ засвидѣтельствованія и пересылки приложеннаго документа, радуясь случаю выказать Вамъ всегдашнюю готовность быть Вамъ полезнымъ или пріятнымъ.

Искренно Вамъ благодаренъ за присланныя мнѣ книжки и за лестное для меня убѣжденіе Ваше въ живомъ сердечномъ участіи, принимаемомъ мной во всемъ, касающемся прошедшаго, настоящаго и грядущаго въ Славянскомъ мірѣ, на поприщѣ котораго Вы подвизаетесь столь доблестно, мудро и полезно. По стязямъ, Вами проложеннымъ, я, повѣрьте, счастливъ буду, по мѣрѣ способностей и силъ, итти впередъ, руководствуясь тѣми безцѣнными указаніями, коими Вы обогатили нашу общую обширную отчизну.

Въ надеждѣ при первой возможности изъявить Вамъ лично и изустно чувства славянина, искренно Вамъ признательнаго, прошу Васъ принять увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и преданности. В. Валабинъ.

Вѣна,
10/22 Іюля 1859.

2.

М. Г., Вянцеславъ Вянцеславичъ,

Г. Чичеринъ, мой соотечественникъ, отъѣзжая въ Прагу, изъявилъ мнѣ желаніе познакомиться съ главными ревнителями на поприщѣ славянскомъ. Г. Чичеринъ подаетъ собой нашему дворянству, которому принадлежитъ, рѣдкій примѣръ. Посвятивъ себя наукѣ, онъ рѣшился подѣлиться ею съ нашимъ юнымъ поколѣніемъ и занять въ Россіи каѳедру Государственнаго права.

Радуясь случаю доставить Г. Чичерину возможность съ Вами повидаться, вручаю ему эти строки въ полномъ убѣжденіи, что Вы благоволите принять благосклонно этого достойнаго молодого человѣка, который въ короткое время успѣлъ пріобрѣсть у насъ извѣстность и общее уваженіе.

Примите, М. Г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности. В. Валабинъ.

Вѣна,
26 ноября 1859.

3.

Ваше Превосходительство,

М. Г., Викторъ Петровичъ!

Позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ покорною просьбою за одного изъ самыхъ талантливѣйшихъ молодыхъ нашихъ артистовъ, въ дѣлѣ, которое для Ваш. Превосход., смѣю думать, не составитъ большаго безпокойства, но исполненіе котораго для этого молодаго человѣка будетъ истиннымъ счастіемъ, да не пройдетъ безъ признательной радости и для всѣхъ нашихъ Чеховъ.

Молодой чешскій композиторъ Прохазка, уже извѣстный музыкальнымъ дилеттантамъ не по одной композиціи, авторъ, между прочимъ, и имѣвшей въ Прагѣ столь блистательный успѣхъ Славян. Кадрили, составилъ въ послѣднее время увертюру, къ только что вышедшей и игранной уже въ народномъ нашемъ театрѣ трагедіи — Алексѣй Петровичъ[1]), заимствованной изъ исторіи русскаго народа и названной такъ по имени главнаго дѣйствующаго лица, сына Петра Великаго.

Эту-то увертюру горячій поклонникъ русскаго, молодой Прохазка вознамѣрился посвятить Его Высочеству Конст. Николаевичу. Съ этою цѣлію обратился онъ къ Вашему Превосходительству письменно, прося принять участіе въ милостивомъ посредничествѣ. Къ просьбѣ Прохазки осмѣливаюсь присоединить свою и я, и тѣмъ покорнѣе прошу оказать Ваше содѣйствіе и ходатайство въ принятіи сего посвященія, чѣмъ сильнѣе мое желаніе, чтобы успѣшнѣе исполнить мечты молодаго артиста служить своимъ искусствомъ Русской странѣ и Русскому народу.

(Черновикъ, писанный И. И. Срезневскимъ, карандашемъ, на листкѣ).

3 а.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше при нотахъ отъ 13/25 Марта с. г. Сочувствуя успѣхамъ Славянъ и уважая Ваше ходатайство, я не замедлю, при первомъ случаѣ, отправить къ Великому Князю увертюру Г-на Прохазки.

---

[1]) Трагедія В. Галька „Царевичъ Алексѣй“ (Carevič Alexej) представлена впервые 11 марта 1860 г.

Душевно Васъ благодарю за поздравленіе съ Праздниками и, отвѣчая Вамъ таковымъ-же поздравленіемъ, прошу принять увѣреніе въ искренномъ моемъ уваженіи и преданности.

В. Балабинъ.

Вѣна,
7/19 Апрѣля 1860.
В. В. Ганкѣ.

4.

Ваше Превосходительство,
М. Г.. Викторъ Петровичь!

Съ симъ письмомъ имѣю честь представить Вашему Превосходительству роднаго брата того хорвата Шпупа, который, благодаря Вашей рекомендаціи, получилъ въ прошломъ году службу въ Россіи и, какъ слышно, исправляетъ ее съ полнымъ успѣхомъ и честію.

Молодый Шпунъ только что окончилъ курсъ въ нашемъ Университетѣ по факультету юридическому и успѣлъ уже своими литературными трудами занять одно не изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду современныхъ чешскихъ писателей. Будучи славяниномъ въ душѣ и желая служить одному самостоятельному государству славянскому—Россіи, онъ прибѣгаетъ съ покорнѣйшею просьбою указать ему путь, на которомъ бы могъ онъ достойнѣе приготовить себя, чтобъ со временемъ занять какое либо мѣсто въ русскомъ дипломатическомъ корпусѣ, конечно, если будетъ Ваша милость поближе къ міру юго-славянскому, столь извѣстному Шпуну.

Что касается меня, то я могу только раздѣлять подобную просьбу и желать ото всей моей души, чтобы, если, почему бы то ни было, не найдется между русскими вполнѣ приготовленнаго къ занятію мѣстъ дипломатическихъ среди славянства, правительство русское брало тѣхъ изъ Славянъ, которые, будучи отчетливо знакомы съ мѣстными обстоятельствами, съ малыхъ лѣтъ привыкли уважать Россію и благоговѣть передъ нею, какъ передъ единою славянскою страною, откуда можетъ пролиться спасеніе и счастіе на все остальное Славянство. Къ числу подобныхъ молодыхъ Славянъ, могу поручиться, принадлежитъ и господинъ Шпунъ.

Средствъ у него на столько станетъ, чтобъ сообразно Ва-

шему совѣту прожить и поучиться въ Парижѣ, или остановиться съ тою же цѣлію въ Петербургѣ.

Прося великодушнаго прощенія за безпокойство, имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства покорнѣйшій и преданнѣйшій Вячеславъ Ганка.

Въ Вѣну. Его Превосходительству Милостивѣйшему Государю, Посланнику, разныхъ высокихъ орденовъ кавалеру, Виктору Петровичу Балабину.

Прага,
22 іюлья/3 августа 1860. (Съ конспекта Ганки).

М. А. Балугьянскій [1])

1.

Милостивый Государь мой,
Вячеславъ Вячеславичъ!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше отъ 4/16 авг. сего года. Съ удивленіемъ и радостью читалъ я русское письмо, написанное мужемъ, никогда не бывшимъ въ Россіи. Но сіе доказываетъ глубокость вашихъ познаній въ славянскихъ языкахъ и возбуждаетъ у меня желаніе, еслибы возможно, пріобрѣсть васъ для Россіи. О семъ буду говорить, съ кѣмъ

---

[1]) Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ, р. 26 сент. (7 окт.) 1769 г. въ Венгріи (въ Земплинскомъ комитатѣ, въ м. Фельше-Ольшва) и былъ угро-русъ по происхожденію, † апр. 1847 г. въ Петербургѣ. Приглашенный попечителемъ С.-Петербургскаго округа Н. Н. Новосильцевымъ въ качествѣ профессора политической экономіи въ педагогическій институтъ, Балугьянскій въ 1804 г. прибылъ въ Петербургъ. Выдающіяся качества Балугьянскаго расположили къ нему ближайшихъ сотрудниковъ имп. Александра I, П. А. Строгонова, Н. Н. Новосильцева и Адама Чарторыскаго. Онъ принималъ участіе въ комиссіи составленія законовъ, въ качествѣ сотрудника Г. А. Розенкампфа и М. М. Сперанскаго. Впослѣдствіи принималъ участіе въ важнѣйшихъ законодательныхъ работахъ, написалъ рядъ записокъ и проектовъ по вопросамъ государствовѣдѣнія, состоя въ то же время профессоромъ Главнаго педагогическаго института, а затѣмъ и университета (1819), гдѣ былъ и ректоромъ. Назначенный въ 1826 г. начальникомъ II отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, онъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Сперанскаго по составленію Полнаго Собранія и Свода Законовъ.

слѣдуетъ при пріѣздѣ моемъ въ С.-П., и о послѣдствіяхъ буду имѣть честь васъ увѣдомить. Примите мою чувствительную благодарность за книги законовъ, которыя Вы намѣрены пожертвовать въ пользу II-го отдѣленія собственной Его Импер. Величества канцеляріи, что прежде была Коммиссія Законовъ. Мы будемъ почитать сокровищемъ книги законовъ одного изъ славнѣйшихъ славянскихъ народовъ. Прошу васъ покорнѣйше, извольте написать ваше имя на особенныхъ листахъ въ самыхъ книгахъ, дабы осталась вѣчная память вашего къ намъ усердія.

Съ другой стороны я прошу васъ также покорнѣйше или означить цѣну симъ книгамъ и прислать оную оцѣнку чрезъ г-на Кронберга съ прочими, ибо мы не можемъ ожидать отъ васъ подарокъ столь драгоцѣнныхъ книгъ, или если вамъ угодно мѣсто цѣны получить взамѣнъ другихъ русскихъ книгъ, то извольте прибавить опись онымъ; я буду стараться доставить вамъ всѣ таковыя книги.

Я и мои дочери весьма сожалѣютъ, что мы не могли имѣть удовольствія познакомиться съ вашею почтеннѣйшею супругою. Прошу покорно показать ей съ нашей стороны искреннѣйшее почитаніе.

Милостивый Государь! Дни препровожденные въ Прагѣ я почитаю между счастливыми моей жизни. Если Вы имѣете какую-нибудь надобность въ С.-Петербургѣ, прошу покорнѣйше распоряжать мною, какъ вашимъ другомъ, который не премѣнитъ показать вамъ всѣ возможныя услуги.

Имѣю честь быть съ искреннѣйшимъ почитаніемъ, М. Г. мой, Вашъ покорнѣйшій слуга Михаилъ Балугьянскій.

Если Вы меня почтите вашимъ письмомъ, то на адрессѣ можно написать: Его Прев. *Господину Статсъ-Секретарю* Михаилу Адреевичу Балугьянскому въ С.-Петербургѣ, въ домѣ II-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи на Литейнѣ.

Подчеркнутыя слова для краткости можно пропустить. Можете, если угодно, писать адрессъ и на французскомъ или и нѣмецкомъ языкѣ. Прощайте. Я отправляюсь въ путь послѣ завтра 27-го сего мѣсяца.

Sr. Hochwohlgeboren dem Herrn Wenzeslaus von Hanka Bibliotheker des K. K. Museums in Prag. Abzugeben in Erzbischofflichem Hause auf dem Hratschin.

Въ Теплицахъ,
13/25 августа 1828.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ.

Получивъ письмо Ваше отъ 5-го Ноября 1829 года и доставленныя отъ Васъ книги древнихъ Чешскихъ законовъ, я умедлилъ до сихъ поръ отвѣтомъ моимъ на оное потому, что о таковомъ усердіи Вашемъ я доводилъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества съ приложеніемъ реестра присланнымъ отъ Васъ книгамъ. А какъ между тѣмъ случилось, что Вы приглашены въ Императорскую Россійскую Академію, то послѣдствія моего представленія не прежде могутъ быть извѣстны, какъ по прибытіи Вашемъ въ Россію.

Поздравляя Васъ, Милостивый Государь, съ таковымъ приглашеніемъ въ наше отечество, я не могу умолчать, колико пріятенъ будетъ для меня пріѣздъ Вашъ, ибо онъ доставитъ мнѣ случай имѣть ближайшее сношеніе съ мужемъ столь знаменитымъ своею ученостію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. М. Балугьянскій.

26 апрѣля 1830 года.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Письмо Ваше, Милостивый Государь, отъ 3/15 іюля я получилъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ по той причинѣ, что Вы пишете ко мнѣ по русски, такъ и потому, что Вы находитесь въ совершенномъ благополучіи. Я непремѣнно буду въ Прагѣ или теперь послѣ двухъ недѣль на моемъ пути въ Вѣну, или при возвратѣ черезъ 6 недѣль. Я только Превосходительство, но Его Высокопревосх. есть М. Михайловичъ Сп.[1]). Онъ писалъ ко мнѣ изъ Маріенбада, требуя отъ меня объ Васъ извѣстія. Онъ будетъ Вамъ писать или уже писалъ непремѣнно; къ 25 іюлю новаго стиля онъ прибудетъ сюда въ Карлсбадъ на проѣзжемъ пути въ Франкфуртъ амъ Майнъ къ своей дочери, которая возвращается изъ Шевелинга, что въ Голландіи.

Мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно познакомиться съ славнымъ Шафарикомъ и возобновить знакомство съ Г-номъ Челаковскимъ. Лично будемъ болѣе говорить между собою о вашемъ

[1]) М. М. Сперанскій.

словарѣ и о книгахъ, приготовленныхъ Вами для канцеляріи собственной Его Имп. Величества.

Будущій понедѣльникъ т. е. 10/22 сего іюля прибудетъ въ Прагѣ генеральша Адлербергъ, Русская дама, которая Вамъ пришлетъ письмо отъ меня. Я прошу Васъ предварительно быть ей въ помощь во всемъ, что она будетъ желать узнать въ Прагѣ.

Я буду о семъ Вамъ писать на нѣмецкомъ языкѣ въ томъ самомъ письмѣ, которое Вамъ прислано будетъ отъ генеральши, по прибытіи ея въ Прагу.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть и пр. М. Балугьянскій.

Seiner Herrn Wenzel Hanka, Bibliothekar des Vaterländischen Museum Wohlgeboren. Prag, Hradschin.

Карлсъ-бадъ,
7/19 іюля 1833.

4.

Theuerster Freund!

Nach Absenden des russischen Briefes an Sie vom nämlichen Datum durch die Post, schreibe ich Ihnen diess deutsch. Er hat zum Zweck Sie zu bitten, Ihrer Excellenz der Generalin von Adlersberg allen möglichen Vorschub zu leisten, den Sie brauchen wird, um die Merkwürdigkeiten der Stadt Prag zu besehen.

General von Adlersberg ist ein Liefländer. Seine Mutter ist Hofdame. Er war erzogen mit jetzigen Kaiser, und ist jetzt Direktor der Kanzlei des Generalstabes, General-Adjutant S. Majestät und ein Mann *de confience* des Kaisers. Die Generalin ist ein Fräulein von Нелидовъ, einer sehr ansehnlichen Russischen Familie. Erzogen in Смольный Монастырь von der verstorbenen Kaiserin, sie besitzt viele Kenntnisse und ist eine Frau von ausgezeichneten Eigenschaften, bescheiden, sanft, gutmüthig. Sie brauchte hier mit ihrem Sohne, den ein alter Hofmeister Herr Unbesogen (aus Mecklenburg) begleitet, und ein Gesellschaftsfräulein— das Wasser; von hier nun geht sie Sonntag den 9/21 nach Prag, blos um die Merkwürdigkeiten der Stadt, die ich Ihr so sehr erhob, zu besehen. Von da geht sie nach Egger und dann nach Italien, wo Sie den Winter zubringt, und dann wiederkehrt durch Böhmen ins Vaterland.

Ich rühmte ihr, der Wahrheit gemäss, die viele Gefälligkei-

ten die Sie mir und meinen Töchtern bei meinem Aufenthalt in Prag im J. 1828 erwiesen, dass durch Ihre Anleitung und Führung wir wären im Stande gewesen alle Merkwürdigkeit, alle Paläste, Kirchen, Klöster und Berge zu besehen, vieles von alten Sagen und Geschichte zu erfahren und s. w., dass Prag eine Art von Moskau vorstelle, was mir selbst die verstorbene Kaiserin Mutter sagte. Durch alles dieses bewogen geht Ihre Excellenz nach Prag. Auf Ihre Güte gestützt versprach ich Ihr Ihnen zu schreiben und Sie zu bitten Ihr das zu erweisen, was Sie mir erwiesen haben. Sie wird diesen Brief nach Ihrer Ankunft in einem Gasthof an Sie schicken. Ich bitte Sie wiederholt, eilen Sie alsdann zu Ihr und zeigen Sie ihr was in Ihrem berühmten Prag Merkwürdiges zu sehen ist. Über zwei Tage bleibt Sie nicht, sie ist eine sehr bescheidene Dame, wird daher Ihnen nicht zu grosse Mühe machen.

Bei meiner Ankunft in Prag werden Sie ganz andere Plage mit mir haben. Aber ich komme gewiss, jetzt nach 2 oder später nach 6 Wochen, wie ich es Ihnen im Russisch schrieb.

Indessen meine Empfehlung an H. v. Schaffarik und Cselakofsky.

Ich bitte die Versicherung meiner ausgezeichneten Hochachtung und Freundschaft anzunehmen. Euer Hochwohlgeboren gehorsamster Diener Mich. v. Balugyansky.

Karlsbad,
den 7/19 Julii (Freytag) 1833.

5.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ.

Я получилъ Ваши два письма; 1-ое въ ноябрѣ мѣсяцѣ; 2-ое чрезъ Г-на Доктора Франкла. По полученіи перваго я тотъ часъ докладывалъ о содержаніи онаго Его Высокопревосходительству; но при всемъ нашимъ стараніемъ мы не успѣли еще привести сіе дѣло къ желательному окончанію Но при всемъ томъ прошу покорнѣйше быть убѣжденнымъ, что мы дѣло сіе не упустимъ съ виду. Какъ скоро откроются надежды въ достиженіи сей цѣли, я не премѣню Васъ о семъ увѣдомить Между тѣмъ прошу покорнѣйше объявить г-ну Шафарику и прочимъ нашимъ другамъ мое совершеннѣйшее почитаніе. Мы будемъ счастливы, какъ скоро мы успѣемъ въ достиженіи полезнаго для славянской литературы предпріятія. Г-нъ Франклъ задержался здѣсь нѣсколько дней; онъ Вамъ можетъ сказать о моемъ состояніи и о всемъ, что онъ въ семъ городѣ видѣлъ.

Я не имѣлъ случай повидаться съ г-номъ Востоковымъ и съ другими литераторами, ибо по моему возвращенію я былъ почти непрерывно боленъ и занятъ многими дѣлами, и потому о вашихъ къ нимъ отношеніяхъ по литературной части я не могу вамъ дать никакого удовлетворительнаго отвѣта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

М. Балугьянскій.

С.-Петерб.,
31 марта/12 апрѣля 1834 года.

Г. С. Вандтке [1]).

1.

Wielmożny Mosci Dobrodzieiu,

Daruy mi to łaskawie, że tak późno odpisuię. Wszakże z odpisu mego przekonasz się sam, że list WWMMPana Dobr. był mi bardzo przyjemnym i szacownym dowodem przywiązania Pańskiego do narodu naszego. Czytałem go wielom, i wszyscy przyznawali, że to trudno, aby Czech, ktory w Polszcze nie był, tak mogł pisać. Musiałeś się zatém WWMMPan Dobr. bardzo wczytać w naszych autorów, albo musiałeś kiedy w Polszcze przebywać. Bądź jak bądź proponowałem WWMMPana Dobr. na Członka naszego Towarzystwa i d. 15 Listopada przyjęliśmy Cię wszyscy za takowego. Jesteś WWMMPan Dobr. zatem Członek korrespondujący Towarzystwa Naukowego Krakowskiego. Wiem, że w Au-

---

[1]) Jerzy Samuel Bandtkie, (p. 1768 † 1835), извѣстный польскій историкъ, библіографъ и филологъ. Изъ трудовъ его извѣстны наиболѣе ранній сборникъ „Historisch-Critische Analecten zur Erläuterung der Geschichte des Ostens von Europa" (1802), „Krótkie wyobrażenie dziejów królestwa polskiego" (Wrocław, 1810, 2 т.), первый научный учебникъ польской исторіи; въ 1820 г. онъ вышелъ п. з.: „Dzieje Królestwa Polskiego", а въ 1835 г. п. з.: „Dzieje narodu Polskiego". Бандтке принадлежитъ рядъ словарныхъ работъ (Słownik polsko-niemiecki, 1806) и грамматика „Gramatyka polska dla Niemców" (1809 и позже). Въ 1811 г. Б. назначенъ былъ библіотекаремъ университета въ Краковѣ и усердно занялся библіографическими разысканіями (De primis Cracoviae in arte typographica incunabulis, 1812); въ 1815 г. издалъ „Historya drukarń w Królestwie Polskiem..." (3 т.). Множество его статей разсѣяно въ польскихъ журналахъ, какъ „Rozmaitości Naukowe" за 1828—1831 г.г., „Pamiętnik Warsz." и проч.

stryackiem Państwie czynią trudności w pozwalaniu tytułów zagranicznych, a nawet i uczonych; ale i Józef Dobrowski i Bartłomiey Kopitar są członkami naszemi, i dwór pozwolił im tego z ochotą. Podobno to tylko po prowincyach trudności.

Za dyplom jest opłata Talarów 3, czyli Czerwony złoty, lecz proszę mi nie przysyłać tego dukatu, bo ja to zapłacę, ale proszę mi przysłać znowu jakie książki czeskie, osobliwie starożytne, które teraz wychodzą, bo że o dawne i u Was trudno, to wiem. Spiewy 13. wieku już mam, ale Biblioteka niema, to jest te, które WWMMPan Dobr. wydał.

Ledwie, żem nie zapomniał, że zalecam WPaństwu JP. Ambrożego Grabowskiego na przesyłanie dzienników Polskich. Ten mąż godny sam przy moim liście zgłosi się do WWMMPana Dobr. i starać się będzie, aby przesyłka jak naytaniey kosztowała.

Co się tycze żądania, abym Grammatykę Polską porownaną napisał, to tego uczynić niemogę z dwóch przyczyn. Pierwsza, że nie mam czasu, a druga, że nie znam dostatecznie pobratymczych języków, n. p. ani pomysleć mogę, żebym tak co napisał po Czesku, jak WWMMPan Dobr. napisałeś do nas po Polsku. Zatem niemogę i niepowinienem podeymować tego, czemubym niewydołał należycie.

Nie pozostaie mi już dzisiay nic, jak kończyć z upewnieniem naywyższego szacunku i naygłębszego uszanowania WWMMPana Dobr. naynizszy sługa Jerzy Sam. Bandtkie.

Die zweite Ausgabe des Lehrgebäudes hab ich nicht, wohl aber die zweite Ausgabe der böhm. Geschichte.

W Krakowie,
d. 21. Listopada r. 1819.

2.

Wielmożny Mosci Dobrodzieiu,

JPan Kucharski [1]) odda Panu modlitwę Pańską po polsku w 14. podobno językach a to w dowod wdzięcznosci za tyle pięknych rzeczy. Niewiem, czy ja nie posłałem Panu przez Pana Sobotowskiego przez Wiedeń 12 Tomów Roczników naszego Towarzystwa. Jeżeli nie, to starać się będę, kiedy indziey to uczynić. Za ostatni podarunek H. już podobno Panu dziękowałem. Tak roztrzepany jestem, że prawdziwie niewiem, co myslę i piszę, ale to

[1]) О немъ см. ниже примѣчаніе къ письмамъ его къ Ганкѣ.

niezawodnie wiem, że zawsze jestem Wielmożnego Pana Dobrodzieja prawdziwym nayobowiązańszym sługą.

Jerzy Samuel Bandtkie.

w Krakowie,
d. 8. Grudnia r. 1825.

3.

Wielmożny Mosci Dobrodzieiu!

Za Loderekiera [1]) Tom II-gi bardzo dziękuię. Miałem już tom pierwszy, a tak mam go całego. Dałem go do Biblioteki Uniwersytetu a WWMMPanu Dobr. posyłam za to 1. Exemplarz Papieru Egipskiego t. j. Fac-Simile, ktore nam się szczęsliwie udało. Drugi exemplarz jest dla naszego zacnego Dobrowskiego, ale nie mam dziś czasu pisać do niego. W. P. Brodowicz, ktorego znasz już, przejeżdżając przez Pragę tak łaskaw będzie te drobiastki oddać.

Jestem zawsze Wielm. Pana Dobr. Nayniższy sługa

Jerzy Samuel Bandtkie.

Herr Wenceslaus Hanka, in der Altstadt, wo das böhmische Museum ist, in Prag, in Böhmen.

d. 13 Julii 1828.

4.

An Herrn Hanka, Bibliothekar des Böhmischen Museums.

Ich schicke Ihnen in aller Eile: Primo. 2 Exemplare unsers Papyri aegyptiacae lithografirt, eines für Sie, das andere für das Museum. Secundo. 6 Beschreibungen dieses Papyri. Tertio. 15 Indices lectionum. Der Überbringer aller dieser Kleinigkeiten ist der würdige Canonicus und Pfarrer in Liszki H. Raciborski, der auch gerne Ihre Bekanntschaft machen möchte. Mehr kann ich heute nicht schreiben.

Hochachtungsvoll und liebevoll Ihr ergebenster

Georg Samuel Bandtke,

Bibliothekar in Krakau.

[1]) Dictionarium septem diversarum linguarum... a Petro Lodereker. Pragae. 1605.

5.

Wielmożny Mosci Dobrodzieiu,

Wielmożny JMC Pan Aigner, nasz wspolny przyjaciel, bierze na siebie jadąc do Karlsbadu oddać JWWMMPanu Dobr.:

3 exemplarze de Psalterii ad S. Florianum koło Lińca.

3 indices Lectionum.

Ja przy tey okazyi polecam się łasce Pańskiey.

Wielmożnego Pana Dobr. nayniższy sługa

Jerzy Samuel Bandtkie.

Proszę jeden exemplarz oboyga dać W. JX. Dobrowskiemu.

Wielmożny JP. Hanka, Bibliotekarz Towarzystwa Czeskiego, WMPan Dobr. w Pradze.

6.

Nayukochańszy Panie Hanka.

Przez P. Brodowicza, Medyka, Professora Medycyny, ktorego WWMMPan Dobr. już znasz, posyłam Miscellanea Cracoviensia Nova Fasc. 1 de Episcopatu Lubusensi, będzie Pana interessować, bo tam jest coś o Pradze. Miło mi będzie, kiedy wszystko się spodoba.

Przez Wiedeń wkrotce przez P. Vólke lub Szallbachera przyszlę brakujące Panu Roczniki Towarzystwa naszego. Przeszlę także 6. Fasc. Miscell. Novorum, 6. Rozmaitości na zamianę na Czeskie lub niemieckie pisma historyczne. Co się tycze Historyi mojey, to Panu ją teraz nie przyszlę jeszcze, bo jey nie mam, muszę ją sam dopiero wziąć od Korna w Wrocławiu. Ale jak ją dostanę, to ją przyszlę. Pisałbym więcey, ale spieszyć sie muszę, żeby p. Brodowicz nie odjechał. Jedzie P. Brodowicz do Karlsbadu z JW. Prezesem Hrabią Wodzickim, Woiewodą Król. Polskiego, ktory bardzo piękne rzeczy nam dał do Biblioteki, a jeżeliby Wac-Państwa Muzeum chciał oglądać, to racz P. Dobrodziey pokazywać mu wszystko jak naydokładniej, bo to Pan uczony i znający się na rzeczy.

Jestem Wielmożnego WPana Dobr. nayniższy sługa

Jerzy Samuel Bandtkie.

Herr Hanka, bibliothekar des böhm. Museums in Prag.

W Krakowie,
d. 4. Julii 1829.

Помѣта Ганки: „6 Września odp.".

7.

Nayukochańszy Panie Hanka,

Znowu piszę do WWMMPana Dobr. przez W. JMCPanią Krzyżanowską, chociaż tak tydzień pisałem przez W. Brodowicza. Nie powtarzam, com tam pisał, tylko to, że przez Wiedeń przyszlę Panu brakujące Tomy naszego Towarzystwa Roczników i kilka Miscellanea Cracoviensia i Rozmaitości z parę na zamianę na Czeskie książki. Nie przypominam sobie, przez kogo już 1 część Rozmaitości przysłałem za Loderekiera część II-gą, która mi bardzo miła była, bo pierwszą miałem już dawniey i mam za to z łaski Panskiej całego Loderekiera. Może być nawet, że JPani Krzyżanowska weznie sama z sobą 1. Rozmaitości i Krak. Miscellanea.

Mater Verborum jak wyidzie proszę o 1, albo o dwa exemplarze, a pieniądze na nie odeszlę. Że nasz zacny Dobrowski umarł, żałuię mocno. Hrabia Raczyński kosztem swym wyda Parkosza 1440 de orthographia Polonica. Jak wyidzie, będziesz Pan miał odemnie exemplarz. Rocznikami zaś nie mogłem naprzykrzać się, bo to będzie 6 Tomow grubych.

Proszę pokazać JMPani Krzyżanowskiey i pięknym jey córeczkom Museum i co tam więcey pięknego jest w Pradze. Jedzie daley do Karlsbadu. Zacna to jest Pani, żona Pana Adama Krzyżanowskiego, Dziekana Wydziału Prawnego, Facultatis Juridicae, a córeczka jey JMPanna Symphorosia i miła, i wiele wie i umi.

Nie wiele brakowało, żebym sam był się zabrał z tem Państwem do Pragi, gdzie koniecznie raz jeszcze być muszę, bo byłem raz już tam 1796. Ale tego roku być nie mogę. Trzeba mi to odłożyć na czas inny. Przyłączam tu opis naszego Papyrusa [1]), któren przeszłego roku Panu przysłałem.

Jestem szczery i prawdziwy przyjaciel

Jerzy Samuel Bandtkie.

Wielmożny JMPan Hanka, in der Altstadt bey dem böhmischen Museum w Pradze.

W Krakowie,
d. 8 Lipca r. 1829.

Помѣта Ганки: „6 Września odpow.".

8.

An H. Professor und Museumsdirector Hanka.

Gütigster Freund und Gönner!

Ich nehme mir die Freiheit durch eine Gelegenheit Ihnen einige Kleinigkeiten literarischen Inhalts zuzusenden, die einen

[1]) „Opisu Papyrusa"— нѣтъ при письмѣ.

für Sie, die andern für das Museum. Lange wollte ich schon schreiben an Sie oder H. Jungmann. Durch den Herrn N. habe ich alles erhalten, was Sie mir gesendet haben, und ich habe auch meinen verbindlichsten Dank abgestattet. Ich kann jetzt fast gar keinen ordentlichen Brief schreiben, denn meine ewige Correspondenz mit Buchhändlern stumpft mich nachgerade so ab, dass ich nichts zu schreiben verstehe, was nicht mit einem Datum, Verlagsort etc. versehen ist. Ich muss ordentlich studiren, wenn ich einen vernünftigen Brief machen soll, und da fällt es doch hinterein sehr steif und unbeholfen aus, was ich schreibe.

Meine Bitten an Sie sind aber folgende:

1) Der Gesellschaft des vaterländischen Museums meinen tiefsten Dank zu bezeugen für die Ehre, dass sie mich zum Mitglied gemacht hat. Ich glaube dies besonders dem H. Grafen Caspar von Sternberg, Herrn Jungmann und Ihnen schuldig zu sein. Also bitte ich besonders dem Herrn Grafen von Sternberg, bezügl. Herrn Jungmann etc. meinen ergebensten Dank besonders abzustatten.

2) Ehrenmitgled zu sein ist für meine Wenigkeit zu viel. Belieben Sie das bei dem Danke auszudrücken, auf eine hübsche Manier, nich so steif, wie ich es thue. Schon Mitglied schlechtweg ist genug für mich.

3) Wenn Herr Dudkiewicz zu mir kommt, da muss er mir ganze Stunden erzählen von Ihnen und von Herrn Jungmann. Da weiss ich genau, wie Sie sprechen, aussehen etc., denn ich lass es mir immer wieder sagen. Sehr gerne hätte ich Ihnen böhmisch meinen Dank geschrieben, aber ich kann das doch nicht, sondern es würde alles russisch oder polnisch herauskommen und voller Fehler sein. Müsste ich nicht sehr eilen, so würde ich am Ende doch polnisch geschrieben haben, aber meine polnischen Briefe sind nicht besser, wie die deutschen, und mein Briefstil ist in allen Sprachen, die ich ein bischen verstehe, holperig. Also will ich schon lieber deutsch als polnisch holpern.

Der leidige Krieg, von dem ich von jeher ein grosser Feind bin, hat mir das vorige Jahr sehr verdorben, denn ich konnte nirgendswohin reisen, ob ich gleich ganze sechs Wochen so abscheulich an Rheumatismen litt, dass ich vor Schmerzen Tabak zu rauchen gelernt habe: eine schöne Sache habe ich also 1831 im 63-ten meines Alters zu treiben angefangen. Darzu kommt noch, dass ich eigentlich nicht weiss, was das für eine böse Krankheit gewesen. 10 Nächte konnte ich nicht schlafen. Vor Schmerzen musste ich wie der ewige Jude herumrennen. Zum Glück war es

um Pfingsten schon schön und warm. Der Schmerz steckte besonders in den Waden, er tanzte auch in den ganzen Füssen herum, und da sagte einer, ich müsste doch unterscheiden 1) den rheumatischen, 2) den neuritischen und den 3) spasmodischen Schmerz. So klug bin ich nicht, doch weiss ich wohl, wo es weh thut, wer wird das aber genau unterscheiden können, wie das ist. Meine jungen Studiosi sagen mir, das gienge sehr gut an. Kneipen im Bauche, Stechen, Reissen wären leicht zu unterscheiden. So arg ist es nicht, im Bauch kann man wohl noch das Kneipen erkennen, aber die andern jedenfälligen in den Gliedern nicht. Es muss einer expertus Robertus, oder artis peritus sein. Doloris peritus zu sein ist gar schlimm und das muss man niemals sein, etwa 8 Tage vor dem seeligen Ende Knall und Fall. Sie sehen, mein Bester, dass man mit dem Alter ziemlich noch lebenslustig wird, wenn man 8 Tage leiden will, denn 8 Stunden sind wohl noch für einen alten Bibliothekar schon genug.

Ihr schönes Böhmen, was ich 1796 oder 1797 gesehen und mehrmals wieder zu sehen gewünscht hatte, möchte ich woll sehen. Aber wer weiss, ob ich es werde thun können. Vor den Wassercuren habe ich allen Respect. Chybił, trafił. Ihre lieben Bader machen es manchmal arg. Wie garstig es Rübezahl in Schlesien macht, weiss ich aus Erfahrung, denn ich habe im August in Schmiedeberg einmal so hübsch frieren [müssen], wie in Baden bei Wien. Auch erinnere ich mich 1797, dass die bösen Elfen, oder wie die Geister des Erzgebirges heissen, in Sachsen und Böhmen ihr Wesen nicht besser getrieben haben. Die Unholden des Karpathengebirges machen es nicht besser, und die der Babia Gora sind geradezu Hexen. Im April bedecken sie sich manchmal mit Schnee, und da ist es kalt wie im Winter; ebenso machen andere Hexen es auch, so im Gebirge von Olkusz, ob sie gleich nur Kohlen und Gallmey haben, nicht einmal einen Namen besitzen, sondern ein Anhängsel des Gebirges des H. Kreuzes sind. Ich bin kein Mineralog. Alle meine geognostischen Kenntnisse schrenken sich auf den Bernstein ein, dem ich gut bin, weil er zwar räuchert, aber nicht brennt, keine Funken gibt. Ich behaupte nun, dass er die schönste Agathform annimmt, denn während andere beym Tabakrauchen denken können, kann ich mir durch den Dampf Betrachtungen machen, und ich mache sie so wahrscheinlich, wie der feine Tabakrauch ist, der mir die Zunge aufreisst, ob es gleich nun entweder ein gläubiger Moslemin, oder ein Hamburger Justus oder Wachstaff ist. Vermuthlich rauchen Sie den leidigen Tabak nicht, da werden sie es gar nicht wissen, was das für Gal-

genstricke sind. Aber nun sehe ich, dass meine Epistel schon lang geworden ist. Manum de tabula! Mit der Versicherung, dass ich stets bin hochachtungsvoll Dero Verehrer und Diener

Georg Samuel Bandtke.

Krakau,
den 14. Aprils 1832. Помѣта Ганки: „Odp. 5. čerce 1832".

9.

An H. Wenceslaus Hanka in Prag.

Als ich Ihren letzten Brief erhielt, wollte ich bald antworten und mich rechtfertigen, aber ich war so krank bald, dass ich weder lesen, noch schreiben konnte. Den 20. Aug. 1833 hatte ich einen Anfall von Apoplexie. Brodowicz und Bierkowski retteten mein Leben, aber Kräfte und Gesundheit habe ich doch noch bis heute nicht wieder erlangen können. Es fällt mir alles schwer, sogar an Sie, mein Bester, zu schreiben. Im Sommer 1834 soll ich wieder gesund werden. Mein Glaube ist schwach. Herr, hilf dem Kleingläubigen! Gern würde ich polnisch Ihnen antworten, aber deutsche Lettern zu schreiben ist mir doch leichter. Deutsch mit lateinischen Lettern kann ich gar nicht schreiben.

Ich soll mir Bewegung machen und kann mich oft nicht rühren. Ich soll ruhen und mich zerstreuen, und ich habe 1000 Geschäfte, muss denken und soll nicht denken. Ipsa senectus est morbus, annos 65 peregi. Nun von mir nichts weiter.

Durch den Fürsten Lubomirski konnte ich nicht schreiben, so gern ich wollte. Vielleicht komme ich dieses Jahr nach Prag. Sie werden doch wohl da sein. Ach, wie gern spräche ich mit Ihnen mündlich! Mit Ihnen und Jungmann. Dem Grafen Sternberg habe ich gekauft in Breslau die Medaille.

Schreiben Sie mir, was Sie von meinen 7 Sachen nicht haben. Das suche ich Ihnen zu bringen. Wie weit ich den Czasopism habe, werde ich gelegentlich melden. Der Ihrige

Georg Samuel Bandtke.

Krakau,
den 2. Febr. 1834. Помѣта Ганки: „Odp. 4. máje 1834".

10.

Pan Dudkiewicz bywa u mnie czasem. Wtedy niemówiemy nic, jak o Panu, ale czasem mi się zaraz urywa mowa i rozmowa, kiedy mi się spać zachce.

Pro notitia tibi soli: codicem, quem Ernestius habebat venalem Wratislaviae, ego tandem emi pro 60 taler. imp. Est splendidus picturatus codex e bibliotheca Podiebradiorum Olsnensi, quem vendidit dux Guelferbytanus moturus contra Napoleonum. Damals hat er auch das ganze Podiebradische Museum erst für 600 Th. einem Juden verkauft, der hat dafür von Selbstherr Kaufmann 3000 Th. bekommen. Der Codex ist prächtig, aber nicht alt. Denn nach der Jahrzahl der Chronik des Pulkava 147 (sic) wird Wladislaw und Ludwig II. erwähnt; endlich Ferdinands Einzug 1527. Er mag wohl in Wien geschrieben sein, wenn er, wie Sie vermuthen, die Lesearten der Wiener Handschrift hat. Nun kommt er nach Krakau, aber viel will ich es nicht bekannt machen, weil es bei uns bunt zugeht.

In meiner Jugend 1796 — 98 bin ich in Petersburg 2 Jahre gewesen. Es hat mir sehr gefallen. Aber ich bin vom Husten so geplagt worden, dass mir ½ meiner dicken Haare ausgegangen sind. Ehe ich in Schlesien angestellt wurde, wollte ich wieder zurück nach St. Petersburg, но климат straszny. Mehr darf ich nicht schreiben, denn es strengt mich an. O, Gesundheit, edles Kleinod, was ist der kranke und schwache und alte Mensch!

Den 25 Febr., nicht doch den 5 Febr.

Sie werden aus dem Index lectionum manches finden, was Sie interessirt. Sie sehen, dass ich Böhmen lieb', das Land und die Menschen. Nun endige ich meinen Brief. Der Ihrige

Bandtke.

Den 23. März in der Charwoche.

11.

H. Hanka. Gott sei Dank, ich bin nun gesunder, aber noch immer sehr schwach, und das Schreiben fällt mir schwer. Durch H. Grabowski bekommen Sie Indices Lectionum 15, durch Wiszniewski auch einige und vielleicht noch einen Brief von mir. Der Fortsetzer des Pulkava Horzowicz etc. sind doch brave, schlichte Leute. Ich habe alles durchgelesen und mich sehr gefreut. Von ihrem guten Piaristen Voigt Münzgeschichte Böhmens ist trefflich. Leider habe ich zweimal nur den ersten 3 Theil, der 4-te fehlt mir. Ich möchte ihn gerne einmal oder zweimal haben. Schicken Sie mir mit der Post einmal oder zweimal, was er kosten wird, zahle ich gerne und schicke Ihnen sogleich gleich nach Empfang das Geld mit der Post.

Auch den Pulkava von Faustin Prochazka böhmisch wollte ich haben, 1786 dünkt mich; den Dobnerischen lateinischen habe ich schon lange, noch vom seligen Dobrowski. Von Ihrem Czasopis habe ich mit böhmischen Lettern 1827, 1828, 1829, 11 Stück mit lateinischen Lettern, 1830 3 Stück, also 14 Stücke, mehr habe ich nicht. Den böhmischen Lettern bin ich gewogener, als den lateinischen, sintemal ich zwar sehr das Latein liebe, aber nicht die Lettern, denn die böhmischen Lettern sind älter. Die Weleslawina habe ich selbst das Lexicon, auch noch eins, ich glaube 1710, aber ich vergesse es immer, wie es heisst.

Ein gutes böhmisches Lexicon möchte ich wohl haben, denn ich verstehe vieles nicht. Könnten Sie mir nicht eines kaufen, aber nicht schenken, denn Sie haben mir ohnedem genug schon geschenkt. Es muss aber gut und ganz sein. Was macht Ihr Salomon von Constanz, ich warte auf ihn mit Sehnsucht.

Ich habe bei mir in Verwahrung, sie ist mir aber zu theuer, eine schöne Danziger Medaille 1730:

Hauptseite *Hus*, Rückseite *D. Luther*. Annus bissecularis Augustanae Confessionis. In etergo das Danziger Wappen: Quod Moises perficere noluit, Josua absolvit.

Da kommt heraus die Jahrzahl 1730 als Chronostichon. Wer das geprägt hat, oder prägen lassen, steht in Lengnich Carl Benjamin nicht. Wissen Sie es vielleicht?

Dutkiewicz ist verreiset, da rede ich jetzt wenig von Ihnen. Sonst muss er mir immer von Ihnen und Jungmann erzählen. Reinerz heisst Duchnik; wenn ich nach Prag komme und do Reinercu sprechen werde, so machen Sie nur immer mich aus, nicht den Dudkiewicz. Ich corrigire meine Briefe nicht, also corrigiren Sie sich selbst, wenn ich wo was ausgelassen habe. Ich soll nach Carlsbad, Karolowe Wary, wie es auf dem Thore steht, aber ich habe erst in Laun böhmisch sprechen hören. Die Carlsbader sind deutsche Michels. Erst im September habe ich in Carlsbad böhmisch sprechen hören. Ringsherum ist alles deutsch. Die schwarzäugigen Böhminen Czeszki, ich glaube. dass sie alle schwarzäugig sind, haben erst in Collin schön böhmisch geschnattert. Auch in Prag sprachen sie deutsch. Ihr II. Böhmen sind doch viel gescheidter, als wir. Ich denke mir rozum od pani matki, so schreib es, ist es in Polen, und dürft es nicht auch so bei allen slawischen Völkern sein. Auch bei den schönen Czechinen sein? Ich weiss es nicht, frage also demüthig an. Böhmisch sprechen zu lernen bin ich zu alt, zu faul jetzt leider...

Mündlich sage ich Ihnen alles, und nun endigen muss ich. Die

alte Uhr in Prag lebt doch noch auf dem Alten Markt der Altstadt? Ich will sie wieder begucken. Ihr habt doch Städte und Bürger, wir ausser Judennester nichts. Ihr habt Steine und den Hagek, ich habe die ed. des Schoen....

Nun satis. Der Ihrige G. S. Bandtke.

12.

Herr Buchhändler Joseph Czech, mein gütiger Freund, reiset mit seiner Frau über Prag nach Carlsbad. Er möchte gerne die Prager Bibliotheken sehen und wünschet, dies durch Ihre gütige Vermittelung und unter Ihrer Anleitung zu thun. Ich soll für ihn bei Ihnen mich verwenden.

Ich thue das sehr gerne, da ich ihn kenne, und bitte, dass ich noch de meis et de me in Antwort auf Ihr gütiges Schreiben mit der Post dd. 4. maii 1834, doch nein, nicht auf diesen Brief, sondern est dünkt mich ein späterer ist es, den ich beantworten will. Es ist wegen Wussin 1710, den ich wirklich in der Bibliothek habe. Von der Veleslavina habe ich auch Daniel Adam MDXCVIII 1598 denke ich 4-to im Lat. Ich habe ihn schon lange, er scheint mit besser zu sein als Wussin aber es ist schlimm darin zu suchen. Die Taschenausgaben sind ½ mein selb meines Bruders dokladný oder richtiger niedokładny słownik ganz arm. Mein Bruder ist 15 Jahre jünger wie ich. Die Nachricht vom Psalter der Maria ist mir gar lieb. Ihre Briefe an mich werde ich mir zu den Dobrovskischen der Ordnung nach nähen und, so lange ich lebe, sie wie ein Drache bewahren, auch sie nicht in Druck jemanden geben, denn Briefe sind nicht zu drucken. Herr Wiszn. wird wohl nicht so bald kommen, doch denke ich vielleicht falsch, vielleicht kommt er eher als ich, denn ich weiss, welcher Hr. W. das ist.

Zeszyt ist gut, zeszwa klingt unsern verwöhnten Ohren nicht. Allenfalls Poszyt II. III. Unsere Sprache wird durch eine übertriebene Delicatesse sehr verdorben. Wie ich merke, so können Sie alles lesen, was ich noch so undeutlich schmiere, nicht schreibe. Nun so schreibe ich weiter Nachmittags 5—6 Uhr, in der grössten Hitze den 15. Maii piętnastego mage.

Gott weiss, wann Herr Czech nach Prag kommt, denn er reist glaub' ich über Breslau mit seiner hübschen schwarzäugigen Frau, einer gebornen Krakauerin. Dass die Böhminen Czeszk blaue Augen haben, darüber bin ich nicht böse, aber leider bin ich so kurzsichtig, dass ich mir nie wohl zutraue richtig zu sehen,

In meiner Jugend haben mir die Blondinen die Blauaugen mehr gefallen als die schwarzen und die Brunetten, aber sehr eigensinnig bin ich nicht gewesen und ich protestiere gar nicht gegen die schwarzen Augen meiner Frau, die ich anno quinquagesimo nono aetatis meae exacto zu meinem Geburtstage Sct. Catharina Nov. 24. oder 25. geheirathet. Co Bóg dał, to w kobiałkę, cum gratiarum actione. Sie sehen, das ist ein Sprichwort.

Kopitar hat hübsche blaue Augen, in Wien habe ich wohl immer recht schöne mit schwarzen Augen gesehen. Aber nun nichts mehr. Man wartet auf, er reiset öfter, durch Herrn Czech hier also meine Adresse.

Dass Sie die Sachen vom Herrn Grabowski schon erhalten, ist mir lieb.

Herrn Hanka, Secretair des böhm. Museums in der Altstadt Prag wohnhaft.

Н. В. Бергъ [1]).

I.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Изъ-за горъ, лѣсовъ и доловъ протягиваю къ Вамъ братскую руку, надѣясь, что Вы ее примете, хотя владѣтель этой

[1]) Николай Васильевичъ Бергъ (р. 1823, † 1884 въ Варшавѣ), поэтъ-переводчикъ, путешественникъ, впослѣдствіи (съ 1868 г.) лекторъ русскаго языка въ варшавской Главной Школѣ и варшавскомъ университетѣ. Первые стихотворные опыты его были одобрены М. П. Погодинымъ, который направилъ Б. на изученіе западно-европейской и славянской народной поэзіи. Въ 1846 г. Б. перевелъ „Краледворскую рукопись", а въ 1847 г. — „Сербскія пѣсни"; въ 1854 г. онъ издалъ рядъ переводовъ и. з.: „Пѣсни разныхъ народовъ". Военныя дѣйствія 1853 г. увлекли его въ Севастополь, гдѣ онъ состоялъ переводчикомъ при штабѣ главнокомандующаго. Объ этомъ періодѣ онъ оставилъ „Записки объ осадѣ Севастополя", съ прил. „Севастопольскаго альбома" (1858). Въ 1863 г., когда вспыхнуло польское возстаніе, онъ отправился въ Варшаву, Краковъ и Львовъ, велъ записки о движеніи поляковъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ и печаталъ ихъ въ „СПБ. Вѣдом." и „Библ. для Чтенія" (1864). По порученію намѣстника въ Царствѣ Польскомъ гр. Ѳ. Ѳ. Берга онъ собралъ любопытнѣйшіе матеріалы для исторіи возстаній; въ 1873 г. часть ихъ издана была подъ загл.: „Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862 г.г." Въ 1865 г. въ Варшавѣ вышли пере-

руки Вамъ совершенно неизвѣстенъ; но онъ Славянинъ, онъ любитъ все Славянское, онъ знаетъ и любитъ Васъ — и этого, кажется, довольно, чтобы Вы не отвергнули его рукопожатія.

Судьба судила мнѣ перевести на русскій языкъ Краледворскую рукопись, мнѣ, который, принадлежа всѣмъ существомъ своимъ матушкѣ Святой Руси, носитъ почему-то нѣмецкое имя. Такова игра случая! Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ найдена Вами Краледворская рукопись; уже успѣла она откликнуться почти на всѣхъ языкахъ Европы, только мы, русскіе, не имѣли у себя почти никакого ея перевода. И вдругъ на меня, котораго иные не зная честятъ нѣмцемъ, палъ выборъ судьбы. Я перевелъ Краледворскую рукопись[1]) русскими стихами! Время покажетъ, стóитъ ли мой переводъ какого-либо вниманія; а я, покамѣстъ, ожидая рѣшенія сего неумытнаго судіи, стану благодарить Бога, что Онъ подалъ мнѣ силы положить хоть малую жертву на алтарь Славянской литературы и проторить путь для другихъ, которые, можетъ статься, будутъ гораздо счастливѣе меня на этомъ новомъ для насъ поприщѣ.

Теперь прошу покорнѣйше принять отъ меня экземпляръ моего перевода: мнѣ желательно, чтобы Вы были однимъ изъ первыхъ моихъ читателей, Вы, который подарилъ намъ эти драгоцѣнные памятники древней чешской литературы, котораго слова: „lito mi jest, že posud Ruského překladu nemáme“ донеслись и до моего сердца и были однимъ изъ побужденій, заставившихъ меня предпринять этотъ трудъ.

Позвольте надѣяться, что Вы не лишите меня своего расположенія и станете меня считать своимъ братомъ—славяниномъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и пр. Николай Бергъ.

Москва,
1846 года. Іюня 4-го дня.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ.

Прошу Васъ покорнѣйше извинить меня, что не отвѣчалъ такъ долго на Ваше милое, доброе, искреннее, драгоцѣнное для

воды Берга изъ Мицкевича, а нѣсколько раньше (въ 1860 г.) Н. В. Гербелемъ изданы были его „Переводы и подражанія“.

[1]) Краледворская Рукопись, собраніе древнихъ чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ. Перевелъ Н. Бергъ. Посвящается С. П. Шевыреву. (Изъ Моск. лит. и уч. сборн. 1846 г., стр. 219—296).

меня письмо. Я получилъ его осенью прошедшаго года, въ бытность мою въ деревнѣ, въ Тамбовской губерніи. Я хотѣлъ было тогда же писать къ Вамъ, но встрѣтились причины, которыя меня остановили: я не имѣлъ съ собою въ деревнѣ своего перевода Крал. рукописи, который думалъ напередъ провѣрить и просмотрѣть, дабы не вкрались въ Ваше второе изданіе ошибки нашего перваго; кромѣ того, я желалъ спросить моихъ Московскихъ друзей, не нашли ли и они въ переводѣ моемъ чего-нибудь такого, что́ могло требовать поправки. Я возвратился въ Москву въ концѣ прошлаго года и, провѣривъ рукопись и кое-что въ ней исправивъ, рѣшаюсь отвѣчать на Ваше письмо.

Не нахожу словъ, какъ благодарить Васъ за тотъ лестный о моемъ переводѣ отзывъ, которымъ Вы меня удостоили. Ваше задушевное письмо я буду хранить, какъ доброе и сладостное воспоминаніе о далекомъ, неизвѣстномъ—извѣстномъ соплеменномъ мнѣ другѣ. Я очень радъ, что Вы не знали моего отчества: это, можетъ быть, заставило Васъ написать просто „drahocenný přiteli“, что́ для меня дороже и лучше всѣхъ именованій. Прошу Васъ и впередъ называть меня такъ же, хотя и будете знать мое полное имя. Теперь поговорю съ Вами насчетъ изданія перевода моего въ Прагѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ даю Вамъ свое согласіе на его печатаніе. Только прошу Васъ покорнѣйше приказать печатать не со „Сборника“, а съ того экземпляра, который надписалъ я Вамъ, или съ другаго, съ моимъ же надписаніемъ. Притомъ прошу сдѣлать въ текстѣ слѣдующія поправки. Въ піэсахъ „Забой и Славой“ и „Честміръ и Власлав“ вездѣ, гдѣ напечатано мечь поставить мечъ. На 37-й страницѣ, въ стихѣ 232-мъ, „ты“ напечатать съ прописною т— „Ты“. Въ „Ольдрихѣ и Болеславѣ“, въ „Любушиномъ Судѣ“ и въ „Пѣснѣ подъ Вышеградомъ“ вездѣ въ словѣ „Велтава“ (разумѣется, въ этомъ и въ другихъ падежахъ) слогъ „Вел“ измѣнить на „Вле“. Въ „Сеймѣ“ вмѣсто перваго стиха „всякъ владѣетъ челядью своею” поставить: „Всякъ отецъ надъ челядью владыка”. Въ „Любушиномъ судѣ” вмѣсто напечатаннаго уже 15-го стиха „Оба родомъ отъ сѣдаго Тетвы” поставить: „Оба родомъ отъ стараго Тетвы”. Въ той же піэсѣ вмѣсто 92-го стиха напечатать слѣдующій: „Братья родомъ отъ стараго Тетвы”.

Если же присоедините къ тексту и предисловіе, находящееся у меня, то въ немъ прошу сдѣлать слѣдующую поправку: на страницѣ IV, въ строкахъ 20-й и 21-й, вмѣсто „въ Извѣстіяхъ С.П.Бургской Академіи”—напечатать такъ: въ „Извѣстіяхъ Императорской Россійской Академіи”. Въ *примѣчаніяхъ* прошу

сдѣлать такія поправки: на страницахъ 73-й и 74-й вмѣсто „въ Велтаву" поставить вездѣ: „во Влетаву". Кромѣ всего этого, если Вы сами найдете какія-либо погрѣшности, то, сдѣлайте одолженіе, укажите мнѣ ихъ, и я съ душевною благодарностію приму всякое Ваше замѣчаніе и, что́ смогу, исправлю.

Не лишнимъ считаю увѣдомить Васъ о нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ новостяхъ, интересныхъ немного и для Васъ. Скоро должна выйти въ Москвѣ вторая часть *„Московскаго сборника"*, гдѣ также печатаю и я переводъ нѣсколькихъ Сербскихъ пѣсенъ изъ Караджичева Собранія. Надняхъ я слышалъ, что *въ Казани*, въ концѣ прошлаго года, вышелъ переводъ Краледворской рукописи русскими стихами, но только еще половина [1]). Я не видалъ этого перевода, но желаю, чтобы онъ былъ лучше моего. Онъ напечатанъ при какихъ-то запискахъ тамошняго Университета. Коли будетъ продаваться въ отдѣльныхъ экземплярахъ, я Вамъ пришлю.

Оканчивая письмо мое, прибавлю еще, что меня просили Вамъ кланяться двѣ московскія дамы, которыя Васъ знаютъ и помнятъ, и надѣются, что и Вы ихъ не забыли. Это—Елизавета Алексѣевна Карлгофъ [2]) и Авдотія Михайловна Бакунина [3]). Первая изъ нихъ, еще давно, сообщила мнѣ Ваши „Чешскія пѣсни", Вами же ей подаренныя. Я подражалъ нѣкоторымъ изъ нихъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Одна изъ русскихъ, впрочемъ не такъ удачная, „Сонъ"—была и напечатана. У этой же дамы я увидѣлъ въ первый разъ Краледворскую рукопись (Вашъ экземпляръ) и по немъ впослѣдствіи сдѣлалъ переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Еще разъ благодарю Васъ за Вашу доброту, за Ваше ко мнѣ вниманіе, расположеніе и за всѣ Ваши добрыя мнѣ желанія. Обнимаю и цалую Васъ по-русски, по-братски, и желаю, чтобы Вы *съ пользою, честью и славою* подвизались на прежнемъ поприщѣ и радовали Вашихъ друзей своими драгоцѣнными трудами.

Преданный Вамъ всею душею, многолюбящій и уважающій Васъ Николай Бергъ.

P. S. Адресъ мой: въ Москвѣ, на Поварской, въ домѣ Г-на Залетова, Николаю Васильевичу Бергу.

Москва,
1847. Февраля 5-го дня.

---

[1]) См. ниже письмо А. Соколова.

[2]) См. ниже письмо ея.

[3]) А. М. Бакунина расписалась въ альбомѣ Ганки 15/27 марта 1836 г.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я получилъ отъ С. П. Шевырева присланный Вами экземпляръ моего перевода Крал. рукописи, изданный Вами въ нынѣшнемъ году, въ Прагѣ [1]). Приношу Вамъ за этотъ дружескій подарокъ мою душевную искреннюю благодарность, а равно и за прежнія, присланныя мнѣ книги: Pravopis Český, Rukopis Kralodvorský, vydání deváté, 1847, и Dalimilova Chronika Česká. Читая послѣднее изданіе Крал. рукописи, я не могъ довольно надивиться аккуратности и внимательности издателя. Всѣ, кому я ни показывалъ эту книжечку, любовались ею и ея красивымъ и пріятнымъ для глазъ шрифтомъ. На оберткѣ, при объявленіяхъ о вышедшихъ вновь книгахъ, я прочелъ, что въ Прагѣ готовится изданіе Полиглотты (о чемъ вы писали мнѣ еще въ 1846 г.), и я, предполагая, что туда войдетъ и мой переводъ, рѣшился его просмотрѣть и тщательно исправить [2]). Прошу Васъ покорнѣйше, если будете печатать текстъ мой снова, напечатайте его въ исправленномъ видѣ и прибавьте „Пѣсню короля Вячеслава I", которую при семъ посылаю.

Поправки должны быть слѣдующія: въ *Ольдрихъ* и *Болеславъ* (по Пражскому изданію) на страницѣ 27, два раза вмѣсто Выгонъ-Дубъ—Выгонь-Дубъ. На 28 стр. на концѣ стиха: на Полянъ, враговъ роднаго краю—долженъ быть восклицательный, а не вопросительный знакъ, т. е. *!* а не *?* Въ *Бенешъ*, стр. 30, въ 3-й строчкѣ сверху, вмѣсто злáто-сéребро сóбирайте, надо: злато-серебро отдайте, а третій—исправить такъ: А не то пожгутъ злодѣи. Въ *Ярославъ*, стр. 36, вмѣсто 2-хъ стиховъ: весь народъ сходился христіянскій, Собиралось ихъ четыре войска, — надо: Ото всѣхъ земель народъ сходился, Собралось четыре сильныхъ рати. Стр. 37, вмѣсто перваго стиха—одолѣли и т. д. надо: Въ ихъ ряды врубилися Татары. Третій сверху долженъ быть такъ: И кругомъ весь край опустошили. На стр. 38, вмѣсто стиха: Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ, напечатать: Вонъ изъ полчищъ сильныхъ и несчетныхъ. Тамъ-же, вмѣсто: Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманъ—надо: Тучи стрѣлъ въ поганство полетѣ-

---

[1]) Краледворская рукопись. Собраніе древнихъ чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсень. Переводъ П. Берга. Въ чешской Прагѣ. 1851. 106 стр.

[2]) „Polyglotta Kralodvorského Rukopisu" вышла въ Прагѣ въ 1852 г. Поправки, сообщаемыя здѣсь, не вошли однако въ первое изданіе Полиглотты.

ли. На стр. 39, вмѣсто: Разъярился народъ некрещенный, поставить: разъярился ихъ народъ свирѣпый. На стр. 40 послѣ стиха: Языки съ травы лизали рòсу—слѣдуетъ знакъ точка (.). На стр. 41, вмѣсто: А мечамъ невѣрнымъ отдадимся, — надо: А мечамъ невѣрнымъ отдадимся. Вмѣсто: Кто такъ мыслитъ, онъ за мною, мужи,—поставить: Кто такъ мыслитъ, тотъ за мною, мужи. На стр. 42, между стихами: Закипѣла яростная битва. Стало темно межъ землей и небомъ—вставить третій: Поднялася пыль густая клубомъ,—т. е. такъ:

Закипѣла яростная битва,
Поднялася пыль густая клубомъ,
Стало темно межъ землей и небомъ.

На той же стр., 3-ій сверху долженъ быть такъ: Изъ оковъ татарскихъ насъ Ты вырви. Вмѣсто: Да не придутъ нехристи во вѣки, надо: Да не прúдутъ къ намъ они вовѣки! На 44 стр вмѣсто: Басурманы всѣ оторопѣли, слѣдуетъ: Сопостаты вдругъ оторопѣли. Въ *Честмірѣ* и *Владиславѣ*, стр. 45, вмѣсто 3-хъ стиховъ: И своимъ удàлымъ людямъ онъ приказывалъ надъ княземъ непотребно извѣваться,—надо только два: Разглашая межъ народомъ Поношеніе Неклану. Вмѣсто: все ругается надъ нами—Вызываетъ насъ ругаясь. Вмѣсто: и снимаетъ щитъ свой черный—надо: и беретъ онъ щитъ свой черный. Стр. 46. Вмѣсто: Больше онъ не будетъ храбровать надъ вами: Я иду злодѣю,—надо: Полно имъ надъ вами, Полно верховодить: Мы идемъ злодѣямъ. Вмѣсто: Тутъ сказали Чміру—Тутъ сказали воеводѣ Чміру. Вмѣсто: Завладѣлъ въ долинахъ Нашими стадами — одинъ стихъ: Завладѣлъ стадами. Вмѣсто: Горы влѣво, горы вправо—Горы вправо, горы влѣво. На 47—внизу—вмѣсто: Тѣ, что сзади, оперлись на копья и, всадивъ ихъ поперекъ въ деревья, Всею тяжестью на нихъ повисли—надо: Задніе, всадивши копья въ землю, Оперлись и налегли на древки, И на колья, сплоченныя тѣсно. На 48 стр. вмѣсто: ихъ мечи тутъ загремѣли такъ: Тутъ мечи ихъ загремѣли; вмѣсто: Тамъ два дерева стояли, прислонилися деревья Подъ скалой къ оградѣ самой — надо: Выростали тамъ деревья, Густолиственной вершиной Прислонясь къ оградѣ самой. На 49 — вмѣсто: Отослалъ Чміръ дóбычу къ народу—Отослалъ Чміръ добычу къ народу (безъ знака надъ о въ словѣ добычу—(ò)). На 50 стр. вмѣсто: чѣмъ скорѣе, тѣмъ къ побѣдѣ ближе! Погодимъ богамъ сжигать мы жертву—надо: Мы идемъ ко побѣдѣ надъ Власлáвомъ: Погоди еще богамъ молиться! Вмѣсто: недруга лихаго и поидемъ! — такъ: Изготовься и ступай на битву! Вмѣсто: Но пора и въ битву съ сопостатомъ — слѣдуетъ:

А теперь мы поспѣшимъ на битву! На 51 стр. въ стихѣ: за побѣду, что предъ нами, на концѣ надо восклицаніе (!), а не вопросъ (?). Ниже, вмѣсто: Сожигалъ онъ добрую телицу... уздечку—Надо:

Яловицу добрую сжигалъ онъ,
Шерсть на ней червонная блестѣла,
Онъ купилъ ту яловицу въ полѣ,
Въ чистомъ полѣ, на лугу зеленомъ;
За нее онъ пастухамъ оставилъ
Своего коня совсѣмъ съ уздою.

Вмѣсто: подходили воины къ долинѣ—Подошли и воины къ долинѣ; на 52—вмѣсто: Поднимались, брякая мечами. Каждый воинъ обходилъ вершину И богамъ провозглашалъ онъ славу; проходя, мечомъ не медлилъ брякнуть. Надо: Поднимались и несли оружье. Каждый воинъ обошелъ вкругъ жертвы; обходя, къ богамъ взывалъ онъ громко И не медлилъ возгласить имъ славу. Вмѣсто: Лучше быть всегда на все готову!—Лучше-жъ быть всегда на все готову! 53 стр. вмѣсто: Заградилъ имъ ночью выходъ въ поле—такъ: Заградилъ имъ выходъ изъ долины. Въ *Людишѣ* и *Люборѣ*—вмѣсто 1-го стиха, стр. 55: Старъ и младъ, внимай разсказу—надо: Старъ и малъ, внимай разсказу. Вмѣсто: Бѣлый ликъ, а на ланитахъ, надо: На ланитахъ бѣлоснѣжныхъ. Вмѣсто: по плечамъ же бѣлоснѣжнымъ—такъ: А по шеѣ лебединой. 56 стр. Вмѣсто: Всѣ по сану и по роду — Всякъ по сану и по роду. Вмѣсто: Тутъ прислуга подносила Яства дивныя боярамъ, Подносила медъ шипучій—такъ: Имъ прислуга подносила Медъ шипучій и дичину. На 57—вмѣсто: изготовились бояре—Все къ побоищу готово. 58 стр. вмѣсто: И запрыгали удары По щитамъ ихъ по тяжелымъ, И посыпалися искры—Разъ за разомъ загремѣли По щитамъ они мечами, Ажно искры засверкали. 59—вмѣсто: и въ шеломъ врага ударилъ—И въ шеломъ Рубоша ранилъ. На концѣ стиха: И пошелъ въ народѣ говоръ—надо знакъ точку—(.). Стр. 60: И въ шеломъ врага ударилъ—такъ: угодилъ въ шеломъ Здеслава. Въ *Забоѣ* и *Славоѣ* — заглавіе перемѣнить такъ: *Забой, Славой* и *Людекъ*. На 61 стр. Вмѣсто: Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой — такъ: самъ онъ сталъ среди лощины низкой. 62—вм.: и боговъ, что̀ боги на чужбинѣ, Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ—такъ: И какіе боги на чужбинѣ, Тѣмъ и здѣсь онъ приказалъ молиться. 63—вмѣсто: И запѣлъ онъ пѣсню снова, Чтобъ сердца расшевелились — надо: И опять сердца̀ задвигалъ пѣснью: вм: И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ — И опять у нихъ въ дому спокойно! 64—вм.: Всякъ покоренъ воеводѣ, Королю же всякъ тамъ недругъ—Всякой вѣ-

ренъ воеводѣ, Королю же всякій нѐдругъ; вм.: Тамъ сбираться надо будетъ, — такъ: Къ ней скорѣе устремимся! вм.: Видишь, лѣсъ идетъ дремучій, надо: теменъ лѣсъ идетъ дремучій; вм.: Я туда жъ приду съ полками — слѣдуетъ: Такъ и я туда прокрадусь! 65—вм.: Для чего оружье наше... отсюда — слѣдуетъ: Для чего намъ дожидаться, Чтобъ съ горы оружьемъ грянуть? Мы пойдемъ на нихъ отсюда! Въ стихѣ: Что его приказы дымъ для нашихъ—надо между словами *приказы* и *дымъ* длинное тире и слова разставить другъ отъ друга болѣе. 66—вм.: Много свѣту... солнце — надо: Много свѣту въ поднебесьи, Въ поднебесьи ходитъ солнце, И лучи свои отбило На дружинахъ и т. д.; вм.: Ты зайди лисицей сзади—Ты иди туда лисицей! Въ слѣдующемъ затѣмъ словѣ: Яжъ—*жъ* отодвинуть отъ *я*, такъ: Я-жъ..., вмѣсто: И пошелъ Забой... тотъ ударилъ прямо,—два эти:

И пошелъ Забой, какъ туча съ градомъ,
А Славой ударилъ вбокъ, какъ туча съ градомъ,

67—вм.: угодилъ онъ въ дубъ высокій — Дубъ на воиновъ свалился—надо: Угодилъ въ большое древо, На враговъ оно упало; вм.: Всѣ въ крови и воины ихъ были—надо: И свои забрызгали дружины. 68—въ стихѣ: И пронесся въ войско на пять саженъ—въ словѣ саженъ надо *ь* на концѣ, а не *ъ*. 69—вм.: тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучій—надо: Трясъ погналъ ихъ съ поля предъ полками; вм.: Воины спрыгнули въ рѣку — надо: Скокъ-по-скокъ полки спрыгнýли въ рѣку. 70—вм.: Тамъ опять... на утрѣ сѣромъ—надо: И опять скакали ночью, И опять на утрѣ сѣромъ. Вм.: Воины спрыгнули въ рѣку — Скокъ-по-скокъ полки спрыгнули въ рѣку. На концѣ стиха: Тамъ конецъ кровавой мести, — надо восклицательный знакъ (!). Далѣе: вмѣсто — Крики радостные слышны—надо: Всѣ идутъ веселымъ строемъ. Въ *Збигонь*, въ заглавіи: *Збигонь*, а не *Збигонъ*. На 72 стр. послѣ стиха: Мòлодецъ удáлый—поставить дважды: Головушку поднялъ, т. е. такъ:

Мòлодецъ удáлый
Головушку поднялъ,
Головушку поднялъ...

73—вм.: Лишь родись ты съ клевомъ—надо: только будь ты съ клевомъ. Вм.: Ну-ка поднимайся, — надо: Встань-ка, подымайся. 76—вм.: На одной кровати—надо: на одной постелѣ.

Вѣнокъ—напечатать такимъ образомъ:

Вѣетъ вѣтеръ изъ дубравы,
Изъ дубравы княженецкой.
Молода краса-дѣвица
За водой бѣжитъ къ потоку.

Только стала черпать воду,
Черпать кованымъ ведеркомъ, —
Глядь погляды: вѣнокъ зеленый
По волнѣ плыветъ студеной,
Перевитъ вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.
Вотъ она ведро становитъ
И вѣнокъ зеленый ловитъ,
Да ловивши, оступилась,
Въ воду съ берега скатилась.
„Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый:
Я тому позолочёный
Подарила бы въ гостинецъ
Дорогъ-перстень на мизинецъ!“
„Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Чья рука тебя срывала,
Топкимъ лыкомъ увивала:
Я тому бы въ тихомолку
Изъ косы дала иголку!“
„Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый,
На просторъ волны студеной:
Я дала-бъ тому вѣночикъ,
Пусть надѣнетъ милъ дружочикъ!“

Въ *Ягодахъ*, на стр. 78-вм: И ступить отъ боли дѣва На дорожку не могла—такъ: И ступить ужъ на дорожку красна дѣва не могла: вм.: Изведу тебя за это, Вражьи вымету кусты!—такъ: Чтобъ пропасть вамъ и повянуть, окаянные кусты! 79—вм.: коль со мной добры они? — Коль добры со мной они? Въ *Оленѣ:* 80 стр., вм.: Вотъ онъ лежитъ: за душею Точится теплая кровь—Вотъ онъ лежитъ,—и выходитъ теплая кровь за душой! *Кукушка*, 83—вм.: Какъ бы могъ прозябнуть колосъ—Какъ въ стогу прозябъ бы колосъ. Послѣ *Жаворонка*—у Васъ въ подлинномъ (1847) стоитъ стихъ: Zakrakoce w hradě wr(an)... Неугодно-ли и его напечатать въ русскомъ переводѣ:

Каркнулъ въ замкѣ воронъ черный...

У насъ „черный“ всегда прибавляется къ слову воронъ или почти всегда, какъ неизбѣжный его эпитетъ, и потому, я думаю, это слово не мѣшаетъ вѣрности перевода, а если мѣшаетъ, то выбросьте его вонъ.

Въ *Сеймѣ*, вм.: Вмѣстѣ съ нимъ... и Владыки—одинъ стихъ такой: Ходитъ съ Кметы, Лехи и Владыки. Пушкинъ въ сказкѣ

о рыбакѣ и рыбкѣ—позволилъ себѣ: „съ новыми тесовыми вороты"; говорится воротами, но отчего въ такомъ древнемъ стихотвореніи не позволить стараго оборота, тѣмъ болѣе, коли онъ спасаетъ отъ двухъ дрянныхъ стиховъ, Въ *Люб. Судѣ* стр. 86—вм.: какъ сестра... великую расправу—такъ:

Слышала сестра ея родная
Эти рѣчи, во дворцѣ Любуши,
И княжну просила въ Вышеградѣ,
Учинить великую расправу...

87—вм.: Отъ Сазавы злачной—отъ Сазавы чистой; вм.: Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой—надо: Къ нимъ Любуша въ бѣлоясной ризѣ...; вм.: Вышли двѣ разумныя дѣвицы—Двѣ разумныхъ дѣвицы (вышли); вм.: А за ними воды очищены—А подъ ними воды очищены. 88—вм.: Разрѣшите братьевъ по закону, Разрѣшите братьевъ, что̀ враждуютъ, — такъ: Разсудите братьевъ по закону, разсудите братьевъ, что̀ враждуютъ. Вм.: Вы скажите... ровныя раскинутъ — надо: По законамъ, отъ боговъ намъ даннымъ, Разсужу я такъ обоихъ братьевъ: Пусть владѣютъ отчиною вмѣстѣ, Иль на части ровныя раздѣлятъ! Вм.: Приговоръ мой разрѣшите нынѣ—Предъ народомъ судъ мой утвердите; вм.: А не то законъ поставьте новый—А не то постановите новый; вм.: Всталъ и началъ къ ней такое слово—Всталъ и такъ сказалъ княжнѣ Любушѣ. Вм.: Мы твое рѣшенье разсудили—О судѣ твоемъ мы разсудили. 89—вм.: Голоса̀ народа перечислилъ и ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма—Сосчиталъ всѣ голоса, и громко Прокричалъ въ народъ рѣшенье сейма; вм.: Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла—Отчиной владѣйте безъ раздѣла! вм.: Мой позоръ свершился передъ вами—Слышите позоръ мой, поношенье! Стр. 90—вм.: Такъ творите жъ... рукой желѣзной—надо: Управляйтесь-же отнынѣ сами И творите правду по закону! Не хочу я видать вашихъ распрей! Изберите межъ собою мужа, чтобы власть держалъ рукой желѣзной... Вм.: Всталъ и началъ... у Нѣмцевъ—надо: Всталъ и къ сейму рѣчь такую началъ: „Намъ не слѣдъ искать у Нѣмцевъ правды!...

Предисловія стараго прошу Васъ не печатать. Тамъ есть много такихъ подробностей, которыя при Полиглоттѣ будутъ лишними. Вѣроятно, къ этому изданію будетъ приложено предисловіе полное и обширное. Не перевести ли его на всѣ языки? Я бы готовъ взять на себя русскій переводъ. А если этого и не будетъ, то для Русскаго, который не знакомъ съ другими язы-

ками, довольно и того небольшаго предисловія, которое я при семъ посылаю. Если захотите приложить самые примѣры пѣсень русскихъ и малорусскихъ, похожихъ на чешскія, то приложите—только поправьте вм.: Тры рыболонькы, тры рыболонькы— Тры рыбалонькы, тры рыбалонькы... И въ другомъ, вм.: Рыбонькы, рыбонькы, надобно тоже—рыбалонькы въ обоихъ стихахъ. Это значитъ: троихъ рыбаковъ—а ниже - трое рыбаковъ — Здравствуйте, трое рыбаковъ (Помогай Бигъ вамъ, тры и т. д.). Въ стихѣ: зъ билаго пальца—надо на концѣ пальц*я*—*я*, а не *а*. Въ пѣснѣ *Забой, Сл.* и *Людекъ* есть сомнительный для меня стихъ— i jiskrených zrakóv!

Я перевелъ (руководствуясь единственно сходствомъ нашего языка съ древнимъ чешскимъ)—

Мужи, искренніе взоромъ!-

А можетъ быть надо:

И съ очами огневыми!-

Ибо у *Слободы* и *Семинскаго*—этотъ смыслъ. Но, кажется, принять jiskrenýˊ въ томъ смыслѣ, какъ наше искренній (прямой, чистосердечный, необманывающій взоромъ или чѣмъ другимъ)— будетъ ближе къ дѣлу. Поставьте однако стихъ тотъ, который ближе и вѣрнѣе. Вообще распоряжайтесь, какъ полный хозяинъ въ этомъ дѣлѣ. Если вздумаете писать ко мнѣ, то можете прямо: *въ Москву, въ Контору Коммерческаго Банка, Н. В. Бергу, помощнику Секретаря*. А не то увѣдомьте меня, о чемъ сочтете нужнымъ, черезъ С. П. Шевырева, или М. П. Погодина. Если будете печатать мои примѣчанія, то на стр. 93—со словъ: „Свой братъ Славянинъ вѣроятно не сталъ бы" и т. д. — все это какъ есть, вплоть до Честміра и Власлава (94 стр.)—не печатайте. На стр. 94 — выкинуть замѣчаніе о Людишѣ и Люборѣ вплоть до прим. Ст. 122. *Турій черень* и т. д.—оставить. Въ Забоѣ, Слав. и Люд. (95) со словъ въ подлинникѣ: vám péju... нѣкогда было многоженство—включительно—выкинуть вонъ. 96 стр., въ словѣ лѣкарства—надо вмѣсто *ь—е*, т. е. лекарство. 97 стр., со словъ: не лишнимъ считаю... выкинуть все до *Оленя*. (98). А равно примѣчаніе объ Оленѣ тоже не печатать. На 99 стр. примѣчаніе о Сиротѣ оставить, но стиховъ: Ахъ ты темный лѣсъ и т. д. не печатать. Также не печатать и Жаворонка. Остальное до конца печатать, только на 102 стр., въ прим. послѣднемъ—Керконоши напечатать тѣмъ же шрифтомъ, какъ тутъ же: *Любица, Доброславскій холмъ, Камен. мостъ* и *Сазава*.

Вообще прошу Васъ покорнѣйше всѣ ошибки, какія у ме-

ня вкрались и въ печатный текстъ и въ то, что написалъ я теперь, исправить по возможности. При замѣчаніяхъ С. 1, С. 15, С. 122 и т. д. (т. е. Стихъ 1. Стихъ 15.) надо будетъ измѣнить, ибо я прибавлялъ стихи и счетъ уже не тотъ, что́ прежде.

За симъ, пожелавши Вамъ всего лучшаго, остаюсь душевно Вамъ преданный и всегда многоуважающій Васъ и покорный слуга Николай Бергъ.

P. S. У васъ вкрались ошибки на заглавномъ листѣ: Рукопись надо — Рукопись; иждивеніем безъ ъ. Надо: Иждивеніемъ. Извините, если еще замѣчу, что у насъ не бываетъ въ шрифтѣ такого Y никогда. Во всей Россіи не найдете нигдѣ. Что же дѣлать, такъ ужъ завелось. Наше *у* въ печати таково: У у. Я замѣчаю такія бездѣлицы потому, что желалъ бы Полиглоттѣ — такого изданія, гдѣ не было бы никакихъ ошибокъ. Б.

Москва,
1851. Іюня 20.

4.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ,

Извините меня пожалуйста, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше письмо. Я дожидался вашей посылки, отправленной черезъ Ольгу Ѳедоровну Кошелеву [1]), но ничего не дождался до сихъ поръ. Лично съ Кошелевыми я почти не знакомъ и въ домѣ у нихъ не бываю, и потому долженъ былъ обратиться къ общимъ нашимъ знакомымъ, чтобы справились, что́ Ольга Ѳед. привезла мнѣ отъ Васъ. Мнѣ сказали, что она еще дожидается своихъ вещей изъ Петербурга; послѣ узналъ я, что Кошелевы получили оттуда какія-то книги, но сами уѣхали на все лѣто въ деревню. Такимъ образомъ, — повторяю, — я ничего о посылкѣ вашей не знаю и рѣшился писать къ вамъ, не дожидаясь ея.

Весьма жаль, что мои замѣтки и поправки въ текстѣ моего перевода Кр. Рук. пришли къ Вамъ поздно. Сдѣлайте милость, примите ихъ къ свѣдѣнію, когда вздумаете печатать мой переводъ въ другой разъ. Даже не худо бы намъ тогда еще списаться. Что́ вы сами ничего мнѣ не замѣтите? Ваше замѣчаніе было бы мнѣ особенно дорого. Пожалуйста не церемоньтесь, пишите прямо: мы люди простые.

---

[1]) О. Ѳ. и Людмила Александровна Кошелевы расписались въ альбомѣ Ганки 11 сент. 1850 г.

Что́ касается до V, — я остаюсь прежняго мнѣнія и увѣряю Васъ, что во всѣхъ книгахъ, изданныхъ въ Россіи на русскомъ языкѣ, вы не найдете *ни одного* такого у, какое Вы отстаиваете. Впрочемъ это бездѣлица, о которой не стоитъ поминать. Исправьте также, при случаѣ, если хотите, въ предисловіи вставленное вами слово *въ осень*,—надо: *осенью*. Также ручаюсь вамъ, что русскій человѣкъ не скажетъ и не напишетъ *въ осень*. Извините, что я такъ просто, безъ церемоній.

Въ заключеніе письма обращусь къ Вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою: я собираюсь издать въ стихотворномъ русскомъ переводѣ пѣсни разныхъ народовъ Европы [1]), съ приложеніемъ оригиналовъ,—куда войдутъ, разумѣется, и пѣсни Славянскихъ народовъ. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ 10—20 *народныхъ* чешскихъ пѣсенъ, по возможности самыхъ лучшихъ, или укажите мнѣ ихъ въ какомъ-либо изъ извѣстныхъ сборниковъ [2]). Перечитывая огромные томы, какъ разъ пропустишь лучшую, ибо не во всѣ минуты чтенія одинаково внимателенъ человѣкъ. А бываетъ и то, что лучшей-то пѣсни въ сборникѣ и нѣтъ. Такъ по крайней мѣрѣ наши лучшія пѣсни всѣ еще покамѣстъ въ устахъ народа.

Поговорите съ кѣмъ-нибудь еще о моемъ предпріятіи: не окажетъ ли мнѣ еще кто вспомоществованія въ этомъ дѣлѣ. Если Вы находитесь въ перепискѣ съ В. С. Караджичемъ, то нельзя ли у него спросить, какую изъ пѣсень (въ изданныхъ имъ сборникахъ) особенно онъ любитъ? Крайне было бы мнѣ пріятно и любопытно имѣть нѣсколько венгерскихъ народныхъ пѣсень, но для этого необходимъ самый вѣрный надстрочный переводъ — буква въ букву,—а текстъ самъ по себѣ. Вы бы одолжили меня несказанно, если бы достали и прислали мнѣ нѣсколько и венгерскихъ. Извините, что обременяю Васъ этой просьбой.

Пишите пожалуйста ко мнѣ. Адресъ мой: въ Москвѣ, въ Коммерческомъ Банкѣ, Помощнику Бухгалтера.

Вы конечно знаете, что мы лишились нашего великаго Гоголя. Это поразило насъ всѣхъ ужасно. До сихъ поръ не можемъ опомниться. Все, что у него оставалось не напечатаннымъ, онъ сжегъ, а равно и 2-й томъ Мертвыхъ Душъ. Въ 40-й день по кончинѣ его были поминки въ Даниловскомъ монастырѣ (гдѣ

---

[1]) Пѣсни разныхъ народовъ. Переводъ П. Берга. Москва. 1854.

[2]) Бергъ переводилъ пѣсни лужицкія изъ сборника Л. Гаупта и Я. Смолеря (1841—43), чешскія изъ сб. К. Я. Эрбена (1842—1843), словацкія изъ собранія Я. Коллара (1834—1835), моравскія изъ Ф. Сушила (1850) и т. д.

онъ положенъ рядомъ съ Языковымъ, Валуевымъ и Венелинымъ) и трапеза для 40 человѣкъ бѣдныхъ. Это было въ понедѣльникъ на Святой. Ст. П. Шевыревъ прочелъ за нашимъ обѣдомъ (который былъ тамъ же, въ покояхъ архимандрита) *Свѣтлое воскресенье* Гоголя. Всѣ были тронуты до слезъ. Немного такихъ мгновеній, какія мы прожили тамъ, дается человѣку на землѣ! Миръ праху твоему, великій человѣкъ!... На памятникѣ, который хотятъ поставить ему друзья, будетъ (какъ говорили на поминкахъ) написано слѣдующее: *Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся*. Не помню, откуда это. Чуть ли не изъ книги I. Сына Сирахова. На поминкахъ присутствовали Шевыревъ, Погодинъ, Хомяковъ, П. Кирѣевскій, Елагинъ, Грановскій, Соловьевъ, Островскій (замѣчательный изъ молодыхъ писателей) и друг., — всего около 40 человѣкъ. На похоронахъ его была, можно сказать, вся Москва.

Я имѣю лишнюю гипсовую маску, снятую съ лица Гоголя; увѣдомьте, какъ бы мнѣ вамъ ее переслать, я бы переслалъ. Вашъ душевно Н. Бергъ.

По случаю кончины Гоголя я написалъ слѣдующее стихотвореніе, которое позвольте Вамъ сообщить:

НАДЪ ГРОБОМЪ ГОГОЛЯ [1]).

Ударилъ часъ — и нѣтъ у насъ Его!
Пытливое еще закрылось око!
Еще у насъ нестало одного,
Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко!

* * *

И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И всѣ сердца исполнились печали
И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
Кого мы невозвратно потеряли!

* * *

А между тѣмъ, тогда, какъ съ нами жилъ
И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ геній,
Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ
И тайныхъ, неразгаданныхъ видѣній,—

* * *

Тогда вполнѣ его не понималъ
Никто изъ насъ, по своему толкуя
О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывалъ,
Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.

* * *

[1]) Стихотвореніе это въ русскомъ оригиналѣ и чешскомъ переводѣ В. В. Ганки напечатано въ журналѣ Lumir, 1852, I, 29: „Nad hrobem Gogolowým". Первоначально въ „Москвитянинѣ", 1852, № 8, кн. 2.

И малодушно былъ онъ осужденъ,
И много въ немъ увидѣли пороковъ,
И много нарѣканій вынесъ онъ,
И горько-оскорбительныхъ упрековъ.

* * *

Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали;—
И умеръ онъ... и вдругъ намъ грустно стало,
Что мало жизнь мы эту берегли
И — можетъ — ей сочувствовали мало.

* * *

И суетясь ко гробу мы спѣшимъ,
Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомясь,
И плачемъ тамъ, склоняясь передъ нимъ
И за душу покойнаго молясь.

* * *

Какъ будто смерть разоблачила намъ
Его нераздѣленныя страданья,
И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье;

* * *

Какъ будто намъ теперь лишь уяснѣнъ
Великій духъ, и мы должны сознаться,
Что вправѣ былъ задумываться онъ
И въ самого себя уединяться.

P. S. Если до Васъ доходитъ „Москвитянинъ", прочтите тамъ статейку Погодина о кончинѣ Гоголя: это самыя вѣрныя и трогательныя извѣстія. Ничего лучше и проще нельзя написать. Эти строки цѣликомъ должны войти въ исторію русской словесности.

Москва,
19 Апрѣля 1852.

5.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, душевно благодаренъ Вамъ за присылку листка изъ „Люміра", гдѣ напечатали Вы переводъ моихъ стиховъ. Это пріятно было прочесть не мнѣ одному (котораго Вы удостаиваете особеннымъ своимъ вниманіемъ и добрымъ расположеніемъ), но и всѣмъ, кто зналъ и помнилъ Гоголя,—а кто жъ его не зналъ и не помнилъ?...

Переводъ Вашъ сдѣланъ съ поразительною вѣрностію—я позволю себѣ замѣтить только одно мѣсто: въ концѣ предпослѣдней строфы въ вашемъ переводѣ какъ будто сказано не совсѣмъ то, что у меня по-русски.

И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье,

т. е. и шутки, перемѣшанныя со слезами и вѣчное молчаніе его (смерть какъ будто разоблачила). Извините, если я ошибся, но думаю, что вы меня не поняли. Вообще же все такъ вѣрно, что невольно пожалѣешь, зачѣмъ эти два родственные языка разъединены алфавитомъ; будь то же самое напечатано нашими буквами,—объ иныхъ стихахъ подумалъ бы, что это по-русски. *Вснь сердца*—такъ и должно быть, какъ вы напечатали. Формы *вси* во множественномъ числѣ нашъ языкъ не имѣетъ. Это по церковнославянски. Вы могли прочесть *вси* потому, что мы пишемъ *ь* на концѣ почти такъ же, какъ *и*. Но замѣчу другую ошибку, можетъ и случайную,—во второй строфѣ у васъ напечатано *во чвыпь*, надо во цвѣтѣ. Дальше—*свѣтлое воскресеніе Господне*, надо: *Свѣтлое воскресеніе, Гоголя*. — т. е. сочиненіе Гоголя (изъ книги Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями)—это-то, можетъ быть, и произвело такое необыкновенное дѣйствіе на слушателей и тронуло ихъ до слезъ. Это сочиненіе чрезвычайно замѣчательно. Если Вы не читали, достаньте и прочтите сію же минуту, — предсказываю Вамъ много и много удовольствія, а можетъ и слезъ. Что до насъ, такъ мы, прослушавши его въ тѣ незабвенныя минуты, не могли придти въ себя цѣлый день и долго ходили, понуривъ головы. Посылаю Вамъ при семъ статейку Погодина о послѣднихъ минутахъ Гоголя и послѣдніе стихи Жуковскаго. О пересылкѣ къ Вамъ Москвитянина похлопочемъ. Повѣрьте, что и мы думаемъ и говоримъ не меньше васъ о недостаткѣ сообщеній между нами и понимаемъ грустное значеніе этого обстоятельства. За Ваше распоряженіе относительно мадьярскихъ пѣсень приношу Вамъ мою искреннюю благодарность.

Въ добавленіе къ извѣстіямъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя сообщу Вамъ еще нѣсколько подробностей. Можетъ быть Вамъ и любопытно будетъ узнать ихъ. «Когда сильно занемогъ Гоголь, вся Москва приняла въ этомъ участіе. Всѣ при встрѣчахъ другъ съ другомъ спрашивали: „А что слышно объ Гоголѣ? Каковъ онъ?“ Въ четвергъ 21 февраля разнеслась по городу ужасная вѣсть о его кончинѣ. Онъ умеръ на квартирѣ графа Толстаго, въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ. Всѣ бросились поклониться покойному. Комнатка, гдѣ стояло тѣло, была постоянно полна народомъ. Маску сняли немедля. 22 февр., въ пятницу, въ 8 часовъ вечера назначена была панихида и выносъ тѣла въ университетскую церковь. Между посѣтителями

были попечитель Московскаго учебнаго округа Его Превосходительство Генералъ-Адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. По выслушаніи паннихиды, тѣло вынесли на рукахъ и несли вплоть до церкви друзья и знакомые покойнаго. На другой день было двѣ паннихиды, при чемъ въ церковь стекалось множество народа. Въ день погребенія (воскресенье, 24 февраля) вся церковь наполнилась народомъ, а также сѣни, крыльцо и часть улицы. Было до 4 тысячъ человѣкъ. Тутъ замѣтили лежащій въ головахъ покойнаго свѣжій лавровый вѣнокъ, принесенный неизвѣстно кѣмъ. Къ концу обѣдни прибылъ Г. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Его Сіятельство Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій. Всѣ должностныя лица были въ мундирахъ. По окончаніи обѣдни и отпѣванія — тѣло вынесли изъ церкви на рукахъ профессора: Грановскій, Соловьевъ, Кудрявцевъ и др. и передали внизу, на улицѣ, народу. Много было желавшихъ нести тѣло, и такъ оно было донесено до монастыря, несмотря на дурную дорогу и снѣгъ по колѣна и на значительное разстояніе, — отъ университета до Даниловскаго монастыря вѣрныхъ 5 верстъ,—всѣ шли пѣшкомъ, не чувствуя усталости... Экипажи тянулись безконечной вереницей сзади... Такъ мы похоронили нашего великаго Гоголя! И никто не запомнитъ такихъ похоронъ, никогда не было такого общаго сочувствія къ писателю (кромѣ, разумѣется, похоронъ Пушкина въ Петербургѣ), такой общей печали...

По прошествіи 6 недѣль былъ распечатанъ шкапъ его, и тамъ найдено нѣсколько тетрадей разныхъ неизвѣстныхъ сочиненій: 5 главъ (несовсѣмъ отдѣланныхъ) 2-го тома Мертвыхъ Душъ, внутренняя біографія и нѣкот. другія. Все это будетъ издано въ свѣтъ при первой возможности. С. П. Шевыреву поручено Академіей Наукъ составить біографію покойнаго, для чего Степанъ Петровичъ ѣдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Полтавскую губернію, гдѣ родился Гоголь, и гдѣ живы еще его мать и 3 сестры[1])». Предполагаемая надпись на памятникъ, найденная случайно Шевыревымъ, находится у пророка Іереміи.

Примите отъ насъ всѣхъ душевную благодарность и поклоны за ваше сочувствіе къ намъ и къ нашей славѣ. Повѣрьте, что мы умѣемъ это оцѣнить и дорожимъ этимъ, какъ святыней братскихъ отношеній между народами, сходными по языку и по чувствамъ.

---

[1]) Отрывокъ этого письма (« »), вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ статьи Погодина, въ переводѣ Бендля помѣщенъ былъ въ ж. Lumír 1852, прил. № 11: „Poslední doby N. Gogola a pozůstalé spisy jeho".

Не забывайте насъ и при случаѣ перебросьте къ намъ вѣсточку. Если вздумаете писать ко мнѣ,—адресъ тотъ же. Кончая письмо, не могу не сказать Вамъ, что въ иныхъ вашихъ изданіяхъ я замѣтилъ вотъ какую ошибку: въ типографіи сы*новъ* Богумила Газе, — надо сы*новей*. Форма сыновъ употребляется весьма рѣдко въ поэзіи и нигдѣ больше.

Обнимаю Васъ и, заочно цѣлуя тысячу разъ и желая Вамъ *всѣмъ* всего лучшаго, остаюсь преданный Вамъ душевно

Николай Бергъ.

Москва,
1852. Іюня 11.

6.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ,

Видно мнѣ ужъ такая судьба извѣщать Васъ въ нынѣшнемъ году о кончинахъ нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской словесности. Еще свалилось одно дерево: 23 сего іюня скончался въ Москвѣ, на 62 году жизни, Михайло Николаевичъ Загоскинъ, извѣстный авторъ „Юрія Милославскаго", „Рославлева" и весьма многихъ другихъ, прочтенныхъ цѣлою Россіею и переведенныхъ на многіе иностранные языки романовъ. Назадъ тому мѣсяца три — четыре я видѣлъ его живымъ, бодрымъ, веселымъ, какъ всегда,—и никто бы не подумалъ тогда, что ему такъ скоро умереть. Напротивъ, можно было надѣяться, что онъ проживетъ еще лѣтъ 50. Онъ былъ человѣкъ необыкновенно крѣпкаго сложенія, одинъ изъ богатырей стараго времени, говорилъ всегда очень громко, что̀ показываетъ здоровую грудь. Въ какомъ угодно многолюдномъ обществѣ можно было всегда отличить голосъ Михайлы Николаевича,— онъ всегда выдавался впередъ и былъ слышнѣе другихъ... и вдругъ этотъ человѣкъ заболѣваетъ, испытываетъ разныя средства леченія — и умираетъ отъ внутренняго Антонова огня... 27 іюня, въ пятницу, его хоронили. Народу было довольно, кромѣ его сослуживцевъ. Гробъ несли на рукахъ изъ церкви, гдѣ отпѣвали (въ Старой Конюшенной, у Покрова въ Левшинѣ), до могилы — въ Дѣвичій монастырь—друзья и литераторы: С. П. Шевыревъ, Николай Филипповичъ Павловъ, Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, Ѳедоръ Максимовичъ Рудневъ и др. Я слышалъ у гроба, какъ хвалили доброе и русское сердце покойника. „Веселость его живыхъ разсказовъ происходила изъ его доброты!" замѣтилъ одинъ изъ его хорошихъ знакомыхъ. Когда вышли на поле, я смѣнил-

ся и пошелъ неподалеку отъ гроба съ однимъ знакомымъ. Случайно къ намъ подошли еще двое, изъ которыхъ одинъ былъ братъ покойнаго, Маркелъ Николаевичъ. Вотъ что онъ разсказалъ намъ на наши вопросы о братѣ, который, какъ писатель прежняго времени, былъ намъ не такъ извѣстенъ, какъ нѣкоторые другіе.

М. Н. Загоскинъ воспитывался дома. По двѣнадцатому году онъ написалъ поэму *Пустынникъ*. Окончивъ домашнее ученіе, онъ вступилъ на службу въ Горный Департаментъ въ Петербургѣ, откуда перешелъ въ Ассигнаціонный Банкъ кассиромъ; при открывшейся кампаніи 12-го года поступилъ въ Петербургское ополченіе, находился при осадѣ Данцига (эти впечатлѣнія войны отразились потомъ въ его разсказахъ,—особенно въ романѣ *Рославлевъ*, гдѣ всѣ анекдоты взяты изъ дѣйствительности). По окончаніи войны онъ написалъ піэсу *Проказникъ*, представилъ ее князю Александру Александровичу Шаховскому (извѣстному нашему драматургу), бывшему тогда репертуарнымъ членомъ при С.П.Бургскомъ театрѣ. Князь Шаховской принялъ М. Н. къ себѣ помощникомъ. Изъ помощниковъ репертуарнаго члена онъ поступилъ библіотекаремъ въ Императорскую публичную библіотеку (въ С.П.Бургѣ), гдѣ потомъ сдѣланъ почетнымъ библіотекаремъ, откуда перемѣщенъ хозяйственнымъ членомъ въ Моск. театръ. Около этого времени онъ написалъ *Юрія Милославскаго*,—романъ, имѣвшій въ свое время необыкновенный успѣхъ, выдержавшій 8 изданій, перешедшій въ народъ и сдѣлавшійся извѣстнымъ до того, что явились самые простые бумажные платки съ изображеніемъ сценъ изъ Юрія Милославскаго. (Я самъ видѣлъ, какъ однажды старикъ съ удовольствіемъ на лицѣ вынулъ изъ кармана такой платокъ и показывалъ любопытнымъ). Вслѣдъ за этимъ явился *Рославлевъ*, проданный авторомъ за 40 тысячъ рублей ассигнаціями. Вскорѣ послѣ этого М. Н. сдѣланъ былъ директоромъ Московскаго театра и камергеромъ. Во время этой службы онъ поставилъ на сцену піэсы: Комедія противъ комедіи, или урокъ волокитамъ, 2) Насмѣшники, 3) Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ, 4) Богатоновъ, или столичный житель въ провинціи, 5) Аскольдова могила, 6) Благородный театръ, 7) Панъ Твардовскій и мн. другія. Кромѣ того, написалъ романы: *Кузьма Петровичъ Мирошевъ, Брынскій лѣсъ, Искуситель* (который, какъ я слышалъ, считалъ лучшимъ своимъ романомъ), *Русскіе въ XVIII столѣтіи*, печаталъ разсказы *„Москва и москвичи“* и постоянно трудился. Изъ Директоровъ театра перешелъ въ Оружейную Палату (въ

сороковыхъ годахъ) Главнымъ Начальникомъ и скончался, служа на этомъ мѣстѣ. Вотъ что́ я извлекъ изъ разсказовъ о немъ брата Маркела Николаевича. Что́ до моихъ воспоминаній о покойномъ я зазналъ его въ началѣ сороковыхъ годовъ. Онъ былъ очень милый, разговорчивый, живой старикъ, не такъ большого роста, больше ходившій по комнатамъ и не любившій сидѣть. Онъ говорилъ очень много и громко, рѣчь его была проста, какъ и его обращеніе — онъ былъ истый москвичъ и самый русскій человѣкъ, чуть-ли (если позволено будетъ такъ выразиться) не слишкомъ русскій человѣкъ... но *de mortuis aut bene, aut nil!* Это правило въ особенности идетъ къ намъ русскимъ. Едва-ли есть другая страна, гдѣ бы съ такою охотою, съ такою христіанскою любовью забывали обо всемъ худомъ человѣка, въ минуту его кончины спѣша поскорѣе высказать все, что́ только знаютъ объ немъ хорошаго. Скажемъ со всѣми христіанами: міръ праху твоему, добрый человѣкъ! Въ заключеніе замѣчу, что мнѣ было очень пріятно видѣть при гробѣ одного театральнаго лакея (капельдинера), бывшаго когда-то подъ начальствомъ Михайлы Николаевича. Онъ со слезами молился надъ гробомъ и потомъ несъ его до могилы.

Вотъ вамъ наша печальная новость. Пожалѣйте вмѣстѣ съ нами и помяните добромъ добраго человѣка!

Желая Вамъ всего лучшаго, остаюсь душевно преданный

Н. Бергъ.

P. S. Надняхъ я получилъ письмо отъ моихъ родныхъ изъ Якутска, которыхъ я увѣдомилъ о кончинѣ Гоголя. Мнѣ пишутъ, что чиновники города, узнавъ объ этомъ, тотчасъ отслужили панихиду по немъ въ тамошнемъ Соборѣ (во имя св. Троицы) при большомъ стеченіи народа. Слишкомъ за 8 тысячъ верстъ отсюда знаютъ и поминаютъ русскіе люди русскаго человѣка!

Москва,
1852. Іюня 30.

7.

Любезнѣйшій и безцѣннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичъ![1]).

Душевно благодаренъ Вамъ за сообщеніе извѣстій о Челаковскомъ. Все это будетъ напечатано въ первой книжкѣ Мос-

[1]) Письмо это съ пропускомъ стихотворенія и нѣкоторыми незначительными измѣненіями напечатано по-чешски въ Č. Č. M., 1852, IV, 174–175.

квитянина, — какъ самыя извѣстія, такъ и стихи, въ русскомъ переводѣ, и я тогда пришлю Вамъ экземпляръ. А покамѣстъ сообщаю въ рукописи переводъ стиховъ Пицека:

Слова скорби надъ могилою
ФРАНЦИСКА ВЛАДИСЛАВА ЧЕЛАКОВСКАГО [1]).

Еще одно померкнуло свѣтило,
Судьба еще единаго разитъ,
Еще въ могучемъ сердцѣ кровь остыла!—
Нашъ Владиславъ въ могилѣ темной спитъ!
Нашъ Владиславъ, пѣвецъ Столистой Розы!...
Объ немъ, объ немъ мы проливаемъ слезы!

* * *

И первой не успѣвъ еще потери
Оплакать тамъ, гдѣ первый спитъ пѣвецъ,
Покоясь подъ славой Славы-Дщери,—
Ужъ мы кладемъ на гробъ другой вѣнецъ,
И, покидая области земныя,
Тамъ двѣ души слетаются родныя...

* * *

О, смерть, неумолимою рукою
Ты лучше бъ жизнь у тысячъ отняла,
Сразила бъ насъ, незнаемыхъ молвою,
Лишь цвѣтъ Славянъ Славянамъ сберегла,
Но и его ты намъ не пощадила —
И хладная разверзлася могила!

* * *

И плачемъ мы надъ ней, надъ сей могилой,
Гдѣ скрылся онъ, что намъ предвозвѣщалъ
Иные дни, властитель пѣсень милой,
Которыя народу завѣщалъ;
Народъ объ немъ живыя слезы ронитъ
И пѣсень кладъ въ своей душѣ хоронитъ!

* * *

Пѣвецъ, ты въ небѣ нашимъ побратимамъ,
Гдѣ нѣтъ враговъ, страданія и лжи,
О племени, давно судьбой гонимомъ,
И о его надеждахъ разскажи,
Допой ты тамъ свои живые псáльмы,
Снявъ нàрито Славянъ съ небесной пальмы!

* * *

А здѣсь твои ужъ пѣсни отзвучали,
Приманчивыя, сладкія какъ медъ,
И нашъ народъ, во дни своей печали,
Тѣ звуки словно соты соберетъ,
Стекаяся къ могилѣ одинокой,
Оттоль они отгрянутъ въ свѣтъ широкой!

* * *

[1]) Стихотвореніе это напечатано въ Москвитянинѣ (1852, отд. VIII,

Завиденъ жребій чистый и прекрасный
Высокаго народнаго пѣвца:
Онъ лирою своею громогласной
Одушевляетъ, двигаетъ сердца;
Таковъ прекрасный жребій Владислава!...
Покойся съ миромъ, наша Честь и Слава.

* * *

Все это могло бы быть напечатано гораздо прежде, нежели будетъ, еслибы я получилъ Ваше письмо во время. Но я получилъ его только надняхъ. Осипъ Максимовичъ, черезъ котораго оно пришло въ мои руки, искалъ меня въ Москвѣ по тому адресу, какой былъ надписанъ, но не могъ найти, ибо я давнымъ давно оттуда переѣхалъ и живу теперь на казенной квартирѣ въ самомъ Коммерческомъ Банкѣ, на Никитскомъ бульварѣ. и прошу Васъ покорнѣйше впередъ адресовать ваши письма прямо на Банкъ. Еслибы я не увидѣдся съ Осипомъ Максимовичемъ, письмо Ваше лежало бы у него до сихъ поръ... Благодарю Васъ за посылку, которую Вы намъ приготовляете; мы будемъ ждать ее съ нетерпѣніемъ. Поклоны Ваши всѣ развезъ; Маслову достался самому послѣднему, на выставкѣ сельскихъ произведеній въ Москвѣ, гдѣ онъ - одно изъ первыхъ лицъ. Эта выставка была въ нашемъ экзерциргаузѣ; мы сидѣли подъ навѣсомъ разныхъ деревьевъ, свезенныхъ сельскими хозяевами со всѣхъ концовъ безконечной Россіи—были тамъ и сибирскіе кедры—и тутъ говорили объ васъ. Онъ и всѣ другіе просили засвидѣтельствовать Вамъ свое искреннее почтеніе. Изъ новостей нашихъ могу Вамъ сообщить, что М. П. Погодинъ продалъ въ казну свой музей за полтораста тысячъ цѣлковыхъ, все это собраніе рѣдкостей перевозится въ Петербургъ. Москвитянинъ—слѣдовательно—получаетъ новое подкрѣпленіе. Вообще этотъ журналъ пошелъ въ гору и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе расположенія. *Островский*, составившій себѣ имя въ нашей литературѣ первою своею комедіей: „*Свои люди сочтемся*“ (гдѣ бытъ и языкъ купцевъ схваченъ такъ, какъ *никѣмъ* еще дотолѣ), написалъ третью комедію — пока еще безъ имени,—вторая комедія его *Бѣдная невѣста* имѣла также значительный успѣхъ. Но, къ сожалѣнію, ни одна еще не была играна на театрѣ и... можетъ никогда не будетъ. *Писемскій*, также новый талантъ, написавшій нѣсколько замѣчательныхъ повѣстей, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ *Тюфякъ* и *Бракъ по страсти*, не такъ

смѣсь, 55) въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ здѣсь сообщено Ганкѣ. За нимъ слѣдуетъ письмо Ганки отъ 11 авг. 1852 г. съ описаніемъ погребенія Челаковскаго.

давно написалъ тоже комедію *Ипохондрикъ*. Очень хорошая вещь, но и эта не играна на сценѣ. Это все наши, москвичи. Изъ петербургскихъ назову Вамъ *Тургенева*, написавшаго очень много прекрасныхъ полу-охотничьихъ, полу-литературныхъ разсказовъ, *Григоровича*, извѣстнаго много романами и разсказами: *Антонъ-Горемыка*, *Бобыль* и многими другими. Въ настоящее время онъ печатаетъ въ журналѣ „Отечественныя записки“ большую повѣсть, или рядъ разсказовъ: *Проселочныя дороги*. Заключу московскими: у насъ явился еще весьма замѣчательный талантъ, юмористъ-разсказчикъ *Борисъ Николаевичъ Алмазовъ*, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Эраста Благонравова. Онъ написалъ въ послѣднее время *обзоръ русской литературы* за эти года, гдѣ видна тонкая наблюдательность и ловкій умъ. Изъ молодыхъ филологовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ *Тертій Ивановичъ Филиповъ*, москвичъ и русакъ, въ особенности замѣчательный тѣмъ, что онъ поетъ русскія пѣсни, какъ никто, и знаетъ ихъ чуть-ли не милліонъ — и плаваетъ лучше... Байрона, лучше всякаго Волжскаго бурлака, которые ему не разъ въ этомъ завидовали, — и *Микуцкій*, крайне трудолюбивый, знающій *буквы* всѣхъ языковъ превосходно и добросовѣстно, но къ сожалѣнію — человѣкъ безъ большаго вкуса... Изъ критиковъ назову вамъ *Григорьева*, *Эдельсона* и опять того же Филипова, — вотъ Вамъ имена молодыхъ дѣятелей русскаго слова, — это надежда нашего будущаго. Давай Богъ имъ силы и здоровье!

Желая Вамъ всего лучшаго и отъ души обнимая и цалуя Васъ, остаюсь душевно преданный Н. Бергъ.

Москва,
1852. Сентября 30.

8.

Посылаю Вамъ при семъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ [1]), три экземпляра стихотворенія Пицека на смерть Челаковскаго. Это вырѣзано изъ Москвитянина. Не сердитесь, что это въ смѣси, и послѣ этого объявленіе о бенефисѣ Садовскаго. Можетъ быть это и не случайно. Скажу Вамъ о нашей радости: *Бѣдная невѣста*, піэса Островскаго, о которой я писалъ Вамъ прошлый разъ, идетъ скоро на театрѣ.

[1]) Въ чешскомъ переводѣ это письмо напечатано въ Č. Č. M., 1852, IV, 175-176.

Надняхъ онъ ѣдетъ ставить ее на Петербургской сценѣ. Потомъ она пойдетъ у насъ въ Москвѣ и затѣмъ въ провинціи. Графиня Ростопчина, бывшая лѣто въ деревнѣ, возвратилась и привезла три пріэсы драматическихъ, которыя пойдутъ одна за другою на сценѣ; кромѣ того, она написала нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ она всегда такъ неподражаемо, женски—мила. Вотъ наши незначительныя новости. Пишите, пожалуйста, о своихъ. Мы рады всякой Вашей строкѣ.

Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вамъ всего лучшаго.

Душевно преданный Н. Бергъ.

Москва,
1852. Октября 20.

9.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичъ!

Посылаю Вамъ при семъ портреты Н. В. Гоголя (съ факсимилемъ) и М. Н. Загоскина, какіе случились подъ рукой. Они напоминаютъ оба свои оригиналы. Жаль только, что Гоголь сдѣланъ небрежно и наскоро. Это копія съ литографіи, приложенной къ Московскому Сборнику этого года (т. I) и нарисованной Э. А. Мамоновымъ напамять. Это однако чуть-ли не единственный схожій очеркъ. Тутъ, хотя и мало, но все-таки схвачено нѣчто чумацкое въ лицахъ настоящихъ малороссіянъ, что́ было и у Гоголя. Теперь позвольте мнѣ броситься въ сторону и спросить Васъ, что же Венгерскія и Чешскія пѣсни, которыя Вы мнѣ обѣщали? Могу ли я надѣяться получить ихъ хоть черезъ полгода? Мой сборникъ подходитъ къ концу. Не сердитесь же тогда, если у меня не будетъ ничего чешскаго. Увѣдомьте, какъ Вы живете-можете и надъ чѣмъ трудитесь.

Желая Вамъ всего лучшаго, остаюсь душевно Вамъ преданный

Николай Бергъ.

Москва,
1852. Ноября 1.

10.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичъ!

Не знаю, какъ благодарить Васъ и почтеннѣйшаго Людевита Ивановича за сообщеніе мнѣ Венгерскихъ пѣсень. Это такое одолженіе, о которомъ я никогда не забуду. Все исполнено

точно такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Если будете писать Людевиту Ивановичу, то прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать ему мое искреннее почтеніе и поблагодарить за пѣсни [1]), а также увѣдомьте его, что мнѣ очень пріятно было узнать объ услугѣ, оказанной Словакамъ моимъ однофамильцемъ. Вообще нельзя не сказать о нашихъ военныхъ людяхъ, что это народъ самый прямой, честный и хорошій. Кончается всегда тѣмъ, что они располагаютъ въ свою пользу и тѣхъ, съ кѣмъ дерутся, заслуживаютъ уваженіе враговъ. Не всѣ войска могутъ этимъ похвалиться.

Нѣсколько времени назадъ я получилъ отъ Г. Свербеева посланные вами образцы русскихъ шрифтовъ въ Прагѣ, которые всѣхъ насъ поразили и обрадовали, а также и вашу біографію и листки Люміра. Благодарю Васъ душевно за Ваше вниманіе ко мнѣ. Остромірова Евангелія буду ждать съ нетерпѣніемъ [2]). Напишите мнѣ пожалуйста, получили ли Вы посланные мною къ Вамъ въ письмѣ портреты Гоголя и Загоскина, а также и три печатные экземпляра моего перевода стиховъ Пицека на смерть Челаковскаго.

12 Генваря этого года, въ Татьянинъ день, въ день основанія Московскаго университета (существованію котораго черезъ 2 года исполнится 100 лѣтъ. Что, кабы Вамъ пріѣхать въ Москву къ этому торжеству!), С. П. Шевыревъ читалъ на актѣ рѣчь *о значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи.* Потомъ былъ прекрасный обѣдъ, за которымъ при громѣ музыки, провозглашались тосты. Громче всѣхъ были за здравіе Царя и потомъ за здравіе и благоденствіе университета. При случаѣ я Вамъ сообщу экземпляръ рѣчи Шевырева. 14-го того же Генваря происходило совсѣмъ другое торжество — торжество нашей Московской сцены: давали въ первый разъ новую комедію Островскаго „Не въ свои сани не садись!“ Театръ былъ полонъ, что называется, негдѣ было курицѣ клюнуть. Піэса прошла такъ хорошо, что всѣ согласились единодушно, что до сихъ поръ ни одно представленіе не было такъ живо, естественно и просто. Піэсы Гоголя, по множеству лицъ, идутъ у насъ не всегда хорошо и удачно. А здѣсь зритель забывался, и ему казалось, что онъ не въ театрѣ, а заглянулъ въ дѣйствительную жизнь одного русскаго купеческаго семейства. Эта піэса идетъ до сихъ поръ съ полнымъ успѣхомъ.

---

[1]) „Мадьярскія пѣсни“, говоритъ Бергъ (Пѣсни разныхъ народовъ, стр. 151), „получены мною въ числѣ 29 отъ Л. И. Штура, который собралъ ихъ на мѣстѣ“.

[2]) „Святое Евангеліе по Остромирову списку“ издано Ганкой въ 1853 г.

Автора всегда вызываютъ по нѣскольку разъ. Онъ видимо ожилъ и готовитъ еще что-то на сцену.

Въ заключеніе, на тѣхъ самыхъ страницахъ, гдѣ увѣдомляю Васъ о нашихъ веселостяхъ и успѣхахъ, я долженъ сказать и о нашихъ новыхъ потеряхъ. Онѣ принадлежатъ къ потерямъ прошлаго года, который былъ для насъ такимъ роковымъ годомъ. Мы лишились еще двухъ художниковъ. Въ концѣ прошлаго года скончался въ Москвѣ на 37 году отъ рожденія нашъ литераторъ, обладавшій довольно меткими взглядами и живымъ перомъ,—Василій Александровичъ Вонъ-Лярлярскій. Изъ его романовъ и разсказовъ мнѣ извѣстны болѣе другихъ: *Большая барыня, Силуэтъ, Абдаллахъ-бенъ-атабъ*. Онъ мало думалъ о своемъ замѣчательномъ талантѣ, или лучше сказать талантахъ (потому что былъ и писатель, и скульпторъ, и живописецъ, и музыкантъ): онъ былъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ,—что называется un homme très comme il faut, весьма красивой наружности, высокаго росту, и его увлекали успѣхи въ свѣтѣ... Другая потеря — Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ, поэтъ и живописецъ. Какъ поэтъ, онъ извѣстенъ нѣсколькими живыми разсказами изъ военнаго быта (онъ былъ офицеръ Финскаго гвардейскаго полка), необыкновенно одушевленными, блиставшими замѣчательнымъ остроуміемъ и въ особенности смѣлыми и удивительными риѳмами. Кто-то, я помню, прослушавъ его однажды (онъ обыкновенно читалъ свои стихи наизусть, въ холостыхъ компаніяхъ, очень охотно и мастерски), сказалъ: „Ну, батюшка, вы обокрали риѳмами нашихъ поэтовъ лѣтъ на двадцать впередъ!“ Но его поэтическій талантъ исчезалъ какъ капля въ морѣ въ его талантѣ къ живописи. Онъ писалъ картины изъ русскаго простого быта въ миніатюрѣ. Эти картины — совершенство. Не распространяясь объ нихъ много, я приведу слова Брюлова, какъ лучшую имъ оцѣнку. Взглянувши на первое произведеніе Ѳедотова въ этомъ родѣ (кажется—*Сватанье майора*; картина эта принадлежитъ теперь О. И. Прянишникову, заплатившему за нее художнику, какъ я слышалъ, около трехъ тысячъ рублей серебромъ), онъ сказалъ: „Въ этой картинѣ слышны слова тѣхъ лицъ, которыя тутъ изображены!“ Ѳедотовъ былъ простой, прекрасный малый; можно сказать, простой русскій солдатъ. Въ бытность свою въ Москвѣ (обыкновенно онъ жилъ въ Петербургѣ) онъ нѣсколько разъ засиживался у меня вечеромъ и ночевывалъ. Тутъ я узналъ простоту и доброту его души. Онъ былъ, къ сожалѣнію, стѣсненъ обстоятельствами, будучи принужденъ содержать семейство—отца, восьмидесятилѣтняго старика, который

живъ до сихъ поръ, и еще сестру. Кажется, онъ умеръ вслѣдствіе многихъ душевныхъ потрясеній и горькихъ неудачъ. Его смерть была необыкновенна. Говорятъ, что онъ рыдалъ и обливался слезами цѣлыхъ трое сутокъ—и такъ, рыдая, умеръ. Онъ оставилъ множество превосходныхъ эскизовъ. Многіе изъ нихъ я видѣлъ. Они полны глубокой драмы жизни...

Желая Вамъ всего лучшаго, остаюсь душевно Вамъ преданный и всегда готовый къ услугамъ

Николай Бергъ.

P. S. Ѳедотовъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ: ему было съ чѣмъ нибудь тридцать, не болѣе. О Бергахъ можете замѣтить Штуру, что это самая обыкновенная фамилія въ Россіи, давнымъ давно обрусѣвшая. Я знаю въ Москвѣ трехъ Берговъ — моихъ однофамильцевъ, совершенно русскихъ: ни одинъ не знаетъ ни слова по-нѣмецки. Наконецъ, въ нашей дѣйствующей арміи служитъ 8 Берговъ. Въ Петербургѣ, въ гвардіи, мнѣ извѣстны три, а всѣхъ ихъ тамъ конечно болѣе.

Москва,
1853. Февраля 10.

11.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичъ[1],

Нашу древнюю столицу постигло великое несчастіе: 11/23 Марта, въ середу, въ 10-мъ часу утра, загорѣлся Большой театръ,— пламя вырвалось вдругъ изъ разныхъ угловъ, обхватило всю сцену и заняло всѣ выходы. Вскорѣ огонь показался изъ-подъ крыши, и черное густое облако дыма взвилось надъ зданіемъ, окружило его и потомъ, опустясь внизъ, потянулось по близь лежащимъ улицамъ и переулкамъ и наполнило ихъ такъ, что въ домахъ стало темно, какъ будто наступила внезапная ночь. Одинъ мой знакомый, сидѣвшій въ это время за чаемъ въ квартирѣ своей на Большой Дмитровкѣ (болѣе нежели въ полуверстѣ отъ театра), сказывалъ, что передъ нимъ вдругъ исчезъ самоваръ и чашки—и стало темно. Всѣ выскакивали вонъ изъ домовъ, не зная, что горитъ, и откуда взялся такой дымъ. Но скоро подулъ вѣтеръ и разнесъ дымъ: тогда всѣ увидѣли

---

[1]) Письмо это, подъ заглавіемъ: „Dopis p. Nikolaje Berga o požaru divadla Moskevského", напечатано въ чешскомъ переводѣ въ журналѣ Lumír, 1853, I, str. 377—379.

огромное пламя пожара. Народъ кинулся въ ту сторону и въ нѣсколько минутъ занялъ окрестныя улицы, дома и площадь. Театръ уже горѣлъ весь, и не было никакихъ средствъ подступиться. На разстояніи 100 шаговъ по вѣтру лопали стекла. Въ гостинницѣ Полторацкаго (Москва), шагахъ въ 70 отъ театра, реомюръ показывалъ 50 градусовъ. На половинѣ площади едва можно было стоять отъ жара. Снѣгъ таялъ на крышахъ и на улицахъ—и кругомъ образовалась одна сплошная лужа. Пожарные всѣхъ частей стояли безъ всякаго дѣйствія, готовясь только въ случаѣ нужды спасать окрестныя строенія. Черезъ четверть часа упалъ потолокъ, потомъ было слышно, какъ падали ложи... Около этого времени стоявшіе на площади замѣтили двоихъ рабочихъ, взбѣжавшихъ слуховымъ окномъ на крышу театральнаго подъѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ весь въ пламени, на немъ горѣла одежда... Поклонившись народу и перекрестясь, оба эти несчастные бросились тутъ же внизъ и разбились до смерти... Немного послѣ показался третій; онъ сталъ также кланяться народу и креститься, какъ бы намѣреваясь броситься, но его остановили криками снизу; бросили лѣстницу, самую высокую, какая только нашлась—но она не достала до крыши сажень четырехъ или пяти. Что было дѣлать? Долго стояла лѣстница пустою; никто не рѣшался лѣзть, да и лѣзть казалось безполезно.. а между тѣмъ огонь бѣжалъ по крышѣ и приближался къ погибавшему... Въ эту страшную минуту нашелся одинъ добрый русскій человѣкъ, простой крестьянинъ, кровельщикъ ремесломъ, и безкорыстно предложилъ свою помощь. Онъ выступилъ впередъ, взглянулъ на жолобъ, котораго половина уже оборвалась и висѣла, и на трубу, подходившую подъ карнизъ, и какъ будто колебался. Ему стали предлагать деньги, но онъ обернулся и сказалъ съ упрекомъ: „Эхъ, братцы, коли полѣзу, такъ ужъ вѣрно не за деньги!“ Сказавши это, онъ быстро сбросилъ съ себя на земь тулупъ и въ одной рубахѣ полѣзъ на лѣстницу; потомъ, добравшись до конца ея, ухватился за водосточную трубу и по ней совершенно отвѣсно (ибо она въ этомъ мѣстѣ сгибается, образуя два колѣна) поднялся вверхъ, подъ самый карнизъ, держась только одной рукой и ногами, а въ другой рукѣ имѣя багоръ съ прикрѣпленной къ нему веревкой. Когда онъ былъ на серединѣ пути, между колѣнами трубы, она погнулась и закачалась..., всѣ, смотрѣвшіе на это, затаили дыханіе, иные опустили головы внизъ. Такъ, вися и зыблясь въ воздухѣ на разстояніи почти 15-ти сажень отъ земли, онъ подалъ веревку на крышу, едва доставъ туда багромъ; тотъ взялъ ее и побѣжалъ привязывать къ лошадямъ гипсовой фигуры, стоявшей

надъ главнымъ входомъ, — но лишь только хотѣлъ привязать, какъ фигура заколебалась и рухнула подъ его ногами, и изъ подъ нея вырвалось пламя... Онъ долго бѣгалъ по крышѣ, ища, къ чему укрѣпить веревку; говорятъ иные слышали, какъ онъ кричалъ топора, дабы прорубить крышу Наконецъ онъ нашелъ какой-то крюкъ, привязалъ къ нему веревку и сталъ спускаться. Растерявшись, онъ забылъ обвязать себя веревкой и спускался на рукахъ, но спустясь около сажени, повисъ и качался надъ толпой, готовый оборваться... Къ счастью, предусмотрительный избавитель его, все это время (добрыхъ четверть часа) державшійся на трубѣ, у перваго колѣна снизу, захлеснулъ его другимъ концомъ веревки, бывшимъ у него въ рукахъ, притянулъ къ трубѣ,—и тогда уже они спустились одинъ за другимъ на землю. Весь народъ перекрестился, и тутъ только началась жизнь на площади, мертво-молчавшей дотолѣ, какъ могила: всѣ задвигались и заговорили... кровельщика-избавителя обступили и засыпали деньгами. Говорятъ, двое изъ купцевъ дали ему по 300 руб. серебромъ каждый. Имя этого героя Василій Гавриловичъ Маринъ. Оно стóитъ того, чтобы быть извѣстнымъ всѣмъ, и да повторится оно всѣми съ почтеніемъ и христіанскою любовью!

Часа черезъ три послѣ начала пожара, когда пламя нѣсколько поутихло, я вошелъ внутрь по корридору, которымъ входили въ кресла и въ нижній ярусъ ложъ. Все деревянное сгорѣло; входы въ ложи были какъ опашни; сквозь огромную среднюю дверь было видно внутренность театра и обгорѣлую сцену; потолка не было, и все это напоминало колизей, кто видалъ его изображеніе. Въ самой серединѣ еще держался сильный огонь, вырываясь со свистомъ изъ-подъ обломковъ ложъ и потолка. Красный огненный воздухъ дрожалъ и колебался, какъ лѣтомъ въ степи, за подымающимся паромъ. Какіе то черные лоскутки летали въ этомъ красномъ воздухѣ, въ разныхъ направленіяхъ, то къ верху, то книзу, то въ бока; иногда что то обрывалось и падало съ грохотомъ внизъ.

Вотъ впечатлѣніе, полученное мною при мгновенномъ взглядѣ на горѣвшую внутренность театра. Долго смотрѣть было нельзя: дымъ ѣлъ глаза; кромѣ того, мимо меня неслись искры, гонимыя съ разныхъ сторонъ сквознымъ вѣтромъ (ибо въ это время всѣ наружныя двери и окна были выбиты); подъ ноги попадались горѣвшія бревна и чурки,—я поспѣшилъ выйти вонъ...

Пожаръ продолжался цѣлый день и всю ночь. Даже на другой день въ 12 мъ часу я видѣлъ горѣвшіе мѣстами рамы и карни-

зы. Въ этомъ ужасномъ пожарѣ погибли декораціи, гардеробъ, инструменты, машины, замѣчательное собраніе париковъ и часть библіотеки. Спасено только то, что находилось въ нижнемъ этажѣ и въ боковыхъ залахъ.

Этимъ зданіемъ кормилось много бѣдныхъ семействъ. Сколько чиновниковъ и простыхъ служителей имѣли тутъ казенныя квартиры. По величинѣ своей нашъ Большой театръ былъ второй въ Европѣ, уступалъ только Миланскому La Scala. Въ зиму 1852—1853 годовъ онъ особенно оживился явленіемъ новыхъ оригинальныхъ піэсъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ комедія А. Н. Островскаго *Не въ свои сани не садись*.

До сихъ поръ не умолкъ грустный говоръ о потерѣ театра.

Странно: одинъ юродивый, бродящій по улицамъ Москвы съ мѣдной трубой, предсказалъ пожаръ театра. Незадолго до бѣдствія онъ все трубилъ: театръ горитъ, театръ горитъ!... Думайте объ этомъ, что хотите, но... Русь страна чудесъ. Напечатайте, пожалуйста, въ Люмірѣ о подвигѣ Марина—мнѣ бы хотѣлось, чтобъ его имя узнали всѣ добрые люди. Нельзя-ли въ скобкахъ напечатать это имя по-русски, чтобы русскіе прочли какъ надо. Напечатайте, если хотите, что онъ государственный крестьянинъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой. Спасенный же—московскій мѣщанинъ Дмитрій Петровъ.

Я приложилъ здѣсь рисунокъ для лучшаго уясненія дѣйствій Марина. Отъ конца лѣстницы, т. е. отъ точки *д* до *с* (мѣсто, гдѣ находился Дмитрій Петровъ), сажени 4 или 5. Маринъ лазилъ до точки *в*, покуда едва досталъ край крыши багромъ. Въ точкѣ *а* онъ сидѣлъ, когда тотъ спускался. Посылаю Вамъ цѣлый маленькій видъ театра. Вы, конечно, легко найдете точку, гдѣ все это происходило.

Желаю Вамъ всего лучшаго. Будьте здоровы и счастливы. Благодарю Васъ за присылку Остромірова Евангелія: я получилъ его чрезъ Академію наукъ.

Преданный Вамъ душевно и всегда готовый къ услугамъ

Н. Бергъ.

Москва,
1853. Марта 18.

12.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичъ! [1]).

Рѣшаюсь послать къ Вамъ другое описаніе театральнаго пожара, исполненное чувства любви къ доброму русскому народу

[1]) Письмо это въ чешскомъ переводѣ вмѣстѣ съ упоминаемымъ

и ко всему человѣчеству. Тутъ столько теплоты, столько правды, что желалось бы эти строки сдѣлать извѣстными многимъ. Это написалъ мой добрый другъ, нѣсколько извѣстный Вамъ по имени Тертій Ивановичъ Филиповъ, первый знатокъ русскихъ пѣсень и ихъ мотивовъ и даже пѣвецъ. Рекомендую Вамъ его, какъ прямаго, чистаго Русака безъ примѣси, и прошу полюбить, какъ меня, и удостоить своего вниманія. Если можно, напечатайте это гдѣ-нибудь въ такомъ видѣ, какъ есть, т. е. въ видѣ письма къ Вамъ, и при случаѣ пришлите мнѣ листокъ, чѣмъ премного обяжете искренно преданнаго Вамъ и всегда готоваго къ услугамъ Николая Берга.

Москва,
1853. Апрѣля 4.

13.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичъ, тысячу разъ виноватъ передъ Вами, что до сихъ поръ не писалъ къ Вамъ. Повѣрьте, что я помню и люблю Васъ по прежнему и никогда не могу забыть. М. П. Погодинъ передалъ мнѣ Ваше письмо и при немъ небольшую книжку *Правосл. Божественную службу* глаголитскимъ письмомъ [1]). Вы желаете, чтобы я помогъ Вамъ распространить ее въ Православной Руси, но это очень трудно: у насъ мало кто читаетъ глаголитское письмо, особенно между тѣми, кого могло бы интересовать подобное изданіе. Я разумѣю духовныхъ. Вы спрашиваете, что дѣлать съ убогимъ Батюшковымъ? Что Вамъ угодно. Эти строки напечатаны и сдѣлались общимъ достояніемъ [2]). Въ другомъ Вашемъ письмѣ, полученномъ мною черезъ О. М. Бодянскаго, Вы спрашиваете, дошли ли до меня některé maličkosti, отправленныя Вами черезъ П.Бургъ: ничего, кромѣ Остромірова Евангелія, которое переслалъ мнѣ И. И. Срезневскій, и за которое приношу Вамъ мою душевную благодарность, только это совсѣмъ не maličkost. Вотъ это бы пошло у насъ довольно хорошо, тѣмъ болѣе, что мы, кромѣ большаго Востоковскаго, не имѣемъ никакого.

Перехожу совсѣмъ къ другому предмету. У насъ въ Мо-

въ немъ описаніемъ пожара Большого театра Т. И. Филипова напечатано въ журналѣ Lumir, 1853, I, str. 425.

[1]) Это—изданная Ганкою въ 1854 году „Божественная слоужьба. Divinum officium".

[2]) Воспоминаніе Берга о встрѣчѣ съ К. Н. Батюшковымъ напечатано у Шевырева въ „Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь", 1850, I, 112.

сквѣ въ настоящее время — знаменитая Рашель. Удивительная актриса съ неслыханнымъ голосомъ, съ необыкновенными средствами для театра. Жаль только, что она ударилась въ классицизмъ, въ эту мертвечину, въ которую не вдохнешь жизни никакимъ на свѣтѣ талантомъ. Невольно приходится подыматься на ходули и *пыть*, а не *говорить*. У насъ же любятъ простоту, что замѣтила и сама Рашель. Она однако жъ очень довольна Московской публикой. „Здѣсь, говоритъ она, замѣчаютъ каждое слово, слышатъ каждый звукъ!" Одинъ острякъ замѣтилъ, что въ Москвѣ и Наполеонъ погибъ... Кажется, она очень внимательна къ замѣчаніямъ нашихъ судей, особенно любитъ слушать Щепкина. Ей нравится этотъ самъ-самородокъ, русскій умъ, не прошедшій сквозь мытарства Европейскаго образованія. Рашель подарила Щепкину (еще въ бытность его въ Парижѣ) *Эсѳирь*, украшенную изящными рисунками и притомъ писанную, а не печатную. И онъ готовитъ ей подобный подарокъ. Щепкинъ только и вздыхаетъ о томъ, зачѣмъ Рашель, съ ея средствами, не взялась въ свое время за романтическую драму; чтобы это было!... Въ самомъ дѣлѣ, она удивительна, когда переходитъ въ естественность, говоритъ своимъ голосомъ, а не поетъ и не хрипитъ. Тутъ блещутъ у нея въ роляхъ безцѣнные перлы и алмазы...

Островскій поставилъ на здѣшнюю сцену еще комедію— *Бѣдность не порокъ*, въ которой преимущественно отличился артистъ нашего Московскаго театра Провъ Михайловичъ Садовскій. Необыкновенно хорошъ былъ Васильевъ въ роли молодаго богатаго купчика. Какъ онъ пляшетъ трепака (кажется, въ первый разъ явившагося на сценѣ)—это чудо! Безъ *фора* не обходится. А какъ поетъ одну русскую пѣсню, очень удачно приведенную авторомъ:

Ахъ, бей въ доскý,
Поминай Москву!
Москва хочетъ жениться
Коломну взять,
А и Тула то хохочетъ,
Да въ приданое не хочетъ...
А гречиха по четыре,
Крупа пó сороку,
Ячмень у насъ гривна,
А просо три алтына,
Вздешевѣлъ бы и овесъ—
Больно дóрогъ сталъ провозъ...

Какъ у него выходитъ выразительно эта бойкость и юр-

кость русскаго народнаго слова, какого нѣтъ нигдѣ!... При
юсь, послѣ этихъ животрепещущихъ явленій, кипящихъ жиз
сценъ—смотрѣть на ходули классицизма!...

Надняхъ вышелъ у насъ въ П.Бургѣ новый перев
Слова о Полку Игоревѣ, Николая Гербеля. Великолѣпное и
ніе въ большую восьмушку, съ подлиннымъ текстомъ на од
сторонѣ—шрифтъ, выписанный изъ вашей Праги, — и даже
картинами. Переводъ не близкій, но не лишенный достоинс
Переводчикъ — еще очень молодой человѣкъ 22-хъ лѣтъ, вои
Лейбъ-Гвардіи уланъ, уже совершившій кампанію въ Венг
бывшій при взятіи Дебречина, за что получилъ саблю за хр
рость. Онъ издалъ передъ тѣмъ книгу — *Изюмскій Слобод
казачій полкъ*,— написанную дѣльно и бойко. Еще готовитъ
даніе *всѣхъ* лирическихъ стихотвореній Шиллера въ русск
переводѣ, куда войдутъ кромѣ его трудовъ и другіе. Теп
прощайте! Видите: *я разъ да гораздъ!* какъ говорятъ у насъ
Руси. Того и гляди — надоѣшь. При случаѣ не забудьте и
объ насъ, напишите, какъ живете — можете. Желаю Вамъ
души всего лучшаго.

Искренно Вамъ преданный и уважающій Васъ
Николай Бергъ.

Москва,
1854. Февраля 14.

14.

Сколько лѣтъ, сколько зимъ, любезнѣйшій и почтеннѣй
другъ мой Вячеславъ Вячеславовичъ! Давно мы не перекли
лись; между тѣмъ въ моей судьбѣ произошло много перем
я оставилъ мирную Москву и перешелъ въ ратный станъ—
жу теперь въ Штабѣ Главнокомандующаго Южной Арміе
Крымскими войсками и нахожусь въ Севастополѣ [1]). Русь о
чается; вѣроятно, Вы слышали о Петербургскомъ и Московск
ополченіи. Вождемъ послѣдняго единодушно избранъ нашъ
менитый ветеранъ 12-го года Алексѣй Петровичъ Ермол
Кромѣ того, есть и другія ополченія съ разныхъ губерній. Сі
идетъ Курское ополченіе въ 26 тысячъ, да 2 дивизіи — т. е.
тысячи, кромѣ того, пришли уже три дивизіи—всего на все

[1]) См. „Записки объ осадѣ Севастополя", П. В. Берга. Томы
II. Москва. 1858.

тысячъ, да у насъ здѣсь и безъ того за сто гораздо; значитъ, можемъ держаться! Духъ въ войскѣ необыкновенный: все герои. Съ 5-го на 6-ое, послѣ бомбардировки, Французы и Англичане вздумали было напасть на 3-ю и 4-ю линіи южныхъ укрѣпленій города, но были блистательно отражены и понесли чрезвычайную потерю: до 12-ти тысячъ раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ, до 200-тъ слишкомъ офицеровъ у однихъ французовъ и 3 генерала; у англичанъ 36 офицеровъ и 2 генерала. На перемиріи 8-го числа, для уборки тѣлъ, они были куда какъ сконфужены. Да и теперь еще конфузъ не прошелъ: который день почти не стрѣляютъ вовсе. Рѣдко-рѣдко взовьется бомба. Вамъ кланяется инженерный полковникъ, состоящій также при Штабѣ и бывавшій у Васъ въ гостяхъ. Уѣзжая изъ Россіи, я издалъ книгу: *Пѣсни разныхъ народовъ*, и просилъ М. П. П.[1]) переслать Вамъ экземпляръ, получили ли Вы? Если не получили, то напишите, могу ли я Вамъ послать отсюда: у меня есть съ собою нѣсколько экземпляровъ.

Вообще напишите о своемъ житьѣ-бытьѣ и о своихъ занятіяхъ. Такъ давно не получалъ отъ Васъ никакой вѣсточки!

Адресъ мой: *Въ Севастополь, въ Штабъ Крымской Арміи.*

Желаю Вамъ всего лучшаго. Душевно преданный Б.

P.S. Также нельзя ли увѣдомить, могу ли я выписать отъ Васъ экземпляровъ 20—30 моего перевода Краледв. рукописи, изданной въ Прагѣ? У меня всѣ вышли, а желалось бы имѣть для друзей, издавать же теперь некогда.

Севастополь,
1855. 15 Іюня.

14 а.

Драгоцѣннѣйшій другъ Николай Васильевичъ[2]).

Недавно я адресовалъ къ Вамъ одного своего земляка, но вѣроятно, онъ Васъ уже въ Москвѣ не засталъ. Не привело въ удивленіе меня письмо Ваше изъ Севастополя, ибо какъ я читалъ про народное ополченіе, то я навѣрно считалъ Васъ между первыми въ рядахъ. Вотъ враги вздумали ограничить то, что Богъ опредѣлилъ въ участь великому народу. Безумные! они не понимаютъ, что тѣмъ, истощая самихъ себя, ускоряютъ назначенное ему исполненіе, точно такъ, какъ тѣмъ же ускорили ужъ

[1]) Т. е. М. П. Погодина.
[2]) Съ черновика.

распаденіе покровительствуемыхъ ими басурманъ, вѣчно посра мившись ipso facto. Святая Русь, хотяжь бы ей и повредили встанетъ, какъ встала Москва изъ пепла, гораздо могуществен нѣе, гораздо славнѣе.

Вы спрашиваете меня про мое житье-бытье? Я, слава Богу здоровъ, тружусь по обыкновенному, спорю часто съ противни ками и молюсь Богу о нашихъ друзьяхъ. Теперь печатаю опи саніе и изображеніе древнихъ чешскихъ монетъ. Сегодня я сча стливъ и наслаждаюсь не только Вашимъ письмомъ, но кромѣ того еще четырмя С.-П-ими и Кіевскимъ, но Вашихъ пѣсен разныхъ народовъ отъ М. П. П. я еще не получилъ: онъ насъ забываетъ: отъ сихъ поръ, какъ здѣсь былъ (годъ тому назадъ) ни словечка отъ него.

Какъ Ваше письмо прямымъ путемъ, такъ хотѣлъ я послать и желаемые экземпляры, но раздумалъ, что Вы ихъ вѣрнѣе по лучите черезъ Броды. Съ большимъ удовольствіемъ отправляю ихъ къ Вамъ, ибо они Ваши, а мои только прибавки, въ кото рые я положилъ нѣсколько экземпляровъ въ англицкомъ пере водѣ и Victoire de Zaboï; пожалуйста, раздайте ихъ плѣннымъ офицерамъ, чтобъ имъ узнать, какъ Славяне обходились съ на шествественниками уже въ VIII столѣтіи. Въ Полиглоттѣ при стра ницѣ четыреста Вы найдете маленькую медайличку, которую прошу милостиво принять въ знакъ нашей дружбы. Богъ Васъ сохрани.

15.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій другъ мой Вячеславъ Вя чеславовичь!

Я получилъ Вашу посылку въ половинѣ Августа и не знаю какъ благодарить Васъ за нее. Въ лагерной, походной жизни нельзя имѣть иного чтенія, и потому прибытіе книгъ всегда пріят но и живительно нашему брату. Я сейчасъ же разнесъ по ла герю нѣсколько экземпляровъ моего перевода Кр. рукописи. Всѣхъ занимало такое миленькое изданіе русской книжки въ Прагѣ. Въ числѣ получившихъ экземпляры на первыхъ порахъ нашелся одинъ Вашъ знакомецъ, генералъ Бутурлинъ. Д. Е. О-е (нынѣче графъ) находился въ городѣ, и я не могъ съ нимъ видѣться тотчасъ. Онъ былъ командиромъ Севастопольскаго гар низона. Но я увидѣлся съ нимъ по пріѣздѣ его въ лагерь: онъ Вамъ усердно кланяется и благодаритъ за память. Инженерный

полковникъ живетъ въ Бахчисараѣ [1]). Тамъ лучше воздухъ, а онъ не такъ здоровъ. Ваше письмо произвело эффектъ и теперь еще гуляетъ по палаткамъ нашихъ вождей. Но только что я занялся другими книгами и брошюрами, полученными отъ Васъ, только что перевезъ ихъ на фрегатъ (не помню, писалъ ли я Вамъ, что я жилъ на фрегатѣ „*Коварнѣ*“), какъ вдругъ съ нами случилось несчастіе. 26 Августа на фрегатъ упала бомба и зажгла его. Пожаръ распространился такъ быстро (по причинѣ находившагося на фрегатѣ спирта), что мы едва успѣли выскочить и спастись. Никто изъ офицеровъ и изъ команды не могъ спасти ничего. У меня сгорѣло все рѣшительно: мои записки, рисунки, запасъ зимняго платья, бѣлье—словомъ все. Я пріѣхалъ въ одной шинели, сирота-сиротой. Къ счастію, я еще не спалъ и былъ одѣтъ, а пожаръ случился въ такое время, когда я обыкновенно отдыхалъ... Мнѣ надо было съѣздить на пароходъ „Владиміръ“ — и я сидѣлъ, разрѣзывая *Полиглотту*, и дожидался назначеннаго часа [2]). Однако полиглотта осталась въ каютѣ. Отъ чего я ее не захватилъ—не помню. Изъ всѣхъ присланныхъ Вами книгъ, уцѣлѣли только тѣ экземпляры Кр. рук., которые я роздалъ въ лагерѣ знакомымъ, и еще одинъ экземпляръ Вашихъ „Пѣсень“, захваченныхъ мною наканунѣ въ лагерь и оставленный въ палаткѣ. Я перечиталъ съ удовольствіемъ эти пѣсни, хотя читалъ ихъ и прежде, еще въ Москвѣ. Хорошее и задушевное читается всегда съ новымъ наслажденіемъ. Перечитывая, я припомнилъ свои переводы нѣкоторыхъ изъ этихъ граціозныхъ стихотвореній. Я рѣшился ихъ переписать и поручаю теперь Вашему великодушному вниманію. Разумѣется, всякій переводъ подобныхъ вещей есть „съ живой картины списокъ блѣдный“, какъ выражается поэтъ. Но я надѣюсь на Ваше снисхожденіе. Послалъ бы Вамъ экземпляръ моихъ „Пѣсень“, но бывшія у меня здѣсь двѣ книги сгорѣли вмѣстѣ съ другими. Я напишу въ Россію, чтобы Вамъ послали оттуда, только буду Васъ просить покорнѣйше увѣдомить меня, когда получите книгу. Еслибы вздумалось Вамъ изъ нея что-либо перепечатать—перепечатывайте сколько угодно, располагая какъ своею собственною.

Желая Вамъ всего лучшаго и добраго здоровья, остаюсь душевно преданный Вамъ Н. Б.

Лагерь на Инкерманѣ,
7 Сентября 1855.

---

[1]) См. письмо № 16.

[2]) См. объ этомъ „Записки объ осадѣ Севастополя“, т. II, стр. 14.

16.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь,

Я получилъ Вашу благосклонную посылку съ книгами въ Декабрѣ прошлаго года и не отвѣчалъ Вамъ тотчасъ потому, что собирался въ милую мою Москву, куда и отправился въ началѣ Генваря, пробылъ тамъ 20 дней, повидался съ друзьями и теперь опять очутился подъ крымскимъ небомъ, въ моей маленькой Бахчисарайской хатѣ. Разстояніе не ахти какое, взадъ и впередъ около 3-хъ тысячъ верстъ, но его не такъ легко проѣхать вслѣдствіе задержекъ, проистекающихъ частію отъ дорогъ, частію отъ военнаго движенія... Теперь, слава Богу, я опять *дома*. Бахчисарай и штабъ сдѣлались мнѣ по обстоятельствамъ домомъ. Хоть я и родился въ Москвѣ и выжилъ тамъ въ послѣднее время 16 лѣтъ почти безвыѣздно и лучше Москвы ничего не умѣю представить, однако въ эту поѣздку чувствовалъ себя тамъ какъ будто въ гостяхъ. Какъ сонъ мерещится мнѣ теперь краткое свиданіе съ друзьями, много разныхъ разностей перенесъ въ дорогѣ, но тѣмъ не менѣе пріятно, что прокатился. И вотъ беру перо и отвѣчаю Вамъ на Ваше милое посланіе. Вы такъ добры ко мнѣ, что я не нахожу словъ, какъ Васъ благодарить. Пожалуйста, попросите только издателя *П. Новинъ* [1]) разжаловать меня изъ генераловъ. Не понимаю, какъ могла произойти такая ошибка. Въ бытность мою въ Москвѣ я собралъ въ одно цѣлое мои замѣтки о послѣднихъ событіяхъ, и это составило небольшую книжку, которую по выходѣ пришлю немедленно къ Вамъ. Можетъ быть выберете что-нибудь и для *Пражскихъ Новинъ*. Также думаю издать альбомъ моихъ рисунковъ, сдѣланныхъ на походѣ, и его пришлю, когда выйдетъ. Теперь нѣсколько словъ о вашемъ правописаніи: *легкокрылой* никто изъ нашихъ этимологовъ не производитъ отъ *крыть*, а отъ *крыло*, которое вся Россія пишетъ черезъ *ы*. Почему же *легкокрылой* писать черезъ *и*? И произносимъ мы *ы*, а не *и*. Пускай въ Славянскомъ *и*, мало ли тамъ своего. Мы имѣемъ отдѣльное русское правописаніе, Такъ, напримѣръ, *уиы* слышно черезъ *ы*, а мы пишемъ черезъ *и*. Ни *грустыть*, ни *грустнуть* невозможно. Есть *грустить*, и отъ него по аналогіи съ другими глаголами можно бы пожалуй произвести *грустнуть*, но что оно будетъ значить? Окончаніе на *нуть* показываетъ, что дѣйствіе

[1]) Т. е. Пражскихъ Новинъ (Pražské Noviny).

произведено *одинъ разъ* и притомъ *быстро*. Сообразите же, что выйдетъ изъ смысла этого слова? *Взгрустнулось*—единственная форма глагола съ такимъ окончаніемъ. Въ другомъ времени и въ лицѣ—уже не употребительно и совсѣмъ не возможно. Пожалуйста, повѣрьте намъ на слово. Мы право немножко знаемъ свою грамоту. Такъ точно и мы Вамъ вѣримъ на слово въ вашей. Большую роль играетъ въ этомъ инстинктъ, чутье, которое пріобрѣтается само-собой съ малолѣтства, всасывается съ молокомъ матери, вдыхается съ частицами воздуха, которымъ ты окруженъ. Нельзя же всего помѣстить въ грамматикѣ, нѣтъ никакихъ средствъ; ежедневно могутъ являться новые вопросы. Ихъ рѣшаетъ уже чутье, которое и скажетъ Вамъ—*нельзя* или *можно*.

У насъ начинаетъ пахнуть весной, т. е. здѣсь въ Бахчисараѣ. Показывается зелень и цвѣты. Въ воздухѣ однако жъ холодновато. Я былъ вчера въ Ханскомъ саду, гдѣ стоитъ извѣстный *Бахчисарайскій фонтанъ*, воспѣтый незабвеннымъ поэтомъ:

„Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И сѣла мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился Ханъ
И въ память горестной Маріи
Поставилъ мраморный фонтанъ,
Въ глуши садовъ уединенный"...

Тамъ еще больше зелени, чѣмъ на горахъ. Особенно красиво раскинулись пышные мирты. Я сорвалъ одну вѣточку и посылаю Вамъ на память. Здѣсь вообще чрезвычайное множество фонтановъ, до *сорока*, кромѣ дворцовыхъ. Во дворцѣ чуть не въ каждой комнатѣ фонтанъ, и все это бьетъ до сихъ поръ и почти не исправляется.

„Есть надпись; ѣдкими годами
Еще не сгладилась она...
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда".

Невольно, сами собой повторяются въ этихъ мѣстахъ сладкозвучные стихи, созданные какъ бы подъ вѣчные всплески этихъ струй.

„Еще донынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ,
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ"...

Но я какъ разъ перепишу Вамъ весь *Бахчисарайскій фон тань*. Надо остановиться. Не забывайте преданнаго Вамъ всей душою Б—а. Тѣ лица, которымъ Вы посылаете поклоны, боль шею частію разлетѣлись по разнымъ сторонамъ. Одного Козля нинова (нынѣ Генералъ-Маіоръ) встрѣтилъ на дорогѣ и пере далъ Вашъ поклонъ. Не знаю, почему Вы поняли мои строки о Ковалевскомъ такъ, что будто онъ занемогъ и умеръ. Его-т я и называлъ Инженернымъ Полковникомъ. Онъ былъ тольк боленъ, но слава Богу выздоровѣлъ и живетъ теперь въ П.Бур гѣ. Если будетъ Вамъ свободная минута, удѣлите Вашему Бах чисарайскому пріятелю нѣсколько строкъ, адресуя какъ и преж де *въ Главный Штабъ Крымской Арміи, въ Бахчисарай.*

Остаюсь душевно Вамъ преданный и всегда готовый к услугамъ Н. Б.

P. S. Какъ филологу, Вамъ вѣроятно любопытно будетъ уз нать, что я, учась по-татарски, открылъ нѣсколько татарскихъ словъ, объясняющихъ происхожденіе нѣкоторыхъ нашихъ, сдѣ лавшихся теперь совершенно народными словами. Вотъ они *Печа́ть*—сургучъ. *Камы́шъ*—тростникъ. *Бака́лъ*—мелкій торго вецъ. Отсюда *бакалія, бакалейные* товары, что́ и теперь так часто услышишь въ коренныхъ русскихъ городахъ. Торговец краснымъ товаромъ называется у татаръ *базырьянъ*. Красный рядъ—*базырьянъ сура́-сы́*. Слово въ слово: купецъ рядъ-его, т. е купеческій рядъ, рядъ красноторговцевъ. Отсюда, я полагаю, про исходитъ наша *Суровская* линія. Слово самое обыкновенное в Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Выраженіе наше: „*не зна стъ ни бельме́са*“ взято съ татарскаго *бильме́синъ*, что значитъ *н знаешь*. Штаны отъ *штанъ*, преимущественно женское нижне платье изъ какой нибудь легкой матеріи. Нижнее платье муж чинъ изъ сукна называется *шалва́ръ*. У насъ есть шаровары, широкіе брюки. Телега по-татарски *талекѐ*, по-турецки *талягà*. Слово *пай* (досталось на мой пай... Я таки пересмотрѣлъ на свой пай... и т. п., мы часто это говоримъ) встрѣчалось въ выраже ніи *пай эдмекъ*—раздѣлъ учинить. По-турецки *этмѐкъ*. Вообще различіе между крымско-татарскимъ языкомъ и турецкимъ весь ма невелико, и турокъ говоритъ съ крымцемъ, какъ сибирякъ съ русскимъ, т. е. съ жителемъ Великой Россіи, — совершенно свободно. Слово *балдбанъ*, употребляемое у насъ въ разговорѣ о парняхъ, входящихъ въ пору, когда такой парень зашалитъ или чего не понимаетъ: выросъ *балóбанъ*..., а малороссіяне упо требляютъ прямо *балобáнъ*, какъ у татаръ, что значитъ *боль шой*. Слово *би́рка*, деревянная палка, гдѣ нарѣзываются ножемъ

черты, когда забираютъ въ лавкѣ что-либо однообразное, напримѣръ, извѣстную кружку молока, отпускаемую купцомъ всякій разъ безъ денегъ. Изобрѣтена конечно неграмотными людьми и теперь уже выводится. Эта *бирка* отъ татарскаго слова *бирь*—одинъ. Вотъ покамѣстъ все, что случилось замѣтить на первыхъ порахъ.

Еще вспомнилъ одно слово, извѣстное всей Европѣ, это *уланъ*, оно также татарскаго происхожденія, значитъ *парень, молодецъ*. Взято прежде всего поляками у ихъ татаръ, а потомъ уже распространилось повсюду.

Сегодня у насъ *заговины*, завтра—масляница... опять переношусь мыслію въ Москву. Какъ-то мы здѣсь, середи татаръ, справимъ на этотъ разъ русскую масляницу?

Однако у меня въ письмѣ сильный лирическій безпорядокъ. Простите его масляницы ради и того, что я, послѣ поѣздки, не совсѣмъ еще пришелъ въ порядокъ.

P. S. Когда я видѣлся съ Д. Е., у него былъ полковникъ Козляниновъ, знающій Васъ и видѣвшійся съ Вами въ Прагѣ въ 1846 году. Онъ также просилъ Вамъ кланяться.

Не лишнимъ считаю сказать Вамъ о замѣченныхъ мною опечаткахъ въ русскихъ пѣсенкахъ, напечатанныхъ при Вашихъ Пѣсняхъ. Въ *Сарафанѣ*—мнѣ милей всего. Надо – милѣй. Легкокрилой бабочкой – надо: легкокрылой. На щекахъ что заблекнутъ—весь этотъ стихъ что-то не такъ. Пѣсни этой не знаю и поправить не могу, но такъ по-русски нельзя, и стиха не выходитъ. Заблёкнутъ—удареніе на ё. *Жаворонокъ:* Вѣтеръ пѣсеньку несетъ—надо: пѣсенку. Лейся пѣсенька моя—надо: пѣсенка. *Тройка:* ему груснулося въ глуши. Надо: взгрустнулося. Груснулося – нѣтъ слова. У насъ поютъ этотъ стихъ обыкновенно такъ: ему взгрустнулося *въ тиши*.

Замѣчу Вамъ, что это одна изъ пѣсенъ, которыхъ мелодія принимается вездѣ. Когда мы стояли въ Бессарабіи, я слышалъ *тройку*—по молдавански. Въ Греціи ее поютъ по-гречески. Въ Остъ-Зейскихъ губерніяхъ—по-нѣмецки.

Бахчисарай,
1856 г. Февраля 18.

17.

Драгоцѣнный другъ мой Вячеславъ Вячеславовичь,

Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ставлю Ваше имя и вспом наю Севастополь и его громы, потому что послѣднее пись мое писалъ къ Вамъ оттуда, по крайней мѣрѣ изъ Крыма. Х чу посовѣтоваться съ Вами вотъ о какомъ дѣлѣ: по возвращ ніи въ Россію, я принялъ въ свое завѣдываніе книгу мою „П сни разныхъ народовъ", которая до сихъ поръ была на рука издателей. Мнѣ бы хотѣлось послать нѣсколько экземпляро въ Вашу сторону, но будетъ-ли изъ этого какой толкъ. У на эти книги продаются по два цѣлковыхъ. Въ свободную мину увѣдомите меня, пожалуйста, объ этомъ въ двухъ словахъ.

Я провелъ эту зиму въ Петербургѣ по случаю одного и данія, которое привожу теперь къ концу. Потомъ хотѣлъ бы уѣхать въ деревню, въ Тамбовъ, но задержало лѣто. Дожди холода были несносные. С. П. Ш [1]), живя въ своей Подмоско ной, топилъ въ концѣ іюля мѣсяца! М. П. П. [2]) былъ это вре не такъ здоровъ: упалъ съ дрожекъ и сильно разбился, и пр ставьте—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ нѣсколько лѣтъ то назадъ и повредилъ ногу. Есть Севастопольскія бомбы, въ жи ни повсюду неизбѣжныя, неотвратимыя, отъ которыхъ не у дешь. Этотъ годъ и слѣдующій я, а равно всѣ мои Севастопо скіе сослуживцы, считаемся, по милости Государя Императо на службѣ, не служа, и первый годъ получаемъ жалованье. Э очень важно для человѣка, имѣющаго свои, такъ сказать, д машнія занятія. Не такъ давно, пересматривая свои старыя б маги, я нашелъ переводъ Вашей граціозной „Зденки" (Zdenk и хотя онъ очень слабъ, но я всетаки рѣшаюсь поручить е Вашему дружескому вниманію:

Изъ-за дальнихъ синихъ горъ
Солнышко вставало,
Къ рощѣ темной и густой
Машенька бѣжала.

* * *

Воротилися полки
Изъ земли далекой
Можетъ, съ ними другъ ея,
Милый, черноокой!

* * *

[1]) С. П. Шевыревъ.
[2]) М. П. Погодинъ.

Но не русскихъ тамъ нашла,
То поляки были.
„Kogo szukasz, kochana,
Już tego zabili!“

* * *

— Ахъ, что дѣлать? какъ мнѣ быть?
Хоть бѣги со свѣту!
Друга нѣту милова,
И надежды нѣту!—

* * *

„Nie płacz, nie płacz, serduszko!
Czemu łzy i żale?
Siadaj, oto jego koń,
Jedźmy razem dalej!“

* * *

— Нѣтъ, обману не даюсь,
Поѣзжайте мимо!—
„Oszukaństwa niéma tam,
Ani łez tam niéma!“

* * *

„U nas będziesz zawsze grać,
Jasna jako zorze!“
— Нѣтъ, не стану измѣнять
Милому, на что же!—

* * *

„Otóż kocha, panowie!
Niech ją wezmą djabli!“
Тутъ они поѣхали,
Загремѣли сабли...

* * *

Вотъ еще подражаніе Вашему *Сну:*

Часто, задумчивъ,
Въ темномъ лѣсу,
Только вздремну я:
Вижу, все вижу
Дѣву -- красу!

* * *

Вижу стыдливый
Пламень ланица,
Вижу, какъ очи
Ясныя смотрятъ
Все на пѣвца.

* * *

Вижу: мнѣ руку
Дѣва дастъ,
Тихо пожму я,
Ручка мнѣ руку
Также пожметъ.

* * *

Въ чудныя очи
Дѣвы моей
Долго смотрю я:
„Твои, твои навѣки!“
Вымолвлю ей.

* * *

И наслажденьемъ
Весь упоенъ,
Дѣву цалую,
Сладко цалую...
Гдѣ-жъ ты, мой сонъ?

* * *

То же самое пришла мнѣ фантазія передѣлать по-пс

Często zamyślony
W las ja idę z rana,
Tam się we śnie marzy
Mnie moja kochana.

* * *

Widzę ją wstydliwą,
Jej rumiane lica,
Jej ogniste oczy,
Jako błyskawica.

* * *

Widzę, jak się pieści
Wówczas długo ze mną,
Jak mnie mile głaska
Swą rączką przyjemną.

* * *

Jak tę rączkę białą
Ściskam zwolna, zcicha,
Jak moja pieszczotka
Do mnie się uśmiécha.

* * *

Do mnie się uśmiécha,
Patrzy prosto w oczy,
I w oczy patrząc,
Słodką mowę toczy.

* * *

Widziałem, jak z lubą
Przy ranka promyku
Błądziliśmy razem
W zielonym gaiku.

* * *

Obok mnie szła ona,
Obok jej ja byłem,
O miłości naszej,
O szczęściu mówiłem.

* * *

Widzę, pochwyciłem
Ją w objęcia swoje,
Całowałem w usta...
Gdzież widzenie moje?

* * *

Напишите, какъ живете—можете и что подѣлываете, потому что Ваши труды постоянно насъ интересуютъ. Прошу адресовать такъ: въ Москву, на Кузнецкомъ Мосту, въ домѣ Хомякова, надъ брильянщикомъ Фульда.

Желаю Вамъ всего лучшаго. Будьте здоровы и счастливы! Душевно Вамъ преданный и всегда готовый къ услугамъ

Н. Б.

P. S. Давно имѣлъ въ мысляхъ сообщить Вамъ, что въ послѣдній, роковой день знаменитой осады, 27 Августа 1855, первый полкъ, принявшій напоръ непріятельскихъ силъ на Малаховомъ Курганѣ, носилъ имя *Пражскаго*. Большая часть этихъ храбрыхъ солдатъ легла у орудій.

Москва,
1857. Августа 14.

18.

Драгоцѣнный другъ мой Вячеславъ Вячеславовичь!

Передъ отъѣздомъ сюда изъ Москвы, я отправилъ Вамъ два экземпляра моихъ „Записокъ объ осадѣ Севастополя“: одинъ собственно для Васъ, а другой для библіотеки Чешскаго Музея. Мнѣ было бы пріятно, еслибъ Вы нашли способъ передать кое-что изъ этихъ записокъ нашимъ братьямъ Чехамъ, въ Люмірѣ, или другомъ какомъ журналѣ. Если Вамъ угодно будетъ это исполнить, то мнѣ кажется, не мѣшаетъ въ послѣдней части сочиненія (2-й томъ, 79-я страница) нѣкоторыя собственныя имена Французовъ означить одними буквами, напр. Генерала д'Отмара, его адъютанта по охотамъ Кондъ-Османа и ниже—поручика д'Ормана. Вы живете ближе къ Европѣ, послѣ Васъ могутъ подхватить эти извѣстія нѣмцы, и дѣло перейдетъ къ французамъ, а мнѣ бы не хотѣлось, чтобы тамъ прочли это съ полными фамиліями. Пишó псевдонимъ. Этотъ уморительный господинъ опять воротился на свою родину, въ Москву, и служитъ по желѣзнымъ дорогамъ, а потому я не могъ поставить его настоящаго имени. Остальное для насъ все то же, что герои повѣстей Дюма и другихъ. Во 2-мъ томѣ, на 85-й страницѣ, внизу, замѣ-

чено, что французы были пьяны: и это прошу Васъ опустить, еслибы это мѣсто попало въ избранныя Вами для перевода.

Съ Петербургомъ у насъ что-то сдѣлалось въ отношеніи климата: до сихъ поръ нѣтъ зимы, все ѣздимъ на дрожкахъ, и на улицахъ лужи. Выѣхавъ изъ Москвы въ сильный морозъ, въ валенкахъ на три носка, я прибылъ въ Петербургъ подъ дождемъ, который барабанилъ въ вагоны. Выйдя изъ своего вагона, я тотчасъ промочилъ ноги. Въ Москвѣ же давно зима, и было дня два болѣе 25-ти градусовъ мороза.

Литературная дѣятельность у насъ необычайная; журналамъ, съ новаго года, нѣтъ конца; но къ сожалѣнію, только „дѣятельность": большихъ талантовъ передовыхъ людей литературы не слышно; питаемся отбывшими нашими коноводами: изданіе Пушкина Анненкова разошлось мгновенно и принесло большія выгоды издателю. Второе задумывается другимъ лицомъ. Говорятъ, за право этого изданія заплочено наслѣдникамъ слишкомъ 30 тысячъ руб. сереб. Гоголь въ изданіи Кулиша также сильно идетъ, но мы ждемъ лучшихъ изданій этихъ великихъ писателей Руси.

Если вздумаете почтить меня отвѣтомъ, прошу адресовать: въ Москву, въ Книжный Магазинъ Щепкина и К°, на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина. Желаю Вамъ всего лучшаго.

Душевно преданный Н. Б.

С.-П.Бургъ,
1858. Генваря 7.

19.

Письмо Ваше отъ 2-го февраля, драгоцѣннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславовичь, получилъ только на дняхъ, воротясь изъ деревни, куда уѣзжалъ изъ Москвы на 3 мѣсяца. Тотчасъ отправился къ редактору Московскихъ Вѣдомостей, который сказалъ мнѣ, что экземпляръ Вѣдомостей къ Вамъ посылается и конечно доходитъ до границы, а что съ нимъ дѣлается потомъ, этого редакція не знаетъ. О. М. Б. [1]) изданія Общества къ Вамъ послалъ уже довольно давно, и они конечно до Васъ достигли. Что же касается до палеографическихъ изданій при юбилеѣ, онъ сказалъ мнѣ, что тутъ не хозяинъ [2]). При настоящемъ письмѣ

[1]) О. М. Бодянскій.

[2]) Матеріалы для исторіи письменъ... Изготовлены къ столѣтнему юбилею И. Моск. Унив., трудами проф. и преподав. Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева. 1855.

препровождается 2 экземпляра Севаст. альбома: Вамъ и въ Чешскій Музей, которые прошу покорнѣйше принять на память отъ преданнаго Вамъ автора. Внутри экземпляра, надписаннаго Вамъ, мнѣ вздумалось положить нѣсколько былинокъ ковыли,—травы, знаменитой въ нашихъ старыхъ пѣсняхъ и упоминаемой даже въ пѣснѣ о Полку Игоревѣ. Эта трава едва-ли растетъ въ Европѣ: для нея нужна новь, не тронутая плугомъ земля, нужны наши степи.

Если вздумаете мнѣ писать, то адресуйте на имя О. М. Б., съ которымъ я вижусь во всякій проѣздъ въ Москву, а самъ постояннаго адреса не имѣю. На дняхъ опять ѣду въ свои степи. Вы спрашиваете, когда я къ Вамъ?—Что называется, и сплю и вижу быть въ Прагѣ и побесѣдовать съ Вами со всѣми, но вѣдь на палочкѣ верхомъ не пріѣдешь.

Кстати о редакторѣ Московскихъ Вѣдомостей: онъ говорилъ мнѣ, что былъ у Васъ, и Вы задавали ему вопросъ о Вѣдомостяхъ, на который тогда онъ не могъ дать положительнаго отвѣта, а теперь навелъ надлежащія справки.

О ковыли у насъ говорятъ, что если поле, покрытое ею, вспахать и потомъ снова бросить, то ковыль покажется на немъ не раньше, какъ лѣтъ черезъ 20 слишкомъ.

Извините: степняку больше нечего, какъ говорить о своихъ степяхъ да о ковыли, гдѣ я теперь немного отдыхаю.

Преданный Вамъ душевно Н. Бергъ.

Москва,
1858. Іюля 10.

А. Бибиковъ.

Господинъ Профессоръ.

Присланныя вами мнѣ двѣ книжки я имѣлъ щастіе поднести Его Императорскому Высочеству, которой благосклонно ихъ принять изволилъ, два тома же лексикона, не имѣя случая доставить въ Россійск. Академію, отдалъ я въ здѣшнюю книжную лавку, гдѣ обѣщались мнѣ вамъ ихъ возвратить. Исполнивъ такъ по желанію вашему, остаюсь покорный вашъ слуга

Александръ Бибиковъ.

Карловары,
13. іюля 1821.

А. А. Благовѣщенскій [1]).

I.

Ваше Высокоблагородіе! М. Г.!

При семъ случаѣ, во-первыхъ, осмѣливаюсь принести Вамъ позднюю, но усерднѣйшую благодарность за Ваше радостотворное посѣщеніе меня больнаго, 12-го сего мѣсяца; я вполнѣ чувствую величіе Вашего сердобольнаго участія въ настоящемъ положеніи моемъ, равно какъ благожелательное вниманіе къ цѣлой судьбѣ моей. Не недостатокъ Вашей увѣренности въ семъ, но преизбытокъ признательнаго сердца побуждаетъ меня изречь предъ Вами сіи благодарныя слова. При сей благодарности за непосредственные опыты Вашего благожеланія ко мнѣ, позвольте ещѣ благодарить Вамъ за многочисленные и разнообразные опыты искреннѣйшаго участія, приверженности и любосообщительности другихъ сострадательныхъ друзей и утѣшителей и незабвенныхъ единоплеменцевъ: Г. Пастора, Г. Челяковскаго и двухъ юныхъ Чеховъ, коимъ Вы благоразсудили доставить свѣденіе о мнѣ съ симъ случай къ пріятнѣйшимъ и любезнѣйшимъ собесѣдованіямъ въ семъ домѣ болящихъ. Ихъ расположеніе ко мнѣ превышаетъ всѣ мои понятія, и я не знаю, чѣмъ благодарить имъ развѣ только повторять слова Псалмопѣвца: „прильпни языкъ мой гортани моему, аще не воспомяну Тебе; забвена буди десница моя, аще забуду Тебе“.

Во-вторыхъ, осмѣливаюсь утруждать Васъ нѣкоторыми просьбами, прося предварительно извиненія въ семъ и вообще въ томъ, что я такъ часто отвлекаю Васъ отъ Вашихъ важнѣйшихъ занятій. Судьбы Недовѣдомаго въ путяхъ Своихъ поставили меня въ сіе положеніе! Болѣзнь моя идетъ медленно, такъ какъ и всякая болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотника-

[1]) Алексѣй Андреевичъ Благовѣщенскій, юристъ, одинъ изъ тѣхъ 15 молодыхъ людей, которые въ 1829 г., по предложенію Балугьянскаго, были посланы Сперанскимъ въ Германію для изученія юридическихъ наукъ. Благовѣщенскій, сынъ священника кирилловскаго уѣзда, до посылки учился въ московск. духовн. академіи. Когда Сперанскій обратился въ академію съ предложеніемъ выбрать лучшихъ студентовъ для заграничной поѣздки, начальство остановилось на братьяхъ Баршевыхъ и Благовѣщенскомъ. По возвращеніи въ 1835 г. изъ Германіи, Б. сдалъ экзаменъ на доктора правъ и защитилъ талантливую диссертацію „Исторія и методъ науки законовѣдѣнія въ XVIII в.“ (Ж. М. Н. Пр., 1835, ч. VI и VII). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. С. Венгеровъ, Критико-біограф. словарь, III, 322.

ми, но, слава Богу, уже проходитъ послѣдній періодъ; чрезъ недѣлю, вѣроятно, имѣю счастіе лично бесѣдовать съ Вами. Такъ какъ мнѣ теперь лучше, то я могу читать нѣсколько больше прежняго. Книги, доставленныя мнѣ Г. Г. Профессоромъ Фрицомъ, Пасторомъ, Челяковскимъ, благоволившимъ мнѣ подарить свой „Ohlas písní ruských", двухъ юныхъ чеховъ, принесшихъ мнѣ „Kralodworský Rukopis", и Кронбергеромъ, надѣюсь прочитать скоро; „Kralodworský Rukopis" уже прочиталъ по-чески отъ доски до доски, чтеніе оной доставило чистѣйшее наслажденіе моему Славянолюбивому сердцу, особенно слова Ратибора въ „Libušin Saud":

„Nechwalno nám w Němciech iskati prawdu,
„U nás prawda po zákonu swatu,
„Juže prinesechu otci naši
„W sieže... (žirné wlasti)".

Здѣсь я вспомнилъ то, о чемъ Вы неоднократно благоволили бесѣдовать со мною... и еще слова въ „Oldřich a Boleslaw":

„Wstane gedno slunce po wšem nebi,
Wstane Jarmjr nad wšj zemj opět.
Roznese se radost po wšj Praze,
Roznese se radost wůkol Prahy,
Rozletne se radost po wšj zemi,
Po wšj zemi od radostne Prahy".

Здѣсь я сладостно восхищался мысленнымъ восхожденіемъ солнца Богемской и Славянской литературы на высотахъ Праги и озареніемъ отъ онаго всей земли Славянской.. Кратко, неизъяснима полнота удовольствія, доставленнаго К. Rukopisiu! Теперь, пока дочитываю другія книги, прошу Васъ покорнѣйше прислать мнѣ съ симъ нѣкоторыя изъ русскихъ книжекъ, для легкаго чтенія; все равно, въ прозѣ или стихахъ. Во-вторыхъ, испрашиваю у Васъ совѣта касательно слѣдующаго предмета. Благодѣяніе, оказанное мнѣ Г. Проф. Фрицомъ, по существу своему неоцѣненно. Его отеческая рачительность и вниманіе превышаютъ всякую вещественную, не только словесную благодарность; чувство всего этого во мнѣ велико, но я не знаю, какъ его выразить. Мнѣ пришла мысль поднести ему медаль серебряную, съ изображеніемъ означеннымъ на прилагаемомъ при семъ образчикѣ. Я не знаю, пристойно ли Ему поднести таковую или сей подобную медаль, а руковожусь я только тою идеею, что мы Святымъ, даровавшимъ намъ исцѣленіе, приносимъ таковые знаки нашего благодаренія. Благоволите разсмотрѣть сіе намѣ-

реніе и сей образчикъ; и если оно заслуживаетъ одобреніе, равно образчикъ хорошъ, то заказать медальонному мастеру сработать таковую медаль и доставить чрезъ Васъ ко мнѣ. Вамъ извѣстно сіе искусство лучше меня.

За симъ пребываю Вашего Высокоблагородія, М. Г., преданнѣйшій слуга А. Благовѣщенскій.

26 Іюля 1832 [1]).

2.

Ваше Высокоблагородіе! М. Г.!

Напутствованный искренними благожеланіями Вашими и другихъ моихъ высокихъ и незабвенныхъ Благодѣтелей въ Прагѣ, я благополучно совершилъ первое поприще на возвратномъ моемъ пути изъ Праги до Берлина. Жалѣю токмо, что обстоятельствами заставленъ тотчасъ остановиться на семъ первомъ поприщѣ. Я нахожусь теперь въ Теплицахъ, гдѣ, ради карантинныхъ мѣръ противъ холеры на Саксонской границѣ, долженъ оставаться цѣлые 10-ть дней. Впрочемъ, жалѣю о замедленіи не столько по отношенію къ себѣ, сколько по отношенію къ Вашей просьбѣ о доставленіи извѣстной книги и письма въ Петербургъ заблаговременно. Для себя я разсудилъ воспользоваться этимъ временемъ для употребленія здѣшнихъ бань, чтобы довершить возстановленіе моего здоровья и укрѣпленіе силъ. Чего ради, по совѣту Г. доктора Гегенбауера, началъ париться въ городской банѣ. Вчера парился вечеромъ въ первый разъ Выпарившись разъ до пятнадцати въ банѣ отъ 29—30° градусовъ теплоты, надѣюсь, что очень здорово будетъ.

Ваше Высокоблагородіе! Кромѣ участія, каковое Вы изволите принимать во всѣхъ положеніяхъ моихъ, еще другія причины побуждаютъ меня писать къ Вамъ изъ Теплицъ. Во первыхъ, по извѣстнымъ мнѣ основаніямъ, я думаю, что на сей или на слѣдующей недѣлѣ придетъ ко мнѣ письмо изъ Берлина еще въ Прагу, и именно чрезъ посредство Ваше; ибо я такъ осмѣлился писать въ Берлинъ, бывши еще въ госпиталѣ и не пред-

[1]) 30 іюля 1832 г. Благовѣщенскій написалъ въ альбомѣ Ганкѣ: „Во свидѣтельство живѣйшихъ чувствованій глубокопочитанія и благодарности за многоразличные знаки доброй пріязни, благоснисходительности, безпримѣрной любосообщительности въ показаніи неоцѣненныхъ сокровищъ Богемскаго музеума и наставительности въ бесѣдахъ, оказанныхъ мнѣ въ незабвенные дни пребыванія моего въ Прагѣ въ 1832 году".

полагая выходъ изъ онаго ранѣе 15-го Сентября. Посему прошу Васъ покорнѣйше, если токмо какое либо письмо придетъ изъ Берлина къ Вамъ на имя мое, доставить оное немедленно ко мнѣ въ Теплицы; живу я въ частномъ домѣ у золотаго Солнца, напротивъ городской бани. Во вторыхъ, прошу Васъ, при случаѣ, спросить у Гг. книгопродавцевъ Кронбергера и Вебера: получили-ли они деньги *семь флориновъ тридцать шесть крейцеровъ конвенціонною монетою* за купленныя мною книги отъ комиссіонера гостинницы у Чернаго коня, Карла Франка, которому, при отъѣздѣ изъ Праги, я вручилъ оныя деньги подъ росписку, имъ зарученную, коя здѣсь для вѣрности прилагается, для отдачи помянутымъ книгопродавцамъ. Наконецъ, въ третьихъ, прошу Васъ покорнѣйше потрудиться еще поспросить въ картинныхъ лавкахъ: не имѣется-ли тамъ портрета Г. Профессора Фрица, и если имѣется, купить и прислать ко мнѣ въ Теплицы. Я самъ спрашивалъ въ нѣкоторыхъ лавкахъ въ Прагѣ, но не нашелъ; а здѣсь тѣмъ менѣе могъ найти. Желалъ бы еще выписать нѣкоторыя книги изъ Праги, какъ то еще экземпляръ сочиненія Hartmann's Geist des Menschen u. s. w. Wien 1832, J. Kollara Dcera и еще экземпляръ Kralodworský Rukopis; но теперь не осмѣливаюсь болѣе безпокоить Васъ толико многими просьбами и отвлекать отъ необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ занятій; посему отлагаю до другаго удобнѣйшаго для Васъ времени исполненіе сего моего желанія. Деньги за портретъ, равно за книги, по полученіи ихъ въ свое время, постараюсь выслать къ Вамъ безъ всякаго замедленія.

Ваше Высокоблагородіе! Простите моей смѣлости, что я утрудилъ Васъ симъ письмомъ. Ваше благосклоннос,—смѣю сказать,—дружественное обхожденіе со мною во время незабвеннаго пребыванія и свиданія моего съ Вами въ любезной Прагѣ, о чемъ я не могу помыслить безъ слезъ признательной благодарности и радости, подало мнѣ нынѣ и подаетъ впредь сію смѣлость. Позвольте еще просить Ваше Высокоблагородіе о позволеніи мнѣ писать къ Вамъ отовсюду и всегда, и сіе письмо принять за начало вожделѣнной непрерывающейся ничѣмъ, развѣ только за гробомъ, переписки.

Есть о чемъ бесѣдовать Славянину-Чеху и Славяно-Руссу, лишь бы только было сердце истинно Славянское! Бесѣдуя съ Вами, равно какъ съ Высокопочтеннѣйшими ГГ-дами и незабвенными Благодѣтелями моими: Г. Проф. Юнгманномъ отцемъ, Г. Пр. Юнгманномъ сыномъ, Г. В. Челяковскимъ и Г. Пасторомъ Аккерманомъ, коимъ всѣмъ прошу Васъ свидѣтельствовать

мою истинную благодарность и глубокопочитаніе, можно разгорѣться не Славянскому сердцу любовію къ Славянамъ! Въ устахъ Вашихъ Славянинъ—прекрасное и величественное имя!...

Всепокорнѣйшій слуга

Алексѣй Благовѣщенскій.

П. П. Адресъ ко мнѣ: Alexius Blagoweschtschensky, in Toeplitz, zur goldnen Sonne, dem Stadtbad gegenüber.

Теплицы,
11 Сентября н. ст. 1832 г.

3.

Достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь!

Ваше пріятнѣйше письмо отъ 14/2-го сентября и при немъ посылки я имѣлъ великое удовольствіе получить вчера вечеромъ. Въ одинъ разъ оказали Вы, Вячеславъ Вячеславичь, мнѣ столько услугъ и столько усердія, что я истинно не нахожу довольно словъ къ изображенію моей глубочайшей благодарности предъ Вами; скажу болѣе, даже не понимаю, чѣмъ я могъ заслужить у Васъ столько услугъ и столько усердія, каковыя Вы оказали мнѣ не только въ сей разъ, но и во все время пребыванія моего въ незабвенной Прагѣ и любезнѣйшаго Вашего обращенія со мною. Думаю токмо, что единственно отъ преизобилія Вашей благотворительной и любообильной—позвольте сказать—истинно славянской души проистекаютъ всѣ многоразличныя услуги, каковыя Вы оказали мнѣ, все усердіе и расположеніе, каковое Вы явили мнѣ, всѣ дары, коими Вы наградили меня, вся дружеская откровенность и любосообщительность въ бесѣдахъ, каковыя Вы имѣли со мною, и—что всего вящше—драгоцѣннѣйшее имя Друга, каковымъ Вы въ помянутомъ письмѣ почтили меня, и каковое толико же драгоцѣннѣйшимъ знаменіемъ—портретомъ великаго Благодѣтеля моего и Друга Вашего—дарственно засвидѣтельствовали. Не могу изъяснить, но вполнѣ чувствую всю цѣну всего Вами оказаннаго и мною испытаннаго добра и всю сладостную таинственность многознаменательнаго имени: Другъ! Потщусь быть достойнымъ впредь и всегда сего имени; потщусь оправдать полноту признательнаго чувства не въ ограниченномъ словѣ, но на дѣлѣ, отпечатлѣвающемъ явственнѣе внутреннія расположенія человѣческаго духа, въ его стремленіяхъ къ неограниченному, равно какъ и къ ограниченному!

Что касается до переписки моей съ Вами: то я, испросивъ

у Васъ позволеніе на оную, буду вести ее съ Вами непрерывно, когда только возродится случай, отовсюду, гдѣ бы я ни находился. Я постараюсь сообщать Вамъ извѣстія о Россійской Литературѣ со всѣмъ усердіемъ; прошу Васъ токмо сообщить мнѣ при случаѣ, на какіе отдѣлы въ Росс. Литературѣ, при сообщеніи извѣстій Вамъ объ оной, долженъ я обращать особенное вниманіе, и какіе роды сочиненій наиболѣе нравятся Вамъ, когда бы я вознамѣрился что либо въ извлеченіи или въ оригиналѣ сообщить Вамъ? Въ сообщеніи всего достопримѣчательнаго въ области Чехской Литтературы или въ Литтературѣ другихъ Славянскихъ поколѣній, я питаю сладкую надежду на Васъ, какъ на такого мужа, который обладаетъ всеобщимъ и непосредственнымъ познаніемъ всѣхъ явленій въ мірѣ Славянскаго просвѣщенія; прошу покорнѣйше токмо, при сообщеніи извѣстій мнѣ, обратить особенное вниманіе на Исторію, Юриспруденцію, Богословію, Философію, Словесность—Поэзію и Прозу, и на Языкоученіе въ филологическомъ и историческо-философскомъ отношеніи, сочиненія другихъ родовъ довольно наименовать, если они не заслуживають особеннаго отличенія.

За Rukopis Kralodworský и Hartmann's Geist des Menschen и за пересылку оныхъ ко мнѣ препровождаю къ Вамъ при семъ слѣдующія къ уплатѣ деньги, *пять флориновъ конвенціонною монетою*. Если бы Вы могли Kollara Slávy Dcera получить скоро, то я осмѣлился бы просить Васъ о присылкѣ онаго сочиненія въ Берлинъ на мое имя непосредственно: in der Mittelstrasse № 64, гдѣ я прежде жилъ и гдѣ, по прибытіи въ Берлинъ, надѣюсь остановиться, до отъѣзда въ Петербургъ, если сей предназначенъ, или вообще до дальнѣйшихъ распоряженій касательно пребыванія моего въ Германіи. О чемъ впрочемъ я сообщу Вамъ изъ Берлина немедленно по прибытіи туда.

Также хорошо было бы—чего я не успѣлъ самъ сдѣлать—имѣть видъ (желательно бы Генеральный, каковъ на картинѣ, посвященной К. Кинскому) видъ города Праги, толико мнѣ любезнаго, для всегдашней памяти. Вы, Вячеславъ Вячеславичь, оказали бы мнѣ симъ великую услугу. Первое изданіе Этимологикона Г. Добровскаго я доставлю къ Его Высокопревосходительству, Михаилу Михаиловичу Сперанскому, согласно желанію Вашему, такъ что драгоцѣнное твореніе,—Исторія Чехіи,—ничего не потерпитъ въ переплетѣ при пересылкѣ.

Завтра оставляю я Теплицы съ пріятнымъ воспоминаніемъ за благодѣтельное дѣйствіе, каковое оказали мнѣ здѣшнія теплыя воды, и ѣду въ Берлинъ чрезъ Дрезденъ и Лейпцигъ. Ест-

ли-бы я, не останавливаясь въ Теплицахъ, прямо поѣхалъ Берлинъ, то имѣлъ бы счастіе найти Его Высокопревосходите ство, Михаила Михаиловича, еще тамъ: ибо, какъ я узналъ и Пруской Госуд. Газеты, онъ прибылъ туда изъ Лейпцига то ко еще 10-го сего мѣсяца и гдѣ, вѣроятно, пробылъ, по крайн мѣрѣ, до 17-го, а можетъ быть еще и теперь тамъ. Но что д лать? Не такъ живи, какъ хочется, говоритъ Руская послови а какъ Богъ велитъ! Законамъ здоровья, какъ волѣ Божіей, добаетъ паче всего повиноваться! Духъ Отца-Начальника бди надо мною; мой духъ преданно погружается въ созерцаніи личественнаго Образа Его и внимаетъ благодатнымъ Глагола Его!

Достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь! Всегда слад мнѣ бесѣда съ Вами. Позвольте впредь дѣятельно и сградате но наслаждаться мнѣ оною и услаждать потокъ дальнѣйш моей жизни. Имѣя друга въ Васъ, я надѣюсь безпреткновен шествовать стезями временной жизни къ вѣчному моему наз ченію; повѣрьте, не лесть, но истина въ устахъ монхъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ пребываю преданнымъ] шимъ слугою - другомъ.

Алексѣй (Андреевъ.-ичь) Благовѣщенскій.

Достопочтеннѣйшей Вашей Супругѣ, свидѣтельствуя ист ную благодарность за здравоносное привѣтствіе, искреннѣй желаю взаимно добраго здравія и изъявляю мое глубокое у женіе. А. Благовѣщенскій.

Достопочтеннѣйшимъ и незабвеннымъ Г. Г. Юнгманна Г. Челяковскому и Г. Аккерману прошу Васъ, Вячеславъ Вя славичь, свидѣтельствовать мою искреннѣйшую признательно и глубочайшее почитаніе; а Г. Г. Юнгманнамъ доложить, что не премину писать къ нимъ изъ Берлина, по прибытіи, съ п вою почтою и постараться исполнить обѣщаніе.

А. Благовѣщенскій.

Теплицы,
15-го Сентября, 18[illegible] года.

4.

Достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь!

Оставивъ Теплицы 19-го сего Сентября, я благополу прибылъ въ Берлинъ 24-го того же мѣсяца. Его Высокопре сходительства, Михаила Михаловича Сперанскаго уже не

сталъ; за недѣлю до меня Онъ изводилъ отправиться въ С.-Петербургъ. Намъ велѣно также туда ѣхать. Цѣлую недѣлю провели въ сборахъ къ дорогѣ; почему я къ Вамъ не могъ писать. Завтра отправляемся въ 9-ть часовъ утра изъ Берлина въ любезное Отечество. Пишу сіи немногія строки, дабы еще разъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ мысли, чувствованія и желанія, кои постоянно одушевляютъ меня во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ Вамъ, и кои сохранять я всегда и вездѣ за особенную честь вмѣнять буду.

По прибытіи въ С.-Петербургъ, я не премину увѣдомить Васъ о всемъ, что потребно для свѣденія Вашего относительно переписки со мною о Россійской Литтературѣ и о прочемъ.

Теперь простите, Достопочтеннѣйшій Другъ мой, до письма изъ С.-Пбурга. Не лишите меня удовольствія получать отъ Васъ драгоцѣнныя свѣденія о Славянской Литтературѣ. Господь да сохранитъ жизнь и здравіе Ваше навсегда многолѣтно! Равно— жизнь и здравіе Вашей супруги.

Свидѣтельствуя мои чувствованія благодарной признательности, истиннаго почитанія Вамъ и Вашей Супругѣ, остаюсь съ удовольствіемъ Вашимъ усерднѣйшимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Благовѣщенскій.

П. П. Прошу Васъ, Вячеславъ Вячеславичь, свидѣтельствовать мое истинное почитаніе и благодарность Г. Челяковскому (не знаю: какъ назвать Его по имени и отечеству, по Русскому обычаю; также не знаю именъ: Г. Г. П. П. Юнгмановъ, отца и сына; желалъ бы, чтобы Вы сообщили мнѣ имена ихъ) и Г. Аккерманну; попросите мнѣ извиненія въ неисполненіи даннаго обѣщанія, писать къ нимъ изъ Берлина. То, что опустилъ въ Берлинѣ, постараюсь вознаградить изъ С.-ПБурга [1]).

Усердный слуга А. Благовѣщенскій.

Берлинъ,
29/17 Сентября, 1832 года.

5.

Достопочтеннѣйшій и Незабвенный Другъ, Вячеславъ Вячеславичь!

Приношу искреннее извиненіе и прошу у Васъ великодушнаго прощенія въ долговременномъ молчаніи моемъ, а паче въ

[1]) См. письма его къ І. Юнгманну, отъ 29/17 сент. 1832 и 5 марта 1833 г., В. Францевъ, Очерки по ист. чешск. возрожд., прил., стр. XII—XV.

замедленіи отвѣтомъ на порученія и письмо Ваше ко мнѣ. Свидѣтельствуя истинную благодарность за великое усердіе Ваше ко мнѣ, спѣшу загладить собственную вину предъ Вами начертаніемъ нижеслѣдующихъ строкъ.

Напутствованный мысленно Вашими благожеланіями, я благополучно совершилъ обратный путь отъ Берлина до Петербурга, прибывъ сюда 4-го Октября стараго стиля. Явившись къ начальству нашему и получивъ отъ него наставленія о занятіяхъ при Канцеляріи, я съ товарищами занимаюсь съ того времени доселѣ обработываніемъ привиллегій Остзейскихъ Губерній, для приведенія ихъ въ единство съ Сводами Россійскихъ Законовъ, составляемыми при Канцеляріи, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Конечнаго устроенія судьбы нашей еще не послѣдовало, впрочемъ, надѣемся онаго скоро достигнуть; по крайней мѣрѣ надѣемся на сихъ дняхъ быть представленными къ чину Коллежскаго Ассессора. Что же касается до профессорства, то исторія онаго, по связи съ дѣломъ о преобразованіи Русскихъ Университетовъ, протянется, можетъ быть, еще не менѣе года. Сводовъ Россійскихъ Законовъ, о коихъ я упомянулъ выше, составлено по сіе время XV книгъ въ осьмую долю, разной толщины. Сіи книги содержатъ въ себѣ: I. II. III. Учрежденія, IV. Уставы о повинностяхъ, V. VI. VII. VIII. Уставы Казеннаго Управленія, IX. Законы о состояніяхъ, X. Законы гражданскіе и межевые, XI. XII. Уставы Государственнаго Благоустройства. XIII. XIV. Уставы Благочинія и XV. Законы уголовные. Сіи Своды окончены предъ Рождествомъ и представлены были предъ новымъ годомъ къ Государю Императору на разсмотрѣніе и утвержденіе. Его Величество изволилъ открыть по сему случаю чрезвычайное засѣданіе въ Государственномъ Совѣтѣ 20 января, гдѣ, подъ непосредственнымъ Его Величества предсѣдательствомъ, въ присутствіи всѣхъ Министровъ и членовъ Совѣта происходило совѣщаніе о пользахъ Сводовъ и мѣрахъ введенія ихъ въ дѣйствіе по Имперіи. Слѣдствіемъ сего совѣщанія, по долговременномъ преніи нѣкоторыхъ изъ Министровъ и Членовъ противъ Сводовъ, было то, что Его Величество, отлагая введеніе Сводовъ въ дѣйствіе до 1835 года, торжественно призналъ впрочемъ полезность ихъ для Имперіи и еще торжественнѣе отблагодарилъ и наградилъ мудраго Архитектора оныхъ, маститаго и исполненнаго лѣтъ и заслугъ старца, нашего Михаила Михаиловича; Его Величество, сложивъ съ себя орденъ и звѣзду Св. Апостола Андрея Первозваннаго, возложилъ его собственными руками на Михаила Михаиловича и того же дня далъ ему лестную Высочайшую Гра-

моту. За Михаиломъ Михаиловичемъ излились императорскія щедроты и на всѣхъ прочихъ, трудившихся по составленію Сводовъ, такъ что всѣ чиновники получили троякія награды, а нѣкоторые изъ нихъ представлены были Его Величеству на лицо. Милости необыкновенныя, да, правду сказать, и труды были чрезвычайные! Въ шесть лѣтъ сдѣлано было Канцеляріею то, чего прежде не могли сдѣлать во сто лѣтъ! Но вся слава сего великаго труда и исполненія онаго принадлежитъ, послѣ Бога и Государя, Михаилу Михаиловичу! Этимъ дѣломъ онъ обезсмертилъ себя и доставилъ Россіи одно изъ величайшихъ благъ, коего она теперь еще не въ состояніи оцѣнить, а оцѣнятъ потомки; этимъ дѣломъ онъ довершилъ славу Россіи въ мнѣніи образованнѣйшей Европы, поставивъ ее, въ законодательномъ отношеніи, на ряду съ просвѣщеннѣйшими Европейскими Государствами, Пруссіею, Австріею, Франціею, Баваріею, Нидерландами и т. д. Въ текущемъ году будутъ заниматься въ Канцеляріи составленіемъ Сводовъ Законовъ о Государственномъ Контролѣ, Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, историческими Сводами и Остзейскими привиллегіями; на сихъ дняхъ будетъ представленъ планъ о занятіяхъ на утвержденіе Г. Императора.

При большой озабоченности общими занятіями по Сводамъ и собственными по Остзейскимъ привиллегіямъ, я не успѣлъ еще хорошо и обстоятельно познакомиться съ нашею современной Литературою и посему не могу теперь дать точнаго и дѣльнаго отчета въ произведеніяхъ оной. На сей разъ именую только нѣсколько журналовъ, изъ коихъ Вы можете пріобрѣсть полное понятіе о ходѣ и успѣхахъ нашей Литтературы въ настоящее время, и нѣсколько книгъ, особенно отпечатлѣвающихъ собою отличительный характеръ настоящаго періода оной. Лучшіе и наиболѣе читаемые журналы нынѣ суть: Телескопъ и Телеграфъ, выходящіе въ Москвѣ, и Сынъ Отечества въ Петербургѣ; первый выходитъ съ 1831 года и отличается современностію идей Европейскаго образованія, глубиною умозрѣній и великолѣпіемъ слога; второй выходитъ съ 1825 года и отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія и любопытными извѣстіями; третій выходитъ съ 1812 года и отличается твердостію русскаго языка и чистотою слога. Въ отдѣльныхъ произведеніяхъ нашей Словесности господствуетъ статья Романовъ, Альманаховъ и другихъ литтературныхъ бездѣлокъ, а въ духѣ ихъ видно проявленіе національнаго Русскаго духа и быта. Лучшіе изъ Романовъ суть: „*Русскіе въ 1612 году*“, соч. Загоскина, корифея нашихъ Романистовъ; онъ, подобно Вальтеру Скотту, обозна-

... какъ А.
... „Послѣдній Н...
... Петра Великаго
... „Клятв...
... повѣсти и разск...
... и мн. др.
... „Сѣверные цвѣт...
... „Денница" н...
... Изъ ученыхъ прои...
... переведены: „Руково...
... Лѣтопись Москов...
... Берха: „Сказанія ...
... ника", Востокова;
... Погребцова: „Русскіе въ ...

... примѣчательнѣйшіе суть: перево...
... нѣмъ; переводъ одъ Го...
... Эстетика; Нѣмецкій театръ; П...
... и мн. др. Впрочемъ, знако...
... посредствомъ переводовъ ...
... какъ посредствомъ
... Телеграфа. Въ нихъ чаще ...
... письменной иностранной Лит...
... Англійской, Славян...
... произведеній оной. М...
... желательно, чтобы скорѣе ...
... Богемской Литтера...
... должны быть переведены
... Г. Челяковскаго и Н...
... Юнгманна. Что касаетс...
... Богемской Литтератур...
... неоднократно помѣщали
... изъ Гёте, изъ Кухар...
... Петербургъ, я почелъ долгомъ
... Über den gegenwärtigen Zu...
... сообщить оное въ Телескоп...
... всѣхъ сихъ извѣстій, ...
... Палацкаго. Неге...
... такъ извѣстны, ...
... Карамзина. Кал...
... приведенія еще въ
... Богемской и про...

отраслей Славянской Литтературы, потребны всегда свѣжія свѣденія, которыхъ не можно иначе и лучше получить, какъ отъ Васъ. Вы, Другъ мой, уже предваряете меня своимъ усердіемъ въ семъ случаѣ, вопрошая въ письмѣ о способахъ доставленія книгъ изъ Богеміи сюда. Лучшимъ способомъ признаю теперь пересылку чрезъ моихъ товарищей въ Берлинѣ, пріѣхавшихъ послѣ насъ обучаться Юриспруденціи и находящихся нынѣ въ тамошнемъ университетѣ; именно же я просилъ о семъ Якова Ивановича Г. Баршева, которому благоволите препроводить, если какія благоразсудите послать сюда, для доставленія ихъ ко мнѣ. Что же касается до пересылки русскихъ книгъ къ Вамъ, то, не смотря на всю трудность оной, я буду пользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ послать что-либо.

Ваши книжки, врученныя мнѣ для доставленія ихъ Михаилу Михаиловичу, были задержаны въ таможнѣ и отправлены въ Виленскій Цензурный Комитетъ, но по истеченіи мѣсяца пришли сюда въ цѣлости и доставлены Его Высокопревосходительству.

Новостей чрезвычайныхъ у насъ нѣтъ, развѣ только почесть таковою колонну, воздвигнутую предъ Зимнимъ Дворцомъ въ честь императора Александра I и почитаемую зрителями за осьмое чудо свѣта. Все прочее идетъ своимъ обыкновеннымъ, стройнымъ и успѣшнымъ порядкомъ. Петербургъ въ три года нашего отсутствія такъ похорошѣлъ, что я едва узналъ его, при при первомъ въѣздѣ; что было бы, если бы теперь, послѣ 130-ти лѣтъ, Петръ Великій всталъ изъ гроба и посмотрѣлъ на Петербургъ! Великолѣпнѣйшее изъ новыхъ зданій есть Александринскій театръ, а изъ полезнѣйшихъ торцевая мостовая на Невскомъ проспектѣ. Жизнь народа здѣсь также много благоустроеннѣе прежняго; слава Богу, вездѣ видно успѣшное, даже исполинское шествіе Россіи на поприщѣ Европейской образованности! Вотъ все, Другъ мой, что на первый разъ я нашелся сказать Вамъ. Почитаю пріятнѣйшими минутами въ моей жизни бесѣдовать съ Вами. Съ истиннымъ усердіемъ и почитаніемъ имѣю честь пребыть, другъ Вашъ **А. Благовѣщенскій.**

П. П. Прошу Васъ, Вячеславъ Вячеславичь, прилагаемыя при семъ незапечатанныя бумаги доставить Г. Профессору Юнгманну. Г. Профессору Фрицу, великому и незабвенному моему Благодѣтелю, засвидѣтельствовать мое глубочайшее почитаніе и благодарность за оказанное имъ мнѣ неоцѣненное благодѣяніе и доложить Его Высокоблагородію, что я во вѣки вѣковъ не забуду его; иначе забвена будетъ десница моя, прильпнетъ языкъ къ гортани моему. Я не пишу къ нему особаго письма, боясь обез-

покоить его среди тишины великихъ и важныхъ занятій пользами страждущаго человѣчества; да и писать нечего, кромѣ, что я нахожусь теперь совершенно здоровъ и поминаю моего благодѣтеля столько разъ, сколько бьетъ пульсъ въ жилахъ. Нынѣ благодарность на словахъ, надѣюсь дождаться времени, когда укрѣплю ее и дѣломъ. Донесите о всемъ этомъ Г. Фрицу. Г. Пастору Аккерману свидѣтельствуйте мою искреннюю благодарность и почтеніе за дружеское его обхожденіе со мною во дни страданія моего и скажите ему, что я сдержу и предъ нимъ свое слово—пришлю проповѣди Филарета и Иннокентія. Г. Челяковскому свидѣтельствуйте также мою искреннюю благодарность и почтеніе за истинно дружеское его обхожденіе и бесѣды со мною во дни страданія и облегченія моего, за подаренный имъ Ohlas písní ruských и за разныя усердныя пособія въ нуждахъ, и скажите ему, что и передъ нимъ сдержу свое слово—пришлю Снегирева сочиненіе: „Русскіе въ своихъ пословицахъ", Мерзлякова „Пѣсни и Романсы" и другія литтературныя книжки; скажите всѣмъ имъ, что я всегда ихъ помню и никогда не позабуду. Извините, Другъ мой, я очень обезпокоилъ Васъ разными просьбами, единственно въ надеждѣ, что Вы этимъ не обременитесь. Въ заключеніе всего свидѣтельствуйте отъ меня Вашей любезнѣйшей супругѣ всѣ тѣ же чувствованія, кои я питаю къ Вамъ и съ коими остаюсь навсегда Вашимъ покорнымъ слугою,

А. Благовѣщенскій.

Василій Знаменскій просилъ меня засвидѣтельствовать Вамъ, Вячеславъ Вячеславичь, свое нижайшее почтеніе и благодарность за Ваше памятованіе его. Адресъ на письмахъ ко мнѣ: такому-то. Въ домѣ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ С.-Петербургѣ.

С.-Петербургъ,
5 Марта, 1833 года.

Я. Блейвейсъ [1]).

Slavni Gospod!

Zahvalujem Vas iz srdca za prijazno poslani „rukopis Kralodvorský", ki mi je dragi dar iz rok Vaših, i Vam po želji Vaši po-

---

[1]) Janez Bleiweis, vitez Trsteniški (r. 1808, † 1881), словинскій патріотъ, общественный и политическій дѣятель, издатель научно-популярныхъ книгъ и календарей для народа („Velika pratika" и „Koledarček slovenski").

šiljam *pratiko* (to je, narodni koledar za prosto ljudstvo) poslednjih 3 lét. Od leta 1845 izdava naše gospodarsko družtvo to pratiko, ktere vrednik sem jaz. Sprejmite malo stvarico z dobrim srdcom!

Z Bogom! Vaš ponižni sluga Dr. Bleiweis.

v Ljubljani,
20/5 1854.

Графъ Д. Н. Блудовъ[1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ.

Я имѣлъ честь получить письмо Ваше отъ 7/19-го минувшаго Мая и при немъ экземпляръ книги Regesta diplomatica Bohemiae et Moraviae, который Вы предназначаете для Библіотеки II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а равно и экземпляры книжки Verhandlungen der Gesellschaft des Museums von Böhmen.

Считаю долгомъ принести Вамъ искреннюю благодарность мою и отъ имени ввѣреннаго мнѣ Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщить, что прочія книги розданы мною по сдѣланному Вами назначенію.

Дочь моя, Графиня Антонина Дмитріевна, поручила мнѣ благодарить Васъ за память о ней и посылаетъ Вамъ дружескій поклонъ[2]).

Примите, М. Г., увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности. Графъ Блудовъ.

Его Высокоблагородію В. В. Ганкѣ.

3 Іюня 1855.

---

[1]) Графъ Димитрій Николаевичъ Блудовъ (р. 1785, † 1861), государственный дѣятель, близкій другъ Карамзина и видный членъ литературнаго круга „Арзамаса". Въ 1826 г. занималъ мѣсто товарища министра нар. просв.; съ 1832 г. управлялъ мин. внутреннихъ дѣлъ, съ 1837 г. мин. юстиціи до декабря 1839 г., когда назначенъ былъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ его департамента законовъ. Подъ редакціей Б., какъ главноуправляющаго II отд., вышли два изданія Свода Законовъ (1842 и 1857).

[2]) Графъ Блудовъ былъ въ Прагѣ въ 1852 г. Въ альбомѣ Ганки 11/23 сент. 1852 г. онъ записалъ: „Исполняя желанье Ваше помѣстить мое имя и выраженіе, если не мыслей, то по крайней мѣрѣ чувствъ моихъ

M. K. Бобровскій [1]).

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Dobroć Jego duszy utkwiła nazawsze w moiey pamięci [2]), a otwartość serca zostawiła pole do utrzymania z Nim dalszych literackich związków. Szczęśliwie powróciłem do Wiednia i tu naywięcey się bawię do pierwszych dni Maia. Wielem się w Pradze nauczył w ciągu czasu tak krótkim i to winienem W-u Dobrowskiemu i WWPanu: ale mało z tego, czegom się powinien nauczyć, a stąd powody do licznych korrespondencyi. Jakoż w dzisieyszey odezwie smiem Jego upraszać o udzielenie mi wiadomości króciuchney o pisarzach Czeskich, mianowicie tych, co teraz żyią i piszą poczesku. Nie więcey tu potrzeba, tylko abym wiedział iak się zowią i iakim szczególniey rodzaiem pisma wzbogacaią oyczystą literaturę. Którzy są mecenasi dla narodowego ięzyka? Kto iest autorem założenia Nacyonalnego Muzeum? Którzy są celnieysi artyści, muzycy i malarze? Kto uczy sztuki pływania i czyim kosztem i staraniem to się utrzymuie? Jeżeli odpowiedzią na to wszystko zechcesz mię udarować i to niebawiąc, pierwszy będę miał owoc z korrespondencyi tym przyiemnieyszy, że się iego

---

въ Вашей гостепріимной, какъ Вы сами, книжкѣ, я могу лишь повторить сказанное всѣми, безъ исключенія, земляками моими, имѣвшими удовольствіе видѣть Васъ въ Прагѣ, то есть благодарить Васъ много и много за Вашъ радушный, дружелюбный пріемъ. Не говорю здѣсь о благодарности общей, и не знающихъ Васъ лично, — за полезные труды Ваши, за услуги, Вами оказанныя наукѣ и слову, которое мы не перестанемъ признавать своимъ и однимъ, во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, какъ могучее, величавое древо, далеко во всѣ стороны раскинувшее свои вѣтви. Сказать ли, какъ обыкновенно при прощаньяхъ: до свиданія, гдѣ-нибудь, и въ особенности на берегу какой-либо Славянской рѣки, Молдавы, Невы, или Москвы, или Днѣпра? Но въ мои лѣта нельзя уже думать, даже и мечтать о будущемъ".

Графиня Антонина Блудова 12/24-го сент. 1852 г. написала Ганкѣ на память стихотвореніе Хомякова: „Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ..."

[1]) Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848), профессоръ Виленскаго университета. О немъ см.: П. О. Бобровскаго „М. К. Бобровскій, ученый славистъ-ориенталистъ. Историко-біографическій очеркъ". СПБ., 1889. J. Bieliński. Uniwersytet Wileński (1579—1831). Kraków, 1899—1900, I—III.

[2]) Въ альбомѣ Ганки 24 марта 1819 г. онъ написалъ:

„Droga Przyiaźni! i ta z nie wielu.
Bądź zdrów iedyny móy Przyiacielu.
Michał Bobrowski k. k. B. Z. prof. Wileń. r. w.".

zarodki zawiązały w chęci poznania Czeskiey Literatury. Do tego łączę inną prośbeczkę o przysłanie 4. exemplarzów rycin (Kupferstichen) życia Sw. Wacława. Xiąże Henryk Lubomierski widząc ieden tego exemplarz, który otrzymałem w upominku od Grafa Sternberga, zobowiązał mię o wystaranie się 4 exemplarzów, w celu przesłania ich do celnieyszych Bibliotek w Polsce. Chciey więc WWPan ie kupić i przesłać przez pewną okazyę, Landkutschera albo przez Deligence, tak iednak abym przed 1. Maia mógł taką expedycyę odebrać, ponieważ poźniey i Xiąże Henryk wyiedzie z Wiednia i ia. Pieniądze z wdzięcznością natychmiast po odebraniu expedycyi odeszlę. List do mnie i ten zabytek malarstwa Czeskiego doydzie naypewniey pod adressem: do Bobrowskiego in der Stift der H. Barbara. Łączę ukłony do WWnych Jungmanna i Zimmermana; ostatniemu proszę donieść, że interessu Jego nie mogłem teraz zrobić, bo są feriae w Cesarskiey bibliotece, ale po świętach sprawię ten i odpiszę. Nadobną twą holkę pozdrow odemnie.

Polecam się łaskawey pamięci WWPana Dobrodzieja prawdziwy sługa i przyiaciel X. Bobrowski.

P. S. WWPan podobno mi namieniałeś o zamiarze W-o Dobrowskiego dostania się na górę Atos [1]); zamiar chwalebny i ieżliby przychodził do skutku, sambym się naychętniey ofiarował za towarzysza podróży uczonemu mężowi, opusciwszy nawet Włochy. Namień o tem W-u Dobrowskiemu. Dosyć będzie iego skinienia a i z pośrodka Rzymu pospieszę do tak ważney literackiey expedycyi, która dla słowiańskiey litteratury tyle może bydź sławną w poźney potomności, ile wyprawa Argonautow po złote runo do Kolchidy.

Z Wiednia,
10. kwietnia 1819.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Wczesniey, niż spodziewałem się, nadeszły ryciny, drogie zabytki Czeskiey starożytności i wkrótce po nich odebrałem pożądane wyrazy Jego ręki, które tym były dla mnie milszemi, że ręką Uczonego Czecha po polsku były kreślone. Obie te expedycye dowodziły charakter prawdziwy słowianina i przekonywały oraz,

[1]) Ср. Письма Добровскаго и Коппитара, стр. 489, 631.

że doznane goscinności dowody w Czech stolicy nie na krótki czas zostaną, ale niezatarty zostawią zadatek do wzaiemnego udzielania literackich wiadomości i przyiacielskich uczuć. Obok licznych upominków otrzymałem wczora szanowny list W-o Dobrowskiego. Ten zachowam między naydroższemi moiey podroży sprzętami. Nie odpisuię, bo się nie spodziewam, aby moy odpis zastał ieszcze w Pradze szanownego męża, a ieżeli i będzie, WWPan raczysz wyraz nayczulszey wdzięczności nayzasłużeńszemu Literatowi oswiadczyć. Nie zapomniy i innym uczonym Czechom oddadź wyraz wysokiego szacunku. 14. Ryńskich wedle brzmienia listu oddałem do rąk W-u Kopitarowi. Ossolinski 5. maia wyjeżdża z Wiednia, a ia może wprzódy.

Z wysokim szacunkiem WWMPana Dobrodzieja prawdziwy sługa i przyiaciel Bobrowski.

Z Wiednia,
3. maja 1819.

О. М. Бодянскій [1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Дорогое письмо Ваше отъ 24-го прошлаго мѣсяца н. сч. я имѣлъ удовольствіе получить 2-го Апрѣля, изъ коего узналъ двѣ, совершенно противоположныя себѣ, новости для меня, одну чернаго, а другую бѣлаго цвѣту. Начинаю съ первой, а послѣднюю оставляю на закуску, подсладить немножко горчицу медкомъ. — Мнѣ чрезвычайно больно было увидѣть изъ Вашего письма, что Вы по сю пору еще не имѣете никакого рѣшенія изъ Москвы на счетъ Вашего собранія книгъ по части славянской письменности, уступаемыхъ Вами тамошнему университету. Вы знаете, что я списокъ этимъ книгамъ, доставленный Вами мнѣ еще во время моего житья-бытья въ Прагѣ, послалъ въ Бѣ-

[1]) Письма В. Ганки къ О. М. Бодянскому, находящіяся въ собраніи рукописей А. Титова, изданы имъ же, въ русскомъ переводѣ проф. О. А. Шебора и съ примѣчаніями проф. И. В. Помяловскаго, въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. ист. и др. росс., 1887, кн. II. Всѣхъ писемъ 34. Письма Бодянскаго къ Ганкѣ: № 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16 и 18, сообщены были Е. В. Пѣтуховымъ въ Учен. Зап. Юрьевск. Унив., 1896, № 1. Послѣднія мы перепечатываемъ съ нѣкоторыми примѣчаніями издателя.

локаменную тотчасъ черезъ Бродскаго посредника, Гартенштейна, для дальнѣйшаго отправленія къ Михаилу Петровичу Погодину, а имъ—сообщенія его г. Попечителю Университета графу Строганову. Съ того времени я доселѣ ничего не могъ добиться объ этомъ спискѣ Вашихъ книгъ ни отъ того, ни отъ другаго, намѣрены ли они пріобрѣсти ихъ для Университета или для кого-либо другаго изъ Русскихъ, хотя, помнится мнѣ, еще третьяго году писалъ къ первому и спрашивалъ его, что и гдѣ находится нынѣче упомянутый списокъ. Но какъ на этотъ запросъ мой, такъ равно и на многіе другіе подобнаго содержанія я не получилъ отъ него ни да, ни нѣтъ, не смотря на то, что съ нимъ переписываюсь безпрестанно о разныхъ предметахъ. Тутъ, по всему видно, что-нибудь да не такъ. Впрочемъ, исполняя Ваше желаніе, я еще разъ спрошу его на дняхъ же письменно объ этомъ дѣлѣ, и тогда не премину Васъ извѣстить о томъ въ свое время. Признаюсь, мнѣ самому также очень бы хотѣлось видѣть Ваше собраніе славянскихъ книгъ у кого-либо изъ русскихъ или, по крайности, какого-нибудь Славянина. Будь я здоровъ и у себя на пепелищѣ, уже никому бы не допустилъ попользоваться этимъ сокровищемъ и, во что бы то ни стало, быть бы ему моимъ.—Что касается до Ростиславовой монеты, то я приношу Вамъ за уступку ея мою искреннѣйшую душевную благодарность, прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуемыя за нее 15 зл. сер. при этомъ письмѣ и прося отправить оную потомъ ко мнѣ въ теперешнее мое мѣстопребываніе (Freywaldau, Stadt № 22, bei Dr. F. Weiss, Oesterr. Schlesien, nächst Gräfenberg). Вы не можете представить себѣ, какое удовольствіе доставите Вы этимъ моему Графу, страстному любителю и большому знатоку Нумизматики [1]). Впрочемъ, я прошу Васъ покорнѣйше потрудиться извѣстить меня, когда, какъ и кѣмъ найдена эта монета въ Литомышлѣ, въ какомъ отношеніи находится она къ прочимъ подобнымъ ей сверстницамъ, описаннымъ нѣсколько г. Бочкомъ въ „Моравіи“ на 1838 годъ №№ 47, 48 и 84, и какія именно причины или предположенія заставляютъ Васъ думать, что она

[1]) Графъ С. Гр. Строгановъ, предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1836 года и попечитель Московскаго учебнаго округа съ 1835 года. О порученіи Погодина Ганкѣ собирать монеты для гр. Строганова см. въ письмѣ Ганки къ Погодину отъ 12/24 марта 1839 года: Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. Вып. III, стр. 474—475. Ср. письма Бодянскаго къ Погодину отъ 21 іюня 1841 года и особенно отъ 24 апрѣля 1841 года: тамъ же, вып. I, стр. 111—112, 129—133.

принадлежитъ къ царствованію Велико-Моравскаго Ростисл
ва? Разумѣется, Вы въ свое время не опустите описать ее п
дробно въ какомъ-либо Славянскомъ Дневникѣ: но, пока это б
детъ, ноньче мнѣ нужно рѣшеніе предложенныхъ выше вопр
совъ при отсылкѣ ея моему Графу—Нумизмату. Этимъ Вы м
ня чрезвычайно обяжете: Вы въ нумизматикѣ, особенно славя
ской, равви, а я просто неукъ.

Здоровье мое очень въ незавидномъ положеніи. Не зна
что то принесетъ мнѣ весна. Давай Богъ добраго побольше, и
чемъ у меня совершенный недостатокъ. Безъ здоровья—жизн
не въ жизнь: это такая ужъ пошлая истина, что, удерживая
отъ всякаго дальнѣйшаго распространенія и крученія ея, желе
Вамъ отъ всей души моей быть всегда здоровымъ, здоровы
и здоровымъ; вся же прочая, по словамъ Св. Писанія, прил
жатся Вамъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и уваженіемъ моимъ
Вамъ, честь имѣю быть Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйши
слугою Вашъ преданнѣйшій І. Бодянскій.

Всѣмъ моимъ пражскимъ знакомымъ мой доземный покло
и крѣпкій дружескій поцѣлуй.

Фрейвальдау,
23-го марта 1841 г., ст. сч.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Я не въ состояніи выразить Вамъ всей моей душевн
благодарности за уступку и присылку Вами драгоцѣнной д
Славянъ монеты Растицы, древнѣе которой, сколько помн
нѣтъ, и едва-ли можетъ быть въ нашей нумизматикѣ. Надня
я писалъ объ уступкѣ Вами ея моему Графу, прося его изв
тить меня, какимъ образомъ вѣрнѣе и надежнѣе можно бы б
ло переслать ее въ Золотоверхую. Воображаю себѣ его радос
при чтеніи моего письма, его — присяжнаго любителя и поч
обожателя старыхъ престарыхъ денегъ. Я тоже не меньше е
любитель послѣднихъ, только съ маленькой разницей—ходяч
монеты. Сдѣлайте милость не замедлите подарить насъ опи
ніемъ этой рѣдкости и, какъ извѣстный знатокъ въ славянско
деньговѣдѣніи, оцѣнкой всѣхъ образцовъ ея, сохранившихся
нашего времени. Этимъ Вы окажете непослѣднюю услугу съ
ной стороны — должностнымъ знатокамъ древняго славянск

деньгословія, а съ другой—вообще всѣмъ любителямъ нашей старины, отъ нихъ же и азъ есмь меньшій въ братіи моей. Вы пишете еще, что недавно открыты Вами двѣ монеты св. Вячеслава. Прекрасно! Поздравляю Васъ отъ всего сердца съ этой находкою! Дѣло мастера боится, говоритъ русская пословица, но и, какъ другая выражается, на ловца и звѣрь бѣжитъ. Стало быть, это будетъ занимать второе мѣсто въ нашей Всеславянской Нумизматикѣ послѣ Растицевой. Честь и слава Вамъ! Вячеславъ Вячеслава открываетъ намъ! „Орудуй за насъ, Вацлаве!“ и пр. Кстати: кто творецъ превосходной пѣсни: „Тѣшме се благу надѣи?“ Подобнаго мало я знаю не только въ Вашей, но даже и въ прочихъ Славянъ Словесности...

Благодарю Васъ покорнѣйше за сообщеніе Вами разныхъ литературныхъ мелочей и новаго изданія Вашихъ пѣсень. На досугѣ я снова читалъ ихъ и, признаюсь, съ удовольствіемъ. Все такъ просто и однакоже такъ естественно и непринужденно! Чего же больше для пѣвца? Не то же ли самое находимъ мы и въ нашихъ народныхъ пѣснопѣніяхъ? И не то же ли самое въ нихъ такъ обворожастъ насъ?... Другую книжку Вашихъ пѣсень отдалъ я тотчасъ по Вашему порученію князю Любомірскому. О немъ скажу я Вамъ словами Царя-пѣснопѣвца: „Не надѣйтеся на князи...“

Здоровье мое съ наступленіемъ весны, слава Богу, видимо и значительно поправляется; но какъ долго придется еще оставаться мнѣ въ этой Вашей Сибири, прямо не могу опредѣлить. День и ночь вопію ко Господу: „Изведи мя изъ темницы, Господи!“

Свидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе и доземный поклонъ всѣмъ г.г. Пражанамъ, помнящимъ меня сколько-нибудь.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте искренно Васъ уважающаго и почитающаго Вашего, М. Г., покорнѣйшаго и преданнѣйшаго слугу І. Бодянскаго.

Фрейвальдава,
28-го апрѣля 1841 г. ст. сч.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Третьяго дня я имѣлъ радость получить грамотку отъ Васъ и, согласно Вашей милой внимательности ко всѣмъ Вашимъ прис-

нымъ и ближнимъ, еще „въ добавокъ „съ начинкой", которая, куда какъ пришлась мнѣ по нутру. Это тѣмъ больше было для меня пріятной неожиданностью, что мнѣ и въ голову никогда не приходило полакомиться такимъ, какъ вижу, жирнымъ и сочнымъ кусочкомъ, и притомъ такъ скоро, предложеннымъ рукой, отъ коей, скажу откровенно, вовсе или же очень мало подобнаго ожидалъ. Живя въ Прагѣ, я зналъ г. сочинителя, какъ полуопѣмечившагося Славянина, стало быть то же, что полупогибшаго; а нынѣче, въ четыре года какой же съ него ретивой и славной Славянинъ! Давай Богъ намъ побольше подобныхъ превращеній! Душевно благодарю Васъ за этотъ неожиданный подарочекъ; авось Господь воздвигнетъ меня отъ одра моей болѣзни, и я, на родинѣ и у себя, постараюсь отплатить Вамъ, если не лучшимъ, такъ ужъ, разумѣется, не худшимъ. Долгъ платежемъ красенъ. Равнымъ образомъ благодарю Васъ нижайше за сообщеніе Вами кое-какихъ, для меня очень занимательныхъ, свѣдѣній: въ выборѣ ихъ Вы такой тонкой знатокъ, что, признаюсь, я самъ для себя лучшаго выбора имъ не могъ бы сдѣлать. То-то, дѣло мастера боится!

Наконецъ, примите еще одну мою благодарность за то радушіе, истинно Славянское, и, въ частности, старо-Чешское, съ которымъ Вы приняли представленнаго Вамъ мною, душей и образомъ мыслей земляка мнѣ, Г. Дистерло. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, позвольте мнѣ снова представить Вамъ, на этотъ разъ уже парочку моихъ, и тѣломъ и сердцемъ, земляковъ, *Русскихъ Руссовъ*, голубчика съ голубушкой, Г. Г. Сокологорскихъ. Да, кому Богъ дастъ и поблагословитъ! Не добро быти человѣку *едину*, говоритъ Св. Писаніе; но больному, сказываютъ, надобно избѣгать всего *скоромнаго*, даже и мыслей; и потому, переходя къ прерванному предмету, еще разъ представляю моихъ земляковъ Вамъ, и, поручая ихъ Вашему извѣстному и испытанному добродушію и расположенности ко всѣмъ вообще Славянамъ, и, если не ошибаюсь, особенно къ Сѣвернымъ, имѣю честь быть Вашимъ навсегда преданнѣйшимъ и признательнѣйшимъ слугой,

Руссъ Водопійца.

Хотѣлъ было, отвѣчая на Ваше милое письмо, кой о чемъ поважнѣе съ Вами обмѣняться мыслями, но, по краткости времени, оставшагося мнѣ для этого письма, оставляю мѣняльную сдѣлку впредь до перваго удобнаго случая.

Свидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе всѣмъ моимъ знакомымъ Пражанамъ, сколько-нибудь помнящимъ еще меня.

Податели этой грамотки лучше всего разскажутъ Вамъ о теперешнемъ моемъ положеніи, и потому я умалчиваю о немъ.

Его Высокоблагородію, Милостивому Государю, Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ, Господину Библіотекарю при Чешскомъ Народномъ Музеѣ и Кавалеру. На Градчанахъ, въ самомъ Музеѣ, въ Прагѣ.

Фрайвальде,
27-го іюня, 1841 г. ст. сч.

4.

Прошу Васъ покорнѣйше, Вячеславъ Вячеславичъ, о слѣдующемъ:

а) Дать кому-либо списать для меня Сербскую повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, именно отъ того мѣста, гдѣ говорится о построеніи имъ Александріи.

б) Списать жизнеописанія Жижки, Гуса, Іеронима и т. д., что все напечатанное находится переплетеннымъ въ одну книжку.

в) Habernfeld. Bellum bohemicum. Lugd. Batav. 1645.

г) Chwalepjseň na slavného Reka Suworowa a t. d., od Majobra. W Praze 1799[1]). I. Бодянскій.

Прага,
10/III 1842.

5.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Позвольте представить Вамъ заочно моего добраго земляка Александра Петровича Кузьминскаго, г. Капитана Гвардейскаго Генеральнаго Штаба и профессора стратегіи и тактики С.-Петербургской Военной Академіи. Онъ прожилъ со мной тутъ при купели овчей нѣсколько мѣсяцевъ, и теперь, веселъ и здоровъ, отправляется прокатиться по бѣлу свѣту. Какъ же быть заграничей и не видѣть Вашей матушки Праги, а бывши въ ней не посѣтить Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, особливо Русскому, столько, кажется, пользующемуся Вашимъ исключительнымъ благоволеніемъ. Вниманіе, оказанное Вами ему, то же самое будетъ, что мнѣ; и я надѣюсь, что Вы не поставите себѣ въ тягость быть на руку моему соотечественнику во всемъ, до-

[1]) Chwalozpèw na slavného reka Suwarowa c. ruského polního maršalka a udatné wojsko we Wlašich, od M. Majobra. W Praze 1799.

стойномъ вниманія его въ Вашей столицѣ. Вы увидите изъ обхожденія и разговоровъ съ нимъ, что онъ заслуживаетъ Ваше расположеніе, и увѣренъ вполнѣ, что Вы останетесь имъ рѣшительно довольны. Отъ него же узнаете Вы подробно и о теперешнемъ моемъ положеніи. Впрочемъ, я питаю себя пріятною надеждою скоро лично поговорить о томъ съ Вами; до того же позвольте мнѣ засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее почтеніе и называться Вашимъ преданнѣйшимъ слугой

І. Бодянскій.

Всѣмъ помнящимъ меня—мой доземный поклонъ.

Фрейвальдау,
23 марта 1842 г. ст. сч.

6.

Здорово, достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ! Вотъ когда только я собрался къ Вамъ писать! Признаюсь, нѣсколько разъ уже сбирался взяться за перо, но то то, то другое помѣшаетъ, и все оставался при намѣреніи даже до сего дня. Впрочемъ, и неизвѣстность окончанія того дѣла, о которомъ сейчасъ поведу съ Вами рѣчь, довольно таки удерживала меня. Теперь же, повидимому, все приняло хорошій оборотъ, а съ другой стороны наступили праздники, стало быть времени станетъ хоть на какое посланіе, такъ того для я, не откладывая далѣе своего намѣренія, схватилъ сегодня перо, и вотъ, какъ видите черчу къ Вамъ всякую всячину.

Прежде всего, позвольте поговорить съ Вами о дѣлѣ, а тамъ уже, на досугѣ, побесѣдуемъ и о бездѣльѣ. Вы знаете, что я еще въ первой годъ своего житья заграницей завелъ переговоръ съ своимъ университетскимъ начальствомъ о покупкѣ Вашей библіотеки. Списокъ книгамъ, въ ней заключающимся, былъ посланъ мною тогда же, и однакоже, несмотря на частыя мои письма къ Попечителю Университета, дѣло это оставалось по прошлой годъ безъ всякаго рѣшенія. М. П. Погодинъ привезъ Вамъ съ собою обратно Вашъ списокъ. Это было знакомъ, что Университетъ не берется пріобрѣсть Вашу книжницу. Воротясь въ Москву, я тотъ же часъ спросилъ Графа Строганова сказать уже мнѣ прямо въ глаза свое да или нѣтъ на счетъ Вашей библіотеки. Онъ сначала было согласился на первое, и дѣло сейчасъ же хотѣли повершить, тѣмъ болѣе что тутъ же случился на ту пору и самъ Министръ Просвѣщенія, который тоже далъ свое

на то согласіе. Но вскорѣ потомъ все приняло иной видъ, именно: по случаю пріѣзда въ Москву, г. Шевыревъ, завѣдывавшій во время отсутствія М. Петровича, его Москвитяниномъ, напечаталъ въ этомъ послѣднемъ извѣстіе о моемъ возвращеніи на родину и, между прочимъ, также въ порывѣ радости и славянскаго чувства, тиснулъ еще, что я-де привезъ съ собою библіотеку Славянскую въ 5000 книгъ (!?). Разумѣется, это извѣстіе было слишкомъ преувеличено, вмѣсто 3000 очутилось еще двѣ. Богъ знаетъ, отъ чего это такъ случилось: не дослышалъ ли онъ, или переслышалъ. Только вѣсть объ этомъ была пущена въ православный народъ, и ужъ было поздно ее поправлять. Но главное—то, что библіотека моя сильно взманила нашего Попечителя, который съ тѣхъ поръ не давалъ мнѣ покоя своимъ ухаживаньемъ за ней, пока, наконецъ, я, соображая все хорошенько, не рѣшился уступить ее нашему Университету за ту самую цѣну, чего она мнѣ стоила. Намѣреніе мое было однимъ разомъ привесть Университетъ въ возможность имѣть довольно значительную библіотеку по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Иначе пришлось бы долго дожидаться составленія ея на ежегодно отпускаемыя для того деньги (какихъ-нибудь 500—700 руб. бумажками). Условія же, на коихъ я уступилъ свою библіотеку: а) она всегда остается подъ моимъ непосредственнымъ завѣдываніемъ и даже ключемъ, пока я профессоръ и живу въ Москвѣ; б) всѣ книги по части Славяновѣдѣнія, назначаемыя мною каждогодно для умноженія ея, покупаются безпрекословно на сумму, упомянутую выше. Цѣль моя—пріобрѣсть для Университета мало помалу и другія важныя по своей части сочиненія и тѣмъ доставить нашему Славянству въ сердцѣ русской жизни постоянное виталище и твердую опору. Для того я отказался отъ радости имѣть у себя непосредственно свою библіотеку, тѣмъ болѣе что я за нее не взялъ ни копѣйки больше того, что она мнѣ стоила, хоть могъ бы, и даже самъ покупатель давалъ втрое больше. Но я отвѣчалъ, что если я разстаюсь съ нею, то это дѣлаю не для корыстныхъ видовъ, а только изъ одного убѣжденія въ величайшей пользѣ, какую я могу этимъ доставить Славяновѣдѣнію въ своей родинѣ, единственно изъ стремленія быть больше полезнымъ всѣмъ, нежели единицѣ. Между тѣмъ покупка моей библіотеки для Университета поставила этотъ послѣдній въ необходимость отказаться уже пока отъ пріобрѣтенія всякой другой. Это меня однакоже нимало не осадило. Я замыслилъ другимъ путемъ передать ему мало-по-малу и Вашу библіотеку. Не знаю, одобрите ли Вы такое мое намѣреніе, и потому сообщаю Вамъ

его точно въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ моей башкѣ. Я слышалъ отъ Васъ не разъ, что Ваше единственное желаніе передать свою библіотеку въ нашу Бѣлокаменную, гдѣ она больше, чѣмъ въ другомъ какомъ мѣстѣ святой Руси, можетъ быть полезной. Поэтому, не угодно ли Вамъ будетъ уступить мнѣ ее? Вы меня, конечно, понимаете: со временемъ я, какъ уже выше сказалъ, все, чего нѣтъ теперь въ моей библіотекѣ, передамъ въ нее понемножку за тѣ деньги, которыя отпускаются каждогодно на покупку славянскихъ книгъ и, такимъ образомъ, Ваша и моя цѣль осуществятся какъ нельзя лучше, то есть доставить Университету Московскому возможно лучшую и полную славянскую библіотеку въ самое скорѣйшее время. Пріобрѣтеніе же одной изъ нихъ, конечно, далеко было бы не то, что соединеніе ихъ обоихъ этакимъ образомъ. Я увѣренъ, что Вы вполнѣ одобрите мое намѣреніе и никакъ не откажетесь уступить мнѣ свою библіотеку, зная такую мою, смѣю сказать, истинно-славянскую цѣль. А потому, прошу Васъ покорнѣйше написать мнѣ немедленно свой отвѣтъ съ первой почтой и вмѣстѣ съ тѣмъ общій итогъ суммы за свою библіотеку, чтобы я потомъ могъ Вамъ, по крайней мѣрѣ, половину ея тотчасъ же по полученіи отъ Васъ согласія Вамъ выслать, а другую, какъ скоро напишете мнѣ, что библіотека Ваша укладывается въ ящики для отправленія ко мнѣ. Одного только прошу условія при этой покупкѣ, то есть не включать въ списокъ своей библіотеки книгъ, не имѣющихъ никакой связи съ Славянствомъ, какъ то сочиненій французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и тому подобныхъ, что, сколько помню, было въ каталогѣ Вашемъ, посылавшемся мною во время оно въ Москву. Вѣдь, что мнѣ и другимъ, подобнымъ мнѣ, до этихъ инородцевъ? Намъ подавайте нашихъ хоть въ рубищахъ и даже какъ мать народила, только бы нашихъ! Отправить же ящики съ книгами лучше всего будетъ тою самою дорогою, что и моя собственная библіотека шла, именно черезъ г. Рживняча, который уже знаетъ, какъ это далѣе сдѣлать. Впрочемъ, получивъ Ваше согласіе на уступку библіотеки, я буду этому послѣднему писать особенно. Вспомните только, что лишь этимъ способомъ Ваша и моя лучшая и самая свѣтлая надежда можетъ осуществиться, что Ваша библіотека все же достигаетъ цѣли своего перваго ей назначенія Вами, хотя не вдругъ и прямо, но все-таки достигаетъ, и при томъ въ такомъ сообществѣ! Еще разъ прошу Васъ объ этомъ раскинуть умомъ-разумомъ и потомъ написать мнѣ свой „налезъ“. Я почти не сомнѣваюсь въ Вашемъ согласіи, зная Васъ и Ваши истинно-славянскія намѣренія. Не правда ли?

Теперь кое о чемъ другомъ. Сегодня я заказываю у г. Ржиняча Славянскихъ книгъ для однихъ моихъ студентовъ на предстоящій академическій годъ черезъ здѣшняго книгопродавца Дейбнера, находящагося съ нимъ, по моей милости, въ сношеніяхъ, слишкомъ 400 экземпляровъ. Слава Богу, Славянство у насъ идетъ какъ нельзя лучше и желаннѣе, особенно въ нашемъ отдѣленіи! Студенты такъ и лѣзутъ, какъ говорится, очертя голову, на все славянское. Ждутъ не дождутся прихода книгъ. Испытанія университетскія по части моего предмета (именно въ Славянскомъ народописаніи, которое теперь мною выдается отдѣльною книжкою на Русскомъ, и при ней карта въ чешскомъ подлинникѣ, Славянскихъ древностяхъ (1-ый періодъ) и переводѣ съ чешскаго на русскій) выпали какъ нельзя лучше. Дай Богъ, чтобы они всегда такъ совершались, если уже нельзя будетъ краснѣе! Просто, молодежь изумила всѣхъ присутствовавшихъ своей смѣтливостью и понятливостью въ объясненіи чешскаго подлинника. Замѣтьте, что они во все теченіе года не имѣли въ рукахъ своихъ рѣшительно никакого чешскаго словаря и граматики и довольствовались только одними объясненіями своего профессора, тѣмъ способомъ занятій, который былъ имъ указанъ, какъ легчайшимъ и извѣданнѣйшимъ самымъ опытомъ. Объ этомъ, впрочемъ, читайте прилагаемое при семъ письмо мое къ Людевиту въ Братиславу [1]) (которое прошу Васъ покорнѣйше отправить по почтѣ или при случаѣ ему), изъ коего узнаете гораздо больше, чѣмъ могу я теперь сказать Вамъ по сему предмету. На слѣдующій годъ я собираюсь читать, какъ продолженіе прошлогодняго, исторію чешскаго народа и его словесности, языки Словацкій и Сербо-Лужицкіе. Цѣль моя—каждый годъ преподавать одинъ изъ главныхъ Славянскихъ языковъ и нѣсколько самоближайшихъ къ нему второстепенныхъ, чтобы такимъ образомъ доставить слушателямъ своимъ нѣчто цѣлое въ своемъ родѣ, присоединяя къ язычному изученію также историческое, т. е. дѣписаніе народа и его письменности. Четыре-пять лѣтъ составляютъ полный курсъ Славяновѣдѣнія по упомянутому способу, который завершится сравнительной граматикой всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Эта послѣдняя, мнѣ кажется, тогда только можетъ быть истинно на своемъ мѣстѣ въ кругу Славяновѣдѣнія и тогда только принесетъ вѣрную пользу слушающимъ ее, когда они впередъ познакомились хорошенько уже съ многими нарѣчіями и, слѣ-

[1]) См. письмо Бодянскаго Людевиту Шгуру отъ 17/29 мая 1843 г. С. С. М., 1843, 627—629.

довательно, могутъ съ успѣхомъ слѣдить за сравненіемъ и снесеніемъ подобнаго съ подобнымъ и т. д., повѣрить сейчасъ слова своего наставника, а не слѣпо вѣрить его вѣщаніямъ и мучить свою память сухими и безъ того непонятными примѣрами и объясненіями. Сравнительная граматика, по мнѣ, всегда должна быть вѣнцомъ изученія многихъ родственныхъ нарѣчій, плодомъ этого изученія и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшею наградою онаго. Это, такъ сказать, языкомудріе, философія Слова Человѣческаго. Писалъ бы Вамъ что-нибудь о новостяхъ въ нашей словесности, но объ нихъ я недавно, именно въ послѣднемъ письмѣ къ г-ну Ш-ку, довольно широко распространился, и потому обращаю Ваше вниманіе на это свое разглагольствіе. Писать объ одномъ и томъ же дважды въ одно время и притомъ же въ одинъ городъ, право, какъ-то скучно и досадно. Всякой разъ прошу Васъ обращаться къ г-ну Ш-ку для узнанія новостей въ нашей словесности, особенно, что дѣется по этой части въ Бѣлокаменной Матушкѣ. Напротивъ, Васъ прошу иногда подѣлиться со мною свѣдѣніями о новомъ въ Вашей письменности. Г. Ш-къ слишкомъ кратокъ въ своихъ извѣстіяхъ: иное, ей Богу, хотѣлось бы нѣсколько побольше узнать отъ него, анъ смотришь—конецъ концевъ! Это почти то же, что показать пьяницѣ на похмѣльѣ чару зелена вина и потомъ духомъ выпить самому въ глазахъ этого бѣдняка! Ради Бога, не мучьте насъ, или, какъ говорится, не клади плохо—не вводи вора въ грѣхъ! Право, горе, емуже соблазнъ приходитъ!...

Что касается моихъ частныхъ занятій, то ихъ больше только въ замыслахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, печатаю продолженіе своего перевода Славянскихъ Древностей, части 4, 5 и 6-ю; работаю надъ составленіемъ Всеславянскаго учебника и Чешско-русскаго Словаря по Юнгману. Этого послѣдняго отъ Васъ, какъ вижу, для нашихъ студентовъ и вообще занимающихся просто изученіемъ чешскаго языка не скоро дождешься. Вы теперь принялись за Нѣмецко-чешскій, а о Чешско-нѣмецкомъ и думать не думаете, а если и думаете, то развѣ черезъ 7—8 лѣтъ сдѣлаете его. Между тѣмъ какъ у насъ въ такомъ словарѣ настоитъ больше, чѣмъ крайняя нужда. Первыя 9-ть буквъ уже отдѣланы мною, и я приступлю къ печатанію ихъ въ будущемъ сентябрѣ. Это не будетъ простой остовъ безсмертнаго творенія перваго славянскаго словописца; сохрани, Боже! Это будетъ... но что тутъ толковать о томъ, что будетъ? „Що було, такъ бачылы, а що буде, побачымо", говоритъ малорусская пословица.

Погодинъ на дняхъ долженъ былъ вдругъ уѣхать въ Питеръ по своимъ кое-какимъ дѣламъ. Это пріостановило на нѣкоторое

время отправленіе собранныхъ нами двумя русскихъ книгъ для Ш-ка, Васъ и еще нѣкоторыхъ знакомыхъ. Какъ скоро воротится онъ, тотчасъ же поспѣшимъ отправить въ путь-дороженьку нашихъ земляковъ къ Вамъ.

Что Вашъ Будечь [1]), Бесѣды, Дивадло, и пр. и пр. и пр.? Молодежи нашей довольно ѣдетъ этотъ годъ заграницу, какъ говорится, людей посмотрѣть и себя показать. Вѣрно, нѣкоторые изъ нихъ завернутъ къ Вамъ. Пожалуйста, поступите съ ними точно такъ же, какъ съ пѣвцемъ „Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?“ [2]). Знаете, примѣръ другихъ, особливо тамъ, гдѣ-то, за три-девять земель сильно дѣйствуетъ на юныя головы. Своимъ они какъ-то неохотно вѣрятъ. „Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ?“...

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте душевно Васъ уважающаго, Вашего всегда готоваго на услуги

І. Бодянскаго.

Іорданъ, кажется, съ ума свихнулъ, а Мозикъ просто бѣснующійся. Признаюсь, это отщепенство произвело на меня самое грустное впечатлѣніе. Это униженіе - ниже всякой низости. И передъ кѣмъ же? Передъ круглыми нищими, еще больше жалкими бѣдняками, нежели умоляющіе ихъ о помощь, передъ людьми, никогда не бывшими и не могущими быть уже по своей природѣ сколько-нибудь благопріятелями тѣхъ, на которыхъ они привыкли въ теченіе нѣкоторыхъ столѣтій смотрѣть какъ на какихъ-то индѣйскихъ паріевъ. И кто же смѣетъ предстательствовать у этого „vertutissimi natique mendacio generis“, какъ уже замѣтилъ о немъ еще Велей Патеркулъ, ходатайствовать во имя всѣхъ своихъ югозападныхъ собратій? У меня языкъ не поворачивается выговорить имя этихъ непризванныхъ, оглашенныхъ попечителей! Но, Богъ съ ними! Авось время само проучитъ ихъ [3])!

---

[1]) Подъ этимъ именемъ (Budeč), которое носилъ старинный замокъ, въ Смиховскомъ окресѣ, основана была въ Прагѣ въ 1839—1842 г.г. Амерлингомъ школа, имѣвшая цѣлью образовывать „народныхъ учителей, ремесленниковъ, хорошихъ воспитательницъ, матерей, женъ и хозяекъ“.

[2]) Стихотвореніе это написано Ѳ. И. Тютчевымъ въ альбомъ Ганкѣ 24 авг. (6 сент.) 1841 г.

[3]) По всей вѣроятности, Бодянскій имѣетъ тутъ въ виду статью Іордана (J. P. Jordan, извѣстный писатель и журналистъ, дѣятель сербо-лужицкаго возрожденія) въ издававшихся имъ въ Лейпцигѣ Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaften 1843, 2. Heft, озаглавленную „Panslavismus“, стр. 91—95, а также анонимную брошюру другого сербо-лужицкаго писателя и патріота Мосака Клосопольскаго (Mosig von Aerenfeld) подъ заглавіемъ „Slaven, Russen, Germanen. Ihre

Слышу, что въ Карловары отправляются изъ Варшавы Мацѣёвскій, Орестъ Евецкій[1]), Стороженко[2]) и другіе. Послѣдній былъ недавно въ Москвѣ, откуда черезъ родину свою, снова поѣхалъ въ Варшаву, а изъ нея на Ваши воды.

Гавличекъ кланяется Вамъ низенько; онъ очень хорошо успѣваетъ въ Русскомъ и прилежно переводитъ съ него на родной. Даже ужъ порядочно калякаетъ и съ православными.— Мы отсюда въ февралѣ послали черезъ бывшаго здѣсь г. Дворачка (Вѣнскаго адвоката и пр.) великолѣпный экземпляръ „Описаніе нашей Москвы“ для Чешскаго Музея. Напишите намъ, получили ль Вы его? Коли нѣтъ, нужно бы Вамъ отозваться о томъ къ г. Дворачку и потребовать слѣдуемое Музею...

На поляхъ: Графъ Строгановъ чрезвычайно благодаренъ Вамъ за Растицевы монеты[3]). Онъ говоритъ, что постарается отплатить Вамъ за взаимность взаимностью. Я, съ своей стороны, тоже употреблю все, чтобы отблагодарить Васъ за Ваши добрыя дѣла.

Еще одинъ ѣдетъ къ Вамъ изъ Москвы, добрый мой знакомый и пріятель, Николай Аркадьевичъ Ригельманъ. Не пугайтесь нѣмецкаго прозванія. Онъ теперь кругомъ и кругомъ Руссъ. Еще его прапредки выѣхали когда-то изъ Нѣмеціи и поселились Малороссіи. Дѣдъ даже сочинилъ очень хорошую лѣтопись о Малороссійскихъ казакахъ, по сію пору еще неизданную[4]), но которою Бантышъ-Каменской очень и очень пользовался. Этотъ же Ригельманъ—прекрасной молодой человѣкъ, образованъ, истинно Русскій и притомъ съ Славянскимъ направленіемъ. Пожалуй-

---

gegenseitigen Verhältnisse in der Gegenwart und Zukunft", Leipzig 1843, S. 240. И статья и брошюра высказываются противъ рекомендовавшагося тогда нѣкоторыми славянскими патріотами соединенія славянскихъ народностей подъ главенствомъ Россіи.

[1]) Переводчикъ сочиненія В. А. Мацѣевскаго „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ“, Варшава 1840.

[2]) Андрей Яковлевичъ Стороженко († 1858 г.), сенаторъ, главный директоръ Правит. Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго. Въ Прагѣ онъ былъ и въ 1841 г. и тогда же (2 іюля) расписался въ альбомѣ Ганки.

[3]) Ср. объ этомъ выше, въ письмахъ отъ 23 марта и 28 апрѣля 1841 года.

[4]) „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и казакахъ вообще“ Александра Ригельмана, 1785—1784 г. г., напечатанное позднѣе Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ“ за 1846—1848 г. г. См. ниже письма Н. А. Ригельмана.

Čelakovský na Rus. Francev, Pisma k V. Hanke, str. 13 (v předmluvě),

[illegible] A. Balugjanskij Hankovi z Petrohradu 15/27 srpna 1828, str. 26–27.
[illegible] z Prahy [illegible] H. [illegible] na Rus.)

[illegible] Čelakovský o něm 14/VIII 1828 Kor. I. str. 377.

[illegible] 1833 Kulomzin [illegible] píše Hankovi, že rád poznal Šafaříka [illegible] známost s Čelakovským. Radu [illegible] o [illegible]…
[illegible] Balugjanskij, co [illegible] Hanka, [illegible] při pobytu v Praze 1828 s Tomanem se Šafaříkem a Čelakovským.

31. března 1834. B. Hankovi: že se bude starat, aby [illegible] (Čelakovský) byl [illegible].

[illegible]. Blagověščenskij o Čelakovském v čci 1832
str. 88, 89 (výtečná v [illegible]), 90 (vole), 91 (vole), 94 (pozdr.), 95 (též).

[illegible], str. 88 (Č. [illegible]), 89, 91, 94, 95, 100.
Hanka [illegible] po [illegible] Speranském Dobrovského Etymologikon, str. 93, 94, 94–95 (zaslal Speranského v Berlíně 1832)

[illegible] Blagověščenskij Hankovi z Petrohradu [illegible] 33
str. 95–100 [illegible] o [illegible] pracích [illegible] Speranského, str. 96–97, [illegible]), o ruské žurnalistice (97 atd.), o literární [illegible] (97–98). Přečetl [illegible] (str. 98), [illegible] 20 [illegible] v čas nemoci [illegible] v Praze. [illegible] str. 100), [illegible] mu poslati [illegible] i [illegible] přeložil [illegible]:

ста, покажите ему всѣ свои „взацности“ лицемъ и познакомьте со всѣмъ замѣчательнымъ въ Прагѣ, лицами и вещами...

Москва,
5-го іюня 1843 г.

7.

Спасибо Вамъ, достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, за Вашу истинно славянскую готовность на мое предложеніе, спасибо, сто разъ спасибо Вамъ отъ всей души моей! Счетъ свой съ Университетомъ я уже кончилъ: на дняхъ передаю ему свою славянскую библіотеку. За исключеніемъ сотни полторы, всѣ книги на лице; недостающія надѣюсь получить осенью (въ сентябрѣ). Но, уступивши свою книжницу, съ такимъ трудомъ и лишеніями собранную, я долженъ былъ подумать о томъ, какъ бы эту жертву сколько-нибудь вознаградить. А потому и обратился къ Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, съ своимъ предложеніемъ. Зная Ваше расположеніе къ нашей Матушкѣ, я почти былъ увѣренъ впередъ въ Вашемъ согласіи. Благодарю отъ всего сердца Васъ за такое предпочтеніе нашей Бѣлокаменной. Смѣю сказать, что едва-ли гдѣ было бы приличнѣе Вашей библіотекѣ мѣсто, какъ у насъ, въ сердцѣ Руси, этомъ славянскомъ исполинѣ, и едва-ли кто извлечетъ изъ нея столько пользы, какъ Москвичи. Я уже Вамъ писалъ о томъ рвеніи, съ какимъ наша учащаяся молодежь принялась за славянщину. Но это только начало; цвѣты и плоды впереди, въ руцѣ Божіей. Дай только, Господи, здоровья и разума преподающему Славяновѣдѣніе, а за удальцами дѣло не станетъ: какъ разъ схватятъ на лету и обгонятъ самого наставника! Какъ бы то ни было, только, доставивъ теперь средства съ своей стороны учащимся и каждому славянолюбу заниматься роднымъ, я, повторяю, долженъ былъ подумать и о себѣ, то есть о составленіи, взамѣнъ уступленной, по крайней мѣрѣ избранной славянской библіотеки, въ которой бы находились важнѣйшія сочиненія по Славяновѣдѣнію, и которая бы потому составляла собой мое „Vade mecum“. Это Vade mecum нынѣче получилъ я отъ Васъ, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ! Никогда не забуду этого Вашего безцѣннаго одолженія мнѣ. Далъ бы Богъ случай воздать Вамъ мѣрой въ мѣру! Разумѣется, какъ я уже и писалъ Вамъ, и эта книжница со временемъ перейдетъ въ собственность Университету, куда теперь стекаются со всѣхъ сторонъ значитель-

ныя письменныя сокровища. И въ самомъ дѣлѣ, общественн
мѣсто, подобное Университету, гораздо безопаснѣе, приличн
и полезнѣе для такихъ собраній. Частный человѣкъ все скор
можетъ лишиться его, и все же онъ одинъ пользуется имъ, ме
ду тѣмъ какъ тамъ—цѣлыя тысячи. Питая такія мысли, я в
гда думалъ о передачѣ своей библіотеки какому-нибудь русско
Университету, еще собирая ее книжка къ книжкѣ. Это желан
мое теперь сбылось. Дастъ Богъ, сбудется и то касательно Е
шей. Только, еще разъ скажу, со временемъ: родному служи,
и себя не бѣжи. Согласно съ требованіемъ Вашимъ, прилаг
тутъ Вамъ вексель отъ здѣшняго банкира Ценкера (кажет
Чехъ изъ Литомѣржицъ?) на Вѣнскаго банкира Бидермана (
зумѣется, Вѣна и Прага въ этомъ случаѣ одно и то же) цѣн
въ тысячу шестьсотъ тридцать золотыхъ серебромъ (1630 Gu
С. М.). Изъ этого количества Вамъ за Вашу библіотеку, согл
но съ Вашей волей, тысячу золотыхъ серебромъ (1000 Guld. C. M
а изъ остальныхъ прошу Васъ покорнѣйше передать отъ ме
слѣдующимъ господамъ: а) Г. Рживнячу, за книги, по счету
отъ 21 апрѣля текущаго года н. сч., четыреста пятьдесятъ т
золотыхъ и сорокъ три крейцера серебромъ (453 fl. 43 kr. C. M
б) Шафарику за его Земѣвидъ[1]) и проч. сто двадцать осе
золотыхъ и семнадцать крейцеровъ (128 Guld. 17 kr. C. M
в) Юнгманну съ душевной благодарностію должныхъ тридца
три золотыхъ сер. (33 Guld. C. M.) и, наконецъ, г. Станьку
его „Образы“[2]) пятнадцать золотыхъ серебромъ (15 Guld. C. M
Такимъ образомъ, я очистилъ себя передъ Вами и всѣми эти
господами. Невыразимо всѣмъ я вамъ благодаренъ за вашу д
вѣренность ко мнѣ и братское расположеніе. Но лѣто на исх
дѣ, осень за плечами, а потому прошу Васъ покорнѣйше посп
шить какъ можно скорѣе высылкой своихъ книгъ въ Моск
лучше всего передайте ихъ, сложивъ хорошенько и надежно
ящики, моему комисіонеру г. Рживнячу, который уже пошле
ихъ сюда путемъ, извѣстнымъ ему. Доставка моя, за котору
и отвѣчаю я по полученіи посланнаго своему доставщику. Е
прошу Васъ убѣдительнѣйше просмотрѣть прилагаемый ту
списокъ разнымъ книгамъ, заказываемымъ мною г. Рживня
нѣтъ ли въ нихъ какой книги, которая уже имѣется въ Ваш

[1]) Географическая карта: Slovanský Zeměvid, od P. J. Šafařík
V Praze M. DCCC. XLII.

[2]) Stanèk, W. Přírodopis prostonárodní, čili popsání zwířat, rost
a nerostů wedlé tříd a řádů jejich. S obrazy (Malá Encyklopedie Nauk.
III). W Praze 1843.

библіотекѣ. Такую книгу потрудитесь вычеркнуть, а остальное все передайте г. Рживнячу и побудите его какъ можно скорѣе собрать означенныя въ этомъ реестрѣ сочиненія (большею частію чешскія); не откажитесь даже помочь ему своимъ при этомъ совѣтомъ, гдѣ, что и какъ лучше. Эти книги поступаютъ въ Университетъ. Нельзя ли будетъ распорядиться такъ, чтобы ящики съ Вашими книгами и другими выслать, по меньшей мѣрѣ, въ концѣ августа (стараго счисленія). Тогда они поспѣютъ еще къ намъ во время; но мѣсяцемъ позже—все дѣло пропало: останутся лежать цѣлую зиму гдѣ-нибудь въ дорогѣ, какъ это уже разъ случилось съ моей библіотекой, завалившейся было въ Кронштатъ и только въ февралѣ приспѣвшей въ Золотоверхую. Что будетъ нельзя подобрать къ сказанному времени, лучше оставить на другое время, а послать въ путь-дороженьку все прибранное къ рукамъ. Итакъ, во имя Господне...

Прилагаемое тутъ письмо потрудитесь вручить по надписи. Новаго у насъ теперь почти ничего нѣтъ, достойнаго вниманія. Все разъѣхалось по деревнямъ и дачамъ. Я тружусь въ потѣ лица надъ чещиной къ будущимъ чтеніямъ и прочимъ. Въ числѣ книгъ, посланныхъ мѣсяцъ тому назадъ М. П. и мною, Вы получите отъ Шафарика нѣсколько, отъ меня и черезъ меня себѣ и Музею: примите малую толику! Обращаю Ваше вниманіе на свою статью „О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ касательно того, что церковно-книжный языкъ есть языкъ старо-булгарскій", помѣщенную въ VI книжкѣ Ж. М. Н. Пр. нынѣшняго года.—О Прейсѣ и Срезневскомъ рѣшительно ничего не слышу. Странно! Сергѣй Сем. отправился заграницу и, вѣрно, былъ или будетъ также и въ Прагѣ. Будьте здоровы! Вашъ І. Бодянскій.

Москва,
27 іюня 1843 года,
вторникъ.

8.

Г. Вячеславу Вячеславичу.

Больше мѣсяца прошло уже тому, какъ я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо, и вотъ скоро двѣ недѣли, какъ пришли сюда въ Бѣлокаменную Ваши пражскія гости [1]). Признаюсь, многія изъ нихъ—красавицы первостатейныя, другія—просто милы и любезны, и только немногія—средней руки. Я Вамъ

[1]) Слѣдуетъ разумѣть—книги, уступленныя Бодянскому Ганкой.

не могу выразить всей моей благодарности за этотъ, такъ изящный сераль. Ну, придется истощать въ немъ, да и только. Я сильно боялся, что едва-ли Вамъ удастся наградить опущенное въ Питерѣ, а если и такъ, по крайности надо ждать долго и долго; теперь вижу, я ошибся. Вы—мастеръ первой величины въ отыскиваніи подобнаго рода сокровищъ. За то память о Васъ сохранится у владѣющаго имъ навсегда, и онъ, взявши въ руку то или другое, непремѣнно припомнитъ себѣ человѣка, доставившаго это, и благословитъ его сторицей. Что касается остального, я, какъ уже и писалъ Вамъ, отдаюсь въ полное Ваше распоряженіе. Дѣлайте, какъ сами лучше знаете и умѣете. Увѣренъ, выборъ Вашъ будетъ впопадъ. Одного только прошу Васъ: именно, нельзя-ли будетъ Вамъ пріобрѣсть для меня, между прочимъ, слѣдующихъ сочиненій: а) Бочковъ—Дипломатарій Моравскій, сколько его вышло; б) Юнгмановъ—Словарь отъ 801-й страницы до конца; по 801 я имѣю у себя; если бы Вы мнѣ это дополнили, я бы имѣлъ, такимъ образомъ, два экземпляра этого превосходнаго творенія; в) Недостающія книжки изъ Часописа Чешскаго Музея и Часописа про Католическое духовенство, посланныя мнѣ Кронбергеромъ не вполнѣ; спросите его, какія именно не достаютъ и, если можно, ради Бога пополните мнѣ; г) Тѣ славянскія книги, которыя я заказалъ госп. Кронбергеру выписать для меня прошлаго лѣта изъ Будима, Пешта и Загреба, и которыя онъ однако же не только не выписалъ, но даже ни слова мнѣ о томъ не говоритъ, выпишетъ ли, или нѣтъ. Изъ Загреба особенно хотѣлось бы мнѣ получить Гаеву Даницу отъ начала по нынѣшнее время. Скажите, пожалуйста, кстати: издается ли она теперь, подъ какимъ названіемъ, и такъ далѣе? Равно, что тамъ у нихъ дѣется? Я совершенно ничего не знаю и не получаю ни отъ кого о томъ никакого извѣстія, хотя просилъ и того, и другого, а между прочимъ, кажется, и Васъ самихъ! Буде Кронбергеръ откажется, потрудитесь Вы замѣнить его и выписать мнѣ просимое; д) Ярниковъ Словарь тѣхъ церковно славянскихъ (кириловскихъ) словъ, кои находятся и нынче въ Хорутанскомъ языкѣ. Думаю, эту книжку можно вытребовать изъ Цѣловца или Любляны; е) Beckler's Chronik von Bohemia; Boreg's Böhmische Chronica; Zawieta's Krönung d. Mathias, Koenig v. Ungarn etc.; ж) Cochlaei. Historia de bello Hussitico; Lenfant. Histoire sur la belle (sic) des Husites etc.; Balbini. Miscellanea; Его же. Historia de ducibus ac regibus Bohemiae; Bellii. Adparatus ad historiam Hungariae; Его-же. Notitia Hungariae geographico-histor.; Bonfini. Rerum Hungar. Decades; Lucii. De regno Dalmatiae ac

Croatiae; Schmidl. Historia Societatis Jesu provinciae Bohemiae; Timon. Epitome chronologica rerum Hungar.; Ullmann's Alt-Mähren. Всѣ эти книги можно пріобрѣсть у г. Воля (Wohl), Вашего антиквара. Онъ выдалъ списокъ книгамъ покойнаго Кламъ-Мартинца, которыя будутъ продаваться въ концѣ генваря наступающаго года съ молотка; я ихъ тамъ нашелъ. а другія, думаю, можно у другихъ книжниковъ. Еще 3) Kojalowicz Historia Litthuaniae. Не попадется ли она Вамъ гдѣ? И, наконецъ, прикажите кому-либо списать для меня, коли ужъ нельзя имѣть печатнаго, Габернфельда, ровно какъ Жизнь Жижки, Гуса, Іеронима, на чешскомъ, видѣнныя мною у Васъ и, помнится, обѣщанныя въ спискѣ. Вотъ все, что хотѣлось мнѣ имѣть, при возможности съ Вашей стороны, между будущими книгами отъ Вашей десницы. Во всемъ прочемъ полагаюсь совершенно на Васъ, Ваше знаніе и опытность въ Славянскомъ книговѣдѣніи и письменности. Посланное доселѣ Вами чрезвычайно удовлетворяетъ меня; стало быть, можно ожидать того же и впередъ. Дѣлайте, какъ знаете лучше и лучше!

Я, слава Богу, здоровъ и веселъ! Занятій по уши, какъ говорится: весь отдаюся своей кафедрѣ; оттого почти отшельникомъ живу и никого не посѣщаю, даже весьма рѣдко бываю у М П. —На дняхъ вышло „Остромірово Евангеліе". Это просто —чудо, а издателю—честь, слава и вѣчная признательность! При немъ приложенъ даже греческій текстъ, граматика, словарь и разныя филологическія замѣчанія. Именно, какъ говорится, объяденіе да и только!

Прощайте, будьте здоровы и благополучны и не забывайте душевно Васъ почитающаго и уважающаго Вашего навсегда

І. Бодянскаго.

Мой доземной поклонъ свидѣтельствуйте всѣмъ нашимъ знакомымъ въ Прагѣ и внѣ Праги!

Москва,
3-го декабря 1843 г.

9.

Расчитывая дни, думаю, что мы въ одно и то же время получили письма другъ отъ друга, потому что въ одно время ихъ отправили, судя по надписи на Вашей грамоткѣ. Только быстрота тутъ необыкновенна. Никогда еще не удавалось мнѣ получить изъ Праги отзыва на 11-й день. Дивно, предивно. Что же

будетъ при желѣзной дорогѣ, какъ мы проведемъ ее черезъ Бѣлоруссію и Польшу къ границамъ Моравіи? Уфъ, страшно и весело! Давай только Богъ это чудо поскорѣе!... Вы пишете, что недавно отправили Вы письмо къ Сергѣю Семеновичу [1]), въ которомъ просите его отступиться отъ своей покупки Вашей библіотеки, и надѣетесь успѣть въ своемъ прошеніи Дай то Богъ: Заячьи устами пить намъ медъ! Коли онъ поступится (въ чемъ плохо вѣрю), пересылайте мнѣ свою книжницу, какъ она есть, безъ исключенія двойниковъ (дубликатовъ). Это не бѣда: найду я имъ мѣсто у себя потеплѣе Вашего. Только залучить бы ихъ. А отправку ея оставьте до весны. Мы, благодаря Богу, не очень то пускаемся на удалую зимой съ бусурманами заграничными. Будетъ съ насъ и лѣтошняго якшанья съ ними; и то едва успѣешь замолить Бога въ промежуткѣ за такое грѣховодство. А коли кто пустится на подобную удаль, сломить ему, навѣрное, свою буйчую головушку, или, по крайности, не видать заморской усерязи и тиковинокъ; а коли и смилуется когда Богъ, то ужъ развѣ черезъ круглой годочекъ поздоровается съ своимъ товарищемъ: стало быть, тихо ѣдешь, дальше будешь. Повремените лучше до вешнихъ дней, и тогда—съ Богомъ, въ путь-дороженьку снаряжите своихъ ненаглядныхъ. Вѣдь, не стать ужъ спрашивать, куда не нелегъ столбовая въ Московію? Быть посему!...

Я уже просилъ нѣсколько разъ Павла Павловича и, помнится, даже и Васъ написать мнѣ, что тамъ дѣется въ Загребѣ, что я вовсе не могу достать изъ него не только никакой отличьки, но и Данницы. Скажите, ради Бога, не закатилась ли она совсѣмъ? Я было записалъ ее у Рживняча и для себя и для Университета, равно какъ и журналъ Оссолинскаго библіотеки [2]), но вотъ ужъ и годъ миновалъ, а ихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Растолкуйте мнѣ это хоть Вы и побудьте моего книжника выписать и выписывать впередъ оба упомянутые дневника. То же самое сдѣлайте съ нимъ и на счетъ „Сербскога Лѣтописа“, издаваемаго Матицей въ Пештѣ. Пусть онъ выпишетъ мнѣ его за прошлой 1842 и текущій 1843, равно и впередъ. Вѣрить не хочу, чтобы тутъ было что-нибудь особенное, какъ препятствіе, а просто либо лѣнь, либо забывчивость (непростительная для книгопродавца!).

[1]) С. С. Уварову, министру народнаго просвѣщенія. Ср. письмо Ганки къ Погодину отъ 8 ноября 1841 года: Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. Вып. III, стр. 480—481.

[2]) Bibliotéka naukowego zakładu imienia Ossolińskich. Начала выходить съ 1828 года подъ редакціей Ф. Сярчинскаго; съ 1842 года—подъ редакціей А. Клодзинскаго

Еще попросите его, если Вы сами ужъ не можете, какъ о томъ я Васъ умолялъ въ послѣднемъ письмѣ, выписать всѣ тѣ книги изъ Будина и Загреба, что ихъ записалъ у него еще лѣтомъ: онѣ мнѣ больно нужны. Вѣдь, имѣетъ же онъ своего коммисіонера въ Пештѣ, г. Вебера. А изъ Загреба охотно ему пошлютъ тамошніе книжники Гиршфельдъ, Жупанъ, даже тамошняя читаоница. Я написалъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ заглавія нѣкоторыхъ книгъ, кои очень хотѣлось бы мнѣ видѣть въ своей библіотекѣ. Буде можно ихъ Вамъ пріобрѣсть для меня, прошу Васъ доземно, хотя бы мнѣ послѣ пришлось и приплатить еще снова къ прежней суммѣ по расчету. А нѣтъ—скачы, враже, якъ панъ каже, говоритъ м.-русская пословица. Скрѣплю зубы и буду ждать у моря погоды. Прилагаемое письмецо, сдѣлайте милость, потрудитесь отправить, по почтѣ ли или при случаѣ, въ Вѣну г. Кашкадамову, Русу и учителю русскаго языка у проживающихъ въ Вѣнѣ русскихъ. Объ этомъ лучше всего узнать въ нашемъ посольствѣ, куда и послать его, а оно уже найдетъ искомаго. Въ немъ я прошу его переслать въ Прагу г. Рживнячу мой ящикъ съ книгами, оставленный у покойнаго Меглицкаго и попавшій какъ-то послѣ къ нему [1]).

Московскіе банкиры вовсе не имѣютъ никакихъ сношеній въ Прагой, оттого принуждены давать векселя свои на вѣнскихъ. Вся бѣда этого положенія падаетъ на берущаго; слѣдовательно и тутъ, что Вамъ вычелъ Лемель, за то я стою Вамъ.—Почтеннѣйшій старецъ Юнгманъ меня не понялъ. Онъ просилъ меня на занятыя у него деньги выслать ему сочиненія Карамзина; но этого я не могъ сдѣлать: а) потому, что на нихъ можно бы купить цѣлой десятокъ ихъ; б) я и безъ того обѣщалъ ему выслать любимца его, какъ взаимной даръ за его дары мнѣ. Отправляя въ іюлѣ книги, я еще не имѣлъ на готовѣ обѣщаннаго, но прошлой осенью пріобрѣлъ и писалъ о томъ Павлу Павловичу, прося извѣстить объ этомъ старца незабвеннаго. Весной онъ непремѣнно его и еще кое-что получитъ отъ меня на память: рука руку моетъ, говоритъ наша поговорка, и проч.

Учебная книга русскаго языка (Хрестоматія), изд. Галаховымъ, въ числѣ 20 экз. отправлена еще въ октябрѣ: думаю, Вы ее получили уже или же получите къ Новому году по нашему счисленію. Она послана черезъ Мин. Н. П. въ Питерѣ.

Что касается до недостающей страницы въ 1-ой книжкѣ Москвитянина на 1-ый годъ, то я о томъ скажу М. П.; вѣрно,

[1]) О Меглицкомъ см. В. А. Францева Очерки по ист. чешск. возр., стр. 210—212 и сл., прил. XXVII—XXXIII и сл.

не постоитъ. Здоровье мое какъ нельзя удовлетворите
Будьте и Вы здоровы, благополучны и помните Вашего на
О. Бодянскаго

На поляхъ: Нельзя ли, незабвенный Вячеславъ Вячесл
гдѣ-нибудь какъ ни есть достать Histor. Serbiae Pejacsev
То то бы вы меня, какъ говорится, на славу одолжили...

Свидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе всѣмъ знако
и пріятелямъ нашимъ у Васъ, равно какъ и землякамъ м
залетѣвшимъ на Ваши Градчаны. Спаси ихъ, Боже!

Кланяется Вамъ и всѣмъ своимъ добрымъ знакомым
ксандръ Павловичъ Ефремовъ, который былъ этимъ годо
веснѣ у Васъ въ Прагѣ недѣли три [2]). Онъ просто всѣми с
ванъ и съ чувствомъ вспоминаетъ это время. Особенно п
пулись ему Милада и сестрица ея, которымъ и проситъ
питься отъ него низенько, до пояса, по русски. Теперь он
товится тоже къ намъ въ профессоры Географіи. Онъ будет
рый Славянинъ. Поклонитесь также и отъ меня имъ и их
лому незабвенному обществу. Я очень помню его и ста
сдержать свое слово. Въ рукахъ ли у него теперь?...

Москва,
Декабря 22-го, 1843 года.

10.

Давно уже не писалъ я Вамъ ничего, незабвенный
славъ Вячеславичъ, кажется, года два или около того, хот
слѣдовало нѣсколько разъ то сдѣлать не только по старо
мяти, но еще и по нашимъ особеннымъ книжнымъ сношен
Но, признаюсь, эти-то послѣднія и были главной виной
медленности, потому что, получивъ Вашу библіотеку, мн
прежде хотѣлось сказать Вамъ о приходѣ ея ко мнѣ, как
ребравши, да перебравши ее со всѣхъ сторонъ, чтобы з

[1]) Pejascevich, Franc. Xav. a Verocza. Historia Serviae seu
quia XIII de statu regni et religionis Serviae ab exordio ad finem
a saeculo VII ad XV. Colocae 1799.

[2]) А. П. Ефремовъ, кандидатъ Московскаго Университета, п
весному отдѣленію, съ 1839 по 1843 г. находившійся за границе
изученія географіи и бывшій потомъ преподавателемъ всеобщей г
фіи въ Московскомъ университетѣ. Въ альбомѣ Ганки 25—13-г
1843 г. онъ записалъ: „Искренняя благодарность за радушный пр
чувство глубокаго уваженія необходимо должны соединиться въ
кому судьба дала возможность лично узнать васъ".

что говорить. Иначе, отъ поспѣшности могли бы произойти какія либо недоразумѣнія и поклепы, которыхъ между нами никогда не было и не должно быть. Теперь, разобравши Вашу книжницу, за которую позвольте Вамъ принести мою горячайшую, безпредѣльную и вѣчно памятную признательность и душевную благодарность, я могу сказать и написать Вамъ, что она дошла ко мнѣ во всей исправности, за исключеніемъ слѣдующихъ книгъ, о которыхъ прошу покорнѣйше меня извѣстить, были ль онѣ посланы вмѣстѣ съ прочими, или же, почему либо, оставлены Вами у себя? Вотъ онѣ:

1. № 81. Dobrowský, Zbírka českých přísloví. Pr. 1804.
2. № 98. Dalemila Kronika Boleslavská. Ed. Ješína. Pr. 1620.

Вмѣсто ея я получилъ списокъ швабами, хотя въ реестрѣ Вашемъ въ Прагѣ поставлено было именно *печатное изданіе*. Знаю рѣдкость его, но потому-то и жаль!

3. № 152. Jungmana Historie literatury české. Pr. 1825.
4. № 283. Markova Logika. Pr. 1820.
5. № 299. Komenského Manualník. Amst. 1658.
6. № 301. „ Kancional. Amst. 1659.
7. № 304. „ Cvičení v pobožnosti. Pr. 1789.
8. № 326. Paprockého Nová kratochvile. Pr. 1597.
9. № 335. Práva a zřízení zemská král. česk. Pr. 1550.
10. № 336. Práva městská. Litom. 1536.
11. № 337. „ „ Pr. 1701.
12. № 338. Zřízení zemská král. česk. Pr. 1530.
13. № 339. Práva a zřízení zemská král. česk. Pr. 1583.
14. № 340. Práva městská král. česk. Pr. 1582.
15. № 342. Kniha všeobecn. zákon. měst. Pr. 1812.
16. № 343. Hospodář a práva sedlsk. lidu, Veleslav. Pr. 1587.
17. № 346. Fauknara Titulář a formy listův. Pr. 1589.
18. № 347. Práva a zřízení zemská markgr. Moravského. Ol. 1604.
19. № 349. Irinea cest. Pr. 1584.

Всѣ эти книги были прежде въ Вашемъ реестрѣ, которой я списалъ себѣ еще въ Прагѣ при отправленіи его къ графу Строганову. Онѣ, какъ извѣстно, составляли перло въ Вашей библіотекѣ, и теперь этого-то перла нѣтъ у меня!

Далѣе:

20. № 419. Meinert, Libussa. Quartalschrift. Pr. 1802.
21. № 421. Presla Krok. Pr. Съ 1823.
22. № 449. Vuk Stefan. Serbische Grammatik. Lpz. 1824.
23. № 517. Kinsky, Wichtiger Gegenstand v. e. Böhmen. Pr. 1773.
24. № 555. Habernfeld. Bellum Bohemicum. Lugd. Bat. 1645.

И эта рѣдкость была въ Вашемъ каталогѣ, которою Вы не разъ гордились передо мною, говоря, что она назначена Ва-

ми украшать Вашу библіотеку, назначенную для продажи. И вотъ, какъ и прежнія двѣ рѣдкости, она не оказалась у меня. А почему, Богъ вѣсть!...

25. № 567. Herd. Illustratio rerum anno 1419. Pr. 1827.
26. № 568. Alte und neue Zeit zu Prag. 1832.
27. № 583. Pauli Jovii Moschovia. Bas. 1561.
28. № 584. Printz. Moschoviae ortus et progr. Nis. 1662.
29. № 585. Zialowsky. Delineatio ecclesiae orientalis Graecorum. Norimb. 1681.
30. № 586. Baronii De Ruthenorum origine etc. Col. 1598.

И эти четыре послѣднія книги — рѣдкость, бывшая въ Вашемъ каталогѣ при продажѣ.

31. № 589. Dithmar's Chronik, ueb. v. Ursinus. Dr. 1790.
32. № 648. Práva a zřízení Markgr. Moravského. Olom. 1545.

Книга, какъ видите, старая и важная и, однако-же, несостоятельная!

33. № 712. Auge, Beschreibung d. Burg Karlstein. Pr. 1841.
34. № 738. Svobody, Sebrání českých písní. Pr. 1836.
35. № 742. Gerken. Versuch in d. ältest. Gesch. d. Slawen. Lpz. 1778.
36. № 749. Hanky Dějiny české atd. Pr. 1832.

Я знаю, что Вы можете мнѣ сказать: „Вѣдь я Вамъ послалъ книгъ даже больше противу каталогу!“ Такъ; но это большинство очень нерадостно для меня и вовсе не замѣняетъ того, что въ немъ прежде было, особливо нѣкоторыхъ книгъ, о коихъ я выше особенно отозвался. Неужьто мнѣ несуждено ихъ видѣть у себя? А я такъ младенчески радовался на нихъ, пріобрѣтая Вашу библіотеку!...

Впрочемъ, судите сами и разсудите; Вамъ это больше и лучше извѣстно, а я могу очень и очень ошибиться, не зная хорошенько дѣла. Сдѣлайте милость, вразумите меня; не будетъ у меня этихъ 36-ти книгъ, — что дѣлать? По крайности узнаю истинную причину тому и, слѣдовательно, одной думой съ плечь долой, а это—не бездѣлица. Грѣхъ невѣдѣнія — все-таки грѣхъ, а мнѣ, какъ христіянину, не хотѣлось бы грѣшить, особливо въ этомъ случаѣ и именно къ Вамъ, коимъ столько безконечно былъ и, вѣрно, буду впередъ обязанъ. Ваша услужливость, доброта, умъ и, выше всего, безупречность во всемъ, въ дѣлахъ и мысляхъ, словахъ и желаніяхъ, влекли и влекутъ каждаго къ Вамъ, кто только имѣлъ разъ удовольствіе познакомиться съ Вами.

Поздравляю Васъ съ изданіемъ Эмаускаго Евангелія. Въ отношеніи текста и внѣшности оно ничего не оставляетъ желать

но въ отношеніи предисловія (кто его Вамъ переводилъ на Русскій? Плоховато и невѣрно!) я не могу во всемъ согласиться съ Вами, хотя Вы высказывали свое мнѣніе очень осторожно и съ меньшей запальчивостью и увлеченіемъ, какъ это сдѣлали въ одной особой статьѣ объ этомъ же предметѣ. Примите мою душевную благодарность какъ за самое изданіе, такъ равно и за экз., полученный мною въ самый Новой годъ ст. сч. Отъ С. Семеновича было предложеніе нашему Попечителю для выписки Вашего изданія въ Москов. округѣ; графъ передалъ мнѣ это на разсмотрѣніе, и я не только одобрилъ выписку, но даже просилъ отъ себя не откладывать ея въ долгій ящикъ. Не знаю, что-то будетъ. Думаю, однакоже, что дѣло наше состоится.

Не знаю, говорилъ ли Вамъ Павелъ Павловичъ о томъ, что Вы, вмѣстѣ съ Юнгманомъ, Палацкимъ, Коларомъ и др. нѣкоторыми, избраны нашимъ Историческимъ Обществомъ, по моему предложенію, 24 го ноября 1845 г., въ свои *Почетные члены*. По веснѣ я препровожу Вамъ и прочимъ товарищамъ Вашимъ дипломы на это званіе, равно какъ и всѣ изданія Общества за прежнее время. Не худо было бы, если бы и Вы, въ знакъ взаимности, подѣлились и дѣлились своими сочиненіями съ нашимъ Обществомъ: это было бы весьма важно по всему.

Я не пишу Вамъ ничего о литературныхъ и другихъ новостяхъ, потому что много распространился о нихъ сегодня въ письмѣ къ П. И., который, безъ сомнѣнія, подѣлится ими съ Вами охотно.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте искренно и душевно уважающаго и любящаго Васъ Вашего всегда и всюду одинакого О. Бодянскаго.

Чуть было еще не забылъ Вамъ сообщить, что въ *Berthold's* Oekon.-technisch. Flora Böhmens недостаетъ въ моемъ экз. изъ Вашей библіотеки 1-го Abtheil. 3-го Bands, между тѣмъ, какъ 2-го Abtheil. *два экз.* Потрудитесь обмѣняться со мною.

Москва,
8-го апр. 1846 г. ст. сч.

11.

Вотъ уже двѣ недѣли прошло, какъ я получилъ Ваше письмо, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, и только сегодня собрался отвѣчать Вамъ, отдохнувши отъ чрезвычайнаго напряженія при выдачѣ 4-го № журнала нашего Историческаго Об-

щества, книжица въ 28½ листовъ, въ два столбца, съ картою и снимкомъ глагольскимъ съ Винодольскаго закона. На дняхъ отправляю какъ этотъ №, такъ равно и предыдущихъ три Вамъ и прочимъ заграничнымъ славянскимъ членамъ Общества вмѣстѣ съ дипломами на это званіе. Посылка пойдетъ чрезъ Гартенштейна мимо Татръ и пр. Не знаю, писалъ ли я Вамъ уже о томъ, что Общество Историческое, высылая всѣмъ заграничнымъ членамъ своимъ какъ вновь издаваемыя имъ сочиненія, такъ равно и прежнія, просило бы каждаго изъ нихъ о подобной же взаимности, т. е. подѣлиться съ нимъ своими трудами. Отправленіе ихъ можно устроить чрезъ Галицію же, именно въ Броды, на имя комисіонера Общества, купца Даніила Гартенштейна, для отправленія въ Москву. Этимъ только путемъ отнынѣ Вы и другіе будутъ получать отъ Общества и прочихъ книжныя новости, и этимъ же просили бы и къ нему относиться, яко надежнѣйшимъ и самымъ выгоднѣйшимъ.

Благодарю душевно Васъ за готовность Вашу выслать мнѣ недостающія книги изъ Вашей библіотеки, уступленной Вами года два тому назадъ. Вы знаете, что №№ эти составляютъ красоту цѣлаго собранія Вашего и притомъ, что всего важнѣе, самые нужные для монхъ занятій. А потому, еще разъ просилъ бы я Васъ покорнѣйше потрудиться отправить ихъ ко мнѣ извѣстнымъ вамъ путемъ не позже осени. Вѣрно, что чешскія, особливо старыя книги теперь у Васъ поднялись значительно въ цѣнѣ; но вѣдь сдѣлка наша состоялась совсѣмъ не въ дорогое время, и при томъ я объ измѣненіи въ реестрѣ вовсе не былъ извѣщенъ ни при сдѣлкѣ, ни при посылкѣ самыхъ книгъ и узналъ только, напротивъ, о томъ при повѣркѣ списка съ наличнымъ. Между тѣмъ я, съ съ своей стороны, кажется, вовремя и вполнѣ сдержалъ договоръ. № 98-й показанъ въ каталогѣ какъ посланной, равно и Habernfeld, но ни того, ни другаго нѣтъ у меня на лице, а также и изображеній къ № 749-му. Всѣ прочіе №№, означенные мною въ прежнемъ письмѣ отсутствующими, тоже не находятся, послѣ вторичнаго самаго тщательнаго осмотра, хотя въ реестрѣ не отмѣчены таковыми. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, не замедлить отправкой ихъ ко мнѣ осенью.

Вы пишете, что по веснѣ отправленъ Вами сюда на мое имя ящикъ съ книгами Вашими, именно съ 400 экз. (200 Эмаускаго Евангелія и столько же Началъ Священ. яз.), и я 2-го іюня получилъ изъ Липска извѣщеніе о томъ отъ г. Отерса (Otters), вмѣстѣ съ приложеніемъ счета за доставку изъ Праги до

Любека, по которому просятъ меня, какъ скоро все придетъ сюда, тотчасъ заплатить, т. е. до упомянутаго мѣста больше 5 (пяти) луидоровъ. Къ этому прибавьте еще доставку отъ Любека до Питера, а отъ него до Москвы, что, разумѣется, по крайней мѣрѣ втрое. Не имѣя въ готовности столько денегъ, тѣмъ болѣе что на дняхъ отправляюсь домой на родину (что потребуетъ довольно денегъ), и будучи обязанъ взнести г. Рживнячу свой долгъ въ лѣтніе мѣсяцы (который тоже довольно великъ), я прошу Васъ покорнѣйше всю эту доставку взять на себя, т. е. списаться, съ кѣмъ слѣдуетъ, завременно и принять уплату ея на свой счетъ, извѣстя ихъ о томъ, чтобы они не относились ко мнѣ ни съ какими требованіями. Что до предложенія Вашего уплатить за эту доставку изъ той суммы, которая выручится за продажу самыхъ книгъ, то это—долгая сказка: когда-то и что-то выручится, а между тѣмъ доставщики не станутъ ждать, но потребуютъ тотчасъ мзды своея за сдѣланное. Я и безъ того довольно задолжалъ за книги книгопродавцамъ и самъ теперь бьюсь съ своимъ долгомъ, какъ рыба объ ледъ. Тотъ же книжникъ, кому поручится продажа Вашихъ книгъ, никакъ не согласится за нихъ заплатить впередъ денегъ, т. е. за доставку ихъ, и выручать издержанное по мѣрѣ сбыта. Купцы, какъ извѣстно, любятъ все лицемъ продавать и получать. Зная положеніе нашей книжной торговли, я впередъ вижу трудной сбытъ 400 экз. Вашихъ книгъ: для того потребуется много и много времени. Спросите любого Руса, правду ли я говорю Вамъ.

Теперь о Вашемъ Чехѣ. Я давно это предвидѣлъ, и не только я, но и всѣ здѣшніе, знавшіе его [1]). Кто же виноватъ ему, что онъ не умѣлъ себя поставить на такую ногу въ Москвѣ, чтобы кто-либо обращалъ на него вниманіе, занимался имъ? Онъ самъ причиной того, что пребываніе его здѣсь было ему не такъ то пріятно. Другіе чехи, проживавшіе и проживающіе у насъ, никогда не роптали на Бѣлокаменную, потому что умѣли тотчасъ занять свое истинное мѣсто между нами и понять отношенія другъ къ другу. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода, говоритъ пословица. Вѣроятно, онъ изъ чеховъ принадлежитъ къ этому знаменателю. Пускай его клевещетъ: „собака лаетъ, вѣтеръ носитъ", говоритъ другая пословица, да и Св. Писаніе глаголетъ: „не заградиши уста волу молотящу, ни псу

[1]) Рѣчь идетъ, повидимому, о Гавличкѣ-Боровскомъ. Ср. письмо Шафарика Погодину отъ 2 авг. 1846 г. у В. А. Францева, Очерки, прил., XXIV, и отзывъ Шевырева, у Барсукова, Жизнь и труды Погодина, VIII, 453—454.

лающу" и пр. Однако, во всякомъ случаѣ, мы бы любопытст вали знать, что онъ брешетъ тамъ о насъ. Нельзя ли же пот диться переслать его вранье къ намъ, а тамъ, посудивши, жетъ быть, сами что вздумаемъ. Если же злословіе его относ ся къ одному мнѣ, то тѣмъ болѣе просилъ бы я Васъ о пе сылкѣ его памфлетовъ и потомъ, вѣроятно, рѣшился бы изоб чить всю его недобросовѣстность. Вѣрю, что П. П. могъ бы об зумить его, какъ человѣкъ, пользующійся большимъ автори томъ и притомъ цензоръ, но самъ бо возрастъ имать и вѣс что творитъ, равно какъ и г. Палацкій. Дай Богъ, чтобы то ко не пришлось имъ разувѣряться послѣ въ своемъ поступ Здоровъ ли первый изъ нихъ? Я ужъ давно ничего не получ отъ него. — М. П. Погодинъ на дняхъ отправляется загран въ Швецію, Данію, Германію, Чехи, Грецію, Египетъ, Мал Азію, Европейскую Турцію и черезъ Одессу въ Бѣлокаменн обратно.

Будьте здоровы и не забывайте Вашего искренняго

О. Бодянскаго.

Москва,
8-го іюня 1846 г.

12.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.

Императорскій
Московскій Университетъ.

Императорское Общество
Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Москва.
Іюня 11-го дня, 1846 года.
№ 559.

Его Высокоблагородію,
Милостивому Государю.
Вячеславу Вячеславовичу Ган

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійски въ одномъ изъ засѣданій прошлаго года, по предложенію Сек таря своего, единогласно опредѣлило признать Васъ своимъ Ч четнымъ Членомъ и выдать на это званіе дипломъ, котор теперь, вмѣстѣ съ четырьмя книжками своего журнала и нѣ торыми новыми изданіями Общества, имѣю честь препровод къ Вамъ, какъ къ Почетному Члену онаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданнос честь имѣю быть Вашего Высокоблагородія, М. Г., покорн шимъ слугою Осипъ Бодянскій.

13.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Изъ посылаемаго при семъ счета, представленнаго три недѣли тому назадъ мнѣ г. Вольфомъ, изволите увидѣть, сколько нужно заплатить ему за доставку Вашихъ книгъ изъ Любека въ Москву, которыя пришли сюда и находятся у него пока. Я просилъ повременить до полученія отъ Васъ отвѣта и уплаты, потому что я, какъ извѣщалъ уже Васъ еще въ іюнѣ, никакъ не въ сидахъ взнесть того по причинѣ издержекъ, сдѣланныхъ мною въ поѣздку мою нынѣшнимъ лѣтомъ въ Малороссію. Въ другихъ обстоятельствахъ душевно былъ бы радъ то сдѣлать. Что до того, чтобы взнесъ эту сумму тотъ книгопродавецъ, коему отдадутся книги Ваши на продажу, а самъ бы послѣ выручалъ ее, то это у насъ, по новости сношеній съ вами (т. е. всѣми славянами), — дѣло рѣшительно невозможное. Я не одному уже о томъ предлагалъ, но никто совершенно не рѣшается. Павелъ Павловичъ пишетъ мнѣ, что онъ поручилъ Вамъ Сборникъ червонорусскихъ пѣсень, посланный г. Головацкимъ мнѣ черезъ Прагу, и просилъ Васъ, какъ ни есть, переслать сюда, и что Вы отправили его къ г. барону Шодуару въ Кіевъ; душевно благодарю Васъ за это. Странно только, что посылка эта по сю пору не пришла еще ко мнѣ, хотя я тотчасъ же писалъ къ барону, прося его и съ своей стороны о доставленіи ея; но онъ молчитъ, какъ молчитъ. Не можете ли Вы написать къ нему объ этомъ и узнать, пришла ли она въ его руки, и ежели пришла отчего онъ не препровождаетъ ее ко мнѣ? Симъ Вы чрезвычайно меня обяжете. Получили-ль Вы посланное Вамъ отъ имени нашего Историческаго Общества? Увѣдомите меня о томъ при случаѣ.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте Вашего искренняго почитателя О. Бодянскаго.

Поклонъ всѣмъ помнящимъ меня.

Москва,
3-го сентября 1846 г.

14.

Только сегодня собрался Вамъ отвѣчать, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, на Ваши два письма, первое отъ 14/26 іюля, а второе отъ 25 окт. н. сч., оба прошлаго уже года, но полученныя мною въ одинъ день, именно 15-го ноября. Вы въ нихъ

извѣщаете меня о высылкѣ ко мнѣ двухъ ящиковъ съ книгам
т. е. въ одномъ Ваши: Сазавоэмауское Евангеліе и Начала Св
щеннаго языка Славянъ, каждаго по 200 экз., а во второмъ-
мои недосылки изъ Вашей библіотеки, посланныя нынѣ Вам
въ Питеръ на имя Николая Герас. Устрялова, и при нихъ ещ
сотня „Началъ Свящ. языка Славянъ". На первое скажу Вам
что этотъ ящикъ только мѣсяцъ тому назадъ поступилъ ко мн
когда М. П. Погодинъ взнесъ за пересылку его деньги тому, к
чье имя онъ былъ посланъ изъ Петербурга, и что въ немъ
нашелъ, по вскрытіи, первой книги (Евангелія) только 199 эк
(—1); вмѣсто экземпляра Евангелія положенъ Вами Воцелов
„Labyrinth slawy"; а во второй не досчитался цѣлыхъ 4 эк
слѣд. только 196 на лице. Вы напрасно, опять повторяю, столи
ко наслали ихъ въ Москву: ихъ мнѣ не распродать и въ пят
дѣтъ. Вотъ Вамъ примѣръ. Получивши только первую вѣсть
высылкѣ Вами этихъ книгъ еще въ іюнѣ прошлаго года или д
же въ маѣ, я тотчасъ, въ надеждѣ скораго прихода ихъ, публи
ковалъ продажу въ № 4 „Чтеній" за прошлый годъ, засѣд. ав
рѣльское, и послѣ того, по сю пору включительно, то же самс
дѣлалъ, и что же? Только сегодня, въ теченіе одиннадцати м
сяцевъ, насилу нашелся человѣкъ, который выписалъ экземпляр
Имя его стоитъ Вашей памяти: это графъ Дмитрій Толсто
изъ Риги. Конечно, печальное явленіе эта невнимательность м
ихъ соотечественниковъ къ такому дѣлу, но что правда, т
правда. Можетъ быть, въ слѣдующемъ году, т. е. съ осени, и
будетъ ли какого сбыту имъ, когда я объявлю преподаваніе це
ковнославянскаго языка въ Университетѣ и поручу именно эт
Ваши изданія въ руководство; но теперь вовсе, какъ видит
застой на нихъ. Вы не можете вообразить, что за война у нас
теперь съ Варягами и до какихъ печальныхъ явленій доводи
она. Пока, повидимому, поле за пришельцами и отщепенцам
отъ того невниманіе, равнодушіе, а у нѣкоторыхъ даже и пр
зрѣніе ко всему, что не носитъ пятна западнаго. Они хотя
лучше вѣчно быть запятнанными и въ западнѣ, нежели откли
нуться на голосъ родного и одноплеменнаго. Но мнѣ грустно
больно объ этомъ распространяться теперь передъ Вами; стыд
мучитъ меня, разсказывая Вамъ такія явленія въ сердцѣ Сл
вянскаго міра, когда Вы и подобные Вамъ воображаете, може
быть, совсѣмъ противное. Впрочемъ, возвращаясь къ Ваши
книгамъ, я обѣщаюсь извѣщать Васъ всякую треть (т. е. ка
дые 4 мѣсяца) о числѣ сбытыхъ экземпляровъ, и, по Ваше
желанію, пересылать Вамъ вырученныя за нихъ деньги. Тепе

обращусь уже ко второму, т. е. къ ящику съ книгами изъ Вашей библіотеки, поступившей ко мнѣ. Я уже, помнится мнѣ, разъ извѣщалъ Васъ о томъ, что ящика этого ко мнѣ по сю пору нѣтъ какъ нѣтъ изъ Питера отъ г. Устрялова, и просилъ даже Васъ написать къ нему, получилъ (ли) онъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ также Вамъ и о томъ, что объ этомъ относился письменно и къ самому г. Устрялову, но онъ (петербургская вѣжливость!) вотъ уже 6-й мѣсяцъ ни полсловомъ не удостоилъ меня. Напослѣдокъ я поручалъ то не одному знакомому въ Питерѣ спросить его о томъ, и онъ ни одному изъ нихъ ни полслова тоже не отвѣчалъ. Что за таинственность? Пожалуйста, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, растолкуйте мнѣ это и потрудитесь написать къ г. Устрялову, если точно книги къ нему отбыли и получены имъ, чтобы онъ не медлилъ высылкою ихъ мнѣ. Отвѣта Вашего объ этомъ я жду съ нетерпѣніемъ, и чѣмъ скорѣе получу его, тѣмъ болѣе буду Вамъ за него обязанъ. Ешиново же изданіе Далимила дошло ко мнѣ давно и благополучно черезъ М. П. Погодина. Поклонъ мой нижайшій всѣмъ знающимъ и помнящимъ меня въ Прагѣ. Въ первыхъ числахъ іюня отправлю Вамъ наши „Чтенія“ за цѣлый годъ: въ нихъ найдете много для себя занимательнаго.

Вашъ искреннѣйшій О. Бодянскій.

Москва,
30 апрѣля 1847.

15.

Письмо Ваше, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, отъ 15/27 мая получилъ я 31-го и по нему тотчасъ же отправился къ г. Вольфу, черезъ посредство котораго присланъ былъ ящикъ Вашъ съ Реймскимъ Евангеліемъ и Началами Свящ. языка. Онъ говоритъ, что къ нему никогда и ни отъ кого не было ни повѣстки о высылкѣ Вами на мое имя съ книгами другаго ящика, ни самаго ящика, но далъ слово сегодня же написать къ тому лицу, которое выслало ему первый ящикъ, съ запросомъ, нѣтъ ли у него еще другаго ящика на мое имя и черезъ его посредство? Впрочемъ, для меня чрезвычайно странно, что Вы, извѣщая меня въ письмѣ своемъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, а полученномъ только въ ноябрѣ, о высылкѣ второго ящика, не упомянули обстоятельно и положительно, на чье имя его отправили изъ Праги и черезъ чье посредство? Напротивъ, Вы ограничились только простымъ: „Н. Г. Устряловъ перешлетъ Вамъ новый ящикъ съ

моими древними книгами", а Н. Герас., по Вашимъ же словамъ, въ послѣднемъ письмѣ, ничего о томъ не знаетъ и потому то, вѣроятно, и не отвѣчаетъ мнѣ на мое письмо къ нему объ этомъ предметѣ. И Вы только на второе мое письмо отвѣчали, а на первое, посланное въ одномъ конвертѣ съ Шафариковымъ еще въ генварѣ, рѣшительно промолчали. Все это какъ-то не клеится. Разумѣется, Вамъ долженъ же быть извѣстенъ хорошо тотъ человѣкъ, кому Вы препоручили отправить этотъ ящикъ, а равно и то лице, на чье Вы его адресовали, мое или Устрялова, или же чье иное? И въ этомъ Вамъ ничего не стоитъ навести справку и розыскать, по горячему слѣду, гдѣ теперь этотъ несчастный ящикъ. Вѣдь жаль же будетъ намъ, если онъ, въ силу такой неточности съ Вашей стороны, не дойдетъ ко мнѣ! И если не дойдетъ, то не я же въ томъ виноватъ, и не мнѣ же слѣдуетъ его отыскать, не зная—не вѣдая тѣхъ лицъ, къ коимъ Вы отправили оной. Вамъ это, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, гораздо болѣе извѣстно и болѣе относится: мое дѣло—полученное въ Москвѣ принять, ни больше, ни меньше, а какими путями оно проходило и черезъ кого, это Вамъ лучше извѣстно. И потому, еще разъ прошу Васъ розыскать это дѣло, черезъ кого и какимъ путемъ ящикъ пошелъ изъ Праги въ Москву, и черезъ чье посредство долженъ былъ кто-либо въ Москвѣ получить оной и потомъ уже мнѣ передать? Повторяю, это будетъ ужасно для меня: я уже и безъ того одинъ огромный ящикъ съ книгами потерялъ по милости г. Гая: за что же мнѣ еще и этотъ губить, и губить только по оплошности господъ посылателей и ненадежности тѣхъ лицъ, коимъ они ввѣряютъ посылаемое? Смилуйтесь, батюшка, Христа ради!

Изъ Питера пишутъ о пріѣздѣ туда В. И. Григоровича, котораго жду я сюда съ каждымъ днемъ. Отъ него надѣюсь о многомъ узнать хорошемъ и худомъ въ его странствованіи и Вашемъ житьѣ-бытьѣ. Жалко отъ души о непріятностяхъ Вамъ со стороны г. П.: это не честно и не водится между близкими людьми. Жаль, сто кратъ жаль!

Книги Ваши по сю пору не раскупаются, хотя въ каждомъ № „Чтеній" объявляются ежемѣсячно. Единственная надежда на сбытъ ихъ здѣсь съ открытія университетскихъ лекцій осенью, когда студенты обратятся къ нимъ, по моему назначенію, какъ къ руководству при слушаніи моихъ чтеній о Церковно-славянскомъ языкѣ. И я могу съ Вами повторить: „Взаимность, взаимность—золотое слово, но только на языкѣ, а не на дѣлѣ!" Скоро получите Вы „Чтенія" за истекшій годъ, въ коихъ, на-

дѣюсь, найдете довольно занимательнаго, и еще кое-какія книги отъ меня.

Вашъ преданный О. Бодянскій.

Москва,
2 іюня 47.

16.

Я думаю, Вы уже изволили получить мое послѣднее письмо, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, посланное въ прошломъ, кажется, мѣсяцѣ. На сихъ дняхъ г. Устряловъ, наконецъ, благоволилъ прервать свое мудрое молчаніе и не только увѣдомить меня о полученіи имъ отъ Васъ книгъ, отправленныхъ Вами еще въ іюнѣ прошлаго года, но даже и самыя ихъ лицемъ выслать мнѣ, которыя вотъ уже третій день въ моихъ рукахъ. Слава Богу, что дѣло это такъ кончилось! Онъ жалуется на Васъ же, что, де, давно бы выслалъ мнѣ ихъ, если бы Вы написали ему, для кого и куда назначаете ихъ, а то какъ же мнѣ,—прибавляетъ,—посылать было оныя къ Вамъ, коли я того не зналъ ни сномъ, ни духомъ? Стало быть, Вы же, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, сами надѣлали такой суматохи своей неточностью. Но, повторяю, слава Богу, что это такъ кончилось! Впередъ наука въ дѣлѣ разсылки книжнаго товара. Благодарю Васъ отъ души за высылку этихъ недостающихъ книгъ, хотя тоже кой-чего не досчитался съ „Росписью". Впрочемъ, быть можетъ, недостающее и у Васъ въ ней поставлено по недосмотру; а хоть бы и не то, все-таки оно не такъ важно, чтобы стоило о немъ хлопотать. Еще разъ благодарю Васъ за это отъ искренняго сердца. Дѣло наше покончено. Аминь!

Въ сентябрѣ я читаю о Церковно-славянскомъ языкѣ и надѣюсь, какъ писалъ Вамъ, сбыть нѣсколько экземпляровъ Вашего Эмаускаго Евангелія своимъ слушателямъ, но не болѣе, какъ только нѣсколько, потому что вотъ уже пошелъ другой годъ, какъ я публикую постоянно въ каждой книжкѣ журнала „Историческаго Общества" (Чтеніяхъ), а всего на всего купленъ одинъ лишь экземпляръ, о которомъ я писалъ Вамъ уже, помнится, и то изъ Риги, графомъ Толстымъ! Такова еще у насъ препрославленная взаимность! Я думаю, что Вашей „Краледворской рукописи" можно бы сбыть также при началѣ лекцій нѣсколько экземпляровъ, а потому, если Вамъ угодно, потрудитесь переслать ихъ черезъ Павла Павловича (съ его посылкой книгъ, слѣдующей каждые 3 мѣсяца) экземпляровъ 20 этого со-

чиненія (Краледворской рукописи) и вмѣстѣ съ тѣмъ назначьте цѣну ей. Деньги же за нее получите по продажѣ, осенью, черезъ Броды (посредствомъ корреспондента Общества Историческаго). Еще просилъ бы я Васъ покорнѣйше, нельзя ли Вамъ заставить кого-либо на мой счетъ списать сочиненіе Ваврижинца зъ Бржезова о Гуситской войнѣ, отрывки коего помѣщены были въ Музейникѣ? Оно вѣдь недавно открыто и, сколько сужу по объявленному, чрезвычайно важно. Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ въ этомъ: я бы очень желалъ получить его къ сентябрю (путемъ, выше означеннымъ), а деньги за пересылку выслалъ бы тотчасъ же по полученіи, а если угодно, пожалуй, и впередъ, какъ скоро напишете мнѣ, во сколько примѣрно обойдется. Не откажите!

Вашъ искреннѣйшій почитатель О. Бодянскій.

На полѣ: Книги и „Чтенія" высылаются на дняхъ къ Вамъ черезъ Павла Павловича.

Москва,
23 іюня 1847 г.

17.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Посылочку Вашу, т. е. 20 экз. Вашей Краледворской рукописи и столько же Чешскаго Правописанія изд. 1847 г., получилъ я вчера, за что примите мою живѣйшую благодарность. Первую сбуду навѣрнякъ и даже готовъ впередъ за нихъ выслать Вамъ слѣдуемыя деньги (по 15 кр. сер. за экз., по Вашему расчету, всего 5 гульд. Минце) при первомъ удобномъ случаѣ, а распродажа 2-го едва-ли возможна у насъ. Я, впрочемъ, и не думалъ объ этой послѣдней. Что до Эмауск. Евангелія, то оно разошлось до сихъ поръ только въ числѣ 7 экз. Что прикажите дѣлать съ такою убійственною холодностью нашихъ Москвичей? При первомъ желаніи Вашемъ я готовъ выслать даже имена купившихъ Евангеліе, потому что веду имъ списокъ. Любопытно знать, кто занимается имъ.

Я просилъ уже потрудиться пригласить кого либо заняться списываніемъ для меня „*Хроники Лаврентія изъ Бржезова*", съ хранящагося списка въ Вашемъ Народномъ Музеѣ, и снова прошу Васъ убѣдительнѣйше о томъ, т. е. потрудитесь заказать списать мнѣ эту „Хронику" кому либо изъ находящихся при Музеѣ, напр., Г. Г. Дундеру, Гулаковскому, или другому кому.

Деньги вышлю впередъ, сколько напишите мнѣ, или же вмѣстѣ съ Вашими за Краледворскую рукопись, что было бы для меня и удобнѣе, потому что пришлось бы отправлять не *малую толику* (5 гульд. минце), а *позначительньe*, слѣдовательно, ловчѣе взять *вексель*. Сдѣлайте милость, не оставьте этой моей просьбы безъ вниманія и исполненія, и тѣмъ обяжете Вашего искреннѣйшаго отъ души О. Бодянскаго.

О новостяхъ узнаете изъ письма моего къ П. П.

Его Высокоблагородію, Милостивому Государю, Вячеславу Вячеславичу Г. Ганкѣ, въ Прагѣ, въ Чехахъ.

Москва,
4-го Октября 1847 года.

18.

Незабвенный другъ Вячеславъ Вячеславичъ!

Мѣсяцъ тому назадъ получилъ я Ваше письмо отъ 9-го ноября, но, за обузою должностныхъ обязанностей къ сроку, только теперь собрался отвѣчать Вамъ на него. Примите мою искреннѣйшую благодарность за Ваше доброе расположеніе ко мнѣ и то участіе, которое Вы оказали готовностью своею помочь мнѣ въ полученіи вѣрнаго списка съ Лѣтописа Лаврентія изъ Бржезова. Никогда не забуду я этого Вашего благодѣянія. 12 флориновъ С. М. посылаю Вамъ за трудъ г. Дундру при списываніи ея: это та самая сумма, которую угодно было Вамъ назначить въ послѣднемъ своемъ письмѣ. Кромѣ того, препровождаю Вамъ при семъ еще 5-ть флориновъ С. М. за присланные Вами экземпляры Краледворской рукописи послѣдняго изданія. Отъ всей души благодарю Васъ за эту довѣренность. Я бы Вамъ ихъ уже прежде выслалъ, но расчелъ, что лучше и сручнѣе будетъ отправить вмѣстѣ съ Дундровыми, что нынѣ симъ и исполняю. Надѣюсь, что Вы тотчасъ перешлете мнѣ списокъ Лаврентія изъ Бржезова, какъ скоро онъ будетъ готовъ, и притомъ черезъ посредство Павла Павловича; это надежнѣе всего.

Утрата незабвеннаго Юнгмана [1]) невыразимо подѣйствовала на меня. Когда то явится (если только явится!) подобный ему Чехъ! Нынѣшняя молодежь Ваша совсѣмъ иного калибра, сколько слышу и читаю. Много у Васъ измѣнилось въ послѣднее пятилѣтіе и безпрестанно мѣняется, но къ лучшему ли? Дай то Богъ!

[1]) Умеръ въ Прагѣ 14 ноября 1847 года.

О новостяхъ въ мірѣ ученомъ узнаете отъ П. П.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго Вамъ отъ всей души Вашего искренняго почитателя и друга О. Бодянскаго.

Москва,
9-го генв. 1848.

19.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Вчера принесено мнѣ Ваше письмо отъ 23-го дня марта н. сч., но кѣмъ и откуда, не знаю. Судя по почтовой помѣтѣ „Полт.“, догадываюсь, что изъ Полтавы, куда попало, конечно, пересланное Вами одному изъ Вашихъ знакомыхъ, Сушкову, или Шимкову, съ порученіемъ доставить мнѣ. Изъ нихъ ни одинъ ничего мнѣ не пишетъ, а я ихъ не могу спросить о томъ, не вѣдая, кто они и гдѣ, хотя Вы и говорите о нихъ, какъ о помѣщикахъ Кобеляцкихъ. Но чтобы вступить съ ними въ какое-либо сношеніе, нужно знать, въ самомъ ли городѣ Кобелякахъ они живутъ, или же гдѣ въ его уѣздѣ, и притомъ имя и отчество, сверхъ фамиліи. Это тѣмъ необходимѣе, что Вы же просите меня выслать имъ деньги изъ вырученныхъ за продажу Вашихъ изданій „Эмаускаго Благовѣствованія“ и „Началъ Священнаго языка Славянъ“. И тутъ тоже нужно бы знать, сколько именно отправить имъ оныхъ. Но вотъ Вамъ мой счетъ за продажу Вашихъ книгъ: Я получилъ отъ Васъ: 1) „Эмаускаго Благовѣствованія“ *200* экземпляровъ (хотя, какъ извѣщалъ Васъ тотчасъ же, *не сполна всѣ 200*, а чего-то не доставало). Изъ нихъ *роздарено*, по Вашему назначенію (въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, Погодину, Шевыреву, Панову и мнѣ) . . 5

Остается 187

Продано 8

200

Экземпляръ продавался здѣсь по 3 р. серебромъ (какъ стоитъ въ объявленіи при каждой книжкѣ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“).

За 8 проданныхъ экземпляровъ причитается . . . . . 24 р. сер.

Но комиссіонеру по 15% съ рубля ассигнаціоннаго слѣдуетъ, итого съ 10 р. 50 к. ассигнац. (= 3 р. сер.) . . . . . 1 р. 55 к. „

Слѣдовательно экземпляръ обойдется
тогда въ . . . . . 8 р. 95 к. ассигнац.
потому за 8 экз. по 8 р. 95 к. ассиг.
приходится получить Вамъ . . . . . 71 р. 60 к. „
т. е. комиссіонеру . . . . . 12 р. 40 к.
84 р. „
или на серебро . . . . . 24 р.

2) Получено мною отъ Васъ „Началъ Свящ. языка Славянъ" *200 экземпляровъ*.
Роздано тѣмъ же, что и выше, лицамъ,
по Вашему порученію 5
Продано 15
Остается 185
200

Экземпляръ продавался здѣсь по . . 60 к. сер.
Вырученнаго слѣдовало бы . . . . 31 р. 50 к. ассигнац.
или на серебро . . . . . 9 р.
Но комиссіонеру за продажу по 15% съ рубля, слѣдоват., съ 2 р. 10 к. ассигн.
нужно ему . . . . . 30 к. „
потому экземпляръ обойдется по . . 1 р. 80 к. „
итого, за 15 экз. по 1 р. 80 к. ас. . 27 р. — к. „
комиссіонеру за 15 экз. . . . . 4 р. 50 к. „
31 р. 50 к. ассигнац.

Итакъ, за 8 экз. Благовѣствованія + 15 экз. Началъ=23 экз., слѣдовало бы, безъ комиссіи, получить Вамъ 115 р. 50 к.; но за комиссію Благовѣствованія . . . 12 р. 40 к. „
Началъ . . . . . 4 р. 50 к. „
Всего . . . . . 16 р. 90 к. „
Слѣдовательно, безъ комиссіонерныхъ 16 р. 90 к. ас., приходится Вамъ . . . 98 р. 60 к. „
или на серебро . . . . . 28 р. 17 к.

Если Вы находите, что лучше всего будетъ эти 98 р. 60 к., или на серебро 28 р. 17 к., отправить мнѣ къ упомянутымъ Вами выше помѣщикамъ, то въ такомъ случаѣ потрудитесь ко мнѣ доставить одного изъ нихъ *вѣрной адресъ*, т. е. его имя, отечество (по батюшкѣ какъ зовутъ) и фамилію, мѣсто жительства (въ какой губерніи, уѣздѣ, городѣ или селѣ, деревнѣ и т. п.) и званіе (чинъ или должность). Все это у насъ необходимо въ подобныхъ случаяхъ при отсылкѣ денегъ на почтѣ. Буде бы же Вы

нашли эту сумму денегъ недостаточною, прошу покорно тогда извѣстить, что мнѣ съ ними дѣлать, т. е. переслать ли Вамъ ихъ черезъ Банкира, или же черезъ какой случай (напримѣръ, отъѣзжающаго къ Вашимъ Минеральнымъ Водамъ)? Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстите меня и о томъ, что мнѣ дѣлать съ остающимися Вашими экземплярами, которые, какъ видите, въ продолженіе 3-хъ лѣтъ такой плохой имѣютъ въ Москвѣ сбытъ, не смотря на то, что объявлялось о продажѣ ихъ въ каждой книжкѣ „Чтеній" постоянно, а также и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"? По моему мнѣнію, лучше всего будетъ переслать Вамъ ихъ обратно путемъ книгопродавческимъ.

Я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ, но былъ недавно еще очень боленъ. Пановъ, Валуевъ и Языковъ, думаю, Вамъ извѣстно, переселились въ лоно Авраамле: потеря страшная! Прочіе Ваши знакомые кланяются Вамъ и всѣмъ помнящимъ ихъ, равно какъ и азъ.

Что Павелъ Павловичъ? Вотъ ужъ цѣлый годъ минулъ, какъ ни слова отъ него не слышу, равномѣрно ничего не вижу изъ Чещины, въ буквальномъ смыслѣ *ни одного слова больше года.* У насъ въ послѣдніе два года вышло весьма много дѣльныхъ сочиненій, такъ что едва поспѣваешь читать ихъ.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго Вамъ отъ души Вашего О. Бодянскаго.

Москва,
22-го Апрѣля 1850 года.

20.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Напрасно Вы изволите на меня такъ много гнѣваться по поводу промаховъ пана Мацѣёвскаго. Я уже давнымъ давно забылъ, что тамъ помѣщено было изъ его мараньевъ объ Чехахъ въ вѣчной памяти „Чтеніяхъ", а Вы вдругъ поднимаете теперь такую старину. И для чего? Чтобъ сказать, что Панъ намишавъ капусты съ горохомъ въ какомъ то своемъ произведеніи, перетащенномъ на Русскій и мною помѣщенномъ въ повременномъ изданіи. Положимъ (что точно такъ), Вы правду говорите, а тотъ дичь несъ; но неужъто Вы думаете, что издателю повременнаго сочиненія непремѣнно должно всѣ нелѣпости въ помѣщаемыхъ имъ статьяхъ исправлять, поправлять, доправлять, расправлять и т. п.? Довольно, что въ статьѣ перевѣсъ на сторонѣ добраго, стало быть, идетъ; а худое, ложное, вздорное въ ней да испра-

вится тѣми, кто имѣетъ къ тому призваніе, охоту, а главное *время*, котораго у издателя журнала менѣе всего. Аминь!

Вы желали бы сбыть свое изданіе „Эмаускаго Благовѣствованія" и хоть за половинную цѣну въ Бѣлокаменной. Едва ли это возможно, судя по тому, какъ оно, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, идетъ у насъ. Я, по крайней мѣрѣ, многимъ пытался здѣсь навязать его по Вашему предположенію; но никто изъ книжниковъ не вызывается. Что прикажете дѣлать? Таково положеніе нашей книжной торговли, и въ особенности образованія. Вы далеко въ этомъ обогнали насъ, и не только Вы, даже Кіевъ. А отъ чего? Это знаетъ послѣдній, но не мы. Я всетаки повторяю, что лучше всего будетъ, если Вы возьмете свое изданіе назадъ. Въ будущемъ мало для него у насъ улыбающагося, судя по опыту доселѣшнему. Или, не спровадить ли его къ кіевскому Барону, которому такъ посчастливилось съ нимъ? Подумайте хорошенько, да спишитесь съ нимъ объ этомъ.

По желанію Вашему я готовъ былъ отправить, по адресу Вашему же, къ Г. Сушкову, должныя Вами 28 р. 17 к. ср.; но вспомнилъ, что хорошо было бы такъ сдѣлать. Мнѣ нужно Вашей „Кралодворской Рукописи", 9-го изданія (1847 г.), нѣсколько экземпляровъ (цѣна экз. — 20 кр.) для слушателей; а потому я просилъ бы Васъ покорнѣйше переслать мнѣ ея на *десять золотыхъ серебромъ* по слѣдующему адресу: „Въ Лейпцигъ, *Dyck'sche* Buchhandlung, для отправленія книгопродавцу Арльту въ Москву, съ передачей Профессору Бодянскому". Деньги же за нихъ, коль скоро Вы извѣстите меня объ отправленіи этой посылки въ Лейпцигъ, присоединилъ бы къ 28 р. и 17 к. ср. и отослалъ бы къ Г. Сушкову, вмѣсто того, чтобы ихъ переводить Вамъ въ Прагу. Угодно-ли? Буде угодно, потрудитесь меня, какъ можно скорѣе, увѣдомить о своемъ согласіи, чтобы я, не дожидаясь еще прихода экземпляровъ, могъ, по Вашему письму, отправить къ Сушкову деньги (т. е., 28 р. и 17 к. ср. съ слѣдующими, по расчету, за Кралодвор. Рукопись). Если же Вамъ не угодно присоединеніе этихъ денегъ къ слѣдуемымъ Сушкову, то въ такомъ случаѣ, я вышлю Вамъ ихъ черезъ Павла Павловича, въ іюлѣ ст. сч.

Въ Карловары отправилась на дняхъ Москвичка, Ольга Федоровна Кошелева, съ хорошенькой племянницей, Людмилой (доброй знакъ!). Она будетъ у Васъ въ Прагѣ; отыщите ее и познакомьтесь. Въ ней Вы найдете поклонницу Чеховъ, особенно ихъ напѣвовъ и пѣсень. Познакомьте ее, пожалуйста, хорошенько со своей Златой Прагой и со всѣмъ, что въ ней есть хорошаго.

Съ 1848 г. я ничего не знаю, что дѣлается у Васъ и у другихъ, подобныхъ Вамъ, въ литературномъ мірѣ. Потому что ни одной книжки не видѣлъ отмѣченной этимъ годомъ. Слышу только стороной, что даже и Далемилъ, напослѣдокъ, вынырнулъ на Божій свѣтъ. Прошу Васъ покорнѣйше не переставать ссужать меня новостями и стариною міра книжнаго, а я готовъ отплатить Вамъ тѣмъ же изъ нашего Русскаго міра, а буде угодно, и *ходячею* монетою по Вашему увѣдомленію. Музейникъ я имѣю только по 1848 годъ. Поэтому, узнайте отъ Павла Павловича, нѣтъ ли его у него для меня; ежели нѣтъ, я буду Вамъ за него чрезвычайно обязанъ.

Въ концѣ этого мѣсяца высылаю на имя Павла Павловича русскія книги для него, Васъ и другихъ, какъ даръ отъ себя и подобныхъ тому. Слушателей Русскаго языка желаю Вамъ сторицею побольше нынѣшняго: чѣмъ больше этого добра, тѣмъ лучше для большей же части.

Обнимая и цѣлуя Васъ и всѣхъ знающихъ и помнящихъ меня, остаюсь Вашимъ искреннѣйшимъ почитателемъ и поклонникомъ. О. Бодянскій.

У меня пропалъ „Všehrd“; не можете-ли Вы мнѣ его восполнить?

Москва,
16-го іюня 1850 г.

21.

Податель этихъ строкъ, Иванъ Васильевичъ Шоповъ[1]), прибылъ къ Вамъ за мудростью на недуги тѣлесные, т. е. желаетъ слушать въ Вашемъ славномъ университетѣ врачебныя науки. Онъ родомъ Булгаринъ, изъ Фракіи, около Филипополя, учился въ Афинахъ и у насъ, въ Золотыхъ Маковкахъ, года три по словесному отдѣленію. Теперь, почуявъ непреодолимое влеченіе къ Ескулапу, рѣшился записаться въ его ученики. Нѣкоторыя обстоятельства не позволили ему это сдѣлать у насъ, и потому онъ, слѣдуя моему совѣту, направилъ стопы своя къ Вамъ, и, яко же зрите, се во обители Вашей стоитъ, чающе возмущенія воды. Пожалуйста, пріймите его, какъ соплеменника, и надоумьте, какъ быть ему у Васъ на первый разъ. Онъ человѣкъ не изъ среды богатныихъ, но и не изъ числа худыихъ. Во всякомъ случаѣ, совѣтъ Вашъ ему на первыхъ порахъ много можетъ; особенно, потрудитесь представить его учащимъ врачебнымъ хитростямъ.

[1]) О судьбѣ его см. письмо Шафарика Бодянскому отъ 16 окт. 1853 г. въ изд. П. А. Лаврова и М. Н. Сперанскаго, № 77.

Что до моей жизни, то онъ все Вамъ раскажетъ подробно, какъ распишетъ, равно какъ и о всѣхъ прочихъ Вашихъ знакомыхъ и пріятеляхъ, которые Вамъ, при семъ, кланяются низенько и цѣлуютъ цѣлованіемъ душъ любящихъ.

Рукописи Краледворской, о которой я просилъ Васъ, по сю пору ничего не получалъ. Выслали-ль Вы нужное число ея по адресу, сообщенному мною Вамъ, и когда именно? Это обстоятельство было причиной, почему я, по сю пору, удержался отсылкой денегъ къ г. Сушкову, не зная, сколько именно надо приложить къ прежнимъ. Сдѣлайте же милость, извѣстите меня объ этомъ, чтобы мнѣ можно было поскорѣе исполнить Ваше порученіе къ этому господину. По крайности, напишите, выслали-ль Вы просимое, и сколько именно, какая цѣна экземпляру, а тамъ ужъ оно прійдетъ ли, нѣтъ, я сдѣлаю свое дѣло, доложу, по письму Вашему, и отправлю по принадлежности.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго Вамъ отъ души Вашего искренняго

О. Бодянскаго.

Москва,
25-го Октября 1850 г.

22.

Незабвенный другъ Вячеславъ Вячеславичъ!

Три Ваши письма, отъ 30 генв., 5 марта и 7-го мая н. сч., текущаго года, получены мною исправно и въ свое время. По нимъ давно сбирался я отвѣчать Вамъ, но разныя обстоятельства все какъ-то мѣшали тому. Особенно хотѣлось мнѣ что-нибудь рѣшительнаго написать Вамъ о Вашей просьбѣ, а этого нельзя было сдѣлать, не получивъ напередъ отъ другихъ на то данныхъ. Только на дняхъ эти данныя явились ко мнѣ, и я тотчасъ же спѣшу съ вѣстію о томъ къ Вамъ. Именно, еще по первому письму Вашему, полученному мною 2-го февраля ст. сч., я передалъ здѣшнему университетскому книгопродавцу, Базунову, 8-го февраля, *125* экз. „Началъ Свящ. языка", по 60 кр., да *30* экз. „Эмаускаго или Реймскаго Евангелія", по *3* з. сер., для отсылки, какъ Вы желали того, въ Петербургъ, къ тамошнему книгопродавцу, Якову Алексѣеву *Исакову*, въ Гостинномъ Дворѣ, № 22-й, на комиссію. При этомъ я написалъ къ нему письмо и просилъ извѣстить меня о полученіи имъ посланнаго ему, на что пришло ко мнѣ отъ него увѣдомленіе только 5-го сего мѣсяца. Увѣдомленіе это, въ видѣ росписки, препровождаю къ Вамъ при семъ

въ подлинникѣ. Сличивши прежній мой отчетъ о Вашихъ этихъ двухъ сочиненіяхъ у меня съ нынѣшнимъ, Вы легко можете вывести итогъ о числѣ оставшихся на лицо. Что прикажите дѣлать съ ними? 7-го мая сего же года отослано мною, тоже по желанію Вашему, *Ив. Вас. Сушкову*, Предводителю Дворянства Кобеляцкаго уѣзда, Полтавской губ., 28 зол. 17 кр. *серебромъ* за проданныя прежде Ваши книги („Начала Св. языка" и „Эмауск. Благовѣствованіе"), да 4 р. 83 к. *сребр.* за „Кралодворскій рукописъ", 24 экз. 9 изд. (1847 г.), полученный мною въ послѣдній день февраля этого года, черезъ здѣшняго книгопродавца, Арльта. Почтовую росписку въ отсылкѣ мною этихъ 33 з. *серебромъ* (28 з. 17 к. и 4 з. 83 к. = 33 з. ср.) тоже препровождаю Вамъ при семъ. Ваше 3-е письмо опоздало однимъ днемъ, т. е. получено мною 8-го мая ст. сч., на другой день послѣ отправленія мною упомянутыхъ денегъ къ Г. Сушкову. Жаль очень, что такъ случилось. Мнѣ гораздо сручнѣе было бы Вамъ ихъ отправить, чѣмъ этому Господину, отъ котораго вотъ уже прошелъ мѣсяцъ, а не имѣю никакого извѣстія о полученіи имъ этой суммы, хотя просилъ его о томъ убѣдительнѣйше въ своемъ письмѣ. Впрочемъ, получивши увѣдомленіе отъ него рано, поздно, я не премину Вамъ переслать оное, хотя и Вы сами можете написать ему объ этомъ, на досугѣ.

Теперь послѣ дѣловой части моего письма къ Вамъ, перейду къ менѣе дѣловой. Не дивлюсь, что изданія нашего Истор. Общества не доходятъ къ Вамъ съ 1848 г. Въ немъ теперь совсѣмъ иные люди и начала, съ которыми прежніе дѣйствователи и двигатели его ничего не имѣютъ общаго и сходнаго, а также не находятся ни въ какой связи съ ними.

Нынѣшнимъ лѣтомъ сбираюсь отправить отъ себя къ Вамъ кое-что изъ собраннаго мною въ годъ: Павелъ Павловичъ вручитъ слѣдуемое Вамъ отъ меня. А я просилъ бы и Васъ и его покорнѣйше снабдить меня слѣдующимъ: 1) Музейникомъ съ 1848 года. 2) Юнгмановой Исторіей Чешской Словесности въ новомъ изданіи; 3) Палацкаго Исторіей Чешской на чешскомъ; 4) Добровскаго Slavin въ Вашемъ изданіи; 5) Сушила – Моравскія пѣсни 2-го изданія; 6) Шумавскаго Deutsch-böhmisch Wörterbuch съ 9-й тетради (8 есть у меня), и 7) Сочиненія Ранины, вышедшія въ Загребѣ у Гая. Разумѣется, за всѣ ихъ я готовъ, по первому извѣстію отъ Васъ, выслать *деньги*, сколько причитается, равно какъ и за всѣ прочія Славянскія, которыя Вы сочтете *годными* для меня. Пересылать же ихъ прошу покорнѣйше тѣмъ же самымъ путемъ, что и передъ симъ, т. е. черезъ *Липскъ*

Dyck'sche Buchhandlung für Arlt, Buchh. in Moskwa, для передачи мнѣ.

22-го авг. Москва хочетъ праздновать 25-лѣтіе благополучнаго и славнаго вѣнчанія на Русскомъ престолѣ своего Государя. Кланяются Вамъ низенько всѣ Ваши знакомые, особенно Авд. Петровна съ дѣтьми, бывшая здѣсь на дняхъ. Супругъ Ольги Федоровны кажется не ѣдетъ, или же не тотчасъ ѣдетъ къ Вамъ. Поклонитесь и отъ меня всѣмъ, помнящимъ меня. Ивану Васильевичу Шопову потрудитесь вручить прилагаемое письмецо. Вашъ навсегда О. Бодянскій.

Москва,
8-го іюня 1851 г.

23.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Всѣ письма Ваши, отправленныя съ іюня, получены мной исправно, въ свое время. Приложеніе къ одному изъ нихъ гдѣ-то запоздало, но, полагаю, и оно явится когда-нибудь.

За отправленіе книгъ благодарю Васъ отъ всей души; но онѣ тоже не пришли еще ко мнѣ. Вѣроятно, залежатся довольно въ Цензурѣ. Вѣроятно, Вы не означили при нихъ слѣдуемой Вамъ цѣны. Это затруднитъ меня очень. А потому, чтобы сколько-нибудь облегчить и себя и Васъ, я прошу покорнѣйше поспѣшить выслать мнѣ означеніе, сколько за какую книгу причитается Вамъ съ меня, или вообще, сколько за всѣ ихъ. Пока онѣ въ дорогѣ, мы это дѣло обдѣлаемъ, и, слѣдовательно, выиграемъ довольно времени, буде Вы точно забыли выставить цѣну. Павлу Павловичу свидѣтельствуйте, съ его семействомъ, мое нижайшее почтеніе. Я ему скоро буду отвѣчать на его послѣднее письмо.

Ивану Васильевичу также низенько поклонитесь и скажите ему отъ меня, что однѣ только *чисто литературныя* новости занимаютъ меня: о нихъ прошу я его и всякаго другого. Булгарскихъ книгъ, оставленныхъ имъ въ Одессѣ, никто не получалъ въ Бѣлокаменной.

Здѣсь недавно явился какой-то землякъ его, посвящающій себя живописи. Онъ съ годъ учился ей въ Кіевѣ у Иринарха. Если бы вздумалось Вамъ что-либо книжнаго переслать, то путь Питерскій вѣрнѣе всего, даже Липецкаго. Главное же достоинство его дешевизна, между тѣмъ какъ книжники страшно деруть. Провозъ дороже товару.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго Вамъ отъ души О. Бодянскаго.

Москва,
27-го Августа 1851 г.

24.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Письмо Ваше, отъ 4/16 апрѣля текущаго года, дошло ко мнѣ исправно. Благодарю Васъ отъ души за память Вашу обо мнѣ и за тотъ подарокъ, который угодно было Вамъ приложить къ своему письму. Знаете-ли Вы, что это первое, что я, въ послѣдніе годы, прочелъ на чешскомъ языкѣ? Потому что, хотя Вамъ было угодно послать ко мнѣ еще въ августѣ прошлаго года кое-какія книги на чешскомъ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ Вы извѣщали меня о томъ особымъ письмомъ тогда же, однако я ихъ по сю пору не получилъ, не смотря на то, что не одному книгопродавцу поручалъ навести справки о нихъ здѣсь, въ Питерѣ и Лейпцигѣ. Что сталось съ ними, не могу понять. Не можете ли Вы, съ своей стороны, разузнать объ ихъ судьбѣ? Я боюсь потому, чтобы такая же участь не постигла и новой посылки, приготовляемой для меня Вами и Павломъ Павловичемъ, если она пойдетъ тѣмъ же самымъ путемъ. Мое мнѣніе не отправлять ее этой невѣрной дорогой, а поискать другой понадежнѣе, напримѣръ, нельзя ли черезъ кого изъ находящихся при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ и т. п.?

Вы еще просите сообщить Вамъ записку о 2-мъ Отдѣленіи нашей Академіи Наукъ, сдѣланную Вами для Сергѣя Семеновича; это уже я слышу отъ Васъ нѣсколько разъ, и потому, если-бы она была у меня когда-либо, давно бы уже переслалъ Вамъ ее съ величайшею охотою и поспѣшностію. Я ее никогда не читалъ у Васъ, а тѣмъ менѣе сдѣлалъ списокъ съ нея. Что до Михаила Петровича, можетъ быть, онъ и имѣетъ ее, но, во-первыхъ, теперь его нѣтъ въ Москвѣ, а во-вторыхъ, и это главное,—не думаю, чтобы онъ припомнилъ о ней, гдѣ она у него. Впрочемъ, увидѣвшись съ нимъ, по возвращеніи его, напомню ему о Вашемъ желаніи. Мнѣ бы и самому очень хотѣлось съ этой запискою познакомиться[1].

Мой нижайшій поклонъ Павлу Павловичу, Ивану Васильевичу, Г. Станьку съ семействомъ и вообще всѣмъ, кто только знаетъ и помнитъ еще меня.

---

[1] О ней неоднократно упоминаетъ Ганка въ письмахъ къ Бодянскому. Записка эта напечатана была А. С—чемъ въ Кіевск. Стар., 1892, февр., и В. А. Францевымъ, Очерки, прил. стр. XLIV—XLIX.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго Вамъ отъ души Вашего О. Бодянскаго.

Кланяются Вамъ: Авдотья Петровна, Василій Алексѣевичъ и Петръ Васильевичъ, которые теперь здѣсь гостятъ у насъ.

Москва,
16-го Мая 1852 г.

25.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Полагаю, что Вы уже получили мой отвѣтъ на Ваше письмо черезъ Г. Богаевскаго, который доставилъ мнѣ его 13-го прошлаго мая, и за которое я приношу Вамъ мою нижайшую благодарность. Въ немъ Вы извѣщали меня, что сбираетесь отправить ко мнѣ нѣсколько книгъ: я не знаю, какъ и благодарить Васъ за то, тѣмъ болѣе, что вотъ ужъ 5-ый годъ тому, какъ ничего не получаю изъ Славянскихъ произведеній по ту сторону Карпатъ и Дуная. Но увѣдомите, пожалуйста, черезъ кого Вы ихъ отправили, а равно и о томъ, сколько и за что именно причитается изъ нихъ выслать Вамъ денегъ? Въ противномъ случаѣ, не зная того, придется Вамъ довольно поджидать высылки ихъ, т. е. пока не увѣдомите подробно меня о слѣдуемомъ. А такъ какъ и прошлаго года Вы извѣщали меня о высылкѣ какихъ-то книгъ черезъ кого-то, и я ихъ по сю пору не получалъ, то скажите, пожалуйста, что же сталось съ этой посылкой, если только она въ самомъ дѣлѣ успѣла было выбраться въ путь дороженьку? Впередъ, если Вамъ угодно будетъ что-либо переслать мнѣ, особенно по части книжной, то надежнѣе всего отправить то къ священнику при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ (Раевскому), съ просьбой передать то кому-нибудь изъ чиновниковъ посольскихъ. На верхней сторонѣ пакета, или посылки выставьте слѣдующую надпись: „Его Превосходительству, Федору Ивановичу *Гильфердингу*, Г. Директору внутреннихъ сношеній по Министерству иностранныхъ дѣлъ, въ С. Петербургѣ“, а на внутренней—мое имя, въ Москву, въ Университетъ. Этотъ путь вдвойнѣ выгоденъ: первое — надеженъ и скоръ, а второе—безубыточенъ, книгопродавническій же путь и дологъ и дорогъ, а иногда къ тому и ненадеженъ.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ помнящимъ еще меня. Податель этого письма поразскажетъ Вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте искренняго Вашего почитателя и слугу Осипа Бодянскаго.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Недавно дошло письмо Ваше, отъ 6 іюня н. сч., вмѣстѣ съ нѣкоторыми книгами, именно: 1) Музейникомъ за 1850 годъ; 2) Музейникомъ за 1852-ой, и 3) за 1851-ый двѣ послѣднія книжки, да 1-ая за 1853-ій, что съ прежними составитъ за 5-ть лѣтъ (1848—52), слѣдовательно на 10 золотыхъ серебромъ (Guld. C. M.). Кромѣ того, 4) Tomkova Historie Pražské University, díl I, 1 зол. сер. и 5) Hulakovského Abbreviaturae etc., 1 зол. 30 кр., что все составитъ 12 зол. 30 кр. Куда и какъ угодно, чтобы я доставилъ эти деньги, слѣдуемыя Вамъ отъ меня? Что до 10 экз.: 1) Polyglotty Kralodv. Rukop.; 2) Ostromirova Evang. и Dalimilovy Chroniky, то, оставивъ отъ каждаго изъ нихъ по экземпляру для своей библіотеки, согласно Вашему желанію, прочіе тотчасъ передалъ одному изъ надежнѣйшихъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Когда они распродадутся у него, не премину Васъ извѣстить. Я просилъ бы Васъ и впередъ не оставлять меня высылкой Музейника, по крайней мѣрѣ, за годъ, т. е. по истеченіи каждаго года, равно какъ и другими книгами, издаваемыми у Васъ, особенно при Музеѣ имѣющими отношеніе къ *моему предмету*. Только въ такомъ случаѣ не худо снестись напередъ съ Павломъ Павловичемъ, чтобы вдвойнѣ не получать одного и того же, что, кажется, не трудно будетъ Вамъ сдѣлать. Отправлять же можно двоякой дорогой: либо, по прежнему, *въ половинѣ лѣта*, на имя *Бесера* въ Берлинъ (Besser'sche Buchhandlung = Herz), надписавъ мое имя на каждой книжкѣ, либо же, *во всякое время*, на имя *М. Ф. Раевскаго*, протоіерея при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Онъ былъ здѣсь недавно, и я съ нимъ условился насчетъ этого; получивъ отъ Васъ книги, онъ отправитъ при случаѣ (а случаевъ у него бездна), въ Питеръ, откуда безбѣдно перешлются ко мнѣ. Разумѣется, можно и съ путешественникомъ, если надежный человѣкъ и захочетъ взять. Другихъ Вашихъ засылокъ, о которыхъ Вы когда-то извѣщали меня, напримѣръ, о книгахъ съ Гроеровой, по сю пору не приходило ко мнѣ. Гдѣ онѣ и что съ ними?

Благодарю Васъ отъ души за „*Божьственная слоужьба*“, доставленную мнѣ на дняхъ М. П. Славное дѣло! Хвала Вамъ! Давайте намъ побольше Глаголщины! Вамъ это теперь сручнѣе насъ. Мы и съ Кириллицей не совладаемъ, не потому чтобы не смогли, или мало бы ее было у насъ; напротивъ, нигдѣ нѣтъ столько памятниковъ на ней, какъ на Руси, особливо въ Москвѣ,

но то горе, что тутъ столько препятствій предстоитъ преодолѣть, что, наконецъ, плюнешь, да и положишь приготовленное къ печати въ сторону. Вотъ, напримѣръ, хоть бы съ Изборникомъ 1073 года возня у меня 5-й годъ съ цензурой: судите же по этому и о прочемъ. Ехма! Если бы Вы знали, да видѣли, сколько у меня припасено Древнебулгарскихъ памятниковъ для напечатанія... но что толку во всемъ этомъ? Руки связаны десятью [illegible].

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго Вамъ отъ души, Вашего искренняго почитателя и читателя О. Бодянскаго.

Москва,
Сентября 29-го дня 1853 года.

27.

Письмо Ваше, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, отъ 17-го марта, дошло ко мнѣ только 30-го мая. Благодарю отъ всей души за память Вашу обо мнѣ. Что до порученія касательно сахаровара Я. Гофмана, на Моховой, въ домѣ Назарова, то я его нашелъ очень легко, потому что это какъ разъ противъ Университета. Онъ живъ, здоровъ и благоденствуетъ. На вопросъ: „имѣетъ ли онъ брата въ Прагѣ?“ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что другихъ родичей его довольно есть у Васъ, которыхъ и пустился было вычислять.

„Odpowiedz na pytanie W. Hosp. Moskiewskiego na pismie podana Jana Rokyty“ мнѣ извѣстна давнымъ давно въ подлинникѣ, т. е. Русскомъ, и я сбирался было ее напечатать еще въ „Чтеніяхъ“. Теперь, по возобновленіи „Чтеній“, которыя будутъ выходить въ видѣ журнала, какъ предположено было въ 1848 году, 4 раза въ годъ, книгами съ 30 до 40 листовъ каждая, я непремѣнно помѣщу въ нихъ эту отповѣдь. Не худо бы имѣть подъ руками и польскій ея переводъ, для сличенія и разныхъ соображеній. Общество было бы за то весьма благодарно.

Препровождаю къ Вамъ 7-ой томъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*, въ 2-хъ экземплярахъ, одинъ собственно для Васъ, а другой для Библіотеки Народнаго Музея. Кромѣ того, два же экземпляра „Исторіи Сербскаго языка, по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа“, соч. *А. Майкова*, моего ученика, представленное и защищенное на степень Магистра Славянской Словесности въ первыхъ числахъ іюня (6-го). Вотъ какія у насъ диссертаціи на ученыя степени начали поя-

вляться съ нѣкотораго времени; думаю, что они дѣлаютъ честь и пользу Славянской филологіи, да и пишущаго не оставятъ въ тѣни, равно какъ вызовутъ спасибо и его наставнику. Это, впрочемъ, не первый мой ученикъ, т. е. не старѣйшій; другіе не съ меньшими какъ по объему, такъ и достоинству, являлись трудами, но разныя обстоятельства препятствовали обнародованію ихъ по сю пору. Нынѣ, кажется, наступило время и для нихъ, что я надѣюсь, увидите въ непродолжительномъ промежуткѣ. Мой нижайшій поклонъ всѣмъ помнящимъ еще меня.

Въ іюлѣ будетъ у Васъ издатель „Русской Бесѣды", равно и другіе земляки, которые въ большомъ числѣ устремились теперь за родной рубежъ. Пожалуй, Европа приметъ это за нашествіе иноплеменниковъ, и не смотря на знатныя суммы, оставленныя ими у ней, еще осмѣетъ ихъ. И выйдетъ тогда, по малороссійской пословицѣ: „За наше-жъ жыто, да насъ же и побыто" или: „За нашы-жъ гроши, да мы-жъ не хорошы".

Здоровы ли Вы и Павелъ Павловичъ? Обнимая Васъ крѣпко, крѣпко, остаюсь Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

О. Бодянскій.

Податель сихъ строкъ Николай Никитичъ Буличъ, профессоръ Русской Словесности въ Казанскомъ университетѣ. Онъ мнѣ нѣсколько съ родни. Пожалуйста, примите его по-братски и Славянски, покажите и укажите все, что только сочтете нужнымъ для него, какъ профессора и человѣка.

Онъ съ большими способностями, но очень скроменъ. Особенно не худо было бы познакомиться ему какъ можно понагляднѣе со всѣмъ Славянскимъ. Здѣсь, на Руси, естественное влеченіе къ своему и соплеменному частенько ослабляется космополитизмомъ, столько обольстительнымъ для молодыхъ, неопытныхъ, но благородныхъ и слишкомъ впечатлительныхъ душъ. Выгоды и невыгоды его (космополитизма) всего выпуклѣе бросаются въ глаза у Васъ и подобныхъ Вамъ. Нужно, должно умѣть указать на нихъ этимъ добрымъ, воспріимчивымъ созданіямъ. Плоды обличатъ дерево. Каковъ корень, таковъ и отростень, говоритъ нашъ народъ. Когда онъ будетъ уѣзжать отъ Васъ, укажите ему на другія надежныя лица между Славянами, къ которымъ тоже придется ему завернуть послѣ нѣмецкаго люду.

Москва,
25 іюня 1857 года,

28.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Пользуясь отъѣздомъ за рубежъ Руси сотоварища моего

по Университету, Ивана Кондратьевича Бабста, обѣщавшаго непремѣнно завернуть и въ Прагу, а въ ней къ Вамъ, пишу нѣсколько строкъ наскоро.

Съ другимъ Москвичемъ, который недѣли черезъ полторы намѣреваетъ тоже пуститься по солонью, обѣщаюсь поразговориться побольше. Теперь же скажу Вамъ только, что податель сихъ строкъ хочетъ взглянуть на людъ заморскій по своему предмету, т. е. Государственному хозяйству и Статистикѣ, которыя доселѣ читалъ въ Московскомъ Университетѣ, а отселѣ будетъ преподавать ихъ, по возвращеніи изъ путины, осенью, Государю Наслѣднику. Надѣюсь, Вы будете такъ добры, что все замѣчательное своей златой Праги, въ особенности же Народнаго Музея, покажете ему съ обычной Вамъ предупредительностью и отчетностью. Если достанетъ времени, познакомьте его и съ Павломъ Павловичемъ, равно и другими, съ кѣмъ только считаете нужнымъ, особливо по предмету его занятій.

Благодарю Васъ отъ души за присылку польскаго перевода Прѣнія Рокиты съ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ черезъ Г. Враштиля.

Осенью, по всей вѣроятности, напечатаютъ то и другое въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ", которыхъ 1-ая книга (въ 42 листа) вышла уже за первое трехмѣсячіе года еще въ началѣ марта. Разумѣется само собою, что Вы, какъ и прочіе Пражскіе члены нашего Общества, въ скоромъ времени познакомитесь съ нею; съ слѣдующими же за нею въ свое время, по мѣрѣ выхода. Тогда же перешлю я Вамъ и тѣ книжки покойнаго „Временника", въ коихъ перепечатаны „Статуты Литовскіе". Изъ другихъ Русскихъ произведеній, занимательныхъ для Васъ и доступныхъ мнѣ, не премину также малую толику приложити для Вашего чтенія, въ замѣнъ высылаемаго иногда Вами мнѣ черезъ Вѣну. Я бы просилъ Васъ покорнѣйше познакомить меня черезъ Вѣну же съ тою статьею Гануша, которую онъ, слышу, читалъ въ Вашемъ Обществѣ и помѣстилъ въ Запискахъ его, именно „о Глаголицѣ". Вы знаете, что и азъ ломаю главу свою надъ нею. Радъ буду встрѣтить даже совершенно несходное съ моимъ мнѣніе о ней, лишь бы оно было плодъ самобытнаго изслѣдованія человѣка добросовѣстнаго. Съ пристрастіемъ ничего не сдѣлаешь ни для нея, ни для чего другаго въ мірѣ. Рано, поздно, а суровое шитье покажется и заявитъ рубъ свой.

Каково здоровье Ваше и Павла Павловича? Неужели онъ по сю пору не очнулся? Боже мой, Боже мой!

Цѣлуя Васъ, его и всѣхъ помнящихъ меня въ Прагѣ, остаюсь Вашимъ искреннимъ почитателемъ и слугою

О. Бодянскій.

Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, прощаясь, былъ такъ обязателенъ, что вызвался съ собою захватить приготовленные мною экземпляры 1-ой книги „Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1858 г.“, для Васъ, П. И. Шафарика и Ербена, а также три книги „Временника“ 18, 19 и 63, въ которыхъ напечатанъ „Статутъ Литовскій“, равнымъ образомъ для Васъ же. А потому, въ послѣдствіи ждите отъ меня другаго же уже с другимъ Москвичемъ, который, по всему вѣроятію, прибудет въ Прагу въ маѣ.

Вашъ отъ души О. Бодянскій.

Москва,
Апрѣля 28-го 1858 г.

29.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Въ концѣ апрѣля послалъ я Вамъ тѣ книжки „Временника“, въ которыхъ помѣщены „Литовскіе Статуты“. При нихъ слѣдовала и моя грамотка къ Вамъ, которую долженъ былъ с ними вручить лично товарищъ мой, профессоръ Ив Кондр. Бабстъ, отправившійся за рубежъ, какъ говорится, людей посмотрѣть и себя показать. Полагаю, онъ былъ уже у Васъ и доставилъ врученное ему по принадлежности. Я просилъ въ этой грамоткѣ Васъ принять его радушно и показать свою золотую Прагу. Теперь подобная же просьба къ Вамъ отъ меня о подателѣ этого письма, Петрѣ Ивановичѣ Бартеневѣ[1]). Пожалуйста, не откажите ему въ своемъ содѣйствіи касательно всего замѣчательнаго въ ученомъ и народномъ отношеніи въ Прагѣ и вообще въ Чехахъ. Въ особенности ему хотѣлось бы изучить типографіи Пражскія и Вѣнскія; Вы же, по своимъ отношеніямъ, тѣ и другія хорошо знаете и можете служить ему добрымъ словомъ. Петръ Ивановичъ довольно писалъ и любитъ соплеменниковъ и соплеменное, и потому Вы своимъ содѣйствіемъ премного обяжете его

[1]) Бартеневъ расписался въ альбомѣ Ганки 8 дек. 1858 г.: „Еще больше, чѣмъ за гостепріимство и радушіе, благодарю Васъ, многоуважаемый поборникъ Славянскаго просвѣщенія, за высокій, всѣмъ намъ подаваемый образецъ дѣятельности истинно народной, за то, что отъ вашей науки не вѣетъ мертвящимъ холодомъ высокомѣрнаго педантства, и что она, просвѣщая умъ, согрѣваетъ и всю душу“.

и меня, познакомивъ его съ Пражскими личностями, замѣчательными въ дѣлѣ родномъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я просилъ Васъ о какой-то статьѣ Гануша касательно глаголицы, напечатанной, по дошедшимъ до меня слухамъ, гдѣ-то у Васъ. Теперь слышу, что и Павелъ Павловичъ выступилъ съ подобнымъ мнѣніемъ гдѣ-то. Наконецъ таки не выдержалъ. Но дѣло не въ томъ: всякой баронъ имѣетъ свою фантазію, или по Русски—всякой человѣкъ не безъ конька. Дѣло вотъ въ чемъ: не можете ли Вы доставить мнѣ этой статьи Павла Павловича? Онъ болѣе года не пишетъ ко мнѣ, а между тѣмъ вопросъ, поднятый имъ, довольно курьёзенъ и стоитъ того, чтобы знать его не заднимъ днемъ.

Скажите, гдѣ можно справиться о братѣ *Рокытѣ?* У Юнгмана и подобныхъ ему я ничего не нахожу о немъ. Въ Польскихъ источникахъ почти то же. Боюсь, кабы не пропустить чего-либо о немъ слишкомъ важнаго.

Крайне сожалѣю, что не могу теперь же препроводить къ Вамъ съ Петромъ Ивановичемъ 2-ой книги „Чтеній". Она выйдетъ только недѣли черезъ полторы, и тогда я тотчасъ отправлю ее извѣстнымъ Питерскимъ путемъ.

Обнимая Васъ и цѣлуя горячо, остаюсь преданнѣйшимъ Вашимъ слугою и искреннимъ почитателемъ

О. Бодянскій.

Москва,
Мая 26-го дня, 1858 года.

30.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Вотъ и новую красоту препровождаю я къ Вамъ, г-жу Кирѣеву съ дочерью. Я надѣюсь, что Вы не откажетесь показать имъ свою Прагу лицемъ. Обѣ—премилыя и предобрыя Русачки, и, отъѣзжая за родной рубежъ, просили меня дать имъ письмецо къ Вамъ, именно только къ Вамъ. Стало быть, какъ видите, имя Ваше и у насъ прекрасному полу небезъизвѣстно.

Еще передъ исходомъ прошлаго года я отправилъ черезъ Питеръ для Васъ и другихъ Славянъ 3-ью книгу „Чтеній", а съ ней и кое-что другое. Получили-ль Вы это? Оно должно было дойти къ Вамъ отъ М. Ѳ. Раевскаго, изъ Вѣны. Теперь посылаю Вамъ и 4-ую книгу „Чтеній" съ Кирѣевыми.

„Парусъ" свернулся на 3-мъ плаваніи. На его мѣсто строится „Пароходъ", кормчимъ котораго будетъ Ѳ. В. Чижовъ (толь-

ко по имени, въ сущности же прежняго кораблика кормчій, И. Аксаковъ). Это ему наука, чтобъ впередъ былъ поосторожн[illegible] не все-бъ выносилъ на свѣтъ Божій, что готовится въ поварн[illegible] а смотря по обстоятельствамъ. Лбомъ стѣны не прошибит[illegible] а тише ѣдешь, дальше будешь, какъ говоритъ наша пословиц[illegible]

Обнимая и цѣлуя Васъ горячо, прошу не забывать Вашег[illegible] искренняго почитателя и друга О. Бодянскаго.

Всѣ Ваши знакомые Москвичи кланяются Вамъ низеньк[illegible].

Москва,
Февраля 17-го дня 1859 года.

С. Будзинскій [1]).

Szanowny Panie!

Od dawna przeczytawszy kilka wzmianek o dziele: „Obyli[illegible]c Tragedya od Symeona Milutynowicza. Leipzig, 1837. Breitko[illegible]p et Haertel", powziąłem gorącą chęć przyswojenia tego arcydzie[illegible]ła literaturze ojczystej. Wszakże wszelkie poszukiwania, czynione za granicą, okazały się bezskuteczne: w końcu bowiem dowiedziałe[illegible]m się, że autor po wydrukowaniu zabrał cały nakład. Pozostaje [illegible]mi więc jedyna nadzieja w łaskawem pośrednictwie pana: ośmielo[illegible]y słowy W-go W. A. Maciejowskiego poważam się upraszać Pa[illegible]a o nadesłanie mi egzemplarza tego dzieła na ręce W-go Maciejowskiego, a w braku o wyjednanie takowego od autora. Z największą wdzięcznością wszelkie koszta natychmiast powrócę a nawet i dzieło po zrobionym użytku przeszlę nazad, stosownie do woli Pana. Znane uczonemu światu zasługi Pana na polu literatur sławiańskich i uczynność jego oraz interes, naszemu piśmiennictwu okazywany, dozwalają mi spodziewać się pomyślnego skutku mej prośby. Z utęsknieniem oczekiwać będę dowodu Jego łaski, która dozwoli mi ziścić myśl, od dawna ukochaną.

Z najgłębszem poważaniem Stanisław Budziński.

[1]) Stanisław Budziński (р. 1824, † 1897), профессоръ уголовнаго права въ варшавской Главной Школѣ и въ варшавскомъ Университетѣ. Извѣстенъ также литературными трудами и переводами, которые подъ псевд. Болеслава Виктора, помѣщалъ въ различныхъ журналахъ; перевелъ на польскій языкъ драму Кальдерона „Чернокнижникъ" и произведенія Лермонтова: „Хаджи Абрекъ" и „Бѣглецъ".

Приписка В. А. Мацьевскаго: „Zasełając Ci sliczne ukłony, proszę bardzo, ażebyś to zrobił, Szanowny Panie Wacławie, o co w tym liscie proszony jesteś. Wacław Alexander Maciejowski".

Warszawa,
d. 29 Lutego, 1856.

Н. Н. Буличъ [1]).

Глубокоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Ваше любезное приглашеніе на двѣ минувшія чешскія бесѣды, полученное мною въ письмѣ Михайлы Ивановича Сухомлинова, застало меня въ совершенно болѣзненномъ состояніи, такъ что я никакъ не могъ имъ воспользоваться, при всемъ желаніи видѣть Васъ и родственную Прагу. Здоровье мое до того плохо, что, проховравъ здѣсь болѣе двухъ мѣсяцевъ, я съ трудомъ и медленно поправляюсь. Если Богъ дастъ, могу сдѣлать прощальное посѣщеніе въ Прагу развѣ въ концѣ лѣта, возвращаясь на родину, послѣ водянаго лѣченія.

Пріятели мои М. И. Сухомлиновъ и А. Н. Пыпинъ были гораздо счастливѣе меня въ Прагѣ: имъ удалось восхищаться красотою и любезностью чешскихъ женщинъ, о которыхъ я только слышалъ. Первый сообщалъ мнѣ пламенныя описанія въ письмахъ, а второй, живущій въ одномъ домѣ со мной, дразнитъ меня своими восторженными разсказами, что еще болѣе заставляло меня жалѣть о невозможности явиться въ Прагу на чешскія бесѣды. Завидую и Катенину, который передаетъ Вамъ мое письмо.

Въ виду предстоящихъ великихъ событій въ политическомъ мірѣ, гораздо болѣе близкихъ къ вамъ, чѣмъ къ намъ, пожелайте со мною, чтобы наши братья Славяне искупили свои прегрѣшенія, совершенныя ими въ 1848 году противъ своей народности и человѣчества вообще. Пожелайте также вмѣстѣ съ нами, горячо любящими нашу Россію, чтобы ея внѣшняя политика въ настоящемъ была умнѣе прошлой, чтобъ она не измѣня-

---

[1]) Николай Никитичъ Буличъ, историкъ русской литературы, сначала (1850) адъюнктъ казанскаго унив. по каѳедрѣ философіи, а затѣмъ (съ 1851 г.) адъюнктъ и профессоръ (до 1881 г.) по каѳедрѣ русской литературы, авторъ изслѣдованія: „Сумароковъ и современная ему критика", СПБ. 1854, и обширнаго труда: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета" (1805—1819). Т. I и II. Казань 1887—1891.

ла братскому чувству славянъ, къ которому до сихъ поръ отн
силась боязливо, недовѣрчиво, даже предательски, принося и
жертву народное чувство и сознаніе безсмысленной политик
абсолютизма и поддерживая чистою кровью своихъ сыновей п
литическое существованіе страны, исконно враждебной слав
низму.

Странно подумать, что недавнее запрещеніе „Паруса“, к
котораго такія надежды возлагали Славяне, произошло вслѣдств
заграничныхъ представленій: это печальный шагъ назадъ. Тем
впереди и только остается надежды на вѣчный успѣхъ челов
чества.

Простите, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, и н
забывайте душею Вамъ преданнаго Николая Булича.

Берлинъ,
6 марта 1859.

А. Вѣлевскій [1]).

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Mój przyjaciel Lucjan Siemieński [2]) uwiadomił mię, że w Pr
dze daleko piękniej i taniej wydać można polską xiążkę, niż u na
a że mi razem dużo o dobroci i uczynności Pańskiej nagadał, ośmi
lił mię tém do udania się do WMPana Dobrodzieja z następując
prożbą:

Racz łaskawy Panie odesłać te dwa odpisy dziełka „*Ziew
nia*“, które tu załączam, do miejscowej Cenzury. Życzeniem mojér
jest tłoczyć je w Pradze u Spurniego. Jeżelibyś WWMPan Dobr
dziej mógł to wpływem swoim wyrobić, aby długo w Cenzurze ni
leżało, byłbym mu razem z wielą moimi ziomkami wielce obowią

[1]) Augustyn Bielowski (р. 1806, † 1876), польскій историкъ, издате
источниковъ польской исторіи и поэтъ. Въ 1833 г. началъ литературну
дѣятельность переводомъ „Слова о полку Игоревѣ“ (Wyprawa Igora
Połowców); въ 1838 г. издалъ въ Прагѣ сборникъ „Ziewonia“ и „Dur
ki“. Въ сороковыхъ годахъ появляются его историческія изслѣдовані
а въ 1852 г. вмѣстѣ съ Я. Шляхтовскимъ онъ издалъ программу зад
маннаго, по образцу Пертца „Monumenta Germ.“, критическаго издан
источниковъ польской исторіи (Monumenta Poloniæ historica).

[2]) См. ниже его письма.

zany. Na wszelki przypadek racz mię, Szanowny Panie, zawiadomić, czy je zupełnie odbierzesz, i kiedy załączone tu odpisy opuszczą Cenzurę, abym nie tracąc czasu coprędzej z drukarzem się mógł ułożyć. Wiele artykułów mam tylko w tych dwóch odpisach, które przesyłam, dla tego chociażby niektóre z nich przekreśliła Cenzura, zawsze mi one będą potrzebne, i zwrócenie ich sobie zamawiam. Może za parę tygodni poszlę jeszcze parę artykułów, jako dodatek do Ziewonii, i będę łaski Pańskiej upraszał oddać je również do Cenzury; wtedy dopiero załączę dokładny *spis przedmiotów* i wyszczególnię, w jakim porządku drukarz ma je wytłaczać, bo ten rejestr, który teraz na końcu spisałem, jest tylko tymczasowy i nie dla drukarza. Oczekując łaskawej odpowiedzi zostaję z wysokim szacunkiem WWPana Dobrodzieja sługa najniższy

Augustyn Bielowski.

P.P. Jeszcze słów kilka względem druku. Życzeniem mojem jest ten tom Ziewonii wydać takim lub podobnym drukiem, jak mój noworocznik [1]), który zapewne Pan Dobrodziej posiada, i na takim papierze. Co by arkusz druku z takim papierem i w tymże formacie kosztował, raczy mię WWPan Dobrodziej uwiadomić, lecz sądząc z tego, co o *Dumkach naszych* WWPan Dobrodziej Lucjanowi doniosłeś, widzę, że się łatwo z p. Spurnim zgodzimy. Trudniejsza jest rzecz co do korekty, bo poprawnie wydać xiążkę za granicą Polski, chociaż między pobratymcami, sztuka nie mała. Racz mi tedy, łaskawy Panie, donieść czy można dobrego korrektora w Pradze znaleść i kogo? a ja starać się będę wynagrodzić mu za tę żmudną pracę Wiem, że WWMPan Dobrodziej mówi i pisze językiem polskim jak rodowitym; słyszałem także o p. Pospešilu, że polski język gruntownie posiada; ale zajmować ich drogie chwile taką pracą nieśmiałbym, choćby jedynie przez wzgląd, jakiby uszczerbek poniosła ztąd miła nam literatura czeska, przez odrywanie od pióra tyle zasłużonego pisarza jakim jesteś, szanowny Panie, dla swego narodu. Cokolwiek bądź, racz mię tedy i w tej mierze donieść, czy dadzą się przezwyciężyć trudności, jakie dotąd upatruję i racz przyjąć zapewnienia wysokiego szacunku mojego dla Jego osoby i gotowości odsłużenia mu na każde zawołanie.

A. B.

Adres do mnie: Augustynowi Bielowskiemu w xięgarni Kuhna i Milikowskiego oddać.

dnia 10 Marca 1837.

---

[1]) Ziewonja. Noworocznik, wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów. 1834.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Dwa artykuły, które mi się przy pierwszej expedycyi do Pana mimo mej wiedzy wysunęły, pospieszam przesłać Mu dzisiejszą pocztą i tuszę, że się nie bardzo opóźni i z tamtemi razem oddana będzie do Cenzury. Jest to do drugiego exemplarza Numer 8 i 9-ty.

Tą razą niémam WWMPanu Dobrodziejowi wynurzyć nic więcej, jak tylko powtórzyć moją prośbę w przeszłym liście wyrażoną i zapewnić Go o rzetelnym szacunku, z którym zostaję WWMPana Dobrodzieja sługa najniższy

Augustyn Bielowski.

Z wspomnionym dodatkiem do Ziewonii załączę też dwie ryciny na miedzi do artykułu o Bołdach, przez p. Kielesińskiego rytowane, które tylko odcisną się w Pradze, o co także łaski WWPana Dobrodzieja upraszać będę, aby je oddał do jak najlepszej litografii. Jakiebykolwiek koszta poniosł WWMPan Dobrodziej przezemnie, racz mię, łaskawy Panie, zawiadomić, abym mu je jak najrychlej zwrócić pospieszył.

Lwów,
12-go Marca 1837.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Odebrałem pierwszy arkusz Ziewonii [1]). Cieszy mię, że przynajmniej teraz prędzej pójdzie drukowanie, bo dotąd bardzo powoli się wlekło. Czcionki pana Spurnego są piękne wcale, ale papier na Ziewonii bardzo wiotki i podlejszy, niż na dawnej Ziewonii. Winienem to zapewne staraniu pana Dobrodzieja, że tak mało usterków znalazłem w wyciśniętym arkuszu, cieszy to wszystkich polaków, że w Pradze nie tylko język polski dobrze rozumieć, ale i poprawnie drukować umieją. Cztery ważniejsze myłki, na przyłączonej karteczce czerwono podkreślone, radbym widział na ostatnim arkuszu poprawione, bo zdają się sens zmieniać; reszta są to tylko lekkie przekręcenia zgłosek, lub nie kreślenia polskiego *ł*, co trudno czasem rozeznać. Powtarzam, że z druku i korrekty jestem zadowolony, co troskliwości Pańskiej winien jestem. Rów-

[1]) Ziewonia. Zebrał i wydał A. B. Rok drugi. Praga 1838. W tłoczni Jana Spurnego.

e też Bołdy odciśnione są jak tylko można dobrze i pięknemi
oskami podpisane. Załączam tu na dwie ręce odpisany wiersz
od napisem: Lipiński. Racz pan Dobrodziej rozważyć, czy nie bę-
ie można, pokazawszy go wprzód szanownemu panu Cenzorowi
uzyskawszy jego zezwolenie, wydrukować w Ziewonii. Najsto-
wniej byłoby umieścić go między „Rozprawą o dramatyczności"
„Pismienictwem sławian" w to miejsce, gdzie miał być Epilog
ymazany. Druga i ostatnia prośba moja jest, aby, gdy się będą
asze Dumki drukować, wydrukowano dumkę o *Doboszu* według
go poprawionego odpisu, który tu przyłączam [1]). Rozumie się,
i do tego wezwać wypada szanownego Cenzora o pozwolenie.
oprawiałem tę dumkę jako artysta, chcący zbliżyć do doskona-
ści swój utwór. Niespodziewam się, żeby Cenzura mogła mieć
kolwiek przeciw tej poprawie. Jeśliby w tem miała zachodzić
kowa trudność, to proszę wyrzucić całkiem dumkę o Doboszu.
o samo z wierszem „Lipiński", jeśli nie będzie można. Bardzo
usznie kazałeś Pan drukować *spię* a nie *śpię*, tak wymawiają
szyscy polacy, dziwném jednakże omamieniem drukują najczę-
iej w nowszych dziełach: śpię, śpiewam, śpiew, piśmiennictwo,
miast spię, spiewam, spiew, pismiennictwo i t. p., wbrew po-
szechnemu wymawianiu. Już teraz oddaję pańskiej pieczy całko-
ite dokonanie zaczętych dziełek i spodziewam się za trzy lub
tery tygodnie Ziewonię całą we Lwowie oglądać. Proszę wcze-
nie uwiadomić mię o ukończeniu druku i nadesłać całkowity ra-
unek za Ziewonię, abym mógł jak najprędzej posłać panu Spur-
emu resztę pieniędzy. Sześć lub siedem egzemplarzy proszę przy-
ać Eilwagenem, resztę przez furmana, którym jak mi p. Jabłoń-
i powiada, półpiąta, czy pięć fr. płaci się od Cetnaru. Proszę mi
nieść, ile exemplarzy możnaby rozprzedać w Czechach, i tako-
ą ilość zatrzymać zaraz na miejscu. Dobrzeby było, żeby Pan
obrodziej i rycinki Bołdów nie wszystkie mi tu nadesłał do Roś-
szewskiego [1]), jak to w karteczce Pańskiej wyczytuję. Druk Zie-
onii, jak z pierwszego arkusza widzę, jest dość ekonomiczny,
może i nadto. Niezawadziłoby było przed powieścią „Ogrody
oeci" zostawić białą ćwiartkę z tytułem i godłami, tak, naprzy-
ad, jak „Cień Barbary" w dawnéj Ziewonii. Spodziewam się, że
k będą drukowane dalsze artykuły większe, jak jest: *Henryk po-
żny*; *Dwa poświęcenia się*; *o Dramatyce*. Zaglądnienie do dawnej
lewonii objaśni lepiej pana korrektora w tej mierze.

[1]) Adam Junosza Rościszewski, галицкій помѣщикъ и писатель,
другъ Ганки, состоявшій съ нимъ въ обширной перепискѣ.

Zostaję z winnym szacunkiem WWPana Dobrodzieja prawdziwym sługą A. Bielowski.

Lwów,
24 Sierpnia 1837.

4.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Sprawiedliwa pańska uwaga, że rękopis Ziewonii pisany dla polskiego sadziciela, bośmy wtedy niespodziewali się jeszcze, że będziem w Pradze musieli drukować go. Znam niedokładność rękopisu i już z tej samej przyczyny inaczej się na myłki zapatrywać winienem, ale nawet to pominąwszy znachodzę wytłoczenie nadesłanych mi arkuszy bardzo poprawne, co tylko szczególniejszém czuwaniem Pana wytłumaczyć sobie mogę. Kilka myłek, które w drugim i trzecim arkuszu znalazłem, a to takich, co sens psują, załączam tu na karteczce, aby ich, jeśli można, na końcu dziełka odwołać. Widzę, że byle tylko artykuł dobrze był przepisany, tedy żadnego błędu w druku niema, jak na przykład o Bołdach, który ja swoją ręką i dość poprawnie przepisałem. Najmniej poprawnie spisana powieść Siemieńskiego, i dla tego więcej błędów, piesń ruska, przytaczana dwakroć w tej powieści, powinna by cursivo być drukowana i więcej odstępu koło niej, tudzież nawias („). Aleśmy w rękopisie tego nie dali, aby nie zwrócić na to nadzwyczajnej uwagi Cenzora i nie wzbudzić podejrzenia. Ostatnich arkuszy papier jest jakiś tęższy, dobrzeby było, aby takie wszystkie były. Przypominam sobie, że w artykule o Kolarze spomniałem pana Karola Zappe w dopisku. Zowie się on właściwie *Karol Władysław Zap*, nie Zappe, i tak go w rękopisie niech Pan za wczasu poprawi, aby niebyło myłki. Spodziewam się, że pan Spurny postara się o ładne okładki dla Ziewonii, i oto bardzo proszę. Nadewszystko upraszam, aby na okładce niebyły litery kolorowe, bo te i nietrwałe są i szpecą wszelką drukowaną książkę. Niech tylko będą litery ładne, a zresztą dość pojedyńczo. Litery takie jakiemi w tych arkuszach wydrukowano *Praga* tudzież *kobieta* nie podobają się tu u nas, przynajmniej nie kłaść ich na okładkach.

Prosiemy pana Spurnego, aby na Dumki dał taki papier, jak na *Spisach Machy*, a format rękopisu Kroledworskiego, pańskiego wydania z r. 1835.

Zostaję z wysokim szacunkiem WWPana Dobr. prawdziwy sługa A. Bielowski.

Chciej Pan Dobrodziej wyrozumieć u p. Spurnego, czy nie możnaby wstęp do Dumek: „Wstańcie odgłosy z rodzinnej ziemi“ i t. d. na osobnym arkuszyku w kilku lub kilkudziesiąt exemplarzach wytłoczyć? W tym razie możnaby zacząć liczbowanie Dumki I, którą jest teraz Rusałka, liczbami arabskiemi od pierwszego, a na pomienionym wstępie położyć liczby rzymskie I, II etc.

Lwów,
8-go Września 1837.

5.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Czekam na ostateczny obrachunek p. Spurnego, który skoro mi przyśle, będę się starał posłać mu należytość. Jeżeli druk Dumek skończony, niech tu przyśle z dziesięć exemplarzy pod adresą: „Augustowi Wysockiemu w domu pani Komarnickiej na Halickiem“. Dwadzieścia exemplarzy zaś pod adresą: „An Herrn Gualbert Pawlikowski Gutsbesitzer, per Przemyśl, Czehinie in Medyka“. Resztę exemplarzy posłać trzeba do Krakowa z Pragi do drukarni St. Gieszkowskiego, gdzie je Lesław Łukaszewicz odbierze. Daruj Pan Dobrodziej, że go śmiem kłopotać mojemi interesami, ale to może jedna z ostatnich usług, które od Pana Dobr. żądam. Niespodziewane przeszkody, jakich doznałem w tłoczeniu moich xiążek, a bardziej w ich rozprzedaniu, są powodem że w sprowadzaniu ich muszę być ostrożniejszym i dla tego niech całe prawie wydanie Dumek idzie do Krakowa, bo tu gotowi mi zabrać tak, jak Ziew., którą właściciel hrabia Alexander Dunin-Borkowski dotychczas odebrać nie może. Bądźcie panowie przekonani, że oddając xiążki do cenzury niebyło naszym zamiarem najmniejsze oszukaństwo i dla tego spodziewamy się, że tenże sam urząd dostojny obstanie przy swej powadze i ujmie się za tém, co raz uznał za stosowne do druku. Jeśli Pan Dobr. będzie łaskaw zająć się odesłaniem exemplarzy w miejsca wyż wypisane, bardzo mu wdzięczen będę. Dziesięć zaś exemplarzy Dumek rozdaj Pan Dobr., komu się podoba, jak Ziewonię. Składam tysiączne dzięki za dotychczas ponoszone fatygi, najniższy sługa

Aug. Bielowski.

An Sr. dem Herrn Venceslaus v. Hanka, Direktor des böhmischen Nationalmuseums in Prag.

6.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Wczora odebrałem list od p. Spurnego i resztę arkuszy Zi wonii. Załączył mi też obrachunek za Ziewonię i Dumki; wedł tego należy mu się za druk i papier Ziewonii 116 fr. 45 kr. M. kon Posyłam do dawniejszych 20 fr. konw.; racz mu Pan Dobrodzi powyższą sumę zapłacić i zalecić, aby mi Ziewonię jak najprędz przysyłał. Sześć lub dziesięć exemplarzy racz mi pocztą lub szy kowozem przysłać; ma się rozumieć nieoprawne. Przez p. Roś szewskiego posyłam panu dziesięć rycin Bołdów do tych exempl rzy Ziewonii, które Pan będziesz łaskaw rozdać między literató czeskich, o co Pana już w dawniejszym liscie prosiłem.

Oświadcz Pan p. Spurnemu, że skoro tylko ukończy dru Dumek i mnie zawiadomi, poszlę mu natychmiast należące się pi niądze za nie; przypominam tylko, że papier ma być nierówn piękniejszy, jak na Ziewonii.

Załączam tu list do p. Spurnego i *znaczniejsze mylki* do spr stowania ich na końcu. Ponieważ pierwszego półarkuszka Ziew nii niemam pod ręką, więc mylek z niego nie wypisałem, tyll z dalszych, jeśliby tam była jaka znaczniejsza mylka, racz ją P Dobrodziej dodać do tych, które tu spisałem. Powstały one wsz stkie winą naszą, bośmy źle odpisane rękopisy Panom posła przekonywam się o tém z mego Henryka, w którym ani jedn mylki nieznajdzie, bo rękopis staranniej był nieco spisany.

Zostaję z wysokim szacunkiem WWMPana Dobrodzie prawdziwy sługa Bielowski.

P. S. O okładkach nic mi niespomniał pan Spurny, pros aby były ile możności ładne, a przynajmniej takie, jak na przeszł Ziewonii, wszelki koszt za to wrócę przy dalszym obrachunku.

Adres do mnie: albo—na Halickiem № 449, albo—w xięgarni Mil kowskiego.

Lwów,
26-go Października 1837.

7.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Ziewonię podziśdzień nieodebrałem, prócz sześciu exempl rzy przez pocztę. Posyłam p. Rościszewskim 40 żądanych rycin exemplarzy, które w Pradze zostały do sprzedania. Cena bez r

baty jest 1 f. 20 kr. srebrem, czyli cztery sorokowce. Jeśli by po tej cenie trudno było rozprzedać ten tomik Ziewonii, na tenczas upraszałbym o przesłanie ich do xięgarni Milikowskiego. Czytałem onegdaj wzmiankę o Ziew. w Ost und West przez p. Kaubka. Miła nam była jego życzliwość; spodziewamy się przecież, że on przyjedzie do nas do Lwowa, jak i dawniej miło nam było mieć go między nami. Przy rycinach załączyłem kilka karteczek z moim przypisem dla literatów czeskich, których spamiętać mogłem. Zresztą zostawiam rozdanie woli pańskiej. Radbym widział papier, a może już i próbę *Dumek*. P. Spurnemu łączę ukłon.

WWMPana Dobr. sługa prawdziwy Bielowski.

Lwów,
6-go Grudnia 1837.

8.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Racz Pan Dobrodziej zapłacić Panu Spurnemu z pieniędzy, które tu załączam, ryńskich monetą konwencyjną 63 i krajcarów 6; jest to ilość, która mu się według jego własnego obrachunku należy. Ponieważ z Panem Spurnym co do adresy, którą mu posłałem, zrozumieć się nie możemy, tedy śmiem upraszać łaski Pana, abyś w ten sposób Dumki rozesłał: Exemplarzy 10 dać na dyliżans do Lwowa i napisać na wierzchu: An Fräulein Julie Cetwińska, in der Apotheke des Herrn Tarasiewicz abzugeben. Nic więcej. Exemplarzy 20 równie dyliżansem czyli Eilwagenem zaadresować: An Herrn Gualbert Ritter von Paulikowski über Przemyśl und Czechinie nach Medyka. Exemplarzy 50 zostawić w Pradze i sprzedawać po 30 krajcarów srebrnych; dziesięć zaś exemplarzy żądam i proszę Pana Dobrodzieja rozdać bezpłatnie literatom czeskim. Reszta całkowicie przesłana ma być wprost z Pragi do Krakowa i zaadresowana: Herrn Lesław Łukaszewicz in der Buchhandlung des Stanislaus Gieszkowski.

Myłki, które w dalszych arkuszach Dumek napotkałem, załączam tu, także kartkę jedną z rękopisu, którą mi pan Spurny przysłał. Mój rękopis Dumek oddałem był p. Siemieńskiemu poprawnie spisany. Przekonałem się teraz, że pan Siemieński winien temu, iż myłki się nachodzą, bo niedopilnował, aby przepisywacz bez błędów i bez wypuszczeń całych zwrotek kopiował mój rękopis. Opieszałość taka jest nie do darowania. Dumkę o Doboszu chciałem był opuścić, jeżeli późniejszy jej exemplarz nie mógł być dru-

kowany. Wiem, żeście Panowie zrażeni byli kłopotami z powo[illegible] Ziewonii, ale wypuszczenie dumki o Doboszu było zupełnie co in[illegible] nego, niżeli ów przypisek czy objaśnienie, i można ją było śmiał[illegible] wyrzucić. Niech Pan będzie łaskaw, jak skoro rękopis Ziewoni[illegible] odeszle cenzura wiedeńska, każe mi odpisać *cały* artykuł mój o Bołdach, którego połowa przemazana była. Bardzo Panu wdzięczen będę za to, bo go niemam na drugą rękę odpisanego, a jest mi potrzebny. Przesyłając exemplarze Dumek pod adresami, które wyżej wymieniłem, dobrze byłoby nie pisać na wierzchu, że to są książki lecz juridische Schriften, albo coś podobnego, bo tu we Lwowie niełatwo oddają xiążki. Zresztą zostawiam to rozsądkowi Pana Dobrodzieja. Czy zwrócono w Pradze owe 50 exemplarzy Ziewonii, które tam zostały, lub nie, — racz mi Pan donieść. Jeżeli zwrócą, proszę je odesłać Łukaszewiczowi do Krakowa. Czy niemógłbym dostać choćby jeden exemplarz dla siebie, bo niemam żadnego. Przecież możeby się znalazł w drukarni. Wszystkie exemplarze tu posłane schwytano na rogatce i leżą w policyi. Niezawiadomiono o tym ani mnie, ani właściciela i do dziś dnia ani słychu o tém, co z niemi zrobią. Mnie o nie nie pytano, tylko o jakieś sześć exemplarzy, których ja niemam. Chlubna wzmianka Pańska o Dumkach jest nam wielce miłą; chcieć Pan być pewnym, że cokolwiek dobrego znajdzie kto w owych dwóch xiążkach, winien to będzie w znacznej części staraniom i gorliwości Pana. Nam zostaje obowiązek wypłacić się równą bezinteresowną usługą, skoro Pan od nas takowej zażądasz. W tych dniach czytałem Wallenroda po czesku przez pana Stulca. Zdawało mi się, że czytam oryginał, tak mocno przejął się pan Stulc swoim wzorem. Wiersz płynny i dobitny, przytem wierność najściślejsza. Przyjemność tego czytania była tem większa, że ją dzieliłem z Józefem hrabią Borkowskim i kilką innymi przyjaciółmi, którzy się na jedno ze mną zdanie zgodzili. Wartoby, aby pan Stulc nie poprzestał na tym jednym przekładzie, kiedy ma taki dar tłumaczenia.

Zostaję z wysokim szacunkiem WWMPana Dobrodzieja prawdziwy sługa

Aug.

Verzeichniss.

2 Stück zu 25 fr. m. c.	50 fr.	
1 Stück zu 10 fr. „ „	10 „	
1 Stück zu 5 fr. „ „	2 „	
3 Stück zu 1 fr. „ „	1 fr.	12 kr. CM.
Summa . .	63 fr.	12 kr. CM.

Lwów,
14 Marca 1838.

9.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Upraszam Pana, abyś był łaskaw, jeżeli co z zostawionych exemplarzy *Dumek* u siebie sprzedałeś, pieniądze za takowe pod moim zwyczajnym adresem: „A. Bielowskiemu na Halickiem pod N-em 449¼ we Lwowie" nadesłać raczył. Pan Rościszewski odebrał wprawdzie 10 exemplarzy Dumek, ale mi za nie nie zapłacił, składając się tem, że pieniądze za nie masz pan Dobrodziej już u siebie, i mnie takowe wraz z innemi odeślesz. O czem, jak słyszałem, tak Panu Dobr. donoszę. U nas tu nic nowego nie zaszło. Nowe xiążki rzadko się tak we Lwowie, jako też w Warszawie, Wilnie i Krakowie pokazują. Szczęśliwsi Panowie, bo możecie coś więcej i z czasopisów i z dzieł wydawać.

Zostaję z szacunkiem WWMPana Dobrodzieja sługa najniższy Bielowski.

P. P. Przesłane mi Dumki tak do Lwowa jako i te co do Krakowa adresowano w przyzwoitym czasie nas doszły, za co Panu szczególne podziękowanie składam.

Herrn Venceslaus Ritter v. Hanka, in Prag.

10.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Składam Panu serdeczne podziękowanie za trud, który w przedaniu exemplarzy Dumek i przesłaniu mi za nie ryńskich 15 srebrem łaskawie podjąłeś. Wnoszę do Pana Dobr. jeszcze jedną prośbę, a ta jest, abyś mię WMP. Dobr. dokładnie zawiadomił, co to są za starożytne śpiewy czy wogólności poezye, które niedawno w Czechach wynaleziono, jaka ich treść i wartość, a przytem, czyby niemożna mieć ich odpis. Jakieby przytem koszta nastąpić miały, chętnie je zwrócę. Pan Zap mówił mi, że to jest rękopisu krolodworskiego część nowa. Że między niemi ma się znajdować złomek czyli fragment o Władysławie Warneńczyku, królu polskiem; wszystko to jest dla nas rzecz wielce interesowna, i myślę, że od Pana Dobrodzieja, jako nalazcy i wydawcy pierwszej części rękopisu krolodworskiego, najlepszą i najdokładniejszą zasięgnąć będę mógł wiadomość.

Zostaję z wysokim szacunkiem WWMPana Dobrodzieja sługa Bielowski.

Herrn Venceslaus Ritter v. Hanka, Direktor des böhmischen National-Museums in Prag.

Lwów,
29-go Września 1838.

11.

Łaskawy Panie!

W załączeniu przesyłam Panu podziękowanie za dary d[illegible] Zakładu narodowego imienia Ossolińskich, na moje ręce złożone[illegible] a oraz drugi tom wyszłego tu Słownika Lindego, jako dar dl[illegible] Czeskiego narodowego Muzeum od Zakładu Ossolińskich. W te[illegible] gorocznem naszem sprawozdaniu, które d. 13 t. m. na uroczystem[illegible] posiedzeniu przez Kuratora odczytane było i w Dodatku dzisiej[illegible] szym Gazety Lwowskiej wydrukowane, wymieniony Pan byłe[illegible] między dobroczyńcami Zakładu.

Chciej mnie Pan łaskawie uwiadomić, czy to prawda, że uni[illegible] wersytet Pragski wyznaczył już przed rokiem premium za napisa[illegible] nie rozprawy uczonej „O cholerze i środkach jej leczenia". Rad[illegible] bym wiedzieć, jak wysokie to premium? kiedy było wyznaczone[illegible] kiedy upływa termin napisania? i czy zgłosił się już kto z napisan[illegible] rozprawą, lub nie? Przepraszam mocno, że Pana tego rodzaju wy[illegible] wiadywaniami zatrudniam, czynię to jedynie, znając Jego nadzwy[illegible] czajną uczynność z dawnych już czasów, i oświadczam gotowo[illegible] z mej strony do podobnychże dla Niego usług.

Łaskawej pamięci pańskiej polecam się

August Bielowski.

Lwów,
dnia 18 Października 1856.

12.

Szanowny Panie!

Nowy dar pański doszedł nas, i podziękowanie Panu za takowy przesyłam. Wdzięczny też Panu jestem za prędkie uwiadomienie o rozpisanie programu względem leczenia cholery, którego dla jednego z tutejszych lekarzy, a mego dobrego znajomego potrzebowałem.

Mam jeszcze jedną prośbę do Pana Dobrodzieja. Jest w Pragskiej uniwersytetskiej bibliotece rękopism papierowy, w formacie arkuszowym z wieku XIV, pod takim znakiem: *IC 24.*, spomina o nim Wattenbach w Pertza Archiv der Gesellschaft etc., Hannover 1851, Band X, S. 657. Na karcie 197 *recto* owego rękopismu znajduje się nadpis taki: „Incipiunt excerpta cronice Polonorum que ad peticionem ven. viri et d. d. Venceslai principis et ecclesie Vratislaviensis ep. 21 etc., est collecta". Zaczyna się słowami: „Scribitur in antiquis...", a kończy wymienieniem biskupów wrocławskich. Wszystko to wynosi siedm stronic pisma.

Tę kroniczkę, która jak się zdaje, jest tylko skróceniem tak zwanej „*Chronica principum*“, pragnę mieć odpisaną wiernie, zkollacyonowaną z oryginałem, i kilka początkowych jej wierszów faksimilowanych, na przezroczystym papierze, czyli na kalce. Bądź Pan Dobrodziej tak dobry ugodzić kogo z dobrze czytających, aby mi to uskutecznił, a należytość za robotę ową niezwłocznie na ręce pańskie odeszlę. Pozwolenia swego do odpisania mi owej kroniczki zapewne nie odmówi uczony P. Szafarzyk, któremu przy tej sposobności proszę oświadczyć moje ukłony.

Oczekując na pańską odpowiedź, miło mi jest pisać się Jego sługą Bielowski.

Lwów,
d. 1 Listopada 1856.

13.

Wielce szanowny Panie!

Przez Pana Profesora Henryka Sucheckiego, którego osobę uprzejmości i względom Pana Dobrodzieja polecam, przesyłam Panu pięć xiążeczek polskich, które racz Pan dać owemu Panu, co to dla mnie kopijował *Excerpta Cronicae Polonorum*, prosiłbym tylko, aby przy sposobności donieśliście mnie Panowie: jak ów kodex wygląda? co zawiera? i na której karcie lub stronicy zaczynają się i kończą owe excerpta; słowem, proszę o króciuchny opis owego kodexu.

Proszę przyjąć wyrazy wysokiego poważania, z którem zostaję pańskim sługą Bielowski.

Lwów,
dnia 14-go Lutego 1857.

14.

Wielce szanowny Panie!

Dnia dzisiejszego oddaję czwarty tom Lindego słownika xięgarzowi Milikowskiemu, aby go posłał przy sposobności do rąk Pana Dobrodzieja, jako ciąg dalszy daru dla Muzeum narodowego czeskiego. Proszę Pana przy tej sposobności, abyś był łaskaw pozwolić mi odrysować sobie wiernie pieniądz złoty Rościsława, a razem ów prototyp macedoński, z wizerunkiem Alexandra Wielkiego, coś to go mi łaskawie w czasie mojej tegorocznej bytności

w Pradze pokazywał. Niechcąc Panu Dobrodziejowi zabierać czasu drogiego, uprosiłem pana Henryka Sucheckiego, iż się tem wszystkiem zajmie, byleś mu Pan Dobrodziej był radą swoją pomocnym.

Łaskawej pamięci Pańskiej polecam się.

Aug. Bielowski.

Lwów,
d. 20 Listopada 1858.

И. Д. Бѣляевъ [1]).

М. Г. Вячеславъ Вячеславичъ!

Вы мнѣ писали, что я васъ забываю, но на это я не имѣю ни права, ни желанія,—душею я всегда съ родными по слову, по языку, и всегда мнѣ хотѣлось подать вѣсточку, но до сего времени я не находилъ средствъ къ этому. Теперь, слава Богу, выискался желающій доставить посылку Общества, Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, и я спѣшу отправить къ Вамъ всѣ вышедшія двадцать три книги *Временника*, изданныя Историческимъ Обществомъ подъ моею редакціею, и прошу принять мой посильный трудъ подъ ваше глубоко уважаемое мною ученое покровительство. Конечно, вы много найдете недостатковъ въ моемъ трудѣ, многимъ требованіямъ онъ не удовлетворяетъ; но я трудился столько, сколько имѣлъ средствъ и времени для труда.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою Иванъ Бѣляевъ.

12 мая 1856 года.

Д. А. Валуевъ.

1.

Извините, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, что до сихъ поръ не собрался написать Вамъ: вотъ уже 3 недѣли, какъ

---

[1]) Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, профессоръ Московскаго Унив. по каѳедрѣ Исторіи Русскаго Законодательства, извѣстный своими многочисленными трудами по исторіи русскаго права, въ 1848 г. избранный въ секретари Общества Исторіи и Древн. Росс. и редакторомъ Временника.

мы съ Елагинымъ въ Москвѣ,—и только наконецъ теперь успѣлъ я устроиться и завести порядочную ученую жизнь. *27 марта*—мѣсяцъ спустя! простите великодушно, а вотъ день за днемъ мы, къ стыду нашему, протянули наше посланіе до Святой! *Христосъ же воскресъ!* и красное праздничное яичко посылаю, хотя только и мыслію, но отъ всей души, и вамъ, *нашъ* Вячеславъ Вячеславичь! Я встрѣтилъ полночь заутрени на площади въ Кремлѣ,—какъ чуденъ былъ этотъ Кремль, когда вдругъ загудѣлъ большой колоколъ, а за нимъ проснулась и засвѣтилась вся великая, державная Москва! заколыхалась свѣтомъ и звукомъ, и когда на темную площадь отворились горящіе соборы, и изо всѣхъ трехъ бѣлыхъ великановъ вышли крестные ходы съ крестами и хоругвями, а на темной площади безчисленный народъ, безъ шапокъ, съ молитвой и свѣчей въ рукахъ каждый,—то была чудная минута! Желаю ее вамъ. Было же старое время, когда мы были одни въ вѣрѣ,—у насъ ваша Людмила!—а въ свидѣтельство прилагается сдѣланная мною выписка изъ Румянцевскаго музея, которую просили [1]). Рейхелю медали отдалъ; кажется, оказалось, что у него они есть; тоже посланное Бодянскому и Погодину. Всѣ вамъ очень благодарны. Въ Дрезденѣ съ вашимъ письмомъ у г.

---

[1]) „Блаженная Людмила бяше отъ земля Сербскыя Князя Серьбскаго дщи и отдана бысть за Чешскаго Князя именемъ Боривой. Бяху же тогда некрещени вси. Егда же быста вкупѣ просвѣтиста ся има очи сердечней и крестиста ся во имя отца и сына и святаго духа. и созда церкви и совокуписта іерѣй и родиста ѕ сыны и дщери. Боривои же ѳ и ѕ лѣтъ житіа сего отиде, блаженная же Людмила всю печаль имѣяше къ Богу, и все свое имѣніе въ милостыню изда нищимъ, сынъ же ея Ратиславъ прия прстолъ отчь и тъ царствова лѣт ѳ и ѕ лѣта, почи о Гдѣ и прия власть Вячеславъ внукъ Людмилинъ. Тогда нача мыслити мати вячеславля на свекровь свою Людмилу зло и всячески искаше погубити ю. разумѣвши же Людмила отиде въ инъ градъ Тестинъ нарицаемый; сноха же ея свѣщася съ дѣмя Болярином, и посла в тетинъ да быста погубила свекровь Людмилоу; пришедшема же разбойникома тѣма, и совокуписта о собѣ множство злодѣи подобныхъ собѣ. вечероу же бывшу оступиша дворъ съ оружіемъ. и разбивша двери внидша во храмъ имша же Людмилоу подвергоста юже на шею и съемша изглавы и тѣмъ оудави святую и тако прія конецъ житію в день суботный въ ѳ часъ нощи живши лѣтъ ѯ и ѳ лѣто и Богу оугодивши, и мученія вѣнецъ пріимши бъ бо показа отъ нея знаменія и чудеса на мѣстѣ идѣже бѣ погребена, бѣ бо во церкви подъ стѣною града (описаніе чудесъ: с в ѣ щ а г о р я щ а, п р о з р ѣ н і е с л ѣ п ц а...); яжъ слыша внукъ ея Вячеславъ потщався принесе бабу свою въ славный градъ Прагоу и положи мощи ея во церкви святаго Георгія идѣже и донынѣ многа суть чюдеса".

Грабеты [1]) были и очень вамъ благодарны за знакомство. Въ Берлинѣ видѣли мы Вука Стефановича.

Лишніе экземпляры вашихъ изданій роздалъ ГГ. Черткову, Оболенскому и Снигиреву, также и посланныя со мною брошюры Г. Палацкимъ. Они вамъ отвѣтятъ своими изданіями. Въ маѣ мѣсяцѣ вы получите отъ меня и всѣхъ насъ цѣлый транспортъ книгъ, все надписанныя; вы удержите или раздадите по надписямъ, а все, что будетъ безъ оныхъ, оставите у Кронбергера, по нашему съ нимъ условію, но я всему назначу цѣну и попрошу васъ наблюдать, чтобы дороже не продавалось,—для вашего края должны быть цѣны дешевле нашихъ; деньги, если что выручится сверхъ расходовъ, прошу получать васъ, а мы съ вами послѣ сочтемся. Не готово ли что-нибудь (вашъ лексиконъ и проч.), и что Ширяевъ [2]), не пришлете ли чрезъ него. Особливо окончаніе лѣтописи Březow. Нельзя ли отыскать конецъ (у антикваровъ, думаю, можно), также и выдержки изъ другихъ, о чемъ мы съ вами говорили. Также по книгамъ (статьямъ) о Пражскомъ унив., о Церковныхъ вопросахъ XVI в. и пр. Если вамъ кто-нибудь отыщетъ что-нибудь для меня, не отвергайте! Мнѣ между прочимъ хотѣлъ отыскать нѣкоторое г. Томекъ и др. Мнѣ все это нужно для моей библіотеки и *чтобы переводить въ печатаемое* мною Собраніе. Не занялись ли вы тоже которымъ-нибудь изъ тѣхъ предметовъ. Черезъ Прагу — если не проѣхалъ еще — долженъ проѣхать Поповъ [3]); присылайте съ нимъ мой низкій поклонъ и почтеніе Г. Шафарику и Палацкому и всему вашему блестящему созвѣздію, освѣщающему путь намъ, еще темнымъ странникамъ на землѣ. Все, что можно будетъ изъ обѣщаннаго, пришлю самъ, другое присылаетъ Погод. и Бод. Мой низкій поклонъ Dr. Фр. Лиману и всѣмъ, всѣмъ. Вы же неизгладимо врѣзаны въ мое воспоминаніе и сердце [4]). Навсегда вѣрный вашъ

Д. Валуевъ.

Бодян. необыкновенно радъ обороту дѣла, ждетъ извѣстій отъ васъ.

Москва,
17 Февраля 1844 г.

---

[1]) Jan Hrabieta, král. kapellan a prof. gymn. въ Дрезденѣ, состоялъ въ перепискѣ съ Ганкой.

[2]) Вѣроятно, А. С. Жиряевъ.

[3]) А. П. Поповъ, авторъ статьи „О древней чешской живописи", посвященной Ганкѣ (Ж. М. Н. Пр., 1847, прибавл., С. С. М., 1848).

[4]) Валуевъ записалъ въ альбомѣ Ганки 23 декабря 1843 года: „Я объѣхалъ почти всю Европу, и меня всюду провожало тяжелое, то-

2.

Простите, что не пишу вамъ больше. Г. Гавличекъ мнѣ сказалъ о своемъ отъѣздѣ за часъ до него. Кромѣ книгъ, которыя вы получите отъ насъ въ приношеніе, посылаю вамъ списокъ книгъ, которыя адресованы на ваше имя, и которыя прошу васъ распространять по означеннымъ цѣнамъ, которыя я много убавилъ противъ цѣнъ Лейпциг. Русской книжной лавки. Выручка пойдетъ въ уплату статей для моего Сборника [1]), о которыхъ пишете, что ужъ готовятся. Душевно вамъ благодаренъ за ваши хлопоты, присылайте пожалуйста поболѣе выписокъ изъ Чешскаго архива, то, что вы мнѣ дали, уже переведено все или переводится. Но съ Майковымъ [2]) до сихъ поръ ничего не получалъ, и ничего не знаю о Майковѣ, гдѣ онъ и что? Здѣсь еще не былъ. А главное не забудьте о розысканіи, которое вы сами обѣщали для насъ объ эпохѣ *Гусситскихъ* войнъ; также обѣщалъ мнѣ Томекъ статьи и Лиманъ; думаю, скоро поѣдетъ сюда Ширяевъ, вы съ нимъ могли бы послать; мой низкій поклонъ ему и всѣмъ моимъ добрымъ и хорошимъ знакомымъ: Станьку, Фричу, Шафарику, г. Палацкому и всѣмъ, всѣмъ; сдѣлайте дружбу, раздайте всѣ посылаемыя книги по адресамъ, а главное тѣ книги, которыя надписаны для Библіотекъ въ *Венгрію*, и главное диссертацію Самарина, которую авторъ посылаетъ для васъ; недавно было его защищеніе, блестящее; въ первый разъ въ немъ наша церковь высказалась умно и просвѣщенно съ кафедры. Вамъ посылаю, съ г. Гавличкомъ Слав. аблатки, которыхъ за разъ было заказано въ Москвѣ на 500 руб.!

ящее чувство, которое знакомо и понятно немногимъ,—въ одной Прагѣ мнѣ стало легко и привольно. Первый взглядъ на нее воротилъ меня ко всему родному и близкому сердцу,—мнѣ завидѣлась родная, далекая Москва, правда,—въ траурѣ и развѣнчанная, но вдали,—и праздничный, торжественный день Западной Москвы.

Здѣсь же я узналъ васъ, Вячеславъ Вячеславичъ, чтобы навсегда связать съ вашимъ именемъ чувство любви и благодарности и учиться у васъ истинной ученой дѣятельности. Я гордъ буду, если когда-нибудь назовете меня вашимъ достойнымъ ученикомъ. До свиданія же!"

[1]) „Сборникъ историческихъ и статист. свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ", т. I. Москва, 1845.

[2]) Ап. Н. Майковъ былъ въ Прагѣ въ 1844 г. и тогда записалъ въ альбомѣ Ганки (7 февр. 1844 г.): „Отъ Камчатки до Адріатическаго моря, гдѣ только есть славянскій глаголъ, тамъ есть день, и свѣтитъ солнце: такъ да свѣтитъ намъ, славянамъ, надежда лучшихъ дней любви и братства, мира и силы".

[illegible] тогда. Мое искреннее усердное вамъ почтеніе.

Вашъ Д. Валуевъ.

Нельзя ли было бы вамъ распространять больше стиховъ Хомякова въ [illegible] и [illegible]?

[illegible] 23 Іюля (3 Августа) 1844. [illegible] Августа.

4.

Извините, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, что такъ давно не писалъ вамъ, и даже до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше письмо отъ августа; но признаюсь, я все ожидалъ отъ васъ извѣщенія о полученіи транспорта книгъ, но до сихъ поръ ничего не знаю, дошли ли до васъ? На бѣду я не оставилъ себѣ списка того, что было послано, но было послано много, между прочимъ, получили ли *Памят. Московск. древн.*, великолѣпное наше изданіе, *Планъ Москвы рельефной* и для г. Палацкаго 3 или 4 т. Лѣтописей, которыя я обязался ему доставить за его Archiv Český, который онъ мнѣ подарилъ? Сдѣлайте одолженіе, извѣстите меня какъ-нибудь объ этомъ, я собралъ тоже отъ всѣхъ своихъ пишущихъ знакомыхъ разныя сочиненія и послалъ всѣмъ вамъ по экз. отъ г. Черткова и др. и наконецъ нѣкоторыя книги своего изданія вамъ для *условленнаго между нами употребленія*. Не знаю тоже, дошли ли книги до Řivnatz, и положено ли какое-нибудь начало продажѣ Русск. книгъ. Въ маѣ я бы выслалъ новый транспортъ; но до того времени выведите меня пожалуйста изъ неизвѣстности. Теперь я продолжаю изданіе *Библ. Вост*, которой я вамъ послалъ нѣсколько экз. (и между прочимъ для дѣвицъ Нѣмечковыхъ, нѣсколько трагедій Хомякова многимъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ), но въ совершенно измѣненномъ видѣ, участвуютъ всѣ здѣшніе литераторы, и особенно по Русск. Исторіи и для знакомства юношества съ Слав. землями; посылаю вамъ программу и листокъ на обращикъ и тоже вновь вышедшія стихи Языкова, двѣ статьи Хомякова изъ Москвитянина, который съ 1845 г. издается совершенно иначе и при главномъ участіи И. В. Кирѣевскаго, и коректуру 2 статей (потому что теперь только печатается, а долженъ былъ вамъ приготовить посылаемое въ одинъ день) изъ моего Сборника, который наконецъ выйдетъ къ маю въ нѣсколькихъ томахъ: одна Попова и вамъ посвященная (мы съ нимъ теперь живемъ почти въ одномъ домѣ), а другая моя о близкомъ для васъ

предметѣ. Очень вамъ благодаренъ за присылку *лѣтописи*, половина ея уже переведена по-Русски; *Предложеніе одного Чеха*, какъ увидите изъ приложеннаго листка, уже печатается; получилъ тоже Коменскаго, за котораго также приношу вамъ усердную благодарность. Пожалуйста, продолжайте переписываніе важныхъ лѣтописей и пр. Василій Ал. Елагинъ, Бодянскій, Хомяковъ, П. В. Кирѣевскій—всѣ вамъ очень кланяются. Передайте пожалуйста мое почтеніе Г. Шафарику (и ему были назначены многія книги), г. Палацкому, д-ру Рыбичкѣ, Меркльсу и всѣмъ всѣмъ. Какъ жаль мнѣ бѣднаго Лимана! Нѣтъ ли готовыхъ статей уже?

Весь вашъ Д. Валуевъ.

16 Марта.

Кн. А. Васильчиковъ.

Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичъ!

Позвольте мнѣ по новому нашему знакомству обратиться къ Вамъ съ слѣдующей всепокорнѣйшей просьбой. Въ проѣздъ черезъ г. Прагу Г-нъ Шафарикъ далъ мнѣ лестное обѣщаніе сообщить мнѣ для руководства общее указаніе источниковъ и сочиненій о Булгарахъ; это было бы для меня драгоцѣнный подарокъ, и я смѣю просить Васъ напомнить объ этой моей убѣдительной просьбѣ, исполненіе которой приму съ живѣйшей благодарностію.

Также имѣю просить и Васъ о другомъ для меня весьма интересномъ предметѣ; занимаясь этнографическимъ описаніемъ Славянскихъ племенъ, я доселѣ находилъ весьма затруднительный недостатокъ свѣдѣній о Рутенахъ, обитающихъ въ Галиціи и сѣверныхъ комитатахъ Венгріи. Не извѣстны ли Вамъ нѣкоторыя по сему предмету сочиненія, въ особенности въ отношеніи народности, мѣста жительства Рутеновъ и ихъ вѣроисповѣданія и церковнаго управленія. Я бы Вамъ былъ глубоко благодаренъ, еслибъ Вы дали себѣ трудъ указать мнѣ подобные источники, преимущественно изъ народныхъ, туземныхъ сочиненій или журналовъ, если таковые есть; если же нѣтъ, то не найдете ли Вы возможность внушить одному изъ молодыхъ литераторовъ, нынѣ начинающихъ дѣйствовать въ Львовѣ, благую мысль заняться подобнымъ описаніемъ, съ обозначеніемъ границъ и числа жи-

телей Рутенскаго племени и прочихъ общественныхъ и религіозныхъ ихъ отношеній; еслибы для изданія подобнаго сочиненія встрѣтились затрудненія, то можно бы было напечатать оное въ Россіи, и я принялъ бы съ величайшей радостью на свой счетъ издержки книгопечатанія. Сообщая Вамъ бѣгло и кратко эту мою мысль, прошу Васъ, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичъ, удостоить меня Вашимъ благосклоннымъ отвѣтомъ и также быть увѣренымъ въ чувствахъ глубокаго уваженія и искренней преданности, съ коими честь имѣю быть

Вашъ покорный слуга Князь А. Васильчиковъ.

Адресъ: Florence en Toscane.

Monsieur le Professeur Hanke. Prague en Autriche.

Люка,
26 Августа / 7 Сентября.

Ф. Ф. Вигель[1]).

Почтеннѣйшій Вечеславъ Вечеславовичъ!

Одинъ изъ земляковъ моихъ, Александръ Осиповичъ Мацневъ, на обратномъ пути въ Россію, намѣревается мѣсяца два пробыть въ Прагѣ. Я пользуюсь его отъѣздомъ, чтобы привесть Вамъ себя на память[2]), принести мою сердечную благодарность за незабвенное Ваше гостепріимство и рекомендовать самаго отъѣзжающаго письмоподателя. Ваше пріязненное отношеніе ко всѣмъ намъ единокровнымъ, единороднымъ заставляетъ меня надѣяться, что Вы и ему пребываніе въ Прагѣ сдѣлаете пріятнымъ, познакомивъ его съ нѣкоторыми лицами, живущими въ свѣтѣ, ибо будучи моложе меня, ему позволено еще любить общество и свѣтскія забавы.

---

[1]) Вигель Филиппъ Филипповичъ (р. 1786, † 1856), авторъ извѣстныхъ „Воспоминаній“ (Русскій Вѣстн., 1864—1865 и отд. 3 тома).

[2]) 24 іюня (5 іюля) 1843 г. Вигель расписался въ альбомѣ Ганки: „Житель сѣвера, послѣ трехдневнаго бурнаго плаванія по Балтійскому морю, присталъ я къ берегамъ Германіи. Холодная, сырая погода и холодные взгляды незнакомыхъ мнѣ людей встрѣтили и долго сопровождали меня. Однимъ утромъ, въ одномъ городѣ встрѣтили меня жаркое лѣтнее солнце и радушная улыбка одного единокровнаго мнѣ, почтеннаго, знаменитаго человѣка. Сей минуты я никогда не забуду. Этотъ городъ зовутъ Прага, этаго человѣка—Вечеславъ Ганка, а меня Филипъ Вигель“.

Г. Соловьева я здѣсь встрѣчаю, и онъ просилъ меня привести Вамъ его глубочайшее почтеніе.

Прошу Васъ принять изъявленіе моихъ нѣжнѣйшихъ и почтительнѣйшихъ чувствъ и сообщить о таковыхъ же Г. Шафарику и Прагѣ.

Я остаюсь на вѣки вѣковъ вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Филипъ Вигель.

Парижъ,
9/21 Октября 1843.

М. Вишневскій [1]).

1.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Uczonemu pobratymcowi, biegłemu znawcy języka i literatury polskiej, posyłam moją ramotę jedynie dla tego, abym miał sposobność wynurzenia mojego wysokiego szacunku ku Jego osobie, który wznieciły we mnie i we wszystkich piękne Jego prace i usiłowania. Racz Pan Dobr. łaskawie wręczyć Panu Jungmanowi przeznaczony dla niego exemplarz, którego Słownik ja z wielką oczekuję niecierpliwością, bo lubo już dobrze rozumiem po Czesku, wszelako mam wiele wątpliwości, które tylko dzieło jego rozwiązać mi potrafi. I u nas bowiem temi czasy wielu z językiem i literaturą czeską zapoznawać się zaczyna. W tych dniach wyszła tu wiadomość o literaturze Czeskiej, tłumaczona wprawdzie (bośmy jeszcze na co więcej zdobyć się nie mogli), ale tym znakomita, iż pierwsza, bo zdaje się, iż od czasu jak Lech z Czechem się rozeszli, potomkowie ich nadługo ku sobie zobojętnieli i dopiero teraz tak blizkich braci z podziwieniem w sobie poznają,—takowe blizkie pobratymstwo najlepiej się pokaże z gramatyki polskiej Pana Dobr., którą tu już zawczasu cieszemy się.

Proszę przyjąć zapewnienie wysokiego szacunku, z którym mam honor zostawać WWPana Dobrodz. najniższym sługą

Michał Wiszniewski,
Professor historyi w Uniwersytecie Jagiellońskim.

Wielmożnemu Panu Hance, Dyrektorowi Muzeum narodowego.

Kraków,
d. 22 Lipca 1834.

---

[1]) Michał Wiszniewski (p. 1794, † 1865), профессоръ Краковскаго унив., извѣстный историкъ польской литературы, авторъ „Historyi liter.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Odebrałem przysłane mi łaskawie Czasopismo Czeskie i nawzajem załączam dla Muzeum Czeskiego Pomników T. 2 i 3. Więcej jeszcze nie wydałem; czasy nie po temu.

Trzy tomy Pomników racz WWPDobr. wręczyć P. Wacławowi Swat. Stulce i przypomnić mnie Jego dobremu sercu. Śmierć zabrała nam wspólnego naszego przyjaciela Kazim. Brodzińskiego, z którym tak miłe chwile w Karlsbadzie strawiliśmy. Strata to nieodżałowana, z którą dotąd jeszcze oswoić się nie mogłem.

Racz WWPDobr. oddawcy niniejszego listu wskazać rzeczy godne widzenia w Pradze i swojej Hrabiemu Szembekowi nie odmówić pomocy.

WWPana Dobrodzieja życzliwy sługa

M. Wiszniewski.

Wielmożnemu Hanke, Bibliotekarzowi Muz. Czeskiego. W nieprzytomności odbierze P. Wacław Stulce.

Kraków,
d. 15 Lipca 1836.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Składam powinne dzięki za przysłaną książeczkę na ręce P. Grabowskiego, w której znajdująca się rozprawa Grafa Sternberga mocno mnie zajęła. Dopiero za kilka miesięcy będę miał przyjemność przysłania WWPDobrodziejowi mojej *Historyi literatury polskiej*, którą niebawnie drukować zacznę. *Żegoty Pauli* wydaje teraz pieśni, między któremi mają być niektóre bardzo starożytne.

Oddawcy tego listu P. Danieckiemu racz WWPDobr. pokazać rzeczy godne widzenia w Waszem Muzeum i nauczyć, jak w czasie krótkiego swego pobytu w Pradze najwięcej dla swojej nauki skorzystać może. Wszystko, cokolwiek WWPD. dla niego zrobisz, przyjmę jako nowy dowód przyjaźni, którą mię WWPDobr. zaszczycać raczysz.

Łączę bardzo piękne ukłony dla Pani Hanke.

Proszę przyjąć zapewnienie wysokiego szacunku i poważania.

M. Wiszniewski.

Kraków,
d. 10 Maja 1838.

polskiéj" (Kraków, 1840 -1860, 10 т.), издатель „Pomników do historyi i liter. polskiéj" (3 т.) и пр.

4.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Oddawcy niniejszego listu Jenerałowi Prądzińskiemu racz, szanowny Panie, pokazać wasze ciekawości i pamiątki waszego starożytnego miasta a mianowicie wskazać Mu i zapoznać z jakim dobrym hydraulikiem. Wreszcie bardzo proszę WWPana Dobrodzieja, abyś Mu chwilowy pobyt w Pradze uprzyjemnić zechciał, a cokolwiek dla niego zrobisz, policzę to na karb łaskawej przyjaźni, którą mnie zaszczycać raczysz.

Z wysokiem upoważeniem życzliwy sługa

Michał Wiszniewski.

Wielmożnemu JMPanu Wacławowi Hanke, Dyrektorowi Muzeum Narodowego Czeskiego w Pradze.

Kraków,
d. 16 Lipca 1844.

5.

Wielmożny Panie Dobrodzieju,

Polecam szczególniejszej opiece i względom szanownego Pana oddawcę niniejszego listu P. Choieckiego[1]), znakomitego naszego literata, znawcę i miłośnika waszej literatury czeskiej; raczcie mu tam ułatwić zaznajomienie się z Panami Szafarzykiem i Palackim, wskażcie, gdzie mieszka Xiądz Stulce, i pokażcie mu Wasze Muzeum. Cokolwiek dla niego zrobicie, powiększy to obowiązki mojej dla Was zacny Panie wdzięczności za tylko dowodów przychylności i przyjaźni, które mi dać raczyliście.

Zostaję z wysokiem upoważeniem WMPana Dobr. najniższym sługą M. Wiszniewski.

Wielmożnemu JMPanu Hanke, Dyrektorowi Muzeum Narodowego Czeskiego w Pradze.

Kraków,
d. 15 Marca 1845.

6.

Wielmożny Mości Dobr.

Oddawcę niniejszego listu P. Józefa Lubowskiego, jadącego do Pragi dla wydoskonalenia się w muzyce, waszej łasce i względom polecam. Gdyby tam jakiej pomocy od Was, Szanowny Panie, żądał, nieraczcie mu odmówić.

[1]) Edm. Chojecki, авторъ извѣстной книги: „Czechja i czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX-go stulecia", Berlin, 1847.

Wkrótce będę miał przyjemność przysłania Wam mojej Historyi literatury polskiej, która drukować się kończy.

Proszę przypomnieć mnie przyjaźni PP. Jungmana, Szafarika i Stulce.

Z wysokiem upoważeniem najniższy sługa

M. Wiszniewski.

Wielmożnemu JPanu Wacławowi Hanka, Dyrektorowi Muzeum Nar. Czeskiego w Pradze.

А. Х. Востоковъ[1]).

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Панъ Вячеславъ, требованныя Вами выписки изъ Остромирова Евангелія, хотя неточно въ тѣхъ мѣстахъ, какія у Васъ означены: ибо, вмѣсто Мат. VIII 26—29, я выписалъ Мат. VIII. 28—до IX. 1; вмѣсто Мат. X. 1—10,—

---

[1]) Письма Ганки къ А. Х. Востокову изданы И. И. Срезневскимъ: „Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями". СПБ. 1873, подъ № 199, 203, 272, 273, 290 и 317. Письмо № 290 сохранилось въ бумагахъ Ганки въ первоначальной редакціи:

М. Г., Александръ Христофоровичъ!

Вы изволили прислать ко мнѣ черезъ Его Превосходительство Авраама Сергѣевича полный экземпляръ Вашего прекраснаго изданія Остромирова Евангелія, и Вы не повѣрите, какъ Вы меня тѣмъ обязали. Я ждалъ ужь съ отчаяніемъ, ибо Ваше предисловіе мнѣ было нужно, чтобъ и я могъ нѣчто сказать въ предисловіи моемъ о сей драгоцѣннѣйшей рукописи; и тутъ оно явилось. Но у меня есть еще неполный экземпляръ 99 листовъ, который я имѣлъ счастіе получить изъ рукъ Его Высокопревосходительства Сергѣя Семеновича. Не возможно ли изъ дефектовъ дополнить его, недостаетъ еще 5 листовъ, они удобнѣе для посылки и могли бы быть для Г. Шафарика.

Изъ 1-го напечатаннаго листа Сазаво-Эммаузскаго Евангелія, который имѣю честь предложить Вамъ, Вы увидите, что мы такъ легко не упустимъ, какъ Копытарь думалъ безъ всякихъ доказательствъ, послѣдняго остатка православія въ Чехахъ. Представляя предъ глазами текстъ нашего сокровища въ полномъ сравненіи съ текстомъ Остромировой рукописи, я вручу приговоръ рѣшенія нынѣшнимъ и будущимъ ученымъ словянамъ. Правописаніе не составляетъ еще древности языка: извольте только, не смотря на ортографію, сравнить языкъ сихъ двухъ памятниковъ по одинакимъ выраженіямъ и по синтаксисѣ. Копытарь былъ ученый человѣкъ — то правда, но онъ былъ лукавый Мефистофель словянской литературы, полный пристрастія и что хуже того политическо-религіозный сплетникъ: онъ посѣялъ много плевелъ на благонадежной нивѣ. Я убѣжденъ, что онъ самъ не вѣрилъ такимъ па-

ат. X. 1—8; вмѣсто Марка IX. 30—40, Марка IX. 33—41; и на-нецъ, вмѣсто Лук. II. 1—30, выписалъ я Лук. II. 1—40, въ трехъ ченіяхъ Евангельскихъ. Остромирово Евангеліе, какъ Вы можетъ ить знаете, расположено не по Евангелистамъ, а по днямъ, на-ная съ Пасхи, и заключаетъ въ себѣ чтенія изъ разныхъ ангелистовъ по порядку дней и мѣсяцовъ. Отъ того-то не до-етъ въ этой рукописи нѣкоторыхъ мѣстъ Евангельскихъ, не шедшихъ въ чтенія. Къ сожалѣнію, я не могъ доселѣ присту-ть къ печатанію Остромирова Евангелія, не получивъ еще изъ ховной Цензуры назадъ рукописи моей, которая слишкомъ ъ уже находится въ разсмотрѣніи Синода. Духовная Цензура грѣтила разныя затрудненія въ одобреніи къ напечатанію этой иги, и я не знаю, чѣмъ еще кончится дѣло.

Петръ Ивановичъ Кеппенъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое чтеніе. Мы теперь съ нимъ товарищи по Академіи. Вамъ дол-но быть извѣстно изъ газетъ, что Россійская Академія при-единена къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго отдѣленія Рус-каго языка и словесности. Президентомъ у насъ Сергѣй Семе-новичъ Уваровъ, нашъ Министръ Народнаго Просвѣщенія.

По новому устройству Академія Наукъ состоитъ изъ трехъ дѣленій: 1) Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ. 2) От-леніе Русскаго языка и словесности. 3) Отдѣленіе исторіи древностей.

Въ отдѣленіи Русскаго языка и словесности положено 16 адемиковъ и 4 адъюнкта. Вотъ ихъ имена: Академики: Митро-литъ Московскій Филаретъ, Епископъ Вологодскій Иннокентій, йствительный Ст. Совѣтникъ Арсеньевъ, Тайный Совѣтникъ утковъ, Статскій Совѣтникъ Востоковъ, Дѣйствит. Ст. Сов. нязь Вяземскій, Профессоръ Моск. Университета Давыдовъ, айный Совѣтникъ Жуковскій, Проф. Москов. Унив. Качанов-кій, Статскій Совѣтникъ Крыловъ, Генералъ-Лейтенантъ Ми-

доксамъ, а посмѣвался надъ словянскимъ ученымъ міромъ, какъ врагъ его словянскаго.

Съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь ть, М. Г., Вашь покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

На полѣ приписка карандашомъ: „такъ лукаво вмѣшался ь безъ приглашенія въ парижское изданіе Реймскаго Евангелія, какъ ь прежде въ своемъ безстыдномъ Геснхіи (стр. 33 и 66) безъ всякаго азательство едва относилъ къ XIV вѣку Сазавскую рукопись и пред-лалъ къ остальнымъ продажнымъ экземплярамъ сего изданія, на ездъ самаго Сильвестра, свои Prolegomena historica".

Прага,
2/14 Марта 1845.

хайловскій-Данилевскій, Дѣйст. Ст. Сов. Панаевъ, Проф. С. Петерб. Университета Плетневъ, Професс. Моск. Универ. Погодинъ, Тайный Совѣтн. Князь Ширинскій-Шихматовъ, Дѣйст. Ст. Сов. Языковъ. Адъюнкты: Коллежскій Ассесоръ Бередниковъ, Проф. Дерптскаго Универ. Розбергъ, Коллежскій Совѣтникъ Строевъ, Проф. Московскаго Университета Шевыревъ. Тѣ члены Россійской Академіи, которые не вошли въ этотъ списокъ, именуются почетными Академиками и могутъ также присутствовать въ засѣданіяхъ отдѣленія и участвовать въ трудахъ онаго.

Спѣшу кончить письмо мое увѣреніемъ въ искреннемъ уваженіи и сердечной преданности, съ какими имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

Александръ Востоковъ.

С.П.-бургъ,
11/23 Декабря 1841 года.

Ст. Вразъ.

Učeni gospodine! predragi prijatelju [1])!

Slavni stališi i redovi sdruženih kraljevinah već godine 1839. umoliše Nj. kr. veličanstvo za dopuštenje utemeljenja učenog družtva u Zagrebu, a tek kada tada a to na početku t. m. stiglo nam je odsgora odluka na tu staru i toliko putah opet pomladjenu molbu. Nu dopuštenje to nije sasvim tim podpuno nego se ište od nas, da mi ustave (štatute) proměnimo i više shodne prikrojimo ustavom učenog družtva českog i magjarskog. Budući kod nas nitko ne zna, kakovi su štatuti učenog družtva českog, naručio mi je odbor Matice, kojemu se pověrio taj posao, kao svome tajniku, da pribavim rečene Vaše štatute. Zato se utičem Vama, predragi gospodine, znadući, da je Vama najviše stalo do naprědka sviukolikih granah slověnskih, nebi li Vi imali ljubav onu, koju ste mi i za pribitka moga u Zlatnom Pragu tolik štedro ukazali, te mi poslali tiskane štatute učenog Vašeg družtva kao i štatute Matice češke a to što prie poštom (deligence) u kreutzbandu, da se stvar toli zatežena opet i nadalje zatezala nebude.

Znadući da Vi sa književnici sěvernimi u dobrom stoite pouzajmljenju, usudjujem se moliti Vas, nebi li mi mogli pribaviti barem jedan exemplar Bergova ruskoga prevoda „Rukopisa kralodvorskog". Ja sam već prie dvě godine preveo čitav taj rukopis

[1]) Сообщено было М. Мурко въ ж. Vienac, 1896, br. 1.

na naški, nu nesmiem još š njime na polje i u bèli razsudljivi svět, dok ga neuzporedim i spram prevoda ruskog i tim barem koliko toliko nepopravim. U obće mogu Vam kazati, da mi gledè na književnost rusku u velikoj se nalazimo tmini, jerbo neimamo ni srědstva ni puta pomaknuti se na vidělo. Predragi moj pobratim Izmail Sreznjevski čini se, da je umuko za sve zapadne svoje prijatelje do jedinca Vas. I Bodjanski dopisivao mi je do g. 1845., nu odposlě i on mukom zamuče. I tako me evo na cědilu! Molim Vas dakle, ako nam u tome poslu prijateljsku možete pružiti ruku, nepropustite nikako: bit će Vam harno buduće pokoljenje naše u koliko sadašnje nedospěva. Stvari izvolite upraviti ili na me ili na moga drugara Dr. Užarevića tajnika Čitaonice Zagrebačke, a stvari će se tu u knjižnici narodnoj čuvati za sva buduća vrěmena u slavu darovnika ili pribavitelja. Pod tajničtvom prvašnjim naša je Čitaonica kupovala znatnie knjige za svoju knjižnicu, nu tim se i zavalila u dugove, tako da si odsada i od ustiuh ukidati mora te je gledè na obogatjenje knjižnice svoje omedjašena na cigli prosjački štap i torbu milostinjsku.

Kad budete pisali Sreznjevskomu, izvolite se onda spomenuti u pismu svome i moga zaboravljena lica, te ga (Sreznjevskoga) za grěh zaboravljenja v y b r a n i ť u smislu ruskog znamenovanja ove rěči. Ja neću da kažem da je zaboravio na toliko časove sa mnom medju krasnim dušami provedene—zaboravio (rekoh) iz neharnosti, nego mu pamet cěla utonula u prostrano i duboko more sadašnje svoje srěće i blaženosti, koju opisuje u onome svome pismu iz Petrograda, što ste ga Vi metnuli onomadne u časopis č e s k é h o m u z e u m.

Na godinu, ako Bog dade i srěća junačka, uvidět ćemo se u Zlatnom Pragu, a to za vrěme slave petstogodišnjice sveučelišta Pražkog. Krasno bilo bi, da se tu ojavi i naš Izmail. Volio bi ga viděte (!) i zagrliti, nego majka sina svoga jedinca, koj joj se povratio iz puta duga i daleka. Nedvojim da se je kao čověk ožen-jen mnogo proměnio, nu on bi vidio da sam ja kao čestit *holostoj* ostao gotovo onaj isti uzmešenac za zdravo prijateljstvo. Pri toj zgodi molim Vas nemojte mi uzeti za zlo, što sam još dužnik u stvari jednoj (sramim se da ju i spomenem) i nu niesam mogo dosad tu stvar pročitati kako valja, jerbo me je umolio prof. Mažuranić, da to učinimo zajedno, a sad on imajući posla s rěčnikom neima kad, nego ćemo se latit oko nove godine, pa svršivši vratit Vam kako valja. Čujem da ima i u Zadru prepis jedan u prof. Kuzmanića, nu on kao starověrac pravopisni neda nam novim razkolnikom zapadnim. Prosim Vas dakle, oprostite i tu. Zbiljа! Ima li

u knjižnici muzeja Vašeg dela što je dosad izdala naša Matica svojim troškom? Ako neima a Vi mi izvolite javiti u svome pismu, a ja ću Vam poslati s prvom sgodom kad uzpošljem za češke utemeljitelje nar. naše Matice knjige, što ih idu.

Molim Vas izvolite priloženo pismo izručiti što prie g. Jos. Erbenu [1]). Da znam gdè stoji upravo sada, nebi Vam njime dosadjivao.

Oprostite mi što sam navalio s tolikimi prošnjami. Nu nèima druga, kad smo mi južni Sloveni ili *Vlasi siromasi* ili *Šokci bogci*, a druga nam poslovica kaže „u stidljiva bogca prazna torba".

A tim pozdravljajući sve znance i prijatelje češke i preporučujuć se i za buduće u iskreno Vaše slovensko prijateljstvo ostajem Vama svagda na službu spravan sluga i poštovatelj, a tim da ste zdravo! St. Vraz.

Jeho blahorodí pánu Waclawowi Hankowi (p. n.) w Praze.

Zagreb,
dne 30. Listopada 1847. god.

Кн. П. А. Вяземскій [2]).

1.

Мнѣ очень жаль, что этотъ разъ не могу быть въ Прагѣ. Я слишкомъ поздно пріѣхалъ сюда и долженъ пить воды до конца нынѣшняго мѣсяца. Будущею весною надѣюсь, если Богъ дастъ, быть опять здѣсь и тогда имѣть удовольствіе съ Вами ви-

---

[1]) См. Dèla Stanka Vraza. Str. 398—400.

[2]) Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій въ первый разъ посѣтилъ Ганку въ 1853 г. и тогда написалъ въ альбомѣ его слѣдующія строки: „Слово дано отъ Бога человѣку на благо и съ тѣмъ, чтобы люди другъ друга разумѣли и вслѣдствіе того другъ другу сочувствовали и помогали. Слово должно быть орудіемъ мира и братскаго дружелюбія между народами и правительствами. Горе тѣмъ, которые употребляютъ этотъ даръ во зло и обращаютъ его въ орудіе вражды, лжи, ненависти, зависти и междоусобій.

Мы, словяне, дѣти слова, расторгнутые ошибкою, — чтобы не сказать преступленіемъ исторіи,—все еще родные братья и по крови и по слову. Этой живоначальной и неистребимой силѣ обязанъ я за наслажденіе, которое здѣсь встрѣтилъ и съ которымъ бесѣдовалъ на родномъ языкѣ съ просвѣщеннымъ и добродушнымъ хозяиномъ этой книги, въ которую съ радостью и благодарностью вписываю имя свое. К. Петръ Вяземскій. Прага 14/26 червенца 1853".

дѣться. Зачѣмъ не пріѣхали Вы сюда праздновать 500-лѣтній юбилей вашихъ цѣлительныхъ источниковъ? Мы съ Вами побесѣдовали бы о многомъ, для насъ занимательномъ. Я далъ для напечатанія въ русской Бесѣдѣ стихотвореніе мое *Прага*. Надѣюсь, что Вы его прочтете. Это сердечное воспоминаніе о пребываніи моемъ у Васъ въ гостяхъ. Прилагаю здѣсь нѣсколько стихотвореній моихъ, отдѣльно напечатанныхъ. Можетъ быть, они Вамъ неизвѣстны. Съ здѣшними водами чернила не ладятъ, и не велятъ доктора много писать. А потому я кончаю письмо мое увѣреніемъ въ искреннемъ почтеніи и неизмѣнной къ Вамъ преданности.

К. Вяземскій.

Карловаръ,
1/13 Сент. 1858.

1 a.

Ваше Сіятельство, М. Г.!

Вы сдѣлали мнѣ истинную радость письмомъ своимъ и прекрасными стихотвореніями; стихотворенія „Прага" я не имѣлъ еще счастія видѣть,—у меня есть Русской Бесѣды текущаго 1858 года только 1 и 2. Праздновать 500-лѣтній юбилей нашихъ цѣлительныхъ источниковъ, особенно въ Карловарахъ, грустно для меня видѣть, какъ тамъ все онѣмечено. Это задача Русскихъ воротить славу Славянскимъ краямъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу еще послать къ Вамъ Славянскаго богослуженія у Чеховъ, ибо печать идетъ неслыхано медленно, но я это пошлю чрезъ протоіерея М. Ѳ. Р. [1]) въ Питеръ; чтобы не забыли пріѣхать въ Прагу, осмѣливаюсь приложить при семъ видъ Праги. Я буду радоваться уже впередъ на радушное свиданіе и препоручаю себя...

(Съ черновика Ганки).

В. П. Гаевскій [2]).

Милостивый Государь, незабвенный и многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичъ!

Уѣзжая изъ Парижа, я поручилъ тамъ отправить на имя Чешскаго Музея обѣщанныя Вамъ книги, которыя, какъ мнѣ

[1]) М. Ѳ. Раевскаго.

[2]) Гаевскій Викторъ Павловичъ (р. 1826, † 1888), литераторъ, извѣстный знатокъ Пушкинской эпохи.

пишутъ оттуда, уже отправлены въ Прагу. Изъ Петербурга надѣюсь также напоминать о себѣ присылкою литературныхъ новостей. Собираясь сегодня въ обратный путь въ Россію, я перебираю мои дорожныя впечатлѣнія, и изъ нихъ встрѣча съ Вами будетъ всегда однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній. Предлагая себя къ Вашимъ услугамъ, желаю Вамъ отъ души всего лучшаго. В. Гаевскій.

На всякій случай мой адресъ: Въ С. Петербургѣ, въ домѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Вѣна,
15/27 Ноября 1857.

А. С. Гельцель [1].

1.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

List ten dwojakie w W-nym Panu zaraz na wstępie może wzniecić zadziwienie, raz że jest po polsku do nie polaka—drugi raz że jest przez nieznajomego pisanym. Postępek ten mój co do pierwszego zaraz z góry tém usprawiedliwiam, iż Słowianin do Słowianina nie powinien się, zdaniem mojém, w obcym języku wyrażać, skoro w własnym dyalekcie rozumianym bydź może. Co do drugiego, właśnie treść listu będzie wyjaśnieniem.

Przekonanie, podzielane zapewne przez wszystkich znawców literatury ludów Słowiańskich, iż w tejże literaturze przedewszystkiém daje się spostrzegać brak rodzimego postępu w umiejętnościach ścisłych, spowodowało u nas kilkunastu uczonych, iż się zgodzili na przedstawiony przezemnie plan pisma peryodycznego, poświęconego cztérem niejako najżywotniéjszym umiejętnościom, filozofii, prawa, dziejów i historyi literatury. Pismo to atoli, którego zapowiedź W-mu Panu załączam, nie tę jedyną tylko ma mieć dążność, ma ono połączać i tę drugą, aby wszystkich ludów Słowiańskich naukową oświatę w jedném ognisku wystawiać. Byłoby

[1]) Helcel Antoni-Zygmunt (p. 1808, † 1870), ученый юристъ и историкъ польскій, издатель знаменитаго собранія „Starodawnego prawa polskiego pomniki" (1857). О его дѣятельности см. Przegląd Polski, rok XVII, tom II. Изданіе его трудовъ въ 1874 г. начала Краковская Академія: „Antoniego-Zygmunta Helcla pism pozostałych wydanie pośmiertne".

rzeczą zbyteczną dowodzić użyteczności podobnego pisma, a szczególniéj podobnéj dążności. Wszakże taż sama myśl przebija w Slawinie wielkiego Dobrowskiego. Wszakże w badaniach ojczystéj przeszłości każdego pojedynczego słowiańskiego ludu już samych pierwiastków koniecznie szukać potrzeba w pomrokach wspólnego wątka, a nawet w dalszym postępie nie dadzą się dzieje tychże ludów należycie przedstawić bez ciągłego wykazywania wspólnych i odpowiednich warunków u ludów drugich pobratymczych. Gdy zaś i prawodawstwo, i umiejętny bieg oświaty, i wyrabianie się nawet ducha filozoficznego jest nieoddzielném od ogólnego tła dziejów, które są tylko żywym obrazem tego wszystkiego, przeto taż sama niemal konieczność w tych wszystkich naukowych zachodzi przedmiotach, które treść *Kwartalnika* mego stanowić mają. Mając tedy dopełniać tak ważnych zamiarów, do których usposobienie moje nie byłoby nigdy wystarczającém, czuję iż jest powinnością moją najsławniejszych w literaturze słowiańskiéj uczonych zagranicznych nie tylko o rzeczoném mającém wychodzić piśmie zawiadomić, ale nadto, jak najuprzéjmiéj prosić, aby temuż pismu naukowego wsparcia swego użyczyć zechcieli! Z tą tedy prośbą zwracam się i do W-nego Pana, którego imie tak zaszczytnie jest znaném nie tylko u swoich, ale i u nas Polaków. Racz Pan nie odmawiać swéj pomocy pismu, które naukowe dobro Słowiańszczyzny ma mieć na celu!

Zbawienne skutki podobnego łączenia się umiejętnych mężów wszystkich Słowian w krótkim czasie stać się mogą widocznemi, a to zapewne nie małą będzie dla tych nagrodą, którzy się do tego czynnie przyłożyli. Jestem przekonany, że w stronach, które W-ny Pan zamieszkujesz, u klassy oświeconéj, nie mniéjszy jest zapał do narodowéj literatury, jak u nas. Mnożenie się pism peryodycznych w Pradze, zajmujący i szlachetny ustęp w Presla przedmowie do tłómaczonéj Geologii, a nawet liczne ustępy w „*Córce Slawy*“ Kollara są dla mnie zarazem i zatwierdzeniem przekonania mego, i powodem do otuchy, iż niniéjsze przedstawienie i zaproszenie moje do pomyślnego dojdzie celu. Że *Kwartalnik* w polskim ma być wydawany języku, nie powinno być za ujmę innym dyalektom, ale za wypływ miéjscowych okoliczności uważanem; a trudność jakaby dla niepolskich uczonych, wypracowania swoje dosyłać chcących, z powodu téj różności wynikać mogła—byłaby łatwo uprzątnioną przez to, iż by ich artykuły z obcego języka lub dyalektu wiernie na polskie przełożone były. Wszelką więc pokładam ufność, tak w W-go Pana, jako też i innych uczonych rodaków pańskich, naukowéj gorliwości

i osobistéj łasce. Przyłączenie się Jego do naszego pisma peryodycznego będzie dla Słowiańszczyzny prawdziwém dobrodziéjstwem, dla mnie zaś prawdziwém zaszczytem. Wiem ja aż nadto dobrze, iż nie mam prawa prosić nawet o to, abyś W-ny Pan z przyczyny udziału w Kwartalniku miał się od zwykłych prac swoich odrywać, wszelakoż tyle spodziewać się mogę, iż tak znakomite zapasy prac swoich posiadający uczeni, jedną lub dwoma w przeciągu całego roku rozprawkami swemi, nie zrobią sobie w swém bliższém powołaniu uszczérbku.

W oczekiwaniu pomyślnéj od W-nego Pana odpowiedzi, mam honor zostawać ze szczególniéjszym dla Niego szacunkiem

Najniższy sługa... [1])

Racz W-ny Pan załączone tutaj listy do pp. Szaffarzyka, Jungmana i Palackiego łaskawie tymże Panom doręczyć!

Seiner Hochwohlgeboren des H. Bibliothekar Ritter Wenzeslaw Hanka in Prag.

Kraków,
d. 22 Listopada 1834.

2.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Na list Pański, w którym mi Pan Dobrod. dałeś dowód prawdziwy łaski i szczególniéjszego zamiłowania nauk, dziś dopiéro odpisuję, a to umyślnie dla tego tylko, abym z méj strony okazał Mu mój pospiech, w umieszczeniu zaraz przy piérwszym zeszycie Kwartalnika Jego genialnéj nadesłanéj mi rozprawy [2]). Na polski język przełożył ją kto inny, o którym, co do znajomości języka czeskiego, istotnie lepsze naprzód miałem niż teraz wyobrażenie; narobił bowiem właśnie w tém tłómaczeniu tyle błędów, iż sam w czasie korekty dopiéro spostrzegłszy zupełne *non sensa*, lubo w czeszczyznie mniéj biegły, starałem się ile możności, za pomocą porównywania z pańskim rękopismem, uchybienia prostować. Czy we wszystkiém mi się udało, sam W. P. Dobrodziéj najlepiéj osądzisz. Nieszczęściem P. Muczkowski, téż nie wiele więcéj umiejący po czesku ode mnie, prócz tego był

[1]) Подпись нѣтъ, но письмо писано рукой Гельцеля и имѣетъ печать: A. Z. H.

[2]) Въ 1 кн. 1-го тома Kwartalnika Naukowego (1835) помѣщена была статья Ганки: Obraz języka polskiego (Wyjątek z przedmowy do niedrukowanej jeszcze Grammatyki polskiej dla Czechów).

bardzo własnemi inauguralnemi pracami zatrudnionym, tak iż zaledwie kilka uwag był w stanie mi uczynić. Jakkolwiek bądź, posyłam W-mu Panu piérwszy zeszyt mego Kwartalnika z uczuciem wdzięczności i szacunku, na wyrażenie których nie jestem nawet dość wymownym. Dodaję w upominku broszurę pisemek Chodakowskiego [1]). Drugi Exemplarz i Kwartalnika i broszury racz W-ny Pan ofiarować z mojéj strony W-mu Szaffarzykowi, z powtórzeniem prośby mojéj dawniéjszéj o udział pracy w Kwartalniku. W-ny Kopitar był łaskaw nie wymówić się od pomocy.

Dziękuję bardzo za nadesłaną mi w darze 3-cią Edycyą Rukopisu Kralodworskiego, a zaszczytną dla mnie propozycyą wymiany Kwartalnika za roczniki muzeum Pragskiego z zapałem przyjmuję i dla tego *trzeci* Exemplarz w tym celu, *czwarty* zaś wraz z broszurą Chodakowskiego w darze dla Muzeum tegóż mam honór do rąk pańskich złożyć. Bardzo mi będzie miło odebrać od W-go Pana nowy artykuł obiecany o najstarszym druku polskim. *Facsimile* ja też sądzę iż lepiéj będzie mogło być w Pradze zrobioném; zechciéj przeto W-ny Pan mnie w tém zastąpić, a koszt wyłożony, na jakiéj tylko drodze pan zechcesz, zwrócę. Racz mi W-ny Pan także doradzić, jak sobie mam postąpić we względzie upowszechnienia Kwartalnika w Czechach, i któremu księgarzowi, gdzie, i jaką ilość Exemplarzy posłać? Co do Cenzury, nie spodziéwam się trudności, gdyż sam sobie jestem srogim Cenzorem: wszakże Kwartalnik już przez Warszawską Cenzurę przeszedł! Kwit W-go Pana P-u Morbitzer oddałem.

Zaręczając W-go Pana o najszczérszym szacunku, zostaję Jego uniżonym sługą A. Z. Helcel.

P. S. Racz mi W-ny Pan Dobrodziéj doradzić, jak bym najlepiéj mógł przychodzić w posiadanie *ważniéjszych dzieł nowych Czeskich*, — i czyliby kto nie zechciał podawać mi o nowych takowych Czeskich płodach podobnych krótkich opisowych wiadomości, jak ja w piérwszym zeszycie umieściłem? Któreż pismo peryodyczne czeskie najlepiéj by mnie z najnowszą literaturą kraju obznajmiało?

Najniższy sługa A. Z. H.

Kraków,
d. 16 Kwietnia 1835.

[1]) Z. D. Chodakowskiego O słowiańszczyznie przed chrześciaństwem... Kraków, 1835, Wydanie A. Z. Helcla.

3.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Przepraszam Pana Dobrodz. jak najmocniéj, że tak w odpisie, jako téż przesłaniu Mu drugiego zeszytu Kwartalnika, tak bardzo się opóźniłem. Tysiączne zatrudnienia moje były tego przyczyną. Prawdziwą i jedyną dla mnie nagrodą to tylko jest, iż Kwartalnik przez uczonych i zasłużonych mężów, takich jak W-ny Pan, mile jest przyjętym, dla czego téż za łaskawe oświadczenie Pańskie w tym względzie szczérze dziękuję jako też i za przysłany Časopis českého muzeum. Bardzo téż proszę o całą resztę poprzednich zeszytów wszystkich tego czasopisma, a gdy *Rozmaitości Krakowskie* daleko jeszcze do ceny tego pisma nie dochodzą, przeto proszę wymienić mi książki, jakieby jeszcze prócz tego przydać się mogły, a niechybnie z przysłaniem ich pospieszę. Omyłki rozprawy Pańskiej znajdziesz Pan Dobrodz. w spisie poprawek umieszczone. Rozprawy zaś nowéj z upragnieniem wyglądać będę.

Na oświadczenie W-go Pana, iż Chodakowskiego rozprawa się tam podoba,—posyłam tamtejszemu Księgarzowi Panu Pospiszyłowi *50 Exemplarzy*, z których według umyślnego na okładce napisu, każdy tylko po złotemu polsk. 1, to jest po *15 dobrych grajcarów* tamtejszych ma być sprzedawany. Racz mię tedy W-ny Pan Dobrodz. temu księgarzowi zalecić, i na ten raz jeden cały transport, do niego należący, onemuż przesłać, wraz z listem tu dołączonym.

Co się tyczé Kwartalnika, niezmiernie pragnę, aby w nim więcéj było umieszczanych rzeczy tyczących się *czeskiéj* literatury, a w tém nikt mi prócz Panów nie poradzi. Bardzo żałować należy, że Czesi nie mają *np.* osobnego pisemka, któreby nas z *literaturą prawniczą czeską* obznajmiało, która jest piérwszą i najgłówniéjszą gałęzią oświaty narodowéj. To co Jungmann przywodzi, jest niezmiernie mało; a niepodobną zda mi się rzeczą, by tylko tyle było. Z największą radością widzę, jak się Czechy teraz biorą do narodowéj literatury, aleć i życzę by się równo i do umiejętności scisléjszych garnęli. Przy takich mistrzach, jak Pan, Szaffarzyk i kilku innych, nie poślednie i w tém nastąpią snać postępy, ale Boże daj, by jak najprędzéj. U nas bardzo literaci są ciekawi na rzeczy czeskie, i cieszono się bardzo widząc Pańskie i Purkinjego nazwisko między współpracownikami, bo pragną się z Kwartalnika o Czechach dowiadywać. Szczęśliwym bym był, gdybym istotnie mógł w Kwartalniku widzieć znów nowe ogniwko łączące

oświatę naszą z Czeską, tak jak to przed 8-miu wiekami bywało.

Lengnicha prawo pospolite polskie, którego nowe poprawne wydanie publiczności podaję, sądzę, że jako wyborna księga, niezbędną część dziejów jednego z Słowiańskich narodów obéjmująca, i dla Czechów ważną będzie: ztąd Panu Pospiszyłowi 15 Exemplarzy dzieła tego, obok kilkuset zapowiedzi posyłam, które ostatnie ma przy wydawanych u niego Kwětach, prenumeratorom łaskawie rozesłać. Kosztowne to jest przedsięwzięcie, przy którém, dla tak wielkiéj taniości, wielkiéj liczby nabywców dzieła potrzebować muszę.

Gdyby kto z Czechów biografie główniéjszych uczonych Czeskich już nie żyjących do Kwartalnika podawać mi raczył, byłoby to dla naszéj publiczności wielce korzystną rzeczą, a dla mnie dobrodziejstwem tém większém. Ja sam biorę się silnie do rzeczy czeskich, i da-li Bóg, będę kiedy próbował prace Maciejowskiego dopełniać. Będą mi do tego potrzebne źródła prawa dawnego czeskiego; a teraz przede wszystkiém *Słownik Jungmanna*, o którego przesłanie Pana Pospiszyła proszę.

Polecając się względom łaskawym Wielm. Pana Dobrodzieja, zostaję z pradziwym szacunkiem Jego najniższym sługą

Ant. Zygm. Helcel Dr. pr.

P. S. Upraszam łaski W-go Pana Dobrodzieja o łaskawe poparcie sprawy mojéj, w poddaniu mych przesyłanych P. Pospiszyłowi książek pod Cenzurę. Nie spodziewam się wszakże żadnych trudności, gdy dotychczas Kwartalnik i wszystkie inne dobrze są i w Królestwie Polskiém, i w Prusach przyjmowane. Będzie mi téż miło, jeżeli nowy zeszyt Časopisu czeskiego nadejdzie na czas, tak abym jeszcze nowsze księgi czeskie mógł w Kwartalniku z tamtąd przytoczyć.

Kraków,
12 Sierpnia 1835.

4.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Przesłane mi łaskawie przez Pana Dobrodz. pięć zeszytów Czasopisma otrzymałem wraz z Jego listem, a dziękując za takowe, posyłam Rozmaitości tutejszych № 2-gi i 3-ci i oczekuję poleceń Pańskich o inne jeszcze dzieła, aby się wartość ich zrównała z wartością przesłanych i oczekiwanych zeszytów Czasopis-

ma Czeskiego. Odsyłam także dwa numera Kwětów, t. j. 21 i 22-gi, które mi Pan Dobrodziéj zanadto przysłałeś, a w zeszycie dołączam wręczony mi przez P. Muczkowskiego rękopism, który Panu Dobrodz. przekazał. Wszystko to Pan Dobrodziéj wraz z nowym zeszytem Kwartalnika w 4 Exemplarzach odbierzesz z rąk P. J. Pospiészyła księgarza, do którego paczkę większą wyprawiam.

Uradowałem się mocno pochlébném zdaniem, które W-ny *Szafarzyk* o naszym Kwartalniku w Czasopismie wyrazić raczył. Zechciéj Mu Pan Dobrodz. z méj strony czule podziękować i oświadczyć tém gorętszą prośbę moją, aby i chwalca do chwalonych przystąpił. Prócz tego, mam honor W-go Pana upraszać, abyś zdania swoje, względem wad i niedostateczności Kwartalnika, szczérze mi objawić raczył, gdyż Pan Dobrodz. tém bardziéj jako współpracownik masz prawo żądania, aby pismo to ile możności ulepszaném było. Konieczną wadę pisma, t. j. *drogość jego*, na którą i P. Szafarzyk przed bratem P. *Kremera* słusznie się użalał, przy drugim Tomie starałem się już uprzątnąć, zniżając cenę o 5 złotych Polskich. Wszakże gdy Kwartalnik zaledwo 150 miał prenumeratorów, a koszta korrespondencyi i pism peryodycznych otrzymywanych są ogromne, przeto nie można było ceny kłaść niższéj, i pewny jestem, iż na drugim Tomie jeszcze więcéj stracę. Polecam się łaskawym względom Pańskim, tak w zasilaniu Kwartalnika swemi uczonemi rozprawami, jako też w nastręczaniu mi innych pisarzów Czeskich, a oraz proszę przyjąć zapewnienie wysokiego szacunku, z jakim mam honor zostawać

Najniższy sługa A. Z. Helcel.

Kraków,
d. 28 Października 1835.

5.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Po ostatnim liście Pańskim z dnia 24-go Sierpnia roku zeszłego, na który W-mu Panu w dniu 28-mym Października, przy zasłaniu Kwartalnika, Kwětów i Miscellaneów odpisać miałem honór, tęsknię prawdziwie dotąd bez wszelkich dalszych od W-nego Pana wiadomości. W pracach moich redakcyjnych bowiem jedyną prawie ulgą i pociechą moją jest zawiązanie stosunków z znakomitemi w naukowości ludźmi, między któremi W-mu Panu tak zaszczytne miéjsce się należy. Posyłając W-mu Panu świeży,

czwarty zeszyt Kwartalnika, wraz z osobném odbiciem „*Przyczynku do dziejów literatury polskiéj*", pragnę zarazem przypomnieć się Jego łaskawéj pamięci i pobudzić do uradowania mię kilka literami.

Trwam ja ciągle w oczekiwaniu obiecanych mi łaskawie zasiłków do Kwartalnika i cieszyć się będę wielce, gdy mi je Pan Dobrodz. (a może i P. Szaffarzyk) nadeśle. Wszakże niespokojny jestem o to, czy Pan Dobrodz. mój list z d. 28 Października wraz z książkami odebrałeś; mocno mię bowiem także zadziwia ciągłe milczenie P. Pospiszyła księgarza, do któregom już kilka listów i transportów książek wysłał, a który na to wszystko ani słowa mi nie odpowiada, tak iż nawet nie wiem, co on względem mych książek przedsiębierze? Mam nadzieję, iż mię kilka słów Pańskich we wszystkiém objaśnią, i że za przyczynieniem się Pańskiém i od P. *Pospiszyła* list, a może i należytość odbiorę. Nie chciałbym wszakże W-mu Panu być w niczém uciążliwym i dla tego proszę, abyś Pan mną jedynie w chwilach zupełnie wolnych myśl swoją zająć raczył.

Bądź Pan Dobrodz. łaskaw oświadczyć mi, jakichby jeszcze książek dołożyć Mu trzeba, aby dopełnić zamiany za Časopis Muzeum Českeho; będę się starał dogodzić życzeniom Pańskim i w ogólności być Mu usłużnym we wszystkich czynnościach, które mieć możesz w Krakowie. Ciesze się też naprzód, iż mając zamiar odwiezienia żony méj do wód Egerskich, w przejezdzie przez Pragę, około Czerwca będę mógł mieć sposobność poznania W-nego Pana osobiście i zaręczenia go bliższego o głębokim szacunku, z którym zostaję JW-go Pana najniższym sługą

A. Z. Helcel.

6.

Łaskawy Panie!

Slicznie dziękuję za łaskawie przesłane mi pisma Czeskie. Przez P. Maciejowskiego odsyłam W-mu Panu 4-ty poszyt Czasopisma Muz. Czeskiego, bo go już posiadam, dołączam do tego wszystkie trzy gatunki monet krakowskich, które oddać Panu zapomniałem. Racz też P. udać się do księgarni Haasego i odebrać dla siebie 1 Exempl. V-go Zeszytu Kwartalnika, a prócz tego donieść mu, iż 7 pozostających prócz tego owych Exemplarzy wydać mają: 1 dla Muzeum Czeskiego, 1 dla Redakcyi Kwètów,

1 dla Szaffarzyka, 2 dla Palackiego, 1 dla Čelakowskiego i 1 dla kleryka Stulc (do księgarni Pospišyla).

Pan Maciejowski za przyjazdem swym do Pragi rozporządzi drugim Exemplarzem, do P. Palackiego dostać się mającym. Proszę Pana pamiętać o zakupieniu dla mnie przy okazyi zbiorów dawnych praw Czeskich, tudzież Voigta o monetach. Podobnież proszę o kroniki Kozmasa i Hagka choćby w nowszych Edycyach. Te książki, łatwiéjsze do nabycia, może P. Maciejowski zapłacić i zabrać. Powracać na Pragę nie będę; nie będę więc już miał szczęścia powitać Pana powtórnie, czego mocno żałuję. Racz Pan pozdrowić ode mnie Jungmanna, Palackiego, Schaffařika etc. etc. — i uciesz mię rychle swym listem i artykułem do Kwartalnika.

Zostaję z najgłębszém uszanowaniem A. Z. Helcel.

Karlsbad,
d. 28 Lipca 1836.

7.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Od roku już przeszło zależałem jakoś pola w tak miłej mi i zaszczytnéj korrespondencyi z Panem i z drugiemi uczonemi Czeskiemi. Przez cały ten czas byłem rozjęty niemal zupełnie przykrościami wydawnictwa mego z jednéj, a częstemi chorobami żony mojéj z drugiéj strony; sam wiem najlepiéj, ile na tém straciłem! Teraz znów jestem wolniéjszy, bo i żona zdrowsza, i wydawnictwo na czas niejaki zawiesiłem, sprzedawszy drukarnię. Posyłam W-mu Panu dalszy ciąg Kwartalnika, tyle, ile go dotąd wydałem, t. j. zeszyty: 6-ty, 7-my i 8-my. Dołączam do tego 2 exemplarze: jeden dla Muzeum, a drugi dla Redakcyi Kwětów; miło mi będzie odebrać wzamian brakujące mi części tak *Czasopisu* [illegible], którego posiadam dopiéro *Rocznik dziesiąty*, związku drugą, jako też Kwětów, które posiadam z r 1836. číslo 2-e. Niemniéj mam honor przesłać W-mu Panu dokończenie Ksiąg Longinecha, tak dla niego samego, jako też dla Biblioteki Muzeum. Paczkę do Pana Šafařjka zaadresowaną, zechciéj Pan Dobr. niezwłocznie odesłać.

Jaknajusilniéj zaś Pana Dobr. proszę, abyś księgarza Pospišila raczył zachęcić do ukończenia już raz na czysto rachunków ze mną. Napisywałem mu książek dosyć, a on do dziś dnia jeszcze mi ani jednego grajcara nie posłał i nawet wcale nie pisze, co

sprzedał, a czego nie sprzedał. Ledwo, żem sobie zeszłego roku będąc w Pradze salwował kilkadziesiąt reńskich, odebrawszy od niego kilka Kwartalników i wziąwszy książek czeskich za 25 reńskich. List do niego zostawiam umyślnie otwarty, by Pan Dobr. z niego rzecz wyrozumiał i raczył odebrać do siebie te książki, których on nie pozbył, a z czasem mi oneż wraz z czeskiemi ode mnie upragnionemi nadesłać pocztą, jeśli innéj nie będzie sposobności. Rzecz naturalna, że książek moich potéranych i rozciętych na powrót nie mogę przyjąć. Wiele mi na tém zależy, bym Słownik Jungmana jak najprędzéj posiadał kompletnie, bo bez niego w literaturze czeskiéj, jakobym chciał, postępować nie mogę. Raczyłeś też Pan Dobr. przyobiecać mi, że, gdyby się zdarzyło, to zechcesz dla mnie zakupić *Hageka* Kronikę; przypominam się więc w téj mierze łasce Jego i proszę jeszcze i o *Cosmasa*, gdyby się nawinął. Wyczytałem ze Starożytności Šafařjka, że Pan Dobrodziéj zamyślasz wydać źródła prawodawstwa Czeskiego: niezmiernie się na to cieszę i proszę Pana o zawiadomienie mię dokładne o tém przedsięwzięciu, tudzież o czasie, kiedy się tego mamy spodziéwać. Kucharskiego źródła są już na wyjściu z pod prasy w Warszawie. Co się nowego w literaturze czeskiéj od roku zjawiło, nic nie wiem; jestem w téj mierze jakby w rogu. W polskiéj nastał sen ciężki; wychodzący tu w Krakowie Pamiętnik jest niezmiernie tuzinkowem pismem, tłómaczy tylko i okrada inne pisma, a co oryginalnego umieści, to też świéci biédą i niewytrawieniem młodych studentów. *M. Gr.*(abowskiego) dziełko: *Literatura i krytyka* i *Poezye Grozy*, w Wilnie wydane, są jedyne u nas rzeczy nowsze, godne uwagi Pańskiéj; z pod prasy wyjdą wnet *Powieści Jadama* (Adama Gorczyńskiego), które mają być ładne. Na tém koniec całego poczetu.

Uradujesz mię Wielmożny Pan wielce, jeśli mię rychło pismem swojém zaszczycić raczysz, bez którego tak dawno tęsknię. Przepraszam mocno za utrudzenie, które W-mu Panu moje prośby przynieść mogą; lecz będę się starał wywdzięczyć wzajemnemi dla Pana usługami, jakich tylko ode mnie zażądasz. Tymczasem zostaję z najgłębszém uszanowaniem Wielmożnego Pana Dobr. najniższy sługa A. Z. Helcel.

Kraków,
d. 2 Grudnia 1837. Приписка Ганки: Odpow. 8 ledna 1838.

8.

Wielmożny Panie Dobrodz.!

Oddawcę listu tego Pana Łętowskiego, obywatela Galicyj-

skiego, polecam gorąco łasce i przychylności Pańskiéj. Udaje się do Pragi w celu edukacyi syna swego; ile więc tylko Pan Dobr. będziesz mu mógł pod tym względem dobrego naradzić i wyświadczyć, tyle Pan zechciéj przez łaskę na mnie uczynić, za co nigdy nie przestanę Mu być wdzięcznym.

Najczulsze składam W-mu Panu dzięki za przesłane mi Zřjzenj a prawa zemska Królestwa Czeskiego; koszt zaś tak za tę księgę, jako też za przesyłkę daremną w przeszłym jeszcze roku przez księgarzy dopełnioną, Pan Łętowski W-mu Panu zwróci z méj strony. Do Pospissila jeszcze Pan Dobr. racz teraz zakołatać o dalszy ciąg słownika Jungmana, z którego posiadam tylko zeszyty aż do Tomu II-go zeszyt 3-ci, kończący się na wyrazie nabĕhlost. Gdybyś Pan Dobr. mógł nabyć za pomierną cenę Cosmasa, Helmolda i Hagka (edyc. drugą), tedy bym był bardzo rad, gdybyś mi je Pan Dobr. przez P. Łętowskiego przesłał, a ten by je tam W-mu Panu opłacił. Zresztą posyłam W-mu Panu dla Muzeum mój *Rys postępów prawodawstwa karnego* i żałuję, że czego lepszego posłać nie mogę.

Zostaję z głębokiém uszanowaniem najniższy sługa

A. Z. Helcel.

JW-my JMPan Wacław Hanka, kawaler kilku orderów, Bibliotekarz Muzeum Czeskiego, JWPan i Dobrodziej odebrać raczy w Pradze, w Muzeum, na Hradczynie.

Kraków,
dn. 16 Czerwca 1838.

9.

Wielmożny i łaskawy Panie Dobrodz.!

Na list Pański, przez Panią Janczewską mi oddany, długo odpowiedzieć nie byłem w stanie, z powodu długiéj i niebezpiecznéj choroby, którą po powrocie do domu odbyłem. Bardzom żałował, że mnie Pan, za mym drugim przejazdem w Pradze znaleźć nie mogłeś. Mieszkałem pod Aniołem, ale tam pewnie mię nazywali Szternsztynem, gdy mię Pan Helclem nazywałeś. Tak mi się już często zdarzało. Cięży mi na sumieniu odwet, który się Panu odemnie należy, za darowiznę księgi prawa miejskiego, a to tém bardziéj, że Pan nie oznaczyłeś mi czego potrzebujesz. Dla tego téż proszę Pana o wyraźne wymienienie mi książki, któréj byś sobie życzył.

Dziękuję Panu bardzo za wskazanie mi ustępu roczników

Wiedeńskich o przodkach moich, szczegóły te nie tylko po większéj części były mi już znane, lecz nadto mam do nich autentyczne dowody i wiem ich prócz tego nierównie więcéj. Wszakże, gdy Bergmann jako źródło swych wiadomości o Helclach cytuje *Hrab. Kaspra Sternberga Umrisse einer Gesch. d. böhm. Bergwerke*, które wyszło w Pradze, a tu go nigdzie niema, — i gdy to dzieło, dla téj jednéj tylko rzeczy dla mnie ciekawe, zresztą jest zbyt drogie, by było kupienia warte,—przeto śmiem do zwykłéj łaskawości Pańskiéj udać się z prośbą, byś Pan raczył kazać dla mnie przepisać z dzieła tego ustępy odnoszące się do Helclów, które znaleźć będzie można (według Bergmanna) w t. I. p. 161. 206. t. I. Abth. II p. 80 etc.

O nowościach literatury czeskiéj racz mi Pan donosić co ważniejsze. U nas, prócz Maciejowskiego pierwotnych dziejów Polski, które Pan już masz zapewne, i prócz *Codex diplomaticus*, który w Warszawie w tych dniach ma wyjść na świat, a którego połowę ja krytycznie obrabiałem, a resztę, dla choroby i podróży komu innemu na kark powalić musiałem,—nic nie ma uważnego.

Przy zdarzonéj sposobności, zechciéj Pan ode mnie Szafarzyka i Palackiego pozdrowić.

Sam przyjm Pan mile moje oświadczenie prawdziwego poważania i przyjaźni. Najniższy sługa A. Z. Helcel.

NB. Muszę Pana wywieźdź z błędu, donosząc, iż nie jestem i nie byłem nigdy ani adwokatem, ani urzędnikiem żadnym; w roku 1833 tylko przez krótki czas jako *Professor honorarius* uczyłem w tutejszym Uniwersytecie prawa polskiego dawnego. W tymże roku jednak jeszcze, przy organizacji nowéj, przedmiot ten i katedrę za niepotrzebną uznano,—i odtąd wciąż jestem tylko jak niemcy mówią: „Privatgelehrter".

Kraków,
dn. 22 Grudnia 1846.

10.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Z boleścią od niejakiego czasu widzę zaciętą i trochę nieprzyzwoitą polemikę kilku gazet Pragskich, a mianowicie *Narodnych Nowin* i *Böhmische Centralblätter* z *Jutrzenką Krakowską*. Należy się obawiać, aby waśń gazet nie przeszła w waśń dwu słowiańskich narodów, gdyż gazety pragskie tak błędnie, jak i Jutrzenka, *generalizując zdania osób pojedyńczych*, już poczynają i na-

ród nasz czérnić,—dość już czerniony przez Niemców. Aby więc temu błędowi i téj zgubnéj dla Słowian waśni pismiennictwa dwu słowiańskich ludów koniec jak najprędzej położyć, pospiészam gazetom pragskim złożyć najoczéwistszy dowód, iż opinia Jutrzenki nie jest opinią Krakowa.

Przy otwartym wakansie na Deputowanego do Wiednia lub Kromieryża wystąpiłem jako kandydat,—a to nie tak, jak zwykle dotąd bywało, z zasuniętym wizyerem, z kotem w worku (jak mówią), lecz naprzód jawnie zrobiwszy moje wyznanie wiary w słowiańskim Pragskiego kongresu duchu, jawnie potępiwszy poprzednie posłów polskich a zwłaszcza Krakowskich postępowanie na sejmie Wiedeńskim, rzuciwszy im lojalnie rękawicę w szrankach sądu elektoralnego, prosząc, by mię tylko w tym razie współobywatele wybrali, *jeśli zdanie moje podzielają*; wybrany zostałem Deputowanym Krakowskim *prawie jednomyślnością*, bo tylko pięć głosów przeciwnych się znalazło. Niechże więc z téj wielkiéj legalnéj i parlamentarnéj manifestacyi sądzą o opinii tutejszéj Prażanie, a nie z artykułów Jutrzenki, któréj Redakcya, jak widać z umiarkowania jéj nowszego w téj kwestyi pełnego godności, może dziś żałuje, iż niektóre namiętnością tylko i polityczném niedowarzeniem nacechowane artykuły anti-czeskie, jak jéj nadesłanemi lub podanemi były, tak téż bez surowéj krytyki w kolumny swe przyjęła. Posyłam tedy Wielmożnemu Panu 4 exemplarze mego głosu, z których jeden sobie zostawić, drugi Panu Palackiemu przesłać, trzeci *Nowinom*, a czwarty *Centralnym listom* doręczyć raczysz, z zawiadomieniem o rezultacie wyborów. Udaję się w téj mierze do Pana Dobrodzieja, raz dla znanéj mi Pańskiéj słowiańskiéj gorliwości, drugi raz zaś—dla tego, że jego tylko jednego o pobyt w Pradze jest dla mnie pewnym.

Zostaję z najgłębszym szacunkiem Wielmożnego Pana Dobrodzieja najniższy sługa Antoni Zygmunt Helcel.

11.

Szanowny i wielmożny Panie!

Przyjaciela mego P. Franciszka Paszkowskiego serdecznie Panu Dobr. polecam: jest to Malarz znakomity i dobry Słowianin. Dość Panu na tem,—który z natury tak jesteś przyjacielskim i gościnnym dla obcych.

Miło mi przy tém przypomnieć się Panu i odświeżyć dawne stosunki. A ponieważ do uczonego najmiléj o rzeczach naukowych

pisać, przeto Panu donoszę, iż znów cały po uszy siedzę w księgach i szpargałach i że jestem professorem w Uniwersytecie.

Pracuję dużo nad rzeczami słowiańskiemi, ale mi książek brakuje: o te więc udaję się do Pana, abyś raczył za pieniądze, które Panu P. Paszkowski ode mnie złoży, nabyć mi:

1) Czasopis Muzeum za rok 1838 i sqq.

2) Ten zeszyt illyryjskiego czasopisma *Kolo*, w Zagrabiu wychodzącego, w którém się mieści jakieś *prawo Winodułów*, jeśli można — z tłómaczeniem dokładném.

3) Franty, Deutsch-böhm. Wörterbuch, począwszy od 12-tes Heft, bo 11 poprzednich mam. Już nawet zapłacone od kilku lat Pospišilowi.

Jeśli co wyszło od r. 1849 *ważnego* w historyi lub prawie czeskiém, to o to też proszę. Palackiego historyi czeskiéj po niemiecku mam dopiéro Tomu III. 1. Abtheilung, i jeśli po niemiecku wyszło daléj,—to proszę. Czy wychodzi daléj Archiv Český? Mam z niego tomów całych trzy [1]).

Donieś mi Pan Dobr., jak się Panu powodzi, jak idzie rzecz czeska na Praskim Uniwersytecie? Czy nie mogłyby się nasze dwa Uniwersytety więcej z sobą znosić we względzie naukowym i organicznym?

Dobrze by było, żeby téż tu Panowie Czescy uczeni kiedy nasz stary gród odwiedzili. Serdecznie Pana Dobrodzieja pozdrawiam. Uniżony sługa

Dr. Ant. Zyg. Helcel,
Prof. Uniw. Jagiell.

Kraków,
d. 11 Lipca 1851.

А. Ѳ. Гильфердингъ [2]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Столь много и отъ столь многихъ людей слыхалъ я объ Вашей добротѣ и снисходительности, такъ привыкъ чтить въ Васъ, кромѣ знаменитаго дѣятеля Славянской науки, еще и до-

---

[1]) Приписка Ганки: „Čtvrtý sem poslal. Kolo a Krakoviaky".

[2]) Собственноручная записка А. Ѳ. Гильфердинга въ письмахъ къ Ганкѣ:

„A. Hilferding, Magister der Universität Moskau und russ. Titularrath

бродушнаго покровителя всякаго, занимающагося этимъ предметомъ, всякаго Русскаго, заѣзжающаго въ Вашъ край, что, не имѣвъ чести представиться Вамъ лично, смѣло обращаюсь къ Вамъ съ просьбою о помощи.

Здоровіе моего отца, который, Вы можетъ быть вспомните, въ 1846 году былъ въ Прагѣ, и котораго Вы тогда такъ обласкали, потребовало лѣченія за границею. Мы пріѣхали въ Дрезденъ и послѣ завтра отправляемся въ Топлицу; пробывъ тамъ двѣ недѣли, поѣдемъ на мѣсяцъ въ Карловы-вары и оттуда возвратимся опять къ Топлицкимъ источникамъ. На первыхъ порахъ я буду безотлучно при отцѣ и самъ также буду пользоваться водами. Только въ концѣ лѣта предприму, если Богъ дастъ, поѣздку въ Прагу и въ другіе города, занимательные для меня въ ученомъ отношеніи. Но и во время лѣченія я могъ бы соединить съ необходимымъ отдыхомъ отъ письменныхъ работъ дѣло полезное, могъ бы поучиться практически чешскому языку. Нѣтъ ли между Вашими Топлицкими и Карловарскими знакомыми молодаго человѣка, который захотѣлъ бы быть мнѣ иногда товарищемъ въ прогулкахъ и учить меня по Чешски? Позвольте мнѣ просить Васъ въ такомъ случаѣ написать нѣсколько строкъ въ Топлицу, адресуя на мое имя, *poste restante.*

Имѣю къ Вамъ еще другую великую просьбу. Вы, можетъ быть, обратили благосклонное вниманіе на мои филологическія работы по части Славянскихъ языковъ. Предпринятые съ тѣхъ поръ историческіе труды не отвлекли меня отъ филологіи. Я заготовилъ много новыхъ матеріяловъ и надѣюсь составить со временемъ по возможности полный сравнительный Корнесловъ Сла-

---

(Sein Titel ist im № 287 der Pražské Noviny falsch angegeben worden), der schon Untersuchungen über das Verhältniss der slavischen Sprachen zum Sanskrit und über die Geschichte der slavischen Stämme am baltischen Meere im Mittelalter veranstaltet hat, schreibt gegenwärtig in russischer Sprache eine Geschichte der Serben und Bulgaren während der byzantinischen Periode, d. h. bis zum Anfange der Türkenherrschaft. Der erste Theil dieser Arbeit ist bereits in Moskau erschienen und umfasst den Zeitraum bis a. 970. Der Verfasser hat ausser den bekannten byzantinischen und abendländischen Quellen auch altslavische benuntzt, die im grossen Kloster der Dreieinigkeit (Troïckaja Lavra) unfern von Moskau, auch in der Kaiserl. Bibliothek zu St. Petersburg sich handschriftlich befinden. Einzelne dieser Quellen (es sind besonders Lebensbeschreibungen alter serbischen und bulgarischen Heiligen) hat er in den für ihn gemachten Abschriften den hiesigen Gelehrten mitgetheilt. Ohne Zweifel wird er auf seiner Reise in Oesterreich in den in dieser Hinsicht so wenig ausgebeuteten Bibliotheken manches noch unbenutztes kirchenslavisches Document für die ältere serbische und bulgarische Geschichte finden können".

вянскій. Для него мнѣ бы нужно было собрать, между прочимъ, и простонародныя слова, употребляемыя въ разныхъ мѣстностяхъ Чешскимъ и Словацкимъ народомъ. Нѣкоторые такого рода матеріялы доставилъ мнѣ И. И. Срезневскій, но я желалъ бы имѣть ихъ какъ можно болѣе, такъ они мнѣ кажутся важны и драгоцѣнны для науки. Я почту себя счастливымъ, если, во время пребыванія въ Чешскихъ краяхъ, найду что-нибудь по этой части, но безъ Вашего благосклоннаго содѣйствія, безъ Вашихъ указаній, не имѣю надежды на успѣхъ. Если у Васъ есть въ виду, особенно между молодыми дѣлателями Чешскими, люди, занимающіеся собираніемъ мѣстныхъ словъ, не откажитесь познакомить ихъ съ предпринятой мною работою. Я буду искренно благодаренъ за всякое филологическое даяніе, за всякое содѣйствіе къ пополненію моего лексическаго труда; послѣ лѣченія на водахъ, осенью, я могъ бы даже съѣздить въ тотъ или другой городъ Чехіи, гдѣ бы надѣялся найти такого рода ученую добычу; но нужно бы было имѣть объ этомъ предварительныя свѣдѣнія, и вотъ почему я осмѣлился такъ безцеремонно обезпокоить Васъ своею просьбою.

Посылаю Вамъ пакетецъ, врученный мнѣ для Васъ Измаиломъ Ивановичемъ. Черезъ нѣсколько времени надѣюсь имѣть удовольствіе представить на Вашъ просвѣщенный судъ часть своихъ работъ по исторіи Славянъ Балтійскихъ и южныхъ, а потомъ и самъ явиться къ Вамъ и лично засвидѣтельствовать Вамъ, Милостивый Государь, чувство глубочайшаго уваженія, съ какимъ честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Двѣ брошуры Измаила Ивановича будутъ препровождены къ Вамъ изъ Топлицы.

Дрезденъ,
29 Іюня / 11 Іюля 1855.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Я имѣлъ честь послать къ Вамъ, по порученію И. И. Срезневскаго, 2 экземпляра его программы лекцій о Славянской филологіи и послѣдній выпускъ „Извѣстій“. Я осмѣлился вложить въ тотъ же пакетъ два другихъ экземпляра Извѣстій, въ надеждѣ, что Вы не откажетесь доставить ихъ П. П. Шафарику и Г. Штуру, котораго адресъ Вы, безъ сомнѣнія, имѣете. Я не могъ

узнать, гдѣ онъ теперь живетъ, и съ крайнимъ сожалѣніемъ рѣшился обременить Васъ этою просьбою.

Кромѣ того, Вы получите отъ меня на дняхъ еще новую посылочку. Въ „Извѣстіяхъ" Вы, конечно, не безъ удивленія прочли имя нашего вдохновеннаго поэта-прорицателя, имя Хомякова, на заглавіи лексической, корнесловной работы [1]). Эта свѣтлая, всеобъемлющая голова, какъ видно, не презираетъ сухой филологической науки. Онъ понялъ ея живую и животворную сторону, онъ понялъ ея особенную важность для Славянъ. Я увѣренъ, что и Вы въ Прагѣ столько же обрадуетесь труду Хомякова, сколько мы ему обрадовались. Авторъ пожелалъ, чтобы Вы, также какъ П. И. Шафарикъ и Г. Штуръ, имѣли по одному изъ немногихъ оттисковъ его „Сравненія". Осмѣливаюсь препроводить къ Вамъ и въ этотъ разъ оттиски для Гг. Шафарика и Штура.

Еще до переѣзда въ Чешскій край, изъ Дрездена, писалъ я Вамъ, прося Вашего благосклоннаго покровительства и содѣйствія своимъ работамъ по части Славянской филологіи и Славянской исторіи и посылая Вамъ письмо отъ Измаила Ивановича. Также просилъ я Васъ, если возможно, поручить меня кому-нибудь изъ знакомыхъ Вамъ молодыхъ Чеховъ въ Теплицѣ и въ Карловыхъ-варахъ, съ кѣмъ бы я могъ поучиться по чешски. Дошло-ли до Васъ это письмо и найдете-ли Вы мою покорнѣйшую просьбу исполнимою?

Въ Теплицѣ мы пробудемъ до 27-го числа Іюля н. ст. Потомъ поѣдемъ въ Карловы-вары.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и совершенной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги А. Гильфердинга.

Адресъ нашъ въ Теплицѣ: zum goldenen Kreuz, Schlossplatz.

Теплица,
5/17 Іюля 1855.

2 а.

М. Г., Александръ Федоровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить не токмо письмо Ваше изъ Драждянъ, но и пакетъ изъ Теплицы порядочно. Тотчасъ послѣ

[1]) Статья А. С. Хомякова „Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими", читанная въ засѣданіи II Отд. II. Ак. Н. 22 января 1855 г.

полученія перваго я написалъ предварительно нѣсколько строкъ въ Теплицу poste restante, какъ Вы сами писали, но изъ полученнаго вчера Вашего письма вижу, что Вы еще не послали за письмомъ моимъ, ибо poste restante не приносятъ въ домъ. Я Васъ адрессовалъ къ Госпожѣ Енгель, вдовѣ по университетскомъ профессорѣ. Она, какъ знакомая въ городѣ, могла посовѣтовать Вамъ и на счетъ квартиры и чешскаго предчитателя. Отъ нея есть ужъ у насъ другой отвѣтъ, и она еще не получила включеннаго въ Ваше письмо билета.

Извѣстія я послалъ уже П. П., но въ третьимъ экземплярѣ сомнѣвался, потому что ко мнѣ обыкновенно посылали, мнѣ, *П. П.* и *Степану Карповичу* [1]) въ Веймаръ, но теперь вижу изъ Вашего письма, что нѣтъ ошибки. Постараюсь и ихъ отправить.

На заглавіи лексической корнесловной работы меня не поразило такъ имя поэта Хомякова, какъ имя палентеолога (sic) Куторги, ибо поэтъ долженъ подумать о словѣ и палентеологъ объ окаменелостяхъ, и такъ невѣрно вышли ихъ работы.

Страна теплицкая онѣмечена прогнаніемъ чеховъ въ 30-лѣтней войнѣ и насадою нѣм. колоніи, и что еще осталось, то довершило опустошеніе Пруссакомъ въ Семилѣтней. До того времени Вы можете видѣть Архивъ на ратушѣ, какъ и прекрасные перг. пѣсенники съ миніятурами совсѣмъ по-чески.

Радуясь впередъ Вашему прибытію въ Прагу, прошу покорнѣйше принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и засвидѣтельствовать мой нижайшій поклонъ Вашему батюшкѣ.

Съ соверш. и пр.

(Съ черновика Ганки).

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

19-го числа получилъ я оба Ваши почтенныя письма и приношу Вамъ за нихъ глубочайшую свою благодарность. Какъ сожалѣлъ я, что письмо, отправленное Вами въ Теплицу 14-го, такъ долго пролежало на почтѣ, и что столько дней я не могъ пользоваться Вашими благосклонными рекомендаціями. Виною тому, странно сказать, Русская азбука, заставившая насъ писать *G* вмѣсто *H* въ началѣ нашей иностранной фамиліи. Всякій день заходилъ я въ здѣшній почтамтъ, спросить, нѣтъ ли для

[1]) Священнику С. К. Сабинину.

меня письма *poste restante* изъ Праги, всякій день чиновникъ перебиралъ при мнѣ всѣ письма, положенныя въ клѣтку подъ литерою H, и торжественно провозглашалъ: nein, es ist nichts da! А Ваше письмо все время покоилось въ сосѣдней клѣткѣ подъ литерою G, пока наконецъ, получивъ отъ Васъ третьяго дня извѣстіе объ отправленіи этого письма, я самъ не перебралъ писемъ poste restante, хранившихся въ Теплицѣ. Тотчасъ же я и нашелъ его.

Тѣмъ болѣе досадно мнѣ было это недоразумѣніе, что не удалось уже познакомиться съ В. Х. Гофманомъ. Я пришелъ на его квартиру, и мнѣ сказали, что нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ уѣхалъ. Онъ отправился, говорили мнѣ, въ Дрезденъ.

Къ Г-жѣ Энгель я немедленно явился съ рекомендательнымъ письмомъ. Истинно благодарю Васъ за знакомство съ этою пріятною и достойною особою и съ ея миленькимъ сыномъ, который взялся быть моимъ чешскимъ наставникомъ. Онъ даетъ мнѣ прилежно уроки; мы очень серьезно читаемъ Исторію Палацкаго, и иногда только учитель прерываетъ свое наставленіе, чтобы поиграть въ мячикъ: но наука отъ этого не страждетъ. Г-жа Энгель, у которой я былъ сегодня, велѣла передать Вамъ усердный свой поклонъ.

Съ нетерпѣніемъ жду окончанія лѣченія, въ надеждѣ ѣхать тогда въ Прагу, куда меня столь многое привлекаетъ, и пользоваться тамъ Вашею просвѣщенною бесѣдою и указаніями Вашими; а пока прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги А. Гильфердинга.

P. S. Въ концѣ этой недѣли мы ѣдемъ въ Карловы-вары. Если бы Вы могли и тамъ рекомендовать меня кому-нибудь изъ любителей чешскаго слова, то оказали бы мнѣ новое и великое одолженіе: но прошу Васъ о немъ только въ томъ случаѣ, если Вамъ оно не причинитъ никакихъ хлопотъ и затрудненій.

Теплица,
22 Іюля 1855 г.

4.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Истинною радостью для меня было получить, тотчасъ по пріѣздѣ въ Карловары, благосклонное письмо Ваше, доставленное сюда изъ Теплицы. Душевно благодарю Васъ за этотъ но-

вый знакъ снисходительнаго вниманія Вашего ко мнѣ, столь мало мною заслуженнаго.

О. Черника я, къ сожалѣнію, не нашелъ въ Карловарахъ. Записку Вашу отдалъ О. Гуспекѣ, который съ большою обязательностью вызвался говорить со мною по-чешски; но я не могъ не замѣтить тотчасъ, сколько онъ занятъ своимъ служеніемъ, и не рѣшался часто и надолго посѣщать его. Мнѣ рекомендовали здѣшняго учителя, Г. Баіера, и я имѣю надежду воспользоваться его руководствомъ. Прискорбно мнѣ, конечно, что, живя уже слишкомъ три недѣли въ Чешскихъ границахъ, не могъ, при всемъ желаніи, ни мало успѣть въ языкѣ, который такъ важенъ для всякаго, кто любитъ Славянскую науку. Но что дѣлать? Такъ трудно это въ здѣшнемъ онѣмеченномъ краѣ. Зато постараюсь, чтобы остальное время не было потеряно. Мнѣ только что прислали изъ Москвы первые, отдѣльно отпечатанные листы моей Исторіи Балтійскихъ Славянъ. Окончивъ первую часть этой работы, обнимающую Исторію Балтійскихъ Славянъ въ древнѣйшую пору (до Карла Великаго) и общее обозрѣніе ихъ быта, какъ семейнаго, такъ и общественнаго, и вѣрованій,—окончивъ эту первую часть, я отдалъ ее въ „Москвитянинъ", гдѣ она выходитъ отдѣльными статьями; статьи эти собираются потомъ въ одну книгу. Пять изъ нихъ уже вышли, и ихъ-то я теперь получилъ; остаются еще двѣ, которыхъ тоже ожидаю въ скоромъ времени. Но я хотѣлъ бы представить на просвѣщенный судъ Вашъ предварительно уже тѣ статьи, которыя имѣю; тѣмъ болѣе, что онѣ составляютъ нѣчто цѣлое: въ нихъ окончено общее изложеніе быта и общественнаго устройства Балтійскихъ Славянъ; остальная часть, которая вѣроятно теперь печатается, посвящена миѳологіи. Осмѣлюсь попросить Васъ, если будетъ у Васъ время и охота, ознакомиться съ моею работою, а также сообщить о ней тѣмъ изъ Вашихъ ученыхъ соотечественниковъ, которые сочувствуютъ избранному мною предмету. Жалѣю, что еще не могу располагать большимъ числомъ экземпляровъ: разумѣется, лишь только книга моя будетъ окончена, доставлю въ Прагу отгисковъ, сколько будетъ нужно. Но я думаю, что буду самъ въ Прагѣ прежде того времени. Хотѣлось бы пріѣхать въ Вашъ городъ, какъ скоро кончится наше лѣченіе на водахъ, и отъ Васъ отправиться въ Лужицы и въ Люнебургскій край. Путешествіе это предпринимаю въ надеждѣ обогатиться новыми свѣдѣніями и матеріялами по части исторіи и языка Балтійскихъ Славянъ; отъ Васъ же, благосклоннаго покровителя всѣхъ трудящихся для Славянской науки, и отъ другихъ Пражскихъ ученыхъ, бывавшихъ

въ тѣхъ мѣстахъ, смѣю ожидать необходимыхъ для такаго предпріятія указаній и совѣтовъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью остаюсь, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Отецъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое искреннѣйшее почтеніе и проситъ сохранить его въ памяти.

Карловары (Zum Chronometer).
6 августа н. с. 1855.

5.

Я благополучно пріѣхалъ сегодня утромъ въ Вѣну, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, и очень сожалѣлъ, что такъ поспѣшно оставилъ Васъ[1]). Причина, по которой меня вызвали, была только частная и не имѣла никакой особенной важности: я могъ бы преспокойно оставаться въ Прагѣ, какъ предполагалъ, до понедѣльника. Разумѣется, сколько мнѣ это было непріятно, столько съ другой стороны я радъ былъ, что не былъ встрѣченъ въ Вѣнѣ никакой дурною вѣстію. Напротивъ, я получилъ отъ отца сегодня очень пріятное для меня письмо.

Васъ и всѣхъ въ Прагѣ еще разъ отъ души благодарю за пріемъ, котораго никогда не забуду. Будьте такъ добры, извѣстите обо мнѣ Г-жу Профессоршу Энгель, которая оказала мнѣ столь милое и дружеское участіе; также прошу Васъ передать содержаніе этого письма, вмѣстѣ съ моимъ сердечнымъ поклономъ Г-ну Вртяткѣ и всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ.

На дняхъ пришлю Вамъ небольшой пакетецъ: стихотв. Тютчева для Васъ, карта для Г. Вртятки, три лингвистическія книжки для Г. Профессора Гатталы.

Желая Вамъ здоровья на общую пользу наукѣ и всѣмъ—намъ, остаюсь, М. Г., съ искреннѣйшимъ уваженіемъ и благодарностью Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Сдѣлайте милость, скажите Г. Вацлику, чтобы онъ какъ можно скорѣе прислалъ Сербск. и Болгарск. мои рукописи и листы о Балтійскихъ Сл.—Г-ну Переводчику моихъ „Писемъ" пришлю на дняхъ дополненія и поправки: желалъ бы знать его имя. Листы перевода буду просить отсылать „an H. Schmaler, Buch-

[1]) Въ альбомѣ Ганки 8 дек. н. с. 1855 г. онъ записалъ: „Буду всегда съ благодарностію помнить Прагу и Вячеслава Вячеславича Ганку"

händler etc. in Bautzen". Настаивайте, пожалуйста, чтобы онъ работалъ поскорѣе.

Мой адресъ: Wien, z. Erzherzog Karl № 92. Но съ начала будущей недѣли прошу адресовать въ Русское посольство (въ Вѣнѣ), потому что не знаю, гдѣ я тогда буду.

Приписка рукой Ганки: Вѣна, 9 Декабря 1855.

5 a.

Вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ, драгоцѣннѣйшій Александръ Федоровичъ, пришло письмо отъ Селиныхъ изъ Кіева.

Спѣшу съ отвѣтомъ и съ посылкою, драгоцѣннѣйшій Александръ Федоровичъ. Намъ всѣмъ очень жаль, что такъ нечаянно уѣхали, особенно послѣдній день потерянъ про насъ и, какъ кажется, и про Васъ; удастся ли еще разъ попасть въ наши когти, мы Васъ не пустимъ такъ скоро. Посылаю Вамъ Ваши рукописи отъ Г. Вацлика и Эрбена. Вацликъ къ нимъ прибавилъ что-то и напечатаннаго, а я нѣсколько экземпляровъ Далимила, Правописи рускочешской и Божественной службы глаголическими буквами для раздачи кому угодно. У профессорши еще не былъ, но непремѣнно буду, также Вртятка не видѣлъ. Переводчикъ называется Францискъ Ѣзбера [1]), онъ переводитъ прилѣжно.

(Съ черновика Ганки).

6.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Я предполагалъ при Нѣмецкомъ изданіи моихъ „Писемъ объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ" измѣнить нѣсколько начало этой работы и поэтому просилъ Г. переводчика оставить пока первыя два письма и начать съ третьяго. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи предмета я убѣдился, что передѣлка первыхъ писемъ была бы для меня здѣсь, гдѣ я не имѣю подъ рукою никакихъ матеріяловъ, крайне затруднительна или лучше сказать почти невозможна. Надобно оставить все, какъ есть. Я просилъ бы Васъ покорнѣйше передать Г. переводчику, чтобы онъ перевелъ первыя два письма, также какъ и прочія, безо всякой перемѣ-

[1]) Ѳ. И. Ѣзбера, впослѣдствіи доцентъ Варшавскаго унив., † 22 октября 1901 г.

ны. Желательно, чтобы онъ придерживался Русскаго текста *какъ можно ближе, слово въ слово.* Изящество Нѣмецкаго слога не его дѣло: это онъ долженъ предоставить Г. Смоляру. Не смѣю, при Вашихъ постоянныхъ и столь многоразличныхъ занятіяхъ, навязывать Вамъ новой работы: но если бы Вы могли по временамъ взглянуть на переводъ этихъ „Писемъ" въ сравненіи съ подлинникомъ и въ случаѣ невѣрности указать на нее, то обязали бы меня чрезвычайно. Въ особенности важно, чтобы мѣста, выписываемыя мною изъ старыхъ памятниковъ и обозначаемыя вносными знаками „—", были переведены со всею точностью; то же скажу и объ извлеченіи изъ „Responsa Papae Nicolai ad Consulta Bulgarorum"; тутъ каждое слово имѣетъ вѣсъ.

Я не получилъ еще моихъ бумагъ и листовъ о Балтійскихъ Славянахъ отъ Г. Вацлика. Они мнѣ крайне нужны. Благоволите сказать, чтобы этотъ пакетъ былъ немедленно отправленъ *по почтѣ* съ застрахованіемъ на мое имя. Адресъ: Hotel Erzherzog Karl № 45.

Надѣюсь, что Г-жа Энгель теперь уже совершенно здорова. Всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ, мой сердечный поклонъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренною преданностью остаюсь, М. Г., Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Вѣна,
11 Декабря н. ст. 1855.

7.

Я получилъ третьяго дня, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, письмо Ваше отъ 6/18-го. Истинно благодарю Васъ за эти строки. Моя записка вѣроятно придетъ къ Вамъ въ день Новаго Года. Пусть будетъ она тогда выраженіемъ моего искреннѣйшаго желанія, чтобы Новый Годъ былъ для Васъ счастливъ, чтобы Вы были здоровы, бодры и веселы. Передайте также мое сердечное поздравленіе Г-жѣ Энгель (которой желаю прежде всего здоровья), Г-ну Вртяткѣ (которому желаю побольше крѣпости въ нервахъ и поменьше Аристотеля), Г-ну Эрбену и всѣмъ, кто меня добромъ помянетъ.

Очень порадовало меня извѣстіе объ успѣшномъ ходѣ работы Г-на Ѣзберы. Но въ самый день полученія письма Вашего пришло ко мнѣ другое письмо, отъ Г. Смоляра, въ которомъ онъ жалуется, что еще ничего изъ перевода къ нему не присла-

го, и проситъ, чтобы посылались ему листы какъ можно скорѣе и чаще. Дѣло въ томъ, что онъ располагаетъ тотчасъ же приступить къ изданію перевода моихъ „Писемъ": по нѣкоторымъ соображеніямъ будетъ для него весьма невыгодно, если это изданіе затянется. Будьте же такъ добры, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, обязательнѣйшій изъ μεροπῶν ἀνθρώπων, ускоряйте то дѣло по возможности, присматривайте за производствомъ работы и за точностію высылки листовъ въ Будышинъ.

Я выѣхалъ изъ Вѣны въ самый день пріѣзда М. Ѳ. Раевскаго и не видалъ его. Пробылъ три дни въ Тріестѣ, съ 22-го нахожусь въ Венеціи. Погода не благопріятствуетъ: почти всегда стоитъ туманъ, и часто такъ холодно, что и Вы бы пальто надѣли. Думаю уже о возвращеніи домой: здѣсь въ Нѣмечинѣ и у Италіянцевъ просто мерзнешь: надобно ѣхать въ Россію отогрѣться.

Если благоволите писать, то адресуйте пока въ Вѣну, по прежнему.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, какъ всегда, Вашимъ преданнѣйшимъ слугою А. Гильфердингъ.

Венеція,
15/27 Декабря 1855.

8.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Съ великимъ сожалѣніемъ обращаюсь къ Вамъ съ просьбою взять на себя непріятное порученіе. Смоляръ прислалъ мнѣ сегодня корректуру перваго полулиста Нѣмецкаго перевода моихъ Историческихъ Писемъ. Переводъ этотъ онъ просмотрѣлъ, поправилъ или лучше сказать передѣлалъ, и все-таки вышло неудачно. Чтобы дать мнѣ понятіе о томъ, что̀ ему присылаетъ Г. Ѣзбера, онъ приложилъ кусокъ его рукописи: Вы увидите сами, что переводъ Г. Ѣзберы невѣроятно дуренъ. Отъ него не требовалось изящество Нѣмецкаго слога, но по крайней мѣрѣ я надѣялся, что смыслъ Русскаго подлинника будетъ переданъ тщательно и вѣрно: а вышло, что онъ русскаго языка не понимаетъ, переводитъ не по смыслу подлинника, а кое-какъ по собственнымъ догадкамъ, множество пропускаетъ, однимъ словомъ доставляетъ Г. Смоляру работу совершенно негодную, которую онъ долженъ самъ начать съизнова.

Поэтому покорнѣйше прошу Васъ, если еще время есть,

прекратить трудъ Г. Ѣзберы: если онъ не въ состояніи посылать Смоляру переводъ, соотвѣтствующій смыслу Русскаго оригинала, то условіе, которое я съ нимъ заключилъ, не существуетъ: Смоляръ возвратитъ ему посланные имъ въ Будышинъ листы, а 70 гульд., которые я оставилъ для уплаты за трудъ, покорнѣйше попрошу или отдать такому лицу, которое взялось бы сдѣлать для Смоляра переводъ *порядочный* если не всѣхъ, то нѣсколькихъ „Писемъ", или перемѣнить на талеры и отправить къ Смоляру, по извѣстному Вамъ адресу (H. Schmaler, Buchhändler etc. in Bautzen).

Извините, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, что налагаю на Васъ дѣло не совсѣмъ пріятное. Но къ кому мнѣ обратиться въ Прагѣ, какъ не къ Вамъ?

Чтобы Вы имѣли очевидное доказательство справедливости моей жалобы, присовокупляю листокъ, присланный мнѣ Господиномъ Смоляромъ. Въ Вѣну я пріѣхалъ третьяго дня изъ Загреба. Намѣренъ пробыть здѣсь еще недѣлю. Адресъ въ Вѣнѣ прежній; потомъ прошу писать не франкируя: à M-r A. Hilferding, à St.-Pétersbourg, au Ministère des affaires étrangères. Посылки можно будетъ адресовать въ Вѣну, отцу М. Ѳ. Раевскому. Почтеннѣйшее письмо Ваше я имѣлъ удовольствіе получить въ Загребѣ. Постараюсь исполнить Ваше порученьице.

Желая Вамъ здоровья и всего лучшаго, имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою А. Гильфердингъ.

Вѣна,
9/21 Января 1856.

9.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ,

Я только что хотѣлъ нести на почту экземпляръ перваго тома своей работы о Балтійскихъ Славянахъ, для Васъ назначенный, какъ получилъ почтеннѣйшее письмо Ваше. Мои жалобы на переводъ Г. Ѣзберы не основаны только на мнѣніи Смоляра; приложенный къ предъидущему моему письму листокъ свидѣтельствуетъ, что мой отзывъ объ этомъ трудѣ не только не слишкомъ строгъ, но скорѣе еще черезъ-чуръ мягокъ и учтивъ. Ни Смоляръ, ни я не требуемъ изящества въ Нѣмецкомъ слогѣ, но въ правѣ требовать, чтобы сказанное въ Русскомъ оригиналѣ было передано *вѣрно,* слово въ слово, безъ толкованій и

измѣненій переводчика и *безъ пропусковъ*. А этого-то легкаго требованія Г. Ѣзбера не исполняетъ.

Мой отвѣтъ таковъ: что прошу Г. Ѣзберу пересмотрѣть весь остальной переводъ такъ, чтобы ни одна Русская фраза не была переиначена или пропущена, т. е., чтобы онъ переслалъ Г. Смоляру если не хорошій переводъ, то по крайней мѣрѣ вѣрный сколокъ съ моей книжки. Притомъ прошу, чтобы работа была доставлена Г. Ѣзберою въ Будышинъ *скоро*, именно, чтобы вся она была въ рукахъ Смоляра не позже, какъ черезъ три недѣли. Въ такомъ случаѣ я согласенъ на выплату Г. Ѣзберѣ денегъ, данныхъ въ предположеніи, что его работа будетъ годная.

Я ѣду домой черезъ недѣлю. Надѣюсь, что Вы скоро получите нѣсколько книгъ, выписанныхъ мною для Васъ, и которыя на дняхъ должны прибыть въ Вѣну. Между тѣмъ прошу Васъ обратить милостивое вниманіе на мой историческій трудъ, первые листы котораго были встрѣчены Вами съ одобреніемъ, не совсѣмъ заслуженнымъ, но доставившимъ мнѣ великую радость. Прошу Васъ также не забывать меня своими благосклонными письмами и располагать мною, какъ усерднымъ исполнителемъ всѣхъ Вашихъ порученій. Благоволите также отъ времени до времени посылать мнѣ (черезъ о. М. Ѳ. Раевскаго) замѣчательнѣйшія вещи, у Васъ выходящія.

У насъ въ Москвѣ будетъ издаваться, четырьмя книжками въ годъ, журналъ подъ заглавіемъ „Русскія бесѣды", подъ редакціею А. И. Кошелева и съ сотрудничествомъ А. С. Хомякова. Я смѣю надѣяться, что Вы иногда будете доставлять мнѣ возможность знакомить въ этомъ журналѣ читателей нашихъ съ ученою и литературною дѣятельностью Чеховъ. Сдѣлайте милость, скажите это и Г. Вртяткѣ. Передайте ему мой усерднѣйшій поклонъ, также какъ и всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ. Г-жѣ Энгель свидѣтельствую душевное почтеніе и надѣюсь, что она давно выздоровѣла. Поѣздкою въ Загребъ я очень доволенъ: нашелъ тамъ много важныхъ историческихъ матеріяловъ.

Итакъ, не забывайте того, кто съ глубочайшимъ почтеніемъ и всегдашнею благодарностью остается Вашимъ преданнѣйшимъ слугою А. Гильфердингъ.

Адресъ мой: A. H..., à S-t. Pétersbourg, au Ministère des affaires étrangères; пишите по почтѣ, вѣрнѣе, я думаю, не франкируя.

Вѣна,
14/26 Января 1856.

9 a.

Drahocennější Alex. Feodor., právě sem odeslal v Budišíně čtyry načisto přepsané tetradi; načerno jest vše už přeloženo, i horlivost pana Jezbery, že za těch velikých mrazů pozdě na noc pracuje prostudil se, tak že tyfus k obávání byl. Šťastně vyvázl, však kašle i chrapotu ještě nezbyl. Sotva paket na poštu odevzdán byl, dostal sem Vaše smutné psaní. Ja nevinovat, nebot' učím, jakož ste se sami přesvědčili, z ruského v čestinu překládati, a věděti nemohu, ktoby v němčinu tak tak činil, aby pan Smoler při tom málo práce měl. Jest to mrzuto říci, ale pan prof. Purkyně mi pravil, když sem mu to povidal, že on Smolera lépe zná, že to jinam směřuje, totiž,-že chce vysmoliti sám vše. Na překlad se pospíchalo s tím doložením, že bude v Budišíně opraven, a právě první arch, než se v to překladatel vpravil, nemělby tak přísně brán býti. Co mám nyní počíti? Nejkratší by arci bylo panu Smolerovi peníze poslati, na to on bije jako každý kupec, ale co by měl ubohý Jezbera s tím rukopisem dělati? Račte tedy dobrotivě odepsati, co se má s tím státi, a já Vašnostinu vůli vyplním.

(Съ черновика Ганки).

10.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Вчера былъ я обрадованъ письмомъ Вашимъ. Какой Вы благодѣтель! Какъ Вы добры и предупредительны, и въ какомъ восторгѣ будутъ издатели „Русской Бесѣды", Ваши друзья и почитатели! Сообщеніе Ваше пришло какъ нельзя болѣе кстати. Первый томъ „Русской Бесѣды" (подъ главною редакціею Кошелева, Хомякова и Аксакова) печатается и долженъ выйти на Святой (у насъ теперь, знаете, не по вашему, вторая недѣля поста). Письмо Головацкаго и Ваше столь любопытное извѣстіе о Глаголицѣ поспѣютъ еще въ 1 №.

На дняхъ писалъ мнѣ Кошелевъ и прислалъ напечатанную недавно программу ихъ журнала. Онъ жаловался на то, что въ 1-омъ № о западномъ Славянствѣ будетъ мало свѣдѣній. Тѣмъ большею радостью будетъ для „Русской Бесѣды" Вашъ гостинецъ. Посылаю Вамъ программу (она сочинена Хомяковымъ). Не знаю, дошли ли уже до Васъ разныя книги, мною къ Вамъ отправленныя. Старые годы Памятной Книжки собираю; также много для Васъ еще у меня копится книгъ.

Редакторы „Русской Бесѣды" обратятся къ Вамъ съ просьбою о продолженіи имъ Вашего участія. Я съ своей стороны

ірошу Васъ о томъ же. Не зная, что Вы готовите статью о Сербо-Лужицкой литературѣ, я уже послалъ въ Бесѣду статью томъ же предметѣ, написанную на основаніи свѣдѣній, которыя я собралъ въ Будышинѣ. Поэтому теперь для „Бесѣды" гораздо нужнѣе были бы статьи объ умственной дѣятельности въ другихъ западныхъ Славянскихъ земляхъ. Моя статья о Лужичанахъ написана такъ подробно, что заключаетъ въ себѣ, я думаю, всѣ свѣдѣнія объ ихъ литературномъ развитіи, какія могъ быть занимательны для Русской публики. Но скажите ей о развитіе Чешской литературы, про то, что пишется въ Моравіи, у Словаковъ, у Хорутанъ, у южныхъ Славянъ. Объ этомъ насъ никто ничего не знаетъ. Обзоръ всей новой Чешской литературы былъ бы, я думаю, труднымъ предметомъ для одной статьи. Но какъ бы хорошо было, если бы Вы могли въ отдѣльныхъ статьяхъ или статейкахъ сообщать намъ о главныхъ Вашихъ дѣятеляхъ и кресителяхъ! Занимаетъ насъ, разумѣется, не библіографія, а общій смыслъ сочиненій каждаго писателя и характеристическія подробности его жизни. Буду просить о томъ и Г.Г. Эрбена, Вртятку, Вацлика, но теперь некогда писать каждому: потрудитесь передать имъ мою просьбу. Интересны были бы также коротенькія извѣстія о лучшихъ книгахъ, вышедшихъ въ послѣднее время или которыя будутъ впредь выходить (въ родѣ „Anzeigen" въ ученыхъ Нѣмецкихъ журналахъ). Статьи (обо всемъ, касающемся до Славянства) могутъ быть доставляемы по-Чешски, по-Русски или по-Нѣмецки, также на всякомъ Славянскомъ языкѣ.

Потрудитесь сказать Г. Вацлику, что я не могъ устроить еще дѣла о размѣнѣ газетами; но не теряю надежды, хотя пересылка затруднительна, и потому Богъ знаетъ, удастся ли. Но пусть Г. Вацликъ будетъ такъ добръ, пишетъ въ Русскую Бесѣду. Тутъ можно будетъ помѣщать статьи пообширнѣе, и онѣ не будутъ пропадать, какъ простая газетная корреспонденція. Я тоже готовлю для Г. Вацлика маленькую посылку книгъ.

Александръ Борисовичъ Лакіеръ посылаетъ Вамъ книги и письмо. Онъ былъ чрезвычайно радъ Вашему подарку.

Если Г. Ѣзбера окончилъ свой трудъ и перевелъ *вѣрно* съ англиналомъ, то отдайте ему, прошу Васъ, остальныя деньги.

Г-жу Энгель буду на дняхъ благодарить письменно за ея милыя строки.

Душевный поклонъ Г. Вртяткѣ и всѣмъ, кто меня вспомнитъ.

И. И. Срезневскій здоровъ, но я его случайно не вида— довольно давно.

Отецъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе. Я также с глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь Вашимъ преданнѣйшим слугою А. Гильфердингъ.

Спб.,
7 Марта 1856.

11.

Вотъ я опять, недуманно, негаданно, въ Вашемъ сосѣдств многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ: въ Карлсбадѣ, так близко отъ Праги, что хоть рукой подать. И надѣюсь, разумѣ ется, воспользоваться этимъ сосѣдствомъ. Но когда? не знаю еще

Отецъ мой, которому здѣшній „варъ" такъ много помог въ прошломъ году, рѣшился возвратиться сюда опять, въ на деждѣ на совершенное излѣченіе. Вчерашняго дня поселились мы „im Cursaal, № 8", куда и прошу писать ко мнѣ. Меня увѣ рили врачи, что мнѣ опять будутъ полезны Маріенбадскія воды и я началъ пить ихъ здѣсь; но потомъ хочу опять, какъ въ прошломъ году, покинуть на нѣсколько времени своего отца и предпринять маленькую поѣздку, „съ цѣлію науки": теперь собираюсь подъ Гданскъ, посмотрѣть на Кашубовъ. Удача прошлогодней поѣздки въ Ганноверскій „Вендландъ", какъ видите, меня разохотила къ этимъ эксцентрическимъ странствіямъ.

Будучи проѣздомъ въ Берлинѣ, я послалъ къ Вамъ, на адресъ Музея, ящикъ съ книгами. Я сдалъ его какъ *Eilgut*, и потому ящикъ долженъ быть у Васъ не позже послѣзавтрашняго дня. Если не получите во время, то напишите два слова, чтобы спросить коммиссіонера; его адресъ: commissionär Lemm, Berlin, Werderstrasse № 10. Франкировать ящика я не могъ; надѣюсь, что Вамъ эта посылка не дорого обойдется, и прошу сообщить объ издержкѣ.

Вы получите слѣдующія книги:

1. Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей;
2. Исторію Соловьева, 2 т. (2 экз.);
3. Аксакова, о глаголахъ;
4. Срезневскаго, Воспоминанія о Надеждинѣ;
5. Стихотворенія Кольцова;
6. Матеріалы для Словаря;
7. Исторія Балтійскихъ Славянъ (2 экз.);
8. Московскій Сборникъ (2 экз., 1 для Г. Вртятки).

9. Болгарская грамота;
10. Горскаго, о канонахъ Кириллу и Меѳодію (2 экз., 1 для П. П. Шафарика);
11. Записки о жизни Гоголя;
12. О Византійскомъ элементѣ въ лѣтописяхъ, Лавровскаго (2 экз., 1 для П. П. Шафарика);
13. Лавровскаго, о языкѣ лѣтописей;
14. Прильвицкія древности, Срезневскаго (3 экз., 1 для П. П. Ш., другой для Г. Воцеля);
15. О псевдонимахъ въ древней Руси;
16. Семейная Хроника, Аксакова;
17. Болгарскія пѣсни;
18. О древнихъ Русскихъ училищахъ;
19. Пѣсни, изд. Кирѣевскимъ (6 экз., 1 для Г. Эрбена, также для Вртятки);
20. Матеріалы для Исторіи Письменъ (fol., для П. П. Шафарика);
21. Словарь Нѣмецко-Русскій;
22. „ Греческо-Русскій;
23. Областной Словарь (всѣ 3 для Г. Шумавскаго);
24. Ордынскаго, піитика Аристотеля (для Г. Вртятки);
25. Русская Бесѣда, съ приложеніемъ комедіи „Луковицкій".

Издатели „Русской Бесѣды" послали нѣсколько экземпляровъ своего журнала въ Прагу, черезъ Варшаву; въ томъ числѣ экземпляръ для Васъ и для Музея; потому у меня не было особаго экземпляра для Васъ, но какъ я предполагалъ, что Вы еще не получили назначеннаго Вамъ пакета изъ Варшавы, то и рѣшился послать въ Прагу на первый разъ одинъ экз., данный мнѣ для Г. Мозига von Aehrenfeld или Мужика Клосопольскаго, который теперь уѣхалъ путешествовать. Попрошу Васъ въ послѣдствіи возвратить эту книгу по назначенію, въ городъ *Löbau*.

Для Васъ особенно любопытно будетъ, въ этомъ новомъ изданіи, Предисловіе, написанное А. С. Хомяковымъ, „Байдарская ночь" Чихачева и статья Максимовича, которую особенно рекомендую Г. Эрбену; порадуетъ Васъ комедія Аксакова и займетъ также разборъ Семейной Хроники, написанный Никитою Петровичемъ Гиляровымъ: въ немъ Вы найдете превосходную оцѣнку общаго хода и характера новой словесности нашей (стр. 9 и слѣд.); на страницахъ 145, 146 отдѣла Критики найдете лучшую характеристику Русской общины, міра,—этой основы Россіи. Я обращаю Ваше вниманіе на эти главныя статьи, чтобы избавить Васъ отъ труда читать все. Было бы не дурно ознакомить Чешскую публику съ этимъ новымъ явленіемъ словесности нашей и выставить особенно то, что имѣетъ въ немъ наибольшее значеніе. Всего больше займетъ ее и понравится ей

комедія „Луковицкій", гдѣ Вы увидите другъ передъ другомъ типъ Православнаго Славянина подданнаго и офранцуженнаго, „цивилизованнаго" космополита господина. Если бы Вы или кто-либо изъ Вашихъ захотѣлъ ознакомить читателей Чешскихъ съ „Бесѣдою", то не забудьте связи ея съ „Московскими Сборниками", особенно съ сборникомъ 1852 г., гдѣ наиважнѣйшія статьи—Хомякова, объ Археологіи у Славянъ (Предисловіе къ пѣснямъ Кирѣевскаго) и Аксакова, о древнемъ Славянскомъ бытѣ.

Изъ другихъ книгъ, которыя я Вамъ послалъ, особенно обращаю Ваше вниманіе на „Семейную Хронику" Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова (отца Константина Акс., автора комедій и ученыхъ статей, и Ивана, поэта). Со временъ Пушкина, ни одна книга не имѣла у насъ такого успѣха, никто не писалъ такимъ Русскимъ языкомъ, какъ этотъ 65-лѣтній старикъ, недавно выступившій у насъ въ литературѣ. Его „Хроника", кромѣ красоты изложенія и красоты характеровъ, имѣетъ еще великое значеніе—совершенной истины. Ее стоитъ перевести, особенно первые отрывки и отдѣлы о Шишковѣ, Державинѣ и Шушеринѣ. Я послалъ Вамъ особо письмо Срезневскихъ, отца и сына, и оттиски своихъ статей, помѣщенныхъ въ Бесѣдѣ. Одною изъ нихъ я Вамъ обязанъ, или, лучше сказать, не я обязанъ, а всѣ читатели, которые узнаютъ изъ нея у насъ о томъ, что издается по-Русски въ Вашемъ государствѣ. Очень любопытенъ буду узнать Ваше мнѣніе о моемъ разсказѣ про Лужицкую дѣятельность. Статьею, помѣщенною въ Часописѣ, я къ сожалѣнію не могъ уже воспользоваться и передалъ ее Измаилу Ивановичу. Покорнѣйше благодарю за нее и за доброе письмо Ваше которое меня такъ обрадовало. Я получилъ его за три дня до выѣзда изъ Петербурга.

Книги, которыхъ назначеніе мною отмѣчено, потрудитесь передать отъ меня тѣмъ лицамъ, которымъ онѣ слѣдуютъ; а всѣми прочими благоволите распорядиться по Вашему усмотрѣнію. Посылаю Вамъ еще сегодня любопытную статью Ковалевскаго (она составляетъ особый отрывокъ); у меня здѣсь есть еще: сочиненія Гнѣдича и Хемницера, Василія Пушкина и Веневитинова и Гоголя томъ V (мелкія статьи) и VI (Переписка съ друзьями). Если у Васъ нѣтъ этихъ книгъ, то я ихъ Вамъ пришлю. Я доставилъ Вамъ въ разныя времена нѣсколько книгъ о Гоголѣ: книги эти, съ полнымъ собраніемъ сочиненій Гоголя, могутъ служить матеріаломъ для оцѣнки этого удивительнаго писателя.

Въ ожиданіи скораго отъ Васъ извѣстія и въ надеждѣ на

свиданіе остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ Вамъ душевно преданнымъ слугою А. Гильфердингъ.

Мой сердечный поклонъ всѣмъ, кто меня вспомнитъ. Если у Васъ есть знакомства или свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны при поѣздкѣ въ Гданскъ, къ Кашубамъ и въ Королевецъ (гдѣ надѣюсь найти любопытныя рукописи въ Архивѣ), то не откажитесь меня ими снабдить. Мой отецъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе и надѣется въ нынѣшній годъ побывать у Васъ въ Прагѣ.

Карловары,
10 Іюня 1856 г.

12.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Душевно благодарю за письмо и за книги. Покорно прошу отдать Г. Вацлику экземпляръ Балтійскихъ Славянъ. Я желалъ бы особенно также, чтобы у Г. Вртятки были всѣ, изданныя мною книги; не зная, есть ли у Васъ еще свободный экземпляръ Ист. Б. Сл., посылаю Вамъ одинъ для него; если эта книга у него есть, то потрудитесь передать ее другому, по Вашему усмотрѣнію. Изъ послѣднихъ моихъ брошюръ просилъ бы также вручить ему по экземпляру, а равно экз. Московскаго Сборника. Сдѣлайте милость, распоряжайтесь полученными отъ меня книгами по собственному усмотрѣнію. Вамъ всего лучше извѣстно, кому изъ Вашихъ какая книга нужна. Я желалъ бы только, чтобы не были обижены книгами почтенные мои благопріятели, Гг. Эрбенъ, Томекъ, Вртятко, Вацликъ и другіе, оказавшіе мнѣ столь дружественный пріемъ; всего больше хотѣлъ бы засыпать книгами Эрбена и Вртятку.

Получилъ ли Г. Эрбенъ, мѣсяца два или три тому назадъ, письмо, которое я ему отправилъ „recommendirt" черезъ Дрезденъ? Дивлюсь, что онъ не отвѣчаетъ.

Есть ли у Г. Томка и Воцела моя Исторія Балт. Славянъ? Если нѣтъ, то передайте имъ, пожалуйста, книгу или благоволите написать, я пришлю еще пару экземпляровъ.

Письмо О. Сабинина, по моему мнѣнію, не будетъ принято въ Бесѣду: оно нѣсколько высокопарно и не даетъ понятія о Прагѣ тому, кто ея не видалъ. Описаніе Праги для Русскихъ читателей нужно совсѣмъ другое. Вотъ если бы можно было дать Бесѣдѣ статью о народномъ бытѣ, обычаяхъ и общинномъ управ-

ленiи какого-нибудь чешскаго края. гдѣ старина хорошо сохранилась! Это было бы не трудно написать кому-нибудь изъ Ваших. Попросите, напримѣръ, Г. Эрбена: скажите, что я прошу и умоляю его.

Посылать ли Вамъ 5 и 6 томъ Гоголя? Конечно, Вы простите оплошность А. П. Кошелева: 24 года—много времени, я это самъ знаю по опыту, потому что рѣшительно не помню 1832 года не помню, какъ меня въ это время пеленали. Но хотя у Александра Ивановича память, какъ видно, короткая, однако онъ самый почтенный, дѣятельный и дѣльный у насъ человѣкъ и исполненъ глубокаго къ Вамъ уваженія.

Радъ бы помочь Вашимъ соотечественникамъ, но въ этомъ дѣлѣ я ничего не могу сдѣлать. Могу только посовѣтовать Вамъ относительно Г. Гавранка написать графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой маленькое рекомендаціонное письмо. Въ переводѣ объявленія Г. Червенаго не въ состояніи быть полезнымъ, потому что совершенный невѣжа во всемъ, что касается музыки и музыкальной терминологіи. Впрочемъ, какъ объявленіе писано по-нѣмецки, то въ Петербургѣ легко найдется переводчикъ. Пусть Г. Ч. напишетъ къ своему коммерческому корреспонденту въ Петербургѣ. Въ четвергъ на этой недѣлѣ пускаюсь на сѣверъ къ Кашубамъ. На возвратномъ пути отъ нихъ, если время позволитъ, а то потомъ, заверну въ Прагу. Дай Богъ Вамъ здоровья. Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою А. Гильфердингъ.

Карлсбадъ,
11/23 Іюня 1856.

13.

Вотъ я уже почти двѣ недѣли сижу на берегу Бельгійскомъ многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, и не получилъ однако до сихъ поръ никакого извѣстія изъ Праги. Только Г. Шумавскій прислалъ мнѣ предисловіе къ своему Словарю. Пишу ему сегодня нѣсколько словъ, которыя попрошу ему передать.

Я расчитываю на то, что въ Октябрѣ мѣсяцѣ въ состояніи буду опять заглянуть въ Прагу на нѣсколько дней. Не смотря на то. желалъ бы чрезвычайно получить *теперь* изъ Вашего края какое-нибудь интересное литературное сообщеніе. Я могъ бы теперь обработать разныя извѣстія изъ Праги для Русской Бесѣды и надѣялся, что мнѣ ихъ пришлютъ. Между прочимъ

Г. Риттерсбергъ обѣщалъ статью объ Исторіи Чешской литературы. Напомните ему, пожалуйста. А главное, нельзя ли бы было прислать книги, о которыхъ я говорилъ, и которыхъ въ самой Прагѣ не было? Очень хотѣлось бы имѣть этотъ матеріалъ для жизнеописанія покойнаго вашего дѣятеля. Адресуйте въ „Ostende, Belgien"; пробудемъ здѣсь до 8 Сентября нов. стиля; а потомъ недѣли двѣ можете писать въ Парижъ: „à Mr. A. Hilferding, à Paris, remettre à l'ambassade de Russie".

Любопытенъ знать, уѣхала ли Г-жа Энгель, что дѣлаетъ Г. Вртятко. Если сей Аристотеликъ въ Прагѣ, велите ему писать ко мнѣ.

Отецъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе. Я слѣдую его примѣру, желая Вамъ здоровья и всего лучшаго и благодаря Васъ еще за Вашу милость и ласковый пріемъ.

Вашъ преданнѣйшій слуга А. Гильфердингъ.

Если будетъ случай собрать въ Штитномъ, въ письмахъ Гуса и Жижки и другихъ памятникахъ древней литературы Чешской мѣста, о которыхъ я Васъ просилъ, не забудьте пожалуйста, что въ Октябрѣ мѣсяцѣ я опять явлюсь къ Вамъ съ поклономъ.

Остенде,
12/24 Августа 1856.

14.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Виноватъ я, что не отвѣчалъ на Ваше почтеннѣйшее письмо отъ 1 Сентября, полученное исправно въ Остендѣ со всѣми приложеніями. Простите человѣку, принужденному въ теченіи мѣсяца осмотрѣть весь Лондонъ и весь Парижъ.

Душевно благодарю за все присланное. Скажите пожалуйста Г. Риттерсбергу, что я необыкновенно радъ былъ его статьѣ, перевелъ ее по-Русски и послалъ въ 3 № Бесѣды.

Г-ну Шумавскому скажите, что приготовлю извѣстіе объ его Словарѣ для 4-ой книжки этого журнала; что я вполнѣ согласенъ съ писаніемъ: Рѧськый; что „съчинилъ" нельзя сказать объ Словарѣ, ибо *сочиняютъ* романъ или поэму, а Словарь *составляютъ*; и что все-таки держусь мнѣнія, что слѣдуетъ на заглавіи написать главьныхъ и црькъвьнаго; пусть посмотритъ въ Остроміровомъ Евангеліи: я думаю, что онъ найдетъ „завѣса

црькъвьнам", а не црькъвьнмм. Передайте сму мой усердн поклонъ, писать ему особо некогда.

Вмѣсто письма, которое я долженъ Г-ну Эрбену, влагаю к точку, которую покорно прошу препроводить по принадлежнос

Разсчитываю на удовольствіе съ Вами свидѣться, но не Октябрѣ, а въ Ноябрѣ.

Вы были такъ добры, предложили мнѣ взять съ собою Россію экземпляръ изданій Вѣнской Академіи. Я объявилъ Ва что принимаю эти книги съ благодарностью, но *только* въ комъ случаѣ, если онѣ Вамъ *совершенно* не нужны. Повтор теперь это условіе; если оно дѣйствительно исполнимо, т. е. е книги *дѣйствительно* у Васъ совершенно *лишнія*, то вот чемъ буду Васъ покорно просить: всѣ книги, которыя Вы м жертвуете, также какъ тѣ Чешскія брошюры и книги, котор мнѣ подарили въ Прагѣ, и которыя я у Васъ оставилъ *неси таннымн въ дорожныхъ мѣшкахъ*, потрудитесь велѣть зако тить въ ящикъ и отправить съ транспортомъ въ Штетинъ, , H. v. Schloezer, k. russ. Generalconsul in Stettin"; ящикъ сиг руйте А. Н. Мы съ своей стороны попросимъ Г. Шлецера править книги съ пароходомъ въ Петербургъ. Послѣ закры навигаціи провозъ этихъ книгъ былъ бы крайне затруднителе Что же касается до 2 дорожныхъ мѣшковъ, которые я у Ва оставилъ, то благоволите удержать ихъ у себя до моего пріѣ въ Прагу.

Повторяю еще разъ: не отсылайте книгъ, если въ нихъ жетъ быть Вамъ малѣйшая нужда: мнѣ очень совѣстно до кой степени разорять Вашу библіотеку.

Прощайте, будьте здоровы, вѣрьте глубокому уваженіи душевной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги

А. Гильфердинга.

Парижъ,
6 Окт. нов. ст. 1856.

15.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Я былъ чрезвычайно обрадованъ Вашимъ почтеннымъ пи момъ и вѣстями изъ дорогой намъ всѣмъ Праги. Дай Богъ п вести Вамъ 1858 годъ въ здоровьѣ и новыхъ славныхъ труд на пользу роднаго слова и науки.

Очень давно желалъ я писать Вамъ, но нахожусь здѣсь постоянныхъ хлопотахъ. Лѣто провелъ почти все въ поѣздка

Сначала ѣздилъ въ Новый Пазаръ, Печь, Дечане, Призренъ, Приштину и возвратился изъ Новаго Пазара черезъ Герцеговину въ Сараево послѣ 6-недѣльной отлучки. Потомъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ побывалъ въ Травникѣ, Банялукѣ, Гламочѣ, Ливнѣ. Все это мѣста новыя. Изъ первой поѣздки (описаніе которой теперь пишу для Р. Бесѣды) привезъ съ собою два вьюка старыхъ рукописей. Есть много любопытнаго. Буду стараться издавать мало-по-малу важнѣйшее. Одно Евангеліе нашелъ въ Печи съ предисловіемъ „блаженнаго отца нашего Константина философа“,— я отправилъ его для изданія въ Россію, также какъ короткое, но довольно любопытное житіе Кирилла. Глаголицы не нашелъ нигдѣ. Въ дорогѣ встрѣтилъ я одного страстнаго археолога (преимущественно нумизматика) Верковича, который былъ со мною въ Печи, Дечанахъ и Призренѣ. Онъ показывалъ мнѣ много любопытныхъ и важныхъ выписокъ, сдѣланныхъ имъ въ монастыряхъ Македоніи, и писалъ мнѣ потомъ, что нашелъ какой-то глагольскій отрывокъ на переплетѣ одной рукописи, находящейся въ частномъ владѣніи въ Печи. Въ Герцеговинѣ, на р. Тарѣ, я видѣлъ два монастыря, заброшенные „страха ради Исмаилтянска“, и вытащилъ оттуда пропасть рукописей. Собственно же въ Босніи ровно ничего не нашелъ: здѣсь вся старина погибла, и погибла она потому, что старина Боснійская была не Православная, а частью Богомильская, частью Латинская. Все, что осталось, это развалины древнихъ замковъ на горахъ.

Я довольно побывалъ на чужбинѣ, поскитался по Туречинѣ и теперь сбираюсь домой, на Русь православную. Ожидаю въ скоромъ времени своего преемника, и тогда, дай Богъ ноги! Скучно жить въ Сараевѣ и возиться съ глупыми Турками и безголовыми Рищанами и Крщанами. До сихъ поръ голова болитъ отъ безконечнаго ряда вчерашнихъ поздравительныхъ визитовъ, которыхъ не принимать, разумѣется, нельзя. Однако прощайте, многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ, поклонитесь отъ меня усердно всѣмъ добрымъ людямъ, кто обо мнѣ вспомнитъ. Скажите Г. Вацлику, что я очень благодарю его за книгу, но что отвѣчать нынче некогда. Какъ грустно было мнѣ узнать о смерти бѣднаго Шумавскаго! Посылаю нынче же по почтѣ письмецо Г. Эрбену. Особенно поклонитесь Вртяткѣ и M-me Engel и при случаѣ засвидѣтельствуйте мое почтеніе П. П. Шафарику.

Кончаю 2-ой отдѣлъ „Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ“. Будьте здоровы. Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

Сараево,
2 Января 1858.

16.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Не знаю, получили ли Вы письмо, которое къ Вамъ послалъ передъ отъѣздомъ изъ Босніи. Теперь обращаюсь къ Вамъ съ просьбою по одному литературному предпріятію, которое, я увѣренъ, будетъ встрѣчено Вами съ сочувствіемъ. Я собираюсь составить и издать при „Русской Бесѣдѣ" Обозрѣніе Западныхъ и Южныхъ Славянъ, въ отношеніяхъ статистическомъ, историческомъ и литературномъ. Недостатокъ такой книги у насъ весьма ощутителенъ; большинство Русскихъ читателей имѣетъ весьма смутныя понятія о мѣстоположеніи и числѣ, прошедшихъ судьбахъ и словесности заграничныхъ Славянъ.

Если въ прошедшіе два года вышли какія-нибудь сочиненія, могущія представить данныя по этимъ вопросамъ, какъ-то статистическія описанія и этнографическія карты областей, въ которыхъ живутъ Славяне, и очерки ихъ разныхъ литературъ, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ немедленно. Особенно нуждаюсь въ подобныхъ пособіяхъ для Моравіи, Венгріи и Галиціи. Потрудитесь также выслать мнѣ Археологическій журналъ Запада, Юнгманову Исторію чешской литературы и Часопись Музея за 1857—58 гг. Также нельзя ли поручить кому-нибудь пересмотрѣть разные (даже старые) Славянскіе альманахи и прислать мнѣ тѣ, въ которыхъ есть статьи этнографическія и очерки исторіи литературъ Славянскихъ. Наконецъ, я просилъ бы Васъ заказать мнѣ, хотя бы коротенькій, просто хронологическій, очеркъ Чешской и Моравской литературы съ 1848 г. по нынѣшній.

Пакетъ съ книгами (и съ приложеннымъ счетомъ) адресуйте, пожалуйста, на имя г. Шлецера, Русскаго генер. консула въ Штетинѣ, а подъ этимъ адресомъ напишите: „Son Exc. Mr. Hilferding, Directeur du Département de l'intérieur au Ministére des affaires étrangéres, St. Pétersbourg". Я видѣлъ въ одной книжкѣ „Часописи" занимательный очеркъ быта Словаковъ, г-жи Б. Нѣмцовой. Нельзя ли попросить ее писать такіе очерки для „Бесѣды", которая не затруднится вознагражденіемъ? Извините, Вячеславъ Вячеславичъ, что я такъ много Васъ утруждаю. Но я разсчитываю на Вашу неизмѣнную доброту и, желая Вамъ здоровья и постояннаго благополучія, остаюсь Васъ глубоко уважающимъ и преданнѣйшимъ Вамъ слугою

А. Гильфердингъ.

Мои усердные поклоны всѣмъ, кто меня помнитъ. На этихъ дняхъ получите отъ меня статью о Босніи.

Петербургъ,
6 августа 1858.

16 a.

Zvláště vážený Alexandre Fedorovič! S jakou toužeností
me Vás čekali, neuvěříte. A zvláště ja bych byl rad s Vámi o vše-
čems promluvil; konečně sem myslel, že ste se rozhněval, aspoň
a mne, ač příčiny toho nevím. Jak sem se ale zaradoval spatřiv
yní písmo Vaše, které mně dosti pozdě dodáno bylo. Že sem Vám
i první Vaše neodpověděl, bylo Vás samého do Prahy očekává-
, nevědělť sem, kdyby Vás odpověď našla. Nyní sem také do-
il Vaši Боснію въ началѣ 1858 года i tisícery díky za ni skládám.
ádbych byl obstaral překlad český, ale jak strašně nyní правил-
льство наше Turky hájí skonfiskovaliby to. Обозрѣніемъ за-
адныхъ и южныхъ славянъ uděláte sobě pravdivou zásluhu, i co
zmohu s největší radostí příspěvky shledávati budu. Wurzba-
iovu práci míti budete, žádané knihy Vám do Štetina pošlu i při
žím k nim několik kalendařů. Musejník arci má českou součas-
ou bibliografii, ale Lumír má cos podobného pod rubrikou slo-
anská hlidka, kde jest co možná pro vše nářečí. Máte jej snad?
eb Vam jej posílati mám? S paní Němcovou sem mluvil i ona se
iodla psáti Vám podobné očerky domacího života z Čech, z Mo-
avy i ze Slovenska, ona ubohá takovým spisovaním pro kalenda-
se živí. V posledním listu sem Vám zmínil, že hezká hromádka
deňsko-akademických knih Vašeho pokynutí očekává, na to ste
i ale neodpověděl. Šumavského německo-slovanského slováře
yšla 4-tá knižka; synovec Šumavského Rank pilně v tom pracuje,
ičte dobrotivě o tom ohlásiti. Neujmouli se toho Vaši, padne to,
y sami toho nezmůžem, a byla by toho škoda. Билярскаго книга
кир. ч. Р. Е., СП. 1848, přišla mi teprv před několika dny do ru-
y, od koho nevím jest na ní napsáno: Hrn. Prof. Šaf. zur gefälli-
en Besorgung. Tisknu nyní Ostatky Slovanského Bohoslužení
Čechách i druhé opravené vydaní Počátků posvatného jazyka
ovan., ale velmi zdlouhavě to chodí, s počátků máje mám teprv
archů vytištěno.

(Съ черновика Ганки).

17.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Сердечно благодарю Васъ за письмо. Я получилъ отъ М. Ѳ.
вскаго нѣсколько № Часописи и Památky Archeologické;
звычайно Вамъ благодаренъ, но что я Вамъ долженъ за эти
ги? Календарей никакихъ не получалъ. О Вурцбаховой книгѣ
имѣю никакого понятія; будьте такъ добры прислать мнѣ ее

черезъ М. Ѳ. Изъ изданій Вѣнской Академіи, которыя Вы съ такою обязательностью мнѣ доставляете, сдѣлайте милость, отберите тѣ части, которыя относятся до историко-филологическихъ наукъ, и пришлите черезъ посредство Михаила Ѳеодоровича. Изслѣдованія математическаго отдѣленія меня мало интересуютъ, и какъ теперь мало оказій для отправленія пакетовъ, то пусть онѣ полежатъ у Васъ до будущей навигаціи, когда вѣроятно представится случай отправить ихъ съ путешественникомъ черезъ Штетинъ въ Петербургъ.

Сдѣлайте милость, прочтите прилагаемое при семъ письмо Безсонова (Петра Алексѣевича, издателя Болгарскихъ пѣсенъ), который проситъ для Синодальной типографіи хорошаго фактора, преимущественно изъ Славянъ, на выгодныхъ условіяхъ. Если найдете, благоволите написать мнѣ или самому Безсонову (въ Москву, по означенному въ письмѣ его адресу), не теряя времени.

Скажите мнѣ, ради Бога, до какой степени можно положиться на приведенныя въ книгѣ Czoernig'a (Ethnographie der Oester. Monarchie) цифры и, въ случаѣ ихъ неисправности, изъ какихъ источниковъ можно почерпнуть лучшія данныя? Если есть такія данныя, не откажите въ милости прислать мнѣ ихъ поскорѣе. Не будете ли Вы или кто-нибудь изъ друзей Вашихъ сообщать *учено-литературныя* письма изъ Чехіи (на какомъ угодно языкѣ) новой газетѣ, выходящей сженедѣльно въ Москвѣ подъ редакціею Ивана Сергѣевича Аксакова: эта газета—Парусъ. Если угодно, адресуйте письма эти на мое имя.

Поклонитесь отъ меня усерднѣйше всѣмъ моимъ благопріятелямъ и пр. А. Гильфердингъ.

Я. Ѳ. Головацкій[1]).

1.

Ваше Благородіе, М. Г.!

Имѣя честь личной знакомости съ Вами[2]) и зная ревность Вашу ко всему, что только служить можетъ къ распространенію

[1]) Головацкій Яковъ Ѳеодоровичъ (р. 1814, † 1888), одинъ изъ выдающихся дѣятелей галицко-русскаго возрожденія, поэтъ, беллетристъ и ученый археологъ, этнографъ и историкъ.

[2]) Въ альбомѣ Ганки Головацкій 24/12 Вересня 1849 г. написалъ:

„Мужайтесь, крѣпѣтся Славянски люде,
Велика Ваша будучность буде".

славянской Словесности, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ, дабы Вы благоизволили ниже выраженыя книжки по почтѣ прислать подъ моей адрессой въ городъ Львовъ, за которую милость я очень одолженъ буду. На тѣ книги прибавляю здѣсь девять гульденовъ К. М. Излишнія деньги благоизволите употребить на покупленіе вышедшихъ по сю пору тетрадей Всеславянскаго Словаря, издаваемаго Франтой Шумавскимъ.

Вотъ списокъ книгамъ:

1. Краледворская рукопись переводъ Н. Берга. Прага, 1851. 1 екс.
2. Изборъ югословянскихъ Достопамятностей изд. П. І. Шафарика, 1851. 2 екземпляра.
3. О письменехъ Черноризца Храбра, 1852. 1 екс.
4. Всесловянская хрестоматія Челяковскаго, т. е. томъ первый того изд., содержащій выборъ изъ русской Словесности.
5. Praktischer Lehrgang zur schnellen Erlernung der böhm. Spr. v. Fr. Čupr. 1852.
6. Böhmische Sprachlehre für Anfänger. Genetisch bearbeitet v. Dr. Fr. Čupr. Prag. 1851 (S. 102).

При томъ я долженъ замѣтить, что у насъ нашлось бы больше охотниковъ до книгъ, кирилловскимъ или русскимъ шрифтомъ напечатаныхъ, напр.: Краледв. рук. изд. Берга, потомъ Вами изданыхъ: Грамматики церковно-славянскаго языка, Сазаво-Емаусскаго Евангелія, Слова о полку Игоревомъ и подъ № 2. 3. и 4 назнаменованыхъ. Когда бы Вы согласились прислать сюда изъ всякаго сорта по 10 до 20 екс., я бы охотно занялся распродажею екземпляpей, или обѣщаюсь изходатайствовать въ Ставропигійскомъ Институтѣ, чтобы принялъ онъ въ свою книжную лавку. Пусть разширяется и укрѣпляется русское слово!

Ожидая Вашего благосклоннаго отвѣта на мое письмо и надѣясь удовлетворенія моей просьбѣ, имѣю честь пребывать Вашего Благородія, М. Г., покорный слуга

Я. Головацкій.

Адрессъ мой: J. G. ord. öff. Prof. der russischen Spr. u. Litteratur an der k. k. Univ. in Lemberg.

Львовъ,
21/12 Мая 1852.

2.

Высокопочитаемый Господинъ, М. Г.!

Книги, Вами посланныя, я получилъ исправно, но благоизволите извинить, что я сей же часъ не отписалъ Вамъ, хотя

моей должностію было поблагодарить Васъ за Вашу рачите ность въ высланіи книгъ, какъ и за подаренныя Вами кни Я надѣялся поскорѣе распродать эти сочиненія, но не повело мнѣ, нѣсколько ексемплярей осталось было у меня, и я долже былъ отдать ихъ въ книжную лавку Ставропигійскаго Заведени гдѣ онѣ найдутъ въ свое время купца.

Благодаря Васъ усердно за Вашу ко мнѣ благосклоннос и предоставляя расчетъ до позднѣйшаго времени, я имѣю чес пребывать Вашего Благородія, М. Г., покорнѣйшій слуга

Я. Головацкій.

Wolgeboren Herrn, Herrn v. Hanka, Bibliothekar u. Archivar d K. böhmischen Museums, gelehrten Mitgliede mehrerer Gelehrten-Gese schaften, Ritter mehrerer Orden etc. in Prag in Böhmen.

Изъ Львова,
29/17 Сентября 1852.

3.

Ваше Благородіе, М. Г.!

Благоизвольте извинить меня, что я столь долго промедилъ съ письмомъ моимъ. Покупка съ книгами, Вами мнѣ порученными, не скоро идетъ, такъ я не былъ въ возможности собрать какую-то сумму для посылки къ Вамъ. Нѣкоторыя сочиненія мелкія распроданы совсѣмъ, какъ напр., *Царедворская рукопись Берга, Начала русскаго языка, Русско-чешское правописаніе* и пр.; изъ другихъ остается еще нѣкое количество ексемплярей. *Начала священнаго языка*—никто не купилъ. Между здѣшними Чехами нѣтъ охотниковъ. Русскіе бы купили, когда бы была сія грамматика по-русски сочинена. Изъ всего по сю пору проданаго такъ у меня, какъ и въ книжной лавкѣ, выручилъ только *семьнадцать* гульд. ср. *17 fr. k. M.*, которыя имѣю честь Вамъ переслать, къ чему прибавляю еще *3 fr.* на покупку нѣкоторыхъ сочиненій. Я осмѣливаюсь просить Васъ о благосклонное присланіе 1 екс. *Остромірова Евангелія* и 1 екс. новоизданнаго *Глаголитскаго Сборника*, соч. Шафарика. При томъ благоизволите извѣстить меня, не возможно ли бы еще получить одинъ екс. *Южно-Славянскаго Сборника* Г-на Шафарика, которое сочиненіе желаетъ имѣть одинъ изъ друзей моихъ. До Полиглоты Царедворской рукописи я желалъ бы тоже получить болгарской текстъ такъ для екс., который я для своей библіотеки задерживаю, какъ для другова продажняго.

Ексемпляръ Остромірова Евангелія, Вами мнѣ подаренной, я получилъ и изъявляю мое усердное благодареніе за сей драгоцѣнной подарокъ Славянской древности.

У насъ, хотя медленнымъ шагомъ, русская словесность поступаетъ напередъ, появляются все хотя небольшія сочиненія, писатели стремятъ къ чистому русскому языку. Недавно вышелъ „Конюшій" — хорошо написанная поема, молодымъ талантливымъ поетомъ Богданомъ Дѣдицкимъ изданная. Въ Зорѣ Галицкой, которая перетворилась въ беллетристическо-литературный журналъ, находятся тоже хорошія статейки, — языкъ дѣлается правильнѣе.

Съ тѣмъ имѣю честь пребывать Вашего Благородія преданнѣйшій Я. Головацкій.

Львовъ,
17/5 Апрѣля 1853.

4.

Ваше Благородіе, М. Г.!

Уже цѣлый годъ минулъ отъ того времени, когда Вы прислали ко мнѣ нѣсколько книгъ Славянскихъ. Я немедленно раздалъ оныя по книжнымъ лавкамъ и друзьямъ моимъ, но продажь не идетъ съ большимъ успѣхомъ: съ одними я еще не расчитался, другіе жалуются, что теперь тяжкія времена, и они, вручивъ книжки любителямъ народной словесности, не получили еще денегъ. Не смотря на то все, нашлось бы еще охотниковъ до *Остромірова Евангелія* и *русск. перевода Краледворской рукописи* Книгопродавецъ Милликовскій спрашивалъ за переводомъ польскимъ тогожь. По сю пору я выручилъ за Ваши, мнѣ пересланныя книги 14 fr. K. M., которыя здѣсь Вамъ и посылаю. Сверхъ того прибавляю 6 fr., осмѣливаясь Васъ отяготить нѣкоторыми препорученіями такъ отъ меня, какъ и отъ другихъ любителей Славянства. Благоизволите сложить предплату на 3 екс. Археологическаго Журнала, издаваемаго К. В. Запомъ, помощію Чешской Матицы для ея же членовъ:

Г. Фр. Яхима (Steuereinnehmer in Przemyslany) . 1—30
Г. Ваньекъ (Accessist bei der k. k. Staatsbuchhaltung in Lemberg) . . . . . 1—30
и для меня 1 екс. . . . . 1—30
За пересылку почтовую отъ всѣхъ трехъ екс. за послѣдній кварталъ . . . . . 36 кр.

Кромѣ того, благоволите покупить для меня: Lehrbuch der Geometrie zum Gebr. der Unterrealschulen *mit eingeschalteter Terminologie in böhmischer Sprache*, Prag. 1854, къ коему я долженъ буду по порученію В. Министерства русскую терминологію—цѣна (?) 54 k

Итого . . . 6 fl.

Учебникъ Геометріи и 3 екс. Археологическаго журнала с III квартала пожалуйте прислать ко мнѣ по почтѣ въ одномъ п кетѣ, числа же послѣдняго квартала пусть посылаются почто къ всякому лицу подъ перекресткой.

У насъ новостей Литературныхъ немного; изъ достопри мѣчательныхъ книгъ издано Галицко-русской Матицей: „Галиц кій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществ. Гал. русск Матицы. Выпускъ I, съ изображеніемъ вида и плана Богородич ной Церкви въ Галичѣ. Львовъ 1854". Содержитъ любопытны статьи Г-на Ан. Петрушевича. I. Краткая роспись русскимъ Цер вамъ и Монастырямъ въ городѣ Львовѣ, и статью II. О Богоро дичной Церквѣ въ Галичѣ. Выпускъ II, какъ продолженіе речено статьи, печатается (она вынята изъ Зори Галицкой). Къ III-му выпуску обработываетъ почт. сочинитель собранныя многими трудами матеріалы отечественной Исторіи.

Матица Галицко-русская вознамѣряетъ дѣятельнѣе высту пать на Литературномъ поприщѣ—она печатаетъ популярную астрономію и физическую географію подъ надписью: „О вели комъ Божіемъ мірѣ, написалъ Михаилъ Малиновскій". Тоже рѣ шено ней издать хорошій *Молитвенникъ для мірскихъ*. На сихъ дняхъ издана въ Ставропигійской типографіи хорошая повѣсть: „Отецъ Игнатій, русскій приходникъ изъ Соломянки. Повѣсть нимъ самимъ розсказаная. Ч. I. Львовъ 1854". Это есть подра жаніе Гольдсмиту, но притомъ по мѣстамъ черты народной жиз ни превосходно схвачены. Въ непродолжительное время опу ститъ типографскіе станки прехорошій Сборникъ русскихъ поэ зій подъ надписью: „Русская Анѳологія, или выборъ лучших поезій подлинныхъ и переводныхъ. Ч. I" и „Литургическій Ка тихизисъ, или изъясненіе св. Литургіи и нѣкоторыхъ обрядовъ по новой скрижали въ душеполезное употребленіе Русиновъ вт рично издалъ Александръ Духновичъ". Прехорошая и для благ честиваго русскаго народа весьма полезная книжица. Печатан III-го тома „Исторіи древняго Галичскорусскаго княжества, Со Дениса Ивановича Зубрицкаго" продолжается. Пренумерата пр нимается въ конторѣ Института Ставропигійскаго и во всѣ

ижныхъ лавкахъ краевыхъ за екс. 3 fr. 20 kr. К. М. Два пер-
ые тома продаются въ реченномъ канторѣ въ цѣнѣ на время
енумераты сниженой 4 fr. К. М. О сколько два первые тома,
рошимъ знаніемъ отечественной исторіи, глубокомысленными
блюденіями и критическимъ розысканіемъ фактовъ отличаясь,
остоились уже признательности отечественной и заграничной
итики, о столь важнѣе есть настоящій III-ій томъ, содержащій
в себѣ самый любопытной и всего менѣе обработанный періодъ
ицкой Исторіи 1200—1337 гг. Почтеннѣйшій авторъ, посвя-
вшій многія лѣта изученію отечественной исторіи, принялся
е въ маститой старости за свой трудъ. Онъ основывается на
ыхъ лучшихъ источникахъ, посвятилъ имъ долголѣтнія сту-
, обработалъ со всей подробностью и показалъ важность Га-
цкой исторіи не только въ отечественномъ значеніи Славянъ,
и во всемірномъ значеніи. Стоило бы труда, чтобы кто-ни-
дь изъ Чешскихъ ученыхъ (занимающихся всего болѣе исто-
ей между Славянами) написалъ критическій разборъ того досто-
имѣчательнаго сочиненія и познакомилъ своихъ земляковъ съ
евней исторіей сосѣдственнаго и соплеменнаго народа. Для
усиновъ есть Зубрицкаго Исторія настольною книгою, она есть
ломъ народнымъ, коимъ можетъ гордиться Галиція, но она
жна и для всѣхъ Славянъ, съ которыми въ столь близкихъ
ошеніяхъ были древніе князья Галичскорусскіе.

Удивительно, что не сыщется нѣмецкій переводчикъ того
чиненія, и нѣмецкая литература много бы выиграла, и запол-
ался бы великій промежутокъ въ ихъ знаніи всеобщей исторіи.

Не нашелъ бы ся въ Прагѣ переводчикъ или по крайней
рѣ побольше пренумерантовъ на вышереченое сочиненіе?

Вамъ, Шафарику, Запу, Коубку и прочимъ Славофиламъ
ое искреннее поздоровленіе.

Съ должнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребывать
ашего Благородія, М. Г., искренній другъ и покорный слуга

Я. Ѳ. Головацкій.

Львовъ,
12 Октября / 30 Сентября 1854.

5.

М. Г.! [1]) Письмо Ваше получилъ я отъ проѣзжаго чрезъ
ьвовъ Г-на Квѣха. Онъ же отдалъ мнѣ 19 екс. Практической

[1]) Въ бумагахъ Ганки мы не нашли письма Головацкаго отъ мар-

части Вашей грамматики Русскаго языка, *для раздачи*, за кот рый даръ я весьма одолженъ Вамъ.

Благодарствую Вамъ за помѣщеніе статейки моей объ лит ратурныхъ успѣхахъ Галицкой Руси въ журналѣ, но мнѣ нѣскол ко совѣстно, что Вы положили мое имя на сочиненійце, котор никакъ не было предназначено явиться предъ большей публ кой. Радъ бы я однакоже получить одинъ екземпляръ того жу нала.

Изъ прежде посланныхъ мнѣ книгъ не могу Вамъ сдѣлат еще по сю пору никакого расчета, потому что книгопродавцы коимъ я поручилъ продажь оныхъ, не прислали еще своихъ г довыхъ счетовъ. Здѣшній книгопродавецъ Калленбахъ принял польскій переводъ Краледворской рукописи на собственны счетъ,—по коей причинѣ цѣна должна была быть подвышена н 20 кр. раббата ради. На мой счетъ остается еще книгъ за 10 f 24 kr. К. М., съ которыхъ расчетаюсь позднѣе.

Литература наша сосредоточила свое дѣйствованіе по бол шей части въ журналы, которыхъ современно имѣетъ четыр два изъ нихъ выходитъ во Львовѣ: *Зоря Галицкая*, IX-ое год вое теченіе, улучшается опять въ своемъ содержаніи и внѣшн формѣ, *Семейная библіотека*, II-ой годъ, частью гумористич ская, частью критическая, содержитъ и дѣльныя статьи, рѣша щія вопросъ объ письменномъ и простонародномъ языкѣ, кот рый все еще многихъ путаетъ. Статья *Литературный спо de lana caprina* превосходна. Въ подобномъ же родѣ написан *Довьрительныя письма изъ Будина* Между историческими ст тьями отличается: *Краткое извѣстіе о Галицко-русскихъ еп скопахъ и митрополитахъ*, написан. Ант. Петрушевичемъ. В Будинѣ издаетъ Іоаннъ Раковскій, священникъ епархіи Мук чевской и редакторъ Законника краеваго въ русскомъ переводѣ *Церковную Газету, въ пользу восточно-каѳолической церкви со диненной съ римскимъ Патріаршимъ Престоломъ*. Онъ печа таетъ въ той газетѣ выборъ лучшихъ мѣстъ изъ Твореній св Отцевъ въ русскомъ переводѣ, прекрасныя проповѣди, подлин ныя русскими проповѣдниками сочиненныя, сверхъ того, многіѣ любопытныя историческія статьи [1]) и другія занимательныя из

та 1856 г., выдержки изъ коего сообщены были А. Ѳ. Гильфердингом въ замѣткѣ (письмѣ къ А. И. Кошелеву): „О русской литературной дѣ тельности въ Галиціи въ 1855 году", въ ж. Русская Бесѣда, 1856 г., I.

[1]) „Напр.: хорошо написанная статья Антонія Петрушевича: О ру ско-словенскихъ толковыхъ Псалтыряхъ". Прим. автора.

вѣстія о дѣлахъ, касающихся Церкви и народной словесности. Въ Вѣнѣ продолжается *Вѣстникъ*, VIII годъ, частью политическаго, частью литературнаго и забавнаго содержанія. *Стефанъ Мустяновичъ*, парохъ и намѣстникъ въ Пилипцѣ въ Мукачевской епархіи, который въ прошедшемъ году издалъ во Львовѣ два тома своихъ проповѣдей (I-й т. *надгробныя проповѣди*, II-ой томъ *проповѣди при различныхъ случайностяхъ*), печатаетъ современно свои Проповѣди на всѣ недѣли цѣлаго года въ III-ехъ томахъ. Ставропигійской Институтъ напечаталъ вторымъ изданіемъ: *Руку Дамаскина*, сочиненіе, указующее легкій способъ высчитать день Пасхи и другихъ движимыхъ святъ на всякій данный годъ, и принимается за новое изданіе Литургикона

Галицко-русская Матица издала на своемъ иждивеніи II-ый выпускъ *Галицко-историческаго Сборника*, содержащій продолженіе критически разработанной статьи Ант. Петрушевича: *О Галицкихъ Епископахъ со времени учрежденія Галицкой епархіи даже до конца XIII вѣка.* Хорошее сочиненіе, хотя на сѣрой бумагѣ напечатанное. Авторъ продолжаетъ писать свою статью о судьбахъ Галицкой іерархіи съ XIV вѣка до принятія Уніи. Она будетъ печататься въ третьемъ Выпускѣ Галицко-историческаго сборника. Тоже общество вознамѣряетъ приступить къ изданію: *Матеріаловъ до исторіи Галицко-Владимірской Руси*, которое изданіе хочетъ начать перепечатаніемъ такъ именуемой *Волынской Лѣтописи.* Планъ хорошій и цѣль прекрасна, но желательно было бы въ выведеніи того, какъ во всемъ дѣйствованіи Матицы, больше рѣшимости и дѣятельной жизни. *Молитвословъ для мірскихъ*, издаваемый Матицей, все еще не выпечатанъ, но надо надѣяться, что вскорѣ узритъ свѣтъ.

Коммиссія, занимающаяся построеніемъ *Дома народнаго* во Львовѣ, успѣла уже окончить совершенно одно крило того величественнаго зданія. Первый и вторый этажъ съ будущимъ школьнымъ годомъ почти совсѣмъ займетъ образцевое нормальное училище съ препарандными курсами для учителей, школы, стоящіе въ вѣдомствѣ русской здѣшней консисторіи, одинъ залъ въ третьемъ этажѣ опредѣленъ будетъ на народную библіотеку, значительно умноженную новымъ даромъ д-ра Ипполита Терлецкаго изъ Парижа, бывшаго въ томъ городѣ настоятеля Славяно-греческой духовной Семинаріи. Двѣ комнатки займетъ канцелярія Управительства Дома Народнаго, прочія жилья междувременно пойдутъ въ наемъ. Вотъ нѣсколько чертъ изъ духовной

жизни здѣшней Руси. Вся надежда на лучшую будущность, а будущее въ руцѣ Божіей.

Отъ Г. Зубрицкаго поклонъ. Здравствуйте! Вашъ другъ и почитатель Я. Головацкій.

Львовъ,
19/7 Іюлья 1856 г.

6.

М. Г., Вячеславъ Вячеславлевичъ!

Пользуясь случайностью, имѣю честь препроводить на Ваши руки для библіотеки Народнаго Чешскаго Музея: 1) 17 екс. Перемышлянина на годъ 1857; 2) Мѣсяцесловъ Львовскій на г. 1857; 3) Шематизмъ Базиліановъ въ Галиціи и 4) Документы, касающіеся повышенія Митроп. Левицкаго въ кардиналы. Тоже 1 екс. Изображенія Дома народнаго въ Музей и 1 екс. для Васъ.

Прибавляю еще сверхъ того 5 екс. тогожъ изображенія,— если найдутся охотники въ Прагѣ, благоизволите вырученыя за это деньги записать въ зачетъ на долгъ, который за посланныя Вами книги еще остается за мною. Книги давно уже разданы, но съ выручкой денегъ идетъ какъ то тупо, но будьте долготерпѣливы, я постараюсь въ всевозможно краткое время расчетаться какъ слѣдуетъ.

Съ принадлежнымъ Высокопочитаніемъ имѣю честь пребывать Вашего Высокоблагородія, М. Г., усердный почитатель и покорный слуга Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій.

Львовъ,
1856 года, мѣсяца Декабря 19/31 дня.

7.

М. Г.! Пользуясь случайностью, вознамѣренъ я обновить нашу переписку, но благоизволите извинить, что при томъ опять долженъ я отягощать Васъ нѣкоторыми дѣлами.

Прежде всего посылаю 10 гульд. *К. М.* въ Чешскую Матицу за текущій годъ 1858-й отъ Г-на Антонія Петрушевича, гр.-к. Каноника и Консисторск. Совѣтника, и прошу отдать реченыя деньги въ вѣдѣніе приношеній въ Матицу Чешскую. Равнымъ образомъ благоизволите отдать 1 гульденъ за текущій годъ Спедитеру Матицей издаваемыхъ книгъ съ тѣмъ опредѣленіемъ,

чтобы высылались Матичныя книги по почтѣ подъ моей адрессой для меня и для Г-на А. Петрушевича въ Львовъ и для Г-на Франтишка Яхима въ Стрый.

Посылаемыя мной 10 екс. Литургіи препоручаю Вашему благосклонному попеченію и прошу, чтобъ Вы благоизволили распространить оныя между любителями Славянства. Когда заблагоразсудите, извольте отдать эти екс. книгопродавцамъ за обыкновеннымъ раббатомъ въ продажь. Цѣна екземпляру 1 гульд. 20 кр. К. М.

Изъ послѣднихъ расчетовъ 7/II 1854 осталось еще за мной 10 гульд. и 24 кр. К. М., по той причинѣ благоизволите вырученныя за екс. Литургіи деньги принять въ зачетъ за этотъ долгъ. Извѣстите меня объ успѣхѣ въ продажѣ и о томъ, соглашаетесь ли съ моимъ предложеніемъ. Прибавленный екс. благоизволите принять отъ меня въ знакъ моего къ Вамъ Высокопочитанія, другіе два екс. отправьте куда призначены.

Желательно было бы приготовить изданіе греческой Литургіи на торжественную память тысячелѣтія св. Апостоловъ Славянскихъ Кирилла и Меѳодія въ видѣ полиглотты, т. е. греческій подлинникъ съ переводами Славянскимъ (глаголитикой и кириллицей по какому-нибудь древнему списку) и валашскимъ, съ прибавленіемъ переводовъ на Славянскихъ, т. е. чешскомъ (словацкомъ), польскомъ, хорватскомъ и краинскомъ нарѣчіяхъ, далѣе на латинскомъ, нѣмецкомъ, если возможно на мадярскомъ, италіанскомъ и другихъ языкахъ. Это было бы хорошее дѣло и нашло бы всюда одобреніе. Исполненіе его возможно только въ Прагѣ. Когда бы Вы хотѣли приняться за исполненіе того, успѣхъ былъ бы вѣренъ, потому что у Васъ всѣ средства подъ рукой. И я счастливъ былъ бы тѣмъ, что первый подалъ мысль. Объ новостяхъ Литературныхъ ничего и говорить.. прибавленныя книжонки изображаютъ ясно, какъ скудно наше племя въ словесныхъ произведеніяхъ! Г-нъ Денисъ Ивановичъ Зубрицкій засылаетъ свое почтеніе.

Просясь извиненія объ утрудженіи Васъ, имѣю честь пребывать Вашего Высокородія, М. Г., покорнѣйшій слуга

Яковъ Ѳ. Головацкій.

Львовъ,
22/10 Мая 1858 г.

8.

М. Г., Вячеславъ Вячеславлевичъ!

Извините, М. Г., что я принужденъ опять отягощать Васъ просьбами. Но притомъ имѣю способность возобновить нашу

переписку, столь отрадную для унывающаго подъ бременемъ обстоятельствъ моего духа. Прежде всего я пересылаю на Ваши руки 12 гульд. Австр. Вал., благоизволите распорядить слѣдующимъ способомъ:

а)	10 for. 60 kr.	Въ Матицу Чешскую за (1859 г.) Г-на Ант. Петрушевича, бывшаго нотарія Е. В. Пр. Митрополита.
б)	„ „ 70 kr.	Для Експедитора Матичныхъ изданій за 1859 г., съ обязательствомъ, какъ по сю пору, присылать эти книги для *Г-на Петрушевича и для меня подъ моей адрессой во Львовъ.*
в)	„ „ 70 kr.	За два екс. Вашего новаго сочиненія Počátky posv. jaz. Slovan.
Итого:	12 гульд. Австр. Вал.	

Подъ № в) выраженыя книги благоизволите отдать Г-ну Експедитору Матичныхъ книгъ для пересылки ко мнѣ.

Новостей у насъ никакихъ нѣтъ по части Литературы,— объ домашнихъ сплетняхъ ничего и упоминать. Писатели боятся что-нибудь писать, никто бо не хочетъ брать на себя отвѣчательности. Учителямъ приказано беречся всякого слова, которое заимствовано изъ Великорусскаго или Церковнаго языка, книжная цензурная ревизія строго наблюдаетъ, чтобъ въ новоизданныхъ книгахъ неупотреблялись слова, ни формы, сходныя съ русскимъ (книжно-россійскимъ) языкомъ. До того пришло, что въ слѣдствіе распоряженія Министеріи Наукъ и Культу издалъ Преосв. Епископъ окружное посланіе ко всѣмъ священникамъ, катихитамъ и законоучителямъ и пр., въ которомъ запрещается заимствовать слова и формы изъ богослужебнаго Церковно-Славянскаго языка и пр. и пр. Подъ такими обстоятельствами невозможно успѣвать литературнымъ произведеніямъ. Матица Галицко-русская не издаетъ ничего. Авторы умолкли. Журналы подавлены. Безнадежность водворяется. Грустное положеніе, жалкая будущность! Эксемпляръ вышереченной энциклики Епископской пошлется своевременно Вамъ.

Извините, что я обеспокоюю Васъ моими жалостными воскликами, но я уповаю, что эти жалобы найдутъ сочувствіе въ Вашемъ братолюбивомъ сердцѣ. Нынѣ бо тяжко найти друга, на котораго лонѣ искренно заплакать и возрыдать можно. Письмо это не сообщайте никому, напечатаніе бо письмеца въ Бесѣдѣ

1856 г. причинило мнѣ много непріятностей, а съ того времени подозрительныхъ и подозрѣвающихъ людей намножилось безъ конца. И человѣкъ праведный, идущій всегда законнымъ путемъ, долженъ опасаться, несмотря на безпорочность совѣсти своея. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе всѣмъ Г-амъ знакомымъ и любящимъ насъ и примите мое должное почтеніе, съ коимъ имѣю честь пребывать Вашъ другъ и искренній почитатель

Я. Головацкій.

P. S. Г-нъ А. Петрушевичь жаловался, что онъ не получилъ отъ Матицы VII и VIII выпуска Dramatických děl Wil. Shakespeara, а только IX выпускъ. То же самое я примѣчаю въ присылкѣ моихъ ексемплярей. Издавательство, кажется, требуетъ отъ всякаго Закладателя Матицы уплаты 2 fr. и подъ тѣмъ только условіемъ высылаетъ всѣ выпуски. Извѣстите, правъ ли я въ моемъ сужденіи и могу ли въ томъ смыслѣ дать изъясненіе Г-ну Петрушевичу.

Изъ Львова,
30 Января 1859 в. сч.

9.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Письмо Ваше вмѣстѣ съ книгами я получилъ отъ Г-на Михаила Ивановича Сухомлинова. Я буду стараться продать присланные Вами 20 екс. сочиненной Вами Грамматики и своевременно отошлю Вамъ по почтѣ взысканные мною деньги. Желаемой Вами брошюры не могу Вамъ доставить сей же часъ, потому что напечатано не больше ексемплярей, какъ сколько нужно было къ разосланію по всѣмъ приходамъ Епархіи Львовской. Можетъ быть я позже добуду ее и пошлю Вамъ.

За присланную Вами брошюру Г-на Ѣзберы я очень одолженъ Вамъ. Она возбудила во мнѣ желаніе прочесть и самое сочиненіе Г-на Ѣзберы „Kiril a Metod nepsali nikdy hlaholsky než Kirilsky“, которое я, признаюсь со стыдомъ, еще по сю пору не читалъ.

Рѣшительныя и безусловныя потупленія этого замѣчательнаго сочиненія, съ каковыми громогласно отозвались Ганушъ, Небескій, издатель Свѣтозора и другіе, до той степени предупредили меня, что я даже не чувствовалъ желанія получить ее и не любопытствовалъ читать, хотя и не соглашался безъусловно съ мнѣніемъ Г. Г. Шафарика и Гёфлера, а ожидалъ болѣе

убѣдительныхъ доказательствъ. Теперь прошу, благоизволи прислать мнѣ вышереченнаго сочиненія 1 ексемпляръ, на ко рый прибавляю 1 гульденъ Авст. Вал.

Объ новостяхъ ничего хорошаго и говорить. Въ настоящи обстоятельствахъ не возможно успѣвать Литературѣ. Г-нъ М хаилъ Ивановичъ скажетъ Вамъ болѣе такого, что удобнѣе ж жетъ быть изъустно объяснено, чѣмъ выражено на пись Въ Перемыслѣ печатается на иждивеніи Епископскаго Собо новое красивое изданіе Церковно-славянской библіи съ кси графическими иллюстраціями, на подобіе изданій Липскихъ б блій, н. пр. Бобровича польской. Программу изданія и пробн листы пошлю Вамъ позже.

Поручаюсь Вашей благосклонной пріязни и, засылая поч ніе отъ Г-на Дениса Ивановича, имѣю честь пребывать Ваш Высокоблагородія, М. Г., преданнѣйшій

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій.

Львовъ,
12/24 Марта 1859 г.

10.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Пользуясь Вашей благосклонностію ко мнѣ и рачитель стію, я опять отягощаю Васъ моими дѣлами. Но извините, кому обратиться въ литературныхъ отношеніяхъ, какъ не труженнику, посвятившему всю жизнь свою Славянству! П той случайности я радъ бы былъ расчитаться за присланн Вами 20 екс. „Началъ Священнаго языка Словянъ...", но и ту прошу объ извиненіи,—еще я не успѣлъ продать всѣхъ, оста ся у меня 8 екс. За 10 екс. посылаю нынѣ 3 гульд. 50 кр. Ав Вал. За 2, кажется, я заплатилъ въ прошедшемъ году. Вмѣс оставшихся посылаю Вамъ по 6-и екс. сочиненій: „О неудобн сти латинской Азбуки" и „Спора о русскую Азбуку". Вопро для насъ очень важенъ, вопросъ жизненный; можетъ быть, з статьи снадобятся какому Слависту, особенно проѣзжему, и тѣмъ мы расчитаемся, когда Вы согласитесь на мое предложе

Еще прошу объ слѣдующихъ дѣлахъ. Разсматривая Ч скія газеты и журналы, я съ радостію сердца примѣчалъ, ка успѣхъ имѣетъ новый „Справочный Словарь Чешскій, издав мый Ригеромъ", — по всѣмъ концамъ Славянской земли отк нулись мужи, желающіе черпать въ этомъ источникѣ ученно

Славянской, единственно изъ нашего Галицко-русскаго захолустья не явился никакій охотникъ до столь полезнаго сочиненія.

Я пригласилъ товарища моего—члена Матицы Чешской, и вотъ посылаю на руки Ваши подписку на два ексемпляра „Slovníka naučného vydávaného pod redakcí F. Riegera v Praze", а именно посылаетъ: Г-нъ Антоній Степановичь Петрушевичь, тит. каноникъ Митр. Собора, совѣтникъ греч. унит. Митрополичей Консисторіи Львовской и парохъ въ Новицѣ (почта in Novica Stryjer Kreis, pr. Kałusz) 12 гульд. Ав. В. Яковъ Ѳедоровичь Головацкій, проф. публ. орд. русской словесности въ Унив. Львовскомъ, Членъ корреспондентъ Кор. Чешск. общ. Наукъ, платитъ за XII тетр. [1])—4 гульд. 32 кр. Прибавляю на опаковку Матичныхъ книгъ, высылаемыхъ для г. Петрушевича и Головацкаго—68 кр. Вышереченая сумма за 10 екс. Славян. Грам.—3 гульд. 50 кр. Итого всего 22 гульд. Ав. В.

Сверхъ того, прошу, если можно было бы, прислать 1 екс. сочиненія Jos. Jirečeka: Über den Vorschlag das ruthenische mit latein. Buchstaben zu schreiben. Wien, 1859.

При той случайности посылаю нѣсколько брошюръ нашей тяжко отдыхающей словесности, благоизволите отдать въ библіотеку Музея Чешскаго.

Изъ новостей Литературныхъ у насъ почти ничего не появилось. Есть ревность и хорошая воля, но отовсюду ставятся непреодолимыя препятствія. Г-нъ Богданъ Андреевичь Дѣдицкій хотѣлъ было возобновить издаваніе въ 1857 году прекратившагося журнала литературнаго содержанія подъ надписью: *Зоря Галицкая*, но получилъ концессію съ таковыми ограниченіями, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ издаванія и дожиться лучшихъ временъ. То же самое случилось въ Перемышлѣ: Г-нъ Каноникъ Д-ръ Гинилевичь (знакомый Вамъ съ года 1848) обнародовалъ подписку на издаваніе: „*Житій святыхъ*", съ прибавленіемъ „*Руководителя ко благоговѣнію*", и началъ печатаніе того журнала. Но со стороны властей не воспрещается ему издавать Житій святыхъ, зато приказуютъ всѣ статьи, не относящіяся прямо къ церкви, не печатать иначе, развѣ правописаніемъ, предписаннымъ В. Министерствомъ посредствомъ выс. декрета съ дня 25 Іюлья 1859 г., хотя въ реченомъ декре-

[1]) „Мой екс. пусть присылается: Hrn I. G. k.k. Universitätsprof. in Lemberg. Петрушевича же слѣдующій: Hrn Pietruszewicz Anton, Erendomherr der g.k. Metropolitan-domcapituls u. Konsistorial-Rath, gkth. Pfarrer in Novica, Stryjer Kreis, letzte Post Kałusz". Примѣч. автора.

тѣ говорится только объ издаваніи школьныхъ книжокъ. У на
толкуютъ законъ, — обмежаютъ или разширяютъ объемъ его,
какъ кому угодно. Польскій Графъ сталъ министромъ, и во
Аристократическо-польская, обдающая его Ексцелленцію, уд
шила единственный политическій русскій журналъ, издаваемы
въ Вѣнѣ на иждивеніи самаго же правительства, подъ заг.
віемъ: *Вѣстникъ для Русиновъ*. Горе намъ, когда самые го
дарственные люди пронаслѣдуютъ властью имъ данною политик
не въ пользу государства, а по влеченію ихъ спеціальнаго па
ріотизма, на корысть своей національности, своего исповѣдан
своего сословія, принципа или политическаго убѣжденія! Че
хорошаго можно надѣяться подъ таковыми ауспиціями? Вся н
дежда Руси нашей обращается еще къ новоименованному Митр
политу, и для того стишки, въ честь его написанные, особенн
для насъ важности — они уже во внѣшной формѣ своей предст
вляютъ родъ оппозиціи, такъ какъ гражданскій шрифтъ запр
щенъ вышереченымъ выс. декретомъ для употребленія въ шк
лахъ, а сдѣшними властями распространяется это запрещеніе н
всѣ русскія сочиненія. Прибавленная копія можетъ быть снад
бится Вамъ или кому-нибудь любопытному къ таковымъ дѣлам
потому и сообщаю Вамъ ее.

Засылая мое почтеніе всѣмъ бодрымъ братьямъ-Славянам
имѣю честь пребывать Вашего Высокоблагородія усерднѣйшій
другъ и почитатель Я. Ѳедоровичъ Головацкій.

4/16 Февраля 1860 г.

11.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Въ сдѣшней университетской библіотекѣ нашелся древн
Чешскій Молитвенникъ, написанный для женщинъ. Рукопи
писана по всякому правдоподобію во второй половинѣ XIV н
въ началѣ XV столѣтія. Я занялся описаніемъ ея и пересыла
статью мою на Ваши руки съ увѣреніемъ, что для Васъ, ка
ревнѣйшаго любителя отечественной старины и ученаго издав
теля древнѣйшихъ памятниковъ Литературы Чешской, всего и
тереснѣе будетъ открытіе того памятника. Рукопись во всяко
отношеніи любопытна такъ по своимъ прозаическимъ, какъ
особенности по поетическимъ статьямъ. Поляки имѣютъ сво
książeczkę do modlenia Królowéj Jadwigi, можетъ быть и пре
лежащая рукопись имѣетъ хотя не ровную, такъ по крайн

мѣрѣ сходную оной цѣнность. Самымъ нынѣшнимъ красавицамъ Чехиямъ безъ сомнѣнія любопытно будетъ узнать, на каковыхъ молитвенникахъ молились ихъ праматери 4—до 500 лѣтъ тому назадъ.

По той причинѣ предлагаю мое подробное описаніе рукописи вмѣстѣ съ снимкомъ оной Вашему благосклонному разсмотрѣнію,—и если Вы узнаете сообразно, благоизволите напечатать или же, когда угодно и прилично, извольте предложить ее Обществу Наукъ, коему я одолженъ за честь быть членомъ, но по сю пору не имѣлъ случайности сложить мою лепту на олтарь ученаго дѣйствія Его. Въ случаѣ, когда бы нужны были поясненія или дополненія, я охотно предлагаю мой трудъ и ожидаю въ томъ наставленія. Статья написана на русскомъ языкѣ потому, что я не владѣю чешскимъ въ той степени, чтобы я могъ написать что-нибудь безошибочно, на нашемъ же галичско-русскомъ нарѣчіи я не писалъ, опасаясь обмолвки или недоразумѣнія съ Вашей стороны, котораго при недостаткѣ словаря избѣгнуть трудно. Слѣдовательно благоизволите, если нужно будетъ, перевесть ее на чешскій языкъ.

При той случайности пересылаю нѣсколько книжонокъ изъ нашей новѣйшей Литературы. Поезіи Устіяновича любопытнѣе всего, важно и предисловіе, изображающее заслуги реченнаго поета въ нашей словесности. Вообще надѣемся, что настоящій годъ плодороднѣе будетъ въ литературные произведенія, чѣмъ предшественники его—ревность къ своеродному ростетъ, появляются молодые таланты, духъ народности ободряется и крѣпится съ каждымъ днемъ.

Извините, что я опять осмѣляюсь при снадобившейся случайности просить Васъ объ передачѣ подписки на II томъ Научнаго Словаря, изд. Ригеромъ въ цѣнѣ 4 fr. 34 kr. Австр. мон. на мое имя.

Извѣстіе, поданное газетами объ Шафарику, опечалило насъ всѣхъ; благоизволите при случайности сообщить мнѣ, что привело ученнѣйшаго мужа къ таковому разстройству ума, и есть ли надежда объ излѣченіи недуга.

Съ принадлежнымъ Высокопочитаніемъ имѣю честь пребывать Вашего Высокоблагородія, М. Г., покорный слуга

Я. Ѳ. Головацкій.

Львовъ,
26 Мая / 7 Іюня 1860 года.

pyta, wón so też derje namaka. A što Serbowstwo? W oktobru bé zhromadźizna ryčespytneho wotrjada při Maćicy, hdźež bych ja za porjadneho sobustawa wuzwoleny; jsmy nětko tu Dr. Pful Seiler, Smoleń, Buk a ja. Přewzach hnydom dźełło napołożene mjenujcy takrjec redakciu a zrjadowanje słownika po zakonjach na zhromadźiznje wučinjenych. Dyrbjach někotre listna cyle pře pisać, dokelž běše Pfulowy rukopis jara zašmjatany a pódla dyr bjach tam hišće wšelake dopjelńki (wosebje Seilerowe) zapisowa Nětko so w ćišću spěšnje pokračuje. Wyše słownika ćišći so pr tyka „Předźenak" a časopis (w kotrymž budźe žiwjenjopis Dr. Kl na wot Wanaka, vicedirektorja budyšinskeho seminarja) so skor započnje. Zo změje k. Smoleń bórzy też knihićišćernju tudy, t jsće wot k. Hilferdinga zhonili. Hdyby wón jeno spěšniši a porja dniši był! Wšitko wón zabudźe, kpř. dyrbješe Wam maćične kni posłać; ale tuto předkwzaće bě jemu już dawno z hłowy padnył. Při spomnjenju na k. Hilferdinga dopomnju so na k. Lakiera, kiž dźeń mojeje ordinacie ke mni přińdźe, na kotrymž chcych ja ze swojim nanom domoj jěć. Wobžaruju zo w cyłej nuznosći dołh z nim ryčeć njemožach. Přińdźe-li zas tajki Słowjan k Wam, kiž by rad łužiskich Serbow wopytał, pokazajće jeho na mnje do Budyšina...

Z Delneje Łužicy mamy wjesołu powjesć, zo so na gymnasiu w Chośebuzu nětko też delnoluž. ryč jako swobodny předmjet wuči. „Bramborski serski casnik", wen dany wot Ganka, w № (njestoji tam Čisło) 41. takle piše wo tym: Z našogo kraja (Švabachem). Až ta serska rěc za tak rijnu naglědana a žaržana njehordujo, ako mlogi serski sam ju ma a naglěda, možo se też z togo huznaś, až za teju wolu togo duchnego ministara, knjeza wot (ze) Raumer, wot wěta na tej husokej šuli w Chośebuzu dej ta serska rěc hucona hordowaś, rowno tak, ako ta nimska, francozska, latinska, grichiska a hebraiska rěc se tam huci. Nicht njejo k tej serskej rěci twingowany (nušony), ale jo kuždemu do wole dane, lec ju huknuś chco. Ta hucba teje samejе rěci jo tomu knjezu Dahleju, ako serskemu dolmečaroju, přirucona a do rukowu dana. Gda tak jo něto móžno, až mlode nimske luźe (to nám arci nepomůže! H.) teje husokeje šule też mogu serske nahuknuś a tak serske farare (lépe: ponimcowarje) rěcniki, gojce a hucabniki hordowaś a mogu a dejali to wšikne serske luźe zajadnu wěc naglědaś, za kotaruž ze bogu a jogo tak dobrje za tu sersku rěc a za ten serski lud se starajucym służabnikam (kdyby to wždy prawda byla! H.) źěkowaś maju. Bog daj swojo žognowanje k takemu zachopjeńku, aby derje rostl a dobre bogate plody za ten serski lud přinjasł!" — To na

w starosławnej Prazy pobył, a hišće časćišo na Wašu přećelnosć přećiwo mi spominał. Z wjesołsću wuznawam, zo bě Waše skutkowanje na mnje wulke za čas dźewjećlětnjeho přebywanja w Prazy. Njezapomnju, kak je mje to za moju ryč a narodnosć zahoriło, hdyžkuli jśe Wy do seminarja mjez nas serbskich młodźencow přišoł, hdyžkuli jśe mje w kollegiu a we Wašim museu rozwučował a na wšelake nam Serbam trěbne wěcy kedźbneho sčinił. Za wšo to, sławny knježe, Wam hišće junu po serbskim wašnju dźakomnje ruku poskićam. Prošu pak při tym najnaležnišo, zo byšće hišće dale lubosć k našim młodym Serbam w Prazy wobkhował a też na nich jako na mnje skutkować rodźił.

Byrnje z kk. Wawrichom a Dučmanom to a wono wo mni już zhonili, dowolam sebi tola tute powjesće wospjetować a dopjelnjeć. Moje prózdniny běchu jara krótke; już 16 aug. přewzach jako zastupnik khorowateho knjeza Welsa hodźiny w tachantskej šuli a přihotowach so wot teho časa na pruhowanje a na swjećiznu. Już 2. septembra dostach nižše swjećizny a 10. wotpołožich zakońscy předkpisany „examen synodale“ před tudomnym konsistoriom. Na to dostach 20. sept. subdiakonat, 22. diakonat a 24. presbyterat. Njedźelu 28 na S. Wjacysława, Wašeho jmena, pak zaswita mi najkrasniši dźeń mojeho žiwjenja, přinjesech Bohu prědnikróć wopor noweho zakonja we farskej cyrkwi w Khrósćicach, přewodźany wot kk. fararja Barta, kapłanow Bjeńša a Smoły. Za prědarja běch sej k. Zura z Budyšina wuzwolił, kiž běše mój wučeŕ před 9 lětami, hdyž na tudomne gymnasium khodźach. Wón wukładowaše tehdomnu swjatočnosć jako dźeń wjesołeho dźaka, nutrnych próstwow a horcych slubjenjow. Wulka cyrkeẃ bě z našim pobožnym ludom z daloka a blizka přepjelnjena; wšitcy wjeselachu so nad tymle swjedźenjom, kiž bě zasy jedyn z jich srjedźiny dočakał. Tydźeń přeživich w našej wokołnosći mjez přiwuznymi, přećelemi a znatymi. Już 5 okt. nastupich swoje zastojnstwo w Budyšinje, kiž Serbow sydło wostanje; ja přińdźech, hdźež běch so już dawno popřał. Jsym pak vikar a katechet při hłownej cyrkwi S. Pětra, kotraž (kaž wěsće) jeno z mjeńšej połowcu podjanskim słuša, mam kóždu njedźelu prědowanje popołdnju, druhdy też dopołdnja. W šuli mam 6 hodźinow tydźeńscy, w posće pak wjacy. Ja jsym, Bohu dźakowano, strowy a we swojim powołanju spokojom.

Nětko snadź so prašeće: što druzy dźěłaja? Knjez Dr. Příhonský, kiž je 7 njedźeli w Nassauskich kupjelach był, swoje asthma zhubił njeje; tola je sebi khorosć położił, tak zo je druhdy jara wjesoły a powjedawy. Knjez Buk ze Draždźan nas wondanjo wo-

pyta, wón so też derje namaka. A što Serbowstwo? W oktobru bé zhromadźizna ryčespytneho wotrjada při Maćicy, hdźež bych ja za porjadneho sobustawa wuzwoleny; jsmy nětko tu Dr. Pful, Seiler, Smoleŕ, Buk a ja. Přewzach hnydom dźeło napołożene, mjenujcy takrjec redakciu a zrjadowanje słownika po zakonjach, na zhromadźiznje wučinjenych. Dyrbjach někotre listna cyle přepisać, dokelž běše Pfulowy rukopis jara zašmjatany a pódla dyrbjach tam hišće wšelake dopjelńki (wosebje Seilerowe) zapisować. Nětko so w ćišću spěšnje pokračuje. Wyše słownika ćišći so protyka „Předźenak" a časopis (w kotrymž budźe žiwjenjopis Dr. Klina wot Wanaka, vicedirektorja budyšinskeho seminarja) so skoro započnje. Zo změje k. Smoleŕ bórzy też knihićišćernju tudy, to jsće wot k. Hilferdinga zhonili. Hdyby wón jeno spěšniši a porjadniši był! Wšitko wón zabudźe, kpř. dyrbješe Wam maćične knihi posłać; ale tuto předkwzaće bě jemu już dawno z hłowy padnyło. Při spomnjenju na k. Hilferdinga dopomnju so na k. Lakiera, kiž dźeń mojeje ordinacie ke mni přińdźe, na kotrymž chcych ja ze swojim nanom domoj jěć. Wobžaruju zo w cyłej nuznosći dołho z nim ryčeć njemožach. Přińdźe-li zas tajki Słowjan k Wam, kiž by rad łužiskich Serbow wopytał, pokazajće jeho na mnje do Budyšina...

Z Delneje Łužicy mamy wjesołu powjesć, zo so na gymnasiu w Chośebuzu nětko też delnoluž. ryč jako swobodny předmjet wuči. „Bramborski serski casnik", wen dany wot Ganka, w № (njestoji tam Čisło) 41. takle piše wo tym: Z našogo kraja (Švabachom). Až ta serska rěc za tak rijnu naglědana a žaržana njehordujo, ako mlogi serski sam ju ma a naglěda, možo se też z togo huznaś, až za teju wolu togo duchnego ministara, knjeza wot (ze) Raumer, wot wèta na tej husokej šuli w Chośebuzu dej ta serska rèc hucona hordowaś, rowno tak, ako ta nimska, francozska, latinska, grichiska a hebraiska rèc se tam huci. Nicht njejo k tej serskej rèci twingowany (nušony), ale jo kuždemu do wole dane, lec ju huknuś chco. Ta hucba teje sameje rěci jo tomu knjezu Dahleju, ako serskemu dolmečaroju, přirucona a do rukowu dana. Gda tak jo nèto móžno, až mlode nimske luźe (to nám arci nepomůže! H.) teje husokeje šule też mogu serske nahuknuś a tak serske fararje (lěpe: ponimcowarje) rěcniki, gojce a hucabniki hordowaś a mogu a dejali to wšikne serske luźe zajadnu wěc naglědaś, za kotaruž zo bogu a jogo tak dobrje za tu sersku rěc a za ten serski lud se starajucym služabnikam (kdyby to wždy prawda byla! H.) źěkowaś maju. Bog daj swojo žognowanje k takemu zachopjeńku, aby derje rostł a dobre bogate plody za ten serski lud přinjasł!" — To na

ukázku špatného posud stylu dolnoluž. Suché faktum však můžete třebas v Lumíru oznamiti (že se tam učí srbština). Uctivé pozdravení panu Nebeskému! Božemje!

Z wutrobnym wobjimanjom wostanu Waš

Michał Hórnik,
vikar a katechet na tachantstwje.

W Budyšinje,
18. nov. 1856.

2.

Slavný pane!

Přesvědčen jsa o Vašnostině k nám Srbům lásce obrátím se na Vás s některými otázkami. U nás založila se archaeologická sekce en miniature, ku kteréž jsem při poslední schůzce přistoupil. Předložil jsem tehdy mezi jiným přepis pamětního listu, jenž jste mně vloni ráčil ukázati. Nyní bych zprávu o tom rád do „Časopisu" dal, a proto některých drobností se ještě dozvěděl.

Komu tedy pamětník, z kteréhož jsem srbský lístek vypsal, posud patří (jak jste mně povídal, jej Vašnosti někdo z Prahy k přehlednutí podal) a kde se nachází? Jestli nápis takto: Stammbuch (Philotheca) von Christian Scherz — a jeho rukou nebo později psán? Jestli můj přepis: Ta dobra wýz—Zeh kwil·u mýz—věrný, a má-li *l·* ve slově „kwilu" puntík (známku měkkosti)? Znamená-li to „a. C." pod jménem: anni currentis? Konečně není-li možná, aby pan majetník pamětníku nám jej prodal do archaeologické sbírky? — Nezazlete mně tyto otázky a sdělte odpověď při příležitosti Dučmanovi.

Pro Vás dostal jsem od Smolerja: Słownik a ze skladu matičného pro museum, avšak později, než ty exemplary, které jsem do Prahy odeslal. Dostanete je v brzkém čašu a spolu exemplář srbského Nového Test. pro museum. Jestit' to jen věrný otisk dřívějších vydání a proto ještě často chybný, kpř. artikul, futurum s „budu" u finitivných sloves atd. Možná, zè Vašnosti dotčené věci přinesou našinci, p.p. Jeńč a Imiš, nebo snad jeden zdejších kněží.

Smoleŕ posud nedozařídil tiskarnu svou. „Ta dobra wěc chce khwilu měć!" Potom prý zase začne vydávati Slav. Jahrbücher, a to každou druhou neděli asi dva archy, jakož i úplnou, pro knihkupectví se hodící slovanskou bibliografii. Zajisté — užitečná myšl!

Viděl jste snad, slavný příznivče můj! v Pražských Nov., že

jsem českým dopisovatelem, avšak jsem zde i českým duchovním
Možná, že se již naši Srbové o tom zmínili; kdyby to zapomněli
slyšte ještě podivnou zprávu též ode mne! Přišelť sem na veliko
noční svátky Čech, jen málo německých slov znající, 65 let star
rolník ze Sezemic u Svijan, aby příbuzné své navštívil a dcer
svou na službu k nim dovedl. Tu těžce onemocněl i měl strach,
se nemůže důstojně k smrti připraviti, poněvadž zde nebude česk
ho kněze. Bratranec jeho, zdejší kupec Flanderka, který k ná
Srbům se počítá, spomněl si na mne a žádal, abych byl tlumoč
kem mezi nemocným a mezi německým lekářem, jakož i česk
zpovědníkem. Arci toto poslední nejsem sám, máme tu rozené
Čecha, p. seniora Příhonského, kterýž však tehdáž sám trochu
mocný nevycházel. Když Flanderkovi bylo hůř, dovezli ho do
městské nemocnice, kdežto jsem ho já (večír 21. dubna) svátostmi
umírajících zaopatřil. Jak on se radoval slyše mně mluvit a se
dlit jen českými slovy! Žil ještě dvě neděle, v kterémž čase jsem
ho denně navštěvoval i česky s ním se rozmlouval. Konečně zvítězila hrozná nemoc nad lékařským umění; můj Flanderka umřel
5. května ve víře na svého Spasitele. Dle žádosti příbuzných měl
jsem já 8. května pohřeb, a to s krátkou řečí—česk ou, poněvadž
dcera nebožtíkova i syn jeho, jenž sem také přišel, německy i srbsky nerozuměli. Pověst o Flanderkově smrti roznesla se brzy po
městě, tak že bylo mnoho zvědavých lidí na hřbitově našem, kde
se arci posud českými slovy neřečnilo. Hle! důkaz, jak užitečná
čeština i nám Sasům i Srbům jest!

Pan senior Dr. Příhonský jest zase zdrávější a přebývá již
delší čas v Šěrachově (Schirgiswalde). Pan Buk, ačkoliv není ne
mocný, pojede nejspíše do Salzbrunnu. Já ale jsem—Bohu díky!—
docela zdráv i spokojný a myslím, že dle slabých sil svých slove
i skutkem aspoň něco pro Srby učiním. Bože mje!

Poroučeje se dalšímu Vašnostinu přátelství trvám s obzvlášt
ní vážnosti i důvěrou Vašnostiným

Michałem Hórnikem, vikarem.

V Budišině,
14. června 1857.

2 a.

Drahý Příteli!

Nejprvé musím prositi za laskavé odpuštění, že sem na vaše
prvnější psaní, v němž ste mi velmi zajímavé správy podal, ještě

neodpověděl a nepoděkoval. Přijmětež tedy nyní moje srdečné díky najednou za obě.

Velice mne potěšila správa nynější založení archeologické sekce. Radbych Vám ten památník vulgo štambuch zaopatřil, ale byl v rukou jednoho spekulanta, který takovými věcmi šantročí, a nyní uzmuv mi něco dlouho se neukazuje. Jak se pamatuju, jest to věrně přepsáno i nebude chybovati ani puntíčka.

Přijdeli slovník dřív neb později, nezáleží na tom, poněvadž mám Daňkův při ruce. P. Smolerovi připomeňte, aby mně Noviny schovaval i přiležitě poslal. Zdá se mi, že sem ho též prosil i o Noviny dolno-lužické, také bych je rád měl.

Těšilo mne také, že ste ubohému Čechu na věčnou cestu tak laskavě posloužili. Člověk neví, co kdy potřebovati může!

Šestého běž. měsíce navštívil Prahu incognito ministr národní osvěty Norov. Dal sem tedy do srbsk. semináře věděti, že snad v trojicin den s ním tam přijdu. Což se také stalo, ráno sme byli v Týně na českém kázaní i v půl druhé sme přijeli do semináře. Naši Srbové se velmi dobře chovali: četli Evangelium, deklamovali i ukazovali svá vypracování, což jej velmi těšilo, zvlášť poněvadž lužickosrbské ještě nikdy neslyšel i jakožto povědom v druhých nářečích slovanských nad očekávaní rozuměl. Předvčírem mi psal z Teplic, kamž hned k večeru (odjel?), protože českého divadla nebylo, na něž se těšil: „День, проведенный въ Прагѣ, оставилъ во мнѣ самое отрадное воспоминаніе“ [1]). Do Prahy ještě přijede.

Panu kanovníku Příhonskému prosím přiležitě moji uctu, a Vás líbaje zůstávám nejoddanější Váceslav Hanka.

Sr. Wohlehrwürden Herrn Herrn Michael Hornik, Vikar pl. tit. zu Budišchin. Bautzen.

V Praze,
18 června 1857. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

3.

Sławny knježe!

Kóždy pjatk so zwjeselu, hdyž Lumír zajimawe nowinky z Prahi a z Čech přinjese, dokelž mje wšelke spominanja na Was a Waše krajiny njewopušća. Tak čitach też w poslědnim Lumíru, zo jśće Wy zasy našu ryč počesćili, sam serbski přełožk w Kraloweje Dworje předrošuje. Mějće za to mój najpřećelniši dźak a też zbožopřeća, zo bychmy 50. lětnje jubileum namakanja Rukopisa

[1]) См. ниже письмо А. С. Норова отъ 1/13 іюня 1857 г.

wjesele w hromadźe swjećić mohli. Potym—dali Bóh—też my Lužičenjo k Wam přijědźemy a porjedźeny hornjoserbski a dospołny delnjoserbski přełožk sobu přinjesemy! Mjez tym też Delnjołužičenjo bóle wocuća! Naše hornje Serbstwo so přecy lepje zpóznawa. Lètsa bě tu wjele Słowjanow: Bulič, Polákové: Flatt a Fudakowski, Čechowje: Hanuš, Štulc, Toman a t. d., Srb Ristič. Hdy dha Wy, česćeny a lubowany knježe, k nam dojědźeće?

Rad bychmy Was tudy powitali! Tola nic jeno Słowjenjo, ale też Němcy našu dźěławosć khwala; tak wosebje Draždźanska „Constitutionelle Zeitung", do kotrejež feuilletona advokat Winter a jedyn wurjadnik pisataj. Poslědni běše wóndy dlěši nastawk wo Serbach podał a podla też prawił: „Es ist leben im lager!" Nadźijam so, zo so dźěławosć Serbow z kóždym lětom powjetši! To je też trjeba!

Što je so w poslèdnim času činiło zhoniće z mojeho dopisa w Pražsk. Now. Dalše 5 listnow słownika Wam posćelu hnydom po doćišćenju protyki.

Skónčnje so hišće z prόstwu na Was khroble wobroću! W poslědnim sedźenju archaeologow mjenujcy pokazach ja Peruna, kotryž je so tu při tachantstwje l. 1837. při twarjenju wukopał, a wot kotrehož jśće Wy (a Draždźanske museum?) gypsowy wotliwk („sádrovou sošku") dostał. Chcyjo nětko wo tym pisać bych rad něšto hišće zhonił; też k. dr. Příhonský ničo prawje njewě. Prošu Was tehodla najnaležnišo, zo byšće mi (snadź přez Dučmana) prawił: 1., je li kajki gypsowy wotliwk je k Wam tehdy došoł? 2., je li a hdźe a wot koho je wo tymle Perunu što pisane.

Přeswědćeny, zo Wy moje wobćeženja za zło njewozmjeće, a zo mi na to dwoje prašenje dobroćiwje wotmołwiće, dźakuje so już do prědka a prosy wo dalše přećelstwo Waš najpodwolniši

Michał Hórnik, vikar.

W Budyšinje,
13. oktobra 1857.

4.

Sławny knježe!

Dźensniši list dyrbi Wam, kiž so tak přećelnje za nas staraće, zkrótka pokazać, zo naši Serbjo njespja, ale po swojich mocach skutkuja. Připołożeny Přidawk ma kóždy měsac wukhadźeć, a to cyły w nowym prawopisu! Dokelž njemožemy wosebitu kaucu złožyć, wostawimy na khwilu tón napis. Redaktor Nowin je

k. Smoleŕ, ale Přidawk je de facto moje zrjadowanje. Je to słaby spočatk, přichodnje budźe lěpje; wšak je też Seileŕ přistup k Přidawkarjam a belietristam wozjewił. Słownik po małku pokračuje (do „hi"), dokelž je Pfulowy rukopis jara njedospołny, dyrbi Seileŕ wjele připisować; ja mam potym připiski kritisować, wumazać a připisować, skónčnje za alfabetski porjad a prěnju korrekturu so starać. Tola njepušćmy nadźiju rjanu!

Připołożeny wotewrjeny lisćik podajće při přileżnosći k. Dučmanej!

Z wutrobnym postrowjenjom Waš M. Hórnik.

W Budyšinje,
22 jan. 1858.

5.

Sławny knježe!

Dwě lěće jstej so nětko minyłej wot teho dnja, na kotrymž jsym Was poslědni króć wopytał a stowěžatej Prazy „w Bože mje" prajił. Ale we tymle času je znajmjeńša mój duch a dych často zaletował k Wašim stronam; na serbskosći a słowjanskosći ja—Waš wučomnik njewosłabich. Mi je wzajomnosć a literarne prócowanje dźensa kaž tehdy skoro wšědna potrjeba; rad čitam słowjanske knihi a časopisy, po możnosći też tu a tam sobudźěłam k. př. na Słowniku, na Měsačnym Přidawku.

Něštožkuli radostne też na našej samotnej „kupje" zhonjujemy. Wosebje nas dźělbraće Čechow na našim wosudźe spokoji; tak k. př. do Prahi nětko 6 exemplarow Serb. Nowin so sćele (do Khoćebuza jeno 1!), dale stupištaj wloni dwaj Čechaj (k. Štulc a Toman) do Maćicy a lětsa zasy šěsćo (prawnikaj Nittinger a Sklenář, 4 gymnasistojo z Jičína). Čechoje nas też wopytuja, tak bě tu wóndy k. Pfleger. Tola kaž druhdźe w Słowjanach, tak pola nas na wzajomnosći hišće žałostnje pobrachuje. To dopokaže so z teho, zo tudy njemóžach dostać knižku „Kleines Lehrbuch der niederlaus.-wend. Sprache", kotruž maličkosć chcyli lubje do knihownje Musea přiwozmyć; dyrbjach sebi ju z jenym knjezom, kiž do Khoćebuza jědźeše, tam kupić a sem přiwjezć dać. Delnjołužičenjo jsu z cyła hišće daloko za nami, ćim dale za druhimi Słowjanami! Hrom jich wubudź!

Njemóžeće mi snadź z Dučmanom dobroćiwje redaktora „Teki Wileńskej" mjenować a programm abo prospekt (maće-li) sobu posłać, zo bych wědźał wobsah a zaměr tuteho časopisa? List, kot-

ryž jsym wóndy z Wilny dostał, njeje za mnje, ale za — E
berga!

Při składnosći móhli knjezej zapisowarjej, kiž „Zprávu
seu“ w „Časopisu“ svaz. II., str. 306, podawa, prajić, zo na
ćica njeje w Zhorjelcu, ale w Budyšinje! Jsym to już we
rych zešiwkach widźał, ale myslił, zo tajke njedohladanje p
nje so porjedźi. Hewak móhł so něchtó w němskim Zh
za nami Serbami prašeć, kiž jsmy tola ze swojej Maćicu w
skej metropoli – Budyšinje! Knjez senior Dr. Příhonský
měsac junij w Ćoplicach był a so tola trochu posylnjeny
(asthma pak jemu nichtó wzać njemóže), ale chce nětko h
Goslarskich kupjel. W oktobru (6-teho) założi so tu k jeh
a wěčnemu spominanju wot jeho wučomnikow a druhich sa
duchownych „Příhonský'sche Kommunikandenstiftung“; př
hdy je wón 70. lět. Nětko je cyła wěc hišće w přihotowanju
čaca; duž Wam bližše powjesće Dučman z prózdnin přinjes
Buk pojedźe na jězero Bodamske.

Ja drje mam też tři njedźele prózdniny w šuli (ale w
nic), wostanu pak we Łužicy; najdale snadź pojědu do Dra

Stajnu strowotu Wam přejo a wo wobkhowanje pře
Was prošo, wostawam Waš najpodwolniši

Michał Hórni
tachantski vikar

W Budusinje,
19. julija 1858.

6.

Sławny knježe! Wjeleluby přećelo Serbow!

Dołho dosć sym mjelčał. Teho dla popřejće mi to
le, z Wami khwilku poryčeć. Zhonił snadź sće, zo sym d
w Němcach přebywał a z novym letom zasy sem doćahnył
pilniše pisam, dopisuju, rediguju a — wuču. Sym mjenujcy
domnym katholskim wučerskim seminaru serbske hodźiny (
prawym serbskej hodźinje, jeno dual!) na so wzał. Myslu, z
wašnje něšto za Serbstwo wuskutkuju. Dotal běchu naši m
cojo tu mało nawuknyli, dokelž jich prjedawši wučeŕ sa
njerozemješe in serbicis et slavicis. Rozkładuju jim, što j
ćena pismowska ryč a kajki jeje nowy prawopis. Dotal je
boje jeno „nowy prawopis“ mjenowało a dla wšelakich por
jow a překhodow nichtó njewě, što nětko jako prawe płać

filologiska sekcia. Snadź wo tym někajku brošurku wudam. Też młodeho Jakuba, na kotrehož sym něhdy w lisće spomnił, hišće dale rozwučuju.

Wóndy, hdyž naš lubowany k. senior Přílionský wumrje, njeběch runje w měsće, ale na někotre dny pola swojeju staršeju we Worklecach. Hdyž na pohrjeb (15 jan.) sem dojědźech, njemějach khwile, Wam hnydom to wozjewić a myslach: jutře njedźelu (16 jan.), bjez teho hižom přińdźe zrudna powjesć wo tym do Prahi ze Serb. Nowinami. Ale we Wašim lisće wot 18 jan. widźach, zo Wam to Dučman hišće powjedał njebě. Njeboćički knjez senior je wjele ćerpjeł při swojim asthmje; też Ćoplicy jemu ničo wolóžiłe njeběchu. Njech wotpočuje w měrje. Wo jeho pohrjebje sće w Pražskich Nowinach čitali. Wotkaz na drobne njewěm; něšto dostanu přiwuzni, něšto wšelake fundacie, dźěl jeho bohateje knihownje přińdźe do seminarskeje knihownje w Prazy (hdźež pod k. presesom Pallmannom zawrjene pokłady prochniwja), dźěl do tudomneho seminara a do tachantskeje wučerńje; wyše teho dostanu młódši duchowni po jenej knizy k dopomnjenju.

Wčera mějachmy wjesoły wječor — założny bal Budyskeje Bjesady, kotrejež sobustaw też ja sym, dokelž Sorabus sum et nihil sorabici a me alienum esse puto. Bal běše na třeleńi, hdźež je so l. 1847. Maćica założiła. Wot teho časa je Serbstwo wjele pokročiło? Hosći běše přez 80 (to so wě zo też mnozy Němcy, tola bal za Serbow, serbska rozprawa wot Bjesady, serbske připitki, serbska rozmołwa), mjez nimi někotři znaći literatojo; při mni sedźeše horliwy Jenč, dale Buk starši, dale Smoleń, Pjekań. Pastor Seileń běše dwaj spěwaj pósłał (jako wonkowski sobustaw Bjesady) a k. Buk z Draždźan też jedyn, kotryž sebi dowolam připołožić. Впередъ!

Waš list sym tehdy hnydom wotedał. Knjeza Pypina prošu po słowjansku postrowić, zo by nas wěsće wopytał. Też k. Bulič přińdźe sem (z Berlina) w naleću. To je za nas radosć, hdyž Słowjana pola nas widźimy!

Nětko hišće někotre prašeńčka, na kotrež móžeće składnostnje k. Dučmanej wotmołwu podać. Je dha wěrno, zo k. Rieger w Prazy, konwersační slovník rediguje? Artikule „Lužice", „Lužickosrbská literatura", „Srbove" a podobne bych jemu w swojim času podać móhł, je-li jemu to k lubosći?

Dokelž sym sobustaw tudomneho stenografiskeho towarstwa a moji seminarscy wučomnicy wote mnje serbsku stenografiu też rad nawukli bychu, chcu tajku po Gabelsbergeru a Hegeru zestawić. Teho dla chcu rad zhonić, kajki titul ma Hergerowa kniha

w kotrejž so stenografia na štyri hłowne słowjanske n
žuje a też, je-li pozdźišo snadź hdźe stenografia za čěs
Njewěrju toposlednje! Mějće so rjenje a wobkhowaj
bam lubosć!

Z wutrobnym wobjimanjom Waš najpodwolniši
Michał Hórnik, tachantski

W Budyšinje,
8 junaara 1859.

7 [1]).

. Sławny knježe!

Dokelž wšeteje přičiny dla list pod Vašej adress
nochcych, położu jón hakle dźensa do Dučmanowe
mjenujcy z Berlina přez Smolerja zhonił, zo je na rus
stwje (vyslanectví) za Was khětro wulki kufr z ruski
Wot koho tuta posyłka je, tam njewědźa, dokelž je zap
Teho dla so Was nětko prašeja, chceće-li ju njeposrěd
hewak pósłanu měć. Žadaće-li sebi ju hnydom abo bó
će mi abo k. Tichonrawowej, sekretarej při ruskim
w Berlinje, tajke listne požadanje. Jelizo mózu Wam
ležnosći někak k woli a k służbje być, to wutrobnje
a wobstaram.

Smoleń běše wot Buliča do Berlina přeprošeny
do Ruskeje. Nětko mamy już list wot njeho z Petrohro
jara přećelni knjezojo. Po wotkryću pomnika khěžor
pojědźe hišće do Moskwy.

Za čas zapućowanja k. Smolerja sym redakciju
Nowin" přewzał; štož mi wjele dźěła přihotuje, a woseb
je, dokelž we šwabachu rad njepisam. Myslu sej, zo mć
też počeć wjacy w nowym pismje ćišćeć. Štož šulske
pa, chcu je w zjenoćenej pismowskej ryči a w nowym
přećišćeć, jeno zo dyrbimy nětko hišće frakturu trjeb
atd. Wo tutej wěcy sym zańdźenu sobotu w tudomne
konferency dołhi a kruty nastawk čitał. Nowy katec
bju nětko ja wobstarać; při fibuli (małej čitancy) a po
tancy budu sobu dźěłać. Naši starši duchowni njemóž
dawać; my trjebamy wjacy tajkich, kiž su wot lěta 1846
zy studowali!

Wot Was lisćik wočakujo a stajnu strowosć War
stanu wěčnje Waš najpodwolniši Michał Hć

W Budyšinje,
13 julija 1859.

[1]) Письма № 6 и 7 напечатаны были въ ж. Łužica, 18

А. Горчинскій [1]).

1.

JW. Panie Dobrodzieju!

Za łaskawie mi nadesłany Rukopis wydania nowego wielce WPanu Dobr. wdzięczen jestem; przy pomocy tłumaczenia Pana Swobody, które w Pradze nabyłem, wielką mam przyjemność czytania tych pieśni, czystą sławiańską mających cechę i wartość poetyczną wysoką.

Poważam się przesłać kilka doniesień literackich i dziełek,— z Dzieł Woronicza, które ofiarować smiem, posełam nateraz tomów 5, resztę—3 tomy—później będę miał zaszczyt przesłać. Z pism czasowych polskich polecam Pamiętnik powszechny w Krakowie i za najinteressowniejszy stawiam.

Zostawam z wysokim poważaniem JWPana Dobrodzieja najniższym sługą A. Gorczyński.

Brzeznica,
5 Juny 1835.

2.

Wypełniam rozkaz WPana Dobrodz., posełam do wolnej dyspozycyi tłumaczenie pieśni Hankowych, ile takowych posiadam w rękopismie; do tego zechce WPan Dobr. może dodać: 1-o znajdujące się w Sławianinie [2]), 2-o w Rozmaitościach r. 1834-tym [3]), 3-o w Magazynie mód r. 1835, albo 1834, w Warszawie wydawanym Glücksberga [4]). Przy tem ośmielam się prosić WPana Dobr.,

---

[1]) Gorczyński Adam (псевд.: Jadam z Zatora, p. 1805, † 1876), извѣстный польскій романистъ и драматургъ, любившій и славянскія темы. „Sławianin" (1837, Lwów) помѣстилъ его повѣсть: „Braniec Polski w Czechach" и „Sobiesław wtóry, legenda czeska z r. 1180". Его „Improwizacija na pochwałę Czech" (Rozmaitości Lwowskie, 1834, № 38) помѣщена была и въ ж. Česká Včela, 1834, č. 35, съ параллельнымъ чешскимъ переводомъ.

[2]) Sławianin (Lwów, 1837, tom I) въ отдѣльномъ приложеніи помѣстилъ „Pieśń zimową" въ оригиналѣ А. Росцишевскаго и переводѣ Ганки, съ музыкой Яна Витаска.

[3]) Rozmaitości (Lwów), 1834, № 31 и 32 сообщили „dosłowne tłumaczenie" Jadama z Zatora слѣдующихъ стихотвореній Ганки: 1) Brzetysław, 2) Koszyczek, 3) Żywot, 4) Modre oczy, 5) Rokita и 6) Na siebie.

[4]) Magazyn mód, Warszawa, 1835, p. 55, помѣстилъ переводъ слѣдующихъ стихотвореній Ганки: 1) Niewinność, 2) Wezwanie, 3) Gołębica.

ażebyś raczył przyjąć dwa małe krajowe widoki, które pierwszą, jaka mi się nadarzy, przeszlę okazyą, czem mały pragnąłbym złożyć dowód najrzetelniejszego szacunku i poważania, z jakim zawsze się piszę WPana Dobrodzieja najniższym sługą

A. Gorczyński.

Dołączę także nowy Katalog Paryski.

3 Marca 1839.

I. A. Гохманъ.

1.

Szanowny Panie Dobrodzieju!

Miłem i pocieszającem jest dla każdego rodaka to wszystko, co przyczynić może świetności jego ojczyznie. Zdaniem tém powodowany, przejęty ciągle uczuciami, jakiemi natchniony jestem dla drogiej rodzinnej ziemi Czeskiej, poważam się zająć kilka chwil Szanownemu Piastunowi literatury plemion Słowiańskich.

Zrodzony i wychowany w Czechach (przypominam sobie, kiedy nie umiałem korzystać z towarzystwa Szanownego Pana Dobrodzieja, którego miałem zaszczyt często widywać w domu ś. p. g. X. A. Dobrowskiego etc.), stosownie do okoliczności czasowych przeniosłem się do Królestwa Polskiego, gdzie zostaję ciągle (jak dawniej w swej ojczyznie) w zawodzie Naukowym. Nazwisko twoje, szanowny Panie Dobrodzieju, jest tu uwielbiane, i to właśnie ośmieliło mię do napisania tych kilku wierszy. Ile w mocy mojej jest, staram się w Warszawie, jako przywiązany syn do swej ojczyzny, o upowszechnienie tego wszystkiego, co zbliska obchodzić może literaturę Czeską. W tym celu usiłowałem obznajmiać Polaków z czeskim językiem przez pismo: „Časopis Českého Muzeum“ i inne, które mogłem nabyć, pisma czeskie. To wszystko, co znaleść mogłem w „Conversations-Lexicon“, w pozostałych dziełach Goethego i innych o kulturze Czech, zamieszczałem w pismach peryodycznych Polskich, których kilka (chociaż jestem przekonany, że nasze Czeskie Muzeum je posiada) w dowód mego twierdzenia obok tego listu załączam. Wiedząc, że szanowny Pan Dobrodziej nie odmówisz swej pomocy, ośmielam się upraszać Cię, abyś raczył przynajmniej ważniejsze wiadomości Literackie Czeskie udzielać mi do Warszawy, dla upowszechnienia ich w narodzie tak pobratymczym naszemu. Kilkokrotnie przez Lipsk zapisywa-

łem dzieła w języku Czeskim wyszłe, te jednak albo mię wcale nie dochodziły, albo bardzo rzadko—i to do tego stopnia, iż nawet niemamy stanowczej i pewnej wiadomości o wyjściu Gramatyki Czesko-Polskiej, którą szanowny Pan Dobrodziej napisałeś. Jestem pewien, iż Mąż taki, jakim jest uwielbiany od Czechów i Polaków Hanka, nie zechce mi tego odmówić. Nasza wspólna ojczyzna tem świetniéj jaśnieć będzie na horyzoncie naukowéj Europy. Raczysz, szanowny Panie Dobrodzieju (o co Cię najmocniej upraszam), w języku czeskim odpisać pocztą na mą prośbę obecną, a razem donieść mi, czy nie mógłbym wzajemnie pism literackich przesyłać na ręce szanownego Pana Dobr. do Pragi, dla umieszczania ich w pismach peryodycznych niemieckich, tamże wychodzących. Przy tej sposobności racz przyjąć, szanowny Panie Dobrodzieju, wyraz prawdziwej czci i szacunku z jakim zostaję

X. J. A. Hochmann
M. Ph. i Professor w Wielkim Konwikcie X. X. Pijarów w Warszawie.

Sr. Wohlgeboren Herrn Herrn Wenceslaw Hanka, Bibliothekar des National Museum in Prag in Böhmen.

(Адресъ писанъ А. Кухарскимъ).

Warszawa,
dnia 10 Lipca roku 1833.

Приписка Ганки: Obdržel 14 dubna 1834.

2.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

W roku 1833 d. 10 Lipca odesłałem Wielmożnemu Panu list, na któren dotąd tylko ustne odpowiedzi odbierałem. Maciejowski, Kucharski wraz ze mną na listowną odpowiedź w czeskim języku z upragnieniem czekamy. Przysłał bym Wam Panorama Literatury, lecz Pan Ritschel, Professor b. Uniwersytetu i nasz krajanek niemógł z sobą zabrać. Sądzę jednak, że pisemko to w waszej bibliotece macie i te z czeskiego tłumaczone kawałki czytaliście. Proszę Was, czyli ten Autor nie gniewa się, że Czeszczyznę z Jean Paulem pomieszałem? Co robicie? Starożytności Szafarzyka tłumaczę na polski język i za pomocą Maciejowskiego i Szabrańskiego (Redaktora naszej Panoramy) tego roku kilka zeszytów wydać myślę. Co robi Pan Ebert? Niektóre jego kawałki prozą przetłomaczyłem, które przez naszych maleńkich poetów nędznie wierszem oddane zostały. Z Pragi dotąd czekam na list od r. 1833; od Hermanna zaś i innych pierwszych filologów niemieckich prawie każdego miesiąca listy odbieram, czyli by zatem nie można z rodaka-

mi miłą dla mnie korespondencyą prowadzić?? W pierwszym liście prosiłbym jak najpiękniej o doniesienie, co robią P. Jungmann, Miller i Swoboda.

Proszę przyjąć wyraz prawdziwego szacunku, z jakim zostaję uniżony sługa AA. LL. Ph. M. J. A. Hochmann, Professor.

Krakowskie Przedmieście, № 418.

Wielmożnemu JPanu Wacławowi de Hanka, Bibliotekarzowi N. Cz. Muzeum w Pradze.

6 Czerwca 1837.

Н. И. Гречъ.

1.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ [1])!

Письмо Ваше чрезъ г. Дрейшока [2]) имѣлъ я удовольствіе получить и старался по возможности исполнить. Скажите почтенному г. Томашку, что его ученика носятъ здѣсь на рукахъ.

Ко мнѣ писалъ г. Глазеръ [3]), и просилъ статей. Я отправилъ ему нѣсколько, подписавъ: Н. Ивановъ, что и есть дѣйствительное мое имя, но лучше будетъ, если это останется между нами. На подлеца Мельгунова и мерзавца Кёнига напечаталъ я въ Берлинѣ книжку [4]), которую Вы, вѣроятно, получили. Теперь всѣ эти поганые нѣмцы нападаютъ на меня, и я принуж-

[1]) Оба письма Н. И. Греча напечатаны были Е. В. Пѣтуховымъ въ Зап. Юрьевск. Унив., 1896, № 1, съ примѣчаніями.

[2]) Александръ Дрейшокъ (1818—1869), знаменитый чешскій композиторъ и виртуозъ-піанистъ. Въ 1840—42 г.г. онъ совершилъ, съ большимъ успѣхомъ, артистическое путешествіе по Россіи; былъ ученикомъ В. І. Томашка (1774—1850), одного изъ замѣчательнѣйшихъ чешскихъ композиторовъ.

[3]) Рудольфъ Глазеръ основалъ въ Прагѣ въ 1837 году журналъ „Ost und West", посвященный вопросамъ литературы и науки славянской на нѣмецкой почвѣ и существовавшій до 1848 года.

[4]) Тутъ имѣется въ виду весьма интересная полемика, по поводу сочиненія Кенига о русской литературѣ, выразившаяся въ слѣдующихъ брошюрахъ:

Literarische Bilder aus Rusland. Herausgegeben von H. Kõnig. Stuttgart und Tübingen, 1837.

Мельгуновъ, Н. Исторія одной книги. М. 1839.

денъ защищаться. Спросите, пожалуйте, у г. Глазера, возьметъ ли онъ въ свой журналъ мои возраженія? Они основаны на сущей правдѣ. Жестки, правда, но истина не помада. Сверхъ того, можно ли печатать у него рядъ извѣстій о Россіи, подъ заглавіемъ Russische Briefe, которыя будутъ касаться и политики, но только не нынѣшней, а прошедшей. Это придало бы его газетѣ большой интересъ, но, разумѣется, возбудило бы общій вопль вашихъ санкюлотовъ, которые видятъ въ Россіи татарскую орду. Сдѣлайте одолженіе, отвѣчайте мнѣ на сіе письмо какъ можно скорѣе. Не нужно франкировать письма.

Надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ побывать въ Германіи и посѣтить Васъ на Градшинѣ.

Мое искреннее почтеніе гг. Юнгману и Шафарику.

Съ душевнымъ уваженіемъ и неизмѣнною преданностію имѣю честь пребыть Вашимъ всепокорнѣйшимъ Н. Гречъ.

С.-Петербургъ,
11/23 апрѣля 1840.

2.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Позвольте мнѣ напомнить Вамъ о моемъ существованіи, объ искреннемъ моемъ къ Вамъ почтеніи, о душевной моей преданности! Я обращаюсь къ Вамъ по дѣлу, которое задѣло меня за живое. Въ здѣшнихъ журналахъ напечатано, что по случаю празднованія пятисотъ-лѣтія Пражскаго Университета въ наступающемъ 1848 году избраны въ почетные его члены и въ доктора по философскому факультету изъ Русскихъ: Погодинъ, Востоковъ, Френъ и Якоби. О первыхъ двухъ ни слова: они вполнѣ того достойны. А что за русскіе Френъ и Якоби? Они, особенно первый, люди ученые и почтенные, но они щирые нѣмцы,

---

N. Gretsch. H. König's Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt. Aus dem Russischen übersetzt von W. v. G. Berlin, 1840.

H. König. N. Gretsch und die russische Literatur in Deutschland. Hanau 1840.

N. Gretsch. H. König und seine Lügen. Ein Gegenstück zu „N. Gretsch und die russische Literatur in Deutschland". Hamburg 1840.

Ср. объ этомъ въ письмѣ Бодянскаго къ Погодину изъ Праги отъ 20 дек. 1837 года: Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, вып. I, стр. 13; также въ письмѣ Шафарика къ Погодину отъ 20-го іюля 1830 года: тамъ же, вып. II, стр. 271.

ничего не сдѣлали для Русской Исторіи, Словесности и т. п. Послѣдній, профессоръ архитектуры, родомъ изъ Кенигсберга, кажется даже изъ еврейскаго племени, случайно наткнулся на гальванопластику. Дѣло хорошее, но русское ли? У насъ есть чистые русскіе, славянскіе люди, на которыхъ слѣдовало бы обратить вниманіе: таковы: знаменитый математикъ Михаилъ Васильевичъ Остроградскій, ученый филологъ протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, археологъ Павелъ Михайловичъ Строевъ, поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій, оріенталистъ Іосифъ Михайловичъ Ковалевскій, проповѣдники митрополитъ Московскій Филаретъ и архіепископъ Харьковскій Иннокентій.

Исчисляя имена такихъ достойныхъ и почтенныхъ людей, я, съ своими скромными трудами, не помышляю стать на ряду съ ними. При томъ же у васъ преобладаетъ вліяніе нѣмецкое, а на меня всѣ нѣмцы, особенно жиды нѣмецкіе, злы за явную и гласную привязанность мою къ моему славянскому отечеству, къ моему Бѣлому Царю; за то, что я осмѣлился изобличить друзей ихъ, мерзавца Кёнига и урода Кюстина [1]). Но я презираю ихъ гоненія и клеветы, памятуя изреченіе Спасителя: Блажени изгнани правды ради!—Нѣмцы чаютъ спасенія и всѣхъ благъ отъ Французовъ, а эти такъ и смотрятъ, какъ бы растерзать и пожрать ихъ. Надѣюсь еще, что Французы отплатятъ Нѣмцамъ съ лихвою за гнусную ихъ неблагодарность къ Россіи. Но—довольно!

Я живу, съ частію моего семейства, въ Парижѣ тихо и пріятно, занимаясь составленіемъ Сравнительной Грамматики русской нѣмецкой и французской для нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Притомъ пишу для Сѣверной Пчелы Парижскія письма, в которыхъ стараюсь доказать моимъ землякамъ, что не все то золото, что блеститъ. Теперь задумалъ я написать и издать на французскомъ языкѣ Письма къ одной дамѣ о Русскомъ языкѣ и Русской литературѣ. Вы не повѣрите, какое здѣсь господствуетъ глубокое и упрямое невѣжество на счетъ всего Русскаго и Славянскаго. Еще вчера слышалъ я, какъ одинъ знаменитый профессоръ политической экономіи, при тысячѣ слушателей, сказалъ: „Мадьяры, т. е. Славяне!“ Письма мои написаны будутъ просто, для свѣтскихъ людей: всѣ подробности, цитаты, поясне-

[1]) Тутъ имѣются въ виду:

Le Marquis de Custine. La Russie en 1839. T. I—IV. Paris, 1843. По-нѣмецки: Russland im Jahre 1839. Aus dem Französischen des Marquis von Custine. Von Dr. A. Diezmann. B. I—III. Leipzig, 1843.

Ueber das Werk: La Russie en 1839, par le Marquis de Custine. Von N. Gretsch. Aus dem Russischen übersetzt von W. von Kotzebue. Paris—Heidelberg, 1844.

нія и проч. отнесу въ примѣчанія. Постараюсь найти здѣсь переводчика, чтобъ издать ихъ въ то же время и на нѣмецкомъ языкѣ, для того чтобы ихъ не исковеркали досужіе переводчики въ Германіи. Между тѣмъ прошу Васъ всепокорнѣйше не разглашать объ этомъ моемъ предпріятіи и оставить оное между нами. Можетъ быть, оно и вовсе не состоится.

Поклонитесь отъ меня почтенному Г. Шафарику и скажите ему, что я здѣсь вновь съ величайшимъ удовольствіемъ прочиталъ труды его и искренно благодарю, именемъ всѣхъ здравомыслящихъ Русскихъ, за справедливый отзывъ его о Карамзинѣ (Нѣмецкое изданіе Slav. Alterthümer т. II, стр. 76, въ 2 примѣчаніи). А добрый нашъ Юнгманъ отошелъ уже къ отцамъ? Царство ему небесное!

Примите выраженіе душевнаго высокопочитанія и неизмѣнной преданности Вашего всепокорнѣйшаго слуги

Николай Гречъ.

Если угодно вамъ будетъ удостоить меня отвѣтомъ, благоволите адресовать: Mr. N. Gretsch, 374, Rue St. Honoré à Paris.

Парижъ,
10/22 декабря 1847.

2 а.

М. Г., Николай Ивановичъ!

Пользуюсь случаемъ, чтобъ засвидѣтельствовать Вамъ нижайшее почтеніе и отъ чистаго сердца поблагодарить за то удовольствіе, какое доставляетъ мнѣ Вашъ дорогой подарокъ—Сѣверная пчела. Не можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю ее и съ какимъ наслажденіемъ читаю. Будто письмо отъ родной матери. Нашъ Оберъ-Бургъ-Графъ узналъ отъ кого то, что въ одномъ изъ номеровъ за прошедшій годъ было напечатано Ваше описаніе Праги, и ему бы весьма хотѣлось знать, что Вы тамъ о насъ написали. Сдѣлайте милость, пришлите, если можно; мы всѣ очень любимъ Ваши прекрасныя описанія. При семъ рекомендую Вамъ подателя сего письма Г-на Иванишева, который подъ моимъ руководствомъ научился всѣмъ Славянскимъ языкамъ и изучилъ древніе памятники Славянскихъ Законодательствъ. Я предполагаю вмѣстѣ съ нимъ издать сравнительный кодексъ древнихъ Чешскихъ, Сербскихъ и Моравскихъ юридическихъ памятниковъ.

Съ истинною любовію и уваженіемъ остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга В. Г.

(Черновикъ—рукой Н. Д. Иванишева).

В. И. Григоровичъ[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Взысканный Вашимъ вниманіемъ, долгомъ почитаю выразить Вамъ, Милостивый Государь, совершенную признательность свою. Смѣю завѣрить, что въ благосклонномъ сообщеніи ученыхъ трудовъ Вашихъ видѣлъ знаки ободрительнаго содѣйствія.

Позвольте при этомъ доложить себѣ о поприщѣ моего путешествія. Начавъ съ Константинополя, я жилъ въ Солунѣ, на Аѳонскомъ полуостровѣ, проѣхалъ Македонію до Охриды, Серреса и М. Іоанна Рильскаго, затѣмъ побывалъ въ Софіи и Филиппополѣ и черезъ Търново достигъ Дуная. Оставивъ Болгарію, путешествовалъ по Валахіи. Наконецъ, черезъ Трансильванію, Банатъ и Пештъ прибылъ въ Вѣну. Повременивъ въ столицѣ Австріи, намѣренъ теперь путешествовать въ южныхъ ея областяхъ. Съ концемъ Іюля м., ознакомившись съ южными славянскими языками, вступилъ въ кругъ сѣверныхъ. Точкою остановки, гдѣ ожидаю существенной пользы, избираю Прагу.

Съ нетерпѣливымъ желаніемъ жду времени, когда, удостоившись назиданій глубокоученыхъ мужей, буду въ состояніи лично выражать имъ давно питаемое уваженіе.

Лаская себя надежду (sic) заслужить благосклонность Вашу, почитаю пріятнѣйшею обязанностію увѣрить въ совершенномъ почтеніи и преданности къ Вамъ, Милостивый Государь! и имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою

Викторъ Григоровичъ.

Вѣна,
22 апрѣля 1846.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Съ прискорбнымъ сознаніемъ вины обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, послѣ долгаго долгаго молчанія. Опасаюсь,

---

[1]) О В. И. Григоровичѣ см.: И. И. Срезневскій, На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, СПБ., 1878; А. А. Котляревскій, Слав. Ежегодн., Кіевъ, 1877; М. П. Петровскій, Слав. Обозр., 1892, кн. 7, 8 и 9. Ко времени пребыванія его въ Прагѣ относятся изданныя нами письмо къ В. А. Шемберѣ (Русск. Фил. Вѣстн., 1899) и стихотвореніе, написанное въ альбомъ Ганкѣ (Сборникъ Галицко-Русск. Матицы, т. I, кн. 1, 1901).

чтобы оно не вмѣнено было шаткости уваженія и признательности, которыя, испытавъ ласковое радушіе и снисходительное содѣйствіе Ваши, неизмѣнно питаю къ Вамъ.

Еще въ Берлинѣ приготовилъ было письмо съ выраженіемъ благодарности, но по ошибкѣ оно не попало на почту. Послѣ— разныя испытанія заставили преостановиться до отраднѣйшаго времени. И въ Казани, гдѣ нахожусь съ 20-го іюля, не имѣлъ столько спокойствія, чтобы съ отрадою дать отъ себя отзывъ.

Сдѣлайте милость, отнесите къ какому угодно дурному качеству моему такое безмолвіе, лишь бы только не отнести его къ невниманію моему къ лицамъ, которыхъ знать и уважать составляетъ главную долю путевыхъ воспоминаній.

Въ подробномъ письмѣ къ Павлу Павловичу позволилъ себѣ изложить какъ о приключеніяхъ своихъ, такъ и о занятіяхъ. Не посмѣю Васъ безпокоить повтореніями. Долгомъ однакожъ почитаю доложить, что началъ свое преподаваніе, котораго главнымъ предметомъ на текущій годъ – познаніе югозападныхъ языковъ и преимущественно священнаго.

Къ несчастію затрудняюсь тѣмъ, что не имѣю подъ рукою своихъ пособій. И тѣ, которыя оставилъ въ Валахіи, и тѣ, которыя передалъ г-ну Веверкѣ въ Прагѣ, еще не достигли Казани. Но Богъ милостивъ, буду и тому радъ, если не пропадутъ.

Сообщу Вамъ занимательную новость. Университетъ нашъ порученъ нынѣ попечительству достойнаго мужа генерала Молостова, любителя и цѣнителя наукъ и въ особенности филологіи. Прочія новости печальны. Холера унесла до 3 т. жителей. Больныхъ было такъ много, что принуждены были закрыть на время университетъ.

Теперь, слава Богу, мы опять безопасны и можно приняться за дѣло.

Что касается меня, то могу лишь донести, что столько его имѣю, какъ прежде никогда, и поэтому ищу извиненія, если не распространяюсь. Поистинѣ говорю, и себѣ самому не могу дать отчета въ своемъ дѣланіи.

Позвольте же мнѣ, Милостивый Государь, заключить настоящее письмо повтореніемъ извиненія и завѣреніемъ, что всегда сохраняю глубокое уваженіе и признательность, которыя честь имѣю свидѣтельствовать Вашъ, М. Г., покорнѣйшій слуга

Викторъ Григоровичъ.

P. S. Позволю себѣ напомнить давно прошедшее. Извѣстно ли Вамъ мнѣніе о Рейм. Ев. А. Х. Востокова при Описаніи памятн. слав.-рус. литер. Серг. Строева, стр. 150. Оно между про-

чимъ заключаетъ: Реймская ркп. была бы древнѣйшимъ памятникомъ кирилловскаго письма... Почеркъ снимка не противорѣчитъ этому, также отчасти и правописаніе. Употребленіе ы вм. и— встрѣчается и въ XI в. и прч.

Признаюсь, я не согласенъ теперь съ этимъ мнѣніемъ, но все-таки удивляюсь, что Г. К. послѣ сего мнѣнія выразился какъ извѣстно. Покорнѣйше благодарю за милостивое письмо Ваше. Я получилъ его въ С.-Петербургѣ. Двумя-тремя днями прежде—оно имѣло бы большое вліяніе.

Осмѣливаюсь притомъ просить Васъ приказать вручить прилагаемую записку г. Эмануилу Тоннеру, господину студенту [1]).

22 ноября 1847 г.

3.

Wzacny Paně!

Mile rad chytil jsem se příležitosti, jakau mi Pan Professo Bulič poskytnul, abych Was ujištowal, že třebať nepsawal jse k Wam, wždy ale zawázana se citil jsem byti Waši dobrota Pan Bulič jest toho nyni očitym swědkem, on maje aučelem cest wani swého seznamiti se z slowutnymi Čechy, dychti wzdati Wa swau a moji poklonu. Dowolte, Paně, abych se těšil nadeji, že bu de Wam tako witaným, jako každy prawý slowan. Budeme a skrowny počet čtiteli Wašich welmi Wam wděčni.

Co se u Was děje, to mi prach malo známe. Wzdalen a druhé udalosti překažeji swobodnemu obchodu slowansky nowin. Slyšel jsem, Bohužel! že jste, Wzacny Paně! byli nemoc a také zarmauceni. Neštesti, jaké Was potkawaji, nejsau jen Waši, oná wždy probuzuji saucit i we wzdalených kraich, kd jsau Slowané.

Daufam, že račite zděliti co možete pro Was a pro Waši Panu Buliču, a pak on odmění se rad Wašnosti wšemi našimi no winami. Wraucně jsem ho prosil, aby také swedčil o citach uzna losti, které wždy nosim k milosti Waši, kterej z uctau poraučim se jako poniženy sluha V. Grigorovič.

Kazan,
4/16 Června.

[1]) Э. Тоннеръ (р. 1829, † 1900), чешскій публицистъ и общественный дѣятель, авторъ нѣсколькихъ политическихъ брошюръ и переводчикъ на чешскій языкъ знаменитой „Dissertatio apologetica" Бальбина и „Respublica Bojema" Павла Странскаго.

Въ письмахъ къ Ганкѣ сохранился еще листокъ, писанный рукой В. И. Григоровича:

Брашовъ (Кронштадъ).

Церковъ св. Николая въ Болгаръ-шекъ.

Рукописи:

1. Минея отъ Сентября мѣсяца до... fol. пр. б. ѫ.
2. Минея отъ Сентября м. до... fol. пр. б. ѫ.
3. Минея — Декабрь—Апрѣль. fol. пр. б.
4. Прологъ, писанъ ҂зпи (7088), пр. б. fol. безъ ѫ.
5. Прологъ — fol. пр. б.
6. Прологъ — fol. пр. б.
7. Импер. Кантакузина—переводъ сочин. противъ Іудеевъ, подобная ркп. въ Имп. Вѣнской Библ.
8. Литургія.
9. Апостолъ 8⁰, перг., приписка у Васъ.
10. Евангеліе 8⁰, перг., съ ѫ.
11. Сборникъ, гдѣ поученіе Петра Далматскаго, посланіе къ Отцу Никодиму, Еѵѳимія, Патріарха Търновскаго, посланія два.

Полный титулъ ркп. № 7: Настоещее потроужденіе изложено бысть ѿ блгочестиваго и хрстолюбиваго Цра Іѡанна Кантакузина иже за бжественнꙑй монашескꙑй образъ прѣименованъ: іѡасафъ монахъ, ѩже книгꙑ вина такова нѣкаа есть и прч.

Р. М. Губе[1]).

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Cieszy mię mocno, iż zgłaszaiąc się raz pierwszy do Pana, mam sposobność polecić łasce WPana Dobrodzieia pana Milewskiego, moiego przyiaciela. Życzy on sobie poznać Pragę. Rozumiem, iż polecaiąc go względom Pana, wskazuię mu osobę, która naywięcéy i naydokładniéy mu ciekawych rzeczy wskazać może. Ja szczęśliwie podróż moią odbywam. Opuściwszy iednak Pragę, nie znayduię iuż tyle, co z łaski Pana, przyiemności. W Karlsbadzie pytałem się o X. Czartoryiskiego, lecz, iak utrzymywałem,

---

[1]) О дѣятельности Губе см.: „Romuald Hube i jego działalność naukowa", przez St. Laguna, Ateneum, 1890, t. III, 594; Ѳ. Ѳ. Зигель, „Объ ученой дѣятельности Р. М. Губе", Ж. М. Н. Пр., 1891, ч. 276, іюль.

Въ альбомѣ Ганки Губе написалъ слѣдующія строки: „Narody stoią prawami, w prawach przedstawia się obraz ich społeczeńskiego życia. Kto tę prawdę odgadnął szczęśliwym Cię nazwie Wacławie Hanko iż, wydaiąc zbiór praw starożytnych narodu Czeskiego, pobudzasz w nim siłę pierwotnego życia i przedstawiasz mu zwierciadło mądrości przodków". W Pradze dnia 23 Lipca 1828. Romuald Hube, Professor prawa w królewsk. Warszawskim Uniwersytecie.

był tam Xiążę Konstanty, brat X. Adama. Nie mogłem więc zadość uczynić żądaniom Pana. Lecz za powrotem do Warszawy będę się starał dopełnić żądań Pana.

Temczasem zostaię z głębokiem uszanowaniem nayniższym sługą R. Hube.

W Marienbadzie,
dnia 30 Lipca 1828 r.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Oddawcą listu tego iest P. Ignacy Maciejowski, móy przyiaciel, wspólnie z nim odwiedzą pana dway młodzi, pełni talentów ludzie p. Chopin i Brandt, równie moi przyiaciele. Pozwalam sobie polecić ich łaskawości Pana i czynię to tem chętniey, gdy sam miałem sposobność przekonać się o nieskończonéy Jego dla ziomków moich łaskawości. Możesz pan bydź przekonany, iż każdą łaskę, którą im wyświadczysz, będą umieli ocenić i powezmą ten sam wysoki szacunek dla osoby Jego, którem iestem przeięty. Przy wydarzonéy sposobności pozwól pan, że mu śmiem ofiarować exemplarz Historyi polskiéy Lelewela wraz z mapkami. Mam nadzieię oglądać pana za dwa tygodnie, gdyż przez Pragę wracać będę, wówczas dozwoli Pan, że mu się znowu często z moiemi odwiedzinami narzucać będę.

Zostaię z naygłębszym uszanowaniem R. Hube.

W Wiedniu,
14 Sierpnia 1829.

3.

Wielmożny Panie Dobrodzieiu!

Polecenia Pańskie nie zostały spełnione. Wydawcy Pamiętnika Warszawskiego chętnie udzielili swoie pismo w zamian za niemieckie Monatschrift. Do czeskiego nikt się ieszcze nie zgłosił, więc dotąd zamiany nie uskuteczniłem. Tymczasowo mam dla Pana przygotowany „Pamiętnik Sandomirski“. Są w piśmie tem wydawane różne pomniki starodawne literatury naszéy. W ostatnim poszycie była wzmianka o literaturze P. Jungmana, mianowicie był podany wyciąg z dzieła tego tych pism, które polaka interesuią [1]). Wydawca p. Uiazdowski chętnieby umieszczał w swym

[1]) Это была статья: „Księgi Polskie przełożone na ięzyk pobratym-

zbiorze i wiadomości dotyczące sławiańszczyzny. Dla Pana Jungmana mam już także Bibliotekę polską. Czekam tylko na okazyą przesłania razem tych dzieł do Pragi. Co się tycze zamiany ksiąg prawnych, takowa będzie mogła bydź uskutecznioną. Dotąd wszakże spis móy nie został ieszcze przeyrzany. Pokazało się, że trzeba go sprawdzić, gdyż zamieściłem w nim i takie książki, które są w Bibliotece naszéy. Niezadługo bliższą dam Panu wiadomość o położeniu tego interesu. Lecz wracam się do czegoś więcéy ważnego. Wystaw Pan sobie, iż pozbierane ułamki praw czeskich, które z łaski Pana posiadam, naprowadziły mnie na szacowne niektóre spostrzeżenia. Jedno przytoczę. Owa *pokora*, którą Pan z dawnego rękopismu wydaleś, znaydowała się i w Polsce, iako starodawny zwyczay. Zaświadcza ten zwyczay dawny Statut Mazowiecki. Między postanowieniami Jana X. Mazowieckiego z r. 1390 znayduią się następuiące:

Venia et processus de homicidio.

„Cum nobilis interfecerit nobilem quinquaginta sexagenas minus duabus grossorum solvet pro capite occiso: ut est permissum: et homagium vulgo *pokora* juxta antiquam consuetudinem pro contracta inimicitia metdecimus facere debebit" (p. 75).

Homicidium nobilis per militem et veniae modus.

„Si miles interfecerit nobilem: extunc debet solvere pro ipso quinquaginta sexagenas grossorum minus duabus, et veniam facere: hoc modo: vestimenta sua usque ad cingulum demittens cum evaginato gladio mettredecimus ut promissum est debet petere propter deum: ut sibi dimitteret et indulgeret" (p. 75).

Homicidium militis per militem.

„Si vero miles interfecerit militem viginti sexagenas grossorum dare: et veniam vulgariter *pokora* juxta antiquam consuetudinem facere debebit". Ileżby to ciekawych można odkryć kombinacyi, gdyby się zostawało w posiadaniu praw licznych słowiańskich? My tu w Warszawie chcemy wydawać *Bibliotekę prawną*, w niéy zamierzamy sobie zamieszczać już to dzieła całe naukowe, już też zbiory praw, mianowicie sławiańskie. Jak Pan myśli, czyliby nie można tym sposobem rozkrzewić, przynaymniéy w polskim ięzyku, zabytki liczne prawodawstw sławiańskich? Chętniebyśmy drukowali cokolwiekby nam dostarczone było. A skutki zdaie się byłyby przewyborne.

---

czy Czeski i księgi Czeskie przez Polaków napisane, albo maiące iaką styczność z literaturą i historyą Polską". Pam. Sandom., Tom I, 1829, 392.

Przedewszystkiem pozwól atoli Pan, że go prosić będę o wyświadczenie znakomitéy dla mnie łaski. Wyciągi, które zrobiłem z Manuskryptów Pańskich co do prawa karnego, są mianowicie niedostateczne w tem: nie wypisałem sobie owego postanowienia Karola znoszącego ordalia, o którem wspomina Dube, a które sam czytałem w Muzeum w owym wielkim MSC. prawnym; następnie nie mam dostatecznéy wiadomości o opłatach (compositio), postanowionych na różne występki. Prosiłbym więc WPana Dobrodzieia o udzielenie mi wiadomości, iakie były te opłaty i na iakie występki postanowione. Co do historyi ordaliów u ludów sławiańskich maią bydź doniesienia w Wienei Jahrbücher XI. 108, ale tego właśnie numeru tu w Warszawie niema. Nadto wspominałeś mi Pan, że są drukowane prawa Serbów i że te znayduią się w bibliotece ś. p. Dobrowskiego. Czyby Pan nie był łaskaw i wypisać mi z nich treść ważnieyszych postanowień, a mianowicie względnie: a) zemsty, b) pokory, c) względnie kompozycyi, d) kar innych i e) ordaliów. Racz Pan także dołączyć zdanie swoie względnie powstania między Czechami ordaliów. U nas krąży mniemanie, że są niemieckim instytutem. Jabym sądził, że ie uważać można i za coś sławiańskiego. W rękopiśmie Kralodworskim wszakże iest o nich wzmianka! Lecz co naywaźnieysza, tak częste iest przytoczenie w dawnym owym prawie czeskiem Rozenbergskiem! Za udzielenie mi tych wiadomości będę nieskończenie wdzięcznym; nie uwierzysz Pan, iak teraz pałam chęcią poznania dawnego ustawodawstwa sławiańszczyzny. Lecz co za szkoda! owa wiadoma książka p. Senatora Nowosilcowa gdzieś zniknęła, nie ma iey w iego bibliotece, nie ma u Rakowieckiego. Mam iednak nadzieię, że ią wyszperam. Pan podobno stoisz w ścisłych związkach z Kopitarem i Kollarem, racz mi podać radę, iakbym ich pomocy mógł zawezwać w zebraniu zbiorów praw sławiańskich. Daruy Pan za tyle śmiałości. Jedynie tylko uprzeymość nieskończona Pana wiedzie mnie do takich próźb. Boię się prawdziwie, abym się nie stał z żądaniami memi uciążliwym, zwłaszcza że nie tylko ia, ale i Maciejowski, móy kollega, już poważył się Panu naprzykrzać. Lecz wszakżeż wreszcie usiłowania nasze do iednego zmierzaią celu. Oczekuię na szanowny odpis z naywiększą niecierpliwością Ja wkrótce do Pana pisać będę.

Zostaię z głębokiem uszanowaniem Romuald Hube.

w Warszawie,
d. 16 października 1829.

Помѣта Ганки: Odpow. 5 list., druhá 6 grud.

4.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

List WPana Dobrodzieia szanowny, który mnie nieskończenie rozradował, odebrałem. Istotnie nie wiem, kiedy i iakim sposobem będę mógł wywdzięczyć się za tyle łask. Wiadomości moie o prawie karnem czeskiem tem dodatkiem znacznie się rozszerzyły. Już w części uczyniłem użytek z kommunikowanych mi wiadomości. Naywiększa szkoda, że prawa Wacława gdzieś zaginęły, ani umiem sobie wytłomaczyć, co się z niemi stało. Rakowiecki zwrócił ie do Biblioteki pana Nowosilcowa, ale z niéy gdzieś wydobyły się i zniknęły. Co za szkoda! bo podług wszelkiego podobieństwa nie będzie posiadacz umiał przyzwoitego uczynić użytku. Daruy Pan, że dotąd nie odebrałeś książek żądanych, nie moia w tem wina, ale Redaktorów, z któremi miałem do czynienia, nadzwyczaynie się opóźnili. Ale też teraz skompletowane przesłałem na ręce Pana Kainki, który ie nieomieszka Panu przesłać. Dostanie Pan: 1) *Pamiętnik Warszawski* z całego roku, 2) *Dziennik Warszawski* z lat przeszłych, 3) *Dekamerona* dwa poszyty z roku bieżącego, 4) *Zbiór pisarzy polskich*, który iest przeznaczony dla pana Jungmana. Przytem dołączyłem kilka exemplarzy rozprawy moiéy o zemście w Czechach i Polsce, oraz kilka innych pism dla Pana. Co to za szkoda, że kommunikacya tak utrudniona, bo by częściéy można i prędzéy się udzielać. Redakcye Dziennika Warszawskiego i Dekamerona życzą i nadal Panu przesyłać swoie pisma z prozbą, aby mogły wzamian dostawać pismo Niemieckie przez Muzeum wydawane, wydawcy albowiem na nieszczęście nie umieią po czesku! Za to pan Uiazdowski, którego pismo także przesłałem, to iest *Sandomirzanina*, uprasza za swoie o Czasopis czeski. Sandomirzanin, iak Pan zobaczy, iest wyłącznie rzeczom polskim i sławiańskim poświęcony. Chętnie on chciałby wszystko polskie drukować, coby dostał, rachuie wiele na łaskawość panów! Teraz pozwól Pan, że się zwrócę do dawniéy namienionego proiektu biblioteki prawnéy. Pan go pochwaliłeś, mocno mnie to ucieszyło, bo widzę, że łatwo z łaskawą pomocą Pańską będzie mógł przyiść do skutku. Aliści co naygorsza uważam, że cały zamiar będzie musiał bydź odwleczony, albowiem przedsięwziąłem zrobić znaczną podróż w tym roku, iadę do Francyi i do Włoch, zatem przedsięwzięcie biblioteki pomimo woli wstrzymałem. Przewiduię albowiem, że w moiéy nieobecności nie poszedłby plan w wykonanie, iak sobie zamierzyłem. Jednak i przez ten przeciąg czasu ci, którzy mnie chcą wspierać, obiecali pracować i materyały przy-

sposabiać. Tak tedy, ieśli się Panu podobać będzie moia myśl, zaproponowałbym Panu tłumaczenie zbiorów czeskich na ięzyk *łaciński*. Sądzę, że przez tłumaczenie takowe stały by się powszechnie poszukiwanemi, mogłyby bydź czytane w całéy Europie. Skoro by było tłumaczenie przygotowane, chętniebym Pana upraszał o spełnienie przyrzeczenia i zaięcie się drukiem w Pradze pod własnem okiem, bo tu w Warszawie trudno by było zamiar wykonać. Zamierzam w bibliotekę wciągnąć i prawa rossyiskie i serbskie i dalmackie, zgoła co iest z praw sławiańskich. Temczasem przybędzie i Kucharski, a ten może bydź bardzo w zamiarze pomocny. Racz mnie Pan zawiadomić o swem zdaniu w tym względzie.

Teraz dozwól się Pan obciążyć iedną ieszcze prozbą, wszak ona idzie na karb łaskawości Pańskiéy. Brat móy [1]) pracuie nad prawem spadkowem polskiem, chciałby cośkolwiek także wiedzieć i o czeskich prawach. Czytał Dobnera Monumenta, w nim znalazł dwa dokumenta w T. I. p. 240 i w T. IV. p. 376, tu iest mowa o przypuszczeniu na *prawy społek*. Prosi Pana o wytłomaczenie tego. Nadto uprasza o wyciąg z praw Wacława w materyi o spadkach. Idzie mu o to, kto brał spadek ab intestato,—czy znane były testamenta, i kiedy ie wolno było robić, oraz o ile familia musiała bydź używana przy sprzedarzach. Może młody pan Jungman raczy podiąć staranie i udzieli nam wypisy. Ja będę starał się odwdzięczyć zebraniem dla p. Jungmana ksiąg polskich prawnych. Zresztą proszę Pana o wypis ustawy Karola znoszącéj ordalia, czytałem ią w iedney wielkiéj księdze w Muzeum. Sciskam Pana serdecznie i polecam się łaskawéy pamięci.

R. Hube.

w Warszawie,
d. 17 Stycznia 1830. Помѣта Ганки: Odpow. 7 unora.

5.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Niczyie książki nie mogły przebiegać tak zabawnych kolei, iak pakiet, który Pan otrzymuiesz. Posłane więcéy iak miesięcy 3 z Warszawy, wróciły napowrót do Warszawy przed tygodniem.

[1]) Іосифъ Губе, юристъ и священникъ, проф. варш. унив. по каѳедрѣ исторіи права, въ 1832 г. помѣстилъ въ ж. „Themis" изслѣдованіе: „Wywód praw spadkowych słowiańskich przez Józefa Hube, ogłoszony drukiem i dodatkiem pomnożony przez Rom. Hube".

Posłałem ie przez znaiomego do pana Kainki i temczasem ów znaiomy, zapewniaiący, że ciągle poiedzie do Wrocławia, pozostał dwa miesiące z książkami na wsi nie daleko od granicy. Wreszcie wybrał się w drogę, ale cóż—nie wolno u nas książek przewozić bez deklaracyi,—iedna bydź musi nawet niemiecka—więc książki moie, zamiast do Wrocławia, a potem do Pragi, wróciły na powrót; sam bowiem poiechał do Wrocławia, a one odesłał pocztą! Tak tedy wysyłam ie dzisiay dopiero, lecz nie przez Wrocław, ale przez Kraków, tędy zdaie się bezpieczniéy. W liczbie książek niektóre są dla pana Jungmana, to iest wybór pisarzy i ieden exemplarz prawa karnego. Ciągle zbierałem się do pana napisać. Gdym tego dotąd nie uczynił, niech Pan raczy przyiąć dziś podziękowanie za wypisy, które z rąk iego odebrałem. Wszystko to iednak nie odpowiada ieszcze zamiarom. Trzeba koniecznie plan biblioteki prawnéy doprowadzić do skutku. Jeśli się więc podoba, racz pan swoie manuskrypta przesłać. My zakładamy tu *drukarnią* prawną, mamy iuż zł. 50,000 kapitału. Ja wyieżdżam za 10 dni do Lipska po druki,—ztamtąd iadę do Paryża. Czy na zimę iuż wrócę do Warszawy, nie wiem. Jeślibyś więc Pan raczył mnie listem zaszczycić, to proszę na ręce brata przesłać pod adresem p. *Józefa Hube, Doktora praw*. Pozdrawiam Pana nayserdeczniéy.

w Warszawie,
d. 7 Maja 1830 r. Помѣта Ганки: 4 Cerwence.

6.

Szanowny Panie!

Moia żona dzisiay odieżdża—iedzie do Lubeki i zabiera z sobą dla Pana i dla pana Szafarzyka dwa exemplarze dzieła Barona Rozenkampfa o Kormczéy knidze; iest to druga edycya dzieła, które dawniéy wydane było,—edycyi tey iest tylko 100 exemplarzy. Wydawcą téy drugiéy edycyi iest p. Radca Anastasewicz, przyiaciel zmarłego Barona Rosenkampfa; posyła do panów dwa exemplarze z prośbą przesłania mu czegoś z Pragi,—np. chciałby mieć od Pana Szafarzyka exemplarz Starożytności sławiańskich, a od Pana Dykcyonarze, Rękopismo Kralodworskie i t. p. Książki te odbierzesz Pan przez księgarzy Hamburskich. Proszę o nas nie zapominać. Ciekawy iestem, czy Pana doszły książki, które profesor Muchliński z Petersburga Panu odemnie i Malewskiego

miał wręczyć. Sciskam Pana serdecznie i polecam się łaskawéy pamięci. Sługa uniżony Romuald Hube.

d. 6 Lipca 1831.

7.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Już też kawał czasu upływa, iak do WPana Dobrodzieia niepisałem. Przyczynę tego łatwo Pan odgadniesz. Wszystko minęło. Wracamy powoli do spokoynych naszych zatrudnień literackich. Trudno się zrazu do nich wziąść, bo człowiek odwykł od pracy. Lecz i to, cośmy przeżyli, nie iest bez owocu. Sądzę, że teraz więcéy iak kiedyindziéy upowszechniać się u nas zacznie zamiłowanie do badań słowiańskich. Leżały one dotąd odłogiem, mało kto pomyślał w kraiu naszym o potrzebie przyswoienia sobie płodów współplemiennych Słowian. Pod tym względem ważnem będzie w literaturze naszéy oyczystéy ziawiskiem praca Maciejowskiego, do któréy WPDobrodziéy iuż tyle materyału łaskawie dostarczyć raczyłeś. Wyprzedza ią, bo iuż w tych dniach opuszcza prassę drukarską, rozprawa młodszego moiego brata o sukcessyach podług praw słowiańskich. Móy brat wprawdzie wyiechał za granicę, ia iednak zaiąłem się przeyrzeniem całéy pracy i uzupełnieniem niewykończonych mieysc. Jest tu mowa o ruskich, serbskich, czeskich i polskich spadkach. Część o serbskich spadkach byłbym dokładniéy wypracował, lecz miałem tak iako i brat móy tylko tłumaczenie Raicza praw Duszana. Maciejowski był trochę twardy i niechętnie chciał udzielić rękopismu Szaffarzyka. Pracę tę nieomieszkam Panu i Panu Jungmanowi przesłać. Zachęcony temi usiłowaniami, pracować poczynam nad gruntownieyszem poznaniem ięzyka rossyiskiego. Myślę się nawet udać na czas nieiaki do Petersburga i Moskwy. To mi poda sposobność wykonania dawniéy iuż powziętego planu wypracowania historyi praw rossyiskich. Zachęca mnie do tego i ta okoliczność, iż Maciejowski chce się nadal wyłącznie ograniczyć na prawodawstwie polskiem. W takiem położeniu i praw czeskich bliższe zgłębienie poczyna mnie coraz bardziéy i mocniéy obchodzić. Darowany mi przez Pana zbiór Wolfa z Wycrowic iuż dokładnie zgłębiłem. Szkoda tylko, że niema tu owego zbioru praw Władysława posiadanego przez Nowosilcowa a późniéy zagubionego. Czybyś Pan, nieszczędząc swéy łaskawości, nie mógł kogo zobowiązać do przepisania całych praw Władysława? Ja chętnie za to zapłacę, byle

kopia była rzetelna. Uczynisz mi Pan wielką łaskę. Tem czasem też raczysz nas Pan obdarzyć i dawnemi prawami czeskiemi, które iednak bodayby znowu w ręku Maciejowskiego nieutonęły. Ja w odwdzięczeniu nieomieszkam zebrać powoli różne pisma, Pana interesować mogące, i takowe przez pewną okazyą do Pragi przesłać.

Przy okoliczności, ośmielam się WPanu Dobrodzieiowi polecić oddawców listu tego dwóch panów Jawornickich, iadących do Pragi na Uniwersytet. Są to dway młodzi ludzie pełni zalet. Niewątpię, że im Pan odmówić nie zechcesz oycowskiéy opieki. Znaydą oni w niéy podnietę do wszelkich wyższych przedsięwzięć, które im WPDobrodziéy wskażesz. Jeśli Pan pisać będziesz do Pana Kopitara, proszę mu z méy strony oświadczyć moie ukłony. Pana Jungmana niemniéy nie proszę przepomnieć (sic). Co też robi pan młody Jungman? Małżonce Pańskiéy składam naygłębsze uszanowanie. Proszę mnie mieć w swéy łaskawéy przyiacielskiéy pamięci. R. Hube.

Jeślibyś Pan wprost do mnie pisać niechciał, pisz Pan pod adressem do Zeusznera, professora w Krakowie. Racz mi Pan przy okazyi donieść, czy Pan posiadasz tłumaczenia Lelewela Statutów Kaźmierza, bo mógłbym niemi służyć.

Почта Ганки: Obdrż. 10 srpna 1832.

8.

Szanowny Panie Dobrodzieiu!

Spodziewam się, że WP. Dobrodziéy odebrałeś list, który niezbyt dawno za pośrednictwem panów Jaroszyńskich (sic) pisałem. Jeśliby to nie nastąpiło, korzystam z nowéy okazyi i piszę co prędzéy, bo za kilka godzin odchodzi. Przy ninieyszem przesyłam WPDobrodzieiowi kilka książek: iakoto kontynuacyą Pamiętnika Sandomierskiego, którego wcześnieysze poszyty iuż Panu w roku 1830 przesłałem, następnie Bandtkiego Jus polonicum, daléy Kronikę litewską i Ruską wydaną przez Daniłowicza, któréy Pan pewno ieszcze nie miałeś, następnie dwa Dzieła Bentkowskiego i Gołębiowskiego dzieło o grach i ubiorach polskich. Rozumiem, że pisma te dość są ważne, aby na nie uwagę pańską zwrócić. Załączam przytem dwa exemplarze rozprawy moiéy i brata mego o spadkach podług praw słowiańskich. Jeden z tych exemplarzy proszę ofiarować panu Jungmanowi. Żałuię mocno,

iż tak późno dowiedziałem się o wyiściu okazyi, byłbym bowiem ieszcze więcéy załączył książek. Użyię iednak wszelkiego starania, aby wkrótce coś nowego Panu zakommunikować. W téy chwili pracuię nad prawodawstwem ruskiem i polskiem dawnem, byłoby dobrze abym mógł bydź w posiadaniu i czeskich źródeł. Słyszałem, iż Pan Dobr. przesłałeś Maciejowskiemu odpis swych zbiorów. Z nim iednak trudna sprawa. Jest to iednem słowem człowiek chciwy sławy a tem samem i zazdrośny. Jeśli więc sposobność się zdarzy, prosiłbym Pana o przesłanie mi odpisu swych zbiorów. Racz mnie Pan zawiadomić, czy ie chcesz wydać? Jeśli nie, wtedy możeby się wynalazły środki zaięcia tą pracą tutay. Ja z Kucharskim, który składa swoie uszanowanie, mocno i wiele zaymuię się ięzykiem czeskim. Upraszałbym nadto Pana, abyś mnie raczył zawiadomić, w iaki sposób możnaby nabyć duplikaty, które do Muzeum należą, a które spisałem. Mówię tylko o duplikatach do Prawodawstwa czeskiego. Były tam między innemi prawo karne Józefa I, Codex aller Privilegien Concessionen in Böheim Bürger Spiegel, Stadt-Recht Prag 1690, Joseph's II Gezetze i różne dyssertacye o prawach czeskich, np. Diss. de delictis, de abusibus praxeos Bohemiae, de processu concursu creditorum. Chętnie bym chciał bydź w posiadaniu tych i tym podobnych dzieł. Jeśliby chodziło o dzieła dawne polskie tedy mogę takowych dostarczyć, ieśli o inne tedy i o tem proszę mnie zawiadomić. O wszystkiem pisać Pan zechcieły. Sądzę, że przez Pragę łatwo wynaleźćby można środek przesłania. Pan professor Purkinie mógł by w tym względzie za pośrednika służyć. Panu Jungmanowi, Czelakowskiemu, Winarzyckiemu składam moie naygłębsze uszanowanie. Jakżebym chciał mieć sposobność prędkiego oglądania Panów? Sciskam Pana serdecznie przyiaciel szczery i sługa Romuald Hube.

NB Jeślibyś Pan nie chciał wprost do mnie pisać, proszę list przesłać na ręce Ludwika Zeusznera, professora Uniwersytetu w Krakowie.

9.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Za książki przesłane składam moie nayczulsze podziękowania. Przez dni kilka byłem zaięty wyłącznie ich czytaniem. Miano[illegible] raduie mnie posiadanie praw Morawskich. Pilnieysze [illegible] ich przekonywa mnie coraz więcéy o iedności i tożsa-

mości poięć sławiańskich. Za powrotem do siebie, myślę dokończyć oddawna rozpoczętą pracę nad Prawdą ruską. Lecz iakże się wywdzięczę Panu za przysłane księgi? Jeżeli będę mógł służyć książkami z Petersburga lub Warszawy, dołączę ich do paki, przeznaczonéy dla Pana Szafarzyka. Temczasem ośmielam polecić się ieszcze dalszym względom. Naprzód, ieżeli się znaydzie przepisywacz do zrobienia odpisu z owego kommentarza do prawa Morawskiego, proszę poruczyć mu przepisanie onego. Chętnie zapłacę, co będzie kosztować. Potem załączam ieszcze iedną prośbę—prośbę, o któréy, widząc się z Panem, zupełnie przepomniałem. Pragnąłbym posiadać zbiór ważnieyszych historyków czeskich, oraz tego wszystkiego, co starożytności prawnéy narodu czeskiego dotycze. Racz Pan mi donieść, czyli i iakim sposobem możnaby do tego przyiśdź, oraz—wieleby ważnieysze rzeczy mogły kosztować. Nie omieszkam przesłać Panu stosownego funduszu. Co się dotycze moiego pobytu w Marienbadzie, ten dość nudny, bo prawie ciągle mamy deszcze, niewiele też i osób interesownych. Jednak na zdrowiu i żona i ia dość zyskaliśmy. Bawiemy ieszcze do przyszłego czwartku tutay, potem wybieramy się do Monachium. Chcę bliżéy poznać Bibliotekę Monachską, a mianowicie pod względem pomników sławiańskich. Mam ślady, iż i w Regensburgu znayduią się ważne rzeczy. Jeżeliby Pan Dobrodziey raczył mnie listem zaszczycić, proszę pisać do Petersburga—pod adresem „u Simeona mosta w Kancellaryi Grafa Grabowskiego". Tam list będzie do moiego przyiazdu zachowany. Żona moia poleca mi złożyć oboygu państwu swoie uszanowanie; łącząc moie pozdrowienia, zostaię prawdziwym przyiacielem i sługą

Romuald Hube.

Załączony bilecik proszę doręczyć p. Szafarzykowi.

w Maryańskich wodach,
d. 7 Sierpnia 1837.

10.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Oddawcę ninieyszego, Pana Lipińskiego z Królestwa Polskiego, polecam łaskawym względom pana Dobrodzieia. Korzystaiąc z iego odiazdu, ieszcze słów kilka postanowiłem sobie dołączyć do listu poprzedniego. Obarczać kogoś swoiemi żądaniami iest rzeczą nieprzyzwoitą, lecz taka koley rzeczy ludzkich, im kto grzecznieyszy, tem więcéy znaydzie się natrętów, którzy go nudzą.

W rzędzie natrętów i ia stawam. Nie dość, że Pana w poprzednim liście różnemi sprawunkami obarczyłem, pomnażam ie ieszcze nowym dodatkiem. Wspomniałeś mi Pan, iż zostaiesz w korespondencyi z panem Rościszewskim w Galicyi; ia go nie znam, chciałbym iednak do niego zbliżyć się; proszę o pośrednictwo Pana, racz Pan załączony bilecik Jemu przesłać i polecić mnie Jego łasce. Chodzi tutay o dyplomata polskie. Chciałbym móy zbiór galicyiskiemi rzeczami powiększyć. Mam nadzieię, iż pomoc p. Rościszewskiego będzie nader skuteczną, zwłaszcza, ieżeli mu polecony będę przez Pana. To iedna prozba. Druga iest następująca— czy Pan niemasz kogo znaiomego w Wiedniu, widzę, iż Palacki i Boczek często odwołuią się na Archiwum w Wiedniu, — czy tam niema iakich polskich dyplomatów? iakby ie ztamtąd dostać? Trzecia wreszcie prozba odnosi się do praw Władysława — czyby niemożna mieć odpisu i ileby odpis takowy kosztował? Otóż nowe znowu naprzykrzania, a ia, iak iuż poprzednio napisałem, niewiem, iakim sposobem za tyle grzeczności odpłacę się. Dzieło Kollara bardzo mnie się podobało: daię Panu Lipińskiemu guldena, aby mi ieszcze ieden exemplarz kupił, przytem proszę Go, aby się dowiedział, czy niema dla mnie u Weisera psałterza; bardzo życzyłbym sobie posiadać go; przy sposobności postanowiłem ofiarować panom prawo cywilne rossyiskie. Pan Lipiński odda go Panu, a Pan racz nim rozporządzić podług upodobania; odday go Pan panu Szafarzykowi, albo zatrzymay sobie, w każdym razie będzie księga ta dość interesowną dla panow. Przy widzeniu się z panem Szafarzykiem proszę Go odemnie serdecznie pozdrowić i upewnić, iż za powrotem do Petersburga nieomieszkam zleceń Jego dopełnić. Teraz zaś ściskam Pana i polecam się łaskawéy Jego pamięci, za księgi przysłane dziękuię po tysiąc razy.

Żona moia składa swoie uszanowanie.

Romuald Hube.

P. S. Ieżeliby pan Rościszewski raczył mi odpisać, może list [illegible] wprost do Petersburga odesłać. List do pana Rościszewskiego racz Pan Dobr. zapieczętować.

[illegible]

[illegible]

II.

Panie Dobrodzieiu

[illegible] polecam panu osobę, która iest godną prawdziwego [illegible] względów. Osobą tą iest Pan Tereszczenko, chlubnie

znany tutay autor dzieła: Życia kanclerzów Rossyiskich. Chce poświęcić lat kilka zwiedzeniu kraiów słowiańskich. Znaydzie on niewątpliwie w Panu skarb potrzebnych rad i usłużnych chęci. Proszę zaznaiomić go z panem Szafarzykiem, z naszym szanownym i kochanym przyiacielem. Spodziewam się, iż przed odebraniem ninieyszego pisma nadeydą iuż do Pragi książki, które przesłałem na Lipsk dla p. Szafarzyka. Polecam się łaskawey pamięci; do widzenia w roku przyszłym. Prawdziwy sługa i przyiaciel

Romuald Hube.

St. Petersburg,
dnia 4 Marca 1838.

12.

Szanowny Panie Dobrodzieiu!

Powodem do milczenia moiego był zupełny brak kommunikacyi przez zimę i niemożność przesłania obiecanych książek P. Szafarzykowi. Dopiero teraz otwiera się nawigacya—dotrzymuię słowa i posyłam książki obiecane. Wkrótce będą nowe okazye i więcéy książek prześlę. JW. Sperański kommunikował mi list Pański, w którym mu donosisz o chęci wydania praw czeskich z tłumaczeniem rossyiskiem—piękny zamiar. Warszawską edycyę pewno pan znasz. Oczekuiemy tutay na dalsze części Starożytności i na kontynuacyą Palackiego Historyi. Spodziewam się, iż Pan wkrótce nadeślesz *Knigę Towaczowską*; moia praca nad Prawami słowiańskiemi postępuię, wydam ią w formie kommentarza nad Prawdą ruską. Bardzo byłbym kontent, gdybym mógł mieć przynaymniéy kilka dyplomatów czeskich, mówiących o sądach, karach, lub innych stosunkach prawnych ze zbioru pana Palackiego. Czy w Watykanie nie znalazł p. Palacki co polskich rzeczy? Oddawcą tego listu iest P. Chodyński, móy przyiaciel, racz Pan mu bydź przewodnikiem w poznaniu Pragi, a on i ia będziemy mu za to nieskończenie wdzięczni. Składaiąc uszanowanie żonie Pańskiéy, polecam się łasce Jego prawdziwy sługa R. Hube.

w St. Petersburgu,
20 Maja 1838.

13.

Kochany Przyiacielu,

Nieumiem dosyć znaleść wyrazów na podziękowanie za pamięć Pańską. Pradziwie nie zasłużyłem na nią. Zadosyć czyniąc życzeniu Pańskiemu, posyłam dzisiay przez Pana Professora Muchlińskiego niektóre pięknieysze kawałki muzyki dworskiéy. Chciałem

do tego dołączyć i inne dziełka, ale obawiam się, aby nie były niepotrzebne—zwłaszcza, iż słyszałem, że P. Pogodin z Moskwy obiecał się dostawiać wszystkie nowości; na drugi raz proszę więc napisać wyraźnie, czego Panowie żądacie, a my postaramy się wszystko nadesłać. Jednym z następnych parochodów prześlę ważne dzieło Barona Rozenkampfa o kormczéy, to iest drugą edycyę tego dzieła, znacznie pomnożoną. Co robi móy Statut Litewski, jeżeli już niepotrzebny proszę go nadesłać. U nas też powoli zaczynaią się ziawiać gruntownieysze prace nad sławiańszczyzną — w tych dniach wyszła *Mitologia Słowiańska* wydana przez Kastorskiego. Dawniéy nieco Iwaniszew napisał dyssertacyą О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, Кіевъ 1840. I iedno i drugie byłbym chętnie posłał, gdybym nie był pewien, że obiedwie prace już doszły rąk pańskich. Pan Baługiański i Malewski dziękuią serdecznie za przysłanego Wšehrda; pan Baługiański sam niebawem napisze i podziękuie. Prawdziwa to przysługa dla nas wydanie tak ważnego dzieła, będziemy się starali za to wywdzięczyć i napisać o tym ważnem dziele w porównaniu do naszych dzieł prawnych i naszego prawodawstwa. Proszę ieszcze przyiąć odemnie dziełko Bystrowa i dwa facsimile gramot: łacińska iest tutay w Bibliotece, ruska iest u Hr. Aleksandra Przeździeckiego. Kiedy wyidzie zbiór dyplomatów Palackiego, czekam na niego z niecierpliwością. Ja w téy chwili zaymuię się napisaniem Historyi prawa karnego rossyiskiego. Spodziewam się, iż dzieło to będzie gotowo w tym ieszcze roku. Daniłowicz w Moskwie drukuie wiadomości o Miastach sławiańskich do 12-ego wieku, nadto przygotował zbiór dyplomatów litewsko-ruskich, blisko 2000 sztuk obeymuiący, który także chce drukować. Zapewnie wyidzie także niezadługo i móy zbiór dyplomatów polskich od 11 do 15 wieku. Właśnie teraz zaymuie się uporządkowaniem iego. Proszę o nas nie zapominać i często o sobie donosić. Żałuię, iż woyny Troyańskiey posłać nie mogę, gdzieś mi się podziała, i nie mogę iéy wynaleźć, czy przypadkiem iaki amator iéy sobie nie przyswoił? Sciskam Cię serdecznie, kochany przyiacielu.

Prawdziwy przyiaciel i sługa Romuald Hube.

Pana Szafarzyka ściskam. Kiedy wyidzie tom II iego cudnych Starożytności? Czy nie mógłbym dostać Vogta Historyi prawa czeskiego — i o prawach mieyskich w Czechach? Bardzobym był kontent, gdybym miał te dzieła. R. H.

St. Petersburg,
d. 11 Marca 1841.

14.

Kochany Panie Wacławie!

Przyiacielskim uczuciom polecam oddawcę tego listu, dawnego mego kolegę, który z małżonką swoią jutro drogą prostą ztąd (to jest z Berlina) do Pragi wybiera się. Proszę nie odmawiać im swoich względów, — przekonany iestem, że ocenią całą Jego łaskawość. Ale zapytasz mnie pewno Pan, co ja robię w Berlinie — właściwie nie wiele, albo i nic nie robię, bo zaledwie tylko wczoray tu zaiechałem, i już jutro puszczam się nad Ren dla widzenia się z chorą moią żoną. Łatwo sobie Pan wystawisz, jak mi się serce kraie, że nie mogę polecić pana uściskać, ale smutne okoliczności nie pozwalaią mi tego uczynić. Przynaymniey się pocieszam uściśnieniem Pana za pośrednictwem szczerego dobrego przyiaciela, którego raz ieszcze łasce Jego posyłam. Jeśli można, proszę o mnie nie zapominać i coś z nowości nadesłać, mianowicie kontynuacyą zbioru pism dawnych czeskich. Przestaię na tem, bo dochodzi 11-sta wieczorem, a ja jutro rano o 6 wyieżdżam.

Przychylny sługa Romuald Hube.

Berlin,
1 Sierpnia 1842.

15.

Szanowny przyiacielu!

Po dwudniowym pobycie w Karlsbadzie przybyłem do Marienbadu, gdzie podług danéy mi rady zacząłem pić wody i brać kąpiele. Skutek kuracyi zdaie się odpowiada w zupełności oczekiwaniu. Co dzień zaczynam się czuć lepiéy i sądzę, iż już na przyszły tydzień będę mógł opuścić mieysce moiego teraźnieyszego pobytu. Resztę zrobią kąpiele morskie w Dieppe lub Ostendzie, dokąd zamierzam się udać z moią żoną, oczekuiącą na móy przyiazd z naywiększą niecierpliwością w Paryżu. Po drodze zamierzam sobie zabawić się ieszcze dni kilka w Heidelbergu, w mieyscu zalecaiącym się i pięknością przyrodzenia i kilku odznaczaiącemi się prawnikami, moiemi dawnemi znaiomemi. Tu w Marienbadzie, jakkolwiek znaczne towarzystwo, nie ma iednak prawie nikogo, z kim godziłoby się weyść w bliższe związki, ograniczam się więc na znaiomościach Petersburgskich, z których kilka bardzo przyiemnych i miłych. W iednem z towarzystw naszych wspomniałem o Muzeum pragskim i zaraz oddano wszystkie książki, które wzięto z sobą na drogę. Posyłam ten mały dar z nay-

większą dla mnie przyiemnością, w przekonaniu, iż będzie mile przyięty. Jeżeliby znaydowały się już książki w nim takie, które Muzeum posiada, zechciey Szanowny Pan ie dla swoiéy zachować biblioteki. Imiona i nazwiska osób, które przynoszą tę skromną ofiarę, znayduią się zapisane na każdéy książce własnoręcznie. W liczbie innych znayduią się ustawy instytutu Łazarewych w Moskwie. Jest on założony przez przodka osób, które składaią swoie dary, dla młodzieży ormiańskiéy i odznacza się tak doborem professorów, jako też starannem ukształceniem młodzieży, która w nim pobiera wychowanie. Mam nadzieyę, że książki, które zostawiłem w Pradze, już odprawione zostały do Vossa. Poważam się przypomnieć grammoty serbskie z Białogrodu, p. Szafarzyk obiecał sprowadzić exemplarz,—jeśli nadeydą proszę przesłać ie także do Vossa, który zapłaci co będą kosztować. Wielce byś mnie czcigodny i szanowny Pan obowiązał, gdybyś kazał dla mnie sporządzić kopią dwóch niewielkich manuskryptów, które widziałem w Bibliotece Muzeum, a mianowicie, jeśli się nie mylę, prawa ziemi Oświecimskiéy i Cieszyńskiéy. Są to bardzo ciekawe pomniki, i życzyłbym ie sobie posiadać. Napiszę do Vossa, aby jeżeliby zostały mu nadesłane zwrócił koszta na przepisanie. Proszę i bardzo proszę uczynić mi tę łaskę. Mam także nadzieię, iż p. Strohbach nie zapomni o nadesłaniu mi księgi hypotecznéy, któréy kopią obiecano mi sporządzić w Pradze; potrzebną ona nam będzie do naszych prac prawodawczych. Za list, który wczoray odebrałem, i dowód pamięci o mnie dziękuię serdecznie; zapowiedziany list następny oczekiwać będę z niecierpliwością. Dziękuię także za pamięć o przesłanie rzeczy zostawionych dla Rajewskiego. Co do interesu pana Michałek bardzo żałuię, iż nie będę mógł bydź użyteczny dla niego. U nas gospodarstwo wieyskie nie stoi ieszcze na tey stopie, aby mógł znaleść przyzwoite umieszczenie; prędzéy dało by się coś zrobić dla niego, gdyby był agronomem. Ale i w takim razie powinienby raczéy udać się do osób, posiadaiących znaczne dobra. W każdym razie odpiszę mu jutro i wytłumaczę, dlaczego nie mogę mu w niczem służyć. Polecaiąc się łaskawéy pamięci i prosząc kłaniać się wszystkim łaskawym znaiomym, zostaię na zawsze przychylnym sługą i prawdziwym przyiacielem R. Hube.

Jeśliby podobało się pisać, proszę adressować do Heydelberga, gdzie zapewnie zabawię do 12-tego tego miesiąca. Cała familia Łazarewych będzie na przyszły tydzień w Pradze, dam iéy list do Pana i polecam ich Jego łaskawości.

Marienbad,
d. 2 Lipca 1851 r.

16.

Szanowny Przyiacielu!

Odiazd pana Pietkiewicza z Bułgaryi nastręcza mi miłą sposobność pozdrowienia i uściśnienia Szanownego Pana. Dziękuię serdecznie za nadesłane mi kopie praw Cieszyńskich i Opolskich. Stosownie do życzenia przesyłam pamiatną kniżkę za rok bieżący. Już zwątpiłem, czy będę mógł ią dostać, bo drukuią bardzo małą liczbę exemplarzy i te zaraz po nowym roku rozchodzą się, tak iż w kilka miesięcy późniéy niéma ani iednego w handlu. List ten piszę z Warszawy, dokąd przybyłem przed dwoma dniami. Zabawię zapewne tutay kilka miesięcy; na zimę wracam do Petersburga. Byłoby do życzenia, abym mógł zrobić ekskursyą za granicę, wątpię iednak, aby to mogło w roku obecnym przyiśdź do skutku. Dotąd niema ieszcze nowych prac pana Szafarzyka, ale ie już zapisałem. Polecam łasce Twoiéy, kochany przyiacielu, pana Pietkiewicza; iak tylko go bliżéy poznasz, nie omieszkasz go tak pokochać, jak my. Proszę, zasil go swoiemi radami i bądź w Pradze iego przewodnikiem. Jeżeli zechcesz mieć ieszcze cośkolwiek z Petersburga lub Warszawy, racz napisać, a ia przy zdarzonéy sposobności przesłać nie zaniedbam. Sciskam Cię raz ieszcze serdecznie, polecaiąc przychylnéy pamięci.

Prawdziwy sługa R. Hube.

Warszawa,
17 Czerwca 1852.

17.

Szanowny Panie Wacławie!

Dawno, dawno już chciałem kochanego Pana uściskać—ale przez kogo? bo sam niemogłem iechać. Nareszcie teraz zdarzyła się wyborna sposobność: dzisiay wyieżdża Hrabia Wadim Błudow za granicę i prosi Go polecić łasce Pańskiéy. Mam nadzieyę, że Pan nieodmówisz mu pokazania wszystkiego, co iest ciekawe w Pradze, i że sam mu przewodniczyć będziesz. Korzystaiąc z téy sposobności, przesyłam Panu pamiatną kniżkę na rok obecny, ale nawzaiem proszę o zachowanie dla mnie książki, zawieraiącéy w sobie grammoty, ściągaiące się do Serbii i Bulgaryi, którą Pan, iak donosiłeś Malewskiemu, niedawno nabyłeś. W naszéy drugiéy kancellaryi nikt podobnemi rzeczami nie zaymuie się, ia tylko ieden mam piękny zbiór różnych słowiańskich pamiętników i życzyłbym sobie wzbogacić go tem dziełem. Proszę nie zapomnieć

o mnie i ieśli będzie co potrzeba z Petersburga, o tem mi donieść. Uprzedzam iednak, iż w miesiącu Kwietniu wyiadę do Warszawy i może tam na zawsze pozostanę, wówczas mam nadzieię częściéy Pragę odwiedzać.

Sciskam serdecznie i całuię. Romuald Hube.

St. Petersburg,
d. 1 Lutego 1856 r. Помѣта Ганки: 21 unora odpov.

18.

Kochany Przyiacielu!

Bardzo mi było przyiemnie w ostatnich czasach odebrać od osoby, którą tyle szanuię, dwa pisma. Chciałem pisać przez Pana Pola, ale w chwili, kiedy odieżdżał, byłem mocno cierpiący i postanowiłem czekać na nową okazyę, w tem nadiechał i pan Szymunek. Korzystam z iego odiazdu i zasyłam nayszczersze pozdrowienia, a będąc upoważniony przez niego do udzielenia mu małéy posyłki, przesyłam dyssertacyi kilka moich. Rzecz o Statucie Kaźmierza napisałem w roku zeszłym. Zdaie mi się, że wyiaśniłem dość szczęśliwie Historyą tego ważnego pomnika prawodawstwa naszego. Jeśli dostanę, prześlę także i pamiatną kniżkę z roku bieżącego; bieda tylko, iż w ciągu roku już prawie niepodobna nabyć tey książki, a na początku roku zapomniałem ią kupić dla Ciebie. Ciągle czekam na historyczne prace nad waszym dawnym prawem czeskiem. Nie do darowania, iż nikt u was nie zaymuie się temi przedmiotami. Macie tyle pomników, ciekawych, iedynych w swoim rodzaiu! Może bydź, że trudno od razu napisać Historyą całego dawnego prawa. Potrzebaby więc zacząć od ocenienia oddzielnego każdego pomnika. Potem dopiero możnaby wszystkie pomniki między sobą porównać, i wystawienie ogólnych rezultatów byłoby już łatwe. Trzeba koniecznie, abyś kilka osób do pracy takiéy zachęcił. Niech każda obrobi oddzielnie ieden pomnik pod względem historyi powstania onego, układu ogólnego, ięzyka technicznego i wystawi systematycznie zawarte w nim przepisy. Jak będą obrobione wszystkie pomniki, znaydzie się sama przez się cała historya. Oczekuiemy także z niecierpliwością na Dyplomataryusz czeski. Morawa już ma podobne dzieło, a wy dotąd ociągacie się. Przepraszam, iż dotąd nie oddałem książek udzielonych mi dla Pana Norova. Po przyieździe przed dwoma latami zniknęły mi z oczu, a przy licznych zaięciach zupełnie o nich zapomniałem, są iednak już odszukane i w tych dniach niezawodnie

zostaną oddane. Prosiłem Hrabiego Bludow, aby przesłać kazał dla Biblioteki Muzeum różne wydania Drugiéy kancellaryi. Już podobny exemplarz został przesłany dla Biblioteki Uniwersytetu p. Szafarzykowi. Proszę iemu złożyć moie uszanowanie i zachęcić, aby conaywięcéy drukował dawnych serbskich gramot. W tym roku będę zapewne ieszcze w Warszawie i, ieśli będę miał coś nowego, nie omieszkam przesłać szanownemu Panu. Malewski dziękuię za pamięć i składa swoie uszanowanie. Żona moia załącza swoie ukłony i dziękuie raz ieszcze za piękne krakowiaczki.

Sciskam serdecznie. Prawdziwy przyiaciel R. Hube.

St. Petersburg,
d. 23 czerwca 1859.

19.

Szanowny Przyiacielu,

Dzisiay odebrałem od Pana Garnkowskiego książki i papiery. Dziękuię serdecznie za posyłkę i donoszę z prawdziwą przyiemnością, iż jutro będę w Pradze wieczorem. Wyieżdzamy z Drezna jutro o 1-szej, pragnąłbym mocno, abym mógł mieć szczęście oglądać kochanego Pana; jak tylko przyiadę, będę zaraz w Muzeum, choć trochę późno. Po jutrze rano musiemy zaraz daléy iechać, bo już czasu nie wiele pozostaie. A więc do zobaczenia.

Prawdziwy przyiaciel R. Hube.

Drezno,
Niedziela. (Безъ даты).

И. А. Гульяновъ.

1.

М. Г., Его Высокопревосходительство Александръ Семеновичь, при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, поручилъ мнѣ доставить Вамъ прилагаемое при семъ письмо по пріѣздѣ моемъ въ сію столицу. Исполняя лестное для меня порученіе сіе, я пользуюсь симъ случаемъ, доставляющимъ мнѣ знакомство Ваше, и надѣюсь, Милостивый Государь, что Вы, уваживъ любовь къ древностямъ Славенороссійскимъ, благоволите снабдить меня свѣдѣніями, до нашей Археологіи касающимися и могущими обога-

тить изслѣдованія мои, о коихъ можетъ быть Его Высокопревосходительство въ письмѣ своемъ къ Вамъ упоминаетъ.

Имѣю честь быть и пр. Членъ Императорской Россійской Академіи Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Александровичь Гульяновъ.

Письмо ко мнѣ можно адресовать въ домъ здѣшняго банкира Bassenge.

A Monsieur Monsieur Ganca etc. etc. à Prague en Bohême.

Дрезденъ,
28 Января н. ст. 1828 года.

2.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Вы мнѣ благосклонно черезъ Графа Ѳуна убѣщать изволили, что Вы для меня россійскія книги выписать благоволите. Пользуясь сею ласковостію, я прошу о слѣдующія:

Александра Востокова Руская Грамматика по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изнесенная. С.П. 1831 in 8°.

Опытъ исторіи руской литературы, соч. Ник. Греча, изданіе второе (бо первое уже у меня).

Обозрѣніе миѳологіи Славянъ россійскихъ, соч. П. Строева. С.П. 1815. 8°.

Строева Описаніе имъ же обрѣтенныхъ древностей въ Архивахъ Россіи.

Максимовича Малороссійскія пѣсни. Москва, 1827, 16°, или позднѣйшее изданіе.

Булгарина Выжигинъ.

Поезія и сочиненія Александра Пушкина (кромѣ Русланъ и Людмила и Кавкаскій пленникъ, которые ужъ у меня).

Оиконома Сравненіе рускаго или славянскаго языка съ греческимъ.

Два года тому назадъ читалъ я въ петербургскомъ Тыгодникѣ на польскомъ языкѣ извѣстіе о новооткрытомъ древнѣйшемъ сочиненіи, имѣющемъ сходство съ древнимъ Словомъ о полку Игоревѣ, но настоящее заглавіе сей книги я уже не помню. Вы знаете, что меня славянская археологія найболѣ занимаетъ, то Вы бы меня очень одолжили, когда бъ я и сію книгу могъ получить. Издержки я съ благодарностію возврочу. Я имѣю честь быть Вашего Высокоблагородія всепокорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Мнѣ очень жаль, что я Е. Высокопрев. Г. Сперанскаго сего года не видѣлъ.

Прага,
1/13 Августа 1833. Рукой Гульянова: „получилъ 9/21-го Августа“.

2 a.

М. Г., Вслѣдствіе письма Вашего Высокоблагородія, полученнаго мною довольно поздно, спѣшу Васъ увѣдомить, что здѣшній придворный книгопродавецъ Г. Вагнеръ (подъ фирмою Вальтера) берется выписать вамъ изъ С.-Петербурга означенныя вами книги въ помянутомъ письмѣ вашемъ, почему и предоставилъ я ему оное для его употребленія.

Графу Ѳуну, въ бытность его у меня, говорилъ я о готовности моей уступить за мою цѣну книги, вывезенныя для меня изъ Москвы и составляющія полный кругъ Археологическихъ древностей Россіи, на щетъ покойнаго Канцлера Графа Румянцева изданныхъ. Если вамъ угодно пріобрѣсть книги сіи для Пражской Публичной Библіоѳеки, то, по увѣдомленіи меня о семъ, вы получите опись книгъ безъ замедленія.

Имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и пр.

Гульяновъ.

Мой адресъ: Auguststrasse № 575.

A Monsieur Monsieur de Hanka, Conservateur en Chef du Musée Impérial, Conseiller de Cour, Membre de plusieurs Académies, Chevalier etc. à Prague.

Дрезденъ,
21-го Августа / 2 Сентября 1833.

М. Гусевъ.

Господину Директору Чешскаго Музеума въ Прагѣ,
Владиславу Владиславовичу (sic) Ганкѣ.

Я беру смѣлость препроводить при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь, копію одного древняго предмета, найденнаго въ 1680 году въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской Губерніи и переходившаго изъ однихъ рукъ въ другія подъ названіемъ „Жезла Гедемина (Berła Gedemina)". Копія, снятая съ онаго въ 1838 году, для извѣстнаго изслѣдователя Литовской Старины Г-на Нарбута, была доставлена послѣднимъ ко мнѣ въ прошедшемъ году и по моему разсмотрѣнію признана за древній лунный и безъ сомнѣнія предъ-христіанскій календарь Литовцевъ. Статья

моя объ этомъ предметѣ, читанная въ одномъ изъ прошлогднихъ засѣданій Виленской Археологической Коммисіи, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ напечатана въ „*Запискахъ*“ Коммисіи; а потому я считаю излишнимъ входить здѣсь въ подробности. Я замѣчу только, что такъ какъ многія названія Литовскихъ мѣсяцевъ тождественны съ древнеславянскими, то я осмѣливаюсь думать, что этотъ предметъ будетъ также интереснымъ и для изслѣдователей Славянской старины, и посему покорнѣйше прошу дать ему мѣсто въ собраніи древностей Чешскаго Музеума, состоящаго подъ управленіемъ Вашимъ.

Вмѣстѣ съ симъ я считаю не безполезнымъ препроводить также экземпляръ издаваемаго въ Вильнѣ Жмудскаго Календаря на 1858 г., въ коемъ Вы найдете, для сравненія, употребительныя нынѣ названія Литовскихъ мѣсяцевъ.

Матвѣй Гусевъ,
Дѣйствительный Членъ Виленской Археологической Коммисіи.

Прага,
Августа 11 дня 1858 г.

И. И. Давыдовъ.

1.

М. Н. П.

Императорская Академія Наукъ.
Отдѣленіе
Русскаго языка и словесности.
30-го Ноября 1851 года.
№ 167.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, намѣреваясь помѣщать въ издаваемыхъ имъ „Извѣстіяхъ“ филологическія изслѣдованія по части Славянскихъ нарѣчій и разборы древнихъ письменныхъ памятниковъ, поручило мнѣ просить Васъ, Милостивый Государь, принять участіе въ означенныхъ „Извѣстіяхъ“. Особенно любопытны были бы для Отдѣленія наблюденія Ваши надъ древностями языка и письменности Чешской и вообще Славянской.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь препроводить, для библіотеки Вашей, Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изданный Отдѣленіемъ, и покорнѣйше прошу не оставить меня без

отвѣта на счетъ участія Вашего въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія". Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Иванъ Давыдовъ.

Адресъ мой: Г. Предсѣдательствующему во Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ, Ординарному Академику Ивану Ивановичу Давыдову, въ С.-Петербургъ.

2.

М. Н. П.

Императорская Академія Наукъ.

Отдѣленіе
Русскаго языка и словесности.
31 Іюля 1854 года.
№ 155.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

По порученію Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Академикъ А. Х. Востоковъ разсматривалъ найденный въ Богеміи отрывокъ Славянскаго Евангелія [1]). Полагая, что мнѣніе это можетъ быть любопытно для Васъ, я обязанностію своею счелъ сообщить Вамъ его содержаніе. По мнѣнію Г. Востокова, снимокъ отрывка Славянскаго Евангелія содержитъ въ себѣ 25-ть строкъ краснаго уставнаго письма, по видимому XIII вѣка. Правописаніе въ немъ Русское, позднее, въ которомъ *о* заступаетъ уже мѣсто ъ-ра: *во* имя, вмѣсто въ имя; *но*, вмѣсто *нъ;* ы замѣняется уже гласною *и* послѣ г: *изгиблъ бы*, вмѣсто *изгыблъ бы*; ъ и ь въ срединѣ словъ опускаются: *мнози*, вмѣсто мънози; *прѣлщени будете*, вмѣсто *прѣльщени бѫдете*; *кончина*, вмѣсто *коньчина*. Одинакое *у* вездѣ заступаетъ мѣсто *оу*, не говоря уже объ *ѫ*, котораго нѣтъ въ этомъ Русскомъ спискѣ. Судя по снимку, этотъ отрывокъ Евангелія часто отступаетъ отъ Остромировскаго и общепринятаго текста. На этой одной страничкѣ встрѣчается три раза несходное съ Остромировымъ Евангеліемъ чтеніе: 1) вся твоя мои суть, а мои твои. Въ Остр. *вьса моя твоя сѫть* (πάντα τὰ ἐμὰ σά ἐστιν); 2) врѣмя мое близь есть— въ Остр. *время приближися* (ὁ καιρὸς ἤγγικεν); 3) егдаже възрите брани.—Въ Остр. *егдаже оуслышите брани* (ὅταν δὲ ἀκούσητε πολέμους).

Примите и пр. Иванъ Давыдовъ.

[1]) Литографированный снимокъ найденнаго въ Богеміи отрывка Слав. Евангелія. Замѣчаніе А. Х. Востокова. Извѣстія И. А. Н., т. III, л. 15—16, стр. 256. Снимокъ этого отрывка и записка о немъ Ганки помѣщены въ Č. Č. Mus., XXVIII, I, 65—70.

3.

М. Н. П.

Императорская Академія Наукъ.
Отдѣленіе
Русскаго языка и словесности.
14 Октября 1854 года.
№ 232.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Я имѣлъ честь получить отъ Васъ чрезъ почтеннѣйшаго Академика нашего И. И. Срезневскаго, лишь только въ текущемъ Октябрѣ, прекрасные труды Ваши: Грамматику Русскую и Чешскую и Обозрѣніе Чешской литературы. Мнѣ въ особенности утѣшительно имѣть Русскую Грамматику, составленную знаменитымъ соплеменнымъ намъ писателемъ. Позвольте и Вамъ представить третье изданіе Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго языка. Три изданія этой книги, явившіяся въ непродолжительномъ времени, показываютъ въ юномъ поколѣніи потребность филологическаго изученія своего языка.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь остаться всегда Вашимъ, М. Г., покорнѣйшимъ слугою Иванъ Давыдовъ.

В. В. Ганкѣ.

4.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Приношу Вамъ душевную благодарность за доставленіе мнѣ втораго изданія Вашихъ „Началъ Русскаго Языка“. Это полезная и вполнѣ удовлетворительная книга. Много ли только у Васъ охотниковъ до Русскаго языка?

Въ скоромъ времени надѣюсь сообщить Вамъ новые труды Втораго Отдѣленія Академіи.

Что касается до Общесравнительной Грамматики Русскаго языка, то я почелъ бы особенною для себя честью, если бы Вы обратили на нее Ваше вниманіе. Не присвоивая себѣ изслѣдованій языка, принадлежащихъ предшественникамъ моимъ въ этомъ дѣлѣ, я хотѣлъ лишь проложить путь къ новому воззрѣнію на изученіе отечественнаго языка. У насъ многіе не различаютъ ученія грамматики роднаго языка отъ грамматики иностранныхъ

языковъ. Слѣдовательно, на общесравнительную грамматику надобно смотрѣть, какъ на методъ изученія своего языка.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь остаться навсегда Вашимъ искреннимъ почитателемъ

Иванъ Давыдовъ.

С.-Петербургъ,
3 Марта 1857.

А. Н. Демидовъ [1]).

1.

Monsieur,

Je viens m'occuper de l'obligeante proposition que Vous me fîtes l'hiver dernier, dans Votre lettre du 1/13 décembre 1846. Vous me disiez alors que Vous pourriez obtenir les facilités nécessaires pour faire copier les tableaux qui ont fixé mon attention. Si, comme je le présume, Monsieur, les facilités existent encore, je vous prie de vouloir bien faire éxécuter les copies des six tableaux. Je désire qu'ils soient éxécutés à l'aquarelle, avec la plus grande exactitude possible quant aux contours et aux couleurs; mais pour éviter un transport difficile, je Vous prie de les faire d'une petite dimension; par exemple au quart, au huitième ou au douzième, 24-me de l'original; mais en proportion exacte; et l'artiste aurait soin de noter derrière son dessin, cette proportion, ce qui me permettrait au besoin, de faire reproduire les sujets dans leur grandeur originale. Pour réussir dans cette dernière opération, vous comprenez, Monsieur, que je devrais compter sur une précision scrupuleuse. Veuillez donc la recommander au peintre comme condition indispensable et me faire savoir quel est le prix qu'il demandera pour chacun de ces dessins, avant de les commencer.

Je termine, Monsieur, en vous réitérant l'assurance de mes sentiments d'estime et de sincère considération.

Démidoff.

San Donato,
le 8 Juin 1847.

---

[1]) Анатолій Николаевичъ Демидовъ (р. 1812, † 1870), большую часть своей жизни прожилъ на Западѣ. Въ 1841 г. женился на племянницѣ Наполеона I, Матильдѣ († 1904). Купивъ княжество Санъ-Донато, близъ Флоренціи, онъ сталъ называться княземъ Санъ-Донато. На его счетъ снаряжена была въ 1837 г. ученая экспедиція въ южную Россію („Esquis-

2.

Monsieur,

Le Prince de Démidoff, qui est absent en ce moment de sa résidence habituelle et qui parcourt les côtes de l'Espagne et de l'Algérie, m'invite à Vous prévenir qu'il ne peut que trouver convenable le prix que Vous avez fixé avec M. Veidlich pour les tableaux dont il a désiré avoir la reproduction, soit Fl. 60 par copie. Le Prince désirerait seulement apprendre de votre complaisance, Monsieur, combien il y a de tableaux et à quelle époque les copies pourraient être livrées.

Veuillez avoir la bonté de me fournir ces renseignements et agréez, Monsieur, l'assurance de mes sentiments de considération très distinguée.

O. Jauner, fondé de pouvoir de Mr. le prince Démidoff.

Monsieur le Professeur Hanka à Prague.

San Donato,
le 24 Septembre 1847.

3.

Duplicata № 212.

Monsieur,

Durant mon voyage de l'Eté dernier Mr. Octave Jauner, mon représentant, s'est adressé à Vous de ma part et Vous a écrit en date du 24 Septembre, pour Vous annoncer que j'avais trouvé très convenable, le prix fixé par Mr. Veidlich, pour exécuter des copies des divers tableaux dont je désirerais posséder la reproduction.

Je Vous faisais alors demander, par le même organe, de combien de copies à 60 florins, se composerait la collection et dans quel espace de temps elle pourrait m'être livrée.

Aucune réponse ne m'étant parvenue depuis cette époque déjà éloignée, j'espère, Monsieur, que je ne dois attribuer votre silence à aucun motif fâcheux pour votre santé et je viens, en vous confirmant la lettre précitée de Mr. Octave Jauner, vous prier de me donner la solution qu'elle réclamait.

Je saisis cette nouvelle occasion pour Vous exprimer mes sentiments de considération distinguée. Démidoff.

Monsieur le Professeur Hanka à Prague.

San Donato,
le 18 Mars 1848.

d'un voyage dans la Russie méridionale et la Crimée"). Д. интересовался славянствомъ; состоялъ въ перепискѣ и съ Шафарикомъ.

4.

Monsieur,

Vous me dites „le Christ est ressuscité". Je vous réponds: „Non, en vérité, il n'est pas encore ressuscité, mais les hommes animés de la foi travaillent à soulever la pierre du sépulcre d'où sortira la lumière de la vérité. Pour moi, je m'occupe activement de publier en langue française les savantes recherches éttimologiques de Mr. Saffarik; c'est la part actuelle que je me suis donnée dans le labeur commun que chacun travaille ainsi dans un esprit de concorde et d'union fraternelle et bientôt nous pourrons dire avec raison „le Christ est ressuscité".

Croyez, Monsieur, à mes sentiments de confraternité et d'estime particulière. Démidoff.

Florence,
le 5/17 juin 1848.

5.

Monsieur,

J'ai eu l'avantage de Vous écrire le 18 Mars dernier, au sujet des travaux que M. Veidlich devait exécuter pour mon compte, et dupuis cette époque, je n'ai reçu aucune réponse de Votre part: j'en conclus que ma lettre précitte ne Vous est vraisemblablement pas parvenue: s'il en était ainsi, je m'empresserais de Vous en envoyer un duplicata sur la réponse que j'attends, Monsieur, de Votre obligeance: et je profite de l'occasion pour Vous réitérer l'assurance de mes sentiments de considération distinguée.

Démidoff.

Monsieur le Professeur Hanka à Prague.

San Donato,
le 20 août 1848.

6.

М. Г., Вячеславъ N. N.!

Изъ трехъ писемъ Вашихъ я получилъ только послѣднее, отъ 9-го Сентября; не сомнѣваюсь, что первыя два занесены куда нибудь вихремъ, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, политическихъ событій.

Благодарю Васъ за хлопоты о пріисканіи живописца, хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ не намѣренъ воспользоваться трудами, предлагаемаго Вами, Г. Норта. Отлагаю свое намѣреніе до лучшихъ временъ.

Вы спрашиваете меня, читалъ ли я про Вашу Пятидесятницу? Читалъ со вниманіемъ, хотя въ настоящее время мы едва успѣваемъ слѣдить за компактными томами живой Исторіи, которая творится вокругъ насъ; вездѣ проявляется волненіе жизненныхъ силъ,—тутъ, холодныхъ, но энергическихъ; тамъ, пламенныхъ, но мгновенныхъ, безсильныхъ... Трудная задача предстоитъ будущему Историку, который возьмется извлечь изъ этого хаоса бурныхъ страстей ясную философическую идею. *Гдѣ* остановится волненіе, *куда* ведетъ оно, *какъ* образуется изъ него *новый порядокъ*—извѣстно одному Богу! Человѣческая же проницательность становится въ тупикъ. Но, во всякомъ случаѣ, я не нахожу ничего убѣдительнаго въ доводахъ, представляемыхъ на концѣ штыковъ и подкрѣпляемыхъ пулями и ядрами. Мы живемъ не въ среднихъ вѣкахъ, когда грубая, матеріяльная сила предписывала законъ; въ наше время развилась другая сила,—сила нравственная.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что нѣмецкія газеты *по своему* разсказываютъ всѣ событія, относящіяся до вашего края; это въ порядкѣ вещей; но не согласенъ съ Вами въ прекращеніи всѣхъ сношеній съ Нѣмцами. Развитіе самобытной народности прекрасное дѣло, но—одной воли не достаточно; нужна еще сила, нужна возможность приведенія въ дѣйствіе этой воли.

На всякое хотѣніе есть терпѣніе — говоритъ русская пословица.

Вы можете быть вполнѣ увѣрены, что все, касающееся до развитія единства и самобытности Славянскаго племени, близко моему сердцу; я искренно люблю свое отечество, искренно люблю Исторію его и все, касающееся его блага; сожалѣю, что въ настоящее время не имѣю у себя рисунковъ народныхъ русскихъ костюмовъ. Покойный Президентъ Санкт-Петербургской Академіи Художествъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, издалъ весьма замѣчательное Собраніе, преимущественно древнихъ русскихъ нарядовъ. Если Вамъ угодно, то я могу достать ихъ Вамъ.

Въ заключеніе обращаюсь къ Вамъ съ двумя вопросами:

Во первыхъ, я желалъ бы знать Ваше отчество, или, говоря по просту, какъ Васъ *зовутъ по батюшкѣ*.

Во вторыхъ, какіе цвѣта, какая кокарда Славянскаго племени?... Въ наше время этотъ вопросъ чрезвычайно любопытенъ.

Въ ожиданіи отвѣта имѣю честь быть, съ истиннымъ уваженіемъ и пр. А. Демидовъ.

Его Высокоблагородію Господину В. Ганкѣ.

Санъ-Донато,
17/29 Сентября 1848.

7.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Обстоятельства и безчисленныя дѣла препятствовали мнѣ до сихъ поръ отвѣчать на Ваше письмо отъ 22 сентября (10 октября) прошлаго года. Ожиданіе Ваше, относительно посѣщенія королевскаго дворца самимъ Государемъ, сбылось; оправдалось и Вами употребленное выраженіе: *убѣжище*... Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ Вамъ мое послѣднее письмо, многое прошло, многое наступило, а между тѣмъ будущность не прояснилась; прежній, непроницаемый туманъ скрываетъ ее отъ насъ. Дай Богъ, чтобы изъ политическаго хаоса образовался такой же прекрасный міръ, какой Творецъ Вселенной извлекъ изъ хаоса физическаго.

Это случится только тогда, когда и малый, и великій будутъ равно проникнуты *идеею* порядка, а не подчинены только *формамъ* его.

Что касается до изданія Алексѣя Николаевича Оленина: „Собраніе древнихъ славянскихъ нарядовъ“, то я непремину доставить Вамъ его при первой моей поѣздкѣ въ Петербургъ.

Признаюсь Вамъ откровенно, что я не мало удивился, узнавъ по ленточкѣ, приложенной къ Вашему письму, *французскій триколоръ* безъ всякаго измѣненія. Меня удивляетъ еще то, что этотъ трецвѣтъ принятъ безъ всякаго основанія. Неужели Славянское племя не имѣетъ своихъ цвѣтовъ?... Положимъ даже, что нѣтъ; такъ неужели нельзя было придумать цвѣтовъ, на какомъ бы то ни было историческомъ или археологическомъ основаніи? Мнѣ кажется, что неосновательное *свое* лучше всякаго *подражанія*, тѣмъ болѣе, что послѣднее столь же неосновательно.

Примите, М. Г., увѣреніе въ истинномъ уваженіи.

Демидовъ.

Его Высокородію Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ, въ Прагѣ.

Брюссель,
1-го Февраля 1849.

8.

№ 49.

М. Г., Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо отъ 22 декабря (3-го января), вмѣстѣ съ приложеннымъ письмомъ Г. Ритерсберга.

Благодаря Васъ, Милостивый Государь, за сіе сообщеніе, равно какъ и за поздравленіе Ваше съ наступившимъ Новымъ

Годомъ, мнѣ пріятно увѣдомить Васъ, что нынѣ-же я отвѣчаю г-ну Ритерсбергу, извѣщая его, что я съ большимъ удовольствіемъ принимаю посвященіе издаваемаго имъ романа на богемскомъ языкѣ.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ просить Васъ, М. Г., принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности

А. Демидовъ.

Вѣна,
9/21 Января 1858 г.

9.

№ 378.

М. Г., Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше от 19/31 прошлаго мая вмѣстѣ съ двумя экземплярами историческаго романа, посвященнаго мнѣ Господиномъ Риттерсбергом и съ приложеннымъ письмомъ его ко мнѣ. Прошу Васъ, Милостивый Государь, отдавая ему приложенный при семъ отвѣтной съ моимъ приношеніемъ, повторить ему всю мою признательность за его посвященіе вмѣстѣ съ желаніемъ, чтобъ е разстроенное здоровье скоро востановилось.

Примите, М. Г., вмѣстѣ съ моею благодарностію за Ва благосклонное содѣйствіе увѣреніе въ постоянномъ моемъ ув женія.

Демидовъ.

Мил. Государю В. Ганкѣ.

Вѣна,
5-го Іюня 1858 г. н. с.

10.

№ 402.

М. Г., Съ большимъ прискорбіемъ узналъ я изъ письма Ва шего отъ 3/15-го сего мѣсяца о кончинѣ Риттерсберга. Потеря сего ученаго мужа должна была быть очень чувствительна не только для ближнихъ его, но еще и для ученыхъ людей, ибо онъ своею дѣятельностью много сдѣлалъ для науки, какъ видно изъ некролога посланнаго Вами мнѣ, и за котораго (sic) я Васъ искренно благодарю.

Прося Васъ передать приложенное при семъ письмо дочери покойнаго, повторяю Вамъ, М. Г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Демидовъ.

Его Высокородію В. Ганкѣ.

Вѣна,
[illegible] Іюня 1858 года.

A. T. Дерличъ.

1.

Visokoučeni Gospodine!

Ja sam u ime mog otca lane bio tako slobodan poslat Vam Kalendar naški, u kom je moj otac našem narodu prevod od Vas nadjenog Rukopisa Kraljodvorskoga dao. Buduć da ove godine naslěduje, što je lani započeto bilo: zato Vam evo i ove godine opet šaljem, da vidite, i molim da dobrim srdcem primit blagoizvolite.

Ovaj kalendar je kroz 9 godin' danah zvao se ilirski, al magjarska, nestrpljiva i svem slavjanskom nepriateljna budimska cenzura starinsko ono ime zabrani, te tako moj otac usiljen biaše prošaste godine ime ilirsko u Našk o pretvorit. Buduć da pako godine 1845 zabrana ona imena ilirskog prestade, zato moj otac opet svom Kalendaru staro ime svoje povratit htěde t. j. ilirsko. Al censura svojom punomoćju, brez ikog zakonitog uzroka opet izbrisa ime ilirsko i pretvori u Hrvatsko-Slavonsko. Grěsi tiska nemogu se mom 4 dana daleko od Budima na turskoj medji u Brodu stanujućemu Ćaćki pripisat.

Směšno je što u „Slawische Jahrbücher, VIII i IX Heft, pag. 300" nětko o ovom Kalendaru kaže, da za grčko sjedinjene i nesjedinjene slavjane izilazi! Da je samo pogledao u njeg vidio bi, da ima i za Rimokatolike u prvoj rubrici dnevnik!

S'time mog otca i sebe u Vašu dobrotu priporučujuć, ostajem, nepoznatim načinom, Vaš oddani štovatelj

Andria Torkvat Derlić,
Klerik biskupie Zagrebske u Pazmaništu.

U Beču na Brašančevo 1846.

2.

Veleštovani i Visokočeni Gospodine!

Po zaključku gospodarskoga odbora Matice od 10. t. m. odlučeno je srdčano moliti Vas, da bi nam blagoizvolili rodoljubivom dobrotom priobćiti najbolji način, kojime bi se moglo u knjigotrgovački ili knjigomjenični savez s Ruskom i Poljskom stupiti. Nadamo se u tom poslu tim točniem upućenju od Vas, buduć ste Vi s onimi načini poznati, kojimi književnost češka sa ruskom i poljskom u uzajamnosti stoji i buduć Vašu blagonaklonost prama našem družtvu, kao i oduševljenost za ideu slavenske uzajamnosti poznamo.

Molimo Vas takodjer da nam oprostite, što neimajuć tan nikoga pouzdana, prisiljeni se vidimo Vas za razdjeljenjem pril ženih knjigah po svojih naslovih obterešiti.

Ostajemo sa štovanjem: N. Manin,
podpredsiednik.
Andria Torkvato Derlić,
tajnik.

Gospodinu Vaceslavu Hanki, čuvaru narodnog Muzeuma u Prag.
U Zagrebu,
22 Kolovoza, 1851.

3.

Gospodine!

Ja sam veoma zahvalan za Pravopis rusko-češki po g. Dr Vančasu mi poslan. Osobito me je obveselila ljubežljiva uspomei Vaša na mene, koji se dosta s mlogom razkošiju setjam onog vr mena, kad sam u ugodnom i cienjenom Vašem družtvu i razgov ru bio.

Molim, da mi i nadalje ljubav i priateljstvo Vaše sačuvat zašto i gg. Palackog, Šafařika, Riegera i Strobacha i t. d. srdači s pozdravom molim.

Nadamo se, da će iz uzajamnosti u književnosti proizteći v lika budućnost slovinska i s toga se usudismo Vašu dobrotu ov put zamolit, kao u drugom listu što vidite.

Ja privremeno uredjujem „Kolo“. Molim Vas, da kojegago domorodca českog, koji bi imao vremena k tomu, pozovete, ne učini opis literature češke od 1848—1851. Ja bi želio Jugoslave stvu ga predočiti u Kola knjizi IX. Knjiga VIII će izaći koji da a Palmotića Kristiada se je već na troškove Matice naše poče tiskat.

S Bogom! Ostajem Vaš iskreni Derlić.
U Zagrebu,
28 Kolovoza, 1851.

С. С. Джунковскій[1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Платонъ Лукичъ Тутковскій, кандидатъ Кіевскаго универ ситета, товарищъ мой по Берлину, отправляется теперь в

[1]) Степанъ Степановичъ Джунковскій (р. 1820, † 1870), сынъ извѣ

Прагу и такъ добръ, что взялся доставить мое письмо къ Вамъ [1]). Пользуюсь случаемъ еще разъ искренно и много поблагодарить Васъ за Ваше гостепріимство. Не смѣю оправдываться передъ Вами, что не писалъ къ Вамъ, и только надѣюсь на Вашу снисходительность, что Вы извините меня. Изъ Вѣны, гдѣ я въ прошломъ году получилъ письмо и записочки Ваши, я отправился въ Пресбургъ, Пестъ и Новый Садъ. Бѣлградъ видѣлъ я только издали изъ окрестностей Карловицъ. Время не позволило мнѣ ѣхать далѣе. Поэтому я и не былъ въ Загребѣ и не могъ воспользоваться знакомствомъ съ Г. Гаіемъ. Благодарю Бога за пріятное время, проведенное въ земляхъ Славянскихъ, и за истинно благородное, родственное, христіанское гостепріимство, которымъ я тамъ пользовался. На дняхъ я предполагаю оставить Берлинъ и ѣхать въ Голландію, Францію и потомъ въ Англію, такъ чтобы черезъ полтора года возвратиться въ Россію. Надѣюсь еще писать Вамъ. Потрудитесь передать мою искренную

наго ученаго агронома, одинъ изъ представителей русскаго католицизма. Отправленный гр. Уваровымъ для изученія средней и низшей школы въ Зап. Европѣ, Дж. прибылъ въ Римъ, здѣсь принялъ католичество и въ 1858 г. сдѣлался іезуитомъ. Онъ издалъ „Dictionnaire des missions" (1866). Впослѣдствіи возвратился къ православію и въ Россію. Джунковскій въ первый разъ посѣтилъ Ганку въ мартѣ 1843 г.; вторично расписался въ альбомѣ Ганки 8 іюля 1851 г.

[1]) Въ альбомѣ Ганки 18/30 марта 1844 г. Тутковскій написалъ слѣдующее: „Влекомый желаніемъ познакомиться поближе съ центромъ современной умственной жизни Славянской, въ числѣ многихъ соотечественниковъ моихъ, и я сподобился наконецъ посѣтить гостепріимную, завѣтную Прагу и имѣлъ истинное удовольствіе узнать Васъ лично, достойнѣйшій, незабвенный нашъ Вячеславъ Вячеславовичъ,—насладиться Вашею умною, живою бесѣдою, узнать въ Васъ того же добраго, ласковаго, гостепріимнаго Славянина, съ тою же безкорыстною любовью ко всему, что носитъ на себѣ печать славянства, съ тѣмъ же живымъ сочувствіемъ къ общей родинѣ,– словомъ, того же Вячеслава Вячеславовича, котораго я уже зналъ дотолѣ заочно по разсказамъ моихъ соотечественниковъ, имѣвшихъ счастіе прежде еще познакомиться съ Вами. Повѣрьте, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, что воспоминаніе о блаженнѣйшихъ минутахъ, проведенныхъ мною въ благодатной Прагѣ, въ обществѣ Вашемъ, будетъ всегда самымъ пріятнымъ, самымъ вожделѣннымъ временемъ въ моей жизни,– и я до могилы сохраню въ душѣ моей тѣ же чувства любви и уваженія къ Вамъ и ко всему славянскому міру, какими наполняется она теперь, въ тотъ самый моментъ, когда я пишу Вамъ эти строки.

Прошу Васъ, сохраните въ памяти Вашей имя Вашего покорнѣйшаго слуги П. Тутковскаго, Кіевлянина".

благодарность Г. Шафарику, Г. Станеку, Г. Лиману и при с
чаѣ всѣмъ моимъ Прагскимъ знакомымъ.

Честь имѣю быть признательный

Ст. Джунковскій.

Его Высокоблагородію, Милостивому Государю, Вячеславу Вячес
вичу Ганкѣ. Въ Прагѣ, на Градчинѣ, въ домѣ Національнаго Чешск
Музеума.

Берлинъ,
8/20 Марта 184[illegible].

Графъ Т. Дзялынскій[1]).

1.

Wielmożny Mści Dobrodzieju!

Rozmaite okoliczności do dziś dnia były mi na przeszkod
dostania się do miejsca, z którego, przypominając się względ
Pańskim, mógł bym oraz zadość uczynić obietnicy moiéy przes
nia dla Pana Dobrowskiego przyrzeczonego egzemplarza Bił
Ostrogskiéj; poważam się przesłać ią na ręce Pańskie, oraz z list
kredytowem, którego podniesienie wszelkich wydatków ochr
Panu Dobrowskiemu. Z żalem wyznam Panu Dobrodziejowi,
nie znayduię pod ręką niczego takiego, co by mogło Panów in
ressować. Z dawnieyszych dzieł, tyczących się Czech a u nas ia
rzadsze uważanych trafiam na Dykcyonarz trium linguarum: La
nae, Teutonicae, Boemicae, na końcu z herbem Polskim, wyda
513. w Wiedniu przez Jana Singreniusza i Heronima Wieto
z których ostatni rokiem późniey otworzył swoią własną druk
nię w Krakowie; potem Confessie wiary tak nazwanych braci C
skich wydania Witemberskiego roku 1538. z portretem Jana Hu
jak Pan widzisz, iest to bardzo mało, a o kilku voluminach sta
żytnych rękopismów, przez tychże braci w Lesznie po czesku pi
nych, nie potrafiłbym Panu zdać sprawy bez wielkich trudno
W Warszawie jednak mam prawie pewną nadzieję wydoby

[1]) Tytus hr. Działyński (p. 1797, † 1861), извѣстный меценатъ и у
ный издатель памятниковъ польской исторіи и письменности, владѣт
извѣстной Курницкой библіотеки въ в. кн. Познанскомъ.

О его дѣятельности см.: Ю. Бартошевича и Л. Губерта въ по
ской Enc. powszechnej; Gaz. Pol., 1861, № 97 и 100; Tyg. Illustr., 1
№ 115 и 115.

onego sławnego statutu czeskiego; tymczasem jednak po tak otwartej uprzeymości Pańskiéy, spodziewam się iż mi nie odmówisz umieszczenia moim kosztem w Gazetach tamteyszych, iak i w pismach literackich prozby bez wyrażenia imienia moiego, o wypisane tu książki z przyłączeniem ceny, którą za każdą ofiaruię. Przyłączony list kredytowy dla W. Pana Dobr. na 1000 Ryńskich podobno pierwsze wydatki zaspokoi, skoro by te były wyczerpane nie omieszkam nowych nadesłać funduszów. Dowiedziawszy się o niebytności Pana Dobrowskiego w Pradze, nie trudnię go listem moim; śmiem iednak Panu przypomnić za 10 ff. przyrzeczony mi lepszy exemplarz Biblii Ostrogskiey jak i czeskiego pisemka Judit. Racz W. Pan Dobrodziéy przyiąć odemnie wyraz tego prawdziwego szacunku, na który sobie tak bardzo zasługuiesz od wszystkich przyiacieli muz i pomników Słowiańskich.

Wielmożnego Pana i Dobrodzieja najniższy sługa

Działyński.

На отдѣльномъ листѣ:

1. Za każde dzieło czeskie Bartosza Paprockiego w formacie in 4-to	25	Ryńskich
2. Za Oborę	40	—
3. Za 4 pierwsze karty jego Junony	20	—
4. Za każde dzieło polskie tegoż Paprockiego	25	
5. Za jego Panosze in 4-to w Krakowie 1575	80	—
6. Za polskie tłómaczenie całey Biblii przez Szymona Budnego w Zasławiu Litewskim u Daniela z Lęczycy 1572	100	—
7. Za tłómaczenie nowego testamentu przez Seklucyana wydania krakowskiego 1551	80	—
8. Za polskie tłómaczenie Biblii Justa Babego podobno w Krakowie 1617 in folio	160	do 200
9. Za kronikę Świata jakiego bądź wydania Marcina Bielskiego	100	—
10. Za jakie bądź dzieła Marcina Bielskiego in 4-to po	50	—
11. Za jego książkę o obrotach wojennych do Olbrachta Laskiego	100	—
12. Za jakie bądź dzieła Mikołaja Reja	60	—
13. Za jego fraszki, o których mi Pan Dobr. powiadałeś a nawet i więcej.	100	—
14. Za każde dzieło w języku Polskim czy to prozaiczne czy poetyczne przed 1530 Rokiem	30	—
15. Za każde dzieło poetyczne w języku polskim aż do Roku 1550	30	—
16. Za każde dzieło in 4-to Macieja Osostowicza Stryjkowskiego	25	—
17. Za rękopism lub kopię rękopismu Kroniki Jana Tarnowskiego	500	—
18. Za rękopism lub kopię Kroniki Józefa Gambreusza	300	—

Gdyby się miały znaleźć w rękopismach Polskie tłómaczenia Biblii przed rokiem 1460, znaczne bym za nie ofiarował pieniądze.

Kórnik pod Poznaniem r. 1828.

2 [1]).

Wielmożny Panie i Dobrodzieju!

Nieskończenie Panu Dobrod. iestem wdzięczny za życzliwe chęci, które ci nie pozwalaią opuszczać żadney sposobności ponowienia mi dowodów tak wysoko odemnie cenioney przyiaźni Pańskiey.

Seklucyana dziełko racz Panie nabyć w jakiey będziesz mógł cenie, dam 100 ryńskich a nawet i więcey ieśli będzie potrzeba.

I my tu, łaskawy Panie, nie próżnojemy, a usiłowania moje o zachowanie pomników chwały narodowey nieustannie wynagradzają szczęśliwe wynalazki. Udało mi się odkryć ważny rękopism nigdy nie drukowanego 1-szego Statutu Litewskiego, który stał się powodem do uczoney pracy Lelewela i Daniłowicza, którą do druku podajemy, pod tytułem zupełnego zbioru prawodawstwa Litewskiego. Postrzeżesz Pan w pierwszym arkuszu, który załączam, i który dopiero z druku wychodzi, iż zamiarem iest na wstępie zebrać wszystkie prawa, które redakcią pierwszego statutu w R. 1529 pisanego poprzedziły. Nie drukowane prawa wypisujemy z oryginałów, jeśli się te znajdują, lub z kopij metryk Litewskich; przy znajomych już przytaczamy wszystkie statuta, w których były umieszczone, prostując częstokroć druk przez porównanie z oryginałem ustaw. Pierwsze ślady prawodawstwa Litewskiego noszą cechę i formę redakcijów, w Polsce używanych; ale iuż trzeci arkusz i wszystkie późniejsze wystawiaią najciekawszy obraz dawnych zwyczajów, i iak cała pierwsza redakcija zachowuią jedyny prawie ślad prawodawstwa zupełnie oryginalnego, ani skażonego, ani poprawionego prawami Rzymskiemi i Theutonicznemi. Przeglądając 1-szy arkusz proszę, żebyś Pan nie nam przypisywał częstokroć grube omyłki w łacinie, ledwom niektóre poprawki wytargował na Lelewelu [2]), a te tylko tam, gdzie mogła być wątpliwość o sposobie pisania w originale, i tak piszemy raz

---

[1]) Письма № 1 и 2 сообщены были Эд. Клинкомъ въ иллюстрированномъ журналѣ Świat, Kraków, 1894.

[2]) См. Korrespondencya Joachima Lelewela z Tytusem hr. Działyńskim. Przez Dr. Z. Celichowskiego. Poznań 1884.

comitas, drugi raz communitas terrarum, tak czasem po *ut*, obrot nie jest in subjunctivo etc. etc. Przekonaliśmy się iednak, iż tak iest trudno ograniczać się w poprawkach i oddać przy tym rzetelnie kształt i prostotę ustaw owych wieków, że postanowiliśmy trzymać się z dyplomatyczną skrupulatnością nawet błędów. Byłbym niemal zapomniał powiedzieć, iż text statutu i wiele poprzedzających ustaw będą drukowane w języku oryginalnym, to jest w Ruskim, dostrzeżesz nawet Pan nader ciekawe różnice dyalektów w ustawach prowincionalnych, n. p. w przywilejach nadanych Witepszczanom i Bielszczanom, jednym słowem—dzieło będzie lepiey jak ja za sobą mówiło. Skoro wyjdzie z pod prasy będę WPanu trzy exemplarze ofiarował, z których jeden dla muzeum, a drugi dla naszego Pana Dobrowskiego.

Ale cóż, łaskawy panie, powiesz, że i moja żona z popiołów odmuchuje nasze pomniki; znajduje się w Bibliotece moiey sławny rękopism, zakończony w 1530 roku, w którym zachowane są starożytne obrazy członków familii Szydłowieckich (Chrysztofowi dedykował Erazm Rot: swoy traktat de Lingua), to więc dzieło z tłómaczeniem polskiem i rycinami moja żona wydaje, a dopokąd nie będzie ukończone, poleca mi, abym przynaymniey pierwsze ryciny, posłał w upominku dla naszego uprzeymego przyiaciela Sławian. Mam także honor załączać trzy exemplarze Poeziow sławnego w XVI wieku poety Polskiego, które Pan Muczkowski, mój towarzysz podróży do Szwecyi, wyjął z mojej Biblioteki i mnie przypisać raczył. Niemniey proszę ofiarować odemnie Xdzu Opatowi Cysterskiemu fac simile dzieła, które mi raczył darować; oraz exemplarz Śpiewów Niemcewicza.

Ofiaruiesz mi Pan Dobrodziey, odesłać pieniądze, które u Pana są złożone. Lecz bardzo proszę o ich zachowanie, dopokąd memi postulatami nie przestanę Pana prześladować. Czyby nie można nabyciem innych dzieł, bardziey dla biblioteki akademiczney stosownych, odzyskać polski exemplarz Reja przytłustych poezyi, o których także dokładny tytuł tymczasowo proszę. Chętnie uczynię znaczne ofiary w celu nabycia dzieła, u nas nad wszelkie uwierzenie rzadkiego.

Czy nie masz czeskiey historyi życia Pawłowskiego Biskupa Ołomunieckiego? Czy są iakie czeskie pomniki wyprawy X. Korybuta (Zygmunta Wiśniowieckiego) za czasów Żiżki do Czech i historia oblężenia Karlsteynu przez tego Xięcia, o której Pelzel pisze pag. 249 edicyi 1774? Prosiłbym także o nabycie dla mnie, jeśli można, historyi przez Pelzela przytoczonego w tym miejscu Bartosska de Drahonicz. Czy iest iaki czeski opis wyprawy Lisow-

czyków za Zygmunta III? Pisze o nich Dębołęcki pod tytułem: pamięć cnych Elearów, w dziełku, którego nie posiadam, a radbym wiedział, czy o tych walecznych rozboynikach znaydę obszernieysze szczegóły w czeskich pamiętnikach. Nareszcie przypominam Panu Dobrowskiemu obiecaną mi Judith; i jak się skończyła negocialia o biblię Ostrogską, radbym się dowiedział. Suplikowałbym także Pana mojego o wypis reyestru znanych w Czechach dzieł Paprockiego; czuję w sobie tę słabość, tak bardzo przez filozofów naganianą, to jest nabywaniem powiększoną chciwość, i chęć zebrania kompletu Paprockiego; z czeskich iego pism, prócz foliałowych i Junony etc., mam Ecclesia 601. Panna 602. Stav manželský 601. Třinacte tabuli 601. Pust tělesny 601. Kssafft sine anno i Oratio ad amplissimos etc. Regni Bohemiae Viros, 1589.

Kończy się móy papier, a ia ieszcze muszę powtórzyć moie podziękowanie za doznane względy, i zaledwo mi zbywa papieru dla wyrażenia wysokiego szacunku, z którym mam honor się pisać WMPana Dobr. najniższy sługa Działyński.

Dnia 5. Novembra 1828.

3.

Hochverehrtester Herr!

Ich weiss nicht, ob ich mir schmeicheln darf, dass Ew. Wohlgeboren meinen Namen nicht vergessen haben. Als Rettungsmittel von dieser Gefahr erlaube ich mir anliegend ein Werk zu übersenden, dessen III-ter Theil den Anfang gemacht hat zu einer höchst wichtiger Zusammenstellung noch nicht edirter Urkunden über die Union von Polen und Lithauen. Bei dieser Angelegenheit erlaube ich mir Ihre Aufmerksamkeit auf die Dedicatio zu richten. Ich hatte nämlich die Absicht gehabt, dieses Glaubensbekenntniss dem Kaiser Alexander II zu widmen, habe es aber unterlassen, als mit den späteren Vorgängen kaum mehr passende Demonstration. Nun befinde ich mich in Carlsbad, um meine sehr zerrütete Gesundheit wo möglich zusammen zu flicken. Den 17-ten d. M. gedenke ich von hier zu verreisen und würde mich entschliessen, meinen Weg über Prag einzuschlagen, wenn ich die Hoffnung hegen könnte - ausser der Ehre Ew. Wohlgeboren meinen Besuch abzustatten—noch gewisse Zwecke zu erreichen.

Wäre es möglich, aus der Dominicaner Bibliothek 3 Schriften zu entlehnen oder zu aquiriren? — nämlich: „Die lockeren Gedichte oder figielki“ von Nicolaus Rej aus dem XVI Jahrhundert;

das neue Testament von Seclucian und eine dort befindliche 4-to Schrift von Bartolomeus Paprocki; endlich wäre die polnische 4-to Bibel von Simon Budny in Prag, wenn auch für schweres Geld, zu aquiriren. Den Herrn Dominicanern könnte ich einen prachtvollen Pergament Codex der Institutionen des Dominicaner Ordens im Tausche offeriren. Dieser Codex wurde von den Schweden nach Stockholm gebracht, von wo aus er für eine bedeutende Summe wieder gekauft wurde. Ew. Wohlgeboren würden mir eine ganz besondere Freundschaft erweisen, wenn Sie mich mit etlichen Wörtern Antwort über diese meine Fragen beehren wollten. Ich verbleibe, wie gesagt, bis zum 16-ten in Carlsbad, wo ich im Hause „König von Schweden" wohne.

Der VII Band meiner Auflage der „Tomiciana" ist soeben in Posen erschienen; auch habe ich, und zwar zu Ihrer Ansicht, das unendlich seltene Werk des Simeon Turnowski mitgebracht, wo er von den Conferenzen des Königs Wladislaus Jagiello im Jahre 1431. mit den Hussiten: „Prokop Hoły, Piotr Anglik, Biedrzych i Wilem Kostka" Erwähnung macht. Ich bin in diesem Augenblicke mit dem Drucke äusserst wichtiger Documente beschäftigt; auch habe ich soeben ein Verhör vom Jahre 1319. über die Kreuzherren Angelegenheiten neulich abdrucken lassen.

Ich verbleibe hochachtungsvoll ganz ergebenster

Titus Comes Działyński.

P. S. Wäre es nicht unbescheiden, verehtester Herr, Sie zu bitten, die jetzt in Prag vorhandenen Antiquar Bücher-Verzeichnisse zur Einsicht gefälligst nach Carlsbad übersenden zu wollen.

Carlsbad,
d. 2-ten September 1858.

4.

Najszanowniejszy Panie!

Dziękuję serdecznie za przysłane mi katalogi. Na nieszczęście nie wiele znalazłem z pomiędzy rzeczy, jakiemi się wyłącznie zajmuję. Ale darmo—wypisałem to, czego użyć mogę, i ten spis przesyłam na ręce łaskawego Pana. Czynię to dla tego, bo mi pozwalasz użyć łaski Twojej; powtóre, że będę miał tylko jeden dzień wolnego pobytu w Pradze. Wyjadę z Karlsbad w czwartek o $6^1/_2$ godz. w wieczór; stanę w Pradze rano, nie wiem o której godzinie, i zajadę, jak mi w Karlsbad wskazują, do oberży „Zum schwarzen

Ross*. Ztamtąd natychmiast pośpieszę złożyć głębokie u
nie moje zacnemu Patryarsze erudycyi sławiańskiej.

Szanownego Pana Dobrodzieja Najniższy sługa

T. Hr. Działyń

P. S. Wypłaciłbym natychmiast książki w załączon
umieszczone i pozwalam sobie prosić o wezwanie księga
te raczyli łaskawie zebrać.

Karlsbad,
9 Września 1858.

5.

Szanowny Panie!

List WMcPana Dobrodzieja i łaskawie przesłane n
doszły mnie bardzo późno, bo byłem do wód wyjechał.
się dziś z podziękowaniem i z oświadczeniem, że panowie
scy są zupełnie bankrutami, ale że jak najchętniej nabędę
se za 50 fl. Proszę tylko kazać je zaadresować do mnie d
nia, skoro wrócę z peregrynacyi, a ja je natychmiast zap
zwalam sobie przesłać Panu Dobrodz. książeczkę, którą v
roku kazałem drukować w Berlinie. W tym roku wyjd
nowych dzieł z pod prassy, a mianowicie: Djarjusz Sejm
kowskiego i Warszawskiego. Nie omieszkam służyć Pa
tem nader ważnem wydaniem. Nabyłem „*Figliki*“ Reja
ne mi wydanie jego „Zwierzyńca“. Teraz jestem zajęt
pięknem wydaniem Herbów Długosza; mam też do tego
znane druki Paprockiego, z wyjątkiem jednego i jedyneg
Panoszy, czyli herbów Panów ruskich. Gdyby się taki eg
miał znaleźć w Czechach, zapłaciłbym go bardzo drog
mała książka in 4°, jeżeli się nie mylę, wydana w Krakow
Zdarzyło mi się także nabyć I-y tom i kilka ksiąg II-go t
Biblii Czeskiej w 6-ciu tomach; ten mój ułamek jest malo
tem i pysznemi kolorami a odbity na bardzo pięknym
z wielkiemi marginesami. Zawsze się rekommendują o *bi
nego*, za którą chętnie dam 150 fl. C. M. Pozwalam sobi
czyć kartkę z wybiciem kilkunastu herbów podług wzor
tych z Reja Zwierzyńca; jest to tylko początek do bardz
nego przedsięwzięcia.

Racz Pan przyjąć wyraz najwyższego poważania m
Najniższy sługa T. Działyń

P. S. Jutro przymuszony jestem wyjeżdżać z Karlsbadu. Pozwalam sobie jednakże ponowić moje zaprosiny w przypadku, gdyby podczas ferjów Bożego Narodzenia czas Panu pozwolił zawitać na chwilkę do Kórnika.

Karlsbad,
17 Września 1859.

П. П. Дубровскій[1]).

1.

М. Г.! Примите мою всепокорнѣйшую просьбу о принятіи Вами участія въ Русскомъ журналѣ, который я намѣренъ издавать въ Варшавѣ, въ слѣдующемъ году (если, Богъ дастъ, позволятъ обстоятельства). Цѣль этого журнала способствовать литературной взаимности, о которой писалъ г. Колляръ. Я приглашаю къ этому многихъ Словянскихъ ученыхъ и прошу ихъ присылать мнѣ иногда свои статьи, которыя буду переводить по-Русски и печатать. Отъ меня совершенно будетъ зависѣть удобство пересылать ихъ по почтѣ.

Уже довольно ознакомясь съ Словянскими нарѣчіями, подъ руководствомъ г. профессора Кухарскаго, я чувствую себя въ состояніи выполнить это намѣреніе. И такъ, питаю пріятную надежду, что Вы будете ко мнѣ столь снисходительны и окажете свое содѣйствіе при изданіи моего журнала. Удостойте меня Вашимъ отвѣтомъ и пишите мнѣ по-Чешски. Также всепокорнѣйше Васъ прошу отослать по адресу прилагаемыя письма. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію Вашъ искренній почитатель и слуга Петръ Дубровскій.

P. S. Учителю Русскаго языка въ Варшавской гимназіи, въ Казимировскомъ дворцѣ.

S. P. S. Прилагаю Вамъ мой переводъ одной пѣсни изъ Краледворской рукописи. Они всѣ будутъ изданы мною вмѣстѣ съ музыкою г. Томашка.

---

[1]) Петръ Павловичъ Дубровскій (р. 1812, † 1882), русскій славистъ, первоначально учитель русскаго языка въ Варшавѣ, потомъ проф. Главнаго педагогич. института и экстраорд. академикъ II Отд. Академіи Наукъ. О его ученой дѣятельности: С. Пташицкій въ Ж. М. Н. Пр., 1882, XII, стр. 99—101.

ОСТАВЛЕННАЯ.

Ахъ, лѣса, лѣса дремучи,
Милетински лѣса,
Для чего зимой и лѣтомъ
Зеленѣете вы?
И я рада бы не плакать
Горесть сердца забыть,—
Но скажите, добры люди,
Какъ не плакать мнѣ здѣсь?
Гдѣ отецъ мой, дорогой мой?
Онъ въ могилѣ лежитъ...
Гдѣ же мать моя родная?
На ней травка растетъ...
Нѣтъ ни братца, ни сестрицы,
Съ милымъ розно живу!...
Ахъ, лѣса, лѣса дремучи и проч.

(Далѣе слѣдуетъ письмо А. Кухарскаго. См. ниже).

Варшава, 1839 г.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Наконецъ я возвратился и въ Варшаву! Грустно мнѣ бы[illegible] оставить вашъ край, особенно Прагу, которую полюбилъ я о[illegible] всей души [1]). Нѣтъ, я долженъ опять когда-нибудь посѣтить ва[illegible] иначе не хочу умирать. Не могу также забыть того словянска[illegible] радушія, которое нашелъ я въ кругу моихъ любезныхъ сопл[illegible] менниковъ. Снова повторяю: грустно, грустно мнѣ! Душа так[illegible] и рвется къ вашимъ горамъ! Смотрю на печатку, подаренную мнѣ вами и твержу безпрестанно: *впередъ, впередъ!* [2]).

Опять возвратился я къ моимъ прежнимъ занятіямъ. Опять мысленно живу въ обще-словянскомъ мірѣ. Пишу, читаю, читаю много и по-чешски. Письмо Срезневскаго къ вамъ, напечатанное въ Музейникѣ, я перевелъ по-польски и отдалъ напечатать въ Варшавскую Библіотеку [3]). Теперь занятія мои по службѣ

---

[1]) О путешествіи Дубровскаго по Чехіи и о „Денницѣ“ см. В. А. Францева, Очерки по ист. чешск. возрожд., стр. 261—282. Въ альбомѣ Ганки онъ расписался 12 іюля 1841 г.: „Въ знакъ искренней, братской любви и глубочайшаго уваженія къ знаменитому соплеменнику записываетъ здѣсь свое имя—Дубровскій“.

[2]) Печать Ганки съ изображеніемъ двухъ скачущихъ всадниковъ и девизомъ: „Впередъ!“

[3]) Письмо это (отъ 20—30 марта 1841 г. изъ Загреба), напечатанное въ чешскомъ переводѣ въ Č. Č. Mus., 1841, II, 224—224, по-польски помѣстила Bibl. Warszawska, 1841, IV, 211—225.

перемѣнились: на меня возложили преподаваніе церковно-словянскаго языка.

Посылаю вамъ Русскія пѣсни: примите ихъ отъ меня въ знакъ памяти.

Прощайте, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! Желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ. Искренно преданный вамъ и много васъ уважающій Вашъ Петръ Дубровскій.

P. S. Адресъ: Профессору Словянскаго языка въ 1-ой Варшавской гимназіи.

S. P. S. Ваша карточка отдана Строичинскому. Онъ самъ будетъ вамъ отвѣчать.

WP. Hanka. W Pradze. Jeho Wysokobłahorodiju Miłostiwomu Hosudarju Wjaczesławu Wjaczesławiczu Hankė w Pragė.

Варшава,
20 Сентября 1841.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Чувствительно благодарю Васъ за *Чешскія пѣсни* и за письмо, которое я перечитывалъ съ истиннымъ удовольствіемъ и невольно переносился въ мысляхъ въ милую и незабвенную Прагу. Вотъ я приступаю къ изданію литературной газеты, программу которой посылаю Вамъ. Сдѣлайте одолженіе, потрудитесь объявить вашей почтовой конторѣ, чтобы она приняла на себя собирать подписку на мою газету и относилась бы съ своими требованіями, если случатся, прямо въ *Главную Дирекцію почтъ въ Царствѣ Польскомъ*. Подписная цѣна годовому изданію 8 злотыхъ серебромъ по вашему курсу. Еще одна покорнѣйшая просьба къ Вамъ: потрудитесь написать письмо на мое имя (въ самомъ скорѣйшемъ времени) и извѣстите въ немъ о новостяхъ Чешской литературы, также, если можно, и илирійской. Ваша рука нѣсколько связна, и потому прошу Васъ написать поразборчивѣе. Письмо Ваше можетъ украсить первый нумеръ моей *Денницы*. Я жду его съ величайшимъ нетерпѣніемъ и умоляю Васъ не отказать мнѣ въ этомъ, надѣясь на Вашу неограниченную доброту сердца.

Мацеевскій Вамъ кланяется. Я не получалъ еще отъ него того, что Вы просили переписать для Васъ. Какъ получу, то съ величайшимъ удовольствіемъ исполню. Отъ души желаю Вамъ здоровія. Не забывайте меня и моей будущей *Денницы*. Про-

щайте, почтеннѣйшій и незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! Обнимаю Васъ и остаюсь искренно Вамъ преданный Вашъ

Дубровскій.

P. S. Прошу Васъ также напечатать мою программу въ *Журналѣ Чешскаго Музея* и въ *Цвѣтахъ*.

Варшава,
4 Декабря 1841 г.

4.

Почтенный и дорогой мой соплеменникъ Вячеславъ Вячеславичъ!

Чувствительно благодарю Васъ за Ваше неоцѣненное письмо, которое уже напечатано въ 1-мъ нумерѣ моей *Денницы*, какъ ея украшеніе. Я напечаталъ Ваше письмо почти такъ, какъ оно было написано. Какъ Вы думаете объ этомъ?

Уже вышли два нумера моей *Денницы*. Они заключаютъ въ себѣ путешествіе въ Лужицы Штура (переведенное съ чешскаго) и разборы чешскихъ пѣсенъ (Эрбена) и лужицко-сербскихъ (Смолеря), извѣстіе о издающейся въ Лужицахъ *Денницѣ* (Jutrnička) и наконецъ новости русской и польской литературы со включеніемъ вашего письма. Пускай же словянскій духъ, во имя котораго издается моя *Денница*, распространяется и посѣетъ доброе сѣмя. Употребляю всѣ средства, чтобы обратить вниманіе, какъ моихъ соотечественниковъ, такъ и Поляковъ, на родное Словянство, къ которому мы не можемъ быть равнодушны. Впередъ, впередъ!... Вы не повѣрите, съ какимъ любопытствомъ читали у насъ Ваше письмо. Теперь оно пошло далѣе, въ Россію... Простите же меня великодушно, если я опять обращусь къ Вамъ съ просьбою—осчастливить меня и другимъ Вашимъ письмомъ въ подобномъ родѣ.

Напишите мнѣ, какимъ образомъ пересылать Вамъ мою *Денницу* и какъ будетъ удобнѣе и выгоднѣе. Не возмется ли за это наша почта? Обдумайте и увѣдомьте меня.

Еще другая просьба къ Вамъ: потрудитесь зайдти къ книгопродавцу Кронбергеру и напомнить ему о журналахъ, о которыхъ я просилъ его. Къ нему также посылаю письмо.

Прощайте, безцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Искренно обнимаю Васъ и остаюсь много Васъ уважающій и любящій

Петръ Дубровскій.

P. S. Прошу Васъ передать г. Шафарику прилагаемое при семъ письмо.

Варшава,
10 Января 1842 г.

5.

Вселюбезнѣйшій и почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Спѣшу отправить къ Вамъ по оказіи 7, 8, 9, 10 и 11 нумера *Денницы*. Предыдущіе нумера я давно уже отослалъ къ Кронбергеру черезъ Липскъ. Давно уже не имѣлъ я отъ Васъ ни одной вѣсточки, а Денница осиротѣла безъ Васъ. Вѣрно, она будетъ столь счастлива, что Вы помѣстите въ ней хоть небольшую статью. Шафарикъ и Пуркинье уже украсили ее.

Поклонитесь отъ меня милой и незабвенной Прагѣ, о которой мнѣ такъ пріятно вспомнить. Когда-то я увижу ее? Душа моя рвется къ вамъ. *Впередъ, впередъ!* повторяю я, какъ только вспомню Васъ. Если послѣ *Денницы* взойдетъ *Солнце*, то я непремѣнно прилечу къ вамъ. Прощайте, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Не забывайте меня и моего журнала, предпринятаго во имя всего Словянства. Дай Богъ, чтобы Вы были здоровы. Остаюсь душевно любящій Васъ и безпредѣльно уважающій Вашъ Дубровскій.

P. S. Какъ только выйдетъ 12 нумеръ Денницы, сейчасъ же отошлю черезъ книгопродавца экземпляры, слѣдуемые пражскимъ подписчикамъ.

Jeho Wysokoblahorodiju, Miłostiwomu Hosudarju, Wiačesławu Wiačesławowiču Hankè w Pragè.

Pomêta Ganki: 18 èerwna 1842.

6.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ! Безцѣнный соплеменникъ!

Мой усердный и дружескій поклонъ Вамъ! Давно уже я не имѣю отъ Васъ никакихъ извѣстій; съ грустію вспоминаю прошлый годъ, когда я гостилъ у васъ въ милой Прагѣ. Впередъ, впередъ! безпрестанно повторяю я.

1, 2, 3, 4, 5, 6 нумера *Денницы* (въ числѣ 10 экземпляровъ) уже давно отосланы въ Прагу черезъ Липскъ, путемъ книгопродавческимъ, на имя Кронбергера. Недавно опять я послалъ Вамъ и г-ну Шафарику 7, 8, 9, 10 и 11 нум. *Денницы*. Теперь посылаю для Васъ и для г. Шафарика 12-ый, только что вышедшій. Также для гг. подписавшихся 8 экз. 7, 8, 9, 10, 11 и 12 нум. Денницы.

Прощайте, Вячеславъ Вячеславичъ! вспомните меня и напишите хоть нѣсколько строкъ, да приголубьте и мою Денницу.

Она сиротѣетъ безъ Васъ. Обнимаю и крѣпко цѣлую Васъ и остаюсь душевно Вамъ преданный Дубровскій.

Варшава,
3 Іюля 1842.

7.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

И ваше письмо и книжку я имѣлъ удовольствіе получить. Усердно благодарю васъ за память. Очень сожалѣю, что первая четверть года *Денницы* не дошла къ вамъ. Давно уже я отослалъ ее къ вамъ черезъ Липскъ. Пишу объ этомъ подробнѣе Кронбергеру. Подумайте, какую дорогу лучше избрать для пересылки. Бѣда, бѣда!

Къ намъ пріѣхали Срезневскій и Бодянскій [1]). Для меня теперь праздникъ. Срезневскій такъ очарователенъ, что я всей душой полюбилъ его и не хотѣлъ бы съ нимъ разставаться. Часто вспоминаемъ объ Васъ.

Въ нынѣшнемъ году я не могъ пріѣхать къ Вамъ; но на будущій, кажется, я выберусь въ Прагу, чтобы обнять драгоцѣннаго Вячеслава Вячеславича. Получилъ я также и вашу пѣсню (*Chalaupka*) и пѣлъ ее съ здѣшними Чехами.

Пишите же ко мнѣ и не оставьте сиротою моей *Денницы*. Будьте здоровы. Отъ души крѣпко обнимаю васъ и остаюсь любящій и уважающій васъ Дубровскій.

P. S. Гг. Станьку, Преслю, Юнгману и всѣмъ, всѣмъ мой усердный поклонъ.

Варшава,
3 Сентября 1842.

8.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Письмо Ваше чрезъ г. Щастнаго я получилъ и чувствительно благодарю Васъ за выписку изъ *Болгарской Денницы*. Жаль,

---

[1]) Объ этомъ Денница, 1842, № 15, стр. 196, сообщала: „11 (23) августа прибыли въ Варшаву извѣстные молодые ученые: Адъюнктъ-профессоръ при Императ. Харьковскомъ университетѣ, П. П. Срезневскій, и магистръ Императ. Московскаго университета, О. М. Бодянскій. Здѣшніе ученые, занимающіеся словянскою литературою, приняли ихъ съ величайшимъ радушіемъ"...

что она не пришла ко мнѣ раньше: въ 13 и 14 нум. моей *Денницы* помѣщена обширная статья объ этомъ замѣчательномъ литературномъ явленіи [1]). Изъ Вашего письма вижу, что къ Вамъ собралось нѣсколько словянскихъ *Денницъ*. Не правда ли, добрый знакъ? Удивляюсь только, что Вы до сихъ поръ не получили начала моей *Денницы*. Сколько прошло мѣсяцевъ, какъ она къ Вамъ послана! Къ Кронбергеру я написалъ, у кого она можетъ быть. Мой книгопродавецъ ручается за вѣрность пересылки. Теперь посылаю Вамъ 13, 14. 15 и 16 нум. *Денницы* (9 экземпляровъ); десятый экземпляръ особо вмѣстѣ съ письмомъ посылаю къ г. Шафарику; 17 нумеръ выходитъ черезъ три дня, но господинъ, взявшійся доставить къ Вамъ мое письмо, ѣдетъ завтра. Жаль! Мнѣ кажется, что моя *Денница* не слишкомъ займетъ Васъ и не много представитъ Вамъ новаго: но, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ, не забудьте, что наша публика ничего не знаетъ ни о Чехахъ, ни объ Иллирійцахъ, такъ не мудрено, что вы найдете въ моемъ журналѣ много вамъ знакомаго. На слѣдующій годъ я буду издавать *Денницу* книжками, помѣсячно; тогда будетъ больше мѣста и планъ обширнѣе. Счастливъ буду, если успѣю тогда сдѣлать мою *Денницу всесловянскою*, въ полномъ смыслѣ. А теперь я долженъ моимъ землякамъ и моимъ Полякамъ объявлять за новость то, что вы давно уже знаете. Таково то положеніе Словянщины!

Новая программа уже печатается и на дняхъ выйдетъ. До сихъ поръ Вы еще не высказали Вашего мнѣнія о *Денницѣ*, а мнѣ бы очень хотѣлось знать его. Ваши совѣты приму съ величайшею благодарностью и воспользуюсь ими. Дѣло идетъ не о *Денницѣ*, но о *нашемъ общемъ благѣ*. Въ такомъ случаѣ въ сторону самолюбіе! Дѣйствуя одинъ, одинехонекъ, я и не могу претендовать на совершенство. Не забывайте же меня и укажите мнѣ подъ-часъ дорогу, если я заблужусь...

Мацеевскій недавно воротился изъ Россіи. Онъ вамъ кланяется и благодаритъ за Музейникъ. Ради Бога, Вячеславъ Вячеславичъ! припомните Кронбергеру, чтобы онъ немедленно прислалъ мнѣ что-нибудь новое. Третьей книжки Музейника за нынѣшній годъ я еще не получилъ! Kwěty также давно не приходили ко мнѣ. Скажите еще, если есть у него Иллирійскій журналъ: *Kolo*, то я прошу прислать мнѣ или прямо черезъ почту, или отдать этому господину, который привезъ вамъ мое письмо.

[1]) Сокращенный переводъ статьи Соловьева изъ Москвитянина, 1842, № 5, подъ заглавіемъ: „Jutrzenka nowo-bołgarskiéj oświaty".

Умоляю, какъ-нибудь достать мнѣ *Kolo!!!* Правда, Вразъ обѣщалъ прислать мнѣ его изъ Загреба, но пока дойдетъ—мое терпѣніе лопнетъ. Прощайте, будьте здоровы и благополучны. Прошу засвидѣтельствовать мой усердный поклонъ гг. Юнгманну, Преслю, Винаржицкому, Станеку и др. Къ Шафарику пишу письмо. Остаюсь душевно Вамъ преданный и много Васъ уважающій. Весь Вашъ Дубровскій.

P. S. Посылаю Вамъ еще 5 полныхъ экземпляровъ *Денницы*, съ которыми можете сдѣлать, что Вамъ угодно.

Łaskawie polecam p. Kittela.

Варшава,
29 Сентября 1842.

9.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! [1])

Вы меня совсѣмъ забыли,—Богъ Вамъ судья! Давно уже нѣтъ объ Васъ ни слуху, ни духу! Лѣтомъ я послалъ Вамъ чрезъ г. Киттеля *Денницу* и письмо; получили ли Вы ихъ, не знаю. Для подписчиковъ я также давно переслалъ слѣдуемые нумера, путемъ книгопродавческимъ. Все это еще ничего, да отъ Васъ то не получаю никакихъ извѣстій и не знаю, какъ Вы поживаете, незабвенный и драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

„*Денница* за нынѣшній годъ уже оканчивается, печатается послѣдній нумеръ. Посылаю Вамъ новую программу, изъ которой Вы увидите, что будетъ съ *Денницею* на слѣдующій годъ. Благословите! Программу потрудитесь отдать въ ваши журналы. Будьте по прежнему столь добры и милостивы, сообщите для 1-го нум. *Денницы* какія-нибудь литературныя новости. Чрезвычайно меня обяжете этимъ. Я увѣренъ въ Вашей словянской добротѣ и готовности простирать пріязненную руку.

Сообщу Вамъ кстати нѣкоторыя литературныя новости для помѣщенія въ какомъ-либо вашемъ журналѣ. *Русская литература:* Въ Петербургѣ вскорѣ выйдетъ переводъ поэмы Данта La divina Comedia (г-жи Кологривовой, извѣстной подъ именемъ *Фань-Дима*). Тимковскій будетъ издавать свой переводъ всего Испанскаго театра и начнетъ съ *Кальдерона*. Вышла *Исторія*

[1]) Часть этого письма, заключенная въ кавычки („ "), напечатана Ганкою въ чешскомъ переводѣ въ Č. Č. Mus., 1843, str. 308—309.

Малороссіи, соч. Маркевича въ 5-и частяхъ. Очень важное сочиненіе. Недавно получилъ я 5 русскихъ журналовъ: *Москвитянина* (№ 10), *Отечественныя Записки* (№ 11), *Библіотеку для чтенія* (№ 11), *Сына Отечества* (№ 8) и *Маяка* (№ 11). Всѣ они заключаютъ въ себѣ 117 печатныхъ листовъ за одинъ мѣсяцъ! Въ нихъ довольно много любопытныхъ статей, напр. въ *Москвитянинѣ:* Одна изъ прогулокъ Русскаго въ Помпеѣ, о Этимологіи и Эстетикѣ въ отношеніи къ исторіи и наукѣ древностей; помѣщено также, разумѣется, съ пропусками, разсужденіе Графа Туна о Чешской литературѣ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ:* Древніе русскіе словари (любопытная статья Сахарова); въ *Библіотекѣ:* Будущія слѣдствія желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ; въ *Сынѣ Отечества:* Новѣйшія извѣстія о Болгарахъ (Априлова).

Кромѣ того вышло любопытное описаніе *Олонецкой губерніи*, въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, составленное В. Дашковымъ. С.-Петербургъ 1842. Особенно занимательна часть народоописательная. Авторъ присоединилъ также много прекрасныхъ народныхъ пѣсень. *Польская литература:* Вышла 4-я кн. періодическаго изданія, подъ редакціею Крашевскаго: *Ateneй*. Особенно замѣчательны: Защищеніе замка Фуентроля, Шиллеръ (г-жи Зѣмѣнцкой), Украинскіе сады (Грабовскаго). Въ Смѣси помѣщено нѣсколько писемъ Ходаковскаго, важныхъ для его біографіи. Вышли также слѣдующія книги: 1) *Sen w Podhorcach*, napisał X. St. Chołoniewski w Kamieńcu Podolskim; 2) *Pisma Edwarda Maryanna*; 3) *Rubon*, pismo poświęcone pożytecznej rozrywce. Wydawca Kazimierz Bujnicki. Послѣдняя книжка *Варшавской Библіотеки* за нынѣшній годъ заключаетъ въ себѣ разборъ сочиненія Мацеевскаго: *Polska aż do połowy XVIII w.* (напис. г. Войцицкимъ). Разборъ безпристрастный и дѣльный, совершенно противоположный разбору Рихтера (также въ *Библіотекѣ*), который съ какимъ-то *страннымъ* и *хвастливымъ* предубѣжденіемъ напалъ на новое сочиненіе Мацеевскаго и, приводя изъ него нѣкоторыя мѣста, совершенно исказилъ ихъ и выставилъ въ какомъ то подозрительномъ свѣтѣ. Все это, какъ говорится, вывелъ на свѣжую воду нѣкто *Пстроконьскій* (въ II-ой кн. Библіотеки). И по дѣломъ!— Рихтеръ теперь отмалчивается. Забавная комедія. Если вскрыть ея пружины, то нельзя не покачать головою и не сказать нашимъ братцамъ-Полякамъ: дѣти, дѣти!

Г-жа Краковъ съ 1-го Января будетъ издавать журналъ, подъ заглавіемъ: *Zorza, Dziennik młodemu wiekowi poświęcony*

(будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ). Этотъ журналъ преимущественно предназначается для молодыхъ дѣвицъ. Скоро выйдетъ также альманахъ: *Pierwiosnek*, составленный изъ сочиненій дамъ, подъ редакціею Г-жи Краковъ. Въ этотъ разъ въ немъ являются новыя писательницы. Многія статьи очень хороши. Дѣвица *Прусьцкая* хочетъ тоже издавать журналъ для малаго возраста. Кажется, будетъ выходить маленькими листочками одинъ разъ въ недѣлю. Дамы не шутя принимаются за воспитаніе! Въ добрый часъ!! Обнимаю Васъ, безцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Не забудьте же мою Денницу и явитесь для пріятнаго свиданія въ 1-мъ нумерѣ. Будьте здоровы. Остаюсь душевно Вамъ преданный и много Васъ уважающій. Вашъ искренній

Дубровскій.

P. S. Мацеевскій Вамъ кланяется. Недавно былъ у насъ Прейсъ. Скажите Кронбергеру, что я получилъ книги и благодарю его.

Письмо г. Шафарику потрудитесь отдать.

Варшава,
24 Декабря 1842 г.

10.

Неоцѣненный и незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Я получилъ два ваши письма: одно черезъ почту (которое уже напечатано въ 1-ой кн. Денницы 1843-го г.), другое черезъ г. Киттеля. Kolo i Jut'nička также получены мною; усердно васъ благодарю за нихъ. О г. Потржебовскомъ ничего не знаю и въ первый разъ объ немъ отъ васъ слышу. Строичинскаго, кажется, нѣтъ въ Варшавѣ, но какъ увижусь съ нимъ, сейчасъ напомню ему о Болеславскихъ монетахъ. Бутурлина также нѣтъ, но и онъ не скроется отъ меня. Вы просили прислать *Торжество Православія*—этой книги нѣтъ у насъ въ Варшавѣ; однако жъ я велѣлъ книгопродавцу выписать ее изъ Петербурга. Въ Липскъ, на этихъ дняхъ, на имя книгопродавца *Гофмейстера* отосланы для васъ послѣдніе нумера *Денницы* за прошлый годъ (15 экземпляровъ) и 10 экземпляровъ Денницы за нынѣшній годъ (книжка 1-ая и 2 ая, также *Правда Вселенской Церкви* (соч. извѣстнаго Муравьева), Pomniki Prawodawstwa Słowiańskiego, Obrazy z życia i podróży (Крашевскаго), 2 тома. Кронбергеръ вашъ долженъ будетъ увѣдомить Гофмейстера, чтобъ всѣ эти книги, высланныя изъ Варшавы книгопр. Зенневальдомъ, прислать ему

Что касается до 1—6 нум. Денницы прошлаго года, то они давно лежатъ въ Липскѣ, въ *löbl. Rhein'sche Buchhandlung*, но Кронбергеръ не хотѣлъ ихъ принять, когда ему объ нихъ писали. Они высланы были изъ Варшавы книгопродавцемъ *Списсомъ*. Пусть Кронбергеръ распорядится, какъ слѣдуетъ, и Денница будетъ въ вашихъ рукахъ. Потрудитесь передать Кронбергеру, чтобы онъ и на нынѣшній годъ одолжилъ меня присылкою журналовъ (исключая *Кроаціи*); да чтобы не забылъ также о Wlastimilě. 1-ю книжку Музейника за нынѣшній годъ и Kolo (2-ю кн.) жду съ нетерпѣніемъ. За Kwěty прошу отдать редактору одинъ экземпляръ *Денницы*, а Кронбергеръ можетъ послать ихъ съ прочими журналами. *NB.* Пускай всѣ посылки ко мнѣ онъ всегда отправляетъ на имя варшавскаго книгопродавца *Зенневальда*, чрезъ его коммиссіонера въ Липскѣ *Гофмейстера*. Не знаю, какъ я разсчитаюсь съ Кронбергеромъ? Сдѣлайте милость, скажите ему, чтобы онъ увѣдомилъ меня объ этомъ и прислалъ счетъ. Если будетъ возможно, и если найдутся у васъ подписчики на нынѣшній годъ, то часть денегъ просилъ бы васъ передавать Кронбергеру. Я хочу прислать вамъ еще 10 экземпляровъ *Денницы*. Будетъ оказія черезъ двѣ недѣли. Предоставляю ихъ на вашу волю: я знаю, что подписная цѣна на *Денницу* для вашихъ краевъ очень дорога; въ такомъ случаѣ назначьте ей цѣну, какая покажется вамъ сообразною, судя по вашимъ журналамъ. Извините, любезный Вячеславъ Вячеславичъ, что я надоѣдаю вамъ такою кучею порученій.

Прошу васъ также вручить одинъ экземпляръ *Денницы* г. Шафарику и засвидѣтельствовать ему мое глубочайшее почтеніе. Срезневскій недавно писалъ ко мнѣ и усердно вамъ кланяется. Прейсъ теперь въ Петербургѣ. Отъ Бодянскаго давно не имѣю извѣстій. *Денница*, какъ видите, еще держится... Но—*Боже Царя Храни* и *Сергѣя Семеновича!* Впередъ, впередъ!! Сергѣю Семеновичу пошли Богъ многія, многія лѣта. Въ немъ не охладѣла словянская кровь...

„Теперь сообщу вамъ нѣкоторыя литературныя новости[1]). Русская литература недавно пріобрѣла прекрасное сочиненіе: *Корнесловъ Русскаго языка* въ сравненіи съ прочими главными словянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками. Удостоенъ Демидовской преміи. Составленъ Ѳедоромъ Шимкевичемъ. 2 тома, въ 8., I. 160. II. 167. „Въ *Корнесловѣ* (говоритъ авторъ),

[1]) Часть этого письма, заключенная въ кавычки („ "), напечатана Ганкой по-чешски въ Č. Č. Mus., 1843, 467—468.

разложивши ткань русскаго языка, такъ-сказать, по нитямъ, и отдѣливши отъ нея чуждые приростки, я предпринялъ найдти первоначальную основу этого языка и такимъ образомъ означить количество собственно словянскихъ запасовъ (les matériaux), которые въ немъ сохранились". Ко многимъ словамъ доданы замѣчанія, которыя, по своему содержанію, придаютъ сочиненію видъ практическаго изслѣдованія русскаго языка.

Вышла также другая книга, очень важная по многимъ отношеніямъ: *Сельское Чтеніе*, составленное изъ трудовъ: Вельтмана, Волкова, Гадурина, Даля и другихъ. Вся книга написана слогомъ очень понятнымъ и доступнымъ для простонародья. За это дѣло взялись многіе лучшіе наши писатели. Дай Богъ, въ добрый часъ.

Что мнѣ сказать о польской литературѣ или, лучше сказать—о литературной производительности въ Варшавѣ? Она суетится, о чемъ то хлопочетъ, но о чемъ же именно, этого, я думаю, она сама не знаетъ... Большею частію все выходятъ книгопродавческія спекуляціи съ старыми и избитыми французскими картинками и каррикатурами. Журналы... Но объ нихъ надобно сказать или все, или ничего. Въ нихъ столько мелочей и сору, что не скоро доберешься толку. Parturiunt montes... Но утѣшьтесь! вотъ вамъ двѣ любопытныя новости: 1) г. Мацеевскій окончилъ исторію польской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка. Обширное разсужденіе о польскомъ языкѣ основано на памятникахъ XIII вѣка, до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Авторъ доказываетъ, что *Псалтирь Маргариты* состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ переводовъ. Замѣчаетъ въ древнѣйшихъ временахъ два языка: языкъ народный и языкъ письменный; письменный взялъ верхъ, а языкъ народный сохранился во всей чистотѣ до нашихъ временъ. Далѣе слѣдуетъ критическое разсмотрѣніе древнихъ писателей: тутъ же, начиная отъ 2-го и до 11-го стол., представлена политическая исторія и состояніе просвѣщенія въ Польшѣ. 2) Г. Войцицкій объявилъ объ изданіи *Древней Библіотеки Польскихъ Писателей*. Она будетъ состоять изъ 4-хъ отдѣленій: 1. *Литература*– перепечатки сочиненій и брошюръ древнихъ польскихъ поэтовъ. 2. *Исторія*— большею частію рукописные памятники, до сихъ поръ неизвѣстные или перепечатки рѣдкихъ брошюръ. 3. *Памятники языка*— древнія польскія пѣсни, грамоты и проч. 4. *Библіографія*—подробныя извѣстія о сочиненіяхъ, брошюрахъ и рукописяхъ, не вошедшихъ въ составъ Библіотеки. Матеріаловъ собрано уже

на 24 тома. Каждое отдѣленіе составитъ шесть томовъ. 1-ый томъ вскорѣ выйдетъ.

Прощайте, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ, будьте здоровы и благополучны. Не оставьте меня своимъ письмецомъ со словянскими новостями для *Денницы*". Отъ души обнимаю васъ. Вашъ искренній другъ, обожатель, доброжелатель и почитатель Дубровскій.

P. S. Письма Мацеевскаго прилагаю.

Варшава,
17 Марта 1843 г.

11.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ [1])!

„Пользуясь случаемъ, спѣшу засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее почтеніе. При этомъ посылаю два экземпляра 3 й книжки *Денницы* (одинъ для Васъ, другой для г. Шафарика, которому прошу усердно отъ меня поклониться). Посылаю для Васъ также 1-ю книжку новаго сочиненія: *Starożytna Polska* [2]). Прочее число экземпляровъ *Денницы* перешлю черезъ книгопродавца.

Милой и незабвенной Прагѣ кланяюсь до земли, низехонько! Въ мірѣ существуютъ для меня только два города, въ которыхъ бы въ одно время хотѣлъ жить и умереть Это Прага и Москва".

Жду отъ Васъ письма, любезный Вячеславъ Вячеславичъ! Можетъ быть, Вы сообщите мнѣ какія-нибудь новости. Не забывайте меня и *Денницы* которая, какъ сиротка, стоитъ на распутіи, въ печальномъ раздумьѣ...

Потрудитесь зайдти къ Кронбергеру и узнать отъ него о нашихъ сношеніяхъ на счетъ словянскихъ журналовъ.

Обнимаю Васъ и отъ души желаю Вамъ быть здоровымъ. Прощайте. Остаюсь искренно Вамъ преданный и безпредѣльно Васъ уважающій Вашъ Дубровскій.

P. S. Мацеевскій Вамъ кланяется.

W Pradze. Wielmożny Hanka, Bibliotekarz Czeskiego Muzeum. Przy tem dwa exemplarze Jutrzenki (poszyt 3-ci), także dziełko: Starożytna Polska

Варшава,
18/30 Мая 1843.

---

[1]) Заключенное въ кавычки напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1843, str. 471.

[2]) Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusza Lipińskiego. Poszyt I и сл. Warszawa 1843–1845.

12.

Впередъ! Впередъ!

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Получили ли Вы мою *Денницу* и разныя книги, которыя я Вамъ послалъ? Горе съ нашими медленными и неудачными сношеніями, а между тѣмъ вѣкъ подвигается впередъ, и, кажется, вся Европа недолго будетъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ! Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ письма и Вашей *Краледворской Рукописи*, которой одинъ экземпляръ я видѣлъ въ здѣшней Цензурѣ. Онъ присланъ для какой-то графини! Вотъ куда забирается славянщина! Дай Богъ! Лобызаю Васъ и обнимаю отъ души. Искренно Васъ любящій и уважающій Дубровскій.

P. S. Напомните Кронбергеру о книгахъ. Я пишу къ нему и хотѣлъ бы знать, что ему слѣдуетъ заплатить. Книги пересылать на имя варшавскаго книгопродавца Зенневальда чрезъ Липскъ, чрезъ Гофмейстера.

13.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Pana Čarneckého, polaka, srdečně odporaučjm. Познакомьте его съ г. Преслемъ и другими. Посылаю Вамъ оттискъ моей брошурки (4 экземпл.), напечатанной въ Варшавской Библіотекѣ. Срезневскій недавно писалъ ко мнѣ и Вамъ кланяется. Получили ли Вы *Денницу?* Она идетъ до сихъ поръ успѣшно. Не забывайте меня, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ. Будьте здоровы и благополучны. Остаюсь искренно Васъ любящій и много уважающій Васъ Дубровскій.

P. S. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ извѣстій.

Варшава,
1-го Іюля 1843.

14.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Давно уже не имѣю отъ Васъ ни одной вѣсточки. Здоровы ли Вы и что подѣлываете? *Денница* безъ Васъ *тоскуетъ*. Не забудьте ее. Кн. 5-ю и 6-ю я послалъ Вамъ черезъ Липскъ. Получили ли Вы? Между тѣмъ есть у меня къ Вамъ усердная просьба. Потрудитесь для меня выписать 50 псаломъ изъ Псал-

тыри, такъ называемой: Glossowaný Zaltař; также тотъ же самый псаломъ изъ слѣдующихъ псалтырей: *Витенбергской* и *Подьбрадской* или *Олешницкой* (которыхъ копіи находятся у г. Шафарика). Вы меня несказанно этимъ обяжете. Они мнѣ очень нужны. Спѣшу окончить письмо и въ другой разъ напишу Вамъ болѣе. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте меня. Остаюсь душевно и искренно Вамъ преданный.

Весь Вашъ Дубровскій.

P. S. Покорнѣйше прошу Васъ, не можете ли Вы прислать мнѣ Vetustiss. Vocabul. Latin. Bohem.[1]).

Варшава, 1843.

15.

Незабвенный и драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславовичъ!

Много виноватъ передъ вами, что такъ давно не писалъ къ вамъ. Но это не значитъ, чтобы я забылъ васъ; нѣтъ, память объ васъ неизгладима въ моемъ сердцѣ. Ваше письмо и книжки я имѣлъ удовольствіе получить отъ г. Витиха, котораго очень радъ былъ видѣть и слышать изъ устъ его чешскую рѣчь, какъ во время оно слышалъ я въ вашихъ милыхъ Чехахъ, гдѣ я провелъ отрадные для меня дни. Вы жалуетесь на медленность нашихъ сношеній,—что жъ дѣлать? Мы этому не поможемъ... Время, Богъ дастъ, все исправитъ... Мудрое время!...

За Prawopis (получаю уже въ другой разъ) и Pomněnky усердно васъ благодарю. Стихи и повѣсть Тыля Sestry я прочиталъ съ восторгомъ. Посредствомъ нашего варшавскаго книгопродавца *Списа* я недавно отослалъ для васъ 6, 7 и 8 кн. Денницы за 1843 г. (въ числѣ 25 экз.) въ Липскъ, на имя книгопродавца Томаса (коммиссіонера нашего Списа), и потому потрудитесь сказать Кронбергеру, чтобы онъ снесся съ Томасомъ. Пять экз. *Денницы* назначаю для г. Коллара въ Пештѣ. Если найдете случай, прошу покорно переслать. Что касается до подписки на Денницу, собранной вами, то можете отдать Кронбергеру, а его попросите, чтобъ онъ извѣстилъ меня, сколько я буду ему еще долженъ. По представленному счету пришлю ему деньги. Прошу его присылать мнѣ только Časopis и Kwěty. Оставимъ теперь мірскія дѣла и перейдемъ въ область чисто литературную... Увы!...

Съ прискорбіемъ я долженъ увѣдомить васъ, что бѣдная

[1]) Изданіе Ганки: Zbjrka neydawnègšjch Slownikŭ latinsko-českých (Vetustissima Vocabularia latino-boemica). W Praze, 1833.

Денница упала еще въ прошломъ году, остановясь на 8 книжкѣ и будучи не въ состояніи окончить своего годичнаго изданія. Я этому невиноватъ, какъ Пилатъ, съ чистою совѣстію умываю руки. Я съ своей стороны дѣлалъ все, что могъ, но совершенное равнодушіе нашей публики убило *Денницу*: Польша подписывалась на 17 экземпляровъ, а Россія на 12!!! *Денница* существовала только при покровительствѣ нѣкоторыхъ лицъ; но теперь изсякъ и этотъ источникъ. Напрасно я выбивался изо всѣхъ силъ и хотѣлъ какъ нибудь поддержать угасающую жизнь всесловянскаго журнала... Ничего нельзя было сдѣлать. Вотъ вамъ наше Словянство!... Какъ бы то ни было, паденіе *Денницы* — примѣръ поучительный и заставляющій глубоко задуматься...

Перехожу къ русской литературѣ, т. е. къ ея новостямъ.

Теперь лежитъ передо мною 1-ая книжка *Москвитянина* за нын. 1844 годъ, журнала, издаваемаго профес. Погодинымъ. Это единственный русскій журналъ, въ которомъ преимущественно высказывается идея всесловянская. Нельзя не подивиться богатству его матеріяловъ, его занимательности и разнообразію. Такъ въ этой 1-ой кн. *Москвитянина* обращаетъ на себя особенное вниманіе *Введеніе* въ *Исторію Русской Словесности* проф. С. П. Шевырева. Наконецъ то мы будемъ имѣть прекрасную исторію нашей словесности, разсматриваемую съ высшей точки зрѣнія. Отъ труда г. Шевырева мы смѣло можемъ ожидать, что онъ объяснитъ намъ глубокое значеніе жизни нашего народа и заставитъ насъ обратиться къ изученію нашего внутренняго, самобытнаго міра, который, говоря вообще, мало намъ извѣстенъ. Познай самого себя!

Г. Шевыревъ въ своемъ *Введеніи* причисляетъ себя къ людямъ, изучающимъ прошедшее въ отношеніи къ настоящему, т. е. къ людямъ исторической школы. Нашъ почтенный профессоръ имѣетъ на это полное право: онъ нѣсколько лѣтъ посвятилъ добросовѣстному и любознательному изученію древняго періода нашей словесности. Кромѣ того г. Шевыревъ принадлежитъ къ людямъ, образованнымъ истинно по-европейски. Разсмотримъ его *Введеніе*. Люди, изучающіе прошедшее, по мнѣнію г. Шевырева, необходимы и полезны особенно тогда, когда настоящее распадается на два противуположные полюса: одинъ хочетъ утвердить себя въ своей неподвижности, другой напротивъ сорваться съ цѣпи и броситься опрометью куда ни попало. Иные думаютъ, что люди, съ любовію изучающіе прошедшее, непремѣнно хотятъ къ нему возвратить и самую жизнь: это клевета на нихъ; кромѣ того, что оно и невозможно. Мысль ихъ состоитъ не въ томъ,

мять о славѣ, о дивномъ сіяніи *истиннаго*, народнаго просвѣщенія; вижу Васъ отсюда и (повѣрьте тому, что это говорится отъ души)—не разъ, а тысячу разъ благословляю!

Какъ идутъ успѣхи Вашихъ учениковъ? Неужели и до сихъ поръ тѣ доблестныя ученицы Ваши (которымъ прошу сообщить мой низкій поклонъ) стоятъ далеко впереди юношей въ наукѣ соплеменнаго братства? Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы и до сихъ поръ Вашъ филологическій восторгъ не передался и имъ!

Преданный Вамъ В. Елагинъ.

25 Марта.

Листокъ, писанный рукой Елагина:

I.

Изслѣдованія о связи между Чешскою церковью и Вселенскою Православною. Напримѣръ: нѣтъ ли иныхъ намековъ о сохраненіи Православія въ Чехіи (кромѣ Козьмы, стр. 49; Stransky, str. 271) въ лѣтописяхъ, особливо Гусситскихъ; въ богословскихъ сочиненіяхъ Протестантовъ Чешскихъ; въ сношеніяхъ и бумагахъ дипломатическихъ, напримѣръ Карла IV съ православными царями, какъ то наприм., съ Душаномъ Сербскимъ? Нѣтъ ли посланій съ Востока, подобныхъ посланію Цареградскаго Патріарха 1451 года?

Вообще всякое указаніе на Восточную церковь въ спорѣ Чешской церкви съ Папежествомъ весьма было бы важно для насъ, а такихъ разсѣянныхъ всюду намековъ весьма должно быть много, хотя замѣтить ихъ часто можетъ только вашъ зоркій глазъ, и для толпы они остаются непонятными. Собраніе такихъ мѣстъ можетъ бросить свѣтъ на всѣ наши взаимныя отношенія; еслибы провести по всѣмъ временамъ, даже до Бѣлогорской битвы рядъ подобныхъ указаній! Изслѣдованіе о Реймскомъ Евангеліи разумѣется немало тому будетъ способствовать.

II.

Библіографія сочиненій и писемъ Гусситскихъ (не однихъ хроникъ, но и богословскихъ изслѣдованій), съ подробнымъ отчетомъ о ихъ содержаніи и съ критическою оцѣнкою достовѣрности и направленія, по возможности съ краткими извѣстіями о жизни и характерѣ (достоинствѣ) сочинителей. (Если можно даже съ выписками самыхъ существенныхъ мѣстъ).

Это дополнило бы важный пробѣлъ въ исторіи Слав. исторической литературы и проложило бы путь дѣписателю. Библіографія разумѣется можетъ быть полна только по возможности и часто дополняться чужими свидѣтельствами о рукописяхъ, которыя находятся повсюду въ Чехахъ и на Моравѣ.

Всего бы лучше важнѣйшія рукописи переписать или по крайней мѣрѣ важнѣйшіе отрывки. Особенно Чешскія неизданныя сочиненія св. Іоанна Гуса.

Извѣстія даже о напечатанныхъ съ описаніемъ изданій (годъ, мѣсто и т. д.) тоже весьма важно для насъ, бродящихъ во мракѣ невѣденія по сему предмету.

Письмо и Краледворскую Рукопись я отдалъ Погодину, и онъ поручилъ мнѣ поклониться Вамъ.

Теперь еще просьба: мнѣ весьма нужно узнать ваше опредѣлительное мнѣніе о *языкѣ* Литовскаго Статута и его близости къ Чешскому. Пожалуйста отпишите вкратцѣ: къ какому нарѣчію ближе всего, по Вашему мнѣнію, языкъ Литовскаго Статута и вообще письменный языкъ Литвы. Я принимаюсь теперь за Польскій языкъ и надѣюсь съ помощью Бодянскаго выучиться ему такъ, какъ прилично Русскому, то есть во всемъ объемѣ его богатой литтературы.

Еще работаю надъ изданіемъ книги Рейца о Далматинскихъ правахъ и надъ маленькою статьею о *Вендахъ Марки Бранденбургской*. Прочее время употребляю на то, чтобы прочесть книги по моей части, вышедшія въ Россіи въ теченіи моего восемнадцатимѣсячнаго отсутствія. Правду сказать: можно бы писать въ десятеро болѣе и лучше, но всетаки насъ нельзя *кругомъ* обвинить въ бездѣйствіи. Стоитъ просмотрѣть списокъ книгъ, выходящихъ ежегодно по *Русской Исторіи*.

Прошу Васъ сообщить мое глубокое почтеніе Г-ну Шафарику; съ первою возможностью его коммиссіи будутъ выполнены.

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь приготовить для Васъ нѣсколько отчетливую отпись о учено-литературныхъ нашихъ новостяхъ,—если только это будетъ Вамъ угодно.

Теперь Ваша Прага ужь разогрѣвается весеннимъ солнцемъ; Влтава пробила ужь ледъ; отсюда вижу счастливый народъ, гуляющій на незабвенномъ Вашемъ мосту; вижу отсюда Градчаны, которые, благодаря Вамъ, такъ дороги стали для меня. А у насъ еще снѣгъ и 10 градусовъ мороза! Съ глубокой ночи слышишь заунывные звуки великопостныхъ колоколовъ; и всѣ постятся и молятся, и полны сѣдыми бородами безчисленныя церкви святой столицы. И солнце ярко сіяетъ среди мороза на золотыхъ главахъ воскресшаго кремля.

Здѣсь, въ великомъ градѣ славы, гдѣ возмужалъ орелъ славянскій, я перелетаю мыслію въ ту красную землю, гдѣ пѣли и поютъ еще о Ярославѣ, Либушѣ и о томъ, что

„Не хвально намъ въ Нѣмцахъ искати правду“,

вижу Васъ или на ступеняхъ, ведущихъ внизъ отъ дворца королей, или подлѣ моста, или на извилинахъ Іезуитской улицы, или въ Будчѣ среди ученицъ, или въ Карловомъ дворѣ рядомъ съ Шафарикомъ и Юнгманомъ,—и вездѣ съ одною, горящею въ очахъ мыслію, съ одною сердечною думою, воскрешающею па-

вянскихъ племенъ. Пусть Чешскіе ученые рѣшатъ: можетъ ли эта отрадная мысль сдѣлаться прочнымъ достояніемъ Славянской науки? Та знаменитая ревность, съ которою Вы, М. Г., боролись въ теченіе всей Вашей жизни съ *недоразумѣніями*, раздирающими Славянскій міръ, даетъ мнѣ надежду, что Вы возмете на себя трудъ передать мой опытъ Вашимъ соотечественникамъ, если возможно на Чешскомъ языкѣ.

Какая бы ни была участь моего изслѣдованія — будетъ ли оно опровергнуто добросовѣстною критикою ученыхъ Чеховъ, или будетъ одобрено хотя отчасти и получитъ нѣкоторое право гражданства въ наукѣ, во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что оно послужитъ доказательствомъ моего глубокаго уваженія къ труду Палацкаго и ревности, съ которою восточные Славяне стараются изучать Вашу исторію.

За тѣмъ примите дружелюбно привѣтъ мой и душевное желаніе: Да здравствуетъ и процвѣтаетъ Чешская земля!

Василій Елагинъ.

Москва,
20 Апрѣля 1848 года.

3.

М. Г., Вечеславъ Вечеславичь!

Давно, давнымъ давно собирался я воспользоваться даннымъ мнѣ отъ Васъ правомъ: писать къ Вамъ и дать отчетъ въ своихъ занятіяхъ и планахъ. Но долженъ признаться откровенно: рука не подымалась! Такъ мало было утѣшительнаго, что я боялся навести на Васъ собственное уныніе. Право, иногда потерялъ бы, казалось, надежду, если бы память о Васъ и еще нѣсколькихъ доблестныхъ мужахъ, побѣждающихъ всѣ трудности и идущихъ прямо къ истинѣ, не укрѣпляла и не пристыжала насъ молодыхъ людей.

Погодинъ оставляетъ кафедру и Москву; Москвитянинъ умираетъ[1]),—вотъ покуда Вамъ печальныя новости, огорчающія насъ. Другихъ не пишу. Есть впрочемъ и отрадныя: въ Маѣ мѣсяцѣ Вы получите между прочимъ и первую книгу о Россіи и Славянахъ, сборника, какъ свидѣтельство о томъ, что молодежь у насъ въ Москвѣ еще не вовсе лѣнится.

[1]) „И то и другое кажется измѣнилось: Погодинъ останется, а Москвитянинъ воскреснетъ". Прим. автора.

Письмо и Краледворскую Рукопись я отдалъ Погодину, и онъ поручилъ мнѣ поклониться Вамъ.

Теперь еще просьба: мнѣ весьма нужно узнать ваше опредѣлительное мнѣніе о *языкѣ* Литовскаго Статута и его близости къ Чешскому. Пожалуйста отпишите вкратцѣ: къ какому нарѣчію ближе всего, по Вашему мнѣнію, языкъ Литовскаго Статута и вообще письменный языкъ Литвы. Я принимаюсь теперь за Польскій языкъ и надѣюсь съ помощью Бодянскаго выучиться ему такъ, какъ прилично Русскому, то есть во всемъ объемѣ его богатой литературы.

Еще работаю надъ изданіемъ книги Рейца о Далматинскихъ правахъ и надъ маленькою статьею о *Вендахъ Марки Бранденбургской*. Прочее время употребляю на то, чтобы прочесть книги по моей части, вышедшія въ Россіи въ теченіи моего восемнадцатимѣсячнаго отсутствія. Правду сказать: можно бы писать въ десятеро болѣе и лучше, но всетаки насъ нельзя *кругомъ* обвинить въ бездѣйствіи. Стоитъ просмотрѣть списокъ книгъ, выходящихъ ежегодно по *Русской Исторіи*.

Прошу Васъ сообщить мое глубокое почтеніе Г-ну Шафарику; съ первою возможностью его коммиссіи будутъ выполнены.

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь приготовить для Васъ нѣсколько отчетливую отпись о учено-литературныхъ нашихъ новостяхъ,—если только это будетъ Вамъ угодно.

Теперь Ваша Прага ужь разогрѣвается весеннимъ солнцемъ; Влтава пробила ужь ледъ; отсюда вижу счастливый народъ, гуляющій на незабвенномъ Вашемъ мосту; вижу отсюда Градчаны, которые, благодаря Вамъ, такъ дороги стали для меня. А у насъ еще снѣгъ и 10 градусовъ мороза! Съ глубокой ночи слышишь заунывные звуки великопостныхъ колоколовъ; и всѣ постятся и молятся, и полны сѣдыми бородами безчисленныя церкви святой столицы. И солнце ярко сіяетъ среди мороза на золотыхъ главахъ воскресшаго кремля.

Здѣсь, въ великомъ градѣ славы, гдѣ возмужалъ орелъ славянскій, я перелетаю мыслію въ ту красную землю, гдѣ пѣли и поютъ еще о Ярославѣ, Либушѣ и о томъ, что

„Не хвально намъ въ Нѣмцахъ искати правду",

вижу Васъ или на ступеняхъ, ведущихъ внизъ отъ дворца королей, или подлѣ моста, или на извилинахъ Іезуитской улицы, или въ Будчѣ среди учениць, или въ Карловомъ дворѣ рядомъ съ Шафарикомъ и Юнгманомъ,—и вездѣ съ одною, горящею въ очахъ мыслію, съ одною сердечною думою, воскрешающею па-

Hr. Kopitar nicht gut angeschlagen. Er erhielt von der Regierung einen Verweisz mit dem Bedeuten, dass falls er noch einmal die Jahrbücher mit so einem Aufsatze bereichern sollte, er seyne Anstellung verlieren wird. Es thut mir herzlich leid, dass der Hr. Kopitar für gut stand ohne den geringsten Anlass, sich in eine unangenehme Lage zu versetzen und mich zu zwingen, unangenehme Gegenstände zu berühren um mich zu rechtfertigen. Ich bitte Sie ein Exemp. zur freundlichen Erinnerung zu behalten, die übrigen aber den öffentlichen Bibliotheken der Hauptstadt zu vertheilen und mir den Empfang gütigst anzuzeigen.

Ich hoffe, wenn Gott will, das Vergnügen zu haben Sie diesen Sommer zu besuchen. Leben Sie recht wohl und gewogen Ihren Gehorsamer Dunin Borkowski.

d. 2-ten April 1835.

В. А. Елагинъ[1]).

1.

М. Г., Вечеславъ Вечеславовичь!

Испытавъ на самомъ себѣ Вашу несравненную доброту, я осмѣливаюсь употребить ее во зло и перервать Васъ въ Вашихъ занятіяхъ, какъ ужь не разъ перерывалъ Васъ въ Прагѣ. Могу ли забыть на минуту, съ какою снисходительностью откладывали Вы въ сторону свои великія ученыя занятія, чтобы показывать намъ молодымъ людямъ сокровища Вашей Праги, какъ не дорожили Вы для насъ своимъ временемъ? Эти немногіе дни, которые такъ скоро прошли для меня въ Вашихъ бесѣдахъ, легли навсегда свѣтлою полосою въ моей памяти. Я много видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ простился съ Вами, видѣлъ волшебную часть

[1]) Василій Алексѣевичъ Елагинъ написалъ въ альбомѣ Ганки: „Изъ далекой Москвы съ удивленіемъ смотрѣлъ я на вашу дѣятельность. Въ Прагѣ радушно показали Вы мнѣ обломки славнаго прошедшаго, великодушныя усилія настоящаго времени и доблестныхъ мужей, Вашихъ сотрудниковъ. Мое удивленіе и сочувствіе къ благородному племени растутъ съ каждымъ часомъ; съ каждымъ часомъ растетъ и любовь къ Прагѣ и благодарность къ Вамъ, Вечеславъ Вечеславичь, которой не выразить мнѣ словами. Пусть и мое имя, вписанное сюда подлѣ дорогихъ для меня именъ, напомнитъ Вамъ иногда и еще одного изъ глубины души уважающаго Васъ Русскаго Славянина". (Безъ даты).

Италіи: отечество древнихъ Славянскихъ Венетовъ, видѣлъ Далмацію, но, скажу отъ сердца, не видѣлъ ужь такихъ отрадныхъ дней, какими насладился въ дорогой Вашей Прагѣ. Теперь проѣздомъ въ Черногорье всѣ мои радости отравлены самымъ злымъ безпокойствомъ, и въ этомъ случаѣ можетъ мнѣ помочь только Ваша снисходительность. Вотъ въ чемъ дѣло: полтора слишкомъ мѣсяца я не имѣю писемъ изъ дома, а Вы можете себѣ представить лучше всѣхъ, каково *Русскому* не имѣть извѣстій о семьѣ. Я знаю, что одно письмо должно ужь быть на почтѣ въ Прагѣ, и прошу Васъ сдѣлать мнѣ и *еще* одно великое одолженіе — именно переслать это письмо въ Тріэстъ, гдѣ я надѣюсь быть черезъ 2 недѣли; изъ Тріэста, не знаю какимъ путемъ, но только непремѣнно еще разъ буду въ велеславной Вашей столицѣ, гдѣ такъ привольно Славянскому ученому и еще привольнѣе нашему брату, учащемуся подъ Вашимъ руководствомъ. Покуда прошу сообщить мой усердный поклонъ всѣмъ, кто еще обо мнѣ помнитъ, и извинить мою просьбу.

Изъ глубины души уважающій Васъ

Василій Елагинъ.

Nach Böhmen. Nach Prag. Herrn Herrn Ritter von Hanka, Director des National-Museums. Вечеславу Вечеславичу Ганкѣ.

Рагуза, виноватъ: Дубровникъ,
10 Августа 1843 года.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Посылаю Вамъ статью объ Исторіи Палацкаго, или вѣрнѣе о нѣсколькихъ страницахъ его исторіи[1]). Важность вѣчно памятныхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьѣ, оправдаетъ, надѣюсь, въ Вашихъ глазахъ мою рѣшительность—противорѣчить такому ученому, каковъ Господинъ Палацкій. Если Чешскій церковный переворотъ менѣе похожъ на нѣмецкую позднѣйшую реформацію и, напротивъ того, находится въ прямѣйшей зависимости отъ отношеній Чешскаго народа къ греко-славянской церкви, то можетъ быть нужно будетъ признать въ Чешской исторіи начала, независимыя отъ умственнаго развитія Германіи, и связать ее еще крѣпче съ просвѣщеніемъ другихъ Сла-

[1]) Статья „Объ исторіи Чехіи Фр. Палацкаго", въ Чтеніяхъ О. И. и Др. Росс., 1848, переведена была и на чешскій языкъ въ журн. Česko-bratrský Hlasatel, 1849, вышла по-чешски и отд. изданіемъ.

niemówiący ięzykiem Polskim, mógł z taką łatwością i dokładnością pisać po Polsku. Jest to zaszczytem dla literatury naszey, że potrafiła wzbudzić w WWPanu Dobr. ten zapał do ięzyka Polskiego.

Daruiesz Pan, że tak długo wstrzymałem odpowiedź moią, ale oczekiwałem na powrót Ks. Lobkowicza, który mi oświadczył, że przesłał iuż Czasopism naukowy P. Hr. Sternberg i że ma iuż od niego odpowiedź z Pragi, tak więc musisz Pan być w posiadaniu wszystkich sześciu zeszytów Czasopisma naszego.

Pytasz mnie WWPan Dobr., iak się mi podoba wyraz *Czasopism?* Wyznaię, że mi się wcale nie podoba, iuż dla tego, że nowo wprowadzony, a nie lepszy od tych, które mamy. Ksiądz Siarczyński uganiaiąc się, że tak powiem, za puryzmem nie pomni na Horacego przestrogę, że: In vitium ducit culpae fuga si caret arte. Nie widzę wcale, co by ięzyk Polski na tém zyskać mógł, że zamiast iuż przyiętych i od wszystkich zrozumiałych wyrazów nabierzemy innych, również obcych a do tego ciemnych i chrapowatych. Lepiey daleko mieć obce zupełnie słowo, którego znaczenie iest dobrze znane, iak przyimować nowe, które daie albo niedokładne, albo fałszywe rzeczy wyobrażenie, albo sprzeciwia się etymologii i analogii ięzyka. Trzeba szanować prawo obywatelstwa nabyte w ięzyku pewnych wyrazów, bo one stanowią ducha ięzyka. Gdybyśmy chcieli z mowy angielskiey lub włoskiey wygładzić wszystkie wyrazy, wzięte z niemieckiego lub łacińskiego ięzyka, zniszczylibyśmy te mowy i ich literaturę. Języki Czeski, Słowacki, Windyiski są wprawdzie spowinowacone z mową Polską, ale nie są ięzykiem Polskim, który ma właściwy tok, harmonią i właściwego ducha. Dla tego to wątpię, aby się kiedy udało Xiędzu Siarczyńskiemu przerobić nas na Windów i Słowaków. Zresztą wolno iest każdemu autorowi, na swoie ryzyko, tak pisać, iak mu się podoba, ale niewolno Redaktorowi pisma periodycznego przerabiać wyrazy pism obcych autorów, a iednak znaydziesz Pan w ostatnim zeszycie Czasopisma, że móy *Proiekt* przemienił Xiądz Siarcz. na *Pomysł* do Towarzystwa Emulacii, chociaż te dwa wyrazy maią różne zupełnie znaczenie.

Donoszę WWPanu Dobr., że z okazii tego Proiektu raczył Nay. Pan uchwałą swoią pod dniem 14 Lipca 1829 ustanowić Towarzystwo rolnicze w Galicii a razem listem Ministerialnym Hr. Saurau oświadczyć mi swoie naywyższe zadowolenie, że pierwszy

du uporządkować i otworzyć się mającéj biblioteki Imienia Ossolińskich przez Stanisława hrab. Dunina-Borkowskiego. We Lwowie, 1829.

z Galicianów popierałem i wprowadziłem ten proiekt. Prosząc, abyś mnie Pan zaszczycał swoią korespondencią, zostaię prawdziwym sługą Dunin Borkowski.

Hr. Sternberg zasyłam moy ukłon.

Lwów,
24 Sierpnia 1829.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Mam zaszczyt przypomnić się WMPanu Dobr. a razem przesłać mu Psałterz, któremu dałem nazwę Psałterza Małgorzaty [1]). Trzeba było dziecko ochrzcić. Nie upieram się jednak więcej jak trzeba za Małgorzatą; chciałem tylko dać słaby przykład rodakom moim, jak należy korzystać z wiadomości historycznych, numizmatycznych i filologicznych do odgadnienia podobnych bibliograficznych zadań.

Parvum parva decent!

Co ja tylko zgadywałem, to uczeni większym uposażeni talentem z pewnością oznaczą. Veniet grata, quae non sperabatur hora. Najszczęśliwszy będę, jeżeli Pan *powagą swoją* raczysz dobrym chęciom moim dać zaszczytne świadectwo.

Prawdziwy sługa Stanis. Dunin Borkowski.

Wielmożn. Wencis. Hanka.

Wiedeń,
14 Czerwca 1834.

4.

Ich habe die Ehre gehabt Ihnen den Psalter noch in Monath Junii v. J. zu übersenden und obschon ich nicht das Vergnügen hatte eine Antwort zu erhalten, so vermuthe ich doch, dass Sie meinen Psalter erhielten. Diesmal übersende ich Ihnen meinen Antwort auf die Kritik der Jahrbücher [2]). Diese Kritik hat dem

[1]) Psałterz Królowéj Małgorzaty pierwszej małżonki Ludwika I. Króla Polskiego i Węgierskiego, najstarszy dotąd znany pomnik pismiennictwa Polskiego. Wydany staraniem Stanisława hr. Dunina-Borkowskiego. Wiedeń, 1834.

[2]) Zur Geschichte des ältesten polnischen Psalters zu St. Florian bei Linz, Genannt der Psalter der Königin Margarethe. Eine Antwort auf die Kritik in den Jahrbüchern der oesterreichischen Literatur, Band 67., Jahrg. 1834, Seite 154. Von Stanisl. Dunin-Borkowski, Wien, 1835.

шая. Получилъ я недавно изъ Варшавы польскую грамматику Жоховскаго. Есть въ ней вещи хорошія, но есть и довольно странныя, а все отъ того, что Поляки плохіе филологи (отпусти имъ, Боже!) и не хотятъ знать другихъ славянскихъ нарѣчій. Если Богъ поможетъ, то постараюсь привести къ концу мое изслѣдованіе надъ Псалтыремъ Королевы Маргариты, къ которому я теперь составляю словарь-указатель.

Вотъ самая свѣжая и любопытная новость: на дняхъ вышли *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности* (листы 1 и 2). Въ составъ этихъ Извѣстій будутъ входить: изслѣдованія и замѣчанія касательно языка русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей; разборъ замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи славяно-русской, а въ особенныхъ прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріялы для словаря, грамматики и т. п. Первые два листа содержатъ въ себѣ: начертаніе занятій Отдѣленія на 1852 годъ; новыя изслѣдованія о нарѣчіи старо-славянскомъ, съ включеніемъ мнѣнія А. Х. Востокова; новое изданіе Сербскаго словаря Караджича; русско-чешское правописаніе Пухмира (И. И. Срезневскаго); перечень засѣданій отдѣленія. Къ этому выпуску приложенъ 1-ый листъ *Прибавленій*. Нельзя искренно не радоваться этому изданію, которое, безъ сомнѣнія, будетъ процвѣтать успѣшно и долго, подъ редакціей Измаила Ивановича и при пособіи многихъ ученыхъ.

Касательно обмѣна русскихъ журналовъ на чешскіе, не было бы никакого затрудненія, если бы этотъ обмѣнъ могъ устроиться на средства мѣстныхъ почтамтовъ. Внутри Россіи это было бы дѣло возможное. Лучше всего условиться, чтобы каждую четверть года мы присылали Вамъ по почтѣ русскіе журналы, а Вы намъ чешскіе. Другого средства нѣтъ.

Засвидѣтельствуйте отъ меня глубочайшее почтеніе гг. Пуркинье и Шафарику.

Не оставляйте меня Вашими драгоцѣнными извѣстіями о незабвенной и милой мнѣ Чехіи. Дай Богъ Вамъ всего лучшаго, добрый Вячеславъ Вячеславичъ!

Душевно Вамъ преданный П. Дубровскій[1]).

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ письмо И. И. Срезневскаго. См. ниже.

Ст. Дунинъ-Борковскій[1]).

1.

Hochwolgeborener Herr!

Ich habe die Ehre Ihnen eine kleine Flugschrift[2]), die ich bey Gelegenheit Aufstellung der Ossolinskischen Bibliothek verfasst habe, durch den Grafen Pusłowski zu überschicken.

Ich suchte in dieser kleinen Schrift das in vielen Werken zerstreute und wenig bekannte zusammenzustellen und auf die Wichtigkeit der Kataloge und ihre Geschichte, auf die Kenntnisse, die ein Bibliothekar besitzen soll (indem ich ein Muster eines Bibliothekars nach Ciceros Bilde des M. Varon aufstellte), und auf die Verschiedenheit der Kataloge, nach ihren Systemen, aufmerksam zu machen.

Auch habe ich den Versuch gewagt vorzuschlagen, wie eigentlich die bibliographischen Bemerkungen befassen seyn sollten um nicht nur die Bibliographen, sondern auch allgemein zu interesiren und gleichsam zum Leitfaden für alle diejenigen zu dienen, die sich in den Wissenschaften selbst ausbilden wollen.

Ob dieser Vorschlag einige Aufmerksamkeit verdient, mögen Sie und andere erfahrene Bibliothekare entscheiden.

Es ist mir höchst angenehm diese Gelegenheit zu benützen um mich in ihr Andenken zurück zu rufen um dem Grafen Sternberg (dem ich ein Exemplar verehre) meine Hochachtung zu bezeugen.

Schreiben Sie mir gütigst, wie es Ihnen geht und wie sich der Graf Sternberg befindet. Empfangen Sie die Versicherung der ausgezeichneten Achtung, mit der ich verbleibe

Euer Hochwolgeboren gehorsamer Diener

Dunin Borkowski.

Lemberg,
d. 12 Junii 1829.

Приписка Ганки: „Odpow. 20 čer-ce".

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

List WWPana Dobr. miłym bardzo i niespodziewanym był mi ziawieniem. Nie sądziłem bowiem nigdy, aby cudzoziemiec,

[1]) Dunin-Borkowski Stanisław (p. 1782, † 1851), извѣстенъ, кромѣ трудовъ по геологіи, первымъ изданіемъ знаменитаго памятника польскаго языка: „Psałterz Królowej Małgorzaty" (1834).

[2]) O obowiązkach bibliotekarza. Rzecz napisana w r. 1827, z powo-

Петербургъ, куда назначенъ профессоромъ Главнаго Педагогическаго Института. Буду преподавать польскій языкъ и исторію польской литературы для молодыхъ людей, назначаемыхъ въ учители въ Царство Польское. Я очень доволенъ перемѣщеніемъ моимъ въ Петербургъ и надѣюсь, вмѣстѣ съ Срезневскимъ, многое дѣлать по части литературной. Изъ Петербурга буду писать Вамъ подробнѣе и сообщу Вамъ разныя новости.

Поклонитесь отъ меня усердно незабвенному и почтеннѣйшему Г-ну Пуркинье, также Шафарику и Челяковскому. Прощайте, безцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Дай Богъ, чтобы Вы были здоровы.

Душевно Вамъ преданный П. Дубровскій.

P. S. Письма Ваши можете адресовать прямо въ Главный Педагогич. Институтъ въ С.-Петербургѣ.

Варшава,
18 Августа 1851 г.

27.

Незабвенный и драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Чистосердечно винюсь передъ Вами, что такъ долго не писалъ къ Вамъ. Разныя хлопоты и занятія отвлекали меня, чтобы отвести душу въ пріятельской бесѣдѣ съ Вами. Я всегда вспоминаю объ Васъ съ истиннымъ удовольствіемъ и искреннимъ чувствомъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе Г-ну Пуркинье. У кого онъ записалъ себѣ Смирдинское изданіе Русскихъ писателей? Ихъ вышло до сихъ поръ, кажется, болѣе 40 томовъ. Можетъ быть, Вамъ нужны только нѣкоторые изъ нихъ? Если Вамъ угодно, я могу прислать Вамъ нѣкоторыхъ писателей другаго изданія (1846—49 г.), именно Г. Перевлѣсскаго. Оно будетъ полезно для Вашихъ слушателей. До сихъ поръ вышли слѣдующія изданія Русскихъ писателей:

Выпускъ первый: Избранныя сочиненія Ломоносова. 520 страницъ.

Выпускъ второй: Избранныя сочиненія Кантемира. 329 стр.

Выпускъ третій: Избранныя сочиненія Тредьяковскаго. 266 стр.

При каждомъ изъ этихъ выпусковъ приложены портретъ автора, факсимиле, біографія и собраніе всѣхъ критическихъ статей о немъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Я доволенъ моимъ нынѣшнимъ положеніемъ, тѣмъ, что удобно могу заниматься на избранномъ мною поприщѣ. Теперь я читаю моимъ слушателямъ польскій синтаксисъ въ сравненіи съ русскимъ. Ученики мои, природные Русскіе, занимаются польскимъ языкомъ съ величайшею любовію. Теперь я занятъ также большой работою надъ польскимъ псалтыремъ Королевы Маргариты. Я намѣренъ вновь издать его, приложивъ къ нему старо-словянское чтеніе и подробный глоссарій, который уже составляется мною. Столь важный памятникъ для исторіи польскаго языка и вообще словянской филологіи до сихъ поръ еще неразработанъ. Въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ печатается мой сборникъ замѣчательныхъ словъ изъ этого псалтыря (слов. 200), сличенныхъ съ другими словянскими памятниками. Есть слова, можно сказать, изумительныя.

Не откажите дать мнѣ наставленіе и, если можно, открыть дорогу, какимъ образомъ могъ бы я получить новый списокъ съ этого псалтыря, который, какъ Вамъ извѣстно, хранится въ Верхней Австріи, недалеко отъ Линца, въ монастырѣ Св. Флоріана. Сдѣлайте одолженіе, пособите мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Измаилъ Ивановичъ Вамъ кланяется. Онъ будетъ писать къ Вамъ. Множество дѣлъ рѣшительно поглощаетъ его.

Не забывайте меня, драгоцѣннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Остаюсь душевно Вамъ преданный П. Добровскій.

Петроградъ,
30 Октября / 11 Ноября 1852 г.

28.

Безцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Я имѣлъ величайшее удовольствіе получить два Ваши письма, одно вслѣдъ за другимъ. Душевно благодарю Васъ за Вашу память обо мнѣ и винюсь передъ Вами, что до сихъ поръ пребывалъ въ молчаніи. Переселеніе въ новый городъ всегда сопряжено съ разными заботами и хлопотами. Теперь я немного пообжился и установился, благодаря нашему дорогому Измаилу Ивановичу. Мѣстомъ своимъ я очень доволенъ и съ успѣхомъ продолжаю преподавать польскій языкъ для Русскихъ, которые занимаются имъ очень прилежно. На будущій годъ надѣюсь приступить къ сравнительной грамматикѣ языковъ русскаго и польскаго. Вы правы, что система Добровскаго до сихъ поръ луч-

истиннаго Москвича. Познакомьте его съ Прагою и съ чешскимъ обществомъ, да заведите въ ваши *бесѣды*.

Давно уже Вы не писали ко мнѣ, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ! Нѣсколько разъ посылалъ Вамъ книги и письма, но не знаю, получили ли Вы ихъ? Ради Бога, не забывайте обо мнѣ и будьте увѣрены, что я всегда съ особенною пріятностію объ Васъ вспоминаю, искренно люблю и уважаю Васъ.

Радуюсь, что чешская литература процвѣтаетъ, и что въ пользу чешчизны уже сдѣлано много хорошаго. Каждую недѣлю я получаю черезъ почту Kwěty и наблюдаю ваше житье-бытье, какъ говорится у насъ въ просторѣчіи. Я получаю также другіе словянскіе журналы: Nowine Horv. Slav. Dalm., Danica, Србске Новине (изъ Бѣлграда) и т. д. Чтеніе всѣхъ этихъ журналовъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе и, такъ сказать, безпрестанно поддерживаетъ мою духовную связь съ братьями-Словянами.

Посылаю Вамъ XXX-ую книжку сочиненія: *Starożytna Polska*. Предыдущія книжки давно уже въ Вамъ посланы. Посылаю также два экземпляра моей статьи объ исторіи русской литературы Шевырева, она была помѣщена въ здѣшнемъ журналѣ: *Biblioteka Warszawska* (m. Maj).

Напишите что-нибудь въ вашихъ журналахъ о прекрасномъ трудѣ Шевырева.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта, остаюсь душевно Вамъ преданный и уважающій Васъ вашъ Дубровскій.

P. S. Г. Кухарскій Вамъ усердно кланяется. Мацеевскій вскорѣ пріѣдетъ къ вамъ въ Прагу. Онъ теперь въ Воротиславлѣ.

Варшава,
24 Мая / 5 Іюня 1847.

24.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Недавно только получилъ я посланныя вами книги: Реймское Евангеліе и Начала священнаго языка Словянъ, за которыя чувствительно васъ благодарю. Эта посылка доставила мнѣ невыразимую радость, что вы обо мнѣ помните. Посылаю вамъ Краледворскую Рукопись, переведенную прекрасными стихами на русскій языкъ. Я думаю, это вамъ будетъ пріятно.

Г. Льготакъ разскажетъ вамъ мое житье-бытье. Я намѣренъ переселиться въ Петербургъ, чтобы имѣть болѣе средствъ за-

ходящія къ Русской Правдѣ по своему содержанію и разбросанныя въ различныхъ древнихъ памятникахъ. Незадолго до выхода въ свѣтъ этой замѣчательной работы изданы были г. Калачевымъ четыре главныхъ основныхъ текста Правды особливо, съ словаремъ, fac-simile и сравнительной таблицей статей.

Г. Шевыревъ издалъ двѣ части своихъ XXXIII публичныхъ лекцій: *Исторія Русской Словесности, преимущественно древней.* Это изданіе принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ ученой русской литературы. Авторъ показалъ въ немъ изумительную эрудицію.

Книгопродавецъ Смирдинъ издаетъ въ Петербургѣ *Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ*, по самой дешевой цѣнѣ, въ маленькомъ и красивомъ форматѣ—явленіе очень отрадное и приносящее честь издателю. Уже вышли *Сочиненія Озерова* и *Сочиненія Фонъ-Визина.* Вотъ вамъ пока самыя замѣчательныя литературныя новости, до меня дошедшія въ настоящую минуту".

Кажется, осенью прошлаго года я послалъ Вамъ письмо и вмѣстѣ слѣдующія книжки сочиненія: *Starożytna Polska.* Не знаю, получили ли Вы ихъ? Теперь посылаю книжки: XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX. Напишите мнѣ, не нужно ли Вамъ еще какихъ либо книгъ? Въ ожиданіи Вашего отвѣта, заочно обнимаю Васъ, безцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ, и остаюсь душевно Вамъ преданный и уважающій Васъ вашъ Дубровскій.

Варшава,
9 Марта 1847 г.

23.

Впередъ!

Безцѣнный и незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Поручаю Вашему словянскому радушію одного изъ милыхъ моихъ знакомцевъ, Москвича, земляка моего, Статскаго Совѣтника Алексѣя Кириловича Козачковскаго. Онъ ѣдетъ взглянуть на Европу и между прочимъ имѣетъ желаніе познакомиться съ вашею прекрасною и, какъ говорятъ Сербы, золотою Прагою, которая безъ сомнѣнія напомнитъ ему нашу матушку-Москву бѣлокаменную. Помню, какъ мнѣ было пріятно находиться въ Вашемъ любезномъ обществѣ, во время моего пребыванія въ Прагѣ, и потому я увѣренъ, что Алексѣй Кириловичъ душевно будетъ радъ вашему знакомству, да и вы сами полюбите въ немъ

скій путешественникъ и литераторъ *Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ* Онъ теперь въ Римѣ. Сдѣлайте одолженіе, не откажите ему въ Вашемъ словянскомъ радушіи и познакомьте его съ Прагою. Въ слѣдующемъ году онъ будетъ издавать въ Москвѣ журналъ: *Русскій Вѣстникъ*, въ которомъ главное вниманіе обращено будетъ также на словянскія литературы. Много хорошаго можно будетъ ожидать отъ этого журнала. Г. Чижовъ будетъ просить у Васъ совѣтовъ.

Теперь кое что скажу о Русской литературѣ. Знаете ли вы, что въ *Московскомъ Литературномъ и Ученомъ Сборникѣ* помѣщенъ превосходный переводъ г. Берга *Краледворской Рукописи*. Я читалъ его съ истиннымъ наслажденіемъ, сравнивая съ подлинникомъ. Онъ будетъ изданъ также отдѣльною книжкою. Г. Минаевъ передалъ въ прекрасныхъ стихахъ *Слово о Полку Игоревомъ*. Онъ превзошелъ всѣ прежніе переводы и передѣлки. Этими двумя явленіями достойно помянута древняя Словянщина.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ труды Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оно издаетъ ежемѣсячно труды своихъ сочленовъ подъ названіемъ *Чтеній*. Отдѣлъ историческихъ матеріяловъ въ нихъ превосходенъ, напр. изданіе Георгія Конисскаго, лѣтописи Самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, изданіе перевода Коллинса о Россіи временъ Алексѣя Михайловича. Общество старается обратить также вниманіе на исторію другихъ словянскихъ племенъ. Такъ въ *Чтеніяхъ* помѣщена прекрасная статья г. *Палацкаго* о древнѣйшихъ земскихъ учрежденіяхъ Сербовъ и Чеховъ, и *Винодольскій Законъ*. Замѣчательны также слѣдующія статьи: устройство полевой и станичной службы въ древней Руси (г. *Бѣляева*), о лѣтосчисленіи въ древней Руси (его же), объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ (г. Соловьева). Самое дѣятельное участіе въ изданіи *Чтеній* принимаетъ г. Бодянскій, Секретарь Общества. Кромѣ того, Общество издало двѣ замѣчательныя книги: *Текстъ Книги Большому Чертежу* (г. Спасскаго) и о Русскомъ Войскѣ, преимущественно въ XVII вѣкѣ (г. Бѣляева).

Г. Калачевъ издалъ свой важный трудъ: *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды*. Указаны всѣ изданія и разобраны всѣ мнѣнія, составленъ обзоръ списковъ Правды, числомъ до пятидесяти, изъ которыхъ около тридцати впервые стали извѣстны чрезъ г. Калачева. Затѣмъ слѣдуетъ превосходное изданіе самаго текста Правды, съ варьянтами. Наконецъ выбраны и напечатаны всѣ статьи под-

P. S. Посылаю вамъ слѣдующія три книжки сочиненія: *Starożytna Polska*. До сихъ поръ болѣе не вышло.

Варшава,
5 Апрѣля 1846 г.

21.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Рекомендую Вамъ перваго пѣвца нашей польской оперы, г. Добрскаго. Пользуясь его отъѣздомъ, отсылаю Вамъ XXV книжку сочиненія: *Starożytna Polska* и экземпляръ книги: *Litwa pod względem starożytnych zabytków*. Предыдущія книжки *Starożytnej Polski* я уже отослалъ Вамъ черезъ г. Льготака.

Какъ Вы поживаете, незабвенный и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ? Что новаго приготовляете къ изданію? Мы въ Варшавѣ читаемъ ваши Kwěty и радуемся успѣхамъ вашей народности.

Извѣстно ли Вамъ, что недавно умеръ Прейсъ? Словянщина потеряла въ немъ одного изъ своихъ усердныхъ ревнителей. Очень жаль.

Кланяйтесь отъ меня всѣмъ милымъ Пражанамъ, кто только меня помнитъ. Вамъ желаю всякаго счастія и здоровья. Пишите ко мнѣ и обрадуйте душевно Вамъ преданнаго и много Васъ уважающаго Дубровскаго.

P. S. Въ каждомъ нумерѣ *Москвитянина* помѣщаются мои статьи о словянскихъ литературахъ. О Чехахъ пишу въ особенности много.

Варшава,
20 Іюня / 2 Іюля 1846.

22.

Незабвенный и драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! [1])

„Такъ давно не получалъ я отъ Васъ ни одной строчки! Какъ Вы поживаете и что подѣлываете? Я объ Васъ всегда съ пріятностію вспоминаю и мысленно переношусь въ милую, незабвенную Прагу. Не забывайте меня и удостойте Вашимъ отзывомъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣдетъ къ Вамъ въ Прагу рус-

[1]) Напечатано въ чешскомъ переводѣ въ Č. Č. Mus., 1847, díl II, str. 218—220.

20.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Пользуясь отъѣздомъ вашего соотечественника г. Льготака, pospícham poslati Wam mé pozdrawenj. Давно я уже не имѣю отъ васъ никакихъ извѣстій. Здоровы ли вы и что подѣлываете? Наша словянщина теперь молчитъ... И ее бѣдную опутали подозрѣніемъ и ничтожными замыслами! Безразсудный порывъ Поляковъ въ послѣднее время смѣшонъ и жалокъ! Но не хочу распространяться объ этомъ предметѣ. Вы сами хорошо можете судить о немъ.

Читали-ли вы въ Revue des deux mondes первую лекцію Кипріяна Роберта въ Парижѣ о словянской литературѣ? Что вы объ ней думаете? Я нахожу, что въ ней много есть очень хорошаго и справедливаго. Нѣкоторыя мѣста даже восхитили меня. Надобно радоваться, что Французы такъ горячо взялись за Словянщину. Дай Богъ, въ добрый часъ. Словяне и Французы могутъ быть искренними друзьями, по своей натурѣ.

Какъ бы то ни было, но словянскій вопросъ въ Европѣ принимаетъ болѣе и болѣе значительности. Трудно уже нашимъ непріятелямъ утверждать будто бы этотъ вопросъ—мечта! Правда, словянщина должна еще бороться со многими препятствіями, и бороться долго...

Что дѣлается у васъ, въ милыхъ Чехахъ? Я узналъ кое-что изъ газетъ и не хочу вѣрить, что бы это было дѣло важное. Увѣдомьте меня, мой драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ, какъ о себѣ, такъ и о чешскихъ новостяхъ. Незабвенной и милой Прагѣ посылаю мой усердный и низкій поклонъ!

Что касается до меня, то я по прежнему съ любовью занимаюсь литературою словянскихъ народовъ и помѣщаю объ ней извѣстія въ *Москвитянинѣ* г. Погодина. Имѣю теперь много свободнаго времени, потому что служу въ Цензурномъ Комитетѣ, по отдѣленію газетъ и журналовъ.

Мацеевскій вамъ кланяется. Печатаніе его сочиненія: *Pierwotne Dzieje Litwy i Polski* уже почти окончено и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ. Это будетъ огромный томъ въ 40 печатныхъ листовъ слишкомъ, въ большомъ форматѣ, густой печати.

У г. Муханова видѣлъ я ваше прекрасное изданіе Реймскаго Евангелія. Честь Вамъ и слава!

Въ ожиданіи вашего отвѣта, искренно обнимаю васъ и остаюсь душевно вамъ преданный и много васъ уважающій вашъ

Дубровскій.

P. S. Посылаю вамъ слѣдующія три книжки сочиненія: *Starożytna Polska*. До сихъ поръ болѣе не вышло.

Варшава,
5 Апрѣля 1846 г.

21.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Рекомендую Вамъ перваго пѣвца нашей польской оперы, г. Добрскаго. Пользуясь его отъѣздомъ, отсылаю Вамъ XXV книжку сочиненія: *Starożytna Polska* и экземпляръ книги: *Litwa pod względem starożytnych zabytków*. Предыдущія книжки *Starożytnej Polski* я уже отослалъ Вамъ черезъ г. Льготака.

Какъ Вы поживаете, незабвенный и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ? Что новаго приготовляете къ изданію? Мы въ Варшавѣ читаемъ ваши Kwěty и радуемся успѣхамъ вашей народности.

Извѣстно ли Вамъ, что недавно умеръ Прейсъ? Словянщина потеряла въ немъ одного изъ своихъ усердныхъ ревнителей. Очень жаль.

Кланяйтесь отъ меня всѣмъ милымъ Пражанамъ, кто только меня помнитъ. Вамъ желаю всякаго счастія и здоровья. Пишите ко мнѣ и обрадуйте душевно Вамъ преданнаго и много Васъ уважающаго Дубровскаго.

P. S. Въ каждомъ нумерѣ *Москвитянина* помѣщаются мои статьи о словянскихъ литературахъ. О Чехахъ пишу въ особенности много.

Варшава,
20 Іюня / 2 Іюля 1846.

22.

Незабвенный и драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! [1])

„Такъ давно не получалъ я отъ Васъ ни одной строчки! Какъ Вы поживаете и что подѣлываете? Я объ Васъ всегда съ пріятностію вспоминаю и мысленно переношусь въ милую, незабвенную Прагу. Не забывайте меня и удостойте Вашимъ отзывомъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣдетъ къ Вамъ въ Прагу рус-

[1]) Напечатано въ чешскомъ переводѣ въ Č. Č. Mus., 1847, díl II, str. 218—220.

лаю Вамъ слѣдующія книжки сочиненія: *Starożytna Polska* (кн. V—XXI). Первыя четыре книжки Вы уже получили. Между прочимъ вотъ Вамъ новости русской литературы: 1) Тарантасъ (такъ называется бричка особаго рода, въ которой ѣздятъ степные помѣщики). Путевыя впечатлѣнія. Соч. графа В. А. Соллогуба. С.-Петербургъ. Это живая картина нынѣшней Руси, исполненная сатирическихъ и вѣрныхъ замѣчаній о народномъ характерѣ. 2) О лубочныхъ картинахъ русскаго народа. Соч. И. Снегирева. Москва. Книга очень любопытная для изслѣдователей русской старины. 3) Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый П. Кириловымъ. АБА—МАР. Въ 16, 176 стр. С.-Петерб. Предпріятіе полезное, однако иностранныя слова, касающіяся собственно литературы, иногда неправильны и неполны. 4) *Іомсбургъ и Винета.* Историческое изслѣдованіе Т. Грановскаго. Въ 8, 40 стр. Москва. Іомсбургомъ, какъ извѣстно, называлось одно изъ норманскихъ поселеній, въ половинѣ X вѣка основанное скандинавскими (съ острова Зеландіи) выходцами на вендскомъ поморіи. Недалеко отъ него находился словянскій торговый городъ Волинъ, который у лѣтописцевъ называется иногда Юлинъ. Авторъ этого изслѣдованія приводитъ отрывки изъ *Іомсбургской Саги*, содержащей въ себѣ описаніе нравовъ, подвиговъ и всей воинственной поэзіи витязей Іомсбурга. По указаніямъ г. Грановскаго открывается, что словянскій городъ, будто бы тамъ же существовавшій, гдѣ были Іомсбургъ и Волинъ, городъ *Винета*, носившій у нѣкоторыхъ писателей названіе *Сѣверной Венеціи*, есть одно изъ тѣхъ баснословныхъ именъ, которыя нерѣдко попадаются въ исторіи. *Венета* происхожденіемъ своимъ обязана ошибкѣ переписчиковъ лѣтописей, которые изъ имени Юлинъ (то же что Волинъ) сперва образовали Юмна, потомъ Юмнета, а наконецъ Венета. Таково мнѣніе автора.

Вышла еще недавно былъ въ стихахъ г. Майкова: *Двѣ Судьбы.* Талантъ чрезвычайно много обѣщающій для русской поэзіи. Онъ недавно еще у насъ „показался". Вотъ отрывокъ изъ его патріотическихъ стиховъ, въ которыхъ онъ обращается къ своимъ родичамъ:

„Пошли еще пророка намъ, и мы
Увѣруемъ въ его живое слово:
Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы,
Повѣдаетъ, кто мы? Зачѣмъ громовый
Орелъ нашъ сталъ могучъ своимъ крыломъ?
Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣньи,

Со страхомъ всѣ земныя поколѣнья?
Что новаго мы въ жизнь ихъ принесемъ?
Зачѣмъ на насъ, какъ на звѣзду полночи,
Устремлены съ надеждой теплой очи
Печальныхъ нашихъ братіевъ-Славянъ,
У снѣжныхъ Альпъ, въ ущеліяхъ Балканъ?..."

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ, недовольный настоящею жизнію ихъ соотечественниковъ, говоритъ:

„О, Русскіе, вѣдь былъ же вашъ разгулъ
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Гдѣ воля духъ вашъ въ брани укрѣпляла!
Вѣдь доблестью горѣлъ вашъ гордый взоръ,
Когда вы шли на Ярославовъ Дворъ;
Не разъ за честь своей родной земли
Вы города и храмы ваши жгли,
Несклонные нести, въ уничиженьи,
Чужую цѣпь и стыдъ порабощенья!...".

„Вообще замѣчу, что въ нынѣшней русской литературѣ являются произведенія, сильно пробуждающія народный духъ даже любовь къ Словянству. Мы русскіе теперь явно высказаемъ о себѣ горькія истины и не скрываемъ своихъ недостатковъ. Это явленіе можно назвать движеніемъ впередъ въ нашей жизни. Смѣшная и ложная клевета иностранцевъ на русскихъ ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы сами себѣ свидѣтельствуемъ". Вотъ вамъ и новости русской литературы, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Имѣю къ вамъ просьбу. Не найдется ли у васъ въ Прагѣ именитая илирская книжка: *Iskrice od Tommasea?* Пришлите ее съ г. Радваньскимъ. Прошу Васъ также о слѣдующихъ двухъ книжкахъ: 1) Zrcadlo Slowenska и 2) Starši dějepis nejnowějši literarni obnowa národu ilirského. Posal Draškowič. Прощайте, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславъ! Будьте благополучны и здоровы. Отъ души обнимаю Васъ остаюсь искренно Вамъ преданный Дубровскій.

P. S. Кажется, мнѣ не удастся въ нынѣшнемъ году побывать въ Прагѣ, о чемъ сокрушаюсь.

S. P. S. Мацеевскій Вамъ кланяется. Онъ черезъ двѣ недѣли выѣзжаетъ въ Галицію. Вамъ кланяется также г. Лыжковъ и проситъ увѣдомить его, получили ли вы письмо и книги, которыя онъ послалъ вамъ.

Варшава,
31 Мая 1845.

лаю Вамъ слѣдующія книжки сочиненія: *Starożytna Polska* (кн. V—XXI). Первыя четыре книжки Вы уже получили. Между прочимъ вотъ Вамъ новости русской литературы: 1) Тарантасъ (такъ называется бричка особаго рода, въ которой ѣздятъ степные помѣщики). Путевыя впечатлѣнія. Соч. графа В. А. Соллогуба. С.-Петербургъ. Это живая картина нынѣшней Руси, исполненная сатирическихъ и вѣрныхъ замѣчаній о народномъ характерѣ. 2) О лубочныхъ картинахъ русскаго народа. Соч. И. Снегирева. Москва. Книга очень любопытная для изслѣдователей русской старины. 3) Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый П. Кириловымъ. АБА—МАР. Въ 16, 176 стр. С.-Петерб. Предпріятіе полезное, однако иностранныя слова, касающіяся собственно литературы, иногда неправильны и неполны. 4) *Іомсбургъ* и *Винета*. Историческое изслѣдованіе Т. Грановскаго. Въ 8, 40 стр. Москва. Іомсбургомъ, какъ извѣстно, называлось одно изъ норманскихъ поселеній, въ половинѣ X вѣка основанное скандинавскими (съ острова Зеландіи) выходцами на вендскомъ поморіи. Недалеко отъ него находился словянскій торговый городъ Волинъ, который у лѣтописцевъ называется иногда Юлинъ. Авторъ этого изслѣдованія приводитъ отрывки изъ *Іомсбургской Саги*, содержащей въ себѣ описаніе нравовъ, подвиговъ и всей воинственной поэзіи витязей Іомсбурга. По указаніямъ г. Грановскаго открывается, что словянскій городъ, будто бы тамъ же существовавшій, гдѣ были Іомсбургъ и Волинъ, городъ *Винета*, носившій у нѣкоторыхъ писателей названіе *Сѣверной Венеціи*, есть одно изъ тѣхъ баснословныхъ именъ, которыя нерѣдко попадаются въ исторіи. *Венета* происхожденіемъ своимъ обязана ошибкѣ переписчиковъ лѣтописей, которые изъ имени Юлинъ (то же что Волинъ) сперва образовали Юмна, потомъ Юмнета, а наконецъ Венета. Таково мнѣніе автора.

Вышла еще недавно быль въ стихахъ г. Майкова: *Двѣ Судьбы*. Талантъ чрезвычайно много обѣщающій для русской поэзіи. Онъ недавно еще у насъ „показался“. Вотъ отрывокъ изъ его патріотическихъ стиховъ, въ которыхъ онъ обращается къ своимъ родичамъ:

„Пошли еще пророка намъ, и мы
Увѣруемъ въ его живое слово:
Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы,
Повѣдаетъ, кто мы? Зачѣмъ громовый
Орелъ нашъ сталъ могучъ своимъ крыломъ?
Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣньи,

Г. Григоровичъ удостовѣрился, какъ самъ говоритъ, въ обширномъ нѣкогда употребленіи глаголиты. У г. Михановича глаголитскій отрывокъ, доставленный ему съ Аѳонской Горы, гдѣ также находится цѣлая глаголитская книга. Еще любопытнѣе неполный кодексъ XIII или XIV стол. Словъ Отцевъ Церкви на словянскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ находятся тѣ же самыя слова, которыя издавали Копитаръ и Калайдовичъ. Но самое важное открытіе для русскихъ ученыхъ—это полный кодексъ Номоканона, который древнѣе всѣхъ находящихся въ Россіи. Онъ написанъ въ 1262 г. и принадлежитъ къ разряду сербскихъ. Г. Григоровичъ отправился потомъ на Аѳонскую Гору, гдѣ намѣренъ былъ прожить два мѣсяца и болѣе, смотря по надобности, чтобы ознакомиться съ слов. рукописями и изучить болгарскій языкъ, послѣ онъ снова хотѣлъ возвратиться въ Солунь, оттуда въ Охриду, гдѣ надѣется найдти нѣсколько болгарскихъ памятниковъ. Изъ Охриды онъ предполагаетъ обратно отправиться въ Солунь, чтобы отсюда наконецъ подвинуться на сѣверъ къ Валахіи.

Теперь перейду къ польской литературѣ. Въ Варшавѣ большею частію бросаются на книжныя спекуляціи. Истинной любви къ литературѣ мало. Публика равнодушна и ограниченна. Журналовъ выходитъ довольное число, но что въ нихъ толку. Еще польская журналистика никогда такъ низко не стояла, какъ теперь. Одна только *Варшавская Библіотека* похожа на что нибудь, да и это не журналъ, а литературный сборникъ безъ живой современной идеи. Изъ книгъ, отдѣльно вышедшихъ, замѣчательна слѣдующая: Dyarjusz Wojewody Witebskiego Jana Antoniego dwóch imion Chrapowickiego, jako przyczynek do dziejów z czasów Jana Kazimiérza, Michała Wiśniowieckiego i Jana Sobieskiego królów polskich, wydany przez J. Rusieckiego z Trojanki. Oddział I. Warszawa, 1845. Безъ сомнѣнія, такія записки важны для исторіи; но въ изданномъ теперь *Діаріи* можно бы было выбросить много пустого и ненужнаго, какъ напр. о томъ, гдѣ панъ воевода обѣдалъ, ужиналъ и ночевалъ; нужно бы было выбрать самое любопытное, а книги были бы меньше, любопытнѣе и дешевле. Въ Вильнѣ гг. Николай Малиновскій и Александръ *Przezdziecki* издаютъ очень важное пособіе для польской исторіи подъ заглавіемъ: *Źródła do Dziejów Polskich* (Т. I и II, 1844 г.). Они заключаютъ въ себѣ разныя записки, акты, письма и грамоты XVI и XVII стол.

Самое вѣрное и справедливое мнѣніе о польской новѣйшей литературѣ произнесъ знаменитый польскій писатель Кра-

шевскій, въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ *Варшавской Библіотекѣ* (Январь, 1845 г., стр. 208): „Nie możemy narzekać wcale, żeby się ruch u nas umysłowy cofał, ustał, ostygł; znowu zewsząd odbieram wiadomości pocieszające o nowo-wychodzących i przygotowujących się dziełach. Ale na nieszczęście, wymówka, jaką nam dziś jeszcze czynią w Poznaniu, jest poniekąd słuszną. Literaturze u nas i jej utworom a wyrobom brak powszechnie idei ciągłej, jednej, dążącej do rozwinięcia; brak naukowości, brak jednem słowem tej powagi, jaką nadaje nauka, tej jedności dążeń, jaką obdarza myśl jasno pojętego celu". Потомъ, на стр. 209, г. Крашевскій говоритъ, жалуясь на легкомысліе публики: „Wszystko bowiem, co nie powieść, co nie poezya, co nie łatwe do czytania, co potrzebuje pracy, zastanowienia, odepchnięte zostaje niemiłosiernie. Dzieła bardziej naukowe trupieszeją w księgarniach, pisarz więc, chcący działać na publiczność i do życia ją rozbudzić, musi używać jednej formy, jedynego zrozumiałego języka". Надобно еще замѣтить, что въ новѣйшей польской литературѣ, въ значительной степени, проглядываетъ *пиетизмъ*,— направленіе странное и запоздалое. Имъ особенно отличаются женщины и попы, въ большомъ числѣ; они издаютъ журналы, повѣсти, романы, стихотворенія, философическія книги — и все это будто бы въ духѣ *католическомъ!*

Итакъ, желая всякаго благополучія польскимъ женщинамъ и попамъ, подвизающимся на литературномъ поприщѣ, оканчиваю мое письмо. Не забывайте же меня, любезный и драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ, отъ души желаю вамъ быть здоровымъ. Остаюсь искренно вамъ преданный и много васъ уважающій, весь вашъ безъ церемоній Дубровскій.

P. S. Недавно получилъ я № 15 *Цвѣтовъ* за нынѣшній годъ и съ восторгомъ прочиталъ стихотвореніе Каппера: Věrnému přiteli W. N. Что за прекрасная и высокая мысль! Если и другія его стихотворенія отличаются тѣмъ же достоинствомъ, то поздравляю васъ съ новымъ поэтомъ, которому и мы можемъ позавидовать. Дай Богъ, чтобы этотъ глубокій талантъ развился у васъ въ полномъ блескѣ. Для чешскаго народа необходимъ и очень многозначителенъ былъ бы такой великій поэтъ, какъ напр., нашъ Пушкинъ. Но геніи родятся вѣками!

S. P. S. Въ одномъ познанскомъ журналѣ (*Rok* 1844, книжка X) напечатанъ переводъ двухъ стихотвореній нашего поэта *Хомякова*, котораго назвали тамъ *Hamiakow, professor uniwersytetu charkowskiego!!!* Потрудитесь исправить эту грубую ошибку въ какомъ-нибудь вашемъ журналѣ. Хомяковъ никогда не

Въ русской литературѣ довольно много дѣятельности, особенно журнальной. Есть что читать каждый мѣсяцъ. Надобно отдать справедливость русскимъ журналамъ, что они своевременно и подробно знакомятъ своихъ читателей со всѣмъ лучшимъ и замѣчательнымъ въ новѣйшихъ литературахъ всѣхъ западныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ еще неповсемѣстно распространилась потребность чтенія, изданіе журналовъ чрезвычайно важно и необходимо, и чѣмъ ихъ больше выходитъ, тѣмъ лучше. Они пріохотятъ къ чтенію. За книгу не каждый по лѣности возмется, чтобы задать себѣ трудъ прочитать ее отъ начала до конца; журналъ заманитъ скорѣе. Между прочимъ вотъ самыя замѣчательныя книги, отдѣльно изданныя: *Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*. Томъ I. Тетрадь I. Новгородская губернія. СПБ. 1844. Авторъ этого *Описанія* г. Пушкаревъ и сотрудникъ его г. Гедеоновъ предположили себѣ издать обширный трудъ, состоящій изъ 18 томовъ. Намѣреніе прекрасное, но жаль, что выполняется безъ критики матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ это сочиненіе очень любопытно. *Каталогъ книгъ*, составляющихъ библіотеку Главнаго Педагогическаго Института 1829—1843. СПБ. 1844. Какое богатое пособіе для учащихся! Названія книгъ, находящихся въ библіотекѣ Института, едва могли умѣститься на осьми печатныхъ листахъ въ два столбца, при мелкомъ шрифтѣ. Для каждой каѳедры, со всѣми подраздѣленіями предметовъ, собрано здѣсь и выписано изъ-за границы все, что только извѣстно лучшаго. *Русскія достопамятности*, издаваемыя Обществомъ исторіи и древностей русскихъ при Московскомъ Университетѣ. Часть вторая. Москва. 1844. Въ этой части особенно любопытна и важна статья г. Дубенскаго о *Словѣ о Полку Игоревѣ*. Это явленіе чрезвычайно замѣчательное въ нашей исторической критикѣ. Укажу теперь на лучшія произведенія въ изящной литературѣ: 56 стихотвореній Н. М. Языкова. Москва, 1844, 94 стр. *Гаммы* (стихотв. Я. П. Полонскаго). Москва, 1844. 63 стр. *Фаустъ*, трагедія соч. *Гете*. Переводъ 1-ой и изложеніе 2-ой части М. Вронченко. Спб. 1844. Г. Вронченко уже обогатилъ русскую литературу превосходными переводами двухъ твореній Шекспира: Гамлета и Макбета. Теперь онъ подарилъ насъ новымъ переводомъ глубокомысленной драмы Гете. Этотъ переводъ отличается близостію къ подлиннику въ каждомъ стихѣ, близостію почти буквальною, сохраняя вмѣстѣ съ этимъ свободу въ отношеніи къ русскому языку. Г. Вронченко дополнилъ свой трудъ прекрасными эстетическими приложеніями, объясняющими сущность

творенія Гёте. Вышли также два слѣдующіе романа (напечатанные прежде въ журналѣ Современникъ): *Импровизаторъ*, соч. датскаго писателя Андерсена, и *Семейство*, соч. шведской писательницы Фредерики Бренеръ.

Извѣстно ли вамъ, что г. Шевченко издаетъ въ Петербургѣ *Живописную Украину*, состоящую изъ трехъ отдѣленій: 1) Виды Малороссіи, 2) Современный бытъ народа и 3) важнѣйшія произшествія изъ исторіи Малороссіи. Это будетъ собраніе рисунковъ, исполненныхъ на мѣди *à l'eau forte* (aqua tinta). Изданіе превосходное. До сихъ поръ вышла 1-ая тетрадь, заключающая въ себѣ: 1. *Дары.* Три посольства изъ трехъ разныхъ странъ приходятъ къ Богдану Хмѣльницкому, въ 1649 г., и приносятъ дары отъ Царя Московскаго, отъ короля польскаго и турецкаго султана; 2. *Мірская сходка.* На обширной площади передъ малороссійскою корчмою собрались сельскіе старшины вокругъ сидящаго Отамана, или мѣстнаго начальника. На сторонѣ, за угломъ, оппозиційныя партіи пьютъ въ знакъ согласія. Вокругъ суровыя лица запорожцевъ. 3. *Группа деревьевъ* на холмѣ подъ Кіевомъ, внизу Днѣпръ, въ отдаленіи острова, дымящійся пароходъ и т. д. Вторая тетрадь уже приготовлена и будетъ заключать въ себѣ: *Сватовство*, видъ Выдубецкаго монастыря подъ Кіевомъ и олицетвореніе народной малороссійской сказки: *Солдатъ и смерть.* Четыре тетради или 12 рисунковъ будутъ составлять годовое изданіе. Подписная цѣна за все изданіе очень невелика: только 6 руб. съ пересылкою. Если бы подобныя изданія явились и у другихъ Словянскихъ народовъ! Какое было бы сокровище! И какъ бы это было кстати, въ наше время особенно!

Скажу вамъ кое-что о новомъ русскомъ путешественникѣ, г. Григоровичѣ, который будетъ профессоромъ словянск. литературы въ Казанскомъ университетѣ. Сентября 8, 1844 г., изъ Константинополя онъ отправился въ Солунь, откуда вышли наши словянскіе Апостолы, Кириллъ и Меѳодій. Тамошнее греческое духовенство, за исключеніемъ митрополита, ничего не знаетъ объ этихъ святителяхъ. Въ тамошнихъ библіотекахъ есть слишкомъ полтораста греческихъ рукописей, но онѣ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ отношеніи къ Словянамъ г. Григоровичъ ничего еще не нашелъ. Онъ познакомился съ австрійскимъ консуломъ г. Михановичемъ, любителемъ словянскихъ древностей. Онъ родомъ Хорватъ, нѣсколько разъ путешествовалъ по Македоніи и Ѳракіи и собралъ много замѣчательныхъ рукописей, числомъ слишкомъ двадцать. Ихъ открытіе находится въ связи съ нѣкоторыми вопросами, которые недавно занимали ученыхъ

Въ русской литературѣ довольно много дѣятельности, особенно журнальной. Есть что читать каждый мѣсяцъ. Надобно отдать справедливость русскимъ журналамъ, что они своевременно и подробно знакомятъ своихъ читателей со всѣмъ лучшимъ и замѣчательнымъ въ новѣйшихъ литературахъ всѣхъ западныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ еще неповсемѣстно распространилась потребность чтенія, изданіе журналовъ чрезвычайно важно и необходимо, и чѣмъ ихъ больше выходитъ, тѣмъ лучше. Они пріохотятъ къ чтенію. За книгу не каждый по лѣности возмется, чтобы задать себѣ трудъ прочитать ее отъ начала до конца; журналъ заманитъ скорѣе. Между прочимъ вотъ самыя замѣчательныя книги, отдѣльно изданныя: *Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*. Томъ I. Тетрадь I. Новгородская губернія. СПБ. 1844. Авторъ этого *Описанія* г. Пушкаревъ и сотрудникъ его г. Гедеоновъ предположили себѣ издать обширный трудъ, состоящій изъ 18 томовъ. Намѣреніе прекрасное, но жаль, что выполняется безъ критики матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ это сочиненіе очень любопытно. *Каталогъ книгъ*, составляющихъ библіотеку Главнаго Педагогическаго Института 1829—1843. СПБ. 1844. Какое богатое пособіе для учащихся! Названія книгъ, находящихся въ библіотекѣ Института, едва могли умѣститься на осьми печатныхъ листахъ въ два столбца, при мелкомъ шрифтѣ. Для каждой каѳедры, со всѣми подраздѣленіями предметовъ, собрано здѣсь и выписано изъ-за границы все, что только извѣстно лучшаго. *Русскія достопамятности*, издаваемыя Обществомъ исторіи и древностей русскихъ при Московскомъ Университетѣ. Часть вторая. Москва. 1844. Въ этой части особенно любопытна и важна статья г. Дубенскаго о *Словѣ о Полку Игоревѣ*. Это явленіе чрезвычайно замѣчательное въ нашей исторической критикѣ. Укажу теперь на лучшія произведенія въ изящной литературѣ: 56 стихотвореній Н. М. Языкова. Москва, 1844, 94 стр. *Гаммы* (стихотв. Я. П. Полонскаго). Москва, 1844. 63 стр. *Фаустъ*, трагедія соч. *Гете*. Переводъ 1-ой и изложеніе 2-ой части М. Вронченко. Спб. 1844. Г. Вронченко уже обогатилъ русскую литературу превосходными переводами двухъ твореній Шекспира: Гамлета и Макбета. Теперь онъ подарилъ насъ новымъ переводомъ глубокомысленной драмы Гете. Этотъ переводъ отличается близостію къ подлиннику въ каждомъ стихѣ, близостію почти буквальною, сохраняя вмѣстѣ съ этимъ свободу въ отношеніи къ русскому языку. Г. Вронченко дополнилъ свой трудъ прекрасными эстетическими приложеніями, объясняющими сущность

мужиковъ, вѣчно *upadających do nóg* съ какимъ-то глупымъ и простодушнымъ выраженіемъ лица,—такія повѣсти, говорю, скоро всю польскую народность проволочатъ въ грязи... Узнаетъ ли наконецъ читатель изъ В. Библіотеки ходъ современныхъ европейскихъ литературъ? Также нисколько! Двѣ, три статьи въ этомъ родѣ, наскоро составленныя — еще далеки отъ дѣла Для Варшавы необходимъ дѣльный и хорошій журналъ. О, я отъ души желалъ бы, чтобы *Варшавская Библіотека* вполнѣ соотвѣтствовала цѣли журнала. Нуженъ трудъ, трудъ и трудъ, и его то и не достаетъ редакціи Библіотеки; а потомъ еще наука, не суетная, но добросовѣстная...

Но пора уже кончить мое письмо. Все это можете напечатать въ *Музейникѣ*. Сердечно и по-братски обнимаю васъ, мой драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Дай Богъ Вамъ здоровья. *Впередъ!!* Вашъ искренній другъ Дубровскій.

P. S. Только что получилъ я 2-ю книжку *Москвитянина*. Въ ней помѣщенъ второй отдѣлъ *Введенія* въ *Исторію Русской Словесности г. Шевырева*. Въ другомъ письмѣ отдамъ вамъ объ немъ отчетъ. Между тѣмъ выписываю его оглавленіе: Переходъ къ общему обозрѣнію. Значеніе древней Руси въ наше время. Воззрѣніе Карамзина. Воззрѣніе нашего времени на русскую исторію. Самопознаніе есть народная основа современной науки въ нашемъ отечествѣ. Задача нашего введенія. Христіанскій характеръ образованія древней Руси. Распространеніе христіанства въ Россіи и истребленіе постепенное язычества. Священное писаніе у насъ есть народная книга. Источникъ житейскаго нравоученія. Евангеліе. Особенная любовь народа къ Іоанну Богослову. Притчи Соломона и Премудрости Сираха. Богослужебныя книги. Народные каноносложатели. Переводы Отцовъ Церкви. Іоаннъ Златоустъ—любимый нашъ проповѣдникъ.

S. P. S. Безъ сомнѣнія, Вамъ извѣстно, что Востоковъ уже издалъ Остромирово Евангеліе. Вотъ сокровище для словянскихъ словолюбцевъ!

Я продалъ пять экземпляровъ новаго изданія присланной Вами *Королеводворской Рукописи*. Имѣете 50 польскихъ злотыхъ. Напишите, хотите ли, чтобы я на эти деньги купилъ для Васъ какихъ-нибудь книгъ, или прислалъ бы ихъ Вамъ?

Мой усердный поклонъ г. Шафарику и всѣмъ милымъ братьямъ Словянамъ, которые помнятъ меня?

Варшава,
31 Марта 1844 г.

16.

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Наскоро пишу къ Вамъ и рекомендую Вамъ Варшавянина господина Будишевскаго, srdečně ho poraučjm. Въ скоромъ времени я опять буду писать къ Вамъ чрезъ оказію, а въ концѣ лѣта, Богъ дастъ, и самъ увижусь съ Вами въ Прагѣ. Отъ души обнимаю Васъ, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ. Прощайте! Весь вашъ Дубровскій.

P. S. Посылаю слѣдующія книжки (2, 3, 4, 5) изданія: *Starżytna Polska.*

Варшава,
29 Іюня 1841.

17.

Впередъ!

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!

Я столько виноватъ передъ Вами, что не нахожу словъ для извиненій. Мнѣ остается только умолять Васъ, чтобы Вы меня простили. Однако жъ чувства мои къ Вамъ неизмѣнны, а мое долгое молчаніе не можетъ служить доказательствомъ, чтобы я васъ забылъ, мой драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Воспоминаніе о милыхъ пражскихъ Словянахъ, съ которыми я имѣлъ счастіе лично познакомиться, на всю жизнь сохранится въ моемъ сердцѣ. Итакъ не сомнѣвайтесь во мнѣ и удостойте считать меня въ числѣ самыхъ преданнѣйшихъ Вашихъ знакомыхъ. Въ концѣ прошлаго лѣта я выѣзжалъ за границу; былъ въ Ярославлѣ, проѣхалъ Моравію, прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ Вѣнѣ, гдѣ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ многими Словянами, и наконецъ черезъ Краковъ воротился домой. Къ Вамъ въ Прагу заѣхать я не могъ, да и не имѣлъ времени. Надѣюсь навѣстить Васъ нынѣшнимъ лѣтомъ. *Денница* моя упала и уже не можетъ подняться. Богъ свидѣтель, что я съ своей стороны дѣлалъ все, что могъ, и смѣло могу сказать, что я нисколько не виноватъ въ упадкѣ *Денницы.* Правда, сначала все благопріятствовало, но *большой вѣтеръ* перемѣнился, а перемѣна большихъ вѣтровъ, въ свою очередь, зависитъ отъ высшей сферы... Намъ, бѣднымъ людямъ, не такъ то легко постигнуть такія перемѣны... Упадокъ *Денницы* былъ для меня гибельнымъ ударомъ; еще и до сихъ поръ я не могу придти въ себя и примириться съ моимъ настоящимъ положеніемъ... Впрочемъ, не теряю надежды, что

мужиковъ, вѣчно *upadających do nóg* съ какимъ-то глупымъ и простодушнымъ выраженіемъ лица,—такія повѣсти, говорю, скоро всю польскую народность проволочатъ въ грязи... Узнаетъ ли наконецъ читатель изъ В. Библіотеки ходъ современныхъ европейскихъ литературъ? Также нисколько! Двѣ, три статьи въ этомъ родѣ, наскоро составленныя — еще далеки отъ дѣла! Для Варшавы необходимъ дѣльный и хорошій журналъ. О, я отъ души желалъ бы, чтобы *Варшавская Библіотека* вполнѣ соотвѣтствовала цѣли журнала. Нуженъ трудъ, трудъ и трудъ, и его то и не достаетъ редакціи Библіотеки; а потомъ еще наука, не суетная, но добросовѣстная...

Но пора уже кончить мое письмо. Все это можете напечатать въ *Музейникѣ*. Сердечно и по-братски обнимаю васъ, мой драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Дай Богъ Вамъ здоровья. *Впередъ!!* Вашъ искренній другъ Дубровскій.

P. S. Только что получилъ я 2-ю книжку *Москвитянина*. Въ ней помѣщенъ второй отдѣлъ *Введенія* въ *Исторію Русской Словесности г. Шевырева*. Въ другомъ письмѣ отдамъ вамъ объ немъ отчетъ. Между тѣмъ выписываю его оглавленіе: Переходъ къ общему обозрѣнію. Значеніе древней Руси въ наше время. Воззрѣніе Карамзина. Воззрѣніе нашего времени на русскую исторію. Самопознаніе есть народная основа современной науки въ нашемъ отечествѣ. Задача нашего введенія. Христіанскій характеръ образованія древней Руси. Распространеніе христіанства въ Россіи и истребленіе постепенное язычества. Священное писаніе у насъ есть народная книга. Источникъ житейскаго нравоученія. Евангеліе. Особенная любовь народа къ Іоанну Богослову. Притчи Соломона и Премудрости Сираха. Богослужебныя книги. Народные каноносложатели. Переводы Отцовъ Церкви. Іоаннъ Златоустъ—любимый нашъ проповѣдникъ.

S. P. S. Безъ сомнѣнія, Вамъ извѣстно, что Востоковъ уже издалъ Остромирово Евангеліе. Вотъ сокровище для словянскихъ словолюбцевъ!

Я продалъ пять экземпляровъ новаго изданія присланной Вами *Королеводворской Рукописи*. Имѣете 50 польскихъ злотыхъ. Напишите, хотите ли, чтобы я на эти деньги купилъ для Васъ какихъ-нибудь книгъ, или прислалъ бы ихъ Вамъ?

Мой усердный поклонъ г. Шафарику и всѣмъ милымъ братьямъ Словянамъ, которые помнятъ меня?

Варшава,
31 Марта 1844 г.

уже слишкомъ извѣстныя, о которыхъ не стоитъ упоминать. Это голосъ праздной толпы. Что же новаго въ Варшавѣ по части литературной? наконецъ спросите вы. Одно только замѣчательное: г. Александръ *Przezdziecki* вскорѣ издаетъ свое сочиненіе: *Czasy Bolesławowskie*, pierwsza epoka ściśle historyczna dziejów polskich od 962 do 1139 r. Не могу ничего рѣшительнаго сказать объ этомъ сочиненіи; но знаю только, что авторъ человѣкъ просвѣщенный и съ большимъ талантомъ. А варшавскіе журналы?? Одни канули въ вѣчность, другіе понемногу прозябаютъ, раскрываютъ уста и силятся что-то сказать, между ними одна только *Библіотека* (*Biblioteka Warszawska*) влачитъ свою спокойную жизнь... но это литературный сборникъ, безцвѣтный и безъ толку составляемый. Его можно назвать журналомъ развѣ потому только, что на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, какъ говоритъ русская пословица. Редакція этого сборника (самостоятельнаго редактора онъ не имѣетъ, а издается нѣсколькими литераторами) похожа на литературное общество, въ которомъ кресло предсѣдателя остается незанятымъ, а члены сидятъ, погруженные въ какую-то дремоту... Именно такъ, потому что члены редакціи совершенно ничего не дѣлаютъ и довольствуются тѣмъ, что имъ пришлютъ со стороны. Въ слѣдствіе этого они собираются разъ въ недѣлю на засѣданіе, читаютъ статьи и потомъ бросаютъ въ урну бѣлые или черные шарики для означенія достоинства статьи. Эта комедія играется даже тогда, когда статью стоитъ бросить только подъ столъ. Вмѣсто того, чтобы имѣть разумное и въ высшемъ значеніи литературное вліяніе на большинство читателей, они рабски покоряются имъ и боятся (а можетъ быть не умѣютъ) просвѣтить ихъ тьму. Нѣтъ у нихъ того такта, который бы придалъ характеръ ихъ журналу, нѣтъ той живой мысли, которая стала бы выше толпы. Ихъ *Библіотека* – сбродъ статей, большею частію неимѣющихъ достоинства, но ничуть не журналъ, который бы былъ яркимъ зеркаломъ современности, какимъ и долженъ быть каждый журналъ. Узнаетъ ли читатель изъ *Варшавской Библіотеки* ходъ современной польской литературы? Нисколько! Потому что бѣглый перечень вновь выходящихъ книгъ недостаточенъ для этого, а плохія оригинальныя повѣсти, даже взятыя изъ мужицкой жизни (это въ большой модѣ у нынѣшнихъ польскихъ писателей), начиненныя выраженіями: *Mospanie*, *Panie Dobrodzieju* и т. п., съ избитыми и уже черезъчуръ однообразными картинами пьяныхъ шляхтичей стараго покроя, *z dziarską miną i szabelką przy boku*, говоря по-польски, да

Въ Западной Европѣ извѣстныя просвѣщенныя страны раздѣлили между собою сокровища духа человѣческаго—и каждой предоставлено было Провидѣніемъ преимущественное раскрытіе какого-нибудь одного дара. Всеобщее разстройство трехъ сферъ собственно человѣческихъ происходитъ отъ того, что каждая изъ нихъ отторгается насильственно отъ своего средоточія и объявляетъ право на независимое и исключительное господство. Въ каждой изъ упомянутыхъ странъ уже сказалась такая крайность. Смиренная Россія въ древнемъ періодѣ своемъ не принимала никакого участія въ блистательномъ развитіи Запада. Въ продолженіе восьми первыхъ вѣковъ своего бытія она устраивала свое религіозное образованіе, и тѣмъ приготовила себѣ твердую почву для всемірнаго развитія прочихъ стихій духа человѣческаго. Вотъ почему и Словесность Русская древняго періода носитъ почти исключительно характеръ религіозный. Со времени Петра В. Россія вышла изъ своего уединеннаго заключенія и съ удивительнымъ разумнымъ инстинктомъ начала усвоивать себѣ сокровища западнаго образованія. Между тѣмъ современные умы Россіи волнуются: одни, боясь вреда, готовы отвергнуть все западное образованіе; другіе съ благородною или дерзкою отвагою рѣшаются на все, лишь бы принять его. Опасенія напрасны. Древняя религіозная основа русской жизни есть залогъ ея будущаго великаго развитія и охрана отъ всего вреднаго и опаснаго. Это залогъ Божій, вѣчное стяжаніе Россіи, которое она вынесла изъ осьми вѣковъ многотрудной страдальческой жизни. Пусть же на эту почву теперь упадутъ всѣ роскошныя сѣмена западнаго образованія. Но что, замѣчаетъ г. Шевыревъ, если Россія отъ общественной жизни Запада будетъ принимать только ея внѣшній лоскъ? Тогда мы измѣнимъ своему великому призванію, мы солжемъ Богу и самимъ себѣ, тогда и Западъ предастъ насъ позору, что мы не исполнили того, чѣмъ обязалъ насъ всѣхъ духъ Петра Великаго. Но нѣтъ, мы не поступимъ такъ. Это могло бы послѣдовать въ такомъ только случаѣ, когда бы мы испугались западнаго образованія, а испугаться его мы можемъ тогда только, когда забудемъ о древней религіозной жизни, насъ ограждающей. Россія древняя и въ этомъ отношеніи намъ предлагаетъ примѣръ поучительный. Устроеніе истинной Церкви въ Россіи сопряжено было со многими великими препятствіями, которыя всѣ народъ русскій побѣдилъ славно. Но для того, чтобы побѣдить ихъ открыто и торжественно, Церковь позволяла ересямъ говорить въ слухъ, существовать въ теченіи многихъ лѣтъ, дѣйствовать словомъ устнымъ и письменнымъ. Истина Религіи, бу-

чтобы жизнь повернуть къ прошедшему, а черезъ науку, черезъ разумное сознаніе возвратить прошедшее жизни: бытіе наше тогда бываетъ полно, когда оно всѣ три мгновенія жизни въ пульсѣ своемъ чувствуетъ и совмѣщаетъ, а именно: *прошедшее, настоящее* и *будущее*. Основную мысль своей Исторіи Русской Словесности авторъ выводитъ изъ того отношенія, въ которомъ Россія древняя находится къ Россіи новой,—двѣ половины, въ серединѣ которыхъ живою границею стоитъ Петръ Великій. Отсюда рѣзкое раздѣленіе мнѣній. Одни исключительно защищаютъ древнюю, другіе признаютъ только Русь Петрову и думаютъ, что Россія могла начаться вчера волею одного человѣка и отрицаютъ важность древней Руси. Г. Шевыревъ рѣшительно опровергаетъ присутствіе такого разрыва въ самой сущности жизни нашего отечества. Это явленіе мнимое, наружное. Древняя русская жизнь не заключала никакого противорѣчія преобразованію Петрову, которое отрицало въ ней только внѣшнія формы, препятствовавшія развитію сущности ея духа. Съ своей стороны древняя Россія дала этому преобразованію ту твердую почву, безъ которой оказалось бы оно непрочнымъ и легкомысленнымъ. Все бытіе русскаго народа едино, цѣльно и полно. Для того, чтобы совершенно вникнуть въ эту мысль, надобно отдѣлить рѣзкой чертой развитіе внутренняго существа жизни отъ внѣшнихъ временныхъ явленій, неизбѣжныхъ во всякомъ прогресѣ органическомъ. Г. Шевыревъ объясняетъ это слѣдующимъ сравненіемъ: сильныя, многоводныя рѣки несутъ свою влагу изъ родныхъ источниковъ и назначены къ тому, чтобы принимать въ себя другіе потоки міра, но ихъ же неизбѣжная доля—вращать на глубокомъ и тяжеломъ днѣ своемъ много песку, илу и камней. Потому наносы, пороги, острова, останавливающіе путь, водопады и бурные повороты полноводныхъ рѣкъ неизбѣжны. Многоводное теченіе древней Руси нанесло необходимо свои преграды, которыя потребовали быстраго и насильственнаго водоворота Петрова: не можетъ быть, чтобы и въ теперешнемъ, еще болѣе сложномъ и широкомъ теченіи Русскаго потока не было своихъ застоевъ и наносовъ, которые потребуютъ руки не менѣе сильной, чѣмъ Петрова.

Высказавши главную мысль своего труда, авторъ переходитъ къ объясненію, въ какомъ смыслѣ онъ разумѣетъ словесность русскую въ ея исторіи. Здѣсь онъ разсматриваетъ во-первыхъ *Религію*, какъ высшее явленіе духа, потомъ три ея родныя сестры: *Науку, Жизнь* и *Искусство*, какъ три человѣческія дѣятельности духа, имѣющія свое выраженіе въ Словесности.

С. В. Ешевскій[1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Уѣзжая изъ Москвы для продолжительнаго путешествія по Европѣ, я расчитывалъ, что въ началѣ марта я буду имѣть давно для меня желанное удовольствіе лично передать Вамъ чувства глубокаго уваженія, которыя еще со студенческой скамьи я привыкъ питать къ Вамъ. Я расчитывалъ самъ привезти Вамъ Чтенія Московскаго Общества исторіи, рѣчь В. И. Григоровича и путешествіе Бабста вмѣстѣ съ дружескимъ поклономъ авторовъ и издателя. Вмѣстѣ съ Вами я надѣялся осмотрѣть славную Прагу. Къ сожалѣнію, измѣнившіяся обстоятельства заставляютъ меня отложить это удовольствіе до будущей зимы и вмѣсто Праги отправиться отсюда въ Гейдельбергъ. Такъ какъ у меня есть нѣсколько книгъ для передачи Вамъ, то я сегодня же отправилъ ихъ на Ваше имя въ Прагу черезъ почту въ франкированномъ тюкѣ подъ буквами P. S. E. 1. Въ этомъ тюкѣ 11 томовъ Чтеній Общества Исторіи, которыя Осипъ Максимовичъ Бодянскій просилъ передать меня Вамъ, 2 экземпляра рѣчи В. И. Григоровича, моего дорогого сослуживца по Казанскому университету, гдѣ я былъ прежде профессоромъ исторіи (одинъ экземпляръ собственно для Васъ, другой авторъ проситъ передать славянисту, интересующемуся ученою дѣятельностію русскихъ собратій, и наконецъ 1 экземпляръ путешествія Бабста для Васъ. Пишу Вамъ съ такою подробностію, потому что сильно боюсь австрійской таможни и т. п. По этой же причинѣ я покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ, получили ли Вы эти книги. Я оставилъ у себя до моего пріѣзда въ Прагу письма къ Вамъ отъ Осипа Максимовича Бодянскаго и отъ Виктора Ивановича Григоровича, потому что, какъ я думаю, они содержатъ только рекомендаціи меня Вашему доброму расположенію. Если Вамъ будетъ угодно получить ихъ прежде, я тотчасъ же вышлю ихъ Вамъ изъ Гейдельберга. Позвольте надѣяться, что въ мое будущее пребываніе въ Чешской Прагѣ я найду въ Васъ руководителя въ моемъ знакомствѣ съ пражскою и вообще чешскою стариною и не менѣе интересною для меня чешскою современно-

[1]) Степанъ Васильевичъ Ешевскій (р. 1829, † 1865), извѣстный историкъ, профессоръ Московскаго университета.

стію, и что Вы не откажете въ Вашемъ расположеніи глубоко уважающему Васъ и искренно преданному Вамъ

Степану Ешевскому.

Адресъ: Профессору Моск. универс. Степану Васильевичу Ешевскому. Heidelberg, Bergheimerstrasse 14, bei Professor Hofmann.

Въ Гейдельбергѣ я останусь 2 мѣсяца.

Дрезденъ,
3 марта 1860 г.

А. С. Жиряевъ[1]).

1.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Послѣ двухсуточнаго путешествія, совершеннаго мною подъ снѣжною бурею, которая живо напомнила мнѣ мои отечественныя зимнія вьюги, наконецъ я прибылъ въ престольный градъ Вѣну. Четыре станціи ѣхали мы въ саняхъ, осыпаемые обильнымъ снѣгомъ, большими клочьями падавшимъ на насъ съ моравскихъ облаковъ; Нѣмцы, мои спутники, истощали запасъ проклинательныхъ и ругательныхъ словъ противъ этого ненастья, именуя проѣзжаемую нами страну Лапландіею, Сибирью, Камчаткою, не подозрѣвая, что среди нихъ терпитъ ту же невзгоду человѣкъ, для котораго эти названія не имѣютъ того страшнаго смысла, въ коемъ они ихъ употребляли. Въ Штоккерау пріѣхали мы въ воскресенье утромъ, не болѣе какъ за двѣ минуты до от-

[1]) Александръ Степановичъ Жиряевъ (р. 1815, † 1856) командированъ былъ съ 1 апр. 1842 г. на два года для усовершенствованія въ наукахъ за границу. „Для усовершенствованія по части законовѣдѣнія" Жиряеву предписано было отправиться въ Берлинъ, откуда разрѣшено было, „по истеченіи третьяго полугодія, съѣздить въ Прагу для изученія славянскихъ древностей". Впослѣдствіи эта командировка продолжена была еще на третій годъ, по 1 апр. 1845 г. Въ 1846 г. Ж. назначенъ исправляющимъ должность экстраорд. проф. по каѳедрѣ русскаго права въ Дерптскомъ унив. О немъ см.: Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Ю. Юрьевскаго, б. Дерптскаго, унив., т. I, Юрьевъ, 1902, 594—596. Ср. еще В. А. Францева, Оч. по ист. чешск. возр., 282—284. Въ альбомѣ Ганки Ж. расписался 22/10 окт. 1844 г.: „Живя у Васъ, въ кругу Вашего почтеннаго и милаго семейства, имѣлъ я случай снова убѣдиться, что все истинно доброе и прекрасное, чѣмъ ближе и точнѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе открываетъ оно красотъ и достоинствъ, прежде незамѣченныхъ".

тода паровоза въ Вѣну. Зѣвать было некогда: бѣгомъ пустились съ вагонамъ, и я еще не успѣлъ опуститься на мѣсто, какъ ;угъ уже двинулся. Въ половинѣ седьмаго я былъ уже въ Вѣнѣ; ъ двѣнадцать часовъ уже сидѣлъ на диванѣ у Михаила Федо-ювича Раевскаго, гостепріимнаго и радушнаго земляка. Онъ Замъ кланяется и благодаритъ за памятованіе. Въ вечеру я си-ѣлъ уже въ Вѣнской оперѣ, а на другой день вечеромъ, то есть ·еперь, вотъ уже сижу въ частной квартирѣ и пишу къ Вамъ. Я квартирую: auf der Braunstadt № 630 im 3-en Stock bei dem Buchbinder Joseph Schwarzbach. Весь день сегодня шелъ силь-ый дождь, и я очень радъ, что успѣлъ скоро напасть на квар-иру: въ гостинницѣ деруть безъ милосердія за все про все вде-ятеро. Объявите мое почтеніе Супругѣ Вашей и прочимъ Ва-имъ домашнимъ: старушкѣ желаю скораго выздоровленія.

Въ заключеніе прошу Васъ не замедлить прислать мнѣ сот-ягу гульденовъ, какъ скоро придетъ давноожидаемый вексель зъ Петербурга: въ дорогѣ выходитъ бездна денегъ, и я при всей ·ережливости, которую старался соблюдать, вижу, что наличные ринансы мои скоро истощатся.

Наружность Вѣны, сколько мнѣ удалось уже видѣть, до-ольно хорошая: но оперный театръ не можетъ похвалиться ни огатствомъ, ни вкусомъ въ отдѣлкѣ, за то пѣвцы и пѣвицы чаровательны. Къ Копитару отправлюсь, можетъ быть, завтра же.

Прощайте, достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, при-ите мою искреннюю благодарность за все, чѣмъ я пользовался Васъ: воспоминаніе о добротѣ и радушіи Вашемъ будетъ со-ровождать меня повсюду. Поклонитесь семейству Нѣмечковыхъ, [-ру Станьку, при случаѣ и Г-ну Шафарику. Прошу также не медлить сообщить мнѣ, какой отвѣтъ получите Вы изъ Петер урга на извѣстную Вамъ мою просьбу.

Преданный Вамъ А. Жиряевъ.

Вѣна,
29/17 Января 1844.

2.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Вы уже, я думаю, считаете меня умершимъ. Правда, время, роведенное мною въ Грефенбергѣ, въ особенности средина его ожетъ быть сочтено отсутствіемъ жизни. При личномъ свида-іи я сообщу Вамъ подробности моихъ страданій: онѣ превзо-ли все, что Вы можете себѣ представить. Предчувствіе буду-

щаго бѣдствія, которое я имѣлъ, собираясь въ Грефенбергъ, оправдалось въ полной мѣрѣ. При началѣ лѣченія шло все довольно хорошо, потомъ овладѣла мною такая тоска, что я метался, какъ угорѣлый, даже уѣзжалъ изъ Грефенберга, но потомъ, успокоивши нѣсколько свои мысли, опять возвратился. Дѣло въ томъ, что болѣзнь моя, именно біеніе сердца, соединенное съ болѣзненно-тоскливымъ чувствомъ, здѣсь развилась до невѣроятной степени. Можетъ быть виноватъ отчасти и самъ Присницъ, допустивши меня слишкомъ скоро ко всѣмъ варіаціямъ этого истинно героическаго лѣченія. Какъ бы то ни было, но состояніе мое было ужасное, да и теперь немного лучше. Именно я страдаю сверхъ того душевно, и это замедляетъ ходъ лѣченія; не извѣстивъ заблаговременно мое начальство объ этомъ путешествіи, я опасаюсь большихъ непріятностей. Но могъ ли я предвидѣть, что пребываніе мое въ Грефенбергѣ будетъ такъ продолжительно! Я ѣхалъ вить только на нѣсколько недѣль. О! если бы я могъ предвидѣть и сотую часть того, что со мною было, то уже лучше остался бы на мѣстѣ, назначенномъ Правительствомъ; хотя умеръ бы спокойно. Присницъ поступаетъ со мною весьма благородно, утѣшаетъ, обнадеживаетъ; соотечественники мои также всѣ до единаго принимаютъ во мнѣ участіе, даже хотятъ отъ себя всѣ вмѣстѣ писать къ Миддендорфу объ моемъ горестномъ положеніи и просить для меня позволеніе остаться здѣсь до выздоровленія. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Я мучусь несказанно, жалѣя о гибнущемъ времени, но ѣхать отсюда въ теперешнемъ состояніи не могу: лѣченіе разкрыло во мнѣ давнишній головной ревматизмъ, хочу хоть отъ него избавиться. Часто также мучусь мыслію, не сдѣлалъ ли я и Вамъ какой непріятности, до сихъ поръ не извѣстивъ Васъ о своемъ положеніи. Но повѣрьте, я былъ въ такомъ разстройствѣ, что перо падало изъ рукъ отъ неимовѣрной тоски и отчаянія, по крайней мѣрѣ десять начатыхъ къ Вамъ писемъ лежатъ и теперь передо мною.

Письмо отъ родителей, посланное Вами, я получилъ, благодарю Васъ, добрый, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь. Бога ради, теперь же напишите ко мнѣ, упомянули ли Вы, въ письмѣ Вашемъ къ Министру, что-нибудь и обо мнѣ, а главное, утѣшьте меня парою дружескихъ словъ и благимъ совѣтомъ. Супругѣ Вашей, всѣмъ Вашимъ домашнимъ низко кланяюсь: если Провидѣнію угодно будетъ вынести меня отсюда живаго, то разскажу обо всемъ подробнѣе. Всѣмъ знакомымъ поклонъ: но я желалъ бы, чтобы извѣстно было только то, что я еще живъ,

и что лѣченіе мое идетъ медленно, но подробности моихъ страданій пусть останутся пока между нами: и воспоминаніе объ нихъ такъ горестно! Отъ души уважающій Васъ и облагодѣтельствованный Вами А. Жиряевъ.

P. S. Адресъ ко мнѣ просто: въ Грефенбергъ такому-то. Недѣли двѣ я непремѣнно здѣсь еще останусь, если и все пойдетъ благополучно. Если же придется оставаться долѣе, то долженъ буду просить отсрочки за болѣзнію. Присницъ говоритъ, что если я успокоюсь, то и отъ главной моей болѣзни освобожусь непремѣнно, что сильная раздражительность и усиленіе болѣзни есть естественный ходъ этого лѣченія.

13/1 Іюня.

3.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Какъ я обрадованъ письмомъ Вашимъ и какъ благодаренъ Вамъ за участіе, которое Вы во мнѣ принимаете! Не понимаю только почему письмо Ваше отъ 22 іюня я получилъ такъ поздно, им. 8-го іюля. Но все равно, я обязанъ Вамъ до чрезвычайности. Страданія мои не кончились, да не знаю, когда они и кончатся. Оставить лѣченіе я все еще не могу... Тоска смертная, раскаяніе невыносимое, скука неописанная, погода ужасная, бездѣятельность убійственная и проч.,—все это измучило меня совершенно. Въ третьемъ письмѣ, полученномъ мною чрезъ Васъ изъ Петербурга, братъ мой пишетъ, чтобы я оставался въ Грефенбергѣ до излѣченія, но я не въ силахъ выносить долго, чуть-чуть будетъ возможность—уѣду, и не занеси воронъ кости моей въ это мѣсто, гдѣ я столько мучился! Въ Петербургъ къ Начальству я все еще не писалъ, но если увижу, что придется пробыть до августа, то напишу. Въ письмѣ изъ Института, полученномъ мною отъ Васъ еще прежде, Миддендорфъ пишетъ, что онъ поговоритъ на счетъ *судьбы Свода* съ Г. Министромъ и извѣститъ меня. Бога ради, если возможно, порадуйте меня еще разъ своими строками: я въ такомъ положеніи, что неполученіе извѣстій отъ лицъ любимыхъ и уважаемыхъ мною мучитъ меня ужасно.

Поклонитесь отъ меня Вашей доброй, достопочтеннѣйшей Супругѣ, сестрицѣ ея, Матушкѣ и благодарите ихъ моимъ именемъ за участіе ихъ въ моемъ бѣдствіи. Объявите также мое почтеніе прочимъ пражскимъ знакомымъ: Д-ру Станьку, Нѣмечковымъ, Шафарику.

Господи — Боже мой! Когда то я опять увижу Прагу, гдѣ я нашелъ такое радушіе, и когда забуду о Грефенбергѣ, гдѣ я встрѣтилъ холодъ повсюду: въ воздухѣ, въ водѣ, въ людяхъ. У кого нѣтъ желѣзнаго или, какъ говорятъ, каменнаго сердца, тому не совѣтую рѣшаться на это ужасное лѣченіе. Но, пора кончить. Будьте здоровы, счастливы и не забудьте обо мнѣ, который, не любя говорить учтивости, не можетъ однакожъ не сказать, что онъ почтетъ себя счастливымъ, сохранивъ благорасположеніе Ваше, коего Вы удостаивали отъ души преданнаго Вамъ А. Жиряева.

8 іюля 1844 года.

4.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Наставникъ мой!
Вячеславъ Вячеславичъ!

Какъ я ни рвусь изъ Грефенберга,—онъ меня держитъ въ своихъ когтяхъ! Уже готовъ былъ уѣхать, какъ получилъ жестокій ревматизмъ въ ногу, съ которымъ вотъ уже третья недѣля, какъ не могу сладить. Мое намѣреніе—не оставаться здѣсь долго, и какъ только увижу, что безъ опасности можно лѣченіе кончить, брошу его. Между тѣмъ, такъ какъ уже не предвидится возможности поспѣть къ 1-му августа въ Петербургъ, то вѣроятно принужденъ буду на сихъ дняхъ отправить свидѣтельство Присница, просьбу о маленькой отсрочкѣ и проч. Вы не повѣрите, какъ мнѣ не хочется прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ. Но дѣлать нечего: пришлось, видно, все нынѣшнее лѣто страдать. Ваше письмо, скажу безъ хитрости и безъ лести, обрадовало и утѣшило меня горемышнаго чрезвычайно, потому что я видѣлъ изъ него, какое Вы принимаете во мнѣ участіе, а Ваше участіе, повѣрьте, я умѣю цѣнить. Можетъ быть, умилосердится надо мною Провидѣніе и пошлетъ мнѣ какое-нибудь облегченіе. Болѣзнь моя сколько физическая, столько и душевная: тоска неимовѣрная: такъ бы летѣлъ отсюда, если бы хоть сколько-нибудь улеглись мои недуги! Бога ради, если я не пріѣду самъ на этой недѣлѣ, напишите мнѣ что-нибудь. Ваши строки благодѣтельнѣе на меня дѣйствуютъ, нежели всѣ разные пріемы и операціи водолѣченія. Вашей доброй, сострадательной, милой супругѣ мое глубочайшее почтеніе! также ея сестрицѣ и матушкѣ. Также семейству Нѣмечковыхъ. Также Д-ру Станьку съ семействомъ, Шафарику.

Да почіетъ благодать надъ Вами и да вознаградитъ Васъ Богъ за расположеніе, коего Вы меня удостоиваете.

Вашъ на вѣки А. Жиряевъ.

28/16 іюля 1844.

5.

Достопочтеннѣйшій и незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Послѣ благополучнаго девятидневнаго путешествія вижу я себя наконецъ въ пресловутомъ Гейдельбергѣ. Но прежде, нежели достигъ я этого пункта Германіи, остановившаго, можетъ быть, на цѣлые пять мѣсяцевъ мое движеніе на Западъ, встрѣтилъ я еще нѣсколько *препинаній* на этомъ пути: такъ Регенсбургъ былъ въ *періодѣ* этого моего странствованія *точкою съ запятой:* я въ немъ пробылъ цѣлый день; Мюнхенъ — *двоеточіемъ:* на осмотръ всѣхъ его достопримѣчательностей употребилъ я три дня; наконецъ Штутгардтъ и Карлсруэ, въ которыхъ оставался я только часовъ по десяти, были для меня не болѣе, какъ *запятыми;* Гейдельбергъ, какъ я уже сказалъ, поставилъ мнѣ *точку*. Но будетъ ли эта точка заключеніемъ этого только періода моего стремленія на Западъ, или она послужитъ поворотнымъ для меня пунктомъ на Востокъ, это еще подъ *знакомъ вопроса* (замѣчу въ скобкахъ). Чудный городъ Мюнхенъ! (*знакъ восклицанія*), милый городокъ Гейдельбергъ!—*знакъ восклицанія;* но отъ Штутгардта и Карлсруэ ожидалъ я несравненно болѣе! (*знакъ удивленія!*). Въ Регенсбургѣ только четыре вещи замѣчательны (*знакъ соединенія или тире*)—Валгалла, Соборъ, ратуша и Королевскій Склепъ. Въ Штутгардтѣ—памятникъ Шиллера, въ Карлсруэ—право ничего особеннаго: дворцы и въ томъ и въ другомъ—очень порядочные, но это—не рѣдкость. Но за то Мюнхенъ представляетъ бездну достопримѣчательностей. Исчислю главнѣйшія: Тройный Дворецъ—особенно самый новый, построенъ со вкусомъ и великолѣпіемъ изумительнымъ, театръ, Ludwigskirche, Библіотека, Университетъ, Пинакотека, Глиптотека, Basilika, разныя собранія въ особенности Vereinigte Sammlung, Aukirche, Базаръ и разные памятники и проч. и проч. Отъ пятницы и до понедѣльника бѣгалъ я съ ранняго утра до поздняго вечера, какъ угорѣлый: за то, кажется, все видѣлъ. Въ театрѣ былъ дважды: въ оперѣ встрѣтилъ пражскую знакомку: Ретихову. Король съ королевой былъ въ оба раза: въ третій разъ видѣлъ я королевскую фамилію въ Придворной ка-

пеллѣ, пѣвчіе которой необыкновенно хороши, даже нѣсколько напоминаютъ нашъ придворный хоръ.

Порученіе Ваше я исполнилъ, какъ могъ: но къ сожалѣнію Г-на Шмеллера не засталъ въ Мюнхенѣ, а семейство его нашелъ въ ужасномъ объ немъ безпокойствѣ. Именно, на обратномъ пути изъ Италіи онъ заболѣлъ въ Падуѣ, и письмо съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ супруга его получила какихъ-нибудь за полчаса до моего къ нимъ прихода. Пакетъ я отдалъ, но касательно желаемаго Вами fac-simile онѣ ничего сказать мнѣ не могли. Приняли меня чрезвычайно ласково, просили предъ отъѣздомъ еще навѣстить ихъ, но къ сожалѣнію, опредѣленный мною на то часъ, я долженъ былъ провести въ осмотрѣ Новаго великолѣпнѣйшаго дворца: Saalbau, который полагалъ видѣть часомъ раньше, но проклятый камердинеръ заставилъ ждать себя чрезвычайно долго. Ужасно досадно! Семейство Г-на Шмеллера мнѣ чрезвычайно понравилось, и познакомиться съ нимъ покороче желалъ я отъ всей души. Другое порученіе въ Гейдельбергѣ я также исполнилъ: Чернецкаго нашелъ еще спящимъ, хотя было уже часовъ девять. На другой же день по пріѣздѣ въ Гейдельбергъ отыскалъ себѣ скромненькую квартирку: *Pfaffengasse Litt. D.* № 227 *bei dem Dreher Weiss.*

Университетскія лекціи уже начались, и я провожу часовъ по семи въ университетѣ; слушаю у Вангерова пандекты, это отличнѣйшій преподаватель: у него слушаетъ человѣкъ 250; я получилъ мѣстечко на хорахъ. Далѣе: Угол. Процессъ и гражд. Нѣм. Право у Миттермайера, къ коему въ домъ приглашенъ, съ будущей недѣли возьму еще нѣкоторыхъ. Въ аудиторіяхъ не только до лекцій, но и во время лекцій—дымъ коромысломъ отъ куримыхъ цигаръ и трубокъ.

Также я успѣлъ уже сдѣлаться почетнымъ членомъ Музея—то есть Университ. Клуба. Прошу Васъ, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе Вашей Супругѣ, Матушкѣ и Своячиницѣ. Позвольте еще разъ письменно благодарить Васъ за всѣ ласки и участіе, коего Вы меня удостоивали. Поклонитесь отъ меня низко пренизко Александру Ивановичу и очаровательно-гостепріимной и радушной Супругѣ его Катеринѣ Александровнѣ [1]). Далѣе Г-ну Шафаржику съ семействомъ, Д-ру Станьку съ семействомъ и въ заключеніе милому семейству Нѣмечковыхъ.

Прося Васъ сохранить благосклонную память обо мнѣ и не забывать меня своими письмами, остаюсь А. Жиряевъ.

[1]) А. П. и Е. А. Селивымъ.

P. S. Письмо позалежалось, и я посылаю его 8-го Ноября. Въ теченіе этихъ дней, ничего особеннаго не случилось. Былъ на истор. лекціи знаменитаго Шльоссера: какъ доцентъ онъ вовсе не знаменитъ. На дняхъ студенты дѣлали Fackelzug Гервинусу, читающему Geschichte der socialen und litterarischen Zustände des Deutschlands im 18 u. 19 Jahrhundert.

Гейдельбергъ,
3 Ноября / 22 Октября 1844 г.

6.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

При всемъ желаніи моемъ тотчасъ же отвѣчать Вамъ на первое письмо Ваше ко мнѣ въ Гейдельбергъ, я до сихъ поръ не могъ улучить свободнаго времени, будучи занятъ Университетскими лекціями, которыя слушаю съ ранняго утра и до поздняго вечера. Теперь, имѣя восемь свободныхъ дней, спѣшу извѣстить Васъ о томъ, что порученія Вашего къ Гречу я уже не могъ исполнить: около половины ноября онъ отправился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Парижъ, такъ что мнѣ не удалось съ нимъ ни разу видѣться. Я живу здѣсь очень счастливо: всегда пріятно занятъ; профессорами, которыхъ слушаю, очень доволенъ. Университетъ здѣшній очень отличается отъ Берлинскаго своимъ практическимъ направленіемъ, такъ что въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ я успѣлъ влюбиться по уши въ мадемоазелль Юриспруденцію, оставшись до сихъ поръ довольно къ ней равнодушнымъ, не смотря на все ея кокетство въ Берлинѣ. Будучи членомъ Университетскаго Музея, вечера провожу въ чтеніи газетъ и журналовъ, чтобы, занимаясь теоріями и древностями, не отстать совершенно отъ современности. Вчера былъ въ Музеѣ вторый балъ за нынѣшнюю зиму; дамы здѣшнія отличаются прелестною наружностью и образованіемъ, но не свѣтскимъ: танцуютъ всѣ довольно плохо. Здѣсь есть и театръ: труппа, играющая лѣтомъ въ Баденъ-Баденѣ, на зиму пріѣзжаетъ обыкновенно въ Гейдельбергъ, на что, конечно, согласится не всякая: въ продолженіе представленій нерѣдко Господа Академики, какъ здѣсь называютъ студентовъ, производятъ такой шумъ и гамъ, что хоть святыхъ вонъ понеси: крикъ, свистъ, топотъ заглушаетъ не только голоса дѣйствующихъ лицъ, но и самый оркестръ, составленный впрочемъ исключительно изъ роговыхъ инструментовъ. Но здѣсь къ этому, какъ видно, уже всѣ привыкли: актеры, не конфузясь, продолжаютъ свои роли,

публика или хохочетъ на выходки студентовъ, или же остается равнодушною зрительницею этого двойнаго спектакля. Въ Мангеймѣ я былъ уже раза четыре: театръ тамошній очень недуренъ, особенно опера идетъ весьма исправно. Съ восторгомъ увидѣлъ я тамъ въ первый разъ зеленыя волны Рейна, по которымъ несся красивый пароходъ. Самый городъ скученъ, потому что уже слишкомъ правильно выстроенъ. Весь раздѣленъ на нѣсколько совершенно правильныхъ квадратовъ, и зданія не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго.

Да вотъ очень кстати: почтальонъ принесъ мнѣ пакетъ съ векселемъ. Покорно благодарю Васъ за хлопоты, еще болѣе за приписку. Радуюсь, что Вы и все милое семейство Ваше здоровы. Поздравляю Васъ съ Новымъ Годомъ: желаю, чтобы онъ принесъ Вамъ новыя радости, но сохранилъ и старыхъ друзей и старый Славянскій духъ, все оживляющій и всюду дѣйствующій. Прошу Васъ поздравить отъ моего имени съ Новымъ Годомъ все Ваше почтенное семейство. Александру Ивановичу и Катеринѣ Александровнѣ объявите мое почтеніе. Осиротѣвшему семейству Нѣмечковыхъ мой низкій поклонъ и желаніе, чтобы Новымъ Годомъ кончились ихъ семейныя, столь чувствительныя потери не только для нихъ, но и для всѣхъ ихъ знакомыхъ.

Вигура, имѣвшій удовольствіе познакомиться съ Вами въ прошедшую весну, также теперь въ Гейдельбергѣ: онъ Вамъ кланяется, равно какъ и Чернецкій. Объявите мое глубочайшее почтеніе Г-ну Шафаржику съ семействомъ, также Д-ру Станьку съ семействомъ и Профессору Коубеку.

Не знаю, какъ объяснить, что вексель присланъ мнѣ на имя *Парижскаго* Банкира! Вѣрно, Господа петербуржскіе проиохили, что я намѣренъ съѣздить въ Парижъ и этимъ indirecte одобряютъ мое намѣреніе. Впрочемъ, до двадцатыхъ чиселъ марта я пробуду во всякомъ случаѣ здѣсь, а потому и прошу Васъ, Достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, продолжать писать ко мнѣ въ Гейдельбергъ: будьте увѣрены, что я очень умѣю цѣнить благосклонность и снисходительность, которую Вы мнѣ этимъ оказываете. Словарь Юнгмана, о которомъ Вы писали, прошу Васъ пріобрѣсти для меня; но оставить его у себя до времени возвращенія моего въ Россію.

Препоручая себя Вашему памятованію, остаюсь съ глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ

Преданный Вамъ А. Жиряевъ.

Гейдельбергъ,
9/10 Декабря 1844 года.

7.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Я былъ до сихъ поръ такъ занятъ слушаніемъ университетскихъ лекцій, что, при всемъ желаніи моемъ тотчасъ же отвѣчать Вамъ на письмо Ваше, не могъ этого сдѣлать, тѣмъ болѣе, что Профессоры въ концѣ семестра удвоили свои лекціи, такъ что послѣ нихъ едва оставалось нѣсколько моментовъ для отдыху. Теперь университетскія занятія мои кончились, и я спѣшу поздравить Васъ съ наступающимъ Праздникомъ Христова Воскресенія и съ началомъ весны, прося это поздравленіе повторить отъ моего имени всему Вашему почтенному и милому семейству.

Погода здѣсь до сихъ поръ была самая несносная: еще третьяго дня навалило здѣсь снѣгу въ два аршина, вскорѣ послѣ того пошелъ дождь, и на улицахъ заварилась такая каша, что носу нельзя было показать изъ квартиры. Старожилы здѣшніе не запомнятъ уже съ давняго времени такой холодной и такъ поздно начавшейся зимы, какъ въ нынѣшнемъ году.

Пребываніемъ своимъ въ Гейдельбергѣ я чрезвычайно доволенъ: здѣшніе профессоры въ эти полгода доставили мнѣ больше пользы, нежели Берлинскіе въ полтора. Главное—я полюбилъ юриспруденцію, бывъ до сихъ поръ довольно къ ней хладнокровнымъ. При хорошей погодѣ Гейдельбергъ долженъ быть чрезвычайно прелестенъ! Но я еще до сихъ поръ не вкусилъ его прелестей. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь первое весеннее время провести здѣсь и потомъ отправиться и въ обратный путь въ благословенное отечество. Касательно поѣздки въ Парижъ еще не могу сказать ничего рѣшительнаго: все зависитъ отъ письма, которое я надѣюсь получить отъ брата изъ Петербурга. Впрочемъ, едва-ли удастся мнѣ посѣтить этотъ современный Вавилонъ. Срокъ скоро кончится, да и родители хотятъ, чтобы я поскорѣе возвратился. Вотъ скоро уже три года, какъ я странствую по странамъ чуждымъ,—довольно на первый разъ.

Съ каждымъ днемъ жду письма изъ Петербурга, въ которомъ будетъ содержаться рѣшеніе судьбы моей относительно мѣста.

До сихъ поръ выборъ былъ между Кіевомъ и Дерптомъ; если товарищъ мой Мейеръ не занялъ перваго, то надѣюсь быть опредѣленнымъ въ этомъ древнемъ первопрестольномъ градѣ Руси, гдѣ подъ благодатною сѣнію Кіево-печерскихъ Чудотворцевъ буду проповѣдывать законы Римскіе — Славянина Юстиніана.

Если же это мѣсто уже занято, то, къ сожалѣнію и досадѣ, придется мнѣ опять горевать въ Дерптѣ, между выродками нѣмецкими, отъ чего да сохранитъ меня крестная сила.

Надѣюсь, что Вы еще обрадуете меня Вашими строками, доколѣ я останусь въ Гейдельбергѣ: пишите ко мнѣ по прежнему адресу.

Чернецкій Вамъ кланяется, также какъ Кіевлянинъ Вигура. Послѣдній очень сожалѣетъ, что онъ, по неисправности Берлинскаго книгопродавца, коему онъ поручилъ выписать для Васъ нѣкоторыя русскія книги, до сихъ поръ не получилъ ихъ изъ Берлина. Если еще Александръ Ивановичь и Катерина Александровна въ Прагѣ, то объявите имъ мое глубочайшее почтеніе: авось встрѣтимся въ Москвѣ, либо въ Петербургѣ. Въ заключеніе прошу Васъ, Достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, поклониться отъ меня Г-ну Шафаржику съ семействомъ, Д-ру Станьку съ семействомъ, Г-ну Профессору Коубеку и въ заключеніе знаменитому Яну Жижкѣ, если онъ еще меня помнитъ.

Объявляя Вамъ и всему Вашему доброму семейству мое глубочайшее почтеніе, остаюсь навсегда преданный Вамъ

А. Жиряевъ.

Гейдельбергъ,
18/6 Марта 1845 г.

8.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Пишу къ Вамъ изъ Берлина, куда я пріѣхалъ, возвращаясь въ мое любезное отечество. Письмо Ваше, посланное черезъ Чернецкаго, я получилъ еще въ бытность мою въ Гейдельбергѣ. Тяжело было разставаться съ этимъ прекраснымъ городомъ тѣмъ болѣе, что я уже началъ слушать тамъ увлекательныя лекціи лѣтняго семестра. Въ весенніе каникулы совершилъ я оттуда два маленькія путешествія: сначала въ Стразбургъ, а потомъ внизъ по Рейну отъ Маннгейма до Кобленца. Русскую Пасху встрѣчалъ въ русской церкви въ Висбаденѣ, гдѣ познакомился съ двумя русскими знаменитостями: Жуковскимъ и Гоголемъ. Оба пріѣхали изъ Франкфурта говѣть и разговляться. Послѣдній намѣренъ ѣхать въ Италію и Португалію: онъ въ природѣ своей — прямая противоположность тому, какимъ онъ является въ своихъ уморительныхъ Повѣстяхъ и Комедіяхъ: гипохондрикъ въ высшей степени. Впрочемъ, онъ дѣйствительно не совсѣмъ-то здоровъ, хотя болѣзнь свою онъ уже слишкомъ преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи.

На обратномъ пути въ Берлинъ я пробылъ день въ Веймарѣ, гдѣ познакомился съ русскимъ протоіереемъ Степаномъ Карповичемъ Сабининымъ. Онъ весьма усердно занимается филологическими изслѣдованіями относительно русскаго языка и чрезвычайно желаетъ, хотя письменно, познакомиться съ Вами. Я сказалъ ему, что Вы такъ добры и столько интересуетесь всѣмъ русскимъ, что навѣрное не откажетесь вступить съ нимъ въ переписку, которая, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени приметъ характеръ чисто ученый. Онъ занимается теперь сравненіемъ русскаго языка съ Исландскимъ и находитъ, что ударенія русскихъ словъ совершенно тѣ же, какъ и въ Исландскомъ языкѣ.

Теперь нѣсколько словъ и о себѣ. Если Вы купили для меня Юнгманновъ Лексиконъ, то удержите его у себя, доколѣ я не получу опредѣленнаго мѣста. Я надѣюсь попасть въ Кіевъ, но не невозможно, что пошлютъ меня опять въ ненавистный Дерптъ. Прошу Васъ также понемножку снабжать меня и другими Славянскими памятниками — *юридическаго* содержанія. Изъ Петербурга пишутъ мнѣ, что черезъ годъ нагрянетъ къ Вамъ въ Прагу *семь человѣкъ* изъ Педагогическаго Института, для занятія подъ руководствомъ Вашимъ Славянскими Древностями и проч. Это, вѣроятно, очень встревожитъ кой-кого! потому что у страха глаза велики: и муха покажется иногда съ корову.

Изъ Берлина ѣду я въ Любекъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ, отправляющійся въ будущую субботу въ Петербургъ. Такимъ образомъ, недѣльки черезъ двѣ я надѣюсь быть тамъ. По полученіи мѣста я тотчасъ же напишу къ Вамъ и надѣюсь, что Вы не перестанете быть столько добры, какъ до сихъ поръ, и время отъ времени будете меня радовать своими письмами. Не нахожу словъ, коими бы могъ я выразить Вамъ мою благодарность и признательность за Ваше памятованіе обо мнѣ.

Прошу Васъ объявить мое глубочайшее почтеніе Вашей незабвенной Супругѣ, Вашей матушкѣ и Своячиницѣ. Также Г-ну Шафаржику съ семействомъ, Д-ру Станьку съ семействомъ, Профессору Коубеку и въ заключеніе милому семейству Нѣмечковыхъ, въ особенности Иннокентіи Петровнѣ, которая, вѣрно, послѣ знакомства съ Катериной Александровной, еще болѣе полюбила русскій языкъ и говоритъ на немъ теперь, какъ русская!

Прощайте, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь, и сохраните прежнее Ваше благорасположеніе къ любящему и глубоко уважающему Васъ Ал. Жиряеву.

Берлинъ,
20/8 мая 1845.

9.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Вячеславъ Вячеславовичъ!

Вотъ я и въ Петербургѣ. Пріѣхалъ въ началѣ іюня мѣсяца. Принятъ начальствомъ, въ особенности Сергіемъ Семеновичемъ, весьма благосклонно. Теперь наслаждаюсь жаркою погодою Петербургскою, за неимѣніемъ лучшей. Готовлюсь къ пробной лекціи, которую буду читать въ началѣ будущаго учебнаго семестра, то есть въ первой половинѣ Августа мѣсяца. О Сводѣ Законовъ никто ничего мнѣ не напоминаетъ: пусть ихъ молчатъ: послѣ можно будетъ отказаться отъ возвращенія его, на основаніи *права давности*. Въ скоромъ времени будетъ обнародовано у насъ Новое Уголовное Уложеніе, оно уже совершенно готово. Составлено очень хорошо. Ненавистное слово *кнутъ* изъ него вычеркнуто совершенно. Слава Богу: у Нѣмцевъ еще отнята шпилька, которою они насъ кололи. Въ основаніе при составленіи этого Уложенія приняты, или лучше сказать, при составленіи взяты въ соображеніе всѣ извѣстные Европейскіе кодексы, числомъ, если не ошибаюсь, тринадцать. Извѣстный Вамъ Губбе принималъ въ этомъ законодательномъ трудѣ дѣятельное участіе; главнымъ же лицомъ былъ, какъ слышно, Блудовъ.

Назначенные изъ кончившихъ курсъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института съ филологическаго факультета на отправленіе за границу, составляютъ три отдѣла, въ каждомъ по два: одни изъ нихъ должны заняться всеобщею литтературою, другіе — исторіею, третьи — исторіею и литтературою собственно и исключительно славянскою. Впрочемъ, всѣ на долгоели, или короткое время пріѣдутъ въ Прагу. Теперь они занимаются предуготовительно своими предметами; послѣдніе — подъ руководствомъ Прейсса. Они сообщатъ Вамъ подробнѣйшія и живѣйшія свѣдѣнія о настоящемъ, довольно вяломъ ходѣ нашей литтературы.

Устряловъ занимается теперь Исторіею Петра Великаго: онъ открылъ множество прелюбопытныхъ матеріаловъ, еще доселѣ никѣмъ не тронутыхъ: цѣлыя сотни собственноручныхъ записокъ самаго Петра найдены имъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, писать же онъ — мастеръ. Теперь онъ поѣхалъ за границу, чтобъ осмотрѣть еще иностранные Архивы, въ особенности Амстердамскій, и поискать, не оставилъ ли Петръ и тамъ какихъ-нибудь важныхъ памятниковъ своего тамъ пребыванія.

Александръ Ивановичъ Селинъ уже отправился къ мѣсту своего назначенія въ Кіевъ; супруги его мнѣ не удалось видѣть

здѣсь: она жила безвыѣздно на дачѣ, которой я, какъ ни расправшивалъ, не могъ отыскать, хотя и имѣлъ подробный адресъ отъ Александра Ивановича; въ петербургскихъ жителяхъ уже *черезъ чуръ* мало любопытства: живутъ цѣлые годы стѣна объ стѣну и не знаютъ даже имени другъ друга: отъ этого отыскивать здѣсь кого-нибудь очень трудно. Я все еще надѣялся послѣдовать за Александромъ Ивановичемъ въ Кіевъ, но теперь не вижу почти уже никакой возможности. Сергій Семеновичъ хочетъ непремѣнно опредѣлить меня опять въ Дерптъ на кафедру Русскаго Права: такимъ образомъ, я снова возвращусь къ занятіямъ Славянскими правами, начало коимъ положилъ я подъ руководствомъ Вашимъ.

Отчетъ мой за полугодіе пребыванія моего въ Прагѣ отпечатанъ въ Майской книжкѣ за 1845 годъ въ Журналѣ Министерства.

Не вышла ли послѣдняя тетрадь Архива Палацкаго, на которую Вы имѣете мою квитанцію? Потрудитесь также *при представившейся оказіи* прислать мнѣ Словарь Юнгмана; деньги за него и на будущія покупки я вышлю немедленно. Прошу Васъ извѣщать меня о всѣхъ ученыхъ новостяхъ пражскихъ, въ особенности юридическихъ. Прошу Васъ еще купить для меня *Австрійское Уголовное Уложеніе* или даже и все *Австрійское Уголовное Уложеніе*, если *цѣлое* не слишкомъ дорого, нѣтъ ли компактнаго изданія, подобнаго Code Napoleon.

У насъ по части Славянскаго Законовѣдѣнія что-то очень мало производительности. Иванишевъ замолкъ совершенно, сдѣлавшись ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ. Изъ другихъ никто не занимается этою частію. Надобно какъ-нибудь порасшевелить ихъ любопытство. Не готовится ли изданіе книги Товачевскаго? Что еще медлятъ Моравяне? Скоро ли выдастъ свой юридическій Словарь Г-нъ Бочекъ? Я надѣюсь побывать нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москвѣ: тамъ вѣрно найду болѣе славянской симпатіи и буду въ состояніи сообщить Вамъ нѣчто болѣе отрадное. Говорятъ, пріѣдетъ къ намъ Викторія, то-то будетъ пированье, покажутъ ей русское хлѣбосольство.

Я надѣюсь еще нѣсколько мѣсяцевъ пробыть въ Петербургѣ. Поэтому прошу Васъ покорнѣйше обрадовать меня Вашимъ отвѣтомъ здѣсь по адрессу на имя моего брата: Михайла Степановича Жиряева. служащаго въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Да! чуть было не забылъ. На дняхъ вышелъ Манифестъ, содержащій новыя пстановленія о пріобрѣтеніи личнаго

и потомственнаго Дворянства службою. До IX-го класса exclusive—почетные граждане, отъ IX-го кл. до Статскаго Совѣтника—также exclusive—личные дворяне, со статскаго совѣтничества только начинается Потомственное Дворянство, а въ Военной службѣ съ Маіорскаго чина!—Съ выслужившими уже годы на полученіе чина, хотя еще и не представленными къ оному—поступать на основаніи прежнихъ Постановленій. Объявите мое глубочайшее почтеніе всему Вашему почтенному семейству: Вашей доброй Супругѣ, Вашей Матушкѣ и Своячиницѣ: я объ нихъ всегда вспоминаю съ благодарностью и любовію. Поклонитесь отъ меня Г-ну Шафаржику съ семействомъ, Г-ну Станьку съ семействомъ, Г-ну Коубеку, Г-ну Жижкѣ, также потрудитесь при случаѣ объявить мое почтеніе Г-ну Штробаху. Въ заключеніе поклонитесь отъ меня всѣмъ милымъ барышнямъ Нѣмечковымъ. Что, если бы увидѣться съ ними въ Россіи! а вѣдь, какъ знать! невозможнаго тутъ ничего нѣтъ! Конечно, сначала имъ не очень понравится: природа для насъ мачиха, а для Васъ—мать родная: но послѣ привыкнутъ, находя всюду въ вознагражденіе за косые взгляды природы ласки Славянскаго гостепріимства.

Съ желаніемъ всѣхъ Вамъ благъ остаюсь любящій и уважающій Васъ отъ полнаго сердца преданный Вамъ

Александръ Жиряевъ.

Петербургъ,
22/10 Іюля 1845 года.

10.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Безъ сомнѣнія, Вы негодуете на меня за мое молчаніе. Но не осуждайте, не выслушавши. Я женюсь—и вотъ самая законная причина, по которой я до сихъ поръ не могъ писать Вамъ. Доколѣ это дѣло оставалось нерѣшеннымъ, я не писалъ, ожидая окончанія его; когда же оно было рѣшено. то окружило меня такое множество хлопотъ, что опять проходили дни за днями, а мнѣ не представлялось никакой возможности откликнуться на голосъ заграничныхъ друзей моихъ. Итакъ, я женюсь. Невѣста моя, съ которою я уже и обрученъ по обычаю русскому,—дочь Петербургскаго Священника Николая Ивановича Поліевктова, Марья Николаевна. Я ее знаю съ одиннадцатилѣтняго ея возраста. Она недурна собой, предобрая по сердцу, превеселая по характеру, съ давняго времени расположена ко мнѣ, въ ожиданіи меня изъ-за границы отказывала всѣмъ женихамъ,

къ ней сватавшимся (рѣдкій въ теперешнія времена примѣръ постоянства!), чего же больше? Вдовый отецъ ея обремененъ большимъ семействомъ—семеро дѣтей малъ мала меньше, она самая старшая, слѣдовательно *матеріальныхъ* совершенствъ, кромѣ пріятной наружности, она съ собой принести не можетъ. Да я и не искалъ никогда посторонннихъ выгодъ въ такомъ чистомъ и священномъ союзѣ, каково супружество. Свадьба моя, по крайней мѣрѣ — по моему предположенію, будетъ въ концѣ Января будущаго года. Покорнѣйше прошу Васъ пожаловать на этотъ мой праздникъ: Вы будете моимъ лучшимъ гостемъ.

Не знаю, писалъ ли я Вамъ о моей пробной лекціи: она удостоилась весьма лестнаго отзыва со стороны почтившихъ ее своимъ вниманіемъ слушателей и цѣнителей—ex officio. Можетъ быть, я ее отпечатаю, въ такомъ случаѣ не умедлю представить ее Вамъ, какъ самому компетентному судьѣ моему. Сдѣлайте милость, не забудьте въ будущемъ письмѣ Вашемъ написать мнѣ, кто былъ тотъ Іезуитъ, который хвастался тѣмъ, что онъ истребилъ столь много тысячъ книгъ и рукописей Чешскихъ? До февраля мѣсяца (считая все по старому стилю) пробуду я въ Петербургѣ, а тамъ пущусь, вѣроятно уже вдвоемъ съ женою, въ Дерптъ, гдѣ буду проповѣдывать Уголовное Право русское. Уложеніе Уголовныхъ Законовъ уже напечатано: въ силу дѣйствующихъ законовъ вступитъ съ 1-го мая 1846 года. Г. Губе сказывалъ мнѣ, что бывшій и въ Прагѣ Магистръ Моск. Университета Поповъ нашелъ въ Черногорьѣ Сборникъ древнихъ Черногорскихъ Законовъ, который готовитъ къ изданію. Прейсъ хвастаетъ, что у него есть рукопись Винодольскаго Закона гораздо полнѣйшая и исправнѣйшая изданной.

Книги, посланныя Вами чрезъ Лейпцигскаго коммиссіонера, я получилъ изъ Канцеляріи Министерства Просвѣщенія, не знаю, кѣмъ они привезены сюда: съ меня никто не потребовалъ никакого фрахтгельду; сердечно благодарю Васъ и за хлопоты, и за одолженіе и постараюсь съ первымъ же попутчикомъ переслать деньги, но не знаю—сколько? Семеро молодыхъ людей, о которыхъ я уже писалъ къ Вамъ, остаются еще годъ въ Петербургѣ и готовятся къ Магистерскому экзамену: Г. Министру не угодно было теперь же отправить ихъ за границу, кажется потому, что вакантныхъ кафедръ для нихъ не предвидится. Скоро ли Г. Подлипскій пріѣдетъ въ Кіевъ, или это дѣло совсѣмъ не состоится? Въ Петербургѣ теперь почти каждый день—пожары. Вотъ и теперь пожаръ подлѣ самаго Аничкина моста въ домѣ Княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской.

Поздравляю Васъ, Вашу незабвенную супругу, Вашу Матушку и Сестрицу съ Новымъ Годомъ. Прошу Васъ поклониться отъ меня и поздравить съ Новымъ годомъ Г. Шафаржика съ семействомъ, Г. Станька съ семействомъ, Г. Коубека и въ заключеніе милыхъ барышенъ Нѣмечковыхъ. Скажите послѣднимъ, чтобы онѣ не забывали и обѣщанія своего пріѣхать въ Россію: онѣ встрѣтятъ здѣсь то же радушіе и гостепріимство, которое находили въ ихъ семействѣ русскіе путешественники.

Прося Васъ продолжать прежнее Ваше столь лестное для меня благорасположеніе, остаюсь Вамъ преданный

Александръ Жиряевъ.

20-ое Декабря 1845 г./1 Января 1846 г.

11.

Достопочтеннѣйшій, незабвенный Вячеславъ Вячеславовичь!

Наконецъ я въ Дерптѣ, и не одинъ, а съ моею женою. Пока не сдамъ Магистерскаго экзамена, буду считаться *исправляющимъ должность* экстраординарнаго профессора русскаго Права, а тамъ уже и полнымъ экстраординарнымъ профессоромъ. Лекцій еще не началъ, и едва ли начну скоро, потому что семестръ приближается къ концу; итакъ до 1-го Августа я буду свободенъ и это время постараюсь употребить на приготовленіе себя къ экзамену. Судя по тому, какъ я былъ принятъ настоящими моими сослуживцами, мнѣ будетъ здѣсь не худо. Библіотека богатая, заграничные журналы и повременныя изданія выписываются обществомъ здѣшнихъ профессоровъ, коего и я буду членомъ, въ большомъ количествѣ. Средства трудиться для науки есть, а и въ охотѣ недостатка не будетъ.

При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга родился опять вопросъ о *Сводѣ Русскихъ Законовъ*, посланномъ мнѣ въ Прагу и оставленномъ мною у Васъ въ Прагѣ, вопросъ, который я уже считалъ рѣшеннымъ. Педагогическій Институтъ потребовалъ отъ меня возвращенія его въ Институтскую Библіотеку, такъ какъ: *„онъ и данъ мнѣ былъ съ условіемъ привезти его обратно въ Институтъ“*. Я старался представить всю неумѣстность такого требованія, и дѣло кончилось тѣмъ, что меня обязали представить *Вашу*, Вячеславъ Вячеславовичь, *росписку въ полученіи отъ меня этого экземпляра Свода*, въ удостовѣреніе, что этотъ Сводъ не присвоилъ я себѣ, а точно оставилъ у Васъ въ Прагѣ. Итакъ, прошу Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, елико

возможно поскорѣе сообщить мнѣ *квитанцію* въ полученіи отъ меня одного полнаго экземпляра Свода Россійскихъ Законовъ, изданія 1842 года, которую я обязанъ представить Начальству Педагогическаго Института, которое въ противномъ случаѣ взыщетъ съ меня деньги за него.

Я ужасно виноватъ передъ Вами, что до сихъ поръ не выслалъ Вамъ должной мною Вамъ за Юнгмановъ Словарь и прочее суммы. Все ждалъ попутчиковъ, именно молодыхъ питомцевъ Института, предназначенныхъ къ отправленію въ Прагу для Славянскихъ занятій, а они все еще не ѣдутъ; держатъ теперь экзамены магистерскіе и уже Магистрами, вѣроятно въ половинѣ лѣта, пріѣдутъ къ Вамъ въ Прагу. Во всякомъ случаѣ не умедлю воздать Вамъ должное при первой возможности.

Прейсъ при смерти боленъ: всѣ ужасно сожалѣютъ объ немъ, потому что всѣ смотрѣли на него, какъ на весьма дѣльнаго и неутомимо дѣятельнаго Славянофила. Жаль, если Петербургская Славянская кафедра такъ рано опять овдовѣетъ.

Новостей, достойныхъ замѣчанія, не знаю. Я желалъ бы имѣть Сербскій Словарь, но не смѣю пока утруждать Васъ просьбою пріобрѣсти для меня оный: пришлю вмѣстѣ съ прочими деньгами и деньги на его покупку, тогда уже буду просить Васъ потрудиться купить его. Жена моя (по имени Марья Николаевна), зная отъ меня о благосклонности, которою я имѣлъ счастіе отъ Васъ пользоваться, съ своей стороны свидѣтельствуетъ Вамъ и всему Вашему доброму и милому семейству свое нижайшее почтеніе. Она ужаснѣйшая патріотка, и хоть принуждена теперь жить среди нѣмцевъ, но говоритъ, что терпѣть ихъ не можетъ.

Милой супругѣ Вашей, матушкѣ, сестрицѣ объявите мое глубочайше почтеніе. Г-ну Шафаржику съ семействомъ, Д-ру Станьку съ семействомъ, Профессору Коубеку, Штробаху и т. д., наконецъ милому семейству Нѣмечковыхъ — мое глубочайшее почтеніе.

Поручая себя благосклонности Вашей, остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга А. Жиряевъ.

Адресъ ко мнѣ: Экстраорд. Профессору Х. Х. въ Дерптѣ.

Дерптъ,
30-ое Апрѣля 1846 года.

12.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславовичь!

Сердечно радуясь, что труды и заслуги Ваши обратили на себя Высочайшее вниманіе двухъ Монарховъ двухъ Имперій

Европы, отъ души поздравляю Васъ съ полученіемъ знаковъ ихъ благоволенія. Дай Богъ, чтобы и на будущее время трудные подвиги Ваши на поприщѣ науки и готовность, съ которою Вы дѣлитесь своими знаніями, не оставались не замѣченными и находили бы достойныхъ себѣ цѣнителей.

Живя въ Дерптѣ, я по слухамъ только могу знать о важныхъ новостяхъ русскихъ. Петербургъ представляетъ теперь рядъ торжествъ, разумѣется, на славу. Сначала праздновали возвращеніе Императрицы, потомъ торжествовали обрученіе Великой Княжны, теперь надобно въ скоромъ времени ожидать и самаго бракосочетанія.

Мѣсто покойнаго Прейса остается еще до сихъ поръ не занятымъ.

Я теперь крѣпко присѣлъ за книги; готовлюсь къ экзамену, который держать буду навѣрное въ Петербургѣ. О молодыхъ людяхъ, посылаемыхъ въ Прагу, въ послѣднее время я ничего не слышалъ; полагаю, что они сдаютъ теперь магистерскіе экзамены.

Письмо Ваше къ Г. Норову я отправилъ тотчасъ же по принадлежности.

Объявите мое глубочайшее почтеніе Вашей доброй супругѣ, сестрицѣ и матушкѣ, Г-ну Шафаржику, Д-ру Станьку и профессору Коубеку съ семействами ихъ, въ заключеніе поклонитесь семейству Нѣмечковыхъ. Какъ-то они теперь поживаютъ, лишившись обоихъ родителей? Поручая себя благорасположенію Вашему, остаюсь сердечно преданный Вамъ А. Жиряевъ.

P. S. Жена моя проситъ Вамъ поклониться. Благодарю Васъ за покупку для меня Сербскаго Словаря, прошу и впередъ не оставлять мои подобныя просьбы безъ снисходительнаго исполненія.

Дерптъ,
3/15 Іюля 1846.

13.

Незабвенный и премногоуважаемый
Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я величайшій грѣшникъ передъ Вами и такъ какъ теперь готовлюсь идти на исповѣдь, то и по обыкновенію русскому, и по долгу христіанскому, и по собственному чувству окаянства моего прибѣгаю къ Вашему милосердію, прося Васъ отпустить мнѣ мои прегрѣшенія.

Я такъ давно не писалъ Вамъ, что даже не помню, извѣщалъ ли я Васъ о весьма важномъ для меня событіи семейственномъ, именно — о рожденіи дочери Надежды? Появленіе ея на свѣтъ, будучи нѣсколько преждевременное, надѣлало мнѣ столько хлопотъ, что я право не былъ въ состояніи извѣстить объ этомъ происшествіи въ надлежащее время друзей моихъ, принимающихъ во мнѣ участіе. Жена моя послѣ разрѣшенія своего отъ бремени почти и до сего самаго дня постоянно хворала то тѣмъ, то другимъ. Я самъ въ началѣ зимы былъ также боленъ, и болѣлъ опасно: у насъ въ Дерптѣ свирѣпствовала въ это время эпидемическая кровавая диссентерія (Нѣмцы называютъ ее *Ruhr!*) которая уже на самомъ изходѣ своемъ еще таки зацѣпила своими когтями, впрочемъ уже очень притупившимися отъ множества жертвъ, коихъ она умчала ad inferos, и меня и дала себя очень почувствовать. Но теперь, слава Богу, все начинаетъ поправляться.

Дѣла мои по службѣ идутъ порядочно: въ слушателяхъ моихъ я не встрѣтилъ той антипатіи, которой опасался: они, какъ кажется, довольны мною. До сихъ поръ читалъ я Уголовное Право и Уголов. Судопроизводство; теперь еще достаются на мою долю Государственное Право и Полицейскіе Законы: все это надобно будетъ обработывать самому: у насъ юридическая литтература, можно сказать, еще вовсе не существуетъ, поэтому-то, за что ни возьмись, все приходится выносить на собственныхъ плечахъ. Правда, что очень интересно прокладывать вновь дорогу, но съ какими сопряжено это трудами! Въ то же время еще у меня и магистерскій и докторскій экзаменъ впереди: занятій такъ много, что жалѣешь, что въ суткахъ не 48 часовъ. Вотъ почему я сдѣлался неаккуратенъ и въ корреспонденціи: даже старикамъ моимъ пишу очень рѣдко. Но я надѣюсь, что лучшіе друзья мои не растолкуютъ моей молчаливости въ неблагопріятную для меня сторону. Срезневскій теперь въ Петербургѣ, вызванъ пока на время, но по всей вѣроятности останется навсегда на мѣсто покойнаго Прейса. Въ Педагогическомъ Институтѣ новый директоръ Иванъ Ивановичь Давыдовъ—professor emeritus Московскаго Университета.

Миддендорфъ въ званіи Тайнаго Совѣтника сошелъ съ поприща службы и теперь живетъ въ своемъ помѣстьѣ. Судьба молодыхъ Славянистовъ еще до сихъ поръ не рѣшена окончательно, и я, ожидая отправленія ихъ въ Прагу, все еще остаюсь Вашимъ должникомъ; и въ этомъ отношеніи — не простительная съ моей стороны неаккуратность.

Поздравляю Васъ съ наступившимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, прося отъ моего имени поздравить съ тѣмъ же Вашу глубокоуважаемую мною супругу, маменьку и сестрицу. Прошу Васъ поклониться отъ меня моимъ добрымъ соплеменникамъ и соплеменницамъ, если они еще не совершенно забыли меня. Объявите мое особенное почтеніе Г-ну Шафаржику съ семействомъ, Доктору Станьку также, профессору Коубеку и въ заключеніе — пламеннымъ неизмѣннымъ патріоткамъ Нѣмечковымъ. Я надѣюсь, что Вы, несмотря на мою теперешнюю неисправность въ перепискѣ, съ свойственнымъ Вамъ великодушіемъ будете отъ времени до времени удостоивать меня Вашими письмами, кои всѣ храню и буду хранить, какъ памятникъ благорасположенія ко мнѣ такого лица, которое я привыкъ уважать, еще не знавши лично, и которое я научился любить и уважать несравненно болѣе съ того времени, какъ узналъ лично. Съ искреннимъ желаніемъ Вамъ всѣхъ благъ остаюсь преданный Вамъ А. Жиряевъ.

Зная расположеніе Ваше къ моему мужу, осмѣливаюсь привѣтствовать и я какъ Васъ, такъ и все Ваше почтенное семейство по случаю наступившаго Свѣтлаго праздника радостнымъ христіанскимъ привѣтствіемъ: „Христосъ Воскресе!“ прося Васъ принять и меня въ Ваше расположеніе, которое я цѣню такъ высоко.

Надѣюсь, что и достойная Супруга Ваша, о которой такъ часто, и съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ мужъ мой, не откажется хотя заочно познакомиться со мною.

Съ чувствомъ преданности честь имѣю пребыть Ваша покорная слуга Марья Жиряева.

Дерпть.
14/26 Марта 1847 года.

14.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ!

Безконечно виноватъ предъ Вами въ молчаніи, виноватъ тѣмъ болѣе, что ничего не могу привести въ свое оправданіе, кромѣ лѣности. Между тѣмъ и писать было бы, кажется, о чемъ. Въ годъ можетъ произойти много перемѣнъ съ человѣкомъ: прошедшій 1847 годъ остается для меня навсегда памятенъ по двумъ событіямъ, изъ коихъ одно радостное, другое горестное. 12 го Ноября скончался въ Петербургѣ единственный братъ мой Михаило Степановичъ послѣ тяжкой, почти полгода мучившей

его водяной болѣзни. Менѣе нежели чрезъ мѣсяцъ послѣ того родился у меня сынъ Михаилъ, какъ бы въ замѣнъ умершаго. Такимъ образомъ у меня есть и Stammhalter. Дочь моя, о рожденіи которой я писалъ Вамъ въ свое время, уже бѣгаетъ и начинаетъ говорить. Прочее въ семействѣ моемъ по прежнему. Служебныя дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Для испытанія на степень Магистра я ѣду непремѣнно къ Пасхѣ въ Петербургъ. Нечего и писать Вамъ, что мѣсто покойнаго Прейса предоставлено Срезневскому, потому что, вѣроятно, эту новость Вы давно уже знаете. Но Вы можетъ быть еще не знаете, что Срезневскій Профессоромъ и въ Гл. Педагогич. Институтѣ, который преобразованъ, или правильнѣе — возвращенъ въ первобытное положеніе новымъ Директоромъ онаго Иваномъ Ивановичемъ Давыдовымъ. Миддендорфъ же въ званіи Тайнаго Совѣтника удалился на покой. Преобразованіе Института состоитъ въ томъ, что въ немъ не 4, а два курса, послѣдній подраздѣленъ на два факультета, а третій—юридическій увы! уничтоженъ; зато учреждена кафедра славянскихъ нарѣчій.

Молодые люди, объ отправленіи коихъ въ Прагу я писалъ Вамъ прежде, уже опредѣлены на адъюнктскія мѣста, кто въ Харьковѣ, кто въ Кіевѣ и т. д. Слѣдовательно, уже перестали и думать о поѣздкѣ за границу. Вмѣстѣ съ симъ и мнѣ уже пора прибѣгнуть къ другому средству для уплаты Вамъ маленькаго долга, по случаю покупки мнѣ Словаря Юнгмана, Австрійскаго Угол. Уложенія и Австрійскаго Гражд. Уложенія, если не ошибаюсь. Я какъ-то въ одномъ письмѣ своемъ просилъ Васъ сказать мнѣ, сколько Вами за эти книги заплачено, но, не имѣя на то никакого отвѣта, посылаю теперь на угадъ двадцать пять руб. серебр. чрезъ Дерптскаго книгопродавца Карова, который чрезъ своего Лейпцигскаго корреспондента перешлетъ эту сумму, если не ошибаюсь Кронебергу Пражскому книгопродавцу, который и не замедлитъ Вамъ ее выплатить. Пожалуйста извините, что я такъ долго оставался должнымъ, все ждалъ окказіи, съ кѣмъ нибудь лично переслать Вамъ. При этомъ прошу Васъ, если присланная сумма не покроетъ моего долга, не церемонясь написать мнѣ: вѣдь денежка счетъ любитъ и дружбы не портитъ, какъ говоритъ русская пословица.

Вышли ли тѣ тетради *Архива Чешскаго*, билетъ на полученіе коихъ я у Васъ оставилъ? Я, жена моя и оба дѣтища Вамъ и всему Вашему семейству низко кланяемся, поздравляя Васъ отъ души, хотя и поздно съ наступившимъ Новымъ годомъ. *Г-ну Члену Вѣнской Академіи Наукъ* Шафарику, Д-ру

Станьку, Профессору Коубеку и всему семейству Нѣмечковыхъ отъ меня и отъ жены моей объявите почтеніе.

Въ пріятномъ ожиданіи скораго отъ Васъ извѣстія остаюсь преданный Вамъ А. Жирясевъ.

Дерптъ,
31 Января 1848 г.

Л. Жукъ-Скаршевскій.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Przepraszam WPana Dobr., iż tak późno chcę się wywiązać z powinności mojej: podziękować Mu listownie za tyle łask z Jego strony, mnie przez tak długi pobyt w Pradze wyświadczonych. Proszę WPana Dobr., abyś to spóźnienie nie czemu innemu, jak tylko szczególnemu zbiegowi rodzinnych okoliczności przypisać raczył. Wdzięczność tylu szanownym Mężom, których miałem to szczęście poznać w przestarej stolicy Czeskiej i z niemi obcować, pozostanie wiecznie w pamięci mojej, ją unoszę w rodzinne strony—będę ją starannie pielęgnował i wspominał, wraz z tylu mile spędzonemi chwilami w przyjacielsko-naukowem gronie.

Co tu u nas słychać—wspomnę WPanu Dobr. przynajmniej choć ogólnie. W literaturze naszej widać ruch jakiś, pomimo, że mamy z wielkiemi przeciwnościami do walczenia. Najważniejszą przeszkodą jest brak odbytu książek: więc i drogość tychże. U nas prawie ta tylko klassa nabywa obrok duchowny, którą zwykle zowią *szlachecką*; lecz nie dla nauki,—bo to praca,—jeno dla zabawy. Więc powiastki, poezijki, noworoczniki są bardzo poszukiwane, gdy tymczasem naukowe książki muszą być podane na pastwę molom. Księgarze już takich ani nakładać nie chcą; a jeżeli wytłoczą, ociąża je wysoka cena, tamująca upowszechnienie się tychże. O jakże nam koniecznie potrzebny podobny zakład Waszej „Matce Czeskiej"! Nie spełzałoby tyle przedsiewziąć naukowych na niczem, jak tego obecnie niestety! liczne mamy przykłady. Zasłużony p. Zeussner, który prawdziwie z żelazną pilnością kilkoletnie swoje badania przyrodzone, w Tatrach zebrane, chciał nam w rodzinnym języku objawić, poświęcając na wydanie tegoż dzieła dokładne majątek swój szczupły—będzie podobno przymuszony, dla braku przedpłacicieli, w cudzoziemskim wytłomaczyć języku. Czcigodny p. Wincenty Poll pracuje bardzo pilnie

nad opisem Polskiej ziemi pod względem jeograf. histor. ethnograf. statystycz. zoolog. bot. miner. geogn. etc. etc. Kilku miłośników naturalnych wiadomości mają w tej pracy udział. P. Łobażewski umieści w tem dziele swoje spostrzeżenia jeograficznobotaniczne, p. Apel mineralogiczne i w. i. Ci panowie tak dokładnie i sumiennie zamierzają swój opis wykonać, iż dla pomiaru wysokości n. p. jakiej góry (jak się to na Bukowinie często zdarzało) kilkunastu czasem ludzi musiało im siekierami torować do szczytu drogę, przecinając gąszcza i zarośla. W takich stronach bezludnych pędzono za sobą kilka baranów, i te stanowiły im pożywienie. I o to dzieło trzeba nam się obawiać, aby zakres jego z przyczyny wielkich kosztów na wydanie zmniejszonym nie był. Widzisz WPan Dobr., iż w naszym narodzie jest i życie i poświęcenie, lecz siły porozstrzelane. Potrzeba nam jednoczącego ogniska! Czyżbyśmy się kłopotali niemożnością wytłoczenia naukowego dzieła, gdybyśmy posiadali „Matkę Polską" na wzór „Matki Serbskiej" i „Czeskiej"?! Racz nam WPan Dobr. być pomocą w tem razie—chciej mi wymienić w liście jak najdokładniej założenie i cały postęp „Maticy Czeskiej". Może nadałoby się coś zrobić? Punkta, oznajmujące cel tego zakładu, przeszłego roku na końcu zeszytu Muzejnego Czasopisu wytłoczone, mam w domu; lecz nie wiem, jak kapitał bywa użyty? jaką płacę kustoszowie i dozorcy pobierają?? i t. d. Wszystkie szczegóły byłyby dla mnie bardzo ważne. Racz WPan Dobr. przeszłoroczną odezwę: „Wlastencům" przeczytać,—a co byś dodać uważał—zechciej mi donieść. Przepraszam, iż się odważam Go tak trudnić; lecz sprawa narodowa i WPana Dobr. szczególna dobroć ośmielają mię do uczynienia podobnego kroku z zaufaniem.

Nowinek literackich WPanu Dobr. nie udzielam, gdyż szanowny p. Zap pewno mię dawno już wyprzedził. Zrobię więc lepiej wyciąg z wielce ważnego czasopisma naszego, którego w księgozbiorze Muzejnym nie widziałem nigdy, t. j. z „Przeglądu naukowego" redak. St. Skimborowicza i Ed. Dembowskiego. W 8-mym N-erze r. 1842 znajduje się artykuł: „Uwagi niektóre o Szaffarzyku" bez podpisu autora, który na początku wspomina, iż p. Szafarzyk w swoich Starożytnościach rzucił bezwzględne potępienie na wszystko, co dotąd w obrębie dziejów Słowiańszczyzny zdziałano. Podobnież,—potępił wszelkie śledzenie początków narodu słowiańskiego w dziejach Skytów i Sarmatów,—gdy jednak nie podał różności Skytów i Słowian,—winniśmy bezstronnie rzecz tę zbadać,—i według podanych przez starożytność źródeł - zawyrokować, ażali można te ludy za różne albo za jedne uważać?...

Muszę się też ja WPanu Dobr. uskarżyć na p. Palackiego, który, ani nie mogę poiąć z jakiego powodu, gdzie tylko może, nam niemiłosiernie dopieka. Racz WPan Dobr. spojrzyć na str. 363 II tomu 1 oddz.,—czyż się każdy z moich rodaków za takie głoszenie Niemcom potwarzy na nas rzucanych przez autora obrażonym nie poczuje? Napady, gwałty pojedyńczych książąt, w owych czasach w całej Europie zwykłe, czyż potępiają całą historją polskę w 13 wieku? Czy przez umieszczenie tego wstępu wytłomaczył co autor dla historji Czeskiej—lub jej przez to jaką sławę zjednał? Gdybyśmy chcieli podobną miarką p. Palackiemu odmierzać—cóżbyśmy mieli do powiedzenia o owych zdradzaniach się wzajemnych braci książąt czeskich—wtrącaniu się do więzienia — wyłupywaniu oczów — i gorszych jeszcze bezeceństwach?! Coś podobnego nie mamy w całej historji panujących królów polskich,—prócz jednego wypadku, że Bolesław Krzywousty kazał brata swego (z nieprawego łoża), jako *kilkokrotnego zdrajcę kraju*, ze świata zgładzić. Nie małoż nas Słowianów Niemcy naszkalują—jeszcze i my na siebie mamy wzajemnie rzucać pociski!? Gdyby p. Palacki wiedział, ile tem złego narobił, pewnoby, chociażby był i najmocniej przekonany o prawdzie tegoż, nie umieścił—a przynajmniej, inaczej się wyraził. Co za zarozumiałość okropna, a przytem i nielogiczność (w nocie 436 na str. 367 II tomu I odd.)—tak bezwzględnie potępiać wszystkich historyków naszych i ganić Długosza, że nie chciał ślepo Pulkawie zawierzyć! Autor powinien był przecież pokazać Niemcom (bo dla nich historja Czeska pisana), że Pulkawa wiarogodniejszy od Długosza, lub się odwołać do sądów, które o tych pisarzach wyrzeczono. W nocie 434 mówi autor: Władysław Łok. hatte keine eigentliche Erbansprüche... i na poparcie tego wywodzi genealogicznie krewnych Łokietka. Czy to na pokazanie Niemcom znajomości rodowodu polskich książąt? czy też na zbałamucenie, nie obznajomionego z polską historiją czytelnika? Nie sądzę, aby p. Palacki chciał tem dowodzić większe prawo Wacława do tronu polskiego. Ustnie nie wspominałem nigdy o tych usterkach WPanu Dobrodz., bo przyznam się Mu, iż w Pradze nie przeczytałem całego drugiego tomu.

Ponawiając jeszcze raz prośbę względem „Maticy Czeskiej", przepraszając oraz za moją natarczywość, zostaję WPana Dobrodzieja etc. Leonard Żuk Skarszewski.

P. P. professorom Kaubkowi i Zippemu, jakoteż D-rowi

Stańkowi, Amerlingowi i innym—proszę mię przypomnieć ich pamięci i oświadczyć moje poważania i ukłony.

Adressa moja: Leonard Skarszewski in Sandetz (Dorf Przyszowa) Galizien. p. Olmütz-Bielitz.

Przyszowa w sądeckim obwodzie,
27 Czerwca 1843 r.

Л. Зелинскій.

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Wiadomo zapewne WPDobr., że u nas we Lwowie już od r. 1835 wychodzi tomami pisemko pod nazwą *Lwowianin*, zawierające historyczne pomniki kr. Galicyi. Na ten rok 1839 i na następne lata wyjednałem sobie u wysokich rządów krajowych najłaskawsze pozwolenie wydawania tegoż pisemka zeszytami. Dołożywszy wszelkiego starania i nieszczędząc kosztów, ażeby takowe pisemko postawić na równi z zagranicznemi, uprosiłem za współpracowników W. W. Michalewicza, J. I. Kraszewskiego, D. Zubrzyckiego i kilku innych uczonych i literatów, którzy swojej pomocy udzielać przyrzekli.

W świecie uczonym głośne Imię, a u publiczności zaś, mianowicie u wszystkich Sławian pożądane prace literackie WPana Dobr. prowadzą mnie do Jego szanownéj osoby z prośbą, iżby raczył jakim artykulikiem historycznym, a osobliwie króciuchną wiadomością o Starożytnościach Sławian Polaków, znajdujących się w Muzeum Pragskim, ozdobić nasze pisemko. Niech Lwowianin nie będzie ostatnim z pomiędzy tylu pism, które się szczycą szacowną łaską i względami WPDobr.

Bardzo o to upraszam, z prawdziwą wdzięcznością ofiarę przyjmę i pisemka Lwowianina, wydane i wychodzące zeszyty, pocztą (franco) lub jaką inną wskazaną mi drogą z czcią i uszanowaniem u stóp WPDobr. złożę.

Oczekując łaskawéj odpowiedzi, mam honor wyznać mój rzetelny szacunek. Wielmożnego Pana i Dobrodzieja uniżony sługa Ludwik Zieliński, wydawca Lwowianina.

Ulica Halicka L. 450.

Lwów,
28 Sierpnia 1839.

Станьку, Профессору Коубеку и всему семейству Нѣмечковыхъ отъ меня и отъ жены моей объявите почтеніе.

Въ пріятномъ ожиданіи скораго отъ Васъ извѣстія остаюсь преданный Вамъ А. Жиряевъ.

Дерптъ,
31 Января 1848 г.

Л. Жукъ-Скаршевскій.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Przepraszam WPana Dobr., iż tak późno chcę się wywiązać z powinności mojej: podziękować Mu listownie za tyle łask z Jego strony, mnie przez tak długi pobyt w Pradze wyświadczonych. Proszę WPana Dobr., abyś to spóźnienie nie czemu innemu, jak tylko szczególnemu zbiegowi rodzinnych okoliczności przypisać raczył. Wdzięczność tylu szanownym Mężom, których miałem to szczęście poznać w przestarej stolicy Czeskiej i z niemi obcować, pozostanie wiecznie w pamięci mojej, ją unoszę w rodzinne strony—będę ją starannie pielęgnował i wspominał, wraz z tylu mile spędzonemi chwilami w przyjacielsko-naukowem gronie.

Co tu u nas słychać—wspomnę WPanu Dobr. przynajmniej choć ogólnie. W literaturze naszej widać ruch jakiś, pomimo, że mamy z wielkiemi przeciwnościami do walczenia. Najważniejszą przeszkodą jest brak odbytu książek: więc i drogość tychże. U nas prawie ta tylko klassa nabywa obrok duchowny, którą zwykle zowią *szlachecką*; lecz nie dla nauki,—bo to praca,—jeno dla zabawy. Więc powiastki, poezijki, noworoczniki są bardzo poszukiwane, gdy tymczasem naukowe książki muszą być podane na pastwę molom. Księgarze już takich ani nakładać nie chcą; a jeżeli wytłoczą, ociąża je wysoka cena, tamująca upowszechnienie się tychże. O jakże nam koniecznie potrzebny podobny zakład Waszej „Matce Czeskiej"! Nie spełzałoby tyle przedsiewziąć naukowych na niczem, jak tego obecnie niestety! liczne mamy przykłady. Zasłużony p. Zeussner, który prawdziwie z żelazną pilnością kilkoletnie swoje badania przyrodzone, w Tatrach zebrane, chciał nam w rodzinnym języku objawić, poświęcając na wydanie tegoż dzieła dokładne majątek swój szczupły—będzie podobno przymuszony, dla braku przedpłacicieli, w cudzoziemskim wytłomaczyć języku. Czcigodny p. Wincenty Poll pracuje bardzo pilnie

budują. O, jakże bym się zwał szczęśliwym, gdybym chociaż odrobinę, okruszynę miał z tyla pamiątek! Panie, niezapomni, żem Lwowianin, że zbieram pomniki Sławian, obdarz z swéj łaski jakim *artykułem* nasze pisemko, prosiemy uniżenie, a będzie dla nas taki dar, taka łaska naytrwalszym wdzięczności pomnikiem.

Cześć Wam, sława Wam!

Wielmożnego Pana i Dobrodzieja z powinnym naygłębszem uszanowaniem nayuniżeńszy sługa Ludwik Zieliński.

Lwów,
29. Lipca 1840.

4.

Wielmożny wielce Szanowny Panie,

Za łaskawie nadesłaną *Gramatykę i Czasosłów* wdzięcznie dziękuję, zachowam ten znak szanownéj łaski w miłej wdzięczności. Byłbym wielce szczęśliwy, gdyby WPDobr. nadesłał jaki artykulik do naszego Lwowianina. Załączam tu pakiet dla W. *Szafarzika*, proszę takowy temu zacnemu Panu doręczyć, bardzo proszę.

Wielmożnego wielce szanownego Pana i Dobrodzieja pełen szacunku uniżony sługa Ludwik Zieliński.

Lwów,
26. Października 1840 r.

В. П. Знаменскій[1]).

Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ! М. Г.!

Не трудно и, можетъ быть, даже излишно будетъ мнѣ извиняться предъ Вами въ томъ, что я, при незнаніи моемъ Бо-

[1]) Василій Потапьевичъ Знаменскій по окончаніи въ 1828 г. курса моск. дух. академіи былъ командированъ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, по предложенію Сперанскаго за границу и слушалъ въ Берлинѣ лекціи подъ руководствомъ Савиньи. По возвращеніи въ СПБ. въ 1832 г. онъ назначенъ былъ чиновникомъ во II отд. собств. Е. И. В. канцеляріи. Зн. готовился занять каѳедру законовѣдѣнія въ кіевскомъ унив., но въ 1835 г. умеръ. О немъ см. С. К. Смирнова: „Одинъ изъ питомцевъ Сперанскаго" (Русск. Вѣстн. 1866, № 1).

Въ альбомѣ Ганки 7-го мая 1832 г. онъ написалъ: „Здѣсь — въ бесѣдахъ съ достопочтеннѣйшимъ Господиномъ Профессоромъ Ганкою

гемскаго языка, въ семъ письмѣ моемъ къ Вамъ предпочитаю Нѣмецкому языку мой отечественный, въ той увѣренности, что сей послѣдній и для Васъ имѣетъ болѣе роднаго, нежели первый. Гораздо труднѣе будетъ мнѣ оправдать предъ Вами мое долговременное молчаніе, и что еще важнѣе — неисполненіе Вашего порученія соотвѣтственно Вашему желанію и моему обѣщанію: впрочемъ, надѣюсь, что могу изъясненіемъ дѣла если не совершенно оправдать себя, то по крайней мѣрѣ заслужить извиненіе. Во первыхъ, что касается до Вашего порученія, я не могъ исполнить онаго иначе, какъ только въ половину: я разсмотрѣлъ со вниманіемъ портретъ Іоанна Жижки, но не имѣлъ возможности получить списокъ съ онаго; вопреки моему желанію, я не могъ оставаться въ Женевѣ на цѣлый мѣсяцъ, потому что путешествіе мое до Женевы продлилось гораздо болѣе, нежели какъ я предполагалъ, а посему для остальной и значительнѣйшей части путешествія осталось очень немного времени. Итакъ я долженъ былъ проживать въ трактирахъ, и потому не могъ оставаться въ Женевѣ долѣе трехъ или четырехъ дней, ибо содержаніе въ трактирахъ Женевскихъ очень дорого. Сего краткаго времени было слишкомъ недостаточно для того, чтобы мнѣ и отъискать портретъ Жижки и найти живописца, который бы взялся снять копію, и чтобы живописцу успѣть это исполнить,—тѣмъ болѣе, что Библіотека, въ коей находится сей портретъ, открыта обыкновенно только въ извѣстные дни недѣли и въ извѣстные часы, и испрошеніе особеннаго позволенія соединено было бы съ нѣкоторыми затрудненіями. Всѣ сіи затрудненія увеличивались еще для меня тѣмъ обстоятельствомъ, что я не имѣлъ въ Женевѣ совершенно никого знакомаго и притомъ довольно затруднялся въ изъясненіи на французскомъ языкѣ. Впрочемъ, я видѣлъ два раза портретъ Іоанна Жижки, разсмотрѣлъ его со вниманіемъ и могу Вамъ описать его. Іоаннъ Жижка изображенъ въ латахъ и шлемѣ, *съ длинными и густыми, на концахъ завившимися усами и съ довольно большою бородою*, которой обложенъ кругомъ весь подбородокъ (Kinn), впрочемъ такъ, что самая передняя, выпуклая часть подбородка не покрыта волосами, какъ то бываетъ у многихъ отъ природы. Иной могъ бы предположить, что на семъ мѣстѣ борода нѣсколько подбрита; однакожь я могу увѣрить, что на портретѣ

получилъ я новыя побужденія и новую ревность къ изученію Славянскихъ нарѣчій, и во-первыхъ Богемскаго, что и буду вспоминать всегда съ сердечною признательностію и удовольствіемъ".

не примѣтно *вовсе никакихъ слѣдовъ бритыхъ волосовъ*, ни на бородѣ, ни на усахъ. Подъ портретомъ подписано: Johannes Zižka, superbiae et avaritiae clericorum profligator strenuus.

Замѣчу еще въ заключеніе, что и мое зрѣніе не могло обмануться при разсматриваніи портрета, потому что краски на ономъ сохранили еще совершенную свѣжесть.

Но исполнивши такимъ образомъ только въ половину Ваше порученіе, я притомъ и замедлилъ слишкомъ долго извѣстить Васъ о семъ, и вотъ почему. Оставивъ Женеву, началъ я путешествіе по Швейцаріи пѣшкомъ, къ чему побудило меня частію самое свойство страны, частію же мои особенныя обстоятельства: и на семъ пѣшеходномъ путешествіи не имѣлъ я ни времени, ни удобности, ни надлежащаго спокойствія для того, чтобы писать къ Вамъ обстоятельно, по большой части я былъ такъ утомленъ дневнымъ путемъ, что, приходя поздно на ночлегъ, не могъ ни о чемъ другомъ думать, какъ объ отдыхѣ. Можетъ быть, сіе путешествіе стоило мнѣ болѣе трудовъ, нежели сколько принесло удовольствія, хотя впрочемъ дорого купленное удовольствіе тѣмъ болѣе имѣетъ. для насъ цѣны, и побѣжденіе трудностей есть также удовольствіе. Я спѣшилъ при семъ непрестанно впередъ и не останавливался нигдѣ болѣе, нежели сколько требовала самая необходимость. Начиная отъ Базеля внизъ по Рейну до Кельна, я, хотя большею частію ѣхалъ, но тѣмъ не менѣе непрестанно поспѣшалъ далѣе, останавливался только очень на короткое время и находился въ непрестанномъ движеніи. Къ сему присовокуплялись разнаго рода заботы и безпокойствія, обыкновенно сопряженныя съ такимъ путешествіемъ, особенно для тѣхъ, кои имѣютъ ограниченныя средства и столь мало опытности, какъ я. Но чѣмъ ближе я былъ къ концу путешествія, тѣмъ болѣе успокоивалъ себя тою мыслью, что, пропустивши однажды надлежащее время писать къ Вамъ, лучше здѣлаю, естли отложу это до возвращенія моего въ Берлинъ. Наконецъ я исполняю сію обязанность, и хотя не могу не чувствовать, что исполняю слишкомъ поздно, впрочемъ не теряю надежды получить извиненіе отъ Вашей благоснисходительности.

Мы ожидаемъ со дня на день прибытія сюда Его Высокопревосходительства Михайла Михайловича Сперанскаго, на пути его изъ Карлсбада въ С.-Петербургъ, и отъ него только надѣемся узнать дальнѣйшія, касающіяся насъ распоряженія Начальства. Естли мы должны будемъ, по волѣ Начальства, возвратиться въ С.-Петербургъ, въ такомъ случаѣ надѣюсь, что Вы позволите мнѣ возобновить корреспонденцію съ Вами, что я по-

ставлю себѣ за особенную честь и удовольствіе, особенно [redacted] тому предмету, котораго Вы касались при личномъ моемъ съ В[redacted] ми свиданіи, для меня незабвенномъ. Въ семъ ожиданьи закл[redacted] чая мое письмо, честь имѣю пребыть съ истиннымъ къ Ва[redacted] — почитаніемъ и пр. Василій Знаменскій.

Берлинъ,
25/13 Августа 1832.

Д. И. Зубрицкій[1]).

1.

Hochwohlgeborner und Hochgeehrtester Herr!

Vergeben gütigst, dass ich dieselben mit meinem Schreiben belästige. Ich habe von Moskau zwei Packete mit Büchern erhalten, allein durch ein Irrthum des Hartenstein in Brody empfing ich, statt meines Packets in dem 12 Band des Сводъ Законовъ und 2 Bücher des Bischofs Инокентій sich befinden solten, ein fremdes Packet mit 10 Ex. zu 2 Band der Хрестоматіи von Галаховъ.

Hartenstein schreibt mir, dass dieses letztere Packet für Euer Hochwohlgeboren bestimmt war, und dass er irrigerweise das Meinige nach Prag geschickt habe. Ist seine Angabe richtig, so bitte ich Euer Hochwohlgeboren, meine Bücher an mich durch den Eilwagen gelangen zu wollen, und ich werde die Хрестоматію ungesäumt nach Prag auf diesem Wege befördern. Ich solte es sogleich machen, allein ich bin noch nicht recht überzeugt, ob nicht etwa diese Beirrung in der Moskauer Buchhandlung geschehen ist.

Vieleicht haben Euer Hochwohlgeboren ein anderes und nicht das für mich bestimmte Packet erhalten, vieleicht macht meine Gesetzsammlung, von der ich in einem Packet schon 4 Bande

---

[1]) О Зубрицкомъ см. Письма къ М. П. Погодину изъ слав. земель, III, 537—545. Некрологъ его—въ Вѣстн. югозап. и зап. Россіи, 1862. Часть переписки его издалъ К. Студиньскій: „З кореспонденції Дениса Зубрицького. (Рр. 1840—1853)". Оттискъ изъ Записокъ Наук. Тов. имени Шевченка, т. XLIII, Львовъ, 1901. Здѣсь напечатаны два письма Ганки къ Зубрицкому: 1) 8 ноября 1846 г., 2) 12/24 декабря 1852 г. и черновикъ письма Зубрицкаго отъ 27 дек. (8 янв.) 1853 г. Письма, помѣщенныя у насъ подъ № 1—8, сообщены были проф. Ю. И. Поливкой въ львовскомъ журналѣ Жите и Слово, II, 1895, книжка IV, Іюль—Августъ, стр. 82—89.

empfangen habe, eine Lustreise nach Irkutsk oder Tiflis, während die dahin bestimmte Хрестоматія bei mir ruhet. Diess unangenehme Ereigniss giebt mir wenigstens die längst erwünschte Gelegenheit, den berühmten und gelehrten Mann den ich stets obgleich unbekannt bewunderte, meiner tiefsten Hochachtung zu versichern, mit der ich verharre etc. Dionys Zubrycki.

Lemberg,
am 2 Hornung 1844.

2.

М. Г.! Сего дня получивъ Ваше почтенное письмо, сего дня имѣю честь отвѣтствовать.

У насъ въ Галиціи есть множество дворянскихъ семействъ, тяжущыхся въ Россіи какъ по наслѣдству, такъ по собственности и владѣнію; есть семейства, соединенныя родствомъ съ русскими подданными, есть даже лица, владѣющія помѣстями и въ Галиціи и въ Россіи. Что въ никакой другой провинціи нашой монархіи не встрѣчается.

По нерадѣнію и безпечности нашихъ адвокатовъ заниматься чужестраннымъ законовѣдствомъ, оставалось мнѣ кое какъ удовлетворить нуждамъ своихъ соотечественниковъ, но, основываясь лишь только на частныхъ сочиненіяхъ русскихъ законниковъ, послѣдовали необходимые промахи, что меня и принудило пожертвовать 30 руб. сер. на покупку полнаго свода законовъ. Я однесся въ Москву до г. Погодина, въ Варшаву и въ С.-Петербургъ съ своимъ требованіемъ и, одержавъ письмо отъ г-а Погодина въ сентябрѣ съ обеспеченіемъ въ высылкѣ желаемыхъ книгъ, опасаясь получить вмѣстѣ три екземпляра и издержать чувствительную для меня сумму 90 руб. сер., отказался въ Петербургъ и Варшаву въ своихъ прозбахъ.

Ссылаюсь на Вашъ безпристрастный и добросовѣстный судъ, кто зъ насъ обоихъ болѣе нуждается въ этомъ екземплярѣ законовъ? У Васъ достохвальная ревность въ изученіи русскаго законодательства и благородная пытливость, а у меня крайная необходимость ради пользы моихъ, совѣта моего ожидающыхъ, соотечественниковъ.

Я отпущаю Ваше письмо чрезъ почту до г-на Погодина. Онъ отнесется съ Вашимъ требованіемъ до г-а Министра Народнаго Просв., тотъ до Министра Іюстиціи, подъ коего вѣдомствомъ издавался Сводъ Законовъ, и Вы непремѣнно, безденеж-

но и прямо завладѣете желаемомъ екземпляромъ; но по сообра-женію всѣхъ обстоятельствъ и путевыхъ затрудненій не скорѣе какъ въ Іюнѣ или въ Іюлѣ, а я дряхлый старикъ до сего сро-ка, можетъ быть, не останусь въ живыхъ. По этомъ то поводу извольте на мое иждивеніе выслать въ Лембергъ мою благопріоб-рѣтенную собственность.

Г-нъ Шодуаръ самъ надежнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ въ дѣлахъ и оборотахъ денежныхъ; но въ литературныхъ нельзя на него совсѣмъ полагаться. Два уже года назадъ онъ взялъ отъ меня библію словацкую съ обѣщаніемъ выслать въ обмѣнъ словенскую; но я втуне ожидаю, и мнѣ даже стыдно напоминать ему объ этомъ.

Естьли Вы находите наслажденіе въ назидательномъ словѣ Преосвященнаго витія Инокентія, то пусть мои екземпляры останутся Вашею собственностію. У меня есть способность выписать другія и, можетъ быть, получить ихъ безденежно.

Уповаю, что Вы меня одолжите Вашимъ изданіемъ Королеводворской рукописи.

Немедля отправляю скоровозомъ на Ваше имя, какъ слѣдуетъ, тюкъ, содержащій хрестоматію, и имѣю честь съ совершеннымъ почитаніемъ быть и пр. Зубрицкій.

Львовъ,
21 февраля 1844.

3.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Простите благосклонно, что я замедлилъ съ отвѣтомъ на Ваше письмо отъ 6/18 Декабря. Тѣлесныя страданія препятствовали мнѣ въ этомъ пріятномъ занятіи.

Во первыхъ радуюсь о столь благополучномъ успѣхѣ Чешской Матицы. Да благословитъ и пособитъ васъ Всемогущій въ достохвальномъ тщаніи. Честь Вамъ, благородные отцы Славянской славы. Чехи прославились въ будущіе вѣки и создали себѣ нескрушимый памятникъ въ Славянскомъ мірѣ. Подвигайтесь на этомъ поприщѣ болѣе и болѣе!

Покорнѣйше прошу Васъ засвидѣтельствовать г-ну Шафарику мое искреннѣйшее почтеніе и молить его, чтобъ онъ пакетъ, для г. Надеждина назначенный, удержалъ еще у себѣ.

Николай Ивановичъ, если онъ *въ живыхъ*, долженъ непремѣнно посѣтить Прагу. Онъ не возвращался еще въ Россію.

Маршрутъ его былъ, послѣ путешествія въ Молдавіи, Сербіи и Кроаціи, черезъ Вѣну и Прагу. Но еслибы Вы удостовѣрились въ противномъ, или что ему дурнаго приключилось на пути, то еслибы случилась какая способность въ Москву, тогда можно бы выслать пакетъ подъ адресомъ Мих. Петр. Погодина.

Въ пакетѣ находится старопечатная книга для Погодина, а бумаги для Надеждина. Что касается Свода Законовъ, Вы правы, — я выслалъ былъ въ Москву 20 червонцевъ, но я, кромѣ Свода, получилъ и другія книги; а какъ Мих. Петровичь не охотникъ на расчеты, то я право не знаю точной цѣны Свода.

Вашъ экземпляръ сегодня я вручилъ книгопродавцу Яблонскому и прилагаю его росписку. Онъ, какъ обыкновенно торговый человѣкъ, желая удостовѣриться въ стойности книгъ, писалъ до Барона Шодуара въ Кіевъ о извѣщеніе себѣ цѣны и обязуется выдать Вамъ другія книги. Довольны ли Вы этимъ распоряженіемъ?

Пугайте и побѣждайте на славу Вашими козачками недруговъ нашего рода, да трепетаютъ предъ ихъ плѣтнями! Какая перемѣна! 1813 года восхищались козаками, а теперь ругаютъ ихъ. Но для меня это неудивительно—козаки и Русскіе имѣютъ три рода враговъ:

а) Непріятелей престоловъ, тишины и порядка.

б) Евреевъ крещенныхъ и некрещенныхъ и

в) Іезуитовъ. Вотъ какъ странный союзъ! Небудь Русскихъ и козаковъ, а Европа имѣла бы совсѣмъ другой, ужасный видъ для человѣчества.

Простите болтаніе старика и удостоивайте и впредь Вашей дружбы покорнѣйшаго слугу

Дениса Ивановича Зубрицкаго.

Львовъ,
10/22 Генваря 1846.

4.

Ваше Высокоблагородіе!

По порученію г-на Николая Аркадьевича Ригельмана зъ Чернигова посылаю десять гульд., какъ пособіе для Матицы Чешской, и прошу о расписочку въ полученіи.

Ваше письмецо дошло рукъ моихъ, и я предложилъ книгопродавцу Яблонскому покупку вашего свода законовъ. Онъ снабжаетъ частныя библіотеки книгами, есть въ торговыхъ сношеніяхъ съ

Петербургскими книгопродавцами, и у него находится желаемое Вами изданіе Карамзина, а прочія книги онъ безъ труда выпишетъ для Васъ. Черезъ г-а Шафарика здѣлалъ онъ Вамъ свои предложенія. Кромѣ его, нѣтъ у насъ надежнаго охотника на сего рода книги. Цѣна Свода мнѣ неизвѣстна.

Я знаю, что у Васъ недосугъ; но когда Вы отправите расписку на 10 гульд., здѣлайте милость увѣдомить меня, былъ ли въ Прагѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ г-нъ Надеждинъ? Я выслалъ на имя его, подъ адрессою г-на Шафарика, пакетъ съ книгами и бумагами и не получилъ доселѣ никакаго отвѣта.

За обѣщанное Сазавское Евангеліе свидѣтельствуя искреннѣйшую благодарность, остаюсь съ отмѣннымъ почитаніемъ и пр.

Денисъ Ивановичъ Зубрицкій.

Отъ куда ка получили Вы ретивыхъ молодцевъ на Вашей печати? Завидую Вамъ.

Б.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Евангеліе Сазаво-Емауское и Начала нашего Священнаго языка получилъ я и изъявляю Вамъ самую сердечною благодарность. Вы здѣлали мнѣ Вашимъ подаркомъ неизреченное удовольствіе. Трудъ Вашъ переходитъ всѣ мои надежды и ожиданія, Вы исполнили это на дѣлѣ, въ чемъ я подстрекалъ Погодина; то есть заняться сравнительнымъ изданіемъ вмѣстѣ Реймскаго и Остромирова Евангелія, убѣдившись на первой страницѣ Реймскаго, что онѣ обѣ различнаго происхожденія.

Для меня Вашъ трудъ въ особенности пріятный, Вы напечатали кирилицею глаголическій текстъ и привели меня въ возможность познакомиться съ содержаніемъ Еммаусскаго кодекса, ибо мнѣ уже не время обучаться столь вычуроватой азбукѣ, какъ глаголическая. Честь и благодареніе Вамъ отъ всѣхъ истинныхъ Славянъ.

Начала Свящ. Языка я бѣгло прочиталъ, бывъ принуженъ ссудить своимъ экземпляромъ нашихъ Русскихъ Прелатовъ. Они изумляются Вашимъ трудомъ. Вы здѣлали почти невозможное, умѣстивъ на двохъ листахъ то, что бы другому стоило подести бумаги: а все таки ясно, точно, основательно. Начала Ваши должны зъ успѣхомъ расходиться въ Галиціи. Духовенство наш будетъ о нихъ извѣщено, а кригопродавцу Яблонскому совѣт валъ я, чтобъ онъ выписалъ отъ Васъ въ продажу отвѣтстве

ное количество какъ Евангелія, такъ и Началъ. Вы сомнѣваетесь, боязнь ли, или зависть заставила друзей Вашихъ оказаться равнодушными на Вашъ прекрасный трудъ; а я думаю, что болѣе другое, какъ первое; хотя впрочемъ—sub rosa—мнѣ кажется—и я основываюсь на нѣкоторыхъ словахъ полученнаго мною его письма,—что г-нъ Ш. пустится по слѣдамъ Копитара, но его, какъ Протестанта, не украситъ его Святѣйшество своимъ орденомъ.

У меня была очень странная переписка зъ возвратившимся зъ Рима Копитаромъ. Настаивалъ онъ на меня, чтобъ я уговорилъ нашего митрополита или епископа на путешествіе въ Римъ и отправился зъ ними туда. Онъ удостовѣрялъ насъ въ хорошемъ пріемѣ, требовалъ, дабы мы здѣсь дѣйствовали на духовенство за россійскими рубежами и пр. Но я ему тонко доказалъ нелѣпость предпріятія и за нанесенныя Мацеевскому обиды въ Hesychii Glossographi порядочно въ Познанскомъ Журналѣ перечесалъ, обличая мнимаго—Veriorem Successorem Dobrovii,—что онъ не твердъ въ Славянскомъ языкѣ. Подлинныя его письма и мои отвѣты хранятся у меня. Лѣтъ 12 тому назадъ занимался я критическимъ обозрѣніемъ Польской Исторіи въ отношеніи къ Галицкой земли, и какъ обстоятельства неблагопріятствовали изданію его въ нашемъ краѣ, то я передалъ отрывокъ Погодину для архива Москов. Историческаго общества.

Мих. Петровичь писалъ мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ, что г. Бодянскій перевелъ этотъ отрывокъ по русски и издалъ вмѣстѣ зъ своимъ предисловіемъ. Я не получилъ и не читалъ этаго перевода, совсѣмъ забылъ содержаніе своего маранія и огорчился бы, естьли г. Бодянскій измѣнилъ кое-что въ моихъ мыслякъ или въ предисловіи далъ имъ противный толкъ.

Вы пишете, что согласуетесь зъ нѣкоторыми моими думами, а согласіе столь глубоко мыслящаго ученаго очень лестнымъ для меня.

Исторія Польски доселѣ несуществуетъ и едва явится когда либо. Поляки пылкіе, пристрастные, и нельзя на нихъ полагаться.

Зъ высокимъ почитаніемъ и пр.

Денисъ Ивановичь Зубрицкій.

Есть ли у Васъ 1-ый Томъ Памятниковъ, изданныхъ въ Кіевѣ 1845 г. временною Коммиссіею? Если нѣтъ, то извольте написать, я, кромѣ екземпляра, который прежде получилъ, ожидаю еще ежедневно отъ г-а Барона Шодуара нѣсколько, для меня Коммиссіею назначенныхъ.

Львовъ,
10/22 февраля 1846.

6.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Получивъ Ваше почтенное письмо чрезъ г-а Гауснера, имѣю честь отвѣтствовать.

У насъ въ Библіотекѣ монастыря С-го Онуфрія есть двое жизнеописаній блаженнаго Кирилла. Первое, древнѣйшее, кажется, 15 или 16 столѣтія, сербской фамиліи, безъ конца, второе—полное, 17 вѣка, принадлежитъ къ славянорусскому разряду.

Лѣтъ нѣсколько назадъ выслалъ я списокъ послѣдняго покойному Копитару, и онъ намѣривался издать этую Хиландерскую рукопись съ собственными примѣчаніями, но намѣреніе его не сбылось. Вѣроятно, получилъ и Московскій сочинитель списокъ изъ Львова предреченной Рукописи, приведеныя имъ слова сходствуютъ съ нашимъ подлинникомъ. *Но житія С-го Меѳодія у насъ нѣтъ.* Въ мѣсяцѣ сентябрѣ вышлю я Вамъ справочну копію первой рукописи, она уже списана, и я теперь занимаюсь строгою справкою оной. Конецъ пополню изъ второй, а варіанты помѣщу подъ чертою. Постараюсь и о снимки съ одной и съ другой, а такъ Вы, Милостивый Государь, можете потрудиться и составить что то дѣлнѣе Вашихъ предшественниковъ на столь важномъ поприщѣ.

Поздравляю Васъ съ дипломомъ на почетнаго члена Императорскаго общества Исторіи въ Москвѣ, но у Васъ столько уже дипломовъ, что Вамъ надо составить нарочный каталогъ самыхъ дипломовъ.

Милость Императора была для меня нечаянна, я объ ей никогда и не мечталъ и поэтому я ее принялъ съ величайшею благодарностію и радостію. Д. Зубрицкій.

Львовъ,
18 Августа 1846.

7.

М. Г.! Вотъ Вамъ желаемый списокъ! Въ библіотекѣ у С. Онуфрія есть двоѣ жизнеописаній С. Кирила, какъ я Вамъ уже доносилъ, первое—древнѣйшее, сербское, безъ конца, и другое—полное, Русское.

Мы галицкіе Русснны—странные человѣки, обучаемъся всѣмъ языкамъ, а на собственномъ писать намъ невозможно.

Я воспользовался копіею, списанною для Архива Капитулы

Уніатской, обѣщавъ списать послѣ собственноручно другую копію для Архива, и посылаю Вамъ.

Во первыхъ, сравнивалъ я списокъ съ первой Рукописи съ подлинникомъ и исправилъ ошибки переписчика красными чернилами; послѣ, сравнивалъ я списокъ съ древнѣйшаго сербскаго подлинника съ позднѣйшымъ Русскимъ и отмѣтилъ варіанты подъ чертою синими чернилами, напослѣдокъ, списалъ продолженіе съ Русскаго экземпляра съ возможною точностію. Употребляйте, какъ Вамъ угодно. Жалѣю, что я не въ состояніи снабдить Васъ житіемъ С. Меѳодія.

Сочинитель статьи въ Москвитянинѣ очевидно воспользовался спискомъ съ Львовскаго кодекса, но списокъ его не совсѣмъ справный. Двѣ снимки слѣдуютъ. Зубрицкій.

Львовъ,
4-го Сентября по н. ст. 1846.

8.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Поздравляю Васъ съ милостію Государя Императора Всероссійскаго. Я чрезмѣрно радовался, читая въ Вѣнской газетѣ о новой для Васъ почести, которую Вы за ваши труды въ полной мѣрѣ заслужили.

Вы меня очень одолжили вашимъ портретомъ, я съ наслажденіемъ всмотриваюсь въ умное чистосердечное Славянское лице. Вашъ портретъ вмѣстѣ съ портретомъ незабвеннаго Добровскаго украшаетъ мой скудный кабинетъ. Милостивый Государь! У меня есть прозьба до Васъ. Клеветы и язвительныя нападанія Нѣмецкихъ писаковъ на Русскій народъ и Правительство надоѣли мнѣ до крайности. Я рѣшился не уже бороться съ ими, у меня нѣтъ силъ на этотъ подвигъ; но по крайной мѣрѣ противоставить Нѣмецкимъ читателямъ, безъ всякаго притязанія на краснорѣчивыя украшенія, картины съ Русской жизни, основанныя на законахъ государства. Русскіе ученые, пренебрегая нелѣпости этой толпы, молчатъ, но иногда и молчаніе можетъ быть вреднымъ, ибо противоположное мнѣніе усиливается въ народѣ.

Во первыхъ списалъ я приложенную статью о Русскихъ поселянахъ и имѣю честь выслать ею до Васъ, какъ до единственаго представителя Русскихъ Литературныхъ отношеній въ западной Европѣ и защитника Русской славы и чести.

Усердно прошу Васъ разсудить мое мараніе строго, безъ малѣйшаго снисхожденія, не опасайтесь оскорбить мое литерацкое честолюбіе, я уже надъ гробомъ, чуждъ всякаго тщеславія; а естьли найдете мой трудъ достойнымъ вниманія, передайте въ Прагѣ или куда за благо разсудите въ какой либо Нѣмецкій журналъ. Я не имѣю никакихъ сношеній съ редакторами, но Вы извѣстное почетное лице въ ученомъ свѣтѣ и на вѣрно находитесь въ сообщеніяхъ со всѣми Нѣмецкими журналами.

Еслибы Вы по какимъ либо поводамъ убѣдились въ маловажности моей статьи, или что этотъ предметъ уже есть довольно извѣстный Нѣмцамъ, то прошу Васъ выслать мою тетрадь обратно. Пусть читаютъ ею наши Руссины въ рукописи.

Извините! Извините мою навязчивость—но къ кому же мнѣ отнестись?

Еще разъ обращаюсь до своей тетради. Вы конечно откроете въ ней ортографическія а можетъ быть и синтактическія погрѣшности, но стало быть, я сталъ лѣнивъ, что не въ силахъ вторично читать, пилить и обработывать разъ списанное. Ортографическія ошибки пусть исправитъ корректоръ, онъ лучше знаетъ должно ли быть *ö* или *u*, нужна ли буква h, или нѣтъ.

Ожидая съ нетерпѣніемъ Вашего приговора, имѣю честь писаться и пр. Зубрицкій.

Львовъ,
8/20 Ноября 1846.

9.

М. Г.! За полученное мною Ваше разсужденіе о трудахъ Г-на Миклосича покорно благодарю, но несравненно болѣе и болѣе за намекъ о Сводѣ Законовъ. Этимъ намекомъ Вы спасаете душу мою отъ грѣха въ присвоеніи себѣ чужой собственности. Вотъ послушайте!

Въ прошедшее смутное время потерпѣлъ я много, очень много. Меня преимущественно нарицали здѣсь Ляхи Анархисты Москальомъ. Въ самое свѣтлое воскресеніе 1848 явилось нѣсколько безначальниковъ передъ моимъ домикомъ и угрожали мнѣ, стоящему у открытаго окна съ дѣтьми, висѣлицею! Дочь моя большая, услышавъ этѣ угрозы, стала быть внѣ себя, занемогла и, грезя объ опасности, отцу предстоящей, едва послѣ нѣсколькихъ недѣль оправилась. Прошло 7 мѣсяцевъ въ большимъ или меньшимъ гоненіи, хотя я и избѣгалъ всякаго сообще-

нія, видѣвъ страданія заточеннаго Жировича, Стробля и другихъ,—прошло 7 мѣсяцевъ въ утомительномъ страхѣ, и наконецъ послѣдовалъ 1 и 2 Ноября. Въ 10 часѣ ночи возсталъ уже открытый мятежъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моего дома начали строить три барикады. Спасая жизнь, не оставалось другаго средства, какъ бѣжать изъ дома, и я въ сей часъ, чтобы не быть захваченнымъ въ средоточіе мятежа, препоручивъ Всемогущему и слугѣ домикъ со всѣмъ имуществомъ, оставилъ его и въ одномъ только платьѣ съ обѣими дочками, миновавъ благополучно возникающія барикады, скитался цѣлую ноябрскую ночь между барикадами и противстоящымъ вооруженнымъ войскомъ и едва по утру пропущенъ начальникомъ отряда до нашей церкви, гдѣ обитаетъ одинъ другъ мой, у коего я съ дѣтьми нашолъ убѣжище. Что послѣдовало 2-го Ноября, то уже Вамъ изъ публичныхъ Вѣдомостей извѣстно. Львовъ пылалъ, Университетъ, съ окружающими его домами на 60 саженей отъ моего, палъ жертвою безразсудка гнусной партіи. Мой домикъ остался, кровлю тѳлько, окна и нѣчто рухляди повреждено, 4 брандракеты подъ кровлею остались мнѣ яко памятникъ; все таки я въ этой нещастной революціи потерялъ слишкомъ двѣ тысячи гульденовъ.

Но не въ томъ дѣло! Ужасное потрясеніе, скорбь, боязнь о судьбу дѣтей, столь сильно подѣйствовали на душевныя силы 73-лѣтняго старца, что я совсѣмъ лишился памяти; прошедшія передъ возстаніемъ событія, какъ сонныя грезы только и то неполныя нѣкогда являлись въ моимъ воспоминаніи.

Въ нѣкоторое время послѣ бомбардированія, возстановляя порядокъ въ своей библіотекѣ, ибо и тамъ попалась была слѣпая ракета и трѣснувъ повредила что-нибудь, замѣтилъ я, кромѣ своего новопереплетеннаго свода, и другой экземпляръ, именно Вашъ и не могъ никакъ воспомянуть, какъ, отъ кого и когда я его получилъ; думалъ и гадалъ и наконецъ заключилъ, что одинъ экземпляръ есть отъ Погодина, а другій долженъ быть даръ Археографической Коммиссіи, но чтобъ онъ Вамъ предналежалъ и въ голову не пришло.

Въ концѣ 1848 или въ началѣ 1849 года посѣтилъ меня Г-нъ Хованецъ, юристъ, живущій въ Бродахъ и имѣющій дѣла въ Россіи, для посовѣтованія въ какой-то тяжбѣ, ибо онъ зналъ, что у меня есть Русскіе законы. Мы толковали о Русскомъ судопроизводствѣ, и онъ, увидѣвъ у меня два свода, пожелалъ пріобрѣсти одинъ; я, не нуждаясь въ двухъ экземплярахъ, согласился и продалъ ему его за 20 гульденовъ, какъ свою соб-

ственность. И тутъ не пришло мнѣ на память, что онъ Вамъ принадлежитъ; только когда я Вашъ послѣдній намекъ получилъ, пришло мнѣ все прошедшее въ память, и то, что онъ есть Ваша собственность и что онъ былъ препорученъ Яблонскому, и что я его коротко предъ Революціею отъ него взялъ, одно только остается загадочнымъ, по какой причинѣ обрѣтался онъ во Львовѣ. Естли бы Вы не напомянули, остала бы ся была Ваша собственность на моей совѣсти. Что дѣло такъ есть, какъ я изъяснилъ, клянусь Вамъ словомъ честнаго человѣка и клятвою православнаго надъ гробомъ стоящаго Христіанина.

Я высылаю сегодня 20 Гульденовъ на Ваше имя. Какъ привожу въ память, нельзя было больше за его требовать. Одинъ томъ былъ поврежденъ: не знаю въ пересылкѣ ли, у Яблонскаго, или у меня во время бомбардированія.

Что касается до моей особы, то я теперь нѣсколько бодрѣе, какъ во время опасности, и по привычкѣ занимаюсь мелкими науковыми трудами, но памяти уже нѣтъ, а безъ памяти трудно успѣвать.

Остаюсь и пр. Зубрицкій.

Львовъ,
31 Іюля 1850 г.

10.

Ваше Высокоблагородіе!

Между хорошими сочиненіями Вашей Библіотеки на всякій случай есть и дрянь; ради умноженія послѣдней пріимите благосклонно первую и вторую часть Галичской Исторіи, а приложенный вторый экземпляръ извольте передать въ Библіотеку Кор. Общества.

Кромѣ маловажности содержанія, есть тьма погрѣшностей. Трудившійся исправленіемъ другъ мой Профессоръ Я. Головацкій занятъ по должности, а я слѣпъ.

Вы знаете, что нѣтъ человѣка безъ корыстолюбія, и по этой причинѣ покорно Васъ прошу, если есть у Васъ излишній экземпляръ Вашего *Начала Русскаго Языка*, выслать мнѣ его. Вы уже подарили мнѣ одинъ, но его взялъ кто-то Рутенскій Лжеученый. Онъ и самъ ничего не обучился, и моя книга пропала.

Съ высокимъ почитаніемъ и пр. Зубрицкій.

Львовъ,
10 Октября 1852 г.

11.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Подарокъ Вашъ въ книгахъ получилъ я и, изъявляя Вамъ покорнѣйшую благодарность, удивляюсь Вашему трудолюбію и неутомимой дѣятельности, съ которой Вы занимаетесь изданіемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ Славянской древности. Я умѣю оцѣнить Вашъ трудъ въ переставленіи Остромирова Евангелія, въ исправленіи, сравненіи и корректурѣ столь древняго, отъ настоящей правописи и выговора отличающагося текста. Вы только съ своей неистощимой терпѣливостію и глубокимъ знаніемъ кореннаго древнеславянскаго языка были въ состояніи предпринять этотъ трудъ,—я, я бы никогда не успѣлъ! Вы одобряете употребленный мною въ Галичской Исторіи языкъ. Я писалъ по Русски; ибо какъ Нѣмецкій, такъ и Русскій одинъ только есть литературный языкъ. Какъ Нѣмцы въ Штрасбургѣ, въ Дорпатѣ, въ Зурихѣ и Гамбургѣ на одномъ только пишутъ нарѣчіи и разумѣютъ другъ друга, такъ и Русскіе должны писать на одномъ только, твердо уже основанномъ и изящно обработанномъ, діалектѣ. Не моя вина, что мои соотчичы по большой части не разумѣютъ его еще теперь. Я имъ сказалъ горькую истину на 141 странѣ I-ой и въ 13 примѣчаніи II-ой части своей Исторіи. Я списалъ уже и большую часть III тома, содержающую господствованіе Романа и Даніила. Она уже теперь объемомъ своимъ равняется обѣимъ первымъ частямъ и есть, такъ сказать, уже исключительно Галичская Исторія. Но что же станется съ ею? Нѣтъ средствъ издать ее. Ставропигіанскій Институтъ неразсудствомъ своихъ управителей нажилъ себѣ долговъ, самому Прагскому купцу Гассе нѣсколько тысящъ гульденовъ. Доходы его опишутъ въ секвестръ, слѣдовательно — ему невозможно жертвовать на изданіе книгъ. Я старъ, и мнѣ уже никакъ печатать на собственное иждивеніе. Не остается, какъ только отправить манускриптъ въ Москву, въ архивъ общества Исторіи и древностей, чтобъ его здѣсь не употребило потомство на обвертки въ табачной лавкѣ. Въ расчетѣ съ Институтомъ принялъ я на свою долю сотню экз. Мнѣ не хочется мѣшать Институту здѣсь въ продажѣ его экземпляровъ, и покорнѣйше Васъ прошу посовѣтовать мнѣ, не принялъ бы какой-либо Прагскій книгопродавецъ нѣсколько экз. въ коммиссію за обыкновенный рабатъ? Впрочемъ, желая Вамъ всякаго благополучія въ новомъ году, остаюсь и пр. Денисъ.

Львовъ,
27 Декабря 1852/8 Января 1853.

12.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Имѣю честь выслать въ Вашу собственную библіотеку тре тью часть Галичской Исторіи, стоившую меня много, много тру да, заботъ, хлопотъ и даже издержекъ. Едва не получилъ ча хотки отъ напряженія, окончивъ насилу извѣстный періодъ, опровергнулъ ложные толки, какъ Энгеля, Гоппе и Гебгарди такъ и Польскихъ, а даже и Русскихъ писателей перваго ранга Теперь будущій Историкъ имѣетъ чистъ путь, онъ можетъ раз сказывать по своему манеру, не нуждаясь бороться съ ложны ми писателями. Но какая же польза для сочинителя? Никакая Ставропигіанское заведеніе, напечатавши своимъ иждивеніемъ не въ состояніи вознаградить меня. Я принужденъ былъ, вмѣ сто ничтожнаго наличнаго возмездія, принять церковныя книг и сотню экз. собственнаго труда. Милостивый Государь, невоз можно ли въ Прагѣ продать нѣсколько экземпл.? Нѣтъ ли там книгопродавца, который бы купилъ? У насъ продается полно сочиненіе изъ 3 частей по 8 гульденовъ; я охотно уступлю 2 и болѣе проценту за наличныя деньги.

Будьте милостивые, подумайте, посовѣтуйте и извольте ес ли возможно пособствовать Вашему Зубрицкому.

Львовъ,
20 февраля 1855 г.

13.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Пользуясь Вашей благосклонностію, отправляю три полны экземп. и одну третью часть своей Исторіи для Вашихъ знако мыхъ. Очень радъ, что ихъ Вашимъ пособіемъ продамъ. Мы нуждаемся въ денгахъ. Отъ излишества войскъ и пронырств жидовъ, которые, завладѣвъ всѣми съѣстными припасами, завел монополію на хлѣбъ и всѣ потребности жизненныя (а жидов у насъ тма и имъ все вольно), дороговизна необыкновенная, не слыханная.

Со времени, какъ я имѣлъ честь писать къ Вамъ, продал я кое-что изъ церковныхъ книгъ чрезъ книгопродавца Милли ковскаго въ Парижѣ, гдѣ учреждилась уніатская церковь, остал ныя же отправилъ посредствомъ удобнаго, не стоившаго издер жекъ за провозъ случая въ Эперіесъ (Пряшовъ) къ другу сво му крилошанину Духновичу. Въ Венгріи нѣтъ типографіи цер ковно-славянской, и надѣюсь, что онъ ихъ тамо безъ трудност можетъ продать. Если въ Вашей библіотекѣ нѣтъ Литургіаріон

Св. Іоанна, то я охотно безъ всякаго замѣна вышлю къ Вамъ печатанный въ 1842 году, пусть бы только былъ какой случай, ибо не стоитъ почтовыхъ издержекъ за такую бездѣлицу, также вышлю Мартирологіонъ 1793 года, а можетъ быть еще что-то случиться.

Первый листъ упомянутаго мною въ III части Исторіи стр. 261 сочиненія подъ титуломъ „Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ на латинскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями" печатается уже, и тѣмъ окончатся науковыя занятія Вашего слуги. Естьли Ваша земля для Васъ „матчиха", то уже наша лютая тиранка. Вамъ наше состояніе неизвѣстно,—кромѣ придирокъ отъ чужіихъ, есть болѣе чувствительныя огорченія отъ собственныхъ. У насъ духовенство считается единственною и почти исключительной интелигенціей. Но большинство его даже и вышшаго состоитъ изъ невѣждъ, подлецовъ и ничтожныхъ, нравственно испорченныхъ лицъ. Они ссорятся между собой, клеветаютъ и наводятъ подозрѣніе другъ на друга, а чужіе смѣются, презираютъ ихъ, пользуются однакожъ ихъ подлостію. Вотъ Вамъ одинъ примѣръ, а такихъ есть пропасть. По вызову Министерства, нѣкто честный и талантливый священникъ Малиновскій перевелъ изъ нѣмец. на рус. языкъ Катехисисъ для гимназіи и употребилъ слова „*благодать, время, кротость, истина, смиреніе*", и другія отъ искони употребленныя не только въ церков. книгахъ, но и въ ежедневныхъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, которыя всякій Русинъ долженъ читать,—и обѣ консисторіи приговорили, что эти слова есть „*Московскія*", названіе—*Катехизисъ* даже схизматическое, ибо должно быть—Катехизмъ, а они вѣрные Уніаты. Думаете, что это есть религіозная ревность. Отнюдь не. Они невѣжды, богопрезрители, не молятся никогда, и если бы имъ принесло пользу—завтра дали бы обрѣзаться. Они только, пользуясь настоящими политическими обстоятельствами, желаютъ навлечь на себя вниманіе правительства и если можно получить крестикъ, или какую либо другую милость и пр. и пр.

Одинъ негодяй донесъ даже на своего епископа, что онъ имѣетъ склонность къ схизмѣ и получилъ крестецъ, но есть и епископъ не лучшій сего негодяя. Sed haec omnia sub rosa.

Извините и мою болтливость и мою навязчивость, что я дерзаю хлопотать Васъ своимъ дѣломъ, и извольте и впредь удостоивать Вашего благорасположенія Вашего Дениса.

Львовъ,
7/19 Марта 1855.

14.

Ваше Высокоблагородіе, М. Г.!

Свидѣтельствуя сердечную благодарность за полученныя мною въ Апрѣлѣ деньги, имѣю честь препроводить въ Вашу библіотеку „Анонима Гнезненскаго и Іоанна Длугоша", послѣдній мой трудъ, которымъ прекращаю поприще историческихъ упражненій. Хотѣлось, хотѣлось еще изъяснить самый занимательный эпизодъ изъ Руско-Польской Исторіи, именно: о происхожденіи, нравахъ, войнахъ и дѣйствіяхъ Казаковъ. Кучу нелѣпостей списали польскіе, тму русскіе писатели. Пропасть матеріала на обоихъ языкахъ. Сотни сочиненій, памятниковъ, грамотъ и пр., но надо прилежной, неутомимой, безпристрастной обработки; а я ужъ дряхлъ, слѣпъ, утомленъ, а впрочемъ какая польза писать? Какое воздаяніе за трудъ?

Итакъ, бросая перо навсегда, прощаюсь, можетъ быть, и съ Вами навсегда, мною высокопочитаемый, хотя лично незнаемый другъ, и пишусь и пр.

Денисъ Ивановичь Зубрицкій.

Церковныя книги отправлю непремѣнно слѣдующаго мѣсяца, въ прошедшія недѣли я былъ весьма занятъ.

Львовъ,
28 Мая 1855 г.

Н. Д. Иванишевъ [1]).

1.

Вячеславъ Вячеславичь!

Посылаю Вамъ поклонъ отъ себя и отъ библіотекаря Дворжака [2]), который принялъ меня съ большою радостію, отвелъ

[1]) Николай Дмитріевичъ Иванишевъ (р. 1811, † 1874), проф. Кіевскаго унив., юристъ и историкъ. О немъ А. Романовичъ-Славатинскій, Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, Древняя и Нов. Россія, 1876, I, II; ср. В. А. Францевъ, Очерки по ист. чешск. возр., 237—248. Въ альбомѣ Ганки въ 1838 г. Иванишевъ написалъ: „Никогда не забуду своего добраго наставника и его уроковъ. Какъ я любилъ его въ прекрасной, привѣтливой Прагѣ, такъ и на великолѣпныхъ берегахъ Невы буду любить вѣчною любовію".

[2]) Іос. Дворжакъ (р. 1796, † 1874), архиваріусъ и библіотекарь библіотеки кн. Лобковица въ Роудницѣ.

ь замкѣ комнату, предложилъ свой обѣдъ и трактуетъ меня
› приличнымъ моему сану уваженіемъ. Ему очень было бы
›іятно видѣть также и Васъ въ своемъ замкѣ, но Вы найдете
ыло предметовъ для ученаго изслѣдованія. Нашлось около де-
тти юридическихъ рукописей, которыми я теперь занимаюсь,
ікъ старыми знакомыми, не встрѣчая никакихъ трудностей.
имѣчательны двѣ рукописи Викторина изъ Вшегордъ, отлич-
ія рукопись книги Товачовской и еще отличнѣйшая горныхъ
›авъ Вячеслава. Обо всемъ я дамъ Вамъ подробный отчетъ.
и одного нѣтъ экземпляра ни права Розенбергскаго, ни Řad
mského práwa, ни Андрея изъ Дубе,—это мнѣ кажется очень
раннымъ.

Святые отцы, иже во Раудницѣ, кланяются пану Ректору
благодарятъ за то, что онъ показалъ имъ человѣка изъ Свя-
›й Руси. Они смотрѣли на меня, какъ на чудо. Если вы не
›іѣдете, то я на слѣдующей недѣлѣ возвращусь въ Прагу. Вашъ
ѣрный ученикъ, покорнѣйшій слуга Н. Иванишевъ.

Pánu Hankowi, Библіотекарю, Кавалеру и прочее. Въ Прагѣ.

2.

Вячеславъ Вячеславичь!

Первое мое слово къ Вамъ изъ чужбины пусть будетъ бла-
›дарность за ваши старанія обо мнѣ и за вашу добрую душу.
сли вы меня такъ же будете любить всегда, какъ любили въ
Прагѣ, то изъ этого можетъ выйти что нибудь хорошее.

Извините, если я не часто буду писать къ Вамъ изъ Берли-
а. Я нашелъ здѣсь работы гораздо болѣе, нежели сколько ожи-
алъ. Въ извѣстномъ Вамъ кодексѣ Статута Литовскаго я на-
шелъ небольшое уложеніе о судоустройствѣ въ Литвѣ, получив-
шее законную силу 1581 года, на бѣлорусскомъ языкѣ, всего 6
истовъ. Я переписываю этотъ памятникъ, и потомъ напечата-
мъ въ нашемъ собраніи. Другой кодексъ около 400 листовъ со-
ержитъ акты суда изъ 17-го вѣка, тоже на бѣлорусскомъ язы-
ѣ, русскимъ курсивомъ, весьма оригинальнымъ и нечеткимъ.
то то же для Литовскаго права, что судебныя dski для Чеш-
каго, и особенно могли бы служить къ объясненію Статута Ли-
овскаго. Другихъ рукописей я не успѣлъ еще разсмотрѣть, за-
ѣчу только, что между ними одна есть Чешская—Variae visio-
es изъ 17-го вѣка.

Свидѣтельствую почтеніе Вашей супругѣ и всѣмъ Пража-

намъ. Сдѣлайте милость, велите переписать книгу Товачовску Раудницкому писарю Юранеку. Если будете въ старомъ городѣ, то зайдите къ Кронбергеру .и спросите, гдѣ мои книги пристанутъ въ Берлинѣ. Я ихъ до сихъ поръ не получалъ. Если Касторскій или кто нибудь другой будетъ спрашивать обо мнѣ, то говорите: „lässt sie grüssen", онъ занятъ и поэтому не пишетъ къ Вамъ пр. и пр.

Преданный Вамъ покорный слуга Н. Иванишевъ.

Берлинъ,
Іюня 20 дня 1838 года.

3.

Вячеславъ Вячеславичь!

Я давно ожидаю отъ Васъ письма, но теперь начинаю догадываться, что я по ошибкѣ не написалъ Вамъ своего адреса. Пишите: *Dem Russisch. Doctor Iwanischeff. Dorotheenstrasse, № 12.*

Приложенную при семъ записочку отошлите Г-ну Шафарику, прошу также сообщить мой адресъ Г-ну Іордану, чтобъ онъ могъ прислать мнѣ обѣщанныя книги.

Не понимаю, почему я не получаю доселѣ книгъ, посланныхъ Кронбергеромъ. Онѣ мнѣ очень нужны.

Послѣ пражскихъ ученыхъ нѣмецкіе профессоры кажутся мнѣ отвратительными.

Вашъ покорный слуга Н. Иванишевъ.

4.

Вячеславъ Вячеславичь!

Мнѣ очень пріятно было получить отъ Васъ письмо, и не одно, а два разомъ: потому что первое Ваше письмо и книги лежали доселѣ у Митлера, а я искалъ ихъ у Дунклера. Теперь я все получилъ сполна и тотъ же часъ началъ отыскивать портретъ или медаль Наслѣдника. Но ни того, ни другого я найти не могъ. У Эйхлера есть медаль, но сдѣланная за пять лѣтъ назадъ, когда Наслѣдникъ имѣлъ еще дѣтское лицо. Я могу прислать Вамъ, если угодно, только дайте совѣтъ, какимъ образомъ удобнѣе это сдѣлать, чтобъ гипсовый оттискъ не испортился.

Деньги я Вамъ пришлю черезъ 10 или 12 дней, какъ для книгопродавца, такъ и для переписчиковъ.

Капитанъ Ольбергъ посылаетъ Вамъ поклонъ и свидѣтельствуетъ почтеніе. Онъ проситъ Васъ объ одномъ весьма щекотливомъ дѣлѣ. Въ Litteratur Zeitung 1837. № 45. bei Dunkler in Berlin обругали его обозрѣніе Славянскихъ литературъ. Ольбергу было бы весьма пріятно, еслибы Вы написали небольшую реценэію этой книги и побранили рецензента, если Вы убѣждены въ достоинствѣ книги. Онъ считаетъ Васъ старостою въ Литературахъ Славянскихъ и поэтому проситъ Вашей защиты. Если Вамъ угодно будетъ исполнить его прошеніе, то, подписавъ подъ рецензіею Ваше полное имя, пришлите ко мнѣ, а мы уже постараемся сообщить въ Нѣмецкіе журналы.

Мои занятія идутъ очень хорошо. Между прочимъ есть здѣсь небольшой лексикончикъ, который въ каталогѣ названъ slavicum, но, сколько я могу судить, долженъ быть названъ бѣлорусскимъ. Онъ меня теперь очень занимаетъ. Я намѣренъ описаніе всѣхъ этихъ книгъ напечатать въ Журналѣ Министерства Н. Просвѣщенія. Литовскій Статутъ я скоро кончу, множество выписалъ для себя словъ и нашелъ довольно значительныя заимствованія изъ права Чешскаго.

Свидѣтельствую свое почтеніе всѣмъ знакомымъ вмѣстѣ.

Остаюсь преданный Вамъ Н. Иванишевъ.

Іюля 11-го дня 1838-го года.

5.

Вячеславъ Вячеславичь!

Цѣлую Васъ заочно и желаю здравствовать. Вотъ Вамъ 62 талера. При моемъ отъѣздѣ изъ Праги они стоили бы около 90 гульденовъ mün. Изъ этой суммы Кронбергеру 35 гул. и 58 кр. за присланныя уже книги. А для тѣхъ, которыя заказаны и непересланы, отложите 15 гульд. и велите прислать все, что у него есть въ наличности. Если 15 гульденовъ мало для этого, то я пришлю еще. Я бы желалъ, чтобъ Кронбергеръ переслалъ мнѣ эти книги немедленно и такимъ же путемъ, какъ и первыя. Прошу также присоединить тѣ книги, которыя у Васъ находятся. 10 гульд. mün. Кербцу, Юранеку, я думаю, тоже около 10 гульденовъ. Остальныя удержите у себя частію за Раковецкаго книгу, частію для кореспонденціи, или купите какихъ-нибудь правъ Чешскихъ, или сдѣлайте съ ними, что Вамъ будетъ угодно. Весьма будетъ пріятно, если пошлете также письма, которыя мы написали для Сперанскаго и Греча; важно было бы также, еслибы

Вы на досугѣ написали нѣсколько строчекъ къ Г. Кöппену, рекомендовали меня, какъ Слависта, и просили о облегченіи дороги въ Архивамъ. Онъ человѣкъ въ силѣ.

Разсмотрѣніе рукописей въ Королевской Библіотекѣ я кончилъ и теперь начинаю подумывать о дорогѣ. Преданный Вамъ навсегда, покорный слуга Н. Иванишевъ.

Берлинъ,
Іюля 18-го.

6.

Вячеславъ Вячеславичь!

Имѣю честь рекомендовать Вамъ моего добраго пріятеля и прошу оказать ему частицу той благосклонности, съ какою Вы принимаете всякаго Русскаго. Онъ главнымъ образомъ занимается исторіею медицины, и поэтому нехудо будетъ внушить ему мысль о важности и достоинствѣ Чешскихъ старыхъ ученыхъ въ этой наукѣ. Онъ доставитъ Вамъ также Лексиконъ Мурка. Новостей рѣшительно никакихъ сообщить не могу.

Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Иванишевъ.

Берлинъ,
Августа 2-го дня 1838.

7.

Любезнѣйшій мой наставникъ, Вячеславъ Вячеславичь!

Письмо Ваше, въ которомъ Вы пишете о вниманіи Сперанскаго къ нашему труду, чрезвычайно меня обрадовало. Мои надежды встрепенулись и родили новыя намѣренія. На сихъ дняхъ я отправлюсь изъ Берлина въ Вольфенбитель, гдѣ, говорятъ, есть много Слав. рукописей, оттуда поѣду въ Область Познанскую, осмотрю тамошнія библіотеки, потомъ въ Кёнигсбергъ, а потомъ въ Русь. Если у Васъ есть знакомые въ описанныхъ мною мѣстахъ, то мнѣ было бы пріятно имѣть рекомендательныя письма.

О пересылкѣ книги Товачевской въ Петербургѣ я освѣдомился со всѣми подробностями и удостовѣрился, что рукопись отослана, а почему не дошла, того никакъ понять не могу. Радуюсь, что наконецъ у Васъ есть Статутъ Литовскій. Послѣ этого выписки для Шафарика, обѣщанныя мною, не считаю нужнымъ присылать. Я отправилъ Вамъ нѣсколько гипсовыхъ тварей. Поторопите Кронбергера выслать мои книги, если онѣ еще

не высланы. Письма отправляйте по старому адресу, потому что я изъ Вольфенбителя возвращусь въ Берлинъ.

Вашъ покорный слуга Н. Иванишевъ.

Августа 2-го дня.

8.

Вячеславъ Вячеславичь!

Теперь Вы получите отъ меня ученое письмо. «Въ библіотекѣ здѣшней я къ несчастію почти ничего не нашелъ годнаго для себя, то есть славяно-юридическаго. Но и вообще Славянскихъ рукописей весьма мало. Русскихъ найболѣе, но они незначительны. Чешская рукопись только одна:

„Krátké wypsánj těch wěcy, kteréž se w kragině řečené Floryda, genž gest částka Ameryky, zběhly".

Сочинитель назвался Jacub de Morges, писалъ на французскомъ. Чешскій переводчикъ не наименованъ. На первомъ листѣ написано: „Anno 1608 tuto knihu poczal sem czisti 16 dne juny a doczetl sem gi tehoz miesicze 20 juny. Perthold Bohubud z Lyppeho".

Въ одной связкѣ, состоящей изъ разныхъ нѣмецкихъ листовъ, есть одинъ листъ, на которомъ начерчена карандашемъ статуя Жижки во весь ростъ, въ полномъ вооруженіи. Въ правой рукѣ булава, въ лѣвой кусокъ матеріи, на которой изображена чаша, на чашѣ хлѣбъ. Вокругъ изображенія написано: „Anno 1424 Die Jovis..." Потомъ ниже: „Ante festum Galli vita functus Johannes Zizka a calice rector rerum publicarum laborantium in nomine et pro nomine Dei hoc templo conditus est".

На другомъ полулистѣ того же самаго листа:

„Teď na ziadost twau cziny a prawy kontrffekt neboztika Jana Zissky odsylam, czo sem mohl na pospiech spolu y s textem, ktery gt wuokol nieho. Tebe prosym aby mi poslal na czytaru niektery swazek, yakz sam rozumiss, czo koliw bude za nie, ya wam zaprawjm. Pawka †.

Замѣчательнѣе мнѣ показалась рукопись in f-o № 29., написанная весьма четкою и красивою италикою. Къ несчастію нельзя найти ни имени переводчика, ни года, въ которомъ написана эта рукопись. Переплетъ взятъ отъ другой книги: Güterbuch 1556, слѣдовательно—и по переплету никакой догадки сдѣлать нельзя. Начинается: „Tehn psalter serbskey Rhëtzy". Потомъ слѣдуютъ слова приложеннаго при семъ факсимиле, кото-

рое я просилъ бы Васъ прислать мнѣ назадъ. Вы замѣтите странную ортографію, напримѣръ, чтобы смягчить *и*, писецъ ставитъ три точки». Сдѣлайте милость, разсмотрите образчикъ и напишите мнѣ ваши догадки объ рукописи. Если мнѣ случится напечатать описаніе, то я приложу Ваше сужденіе, объявивъ, что такъ говоритъ Панъ Ганка. Если Вы найдете мое открытіе сколько нибудь значительнымъ, то можете объявить въ Квѣтахъ или гдѣ нибудь индѣ, сказавъ, что Панъ Иванишевъ въ письмѣ къ П. Ганкѣ объявляетъ о неизвѣстной доселѣ Вендской рукописи и прочее [1]). Вотъ образецъ перевода. Начинаю тамъ, гдѣ прерваго facsimile.

Alëh ma spodobanë na tey kahsny toho knëhsà, à wot jogo kahsnów gkonih wohn shën à notz.

Tehn jo ak jano Shróno ploshóne pshi brógach, kotore sswoy plohd sswojom tzassù pshinásso, a jogo list nëhùprëo, a stohsh wohn stziniho, sse dëbrë rashiho.

Tacke pack te slossne neissù, alëh ako plówíh kotare tehn wëhtsh rohsdùwa.

Toho dláh te slossne we tom wëtzowanü nëhobstanù, danihsh te grëhschniky tom sgrommashënü tihch pshawihch. Psheto tehn knëhs snajo tù drogù tihch pshawihch Alëch tihch slossnihch pùhsëh sse sgùbiho. Слѣдуетъ второй псаломъ.

Извините, что такъ дрянно пишу. Живу въ трактирѣ, рукописей на домъ не даютъ, поэтому по вечерамъ скука страшная. Впрочемъ городишко, при хорошей погодѣ, довольно порядочный. Библіотекарь, Вашъ знакомецъ, посылаетъ къ Вамъ маленькую записочку. Если заблагоразсудите отвѣчать, то пишите въ Вольфенбиттель, а мнѣ въ Берлинъ, ибо я скоро уѣду отсюда.

Вашъ покорнѣйшій слуга Иванишевъ.

Вольфенбиттель,
7-го Августа 1838-го года.

---

[1]) См. Č. Č. Mus., 1838, XII, str. 416—417: б) Liternj zprâwy. Ганка, печатая въ чешскомъ переводѣ извлеченіе изъ письма Иванишева, дѣлаетъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: „Žaltář tento gest w dolnoluzickém nářečj a od Fritzowa přeložen (Choschobusu 1796 a Barliňe 1824) welmi se lišj. Dle tahu pjsma poslaného snjmku gest Žaltář ten w XVI wéku psán: postawjme zde prwnj žalm, gegž w promènách slow s Fritzowým přeloženjm pod textem srownáme". Параллельно съ выпиской, сообщаемой Иванишевымъ, Ганка даетъ текстъ по изданію Фритца. Въ кавычки « » мы заключили часть, переведенную для Č. Č. Mus. Ганкой.

9.

Вячеславъ Вячеславичь!

Завтра я отправляюсь въ Кёнигсбергъ, гдѣ надѣюсь провести нѣсколько недѣль. Если въ продолженіи этого времени у Васъ ничего важнаго не случится, то не пишите ко мнѣ, пока я не возвращусь въ Петербургъ и не напишу къ Вамъ письма. А если хотите, чтобъ я, находясь еще за границею, имѣлъ удовольствіе читать Ваше письмо, то отправьте An d. Herrn Granowsky, Doctor der Phil. Kronenstrasse № 47. Berlin.

Благодарю Васъ покорнѣйше за Ваше стараніе о моихъ книгахъ. Я скоро надѣюсь получить ихъ. Свидѣтельствую мое почтеніе Юнгманну, Шафарику и всей Прагѣ. Прощайте!

Вашъ вездѣ и всегда Н. Иванишевъ.

Для предупрежденія всякихъ сомнѣній посылаю записку къ Кронбергеру. Пусть онъ смѣло выдастъ мнѣ книги. Слухъ о занятіи кафедры Славянскихъ языковъ нѣмцомъ оказался ложнымъ. Прощайте!

22 Августа 1838 года.

10.

Вячеславъ Вячеславичь!

Вотъ Вамъ наконецъ письмо изъ земли Русской, изъ самаго города Кіева. Разныя обстоятельства мѣшали мнѣ доселѣ писать къ Вамъ. Теперь я на мѣстѣ, дѣлаюсь осѣдлымъ—и въ глуши съ жадностію буду читать и перечитывать каждую строчку Вашего письма. Подробности оставляю до другаго письма, которое я пришлю къ Вамъ прямо въ Прагу. Теперь прошу только передать деньги, присланныя къ Вамъ изъ Берлина, книгопродавцу Кронбергеру. Я не могъ точно знать, сколько ему долженъ, потому что потерялъ его счеты. Прошу Васъ покорнѣйше къ книгамъ, которыя отправитъ мнѣ Кронбергеръ, присоединить и тѣ, которыя я получилъ отъ Васъ: тетради Словаря Юнгманова, Часопись и пр. Если вышла какая нибудь новая замѣчательная книга, то прошу сказать Кронбергеру, чтобъ онъ послалъ ее мнѣ.

Въ Петербургѣ увѣряли меня чиновники Министерства Народнаго Просвѣщенія, что Вы и Г-нъ Шаффарикъ получите награжденіе денежное за усердіе къ русскимъ молодымъ ученымъ. Я даже по требованію Министра описалъ обстоятельства Вашей жизни. Если Вы получили уже награжденіе, то я отъ чистаго сердца поздравляю Васъ.

Свидѣтельствую нижайшее почтеніе Вашей Супругѣ. Г-ну Юнгману, Шафарику, Крбцу, Голубарю и всѣмъ моимъ знакомымъ по низкому поклону. Вашъ всегдашній другъ, покорнѣйшій слуга Н. Иванишевъ.

Мой адресъ: Его Высокоблагородію Адъюнкту-Профессору Императорскаго Университета Св. Владиміра П. Д. Иванишеву. Въ Кіевѣ. На Подолѣ, на Хоревой улицѣ.

Февраля 10 дня 1839.

11.

Вячеславъ Вячеславичь!

Или Вы забыли меня, или мои письма не доходятъ въ далекую Прагу. Я думаю, что послѣднее вѣроятнѣе. Если и на это письмо не получу отвѣта, то не знаю, что и дѣлать; а какъ пріятно было бы мнѣ читать Ваши строки на чешскомъ языкѣ въ такой странѣ, гдѣ я едвали когда нибудь услышу Вашъ прекрасный языкъ. Мнѣ также непріятно, что я не могу доселѣ прислать Вамъ денегъ, чтобъ расплатиться съ Кронбергеромъ. Сдѣлайте милость, попросите его прислать мнѣ счетъ, и я вышлю деньги немедленно.

О себѣ скажу, что я въ продолженіи перваго года своей службы ничего другаго не могу дѣлать, кромѣ безпрерывнаго чтенія огромнаго нашего Законодательства. Всѣ мои рукописи и книги славянскія лежатъ пока въ сторонѣ, но только для того, чтобы по прошествіи короткаго времени быть опять предметомъ моихъ ревностныхъ занятій. Въ средствахъ къ этому не будетъ у насъ недостатка. Я имѣлъ удовольствіе только мѣсяцъ читать лекціи въ Университетѣ, а теперь Университетъ закрытъ до слѣдующаго года, и я приготовляюсь только на досугѣ къ выдержанію Докторскаго экзамена. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправлюсь Ревизоромъ въ Черниговскую губернію.

Такъ какъ мнѣ нечего писать о Кіевской жизни, то я поговорю о прошедшей Петербургской. Въ Петербургѣ я встрѣтилъ людей, которые весьма интересуются Славянизмомъ и славистами. Покойный Сперанскій долго перебиралъ листки Юнгманова Словаря, котораго тетрадь, какъ Вы помните, я передалъ ему отъ Васъ. Онъ очень интересовался Шафарикомъ и весьма жалѣлъ, что переводъ его ученаго сочиненія такъ плохъ, что отбиваетъ охоту читать. „Какой-то Московскій профессоръ, говорилъ онъ, не зная ни русскаго, ни чешскаго языка, вздумалъ переводить довольно тяжелое по языку сочиненіе Шафарика“.

Онъ даже хотѣлъ помочь Шафарику деньгами, подписавшись на нѣсколько сотъ экземпляровъ его сочиненія, велѣлъ мнѣ сходить къ Секретарю Россійской Академіи Языкову и предложить, чтобъ Академія съ своей стороны присоединила что нибудь. Языковъ сказалъ, что у нихъ отобрали сумму, но что онъ сдѣлаетъ предложеніе Академіи. Но изъ этого ничего не вышло. Сперанскій заболѣлъ, и я, сколько разъ ни ходилъ къ нему, не могъ видѣть его. Всѣ распрашивали о причинѣ, почему Вы не захотѣли ѣхать въ Русь.

Наука въ Россіи, особенно у насъ въ Кіевѣ ползетъ медленно, не смотря на все усиліе правительства. Большая часть профессоровъ работаетъ только для класса, не обнимая вполнѣ своей науки и не заботясь объ усовершенствованіи. Подождемъ лучшаго времени. Сдѣлайте милость, напишите ко мнѣ письмо.

Вашъ постоянный доброжелатель Н. Иванишевъ.

Свидѣтельствую нижайшее почтеніе Шафарику, Юнгману, Крбцу и всѣмъ знакомымъ.

12.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій наставникъ мой, Вячеславъ Вячеславичь!

Послѣ долговременнаго молчанія мнѣ весьма пріятно побесѣдовать теперь съ Вами, извиниться въ томъ, что я такъ давно не отвѣчалъ на Ваши утѣшительно пріятныя для меня письма, и свидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе. Получивъ кафедру Государственной Экономіи въ Кіевскомъ Университетѣ, я долженъ былъ поневолѣ углубиться въ совершенно незнакомый для меня предметъ, чтобы сколько нибудь быть порядочнымъ преподавателемъ. Къ этому прибавилась еще необходимость держать экзаменъ на степень Доктора, такъ что я съ большимъ трудомъ могъ улучить свободную минуту для постороннихъ занятій. Теперь этотъ трудный для меня годъ приближается къ концу, и я надѣюсь, что слѣдующій будетъ для меня счастливѣе. Я долженъ былъ совершенно прекратить свои занятія по части Славянскихъ законодательствъ, и всѣ мои рукописи и переводы Богемскихъ законовъ лежатъ запыленные неприкосновенно. Сколько я могу судить о нашей публикѣ, изданіе Богемскихъ памятниковъ было бы совершенно неумѣстно и не нашло бы никакого участія: изъ ста тысячь нашелся бы развѣ одинъ, который съ любопытствомъ взгляиулъ бы на книгу, а прочимъ

нѣтъ никакой нужды, существуютъ ли Богемскіе законы на свѣ
тѣ, или нѣтъ. Я думаю прежде издать древности Русскаго пр
ва, въ которыхъ можно ясно показать единство Славянских
законодательствъ въ древнѣйшія времена, ихъ внутреннюю свя
и необходимость изучать всѣ для объясненія одного изъ них
Тогда можно будетъ приступить и къ изданію памятниковъ Б
гемскихъ для Русской публики. Если мнѣ Богъ поможетъ, то
можетъ быть, и приступлю къ этому труду; между тѣмъ я
пропускаю ловить, гдѣ попадется, Литовскія и Польскія древн
грамоты, которыхъ множество находится въ нашемъ краю в
частныхъ рукахъ.

Ваше извѣстіе о Реймскомъ Евангеліи я прочиталъ съ бол
шимъ удовольствіемъ и отъ души порадовался вмѣстѣ съ Бар
номъ Шодуаромъ, нашимъ извѣстнымъ нумизматикомъ, которы
даже выпросилъ у меня Ваше письмо и положилъ его въ сбо
никъ знаменитыхъ автографовъ. Онъ же, какъ членъ-корреспо
дентъ Академіи Наукъ, взялся доставить извѣстіе объ откр
тіи въ Академію и для всеобщей публикаціи, потому что у нас
въ Кіевѣ не издается ни одного журнала и ни одной газет
Я хохоталъ долго, смотря, какъ Строевъ исковеркалъ свять
письмена, особенно, когда припоминалъ, что этотъ же самы
полуученый Blázen говоритъ про свои палеографическія и фил
логическія соображенія, судитъ про Копитара и Шафарика п
чатно, отдавая преимущество первому изъ нихъ, и уничтожает
подлинность Либушина Суда! Страннымъ покажется, что этот
же самый человѣкъ пишетъ критики для Журн. Минист. Наро
наго Просвѣщенія, судитъ и рядитъ о книгахъ и сочинителях
Русскихъ и заграничныхъ. Прошу Васъ покорнѣйше сообща
мнѣ почаще такія новости; онѣ для меня то же, что лучъ сол
ца для заключеннаго въ темницу. Никакъ не могу отыскать пут
которымъ бы можно было получать изъ Праги какую нибудь г
зету; а получать по почтѣ становится очень дорого. Изъ загр
ничныхъ газетъ мы только и получаемъ Прусскую на весь ун
верситетъ, и поэтому на моемъ мѣстѣ не скоро можно узнат
что дѣлается въ Европѣ.

Сегодня я ходилъ къ кіевскимъ книгопродавцамъ и хотѣл
купить для Васъ сочиненія Пушкина, Устрялова—объ отношен
Литвы къ Россіи, Сахарова—сказанія русскаго народа и думал
отправить Вамъ разомъ деньги, письмо и книги. Представьте я
мое удивленіе, когда сказали мнѣ, что Пушкинъ раскуплен
Устрялова не было и нѣтъ, а Сахарова есть только два том
первый и третій. Поэтому присылку книгъ я долженъ отложи

до другаго, болѣе благопріятнаго времени, а теперь рѣшился послать Вамъ восемь червонцевъ для уплаты за книги. Если Вы еще не отправили моихъ книгъ чрезъ Гартенштейна, то я попрошу Васъ покорнѣйше приложить къ нимъ II-ой томъ Исторіи Палацкаго, а если вышелъ, то и третій, и также Шафарика второй томъ, если онъ уже явился на свѣтъ. Послѣднее сочиненіе я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Баронъ Шодуаръ проситъ Васъ прислать ему Časopis за прошедшій и нынѣшній годъ и кромѣ того разнаго рода fac-simile: Либушина Суда, Реймскаго Евангелія, снимки съ монетъ и пр. Онъ Вамъ за все заплатитъ и пришлетъ кромѣ того свое нумизматическое отличное сочиненіе о древнихъ Русскихъ монетахъ. Онъ просилъ также Васъ увѣдомить меня, нѣтъ ли въ Прагѣ старопечатныхъ чешскихъ книгъ и какія. Онъ бы съ радостію купилъ ихъ для своей огромной библіотеки. Я съ своей стороны надѣюсь получить отъ Васъ остальныя части Юнгманова Словаря и Часописъ, сколько его доселѣ вышло. Прошу Васъ также прислать и другія замѣчательныя по Вашему мнѣнію книги. Деньги, которыя будутъ слѣдовать отъ меня, я вышлю Вамъ съ благодарностію.

Свидѣтельствую нижайшее почтеніе Вашей супругѣ; также пану Крбцу, Шафарику, Юнгману, Палацкому, Ковбеку, пану Голубаржу, Станѣку, Свободѣ, патеру Генингеру и другимъ моимъ почтеннымъ знакомымъ и пріятелямъ.

Преданный Вамъ Николай Иванишевъ.

Не получены ли у Васъ: Србске Споменицы, изданные Димитріемъ Тиролемъ. Бѣлградъ, 1839. Я бы Вамъ былъ очень благодаренъ, еслибъ Вы и эту книгу присоединили къ числу книгъ, отправляемыхъ въ Кіевъ.

Кіевъ,
Марта 7-го дня 1840.

13.

Вячеславъ Вячеславичь!

Теперь только я получилъ давно желанныя книги, отправленныя Вами изъ благословенной Праги. Отъ души благодарю Васъ за стараніе и усердіе, съ какимъ Вы готовы помогать мнѣ въ моихъ славянскихъ занятіяхъ.

Я кончилъ свой докторскій экзаменъ и представленъ, по выбору Совѣта Университета, къ должности Ординарнаго Профессора. Очень жаль, что не могъ угостить Васъ на своемъ док-

торскомъ балѣ, на которомъ пировалъ весь университетъ, рад ясь о рожденіи новаго Доктора.

Насчетъ Русскихъ книгъ, о которыхъ Вы пишете мнѣ, снесся съ своими товарищами въ СП-гѣ и надѣюсь, что они с гласятся помогать мнѣ въ обогащеніи Вашей библіотеки Ру скими книгами. Но наши Русскія книги никогда не могутъ пр вести Васъ въ такой восторгъ, въ какой привелъ бы меня п чатный экземпляръ Вшегорда или книги Товачевской. Духъ Сл вянизма, который носится надъ Прагою, да подкрѣпитъ Ваш намѣреніе и да поможетъ Вамъ совершить благій подвигъ.

Вы пишете, что Московскій Университетъ еще доселѣ н рѣшился обогатить себя ученымъ сокровищемъ, собраннымъ В ми въ продолженіи долговременной Вашей ученой жизни. Ж лая имѣть возможность пользоваться рѣдкостями вашей библі теки, я предложилъ Барону Шодуару, нашему ученому нумизм тисту, пріобрѣсть Вашу библіотеку. Онъ страстный любите всего Славянскаго и, что весьма важно, очень богатый Барон Желая присоединить Вашу библіотеку къ своей, онъ препор чилъ мнѣ списаться съ Вами объ этомъ предметѣ. Поэтому В сдѣлаете важное дѣло для меня и для Шодуара, если напишет мнѣ о цѣнѣ всей библіотеки и пришлете каталогъ. А если кат лога нельзя, то по крайней мѣрѣ означьте главныя рѣдкости из Вашего собранія. А если книги уже проданы, то Баронъ пр ситъ Васъ прислать слѣдующія сочиненія: 1., Часописъ—хоть неполный; 2., Исторію Палацкаго; 3., Краледворскую рукопис 4., Если можно достать сколько нибудь библейскихъ книгъ п ревода Доктора Скорины, напечатанныхъ въ Прагѣ. Особенн за послѣднее сочиненіе Баронъ готовъ заплатить самую огро ную сумму.

Недавно посѣтилъ насъ Государь и остался очень доволен нашимъ городомъ.

Въ надеждѣ получить отъ Васъ письмо остаюсь съ истин нымъ уваженіемъ и любовію преданный Вамъ

Н. Иванишевъ.

Свидѣтельствую нижайшее почтеніе всей Прагѣ вообще и каждому изъ моихъ знакомыхъ въ особенности.

Августа 17-го 1840.

14.

Почтеннѣйшій другъ и наставникъ мой,

Вячеславъ Вячеславичь!

Письмо Ваше мнѣ доставило большое удовольствіе, тольк и просилъ бы Васъ покорнѣйше не присылать мнѣ печатныхъ

писемъ, потому что я долженъ платить за нихъ втрое. Такъ какъ каждое мое письмо заключаетъ въ себѣ какую нибудь просьбу, то и въ теперешнемъ Вы найдете нѣсколько покорнѣйшихъ прошеній, въ которыхъ Вы не откажете мнѣ по любви къ славянщинѣ.

Прежде всего я буду просить Васъ прислать, кромѣ сочиненій, которыя выписалъ я для Барона Шодуара, еще слѣдующія сочиненія:

1. Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, von Šaffarik u. Palacky. 1840. Два экземпляра.
2. Archiv český čili staré a t. d. wyd. Palacký. 1840. Два экземпляра.
3. Codex diplomaticus et epistolarius Moraviæ. Studio Boczek.

Кромѣ того, Časopis, какихъ номеровъ я не получилъ еще, Вшегорда, если уже отпечатанъ, и другія сочиненія, какія Вы найдете для меня важными и полезными. Всѣ книги Вы отправьте подъ моимъ именемъ въ Броды и адресъ напишите:

A Messieurs Hausner et Violland. Brody.

При посылкѣ пошлите реестръ книгамъ, означивъ ихъ самую высшую цѣну, также всѣ издержки на пересылку, и Вамъ тотчасъ будутъ высланы деньги вышеупомянутымъ Банкиромъ Гавзнеромъ. Объ этомъ уже сдѣлано надлежащее распоряженіе. Если у Васъ есть ненужныя польскія старопечатныя книги, печатанныя готическимъ шрифтомъ, то присылайте ихъ къ намъ смѣло, потому что мы будемъ Вамъ за это очень благодарны.

Насчетъ книгъ, которыя Вы хотите продать, я бы Вамъ не совѣтовалъ связываться съ нашими Университетами. Вы уже испытали, что Московскій Университетъ нѣсколько лѣтъ торгуетъ Вашу библіотеку и все ничего не выходитъ. Кіевскій Университетъ не купитъ, потому что нѣтъ у насъ для этого суммы. Гораздо скорѣе можно было бы кончить дѣло съ Барономъ Шодуаромъ, котораго обширная и великолѣпная библіотека, доступная всякому ученому, достойна принять Ваши книги. Если Вы рѣшитесь на это предложеніе, то Баронъ просилъ бы Васъ, къ отправляемымъ ко мнѣ книгамъ, присоединить каталогъ съ означеніемъ цѣнъ.

Еще одна довольно важная просьба. Преосвященный Епископъ Иннокентій, ученѣйшій изъ нашихъ духовныхъ, работаетъ надъ исторіей распространенія нашей православной Грекороссійской вѣры. Онъ хочетъ показать судьбы ея у всѣхъ Славянскихъ народовъ и поэтому обратился ко мнѣ и просилъ писать къ ученымъ Славянофиламъ Пражскимъ. Надѣюсь, что его просьба будетъ услышана. Главное дѣло будетъ состоять въ

томъ, чтобы доставить ему свѣдѣніе о тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ какимъ нибудь образомъ описывается судьба Восточнаго Греческаго исповѣданія въ теперешнихъ Славянскихъ католическихъ земляхъ. Я думаю, что Г. Шафарикъ не откажется также сообщить Вамъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, для составленія полнаго реестра сочиненіямъ и памятникамъ. За это мы всѣ православные христіане будемъ Вамъ весьма благодарны, потому что Иннокентій достоинъ такой великой задачи и рѣшитъ ее превосходно. Онъ препоручилъ мнѣ также просить Васъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь подробныхъ свѣдѣній о трехъ церквахъ Краковскихъ, которыя, по своей архитектурѣ и по надписямъ доказываютъ, что онѣ были прежде Греческаго закона и обращены въ костелы католиками? Если нѣтъ, то какимъ бы образомъ получить ихъ? Всѣ издержки, разумѣется, онъ вознаградитъ щедрою Властительскою рукою. Для этой же великой цѣли ему любопытно было бы слѣдующее сочиненіе: „Историческое разсмотрѣніе вопроса: есть ли Христіанство въ Богеміи и Моравіи чрезъ Меѳодія по ученію Греческія и Латинскія Церкви введено? Въ Будинѣ. Печатано при Королевскомъ Университетѣ 1798". Я думаю, что Ваши книгопродавцы могутъ достать это сочиненіе; въ такомъ случаѣ велите имъ прислать ко мнѣ по почтѣ немедленно; а деньги будутъ имъ уплачены вышеупомянутыми банкирами. Надѣюсь скоро наслаждаться величайшимъ удовольствіемъ, получивъ Вашъ отвѣтъ.

Изъ новостей скажу Вамъ, что я кончилъ Докторскій диспутъ блистательно и представленъ прямо въ ординарные къ пятитысячному окладу жалованья. Въ Кіевѣ учреждается общество древностей для здѣшняго края, но, по недостатку дѣятельныхъ членовъ, обѣщаетъ очень немногое. Я недавно пріобрѣлъ рукопись Евангелія, очень древнюю съ важными особенностями, о которыхъ я сообщу Вамъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Иванишевъ.

Нижайшее почтеніе Вашей супругѣ, пану Крбцу и всѣмъ моимъ знакомымъ.

Попросите Михля доставить мнѣ остальныя книжки его Исторіи Литературы.

Кіевъ,
3-го Ноября 1840.

15.

Вячеславъ Вячеславичь!

Честь имѣю рекомендовать Вамъ моего единственнаго знакомаго, Барона Шодуара, ученѣйшаго между Баронами, сочини-

теля нумизматики русской, удостоенной Демидовской преміи, очень добраго и богатаго человѣка. Принявъ въ уваженіе всѣ исчисленныя качества, Вы, и безъ моей просьбы, пріймете Барона весьма радушно, покажете ему всѣ сокровища Музеума и цѣлой Праги. Баронъ Шодуаръ имѣетъ великолѣпную библіотеку, составленную изъ драгоцѣнныхъ рѣдкостей. Онъ хочетъ учредить надъ нею маіоратъ и предоставить ее въ общественное пользованіе нашего бѣднаго ученостію края. Какъ бы важно было, если бы Ваша библіотека Славянскихъ книгъ присоединилась къ его библіотекѣ.

Съ истиннымъ къ Вамъ уваженіемъ и любовію остаюсь

Н. Иванишевъ.

Мая 27-го дня 1841.

Вар. А. Икскуль.

Милостивый Государь,

Я принужденъ былъ оставить Прагу, не имѣя времени проститься съ Вами. Письмо, которое вы мнѣ хотѣли прислать, не получилъ я, несмотря на то, что самъ послалъ къ вамъ лонлакея наканунѣ моего отъѣзда; итакъ, прошу васъ доставить мнѣ письмо ваше къ Г-ну Министру Шишкову по почтѣ, дабы Совѣтникъ посольства Г. Мейендорфъ могъ бы отправить посылку вашу въ Ст.-Петербургъ. Адресъ мой — Hôtel Erzherzog Carl. Ежели вы впредь пожелаете отправить что-либо въ Петербургъ, то изволите только прислать въ Канцелярію на имя Колежскаго Совѣтника Барона Мейендорфа; я съ нимъ говорилъ о вашей перепискѣ съ Министромъ, а онъ обѣщалъ мнѣ отсылать ваши пакеты. Въ надеждѣ получить въ скоромъ времени отвѣтъ остаюсь покорный вашъ слуга Баронъ Александръ Икскуль.

Августа 31 дня 1827 года.

А. О. Ишимова[1]).

М. Г., Вацлавъ Вацлавичъ!

На прошедшей недѣлѣ случилось мнѣ слышать въ одномъ литературномъ обществѣ разсказы о томъ, какое участіе при-

[1]) Ишимова Александра Осиповна (р. 1804, † 1881), извѣстная писательница для дѣтей, издавала съ 1842 г. дѣтскій ж. „Звѣздочка", а съ 1850 г. журналъ для дѣвицъ „Лучъ".

нимаете Вы во всемъ, что касается до Россіи и Петербурга. Это было очень пріятно для всѣхъ русскихъ, бывшихъ тутъ; а мнѣ, какъ женщинѣ, захотѣлось даже какимъ-нибудь образомъ сказать Вамъ, что мы знаемъ о такомъ хорошемъ расположеніи Вашемъ къ одноплеменникамъ Вашимъ и умѣемъ цѣнить его. Размышляя о томъ, какъ сдѣлать это, я вздумала послать къ Вамъ нѣсколько книгъ моихъ: „Исторію Россіи въ разсказахъ“ и журналъ „Звѣздочка“, издаваемый мною теперь. Хотя эти сочиненія и не заключаютъ въ себѣ никакой важности, потому что написаны для дѣтей, но примите ихъ не по достоинству ихъ, а какъ знакъ уваженія къ Вамъ автора ихъ

Александры Ишимовой.

С.-Петербургъ,
1-ое февраля 1843.

Я. П. Іорданъ [1]).

1.

Hochgeschätztester Freund!

Sie vergeben, dass ich heute deutsch schreibe; es geschieht nur aus Mangel an Zeit. Ich arbeite nämlich sehr rüstig an meiner Grammatik, und da werden Sie gewiss nicht böse sein. Ich habe den Wunsch, meine Grammatik unserem Prinzen Johann, der, wie Sie wohl wissen, sich durch den herrn P. Hrabieta in den slawischen Sprachen unterrichten liess, widmen. Sind Sie vielleicht, der Sie doch das meiste dabei zu sagen haben, damit einverstanden? Ich hoffe dadurch auch nicht nur an Ansehen, sondern auch in pecuniärer Hinsicht Vortheile zu ziehen. Den zweiten practischen Theil, welcher vielleicht in zwei Jahren beendet sein dürfte, wollte ich denn so frei sein, Ihnen, theuerster Freund, als ein geringes Zeichen der Dankbarkeit und innigsten Verehrung, die ich gegen Sie hege, zu weihen. Sollte mein Vorhaben Ihre gütige Zustimmung erhalten, so bitte ich Sie, mir Rath zu geben, ob ich das Werk in einer guten Abschrift, oder lieber wohl nach einem vollständigen Abdrucke dem Prinzen vorlegen lassen sollte. Alles muss durch die Hände des geheimen Rathes Carl Borr. von Mil-

[1]) Іорданъ Янъ Петръ (р. 1818, † 1891), лужицкій писатель и дѣятель эпохи возрожденія. О немъ см. обстоятельный некрологъ Ад. Чернаго, Zlatá Praha, 1891.

litz, Obersthofmeister des Prinzen gehen. Bis dahin würde es ein Bekannter von mir, ein Hofkaplan, oder vielleicht Jemand von Ihren Freunden, wahrscheinlich ohne Schwierigkeit zu bringen vermögen, und dann zweifle ich keinen Augenblick, dass der Prinz ein so patriotisches Unternehmen nicht aufmuntern sollte, durch die Gnade, seinen Namen an der Stirn des Werkes pompen zu lassen. Ueber alle diese Dinge erbitte ich mir Ihre gütige Meinung und Ihren freundschaftlichen Rath; ich füge mich ganz Ihrer Entscheidung. Ein anderer Zweifel, dessen Entscheidung ich durch Sie zu bekommen hoffe, ist: Ob ich den syntaktischen Theil meiner Grammatik etwa in derselben Ausdehnung, wie Sie in der polnischen Grammatik, bearbeiten sollte; oder ob ich Dobrowský genau treu bleiben, oder aber endlich ob ich alle, aber nur die von dem Deutschen abweichenden syntaktischen Eigenheiten (und davon werden nicht gar enorm viel sein) anführen und vollständig mit Beispielen versehen soll? Vollkommen beendet ist bis jetzt: die Einleitung, die ganze Lehre von der Bildung der Wörter, dann die von den Conjugationen; jetzt arbeite ich an der Declination und Conjugation; die Syntax bleibt mir zuletzt. Aber mit dem Abschreiben sieht es hier windig aus, aber es muss gehen. Bis zu meiner Reise nach Prag muss alles fertig sein, und sollte ich die Nächte dazu verwenden. Dann wollen wir ein Paar Vormittage, wenn Sie so gut sein wollten, es miteinander durchgehen, und es in Gottes Namen der Welt vorlegen. Wie freue ich mich, meinem Vaterlande und dem Slawenthum überhaupt etwas zu nützen im Stande zu sein. Ich werde sehr glücklich sein.

Mit den Volksliedern ist noch Nichts gewisses; nirgends will sich ein Verleger dazu finden. Vielleicht wird es doch gehen. Jetzt eben leben Sie recht wohl und lieben Sie wie früher

Ihren mit Hochachtung dankbarsten J. P. Jordan.

Johannisbrun,
den 6. August 1840. Nachts 11 Uhr.

2.

Verehrtester Freund!

Endlich ist es mir gelungen eine Gesellschaft für slavische Sprache u. Sache zu constituiren nach meinem Sinne. Vorgestern am Donnerstage hielten wir die erste wählige Sitzung, in der ich den Plan zu einem allgemeinen „*serbischen Vereine in der Lausitz*“

vorlegte. Unser serbisch verstehen wir allgemein *slavisch überhaupt*; aber ich wählte jenen Ausdruck, da er unseren Deutschen weniger anstössig ist. Der serbische Verein in der Lausitz ist Hauptverein u. hat drei Specialvereine: den „*serbischen Verein* in Leipzig, Budissin, Breslau". Alle Mitglieder der drei Spec. Ver. sind zugleich Mitgl. des Hauptvereines, doch hat dieser ausserdem noch viele andere wirkliche u. Ehrenmitglieder. Die Special-V. haben den Zweck, dass die Mitglieder durch *gegenseitige* Mittheilung die slavischen Sprachen erlernen. Daher muss jeder Special-Ver. Lexica, Grammatiken u. Lesebücher der Slavinen besitzen. Sonst bedarf er keine Bibliothek, da er aus der Central-Bibliothek, das ist der des Hauptverein's alle Werke erhalten kann. Doch muss jeder Verein aus den verschiedenen Slavinen Zeitschriften halten wenigstens aus jeder eine. Die drei Spec. Ver. so wie der Haupt-Ver. theilen einander die Zeitschriften regelmässig mit, u. wenn jeder Verein andere Journale hält, als der andere, so wäre es möglich, dass der Gesammt-Verein vielleicht alle slav. Zeitschriften hätte. Mit dem Jahresabschlusse werden die Zeitschriften eingebunden u. in der Centralbibliothek aufgestellt. Eben so werden die Verhandlungen, die Protocolle und andere Acte der Special-Vereine, sowie des Hauptvereines (nach 4 Jahren)in der Centralbibliothek deponirt. Diese Bibliothek so wie die Wohnung des Secretairs des Hauptvereines muss sich in Bautzen, als dem Centrum befinden.

Von diesen projectirten Vereinen hat sich der Leipziger Special-Verein bereits constituirt; er besteht gegenwärtig aus 10 Mitgliedern: 6 Lausitzer Serben: Jordan, Aehrenfeld, Immisch, Förster, Stenc, Domaschka; 1 Čechen Bretter, 1 Polen Suckert, einen Süd-Serben, Magazinowit', 1 Bulgaren Kukanče. Doch geht uns Bretter verloren, da er nach Prag zurückkehrt; dafür aber haben wir Aussicht, einen anderen Čechen, Hlina, früher kathol. Geistl., jetzt Student der evangel. Theologie hier, u. einen andern Slaven, den ich noch nicht kenne, zu acquiriren; wo dann der Verein 11 Mitglieder zählen würde. *Mich* hat man zum Präses, *Aehrenfeld* (Klosopolski) zum Secretair des „serbischen Vereines in Leipzig" ernannt. Jeden Donnerstag Abend ist Versammlung bei mir. Da werden in 2 *Stunden* allerhand Vorlesungen u. Vorträge über Slavica gehalten. Für den laufenden Winter trage ich zunächst čechische Grammatik, jeden Donnerstag einen Vortrag, vor, dem werden Uebersetzungen aus dem Böhmischen, eines jeden in seiner Muttersprache, folgen. Das Protocoll wird vom Secretair geleitet, jedes Mitglied aber muss die Vorkommnisse in

demselben in seiner Muttersprache, ein Mitglied nach dem andern, in dasselbe eintragen. Die besten Arbeiten werden im „Archiv" deponirt. Archiv u. Protocoll bleiben beim Special-Vereine bis sie 4 Jahre alt sind. Dann wandern beide in die Centralbibliothek, um dort für immer aufgestellt zu werden.

Um nun allmählig auch ein kleines Capital als Fond für die Kosten zur Erhaltung des projectirten Hauptvereines anzusammeln, wollen wir, Aehrenfeld u. ich, ein kleines Büchelchen, etwa 3 Bogen schön gedruckt auf weissem Velinpapier herausgeben, das unter dem Titel: Prěńe Kwětki noweho Serbowstwa nawub'erane wot J. P. Jordana a Mosiga Kłosopolskeho" das beste enthalten soll, was bisher verborgen u. in Manuscript aufbewahrt war. Das ganze 3 Bogen stark, soll etwa 6 gr. oder 24 x. C. M. kosten u. wschěm wěrnym Serbowstwa pśećelom wo celoj Sławenskoj zemi gewidmet werden. Tausend Exemplare könnten doch eine Summe von 2—3 Hundert Thalern abwerfen; damit könnten wir schon mehr anfangen. Nun ist aber eines vor allem nothwendig. Zwar würde ich einen hiesigen Buchdrucker vermögen, die Gedichte abzudrucken, so wie das Papier zu liefern. Aber Sie wissen, dass er, wenn ich ihm diese Bedingungen stelle, seine Forderungen auf der Stelle bedeutend höher stellt, als sonst, dadurch würde der guten Sache wieder ein Ersparnis verschleudert. Ich habe mich daher entschlossen in einen sehr saueren Apfel zu beissen; ich gehe nämlich als Vorsteher des Leipziger serbischen Vereines mehrere der Herren Serben in der Lausitz die vermöglich sind an, sie möchten entweder auf eine Anzahl Exemplare der Gedichte *pränumeriren*, oder dem Unternehmen einige Thaler dermassen vorzuschiessen, dass sie das Geld ein halbes Jahr nach dem Erscheinen der Gedichte von den beiden Herausgebern, die sich dafür verbürgen, wieder erhalten. Ich hoffe auf diese Weise wenigstens etwas zusammen zu bringen; das Uebrige wollen wir beide aus eigenen Mitteln zusammenlegen.

Bei dieser Gelegenheit wollen wir auch unsere čechischen Länder nicht vergessen. Ihnen selbst, Verehrtester, kann ich keinenfalls zumuthen, dass Sie aus Ihrer eigenen Casse etwas thun, Sie haben für meine Grammatik schon so viel geleistet, dass Ihnen alle Serben auf das höchste verpflichtet sind. Aber sollten die Herren Jungmann, Baron Neuperg, Graf Leo Thun u. vielleicht noch manch ein anderer, den ich nicht kenne, nicht zu bewegen sein, der Lausitz eine 5 fl. Banknote zu weihen? Ich hoffe das sicherlich von der gewohnten Güte dieser Ehrenmänner. Wenn es denselben nur auf die Weise dargestellt wird, wie es die Sache

mit sich bringt. Und wen könnte ich da besser um Vermittelung angehen, als Sie, der Sie für unsere Sache so herzlich eingenommen sind! Dass Ihnen ein solcher Gang nicht angenehm sein kann, weiss ich recht gut. Aber Sie haben solcher schon so viele gemacht, u. ihre hochstehenden Bekannten sind schon so gewohnt, Sie als Fürbitter für andere kommen zu sehen, dass Ihre Erscheinung gar nicht auffällig sein wird. Gelegentlich versichern Sie den Grafen Leo meine ehrfurchtsvollste Hochachtung, so wie Präf. Jungmann meine herzlichste Empfehlung. Ich vertraue sicher auf Ihre Güte u. hoffe mit dem neuen Jahre wenigstens (zu dem ich Ihnen u. Ihrer frau Gemahlin von ganzen Herzen Glück wünsche) auch neue Hoffnung für unser Serbenthum u. dessen Beförderung in Böhmen gewinnen werde.

Čerwenak hat Kłosopolski gesagt, er könne ihm das Jungmannischen Lexicon zum halben Preise verschaffen. Ist das wahr, so werden Sie das gewiss auch vermögen. Für unsere Gesellschaft müssen wir ein čechisches Lexicon haben, u. da Ihres noch nicht fertig ist, u. überdiess die Centralbibliothek später doch auch einen Jungmann besitzen muss, so hat sich Kłosopolski entschlossen, denselben für die Gesellschaft anzuschaffen. Allein 40 fl. C. M. ist ihm doch zu viel. Er lässt Sie also im Namen der Gesellschaft, die ihn zu ihrem Secretair erwählt hat, bitten, Sie wollen sich für die Gesellschaft verwenden, dass sie Jungmann 1) zu einem mässigern Preise bekomme; 2) das Geld in Terminen von Viertel Jahr zu Viertel Jahr dergestalt bezahle, dass auf 4 Raten dies Werk ganz bezahlt, mithin mit Schluss des Jahres 1842 ganz das Geld eingeliefert sei. Ich hoffe, das wird sich so machen lassen, u. vereinige meine Bitte mit der seinigen.

Da Sie die Einsendung der wendischen Volkslieder von Gebhardt auf Ihrem Subscriptionsscheine durch Ehrlich gefordert, so hat der Verleger *gegen* meine Anordnung es Ihnen dahin geschickt, u. Sie werden 1 srg. per Heft haben zahlen müssen. In Folge der Vorwürfe, die ich Gebhardt darüber gemacht, hat er seine Versendung geändert, u. so erhalten Sie den nächsten (II) Heft durch mich für 18 gr. d. i. 1 fl. 6—7 x. C. M. das Exemplar. Ihrer Frau Gemahlin u. allen Freunden herzlichste Empfehlung

Ihr J. P. Jordan.

Ich soll für die neue Ausgabe des Conversations Lexicons von Brockhaus einen Artikel: Bulgarische Literatur liefern. Können Sie mir keine Quelle angeben? Oder wissen Sie Jemanden, der etwas tüchtiges liefern könnte? Ich bitte Sie um sichere Nachricht.

Diesen Brief übergibt Ihnen Herr Bretter, der uns in Leipzig sehr erfreute durch seinen Eifer für Slavisch. Sollten Sie mir irgend Etwas zu übersenden haben, so wird er so gut sein u. es auf das Schnellste an mich befördern. J. P.

Ich arbeite jetzt an: Historische Volksdichtungen des freien Kosakenthums nach Srezńewski's Запорожская старина u. meinen von Srezńewski abgeschriebenen Sammlungen. Dazu nun könnte ich die Sammlung von Maximowič sehr gut gebrauchen, da Srezńewski sich mehrmals auf dieselbe bezieht, ohne sie wiederzugeben, auch sind darin mehrere Lieder die Srezńewski gar nicht hat. Ich wage daher an Sie die freundschaftliche Bitte, mir gedachtes Buch mit der *ersten* Gelegenheit, am sichersten durch Bretter zuzuschicken, da ich es sehr benöthige. Auch andere Schriften über die Ukraine u. ihre Poesie würden mir sehr nützlich sein. 2 Buchhändler, Brockhaus u. ein anderer wollen das Werk haben, aber bis zur Ostermesse muss es fertig, also meine Arbeit wenigstens im halben Februar beendet sein. Ich verlasse mich ganz auf Ihre Güte. Wahrscheinlich gebe ich vor der Ostermesse noch auch eine Uebersetz'g von Czajkowsky's Ukrainki aus. Doch bitte ich über beides Stillschweigen.

15 December 1841.

3.

Drahý přiteli!

Přisylam Wám tady některé psani—ohlašenj mého časopisu. Tych panů, kterych gmena sym už napsal, neznam ani adressu ani gak bych jim mohl to dosylat; prosym teď Was, abyste ráčili tyto adressy tam dodati, a te psanjčka rychle jim přislati. Takové psani přisylal jsem panum: Šafarik, Čelakowsky, Palacky, Jungmann, Hansgirg, Štulc, Kaj. Tyl, Tomiček, Daucha, Winařickemu, Macháček, Maly, Staněk, Mńauček, Weselsky, Pečirka, Matějowsky, Nebesky, Swoboda, staroměstsky i malostransky; Čerwinka Čerwenak, Štur, Kolar, Holy. Dybyste Wy snad eště někoho wěděl, kteryby na jeden rok naš časopis odewziti chtěl, že bychmy je mohli dobře wywest: tak prosym napište gmena na přiložené psani a odešlete je pod adressou.

Dlauhé psaničko odemně přinese Wam Bretter, dobry rodak Waš z Prahy, ktery nam dwa měsicy mnoho wesela udělal.

Wáš upřimy J. P. Jordan.

Spěšně.

Lipsku,
17 pros. 1841.

4.

Drahý příteli!

Pan Teubner, weliki knihprodawec tady w Lipsku, kterého ja poznal, obětowal mně, abychom wespolu wydawali polske i slawiske knihi, ktere on by založil; to mně se polibilo a ja mu powidal o tom, že bych rad wydal polsky slowniček maly; on to chtěl, ale powidal, že on od ňakeho knihoprodawce polskeho, kteremu přjtel bywa, dostal radu, by ňaku knižku, kterež titul na mojim psaničku widite, musikalnu prwiej wydal, aby Polaci z toho-to jeho zpoznali. Tak on mně obětowal, abych ja tuto knižku do polskeho jazyka přeložil, ja do polskeho! Co dělat? Kdyby ja to newzal na sebe, tak wšecka naše práce byla by naprazná; já pomyslil, snad, že dostanu někoho, který by mně tu celau knižečku přeložil, ja mu dam honorar, ktery ja dostanu, a napišu: „wydan od Jordana". Tak mu přislibil, že udělám. Wčera hnedky on prosy, abych přišel k němu. Ukaza mně psani iz Wilna, že pry už žadaja, aby ňake proby, ukazki tam dostali od nowé te polske knižečki, a to brzo. Teď mušjm ja proby tyto udělat prwním perem. Že ja to neumím, nebo že špatně bych udělal, wjte. Ale abych jeho důwěřeni (Vertrauen) neztratil, absolutně potřebá, že přeloženj mu podám a to brzo. Newím teď, co dělat. Wy, ktery tak dobře umjte polski, a ktery už mnohykrát mi z nuze upomahal, Wy tenkrát take mějte tu dobrotu i přeložte mně přiložené čtery stránki do polskeho jazyka; ja newěděl, koho prosyt. Kaubka? Ten by to nechal ležet některé neděle; a to nemůže byt, proto že oni už čekají se žadosti, a za týden ja mušil mu to slibit; ale že to nenj možná, tak musj čekat trošku. Teď daufam se k Wam, že Wy, aby slowanščizna take w Lipsku wětšj dělala kroky, tomu dopomůžete auplněnjm prosby mé. W Drážďanech slyšel sym, že Čelakowsky jde do Berlina; prawda? Ja wydam serbsku „Jutrniczku, nowiny za wšitkich Serbow", z prwniho Januarie w Budešiňe u Wellera. Skrz Ehrlichowu Knihernu wjc od té wěcj. Prync Jan poslal deset Louisdorů; král za jeden exemplar 12 tolarů. Pěsni srbské wyšli, prwnj swazek. Brzo wjc nowin skrz Ehrlicha. Prosym, prosym, brzo, prosym. Waš J. P. Jordan.

Adressa: Stadt Frankfurt, Fleischergasse, I Treppe, in Leipzig.

5.

Swérny pšećelo!

Po dołhim melčeńu zasy słowčko! budźeće Wy prawić; hale ńemějće za zło; tulej su moje winy. Ja čakach najpředy, hač bych

Wam néšto wéste powědźić móhł wot toho, štož za džéło mam, kajkež pšihotuju. To traješe dleje, hač sebi myslach; tohodla też nétko, hač runé ničo wac ńewém, hač pšed dwémaj mésacomaj, tola Wam prawu, što my wo našej lubej Łužiskej džéłamy. Néštož— kuliž sće Wy z „Ost und West" zhonili; to dale ńepowédam; serbske Pésnički su wujšło, joli zo dostanu, da Wam préńi zwazk póscélu. „Małoh Serba" też znajeće; duž też wot toho melču. Nétkoj jo na mni ŕad. Ja wudawam préńe listno (arch) serbskich pésničkow za naš lud, zo bychu woni ńezabyli, zo serbja su, ha serbski spéwać maja. Wy je bórzy dóstańeće. Dale: Rańše ha Wečorne paćeŕe na kóždy dźeń cyłoho tydźeńa" za podjanskich Serbow; džež (kaž też wo pésničkach) ze stareje podjanskeje orthografije do noweje wše- słowańskeje pšestupuju, tak zo č pisam čž, ć=ćž; ł=ł; ṁ=m; ń=ń h. t. d. У po m, b, p, w, ł, džež khatólscy je ó wupraja, pisam pa y, pa ó, zatymhač ńe zrozemić móža. Tak sebi myslu, budu jich pšihotować k tšećom mojom džéłu, kotrež nétk wudawać zamyslił sym. Što pak Wy mysliće, što to je? — zhudawajće!—Wy šće ńewésće?—No ja chcu Wam prawić, hale ńestróžće so jara! — Nowinu! što?—nowinu? so Wy prašeće! Haj nowinu, słyšće je Wy ha wšicy Češa z Wami. My Serb'a, horno-łužisćy Serb'a dostańemy ze zpočatka noweho léta nowinu, pod ṁenom: „Jutrnička, nowiny za Serbow" [1]), kóždy tydźeń wuńdźe poł listna wo 8°, ha tam ha sem pšidawki ha pozjewéńa, h. t. d. Belletristicke, wédźećske (umělecke), ha wučene zpisowańa budža w nich našom ludej podawane, zo by też wón bóle so wuwučił, bóle so wudozpownosćił (vervollkommnet), wacy nawédźil ha zpoznał, hač nétkoj wé; zo by wón druhim słowańskim ludam so pširunosćił ha za swojimi susodami, Némcami kwatał ha wo wšém dobrym wédźeńu jich zkeŕe ha lépe dósćahnył. Ale naše mocy su mało, zwopréd-ka budže dŕe nam trochu ćežko panyć, tejko wotbyć, zo bychmy ničo ńezhubili pši tym; naši Serbojo budža dŕe naše nowinki rady lazować; hale prédy hač budža wšicy je namakać so domasać, zo je to jenoj za nich, k jich lépšomu, budže čas trébny. Tohodla so my k Wam wobroćimy, lubi čéscy bratsja, ha Was prosymy, zo byšće też Wy wo nas so starali. My Waše „časopisy" mamy swéru ha z radosću je „čitamy"; tak da też Wy wozće hoŕe z lubosću, štož my Wam z našoho domu póscélemy. Wy našu ryć rozemiće, kaž „rodnyja bratja"; to widžimy z Wašich nowinow. wo kotrych Wy naše listy ha „dopisy" serbski wotćišćeć dawaće. Dyž „čitajće" da też našu nowinu, našu čerstwu, młódnu jutrničku, kiž po

[1]) Первый № вышелъ 1-го февраля 1842 г.

dołhej, dołhej nocy prėni króć hořestupa na serbske pola ha ho— na. Pójće z nami won na naše stare hory, džež Česka z Łužiskej mezuje; pójće ha zradujće so na tych krasnych, čerwenych zerach, kiž hoře stupaja na našich serbskich holach (Haide) a lėsach, čerwene, kaž swobodnosće płomo, dyž wo nócnej ćemnosći ludy hoře woła z tym wulkim słowom: „pójće, tam je ńepšećel!“ Tam na našej starej Prašicy (hora), tam podajmy sebi bratrowske ruki naše, ha hač nas ruńe hory ha kńeztwa džėla: da tola zajuskajo wołamy my: „Milujmy so, my smy jeden lud, jena mać je nas zpłodžiła, jedyn duch dyrbi nas, budže nas wodžić“. Redakter Jutrnički budu ja sam, wudawać ha założeć budže ju Wellerec knihowńa (G. Schlüssel) v Budešińe. Płaćić budže, štóž na celo lėto habo na pół lėta p'eńezy prėdy da, toler ha pół toleŕa; kóžde listno wosebė pak budže so pšedawać za dwaj kroškaj, 6 Pfennige, nėdže 4½ kr. Štóž na pół lėta habo na celo prėdy płaći dostańe też swoju jutrničku na lėpšej, bėlšėj papėŕe. Orthografija budže wopredka kaž prėdy wopitach za pėsnički moje. Po mału pak budže so polėpšić, hač' dže do cela wšė-słowańska.

Dowoleńe ktomu dostanu nėtkoj ruńe z Budešina; ha pšipo — wėdowańa toho pšipośćelu Wam borzy.

Nėdawno sym Wam ja tak ńenadžicy pisał, zo Wy sami snad = prawe wėdželi ńejsće, schto ja chcu. Ja sym z Teubnerom, jednym z tych najwėčich knihićižćeŕow w Lipsku dawno hižo znaty. Pšez swatkami, dyž ja Lipsku pobych, chceše wón moj pólski mėć. Dy pak ja jom proby posłach, da zpózna so wón wo tym času z jenym kniheŕom (kněhkupcem) z Wilna, towaršom Zawadzkeho kniheŕńe, kotryž jomu wele lóšta (chuti) k pólskej pismenosći načini. Duž da wón, dyž ja joho nėtkoj wopytach (besuchte) mi wupowėda što a kak wón zmyslił, celu pólsku čišćerńu założić, a jenu pólsku knihu po druhej wondawać; wón so ńe wopraša, hač bych ja te wėdženie toho wudawańa na so wzać chcył. To so wė, zo ja haj prawach. Z tym bė wón jara zpokojon, a poča pońenować wšelake knihe, kotreż jom tón Polak poradžił bė. Najprėńu pak, pšistawi, chce wón tu wudać, z kotrejež ja Wam, něšto pósłach. Tak ja ńebėch ménił; z ńemskoho do Pólskoho ja ńemóžu pšełožeć; hale to ja jomu tola prawić ńesmėdžach, da džėn bė jóho celo prėdkwzaćo horezbėhńene było a Słowėńo ńebychu žanu pólsku ćišćerńu w Lipsku méli, tajku tola nic, kaž ja ju wuwesć chcu. Tohodla sym ja Was wobćežował z mojej prostwu, zo byšće mi to pšełožili. Ja hižo nėkoho mam, kiž budže mi celu knihu pšełožić; a tohodla sym bewšeje starosće. Hale ńepowėdajće Wy ničo wo tym dale! to wostańe ńelčo!

Kak daloko sće z Wašim Słownikom? Sće Wy Revue Slave widźeli? Ja mam ju nětklej ruńe pod rukomaj. Dy byšće ju měć chcyli, ja bych ju Wam pósłać móhł. Tola pisajće mi to. Wo mojej Revue šće něco wěste ńewěm; móžno, zo ju bórzy wuwědu. Wone jo to ćežko; dyby jeden wědžał, zo by jeden wot Rusow pomoc dostał? Ale to jo ńewéste. Što sebi Wy wo tym mysliće? Z Ćeskej my skoro ani jednu knižku ńedóstańemy. Musejnik, Wlastimila a Kwěty sebi mój z Kłosopólskim dżeržimoj. Hewak ničo nimamy. Jow su 5 łužisko-Serbsky; jeden Bulhar, jeden Južno-Serb (Magazinowit'), jeden Polak, 1. russki žid kup., kóždy tydżeń pschindźeja jeden wječor ke mńe.

Waš swérny J. P. Jordan.

Pšipołožu jeden Anzeige, kaž so Łužiskej wudawaja; za druhe kraje jo Jutrničžka za 1 Fl. 8 slébrnow.

Lazujće też pšipołoženy list do Redakcije Kwětow; tam je mój Adress: Gr. Fleischergasse, Stadt Frankfurt.

6.

Drahy přjteli!

Milé psaničko Waši dostal sem skrz Budešin; i děkuji Wam srdečně za Waší práce o naši Jut'ničky (Jut'nički, aby ne byla Gjt'rnička, proto u nas se r w Jutrnička newyslowuje, tak apostroph). Odbýwa se naš časopis dobře; Praenumerantů jest okolo 50; očekáwáme předplacení z Čech i z Polské; taki z Ruska snad bude jich několik. Možna, že Preis i Srezniewski, taki Iwanišew, kterému některé čísla zasyláti mínim, to tam trošku u jižnych i sewernych našich bratrů rozprostraněji. Ale každodenně odbywa se také mnoho exemplarů po jendynce (?), einzeln, naše lidé rad se newážaji, že by to kaupit museli celý rok; za to pak také se postaramy. Ja to tak rozpořadam, že by nebylo mnoho pokračowání; každý članek wětší ma byti we dwůch čili neywyš třech číslech zkončeny. Aby zas naši Srbowé byli nuceni kaupit druhé číslo, když prwnj odewzali, tak to tak udělám, že jest w každém čisle jeden članek s podpiskau: „dokónčeńe pšichodńe". Že snad Orthografije má se Wám welmi nelibi, bojim se, ale neni možno cely lid jednem pera machnenim, una calami perversione, přewratit. Dočkejte, jak daleko budeme za rok! Uwidimel

Teď také trošku serbski:

Zo Srezńewski we Widńe přebywa, a Wašu krásnu luboznu Prahu ze wšěmi jeje luboznosćemi a krasnosćemi tak mało zabył

je, zo chce k Wam na česki bal pschińć, tolej wšitko je mi jara, jara lubo słyšeć. Jene jeničke jenoj pši tym ńe rudži, tak zo móhł ja kaž džéćo płakać. Ale što pomhaja sylzy, što rudženie? Wone ńeje móžno přečinić, a tak też dyrbju ja so podarmo hnéwać a struchlić. Kak rady bych też ja pši tymlej krasnym wesele był! Kak rady bych ja Sřezńewskoh jenoj tónlej króć śće wohladał? Hale wono ńemože być. „Wy wjésće, zo tu za nékotre dny jutry!" tak praješe ńedy Boži syn k swojim wučownikam! tak praju też ja nétkoj k swojim žadosćam. Jutry přindu, a z nimi Lipska wulka mša. Kejko knihi śće dyrbi hač do toholej časa hotowe być! Też ja mam dwoje hač dotal zkónčić: najpředy prénej dwaj zwazkaj powédančkow, kiž ja pod napisom: Bibliothek neuer slawischen Erzählungen u. Romane. 1. 2. Bändchen Ukrainische Skizzen von Mich. Czajkowski pa Bindera tudy wudawam. 3. Zwázk budža Kosaken-Erzählungen von Gogol 4. najskeře: Hetman Ukrainy wot Čajkowskeho a dal śće ńewjém. Potym pak knižku wotemńe napisanu: Das freie Kosakenthum u. seine Historische Volkspoesie. nach slawischen, deutschen u. französischen Quellen bearbeitet von J. P. J. Ale ja ńewérju, zo budu z tym hač do jutrow hotowy. Tola też to ničo ńeškodži, hale prócować so tola dyrbu.

Jeden tudyjši kniheŕ ma zamós (Absicht) wudawać: Mahlérisches Böhmen; w némskej a českej ryči. Tohodla so ja mam Was prašeć, što Wy méniće, hač by tajkalej wéc wotebrana była też wo Čechach? Rycíny na worcelu (Stahlstiche) budža jara rjane, a zwázk toho nic dróžši hač médže dwadcetnik 50 xr. w.w. Dale da so wón Was prašeć, koho byšće jemu Wy poručili, zo by text wudžéłał, a druhoh, zo by te méstnosće, hrody, cerkwe a tak druhe malować móhł. Kóždemu, to so wje, by dełe próca zapłaćena była. Ja Was prošu za Wašu radu wo tymlej; dokeliž by mi lubo było, dyby też wo Lipsku so započało, za češke „čtenarstwo" so džéłać. Tola dyrbu Was ja prosyć, wo tymlej zamósu nikomu dale ńepowédać, dokeliž snadž by hewak néchtóžkuliž też to započeć móhł.

Antiquar Armbruster jow w Lipsku da česku knihu čišćeć, kiž budže stereotypirovana; što, abó kajka je, to ja dale ńewém, a zhonić ńemóžu.

Budžće strowy a lubujće kaž předy Wašeho swérneho

J. P. Jordana.

Pšipołožu wam Serbske Pésnički, wotemńe wudate; tej druhej dwaj exemplaraj bydžće tak dobry, a dajće Šafarikej a Stańkej.

Abyste Wy Češi, čtaucj našj Jutr'ničku, nemjnili, że máte gi-

trničku před sebau, tak udělali sme z ni Jut'ničku, proto že se r w Jutrnička newyslowuje wůbec.

Lipsku,
26-teho Januara 1842.

7.

Nejctěnější příteli!

Přísylám Wám tady některa oznamenanj mého časopisu německého s prosbou, abyste s tauže, kterauž wždycky pro mně měli ste, přizniwosti o zbiranj podpisčiků se postarali. Wjte, že prwni ročnik je neytěžši i nejmiň nadějí podáwá; pročež aby Binder, s kterymž ja se w zisk i w utraty dělit mam, nestratil zaufalnost k celému podnikáni, welmi jest potřeba, aby každý o wěci této pečliwý se oto postaral, že bychom tolik odbytu měli, aby weliká nam z teho nebyla škoda. Wjm, že Wy mnoho takowych mužů znajete, kteři radi wšecko podnikají, což Slowanstwi se týcě. Přídam tedy některa Subscriptions-Listen. Rozdaweyte je i rozmnožte, jakž wjte a umite. „Jutnička" přeměnila se w wědecky časopis. Tydženska nowina, kterauž Sejleŕ w staré orthografii wydáwá, ma zůstat pro lid; wšecko interesné uwidite z I článku: „Što a kak?"

Konečně mam ješte jednau prosbu. Wy wjte, že naši šwabšti sausedi, pro kterychž „Jahrbücher" taky se píší, welmi mnoho ohledu maji na weliké, slawné mena; proto, aby widěli, že ja ne sam pro Slowanstwo pracuji, potřeba jest, aby i jini Slowani, kteři slawného mena užiwají, asi jen malicherny články do prwniho ukazujiciho listu (Probeheft) posylali.

Pročež i Was, welectěný pane, prosym, abyste mně něco o české wěcy napsati byli tak dobrotiw; snad o české mince, o českých národnych školach, nebo cožkoli Wam zabawné i interesné se zdáwa byti. Dale prosym, abyste jinych také mužu powzbuzowali, že by mně pomocj swau i dopisy swymi pomoc přinesli. Pana Dr. Šafařika i Zapa budu sam prosit, aby mně něco poslali; přiložené psaničko do Pana Zapa prosym addresowati, protože newim, kde ted' se bawi.

Kdybyste Wy sam, nebo někdo jiný něco chtěl napsati do prwniho už swazku, coz bych od Was nejučtiwěj i nejhorliwěj žadal, tak prosym, aby to w prwnich dnech Oktobra w Lipsk pod Addresu: „Redakcija Jahrbücher für slaw. Lit. K. W." poslali.

Kde su tedy Srezněwský i Preis? Žadneho slowa o něch.— Bodjanský chtěl přijiti do Lipska i nepřišel; jel prý skrz Prahu

w Moskwu. On přislibil Jutnički, kterauž teď na mé autraty wydáwám, odewzit mnoho exemplarů; přesylam mu tady některé i prosym, abyste Paket tento addresowali, jakž wjte, žeby nejdřiwěj k němu přišel, t. j. Bodjanskemu.

Ostatně mějte se tak dobře, jakž Wam srdečně přeje Waš svěrny J. P. Jordan.

Paklik ten Zapowi w Lwowě prosym addresowat i tam cestau, kterauž Wy lepěj znajete, mu odeslat.

Preisowi i Srezńewskemu po třech eksemplarach newjm, jak i kam posylat; prosym, že byste se Wy i oto postarali.

Waš J. P.

P. Dr. Kunike, který ted' tady bywa a dobře zna Prof. Pogodina, ptá se, jestli Pogodin byl u Was, w Praze i kam od was šel. Odpowědte mi dobře i prwnim psani na to. On dlauho byl w Rossii i miluje Slowani.

Lipsk,
29. Augusta 1842.

8.

Drahy příteli!

Přišli Wam tudyž cedulku na Kronbergera a Řiwnace znějicí na pět zlat. stř. s tau prosbau, abyste ráčili těmíto pěnizy zapsati mě mezi „Osnowatelé matice české“. Zaplatim, jakž miním, že to dowoleno půlročně pět zlat., aby za pět let wšecko bylo wyplaceno. Knihy, které jakž daufam, od prwního Ledna 1843 wyšlé, tedy budu dostawati, prosím přisilati mi skrze Kronbergera pod napisem: „Redakcia letopisů za slow. lit., umění a wědy“ u Robert Binder w Lipsku.

Welmi utěšilo by mně, kdybych i některé stařejší spisy, třebas z lonšího, jakž Smetanowu fisíku za lacinějši cenu, nežli u kněhkupce, dostati mohl. Newím pak, jaké w tym ohledu máte ustawy.

Matice česká wětši i wětši děla prokroky. Wěru k podiwení jest, co ona w zašlejm roku wyrobila, i co na přišly welikého zamýšlila. I w celych Čechach duch narodowosti i češtiny, Bohu wěčné díky!—tak se rozprostranje i rozšiřuje, že temu i Slowané i sausedné narody podiwiti se musejí. Smutnější, welmi smutnější staw w tem ohledu bratrů našich Slowaků. Prawda, že nesmějí, i že Maďarčina wšude jim předskakuje, ale čí teho wina? I zda se wěru, že našim bratrum, w konstitucijnym kraju žijicim, schazi

chrabrost, i smělost, i wytrwalost. Dobra jest Nitra, ale malo mezi welikou hromadu se rozejde. Časopis potřebuji Slowaci, politicky časopis; jim nedostawaji již kalendaře, ačkoliw i Bělopotockého. Že dowoleni nedostanau? či teho wina? Není šlechty slowacké ani jedného muže, kteryby opět i opět auřad o té wěci bombardowal. Smělost! bratří! Nejlepši příklad Wam dawaji Maďarowé. Oni by zůstali Finowé až wěki wěků amen, kdyby nebyli směli i chrabry. Wideňsky kabinet dowoli teprwa, když musi. I toto waše dělo jemu důkazati, že musi. Což byla by konstitucija, když nebylo by chrabrosti i odwažliwosti? Toto mé myšlenky o Slowakach i wypowim jim teže w příšlym třetim swazku letopisú. (Druhi ten tyden ukončil se). Jinač to u Was Čechů. Wy mate ticho postupati, aby neslyšeli kroky Waše ani břinkani ostrohů Wašich.

U mně moho tedy se uměnilo. Ja chorowal sem celu zimu, i unor cely ležel sem w posteli. Uniwersita zdějši čili lepěj Ministerium udělalo mně Lektorem publicum slawicae linguae et literaturae, i Uniwersitetsky fakultet Doctorem philosophiae. Cely byt můj přejinačil se wydawaním letopisů, které mnoho pracy i malo wynaši užitků. Třeba bylo, abych se postaral o stalý byt domowy i nechtějíc držeti si hospodářku, wezmu si hospodini. „Takto se časy minau, tak swět tento běži!" I wy možna nedočekali ste wěci těchto tak rychle i tak brzo! Jsaut' ale, i fakta nemohau se zapřit'.

Že o rozprostranění letopisů přítelně se ustarate, i bez prosby mé wim i daufám se od Was; proto že Wy wždycky milowali ste mně i nevyhnutedlné díky i neskončenau milost' uplodili v sercu teho, ktery nikdy nezapomene, že Waši příchylnosti zawděci nemal wšecko, což jest.

Waš upřimny i wděčny J. P. Jordan.

Lipsk,
10-teho Března 1843.

9.

Lubi bratsja Słowieńscy!

Z ńewuŕeknitej radośću podam Wam tuhlej préni pokazk wzrostowaceje našeje narodnośće, pšimnóžaceho so našeho wukniwstwa: préni list noweho słownika ryče hornjo-łužiskeje, we kotrejž też tute rynčki pisam. Wozće je jako zawdank našeje najwutrobnitšeje česćiwośće a lubośće nic jeno k Wam, ale też k celomu narodu, kotrehož kwěć a krasność Wy sće.

Waš, cele Waš P. Jórdan.

Kněža: Ammerling, Hanka, Jungmann Jozef, Palacký, Prejej wobaj, Staněk, Šafařík a celo Čechowstwo.

Lipsk,
20 Aprleje 1844.

10.

Najčesćeny Pańe a rodako!

Dołho hižo chcych Wam někotre rynčki pisać, zo byšćk najmeńšom zhonili, zo šće sem žiwy a zo na Was pomysliwam. Nošo pak so z nadžiju, zo létsa w započatku běžaceho měsaca dPrahy pšindu a Was tam wosobiće namakam a z Wami stare časpšemyślju, wostajich dalše wukładowanje swojich zaměrenjow ha do toho krasneho časa. Ale Bohu bydž žel, nejo mi móžno Prah tolej léto wohladać. Ja dŕe pobych ńedaleko Prahi, w Sadcu pćowawši z mojej žonu z Egeru do Karlowych kupeli a Čoplic; alńebė mi dowoleno hač k Wam dóńć, mój čas bė jenoj krótki a mja žona ńesmėješe tak daloko jėć.

Wudaty wotemńe a Pfuhla-Łužana serbski słownik (I zwjazkzawėšće sće wot Ehrlicha abó Kronbergera dostali; prošu Watehodla, napišće mi swoje wėrne a čiste, Wašeje lubošće a pšćelsnošće ke mńe hodne mėńenje wo tymsamym, zo bych ja wedžašto pšemėnić, što pšečinić a pšehinačić mam. Byli Jungmann swoje mėńenje też wotedał, by mi jara lubo było; bydźce tak dobry,poprošće jeho wo to.

Hižo wjac króć su mńe tutejči kniharjo prosyli, zo bych mały čėski słownik napisał, kiž by so stereotipować móhł; kóždemu pak sym hač dotal wotmołwił, zo jeden z mojich pšećelow tajki słowničk piše a zo ma bórzy (skoro) wuńć. Tohodla su hač dotal šće wostawili. Rady pak bych ja tola wėdžal, što so z Wašim stańe, prošu Was tohodla wnutrńe, pišće mi prawje khėtry (w krótce): je Waš słowničk (česko-nėmski) skoro hotowy? pa koho ma wuńć? Kak wulki budže a kak drohi?

Moje „létopisy" su so trochu poškodžiłe(?), ale to nic mojedla ale z kniharjowej Binderowej winu; wón je ćeknył a ńetra so wjac wrócić; ńebudželi tu za dwė ńedželi, da wudam ja létopisy za swoje ṕeńezy. Štworty a też pjaty zwjazk je hotowy.

Wudawam tez mały stereotypny polski słowničk, kiž ma za nėkotre mėsacy snadž za tši wuńć; ⅔ je hotowe.

Dale wuńdže telej dny wotemńe: Die slawischen Sprachdialekte in kurzer Grammatik, Chrestomathie u. dem dazu gehōri-

gen Wörterbuche. I Heft: *Die polnische Sprache*; skoro po tej, zawěsći do Jutrow (Welikonocy) 1845 češki, potom ruski, dale serbski (łužiski a južny) ilirski, slowenski, slowački, starosłowianski jazyk.

Zo mam pši tym džéłać dość, sam widžiće. Bóh daj mi strowość a pšećelow, kiž bychu mi pši tym k ruce byli.

Ke kóncu hišće néšto.

Pšipołożeny wyćahwk z Brockhausowej Encyklopedie (Konwers. Lexicon) mam ja pšedžéłać. Néštožkuli je so pšeměniło wo ten čas, zwotkelž je to pisane; tehodla prošu Was, pšipišće mi, što snadž šće mysliće, zo by dobre było, zo by so zpómniło; pšipišće to češki abo němski, ja budu to zawěšći pšepisać a pšečinić. To so rozemi, zo nichto dale nězhoni, zo šce Wy sam mi što do pomjatka powołał, to wšitko wostaňe bez namaj. Ale za dwě ńedžele, najpozdžeso k 1. Septembrej dyrbu za to méć; ńepisaće mi hač dotal, da myslju, zo mi ńičo nazpomnić abo nimaće abo ńechceće.

Hač do tam ze staroj lubošcu a džakownošću Waš wérny

J. P. Jordan.

Lipsk,
20 Augusta 1844.

11.

Nejdražši Pane!

Pana Leontiewa Ruského i P. Piechowskeho Polaka z Moskwy, odbywajících nauki w naší Universitě na aučty ruské wlady, kteři i nějako porozuměli se s českim jazykem u mně, zwlaště Leontiew, poraučim Wám srdečně, i z přileżitosti té ziskajic neypěkněji poděkuji se za psaničko Waše i přesylání lomku z Michlowé literatury. Některy krát už pisal sem w Prahu aby mi tuto knižku celou poslali, ale že posud ještě sem ji nedostal, proto prosím Was, byste račili skrz Ehrlichowé čili Kronbergrowé kněhkupectwí poslati mi celou knižku Michlowau i těchto panu poprosit, aby mně ji nejbrzce poslali. Gdyž přidu do Prahy, což zajista budauciho roku se staně, zaplatím Wam nejen tuto wylohu ale i stary mój dluh, který bohužel tak dlauho již u Was mam.

Že tak welice wšecko se proměnilo w Čechach welmi mně těši, protože wím, že k lepšimu se proměnilo. Abych pak to poznal i po tém zaměry mé o Rakauské wladě i čechowstwí spořadal,

musim přijit w Prahu a sam, swojimi oczyma prohledat, co se sta[illegible] wa. Až tak se uwidime, zůstaňte, prosím, přitelem jakž posud

Swojeho J. P. Jordana.

P. S. Račte dobrotiwě panu Jungmannowi poslat ten lis[illegible] Michlowa spisu, w kterém o Jungmaně se děje, abi on (Jungmann [illegible] mohl jestli zachce swé připisy udělat.

Lipsk,
8. Rijna 1844.

12.

Drahý pane!

Přinesau Wam tyto slowa dwa Nestorijane z Kurdistanu[illegible] z Persidského Pašaliku Urmia; kteři byli w Anglii, w Berlinie tu[illegible] i jdau do Draždan, Prahy, Wiedňe i dalej domu—a wšudžom[illegible] pěnezy zbéraja, zo byštaj dwe dźesći, kotrež wot Kurdow zajate[illegible] stej, zas wypłaćiłej. W Londonie dostałaj staj 250 funtow ster— lingów, w Berlinie też a drudžom wšudže, džejź staj byłaj. W Lon— donej su pěnezy pósłali pšez angliskoho posła w Carohrodže[illegible] Bramborscy-Prusy scelu pšez swojeho posła v Carohrodže, my[illegible] jow pšez jednoho z teju dweju.

Wy jako dobry čłowek, a sobučujicy druhich ńezboże[illegible] a wele płaćo w Prazy po Wašich bohačow, zawesći ńendźeće zły[illegible] zo Wam tejulej bohich ludžičkow pšiposćelu. Činće štož możeće. [illegible] a dajće jim pismičko sobu do Widnja. W Prazy myslju mohła[illegible] lohcy šikwanu hromadku pěnez nazbérać.

Moje létopisy su VI zwjazk hotowe; VII je w Ćišćerni; dy— pak wuńdže, ńewem šće.

Za nekotre ńedźele snadź dostańeće nowinky kiž dže Was welcy zpodziwać ale też – zweselić. Tola dočakće hač do potom.

Gutm... pšińese Wam nowy spisk mój o Wuhrach; što bu- dža nam w Widnje prawić?

Polski słowniček a polska Chrestomathia wotemńe stej ho- towej, pšiposćelu Wam z prěńej pšileżitošću.

Konečneho „kapesní“ ńej k ničomj, wudajće wy swój hač nanajkhětsišo, a zhoniće, zo Waš kóždy kupi. Škoda, zo sće tak dołho čakali; ale móže Ehrlich, da ńech wuda; škody, ztoho žanej ńezmeje.

Poruči so Wam waš jednak wérny a swérny

J. P. Jordan.

Lipsk,
31. Rijna 1844.

18.

Česćeny Kńeže a Pšećelo!

Wy jara derje wésće, kak ẃele džaka ja Wam dołžny sym za Waše praẃe wótcowske powzbudžowańjo a popomhowańjo mojemu słoẃanskomu duchej a mojemu słoẃanskomu prócowańju! Zo ja to nidy a nidy ńezabudu, deŕe wedomo jakož mi a kóždomu kiž ḿe zcyła znaje. Ruńe tak deŕe jo mi tež to kóždžičku minutu před wočomaj, kak ẃele ja hišče wot Was a z Wašich knihi wuknyć mam, a dołhi čas wuknyć zméju. Tež ja ženi ńejsym ani zjawńe wo pismach a knihach, ani bez pšećelemi to potajił, ale ẃele bóle wšudžom a pšecy moju džakomność k Wam zjawńe wuznawał.

Zo pak pši wšim tym mojej méńeńja wo tej abó druhej wěcy wot Wašich so dźélić a rozšelakosćić moža, haj po pširodnym puću wécy so wšelakosćić dyrbja, to dže Wam so ruńe tak mało džiwno zdać hako mi. Haj mi so zda, zo bych ja ruńe Was, mojeho wučeŕa hódny ńebył, kdybych wšitke jeho słowa sleṕe na so wzał a za kóžde so pšiznać chcył, ńerozmyslijo sej hač so to z tym wšim hodži a jenoći štož sym abo wot Was, abo wot druhich, abo ze samoho sebe nawuknył abo wuwuknył. Tak sleṕe može jenož hubeny a suchi duch postupować; a z tajkeho nikomu čest a khwała ńepšińdže. Čohodla mi móžno ńejo nétkolej Waše polepšowańja w čéskej Ortografii za dobre poznać, to jo w mojim spisku daleko a šéroko wukładžene. Tak dołho hač so to za wopačne ńedokaže, ńemóžu a ńesmém ja wot tam wypsajenoho wotstupić. Štož jsym ja zmolił a Wy mi nětko popisali, to sym tež wuznał tak ruńe a swérńe, zo budžeće zawésći z tym spokojom. Maće Wy dale što, da chcu je rad ho pšiwzać a wotćišćeć dać.

Deŕe snadž by było, kdybyšće Wy mi nékotre Exemplary Wašich spisow: 2 Ewangelium, 2 slowanske Mluwnice, tež 1 Igora 1 Waše pésńe, 1 Waš prawopis, 2 čéskej młuwnicy, 1 starobyla skladanie atd. po jenym posłał, zo by je ja wot tudy tym, kiž žadaja, pšedać móhł, tak kaž to wo šéstym zẃazku róčnikow wozjeẃene jo.

Tež móžu, joli mi 500 wyćiskow Wašoho nowoho wozjeẃeńja Wašich nowych knich pósćeleće, je mojim róčnikam pšišić dać.

Što prajiće k mojej „Bibliografii"? Joli tak dobra abo kak?

Wo Łužicach so ničo kmane ńečińi. Z mojich Ročnikow budže Wam zpóznate, što abo kak sym ja wot tych ludži hoŕe wzaty. Wšitko, štož jsym ja préńi započał, wo to woni so ani ńestaraja, a čińju kaž by tu docyła ńebyło. Jutničku ja préńi započach; wo-

ni mi ju wzachu. Maćicu ja započach, widach k tomu na 60 to (= 90 zlatých we stř.) za Pfuhlowy słownik, z kotrohož wunošk je što k Maćicy so kłasć; ale wo to so nichtó ńepostara, štož nalėto w Budešińe so započa, bė čisće *nowa* wėc! Nėtk, dyž su ło lėto na wustawkach abo statutach džełali, nėmaja ani tak ń ńeńez, zo bychu je čišćelił Bože mój, dybychu je jenož do Lip pósłali, mi mamy tu čišćerńow dosć.

Też pola Podjanskich so nowo žiweńjo hibe. Dachant—Bis *Dietrich* jo prawopisne prašeńja wustajił, a wučeŕjo a ducho maja na ńe wotmowić. Resultat hišće žadyn ńejo. Ja sym jim h dom wobšėrny „Denkschrift an die wendisch-serb. Geistl. u. Sc lehrer in der Oberlausitz, die wendisch-serbische Orthogra sche Frage betreffend" napisał, a kóždy jo je čitał. Młodši su bóle wšicy za mńe, ale starši se boja, zo to mózno ńebudže, my chcemy. Ńeńdže ničo pomhać; ja 'du jim dyrbić nėkajku ličkosć čišćeć dać, zo widža, kak dže.

Kak so Wam lubi Smolerjowo ř? Ja ńewėm kak dyrbi šulski hólčec nawuknyć, při a před pisać? To dže moleńjo a wėstosć bez kónca. Tulej žadławu mysl jo jim Čelakowský na jił! To ńeje jara šikwane. Dželi to tak dale da budžemy my bja naposledku čėski a pólski pisać *chcyć*, a tola (ničo hač) nėn *pisać*. Nó kaž Bóh zechce! Ja sym swoje činił, a wėčńe hotc to pušćić, štož za ńelepo a ńemudre so wuznaje; ale kak nam p hać, to nichtó ńewė a ńemóže, dyžli sam Bóh! Dyž tohlej wš sej tak rozmyslju, da bych chcył, zo bych so z Čechom abó turk skim Serbom narodžił. Štó wė što šće ze mńe budže; za dwė l snadž budu Serb abó Ilir!? Čas a wosudk spodžiwnu kekliju mnu hraje, džens tu, jutśe tam!. Jenož jedno ńebudže mózno, mńe nėmčić!

Bėch letsa rady zas do Prahi pšišoł, a też trochu dale do V heŕ a do Serbska pokuknył, ale ńejo mózno, ńeńezy su mi khe wulėtało a tak wostanu doma.

Lubujće kaž dotal Wašeho J. Pėtra.

P. Krońbergaŕ ma za Vás Letopisů mojich 1844 svazek 8. i 9.; poslední tři newyšly i nevyjdou, pro bankructwi Bindero žadaný od Vás swazek II. roku 1843 přiložím tuhle!

Váš Petr.

Také jednoho předchůdce Vam podá G.

Panu Hankowi

Lipsk,
6. Junie 1846.

14.

Любезный другъ мой, Вячеславъ Вячеславичь!

Докончая изложеніе свое русской литературы, немогу образъ Пушкинской поэзіи, яко нужно это, выкреслитн безъ помощи его сочиненій. Для того прошу васъ усердно о милость послать мени, имѣете-ли, полное собраніе Пушкина, или по крайней мѣрѣ его поэзіе, то ест, первые четыры тома изданія года 1838.

Усердный вашь Іорданъ.

Въ Ческое народное Музеумъ. Его Благородію Господину Вячеславу Вячеславичи Ганкѣ, Кавалеру св. Анны etc., въ Библіотекѣ.

въ Прагѣ,
12/24 іюля 1851 г.

15.

Milý Příteli!

Ráčtež doručitelovi tohoto odevzdati na par neděl „Constitutionelles Blatt aus Böhmen" a „Bohemia" roku 1848 od měsice Března až do Června. Já ji potřebuji tuze rychle pro ňakou práci; sic bych přišel osobně Vas o tu laskavost poprosit. Odpust'te této smělosti a ráčte vyplnit prosbu Vašeho Jordana.

Panu Václavovi Hankovi. Zde. Prosí o odpověd.

V pondělí,
26 Května, 1853.

Вукъ Ст. Караджичъ[1]).

1.

Мили и многопоштовани Господине и пријателу!

Врло Вам захваљујем на вашијем књигама, које сте ми послали по Г. Шафарику с писмом од 9/21 о. м. И моја Мина такођер Вам захваљује на Вашијем пјесмама, које сте јој послали.

Примио сам од Г. Шафарика и једну форинту у сребру, коју сте послали за Флора Ивановића Огњева.

[1]) Одно письмо Ганки къ В. С. Караджичу сообщено В. Богишичемъ въ дубровницкомъ журналѣ Srdj, II, 1903, br. 4.

Шаљем Вам по Г. Шафарику трећу књигу Српскијех народнијех пјесама и молим, да је примите без икаке друге плаће осим пријатељске љубави.

Знам, да сте послали у Србију Његовој Свјетлости Ваше Ремешко јеванђелије, али не знам, јесте ли примили одговор: ако нијесте, молим Вас да бисте ми јавили, јер ја у Априју, ако Бог да, мислим у Биоград па бих могао напоменути.

Препоручујући се за свагда вашој пријатељској љубави и од срца Вас поштујући остајем Вук Стеф. Караџић.

У Бечу,
17/29 Јануара 1848.

2.

Многопоштовани пријатељу!

Ово писамце вам шаљем по госпођи бароници Шлојзнеркћери Г. Гагића, Рускога конзула у Дубровнику, и молим вас да бисте јој ту у Златноме Прагу што показали и као туђинци у томе мјесту у свачему од помоћи били.

Ваш дојакошњи Вук Стеф. Караџић.

У Бечу,
6/18 Септембра 1850.

3.

Високоблагородни Господине!

Од она два пакета, што сте ми послали с писмом од 29 маја/11 јун., предао сам један владици Црногорскоме, а други г. Раевском. Моја ћи особито вам захваљује на пјесмама вашима и на Краковјаки, а и ја особито на Краљодворском рукопису и на осталијем књижицама, које сте ми овога времена слали. Од Српскога рјечника сад је у послу 30 табак, и за цијело се надам, да ће на свршетку ове године бити књига готова са свијем.

Молим вас, да бисте приложено овдје писамце предали г. Душану Ламблу: ја бих најволио, да му га ви у руке предате, ако ли то није могуће, а ви му га поуздано пошљите.

Ваш покорни слуга Вук Стеф. Караџић.

У Бечу,
16/4 јул. 1851.

4.

Милостивый Государь, Вящеславъ Вящеславичъ!

Захваљујем вам на Остромирову Евангелију, које сте ми ıали преко Г. Михаила Ѳедоровича Раевскога.

Шаљем вам овај пакет из Питера; имам да вам пошљем један врло широк и дугачак а танак (као да су у њему не-ве дипломе), ако га с овијем не примите, знајте, да ми га на ти нијесу хтјели примити, него ћу гледати, да вам га по-м по каквом познанику, који тамо пође; ако ли би ко од вас ао амо, упутите га на мене, да му га предам, кад се врати).

Ваш поштователь Вук Стеф. Караџић.

П. П. Пошто је ово писмо било запечаћено с пакетом, мио сам за вас од Извјестија Императорской Академіи наукъ ıм листова (20, 21, 22, 23, 24, 25 и 26) и од ове године три га (3, 4 и 5) и једну књигу Николая Лавровскаго, које вам шаљем сад са овијем писмом преко Г. Шафарика.

Вук Стеф. Караџић.

У Бечу,
18 марта 1853.

5.

Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславичъ!

Поред ваша два велика пакета шаљем вам још два мала: ıн за Г. Шафарика, а други за Г. Палацкога, и молим вас, бисте их поменутој господи предали.

Ваш поштователь Вук Стеф. Караџић.

У Бечу,
22 октобра 1854.

Д. В. Карѣйша [1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Пріятное порученіе, возложенное на насъ г. Априловымъ, сожалѣнію не можетъ быть исполнено нами лично. Тяжкая трическая лихорадка, которою занемогъ братъ мой въ Вѣнѣ,

[1]) См. выше стр. 12.

не позволяетъ намъ отправиться на цѣлебныя воды Богеміи и тѣмъ лишаетъ насъ пріятнаго удовольствія познакомиться съ Вами, человѣкомъ, стяжавшимъ такое почетное имя въ ученомъ мірѣ. Прилагая при семъ письмо г-на Априлова, я имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что принесенныя имъ Вамъ въ даръ 10 книгъ и брошюръ на Болгарскомъ языкѣ я передалъ почтенному священнику при Русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, г-ну Раевскому, для доставленія къ Вамъ въ Прагу.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности имѣю честь быть и пр. Дмитрій Карейша.

Monsieur, Monsieur de Hanka, Directeur du musée national, à Prague, en Bohême.

Вѣна,
20 іюля 1845 г.

Е. А. Карлгофъ[1]).

Вы можетъ быть удивитесь, получа письмо мое, можетъ быть вы едва помните въ числѣ множества русскихъ, посѣщающихъ васъ, двухъ путешественниковъ съ нѣмецкою фамиліею но съ славянскими сердцами. Эти же путешественники, когда не были разлучены, вмѣстѣ и часто вспоминали съ наслажденіемъ часы, проведенные въ вашемъ обществѣ. Теперь я осталась одна и ни горести, ни заботы, ни перемѣна мѣстъ точно не изгладили воспоминанія о Прагѣ, о прекрасныхъ ощущеніяхъ, которыя возбудили въ насъ благородныя стремленія нашихъ славянскихъ братій. Нельзя забыть того, къ чему такъ безпредѣльно сочувствуешь!

Въ Прагу отправляется одинъ мой добрый знакомый г-нъ Соловьевъ; онъ былъ уже у васъ и не хочетъ возвратиться въ Россію, не побывавъ еще разъ въ городѣ драгоцѣнномъ для Русскихъ. Г-нъ Соловьевъ—настоящій славянинъ, онъ можетъ много сдѣлать для нашей народности, и Богъ вѣрно благословитъ его благія побужденія!

Зная Вашу любовь къ русской литературѣ, я бы желала послать вамъ русскихъ книгъ, но вотъ уже скоро два года, какъ я оставила отечество и хотя слѣжу издали литературу нашу, но

---

[1]) См. записки ея: „Жизнь прожить не поле перейти" въ Русск. Вѣстн., 1881 г. О посѣщеніи ею Праги и Ганки, октябрь, стр. 748—750.

не имѣю возможности получать новыхъ книгъ. У меня есть только Герой нашего времени, романъ Лермонтова, молодого писателя, дававшаго блестящія надежды и такъ рано погибшаго! Если вы еще не читали этаго романа, то вамъ вѣрно пріятно будетъ узнать его.

Скоро возвращусь я въ Россію, и позвольте надѣяться, что Вы когда-нибудь дадите мнѣ вѣсточку о себѣ, о почтенномъ Кабцѣ, о г-нѣ Шафарикѣ, которымъ прошу отъ меня сердечно поклониться. По возвращеніи моемъ я надѣюсь основаться въ Москвѣ, куда влечетъ меня такъ сильно господствующее тамъ направленіе къ народности.

Если вы напишете мнѣ хотя нѣсколько строкъ съ Г-номъ Соловьевымъ, то вы очень обрадуете меня.

Искренно преданная Елизавета Карлгофъ.

Парижъ,
14/26 мая 1843 г.

М. И. Касторскій [1]).

Вячеславъ Вячеславичь!

Я радовался и досадовалъ получивъ Ваше письмо; ово отправлено вѣроятно за день или за два до пріѣзда къ Вамъ профессора Погодина, который быдъ у насъ въ Петербургѣ и отсюда отправился къ Вамъ въ Прагу, съ результатомъ нашихъ заботъ о Славянахъ. Никто больше этому обороту не радовался, какъ мы, и дѣла эти находятся еще и дальше въ очень хорошемъ положеніи.

Любовь къ Славянщинѣ растетъ видимо. Вы безъ сомнѣнія слышали отъ г-на Погодина, что я подлѣ Исторической каѳедры имѣю еще и каѳедру Славянскихъ древностей и Литературы,—

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Касторскій (р. 1809, † 1866), профессоръ всеобщей исторіи въ петербургскомъ унив., авторъ извѣстнаго „Очерка славянской миѳологіи“ (1841), статей „О новѣйшей чешской литературѣ“, (Ж. М. Н. Пр., 1837), „О вліяніи Карловингской династіи на слав. племена“ (Ж. М. Н. Пр., 1838), переводчикъ серб. пѣсенъ изъ сборника Караджича.

Въ альбомѣ Ганки Касторскій расписался 4 авг. 1838 г.: „Съ глубокимъ уваженіемъ къ извѣстнымъ всѣмъ вашимъ высокимъ достоинствамъ ума и сердца и съ чувствомъ сердечной признательности за ваше ко мнѣ вниманіе исполняю ваше предложеніе вписать мое имя“.

сначала для опыта, одну лекцію въ недѣлю, которую я всегд умѣю сдѣлать интересною благодаря книгѣ Павла Осиповича, к тораго я благословляю ежечастно. Все шевелится, студенты с мною спорятъ, шумятъ, а все таки ходятъ въ большемъ колич ствѣ на лекціи, несмотря на то, что оффиціальныхъ слушателе по бѣдности отдѣленія только 7 человѣкъ. Есть двое записных любителей Славянщины. Г. Министръ и нашъ Попечитель к Дундуковъ-Корсаковъ любители и покровители новаго направл нія. Жалко, что я стѣсняюсь Историческими занятіями и прига товленіями къ докторской промоціи. Гречь уже далъ Вамъ сво отвѣтъ и кланяется. Отъ Иванишева ни слуху, ни духу; готовя ся и работаютъ. Вы знаете, что Сперанскій скончался. Его дом подлѣ моей квартиры; я ходилъ на похороны, Государь Импер торъ былъ и на дому и въ церквѣ при выносѣ. Онъ былъ б ленъ простудою, но уже было поправился, но масленичная сы рая погода свалила опять,—долго считали болѣзнь неопасною, и послѣ долгаго изнеможенія сильный потъ до того истощилъ, чт старецъ скончался. Осталась дочь—генеральша. Всѣ утверж даютъ, что Его потеря невознаградима. Государь Императо при извѣстіи сказалъ: „Такъ меня Богъ испытываетъ постоя но, надобно терпѣть"; послѣ цѣлыхъ два часа молчалъ и ходил въ глубокой задумчивости.

Вашей Супругѣ кланяюсь.

Павлу Осиповичу, Юліи Осиповнѣ, Войтеху, Боженѣ и Яр славу свидѣтельствуйте нижайшее почтеніе. Первые полгода д меня очень трудны, по всѣмъ отношеніямъ, чтобъ серьезно д мать о самыхъ близкихъ сердцу людяхъ. Впрочемъ увѣрьте с моей стороны въ глубочайшемъ почтеніи и самой пылкой пр данности. Всѣ порученія я исполнить готовъ. Павелъ Осипови возметъ на себя засвидѣтельствовать почтеніе господину Пало кому и г. Челаковскому.

Съ глубочайшею преданностью и пр.

М. Касторскій.

15/27 Марта 1839.

М. И. Катенинъ.

1.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичь!

По сихъ поръ не могу хорошенько очнуться отъ Ваше пражскаго гостепріимства и не знаю, рѣшительно, чѣмъ бы м

заплатить за это [1]). Дѣйствую однако по пословицѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, а потому я открылъ здѣсь подписку на покупку и пожертвованіе книгъ въ пользу Чешскаго Народнаго Музеума. Обѣщаній, конечно, больше, чѣмъ денегъ. По словамъ Данта, адъ, говорятъ, вымощенъ добрыми намѣреніями, но какъ бы то ни было хочу сообщить Вамъ, что обѣщаютъ посылать въ Народный Музеумъ въ Прагу черезъ Раевскаго Современникъ, Бесѣду и Морской Сборникъ, можетъ быть Русскій Вѣстникъ, Отечественныя Записки и Библіотеку для чтенія. Что же касается до денегъ, то я уже собралъ нѣкоторое количество да думаю, что и еще прибавится. Дѣло теперь только въ томъ, чтобы не навезти лишніе экземпляры книгъ, а потому не будете-ли Вы такъ добры увѣдомить меня, во 1-хъ, какія Русскія книги имѣются уже въ Библіотекѣ Чешскаго Народнаго Музеума или въ Университетской; во 2-хъ, какого рода книги болѣе нужны и полезны Чехамъ. На первое время полезно было бы, я думаю, имѣть если не въ одной, такъ въ другой общественной библіотекѣ, хотя по одному экземпляру русскихъ книгъ.

Письмо Ваше Г. Срезневскому, равно какъ и посылку Г. Эрбена я передалъ, онъ за все это весьма благодаритъ. Русскія наши новости не особенно пріятны, много мерзостей, впрочемъ, подчасъ попадается и хорошее, особенно же важнаго ничего нѣтъ.

Въ Августѣ или Сентябрѣ пріѣдетъ къ Вамъ нѣкто Г. Ламанскій, онъ готовится на кафедру Славянскихъ нарѣчій, адъюнктомъ къ Срезневскому. Славянинъ душею и человѣкъ прекрасный. Собирается также побывать у Васъ Сухомлиновъ—профессоръ Русской Словесности при здѣшнемъ Университетѣ—человѣкъ тоже превосходный [2]). Онъ посланъ на 2 года за границу и хотѣлъ непремѣнно быть у Славянъ.

Въ Сентябрѣ, вѣроятно, также увидите и Вашего покорнаго слугу Мих. Катенина.

Адресъ мой: Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда. Въ село Занино. Его Благородію Михаилу Ивановичу Катенину.

[1]) М. П. Катенинъ былъ въ Прагѣ въ маѣ 1858 г., когда написалъ (безъ указанія числа) въ альбомѣ Ганки: „Русскаго принимаютъ здѣсь, какъ роднаго; когда же можно будетъ за все это отблагодарить? Но неужели, когда Россія окончательно установится, какъ Государство развитое, свободное и могучее, не вспомнитъ она о своихъ единоплеменникахъ и не подастъ имъ, какъ слѣдуетъ, руку помощи. Нѣтъ, вопросъ славянскій долженъ будетъ перенестись изъ книгъ въ дѣло! Да здравствуетъ Славянщина!"

[2]) М. П. Сухомлиновъ расписался въ альбомѣ Ганки 15/27 марта 1859 года.

Многоуважаемый Вечеславъ Вечеславовичъ

Давно уже я хотѣлъ писать къ Вамъ, но болѣ
задерживающая меня въ настоящее время въ Берлин
ла мнѣ. Скоро ли попаду я въ Прагу, рѣшительно н
и мнѣ бы хотѣлось знать послѣ того, что написан
мнѣ въ Нѣмецкихъ газетахъ, будетъ-ли это возмож
пинъ, недавно пріѣхавшій изъ Праги, говорилъ мнѣ,
стрійской границѣ я могу быть не пропущенъ; приз
было бы мнѣ непріятно, п. ч. напечатанное въ газ
или вздоръ, или клевета.

Но дѣло не въ томъ. Въ прошломъ году я обѣ
похлопотать о Русскихъ журналахъ и книгахъ дл
Нар. музеума. Многіе издатели нашихъ журналовъ об
посылать; не знаю, что исполнилось. Что же касает
то я съ помощью друзей и знакомыхъ успѣлъ собра
хорошую коллекцію, а именно: Исторію Соловьева 8
Историко-Юридич. свѣденій, относящихся до ист. Р
чева 3 т. Пословицы и притчи Снегирева. Полное со
скихъ лѣтоп. 8 т. Акты юридическіе и много другихъ
дѣло въ томъ, что я не знаю рѣшительно, скоро ли
ся самому пріѣхать въ Прагу, книги же эти, надѣюс
дутъ очень полезны,—а потому, не будетъ ли удобнѣ
ихъ по почтѣ; научите, пожалуйста, какъ это сдѣла
или вообще, что Вы объ этомъ думаете. Не забудь
будетъ около 50 или 60 прусскихъ фунтовъ.

Весь Вашъ Мих. Кате

Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня всѣмъ, кт
помнитъ. Адресъ мой: *Berlin*. In der Inspection der
Augen Klinik. Karlsstr. 46. Такъ напишите на паке
вложите письмо, запечатанное напр. оплаткой, съ
à monsieur Michel de Katénin. Zimmer 32.

Все это, я думаю, нужно, чтобы отклонить подо
тому что имя мое, я думаю, извѣстно, а плохо будет
рехватятъ письмо. Жду вашего отвѣта.

3.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичъ

Благодарю Васъ за совѣтъ — я ему послѣдовал
отправлены здѣшнимъ книгопродавцемъ *Беромъ* (Ве

на имя Г. Ривнача, которому Г. Беръ, согласно моему порученію, написалъ, чтобъ онъ передалъ ихъ Вамъ. Въ числѣ книгъ большая часть предназначена Музею; другія потрудитесь передать по сдѣланной надписи; книги же, которыя имѣютъ надпись: въ Вѣну и Бѣлградъ, оставить до моего пріѣзда. Меня посылаютъ въ Италію, и я на дняхъ буду въ милой Прагѣ.

До пріятнаго свиданія. Преданный Вамъ

М. Катенинъ.

S. P. Отправляя книги, Г. Беръ написалъ было Ривначу, чтобы онъ ожидалъ моихъ распоряженій. Сегодня отъ Г. Бера отправлено Ривначу другое письмо, въ которомъ сказано, чтобы книги переданы были Вамъ. Они отправлены 24-го Февраля по скорому поѣзду (Schnellzug) и должны быть уже въ Прагѣ. Чтобы Г. Ривначъ не ошибся, Вамъ бы хорошо было съ нимъ поговорить, п. ч. мое имя можетъ повредить дѣлу.

Если Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ еще въ Прагѣ, то передайте ему мой низкій поклонъ, равно какъ и тѣмъ, кто меня вспомнитъ.

4.

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, письмо Александра Ивановича Пыпина, съ которымъ мы жили вмѣстѣ въ Парижѣ, и гдѣ онъ, какъ увидите изъ письма, и теперь находится, а я снова по случаю боли моихъ глазъ прибылъ въ Берлинъ. У меня сдѣлалось воспаленіе, которое теперь къ счастью прошло и даже глаза мои до того улучшились, что я ежедневно нѣсколько часовъ могу заниматься. Удовольствіе это мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что послѣ 2-лѣтняго промежутка оно для меня совершенно ново. Что-то подѣлывается у Васъ въ Прагѣ? И я и Пыпинъ мы долго жили и по сихъ поръ живемъ въ совершенномъ невѣденіи о Пражскихъ новостяхъ. Здѣшнія газеты вообще рѣдко помѣщаютъ извѣстія изъ Славянщины — они заняты своими вопросами и интересами и потому ихъ винить конечно нельзя, тѣмъ болѣе, что мнѣнія ихъ, по случаю настоящихъ обстоятельствъ, б. ч. дѣльны и благородны. Именно они наперерывъ бранятъ Австрію, говоря, что Германія никогда не могла и не должна была на нее расчитывать, п. ч. истинная представительница Германіи, конституціонная и либеральная Пруссія, не можетъ имѣть ничего общаго съ бюрократической, военной и католичествующей Австріей. За тѣмъ слѣдуетъ панегирикъ

Наполеону, про котораго они насмѣшливо говорятъ что по сс
диненіи имъ въ лицѣ своемъ 2-хъ принциповъ, революціонна
и деспотическаго, прибавляется еще конкордатъ. Изъ этого, ра
но какъ изъ неожиданой дружбы 2-хъ деспотовъ они думаю
видѣть все, что можно только представить опаснаго и стра
наго для Германіи, и еще разъ повторяютъ, что Австрія никог
не можетъ быть ихъ союзницей.

Россія во всей этой войнѣ въ первый разъ, какъ мнѣ к
жется, заговорила въ своихъ интересахъ, хотя и все значен
ея въ Европейскомъ вопросѣ выразилось доселѣ въ нейтрально
положеніи, и если что было, такъ происходило въ газетахъ и к
тахъ. Но вотъ извѣстіе, которое напечатано вчера въ Кёл
Газетѣ, и въ которомъ весьма интересно было бы отличить в
думку отъ лжи. Именно: тамъ сказано было, что въ Венгріи сх
ченъ былъ по различнымъ подозрѣніямъ одинъ каретникъ, о
котораго слышали, какъ онъ говорилъ, что Вѣнцевъ скоро п
гонятъ, а къ нимъ придетъ В. Кн. Константинъ Николаевич
Затѣмъ добавляетъ газетное извѣстіе—въ Венгріи вдругъ п
вилось много серебряныхъ рублей. Все это пріятно слышать,
только можетъ быть это и выдумка, оно какъ то не вѣрится.
свиданія, дорогой Вячеславъ Вячеславичъ, завтра я ѣду въ *Ба*
баденъ, гдѣ пробуду съ мѣсяцъ. Если будетъ свободная мину
напишите мнѣ, что у Васъ дѣлается въ Прагѣ.

Весь Вашъ Мих. Катенинъ.

Поклонитесь пожалуйста всѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ.

У Васъ ли еще Мих. Ив. Сухомлиновъ, я хотѣлъ ему
сать, да не знаю, куда адресовать. Письмо къ Пыпину вы
правьте на имя г. Казанскаго по слѣд. адресу: Maurer Str.
Berlin. Онъ уже перешлетъ къ Пыпину. Это безопаснѣе.

Берлинъ,
14 Іюля 1859 г.

5.

Многоуважаемый Вечеславъ Вечеславовичъ!

Благодарю Васъ за присылку письма изъ Россіи. Бра
мой, Богъ знаетъ почему, не получивши моего письма, рѣши
воспользоваться Вашею добротою и расположеніемъ ко мнѣ и
правилъ письмо на Ваше имя.

Что же касается до Вашего письма, то оно меня нѣско
ко сбило съ толку, потому что не согласовалось съ тѣмъ, ко

рое я послалъ къ Вамъ. Именно, Вы пишете о какихъ то книгахъ, которыя будто я высылаю въ Музей, но объ этомъ я, какъ мнѣ помнится, ничего Вамъ не говорилъ.

Не спутали ли Вы по ошибкѣ, дорогой Вечеславъ Вечеславовичъ, моего новаго письма съ старымъ.

Въ настоящее время я въ Висбаденѣ, гдѣ беру ванны. Здоровье мое поправляется, и я недѣли черезъ 2 отправлюсь въ Швейцарію, осмотрѣвши которую съ Ал. Н. Пыпинымъ мы поѣдемъ въ Италію, а оттуда можетъ быть къ Юго-Славянамъ.

До свиданія, многоуважаемый Вечеславъ Вечеславовичъ, я говорю—до свиданія, потому что до возврата въ Россію я еще разъ побываю въ Прагѣ.

Всей душею преданный Вамъ и готовый къ услугамъ

Мих. Катенинъ.

Висбаденъ,
1-го Августа 1859 г.

6.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичъ!

Вы нѣсколько ошиблись, думая, что у Михаила Ѳедоровича есть 4-й томъ Русской Бесѣды. Онъ уже получилъ новую, но именно четвертаго то у него и нѣтъ. 1-ю часть четвертаго тома я ему передалъ, 2-ю же Вы оставили у себя, и потому ея должно быть у Васъ 2 экземпляра, одинъ изъ коихъ былъ въ чтеніи у Г-на *Вртятки*. Потрудитесь, пожалуйста, переслать Г-ну Раевскому 2-ю часть 4-го т. Р. Б. за 1858 г.

Весь Вашъ Мих. Катенинъ.

Nach Prag. Herrn Hanka, Hochwohlgeborenen, Bibliotekar des K. K. Nationalmuseum in Prag.

Вѣна,
19-го Марта.

М. Н. Катковъ [1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ,

Письмо Ваше не застало уже меня въ Берлинѣ и было переслано мнѣ въ Франценсбадъ, гдѣ я теперь нахожусь съ моею

[1]) Въ альбомѣ Ганки 18/30 октября 1859 г. Катковъ написалъ: „Никогда прежде не видавшись, мы встрѣтились съ Вами, какъ давніе дру-

женою. Меня очень тянуло къ Вамъ въ Прагу; но по совѣту докторовъ я долженъ былъ поспѣшить кратчайшимъ путемъ въ Франценсбадъ. Все-таки однако нахожусь я теперь въ Чехахъ, хотя и окружаютъ меня большею частію Нѣмцы. По окончаніи курса лѣченія въ Франценсбадѣ мы должны будемъ отправиться на морское купанье, и для этой цѣли выбираемъ англійскій островъ Уайтъ. Но на возвратномъ пути, въ концѣ сентября, мы не преминемъ посѣтить Прагу и поклониться Вамъ, нашему доброму, сердечно уважаемому нами патріарху славянщины; не знаю, какъ благодарить Васъ за участіе, принятое Вами въ нашихъ типографскихъ затрудненіяхъ. Я радуюсь тому, что мы получимъ хорошихъ и надежныхъ работниковъ въ дѣлѣ типографіи, не менѣе радуюсь и тому, что наша типографія будетъ маленькою чешскою колоніей, которая, какъ надѣюсь, со временемъ увеличится. Намъ теперь очень важно, чтобы преимущественно печатникъ поспѣшилъ отправиться въ Москву, потому что мы уже отпустили прежняго. Тамъ ждутъ его съ нетерпѣніемъ. Что касается до контракта, то если онъ будетъ утвержденъ надлежащимъ образомъ мѣстными властями, можно, я думаю, обойдтись безъ консульской скрѣпы. Очень сожалѣю, что не могу теперь лично похлопотать въ канцеляріи русскаго посольства о скорѣйшемъ доставленіи Вамъ ящика съ книгами, о которыхъ Вы пишете мнѣ. Но сегодня же буду писать въ Берлинъ къ моимъ пріятелямъ, чтобъ они объ этомъ похлопотали.

Какъ интересно было бы мнѣ знать теперь о настроеніи общественнаго мнѣнія и народнаго чувства въ Чехахъ! Боюсь утруждать Васъ, но былъ бы несказанно благодаренъ Вамъ, еслибы Вы сколько нибудь посвятили меня въ теперешнее положеніе Вашей страны.

Здѣсь въ Франценсбадѣ есть нѣсколько чешскихъ семействъ изъ высшаго круга. Мнѣ было очень пріятно слышать, что между собою они говорятъ по-чешски. Значитъ, и въ высшихъ классахъ у Васъ пробудилось племенное чувство и заговорило народное слово. Грустно было бы подумать, что Чехи, одно изъ

зья, у которыхъ много общихъ желаній и надеждъ. Здѣсь, въ Прагѣ, бесѣдуя съ Вами, съ особенною силою чувствуешь наше племенное сродство. Да не останется оно мертвою буквою, да обратится наконецъ въ живую связь нашихъ племенъ и поможетъ ихъ возрожденію!

Сколько дорогихъ намъ именъ встрѣтили мы въ этой книжкѣ!

Однихъ уже нѣтъ, а тѣ далече... Намъ отрадно вмѣстѣ съ ними свидѣтельствовать здѣсь о нашемъ чувствѣ къ Вамъ. Михаилъ Катковъ. Софья Каткова".

самыхъ крѣпкихъ и цивилизованныхъ славянскихъ племенъ, могутъ быть со временемъ потеряны для славянскаго міра.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Мих. Катковъ.

Франценсбадъ,
10 іюля.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Мнѣ было очень прискорбно, что раздраженіе глазъ, при которомъ мнѣ запрещено было и писать и читать, помѣшало мнѣ тотчасъ же отвѣчать Вамъ и благодарить Васъ за Вашу любезную присылку. Зрѣніе мое теперь, слава Богу, поправляется по немногу, и я могу уже теперь и писать, и просматривать Ваши интересныя изданія. Отъ нынѣшняго числа черезъ недѣлю я выѣзжаю отсюда на морскія купальни, а въ концѣ сентября или началѣ октября надѣюсь видѣть Васъ въ богоспасаемомъ градѣ Прагѣ.

На дняхъ получилъ я изъ Москвы письмо, въ которомъ извѣщаютъ меня о прибытіи машиниста, и я еще разъ приношу Вамъ мою благодарность за Ваши хлопоты. Что касается до желанія наборщиковъ получить нѣкоторую сумму въ зачетъ ихъ будущаго жалованья, то я съ моей стороны согласенъ, заранѣе увѣренный въ ихъ благонадежности. Получили ли Вы изъ Москвы нужныя для отправки деньги? Въ случаѣ надобности я могу удѣлить теперь небольшую сумму изъ моихъ дорожныхъ денегъ, а потому и прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе написать объ этомъ въ возможно скоромъ времени, чтобы письмо Ваше могло еще застать меня на Францисковыхъ водахъ. По письму Вашему я немедленно отправился отыскивать г. Доуху, но, къ крайнему моему сожалѣнію, не засталъ уже его: за день или за два до полученія Вашего письма онъ уже выѣхалъ отсюда.

И такъ до свиданія. Душевно преданный Вамъ

Мих. Катковъ.

Францисковы Воды,
10 августа.

В. В. Кене [1]).

1.

Societé
d' Archéologie et de Numismatique
de St. Petersbourg.
№ 174.

Hochverehrter Herr!

So lange ich in St. Petersbourg bin, also über drei Jahre, habe ich nicht das Vergnügen gehabt, durch eine Zeile von Ihnen erfreut zu werden; leid sollte es mir thun, wenn Sie mich ganz vergessen hätten!

Ich schrieb am 1/13 Oktober 1847, durch Vermittelung der Mittlerschen Buchhandlung in Berlin, an die Königl. Akademie der Wissenschaften zu Prag [2]), welcher ich im Namen unserer Allerhöchst bestätigten archäologisch-numismatischen Gesellschaft einen Austausch der beiderseitigen Druckschriften antrug und die von uns bis dahin herausgegebenen drei Hefte der Mémoiren beilegte. Bis heute haben wir aber noch keine Antwort erhalten und bitte ich Sie, freundlichst nachfragen zu wollen, ob die Königl. Akademie die erwähnte Sendung auch wirklich erhalten hat? Ich zweifle nicht, dass Herr Dr. von Haurowitz, Leibarzt Sr. Kais. Hoheit des Grossfürsten Konstantin, welcher die Güte hat Ihnen dies Packet zu überbringen, auch so freundlich sein wird, Ihre Antwort an mich u. H. v. Reichel mitzunehmen.

Beifolgendes Ex. meinen Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса wollen Sie gefälligst als Andenken von mir entgegennehmen: ich schicke Ihnen dies Buch in der Russischen Ausgabe, da Sie diese Sprache vortrefflich verstehen und selbst schreiben.

Ich bearbeite jetzt den Böhmischen Theil der Reichelschen Sammlung, welcher viele sehr seltene und unedirte Stücke enthält.

---

[1]) Баронъ Борисъ Васильевичъ Кене (р. 1817, † 1886), извѣстный археологъ, авторъ замѣчательныхъ трудовъ по археологіи и нумизматикѣ: „Изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Таврическаго", издано было въ первый разъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ 1848 г. Главный трудъ его: „Описаніе музеума покойнаго князя В. В. Кочубея и изысканія касательно Исторіи и Нумизматики Греческихъ колоній въ Россіи и Царства Босфорскаго" (и по-французски: „Musée de feu le prince B. Kotchoubey et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie et du royaume du Bosphore Cimmérien") и другія изслѣдованія.

[2]) Должно быть: Чешскому Ученому Обществу.

Da ich nicht weiss, wie ich jetzt den Herren Arneth und Bergmann in Wien ein paar Brochüren zukommen lassen kann, bin ich so dreist, Ihnen dieselben zu senden, mit der gehorsamsten Bitte, sie durch die erste sichere Gelegenheit gefälligst nach Wien befördern zu wollen.

In ausgezeichneter Hochachtung etc. Dr. B. v. Köhne, Kais. Collegien-Assessor, Adjoint Des Direktors der Kais. Eremitage.

An der Kasanschen Brücke, Ende des Katharinen Canals u. der Italianskaja, im ehemaligen Jesuiten-Collegio, № 1.

St. Petersburg,
d. 4/16 Dezember 1848.

2.

М. Г., Венцеславъ Венцеславичъ,

Ея Сіятельство Княгиня Елена Павловна Кочубей поручила мнѣ передать Вашему Высокоблагородію экземпляръ сочиненія: Описаніе Музеума покойнаго мужа ея Князя Василія Викторовича.

Это сочиненіе, не поступившее въ продажу, назначено было покойнымъ Княземъ собственно ученымъ, которые интересуются нумизматикой и исторіей Греческихъ поселеній въ Крыму и Босфора Киммерійскаго.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности имѣю честь быть и пр. Б. Кёне.

Санктпетербургъ,
30 Апрѣля 1857 года.

3.

Hochverehrter Herr Professor,

Vor einigen Wochen hatte ich die Ehre, Ihnen mein Werk über den Cimmerischen Bosporus zu senden und heute bin ich so frei, Ihnen meine Frau und Kinder vorzustellen, mit der Bitte, sich derselben freundlichst annehmen zu wollen und ihnen zu rathen, wie sie in den zwei Tagen, die sie in Prag bleiben werden, am Besten die Merkwürdigkeiten dieser schönen, mir unvergesslichen Stadt, in Augenschein nehmen können. Unendlich bedauere ich, meine Familie nicht begleiten und Ihre persönliche Bekannt-

schaft machen zu können, da meine Dienstpflicht mich nach Belgien und Frankreich ruft, wohin ich noch heute abreisen muss.

Mit freundlichem Grusse Ihr gehorsamster

B. von Koehne.

K. K. Collegien-Rath im Ministerium des Kais. Hofes.

An den Königl. Böhmischen Ober-Bibliothekar, Professor, Ritter und Commandeur hoher Orden Herrn Dr. Hanka. Hochwohlgeboren. Prag.

Ischl,
20 Juli 1857.

4.

Hochverehrter Herr und Freund,

Empfangen Sie nochmals meinen herzlichsten Dank für alle meiner Familie und mir bewiesene Freundlichkeit und die Andenken, die mich stets an Ihre Güte erinnern werden.

Ich habe bei dem Antiquitäten Händler auf der Spónergasse zwei Statuetten, eine Büste und ein Crucifix, sämmtlich in Holz, sowie mehrere Kupferstiche gekauft, welche derselbe mir versprach am Donnerstag den 24 September mit dem Güterzuge herzusenden. Als ich acht Tage später wieder in Prag war, versicherte mich der Mann, alles befördert zu haben, die Kiste ist aber bis heute noch nicht eingetroffen.

Hätten Sie nun wohl die Freundlichkeit, den Mann zu veranlassen sich zu erkundigen, wo die Kiste geblieben ist? Ich muss Anfangs nächster Woche alle meine Erwerbungen nach Stettin expediren und wäre in grösster Verlegenheit falls die Kiste nicht bis dahin ankäme. Vielleicht ist sie aus Versehen in Prag geblieben, oder hat der Mann nicht genau meine Adresse aufgesetzt, die ich daher noch hinzufüge. Seyen Sie nicht böse, lieber Freund, dass ich wage, Sie mit dieser neuen Bitte zu behelligen.

Meine Frau lässt sich Ihnen freundlichst empfehlen. Mit herzlichem Gruss ganz der Ihrige B. Köhne.

An den Kais. Russ. Collegien-Rath B. von Koehne, Berlin, Oranienstrasse, № 107.

Berlin,
d. 5 October 1857.

П. И. Кеппенъ[1]).

1.

Hochwohlgeborner Herr, Hochzuverehrender Freund!

Sie erlaubten mir's Ihnen bisweilen Reisende zu empfehlen, die aus dem Oriente kommen. Hier haben Sie einen. Es ist der *Hr. Professor Schneider aus Breslau*, dessen Bekanntschaft Ihnen gewiss angenehm seyn wird. Er ist Philologus und Sie werden sich gewiss nach so Manchem bey ihm erkundigen können, da er den Wissenschaften mit Leib und Seele lebt. Auch ich habe ihm hier mehrere litterarische Gefälligkeiten zu verdanken.

Vom Herrn von Primisser, welcher Ihnen besonders viel Dank weiss, erfahre ich, dass man in Prag um Hrn. Abbé Dobrowský bekümmert ist. Wir aber erwarten ihn hier in Wien, wohin er, wie er an Kopitar schrieb, zu fuss kommen wollte. Möchte ihm doch nur auf seiner Wanderschaft nichts unangenehmenes zugestossen seyn.

Ich bitte Sie das beyfolgende Exemplar meiner Hekate gefälligst anzunehmen. Dabei ist auch eine kurze Biographie des Profess. Linde. Etwas für's Nationalmuseum, wie auch für Herrn Palacký, ist unter Couvert des Hrn. Abbé Dobrowský abgegangen. Für Hrn. Professor Jungmann lege ich hier einen Linde bey.

Mit aufrichtiger Hochschätzung und inniger Ergebenheit habe ich die Ehre zu seyn Dero gehorsamster Diener

Köppen.

Wien,
d. 28 Aug./9 Sept. 1823.

2.

Милостивый Государь!

Имѣвъ счастіе получить письмо Ваше отъ Г. Проф. Шнейдера, я съ удовольствіемъ написалъ ему рекомендацію къ Библіотекарю Рудницкому, съ которымъ я очень хорошо знакомъ,

[1]) Письма П. И. Кеппена къ Ганкѣ (1823–1830) напечатаны были А. А. Кочубинскимъ въ приложеніи IV-омъ къ его изслѣдованію: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія". Всѣхъ писемъ здѣсь 23. Мы печатаемъ ихъ вновь въ полномъ видѣ, присоединивъ къ нимъ и прочія найденныя въ бумагахъ Ганки письма Кеппена. Кромѣ того, мы печатаемъ рядомъ съ ними и письма Ганки, хранящіяся въ бумагахъ Кеппена въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Имп. Акад. Наукъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ II томъ Матеріаловъ для ист. слав. филологіи, изд. акад. И. В. Ягичемъ, СПБ., 1897.

такъ что совсѣмъ не сомнѣваюсь, чтобъ онъ словесныя его требованія не исполнилъ.

Благодарствуючи покорнѣйше за Гекату и жизнеописание Г. Линде, дерзнулъ я одною просьбою Ваше Высокородіе безпокоить: Г. Палацкій взялъ на время у Васъ Гречеву Исторію россійской Словесности, которую отдалъ мнѣ, чтобъ такую случайно въ Віену прислать. Невозможноли бы было деньги вмѣсто сей книги отдать? бо Вамъ возможнѣе экземпларь изъ Россіи опять получить, нежели намъ. Того ради прошу случайно цѣну сказать, которую съ благодарностію пришлю. На сихъ дняхъ былъ здѣсь Григорій Римскій Корсаковъ, который мнѣ даровалъ Сочиненія Алекс. Пушкина: Руслана и Кавказскаго Пленника. Поручивъся въ милостивую память, имѣю честь быть М. Г. покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

Его Высокородію Г. Придворному Совѣтнику Петру Кеппену. (pl. Tit.).

Въ Прагѣ, 2 Октября / 20 Сентября 1823. Помѣта рукой Кеппена: Получ. въ Вѣнѣ 29 Сентября / 11 Октября 1823 г.

3.

Милостивый Государь!

Пнсьмо Ваше меня очень обрадовало. Я никакъ не могъ думать, чтобы Вы хотѣли переписываться со мною по-руски. Теперь, повѣрьте, что не стану уже писать къ Вамъ на другомъ какомъ либо языкѣ, кромѣ отечественнаго. Боюсь только, что Вы съ трудомъ будете разбирать мою руку, ибо пишу слишкомъ худо.

Исторію Россійской Словесности прошу пріобщить къ прочимъ книгамъ Вашего Народнаго Музеума. Весьма радуюсь, что могу служить Вамъ этою бездѣлицею. Для Г-на Копитара я выписалъ изъ С.-Петербурга другой экземпляръ. Посылаю при семъ переводъ сей же книги, которой я изъ Варшавы получилъ отъ Г. Линде, препровождающаго оное въ то Прагское Общество, котораго онъ членомъ. Понынѣ я не имѣлъ еще случая препроводить онаго къ Вамъ.

Если Вамъ угодно будетъ увѣдомить меня о полученіи сей книги, то прошу писать ко мнѣ *въ Дрезденъ*. Тамъ я думаю быть въ Декабрѣ или въ Генварѣ мѣсяцѣ. Въ скоромъ времени я оставлю Вѣну и поѣду въ Минхенъ и Авгсбургъ, откуда, мо-

жетъ быть, посѣщу Гейдельбергъ, а, можетъ быть, и прямо чрезъ Веймаръ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ возвращусь въ С.-Петербургъ.

Позвольте мнѣ и въ послѣдствіи времени оставаться съ Вами въ перепискѣ и повѣрьте, что каждое письмо Ваше доставлять мнѣ будетъ новое удовольствіе.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, М. Г., Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Петръ Кеппенъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе почтеннѣйшимъ г.г. Добровскому, Юнгману и Палацкому. Не будете ли Вы имѣть случая увѣдомить Г-на Линде о полученіи его книги? Вы бы меня симъ очень одолжили.

Вѣна,
17/29 Октября 1823 года.

4.

Милостивый Государь!

Не долго по полученію драгоцѣнѣйшаго письма Вашего Высокоблагородія посѣтилъ меня Г. Ганъ, Проф. Университату Варшавскаго, черезъ котораго я имѣлъ случай Г. Линде о полученіи Исторіи Росс. Литературы на польскомъ языкѣ извѣстить.

Счастіе знакомства Вашего меня теперь сугубо обрадовало, когда, какъ Вы ко мнѣ писать изволили, со мною въ перепискѣ оставаться благоволите; ибо Словесность Россіянъ, о которой намъ Чехамъ такъ трудно довѣдываться, очень важное для меня упражненіе. Правда, я въ перепискѣ съ Е. Прев. Шишковымъ, но какъ то можна всегда почтенія достойнаго батюшку безпокоить?

Желаючи Вашему Высокородію благополучія въ предпріятіи Вашего путешества по Германіи, поздравляю Васъ тоже съ счастіемъ въ открытіи тамъ оставшихъся словянскихъ Древностей, о которыхъ то добычѣ дорожайшаго извѣстія по крайной мѣрѣ изъ Драждянъ (Dresden) отъ Васъ ожидаю.

Отъ Г. Юнгманна и Палацкаго имѣю честь Вашему Высокоблагородію ихъ высокое почитаніе засвидѣтельствовать. Г. Добровскій находится теперь у Графа Стернберга въ деревнѣ.

Въ прочемъ прошу сохранить въ благосклонной памяти своего съ отличнымъ почитаніемъ и неограниченымъ благоговѣніемъ преданнаго, М. Г., покорнѣйшаго слугу Вячеслава.

Извините мое погрѣшки противъ рускому языку — какъ Чеху.

Милостивому Государю Придворному Совѣтнику и Кавалеру и проч. Петру Кеппену.

Прага,
29 Листопада (Ноябрь) 1823.

5.

Его Высокородію Г. Кеппену.

М. Г.! Вукъ Стефановичь одиную ночь только въ Прагѣ пребудучи, во Віену спѣшитъ. На запытанія Ваши Учитель мой самъ отвѣтствуетъ. Я благодарю за ласковое воспоминовеніе какъ то знаки Вашего мнѣ драгоцѣннѣйшаго дружества, которое продолжать прошу и присно и во вѣки. Неизреченную бо радость способите повременными извѣстіями о Словесности огромнѣ широко и далеко распространенныхъ Россіянъ. Выгоднѣйшая всѣхъ дорогъ кажется, какъ я уже съ Вукомъ согласился, во Віенну, когда Вы Г. Копытарю писать будете.

Его Превосх. Г. Шишкову прошу изъявить со желаніемъ Ему Несторова вѣка въ ползу Словянъ высокое мое почитаніе. Ласкавостію Его Превосх. Г. Соболевскаго прислалъ я къ нему отвѣтъ мой съ нѣкоторыми книжками, но неизвѣстно мнѣ, ежели это уже получилъ. Въ будущее, когда что нибудь сообщенія достойнаго здѣсь изъидетъ, упомянутою дорогою доставить Ему съ наслажденіемъ хочу. На прибытіе обѣщаннаго Академическаго Словаря ребячески радуюсь.

Дня 24 сего мѣсяца назначенно всеобщее собраніе ческаго Народоваго Мусеа, въ который то день и Васъ, Милостивый Государь, по назначеній выбора въ почетные члены свои приемлютъ, съ которымъ извѣстіемъ имѣю честь быть Вашего Высокородія всепокорнѣйшій Вячеславъ.

Въ Прагѣ,
11 марта 1824 г. Помѣта рукой Кеппена: Получ. въ Дрезденѣ 6/18 Марта 1824 г.

6.

Милостивый Государь [1])!

На писмо, полученное отъ Васъ въ Дрезденѣ, я тогда не успѣлъ отвѣчать; за то теперь отвѣтствую in folio. А. С. Шиш-

[1]) Это письмо сохранилось только въ собственноручной копіи Вуки.

ковъ благодаритъ за пожеланіе ему Несторова вѣка и посылаетъ къ Вамъ полной экземплярь Академическаго Словаря. Думаю, что на Ваше же имя будетъ отправленъ и другой экземпляръ, назначенный для Императорской Публичной Библіотеки въ Вѣнѣ. Пусть и Копытарь порадуется! Деньги за пересылку прошу взыскать съ Вѣнцовъ.

Не будучи въ состояніи служить Вамъ чѣмъ нибудь лучшимъ, прилагаю у сего экземпляръ моего списка Рускимъ Памятникамъ. Прошу принять оной въ знакъ моей къ Вамъ преданости. Прошу меня увѣдомить, что это за богемская рукопись (хроника), отысканая Пертцомъ въ Вольфенбительской библіотекѣ. Онъ говорилъ мнѣ объ оной, но тогда я занятъ былъ другими предметами.

Александръ Семеновичь Шишковъ въ скоромъ времени будетъ писать къ Вамъ, теперь онъ очень занятъ, а посылка моя должна быть отправлена сегодня.

Спѣшу и потому прощаюсь съ Вами въ надеждѣ, что Вы скоро подарите меня письмецемъ, которымъ очень порадуете имѣющаго честь быть, М. Г., Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Петръ Кеппенъ.

Пишите ко мнѣ безъ всякихъ титуловъ; меня зовутъ Петромъ Ивановичемъ; а Васъ я прошу сказать мнѣ свое отечество, ибо знаю только, что имя Ваше Вячеславъ, а по батюшки какъ—не знаю.

Руской адресъ мой: Его Высокоблагородію Петру Ивановичу Кеппену въ С.-Петербургѣ. Въ квартирѣ Г. Статскаго Совѣтника Н. М. Яновскаго.

П. С. Словарь будетъ къ Вамъ посланъ чрезъ здѣшняго коммиссіонера И. Академіи Наукъ (Wilh. Mayer), который перешлетъ оной въ Галле (Hallé) на имя книгопродавца Чвечке.

С.-Петербургъ,
8/20 Майя 1824 года.

7.

Hochzuverehrender Freund!

Nehmen Sie mit Nachsicht die beyliegenden Blätter zur Hand und bessern Sie, was Sie bessern können, auf dass wir doch gemeinschaftlich einmal über unser Slawisches Alterthum ins Reine kommen. Leider, habe ich in den trefflichen Schrift unsers Meisters, des Herrn Dobrowský, die böhmischen Titel der alten Dru-

cke vermisst. Könnte ich solche nicht noch durch Ihre Güte erhalten, um die bey der zweyten Ausgabe des Verzeichnisses zu benutzen?

Auch liegt mir sehr an einem vollständigen Verzeichnisse der Grammatiken und Wörterbücher der Böhmischen Sprache. Die polnische Partei hat Hr. von Chłendowski in Warschau gütigst zu besorgen versprochen. Könnten Sie mir in Beziehung auf die böhmischen Schriften dieser Art nicht die beste Quelle nachweisen und auch wohl Nachträge liefern? Wie gut wäre es, wenn solche Arbeit einmal zu Stande gebracht wäre.

Dem Exemplare für Hrn. Abbé Dobrowský (dem ich mich bestens zu empfehlen bitte) füge ich auch noch welche für die Hrn. Jungmann und Palazky hinzu. Grüssen Sie beyde herzlichst und entschuldigen Sie mich, dass ich ihnen nicht selbst schreibe. Würde nicht einer oder der andere Nachträge und Verbesserungen meiner Arbeit liefern?

Mit inniger Ergebenheit habe ich die Ehre zu seyn Ihr ergebenster Diener und Freund Köppen.

Sollten Sie mir ein *corrigirtes* Exemplar zurücksenden können, so würde solches durch Herrn Hofrath v. Rodofinikin bey unserer Gesandschaft in Wien geschehen können.

Sagen Sie gefälligst Hrn. von Dobrowský, dass ich aus seinem Cyrill und Method so eben einen russischen Auszug gemacht und in die Censur gegeben habe. Der Kanzler hat die ganze Schrift übersetzen lassen, und Wostokow sieht so eben die Uebersetzung durch.

S. Petersburg,
d. 12/24 Jänner 1825.

8.

Köppen ersucht Herrn von Hanka die beyfolgende Sendung gütigst aufnehmen zu wollen.

d. 6/18 April 1825.

9.

Милостивый Государь!

Хотя поздно доставлено, но несмотря на то и таковое письмо отъ руки вашей очень меня обрадовало. И я ужъ несколько разъ сомнѣвался объ разныхъ книгахъ при употребленіи Исто-

ріи Лит. Г. Добровскаго. Сему теперичe способствовалъ Г. Юнгманъ, егоже первую часть Исторіи Лит. имѣю честь въ имени его Вашему Высокоблагородію присылать — продолженіе второй слѣдовать будетъ за несколько времени въперед. Авторъ и Издатель ея самъ Г. Юнгманъ, я только роспись именамъ и вещамъ по азбучному порядку къ ней присовокуплю. Присылаю ону безъ титула и предговора, которыя съ довершеніемъ части второй напечатаны будутъ, и объ части одинъ только томъ составлятъ. Я вложилъ полосочки бумаги въ екземпларь вашь, начертая въ верху № вашей хронологической росписи, и по сему № въ книгѣ самой находящися, и думаю, что все эти № безъ великаго труда найдете. Филологическія книги занимаютъ первое мѣсто всякой періоды, и надѣюсь, что книга сія Вамъ безполезна не будетъ.

Возможноли бы было Библіографическія листы ваши въ кварталахъ или полугодично отбирать, пожалуйте избирать или положеніемъ пренумераты, или присланіемъ какого нибудь продукта литературы нашей въ равной цѣнѣ.

Г. Добровскому, который ужъ выѣхалъ, прислалъ я это въ деревню. Г. Юнгманъ и Палацкій благодарствуютъ, препоручаются В. Б. въ милость; и я благодарствую и прошу случайно Высокопревосходительству Г. Шишкову высокопочитаніе мое донести; радуясь изъ дружбы вашей и благосклонности, пребываю съ истиннымъ почитаніемъ препокор. слуга и другъ

Вячеславъ.

Въ Прагѣ,
10 дня Іюня нов. с. 1825. Помѣта рукой Кеппена: Получ. 22 Іюня 1825 г.

10.

Письмо Ваше и первую часть Исторіи Богемской Литературы я имѣлъ удовольствіе получить и приношу Вамъ, Милостивый Государь, мою отличную признательность. Благодарю Васъ въ особенности за отмѣтку тѣхъ нумеровъ, которые находятся уже въ моемъ Спискѣ первопечатнымъ Словенскимъ книгамъ. При второмъ изданіи сего Списка я воспользуюсь сочиненіемъ Г-на Юнгмана, которое мною уже все просмотрѣно. Я приготовилъ объ ономъ извѣстіе для Библіографическихъ Листовъ.

Въ числѣ препровождаемыхъ при семъ № 18—21 есть одинъ [illegible], въ коемъ я коснулся и новѣйшихъ произведеній Чешской литературы. Если я въ чемъ либо ошибся, то прошу Васъ [illegible] мои погрѣшности, если можно еще до окончанія сего

года: ибо въ будущемъ едва ли буду продолжать изданіе Библіографическихъ Листовъ. Желалъ бы опять повояжировать! Не знаю еще, удастся ли мнѣ когда либо объѣхать Карпаты и побывать въ Кроаціи, а признаюсь, что давно уже сего желаю.

По препорученію Вашему я засвидѣтельствовалъ Ваше почтеніе Александру Семеновичу Шишкову, который Вамъ кланяется. Прошу Васъ поблагодарить за меня Г-на Юнгмана и г. Палацкаго за воспоминаніе обо мнѣ.

20 экземпляровъ Библіографическихъ Листовъ я посылаю въ Лейпцигъ, для продажи, на имя книгопродавца *Фридриха Флейшера*, предоставляя ему самому назначить цѣну сего изданія.

Прошу засвидѣтельствовать мое отличное почтеніе нашему отцу Добровскому. Скажите ему, что я давно уже ожидаю отъ него извѣстія собственноручнаго, которымъ бы онъ меня чрезвычайно обрадовалъ.

Въ заключеніе позвольте еще поблагодарить Васъ, за поправку разныхъ опечатокъ и пр. въ доставленной ко мнѣ книгѣ. Для меня это тѣмъ полезнѣе, что при новомъ изданіи Списка первопечатнымъ книгамъ я желаю внести въ оной подлинныя заглавія книгъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. П. Кеппенъ.

Академикъ нашъ *Греффе* отправляется въ чужіе края; если бы ему случилось побывать въ Прагѣ, то сдѣлайте одолженіе, пріймите его благосклонно и окажите всевозможное пособіе.

Въ № 26 моихъ Листовъ я помѣщу хронологическое указаніе на чешскія книги, изданныя до 1526 г. (ссылаюсь на Исторію Г. Юнгмана). Не знаю однако, не случилось ли мнѣ иногда почесть рукопись первопечатною книгою. Сдѣлайте одолженіе, свѣрьте, если успѣете, сіи указанія, и буде есть ошибки, то исправте оныя. Не довести ли мнѣ списка чешскимъ книгамъ до онаго 1526 года? Прилагаю сіи указанія.

Графъ Николай Петровичь Румянцовъ поручилъ мнѣ выписать для него два экземпляра Исторіи чешской литературы; когда оная допечатается, то покорнѣйше прошу доставить сіи экземпляры въ Вѣну къ Г-ну Копытару, который сохранитъ ихъ у себя до времени.

Nehmen Sie mir diess Geschmiere nicht übel!

С.-Петербургъ,
5/17 августа 1825 г.

11.

Милостивый Государь!

При семъ имѣю честь доставить вторую часть Исторіи ческой Словесности. Два екземпляра Его Сіят. Графу Румянцову и одинъ Его Высокопр. Г. Шишкову ожидаютъ удобнѣйшей способности въ пересылку себѣ означеную. Я прилагаю здѣсь нѣкоторые снимки найдревнѣйшей граммоты ческой, между которымы также оный жестоко споримый судъ княжны Любуши, потому что Вы объ немъ упомянуть изволили въ №-рѣ 18 библіографическихъ листовъ [1]). Вы хорошо знаете, что я съ г. Добровскимъ, егоже письмо при себѣ заключаю, во всемъ согласенъ что литературы касается, и что его всегда высоко почитаю, и чтобъ я и въ этой вещи никакого сомнѣнія не имѣлъ, когдабъ онъ былъ догодилъ до осмотрѣнія отрывка сего, который онъ не видя еще осудилъ. И то уже знаемо, что онъ очень радъ (хотя и въ шуткахъ) при выговорѣ своемъ, какъ онъ ужь разъ сказалъ, упорно останетъ. Сего ради н. п. умолчаетъ нарочито напечатанный годъ хроники троянской: „a że giż od Narozenie syna bożeº poczinameº Mº CCCCº LVIIIº“ и удаваетъ инный, о которомъ въ книгѣ ни слѣда нѣтъ. Пристойно библіографу сомнѣваться, но что инное положить и напечатаное утантъ еще менѣ вѣры заслугиваетъ. Такимъ образомъ и примѣчаніе (въ библ. листахъ № 1 статья 7) печ. Alacraw: для чего здѣсь до Винтерберга? Бамбергъ ближе и Нюренбергъ [2]) тогдашнимъ Чехамъ дружеснѣе, нежели нынѣ Липпискій торгъ, и тамъ ранѣе печатать начали (1461 и 1470). Слова сія такъ вѣроятны какъ: sollte sich etwa Fust u. Schöffer, die zu Mainz 1462 die ganze lat. Bibel druckten, auch an ein böhmisches N. T. gewagt haben? Какъ

[1]) Библіограф. листы, 1825, № 18, стр. 253. Кеппенъ сообщалъ, что Добровскій „объявилъ отрывокъ о судѣ Чешской Королевы Любуши подложнымъ“, причемъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующую оговорку: „Не взирая однако на мнѣніе Г-на Добровскаго, по нынѣ еще совершенно не опровергнутое, любители древней Богемской Литературы и самые знатоки оной не перестаютъ вѣрить, что Судъ Любуши есть по истинѣ древнее стихотвореніе“. Ср. еще ibid., № 22, стр. 314.

[2]) Въ „Хронологической росписи первопечатнымъ словенскимъ книгамъ“ Кеппенъ при указаніи на чешскую библію „до 1486 г.“ обозначилъ мѣсто изданія: „Винтербергъ (въ Ю. Богеміи)“; книгопечатника: „печ. Alacraw?“ при чемъ ссылается на Длабача и Добровскаго. Въ экземплярѣ Библіогр. Листовъ, принадлежавшемъ П. І. Шафарику, въ этомъ мѣстѣ сдѣланы имъ собственноручныя приписки, какъ исправляетъ Кеппена и Ганка: „Bamberg? Nürnberg?“.

долго полный экземпляръ не покажется сомнѣніе сомнѣніемъ останетъ.

Къ словянскимъ Инкунабуламъ имѣю весьма хорошо сохраненыи Часовникъ: книги. ҂зл. ѿ рожс. Хва. ҂афч. Іюла з. Ежели бы то была великая рѣдкость, ябы хотѣлъ его уступить за новую какую нибудь книгу.

Прошу возможно ли бы было купить къ дополненію между дефектами первые два листы А и Б Предисловія Сопиковой библіографіи, экземпляръ мой починаетъ со стр. XXXIII, и потомъ послѣдній томъ сего сочиненія.

Въ прочемъ храните ко мнѣ свою благосклонность, какъ я всегда съ высокопочитаніемъ пребуду всепокорнѣйши

Вячеславъ.

въ Прагѣ,
24 Листопада (Ноябрь) 1825.

Помѣта Кеппена: Получ. 12 Марта 1826 года.

12.

Dass ich Ihre Jungmann'sche Geschichte fleissig studirt habe, werde Ihnen № 22 und 26 meiner Blätter beweisen. Dank Ihnen für diese gefällige Mittheilung. Hrn. Professor Jungmann bitte ich zu sagen, dass ich ihm über Danzig und Leipzig, durch den Buchhändler Fr. Fleischer, ein vollständiges Exemplar (№ 1—25) meiner bisher erschienenen Blätter zugeschickt habe.

Ihnen sende ich jetzt № 22—28 zu. Dabey folgt auch das Facsimile der Königinhofer Handschrift. Würden Sie wohl die Gefälligkeit haben solches collationiren zu wollen und mir die Correctur davon (roth) zu zuschicken. Um das Porto zu ersparen, bitte ich Sie mir das Stückchen, welches diese Facsimile enthält, abzuschneiden und mir so zurückzuschicken.

Wird denn Papá Dobrowský mir nie und nimmer schreiben? Fragen Sie ihn gefälligst, ob er ergrimmt sey über mich—und warum denn? Doch glaube ich hiezu keine Veranlassung gegeben zu haben.

Leben Sie wohl und schreiben Sie bald Ihrem Freunde und Diener

Köppen.

Herrn v. Hanka, Wohlgeboren zu Prag.

S. Petersburg,
d. 1/13 Dec. a. J. 1825.

13.

Кеппенъ, свидѣтельствуя свое отличное почтеніе Г-ну Ганкѣ, покорнѣйше проситъ принять при семъ препровождаемые нумера Библіографическихъ Листовъ, какъ для себя собственно, такъ и для Гг. Юнгмана и Палацкаго.

С.-Петербургъ,
24 Декабря 1825 года.

14.

Милостивый Государь!

Вы изволили доставить ко мнѣ окончаніе превосходной Исторіи Чешской Словесности, за которую приношу Вамъ усерднѣйшую благодарность. Снимками съ древнихъ рукописей Вы меня чрезвычайно обрадовали. Но, къ сожалѣнію, Вы не отмѣтили на оныхъ, съ какихъ рукописей они сняты. Снимокъ писанный крупными буквами есть *Судъ Любуши*, мѣлчайшими же — Краледворская рукопись; третій снимокъ съ рукописи почти скорописной заимствованъ, думаю, изъ Исторіи Александра (orig. in bibliotheca Rudnicensi); *такъ ли?* и что это за библіотека [1])?

Къ сему присовокупили Вы снимокъ рукописи (orig. in Museo boh.) Кар. IX. *Kdiz dicwky ot ottzow* etc...—что это такое? Укажите только на № въ книгѣ Г-на Юнгмана, если онъ говоритъ о сей рукописи. Г. Добровскій пишетъ ко мнѣ: „Die älteste Handschrift oder besser zwey Blätter von der ältesten Handschrift liegen in böhm. Museum“ — это ли та рукопись, о коей онъ говоритъ? Наконецъ доставлены ко мнѣ еще снимки съ печатей (?), откуда сіи заимствованы? Прошу Васъ меня о семъ увѣдомить подробно.

Ради Бога, не приписывайте намъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Самые извѣстные для *Васъ* предметы, безъ объясненій, для *насъ* могутъ оставаться загадками. Если время Вамъ дозволитъ, то покорнѣйше прошу отвѣчать мнѣ на сіи вопросы въ непродолжительномъ времени и *по почтѣ*.

Г. Добровскій увѣдомилъ меня, что Вы согласны сообщить мнѣ подробнѣйшія извѣстія о первопечатныхъ богемскихъ книгахъ. Я Вамъ за это чрезвычайно былъ бы обязанъ и желалъ

---

[1]) Издана по списку Роудницкой библіотеки, приготовленному библіотекаремъ Чешскаго Музея А. О. Патерой, акад. И. В. Ягичемъ: „Život Aleksandra Velikoga. Po tekstu rudničkom, poredjenom s više rukopisa“, Starine, III, drugih 203 sqq.

свой пишетъ, я нынѣ печатаю 17-ое изданіе рифмованаго Псалтыря и продолженіе Исторіи ческой, а Палацкій готуетъ матеріялы для журнала Музея народнаго, который съ новымъ годомъ издаванъ будетъ.

Спѣхомъ.

6 Августа 1826.

17.

Wohlgeborner Herr!

Insonders hochzuverehrender Herr Professor!

Lange schon wäre es meine angenehme Pflicht gewesen Ihre geneigten Zeilen vom 28. Nov. 1825, welche ich durch gütige Vermittelung des Hrn. von Kopitar erhielt, zu beantworten, wenn ich nicht erst die letzten Bogen meiner von Ihnen verlangten Blätter zu gleicher Zeit an Sie zu expediren gewünscht hatte. Dieses geschieht jetzt erst über Leipzig und Wien, und nun auch beeile ich mich durch Hrn. v. Kopitar an Sie zu schreiben und Ihnen meinen verbindlichsten Dank abzustatten für die gefällige Mittheilung Ihrer Schriften.

Die mir von Ihnen zugeschickten Schriften bitte ich mir aus behalten zu dürfen, da es doch öfters der Fall ist, dass Freunde slavischer Litteratur zu meiner kleinen Büchersammlung ihre Zuflucht nehmen. Ihr Wunsch, mit irgend einer russischen litterärischen Gesellschaft in nähere Berührung zu treten, dürfte, glaub'ich, sehr bald realisirt werden können, wenn Sie sich deshalb geradezu an einen litterärischen Verein, z. B. die russische litterärische Gesellschaft in Moskau wenden wollten, indem Sie Ihren wohlmeinenden Wünsch dem Hrn. Curator der Moscau'schen Universität Sr. Excellenz dem Herrn Generalen von Pisarev äusserten. Thuen Sie dieses mit Beyfügung einiger Schriften (besonders der Komenski'schen Homiletik, des Almanachs für 1825 etc.) und Hinzufügung des Verzeichnisses Ihrer sämmtlichen Schriften, so hoffe ich, dass Herr von Pisarev gern Ihre Ansprüche befriedigt. Auch wäre mir es lieb, wenn Sie mich von dem benachrichtigen wollten, was Sie in dieser Hinsicht beginnen, damit ich meinerseits auch an Herrn von Pisarev schreibe.

In Petersburg selbst sind für jetzt die litterärischen Vereine so gut wie nicht bestehend, denn von den beyden dem Namen nach hieselbst existierenden russischen litterärischen Gesellschaften ist die eine seit Jahren schon ausser aller Activität, die andere

aber erst seit 1 oder 1½ Jahren zur Ruhe gelangt. Wäre dies nicht der Fall, so würde ich meinerseits es mir zur Pflicht machen, einen von diesen Vereinen hier einen so eifrigen Correspondenten, wie Ew. Wohlgeboren sein müssen, mehr zu verschaffen.

Genehmigen dieselben die Versicherungen der vorzüglichen Hochschätzung, mit welcher ich die Ehre habe zu sein Ew. Wohlgeboren! gehorsamster Diener Köppen.

P. S. Meine Blätter werden Ew. Wohlgeboren durch Buchhändlergelegenheit zukommen.

St. Petersburg,
den 20. August 1826.

18.

Euer Wohlgeboren freundschaftliche, mir besonders in bibliographischer Hinsicht sehr werthe Zeilen (den deutsch geschriebenen Brief) habe ich erhalten und danke vielmals dafür. Nächstens hoffe ich Ihnen durch Couriergelegenheit zu schreiben. Nun aber mir noch die Bitte um gütige Aufnahme der beyfolgenden Literärnotizen. K.

St. Petersburg,
d. 16/28 September 1826.

19.

Sehr hochgeschätzter, gütiger Freund!

Ihr letztes, gütiges *deutsches* Schreiben erhielt ich am 15 Sept. a. S. und bringe Ihnen dafür meinen herzlichsten Dank. Die Facsimile (Jungmann's Gesch. d. B. Lit. II. 2, 4, III. 17, gleich dem Serbischen aus der Rudn. Biblioth.) erhielt ich; eben so die Beylagen zu Ihrem Briefe, welche aus gedruckten Werken entlehnt wurden. Noch gehen mir aber leider diejenige Facsimile ab, welche Sie zugleich mit den Exemplaren der Jungmann'schen Gesch. d. Böhm. Lit. für den Kanzler und den Minister der Aufklärung sendeten. Wie? — unter welcher Adresse wurde diese Sendung expedirt? Liegt solche etwa jetzt noch in Wien? (Es waren darin, wie Sie mir gütigst anzeigen, folgende Stücke enthalten: Jungm. II. 3, 12, 13 und III. 84). Haben Sie die Gewohnheit diese Frage nicht unbeantwortet zu lassen, denn gerade jetzt muss mir besonders daran liegen, da ich noch nicht weiss, ob ich in Petersburg bleibe, oder eine Bestimmung in Süden des Reichs bekomme, den Wis-

senschaften *zum Theil* entsagend. Gänzlich scheiden von alten Freunden, ist ja ein Ding der Unmöglichkeit!

Mit dem heutigen Courier schreibe ich auch an Hrn. von Kopitar, mich nach Ihrer Sendung erkundigend. Die letzten Bogen meiner Bibl. Blätter sollen durch einen anderen Courier expedirt werden; schon liegt alles für Sie und unsern gemeinschaftlichen Vorsteher—Papa Dobrowský,—in Bereitschaft. Diese Sendung erhalten Sie jetzt über Halle. Sagen Sie mir doch, wie hoch sich von Ihrer Seite die Auslagen für diesen Brief belaufen, damit ich weiss, ob ich auch künftig im Nothfalle, diese nämliche Gelegenheit benutzen darf.

Ihre gütigen Mittheilungen in Betreff neuer böhmischer Werke, habe ich nach Moskau expedirt, wo solche im Telegraphen abgedruckt werden sollen.

Herzliche Grüsse an die Herrn Dobrowský, Jungmann und Palacký von Ihrem treuergebenen Freund und Diener

Köppen.

Auch für das Verzeichniss der Incunabeln meinen innigsten Dank!

St. Petersburg,
d. 13/25 October 1826.

20.

Вчера я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше отъ 19 октября, содержащее дополненія къ прежнимъ извѣстіямъ о первопечатныхъ Богемскихъ книгахъ.

На дняхъ получены здѣсь для меня моремъ три пакета, въ числѣ коихъ долженъ находиться и тотъ, который Вы изволили ко мнѣ отправить. Еще пакеты сіи ко мнѣ не доставлены, но Г-нъ Грефе сказывалъ мнѣ, что та посылка, которая получена вмѣстѣ съ его книгами, содержитъ Юнгманнову Исторію Богемской Литературы. Благодарю покорнѣйше за сей драгоцѣнный подарокъ. Сегодня я уже предварилъ Ал. Сем. Шишкова о полученіи сихъ книгъ. При представленіи ему сочиненія Г-на Юнгманна, попрошу, чтобы автору посланъ былъ экземпляръ Академическаго Словаря. Надъ какимъ словаремъ трудится Г-нъ Юнгманнъ?—прошу Васъ о семъ меня при случаѣ увѣдомить.

Знаете ли Вы, что А. С. Шишковъ на прошедшей недѣлѣ женился? Сдѣлайте милость, сообщите мнѣ при первой оказіи 2-ю книжку Starobylá Skládanie. Мнѣ книжка сія понадобится при изданіи Иноземныхъ словенскихъ памятниковъ.

Прилагаю при семъ окончаніе моихъ Библіогр. Листовъ. Если Г. Добровскій не получалъ еще сего окончанія изъ Вѣны, то сдѣлайте одолженіе, передайте ему оное. Скажите ему, прошу Васъ, что здѣсь въ Петербургѣ я не отыскалъ Библіи 1739 года, изъ коей онъ требовалъ выписки. Какъ скоро удастся отыскать сіе изданіе, то я не премину удовлетворить его желаніе. Опять прошу Васъ увѣдомить меня о томъ, чего стоитъ пересылка сего письма. За издержки Ваши въ семъ случаѣ дозвольте мнѣ прислужиться Вамъ какою либо русскою книгою.

Почтеніе мое прошу засвидѣтельствовать гг. Юнгманну и Палацкому.

Съ душевною преданностію Вашъ покорнѣйшій слуга
П. Кеппенъ.

С.-Петербургъ,
25 Окт./6 Ноября 1826 г.

Помѣта Ганки: „Отвѣтъ 20 Декабря".

21.

Sehr hochgeschätzter Freund!

Rechnend auf die Fortsetzung Ihrer gütigen Mittheilungen habe ich gern einigen Moskauschen Literatoren an deren Spitze sich Pogodin (der Ihnen bekannte Uebersetzer des Dobr. Schrift) gestellt hat, zugesagt ihnen für ein neues Journal—*Московскій Вѣстникъ*—Slavica zu liefern. So lange ich daran Theil nehme, bitte ich Sie mir alle Nachrichten gefälligst per Posto,—Bücher und grössere Sendungen aber wie früher über Wien (oder zu Schiffe) zuzusenden. Gern will ich dagegen mit Russischen Sachen dienen. Je öfter, je ausführlicher Sie schreiben, um so mehr werde ich Ihnen Dank wissen für alle Mittheilungen und Belehrungen (auch Wostokow verspricht den Moskauern hierüber etwas zu liefern).

Es ist möglich, dass ich in Angelegenheiten des Ministeriums des Innern, nach Taurien ziehe und mich dort (etwa in Sympheropol, oder unmittelbar am Strande) niederlasse um von da an die Reisen zur Persischen Gränze und zur Polnischen, auch ins innere bis nach Charkow hinauf zumachen. Dort würde ich dann mehr Zeit haben meine Slawische Correspondenz zu kultiviren und könnte mehr, vielleicht, und besseres liefern. Alles, was ich an Sie zu expediren hätte, müsste dann über Triest an Sie gelangen.

Nun aber habe ich noch einen mir sehr wichtig scheinenden Gegenstand mit Ihnen zu verhandeln. Diess betrifft die Ausbrei-

tung des Slawischen Studiums in Russland. Es wäre sehr erwünscht, dass von nun an (die neue Organisation des Schulwesens, welche so eben im Werke ist, könnte dazu beytragen) bey den Universitäten Professoren für die Geschichte der gesammten Slawischen Literatur angestellt würden. Sagen Sie mir, was Sie hievon denken,—wen Sie wohl als Mitarbeiter in diesem Falle nennen möchten, und—ob Sie nicht selbst geneigt wären sich nach Russland zu versetzen, und unter welchen Bedingungen?

Wer Russischer Professor wird, wird eo ipso auch Hofrath. So wenigstens war diess bis jetzt der Fall. Er und seine Kinder gehörten (sobald sie Russischen Unterthanen wurden) dem Russischen Adel an. Die gehalte der Professoren werde künftig hin, wahrscheinlich, 4 bis 5 Tausend Rubel (also wohl sagen 2000 Gulden C. M.) ausmachen. Petersburg, Moskau, Charkow und Kasan sind die Universitäten, für welchen Slawische Professoren zu wünschen wären.

Vorläufig habe ich mit dem Minister in dieser Beziehung schon gesprochen, und er erlaubte mir Ihre Meinung einzuholen. Nur bitte ich um schleunige Antwort, da ich selbst nicht weiss – *ob* und *wie lange* ich noch in Petersburg bleibe.

Was halten Sie von Herrn von Schaffarjk und meinen Sie wohl, dass er nach Russland ziehen würde? Wünschenswerth wäre es, dass wir Männer von beyden Hauptzweigen des Slawischen Stammes herbekämen. Schade, dass Hr. Palacki bis her noch wenig geschrieben hat und glauben Sie wohl, dass er bey seiner poetischen Seite die dürre Literatur nicht zu leicht nehmen würde? Sein Eifer scheint übrigens für ihn zu bürgen. Aber hat er denn auch wohl die Literatur des östlichen Sprachzweiges berücksichtigt?

Die Vorträge könnten fürs erste in Lateinischer (auch wohl in Deutscher) Sprache statt finden, bis die neuen Professoren sich das Russische ganz angeeignet haben würden. Hätten wir wenigstens einen gelehrten Böhmen oder einen Slowaken hier, so könnte der verglichene Dalimil hier gedruckt werden, wie es der Minister wünscht. Nächstens wird er Ihnen selbst über diesen Gegenstand, gleich wie auch über die Lubenskischen Arbeiten schreiben, die er hieher wünscht. Setzen Sie doch Lubenski's Bedingungen auf und theilen Sie mir solche mit. Wie weit sind die Dobrowskischen Arbeiten — rücksichtlich des Sorabischen — vorgerückt? Seine Mährische Legende hoffe ich anzuzeigen, sobald mir die Zeit diess gestattet.

Theilen Sie mir doch etwas bestimmteres mit über das Jung-

23.

М. Г.! Письмо ваше съ письмомъ Его В. П. А. С. Ш. (Шишк...) и съ приложеною иностран. перепискою получилъ я южъ ...арта, однакожь библіотека соборной церкви въ то время еще ...ступна была. Какъ только мало теплое солнце показалось, ...рался я о рукописи Александра и тепериче посылаю на вы... три статьи съ описаніемъ Россіи Марка Пола, котораго ...ревод на чешской языкъ (XV вѣка) у меня. Къ сему приго...влены были снимки № II. 8. № III. 84 и № IV. 563 (въ Юнгм. ...бкою 1415). которое послѣднее первая рукопись съ постоян...ою орѳографіею и точнѣйшимъ продолженіемъ гласныхъ буквъ. ...г. Добр. о клементинской рпси говоритъ, чтобъ она была ...графъ Ив. Г., сомнѣваю, бо заключеніе *na hradie Kozí* и годъ ...13 всѣ рпси и самое наиеч. изданіе имѣютъ, и прошу сравнить ...ь приложеной снимокъ съ Gesch. d. böhm. Spr. p. 224, какая ...ность и то во всей рпси. Въ Будишинѣ (въ Лузаціи) была ...сь на перг. отъ 1412 года, но невозможно ей обрѣсти. Ново... литературныя изъ Лузаціи ожидаю съ прибытіемъ г. Кухарскаго, который сіе пишетъ [1])... Но отъ Лубенскаго отвѣта я не получилъ. Г. Ладиславъ Войтѣховичъ Челаковскій трудится собраніемъ въ словарный порядокъ останцевъ словъ словянъ Люнебургскихъ, которыя имп. росс. Академіи предложить хочетъ, и я принуждусь тепериче древнѣйшею правдою чешскою (Práwa zemská...), шесть разныхъ рукописей я ужь сравнивалъ въ надеждѣ, что еще три или четыре обрѣту, изъ которыхъ полный и древнѣйшій кодексъ съ разнословіемъ всѣхъ составлю. Возможно ли будетъ это здѣсь печатать, хорошо; невозможно ли—пошлю СП. Академіи наукъ, чтобы отдала этому, кто на задачу ея сочиненіе писать хочетъ. Знаю молодаго человѣка именемъ Францишекъ Малевскій, вильнянинъ; онъ теперь при цивильномъ Губернаторѣ въ Москвѣ; онъ очень способный и остроумный законоискусникъ, знаетъ хорошо давное правосудіе польское и съ любовною страстію ужъ 1822 г. хваталъ по семъ предмету.

Прошу глубочайшее почтеніе Е. В. А. С. Ш. Далимила безъ всякаго условія свѣтл. Академіи уступаю и, какъ скоро его перепишу (чтобъ я экз. имѣлъ, когдабъ случилось, чтобъ дорогою потерялъ), съ радостію пошлю. Отвѣтъ на письмо Е. В. П. съ нѣкоторыми книжками будетъ слѣдовать.

---

[1]) Очевидно, должна была слѣдовать выдержка изъ его письма (отъ 20 февр. 1827 г.?). См. ниже письмо Кух. отъ 20 февр. 1827 г.

Приготовлено: 1) Čelakowského národnj pjsně 3-tj djl. 2) Časopis českého Museum 1 a 2 swaz. 3) Starob. Sklad. 4 djlky. 4) Streycůw Zaltář. 5) Staré Powěsti. 6) Historické zpěwy.

Какъ скоро довѣдаетесь что-нибудь твердаго о учрежденію или отверженію сихъ каѳедръ, прошу извѣстить меня поскорѣе, бо многократно способность имѣю купить книги нужныя богемск. и другихъ помежныхъ Словянъ, которыхъ бы я въ нынѣшнемъ состояніи не купилъ для того, что въ библіотекѣ находятся, и также для того, чтобы я долженъ по условію полугодовой отказъ дирекціи объявить.

Форма рукописи Королегородецкой только 19 строкъ, того ради думаю, чтобъ довольно было гравировать до *a tobie ty pe...*

(Съ черновика въ бумагахъ Ганки).

24.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше, съ приложенными при ономъ снимками, я имѣлъ удовольствіе получить. А. С. Шишковъ поручилъ мнѣ благодарить Васъ за обѣщанную Вами рукопись Вашего Далимила. Весьма хорошо то, что Вы съ оной оставляете у себя копію. Академія наша нынѣ (и давно уже) бездѣйствуетъ. Да и не будетъ добра, доколѣ не будетъ она имѣть порядочнаго секретаря. Соколовъ, принявшій на себя много разныхъ обязанностей, для полученія большихъ доходовъ, ни въ чемъ не успѣваетъ. Министръ обремененъ многими другими занятіями,—и Академія—молчитъ.

Прилагаю при семъ двѣ статьи для Общества Чешскаго Народнаго Музея. Къ Вамъ и къ Г. Добровскому въ свое время доставлю полные экземпляры 3-й книжки моихъ Матеріаловъ. Допечатавъ оные, тотчасъ (въ первыхъ числахъ маія) переселяюсь въ Таврію (въ Симферополь), гдѣ отнынѣ буду имѣть главную свою квартиру, объѣзжая всю южную Россію отъ Персидской границы до предѣловъ Царства Польскаго и Турціи Европейской.

О Словенской каѳедрѣ все еще ничего не рѣшено; какъ скоро что либо послѣдуетъ, не премину Васъ тотчасъ о томъ увѣдомить. Я съ моей стороны не престаю хлопотать о семъ предметѣ.

Прошу засвидѣтельствовать почтеніе Гг. Добровскому, Югману, Палацкому и Челаковскому отъ имѣющаго честь быть, Милостивый Государь! Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

П. Кеппенъ.

Назначенные для меня книги прошу по прежнему пересылать на мое имя въ С.-Петербургъ, съ курьеромъ. Если же ихъ много, то чрезъ Тріестъ въ Одессу, на имя брата моего Карла Ивановича Кеппена, который за провозъ оныхъ взнесетъ и слѣдующія деньги.

С.-Петербургъ,
6/18 Апрѣля 1827 г. Помѣта Ганки: „Получено 3 Юнія 1827".

25.

Милостивый Государь!

Надѣюсь, что Вы отвѣтъ мой отъ 18 марта получили. Къ дополненію извѣстія о грамматикѣ и словарѣ на горно-лужицкомъ діалектѣ, говоритъ мнѣ г. Кухарскій, который точно назадъ воротился, что въ г. Лубенскаго никакой надежды нѣтъ, бо онъ хорый и потому такъ робкій, что всякое рвеніе его отступило; того ради и я отъ него на двѣ писма отвѣта не получилъ. Г. Кухарскій говоритъ, что грамматика его еще совсѣмъ не укончена, и словаря на чисто только *А* и *Б* совершенны.

Но очень большую надежду кладетъ онъ въ молодого богослова Сайлера, который еще въ Липскѣ на университетѣ. Обрѣтъ онъ въ немъ не токмо ревность и любовь къ языку своему, но и изящныя дарованія по сему предмету: бо не только что онъ языкъ свой хорошо знаетъ, онъ ужь трудится тоже познать покревныя языки и читаетъ сочиненія на чешскомъ, польскомъ и начинаетъ и на россійскомъ языкахъ. Однакожь скорбнѣйшая доля угнетаетъ долно-лужицкій народъ, тамъ языкъ (какъ кажетъ г. Кух.) ужь въ погашеніи, кое погашеніе найпаче ихъ Суперинтендентъ въ Котвицахъ (Kotbus) ускоряетъ.

Какъ только г. Кух. записки свои въ порядокъ сложитъ, хочу я В. Благор. объ этомъ полное извѣстіе донести.

Самыя нужнѣйшія вѣщи къ спасенію въ людяхъ сего діялекта, были бы элементарныя книжки (букварь и учебныя книги), бо въ горныхъ Лужицахъ теперь никакой и въ долныхъ ихъ никогда не было. Такимъ образомъ принуждаютъ ихъ учиться на нѣмецкихъ букваряхъ. Въ Прагѣ бы возможно было такія книжки напечатать, въ Лужицы ввести и молодежи роздавать, когдабъ только фондъ былъ, бо то людіе весма убоги.

Прошу, что думаете Вы о Геркелѣвой грамматикѣ [1]); я ей

[1]) Elementa universalis linguæ Slavicæ, Budæ, 1826.

похвалить не могу, думаючи, что языку всесловянскому совсем иною дорогою ити.

Ежели вамъ случится говорить съ Е. В. П. госп. Блудовымъ то прошу мое совершенное почтеніе и уклоны, возможно ли Ему благосклонно упомниться, съ кѣмъ въ Прагѣ вѣнецъ чешскихъ королей видѣлъ, это удовольствіе я имѣлъ.

Г. Юнгм. радуется на полученіе Словаря росс. Академіи и какъ скоро его получитъ, непреминетъ благодарность свою письмомъ засвидѣтельствовать. Вы уже читали рецензію г. Добр. на его и на Шаф. Литературу (Jahrbücher d. Lit.), которую нынѣ г. Палацкій (неблагодарно за услуги себѣ отъ Юнг. проказаны въ журналѣ Муссейскомъ повтараетъ. Г. Добр. гнѣвается на Юнг. только того ради, что онъ не послѣдуетъ прозодію имъ постановленую.

Вашъ Вячеславъ.

Прага, 6 Апрѣля 1827.

Помѣта рукой Кеппена: „Получ. въ Симферополѣ 7 Ноября 1827 г."

26.

Sehr hochgeschätzter Freund!

In Beziehung auf Ihre, oder vielmehr auf unsre gemeinschaftliche Angelegenheit, betreffend die Slawischen Professuren, ist noch immer nichts entschieden. Nun da ich Petersburg verlasse wird wohl mein Freund Götze, den Sie durch seine deutsche Uebersetzungen Russischer und Serbischer Volkslieder wohl aus dem Morgenblatte kennen werden, die ferneren Unterhandlungen mit Ihnen fortsetzen. An den gemachten Bedingungen ist überhaupt nichts auszusetzen; es liegt nur an der Errichtung der Professuren. Wie früh oder wie spät diess zu Stande kommt, lässt sich noch gar nicht vorhersehen. Vielleicht, geschieht diess sehr bald, vielleicht, nimmer. Ich meinerseits habe dafür gewirkt was ich nur wirken konnte.

Vom ersten Hefte meiner Slavischen Denkmäler bitte ich Sie den Anfang (nämmlich Vorrede und Beylage) freundlich entgegenzunehmen. Ebenso empfehle ich Ihrer gütigen Nachsicht das 3. Heft meiner Materialien, von welchen auch Exemplare für die Herrn von Jungmann und Palacki, gleich wie auch für das Kön. nigl.-Böhmische National-Museum folgen. Alles dieses erhalten Sie durch Friedrich Fleischer, Buchhändler in Leipzig, zugleich mit einem Examplare des Akademischen Wörterbuches für H

prof. Jungmann, den ich bitte den Empfang dieses Werkes dem Minister gefälligst anzeigen zu wollen.

Und nun leben Sie wohl und schreiben Sie geradezu nach Sympheropol (in Taurien) Ihrem treuergebenen Freunde und Diener Köppen.

St. Petersburg,
d. 1/13 Juni 1827. Помѣта Ганки: „Odp. 10/22 list".

27.

М. Г., Петръ Ивановичь!

Ihren schätzbaren Abschiedsbrief von Petersburg v. 1/13 Juni hab ich erhalten, und wartete bis ich Ihnen von den durch Fleischer zubekommenden Schriften Nachricht geben könnte. Täglich denk' ich an Sie, wie es Ihnen auf dem so entfernten Posten gehe, und was Ihre Excursionen entdeckten, darauf bin ich sehr begierig. Was mir das für Freude gemacht hat, dass ich mit einem Ihrer gewes. Mitschüler zusammengetroffen! Sie werden sich erinnern an Алексѣй Ираклiевичь Левшинъ, der zu Odessa angestellt ist, und vor 3 Monaten hier durch nach Paris eine Reise machte. Seine Schrift о уральскихъ Казакахъ ist mir ein werthes Andenken. Gleich damals hab ich die Copie Далимил. durch baron Искуль an Ш. expedirt, hab aber noch keine Antwort, auch keine Nachricht vom Hrn. Gotze erhalten. Ich möchte doch gern wissen, ob Ihnen Hr. Joh. Schön meine Starobylá übergeben. Ich hab für Sie wieder ein Paketchen Novitäten und warte damit bis Hr. Левшинъ, der vielleicht hier o. über Dresden zurückkehren wird, kömt; wenn er einen andern Weg nehmen sollte, so bitt' ich um Rath wie ich es an Ihren Hrn. Bruder nach Odessa am sichersten bringen könnte. Indessen schick' ich Ihnen die Nachricht Nowé knihy und über Mater Verborum über 1440 böhm. und über 500 deutsche Glossen gefunden, welche ich mit einem Facsimile herausgeben gedenke. Meine böhm. Práwa liegen noch wartend auf den Druck.

Leben Sie wohl i obradugte mne brzo snažně očekáwánau odpowědj. Вячеславъ Вячеславичь.

Его Высокоблагородію Госп. Петру Ивановичу Кеппену, Надворному Совѣтнику и проч. и проч. въ Симферополѣ въ Таврiи. Symphoropol in Taurien. Συμφεροπόλις της Ταύριας.

V Praze,
10/22 Listopada 1827. Помѣта Кеппена: „Erh. d. 8 Dec. 1827".

28.

М. Г., Петръ Ивановичъ!

Теперь ужь годъ почти назадъ, что я отъ Васъ письма не получилъ, развѣ Вы въ Тавріи очень затруждены, потому что Вамъ невозможно ни слова къ тому писать, который писма Ваши такъ почитаетъ. До сихъ поръ я не знаю, получили ли Вы отвѣтъ мой на послѣднее письмо Ваше отъ 10/22 Ноября прошл. года. Третяя часть Матеріяловъ Вашихъ и Словарь Акад. для г. Юнгманна еще не пришли, и я получилъ отъ Фридериха Флейшера билетъ, что онъ объ этомъ никакого извѣстія не имѣетъ. Вы очень обрадовали меня первою частію Словянскихъ Памятниковъ, за которую должникомъ буду и Васъ благодарю. Невозможно ли бы было Остромирское со всемъ издать, когда ужь шрифтъ существуетъ, изданіемъ симъ всѣмъ Славистамъ чрезвычайную радость и пользу Вы бы здѣлали.

Я прилагаю при семъ еще одинъ снимокъ чешскаго Александра, котораго фрагменты я въ переплетѣ одной инкунабулы открылъ. Я теперичє труждусь древнѣйшею Правдою чешскою и глосаремъ, котораго опытъ я Вамъ ужь напечатаный послалъ.

Госп. Gotze еще ко мнѣ не писалъ и писмо Его Высокопревосходительстра Александра Семеновича отъ 18/30 Октябр я прош. года ни словомъ о славянскихъ профессурахъ не упомнастъ. О чешской Словесности стоитъ артикулъ въ The foreig Quarterly Review, 1828 № 3. и Bowrings Bohemian Antholog тоже ужь печатана.

Присылаю тоже, возможно ли будетъ сіе принять, перевод Litewské Pjsně od Čelakowského, который ихъ Вашему Высокоблагородію посылаетъ. Незабудите прошу хотя и коротким письмомъ обрадовать, бо мнѣ такъ пріятно будетъ изъ Таврі какъ изъ СП-га. Съ душевною преданностію имѣю честь быть всепокорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

Его Высокоблагородію Господину Петру Ивановичу Кеппену Симферополь въ Тавріи.

Дня 2 Мая/20 Апр. 1828. Помѣта Кеппена: „Получ. въ Тулѣ 1 Окт. 1829“.

29.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Дражайшія для меня писма Ваши отъ 6-го апрѣля и 10/22 listop. я имѣлъ удовольствіе получить въ Симферополѣ, въ кот

цѣ минувшаго года. Не вините меня за долговременное молчаніе. Виноватъ,—самъ это чувствую, но право, оправдываться на сей разъ не смѣю и—не умѣю. Благодарю усерднѣйше за всѣ доставленныя ко мнѣ книги и разныя литературныя извѣстія. Объ учрежденіи Словенскихъ каѳедръ я все еще хлопочу и не за долго предъ симъ о семъ же предметѣ писалъ къ новому Министру Народнаго Просвѣщенія, Его Свѣтлости Князю Карлу Андреевичу Ливену. Не знаю, что послѣдуетъ.

Жаль, очень жаль, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла.

Если будете писать ко мнѣ, то, если можно, отсылайте письма, чрезъ Вѣнскую Миссію на имя Г. Аделунга въ С.-Петербургъ, который перешлетъ оныя ко мнѣ въ Симферополь. Теперь, объѣзжая Югозападныя губерніи Россіи, спѣшу изъ Одессы далѣе, почему и не могу болѣе съ Вами бесѣдовать на сей разъ. Простите и не забывайте Вашего покорнѣйшаго слугу

П. Кеппенъ.

Мое почтеніе Г-мъ Юнгману и Палацкому, равно какъ и Г-ну Челаковскому.

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Herrn W. v. Hanka, Bibliothekar vom Königl. National-Museum zu Prag.

Одесса,
14/26 Іюля 1828.

30.

Sehr hochgeschätzter Freund!

Ihre werthen Zeilen vom 13/25 Oktober des verflossenen Jahres habe ich schon am 20 Nov./2 Dec. des verflossenen Jahres erhalten, begleitet von dem schönen Facsimile *отрывка древнѣйшаго перевода Чешской Библіи*, aber immerfort verschob ich meinen Dank dafür bis zum Empfange aus St. Petersburg der langerwarteten Exemplare des Textes zum 1-en Hefte meines *Собраніе Словенскихъ Памятниковъ, находящихся внѣ Россіи*. Nun sind diese angelangt, und ich sende Ihnen, werthester Freund, zugleich mit Exemplaren für unsere Gesellschaft des Boh. Nation. Mus. und Hr. von Dobrowsky, einen Abdruck davon. Nehmen Sie diese Sendung liebreich auf und sagen Sie mir, wie hoch der Gesellschaft die Zusendung zu stehen kann, damit ich weiss, ob ich jemals wieder auf diesem Wege (über Brody) ihr etwas zukommen lassen kann.

Sendungen an mich könnten wohl am besten über Triest nach Odessa gehn, unter der Adresse: Его Высокоблагородію Карлу Ивановичу Кеппену (отдать въ Лицеѣ, Его Высокоблагородію Ивану Ивановичу Дудровичу), oder auch durch Ihre Buchhändler an den Unsrigen, *Hr. Gräff* zu St. Petersburg. mit der Aufschrift für *P. v. Köppen in Sympheropol.*

Jede neue Sendung von Ihnen ist mir ein sehr erfreulicher Beweis Ihres Wohlwollens. Sollten Sie mir per Posto schreiben wollen, so wäre es wohl rathsam die Briefe nach Odessa (auch an meinen Bruder mit der Bemerkung, dass solche für mich sind) gehen zu lassen, da wir hier, durch eine sonderbare Anordnung 2 oder dreimal so viel für ausländische Briefe zahlen müssen, als in Odessa.

Die Briefe welche ich von Ihnen erhielt, sind vom 6 April und 10/22 listop. 1827 und nun zuletzt vom 13/25 Okt. Die nähere Nachricht über die Stat. Synod. vom J. 1470 würde mir sehr willkommen sein. Geht alles so wie ich mir's jetzt denke, so werde ich den nächsten Sommer in Tiflis und Astrachan zubringen; den Herbst in Taurien und den Winter darauf in Petersburg, wo ich dann bis zum Frühjahr 1830 verbleiben würde. Geschieht dies, so werde ich dann Ihnen mit Bestimmtheit etwas in Beziehung auf die in Petersburg zur Zeit meiner Anwesenheit daselbst eingeleitete Angelegenheit sagen können.

Empfehlen Sie mich Herrn v. Jungmann und Herrn v. Palacki bestens. Leider ist die ganze Sendung an den Buchhändler Fr. Fleischer, zugleich mit dem Schiffe auf dem solche abging, ein Raub der Ostsee geworden. So kam ich denn auch um 25—30 Ex. der Einleitung zum 1 Hefte meiner Slav. Denkmäler.

Hochachtungsvoll Ihr ergebenster Freund und Diener

Köppen.

Sollten Sie die Einleitung nun doppelt haben, so bitte ich Sie das erste Exemplar derselben gütigst aufzubewahren, bis ich solches für einen meiner Freunde complettiren kann.

Sympheropol,
d. 23 Jänner a. S. 1829.

31.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Письмо Ваше отъ 20 Апр. н. с. 1828 года, я имѣлъ удовольствіе получить 1 октября сего 1829 года, на пути изъ Астрахани

и Пензы въ С.-Петербургъ. Нашелъ я оное въ Тулѣ при письмѣ ко мнѣ Преосвященнаго Евгенія изъ Кіева.

3-я часть моихъ Матеріаловъ и Словарь Академическій для Г. Юнгманна погибли на морѣ. Первую изъ сихъ книгъ самъ къ Вамъ доставлю. О Словарѣ же я докладывалъ А. С. Шишкову, который обѣщалъ отпустить для Г. Юнгманна еще одинъ экз. Академическаго словаря.

Смѣю надѣяться, что Евангеліе Остромірово будетъ со временемъ издано и—можетъ быть Вами, ибо еще не теряю надежды видѣть Васъ въ С.-Петербургѣ. При случаѣ прошу Васъ меня увѣдомить, не перемѣнили ль Вы или г. Челаковскій мнѣнія своего касательно переселенія въ Россію. За доставленный ко мнѣ снимокъ (Чешскаго Александра) и за переводъ Литовскихъ пѣсенъ приношу я какъ Вамъ, такъ и Г-ну Челаковскому мою искреннюю признательность. А. Х. Востоковъ посылаетъ при семъ имъ самымъ сдѣланныя для Васъ Выписки изъ Остромирова Евангелія.

Еще благодарю я усерднѣйше и за Monatsschrift d. Gesch. d. Vaterl. Museum, равно какъ и за свѣдѣнія о древнемъ чешскомъ Евангеліи отъ Іоанна.

Спѣшу. Простите и отвѣтствуйте, прошу Васъ, чрезъ Г. Аделунга (Александра Ѳедоровича), который въ Вѣнѣ состоитъ въ качествѣ секретаря Росс. Посольства.

Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кеппенъ.

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Herrn von Hanka in Prag. An bey Auszüge aus dem Ostromir.

С.-Петербургъ,
1/13 Ноября 1829. Помѣта Ганки: „Получ. 29 марта 1830".

Въ домѣ Яковлева, близъ Семеновскаго моста.

32.

Unter der Hand.

Sehr werthgeschätzter Freund!

Ihre Sendungen habe ich mit Dank richtig erhalten. In aller Eile muss ich Ihnen doch sagen, dass unser Wunsch, Sie in Russland zu sehen, in Erfüllung zu gehen scheint! Seit ich wieder in Petersburg bin, ist nicht ohne Erfolg daran gearbeitet worden. Die Russische Akademie hat 30 bis 40 Tausend Rubel B-co zur Anschaffung einer Slaw. Bibliothek bestimmt und jährlich 2 bis 3000 Rbl. B-co zur Completirung derselben. Zu Bibliothekaren

sind gewählt: Herr von Hanka (mit 4000 Rbl. Bco Gehalt), Herr von Čelakowský (mit 3000 Rbl. Bco), Herr von Schaffarjk (mit 4000 Rbl.); alle unter denselben Bedingungen, wie ausländische Professoren nach Russland berufen werden, mit Reisegeld, Kronsdienst etc. Herr von Čelakowský ist den extraordinären Professoren gleichgestellt worden. Ich habe darüber müssen eine besondere Note einreichen, obschon ich nicht Mitglied der Russischen Akademie bin. Die Vorstellung über diesen Gegenstand ist schon von der Akademie ans Ministerium gelangt, und bedarf jetzt nur noch die Bestätigung des Monarchen. Obschon ich keineswegs an dieser Bestätigung zweifle, so könnte Sich die Sache doch noch verzögen. Warten Sie also mit Geduld, bis ich oder sonst jemand officiell an Sie schriebt. Eine Ihrer Hauptbeschäftigungen soll die Zusammenstellung aller Slawischen Dialekte zu einem Wörterbuche seyn, in der Art wie das Linde'sche denke ich.

Grüssen Sie Herrn Čelakowský von mir und behalten Sie in freundschaftlichem Andenken Ihren treuergebenen Freund und Diener Köppen.

In Eile durch einen abgehenden Courier.

Ich gedenke wenigstens noch 8—12 Wochen lang in Petersburg zu bleiben, und dann wieder nach Taurien zurücke zu kehren. Die Russische Akademie schickt Herrn Wenelin auf Reisen. Er geht in die Moldau, Walachey, die Bulgarey und Rumelien, auch nach Athos, wozu er 6000 Rbl. bekommt. Wenelin edirte vor kurzem eine Schrift über die Bulgarien.

St. Petersburg,
d. 29 Dec. a. S. 1829. Помѣта Ганки: „Odpow. 6. unora 1830".

33.

Sehr werthgeschätzter Freund!

Vor einigen Tagen geruhete unser Kaiser den Plan der Russischen Akademie wegen Errichtung einer Slawischen Bibliothek zu bestätigen und genehmigte zugleich die Wahl der 3 Bibliothekare. Nun soll nächstens ein officieles Schreiben an Sie erfolgen. Heute sprach ich vorläufig schon mehrere Mitglieder der Akademie wegen des Reisegeldes, in welcher Hinsicht noch nichts entschieden ist. Ihre Anstellung, gleich wie auch die Auszahlung der Gehalte soll vom Tage ihrer Ankunft in Petersburg datiren. Ich habe schriftlich den Wunsch geäussert, dass Herr von Čelakowski bey seiner Herreise das Rusnjakenland bereise und

sich dort im N. Östl. Ungarn und S. Östl. Galizien gleich wie auch in Lemberg, Krakau und Warschau eine Zeitlang aufhalte und dass sein Gehalt und seine Anstellung von dem Tage seiner Abreise von Prag datirt. Nun bitte ich Sie uns aber auch baldigst zu sagen, ob Herr von Čelakowski diese Reise auch zu machen geneigt wäre. So viel ich weiss, ist er unverheirathet und könnte also leichter als Sie oder Herr von Schaffarjk die Reise im Rusnjakenlande machen. So viel für heute, bis in 2—4 Wochen ein förmlicher Ruf an Sie erfolgt.

Leben Sie wohl und schreiben Sie bald Ihrem treuergebenen Freund und Diener Köppen.

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Herrn W. v. Hanka, Bibliothekar des Königl. Böhmischen Nationalmuseum zu Prag.

St. Petersburg,
d. 15 Jan. a. S. 1830. Помѣта Ганки: „Odpow. 1. března 1830".

34.

М. Г., Петръ Ивановичь!

Неполучая письмъ вашихъ, я уже нѣкоторымъ въ Россіи писалъ моля о извѣстіе о Васъ, боясь читавъ во вѣдомостяхъ о чумѣ въ южной Россіи. но отвѣта никакого я не получилъ. Съ какою радостію и удовольствіемъ я руку и печать Вашу увидѣлъ, неувѣрите.

Учрежданіе библіотеки всесловянской Святлою Росс. Академіею и намѣреніе сочиненія таковаго словаря есть благополучный шагъ къ вознесенію Славы словянской словесности, котораго мы давно въ нетерпѣливомъ желаніи ожидали, и Вамъ Рачителю сего предпріятія безсмертныя заслуги, за которыя Васъ родъ вродъ благодарствовать будетъ. Когдабъ я и не былъ призванъ къ содѣйствію сего счастливаго предпріятія. хотѣлъ бы я всеми силами, немоги иначе, по крайней мѣрѣ собираніемъ книгъ способствовать; бо по такъ долгомъ времени я о пренесеніи себя въ Россію уже недумалъ, доволенъ будучи съ положеніемъ своимъ, развѣ когда нынѣ библіотека наша книги покойнаго Добровскаго купила. и прекрасное желаніе къ подобному всесловянскому институту у насъ, хотя въ уменшительномъ способѣ основано. Но думаетели Вы, чтобъ я въ этомъ большомъ кругѣ дѣйствія способствовать могъ, съ радостью эти принимаю, надѣясь, чтобъ я наслѣдника соотвѣтственнаго институту нашему здѣсь получилъ. Теперь пора удобна, которую проспать бы

было болшее предъосужденіе самой Литературѣ, бо еще возможно съ иживеніемъ чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣдчѣе книги собрать, которыхъ въ короткомъ времени самыми болшими жертвами получить возможно не будетъ. Такъ на пр. Музеумъ покупкою библіотеки пок. Добровскаго дупликаты свои продать намѣряетъ, такъ еще у нѣкоторыхъ приватныхъ особъ и антикваровъ за серебро хорошія вещи купить возможно и т. п.

Турецкой войны ради я Вамъ въ Одессу Босфоромъ ничего прислать не дерзнулъ, и теперь прошу ласкаво писать, куда Вамъ значнѣйшіе плоды словесности чешской посылать возможно. Я прислалъ нѣкоторыя правныя книги черезъ Гамбургъ къ Его Превосх. Г. Балугіянскому, при которыхъ и для Вашего Высокоблагородія журналы были, но не знаю, ежели надешли. Ежелибы возможно было нѣкоторые журналы руск. за журналы наше получать, очень бы то Музеумъ пріятно было. Черезъ Миссію Вѣнск. послалъ я два экзем. новаго изданія Краледв. Рукоп. къ Его Высокопревосх. Г. Министру Сперанскому, но и здѣсь ничего не знаю. Очень полезнобы было, когдабъ Г. Шафарикъ, который безъ того въ Македонію и на Аѳосъ намѣреваетъ, съ Г. Венелинымъ путешествіе здѣлать могъ. Съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданостію имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Вячеславъ Ганка.

Прага,
25 Іануар./6 февр. 1830 г.

Помѣта Кеппена: „Получ. 19 Февр. 1830 въ Спб-ѣ“ [1]).

35.

Wohlgeborner, hochzuverehrender Herr!

Beehrt von Seiten der Kaiserlichen russischen Akademie mit dem Auftrage, mich in dero Namen mit Ew. Wohlgeboren in

[1]) Къ этому письму приклеенъ листокъ, писанный собственноручно Кеппеномъ, слѣдующаго содержанія: „Письмо Вяч. Вяч. Ганки, изъ Праги отъ 25 янв./6 февр. 1830 г. Писанное вслѣдствіе приглашенія его И. Россійскою Академіею переселиться въ Россію, для занятія при оной мѣста Библіотекаря (вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Челаковскимъ). Это приглашеніе, на которое уже испрошено было Высочайшее соизволеніе, состоялось вслѣдствіе моего предположенія, когда дѣло шло о прекращеніи ежегоднаго отпуска значительныхъ суммъ на содержаніе бывшей Россійской Академіи. О вызовѣ помянутыхъ трехъ Славистовъ уже упомянуто было въ „Journal de St. Petersbourg“. Когда же дальнѣйшій отпускъ суммъ для Академіи былъ Высочайше утвержденъ, во вниманіе къ новымъ ея предположеніямъ, тогда Академія предпочла оставаться при прежнемъ своемъ порядкѣ (?), и вызванныя ученые остались въ обманѣ. П. Кеппенъ“.

erührung zu setzen und Dieselben aufzufordern theilzunehmen
an den litterärischen Arbeiten besagter Akademie, halte ich es
für Pflicht Ihnen hier die Bedingungen aus einander zu setzen, un-
ter welchen jener Verein Sie nach St. Petersburg versetzt zu se-
hen wünschte.

Es gehört zu den Zwecken der Kaiserlichen russischen Aka-
demie die Herausgabe eines Wörterbuches zu besorgen, welches
lle slavischen Mundarten, soweit solche bisher bekannt sind, um-
asst. Um nun diesem Werke alle mögliche Vollständigkeit zu ver-
haffen und die einzelnen Wörter und Ausdrücke eines jeglichen
ialektes treu wiederzugeben, beschloss die Akademie einige der
orzüglichsten Kenner slavischer Mundarten nach Russland zu be-
fen, sich mit der Hoffnung schmeichelnd, dass es ihr gelingen
erde an diesen Männern sowohl thätige Mitarbeiter für das zu
ginnende Werk, gleich wie auch kenntnissreiche Bibliothekare
r die zu errichtende slavische Bibliothek und überhaupt eifrige
eförderer auch anderer litterärischen Zwecke zu acquiriren.

Es ist bey dieser ehrenvollen Gelegenheit die Wahl der Aka-
emie auf Ew. Wohlgeboren gefallen, und die Akademie fände
ch bereit Ihnen ein Jahresgehalt von 4000 Rbl. Banco-Assign.
uszusetzen, wenn Sie geneigt wären, sich in St. Petersburg zu
abliren, um obengenannte Arbeiten gemeinschaftlich mit an-
ern Gelehrten zu übernehmen.

Gehen Sie diese Bedingung ein, so fordert die Akademie Sie
uf alsobald in Ihre Dienste treten zu wollen und zwar in Hinsicht
uf Rang und Ruhegehalt gemäss den Conditionen, welche Ew.
Wohlgeboren in der, diesem Schreiben angehängten, vom Herrn
ecretair der Akademie unterzeichneten Beilage [1]) auseinander
esetzt finden. Ich muss nur noch hinzufügen, dass die Kaiserliche
ussische Akademie Ihnen ein Reisegeld von 100 Dukaten bewil-
gt, und dass Ihre Dienstzeit gleichwie auch die Besoldung von
em Tage Ihrer Ankunft ins Russische Gebiet ihren Anfang neh-
en würde.

Mich mit der Hoffnung schmeichelnd, dass Ew. Wohlgeboren
diese ehrenvolle Anträge für sich nicht unvortheilhaft finden, er-
suche ich Dieselben ohne Zeitverlust auf diese Zeilen Sr. Excel-
enz dem Herrn Präsidenten der kaiserlichen Russischen Akademie,
dessen Adresse hiebey erfolgt, unmittelbar zu antworten, mich
aber vom Resultate dieser Unterhandlung baldmöglichst in Kennt-
niss zu setzen.

[1]) Приложены „Условія на счетъ чиновъ и пенсій, предлагаемыя
. Ганкѣ". См. Ягича, Источники, II, стр. 406–408.

Genehmigen Ew. Wohlgeboren bei dieser Gelegenheit die Versicherung der ausgezeichneten Hochschätzung, mit welcher ich die Ehre habe zu seyn Dero gehorsamster Diener

Peter von Köppen.

Sr. Wohlgeboren Hr. W. v. Hanka, Bibliothekar am K. Böhmischen Nationalmuseum zu Prag.

St. Petersburg,
den 29. Jänner / 10. Februar 1830.

36.

Endlich, mein sehr hochgeschätzter Freund, kann ich Ihnen den förmlichen Ruf der Kais. Russischen Akademie zustellen und bitte nun uns bald mit einer erfreulichen Antwort zu beschenken. Mich besonders interessirt eine *baldige* Antwort von Ihnen, denn in Zeit von 2 bis 3 Monaten schon hoffe ich Petersburg abermals zu verlassen, und würde doch gern noch vor meiner Abreise Ihre Angelegenheit beendiget sehen. Schreiben Sie mir offen und seyn Sie überzeugt, dass ich gern alle Ihre gerechten Anforderungen zur Kenntniss Sr. Durchlaucht des Ministers bringen werde. Dieser (Fürst Lieven) nimmt selbst den lebhaftesten Antheil an der Sache und wird Sie gewiss mit vieler Güte hier aufnehmen. Sagen Sie diess, ich bitte Sie, auch Hrn. v. Čelakowski, ihn zugleich davon unterrichtend, dass auch der Rang eines Collegien-Assessors (Majors=d. 8-ten Classe), eben so wie des eines Hofrathes (Obrist-Lieutenants=d. 7-ten Classe) den erblichen Adel ertheilt, womit hier, wie überall, nicht unbedeutende Vortheile verknüpft sind. Ihnen muss ich noch sagen, dass man nun wieder mit der Idee umgeht in Petersburg, an der Universität einen Lehrstuhl für Slawische Philologie zu stiften, wozu denn einer von Ihnen, meine Herren, sich vorbereiten müsste. Diese Professur könnte füglichst mit der Stelle eines Bibliothekars der Russischen Akademie vereinigt werden und dürfte wenigstens zur Verdoppelung des Gehalts Anlass geben. Auch an anderen Universitäten im Reiche werden vielleicht Professuren dieser Art errichtet werden und ich bitte Sie auf einige Männer für dieses Fach bedacht zu seyn, damit man einst, Ihren Rath befolgend, welche berufen könnte.

An den beyfolgenden Bedingungen wird nichts zu ändern möglich seyn. Nur würde ich rathen, wenn Sie solche eingehen, die Akademie zu ersuchen, dass dieselbe, wo möglich, für die zoll-

reye Passage ihrer Bücher und übrigen Effecten ins Russische Gebieth sorge. Sollten die 100 Dukaten Reisegeld nicht hinreichen, so würde die Akademie sich vielleicht geneigt finden nach Ihrer Ankunft in St. Petersburg etwas zuzulegen. Doch diess müssten Sie dann selbst mit dem Hrn. Präsidenten abmachen; könnten aber, wenn Sie wollen, vorläufig auch in dieser Beziehung Ihre Hoffnung aussprechen.

Sollten Sie Gelegenheit haben solche Manuscripte aufzutreiben, deren Acquisition der Akademie von wesentlichen Nutzen seyn könnte, z. B., noch ungedruckte Wörterbücher und d. gl., so behalten Sie dieselben im Augenmerk, denn wahrscheinlich erhalten Sie den Auftrag welche anzuschaffen.

An der Gränze rathe ich sich von Hrn. Consul (Swjatski in Brody,—meinem guten Bekannten) oder sonst von einer russischen Gränzbehörde ein Zeugniss ausstellen zu lassen über den Tag ihrer Ankunft ins Russische Gebieth, denn ich wünschte wohl, dass Ihr Dienst, d. h., Ihre Dienstzeit und Besoldung schon von diesem Tage an,—nicht erst vom Tage Ihrer Ankunft in St. Petersburg,—gerechnet werde. Sie könnten selbst, sich auf mein officielles Schreiben stützend, in Ihrer Antwort Hrn. von Schischkow im voraus berichten, dass Sie sich einen Schein dieser Art werden ausstellen lassen in Brody, oder Radziwilow, oder sonst wo bey Ankunft in Russland.

Von Dobrowski's Briefen an mich werde ich suchen Ihnen Abschriften fürs Nationalmuseum zukommen zu lassen. Durch Hr. v. Kopitar erhalten Sie ein Exemplar des Tolstoj'schen Verzeichnisses alter Drucke, nebst den Kupfertafeln dazu, für's Museum. Ein 2-tes Exemplar für Sie oder für sonst jemand—das Sie solches hier gleich umsonst wieder haben können, soll nachfolgen. Strojew ist soeben in Petersburg. Sjögren, welcher das Tschudenland bereisete (unsern Norden), ist nun Adjunkt bei der Akademie der Wissenschaften. Auch ist vor Kurzem Hr. Wenelin hier angelangt um bey der Russischen Akademie seine 6000 Rbl B-co zur Reise in die Bulgarey und nach Athos zu heben.

Ich bitte Sie mich den Hr. v. Jungmann, Čelakowski und Palacki bestens zu empfehlen. Heute noch fordere ich auch Hr. v. Schaffarjk auf nach Petersburg zu kommen.

Nun glaube ich alles gesagt zu haben, was ich Ihnen mitzutheilen hatte. Der Himmel segne Ihren Entschluss, ich aber kann nur Glück wünschen und bitten nach wie vor der Freund zu seyn Ihres Sie aufrichtig hochschätzenden ergebensten Dieners

Köppen.

N. S. An der Gränze wird für den Einband der Bücher i[illegible]n der Regel 40 Cop. B-co Zoll gezahlt. Geheftete und ungebun[illegible]dene Bücher passiren, wenn sie erlaubt sind, die Gränze zollfre[illegible] i.

Wenn Sie nicht per Posto an mich schreiben wollen, so expe[illegible]diren Sie Ihre und Hr. v. Čelakowski's Antwort nur an Herrn A[illegible]. v. Adelung, Russ. Kais. Kön. Gesandschaftssekretär in Wien[illegible]. Dieser wird mir alles mit der ersten Courier-Gelegenheit zukom[illegible]men lassen.

St. Petersburg,
d. 29 Janner / 10 Februar 1830 [1]).

37.

Hochzuverehrender Freund!

Nicht vergessen habe ich meine böhmischen Freunde, nein, diese Beschuldigung verdiene ich keineswegs; wohl aber lebte ich bisher so sehr im Gewühl von Geschäften, dass ich Gott dankte, wenn ich nur von einem Tage zum andern meine Arbeiten loss war oder aufschieben konnte. Wer, wie ich, mit nur geringer Unterstützung, ohne Correspondenten, ohne den Mitteln Honorar zu zahlen an Mitarbeiter, ein Tageblatt herausgeben muss, der wird wissen, was es heisst Redacteur einer Zeitung zu seyn. Auch habe ich die Redaction der St. Petersburgischen deutschen Zeitung aufgegeben und hoffe nun in lebhaftere Berührung mit Ihnen und meinen verehrten Freunden in den verschiedenen Slavenländern kommen zu können. Eine neue Gelegenheit dazu bietet mir die Redaction des Journals vom Ministerium des öffentlichen Unterrichts an, welche mich ersucht ihr Nachrichten über Slavische Literatur des Auslandes mitzutheilen. So lange ich nun freier stehe will ich diess gerne thun und bitte Sie nun mir durch die Gesandschaft zu Wien öfter Notizen über Dinge mitzutheilen, die Böhmische und andere Gelehrte und ihre Arbeiten betreffen. Von Ihnen, werthester Freund, würde ich besonders čechische Nachrichten mir ausbitten, während ich Hrn. Schaffarjk ersuche mir Mittheilungen über andere Slavenstämme zu geben. Da Sie selbst sich für gegenseitigen Verkehr interessiren, so werden Sie hoffentlich die Hand hierzu bieten. Ich hoffe diese Correspondenz bis in die Mitte des Sommers oder noch länger fortsetzen zu kön-

[1]) № 35 и 36 напечатаны во II-мъ томѣ Источниковъ для исторіи слав. филологіи, изд. акад. И. В. Ягичемъ, СПБ., 1897, стр. 408—410. Письмо Челаковскаго съ припиской Ганки отъ 1 марта 1830 г. и письма Ганки отъ 30 апр. и 1 дек. 1830 г., тамъ же, стр. 414—416, 419—421.

len, wo eine grössere Arbeit mir bevorsteht. Mit Eröffnung der Schiffahrt könnte ich Ihnen vielleicht von hier aus einige Bücher chicken, die in unser Fach schlagen.

Dunders Anzeige, welche ich zuerst durch ausländische Blätter kennen lernte, hat lange auf meinem Schreibtische gelegen, hne dass ich es wagte etwas darüber öffentlich zu sagen. Von lause aus schien mir das ganze ein Ding der Unmöglichkeit, beonders für einen Einzelnen. Ich liess das Blatt liegen und entchloss mich die Herausgabe des angekündigten Werkes abzuarten. Dass die Akademie mit ihm in Correspondenz sey, konnte ch gar nicht voraussetzen. Nun kam Ihr Brief vom 15 Oct./3 Nov., er mich von allem in Kenntniss setzte. Ich ging damit zum Präidenten der Akademie A. S. Schischkow, und gerade als ich ihm enselben vorlas kam der Secretär der Akademie (Dmitrij Iw. asykow) und brachte das Dundersche Danksagungsschreiben, in elchem er die Akademie auffordert ihn doch alle möglichen achrichten über die russische Literatur mitzutheilen, wogegen r über alle liter. und gelehrten Arbeiten in andern Slavenlänern berichten wollte. Da Sie aber sagten, dass er in keiner slaischen Sprache eine Zeile richtig schreiben könne, so ist nun eilich nichts von ihm zu erwarten. Die Medaille, welche er der kademie entlockte, ist nur eine silberne und soll keinen besoneren Werth haben. Ich werde über Herrn Dunder dort ein Paar Vorte sagen, bei Gelegenheit von andern Nachrichten aus Ihren nd Hr. von Schaffarjks Briefen [1]). Der Geheimrath Balugyanzky lässt Sie freundlichst grüssen. Der Plan für das Slav. Wörteruch, welchen Sie ihm mittheilten, hat er Hrn. v. Speranski gegeen, der denselben bei sich behalten hat. Unsere russische Akalemie ist nicht besonders thätig und nichts von alle dem, was in erselben verhandelt wird, gelangt zur öffentlichen Kenntniss. Sie hat nicht einmal angezeigt, dass ihr Secretär P. I. Ssokolow П. И. Соколовъ) gestorben und durch den wirkl. Staatsrath Дмиpiй Ивановичъ Языковъ ersetzt sey. Dieser bittet mich bei Ihnen nachzufragen, ob er nicht ein *mährisches* Wörterbuch haben könnte. Ich verwies ihn auf die Böhmischen und Slowakischen Wörterbücher, doch beharrt er bei seiner Anfrage, und Sie verbinden mich, wenn Sie darauf antworten. Den Jungmann'schen Lexikon (den 1 Band) hat er erhalten (für die Akademie), doch habe ich denselben noch nicht zu Gesicht bekommen. Ich werde aber darum bitten sobald ich wieder bei Jasykow bin.

[1]) См. ст. В. А. Францева, В. Г. Дундеръ и Имп. Росс. Акад. въ Русск. Фил. Вѣстн., 1903, III—IV, 42—57.

Mein Schwager Adelung, Secretär bei der Russ. Gesandschaft (oder richtiger Botschaft) in Wien befindet sich gegenwärtig in London und geht von da auf 4—6 Wochen nach Paris — Doch wird sich wohl in seiner Abwesenheit jemand anderer finden, der die Briefe annimmt und hieher expedirt durch Courier-gelegenheit, besonders wenn Sie dieselben in der ersten Zeit so adressiren: „An Sr. Ex. den Hrn. Wirklichen Staatsrath Fr — v. Adelung beim Ministerium der auswärtigen Angelegenheiten (abzugeben an Hr. P. v. Koeppen). Später hin, sobald mein Schwager wieder in Wien ist, würde ich bitten alles direct an mich zu adressiren.

Vielmals danke ich, und das recht aufrichtig für ihre liebe Zeilen. Behalten Sie mich in gütigem Andenken, schreiben Sie öfters und genehmigen Sie die Versicherungen der vorzügliche Hochschätzung mit welcher ich die Ehre habe zu seyn Ihr treuer Freund und Diener Köppen.

Durch Hrn. v. Schaffarjk erhalten Sie einen gedruckten Bogen, welcher einen Kurzen Bericht über das beste Russ. Wörterbuch enthält.

St. Petersburg,
d. 2/14 Januar 1836.

38.

Sehr hochgeschätzter Freund!

Ihre lieben Zeilen mit den Beilagen für Языковъ und Pogodin habe ich erhalten und werde alles nächstens besorgen. Nur muss ich mir Ihre Zbirka sowohl als die 2-te Ausgabe des Etymologikons, die ich noch nicht kenne, erst ansehen. Herzlichen Dank für das, was Sie mir gütigst bestimmten. Es soll dies alles im Journal Министерства Народнаго Просвѣщенія besprochen werden. Die Einleitung zu meinen Berichten über Slawische Literatur erhalten Sie hier. Leider kann ich jetzt, bei vielen Geschäften, nur flüchtig arbeiten—bis einst ein Besserer mich ersetzt rühre ich denn nur die Feder um nicht alle Verbindungen abbrechen zu lassen. So nur bitte ich Sie denn auch meine Berichte zu beurtheilen.

Vom 1-n Schreiben an den Redacteur des Journals vom Ministerium des öffentlichen Unterrichts (Serbinovitsch) erhalten Sie hochgeschätzter Freund hierbei für sich 2 Ex. und zu einem Exemplar für Museum, Hr. v. Jungmann, Hr. v. Čelakowský, Hr. v. Palacký.

Sollten Sie mehr Exemplare wünschen, so können noch einige nachgeschickt werden; ich lasse überhaupt 50 abziehen um sie an Freunde der Slaw. Literatur zu vertheilen. Auch von ferneren Berichten sollen Sie immer eine gleiche Anzahl Abdrücke erhalten.

Da Herr Šaffarjk von mir meinen Artikel über die Literatur verlangte, so schicke ich ihm ein Ex. in russischer Sprache und von 3 deutschen Exemplaren, die ich überhaupt erhielt, bekommen Sie hier das eine für die Bibliothek des Vaterländischen Museums. Mit dieser Post sende ich Hr. v. Kopitar die frohe Nachricht, dass das Kyrillisch-und Glagolitisch geschriebene Evangelium zu Reims noch ebenda selbst existirt. Es sind uns Facsimile davon versprochen worden durch Hr. Al. v. Turgenew, den Sie vielleicht kennen.

Leben Sie wohl etc. Köppen.

Ich möchte wohl bitten mir bei Gelegenheit die Sušil'schen Mährischen Volkslieder anzuschaffen und mir zu erlauben dagegen hier etwas anderes für Sie zu besorgen. Nur lassen Sie uns Rechnung führen über unsere gegenseitigen Bestellungen. Viel darf diess ja ohne hin nicht seyn.

Ich danke recht sehr für den Artikel aus dem Karlsbader Almanach, den ich schon benutzt habe.

St. Petersburg,
d. 22 März a. S. 1836.

39.

Werthgeschätzter Freund!

Ihre Sendung mit Büchern für mich, die Russ. Akademie, Speranski, Schischkow, Kutorga und einen Hrn. Nikita Krylow, den ich leider noch nicht kenne, habe ich richtig erhalten und werde alles, so gut als möglich besorgen.

Genehmigen Sie meinen herzlichsten Dank für die mährischen Volkslieder und seyn Sie so gut mir Gelegenheit zu geben Ihnen hier etwas anderes dagegen anzuschaffen.

Die kleinen Beilagen bitte ich gütigst etgegenzunehmen und zu vertheilen.

Hochachtungsvoll Koeppen.

St. Petersburg,
d. 8/20 November 1836.

40.

Hochgeschätzter Freund!

Bei Uebersendung dieser Kleinigkeit muss ich Ihnen berichten, dass alles, was Sie mir zur Vertheilung zugeschickt ha-

ben, besorgt ist, nur den *Никита Крыловъ* habe ich nicht auffinden können und sein Heft vom Jungmannschen Wörterbuche liegt noch bei mir. Herr v. Jasykow, der gestern bei mir war, fragte auch, ob ich nicht wisse, wo dieser *H. K.* aufzufinden sei. Wir werden also seine Bücher behalten bis wir seine Spur entdecken. Können Sie mir nicht bei Gelegenheit sagen, bei welcher Behörde er diente.

Vielen herzlichen Dank für alles, was Sie mir zukommen liessen, und besonders auch für das Bildniss unseres ehrwürdigen Dobrowski, von dem ich bis her nur einen befleckten Abdruck besass. Ich besitze übrigens auch sein grösseres Porträt.

Mit aufrichtiger Achtung Koeppen.

St. Petersburg,
d. 22 Januar a. S. 1837.

41.

М. Г., Петръ Ивановичъ!

Я имѣю честь прислать къ Вамъ обыкновенные 3 экземпляра Словаря чеcко-нѣмецкаго III-ей части 2-ой книжки, которые прошу милостиво отдать куда слѣдуетъ. Возрасту русского слова радуюсь и имже наслаждаюсь: это удивительно, какіе успѣхи Литература Ваша въ такъ короткое время сдѣлала! Какія хорошія извѣстія подаетъ намъ мѣсяцъ Апрѣль Библіотеки для чтенія! Я получаю этотъ журналъ съ начала его существованія. Первые три года посредствомъ Князя Лобковица и тепериче добротою Господина Меглицкаго, священика импер. россійск. Посолства въ Вѣнѣ. Но, любезнѣйшій Другъ, здѣлайте милость и спросите Г-на Семіота (Semioth) при министерствѣ Финансовъ въ С.-П., который этотъ журналъ къ Князю Лобковицу присылалъ, куда дѣвались и гдѣ остались первыя четыре книжки, Январь сирѣчь, Февраль, Мартъ и Апрѣль съ 1835 года? и ежели онѣ въ С.-П. или въ дорогѣ безнадежно пропали, то покорнѣйше прошу приискать ихъ у антикваря или у Г. Смирдина, чтобъ у насъ былъ полный экземпляръ, я съ благодарностію деньги къ Вамъ пришлю. У меня тоже изданіе Ивана Выжигина С.-П. въ тип. вдовы Плюшарь 1829. и въ III-ей части по несчастію недостается 7-го листа или стр. 145—168. Нѣсколько молодыхъ Русскихъ проѣжающихъ черезъ Прагу обѣщали мнѣ доставить сей листъ, но никто изъ нихъ обѣщанія не исполнилъ. Возможноли Вамъ, достойный Другъ, мнѣ сію услугу здѣлать,

ень меня одолжите, ибо Выжигинъ переведенъ на ческій языкъ, тому недостатку не можетъ поступить въ типографію [1]). Г-на якиту Крылова Вы ужь нашли? Ежели нѣтъ, прошу пошлите лостиво во II-ю Канцелярію Его Имп. Величества къ Его Выкопревосходительству Михаилу Михаиловичу спросить, не соѣваюсь, что онъ еще въ сей должности.

Г. Юнгманнъ и Г. Шафарикъ кланяются и я имѣю честь ить всегда Вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій

Вячеславъ.

Его Превосх. Г. Языкову мое почтеніе, я къ нему писалъ зможноли бы было за Časopis českého Museum получить для узеума Извѣстія Имп. Росс. Академіи?

Его Высокородію Г-ну Коллескому Совѣтнику и Кавалеру Петру ановичу Кеппену въ С.-Петербургѣ.

Прага,
9/21 Іюнія 1837.

42.

М. Г., Петръ Ивановичъ!

Пользуясь случаемъ, чтобъ засвидѣтельствовать Вамъ нийшее почтеніе и отъ чистаго сердца поздравить Васъ съ поенным Адъюнктствомъ при Императорской Академіи Наукъ съ чиномъ при новоучрежденномъ Министерствѣ императорихъ имуществъ, присылаю къ Вамъ 17-ю книжку Юнгманова ско-нѣмецкаго Словаря для Императорской Россійской Акаде и три послѣднія книжки нашихъ музеальныхъ разсужденій, горыя благосклонно принять прошу. При семъ рекомендую мъ подателя сего письма Г-на Иванишева, который подъ моъ руководствомъ научился словянскимъ языкамъ и изучилъ вніе памятники словянскихъ законодательствъ. Я предполаю вмѣстѣ съ нимъ издать сравнительный Кодексъ древнихъ кихъ, моравскихъ и сербскихъ юридическихъ памятниковъ.

Въ прочемъ прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ искренъ уваженіи къ Вашимъ глубокимъ свѣденіямъ и трудамъ по ти словянской литературы.

Вашъ покорный слуга Вячеславъ Ганка.

Прага,
19/31 Іюлья 1838 г.

[1]) „Ivan Vyžihin" (částka I) въ переводѣ Іос. Бачкоры вышелъ въ ѣ въ 1842 г.

43.

Милостивый Государь!

Г-нъ Иванишевъ доставилъ мнѣ письмо Ваше отъ 19/31 Іюля и вмѣстѣ съ нимъ три книжки повременнаго изданія, выходящаго при Вашемъ музеѣ. Благодарю покорнѣйше за этотъ даръ. Объ этихъ книжкахъ я читалъ уже статьи, напечатанныя въ иностранныхъ Литературныхъ вѣдомостяхъ.

Полученныя мною книжки Словаря Г-на Юнгмана, назначенныя для Росс. Академіи и для М. М. Сперанскаго, были своевременно разосланы. Тѣ, кои слѣдовали Г-ну Крылову, нынѣ принялъ для отсылки въ Москву Г-нъ Иванишевъ, увѣрившій меня, что Г. Крыловъ опредѣленъ при Московскомъ Университетѣ. (Тамъ, какъ явствуетъ изъ Адресъ-Календаря, дѣйствительно есть профессоръ Никита Ив. Крыловъ, который преподаетъ Римское право).

Я много виноватъ передъ Вами; но Господь Свидѣтель! радъ служить—да не успѣваю. Вѣчно дѣла много и кругомъ виноватъ.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія имѣю честь быть и пр.

П. Кеппенъ.

С.-Петербургъ,
22 Октября / 3 Ноября 1838.

44.

М. Г., Петръ Ивановичь!

Письмо Ваше отъ 22 Окт./3 Нояб. н. г. я имѣлъ удовольствіе получить. Благодарю Васъ за трудъ доставленія ческо-нѣмецкаго Словаря по назначенію. Имѣю честь къ Вамъ препроводить нѣкоторыя статьи: „О Вендахъ“, напечатанныя въ журналѣ Ost und West; по мѣрѣ выхожденія здѣсь какихъ-либо славянскихъ памятниковъ, непремину къ Вамъ отправлять. При семъ простите мнѣ за откровенность, я долженъ Вамъ объявить, что мы Чехи желаемъ болѣе сблизиться и съ ходомъ русской литературы и исторіи, но какъ мы никакихъ неимѣемъ для сего средствъ, прошу Васъ покорнѣйше, неблаговолила бы Императорская Россійская Академія, также Министерство народнаго просвѣщенія присылать и къ намъ одинъ экземпляръ своихъ періодическихъ изданій или нѣкоторыя книги, ими издаваемыя.

При пожеланіи Вамъ совершеннаго здравья и при увѣреніи моего истиннаго къ Вамъ почтенія имѣю честь быть и пр.

Вячеславъ Ганка.

Прага,
27 Декабря 1838 / 8 Генваря 1839 г.

45.

Hochgeehrter Freund!

Ich habe Ihnen schon wieder einige freundliche Mittheilun
ı zu danken, mein verehrter Freund, und bitte nur um Ent-
uldigung, dass ich so spät erst meine Erkenntlichkeit gegen Sie
ıspreche.

Erlauben Sie, dass ich Ihnen hier für die Bibliothek des Na-
ıal-Museums einige Kleinigkeiten schicke. Leider kann ich
ɛt an keine grosse Arbeit gehn, da mein Dienst mir so viel Zeit
ıbt und die Administration-Geschäfte keinen Aufschub leiden.

In der Hoffnung, dass Sie nichts dagegen haben, war ich so
i, mit Genehmigung unsers Präsidenten, Wirkl. Geheimen
.thes Uwarow, Sie auf die Liste der Candidaten als Correspon-
endes Mitglied der Akademie der Wissenschaften zu bringen.
diese Liste ziemlich bedeutend ist und alle Jahre nur wenige
ıählt werden können, so wird wohl in diesem Jahre die Wahl
:ht vor sich gehen, doch aber hoffentlich in einem der nächsten.
ıch Hr. Prof. Schaffarjk steht mit auf der Liste.

Gott schenke Ihnen ein glückliches neues Jahr und erhalte
: geneigt Ihrem treuen Freunde und Diener Koeppen.

St. Petersburg,
d. 17 Dec. a. S. 1839.

46.

Hochgeehrter Freund!

Das ist doch sehr schön, dass Sie unser Museum nicht ver-
ɜsen, und damit Sie wissen wie weit es gedühn, sende ich Ihnen
.e kleine Beschreibung desselben vom Jahre 1842 mit der Bitte
gütigst als ein geringes Zeichen der Hochachtung dieses In-
:uts für Sie anzunehmen.

Wie oft ich an Sie denke, kann ich Ihnen nur so viel sagen,
ıs es bei jedem Gegenstande des Alterthums geschieht, und das
in meinem Verhältnisse wohl alle Tage. Sie kommen wohl mit
n. Wostokow oft zusammen, wollen Sie ihm meinen herzlichen
uss ausrichten und im meinen Namen bitten, er möchte nicht
rgessen, 99 Bögen von Ostromirs Evang. hat mir gütigst S-e
.cellenz der Minister gebracht, mir dieses Exemplar gütigst zu
mpletiren, es wäre ewig Schade, wenn es mank bliebe. Den
ınk für seine Mühe der Herausgabe verbinde ich mit dem Dan-
aller Slawen unseres grossen Vaterlandes!

Ihren werthen Brief mit den Geschenken für die Bibliothek des Museums hab ich erst heute erhalten, er ist datirt 18/30 Mai 1843, vielleicht wird die neue Postamts-Convention unsere Mittheilungen beschleunigen.

Leben Sie recht wohl, ich freue mich auf die Resultate Ihrer Reise im Innern von Russland.

Ihr treuergebenster Diener und Freund W. Hanka.

Prag,
3 Jenner 1844. Помѣта Кеппена: „Erh. 16/28 Januar 1844".

47.

Почтеннѣйшій Петръ Ивановичь!

Я имѣлъ счастіе получить письмо Ваше и возрадовался очень, узнавъ изъ него, что Вы давнихъ друзей не забываете и при своихъ времяпожирающихъ занятіяхъ. Примите мою сердечную благодарность, что Вы заботились удостоить меня такъ важнаго и полезнаго Общества. Отличіе то я буду стремиться заслуживать по возможности силъ моихъ.

Мнѣ очень обрадовало слышать отъ соотечественниковъ Вашихъ, что Вы слава Богу здоровы. Нашъ Музей, котораго почетнымъ членомъ и Вы, получилъ отъ дворянскаго сословія чешскаго новое приличнѣйшее зданіе, и черезъ нѣсколько дней будетъ его Новоселье, именно среди города, такимъ образомъ ждетъ меня много работъ.

Письмо г. Шафарику я вручилъ самъ, и онъ просилъ меня свидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе. Дипломы тоже получены черезъ Посольство, и я непремину Общество поблагодарить.

Прощайте, почтеннѣйшій Петръ Ивановичь, и позвольте надѣяться, что Вы не лишите меня своего расположенія и станете меня считать и впредъ своимъ благодарнымъ другомъ. Имѣю честь быть и пр. Вячеславъ Ганка.

Въ Ст.-Петербургъ. Его Высокородію, Милостивому Государю, Статскому Совѣтнику и Кавалеру Академику Петру Ивановичу Кеппену.

Прага,
10/22 Мая 1847. Помѣта Кеппена: „Получено отъ Г-на Срезневскаго 7 іюня 1847 г.".

48.

Милостивый Государь, Петръ Ивановичь!

Прошу покорнѣйше благосклонно принять прилагаемыя,

Вамъ какъ члену нашего Народнаго Музея принадлежащія книжки, къ которымъ я и мои мѣлкія сочиненія прибавилъ.

Желая Вамъ лучшаго здоровья, имѣю честь быть преданнѣйшимъ Вашимъ почитателемъ Вячеславъ Ганка.

Прага,
7/19 Іюнья 1847 г.

Помѣта Кеппена: „Получ. 17 Іюля 1847".

49.

Hochgeehrter Freund!

Erlauben Sie mir Ihnen hierbei zwei Exemplare meiner paläographischen Tabelle Slawisch-Russischer Schrift für Sie und die Bibliothek des böhmischen Museums zukommen zu lassen. Gern hätte ich die Ihnen selbst gebracht; ob nun aber jemals etwas aus meinen Reisewünschen wird—weiss Gott; doch gebe ich selbige nicht auf, ebenso wenig wie die Hoffnung Sie wiederzusehen.

Mit aufrichtiger Ergebenheit habe ich die Ehre zu seyn Ihr treuer Diener Köppen.

St. Petersburg,
den 7/19 Mai 1848.

50.

Hochgeehrter Freund!

Soeben erhielt ich durch Hrn. Professor Sresnewskij Ihre werthvolle Ausgabe des Ostromir mit seinen Entschuldigungen wegen verspäteter Zusendung. Empfangen Sie meinen herzlichen Dank sowohl für dieses interessante Geschenk, als auch—und besonders—für das freundliche Andenken, welches Sie mir schenken. Der Kreis der wohlwollenden Freunde wird immer enger und man dankt Gott noch nicht von allen vergessen zu sein.

Auf Verlangen meines Arztes habe ich ein Jahr im Süden zugebracht und zwar hinter den Bergen, am taurischer Gestade, auf meinem eigenen Ländchen, wo Wein-und Gartenbau getrieben wird. Meine Frau und drei Kinder begleiteten mich dahin, während drei Söhne, ihrer Studien wegen, hier blieben. Wir haben da einen so schönen Winter gehabt, dass weder im December noch im Januar ein Tag verging, an dem nicht etwas gepflanzt wurde.

Seit dem 25 Juli a. S. bin ich nun wieder in Petersburg. Mit meiner Gesundheit geht es schlecht und daher denn auch leider —! ebenso mit meinen Arbeiten.

So sehr es mich freut Sie noch immer so thätig zu sehen und Ihre Schriften zu bekommen, so möcht' ich doch einmal auch etwas von Ihrem häuslichen Leben erfahren und wissen, wie es um Ihre Gesundheit steht. Erfreuen Sie doch einmal durch solch eine Mittheilung Ihren Sie schon seit Jahrzehenten hochschätzenden ergebensten Köppen.

St. Petersburg,
d. 10/22 October 1853.

51.

Высокопочтеннѣйшій Другъ,
Милостивый Государь, Петръ Ивановичъ!

Очень, очень мнѣ пріятно было послѣ такъ долгаго времени увидѣть почеркъ Вашей руки. Какъ часто мы говорили про Васъ съ Иваномъ Николаевичемъ Лобойкомъ, который здѣсь жилъ въ послѣднее время и недавно воротился въ Одессу. Потому я зналъ прежде Вашего письма, что Вы были въ своемъ имѣніи на таурическомъ приморьѣ. Съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ я разсматривалъ крымскіе виды, чтобъ представить себѣ мѣста, гдѣ Вы жили. Въ то самое время, какъ я это пишу, получаю письмо отъ Барона Станислава Ивановича Шодуара, про котораго мнѣ твердили, что онъ умеръ. Вы не можете себѣ представить радости при увидѣніи подписи его.

Вы спрашиваете меня про мое домашнее житье-бытье. Я слава Богу здоровъ, жену мою кажется Вы сами видѣли: она самая добрая душа. У насъ нѣтъ дѣтей, но мы нежалѣемъ етого, при нашихъ средствахъ и скупомъ жалованіи. Съ нами живетъ тогоже качества ея сестрица; прежде была и моя сестра и теща, но ихъ уже Богъ взялъ къ себѣ. Я большую часть дня, какъ пророчица Анна во храмѣ, препровождаю въ Музеѣ, съ 1849 г. по вторникамъ, четвергамъ и суботамъ съ 5-го до 7-го часа преподаваю въ университетѣ русскій и славянскіе языки gratis, какъ доцентъ изъ охоты; лѣтомъ послѣ чтеній и вообще всякій день плаваю въ рѣкѣ, послѣ плаванья препровождаю два часа въ чешской бесѣдѣ, гдѣ читаютъ газеты, играютъ, кушаютъ и пьютъ и разъ въ недѣлю тамъ музыка и пѣніе. Но чтобъ ненудить Васъ такими мелочами, прибавляю при семъ біографію, напечатанную только въ 30 экземплярахъ, изъ ней прочее узнаете. Мо-

жетъ быть, будетъ Васъ занимать и Библіографія чешскихъ инкунабулей, Божественная служба глаголическими буквами и двѣ журнальныя статьи мои.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я купилъ отъ г. Шафарика „Подробную генеральную карту россійской имперіи изданія Глазунова 1838, исправленную г. Алексѣевымъ". Читая въ газетахъ имена разныхъ мѣстъ, хотѣлось мнѣ справиться на картѣ, а вотъ недостаетъ точно того листа, гдѣ театръ войны въ Европѣ, именно листа 13-го.

По вашей милости я членомъ императорскаго русскаго географическаго общества. Оно посылаетъ ко мнѣ свои Compte rendu на французскомъ языкѣ. Скажите, прошу покорнѣйше, г-ну Милутину мое почтеніе, и что мнѣ гораздо пріятнѣе будетъ имѣть ихъ на подлинномъ русскомъ языкѣ, и чтобъ такія книжки изволили посылать какъ пакетъ, а не какъ обыкновенное письмо по почтѣ. Еслибъ я долженъ былъ получить всѣ книги такимъ путемъ, то бы у меня неосталось ни копеечки.

Еще одну просьбу: изъ прилагаемой здѣсь статьи Slovanská mluvověda Вы узнаете, чтобъ я очень радъ знать, гдѣ находится теперь вторая часть Супрасльской рукописи.

Поручая себя Вашему дружескому благорасположенію и желая Вамъ прочнаго здоровья, имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ Вячеславомъ.

Прага,
4/16 Декабря 1853. Помѣта Кеппена: „Получ. 26 Янв. 1854 г.".

52.

Hochgeehrter Freund aus alter Zeit!

Auch Ihnen, mein verehrter Gönner und Freund, muss ich doch ein Exemplar unsers akademischen Programms zukommen lassen, als Beweis, dass wir bereit sind mit der Zeit fortzuschritten.

Sagen Sie mir doch wieder einmal, wie es Ihnen geht—moralisch und physisch; ich habe so lange schon nichts von Ihnen gehört, dass es wohl Zeit ist wieder um eine Nachricht zu bitten.

Ueber mich und meine Arbeiten kann Ihnen einiges Freund Schafarik sagen, an den ich so eben geschrieben. Meine Arbeiten erlauben es mir leider nicht mit mehreren Freunden aus früherer Zeit einen Briefwechsel zu unterhalten. Da jedoch schweigen und

erkalten, wenigstens bei Lebzeiten, zweierlei ist, so hoffe ich auf gütige Nachsicht.

Leben Sie wohl, mein hochgeehrter Freund, und gedenken Sie wohlwollend Ihres ergebensten Koeppen.

Приложено: Programm einer von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Fache der politischen Wissenschaften gestellten Preisaufgabe".

St. Petersburg,
d. 12/24 Januar 1858 [1]).

А. Г. Киркоръ [2]).

1.

Najzacniéjszy Panie,

Nie wiem, czy znany Ci nawet z Imienia, ale od dzieciństwa przyzwyczajony czcić Twoje wielkie w Sławiańszczyznie Imię, poraz pierwszy piszę do Ciebie, Znakomity Mężu, z największą jednak ufnością, że nie odrzucisz szczerego wylania się pobratymczego Ci Litwina.

Wieść o założeniu w Wilnie Muzeum starożytności i Towarzystwa Archeologicznego musiała już dawno dolecieć do brat-

[1]) Въ бумагахъ Кеппена имѣется еще слѣдующая записка Ганки:

„Ваше Высокородіе!

Прошу не показывать никому, ни Коппитарю самому. Желаючи еще разъ благополучнаго пути, поручаю ся благосклонности Милостиваго Государя. Вячеславъ".

На ней сдѣлано Кеппеномъ примѣчаніе: „Относится до того, что вписано въ мой альбомъ". Альбома Кеппена намъ не пришлось имѣть въ рукахъ. При посѣщеніи Ганки въ Прагѣ 9/21 мая 1823 г. Кеппенъ написалъ въ его альбомѣ: „Безъ Бога ни до порога! Гдѣ бы я ни былъ въ моемъ отечествѣ, — на берегахъ ли величественной Невы, или моря Балтійскаго, — при хладномъ ли сѣверномъ, или при тихомъ восточномъ Океанѣ, и даже въ счастливой Тавридѣ, вездѣ съ удовольствіемъ вспоминать буду о дняхъ, проведенныхъ мною на берегахъ Молдавы, желая только, чтобы почтенные мои знакомцы въ Прагѣ не лишали меня своего благорасположенія. Да благословятъ они въ своихъ молитвахъ вѣрнопреданнаго имъ Петра Кеппена".

[2]) Адамъ-Гонорій Карловичъ Киркоръ (р. 1812, † 1886), ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи. О немъ см. обширный некрологъ П. Ящука въ Кіевской Стар., 1887, іюнь—іюль, 539—555; Slovanský horovatel v Polsce. Vzpominka na A. H. Kirkora. E. J. (Эд. Елинка) въ ж. Slovanský Sbornik, 1887, VI, 266, 297.

nich Czechów. Podobało się Stwórcy pocieszyć nasz kraj, po tylu klęskach i wieloletniem wyniszczeniu pamiątek narodowych. Najlepszy nasz Cesarz urzeczywistnił tak gorące oddawna życzenia wszystkich miłośników starożytności w kraju naszym, a uosobiając myśl dostojnego Prezesa naszego Eustachego Hrabiego Tyszkiewicza, pierwszego fundatora i założyciela Muzeum, wzbudził najżywszą wdzięczność w sercach wszystkich Litwinów i otworzył szeroką drogę dla działalności lubownikom nauki. Dla olbrzymiej, a tak czarownéj idei słowiańskiéj — Muzeum wileńskie ma i mieć musi wielkie znaczenie. «Za dzisiejszego błogiego panowania najulubieńszego naszego Cesarza, idea ta znalazła współczucie i poparcie u wielu znakomitych pisarzy jak w Rossyi, tak i w Polsce. Pobratymczy sojusz zaczyna się od literatury, bo też ta jedna najlepiej może zaznajomić dwa szczepy, zespolić ducha, obudzić miłość wzajemną i nakierować do bliższego, daj Boże, zlania się przynajmniéj duchowie wszystkich odcieni braci Słowian. Żyliśmy dotychczas Bóg wie pojakiemu. Czas już nam zajrzeć głębiej w siebie, rozdarć przeszłość i przejrzeć w przyszłość. Dziś wiele utworów polskich ciągle się tłumaczy na język russki, nawzajem i polska literatura wzbogaca się wiedzą i przekładami z rossyjskiego. Za cóż z Czechami ma trwać tak długi jakby rozbrat? Kochamy się wszak wzajemnie, a w Tobie, Czcinajgodniejszy Panie, każdy nasz ziomek szczególnie znajduje uprzejme przyjęcie i bratnią życzliwość. Czas więc zrzucić tę korę ciemnoty i zaniedbania się; czas podać sobie dłoń i wejść w najbliższe stosunki» [1]).

Dwa takie towarzystwa, jak w Pradze i w Wilnie, z jednostajną dążnością najwięcej przyczynić się mogą do tego bratniego sojuszu. Nadto nauka archeologii za główną podstawę mieć winna porównawczość i stosunkowość między pracownikami na tej dziedzinie wszystkich szczepów jednego wielkiego słowiańskiego ciała.

Na tej własnie osnowie, uznając konieczność takiego skojarzenia, dostojny nasz Prezes, który całe swe życie, majątek, całego siebie poświęcił jednej wielkiéj idei i dziś mądrem kierownictwem kieruje nam drogę,—opuszczając Wilno w celu poprawienia zdrowia u wód Karlsbadskich, polecić nam raczył wezwanie Ciebie, czcinajgodniéjszy Panie, oraz tak wielce zasłużonego w Słowiańszczyznie P. J. Szafarzyka na Członków rzeczywistych Muzeum Wileńskiego i Komissii Archeologicznéj. Jakoż na posiedze-

[1]) Часть этого письма, заключенная въ кавычки („ "), напечатана въ брошюрѣ Ioc. Ранка: „Poláci a Rusové", V Praze, 1853, str. 34—35.

niu 11-go Czerwca jednomyślnie wcieleni zostaliście do grona naszego. Nie zaszczyt to, lecz tylko hołd winny Ci oddajemy. Dla mnie zaś pozostaje najmilszy obowiązek doniesienia o tem z najgorętszą prośbą nie odrzucać naszego wezwania i sprawę naszą wziąść blizko do swego szlachetnego serca. Dyplom wraz z 1-ą częścią Pamiętników naszych, z ustawą towarzystwa, oraz jednem z dzieł przezemnie wydanych, a Litwę malujących, natychmiast się nadeszlą.

Prezes nasz osobiście w Pradze złoży swoje uszanowanie. Jakże mu zazdroszczę szczęścia oglądać Muzeum Czeski, o którym tak mało wiemy. Załączający się listek racz, Panie, wręczyć Hrabiemu za jego przybyciem do Pragi z Karlsbadu, co jeszcze w tym m-cu nastąpi, a najdalej w Lipcu.

Mówiąc o sprawach naszego Muzeum, niech mi też wolno będzie przełożyć i swój osobisty interes, mający jednak wyłącznie dobro ogółu na celu, a więc zasługujący na łaskawe względy Pańskie.

Oddawna już zamierzyłem wydawanie pisma polskiego peryodycznego wyłącznie w celach zaznajamiania naszej publiczności z bytem i ruchem umysłowym wszystkich Słowian. Do dziś dnia wszakże dla niezależnych od nas przyczyn projekt ten przyjść do skutku niemógł; ale w Bogu nadzieja i w łasce Monarszéj. Między tym nagromadziło się już niemało artykułów, z których się ułoży 6 tomów sporych i te wyjdą osobno, w rodzaju Pisma zbiorowego. Przystępujemy właśnie do druku 1-go tomu, w którym będzie niewielki artykuł o Czeskiéj bieżącej literaturze przez Pana Rittersberga. Otóż w imię słowiańszczyzny kołaczę do łaskawego Pana o artykuły (po Polsku a chociażby i po Czesku, — potrafiemy przetłumaczyć), wyłącznie Czech, Morawy, Serbów tyczących się, obrazów z życia, ruchu literackiego, historyi, statystyki, archeologii, opisów Muzeum (tylko słowiańskich), bibliotek, zakładów naukowych i t. d. Biedni jesteśmy i płacić dużo niemożemy, norma przez nas przeznaczona 6 rubli srebrem Ros., czyli 40 złotych pol. za 300 wierszy druku. Racz też, Zacny Panie, wskazać nam Pismo peryodyczne Czeskie, któreby nas zaznajomiało z objawami życia waszego. Jaką koleją otrzymywać go można? Czy nie ułatwiłby Muzeum Wasz przesyłając do naszego Muzeum, chociażby co miesiąc, lub co 2 tygodnie? Zacny Baron Korf, Dyrektor publicznéj Biblioteki w Petersburgu, darował nam trochę dzieł Czeskich pod czas przeszłorocznej wycieczki jego zakupionych.

Jeszcze jedna prośba. W Petersburgu u hrabiego Uwarowa

widziałem posążek Perkuna słowiańskiego, który dostał się jemu za pośrednictwem Pańskim, a znaleziony gdzieś koło Pragi, ale gdzie mianowicie, kiedy i przez kogo, nie umiał mi objaśnić. Posążek ten mocno mnie interesuje, albowiem mamy w Muzeum zupełnie podobny, z tą tylko różnicą, że nasz nagi, a tamten włosami zarośnięty. pozycya też naszego więcej skórczona, jak gdyby siedzący. Otóż racz, Zacny Panie, udzielić nam bliższych o Uwarowskim posążku szczegółów.

Jeżeli będę szczęśliwy otrzymać odpowiedź, proszę o łaskawe zakomunikowanie mi adresu Pana Szafarzyka, z którym też pragnę zawiązać bliższe stosunki. Dyplom wyszlemy dla niego za pośrednictwem Muzeum Czeskiego.

Daruj, Najłaskawszy Panie, przedługą gawędę moją i racz przyjąć wyznanie wysokiej czci i poważania od najniższego sługi

Adama Honorego Kirkora.

Adres: A. H. Kirkorowi w Wilnie (Rzeczywisty członek Wileńskiej archeol. Komissii i Muzeum starożytności, oraz Komitetu Statystycznego, Cesarskiego geograficznego towarzystwa w Petersburgu i Krakowskiego towarzystwa starożytności; Członek-korrespondent Cesarskiego Archeologicznego towarzystwa i honorowy korrespondent Cesarskiéj publicznej biblioteki w St. Petersburgu).

Wilno,
14/26 Czerwca 1857.

2.

REDAKCJA
TEKI WILEŃSKIEJ
i Pamięt. Kom. Archeol.
w Wilnie.

Wielmożny Panie Dobrodzieju,

Bardzo dziękuję za dopis w liście P. Rittersberga. Pamięć Wasza i łaska drogą jest dla mnie i dla nas wszystkich. Źle tylko, że P. Rittersberg choruje; a co czcigodny pan Zap porabia? Bardzo byłbym szczęśliwy, gdyby Tekę naszą artykułem swoim zaszczycić raczył.

U nas nic nowego, pracujemy, ile sił starczy. Niedawno posłaliśmy dla Pana Dobrodzieja i innych kolegów naszych świeżo wydany tom prac archeograficznych. Czy doszedł rąk Pańskich? Z następną zaś pocztą posyłam № 4-ty Teki, gdzie jest artykuł P. Rittersberga o Waszem muzeum, a także wiersz jego na śmierć Szumawskiego. Biografia Pańska wyjdzie w dalszych tomach.

W septembrze czekamy w Wilnie najlepszego naszego Cesa-

rza, pierwszy raz jako Panującego. Szlachta litewska złożyła się na bal i świetne przyjęcie, przeszło 60,000 rub. sr., a z tych i na wyporządzenie naszego muzeum dostało się 1500 rs. Jestem więc bardzo zajęty, bo sam jeden prawie zostałem; prezesa naszego 100-letni ojciec umarł, — pojechał więc na pogrzeb; naukowy sekretarz Krupowicz także wyjechał za granicę; będzie on i w Pradze.

Zobaczycie też u siebie 2-ch naszych znakomitych członków: sławnego i zasłużonego w piśmiennictwie J. I. Kraszewskiego i Konstantego hrabiego Tyszkiewicza, brata rodzonego prezesa.

Książki, jakie zechcecie nam przesłać, raczcie adresować do *Warszawy* pod adresem *Juljana Bartoszewicza*, Redaktora Kroniki Warszawskiej, do którego trzeba kilka słów jednocześnie napisać, uwiadomiając, że to dla naszego muzeum. W końcu można i wprost adresować do *Muzeum starożytności w Wilnie.*

Dziwię się, że książki i listy moje nie dochodzą pana Rittersberga. Załączam słów kilka do niego, proszę pokornie o rychłe przesłanie do miejsca pobytu.

Uściskam zacną dłoń Szanownego Pana Dobrodzieja, pamięci jego polecam się, cześć wyznaję.

Powolny sługa A. H. Kirkor.

5/17 Czerwca 1858.

3.

REDAKCJA PAMIĘTNIKÓW
WILEŃSKIEJ ARCHEOLOGICZNEJ
KOMMISSII.

№ 660.

Wielmożny panie dobrodzieju,

Tak niedawno jeszcze pisałem do Pana Dobrodzieja, a razem i do p. Rittersberga i czyż mogłem spodziewać się, że list ten już go nie dojdzie? Smierć każda jest przerażającą, ale śmierć takiego pracownika—jest nieodżałowaną, dla nas zaś okropną nawet, bo mieliśmy w nim takiego gorliwego pracownika i stałego korrespondenta.

O śmierci Rittersberga doniesiono towarzystwu na posiedzeniu dnia 11/23 Czerwca, wszyscy przejęci byli nieudaną boleścią. Odbyło się też nabożeństwo solenne za jego duszę w akademickim kościele S. Jana, celebrował zasłużony archeolog X. Mamert Herbarbt z Falsztyna, prałat katedry Wileńs., Wiceprezes Konsystorza, a nasz członek. Katafalk był wystawiony przyzwoity. Na mocy naszych statutów, każdego zasłużonego i gorliwego

członka po śmierci zawiesza się portret w Muzeum. Otóż w imieniu Prezesa naszego i całego grona najmocniej proszę, raczcie conajrychlej nadesłać nam fotografję zmarłego; nadto polecono mi przeczytać na następnych posiedzeniach *pochwałę zmarłego*, a materjałów do jego biografii nie mam żadnych. Raczcie więc wesprzeć mię i w tym względzie—nadeszlijcie główne datty z jego życia, spis prac, ich krótkie ocenienie, albo może już macie wydrukowaną biografię jego. Proszę bardzo o rychłe spełnienie tej mojej prośby.

Spodziewam się, że szlachetni czechowie nie pozwolą, ażeby śmierć zacnego Rittersberga przerwała stosunki nasze i pozbawiła moją Tekę zasiłków z dziedziny piśmienniczej czeskiéj. Pewny jestem, że Pan Dobrodziéj i szlachetny pan Zap dopomódz nam zechcecie.

Ś. p. L. Rittersberg pisał do mnie na 2 tygodnie przed śmiercią, że uprosił pana Jezbera Franciszka o napisanie przeglądu literatury i narodowych stosunków Luzackich słowian, również doktora Vaclika o takiż rys południowych słowian, sam zaś miał wypracować życiorys Jana Kollara. Jak zaradzić, ażeby to wszystko doszło rąk moich? Proszę zapewnić tych panów, że umiem czuć wdzięczność i ile możność pozwala być akuratnym w wypłatach. Możeby napisali do mnie, wskazali warunki i adresa swoje. Biografję zaś Kollara możeby skończył zacny pan Zap?

Dziś piszę do xięgarza K. Żupańskiego w Poznaniu, ażeby natychmiast wysłał 35 talarów pod adresem Pańskim, a z tych racz Laskawy Panie opłacić fotografię Rittersberga, jeżeli potrzeba zrobić kopję, chociaż wolelibyśmy oryginał, a resztę oddać familii ś. p. Ludwika, jako należność za artykuły jego. Późniéj, jak się wydrukuje życiorys Pański i Szumawskiego, nadeszlę jeszcze, ile wypadnie z rachunku. Przed miesiącem posłałem mu 40 rs., musiał otrzymać.

Posyłam wspomnienie o Rittersbergu w Kurjerze Wileńskim i list młodego naszego poety Korotyńskiego. Czy podobały się Wam jego przekłady z Czeskiego? Tekę N° 4 posłałem już pod adresem Pańskim, ale chciej Panie uwiadomić o kosztach, jakie ponosisz za opłatę poczty, a ja odeszlę. Książki dla nas racz adresować do J. Bartoszewicza, redaktora Kroniki w Warszawie, a ten nam przeszle. Nie mamy dalszego ciągu Waszych pamiętników.

Łączę wyrazy wysokiej czci i poważania etc.

Adam Hon. Kirkor.

d. 21 Czerwca / 3 Lipca 1858 r.

4.

REDAKCJA
KURJERA WILEŃSKIEGO.

Łaskawy Panie,

Smutno mi i boleśnie, że ze śmiercią nigdy nieodżałowanego Rittersberga stosunki moje z Pragą tak się zerwały, a dziś więcej ich potrzeba, niż kiedykolwiek, bo stojąc u steru wydawnictwa *Kurjera Wileńskiego*, pragnął bym najszczerzéj moją sympatyę i bratnią miłość ku Czechom pokazać; w imieniu więc interessu Słowiańskiego, odwołuję się do Pana i do zacnego Pana K. W. Zap,—narajcie mi kogo, znającego choć trochę po Polsku, albo i po Russku, którenby za pewną stałą opłatą zgodził się przysyłać raz na miesiąc krótkie gazetowe wiadomości o wszystkiem, co się u Was i u braci Morawów dzieje. Nieodmawiajcie mi tej przysługi, która być może bogatą w następstwa i nader użyteczną dla stron obu. Piszcie *najotwarciej* i *najszczerzej*. Czytałem w gazetach, że sąd najwyższy w Pradze oddał do Muzeum Waszego 600 tomów starych aktów sądowych, i że w jednej z tych ksiąg znajdują się ważne wiadomości o zabiciu księcia Romana Sanguszki, któren uwiózł Halszkę z Ostroga; że Professor Wocel ma wyciągi z tych aktów umieścić w Památkach Muzeum; otóż nim wyjdzie ten tom i nim go nam nadeszlecie, prosiłbym o co najrychlejsze skreślenie nam opisu tego aktu ze wszelkiemi szczegółami; — mogło by to dać materjał do pierwszej korrespondencyi, a Pan Wocel zapewne mi tej łaski nieodmówi.

Przypominam, że Panna Sabina przyrzekła nam fotografię ś. p. ojca swojego Ludwika, która wedle ustaw naszych, powinna być zawieszoną w Muzeum. Koszta wrócimy.

Przed kilku miesiącami otrzymałem łaskawie mi nadesłany pak książek, ale dotąd ani listu ani skazówki, ile czego przysłano, ani też cen, które musiałem sam dowolnie ustanawiać; raczcie więc mię łaskawie uwiadomić.

Uściskam zacną dłoń Pańską, pamięci, łasce i sercu Pańskiemu polecam się. Pełen wysokiej czci i poważania etc.

A. H. Kirkor.

Bióro redakcyi w gmachu po-uniwersyteckim, przy ulicy Biskupiéj (Dworcowéj).

Wilno,
d. 28 lipca/9 sierpnia 1860 r.

A. Kłodzińskiéj[1]).

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Pochlebną nader odezwę WMPana Dobrodzieja odebrałem z rąk W-o Kopitara i proszę na nią odpowiedzieć. Język Polski, a szczególniéj grammatyka jego, zajmuje ciągle uwagę moją; im więcej poznaję się z grammatykami pobratymców naszych, tym mniej zadowolnionym czuję się pracą podjętą w tej mierze przez moich rodaków. Jeżeli czas i okoliczności będą potemu, starać się będę zebrać postrzeżenia moje nad językiem oyczystym i ułożyć je w porządek. Miłém jest więc dla mnie wezwanie WMPana Dobrodzieja podwójnie, raz że podaje mi sposobność zajęcia się przedmiotem ulubionym, drugi raz że gotowością moją odpowiedzenia życzeniom Jego dowieść spodziewam się móy wysoki szacunek, który rad dla osoby WMPana Dobrodzieja zawsze wyznaję.

Mam na szczęście kilku naszych klasyków Polskich z sobą w Wiedniu, Skargę, Orzechowskiego, Bielskiego, Naruszewicza i t. p., będę mógł więc z nich wybierać potrzebne przykłady. Zapewne, że byłoby to naylepszym sposobem dla uczących się, gdyby mieli wykazaną różnicę zachodzącą w składniach języka Czeskiego i Polskiego, lecz do tego za mało znam się z Czeszczyzną. Odpowiednie do porządku Grammatyki Dobrowskiego ułożę zatem prawidła składni Polskiej; a WMPan Dobrodziej zrobisz resztę. Lękam się tylko, czy przy zatrudnieniu mojém potrafię z tą pracą pospieszyć tak prędko, jakbyś to może WMPan Dobrodziéj żądał; spodziewam się jednak, że przejeżdżając tego lata przez Pragę do Karlsbadu będę mógł złożyć WMPanu Dobrodziejowi rzecz całą gotową. Grammatyki Czeskiéj exemplarz posiadam z łaski WMPana Dobrodzieja, byłeś tak dobry dać mi go w upominku przy pierwszém poznaniu się naszem.

Zbieram wiadomości do żywota naszego Bartłomieja Paprockiego; czybyś mi WMPan Dobrodziej nie mógł wskazać źródeł w literaturze Czeskiéj. Czy niema w Pradze który z antykwaryuszów dzieł jego do sprzedania? Poszukuję Ogrodu Królewskiego, Strom z herbów Podków, Zwierciadło morawskie. Z drobnych pism jego mam tylko: Pannę, Post cielesny, Staw manżelsky a Trzynaście tablic wieku ludzkiego.

Racz WMPan Dobrodziéj przyjąć etc. A. Kłodziński.

Wiedeń,
d. 6-go kwietnia 1834.

[1]) Kłodziński Adam (p. 1795, † 1858), польскій литераторъ, библіотекарь (1839—1850) института имени Оссолинскихъ во Львовѣ.

Д. М. Княжевичъ[1]).

Милостивый Государь,

Не знаю, какъ и извиниться предъ Вами въ моемъ, столь долговременномъ молчаніи и въ томъ, что я до сихъ поръ не принесъ Вамъ моей искреннѣйшей благодарности за полученныя мною въ прошедшемъ году черезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія свѣдѣнія о Богемскихъ училищахъ и въ недавнемъ времени новое изданіе Кралодворской рукописи. Свидѣтельствуя ее теперь отъ полноты души, я, чтобъ хоть нѣсколько оправдать себя передъ Вами, прошу у Васъ позволенія разсказать Вамъ исторически все, что, со времени разлуки нашей, со мною случилось.

Разставшись съ Вами въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 года, мы отправились въ Дрезденъ, оттуда, измѣнивъ намѣреніе ѣхать на Варшаву, пустились черезъ Лейпцигъ, Берлинъ и Кенигсбергъ, частью для того, чтобъ показать и эти города Надеждину и моей дочери, которые ихъ еще не видали, частью по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Въ Петербургъ пріѣхали мы уже въ половинѣ русскаго Октября. Не успѣлъ я сдѣлать первыхъ визитовъ, какъ—вѣроятно отъ многихъ трудовъ и безпокойствъ во время двѣнадцатимѣсячнаго путешествія, большею частью по дикимъ непроѣзднымъ сторонамъ — я сдѣлался очень боленъ и пролежалъ около трехъ мѣсяцевъ въ постелѣ. Только-что я нѣсколько оправился, какъ несмотря на время года и дурную погоду отправился сюда къ должности. Здѣсь едва успѣлъ войти въ дѣла и осмотрѣться, какъ впалъ снова въ тяжкую болѣзнь, возобновлявшуюся нѣсколько разъ и продержавшую меня, частью въ постелѣ, частью и внѣ постели, но совершенно разслабленнаго около четырехъ мѣсяцевъ. Только съ началомъ зимнихъ мѣсяцевъ я началъ оправляться и въ состояніи былъ заниматься дѣлами, которыхъ между тѣмъ накопилось множество, и которыя опять отняли у меня много времени, пока успѣлъ привести ихъ въ порядокъ и пустить въ ходъ. Только съ отправленіемъ отчетовъ за прошлый годъ, я сдѣлался нѣсколько спокойнѣе, получилъ досугъ и спѣшу воспользоваться имъ, чтобъ писать къ Вамъ. Тѣмъ не менѣе я живо чув-

---

[1]) Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (р. 1788, † 1844), попечитель одесскаго учебнаго округа (1837), издатель „Библ. для Чтенія“ (1822—1823), „Одесскаго альманаха“, (1839, 1840), „Новоросс. календаря“; редактировалъ „Записки общ. исторіи и древностей“ въ Одессѣ и пр.

ствую, сколь непростительно было мое молчаніе, и прошу у Васъ великодушнаго извиненія.

По бумагѣ Вашей относительно Россійской Академіи я ничего уже не успѣлъ сдѣлать. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, все уже было кончено, и преобразованіе произошло при мнѣ. Прикажете ли возвратить Вамъ эту бумагу?

Надеждинъ, хотя и весьма неохотно, меня оставилъ. Его взяли въ Петербургъ, и онъ издаетъ тамъ Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, который вѣроятно обратитъ на себя общее вниманіе. Однакоже полагаю, что мы вскорѣ опять съ нимъ соединимся: или онъ возвратится опять сюда, или я, можетъ быть, переберусь снова въ Петербургъ. Впрочемъ ни то, ни другое еще не рѣшено.

Литературныхъ новостей сообщить Вамъ отсюда никакихъ не могу. Живя въ глуши, на краю Имперіи, въ уѣздномъ городѣ, далеко отъ всего, мы и сами мало что знаемъ и слышимъ. Развѣ поговорить съ Вами о нашемъ здѣшнемъ Обществѣ Исторіи и Древностей.

Кстати объ Обществѣ: получили ли Вы дипломъ и книги: „Родъ Княжевичей“, которые были посланы къ Вамъ чрезъ г. Погодина? А равно книги: „О Запорожской сѣчи“ и „О куфическихъ монетахъ“, посланныя чрезъ Черновицъ, къ крайнему моему сожалѣнію, по ошибкѣ отправителя, съ уплатою издержекъ по полученіи. Вообще я просилъ бы Васъ увѣдомить меня: какимъ образомъ удобнѣе пересылать къ Вамъ книги впередъ. Если Вамъ угодно будетъ пересылать что-нибудь ко мнѣ, то прошу отправлять черезъ Радзивиловъ, на имя тамошняго купца Даніеля Гартенштейна.

Возвращаюсь къ Обществу. 31 ч. января имѣли мы четвертое съ начала учрежденія Торжественное собраніе и уже въ новомъ домѣ, собственно Обществу принадлежащемъ и перестроенномъ изъ галлереи, подаренной городомъ Одессою, на счетъ суммъ, получаемыхъ въ пособіе отъ Императора. Зданіе вышло весьма недурное, и будучи украшено разными древними памятниками, дѣлаетъ пріятное впечатлѣніе. Въ часъ собралась въ огромную залу многочисленная публика. Около 200 креселъ всѣ были заняты и сверхъ того многіе, не доставшіе мѣстъ, стояли. Членъ Общества Архіепископъ Гавріилъ благословилъ новопостроенный домъ, послѣ чего собраніе открылось краткою моею, какъ Президента, рѣчью. Затѣмъ читаны были: 1) прекрасное, показывающее глубокую ученость „Разсужденіе о лингвистическомъ изслѣдованіи Крыма“ профессора Григорьева;

2) весьма любопытная статья г. Надеждина: „О славянской надписи на церкви св. Николая въ Килiи“ и 3) Донесеніе члена Мурзакевича: „О путешествіи, сдѣланномъ имъ по порученію Общества на островъ Фидониси, древній Левки“.

Въ скоромъ времени выйдетъ 1 томъ „Записокъ Общества“. Въ немъ особенно заслуживаютъ любопытство статьи г. Надеждина: 1) „Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностью“ и 2) „О мѣстоположеніи древняго Пересѣчина“; г. Григорьева „О находимыхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ странахъ куфическихъ монетахъ IX—XI вѣка, какъ источникахъ для русской исторіи“ и ученаго Еврея г. Штерна „О вновь найденныхъ въ Крыму древнихъ Еврейскихъ рукописныхъ памятникахъ“. Памятники эти весьма любопытны. О нихъ можно прочесть въ Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 2-ая книжка нынѣшняго года.

Г. Шафарику прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе и сказать, что я теперь готовъ исполнять его и Ваши порученія и конечно не заставлю ожидать своихъ отвѣтовъ.

Примите увѣреніе въ душевномъ почтеніи и совершенной преданности Вашего, М. Г., покорнѣйшаго слуги

Димитрій Княжевичъ.

Изъ Москвы получено непріятное извѣстіе, что г. Погодинъ очень боленъ.

Одесса,
1/13 марта 1843.

Дипломъ былъ доставленъ Ганкѣ при слѣдующей препроводительной бумагѣ:

Одесское Общество
ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ.
12 февраля 1842 г.
№ 60-й.

Богемскаго Національнаго музея Директору Господину Вячеславу Ганкѣ.

Состоящее подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича Наслѣдника Всероссійскаго Престола Великаго Князя Александра Николаевича, Одесское Общество любителей Исторіи и Древностей во уваженіе къ общеполезнымъ ученымъ трудамъ Вашимъ, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 22 января (3 февр.) сего года, единогласно избрало Васъ, Милостивый Государь, въ свои Дѣйствительные Члены.

Общество, извѣщая о семъ избраніи, покорнѣйше проситъ Васъ принять участіе въ „Запискахъ“ его, коихъ программа при семъ прилагается. Дипломъ же на званіе Дѣйствительнаго Члена будетъ къ Вамъ препровожденъ въ непродолжительномъ времени.

Его Императорскаго Величества Императора Всероссійскаго Тайный Совѣтникъ и Президентъ Общества

(Подписано): Дм. Княжевичъ.

Секретарь: Н. Мурзакевичъ.

Е. П. Ковалевскій[1]).

Почтеннѣйшій Вечеславъ Вечеславовичъ!

Представитель этого письма—князь Васильчиковъ, добрый мой пріятель, котораго я смѣло могу представить Вашему дружескому расположенію ко всѣмъ русскимъ. Онъ передастъ Вамъ подробно свѣдѣніе о нашемъ ученомъ трудѣ, который надѣюсь раздѣлятъ съ нами многіе славянскіе ученые, и въ которомъ вѣрно не откажетесь Вы, убѣдившись въ пользѣ его.

Завтра я ѣду въ дѣйствующую армію, чтобы принять участіе въ ея дѣлахъ. Я очень радъ, что мнѣ удалось этого достигнуть. Прощайте, многоуважаемый мною Вечеславъ Вечеславовичъ! Будьте счастливы и сохраните добрую память о преданномъ Вамъ искренно и покорномъ слугѣ.

Егоръ Ковалевскій.

За неимѣніемъ русскихъ книгъ посылаю книгу нашего *русскаго офицера*. Вы увидите, какъ настоящее не похоже съ прошедшимъ.

Вѣна,
2-го Августа. Приписка рукой Ганки: 1854.

Г. Колокольцовъ.

1.

М. Г., Вѣнчеславъ Вѣнчеславичь!

Позвольте ввѣрить Вашему гостепріимству почтеннаго моего друга Ивана Васильевича Сабурова. Проѣзжая чрезъ древ-

[1]) Егоръ Петровичъ Ковалевскій (р. 1811, † 1868), извѣстный путешественникъ и писатель, авторъ путешествія „Четыре мѣсяца въ Чер-

нюю столицу Богеміи, онъ счелъ бы за грѣхъ не представиться Вамъ и просилъ у меня рекомендательнаго письма. Для другого, можетъ быть, я не рѣшился бы безпокоить Васъ; но увѣренъ, что это свиданіе, удовлетворяя завѣтное желаніе Ивана Васильевича, не можетъ и Вамъ не доставить удовольствія. Онъ изъ числа тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, много видѣвши, много разсуждали о видѣнномъ. Онъ извѣстенъ у насъ, какъ опытный сельскій хозяинъ, и его статьи и брошюры по предметамъ сельскаго и государственнаго хозяйства всегда при появленіи своемъ производили сильное впечатлѣніе; но, чтобы предварительно короче познакомить Васъ съ Иваномъ Васильевичемъ, скажу, что онъ раздѣлялъ труды нашихъ войскъ при низверженіи Наполеона, а по окончаніи войны жилъ гражданиномъ и семьяниномъ въ своей отчинѣ, откуда впрочемъ былъ вызванъ избраніемъ Пензенскаго дворянства въ совѣтные судьи губерніи. Вы любите нашу Россію, онъ изучилъ ея бытъ, исторію и постановленія, и потому смѣю надѣяться, что знакомство съ Г-омъ Сабуровымъ будетъ пріятно и для Васъ. Въ новый годъ я получилъ Вашу карточку, этотъ знакъ Вашего воспоминанія я сохраню какъ святыню, хотя впрочемъ Вы учинили великій грѣхъ, напечатавъ ее Кирилловскими буквами, преданными анафемѣ однимъ изъ пріемниковъ Петра.

Жена моя и дочь свидѣтельствуютъ Вамъ свое почтеніе и съ признательностью воспоминаютъ Ваше Славянское гостепріимство.

Я много думалъ о мысли Вашей о Славянской академіи; дѣйствительно стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ у насъ ни словаря, ни сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, нѣтъ общества, которое бы исключительно занималось собираніемъ, изученіемъ и изданіемъ историческихъ памятниковъ Славянскихъ народовъ. По всему эта обязанность лежала бы на единственной Славянской державѣ, существующей на свѣтѣ – Россіи; но благоразумное наше Правительство, избѣгая всякое дѣйствіе, которое могло бы хотя неосновательно обезпокоить сосѣдственные, никогда не рѣшится учредить академію на томъ основаніи, о которомъ было говорено, изъ опасенія, чтобы чисто ученую цѣль учрежденія не перетолковали въ политическую Но чего не можетъ сдѣлать Правительство, то могутъ сдѣлать частные люди, составя общество, собравъ нужный для сего капиталъ и

погоріи" (СПБ. 1841) и др. путевыхъ очерковъ, историч. разысканій и беллетристическихъ произведеній.

испросивъ на учрежденіе академіи позволеніе у Правительства, въ которомъ оно вѣроятно не откажетъ, разумѣется, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Академія нисколько не отклонялась отъ своей ученой цѣли, и въ слѣдствіе этого также вѣроятно не дозволитъ изданіе историческихъ актовъ, относящихся къ новѣйшимъ временамъ, напр., къ XVIII вѣку. У насъ, въ особенности въ Москвѣ, стремленіе въ изученію языковъ и исторіи соплеменныхъ намъ народовъ распространяется болѣе и болѣе, и можно надѣяться, что мысль составленія общества для основанія славянской академіи будетъ принята и выполнена. Если Вамъ будетъ угодно прислать мнѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ записку, гдѣ бы Вы изложили составъ и цѣль академіи и приложили бы примѣрную смѣту ежегоднымъ расходамъ на ея содержаніе, то по возвращеніи въ отечество я бы передалъ ее одному изъ нашихъ вельможъ, котораго мнѣніе, денежные способы мнѣ извѣстны. Я же буду считать себя совершенно счастливымъ, если Богъ удостоитъ меня быть хотя ничтожнымъ орудіемъ въ выполненіи великой мысли Вашей. Мы пробудемъ въ Дрезденѣ еще мѣсяцъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Григорій Колокольцовъ.

Дрезденъ,
1/13 Марта 1845 г.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Я имѣлъ удовольствіе получить почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 7-го Апрѣля съ Г-номъ Халчинскимъ, который принимаетъ на себя доставить Вамъ и отвѣтъ мой. Много благодарю за радушный пріемъ, который нашелъ у Васъ мой землякъ Иванъ Васильевичь Сабуровъ; впрочемъ, всѣ мы русскіе, побывавшіе въ Прагѣ, разставшись съ Вами, думаемъ, что разстались съ роднымъ. Г-нъ Иваненко привезъ мнѣ Вашу карточку, онъ пробудетъ здѣсь еще нѣсколько дней и возвратится въ Прагу. Онъ кажется занимается изученіемъ Чехскаго языка весьма усердно. Дай Богъ, чтобы наши молодые люди болѣе и болѣе обращались къ изученію языковъ соплеменныхъ намъ народовъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи въ послѣднее десятилѣтіе уже сдѣланъ первый шагъ, и родилась потребность, которой постепенное развитіе въ будущности болѣе или менѣе отдаленной доведетъ наконецъ къ непремѣнной цѣли сблизить и сроднить разсѣянныхъ

сти. Не откажите быть нашимъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ возлелѣяннымъ Вами Чешскимъ Музеумомъ.

Вице Президентъ Михаилъ Балинскій.

Дѣйствительный Членъ А. Киркоръ.

Ученый Секретарь М. Круповичъ.

2.

М. Н. П.

Музеумъ Древностей
и
Виленская временная
Археологическая Коммисія.
Августа 31 дня 1857 года.
№ 204.
Г. Вильно.

Господину Дѣйствительному Члену
Венцеславу Ганка.

Виленская Археологическая Коммисія имѣя въ виду, что только тѣсная связь Славянскихъ Археологическихъ Обществъ между собою и взаимный обмѣнъ открытій и результатовъ мѣстныхъ Археологическихъ разысканій, а также свѣдѣній о новыхъ трудахъ и предпріятіяхъ по части Археографіи и Библіографіи, можетъ принести существенную пользу наукѣ и дать ей современное направленіе, въ девятомъ обыкновенномъ засѣданіи своемъ 11-го сего августа постановила помѣщать въ издаваемыхъ запискахъ краткіе отчеты и свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и трудахъ всѣхъ Славянскихъ Археологическихъ Обществъ по части археологіи, археографіи и библіографіи за послѣднее время.

Расчитывая вполнѣ на просвѣщенное содѣйствіе Вашего Высокородія и на то благородное сочувствіе, съ которымъ Вашему Высокородію благоугодно было принять званіе Дѣйствительнаго Члена Виленской Археологической Коммисіи и Музеума Древностей, Коммисія покорнѣйше честь имѣетъ просить Ваше Высокородіе сообщить ей если можно къ 1-му числу Ноября свѣдѣнія о мѣстныхъ археологическихъ поискахъ, а также о новыхъ трудахъ и предпріятіяхъ по части археографіи и библіографіи Чешскаго Музеума, для напечатанія сихъ свѣдѣній во 2-мъ т. Записокъ.

Предсѣдатель Графъ Тышкевичъ.

Ученый Секретарь М. Круповичъ.

В. Д. Комовскій[1].

Милостивый Государь!

Поздно отвѣчаю я на письмо, которое я имѣлъ особенное удовольствіе получить отъ васъ,—извините, ради Бога: вы знаете сами, какъ рѣдки и медленны сношенія отсюда съ Прагою. Вашу записку о Славянской Академіи[2] я искалъ, но нигдѣ не могъ найти слѣда ея. Графъ Сергій Семеновичъ не помнитъ, чтобы получалъ ее: въ оффиціальныхъ дѣлахъ ея вовсе нѣтъ. Такимъ образомъ я не могу доставить вамъ копію съ этой бумаги.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ уваженіи и почитаніи вашего покорнѣйшаго слуги

В. Комовскаго.

С. Петербургъ,
16/28 Декабря 1847.

Помѣта Ганки: „Отвѣтъ 6/18 Января 1848“.

А. Коневка.

Szanowny Panie!

Osobliwy przypadek daie mi powód odezwać się do Pana szanownego, lecz nim o rzeczy zacznę, niech Pan przyimie wyrazy nayczulszey wdzięczności za odebrane z moiey strony łaskawe względy podczas mego pobytu w Pradze. Miłe obchodzenie się ze mną ze strony wszystkich zacnych Czechów, których miałem zaszczyt poznać, zapełniło mnie miłością ku narodowi temu i dało mi wierne wyobrażenie prawdziwego ducha słowiańskiego. Nigdy chwile przepędzone w Pradze niezapomnę.

Przed kilku tygodniami miałem szczęście znaleść tu w bibliotece iednego z naszych uczonych Niemców książkę, o którey sam uczony ten zapewniał, iż ani on, ani kto inny w mieście tuteyszém czytać w niey nie mógł. Poznałem natychmiast wartość tey książki, poznałem, że to jest stary Słownik Słowiano-ruski, w roku 1627 w pieczerskiey ławrze w Kiowie *kirylicą* drukowany. Autor tego dzieła iest *Pamwa Berynda*. Tytuł iest: Lexicon Slaweno-rosski i imion tłkowanie. Prwoe typom izobrazisia i t. d. Na drugiej stronie znayduie się herb rodziny Bałabanów, a pod

[1] Василій Дмитріевичъ Комовскій (р. 1808, † 1851) б. начальникомъ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія.

[2] [illegible] стр. 156

·bem wiersz ruski na pochwałę rodziny Bałabanów przez Ziem-
Trzecia strona obeymuie dedykacyą z podpisem Beryndy.
rocz słownika słowiano-ruskiego książka obeymuie osobny słow-
hebraiskich, greckich, łacińskich i innych wyrazów z ruskim
kładem. Format iest ćwierćarkuszowy mały, obszerność 238
onic. Szkoda, że kartka iedna wydarta. Chętniebym Panu przed-
ɔt ten obszerniey opisał, gdyby mnie własnie teraz na czasu
brakowało. Ani Dobrowsky w swoim dziele: Institutiones lin-
ıe slavicae o tey książce wzmiankę czyni, ani Pan Szafarzyk
Starożytnościach Słowiańskich, gdyż na str. 475 mówi: „we-
gně wšak z nowotami těmito wytasili se teprwé učenci a ná-
ıpcowé geho, a sice, pokudž mně wědomo, s formau *Slawjane*
ydřiwe Meletius Smotriski w gramatyce 1619, pak bezgmen-
' původce gramatyky Moskewské 1648, až pak i t. d."...

Wnoszę więc z tego, iż w Pradze tey książki nie masz. W każ-
n przypadku znalazek ten iest bardzo ważny, a co mnie wielce
eszy jest teraz moją własnością. Książka, co przedtem rozdarta
ıieważona gdziekolwiek w kącie i w pyłu leżała, teraz staran-
poprawiona, dobrze i stosownie do zżółkniałego starego pa-
ru oprawiona biblioteczce moiey małey Słowiańskiey ku nad-
rczayney ozdobie służy. Nie łatwo bym się z tą książką roz-
, gdyby nie uczucia nayglębszego uszanowania mię poruszy-
ofiarować ją uprzeymym i uczonym Czechom. Racz mnie Pan
cawy uwiadomić, czy Muzeum Czeskie już takową książkę po-
la, a na przypadek, gdyby nie posiadało, czy ią z rąk moich
odarunek przyiąć raczy i jaką drogą.

Oczekiwam tedy list Pański, który mnie oraz uwiadomić bę-
e, czy Pan łaskawy ieszcze zdrowy iesteś, co mnie wielce ucie-
ć będzie.

Z naywiększem uszanowaniem etc. Albert Konewka.
Quaestor Universitatis (*.

Zdaie mi się, iż miesiąc i gwiazda ma być powszechny znak
wiańszczyzny, ponieważ nie tylko Pamwa Berynda używa go
dziele wyżey wspomnionem trzy razy pod swoiem nazwiskiem,
postrzegłem i na czapkach chorwackich w Prezburgu ten sa-
znak (*.

W Greifswaldzie,
d. 14-go Grudnia r. 1843-go.

В. Д. Комовскій[1]).

Милостивый Государь!

Поздно отвѣчаю я на письмо, которое я имѣлъ особенное удовольствіе получить отъ васъ,—извините, ради Бога: вы знаете сами, какъ рѣдки и медленны сношенія отсюда съ Прагою Вашу записку о Славянской Академіи[2]) я искалъ, но нигдѣ не могъ найти слѣда ея. Графъ Сергій Семеновичъ не помнитъ, чтобы получалъ ее; въ оффиціальныхъ дѣлахъ ея вовсе нѣтъ. Такимъ образомъ я не могу доставить вамъ копію съ этой бумаги.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ уваженіи и почитаніи вашего покорнѣйшаго слуги

В. Комовскаго.

С.-Петербургъ,
16/28 Декабря 1847.

Помѣта Ганки: „Отвѣтъ о/18 Января 1848".

A. Konevka.

Szanowny Panie!

Osobliwy przypadek daie mi powód odezwać się do Pana szanownego, lecz nim o rzeczy zacznę, niech Pan przyimie wyrazy nayczulszey wdzięczności za odebrane z moiey strony łaskawe względy podczas mego pobytu w Pradze. Miłe obchodzenie się ze mną ze strony wszystkich zacnych Czechów, których miałem zaszczyt poznać, zapełniło mnie miłością ku narodowi temu i dało mi wierne wyobrażenie prawdziwego ducha słowiańskiego. Nigdy chwile przepędzone w Pradze niezapomnę.

Przed kilku tygodniami miałem szczęście znaleść tu w bibliotece iednego z naszych uczonych Niemców książkę, o którey sam uczony ten zapewniał, iż ani on, ani kto inny w mieście tuteyszém czytać w niey nie mógł. Poznałem natychmiast wartość tey książki, poznałem, że to jest stary Słownik Słowiano-ruski. w roku 1627 w pieczerskiey lawrze w Kiowie *kirylicą* drukowany. Autor tego dzieła iest *Pamwa Berynda*. Tytuł iest: Lexicon Slaweno-rosski i imion tłkowanie. Prwoe typom izobrazisia i t. d. Na drugiej stronie znayduie się herb rodziny Bałabanów, a pod

[1]) Василій Дмитріевичъ Комовскій (р. 1803, † 1851) б. начальникомъ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) См. выше стр. 136.

em wiersz ruski na pochwałę rodziny Bałabanów przez Ziem-
Trzecia strona obeymuie dedykacyą z podpisem Beryndy.
ɔcz słownika słowiano-ruskiego książka obeymuie osobny słow-
ıebraiskich, greckich, łacińskich i innych wyrazów z ruskim
adem. Format iest ćwierćarkuszowy mały, obszerność 238
ic. Szkoda, że kartka iedna wydarta. Chętniebym Panu przed-
ten obszerniey opisał, gdyby mnie własnie teraz na czasu
ɔrakowało. Ani Dobrowsky w swoim dziele: Institutiones lin-
slavicae o tey książce wzmiankę czyni, ani Pan Szafarzyk
ıarożytnościach Słowiańskich, gdyż na str. 475 mówi: „we-
ıě wšak z nowotami těmito wytasili se teprwé učenci a ná-
ɔcowé geho, a sice, pokudž mně wědomo, s formau *Slawjane*
dřiwe Meletius Smotriski w gramatyce 1619, pak bezgmen-
půwodce gramatyky Moskewské 1648, aż pak i t. d."...

Wnoszę więc z tego, iż w Pradze tey książki nie masz. W każ-
przypadku znalazek ten iest bardzo ważny, a co mnie wielce
zy jest teraz moją własnością. Książka, co przedtem rozdarta
ɔważona gdziekolwiek w kącie i w pyłu leżała, teraz staran-
ɔoprawiona, dobrze i stosownie do zżółkniałego starego pa-
oprawiona biblioteczce moiey małey Słowiańskiey ku nad-
zayney ozdobie służy. Nie łatwo bym się z tą książką roz-
gdyby nie uczucia naygłębszego uszanowania mię poruszy-
ıarować ją uprzeymym i uczonym Czechom. Racz mnie Pan
wy uwiadomić, czy Muzeum Czeskie już takową książkę po-
, a na przypadek, gdyby nie posiadało, czy ią z rąk moich
darunek przyiąć raczy i jaką drogą.

Oczekiwam tedy list Pański, który mnie oraz uwiadomić bę-
czy Pan łaskawy ieszcze zdrowy iesteś, co mnie wielce ucie-
będzie.

Z naywiększem uszanowaniem etc. Albert Konewka.
Quaestor Universitatis (*.

Zdaie mi się, iż miesiąc i gwiazda ma być powszechny znak
ańszczyzny, ponieważ nie tylko Pamwa Berynda używa go
iele wyżey wspomnionem trzy razy pod swoiem nazwiskiem,
ostrzegłem i na czapkach chorwackich w Prezburgu ten sa-
nak (*.

W Greifswaldzie,
14-go Grudnia r. 1843-go.

В. Коротынскій[1]).

Bracia Czechowie!

Koleje wieków rozdzieliły wielką rodzinę na kilka domów jednéj ogromnéj swym rozmiarem wioski—Słowiańszczyzny. Po długiem o sobie niewiedzeniu, dzisiejsze pokolenie zaczęło pracować nad połączeniem tej wielkiej rodziny, ale połączeniem braterskiém, nie zaś pochłonięciem samodzielności jednego pierwiastku przez drugi. Wysokie zadanie! ale każdy czyn rozumny musi być poprzedzony przez skierowanie doń wyobrażeń, przez wypielęgnowanie go w myśli ogółu, przez pokochanie jego zasad przez wszystkich. W stanie politycznego rozczłonkowania, piśmiennictwo samo jedno zdolném jest usposobić wszystkich Słowian do podania sobie ręki i braterskiego uściśnienia.

Dzieje Czeskiego i Polskiego piśmiennictwa od bardzo dawna ukazują nam przykłady bratania się wyobrażeń: w kościołach Polskich starzy Polacy śpiewali hymny przerabiane z Czeskiéj mowy; jeszcze w XVII wieku Bartosz Paprocki pisał po-Polsku i po-Czesku. Później nastąpiło im daléj tém większe rozstrychnięcie się i trwało do lat ostatnich, prawie do czasów Lipy. Wyznać potrzeba, że Czechowie piérwsi w czasach obecnych dali hasło zamiany wyobrażeń społecznych za pomocą piśmiennictwa. Dziś, gdy się zjawiła gwałtowna potrzeba śledzenia i zogniskowywania myśli całej Słowiańszczyzny, potrzeba ta zastała nas Polaków nieprzygotowanych: gdy wy macie i grammatyki naszego języka i słownik polsko-czeski i inne ułatwienia dla chcących się uczyć po-Polsku, u nas ledwie jeden piękny przekład Rękopism Królodworskiego, ledwie parę dzieł uczonego Szafarzyka został przetłómaczonych na język Polski, a niemówiąc o tém, coście sami dla swego narzecza zrobili za nas, pomocy naukowéj ku domowemu nauczeniu się po-Czesku niemamy żadnéj. Z takiego kłopotliwego położenia począł był wyprowadzać nas nieodżałowany Ludwik Rittersberg, którego artykuła, umieszczone w *Tece Wileńskiéj*, dały nam choć ogólne wyobrażenie o piśmiennictwie Waszém. Zgon tego zacnego męża przyprawił nas o nienagrodzoną stratę. Czytając jego artykuła, przyszła nam myśl, zresztą wcale nie nowa, że kojarzenie literatury przez przyswajanie płodów jedynie ściśle naukowych, bynajmniej nieodpowiada zadaniu rozprzestrzenienia wyobrażeń na cały naród. Roznoszenie wyobrażeń od chat-

[1]) Korotyński Wincenty, извѣстный польскій поэтъ, сотрудничавшій въ виленскихъ изданіяхъ (Teka Wileńska и др.).

ki do chatki, rozsiewanie ich na massy jest wyłącznem zadaniem literatury nadobnéj, która tak pojęta ma godne zazdrości powołanie—popularyzować Prawdę! Ta myśl przewodniczyła mi, gdym tłómaczył kilka utworów waszych pieśniarzy, zamieszczonych w czwartym numerze *Teki*; ta sama myśl zniewala mię uczynić do Was obecną odezwę, uczeni bracia Czechowie!

Macie we mnie gorliwego, całem sercem oddanego wam i waszemu piśmiennictwu, ale nieumiejętnego przyjaciela. U was prawie każdy uczony zna język Polski; my się tem pochlubić niemożem, u nas po-Czesku się nieuczą,—i ja też bardzo mało znam ten język. Naczytawszy się starych Polskich pisarzy, których mowa bardziéj się zbliża do Czeskiéj, niż nasza dzisiejsza, znając zasady języka Rossyjskiego, co do form zewnętrznych mającego wiele wspólności z Czeskim, umiejąc trochę po-starosłowiańsku, gdzie są źródłosłowy wielu nieużywanych u nas wyrazów waszéj mowy, przewartowawszy w *Słowiańskim narodopisie* prawidła zamiany głosek i kształtu wyrazów narzeczy słowiańskich,—wprawiłem się trochę do czytania i rozumienia po-Czesku; ale tego jeszcze bardzo za mało dla pośrednika zamiany wyobrażeń. Chce mi się więcéj przyłożyć pracy, aby gruntowniéj, systematyczniéj zbadać

„Řeč, již Lumir a Záboj zpíval,
„Jazyk Jana a Václava".

Lecz ku temu znalazły się nieprzeparte zawady. U nas niéma ani grammatyki Czeskiéj po-Polsku, ani słownika Polsko-Czeskiego, które macie, które choć pośrednio ułatwiłyby naukę, lecz których w xięgarniach naszych niedostać. Wasze prace filologiczne po-Czesku i po-Niemiecku, jak Słownik Jungmanna i Szumawskiego, nie mogą mi usłużyć, bo nieumiem języka Niemieckiego. Zakłopotany takiem położeniem postanowiłem udać się do was po radę, któréj zapewnie odmówić mi niezechcecie.

Prośba moja zawiera dwa szczególne względy: żądam od was: 1) źródeł do wydoskonalenia się w umiejętności języka Czeskiego. 2) utworów poetycznych do tłómaczenia. Grammatyki Czeskiej po-Polsku niéma u nas, a bez niéj samemu nabyć zasadniczych wiadomości niemożna. Dajcie mi radę, co mam począć? W Wiadomościach Petersburskiéj akademii nauk czytałem doniesienie, że wyszła w Pradze Czeskiéj r. 1852 bardzo dobra *Чешская грамматика*, **съ упражненіями, краткою хрестоматіею и словаремъ**, **составленная по руководству** *Конечнаго* (8°, str. 426). W niedostatku Polskiéj, mógłbym się wyręczyć tą Rossyjską, ale dostać jéj u nas niemożna. Gorzéj jeszcze ze słownikiem, bez którego na-

wet przy powierzchownem uczeniu się obejść się niemożna. Wiem, żeście napisali słownik Polsko-Czeski i drugi Czesko-Polski, ale piérwszy lubo wydany do nas niedoszedł, drugi zaś pozostaje w rękopiśmie, niemogąc dotąd znaleść wydawcy, czego niemożemy przebaczyć naszym xięgarzom spekulantom. Gdyby mi środki pieniężne pozwalały, prosiłbym Was o odpis słownika Czesko-Polskiego; lecz to rzecz niełatwa. Czy niemacie czasem słownika *Czesko-Francuzkiego*? tenby mi mógł usłużyć przy niedostatku innego. Od was tylko, bracia Słowianie, mogę się spodziewać wyprowadzenia mię z kłopotu.

Co do utworów poetycznych dla tłómaczenia, przy wyborze ich powinniśmy przedewszystkiem mieć baczenie na interes ogólny, obchodzący nas wszystkich, na kierunek współczesny wyobrażeń i na wybitną charakterystyczność narodową w wypowiedzeniu, ma się rozumieć, nielekceważąc wcale wartości czysto artystycznéj.

„Czeskie piśmiennictwo lubo co do bogactwa i wartości literackiej swych płodów niedorównywa może Polskiemu, ma wszelako co do kierunku niezaprzeczoną wyższość. Wy piszecie dla ludu, dla całego narodu,—i śmiało możecie powiedzieć do swych pieśni:

„Jděte k chyžkám, jděte k hradům,
„Poslechne vás kmet i dítě".

Prawe dzieci narodu piszecie dla ludu, i lud was czyta i lud wam mówi: Bóg zapłać! Szczęśliwsi jesteście od nas! U nas lud wiejski całkiem czytać nieumie, tylko szlachta pisze dla szlachty, i piśmiennictwo z małemi wyjątkami, zamiast interesów narodu, popiera interesa kasty, która sama jedna chce się nazywać narodem [1])".

Codzień, Bogu dzięki, silniejsze są pojedyńcze zaprzeczenia przeciwko takiemu porządkowi rzeczy; ale fakt dotąd pozostaje faktem, podtrzymywanym przez przesądy, interes i prawodawstwo. Owóż ta wybitna różnica *ludowego* kierunku naszego piśmiennictwa powinna być główną zasadą przy wyborze kawałków do tłómaczenia dla mnie: tym sposobem wyraziściej odbiją się u nas cechy wasze narodowe i usłuży się poczciwéj sprawie, którą także mam zawsze na celu. Dosyć długo chwaliliśmy wielkich tego świata; czas nadszedł *„pochlebiania tylko samej niedoli"*, jak się wyraża Béranger, pochlebiania „Slovičku Ty", jak uczynił wasz

[1]) Отрывокъ, поставленный въ кавычки („ "), сообщенъ Іосифомъ Ранкомъ въ его брошюрѣ: „Poláci a Rusové", V Praze, 1863, str. 36.

Zitek. Ze względu na małą znajomość waszéj mowy, niemogę się kasać do tłómaczenia utworów większego rozmiaru: proszę tedy was, bracia Czechowie, o wskazanie utworów pomniejszych, lub ustępów pojedyńczych, ale stanowiących odrębną całość, z utworów większych waszéj muzy. Zresztą sami zrozumiecie, czego mi najbardziéj potrzeba dla poznajomienia ogółu czytelników z kwiatami waszego piśmiennictwa.

Przy niemożności załatwiania stosunków literackich z wami przez xięgarnie, zmuszony jestem prosić was, bracia Słowianie, o ułatwienie mi nabycia potrzebnych xiążek za pośrednictwem szanownego Redaktora *Teki Wileńskiej* p. A. H. Kirkora. Jeśli myśl moja znajdzie u Was współczucie i gotowość do poparcia, to przyszlijcie mi na jego imię z pomocy naukowych: 1) *Ческую грамматику*; 2) grammatykę *Polską po-Czesku*; 3) jeśli macie, grammatykę *Czeską po-Polsku*; 4) Słownik *Polsko-Czeski*; 5) jeśli macie, słownik *Czesko-Francuzki*, bo *Czesko-Polskiego* niemam ani nadziei otrzymać. Z poezyj do tłómaczenia nic nie wymieniam: sami najlepiéj potraficie zrobić wybór i przysłać co będziecie uważać za potrzebne.

Ilość opłaty pieniężnej, jaka będzie należeć waszym księgarzom za te dzieła, zechcecie wymienić przy przesłaniu, a ja przez pośrednictwo Redaktora *Teki* odeszlę należność na ręcę tego, kto przyszle mi xiążki.

Jeżeli niemogę przypuścić u nas i u was obojętności dla myśli, którą wyraziłem na początku, chociaż możecie zechcieć, lub niezechcieć zrobić mi żądane ułatwienie: to jednak, bracia Czechowie! pewny jestem, że odezwy mojéj za złe mi nieweźmiecie. Z tém przekonaniem pozdrawiam Was mową słowiańską, moją ojczystą mową! A może z czasem, kiedy mi okoliczności posłużą nauczyć się waszego języka, może wówczas, przez wzajemność za pisanie do nas po-Polsku, powitam Was macierzystą naszą mo-po-Czesku i powiem:

„Mezi Čechy jak doma jsem!"

Pozdrowienie i cześć braciom Słowianom!

Wincenty Korotyński.

Врачи опредѣлили мнѣ лечиться сывороткою въ Тегернзее (въ Баваріи), а оттуда, по краткости остающагося мнѣ времени, я должен уже отправиться, черезъ Берлинъ, прямо къ моимъ обязанностямъ. Итакъ, бывъ лишенъ высокожеланнаго личнаго съ Вами свиданія, беру смѣлость по крайней мѣрѣ письменно представить Вамъ нѣкоторыя покорнѣйшія мои просьбы:

1) Петербургская Публичная Библіотека, въ настоящую минуту, есть, конечно, богатѣйшее въ свѣтѣ собраніе первопечатныхъ памятниковъ древнеславянской письменности: но именно потому, что оно такъ ими богато, я ищу всячески дополнить то, чего еще недостаетъ. Эти, недостающія намъ книги означены въ прилагаемомъ у сего реестрѣ, и какъ мнѣ извѣстно, что многія изъ нихъ Вы доставили Г. Погодину, то смѣю надѣяться, что такой же трудъ охотно изволите принять на себя и для знаменитаго нашего, перваго въ Славянскомъ мірѣ книгохранилища. Въ такомъ случаѣ я покорнѣйше просилъ бы все, что можно будетъ достать въ теченіе Іюля и Августа, то выслать на мой адрессъ въ Берлинъ (до 10-го Сентября н. с.) poste restante, а что соберется позже, то отправить туда же, подъ адрессомъ: A la Mission Impériale de Russie à Berlin, pour être expédié à la Bibliothèque Impériale publique de St. Petersbourg. Счетъ же издержкамъ (съ реестромъ книгъ) на покупку (если на иное не найдется доброхотныхъ жертвователей), упаковку и пересылку доставить мнѣ или сюда (гдѣ я пробуду еще, отъ теперешняго времени, шесть недѣль), или, что̀ не успѣете, въ Берлинъ (до 10-го Сентября); позднѣйшимъ же покупкамъ и посылкамъ, при нихъ самихъ, въ Петербургъ, черезъ наше Берлинское посольство, съ означеніемъ Банкира въ Прагѣ, къ которому я могъ бы немедленно перевесть слѣдующія деньги.

2) Для Россіи весьма драгоцѣнно было бы имѣть въ Публичной ея Библіотекѣ, отъ Васъ самихъ, полное собраніе всѣхъ напечатанныхъ донынѣ собственныхъ Вашихъ сочиненій. Мнѣ не нужно прибавлять, до какой степени Вы обязали бы насъ, вложивъ въ упомянутую посылку по одному ихъ экземпляру.

3) Другой Почетный Членъ нашъ въ Прагѣ, г. Шафарикъ, давно уже спрашивалъ одного изъ моихъ Библіотекарей (Вальтера) объ удобнѣйшемъ способѣ пересылки въ Петербургъ полнаго тоже собранія всѣхъ его сочиненій, которое онъ желаетъ принести въ даръ Библіотекѣ. Не угодно ли Вамъ будетъ предложить ему настоящій, т. е., чтобы его книги уложены и пересланы были въ Берлинъ вмѣстѣ съ Вашими?

4) Главная моя цѣль и мечта есть собрать въ Публичной

Библіотекѣ *всѣ*, когда-либо и на какомъ бы то языкѣ ни было напечатанныя о Россіи книги, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія (исторія, географія, статистика, богословіе, философія, правовѣдѣніе, исторія литературы, искусства, технологія, естественныя науки, языкознаніе и пр.). Весьма многое успѣлъ уже я сдѣлать по этому плану; но нѣтъ у насъ почти ничего изданнаго о Россіи на славянскихъ языкахъ, кромѣ Русскаго и Польскаго. Не пожелаете ли Вы придти въ семъ случаѣ на помощь общеполезному дѣлу и, при глубокихъ познаніяхъ Вашихъ, почтить меня подробными свѣдѣніями, или реестромъ о всемъ, напечатанномъ касательно Россіи на сихъ языкахъ, съ указаніемъ, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ можно бы выгоднѣе пріобрѣсти эти книги?

5) Наконецъ, къ сожалѣнію, Библіотека наша не имѣетъ *вообще* почти ничего изъ напечатаннаго на славянскихъ, кромѣ Русскаго и Польскаго, современныхъ языкахъ, и нѣтъ у насъ даже грамматикъ ихъ и словарей. Не примете ли Вы трудъ сообщить мнѣ, какія, по Вашему мнѣнію, болѣе всего необходимо бы намъ сдѣлать пріобрѣтенія въ этомъ родѣ, и куда тоже преимущественно для сего обратиться?

Чувствую, что я просьбами своими безмѣрно обременяю Васъ и даже зашелъ почти за предѣлы приличнаго. Но и эти просьбы и надежды мои на ихъ исполненіе я основалъ на любви Вашей къ Славянскому міру и вообще къ просвѣщенію, смѣю думать—и къ успѣхамъ его въ Россіи, а равно на знаменитыхъ подвигахъ, оказанныхъ уже Вами въ семъ поприщѣ. Они служатъ мнѣ порукою, что Вы благосклонно примете настоящее письмо, внушенное страстью къ наукамъ и высокимъ уваженіемъ къ Вашему лицу.

Примите и пр. Баронъ Модестъ Корфъ.

Адресъ мой: Son Excellence Monsieur le Baron de Korff, Sécrétaire d'Etat S. M. l'Empereur de toutes les Russies, etc. A Tegernsée en Bavière.

Тегернзее,
7 Іюля н. с. 1851 г.

4.

Искренно благодарю Васъ, М. Г., за дошедшій до меня вчера обязательный отвѣтъ Вашъ на мое письмо, за участь котораго, по прошедшему времени, я начиналъ уже опасаться. Есть ли въ

Императорской Публичной Библіотекѣ упоминаемыя Вами Тріодь постная и Октоихъ, никакъ отсюда утвердить не могу; но все важнѣйшее изъ недостающаго намъ означено въ реестрѣ, который я имѣлъ честь Вамъ доставить. Московская хроника XVI вѣка на Чешскомъ языкѣ [1]), равно какъ и полныя собранія сочиненій Вашихъ и Г. Шафарика, будутъ для насъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. На другія, достойныя вниманія покупки я нисколько не буду щадить денегъ; но, въ случаѣ особенной дороговизны, желалъ бы впередъ знать цѣны. Смѣю также повторить покорнѣйшую просьбу о доставленіи мнѣ реестра извѣстныхъ Вамъ напечатанныхъ на Чешскомъ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ сочиненій *касательно Россіи*, старинныхъ и новѣйшихъ.

Въ планѣ моего путешествія послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Здѣсь я пробуду только до 27 Іюля (8 Августа) и потомъ направлюсь въ Берлинъ, гдѣ пробуду тоже не долѣе, какъ до 14/26 Августа, а потомъ поѣду въ мои имѣнія въ Россіи и въ Петербургъ возвращусь около 15/27 Сентября. Посему, если Вы не изволите найти мнѣ что-нибудь написать сюда или въ Берлинъ, до указанныхъ выше чиселъ, то не угодно ли будетъ дальнѣйшія Ваши письма адрессовать мнѣ уже прямо въ Петербургъ, но книги и счеты пересылать, какъ я уже прежде писалъ, въ Русское посольство въ Берлинъ, для доставленія прямо въ Библіотеку.

Нѣтъ ли нѣкоторыхъ изъ нужныхъ намъ книгъ между дуплетами Вѣнской Императорской Библіотеки, съ библіотекаремъ которой, г. Миклошичемъ, оказавшимъ уже многія услуги Славянской наукѣ и человѣкомъ, говорятъ, очень обязательнымъ, Вы вѣрно близко знакомы? Онъ вѣрно согласился бы на промѣнъ, и если бы мы, при обязательномъ Вашемъ посредничествѣ, могли узнать, что у нихъ есть лишняго и что имъ самимъ на обмѣнъ желательно имѣть, то я охотно вошелъ бы съ нимъ въ дальнѣйшія сношенія.

Прошу покорнѣйше принять и пр.

Баронъ Модестъ Корфъ.

Тегернзее,
12/24 Іюля 1851 г.

[1]) Вѣроятно: „Wypsání krajin země ruské od Matěje Hossiusa, Wysokomeytského...", изданное Даніиломъ Адамомъ Велеславиномъ въ Прагѣ въ 1590 г. Второе изданіе вышло въ 1602 году подъ заглавіемъ: „Kronika Moskewská" etc. Третье изданіе: „Výtah z kronik Moskew.", 1786 г., Фаустина Прохаски.

5.

№ 1020.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

На письмо Ваше отъ 16/28 Октября я медлилъ до сихъ поръ отвѣтомъ, ожидая изъ Берлина Вашей посылки съ книгами, назначенными для нашей Императорской Публичной Библіотеки. Получивъ ее только вчера, я поспѣшаю принести Вамъ, отъ имени Библіотеки, живѣйшую благодарность, какъ за экземпляръ Постной Тріоди 1561 года, такъ равно за сокращеніе Гваньини и за Ваши собственныя изданія. Я былъ заранѣе увѣренъ, что встрѣчу съ Вашей стороны живое участіе къ знаменитому нашему книгохранилищу, которое со временемъ, надѣюсь, сосредоточитъ въ себѣ произведенія умственной дѣятельности всѣхъ Славянскихъ племенъ, соединенныхъ единствомъ языка въ одно цѣлое.

Позвольте мнѣ не сомнѣваться, что Императорская Публичная Библіотека и на будущее время постоянно будетъ встрѣчать въ Васъ теплое сочувствіе къ своимъ пользамъ, и что знаменитость Вашего имени въ кругу Славянскихъ ученыхъ на Западѣ будетъ столько же ей полезна, тѣмъ болѣе, что просвѣщенному Вашему содѣйствію Библіотека уже обязана подаркомъ отъ Г. Винарицкаго, которому за его приношеніе покорнѣйше прошу передать ея признательность. При семъ долгомъ считаю Васъ увѣдомить, что посылки, присланныя Вами на имя Гг. Рейхеля, Кеппена и Срезневскаго разосланы по принадлежности.

Благоволите увѣдомить меня, сколько Библіотека должна за пересылку упомянутыхъ книгъ, равно какъ и за экземпляры Тріоди и Гваньини, для немедленной къ Вамъ пересылки сихъ денегъ.

Примите и пр. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
25 Декабря 1851 г./6 Января 1852 г.

6.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Въ искреннее себѣ удовольствіе поставляю препроводить у сего къ Вамъ изданныя нами: 1) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1851 годъ и 2) Путеводитель по Библіотекѣ. Изъ перваго Вы увидите ревностное стремленіе наше украсить, обогатить и еще болѣе возвеличить знаменитое наше книгохранилище; послѣдній покажетъ Вамъ наглядно внутренній со-

ставъ и образованіе того мѣста, которое гордится славою считать Васъ въ числѣ почетныхъ своихъ членовъ. Мнѣ весьма пріятно будетъ, если оба эти изданія заслужатъ просвѣщенное Ваше одобреніе.

Составляемое мною собраніе книгъ *о Россіи* ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Оно заключаетъ уже въ себѣ, на всѣхъ языкахъ, множество драгоцѣннаго, рѣдкаго, даже такого, чего нигдѣ болѣе найти невозможно, и что отыскалось, частію, въ Библіотекѣ Залусскаго. Но чѣмъ мы все еще чрезвычайно бѣдны, это сочиненіями по этой части на нарѣчіяхъ нашихъ соплеменниковъ: ихъ, во-первыхъ, чрезвычайно трудно отсюда доставать, а во-вторыхъ, мы нуждаемся и въ полныхъ свѣдѣніяхъ о Вашей литературѣ, особенно старинной, и не получаемъ никакихъ антикварныхъ книгопродавческихъ каталоговъ въ родѣ тѣхъ, которые такъ щедро присылаетъ намъ Германія и Франція. Есть, сверхъ того, нѣсколько старинныхъ книгъ, которыя извѣстны намъ по имени, но которыя рѣшительно не знаемъ, гдѣ и какъ купить. Не можете ли Вы, Милостивый Государь, съ обычною Вашею обязательностію, указать мнѣ для сего путь. Въ примѣръ приведу слѣдующія:

1. Nowiny hrozné, strašliwé i žalostiwé, kterak Neptalim, Welik[illegible] N. Mozkewské, Geho milosti králi Polskému etc. s znamenitým počtem lid[illegible]lu walečného do země Litewské wpadl etc., Praga, 1563, 4°.
2. Іос. Миловук, Владимир и Косара. Budin, 1829.
3. Momtchilovitsch. Писменница на Славянскій языкъ. Бѣлгра[illegible]ъ 1847 годъ.
4. Раичъ. Исторія разныхъ Словенскихъ народовъ. Вѣна, 17[illegible]—[illegible]3 Будинъ, 1823.

Баронъ М. Корфъ.

С. Петербургъ,
[illegible] Мая / 3 Іюня 1852.

7.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Письмо Ваше отъ 14/26 Іюня я имѣлъ честь получить, и оно, всѣмъ содержаніемъ своимъ, привело меня въ совершенное восхищеніе. Если же я нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ, то припишите сіе единственно канцелярской неисправности нашего Посольства въ Берлинѣ. Оно и до сихъ поръ не выслало еще сюда препровожденныхъ Вами книгъ, и хотя я снова туда о семъ писалъ, но не могу и не хочу, въ неопредѣленномъ ожиданіи, задержи-

вать долѣе отзывъ на обязательное Ваше письмо. Душевно радуюсь, что Вамъ понравились наши: Путеводитель и Отчетъ. Первый составленъ въ популярномъ тонѣ, безъ всякаго притязанія на ученость, для употребленія многочисленныхъ нашихъ посѣтителей, степень образованности которыхъ не всегда одинакова. Второй, т. е. Отчетъ, долженъ былъ показать Вамъ, что мнѣ пришлось почти все вновь созидать, обративъ притомъ вниманіе и на наружность, изящество которой всегда служитъ первымъ привлеченіемъ.

На Библіотеку нашу я вообще смотрю не только какъ на драгоцѣнный Музеумъ и одинъ изъ памятниковъ народной славы, но какъ и на важное, непосредственное звено къ распространенію отечественнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, множество другихъ государственныхъ занятій по отраслямъ, частію самымъ разнообразнымъ, не позволяетъ мнѣ посвятить ей все время, и могу дѣйствовать здѣсь только урывками.

Впередъ со всею живостію и искренностію благодарю Васъ за всѣ Ваши присылки, которыхъ жду съ нетерпѣніемъ отъ Берлинской Миссіи. Но Вы не увѣдомили меня, *куда и на чье имя* переслать причитающіяся за нихъ деньги. Я просилъ бы покорнѣйше почтить меня о семъ извѣщеніемъ съ первою почтою, приложивъ, если не слишкомъ Васъ затруднитъ, и полный счетъ за Вашею подписью, который мнѣ нуженъ для нашего контроля. Съ другой стороны, Вы пишите мнѣ о *первомъ изданіи* 1589-го года, но *какого именно* сочиненія, не прибавили. Во всякомъ случаѣ оно, вѣрно, имѣетъ важность для нашей русской коллекціи, и потому покорнѣйше прошу прислать, велѣвъ сдѣлать предположенные fac-simile недостающихъ заглавнаго и пяти среднихъ листовъ, но желательно бы имѣть и второе—1602-го года.

Порученія Ваши насчетъ Кралодворской рукописи будутъ немедленно исполнены, какъ только придетъ ящикъ изъ Берлина, а два другія теперь же исполняю, прилагая здѣсь: 1) Заглавія нашихъ чешскихъ рукописей, 2) полное библіографическое описаніе нашего (печатнаго) экземпляра служебника Гусситовъ.

Сердечно благодарю и за обязательный, многоцѣнимый мною вызовъ Вашъ доставлять намъ и старопечатныя и новыя чешскія книги, и какъ только получу пересланную Вами исторію чешской литературы, незамедлю представить списокъ всего намъ нужнаго. Но нѣтъ ли у Васъ также сношеній съ другими Славянскими племенами и съ Венгріею? Вѣроятно, и въ ихъ литературахъ найдутся какія-нибудь монографіи касательно Россіи:

ихъ очень желательно бы имѣть для полноты этой, съ теплою любовію лелѣемой мною коллекціи.

Въ концѣ Вашего письма Вы изволите упоминать о разныхъ, имѣющихся у Васъ древнихъ Чешскихъ библіяхъ и другихъ изданіяхъ, но не объясняя ближе, есть ли въ Вашемъ намѣреніи уступить ихъ нашей Библіотекѣ? Еслибы такова была Ваша мысль, то не изволите ли предварительно прислать мнѣ полныя ихъ заглавія, съ означеніемъ и цѣнъ. Первое нужно для того, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли уже у насъ чего-нибудь изъ сего числа, а второе—для соображенія съ нашими средствами.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ.
12/24 Іюля 1852 года.

8.

Къ сожалѣнію, М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь, мы все еще не получили *ни одной* изъ отправленныхъ Вами книжекъ и до Берлинскаго Посольства, въ которое я нарочно писалъ, тоже ничего изъ нихъ не дошло. Глубоко о томъ скорблю, а между тѣмъ совершенно недоумѣваю, чѣмъ это объяснить. Не лучше ли на будущее время всѣ посылки отправлять прямо черезъ почту, подъ адресомъ: An die Kaiserliche öffentliche Bibliothek in St.-Petersburg? По нашей привиллегіи, мы получаемъ все безъ цензуры и безъ таможенныхъ пошлинъ, а деньги за пересылку охотно готовы платить, лишь бы все скорѣе и вѣрнѣе получать.

Весьма благодаренъ за библіографическія замѣтки о Pjsně duchownj и съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ожидать Хронику Московскую 1589-го года. Но что это? Не Гваньини ли? Позвольте надѣяться, что вмѣстѣ съ присылкою самой книги Вы благоволите сообщить мнѣ и то, что извѣстно о ней въ историческо-литературномъ и библіографическомъ отношеніяхъ.

Мнѣ весьма лестно исполнить Ваше желаніе касательно нашего „Путеводителя“, экземпляръ коего здѣсь прилагаю. Но и онъ уже устарѣлъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ мы сдѣлали опять множество улучшеній и особенно огромныхъ пріобрѣтеній, которыя потребовали разныхъ перестановокъ и пр.

Вамъ, вѣрно, пріятно будетъ узнать, что по моему докладу Государь, во всегдашнемъ своемъ порывѣ ко всему полезному, великому и славному, купилъ на дняхъ все Погодинское *древнехранилище*. Погодинъ получаетъ за него 150 т. р. сер., изъ коихъ 40 т. сей часъ, а 100 т. въ теченіе десяти лѣтъ съ процентами.

Печатныя книги, рукописи и эстампы велѣно обратить въ нашу Библіотеку, а прочіе предметы распредѣлятся въ Эрмитажъ, Оружейную палату, Государевы арсеналы и пр. Такимъ образомъ все, что Вы, Шафарикъ и другіе доставляли Погодину, поступаетъ въ собственность нашей Библіотеки, и она вдругъ пополняетъ всѣ свои пробѣлы. Позвольте представить одинъ вопросъ: Dobrowsky, Slavin, Beiträge zur Kenntniss der alten u. neuen Slavischen Litteratur, Prag 1808, есть ли тоже самое, въ другомъ изданіи, что Вашъ Dobrowsky's, Slavin, Prag 1834, или совсѣмъ другое сочиненіе? Послѣднее, по Вашей милости, мы уже имѣемъ, но перваго у насъ нѣтъ.

Искренно Васъ почитающій и преданный

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
23 Августа / 4 Сентября 1852 г.

9.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше отъ 9/15 Сентября я имѣлъ честь получить весьма уже давно, но медлилъ отвѣтомъ на оное и изъявленіемъ Вамъ искренней благодарности моей и отъ имени Библіотеки за приложенія къ нему, въ продолжавшейся все еще надеждѣ получить наконецъ отправленныя Вами для насъ, въ началѣ лѣта, въ Берлинскую Миссію книги; но вотъ уже миновалось и лѣто, прекратилось водяное сообщеніе, а книгъ или хотя бы вѣсти о нихъ все еще нѣтъ, равно какъ не имѣю я свѣдѣнія и объ отвѣтѣ, полученномъ Вашимъ спедиторомъ изъ Берлина,—отвѣтѣ, который могъ бы объяснить все дѣло и извлечь меня изъ того непріятнаго недоумѣнія, въ которомъ я нахожусь. И такъ, не могу долѣе медлить, съ одной стороны, моею благодарностію, а съ другой двумя убѣдительными просьбами: во 1-хъ, почтить меня извѣщеніемъ, сколько можно скорѣе, чѣмъ развязался вопросъ Вашего спедитора и судьба Вашей первой посылки, столь для насъ драгоцѣнной и покамѣстъ, къ сожалѣнію, безъ вѣсти пропавшей; во 2-хъ, все, что Вы впередъ намъ назначите, пересылать не черезъ Миссію, а прямо *по почтѣ*, на адресъ Императорской Публичной Библіотеки, въ С.-Петербургъ, разумѣется на ея счетъ. Средство это гораздо вѣрнѣе, какъ доказывается послѣднею посылкою, тотчасъ ко мнѣ дошедшею, а если и дороже, то лучше платить деньги за нужное, нежели даромъ не получать ничего.

„Nowiny hrozné" и „Chwalopjseň" [1]) на Суворова были для насъ драгоцѣнными пріобрѣтеніями; но Вы не изволите увѣдомлять, сколько должна Вамъ за нихъ Библіотека? Fac-simile тоже превосходенъ, но, на бѣду, Вы знаете уже, что мы все еще не имѣемъ того сочиненія, къ которому онъ придѣланъ; деньги же за оный, по малости суммы, Вы позволите намъ заплатить тогда, когда мы получимъ дальнѣйшій счетъ. Cesta z Moskwy [2]) ожидаемъ съ нетерпѣніемъ: дай Богъ, чтобы Вамъ скорѣе удалось найти эту книжку, которая давно уже значилась въ моемъ каталогѣ. Подлинники латинскій и нѣмецкій у насъ есть.

Въ приведенной Вами росписи книгъ чешскихъ и пр. есть весьма много важныхъ сочиненій историческихъ и филологическихъ, которыхъ наша Библіотека не имѣетъ; но можетъ быть часть ихъ есть въ купленной теперь коллекціи Погодина, которая не привезена еще изъ Москвы. Какъ скоро она прибудетъ, и мы ее разберемъ, я буду имѣть честь отвѣчать Вамъ съ большею точностью.

Кстати о Погодинской коллекціи, позвольте приложить здѣсь нѣмецкой переводъ съ небольшой статьи, напечатанной нами о семъ пріобрѣтеніи въ русскихъ газетахъ [3])... Сверхъ всѣхъ этихъ сокровищъ, мы на дняхъ получили еще нѣсколько драгоцѣнностей въ томъ же родѣ въ даръ, отъ извѣстныхъ Вамъ вѣроятно, по имени, собирателей нашихъ Царскаго и Литов[illegible]. Запасы наши, благодаря Бога, съ каждымъ днемъ ростутъ и по истинѣ заслуживаютъ Вашего просвѣщеннаго и знающаго взгля[illegible]да. Не говоря уже обо мнѣ лично, вся Россія порадовалась б[illegible] такому посѣщенію, а что теперь, при дѣйствіи паровъ во всѣх[illegible] видахъ, значитъ непродолжительная поѣздка даже и на наш[illegible] дальній, но гостепріимный и умѣющій справедливо цѣнить уч[illegible]ныя заслуги Сѣверъ.

Въ надеждѣ, что эта радостная мечта можетъ дѣйствитель[illegible]но когда нибудь сбыться, покорно прошу Васъ принять и пр.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
24 Октября / 5 Ноября 1852 г.

---

[1]) Вѣроятно: „Chwalozpěw na slawného reka Suwarowa, c. ruského polniho maršálka, a udatné wojsko we Wlašich", W Praze, 1799, Od M. Majobra.

[2]) „Cesta z Moskwy do Činy, kterauž s ruským wyslancem Isbrandem skrze krajiny Ustiku, Taursko a mogolskau Tatarii šťastně wykonal Jiří z Drahowa, Čech a rytíř wznešený, l. P. 1693. Po česku z lat. wyložená a wydaná od J. Rulika. W Praze. 1800, 8°, str. 79.

[3]) Чешскій переводъ этой статьи барона Корфа Ганка читалъ 20

10.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Наконецъ-то, послѣ полугодичнаго ожиданія, получилъ я и вступилъ во владѣніе Вашею драгоцѣнною посылкою. Но не будь Г. Тюрина, и не увѣдомьте Вы меня, въ письмѣ отъ 28-го ноября, что на ящикѣ выставлены буквы М. К., я думаю, *никогда* бы его не получилъ. Дѣло въ томъ, что на ящикѣ—*не было адреса*, и наша Берлинская Миссія, выславъ его точно сюда, еще лѣтомъ, съ Царскими вещами, тоже не сдѣлала никакой надписи и не дала мнѣ знать, а здѣсь ящикъ съ таинственными буквами, не бывъ никѣмъ потребованъ, попалъ въ Царскія кладовыя и пролежалъ тамъ до сихъ поръ, пока я получилъ напослѣдокъ отъ Васъ ключь къ нему, т. е. буквы М. К. Хотя такимъ образомъ до меня достигло только зимою то, что должно бы придти еще лѣтомъ, однако слава Богу, что все оказалось на лицо и въ цѣлости. Теперь мнѣ остается лишь искренно и премного благодарить Васъ за все присланное, даровое и продажное, и покорнѣйше просить о неотложной присылкѣ нужнаго для нашего контроля регулярнаго счета или фактуры о томъ, что мы Вамъ всего должны, дабы тотчасъ заплатить эту старую и тяготящую меня недоимку, чрезъ немедленный переводъ къ Вамъ векселя.

Экземпляры къ Г. Срезневскому я не упущу отправить, а прочіе поднести по принадлежности, кромѣ одного—покойному, незабвенному нашему князю П. М. Волконскому, вмѣсто котораго я позволилъ себѣ поднести, хотя безъ Вашего уполномочія, новому нашему начальнику графу Адлербергу.

Благосклоннымъ Вашимъ дозволеніемъ выписать изъ Юнгманна тѣ нумера, которые нужны для Библіотеки, я поспѣшилъ воспользоваться и прилагаю имъ здѣсь реестръ. При добромъ Вашемъ расположеніи, смѣю покорнѣйше просить тѣ, которыя можно будетъ сей часъ найти, прислать мнѣ теперь же, а прочія—когда отыщутся. Удобнѣйшій и прямой путь—почта, разумѣется, на нашъ счетъ, подъ адрессомъ: An die Kaiserliche Oeffentliche Bibliothek in St. Petersburg, но *всегда* съ приложеніемъ тотчасъ и фактуры, чтобы намъ не оставаться въ долгу и всегда вести наши счеты въ порядкѣ.

Какъ прекрасно было бы, если бы вмѣстѣ съ этой посылкою могли быть отысканы и тоже къ намъ отправлены Ваши

декабря 1852 г. въ собраніи филологическаго отдѣленія Королевскаго Чешскаго Ученаго Общества, а затѣмъ напечаталъ въ Č. Č. Mus., 1852, IV, str. 169—174 (подписано: М. К.).

„Wypsání Rusie". и также изданіе 1602-го г. Хроники Московской. Моя цѣль — благодаря Бога все болѣе и болѣе сближающаяся къ достиженію — есть собрать въ Библіотекѣ не только всѣ и на всѣхъ языкахъ сочиненія и переводы о Россіи, но и всѣ изданія этихъ сочиненій и переводовъ, когда бы они ни выходили.

О полученіи другой Вашей посылки, въ которой были Nowiny hrozné, я. кажется, давно уже имѣлъ честь Васъ увѣдомить; другая посылка съ изданіемъ 1761-го г. и оригинальнымъ 1522-го тоже своевременно до меня дошла; но Вы и здѣсь не приложили фактуры, а въ видѣ подарковъ все это слишкомъ щедро!

Экземпляры Вашего портрета я раздамъ здѣсь Вашим многочисленнымъ почитателямъ, для которыхъ, какъ я сужу по собственному чувству, это будетъ даромъ самымъ пріятнымъ. Полученіе его я считаю какъ бы предвѣстіемъ личнаго нашего знакомства, если Богъ приведетъ, можетъ быть въ Прагѣ, а можетъ быть — почему же нѣтъ? — и въ Петербургѣ, куда теперь такъ удобно, скоро и недорого можно прокатиться.

Поручая себя продолженію всегда для меня драгоцѣннаго пріязненнаго Вашего расположенія, прошу принять и пр.

Баронъ Модестъ Корфъ.

С.-Петербургъ,
13/25 Декабря 1852 г.

Нумера изъ Юнгмановой Исторіи, которые нужны для И. П. Библіотеки:

IV. 655. Ondřeje Modestina Cesta Moskwanská (Если только не рукопись, а книга печатная).
„ 406. List odpowědací od J. M. krále polského Mozkowi... 158[illegible].
„ 401. Jisté nowiny z země litewské... 1564.
„ 410. Wypsání historické a prawdiwé... (о Димитріи), 1605.
„ 648. Wypsání krajin etc. (1602 г.).
VI. 121. Possart, Lehrbuch der slawischen Sprachen (приписка В. Ганки: nevyšla).
„ 73. b) Dobrowski, Bildsamkeit der slawischen Sprache... 179[illegible].
„ 553. b) Cyrillo-Methodiada.
„ 11. Bernolák: a) Dissertatio philologocritica de literis Slavorum. 1787.
„ 101. Elementa universalis linguæ slavicæ... J. Herkel. Budæ. 1825.
„ 424. d) Hymnus na J. M. C. Alexandra I. Wojt. Sedláčka. W Plzni. 1823.
„ 874. Bačkora Jos., Iw. Wyžihýn. Powidka od Th. Bulgarina. 1842.
„ 1071. Šafarika, Národopis (Изд. 1849 у насъ есть).
„ 294. d) Čelakowského, Ohlas písní ruských. 1829.
„ 1052. Beňowského... příhody. 1808.
„ 907. Zap, Taras Bulba. M. Gógola, Zabawné spisy. Sw. I. 1846.

VI. 994. Cesta z Moskwy... изд. Rulika. 1800.

Сверхъ сего нѣтъ еще у насъ:

Hanka v. Hankenstein. Recension der ältesten Urkunde der Slavischen Kirchengeschichte etc. Ofen. 1804.

Šafařik. Slowanské Starožitnosti. W Praze, 1837. 6 Tom. (2-е изданіе, Poznań, 1842—44, у насъ есть, но не знаю, полное ли, ибо только 2 тома).

„ Památky dřevního pisemnictví Jiho-Slovanův, Praha, 1851.

„ Geschichte der Slavischen Sprache u. Litteratur nach allen Mundarten. Ofen, 1826.

„ Kurze Uebersicht der ältesten Kirchenslavischen Litteratur. Leipzig, 1848.

11.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Gířího z Drachowa Cestu z Moskvy do Číny я наконецъ нашелъ, но Шафарика Gesch. d. Slav. Lit. и его же Starožitnosti slov. никакимъ образомъ не могъ и, желая искренно удовлетворить Вашимъ требованіямъ, посылаю свой экземпляръ.

Dobrovský, Bildsamk., 20 kr. Dobr. Kritische Versuche I. II. III.
Его же, Cyrill und Method. Его же, Mährische Legende, 2 f. c. m.
Его же, Reise nach Schweden und Russl., 30 kr. Štulc, Sv. Cyrill i Method, 20 kr. Переводы изъ русскаго: Bulharina, Příhody franc. vychovatele v Rusích, 10 kr. Tomička, Světozor, Kaukaz, 16 kr.

Переводили бъ мои слушатели съ русскаго очень рады, но у насъ Русская книга рѣдка. Чего у меня нѣтъ, того имъ нельзя получать, ибо у нашихъ книгопродавцевъ ничего такого въ лавкахъ нѣтъ, и выпишемъ ли у нихъ, то должны ждать годъ и болѣе и платить втрое напечатанной цѣны. Большая часть переводовъ съ Русскаго въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ: такъ есть въ Časopise Českého Musea, въ Цвѣтахъ, въ Веснѣ, въ Люмирѣ и т. п. Полный переводъ Мертвыхъ душъ въ Народныхъ Новинахъ.

Кажется, что въ Погодиновомъ собраніи ужъ все находится, ибо изъ моей посл. росписи не изволили ничего назначить.

Прилагаемые нумера Živy прошу покорнѣйше опять послать милостиво Его Сіятельству Мин. Народнаго Просвѣщенія.

Въ Остромировомъ Евангеліи пропустилъ наборщикъ Лук. XXIV, 13—36, и извольте развернуть роспись большаго изданія и убѣдитесь, что виноватъ Александръ Христофоровичъ, потому я, увидѣвъ ошибку, казалъ это перепечатать и теперь покорнѣйше прошу послать милостиво, куда слѣдуетъ.

(Безъ даты. Съ черновика).

12.

М. И. Д.

Управленіе
Императорской Публичной Библіотеки
и
Румянцовскаго Музеума.
3 Января 1853 года.
№ 6.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,
Вячеславъ Вячеславовичъ!

Получивъ доставленныя Вами для Императорской Публичной Библіотеки книги, я пріятнымъ долгомъ считаю изъявить Вамъ, Милостивый Государь, отъ лица нашего книгохранилища, искреннюю признательность за постоянное къ нему вниманіе и содѣйствіе къ его обогащенію.

Вмѣстѣ съ симъ честь имѣю увѣдомить Васъ, что, въ исполненіе желанія Вашего, я подносилъ чрезъ Министра Императорскаго Двора Государю Императору и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государю Наслѣднику Цесаревичу и Государю Великому Князю Константину Николаевичу по экземпляру изданной Вами Краледворской рукописи, и что Его Величество, принявъ благосклонно поднесенный ему экземпляръ сего изданія, Всемилостивѣйше изъявляетъ Вамъ за то Высочайшую благодарность.

Баронъ М. Корфъ.

Г. Профессору В. В. Ганкѣ.

13.

Письмо Ваше отъ 15/27 января, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичъ, я имѣлъ честь получить со всѣми книгами и снова обязываюсь принести искреннюю признательность и мою и Библіотеки, какъ за щедрыя и постоянныя Ваши приношенія, такъ и за трудъ, который Вы изволили принять и обѣщаете еще продолжать въ отысканіи нужныхъ намъ книгъ. Всѣ Ваши порученія я и на этотъ разъ исполнилъ, но извините, если осмѣлюсь изъяснить предъ Вами по этому случаю одну убѣдительнѣйшую просьбу. Публичная наша Библіотека свободна и отъ цензуры и отъ таможенныхъ пошлинъ; но какъ отъ послѣднихъ никто другой у насъ не изъятъ, а первая очень строга, то я постоянно держусь правила: если въ ящикахъ, Библіотекою получаемыхъ, окажется что-либо, слѣдующее или принадлежащее другимъ, тот-

асъ отсылать оное въ таможню, котораю уже распоряжается о пошлинахъ и о цензурѣ. Иначе я и поступать не могу, не подвергнувъ себя строгой отвѣтственности, и если, изъ личнаго къ Вамъ уваженія, не исполнялъ сего съ Вашими посторонними посылками, то только на свой страхъ. Я не сомнѣваюсь, что Вы изволите легко понять и оцѣнить трудность моего положенія въ такихъ случаяхъ, и потому благоволите въ ящики, адресуемые Библіотекѣ, не влагать впредь ничего для *другихъ* лицъ, и меня великодушно извинить за эту просьбу, къ которой я вынуждаюсь единственно силою обстоятельствъ.

Ваше изданіе Остромірова Евангелія прекрасно и истинно меня порадовало. Жалѣю, что Вы не видите теперь подлинника въ новомъ, великолѣпномъ его облаченіи.

О высылкѣ къ Вамъ денегъ по послѣдней фактурѣ я сдѣлалъ уже распоряженіе, а для составленія первой, такъ какъ Вы потеряли списокъ, имѣю честь возвратить у сего собственное Ваше письмо, въ которомъ означены всѣ заглавія. Тутъ только надо еще прибавить цѣну за fac-simile для Гваньиніевской хроники.

Ожидая съ нетерпѣніемъ извѣстій о дальнѣйшихъ Вашихъ поискахъ для нашего собранія и поручая себя продолженію Славянски-родственнаго Вашего къ намъ расположенія, прошу принять увѣреніе и пр. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
16/28 февраля 1853 г.

14.

М. И. Д.

Управленіе
Императорской Публичной Библіотеки
и
Румянцовскаго Музеума.
18 Февраля 1853 года.
№ 160.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,
Вячеславъ Вячеславовичъ!

За доставленныя Вами для Императорской Публичной Библіотеки, при письмѣ отъ 15/27 января, купленныя и въ даръ назначенныя книги пріятнымъ долгомъ считаю принесть Вамъ, Милостивый Государь, искреннюю благодарность, отъ лица нашего отечественнаго книгохранилища, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдо-

ть, искрен
ого Отчета,
ъ вопросамъ

. Слѣдованіи
у, въ Полоцкѣ
но о немъ не
е и прежде зна
ся еще и въ дру
ано нельзя было
ни весьма рѣдкихъ
етѣ.
Вами мнѣ прислан
іотекѣ нашей нѣтъ,
виненіяхъ мы не на
Вашему описанію, съ
итъ къ Московскимъ
ло 1640—1655 годовъ,
я въ Библіотекѣ въ

ина премного благо
е дошла, Г. Шимун
юритъ, что ее ото
когда она до насъ
почта, и Библіо-
съ нимъ издерж
сылаемое, будетъ

кзаметровъ очень
ношу искреннѣй

ета совершенно
ю жизнь и мое
тъ вполнѣ подъ
сбанія въ выбо-
[illegible]; но еще
'u bien!
зъ въ
здѣсь

мить, что 6 экземпляровъ изданнаго Вами Остромірова Евангелія были подносимы мною, чрезъ Министра Императорскаго Двора, Государю Императору и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ: Государю Наслѣднику Цесаревичу и Государямъ Великимъ Князьямъ Константину, Николаю и Михаилу Николаевичамъ и Государынѣ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Нынѣ Министръ Императорскаго Двора далъ мнѣ знать, что Его Величество, Государь Императоръ, принявъ благосклонно изданіе Ваше, Всемилостивѣйше повелѣть мнѣ соизволилъ: изъявить Вамъ за сіе приношеніе Высочайшую благодарность.

Симъ исполняя таковую Высочайшую волю, прошу принять и пр. Баронъ М. Корфъ.

15.

Крѣпко замедлилъ я этотъ разъ, М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ, отвѣтомъ моимъ на почтеннѣйшее Ваше письмо и усердно прошу въ томъ извиненія. Причиною сему семейныя заботы — у меня очень были нездоровы жена и дѣти — и вмѣстѣ многочисленныя служебныя хлопоты: ибо, къ сожалѣнію, дѣятельность моя отнюдь не принадлежитъ вся Библіотекѣ, составляющей для меня, болѣе, пріятное развлеченіе между множествомъ важнѣйшаго и серьознѣйшаго по дѣламъ Государственнымъ. Чтобы хотя нѣсколько исправить мое замедленіе, спѣшу представить Вамъ у сего мой Отчетъ за 1852-й годъ, только что вышедшій изъ печати. Вы увидите въ немъ, между прочимъ, общій взглядъ на *древлехранилище* Погодина, которое Вамъ столь многимъ обязано, и разныя другія, какъ смѣю думать, довольно любопытныя подробности. Примите же это съ обыкновенною Вашею снисходительностію къ нашимъ молодымъ трудамъ и удостойте меня отзыва о томъ, какъ Вы остались довольны нашими, если не искусными, то усердными и патріотическими начинаніями.

На дняхъ Вы получите долгъ нашъ за Ваши присылки.

Покорнѣйше прошу не оставлять насъ ими и впредь во всемъ томъ, что относится до Россіи. Съ недѣлю тому назадъ Библіотека получила въ подарокъ Латинскую editio princeps Герберштейна (Вѣна, 1549, in fol.), до такой степени рѣдкую, что ее почти никто не видалъ, и самъ Аделунгъ, въ своей монографіи, описывалъ со словъ другихъ.

Примите и пр. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
2/14 Мая 1853 года.

16.

Принося Вамъ, М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ, искреннюю благодарность за благоволительное принятіе моего Отчета, спѣшу представить Вамъ мои объясненія по Вашимъ вопросамъ и сомнѣніямъ:

1) Акаѳистникъ,—или, говоря точнѣе, часть Слѣдованной Псалтири,—напечатанный Скориною, въ 1525 году, въ Полоцкѣ, точно поступилъ къ намъ отъ М. П. Погодина; но о немъ не упомянуто потому, что въ Библіотекѣ было уже и прежде два его экземпляра, и что сверхъ того, онъ находится еще и въ другихъ собраніяхъ у насъ въ Россіи. Слѣдственно нельзя было помѣстить его въ разрядъ ни единственныхъ, ни весьма рѣдкихъ книгъ, которыхъ заглавія помѣщены въ Отчетѣ.

2) Молитвослова, котораго два листка, Вами мнѣ присланные, имѣю честь у сего возвратить, въ Библіотекѣ нашей нѣтъ, равно и въ нашихъ библіографическихъ сочиненіяхъ мы не нашли ни одного молитвослова, сходнаго по Вашему описанію, съ этимъ; судя же по шрифту, онъ принадлежитъ къ Московскимъ изданіямъ и, вѣроятно, былъ напечатанъ около 1640—1655 годовъ.

3) Букварь Бурцова, 1637 г., имѣется въ Библіотекѣ въ двухъ экземплярахъ.

4) За пріисканіе рецензіи Ганкенштейна премного благодарю; но къ сожалѣнію, она до насъ еще не дошла; Г. Шимунка я имѣлъ удовольствіе видѣть, но онъ говоритъ, что ее отобрали у него на границѣ, и Богъ знаетъ, когда она до насъ дойдетъ: надежнѣйшій путь все же остается — почта, и Библіотека нисколько не отяготится сопряженными съ нимъ издержками, въ увѣренности, что тогда все, ей присылаемое, будетъ доходить вѣрно и скоро.

5) Снимокъ съ древнѣйшихъ Вашихъ гекзаметровъ очень любопытенъ, и за сообщеніе его я также приношу искреннѣйшую благодарность.

6) Замѣчаніе Ваше о форматѣ нашего Отчета совершенно справедливо, и обѣщаю, если Богъ продлитъ мою жизнь и мое управленіе Библіотекою, что будущіе Отчеты будутъ вполнѣ подъ мѣрку послѣдняго. Разница произошла отъ колебанія въ выборѣ форматовъ и бумаги и отъ желанія сдѣлать лучше; но еще Наполеонъ (т. е. I-й) сказалъ, que le mieux est l'ennemi du bien!

Окончивъ симъ мои отвѣты, изложенные на сей разъ въ приказной формѣ, по пунктамъ, смѣю еще присовокупить здѣсь означеніе имѣющихся у насъ въ виду, но не находящихся на

лицо въ Библіотекѣ нѣкоторыхъ сочиненій. Можетъ быть, будетъ Ваша милость оглянуться, нельзя ли ихъ гдѣ-нибудь найти и пріобрѣсти для насъ:

Balugyansky. Ode od Alexandrum Russor. Imperatorem. Magno-Varadini, 1804.

Bulharin. Iwan Wyžihýn. Powídka. Praha, 1842. 4.

Bunt Haydamaków na Ukrainie. Poznań, 1842.

Čelakowski. Odgłos pieśni ruskich. Poznań, 1849.

Holly. Cirillo-Metodiada. W Budíně, 1835.

Kollár. Gmenoslow čili Slowník osobných gmen. W Budíně, 1828.

„ Sláwa Bohyně... W Pešti, 1839.

Lanossowitz. Einleitung zur Slavon. Sprachlehre. Essek, 1778. Id. Budin, 1795.

Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slav. Sprachen. Wien, 1852.

Milowuk. Namenlexicon der Slaven. Ofen, 1828.

Nagi. Taedae nuptiales Seren. Josephi et Alexandræ Austriæ et Russiæ Principum. S. l. 1800.

Norow. Putování po sw. zemí... Praga, 1851.

Šafařik. Slowanské starožitnosti. W Praze, 1837. 6 Tom.

Šumawský. Myšlenky o všeslovanském pisemném jazyce. W Praze, 1851.

Wuk Stefanowić. Dodatak k S. Peterburgskim sravnitelnim riečnicima. Beč, 1822. 4°.

Wypsání histor. a prawdiwé, kterak skrze přediwné působení Boží... Weliké kníže w Moskewských zemích jménem Demetrius jakož to prawý dědic po Janowi Basiliowi welikém knížeti Mozk. pozůstalý otcowského králowstwí swého dosáhl... W Praze, 1606. 4°.

Препоручая этотъ новый списокъ въ обязательное Ваше посредничество, а себя въ драгоцѣнное для меня, благосклонное Ваше расположеніе, покорно прошу принять увѣренія и пр.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
3/15 Іюня 1853 года.

17.

Примите вновь, М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ, всю искреннюю мою благодарность за постоянное и радушное Ваше содѣйствіе цѣлямъ Библіотеки нашей. Присланныя Вами книги получены, а другихъ, еще Вами обѣщаемыхъ, будемъ ожидать, надѣясь, что между тѣмъ найдутся и другія, какъ-то: Балугьянскій, Наги, Ланассовичъ, Бунтъ Гайдамаковъ и пр.

Шафарика Slovanské starožitnosti мы уже имѣемъ по Вашей милости, и потому другаго экземпляра намъ не нужно.

Въ Мюнхенскомъ молитвенникѣ тоже надобности не встрѣчается, ибо у насъ безчисленное множество вещей въ этомъ родѣ.

Каталогъ Butscha я получилъ отъ самого хозяина; намъ недоставало изъ него только три или четыре пьесы, но и тѣ, хотя заказъ мой былъ сдѣланъ заблаговременно, оказались уже проданными.

Вы ошибаетесь, предполагая, что видѣли меня съ Балугьянскимъ въ Вѣнѣ у Д. П. Татищева. Я былъ въ Вѣнѣ два раза, но Балугьянскаго въ то время тамъ не было. Я имѣю до сихъ поръ удовольствіе и честь знать Васъ только по постояннымъ одолженіямъ Вашимъ Библіотекѣ и—по Вашему портрету, который виситъ у меня въ кабинетѣ.

Мнѣ истинно пріятно было бы, еслибъ я могъ исполнить какія либо Ваши порученія; но не знаю, чѣмъ могу Вамъ отсюда служить. Наставьте меня и будьте увѣрены, что я приложу все стараніе сдѣлать Вамъ угодное, а между тѣмъ благоволите принять возобновленное свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
30 Іюля/11 Августа 1853 г.

18.

Ваше Превосходительство, М. Г.[1])!

Здѣсь живущая вдова Гердиборская, урожд. баронесса Видмеръ, показывала мнѣ отрывокъ письма императора Глыцерія къ Острогоѳскому вождю Видимеру съ 473 г., и она, какъ послѣдня отрасль упомянутаго баронскаго дома, желаетъ сію грамоту уступить за цѣну, какую ей знатоки-палеографы назначатъ. Она прилагаетъ при семъ гравированный снимокъ сего документа и рукописныя древнія извѣстія объ этомъ, съ просьбою, что еслибъ его не купили, ей все какъ возможно поскорѣе возвратить. Я къ этому прибавилъ еще заглавія относящихся къ тому разсужденій барона Аретина и барона Икштета, которыя безъ сомнѣнія находятся въ Императ. Публ. библіотекѣ.

Оды покойнаго Михаила Андреевича Балугьянскаго не могу получить ни изъ Венгріи, и у насъ ей совсѣмъ не бывало; можетъ-быть есть еще экземпляры у вдовы или у сына. Они меня сего лѣта посѣтили, какъ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ, но въ разговорѣ о другихъ вещахъ я не успѣлъ ихъ спросить про оду. Вмѣсто того прибавлю Пѣснь или лучше сказать Строфу, которую научились и хотѣли пѣть по мелодіи Львова 30 ап-

[1]) Сообщено П. А. Поповымъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс., 1881, кн. 1-ая.

рѣля / 12 мая прошлаго года при высочайшемъ пріѣздѣ Его Императорскаго Величества черезъ Прагу на станціи желѣзной дороги, но имъ отказали [1]).

На дняхъ я издалъ православную Божественную службу глаголическими буквами, чтобъ привести въ память этотъ почти забвенный почеркъ славянской древности, а потому что такими буквами очень рѣдко печатается, то сказалъ напечатать три экземпляра на пергаминѣ, изъ которыхъ одинъ прошу покорнѣйше милостиво принять въ Императорскую Публичную библіотеку.

Къ переводамъ чешскимъ изъ русскаго посылаю: Hrabĕte Sollohuba Tarantas, и въ отдѣленіе Кириловскими буквами: Кратко-христіанское наставленіе Натанаила Стоянова, Прага, 1853 года, и на славянское языкословіе: Frant. Lat. Čelakovského Čtení o srovnávací mluvnici Slovanské na universitě pražské. U Praze, 1853 г. Экземпляръ на лучшей бумагѣ.

Съ чувствомъ наиглубочайшаго почтенія и пр.

Вячеславъ Ганка.

Прага,
7/19 октября 1853 г.

19.

М. И. Д.

Управленіе
Императорской Публичной Библіотеки
и
Румянцовскаго Музеума.
23 Марта 1854 года.
№ 295.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,
Вячеславъ Вячеславовичъ!

По полученіи почтеннѣйшаго письма Вашего отъ 29 Ноября / 11 Декабря я сносился съ Тайнымъ Совѣтникомъ Норовымъ о доставленіи въ Императорскую Публичную Библіотеку не по-

[1]) Это была сочиненная Ганкою: „Píseň k slavnému přivítání Jeho Veličestva Nikolaje I, Cisare ruského, krále polského a t. d. Dne 12 máje 1852 v Praze":

„Vítej nám do Prahy,
Příteli dávný
Krále našeho, ha vítej nám!
Přisels na pomoc sám
Vítězoslavný:
A pohroma vrazila na vrahy".

Мы нашли текстъ ея въ черновыхъ бумагахъ Ганки.

лученной въ оной „Божественной службы", напечатанной въ Прагѣ, на пергаминѣ, глаголическими буквами, и снимка съ письма Императора Глицерія, принадлежащаго Г-жѣ Гердиборской, что все уже и доставлено ко мнѣ. Принося Вамъ, Милостивый Государь, отъ лица Императорской Публичной Библіотеки, искреннюю признательность за новый ей даръ, честь имѣю препроводить у сего къ Вамъ упомянутый литографированный списокъ письма Глицерія съ принадлежащими къ нему пояснительными рукописями, такъ какъ пріобрѣтеніе онаго не можетъ быть полезно для Библіотеки. Что же касается до 2 и 3 нумеровъ журнала Živa, то они не были получены ни въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Примите и пр. Баронъ М. Корфъ.

В. В. Ганкѣ.

20.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Пріятнымъ себѣ долгомъ поставляю принести Вамъ искреннюю благодарность за вновь присланные Публичной Библіотекѣ подарки. Мы давно уже считаемъ Васъ въ числѣ самыхъ щедрыхъ нашихъ благотворителей, и имя Ваше внесено, въ числѣ таковыхъ, въ книгу, которая, по волѣ нашего Государя, учреждена нынче въ Б—кѣ и выложена на виду для всей публики. Надѣюсь, что и Вы изволили уже получить послѣдній мой отчетъ: онъ, по Вашему совѣту, изданъ въ такомъ же форматѣ, какъ прошлогодній; впрочемъ и отчету за 1851-ый годъ легко дать тотъ-же форматъ, приказавъ переплетчику обрѣзать поля.

Съ живымъ удовольствіемъ исполнилъ бы я желаніе Ваше касательно опредѣленія рекомендуемаго Вами молодого человѣка, еслибы тому не представлялись два препятствія. Съ одной стороны теперь такъ затрудненъ впускъ въ Россію иностранцевъ, что трудности равняются почти совершенному запрещенію. Но если-бы это препятствіе и можно еще было одолѣть, то остается другое, почти важнѣйшее: то, что въ Б—кѣ нѣтъ рѣшительно ни одной вакансіи, а между тѣмъ есть уже съ полдюжины своихъ кандидатовъ, которымъ давнымъ-давно обѣщаны мѣста, *когда они откроются*, срокъ и возможность чего остаются весьма проблематическими. Душевно сожалѣю, что я такимъ образомъ лишенъ средствъ исполнить Вашу просьбу.

Письмо Ваше надписано 6/18 мартомъ, а я получилъ его — только три дня тому назадъ! Отъ чего это происходитъ, когда даже изъ Парижа письма приходятъ сюда на 8-й день?

Раздѣляя надежды Ваши, что и Б—ка наша и та прекрасная столица, въ которой она хранится, будутъ ограждены, Божіимъ Промысломъ, отъ всѣхъ „Нетопирей" въ мірѣ, остаюсь искренно Вамъ преданнымъ и сердечно уважающимъ

Баронъ М. Корфъ.

11-го Апрѣля А. С. Норовъ утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, а я всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники — высшую, какая есть у насъ, гражданскую степень. Добрый и великій Государь нашъ, котораго мы тѣмъ болѣе обожаемъ, чѣмъ болѣе хулитъ Его запад, и среди неисчетныхъ теперешнихъ своихъ заботъ находитъ время припоминать слабыя наши заслуги.

С.-Петербургъ,
29 Апрѣля / 11 Мая 1854 года.

21.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Не знаю, дошелъ ли до Васъ отчетъ мой за 1853-й годъ, который я отправилъ мѣсяца три тому назадъ: теперь же имѣю честь представить прилагаемую маленькую брошюрку, въ доказательство, что, хотя inter arma silent leges, а отчасти и литература, но тѣмъ не менѣе мы не перестаемъ, среди всѣхъ политическихъ тревогъ, воздѣлывать библіографическое поле, по крайней мѣрѣ сколько позволяютъ то другія, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе скопляющіяся, важныя занятія мои.

Благоволите принять искреннюю благодарность за присланныя черезъ А. С. Норова Библіотекѣ нашей книги. Въ ней много памятниковъ пріязненнаго Вашего расположенія, и я почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ Вы дали и мнѣ случай сдѣлать что-либо Вамъ угодное. Между тѣмъ беру смѣлость вновь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, а именно объ оказаніи намъ благосклоннаго содѣйствія къ пріобрѣтенію книгъ, въ приложенномъ здѣсь спискѣ означенныхъ. Вы ближе нашего къ источникамъ и, по литературнымъ Вашимъ связямъ и вліянію, скорѣе и легче можете найти то, чего никакому книгопродавцу не удалось бы открыть. Книги эти я просилъ бы покорнѣйше прислать *по почтѣ на имя Библіотеки*, а фактуру, *отдѣльно, на мое имя*, и мы тотчасъ вышлемъ деньги, слѣдующія

и за книги и за почтовый транспортъ. Мнѣ не нужно прибавлять, сколько Вы симъ снова обяжете Библіотеку и меня. Вамъ вѣрно уже извѣстно, что почтенный нашъ А. С. Норовъ утвержденъ, въ Пасху, Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и, можетъ быть, не непріятно будетъ узнать, что я, въ тотъ же день, всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники,—высшій у насъ гражданскій чинъ, съ которымъ сопряженъ титулъ высокопревосходительства.

Баронъ М. Корфъ.

Вы знаете, какую величайшую библіографическую рѣдкость составляютъ теперь *первыя* русскія газеты, выходившія въ Москвѣ, церковнымъ шрифтомъ, въ 1703-мъ году. *Полныхъ* экземпляровъ (въ Библіотекѣ ихъ два) нынче нигдѣ уже достать невозможно, а если собирать отдѣльными нумерами, то весь годъ не обойдется никакъ менѣе 500 р. Это рѣшило меня отпечатать съ нихъ fac-simile, который будетъ поднесенъ Московскому Университету при торжествѣ его юбилея въ январѣ 1855-го года. Въ свое время я буду имѣть честь доставить экземпляръ и Вамъ. Тутъ не только рѣдкость, но и содержаніе чрезвычайно любопытно.

Не вышло ли у Васъ, или на другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, чего либо въ отношеніи восточнаго вопроса, нынѣшней войны и вообще современныхъ политическихъ обстоятельствъ? Намъ каждая брошюрка, каждый листокъ по сему предмету бываютъ очень желательны, даже если это только и переводы съ нѣмецкаго, французскаго или англійск. Еще нѣтъ у насъ: List odpowědací od G. M. Krále Polského Moskowi mrzutému nepříteli a tyranu, skrze jednoho předního zemana etc. W Praze, 1580, 4°.

С.-Петербургъ,
17/29 Августа 1854 г.

22.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Имѣвъ честь вчера только получить письмо Ваше отъ 1/13 октября, поспѣшаю сегодня же принести личную мою и отъ имени нашей Библіотеки благодарность за новый щедрый ей даръ. Слѣдующія, за купленныя для нея книги, деньги будутъ въ слѣдъ за симъ отправлены, вмѣстѣ съ причитающимися еще по прежнему небольшому счету. Къ сожалѣнію, между вновь купленными книгами самая большая часть такихъ, которыя уже у насъ

есть, и очень мало тѣхъ, которыя были означены въ моемъ рѣестрѣ. Вѣроятно, и у Васъ ихъ трудно найти. Что же касается до брошурокъ новаго времени, то тутъ произошло недоразумѣніе: я просилъ только такихъ, которыя являются или явились о восточномъ вопросѣ и вообще о нынѣшней войнѣ *на Чешскомъ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ*, а Нѣмецкія *всѣ* уже у насъ есть, и мы получаемъ ихъ другимъ путемъ.

Весьма радуюсь, что Вы довольны и нашимъ Отчетомъ и начатыми библіографическими отрывками. При всѣхъ внѣшнихъ смутахъ, у насъ въ Россіи, благодаря огромности ея средствъ и мудрости Монарха, *ничто* не остановилось, и наше отечество продолжаетъ идти быстрыми шагами по пути развитія и просвѣщенія, не смотря на возгласы и клеветы нашихъ враговъ. Каждый же изъ насъ, кто не можетъ жертвовать своею жизнію на полѣ брани, старается еще болѣе усилить свою дѣятельность во ввѣренномъ ему кругу, въ чемъ мы и полагаемъ нашъ патріотизмъ.

Если Вамъ угодно будетъ пріобрѣсти для насъ предлагаемые Memorabiles aliquot Eventus etc.: Excussi a. MDXCVI, то весьма насъ обяжете, но Verus et primus pastor, von Czar Yelim Ivanovitz, въ Библіотекѣ уже есть.

Časopis českého Museum у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, и полный его экземпляръ съ самаго начала изданія былъ бы, несомнѣнно, весьма драгоцѣннымъ даромъ для Библіотеки.

Я смѣлъ бы еще покорнѣйше просить купить для насъ, если представится случай достать антикварнымъ образомъ *дешево*, но *только въ этомъ* случаѣ, слѣдующія Пражскія изданія:

Jungmanna Josefa, Slownik Česko-německý.
Palacký, Archiw český čili staré pjsemné památky české i morawské.
Konečný, Ouplný kapesní Slownik čechoslowanského a německého jazyka.

Пакеты въ Министерство Народнаго Просвѣщенія будутъ отправлены по принадлежности.

Поручая себя и нашу Библіотеку, по прежнему, продолженію добраго Вашего расположенія, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
30 Октября / 11 Ноября 1854 г.

23.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Мы находились это время въ одинаковомъ съ Вами положеніи. Вы ожидали, по моему письму, присылки денегъ, а я, по Вашей фактурѣ, присылки означенныхъ въ ней книгъ: ибо въ полученномъ отъ Васъ въ прошломъ октябрѣ пакетѣ оказалось далеко не все, что было исчислено въ фактурѣ. Чего же именно недоставало, Вы изволите увидѣть изъ прилагаемаго у сего реестра. Этихъ недостававшихъ тогда книгъ я и до сихъ поръ не получилъ и, если Вы, можетъ быть, не забыли сами вложить ихъ въ пакетъ, то не понимаю, гдѣ онѣ остались. Благоволите приказать о семъ справиться и меня увѣдомить. Между тѣмъ, чтобы привести въ порядокъ наши денежныя дѣла и не казаться намъ передъ Вами въ неисправныхъ должникахъ, я покорнѣйше просилъ бы Васъ доставить мнѣ *неотложно* полную и самую точную фактуру о всемъ томъ, за что нами до сихъ поръ Вамъ не заплачено, и что Вы на насъ считаете въ долгу. Но какъ, при теперешнемъ счетѣ въ Австрійскихъ владѣніяхъ на ассигнаціи и на монету, никто здѣсь хорошенько его не понимаетъ, то нельзя ли Ваши гульдены и крейцеры переложить на прусскіе талеры и гроши, и тогда, по полученіи такой полной и *опредѣлительной* фактуры, не оставляющей уже никакого мѣста къ сомнѣніямъ, Библіотека поспѣшитъ тотчасъ заплатить *весь* свой долгъ. Безъ этого, въ настоящемъ положеніи дѣла, когда нѣкоторыя изъ показанныхъ въ фактурахъ книгъ совсѣмъ до насъ не дошли, и самыя фактуры, составленныя на разнообразный счетъ, никѣмъ не подписаны, мы находимся, при всей готовности, въ невозможности платить; по русскому выраженію: копѣйка счетъ любитъ!

Принося Вамъ искреннюю благодарность за новыя присылки, не могу разумѣться, отъ чего происходитъ у Васъ затрудненіе въ отправленіи книгъ? Мы получаемъ ихъ всякій день, со всѣхъ концовъ міра, и лучшій путь есть просто по почтѣ, съ адрессомъ: An die Kaiserliche Oeffentliche Bibliothek, zu St. Petersburg: тогда всѣ отправленныя книги приходятъ къ намъ (разумѣется, съ обращеніемъ почтовыхъ издержекъ на нашъ счетъ) скоро, вѣрно, безъ таможни и безъ цензуры — по привиллегіи Библіотеки. Но если Вы желаете, то вотъ еще другой путь. Книгопродавецъ H. W. Schmidt zu Halle a./S. всякую недѣлю отправляетъ къ намъ тюки, и назначаемое Вами для Библіотеки Вы можете только отослать къ нему въ Галле, съ приказаніемъ пе-

реслать къ намъ, и онъ тотчасъ сіе исполнитъ. А какъ сгараю я нетерпѣливымъ желаніемъ имѣть поскорѣе въ своихъ рукахъ, хотя бы и за дорогія деньги, ту книгу, о которой я имѣлъ уже честь Вамъ писать, именно вышедшую въ Прагѣ въ 1606-мъ году: „Wypsání histor. a prawdiwé kterak... Demetrius... Králowství swého dosáhl!"

На дняхъ я буду имѣть удовольствіе представить Вамъ большую рѣдкость, которая обращена нами теперь въ вещь довольно обыкновенную. Это *первыя* русскія газеты 1703 года, которыхъ въ настоящее время извѣстно только *два* полныхъ экземпляра, принадлежащіе оба Публичной Библіотекѣ. Теперь по случаю столѣтняго юбилея Московскаго Университета, Библіотека поднесла ему перепечатку этихъ газетъ, съ предисловіемъ, указателями, fac-simile и пр., и экземпляръ нашей перепечатки я именно Вамъ и пришлю [1]). Вы изволите видѣть, что и среди всѣхъ бурь военныхъ мы не прекращаемъ нашей дѣятельности.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи скораго отъ Васъ отвѣта, покорнѣйше прошу принять свидѣтельство искренняго моего уваженія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
29 Января / 10 Февраля 1855 г.

24.

Горестное событіе, поразившее Россію, замедлило нѣсколько отвѣтъ мой на послѣднія Ваши письма, М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ. Я оплакиваю усопшаго не только какъ величайшаго изъ Монарховъ, мужа крѣпости и силы въ настоящую эпоху

[1]) „Перепечатка первыхъ русскихъ вѣдомостей 1703 года, уцѣлѣвшихъ всего лишь въ двухъ полныхъ экземплярахъ, принадлежащихъ Имп Публ. Библ., произведенная изъ строки въ строку, въ одинаковомъ съ подлинникомъ форматѣ и тѣмъ же церковнославянскимъ шрифтомъ, съ ученымъ и весьма любопытнымъ предисловіемъ библіотекаря Бычкова, была посвящена Библіотекою Московскому Университету ко дню его вѣкового юбилея, въ 1855-омъ году, и до такой степени привлекла вниманіе публики, что изъ 600 экземпляровъ, въ которыхъ она была отпечатана, черезъ нѣсколько недѣль уже ни одного болѣе не оставалось въ продажѣ". См. Десятилѣтіе Имп. Публичной Библіотеки (1849—1859), СПБ. 1859, стр. 37.

слабодушія, но и какъ личнаго моего благодѣтеля. Да почіетъ духъ Его въ мирѣ, да благословитъ Всевышній пути Его преемника, котораго мы знали и любили еще при великомъ Его родителѣ, и къ которому стремятся теперь всѣ сердца и всѣ надежды русскихъ.

Денежное наше недоразумѣніе наконецъ вполнѣ прояснилось. Чиновникъ, которому поручено это дѣло въ Библіотекѣ, получивъ общую Вашу фактуру и только *нѣкоторыя* изъ означенныхъ въ ней книгъ, думалъ, что всѣ *прочія* не присланы; но между тѣмъ, по ближайшей справкѣ, оказалось, что эти недостававшія были присланы прежде и дѣйствительно всѣ имѣются на лицо, кромѣ только Чешскаго Архива Палацкаго, который точно не полученъ. За вычетомъ показанныхъ противъ него въ фактурѣ, 15 гульденовъ, остальная сумма составляетъ 33 гульд. 58 кр., которые и будутъ въ слѣдъ за симъ къ Вамъ отправлены. Благоволите увѣдомить меня о полученіи, равно какъ и о томъ, вѣренъ ли этотъ счетъ.

Какъ понравилась Вамъ наша перепечатка Вѣдомостей 1703 года? Здѣсь она такъ полюбилась, что все изданіе, т. е. 600 экземпляровъ, разошлось въ нѣсколько недѣль.

Коменій напечатанъ на русскомъ языкѣ, въ Москвѣ, въ 1768 году и имѣлъ нѣсколько изданій. Онъ показанъ въ Росписи Смирдина № 5937, а имя автора—также въ росписи сочинителей.

Поручая себя продолженію добраго Вашего расположенія, покорно прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
7/19 Марта 1855 года.

25.

Корфу.

Не нахожу словъ къ выраженію чувствъ, какія меня овладѣли, услышавъ сію печальную вѣсть, и еще въ такое время!

Предо всѣмъ позвольте сердечно поблагодарить Васъ за прекрасный подарокъ экземпляра первыхъ русскихъ Вѣдомостей. Для меня это драгоцѣнность въ двое: 1) какъ исторической памятникъ оного времени. 2) какъ памятникъ русскаго языка временъ Петра Великаго.

Отвѣтъ мой на послѣднее письмо Ваше, въ которомъ из-

вѣщаю о древнемъ переводѣ Коменскаго Orbis pictus [1]), Вы получили. Я заказалъ сдѣлать снимокъ одной главы и посылаю оный Г-ну Срезневскому, чтобъ узнать и почеркъ и правописаніе. Онъ находится въ книжкѣ „Obzor", которую я вложилъ въ посылаемый вчера ящикъ въ Императорскую Публичную Библіотеку съ чешско-нѣмецкимъ словаремъ Г. Юнгмана, которой я по Вашему препорученію купилъ за 20 гульд., лавочная цѣна сего сочиненія есть 46 гульд. Въ сей ящикъ я положилъ тоже въ даръ Библіотекѣ свой экземпляръ Časopis českého Mus. съ самаго начала 1827 по 1853 годъ, 123 книжки. Не достаетъ только одной книжки, именно первой 1832, другая, третья и четвертая есть, и какъ скоро и эта появится въ продажѣ (этотъ годъ чрезвычайно рѣдокъ), пришлю и оную. На выполненіе диръ въ ящикъ я всунулъ пакетъ для Имп. Общества С. П-бургскаго сельскаго хозяйства и пакетецъ для Московскаго Общества испытателей Природы и прошу покорнѣйше повелѣть ихъ туда отправить.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ прибавить, что прусскіе талеры у насъ пріятнѣе австрійскихъ гульденовъ. Я бы могъ пріобрести Respublica polonica et de Originibus Pomeranicis M. Christoph. Hartknoch. Francf. 1678, въ которомъ отъ стр. 112—119: de Livonia, и отъ стр. 119—139: de Russia, Moscovia et Lithuania, хорошъ экземпляръ.

(Съ черновика Ганки).

26.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше съ 7/19 Марта, за которымъ пришли тамъ упомянутые 33 гульд. 58 кр. и на дняхъ „Отчетъ Императорской публичной Библіотеки за 1854 годъ". Съ большимъ наслажденіемъ я прочелъ оный и поздравляю Ваше Высокопревосходительство съ такимъ успѣхомъ въ точно такое время, гдѣ музы обыкновенно умолкаютъ.

Въ Отчетѣ помѣщеніе Божественной службы глаголическими буквами между книгами на иностранныхъ языкахъ кажется просмотрѣніемъ, ибо въ ней языкъ чисто-церковно-славянскій. На стр. 52 упомянутую карту на бѣломъ атласѣ просилъ я Михаила Петровича передать Императорской публичной Библіоте-

[1]) Вѣроятно, Ганка имѣетъ здѣсь въ виду русскій переводъ „Orbis pictus", въ рукописи хранящійся въ библіотекѣ Чешскаго Музея (sign. IX. E. 41): „Начало ученія. Учитель, ученикъ бесѣдуетъ. Orbis pictus".

кѣ на мое имя, если бы ей тамъ еще не было. Въ подобномъ случаѣ прошу покорнѣйше меня извѣстить, есть ли тамъ: „Victorieuse Battaille van zyn Czaerse Mayestyd, bevogten tigens de Koning van Sweden voorgevallen by Pultawa den 27 Juny (8 July) 1709", на листѣ, и на другомъ: „Plan de fameuse Battaille donnée aux environs de Poltawa le 27 Juin (8 July) 1709". Послѣ: „Столичной городъ С.-Петербургъ. Елисаветѣ I Всероссійской Императрицѣ Петра Великаго Дщери посвященно", въ самомъ большомъ форматѣ, натянуто на полотнѣ.

Палацкаго Архивъ я послалъ черезъ вѣнское Посольство и не сомнѣваюсь, что онъ уже нынѣ у Васъ. Нѣсколько недѣль послѣ того я отправилъ почтой прямо въ Библіотеку ящикъ съ Словаремъ Юнгманна и вмѣстѣ полный рядъ нашего повременнаго изданія Časopis českého Музеума съ 1827 по 1854 годъ, въ которомъ недоставалось одной книжки съ 1832 года, и которую я, хотя жь она очень рѣдка, имѣлъ счастіе на дняхъ пріобрѣсти и посылаю ее вмѣстѣ съ продолженіемъ сего журнала и лишь только допечатанной важной книгой: „Regesta Bohemiae et Moraviae", 5 пруск. таляр. 20 грошій.

(Съ черновика Ганки).

27.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Все, упомянутое въ почтеннѣйшемъ Вашемъ письмѣ отъ 3/15 мая, благополучно сюда прибыло и за то, что Вамъ угодно было вновь прислать въ даръ нашему книгохранилищу, приношу искреннѣйшую мою благодарность, а за то, чему назначены цѣны, деньги уже ассигнованы къ платежу.

Помѣщеніе въ нашемъ Отчетѣ Божественной службы глаголическими буквами между книгами на *иностранныхъ* языкахъ есть, дѣйствительно, непростительный просмотръ, въ которомъ мы каемся и передъ Вами и передъ цѣлымъ Славянскимъ міромъ, не понимая сами, какъ подобное могло случиться.

Дипломъ Вашъ, о которомъ Вы изволите упоминать, давно уже готовъ; но какъ онъ на пергаментѣ большаго формата, то пересылка его довольно затруднительна. Я, впрочемъ, воспользуюсь для сего первымъ случаемъ. Долго надѣялся я имѣть удовольствіе вручить его Вамъ самъ, располагавъ ѣхать за границу; но продолжающіеся громы войны удерживаютъ меня во всѣхъ отношеніяхъ здѣсь. Если перенесу ихъ живъ и невредимъ, то

непремѣнно самъ буду въ Прагѣ и къ пріятнѣйшимъ цѣлямъ моей поѣздки причту удовольствіе лично познакомиться съ Вами, Милостивый Государь, какъ съ лицомъ, играющимъ столь важную роль въ нашемъ Славянскомъ мірѣ, и къ которому я заочно питаю столь глубокое уваженіе.

Упоминаемыхъ Вами картъ или плановъ въ Библіотекѣ не имѣется, сколько бы они ни были важны и нужны для нашего отечественнаго Отдѣленія, ежедневно возрастающаго Увидимъ ли мы когда-нибудь на его полкахъ ту рѣдкость, за которою я имѣлъ уже честь неоднократно къ Вамъ обращаться: Wypsání histor. a prawdiwé и пр. о царѣ Димитріѣ (т. е. Лжедимитріѣ), напечатанную въ Прагѣ въ 1606-мъ году? Кромѣ Вашихъ краевъ, гдѣ же ее достать можно, а судя по году напечатанія, эта книжка написана если не очевидцемъ, то по крайней мѣрѣ современникомъ и въ семъ отношеніи должна имѣть необыкновенный интересъ.

Въ особенности благодаренъ Вамъ за присланный „Seznam Českých knih". Тутъ открылись разныя вещи для отечественнаго Отдѣленія и другихъ, которыхъ мы еще не имѣемъ. Смѣлъ ли бы я покорнѣйше просить Васъ приказать купить и переслать въ Библіотеку по почтѣ, при фактурѣ, слѣдующія книги:

Стран. 3. Aninka Delarbrová.
„ 10. Biblioteka Zábavného čtení, Svazek 2. Povèsti Ukrajinské; Svaz. 5. Ruská smes; Svaz. 7 a 8. Michal Čarnyšenko.
„ 25. Dejiny národu Českého.
„ 41. Hrabě Beňovský.
„ 50. Kapesní Slovník Podstránského.
„ 69. Laska vystěhovaná.
„ 71. Litevské národní písně.
„ 76. Marie, Povèst ukrajinská.
„ 97. O literní vzájemnosti, Kollára.
„ 99. Otče náš Slovanský ve čtyřech nářečích.
„ 113. Poslední konsul kafský.
„ 122. Provaznik z Petrohradu.
„ 140. Slovník všeslovanský, Šumavského.
„ 161. Vernyhora, vèštec ukrajinský.
„ 171. Zábavné čtení, Díl. 4. Alžběta.
„ 173. Zajatý mezi Čerkesy.
„ 185. Koliština i stepi.

Поручая себя продолженію благопріязненнаго расположенія Вашего, покорнѣйше прошу принять свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
17/29 Іюня 1855 года.

28.

Надпись Ганки: Корфу.

Имѣвъ удовольствіе получить почтенное письмо Ваше съ 17/29 прошлаго іюнья, я старался собрать желаемыя Вами книжки, а Wypsání historické о Лжедимитріѣ не удалось найти до сихъ поръ нигдѣ, хотяже я и въ Моравіи и Венгріи его искалъ, но не упущу о немъ хлопотать.

Сегодня посылаю книги по прилагаемой здѣсь росписи, и при которыхъ не назначено цѣны, это подарокъ.

На дняхъ я прочиталъ забавную книжку, которой заглавіе на карточкѣ сообщаю, не сомнѣваясь, что она и въ Вашемъ кладѣ.

Когда мой дипломъ у Васъ, то я уже доволенъ и желаю очень очень, чтобъ Вамъ возможно было прибыть къ намъ. Я упомянулъ объ этомъ по поводу того, что Вукъ Степановичь два или три года тому назадъ ко мнѣ писалъ, что у него есть что-то врло дугачко и широко, чего не возмутъ на почтѣ. Я къ нему послалъ случайно знакомаго, но ничего не получилъ.

(Съ черновика Ганки).

29.

Bei Gelegenheit des vor kurzem gefeierten Jubiläums der Kaiserlichen Naturforscher Gesellschaft zu Moskau, hat die Kaiserlich Oeffentliche Bibliothek zu St. Petersburg sich veranlasst gesehn den Wiederabdruck eines überaus selten gewordenen Büchleins „Hussoviani de bisonte carmen", in nicht mehr als hundert, nicht für den Buchhandel bestimmten, Exemplaren zu veranstalten, deren eines wir Ihnen beiliegend zum Zeichen freundlicher Gesinnung zu übersenden die Ehre haben.

Baron M. v. Korff,
Direktor der Kaiserlich Oeffentlichen Bibliothek, Mitglied des Reichsraths und Staatssecretair.

An Herrn Dr. Hanka in Prag.

St. Petersburg,
d. 14/26 Februar 1856.

30.

Весьма давно уже не были мы въ перепискѣ, поченнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, и хотя я имѣлъ честь послать Вамъ мой отчетъ за 1856-й годъ, однако и до сихъ поръ не знаю, до-

шелъ ли онъ въ Ваши руки. Между тѣмъ, въ надеждѣ, что Ва[illegible] ше прежнее благоволеніе къ нашей Библіотекѣ и къ ея Дире[illegible] тору не остыло, осмѣливаюсь просить отъ Васъ руку помощ[illegible] къ пріобрѣтенію для насъ слѣдующихъ книгъ:

Веселича (Fröhlich), Riečnik и т. д. Нѣмецко-Иллирскій Словар[illegible] Вѣна 1854, 2 тома.

Янежича, Slovenska Slovnica, v Celovcu. Прага 1854.

Ivana Gundulića, Osman. Загребъ 1854.

Kralodvorski rukopis, въ Верхне-Лужицкомъ переводѣ Смолер Прага 1852.

Сербске народне пјесме, съ Чешскимъ и Польскимъ переводом[illegible] Прага 1852.

Frankl, Gusle, Serbische Nationallieder. Вѣна 1852.

Kapper, Die Gesänge der Serben, 1852.

Челяковскаго, Čtení и т. д. Чтеніе о сравнительной Славянско[illegible] Грамматикѣ. Прага 1853.

Его же, Slowanské národnj pjsně. Díl. I (мы имѣемъ только Díl. I[illegible] вышедшій въ Прагѣ въ 1825-мъ году).

Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia, compilat[illegible] dale Ab. S. Glubich di Citta Vecchia. Vienna 1856.

Когда Вы изволите пріобрѣсти эти книги, которыя въ Пр[illegible] гѣ найдутся, вѣрно, очень легко и скоро, то не угодно ли б[illegible] детъ прислать ихъ въ Библіотеку, *подъ ея адрессомъ* и, разумѣ[illegible] ется, на ея счетъ, *прямо по почтѣ*, а формальную фактуру (он[illegible] требуется отъ насъ контролемъ) доставить особо, также по по[illegible] тѣ *подъ моимъ адрессомъ*, для немедленной уплаты заплаченных[illegible] Вами денегъ.

Еще можетъ быть попались Вамъ, или впредь гдѣ попа[illegible] дутся:

1. Wypsáni historické a prawdiwé и пр. (касательно Царя Димит[illegible] рія), Прага, 1606. 4°.

2. Jisté nowiny z země litewské и т. д. о томъ, что сталось отъ военныхъ людей съ обѣихъ сторонъ, Короля Польскаго и Великаго Кня[illegible] зя Московскаго. Прага 1564. 4°.

3. Nowina jistá a prawdiwá o dobytí znamenitého zámka Polocka... Прага, 1579, 4°.

4. List odpowědací od J. M. Krále polského Mozkowi mrzutému nep[illegible] řiteli a tyranu, skrze jednoho předního zemana... Прага, 1580. 4°.

За эти четыре брошюрки мы готовы бы заплатить большія деньги [1]).

---

[1]) Этихъ брошюръ и въ настоящее время нѣтъ въ богатѣйшемъ собраніи чешскихъ старопечатныхъ книгъ Чешскаго Національнаго Музея. „Wypsání“ (о Димитріи) извѣстно намъ въ единственномъ экземплярѣ библіотеки Пражскаго университета.

Въ надеждѣ на скорый и обязательный съ Вашей стороны отвѣтъ, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
9/21 Августа 1857 г.

31.

М. П. Л.

Управленіе
Императорской Публичной Библіотеки
и
Румянцовскаго Музеума.
3 Декабря 1857 года.
№ 1187.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,
Вячеславъ Вячеславовичъ!

Императорская Публичная Библіотека отпечатала нынѣ, всего въ 50-ти экземплярахъ и не для продажи, книгу сдѣланныхъ въ ея пользу приношеній, которой происхожденіе означено въ ея введеніи.

Вмѣняя себѣ въ пріятный долгъ препроводить къ Вамъ, Милостивый Государь, экземпляръ этой книги, честь имѣю присоединить къ оной экземпляръ „Библіографическаго указателя изданныхъ въ Россіи книгъ, картъ, нотъ, плановъ и прочаго, поступившихъ въ Публичную Библіотеку въ 1856 году".

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Баронъ М. Корфъ.

В. В. Ганкѣ.

32.

Всю эту зиму, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, я, среди утомительнѣйшихъ дѣлъ и заботъ всякаго рода, промучался еще и безпрестанными болѣзнями самыхъ мнѣ близкихъ; одну изъ моихъ дочерей жестокая нервическая горячка приблизила къ дверямъ гроба, другая страдала нервическимъ недугомъ, а наконецъ и бѣдная моя жена также слегла. Вы поймете, слѣдственно, и великодушно извините меня, если я и не благодарилъ Васъ за драгоцѣнный подарокъ втораго изданія Московской хроники

и не отвѣчалъ до сихъ поръ на Ваше письмо отъ 31 декабря. Теперь, благодаря Бога, все у меня оправляется, и я спѣшу исполнить и то и другое.

Желаніе Ваше имѣть фотографированное заглавіе къ Вашему экземпляру Острожской Библіи будетъ непремѣнно исполнено, но позвольте сперва пройти зимѣ; для фотографіи письменъ необходимъ сильный свѣтъ, а наше зимнее солнце очень имъ скупо, и необходимо дождаться весны.

Крайне огорчаюсь клеветами Вашихъ завистниковъ, дошедшими уже и до насъ черезъ газеты, которыя еще возвѣстили и на дняхъ, что готовятся двѣ брошюры въ доказательство подложности Кралодворской рукописи! Любопытно знать, въ чемъ будутъ заключаться ихъ доказательства; съ моей же стороны долгомъ считаю удостовѣрить, что въ случаѣ вопроса нашей Библіотекѣ о производимой Вами мнимой торговлѣ, она не оставитъ торжественно засвидѣтельствовать истину и отдать всю справедливость почтенному труженику науки.

Въ настоящую минуту находится здѣсь соотечественникъ нашъ Севастьяновъ съ своими снимками Аѳонскихъ рукописей, фресковъ, образцовъ и пр. Какъ жаль, что Вы не можете видѣть этихъ драгоцѣнностей!

Возобновляя Вамъ всю душевную мою благодарность за продолжающееся постоянное Ваше участіе къ нашему истинно Всеславянскому книгохранилищу, покорнѣйше прошу принять уверѣніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
3/15 февраля 1859 г.

33.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

По полученіи нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, чрезъ посредство Коллежскаго Совѣтника Д. В. Стасова, назначенныхъ Вами въ даръ оной *двухъ* старопечатныхъ книгъ, я въ пріятный долгъ себѣ вмѣняю изъявить Вамъ, М. Г., отъ имени отечественнаго книгохранилища, искреннюю благодарность за сей новый знакъ вниманія Вашего къ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Примите, М. Г., увѣреніе совершеннаго моего почтенія и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

С.-Петербургъ,
24 Октября/5 Ноября 1859 г.
№ 870.

34.

Hochgeehrtester Herr College,

Der Unterzeichnete erlaubt sich Ihnen hiebei den so eben erschienenen „Wegweiser der Kaiserlich Oeffentlichen Bibliothek" (in Deutscher und Russischer Sprachen) mit der Bitte zu übersenden: die kleine Erinnerungszeichen als einen Beweis seiner besonderen Hochachtung ansehn zu wollen.

Baron M. v. Korff.

Sr. Hochwohlgeboren Hr. Hr. Hanka, zu Prag.

St. Petersburg,
d. 8/20 März 1860.

Ст. Коцianчичъ.

1.

Wohlgeborner, Hochgelehrter Herr!

Der Umstand, dass ich an der Grenze Italien, am äussersten Ende der heutigen Slawensitze wohne, macht, dass ich nur mit schwerer Mühe zu Werken kommen kann, die ich in meiner Lernbegierde stets bei der Hand haben möchte. Ich habe schon zu wiederholten Malen bei unsern hiesigen Buchhändlern kleinern und grössern slawische Werke bestellt, und habe meistens Nichts erhalten! So warte ich schon mehr als ein halbes Jahr vergebens auf 2 Exemplare des kleinen glagolitischen Officium divinium; eben so warte ich auf das Ostromir'sche Evangelium; eine altslowenische Bibel kann ich auch nie zu Gesicht bekommen etc.

Aus diesem Grunde habe ich mir nun die Freiheit genommen, mich unmittelbar an Euer Wohlgeboren, als löblichst bekannten Herausgeber mehrerer wichtiger Schriften, zu wenden, mit der höflichsten Bitte. Euer Wohlgeboren wollen mir vier Exemplare des Ostromir'schen Evangelium, vier Exemplare des Sazavo-emauski evangeli (ich glaube, es heisst so) und zwei d-o des glogol. Officium divinum, gefälligst, mit der Angabe des dafür zu erlegenden Geldbetrages, zu zusenden die Güte haben. Weil ich nicht weiss, wie theuer diese Werke seien, konnte ich nicht gleich jetzt schon das Geld zu schicken. Sobald ich aber es erfahre, werde ich keinen Augenblick zögern, Euer Wohlgeboren den angegebenen Betrag ohne Verzug und mit vielem Danke zu übersenden.

Wollten Euer Wohlgeboren mir auch noch diese Güte erweisen, mir zu sagen, wo ich eine altslowenische Bibel erhalten könnte?

Verzeihen Euer Wohgeb. diese meine vielleicht zu grosse Dreistigkeit, zu der mich der Anfangs erwähnte ungünstige Umstand gezwungen.

In der sichersten Erwartung, dass meine diesfalsige Bitte Erhörung finden wird, verharre ich etc.

Stefan Kociančič,
Professor des Bibelstudiums des alten Bundes und Seminars—Bibliothekar zu Görz (im Illyr. Küstenlande).

Görz,
am 18 Jänner 1854.

2.

Wohlgeborner, Hochgelehrter Herr!

So eben erhielt ich Ihr geschätztestes Schreiben vom 22 d
ses mit der Büchersendung, und beeile mich daher die hier b
gelegten 11 fl. (eilf Gulden Bkn) für dieselben zu übersend de
und unter einem meinen verbindlichsten Dank für die gütige un
alsogleiche Entgegnung meiner Zuschrift vom 18 dieses E ue
Wohlgeboren auszusprechen. Nur diess thut mir leid, dass obw ohl
Ihr Brief ausdrücklich auch 4 Ostromirovo evangelie un d
Božestvennaja služba anführt und verrechnet, ich denn ch
unter den mir zugeschickten Büchern keines von beiden ge-
funden. Im Packe, welches wohl versiegelt und unversehrt von
der hiesigen Post mir zugestellt worden ist, habe ich nämlich
blos gefunden 4 Sazavoemauzskoje evangelie, sammt den
Gratis-Büchern (wofür ich noch ganz vorzüglich danken muss mit
der Versicherung, dass sie ihrer Bestimmung alsogleich zuge-
führt werden), nämlich 4 Pravopis česky, 4 Počatky po-
svatného jazyka, 4 Pravopis ruskočeský, 1 Kralo-
dvorský rukopis, 4 Начала русск. языка und 1 Pře-
hled lit. české (Es besteht bei uns eine über zwölftausend
Bände starke Seminarsbibliothek, worin beinahe gar nichts von
slavischen Werken—von jedem der zugeschickten Werke werde
ich Eines in dieselbe legen). Diese also hier genannten Bücher
habe ich erhalten, nicht aber die andern zwei Anfangs erwähn-
ten. Jedoch schicke ich den ganzen in Ihrem Briefe ausgewiese-
nen Betrag von 10 fl. 30 und habe noch andere 30 fr. hinzuge-

fügt, wofür mir Euer Wohlgeboren nicht zwei, sondern vier Božestv. služba einsenden wollen.

Die baldige Nachsendung der erwähnten Ostrom. Evengelie und der Božestv. služba sicher erwartend verharre ich mit aller Hochachtung

Štefan Kopitar,
Prof. des Bibelstud.

Görz,
am 26 Jänner 1854.

3.

Blagorodni, prepoštovani Gospod!

Evo po daljem molčanji nov list. Najpred se moram serčno zahvaliti za znameniti dar, ki ste ga naši semeniški Knjižnici s predragim listom od 30 ravno preteklega januara poslali.

Vaša Blagorodnost mi je češki list pisala; jaz bi moral tudi češki odgovoriti; ali, akoravno češke knjige in listove prebiram, in dovolj razuměvam češki, mi pri vsêm tem govorjenje in pisanje ne gre še od rok. Zatoraj pa v svojem domačem slovenskem narečji odgovaram.

Od kar sem tukajšnim bogoslovcom něke Vaših Knjižic podaril, se je veselje za slovenščino zělo med njimi obudilo in deloma pomnožilo, tako da so me prosili, naj Vaši Blagorodnosti oznanim njihovo zahvalo, in jim še nasleduje Knjige naročim:

5 eksempl. Rukopis Kralodvorský, s pripojeniem Německého preložení, vydanie desate.
15 „ Týž bez německého preloženi, vyd. 11-te.
7 „ Poesie nazionali lirico-epiche della Boemia, tratte dal codice di Kralove Dvor. Vers. di Fel. Francesconi. Praga 1851.
3 „ Polyglotta Kralodvorského rukopisu, v Praze, 1852.
5 „ Начала русск. языка, t. j. 4 (štiri) eksemplare od str. 1—60, in eden od str. 1—168.
4 „ Pravopis český. Devaté vydaní. V Praze, 1849.
2 „ Počátky posvatného jazyka slovanského.

Ko ste mi dne 22. januarja t. l. pisali, ste mi štiri Начала русскаго языка gratis poslati blagovolili, ali samo del praktični, t. j. od str. 61—168. Zato želim, da mi sadaj še pervi del (str. 1—60) pošlete.

Ne dvomim, da mi bodete to mojo željo blagovoljno izpolnili, ter mi ceno naznanili, da dotične dnarje za nje pošlem. Mesca novembra 1853. sem dobil někaj glagoliskih rokopisov iz otoka Kerškega (Veglia). Ker mislim, da bi utegnulo zanimati

Vašo Blagorodnost, sem napravil po mogočosti fać-similia in jih sem tu priložil.

Naposled moram se vprašati: Kaj porečete, ako Vaše „Počatky posvatného jazyka slov." v tukajšno slovensko narečje prestavim?

Priporočevaje se nadaljni blagonaklonnosti ostajam

Štefan Kociančič, prof.

V Gorici,
23 februaria 1854.

4.

Veleučeni, Prepoštovani Gospod!

Tu pošlem 13 fl. Bkn. za poslane mi knjige, ter lepo hvalo za novi dar našemu semenišču namenjeni. Pred vsem pa se moram zahvaliti Vaši Blagorodnosti za pridjani portrait neumerlega Dobrovskega, s katerim ste mi veliko ustregli.

Zaupam, da to ne bode poslednji list, ki ga pišem Vaši blagorodnosti, potem ko vidim, da Vam je drago. Za sadaj pa nič drugega ne pristavim, ker mi mnoge druge opravila čas jemljejo, in se ne morem daljej stegovati.

Z največim poštovanjem ostajam Vaše Blagorodnosti vedno udani sluga Štefan Kociančič.

V Gorici,
3 marca 1854.

5.

Blagorodni, mnogo poštovani Gospod!

Blagovolite mi zopet poslati:

3. Ostromirov evangelium,
1. Obrazy dějin českých, v Praze 1850.
1. Písně, katere ste Vi izdali 1851, in ako je mogoče, tudi
1. Dobrovsky, Slovanka (1814—1815).

Denar Vam pošljem, kakor hitro mi naznanite, koliko mi je za nje plačati.

O tej priložnosti imam do Vas tudi eno prošnjo. Tukej pri nas v Gorici živi uže več let zělo učen Anglež s svojo ženo in otroci, imé mu je Mr. William Frederic Wingfield, Dr. Med., ki se mnogo pečá s slavjanščino, in čez njo piše; tudi staroslovenščine se je pri meni enmalo učil, Vašo Knjižico Bože-

stvennaja služba n. pr. je vso prebral in s mojo pomočjo v svoj engležki jezik prestavljal itd. Sadaj, ko je uže deset let v Europi, se je namenil iti enkrat nazaj na Engležko, svoje sorodnike in znance obiskat, in hoče na tej poti skozi Prago iti; tadaj me je naprosil mu v Pragi enega moža povedati, pri kterem bi mogel še kaj od slavjanščine slišati in pozvediti, in—ne zamerite mi — jaz sem koj mu Vaše častno imé povedal. Kadar bo tadaj ta blagi gospod k Vam prišel, lepo ponižno prosim, sprejmite ga prijazno, in kar bo želel izvediti od slavjanskih stvari, blagovolite mu odkriti, in ako bo treba, ga tudi napotiti tje, kjer bo mogel kaj pozvediti.

Morebiti bo tudi želel se soznaniti s slavnim gosp. Šafařikom in z drugimi učenimi Slavjani. Bo pa, menim, samo malo dni v Pragi, ker se mu pred zimo mudí domú. Kadáj pa pride v Prago, ne morem povedati, ker sadaj so mu oboléli otroci, in dokler ne ozdravijo, ne more iti na pot. Ne dvomim, da mi bodete radi to ljubav učinili, in ostajem s vsim spoštovanjem.

Štefan Kociančič.

V Gorici,
16. Octobra 1854.

6.

Blagorodni Gospod!

Priložene tri goldinarje (3 fl. Bkn.) Vam pošlem tukaj za knige, katere ste mi s dragim listom 23 tek. mes. poslati blagovolili.

Zal mi je, da mi niste Slovanke poslati mogli; ako jo pa kje dobite, Vas lepo prosim, mi jo o drugi priložnosti podati.

Zdravstvujte! i Bog Vas ohrani še dolgo v slavo in v prid slovanov! Štefan Kociančič.

V Gorici,
29. Oktobra 1854.

7.

Prečastiti, Mnogo Spoštovani Gospod!

Pošlite mi, Vas prosim, zopet štiri (4) eks. Sazavo-Emmauskega Evangelia. Denar Van potem precej pošlem. Ko sem Vam poslednjikrat pisal, sem rekel, da pride v Prago k Vam gosp. Wingfield, anglež. Ali najpred je bil on sam bolan; ne dolgo

po tem so mu oboleli otroci, na zadnje pa se njegova gospá; [illegible] voljo tega ni mogel to zimo še Gorice popustiti. Ako mu bo m[illegible] goče, se bo pa enkrat po letošnji velikinoči, to mladoleto, [illegible] pot podal, in takrat méni iti skozi Prago.

Prijazen odgovor pričakovaje, ostajem etc.

Štefan Kociančič.

V Gorici,
13. marca 1855.

Помѣта Ганки: „Posláno 4. Ev. Saz. Em. 8 [illegible], darov. 4. Ruk. Král. i 4. Pravopis rusko-český".

8.

Blagorodjeni, Visoko spoštovani Gospod!

Tu priloženih 8 fl. Bkn. Vam pošlem za štiri iztise Sazavo-Emm. Evangelia, kteri so mi došli s častitim Vašim listom od 16 tekočega mesca. Zahvaljujem se Vam tudi serčno za podarjene 4 iztise ilirskega Kraljodv. rokopisa, in Pravopisy rusko-česky. Gospod Levstik, od kterega mi pišete, da je Kraljedv. rokopis poslovenil, je pri nas znan ko dober pesnik; gotovo bo tadaj tudi to njegovo novo delo svojega mojstra hvalilo.

Vnovič se Vam priporočevaje, ostajem etc.

Štefan Kociančič.

V Gorici,
22. marca 1855.

9.

Mnogoštovani Gospod!

Najpred Vas lepo prosim, mi dopisati, koliko stoji „Časopis Českého Muzeum" in pa „Pozornik", da pošlem naročnino, ker ga želi nekdo naših mladih gospodov imeti, in me je zavoljo tega prosil, Vam te verstice pisati. In ako bi Vi blagovolili morebiti koj ga prenumerirati za pervo polleta 1856, Vam ga tu imenujem; on je gosp. Peter Bogović, bogoslovec v Gorici. On želi tudi dobiti lexicon bohemico-latinum, ako se tak slovar nahaja, da li ni predrag. Vam bo gotovo znano, ali se dobi, ali ne.

Na dalje blagovolite mi zopet poslati:

1., Mnicha Chrabra o písmenech slowanských, wydal P. J. Šafařík, 1851.
2., Hankovy písně. V Praze, 1851.
3., Poesie nazionali etc. di Kralove Dvor. Praga, 1851.
4., Polyglotta Kralodvorského rukopisu. V Praze, 1852.

Denar Vam pošlem vkupej za knjige in za časopise, kadar zvem, koliko je poslati.

Bog Vam daj terdno zdravje in vesele praznike, in ne pozabite svojega Štefana Kociančiča.

V Gorici,
14 December 1855.

10.

Mnogoštovani Gospod!

Tu Vam pošlem:

a) za celo leto 1856 Časopisa Českého Muzeum . . . . 2 f.
b) item za Obzor, ako pride na svetlo . . . . . 2 f.

NB. ako pa ne bode izhajal, pošlite mi za ta dva goldinarja 1 iztis Polyglotta.

c) za 2 Hankovy písně . . . . . — 40
d) „ 3 Poesie nazionali . . . . . — 30
e) „ 1 Polyglotta Kral. ruk. . . . . 2 —
f) „ 1 Lat.-deutsch-böhm. Taschenwörterbuch od Čupra . 1 —

NB. Prosim lepo, ako Vam je ljubo, mi ta slovar poslati. Ravno tako želim še pet iztisov Vašega Krakoviaka erga solutionem. Něki Tomek je spisal v českem jeziku historijo Austrije; tudi to delo želim dobiti. Ali smem prositi, da mi tudi to pošlete? ali da mi saj naznanite, koliko stoji, in pri kterem bukvarju ga najdem.

Za sadaj Vam pošlem osem goldin. (8 fl. Bkn.), kar bode več treba, Vam pa drugo pot dopošlem.

Srečno novo leto Vam iz serca vošči Vaš sluga
Štefan Kociančič.

P. S. Prederznem še Vam tu priložiti pet iztisov hebrejske pesmice, ktero sem jaz letos zložil o priložnosti dohoda našega Goriškega nadškofa g. Andreja Golmajr'a. Morebiti Vam bode dopadla, kakor je tudi ta vsem bila dokaj všeč.

V Gorici,
30. December 1855.

11.

Prepoštovani, častiti Gospod!

Pošlem Vam tu priložena dva goldinarja za poslane mi knjige, kar sem še dolžan. Zahvalim za trud, ki ste ga zavoljo mene pri tem imeli.

Te dni sem prejel list iz Angležkega, od g. Williama Wingfielda, d-o 1 januarja 1856, ki mi ga je poslal iz „Clifton near Bristol", pisal ga mi je po engležko, jaz pa mu odgovorim po slovensko. Pravi, da je srečno v London prišel, ali da je obolel, in zavoljo tega London popustil, in se v Clifton podal, kjer se je zdravje mu en malo popravilo. Med drugimi stvarmi, mi piše, da sloveči Dr. Newman, Rector katoliške Universitatis v Dublinu, se tudi zanima s Slavjanstvom in Slavenščino, sicer pa da se razun Dr. Bowring-a, ki je nektere serbske ballade v engležki prestavi na svetlo dal, malo kteri s slavjansko književnostjo peča. Tudi omenjuje v tem listu Vaše slavno ime, in pa g. Šafařika, in pravi, da ste ga dokaj vljudno in prijazno sprejeli, tako da Vas ne more zadosti hvaliti. Ko mu torej v kratkem odpišem, mu bom tudi naznaniti mogel, da naše dopisovanje še na dalej terpi. Gotovo ga bode veselilo, kaj slišati, kako se pri Vas in pri nas godi. Kakor se mi iz njegovega lista pozdeva, utegne zopet enkrat Angležko popustiti in nazaj priti v naše kraje. Zdravstvujtel

Vaš sluga Štefan Kociančič.

P. S. Zgorej navedene besede v Wingfieldovem listu so te le: I have very little to tell you about Slave. I think but little has been translated in to English since Dr. Bowring brought out his selection from the Servian Ballads... Dr. Hanka and Professor Safarik were both very polite and kind to me. The desired me to say many kind things for them to you. I liked them etc...

Dr. Newman takes interest in Slave, and would like to have it professed by a good scholar in the Catholic University at Dublin, of which he is Rector. He lent me Dr. Prichard's learned work on the races of Europe. It was publisched before Prof. Safarik brought ont his Slav. Alterthümer, and relies apparently on the works of Dobrowsky as chief authority respecting the Slave Nations. Schould I find time and opportunity to continue a little Slave reading either here or elsewhere, I dare say you will hear from me. But England is quite ont of the way of most European languages, except perhaps French and German. Even the latter is not well understood, though much read, by the learned etc.

V Gorici,
16. januaria 1856.

12.

Mnogoštovani Gospod!

Uže je preteklo nekaj let, od kar sem Vam poslednji krat pisal. Neugodne okoliščine so me po tem vderževale; sadaj pa se

je po nekaj spremenilo, in evo Vam opet lista. Ali ne bom mnogo ovinkov delal, temuč koj povedal, kaj me je k temu listu napravilo. Potrebujem namreč za se in za svoje učence dajset (20) iztisov Ostromirovega evangelia, in ravno toliko iztisov Vaše knjižice Počatky posvatného jazyka. Blagovoljite tadaj mi jih poslati, in denar Vam koj pošlem, kar bodo knjige veljale, kakor hitro knjige v roke dobim.

Štefan Kociančič,
profesor svet. pisma stare zaveze.

U Gorici (Görz im Küstenlande),
13. Novembra 1850.

А. И. Кошелевъ [1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ,

Хотя я и не имѣю чести знать Васъ лично, но зная Васъ, какъ нельзя болѣе, по всему совершенному Вами изъ любви къ народности Славянской, а равно и по истинно радушному пріему, сдѣланному Вами женѣ моей, когда она лѣтъ пять тому была въ Прагѣ, я считаю за особенное счастіе писать къ Вамъ. Авось Богъ приведетъ и меня въ Прагу, но пока позвольте поднести Вамъ первенецъ нашего повременнаго изданія, которое начало выходить съ нынѣшняго 1856-года. Цѣль и направленіе Журнала Вы усмотрите изъ прилагаемой программы и изъ 1-ой книги „Бесѣды". Покорнѣйше прошу Васъ передать экземпляры „Бесѣды" Г.Г. П. П. Шафарику, Проф. Палацкому, Ербену, Вацлику, Вртяткѣ и въ библіотеку Чешской Матицы.

Для успѣшнаго хода нашего журнала содѣйствіе Ваше и Вашихъ соотечественниковъ и всѣхъ Славянскихъ ученыхъ необходимо. Почему мы обращаемся къ Вамъ съ просьбою о сообщеніи свѣденій о трудахъ Вашихъ и вообще обо всемъ, что дѣлается въ Славянскихъ земляхъ. Странно: живемъ мы недалеко другъ отъ друга, а знаемъ мы другъ о другѣ крайне мало.

[1]) Александръ Ивановичъ Кошелевъ (р. 1806), извѣстный публицистъ и общественный дѣятель, издатель и редакторъ „Русской Бесѣды" (1856) и др. журн., авторъ многочисленныхъ трудовъ по земскимъ и финансовымъ вопросамъ. Біографію его (до 1856 г.) написалъ Н. Колюпановъ; ср. С. А. Юрьева „А. И. Кошелевъ" въ Русск. Мысли, 1883, XII. Программу „Бесѣды" см. выше, стр. 4—7.

И Вы и мы хорошо знаемъ все, что дѣлается во Франціи и Англіи, а труды по исторіи, статистикѣ, словесности изящной и пр. единоплеменныхъ народовъ намъ почти неизвѣстны. Мы желали бы нашимъ изданіемъ нѣсколько пополнить этотъ недостатокъ. Вы горячо любите дѣло славянской народности; и Ваши и наши цѣли суть чисто литературныя, а потому смѣемъ надѣяться на Ваше и друзей Вашихъ сотрудничество по дѣлу, всѣмъ намъ общему.

А. Ѳ. Гильфердингъ можетъ быть нашимъ посредникомъ. Онъ живетъ въ Петербургѣ и ревностно занимается нашими дѣлами. Если Вамъ будетъ угодно прямо отнестись ко мнѣ, то адресъ ко мнѣ: Александру Ивановичу Кошелеву, въ Москвѣ, на Поварской, въ собств. домѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Александръ Кошелевъ.

Москва,
2/14 Мая 1856 г.

2.

Достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ,

Давно желаю я съ Вами лично познакомиться; наконецъ это желаніе приближается къ исполненію. Теперь я въ Карлсбадѣ и между 15 и 18 Іюля, т. е. черезъ мѣсяцъ, надѣюсь быть у Васъ въ Прагѣ. Скажите мнѣ: будете ли Вы въ это время у себя дома въ Прагѣ. Очень, очень желаю найти Васъ тамъ во время моего пребыванія въ Вашемъ городѣ. Скажите еще: не знаете ли Вы замѣчательныхъ Славянъ, которые бы теперь находились здѣсь въ Карлсбадѣ? Я очень былъ бы радъ здѣсь съ ними познакомиться.

Поручая себя въ Ваше доброе расположеніе и пр.

Александръ Кошелевъ.

Адресъ мой: Carlsbad, alte Wiese, zum weissen Haasen, à Mr. Alexandre Koschelew. — Имя мое Александръ Ивановичъ.

I. И. Крашевскій.

1.

Monsieur!

Votre nom est si connu et honoré parmi toutes les nations Slaves, que Vous ne devez pas être étonné de recevoir la lettre d'un inconnu.

C'est au patriarche de la litterature tchèche que je m'adres-
, et j'ai confiance dans son patriotisme, que ma requête ne re-
era pas sans effet.

Depuis quelques mois je suis à la tète d'un grand journal
olonais — Gazeta Codzienna [1]), qui possède déjà des correspon-
ans dans les principales villes de l'Europe. Nous manquons en-
ore d'un correspondant qui nous rendrait compte du mouvement
ational, litteraire et politique des Tchèches et d'autres Slaves
u Sud.

C'est pour que Vous nous le donniez, Monsieur, que j'ai
onneur d'écrire.

Personne ne saura mieux choisir ni diriger plus parfaitement
tte correspondance d'un pays-frère que nous avons à coeur de
ir interessante et pleine de faits temoignants de la vitalité des
tions Slaves, que le germanisme voudrait etouffer et annuler.

J'ose donc Vous demander, Monsieur, de me venir en aide,
me donnant soit un correspondant à Prague ou deux differents
Prague et dans un autre centre Slave. Je voudrais avoir douze
tres par an pour les quelles j'offrirai volontiers mille francs,
ce que le correspondant desirera. La correspondance peut
e redigée en français ou en tchèche, que nous ferons traduire.

J'espère qu'en m'adressant au nom des interets si chers à tous
Slaves, j'obtiendrai Votre pardon pour Vous avoir importuné.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration et le
s profond respect, Monsieur, Votre très humble serviteur

J. I. Kraszewski.

Veuillez adresser: Monsieur J. I. Kraszewski, Redacteur de la Quoti-
nne. Varsovie au Bureau de la Redaction Rue Daniłowiczowska 619.

Varsovie,
le 5/17 Fevrier 1860.

2.

REDAKCJA
GAZETY CODZIENNEY.

Wielmożny Panie!

Dnia 30 Marca 1860.
Warszawa.

Cieszy mnie to, że mogę Mu odpowiedzieć moim językiem
acierzystym i być od Niego zrozumianym, bo mi nim lepiej
łatwiéj wyrazić i mój wysoki dla Niego szacunek i wdzięczność
a łaskawe a drogie dla mnie dary.

[1]) Въ 1859 г. Крашевскій началъ редактировать Gaz. Codz., кото-
рая потомъ была переименована въ Gaz. Polską.

Imie Wacława Hanki znane jest całemu słowiańskiemu światu, a zasługi Jego wszyscy równo z Czechami ceniemy, i niema u nas, ktoby dzieł Jego nieznał. Jako drogą pamiątkę zachowam te książki, któremi mnie raczyłeś obdarzyć. Pana Jana Vaclík'a proszę o adress i z wdzięcznością też przyjmuję jako spólpracownika mojéj Gazety, łącząc do Niego pismo osobne.

Nieumiem wyrazić jak wdzięczen jestem patriarsze słowiańskich poetów i pisarzy, że mi swéj pomocy raczył nie odmówić.

Przyjm Pan wyrazy najgłębszego Szacunku i paważania, z jakiem mam honor zostawać etc. J. I. Kraszewski,

Redaktor Gazety Codziennej.

Н. И. Крыловъ[1]).

1.

Ваше Высокоблагородіе, Вячиславъ Вячиславичъ!

По данному мною Вамъ обѣщанію, я долженъ былъ къ Вамъ писать въ половинѣ прошедшаго мѣсяца. Мнѣ совѣстно, что я, имѣя счастливый случай воспользоваться Вашимъ знакомствомъ, уже на первый разъ не выполнилъ вѣрно даннаго слова. Виною тому не я, но моя болѣзнь, которая по пріѣздѣ моемъ во Франценсбрунъ обнаружилась со всею силою, потрясла внутреннее спокойствіе. А безъ тихаго, спокойнаго духа можно ли приниматься за перо? Теперь я наслаждаюсь здоровьемъ: Богемскія воды, какъ родныя, очищаютъ Славянскую кровь, заросшую отъ сухаго Нѣмецкаго воздуха и гнилыхъ припасовъ; теперь я спокоенъ, слѣдовательно могу начать съ Вами письменную бесѣду.

Какъ любитель Славянской литературы, Вы желаете знать о состояніи оной въ Россіи. Три года уже прошло, какъ я не дышу отечественнымъ воздухомъ; окружаемый Нѣмцами я и ви-

[1]) Никита Ивановичъ Крыловъ (р. 1807, † 1879), съ 1835 г. профессоръ римскаго права въ московск. унив., одинъ изъ стипендіатовъ высланныхъ М. М. Сперанскимъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Два письма Ганки, изъ сообщаемыхъ здѣсь, получены нами отъ проф. Ант. Трухларжа, коему они доставлены были директоромъ софійской университетской библіотеки Стояномъ Аргировымъ; третье — найдено нами въ черновыхъ бумагахъ Ганки.

жу, и слышу, и читаю, и мечтаю—все чужое, нѣмецкое. Посему я не могу Вамъ дать вѣрнаго и полнаго отчета касательно Русской литературы. Даже самый предметъ, которому я намѣренъ посвятить жизнь мою, препятствуетъ мнѣ свободно слѣдить за ходомъ развитія Слова человѣческаго. Изрѣдка заноситъ петербургскій вѣтеръ кой-какія литературныя извѣстія въ Берлинъ. Но все это уже не тѣ свѣжія, живыя и полныя извѣстія, какія бы можно получить, находясь въ отечествѣ. Итакъ я долженъ ограничиться краткимъ обозрѣніемъ общаго хода литературы, главныхъ направленій, и наконецъ укажу на нѣкоторыя особенно замѣчательныя произведенія въ литературномъ мірѣ.

Исторія показываетъ, что у всѣхъ народовъ литература изящныхъ произведеній — словесныхъ, или вещественныхъ — предшествовала литературѣ прочихъ произведеній ума человѣческаго. Тотъ же самый ходъ развитія и у насъ въ Россіи. Наша изящная литература находится теперь въ цвѣтущемъ состояніи. Сколько сочиненій, сколько писателей съ талантомъ и любовью къ отечеству явилось въ настоящее время! Родное сердце невольно бьется отъ радости при обзорѣ изящныхъ произведеній! Отъ Карамзина до Загоскина—какое необъятное поприще! Теперь свергнуто тяжкое чужеземное иго, которое тяготѣло надъ Словомъ Русскимъ; иностранныя слова, обороты, духъ — все уничтожено какою-то магическою, таинственною силою,—и русскій слогъ звучитъ сладко въ ушахъ каждаго сына отечества, подобно журчащему ручейку. Карамзинъ, путешествуя по ученому свѣту, собирая все лучшее, занесъ непримѣтнымъ образомъ много иностраннаго въ русскій слогъ. Это мы видимъ изъ его Записокъ путешествія. Но наконецъ онъ свергнулъ съ себя цѣпь рабства и въ своей Исторіи Россіи показалъ себя образцемъ прекраснаго слога. Онъ проложилъ вѣрный путь къ усовершенствованію Слова, показалъ средства, открылъ богатые запасы и чрезъ то ободрилъ многихъ. Теперь юный писатель, не боясь трудностей, пробуетъ свои силы на поприщѣ словесности и производитъ нѣчто хорошее. Такихъ пытателей—бездна. Но при всемъ пробужденіи силъ, направленіе литературное было еще не совсѣмъ счастливое. Ограничивались большею частію переводами, подражаніемъ, твореніемъ воображенія. Слѣдовательно основаніе было или иностранное, или отечественное, но шаткое, идеальное. Въ такомъ родѣ были писаны романы, повѣсти, стихи.

Наконецъ почувствовали, что игра воображенія не можетъ удовлетворить потребностямъ изящнаго вкуса, если не лежитъ

въ основаніи оной Исторія. Русская Исторія, богатая во всѣхъ отношеніяхъ, дала новые матеріалы для дѣятельности литератора, и онъ, пользуясь оными, проложилъ новый путь къ дальнѣйшему развитію. *Выжигинъ Булгарина* можно почесть первымъ зарониталемъ искры исторической любви. За нимъ *Гречь*, *Ѳедоровъ*, *сочинитель Монастырки*, *Пушкинъ*, *Загоскинъ* и множество другихъ,—всѣ обратились къ Исторіи и оттуда заимствовали богатые матеріалы для своихъ отечественныхъ романовъ. Да, эти романы будутъ въ послѣдствіи времени на ряду съ лучшими источниками нравовъ, учрежденій, права. Каждый, кому отечество мило и дорого, съ восхищеніемъ читаетъ новыя произведенія литературы, знакомится съ обычаями своихъ предковъ и находитъ неразрывную связь между настоящимъ и прошедшимъ. Несправедливо думаютъ иностранцы, будто Россія со временъ Петра I надѣла на себя новую чужую маску, свергнула насильственно всѣ обыкновенія, установленія, прежде существовавшія. Нѣтъ, такъ представляется только недальновидному оку чужестранца. Русскій видитъ въ себѣ вѣрный отпечатокъ древняго Славянина и гордится своимъ происхожденіемъ. Правда, онъ охотно заимствуетъ все лучшее изъ иностраннаго, но эти цвѣтки переноситъ онъ на свою родную почву, поливаетъ ихъ своею росою и дѣлаетъ наконецъ изъ нихъ собственно отечественные плоды. Рабское подражаніе вышло изъ моды.

Показавши кратко общее направленіе нынѣшней литературы въ Россіи, я упомяну о нѣкоторыхъ писателяхъ, которые со славою подвизаются на поприщѣ Словесности. Булгаринъ своимъ *Иваномъ Выжигинымъ* и *Петромъ Иванычемъ*, Гречь своимъ описаніемъ *Ильмцевъ въ С. Петербургѣ*, Загоскинъ—пресловутымъ *Юріемъ Милославскимъ* и другимъ романомъ, Крыловъ—*оригинальными баснями*, Пушкинъ—*легкими повѣстями* въ прелестныхъ стихахъ, *Сенковскій*—историческими повѣстями, *Марлинскій-Бестужевъ*—сдѣлались аристократами изящнаго слога. Нѣтъ времени и мѣста, дабы упомянуть о безчисленномъ потомствѣ сихъ аристократовъ. Нѣкоторые уже покоятся на лаврахъ славы, напримѣръ Жуковскій. Органомъ живаго лучшаго слога и вмѣстѣ проводникомъ во всѣ концы Россіи служатъ различные журналы. Примѣчательнѣйшіе: *Телеграфъ*, *Сынъ Отечества*, *Телескопъ*, *Библіотека для чтенія*.

Вотъ Вамъ краткій, неполный очеркъ состоянія литературы у насъ! Когда я буду въ Россіи, то сообщу Вамъ болѣе подробныя и вѣрныя свѣденія о семъ. Но и изъ сего обозрѣнія Вы можете видѣть, что литература наша идетъ исполинскими шага-

ми къ совершенству. За нею начинаютъ шевелиться и другія отрасли наукъ.

Съ совершеннымъ къ Вамъ почтеніемъ и преданностію и проч. Никита Крыловъ.

P. S. Г-жа Генеральша Адлербергъ была здѣсь и уже давно уѣхала. Объ Михайлѣ Михайловичѣ не слышно, гдѣ онъ теперь находится. Я читалъ Марьенскій каталогъ гостей и его имени не нашелъ. Вы хотѣли послать книгу: *Böhmisches Berg-Recht* къ Михаилу Андреевичу; если угодно Вамъ, то пришлите сію книгу ко мнѣ in Franzensbrunn съ книгою Г-на Маціовскаго, но только поскорѣе, въ продолженіи недѣли и нѣсколькихъ дней. Ибо въ концѣ сего мѣсяца около 28-го числа я выѣду отсюда. Въ противномъ случаѣ, если не успѣете, то не присылайте ко мнѣ сюда. Я прошу Васъ доставить мнѣ поскорѣе книгу Маціовскаго. Крыловъ.

Францовы вары,
Іюля 14-го дня 1834 г.

2.

Милостивый Государь!

Вотъ Вамъ 8 книжка словаря ческо-нѣмецкаго, съ которою дошли тоже деньги пренумераціи, которыя вы у меня оставили съ тѣмъ, что Вамъ послѣднія двѣ книжки, какъ залогъ пренумераціи, безплатно придутъ. Если Вы 1-ního swazku II dilu еще неполучили, то прошу удаться къ Г-ну капитану Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, Адъютанту Генерала Ушакова, Александру Карловичу Шлегелю, которому я это отдалъ прошедшаго года въ Карловарахъ.

Переводъ Orbis picti съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, прошу на то незабывать.

Издаетъ ли Смирдинъ еще Библіотеку для чтенія? Я, пренумеровавши и за 1835 и 1836 г., ничего неполучаю.

У насъ обыкновеннымъ шагомъ Литература ческая идетъ, потерявъ сего года своего единаго покровителя князя Кинскаго.

Препоручаюсь памяти Вашей и пр. Вяч. Ганка.

Прага,
1/13 сентября 1836 г.

3.

Ваше Благородіе, М. Г.!

Препровождая къ Вамъ пятую тетрадь втораго и первую третяго тома словаря ческо-нѣмецкаго, надѣюсь, что всѣ преды-

дущія порядочно рукъ Вашихъ дошли. На подписку сочиненія сего Вы мнѣ отдали 16 гульденовъ серебромъ, изъ которыхъ 4 на двѣ послѣднія тетради, которыя каждый подпищикъ безплатно получитъ, зостались, и Вамъ извѣстно, что при полученію каждой тетради должно положить 2 гульдена. Здѣлайте милость и пошлете ко мнѣ на счетъ сихъ расходовъ Этимологическій Словарь Г-на Рейфа и, ежели еще что-нибудь останетъ, нѣкакую занимательную книгу. Вы уже знаете, что меня занимаетъ. Извѣстія о руской Литературѣ получаю въ Библіотекѣ для чтенія. Но, Любезный Другъ, какъ это находится съ переводомъ Orbis Picti? Профессоръ Хмела безпрестанно меня упоминаетъ объ этомъ, ибо изданіе его уже давно совсѣмъ разошлось. Я знаю, что вы очень заняты, но я думалъ, что Вы кому-нибудь другому сей трудъ отдали. Къ распространенію рускаго слова бы это здѣсь очень послужило. Прошу кланяться отъ меня Его Превосходительству Г. Балугіянскому и Вашимъ колегамъ Г. Благовѣщенскому, Знаменскому, Кранихфельду, Валицкому и прочимъ. Для Г. Проф. Куторги [1]) собираю мед. диссертаціи здѣшняго Университета, которыя къ нему добрымъ случаемъ пришлю.

Вячеславъ Ганка.

Г-ну Никитѣ Крылову во II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Прага,
23 Генв. / 4 Февр. 1837.

4.

М. Г., Вячиславъ Вячиславичъ!

Три года прошло, какъ я оставилъ Славянскую землю, Прагу—со всѣмъ для меня милымъ; и вотъ уже два года, какъ я профессоръ въ Московскомъ университетѣ, представителѣ Русскаго елемента. Въ это время я ни разу не писалъ къ Вамъ: дѣлъ и хлопотъ по новому званію бездна. Господинъ *Бодянскій* раскажетъ Вамъ обо всемъ подробно и вѣрно. Съ нашей стороны есть до Васъ просьба—ввести этаго человѣка во всѣ Славянскія тайны и доставить намъ классическаго профессора для чести всѣхъ Славянъ и въ посрамленіе Нѣмцевъ. Вы понимаете цѣну этой просьбы. Можетъ быть, черезъ годъ и я буду за границею; тогда не премину быть въ Прагѣ и у Васъ. Какъ Вы доставляете

[1]) Степанъ Семеновичъ Куторга, д-ръ медицины, проф. геологіи и зоологіи СПБ. унив. (1807—1881), расписался въ альбомѣ Ганки 1 окт. 1839 года.

Лексиконъ г-ну Платонову? Онъ въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ; можно прямо къ нему адресовать.

Прага и Вѣна для меня незабвенны; помню всѣхъ знакомыхъ и все достопримѣчательное. Съ Г. *Маціовскимъ* не состою въ корреспонденціи, хотя живши вмѣстѣ во *Franzensbad* дали другъ другу слово переписываться. Михайло Михайлычь *Сперанскій* и Михайло Андреичь *Балугьянскій*—теперь вдалекѣ отъ меня; но полгода назадъ я ихъ видѣлъ. Послѣдній часто подверженъ болѣзни и въ одно время былъ опасно боленъ. Я въ университетѣ читаю *Римское право,* но и Русскимъ правомъ занимаюсь охотно.

Жизнь моя завидная; предметъ для занятій любимый мною; обезпеченъ во всѣхъ отношеніяхъ, пользуюсь довѣренностію начальства, имѣю немного, но зато пріятныхъ знакомыхъ.

Пріятно бы было отъ Васъ получить какія-либо извѣстія.

Никита Крыловъ,
Профессоръ Московскаго университета.

Москва,
Октября 11 дня 1837.

5.

Милостивый Государь, Никита Ивановичь!

Письмо Ваше отъ Г-на Бодянскаго я получилъ. Благодарю и поздравляю Васъ съ профессурою. Книжки Чешско-Нѣмецкаго Словаря я пересылалъ вмѣстѣ съ экземплярами, напечатанными для Россійской Академіи и Его Превосходительства Г-на Сперанскаго. Можетъ быть годъ тому назадъ, какъ я переслалъ такой пакетъ на имя Г-на Кеппена, который въ отвѣтъ писалъ, что онъ отдалъ книги Россійской Академіи и Г-ну Сперанскому, а кто таковъ этотъ Никита Крыловъ, того не вѣдаетъ и послѣ продолжительныхъ распросовъ развѣдать не могъ.

Остальныя книжки я могу переслать черезъ Броды, если угодно Г-ну Платонову, но я прошу напомнить ему, что уже вышло 15-ть книжекъ, въ каждую четверть года выходитъ одна книжка, притомъ должно взять въ расчетъ и пересылку.

Имѣю честь быть и пр. В. Ганка.

Если будете писать въ Кіевъ къ Г-ну Платонову, то я прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Профессору Максимовичу и поблагодарить за присланныя имъ въ Музей книги.

(Черновикъ писанъ Н. Д. Иванишевымъ).

Nikada nisam življe očutio vsu nedospělost, nedozrelost i mlačnost pače i tupost umov slovinskih nego taj put. Ko je Szécsényi a ko je Šafárik? Od Magjarov nikad ničta pored vsega napora njihovâ, i mnogo je u vsem, čto čine, oholije i ostentacije (a vučji zub u žvalah). Nu Šafárik, taj pravi otac one misli, s koje toliki mu se milijunom srdce nadimlje; koji u vsem, čtogod piše, cělo slovinstvo objimlje; koji po stazah, kud je trn i mrak, putove širi, krči i probija; taj svetac, to janje, taj milenko nikoga ne vrědjajući, i slabje umove podvižući i hvaleći: za njegovu tugu da je u nas tako slabo odzivanje, takova mrtvina i neocušt neprocěnive visine i dostojnosti njegove? To je odisto golema sramota naša, i rekao bim, da k ničemu, čto je veliko, od boga naměnjeni nismo, —er kud veliko dělo bez veliká srdca? Mi vsi Hrvati in corpore dostojni nismo, da mu samo petu oližemo, pak se i med nami našlo psićev, koji su na njega šćeknuli, na čověka bez ikakve žuči, i kojemu ako je dužan hvalom vàs učeni svět, vse koliko je slovinstvo, a to najpače mi slovinjani južni. Gospodine moj, prekinut mi je taj razgovor, er mi srdce vrta. Ne mogu podnesti te misli, da mi Slovinjani svojih ljudij tako malo milujemo, er je to i najtvrdji i neoboriv dokaz, da mi ni naroda svoga ne ljubimo. U koga nije vatre, ni srdca za slavnâ jedinca, ne može gorbiti ni za ukupnost.

Krása dakle bude uredjivatelj novinam češkim! Gledajte viribus unitis da to bude list za vse nas, da se u njem vsi Slovinjani ozovemo. A lěpa je prilika i sa Slovaki pogoditi se glede jezika. Po dobrih novinah, čto je novotarija i neobičnost, za kratak čas bude obćenito, bude primljeno. Et habet momentum hoc aliquid solemnitatis sc. pericula Slavorum a Germanis devorandorum. Mikovcu město kamena hitite moju knjižicu u glavu i pozdravite ga.

Vas veliki počitovatelj Frane Kurelac.

NB. Nutkajte Srezněvskoga da i k nam u Hrvate dojde.

U Karlovcu,
dne 29. julija 1860.

uzdahnimo srdcem, pokojniku spomen i čast, a mi naše orudje u ruke, te kopajmo dalje, kud su nam i stari kopali—nu prilěpimo bolje. Ne mislite da sam praznoruk, nu ne věm gdě prosipat, gdě li posijat zrnje čto ga, těžaje na njivi našoj, mukom uzgojih. U mene je više srdca nego věsti: čto bi ono htělo reći, na vidik ne smě. Mismo danas železnimi šibami poviti i verugom okovani, pak nam nije ni dahnut. Bog zna, dokle to bude! Oprostite, čto tako dugo srdcu odlagivah—dan danas i u suhu srdcu po kap vode ima—tolika je nevolja.

Da ne govoru dakle o plodovih srdca, koje mi je il do smrti prihranit il u Moskoviju ponest, imam obilato blago za velik slovar, a nisam ga rad tumačit jezikom Němačkim, nu Ruskim. Čto više zapadnjaci Moskova odtiskuju i odbijaju, to ga je nam sve to bliže privlačit i pritezat. Po takvu slovaru i bolje Moskovi s nami se upoznaše i bolje o tomu se uvěriše, da smo im bratja najbliža te da ih čekamo i staze im taptjemo. A i našim jugovićem velika je potreba s jezikom se ruskim upoznati, ne spominjaje dobitka protičuća s poznavanja ćurulice. Srbska pismenost nije toli snažna nehajljive duhove k sebi primamit,—Ruska je pretežnija i primamljivija. Ovo měšanje i doticanje Jljurika i Moskovije poslě ove vojne bude življe, nego běše doslě. Nam Slovjanom na jugu dan je i noć o tomu se domišljat, kako da nam grobove bar i unuke obsine světlo žazlo cara uztočnoga, kad nam sretja ne da. Kako rekoh: Moskovu je znati jezik južni, a nam je znati njegov. Nevěst i glupota nas ubija, a s onoga čto u Beču sada se kuje i snuje, Slovinstvo neuzkrsnù, ako sami rukû i plećiû ne priložimo.

Ja Vas prošu dakle, nezabljivi gospodine, mislite o toj rěči, ne bi li se po vremenu našao Ruski knjigočija, koji bi sa mnom, bud u kojemu gradu našega carstva, taj slovar uredjivao: ili ja na Moskovskoj zemlji prilike i krušca dotekao, dok to dělo odbavim. Tomu slovaru ne bude hvale s toga samo, čto se dva bratinska jezika na tešnje sdruže i sljube, nego i s toga, čto bude obilatiji čistim zrnjem, nego ikoji dosadanji; čto bude svakomu znamenu i progovoru svoj svědok ist i pouzdan, a gdě uztreba, mnogovit i mnogostruk; da se u oznamenovanju besěd pripazi na prvi nje te naravni znamen, ter kako iz ote klice oni se drugi znameni odvijali i razbrstili; da se ne mišlju ozirati na knjigu samo novlju, nego i na srbulje i hrvatulje, te da takò nebude knjige bud stare bud mlade, kojoj s mojega slovara ne bi luč prisvětila. Po sebi se razumě da pleva i trice današaje kovarlje tuj města ne najdu, van da je beseda sgodna i prikladna. Čto sam god knjig

mi ie Pan zachowa aż do mego przyiazdu. P.P. Jungmanowi i Czelakowskiemu przesyłam ukłon i pozdrowienie. Toż samo wszystkim mojim znajomym. Polecam się Pamięci Pańskiey, zostaiąc na zawsze Jego sługą Andrzey Franc. Kucharski.

z Berlina,
20 lutego 1827.

2.

Kochany Panie Hanko!

Piszę do Was przez moiego młodego ale dawnego Przyiaciela, znamy się bowiem od lat 8, przez P. Rybickiego. Jest on synem Doktora Medycyny z Płocka, mego dobrego znaiomego. Jako Magister Filozofii odbywa młody P. Rybicki podróż po Europie w tym samym co P. Wrześniowski, Koncewicz, Janicki, Han i t. d. célu. Wszyscy, iako Kandydaci Professorowie przyszłéy Szkoły Politechniczney w Warszawie. Raczcie go tam przyiąć w Pradze z tą samą z strony Waszéy łaskawością i względami, z iaką nas przyimować raczyliście, tak dalece, iż ieżeliby się miał znaydować w nieprzewidzianey potrzebie pieniędzy, a raczylibyście mu w tym nawet razie do nieiakiego czasu radzić; ja ręczę za niego, ieżeli moie zaręczenie ma u Was cenę. Nie iest to żaden drugi Grabowski, o którym ani ia ani P. Rybicki wcale niesłyszał nigdzie, prócz tego, coś mi Pan o nim powiadał. Mianowicie racz, Panie Hanko Dobrodzieju, poznać P. Rybickiego sam lub przez kogo z P. Presslem, Professorem Nauk przyrodzonych, Autorem Czeskiey Botaniki, Chemii i t. d., i raczcie nadto P. Rybickiemu takie porobić znaiomości, żeby mógł z łatwością w Pradze pooglądać mechaniczne zbiory i fabryki, które go interessować mogą. Z końcem racz mi Pan darować, że z taką poufałością i zaufaniem piszę do Pana za P. Rybickiem. Z jedney bowiem strony obchodzi mię Rybicki, którego kocham, z drugiey dobroć Pańska i łaskawość na mnie ośmieliła mię, bym za nim do Pana pisał i bym go Panu iako Oycu Syna polecił.

Ja wyieżdżam dziś do Linz. Znayduie się tam bowiem Rękopis Psałterza Polskiego z w. 14, który w części lub cały odpisać zamyślam i wydać. Poznałem się tu w Wiedniu zaraz, skoro do niego przybyłem, z P. Kopitarem, z P. Wukiem, z P. Hormayerem i innemi uczonemi Niemcami, Serbami i t. d.

Czeskiego ludu znalazłem tu moc niezmierną. Schodzą się co niedziela i święto na kazanie Czeskie do kościoła księży Liguryanów. Kazania miéwa ksiądz Purkinje. Serbów także tu iest

odabrao, i svete knjige nikada mi se u toliku veličastvu neprikazivahu, dok ih neuzčitah spornom i sporom glagolicom; nikada mi se tako srdca ne kasahu, dok mi se bog i narod u glagolici tako ujedinjeni i tako ogrlice sdruženi ne pojaviše. Mnogo mi je i mnogo putij duša kao plamenom uztrgla i srdce moje mužu se duboko poklonilo koji, za veću našu sramotu, one nam pokladnice otvara, koje pod našim nehajstvom nigda sunca ne ugledaše. Bog mu daj blagoslov obilat a snagu duše neoborivu, neoslabljivu. Koledar narodnieh svetac još uredjen nije, ali on se u njemu sja světlom nikad ne gasnućim, niti potamnećim.

Čujemo po novinah da g. Šafarik piše knjižicu o zadnjoj našasti glagolskoj. Kako bude gotova pomilujte nas te gledajte da se i mi toga učestimo; ta ovdě je sredac ugibljućeg, ili bolje— uginulog pisma glagolskog. Ni popovi Senjski glagolice ne poznavaju; a gděkoji kanonici tim se caru i novoj Austriji preporučit obmišljuju, da hrvatski jezik, kojega biskup Ježić město starog u crkvu samohotice uveo biaše, iz nje posve izpude i izženu i složno s duhom novoga konkordata i sve to većega jedinstva u carstvu, latinski jezik i kod nas uvedu, t. j. posve uvedu, jer u nas samo je ono još hrvatski, čto se na glas pěva, a čto pop žubori,—to sve po Latinjanih pošlo. Vidite dakle, moj topli Slovinski gospodine i slavo-razplodniče, da ako ikada—to je sada prispěla doba ne glagolicu obnavljat (to je i kasno i nekoristno), nego nje putem ljubav obreda Slovljanskog razžigat, i poznavanje naše starine umnožit, ne bi li po vremenu s toga nečto se porodilo, čto Slovljane ne bude trzalo nego vezalo i sjedinjavalo. U Reci bi trebalo da se glagolica uči, ter i u Senju; ali o tomu žalibože ni pomisliti nije. Ovdě je prva i prva skrb gospodinu Vidicu, rodjenomu Kranjcu, da Slovinstvo iz škol posve iztrěbi i, da može kako, dětetu ga iz duše izčupa. Da vam stanu pripovědat, čto taj skot (ne mogu drugo reći) sve čini i kako ugrijane duše o razoru i zatoru jezika domaćeg nastoji, vi bi rekli, da su to basne, i ja bi dopao summje čověka lažljiva. Oliš latinskih škol ima ovdě još i drugih trgovačkih, ženskih i t. d., ali te su sve u Lacmanskieh ruku, i njezini glavari najviše o tomu se staraju, da im ne dodje u školu za hrvatski jezik učitelj, koji hrvatski zna ili mu je prijaznik. Meni ni blizu ne daju, prem da je věstovito svim, da sam bez kruha, i da sam ulišen službe načinom koji državi prava je sramota.

Pišu obilatije, da znate kako stojimo. Ako-li se spomenici glagolski opet preutisnu ili se čto glagolskog na novo iznese, dobro bi poslat koju knjigu Ožegoviću i Viteziću, biskupom u Senju

i u Krku. U Senju je učitelj Rački, učitelj Sladović, a u Krku kanonik Volarić, koji glagolicu podpomoći mogu, pone nečim. Med mojimi bivšimi učeniki ima ih takodjer kolicina, koji za nju haju i koji, stignuvši do časti i službe, zaisto čto god za nju učine. Med prijaznike glagolice takodjer mi je počitat Jakoba Volčića, duhovnika, sad negdě blizu Pazina u Istriji, koji po mojemu nagovoru dvě knjige s glagolskih na latinska je slova prevrgao: 1. Transitus s. Hieronymi. 2. Dialogi s. Gregorii. Oba su rukopisa u mene čisto i lěpo prepisana; i Volčić je čověk„ koji bi dělao, da ga ima ko podbadat i dělom ga oprtit. Dok mi je bio pri ruci četiri ure od Rěke izpod Učke ja sam mu děla dodavao, ali sada mi odmače dalje„ sada ga nije više na Veprincu. Koliko je Vedec (Vidiz) sramotiv, toliko mu je zemljak Volčić častiv i pohvaljiv. Ne štedite ga, upregnite ga—svi sada da se dignemo na obranu i na obstanak knjige i jezika Slovinskoga, komu sad dublje nego ikada korenje izpodsicaju i izpodrezuju. Da vam i to napomenu. Ovieh dan stiglo je pismo iz Skadra u Arnautskoj pisano konsulom austrijanskim na nehvalnoga Vidica, gdě ga prosi o učitelja, koji dobro němački i talianski unič i koji osobito velikim je odličan Austrijanstvom (te komu se ima izručit, da tamo latinske škole tako pripravi i uredi, da nikada s one strane Une vode koja Slovinska zraka na ovu stranu ne sine). Čto Vam se vidi, Hanka gospodine, nije-li naš rod sretjan presretjan? Je-li ikada mrak i sotonstvo tako se žurilo i naprezalo, da nas pozoblje i pohrsta kao danas? u ovaj razcvět konkordata i drugoga mračila i tamnila. Pustimo mast bogu u koga su, kako pritča govori, noge vunene ali ruke železne (Nunc dii tanquam mures, itaque pedes lanatos habent. Petron. Arbiter).

Nu da prestanu jednom jadikovat i naricat te, čto više, na kratko, da Vam još izjavlju, čto od Vas žudju i čemu se od Vas, čověka i misleća i pišuća i čineća, nadiju. Žudju dakle: 1. Mater verborum, čto je minuloga lěta světlo ugledala. 2. Igora, čto ga u Berlinu utisnuli. 3. Opasnoga sosěda, čto je u Lipsku utisnut, i 4. dělo sada putujućega Moskova, čto je ne davno u Pragu bio ter dělo, koje se nas južnjakov tiče, napisao, ali komu žalibože ni imena neznaju. Francuzku knjigu g. Muralta u našega knjižara (Rezza Ercole) naručih, ali sumnjaju, da ju dobudu. Pomenutih knjig (i Šafarikovih) možete svake (osim Mater verborum) po četiri poslati, i ja Vam jamču za njih prodaju. Uzmite, koji su to jadi za nas bit gonjenim, i čuvanim, i slušanim a ni utěhe ne imat, da koju novlju knjigu pročitamo! Ovdě u svoj Reci ne ima žive duše, koja bi iměla „Časopis českého museum", a danas prem čtu

u Bečkih novinah, da ste Vi, mili gospodine, tamo natisnuli „Spor duše s tělem". To su za me Tantalove muke: gledat iz daleka knjige Slovljanske a ne smět ih okusit, radi ljutog siromaštva koje me pričepilo. Ja niti već umiju češki, ni poljski, ni ruski—jedva čto sam mogao nabavit hrestomatiu Golovackoga, koja nekom po me dobrom smetnjom sěmo se zaklatila. Pověsti češke, čto ju Palacki napisao. ni okom sagledao nisam. Ta zašto pišu slavni muževi knjige slavne, kad im naše ubožtvo k nam ni blizu ne da. Ako misle u Varšavi podignut stolac za učitelja slovljanskog, mogli bi Vi prilikom komu i za me progovorit, i tamo bi se moj slovar najprvo dana dočekao. Ja bi s Vami bog zna dokle pogovarao ele mi je reći s b o g o m! F r a n e K u r e l a c.

(Oprostite dosadi, čto dugo pismo svagda uzrokuje).

NB. Kad mi uzpišete recte: Privatlehrer, abzugeben in der Čitalnica.

Reka,
dne 29. měseca sečnja, lěta 1856.

2.

Velmi slavni, velmi učeni, velmi počtovani i velmi milovani Gospodine!

Već je tomu nekoliko godin, čto su nam pera usahnula. Nije ni čudo, uz ovoliku sušu života slovinskoga. Šilju Vam 10 svojich knjižic: jednu zadržte sebi, ono drugo dajte u Vašu korist, vsaku za 70 novčićev, er ste i Vi meni već odavno knjig poslao, za koje ova p o s i l k a još dosta težka nije; nu za koji měsec pošlju Vam Budinića, te bude miru na prevěsi. Ugledate li kdě na ulici g. Mikovca, prošu Vas i zaklinju, uzmite kam u ruke potežji te ga cvrknite njim, ako ste dobar pogadjač, lěpo u čelo. Čto je k...a mučao, kad je najveć trebovalo da čto reče? Mi vsi u strahu rad g. Šafarika i ne znajući je li istina il je laž onaj nesretni skok u Vltavu a ona pasja tira muči, da bi same zub pomolio! Němačke novine sbore i govore, nam je na srdcu grozno i ledeno, a on nam priča, za čto nas ni briga nije. Ne mogu Vam reći, koliko sam jada izio prilikom te drehle nesgode i koliko se na srdcu žalostio. Žalostio,—er me boli da t a k o v čověk na srdcu mira nejma, jadio, — er sam mogao viděti vsu ništetu i praznost srdac ljudskih. Čude se i sladko čitaju, kako Magjari žale i počituju grofa Szécsényia (to sam do duše činio i ja) a nuz glas tako tužan, tako plačljiv kako onaj o Šafariku, ostaju mal da ne h l a d n i.

Nikada nisam življe očutio vsu nedospělost, nedozrelost i mlačnost pače i tupost umov slovinskih nego taj put. Ko je Szécsényi a ko je Šafárik? Od Magjarov nikad ničta pored vsega napora njihovâ, i mnogo je u vsem, čto čine, oholije i ostentacije (a vučji zub u žvalah). Nu Šafárik, taj pravi otac one misli, s koje tolikim se milijunom srdce nadimlje; koji u vsem, čtogod piše, cělo slovinstvo objimlje; koji po stazah, kud je trn i mrak, putove širi, krči i probija; taj svetac, to janje, taj milenko nikoga ne vrědjajući, i slabje umove podvižući i hvaleći: za njegȯvu tugu da je u nas tako slabo odzivanje, takova mrtvina i neocušt neprocěnive visine i dostojnosti njegove? To je odisto golema sramota naša, i rekao bim, da k ničemu, čto je veliko, od boga naměnjeni nismo,—er kud veliko dělo bez velikâ srdca? Mi vsi Hrvati in corpore dostojni nismo, da mu samo petu oližemo, pak se i med nami našlo psićev, koji su na njega šćeknuli, na čověka bez ikakve žuči, i kojemu ako je dužan hvalom vàs učeni svět, vse koliko je slovinstvo, a to najpače mi slovinjani južni. Gospodine moj, prekinut mi je taj razgovor, er mi srdce vrta. Ne mogu podnesti te misli, da mi Slovinjani svojih ljudij tako malo milujemo, er je to i najtvrdji i neoboriv dokaz, da mi ni naroda svoga ne ljubimo. U koga nije vatre, ni srdca za slavnâ jedinca, ne može ga biti ni za ukupnost.

Krása dakle bude uredjivatelj novinam češkim! Gledajte viribus unitis da to bude list za vse nas, da se u njem vsi Slovinjani ozovemo. A lěpa je prilika i sa Slovaki pogoditi se glede jezika. Po dobrih novinah, čto je novotarija i neobičnost, za kratak čas bude občenito, bude primljeno. Et habet momentum hoc aliquid solemnitatis sc. pericula Slavorum a Germanis devorandorum. Mikovcu město kamena hitite moju knjižicu u glavu i pozdravite ga.

Vas veliki počitovatelj Frane Kurelac.

NB. Nutkajte Srezněvskoga da i k nam u Hrvate dojde.

U Karlovcu,
dne 29. julija 1860.

nská 1594. R. 6. 14) Prawa městska Kralowstwj českého. Pr. 9. R. 7. 15) Koldjn, Prawa městska. 1581. R. 3. W ogóle Reńch Srebrnych 84, Kreycarow 22. W Warszawie d. 24 List. 1826 r. dpisano: S. B. Linde. Za zgodność Sekretarz Jeneralny K. R. R. i OP. Rakiety".

Kochany Panie Hanko! Jeslibyś więc raczył ustąpić dzieł wyżey wymienionych dla Biblioteki Warszawskiey, napisz do na czyli raczey do Jaśnie Wielmożnego Pana Lindego Radzcy ommissyi Rządowey W. R. i O. P., Dyrektora Jeneralnego blioteki Publiczney w Warszawie, zapytuiąc się go, iaką drogą isz mu przesłać rzeczone książki i iaką drogą i kiedy odbierzesz nie pieniądze? czy pierwey nim księgi wydasz, czy dopiero enczas, kiedy książki iuż będą w ręku Lindego. Niechciałbym, y na wszelki przypadek stracenia się książek w podroży z Pradło Warszawy, tyś miał na tem szkodować. Dlatego każ sobie przod zapłacić i oddaj książki na drogę, iaką będzie chciał ieć P. Linde. Proszę Cię przytem, Zacny Przyiacielu i Dobroieiu, abyś i moie książki i mappy przesłał wraz do Warszawy. aczysz atoli dobrze oznaczyć pakiety i paki, które należą mnie, które Bibliotece Publiczney w Warszawie. Moie zaadresuy do . Pana Krzyżanowskiego Adryana, Professora Matematyki w Uniersytecie Królewskim w Warszawie. Jeśliby Pan Linde spuścił na Pana w obraniu drogi i sposobu przesłania książek, tedy się zdaie, że naylepsza będzie handlowa na Kraków, w czem mu Hance Dobrodzieiowi naylepiey który kolwiek z księgarzy kupców poradzi. O poczcie ani okazyach, czyli przyleżytoścach, ani myśleć można, zwłaszcza co się tycze tak wielkiey liczy moich książek. Bo poczta wypadłaby mi drogo, a po przyleżtości mogłyby mi książki łatwo zaginąć. Niechay raczey weźnie na siebie przesłanie ich do Warszawy który kupiec lub księgarz i niech Panu wyda na nie Recepis. Daruy, Panie, że Ci robię yle z memi książkami zatrudnienia. Ale gdybym był wiedział o opinii P. Lindego, byłbym był dla siebie ieszcze więcey Czeszczyzny zakupił i ieszcze więcey za P. Lindego na siebie i na Ciebie włożył starań; *n. b.* moie mappy trzeba by na drogę lepiey ieszcze w co zawinąć. «Tym czasem mam zaszczyt donieść Ci nieco moiey po Węgrzech podróży. Pierwszem moiem z Wiednia tanowiskiem w Węgrzech był Presburg [1]). Zrobiwszy znaiomość P. Prof. Palkowiczem, obeznałem się tu nie z iedną rzeczą, ty-

---

[1]) Заключенное въ кавычки (до конца письма) въ чешскомъ переводѣ напечатано въ Č. Č. Mus., 1828, II, стр. 128—131.

czącą się podróży moiey po Węgrzech. Stąd miałem iechać d
Pestu i po zrobioney dopiero znaiomości z P. Kollarem obie
dżać Węgry. Poradzono mi atoli, aby dla zbliżaiącey się por
słotney i zimowey udać się pierwey w Karpaty; w części życz
niom moim odpowiadało, myślałem bowiem zakupić wiele książe
w Peście, a nieradbym był włóczyć się z niemi po Węgrzec
Wyiechałem więc z Presburga do Trnawy. Tu znalazłem księdz
Plachtowicza, wydawcę kilku powieści słowiańskich. posiadaiąc
go w Rkpsie kilka romansów i sztuk dramatycznych przełożonyc
z niemieckiego lub węgierskiego. Między temi znayduie się prze
łożony na ięzyk słowiański romans Lafontena Der Naturmensc
Naturalský Člowek. Uwiadomił mię przytem ks. Plachtowicz o zmar
łym w roku zeszłym ks. Woyciechu Šimko, który zostawił w Rkpsi
poema, wierszem miarowym ułożone O poslednich 4 wecach, tu
dzież Prosodyą słowiańską także wierszem. — Ks. Samuel Šulc
w Uherské wsi (Magyar-falva, Ungereyden, Ungeraden), niedale
ko miasteczka Malaczka, przełożył również na tenże dyalekt kilk
sztuk dramatycznych z Kotzebue. Zachęciłem tuteyszego typo
grafa P. Jelinka do drukowania pism rzeczonych, zakupiwszy wszel
kie dotąd przez niego wydane. Z Trnawy udałem się do wsi Ma
dunic i odwiedziłem tu zacnego Poetę słowiańskiego Księdza Ho
leho. Niezmierną przeięty zostałem radością, kiedym uyrzał w ręk
ku iego przekład całey Wirgiliusza Eneidy, i co większa—pierw
szych sześć pieśni oryginalney Epopei pod tytułem Swatopluk
Tu znalazłem naylepszą sposobność mówienia po słowiańsk
i o rzeczach słowiańskich. Kilka dni u niego zabawiwszy i odwie
dziwszy w Weselem Barona Medniańskiego, od którego kilkadzie
siąt pieśni słowiańskich z muzyką otrzymałem, udałem się d
Nitry. Przyiął mię najgościnniey Prałat Kapituły tuteyszey Ksiądz
Kanonik Habel i nayprzeymiey obdarował książkami słowiańskie
mi, przez niego samego i przez innych wydanemi. Próżnom t
szukał w Archiwum starych papirów, bo się wszystko w późniey
szym czasie spaliło. Z Nitry zboczyłem umyślnie do Kościelnyc
Morawców (Egyhazas Maroth), aby poznać i odwiedzić Tablic
Mąż ten niezmordowany wciąż pracuie w zawodzie naukowym
Ale wygotowanych przez niego Pism Towarzystwa czyli Społe
nosti Bańskeho okolj nie dozwoliła cenzura Wiedeńska wydruko
wać. Historyczny mianowicie artykuł o Słowianach wschodnic
z Lomonosowa wyięty ma być przerobiony i drugi raz szczęśc
próbowane. W tych stronach szczególniey się ięzyk słowiańs
oryginalnością swoią odznacza. Wielu osobliwościom wydziwić s
nie mogłem. Są one bardzo ważne dla Grammatyka słowiańskieg

dosyć, nie tyleż przecięż, co Czechów. Poznałem tu nowe dzieła Serbskie. P. Hadżyć, Doktór Prawa i Adwokat w Nowych Sadach, wydał pod zmyślonym imieniem Swetyća, dwoiaki przekład Serbski Horacyusza Listu do Pizonow de Arte poëtica. Pierwszy przekład iest hexametrowy! Ale jakże daleki Hexametr ten od doskonałości Hexametru Czeskiego. Niewidać tu w nim ani cezury, ani następstwa. Zgoła czyta się nieznośnie. Lepszy może iest drugi przekład iego tegoż dzieła wierszem narodowym Serbskim, iaki Panu dobrze iest znany. Drugi młody uczony Serb P. Matyć, bawiący teraz w Wiedniu, przełożył Idylle Gessnera. Jeszcze ich nie miałem w ręku, choć iuż wydrukowane; styl ma być prawy Serbski i czysty. P. Stejić, młody Medyk Serbski, także bawiący tu w Wiedniu, przełożył gładką Serbszczyzną Makrobijotykę Huffelanda i wydał pięknie w 2 tomach in 8°. Naynowsze podobno dzieło Serbskie będzie P. Paczyća. Obeymuie ono w wielkim dosyć woluminie in 8°, płody geniuszu tego Kapitana Poety. Wuk znayduie w iego odach grzechy przeciw czystości i prawości Serbszczyzny: wierzyć więc temu muszę, iako nie dość świadomy rzeczy. Niewiem, czy wam znana Danica Wuka z tego roku. Opis w niey Serbii i zbior imion wsi Serbskich uczynił mi wielką radość. Dostałem także od P. Wuka artykuł iego o języku Bulgarskim, gdzie się oraz znayduie nieco spiewów ludu Bulgarskiego. Jeżeli ich nie zna P. Czelakowski, niechaj że się o nié wystara. P. Wuk niemyśli wcale w tym roku iechać do wód, a więc go nie zaraz w Pradze mieć będziecie. Pracuie on tu nad pomnożeniem swego znaiomego Wam Słownika Serbskiego a podobno i nad większą Grammatyką Serbską, może nawzór Słowiańskiey Dobrowskiego. Powychodziło tu i w Budymie wiele ieszcze innych pism Serbskich, ale mi niepodobna wszystkie Wam teraz wyliczać. Nayznakomitszy iest ieszcze Letopis Serbski wydawany wciąż przez Prof. Magaraszewicza w Budymie. W ostatnim poszycie (Djlu) znayduią się Uwagi nad ortografiją i prozodyą Serbską, niepamiętam teraz przez kogo. Pomijam romanse Serbskie i inne. Milutinowić pożegnał nas tu iuż dawno w Wiedniu. Do tego czasu iest iuż zapewne przy boku Księcia Miłosza, iako iego przyboczny pisarz czyli sekretarz. Wyiątki niektóre z iego dzieła Serbianki są także umieszczone w ostatnim poszycie Ljetopisu Serbskiego.

Sciskam Cię serdecznie, kochany Panie Hanko, i racz odemnie uściskać ks. Dobrowskiego, Jungmanow, Czelakowskiego. Będę do Was wkrótce pisał powtóre. Tymczasem, ieslibyście mię listem lub iaką książeczką zaszczycić raczyli, prześliycie mi

4.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

List Pański odebrałem i bardzo Panu dziękuię za przesłanie mi wypisów ze starożytnego Psałterza. Dnia 1 Września w Sobotę, t. i. po iutrze wyieżdżam na Morawę. Chcę zwiedzić Berno, Ołomuniec, Grodziszcze i t. d. i poznać Hannaków, Wałachów i Podzulaków. Ale wkrótce powrócę do Wiednia i wyiadę po drugie dopiero do Węgier. Tymczasem racz mi Panie Dobr. donieść, co się u Was dzieie, a mianowicie przyday, czy P. Teofil Rybicki przybył iuż do Pragi: bardzo tu bowiem o niego niektóre osoby niespokoyne. Miał zwiedzać Schneeberg w Styryi, a wiadomo, że tam iest banda rozboyników i iuż tu pewne odebrano wiadomości, że zamordowała dwu podróżnych. Dziś powieszono tu Jaroszyńskiego, co tu przed kilku miesiącami zamordował Professora Blanka. Pisz Panie Dobrodzieiu do mnie przez pierwszą pocztę po odebraniu mego listu: *Abzugeben auf den Alten Wieden Heugasse Nro 112, Thüre nro 17,* a list móy doydzie zaraz niezawodnie. Tymczasem, polecaiąc się Panu i Dobrodziejowi, zostaię Jego przyiacielem i sługą Andrzey Fr. Kucharski.

Proszę oświadczyć odemnie ukłony naprzód Jeymości Dobrodzieyce, a potem Dobrowskiemu, Jungmanom, Czelakowskiemu i wszystkim moim dobrym Znaiomym.

z Wiednia,
30 Sierpnia 1827.

5.

Wielmożny Panie Hanko Dobrodzieju!

Powróciwszy z podróży po Węgrzech do Wiednia, zastałem do siebie list od Kommissyi Rząd. Oświecenia iak następuie: „w Warszawie d. 22 Listopada 1827 r. Kommissya Rządowa Wyznań Religiynych i Oświecenia Publicznego. Otrzymawszy od Dyrektora Jeneralnego Biblioteki Publiczney rapport pod d. 24 Listopada r. z. w przedmiocie zakupić się maiących dzieł czeskich, wraz z dołączoném wyszczególnieniem tychże dzieł: przesyła w kopii P. Kucharskiemu dla wiadomości i scisłego stosowania się" i t. d. Kopia Rapportu „Do Wysokiey Kommissyi Rządowey Wyznań Religiynych i Oświecenia Publicznego. Uskuteczniaiąc polecenie W. Kommissyi Rząd. z d. 14 m. i r. b. względem dania opinii, iak dalece dzieła do czeskiey literatury sciągaiące się w spisie przez JP. Kucharskiego nadesłane, mogą być dla Biblioteki Pub-

dzić potraficie. Miło mi atoli, żeście i mnie o tem uwiadomil: [illegible] i o zdanie pytacie. Powiem więc co myślę. Uczeń powinien zawsze nauczycielowi odpowiedzieć, ale nauczyciel powinien odpowiedź osądzić. Doniesiesz mi więc Panie Dobrodzieiu, iak ci się [illegible] zdanie moie podobać będzie. Jest zaś takie. Zdaie mi się, że to [illegible] iest naystarszy pomnik Czeszczyzny. Że seym Libuszyn i wszystko coście przedtem znaleźli iest nowsze. Nie masz nic temu [illegible] równego w waszey literaturze naydawnieyszéy: dlatego trudno [illegible] ściśle osądzić, w którym u was wieku tak mówili. Żeby o tem [illegible] sądzić, trzeba by mieć próby ięzyka czeskiego przed sobą ze [illegible] wszystkich t. i. np. 9, 10 i 11 wieku, a wtenczas przez porównanie doyść prawdy. Lecz ponieważ nic niema podobnego w ięzyku czeskim (a sądzę także. że to iest po czesku niedlatego, żebym [illegible] wam wierzył, ale że mię na to niektóre słowa i formy naprowadzaią, iakoto opeti, otazal, ati, at), porównywałem więc przekład ten [illegible] z innemi przekładami słowiańskiemi. Porównawszy ze starym słowiańskim wniosłem zaraz, że tłomacz miał przed oczami przekład słowiański Cyrylla, trzymał się atoli Łaciny, a Słowiańszczyzna służyła mu tylko do pomocy. Litera ę odpowiada słowiańskiey я, a litera g literze r, va—ѣа, i może ten fragment iest pierwszą próbą pisania czeszczyzny głoskami łacińskiémi. Bo zresztą ortografiia kroacka naprowadza mię na tę myśl, że kroaci pierwey przyiąwszy Chrześciiaństwo pierwey od was pisać głoskami mogli łacińskiemi i że pierwsi duchowni wasi katoliccy, może z Kroacyi do was przysłani, zwyczay ten z sobą przynieśli. O Greckim oryginale przekładacz wcale nie wiedział. A insze przekłady słowiańskie dały mi do myślenia, że fragment ten w żadnym innym nie iest dyalekcie tylko w czeskim.

Pytanie. Jak dawny zwyczay u katolików czytania ludowi z ambony Ewangelii niedzielney. Zdaie się, że tego z początku nie czynili. Kroaci przyięli wiarę katolicką między 630 a 640 r. Aliści w 9 wieku wierzą z kościołem wschodnim zapewne dlatego, że mieli Słowiańskie Ewangeliie od Cyrylla. Wszakże przy końcu tego wieku znowu się za kościołem zachodnim t. i. katolickim oświadczaią, i tu bym naznaczył początek ortografii Kroackiey głoskami łacińskiemi (ch = č, s = ž). Ci, co was naprzód do wiary katolickiey nawracali, sądzili zapewne, że ięzyk wasz nie da się pisać. Ale kiedy widzieli, że wam Cyryll słowiańską Bibliją czyli Ewangeliie podał, a chcieli was przecię napowrot pozyskać, cóż im pozostało robić? probować, czy się w ięzyku pospolitym czeskim Ewangelia nie da pisać. Jakże ią pisać? Naśladować Cyrylla i Ewangieliie kroackie łacińskimi literami pisane.

zemská 1594. R. 6. 14) Prawa městska Kralowstwj českého, Pr. 1579. R. 7. 15) Koldjn, Prawa městska. 1581. R. 3. W ogóle Reńskich Srebrnych 84, Kreycarow 22. W Warszawie d. 24 List. 1826 r. Podpisano: S. B. Linde. Za zgodność Sekretarz Jeneralny K. R. WR. i OP. Rakiety".

Kochany Panie Hanko! Jeslibyś więc raczył ustąpić dzieł powyżey wymienionych dla Biblioteki Warszawskiey, napisz do Pana czyli raczey do Jaśnie Wielmożnego Pana Lindego Radzcy Kommissyi Rządowey W. R. i O. P., Dyrektora Jeneralnego Biblioteki Publiczney w Warszawie, zapytuiąc się go, iaką drogą masz mu przesłać rzeczone książki i iaką drogą i kiedy odbierzesz za nie pieniądze? czy pierwey nim księgi wydasz, czy dopiero wtenczas, kiedy książki iuż będą w ręku Lindego. Niechciałbym, aby na wszelki przypadek stracenia się książek w podróży z Pragi do Warszawy, tyś miał na tem szkodować. Dlatego każ sobie naprzod zapłacić i odday książki na drogę, iaką będzie chciał mieć P. Linde. Proszę Cię przytem, Zacny Przyiacielu i Dobrodzieiu, abyś i moie książki i mappy przesłał wraz do Warszawy. Raczysz atoli dobrze oznaczyć pakiety i paki, które należą mnie, a które Bibliótece Publiczney w Warszawie. Moie zaadresuy do W. Pana Krzyżanowskiego Adryana, Professora Matematyki w Uniwersytecie Królewskim w Warszawie. Jeśliby Pan Linde spuścił się na Pana w obraniu drogi i sposobu przesłania książek, tedy mi się zdaie, że naylepsza będzie handlowa na Kraków, w czem Panu Hance Dobrodzieiowi naylepiey który kolwiek z księgarzy lub kupców poradzi. O poczcie ani okazyach, czyli przyleżytościach, ani myśleć można, zwłaszcza co się tycze tak wielkiey liczby moich książek. Bo poczta wypadłaby mi drogo, a po przyleżytości mogłyby mi książki łatwo zaginąć. Niechay raczey weźmie na siebie przesłanie ich do Warszawy który kupiec lub księgarz i niech Panu wyda na nie Recepis. Daruy, Panie, że Ci robię tyle z memi książkami zatrudnienia. Ale gdybym był wiedział o opinii P. Lindego, byłbym był dla siebie ieszcze więcey Czeszczyzny zakupił i ieszcze więcey za P. Lindego na siebie i na Ciebie włożył starań; *n. b.* moie mappy trzeba by na drogę lepiey ieszcze w co zawinąć. «Tym czasem mam zaszczyt donieść Ci nieco o moiey po Węgrzech podróży. Pierwszem moiem z Wiednia stanowiskiem w Węgrzech był Presburg [1]). Zrobiwszy znaiomość z P. Prof. Palkowiczem, obeznałem się tu nie z iedną rzeczą, ty-

---

[1]) Заключенное въ кавычки (до конца письма) въ чешскомъ переводѣ напечатано въ Č. Č. Mus., 1828, II, стр. 128—131.

dechu od wichoda slunce... zamuti sie weskeri Jerusalem. A oy— czenasz takie: Otcze naś gienz gsi w nebesich oswiet se gmie twe przid kralowstwie twe bud wuole twa yako wnebi i wzemi chleb naś nadpodstatni dai nam dnes i odpust nam naśe dluhi yako y mi odpusczimi dłużnikom nasim y newed nas w pokusemy ale zbaw nas od zleho, Amen. Trzeci Rękopis: Krátke poznamenáni Sweta to gest: maly spis Kragén mést wód, áno ý naroduw rozličných Roku Páně 1759. dokonane 1760 in 4° z mappami, stron 209. Předmluwa: Żebys y ty mug mily Slowaku! Zabawku stetečnu mel etc. Bądźcie mi zdrowi. Wasz Sługa

Andrzey Kucharski.

Poiutrze wyieżdżam do Gradcu.

z Wiednia,
10 kwietnia 1828.

7.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

List Pański doszedł rąk moich i ile mi z iedney strony sprawił przyiemności, iż się Pan do mnie zgłosiłeś, tyle z drugiey wstydzić się musiałem, żem został uprzedzony. A wszakże mię i to cieszy, bo dowodzi waszey ku słowiańszczyźnie nadzwyczayney skłonności. Ale nie bądźcie porywczy, nie nazywaycie napisow na chełmach runicznych z góry zaraz dackiemi. To na żaden sposób być nie może. W runach albowiem tych doskonale z od *s* rozróżnione, i ne *sé daku* ale wyraźnie *zidaku* stoi napisano. Jakim sposobem mularz do tego przyszedł? Takim samym, iakim podróżni do nagrobków na powierzchni ziemi umieszczonych przychodzili i przychodzą! Nie możesz Panie *jije* uważać za dwa słowa: bo stoi napisano *jijé ie obil.* Pierwsze więc jijé iest gornołużyckie co do zakończenia na *e*, wasze jej, starosławiańskie *ii*; drugie *ie* należy do słowa *obil.* Oczywiście, że *Jarmeisel* oznacza Jaromysła, i toto imię dowodzi, że napis ten z duszą i ciałem należy się Słowieńcom Panońskim, czyli Banowińskim, albo Panowińskim, a nie dackim. Daycie sobie pokoy z waszym ięzykiem starosłowiańskim. Język ten należy do klassy dyalektów Ruskich i nigdy nie był w tych stronach w domu.

Dziękuię Panu serdecznie za przesłanie mi starożytnych pomników czeskiego i polskiego ięzyka. Radbym mieć odpis Polskiego Oycze nasz. Urywek z Biblii iest późnieyszy od Psałterza Floryańskiego. Muzeynik wasz przeszłoroczny kupiłem tu w Zagrebu

Materya ięzykowa prawie polska, forma ieżeli nie czeska lub morawska, to ruska. Wymawiania sposób niektórych głosek im tylko samym właściwy. Zwróciłem się na lewo i na Batowce (Bath, Frauenmarkt), gdzie u Past. Kuzmy zanocowałem, przybyłem do Szczawnicy iuż w Karpatach leżącey. Tu znalazłem sposobność spisania pięknych Spiewanek Słowiańskich. Poznałem się z Seberynim, tuteyszym pastorem, i w różnych rzeczach słowiańskich nayuprzeymiey od niego oświecony zostałem. Ofiarował mi także swoie pisma. Trudni się pożytecznie zadawaniem Cwiczeń kaznodzieyskich w ięzyku czeskim przyszłym Kaznodzieiom ewangielickim. Ze Szczawnicy udaiąc się na północ coraz daley w głęb Karpat na Bańską Bystrzycę i Rożenberk w stolicy Liptawskiey znalazłem tu znowu ięzyk wcale odmienny. Wyrazy i wyrażenia ani polskie, ani czeskie, ale mimo to wielu Słowakom nieznane. Rzecz dziwna, że zaraz na pierwsze wrażenie dostrzegłem podobieństwa ięzyka okolic tuteyszych z ięzykiem Serbów Łużyckich! Daley ku stolicy Orawskiey i iuż na samey Orawie słyszeć można wyrazy czeskie, polskie i prawdziwe słowackie, tak że świadomemu tych ięzyków nietrudno iest osądzić, że ięzyk słowiański tych okolic nie powstał iedynie z zetknięcia ięzyka czeskiego z polskim: iest to ięzyk oryginalny słowiański, ięzyk podobno starey Chrobacyi wielkiey, ale różny od ięzyka starosłowiańskiego Cyrylla i Methoda. Ze stolicy Orawskiey (Arvaer Comitat) udałem się na Beskidy, t. i. góry stanowiące granicę między Galicyą a Węgrami, i minąwszy dziwną mięszaninę słowiańskiego dyalektu z polskim albo raczey mazurskim, iakim mówią górale polscy, starałem się z drugiey strony Beskid iuż w obrębie Galicyi poznać góralów polskich iedynie w tych stronach zamieszkałych i ich ięzyk. Rzecz dziwna, że nietylko Rossyanie, ale i Górale tuteysi (polscy) nazywaią mieszkańców polskich na płaszczyznie Lachami. Druga rzecz, że Rusini w Galicyi nazywaią lud polski Mazurami. Górale polscy mówią także dyalektem Mazurskim, wyiąwszy niektóre właściwe im wyrażenia. A więc Narodu Mazurów nietylko w Mazowszu starym, którego główne miasto była Warszawa, teraz stolica Królestwa, szukać potrzeba. Mazurskim dyalektem, iak mi wiadomo, mówi lud prosty i w Wielkiey Polsce! Wstrzymuię się tu od dalszych uwag. Wiem atoli, że, gdy Ci wspomnę Państwo Maysory w Indyach wschodnich, śmiać się będziesz.

Od wsi Kamesznicy, gdziem odwiedził Hrabiego Potockiego, t. i. od mieysca zetknięcia się trzech granic: Morawskiey, albo raczey Slązka Austryackiego, Węgierskiey i Galicyyskiey czyli

4. Czy się Pańska Rozprawa o Prawach czeskich będzie gdzie drukowała?

5. Czy Panu odpisał Admirał Szyszkow na wiadomość, że Łużyczanie dolni potrzebuią elementarzów?

6. Czyli co będzie z katedr Słowiańskiey Historyi w Rossyi? Czy Panu co na to odpisano?

7. Wyczytałem, że P. Kollar nie iest iuż kaznodzieią w Peście. Gdzież się więc znayduie? Chciałbym bowiem do niego pisać

8. Co robił Levezow Prof. Berliński w Pradze? czy wydał swoię rozprawę o starożytnościach Obotrytskich i pod iakim tytułem?

9. Co się stało z katedrą ięzyka polskiego w Pradze?

10. Czy Pan wydał Rozmowy p-i Genlis?

11. Jak się ma P. Prof. Kulik moy ziomek i co robi? Proszę go pozdrowić odemnie.

12. Proszę Pana donieść mi, co to za Grammatyka Horwacka została się w Rękopisie po K-dzu Dobrowskim. Mówił mi ś. p. Mąż ten, że to zapewne Rittera (Vitezovicha) i nie wątpiłem wtenczas, ale teraz wątpię, bo tu znalazłem w Bibliotece Akademickiey Zagrebskiey drugą Grammatykę Rkpisną przez Prof. Vitkovicha z r. 1779 in 4-to. Czybyś Pan nie był łaskaw przeyrzeć tę Grammatykę horwacką teraz Muzeyną i donieść mi iaka w niey ortografiia, ile liczy przypadków w deklinacyach i ile i iakie deklinacye, czy ma futurum simplex w koniugacyach, czy tylko ze słowem budem. A co do koniugacyi: iakie? i ile ich? Co do składni czyli syntaxis—czy np. uczy mówić: imam nos (nóż) czy imam nosa, bo tu teraz bardzo gęsto Horwaci zamiast 4-go 2-go przypadku używaią nawet w nieżywotnych. Czy po przeczeniu *ne* kładzie przypadek 2-gi czy 4-ty, co się szczególniey w imionach rod. żeńsk. i niiak. pokazuie. Czy mówi co o akcentach i iakich? Z tego będę mógł wnieść, czyli to nie grammatyka Witkovicha. Napisz mi Pan iey tytuł i ile ma arkuszy i t. d. Pan to wiesz dobrze, iak opisywać.

Proszę Pana wyprawić moie książki do Krakowa przez iaki dom handlowy przez furmana. Mappy i książki niezapakowane trzebaby ieszcze na drogę opatrzyć. Na mappy każ Pan zrobić walec i na niego ie obwinąć, aby się nie pognietły. A książki, które niezapakowane w Pradze zostały, iako to Gram. Sęskr. Czasopisu Muzeyn. Nro: 2, Gramm. niem. Müllera, potrzebowałyby większego towarzystwa, aby mogły być zapakowane w skrzynkę osobną. Wypisałem tu sobie reiestr książek czeskich, które mi do zakupienia pozostaią za 50 f. C. M., ale wam ieszcze teraz

gdym do niey po słowiańsku przemówił, odpowiedziała mi: *nichts windisch!* Nareszcie wyśledziłem tu gruntownie, co są *sotacy*, i przekonałem się, iak dziwne i niedorzeczne dotąd o nich wieści baiano. Udzieliłem o nich artykuł Kollarowi. Co do ięzyka Ruśniackiego ten w samey stolicy Marmaroskiey iest troiaki. Mieszkaiący na pograniczu Galicyi nazywani są Rusjane. Tych, którzy mieszkaią wgłębi kraiu, nazywaią inni Blachami. W całym przeciągu podróży moiey niewiele znayduiąc Literatury i Rękopisow zbierałem wszędzie tym pilniey pieśni ludu, śledziłem siedliska słowiańskie i badałem obyczaie, tak iż podróż moia ważna iest pod względem lingwistycznym i etnograficznym. Stan mianowicie Ruśniakow opłakany. Wszystkich tuteyszych Słowian Niemcy staraią się zniemczyć, a Madziarzy zmadziarzyć. W Lewoczy powiedziano mi wyraźnie: „Die Slovakische Sprache soll ausgerottet werden". Z powrotem z Marmaroszu obeyrzałem w Sarospatak szczątki z Biblii polskiey królowey Zofii z w. 15. Niemasz tu psałterza ani nowego Testamentu, bo wyrwane iak widać. Inne księgi starego Testamentu prawie wszystkie uszkodzone. Przybyłem nareszcie do Pesztu do nieoszacowanego Kollara i com tam robił, doniosę Wam w inszem liście. Bądźcie mi tymczasem zdrowi. Jeymości Dobrodzieyce Rączki całuię. Wasz prawdziwy Przyiaciel i Sługa Andrzey Kucharski.

z Wiednia,
19 Marca 1828.

Помѣта Ганки: „23 odp."

6.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Odkryty przez Was Fragment Ewangelii S. Jana wielce mię zaiął. Udzieliłem go zaraz Kopitarowi. Ale ten, ledwie o nowem odkryciu przez Was usłyszawszy, oświadczył, albo raczey wykrzyknął, nie czytaiąc ieszcze tego wyiątku, żeście znowu świeżo starożytność wymyślili i ukuli iak w kuźni, i polecił mi odpisać Panu, że Rękopis ten iest z 19 wieku, t. i. od was napisany. Czytaiąc ten wyiątek śmiał się, żeście umyślnie stare formy pokładli. Kiedy tak sądzą ludzie, co wielkiey sławy w świecie uczonym u Słowian nabyli, cóż mam na to powiedzieć ia biedny, co ledwie uczniém w tym względzie zwać się mogę? Niewiem iakim sposobem, gdzie, na czem, w czem, i t. d. rękopis odkryty i iak wygląda, bo go nie widziałem. Ale mam sądzić z ięzyka. Kiedy to czeski, iak wszyscy sądzicie, to wy naylepiey ten zabytek osą-

iacielu, że siostra moia pani Plewińska trzyma instytut wychowania płci żeńskiey, Pensyą zwany i dlatego to życzy sobie mieć nauczyciela do muzyki czyli w szczególności do fortepianu, ofiaruiąc mu 500 złotych srebra (bo tyle czynią polskie 2000). Jabym rad, żeby to był Czech rodowity, nie Niemiec i żeby umiał śpiewać po czesku piękne arye i inne pieśni czeskie. Bo lubo się po części uczą Polacy i po niemiecku, śpiew atoli niemiecki iest u nas rzeczą niesłychaną i że tak rzekę wzgardzoną. A po włosku do włoskiego śpiewu nigdy Niemiec czysto wymawiać nie może i śmiesznym by się stawał. Przytém dobrzeby było, żeby młode Polki poznały przecię śpiew Czeski. Ufaiąc w Dobroć Twoię, kochany Przyiacielu, śmiém Cię obarczać tym interesem. Czy byś tam kogo przecię Pan nie znalazł, pomówiwszy ze znaiomemi Panu Pragskiemi Wirtuozami. Dobrzeby było, aby się znalazła osoba, która by robiła sławę osobistą muzyce Czeskiey w naszey Stolicy w Warszawie. Dziwno mi, że siostra moia pisze o Czecha, a nie wspomina, czyby może Czeszki nie przyięła właściwszey dla panienek. Ale to prawda, że u nas panuie to zdanie, czy przesąd, że brać lekcyy w muzyce od kobiety nic nie znaczy. Zwyczaiem u nas iest, że pannom po Pensyiach mężczyzni lekcyie dawać muszą. Może to mieć swoie dobre skutki, ale i złe mieć może, dlatego zgóry pisze siostra o moralnego Czecha. Na wszelki przypadek, czy się Czech czy Czeska znaydzie, racz, Panie łaskawy, pisać wprost do Warszawy na ręce mego Szwagra P. Plewińskiego, albo do pani Plewińskiey (moiey siostry) pod adressem: A Madame M-me Plewińska à Varsovie w Rynku Nowego Miasta w Domu S. Salvatora.

Jeżeliby się zdatny mąż trafił, mógłby się może przytem umieścić w orkiestrze teatralney. Bo by miał całe wieczory wolne, iak mi się zdaie. A dla kobiety byłoby zapewne na tey pensyi dosyć. Nic siostra nie pisze o mieszkaniu i stole: zdaie się, iz mężczyzna musiał by tych dwu rzeczy szukać sam za swoię pensyą etatową. Ale kobieta mogła by to oboie w domu znaleść. Proszę Cię, kochany Przyiacielu! racz na wszelki przypadek pisać do moiey siostry o nauczycielu muzyki, a będzie iey to bardzo miło.

Zapomniałem Pana prosić, abyś uważał także, iaka tam iest Koniugacya bierna (passiva) w Grammatyce Horwackiey po Dobrowskim. Bo tu znayduię w Grammatykach osobliwszą formę ja sze hvalim, ego laudor, ich werde gelobt; ale mi się zdaie, że to tylko w Grammatykach, a nie w mowie ludu znayduie się A cóż stare grammatyki nie baią. Odebrałem także dziś list o

Piszą Kronikarze, że Biskup Boso w 10 wieku podał Ewangieliie w słowieńskim pospolitym ięzyku, iak pisze Szafarzyk na str. 305. Krótko mówiąc: ieśli ten rękopis niezmyślony, tedy iest z wieku 10, pierwszą próbą pisania czeszczyzny głoskami łacińskimi, zapewne przez Biskupa Boso lub podług niego zrobioną. Trudno sądzić, czy z początku, czy z środka, czy z końca wieku. Prędzey bym atoli sądził z historycznych podań o Religii katol. u Czechów, że z końca 10 wieku. Szkoda, że nie mam pod ręką ani seymu Libuszy, ani naystarszych dotąd przez was posiadanych przekładów tego mieysca. Ale naypewniey przypada natenczas ten przekład, kiedy was katolicy napowrót od kościoła wschodniego oderwać chcieli i oderwali, a to się działo i stało w wieku 10. Zatobym dał szyię, że przekładacz miał starosłowiański przekład Ewangielii przed oczami.

Teraz do czego innego. Dziękuię Panu, żeś mi Grammatyki dopełnił. Odsyłam Panu 5 f. Conv. M. A Pan rzacz moie książki i mappy odesłać *do Krakowa na ręce W. Professora Lyceum Kosickiego.* Ten ich odeśle do Warszawy tak, że nie będą na komorze przerzucane. Nie pamiętam, com dał za pierwsze arkusze Grammatyki Sęskryckiey. Obiecałem Panu napisać ieszcze co o moiey podróży, a mianowicie o Peszcie. Dziwna rzecz, iak ięzyk wasz Czeski do Ruśniackiego w stolicy marmaroskiey podobny. Miałem wam ieszcze w przeszłym liście o tem pisać. Tą razą nie mogłem o tem zapomnieć, bo fragment, któryś mi przysłał nowym iest tego podobieństwa dowodem. Wyraz *hayno, ajno, hano, ano,* rozmaicie od Ruśniaków wymawiany (bo w samym Marmaroskim Komitacie 3 są dyajekty Ruśniackie), odpowiada waszemu ano, germ. ja! czego insze dyalekty nie maią. Łużyckie *haj* słyszałem w Karpatach w Stolicy Liptowskiey i Orawskiey i innych brzmiące iako *hej*, germ. *ja!* toż samo: u was wołaią Panačku, a u Ruśniaków Panočku, czego u innych narodów słow. nie usłyszysz, i tysiąc innych. Wyraz np. *zese* znayduiący się w znalezionym fragmencie odpowiada zupełnie Ruskiemu *cece*, t. i. sese. Czeskie *tatoť* starosłow. *сеѭе*. Ale w ten moment przychodzi na myśl, że i *zese* tak też podobno czytać potrzeba. W Peszcie znalezliśmy z Kollarem Rękopis Dcery, którą Pan wydałeś pod imieniem Husowey. Ale gdzie u Pana stoi: „Tuto se počina o poznanj cesty prawe k spasenj", w Rękopisie Peszczańskim stoi: „Tu to se počina Swateho Augustina zrcadlo". Drugi Rękopis któryśmy w Peszcie znaleźli iest Nowy Zakon na perg. in 12-mo. Oto są próbki z niego: Kdiz se tehdi narodil biesse Gezis w Betleime iudasowie we dnech erodesa Krale ay mudrcy przygi-

na pamięć drugie pierwszeństwo, iakie macie przed wszystkiemi Słowianami, waszę wyborną Prosodyę. Zgoła, iesteście teraz na naylepszey drodze. Dziękuię Ci, kochany Przyiacielu! za przesłanie mi iednego eksemplarza wydaney przez Ciebie Ewangielii S. Jana Ubolewam atoli, żeś nieprzydał całkowitego przekładu starosłowiańskiego i iednego całkowitego czeskiego ze znanych dotąd Rkpsów, np. z r. 1122, a znaleziony Rkps pokazałby się był w nierównie iaśnieyszym świetle. Nieodstępuię ia od zdania mego: że tłómacz znalezionych przez ciebie złomków lubo się łacińskiego trzymał textu, na starosłowiański się przecie zapatrywał. Otóż takie samo iest moie zdanie o naydawnieyszych przekładaczach czeskich, iak Twoie o polskich. My od was, a wy ze starosłowiańskiego. Nieodebrałem tu żadnego *facsimile* Rkpsu Królodworskiego, chyba że tak wygląda nowa iego edycya iak pierwsza złomków św. Jana. O Niemcewiczowem facsimile prawdę piszesz, i lubo sam posiadam nietylko początek Biblii Sarospatackiey, ale i inne z niey wyiątki, zamawiam sobie atoli Twoię nową edycyą Slawina. Radbym mieć atoli i starą Slawina i Slowanki, przyday ieśli możesz dwa te dziełka do moich książek, a cenę powrócę z wdzięcznością. O Komitecie Warszawskim tyczącym się poprawy pisowni polskiey nic niesłyszałem. Co się tyczy moiey ortografii, którey myślę używać, da Bóg, przy porównywaniu słowiańskich dyalektów, muszę Ci tu ieszcze raz pisać. Smieiąc się ze mnie, że chcę federpusze na ocasky zamienić, pokazałeś się prawdziwym i iednostronnym Czechem, niemyśląc o żadnych innych Słowianach: i tym świadectwem moiém możesz się zasłonić przeciw czynioney wam potwarzy przez Negedlego. Muszę ia pisać w różnych dyalektach słowiańskich nietylko t, d i t' d', nietylko c, s, d* (t. i. dz), z, i ć ś d'* (t. i. dź) ź, ale i ç ş d* (t. i. dż), ẓ, i nawet ć* ś* ź* (t. i. ross. чь, шь, жь), a tu widzisz, że mi polskie ć od ç (t. i. cz) dobrze rozróżnić potrzeba i że wyrażaiąc ros. чь nie mogę kłaść u góry dwu znaków. 2-gie litera d*, lepiey przyymuie *cedile* pod spodem niż u gory, mianowicie że żamiast dź wypada pisać iuż u góry d* [1]). Dla niey więc i dla analogii i inne go pod spodem mieć muszą. Zarzucasz mi, że iuż mamy *cedile* nosowy ą, ę, i boisz się, żeby Polacy i spółgłosek przez nos nieczytali. A wszakże i wy piszecie wasz haczyk zarówno nad samogłoskami, np. měla, iak i nad spółgłoskami, np. plyň, a to nietylko na wyrażenie spółgłosek miękkich (affectae ab j),

[1]) Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ при d поставлена звѣздочка, оно должно быть перечеркнуто горизонтально въ верхней части; при ć ś ź, отмѣченныхъ звѣздочкой, внизу долженъ быть cedile.

i z wielką czytałem go przyiemnością. Uściskay Pan odemnie K-dza Winarzyckiego. Dziękuię Wam za umieszczenie mego listu. Wspominasz mi Pan o kłótniach ortograficznych, na nowo wszczętych. Proszę Pana przysłać mi te broszurki. Bo iakkolwiek słabe może są w tey mierze moie zdania, chciałbym przecięż należeć do ważney tey sprawy z wszelką mą siłą. Tymczasem donoszę Panu, żem od x i q całkiem odstąpił i wyrzuciłem ie całkiém z mego powszechnego układu czyli raczey składu głosek słowiańskich. Krzyczano bowiem na przemianę. Zamiast więc ch piszę h, a zamiast dz. piszę d. Myślę, że ieżeli co w ortografii stanowić będziecie i mnie się zapytacie. Miałem tu bowiem sposobność poznania skłonności i potrzeb ilirskich.

W przyszłym Alfabecie słowiańskim nie maią być żadne obce między łacińskiemi głoski, nie maią się nigdy dwie litery na ieden głos składać, i nie ma być żadney przemiany liter łacińskich co do brzmienia. I cóż więc pozostaie do użycia, ieżeli nie przydanie znaków pewnych głoskom łacińskim, ale znaków mogących się za iednym ciągiem pióra pisać z literą (bo i tego tu żądaią) i mogących się zrość w literę iedną, która przecięż ma zatrzymać swóy charakter łaciński w całey swoiey piękności. Dlatego nie piszę iuż č, š, ž, ale ç ş ź albo ç, ş, z. Nie są to rzeczy przezemnie wymyślone, ale z różnych zebrane i przyięte. Piszesz mi Panie, że książki moie czekaią moiego przeznaczenia. Cóż to nie odebrałeś Pan mego listu, w którym Pana prosiłem o przesłanie ich do Krakowa na ręce Prof. Kosickiego? W tymże liście przesłałem Panu 5 fl. za Grammatykę Sęskrycką i oświadczyłem się obszernie o znalezioney przez Pana Ewangielii św. Jana, donosząc przytem, com znalazł w Peście z rzeczy Czeskich. Że to prawda, przesyłam Panu Recepisse. Proszę Pana także odebrać od P. Palackiego 2 Numera Muzeynika. Moię Grammatykę Niemiecką Müllera, na wzór Dobrowskiego napisaną, zostawiłem u tegoż K-dza Dobrowskiego. Spodziewam się, że mi i ta nie zginie, skoro wszystkie książki przechodzą do Muzeum. Napisz Pan do mnie do Raguzy na ręce Appendiniego w Kollegium Piiarskiém i odpisz mi Pan punktualnie na wszystko, o co proszę:

1. Czy Pan znalazł Polskie książki, których Pan szukał ogłaszaiąc drukowany ich katalog?

2. Czy wyszła albo czy wyydzie z druku Grammatyka górnołużycka K-dza Dobrowskiego?

3. Czy wydali Gornołużyczanie w Lipsku swoie prace naukowe?

ie ręce chciał przesłać. Mówię Ci, iż się to nigdy stać nie może: bo chociaż iuż będę w Warszawie, nie będziesz mógł adresować książek do mnie ale zawsze do Prof. Kosickiego do Krakowa, a od tego ia ie dopiero odbierać będę. Tą razą odbierze ie od Kosickiego móy Przyjaciel P. Prof. Krzyżanowski w Warszawie i od zepsucia zabezpieczy. Reiestru tych książek nie mam tu w Dubrowniku przy sobie. Zostawiłem go między papierami w Zagrebu, na który do Nowego Sadu iechać będę. I Tobie i Kosickiemu i Krzyżanowskiemu tyle wierzę, że się bez reiestru obeydzie. Truhlice zabite iuż opieczętuy na drogę, a rzeczy ieszcze niezapakowane zbierz w nową truhlicę i zrob podobnie, t. i. zabiy i zapieczętuy, a tak doydą aż do Warszawy.

A teraz o przyłbicach. „O staroslovanském si dobře nerozumjme", piszesz mi. Owszem rozumiem cię teraz. Jam pierwey myślał język zwany teraz cerkwennym, a tyś myślał Archaizm Słowiański. Prawda, że teraz język tylko cerkiewny i rossyyski ma partykułę se, lat. ecce. Ale że ją miał pierwey i ięzyk illirski i czeski, iak się świeżo pokazuie, rozumiesz, że i Zidaku znaczy se Daku. Na taką przemianę nigdy pozwolić nie mogę. Gdyby stało na przyłbicach Si daku, to by może było se, si, może być różnica dyalektyczna, ale tu wyraźnie stoi Zidaku, litera /_, t. i. z. Gdy przeciwnie litera s pisze się odwrotnie /‾. Ale druga etimologia mogła by się dać syllabie zi, t. i. słowo znane w ięzyku hrwackim i raguzańskim zijati, t. i. patrzeć się z podziwieniem, ieśli nie iest z niemieckiego sehen. Zostawmy to czasowi. Tymczasem atoli donieść Ci muszę, że na moię pociechę znalazłem w dziele p. Lanzi między wszystkiemi alfabetami, iakich używały ludy starożytnej Italii, naypodobnieyszy do moiego na przyłbicach i prawie ten sam alfabet Venetorum Enganeorum. Co dowodzi, że ciż Veneti byli także Słowianie. Życzysz sobie, kochany Przyiacielu, odbierać z Warszawy pisma peryodyczne polskie za Muzeynik. Poki mnie w Warszawie niema, niemogę Ci dać inszey rady, iak ażebyś wprost na pocztę napisał do mego naydroższego Przyiaciela P. Adryana Krzyżanowskiego Doktora Filozofii i Professora Matematyki wyższey Królewskiego Uniwersytetu w Warszawie. Czego żywnie zachcesz, uczyni to dla Ciebie ten nieoszacowany mąż nayrzadszych talentów, nieocenioney dobroci i naygorliwszy o dobro słowiańskiey Literatury. Napisz a niezawiedziesz się. Pośli mu Twoie Muzeyniki także przez pocztę i proś, żeby Ci przez pocztę przysłał, czego sobie życzysz. Długo bowiem czekać przyleżytości i poczta przecięż tak wiele kosztować nie będzie. Do tego iesteś członkiem Król. Towarzy-

twa Przyiaciół Nauk i czy niemasz sposobu pisać do tegoż Towarzystwa? Ale pisz tylko do mego Krzyżanowskiego. Jeden exemplarz Hayka chętnie biorę z Preslowym Roślinarzem, przylay mi do tego Slowianina i Slowiankę i co możesz z dzieł, o które Ci w przeszłym liście pisałem, i poday mi, ile ci będę za o wszystko miał zapłacić. Napisz mi do Zagrebu (Agram) na ręce Prof. Kwaternika. Przybywszy do Zagrebu odbiorę list niezwodnie. Radbym także mieć Starj letopisowé češtj i poslednj vazek Kroka. Kochany Przyiacielu! Przysłałeś mi dwa układy Alfabetu Czeskiego, t. i. Twoy i Ksdza Winařickégo, tudzież Twoy kps o spółgłoskach i ich przemianie, niewspomniawszy atoli tem w liście ani słowa. Rzecz osobliwsza, że kiedy ty nad przemianą i wymawianiem spółgłosek czeskich pracowałeś, ia niewiedząc o Twoiem takowem zatrudnieniu w tymże samym czasie tenże sam sposób nad przemianą spółgłosek w języku hrwackim pracowałem, tak: że ktoby dwie nasze prace zobaczył, powiedziałby, że ieden z drugiego rzecz słowo w słowo przerobił. Przyznam Ci się, że mię Twoy Rkps wielce dla tego zabawił. Myślę ia takie tablice i na język polski ułożyć albo raczey na ogólny język słowiański. Atoli my wyrazu np. młodši niezamieniamy w wymawianiu na młoči, ani krótši na króči. Zresztą ieś na dobrey drodze. Pokaże się koniec z końcem, że musimy k pisać, iak mówimy, a nie podług etymologii, którey końca kt doścignąć nie potrafi. Drukuy, proszę Cię, śpieszno ten Rkps. Myślę, żeś mi tylko małą jego próbkę przysłał. Ośmielam się i ia am przesłać moy system Alfabetyczny [1]). Niezupełnie się alboiem z wami zgadzam. Ponieważ tu iuż nie mam mieysca uczynę przy nim uwagi nad waszym i moim systemátem. Tymczasem ł Was pozdrawiam i ściskam serdecznie. Wasz Przyiaciel i Sługa

Andrzey Kucharski.

Panu Winařickémú serdeczne pozdrawenj.

w Dubrowniku,
d. 14 Sierpnia 1829 [2]). Помѣта Ганки: „Odpow. 29 zárj".

[1]) См. таблицы на стр. 592 и 595.

[2]) Въ Č. Č. Mus., 1829, IV, стр. 122—130, напечатано въ чешскомъ переводѣ еще одно письмо Кухарскаго изъ Дубровника отъ 28 августа (9 сентября) 1829 г. Этого письма мы не нашли въ бумагахъ Ганки.

Kuharskēho slowospytnȳ poradek çeskȳh zwukō.

A. VOCALES.									
I. Classis Litterarum.	Gradus angustiæ.	Latiores.				Angustiores.			
		Breves.		Longæ.		Breves.		Longæ.	
		Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono
	1.	a	á	ā	ȧ	e	é	e	ê
	2.	o	ó	ō	ȯ	y	ȳ	y	ŷ
	3.	u	ú	u	ù	i	í	i	î

B. SEMIVOCALES.									
II. Classis Litterarum.	1. Puræ.	j. v.				nasales.			
		linguales.						labiales.	
		dur	mol	dur	mol	dur	mol	dur	mol
	2. Mixtæ.	l	l'	r	ṛ	n	ń	m	m̓

C. CONSONANTES.									
Classes Litterarum.	Ordines Consonantium.	Debiles.				Fortes.			
		Aspiratæ.		Puræ.		Aspiratæ.		Puræ.	
		dur	mol	dur	mol	dur	mol	dur	mol
III.	1. lab.	w	w̓	b	b'	f	-	p	p'
IV.	2. ling.		—	d	d'	-	—	t	t'
V.	3. dent.	z		d*	-	s	-	c	—
VI.	4. palat.	ẓ		ḍ*	-	ṣ		ç	—
VII.	5. gutt.	h	—	g	—	h	—	k	—

Wasz przyrodzony układ pośléycie Purkiniemu, piszącemu fizyologiią organów mównych: będzie może z niego kontent. Ja ako etymolog muszę litery układać nie iak z garła wyłażą, ale ak się w słowach przemieniaią. Naprzód spostrzegacie u mnie oddzielone (i na drugim położone mieyscu) semivocales od consonantes. Mianowicie u was litery l, r wielkie maią prawo tak się nazywać. Natura semivocaliów wcale inna od consonantów. Widzisz, że consonantes dzielą się na debiles i fortes, na aspiratae i purae, czego semivocales niemaią. I czegoż bym miał mięszać semivocales pomiędzy consonantes, iak to czynił Dobrowski iak u was spostrzegam. Podział organowy na tym cierpi. Ale co inszego są semivocales linguales, a co inszego consonantes inguales. Co inszego consonantes labiales, a co inszego semivocalis labialis. Do tego podział completny liter na organy cui bono? Spostrzegasz różne znaki nad *samogłoskami*. Krzyczysz, że niepotrzebne. Odpowiadam, że ia nierobił ortografii czeskiey, ale słowiańską i tę do dyalektu czeskiego zastosowałem. Ale *detur obis venia* czyli napiszecie ā, czyli zamiast niego á, kiedy macie kcent łatwy i domyślny. Będziemy was rozumieli łatwo, skoro am ta uwaga będzie uczyniona. Widzisz, że iam napisał wasz alfabet ortografiią nie iaką macie, ale iaką mieć możecie i powinnibyście. Piszę więc samogłoskę (vocalem i longum), a nie j. Między semivokałami (nazwiey ie po czesku iak chcesz) kładę puae: j (zamiast g teraźnieyszego) i v. Ta litera cię zastanawia. ak i, kiedy nieczyni syllaby, zamienia się na j, tak u, kiedy nieczyni syllaby, samo przez się, ale się z drugą inną samogłoską w iedney syllabie wymawia, powinno się pisać v, np.: kovsek (nie ausek), ale przeciwnie: nauçiti (nie navçiti). Mixtae semivocales ą: linguales: trzy pierwsze—labiales, ostatnia m nasalis, 2. drugie l i m ze swoiemi miękkiemi; dla tego kończę semivocales na m, i zaczynam consonantes od w, żeby labiales litterae do siebie przybliżyć. Różnica między l i l' zaginęła, ale natura języka czeskiego potrzebuie zwracać na tę okoliczność każdego Grammatyka; ŗ kładę za miękkie, iak gdyby było ŕ (t. j. rj ross.), bo w etymologii nic inszego nieznaczy. Macie miękkie consonantes w wyrazach, np.: ẃeci, sob'e, zṕew (spiat piszecie zamiast spat, ob. p. 25 Oldřycha i Boženy), mesic. Bo ieżeli znaiduiecie w waszym języku iakie ě, to nic inszego nie będzie tylko je; więc piszcie albo ẃeci, albo, kiedy niechcecie, to piszcie wjeci. W słowiańskiey ortografii często potrzebuię nad e pisać iloczas ē, i dla tego mollities pisać się nad niem niemoże. Zamiast dz, piszę iednę litterę d*, albo ∂*, i-podług teyże samey analogii, iak piszę c i ç,

na pamięć drugie pierwszeństwo, iakie macie przed wszystkiemi Słowianami, waszę wyborną Prosodyę. Zgoła, iesteście teraz na naylepszey drodze. Dziękuię Ci, kochany Przyiacielu! za przesłanie mi iednego eksemplarza wydaney przez Ciebie Ewangielii S. Jana. Ubolewam atoli, żeś nieprzydał całkowitego przekładu starosłowiańskiego i iednego całkowitego czeskiego ze znanych dotąd Rkpsów, np. z r. 1122, a znaleziony Rkps pokazałby się był w nierównie iaśnieyszym świetle. Nieodstępuię ia od zdania mego: że tłómacz znalezionych przez ciebie złomków lubo się łacińskiego trzymał textu, na starosłowiański się przecie zapatrywał. Otóż takie samo iest moie zdanie o naydawnieyszych przekładaczach czeskich, iak Twoie o polskich. My od was, a wy ze starosłowiańskiego. Nieodebrałem tu żadnego *facsimile* Rkpsu Królodworskiego, chyba że tak wygląda nowa iego edycya iak pierwsza złomków św. Jana. O Niemcewiczowem facsimile prawdę piszesz, i lubo sam posiadam nietylko początek Biblii Sarospatackiey, ale i inne z niey wyiątki, zamawiam sobie atoli Twoię nową edycyą Slawina. Radbym mieć atoli i starą Slawina i Slowanki, przyday ieśli możesz dwa te dziełka do moich książek, a cenę powrócę z wdzięcznością. O Komitecie Warszawskim tyczącym się poprawy pisowni polskiey nic niesłyszałem. Co się tyczy moiey ortografii, którey myślę używać, da Bóg, przy porównywaniu słowiańskich dyalektów, muszę Ci tu ieszcze raz pisać. Smieiąc się ze mnie, że chcę federpusze na ocasky zamienić, pokazałeś się prawdziwym i iednostronnym Czechem, niemyśląc o żadnych innych Słowianach: i tym świadectwem moiém możesz się zasłonić przeciw czynioney wam potwarzy przez Negedlego. Muszę ia pisać w różnych dyalektach słowiańskich nietylko t, d i t' d', nietylko c, s, d* (t. i. dz), z, i ć ś d'* (t. i. dź) ź, ale i ç ş d* (t. i. dż), ż, i nawet ć* ś* ź* (t. i. ross. чь, шь, жь), a tu widzisz, że mi polskie ć od ç (t. i. cz) dobrze rozróżnić potrzeba i że wyrażaiąc ros. чь nie mogę kłaść u góry dwu znaków. 2-gie litera d*, lepiey przyymuie *cedile* pod spodem niż u gory, mianowicie że zamiast dź wypada pisać iuż u góry d* [1]). Dla niey więc i dla analogii i inne go pod spodem mieć muszą. Zarzucasz mi, że iuż mamy *cedile* nosowy ą, ę, i boisz się, żeby Polacy i spółgłosek przez nos nieczytali. A wszakże i wy piszecie wasz haczyk zarówno nad samogłoskami, np. měla, iak i nad spółgłoskami, np. plyň, a to nietylko na wyrażenie spółgłosek miękkich (affectae ab j),

[1]) Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ при d поставлена звѣздочка, оно должно быть перечеркнуто горизонтально въ верхней части; при ć ś ź, отмѣченныхъ звѣздочкой, внизу долженъ быть cedile.

A. CONSONANTES.

Classes Litterarum.	Ordines Consonantium.	Fortes (Scharfe) twoie auzké (angustæ)				Debiles (Gelinde) twoie široké (latæ)			
		Puræ.		Aspiratæ tw. dyšne, asperæ.		Puræ.		Aspiratæ tw. dyšne, asperæ.	
		dur.	moll.	dur.	moll.	dur.	moll.	dur.	moll.
I.	Gutt.	k	-	h	—	g	—	h	—
II.	Pal.	ç	-	s̓	—	d̓*	—	z̓	—
III.	Dent.	c	-	s	—	d*	—	z	—
IV.	Ling.	t	t'	- -	—	d	d'	—	
V.	Labial.	p	p'	f	—	b	b'	w	ẇ

B. SEMIVOCALES.

VI.		Nasales.							
Classis Litterarum.	1. mixtæ.	Labiales.		Linguales.					
		dur.	mol.	dur.	mol.	dur.	mol.	dur.	mol.
		m	m̓	n	ń	r	r̓	l	l'
	2. puræ.	v. j.							

C. VOCALES.

VII. Classis Litterarum.	Gradus angustiæ.	Latiores.				Angustiores.			
		Breves.		Longæ.		Breves.		Longæ.	
		Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono
	1.	a	á	ā	â	e	é	ė	ę
	2.	o	ó	ō	ô	y	ý	ẏ	ŷ
	3.	u	ú	ū	û	i	í	i	î

ie ręce chciał przesłać. Mówię Ci, iż się to nigdy stać nie może: bo chociaż iuż będę w Warszawie, nie będziesz mógł adresować książek do mnie ale zawsze do Prof. Kosickiego do Krakowa, a od tego ia ie dopiero odbierać będę. Tą razą odbierze ie od Kosickiego móy Przyjaciel P. Prof. Krzyżanowski w Warszawie i od zepsucia zabezpieczy. Reiestru tych książek nie mam tu w Dubrowniku przy sobie. Zostawiłem go między papierami w Zagrebu, na który do Nowego Sadu iechać będę. I Tobie i Kosickiemu i Krzyżanowskiemu tyle wierzę, że się bez reiestru obeydzie. Truhlice zabite iuż opieczętuy na drogę, a rzeczy ieszcze niezapakowane zbierz w nową truhlicę i zrob podobnie, t. i. zabiy i zapieczętuy, a tak doydą aż do Warszawy.

A teraz o przyłbicach. „O staroslovanském si dobře nerozumjme", piszesz mi. Owszem rozumiem cię teraz. Jam pierwey myślał język zwany teraz cerkwennym, a tyś myślał Archaizm Słowiański. Prawda, że teraz język tylko cerkiewny i rossyyski ma partykułę se, lat. ecce. Ale że ją miał pierwey i ięzyk illirski i czeski, iak się świeżo pokazuie, rozumiesz, że i Zidaku znaczy se Daku. Na taką przemianę nigdy pozwolić nie mogę. Gdyby stało na przyłbicach Si daku, to by może było se, si, może być różnica dyalektyczna, ale tu wyraźnie stoi Zidaku, litera ⟨, t. i. z. Gdy przeciwnie litera s pisze się odwrotnie ⟩. Ale druga etimologia mogła by się dać syllabie zi, t. i. słowo znane w ięzyku hrwackim i raguzańskim zijati, t. i. patrzeć się z podziwieniem, ieśli nie iest z niemieckiego sehen. Zostawmy to czasowi. Tymczasem atoli donieść Ci muszę, że na moię pociechę znalazłem w dziele p. Lanzi między wszystkiemi alfabetami, iakich używały ludy starożytnej Italii, naypodobnieyszy do moiego na przyłbicach i prawie ten sam alfabet Venetorum Enganeorum. Co dowodzi, że ciż Veneti byli także Słowianie. Życzysz sobie, kochany Przyiacielu, odbierać z Warszawy pisma peryodyczne polskie za Muzeynik. Poki mnie w Warszawie niema, niemogę Ci dać inszey rady, iak ażebyś wprost na pocztę napisał do mego naydroższego Przyiaciela P. Adryana Krzyżanowskiego Doktora Filozofii i Professora Matematyki wyższey Królewskiego Uniwersytetu w Warszawie. Czego żywnie zachcesz, uczyni to dla Ciebie ten nieoszacowany mąż nayrzadszych talentów, nieocenioney dobroci i naygorliwszy o dobro słowiańskiey Literatury. Napisz a niezawiedziesz się. Pośli mu Twoie Muzeyniki także przez pocztę i proś, żeby Ci przez pocztę przysłał, czego sobie życzysz. Długo bowiem czekać przyłeżytości i poczta przecięż tak wiele kosztować nie będzie. Do tego iesteś członkiem Król. Towarzy-

11.

Kochany Panie Hanko!

Winienem Panu polecić naprzód oddawcę tego listu Pana Atanazego Badeniego, syna naszego Dyrektora Wychowania Publicznego w Kommissyi Rządowey Spraw Wewnętrznych, Duchownych i Oświecenia Publicznego. Racz mu Pan Dobrodziej ułatwić obejrzenie w Muzeum Czeskiém wszystkiego, co młodego człowieka, lubiącego nauki, zajmować może. Niewiem, czy Pana doszedł list, który przez rezydującego u nas Konsula Austryackiego pisałem razem z Panem Hochmanem, jego domowym nauczycielem. W liście tym prosiłem Pana o nauczyciela muzyki dla mojej siostry, jakim jest p. Sandmann. Jeżeliby się tam takowy znalazł, i pod temi samemi co Pan Sandmann warunkami, to proszę Pana donieść nam o tem jak najprędzej przez pocztę. W zamian za swazek třetj Časopisu z roku 1831, proszę Pana o swazek prwnj z tegoż samego roku. Nadto proszę przysłać mi przez łaskawego Pana Atanazego Časopis z roku 1829, 30, 31, 32, 33 i co dotąd wyszło z 54 roku, tudzież Biblią Słowacką Księdza Palkowicza, wydaną w Ostryhomie, a pieniądze za te książki odda Panu Pan Maciejowski, Sędzia, który w celu naukowym za kilka dni do Pragi waszej od nas wyjeżdża. Polecając się łaskawej Pana Dobrodzieja pamięci, zostaję nazawsze Jego przyjacielem i sługą Andrzej Kucharski.

Warszawa,
d. 10 Maja 1834.

12.

Szanowny Panie Wacławie!

Zacny Obywatel nasz W-ny Cichocki podaje mi sposobność pisania do Ciebie, przeto Go racz z Czeską przyjąć szczerością i otwartością i pokaż Mu wszystko, co tylko macie godnego widzenia. W-ny Cichocki jest wielkim miłośnikiem nauk i sztuk pięknych, a szczególniej muzyki, z której tak sławny Naród Czeski i Praga. Sądzę, że i Galerye Obrazów Pragskie nie będą dla niego obojętne. Racz Mu, łaskawy Panie Wacławie, ułatwić przystęp do wszystkiego i okaż się dla niego tak gościnnym, jak się on tutaj dla wszystkich okazuje. W Jego domu wszyscy Artyści Czescy, u nas się znajdujący, najlepsze zawsze znajdują przyjęcie i pomoc. Jest to ten sam W-ny Cichocki, który w pierwszej Re-

Kuharského slowospytný poradek českých zwukō.

A. VOCALES.								
I. Classis Litterarum.	Gradus angustiæ.	Latiores.				Angustiores.			
		Breves.		Longæ.		Breves.		Longæ.	
		Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono
	1.	a	á	a	á	e	é	e	é
	2.	o	ó	o	ó	y	ý	y	ý
	3.	u	ú	u	ú	i	í	i	í

B. SEMIVOCALES.								
II. Classis Litterarum.	1. Puræ.	j. v.				nasales.			
		linguales.						labiales.	
		dur	mol	dur	mol	dur	mol	dur	mol
	2. Mixtæ.	l	l'	r	ŕ	n	ń	m	ḿ

C. CONSONANTES.								
Classes Litterarum.	Ordines Consonantium.	Debiles.				Fortes.			
		Aspiratæ.		Puræ.		Aspiratæ.		Puræ.	
		dur	mol	dur	mol	dur	mol	dur	mol
III.	1. lab.	w	ẃ	b	b'	f	–	p	p'
IV.	2. ling.	–	–	d	d'	–	–	t	t'
V.	3. dent.	z		d*		s	–	c	—
VI	4. palat	ź	–	d*		ś	–	ç	– –
VII.	5. gutt.	h	–	g	–	h	—	k	—

się w Literaturze Jungmanna na str. 191, Numer 243: „Hystorya neb Kronyka Turecká od Michala Konstantyna z Ostrowiec i t. d., i t. d." [1]).

Jeżelibyś, Panie łaskawy, mógł nabyć dzieła tego 1 exemplarz dla mnie na własność, to byłoby bardzo dobrze, i P. Nepilý zwróciłby Panu zaraz jego cenę. Lecz jeżeli się to stać niemoże, to upraszam najuprzejmiej pożyczyć dla mnie dzieła tego gdziebądź i za co bądź i przysłać mi do Warszawy na cel naukowy. Zwrócę najdalej za miesiąc, lub jeżeliby żądano i prędzej. Jeżeliby się i to zrobić nie dało, żebym książkę dostał do Warszawy, tobym przynajmniej prosił o wierzytelną jej kopiją na mój koszt sporządzoną. Napiszcie mi też, czy nie potrzebujecie Pamiętników Prawodawstwa Słowiańskiego, przezemnie wydanych, i ile exemplarzy i jaką drogą je przesłać. Wszystkich uczonych czechów mnie znajomych sciskam serdecznie i pozdrawiam.

Andrzej Kucharski.

Warszawa,
d. 2 Lipca 1839.

14.

Szanowny Przyjacielu!

Odpowiedź Twoję odebrałem przez pana Maciejowskiego i bardzo się zmartwiłem, że tak trudno dostać Kroniki Konstantinowicza z 1565 r. Chociaż mi donosicie, iżby przepisanie wiele kosztowało, jeżeli jednak nie znajdzie się dla mnie exemplarz na własność kupić lub pożyczyć to będę prosił, żebyście mi tę Kronikę przepisać dali, ale bez żadnych dodatków w końcu drukowanych. Ii tylko samej Kroniki potrzebuję.

Pan Dubrowski, który do Was pisze, jest znakomitego usposobienia, zdolności i chęci, i godzien, żebyście go przyjęli do swego uczonego grona i byli dla niego względni. Spodziewam się, że od Rządu zyska pomoc i ułatwienia i będzie w stanie wydawać Dziennik słowiański, o którym pisze. Polecam Go i siebie Waszym względom i przyjaźni. Może Bóg da przyjedziemy na drugi rok do Was, żebyście go osobiście poznali, a mnie Sobie przypomnieli.

Wasz przyjaciel i sługa Andrzej Kucharski.

1839.

---

[1]) По-польски: „Pamiętniki Janczara Polaka przed r. 1500 napisane" изданы были въ Варшавѣ въ 1828 г., затѣмъ въ 1857 и 1868 г.

s i ş, z i ż, piszę także: d* i d*, lub ∂*[1]); g biorę za gamma, a zamiast ch piszę h z Kopczyńskim naszym. Otoż masz ortografiią słowiańską do czeskiey zastosowaną. Naturalnie w systemacie moim widzisz rubryki *miękkich* próżne, ale Polak ich próżnych w zastosowaniu nie widzi. Mamy bowiem i ź i d*, lub ∂*, i ś i ć, a Rossyanie maią ieszcze i ź i ś i ć[2]). Consonantes nazywam: dentales, palatinae, gutturales i mieszczę pod temi imionami insze niż ty spółgłoski. Wiedz, że te trzy rzędy wszystkie się tworzą na podniebieniu (palatum) za pomocą języka, ale te, które się robią językiem bliżey gardła, zowią się gardlowe, a te, które bliżey zębów, —zębowe. Przekonał mię o tem Purkinie. D i t robi się językiem między zębami, ale że iuż mamy zębowe, zowiemy ie więc językowémi. Nazwiska są dowolne.

Przebacz mi, żem Ci uwagi nad systematem z uwagami nad poprawą alfabetu pomięszał. Chciałem Cię w ten sposób zaspokaiać i tym porządkiem, iakimbyś osobliwości w Tabellach moich dostrzegał. Rób co chcesz ze samogłoskami (vocales) i półsamogłoskami (semivocales), ale porządek spółgłosek (consonantes) zawsze się moy utrzymać powinien. Nie iest zupełnie podług mego życzenia, ale się niechciałem od Dobrowskiego bardzo oddalać. Jam bowiem nawykł zaczynać od k, a kończyć na w. Tym sposobem zaczynać od fortes, a potem debiles i pierwey kłaść *purae*, a potem *aspiratae* i pierwey gutturales, a potem palatinae, dentales, linguales, labiales. Mnieysza o to, rzecz pozostaie zawsze taż sama, t. i. podział na debiles (gelinde) i fortes (scharfe), na aspiratae i purae. Obacz drugą kartę ninieyszą[3]).

---

[1]) Второе d* и ∂* должны имѣть еще cedile.

[2]) Всѣ три знака имѣютъ еще cedile.

[3]) Кухарскій еще до поѣздки за границу интересовался вопросомъ о преобразованіи польской орѳографіи и польской просодіей. Въ 1825 г. онъ издалъ въ Варшавѣ: „Księdza Stanisława Zaborowskiego Ortografia Polska. Z łacińskiego na polski język przełożona z przydaniem uwag tłómacza, tudzież Ortografii Seklucyana i spisu bibliograficznego grammatyk i słowników polskich. Przez A. F. K., Professora Szkoły Wojewódzkiej Lubelskiej". Здѣсь въ предисловіи Кухарскій замѣтилъ объ Орѳографіи Заборовскаго: „Jest ona pierwsza w swoim rodzaju, rzuca wielkie światło na prozodyją polską i podaje myśli do koniecznej poprawy Ortografii polskiej". Еще раньше, въ 1822 г., въ Gazecie Literackiej (№ 32, str. 127) Кухарскій напечаталъ статью объ „Akcencie języka polskiego". Попавъ въ славянскія земли въ разгаръ правописныхъ споровъ (какъ онъ выражается: „kłótnie ortograficzne") у чеховъ, хорватовъ, словинцевъ, К. живо интересовался ходомъ ихъ и ожидалъ отъ нихъ пользы и для реформы польскаго правописанія.

A. CONSONANTES.

Classes Litterarum.	Ordines Consonantium.	Fortes (Scharfe) twoie auzké (angustæ)				Debiles (Gelinde) twoie široké (latæ)			
		Puræ.		Aspiratæ tw. dyšne, asperæ.		Puræ.		Aspiratæ tw. dyšne, asperæ.	
		dur.	moll.	dur.	moll.	dur.	moll.	dur.	moll.
I.	Gutt.	k	-	ẖ	—	g	—	h	—
II.	Pal.	ç	-	s̓	—	d̓*	—	z̓	—
III.	Dent.	c	-	s	—	d*	—	z	—
IV.	Ling.	t	t'	-	—	d	d'	—	
V.	Labial.	p	p'	f	—	b	b'	w	ẘ

B. SEMIVOCALES.

VI.		Nasales.							
Classis Litterarum.	1. mixtæ.	Labiales.		Linguales.					
		dur.	mol.	dur.	mol.	dur.	mol.	dur.	mol.
		m	m̓	n	ń	r	r̓	l̓	l'
	2. puræ.	v. j.							

C. VOCALES.

VII. Classis Litterarum.	Gradus angustiæ.	Latiores.				Angustiores.			
		Breves.		Longæ.		Breves.		Longæ.	
		Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono	Sine tono	Cum tono
	1.	a	á	ā	â	e	é	ē	ê
	2.	o	ó	ō	ô	y	ý	ȳ	ŷ
	3.	u	ú	ū	û	i	í	ī	î

Podług tego układu spółgłosek widzę: że nigdy słabey (debilis) przed mocną (fortis) wymówić wyraźnie niemogę: kawka brzmi kafka; że gutturales przechodzą w deklinacyi i konjugacyi na palatinae i dentales: ruka, ruce, nauka, uçiti i t. p. Ta ostatnia przemiana dzieie się mianowicie wtenczas, kiedy po gardłowey z deklinacyi lub konjugacyi i klaść wypada: uk-a, uç-iti.

Podobnież ruce stoi zamiast ruk-je. Dla semivokały j zamieniliśmy k na c, a potem z czasem c zostało, a j zaniedbano. U słowaków można ié ieszcze przed c słyszeć, tak: rucje.

Ponieważ zamiast g (gamma) używaią czesi h, więc i odpowiadaiących temuż gamma liter d* i d* rzadko używaią, ale zato tych które stoią pod h, t. i. ʒ, z.

10.

Kochany Panie Hanko!

Pan Hochman podał mi sposobność pisania do Pana. Wielki konwikt X.X. Pijarów jest teraz skasowany, i P. Hochman zrzuciwszy rewerendę jest prywatnym nauczycielem tu w Warszawie. Prosi Pana o odpis na moje ręce.

Ja zaś proszę Pana o przysłanie mi 1-szego swazku 1831 roku Czasopisu Czeskeho Museum, a odeszlę Panu przy wydarzonej okazyi duplikat swazku trzeciego tegoż roku, który w tych dniach otrzymałem przez ręce Maciejowskiego. Niemam także jeszcze z roku 1829 4-ech swazków tegoż Czasopisu, przeto o nadesłanie upraszam, a pieniądze, jak tylko książki odbiorę, przeszlę. Pensya Panien mojej siostry znacznie się powiększyła. Chciałaby mieć więc drugiego nauczyciela do Muzyki, jaki jest p. Sandmann. Racz, Panie łaskawy, poszukać takowego w Pradze i o tem nam donieść. Warunki mają być takie same jak z Sandmanem.

Kontrakt trzechletni. Pensya roczna 2000 zł. polskich, za które w dni powszednie ma dawać po 8 lekcyj na dzień, żeby umiał akompanjować na skrzypcach i śpiewać. Resztę czasu poświęcając jakiemu domowi może znajść łatwo stół i stancyą i wynagrodzenie, jak to miał i p. Sandmann. Połowa kosztów podróży należeć będzie do Plewińskiej mej siostry. Siostra moja rada mieć tego nauczyciela w czasie jak najkrótszym, np. w Maju. Dobre powodzenie p. Sandmana powinno każdego do podobnej karyery zachęcać. Sciskam serdecznie. Kucharski.

Warszawa,
d. 5 Kwietnia 1834.

11.

Kochany Panie Hanko!

Winienem Panu polecić naprzód oddawcę tego listu Pana Atanazego Badeniego, syna naszego Dyrektora Wychowania Publicznego w Kommissyi Rządowey Spraw Wewnętrznych, Duchownych i Oświecenia Publicznego. Racz mu Pan Dobrodziej ułatwić obejrzenie w Muzeum Czeskiém wszystkiego, co młodego człowieka, lubiącego nauki, zajmować może. Niewiem, czy Pana doszedł list, który przez rezydującego u nas Konsula Austryackiego pisałem razem z Panem Hochmanem, jego domowym nauczycielem. W liście tym prosiłem Pana o nauczyciela muzyki dla mojej siostry, jakim jest p. Sandmann. Jeżeliby się tam takowy znalazł, i pod temi samemi co Pan Sandmann warunkami, to proszę Pana donieść nam o tem jak najprędzej przez pocztę. W zamian za swazek třetj Časopisu z roku 1831, proszę Pana o swazek prwnj z tegoż samego roku. Nadto proszę przysłać mi przez łaskawego Pana Atanazego Časopis z roku 1829, 30, 31, 32, 33 i co dotąd wyszło z 54 roku, tudzież Biblią Słowacką Księdza Palkowicza, wydaną w Ostryhomie, a pieniądze za te książki odda Panu Pan Maciejowski, Sędzia, który w celu naukowym za kilka dni do Pragi waszej od nas wyjeżdża. Polecając się łaskawej Pana Dobrodzieja pamięci, zostaję nazawsze Jego przyjacielem i sługą Andrzej Kucharski.

Warszawa,
d. 10 Maja 1834.

12.

Szanowny Panie Wacławie!

Zacny Obywatel nasz W-ny Cichocki podaje mi sposobność pisania do Ciebie, przeto Go racz z Czeską przyjąć szczerością i otwartością i pokaż Mu wszystko, co tylko macie godnego widzenia. W-ny Cichocki jest wielkim miłośnikiem nauk i sztuk pięknych, a szczególniej muzyki, z której tak sławny Naród Czeski i Praga. Sądzę, że i Galerye Obrazów Pragskie nie będą dla niego obojętne. Racz Mu, łaskawy Panie Wacławie, ułatwić przystęp do wszystkiego i okaż się dla niego tak gościnnym, jak się on tutaj dla wszystkich okazuje. W Jego domu wszyscy Artyści Czescy, u nas się znajdujący, najlepsze zawsze znajdują przyjęcie i pomoc. Jest to ten sam W-ny Cichocki, który w pierwszej Re-

sursie naszej głównie zajmuje się muzyką i w którego domu odbywają się próby wszelkich muzykalnych wieczorów resursowych.

Przy tej okazyi muszę Ci donieść, że książek moich czeskich z Krakowa jeszcze nie odebrałem. Pan Kantecky dał sobie odebrać na granicy Kwěty i łaciński Prawny Rękopis i dotąd rąk moich nie doszedł. Pan Maciejowski już drugi miesiąc w podróży po Węgrzech. Rękopisy dawnych Praw słowiańskich, mianowicie Prawa Duszana Cara serbskie i dawne Czeskie, które mi darował i które ja miałem już drukować, dotąd leżą niedrukowane z winy P. Maciejowskiego. Ogłosił bowiem z niejakim Hiżdeu — że je sam drukować będzie i że, jeżeli mu kopii z nich zdjąć nie dozwolę, o inne się w Pradze postara. PB. Darował mi te Rękopisy za kilkoletnią moję pracę około jego dzieła. A więc sądzi o Maciejowskim Gdy przybędzie do Pragi pewno Was jeszcze o kopije molestować będzie. Zatrudnienia szkolne i słabość na oczy nie dozwalają mi teraz zajmować się naukowemi pracami. Kodeks cywilny Rossyjski, Procedurę Cywilną i Prawo Granicz-ne Rossyjskie już z Rossyjskiego na Polski język przełożyłem i do Petersburga odesłałem.

Szanowny Mężu! pozdrów wszystkich odemnie Czechów uczonych, których miałem szczęście poznać w Pradze. Posłałbym Wam co z nowości literackich polskich, ale naprzód rachuba pocztowa na to nie pozwala, a do tego nic tak ważnego teraz w naszej krainie nie wychodzi. Szczególniej proszę pozdrowić Pana Jungmana i cały dom jego, P. Pressla, P. Czelakowskiego, Winarzyckiego i t. d.

Twój dozgonny Przyjaciel i sługa

Andrzej Kucharski.

Panu Szafarzykowi, lubo osobiście nieznanemu, przesyłam moje uszanowanie.

z Warszawy,
d. 27 Czerwca 1836.

13.

Szanowny Przyjacielu!

Pan Nepilý, oddawca niniejszego, bawiąc kilkanaście lat w Polsce, umyślił odwiedzić swoję familiją w Czechach i podał mi sposobność napisania do Was. Ponieważ P. Nepilý wraca za kilka tygodni do nas, przeto radbym, azebyś mi, Szanowny Przyjacielu, raczył przez niego przysłać dzieło Czeskie, znajdujące

ę w Literaturze Jungmanna na str. 191, Numer 243: „Hystorya eb Kronyka Turecká od Michala Konstantyna z Ostrowiec t. d., i t. d." [1]).

Jeżelibyś, Panie łaskawy, mógł nabyć dzieła tego 1 exemlarz dla mnie na własność, to byłoby bardzo dobrze, i P. Nepi- zwróciłby Panu zaraz jego cenę. Lecz jeżeli się to stać nieoże, to upraszam najuprzejmiej pożyczyć dla mnie dzieła tego dziebądź i za co bądź i przysłać mi do Warszawy na cel nauowy. Zwrócę najdalej za miesiąc, lub jeżeliby żądano i prędzej. eżeliby się i to zrobić nie dało, żebym książkę dostał do Warawy, tobym przynajmniej prosił o wierzytelną jej kopiją na ój koszt sporządzoną. Napiszcie mi też, czy nie potrzebujecie amiętników Prawodawstwa Słowiańskiego, przezemnie wydanych, ile exemplarzy i jaką drogą je przesłać. Wszystkich uczonych zechów mnie znajomych sciskam serdecznie i pozdrawiam.

Andrzej Kucharski.

Warszawa,
d. 2 Lipca 1839.

14.

Szanowny Przyjacielu!

Odpowiedź Twoję odebrałem przez pana Maciejowskiego bardzo się zmartwiłem, że tak trudno dostać Kroniki Konstaninowicza z 1565 r. Chociaż mi donosicie, iżby przepisanie wiele osztowało, jeżeli jednak nie znajdzie się dla mnie exemplarz na łasność kupić lub pożyczyć to będę prosił, żebyście mi tę Kroikę przepisać dali, ale bez żadnych dodatków w końcu drukoanych. li tylko samej Kroniki potrzebuję.

Pan Dubrowski, który do Was pisze, jest znakomitego uspoobienia, zdolności i chęci, i godzien, żebyście go przyjęli do wego uczonego grona i byli dla niego względni. Spodziewam ię, że od Rządu zyska pomoc i ułatwienia i będzie w stanie wyawać Dziennik słowiański, o którym pisze. Polecam Go i siebie Vaszym względom i przyjaźni. Może Bóg da przyjedziemy na rugi rok do Was, żebyście go osobiście poznali, a mnie Sobie rzypomnieli.

Wasz przyjaciel i sługa Andrzej Kucharski.

1839.

[1]) По-польски: „Pamiętniki Janczara Polaka przed r. 1500 napisane" зданы были въ Варшавѣ въ 1828 г., затѣмъ въ 1857 и 1868 г.

15.

Kochany Panie Wacławie.

Twoje milutkie 3 dziełka, przesłane mi przez P. Filipeckiego przed 3-ma podobno laty, dopiero teraz po jego śmierci od jego Syna odebrałem i za przesłanie mi ich najuprzejmiej Ci dziękuję. Z załączonego listu dowiedziałem się, że życzysz Sobie mieć exemplarz wydanych przeze mnie Pomników Prawodawstwa, przeto Ci takowy przy niniejszem przesyłam. W tym roku mam otrzymać emeryturę czyli pensyą gratysową za wysłużonych w Stanie nauczycielskim lat 30 w ilości 1250 Reń. Srebr. podług waszej monety, przeto spodziewam się mieć więcej czasu do napisania czegoś słowiańskiego. Najpierwej podobno wezmę się do Grammatyki polskiej porównawczej z innemi dyalektami słowiańskiemi. Przy tem myślę być Kommissantem Książek Słowiańskich, przez Wiedeń i Pragę do Krakowa, ztąd do Warszawy, a z Warszawy do Moskwy, Petersburga i innych miast Rossyjskich możnaby z korzyścią przesyłać wasze naukowe płody Słowiańskie. Myśl tę teraz dopiero powziąłem i niewiem, czy się da przywieść do skutku.

Proszę pozdrowić odemnie wszystkich moich dawnych przyjaciół i dobrych znajomych. Wspomnienia o nich tak jak i o Tobie zawsze są miłe dla Serca mego. Bądźcie zdrowi.

Twój prawdziwy przyjaciel Andrzej Kucharski.

Warszawa,
23 Kwietnia 1847.

16.

Szanowny Mężu, mój wielce kochany Przyjacielu!

Ucieszyłem się mocno, kiedym się dowiedział, że p. Nepilý, oddawca niniejszego pisma, jedzie do Pragi. Bom zaraz o Tobie pomyślał. Za przesłanie książek p. Konopka bardzo dziękuje. Przesyłam nawzajem rozprawę Dominika Szulca o Pomorzu Zaodrzańskim. Przeciwny zdaniu Maciejowskiego, który utrzymuje, że Gniezno założone w Germanii niemieckiej. Proszę Cię, czy by niemożna już dostać Rejestru do Hist. Lit. czes. Jungmana, bo mi się należy, ale nie wiem od kogo. Nie mogę na żaden sposób dostać Psałterza Polskiego Małgorzaty. Zapisywałem także sobie Bibliją Słowacką Palkowicza i Illiryjską Katanczyća, a dostać ich nie mogę. Jeżelibyś mi się mógł wystarać o te książki, to p. Nepilý by za nie zapłacił i zrobilibyście mi wielką przyjem-

ość. Przygotowywam do druku modlitwy polskie sw. Jadwigi. zytam w Skardze, że Jadwiga była córką Berteldusa. Co to za erteldus, czy nie Brzetysław? Gdzieindziej czytam, że była Księżiczką Meranii,—czy to nie Morawii (Mähren?). Bądź łaskaw, naz mię, bo ani Berteldusa, ani Meranii nigdzie znajść nie mogę. apisałem obszerny artykuł o Biblijach Słowiańskich we wszystch dyalektach, tak rękopisach, jak i drukowanych. Część 2-ga, cia i 4-ta juz dawno zalegają przez zbieg różnych okoliczności. ałuję, że nie mam teraz pod ręką 1-szej części o Bibliach polkich. Chyba Ci ją później przeszlę, bo cię zapewne interesować ędzie, mianowicie o rękopisach, gdzie i Ciebie i Szafarzyka częo wspominam. Pozdrów go odemnie i kto mnie tam jeszcze zna Pradze. Pozdrawiam Was wszystkich.

Andrzej Kucharski.

Warszawa,
29 Czerwca 1850.

П. А. Лавровскій[1]).

Безцѣннѣйшій нашъ Вячеславъ Вячеславичъ!

Вы, конечно, уже слышали, что я добрался далеко неблаполучно до Кракова, что прибылъ въ старую столицу Польскаго королевства больнымъ и цѣлую недѣлю пролежалъ въ по-

[1]) Лавровскій Петръ Алексѣевичъ (р. 1827, † 1886), славистъ, профессоръ харьковскаго унив., первый ректоръ Имп. Варш. университета. м.: Памяти П. А. Лавровскаго, А. А. Кочубинскій, въ „Зап. Одесск. бщ. Ист. и древн.", т. XV, 1889, отд. III, 847.

Въ альбомѣ Ганки онъ написалъ: „Я пережилъ въ Прагѣ знаменательную эпоху въ многолѣтней и плодовитой Вашей жизни, неоцѣнимый Вячеславъ Вячеславичъ. При мнѣ продолжался еще, при мнѣ и кончился изумительный процессъ о подлинности краледвор. рукописи. былъ свидѣтелемъ досады, негодованія и грусти милыхъ мнѣ Чеховъ; ь глубокою горечью смотрѣлъ и на Ваше огорченіе. Но не удивляйсь, если я скажу прямо, что этотъ процессъ и радовалъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ той озмужалости и роста народа чешскаго, при которомъ многовѣковой непріятель до того испугался силъ презиравшагося имъ противника, что читалъ себя вынужденнымъ схватиться за самыя позорныя средства? ъ другой стороны, развѣ тотъ-же непріятель не раскрылъ передъ цѣлымъ свѣтомъ еще ярче дѣятельнѣйшаго виновника этой возмужалости роста чешскаго; развѣ онъ не былъ поставленъ въ необходимость ознаться торжественно и гласно, что уже не для побѣды надъ Вами, акъ надъ непоколебимымъ столпомъ Славянства, а только для спасенія

стели. Причинъ разстройства моего здоровья скопилось довольно много; главное же—непостоянство, быстрота и неожиданность въ перемѣнѣ погоды, что̀ на Карпатахъ отзывалось, само собою разумѣется, еще чувствительнѣе; сюда же должно присоединить и странный порядокъ, чтобы не сказать безпорядокъ, почтовой ѣзды, обыкновенно совершаемой въ ночную пору. Не спать двѣ-три ночи сряду уже само собою значитъ заболѣть: дня терять я не могъ, да и не хотѣлъ, жлая ознакомиться съ мѣстностью и народомъ.

Что сказать Вамъ о своемъ впечатлѣніи въ томъ кускѣ земли Словаковъ, который успѣлъ я проѣхать? Грустно это впечатлѣніе, тяжело сообщать его и тому, кто привыкъ хранить равнодушіе въ своемъ сердцѣ, а какъ передать его Вячеславу Вячеславичу, сердце котораго съ малыхъ лѣтъ *носитъ въ себѣ цѣлое славянство?* Я бы не хотѣлъ растравлять и своихъ ранъ, начавшихъ уже замѣняться другими, болѣе, впрочемъ, легкими, ранами польскими, въ Краковѣ. Упомяну Вамъ только о внѣшнемъ положеніи Словаковъ, которое, однакожъ, настолько рѣзко, что въ состояніи дать основу для заключеній и о внутреннемъ ихъ бытѣ.

Всего болѣе поражала меня какая-то чуждость Словаковъ на своей родной землѣ: такъ и думается, что они только призваны другими, господами, что живутъ какъ наемники, имѣютъ кусочекъ землицы изъ милости своихъ пановъ; потеряна даже и тѣнь той самостоятельности, съ которою обыкновенно представляется туземный народъ, съ незапамятныхъ поръ усѣвшійся на своей землѣ, ставшей его неотъемлемою собственностью, его родовымъ достояніемъ. Глядя на Словаковъ, я почему-то постоянно припоминалъ басню нашего Крылова: „Кротъ и ёжъ", въ которой изображается доброта крота, сжалившагося надъ ежомъ и пустившаго его къ себѣ въ свою прекрасную нору, ежу понравилась нора, не хотѣлось разставаться больше съ нею, и онъ

гнуснаго своего орудія, брошеннаго въ видимые Вамъ противники (?), пришлось ему нарушить основной законъ цѣлаго государства? Пусть спасается этимъ Кугъ до той недолгой поры, пока судьба не опрокинетъ темнаго врага народа чешскаго и цѣлаго Славянства; зато Вы, блистательный представитель того и другаго, вышли изъ процесса, подобно золоту, очищенному въ огнѣ, еще свѣтлѣе, поднялись еще выше въ глазахъ благодарнаго Вамъ Славянства, и мнѣ отрадно оставить Прагу и Васъ, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, съ мыслью, что Вашимъ именемъ стало теперь еще легче пріобрѣтать новыхъ поборниковъ лелѣянной Вами идеи славянской. Петръ Лавровскій, проф. Харьковскаго университета. Прага, 18/30 іюля 1860 года".

алъ колоть своими иглами простодушнаго и трудолюбиваго
та, такъ что послѣдній вынужденъ былъ покинуть собствен-
свое владѣніе. Дѣйствительно, жиды на Словенску въ пол-
ъ смыслѣ слова ежи; если еще и не все захватили они въ
и руки, то господство ихъ надъ бѣднымъ народомъ, зависи-
ть послѣдняго отъ первыхъ такъ ярко бросается въ глаза,
и на минуту не задумаешься признать Словаковъ за тѣхъ
ійскихъ парій, которымъ судьба опредѣлила только тяжелыя
асто грязныя работы, съ непремѣннымъ при томъ условіемъ
аваться безвыходно при этихъ работахъ и обращать всѣ пло-
кровавыхъ трудовъ своихъ на пользу жидовъ и иныхъ на-
овъ, привыкающихъ, если уже не привыкшихъ, смотрѣть на
ое неестественное положеніе, какъ на самое законное, необ-
имое, и спокойно вознаграждающихъ своихъ кормителей, обо-
ителей, если не положительнымъ презрѣніемъ, то рѣзкою хо-
ностью и грубою невнимательностью.

Надѣюсь, что Вы настолько узнали меня, чтобы не считать
я недругомъ какой бы то ни было народности; скажу Вамъ
ровенно, что я уважаю и жидовскую народность, какъ на-
ность, безъ отношенія ея къ инымъ народностямъ. Желаю
ъ души и ей успѣха, счастія и той самостоятельности, какая
тавляетъ природное, а слѣдовательно и самое законное до-
яніе каждаго народа. Но, тѣмъ не менѣе, никогда не согла-
сь съ *полною* равноправностью жидовъ среди славянскаго
мени, по крайней мѣрѣ при современномъ, болѣе патріархаль-
мъ еще нравственномъ его развитіи. Многовѣковая, разбро-
ная, скитальческо-меркантильная жизнь жидовъ пріучила ихъ
множеству разнообразныхъ изворотовъ, къ практической лов-
сти, хитрости и тому плутовству, съ какими обыкновенно до-
гаютъ они *существенной своей цѣли* — накопленія богатства.
какимъ трудомъ даже и высшее образованіе ослабляетъ *обыч-
ю* неразборчивость средствъ къ достиженію этой цѣли въ жи-
къ, говорить Вамъ нечего: вѣроятно, не одинъ пятокъ примѣ-
въ тотчасъ же пронесся въ Вашемъ воображеніи. А между
мъ образованныхъ жидовъ слишкомъ еще мало, сравнительно
громадною массою мелкихъ торгашей, барышниковъ, мѣнялъ,
ендаторовъ, откупщиковъ и т. подобныхъ жидовъ, разсѣян-
ихъ среди Славянъ и съ матернимъ молокомъ всосавшихъ и
асывающихъ убѣжденіе, что обмануть христіанина не грѣхъ,
ль скоро этотъ обманъ приноситъ лишній крейцаръ въ кар-
нъ. Такое убѣжденіе есть общее въ жидовской массѣ.

Посмотрите, съ другой стороны, на нашихъ родичей, на

простодушныхъ, безхитростныхъ, кроткихъ Славянъ-земледѣльцевъ. Они живутъ, говоря вообще, какъ говорилъ я и о жидахъ, мирнымъ воздѣлываніемъ своей земли, своихъ, часто скудныхъ, полей; они прикованы къ послѣднимъ, до того срослись съ ними, что нерѣдко, если не большею частью, въ теченіе цѣлой своей жизни не заходятъ далѣе ихъ. Интересы ихъ, такимъ образомъ, самые несложные, однообразные; общественныя столкновенія ограничиваются ближайшими сосѣдями, цѣли и интересы которыхъ тѣ же самые, точно такъ же сосредоточены на полѣ. Тутъ изворотливости нѣтъ мѣста, практической ловкости и хитрости пробраться неоткуда, и Славянинъ-земледѣлецъ привыкаетъ мыслить о другихъ точно такъ же, какъ мыслитъ онъ о себѣ и о своихъ ближайшихъ. Отсюда та прямота въ его рѣчахъ, та задушевность въ пріемахъ, та готовность дѣлиться своимъ достаткомъ съ постороннимъ, какая приводила и приводитъ въ удивленіе практическо-житейскаго чужестранца и самаго Славянина, воспитаннаго въ иной, городской атмосферѣ, при другихъ, коммерческо-чиновничьихъ условіяхъ.

Что же значитъ, пустить въ среду такого народа космополитическую массу, думающую единственно о пріобрѣтеніи богатства, смотрящую и по религіи, и по происхожденію, и по отсутствію родной земли на туземцевъ, какъ на средство къ своему обогащенію, ничѣмъ съ ними не связанную, кромѣ корыстныхъ интересовъ? Не значитъ ли это отдать простой, патріархальный народъ на рабство бездомныхъ торгашей, корчемниковъ и банкировъ? Тамъ, гдѣ туземный народъ развитъ общественною жизнью, гдѣ дѣятельность его практическо-житейская давно вышла изъ исключительныхъ предѣловъ поля, гдѣ треніе съ чужеземцами, при разнообразныхъ оборотахъ, успѣло уже пропустить и знаніе и опытность, тамъ, безъ сомнѣнія, и равноправность жидовская не въ силахъ вредить, по крайней мѣрѣ многимъ настоящимъ хозяевамъ земли своей. Англичанинъ, съ малыхъ лѣтъ воспитанный въ духѣ коммерческомъ, не можетъ потерять отъ сосѣдства и сожительства съ жидомъ, при всемъ равенствѣ его правъ; не много потерпитъ и французъ, еще менѣе, конечно, близкій по характеру бездомовности нѣмецъ. Продержится значительное время въ соперничествѣ съ жидомъ и городской купецъ славянскій. Но возможно ли то же сказать о поселянахъ славянскихъ? И грустные, убійственно-раздражительные примѣры всевозможныхъ, одно другого преступнѣйшихъ, золъ могутъ служить очевиднымъ доказательствомъ того, какъ бѣдственна полная равноправность жидовъ среди поселянъ славянскихъ.

ло бы излишне приводить частные случаи: они такъ часты,
ъ притомъ рѣзко ярки и съ обыкновеннымъ характеромъ
довскаго господства, что стоитъ только вспомнить о положе-
малороссіянъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ, подъ польскимъ пра-
тельствомъ, чтобы не затрудниться представленіемъ положе-
и несчастныхъ Словаковъ. Сколько изъ нихъ разорилось
конецъ, сколько должны были, въ силу чисто обманческой
оротливости жида-корчемника, продать свою землю, правиль-
е же отдать, потому что простодушный Словакъ часто и самъ
понимаетъ, какъ это случилось, что долгъ его у жида превы-
етъ уже цѣнность его небольшого поля: будучи по природѣ
тенъ самъ, онъ и не воображалъ о возможности безчестій
стороны другихъ. Быть можетъ и хотѣлъ бы иной разъ Сло-
ъ миновать жида, по слову Св. Писанія: „Отойди отъ зла и
вори благо", да нельзя,—безъ жидовъ стало труднымъ что-
будь дѣлать,—и купить, и продать, даже просто проѣхать по
ссе. Вездѣ долженъ онъ столкнуться съ жидомъ, а тотъ ни-
не пропуститъ случая *обидѣть* Словака, какъ самъ бѣднякъ
ражается послѣдній. И стало такъ, что жиды на Словенску
учили значеніе истинныхъ аристократовъ: они имѣютъ ло-
дей, экипажи, землю, и тотъ же самый Словакъ, который до-
вилъ ему все это, обязанъ теперь работать на него, подъ
зный крикъ жидовско-нѣмецкій, а иногда и подъ удары пал-
. Такое состояніе такъ естественно, при вниманіи къ харак-
у и степени развитія туземнаго народа такъ неизбѣжно, что
итъ только удивляться, какъ нерѣдко и въ ряду русскихъ
ателей находятся люди, готовые утверждать необходимость
ной свободы дѣятельности жидовъ и у насъ на Руси. Въ на-
ящія минуты имѣю я въ виду первыя страницы очерка пу-
шествія Банста. Пробѣгите еще разъ эти страницы, и вы со-
ситесь со мною, что Банстъ знаетъ только жидовъ фрачныхъ,
нѣе или менѣе образованныхъ, что главная масса жидовъ, по
имуществу вращающаяся среди простого народа, ему вовсе
звѣстна, что мало знакомъ онъ и съ тѣмъ братствомъ жи-
скимъ, въ которомъ отдѣльные члены помогаютъ одинъ дру-
у, поддерживаютъ другъ друга въ ущербъ туземцевъ; еще
нѣе, по всему видно, что Банстъ или совершенно не знаетъ
стоянія русскаго народа, какъ и вообще простолюдиновъ сла-
нскихъ, или рѣшительно не думалъ о немъ, когда писалъ тѣ
аницы. Нѣтъ, дать Россіи полноправность жидамъ, это то же
ое, что въ самомъ началѣ развитія народа отнять у него всѣ
дства къ этому развитію, ввергнуть его въ нищету и въ жи-

довское рабство. Я увѣренъ, что г. Бапстъ не согласился бы пустить къ себѣ въ домъ такого человѣка, о которомъ бы зналъ, что за полгода или за годъ онъ выгонитъ изъ него самого хозяина. А для правительства народъ есть тотъ-же домъ, въ которомъ сложены всѣ его интересы, все его богатство, все его существованіе, и русское правительство слишкомъ близко стоитъ къ народу своему, связано съ нимъ слишкомъ тѣсными, кровными узами родства, чтобы слова г. Банста могли имѣть на него вліяніе: вѣдь это, по русскому образу мыслей, значило бы то же самое, что отцу отдать своихъ дѣтей, безъ всякой нужды при томъ, въ грязное рабство пришлому и далеко не дружелюбному чужеземцу. Наше правительство умѣло до сихъ поръ заботиться о своихъ подданныхъ евреяхъ, о ихъ народности, образованіи и благосостояніи безъ ущерба подданныхъ туземцевъ; будемъ же надѣяться и желать, чтобы и въ будущемъ русскій поселянинъ находилъ постоянно въ своемъ правительствѣ ту же отеческую заботливость, чтобы евреи дотолѣ не смѣли проникать во внутрь страны, селиться среди нашихъ патріархальныхъ земледѣльцевъ, доколѣ послѣдніе не разовьются до той степени практической ловкости, при которой будетъ уже невозможнымъ нерѣдко наглый обманъ и грубое надувательство со стороны низшаго класса грязныхъ жидовъ. Впрочемъ, я бы душевно желалъ, чтобы наши простолюдины никогда не доходили до такой степени развитія, которая сама въ себѣ предполагаетъ уже извѣстную долю безнравственности.

Вотъ какія мысли, безцѣннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, вызвало во мнѣ путешествіе по Словенску. Я предвижу, что такой же результатъ будетъ имѣть и обзоръ Галича: грустенъ, безспорно, подобный результатъ, но онъ и очень назидателенъ своимъ рѣзкимъ примѣромъ. Мнѣ даже думается, что каждый человѣкъ, въ которомъ есть хотя искра любви къ своему народу, долженъ бояться, какъ огня, вмѣшательства жидовскаго во внутреннюю жизнь славянскаго племени: исторія слишкомъ убѣдительно представляетъ намъ несчастія, зло, бѣдствія отъ такого вмѣшательства, и было бы не только неблагоразумно, а и положительно преступно не пользоваться историческимъ урокомъ, когда мы знаемъ, что характеръ нашего народа остается еще на прежней степени чистоты и неиспорченности. Развѣ ужъ не для того ли впустить жидовъ въ среду Славянскую, чтобы поскорѣе испортить, извратить послѣднюю: это другое дѣло. Но подобная цѣль несогласна съ назначеніемъ какого бы то ни было *человѣческаго* правительства.

Но я былъ и на Моравѣ. Конечно, Вы не прочь услышать мое мнѣніе и объ этой странѣ, о положеніи славянскаго народа въ ней и о движеніи народнаго тамъ образованія. Какъ много утѣшительнаго встрѣтилъ я и въ представителяхъ, руководителяхъ этого образованія, и въ результатахъ такого руководительства, въ народныхъ школахъ, особенно сельскихъ, и въ образѣ мыслей простолюдиновъ. Сельскія школы привели меня въ восторгъ и изумленіе. Не думайте, впрочемъ, чтобы причина тому заключалась въ отчетливомъ знаніи десяти-одиннадцатилѣтнихъ дѣвочекъ и мальчиковъ элементарныхъ свѣдѣній въ первоначальныхъ наукахъ; нѣтъ, это не произвело бы на меня столь сильнаго вліянія, хотя и не осталось бы безъ отраднаго впечатлѣнія. Несравненно болѣе поразила меня сознательность въ младшемъ поколѣніи своего происхожденія, проблескивающая всюду, въ каждомъ выраженіи, въ каждомъ словѣ, даже въ чертахъ лица, любовь и уваженіе къ своей родинѣ и своему народу, наконецъ, что составляетъ уже совершенно новое и самое утѣшительнѣйшее явленіе, сознаніе *цѣлаго славянства*, во всей его совокупности, отчетливое убѣжденіе въ родствѣ всѣхъ его составныхъ частей, равно и въ тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ ихъ въ старыя времена. Святые Кириллъ и Меѳодій служатъ слишкомъ прочною исходною точкою для взаимнаго славянскаго сознанія и слишкомъ близки они къ моравянамъ, чтобы не удивляться много началу *этого явленія* между ними. Я бы сдѣлалъ только одно замѣчаніе молодому моравскому духовенству, заслуживающему по отношенію къ народному образованію глубокую благодарность и уваженіе со стороны каждаго Славянина. Замѣчаніе это относится къ сердечному моему желанію, осмѣлюсь даже выразиться, желанію отъ имени цѣлаго славянства, чтобы священники моравскіе болѣе и внимательнѣе думали о будущемъ и старались не вводить, а уничтожать все то, что со временемъ можетъ сдѣлаться сѣменемъ раздора и несогласій. Пусть они исполняютъ существенное свое назначеніе—учить чистотѣ нравственно-религіозной свой народъ въ духѣ любви къ родинѣ и народности и устраняли бы тѣ исключительные мѣстные вопросы, которые, не имѣя ни малѣйшаго отношенія къ народной нравственности, въ состояніи лишь подготовить простой умъ къ безполезнымъ, даже болѣе, враждебнымъ религіознымъ распрямъ. Тѣмъ скорѣе посовѣтовалъ бы я устранить подобные вопросы, что при нихъ далеко не всегда обходится дѣло безъ неправды: а каждая неправда рано или поздно вскроется и тамъ, гдѣ теперь и не ожидаютъ такого вскрытія. Пусть и Кириллъ и Ме-

ѳодій останутся тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно они были, какъ передаютъ намъ о нихъ извѣстія всѣ историческія данныя, не будемъ дѣлать изъ нихъ того, что имъ не принадлежало; въ противномъ случаѣ, мы введемъ такъ много противорѣчій, что и необразованный поселянинъ, только одаренный здоровымъ смысломъ, впадетъ въ недоразумѣнія и подорветъ въ себѣ довѣріе къ своимъ духовнымъ наставникамъ. Вы простите меня, что я говорю слишкомъ въ общихъ чертахъ и не привожу частностей. Но вопросъ этотъ слишкомъ разностороненъ, да и не ко всякой мѣстности одинаково примѣнимъ; съ другой стороны, я увѣренъ, что Вы выразумите существенное и изъ общихъ моихъ выраженій, точно такъ же, какъ поймутъ его и моравскіе народные дѣятели, еслибы пришлось имъ прочитать эти строки, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми имѣлъ я удовольствіе бесѣдовать въ Брнѣ, Градищи и на самомъ Велеградѣ. Кстати о Велеградѣ. Извѣстно ли Вамъ, что моравскій исторіографъ, Дудикъ, уже приготовляетъ статью или сочиненіе, имѣющее цѣлью опровергнуть мнѣніе, будто св. Кириллъ и Меѳодій когда-нибудь были на Велеградѣ Моравскомъ, даже болѣе, кажется, хочетъ доказать, что не жили они и на самой Моравѣ. Знаменательный подарокъ къ тысячелѣтнему празднеству въ память нашихъ св. первоучителей! Неправда ли? Вѣдь это немногимъ лучше, если только лучше, того, что Краледворская рукопись написана въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но Кугу и его сподвижникамъ простительнѣе утверждать подобный безстыдно невѣжественный вздоръ, чѣмъ Моравянину-Дудику.

Въ Краковѣ, несмотря на болѣе двухнедѣльное пребываніе мое, не познакомился я ни съ однимъ полякомъ. Не правда ли, явленіе довольно поразительное; оно было бы даже крайне вредное для меня, еслибы и здѣсь не встрѣтилъ я милыхъ моихъ Чеховъ, столь дорогихъ и родныхъ моему сердцу. Они-то восполнили съ свойственною имъ готовностью отсутствіе туземныхъ поляковъ при обзорѣ моемъ достопримѣчательностей Кракова. Надобно-ли благодарить ихъ? Я увѣренъ, что они слишкомъ хорошо понимаютъ глубину моей признательности, чтобы выражать еще ее въ пустыхъ словахъ. Но всетаки явленіе остается необъясненнымъ, почему я не сошелся съ поляками: вѣдь я не принадлежу къ числу людей, которые ѣздятъ только для того, чтобы наслаждаться поѣздкою или прогулками по картиннымъ мѣстностямъ. Наука и литература слишкомъ близки къ моему сердцу, чтобы тотчасъ же по пріѣздѣ не сходиться съ ихъ представителями. И всетаки вышло такъ, что въ Краковѣ я не со-

елся, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ г.г. Гельцелю и ехержинскому особенно. И знаете ли почему? Испугался! Вы ыбаетесь, думаете, что это шутка, а между тѣмъ это такъ на момъ дѣлѣ. Пріемъ въ библіотекѣ господиномъ библіотекаремъ гронскимъ, не промолвившимъ со мною ни одного слова и поавшимъ указывать мнѣ библіотеку служителя, отъ котораго, изумѣется, я не получилъ ни одного слова отвѣта на мои пытвые вопросы, который указывалъ только то, что зналъ, и что дится лишь осматривающимъ библіотеку дамамъ, такой пріемъ росто обезумилъ и перепугалъ меня. Надобно же было, къ увеиченіи страха, прочитать еще случайно попавшійся подъ руку омеръ Dziennika literackiego, гдѣ, при общей ругани Россіи, гаютъ въ частности и нашего Пушкина, смѣются надъ тѣмъ, о мы считаемъ его *поэтомъ*, тогда какъ онъ *едва можетъ зваться рабскимъ подражателемъ* Байрона и Аріоста, по мнѣо автора статьи, столь знаменитой по бездоказательной, безетной ненависти къ *русскимъ* и столь переполненной полотельною, намѣренною ложью. Эти два обстоятельства сильно йствовали на мою душу, особенно первое, по непривычкѣ подобнымъ пріемамъ, такъ что я отказался отъ ознакомленія туземными учеными, какъ ни было и ни есть оно лестно для я. Неужели польская исключительность, думалъ я, думаю и ерь, отъ политики и общественной жизни перенеслась уже на науку? Допустимъ возможность, все равно—справедливой несправедливой политической ненависти одного народа къ гому,—хотя бы народъ и давно уже слѣдовало оставить въ коѣ,—но какая же ненависть, вражда можетъ быть въ наукѣ? дь она имѣетъ цѣлью чистую истину, насколько возможно стигнуть ея человѣчеству; а при такой цѣли неизбѣжно рутся всѣ непріязни, даже и въ томъ случаѣ, полагаю я, когда и такая непріязнь была и частная, личная, между тѣми особа, которымъ пришлось столкнуться между собою въ поискахъ ученымъ интересамъ. Эта мысль заставила меня предполагать собую, спеціальную, чисто исключительную, польскую цѣль и самой наукѣ у Поляковъ, точно такъ, какъ и истину научю у нихъ обусловленною ихъ спеціальными, особенными треваніями. А вѣдь подобная мысль ужасно непріятна и безотдна: при дальнѣйшемъ развитіи ея, она можетъ составить тай ужасный лабиринтъ, что изъ него не будетъ возможности браться поздорову.

Но я слишкомъ уже заговорился; письмо мое вышло втрое льше того, какъ я предполагалъ. Хватитъ ли у Васъ терпѣ-

нія перечитать пересылаемые листки? Если во Львовѣ проживу долго, то постараюсь переслать Вамъ что-нибудь и оттуда. Но желательно было бы поскорѣе пробраться въ Прагу: я такъ соскучился по ней, какъ по родинѣ. Какъ жалко, что нельзя перетащить ее съ собою на Русь [1])! Итакъ, очаровательнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, до будущаго письма или до личнаго свиданія. Не забывайте преданнаго Вамъ всѣмъ своимъ существомъ

Петра Лавровскаго.

P. S. Потрудитесь передать отъ меня поклоны и почтеніе дорогимъ моимъ братьямъ по происхожденію: Эрбену, Запу, Ригеру, Вацлику, Коллярю, Лешетицкому, Мужаку, Крейчиму и всѣмъ, кто помнитъ еще меня; особенный поклонъ столу въ Бесѣдѣ, за которымъ обыкновенно сидѣли мы вмѣстѣ и пили obyčejné pivo.

Краковъ,
31 мая 1860 года.

А. В. Лакіеръ [2]).

1.

М. Г., Вѣнцеславъ Вѣнцеславичъ!

Пока я сбирался благодарить Васъ за Вашъ лестный о моей книгѣ (Русская Геральдика) отзывъ, я имѣлъ удовольствіе получить Вашъ драгоцѣнный подарокъ чрезъ А. Ѳ. Гильфердинга. Не берусь выразить Вамъ степень признательности, которою я проникнутъ за Ваше доброе къ моему начинанію расположеніе: зная, какъ далекъ мой трудъ отъ совершенства, которое я имѣлъ всегда предъ собою, работая нѣсколько лѣтъ надъ

[1]) Воспоминанія П. А. Лавровскаго о пребываніи въ Чехіи изложены подробно въ статьѣ: „Поѣздка во внутреннюю Чехію весною 1860 г.“, въ сборникѣ М. П. Погодина „Утро“, 1868 г., стр. 236 и сл.

[2]) Александръ Борисовичъ Лакіеръ (р. 1825, † 1870), историкъ-археологъ, авторъ трудовъ: „О вотчинахъ и помѣстіяхъ“ (1848), „О службѣ въ Россіи до временъ Петра В.“ (1850); особенно извѣстна его: „Русская Геральдика“, I. II. (1855). Въ бумагахъ Ганки мы нашли слѣдующую замѣтку о ней: „Я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ два раза Вашу Геральдику и повторяю, что Вы выбрали къ тому лучшую методу, опираясь при томъ на сосѣднія родственныя страны“.

предметомъ, у насъ по крайней мѣрѣ вовсе не тронутымъ, я могу отнести Ваше вниманіе къ моему сочиненію только къ важности предмета, избраннаго мною.

Толки о моей книги въ Россіи были различны и во многомъ даже одинъ другому противоположны; иначе и быть не могло по новости предмета и смѣлости нѣкоторыхъ предположеній и соображеній, подлежащихъ спору и обсужденію; но главный вопросъ остался въ тѣни: должна ли наша и славянская вообще геральдика слѣдовать тѣмъ же началамъ и тѣмъ же правиламъ, по какимъ изображается гербъ западной Европы, или же наоборотъ: знаки, видимые въ польскихъ гербахъ (въ которыхъ слились прочія славянскія знамена), должны имѣть свой собственный, только при помощи Славянской исторіи понятный смыслъ? Сколько мнѣ достало средствъ и умѣнія, я доказалъ, что наши гербы, совсѣмъ не рыцарскаго начала, перешли къ намъ изъ Польши, что это не болѣе, какъ изображенія на печатяхъ, что потому цвѣта, краски, форма фигуръ и т. д. сложились по своему. Пока дѣло шло о Россіи, о печатяхъ собственно нашихъ, я прилежно сбиралъ, трудился, сколько могъ; но соображенія мои о Геральдикѣ Славянской могли быть произвольными и даже неправильными. Я не имѣлъ здѣсь ни одного ученаго, который бы зналъ дѣло, который бы могъ наставить меня и указать мнѣ ошибки; сознаніе же, что я не имѣю права отвлекать вниманія отъ собственныхъ занятій такихъ свѣтилъ Славянской науки, какъ Вы, многоуважаемый Вѣнцеславъ Вѣнцеславовичъ, удержало меня отъ рѣшимости сообщить свои мысли и ждать наставленія. Тѣмъ съ большею радостью я выслушалъ согласіе Измаила Ивановича представить Вамъ мою книгу. Кромѣ замѣчаній на нее вообще, которыми я дорожу, какъ лучшимъ признакомъ уваженія къ труду, я просилъ бы Васъ передать кому нибудь изъ извѣстныхъ Вамъ славянскихъ ученыхъ, занимающихся геральдикою, препровождаемый при семъ экземпляръ моей книги и, ожидая отъ Васъ замѣчаній на 2-й томъ, прошу Васъ обратить особенное вниманіе на то, правильно-ли я произвожу слово *гербъ*, и въ какой мѣрѣ выдерживаютъ судъ строгой критики мои мысли о Славянскихъ гербахъ.

Считая снимки съ печатей славянскихъ лучшимъ и самымъ богатымъ матеріаломъ для Славянской и слѣд. для Русской геральдики, я очень и очень дорожу Вашею послѣднею присылкою, отъ души благодарю за нее, но къ сожалѣнію не знаю, къ какому они принадлежатъ вѣку, какого происхожденія, что на нихъ изображено и т. д.

Еслибы я не зналъ Вашей любви къ наукѣ, еслибы Ваше собственное письмо не доказывало, что Вы, дорожа нашимъ роднымъ, такъ щедро дѣлитесь своими сокровищами со всякимъ, кто проситъ о нихъ, я не смѣлъ бы обращаться къ Вамъ съ ходатайствомъ о снисхожденіи къ моей докучливости, но желая, чтобы Вы заочно меня полюбили, прошу принять отъ меня полную коллекцію моихъ юношескихъ трудовъ. Хотѣлъ бы теперь сказать Вамъ кое-что о себѣ и о моемъ будущемъ трудѣ, но знаю, что всему должна быть мѣра и потому, поблагодаривъ Васъ еще разъ сердечно, позволю себѣ въ залогъ моего съ Вами знакомства пожать ту руку, которая такъ много пролила свѣту на Славянскій миръ. Ал. Лакіеръ.

Книга моя „Русская Геральдика“ совсѣмъ разошлась, и я имѣю въ виду второе ея изданіе. Жалѣю, что не могу послать ее въ большемъ числѣ экземпляровъ. За то посылаю три экземпляра своего сочиненія „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“, одно для Васъ, другія для Вашихъ друзей.

СПБ. На Англійской набережной, въ домѣ Яковлева.
14-го февраля 1856 г.

2.

Послѣ долгаго странствованія добрался до зимней квартиры, и одною изъ первыхъ моихъ мыслей здѣсь было сообщить Вамъ о себѣ, почтеннѣйшій и многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичъ. Вамъ я былъ обязанъ многими прекрасными минутами не только въ Прагѣ, въ воспоминаніи о которой образъ Вашъ постоянно сливается съ Вышеградомъ и Градчиномъ, не только въ Прагѣ, но и въ Дрезденѣ, Краковѣ, Бѣлградѣ.

Ваши милыя рекомендательныя карточки, которыми Вы такъ щедро надѣлили меня при прощаніи, открывали мнѣ повсюду двери, а двѣ карточки въ Львовъ я сберегъ, потому что боялся слишкомъ возбудить недовѣріе къ себѣ Австрійскаго Правительства, которое повидимому не вѣрило самымъ чистымъ намѣреніямъ и видѣло какое-то политическое стремленіе тамъ, гдѣ была одна и исключительно одна ученая цѣль. Я не жалуюсь на неоднократныя непріятности и злоупотребленія власти, потому что теперь они, относясь къ прошедшему, дѣлаютъ настоящее болѣе привлекательнымъ, но признаюсь, были минуты, когда вспоминалось съ удовольствіемъ про пріятное путешествіе безъ зацѣпокъ по Швейцаріи, Франціи и даже по Россіи. Во всякомъ

случаѣ я былъ вездѣ, гдѣ мнѣ хотѣлось быть, и долженъ сознаться въ томъ, что чутье на этотъ разъ меня не обмануло: прежде всего Русскому должно ѣхать къ Славянамъ, присмотрѣться къ ихъ быту, къ ихъ образу жизни, понятіямъ и т. п. Тогда поймешь, что не все, что хорошо на Западѣ, хорошо у Славянъ, что многое составляетъ наше исключительно достояніе, а главное—дойдешь до убѣжденія, что Славяне были когда то одинъ народъ, и ихъ учрежденія, понятія вовсе не такъ разошлись, какъ бы то можно было заключить по ихъ вѣковой разрозненности и вообще по ихъ судьбамъ. Всего яснѣе становится это различіе, когда изъ такого захолустья, каковы Славонія и Кроація пріѣдешь въ Тріестъ, а потомъ въ Венецію. Не говоря о различіи въ одеждѣ (которая, мимоходомъ сказать, у всѣхъ Славянъ, имѣетъ что-то общее), о различіи въ типѣ, складѣ лица, во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ обычаяхъ, видишь въ основаніи другія понятія, и едва ли можно что-нибудь измѣнить въ древнихъ историкахъ, когда они представляютъ Славянъ народомъ добрымъ, милымъ, веселымъ, но въ то же время безпечнымъ, любящимъ странника и гостя и нетерпящимъ надъ собою власти, а потому враждебнымъ къ равнымъ себѣ.

Славянамъ я не сказалъ еще „прощай“! Я не былъ еще въ Далмаціи и Черногоріи, и вернусь туда будущій годъ. Говорить ли Вамъ, Вячеславъ Вячеславичъ, что Русскому здѣсь вездѣ рады, что его принимаютъ, какъ близкаго роднаго? Вашъ пріемъ всякому Русскому да послужитъ Вамъ отвѣтомъ, и эта ласка, которой вы остаетесь вовсе чужды въ другихъ земляхъ, гдѣ васъ принимаютъ такъ сказать на вѣсъ гульденовъ (разумѣется, когда они бываютъ серебряные), эта ласка дѣлаетъ воспоминаніе о Славянахъ еще болѣе привлекательнымъ.

Не знаю, получены ли въ Прагѣ книги, которыя, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, отданы Измаилу Ивановичу для отправленія къ Вамъ. На собраніи сочиненій Пушкина я желалъ бы написать, что они служатъ знакомъ уваженія и благодарности къ Вамъ; двѣ же книжки басень Крылова потрудитесь передать двумъ молодымъ Чехамъ, съ которыми я познакомился въ Музеумѣ.

Г-ну Франтѣ Шумавскому и Г-ну Наперстку, онъ же Фингерхутъ, прошу передать мое почтеніе.

Въ Парижѣ я останусь до февраля мѣсяца, и Вы меня крайне обрадуете доброю о себѣ вѣсточкою.

Не смѣю сказать „до свиданія“! Но прошу позволенія отъ

За Вашу прекрасную книгу о славянахъ въ Малой Азіи я Васъ уже благодарилъ въ прежнемъ моемъ письмѣ. Экземпляръ для Г-на Палацкаго я получилъ къ сожалѣнію уже послѣ его отъѣзда въ Ницу, но и то не мѣшаетъ, я отдалъ его Г-ну Ригеру, его зятю, и дочь Палацкаго поѣдетъ на дняхъ тоже въ Ницу и возьметъ экземпляръ съ собою. Пора бы была, чтобъ явился человѣкъ, который бы занялся торговлею славян. книгъ, дай Богъ, чтобъ это удалось Г-ну Смолярю!

Братцу Вашему и другимъ моимъ знакомымъ прошу покорнѣйше свидѣтельствовать мое искреннѣйшее почтеніе и здравствовать многая и многая лѣта!

Вашъ навсегда преданнѣйшій почитатель и слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага,
18/30 октября 1859. (Съ черновика Ганки).

2.

М. Г., многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Мой добрый знакомый, Дмитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ книгопродавцевъ, давно уже желалъ выписывать въ Россію Славянскія книги и, если понадобится, посылать въ Славянскія земли Русскія. Въ бытность И. И. Смоляра въ Россіи, г. Кожанчиковъ условился съ нимъ обо всемъ, но какъ теперь о Смолярѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, то онъ и рѣшился на первый разъ обратиться черезъ меня къ Вашему посредничеству. Зная Вашу доброту и любезность, Вячеславъ Вячеславичъ, обращаюсь съ нижеслѣдующею покорнѣйшею просьбою. Съ письмомъ этимъ Вы получите вексель въ 200 р. с. и списокъ сочиненій и изданій, которыя въ настоящее время нужны Кожанчикову. Мы въ Россіи мало или лучше вовсе не знаемъ вашихъ книгопродавцевъ-издателей. Благоволите сами избрать въ Прагѣ такого книгопродавца, который можетъ точно выполнить желаніе Д. Е. Кожанчикова. Совѣстно право Васъ безпокоить, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, но если Вамъ будетъ возможно, то будьте такъ добры, укажите сами на лучшіе новѣйшіе Чешскіе альманахи. Намъ нужнѣе тѣ, въ которыхъ преобладаютъ статьи этнографическаго, статистическаго и историческаго содержанія,—разумѣется о Славянщинѣ. Благоволите также указать и на грамматики, словари и христоматіи.

Тутъ требуются наиболѣе краткія и дешевыя и вмѣстѣ наиболѣе годныя для практическаго изученія Славянскихъ нарѣчій.

Прося извиненія за причиняемыя Вамъ хлопоты, покорнѣйше прошу, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, не сердиться на душевно Вамъ преданнаго и пр.

Владиміра Ламанскаго [1]).

Петербургъ,
23 іюля 1860 года.

3.

Позвольте мнѣ, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, прибавить отъ себя нѣсколько строкъ [2]). Прежде всего привѣтствую Васъ съ конституціею, на которую гляжу хладнокровно, однако не могу уже не видѣть большаго шага впередъ. Мы по крайности убѣждены здѣсь, что Славяне всѣ воспользуются своими новыми льготами. Кожанчиковъ Васъ отнюдь не обманываетъ, говоря, что сочувствіе къ Славянскому дѣлу сильно у насъ возрастаетъ. Я довольно внимательно слѣжу за нашею литературою и общественнымъ мнѣніемъ и откровенно признаюсь Вамъ, Вячеславъ Вячеславичъ, что самый горячій Славянофилъ не можетъ не изумляться быстрымъ успѣхамъ этого дѣла. Теперь нѣтъ кажется, ни одного журнала, который бы не спрашивалъ статей о Славянахъ. Что Ваша молодежь не пишетъ въ наши газеты и журналы? У насъ плата очень хорошая. Я слышалъ отъ Срезневскаго, что Вы были нездоровы; надо Вамъ, Вячеславъ Вячеславичъ, беречь себя. Возрожденіе Славянства настаетъ. Христосъ воскресъ! Наше крестьянское дѣло приходитъ къ полному окончанію. Будьте здоровы.

Душевно Вамъ преданный Влад. Ламанскій.

Фр. Левстикъ [3]).

1.

Euer Wolgeborn!

Der Gefertigte nimmt sich die Freiheit, an Euer Wolgeborn, ohne Ihrer ehrenden Bekanntschaft sich zu erfreuen, den gegen-

[1]) Слѣдуетъ списокъ славянскихъ книгъ и изданій требуемыхъ Д. Е. Кожанчиковымъ.

[2]) При письмѣ Д. Е. Кожанчикова отъ 18 октября 1860 г.

[3]) Franc Levstik (р. 1831, † 1887), словинскій поэтъ, переводчикъ Краледворской рукописи (Celovec, 1856) на словинскій языкъ.

värtigen Brief zu richten. Da er in Erfahrung gebracht, dass ie alle slavischen Übersetzungen der „Königinhofer Handchrift" annehmen, um sie den schon bis jetzt existirenden eizuschliessen, so wagt er hiemit eine „slovenische" Übersetzung der gesammten im „rukopis" vorkommenden Gedichte egen ein anständiges Honorar anzubieten. Er würde wol nicht lavon erwähnen, wenn er jetzt nicht in einer sehr beängstigenlen Lage wäre. Er hat einen Band „slovenischer" Gedichte erscheinen lassen, die sich in seinem Vaterlande einer enthusiatischen Aufnahme zu erfreuen die Ehre hatten Sie wurden von inem Supplenten, der zugleich Pater ist, am Gymnasium zu Laibach als Vorlesebuch eingeführt, aber die Folge davon war eine raurige. Die am Gymnasium bethätigte übrige Geistlichkeit erob einen grässlichen Sturm und brachte so weit, dass in allen ymnasialklassen die Exemplare, welche sich die Studenten anreschafft hatten, öffentlich konfiscirt wurden. Aber die Bosheit ing noch weiter. Da sich der gefertigte Verfasser im f. E. Seminär zu Olmütz in Mähren als Deutschritterordenskleriker beand, so schrieb ein Pater von Laibach einen Brief mit einem eigeschlossenen komentirten Exemplare seiner Gedichte an den eminärsvorsteher. Im Briefe standen unwerschämte Lügen, dem Verke wurden die skandalösesten Blasphemien aufgebürdet. er Vorsteher drang auf Widerrufung der Gotteslästerungen. er Verfasser erklärte umsonst, dass das Werk die Censur mit hren bestanden, dass diese Denunziazion eine abscheuliche Lüe sei. Er versteht unsere Sprache nicht und glaubte dem Briefe den Strich, dem Verfasser nichts. Die Folge davon war, dass r das Seminär verliess, weil er sich zur Widerrufung nicht bequemen konnte. Jetzt ist er in Wien und gedenkt die Philosophie u studieren, hat aber keine Aussicht auf irgend eine Unterstüzung, darum kann er in diesen Umständen wol entschuldigt weren, wenn er vom Honorar Erwähnung macht. Er bittet um gefällige baldigste Beantwortung.

Mit Hochachtung etc. Fr. Levstik.

Adresse: Franz Levstik in Wien, Landstrasse, Untere Reisnergasse l. № 197, II Stock, Thür № 22.

Wien,
am 30 Jänner 1855.

2.

Euer Hochwolgeborn!

Ich komme erst jetzt der schuldigen Pflicht nach und bitte esshalb tausend Mal um Vergebung. Ich wusste sehr wol, dass

es meine Pflicht sei, Euer Hochwolgeborn ein Bändchen meiner Gedichte zu überschicken, und diess um so mehr, da Sie selbst ein slavischer Schriftsteller und ein Freund unserer Nation sind. Dieser Pflicht wäre ich schon in meinem ersten Schreiben gerne nachgekommen, wenn es mir nur möglich gewesen wäre. Nach Olmütz hatte ich nur 3 Exemplare meiner „Pesmi" erhalten, wovon ich 2 bei meiner Abreise von dort an meine Mitschüler abzutreten gezwungen wurde; so sehr interessirte man sich dort um mein kleines Werk. Ich befinde mich also nur noch im Besitze eines einzigen Bandes, der hier in Wien, unter meinen Landsleuten von Hand zu Hand geht.

Sobald ich von Euer Hochwolgeborn das Schreiben nebst den beigelegten Werken, wodurch ich mich sehr geehrt und zu grossem Danke verpflichtet fühle, erhalten hatte, schrieb ich alsogleich an den Verleger nach Laibach, er soll mir wenigstens noch ein Exemplar zuschicken; aber drei Briefe an ihn blieben ganz unbeantwortet, erst auf den vierten von etlichen Tagen würdigte sich der stolze Mann herab, mir eine Antwort zu geben: „Alle Exemplare liegen unter Siegel und kein Mensch sei im Stande nur Eines davon zu bekommen!"

Ich würde Euer Hochwolgeborn mit grösstem Vergnügen mein einziges, obwol schon sehr abgeriebenes Bändchen zusenden, wenn ich es nur irgendwie entbehren könnte, allein das Manuskript liegt beim Buchdrucker, welches er mir übrigens zur weitern freien Verfügung gegen Erlegung von 35 f. C.M. (soviel hatte ich erst an Honorar bezogen) abzutreten gesonnen ist, und da ich in der Kürze eine zweite Auflage zu veranstalten gedenke, so kann ich das einzige Exemplar unmöglich entbehren. Euer Hochwolgeborn hatten die Güte, an mich die Frage ergehen zu lassen, wieviel ich für die Übersetzung der „Königinhofer-Handschrift" verlange? Diese Frage muss ich dahin beantworten, dass ich, in Erwägung, dass Euer Hochwolgeborn durch eine Drucklegung derselben mir, ohne weitere Aussicht auf Absatz, ein Opfer gebracht hätten, dieselbe nach Klagenfurt bereits dem Verein des h. Mohor abgetreten habe, von dessen Honorar ich bis jetzt kümmerlich mein Dasein gefristet. Nun aber bin ich in der schlimmsten Lage. Meine Eltern beantworten mir keinen meiner Briefe, hier in Wien habe ich viele, doch lauter arme Freunde, aber keinen Gönner und keinen Verdienst, trotz meiner bisjetzigen grossen Bemühung darnach. Ich weiss nicht, wohin ich mich wenden, was ich anfangen soll! Alles scheint sich gegen mich verschworen zu haben. In Laibach soll

ich wol so manchen stillen Gönner besitzen, aber leider weiss ich nichts davon!

Ich wage mich daher an Euer Hochwolgeborn mit der Bitte um eine Unterstützung. Mein Selbstgefül hielt mich von solchen Schritten zurück, solange ich nicht in das bitterste Elend geraten war, aber nun steht mir keine Aussicht mehr offen, bis zur 2-ten Auflage meiner Gedichte, die in ein Paar Monaten erfolgen würde, wenn ich einen Verleger hätte. Dabei könnte ich viel gewinnen. In Laibach wollen jene, die sich im Besitze meines Werkes befinden, dasselbe nicht um enorme Preise von 5 f. und noch mehr, an andere abtreten. Wäre es vielleicht möglich in Prag den Druck irgedwie zu veranstalten? In Laibach und überall sonst giebt es Buchhändler genug, die es gerne verschleissen wollten, das weiss ich genau.

Mich noch einmal wegen der so lange schuldiggebliebenen Antwort exkusierend, bleibe ich etc. Franz Levstik.

Adresse: Wien, Vorstadt Wieden, Wehrgasse, H № 854 zu ebener Erde, Thür № 1.

Wien,
am 22 April 1855.

С. Г. Линде[1]).

1.

Wysoce Učený a Důstoiný Pane!

Poněwadž nahlížime žeby oběma národům welmi prospělo, kdyby jeden druhého spisy čísti mohl, tedy sme se usnesli w společnosti naší, aby sé latinskau literau tak jako Polské také i w Češtině psalo; poněwadž ale w Polštině několik složených písmen ještě posud se nachází, kteráby jedním jen písmenem se psati mohla, a Polské dobropísebnosti ulehčila, tedy to Waši Důstoinosti učtiwě připomínáme, aby ste to jakožto w literatuře Polské

[1]) Одно письмо Ганки къ Линде отъ 2 апрѣля 1823 г. напечатано у И. В. Ягича, Источники, II, 641—642. A. Kraushar въ монографіи „Towarzystwo Warsz. Przyjaciół Nauk", ks. II, tom II, 276, сообщаетъ еще одно, наиболѣе раннее изъ извѣстныхъ, но невполнѣ исправно. Помѣщаемъ его здѣсь въ полномъ и точномъ видѣ. Оригиналъ хранится въ Архивѣ „Общества" (Akta tyczące się jęz. polskiego, Tom I), нынѣ въ архивѣ канцеляріи Варш. Генералъ-Губернатора.

muž neyznamenitèiší (jakéhož wždycky každý rád následuie) k snadnějšímu pobratřenému srozumění uwesti ráčil, totiž: č místo cz, ě — ie, ř — rz, š — sz. Wěnceslaw Hanka,
taiemník společnosti literatury české.

Budemeli tu čest míti Wašeho rozsudku Wysoce Učený Pane tedy mně jen pište na Staré město do Konwiktské ulice N° 293 w prwním patru.

Naše mládež se již cwičí w čtení a psaní latinským písmem we školách, tuto pro skrownost toliko jednoho listu z nowé dobropisebnosti Waši Důstoinosti posylám [1]).

Wysoce Uczonemu Panu, Panu Bogumiłowi Linde, Doktorowi Filozofie, naywyższy izby edukacyi publiczney, Rektorowi Liceum Warszawskiego i członkowi Przyiaciol nauk w Warszawie.

Od společnosti České.

w Praze,
26 ledna 1812.

2.

Hochwohlgeborner, besonders hochzuverehrender Herr und Freund!

Unser gemeinschaftlicher Freund Herr von Rakowiecki hat mir von Zeit zu Zeit den gelehrten Briefwechsel mitgetheilt, womit Sie ihn und uns alle, insonderheit auch mich, zu beglücken geruht haben. In seiner Prawda Ruska hat er davon dankbaren Gebrauch gemacht, mir aber hat er Ihren so trefflichen kernigen handschriftlichen Auszug aus der böhmischen Litteraturgeschichte geschenkt. Da ich jetzt mit der polnischen Bearbeitung des interessanten Werks meines Freundes Herrn Gretsch zu Sct. Petersburg fertig bin, und also im kurzen den Riss einer Litteraturgeschichte der Russen polnisch, und auch nach dem unter den

---

[1]) Приложенъ: „Zweiter Anhang. Eine Probe, wie man nach der hier vorgeschlagenen čechischen Rechtschreibung alle slawische Dialekte schreiben könnte", печатный листокъ, страницы 41—42.

На отдѣльномъ листочкѣ, приклеенномъ къ письму, рукой Ганки:

„Ještě sem zapomněl: ǎ místo ia swǎtki = swiątki,
ų̌ „ ią smǎć = smiać,
ę̌ „ ię pękny = piękny,
ǒ „ io imǒnů = imioniu.
ů „ iu

Augen des Verfassers in Sct. Petersburg gefertigten Manuscripte deutsch herausgeben werde, so will ich mich dann an die Böhmische, an die Ragusanische, an die Wendische u. s. w. Litteraturgeschichte machen, um so im Polnischen eine Litteraturgeschichte der slavischen Nationen nach einander zusammen zu stellen. Doch dazu brauche ich Ihre gütige freundschaftliche gelehrte Hilfe, besonders für die böhmische Litteraturgeschichte. Ihre gedrängte Übersicht erfüllt so manches, besonders in den neuesten Zeiten, was im Dobrowský fehlt. Doch vor diesem habe ich bis jetzt leider nur die Ausgaben von 1792. Auch an diesen verehrungswerthen Patriarchen der slavischen Litteratur schreibe ich um Rath, Hilfe und Unterstützung, so wie ich auch Herrn Professor Joseph Jungmann um das nämliche ergebenst ersuche. Gerne möchte ich das Verdienst haben meine polnischen Landsleute nicht nur mit den Mundarten, sondern auch mit der Litteraturgeschichte der übrigen Slaven bekannter gemacht zu haben. Dieses Briefchen erhalten Sie durch unser sehr verehrten und humanen Herrn Grafen Ignaz Sobolewski, Minister-Staatssecretair des Königreich Polen. Sie werden gewiss ein Vergnügen darin finden, diesen so leutseeligen Herrn mit Prag in jeder Hinsicht recht bekannt zu machen. Zum Schlusse meinen herzlichsten Glückwunsch zum Jahreswechsel, Gott lass es doch auch für die Litteratur und Wissenschaft ein gutes Jahr sein.

Mit wahrer Hochachtung etc.

Samuel Gottlieb Linde.

P. S. Verzeihung, dass ich auf einem einzelnen Blatte schreibe, um das Briefpaquet nicht zu dick werden zu lassen.

Warschau,
den 17-ten December 1822.

3.

Jaśnie Wielmożny Mci Dobrodzieiu!

W przód trzeba prosić przebaczenia, żem tak długo na tak szanowny list Jaś. W. M. P. D. nie odpisał. Wymówek wiele znayduie ten, kto wymawiania szuka, lecz mogę sprawiedliwie Jaś. W. M. P. D. zapewnić, iż w ty czasy bardzo zatrudniony byłem, bo nietylko żem się przygotował i konkurował na bibliotekarską postę przy lyceum w Ołomuńcu, ale większą czasu część musiałem rozpoczętemu usporządaniu biblioteki Musea narodowego privatney biblioteki Xcia Kinskiego ofiarować, abym to ku końcowi przywiodł, ieśliby mię szczęscie spotkać miało do otrzymania upomianutey posty. Z drugiey strony oczekiwałem tego przez

JW. Grecza wydanego Rysu literatury rossiyskiey, ktoren sobie u księgarza natychmiast po otrzymaniu listu szanownego zapisałem, abym miał wzór według któregobym się w tem sprawować mogł. Nie doczekałem się dotąd, bo przez naszych księgarzy otrzymać książek słowiańskich niewyraznie trudno, iakoby inszą drogę nie znali oprócz Lipska. Tym czasem ale przyszedł pakiecik przez WM. Rakowieckiego drugi tom Prawdy Ruskiey, przy czem niespodziewany i niezasłużony podarunek przez Jaś. WMPD. Kadłubka i o ięzyku dawnych Prusaków postrzegłem, za któryż z bardzo wysokiem uszanowaniem dziękuię zostaiąc Jaś. WMPD. nayobowiązanieyszym dłużnikiem, i to iest to, co mię k prózney (sic) teyto odpowiedzi przymuszało. W. Jungmann zaś, który nieiaki czas zachorował, czekał także na upomianuty Rys, wszak materiały przygotowane mamy; wczora byłem u niego, i upraszał mię, abym go Jaś. WMPD. wymawiał. Co do literatury illyrskiey zalecałbym Wuka Stefanowicza, ale on prosto tu dziś do Halli przeiechał studować medicynę, dla tego zalecam Jaś. WMPD. wspolnego przyiacioła naszego (z Jungmannem) Direktora i Professora Nowosadzkiego (Neusatz bei Peterwardein) Gymnasium JM. Pawła Szafarzyka, ktoryż i chęci i sposobności do dzieła tego istotnie ma, i bez tego iuż artikul ten: Rys literatury słowiańskiey wszech dialektow dla wielkiey oney niemieckiey Encyklopedii przez Ersch i Gruber robi. Jestto człowiek młody, bardzo slicznego ducha, rodzony Słowak, szczęsliwy Poeta i wspołwierzec w religii z Jaś. WPD., pewnie radoscią mu będzie wielką Jaś. WPD. w tem posłużyć. Znaiomość z nieporownanym Hr. Jaś. WMP. Sobolewskim szacuię bardzo wysoko i dziękuię nayniże z sposobności mię przez Jaś. WMPD. zrobioney. Od JW. Jungmanna głęboki ukłon i JW. Dobrowski sam ty dni pisać będzie.

Jaś. WMPD. nayniższy sługa W. Hanka.

W Pradze,
2 kwietnia 1823. (Оригиналъ въ библ. Ягеллонскаго унив.).

В. Лисинскій [1]).

Velecěnjeni Gospodine!

Prie godine već imali ste dobrotu, te poslaste mi po G. Kukuljeviću jedan iztisak vaših milozvučnih českih pěsamah, — ja toli

[1]) Vatroslav Lisinski (p. 1819, † 1854), хорватскій композиторъ, авторъ оперы „Porin" и др.; положилъ на музыку пѣсни Ганки: „Pohřeb Skřivánka", „Růže" и еще одну пѣсню, неизвѣстную намъ.

bolestju, toli drugim slučajom preprečen, nemogoh da Vam radi toga naskoro iskrenu zahvalnost dokažem; zato da Vas polag slabe moje mogućnosti tim bolje uzveselim, stavio sam tri Vaših pěsamah u glasbu. Obećavam si bez svakog samoljubja, da će maleni taj proizvod mili odziv priznanja u Vas naći.

Držo sam se što moguće karakteristike, da time duhu pěsnićkog smisla odgovorim, i nadam se, da će něki Vaših umětnikah napěve ove dobrotu imati, da ih strogo i bezpristrano razsudi. Uzmite dakle posvetjenje ovo od mene onim priaznim pověrenjem, kojim i ja knjigu Vašu primih, pa srce mi mirno i radostno kucat će, jer i onako zlati Vaš Prag zlatnim slovama duboko u duši mojoj upisan stoji.

Sad ali něšto u mome i mislim takodjer u interessu slavjanstva. Odkrio sam već pred dulje vrěmena jednomu štovanomu českom domoljubu iskrenu želju, da operu moju „Porina", ako i kako moguće bilo bi, u Pragu na českom jeziku predstavljat dade pražski ravnatelj Stöger — nu nedobih glede toga niti rěčice na odgovor. Sad se kod Vas nalazi glasoviti tenorista Steger, moj dobar znanac, komu ja evo i lista pišem, u kojemu tu istu želju javljam i njemu predstavljanje opere moje za njegovu korist ponudjam. On će time još više kod Pražanah zaslugah postići, a i ja kao i obći naš cilj time něšto postigne. Molim Vas zato iskreno, da vi kao i drugi priatelji slavjanstva kod pěvaoca Stegera predmet taj podupirati izvoljite; ako on stvar primi, onda ću ja Operu u Prag poslati, da ju muževi věšti presude, a text isti lahkim trudom na českí prevest će se moći.

Time ostajem u nadi, da mi par redakah, koje svigdar radostju primljam, napišete, i preporučam se priateljstvu Vašemu iskrenim pozdravom.

V. Lisinski.

U Zagrebu,
8. V. 1852.

И. Н. Лобойко [1]).

1.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Если я къ Вамъ на этой недѣлѣ и пріѣду въ Прагу, то по краткости времени не успѣю сообщить Вамъ ученыхъ моихъ

[1]) Иванъ Николаевичъ Лобойко (р. 1786, † 1861), проф. Виленскаго университета, авторъ трудовъ: „О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна Записокъ о Россіи" (1818), „Взглядъ на древнюю словесность скан-

размышленій, которыя давно меня занимаютъ, и потому передаю ихъ Вамъ письменно.

Въ Россіи думали прежде, что для высшаго образованія въ Славянской филологіи и нарѣчіяхъ надобно ѣхать въ Вѣну. Копитаръ знаменитостію своею поддерживалъ насъ въ этомъ мнѣніи, но вскорѣ Добровскій въ Прагѣ взялъ перевѣсъ, и знаменитый польскій лексикографъ Линде призналъ его начальникомъ славянской учености. Добровскій, дѣйствуя въ Прагѣ, основалъ школу Славянства, но его послѣдователи дѣйствуютъ не совокупно, а порознь и почти непримѣтно. Преемникомъ его можно почитать только Ганку, наставленіями коего пользовались всѣ наши русскіе ученые и профессора славянской филологіи. Имя Коллара начало только заходить въ Россію, но по смерти его вѣрно оно не оставитъ никакихъ слѣдовъ. Представителями Славянства остались въ Вѣнѣ Миклосичъ, въ Прагѣ—Ганка, но давно уже нѣтъ ни Добровскаго, ни Копитара, ни Линде. Я не думаю, чтобы не нашлось людей способныхъ стать на той же степени, судя по ихъ стремленію и усиліямъ; но всѣ они встрѣчаютъ препятствія. Никто не даетъ имъ покровительства подобнаго тому, какимъ увѣковѣчилъ свое имя Графъ Румянцовъ, какое оказывалъ Адмиралъ Шишковъ. Явились бы и теперь въ Россіи покровители, но она не можетъ дѣйствовать открыто, опасаясь, чтобы не усилить подозрѣній Австр. Правительства; а Австрія боится развитія славянизма, чтобы не дать Славянамъ перевѣса надъ нѣмцами; а потому и то, что она дѣлаетъ для своихъ Славянъ, дѣлается принужденно и не искренно и болѣе для вида. Оттого Чехи не любятъ Австріи и тоже ведутъ себя притворно, не знаютъ, на что рѣшиться, должно ли съ Славянами обращаться искренно и угождать ихъ національности, или по прежнему морочить, обманывать и обманываться. Я предлагаю слѣдующія средства уладить это дѣло и побѣдить эти препятствія. Ваши публицисты должны: 1) доказать, что Славянскіе народы, издавна подвластные Австрійской Монархіи, гораздо могутъ быть счастливѣе и покойнѣе, чѣмъ сами по себѣ, или въ соединеніи съ другими славянскими племенами (sic!).

2) Что, отложивъ упорство и мечты, Чехи должны всемѣрно стараться сблизиться съ Австрійскимъ Правительствомъ, пріобрѣсть полное его довѣріе и тѣмъ принудить его обращать-

---

динавскаго сѣвера" (1827) и др. Богатую библіотеку свою подарилъ Чешскому Музею. Списокъ книгъ, имъ подаренныхъ, напечатанъ въ Č. Č. Mus., 1853, str. 814.

ся съ ними искренно, не опасаясь сохраненія и развитія Чехской народности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Славянской.

3) Увѣрить, что Россія давно уже перестала думать о разширеніи; чувствуя, что сила ея, твердость и могущество въ ней самой, и что искушеніе и покушеніе двинуться далѣе нынѣшнихъ предѣловъ на западъ, ее погубить можетъ. Бл. памяти Императоръ Александръ I не разъ говорилъ во услышаніе всей Европѣ, что онъ не думаетъ болѣе о новыхъ завоеваніяхъ. Императоръ Николай I недавно подтвердилъ это и словомъ и дѣломъ. Не смотря на это, журналисты и злонамѣренные писатели стараются выставить Россію опаснѣйшимъ врагомъ для спокойствія Европы (какъ J. Vendey Vorwärts und Rückwärts in Preussen, Leipzig 1848). Эти писатели успѣли возбудить къ ней ненависть и разрушить тройственный союзъ. Но какъ Пруссія, такъ и Австрія, испытавъ ненадежность собственныхъ силъ, опять къ нему возвратилась. Между тѣмъ Россія не только не воспользовалась разстройствомъ обѣихъ державъ, но первую поддержала въ паденіи своимъ вліяніемъ и могуществомъ, а вторую спасла собственною кровію отъ разрушенія. Но кто объ этомъ теперь говоритъ, или думаетъ? Всѣ молчатъ, пока все, что было, забудется, и вѣсти во вредъ Россіи снова получатъ вѣру. Конечно, враги и недоброхоты Россіи для нея не опасны; но Славяне много оттого потеряютъ, если Австрія оставаться будетъ въ томъ же недовѣріи къ Россіи, какъ и прежде. Политика Россіи, которой она въ послѣднія два царствованія слѣдовала и которую она снова безкорыстно и благородно предъ свѣтомъ оправдала, засвидѣтельствована не многими, но важными и достовѣрными писателями. На ихъ свидѣтельствѣ можно бы основать защиту Россіи, успокоить Австрію и побудить Правительство не противодѣйствовать сохраненію и развитію Славянства въ ея предѣлахъ. Я знаю только четырехъ такихъ защитниковъ, но вѣрно есть болѣе.

Первый изъ нихъ англичанинъ Sir Gardner Wilkinson въ книгѣ своей Далмація и Монтенегро (въ нѣм. переводѣ напеч. въ 1848 въ Лейпц., II, 196).

Второй — пруссакъ Баронъ Haxthausen въ своемъ Studien über die inneren Zustände Russlands. Hannov., 1847.

Третій — австріецъ Графъ Fiquelmont въ сочин. своемъ Deutschland, Oestreich und Preussen.

Четвертый — полякъ Графъ Адамъ Gurowski, издавшій на фр. и на нѣм. яз. Russland und die Civilisation.

Прагскіе ученые могли бы пріобрѣсть право на особенное

покровительство Россіи, еслибы они поставляли на видъ Нѣмецкой публикѣ подобныя сочиненія, и этимъ только можно бы побѣдить предубѣжденіе иностранцевъ противу Россіи, вредное для обѣихъ сторонъ.

Я склоняю рѣчь мою къ тому, чтобы Вы, любезнѣйшій поэтъ и любимѣйшій Славенословъ, въ интересѣ сдѣлать Прагу главнымъ разсадникомъ славянской филологіи и литературы Славянскихъ нарѣчій,—высшею школою, для образованія профессоровъ и писателей по симъ предметамъ,—средоточіемъ всѣхъ Славянскихъ древностей и новостей, благоволили употребить вліяніе свое на прагскихъ ученыхъ, чтобы они устремили способности и достоинство свое для искорененія этихъ политическихъ предразсудковъ, препятствующихъ самымъ благороднымъ и естественнымъ побужденіямъ и самымъ безвреднымъ намѣреніямъ, если только они найдутъ такихъ руководителей, какъ Шлецеръ, Добровскій и Линде.

Симъ образомъ могли бы выходить изъ Праги лучшіе филологи, грамматики, лексикографы, археологи, историческіе изслѣдователи, собиратели и объяснители Слав. древностей, издатели, библіографы, библіотекари, ученые путешественники, профессора, учители, рецензисты и журналисты. Всѣ они нашли бы пріемъ и занятіе въ обширномъ Славенскомъ мірѣ, но всего паче въ Россіи, лишь бы они были съ высшими способностями и успѣли утвердить къ себѣ довѣріе Правительствъ какъ полезными трудами, такъ и поведеніемъ. Вотъ, что меня давно занимаетъ, и о чемъ на досугѣ желаю я побесѣдовать съ Вами пространнѣе.

Пребываю навсегда душевно Вамъ преданнымъ

И. Лобойко.

Вѣна,
5 Juli / 17 Іюля 1852.

2.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я очень жалѣю, что оскорбилъ въ Васъ Чеховъ, — въ благороднѣйшемъ и великодушнѣйшемъ ихъ представителѣ и другѣ Славянъ. Но, питая непритворное мое къ Вамъ и къ нимъ уваженіе и любовь, я неспособенъ себѣ противорѣчить. Но я питаю къ нимъ, какъ Вамъ извѣстно, безнадежную любовь, и это оскорбленное чувство вырвалось у меня предъ Вами невольно, съ тѣмъ, чтобъ принудить Васъ разрѣшить, отчего Чехи-Славя-

не русскихъ Славянъ не любятъ и не хотятъ съ нами сблизиться, по крайней мѣрѣ столько, какъ Поляки и Венгры, которые ни въ Вѣнѣ, ни въ Карлсбадѣ, ни наединѣ, ни предъ всѣми не боятся обращаться съ нами. Сколько я ни бьюсь, я не могъ собственными силами разгадать этого и принужденъ былъ обнаружить предъ Вами мое недоумѣніе, сказавъ, что мы между Нѣмцами Германскими нигдѣ не встрѣчали подобнаго къ намъ равнодушія. На это Вы сказали: „Да! это Нѣмцы", т. е. Нѣмцы всегда хотятъ быть любезными. Я понялъ, что Чехи никому не станутъ льстить и кого они не любятъ, тому и угождать не станутъ. Но, чтобы они насъ ненавидѣли, этого я не думалъ и не думаю, и потому въ возраженіе сказалъ: „Для чего же намъ Русскимъ любить ихъ, если они этого не желаютъ и насъ не любятъ? А кто всѣхъ чуждается и убѣгаетъ, тотъ хочетъ оставаться въ неизвѣстности, не возбуждающей въ другихъ ни любопытства, ни интереса. Къ прискорбію моему, это возраженіе сдѣлано было въ минуту нашего отъѣзда и произвело дѣйствіе, противное моей волѣ и желанію. Если бы не то, я вѣрно бы успѣлъ передъ Вами оправдаться и Васъ успокоить. Я знаю что теперь мнѣ оправдаться трудно.

Мнѣ не должно бы избирать для столь важнаго и щекотливаго вопроса столь короткаго времени. Но я утѣшаюсь тѣмъ, что Вашъ патріотизмъ блеснулъ въ эту минуту самымъ яркимъ свѣтомъ и хотя опалилъ меня, какъ молнія, но указалъ мнѣ то мѣсто, гдѣ я долженъ стоять, чтобъ избѣгнуть удара. Я увѣренъ, что теперь уже ни того, ни другаго не случится.

Устряловъ былъ при мнѣ въ Вѣнѣ, привезъ больную жену и похоронилъ ее тамъ. Это братъ исторіографа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, служитъ въ Военномъ Министерствѣ. Въ Карлсбадѣ его нѣтъ. Онъ въ большой пріязни съ отцомъ протоіереемъ Раевскимъ. Жалѣю, что Вы въ такой жаръ понапрасну его ожидали. Неужели онъ позже проѣдетъ изъ Берлина чрезъ Прагу? Если его увидите, покорно прошу сказать ему, что Жадиміровскій находится въ Карлсбадѣ, а полковника Бека не было; онъ прямо отправился въ Маріенбадъ. Письмо и посылку отъ отца Раевскаго Жадиміровскому я отдалъ.

Жена моя замѣтила, что я Васъ на прощаньѣ чѣмъ-то встревожилъ, и порядочно мнѣ вымыла голову. Я не сомнѣваюсь, что Вы повѣрите искренности моихъ объясненій, и что я велъ ихъ точно такъ, какъ я въ ту минуту чувствовалъ и чувствую, и что нетерпѣливость моя сблизиться съ знаменитыми

соплеменниками извинитъ меня предъ Вами за торопливость и опрометчивость.

Покорнѣйше прошу Милостивой Государынѣ Аннѣ Петровнѣ и Виктору Вилибальдовичу отъ насъ поклониться.

Обнимая Васъ со всею искренностію нашего къ Вамъ уваженія, пребываемъ навсегда Вамъ преданные

Иванъ Лобойко, Генріетта Лобойкова.

Carlsbad,
21 Juli 1852.

3.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Краледворскую рукопись Polyglotta съ драгоцѣнными къ ней приложеніями я, къ отрадѣ моей, получилъ и на другой же день d. 27 Juli хотѣлъ увѣдомить Васъ, но то то, то другое помѣшало, да и теперь пишу къ Вамъ наскоро. Сообщаемыя извѣстія навели на насъ, на меня и жену, большое уныніе, мы обое плакали, видя, что въ этомъ дѣлѣ мы ничего помочь не можемъ, и такъ дѣйствительно говорить объ этомъ нечего.

Вы много уже сдѣлали для меня важныхъ подарковъ. Повторяю Вамъ за нихъ искреннюю мою благодарность. Въ Россіи, я хотѣлъ сказать—въ Новой Россіи, на берегахъ Чернаго моря, найдутъ эти новости радушный пріемъ. Der Geheimerath Neugebaur, написавшій множество книгъ о своихъ путешествіяхъ по Европѣ, авторъ книги Südslaven, проситъ меня дать къ Вамъ рекомендательное письмо. Я обѣщалъ ему предъувѣдомить Васъ о немъ. Человѣкъ онъ добрый и почтенный, прошу Васъ удостоить его знакомствомъ Вашимъ.

Изъ пріѣзжихъ въ Карлсбадъ нѣтъ никого, съ кѣмъ бы мнѣ стоило познакомиться, хотя знаменитостей не мало.

Въ Leihebibliothek Gebrüder Franiek есть любопытныя книги. Я читаю на досугѣ наиболѣе то, что относится къ Прагѣ и къ Богеміи. Жена моя свидѣтельствуетъ Вамъ и супругѣ искреннее почтеніе, а я, какъ скоро найду что либо любопытное въ Карлсбадѣ, не премину Вамъ сообщить.

Мы пробудемъ здѣсь еще три недѣли.

Иванъ Лобойко.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ былъ въ послѣднее время Директоромъ Московскаго театра. Но уже лѣтъ за 15 до своей кончины ничего значительнаго не написалъ.

Генріэтта Андреевна благодаритъ Васъ за портретъ и сохранитъ его въ память Королевны и Вашего благорасположенія. Мы читаемъ теперь Sartori Elisabeth, Prinzessin von Böhmen.

Карлсбадъ,
d. 30 Juli / 18 Іюля 1852.

4.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Въ субботу d. 28/16 Aug. отправляемся мы въ Franzensbad. Тамъ пробудемъ до конца Сентября, а потомъ чрезъ Прагу направимъ путь нашъ въ Вѣну. Я очень Вамъ благодаренъ, что Вы познакомили меня съ Профессоромъ Maciejowskim. Мы много имѣемъ общихъ знакомыхъ, жили почти въ одной сферѣ, и есть намъ о чемъ побесѣдовать. Онъ теперь тамъ же, куда и мы ѣдемъ. На балѣ, данномъ здѣсь въ день рожденія Императора, видѣлся я съ Барономъ Нейбергомъ, который снисходительно принялъ мое извиненіе, что я не воспользовался письмами его въ Мельникъ, и самъ помогалъ мнѣ оправдываться. Добрая, благородная душа! Жаль, что я узналъ это такъ поздно. Теперь я всѣхъ уже подозрѣваю въ хладнокровіи къ новымъ знакомствамъ и никому не навязываюсь, кто меня не примѣчаетъ. Но съ этимъ правиломъ я потерялъ также много случаевъ побесѣдовать съ достопамятными людьми. Съ полковникомъ Лихачевымъ, который вспоминаетъ о Васъ съ большимъ удовольствіемъ, познакомился я нечаянно. Это отлично образованный человѣкъ и богачъ. Онъ много читаетъ и покупаетъ книгъ. Сколько я ни стараюсь воздержаться отъ чтенія, а все читаю. Теперь дочитываю Žižka, Gesänge von Alfred Meissner. Написано горячо и сильно, это стоитъ того, чтобъ взять ее въ Россію. Надобно окружить себя книгами, занимающимися Прагою и Чехами. Я за все хватаюсь, что только является подъ этимъ именемъ. У меня здѣсь были въ рукахъ:

Prag und die Prager. Leipzig, 1845.
Elisabeth von Böhmen, v. Sartori.
Prag unter König Wenzel IV. Leipzig, 1846.
Horn Ufo, Böhmische Dörfer, 1847.

Ищу истины и свѣта даже во мракѣ заблужденій, но вижу, что ощупью не скоро ее найду.

Отъ Г-на Bendla я получилъ письмо. Онъ мнѣ сообщаетъ объ одномъ литературномъ предпріятіи, но такъ какъ я не знаю ни Праги, ни публики, ни Чехскаго юношества, ни ученыхъ, съ

которыми можно бы было поговорить съ такою же откровенностію, какъ съ Вами, или съ профессоромъ Мацѣіовскимъ, то и не могу ничего совѣтовать.

Жена моя пользуется симъ случаемъ для засвидѣтельствованія Вамъ и супругѣ своего почтенія. Если кто будетъ ѣхать изъ Праги въ Франценсбадъ, увѣдомьте насъ о Вашемъ здоровьѣ.

Иванъ Лобойко.

Carlsbad,
d. 25 August / 6 Августа 1852.

5.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше чрезъ отца Михаила Ѳеодоровича, къ величайшему моему удовольствію, давно уже получилъ, но только теперь принимаюсь благодарить Васъ за вашу искренность и постоянное ко мнѣ благорасположеніе. По пріѣздѣ нашемъ мы хотѣли было устроиться здѣсь лучше, чѣмъ въ прошломъ году; мы старались присоединиться къ какому-либо здѣшнему почтенному семейству, но въ городѣ не нашли мы никакой возможности а жить въ предмѣстіяхъ Генріэтта Андреевна не согласилась, Итакъ, остались по прежнему на всю зиму *im Gasthofe zum wilden Mann*. Жить скучно, устроиться и хозяйничать очень трудно; вездѣ обманываютъ, куда ни поткнешься — хозяева гостиницъ, прислужники, купцы, мастеровые; на всякомъ шагу надобно быть осторожнымъ и нерѣшительнымъ. На эти предосторожности такъ много идетъ времени, что я еще и по это время за литературу не принимался, хотя квартира моя представляетъ для этого большія выгоды, находясь въ самомъ центрѣ города. Императорская Публичная Библіотека весьма близко отъ насъ. Мнѣ пріятно и то, что отецъ Михаилъ Ѳеодоровичъ живетъ почти на одной съ нами улицѣ. Русскихъ теперь очень мало; кто прожилъ одну зиму въ Вѣнѣ безъ дѣла, тотъ вѣрно уже въ другой разъ не поѣдетъ. Всѣ Русскіе, путешествующіе, теперь въ Парижѣ. Недавно былъ здѣсь проѣздомъ изъ Парижа Паскевичъ, племянникъ фельдмаршала. Онъ сказывалъ, что Русскихъ столько въ Парижѣ, что повсемѣстно слышны русскіе звуки, и тѣ, которые въ Петербургѣ говорятъ не иначе, какъ по французски, говорятъ въ Парижѣ безпрестанно по русски. Государь нашъ позволилъ намъ остаться еще годъ за границею. Мы тоже могли бы зимовать въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ—въ Дрезденѣ или Берлинѣ, гдѣ мы уже были, и гдѣ намъ вѣрно не

было бы такъ скучно, какъ въ Вѣнѣ. Но въ моихъ лѣтахъ надобно пользу предпочитать удовольствію. Австрія ближе всѣхъ державъ къ Россіи, она для насъ по сосѣдству всего важнѣе, она давно на насъ дѣйствуетъ, хотя и непримѣтно: мы многое отъ нея заимствовали—придворный этикетъ, великолѣпіе двора, италіанскую оперу, народныя училища, учебныя книги, военную дисциплину, пограничную стражу, военныя поселенія, народныя потѣхи, потѣшные огни, титулы графовъ и бароновъ, косы, серпы и другія желѣзныя и стальныя издѣлія и отчасти судопроизводство; но всѣмъ этимъ мы обязаны австрійскимъ Государямъ, а не народу, который вѣрно и прежде не былъ лучше. Отъ него нечего учиться, а особливо отъ австрійскихъ Нѣмцовъ, которые звѣрской грубостію пугаютъ всѣхъ иностранцевъ. Но тамъ, гдѣ Правительство дѣйствовало на развитіе торговли, промышленности и государственныя хозяйства, тамъ многому подражать было можно. Эти моменты никогда не были для насъ столь важными и поучительными, какъ нынѣ, когда все, что было разстроено или потрясено, вновь строится, возстановляется, и опыты нововведеній и улучшеній являются въ тысячѣ видахъ. Намъ тоже въ Россіи предстоитъ многое; наблюдая здѣсь и удачи и неудачи, много можно бы сдѣлать въ Россіи полезнаго къ облегченію народа безъ шуму и треску. Но эта мысль, кажется, никому еще изъ русскихъ на умъ не приходила. Я первый, который ею занимаюсь, и это потому, что я нахожусь въ Вѣнѣ. Если я и не успѣю собрать достаточныхъ свѣдѣній и служить ими моему отечеству: по крайней мѣрѣ я соберу довольно силы, чтобы возбудить соревнованіе въ другихъ. Находясь въ Вѣнѣ, я также вижу, что и намъ Русскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подражать начинаютъ. Со времени посѣщенія нашимъ Государемъ Вѣны, вѣнскія газеты чаще вспоминаютъ о Россіи: наши русскіе журналисты по невѣжеству и лѣности очень мало и рѣдко сообщаютъ извѣстія объ Австріи. Наиболѣе требовать бы этого должно отъ Булгарина, котораго Сѣверная Пчела во всей Россіи читается и ежедневно выходитъ, но она теперь такъ пустѣетъ, что, кажется, издаетъ ее наборщикъ, а не журналистъ.

Академикъ Петръ Ивановичъ Кеппенъ разстроилъ въ Петербургѣ свое здоровье такъ, что еслибы онъ оттуда не выѣхалъ, то бы вѣрно уже померъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ переѣхалъ въ Крымъ, гдѣ горный воздухъ къ удивленію его родныхъ и врачей въ короткое время совершенно возстановилъ его здоровье.

Я разбираю переводъ австрійскихъ уголовныхъ законовъ

на Червонорусское нарѣчіе, или Малороссійское, которое, какъ я вижу, восходитъ въ Австріи на степень книжнаго, или письменнаго языка. Этой чести никогда оно не имѣло и въ Россіи.

Въ государственной типографіи въ Вѣнѣ напечатанъ также словарь этого нарѣчія. Я думаю, что это можетъ оказать русскимъ ученымъ немалую услугу при разборѣ лѣтописей и документовъ, писанныхъ въ Литвѣ и южной Россіи на семъ нарѣчіи.

Вѣнскія газеты недавно объявили, что Россійскій Императоръ позволилъ всѣмъ переселяющимся изъ-за границы въ Польшу фабрикантамъ, мастеровымъ, ремесленникамъ и колонистамъ безпошлинно провозить не только свои орудія, но и все свое хозяйство. Изъ этого видно, что дорога полезнымъ и рабочимъ лицамъ въ Россію открыта.

Я знаю, что Вы давно бы мнѣ уже написали, еслибы я Васъ увѣдомилъ о моемъ пріѣздѣ въ Вѣну. Надѣюсь, что Вы простите меня за долгое молчаніе и разомъ меня увѣдомите, приняты ли во вниманіе Вашими учеными замѣчанія мои, переданныя Доктору Weitenweber'у, которому прошу засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе. Супругѣ Вашей я и жена моя усерднѣйше кланяемся.   Иванъ Лобойко.

Сдѣлайте одолженіе также меня увѣдомьте, былъ ли у Васъ въ Прагѣ молодой докторъ Полякъ Dobrowolski, который послѣ нашего выѣзда изъ Franzensbada тамъ еще оставался?

Вѣна,
28 Novemb. / 31 Ноября 1852.

6.

М. Г., Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я долго былъ боленъ и потому не отвѣчалъ Вамъ и не благодарилъ за Остромирово Евангеліе, изданіемъ котораго доставили Вы любителямъ древней славянской словесности важнѣйшую и необходимую подпору. Вставочный листъ я также получилъ. Послѣ этого знаменитаго труда Вы вѣрно приметесь за другой, требующій столь же долговременнаго занятія. Но на сей разъ желалъ бы я, чтобы Вы были свободнѣе и имѣли досугъ отвѣчать мнѣ въ скорости на это письмо.

Въ Вильнѣ, гдѣ я былъ профессоромъ Русской Литературы и церковно-славянскаго языка, оставилъ я при выѣздѣ моемъ изъ Россіи за границу свою библіотеку, которая теперь по-

учена попеченію Г-на Стат. Совѣтника и Кавалера Профессора Адольфа Абихта. Важнѣйшую часть ея составляетъ Русская Литература съ новѣйшими ея представителями, потомъ описанія Россіи, Біографій, Библіографія и Лексикографія; вообще до 350 томовъ большихъ и малыхъ, въ томъ числѣ Карамзина Рос. Исторія 14 т. 8°, въ переплетѣ, лексиконы до 23 том. 4° и gr. 8°, Стихотворенія Ломоносова, Петрова, Державина, Батюшкова, Кантемира и пр. и пр., до 30 поэтовъ и столько же прозаиковъ. Кромѣ лексиконовъ Русскаго языка съ включеніемъ и славянскаго, есть Лексиконъ польскаго Линде въ 6 т. 4°, лексиконъ шведскаго и другой—финскаго, которые при филологическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ необходимы. Книги эти въ продажѣ стоятъ по крайней мѣрѣ до 350 р. сер., или до 700 австр. гульденовъ. Съ этимъ запасомъ при помощи Университетской Библіотеки, вообще богатой, но бѣдной на Русскія книги, я могъ быть полнымъ русскимъ профессоромъ. Нынѣ желалъ бы я подарить всѣ эти книги въ Библіотеку вашего Богемскаго народнаго Музея съ тѣмъ, *первое:* чтобы всѣ эти книги приняты были коммиссіонеромъ отъ Общества Музея, въ Вильнѣ отъ Профессора Абихта, и доставлены были насчетъ Общества въ Прагу; *второе:* чтобы на каждой книгѣ наклеенъ былъ въ срединѣ переплетѣ печатный билетъ съ надписью: „Даръ виленскаго Профессора Русской Словесности И. Н. Лобойкова въ 1853 г.“

Перевозку этихъ книгъ изъ Вильны въ Прагу можно бы сдѣлать при участіи Г-на Гаазе. Онъ могъ бы написать объ этомъ кому либо изъ варшавскихъ книгопродавцевъ, а передать это порученіе изъ Варшавы въ Вильну весьма легко, потому что варшавскіе книгопродавцы съ виленскими въ безпрестанномъ сообщеніи. Въ Вильнѣ постоянно находятся извѣстные книгопродавцы и содержатели типографій Завадскій и Glücksberg и могутъ быть и сами коммиссіонерами.

Если Г.г. Члены Богемскаго Музея *не побоятся* на пересылку сихъ книгъ, изъ Вильны чрезъ Варшаву въ Прагу, *расходовъ*, тогда Библіотека ваша можетъ пріобрѣсть хотя небольшое, но рѣдкое собраніе русскихъ книгъ и пособій, къ познанію сей Словесности во всей ея обширности; и въ такомъ случаѣ я пришлю Вамъ каталогъ и напишу въ Вильну. Я прошу Васъ покорнѣйше, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, немедленно сдѣлать это предложеніе Обществу и въ томъ, или другомъ случаѣ немедленно, въ скорости меня увѣдомить. Если Музей вашъ не приметъ сего приношенія, я намѣренъ предложить его чрезъ Профессора Русской литературы Миклосича въ даръ придворной вѣн-

ской Библіотекѣ. Но я долженъ стараться, чтобы успѣть сдѣлать нужныя распоряженія до выѣзда моего изъ Вѣны и рѣшить судьбу моей библіотеки.

Конечно, въ предпочтеніи Праги другимъ мѣстамъ я имѣлъ то побужденіе, что она со временъ Кирилла и Меѳодія всегда была главнымъ разсадникомъ Славянства, и потому я желалъ бы усилить ея средства къ изученію и распространенію познаній Славянскихъ нарѣчій; но ближайшимъ побужденіемъ къ сему пожертвованію была пріязнь, соединяющая насъ, и то высокое уваженіе къ особѣ Вашей и литературнымъ заслугамъ, которое всѣ русскіе ученые къ Вамъ питаютъ, а я болѣе ихъ всѣхъ, послѣ личнаго моего съ Вами обращенія.

Прежде чѣмъ пришло мнѣ на мысль предложить этотъ подарокъ Прагскому Обществу Богемскаго Народнаго Музея, я хотѣлъ было подарить эти книги какому либо виленскому учебному заведенію и просилъ профессора Абихта дать мнѣ совѣтъ, какому бы было это наиболѣе приличнымъ. Нынѣ поставляетъ онъ мнѣ на видъ нѣсколько заведеній и ожидаетъ отвѣта, и потому прошу Васъ въ скорости меня увѣдомить, благоволитъ ли Общество Музея воспользоваться этимъ случаемъ, и если Вы не предвидите надежды, или встрѣтятся препятствія къ принятію моего пожертвованія, то не оставьте разрѣшить этотъ вопросъ и дать мнѣ возможность, не теряя времени, избрать другой путь.

Г-на Доктора Вейтенвебера поблагодарите за его подарокъ и письмо съ засвидѣтельствованіемъ отъ меня и жены моего искренняго почтенія, а равно и супругѣ Вашей. Генріетта Андреевна здравствуетъ. Мы обое поручаемъ себя Вашей дружбѣ и благорасположенію, пребывая навсегда Вамъ преданными.

Иванъ Лобойко.

Wien,
d. 30 März / 18 Марта 1853 г.

7.

М. Г., Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я чрезвычайно доволенъ, что Вы такъ скоро рѣшили судьбу добрыхъ моихъ друзей, долго остававшихся безъ пріюта. Не возможно было придумать для нихъ лучшаго убѣжища. Они усердно мнѣ служили, поддерживали мою честь и добрую славу, и я не могъ бы умереть спокойно, лишивъ ихъ средствъ быть полезными и послѣ меня.

„Для пересылки конечно всего нужнѣе, чтобъ книги были

ъ ящики хорошо и тѣсно упакованы на такъ дальній переѣздъ, и просите, чтобъ я сдѣлалъ для этого свои распоряженія. На то замѣчаніе долженъ я объяснить, что книги мои, по выѣздѣ моемъ въ 1840 году изъ Вильны, сложены были въ особый шкафъ и хранились въ библіотекѣ Римско-католической духовной Академіи. По переводѣ сей Академіи въ С.-Петербургъ и закрытіи Университета въ Вильнѣ, все перемѣнилось: одни померли, другіе выѣхали; кому ни напишу,—не отвѣчаютъ, и я не могъ знать, гдѣ моя Библіотека. Какъ то мнѣ пришло на мысль написать къ профессору Абихту и спросить его. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что Библіотека моя осталась въ Августинскомъ Монастырѣ, и что настоятель, опасаясь отвѣтственности, просилъ полицію сдѣлать опись книгамъ, что и учинено, и желаетъ, чтобы кому либо поручено было отъ него принять ихъ. Мнѣ некому было поручить, какъ только профессору Абихту. По распоряженію моему перемѣстилъ онъ книги изъ шкафа въ четыре ящика, а пятый наполнилъ рукописями. Профессоръ Абихтъ живетъ у родныхъ своихъ и занимаетъ только два покоя, а потому какъ-нибудь помѣстилъ онъ эти пять ящиковъ временно въ Архивѣ; все это стоило ему не малаго труда, но ему предстоитъ еще другой—сдать книги съ рукъ по моему назначенію въ разныя мѣста. Для этого долженъ я нанять на нѣсколько дней особую комнату, на что я ему и послалъ деньги. Этого для него уже довольно, и я обременять его укладкою въ ящики для отсылки не могу, иначе онъ потеряетъ терпѣніе. Изъ этого видѣть можно, что профессоръ Абихтъ не можетъ принять на себя заботы пересылать изъ Вильны въ Прагу книги, или отыскивать коммиссіонеровъ, хотя бы и на счетъ Общества Музея. Надобно, чтобъ оно само избрало въ Вильнѣ коммиссіонера и всего ближе было бы ему обратиться къ Виленскимъ книгопродавцамъ Глюксбергу или Завадскому (Zawadzki), которые безпрестанно получаютъ изъ Лейпцига чрезъ Варшаву, или изъ Варшавы книги и отсылаютъ туда изъ Вильны печатаемыя въ своихъ типографіяхъ. А такъ какъ всѣ книгопродавцы между собою въ сообщеніи и другъ другу передаютъ коммиссіи, то Общество Музея могло бы, или чрезъ посредство Пражскихъ книгопродавцевъ, или прямо отъ себя, поручить въ Вильнѣ книгопродавцу Глюксбергу (Theophil Glücksberg), котораго братъ тоже въ Варшавѣ книгопродавцемъ, эту коммиссію. Мнѣ оба они знакомы, и Zawadzki, и Th. Glücksberg, а еще болѣе Глюксбергъ; но я могу писать къ нему не прежде, какъ когда Общество увѣдомитъ меня, что оно на предложенныхъ условіяхъ принимаетъ мое приношеніе; когда оно удостовѣритъ своимъ

именемъ виленскаго книгопродавца Глюксберга, что оно, поручая ему эту коммиссію, обязывается заплатить ему всѣ издержки на пересылку въ Прагу книгъ, а равно и отъ Глюксберга получитъ удостовѣреніе, что онъ эту коммиссію на себя принимаетъ.

Итакъ, прошу Васъ, почтеннѣйшій Другъ, обратить на все это вниманіе, поставить Обществу Прагскаго Народнаго Музея на видъ всѣ эти обстоятельства, относительно порученій въ Вильнѣ коммиссіи Глюксбергу, и что оно постановитъ сдѣлать, меня увѣдомить. Какъ скоро получу отъ Васъ отвѣтъ, пришлю Вамъ каталогъ жертвуемыхъ мною Обществу книгъ.

Меня восхищаетъ и радуетъ лестное вниманіе высочайшихъ особъ Россійскаго Императорскаго дома къ Вашему изданію Остромирова Евангелія!

Я съ женою болѣзнуемъ о Вашей потерѣ. Блаженни умирающіе о Господѣ. Не стану занимать Васъ на сей разъ другими предметами и ожидаю отъ Васъ также скоро отвѣта, какъ и на первое мое письмо, и тогда дополню и предлежащее.

Иванъ Лобойко.

Wien,
d. 5 April / 24 Марта 1853.

8.

М. Г., Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше отъ 26 Марта / 7 April къ величайшему моему удовольствію получилъ вмѣстѣ съ отношеніемъ ко мнѣ Общества, за подписаніемъ Секретаря его J. E. Wocela, о благосклонномъ принятіи моего пожертвованія въ Библіотеку Богемскаго Музея. Сегодня отправилъ я въ Вильну письмо къ Г-ну Статскому Совѣтнику Профессору Абихту, у котораго хранятся эти книги, чтобы предувѣдомить его объ этомъ, а равно и о томъ, что Общество Богемскаго Музея опредѣлило чрезъ посредство Прагскаго книгопродавца Темпскаго обратиться, для принятія и отправленія въ Прагу назначенныхъ мною книгъ, прямо къ виленскому книгопр. Th. Glücksberg. Теперь я займусь переписываніемъ каталога для Общества въ двухъ экземплярахъ, и въ этомъ занятіи вѣрно пройдетъ вся эта недѣля. Какъ скоро они будутъ готовы, пришлю ихъ Обществу вмѣстѣ съ отвѣтомъ на почтенное его ко мнѣ отношеніе. Поспѣшая Васъ о семъ увѣдомить и поблагодарить за радостное для меня извѣстіе о Высочайшемъ вниманіи Русскаго Царя къ Вашему Музею, съ душевнымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ и преданностію остаюсь и проч.

Иванъ Лобойко.

Генріэтта Андреевна, благодаря Васъ и супругу Вашу за память, поручаетъ мнѣ увѣдомить Васъ, что записку Вашу къ О. протоіерею М. Ѳ. Раевскому вчера сама она отнесла и ему отдала.

Вѣна,
11 April / 30 Марта 1853.

9.

М. Г., Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Сегодня только кончилъ я свою работу, требовавшую повѣрки и безпрестаннаго вниманія во избѣжаніе погрѣшностей и недоразумѣнія при выдачѣ книгъ въ Вильнѣ.

При отвѣтѣ моемъ въ Правленіе Чехскаго Музея посылаю въ двухъ экземплярахъ каталогъ Россійскихъ книгъ, въ Библіотеку Вашего Музея назначенныхъ. Одинъ экземпляръ сего каталога Вы перешлете въ Вильну коммиссіонеру Музея, который по предъявленіи каталога Г-ну Статскому Совѣтнику Абихту получитъ отъ него всѣ книги для отправленія ихъ къ Вамъ въ Прагу. Другой экземпляръ того же каталога Правленіе можетъ отдать Вамъ въ Библіотеку. Какое распоряженіе благоволитъ учинить Правленіе Музея въ слѣдствіе сего моего труда, покорнѣйше прошу меня увѣдомить.

Отецъ Михаилъ Ѳедоровичъ уѣхалъ въ Варшаву и завтра возвратится. Мы очень жалѣемъ съ женою о новой родственной утратѣ Вашей. Въ разсужденіи нашего выѣзда изъ Вѣны къ минеральнымъ водамъ мы еще ничего не постановили и пробудемъ здѣсь по крайней мѣрѣ до 1-го мая по русск. счисленію. Спѣшу на почту, чтобы отправить все, надъ чѣмъ я такъ долго трудился.

И. Лобойко.

Вѣна,
10/22 Апрѣля 1853.

10.

М. Г., Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Бывало на третій день получаю отъ Васъ отвѣтъ, теперь въ самомъ важномъ для меня дѣлѣ жду его три недѣли и не дождусь. Что нибудь случилось необыкновенное, а паче всего боюсь, чтобъ Вы не заболѣли.

По полученіи отвѣта отъ Музея и отъ Васъ письма о благосклонномъ принятіи моего приношенія, я въ то же время 11 April (30 Марта) о томъ Васъ увѣдомилъ, а равно и о томъ, что я займусь перепискою для Васъ каталоговъ и сообщеніемъ въ Вильну о выдачѣ по оному книгъ коммиссіонеру, назначенному отъ Чехскаго Музея. Каталоги эти въ двухъ экземплярахъ послалъ я на имя Ваше 22 April (10 Апрѣля). Такъ какъ я работалъ надъ ними десять дней, и они заготовлены въ родѣ документа, то я надѣялся, что Вы о полученіи ихъ въ скорости мнѣ увѣдомите. Оставаясь понынѣ въ безпокойной неизвѣстности, я полагаю, что они до Васъ не дошли, или что Ваши письма до меня не доходятъ. И потому покорнѣйше прошу въ скорости разрѣшить мое недоумѣніе, и если что либо препятствуетъ Вамъ отвѣчать на мои письма, поручите кому либо написать ко мнѣ въ Вѣну, адресуя in Wien, zum Wilden Mann. Für Herrn Profes. etc. Могла бы увѣдомить меня о полученіи моего отношенія въ Правленіе Чехскаго Музея Канцелярія его, или Членъ Общества. Если же ждать этого долго, то прикажите написать кому либо изъ знакомыхъ и велите отдать письмо на почту безплатно и въ короткихъ словахъ сообщить мнѣ: получены ли Вами мои каталоги, или нѣтъ?

Я бы охотно сообщилъ Вамъ о вѣнскихъ новостяхъ, но, очутившись въ лабиринтѣ неизвѣстности, не могу ни на что рѣшиться. Надѣюсь, что Вы меня успокоите. Думаю, что Г-нъ Аврамовъ, зять помѣщицы русской Остроградской, отъ меня и отъ Отца Михаила Федоровича въ проѣздъ черезъ Прагу Вамъ кланяется.

Въ ожиданіи отвѣта и привѣта пребываю и пр.

Иванъ Лобойко.

Вѣна,
1 Мая/19 Апрѣля 1853.

11.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Изъ Вѣны уѣхали мы 25 August / 13 Августа. Я имѣлъ удовольствіе получить посланный мнѣ туда печатный листъ выписокъ изъ древнихъ Чехскихъ рукописей, хранящихся въ Мюнхенѣ, съ припискою отъ 21 Aug., что „до сихъ поръ нѣтъ отвѣта изъ Вильны“. Вѣрно, этому виною книгопродавцы. Одинъ не напечатаетъ, другой разъѣзжаетъ по ярмаркамъ. Я собираюсь ѣхать въ Одессу и пробуду въ Вѣнѣ не болѣе двухъ недѣль.

Я и жена моя душевно скорбимъ, что намъ не достается съ Вами теперь видѣться. Просимъ Васъ не оставлять и не забывать насъ; мы навсегда сохранимъ память Вашего искренняго къ намъ благорасположенія и дружбы. Кажется, я Вамъ сказывалъ, что родная сестра моей жены Шарлота замужемъ за Ст. Совѣтникомъ Bernhard Dorn. Мы выдали ее въ Вильнѣ за него замужъ, и они насъ болѣе всѣхъ родныхъ нашихъ любятъ. Мы уже десять лѣтъ, со времени выѣзда нашего изъ Петербурга, съ ними не видѣлись. Дорнъ съ женою, отправляясь нынѣшнею весною изъ Петербурга за границу, увѣдомилъ насъ, что онъ проживетъ долго въ Кобургѣ, откуда онъ родомъ, и потомъ пріѣдетъ къ намъ туда, гдѣ мы лѣтомъ находиться будемъ. Къ величайшему удовольствію нашему они погостили у насъ въ Ишлѣ двѣ недѣли. Дорнъ ординарнымъ академикомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и Старшимъ Библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ. Я думаю, что Вы состоите Членомъ Корреспондентомъ ея. Я обѣщалъ моему свояку просить Васъ содѣйствовать желаніямъ сего Заведенія, сообразно данной ему инструкціи, и въ случаѣ успѣха отнестись прямо къ Директору Императорской Публичной Библіотеки Барону Модесту Корфу.

Баронъ Модестъ Корфъ—можетъ быть и лично Вамъ извѣстенъ—Статсъ Секретарь, Тайный Совѣтникъ, благороднѣйшій и просвѣщеннѣйшій начальникъ, безпрестанно занимается въ Библіотекѣ выписками и справками. Вы сдѣлали бы ему большое одолженіе, еслибы поручили эти разысканія и по другимъ Библіотекамъ. Попросите также о томъ и Павла Осиповича Шафарика и покажите ему приложеніе съ поклономъ отъ меня. Я думаю, что Вы знакомы также съ Антономъ Ашикомъ, бывшимъ въ Керчи (Таврич. губерніи) Директоромъ Музея древностей. Находясь въ Вѣнѣ, Ашикъ прожилъ у Отца Протоіерея Раевскаго цѣлой годъ и теперь съ нимъ въ перепискѣ; онъ теперь переведенъ въ Одессу библіотекаремъ городской Библіотеки. Говорятъ, что родомъ онъ изъ Тріеста, слѣдственно—долженъ быть славянскаго происхожденія. Къ прискорбію моему, въ Одессѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы зналъ и занимался славянскими нарѣчіями. Можетъ быть, я успѣю внушить къ нимъ Ашику охоту, а послѣ можно бы его сдѣлать и профессоромъ Одесскаго лицея.

Дѣйств. Стат. Совѣтникъ Петръ Ивановичъ Кеппенъ провелъ цѣлой годъ въ Крыму въ имѣніи своемъ и возстановилъ безнадежное свое здоровье. Теперь онъ возвратился къ должности въ С.-Петербургъ. Братъ его боится, чтобъ онъ тамъ опять

Имя Г-на Статскаго совѣтника Дорна мнѣ какъ орд. Акад. извѣстно; возможно ли будетъ пособить — сдѣлаю это съ величайшею радостію и инструкцію сообщу Г-ну Шафарику, и съ Барономъ Модестомъ Андреевичемъ я въ перепискѣ, такъ же отъ Г-на Ашика есть нѣсколько писемъ у меня. Мнѣ тоже очень пріятно было узнать, что Петръ Ивановичъ въ Крыму выздоровѣлъ и въ Питеръ возвращается, онъ долженъ дорожить своимъ здоровьемъ. Изъ Русскихъ сего лѣта я имѣлъ удовольствіе видѣть Устрялова, князя Вяземскаго и вдову съ сыномъ моего пріятеля Балугіанскаго и ожидаю еще Погодина.

Изволите ли милостиво оставить у меня Крымскіе виды и если доставите ко мнѣ упомянутый Новороссійскій Календарь 1851 г., то буду стараться. У меня есть Одесскіе Календари съ 1841 и 1842 года...

(Съ черновика Ганки).

13.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше отъ 12 Oktob. / 30 Сент. доставляетъ мнѣ радостное извѣстіе, что общія наши усилія перевести русскую мою библіотеку въ Вашъ Музей увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Писалъ Г-ну Статскому Совѣтнику Доктору М. Абихту въ Вильну, чтобы онъ тѣмъ же путемъ доставилъ въ Прагу и забытыя книги подъ № 59 Nyeropp'a Литературный словарь древней Скандинавской Словесности и Датскихъ Писателей 2 т. 4°. Это важное сочиненіе для ученыхъ справокъ и разысканій. Хотя оно писано по датски, но можно все понять; притомъ же многіе писатели, находившіеся въ Даніи, издавали свои сочиненія и на другихъ языкахъ, и ни одно изъ нихъ у Nyeropp'a не пропущено. Подъ № 61 Якубовича Россійско-Польскій Словарь 2 т. также полезная книга, а подъ № 344 Зеленецкаго, Одес. Профессора, разсужденіе — лёгинькая книжечка. Къ этимъ просилъ я Г-на Абихта присовокупить еще семь книгъ: 1) Евангеліе на Слав. и Рус. языкѣ; 2) Митрополита Московскаго Филарета Записки (Commentarii) на книгу Бытія и 3) его же Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи, 4) Ѳомы Кемпійскаго о подражаніи Іисусу Христу, переводъ графа Сперанскаго; 5) Groddek Gramm. linguae graecae, знаменитаго профессора бывшаго Виленскаго Университ.; 6) Снѣгирева Лат. Грамматика на рус., извѣстнаго Московскаго профессора и 7) Strumiłło Ogrody północne.

По пріѣздѣ моемъ въ Одессу перешлю также Вамъ и полное изданіе сочиненій Пушкина. Постарайтесь, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, узнать, кто изъ вѣнскихъ книгопродавцевъ пересылаетъ въ Прагу книги? Я намѣренъ послать Вамъ большой свитокъ крымскихъ видовъ съ приложеніями. Сообщите мнѣ только, кому въ Вѣнѣ изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ отдать его. Въ этомъ свиткѣ заключается 41 видъ, всѣ они рисованы въ Крыму съ натуры живописцемъ F. Gross, тамошнимъ уроженцемъ. Кигуры его надобно бы при новомъ изданіи поправить. Въ образецъ новому изданію могутъ между прочимъ служить изданныя въ Пестѣ im Verlag von C. A. Hartleben nach Zeichnungen von Alt. Ender und Gurck Englische Stahlstiche, Souvenirs pittoresques au Prag etc. Такъ прекрасно и такъ дешево! вообразите. 20 видовъ 8° стоятъ не болѣе 1 fl. 40 kr. Жаль очень, что мы не познакомились съ Баронессами Коцъ, съ которыми мы ежедневно въ Карлсбадѣ встрѣчались. Можно бы было это сдѣлать и тогда, когда мы цѣлой мѣсяцъ проживали въ Прагѣ. Но такъ какъ онѣ со всѣми русскими фамиліями знакомы и съ Княжевичами, которые въ Крыму на берегу моря имѣютъ деревню: то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ благоволятъ способствовать моему безкорыстному и къ славѣ Россіи направленному предпріятію. Я замѣчаю, что русскій языкъ находитъ входъ и въ Моравіи, и въ Галиціи, и въ Венгріи между Славянами, и ученые изъ сихъ краевъ мнѣ объявили, что они намѣрены сдѣлать русскій языкъ универсальнымъ для сношенія и обращенія между Славянскими племенами. Но главною подпорою этой идеи (этого помысла) должна быть Прага и достойный преемникъ подвиговъ I. Добровскаго—В. Ганка. Вы, почтеннѣйшій Славянословъ, обладаете теперь большими средствами: 1) обращеніемъ и литературными связями со всѣми русскими учеными, 2) хорошею русскою библіотекою, 3) довѣріемъ и привязанностію къ Вамъ Чесскаго юношества и вообще ученой публики. Не забудьте, напомнить свѣту и обо мнѣ. Я знаю, что Вы меня любите искренно и ничего не упустите, чтобы сдѣлать приношеніе мое въ Прагу публикѣ извѣстнымъ. Я почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы Общество Музея благоволило помѣстить въ газетахъ на чесскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отношеніе его ко мнѣ od 8 Dubna 1853 за подписаніемъ члена своего pr. Wocela и мой отвѣтъ. Это было бы для меня выше всѣхъ наградъ. Попросите также и Г-на Профессора Срезневскаго сдѣлать мое приношеніе извѣстнымъ въ Петербургскихъ газетахъ. Я желалъ и мнѣ обѣщано, чтобы на каждой изъ моихъ книгъ наклеенъ былъ неболь-

шой билетикъ съ именемъ моимъ по русски: „Даръ И. Н. Лобойкова б. Пр. Рус. Слов. въ Виленскомъ Университетѣ", хоть и въ серединѣ переплета, или въ заглавіи книги. И что успѣете сдѣлать, о томъ меня въ скорости увѣдомьте. Благодарю нижайше за скорость отвѣта и на прежнее письмо. Теперь всего нужнѣе для меня и какъ можно скорѣе знать, кому отдать мнѣ здѣсь для пересылки Вамъ свитокъ съ Крымскими видами? Къ нимъ прибавилъ я: портретъ Александра Пушкина, принадлежащій къ его изданію, 2) планъ Петербурга, хоть прежній, но очень вѣрный, 3) планъ города Одессы, 4) видъ Одесской римско-католической церкви, 5) карты желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Москвы и 6) планъ города Москвы и чертежи домовъ и хозяйственныхъ заведеній менонитовъ, поселенныхъ близь Азовскаго моря.

Отца Михаила Раевскаго ожидаемъ въ Вѣну въ скорости. Если видѣлись съ Г-жею Маразли, то увѣдомьте меня. Долго я думалъ и передумалъ, не зная, какою дорогою возвратиться намъ въ Одессу, по Дунаю, или черезъ Галицію и Бессарабію. Напослѣдокъ Турецкая война рѣшила, что надобно ѣхать на Краковъ. Мы очень уже запоздали и въ концѣ этого мѣсяца по римскому счисленію непремѣнно уѣдемъ. Итакъ письмо Ваше, котораго теперь ожидаю, будетъ послѣднимъ въ Вѣну.

О пріѣздѣ нашемъ въ Одессу я Васъ увѣдомлю и тамъ тотчасъ познакомлюсь съ Г-мъ Ашикомъ. Очень жалѣемъ, что уѣзжаемъ, не видѣвшись съ Вами на прощанье. Не забывайте насъ, а мы навсегда сохранимъ въ памяти Вашу къ намъ дружбу и драгоцѣнныя минуты, въ бесѣдахъ съ Вами проведенныя, которыя и въ отдаленности пребудутъ для насъ утѣшеніемъ. Въ Одессѣ довольно буду я имѣть времени пересмотрѣть и разобрать достопамятности, присланныя мнѣ въ даръ Вами. Надѣюсь, что Г-нъ Ашикъ будетъ выписывать на счетъ городской Одесской Библіотеки одинъ или два Чесскихъ журнала и тѣмъ поддерживать связи наши съ Прагою. Жена моя прощается съ Вами, пожелавъ Вамъ и супругѣ Вашей всѣхъ благъ, и не лишается надежды еще разъ въ жизни съ Вами увидѣться. Обнимаемъ Васъ обое обоихъ, пребывая съ горячностію искренней дружбы и уваженія навсегда Вамъ преданными.

Иванъ Лобойко и Генріетта Лобойкова.

Wien,
d. 22 Oktober / 10 Октября 1853.

I. Лозинскій[1]).

1.

Hochwohlgeborener, Hochgelehrter Herr!

Unsere Regierung hat einen Konkurs für die Verfassung einer polnisch-und ruthenisch-deutschen Sprachlehre zum Gebrauche für die hierländigen Volksschulen ausgeschrieben, wobey die für die Böhmen eingeführte böhmisch-deutsche Sprachlehre als Muster aufgestellt worden ist. Da ich mich dieser Arbeit unterziehen wollte, so wäre mir die obenbenannte böhmisch-deutsche Sprachlehre zur Einsicht nöthig. Da es aber wahrscheinlich mehrere böhmisch-deutsche Sprachlehren giebt, mir aber bloss die für Volksschulen eingeführte nöthig ist, so kann ich mich auf die Buchhändler nicht verlassen, daher wende ich mich an Ihren hochgepriesenen Namen mit dieser ergebenster Bitte, dass mir Euer Hochwohlgeboren die für die böhmischen Volksschulen vorgeschriebene böhmisch-deutsche Sprachlehre gütigst zuschicken wollten und zwar sammt der Preisangabe, damit ich die Gebühr alsogleich zurücksenden könnte.

Ich nehme mir auch die Freyheit Euer Hochwohlgeboren meine erste literarische Arbeit, d. i. die Beschreibung einer ruthenischen Hochzeit darzubringen und für deren willige Annahme zu bitten. Ich verbleibe mit inniger Hochachtung Euer Hochwohlgeboren ganz ergebenster Diener Joseph Łoziński,

griech.-kath. Pfarrer zu Medyka in Galizien. Die letzte Post von Medyka ist Czechinie.

Medyka,
den 26. September 1840.

2.

Für Ihre „Mluvnici polskau", so wie für die „Mluvnice německého jazyka" und für die beym Niederschreiben der ruthenisch-deutschen Sprachlehre zu beobachtenden Winke, die Sie mir in Ihrem geehrten Schreiben von 5-ten d. M. überrascht haben, bin ich Ihnen Tausend Dank verbunden. Ich habe schon vor paar Jahren in pohlnischer Sprache eine Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache verfasst, allein zum Drucke konnte

[1]) Іосифъ Лозинскій, галицко-русскій писатель и этнографъ, авторъ „Grammatyki języka ruskiego" (Перемышль, 1816) и очерка „Ruskoje Wesile" (Перемышль, 1835). Письма его къ Ганкѣ напечатаны были въ ж. „Жите и Слово", 1895, IV, 80—82.

nicht gelangen, weil ich darin die Meinung verfochten habe, s es für uns am nützlichsten wäre, statt der cyrillischen oder grossrussischen Schriftzüge die lateinischen zu gebrauchen— war mein Vergehen, dessentwegen sogar meine Appellation as Praesidium der Landesregierung ganz erfolglos blieb. Da meine Überzeugung nicht ändern kann, so muss die Handschrift klichere Zeiten abwarten. Endlich nehme ich mir die Freyheit r Wohlgeboren auf das Beywort r u s i n s k i, das sich in Ihrem eiben befindet, aufmerksam zu machen, umsomehr, als ich es chaffariks Starožitnosti slovanské auch gefunden habe. Das ywort ist bey uns ganz neu vom Pfarrer Lewicki in seiner rammatik eingeführt. Ein jeder Russe nennt sich zwar in seier Muttersprache R u s y n, aber das Beywort davon ist r u s k i j, o sagt der Russe: j a r u s k i j c z o ł o w i k, also nicht r u s i n s k i. Ebenso sagt der Pohle r u s k i c z ł o w i e k. Da also das neue Beywort weder nöthig noch besser als das alte ist, so schliesse ch, dass es rathsam wäre beym Alten zu verbleiben, um so mehr ls diese Namenstaufe des H. Lewicki in patria nostra ganz geiss Niemand nachahmen werde. Ich glaube also, dass r u s k i ch im Böhmischen besser als r u s i n s k i klingen möchte.

Verzeihen sie mir diese Bemerkung und nehmen Sie den usdruck innigster Dankbarkeit und Hochachtung, womit verbibt Euer Wohlgeboren ganz ergebenster Diener

J o s. Ł o z i ń s k i.

Medyka,
den 18-ten October 1840.

3.

Welmožnyj Pane!

Vidobrawšy hotj pyźno łyst i knyžki vid vašoji Myłosty me- łaskawo prysłanyji, maju sobi za najsołodšu powynnost', nyijšym pyśmom Vašecju moje najšyršoje podjakovanje złožyty— upevnjajuyy Vas o mojoj vdjačnosty prošu mja i na dalšyji ra- y w swojej Pamjaty i Dobrochotnosty zatrymaty.

Vašoji Myłosty i Vyzokouvenosti istynnyj ytytel, najnyžšyj sluha . J. Ł o z i ń s k i.

V Medyci,
dnja 13-o Kazidorohy 1847.

Графъ Фр. Лубенскій[1]).

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Maiąc w lubym wspomnieniu grzeczności, których doznałem od obywateli w Pradze, a mianowicie Towarzystwa Słowiańskiego, którego WMMPan Dobrodziey jesteś członkiem, przytym słodkie i niczym niewymazane sprawiło mnie to wrażenie, że to Towarzystwo takim iest miłosnikiem moiego oyczystego języka; przed-się-wziąłem ile sił moich wystarczy, wywdzięczaiąc się za to przywiązanie dla Polaków, dosyłać temuż Towarzystwu to, co nayciekawnieyszego i nayinteresownieyszego będzie wychodzić u nas, a WMMPana Dobrodzieia prosić będę, iako naylepiey mi znaiomego, abyś był moim tłumaczem przed tym zgromadzeniem, żeby raczyli przyiąć moie ofiary, iako hołd wdzięczności.

---

[1]) Кромѣ сообщаемаго здѣсь письма гр. Лубенскаго къ Ганкѣ, при немъ сохранились еще слѣдующія рекомендательныя письма для Ганки, собиравшагося по какому-то дѣлу въ Россію. См. В. А. Францевъ, Очерки по ист. чешск. возр., стран. 94.

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu,

Oddawca tego listu WMPan Hankie, Dyrektor tuteyszego Muzeum, człowiek bardzo uczony, szczegolniey we wszystkich Sklawońskich językach, którym się szczegolniey poswięcił, częścią dla interesu, więcey dla poznania Polski przed Się bierze podróż na Lwow do Krzemienca Podolskiego. Prosił mnie o listy polecaiące Go do światłych i uczonych Polaków, do kogoż lepiey mogę Go adressować jak do WMPana Dobrodzieia. Chciey mu powiedzić, co ma ciekawego do widzenia we Lwowie, a potym bądź łaskaw do Krzemienca znowu komu znaiomemu polecić.

Nayniższy sługa . Fr. Lubieński.

Wielmożnemu JMci Panu Dzierzkowskiemu WMPanu i Dobrodzieiu we Lwowie.

w Pradze w Czechach,
Dnia 18. Maia 1821.

2.

Jasnie Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Lubo upłynęło lat kilkanascie iak nie miałem honoru widzić JWMPana Dobrodzieia, ale pochlebiam sobie, że raczysz Sobie przypomnić, ostatnią moią w Kiiowie bytnością żem miał ukontentowanie Go widzić zda mi się po raz ostatni. Zawsze albowiem byłem z wielkim poważaniem dla Jego osoby i z wielką przyiemnością przypominam sobie momenta przyiemnie przependzone w Odessie, kiedy Panstwo Walescy tam byli.

Oddawca listu tego Pan Hankie, Dyrektor tuteyszego Muzeum, daie mi sposobność tą razą przypomnienia się przyiazni JWMPana Dobrodzieia, a przytym polecenia Mu tego wyżey wzmiankowanego Męża, którego mam honor prezentować. Jedzie on do Krzemienca umocowany od sukcessorów

Pierwsze, co posyłam i polecam, iest to rzecz niezmiernie ciekawa, pod tytułem: Kronika Prokosza, historia pisana za czasów Mieczysława I-go, opisuiąca całą baieczną historią iako prawdziwą. Nie mieliśmy dotąd historyka tak dawnego. Jakim była sposobem znalezioną, opisuie wydawca na czele dzieła; manuskrypt był za 10. groszy miedziannych kupiony przez Jenerała Morawskiego w Lublinie od żydów; ten rękopism iest w oryginale złożony w Towarzystwie przyiacioł nauk w Warszawie. Pan Kownacki zatrudnił się wydrukowaniem onego. Drugie dzieło iuż znane tylko, że bardzo dawnym sposobem drukowane, przez tego Kownackiego teraz przedrukowane, to on co posyła dwa exemplarze tego dzieła. Res gestae principum et Regum Poloniae per Wincentium Kadłubkonem et Chronicon Polonorum per Dzirswam. Nie nadesłano mi ieszcze innych z Warszawy, które pozniey poszlę.

---

zmarłego w Krzemiencu Doktora Lernetta, a przytym dla nabrania wiadomości w językach Słowiańskich, albowiem zna ie wszystkie doskonale, tey się szczegolniey oddał nauce. Przy tym człowiek bardzo swiatły i przyiemny. Niemoge nikomu lepiey Go w tamtych stronach polecić, iak Obywatelowi tak swiatłemu, iakim JWMPan Dobrodziey iesteś; nie mogę lepszego Polaka wybrać, by polecić uczonego, który nasz język mówi niezle, ale posiada lepiey, iak wielu rodowitych polakow. Chciey zatym być mu mentorem tak co do piękności, iakie Krzemieniec posiada, iako i co do jego interesu.

Chciey przytym przyiąć etc. Franciszek Lubieński.

Jasnie Wiemożnemu JMPanu Drzewieckiemu, Marszałkowi Powiatu Krzemienieckiego JMWPanu i Dobrodz. w Krzemiencu Podolskim.

Praga,
18. Maia 1821.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Lubo mało z osoby znany, lecz więcey z imienia, więcey zawsze iak oddawca listu tego JMPan Hankie, Dyrektor tuteyszego Muzeum, który ztąd na Lwow za interesem do Krzemienca Podolskiego iedzie, a że ma proiekt wracania nazad do Pragi na Wilno, Warszawę, więc osmielam się WMPanu i Dobrodzieiowi Go polecić. Jest to mąż swiatły, uczony, szczególniey posiadaiący wszystkie Sklawońskie języki, dla ich wydoskonalenia i widzenia ciekawości prosił mnie o polecaiące listy. Komuż lepiey, iak tak znanemu, z swiatła i nauk w całey Europie, mężowi, a z patriotyzmu i przywiązania do narodowego ięzyka w całey Polsce, prawemu Polakowi, polecić mogę miłosnika naszego ięzyka. Nie wątpie, że ten tytul, przydany do znaney cudzoziemcom Polskiey goscinnosci, dadzą Mu sposobność zadość uczynienia tak słuszney dla uczonego ciekawosci; nie wątpie, że WMMPan Dobrodziey, za złe nie wziąwszy moiey smiałosci, mało Mu będąc znaiomym, zrobisz co będziesz mogł, by dać dobre mniemanie o naszym oswieceniu. Franciszek Hrabia Lubieński.

Jak przeczytacie tę kronikę, zwłaszcza Prokosza, bardzo będę ciekawy zdania WMMPańskiego i Jego swiatłych kolegów o tym dziele, chciey mi z łaski swoiey obserwacie swoie komunikować.

Nie pozostaie mi iak polecaiąc się Towarzystwa względom a WMMPana Dobrodzieia przyiazni stałey zostaię z szacunkiem prawdziwym WMMPana i Dobrodzieia nayniższym sługą

Fr. Lubieński.

Doktorowi, który z WMPanem Dobr. u mnie bywał, proszę mnie przypomnieć. Równie i Xiędzu Dubrowskiemu, ieżeli mnie sobie przypomni.

Adres moy iest zawsze: A Monsieur, Monsieur le Comte François Lubieński, officier de la Legion d'honneur à Cracovie.

Wielmożnemu JMci Panu Hankie, Profesorowi Uniwersytetu Praskiego i członkowi Towarzystwa Słowiańskiego, WMMPanu i Dobrodzieiowi w Pradze.

z Krakowa,
20 Marca 1825 r.

P. S. Oyciec moy, były Minister Sprawiedliwosci w Xięstwie Warszawskim, zapewne lepiey WMPanu Dobr. bedzie iak ia znaiomym, lecz on na wsi mięszka, a ia, zdarzeniem tu zimuiąc, Pana Hankie poznałem i ten list dać ofiarowałem, pewien, że od WMMPana Dobr. zle przyiętym nie będzie.

Wielmożnemu JMPanu Sniadeckiemu, Profesorowi Astronomii etc. etc. WMMPanu i Dobrodzieiowi w Wilnie.

z Pragi,
18. Maia 1821.

Wielmożny Mosci Dobrodzieiu!

Oddawca tego listu JMPan Hankie, Dyrektor tuteyszego Muzeum, ma proiekt jechania na Lwow do Krzemieńca Podolskiego, gdzie ma interes, wracać zas bedzie do Pragi na Wilno, Warszawę dla zobaczenia ciekawości naszego kraiu i nabrania wiadomosci w literaturze naszey, jest On albowiem wielkim przyiacielem wszystkich Sklawońskich jezyków, które przy wielu innych wiadomosciach tę naukę szczegolniey posiada. Że WMPan Dobrodziey rownież w tym masz obszerne wiadomosci, więc Jemu Go polecam jako człowieka uczonego, członka Towarzystwa tuteyszego i wielu innych. Fr. Lubieński.

Wielmożnemu JMPanu Lindemu, Rektorowi Liceum Warszawskiego WMMPanu i Dobrodz. w Warszawie.

w Pradze,
18. Maia 1821.

I. Лукашевичъ.

Wielmożny Mości Dobrodzieju [1])!

Od dnia 1-go Października r. b. zamierzam wraz z p. Poplinskim, professorem przy tutejszem katolickiem gimnazyum, wydawać w Poznaniu nowe pismo peryodyczne pod tytułem: *Orędownik literacki*. Pismo to zawierać czasami będzie krótkie rysy z dziejów i literatury pobratymczych nam narodów sławiańskich, jakoto Czechów, Morawian, Wendów i t. d. Ośmieleni uprzejmością i gotowością, z jaką Pan Dobrodziej wszelkie, a zwłaszcza sławiańskie przedsięwzięcia naukowe wspierasz, poważamy się wezwać Go do łaskawego uczestnictwa w piśmie tem naszem, upraszając jak najuniżeniéj o udzielanie niekiedy, pod moim adressem, doniesień o stanie obecnem nauk, języka, oświaty, przemysłu, sztuk pięknych i literatury czeskiéj; o najnowszych i najważniejszych dziełach, wychodzących w Czechach i w innej pod berłem austryackim zostającej Sławiańszczyznie; o dawniejszych tak politycznych, jakoteż religijnych relacyach Czech z Polską; o pomnikach literackich i historycznych polskich w Czechach, Morawii i t. d. A że ręka rękę myje, noga nogę wspiera, my nawzajem będziemy mogli przysłużyć się Wielmożnemu Panu Dobrodziejowi nie jednym szczegółem i materyałem czeskim z dawniejszych relacyi Polski z Czechami za panowania Jagiellonów i Wazów.

Oczekując łaskawego przychylenia się do naszej prośby i polecając się pobratymczej życzliwości, jestem Wielmożnego Pana Dobrodzieja z najgłębszem uszanowaniem i uwielbieniem najniższy sługa Józef Lukaszewicz,
bibliotekarz przy bibliotece Raczyńskich, autor dzieła „O kościołach Braci czeskich w W. Polsce".

Sr. Hochwohlgeboren des Herrn Bibliothekar Venc. Hanka, Mitglied mehreren Gelehrten Gesellschaften in Prag in Böhmen.

w Poznaniu,
1 Sierpnia 1840.

II. А. Лукашевичъ [2]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Извините меня великодушно за долгое молчаніе, не полагайте впрочемъ, чтобы я могъ Васъ когда-либо позабыть и не

[1]) Напечатано было по-чешски въ Č. Č. Mus., 1840, str. 309—310.

[2]) Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ († 1887), малорусскій этно-

питать къ Вамъ всегдашняго моего почтенія, которое пребудетъ во всю жизнь мою неизмѣннымъ. Если я долго молчалъ, то Вамъ извѣстна довольно моя періодическая лѣнь, отъ которой я, имѣю честь Васъ увѣдомить, въ сей 1844 годъ наконецъ освободился и принимаюсь за мою любезную Славянщину. Теперь даю Вамъ слово по крайней мѣрѣ въ полгода давать отчетъ Вамъ въ моихъ занятіяхъ.

Подарокъ Вашъ чрезъ Г. Галагана [1]) недавно мною полученъ въ цѣлости, за который усерднѣйше Васъ благодарю, а равно и за поклонъ, переданный Вами чрезъ виртуоза италіанца, котораго впрочемъ я не видѣлъ и слѣдовательно не слышалъ. Не знаю, получили ли Вы высланные мною чрезъ Гартенштейна книги, года два или три назадъ, а равно и 30 руб., за которые просилъ Васъ отправить мои книги, хотя впрочемъ и не далъ Вамъ адрессу, куда именно: ибо, какъ Вамъ извѣстно, мы въ провинціи совершенно лишены возможности получать непосредственно изъ-за границъ книги, для сего нужно высылать оныя изъ таможни въ Петербургскую или Одесскую иностранныя цензуры, что все равно, какъ бы отъ нихъ отказаться, поелику издержки будутъ чрезвычайны, да къ тому еще и самое полученіе книгъ изъ столь отдаленныхъ цензурныхъ комитетовъ сопряжено съ большими трудностями. Итакъ я переуступилъ свои Славянскія книги Профессору Срезневскому. Прилагаю при семъ письмѣ четыре голандскіе червонца и прошу Васъ усерднѣйше распорядиться на щетъ сохраняющихся моихъ книгъ слѣдующимъ образомъ: какъ русскія такъ и славянскія всѣ вообще отправьте въ Лембергъ, на имя тамошняго книгопродавца Г. Ивана Миликовскаго (или же на имя Г. Запа). Пусть первый изъ нихъ увѣдомитъ меня чрезъ письмо, сколько будетъ стоить коммисія и пересылка сихъ книгъ въ Харьковъ Г. Профессору Измаилу Ивановичу Срезневскому, а я въ слѣдствіе онаго немедленно къ нему вышлю причитающіяся деньги. И сему дѣлу будетъ конецъ. Еще прошу Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, сдѣлать списокъ онымъ и переслать таковый при письмѣ къ Мили-

графъ, издавшій въ 1836 г. „Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни", посвятившій затѣмъ остальные годы quasi-филологическимъ трудамъ, въ родѣ: „Греческій корнесловъ", „Объясненіе ассирійскихъ именъ" и пр. О немъ см. некрологъ въ Кіевской Стар., 1889, янв., 245—246. Въ альбомѣ Ганки 30 марта 1839 г. онъ написалъ: „Знаменитому зъ малого лика Славянъ тутешнихъ, щирому, душею стародавнему Чеху, Вамъ., Пане мій милый, приносить свое благоговѣніе и почитаніе Платонъ Лукашевичъ зъ Переяславля, що въ Малои Россіи".

[1]) Петръ Григорьевичъ Галаганъ посѣтилъ Ганку 6 авг. 1842 г.

ковскому. Желательно также видѣть въ счету сего списка оконченный словарь Чешско-Нѣмецкій Юнгмана. Что все сіе Вамъ обойдется, немедленно представлю съ благодарностію. Если Вамъ нужны какія русскія книги, то меня извѣстите, а равно напишите, чрезъ кого оныя выслать, кажется Гартенштейнъ не такъ то исполняетъ въ точности коммисіи, то не знаете ли Вы другаго коммиссіонера. Читали-ли Вы сочиненіе Г. Ковалевскаго: Четыре мѣсяца въ Черногоріи? Оно написано превосходно. Между прочемъ, на страницѣ 51-й упоминается и о моемъ предкѣ, коего Петръ I-ый посылалъ въ Черногорію. Прапрадѣдъ мой вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Милорадовичемъ воздвигъ Черногорцевъ и другихъ благочестивыхъ народовъ противъ враговъ имени христіанскаго. Они въ значительномъ числѣ ударили на Албанію и Герцоговину, а въ послѣдствіи разбили шестидесятитысячную Турецкую армію. По преданію въ то время и предокъ мой получилъ нѣсколько ранъ, онъ имѣлъ въ то время болѣе 60 лѣтъ. Я бы желалъ имѣть копію съ грамоты Петра I-го, представленной сими посланниками Даніилу Митрополиту Черногорскому. Она хранится въ Цѣтинскомъ монастырѣ. Въ фамильномъ архивѣ своемъ я оную не нашелъ, а мнѣ нужна, не знаю, какимъ образомъ изъ оной достать копію. Я слышалъ, что Вы нынѣче пожалованы профессоромъ Пражскаго Университета, и такъ позвольте поздравить Васъ съ симъ новымъ званіемъ. Прошу меня извѣстить, всѣ ли здравствуютъ почтенные мои Пражскіе знакомцы? Особенно же свидѣтельствую почтеніе Г. Г. Юнгману, Крбцу, Станьку, моему добрѣйшему эскулапу, а также и Г.Г. Шафарикамъ. Платонъ Лукашевичъ.

P. S. Я позабылъ Вашу лекцію: въ какомъ случаѣ въ Лужицкомъ нарѣчіи или языкѣ слышится *дж* и *дзе*? какъ выговаривается въ немъ: ж, ч, д, ц и т? и какъ у нихъ пишется сіе латынскими буквами? Извѣстите меня немедленно, чѣмъ много обяжите.

Г. Миликовскій часто посылаетъ изъ Лемберга книги для Срезневскаго и потому знаетъ, какъ оныя высылать въ Россію. Посылка должна заключать менѣе пуда вѣсу. И потому въ нѣсколькихъ тюкахъ долженъ выслать мои книги черезъ почту въ Харьковъ къ Срезневскому.

Переяславль,
4 Февраля 1844 г.

2.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Послѣ толиколѣтняго молчанія я напослѣдокъ получилъ отъ васъ письмо, которое меня весьма обрадовало, также какъ и вашему statu quo мирному, кроткому,—а у насъ не весьма: нѣкоторыхъ своихъ добрыхъ пріятелей я лишился—черкесы ихъ убиша, а иныхъ зѣло пораниша. Зато у насъ больше жизни, живости, болтливости. И въ стужѣ намъ не хуже, всякой холодъ, всякой молодъ. Я ровно ничего не дѣлаю, ничѣмъ не занимаюсь. Написалъ было для Москвитянина статью подъ названіемъ: Предъисторическій Славянскій міръ, которая и помѣщена въ немъ, въ 12-й книжкѣ за 1843-й годъ. Прочли ли вы ее? Кажется, этотъ журналъ есть у Шафарика. Теперь, какъ видите, опять все забросилъ. Да при томъ и на васъ попеняю, ибо не отвѣчали насчетъ моего вопроса: о выговорѣ нѣкоторыхъ буквъ въ Лузацкомъ языкѣ. Итакъ, прошу, коли не потеряли оный, какъ выговариваются у немъ д, ж и проч., и отмѣна отъ нашего какая? Напослѣдокъ пишете мелко и много не прочелъ. Жиду Гартенштейну отписалъ, который однако не заблагоразсудилъ отвѣчать. Жалѣю, что книги, которыя я къ вамъ чрезъ него высылалъ, лишилъ жизни. Мнѣ бы желательно знать, какого содержанія желаете имѣть изъ Русскихъ книгъ. А также, пересланы ли мои до пана Миликовскаго, дабы съ нимъ списаться. Для вѣрности прилагаю 1 голландскій червонецъ, употребите его на этотъ же предметъ.

Путешественника Магденка, о коемъ пишете, не знаю, хотя и одной губерніи, она изъ меньшихъ, но имѣетъ протяженія 350 верстъ.

Съ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и пр.

Платонъ Лукашевичъ.

Господину Юнгману мое всенижайшее почтеніе.

Переяславль,
1844 года

Помѣта Ганки: „Odpowěd. 1/13 Августа".

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Напослѣдокъ книги свои, которыя хранились у Васъ, въ февралѣ мѣсяцѣ я получилъ совершенно исправно отъ И. И. Срезневскаго,—за ними посылалъ нарочнаго въ Харьковъ, отсюда за 400 верстъ. А вмѣстѣ съ симъ приношу Вамъ чувствительнѣйшую

агодарность за сбереженіе оныхъ и присылку новыхъ, кото-
я удостоили мнѣ подарить. Съ сего времени я началъ, послѣ
тилѣтняго отдохновенія, заниматься Славянщиною. Цѣлые го-
я просто спалъ день и ночь, пробуждался, чтобъ отбиваться
ь ябеды и сутяжества, а потомъ опять отдыхалъ. Итакъ бла-
словяся взялся за перо и пишу кое-что.

Въ февралѣ, а не позднѣе мая, отправляюсь по разнымъ
ламъ въ Питеръ и можетъ быть, что тамъ и надамъ. Оттуда
решлю Вамъ и книги Русскія, здѣсь же, вѣрьте, полу-
ть трудно — сколько не выписывалъ — деньги какъ въ воду,
шлютъ двѣ, три книжки, а остальныхъ никогда уже нельзя
учить, а ниже денегъ. Изъ двойныхъ, имѣющихся у меня
игъ посылаю Вамъ для опыта на имя Вебера, что ли.. А Васъ,
теннѣйшій другъ, прошу на прилагаемыя здѣсь деньги—шесть
пимперіяловъ—не медля выслать на имя Измаила Ивановича
озневскаго въ Харьковъ нужныя и очень мнѣ книги, напередъ
чтя тѣ издержки, которыя Вы употребили на прежнюю вы-
лку моихъ книгъ. Они слѣдующія:

1. Нѣмецко-Чешскій Словникъ Юнгмана. Чешско-Нѣмецкій его же
ения есть. 3 части, въ переплетѣ, ежели есть.
2. Франта Словарь, который издаетъ; подпишитесь на все изданіе.
3. Нужно и вельми: Нѣмецко же Иллирійскій Словарь, Нѣмец-
Сербскій.
4. Словенскаго нарѣчія Мурки имѣю, нѣтъ ли полнѣе?
5. Словари другихъ Славянскихъ нарѣчій, которые могли выйти,
ір. польскій.
6. Словопроизводный словарь латинскій, краткій.

Напишите за открытія по Славянскому міру, это меня об-
уетъ.

Буде сихъ денегъ недостаточно, то извѣстите, и какіе еще
ъ Словари.

Ваше новое изданіе Кралодворской рукописи, черезъ Чеха
аштиля переданное, получилъ,—за что усерднѣйше благодарю.
равствуетъ ли почтенный Юнгманъ? Что издалъ Шафарикъ?

Я ничего не выписываю — сержусь на нынѣшній русскій
і лучше сказать--Русско-Французскій языкъ; подлецы журна-
ты погубили его. Но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!
рнѣніе!...

До Петербурга я надѣюсь еще разъ къ Вамъ написать.

Вашъ чтитель Платонъ Лукашевичъ.

Посвященъ ли Вагилевичъ въ священники?

Пишите крупными словами, — я худо разбираю Вашъ по-
къ; не знаю, какъ Вы мой.

Прошлая зима была у насъ очень холодная и многос
ная; за нею послѣдовало наводненіе. Кременчугъ потопден
перь оправляется. Государь третьяго дня проѣхалъ Переяс
а за мѣсяцъ назадъ Прилуки. У насъ сильный скотской па
Кажется, и теперь будетъ холодная зима: однако виноградъ
ия дозрѣлъ.

Хочется выѣхать зимою въ Петербургъ; поѣду на св
сперва въ Москву, всего пути будетъ мѣсяцъ, а верстъ
Отъ Галагана снимокъ съ письма Гуса получилъ.

Въ нашихъ мѣстахъ проживаетъ Багрѣева въ своей вот
Буромкѣ, Золотоношскаго уѣзда. Домашній врачъ ея Г. Пр
изъ Вѣны, показалъ у насъ чудеса своего знанія, — вся ок
ность у него пользовалась. Багрѣева—благодѣтельная особа:
жество больныхъ обоего пола въ ея домѣ пользовались g
Г. Станьку усерднѣйшій мой поклонъ, послѣ его легкой ру
началъ поправляться и теперь даже сталъ дороднымъ. Ж
тельно имѣть его сочиненіе на чешскомъ языкѣ, относящ
къ анатоміи. Желательно также, чтобы онъ пріѣхалъ *до*
русскихъ, въ Петербургъ на лѣто. Я дамъ оттуда адрессъ,
Васъ хотѣлось бы тамъ же видѣть: вотъ бы насъ обрадо
Живъ ли Караджичъ?

Дописать бумаги: угодно ли знать, что значитъ слово
Извольте: чехъ = рчехъ, отъ ректи, ржекти, говорить, то же
словакъ, вашъ сосѣдъ, и Rhacti = ржечи: *р* у нашихъ нарѣч
и языкахъ часто опускается. Видите, какіе сдѣлалъ я ус
въ чешскомъ языкѣ.

Прощайте. П. Л.

м. Березань,
26 Сентября 1845.

4.

Почтенный другъ, Вячеславъ Вячеславичъ!

Пріѣхавши изъ Малороссіи въ Петербургъ, я чуть б
тутъ не умеръ: четыре мѣсяца проболѣлъ и теперь худъ. Б
родъ воспаленія желудка: здѣшней нѣмецкой воды не могу п
даже переваренная съ виномъ вредитъ. Итакъ еще полузд
ствую. Въ болѣзненномъ состояніи и въ страданіяхъ печа
свое сочиненіе, которое Вамъ давно выслалъ подъ именемъ:
романтіе. Знаете ли, что эти послѣдніе пять мѣсяцевъ мнѣ
ятъ? Съ поѣздкою на Москву, потомъ сюда, печатаніе, прож
и проч. ровно обошлось 9,000 р. асс. Еще ожидаю изъ дом

дорогу 1,500 р., и того будетъ 10,500 руб. асс, или три тысячи серебромъ. По моему состоянію это весьма большая жертва. Если Богъ дастъ, буду живъ и здоровъ, симъ не ограничусь, еще буду жертвовать для славы нашей.

Увѣдомляю также Васъ, что мое сочиненіе и открытіе не признано въ любезномъ моемъ отечествѣ; извѣстно, что наши Русскіе ученые болѣе поповичи, которые и наслѣдуютъ такъ называемые завистлнвые очи: свое они цѣнятъ бѣлымъ, а чужое чорнымъ. Другая причина есть въ противославянскомъ направленіи нашей журналистики, что Вамъ уже извѣстно изъ моего введенія къ Чаромантію, отъ нихъ тоже постоянныя нападки. Я лишился чрезъ изданіе послѣдняго своего сочиненія лучшаго пріятеля Г. Срезневскаго, который теперь на мѣстѣ покойнаго Прейса въ Петербургскомъ Университетѣ. Онъ также на меня напалъ, какъ и Павскій и пр. Чего же они хотятъ опровергнуть правду, уничтожить то, что составляетъ и составитъ гордость и славу нашу. Съ людьми предубѣжденными и ослѣпленными собственнымъ честолюбіемъ нечего толковать. То же самое запоетъ и Москва. Едва ли сыщется у ней и одинъ человѣкъ въ пользу новой науки, и быть можетъ, то—Г. Шевыревъ, русскій дворянинъ.

Не знаю, какъ поступятъ со мною Чехы, люди, повидимому, справедливѣйшіе, и которыхъ я уважаю. Впрочемъ, подстрекательство Петербургскихъ и Московскихъ полуученыхъ могутъ подѣйствовать и на нихъ. Прошу Васъ, Вячеславъ Вячеславичъ, въ препровождаемой при семъ посылкѣ 10-ти изъемлей (экземпляровъ) Чаромантія отправить въ даръ къ южнымъ Славянамъ по надписямъ и, кому заблагоразсудите, къ тамошнимъ филологамъ. Пишите ко мнѣ въ Березань, и что обойдется пересылка, тотчасъ съ благодарностію деньги возвращу.

Здѣсь въ Петербургѣ Чаромантія продано 20 изъемлей или того менѣе, итакъ можете судить, какъ здѣсь оглохло поле Славяно-Русское. Я оставляю здѣсь 100 изъемлей на коммисію книгопродавцамъ, а остальные до 400 беру съ собой. Увѣдомляю также Васъ, что латинскій языкъ въ разочарованіи мною совершенно оконченъ. Грамматика (гранесловіе) его также.

Хотѣлъ отъ здѣшнихъ ученыхъ пріобрѣсть за деньги нѣкоторые нужные для меня Словари, но узнавъ, что я лѣжословъ (прилѣжо, филологъ), въ этомъ мнѣ отказали.

Въ пятимѣсячное мое здѣсь пребываніе ни одна душа, ни ученая, ни благородная, ни высокоблагородная, а далѣ и не говори, не попросили меня и на чашку чаю, не молвили и ни полъ

словечка, хотя ко многимъ для опыта относился, между тѣмъ какъ у насъ въ Малороссіи всѣ люди и странники находятъ радушіе, пріемъ и гостепріимство.

Дай Богъ скорѣе отсюда вырваться, мнѣ хуже здѣсь, чѣмъ въ тюрьмѣ. Вотъ что называютъ здѣсь журналисты Европейска „цивилизація". Прощайте! истинный Чехъ! Будьте здоровы. Остаюсь по гробъ Вашъ почитатель и другъ

Платонъ Лукашевичъ.

Г. Станьку отъ меня усерднѣйшій поклонъ.

С.-Петербургъ,
Февраля 1[illegible] дня 1847 года. Помѣта Ганки: „Получено 9 марта с. и [illegible]".

5.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Весьма дивуюся, что Вы меня позабыли. Въ февралѣ м. изъ Петербурга (будучи боленъ) писалъ къ Вамъ въ Прагу, при чемъ въ особыхъ посылкахъ изъ почтамта отправилъ на имя Ваше 18 изъемлей (экземпл.), какъ Вамъ, такъ и другимъ ученымъ назначенныхъ, своего сочиненія подъ назв. Чароиатіе, или Священный языкъ жрецовъ. Не знаю и не вѣдаю, получили ли Вы ихъ? Когда же нѣтъ, то опять вышлю, а ежели получили, то за прилагаемыя здѣсь два червонца отправьте тѣ книжки по назначенію. Это дань моего уваженія, какъ Вамъ, такъ и другимъ Вашей земли ученымъ. Вотъ краткое описаніе моей поѣздки. Въ прошломъ году я отправился въ Петербургъ, при мнѣ было два экипажа, шесть человѣкъ прислуги и восемь лошадей; ѣхалъ чрезъ Орелъ, Тулу, Москву, Тверь, Новгородъ и черезъ мѣсяцъ прибылъ въ *Petersburg* 18-го августа, гдѣ проболѣлъ все время до самаго выѣзда. Я страдалъ отъ тамошней воды и прочаго мучительнѣйшимъ воспаленіемъ въ кишкахъ. Въ послѣдствіи и нескоро узналъ, что все это произошло отъ воды, которая, бывъ даже переварена, была для меня убійственна, но уже было поздно. Я изхудалъ чрезъ мѣру и выѣхалъ изъ Петербурга 4-го марта на почтовыхъ домой, куда пріѣхалъ 12-го марта. Дома все-таки страдалъ желудкомъ до сего времени, а теперь поправился, но слабость все таки чувствую. Изъ Петербурга должно было бы мнѣ тотчасъ выѣхать, но по упорности остался, чтобы доказать недругамъ, какъ великъ и знаменитъ языкъ Славянскій,—и доказалъ, а тогда и уѣхалъ. Теперь готовлю для печати вторую часть Чароиатія; въ ней будетъ оконченъ весь ла-

тинскій языкъ. Буду печатать въ Петербургѣ, но корректуру посылатимуть черезъ почту. А тамъ, какъ Богъ поможетъ, займусь извѣстнымъ чучеломъ — нѣмецкимъ языкомъ, который ничто иное есть, какъ чисто калмыцкій языкъ. Слѣдовательно, изслѣдую вмѣстѣ на чаромутныхъ основаніяхъ сіи два языка и вмѣстѣ и монгольскій. Цѣлыя рѣченія есть однѣ и тѣ же по калмыцки и по нѣмецки. Другая часть нѣмецкаго Чаромутія есть чисто Славянское (впрочемъ, и въ калмыцкомъ и монг. то же явленіе). Чаромуть Вамъ, думаю, извѣстно, должно читать отъ правой руки къ лѣвой, какъ по еврейской грамотѣ, за исключеніемъ окончанія слова.

Напримѣръ, по нѣмецки:

Sage = gase, казъка по малорос.—сказка;
sagen = казѣти, казать (малор.), говорить;
schärpe, перевязь = пражя (prásche), спрягать, связывать;
scheere = reesche, рѣзя, отъ рѣзать;
brechen, ломать = щербѣти (ущербъ, щербина и т. д.),
и scherbe, обломъ.
Dank = gnade;

Съ славянскими предлогами, кои не читаются отъ правой руки къ лѣвой, а поставляются въ началѣ слова:

Spiel, потѣха = slieb, слибъ (чеш.), слюбъ;
spannen, впяливать = снапѣти, снапьяти;
spanne = снапьѣ, снапья;
Sparren, стропило = страпень, стропень;
Spiess, копье = спипъ отъ шипа, острея;
Spleisse, щепки = същелна.

Чарная истоть читается отъ лѣвой руки къ правой, когда она усѣченная, то вставляется р (r). Напр.:

sehen = зрѣйти, зрѣть, видѣть;
stàmm, стволъ = страмъ, стромъ (чешское);
heiss = грѣйть;
schau, зрѣлище = зрянъ;
schöpfen, черпать = черпѣти;
scham = срамъ;
stachel = стрякель, стрѣкель = стрѣкало, шипъ.

Прошу отъ меня кланяться Пражскимъ моимъ знакомымъ. Живъ есмь до которого часу! У нашихъ мѣстахъ холера такъ сильна, что человѣкъ совершенно здоровый умираетъ отъ нея въ часъ времени, такъ что не возможно подать никакой помощи. Пока за лѣкарствами да за лѣкаремъ, то человѣка и нѣтъ. Довольно бы уже давить ей Русь, пора посѣтить и Нѣмцевъ. Этого требуетъ справедливость и политическое равновѣсіе. По наблю-

M. (Маеръ) Маяръ[1]).

1.

Blagorodni gospodine!

Ja naměravam spisati u ilirskom književnom narečju knjižicu naravoslovnu (Naturgeschichte), ktera bi obsegla živalstvo, rastlinstvo i rudinstvo, vendar vse kratko, da bi bila sposobna za šolsku mladinu.

Takove knjižice do sada Jugoslaveni še neimamo. Najvažnejša stvar u spisovanju tote knjižice je to, da se prava poimenovanja i pravi tehnički izrazi ustanove, kojih se premnogo nalazi u takovoj knjigi. Ja mislim to tako le osnovati: Ako je u ilirščini za jednu istu stvar više imén, bi ja upotrěboval ono, ktero se i u češćini znajde; ako pa Jugoslavenom někoji tehnički izraz manjka, bi ga iz češćine uzel naměsto novoga kovati. K tomu mi je naravoslovne češke knjige potrěba, da možem poimenovanja ilirska s českimi prispodablati.

Prosim Vas, skažite mi to ljubav i pišite mi kratko: Ktere knjige češke bi si zato kupil? Koliko svezkov da imaju? Koliko veljaju i kdě se mogu dobiti?

Ali bi mi Vi ne mogli nasvetovati i někako naravoslovje (Naturgeschichte) u ruskom jeziku, njegovu cěnu i kdě se dobí?

Knjižku o hmyzech od Karla Amerlinga, v Praze 1830, imam i je verlo lěpa. Nije li više svezkov toga děla izdal?

Ne zaměrite, da se u tom na Vas obernem, ne možem inače, ker neimam nikogar u zlatnom Pragu.

Ako mi odgovoriti račite, naredite nadpis: Matiu Majaru duhovniku u Weisach, Post Greifenburg, Kärnten.

Budite mi zdravi i srećni! Matia Majar.

2.

Blagorodni gosp. Doktore!

S totem listom dostanete sledeće uprav sada izišavše ilirsko-slovenske knjižice:

Drobtinice — spisal g. Slomšek; Zdravo telo — spisal g. professor u Celovcu Robida; Pesmaricu moju; Napeve k pesmarici—

[1]) Matija Majar (p. 1809, † 1892), собиратель народныхъ словинскихъ пѣсенъ, горячій проповѣдникъ славянской взаимности, издатель журн. „Slavjan" (1863—1865) и пр., участникъ славянскаго съѣзда 1867 г. въ Москвѣ. См. о немъ „Всероссійская этнограф. выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 г.", Москва, 1867, стр. 135—139.

: Shvienje sv. Alojsia poslovenil g. professor bogoslovja u Celovcu Javornik: ovu posledńju posebno pošljem za to, da vidite, da je kod nas njih već, kteri se za slavjanšćinu zanimaju. Spodobno Vas prosim, da ove knjižice u češki museum oddati blagoizvolite.

Bog dragi dal Vam sreću i ljubo zdravje!

Matia Majer,
Kaplan u Celovcu.

U Celovcu (Klagenfurt),
24 Maja l. 1846.

А. Н. Майковъ[1]).

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я былъ принятъ Вами въ Прагѣ такъ радушно, что осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ просьбою оказать какое нибудь вниманіе женѣ моей. Покажите ей тотъ милый кругъ, который около Васъ собирается, чтобы она видѣла Чеховъ и Чехинь. Я сію минуту отправляюсь на кораблѣ въ Средиземное море и въ Архипелагъ и буду свидѣтелемъ сценъ, которыя не останутся безъ значенія для славянскаго міра. Очень жалѣю, что не могу заѣхать къ Вамъ, чтобы еще разъ увидѣть патріарха славянской науки. Много вопросовъ хотѣлось бы предложить Вамъ—послѣ 1843-го года, когда я гостилъ у Васъ въ Прагѣ, совершилось столько событій! Поговорить было бы много о чемъ: какъ Вы живете и на что надѣетесь, и каковы къ Вамъ нѣмцы, и что Вы выиграли посредствомъ бана Іелашича, и пр. и пр. Обо всемъ объ этомъ толкуютъ розно, и хотѣлось бы убѣдиться на дѣлѣ. Чтобы сколько-нибудь выразить Вамъ мою благодарность за Ваше радушіе, поручаю женѣ моей передать Вамъ экземпляръ моихъ стихотвореній, но какъ, я полагаю, Вы забыли меня, то я напомню только то, что, будучи въ Прагѣ, я сочинилъ для Чеховъ пѣсню: „*Чехъ сидѣлъ надъ Лабой горной, Къ чеху соколъ подлетѣлъ*...“ Вы, конечно, вспомните это стихотвореніе потому, что Вы его тогда же перевели по-чешски.

Прощайте, достойнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, надѣюсь, что судьба приведетъ еще разъ обнять Васъ—это будетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Но—полно! Прощайте! Ѣду! Вашъ А. Майковъ.

Поручите кому-нибудь изъ Вашихъ питомцевъ показать Прагу женѣ моей и разсказать ей о Чехахъ.

---

[1]) См. примѣчаніе 2-ое на стр. 171.

M. (Маеръ) Маяръ[1]).

1.

Blagorodni gospodine!

Ja naměravam spisati u ilirskom književnom narečju knjižicu naravoslovnu (Naturgeschichte), ktera bi obsegla živalstvo, rastlinstvo i rudinstvo, vendar vse kratko, da bi bila sposobna za šolsku mladinu.

Takove knjižice do sada Jugoslaveni še neimamo. Najvažnejša stvar u spisovanju tote knjižice je to, da se prava poimenovanja i pravi tehnički izrazi ustanove, kojih se premnogo nalazi u takovoj knjigi. Ja mislim to tako le osnovati: Ako je u ilirščini za jednu istu stvar više imén, bi ja upotrěboval ono, ktero se i u češćini znajde; ako pa Jugoslavenom někoji tehnički izraz manjka, bi ga iz češćine uzel naměsto novoga kovati. K tomu mi je naravoslovne češke knjige potrěba, da možem poimenovanja ilirska s českimi prispodablati.

Prosim Vas, skažite mi to ljubav i pišite mi kratko: Ktere knjige češke bi si zato kupil? Koliko svezkov da imaju? Koliko veljaju i kdě se mogu dobiti?

Ali bi mi Vi ne mogli nasvetovati i někako naravoslovje (Naturgeschichte) u ruskom jeziku, njegovu cěnu i kdě se dobí?

Knjižku o hmyzech od Karla Amerlinga, v Praze 1836, imam i je verlo lěpa. Nije li više svezkov toga děla izdal?

Ne zaměrite, da se u tom na Vas obernem, ne možem inače, ker neimam nikogar u zlatnom Pragu.

Ako mi odgovoriti račite, naredite nadpis: Matiu Majaru duhovniku u Weisach, Post Greifenburg, Kärnten.

Budite mi zdravi i srečni! Matia Majar.

2.

Blagorodni gosp. Doktore!

S totem listom dostanete sledeće uprav sada izišavše ilirsko-slovenske knjižice:

Drobtinice — spisal g. Slomšek; Zdravo telo — spisal g. professor u Celovcu Robida; Pesmaricu moju; Napeve k pesmarici—

[1]) Matija Majar (p. 1809, † 1892), собиратель народныхъ словинскихъ пѣсенъ, горячій проповѣдникъ славянской взаимности, издатель журн. „Slavjan" (1863—1865) и пр., участникъ славянскаго съѣзда 1867 г. въ Москвѣ. См. о немъ „Всероссійская этнограф. выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 г.", Москва, 1867, стр. 135—139.

Ф. С. Малевскій [1]).

1.

Szanowny Hanko! Dziś przyjechałem do Drezna i wnet odsyłam dyploma Wileńskie i list mego Ojca, do których przyłaczam prospekt lekcii Uniwersytetu Wileńskiego dla Biblioteki Muzeum. Jużbym je dawno odesłał, gdyby mię nie wstrzymała trzymiesięczna w Berlinie choroba. Jadę teraz do Gietyngi i ztamtąd przeproszę za tak długie milczenie. Odpowiedź do Uniwersytetu, jeśli niebędzie innéj zręczności, można mnie przesłać do Gietyngi, ja ztamtąd odeszlę do Wilna. O wiele rzeczy mam Panną prosić i pytać, lecz muszę odłożyć nadal, dziś tylko mogę ponowić uczucia wzdzięczności i szacunku dla ciebie, szanowny Hanko, których lepszy dowód złożę w przyszłym liście. Dobrowskiemu racz moje oświadczyć uszanowanie; podług jego nowéj Grammatyki daje się lekcija Słowiańskiego języka w Wilnie. O Berlińskich rękopisach Słowiańskich mam dla niego krótką notatę. Jungmanowi staremu i młodemu proszę mię także przypomnieć. Zamawiam sobie pobłażenie do przyszłego listu i ośmielam się prosić żony Pana, aby za mną przemówiła, póki sam się nie uniewinnię z półrocznego niepisania.

Twój zawsze Franciszek Malewski.

Drezno,
29. Marca 1823.

2.

Kochany Hanko! List adressowany do Gietyngi późno mię doszedł w Berlinie. Mimo to był dla mnie pożądany i chciej wierzyć się uraduję, skoro na pieczątce zobaczę *padyńmece*. Jakże mam dziękować za tak dobrą pamięć, za wyrazy przyjaźni a nawet za troskliwość żony twojej. Czemuż nie mogę pisać po Cze-

---

[1]) Franciszek Malewski, сынъ Семена М., другъ Мицкевича, чиновникъ собств. Е. И. В. Канцелярiи, основатель ж. „Tygodnik Petersburgski". Въ альбомѣ Ганки написалъ слѣд. четверостишіе:

„Dokonywaj coś zaczął! Z skutków twojéj pracy
Lepsze kiedyś nadzieje powezmą Słowacy.
My nie stracim, potomność pewnie na tém zyska,
Jeśli jak bliską mowa dusza będzie bliska.

14 Września 822. w Pradze. Franciszek Malewski
z Wilna".

albo czemuż nie mogę być znowu w slawnom, welikom, sta-
n meste prazkom, tam byśmy się zrozumieli, tambym otrzymał
ebaczenie za moją tak nieporządną korrespondenciją. I teraz
wet, kiedym się gotował posłać list długi i donieść o rękopi-
ch Berlińskich, muszę przestać na krótkiéj ćwiartce,

Nebť giż nechcy čekati,
Musymť wždy cyzy zeme poznati,

dla tego wyjeżdżam z Tryczyńskim do Hamburga, mając zamiar
chania ztamtąd do Amsterdamu. Podróż ta zabierze ze dwa
iesiące czasu, a jednak niewiem, czy tyle będzie przyjemna, ile
łby tydzień w Pradze. Może też na mojem miejscu masz inne-
Polaka Piaseckiego, jest to mój przyjaciel, on mnie tym cza-
m zastąpi. Dla zaspokojenia Dobrowskiego donoszę krótko o rę-
pisach, widzianych w Berlinie. Pięć ich pokazał mi Wilken,
den mały 12-mo oblongo, drobno pisany, którego nie mogłem
yczytać, drugi zawierający retorykę jakąś klasztorną z XVIII
ieku in 4°, psałterz słowiański z kalendarzem na końcu, takoż
rdzo późny, kronikę **Царства Казанскаго и о брани і о побѣ-
хъ великихъ князей московскихъ и о взятіи Царства Казанска-
великимъ княземъ іоанномъ василевичемъ**, 4°, kart 299, rozmo-
архимандрита съ раввиномъ, zapisaną w katalogu pod tytu-
n Unterredung eines russischen Erzbischoffs mit einem Rabi-
n, 4°, i w końcu dykcionarz bez tytułu, którego próbę na osob-
j kartce wypisałem. Chciałem je przejrzeć na nowo teraz, ale
ilken dostał pomieszania, bez niego nic znaleźć nie można. Sły-
ałem, żeś odebrał książki z Wołynia, ja Wileńskich nie mogę
ę dotąd doczekać, ale pewny jestem, że przyjdą. Miano posłać
sobno dwa tomy Mickiewicza, czy doszły? Ja tu dostałem nowe
ardzo dzieło naszego kochanego Lelewela, posyłam je dla wa-
zéj biblioteki. Spodziewam się, że Dobrowski będzie z niego
ontent, jest tam i o bibliach słowiańskich mowa. Wiem, że do-
tałeś od Cesarza pierścień za Igora, na ten raz cieszę się, że Ce-
arz Rossyjski jest królem Polskim, myślę sobie, że to król Pol-
ti posłał. Poleć mię pamięci patriarchy naszego Dobrowskiego,
ngmanów starego i młodego etc. Żonie racz oświadczyć, że nie
bity od rozbójników jadę do brzegów morza, ale nie spodzie-
am się utonąć i powrócę jeszcze niezawodnie do Pragi, abym
j za tę dobroć podziękował.

Przyjaźni twojéj polecam się nazawsze. Fr. Malewski.

List do Wilna posłałem. List, przyłączony do Piaseckiego,
śli go nie masz w Pradze, racz odesłać do Tieplic. Mój adress:

Berlin, bey dem Buchhändler Dümmler. W przyszłym liście będą prośby o kopiją rękopisów, teraz nie mogę pisać o tem.

Berlin,
23. Sierpnia 1823 r.

3.

Kochany Hanko!

Przed wyjazdem z Berlina posłałem list i książkę Lelewela, za powrotem z podróży odpowiem na twój list zawczora odebrany. Wiem, że zasłużyłem na upomnienie, ale wiem także, jak łatwo mi przebaczysz po odebraniu już wysłanego i przyszłego jeszcze listu. Z twoich nawet ostatnich wyrazów widzę, żeś nie policzył mię w regestr niewypłatnych dłużników. Wreście udam się z Czeskim listem do żony, a skoro jéj głos pozyszczę za sobą, pewnym będę, że mię nie oddalisz ze swojej pamięci. Teraz z Hamburga, antysłowiańskiego miasta, wezwać muszę przyjacielskiéj twojéj pomocy. Piasecki, którego tak uprzejmie ze słowiańską gościnnością przyjąłeś, może potrzebować pieniędzy na powrot do kraju. Właściwie ja mu winienem je posłać, lecz w drodze teraz nie mogę naruszać worku, abym nie był przymuszony powracać przed czasem. Chciéj mu więc za mnie 10—15 duk., które ja w końcu przyszłego miesiąca jak tylko stanę w Berlinie zwrócę natychmiast przez Bankiera. Mam moje pieniądze u Berlińskiego Bankiera Openheima, podobno jest jego Comptoir i w Pradze, przesłanie więc nie będzie trudne. Daruj śmiałości, z jaką tę prośbę do ciebie zanoszę, jest to skutek zaufania w twojéj dobroci, którą mi list ostatni jeszcze mocniéj ozywił. Żegnam do listu przyszłego z Berlina.

Twój nazawsze Fr. Malewski.

Hamburg,
2. Września 1823.

4.

Kochany Wacławie! Zarzucilbym cię listami, gdybym pisał kazdéj chwili, w któréj myśl moja zwracała się do ciebie i do starego miasta Prażskiego. Nie raz drapałem się zadyszany na kamienną górę, nie raz słyszałem od żony pak pošel, ale pak hned přygde, i te przypomnienia sprawiały mi newyprawitedlnau radost. Różne przeszkody i kłopoty nie dawały mi jednak pisać.

oprócz tego spodziewałem się, że będę miał xiążki do posłania. Ale nadzieje moje były dotąd próżne, w domu korrespondencija stała się bardzo trudna, obawa nie ustała, nikt nie chce pisać. Daruj mi więc, że jeszcze nic nie donoszę o xiążkach, które mi dałeś na zamianę, zostanie to podobno do mojego powrotu, na szczęście już dość bliskiego. Piszę na szczęście, bo z tém się łączy nadzieja bytności powtórnej w Pradze. Dalszéj podróży podobno mi nie pozwolą, będę musiał powracać: chciałbym tylko zabawić jeszcze czas niejaki w Wiedniu, a do Wiednia z Berlina dostać się nie można nie przechodząc Wltawy. Będę więc widział Pragę, uścisnę raz jeszcze kochanego Wacława, a do tego może w Maju,

„w krasné wesny den,
w krasný garnj den,
w zeleném sadc
mezi růžemi
plnokwetými".

Jeśli mi dasz materyjały do prawa Czeskiego, będę znowu pod twojém okiem pracował. Nie sądzę, żeby te marzenia nie miały przyjśdź do skutku, już teraz nawet zostawiam do osobistego widzenia się wszystkie moje zapytania, wszystkie wiadomości o odbytéj do Hamburga podróży. Nic tam nie znalazłem ze Słowiańskich pomników, programma, które zdobyłem może osądzisz za ważne. Ten Schröter wziął się widać do roboty nie dla samych pieniędzy, pisałem do niego ofiarując się dopomodz do zbierania prenumeraty na jego dzieło w Polszcze, otrzymałem bardzo dobrą odpowiedź, z któréj wyjątki przywiodę prosząc twojéj pomocy w rozwiązaniu jego zapytań. „Gedruckt ist über die Ludwigsluster Sammlung durchaus nichts ausser meinem Programm— seit 30 Jahren und länger durch unsern Grossherzog, den einzigen Fürsten aus altslavischem Geschlechte begründet und stets vermehrt, ist bis auf meine Verbindung mit demselben selbst den Ludwigslustern eine terra incognita gewesen. Von der Sammlung die Ihr Landsmann Potocki zu einem, Masch zum andern Theile und früher als P. beschrieben, ist sie durchaus verschieden, was beyde bekannt gemacht haben, ist in Strelitz.

Wie viel eigentlich slavische Denkmäler unsre Sammlung enthalte, wage ich, vor dem endlichen Schlusse meiner Untersuchungen, nicht in Zahlen auszudrücken—dass sie einen bedeutenden Theil ausmachen, ist aber gewiss und liegt schon in der Geschichte der Ostseeländer vor. Interessante Bildwerke sind namentlich darunter, Bronzen, die aber, beiläufig bemerkt, von den

Strelitzern durchaus in Bildung und Character abweichen, und vielleicht deshalb ihnen den Rang abgewinnen dürften, weil sie, was bey jenen nicht so ganz der Fall ist, unbezweifelt echt sind. Manche unsrer Denkmäler lassen selbst Zeitbestimmung zu, sogar Urnen, indem wir z. B. dergleichen mit sächsischem Raube aus dem 12-ten Jahrhundert besitzen. Dass sich ein ähnliches Werk über die Strelitzer Sammlung anschliessen wird, glaube ich versprechen zu dürfen—nur muss ich bis dahin erst fester in den Slav. Sprachen, namentlich in den ältern Resten derselben geworden sein. Nur durch sprachliche Gründe an die Inschriften geknüpft wird sich der alte Streit über die Echtheit darthun lassen. Gelingt dies, so ist hier helles Licht in manche dunkle Kluft zu bringen, und dem glücklichen Oedipus wird von edlen Slaven slava nicht entstehen. Sollen aber diese Träume ins Leben treten, so muss ich mehr Unterstützung wünschen etc.

Giebt es besondere Werke über Slav. Grabalterthümer ausser einer Abhandlung von Dobrowski in den Schriften der böhm. Gesell. von 1787. von Melles Urna Sarmatica und einem Aufsatze in Schottky'scher Zeitschrift? Wie sehen die alten Gräber in Pohlen aus? Sind es blosse Hügel oder auch Steinbaue mit Kammern und Altären? Enthalten sie ausser den Urnen auch Metalle, namentlich kupferne Waffen? Finden sich bey ihnen Stein-Hammer mit einem Stielloche und scharfe Keile, Messer und Pfeilspitzen von Feuerstein? Ist Ihnen je von Götterbildern ausser den Strelitzischen etwas gesagt, oder zu Gesicht gekommen. Was heisst homolka ursprünglich, was mogil oder mogila?"

Przepisałem ten kawałek, może będzie i dla Dobrowskiego interessujący. Może wskaże jaką xiążkę lub źródło. Zapytania ściągają się równie do was jak do Polaków, jeślibyś dał jakie objaśnienia, posłałbym Schröterowi, byłoby z wdzięcznością przyjęte. Dotąd żadnego Czecha nie ma prenumeratora, czy kto z waszych magnatów nie odżałuje 3 friedrichsdorów? Dla zbierającego prenumeratę odstępuje Schröter ¼ ceny, ale z warunkiem aby brać wprost od niego, nie z xięgarni.

Jeszcze jedno muszę donieść. Bopp Samskrycki filolog daje tu w Uniwersytecie lekciją über Allgemeine Sprachen Geschichte. Porównywając budowę języków nie mało się rozwodzi i nad Słowiańskiémi. Grammatyka Dobrowskiego dostarcza materyjałów. Przeciw etymologijom Dobrowskiego zarzuca, że radices są dowolne, bez znaczenia, kiedy te same lub podobne w Samskryckim mają każdy właściwe znaczenie. Ciekawy bardzo jestem co daléj się pokaże. Xiążeczka do nabożeństwa, jeśli jéj nie widziałeś, zaj-

mie zapewna swoją ortografiją i swojem podobieństwem do Czeskiego języka. Może ją żona zrozumie, jakże się będę cieszył, jeśli mię przypomni, jeśli mi pozwoli uczyć się kiedyś pięknéj Czeskiéj pronunciacii. Czy nie wydałeś czego nowego? Piasecki czy nie odezwał się z Krzemieńca? Tryczyński zasyła ukłony, ja moje łączę dla Dobrowskiego i Jungmanów. Przyjaźni i pamięci twojej, kochany Wacławie, dopóki sam moją bytnością lepiéj jeszcze na nią nie zasłużę, polecam się.

Twój nazawsze Fr. Malewski.

Czy doszła xiążka Lelewela? Może poczta zbyt drogo kosztuje, nie posyłałbym xiążek?

Berlin, Grosse Friedr. str. № 147.
12. Decembra 1823. Помѣта Ганки: „Odp. 23. Stycz. 1823".

5.

Cztery lata ubiegło od czasu, kiedym cię, kochany Hanko, w Pradze pożegnał. Łatwo sobie wyobrazisz radość, z jaką dziś piszę do Ciebie i moje przesyłam uściśnienia. Winienem to zacnemu Rossianinowi Jenerałowi Jermołow, który mając jechać przez Pragę list ten obiecał ci oddać. Wiem, jakiego u Czechów przyjęcia doznają przybywający Słowianie, dla tego nie chcę cię prosić, abyś mu sprawił znajomość szanownego Dobrowskiego i ciekawe wasze pomniki pokazał. Uczynisz to sam z serca, i prośba moja byłaby zbyteczną. Zdziwisz się może, odbierając list ten nie z Wilna, lecz z Moskwy. Tu rzuciłem kotwicę multum et terris jactatus et alto. Od wiadomego ci powrotu do Berlina sprobowałem trzech więzień, przejechałem od brzegów Baltyckiego do Czarnego morza. Uwięziony w Berlinie, stawiony przed Wielkiego Xięcia Konstantego w Warszawie, tam trzymany, ledwom w Wilnie odzyskał swobodę. Zapomniane dawno zabawy studenckie, związek, do którego kiedyś będąc uczniem należałem, stały się przyczyną tych wszystkich cierpień. Po ścisłem badaniu, kiedy się okazało, żem niewinny, cała burza zeszła na rozkazie wejścia w służbę w odległych od domu prowincijach. Byłem więc w Petersburgu, potem w Odessie i teraz jestem w obowiązku przy Jenerał-Gubernatorze w Moskwie. Mniejbym się na to wszystko uskarżał, gdyby mię to tułackie życie nie strąciło z obranéj wprzódy drogi. Dawne zajęcia poszły w zapomnienie, zamiast nad nauką pracuję nad kryminalnemi sprawami i niewiem, kiedy do niej powrócę. Tym tak nieprzyjaznym okolicznościom przypisz moje

mie zapewna swoją ortografiją i swojem podobieństwem do Czeskiego języka. Może ją żona zrozumie, jakże się będę cieszył, jeśli mię przypomni, jeśli mi pozwoli uczyć się kiedyś pięknéj Czeskiéj pronunciacii. Czy nie wydałeś czego nowego? Piasecki czy nie odezwał się z Krzemieńca? Tryczyński zasyła ukłony, ja moje łączę dla Dobrowskiego i Jungmanów. Przyjaźni i pamięci twojej, kochany Wacławie, dopóki sam moją bytnością lepiéj jeszcze na nią nie zasłużę, polecam się.

Twój nazawsze Fr. Malewski.

Czy doszła xiążka Lelewela? Może poczta zbyt drogo kosztuje, nie posyłałbym xiążek?

Berlin, Grosse Friedr. str. № 147.
12. Decembra 1823. Почта Ганки: „Odp. 23. Stycz. 1823".

5.

Cztery lata ubiegło od czasu, kiedym cię, kochany Hanko, w Pradze pożegnał. Łatwo sobie wyobrazisz radość, z jaką dziś piszę do Ciebie i moje przesyłam uściśnienia. Winienem to zacnemu Rossianinowi Jenerałowi Jermołow, który mając jechać przez Pragę list ten obiecał ci oddać. Wiem, jakiego u Czechów przyjęcia doznają przybywający Słowianie, dla tego nie chcę cię prosić, abyś mu sprawił znajomość szanownego Dobrowskiego i ciekawe wasze pomniki pokazał. Uczynisz to sam z serca, i prośba moja byłaby zbyteczną. Zdziwisz się może, odbierając list ten nie z Wilna, lecz z Moskwy. Tu rzuciłem kotwicę multum et terris jactatus et alto. Od wiadomego ci powrotu do Berlina sprobowałem trzech więzień, przejechałem od brzegów Baltyckiego do Czarnego morza. Uwięziony w Berlinie, stawiony przed Wielkiego Xięcia Konstantego w Warszawie, tam trzymany, ledwom w Wilnie odzyskał swobodę. Zapomniane dawno zabawy studenckie, związek, do którego kiedyś będąc uczniem należałem, stały się przyczyną tych wszystkich cierpień. Po ścisłem badaniu, kiedy się okazało, żem niewinny, cała burza zeszła na rozkazie wejścia w służbę w odległych od domu prowincijach. Byłem więc w Petersburgu, potem w Odessie i teraz jestem w obowiązku przy Jenerał-Gubernatorze w Moskwie. Mniejbym się na to wszystko uskarżał, gdyby mię to tułackie życie nie strąciło z obranéj wprzódy drogi. Dawne zajęcia poszły w zapomnienie, zamiast nad nauką pracuję nad kryminalnemi sprawami i niewiem, kiedy do niej powrócę. Tym tak nieprzyjaznym okolicznościom przypisz moje

nie można się dowiedzieć, czego by sobie życzył, w jakim p miocie xiążki są mu potrzebne. S Polskich rzeczy nie ma nic do posłania, oprócz almanaku Wileńskiego, który może w dze będzie nowością. Teraz literatura Polska wyszła za gr razem z żołnierzami-autorami. W Wilnie, gdzie dawniej ośm karni pracowało, teraz nic się prawie nie drukuje. Wychodz jedno tylko pismo literackie pod tytułem *Wizerunki*. Lwo i Krakowskie rzeczy muszą do Was prędzej niż tu dochc jak widzę z waszego Časopisa.

Z Berlińskich Jahrbücher für wissenschaftl. Kritik dow ję się, że przedsięwziąłeś napisać grammatykę Polską pc układu Dobrowskiego. Daj Boże, aby to było prawdą, bo d nasze grammatyki kształciły się na wzór łacińsko-francuski. sze oryginalne prace Mrozińskiego w tym przedmiocie muszą wiadome. Tu jest świeża grammatyka rossyjskiego języka p Wostokowa, czy już w Pradze znajoma? Czytałem też gdzieś cze, że masz coś dostarczyć do dzieła Maciejowskiego, któr wkrótce ma wyjść w rossyjskiem tłumaczeniu. *Slavina* mam dawno u siebie. Wszystkie te prace niewymownie mię rac ale mi zawsze smutno, że owa myśl sprowadzenia Was do Pe hradu nie przyszła do skutku.

P. Baługiański zdrów i zapewne sam przez P. Binder o sze. P. Sperański zdrów także, lubo teraz więcej czasu za mias przepędza. Polecam raz jeszcze mego przyjaciela. Chciej Szanowny Wacławie, ułatwić znajomość z zacnem: Jungman którym od siebie zasyłam moje uszanowanie.

W końcu tego roku spodziewam się być swobodniejsz Wzdycham do tej chwili, aby zarazem wrócić do miłej korresp cii z tobą, Czcigodny przyjacielu. Żonie najpiękniej kłaniam. zd wia i pomyślnej pracy najgoręcej życzę. Fr. Malewski.

Adres: Во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляр

Petersburg.

27 Czerw. — Lipca 18[illegible]

8.

Już po napisaniu listu, który, Szanowny Panie Wacła odbierzesz osobno, P. Baługiański oddał mi do przesłania m koronacyjny Cesarza, polecił [illegible] pro abyś gdy się w Pradze pokaże [illegible] jego l celaryi, chciał ze zwykłą [illegible] Praskie

kochany Wacławie, o wskazanie Markowi jakiego dobrego rzeźbiarza, aby nie popsuł. Chcę rzeźby głębokiej.

Od roku już pracuję nie w Senacie, ale w Kancelaryi Cesarskiéj pod znajomym ci P. Baługiańskim. Widziałem twoje ważne dary i winszuję otrzymanej za nie nagrody Monarszej. Ale tak jestem zajęty rządową robotą, że naukowe rzeczy musiały pójść na stronę. Jeszcze nie miałem czasu rospatrzyć się w twoim rękopisie Wacława z Dubé, choć jest teraz w naszej xiążnicy.

Przypomnij mię twojej miłej żonie, Jungmanom ojcu i synowi i przyjm dla siebie najlepsze życzenia szczerego *druha*.

F. Malewski.

Adres: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Франциску Семеновичу Малевскому, коллежскому ассесору и кавалеру. С.-Петербургъ, во II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Petersburg,
20. Lutego 1831.

7.

Szanowny i kochany Panie Wacławie! List ten piszę przez Włodzimierza Titow, Sekretarza Rossyjskiego poselstwa w Konstantynopolu i siostrzana tutejszego Ministra Sprawiedliwości. Chciejcie go przyjąć s tą serdecznością, która sprawia, że ktokolwiek do Was s północy zawita, zawsze Was wdzięcznie wspomina i przez Was lepiej i mocniej Słowiańszczyznę kocha.

Muszę się bardzo winnym wydawać przed Wami za moje długie milczenie. Ufam dobremu sercu, że tego złej chęci nie przypiszesz. Straciłem ojca, sam jestem już ojcem, przebyłem ciężkie choroby i przy tem wszystkiem miałem ciągłą pracę, teraz zaledwo dochodzącą do końca. List jeden, przez damę pisany, widzę, że nie doszedł, ale przy nim nic nie posyłałem. Więcej mię obchodzi wiadomość, czy odebrałeś żurnał Сынъ Отечества i Tygodnika.

P. Baługiański, mój czcigodny zwierzchnik, pokazał mi wczora list, który przez Binderową pisałeś. Z niego dowiedziałem się o kommissach, które dałeś. Będziemy tu się starali wszystko wypełnić, a tym czasem na prędce posyłam Statut orderu Ś. Włodzimierza, ale obok tego proszę, abyś jeśli można przed Oktobrem, nim tu się zamknie żegluga, napisał mi, czembym mógł usłużyć. Wszak jestem Twoim, Szanowny Wacławie, dłużnikiem i za pieczątkę tak piękną i za Časopis tak ciekawy. Również chciałbym i P. Markowi czemś odsłużyć za przysłaną xiążkę. Czyby

nie można się dowiedzieć, czego by sobie życzył, w jakim przedmiocie xiążki są mu potrzebne. S Polskich rzeczy nie mam tu nic do posłania, oprócz almanaku Wileńskiego, który może w Pradze będzie nowością. Teraz literatura Polska wyszła za granicę razem z żołnierzami-autorami. W Wilnie, gdzie dawniej ośm drukarni pracowało, teraz nic się prawie nie drukuje. Wychodzi tam jedno tylko pismo literackie pod tytułem *Wizerunki*. Lwowskie i Krakowskie rzeczy muszą do Was prędzej niż tu dochodzić, jak widzę z waszego Časopisa.

Z Berlińskich Jahrbücher für wissenschaftl. Kritik dowiaduję się, że przedsięwziąłeś napisać grammatykę Polską podług układu Dobrowskiego. Daj Boże, aby to było prawdą, bo dotąd nasze grammatyki kształciły się na wzór łacińsko-francuski. Nowsze oryginalne prace Mrozińskiego w tym przedmiocie muszą być wiadome. Tu jest świeża grammatyka rossyjskiego języka przez Wostokowa, czy już w Pradze znajoma? Czytałem też gdzieś jeszcze, że masz coś dostarczyć do dzieła Maciejowskiego, które już wkrótce ma wyjść w rossyjskiem tłumaczeniu. *Slavina* mam już dawno u siebie. Wszystkie te prace niewymownie mię radują, ale mi zawsze smutno, że owa myśl sprowadzenia Was do Petrohradu nie przyszła do skutku.

P. Baługiański zdrów i zapewne sam przez P. Binder odpisze. P. Sperański zdrów także, lubo teraz więcej czasu za miastem przepędza. Polecam raz jeszcze mego przyjaciela. Chciej mu, Szanowny Wacławie, ułatwić znajomość z zacnemi Jungmanami, którym od siebie zasyłam moje uszanowanie.

W końcu tego roku spodziewam się być swobodniejszym. Wzdycham do tej chwili, aby zarazem wrócić do miłej korresponcii z tobą, Czcigodny przyjacielu. Żonie najpiękniej kłaniam, zdrowia i pomyślnej pracy najgoręcej życzę. Fr. Malewski.

Adres: Во II Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи.

Petersburg,
27 Czerw./9 Lipca 1835.

8.

Już po napisaniu listu, który, Szanowny Panie Wacławie, odbierzesz osobno, P. Baługiański oddał mi do przesłania medal koronacyjny Cesarza, polecił oświadczyć jego ukłony i prosić, abyś, gdy się w Pradze pokaże P. Zamiatin, urzędnik jego kancellaryi, chciał ze zwykłą uprzejmością pokazać mu Praskie cie-

kawości. P. Zamiatin wyjechał ztąd do Marienbadu i niezawodnie będzie w Pradze.

Korzystam s tej zręczności, abym dodał jeszcze uwagę, która mi przyszła po rozmowie s P. Baługiańskim. Wiem o projekcie, któryście mu podali względem Lexikonu etymologicznego. Wiem, że ten projekt był tu gorliwie popierany. P. Baługiański dobrze o nim pamiętał, lecz jak mi się zdaje są na przeszkodzie trudności, których dotąd pokonać niepodobna, a nawet wątpię, czy kiedykolwiek dadzą się pokonać, jeśli jeszcze innej drogi nie użyjecie. Przedsięwzięcie jest zbyt ważne, żeby je można opuścić nie spróbowawszy sposobów, jakie tylko są do spróbowania. Jednym z takich jest jeszcze wezwanie pomocy i opieki terazniejszego Ministra Oświecenia Radcy Tajnego P. Uwarow. Zaczął on niedawno swoje urzędowanie z wielkim zapałem i gorliwością, przy tem sam jest niepospolity Rossyjski pisarz i uczony literat: to wszystko każe mi wróżyć, że jeśli mu Wasz zamiar przedłożycie z gruntownym całej roboty wywodem i jeśli jakąś próbę tej roboty okażecie, znajdziecie w nim gorliwego obrońcę. Wówczas połączone usiłowania P. Baługiańskiego i Sperańskiego mogą sprawić pomyślny skutek. NB. P. Uwarow jest razem Prezydentem Akademii Nauk i ma wpływ na Akademiją Rossyjską.

Moje przeto zdanie byłoby, abyście napisali list albo raczej memoriał do P. Uwarowa i tu go choćby na moje ręce przysłali. Byłoby mojem staraniem i przy pomocy P. Baługiańskiego nie byłoby trudno zwrócić na to pismo szczególną uwagę. Jest to myśl, którą mi natchnęła obawa, aby Wasze tak zbawienne dla całej Słowiańszczyzny przedsięwzięcie nie spełzło na niczem. Odlaję ją własnemu Waszemu sądowi.

Wasz druh F. Malewski.

Petersburg,
20 Czerw./11 Lipca 1835.

9.

Czcigodny Wacławie! Jakże Ci mam podziękować za tak ciągłą i tak życzliwą pamięć. „Nie przestajesz obdarzać mię swojemi uczonemi pracami i wznawiać miłych zawsze wspomnień dawnej zażyłości. Lubo moje bieżące zatrudnienia oderwały mię od powziętych niegdyś zamiarów i, przedzierzgniony w urzędnika, mało mam zbywającego czasu, śledzę jednak pilnie za waszą češtinau i podziwiam Waszę wytrwałość w ważnych i pożytecz-

nych badaniach. W tym miesiącu otrzymałem Mluwnicę Polského gazyka, któréj początek znałem już dawniej s pism Krakowskich [1]). Zastanowiły mię bardzo wypadki o rozwrżenj pismen, i jeżeli kiedy którego s synów moich będę mógł posłać do Prahy na examen, zobaczysz jak wiele s Twoich badań skorzystamy. Jeden z moich przyjaciół cały już utonął w Mluwnicy i ma się o niej rospisać. Jabym bardzo pragnął, żebyś i rossyjską mluwnicę podobnie ułożył. W jednym duchu i dążeniu pojęte grammatyki trzech głównych słowiańskich języków utorowałyby drogę do wielu nowych widoków.

Dość już dawno widziałem u P. Baługiańskiego litografowane odpisy księgi Daniela, Ojcze nasz i t. d. Dwa z nich, jak się dowiedziałem od P. Hube, są przy rosprawie o pierwszych drukach, ale reszta do jakich czasów i rękopisów należy—nie wiemy.

Baługiański, zawsze Cię wdzięcznie wspominający, przeprasza, że na odebrane listy nie mógł odpisać; starzec już często niedomaga i prócz tego obarczony jest różnemi robotami. Przedsięwzięto teraz nową edyciją znanego Ci zapewne Swodu praw. Śmierć nieodżałowanego Sperańskiego zatrzymała ruch wielkiej przez niego podjętej pracy. Następca jego Daszkow niedługo też nam przewodniczył; mamy teraz głównego zwierzchnika w Błudowie, a i ten pojechał szukać zdrowia w waszych Cieplicach".

Słyszałem dawno, że życzyłeś mieć kalendarzyk tutejszy. Może zapóźno—posyłam i oddawczynię Jenerałową Rönne polecam Twojej uprzejmości.

Przypomnij mię żonie swojej i chowaj zawsze w dobrem sercu Twego F. Malewskiego.

A Monsieur Mr. Venceslas Hanka à Prague, à la Bibliothèque du Musée National.

Petersburg,
29. Maja v. s. 1840 [2]).

---

[1]) Краковскій Kwartalnik Naukowy (ред. A. Z. Helcel) помѣстилъ въ 1835 г., tom I, str. 156—171: „Obraz' języka polskiego. Wyjątek z przedmowy do nie drukowanéj jeszcze Grammatyki Polskiéj dla Czechów, przez Wacława Hankę". Это введеніе имѣетъ въ виду Малевскій.

[2]) Въ Č. Č. Mus., 1840, str. 308—309, помѣщено письмо изъ С.-Петербурга отъ 23 авг. (5 сент.) 1840 г., подписанное буквами F. M. Начало его есть, очевидно, отрывокъ какого-то не сохранившагося письма къ Ганкѣ; вторая часть есть буквальный переводъ той части сообщаемаго здѣсь письма Малевскаго отъ 29 мая 1840 года, которую мы заключили въ кавычки.

10.

Pozwól, zacny Wacławie, abym Ci polecił mego dawnego spółucznia, a teraz Professora Medycyny D-ra Rymkiewicza. Był on ozdobą szkoły lekarskiej w Wilnie. Po Twojej uczynności nie wątpię, że mu pokażesz zakłady Muzeum, ale chciej jeszcze ułatwić mu znajomości, których jako uczony lekarz pożąda. Od niego dowiesz się o Bobrowskim więcej pocieszających szczegółów niż te, które ja mogłem udzielić. Moje prośby do Ciebie zostawiam do listu, który prędzej dojdzie niż ta ćwiartka. Chowaj mię w życzliwej pamięci. Fr. Malewski.

Marienbad,
12 Września 1813 r.

11.

Górą Czechy! Taki dziś toast spełniłem, wychylając ostatni kubek tutejszej wody. Odjeżdżam zdrowszy i za to mocniej jeszcze kocham waszę ziemię, której Bóg tylu cudownemi zdrojami pobłogosławił. Najpiękniejsza pogoda ciągle trwała; czas mi ubiegł bardzo szybko, żałowałem tylko, żem tu nic prawie czeskiego nie znalazł. Xięgarnie tutejsze nic warte. Przypominając dawne studenckie lata, wyprawiłem się piechotą do Tepla, ale biblioteki dobrze obejrzeć nie miałem czasu, bo się przyplątały damy. Prócz tego xiążki ustawione we dwa i we trzy rzędy, tak że trudno je widzieć, a trudniej wyciągać. Za listy nieskończenie dziękuję, odebrałem ich trzy, z Petersburga, Wilna i twój Pragski, lecz żeś *porto* nie wymienił, przeto P. Hejman, oddawca tego listu, dawny bankier Wileński, odda złoty konwencyjny. Jeśliby co więcej należało, to z Wiednia odeszlę. Nie wiem jeszcze, kiedy tam będę, i dla tego wstrzymuję się s prośbami do Frankfurtu, gdzie będę mógł dokładnie podróż moję rozłożyć i dni obrachować. Niestety: Praga nie wejdzie już w ten rachunek, bo mimo całej chęci niepodobna będzie czasu ułowić. Prawdę mówiąc, pora też już, abyście i wy do nas jeździć zaczęli, abyśmy w naszych też progach mogli odwdzięczyć za wasze dobre przyjęcie. Xiążki, które przyłączam, chciej sobie zatrzymać. O braknących numerach Archiwum chyba z Petersburga dam wiedzieć, ale o tegoroczne napiszę wraz z innemi prośbami z Frankfurtu.

Tu się dowiedziałem, że w Wilnie mój dawny kollega, wielkich zdolności człowiek, Mikołaj Malinowski pisze historyją Jagiellonów w Czechach; na rok przyszły ma jechać do Pragi.

Bądź mi zdrów, zacny Wacławie, ponów moje uszanowanie swojej żonie i tym na mnie łaskawym, których w liście wspomniałeś, i chowaj mię stale w przyjaznej pamięci.

Fr. Malewski.

Marianske Lazne,
23. IX.

12.

Otóż i list pożegnalny: nadzieja uściskania cię jeszcze w Pradze, szanowny mój Wacławie, w niwecz się obróciła. Przygoda na statku parowym *Johann* pociągnęła za sobą stratę dni kilku, i już teraz muszę wprost jechać do Wrocławia. Przyjm więc stąd jeszcze dzięki za stałą Twoję życzliwość o usilne prośby, abyś na przyszłą wiosnę nas odwiedził.

Znalazłem tu w Wiedniu u Wenedykta nieco xiążek, ale muszę narzekać, że i ta jedyna xięgarnia nie jest dość zamożna, że nawet niema katalogów, w których by można tytuły i ceny wynaleźć. Kupiłem Meč a Kalich, Narodopis, Cestopis Kollara, Zemljopis po krainah Ilirskih, Ilkiewicza Halicki pripowiedki, Danica na r. 1842 i jeszcze nieco kalendarzy i drobnych rzeczy. Boję się brać więcej, bo mój ładunek już bardzo się pomnożył. Przy terazniejszym nowym biegu poczty i zniżeniu porto może i z miejsca łatwiej się będzie opatrzyć w wasze druki. Jeśliby można było napisać do Wrocławia, tak aby list tam stanął na 9-ty tego miesiąca, prosiłbym o przysłanie fac-simile owego złotego Morawskiego pieniążka z wiadomością o jego znalezieniu. Do Wrocławia też możnaby odesłać i listy do mnie, jeśli się jakie nadarzyły. Lecz jeśli to niepodobna i czas będzie za krótki, chciej wyprawić list do Warszawy zapisując: **Его Превосходительству Александру Ивановичу Тиссу.** Bardzo rad będę, jeśli mi dasz polecenia do Petersburga. O Statucie i Tygodniku pamiętam. Jeślibym był co dłużny za listy, uwiadomiony, znajdę sposób rychłego odesłania. Uwarowa wczora Kopitar oprowadzał po bibliotece tutejszej. Rymkiewicz nie może się nadziękować za doznane przyjęcie. Szczęść Wam Boże dalej, s tem życzeniem odjeżdżam od stron waszych. Przypomnij mię żonie swojej.

Fr. Malewski.

A Monsieur François Malewski a St. Petersbourg, Aux archives de Lithuanie près le troisième département du Senat dirigeant. — Его Благородію Франпу Семеновичу Малевскому, въ Метрикѣ при третьемъ Департаментѣ Правительствующаго Сената.

Wiedeń,
3. XI.

13.

Wybacz mi, Szanowny Przyjacielu, że prawie na odjezdnem z Marienbadu dziękuję Ci za pamięć o moich prośbach i za trzy medale, które kiedyś będa świeciły w sławiańskiej numizmatyce. Zapytujesz o szczegóły mego tutejszego pobytu. Inaczej się złożyło, niż zamierzałem: leczenie się cały czas zabrało, a choć znacznie mi lepiej i jak się spodziewam będzie nadal jeszcze lepiej, widzę przecie że morbus senectus opiera się nawet Kreuzbrunowi. Niespodzianie znalazło się kilku dawnych znajomych z Litwy, z któremi spędzały się dni pogodne, i tuż po nich dżdżyste i chłodne. Nie wiem, czy słyszałeś o pomniku wystawionym tu dla Haidlera przez Polaków. Napis wyraźnie powiada „grati Poloni". Jakkolwiek cenię wysoko zasługi jego lekarskie, nie rozumiem, skąd mu prawo do takiej narodowej wdzięczności. Zapewne to dzieło jakiejś koteryi kobiecej. Prócz tego pomnika wszystko nowe bardzo dobrze się tu udało i Maryjańskie łaźnie pięknie się ubrały. Z przywiezionych xiążek uczyłem się sporu o kirilicę i ten zrozumiałem, ale Šumavskiego chyba mój syn nauczy się czytać u Srezniewskiego, ja mu podołać nie mogę, przynajmniej tu w Marienbadzie. Skrócenia nie mieszczą się w pamięci. Mówić po czesku nie miałem tu sposobności, czytać nawet nie było tu czego; w kąpielowej czytelni ani jednego czeskiego dzieła (Palacky po niemiecku), ani gazety. Z katalogu muzycznego Hofmana mało co znalazło się do wynotowania; sam katalog im Kreuzcouvert do Instytutu podług napisu odesłałem.

Doszła mię tu bardzo pocieszająca wiadomość — wieloletni mój kolega Dielanow został kuratorem Petersburskiego Okręgu. Za powrotem będę go namawiał aby przy uniwersytecie zaprowadził seminarium historyczno-filologiczne sławiańskie, a przewodników w ćwiczeniach u was poszukał. Jutro wyjeżdżam do Ischl, w powrocie będę się starał ukraść sobie choć ze trzy dni dla Pragi. Do tego czasu i prośbę moją względem portretu i siebie polecam życzliwej obojga Was pamięci. Stary druh

Fr. Malewski.

Marienbad,
30 Sierpnia 1858.

М. І. Малишевскій[1]).

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Przy końcu zeszłego roku, albo na początku teraźniéjszego lata, wydrukowałem w Strasburgu Dzieje rodzonych braci, Lecha, Mecha i Czecha, trzech założycieli państw nowych, na plemiennościach ludów sławiańskich, w drugiéj połowie drugiego wieku po narodzeniu Chrystusa Pana, według rzeźb pozostałych na kolumnie Trajana w Rzymie. Dzieje tego zamiaru doprowadzone tylko zostały w jednéj połowie do czternastego arkusza, bo nakładów dalszych zabrakło. Czułem się do powinności jeden exemplarz onego dzieła przesłać do Biblioteki w Pradze, bo ten przedmiot tak zajmował pisarzów czeskich, juk pióra nasze nad Wisłą. Tylko mój komissioner, pan Michelson w Lipsku, zbił mnie z tego pomysłu, gdyż mi w listach wyraża, że cenzura austryacka od niejakiego czasu rozsrożyła się na księgi polskie i niedozwala takich wprowadzać do granicy państw swoich. Mimo jednakże obostrożeń takich, sam przedmiot dziejów wart uwagi światlejszych czechów, bo ród bytu czeskiego wspólnie kolebkę pochodu swego zapoczyna z ojczyzną naszą. Dla tego Pana Dobrodzieja zawiadamiam tem listem, abyś za przygodą zdarzoną kazał sobie sprowadzić z Lipska jeden exemplarz mojego dzieła, które pod względem mierności talentu mego jeśli upraszać będzie o pobłażliwość i łaskę, to pod względem jasności dziejów na przychylność zasłuży sądu. Miałbym dodać jeszcze w tym pismie kilka uwag ważniejszych o przeszłościach dziejów pogańskich, ale się z zdaniem mojem wstrzymuję, lub to odkładam na czas późniéjszy.

Przy téj sposobności załączam winne uszanowanie sławie tyle nabytéj w pracach literatury sławiańskiéj. Wielmożnego Pana Dobrodzieja sługa przychylny X. Maliszewski.

Strasbourg (Bas-Rhin), Rue des Frères. 11.
Dnia 27 Lipca 1853 r.

---

[1]) Кс. Малишевскому (р. 1799, † 1870) принадлежатъ еще труды: „Dzieje słowiańskich ludów w czasach pogańskich, zebrał i objaśnił X. Maciej Józef Maliszewski" и „Dzieje pierwotne słowiańskiego kościoła, które po raz najpierwszy z powszechnej u nas rosprószki w jednę zgromadził całość X. M. J. Maliszewski". Томовъ III. Оба труда (въ рукописи) въ библ. Краковской Акад. „Dzieje rodzonych braci..." вышли въ Страсбургѣ въ 1852 г., 8°, 200 стр. Estreicher, III, 55.

Н. А. Маркевичъ[1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ,

Двоюродный братъ мой, Галаганъ, привезъ мнѣ отъ Васъ драгоцѣнный подарокъ, который ежели отчасти я и заслужилъ, то не столько литературою, сколько преданностью ко всему Словянскому, любовью къ родинѣ и почтеніемъ къ Вашимъ знаменитымъ трудамъ. Щитаю себя въ священномъ долгу принесть благодарность непритворную за воспоминаніе обо мнѣ; и если я опоздалъ исполненіемъ этаго долга, тому причиною, что Ваша прелестная книга залежалась въ Канцеляріи здѣшняго Военнаго Губернатора. Желалъ бы Вамъ принесть, какъ дань глубочайшаго къ Вамъ уваженія, мою Исторію Малороссіи; но не знаю, какой для сего путь избрать. Дайте согласіе, и я попробую переслать ее черезъ Кіевъ на Ваше имя, столь драгоцѣнное для любителей наукъ и словесности.

Извините за то, что пишу на моемъ, а не на Вашемъ языкѣ; понимая хорошо чесскія книги, я не умѣю владѣть симъ языкомъ; къ тому же Ваша *Zdenka* мнѣ доказываетъ, что Вы превосходно владѣете русскимъ, и что я Васъ нимало не затрудняю моимъ письмомъ.

Если увидитесь съ господиномъ Шафарикомъ, покорнѣйше прошу поблагодарить его за воспоминаніе о моихъ Украинскихъ напѣвахъ.

Николай Маркевичъ.

Мая 15 дня 1844 г.

И. М. Мартыновъ[2]).

1.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Не знаю, что Вы думаете о моемъ исчезновеніи: какъ камень-де на дно ушелъ! Но, ради Бога, не пеняйте мнѣ за то; третьяго дня и вчера я пролежалъ въ постели почти все время и до сихъ поръ еще не выхожу. Завтра попытаюсь съ Божьей по-

---

[1]) Николай Андреевичъ Маркевичъ (р. 1804, † 1860), историкъ Малороссіи и этнографъ, авторъ труда „Исторія Малороссіи", въ 5-ти частяхъ (1842—1843) и др.

[2]) Иванъ Матвѣевичъ Мартыновъ, извѣстный русскій іезуитъ, археологъ. Ему принадлежитъ описаніе слав. рукописей Парижской библіотеки: „Les manuscrits slaves de la bibliothèque Impériale de Paris" (1858) и много др. трудовъ по древней слав. письменности.

мощью. Во время этого невольнаго затворничества я все пишу да пишу: вѣдь я въ Прагѣ, гдѣ все такъ пахнетъ Русью. Если-бы можно было завтра отправиться къ К. Лобковичу, то я отъ того не прочь. Надо спѣшить. За тѣмъ, какъ говорятъ наши русскіе, имѣю честь именоваться въ первый разъ Вашимъ признательнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою И. Мартыновъ.

Прага,
21 Сентября 1856 г.

2.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь,

Прежде всего, какъ водится, извиняюсь, что еще ничего не писалъ Вамъ со времени моего пріѣзда въ здѣшнюю столицу. Вы не повѣрите, какая тьма занятій, дѣловыхъ и не дѣловыхъ, встрѣтила меня съ перваго дня и до сихъ поръ ходитъ за мною вслѣдъ безпрерывно и безъ отвязки.

Славянскій шрифтъ занимаетъ меня всего болѣе; но дѣло въ томъ, какъ завести здѣсь типографію, или скорѣе сказать, чѣмъ кормить ее, когда заведутъ, такъ чтобы она не умерла съ голоду. Если бы состоялся проектъ о *русскомъ* журналѣ, дѣло сладилось бы довольно скоро; но до сихъ поръ я не могу Вамъ сказать о томъ ничего положительнаго. Особа, безъ которой мы ничего не можемъ сдѣлать, только что воротилась изъ путешествія и еще не осѣлась духомъ. Но по пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо, я не теряю ни минуты и подготовляю орудія во благовременіе. — Что журналъ состоится, объ этомъ я почти увѣренъ, все затрудненіе въ томъ, какъ его окрестить, т. е. не столько, какъ назвать, но, что̀ всего главнѣе, какое сообщить ему направленіе, какой духъ, какія начала. Я снова сталъ посѣщать библіотеки и теперь списываю мой булгарскій отрывокъ, котораго начало найдете Вы здѣсь въ снимкѣ, очень несовершенномъ, потому что онъ былъ сдѣланъ мною не на должной бумагѣ. Я посылаю Вамъ его только такъ, на *отвѣдъ*.

Мнѣ кажется, печатать все въ *снимкѣ*—безполезно, хотя съ другой стороны, за неимѣніемъ славянскаго шрифту, оно было бы и выгоднѣе и скорѣе и даже занимательнѣе для охотниковъ до славянщины, какъ Вы.

Скажите мнѣ, напечатанъ ли Вашъ глаголитскій отрывокъ и посланъ ли въ Парижскую Академію Наукъ?

О русской библіи, Лондонскаго изданія, я не могъ еще ни-

чего провѣдать. А между тѣмъ самъ я готовлю переводъ Гагариновой книжки о Россіи и издамъ его въ маленькомъ форматѣ къ Новому Году, если не ранѣе [1]).

Вы не можете себѣ повѣрить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду минуты, когда осуществится мысль о какомъ либо періодическомъ изданіи на русскомъ языкѣ. Думать о Русской *Матицѣ*— здѣсь едвали не химера, хотя я и не прочь отъ этой мысли; только какъ станешь объ этомъ думать, такъ и приходитъ въ голову извѣстный всѣмъ стихъ въ бозѣ почивающей схоластики:

Quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?

Но пока я не сдѣлаюсь членомъ-основателемъ русской Матицы, тѣмъ охотнѣе и ревностнѣе становлюсь я членомъ Матицы *Чешской*, и съ этою цѣлью присылаю Вамъ черезъ Г. Штульца *десять талеровъ* за текущій 1856 г., съ просьбою переслать мнѣ изданныя ею сочиненія, равно какъ и *Zap*'овы *„Археологическія Лѣтописи"*.

Въ заключеніе прошу Васъ, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, сообщать мнѣ объ изданіяхъ, которыя по Вашему мнѣнію могутъ быть полезными нашей работѣ, съ приложеніемъ, если можно, и цѣны. Это мнѣ напоминаетъ, что Вы хотѣли сбыть съ рукъ *Бочека* [2]) и Pulveres Sacri; будьте такъ добры, пришлите мнѣ счетъ за *полный Боченокъ*, и я немедленно перешлю къ Вамъ должную сумму.

Вы понимаете, отъ чего о сокращенной Грамматикѣ Добровскаго я не говорю ни слова: дѣло стоитъ за шрифтомъ; скажите, что бы стоило печатаніе оной у *Газе*? Лишь только сладится дѣло о слав. типографіи, мы начнемъ печатать ее благословясь.

До тѣхъ же поръ не забудемъ поручать Господу Богу всѣхъ нашихъ трудовъ и предпріятій и насъ самихъ, я Васъ, а Вы меня, такъ дорого цѣнящаго Вашею дружбою (sic) и пребывающаго отъ всего сердца Вашимъ преданнѣйшимъ слугою.

И. Мартыновъ.

Rue des Postes, 18.
Парижъ,
25-го Октября 1856 г.

---

[1]) Переводъ изданной И. Гагариным на французскомъ языкѣ брошюры: „La Russie sera-t-elle catholique"? Paris, Douniol, 1856, in 8°. Раньше русскаго перевода И. Мартынова, она появилась въ двухъ переводахъ въ Германіи; болѣе извѣстенъ переводъ бар. Авг. Гакстгаузена: „Wird Russlands Kirche das Papstthum anerkennen?" Münster, 1857. Переводъ И. Мартынова, подъ заглавіемъ: „О примиреніи Русской церкви съ Римскою", вышелъ въ Парижѣ въ 1858 году.

[2]) Codex diplomaticus et epistolaris Moraviæ. Studio et opera Antonii Boczek Tomus I, Olomucii, 1836 года и сл.

3.

Ваше Преподобіе, Незабвенный Иванъ Матвѣевичъ!

Извините меня, что я такъ поздно отвѣчаю и что не франкировалъ письма, ибо боченокъ съ кодексомъ моравскихъ грамотъ и Sacri pulveres былъ бы ужь въ рукахъ Вашихъ, еслибъ его Г-нъ Штульцъ не остановилъ ждать до 16-го сего мѣсяца ноября для прибавленія его книгъ, точно допечатаемыхъ.

У типографа Газе я былъ, и онъ мнѣ далъ на письмѣ, что листъ славянской Грамматики Satz, Druck und Papier mit 500 Auflage стоитъ 26 f. 40 kr., mit 1000 Auflage 33 f. 44 kr., конв. монеты. Но я бы желалъ, чтобъ Вы въ Парижѣ у лучшихъ художниковъ дали рѣзать новые славянскіе типы. Отгуда же, какъ всякая мода, они разойдутся по всему славянству, какъ это было съ русскими типами изъ Парижа князя Лобанова. Въ Сазавоемаускомъ Евангеліи онѣ недурны, имъ недостаетъ только симетрическаго согласія между собою, и того имъ искусный художникъ потрафитъ здѣлать. Я не сомнѣваюсь, что ихъ будутъ выписывать повсюду. Рукопись посланнаго Вами снимка Ем: л: принадлежитъ къ древнѣйшимъ, и я Васъ благодарю за сообщеніе онаго.

Прилагаю Вамъ при семъ снимокъ глаголическаго требника 1359 изъ Лобковицкой библіотеки стараніемъ Павла Павловича и отпечатокъ глаголическаго отрывка изъ Емаускаго служебника, котораго объясненіе найдете въ посылаемомъ боченкѣ въ скорѣйшемъ времени. Штульцъ кланяется и напишетъ къ Вамъ при книгахъ.

Будьте здоровы и счастливы! Съ Богомъ! Вашъ преданнѣйшій Вячеславъ.

Прага,
7 Ноября н. с. 1856. (Съ черновика Ганки).

4.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь.

Ваше письмо отъ 1-го Декабря получилъ я только 24 числа, вмѣстѣ съ ящикомъ, за который Васъ сердечно благодарю. Видите ли, какова сила обыкновеній. Виноватъ въ отсрочкѣ иной, и извиняетесь Вы. О Вашей акуратности я не сомнѣваюсь; удивляюсь только, что Пр. Штульцъ до сихъ поръ не онѣмечился даже и въ этомъ отношеніи: вѣдь нѣмецкая акуратность вошла въ пословицу.

У меня на столѣ съ 28-го ноября лежитъ письмо къ Вамъ; о безъ книгъ оно отправиться не могло и потому такъ проежало безъ пользы цѣлый мѣсяцъ. Въ немъ я умолялъ Васъ ообщить мнѣ какъ нельзя скорѣе *вашу записку* о изданномъ аголитскомъ снимкѣ, чтобы сказать о ней слова два въ I тоѣ нашихъ „Трудовъ“ (Etudes), который, замѣчу мимоходомъ, ыйдетъ если не завтра, то въ первыхъ дняхъ новаго года. Нето дѣлать! надо обождать до 2-й книжки. Мое описаніе здѣшихъ рукописей[1]) также суждено ожидать 2-го тома, т. е. апрѣлькой книжки, за неимѣніемъ славянскаго шрифта. Я рѣшился еперь печатать по примѣру Русской Академіи, т. е. по русски, ъ прибавкою особенныхъ буквъ, какъ-то юсовъ, треугольниовъ, еровъ съ связною чертою и т. д. Сегодня же или завтра акажу здѣшнимъ рѣзцамъ 5—6 такихъ буквъ, которыя и полужатъ образцами для будущаго полнаго кирилловскаго шрифта.

Касательно присланныхъ Вами книгъ будьте спокойны; олько прежде уплаты, я желалъ бы ихъ имѣть сполна, всѣ на ице, по крайней мѣрѣ Бочека, какъ менѣе рѣдкаго. Я пришлю амъ за разъ все, или въ натурѣ, или же, если хотите, книгаи, мнѣ все равно. Археологическія лѣтописи очень занимаельны; благодарю за добрую мысль прислать ихъ сполна.

Александръ Борисовичъ здѣсь; вчера былъ у меня долго; амъ кланяется, и въ концѣ января ѣдетъ въ Алжиръ, *чего ади* учится... по арабски! Боюсь, чтобы не вернулся мусульманиномъ.

Вообще здѣсь русскихъ бездна! Орловъ (сынъ) женится а Паниной, здѣсь въ Парижѣ. На дняхъ ждутъ Константина Николаевича и также Марью Николаевну, которая, едва разрѣшится отъ бремени, пріѣдетъ сюда изъ Швейцаріи сватать дочь вою за принца Наполеона: такова молва. Я такъ заваленъ раотою, что на сей разъ ограничусь коротенькимъ письмомъ. Статьи *Графа Туна* о здѣшней рукописи Щитнаго[2]) я еще не искалъ, да и гдѣ искать? Надо посвятить на то цѣлый день.

[1]) Les Manuscrits slaves de la Bibliothèque impériale de Paris. Par P. Martinof. Paris, 1858, экземпляръ съ собственноручною надписью І. Мартынова: „В. В. Ганкѣ въ знакъ дружбы отъ сочинителя“—въ библ. Музея.

[2]) См. замѣтку: Český kodex w Paříži. Č. Č. Mus., 1842, str. 453. Ср. ичић, Slavenski rukopisi u Narodnoj Biblioteci u Parizu, Starine, XXI. Объ этой рукописи Мартыновъ говоритъ на стр. 103—105 своего описанія (Les manuscrits... etc.). Подробнѣе см. у Ю. Анненкова: „Výpisky Pařížského rukopisu spisů Štítného a Chelčického“, Č. Č. Mus., 1885, 94 и слѣд.

нибудь здѣсь, въ Парижѣ? Въ третьихъ, я Бочека уже пополнилъ; secus vero quoad „pulveres", и потому не премините оказіей. Въ четвертыхъ, очень подумываю объ изданіи Грам. Добровскаго; только дѣло стоитъ за деньгами и шрифтомъ; а чтобы не ждать во вѣки вѣковъ новаго, придется выписать „*Газовый*" [1]).

Въ послѣднихъ, прошу не пенять за краткость письмеца: тороплюсь въ библіотеку и не хочу ждать до завтрашняго курьера; но обѣщаю Вамъ въ скорѣйшемъ времени большущее письмо. А до тѣхъ поръ остаюсь въ нетерпѣніи поговорить съ Вами подолѣе. Вамъ преданнѣйшій и признательнѣйшій

И. Матвѣевичь Мартыновъ.

PS. О Лакьерѣ—ни духу, ни слуху. Получили ли Вы наши „Etudes"? Глубочайшій поклонъ Г. Штульце.

21 Апрѣля 1857 г.

6.

Любезный Вячеславъ Вячеславичь,

На сей разъ ужъ вовсе не оправдываюсь: кругомъ виноватъ передъ Вами, и совѣсть моя давно уже меня упрекаетъ за черезъ чуръ длинное молчаніе, а Ваше доброе сердце все забудетъ. На дняхъ я получилъ черезъ Г. Герольда, ваятеля, разныя разности, какъ-то *Благовѣстъ*, Записки Чешскаго Музеума, *Гуса* и, на закуску, Вашъ глаголитическій отрывокъ. За все, и въ особенности за *все Ваше*, благодарю Васъ отъ всего сердца. Не безъ удовольствія увидѣлъ я, что и Вы приняли русскій *манеръ* печатать старославянскія вещи: у меня теперь именно тотъ шрифтъ, которымъ напечатаны Ваши разночтенія въ Запискахъ Чешскаго Общ. ученыхъ. Нѣсколько времени тому назадъ я послалъ П. Павловичу [2]) образчикъ этого шрифта съ нѣкоторыми старинными буквами, ꙗ, ѥ, ѫ, ѧ, Δ, ѡ, ы, ꙑ, которыя мнѣ необходимы; онѣ подведены подъ размѣръ русскихъ. Вѣроятно, Вамъ онѣ были показаны. Съ помощію ихъ я приступаю къ печати старинныхъ писаній, а именно „Извлеченія изъ славянскихъ рукописей Парижской библіотеки". Образцемъ послужитъ мнѣ книга I-я ученыхъ Записокъ II-го Отдѣленія, гдѣ, какъ я Вамъ уже говорилъ однажды, и кириллица и глаголица упро-

---

[1]) Т. е. отъ извѣстнаго пражскаго типографа Б. Гаазе.

[2]) Павлу Павловичу Шафарику.

щены такимъ же образомъ. Оно тѣмъ болѣе мнѣ нравится, что иначе надо было бы ввести ту и другую въ одномъ и томъ же сочиненіи. И такъ до поры, до времени останавливаюсь на томъ, что уже подъ рукою.

При всемъ томъ, не думаю, чтобы этотъ способъ печатанія старины сдѣлался преобладающимъ, по крайней мѣрѣ много, много утечетъ воды прежде этого нововведенія. Шумавскаго выдумка не дурна; и вопросъ о всеобщей слав. азбукѣ получитъ чрезъ нее новую важность, но тутъ двѣ вещи, или вѣрнѣе сказать, все затрудненіе въ одномъ, какому шрифту отдать преимущество: русскому или латинскому (вашему чешскому напр.)? Hic haeret aqua. Кто примиритъ законныя и противоположныя требованія народнаго самолюбія? Кто уступитъ первый? Западъ ли, или Востокъ? Когда чехъ станетъ писать по-русски, а русскій по-латыни? Когда здѣшніе ученые, и вообще не славяне, рѣшатся учиться новой *кирилловской* грамотѣ? Мнѣ кажется, латинскій шрифтъ представляетъ большія, огромныя выгоды и въ состояніи выразить всѣ славянскіе звуки. Чехи и поляки пишутъ же латинскими буквами, чего лучше? Нѣмцы съ своей стороны оставляютъ болѣе и болѣе готическія каракулы и становятся также подъ ровень съ другими романскими народами. Остается одна Россія съ ея дополненіями, Булгаріею, Сербіею и т. д. Какъ бы то ни было, всеобщій алфавитъ для Славянъ—вещь очень важная, и пора заняться его составленіемъ и распространеніемъ.

А между тѣмъ я печатаю здѣсь по-русски, помянутымъ шрифтомъ. Теперь въ тискахъ книжечка Гагаринова: „О соединеніи церкви русской съ римскою", которую я перенелъ по-русски. Вмѣсто Документовъ француз. изданія, придамъ только подлинный „*Актъ Уніи*", а когда она будетъ напечатана, немедленно приступлю къ иному, и такъ далѣе, безъ перерыва.

Одно меня безпокоитъ, — неимѣніе стараго, полнаго слав. шрифта для печатанія такихъ вещей, которыя безъ нихъ не могутъ обойтись, каковы напр. Граммат. славянскаго языка; смѣшно было бы употребить шрифтъ гражданскій. По этому случаю, потрудитесь спросить у Г. Гаазе цѣны его кириллovскаго шрифта, съ означеніемъ различныхъ корпусовъ, и сколько надобно бы забрать для печатанія полулиста, или цѣлаго листа, не болѣе. Присланныя имъ нѣкогда показанія затерялись. Здѣшняя Имп. Типографія уже хлопочетъ о *новомъ* шрифтѣ; выйдетъ ли что-либо изъ ея хлопотъ, Богъ знаетъ.

Посылаю Вамъ долгъ мой, *сто* франковъ, бумажками, за Крюгера и Бочека. Бочека я уже пополнилъ; потрудитесь толь-

ко, при случаѣ, достать мнѣ остальную часть Крюгерова „*Праха*“. Вскорѣ пришлю Вамъ годичную дань Чешской Матицѣ и Археологическому журналу. Мое описаніе рукописей выйдетъ только въ III томѣ нашихъ „Трудовъ“, вмѣстѣ съ „Извлеченіями текстовъ“. Вашъ преданнѣйшій И. М. Марты новъ.

PS. Что бы пріѣхать Вамъ сюда нынѣшнимъ лѣтомъ? Подумайте, да и съ Богомъ въ дорогу!

22 Іюня 1857 г.

7.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичь,

Могу ли пропустить настоящій день, посвященный памяти Вашего Святаго Заступника, не пожелавъ Вамъ отъ всей души и отъ всего сердца всѣхъ даровъ, исходящихъ свыше? Съ этимъ намѣреніемъ я принесъ сегодня за Васъ и для Васъ безкровную жертву, наилучшій даръ, какой только могу принесть моимъ друзьямъ.

Невольно вспоминаешь 28-е сентября прошлаго года, проведенное мною у Вашей милой старушки Праги, и жалѣешь, что сообщество ея было такъ кратковременно.

Здѣсь наши дѣла подвигаются впередъ; правда, медленно, зато твердымъ шагомъ. Мы выпустили въ свѣтъ 2-й томъ нашихъ „Трудовъ“, гдѣ есть много, много о Россіи, и по части богословія, и по части полемики, и по части исторіи. Эта часть, по моему мнѣнію, очень важная. Историческая статья оказалась такою долгою, что моя статья о Слав. рукописяхъ (въ 112 стр.) не могла вмѣститься и потому выйдетъ въ 3-мъ томѣ, который и начинается ею. Она уже отпечатана почти вся, кромѣ послѣдняго листа. Остается только придать снимки. Мнѣ страхъ хочется издать дѣльное „Описаніе“ ихъ по-русски; только здѣсь едва ли оно будетъ возможно, за неимѣніемъ типографическихъ знаковъ, сокращеній и т. д. Несмотря на то у меня есть почти все нужное для изданія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрывковъ. Я непремѣнно сдѣлаю „Сборникъ старославянскій“ изъ здѣшнихъ рукописей. Между тѣмъ мы устраиваемъ русскую типографію побольше прежней, такъ что можно будетъ постоянно печатать, не останавливаясь. Въ то же время здѣсь заводится русское изданіе подъ именемъ „Посредника“ или простаго „Русскаго заграничнаго Сборника“, гдѣ будетъ печататься все, что не преступаетъ среды умѣренности, какъ въ Лондонѣ печа-

таютъ наши соотчичи все, что ее преступаетъ. Изданія Лондонскія расходятся на расхватъ. Все русское вообще, кажется, теперь въ модѣ. Недавно вышла 3-я тетрадь „*Голосовъ изъ родины*", 2-й листъ *Колокола* и маленькая поэма (Огарева) подъ названіемъ *Юморъ*. Я посылаю ее Вамъ завтра, по почтѣ, и я увѣренъ, что она будетъ по-нутру.

Не знаю, получаете ли Вы Церковную газету, но тамъ Вы найдете нѣсколько статей объ обрядовомъ вопросѣ и иныхъ вещахъ, для Васъ занимательныхъ: онѣ всѣ стоятъ обыкновенно подъ вывѣскою „Корреспонденціи изъ Парижа".

Теперь я печатаю по-русски брошюру Г. Гагарина и 3-ій томъ одного духовнаго сочиненія по-латыни. Повѣрьте, если бы не дѣла и неугомонныя занятія, я писалъ бы Вамъ гораздо чаще. Во всякомъ случаѣ, будьте *вящедушны*, не только что великодушны, и пошлите мнѣ вѣсточку о Васъ самихъ, о Вашихъ друзьяхъ и моихъ, о П. П., о Штульцѣ, о Чешской Бесѣдѣ, объ изданіяхъ и т. д. и т. д. Вы крайне обрадуете и обяжете душевно преданнаго Вамъ Пв. Матв. Мартынова.

28 Сентября 1857 г.

8.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичь,

Посылаю Вамъ запоздалую книгу о „славянскихъ рукописяхъ" здѣшней библіотеки публичной и прошу Васъ прочесть ее, не гнѣваясь и не кляня автора, а исправляя, *аще гдѣ погрѣшилъ есть*. Мнѣ недосугъ сегодня распространяться объ этомъ предметѣ. Г. Герольдъ, съ которымъ Вы прислали мнѣ нѣсколько книгъ, отъѣзжаетъ черезъ 3 часа, и я едва имѣлъ время стотовить для Васъ экземпляръ моего сочиненія, только что выплывшаго въ свѣтъ, да и то какъ луна, только въ одну четверть.

Когда прочтете, сами увидите, что сравненіе вѣрно и точно. Книга писана не для Васъ, и не для знатоковъ, подобныхъ Вамъ, а для иноязычныхъ.

Я заваленъ работою, но скоро, надѣюсь, станетъ полегче, и тогда примусь за иное что, обѣщанное въ моемъ „Описаніи", а именно за изданіе русское, совсѣмъ иначе сдѣланное, нежели настоящее. Простите мою торопливую руку и обѣщайте, что пришлете мнѣ, въ подарокъ на Новый Годъ, Ваши замѣчанія о моей сегодняшней посылкѣ.

Въ ожиданіи ихъ и Вашего рѣдкаго голоска остаюсь душевно преданный Вамъ И. Мартыновъ.

P. S. Г. Герольдъ мало знаетъ Прагу; познакомьте его съ о, если попроситъ, въ отношеніи зодчества и постарайтесь его сколько обезнѣмечить.

Прощайте. Посылаю Вамъ еще II-й томъ „Исторіи Галиціи", дополненіе къ первому.

Herr Vanceslas Hanka, Bibl. im Museum.

10 Декабря (1857).

9.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичь,

Сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ мы бесѣдо- ли вмѣстѣ въ послѣдній разъ, не словесно, а заочно! Откуда, жите на милость, берется у насъ силы молчать? Какъ бы ни было, не могу пропустить этого мѣсяца, не посѣтивъ Васъ ьменно и не пожелавъ Вамъ во *благовременіи* и *всьхъ и вся* день Вашего Ангела. Надѣюсь, что Вы еще не позабыли Ва- го мимолетнаго гостя, который хранитъ Вашу память очень ежливо и дорожитъ Вашимъ знакомствомъ,— чему впрочемъ асъ должны быть наличныя доказательства. Зная Вашъ вкусъ ою задолжалость, прошу Васъ принять смиренное приноше- , посылаемое сегодня же по почтѣ: оно содержитъ *Любопыт- я Свидѣтельства* о Непор. зачатіи Богородицы, извлеченныя ъ Барановича, Голятовскаго и Радивиловскаго, и кромѣ того *повѣданіе вѣры на разныхъ языкахъ*.

При семъ сообщаю Вамъ мои литературные проекты, тѣмъ отнѣе, что Ваше содѣйствіе было бы для меня крайне полез- мъ и даже необходимымъ. Меня просятъ написать нѣчто о авовѣдахъ XIX столѣтія. Начало посвящено будетъ, разумѣ- я, безсмертному Добровскому, а гдѣ дѣло идетъ о Добровскомъ, ьзя не снестись съ тѣмъ, кто названъ былъ его *dignissimus cipulus atque aemulus*. Потому все, что Вы сообщите мнѣ о тріархѣ Славовѣдовъ, будетъ принято съ отмѣнною благодар- тью. Знаете ли что? Пора бы издать *полное собраніе сочине-* его, съ полнымъ жизнеописаніемъ! Какой бы это былъ ми- й подарокъ всѣмъ любителямъ славянства и почитателямъ па- ти покойнаго.

На дняхъ я поѣду въ Реймсъ, поглядѣть на тамошнее со- вище, которое Вамъ очень хорошо извѣстно. Печатный сни- къ Сильвестра кажется мнѣ слишкомъ что-то красивымъ. Это тъ мнѣ прекрасный случай поговорить о Вашемъ скромномъ

изданіи: но для моей работы этого мало, даже послѣ чтенія брошюрки, подъ заглавіемъ: *Kritische Beiträge zur slavischen philologie*, хотя Dr. Legis-Глюкзелигъ распространяется о Вашемъ изданіи не мало. Кстати, кто это такое Глюкзелигъ? книжка его довольно дѣльная. Вообще, о Васъ самихъ у меня всего менѣе матеріаловъ, а между тѣмъ въ Галлереѣ Славистовъ Вы, волею неволею, должны явиться на Вашемъ почетномъ мѣстѣ.

На бѣду мою, я не имѣю подъ рукою ни *Вѣнскихъ лѣтописей* (Wiener Jahrbücher), гдѣ столько статей, относящихся къ моему предмету; ни другихъ періодическихъ изданій, менѣе доступныхъ въ Парижѣ, гдѣ также есть не мало прекрасныхъ статей.

Если бы Вы, въ излишкѣ доброты Вашей, сообщили мнѣ если не матеріалы, то по крайней мѣрѣ указанія на источники, не показанные въ жизнеописаніи Добровскаго, писанномъ Палацкимъ, Вы оказали бы мнѣ большую услугу и совершили бы дѣло вельми пріятное покойному Аббату. Съ такою же признательностію приму всякія свѣденія о жизни и трудахъ Копитара, Шафарика, Востокова, съ которыми Вы или были, или по сю пору находитесь въ связяхъ и перепискѣ. Однимъ словомъ, спѣшите ко мнѣ на помощь.

Недавно получилъ чрезъ *Шторха* нѣсколько книгъ очень нужныхъ и давно искомыхъ. Черезъ него, если хотите, можете пересылать мнѣ что угодно; черезъ него же будете получать и посылаемое мною. Онъ въ сношеніяхъ съ здѣшнимъ книгопродавцемъ Bohne et Schulz, Rivoli, 170.

Какъ членъ Матицы, я въ долгахъ у нея: скажите, сколько надо прислать въ ея сокровищницу? Заплатилъ ли я за предъидущій годъ?

Нельзя ли гдѣ-нибудь найти Крюгерова *Пѣсни* (Sacri pulveres) за *ноябрь* мѣсяцъ, котораго все еще не достаетъ у меня?

Въ Парижѣ Славянофилу вовсе не житье: и за деньги не получишь нужныхъ книгъ. Такъ до сихъ поръ не могу добраться до нумеровъ „Извѣстій II Отдѣленія“ за текущій годъ, а между тѣмъ на дворѣ уже ноябрь мѣсяцъ! Мнѣ такъ хотѣлось бы получать ихъ *во время*, ибо по моему мнѣнію это одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ настоящемъ Славянскомъ мірѣ.

Здѣшній профессоръ Слав. каѳедры готовитъ къ печати житіе *Св. Саввы* Сербскаго, по Бѣлградскому изданію Неофита, съ французскимъ переводомъ. Для Васъ тутъ новаго не будетъ ничего.

Позвольте мнѣ заключить письмо это послѣднею просьбою.

Мнѣ хотѣлось бы знать, что писано было въ вашихъ изданіяхъ о моей книженкѣ о здѣшнихъ рукописяхъ, а главное, что думаете объ ней Вы, Вячеславъ Вячеславичь. Прошу Васъ сказать мнѣ свое мнѣніе безъ чиновъ, напрямикъ: мнѣ замѣчанія Ваши и другихъ славовѣдовъ очень пригодятся и будутъ приняты съ признательностію.

Въ ожиданіи скораго и долгаго-предолгаго отвѣта (длина— вещь относительная), остаюсь съ искреннимъ почтеніемъ и любовію Вашъ преданнѣйшій слуга И. Мартыновъ, товарищъ Іисусовъ.

P. S. Получили ли Вы книжку: *О примиреніи Рус. Ц. съ Римскою?* Передайте Г. Штульцу приложенное здѣсь письмо.

Парижъ,
23 Сентября 1858.

10.

Драгоцѣннѣйшій Другъ!

Мнѣ очень пріятно было узнать изъ Вашего письма, что Вы намѣреваете отправиться въ Реймсъ къ нашему Евангелію. Безъ сомнѣнія, Вамъ извѣстна книжка Г. Билярскаго о кириловской части Реймскаго Евангелія; въ концѣ Г. Билярскій утверждаетъ, что кириловская часть есть копія XIV вѣка, сдѣланная въ Валахіи съ южнорусскаго списка съ среднеболгарскаго оригинала. На стр. 261 говоритъ Г. Востоковъ объ ней: „Впрочемъ и нѣкоторыя изъ описокъ должны быть отнесены на счетъ французскаго каллиграфа (г. Сильвестра), сдѣлавшаго снимокъ". Сравнивъ, по указанію г. Востокова, печатный снимокъ съ рукописнымъ, я нашелъ между ними значительную разницу, которая бросаетъ невыгодную тѣнь на исправность печатнаго снимка. Почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ печатномъ вмѣсто а стоитъ смѣшанное начертаніе а, въ рукописномъ я нашелъ или чистое а etc. (sic). Почему же эти господа требуютъ отъ св. Прокопія точность переписи XI вѣка, когда искуснѣйшій каллиграфъ при посредствѣ прозрачной бумаги этого не потрафилъ?

Брошурки я получилъ и благодарю душевно. Онѣ пришли точно въ день моего Ангела, когда я строился идти ко гробу Св. Вячеслава. Что касается изданія сочиненій Добровскаго, не знаю, какъ Вы это хотите сдѣлать. Первой вопросъ, кто дастъ деньги? Книгопродавецъ этого на свой счетъ невозметъ. Вамъ можетъ быть нензвѣстно, что я 1829 г. послѣ смерти Добровскаго напечаталъ съ интереснымъ письмомъ покойника провозглаше-

ніе, имѣя его переписку съ разными учеными, и просилъ мнѣ сообщить оригиналы или вѣрныя копіи писемъ (Monatsschrift der Gesellsch. des vaterl. Museums, Prag, 1829) и получилъ только одну копію письма. Можетъ быть, изъ Парижа приняли бы это охотнѣе, чѣмъ изъ Праги. Я по крайней мѣрѣ буду Вамъ сообщать все, что у насъ есть. Вы спрашиваете, кто это такой Dr. Легисъ Глюкзелигъ? Онъ живетъ здѣсь, довольно ловкой нѣмецкой писатель, знающій тоже, какъ пражскій уроженецъ, чешскій языкъ, былъ знакомъ съ Добровскимъ, началъ тоже заниматься словянскимъ, но бросилъ это и держится того, что ему несетъ насущный хлѣбъ: пишетъ нѣмецкія календари и другія необходимыя вещи. какъ теперь исторію Графа Радецкаго, написалъ тоже нѣкоторыя сокращенія чешской и австрискої исторіи. Тотъ Глюкзелигъ издалъ 1837 г. біографію Добровскаго и въ алманахѣ „Любуша" нѣсколько лѣтъ тому назадъ и мою. Вѣнская Лѣтопись навѣрно будетъ въ публичной париж. библіотекѣ: тамъ много статей Добровскаго. Первой біографическій очеркъ (Autobiographie) издалъ 1829 Johann Rittersberg, другую, Вамъ извѣстную, — Палацкій 1833. Сынъ упомянутаго Риттерсберга Людвигъ издалъ тоже въ чешскомъ конверсачнимъ словничкѣ короткой очеркъ моего жизнеописанія. Шафарикъ написалъ нѣкоторіе моменты въ Graf Thun Gedichte aus Böhmens Vorzeit, Prag, 1845. Шафарика Autobiographie находится въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ Conservations-Lexicon и въ Лейпцигѣ и въ Вѣнѣ. Копитара біографія собств. находится въ Kopitars Kleinere Schriften, Wien, 1857. Гдѣ Востокова, не знаю.

Про Ноябрь Crugeri Sacri pulveres я просилъ библіотекарей здѣшнихъ монастырей и надѣюсь его получить. Ваше изданіе „Les M-ts Slaves" здѣсь нравилось, и я Вамъ ужъ писалъ, что было почти все переведено и въ Пражской Газетѣ напечатано. Снимки въ немъ прекрасны. Я бы желалъ, чтобъ это продолжалось. Что касается Матицы,—заплачено 20 f., еще 30 f., и то возможно въ теченіи 3 лѣтъ. Жаль, что я, четыре раза бывъ у Штульца, его не нашелъ; мнѣ кажется, что онъ сказалъ, какъ бы у него были ваши деньги на то; но навѣрно не знаю. Черезъ недѣлю отправлю къ Вамъ 3 книжку Časopisu 1858. Получили ли Вы все порядочно?

Препоручая себя Вашей любви, остаюсь навсегда Вашъ преданнѣйшій Вячеславъ Ганка.

Monsieur Monsieur Jean Martinoff, pr. S. J. Rue des Postes, 18. Paris.

Прага,
1 октября, 1858, н. с.

11.

Ваше Благословеніе, Драгоцѣннѣйшій Иванъ...

Во первыхъ: чтобъ не забыть извѣстить Васъ, что типографъ и словолитецъ Спурный, у котораго извѣстныя Вамъ славянскія буквы, на дняхъ умеръ, и что теперь возможно будетъ и матрицы и патрицы оныхъ пріобрѣсти.

Во вторыхъ: посылаю Вамъ Часопись и Памятники, прося при томъ увѣдомить меня, порядочно ли ихъ получаете? Сегодня прилагаю къ нимъ другое изданіе моихъ Началъ священнаго языка словянъ. Остатки славянскаго Богослуженія у чеховъ печатаются, и какъ скоро будутъ готовы, пошлю.

Въ третьихъ: двадцать разъ я былъ у нашего добраго Штульца, но не засталъ его, наконецъ я писалъ къ нему, но не получилъ отвѣта. Мнѣ хотѣлось узнать у него, послали ли Вы до Матицы деньги, и какъ въ нынѣшнее время должно было доплачивать, то я эту рату сложилъ. Пишите, (чего) Вамъ недостаетъ съ Часописи и съ книгъ.

Въ пятыхъ (sic): на Ваше письмо передъ отъѣздомъ въ Реймсъ я Вамъ отвѣчалъ и просилъ, чтобъ Вы мнѣ сообщили visu reperta и особенно отвѣчали на мои вопросы. Отъ очевидца мнѣ такія извѣстія всегда драгоцѣнны. Билярскій написалъ толстую книгу о Реймской Евангеліи, но это кромѣ ученности все вздоръ.

На весну посѣтитъ Васъ въ Парижѣ Александръ Николаевичъ Пыпинъ и осенью—Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ. Они Вамъ все скажутъ, какъ у насъ, ибо оба были очень прилежны въ узнаніи нашихъ обстоятельствъ.

Будьте здоровы, поручая Васъ воли Господней, душевно Васъ цѣлуя, имѣю честь быть Вашимъ преданнѣйшимъ

Вячеславомъ.

Прага,
27 Генв./8 Февр. 1859.

12.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Я ужъ такъ виноватъ передъ Вами, что не знаю, какъ выйти изъ подъ опалы; а между тѣмъ нельзя же такъ оставаться весь вѣкъ *нѣмцемъ*, т. е. нѣмотствующимъ.

Давно-давно приготовилъ было Вамъ записочку въ отвѣтъ на Ваше милое письмо, гдѣ Вы говорили мнѣ о Реймскомъ Евангеліи, да непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня отло-

жить до поры до времени мои замѣчанія, а съ ними и письмо. Теперь же я такъ занятъ, у меня столько работъ въ головѣ и на столѣ, что не знаешь, съ чего начать, и боишься какъ то ничего не сдѣлать. Вы не повѣрите, какъ мнѣ осязательно мое одиночество: переговорить иногда не съ кѣмъ, а сердце и умъ такъ иногда переполнены думами, проектами. Нѣтъ, что ни говори, а Славянину на чужой сторонѣ не житье, т. е. такому, который хочетъ слѣдить за славянскимъ міромъ, за наукою, за ходомъ мыслей. Онъ всегда будетъ отсталымъ во многомъ, покуда не будетъ имѣть средствъ сообщенія съ славянскимъ міромъ!

Изъ этой Іереміады первое заключеніе вотъ какое: побесѣдовать съ Вами—для меня какъ нельзя болѣе отрадно. Итакъ, къ дѣлу: кое что о Реймск. Евангеліи. Вы правы—въ немъ много, много ошибокъ; да все-таки не столько, какъ въ пресловутомъ снимкѣ Сильвестровомъ; нѣкоторыя перешли и въ ваше изданіе, да крошечныя. Замѣтили Вы *сухомора* вмѣсто *sycomora*? Настоящая умора!—Издать моихъ замѣчаній покамѣсть нельзя. такъ, *изъ учтивости* къ парижскимъ издателямъ, съ которыми я коротко знакомъ. Да притомъ, оно не къ спѣху и всегда придетъ во́ время. Теперь, я думаю, о Сазавскомъ Евангеліи мало кто занимается: всѣ въ восторгѣ отъ Зографскаго Евангелія. Скажите, ради Бога и Христа Его, что́ поговариваютъ ваши и наши славянолюбцы объ экземплярѣ, поднесенномъ Его Имп. Вел. Г. Севастьяновымъ? Издадутъ ли его? когда и какъ?—Я видѣлъ чудную эту фотографію, да только мелькомъ. Меня такъ рветъ къ Глаголыцинѣ, что право не понимаю, откуда приходитъ даже такая охота. Ужъ не 1862 ли годъ это повѣваетъ на меня своимъ кирилло-меѳодіевскимъ обаяніемъ? Вѣдь онъ ужъ недалеко. Если бы Богъ далъ мнѣ съѣздить прежде въ Римъ и порыться тамъ немножко въ Ватиканѣ *et alibi*, я отслужилъ бы въ благодарность не одинъ молебенъ. Не правда ли, что у насъ еще недостаетъ полнаго, подробнаго описанія Слав. рукописей Ватиканскихъ и Итальянскихъ вообще? Иностранцамъ въ Римѣ какъ то неловко; а трудъ былъ бы весьма полезный и благовременный.

Теперь я готовлю новое изданіе Кульчинскаго: Specimen Ecclesiae ruthenicae, гдѣ, какъ Вы знаете, есть много хорошаго, а между прочимъ, о *Святцахъ* Папеброковыхъ. Это трудъ приготовительный для будущаго сочиненія о *Святой Руси*. Туда войдетъ, разумѣется, и Св. Вячеславъ. Кстати. Я послалъ Вамъ два экземпляра житія св. Симеона и Саввы Сербскихъ, изд. Г.

Ходзькою, одинъ для Васъ, другой для Павла Іосифовича, которому потрудитесь передать его вмѣстѣ съ прилагаемымъ здѣсь письмецомъ: я въ долгу, какъ въ шелку, и передъ нимъ. Книга эта вышла 18 декабря. Я долго не рѣшался посылать, думая себѣ: стоитъ ли? Наконецъ рѣшился, хотя Вы вѣрно имѣете и самаго Живковича. Я писалъ Вамъ во время оно, кажется, что я намѣревался было издать Житіе этихъ святыхъ по Дометіану; Живковичь обманулъ мои ожиданія, и я все ждалъ и жаждалъ настоящаго Дометіана. Скажите, пожалуйста, есть ли у Васъ въ Прагѣ, у кого либо, это житіе? и было ли оно когда нибудь издано вполнѣ? *Wiener Jahrbücher* (t. 45—62) какъ нарочно нѣтъ въ здѣшней Академич. Библіотекѣ. Я знаю только два списка: одинъ въ Вѣнѣ, другой въ Московской Патріаршей библіотекѣ. Есть и другіе въ Россіи, да для меня они какъ бы не существовали. Мнѣ непремѣнно нужно имѣть славянскій, подлинный текстъ, и я буду Вамъ крайне благодаренъ, если Вы мнѣ поможете горю моему совѣтомъ и дѣломъ. Къ житію Дометіанову я придалъ бы житія св. Симеона, изданныя уже Павл. Іосиф. Но главное дѣло не тутъ, а въ Кириллѣ и Меѳодіѣ. Если мнѣ удастся исполнить мой литературный трудъ о Просвѣтителяхъ Славянъ, я умру спокойно; но до тѣхъ поръ—ни минуты покоя имѣть мнѣ не возможно. Они—краеугольный камень огромнаго зданія слав. церквей, и безъ него—значило бы строить на пескѣ. Всѣ вопросы сходятся въ св. Кириллѣ и Меѳодіѣ.

Потрудитесь, любезнѣйшій В. В., написать мнѣ о себѣ, что Вы подѣлываете, что пописываете и т. д. Вы знаете, какъ это меня занимаетъ, и какъ я радъ хоть малѣйшей вѣсточкѣ, приходящей отъ Васъ и изъ Вашего богоспасаемаго „*Прага*“. Да спасетъ Господь Богъ и Васъ, и всѣхъ Вашихъ! Ему поручаю Васъ отъ всего сердца, оставаясь преданнѣйшимъ Вашимъ слугою и другомъ. И. Мартыновъ.

19 Февраля 1859.

13.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичь!

Письмо Ваше отъ 27 янв./8 февр. получилъ я, вмѣстѣ съ приложенными къ нему книгами, недѣлю тому назадъ, не раньше: откуда Вы можете заключить о быстротѣ, съ какой оно изволило пройтися отъ Праги до Парижа. Въ немъ Вы извѣщаете меня о посѣщеніи А. Н. Пыпина, весеннемъ, и М. Ив. Сухомлинова, осенью. Перваго я уже видѣлъ до письма Вашего,

и къ счастію пакетъ Вашъ прибылъ еще до отъѣзда его въ Лондонъ, такъ что я могъ передать ему и Г. Буличу поклонъ Вашъ устно. А. Н. мнѣ очень понравился, и я благодарю Васъ за то, что внушили ему благую мысль побывать у меня. Статью его о русской литературѣ [1]) прочиталъ я съ большимъ удовольствіемъ: но жалѣю, что главнаго его сочиненія *о повѣстяхъ и сказаніяхъ* стариннаго покроя до сихъ поръ получить не могъ, и что онъ, кажется, не намѣренъ болѣе заниматься изысканіями такого рода.

Если бы письмо Ваше пришло ко мнѣ хоть немножко ранѣе, я конечно писалъ бы къ Вамъ въ послѣдній разъ иначе; и потому не удивляйтесь, что на этотъ разъ я можетъ быть повторю то, о чемъ уже писалъ Вамъ прежде. Главный пунктъ письма Вашего четвертый, т. е. тотъ, который названъ *пятымъ*, потому что четвертый опущенъ. Въ немъ дѣло идетъ о Реймскомъ Евангеліи и о моей поѣздкѣ въ Реймсъ. Вы желаете знать мое мнѣніе объ этомъ любопытномъ памятникѣ славянской литературы. Не имѣя подъ рукой ни книги Билярскаго, ни другихъ, писавшихъ объ этомъ подробно, я не могъ провѣрить ихъ воззрѣній на эту рукопись и долженъ былъ ограничиться одними палеографическими замѣчаніями. Съ другой стороны, число ошибокъ и вообще *неточность* снимка поразила меня до того, что я не посмѣлъ издать въ свѣтъ „*моей поѣздки въ Реймсъ*“, изъ уваженія и дружбы къ одному изъ издателей Реймскаго снимка. Теперь впрочемъ всѣ уже знаютъ, кажется, что снимокъ этотъ очень неисправенъ, и потому ничто не мѣшаетъ искренному изложенію находящихся въ немъ ошибокъ, или даже и новому изданію. Отъ чего бы въ самомъ дѣлѣ не издать, напр., глагольскую часть глагольскими письменами, какія есть у Гааза, и которыми Берчичь напечаталъ свою Хрестоматію? Тутъ можно бы было прибавить выписки изъ здѣшней глагольской рукописи XIV вѣка, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ.

Но обратимся къ Вашему вопросу о моихъ замѣчаніяхъ. Сообщаю Вамъ все, что поразило меня при сличеніи снимка съ рукописью, и что можетъ назваться *visu reperta*. О порядкѣ и глубинѣ не безпокойтесь, ихъ нѣтъ, исключая развѣ то, что сперва будетъ рѣчь о кирилловской части.

Прежде всего надо замѣтить, что ошибки въ снимкѣ двоякаго рода, старыя и новыя; первыя—принадлежатъ писавшему, и ихъ не мало; вторыя—французскому каллиграфу. Самая обык-

[1]) Въ Č. Č. Mus., 1858 и 1859 г.

новенная — состоитъ, какъ Вы пишете, въ смѣшеніи буквъ ѧ и ѫ. Такихъ ошибокъ бездна. Возьмите напр. стр. 4, гдѣ она повторяется три или четыре раза. Тамъ же, кромѣ того, пишется: нечистыихъ, ученикы, нынѣ, тогда какъ въ рукописи буква ы ни тутъ, ни въ другомъ мѣстѣ не имѣетъ союзной черточки, а только одну точку въ срединѣ. Въ вашемъ изданіи—Вы *потрафили* рукописное начертаніе. Буква ѫ встрѣчается довольно часто, но только, если не ошибаюсь, въ словѣ *искать* и сложныхъ съ нимъ (стр. 8, три раза; стр. 10, 13 (lin. 10 и 20), 24 (l. 7 и 17), 25, 28 (l. 4), 31 (l. 1) и т. д.); и то не исключительно (на стр. 9 *написатися* съ Марьею). Объ этой Марьѣ рѣчь будетъ послѣ.

Буква Ѳ въ началѣ словъ вообще, въ предлогѣ о, объ, отъ и сложныхъ съ ними; а кромѣ того, въ именахъ собств., гдѣ бы надо было поставить омегу (иѳанъ, моисеѳвъ, иѳсифъ, виѳлеѳмъ и т. д.). Очи, само разумѣется, съ этимъ зрачкомъ, какъ водится, равно какъ и ѳсмь, ѳгонь, ѳни, ѳтаи и т. д.

Даже фертъ съ точкою, иногда въ одномъ боку (с. 14, l. ult.), иногда въ обоихъ (с. 15, l. 14). Наконецъ червь въ рукописи имѣетъ форму не угловидную (Ꙋ), а скорѣе полулунную; *юсъ* же иногда рогатый ѧ (кѧдоу, с. 3, l. penult.). О смѣшеніи его съ буквою ѧ—сказано выше; иностранцу избѣжать онаго было невозможно.

Эти мелочи, вѣрно, уже безвременны, но вспомните, что Билярскаго я не знаю. За то мнѣ извѣстна брошюрка *Полонскаго*[1]), который, сколько помнится, также приписываетъ кирилловской части происхожденіе русское, а не чешское, по крайней мѣрѣ путемъ отрицательнымъ, опровергая исключительно-чешскій характеръ начертанія ѫати и т. п. Что касается до меня, то мнѣ кажется, нельзя отвергать элемента чисто русскаго, примѣшавшагося къ другимъ и свидѣтельствующаго о томъ, что рукопись прошла и чрезъ руки русскаго человѣка. Не поразительны ли, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія выраженія: придоша послушать[2]) (p. 4 l. 8), придоше поклониться (p. 13 l. 1) креститься (21, 33), чесо видѣть изыдосте (p. 31), два раза, и вообще нерѣдкое употребленіе сокращенной формы неокончат. наклоненія[3]). Написатися съ Марьею (p. 9, l. 5 и p. 14, l. 2); той есть *Илья* хотя прити (p. 31); Іану Захарину сыну (p. 20), *Аврамъ* (p. 21), *Ердань*, Ерданьская страна (passim); мужска полу (p. 28),

[1]) Должно быть: Наплонскаго.
[2]) Рукой В. Ганки приписано: supinum.
[3]) Рукой В. Ганки приписано: достигательнаго.

нынѣ *пущаеши* рабъ твой, дѣла *Іс.* Христова, особенно же замѣчательна субота *пятикостьная*, которой можно противоставить развѣ *сухоморное* древо (sycomora) глагольской части! Все это какъ то отзывается русскимъ духомъ [1]). Но что первоначальный изводъ былъ не русскій, въ этомъ, по моему мнѣнію, сомнѣваться нельзя. Стоитъ только вспомнить вовсе не русскую наружность *Іана*, встрѣчающуюся такъ часто въ рукописи, пожалуй и *юсовъ*, не смотря на привязанность къ нимъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, и, что довольно странно, употребленіе черточки (т. е. глагольскаго *ера*, I) въ словѣ Божій. Оно два раза пишется такъ бїжи (p. 21, l. 3, и p. 23), совершенно какъ глагольское ⱂⰻⰶⰻ. При болѣе тщательномъ разборѣ нашлись бы, можетъ быть, и другіе слѣды глагольскаго извода. По моему, эта часть Ев. позднѣе XI вѣка.

Перехожу къ глагольской части. О времени ея никто не сомнѣвается. Она носитъ на себѣ всѣ признаки и особенности своихъ сродницъ XI вѣка [2]). Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: употребленія *а* вмѣсто *е* (запечатл*а*ная, т*а*мная). *А* вмѣсто ъ: из*а* вскрешенія, плот*а*скій (p. 47), жизн*а*нь; вмѣсто *о* въ словахъ с*а* мною, с*а*блазнь, с*а*нмище, ст*а*гни, четверт*а*къ (четвергъ), *на* вмѣсто но или нъ, с*а*судъ. И наоборотъ, употребленіе буквы *о* вмѣсто *а*: не р*о*диши ли, с*о*тона исконный (p. 33); или вм. *е*: *о*лей, *о*ще (еще). Также буква *е* вм. *а*: *че*сти (части). Объ этихъ признакахъ, кажется, Лавровскій писалъ обстоятельно. Замѣчательны два разряда словъ—*латинствующія* и *стародавнія*, или собственно глагольскія, т. е. свойственныя болѣе рукописямъ глагольскаго извода.

Къ первымъ относятся слѣд. выраженія: *алмужна* (p. 26), *чипресъ* (p. 27, кипарисъ), *аромапизае* (aromatizans), *имбресь* (p. 31, imbres, въ службѣ св. Вячеслава), *наслѣдованіе* (sequentia), *корона*, *Гавріель*, и *до вавѣкъ* вѣка (at usque in saeculum saeculi), *матутина*, *миса*, *докторъ* (т. е. Учитель Ц., св. Іеронимъ) и т. п. Всѣ новѣйшія глаг. рукописи обилуютъ такими цвѣтущими *рожами* латинской письменности. Эти цвѣтущія *рожы* (p. 36) напоминаютъ мнѣ: во 1°, выраженіе кирил. части: иж него (вм. из него, p. 4, l. 14); во 2°, пиники и пиницы (palmae p. 27 и 39). Ко второму разряду принадлежатъ слова и формы въ родѣ слѣдующихъ: единочедый (p. 47), неплоды (p. 60), *лачуше* вм. алчуще (p. 39) и т. д., и усѣченныя глагольныя окончанія [3]),

[1]) Рукой В. Ганки приписано: Prave český.
[2]) Рукой В. Ганки приписано: ? XIV.
[3]) Рукой В. Ганки приписано: aoristy.

съ то: веду (ведоша), иду p. 53 (ierunt), придомъ (venimus, p. , обрѣту (ib.). Ки вм. кои; ѣхъ—вм. окрестъ, округъ; Христъ крестъ. Объ ошибкахъ парижскаго снимка излишне и го-ить: ихъ множество.

Наконецъ нельзя не замѣтить слѣд. словъ или ихъ значенія: *чоградъ* (вм. vinea), *лопата* (т. е. ventilabrum), *прерочный* rjurus) и прерочный=прекословный (contradictorius), знаменіе ерочно и *прѣкы глаголемо* (p. 29), коупьно (primo), мужъ *чеивъ* (p. 28), ему же *волитъ* Сынъ открыти (p. 26), обитель (т. остиница), *голубичище* (какъ въ Остр. горличище) и т. д., почти ѣ они стоятъ и въ Остром. Евангеліи.

Вотъ Вамъ, любезнѣйшій В. В., кои-какія замѣточки о шемъ любимомъ памятникѣ; но подробное и научное изложе-Реймскаго текста было бы умѣстно при новомъ *исправлен-мъ* изданіи онаго. Когда оно состоится, тогда Реймское Ев. жно будетъ сдать въ филологическіе *Архивы*.

Теперь слова два о прочихъ 3 вопросахъ Вашего письма. словолитнѣ покойнаго Спурнаго теперь думать мнѣ нельзя: во-перхъ потому что здѣшняя Импер. Типографія хочетъ непремѣн-обзавестись и славянскимъ шрифтомъ, притомъ своей собств. брики,—это *son point d'honneur*; а во-вторыхъ, потому что ерь болѣе, нежели когда либо, я хочу употреблять и препо-дывать *всеславянскую азбуку*, да только не русскимъ шриф-къ, какъ то затѣвалъ покойный Шумавскій, а латинскимъ, т. чешскимъ. Ваше правописаніе — образцовое, и съ него надо чать, взявъ его въ основаніе. Вѣдь и нѣмцы ужъ въ этомъ ношеніи олатинились: пора и намъ принять западный костюмъ сьменности и сблизиться такимъ образомъ и между собою и остальною Европою. Вскорѣ выйдетъ здѣсь, въ Парижѣ, но-я попытка въ этомъ родѣ.

Часопись чешскую, Археологическій журналъ и новое из-ніе Слав. граматики я получилъ и благодарю Васъ сердечно за сылку. Потрудитесь сказать, сколько надобно внесть мнѣ въ итицу за прошлые годы; я пришлю Вамъ должную сумму не-дленно и прямымъ путемъ. Въ Вашихъ началахъ я съ удо-льствіемъ нашелъ выписки изъ Севастьяновскаго фотографи-ваннаго Евангелія? Я задумываю издать Еванг. Ассеманіево, гя Ватик. библ. очень недоступна. Въ заключеніе позвольте помнить мнѣ Вамъ мою просьбу касательно Дометіанова жи-і святыхъ Симеона и Саввы; я вовсе не требую невозможна-только, ради Бога, скажите мнѣ, возможно ли достать въ агѣ списокъ, и существуетъ ли онъ? Я знаю, что въ Вѣнѣ

есть одинъ списокъ, но тамъ ли найти мнѣ великодушное сочувствіе? Всѣ издержки переписки, разумѣется, были бы на мой счетъ.

О политическихъ событіяхъ не говорю, по разнымъ причинамъ; но мнѣ кажется — настоящая война можетъ произвесть большіе перевороты въ Европейской картѣ. Прощайте и отвѣчайте мнѣ, при первомъ досужномъ времени, и не сомнѣвайтесь николиже въ искреннѣйшей дружбѣ преданнѣйшаго Вамъ

Ивана Матвѣевича Мартынова.

PS. Всѣ ли нумера Часописи получилъ я сполна, скажу Вамъ въ слѣдующій разъ.

Парижъ,
29 Мая 1859 г.

14.

Ваше Высокопреподобіе, Драгоцѣнный Иванъ Матвѣевичъ!

Очень, очень Васъ благодарю за свѣдѣнія о Реймскомъ Евангеліаріѣ, хотя они останутся на это время только для меня, ибо большая часть моего введенія въ Остатки славянскаго богослуженія была уже напечатана и она бы давно была въ Вашихъ рукахъ, еслибы проф. Штульцъ, который Вамъ кланяется, меня не просилъ подождать, что какая то польская дама скоро поѣдетъ въ Парижъ, которая это съ большимъ удовольствіемъ возметъ и съ Вами познакомиться желаетъ. Я ждалъ мѣсяцъ, да почти два, и дама не явилася. Наконецъ мнѣ посчастливилось послѣ многаго хлопотанія найти Кругеря недостающій вамъ мѣсяцъ Ноябрь: къ сему прибавляю первую книжку Časopis 1859, упомянутые Остатки и для А. Н. Пыпина брошурку о Зеленогорской рукописи. Александръ Николаевичъ придетъ къ Вамъ за ней и прошу сообщить ему и Časopis и вручить брошурку о Зеленогорской рукописи. Остаткамъ въ отношеніи филологіи я не приписываю особенной важности, но я тѣмъ не менѣе радуюсь, что мнѣ удалось собрать доказательства того, что слѣды славянскаго богослуженія долго хранились у чеховъ, такъ что народное преданіе осталось о томъ въ устахъ понынѣ.

Что Ваша типографія хочетъ обзаводиться славянскими буквами совсѣмъ новыми, нахожу лучше; только извольте постараться, чтобъ онѣ были правильны, чотки и при семъ какъ можно упоминали на унціальныя буквы греческія IX вѣка.

Изданіемъ Ассеманіева Евангеліарія Вы бы славянской филологіи послужили чрезвычайно, и я прошу не упускать того

труда изъ мысли. Для Васъ библіотека Ватиканская не можетъ быть недоступной, обратитесь къ Джунковскому только: когда прусскіе протестанты могутъ тамъ трудиться, тѣмъ лучше Вы.

О житіи святаго Симеона Саввы Дометіанова мнѣ только извѣстно то, что напечаталъ Шафарикъ въ книгѣ: „Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův", V Praze 1851, и я не сомнѣваюсь, что она и у Васъ. Если бы былъ переписчикъ въ Вѣнѣ, но я никакого не знаю, въ библіотекѣ переписывать возможно. Нельзя ли вамъ заняться тѣмъ, по крайней мѣрѣ было бы то вѣрнѣе, и мы бы имѣли удовольствіе и въ Прагѣ Васъ видѣть. Будьте здоровы и не забывайте своего преданнѣйшаго

Вячеслава Ганку.

Прага,
8/20 Іюлья 1859.

15.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Вы изволили увѣдомить меня черезъ А. Н. Пыпина о скоромъ пріѣздѣ въ Парижъ Г. Сухомлинова, который долженъ привезти кое-что для Пыпина отъ Вашего имени. Надѣюсь, что и для (меня) будетъ словечко.

А между тѣмъ позвольте поговорить о новѣйшей находкѣ, сдѣланной и обнародованной сперва Лондонскимъ Магазиномъ, а потомъ здѣшнимъ *Moniteur*'омъ, а за нимъ и многими другими французскими журналами. Приводить здѣсь текста не стану: онъ долженъ быть лучше извѣстенъ (Вамъ), нежели кому-либо. Но нельзя не замѣтить въ этой статьѣ Магазина разныхъ несообразностей и чего-то похожаго на пуффъ. Это замѣтилъ и Реймскій библіотекарь, Ch. Loriquet, въ послѣднемъ № журнала: La correspondance littéraire (№ 18, 20 Août), стр. 418. Такъ напримѣръ: г. Maccarthy, молодой ученый, распознавшій въ Бельфастской рукописи письмо Реймскаго Евангелія, вовсе не говоритъ, которымъ изъ двухъ писана эта харатейная рукопись, кирилицею, или глаголицею. Сначала нѣкоторые даже объявили, что Бельфастская рукопись писана *глагольскими* буквами, и какъ текстъ Moniteura нисколько тому не противенъ, будучи весьма неопредѣленъ, то и позволено каждому считать это возможнымъ. Вы можете судить, какъ важна дѣлается въ такомъ случаѣ находка, сдѣланная въ Бельфастѣ. Но положимъ, что рукопись писана не глаголицею, а кирилицею, и тогда она имѣетъ

свою цѣну, будучи памятникомъ XI—XII вѣка, если правда, что прочія вещи, найденныя въ *tumulus*'ѣ принадлежатъ къ этому времени.

Г. Maccarthy въ Реймсѣ вовсе не былъ, какъ-то увѣряетъ тамошній библіотекарь, или по крайней мѣрѣ, онъ тамъ Евангелія Сазавскаго не спрашивалъ: „ибо кромѣ меня, пишетъ Г. Loriquet, ни одинъ иностранецъ не требовалъ онаго для разсмотрѣнія". (A part le R. P. Martinof, nous n'avons pas souvenir, que notre Evangéliaire Slavon ait été, depuis un an demandé par un seul étranger, ni qu'il ait été tiré de la vitrine où il est renfermé etc... p. 419, № 4).

Впрочемъ Г. Maccarthy и не нуждался въ осмотрѣ подлинника: онъ могъ справиться и въ Парижѣ, въ любой библіотекѣ, нѣсколько замѣчательной. Странно одно, зачѣмъ онъ ѣздилъ для справки во Францію, когда изданіе Сильвестра могъ онъ видѣть въ Лондонѣ.

Не говорю о другихъ несообразностяхъ, бросающихся въ глаза каждому свѣдущему читателю. Въ заключеніе скажу, что вопросъ о мѣстности этой находки, будучи подчиненъ вопросу о родѣ письма, коимъ писана рукопись, изъяснить оный, не рѣшивъ предварительно послѣдняго, было бы вдаваться въ неумѣстныя догадки. Надо прежде всего достать *fac-simile* съ рукописи и по возможности какъ нельзя болѣе полный. Тогда все уяснится гораздо проще и вѣроподобнѣе. Похлопотали ли Вы о снимкѣ? Что касается до меня, я пишу сегодня же въ Англію, прося доставить мнѣ снимокъ съ этой странной рукописи.

Г. Ламанскій, писавшій о колоніяхъ славянъ, найдетъ, быть можетъ, изъясненіе тому, какъ славянская рукопись могла попасться въ Ирландію. Вы видите, что этотъ вопросъ очень напоминаетъ вопросъ о происхожденіи Реймскаго Евангелія, и одинъ стоитъ другаго. Итакъ, подождемъ развязки.

А между тѣмъ не сомнѣвайтесь, что я съ большимъ нетерпѣніемъ жду Вашихъ „Остатковъ славянскаго богослуженія въ Чехахъ" и прочту трудъ Вашъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Вы меня спрашивали, получаю ли я Пражскія изданія? Очень неисправно. Такъ Časopisa не приходило, начиная съ 5-й связки 1857 года! А послѣдній выпускъ „Památkov archaeologickich" есть 4-ый, за 1858 годъ (díl III), да и тутъ не достаетъ ни 1-го, ни 2-го sešita. Какъ видите, я очень, очень отсталъ.

Потрудитесь, любезный Вячеславъ Вячеславичъ, сказать мнѣ, что приходится мнѣ внести въ Матицу съ послѣдней платы. Я пришлю все прямо къ Вамъ.

Я нашелъ здѣсь въ одномъ госпиталѣ чешскаго солдатика, одаго, набожнаго, преинтереснаго. Кромѣ меня, никто его ісь не понимаетъ. Я его исповѣдалъ и причастилъ и навѣщаю время до времени. Это одна изъ невинныхъ жертвъ по-дней войны. Прощайте.

Весь Вашъ И. Мартыновъ.

P. S. Не сердитесь на мою орѳографію. Постарайтесь ско- *очешить* нашихъ русскихъ въ этомъ отношеніи. Пора, по-бы имъ оевропеиться и въ письмѣ.

Иванъ Матвѣевичъ Мартыновъ.

25 Августа 1859.

16.

Ljubeznějšij Večeslav Večeslavič,

Pozdravliaju Vas s Angelom i želaju Vam vsiakih blah tě-nyh i duhovnyh. Ja dumaju, čto v Vaši lěta pervyja ne izlišni, r nastojaščih obstojateljstvah poslědnija očenj blagovremenny. še serdce dolžno do sih por hranitj slědy jazv, nanesennyh usnymi postupkami Vaših vragov. Sluh o Vašem processě do-do menia s raznyh storon i krajne opečalil menja, kak on ečalit i vsiakago, znajuščago Vas hotj po Vašim sočinenijam. lno Bogu kazalosj nužnym predohranitj Vas ot iskušenij slavo-ɔija, ili napomnitj Vam, čto kogo on ljubit, togo i karajet. Sla-Bogu, čto teperj vse končeno! Ne smotria na to, kak tut za-šana ne toljko Vaša častnaja ličnostj, no i samaja nauka, to dolžnyby dostavitj polnoje udovletvorenije i poslědnej, ogla-povsjudu učenuju storonu voprosa, podavšago povod k bez-dnym napadkam. Zděšnije žurnaly govorili, pravda, o poslěd-, no toljko mimohodom, i tak skazatj vskolzj; i potomu-to, po-aju, ne hudo byloby raskrytj zděšnej publikě černotu i nevě-tvo vzvedennyh na Vaši otkrytija obvinenij. Jesli by ja iměl ł rukoju hotj kakije libo dokumenty, to nepreměnno vzialby n na sebja etot trud, nalagajemyj samoju spravedlivostju, ne vorja uže o družbě.

Ješče na dniah govorili my ob etom s M. I. Suhomlinovym, :oryj naměrevalsja ostavitj segodnja Pariž i napravitj putj svoj Rim. Kstati o M. Ivanoviče. Mně on očenj ponravilsja, i ja lujusj, čto pojězdka jego v Rim prodlitsja toljko měsiac, ne ejě. Na zimu on budet sjuda nazad, no bez A. N. Pypina, ko-yj, kak Vy věrno znajete, iz Rima pojědet v Slavianskija zemli.

G. Suhomlinov soobščil mně včera, pered proščanjem, Vaše pismo, v kotorom Vy sprašivajete, polučil li ja Nojabrskuju knižku Krjugerovyh *Sacri pulveres*. Do sih por ne polučal ničego, ni Krjugera, ni paketa, o kotorom Vy davno uže izvěščali G. Pypina, i v kotorom, jesli ne ošibajusj, dolžny byli nahoditjsja Vaši ostatki slavjanskago bogosluženja v Čehii, i sočinenije G. Lamanskago o Slovenskih kolonijah. Eto pokazyvajet Vam, kak malo dolžno polagatjsia na knigoprodavca, vziavšago na sebia trud pereslatj eti knigi po naznačeniju. Voobšče dostavka russkih knig v Pariž proizvoditsia tak hudo, tak medlenno, čto teraješj vsiakoje terpěnje. Vot uže dva goda, kak ja ždu knig iz Rossii, i vse naprasno, a bez knig — kak žitj knigočijam? Bog znajet, kogda končitsja takaja zasuha!

U menja vse brodit v golově myslj o pojězdkě v Rim, dlja izdanija podrobnago razbora slovenskih rukopisej, hraniaščihsja v Vatikaně. Ješče nedavno Posnanski Przegląd izdal Posoljstvo Rusinskago duhovenstva k Papě Sixtu IV, najdennoje v odnoj Vatikanskoj rukopisi i pisannoje po rusinski. No čto bolejě vsego manit menja tuda, to eto Glagolskoje Jevangelje Assemani. Vedj i ono, jesli ne ošibajusj, ostatok drevniago greko-slovenskago bogosluženja. Jesli blagoslovit Gospodj, ja izdal by jego cělikom, kak Rejmskoje Jevangelje, s nadležaščeju obstanovkoju, vvedenijem, slovarem itd. Kak Vy dumajete, ljubeznyj V. Večeslavič? Ne pora li imětj nam pod rukoju i Rimskoje Jevangelije vměstě s Rejmskim? hotj by i golyj text, bez kommentariev? Eta myslj preslědujet menja povsjudu, i kak ni truden dostup k Vatikanskomu Arhivu, a pokinutj jeje ne mogu. Glagolica, vidite, kažetsja mně, otkryvajet nam novyj gorizont. Skoljko tut voprosov, odin drugago razněě i temněě. Odno ostanavlivajet—raznyja raboty, uže načatyja. K nim prisojedinilasj i sledujuščaja. Bollandisty prosjat napisatj im, dla sledujuščago toma Acta Sanctorum, kratkija Žitija vseh Svjatyh Slavjanskih, a ih naščitatj možno do 500!... Mně želalosj by takže izdatj dlja zděšnej publiki Rejmskoje Evangelije s slovarem, kratkoju grammatikoju, něskoljko poispravnějě Silvestrova. Raboty—bezdna, a ruk toljko dvě.

Proščajte i požalujte ne lěnitesj poseščatj po krajnej měrě pismami Vašego predannějšago druga i slugu

Ivana Matveěviča Martynova.

P. S. Posylaju Vam moje izdanie Kulčynskago.

27 Sent. 1859 g.

17.

Ваше Благословеніе,

Многоуважаемый Иванъ Матвѣевичъ!

Въ первыхъ, примите милостиво душевную мою благодарность за память въ день моего Ангела.

Во вторыхъ, приговоръ земскаго суда подтвержденъ во всемъ высшимъ земскимъ судомъ, такъ что обидчику придется высидѣть два мѣсяца въ прохладкѣ, заплатить сто гульдиновъ бѣднымъ и поститься по пятницамъ. Какъ скоро все напечатано будетъ, не премину послать Вамъ экземпляръ.

Въ третьихъ (прошу хорошенько внимать). Сегодня пришелъ ко мнѣ проф. Гаттала съ просьбой отъ каноника Рачки взять на себя обязанность читать съ профессоромъ корректуры Ассеманіевой Евангеліи, полная перепись которой послана въ Прагу напечатать ее глаголическими буквами. Такимъ образомъ, не будетъ Вамъ нужды хлопотать о ней въ Римѣ, хотяжь о другихъ желательно было бы, и я думаю, чтобъ Вы бы тамъ канонику Рачки очень къ стати пришли. Онъ усердно старается о славянскихъ, особенно глаголическихъ рукописяхъ, и соединенными силами и знакомствомъ должно бы ожидать много прочнаго.

Въ червертыхъ. Вчера я говорилъ съ книгопродавцомъ, который отправилъ къ Вамъ послѣдній пакетецъ, въ немъ же былъ и Кругерія мѣсяцъ Ноябрь и Остатки славянскаго богослуженія, кромѣ Часописи чешскаго музея съ письмомъ, и онъ меня увѣрялъ, что пакетъ никакъ не могъ пропасть, и что Вы его навѣрно получите; можетъ быть, онъ опоздалъ въ Липскѣ.

Въ пятыхъ. Реймскую Евангелію снова издать нынче еще рано послѣ двухъ изданій, но ваши поправки Сильвестровыхъ ошибокъ всѣмъ будутъ желательны и нужны и полезны. Милости просимъ, это сдѣлайте поскорѣе и скорѣйшѣе, чѣмъ Вы очень, очень послужите доброй вещи славянской.

Въ концѣ. Боландистамъ Вы бы могли вмѣстѣ съ упомянутымъ каноникомъ Рачки пособить въ Римѣ, какъ нельзя нигдѣ.

Съ Богомъ, любезнѣйшій Иванъ Матвѣевичъ. Онъ дай Вамъ постояннаго здоровья ужити въ пользу нашихъ, до сихъ поръ почти забвенныхъ славянъ. Прощайте!

Вашъ преданнѣйшій Вячеславъ Ганка.

Не уѣхалъ ли Михаилъ Ивановичъ, прошу покорно свидѣтельствовать ему мое почтеніе. Гдѣ А. Н. Пыпинъ?

Празѣ,
23 Сент./5 Окт. 1859 г.

18.

Ваще Высокоблагословеніе,
многоуважаемый Иванъ Матвѣевичь!

Не сомнѣваюсь, что Вы уже, хотя же немножко поздно, получили въ первой посылкѣ при первой книжкѣ Часописи мѣсяцъ Ноябрь Crugerii Pulveres sacri, а позже другую книжку того же 1859 года съ Остатками богослуженія славянскаго у чеховъ со вторымъ изданіемъ моихъ Началъ священнаго языка славянъ во второй посылкѣ, и, послѣ того какъ я узналъ, что Ассеманія Евангеліе въ Прагѣ печатать будутъ, и мое письмо объ этомъ.

Не справились ли Вы о римскихъ рукописяхъ, пользуясь посѣщеніемъ Рима нашего Михаила Ивановича? Съ канонникомъ Рачки Вы должны непремѣнно познакомиться, чрезъ него Вы можете достать всего.

За прекрасное изданіе Игнатія Кульчинскаго прошу покорнѣйше принять мою душевную благодарность. Сегодня, пользуясь проѣздомъ черезъ Прагу въ Парижъ князя Репнина, посылаю Вамъ третью книжку Часописи. Статья Венелина нравится здѣсь очень. На послѣдней стр. о ческо-нѣм. словарѣ Юнгмана. Есть то капитальное дѣло, какъ кладъ чешскаго языка, несмѣханной дешевизны пять большихъ квартантовъ, всякой почти до тысячи страницъ крупнаго письма. Но должно кончить: тьма падаетъ на бумагу. Богъ Вамъ дай здоровье и все желаемое. Цѣлуя Васъ сильно, остаюсь навсегда Вашимъ преданнѣйшимъ

Вячеславъ Ганка.

Прага,
4 Ноября н. с. 1859 г.

В. А. Мацѣевскій[1]).

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Daruiesz mi WMPan i Dobrodziey, że się poważam mitręży̋ć czas drogi dla dobra nauk tak zaszczytnie obracany przez

[1]) Письма В. Ганки къ В. А. Мацѣевскому (Dopisy Václava Hanky—W. A. Maciejowskiemu) сообщены были Эдуардомъ Іелинкомъ въ его журналѣ Slovanský Sborník, II, 1883, 402, 449, 504. Какъ видно изъ количества ихъ, они составляютъ только незначительную часть переписки Ганки. Сообщаемъ ихъ здѣсь съ исправленіями и кое-гдѣ дополненіями по оригиналамъ, переданнымъ Э. Іелинкомъ въ Библіотеку Чешскаго Музея.

niego i stawać mu się natrętnym moiém pismem; lecz spodziewam się, że rzecz, w którey imieniu ośmielam się przemówić do WMPana Dobr., wymówi poniekąd natręctwo moie.

W roku 1819. obiąwszy katedrę prawa Rzymskiego w Uniwersytecie tuteyszym, starałem się wypracować dziełko w języku łacińskim do wykładu mego zastosowane. Przed czterema laty wyszło drugie wydanie pierwszey części tego dziełka, obeymuiące historyę zewnętrzną tegoż prawa. Zamyślaiąc teraz wydadź część wtórą, historyą wewnętrzną obeymować maiącą, umysliłem w dodatku skreslić obraz prawodawstw ludów słowiańskich. Z pracy tey ma bydź ten wniosek wyprowadzony: czém się stało, że początkowo tworząc sobie ustawy Rzymianie i Sławianie na też same zasady chociaż w części przynaymniey natrafili? Dla czego prawodawstwo pierwotne Rzymian więcey w sobie zawiera żywiołów, na podstawie których mogły się opierać poznieysze ich ustawy a tém samém i kształcić się, aniżeli prawodawstwa narodów Sławiańskich? Czy nie byli by lepiey uczynili Sławianie, lub czy im teraz nie wypada tego uczynić, kiedy myślą o poprawie prawodawstw swoich, ażeby własne prawodawstwa raczey ze zródeł prawa Rz. iako naydoskonalszego dotąd z praw Europeyskich uzupełniali, a niżeli z praw narodów giermańskich, do ducha ich narodowości nie przemawiaiących, też brali uzupełnienia? Co naśladować maią ludy słowianskie z prawa Rz. i dla czego?

Widzisz WPan Dobr., żem się zapuścił w ocean poszukiwań i że przedsięwziął olbrzymią prącę: ale ieżeli iey nie pozwolą dokończyć siły, tą przynajmniej pociechą będę się łudził, że może ktoś z czasem przyswoić sobie zechce móy sposób zapatrywania się na kształcenie się ustaw narodów i to uzupełni, w czem albo niedokładnem albo niedokończonem dziełko moie będzie. Natura rzeczy wymaga teraz, ażeby okresowo rzecz traktowaną była. Na teraz wyidzie na widok okres pierwszy. Ten poczyna się od naydawnieyszych czasów, a kończy się tam, gdzie prawodawstwo naroda zebranem zostało w całość. Tak w prawie Rz. prawo XII. tablic stanowi epokę pierwszą, tak w prawodawstwie polskiém statut Wislicki Kazimierza Wielkiego; tak w prawodawstwie Rossyiskim Prawda Ruska z iey uzupełnieniami. Ale na czem że oprzeć pierwszy okres w prawodawstwie Czeskim? To iest sęk, który rozbić iest mi niepodobna, bo prawie nic nie znam z tego prawodawstwa i nie wiem, zkądby się o tém czego nauczyć. Moia cała nadzieia iest w dobroci WPana Dobr., o którym powiadali mi mój kollega Hube i Ignacy synowiec móy, którzy z Panem Dobr. rozmawiali w Pradze, żeś pozbierał zabytki dawnych prawodawstw

czeskich i masz ie gotowe do druku. Zaklinam więc WPana Dobr. na miłość wspólney nam sławiańskiey oyczyzny, chciey mi w zaczętém dopomódz dziele, inaczey będę musiał poprzestać na samém tylko prawodawstwie Ruskiém i Polskiém. Moia prozba iest taka.

Zamyślam prawodawstwa narodów sławiańskich podzielić na cztery oddziały, t. j. Polaków, Rossyan, Czechów, drobnieysze narody, n. p. Syrbów, Morawów, Dalmatów, Kroatów etc., o ile dowiedzieć się można o ich prawodawstwach. Proszę więc WPana Dobr., ażebyś, wyiąwszy Ruskie i Polskie prawa, udzielił mi wiadomości o prawodawstwach innych sławiańskich narodów, a mianowicie Czechów. Za epokę obierz ten czas, w którym prawodawstwa tych narodów w całość zebrane, czyli w księgę całkowitą zebrane zostały, a potém poday mi treść tychże prawodawstw, ale tak napisaną, ażebym tłomacząc ią na łacinę mógł ufać, iż czytaiący powezmą wyobrażenie o tey epoce, którą skresliłeś a którą ia tłomaczyłem. Wiem, że to jest wielka praca, dla tego ia i tak iuż wdzięczność wielką dla Niego mieć będę, ieżeli pod swoiém okiem polecisz zrobić tą pracę i udzielisz pracuiącemu potrzebney do tego pomocy. Wszelkie koszta ztąd wynikaiące z wdzięcznością powrocę. Pisząca osoba ten artykuł o prawodawstwie czeskiém i innych narodów sławiańskich, których to, iak n. p. Syrbów i Morawian, maią się znaydować zbiory w Pradze, o czém mnie upewnił P. Hube, ma więc mieć wzgląd na następuiące rubryki:

Część I. *o sądownictwie cywilném i kryminalném:*

a) iak się odbywały te sądownictwa, b) iak dochodzono prawdy, c) iak wydawano wyroki w sądach cywilnych i kryminalnych, d) w sprawach kryminalnych co było *crimen* a co *delictum* i iakie na to kary.

Część II. *prawo o rzeczach*, a mianowicie: a) co nazywano własnością i iak iey nabywano, b) czy były służebności (servitutes n. p. viae actus etc.), c) czy była emphyteusis, d) pignus lub hypotheca czy była.

Część III. *prawo umów* (obligatio): co było umową, iak ią zawierano, czy były przynależności z umów i przestępstwa (obligatio ex contractu et delicto).

Część IV. *prawo osob:* a) o małżeństwie, b) prawo oycostwa (patria potestas), c) prawo opieki, d) prawo nad niewolnikami i o niewolnikach.

Część V. *prawo brania spadków* (hereditas): a) czy były spadki testamentowe i beztestamentowe, b) kto ie brał, c) co

brały kobiety, co mężczyzni, d) iakie były formalności i skutki z brania sukcessyi.

W dodatku ieszcze chciałbym wiedzieć, co te ludy o których namieniłem rozumiały pod wyrazem osoba (persona) i rzecz (res), iak dzieliły osoby i rzeczy, lub czyli znały te wyobrażenia.

Wyznaię, że mi to iest bardzo przykro, pisząc do WMPDobr. po raz pierwszy, na samym wstępie naszey znaiomości listowney, obarczać Go tak mozolną pracą. Ale tyle mi dobrego mówiono o WMPDobr., tak żywemi kolorami malowano mi iego łatwość w usłużeniu literackiém, a nadewszystko zapał do sławiańszczyzny, żem wreszcie przemógł na sobie wrodzoną mi lękliwość stania się komu natrętnym, i ośmieliłem się napisać ten ogromny list do WPana Dobr. (na dwóch cwiartkach, bo sądziłem że na iedney zmieszczę, ale się inaczey stało) z prozbą naypokornieyszą i zaklinaniem Go, ażebyś mi w mém przedsięwzięciu dopomógł. Moie drobnostki, iakie dotąd na widok publiczny wyszły, przeslę WPanu Dobr. za pierwszą okazyą, aczkolwiek wiem, że one są niegodne oblicza pańskiego, lecz kiedy iuż ich oyciec iest natrętnym, niechże i to potomstwo literackie natrętnym Mu będzie. Dołączę także exemplarze dla P. Jungmana (syna), o którym mi wiele dobrego móy synowiec Ignacy i kollega Hube wspomina. Może też on iako prawnik będzie względny dla swego kollegi prawnika i raczy wystarać się dla mnie o osobę, która by WPanu Dobr. w moiey sprawie pomocną była, a którą ia za fatygę wynagrodzę. Ja sam w Pradze nie znam nikogo osobiście, znam tylko listownie p. Professora tamteyszego uniwersytetu Heffler, ale i do tego iuż dawno nie pisałem. Spodziewam się, że przecież da mi P. Bóg doczekać tey szczęsliwey pory, kiedy i ia Pragę odwiedzę, a wtedy sam uniewinnię się osobiście z natręctwa mego, które, swiadczę się Bogiem, tylko dla miłości prawodawstwa Sławiańskiego popełniłem. Dotąd zatrudniałem się tylko prawodawstwem Rzymskiem, a Giermańskiem o tyle, o ile iest ono potrzebne do zrozumienia prawodawstw sławiańskich: czas iest, żeby też i o sławiańskich narodach pomyśleć, bo wszelka obca nauka o tyle nas zatrudniać iedynie powinna, o ile dla nas korzyść z niey ciągnąć możemy. Ale trzeba skończyć pismo, bo widzę, że i nudzę i marudzę i natrętnym się staię.

Najniższy sługa

Wacław Alexander Macieiowski,

Professor Pandektów w Uniwersytecie Krolewsko Warszawskiém.

I ja poważam się w przypisku przypomnić się Panu Dobrodziejowi, którego uprzejme, względne i łaskawe przyjęcie w Pra-

dze zawsze najpiękniejsze uczucia we mnie wzbudzać będzie i nie pozwoli opuścić najmniejszej okoliczności do wynurzenia Mu wysokiego poważania i głębokiego uszanowania, z którym mam zaszczyt zostawać. Ignacy Macieiowski.

Z Warszawy, d. 4 Października 1829 r.

Помѣта Ганки: „Obdrž. 16 řjgna. Odpow. 5 list.".

2.

Wielmożni Mosci Dobrodziejowie!

Spodziewając się, że mi darujecie, na oba zacne listy razem odpowiadam, i że poźno—przebaczycie, bo w ten czas pilne licytacye miałem, tak że ani dziś jeszcze obszernie, tak jakbym chciał, odpisać niemogę. W sam przód Panu Hubemu za wystaranie Pamiętnika Warszawskiego, za Monatsschrift bardzo dziękuję, i jeśli na Časopis nikogo jeszcze nie znalazł, to proszę go oddać szanownemu Towarzystwu Przyjacioł Nauk w imieniu naszego Museum. P. Jungman też z radością oczekiwa i Panów Dobrodziejów obu pozdrawia. Zgoda Pokory polskiej z czeską i dla mię bardzo miła jest, i ja myślę, że największa część prawnych zwyczajów u słowian zgodnych było, tylko że tak starych zbiorów przed rękami niemamy. Zamiar wydawania biblioteki prawnej bardzo mi się podoba, i ja z największą chęcią wszystko, co mam i co będę jeszcze mógł nazbierać, Panom Dobrodziejom przyniesę, i myślę, że dzieło to tém ważniejsze będzie, gdy stare prawa przy tłomaczeniu w językach oryginalnych drukowane będą. Oto początek wykładu prawa ziemskiego Ondrzeja z Dube, w którym o znieszeniu ordaliów zmiankuje, i z Wiener Jahrbücher XL. 108, które wiele nie pomoże, o opłatach zaś, nie mając ratuszowego Kodexu jeszcze w domu, na drugi raz odłożyć muszę.. Żeby ordalia pierwotnie niemieckim instytutem były, wątpię; ja myślę, że u Sławian i po całej Europie tak dawne będą jako u Niemców, bo zdaje mi się, żem czytał gdzieś w sanskrycie, że i w Jndyi dawne sądownictwa były. „Práwo zemské czeské iest dáwno nalezené, iesče ot pohanstwié, a naiwiéce ot Przemysła orácze, a ot tiech panów, ktérzíž sú té chwíle byli. A toho iest iistý dówod, neb mnoho obyczeiów pohanských w niem iest drżáno, iako oczista železem horúcím, aneb uwrżenié na wodu. A ten obyczei stál bez prziétrži aż do ciésarze Karła a do Knieze Arnesta prwého arcibiskupa prażského. Ten jest ciesarz s płnú radú arcibiskupa i wšech panów i zeman obyczei ten zrušił, że iedno żałoby maié

w sobie trzi škody imiéti, a nic wiece, a pohnaný má samú prziésahú odbyti pówoda".

„Eine zwischen 1133 u. 1136 fallende Stelle des Klosterneuburger Saalbuches zeigt noch den gesetzlichen Bestand der Ordalien in voller Kraft: „in tempore Marchionis Liupoldi et praepositi Hartmanni, ego Engela me et liberos meos ab injusto dominio, cum justo dei judicio, scilitet calido ferro, sancte Marie Niwenburch retinui. H. r. t. s. Marchwardus de Hintperge. Hugo de Lichtensteine etc. Das grosse Hausprivilegium von 1156 setzt die Ordalien, Gottesurtheile, und insonderheit den Zweikampf als ein rechtliches Entscheidungsmittel selbst für den Fürsten des Landes voraus. In der Übergabsurkunde der Steyermark 1186— werden Gottesurtheile für jene neue Provinz beseitigt, für Österreich aber erwähnt derselben, als bestehend Leopolds des Glorreichen Stadtrecht für Enns. Die gewaltsame Verletzung des Hausfriedens und die Gewalt an Ehrbaren Jungfrauen muss nemlich durch die Feuer-oder Wasserprobe abgewährt werden, und gegen sieben untadelige Zeugen wurde das Gottesgericht doch auch nimmer zugelassen. Im slawischen Lande währte das Gottesurtheil noch länger. Die Rechte der Brünner Provinz, im März 1229 von Ottokar Przemysl dem älteren gegeben, sprechen von judicium aque, in quam nullus, nisi sacerdos dimittat;—jedoch duellum, quod volgariter Kyg dicitur, non habeant, nisi ad extraneos. In dem im Jänner 1242 zu Prag gegebenen Brünner Stadtrecht, spricht König Wenzel von der „justicia dei per aquam vel ignitum ferrum", wenn der Zeugenbeweis nicht zureicht. König Wenzels (1230—1253) Stadtrecht für Iglau spricht nur mehr „de vulnere duelli"— und „de forma indicendi duellum". In Ungern mag die Feuerprobe wohl erst unter den Anjous völlig verschwunden seyn, die Spuren davon sind häufig".

Także i z tegoż brneńskiego Prawa kazałem sobie zrobić facsimile w niem się znajdujących czeskych słow, bo to w edycyi niewłaściwo się zdaje. Co się zaś tyczy serbskich praw, biblioteka po ś. p. Dobrowskim jeszcze pod sądową klausurą, jak tylko ją Museum odbierze, obszerniejszą wiadomość doniesę. Prawo to stare serbskie umieścił Raicz w swojej Historyi serbskiej, może znajduje się exemplarz też w Warszawie. Zamiast Pana Kollara, którego przy Poezyi raczej niechamy, zalecam Państwu Pana Šaffarzika w Nowy Sadu (Neusatz, Neoplanta) u Petrowardinu, ten może i serbskiemi i słowackiemi prawnemi pamiątkami posłużyć, bo jest rodem Słowak z gornich Węgier i dopiero jako Professor na serbskiem gymnasium słowiańskimi starożytnoś-

ciami dole przy Dunaju się bawi. Pan Prof. Kucharski zamyśla tę zimę w Nowym Sadu przepędzić. Do Pana Kopytara niech się uda Pan Hube listownie sam, ja z nim prawda korresponduję, lecz korrespondencia nasza jednostronna jest, chociaż więcej niż sto listów od niego otrzymałem, żadnego z moich zapytań prosto niezodpowiadano, może WW. Panowie szczęśliwsi będziecie.

Odkryciem tej pierwszej edycyi prawa zemskiego by mię Pan Hube bardzo wielką radość sposobił. Niech proszę P. Prof. Maciejowski łaskawo przebaci, żem tak mało na Jego punkta odpowiedział, tym pilniej będę się starał, żeby uskutecznić życzenia Jego. WPanom PProf. Skarbkowi, Bentkowskiemu, Milemu i WP. Rektorowi Szweykowskiemu proszę zaświadczyć ukłony wysokiego szacunku i Panu młodemu Maciejowskiemu serdeczne pozdrowienie. Polecając się łaskawej pamięci, zostaję etc.

Wacław Hanka.

Proszę przyłączony list na pocztę posłać.

Wielmożnym Mosci Dobrodziejom Wacławowi Alex. Maciejowskiemu i Romualdowi Hubemu, Professorom Praw w Uniwersytecie Warszawskim (pl. tit.). Varsovie, En Pologne.

w Pradze,
5 Listopada 1829.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Bardzo i bardzo przepraszam WMPana Dobr., że Mu się znowu naprzykrzam. Wytłomaczyłem się i wywnętrzyłem Panu Dobr. w pierwszym liscie do Niego pisanym, skąd pochodzi ta moia natrętność; teraz powtarzam ieszcze, że sobie nie mogę dadź rady z moiém do sławiańskiego prawodawstwa zamiłowaniem. Cieszę się atoli mocno tą myślą, że WPan Dobr. dotrzymasz słowa i przyslesz mi zbiór swóy naydawnieyszych prawodawstw czeskich, z których ia, przed Bogiem przysięgam, dobry użytek zrobię. Wszakże potrzebaby, bym rychło wiedział, czy *istotnie* mogę sie czegoś od WMPDobr. spodziewać; bo gdybyś mi miał swey łaski odmówić, tobym musiał poprzestać na prawodawstwie polskiém i rossyiskiém. Racz więc WMPDobr. dadź mi stanowczą odpowiedź, ażebym wiedział, czego się trzymać. Pisałem do WMPDobr. a oraz do P. Prof. Jungmana w czerwcu, na ręce Prof. Hubego posłałem oraz dwa exemplarze Historia juris Romani, to iest ieden dla P. Jungmana, drugi dla P. Szaffarik. Nie wiem,

:y to Panów tych doszło . Nadto zadałem kilka łatwych pytań Jungmanowi we względzie historyi praw czeskich. Na wszyko dotąd nie mam odpowiedzi. Więc niechże raz temu będzie »niec. Racz mi przeto PDobr. odpisać przyszłą pocztą, czy się ogę czegoś od Niego spodziewać, i kiedy to będzie: bo podług go ułożyłbym druk moiego dziełka.

WMPDobr. uniżony sługa W. A. Macieiowski,
Professor Uniwersytetu w Warszawie.

Z Warszawy,
dn. 10 Października 1830 r.

4.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

List WMPDobr. zprawił mi wiele radości, bo, przyznam się, m iuż powątpiewał o Jego ku mnie przychylności, nie odbiera- aż dotąd żadney odpowiedzi na list móy, w Maju do Niego sany. Ale teraz widzę, że temu winien P. Hube, albo raczey azya, przez którą on list móy i pakiecik do W-go P. Dobr. do W-go Jungmana przesłał. Gdy powróci, co ma iuż w przyszm nastąpić miesiącu, rzecz cała wykryć się musi. Teraz składm nayczulsze dzięki WMPDobr. za obietnicę Jego. Sądziłbym, eby się obeszło bez kopii manuskryptu, gdybyś WMPDobr. zeciał przez pocztę za rewersem (erga recepisse) ten manuskrypt o mnie nadesłać. Ale ieżeli się WMPDobr. obawiasz, żeby tak iezaginął, to iuż racz, ale iak tylko można nayprędzey, kopią manuskryptu zdiąć; ia koszta z wdzięcznością powrócę. Gdybyś się zaś WMPDobr. zdecydował na przysłanie manuskryptu, toby go potrzeba w osobny zapakować pakiecik i, ażeby ten pakiecik był większy, dodadź kilka książek stosownych, ażeby to wyglądało, że nie iest papier przesyłany, lecz książki. Bo od książek nie tyle się portoryi opłaca, ile od pisma. Temi książkami mógł by bydź manuskrypt Krolodworski, przez WMPDobr. drukiem ogłoszony, lub inne pisma temu podobne. Koszta za książki zwrócę z podziękowaniem. Rób więc WMPDobr. iak się mu zdaie, a to na siebie biorę, żeby manuskrypt nie zaginął. Albo li też, iedy inaczey bydź nie może, to przysliy i kopią, ale iak nayprędzey, a ia pieniądze za koszta natychmiast zwrócę.

Teraz tylko zrobię krótki rys praw sławiańskich, w tym guście, iak to zrobił Gibbon z prawem Rzymskiém. Ale później myślę wypracować obszernieysze dzieło w języku polskim, w któém skreślę historyą zewnętrzną i wewnętrzną prawodawstw sła-

wiańskich. Naturalnie, że tego sam ukończyć nie mogę: musz szukać pomocy w Czechach, Serbii i Rossyi. Kogobyś mi WMP Dobr. z prawników czeskich radził do tego wezwać, t. i. któryby mnie zasycał radą co do wypracowania historyi zewnętrzney prawodawstwa Czeskiego, albolitеż wrescie wskazywał mi do tego źródła? Czyby się nie można udadź o to do Pana Jungmana młodszego? Wynagrodziłbym Go za to pewną liczbą exemplarzy wydrukować się maiącego dzieła, bo pieniędzy nie mam. Gdybyś mi WMPDobr., pomówiwszy o tém wprzód z P. Jungmanem, raczył donieść, napisałbym sam do Niego.

Życie nasze iest krótkie i tylko tyle ma wartości na świecie, ile dobrego uczyniemy. Ja więc, czuiąc do podobnych przedsiewzięć zapał, chce się im poświęcić, ale sam tego wykonać nie mogę. Racz mnie WMPDobr. w tym obiaśnić, a mianowicie, czy się do P. Jungmana w tey mierze udadź można. Muszę tu WMP Dobr. wspomnieć, że biblioteka prawna, iak się zdaie, do skutku nie doydzie, bo u nas iest wiele proiektów, ale mało dobrey chęci. Widziałem się z P. Krzyżanowskim, moim kollegą, ten do WMPDobr. sam napisze, również iak i P. Kucharski. Tu muszę WMPDobr. powiedzieć, że tenże powiedział mi, iż wie to od WMPDobr., że poiedziesz do St. Petersburga na bibliotekarza. W takim przypadku mozebym nie dostał od Niego zbioru dawnych praw Czeskich. Ale niech się dzieie, co chce: mam od WMPDobr. słowo honoru, ze mnie w moiém szlachetném przedsiewzięciu nie opuścisz.

WMPDobrodzieja unizony sługa W. A. Maciejowski.

Móy synowiec Ignacy zasyła swóy ukłon.

Z Warszawy,
d. 8 Listopada 1827.

5.

Wielmozny Mości Dobrodzieju.

Nawet i w teraźniejszych okolicznościach, ile mi tylko czas pozwoli, pracuję nad Historyą prawodawstw słowiańskich, ponieważ zaś bolewają mię oczy, pomagają mi w tej pracy zacni uczniowie naszego Liceum. Cały więc, jak Pan widzisz, zatopiony jestem w tym przedmiocie, a że praca moja już jest bardzo daleko posunięta, racz się więc Pan Dobrodziej zmiłować i jak najrychlej przeslij mi kopią zbioru swego wraz z książkami, tu na osobnej kartce wymienionemi, a ja uroczyście przyrzekam, że

ierwszą pocztą odeszlę należytość za kopiowanie i za książki. Racz WMP. Dobrodziej przesłać to przez pocztę, paczkę dobrze opakowawszy i list swój do tego dołączywszy, bo gdyby było bez listu, musiałbym wielkie porto opłacić.

Przekonywam się teraz, że trzeba w dziele wytłomaczyć osobno także i prawa Morawskie. Znajdują się one wydrukowane w rozprawach Dobnera, których tu nie masz; uciekam się przeto z pokorną prozbą do WP. Dobrodzieja, ażebyś mi je raczył nadesłać, a ja, jak już powiedziałem, z wdzięcznością zwrócę należytość. Tylko niech to będzie jak najprędzej. Ponieważ prawników czeskich tak mało obchodzi ojczyste prawodawstwo, będę sobie radził jak można, będę szukał u historyków objaśnienia, wszakże tego czynić nie mogę, wprzód nie przeczytawszy Jego rękopismu.

Dotąd odkryłem wiele oryginalności, jakich nie znajdujemy ani w prawach Rzymskich, ani w prawach Germańskich. Sądzę, że domysły moje będą poparte i prawami Czeskiemi, których od WP. Dobrodzieja z niecierpliwością oczekuję. Muszę tu namienić, że to com w źródłach wyczytał wiele się różni od pomysłów, jakie dotąd wielu, a między innemi i WP. Dobr. utrzymujesz. Ciekawy jestem, czy te domysły także i przez prawa Czeskie poparte będą. WMPana Dobrodzieja uniżony sługa

(подписано): Wacław Alexander Macieiowski.

Der beste Abdruck der Mährischen Rechte befindet sich in den Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, aus dem Jahre 1786.

v. Monse, Leitfaden zu den Vorlesungen über die Landesgesetze des Markgrafthums Mähren, Olmütz 1783.

Die ältesten Municipalrechte in den Abhandl. d. b. Gesellsch. d. Wiss. III. Theil.

Brüner Landrecht von 1227 in den Abhandl. d. b. Gesellsch. d. Wiss. aus dem Jahre 1781.

Te tytuły wypisałem aus der Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie 52. Theils, 3. Bande, p. 63. sqq. Ponieważ mi wiele na tych dziełach zależy, a tu ich dostać niemożna, racz WMPDobr. kupić ie dla mnie i razem z kopią przez pocztę przysłać, a to za rewersem (erga recepisse), to prędzey doydzie. Jeżelibyś ie WMPDobr. kupić nie mógł, to racz się przynaymniey o nie postarać w iakiey bibliotece i pożycz ie dla mnie. Może bydź dzień naznaczony, kiedy ie mam odesłać, a ia to pewno uczynię i to przez pocztę. Gdyby nie można dostać v. Monse Leitfaden etc.,

to mnieysza o to, lecz o Abhandlungen bardzo proszę i zaklinam WMPDobr. Tylko niech będzie wszystko jak nayprędzey.

Uniżony sługa W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 26. Stycznia 1831.

6.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

List pański z dnia 25. Maja r. b. wraz z pięciu drukowanemi książkami czeskiemi, dla Towarzystwa przyiacioł nauk i dla P. Kucharskiego przeznaczonemi, wraz z rękopismem Jura municipalia Regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae, dnia onegdayszego przez pocztę odebrałem. Oddałem drukowane książki, komu należą, rękopism zatrzymałem. Lubo WMPDobr. wielce obowiązany iestem za Jego łaskawość i z wdzięcznością odeszlę pieniądze natychmiast, skoro mi Pan na ten list odpowiesz, wszelako muszę wyznać, że mi się ten rękopism na niewiele przyda. Bo wyraznie pisałem WMPDobr., że piszę historyę porównawczą prawodawstw sławiańskich, a więc zastanawiam się tylko nad *prawami ziemskiemi*, ten zaś rękopism obeymuie w sobie prawa mieyskie. Podobne prawa mieyskie na nic mi się przydać nie mogą. Wszakże to są źle przerobione prawa niemieckie i rzymskie, i coż one sławian obchodzić mogą? Mamy takich praw bardzo wiele w Polsce, na Szląsku, Pomorzu etc., ale niechay sobie rozważa ie kto zechce: mnie tylko narodowe prawa sławiańskie, t. i. prawa ziemskie obchodzą. Jeżeli więc WMPDobr. chcesz istotną przysługę i dla mnie i dla mego dziełka wyświadczyć, racz mi się postarać o kopie naydawnieyszych praw czeskich *ziemskich*, począwszy od nayodległeyszych czasów aż do Karola IV. Powiedział mi P. Hube, że podobne prawa u WMPDobr. widział, i że te maią się składać z *Desek ziemskich* i z zbioru *Andrzeia z Duby*. Dowiaduię się z Historyi literatury Czeskiey, przez P. Józ. Jungmanna w Pradze 1825. wydaney, na karcie 54. pod numerem 53. i 54., że rękopisma zbiorów Andrzeia z Duby znayduią się w Wiedniu i w Pradze; upraszam przeto WMPDobr. o odpisanie mi pierwszą pocztą: czy WMPDobr. będziesz łaskaw, *postarać się dla mnie o iak nayrychlcysze przepisanie tych zbiorów? i iak obszerne te zbiory bydź mogą? i czy rękopisma Prazskie toż samo zawieraią co i rękopisma wiedeńskie?* Jeżeliby to za obszerne dzieło było, prosiłbym tylko opisać mi w treści te zbiory, a ia albobym sam do

Pragi i Wiednia przyiechał dla rozpatrzenia się w nich, albobym też inaczey tą rzecz rozporządził. Wszakże bardzo proszę odpisać mi pod następuiącym adressem: An Herrn Herrn An. Trzetrzewiński Dominikalrichter und Syndikus zu Bochnia in Galizien. Napisawszy list do mnie zapieczętuy go Pan w kopertę z adressem wymienionym, a ztamtąd ten list doydzie do mnie do Warszawy. Praca moia iuż iest zupełnie ukończona, dałem ią przyiaciołom do odczytania i czekałem tylko na obietnicę pańską i Pana Szaffaryka. Już mam od Pana Szaffaryka czegom chciał, na obietnicę pańską poczekam ieszcze, ale ieżeli ta mnie nie doydzie, to muszę o prawie czeskiem tylko tyle powiedzieć, ilem sam mógł wyszperać. Szkodaby atoli była, ażeby się nie udzieliło światu wiadomości i o prawie czeskiem, kiedy iest do tego pora. A nie wiem, czy się znowu będzie kiedy chciało pracować komu nad tą materyą, tyle trudną i zawikłaną. Ja sam anibym był potrafił wydobyć się z tego zamętu, gdyby mi znaiomość prawa rzymskiego i niemieckiego niebyła w tém dopomogła. Więc bądź WMPDobr. łaskaw i postaray mi się o kopiie praw ziemskich czeskich aż do Karola IV., ieżeli zaś nie będziesz mógł, udam się z prozbą do Wiednia, a Pan Szaffaryk może mi w tém dopomódz. Więc chciałbym iak nayprędzey wiedzieć, czego się mam spodziewać. Czytałem wydrukowany wyiątek w *Kroku* z poematu *Saud Libušin* i bardzo mi się podobał. O gdyby coś podobnego więcey odkryć można! Spodziewam się, że zbior Andrzeja z Duby udzieli nam wiele wiadomości o dawnych ziemskich prawach czeskich, bo iak się powiedziało, to, coś mi Pan Dobr. przysłał, iest czysta niemczyzna, a ta mi się na nic nie przyda. Dowiaduię się z tomu I. p. 236. Prawdy Ruskiey Rakowieckiego, że są i prawa Czeskie Wacława króla, drukowane 1497.—1500. Czy nie można by tego dostać dzieła do pożyczenia? Zależy mi na tem wiele, ażeby dziełko moie było iak naydokładnieysze, racz mi WMPDobr. w tey mierze dopomódz, a szczególniey racz mi donieść, czyli wystarasz mi się o kopią dawnych ziemskich praw, i iak obszerne to dzieło bydź może, i kiedy będzie ukończone. Natychmiast, skoro mi odpiszesz, odbierzesz i pieniądze za kopiowanie, o których ilości raczysz mi donieść. Ja ie odeślę tąż samą drogą co i ten list.

WMPDobrodzieia przyiaciel i sługa

W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 26. Czerwca 1831.

7.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Dopiero teraz odpisuię Panu na Jego z Czerwca: czasy woienne wytłomaczą mnie, dla czego tak późno. Rękopism praw mieyskich czeskich zatrzymam, chociażby też i dla tego tylko, że w nim wiele znayduie się mieysc, ręką Pańską pisanych. Ale bardzo mocno proszę, ażebyś Pan był łaskaw iak nayprędzey przysłał mi przez pocztę owe prawa czeskie ziemskie, tudzież Řad zemského prawa, czyli Procedurę czeską (ordo judicii terrae), oraz i tłomaczenie łacińskie, co wszystko, iak WPan Dobrodziey pisałeś, ma wynosić około 30 arkuszy pisanych. To mi iest bardzo potrzebne, ale potrzebne iak nayprędzey, bo się iuż druk dziełka rozpoczął. Na rachunek należytości posełam banknotę na pięć reńskich w srebrze, resztę, co się należy tak za rękopism praw mieyskich, iakoteż i za ten nowy rękopism, który mam dostać (a WPan Dobrodziey będzie łaskaw donieść mi, ile wszystko wynosi), oddam mu w pieniądzach takich, iakieś WPanD. żądał dla swoiey kollekcyi słowiańskiey. Bądź tylko WPanD. łaskaw, iak *nayprędzey* przysłać wszystko przez pocztę. Te pieniądze, o których mówię, albo odeszlę pocztą, albo sam ie Panu przywiozę, da Pan Bóg doczekać, w roku przyszłym. Upraszam łaski WPana Dobrodzieja załączony tu artykuł przetłomaczyć na ięzyk czeski i podać go do iakiego tamtejszego dziennika, sam zaś artykuł z dołączonym tu listem odesłać na pocztę, zrobiwszy kopertę i dawszy ten napis: An Herrn Herrn Schunk, Professor der Rechte und Hof-Rath zu Erlangen.

Zostaię WPana Dobrodzieja uniżony sługa

(подписано): W. A. Maciejowski.

Warszawa,
dnia 28 Października 1831.

Przypisek z dnia 30. Października 1831 [1]).

Właśnie zapieczętowawszy list oddawałem go na pocztę, ale mi powiedziano, że listy z pieniędzmi nie przyimuią teraz ieszcze, tylko na ryzyko wysyłaiącego. Nie chciałem tego uczynić, zwłaszcza że mi powiadano, iż to postanowienie wkrótce ma bydź zmienione. Posyłam więc Panu list bez pieniędzy z prośbą, żebyś owe prawa czeskie przepisane rychło mi nadesłał, a ia iak tylko może bydź nayprędzey uskutecznię to wszystko, com przyrzekł w liście. Jeżeli by to bydź mogło, prosiłbym o wskazanie mi iakiego handlowego domu w Warszawie, któremubym należytość mógł zapłacić, albo li też przez który mógłbym do Pragi pieniądze przesłać.

[1]) Вся приписка—рукой самого Мацѣевскаго.

Upraszam WMPDobr. ieszcze raz o nayrychleysze nadesłanie mi wszystkich trzech części, to iest: ziemskiego prawa, řad zemskeho prawa i tłomaczenie łacińskie. Bydź może, że się tu kiedyś i całkowicie te źródła prawa czeskiego wydrukuią, wraz z prawem Duszan Cara i Prawdą Ruską. Dotąd bowiem porobione wydania tych praw nie są dostateczne. Książki, któreś mi WMPDobr. przysłał dla P. Kucharskiego i Towarzystwa przyiacioł Nauk, odesłałem. P. Kucharski zdrów i Panu kłania.

Przysyłayże WMPDobr. iak nayrychley to, o co go proszę, bo druk iuż się rozpoczął.

8.

WMPD.! List Pański od 28 Paźdz. dopiero wczora wieczorem otrzymałem. Cały więc miesiąc wędrówkę odbywał. Chętniebym W. P. Dobr. moie papiery posłał, lecz ostrożności niezbywa, jak WPana samego na poczcie warowano, że pieniądze nie radno posyłać, tak i ja się o kilkaletnią pracę boię, żeby w podróży niezginęła. Poruczyłem więc zaraz przepisywać, i jak będzie skończone, zaraz W. P. Dobr. te rzeczy na ręce Pana Trzetrzewińskiego do Bochni przyszlę, do którego i terazniejszy list addressowałem, bo jest to tak pewniejsze i dla mnie wygodniejsze.

Gdyby W. P. Dobr. był do Pragi przyjechał, byłaby praca dokładniejsza, P. D. wielu nieprzyjemnosciom wojny by był unikł; albo gdyby był tylko odpowiedział, byłby przynajmniej przepis gotowy. Ale to niewiedziałem co robić, czekałem więc aż do odezwy Pańskiej.

Co się zaś rękopismu Praw miejskich tyczy, jeśliby go W. P. D. tylko dla tego, że w nim moją ręką przypisowano, tobym prosił tych pierwszych i ostatnich kilka listów, na których właściwe instrumenta królewskie się znajduje, wyrznąć (bo to już Pb. posłałem) i przysłać w moim imieniu na ręce Jaś. W. ministra Pana Michała Michałowicza Speranskiego, ktoregoż Recepisse bym do siebie przez W. P. Dobr. oczekiwał, bo jak już pisałem robiono na kopii dla niego i zatrzymano w tém tylko dla W. P. Dobr., radbym więc wiedział dokończyć li to, czy przysłać owo, to teraz na W. P. Dobr. zależy. Ja płacę pisarzowi 15 kr. od arkusza, to W. P. Dobr. koszty sam łatwo zrachować potrafi, i z Polski zawsze przez tutejszego Bankiera Fidlera, który Warszawskim bankierom dobrze znajom będzie, otrzymywałem; na kollekcią moją przy tem niech P. Dobr. niezapomienie, życzyłbym też książki, które jak originalne źrodła historyi tego czasu posłużyć mogą. A kiedy o książkach, to proszę Panu

Kucharskiemu przypomnić, że przed dwoma laty kupiliśmy zbior dawnych pisarzy polskich, przy których tomik 8-my dwa razy był i 10-tego brakło, o ten więc prosimy i tamten powróciliśmy przez pewną okazyę. Panu Prof. Adr. Krzyżanowskiemu proszę moje ukłony i że do niego przyszlę wiadomości o przodkach Kopernika, którychśmy w Czechach między drobno usiedłych znajdowali.

Wiadomość o pańskiej pracy w Czasopisie Musejnim umieści się i niemiecką do Erlangen poszlę.

(Безъ подписи).

9.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Dopiero teraz ręczy nasza poczta za przesłanie pieniędzy, pospieszam więc z przesłaniem WMPDobr. dwóch dukatów holenderskich z prośbą, ażebyś był łaskaw iak tylko nayprędzey bydź może kazał przepisać mi te trzy zbiory prawa czeskiego ziemskiego, o które tyle kroć razy prosiłem. Te zaś są: 1. naydawnieysze prawo czeskie z lennich desk przepisane od Pana Dobr. 2. Komentarz Andrzeja z Duby nad temiż prawami. 3. Řad zemskeho prawa. Podobno iest ieszcze i tłomaczenie łacińskie. To wszystko iak PDobr. pisałeś wynosić ma arkuszy 30. Racz PDobr. zlitować się i przecież raz te rękopisma przepisane przesłać mi, bo mi są bardzo potrzebne. Te dwa dukaty są tylko tymczasowo posłane. WMPDobr. obrachuy sobie wszystko, com Mu winien za rękopism praw mieyskich i teraznieysze rękopisma, a ia wszystko z podziękowaniem oddam i ślicznie Mu się ukłonię, gdy do Pragi przyjadę, i przywiozę Mu w prezencie to, o coś mnie prosił. Pisałem niedawno przez pocztę do Pana i posłałem Mu artykuł niemiecki o dziełku moiém z prośbą, ażebyś go przetłomaczył na ięzyk czeski i podał go do tamteyszych gazet lub dzienników, a potem sam artykuł niemiecki przesłał do Erlangen do P. Schunck z biletem dołączonym, zrobiwszy adress: An Herrn Herrn Hofrath und Professor Schunck zu Erlangen. Jeżeli Pana list móy pierwszy nie doszedł, i ieżeliś tego nie zrobił, to bądź łaskaw teraz zrobić. Posyłam Mu ten artykuł drukowany. Mam ieszcze bankozettel austryacki na 5. zł. reńskich i ten panu przesyłam na koszta, tylko bądź łaskaw i każ mi rękopisma przepisać, ale wprzód donieś, czyś odebrał pieniądze i kiedy mi rękopisma przepisane przeslesz. Oczekuię odpowiedzi przyszłą pocztą.

Przyiaciel i sługa W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 8. Grudnia 1831.

10.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Tom I. Historyi prawodawstw słowiańskich iuż wyszedł z druku. Od WMPDobr. zależy teraz, ażeby rychło i drugi wyszedł, bo iuż wszystko iest gotowe i tylko czekam na rękopis praw czeskich, któryś mi WMPDobr. przesłać obiecał. Parę miesięcy temu, iak przez pocztę przesłałem mu na koszta dla kopisty 2 dukaty holenderskie i 5. reńsk. w bilecie kassowym austryackim; czyś Pan odebrał te pieniądze. Jeżli nie, to day prędko znać, ażebym się mógł o nie na poczcie upomnieć. List adressuy Pan do W-go Trzetrzewińskiego w *Brzesku* pod Bochnią (Brzesk), bo tam teraz ten Pan mieszka, i proś go, żeby takowy natychmiast odesłał przez pocztę do Warszawy. Tom I Historyi prawodawstw słowiańskich przez naypierwsza lepszą okazyą prześlę WMPDobr., sądzę, że naylepiey będzie uskutecznić to przez P. Bandtkie w Krakowie. Takowy sprzedaie się w Lipsku po złł. pol. 13., czyli zł. reńsk. 3. kr. 15. w Warszawie zaś po złł. 7. Cena ta dlatego iest wysoka w Lipsku, bo dadź muszę księgarzowi 50. proc. rabatu! Jeżeli by tak zrobić można, przesłałby albo na ręce pańskie, albo na ręce kogo innego kilkanaście exemplarzy do Pragi po zł. reń. 2. kr. 15, przypuściwszy, żebym te exemplarze musiał przesyłać przez pocztę. Jeżeli zaś przez okazyą, oddam ie po złł. pol. 7., iak się w Warszawie sprzedaią. Właściwie ja teraz nie iestem właścicielem tego dziełka, ale księgarz, który go swoim kosztem drukował, i dopiero aż swoie pieniądze odbierze, reszta będzie moia. Racz mi więc WMPDobr. poradzić, iakby sobie postąpić trzeba, ażeby i w Czechach to dziełko czytane było: wszakże ia pisząc ie tom miał szczególniey na uwadze, ażeby się ono po całey słowiańszczyznie rozeszło. Jeżeli się będzie miało rozeyść przez Lipsk, to będzie trudno, bo tam iest zadrogie, ieżeli przez księgarza wiedeńskiego Schaumburg, lub Schalbach. iak mi pan Schaffarik radzi, to i tak księgarz drogo sprzedawać będzie, rachuiąc sobie procent. Naylepiey więc byłoby oddać to komu w komis prywatny, któryby nie na zysk, lecz na dobro powszechne zważać zechciał. Zaklinam więc Pana na dobro całey słowiańszczyzny, racz mi poradzić w tym względzie i oswiadcz, czyliby ś albo sam, albo kogo myślisz, nie zechciał podiąć się sprzedaży exemplarzów. Oczekuiąc łaskawey odpowiedzi, polecam się Jego łasce. Pan Kucharski kłania. Zostaię uniżonym sługą

W. A. Macieiowski.

P. S. Nasza Cenzura przepuściła to dziełko, czy austryacka

nie będzie robić trudności, i czyliby dla tego nie lepiey przez okazyą iak przez pocztę exemplarze przesłać?

Z Warszawy,
dn. 16. Lutego 1832.

Przypisek z dn. 20. Lutego 1832.

Właśnie, gdym miał oddać do WMPana i Dobr. list na pocztę, oddano mi od Niego paczkę, przez bankiera Steinkeller nadesłaną mi. Odebrałem rękopism i dzieło Wolfa z Wrszowic. Przez P. Hrab. B. nadesłaną mi książkę ieszcze nie odebrałem. Za wszystko WMPDobr. bardzo dziękuię; proszę mi tylko donieść, czym Mu ieszcze nie został co winien za tę expedycyą. Ponieważ w liscie z d. 16. Lutego rozpisałem się o moiem dziełku, więc nie chciało mi się odpisywać go powtórnie, przeto posyłam go tak, iaki iest. Tylko WMPDobr. mocno upraszam, ażebyś go dobrze rozważył i rychło mi odpisał. Gdy się WMPDobr. dobrze rozpatrzysz w dziełku moiem, znaydziesz, że ono iest ważne dla całey słowiańszczyzny. Ja upatruię okazyi posłania WPDobr. ieden exemplarz w darze. Tym czasem możesz mi Pan na słowo wierzyć, że ono się czytaiącym spodoba. Interessem iest całey słowiańszczyzny, ażeby i polskie dzieła czytywane były, wszakże my tu czeskie czytuiemy. To wszystko wziąwszy na uwagę racz Pan obmyślić środek, ażeby dziełko moie znalazło pokup w Czechach. Od rychłego rozprzedania pewney części exemplarzy zależy wydanie tomu II. Drukarz nie chce drukować tomu drugiego, póki mu za I. nie zapłacę. Czybyś sam WMPDobr. nie raczył wziąść kilkanascie exemplarzy w komis do rozprzedania? Bądź Pan łaskaw to uczynić, a ia Mu odstąpię rabatt. PP. Kucharski i Krzyżanowski kłaniaią. W. A. Maciejowski.

Почьта Ганки: „Odpow. 10 brezna".

11.

Doniesiono mi z Krakowa, że ieszcze w Kwietniu r. b. przesłano ztamtąd kilka exemplarzy dziełka mego do W-go Kopitara w Wiedniu, pomiędzy któremi były także dwa, przeznaczone w darze W-mu Panu Dobrodziejowi i Panu Prof. Jungmanowi. W tych właśnie dniach przeieżdżał tędy P. Kuszelew Rossyanin i przywiozł mi ukłon od WMPDobr., za co Mu mocno obowiązany iestem. Dowiedziałem się od niego, że WMPDobr. mego dzieła (tom I. historyi prawodawstw słowiańskich) dotąd nie posiadasz. Pisałem więc dzisieyszą pocztą do W-go Kopitara, z zapytaniem, czyli te exemplarze istotnie odebrał.

List WMPDobr. przed kilku miesiącami do mnie pisany, w którym zażądałeś odemnie 15. exemplarzy tegoż dziełka i łaskawie obiecałeś postarać się o ich sprzedaż, doszedł mnie. Prosiłem p. Prof. Trojańskiego w Krakowie, u któregom pewną część exemplarzy złożył, ażeby się postarał o przesłanie ich do Pragi wskazaną mi drogą. Pisał mi przed kilku tygodniami, że ieszcze tego nie uczynił z przyczyny, iż ieszcze P. Lorenzi nie powrócił ze Lwowa. Jeżeli więc masz WMPDobr. iaką sposobność do Krakowa, racz napisać albo do P. Prof. Trojańskiego, albo P. Prof. Bandtkiego, a exemplarze wydane Mu będą, albo liteż P. Trojański postara się o inną iaką okazyę, skoro się ona nadarzy.

Właśnie ukończyłem tom II. i myślę go niezadługo drukować. Prawa czeskie, któreś mi WMPDobr. łaskawie nadesłać raczył, bardzo mi się przydały. Istotnie są one nader trudne do zrozumienia, wszakże, pilnie się w nie wczytawszy, sądze, żem ich myśl odgadnął. Resztę zostawiam do osądzenia znawcom i łaskawego ich wyroku oczękuię. Miłoby mi było, gdyby kto w Pradze napisał mego dziełka recenzyą i wskazał mi, w czém i co mu niedostaie. Naturalnie, że w ogromie takim, iakim iest prawodawstwo słowiańskie, iść tylko może o to, czyli się też główna uchwyciła myśl. Wiele drobnych wiadomości pominąć należy i zostawić ie do odczytania w źródłach. To właśnie wymaga wydania prawodawstw słowiańskich, których do napisania tego dziełka użyłem, a które dotąd w rękopisie zostaią. Mamy szczerą ochotę ia i P. Kucharski zaiąć się wspólnie tą pracą, skoro się tylko ze sprzedaży dwóch pierwszych tomów tyle zbierze, ażeby druk i wydatki opędzić można. Ja więcey niczego nie pragnę, a nadewszystko nie może mi tu iść o zysk pieniężny, bo ścisle biorąc, któż mi iest w stanie opłacić czternastoletnią pracę, którą łożyłem na napisanie tego dziełka?

Jeżeli się zdarzy sposobność WMPDobr. odkryć iakie nowe rękopisa praw czeskich aż do wieku XIV., racz pamiętać na mnie. Może da P. Bóg, że dożyię drugiego wydania dziełka mego, obszernieyszego i dokładnieyszego, ieżeli tylko praca moia znaydzie względy u publiczności swiatley, chociażby i mnieysze iak na to zasługuie ieżeli nie dziełko same, to przynaymniey dobre moie chęci.

Z praw czeskich dopiero widać dokładnie, iak wielki wpływ miały Czechy na prawodawstwa polskie. Częstokroć ani ja, ani ani P. Lelewel, ani P. Bandtkie nie mogliśmy odgadnąć prawdziwego źródła naszych prawodawstw: z tych to praw wykrywa się

ono naydokładniey. Ale dziwić się należy, dlaczego u nas nie znalazły takiego powodzenia sądy Boże, iak w Czechach, skąd się znowu przekonywamy, żem dosyć wiernie i trafnie skreślił charakterystykę poiedyńczych narodów słowiańskich w części I. Bądź WMPDobr. łaskaw uwiadomić mnie, czy dziełko moie posiadasz, lub nie. W przeciwnym razie będę się starał, ażeby ono do rąk Jego istotnie doszło.

W-mu Prof. Jungman ukłon zasyłam ia i P. Kucharski. Ostatni pisał sam do WMPDobr.

Uniżony sługa W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 22 Lipca 1832.

12.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Nie odbieraiąc odpowiedzi na listy moie, sądziłem, że się WMPDobr. na mnie gniewasz, co mnie nie mało zmartwiło, i długom nad tém myślał, iakaby tego mogła bydź przyczyna. Aliści dowiaduię się z Krakowa, że listy moie, którem tamtendy do WMPDobr. pisywał, wcale Go nie dochodziły, i że ani onych 15. exemplarzy tomu I. Historyi prawodawstw słowiańskich nie odesłano do Pragi, z powodu, że P. Lorenzi, który ie miał przesłać, wyiechał do Lwowa i może iuż więcey nie wróci. W tych dniach wyszedł tom II. tegoż dzieła, i ia przesyłam pewną liczbę exemplarzy do Lipska. Jeżeli więc można będzie, i WMPDobr. będziesz tak łaskaw podiąć się tego sprawunku, przeszlę Mu przez Lipsk 15. exemplarzy obydwóch tomów. W Lipsku tom ieden kosztuie 3. reńskie 15. kr. w konwencyiney monecie, a więc exemplarz z dwóch tomów wypadnie na 6. reńskich 30. kraycarów: ia ustępuię tom ieden za 2. reńskie 15. kr.

Upraszam przeto łaski WMPDobr., ażebyś mi raczył odpisać przyszłą pocztą, czyli znaydą się w Czechach czytelnicy tego dziełka, i czyli to nie zrobi subjekcyi WMPDobr., ieżeli go tym sprawunkiem obarczę; tylko racz WMPDobr. napisać szczerze i otwarcie, a nadewszystko, czy sądzisz WMPDobr., iż exemplarze te bez trudności rozsprzedasz, i wiele, bo może 15. iest zadużo. Nie mam ia żadney obawy o to, że z czasem dziełko to rozsprzedam zupełnie, ale teraz iestem w kłopocie, bo drukowałem na kredyt, a drukarz upomina mi się teraz o pieniądze. Wielkąbyś mi przeto WMPDobr. wyświadczył łaskę, gdybyś mógł owe exemplarze rozsprzedać rychło i pieniądze mi przysłać. Wszakże to powinno

nastąpić bez subjekcyi dla Niego. Oczekuię w tém obiaśnienia, zanim do Lipska wyslę książki; proszę więc odpisać mi przyszłą pocztą na to, o co Go teraz proszę, tudzież donieść mi, czyliś WMPDobr. i P. Prof. Jungmann odebraliście po exemplarzu tomu I., które im na ręce P. Kopitara w Wiedniu przesłał, i nakoniec, czyli tam kto w Pradze nie pisze recenzyi mego dziełka, czego ia z duszy pragnę.

Zacząłem iuż pracować nad tomem III. i IV., ale przewidułę, że całego dzieła ukończyć nie będę mógł, nie odbywszy podróży do Pragi, Pesthu, Wiednia i Moskwy. Dołożę wszelkiego starania, ażeby to nastąpiło, ieżeli nie, to trzeba będzie poprzestać na dwóch tomach wydanych, następne dwa ukończy sobie kto inny, zamożnieyszy odemnie i więcey łatwości w tem maiący.

Nie uwierzysz WMPDobr., iak mnie wielce ten przedmiot interessuie: z tego to dopiero źródła pokaże się ów ścisły związek, iaki słowiańskie narody ściśle z sobą łączy; z tego także pokaże się różnica naszych a giermańskich urządzeń, które były zupełnie od siebie różne. Mianowicie też wykazuie się ta różnica z drugiego tomu: w niém to dopiero okazuie się duch słowiańskiego prawodawstwa w całey swoiey okazałości. Do odgadnienia iego bardzo wiele przyczyniły się owe pomniki prawodawstwa czeskiego, któreś mi WMPDobr. przysłał: wyznaię, że bez nich byłaby rzecz cała dosyć kusa i niedokładna.

Upraszam ieszcze raz o odpisanie mi przez pierwszą pocztę, co mam zrobić, czy Panu exemplarze przysłać i wiele. Tylko proszę ceremonii ze mną nie robić i wszystko mi otwarcie powiedzieć.

WMPDobrodzieja przyiaciel i sługa

W. A. Macieiowski.

Wszyscy pańscy przyiaciele ukłon Mu zasyłaią, a mianowicie też P.P. Kucharski i Krzyżanowski.

Z Warszawy,
dn. 4. Listopada 1832.

13.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Okazya do Lipska nie tak się prędko zdarzy, wolę więc odżałować na pocztę i przesłać mu żądane exemplarze w liczbie 15. w dwóch tomach. Paczkę z książkami oddać ma na Podgorzu przyiaciel móy P. Professor Trojański w Krakowie. Dołączam dwa exemplarze na pięknym papierze w darze dla WMPDobr.

i dla P. Prof. Jungmanna, któremu proszę pokłon odemnie oświadczyć. Proszę WMPDobr. z uwagą przeczytać przedmowę do tomu II. i prozbę moią wysłuchać. Koszta portoryi odtrąć WMP Dobr. od zebranych pieniędzy za exemplarze. Były tu i są tanie książki, ale cóż kiedy pieniędzy nie masz: pensyi żadney nie biorę i moi koledzy; dokucza nam wielka bieda.

P. Kucharski kłania. Ja bardzo dziękuię za przypomnienie mnie J. W. Sperańskiemu.

WMPDobrodz. uniżony sługa W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 1. Grudnia 1832 r.

14.

Wielmożny Mości Dobrodzieiu!

Ponieważ się nie nastręczała okazya do Lipska, chciałem Panu prędzey iak przed Wielkanocą 15. exempl. mego dziełka przesłać, a chcąc to tańszym uczynić kosztem, napisałem do P. Professora Trojańskiego w Krakowie, ażeby mu owe 15. exemplarzy (po dwa tomy każdy) przesłał. Doniosł on mi pod dniem 21. Stycznia r. b., że to uczynił, i ia sądziłem, żeś iuż WMPDobr. i te exemplarze na papierze zwyczaynym i 2. tomu II. na papierze pięknym, ieden dla Niego w podarunku, a drugi dla P. Prof. Jungmana, odebrał. Aliści z listu do P. Hubego pisanego w tych dniach dowiaduię się, że to ieszcze nie nastąpiło. Jeżeli tak, to pakiecik z książkami zaginął gdzieś na austryackiey poczcie, bo P. Trojański oddał go na podgorską pocztę. Racz mi więc WMP Dobr. donieść zaraz pierwszą pocztą, czyli tak iest istotnie, bo należy dopytywać się na poczcie, gdzie te książki zaginęły. Jeżeli zaginęły istotnie, prześlę WMPDobr. inne exemplarze, bo się właśnie teraz wydarzy okazya do Lipska. Tylko proszę zaraz odpisać.

Dołączony tu list racz Pan oddadź na pocztę. Piszę do P. Szaffarzyka, czyli on swoie exemplarze odebrał, bo P. Trojański przesłał mu ie przez tąż samą podgorską pocztę. Boię się, żeby i do Niego przesłane exemplarze nie zaginęły.

Pracuię nad tomem III. IV. i bardzo mnie ta praca zaymuie. Kończę prawo polskie, a więc kończę naytrudnieyszą część. Potem przystąpię do prawa litewskiego, późniey do ruskiego, a następnie do czeskiego. Upraszam WMPDobr., ażebyś powoli raczył mi wynotować wszystkie zabytki czeskiego prawa od Ka-

rola IV. aż do Józefa II., ale tylko ziemskiego prawa. Ja oprócz statutu Władysława, Wolfa z Wrszowic i Landrecht za Ferdynanda (dwa te pisma mam od Pana) nic więcey nie znam. Dla ukończenia tego dzieła muszę koniecznie do Pragi przyiechać, iednakże możnaby i tu na mieyscu ukończyć iuż w części moie dzieło i tak z gotowém na pół do Pragi przyiechać. Skoro odbiorę od WMPDobr. spis wynotowanych dzieł, rozważę go i ieżli będę miał pieniądze, upraszać będę WMPDobr. o przysłanie mi takowych. Racz WMPDobr. wynotować mi także wszystko, co się o prawie czeskiém i administracyi krajowey może znaydować w pismach peryodycznych, tudzież i te dzieła, które o prawie pisano, a które się w Historyi literatury P. Jungmana nie znayduią. Bardzo proszę o uwiadomienie mnie pierwszą pocztą, iak rzecz ta stoi co do książek.

WMPDobr. przyiaciel i sługa W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 14. Lutego 1833.

15.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Nie wątpię, że się Pan Dobr. przypiskiem na zwrótnej stronie recepissu o porządném odebraniu exemplarzy dzieła Pańskiego przekonałeś. Przyłączonych trzydzieścia pięć ryńskich konw. mon. posélam za dotąd sprzedane exemplarze Historyi Prawodawstw słowiańskich. Naszym Czechom, przywykłym na tanie książki, zdaje się być dzieło Pańskie za drogie, i niektórzy na brzytki papier na niem się skarżą. Za resztę jeszcze pieniędzy nie otrzymałem. Przysłałem także exemplarze niektórym Radcom appelacyinym, o których wiedziałem, że w Galicyi urzędowali, lecz mi je jakoż i Professorowie prawa uniwersytetu tutejszego, którzy nawet ani po czesku, tym mniej po polsku czytać nie umieją, powrócili. Widzę, iż z temi staremi prawnikami nic do czynienia nie ma; muszę więc młodych do tego zachęcać, żeby tylko młodzi więcej pieniędzy mieli! Teraz posyłam Panu Dobr. Zřjzenj zemská Ferdinanda I. od r. 1530; Voigta Über den Geist der Böhm. Gesetze; Proszkowskiego Moderamen differentiarum juris boh. i Manuductio ad praxin bohemicam. Prawda, wiele jeszcze zbywa, cobym Panu Dobr. przysłać miał, lecz książki te są nader wielkiego objęcia, jako dzieła Weingartena, Schambogena, Neumanna z Puchholz, lecz nie bardzo wiele z tych foliantów i quartantów korzystać można. Najpotrzebniejsze teraz do

roboty Pańskiej będą Victorina ze Wšehrd Dewatery knihy o právech země české i Ctibora z Cimburka Kniha Towačowská zemského práwa morawského, bez których się Pan Dobrodziej, chcąc nieco dobrego wypracować, obejść nie może. Lecz niestety, te dzieła dotąd drukowane nie były, i tak ogromne księgi z rękopisów przepisane wiele kosztować będą. Kupiłem w licytacyi, myśląc na WPana Dobr., nowie przepisane Naystarśj Práwa země české, ale gdym je już w domu lepiej przeglądał, widzę, że najmniejsza część Państwu potrzebną być może, t. i. Nálezy niektóre za Zygmunta, Ladislawa, Giřjho i Władislawa, jako i Řád koruny české cjsařem Karlem potwrzený; większa zaś część rękopismu tego zawiera Prawa Andrzeja z Dubé podlejszej recensii i tak nazwane Práwo císařské z niemieckiego tłomaczone. Niechcę Pana Dobrodzieja takiemi szkortekami obciężać, bo to w pięknej oprawie 132 arkuszy wynosi.

Książki tu przyłączone, jako: Slawin, Vetustissima Vocabularia latino-bohemica i t. p., proszę Panu Kucharskiemu doręczyć, prosząc go, aby o nich, zwłaszcza o pierwszych dwóch, w niektórym warszawskim periodycznym pismie spomnieć i mię odcisk tego listu przygodnie przysłać raczył; przyczem też, aby nie zapomnieć, nowy katalog polskich książek ze znaczkami swemi, jako gdyś Jungmannowi uczynił, przyłączyć.

Pan Prof. Jungmann P. Dobr. jest bardzo wdzięcznym za przysłanie dzieła swego i radby się odsłużyć za tak zacny podarunek. Ja proszę wyjawić moje uszanowanie znajomym, jako P. Hubemu, Brodzińskiemu, Szubertowi, Bentkowskiemu, hrabiemu Skarbkowi etc. Polecając się łaskawej pamięci, zostaję W. P. Dobr. szczery przyjaciel i sługa Wacław Hanka.

Ohřeb jest w pag. 148 rozgrablenie; přjbuzný—staré přjwuzný, přjuzný jest od węzeł, *uz.* Czytałem oba tomy, lecz muszę czytanie powtórzyć, żebym o tem nieco rzec mógł.

Vetustiss. vocab. w regestru nieznanych słów są objaśnienia też i jurydyckich wyrazów.

w Praze,
9 brezna 1833.

16.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Pisałem do WMPDobr. przed miesiącem, a nawet pisałem erga recepisse, wszakże odpowiedzi żadney nie odbieram. Nie-

n będąc, czyś WMPDobr. owe 15. exempl. mego dziełka
ał z Krakowa, posełam Mu inne 15., każdy tom po dwa
15 kr. w srebrze. Zebrane pieniądze racz mi WMPDobr.
nadesłać. Jeżeliś odebrał z Krakowa książki, to rachuiąc
e, które teraz odbierasz, będziesz miał exempl. 30. Co nie
ısz, zatrzymay WMPDobr. u siebie aż do dalszey dyspo-
Ale mocno proszę odpisz mi zaraz przez pocztę, skoro ten
ıierzesz. Pracuię teraz nad III. IV. tomem i iużem prawie
ył co naytrudnieyszego. Ale skąd wziąść materyałów do
h praw? Znaiomi kłaniaią WMPDobr. a mianowicie P. Ku-

..

'MPDobr. uniżony sługa W. A. Maciejowski,

e książki teraz odbierasz WMPDobr. przez księgarnią Hin-
w Lipsku; do niey udadź się WMPDobr. możesz, maiąc
mnie. Wszakże wprzód odpisz mi przez pocztę.

Z Warszawy,
22. Marca 1833 r.

17.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

'myłka zaszła! Jeszcze w zimie pisałem do WMPDobr., aże-
i doniosł, czyś otrzymał 15 exempl. mego dzieła z Krako-
e odpisałeś mi na to PDobr., a ia sądząc, żeś nie odebrał,
ım mu nowe 15. exempl. przez Hinrichsa księgarza Lipskie-
trzymayże więc WMPDobr. i te nowe exemplarze i sprze-
, ieźli możesz. Nowa omyłka zaszła co do ceny: omyliłem
kazałem WMPDobr. sprzedawać exemplarz po 4. reńskie
w monecie konwencyiney, a należało tylko wziąść za dwa
po 3. reńsk. 30 kr. konw. monety, to iest tyle, po ile się
:edaie. Niechayże więc WMPDobr. raczy powrócić tym
ı, co pokupili dziełko moie, to co nadto dali, i przeprosi
. omyłkę z moiey strony popełnioną. Możesz WMPDobr.
nu ten list pokazać, a przekona się o prawdzie.

Vypadło mi tak z planu, że do drugiego okresu historyi
dawstw słowiańskich mogę tylko użyć same drukowane
: o takie więc upraszam WMPDobr., a co się tyczy rękо-
te opuścić muszę. Upraszam mocno WMPDobr., ażebyś
skaw kazać mi przepisać statut czeski Władysława Jagie-
ka, on stanowi fundament do moich badań, dopiero póź-
dzie zřizenie i t. d. Ale proszę bardzo, ażeby przepisu-

iąc także i na boku położyć pagina, podług wydania dawnieyszego, bo cytować wypadnie podług druku, ale nie podług kopii. Wszakże cóż robić, trzeba użyć kopii, kiedy oryginału nie można. Czy nie byłbyś WMPDobr. łaskaw zebrać dla mnie wszystkie zródła prawa czeskiego drukowane (NB. tylko ziemskiego prawa) i nadesłać mi te, które są mnieyszey obiętności i które są głównemi zródłami, co się dotyczy pism samychże prawników, te niech zostaną na mieyscu. Skoro będzie moia praca posunięta daleko, sam przyiadę do Czech i na mieyscu ie obeyrzę. Widzę, iż dla dokończenia tomu III. IV. muszę bydź w Pradze koniecznie.

Racz WMPDobr. te dwa listy oddać na pocztę, a pisząc do mnie kiedy, donieść mi, czy się P. Szaffarzyk iuż sprowadził do Pragi.

Za przysłane dziełka mocno dziękuię, własnie przeglądałem zrizenie i widzę, żem dobrze odgadnął prawo czeskie w pierwszym okresie. Skończyłem iuż i prawo litewskie, składa się ono z ruskiego i mazowieckiego, a więc z czeskiego prawa. Czy nie napisze kto w Pradze recenzyi mego dziełka? Donieś mi Pan o tem. P. Kucharski kłania.

Przyiaciel i sługa W. A. Maciejowski.

P. S. Za nadesłane 35. reńskich bardzo dziękuię!

Z Warszawy,
dn. 5. Maja 1833 r.

18.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Przed kilku tygodniami pisałem do WMPDobr. dziękuiąc Mu za nadesłane mi 35. złł. reńsk., zebrane z sprzedarzy exemplarzy, i donosząc Mu oraz, że przez omyłkę posłałem Mu drugie 15. exemplarzy mego dziełka. Posłałem ie zaś przez Lipsk, przez księgarza Hinrichsa, nie wiem, czy one iuż doszły rąk Jego.

W liście pisanym do Niego upraszałem WMPDobr., ażebyś był łaskaw kazać mi przepisać czeski statut Władysława Jagielończyka, przytoczony w Historyi literatury czeskiey P. Jungmanna, na karcie 114, pod N-ro 201. Dzieło to iest mi teraz iuż bardzo potrzebne, bo właśnie kończę czytanie zródeł praw ruskich, aż do Piotra W. i zaraz przystąpię do czytania praw czeskich, a początek zrobić muszę od owego statutu Władysława Jagielończyka. Racz więc WMPDobr. pracę tę kazać przyspieszyć i nadesłać mi ią pocztą.

Pisałem iuż WMPDobr., że z moich widoków wypadło nie używać do okresu drugiego historyi prawodawstw słowiańskich żadnych rękopisów. Wszakże i to co iest drukowane nie znayduie się u nas, i muszę mocno upraszać WMPDobr., ażebyś był łaskaw postarać mi się o te zbiory, które P. Jungmann przytacza: a mianowicie, przytoczone p. 236. pod № 676. 677. 678. 680. Przytoczone p. 237. pod № 685. 686. 687. Przytoczone p. 238. pod № 688. 689. Przytoczone p. 389. p. № 414. 415. 416. 417. 418.

Naturalną iest rzeczą, że mi WMPDobr. wszystkich tych dzieł dostarczyć nie możesz, ani też nie podobna przesyłać ie pocztą, bo by mnie transport kosztował wiele: wszakże możnaby przysłać co nayważnieyszego i co iest mnieyszey obiętości, a po resztę sam muszę przyiechać do Pragi. Mam w Bogu nadzieię, że to pewno nastąpi w roku przyszłym. Widzę bowiem, że dzieła mego porządniey wypracować niepodobna, nie bywszy w Pradze i w Pesth. Racz mi więć WMPDobr. razem z onym rękopisem ieszcze coś więcey przysłać, coby wiele nie zaważyło, a resztę, ieżeli możesz, poszliy do Krakowa przez okazyą do P. Bandtkie, skąd mnie to doydzie. Proszę tylko o przysłanie mi tu wymienionych numerów: o nic innego nie proszę, a mianowicie też dziękuię za podobne książki, iakieś mi WMPDobr. po łacinie przysłał. Te nowsze rzeczy na nic się nie przydadzą. Kto chce prawo czeskie zrozumieć, powinien czytać zrzódła!

I to także proszę WMPDobr., czy się znayduią w czeskiey literaturze dawni autorowie tacy, z którychby można zasiągnąć wiadomości obiaśniaiących nam wewnętrzne dzieie narodu, lub czyli coś podobnego znaleść można w kronikarzach czeskich, albo czy warto iest odczytać w tey mierze historyków nowszych czeskich? Dobrzeby zawczasu o tém wszystkiém wiedzieć, lubo obszerniey o tém pomówimy z sobą, gdy przyiadę do Pragi.

W okresie drugim naybardziey zastanawiać powinny wyobrażenia religiyne, iakie panowały w Czechach, i stąd powstałe wyobrażenia o sądach duchownych i o dziesięcinach. Jest to nader trudna materya, a iak się spodziewam trudnieysza niż w polskiém prawie. Nie będąc biegłym w historyi kościelney słowiańskiey i nie mogąc wszystkiego wiedzieć dokładnie, chciałbym w tey mierze użyć pomocy cudzey. Czy nie wiesz WMPDobr. kogo w Czechach, do któregobym się mógł udać w tey mierze? i iak do niégo pisać: po polsku, czy po niemiecku? Możeby się ktoś znalazł, któryby skreślił dla mnie historyą sądów duchownych czeskich i dziesięcin, resztębym iuż sam wykonał.

O tém wszystkiém racz mi WMPDobr. napisać obszernie,

19.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Slicznie WMPDobr. dziękuię za przysłanego mi Wiktoryna z Wšehrda, przez JX. Laubera. Chowam ten rękopis i odwiozę go Panu nienaruszony, bo się spodziewam pewno być w Pradze przyszłych feryy. Tym czasem donoszę, że z tego rękopisu żadnego użytku zrobić nie mogę. Pisałem WMPDobr., że III. IV. tom mego dzieła będzie ułożony tylko z drukowanych książek. Mam do tego pewne powody. Nie wątpię ia o tém, ażeby mi rękopisa nie miały przynieść znaczney korzyści, wszakże muszę się trzymać pewnego planu i tylko drukowane książki czytać. Rozważywszy dokładniey rzecz, postanowiłem zmienić zdanie i drugi okres prawodawstwa czeskiego zakończyć nie na Józefie II., lecz na roku 1620., czyli na wypadku bitwy pod Białą gorą. Przekonałem się bowiem, że pózniey ze mnianą stanu politycznego Czech zmienił się i stan prawodawstwa. Bądź więc WMPDobr. łaskaw i wyszukay dla mnie praw drukowanych dochodzących aż do r. 1620. i przysliy mi ie przez pewną okazyą, lub przez pocztę. Nadewszystko proszę przepisać mi statut Władysława Jagielończyka, bo on stanowić będzie podstawę moiey pracy. Tu go nigdzie nie masz, a ten exemplarz, którego do swych prac używał P. Rakowiecki, Bóg wie gdzie się obraca. Muszę wszystko przeczytać przed feryami i z gotową rzeczą do Pragi przyiechać: resztę tam uzupełnię i Pana mego, tudzież innych Panów Czechów, moich kochanych braci, uściskam. Bądź tylko Pan łaskaw, zaiąć się zaraz tą pracą. Jeżeliś dotąd nic nie sprzedał z moich książek i pieniędzy na kopistę nie masz, to mi napisz proszę, a ia pieniędzy przyslę. Bądź tylko łaskaw postarać się o to, ażebym wszystko miał niezadługo.

Jest ieszcze druga proźba do WMPDobr.: chcemy tu prenumerować na czeskie pisma peryodyczne: Czasopis, Czechosław, Krok. Donieś proszę, ile wyniesie roczna prenumerata, a pieniądze przyslemy. Ale w chęci iesteśmy mieć cały Czasopis, więc napisz Pan, ile cały będzie kosztował, tudzież roczna prenumerata Czechosława i Kroka. Proszę nadto o 1. exemplarz czeskiey Grammatyki. Jest nadto proźba o wywiedzenie się o dziełku podobném, iak iest P. Kollara: to iest o dziełku, któreby tłomaczyło greckie, łacińskie i niemieckie imiona, używane na chrzcie od Słowian. Czy Pan nie wiesz o takowem dziele? Upraszam o zapieczętowanie dołączonych tu listów i o oddanie na pocztę listu do P. Kollar, a o wręczenie drugiego P. Prof. Szaffarzykowi,

który teraz w Pradze bawi. Mocno przepraszam, że o to WMP Dobr. fatyguię. P. Kucharski kłania WMPDobr. i Panu Jungmanowi, oycu i synowi.

WMPDobrodz. uniżony sługa W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 5. Listopada 1833 r. Почта Банки: „Odp. 8. pros.".

20.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Statut Władysława i dzienniki któreś mi WMPDobr. łaskawie przysłać raczył, odebrałem. Wynotowałem wszystko, co mi potrzebne do III. IV. tomu Historyi prawodawstw słowiańskich, i znowu nie mam nic do roboty. Widząc, że tym sposobem nie będę mógł dzieła mego ukończyć zupełnie, postarałem się u Rządu o wsparcie na podróż do Pragi, i ta przyznaną mi została (sic). Zamyślam więc za dni dziesięć, to jest dn. 13. Maja wyjechać z Warszawy do Pragi. Drogę, iako krótszą, obieram na Wrocław i spodziewam się przy pomocy Boga stanąć w Pradze około 20. b. m. i złożyć moie uszanowanie WMPDobr. Proszę tym czasem naiąć mi w bliskości WMPDobr. izbę iedną na mieszkanie przez miesiąc, ale nie bardzo drogo. Spodziewam się pracę moią uskutecznić w tym przeciągu czasu, rachuiąc na łaskę Jego i pomoc, którey mi pewno WMPDobr. odmówić nie raczysz. Mianowicie prosiłbym o przygotowanie mi pism o uniwersytecie pragskim aż do r. 1620, tudzież o szkołach, o oświacie i moralności narodu, a wogóle o tém wszystkiem, co wewnętrzne życie Czechów aż do owego czasu wyświecić może. Toż samo wiedzieć mi wypada o Węgrach, a mianowicie o Słowakach aż do pokoju Karłowickiego, ale skądże o tém zasiągnąć wiadomości? Ja sądzę, że w Pradze powinny się znaleść źródła i do historyi węgierskiey. Jakiekolwiek one będą, muszę się na nich ograniczyć, bo do Pesztu iechać niepodobna, i trudno naprzykrzać się o pieniądze i na tę podróż. Z upragnieniem oczekuię chwili, w którey będzie mi wolno uściskać WMP Dobr. i innych Słowian. Oświadcz im to WMPDobr. odemnie.

Przyiaciel i sługa W. A. Macieiowski.

Od P. Kucharskiego list przywiozę.

Z Warszawy,
dn. 3. Maja 1834.

21.

W-ny Hanka, Bibliotekarz Museum narodowego czeskiego, raczy okazicielowi tego wydać dla P. Sudziłowskiego exemplarz moiego dzieła we dwóch tomach „Historya prawodawstw słowiańskich", za które pieniądze w ilości złł. pol. czternaście odebrałem. Za takowąż cenę raczy W-ny Hanka każdemu Polakowi dzieło to wydać, ile razy się ktoś po nie zgłosi.

W. A. Macieiowski,
Sędzia Trybunału Cywilnego I. Instancyi Woiewodztwa Mazowieckiego.

W Karlsbadzie,
dn. 25. Czerwca 1834.

22.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Pierwszy z Doktorów tuteyszych nawinął mi się P. Hochberger, do którego dał mi list P. Zachert: tego więc radziłem się i radzę, a przeto listu Pańskiego nie oddałem P. Carro. P. Hochberger kazał mi tu bawić trzy tygodnie, a na drugie trzy tygodnie iechać do Franzensbrunn. W przyszły więc tydzień wyjeżdżam tamże. Upraszam mocno WMPDobr., ażebyś się iak naytroskliwiey opiekował moim manuskryptem, inaczey (czego Boże broń!) gdyby mi zaginął nie wiedziałbym co począć. Pisz P. Dobr. o prawach czeskich, wszak masz dosyć czasu do tego, a za przyiazdem moim do Pragi rozważymy, coś napisał. Sciskam po tysiąc razy WMPDobrodz. i raz ieszcze ponawiam prozbę moią.

WMPDobrodzieia przyiaciel i sługa
W. A. Macieiowski.

Do W. Hanka, Bibliotekarza przy muzeum narodowym czeskim.

Z Karlsbadu,
dn. 3. Lipca 1834.

23.

W-ny Hanka, Bibliotekarz Muzeum narodowego czeskiego, raczy wydać ieden exemplarz z dwóch tomów złożony, Historya prawodawstw słowiańskich, dla P. Kryłowa. Pieniądze w ilości złł. pol. 14. odebrałem. W. A. Macieiowski.

Franzensbrunn,
dn. 13. Lipca 1834.

Ostrzeżenie.

Naylepiey będzie oddać ten exemplarz do Księgarni praskiey Kronenberg et Weber i prosić ią, ażeby do Karłowaru, gdzie także P. Kronenberg utrzymuie księgarnią, ten exemplarz przesłała z nadmienieniem, ażeby tenże z Karłowaru przesłał exemplarz P. Kryłow przez Stellwagen (Gesellschaftswagen) do Franzensbrunn. Tylko prosić, ażeby się pospieszono z rzeczą, bo P. Kryłow ieszcze tylko dwa tygodnie tu zabawi. P. Kryłow mieszka w Franzensbrunn *zum goldenen Stern*.

24.

Szanowny panie Wacławie, drogi współziomku i przyiacielu!

Odebrałem z łaski Twoiey wizerunek, wycisnięty na laku, który mi wręczył P. Plewiński, i za takowy dar dziękuię. Dotąd od Ciebie ani listu żadnego, ani książek nie odebrałem. Ja dobrze pamiętam o długu, który za Czasopis mam oddać w książkach, lecz książki chciałbym kupić tanio, a dotąd nie miałem czasu chodzić za tym sprawunkiem, bo mnie druk dzieła i urzędowe zatrudnienia wiele pracy kosztuią. Ale bądź WMPDobr. *pewny*, że słowa dotrzymam i że Mu książki nadeszlę. Móy kuzyn, do którego tu list załączam, pisał mi z Wiednia, że tam rosprzeda kilkanaście exemplarzy mego dzieła. Poszliy mu ten list, który dołączam, zrobiwszy kopertę i napis, iaki na liscie stoi, a ieżeli się zgłosi, racz mu przesłać do Wiednia 10. exempl., resztę zatrzymay u siebie do dalszey dyspozycyi.

Druk dzieła mego postępuie, i mam w Bogu nadzieię, że na Wielkanoc wyidzie tom III. i IV. W Zbirce dawnych słowników czeskich, ktoraś WMPDobr. wydał, znalazłem *wiele*: dla mnie dosyć ieden wyraz, ażeby się domyśleć reszty. Proszę zaraz mi przysłać cokolwiek u was wyidzie ze starych druków; czytaiąc ie pilnie, można z nich wiele skorzystać.

Co się dotyczy naukowości, nie mam nic donieść. Opowie to Kwartalnik, który P. Helcel wydaie w Krakowie. Proszę dla niego względy, i ieżeli możesz, napisz WMPDobr. co dla iego Kwartalnika. Jeżelibyś zażądał dla siebie, lub dla muzeum iakich książek rossyiskich, dobrzeby było udać się do mnie: można tym sposobem nabyć książek taniey, iak przez księgarza. Ciekawy iest opis

postępu Hussytyzmu w Polsce w XV. XVI. wieku, który świeżo wydał P. Łukasiewicz w Poznaniu.

Żegnam Cię, drogi przyiacielu, którego wspomnienie będzie mi zawsze miłe. W. A. Macieiowski.

Książki posłane do Franzensbrunn zginęły! Cóż robić!

Z Warszawy,
dn. 30. Grudnia 1834.

25.

Szanowny panie Wacławie Hanko!

Miło mi nader, że mogę dać listownie rozmawiać z Tobą. Co czuię dla Ciebie i dla wszystkich Słowian, to wiesz: a resztę powie Ci tom III. mego dzieła, który posyłam w ilości exempl. 35. Z tych exemplarzy 5. zachoway do dalszey dysp ozycyi, aż się rozmówię z P. Milowukiem w Peszcie. P. Trębickiemu wraz z historyą polską, którą nadsyłam, i tym biletem przesliy exemplarzy tyle, ileś mu przesłał z I. i z drugiego tomu, a resztę staray się rosprzedać i rychło nadesłać mi pieniądze wraz z temi, które za kilka exemplarzy, iak mi pisał P. Szaffarzyk, zebrał. Cena exemplarza całego ze 4. tomów iest wyrażona na odwrotney karcie tytułu: wiesz, ile prenumeratorowie dali za dwa pierwsze tomy, więc resztę do 32. zł. pol. czyli 8. reńskich w monecie dopłacić maią. Owemu Morawiakowi, któremu dałem w podarunku tomy dwa pierwsze, dasz teraz tom trzeci także w podarunku (NB. przypominam sobie, żem od Zacherta księgarza sam wziął 1. exempl. z dwóch tomów, więc przesyłam dla Ciebie nie 30., lecz 29. exempl.). Tom IV. nadeslę naydaley za miesiąc, bo iuż się kończy. Co się dotyczy sprawunków twoich posyłam tym czasem Gołębiowskiego cztery tomy, resztę poslę przy tomie IV., a oraz wyrachuię Ci się z 12. reńsk. w monecie, którem Ci winien za książki. P. Kontecki tu iest, ale książek dotąd nie masz. Dołączone tu inne książki wraz z listem oddasz P. Szaffarzykowi.

To, com w tomie III. p. 222—39. o kosciele słowiańskim powiedział, racz odczytać z uwagą wielką i przysliy mi iak tylko rychło możesz cokolwiek wiesz o tey materyi w Czechach i za Karpatami; zwróć także uwagę innych na ten przedmiot i proś ich, ażeby mi materyały do osobney rosprawy, którą w tey mierze napiszę, nadesłali. Ja iuż coś więcey zebrałem. Ale ieszcze wiele mi nie dostaie: a widzisz, że to iest materya bardzo ważna! Amice fer opem. Inne uwagi możesz mi nadesłać później, ale

gdzie potrzeba, zanim wyiedzie do wód (bo może tego roku wyiedzie?). Zrób to, kochany Wacławie, a zarobisz sobie na wdzięczność wszystkich Słowian. Ja mam ochotę do takiey pracy, ale mi na środkach zbywa!

Chciałem Ci ten list posłać razem z książkami: ale wolę odżałować na porto i posłać Ci go przez pocztę, ażebyś mógł *zaraz* do Sperańskiego napisać. Dołączone tu karteczki odday iedną P. Szaffarzykowi, a drugą posliy zaraz do Wiednia P. Trębickiemu. Kłaniay wszystkim. Twóy W. A. Macieiowski,

Z Warszawy,
dn. 30. Kwietnia 1835 r.

26.

Szanowny panie Wacławie Hanko!

List pod datą 30. Kwietnia miałem na pocztę odesłać, ale mi przyszło na myśl, że wszystko iedno czy z książkami razem, czy osobno posłany będzie. Bo lubo interes, o którym pisałem, wymaga pospiechu, iednakże, ieżeli ma być z niego coś, to i tak będzie. Ty więc racz zważać, iakby w tey mierze naylepiey trafić do celu, i tak napisz do P. Sperańskiego, ażeby on nie rozumiał, że się gwałtem narzucam. Wystaw mu tylko potrzebę takowego dzieła i powiedz, że nikt oprócz mnie nie potrafi tego lepiey zrobić w ten sposób, ażeby właśnie esprit des lois wystawił w sposób taki, iak są poprzednie tomy mego dzieła. Resztę polecam Bogu i Tobie: wiesz dobrze, żeby takie dzieło wielce było pożądane dla dobra samey Rossyi i całey Słowiańszczyzny.

Posełam Ci Gołębiowskiego: cena iego wyrażona iest w spisie książek, które P. Szaffarzykowi przesyłam. Reszta pieniędzy, iaka Ci się odemnie należy (winienem Ci 12. zł. reńsk.), pozostanie na dalsze sprawunki, lub sobie takową odtrącisz z prenumeraty na dzieło moie. Innych sprawunków, któreś mi, gdym był w Pradze, dał, zrobić Ci nie mogłem i nie mogę. Żądałeś Dziennika Warszawskiego od N-ro 53. z r. 1829, lecz ten dziennik daley nie wychodził. Pamiętnika Warszawskiego od poszytu 3. z r. 1829. mogłbym Ci przesłać następne numera z lat 1830—1831, lecz muszę Ci uwagę tę zrobić, że z tych lat nie obeymuie ów Pamiętnik li historycznych i filologicznych rospraw, ale także matematyczne i fizyczne: chcesz to ci przeslę? Dekamerona całego można dostać, a nie od N-ru 4-tego daley: iest to pismo liche, nie warte, żebyś nabywał exemplarza całego. O Pamiętnik sandomirski musisz się udać do Krakowa: tam mieszka iego wydawca.

Z książek, które posełam P. Szaffarzykowi, wyłącz historyę polską przez L. i tę wraz z exemplarzami mego dzieła przesliy P. Trębickiemu do Wiednia. Pisałem do P. Szaffarzyka o niektóre książki czeskie dla przyiaciela iednego. Ponawiam prośbę, wzywaiąc Ciebie, ażebyś mi ie przysłał, iako to: Mater verborum, Przysłowia czeskie Czelakowskiego, Porekadla (przysłowia) Słowaków przez Trnka, Zorza noworocznik Słowaków i iedną z naylepszych kronik czeskich po czesku, czy nie ma inney prócz tey, co wydał Palacky (Scriptor. rer. bohemicar. tom III.)? Jeżeli nie, to i tą przysliy. Naylepiey byłoby przesłać te książki do Hinrichsa w Lipsku, z prośbą, ażeby mi ie przez okazyą do Warszawy przesłał. Bądź zdrów, kochay mnie, a pisz prędko.

Twóy przyiaciel W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 1. Maja 1835 r.

27.

Szanowny Panie Wacławie!

Mając prawie okazyją dwuch młodych Rossian, powracających do Petersburga, zaraz pisałem JW. Sperańskiemu, i jeżeli w czeskie kąpiele przyiedzie, sam z nim o tem pomówię. Rozdział V. o duchownym rządu przeczytałem, i co mię się tyczy, przystąpiłbym rad do mniemania pańskiego, lecz, Panie, wielką opozycyią znajdziesz u katolickich księży. Według tego smysłu trzeba w Legendzie czytać: „хочеть тя Болеславъ убити съ матерью и съ мужи своими" i niekłaść komma po убити, jak to pan Wost. učinił, a ja po něm. Lecz co nam najwięcej światła dać może, spodziewam się, że to Legenda Montekassinska, o którą zaraz Jenerałowi Benediktinów do Rzymu pisać będę. W tłomaczeniu rossyiskiem niech poprawią zamiast król Wratisław i Wacław zawsze kniaź, bo u nas królestwa tego czasu jeszcze nie było. Szkoda, że mi teraz tak prędko niemozna więcej się rozwieść w pisaniu, i że nie mogłem jeszcze cały tom III poważnie przeczytać, coż później z radością uczynię. Panu Trębeckiemu, któremu wielce obowiązanym jestem, będę zaraz pisał z przyłączeniem bileciku pańskiego. Jak to, niewyrozumiałem dobrze, cóż Pan Kontecki książek z sobą nie przywiózł? i gdzieby były zatrzymane, czy gdzieby ich był zostawił? Kontynuacye dzienników oczekiwają na dobrą okazyją, jakoż i trzeci i czwarty zeszyt Dziennika dla JW. Pana Linde.

Wszyscy się Panu Dobr. kłaniają, i ja polecając się miłości [illegible], jestem, jako zawsze, najżyczliwszy Wacław.

Panu Kucharskiemu i drugim znajomym proszę moje słowiańskie pozdrowienie. Bądź i Pan zdrów i wiesoł.

Praga,
10 Czerwca 1835.

28.

Szanowny Panie Wacławie!

Książek, któreś mi przez P. Konteckiego przysłał, dotąd nie odebrałem! P. Kontecki wyiezdżaiąc oddał ie w Pradze do kantoru kommissowego, i dotąd mi ich nie przysłano. Boię się, ażeby gdzie nie zginęły!

Donoszę Ci, żem w tych dniach posłał przez furmana do Lipska na ręce Hinrichsa księgarza 35. exemplarzy 3. 4. tomu historyi prawodawstw słowiańskich, tudzież dwa całe exemplarze (z 3. 4. tomu) dla PP. Jungmann i Kollar, a oraz dwa exemplarze tomu 4-go dla Ciebie i dla P. Szaffarzyka. Rozday ie posiadaczom dwóch pierwszych tomów, tudzież ieden exemplarz gratis Morawianowi, któremu bywszy u Ciebie w Pradze podarowałem ieden exemplarz dwóch pierwszych tomów. Skoro tylko za te exemplarze odbierzesz pieniądze, to mi ie przesliy, bom się bardzo zadłużył księgarni. Pisząc do mnie, wypisz mi także tytuł owey legendy o S. Wacławie wydania P. Wostokowa: chcę ią czytać w oryginale. Ty zaś, szanowny P. Wacławie, pozbieray mi naylepsze dowody, iakie tylko znaleść możesz, o kościele słowiańskim w zachodniey słowiańszczyźnie. Chcę w tey mierze coś napisać, a ieżeli ktoś będzie przeciwko mnie pisał, bardzo mnie to cieszyć będzie: bo mnie idzie tylko o prawdę.

Dziękuie Ci za to, żeś napisał do J. W. Sperańskiego we wiadomym interesie. Day Boże, ażeby coś było z tego! Jeżeli ieszcze do niego raz pisać będziesz, powiedz Mu, ażeby nikogo nie słuchał, ktoby mógł mu odradzać to dzieło, bo ia sądzę, żem naylepiey usposobiony do zrobienia coś takiego, a nie kto inny.

Dołączone tu dwa bileciki racz doręczyć P. Szaffarzykowi. Kochay mnie a pisz rychło iak tylko być może.

Twóy przyiaciel

Wacław Alexander Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 1. Lipca 1835 r.

29.

Szanowny Panie Wacławie!

Z upragnieniem oczekuię od Ciebie wiadomości, czy iuż nadeszła do Was kronika Montekasinska, i czy będziesz łaskaw przysłać mi z niey kopią. Tudzież czyś dużo nazbierał dla mnie o kościele słowiańskim w Czechach? Nie dosyć na tem: mam teraz ieszcze nową prośbę do Ciebie, t. i. ażebyś był łaskaw kazać mi ieszcze raz przepisać 1., jura primaeva Moraviae z dodatkami, ktoreś mi przy pierwszey kopii umieścił; 2., prava země české; 3., řad země české. Tłomaczenia łacińskiego nie potrzeba, oprócz kilku §§, to iest począwszy od § 99. z łacińskiego tłomaczenia řadu země české.

Używaiąc tych kopii do dzieła mego, tak pogryzmoliłem i pokreśliłem, że trudno będzie do końca trafić, drukuiąc ie, więc proszę Ciebie, szanowny panie Wacławie, ażebyś mi ie iak nayprędzey przepisać raczył, ale bez tłomaczenia, iak iuż pisałem: wyiąwszy ów kawałek (od § 99.), bo tego w czeskim oryginale nie masz. P. Szaffarzyk kopiscie zapłaci, ile każesz, bo posiada on moie pieniądze za książki, którem tu kupił dla niego.

Na wszystko Cię proszę, Panie Wacławie, racz mi *zaraz* przepisać te prawa, czytelnie i wyraźnie, bo one poydą do druku.

Posełaiąc teraz do Lipska tom III. i IV. mego dzieła, załączyłem dla Ciebie exempl. 35. do sprzedania, tudzież exemplarze na pięknym papierze w podarunku dla Ciebie, Szaffarzyka, Jungmana i Kollara. Powiedz mi, proszę Cię, co Kollar robi? Przeszłego roku będąc w Pradze posłałem Mu na ręce twoie prenumeraty zł reńsk. 16. Nie odpisuie mi, czyli pieniądze odebrał, ani książek nie przysyła. Prenumeratorowie naprzykrzaią mi się o książki: aż mnie wstyd, że nie mogę im odpowiedzieć, iak się ma rzecz istotnie, bo na kilka listów, które pisałem do niego przez P. Szaffarzyka i przez pocztę, nie daie odpowiedzi.

Przeselaiąc do Lipska książki przesłałem i dla Ciebie Gołębiowskiego całe dzieło ze czterech tomów; w zamian nie odebrałem dotąd nic, bo Kontecki oddał w Pradze do kantoru komissowego książki, i Bóg wie, co się z nimi dzieje.

Czy niemasz iakiey odpowiedzi od P. Sperańskiego? Móy zamiar kontynuowania daley mego dzieła podoba się tuteyszym Rossyanom, ale chcieliby oni, ażeby się to zrobiło bez żadnych kosztów. Bądź zdrów, Panie Wacławie, i odpisz mi rychło, iak tylko można nayobszernieyszy list.

Twóy W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 1. Sierpnia 1835 r.

30.

Szanowny Panie Wacławie!

Na domaganie moje o montekassińską Legendę sw. Wacława jeszcze żadnej odpowiedzi nie dostałem. O kościele słowiańskim w Czechach trudno nieco zebrać, gdy łacińskiego obrządku Niemcy wszystko zniszczyli i wytępili. Jura primaeva Moraviae z dodatkami dam przepisać, lecz prawa ziemskie i rząd tychże praw jest w Censurze i to w Wiedniu, bo wszystkie ważniejsze rękopisma tutejsze Revisionsamt tam posyła. Jak długo się tam zatrzymają, to sam Bóg wie. Dalimiła tam już mam na trzeci rok, i bez przestania upominam o nią. Piszesz, panie Wacławie, że 35 exemplarzy posyłasz, lecz od Hinrichsa dostałem Aviso, gdzie tylko 30 oznamia, prawie dziś otrzymałem też Frachtbrief o nich, ale ich jeszcze nie mam, bo też do Revisionsamtu iść muszą.

Kollár tu był prawie, gdym na drugi dzień Twóy list dostał. Tylko dwa dni był w Pradze, a jeszcze bezmal cały dzień w celnej examinaturze tracić musiał, bo miał z sobą sądeczek węgierskiego wina. Tym sposobem bardzo małośmy się widzieć mogli. Co zaś robi, pytasz się? Skwapliwie nader śpieszył po kochankę, która się mu po śmierci matki swéj niby znowu urodziła, bo ją we swej Sławy dceři jako umarłą opłakał. Jechał tu do Weimaru do ślubu i przez Mnichow do Węgier powróci. Szkoda, że taki Słowianin na Niemce się ożeni! Nie mogę pojąć, jak z nią szczęśliw być moc będzie. Pana Konteckiego masz, Panie Dobrodzieju, teraz w Warszawie, pozwi go przed Trybunał pierwszej instancyi i wyśledź na niém, kam tę pakę książek podział? Ja, nie wiedząc, komu i gdzie ich oddano, niczego tu zrobić nie mogę. Pisałem już raz, on tu ma brata, niech on jemu ten interes załatwi. Tak wielka paczka, jak ta, tak łatwo zaginąć niemoże. Mam bardzo wiele do roboty, bo dopóki dwór nie przyjechał, bardzo wiele czasu śmy na tém stracili z przygotowaniami, i teraz jeszcze zwyczajnego porządku nie przywrócono. Osoba i sposób postępowania N. Mikołaja bardzo się tu podobały, a i wylotem do Wiednia w tém mieście stołecznym sobie wszystkich serdca przychylił. Kochanego Kucharskiego, W-go Plewińskiego, a jeśli Brodziński powrócił, proszę odemnie pozdrowić. Szafarzyk sam pisać będzie, jeśli już nie pisał. Od JW. Sperańskiego jeszcze żadnej odpowiedzi nie nadeszło. Był tu także Prof. Pogodin z Moskwy i oświadcza Panu uszanowanie: zamiar jego nie był komuś do jego interesu się wkładać; on kochając wsze, co słowiańskiego, chciał przez swoich uczniów to i drugim słowianom komuni-

29.

Szanowny Panie Wacławie!

Z upragnieniem oczekuię od Ciebie wiadomości, czy iuż nadeszła do Was kronika Montekasinska, i czy będziesz łaskaw przysłać mi z niey kopią. Tudzież czyś dużo nazbierał dla mnie o kościele słowiańskim w Czechach? Nie dosyć na tem: mam teraz ieszcze nową prośbę do Ciebie, t. i. ażebyś był łaskaw kazać mi ieszcze raz przepisać 1., jura primaeva Moraviae z dodatkami, ktoreś mi przy pierwszey kopii umieścił; 2., prava země české; 3., řad země české. Tłomaczenia łacińskiego nie potrzeba, oprócz kilku §§, to iest począwszy od § 99. z łacińskiego tłomaczenia řadu země české.

Używaiąc tych kopii do dzieła mego, tak pogryzmoliłem i pokresliłem, że trudno będzie do końca trafić, drukuiąc ie, więc proszę Ciebie, szanowny panie Wacławie, ażebyś mi ie iak nayprędzey przepisać raczył, ale bez tłomaczenia, iak iuż pisałem: wyiąwszy ów kawałek (od § 99.), bo tego w czeskim oryginale nie masz. P. Szaffarzyk kopiscie zapłaci, ile każesz, bo posiada on moie pieniądze za książki, którem tu kupił dla niego.

Na wszystko Cię proszę, Panie Wacławie, racz mi *zaraz* przepisać te prawa, czytelnie i wyraźnie, bo one poydą do druku.

Posełaiąc teraz do Lipska tom III. i IV. mego dzieła, załączyłem dla Ciebie exempl. 35. do sprzedania, tudzież exemplarze na pięknym papierze w podarunku dla Ciebie, Szaffarzyka, Jungmana i Kollara. Powiedz mi, proszę Cię, co Kollar robi? Przeszłego roku będąc w Pradze posłałem Mu na ręce twoie prenumeraty zł reńsk. 16. Nie odpisuie mi, czyli pieniądze odebrał, ani książek nie przysyła. Prenumeratorowie naprzykrzaią mi się o książki: aż mnie wstyd, że nie mogę im odpowiedzieć, iak się ma rzecz istotnie, bo na kilka listów, które pisałem do niego przez P. Szaffarzyka i przez pocztę, nie daie odpowiedzi.

Przeselaiąc do Lipska książki przesłałem i dla Ciebie Gołębiowskiego całe dzieło ze czterech tomów; w zamian nie odebrałem dotąd nic, bo Kontecki oddał w Pradze do kantoru komissowego książki, i Bóg wie, co się z nimi dzieje.

Czy niemasz iakiey odpowiedzi od P. Sperańskiego? Móy zamiar kontynuowania daley mego dzieła podoba się tuteyszym Rossyanom, ale chcieliby oni, ażeby się to zrobiło bez żadnych kosztów. Bądź zdrów, Panie Wacławie, i odpisz mi rychło, iak tylko można nayobszernieyszy list.

Twóy W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 4. Sierpnia 1835 r.

30.

Szanowny Panie Wacławie!

Na domaganie moje o montekassińską Legendę sw. Wacława jeszcze żadnej odpowiedzi nie dostałem. O kościele słowiańskim w Czechach trudno nieco zebrać, gdy łacińskiego obrządku Niemcy wszystko zniszczyli i wytępili. Jura primaeva Moraviae z dodatkami dam przepisać, lecz prawa ziemskie i rząd tychże praw jest w Censurze i to w Wiedniu, bo wszystkie ważniejsze rękopisma tutejsze Revisionsamt tam posyła. Jak długo się tam zatrzymają, to sam Bóg wie. Dalimiła tam już mam na trzeci rok, i bez przestania upominam o nią. Piszesz, panie Wacławie, że 35 exemplarzy posyłasz, lecz od Hinrichsa dostałem Aviso, gdzie tylko 30 oznamia, prawie dziś otrzymałem też Frachtbrief o nich, ale ich jeszcze nie mam, bo też do Revisionsamtu iść muszą.

Kollár tu był prawie, gdym na drugi dzień Twóy list dostał. Tylko dwa dni był w Pradze, a jeszcze bezmal cały dzień w celnej examinaturze tracić musiał, bo miał z sobą sądeczek węgierskiego wina. Tym sposobem bardzo małośmy się widzieć mogli. Co zaś robi, pytasz się? Skwapliwie nader śpieszył po kochankę, która się mu po śmierci matki swéj niby znowu urodziła, bo ją we swej Sławy dceři jako umarłą opłakał. Jechał tu do Weimaru do ślubu i przez Mnichow do Węgier powróci. Szkoda, że taki Słowianin na Niemce się ożeni! Nie mogę pojąć, jak z nią szczęśliw być moc będzie. Pana Konteckiego masz, Panie Dobrodzieju, teraz w Warszawie, pozwi go przed Trybunał pierwszej instancyi i wyśledź na niém, kam tę pakę książek podział? Ja, nie wiedząc, komu i gdzie ich oddano, niczego tu zrobić nie mogę. Pisałem już raz, on tu ma brata, niech on jemu ten interes załatwi. Tak wielka paczka, jak ta, tak łatwo zaginąć niemoże. Mam bardzo wiele do roboty, bo dopóki dwór nie przyjechał, bardzo wiele czasu śmy na tém stracili z przygotowaniami, i teraz jeszcze zwyczajnego porządku nie przywrócono. Osoba i sposób postępowania N. Mikołaja bardzo się tu podobały, a i wylotem do Wiednia w tém mieście stołecznym sobie wszystkich serdca przychylił. Kochanego Kucharskiego, W-go Plewińskiego, a jeśli Brodziński powrócił, proszę odemnie pozdrowić. Szafarzyk sam pisać będzie, jeśli już nie pisał. Od JW. Sperańskiego jeszcze żadnej odpowiedzi nie nadeszło. Był tu także Prof. Pogodin z Moskwy i oświadcza Panu uszanowanie: zamiar jego nie był komuś do jego interesu się wkładać; on kochając wsze, co słowiańskiego, chciał przez swoich uczniów to i drugim słowianom komuni-

kować, ale gdy się dowiedział, że to inną drogą się stanie, zniszczył tłomaczenie, uznawszy, że pod wzrokiem autora coś lepszego wyiść może. Polecając się przyjacielskiéj pamięci jestem Twój W a c ł a w.

W Pradze,
13 Paźdz. 1835.

31.

Szanowny Panie Wacławie!

Dopiero przed kilku tygodniami odeszły exemplarze 3. i 4. tomu dzieła mego przez Lipsk do Pragi, adressowane do Ciebie: dotąd nie było okazyi. Przez P. Schaffarick posłałem Ci dzieło Gołembiowskiego w zamian za książki, ale dotąd nie odebrałem żadnych książek od Ciebie. Prosiłem Cię przez P. Szaffarzyka także o nowe przepisanie praw morawskich i czeskich, ale samego tylko textu bez tłomaczenia łacińskiego (praw czeskich); bądź łaskaw zaiąć się tem zaraz i przesłać mi kopiie te przez p. Szaffarzyka, który do mnie wysyła Słownik P. Jungmanna i inne książki. Inaczey kosztowałoby mnie porto wiele. Na koszta przepisywacza będziesz miał ze sprzedanego tomu 3. i 4., skoro exemplarze nadeydą, lub odeslę Ci pieniądze przez pocztę. Tylko bądź łaskaw zaiąć się zaraz przekopiiowaniem tych praw, bo mi są bardzo potrzebne. Czy nie nadeszła ieszcze owa kronika z Montecasino? Jest ona mi bardzo potrzebna. Ja tym czasem rozmyślam nad tą materyą i coraz się lepiey przekonywam, że się nie mylę. Proszę Cię także o przysłanie mi dzieła, w któremby naylepiey było wykazano, *na czem* istotnie zależała reforma pomyślana przez Hussa? Jeżelibyś miał iaki rękopis w tey mierze, to mi go przysliy: sądzę, że tu się zdarzy okazya wydrukowania go. Wolałbym, gdybyś mi o reformie kościoła przez Hussa przysłał raczey iakie dzieło nie znane, niż znane, zwłaszcza rękopis: byłaby dobra okazya wydrukować go tutay. Może tam kto w Czechach wygotował w krótkości historyą reformy kościoła? Lecz mnieysza o to, czy co iest nowego, lub niema, zostawiam do Twoiey roztropności, tylko przysliy coś takiego, z któregoby się łatwo i naylepiey przekonać można o wszystkich zamiarach owego człowieka prawdziwie wielkiego. Przy tey okazyi pozbieray wszystko, cokolwiek posłużyć może do odgadnienia obrządku słowiańskiego w Czechach. Ja czytaiąc stare kroniki znalazłem wiele bardzo dziwnych rzeczy.

Proszę Cię ieszcze raz, szanowny panie Wacławie, ażebyś ę zaraz zaiął przepisywaniem tych praw, a gdy ie skończysz, ıdzież gdy mi P. Szaffarzyk Duszana przepisze (ieżeli tylko to obi), ażebyś mi wszystko razem przesłał z książkami, którem P. Szaffarzyka zamówił dla siebie. Tę karteczkę, którą tu do-;czam odday zaraz do P. Szaffarzyka i proś go, ażeby Ci *zaraz zł odpis.* który mi przyszłą pocztą przesliy, z doniesieniem *czego* ę mam spodziewać. Kronika z Montecassino bardzo mi leży na :rcu! Jakkolwiek bądź odpisz, co zrobisz i kiedy zrobisz.

Wszak owe 16. zł. reńsk., którem Ci dał dla Kollara będąc Pradze, doszły Jego rąk? Nie rozumiem, co sobie ten Prałat yśli, dotąd mi nie odpisał, ani książek, na które prenumerowam, nie odesłał! Bądź zdrów, kłaniay wszystkim.

Twóy W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 12. Paźdz. 1835 r.

32.

Nie uwierzysz, Szanowny Panie Wacławie, jakich ambara-ıw mnie książki Pańskie narobiły. Jakich pytań mnie dawano, nawet i przykładem Słotwińskiego grożono. Na sam koniec usiałem ich księgarzowi ustąpić, gdym powiedział, żeś ich na oje ręce z tym zamiarem posłał, nie znając tutejszych księga-y, abym ja je poufalszemu oddał. Albowiem mnie dokuczali, że , nie będąc księgarzem, ani pozwolenia mając, w oczach rządu awiam się niby rozprzestraniciel wątpliwych książek, pod tytu-m dozwolonych etc., etc.

Proszę więc na przyszłość pod moją adressą porządnie przez ıtejszych księgarzy mnie polskich rzeczy dostawiać, bo się ta-emi nieprzyjemnymi ściganiami drogi czas tylko marnuje.

w Praze, (Безъ подписи).
15 Paźdz. 1835.

33.

Szanowny Panie Wacławie!

Bardzo Ci dziękuie za podięte trudy względem książek mo-:h. Cena dla Niemców mego dzieła iest wielka z powodu, że księarzowi płacę 50%. Jeżeli i czeski księgarz rządać będzie takoego rabatu, to muszę podobnież drogo dzieło moie sprzedawać

w Pradze, iak i w Lipsku, t. i. tom III. IV. razem złotych reńskich 9. w konwencyiney monecie. Jeżeli wezmie 25%, to może sprzedawać po 6. reńskich. Zresztą proszę Cię, kochany przyiacielu, postarać się chociaż ubocznie, ażebym to dzieło mógł rosprzedać. Przynaymniey ci, co posiadaią tomy dwa pierwsze, sądzę, że i dwa następne tomy wezmą. Powiedz mi, proszę, iak stoi rzecz z dwoma pierwszemi tomami? Czy tam ieszcze są iakie exemplarze? W tych dniach robię ogólny obrachunek z drukarzem i muszę wiedzieć, ile ieszcze iest exemplarzy nie rosprzedanych. List do Piotrogrodu zaraz odesłałem. Ale o moich książkach, któreś mi przysłał, ani słychać. Do tego ieszcze i to złe, że Konteckiego ani widać, a ia tak zaięty iestem, że go poszukać nie mam czasu. Pamiętay o kościele! Ja tu znalazłem bardzo ważną wiadomość o zamordowaniu S. Wacława. Los Szaffarzyka bardzo mnie obchodzi. Odday mu karteczkę moią i bądź łaskaw dopilnować tego, ażebym pocztą odebrał książki, które mi P. Szaffarzyk ma posłać przez pocztę. Ty zapłać porto i każ sobie zwrócić przez księgarza, u którego moie książki. Scriptores rerum bohemicarum (dwa te tomy in 8°, gdzie Kosmas, i tom trzeci po czesku, co Palacky wydał) muszę mieć koniecznie; chciałbym także rosprawy Palackiego o dawnych historykach czeskich. Kollar pisał do mnie onegday, że Zpewanky, na które będąc w Pradze prenumerowałem, są dla mnie złożone w księgarni Kronberger et Weber. Dla tego piszę teraz, ażebyś mi raczył przysłać ie z książkami od Szaffarzyka: to iest główną przyczyną pisania do Ciebie teraz. Szaffarzyk ma mi przysłać książki, które iuż dla mnie kupił, nowych zaś kupować nie ma. Lecz ty, szanowny Panie Wacławie, kup mi owe Scriptores rerum bohemicarum, a za książki odbierzesz sobie pieniędzy. Chociaż mi się od Szaffarzyka należą pieniądze, atoli kiedy iest teraz biedny, więc nic od niego nie żądam. Kiedy zginął Czasopis, któryś mi przysłał, więc ieżeli możesz przyśliy mi inny exemplarz, kiedy się teraz zdarza okazya przesłania mi przez pocztę książek. Zresztą rób, iak Ci się naylepiey zdawać będzie.

Twóy W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 16. Listopada 1835 r.

34.

Szanowny Panie Wacławie!

Naprzód składam Ci życzenia na ten nowy rok, ażeby Ci się wszystko we wszystkiem szczęściło. A następnie dowiaduię

ę, czyś odebrał móy bilet przez P. Purkinie niedawno pisany
czyś wyexpedyiował pocztą do mnie Zpewanky 4. exemplarze,
ı które prenumerowałem w Pradze (Kolar pisał mi, ażebym się
Pradze tam gdzie prenumerowałem upomniał o nie). na ręce
voie pieniądze dawszy; tudzież książki od Szaffarzyka, tylko te,
óre iuż kupił, bo nowych kupować nie miał. Donoszę nadto, że
otąd książek od Ciebie nie masz i nie masz! Cóż ia zrobię? Jak
ż tam idzie sprzedaż tomu III. IV. i czy się podobaią te tomy?
r. Buss z Freiburga przysłał mi I. tom wytłomaczony na język
emiecki: liche tłomaczenie. Lepsze będzie rossyiskie, na które
posyłam biletów 4 z prozbą, ażebyś ie rosprzedał, każdy po
rubli assygnacyjnych. Spodziewam się, iż się przecież znaydą
natorowie i na ruszczyznę w Czechach, i przykro byłoby to
ossyanom, gdyby na liscie prenumeratorów nie było i braci
zechów. Zresztą, gdy nie sprzedasz, to odesliy mi napowrót. Po-
łam Ci te bilety przez P. Purkinie, nie chcąc wprost do Cie-
e pisać.

Wystaw sobie, P. Wacławie, com znalazł w bardzo ważney
onice o śmierci S. Wacława. Powiedziano tam, że go zamordo-
ał Bolesław na chrzcinach syna swego, i że dla tego dano temu
iecku na chrzcie *Stratikwas*, mówi kronikarz: apte impositum
omen quia perditum est fermentum. Wiadomo, że iuż wtedy za-
ynał używać koscioł zachodni chleba prasnego do ofiary, a kos-
oł grecki używał chleba kwasnego: stąd iasno, co myśli kroni-
rz. Bądź łaskaw, udziel mi ieżeli masz co w tey mierze. Dob-
wski nic prawie nie mówi o synu Bolesława, zwanym *Stratikwas*
n go nazywa *Strachkwas*), gdzieby w tey mierze można coś
aleść.

Odczytałem na nowo wszystkie zródła polskie, czeskich i in-
ych nie mam. Byłbym ci bardzo obowiązany, gdybyś mi iakich
owych dowodów ważnych mógł udzielić o literaturze czeskiey
ogólności aż do XIV wieku, ta epoka zaymuie mnie teraz nay-
ięcey.

Kopie praw czeskich, których mi dostarczyłeś i których uży-
ałem do dzieła moiego, darowałem wraz z prawami serbskiemi
uszana Cara Kucharskiemu, ażeby ie wydał. Dotąd ich nie wy-
aie, i nie wiem, czy wyda, chociaż mu sam zobowiązałem się
ziąść 100 exemplarzy. To osobliwszy człowiek: ani sam nie wy-
aie tych praw, ani nie pozwala, ażeby ie wydał Hyždeu, tłomacz
ssyiski moiego dzieła. Ponieważ te kopiie dałem raz Kuchar-
iemu, ażeby ie wydał, przeto się ich ani tknę, a tak być może,
one nigdy nie wyidą na publiczny widok. Czy nie masz nadziei,

ażebyś Ty wydobył z Cenzury Twóy exemplarz i wydał go? Bieda na świecie! Bądź zdrów. Odpisz mi przez pocztę i przysliy książki. W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 8. Stycznia 1836 r.

35.

P. Wacław Hanka.

Szanowny panie Wacławie, pozdrawiam Cię serdecznie i przepraszam, żem dotąd ieszcze nie dał odpowiedzi, względem rękopisu Krolodworskiego P. Gołębiowskiego, iak P. Sieminski w wydaniu swoiem tegoż rękopisu pisze [1]). Ale iuż pisałem do P. Gołębiowskiego i doniosę zaraz, gdy odpisze. Ta rozprawka niemiecka Twoia, którąś mi dał w Pradze, o czeskich monetach, zginęła mi, bądź łaskaw przysłać mi inny exemplarz. Jeżeli masz coś nowego dla obrządku słowiańskiego, to przysliy także. Jak to będzie z drukiem praw czeskich? Tłomacz francuzki nalega na mnie, ażebym mu ie wydrukować kazał, ale wolałbym, żebyś to zrobił Ty. Donieś mi, czego się trzymać. Jeżeli iest ieszcze kamień z moim wizerunkiem w Pradze, każ mi odcisnąć 20. exempl. P. Szaffarzyk zapłaci papier. Czyś pisząc do P. Rosciszewskiego posłał mu list móy także? Pisząc do niego napomkniy mu o tém delikatnie, ażeby mi odpisał. Ja teraz cały zaięty iestem nowem wydaniem moiego dzieła, które zupełnie coś nowego stanowić będzie. Tom I. wyidzie teraz we dwóch tomach. Tłomacz francuzki chce się wstrzymać z wydaniem swoiego tłomaczenia aż do no-

[1]) Изданіе Л. Семенскаго, подъ заглавіемъ: „Klólodworski Rękopis. Zbiór staroczeskich bohatyrskich i lirycznych śpiewów, nalezionych i wydanych przez Wacława Hankę, Bibliotekarza król. narod. czes. muzeum, a z Czeskiego na Polskie przez Lucyana Siemieńskiego przełożonych", вышло въ Краковѣ въ 1836 году.

На стр. 135-ой этого изданія есть слѣдующее замѣчаніе: „P. S. Już się kończyło odbijanie niniejszego dziełka, gdy nas doszła wiadomość, że p. Łukasz Gołębiowski znalazł przed kilkoma laty na okładce jednéj książki z XVI. wieku część Rękopisu Królodworskiego,—część bardzo szacowną, bo właśnie brakującą w wydaniu p. Hanki. Pokazawszy ten szczęśliwy znalazek ś. p. Kazimiérzowi Brodzińskiemu, natychmiast odpis tego kawałka przesłał pocztą p. Hance do Pragi; lecz list ten rąk jego niedoszedł. O tém powiadał r. 1835 ś. p. Brodziński pp. Mich. Wiszniewskiemu i Wacł. Hance w Karłowarach i przyrzekł pisać do p. Gołębiowskiego z prośbą o inny odpis. Czyli p. Gołębiowski nadesłał ten szacowny ułamek p. Hance? dotąd niewiadomo".

rey edycyi, która, da Bóg zdrowie, może nastąpić za rok. Nie wiem, co tłomacz rossyiski mysli, bo dawno do mnie nic nie pisał [1]). Jak teraz wypracuię to wydanie nowe, nie tknę go się więcey, chyba gdybym iakie *nowe* ważne odkrył zródła. Niech obie kto inny *gruntowniey* napisze historyą prawodawstw słowiańskich, ia gruntowniey nie umiem i wątpie, ażeby kto inny teraz coś gruntownieyszego zrobił. Bądź zdrów a kochay mnie. Czyś odebrał od Hinrichsa z Lipska dzieła Gołębiowskiego?

(Безъ означенія времени и мѣста написанія).

36.

Szanowny Panie Wacławie, drogi przyiacielu!

Powróciwszy szczęśliwie do Warszawy w pierwszey połowie Września, oczekiwałem rychło mi Rippert z Podgórza przysle nową pakę książek, którą miał przywieść Kantecki. I istotnie nalesłał ią, w którey oprócz Dykcyonarza P. Jungmann dla Lindego i nót dla Kanteckiego, były prenumerowane 4. exemplarze omu I. Spiewanek P. Kollara, tudzież 3. exempl. rękopisu Królodworskiego, iakoteż Czasopisu całe numera 3. 4. 6. 7. 8., z nuneru piątego był tylko poszyt ieden. Te właśnie numera zapisaem ia dawniey od Ciebie dla P. Kucharskiego, któremu ie też vręczyłem, a pieniądze za nie w ilości zł. reńsk. 10. odbierzesz ode mnie. Z rękopisu Królodworskiego wziąłem ieden exemplarz dla mnie, drugi dałem P. Kucharskiemu, a trzeci P. Woycickiemu. Ale musisz o tém wiedzieć, że tym sposobem znowu *móy* exemplarz Czasopisu iest nie kompletny, bo dawniey przysłałeś mi cały numer 6. 7., a więc teraz dokompletować ie znowu potrzeba. Ponieważ teraz przysle mi P. Szaffarzyk książki przez pocztę, przeto proszę Cię, ażebyś te brakuiące numera, to iest 1. 2. 3. 4. 5. 8. 9. dołożył, za które ia Ci zaraz płacę w ten sposób. Dałem Ci Gołębiowskiego (przynaymniey Hinrichs miał Ci go odesłać z Lipska, o czem mi sam pisał w czasie pobytu mego w Karłowarach tego roku, i ia Ci to mówiłem), za którego należy mi się zł. pol. 44., czyli zł. reńsk. 11., pozostałe zł. reńsk. 3. wypłaci tobie Kronberger podług awizacyi, iak ią posyłam. Zaś zł. reńsk. 10.

---

[1]) Объ изданіи перевода Хиждеу см. Письма къ Погодину, стр. 513, примѣчаніе, а также и письмо Мацѣевскаго къ Погодину отъ 27 ноября 1837 года. Ср. еще письмо Хиждеу къ Мацѣевскому (отъ 15/27 дек. 1834 г.): „Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго съ русскими учеными", Чтенія въ И. О. ист. и др. Росс., 1901, сообщилъ В. А. Францевъ.

kraycarów 30. za Czasopis, któryś nadesłał teraz, zapłacę, skoro mi pieniądze odda P. Kucharski, lecz może każesz za nie kupić tu iakich książek, n. p. tegoroczny Almanach polski, Wianek, pieśni ludu P. Woycickiego, Jego przysłowia z XV. XVI. XVII. wieku i t. p. Wszystko mi iedno, albo pieniądze dam, albo książek poślę. Tylko mi racz przysłać Czasopis teraz, kiedy się okazya zdarzyła, *tudzież resztę Słownika P. Jungmanna.* Ja posiadam dotąd Díl I. cały, a z Dílu II. dwa związki, daley nie mam. Proś P. Jungmanna, aby mi uzupełnił to dzieło, a ia mu w zamian prześlę nowe wydanie moiego dzieła.

To nowe wydanie postępuie szybko i, da Bóg doczekać, za rok rozpocznie się druk. Wyidzie całe dzieło w VI. tomach, z których dwa pierwsze podług edycyi dawney będą zupełnie przerobione i teraz będą składać tomów 4. W nich będzie: w tomie I. Wstęp do okresu 1. i prawo polityczne Słowian; w tomie II. historya literatury i oświaty słowiańskiey; w tomie III. prawo cywilne i kryminalne; w tomie IV. dodatki, to iest rosprawy, gdzie: rosprawa o obrzędku słowiańskim, tudzież źródła praw. Co się źródeł dotyczy, zdaie mi się, że chociaż i Ty będziesz drukował prawa czeskie, że i ia wydrukować ie mogę. Bo móy druk będzie miał na celu tylko dostarczenie czytelnikowi textu prawa dla cytacyi, i nie będzie tu tłomaczenia łacińskiego.

Zaymuię się teraz ułożeniem historycznego rysu praw czeskich, i bardzo mi iest potrzebny opis kodexów, któryś Ty zrobił. Jeżeli to być może, każ mi to przepisać i przysliy razem z książkami, iako też początek nowego przez Ciebie wynalezionego tłomaczenia łacińskiego praw ziemi czeskiey; ieżeli zaś nie, to zostaw do dalszego czasu i tylko książki przysliy.

Bądź łaskaw dołączoną tu karteczkę oddać *zaraz* P. Szaffarzykowi i nagliy na Niego, ażeby mi zaraz odesłał książki. Ja dosyć zdrów iestem z łaski Boga, pracuię iak widzisz pilnie i Kucharskiego do wypracowania jego podróży zachęcam, ale to podobno nie idzie, chociaż on mi powiada, że nad swoiém dziełem pracuie także.

Muszę i to donieść, że właśnie drukuie się historya miasta Wilna w VI. tomach przez P. Balińskiego. Będzie to dobre dzieło. Sądzę, że każesz sobie nadesłać takowe.

Twóy W. A. Maciejowski.

Bądź łaskaw i odesliy karteczkę tą Panu Trębeckiemu do Wiednia.

Z Warszawy,
dn. 3. Grudnia 1836 r.

37.

Szanowny Panie Wacławie!

O P. Emanuelu Hess v. Hessenthal ieszczem się nie dowiedział, napiszę pózniey, skoro wykryię. Już mi nie przysyłay Czasopisu, tylko rok IX. czyli tom IX, dawnieyszych mi iuż nietrzeba. Ale bardzo proszę o słownik Jungmana. Zmiłuy się, kochany Wacławie, i przysyłay. Jak tylko posyłać będę książki do P. Szaffarzyka, dołączę dla Ciebie wszystko, co żądasz. P. Gołębiowski odpisał mi przecież, że coś z Królodworskiego, iak on myśli, rękopisu posłał do P. Szaffarzyka dla Ciebie, i że ma na to odpis z r. 1832. dnia 15. Maja, że to odebrał. Co to iest, dowiesz się od P. Szaffarzyka. To będzie pewno omyłka iakaś, wątpię, żeby to był rękopis Królodworski. Mam poezye polskie z XIV. XV. wieku (niezawodnie), które wydrukuię w dodatkach do nowego wydania dzieła mego. Napisz o tém P. Kopitarowi i powiedz, że iuż nie sam tylko Psałterz Małgorzaty będzie pomnikiem mowy polskiey XIV. wieku. Bądź zdrów, kochany Panie Wacławie.

Twóy W. A. Maciejowski.

W. P. Wacław Hanka w Pradze.

Z Warszawy,
dn. 30. Stycznia 1837 r.

38.

Szanowny panie Wacławie!

Bardzo się cieszę z tego, że mi się zdarza okoliczność przesłania Ci czułego uścisnienia, i że się mogę przypomnieć łaskawej Twoiey pamięci. Oddawca tego iest P. Radzca Teodor Jewiecki, móy dobry przyjaciel, którego ia Ci mocno polecam. Bądź łaskaw pokazać Mu wszystko, co tylko iest godnego widzenia w Pradze. Zaznaiomiy Go także z miłośnikami słowiańskiey literatury, którey P. Jewiecki iest wielkim wielbicielem. Przyiechałbym znowu tego roku do Was, ale oddawna się iuż zbieram odwiedzić Lwów, i raz przecież do skutku przywieść to muszę; a więc tego roku poiadę. Bądź zdrów i kłaniay się wszystkim przyiaciołom.

Twóy Wacław Alexander Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 28. Maja 1837 r.

39.

Szanowny Panie Wacławie!

Tak dawno już nie miałem żadney od Ciebie wiadomości, ale w tém moja wina, albo też nie, lecz zatrudnienie wielkie, z którego wybrnąć nie mogę. Byłem tego roku we Lwowie dla badań moich historycznych i znalazłem tam wiele. Poznałem się z wielu godnymi ludźmi, a mianowicie ze zacnym P. Rościszewskim, którego w czerstwem zdrowiu i z naylepszemi chęciami dla słowiańszczyzny znalazł. O gdyby Jemu podobnych więcey było! Powróciwszy do domu zaiąłem się zaraz wygotowaniem do druku dwóch tomów Pamiętników o dzieiach i prawodawstwie Słowian, ale cenzura nie pozwoliła mi ich tu drukować. Muszę więc całą rzecz przepisać raz ieszcze i posłać ią do Piotrogrodu, gdzie mam nadzieię że przeydzie przez cenzurę. Ja nic nie wiem, co się tam u Was w naukowym dzieie względzie. Nie mamy tu nawet Czasopisu czeskiego! Posyłam Ci więc zł. reńsk. 10, prosząc, ażebyś mi nadesłał tenże Czasopis począwszy od *dziesiątego biegu*. Z łaski Twoiey mam z dziesiątego biegu, czyli roku, poszyt 3. 4., potrzeba mi więc poszytu 1. 2. A zaś z biegu iedenastego mam poszyt 1., potrzeba mi poszytów resztę. Prócz tego przysliy mi co więcey wyszło wszystko, tudzież cokolwiek u Was wyszło w historycznym względzie godnego uwagi. Odtąd racz zawsze posyłać mi Czasopis dalszy, cokolwiek on czy ważnego, czy nieważnego mieścić w sobie może: bo tu siedziemy iak w rogu, nic nie wiedząc, co się dzieie. Jungmana słownika mam aż do wyrazu *platil*, to iest działu III. poszyt 1.; ieżeli daley co wyszło, racz mi przysłać, a to wszystko iak może być nayprędzey. Przedewszystkiem zaś racz łaskawie odpowiedzieć na prośbę, którą tu załączam na osobney stronie. Koszta, iakieby za rysunek wypaść miały, z wdzięcznością powrócę. Ponieważ tu idzie o przyiacielską usługę, nie racz się wymawiać od tey grzeczności i *zaraz* przyszłą pocztą odpisz. Wyszły tu klechdy P. Woycickiego, ieżeli ich Ci ieszcze nie nadesłał P. Rościszewski, to Ci ie przyślę. Reszta, co tu iest w naukowym względzie, dotyczy się piękney literatury i nie wiem, czyby Ci się to przydać mogło.

Odpisuiąc mi przyszłą pocztą racz też donieść, co się z P. Szafarzykiem dzieie? Pisałem do Niego iuż przed dwoma miesiącami, a dotąd żadney odpowiedzi nie mam. Boię się o Niego, czy nie chory! Bo mi P. Wilczek, który iuż powrócił, powiedział, że Go widział być słabym!

Bardzobym się rad dowiedział o tém, co też P. Palacki wynalazł w Czechach i czy tam nie wygrzebał czego do polskich

eiów? Powiadał mi P. Zeuschner, że znalazł na to dowody Palacki nowe, iakoby u Słowian miały być sądy przysięgłych. y nie możesz mi o tém dać iakiey wiadomości? Z niecierpliścią czekam na Czasopis: być może, że przecież z niego doem się o czemś nowem! Jak tu głucho i ciemno: o niczem nie em, co się w świecie naukowym dzieie.

Ja znalazłem polszczyznę z r. 1386. i akt ruski z r. 1292, do. nie drukowany. Wszystko co mogę łapię, ażeby zaspokoić gnienie naukowe, które mnie tak dręczy!

Bądź zdrów, Szanowny P. Wacławie, zmiłuj się i napisz mi, się z P. Szafarzykiem dzieie, i zgoła opisz wszystko, co tylko ie interessować może.

Twóy Wacław Alex. Maciejowski.

Literarisches Gesuch.

Es wird zu den Abbildungen der polnischen Münzen, welche r so eben lithographirt werden, ein Thaler der Stadt Riga vom phan Bathory vermisst, der nirgends in hiesigen Münz-Sammgen aufzufinden ist. Da er aber in Lachner's (J. H.) Sammlung rkwürdiger Medaillen und Münzen (Nürnberg, 1737—1744) abbildet ist; so bittet man denselben aus oben gemeldetem Wergefälligst abkopiren und wo möglich mit der nächsten Post ommen zu lassen; immassen die Münzen dieses Königs sich eits unter dem Grabstichel des Lithographen befinden.

Z Warszawy,
dn. 8. Grudnia 1837 r.

40.

Szanowny Panie Wacławie!

Spodziewam się, że rysunek gdańskiego talara, którym po już o świętach wanocznich (sic). Żem zaś z posyłką niniejtak się spóźnił, to nie jest moja wina. Dokończenie piętnago swazku Słownika niespodziewano się opóźniło, i ja i pan gmann chcieliśmy go razem już przypakować. Załączone swazna welinowym papierze prosi Pan Jungmann JWP. Lindemu tawie doręczyć. Dziwi mię to bardzo, że ten Pan jeszcze ni wa panu Jungmannowi na jego list przy pierwszym swazku po długiem czasie nie pisał. Jeśliby tego już i grzeczność nie nagała, to przynajmniej powinienby jakieś takieś Recepisse przysyłaciela napisać, bo na sam koniec mógł by pan Jungn mysleć, że ja nic nie posłałem i ten exemplarz zatrzymuję.

Czasopisu posyłam 1 i 2 swazek dziesiątego biegu, a jedenastego 2. 3. i 4, bo, jak sam piszesz, resztę już posiadasz. Pan Szafarzyk ci sam pisał prawie w ten czas, jak mi powiadał, jako ja, i swoje Starożytności posłał. Z innych tutaj wydanych książek żadnej nie znajduję, któraby Cię tak bawić mogła. Chciałem Ci posłać tu wydrukowaną Ziewoniją, lecz po skończonym druku censura ją zabrała. Z poezyi pana Zaleskiego, które tu także drukowano, chociażem ich darmo korrigował, anim wywieśnego arkusza niedostał. Może być przy dumkach Bielowskiego i Siemieńskiego szczęśliwszym będę. Jabłonowski chce tu też polską Biblią drukować. Czytałem nieraz w różnych peryodyckich pismach, że Pańskie Pamiętniki Praw drukują się: bądź więc tak łaskaw i poszli mi tych wszech już wydrukowanych arkuszy; może być, żem by Ci mógł niektóre postrzeżenia na to przypisać. Bądź zdrów i wesoł i nie zapominaj o swoim Wacławie.

W Pradze,
5 Lutego 1838 r.

41.

Kochany, szanowny panie Wacławie!

Dnia wczorayszego odebrałem przez dom handlowy Piotra Steinkeller przesyłkę Twoią, to iest słownika P. Jungmana poszytów 5. dla mnie, wraz z pięciu poszytami Czasopisu Czeskiego, zaś dla P. Lindego było na welinowym papierze tylko poszytów 3, to jest 13, 14, 15. Ponieważ tę pakę odbierał z komory celney sam Steinkeller, tudzież gdy sam na cenzurze rewizyą robił, nie wiem, czyby on miał zagubić poszyty 11, 12., lub czyli Wy przez omyłkę nie zapakowaliście. Steinkeller przysięga się, że więcey nad to, co mi wręczył, nie odebrał. Więc Wy omylić musieliście się. Nie wiem przeto, iak to będzie, i czyli możecie te poszyty nadesłać, chociażby też i na podleyszym papierze. Ja P. Lindemu dziś wręczę te poszyty iak są. Posiada on więc teraz poszyty wszystkie od 1—10, tudzież od 13—15. Powiem Mu, ażeby do P. Jungmana napisał w tey mierze.

Jak znowu do mnie posyłać co będziesz, racz wprost do mnie zaadressować list, bo przez Steinkellera i więcey kosztuie, i—iak widzisz—bałamuctwo się robi. Czasopisu Czeskiego racz mi przysłać cały bieg IX (dziewiąty), tak będę miał komplet od VII—XI (jedenastego) biegu. Bardzo Ci obowiązany iestem za Czasopis, przynaymniey wiem teraz, co się u Was we świecie naukowym dzieie. Bądź łaskaw odesłać zaraz dołączoną tu karteczkę do

P. Szafarzyka, i ieżeli, iak się spodziewam, przesełać on mi co będzie, day Mu dla mnie ów IX bieg Czasopisu Czeskiego.

Ponieważ wstrzymaną została edycya nowa historyi prawodawstw słowiańskich, przeto tym czasem chcę osobne materye do materyi dzieła mego wchodzące wypracować i wydać. Dotąd wypracowałem dwa tomy takich dodatków, które pod nazwiskiem Pamiętników chcę wydać, skoro mi nadesłane będą od Cenzury St.-Petersburgskiey, dokąd ie posłałem. Jak ie tylko drukować zacznę, co day Boże, by rychło nastąpiło, nie omieszkam żądaniu Twemu uczynić za dosyć. Oprocz rosprawy o pierwotnych dzieiach chrześciaństwa u Słowian, tudzież rysu historyi literatury i domowego życia Słowian aż do XIV wieku, będą w tych pamiętnikach ułamki historyczne, tudzież wyiątki z nowey edycyi historyi prawodawstw słowiańskich; na koniec dyplomata polskie i ruskie z XIII wieku, dotąd nie ogłoszone drukiem, i pomniki ięzyka polskiego, począwszy od r. 1386 aż do 1470, które znalazłem w archiwach naszych. Są to pisma prawniczey treści i pieśni nabożne. P. Kucharski skończył druk naydawnieyszych pomników prawodawstw słowiańskich, do których ia uwagi porobiłem. Dotąd leży to dzieło wydrukowane w Cenzurze, i nie wiem, kiedy ono wyidzie. Spodziewam się, że Ci sam P. Kucharski prześle eksemplarz, inaczey sam Ci go posłać nie omieszkam. P. Kucharski ma młodą żonkę, iey pilnuie i mało widuie się ze mną. Ja teraz odczytuie wszystkich pisarzy polskich, począwszy od XV wieku; chciałbym potym odczytać pisarzy czeskich od wieku XIV i—gdyby można—chciałbym przyiechać do Pragi. Lecz kiedyż to nastąpi? Bądź zdrów, Szanowny panie Wacławie, i kochay mnie.

Twóy W. A. Macieiowski.

Z Warszawy,
dn. 6. Marca 1838 r.

42.

Kochany, szanowny panie Wacławie!

W przepisach naszych pocztowskich stoi, że każden pakiet do Rossyi i Polski powinno addressować na solidny kupiecki dom, a nie na osobę, do której to posłać chcemy, do innych państw tego nietrzeba,—tak nie wiem, jak na przyszłość to sporządać. Panu Šafařikowi zaraz i listek pański i pożądane poszyty Czasopisu musejniego posłałem. Co się zaś tycze zeszytów Słownika dla pana Lindego, tośmy się nie omylili, ale poprzedzające

zeszyty już dawno drugą okazyią odesłali i niewątpimy, żeby pan Linde, jakoż i Pan Dobrodziej teraz wszystko, co dotąd wyszło, posiadać nie mieli. Lecz Wy, Mości Panowie, bardzoście się omylili, żeście mnie żadnego exemplarza wydrukowanych pamiętników prawnych nie posłali. Prosiłem pana Šafařika, żeby mnie tę książkę tylko na parę godzin do przejrzenia posłał, lecz on mnie odpowiedział, że mnie służyć nie może, gdy ją już p. Pałackiemu oddał, który ją przy robocie swojej historyi potrzebuje. Więc nic nie widziałem jeszcze i myślę, że to nie jest dla mnie obojętne tak, jakoby Wam obojętnym niebyło. Proszę więc, żebyś mnie P. Dobrodziej dyliżansem dwa exemplarze co najprędziej posłać zechciał; a żeby już większa paczka tego była, przypakuj jeszcze po exemplarzu do tego historyczne pomniki języka i uchwał polskich i mazowieckich z wieku XV-go i XVI-go staraniem Joachima Lelewela, Wilno 1824 i Jus polonicum Edit. Bandtkie, Varsoviae 1831, i pisz, co to kosztuje, abym Panu bądź gotowemi, bądź w książkach mógł zaprawić należytość.

Jam komunikował Panom MS. najlepszy, jeszcze nigdzie niedrukowany, ale zakony Duszana są już w Serbskiem Latopisie 1826 drukowane.

Z niecierpliwością oczekuję tych książek, bo tych panów więcej o nic prosić nie chcę. Bądźcie zdrowi.

Wasz uprzeymy Wacław.

Sr. Wohlgeboren Herrn Herrn W. A. Maciejowski, Tribunalrichter der 1-ten Instanz zu Warschau (pl. tit.).

Praga,
2 Kwietnia 1838 r.

43.

Kochany panie Wacławie!

P. Linde ma wszystkie poszyty słownika, znalazły się późniey. I ia odebrałem moie, za które dziękuię mocno. Kiedyż wyidzie reszta?

Nie posłałem Ci eksemplarza pamiętników praw słowiańskich, bo P. Kucharski miał od siebie posłać. Kiedy zaś to nie nastąpiło, sam więc posyłam Ci żądane dwa eksemplarze, które po cenie prenumeracyiney kupiłem. Odbierasz teraz:

2 eksemplarze pamiętników à fl. 10 polskich, wynosi fl. 20.
1 eksemplarz Lelewela statutów fl. 10.
1 Jus polonicum Bandtkie, gratis.
1 eksemplarz listów Samozwańca, gratis.
1 kartę kampanii Batorego, gratis.

Należy mi się wziąć od Ciebie zł. pol. 30, czyli 7½ zł. reńsk. monetą konwencyiną. Koszta transportu aż do granicy znaydziesz na kopercie listu napisane, bo co one wynoszą, o tem dowiem się dopiero na poczcie i na komorze celney.

Przesyłaiąc mi dawniey Czasopis Czeski, omyliłeś się i, zamiast sedmy roćnj běh, swazek třeti, przysłałeś mi mylnie dwa numera z szesteho roczniho běhu swazek třeti: więc Ci go odsyłam, a proszę mi natomiast tenże związek z siódmego biegu przysłać. Nad to proszę Cię przysłać mi cały *osmy bieg*, tudzież z dziewiątego związku poszyt 1. 2. 3., czwarty mam. Dla dokompletowania całego Muzeum przysliy mi także *wszystkie pięć* tomów pierwszych, to iest od I—V, a tak będę miał wszystko. Porachuy wszystko, a ieżeli Ci wypadnie co dopłacić, to napisz. Jeżeli ma co przysłać mi P. Szafarzyk, to zapakuy razem, ieżeli nie, to sam przysliy o co Cię proszę. A iuż przesliy przez Bankiera, kiedy inaczey być nie może. Dołączone tu bileciki odday PP. Palackiemu i Szafarzykowi. Nie zapominay o mnie, i ieżeli co będzie w Pradze, coby interesować mnie mogło, to przysliy. Nadsyłam Ci też artykuł moy o ięzyku polskim; nie wiem, czy Ci się spodoba.

Ilekroć co posyłałem P. Szafarzykowi, nie dołączałem nic dla Ciebie, bom nie wiedział, czy on pozwoli na to, ażeby do iego paki coś dołączać można obcego. Widzę, że naylepiey będzie posyłać Ci pod osobnym do Ciebie adressem. Daruy, żem się o iednę pocztę spoźnił z przesłaniem, bom chorował na oczy, które mam bardzo osłabione. Lekarz kazał mi się strzedz bardzo. Bądź zdrów. Co u was nowego w literaturze?

Twóy W. A. Maciejowski,

Od Cenzury St.-Petersburgskiey dotąd nic nieodebrałem. Ja pamiętam o Tobie!

Z Warszawy,
dn. 20. Kwietnia 1838 r.

44.

Kochany panie Wacławie!

Oddawca tego iest P. Aleksander Tereszczenko, podrużuiący po krajach słowiańskich Rossyanin. Polecam Go Twoiey łasce i proszę, ażebyś Mu wszystko ułatwił, czego tylko potrzebować będzie.

Książki, o któreś pisał, odesłałem Ci przez pocztę i nawzaiem pisałem o czeskie książki, których dotąd nie odebrałem.

Jeszcze nie mam odpowiedzi z St.-Petersb., skoro nadeydzie, doniosę Ci.

Twóy W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 14. Maja 1838 r.

45.

Kochany panie Wacławie!

Oddawca tego iest P. Basiński, Sędzia tuteyszego Trybunału, który, iadąc do Marienbad do wód, przeieżdża przez Pragę. Życząc on sobie widzieć osobliwości w waszem mieście, prosił mnie o polecenie go Tobie, co też czynię. Przy tey okoliczności przesylam Tobie, P. Szaffarzykowi i P. Palackiemu broszurkę. Jeżeli co masz dla mnie (a prosiłem Cię o Czasopis tom I—VI. tudzież z następnych lat niektóre numera, które wyraziłem i wyrażam ieszcze raz: tom VIII cały, tom IX. numera 1. 2. 3.), tudzież ieżeli iuż Jungmana słownik wyszedł, to mi przysliy, ale przez pocztę i na ręce bankiera, bo inaczey zaginie. Pamiętników moich tom I. iuż odebrałem z Cenzury St.-Petersb., skoro tom II. odbiorę, będę ie zaraz drukował. Przez Basińskiego napisz mi list obszerny, niech i Szaffarzyk napisze, któremu powiedz, że się nań gniewam za to, że o mnie zapomniał. Bądź zdrów a pisz obszerny list i donieś, czyś odebrał wszystko odemnie, czegoś żądał, tudzież listy moie.

Twóy W. A. Maciejowski.

z Warszawy,
dn. 18. Czerwca 1838 r.

46.

Kochany Panie Wacławie!

Dziękuię Ci za poszyty Muzeum i słownik P. Jungmana. Czasopis czeskiego muzeum sam tylko w całey Warszawie otrzymuję, przeto dzieło to wędruje po mieście, i znowu dowiedzieć się nie mogę, ile z tego pisma mam istotnie. Gdy się zbierze wszystko, napiszę Ci ostatecznie, czego mi brakuie. Tym czasem posliy mi dalsze numera. Z nich przynaymniey dowiedzieć się będzie można, co się u was we świecie literackim dzieje. Siedziemy iak w rogu! P. Basiński dotąd nie przyjechał.

Proszę Cię, kochany panie Wacławie, uskuteczniy prośbę początku listu po niemiecku wyrażoną i przysyłając mi książki Szafarzyk ma także dać ci pakiet dla mnie), przysliy i to tak- z dodaniem ceny, bo to nie dla mnie. Nie napisałeś także, co tował rysunek talara, któryś dawniey przesłał. Proszę Cię, sliy notatkę ceny, bo mnie pytają o to.

Co się dotyczy obrazu Bogarodzicy, zdaie mi się, że się my- Skąd masz dowód na to, że on pochodzi z XIII. wieku? Pro- napisz mi! To fac-simile, któreś mi posłał, iest oczywiście no- Ale skąd wiesz, że móy obrazek z XVII. (!!) pochodzi wieku? ztą ja na tym obrazku, iak stoi w rosprawce, mało polegam rześciaństwie na Szląsku. Jest to tylko cień prawdy: ale sa- prawda stoi w dziejach.

Proszę Cię, panie Wacławie, ażebyś mi nie pisał tak lako- nych listów, lecz obszerniey donosił, co się u Was we świe- literackim dzieje. Co mogę, to i ja Tobie donoszę i piszę erniey, iak Ty. Przesyłam Ci tu artykułu połowę o feudal- i, drugą przeslę pozniey, bo ieszcze nie wydrukowana. Pra- teraz nad dziełem: *Polska we wiekach XV. XVI. pod wzglę- literatury, domowego życia i sporów religiynych.* Ogromna ma- a i trudna. Mam wiele rękopisów do tego. Bądź zdrów, pisz , przysyłay wiele.

Twóy W. A. Maciejowski.

Litterarische Bitte

um genaue Abzeichnung aus Joh. Dawid Köhlers Historischen zbelustigungen nachfolgender 3 pohlnischen Dukaten:

1. Des Königs Stephan P. XIX p. 93 u. 116.
2. Sigismunds v. Jahre 1599 P. XIX, p. 87 u. 50.
3. Sigismunds 3. mit den Aufschrift „Moneta aur. mag. duc. Li". P. XIX. u. 76.

NB. *Bardzo proszę* donieść, czy dostanie i co kosztuje:

1. Słownik Czeski Jungmanna,
2. Czasopis Czeskiego Muzeum cały.

Proszony iestem, ażebym do Białegostoku dostawił tych dzieł: ę naprzód wiedzieć, co kosztują, ażeby i pieniądze przesłać, muś nie zdawały się książki za drogie.

Z Warszawy,
dn. 19. Września 1838 r.

47.

Szanowny Panie Wacławie!

Oddawca tego iest P. Nowosielski, który umyslnie po to ie- do Pragi, ażeby wasze szkołki szpitalne poznał. Bądź łaskaw

nia i założenia na dobrach swoich fabrykacyj cukru wyjechał do Was. Proszę Cię być Mu pomocnym w czem możesz.

Wszystkie sprawunki od Ciebie odebrałem, przez PP. Szatęńskiego i Lubowskiego nadesłane mi. Portrety Twoje rozdałem, iakeś kazał. P. Linde odebrał resztę słownika i przesyła list do P. Jungmana. Ale przesełając dla mnie słownik omyliłeś się i posłałeś nad to poszytów cztery, to iest Działu IV, poszyt 4, Działu V. poszyty 1—3; odeszlę Ci ie przez okazyą, bo P. Dziewanowski nie mógł ich teraz zabrać ze sobą.

Ten Pan, do któregoś pisał ów list, którego dałeś mi kopią, był tu w Warszawie. Widziałem się z Nim, kazał Ci się pięknie kłaniać, ale oraz oświadczyć, że owego listu wcale *nie odebrał*. Dziwił się temu mocno, że go ten list nie doszedł, i prosi, ażebyś dochodził tego, gdzie się podział. Z kopią ową postąpiłem sobie zupełnie tak, iak mi poleciłeś, o czem przekonasz się we swoim czasie.

Ponieważ teraz dobra nadarzyła się okazya przez P. Dziewanowskiego, więc przysiądź fałdów i napisz mi obszernie, co tylko interessować mnie może i Ciebie. Z Wiednia pisano do mnie, a między innemi wyrażono się tak: „Dobrowski sagte mir kurz vor seinem Tode, die ganze clique Conspiration, wie er sagte, machte ihm argen Verdruss. Das Fragm. Johann. traute sich Hanka bei seinem (Dobrowski's) Leben nicht herauszugeben, denn dieser hatte gedrohet alle Impostoren zu demaskiren. Tu cave, ne sis nimis credulus, nunc bohemis, nunc aliis, benignus nimis. Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni". Nie wiem, co to ma znaczyć. Powiedział mi P. K., że napisze recenzyą moich Pamiętników w Pamflecie, który wychodzi we Wiedniu; nie wiem, czy ią iuż napisał. Racz mi o tem donieść i powiedzieć wszystko, co tylko wiesz. W tych dniach wychodzi po francuzku ta część Pamiętników moich, która mówi o pierwotnym kościele u Słowian oboyga obrządku. Prześlę Ci parę ekzemplarzy tego tłomaczenia. Tym czasem czekam na twoie uwagi, któreś mi obiecał nadesłać. Pan Palacki, gdym był w Pradze, święcie mi przyrzekł dać uwagi swoie i posłać mi ie do Karłowarów, dotąd tego uczynił. Nie mów mu nic o tém, że się o te uwagi dopominałem u Ciebie, ia nikogo nie chcę obarczać żądaniami, sam się ofiarował, sam chciał, więc widać, że czemś ważniejszem zajęty iest i dla mnie czasu nie ma. Mnieysza o to, ia się naprzykrzać nie chcę. W iakimże stanie iest u Was słowiańska literatura, czy wyszło coś uwagi godnego, lub czy wychodzi? Mnie tu ciągle pytaią o to, ale ia nic więcey odpowiedzieć nie umiem nad to, co wyczytuię z Cza-

sopisu. Napisz mi też, czy tameczni księża czytali Pamiętniki moie i iak ie znaydują: fanatycy gniewaią się na mnie, ale rozumni ludzie chwalą to dzieło i nie znayduią w niem nic godnego nagany. Bądź zdrów i łaskaw. Oczekuję przez P. Dziewanowskiego obszernego listu.

Twóy W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 20. Grudnia 1839.

55.

Szanowny Panie Wacławie!

Wyglądałem tylekroć razy listu od Ciebie, ale naprożno. Widać, żeś nie mógł pisać. Teraz dobra nadarza Ci się pora napisania: odesliy list do Karłowarów do żony moiey, przez którą ninieysze pismo odbierasz. Chciałbym był i ia do Was przyjechać, ale to nastąpić nie mogło, z przyczyny przedsięwziętey drogi do Lwowa. P. Eliaszewicz ma być tego roku w Karłowarach, ale na Pragę nie pojedzie. Gdybyś miał czas, byłoby dobrze pojechać do Niego i rozmówić się z nim nie o iedney rzeczy. Ma także być u wód P. Minister Uwarow, ale nie wiem u których Dopiero w Sierpniu będzie przejeżdżał przez Warszawę; pewno iuż mnie tu nie będzie wtedy. bo myślę wyjechać w pierwszey połowie Lipca.

Czytałem też naynowsze dzieło P. Kopitara Hesychii Glossographi etc. i zawołałem o tempora! o mores! Spodziewałem się czegoś lepszego po sławnym krytyku, widzę, żem się zawiodł. Na takie szkalowania odpisywać nie będę, to nie przystoi dla mnie.

Bardzo Ci dziękuję za przysłaną mi Grammatykę ięzyka polskiego i za rosprawkę o rękopisie Reimskim: oboie podobało się mi nader. Teraz proszę Cię przysłać mi Czasopisu z XIII. rocznego biegu numer 1. i 4., bo numera 2. i 3. posiadam. Tudzież proszę Cię przysłać mi XIV. bieg roczny i cokolwiek dotąd wyszło daley. Mam ieszcze u Ciebie złotych reńskich konwencyjną monetą 3., co brakuie, to Ci przekażę do P. Szafarzyka. Jeżeli ieszcze coś u Was wyszło, coby się dotyczyło starodawnego prawa czeskiego i w ogóle słowiańskiego prawodawstwa, to racz mi przysłać.

Jeszcze iedna prośba! Czytałem w dzienniku Waszym po niemiecku wychodzącym Ost und West, Jahr 1840, N-ro 29, Seite 138—140., że na początku XV. wieku był w Pradze Czech pewny,

u Was, i donoszę o tem, ażebyś napisał, czy czego nie potrzebujesz. Jeszcze mnie Twóy list doydzie, bo wyjezdżam stąd dopiero dnia 20. Czerwca.

Od kilku lat żona moja jest słaba. Lekarze mówią, że jej Karłowary pomogą, dla tego postanowiłem raz temu koniec położyć i dam ią zawieść. Przy tey okazyi zabieram i dwie córki, mogą zwiedzić kawał świata: drugi raz nie znaydzie się taka okazya. Obrazek Ci odwiozę. Proszę oddać tą kartkę P. Szafarzykowi, ale zaraz; może i on czegoś potrzebować będzie, więc napisze.

Pamiętniki moje odesłałem do Kronbergera przez furmana Lipskiego. Donieś mu o tem. Dla Ciebie także jest tam eksemplarz na welinie. Bądź zdrów, bo się bardzo spieszę, na pocztę idąc. Twóy W. A. Maciejowski.

P. S. Przez księgarza posłałem Ci liscik mały, odebrałeś go?

Z Warszawy,
dn. 18. Maja 1839 r.

50.

Kochany Panie Wacławie!

Odebrałem Twój list pocztą i liscik przez księgarza, na który ostatni jużbym był odpowiedział, ale czekałem nadejścia posłanego łaskawie dzieła, którego dotąd w Pradze niema. Przyłączony liscik zaraz Panu Šafařjkowi odprawiłem. Od suboty czekam na odpowiedź, żeby ją przyłączyć do mojej, ale nie nadchodzi, więc, żeby list mój za pozdno nie przyszedł, muszę go na pocztę odprawić, może Pan Šafařjk prosto się do Ciebie uda. Bardzo się cieszę, że Cię zaś uwidzę; bogdaj, żeby to było w weselszém interessie, albo przynajmniej, gdy już tak jest, żeby Karlowary swoję moc szczęśliwie oświadczyły! Proszę Pana Dobrodzieja, żebyś mnie z sobą przywiózł te N-ra Magazynu mód 1835 albo 1834 w Warszawie wydanego u Glücksberga [1]), w których się znajduje przekład moich pieśnoczek przez A. Gorczyńskiego, bo tu tego pisma nie mamy, ani go we Lwowie Pan Rościszewski wyszukać nie może. Ja je tylko przepiszę i zaraz zwrócę, i jeśli nie można te N-ra w druku z sobą przywieść, to proszę ich czytelnie kazać przepisać i z sobą wziąść, ja koszta zapłacę. Chcę dać do druku 3-cią edycyą moich pieśni i przyłączyć na bok tłomaczenie polskie, które mi pan Gorczyński w rękopiśmie z opuszczeniem tych, które są drukowane w upomianutém Magazynie.

[1]) См. письмо А. Горчинскаго.

w Rozmaitościach Lwowskich i w Sławianinie znajdują. Rozmaitości i Sławianina mam, więc mi się niedostaje tylko, o co Pana Dobrodzieja upraszam. Potém niech Pan Dobrodziej z sobą przywiezie: 1) Dzieła Kaz. Brodzińskiego u Glücksberga 1839; 2) Pieśni Ruskiego narodu, Petersburg 1838; 3) Almanach Новогодникъ 1839 Petersburski (Утренняя зоря Владиславлева); 4) Устрялова Историю Литвы i tegoż nową edycyją Исторіи Государства Россійскаго. Mam także dziełko: 5) Запорожская Старина, часть I i I—II, Харьковъ1833, dalej: MD—MDCXL, 1833—1834; MDCXL—MDCCIX, 1834—1835, часть II—II—1835,—nic więcej; dla tego proszę, żebyś mi go uzupełnił; podług Сѣверной Пчелы wyszło to dziełko dalej i ostatni zeszyt: 1838, часть II. Dalej proszę wziąć jeszcze: 6) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, Москва 1838, jest выпускъ III, lecz ja ani I, ani II niemam,—więc i te. 7) Сочиненія Гоголя, i cobyś sam myślał, żeby nas tu obchodzić mogło, jako n. p. Наталка-Полтавка Котляревскаго i inne narodowość polską lub ruską malujące drobnostki, ja koszta wszystkie Panu Dobrodziejowi osobnie zwrócę. Pojedziesz li przez Kraków, to proszę zaiść do Panów Wiszniewskiego, Muczkowskiego, Kojsiewicza i Hebela z moimi ukłonami i jeśli co mają do Pragi.

Bądź zdrów, do widzenia się na Hradczanach. Twój

Wacław.

Wielmożnemu Wacławowi Aleksandrowi Maciejowskiemu, D-ru i Prof. Praw, Sędziowi Trybunału Cywilnego w Warszawie.

w Pradze,
28 Maja 1839.

51.

Szanowny Panie Wacławie!

Zaraz po przybyciu mojem tutaj dopytywałem się o Hrabiego Tołstoy, lecz iuż był wyjechał tygodniem wprzód. Cóż mam robić ze sprawunkiem dla J. W. Pani Juriewicz? Mamże Ci go odesłać, lub wziąść go do Warszawy? W takim przypadku należałoby się uwiadomić P. Juriewicz, że sprawunek iest u mnie, i ażeby mi wskazała, komu go mam oddać dla wręczenia Jey tegoż.

Już trzeci tydzień idzie naszey tu kuracyi. Nie długo będzie i czwarty i my opuścimy Karłowe wary. Bądź więc łaskaw przyspieszyć do mnie odesłanie książek dla mnie i portretu żony, który P. Machek zrobił, i za który masz mu zapłacić zł. 10. reńsk.

u Was, i donoszę o tem, ażebyś napisał, czy czego nie potrzebujesz. Jeszcze mnie Twóy list doydzie, bo wyjeżdżam stąd dopiero dnia 20. Czerwca.

Od kilku lat żona moja jest słaba. Lekarze mówią, że jej Karłowary pomogą, dla tego postanowiłem raz temu koniec położyć i dam ią zawieść. Przy tey okazyi zabieram i dwie córki, mogą zwiedzić kawał świata: drugi raz nie znaydzie się taka okazya. Obrazek Ci odwiozę. Proszę oddać tą kartkę P. Szafarzykowi, ale zaraz; może i on czegoś potrzebować będzie, więc napisze.

Pamiętniki moje odesłałem do Kronbergera przez furmana Lipskiego. Donieś mu o tem. Dla Ciebie także jest tam eksemplarz na welinie. Bądź zdrów, bo się bardzo spieszę, na pocztę idąc. Twóy W. A. Maciejowski.

P. S. Przez księgarza posłałem Ci liscik mały, odebrałeś go?

Z Warszawy,
dn. 18. Maja 1839 r.

50.

Kochany Panie Wacławie!

Odebrałem Twój list pocztą i liscik przez księgarza, na który ostatni jużbym był odpowiedział, ale czekałem nadejścia posłanego łaskawie dzieła, którego dotąd w Pradze niema. Przyłączony liscik zaraz Panu Šafařjkowi odprawiłem. Od suboty czekam na odpowiedź, żeby ją przyłączyć do mojej, ale nie nadchodzi, więc, żeby list mój za pozdno nie przyszedł, muszę go na pocztę odprawić, może Pan Šafařjk prosto się do Ciebie uda. Bardzo się cieszę, że Cię zaś uwidzę; bogdaj, żeby to było w weselszém interessie, albo przynajmniej, gdy już tak jest, żeby Karłowary swoję moc szczęśliwie oświadczyły! Proszę Pana Dobrodzieja, żebyś mnie z sobą przywiózł te N-ra Magazynu mód 1835 albo 1834 w Warszawie wydanego u Glücksberga [1]), w których się znajduje przekład moich pieśnoczek przez A. Gorczyńskiego, bo tu tego pisma nie mamy, ani go we Lwowie Pan Rościszewski wyszukać nie może. Ja je tylko przepiszę i zaraz zwrócę, i jeśli nie można te N-ra w druku z sobą przywieść, to proszę ich czytelnie kazać przepisać i z sobą wziąść, ja koszta zapłacę. Chcę dać do druku 3-cią edycyą moich pieśni i przyłączyć na bok tłomaczenie polskie, które mi pan Gorczyński w rękopiśmie z opuszczeniem tych, które są drukowane w upomianutém Magazynie.

[1]) См. письмо А. Горчинскаго.

w Rozmaitościach Lwowskich i w Sławianinie znajdują. Rozmaitości i Sławianina mam, więc mi się niedostaje tylko, o co Pana Dobrodzieja upraszam. Potém niech Pan Dobrodziej z sobą przywiezie: 1) Dzieła Kaz. Brodzińskiego u Glücksberga 1839; 2) Pieśni Ruskiego narodu, Petersburg 1838; 3) Almanach Новогодникъ 1839 Petersburski (Утренняя зоря Владиславлева); 4) Устрялова Історію Литвы i tegoż nową edycyją Історіи Государства Россійскаго. Mam także dziełko: 5) Запорожская Старина, часть I i I—II, Харьковъ1833, dalej: MD—MDCXL, 1833—1834; MDCXL—MDCCIX, 1834—1835, часть II—II—1835,—nic więcej; dla tego proszę, żebyś mi go uzupełnił; podług Сѣверной Пчелы wyszło to dziełko dalej i ostatni zeszyt: 1838, часть II. Dalej proszę wziąć jeszcze: 6) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, Москва 1838, jest выпускъ III, lecz ja ani I, ani II niemam,—więc i te. 7) Сочиненія Гоголя, i cobyś sam myślał, żeby nas tu obchodzić mogło, jako n. p. Наталка-Полтавка Котляревскаго i inne narodowość polską lub ruską malujące drobnostki, ja koszta wszystkie Panu Dobrodziejowi osobnie zwrócę. Pojedziesz li przez Kraków, to proszę zaiść do Panów Wiszniewskiego, Muczkowskiego, Kojsiewicza i Hebela z moimi ukłonami i jeśli co mają do Pragi.

Bądź zdrów, do widzenia się na Hradczanach. Twój

Wacław.

Wielmożnemu Wacławowi Aleksandrowi Maciejowskiemu, D-ru i Prof. Praw, Sędziowi Trybunału Cywilnego w Warszawie.

w Pradze,
28 Maja 1839.

51.

Szanowny Panie Wacławie!

Zaraz po przybyciu mojem tutaj dopytywałem się o Hrabiego Tołstoy, lecz iuż był wyjechał tygodniem wprzód. Cóż mam robić ze sprawunkiem dla J. W. Pani Juriewicz? Mamże Ci go odesłać, lub wziąść go do Warszawy? W takim przypadku należałoby się uwiadomić P. Juriewicz, że sprawunek iest u mnie, i ażeby mi wskazała, komu go mam oddać dla wręczenia Jey tegoż.

Już trzeci tydzień idzie naszey tu kuracyi. Nie długo będzie i czwarty i my opuścimy Karłowe wary. Bądź więc łaskaw przyspieszyć do mnie odesłanie książek dla mnie i portretu żony, który P. Machek zrobił, i za który masz mu zapłacić zł. 10. reńsk.

w monecie, z tych pieniędzy, które mam u Ciebie. Przysliy mi to wszystko pocztą, to będzie naypewnieysza okazya. Czekam odpowiedzi, również iak i od p. Macheka, do którego pisałem osobno w tey mierze.

Cokolwiek doznaliśmy iuż ulgi w naszych boleściach, ale ieszcze nie wiele. Czekamy cierpliwie końca. Byłem w Maryenbadzie u P. Pogodin, który Ci się kazał kłaniać i prosi, ażebyś Go, podług przyrzeczenia, odwiedzić raczył. Sciskam Cię, kochany i szanowny panie Wacławie, po odebraniu sprawunku od Ciebie napiszę Ci, lub z podróży, lub z miejsca.

Twóy W. A. Maciejowski.

Żona i córki zasyłają ukłony.

Z Karłowych warów,
dn. 25. Lipca 1839.

52.

Szanowny Panie Wacławie!

Twoja Żona, któréj i Córeczkom Pańskim moje uszanowanie oświadczyć proszę, jest tak szczęśliwie trafiona, że już na obraze cały jej cichy i łagodny charakter się objawia. Zapłaciłem już przy wyjeździe Pańskim Panu Machkowi i teraz kazałem donieść do niego skrzyneczkę, do której razem i drugi swazek Časopisu českeho Muzeum 1839, i Verhandlungen z tegoż roku, tudzież i przedostatni swazek Słownika czesko-niemieckiego załączam, t. i. dla Jaś. Wielm. Linde. Dla ciebie zaś, że mi niewiadomo, które swazki już masz, Słownika nie przyłożyłem. Proszę udać się listownie do samego Pana Jungmanna w tym zględzie. Może Państwo jeszcze u Franciszkowych wód do ukończenia ostatniego swazku zabawicie, bo brakuie jeszcze tylko dwuch czy trzech arkuszy, które prędko wydrukowane zostaną i które wysadzone są. To wszystko lepéj będzie razem przysłać. Lecz z przeczytaniem Pańskiego dzieła nie jestem jeszcze gotow. Cały ten czas, jakście Państwo z Pragi wyjechali, musiałem siedzieć przy licytacyi monet w tym samym tak oddalonym odemnie domie, gdzie książki sprzedawano i gdzie ze mną razem byłeś. Wziąłem prawda z sobą pierwszy tom, żebym zawsze przez obiady cokolwiek przeczytać (mógł), lecz nie miałem pokoju ani tam, ani przed wychodem z domu za jutra, bo co się w nieobecności mojej nakupiło roboty, trzeba było w tychże wolnych chwilach wykonać. Widzę jednak, że Pańskie dzieło jest bardzo pracowite, szkoda, że niéma

starszych i ważniejszych pomników języka polskiego. W tém, zdaje mi się, może Panu Dobrodziejowi niektóre wątpliwości wyjaśnię.

Bądź zdrów i łaskaw swojemu Wacławowi.

Tę pieczątkę dla pani Jurjewiczowej proszę oddać panu Burgmistrowi Karlowarskiemu z prośbą, żeby ją po komś pewnym do Pragi na moje ręce odesłać raczył. Ma przyjść pan Meglicki, który ją z sobą do Petersburga weźmie, i jeśli by prędziej przyszedł, weźmę u sklarza takową i pózniej mu ją wrócę.

w Pradze,
1 Sierpnia 1839.

53.

Szanowny Panie Wacławie!

Oddawca tego iest P. Eliaszewicz, znakomity urzędnik przy J. O. Księciu Namiestniku królewskim, móy przyjaciel i wielki miłosnik nauk, a szczególniey literatury słowiańskich ludów. Bądź łaskaw pokazać Mu wszystko, co się narodowych pamiątek Słowian, a szczegolniey Czechów dotyczy, pokaż Mu dwa pieniądze, na których litery słowiańskie, którem widział u Ciebie, tudzież pokaż naydawnieysze czeskie rękopisy. Ja odebrałem obraz i książki przez pocztę, dziękuję Ci mocno za to, ale poszyt słownika dla P. Linde przeznaczony odeszlę Ci, ażebyś z czasem komplet tegoż dzieła dla P. Linde i dla mnie przesłał przez pocztę wraz z drugim tomem Dyplomatarza P. Boczka, który iest u P. Szafarzyka, tudzież wraz z innemi książkami, ieżeli iakie znaydą się tymczasem. Wtedy także oczekiwać będę uwag nad mojemi Pamiętnikami, gdy teraz nie masz czasu; pisz mi co Ci się tylko nastręczy, a wszystko będzie dla mnie naymilszym od Ciebie darem za pracę ciężką, którą podjąłem pisząc dzieło moje. Bądź zdrów i kochay mnie.

Twóy W. A. Macieiowski.

Żona moja i córki sliczny zasyłają ukłon. Dawnieyszych pomników nad Psałterz Małgorzaty i te com wydał nie znam. Czy masz dawnieysze? Miłoby mi było oglądać ie.

Z Karłowych warów,
dn. 9. Sierpnia 1839.

54.

Szanowny i wielce miły Panie Wacławie!

Oddawca tego iest P. Dziewanowski, móy przyjaciel, właściciel dóbr ziemskich w Królestwie naszem, który w celu pozna-

i dopomoż mu, w czem będzie można. Moje Pamiętniki w tym miesiącu prassę opuszczą, następnie musi ie ieszcze Cenzura sprawdzić z rękopisem, poczem wolno ie będzie puścić w obieg. Sądzę, że da Bóg naydaley w Lutym r. przyszłego przeslę Ci eksemplarz w darze.

Odebrałem numera Czasopisu, ale nie wszystkie ieszcze. Czy iuż masz wszystko skompletowane? Racz mi ie wraz z innemi książkami od P. Szafarzyka, tudzież dalszemi poszytami Słownika P. Jungmana posłać przez pocztę. Dołączam tu list od P. Linde.

Pisałeś mi w przeszłym liscie, że Ci się 12 zł. reńsk. M. Konw. należy, które albo w pieniądzach, albo w książkach mam zapłacić. Bąć pewny, że się sumiennie uiszczę ze wszystkiego, ale proszę mi donieść, czy tyle mam zapłacić po odtrąceniu moiey od Ciebie należytości. Bo wiesz, żeś mi winien 5 zł. reńsk. za Pamiętniki P. Kucharskiego i nad to posłałem Ci pocztą 10. reńsk. konw. M. Te pieniądze miały być na zapłacenie numerów żądanych Czasopisu i na prenumeratę na nowe. Wiem i o tem, żeś miał wydatki na portorium, dla tego posyłając książki, przysliy mi także rachunek zupełny, co Ci się ieszcze należyć może po odtrąceniu moiey należytości.

Z naukowych rzeczy nic tu nowego. Ciemno wszędzie, głucho wszędzie! U Was więcey się pisze, bądźże łaskaw i udziel o tem wiadomości, a napisz przecie obszerniey iak zwykle. Prosiłem Cię, ażebyś mi doniosł, na iakiey zasadzie myslisz, że ow obrazek około Opola znaleziony pochodzi z XIII. wieku. Naydawnieysze tego rodzaiu zabytki iakie są, i czem się rożnią od pozniеyszych z XII. XIII. wieku? P. Kucharskiego dawno iuż, dawno nie widziałem. Bądź zdrów etc.

W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 10. Grudnia 1838.

48.

Szanowny Panie Wacławie!

Wreszcie odebrałem moje Pamiętniki z Cenzury Petersburskiey i przyszlę Ci exemplarz takowych pocztą, a to na ręce Księgarni *Kronberger's Witwe und Weber in Prag.* Spis zawartych artykułów w tychże Pamiętnikach, zrobiony dla iednego z dzienników prawnych niemieckich, możesz zobaczyć w księgarni rzeczoney. Teraz pracuię nad nowemi Pamiętnikami, w których

będą rzeczy polskie i ruskie XV. XIV. wieku, to iest: 1) Krytyczny rozbiór pismiennictwa polskiego (tylko to, co pisano w oyczystym ięzyku), uważanego szczegolniey pod względem o ile też w sztuce pisania i oryginalności postąpiono; 2) Polska i Ruś w XV. XVI. wieku, czyli obraz domowego życia tych ludów, mający zastąpić romans historyczny; 3) Polska w XV. XVI. XVII. wieku uważana pod względem sporów religiynych. Dwa pierwsze dzieła iuż są do połowy mnieyszey posunięte, na trzecie zbieram materyały. Wszystkie te pisma powstały z notatek, które porobiłem przerabiając tom III. IV. historyi prawodawstw (aż do XVI. wieku): chciałbym skończywszy ie i wydawszy na nowo historyę prawodawstw w VI. tomach zgłębić życie prywatne Czechów i inszych Słowian (chcieć zgłębiać i literaturę, toby było za wiele), ale nie wiem, czy wystarczą siły. Jest to rzecz arcytrudna, ale zgłębiając dzieje prawodawstwa, tyle iest pięknych szczegółów naszym poetom, historykom i prawnikom nie znanych, a tak wielkie światło rzucających na cywilizacyę Słowian, że trudno iest oderwać się od nich. Dla Polski i Rusi chcę zrobić tą przysługę, ale czyż siły wystarczą i dla reszty? Prócz tego robiąc to, odrywam się od celu, a ten iest u mnie zgłębić nasze prawodawstwo historycznie.

Dotąd mam Jungmana Słownika poszytów 16. Z Czasopisu muzeum czeskiego posiadam tomu XII. poszyt 1. Co więcey wyszło, tudzież dawne poszyty, odday do Księgarni Kronberger's Wittwe und Weber, ona mi odtąd książki przysyłać będzie. Ty tylko, szanowny panie Wacławie, racz iey dać co masz, lub wskazać, co ma dla mnie przysłać.

Zrewidowałem wszystkie poszyty Czasopisu czeskiego i pokazało się, że mi następujących brakuje. Wypisuję Ci ie ostatecznie prosząc Cie, ażebyś dopomógł księgarni Kronbergera do przysłania mi ich [1]).

Bądź zdrów, kochany panie Wacławie, a napisz też do mnie. a tak Ciebie kocham, a ty zapomniałeś iuż o mnie.

Twóy W. A. Macieiowski.

An Herrn Wenceslaus v. Hanka, in Prag.

Z Warszawy,
dn. 20. Kwietnia 1839.

49.

Kochany Panie Wacławie!

Odebrałem książki nadesłane mi przez P. Niesiołowskiego, za co Ci mocno dziękuję. Oświadczam Ci, że tego roku będę

[1]) Приложенъ ихъ списокъ.

do tego. Musiałem odwiedzić biblioteki Kurnicką i poznańskie, ażeby raz przecież wykończyć me dzieło i następnie, uwolniwszy się od wszelkich prac podrzędnych, poświęcić swą pracę badaniom nad prawodawstwem. Powodem do pisania mi obecnie iest: dowiedzieć się, co porabiacie, prosić o nadesłanie mi przez okazyą księgarską nowości naukowych, a mianowicie: historyi Czech przez Palackiego ciągu dalszego (mam tom 1. i drugiego oddział pierwszy), iego Archiwu (mam cały tom 1.), Czasopisu (mam z roku 1843. poszyt 1., a daley nie), Historyi literatury czeskiey Jungmana wydanie nowe i t. d. Zebrawszy to, odday księgarni Rziwnacz et Weber, a ta niech przez Lipsk odeśle mi do Warszawy. Jeżeli rzeczonych dzieł nie dostaniesz dla mnie od PP. Palackiego i Jungmana gratis (poprzednie swe dzieła ofiarowali mi w podarunku ci panowie), to kup ie, wziąwszy na to pieniędzy od księgarza, który ma Pamiętniki moje, tudzież Polskę i Ruś daną sobie w komis. Bo P. Szaffarzyk pisał mi, żeś 3. owe ekzempl. dzieła Polska i Ruś dał w komis Weberowi. Może stąd coś sprzedał, więc pieniądze być muszą. Zgoła cokolwiek u Was dobrego wyszło a wchodzi w zakres dziejów, literatury i prawodawstwa czeskiego, bądź, szanowny panie Wacławie, łaskaw nabyć to dla mnie i przysłać mi. Posyłka ta poydzie drogą księgarską i pewno nie rychło przybędzie do Warszawy, a ia czekam od Ciebie listu z upragnieniem, bo mam niektóre wątpliwości, które rozwiązać mi proszę.

1. Skąd się wzięło w polskim ięzyku *rz*, czy nie masz w dziejach dowodu na to?

2. Kiedy Słowianie grzebali ciała i palili ie śypiąc nad zgliszczami mogiły, iak i Germanowie, coż znaczą tak zwane Wendenkirchöfe, o których tyle P. Lisch w Jahrbücher für die meklenburgische Geschichte rosprawia? Byłyż to rzeczywiscie cmentarze słowiańskie, lub raczey mieysca, gdzie przechowywano szczątki ciał zmarłych, zakopuiąc ie w ziemię iak i inne kosztowności? Ja sobie rzecz tą wystawiam tak: mówi Nestor, że Polanie spaliwszy na stosie martwe ciało zbierali proch w urny i urny te stawiali na słupach przy drodze. Wystawiali ie więc na publiczne widowisko, a po tem? Po tem, iak mniemam, chowali ie u siebie, aż wreszcie, zwłaszcza gdy groziło nieszczęcie, n. p. napad nieprzyjacioł i t. p., zakopywali w ziemię, iak pieniądze lub insze kosztowności, kryjąc przed nieprzyjacielem. Wtedy może cała osada w iedno mieysce urny zakopywała, skąd powstały tak zwane Wendenkirchöfe. To zaś nie iest do prawdy podobnem, iakoby mieysca pewne były w siole oznaczone na pogrzeby takie,

dzey być może przez pocztę odpowiedzieć. Pytania te są: W XV. wieku żył Konstanty z Ostrowice, który był janczarem, a późniey odstąpiwszy turków żył u Macieja Korwina, króla węgiersk. Pisał pamiętniki, które są po czesku (Jungmana hist. literat., p. 191, N-ro 243), tudzież po polsku, iak z ięzyka i prawopisu widać, z XV. wieku. Teraz znalazł się w Wilnie rękopis, gdzie też i tłomaczenie iest polskie (nie powiedziano z iakiego wieku iest to tłomaczenie, a ia go nie oglądałem), przy czem stoi, *że tłomaczenie to z łaciny iest zrobione.* Skąd się pokazuie, że oryginał Pamiętników Janczara był pierwotnie pisany po łacinie, a z łaciny tłomaczono ie na czeskie i polskie. I tak też być musiało. Bo Janczar ten był rodem Bośniak, snadź pochodzący z przodków polaków, którzy się za Karpaty przesiedlili, gdyż w Pamiętnikach swych do Polaków bardzo wiele współczucia (sympatyi) pokazuie; po polsku pewno, ani po czesku nie umiał, a więc nie mógł pisać w tych ięzykach. P. Kucharski r. 1840 obiawił ten domysł: „że Janczar ten porzuciwszy Turków żył na Szląsku lub Morawie, dokąd może przybył z Maciejem Korwinem, gdy ten król wojował Morawy, i że pierwotnie mógł pisać po czesku, co pokazywać się ma z iego złey czesczyzny". Ponieważ mnie ta rzecz obchodzi wiele, więc racz mi ią obiaśnić, czy w tem, co P. Kucharski mówi, mieści się co prawdy, lub nie. Proszę zaś zważać na to, co rękopis wileński (z XVII. pochodzi wieku) mówi, *że z łaciny tłomaczona iest turecka kronika Janczara*, tudzież i na to, że gdyby był w Morawie po czesku pisał, byłby przecież robił iakie alluzye do Czech. A on (sądząc po tłomaczeniu iego z XV. wieku) robi alluzye do Polski, a do Czech bynaymniey.

Raczyłeś łaskawie przysłać mi ułamek tłomaczenia pisma ś. po polsku, obeymujący proroctwo Daniela, znaleziony na okładce książki w Hamburgu. Do ułamku tego przywiązuię wielką wagę, bo go widzę być pochodzącym z XIV. wieku. Proszę więc dać mi wiadomość o książce, na którey okładce znalazł się ułamek ten, tudzież wszelkie przywieść okoliczności, iakie tylko być mogą o tym urywku z pisma ś. Jest to bardzo ważnem dla mnie.

Jeżeli posiadasz iaki zabytek polskiey literatury z wieku XIV. lub XV., prosiłbym o udzielenie mi: wszak u was nie trudno o takie rzeczy, i Ty, szanowny panie Wacławie, iesteś nader szczęśliwy w odkrywaniu tego rodzaiu zabytków. Jeszcze iest iedna okoliczność, którą bądź łaskaw obiaśnić.

Za pierwszym pobytem moim w Pradze r. 1834 złożyłem na ręce Twoje w złocie prenumeratę na 4. exemplarze Zpěwanek Kollára. Tom I-szy tychże Zpěwanek odesłał mi sam Kollár; tom

pierwszy tomu II-go mam). P. Palacki przysyła mi swe dzieło gratis: ieżeliby za dalszy ciąg należało zapłacić, to każ Kronbergerowi i to posłać na rachunek drogą wskazaną. Prócz tego proszę o wszystko, cokolwiek gruntownego u Was wyszło, a wchodzi w zakres historyi narodu czeskiego i iego literatury, tudzież prawodawstwa. Właśnie bowiem wykończam historyą literatury polskiey aż do wieku XVII., która ma wielki związek z czeską. Pierwotne dzieje Polski z uwagą na Litwę i Ruś iuż są ukończone i skoro przepisane będą odeszlę ie do Cenzury. W dziełku tem obiąłem zewnętrzne dzieje rzeczonych ludów aż do wieku IX., a wewnętrzne aż do XII. Główna uwaga zwrócona iest na oświatę, przechodzę ią iak może być nayobszerniey. Będzie to przydatek do drugiego tomu Starożytności pana Szaffarzyka. Co tylko można czynię dla utrzymania ducha słowiańszczyzny w Polsce, wystawiam zawsze rodakom moim, że od poznania ogólney oświaty Słowian zależy dokładne zrozumienie naszych dziejów. Staram się więc słowiańszczyznę do Polskiey literatury stosować. Dotąd trudniłem się pojedynczemi materyami z wewnętrznych Słowian dziejów, skąd powstały Pamiętniki, Polska pod względem obyczajów, Pierwotne dzieje i Historya literatury. Możnaby daley te ustępy posuwać, lecz to odrywałoby od celu, a tym iest zgłębić pojedynczo prawodawstwa wszystkich Słowian, przynaymniey do wieku XIV (daley pewno życie nie starczy!). Tak więc skoro Pierwotne dzieje i Historya liter. polsk. wydrukowane będą, wezmę się do prawodawstwa znowu, a wtedy Czechy i t. d. na nowo interessować mnie będą bardziey, niż teraz. Bądź zdrów, pozdrów przyjacioł i pisz do mnie.

Twóy Wacław Alex. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 14. Marca 1844 r.

67.

Szanowny Panie Wacławie!

Po tak długiem milczeniu (które było dla tego, że się nie miało coś mówić) chwytam za pióro, ażeby Ci naprzód, drogi mój Wacławie, czułe zasłać pozdrowienie, a powtóre prosić Cię, ażebyś oświadczył PP. Szafarzykowi i Palackiemu, że wkrótce do Nich napiszę i o pomoc prosić będę. Udaję się i do Ciebie z prośbą o tę pomoc, a ta iest: czy nie masz jakiego pomnika prawodawstwa czeskiego, któryby za wiek XV. nie sięgając wyżej nie

był dotąd drukowany. Jeżeli masz takowy, to racz go dla mnie zachować: tego roku, da Bóg, zamyślam być w Pradze, wtedy bym go wziął z sobą. Oświadczam bowiem, że wykończyłem nowe wydanie Historyi prawodawstw słowiańskich w VI. tomach, którą, jeżeli znowu grymaśna nasza Cenzura nie wypłata mi figla, myślę zacząć, powróciwszy z Pragi, podać do druku. Między temi tomami iest jeden poświęcony pomnikom prawodawstwa. Zebrałem wiele takowych Polski dotyczących się, mam nieco z litewskiego i ruskiego prawa, dołączę do tego krytyczne wydanie statutu Winodolskiego w tłomaczeniu polskiem, lecz potrzebaby też umieścić pomniki prawodawstw czeskich, serbskich, słowackich (węgierskich). Jeżeli takowych nie znajdę, wtedy, niestety! będę się musiał ograniczyć na samych polskich (których, jak rzekłem, wiele z wieku XIV—XV. posiadam), co nie będzie dobrze przystawać do prawodawstw *słowiańskich*, jak to sam uznasz. Dla tego więc, proszę, zbierz co masz z czeskich pomników aż do r. 1499 (niżej nie) i użycz mi. Jest ieszcze druga prośba.

P. Czyżow z Moskwy powiadał mi, że P. Kuzmanicz posiada prawa rzeczpospolitej Turopolskiej, Policzkiej, a może i innych. Nie wiem, gdzie mieszka P. Kuzmanicz, ty musisz wiedzieć. Czybyś nie był łaskaw napisać do Niego, ażeby mi powierzył te prawa w dokładnych odpisach (za które wynagrodzę) do wydania ich w pomnikach moich? Lecz potrzebaby *zaraz* napisać i prosić P. Kuzmanicza, ażeby się *zaraz* zajął przepisaniem i do Ciebie nadesłał kopie. Będąc w Pradze zabrałbym i to.

Jak niebo od ziemi, tak się różni drugie (albo raczej trzecie, bo i to, co w Pamiętnikach iest, przerobiłem zupełnie) przerobienie Historyi prawodawstw słowiańskich od pierwszego. Wszakże i tak ieszcze nie iest ta praca taką, jakby ją sobie życzyć należało. Ale też nie od razu wielka się rzecz robi! Ileż to lat i ilu z niemieckich uczonych nie pracowało nad historyą prawodawstw niemieckich, zanim się pokazała historya Eichorna. A i ta iest mniejszego zakresu, niż moje dzieło. Wszelako jestem dosyć pracą moją zadowolony, rzecz do XIV. wieku dokładnie opracowana, a nawet o Germanii siągnęło się wyżej nad to, com w pierwotnych dziejach Polski i Litwy powiedział. Widzę teraz, jak na dłoni, że w salickiej ustawie, że w prawach anglosaksońskich, że w niemieckich najdawniejszych prawach iest wiele słowiańskiego i litewskiego. Wskazałem tu drogę następcy memu, ten niech dalej pracuje nad tą rzeczą, a pokaże się iasno, że w niemieckich prawach iest daleko więcey słowiańskiego, niż w słowiańskich niemieckiego.

Jeszcze i o to proszę, ażebyś wszystkie książki o prawie czeskiem, których znać nie mogłem, zgromadzone miał, przejrzę je, może i w nich coś nowego znajdę. Bądź zdrów, szanowny panie Wacławie, z niecierpliwością wyglądam chwili, w którejby Cię uściskać mogłem.

Twój Wacław Alex. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 4. Marca 1847 r.

Prośby do W-go Hanki:

1. ażeby rękopisy o prawach czeskich (z XIV. wieku, wyjątki z księgi Towaczowskiej), które mi kazał przepisać, były wygotowane około dnia 20. Czerwca, w którym wróciwszy do Pragi z żoną zabawię w niej dzień jeden i pojadę do Franzensbrunn, nie wracając nazad tędy;

2. ażeby i książki, podane Mu w spisie, były gotowe, bym ie zabrał z sobą; a do książek tych proszę dodać Dobrowskiego Slavin ed. Hanka, Slowanka tegoż, ieżeli się znaydzie u antykwarza;

3. ażeby się postarał o tanie przekopiowanie figur i budynków, sprzętów i cokolwiek się z czeskiej narodowości ważnego znajduje w malowidłach będących po rękopisach czeskich najdawniejszych. Mamy bowiem zamiar wydać w Warszawie zabytki te wraz z polskiemi i ruskiemi, jako dodatek do zwyczajów i obyczajów Słowian, potrzebny dla sztukmistrza, teatru i t. p.

4. ażeby napisał do Prof. Mazuranic w Zagrebiu, czy niema czego nowego o statucie Winodolskim nad to, co wydał w czasopisie illiryiskim *Kolo*. Chcę bowiem w dodatkowym do historyi prawod. tomie zrobić nową recenzyą tego statutu z tłomaczeniem łacińskiem i polskiem. Potrzebny by był przeto odpis z lepszego rękopisu (który się podobno znalazł na wyspie Weglia), tudzież wyjaśnienie wyrazu, jeżeli P. Mazuranic ma jakie. To proszę nadesłać mi do Franzensbrunn.

Niech P. Hanka napisze do P. Krzyżanowskiego, bo by się na mnie gniewał, żem listu nie przywiózł.

68.

Szanowny Panie Wacławie!

Wracając Ci przywilej transumtu Bolesława Chrobrego, którym dla siebie przepisał, załączam do tego list z książkami dla

Vielmożnego Krzyżanowskiego i list dla Jaśnie Wielmożnego ana Senatora Storożenki. Miałem ukontentowanie poznajomić ię z jego panem Synem Włodzimierzem, który przebywszy tu ilka dni dziś wyjeżdża. Sławin i Słowankę i dwa exemplarze 'ańskiej Polski—dwóch zostawiłem jeszcze u siebie (sic), może być, ż w nowéj stancyi będę szczęśliwszy do ich zbycia. Za powyże siążki proszę przedostatnie, myślę w Petersb. drukowane, dzieło 'ańskie, bo mam tylko Prawodawstwa 4 tomy, Pamiętników 2 omy i 4 tomiki Polski. Kłaniając się łaskawej Pani, zostaję na awsze najżyczliwszy Wacław Hanka.

Praga,
16 Lipca 1847 r.

69.

Szanowny panie Wacławie!

Posełkę na pocztę do mnie oddaną odebrałem, za co dzię:ując przyrzekam święcie wywzajemnić się, skoro Bóg da wrócić lo Warszawy. Oddawca tego liściku jest W-y Kamiński, Na**zelnik** bióra wyznań religijnych i spraw wewnętrznych w Królestwie, który zwiedzając Pragę życzy sobie poznać Ciebie. Bądź **askaw** pokazać mu praskie osobliwości, a mianowicie będące na **amku.** Łasce się Twojej i pamięci polecam.

Twój Wacław Alex. Maciejowski.

Franzensbrunn,
dn. 30. Lipca 1847 r.

70.

Szanowny panie Wacławie!

W wilją odjazdu mego z Franzensbrunn zdarza się mi jeszcze sposobność pisania do Ciebie, z czego korzystając, załączam Ci naprzód najczulsze pozdrowienie od nas obojga, a Tobie zosobna ucałowanie ode mnie i dziękczynienie za wszystkie grzeczności, jakie wyświadczyć mi raczyłeś. Oddawca tego jest nasz szanowny polityk i filozof Hrabia Cieszkowski, który jadąc do Pragi i pragnąc poznać się z Tobą, prosił mnie o list do Ciebie. Polecając Go Twojej przyjaźni, proszę, ażebyś był łaskaw ułatwić mu wszystko, o co Cię prosić będzie.

Twój przyjaciel i sługa

Wacław Alexander Maciejowski.

Franzensbrunn,
dn. 18. Sierpnia 1847 r.

71.

Szanowny Panie Wacławie!

Tak dawno, dawno, nie rozmawiałem z Tobą, chociażby tylko piśmiennie. Myślałem bowiem, że w tych, które wytrzymaliście, zawieruchach nie masz czasu nawet listu od przyjaciela przeczytać. Teraz, gdy się nieco uspokoiło, zgłaszając się do Ciebie, posełam w podarunku co mam, przyobiecując przysłać więcej, da Bóg, za pół roku. Proszę oraz, ażebyś mi przez tę okazyą przesłał nowe wydanie Historyi literatury czeskiej ś. p Jungmana: wszak wobec Ciebie przyrzekł mi nieboszczyk ekzemplarz takowej, gdyśmy go rokiem przed śmiercią odwiedzali w letniem Jego mieszkaniu Właśnie albowiem wykończam ostatecznie Historyą literatury polskiej aż do r. 1650, i koniecznie mi potrzebne jest owe ś. p. Jungmana dzieło. Proszę też, ażebyś się zobaczywszy z P. Palackim i pokłoniwszy się Mu odemnie, zapytał: czy się nie znalazł, lub czy jest nadzieja, że się znajdzie, rękopis Hodziejowski Kroniki Boguchwały, który miał niegdyś ś. p. Dobner. Tego lata, bawiąc na wsi, porównałem 4. dotąd nieznane rękopisy tej Kroniki i przekonałem się o tem, że wydanie jej przez Sommersberga jest prawie makulatura.

Tyle o sobie. O naszych naukowych przedsięwzięciach nic nie piszę. Bieda u nas! jednakże żyjemy jakkolwiek. Wy co tam porabiacie? Słyszałem, że Wasz kraj nową, pod względem naukowości, przybrał postać, że Szaffarzyk siedzi w Wiedniu dla przekładania praw austryacko-niemieckich na różne słowiańskie narzecza i t. p. Napisz mi szeroce o tem, wszystko bowiem, co Was obchodzi, mnie też obchodzi wielce. Pokłoń też P. Purkiniemu, który również ma się teraz w Pradze znajdować, i zgoła wszystkim przyjaciołom kłaniam. Odebrałem dyplom od uniwersytetu waszego na stopień Doktora filozofii: nie podziękowałem Mu za to ieszcze, bo czekam, aż będę miał coś do darowania nawzajem, by tak nie przyjść z rękami próżnemi.

Bądź zdrów, kochany panie Wacławie, odpisz mi obszernie i kochaj mnie, jak ja Ciebie i Was wszystkich, moi bracia Czesi, kocham.

Twój Wacław Aleksander Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 18. Października 1849 r.

72.

Kochany Panie Wacławie!

Těšilo mne, že sem opět o Vás něco slyšel, i raduju se, že zdráv jste. K Panu Dubrovskému jsem Vám poslal Historii Lite-

ratury české, Dalimila i 9-té vydání Pravopisu českého, což také kochanému Andrzeju Kucharskému i k tomu ještě Sazavo-Emmauzskoje Evangelie. Nebožtík Jungmann Vám arci knihu přislíbil, a sice v mé přítomnosti, ale on umřel i uvidím, co slavný zbor Matice české až sezení bude na to povi.

Objímaje Vás prosím mne poručena míti všem, ješto se na mne pamatují.

Buďte zdráv. Vaš nejoddanější Váceslav.

Do Warszawy. Wielmożnemu Wacławowi Maciejowskiemu.

V Praze,
10 Listop. 1849.

73.

Szanowny Panie Wacławie!

Zebrałem się tego roku na przyjazd do Karłowych warów, z tem przedsięwzięciem, że z powrotem odwiedzę Pragę. Powrót ten ma nastąpić w końcu przyszłego miesiąca. Donieś mi przeto, czy wtedy będziesz w Pradze, bo inaczej nie byłoby po co przyjeżdżać, a w takim razie obróciłbym drogę na Lipsk. Chciałbym się atoli zobaczyć z Tobą, mając nie jedno do pomówienia. Żona moja, która Ci najśliczniejszy ukłon zaseła, prosi, ażebyś jej doniósł, czy którą z Waszych pań (Twoją żonę, panią Szafarzykową, Czelakowską, Zapową i t. d.) zastanie, by przy ich pomocy mogła porobić sprawunki u kupców. O tem wszystkiem donieś mi pocztą do Karłowych warów jak może być naprędzej, a przy tem napisz cokolwiek mnie zainteresowaćby mogło. Nie uważaj na to, że ja krótko piszę: bo wiesz, że przy wodach nie ma się wiele czasu, że człowiek opieszały i do pisania długich listów nie skory, aczkolwiek chciwym jest czytywać je najdłuższe. Pozdrów mi szanownych pp. Szaffarzyka, Purkinie, Czelakowskiego, Palackiego i t. p. i donieś, czy na przypadek przyjazdu mego do Pragi zastanę ich w miejscu.

Twój przyjaciel i sługa

Wacław Aleks. Maciejowski.

Wydałem w tym roku tomik roczników i kronik polskich najdawniejszych: przywiozę Ci ekzemplarz, tudzież Uniwersytetowi, jako dar dziękczynny, że mnie członkiem swym obrać raczył. Gdybym nie miał przyjechać do Pragi, przesłałbym ekzemplarze pocztą.

Mieszkam w Karłowych warach, *pod złotym pierścieniem*, № 9.

Karłowe wary,
dn. 14. Lipca 1850 r.

74.

Szanowny Panie Wacławie!

Wyjeżdżając z Pragi nie zabrałem książek, któreś mi dał w zamian za moje, lecz cały pakiecik oddałem Panu Purkinje, błagając go, ażeby ci pakiecik ten zwrócił, z prośbą, ażebyś dokompletowawszy reszty (boś wtedy nie miał czasu wszystkiego zebrać) przysłał mi następnie pocztą tenże pakiecik do Warszawy pod adressem moim. Gdym wrócił do Warszawy, a pakieciku nie było widać, napisałem do pana Wocela (przy czem załączyłem liścik do Bobrowicza w Lipsku) z prośbą, żeby Ci ten interes przypomniał. Ponieważ i Pan Wocel nie odpisuje, więc piszę do Ciebie i proszę, ażebyś mi przysłał Czasopis Czeskiego Muzeum, ile go dotąd wyszło od roku 1845 (bo aż do końca r. 1844 mam wszystko); gdybyś zaś przypadkiem, czemu nie wierzę, nie miał przysłać o co proszę, to przynajmniej odpisz, *czy przyślesz, czy nie.* W takim bowiem przypadku musiałbym sobie inaczej radzić, albowiem czasopis ów mieć muszę, gdyż mi bardzo potrzebny. Po Nowym roku—da Bóg—zamyślam drukować Historyją Literatury Polskiej od czasów najdawniejszych aż do r. 1650. Będą przy tem i pomniki języka polskiego najdawniejsze z rękopisów wyjęte. Później ma dalszy ciąg tejże Historyi aż do r. 1830 nastąpić. Przyszlę Ci exemplarz, bądź że mi uczynisz, o co cię proszę teraz, bądź nie uczynisz. Proszę przytem kłaniać pięknie znajomym i przyjaciołom, a mianowicie: Panu Szafarzykowi, Purkinje, Czelakowskiemu, Palackiemu, Wocelowi, Tomkowi. Żona moja najśliczniejszy zasyła ukłon i łaskawej poleca się pamięci. Ja zaś całując Cię serdecznie, bardzo proszę, ażebyś mi *zaraz* odpisał, czy przyślesz, lub nie przyślesz. Posyłka może być o kilka dni opóźniona po liście, ale nie dłużej.

Twój przyjaciel

Wacław Aleksander Maciejowski.

Przypominam jeszcze raz, że czasopis mam kompletny aż do r. 1844 inclusive.

Z Warszawy,
dn. 17. Grudnia 1850 r.

75.

Szanowny Panie Wacławie!

Pakiecik od prof. Purkinie otrzymał, też i pan Wocel mi powiadał, iżeś do niego pisał: wszystko jest przygotowane i jużby

w Pańskich ręku było, gdybym był niechciał do tego przyłączyć nowe wydanie Pieśni moich dla twojej Pani, bo są po większej części z polskim przekładem. I te są gotowe dzięki Bogu, ale ostatniego arkusza tłumaczenia rossyjskiego Króledworskiego rękopisu jeszcze nie dodrukowano, chociaż już wszystko wysadzono jest, i jam by rad przy tej okazyi i kilka exemplarzy do tego pakieciku przybawić. To już się doczekasz, i ja zaraz odpisuję po otrzymaniu listu Twego, żebym Cię do przesyłki uspokoić. Przy przesyłce więcej pisać będę.

Bądź zdrów, serdecznie Cię całując, proszę oświadczyć Pani najsliczniejsze ukłony.

Twój najżyczliwszy Wacław Hanka.

Szczęście na święta i nowy rok. Słowiańską modlitwę oddaj przy ukłonach moich J. W. Panu Muchanowu.

Praga,
22 Grudnia 1850 r.

76.

Kochany Václave!

Načekali ste se, až mne to samého mrzelo, ale nejsem já vinovat toho: tiskař přisliboval i vždy nová díla vládní jej zasypávala, tak že si sám pomoci nemohl. Naposledy ještě se u nás papíru nedostávalo, i vláda kde jaký byl jen pro své zákony brala, tak že všecek privátní tisk se zastavil: ale mámet' těch zákonův, že si jich žádný advokat pamatovati moci nebude.

Přiložené knižky račte rozdati po napisech i mějte se dobře; my se máme dosti zle, jen zdraví nás ještě na světě těší.

Nejoddanější Váceslav.

V Praze,
7 unora 1851.

77.

Szanowny Panie Wacławie!

Książki, któreś mi przez Kraków łaskawie nadesłać raczył, odebrałem i dołączone ekzemplarze doręczyłem JW. Muchanowowi, tudzież Panu Dubrowskiemu, którzy kazali bardzo pięknie podziękować za podarunek. Pan Kucharski jeszcze swoich ekzemplarzy nie odebrał, a JW. Eliasiewiczowi doręczyć przysłany mu rękopis nie miałem dotąd sposobności. Z mojej strony będę się

starał wywzajemnić w jaknajkrótszym czasie. Ubolewam bardzo nad tém, że jak widzę z twojego listu nie idą Wam rzeczy po myśli. Ale cóż robić, już to tak jest, że wszystko musi iść powoli. Załączam ja i żona moja ukłony tobie, P. Purkiniemu, PP. Szafarzykowi i Czelakowskim. Odemnie zaś bądź łaskaw czule pozdrowić PP. Wocela, Tomka, Erbena i innych. Żona moja nadto zasyła ukłon Pani Zap, jeżeli jest w Pradze. Co do interessów naukowych, te u nas idą swoim trybem, a jak idą, możesz się o tem dowiedzieć z Biblioteki Warszawskiej, która Was może dochodzi. Od 31 Marca mamy mieć nowe pismo polityczno-naukowe, które pod tytułem Dziennik Warszawski ma codzień w dwóch arkuszach wychodzić. Ciekawi jesteśmy, co to będzie. Tyle na teraz. Sciskam cię serdecznie.

Twój Wacław Aleks. Maciejowski.

Warszawa,
24 Marca 1851 r.

78.

Szanowny Panie Wacławie!

Zasełając Ci czułe pozdrowienie przez oddawcę tego listu, proszę, ażebyś był nań łaskaw i zrobił, o co Cię prosić będzie. Jest to Aleksander Hrabia Przezdziecki, człowiek majętny i uczony, który się gorliwie naukami zajmuje. Poznaj go z panami: Palackim, Szafarzykiem, Purkinią, Czelakowskim, Wocelem, Tomkiem i t. d. Pozdrów odemnie P. Wocela i proś Go w mojem imieniu, ażeby P. Przezdzieckiemu pokazał osobliwości waszej Pragi starożytnej. Druk pierwszego tomu historyi literatury, przezemnie wydawanej, nie ukończony jeszcze. Skoro tylko wyjdzie z handlu, przeszlę Ci ekzemplarze. Tym czasem, póki to nie nastąpi, przyszlij mi drogą księgarską za pośrednictwem księgarni Rziwnacz i spółki Czasopis Czeskiego Muzeum z roku 1851. Po ukończeniu historyi literatury wezmę się, da Bóg, do drukowania historyi prawodawstw nowego wydania. Jeżeli się coś nowego pojawiło u Was ze zrzódeł praw staro-czeskich, prosiłbym i o to. Pozdrów mi przyjaciół i kochaj mnie.

Twój Wacław Aleksander Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 8 Czerwca 1851 r.

79.

Szanowny Panie Wacławie!

Bawiąc u wód Kudowskich, nie mogłem na sobie przewieść tego, by przed odjazdem z nich (co dnia 15 t. m. ma nastąpić) nie

napisać do Ciebie. Przywodząc to do skutku, donoszę, że już wyszedł tom I. mojej historyi literatury i że da Bóg, powróciwszy do Warszawy (z początkiem Października, bo ztąd jadę do Lwowa), przyszlę Ci takowy, w zamian za Czasopis, któryś mi przysłał, i którego dalsze zeszyty łaskawie obiecałeś nadsełać mi. Proszę przy tem, ażebyś dołączony tu list do Towarzystwa uczonego w Zagrebiu (Prezesem jego jest P. Kukuljewicz) odesłał, zapieczętowawszy go. Bądź zdrów i kochaj mnie. Pozdrów też: pp. Szafarzyka, Palackiego, Purkiniego, Czelakowskiego, Wocela, Tomka.

Twój Wacław Aleksander Maciejowski.

Kudowa pod Nachodem,
dn. 7. Sierpnia 1851 r.

80.

Szanowny Panie Wacławie!

Przesełam Ci na ręce p. Czecha w Krakowie *dwa* ekzemplarze I-go tomu mojego piśmiennictwa, za które przypadającą mi prenumeratę 24 rubli srebr. (po 12 za ekzemplarz cały) policz sobie à Conto pism czeskich, któreśmi w roku zeszłym przesłać raczył. Drugi tom do połowy wydrukowany (druk idzie po mału, bo korrekta trudna), skoro się ukończy, przeszlę Ci, również jak i tom III tą samą drogą. Proszę przy tem o Czasopis Czeskiego Muzeum cały z roku 1851, który mi przyślij na ręce P. Czecha; porachujemy się znowu tym samym sposobem, t. j. książkami. Sciskając Cię serdecznie proszę, ażebyś oświadczył czułe pozdrowienie panom: Szafarzykowi, Palackiemu, Purkiniemu, Czelakowskiemu, Wocelowi, Tomkowi, Erbenowi i reszcie przyjaciół i znajomych. Po wydrukowaniu tomu III hist. liter. biorę się do druku nowego wydania hist. prawodawstw w V lub VI tomach (jeden tom zawierać będzie zrzódła nie drukowane praw słowiańskich, lub będą te zrzódła dodane do tomów sposobem feuilletonu, podobnie, jak to z pomnikami mowy polskiej uczynić zamierzyłem, dodając je do tomów obecnie wychodzącego dzieła). Bądź zdrów, a odebrawszy tę ekspedycyą, napisz proszę, czyś odebrał.

Twój Wacław.

Z Warszawy,
dn. 14 Listopada 1851.

81.

Czcigodny i szanowny panie Wacławie!

Pan Przeździecki wrócił, przywiózł mi liścik od Ciebie i trzy książeczki (tłomacz. polskie Rękopisu Królod., Krakowiaki, Pra-

74.

Szanowny Panie Wacławie!

Wyjeżdżając z Pragi nie zabrałem książek, któreś mi dał w zamian za moje, lecz cały pakiecik oddałem Panu Purkinje, błagając go, ażeby ci pakiecik ten zwrócił, z prośbą, ażebyś dokompletowawszy reszty (boś wtedy nie miał czasu wszystkiego zebrać) przysłał mi następnie pocztą tenże pakiecik do Warszawy pod adressem moim. Gdym wrócił do Warszawy, a pakieciku nie było widać, napisałem do pana Wocela (przy czem załączyłem liścik do Bobrowicza w Lipsku) z prośbą, żeby Ci ten interes przypomniał. Ponieważ i Pan Wocel nie odpisuje, więc piszę do Ciebie i proszę, ażebyś mi przysłał Czasopis Czeskiego Muzeum, ile go dotąd wyszło od roku 1845 (bo aż do końca r. 1844 mam wszystko); gdybyś zaś przypadkiem, czemu nie wierzę, nie miał przysłać o co proszę, to przynajmniej odpisz, *czy przyślesz, czy nie.* W takim bowiem przypadku musiałbym sobie inaczej radzić, albowiem czasopis ów mieć muszę, gdyż mi bardzo potrzebny. Po Nowym roku—da Bóg—zamyślam drukować Historyją Literatury Polskiej od czasów najdawniejszych aż do r. 1650. Będą przy tem i pomniki języka polskiego najdawniejsze z rękopisów wyjęte. Później ma dalszy ciąg tejże Historyi aż do r. 1830 nastąpić. Przyszlę Ci exemplarz, bądź że mi uczynisz, o co cię proszę teraz, bądź nie uczynisz. Proszę przytem kłaniać pięknie znajomym i przyjaciołom, a mianowicie: Panu Szafarzykowi, Purkinje, Czelakowskiemu, Palackiemu, Wocelowi, Tomkowi. Żona moja najśliczniejszy zasyła ukłon i łaskawej poleca się pamięci. Ja zaś całując Cię serdecznie, bardzo proszę, ażebyś mi *zaraz* odpisał, czy przyślesz, lub nie przyślesz. Posyłka może być o kilka dni opóźniona po liście, ale nie dłużej.

Twój przyjaciel

Wacław Aleksander Maciejowski.

Przypominam jeszcze raz, że czasopis mam kompletny aż do r. 1844 inclusive.

Z Warszawy,
dn. 17. Grudnia 1850 r.

75.

Szanowny Panie Wacławie!

Pakiecik od prof. Purkinie otrzymał, też i pan Wocel mi powiadał, iżeś do niego pisał: wszystko jest przygotowane i jużby

; Pańskich ręku było, gdybym był niechciał do tego przyłączyć owe wydanie Pieśni moich dla twojej Pani, bo są po większej części z polskim przekładem. I te są gotowe dzięki Bogu, ale statniego arkusza tłumaczenia rossyjskiego Króledworskiego rękopisu jeszcze nie dodrukowano, chociaż już wszystko wysadzono est, i jam by rad przy tej okazyi i kilka exemplarzy do tego akieciku przybawić. To już się doczekasz, i ja zaraz odpisuję po trzymaniu listu Twego, żebym Cię do przesyłki uspokoić. Przy rzesyłce więcej pisać będę.

Bądź zdrów, serdecznie Cię całując, proszę oświadczyć Pani najsliczniejsze ukłony.

Twój najżyczliwszy Wacław Hanka.

Szczęście na święta i nowy rok. Słowiańską modlitwę oddaj rzy ukłonach moich J. W. Panu Muchanowu.

Praga,
22 Grudnia 1850 r.

76.

Kochany Václave!

Načekali ste se, až mne to samého mrzelo, ale nejsem já vinovat toho: tiskař přisliboval i vždy nová díla vládní jej zasypávala, tak že si sám pomoci nemohl. Naposledy ještě se u nás papíru nedostávalo, i vláda kde jaký byl jen pro své zákony brala, ak že všecek privátní tisk se zastavil: ale mámet' těch zákonův, e si jich žádný advokat pamatovati moci nebude.

Přiložené knižky račte rozdati po napisech i mějte se dobře; ny se máme dosti zle, jen zdraví nás ještě na světě těší.

Nejoddanější Váceslav.

V Praze,
7 unora 1851.

77.

Szanowny Panie Wacławie!

Książki, któreś mi przez Kraków łaskawie nadesłać raczył, odebrałem i dołączone ekzemplarze doręczyłem JW. Muchanowovi, tudzież Panu Dubrowskiemu, którzy kazali bardzo pięknie podziękować za podarunek. Pan Kucharski jeszcze swoich ekzemplarzy nie odebrał, a JW. Eliasiewiczowi doręczyć przysłany mu ękopis nie miałem dotąd sposobności. Z mojej strony będę się

starał wywzajemnić w jaknajkrótszym czasie. Ubolewam bardzo nad tém, że jak widzę z twojego listu nie idą Wam rzeczy po myśli. Ale cóż robić, już to tak jest, że wszystko musi iść powoli. Załączam ja i żona moja ukłony tobie, P. Purkiniemu, PP. Szafarzykowi i Czelakowskim. Odemnie zaś bądź łaskaw czule pozdrowić PP. Wocela, Tomka, Erbena i innych. Żona moja nadto zasyła ukłon Pani Zap, jeżeli jest w Pradze. Co do interessów naukowych, te u nas idą swoim trybem, a jak idą, możesz się o tem dowiedzieć z Biblioteki Warszawskiej, która Was może dochodzi. Od 31 Marca mamy mieć nowe pismo polityczno-naukowe, które pod tytułem Dziennik Warszawski ma codzień w dwóch arkuszach wychodzić. Ciekawi jesteśmy, co to będzie. Tyle na teraz. Sciskam cię serdecznie.

Twój Wacław Aleks. Maciejowski.

Warszawa,
24 Marca 1851 r.

78.

Szanowny Panie Wacławie!

Zasełając Ci czułe pozdrowienie przez oddawcę tego listu, proszę, ażebyś był nań łaskaw i zrobił, o co Cię prosić będzie. Jest to Aleksander Hrabia Przezdziecki, człowiek majętny i uczony, który się gorliwie naukami zajmuje. Poznaj go z panami: Palackim, Szafarzykiem, Purkinią, Czelakowskim, Wocelem, Tomkiem i t. d. Pozdrów odemnie P. Wocela i proś Go w mojem imieniu, ażeby P. Przezdzieckiemu pokazał osobliwości waszej Pragi starożytnej. Druk pierwszego tomu historyi literatury, przezemnie wydawanej, nie ukończony jeszcze. Skoro tylko wyjdzie z handlu, przeszlę Ci ekzemplarze. Tym czasem, póki to nie nastąpi, przyszlij mi drogą księgarską za pośrednictwem księgarni Rziwnacz i spółki Czasopis Czeskiego Muzeum z roku 1851. Po ukończeniu historyi literatury wezmę się, da Bóg, do drukowania historyi prawodawstw nowego wydania. Jeżeli się coś nowego pojawiło u Was ze zrzódeł praw staro-czeskich, prosiłbym i o to. Pozdrów mi przyjaciół i kochaj mnie.

Twój Wacław Aleksander Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 8 Czerwca 1851 r.

79.

Szanowny Panie Wacławie!

Bawiąc u wód Kudowskich, nie mogłem na sobie przewieść tego, by przed odjazdem z nich (co dnia 15 t. m. ma nastąpić) ni

napisać do Ciebie. Przywodząc to do skutku, donoszę, że już wyszedł tom I. mojej historyi literatury i że da Bóg, powróciwszy do Warszawy (z początkiem Października, bo ztąd jadę do Lwowa), przyszlę Ci takowy, w zamian za Czasopis, któryś mi przysłał, i którego dalsze zeszyty łaskawie obiecałeś nadsełać mi. Proszę przy tem, ażebyś dołączony tu list do Towarzystwa uczonego w Zagrebiu (Prezesem jego jest P. Kukuljewicz) odesłał, zapieczętowawszy go. Bądź zdrów i kochaj mnie. Pozdrów też: pp. Szafarzyka, Palackiego, Purkiniego, Czelakowskiego, Wocela, Tomka.

Twój Wacław Aleksander Maciejowski.

Kudowa pod Nachodem,
dn. 7. Sierpnia 1851 r.

80.

Szanowny Panie Wacławie!

Przesełam Ci na ręce p. Czecha w Krakowie *dwa* ekzemplarze I-go tomu mojego piśmiennictwa, za które przypadającą mi prenumeratę 24 rubli srebr. (po 12 za ekzemplarz cały) policz sobie à Conto pism czeskich, któreśmi w roku zeszłym przesłać raczył. Drugi tom do połowy wydrukowany (druk idzie po mału, bo korrekta trudna), skoro się ukończy, przeszlę Ci, również jak i tom III tą samą drogą. Proszę przy tem o Czasopis Czeskiego Muzeum cały z roku 1851, który mi przyślij na ręce P. Czecha; porachujemy się znowu tym samym sposobem, t. j. książkami. Sciskając Cię serdecznie proszę, ażebyś oświadczył czułe pozdrowienie panom: Szafarzykowi, Palackiemu, Purkiniemu, Czelakowskiemu, Wocelowi, Tomkowi, Erbenowi i reszcie przyjaciół i znajomych. Po wydrukowaniu tomu III hist. liter. biorę się do druku nowego wydania hist. prawodawstw w V lub VI tomach (jeden tom zawierać będzie zrzódła nie drukowane praw słowiańskich, lub będą te zrzódła dodane do tomów sposobem feuilletonu, podobnie, jak to z pomnikami mowy polskiej uczynić zamierzyłem, dodając je do tomów obecnie wychodzącego dzieła). Bądź zdrów, a odebrawszy tę ekspedycyą, napisz proszę, czyś odebrał.

Twój Wacław.

Z Warszawy,
dn. 14 Listopada 1851.

81.

Czcigodny i szanowny panie Wacławie!

Pan Przeździecki wrócił, przywiózł mi liścik od Ciebie i trzy książeczki (tłomacz. polskie Rękopisu Królod., Krakowiaki, Pra-

wopis), za co najczulsze składam dzięki. Z listu dowiedziałem się, że to, co żądałem poprzednio, wysłałeś inszą drogą do mnie. Pytam się jaką drogą? i co posłałeś? Ja przedewszystkiem prosiłem Cię o Czasopis z roku 1851., który mi bardzo potrzebny. Napisz że więc, jakąś mi go posłał drogą, a jeżeliś nie posłał, to bardzo proszę przysłać mi go *zaraz* przez pocztę *pod adressem księgarza Orgelbranda*: inaczej bowiem (gdybyś pod moim adressem przysłał) miałbym wiele kłopotu przy ekspedyowaniu na komorze. Lepiej więc będzie, gdy do księgarza zaadresujesz, on, jako w te interesa wprawny, łatwo wyekspedjuje i doręczy mi. Przy tem poslij mi co możesz: mnie wszystko interesuje, co gdziekolwiek w słowiańszczyznie wychodzi: przyda się do moich wypracowań. Piśmiennictwa poszyt V. VI. wyszedł, VII. drukuje się; jak będzie gotowy cały tom, czyli jak i poszyt VIII. wyjdzie, nadeszlę Ci znowu dwa ekzemplarze. Po ukończeniu poszytu XII. mam zamiar zająć się wydaniem nowej edycyi historyi prawodawstw. Odesłałem do przejrzenia i aprobaty do St.-Petersburga (do P. Błudow, Ministra kancelaryi cesarskiej) tom I rękopisu: trwa to już rok, a dotąd nie mam odpowiedzi! Bez takiej aprobaty drukować tego nie podobna.

Uściskaj mi serdecznych przyjaciół: pp. Szafarzyka, Purkiniego, Palackiego, Czelakowskiego, Wocela, Tomka, Erbena, i poproś ich, ażeby do Twego pakieciku dołączyli, jeżeli co mają nowego. Żona moja zasela Ci śliczne ukłony. Polecam się Twej pamięci. Wacław Aleks. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 5. Stycznia 1852 r.

82.

Szanowny Panie Wacławie!

Nieskończenie dziękuję za nadesłane mi Czasopis i inne książki. Piśmiennictwa jeden ekzemplarz posłałem Ci w zamian za książki rzeczone; drugi ekzemplarz zamień z jakim księgarzem na Historyę Czeską P. Palackiego tak w języku czeskim, której całkiem nie mam, jak i w języku niemieckim, z której mam tom I-szy, II-gi, III-go część pierwszą. Tom drugi piśmiennictwa kończy się, czekamy tylko na litografa, ażeby dzieło puścić w obieg. Ponieważ i tom następny gotowy jest do druku, przeto oddaję się teraz dopełnieniu drugiego wydania Historyi Prawodawstw. Jeżeli w tym względzie masz co nowego tak z czeskiego prawodawstwa, jak i z prawodawstw innych, prosiłbym o zakomunikowanie mi.

ołączony tu list oddaj Panu Szafarzykowi; proszę ja go w nim, żeby mi raczył nadesłać dawno przyobiecane mi Zabytki Serbskiego Prawodawstwa. Towarzystwo naukowe południowo-słowiańskie w Zagrebiu, przyobiecało mi nadesłać pomniki niedrukowane starodawnych praw Chorwackich. Bądź łaskaw, pisząc o tegoż Towarzystwa, przypomnieć Mu swoją obietnicę z uwagą tą, że właśnie teraz są mi rzeczone pomniki bardzo potrzebne.

Pozdrów Szanownych przyjaciół Pana Palackiego, Purkinie, zelakowskiego, Wocela, Tomka, Erbena, Kaubka i innych. Ściskam Cię serdecznie.

Twój W. A. Maciejowski.

Warszawa,
2 Kwietnia 1852 r.

83.

Szanowny Panie Wacławie!

Że się też listu od Was doprosić nie można! Takeście na as nie łaskawi! Pisałem do P. Erben przed 3 miesiącami prosząc Dyplomata, jeżeli wyszły: ani dudu! a mnie tu bardzo potrzebne o nowego wydania Historyi prawodawstw. Bądź że więc łaskaw rzysłać mi to dzieło na ręce Orgelbranda księgarza, lub przyajmniej donieść, czy wyszło, albo kiedy wyjdzie? Wiadomości tem oczekuję pierwszą pocztą. Oddawczyni tego jest Hrabini lauke, racz Jej pokazać Muzeum, bo się tego bardzo życzy. Cauję Cię serdecznie.

Twój Wacław Aleks. Maciejowski.

w Warszawie,
dn. 7. Maja 1853 r.

84.

Szanowny Panie Wacławie!

Pisałem Ci przed tygodniem z Berlina przez p. Prof. Zielonackiego, donosząc, żem księgarzowi Zupańskiemu w Poznaniu ał 2 ekzemplarze III-go tomu Piśmiennictwa polskiego, których gdybyś rychło nie odebrał, raczysz się zgłosić po nie do tegoż. Przypominam Ci to, pisząc przez p. Cziczirina, przyszłego Dyrektora instytutu szlacheckiego warszawskiego, którego Ci mocno polecam.

Twój W. A. Maciejowski.

z Kąpieli Franciszkowych,
dn. 18 Lipca 1853 r.

85.

Szanowny Panie Wacławie!

Odjeżdżając do Ostendy, miło mi zasłać Wam braterskie uścisnienie, a mianowicie Tobie, mój panie Wacławie, przez oddawcę tego listu Jaśnie Wielmożnego pana Ostrowskiego, Marszałka szlachty gubernii płockiej. Polecam Ci Go i proszę, ażebyś Mu pokazał Wasze muzeum i nastręczył dobrego cicerone dla oprowadzenia Go po mieście. Bądź zdrów i pozdrów przyjaciół.

Twój Wacław Aleksander Maciejowski.

z Franciszkowych łaźni,
dn. 19 Sierpnia 1853 r.

86.

Szanowny Panie Wacławie!

Po okazyi z książkami Pana Lhotaka przez Lipsko posyłam Ci dalszy ciąg Časopisu českého Museum, mianowicie 3 i 4 zeszyt przeszłego roku i 1. 2. i 3 teraźniejszego. Dwa listki twoje otrzymałem i bardzo mię cieszyło dowiedzieć się o Pańskiem zdrowiu. Jam chwała Bogu zdrów i uczę sześć dni w tygodniu na uniwersytecie porównawczą grammatykę i ruski, t. j. rossyiski język i literaturę, jako niepłacony docent. Panu Kaubkowi pozwolili jeszcze znowu na dwa lata dawać język polski z płatem 400 ryń. srebr.

Pisałeś mi, żebym sobie kazał sprowadzić 3 tom Twego dzieła, lecz to trzeba, żebyś sam kazał sprowadzić, bo jeślibym ja to uczynił, musiałbym go zapłacić księgarzowi. Niech go więc księgarz do Pana Rivnača poszle.

Resztę opowie Pan Lhotak ustnie, bo spieszę i polecam się życzliwej pamięci i proszę oświadczyć łaskawej Pani moje uszanowanie.

Najoddańszy przyjaciel Wacław.

w Pradze,
23 Października 1853 r.

87.

Szanowny Panie Wacławie!

Zapytuję Cię, czyś odebrał tom trzeci Piśmiennictwa mojego w dwóch ekzemplarzach (jeden dla Ciebie, drugi dla p. Palackiego), bo co się 1. i 2. tomu dotyczy, te, jak wiem, są w Two-

ich rękach. Donosząc mi o tem jak może być najprędzej, dołącz też odpowiedź p. Erbena na liścik, który tu do Niego załączam. Książek, któreś mi przez Lipsk na ręce p. Lhotaka posłał, dotąd nie przyszły. Co tam porabia wasza literatura? Pozdrów mi przyjaciół.

Twój W. A. Maciejowski.

Z Warszawy,
dn. 21. Grudnia 1853 r.

88.

Szanowny Panie Wacławie!

Bolesno mi, że od Ciebie ani literki nie odbieram jednej! Widzę, żeście o nas, moi panowie Czesi, zapomnieli całkiem. Cóż robić! W miesiącu Lipcu odsełał p. Lhotak książki do Pragi, w paczce były Wzory Średniowiekowej sztuki p. Przezdzieckiego, tudzież tom trzeci Piśmiennictwa mojego w dwóch ekzemplarzach, jeden dla Ciebie, drugi dla p. Palackiego. Proszę o doniesienie mi przez pocztę, czyś odebrał te tomy. Pisząc donieś oraz, czy dyplomata, które p. Erben obrabiał, wyszły już z druku. Jeżeli wyszły, to na miłość Boga, proszę o przysłanie jednego ekzemplarza drogą księgarską (pod adressem p. Gustawa Senewalda księgarza warszawskiego), tudzież o dalszy ciąg Czasopisu muzeum czeskiego (ostatnie numera, które mam są z roku 1853, poszyt 1. 2. 3., a czwartego nie mam; i znowu z r. 1852 mam 1. 2. 4., a trzeciego nie mam. Proszę dokompletować mi). Przy tem proszę o dalszy ciąg Palackiego historyi, jeżeli dalej wyszedł po czesku lub po niemiecku (ostatni tom, który mam w obu językach, jest III, dział 1. 2., a więc nie mam czwartego).

Mój kochany panie Wacławie, proszę Cię na wszystko, przyszlij mi te książki, gdyż mi są bardzo potrzebne. O sobie donoszę, że gdyby nie wojenne czasy, byłbym zaczął drukować nowe wydanie Historyi prawodawstw słowiańskich w sześciu tomach. Wszakże co się odwlecze, to nie uciecze.

Pozdrów mi pp. Szafarzyka, Palackiego, Purkiniego, Wocela, Tomka, Weitenwebra i t. d.

Przyszłą pocztą oczekuję od Ciebie listu, ten mnie uspokoi.

Twój W a c ł a w.

z Warszawy,
dn. 25. Września 1854 r.

Помѣта В. Ганки: „Odp. 15 řijna".

89.

Szanowny Panie Wacławie!

Otrzymaliśmy książki przez pana Lhotaka do Muzeum naszego sprowadzone, między któremi i dwa ekzemplarze Pańskiego Piśmiennictwa 3-ci tom się znajdowały.

Wzorów średniowiekowej sztuki pana hrab. Przezdzieckiego jeszcze teraźśmy nie otrzymali, ale cieszymy się bardzo na nie. Pan Palacký mi dla Pana Dobrodzieja odewzdał Dilu I. částku 2. od roku 1125 do 1253. Dějin národu Českého i Dritten Bandes III Abtheilung Geschichte von Böhmen. Pana Erbena Regesta są prawda drukowane, lecz Indexa jeszcze niema, i bez niego nie dają; ku końcowi roku wszystko będzie gotowo, i Pan Dobr. zaraz dostanie.

Nie wiem, jak to przychodzi, ja Panu Dobr. zawsze Časopis muzeum kompletuję, i pan zawsze piszesz, iż coś nie dostawa się.

Wszyscy znajomi kłaniają się Panu Dobrodziejowi i ja najpierwiej. Proszę moje uszanowanie łaskawej Pani, p. Kucharskiemu, p. hrab. Przezdzieckiemu i wszystkim, kto tylko sobie nas przypomina. Bądź zdrów i pamiętaj na nas.

Twój szczero najoddańszy Wacław.

W Pradze,
15 Października 1854.

90.

Szanowny Panie Wacławie!

Czy się to godzi tak długo milczeć, nie zgłaszać się do swych przyjaciół i zapominać o nich? Obiecałeś mi przysłać dyplomata, które p. Erben wydał, tudzież inne książki, a między niemi Czasopis czeskiego muzeum. Dotąd nie słychać o niczem, a miało to nadejść do Warszawy już na nowy rok 1855. Upraszam więc, ażeby to nastąpiło jak najprędzej, o co i p. Lhotak pisze, którego list załączam Ci tu, jako też mój do p. Erbena liścik. Donieś mi, co tam porabiacie i jak u Was nauki stoją.

Twój W. A. Maciejowski.

Przyjaciół pozdrów. Nie zapomnij też przysłać mi II-gą część historyi czeskiej p. Palackiego po czesku, tudzież tom IV, jeżeli wyszedł.

Z Warszawy,
dn. 18. Lutego 1855 r.

91.

Szanowny Panie Wacławie!

Może myślimy na Was częściej, niż Panowie na nas, lecz są przeszkody, których przedwidać niepodobna. Tak się wyprawował pan jenerał Hofman do Warszawy, i to się przedłużało do teraźniejszej pory. Potém niema jeszcze wydrukowano Regest pan Erben, bo go rejestrzyky do dzieła jego tak omeszkały, że sobie tego ani pomyślić niemógł. Przeto posyłam tylko Časopisu 1854, i pierwszy zeszyt 1855 spodziewam się posłać wraz z Regestami, które za dwa tygodnie dodrukowane będą.

Pisałem do Pana Dobrodzieja względem 3-go tomu, który niewiedząc, iż panu Pałackiemu należy, muzealną stampilią ostęplowano. Proszę więc bądź czysty tytuł nam przysłać, albo, co lepiey by było, pierwsze dwa tomy Muzeum i mnie trzeci łaskawie posłać. Pan Zubrzycki wydał już trzeci tom swej Historyi Galicyi. On za honorar otrzymał 100 exemp. Dobrzeby było, gdybyście tam kilka exemplarzy sprowadzili. Jest to dzieło dokładne, i cena 8 zł. konw. m. nie jest wysoka, i on jeszcze 25 procent ustąpi. Proszę oświadczyć moje uszanowanie łaskawej Pani, panu hrabi Przezdzieckiemu i baronowi Rastawieckiemu, Kucharskiemu i wszystkim, którzy mię znają. Bądźcie zdrowi!

Wasz najoddańszy Wacław.

Praga,
13 marta 1855.

92.

Szanowny Panie Wacławie!

Zasełając Ci od nas obojga najczulsze pozdrowienie, proszę bardzo sprawić mi następujący interes. Oto będąc w Pradze dałem panu Erbenowi mój rękopis do przeczytania, który następnie pan Wocel przeczytać i w przeszłą niedzielę odesłać mi miał do Karłowarów. Ponieważ tu niedługo zabawić mam, przeto proszę dowiedzieć się od tego pana, kiedy to uczyni? i dać mi znać o tem *zaraz*, bym przyszłą pocztą miał wiadomość. Panowie Hilferdingowie, ojciec i syn, z którymi się często widuję, kłaniają Ci uprzejmie.

Twój Wacław.

z Karłowarów,
dn. 16 Sierpnia 1855.

93.

Szanowny Panie Wacławie!

Miło mi zasłać Ci przez zacnego Hilferdinga czułe pozdrowienie i podziękowanie za odesłanie rękopisu, który od p. Wocela pocztą odebrałem. Szafarzyk, Wocel i Erben, którzy rękopis ten czytali, oświadczyli mi gorącą chęć i życzenie, ażeby się tenże mógł rychło pojawić w druku. Proszę Cię bardzo, ażebyś o tem coprędzej napisał p. Srezniewskiemu, powtarzając mu, co rzeczeni powiedzieli panowie. Resztę opowie oddawca tego listu, który również rękopis ten czytał. W przyszłą sobotę jadę do Franzensbrunn, gdzie aż do 15 Września zabawię. Miłoby mi było, gdybym przez ten czas odebrał choć parę liter od Ciebie. Przy nudotach kąpielowych byłoby to dla mnie rozrywką. Gdyby w tym czasie i nowy numer Czasopisu wyszedł, prosiłbym o nadesłanie mi go pocztą. Całuję Cię serdecznie, a żona moja niski zasełа Ci ukłon.

Twój Wacław.

z Karłowychwarów,
dn. 26. Sierpnia 1855 r.

94.

Szanowny Panie Wacławie!

Jedzie przez Waszą Pragę do wód zagranicznych Jaśnie Wielmożny Gołowin, członek Rady Państwa i wielu orderów kawaler, mąż wielce ojczyznie zasłużony i ze wszech miar znakomity. Ponieważ ma zamiar radzić się lekarzy, do których wód jechać ma i jak urządzić kuracyą swoją, racz nastręczyć Mu lekarzy w mieście Waszem najznakomitszych dla zrobienia *consilium*.

Znam ja od bardzo dawna Jaśnie Wielmożnego Gołowina, doznałem od Niego łask wiele i mam dla tego czcigodnego męża wiele wdzięczności. Nie mogąc Mu za to czem innem zawdzięczyć, polecam Go Twojej pieczołowitości, z tem nadmienieniem, że cokolwiek dla Niego uczynisz, w czemkolwiek usłużysz Mu, będę tak uważał, jak gdybyś zrobił dla mnie. Sciskam Cię serdecznie, szanowny Panie Wacławie, i od żony ukłon zasełam.

Twój W. A. Maciejowski.

Szanownemu p. *Wacławowi Hance*, bibliotekarzowi muzeum czeskiego w Pradze i kawalerowi orderów, polecając niniejszem oddawcę tego, p. Hieronima Łabęckiego, autora historyi górnictwa w Polsce, prosi Go oraz, ażeby nadesłany sobie przez Tegoż

prospekt rossyjski na drugie wydanie historyi prawodawstw raczył przesłać do Białogrodu (Belgrad) w Serbii, gdzie tłómaczą pierwsze wydanie tejże historyi na język serbski, dla przekonania, że się drugie wydanie drukuje (tom I wyidzie na nowy rok 1857) i że warto poczekać na nią i z niej dzieło to tłomaczyć.

Wacław Aleks. Maciejowski.

wieś Mazew pod Krośniewicami,
26 Sierpnia 1856.

95.

Szanowny Wacławie!

Czekałem Cię tego lata do naszych wód, a gdy mi poczciwy jenerał Gołowin list twój oddał i przy tem jeszcze powiadał, iż prawie w czas jego odjazdu chorowałeś, bardzom nad tym ubolewał. Dziękuję Ci serdecznie za znajomość, czyli poznajomienie z tym szanownym państwem, wiele przyjemnych chwil z nimi przepędziłem. Spodziewam się, iż choroba twa usunięta, iż zaś dobrym zdrowiem się cieszysz. Jarosława Bogu dzięki zdrowa, lecz żona i siostra jej ciągle chorują.

Posełam Ci, pod warunkiem jednak, będzieli to mógł wziąć pan Strończyński, dalszy ciąg naszego Czasopisma.

Prosząc oświadczyć szanownej Pani moje uprzejme ukłony polecam się dalszej łaskawej pamięci i jestem, jako zawsze, życzliwy przyjaciel W. Hanka.

Praga,
21 Października 1856.

96.

Kochany Panie Wacławie!

Zupełnieście widzę zapomnieli o nas! Pisałem Wam niedawno przez Hrabiego Platera, piszę znowu teraz przez p. Stanisława Strojnowskiego, kapitana kwatermistrzowstwa, z prośbą, ażebyście mi co nowego macie przysłali. Mianowicie też Czasopis, którego z r. 1855 mam tylko pierwszy poszyt; z r. 1856 mam cały, a z r. 1857 żadnego poszytu nie mam. Zebrawszy paczkę poszlijcie ją drogą księgarską pod adresem p. *Lhotak*, dołączając i dla Niego zaległe książki, które się Mu jako członkowi Macicy czeskiej należą. Napisz też do mnie o Waszem życiu naukowem pocztą.

Twój przyjaciel i sługa

Wacław Aleksander Maciejowski.

z Warszawy,
dn. 27 Czerwca 1857.

97.

Kochany Panie Wacławie!

Oddawca tego jest mój kuzyn, p. Witanowski, urzędnik królestwa. Jedzie do Karłowychwarów. Racz go dobrze przyjąć i osobliwości Wasze pokazać Mu. Dwa następne tomy historyi prawodawstw słowiańskich wyszły, ale jak Ci je przesłać? Wskaż mi drogę. Do dnia 14 Lipca będę w Warszawie, po czem jadę na wieś (Mazew pod Krośniewicami, *p.* Łowicz), gdzie będę aż do 15 Września. Tu więc lub tam do mnie napisz.

Twój Wacław.

Z Warszawy,
dn. 15. Czerwca 1858.

98.

Kochany Panie Wacławie!

Tak prędko nadarzona odjeżdża okazya, że tylko tyle mogę pisać do Ciebie, ażebyś, gdy się o to zgłosi, wydał dołączony tu tom I. II. VI. historyi prawodawstw słowiańskich nowego wydania panu Kosticzowi, Profesorowi i Radzcy szkolnemu w Białogrodzie. P. Szafarzyk (któremu i wszystkim znajomym kłaniam) ma synowca swego w Białogrodzie serbskim, a więc ma też pewne relacye z tym miastem, sądzę więc, że okazya będzie łatwa do przesłania tamże tych książek. Napiszę prócz tego do samego p. Kosticza, ażeby się o odebranie książek postarał. Przy drugiej okazyi przeszlę dla Ciebie tom II. VI., bo I masz. Jadę na wieś (wieś *Mazew pod Krośniewicami*), gdzie do końca Sierpnia r. b. bawić będę. Tam długiego a długiego od Ciebie listu wyglądać będę: napisz mi *wszystko* i o *wszystkiem*.

Twój Wacław.

Z Warszawy,
dn. 24. Czerwca 1858.

99.

Kochany Wacławie!

W miesiącu Lipcu posłałem Ci przez p. Lhotaka nowego wydania historyi prawod. słowiańsk. tom I, II, VI, ażebyś to dzieło, gdy się po niego p. Kosticz z serbskiego Białogrodu zgłosi, żądającemu go wydał. Ponieważ on, jak mi pisze, dostał go inszą drogą, więc zatrzymaj go dla siebie. Rozumi się, że Ci i na-

stępne tomy, skoro wyjdą (teraz wychodzi III), przyszlę. Proszę atoli, ażebyś komu myślisz pokazywał go, mianowicie też prenumerować nań chcącym. W tym celu piszę do pp. Wocela i Erbena, którym dołączone tu wręcz liściki. Także i do p. Palackiego względem Sądu Libuszy pisany odeszlij zaraz. Proszę też, ażebyś mi doniósł, do kogobym się najskuteczniej mógł do Wiednia udać względem prenumeraty. Lat temu kilkanaście poznałem sam niejakiego p. Rybiczkę, lecz adresu jego nie wiem. Wskaż mi go, lub kogo innego uczciwego człowieka. Stręczą mi księgarnię dworską i słowiańską, ale nie wiem, czy im zaufać można. Jak się zobaczysz z p. Szafarzykiem, to go pozdrów i powiedz Mu, że to wcale nie pięknie, że zupełnie o mnie zapomniał i na kilka listów nie odpisał mi. Ty, kochany panie Wacławie, racz, wywiedziawszy się o wszystkiem, o co proszę, odpisać jak najrychlej, dołączając i liściki pp. Wocela i Erbena, jeżeli Ci je dadzą.

Twój Wacław.

z Warszawy,
dn. 14 Stycznia 1859.

Г. Т. Меглицкій[1]).

1.

Милостивѣйшій Государь!

Не знаю, отправился ли Г. Шмитъ на востокъ, но я видѣлся съ нимъ уже въ послѣдній разъ и вручилъ ему письмо въ Константинополь, по Вашему желанію. Хотя Русскія книги и въ Вѣнѣ съ трудомъ получаются, однако все не въ такомъ безпорядкѣ, чтобы въ продолженіи двухъ годовъ не видать ни одной части лучшаго литературнаго журнала. Я не смѣю оскорбить Вашу любовь къ нашей отечественной словесности, и потому при всѣхъ затрудненіяхъ изъявляю Вамъ готовность всячески стараться о доставленіи Вамъ Библіотеки для Чтенія; благоволите только съ Вашей стороны сдѣлать надлежащее распоряженіе. Касательно молитвы, начинающейся словами: „Умы наши просимъ ти святою твоею щедростію просвѣти, да видятъ

---

[1]) О вѣнскомъ протоіереѣ Г. Т. Меглицкомъ и его ученой дѣятельности см. В. А. Францевъ, Очерки по ист. чешск. возр., стр. 210—212, и въ приложеніи, стр. XXVII—XXXIII, XXXV—XXXVII, гдѣ сообщены письма его и нѣкоторые документы.

и пр.", не могу отвѣчать Вамъ удовлетворительно. Въ находящихся у меня церковныхъ книгахъ нѣтъ молитвы съ таковымъ началомъ, хотя есть подобныя выраженія въ срединѣ молитвъ, напр.: „тѣмже молимъ безмѣрную твою благость, просвѣти наши мысли, очеса и умъ нашъ отъ тяжкаго сна лѣности возстави" (См. Молитва Василія В. на Утрени). Тонъ упомянутой Вами молитвы, кажется, отличается отъ нашихъ молитвъ; въ нашемъ Словяно-Русскомъ ухѣ лучше бы звенѣло, естьли бы было сказано: „Умы наши, молимътися, Святою твоею щедротою просвѣти". При семъ надобно замѣтить, что слово щедрость, щедрота, когда говорится о Богѣ, преимущественно употребляется въ церковномъ языкѣ во множественномъ числѣ Въ нашей церкви нынѣ нѣтъ подобнаго Lectionarium; въ Греческой нынѣшней, по свидѣтельству Льва Аллація, также не видно. У меня есть книга подъ названіемъ: „Codex S. Simeonis exhibens Lectionarium ecclesiae Graecae DCCC annorum vetustitate insigne, ex. ed. R. M. Steininger, August. Trevirorum, 1834". Я пересматривалъ сію книгу и въ ней также молитвы Вашей не нашелъ. Вѣроятно, Lectionarium и молитва не принадлежатъ нашей церкви: но объ этомъ лучше Вамъ судить.

Искреннѣйше благодарю Васъ за ваши книжки. Это награда для ученика Ческой словесности, каковымъ я и имѣю удовольствіе быть. Ради сего качества всякая новость въ Ческой литературѣ для меня чрезвычайно любопытна. Естьли Ваши занятія позволятъ Вамъ по временамъ сообщать мнѣ нѣсколько словъ по сему предмету, я буду безконечно Вамъ обязанъ. Таковая услужливость тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, что черезъ меня можетъ относиться ко многимъ другимъ, также начинающимъ воспламеняться любовью къ Ческой словесности. Естьли я могу быть Вамъ въ чемъ-нибудь полезенъ, то благоволите только приказать.

Примите, М. Г., увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю пребыть покорнѣйшій слуга Вашъ Свящ. Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна,
5 Ноября с. с. 1836.

2.

М. Г.! Увѣдомляя Васъ о полученіи 40 fl. С. М. чрезъ Г. Эйхвальда, равно какъ и свѣденія о перемѣнѣ Вашихъ распоряженій касательно пересылки книгъ, долгомъ почитаю сообщить Вамъ,

что хотя я охотно принимаю порученіе Ваше о доставленіи другаго экземпляра Б. для Ч., но къ сожалѣнію не смѣю увѣрить Васъ въ успѣхѣ моихъ усилій. Я постараюсь все сдѣлать съ моей стороны и остановлюсь только тамъ, гдѣ кончится область возможности. Мнѣ желательно было сказать Вамъ что-нибудь вѣрное по сему предмету, почему я и медлилъ даже отвѣтомъ: но гриппъ препятствуетъ уже другую недѣлю выходить изъ комнаты, чтобы видѣть друзей моихъ и увѣриться въ помощи ихъ касательно означеннаго дѣла.

Примите и пр. Св. Г. Меглицкій.

Вѣна,
12/24 Февраля 1837.

3.

Препровождая при семъ къ Вамъ, М. Г., мѣсяцъ Мартъ перваго экземпляра Библіотеки для чтенія, равно какъ и пять книжекъ втораго экземпляра, прошу Васъ потрудиться увѣдомить меня о полученіи оныхъ. Не забудьте о Geschichte der böhmischen Literatur von Michl, о которой я писалъ къ Вамъ прежде. Естьли нельзя купить оную книгу, благоволите прислать мнѣ Вашъ экземпляръ. Я возвращу Вамъ оный въ непродолжительномъ времени. Сдѣлайте также милость, увѣдомьте меня, нѣтъ ли чего-нибудь новаго, любопытнаго въ здѣшней Словянской литературѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ Пр. Г. Меглицкій.

5-го Іюня 1837.

4.

М. Г.! Прося у Васъ извиненія въ моемъ молчаніи на письмо Ваше касательно корректуры, которая не могла состояться, имѣю честь увѣдомить Васъ симъ, что 20 fl. С. М. получены мною исправно. При первомъ случаѣ буду писать въ Петербургъ о подпискѣ на Библіотеку для Чтенія. При семъ нужнымъ почитаю сообщить, что 20 fl. С. М. не ровняются нашимъ 50 рублямъ ассигнаціями. Кромѣ того, за приноску означеннаго изданія въ домъ полагается также нѣсколько рублей. О первомъ можно спросить у всякаго банкира, второе публикуется при каждой книжкѣ Библіотеки для Чтенія.

Что касается до Богословскихъ журналовъ, то одинъ изъ

таковыхъ издается при С.-П-бургской Духовной Академіи подъ названіемъ: *Христанское Чтеніе*, по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, цѣною въ 20 рублей ас. въ годъ, а другой при Кіевской Духовной Академіи подъ названіемъ: *Воскресное Чтеніе*, по печатному листу въ недѣлю, цѣною по 12 рублей въ годъ, а съ пересылкою по 15 рублей. Для пересылки за границу сихъ періодическихъ изданій нѣтъ другаго пути, какъ обыкновенный книжный. При всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ любителямъ Духовнаго просвѣщенія, я не могу принять на себя означенную пересылку, по причинѣ многихъ подобныхъ, лежащихъ уже на мнѣ; но чтобы не оставить безъ вниманія и безъ пользы Вашего посредничества, буду писать къ издателямъ, не угодно ли имъ будетъ посылать свои изданія безденежно съ тѣмъ, чтобы въ замѣну получать Časopis pro Katolické Duchowenstwo или подобныя книги. Послѣднихъ книжекъ Б. д. Ч. за прошедшій годъ я еще не получалъ.

Примите и пр. Протоіерей Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна,
9 Февраля 1838.

5.

М. Г.! Препровождая къ Вамъ при семъ письмо общаго нашего знакомаго Титова, вмѣстѣ долгомъ почитаю извиниться предъ Вами въ позднемъ и медленномъ доставленіи Библіотеки для Чтенія. Вамъ извѣстно, что прошедшимъ лѣтомъ политическая дѣятельность нашего Двора вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ находилась въ предѣлахъ или Богеміи, или Баваріи, или Пруссіи. А посему и курьеры наши отправлялись въ сіи страны и всегда помимо Вѣны. Я послалъ недавно къ Вамъ нѣсколько книжекъ упомянутой Библіотеки, и то полученныхъ по особенному случаю. Итакъ припишите непріятную медленность обстоятельствамъ и вооружитесь терпѣніемъ. Съ своей стороны я желалъ бы тотчасъ удовлетворять Вашему любопытству, но и самъ также долженъ сидѣть здѣсь, какъ у моря, и ждать погоды.

Съ истиннымъ почтеніемъ Г. Меглицкій.

Вѣна,
7/19 Октября 1838.

6.

М. Г.! Елисавета Андреевна, супруга Г. Флигель-Адъютанта Его Императорскаго Высочества Цесаревича, Полковника

Юрьевича, имѣетъ вручить Вамъ сіе письмо. Она остановится на нѣсколько времени въ Прагѣ и хочетъ купить кое-что изъ Вашихъ Богемскихъ издѣлій. Вы чрезвычайно обяжите меня, естьли возьмете на себя трудъ, указать ей лучшихъ и честнѣйшихъ продавцовъ.

Пакеты, которые Вы въ различныя времена отправляли ко мнѣ, всѣ препровождены въ Посольскую Канцелярію, а чрезъ нее въ Петербургъ. Послѣднихъ частей Библіотеки для Чтенія я еще не получилъ. Крайне жалѣю, что дѣла текутъ такъ медленно: но чѣмъ помочь? Впрочемъ увѣряю Васъ, что рано ли, поздно ли, я доставлю Вамъ упомянутыя книги.

Примите и пр. Гаврiилъ Меглицкiй.

Изъ Одессы просятъ меня прислать туда Вашъ переводъ нашего Слова о полку Игоря. Благоволите, М. Г., немедленно доставить мнѣ сей трудъ, назначивъ вмѣстѣ и цѣну онаго.

Вѣна,
12 Апрѣля 1839 г.

Фр. Метелко[1]).

1.

Hochwohlgeborner, Hochschaetzbarer Herr!

Nachdem die ganze Slawenwelt den vortrefflichen durch Bemühung Euerer Hochwohlgeboren in Prag erschienenen Werken viel Aufklärung und Licht verdankt, bin auch ich so frei, der ich auch meine Schüler in dieses Heiligthum einzuführen wünsche, mich vertrauensvoll an Euere Hochwohlgeboren mit der Bitte zu wenden mir 30 Exemplare der Ostromir'schen Evangelien vom J. 1851 für meine Schüler, die für dieses Studium zwar viel Eifer zeigen, aber nichts desto weniger bei ihrer drückenden Armut die Auslagen scheuen, um einen ermässigten Preis gütigst überlassen und dieselben einem dortigen Buchhändler z. B. „Haase's Soehne" zur Beförderung an die hiesige v. Kleinmayr'sche Buchhandlung gefälligst übergeben zu wollen. Nach erhaltener Anzeige der Preisermässigung, um die ich im Namen meiner

[1]) Метелко Францъ (р. 1789, † 1861), проф. словинскаго языка и литературы въ люблянскомъ Лицеѣ, авторъ „Lehrgebäude der slowenischen Sprache" (1825) и др. грамматическихъ трудовъ.

mittellosen Schüler bitte, werde ich den Betrag dafür alsogleich dankbarlichst zusenden.

Ich ergreife diese Gelegenheit die Versicherung meiner ausgezeichnetsten Hochachtung und Verehrung zu geben, mit der ich mich zeichne etc.

Franz Metelko,
Prof. der slav. Philologie.

Laibach,
am 29 October 1853.

Помѣта Ганки: „30 odpow.".

2.

Hochwohlgeborner, Hochschaetzbarer Herr!

In Erwartung der 30 Exemplare der Ostromir'schen Evangelien schicke ich dafür die inliegenden 20 fl. als den ermässigten Preis zu 40 kr. und bitte meinen verbindlichsten Dank für die Preisermässigung und gefällige Zusendung der Nejstarší hexametry české zu genehmigen, der ich hochachtungsvoll verharre etc.

Fr. Metelko.

Laibach,
am 5. November 1853.

3.

Ew. Hochwohlgeboren Hochverehrter Herr!

Genehmigen Ew. Hochwohlgeboren meinen und meiner Schüler verbindlichsten Dank für den uns einen ermässigten Preis gefälligst gesendeten Ostromir und die übrigen sehr interessanten Gratis-Zugaben.

Nachdem ich nun noch einige Exemplare Ihrer Ostrom. Evangelien für meine Schüler benöthige (denn das Studium des Altslav. macht erfreuliche Fortschritte — zlata Prago — dir verdanken wir sie!), so erlaube ich mir noch um 9 Exemplare derselben zu bitten, wieder um den ermässigten Preis pr. 40 kr. für das Stück, und schicke zu dem Ende die inlingenden 6 fl. Um jedoch nicht zu lange darauf zu warten—die frühere Sendung ist mir erst nach 2½ Monat zugekommen—bitte ich mir diese Exemplare durch die Post zu schicken, der ich mich in der Hoffnung, dass Ihnen die 20 fl. für die 30 St. Ostr. Evang. richtig zugekommen sind, mit vorzüglichster Hochachtung und Verehrung zeichne etc.

Fr. Metelko.

Laibach,
am 20. März 1854.

Фр. Миклошичъ.

1.

Hochverehrter Herr Bibliothekar!

Ich habe schon vor mehreren Monaten ein Werk über die Wurzeln der altslawischen Sprache vollendet, und wurde nun den Druck desselben beginnen, wenn mir nicht darum läge, vorher die Ostromirischen Evangelien einzusehen. Da ich nun das einzige in Wien befindliche Exemplar, dieses Werkes, welches dem vestorbenen Kopitar gehörte, nicht benutzen kann, so bin ich so frei, Sie, hochgeehrter Herr Bibliothekar, höflichst zu bitten, mir mittelst der Post eines der in Prag befindlichen Exemplare zu einem einwöchentlichen Gebrauche überschicken zu wollen. Sollten Exemplare in Prag vorräthig sein, so würde ich gerne eines für mich oder die Hofbibliothek kaufen.

Sin werden durch diese Gefälligkeit mich unendlich verbinden, da ich vom Verleger schon gedrängt werde und nicht gerne das Neue im Ostromir als einen Anfang in meinem Lexicon behandeln möchte.

Indem ich Sie bitte, mich den Herrn Šaffařík und Palacký zu empfehlen verbleibe ich, mich zu jedem Gegendienste entbiethend, Ihr ergebenster Dr. Miklošić,

Amanuensis der K. K. Hofbibliothek.

Stadt, Johannesgasse № 970, 2. Stock.

Wien,
den 7. Sept. 1844.

2.

Hochschätzbarster Herr Bibliothekar!

Anliegend erhalten Sie die mir zum Gebrauche überlassenen Ostrom. Evangelien zurück. Ich danke Ihnen herzlich für die seltene Bereitwilligkeit, mit welcher Sie mir den Schatz übersendet haben. Ich habe das Buch für meine Zwecke so gut benützt, als es bei meinen andersweitigen Geschäften in einer so kurzen Zeit nur immer möglich war.

Dass Ihnen meine Anzeige von Bopp's Grammatik gefallen, ist für mich sehr schmeichelhaft; noch lieber wäre es mir, wenn dieselbe Ihnen in allen Punkten genügt hätte.

Ich übersende Ihnen zugleich die erste Seite meiner Radices, damit Sie die Einrichtung des Werkes kennen lernen. Es dürfte in zwei Monaten vollendet sein.

Kopitar hat kein Testament gemacht; was mit seiner Bibliothek geschieht ist noch nicht bekannt; es ist indessen wahrscheinlich, dass sie im Licitationswege verkauft werden wird.

Indem ich Ihnen für Ihre Güte nochmals danke, habe ich die Ehre mich zu zeichnen Euer Wohlgeboren unterthänigster Diener Dr. F. Miklosich [1]).

23. Sept. 1844.

---

[1]) Среди писемъ Миклошича сохранился слѣдующій черновикъ характернаго для исторіи отношеній Ганки къ Миклошичу отвѣта:

„Odpověd na předběžnou odpověd ve Vídenském Denníku, č. 11, 1850.

Pan Miklošić uznává, že redakce Časopisu českého Museum s obsahem článku mého se srovnává. On uznává, že se s ním srovnává královská společnost nauk, společnost znamenitých mužů ..... (вычеркнуто) i naději se, že ani panem Miklošićem upíraná druhá vlastnost ku posouzení grammaticko-lexikalního díla nechyběla, neboťby mi to byli přátelsky hned řekli, i pro čest společnosti nauk řeknouti povinni byli. S té strany jsme tedy hotovi. Co se dotýče vrhání podezření na charakter pana Miklošiće i hrubého útoku na jeho čest, to rozhodne nestranná veřejnost beze všech žalob i soudův, když jí species facti i domněly corpus delicti věrně zde předložíme, a ty jsou následující: „Však naposledy zdá se, abych také jednou oblíbeného výrazu pana Miklosicha užil--že jsou všecky tyto knížky (vyjímajíce Formen—i Lautlehre) i Radices i Homilia in ramos palmarum i Vitæ sanctorum (sunt tantum duæ) nedodělaná práce nebožtíka mistra, protkány přeučenou vědeckostí jeho převděčného žáka, i snadbychom mající dopisy mistrovy k Dobrovskému i Hankovi na stopu přijíti mohli, neboť pokud mistr v živých zůstával, nevytasil se žák s ničím takovým". Tolik jest slov oněch species facti i corporis delicti. A pan Miklošić hned na to dal tisknouti: „Vy pravíte, knížky mé, vyjmouc o hlaholech a formách, jsou prý nedokonaná díla učitele mého Kopitára, a dokládáte, že maje psaní Kopitárova věci můžete přijíti na stopu". Moje slova arci nejsou Ostromírovo evangelium, ale i ta, kdyby co dokazovati měla, věrně dána by býti musela, a ne překroucena. Já sem psal „zdá se" i „snad", a tato slova i podle výkladu pana Miklošiće jsou „věci nejisté" a nejistými se nikomu nic přičítati, tím méně dokazovati může. Pročež bylibychom i s touto stránkou hotovi, kdyby byl pan Miklošić k tomu nepřipojil následujících jistých (ach že byl tehdaž svým oblíbeným výrazům nevěren!) slov: „Po drahný čas již mi dobře povědomo jest, že ste mne již před několika lety přátelum svým v Rusích vyličovali jakožto zloděje". Toby mně pan Miklošić nyní dokázati musel. Já takové jmeno nerad i jmenovati slyším, natož abych jim psaní své šeredil! a pakli pan Miklošić sobě takový predikát přikládá, více s ním nikdy nic činiti míti nechci i beru jeho urážku za nedorozumění. Amen. Václeslav Hanka.

V Praze,
dne 24. července 1850.

Іос. Миловукъ [1]).

Благородни и Високоучени Господине!

Примио сам Ваше мени преважно писмо од 13-го Ледња и п'ьим 1836 годину Часописа Музеума Вашег, на ком Вам зафаљујем врло! За „Библиотеку дља чтенија" јесам Матице наше неким члеиовом говорио, који веле, да се овако дјело само у Скупштини рјешити може! Ја мислим, да наша Матица тако скупоцјенна дјела још није моћна куповати, зато нема ни надања. Одкако је год потврђена наша Матица, још није ништа обнâрочила. Који ју изроци уздржавају, није ми познато, јер ја у Магици нисам.

Од Ваши мени дослани Часописа хиби частица: 1-ва 1833. и частице: 2. 3. и 4-та 1835.

Будући дасте Ви чрез оно цело време, одкако је наша Магица под процесом била, изостали били мени Часописе Ваше одшиљати и садсте истом обновили Ваше добротворêње опет са одсилањем Ваши Часописа, одкакосте чули, даје Матица наша потврђена, то ја не могу да дознам, јестели Ви Ваше Часописе Матици нашој, или приватно мени досад одшиљали. Ако су Часописи ови код мене Матични, то ми молим јавити, да јој предам, аколи су моји приватни, то сам ја одвећ благодарни, Вама признателан, а у обојем случају Ваша је добротворна намјера к' роду нашем једна неоцјенена круна, којом Ви желите све гране Славности надвисити, превисити и окрунити, уздижући просвештење славног и човечност поштујућег, простосрдног рода Славјанског. Ви сте досад сунце наше били, Ваше су зраке по целом Славјана небу рассуте, та Ви сте они Пфеницијана, који су пре тисуће година народе просветили, прави потомци, Ви сте Пфеници—Појници, Појемци, шта да се чудимо—остаје Вам слава вјечна!

Будите нам и одсад природним Вашим усердијем браћа и просветитељи, па ћемо и ми даље ступати.

Почитујући Вас, остајем благодарни слуга покорни

Іос. Миловук.

У Пешти,
22-го Априла 1837.

[1]) Сербскій типографъ и издатель въ Пештѣ.

А. Мицкевичъ[1]).

Czcigodny Rodaku!

Polecam Tobie waszego i naszego rodaka Joachima, moiego serdecznego przyiaciela. Co wiedzieć o nas zechcesz, z ust iego posłyszysz. Słowom iego daj wiarę.

Twoie czcigodny rodaku dary które mi tylekroć przesłałeś, a mianowicie wydania Kralodworskiego rękopismu, tudzież twoia Grammatyka i Pieśni, wszystkie rąk moich doszły. Wdzięczen Tobie jestem za Twoią łaskawą pamięć. Joachim objaśni Ciebie, dla czego mi trudno a czasem i niepodobna pisać do Ciebie o moich zatrudnieniach i o tem co się między rodakami dzieje.

Twoj życzliwy rodak i sługa A. Mickiewicz.

26 Maja 1844.

М. Я. Морошкинъ[2]).

1.

Лице неизвѣстное Вамъ, Милостивѣйшій Государь, Вячеславъ Вячеславичь, но привыкшее уважать Васъ еще съ поры своего студенчества, осмѣливается обратиться къ Вамъ за совѣтомъ. Признаюсь Вамъ откровенно, что я долго не рѣшался на это, пока добрый Александръ Ѳедоровичь не завѣрилъ меня, что Вы готовы всегда принимать сердечное участіе во всякомъ ученомъ трудѣ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, и охотно помогаете своими совѣтами всякому, нуждающемуся въ нихъ.

Я предположилъ себѣ задачу—изслѣдованіе о личныхъ именахъ Славянскихъ. Для этого мнѣ хочется: 1) собрать всѣ личныя имена, бывшія въ употребленіи у Славянъ, т. е. написать сколько возможно полный словарь личныхъ именъ Славянскихъ, по образцу хоть греческаго словаря Папе, 2) перейдти къ изслѣдованію объ именахъ прозвищныхъ и 3) о фамильныхъ именахъ. Для собранія личныхъ именъ я пользовался, кромѣ всѣхъ Русскихъ Лѣтописей, актовъ и грамотъ, разными кодексами, какъ-то: Pomeraniae, Poloniae, Bohemiae et Moraviae, грамотами Болгарскими, Сербскими, словаремъ Караджича, именословомъ

[1]) Ср. замѣтку проф. I. Зибрта: „Ke stykům A. Mickiewicze s V. Hankou", Světozor, 1898, str. 379; J. Máchal: „Mickiewicz a Čechy", Český Čas. Histor., 1898; „Mickiewicz v Praze"— въ ж. Slov. Sborn., 1885, str. 56.

[2]) Михаилъ Яковлевичъ Морошкинъ (р. 1820, † 1870), священникъ, авторъ изслѣдованія: „Іезуиты въ Россіи въ царств. Екатерины II и до нашего времени" (1867—1870), „Славянскій именословъ" (1867) и мн. др.

Соллара, актами Рюгенскими, Лузацкими, которыми снабдилъ меня добрый Александръ Ѳедоровичъ. Собраніе Чешскихъ именъ Палацкаго мнѣ также извѣстно. Не укажете ли Вы, достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, на другіе источники, необходимые для меня, кромѣ указанныхъ мною?

Притомъ же прошу покорнѣйше Васъ разрѣшить вотъ какія мои сомнѣнія: 1) вносить ли въ словарь Слав. личныхъ именъ такія, которыя очевидно не Славянскаго происхожденія, а Нѣмецкаго, Кельтскаго, Восточнаго, но которыя были въ употребленіи у Славянъ? 2) Къ какому происхожденію,—Славянскому или Восточному, — относить имена, встрѣчающіяся у Болгаръ: *Асѣнь, Урошъ* и другія подобныя имъ? Не укажете ли мнѣ какихъ нибудь особенныхъ сторонъ въ этомъ предметѣ, на которыя я долженъ обратить свое вниманіе? Даже я бы желалъ слышать Ваше прямое откровенное мнѣніе о полезности, или безполезности такого изслѣдованія для науки. Приведетъ ли оно къ какимъ нибудь плодотворнымъ результатамъ? Я бы почелъ себя весьма счастливымъ, если бы Вы были такъ великодушно добры, что потрудились бы сообщить мнѣ хоть чрезъ добраго Александра Ѳедоровича Ваши совѣты и Ваше мнѣніе.

Прошу Васъ также принять отъ меня мой чахлый и тщедушный трудъ: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, по Русской пословицѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Санктпетербургскаго Казанскаго Собора Священникъ Михаилъ Яковлевъ Морошкинъ.

Мая 15-го дня, 1856-го года.

2.

Ваше Преподобіе, Почтеннѣйшій Михаилъ Яковлевичъ!

Получивъ письмо Ваше отъ 15 мая сего года, я радовался прибыли нашей славянской наукѣ и поздравляю Васъ съ тѣмъ предпріятіемъ. Что касается меня, то я не премину при всякомъ случаѣ до сихъ поръ малоизвѣстныя личныя имена собирать и попрошу тоже ассистента нашего Архива Г-на Главатаго, у котораго ex officio болѣе случайности къ тому, чтобъ и онъ то же дѣлать не пропускалъ. Ваше предпріятіе — задача велика и повальна, ибо весьма полезна, а при томъ и безпредѣльна. Чѣмъ болѣе Вы въ это вправите, тѣмъ болѣе матеріала Вамъ нарогетъ, такъ что Вы не будете знать, когда и гдѣ кончить. Желая Вамъ прочнаго здоровья и постояннаго терпѣнія, несомнѣ-

ваюсь, что у Васъ есть сочиненіе профессора Потта „Die Personen- u. Familiennamen, von Pott. Leipzig bei Brockhaus, 1853". Имѣю честь быть Вашего Преподобія преданнѣйшимъ слугою

Прага, Вячеславъ Ганка.
17/29 Іюнья 1856. (Съ черновика Ганки).

A. Моосбахъ[1]).

1.

Wielmożny Panie!

Pracując obecnie nad dyssertacyą do doktoryzacyi o Kronikarzu Boguchwale, bardzoby mi był pomocnym do téj pracy ważny rękopism rzeczonego kronikarza, znajdujący się pod Pańskim dozorem w bibliotece Czeskiego Museum. A ponieważ nie mogę się w téj chwili udać do Pragi, aby tamże za zezwoleniem Pańskiém porównać ów rękopism z wydaniem Sommersberga, upraszam Wielmożnego Pana, byś chciał przesłać łaskawie tenże rękopism na ręce Pana profesora Purkinjego pocztą na mój koszt. Spodziewam się, że łaskawe zaręczenie Pana professora Purkinjego będzie dla Wielmożnego Pana dostateczném, abyś mi ten rękopism zechciał powierzyć. Upewniam Pana, że rzeczone dzieło za dwa tygodnie w niczém nienadwerężone pocztą na powrót odeślę. Mając nadzieję, że się Pan, ile to w Jego mocy będzie, do méj prośby przychylisz, zostaję z najgłębszém uszanowaniem Wielmożnego Pana uniżony August Moosbach,
Cand. phil.

Milý Wáclawe!

Wyzwán od Pana Moosbacha, abych několika řádky mé jako rukogemstwj wyswědčil, rád se tomu podwolugj a mohu twrditi, že kdyby slawné Praesidium českého Museum dowolilo odeslánj na gistý čas manskryptu že u P. Moosbacha, gegž jako welmi řádného člowěka znám (ant' i přes ferie w mém doma nebyti na mou prosbu můg kwartýr zaujmul) památnost gakákoliwěk, i ta negdrahocennějšj dobře zachowána bude. Nechtěloliby wšak Slawné Praesidium neznámému rukopis swěřiti, obětugi se odpowědnost celau na sebe wzjti.

Očekáwage brzkau odpowěd na mé onehdegšj psanj zůstáwám Wáš upřjmný Jan Purkyně.

Pozdrawte Waši choti.

Wrocław,
22-go stycznia 1841.

[1]) Историкъ, авторъ трудовъ: 1) Przyczynki do Dziejów Polskich z Archiwum Miasta Wrocławia, zebrał... Poznań 1860; 2) Dwa poselstwa do

2.

Wielmożny Panie!

Dziękuję Panu za udzielone mi, choć nie najpomyślniejsze, wiadomości o rękopiśmie Hodziejowskiém. Już nie pamiętam, gdzieżem to wyczytał, że mianowany rękopism w księgozbiorze Muzeum Czeskiego ma się znajdywać; a teraz z listu Pańskiego widzę, iż go nietylko tam niemasz, lecz i wcale niewiedzieć, gdzie się on podział. Jeżeli Pan kiedy zasłyszysz, że wyżéj rzeczony rękopism Boguchwała z ukrycia na jaw wyszedł: upraszam Wielmożnego Pana, żebyś łaskawie o tém uwiadomić mię raczył.

Z najgłębszém uszanowaniem zostaję Wielmożnego Pana najniższy sługa August Moosbach.

Wielmożnemu Panu Wacławowi Hanka, bibliotekarzowi Muzeum Czeskiego, Kawalerowi orderu Ś. Włodzimierza, członkowi wielu towarzystw uczonych, w Pradze.

Wrocław,
16-go lutego.

Д. Мутьевъ.

Милостивый Государь,

Молдавское Правительство разрѣшило нашимъ болгарскимъ колоніямъ, которыя по Парижскому миру отошли отъ Россіи, учредить на счетъ общественныхъ суммъ центральное Болгарское училище въ Болградѣ, что съ помощію Божіею и послѣдовало въ Маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1859 года. Нынѣ по ходатайству Общества Правительство разрѣшило при училищѣ открыть типографію и издавать журналъ. Эти два сильныя орудія просвѣщенія принесутъ конечно немаловажную пользу и задунайскимъ нашимъ братьямъ. Но встрѣтивъ много затрудненій при приведеніи въ дѣйствіе этого предположенія общества мѣстными средствами, я, Милостивый Государь, рѣшился, зная, что Вы всегда живо сочувствовали интересамъ нашего народа, — рѣшился побеспокоить Васъ покорнѣйшею просьбою посодѣйствовать намъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ городъ Вашъ съ давнихъ поръ сталъ средоточіемъ Славянскаго книгопечатанія, такъ что даже изъ Россіи прибѣгаютъ къ Вамъ за типографскими средствами, то я и счелъ за лучшее просить Васъ, Милостивый Государь, сообщить намъ свѣденія: можно ли въ Прагѣ пріобрѣсти типографическій станокъ со всѣми къ нему принадлежностями и за какую цѣну? А также, если Вамъ не въ тягость, потрудитесь

Polski przez Szlązaków odprawione w latach 1611 i 1620. Poznań 1863; 2) Bolesław Chrobry. Poznań 1871.

выслать въ Вѣну на имя Г.г. братіевъ Гешоглу для пересылки къ намъ чрезъ Евлогія Георгіу въ Галацѣ образцы Славянскихъ шрифтовъ съ прейсъ-курантомъ, чтобы сообразиться съ цѣнами и затѣмъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ намъ нужныхъ матеріаловъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ, М. Г., покорный слуга Д-ръ Дмитрій Мутьевъ,
Директоръ Болгарскаго Центр. Училища.

Болградъ,
21 января 1860 г.

Н. И. Надеждинъ.

Eheu! fugaces, Posthume, labuntur anni! Вотъ уже скоро будетъ два года, какъ я имѣлъ несказанное удовольствіе быть вашимъ гостемъ, добрый, незабвенный мой Вячеславъ Вячеславовичь [1])! Въ эти два года я почти не имѣлъ минуты отдыха и досуга: скитался бездомовымъ странникомъ; проѣхалъ не разъ, изъ конца въ конецъ, нашу неизмѣримую Русь. Наконецъ, недавно, успокоился я на берегахъ Невы, во градѣ Петровомъ. Это, къ сожалѣнію, разлучило меня съ моимъ достопочтеннымъ спутникомъ и другомъ, Д. М. Княжевичемъ, который по-прежнему остается въ Одессѣ. Но я радъ уже и тому, что по крайней мѣрѣ усѣлся на мѣстѣ. Deus mihi haec otia fecit!

Во все это время воспоминаніе пребыванія моего у васъ было лучшимъ моимъ услажденіемъ. Между драгоцѣннѣйшими пріобрѣтеніями моего путешествія считаю я личное знакомство съ вами. Позвольте жъ мнѣ надѣяться, что и я не изглаживаюсь изъ вашей памяти.

Я живу теперь въ Петербургѣ, на службѣ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, имѣя порученіе заниматься редакціею Журнала, который издаетъ Министерство. На первый разъ это требуетъ отъ меня довольно трудовъ. Но со временемъ, я надѣюсь, привыкнувъ къ дѣлу и пріучивъ къ себѣ дѣло, найти просторъ и для продолженія домашнихъ моихъ занятій, съ которыми впрочемъ предметъ настоящей моей обязанности не совсѣмъ несовмѣстенъ. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ цѣлію сообщеніе свѣдѣній о внутреннемъ состояніи нашего великаго Отечества. Я желалъ бы препровождать его къ вамъ:

[1]) Въ альбомѣ Ганки Надеждинъ написалъ: „Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ! Да будетъ! Н. Надеждинъ. Въ память незабвеннаго свиданія въ Прагѣ 22 августа / 3 сентября 1841“.

но не знаю, какъ это сдѣлать. Научите меня, какъ вы получаете наши періодическія изданія.

Что дѣлается теперь у васъ? На дняхъ я ожидаю къ себѣ изъ Москвы Погодина, котораго еще не видалъ по возвращеніи изъ-за границы. Отъ него надѣюсь услышать многое. Но гораздо вѣрнѣе и благонадежнѣе то, что узналъ бы я изъ первыхъ рукъ, отъ васъ! Хоть бы получать вашу „Часопись", или вашъ „Ost und West"? Научите, какъ и это сдѣлать.

Наши литературныя новости вы узнаете отъ подателя этого письма, Его Превосходительства Николая Ивановича Хмѣльницкаго, бывшаго Смоленскаго Гражданскаго Губернатора и одного изъ нашихъ лучшихъ драматическихъ писателей [1]). Ему очень хотѣлось познакомиться съ вами лично, и я радъ, что могу этому содѣйствовать.

Прошу васъ засвидѣтедьствовать мое искреннѣйшее, глубочайшее уваженіе г. Шаффарику. Также и г. Палацкому. Къ первому я буду скоро самъ писать. Я передъ нимъ въ долгу, такъ же какъ и передъ вами.

Затѣмъ, поручая себя продолженію вашего добраго расположенія, съ истиннымъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Надеждинъ.

СПБ.,
27 апрѣля/9 мая 1843 г.

Г. Николаевичъ [2]).

Visokoučeni Gospodine!

Preko G. Luiza Napoli iz Triesta imo sam čest dostati Vaš paket, u kom sam našo 4 knjige Kralodvorskoga rukopisa, od koih jednu sam na Vaše ime podario G. Kavaljeru Gagiću, drugu Kaznačiću Advokatu, treću jednom prijatelju, a četvertu ostavio sam za mene; našo sam takodjer 1. kn. Hankowy Pjsně i 1. Pravopis Český za mene. Ja Vam nemogu zadosta blagodariti na Vašoj ljubavi, s kojom ste pričinili, da Česky jezik iz Vaših knji-

[1]) Въ альбомѣ Ганки 24 мая (6 іюня) 1843 г. онъ написалъ: „Какъ давнишній литтераторъ и стихотворецъ, мнѣ бы слѣдовало писать стихами, но надѣюсь, что и проза достаточно можетъ выразить благодарность за всю любезность и пріемъ почтеннаго Вячеслава Вечеславовича, которыми я пользовался въ Прагѣ".

[2]) Редакторъ „Сербско-Далматинскаго магазина" (съ 1841 г.).

ga naučim, koi pre toga ni čitati, ni razuměti nisam mogo, a nisam ni prilike imo.

Za Osmana mnogo sam se trudio, da Vam ovde iznadjem i pošalěm, no u kratkosti vremena ništa učiniti nisam mogo. Srebroljubni Martekini neće da mi I. Tom bez ona dva druga proda, a liste neće da mi dade, tako ću se promučiti, da od koga privatnoga I. Tom kupim, koga ću Vam preko G. Napoli poslati. U Dalmacii malo se knjiga Slavenskim jezikom izdava; u Martekina mnogi stari Dubrovački Rukopisi leže, ali on bi hotio, da se za nji dobro i slano naplati, pak onda da ih izdava; sa ovakim čovekom, koi novce više nego narodnost i slavu narodnju ljubi, ništa se učiniti nemože. On osim onih Dubrovačkih knjiga, od koih listu može biti preko G. Sreznjevskog imate, ništa drugo štampo nie; a i ono što štampa preskupo prodaje. U Zadru kod Bratje Battara cirilovskim pismenima štampan je Magazin G. Petranovića 1838. 39. 40. 41. 42. godine i Mladić kako treba da se izobrazi, preveo s Njemeckog Georg Nikolajevich 1840. Sad se štampa: Zašto? Zato—ili: izjasnenije najobičnii javlenija koja u jestestvu bivaju; preveo s talijanskog Teofil Stefanovich Professor. U Splitu izdao je 14. Sičnja 1840. G. Andria Stazich poziv na prevod s talijanskoga: Tri čudnovate Divice živuće u Tirolu; pravopis Dalmatinski, a ne Gajev. I to je sve, s čim se Slavjanstvo u Dalmacii faliti može. Ako znate da Vas u čemu poslužiti mogu, uvjerite se, da ću radostno i s dragom dušom to učiniti. Pozdrav od G. Gagića i moj poklon isporučite G. Šaffariku.

Preporučujući se Vašem Gospodstvu ostajem etc.

Georg Nikolaevich,
Parrok.

Al molto Illustre Signore Il Sign. Venceslavo Hanka, Cavaliere e Direttore M. I. R. Museo di Praga.

U Dubrovniku,
29. Januara 1842.

А. С. Норовъ[1]).

1.

М. Г., Венчеславъ Венчеславовичь,

Примите еще разъ мою сердечную благодарность за ласковый и радушный пріемъ, оказанный мнѣ вами въ мое краткое,

[1]) Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ (р. 1795, † 1869), въ 1854—58 г. министръ нар. просв., авторъ „Путешествій" по Святой Землѣ, Египту,

но пріятнѣйшее пребываніе въ Прагѣ. Позвольте мнѣ, Милостивый Государь, утрудить васъ вторично моею покорнѣйшею просьбою. Я беру смѣлость препроводить при семъ на ваше имя еще 2 ящика. Вы меня много обяжете, если отправите ихъ вмѣстѣ съ моими книгами прямо въ Петербургъ, направивъ ихъ по Молдавѣ въ Дрезденъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ *Штетинъ*, для отправленія оттуда чрезъ купеческое судно въ Петербургъ. Адресъ долженъ быть поставленъ такъ: *S. E. d. H-rn Abraham von Noroff K. K. Geheim-Rath in St.-Petersburg*, а въ Берлинъ къ книгопродавцу уже не нужно посылать.

Прилагаю при семъ для всякаго случая *5. пруск. талеровъ*, но прошу васъ покорнѣйше благоволить увѣдомить меня, буде пересылка будетъ стоить дороже, адресуя письмо ваше въ *Венецію* poste-restante, а я вамъ буду самъ писать съ дороги и прошу васъ дозволить мнѣ надѣяться, что наше знакомство будетъ продолжаться хотя по перепискѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я не премину доставить вамъ желаемыя вами книги, сверьхъ того я буду вамъ еще писать изъ Вѣны.

Съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и пр.

А. Норовъ.

Маріенбадъ,
9. Августа 1844.

2.

М. Г., Венчеславъ Венчеславовичъ,

Я прибылъ на дняхъ въ Вѣну и поспѣшаю просить васъ покорнѣйше извѣстить меня съ первою почтою, не остаюсь ли я чего вамъ должнымъ за отправленіе моихъ двухъ ящиковъ, и я сейчасъ, съ полученія вашего письма, препровожу съ благодарностію мой долгъ.

Простите меня великодушно, что я обременилъ васъ моими хлопотами. Въ замѣнъ того прошу васъ, Милостивый Государь,

---

Нубіи (5 т., 3-е изд. СПБ. 1854). Въ альбомѣ Ганки Норовъ расписался въ первый разъ 24 мая 1844 г.: „Я пріѣзжалъ нарочно въ Прагу, чтобы познакомиться съ Г-мъ Ганкою и Шафарикомъ, и вполнѣ вознагражденъ и утѣшенъ". Вторично онъ посѣтилъ Ганку 26 мая (7 іюня) 1857 г.: „Возобновляю старое, теплое мое сочувствіе и сердечную любовь къ достопочтеннѣйшему Вячеславу Вячеславичу". Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ переведено на чешскій языкъ Ф. Климешемъ (только dil I, 1851). Письма В. В. Ганки къ А. С. Норову (1844—1857) сообщилъ Н. А. Поповъ, въ Чтеніяхъ И. О. И. и Др. Р. Москва, 1881.

дать мнѣ ваши порученія въ Петербургъ, которыя я съ особенною пріятностію выполню.

Примите увѣреніе и пр. Авраамъ Норовъ.

Мой адресъ: S. E. Monsieur Monsieur Abraham de Noroff, à Vienne. Recommandé aux soins obligeans de la Mission Imperiale de Russie.

Вѣна,
20 Авг./1 Сент. 1844.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ,

Я имѣлъ честь получить письмо Ваше отъ 23 авг./4 сент. и приношу мою сердечную благодарность за всѣ ваши благосклонные хлопоты; мнѣ очень совѣстно, что я васъ обременилъ, но въ замѣнъ того прошу васъ покорнѣйше всегда считать на исполненіе вашихъ мнѣ порученій въ Петербургѣ. Я поспѣшу не медля по пріѣздѣ моемъ заняться высылкою вамъ недостающихъ нумеровъ Карты Россіи, но вы мнѣ не пишете, кто вамъ ее отправлялъ изъ Петербурга, вѣроятно: Военно-Топографическое Депо, по требованію Музеума? Вмѣстѣ съ сими картами я пришлю вамъ также полный экземпляръ Остромировскаго Евангелія.

Я отъѣзжаю изъ Вѣны завтра въ С.-Петербургъ и прошу васъ, когда вамъ угодно будетъ писать мнѣ, адресовать ваши письма туда, надписывая просто: *въ С.-Петербургъ* Аврааму Сергѣевичу Норову. Благоволите, Милостивый Государь, не позабыть упомянуть о вашихъ издержкахъ при отправленіи моихъ ящиковъ, и сколько ихъ было отправлено числомъ? Кажется, три? Въ одномъ изъ нихъ Кульмскій монументъ и фарфоровыя игрушки; но вы изволите писать, что послѣдніе два ящика переложены въ одинъ, то поэтому нужно будетъ знать, заявлены ли фарфоровыя вещи, дабы сдѣлать декларацію въ таможню.

Прошу васъ не изгладить изъ вашей памяти того, который съ душевнымъ почитаніемъ имѣетъ честь быть и пр.

А. Норовъ.

Вѣна,
29 Авг./10 Сент. 1844.

4.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Надѣюсь, что Вы благополучно и въ добромъ здоровьѣ домой воротились и не токмо посланыя черезъ берлинскаго анти-

квара Р. книги, но и прямо изъ Праги отправленныя вещи получили.

Вамъ извѣстно, что у меня есть Остромирова Евангелія 99 листовъ, т. е. полный текстъ и грамматическихъ правилъ съ словоуказателемъ 208 страницъ. Слѣдовательно недостаетъ конца словоуказателя и цѣлаго предисловія или введенія съ заглавнымъ листомъ. Послѣднее мнѣ теперь очень нужно въ отношеніи моего изданія Сазаво-Еммаузскаго святаго благовѣствованія, и я бы покорнѣйше просилъ, чтобъ Ваше Превосходительство мнѣ въ этой милости не отказали, сихъ недостающихъ листовъ прислать на мое имя дилижансомъ. Я получилъ этотъ экземпляръ отъ Его Высокопревосходительства Сергія Семеновича и не сомнѣваюсь, что самъ издатель сего древнѣйшаго памятника Александръ Христофоровичъ, которому прошу кланяться отъ меня, не откажется этихъ дополнительныхъ листовъ Вамъ доставить. Покорнѣйше прошу тожѐ присовокупить въ этомъ пакетѣ Корнеслова Шимкевича. Я очень любопытенъ, ибо въ „Москвитянинѣ“ изъ него приведеные примѣры не сходствуютъ совсѣмъ съ моей мыслію.

Слѣдующія старопечатныя книги я нашелъ у одной вдовы: если онѣ годятся въ Вашу библіотеку, то ихъ можно получить за приложенную при каждой книгѣ судебно-оцѣненную сумму.

Прощайте и будьте здоровый! Покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Praha,
15/27 декабря 1844.

5.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ,

Любезное письмо Ваше пришло ко мнѣ въ самое то время, какъ я собирался посылать Вамъ полный экземпляръ Остромирова Евангелія, ибо я очень помнилъ желаніе ваше; этотъ экземпляръ посылаетъ Вамъ Александръ Христофоровичъ, который съ большимъ удовольствіемъ вручилъ мнѣ его, узнавъ, что вы имѣете неполный; присовокупляю при семъ *и Корнеслова*, о которомъ вы пишете. Я также справлялся о недостающихся у васъ листахъ подробной карты Россіи; эти листы я могу также вамъ доставить, но необходимо знать: 1-е, черезъ кого получили вы имѣющіяся у васъ карты? 2-е, котораго года изданіе карты? 3-е пріобрѣтены ли они, или получены въ подарокъ отъ здѣшняго Топографическаго Депо?

Благоволите, Милостивый Государь, отвѣчать мнѣ на сіи вопросы и пояснить *подробно,* какія номера у васъ недостаютъ: мнѣ будетъ очень пріятно удовлетворить желаніе Ваше. На вопросъ вашъ, получилъ ли я мои книги, которыми я утрудилъ васъ, скажу вамъ, что я получилъ только тѣ книги и игрушки, которыя я послалъ къ вамъ изъ *Маріенбада,* но тѣ старыя книги, которыя я покупалъ въ вашемъ любезномъ обществѣ въ Прагѣ, я къ моему сожалѣнію еще не получилъ; я писалъ о томъ къ Берлинскому антиквару Рёзу, но отвѣта еще не имѣю, хотя я имѣлъ отъ него посылку купленныхъ мною самимъ у него книгъ. Много одолжите, если увѣдомите, куда дѣвались эти книги. Я полагаю, что они запоздали къ послѣдней навигаціи и будутъ мнѣ присланы въ Маіѣ.

Вмѣстѣ съ посылаемыми мною Вамъ книгами вы найдете еще другой экземпляръ *Остромировскаго Евангелія;* я обѣщалъ подарить оный монастырю *Тепль,* что *близъ Маріенбада,* библіотекарю Г-ну Филиппу Климешу (Klimesch). Благоволите, Милостивый Государь, принять на себя благосклонный трудъ доставить оный экземпляръ Г-ну Климешу вмѣстѣ съ моимъ усерднымъ поклономъ ему и Г-ну Настоятелю монастыря.

Вмѣстѣ съ симъ, могу ли я васъ покорнѣйше просить сообщить имъ мое желаніе имѣть изъ ихъ библіотеки нужную мнѣ для справокъ книгу, которую они уже мнѣ повѣряли въ Маріенбадѣ; вотъ ея заглавіе: *Bonifacio Ragusino. Liber de perenni cultu terrae Sanctae. Venet. 1573. pet. in 8°.*

Если имъ угодно мнѣ ее продать, снесясь съ ихъ книгопродавцами, которые конечно возьмутся ее имъ достать, ибо она не въ числѣ рѣдкихъ книгъ, то симъ очень меня обяжутъ, если же сего нельзя сдѣлать, то я обяжусь оную имъ возвратить въ непродолжительномъ времени. Посылаю также для ихъ монастыря книгу: *Влахо-Болгарскія или Дако-Славянскія граматы, собранныя Ю. Венелинымъ. In 8° съ небольшимъ атласомъ in fol.* Извините меня, что симъ васъ утруждаю. Да вотъ еще, простите меня, я обѣщалъ имъ также экземпляръ моего *Путешествія по Св. Земль. 2 vol. in 8°,* который также при семъ прилагаю. Не взыщите за мои коммиссіи, зато и я прошу васъ безъ церемоніи налагать на меня ваши коммиссіи.

Всегда буду вспоминать съ сердечнымъ наслажденіемъ три дня, проведенные мною въ вашемъ драгоцѣнномъ обществѣ и въ почти родномъ мнѣ городѣ Прагѣ. Ваши книжки и вашъ портретъ передо мною. Жена моя, получившая въ подарокъ ваши пѣсни, читаетъ ихъ и поручаетъ мнѣ вамъ кланяться. Уви-

димъ ли мы когда васъ въ Петербургѣ? Постарайтесь дать намъ обѣщаніе побывать у насъ, много насъ утѣшите.

Преданный вамъ сердечно Авраамъ Норовъ.

Едва не пропустилъ принести Вамъ мою искреннѣйшую благодарность за приложенный реестръ старыхъ книгъ, я удержу изъ нихъ слѣдующія:

1.	Bonifacii octavi sext. decretal. Basil. 1476 . . .	8 f.	— kr.
2.	Biblia rariorum translationum. Venet. 1747 . . .	8 f.	— „
3.	Reyssbuch des heiliges Landes. Francof. 2 Bde. fol.	2 f.	— „
4.	Roo, Annales Habspurg. Oeniponti. 1592 . . .	2 f.	— „
5.	Biblior. graec. lat. Basil. 1550	— f.	30 „
6.	Liber de anima. Viennæ. 1584	— f.	12 „
7.	Nov. Test. græc. lat. Bas. 1570	2 f.	— „
		22 f.	42 kr.

И прошу васъ покорнѣйше всѣ денежные счеты адресовать для платежа въ С.-Петербургъ на имя Банкира Г-на Штиглица (Stieglietz et Comp.). Вы мнѣ не пишете, что я вамъ долженъ за пересылку, благоволите увѣдомить.

Еще разъ усердно вамъ кланяюсь и благодарю васъ за ваше воспоминаніе и зову васъ пріѣхать къ намъ.

С.-Петербургъ,
31 Декабря 1844 г.

6.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Драгоцѣнную посылку Вашу я имѣлъ удовольствіе получить: примите милостиво мою сердечнѣйшую благодарность. Александру Христофоровичу я самъ пишу, извѣщая его о изданіи Сазаво-Эмаузскаго евангелія. Изъ монастыря Теплой отъ г. Климеша отвѣта еще нѣтъ, но я не сомнѣваюсь, что все будетъ по желаніямъ. Назначенныя Вами древнія книги я купилъ, и между тѣмъ жду *Bonifacio Ragusino* изъ Тепельскаго монастыря, и какъ только откроется навигація по Эльбѣ отправлю ихъ въ С.-Петербургъ. Книгопродавца, которому я поручилъ прежнюю посылку Вашихъ древнихъ книгъ, я спрашивалъ о томъ; онъ увѣряетъ меня, что онъ ихъ порядочно отправилъ въ Берлинъ къ антикварю Р., и что онъ еще разъ къ нему напишетъ: затеряны не могутъ быть, то только можетъ быть, что антикваръ позабылъ ихъ отправить въ С.-Петербургъ.

По примѣрамъ, приведеннымъ въ критикѣ на Корнесловъ г-на Шимкевича въ Москвитянинѣ, хотяжъ его тамъ хвалятъ,

но къ несчастію есть такіе примѣры, которые почти всю тамъ написанную хвалу затѣмнить болѣе, чѣмъ объяснить могутъ. Книга лучше и прилежнѣе написана, нежели какъ можно было по приведеннымъ примѣрамъ судить. Извольте милостиво прилагаемый при семъ отпечатокъ „Několik nowě objasněnych obdob. slowes" г. Шимкевичу случайно сообщить. Продолженіе подобнаго изслѣдованія печатается, которое буду честь имѣть доставить позже.

Препоручаясь милостивой памяти, прошу покорнѣйше быть увѣренными, что я всегда съ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Вячеславъ Ганка.

Прага,
3/15 Марта 1845.

6.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Вчера я отправилъ черезъ банкира von Lämel купленыхъ для Васъ книгъ, и чтобъ дополнить ящикъ я прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя древнія печати на латинскомъ и греческомъ языкахъ, за которыя прошу покорнѣйше послать случайно ко мнѣ русскія книги. *Bonifacii Ragusini Librum de perenni cultu terrae Sanctae. Venet. 1573,* изъ библіотеки Тепельскаго монастыря, я имѣлъ честь послать къ Вамъ мѣсяцъ тому назадъ черезъ секретаря константинопольской миссіи г. Халчинскаго, но какъ ему не удалось изъ Вѣны ѣхать въ С.-Петербургъ, то не сомнѣваюсь, что онъ отправилъ пакетъ черезъ курьера, и что онъ теперь уже дошелъ до рукъ Вашихъ.

Извѣстны ли Вамъ слѣдующія книги? „*Viagio da Venetia al sancto Sepulcro et al monte Synai piu copiosamente descrito deli altri condiseni de paesi, citade etc. Stampato in Venetia p. Ioanni Tacuino MCCCCCXX*" и „*Veridica terrae sanctae regionumque finitimarum ac in eis mirabilium descriptio fratris Johannis Host de Romberck. Impressum Venet. M. D. XIX*".

Къ литературѣ Путешествій въ Святую землю принадлежатъ тоже и путешествія нашихъ Чеховъ:

1. Martina Kabátnika Cesta z Čech k Jerusalemu a w Egyptě 1491, (много разъ напечатано).

2. Popsánie swatých miest w zaslibené zemi, (печатано въ Пильзнѣ) 1498.

3. Traktat o rozličných národech bydlicich w Jerusalemie a we wýchodních zemích, w Plzni 1498.

4. Putowání k božímu Hrobu, kteréž wykonal Jan z Lobkowic s Ditrichem z Gutensteina 1493.

5. Oldřicha Prefáta z Wlkánowa Cesta z Prahy do Benátek a do Palestiny 1546 i 1547, печатано w Praze 1563, fol. 81 листовъ съ картинами на деревѣ.

6. Putowání do Jerusalema, w Praze, 1577.

7. Putowání swatých na wšecku bibli po Buntingu, w Praze, 1592.

8. Wypsání města Jerusalema z latinského, w Praze, 1592.

9. Haranta z Polžic i Bedružic, Putowání do Benátek, do země Swaté, dále do Egypta, potom na horu Oreb, Sinai i sw. Kateřiny, w Praze 1608 (двѣ части съ картинами и вообще очень замѣчательное сочиненіе).

Приложенный при семъ листъ прошу покорнѣйше отдать случайно сочинителю Корнеслова, какъ продолженіе прежняго разсужденія. Денегъ за купленныя книги (22 fl. 52 kr.) я еще у Лемеля не взялъ и прошу покорнѣйше ихъ назначить къ нему у Stiegliza, черезъ котораго Вы ящикъ получите.

Препоручаясь милостивой памяти Вашей, имѣю честь быть съ совершенною преданностію и истиннымъ высокопочитаніемъ Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага,
8/20 Мая 1845.

7.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

Приношу вамъ мою сердечную признательность за дружеское вниманіе ваше ко мнѣ, которое я вполнѣ цѣню. Я вручилъ вчера Г. Штиглицамъ 23 f., означенные въ письмѣ вашемъ за книги, купленныя вами для меня; оныя деньги вручитъ вамъ Г. Лемель въ Прагѣ. Такъ какъ Штиглицы имѣютъ постоянныя сношенія съ домомъ Лемеля, то и впредь, съ дозволенія вашего, я буду такимъ же образомъ поступать; ящикъ съ книгами еще не пришелъ, но вѣроятно не замедлитъ. Вы очень меня обязали, Милостивый Государь, испросивъ изъ Теплскаго монастыря нужную мнѣ книгу *Bonifacius etc.*, но я нахожусь въ большомъ безпокойствіи насчетъ ея ко мнѣ доставленія, ибо до сей поры я не имѣю о ней никакого извѣстія и только знаю о томъ чрезъ ваше любезное письмо. Если вы имѣете сношеніе съ Вѣною, то не откажите въ вашемъ ходатайствѣ *о вѣрномъ доставленіи* мнѣ этой книги и благоволите мнѣ сказать два слова: на какихъ условіяхъ мнѣ дана эта книга. Для меня очень любопытно то извѣстіе, которое вы мнѣ передаете о древнихъ путешествіяхъ нашихъ родныхъ чеховъ въ Палестину, и для меня очень пріят-

но будетъ, если вы не откажетесь доставить мнѣ всѣ прописанныя вами путешествія вашихъ соотечественниковъ, прибавя къ нимъ и тѣ два сочиненія, одно Италіанское, а другое Латинское. За прибавленныя вами книги въ ящикъ, ко мнѣ отправленный, я непремину доставить вамъ Русскихъ книгъ, сообразуясь съ вашимъ вкусомъ и съ вашими занятіями.

Авторъ Корнеслова уже не существуетъ болѣе, и потому назначенную вами для него брошюру я передалъ А. Х. Востокову. Ваши занятія и для насъ русскихъ очень драгоцѣнны. Когда же мы дождемся, что вы посѣтите нашу Матушку Россію? Вы бы тогда увидѣли, какъ мы васъ любимъ.

Прошу васъ давать мнѣ всѣ ваши порученія; я поставлю себѣ за особенную пріятность ихъ выполнять. Послѣзавтра я ѣду на три недѣли въ Москву и въ первыхъ числахъ іюля опять уже буду, если Богъ дастъ, въ Петербургѣ и прошу васъ продолжать писать ко мнѣ по прежнему.

Примите еще разъ увѣреніе моей живѣйшей признательности за всю дружескую благосклонность вашу и вѣрьте чувствамъ неизмѣнной преданности и уваженія Авр. Норова.

С.-Петербургъ,
9/21 іюня 1845 года.

8.

Ваше Превосходительство. М. Г.!

Я имѣлъ честь послать къ Вамъ письмо мое черезъ возвращающагося на родину Ѳедора Михайловича Сухотина и не сомнѣваюсь, что оно уже давно въ почтеннѣйшихъ Вашихъ рукахъ; не сомнѣваюсь тоже, что и посланныя пароходомъ посредствомъ банкіера Леммеля книги дошли въ библіотеку Вашу.

Не зная, есть ли у Васъ *Leonharti Rauwolfens* Beschreibung der Raiss in die Morgenländer 1582, въ трехъ частяхъ, и *Martini à Baumgarten* Peregrinatio in Aegyptum, Arabiam, Palaestinam et Syriam, Norinbergae 1594; однакожъ я ихъ купилъ и могу ли служить Вамъ ими, сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ есть еще куча книгъ древнихъ добрыхъ изданій Frobena, Alda и другихъ: онѣ по большей части богословскаго содержанія, за то и дешевы. Что касается дополненія Подробной карты Россійской Имперіи, о которую Вы милостиво постараться обѣщали, и которой недостающіе листы я Вамъ въ прежнемъ моемъ письмѣ назначилъ, не знаю, куплена ли она или подарена, но она кажется перваго печатанія,

какъ съ начала вышла. Г. Шафарикъ получилъ ее отъ М. П. Погодина и на мое слово, что можетъ быть я бы потрафилъ дополнить ее, подарилъ ее г. Шафарикъ нашему Музеуму: больше я не знаю.

Препоручаясь милостивой памяти, имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

Прага,
23/11 Іюня 1845.

9.

М. Г, Вячеславъ Вячеславовичь,

Я только что нѣсколько дней тому назадъ возвратился изъ Москвы и нашелъ у себя пріятнѣйшее ваше письмо отъ 23/11 іюня и ящикъ съ древними книгами. Вы мнѣ не пишете, получили ли вы посланныя мною вамъ чрезъ Штиглица деньги? Примите мою сердечную благодарность за то дружеское вниманіе, которое вы не престаете имѣть ко мнѣ, и которое я вполнѣ цѣню. Не лишите меня удовольствія быть вамъ полезнымъ съ моей стороны. Я съ большимъ удовольствіемъ узналъ чрезъ нашего почтеннаго Вѣнскаго священника Г-на Раевскаго, что вы трудитесь и даже приводите къ окончанію ваши изслѣдованія о *Реймскомъ* Славянскомъ Евангеліи. Конечно, этотъ трудъ будетъ не менѣе любопытенъ, какъ тотъ, которымъ насъ подарилъ *Востоковъ*, и много прольетъ свѣта на нашъ родной и *достославной* Славянской языкъ. Довожу до вашего свѣденія, что авторъ Корнеслова вотъ уже годъ какъ умеръ, вы конечно пожалѣете о немъ. На дняхъ я займусь пріобрѣтеніемъ остальныхъ листовъ карты Россіи и непремину васъ о послѣдующемъ увѣдомить.

Я нахожусь въ большомъ безпокойствіи о книгѣ *Bonifacio Ragusino*, которую вы столь благосклонно достали изъ Тепльскаго монастыря. Представьте себѣ, что я до сей поры ничего о ней не знаю. Я писалъ съ сею почтою къ нашему священнику Г-ну Раевскому и просилъ его употребить все стараніе, дабы выручить сію книгу и доставить ее мнѣ или черезъ курьера, или даже по почтѣ, но только самымъ вѣрнымъ образомъ. Сдѣлайте одолженіе, и вы съ своей стороны не оставьте это дѣло, для меня очень нужное; теперь благоволите меня извѣстить, на какихъ условіяхъ Тепльскій монастырь далъ мнѣ сію книгу: за деньги ли? въ обмѣнъ ли? или на подержаніе?

Я уже писолъ вамъ, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичь, что я *съ особенною благодарностью* согласенъ пріобрѣсть предлагаемыя вами мнѣ книги:

1. Viaggio da Venet. al S. Sepulcro. 1520.
2. Veridica terræ sanctæ descriptio Fr. Joh Host de Romberg. 1519.
3. Martina Kabátníka etc. 1491.
4. Popsanie swatých miest. Pilsen. 1498.
5. Traktat o rozličnych národech. Pils. 1498.
6. Putowanie k Božímu hrobu Лобковича. 1493.
7. Oldřicha Přeláta Путеш. въ Палестину. 1536—47—1563. fol.
8. Putowanie do Jerusalema. 1577.
9. Putowání swatých na wšecku Sw. Bibli... od H. Buntinga. 1592.
10. Wypsání města Jerusalema. 1592.
11. Haranta z Polžic etc. w Praze 1608, 2. vol.

Получивъ эти весьма нужныя для меня книги, я примусь учиться вашему и нашему родному языку. Также принимаю съ благодарностью Baumgarten, Peregrinatio etc. 1594. *Rauwolf* у меня есть, но, пожалуста, поставьте его также на мой счетъ или потрудитесь обмѣнять у вашего антиквара на какую угодно другую книгу. Сдѣлайте одолженіе, напишите мнѣ, нѣтъ ли у васъ какихъ *недоимковъ* на меня по нашимъ счетамъ, и все ли вы получили чрезъ Лемеля. Я постараюсь найти вамъ что нибудь любопытное изъ вновь выходящихъ у насъ книгъ и доставлю вамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Такъ какъ вышеозначенныя книги не составятъ ящика, то благоволите ихъ послать въ Берлинъ на имя книгопродавца *F. A. Röse, Kur-Strasse № 50.*, при маленькой записочкѣ, въ которой вы благоволите сказать, что просите доставить эти книги ко мнѣ; онъ мнѣ на сихъ дняхъ будетъ посылать книги, то очень одолжите, если поторопитесь присылкою этихъ книгъ къ нему, да и вообще, не угодно ли вамъ будетъ всегда доставлять пріобрѣтаемыя для меня книги къ нему.

Сообщите мнѣ кое что о трудахъ вашихъ, они для меня весьма любопытны, и не для одного меня, а для всѣхъ насъ Русскихъ. Примите и пр. Авраамъ Норовъ.

С.-Петербургъ,
23 іюля 1845.

10.

Ваше Превосходительство!

Письмо Ваше отъ 23 іюля я имѣлъ удовольствіе получить порядочно. Получилъ и назначенныя деньги черезъ Лемеля. Я

Превосходительство генеральша Марія Михайловна Медемъ изволила взять съ собою для Васъ:

1. Viaggio da Venet. al S. Sepulcro, 1520;
2. Veridica sacrae terrae descriptio Fr. Ioh. Host de Romberg, Venet. 1519 и
3. Baumgarten Peregrinatio in terram sanctam, 1594;

но она завернула еще въ Вѣну и въ Нещъ, потому получите Вы ихъ о нѣсколько дней позже. Назначенныя чешскія книги о Св. земли чрезвычайно рѣдки, и я сомнѣваюсь, что мнѣ удастся ихъ получить для Вашего Превосходительства. Бонифація я отдалъ секретарю царьградскаго посольства Ивану Дмитріевичу Халчинскому, который надѣялся, что онъ изъ Вѣны поѣдетъ въ градъ святаго Петра, но иначе случилось: онъ долженъ былъ возвратиться на свое мѣсто. Въ такомъ неожиданномъ случаѣ онъ обѣщалъ послать къ Вамъ пакетъ черезъ вѣнское посольство, я не сомнѣваюсь, что пакетъ сей въ добромъ мѣстѣ, но можетъ быть, какъ это бываетъ у сихъ господъ, что онъ позабытъ. Я нарочно писалъ къ Михаилу Ѳеодоровичу Раевскому, но онъ въ Шенбруннѣ или въ Баденѣ, и я увѣренъ, какъ онъ только воротится, что онъ не откажетъ потрудиться прити на слѣдъ этому.

Прощайте; почтеннѣйшій Авраамъ Сергѣевичъ, будьте благополучны и здоровы; отъ души обнимая Васъ, остаюсь искренно Вамъ преданнѣйшимъ Вячеславъ Ганка.

Прага,
21 августа / 2 сент. 1845.

11.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

Если я нѣсколько запоздалъ писать къ вамъ, то это отъ части потому, что поджидая книгъ, которыя вы по рѣдкой своей благосклонности пріобрѣли для меня, хотѣлъ увѣдомить васъ о полученіи оныхъ. Примите, Милостивый Государь, мою искреннѣйшую благодарность за тѣ двѣ книги Путешеств. по Св Землѣ Баумгартена и Брокорда, которыя я получилъ, но по несчастію отъ Халчинскаго до сей поры нѣтъ никакого слуха о книгѣ *Бонифація* изъ Тепльскаго монастыря; сдѣлайте одолженіе, Милостивый Государь, употребите всѣ ваши дружескія старанія, чтобы вырвать отъ Халчинскаго эту книгу, пусть онъ отправитъ ее просто по почтѣ, и я съ благодарностію заплачу за издержку.

Теперь благоволите меня извѣстить, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, какими книгами я могу вамъ служить отсюда, не угодно ли вамъ назначить. Между тѣмъ позволите ли вы мнѣ вамъ прислать: Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ городовъ Вильны, Ковно, Трокъ, православныхъ монастырей и церквей и по разнымъ предметамъ (на Русскомъ и Польскомъ яз.), 1843, 2 vol. gr. in 4°. Тутъ много замѣчательнаго какъ для исторіи, такъ и для славянской палеографіи, а вы извольте мнѣ написать, какія книги могутъ вамъ быть пріятны.

Можемъ ли мы надѣяться, что вы вырветесь изъ Праги хотя мѣсяца на четыре посѣтить Петербургъ и Москву? Я начинаю думать, что у васъ не достаетъ на то собственной доброй воли. Скажите мнѣ что-либо о вашемъ житьѣ-бытьѣ, о вашихъ занятіяхъ и о вашихъ намѣреніяхъ. Мы часто говоримъ о васъ, ибо у васъ въ Петербургѣ набралось довольно добрыхъ друзей, которые постарались бы сдѣлать нескучнымъ ваше пребываніе здѣсь. Преданный вамъ душою слуга А. Норовъ.

2 Декабря с. с. 1845. Помѣта Гапки: „Odpow. 2 ledna 1846".

12.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

По причинѣ разныхъ разъѣздовъ и хлопотъ я все отлагалъ писать къ Вамъ, желая вмѣстѣ съ тѣмъ прислать Вамъ журнальную статью о полезномъ и пріятномъ для насъ всѣхъ трудѣ Вашемъ относительно Реймскаго Евангелія, которая должна была выдти въ Библ. для Чт., но Профессоръ, который взялся за это, былъ по дѣламъ службы отвлеченъ отъ начатаго дѣла. Зато всѣмъ намъ утѣшительно было то Высочайшее благоволеніе, которое Вамъ оказалъ Государь нашъ, наградивъ Васъ столь достойно орденомъ. Вы видите, мой почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, какое сочувствіе Вы находите въ вашихъ братіяхъ Сѣверныхъ Славянахъ, и сколь бы намъ пріятно было, еслибы Вы еще болѣе съ нами познакомились, посѣтивъ нашъ край, и смѣло могу сказать, что это путешествіе необходимо для ученыхъ трудовъ вашихъ.

Не можете ли вы по аналогіи Словенскихъ языковъ объяснить намъ *шесть* словъ изъ Путешествія Игумна *Даніила* въ XII вѣкѣ. Конечно, эта книга у васъ есть. Вотъ эти шесть словъ. 1-е., *Мокачна,-но,* стр. 30, 31, 40, 44, 46, 97, съ 2-го изд. 2., *голомя,* 3., *скалвы,* 4., *краковать,* 5., *понорови,* 6., *стрія.* Самое

важное и самое непонятное для насъ слово есть *первос*, которое употребляется шесть разъ; первые четыре раза—говоря о пещерѣ Гроба Господня и вообще о церквахъ: *вся мокачна*; говоря о городѣ Іерусалимѣ: *весь мокаченъ*, и наконецъ, говоря объ озерѣ Генисаретскомъ: *озеро же то кругло есть, все мокачно*. Много насъ одолжите, если пришлете намъ *разгадку*

Теперь опять напомню вамъ о несчастномъ *Бонифаціи*. Увы! до сей поры еще не могу добиться никакого толку. Г-нъ Халчинскій пріѣхалъ сюда и крайне удивился, что эта книга мнѣ еще не выслана. Онъ утвердительно говоритъ, что оставилъ ее при нашей Миссіи въ Вѣнѣ и недавно послалъ туда свою рекламацію, не знаю, какой будетъ и отъ этого толкъ. Нельзя ли и вамъ съ своей стороны, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, что сдѣлать, много обяжете, ибо во первыхъ я компромитированъ передъ братьями Монастыря Тепла, а во вторыхъ и потеря столь рѣдкой книги слишкомъ чувствительна.

Сообщите мнѣ кое-что о вашихъ собственныхъ занятіяхъ и доставьте мнѣ случай быть вамъ чѣмъ либо полезнымъ, передавъ мнѣ ваши порученія. Скажите мнѣ, пожалуста, не остаюсь ли я вамъ что должнымъ по присланнымъ вами мнѣ книгамъ, и простите меня за хлопоты, которыя я вамъ даю. Не пришлете ли вы мнѣ еще какого извѣстія о книгахъ, которыя можно пріобрѣсти у васъ въ Прагѣ.

Примите мон хотя позднія, но сердечныя поздравленія и съ милостію Царскою, и съ праздниками. А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
2. Маія 1846.

13.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Ѣхавъ козакъ за Дунай...

Сколько лѣтъ прошло! Сколько дѣлъ свершилось на Западѣ, какъ Вы написали ко мнѣ. Не было далеко, что меня пуля засягла, а я—Слава Богу—здоровъ и остался тотже, хлопоча за славянство противъ супостатовъ Нѣмцовъ и Мадьяровъ. Вы изволили писать къ Михаилу Ѳедоровичу Расвскому, чтобъ Вамъ объяснить про славянскую рукопись, присланную въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ съ надписей: *Varia ex Chrysostomo aliisque ecc-ticis Patribus slavo-rossica versio.* Извольте ее сравнить со статьей въ Библіографическихъ листахъ 1825 г. № 14, и если не

ошибаюсь, то Вы найдете, что она та же. Знаю, что она нѣсколько лѣтъ тому назадъ изчезла изъ Супрасльскаго монастыря, знаю тоже, что таился съ нею покойный Копытарь, и что послѣ его смерти изъ ней напечатаны: „*S. Ioannis Chrysostomi homilia in ramos palmarum 1845*" и „*Vitae Sanctorum 1847*", ибо ихъ сравнивалъ съ упомянутою статьею; мнѣ казалось, что я уже что-то такого читалъ, и убѣдился, что это то же. Но ктобъ это въ Питеръ прислать (sic!), это для меня таинствомъ, однакожъ я радъ, что подлинная рукопись не пропала. Петръ Ивановичъ Кеппенъ, которому покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, скажетъ Вамъ можетъ быть подробнѣе о ней.

Вы милостиво обѣщали дополнить намъ экземпляръ Подробной Карты Россіи, но въ продолженіи времени забыли. Не помните ли путешествія Префата Вълканова въ Святую землю 1546 и 1547 гг., напечатанную съ многими картинками на деревѣ въ Прагѣ 1563 in fol. min., которую я Вамъ въ Музеумѣ показывалъ: теперь можно добыть полный, хорошо сохраненный экземпляръ этого сочиненія за цѣну 30 fl. Conv. M.

Увидите ли его сіятельство Сергія Семеновича Уварова, прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мои уклоны: я получилъ II и III томъ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей и не могу дождаться I тома. У моего друга тоже эти два тома, и будетъ ли у Васъ способность теперь къ нашимъ водамъ, не забудьте меня.

Г-на Попова поздравляю и остаюсь душевно преданнѣйшій

Вячеславъ Ганка.

Прага,
6/18 Мая 1849.

14.

Радостно мнѣ было, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичь, увидать Ваши строки послѣ столь долгаго обоюднаго нашего молчанія. Вѣрьте мнѣ, что я часто думалъ о Васъ и страдалъ душевно о положеніи, въ которомъ находился Вашъ край отъ вольнодумцевъ, забывшихъ Бога и попирающихъ все, что есть святаго среди людей. Благодарю Бога, спасшаго Васъ отъ столькихъ опасностей, да сохранитъ Онъ Васъ и впредь и благословитъ узы, связывающія теперь ежедневно болѣе и болѣе наши державы. Я все еще не имѣю разгадки, кому прислана сюда драгоцѣнная Супрасльская рукопись; съ П. И. Кеппеномъ, я постараюсь познакомиться и, увидясь съ нимъ, можетъ быть, отъ него получу какое объясненіе.

Сердечно благодарю Васъ и съ радостью пріемлю предложеніе купить за *30 fl. Conv. M.* экземпляръ Путешествія Префата *Вълкановa* въ Святую Землю, напечатаннаго въ Прагѣ 1563 г.; благоволите сказать мнѣ, куда и къ кому выслать эти деньги, а между тѣмъ я съѣзжу къ одному изъ нашихъ банкировъ и, можетъ быть, прежде Вашего отвѣта найду случай передать Вамъ эти деньги, только пожалуста, мой родной, озаботьтесь о вѣрности тѣхъ рукъ, чрезъ которыя будетъ ко мнѣ послана книга, я помню, сколько намъ было хлопотъ отъ книги, посланной изъ Тепльскаго монастыря.

I-ый томъ Полнаго Собр. Руск. Лѣтоп. я Вамъ вышлю *съ первой оказией* въ двухъ экземплярахъ, одинъ для Вашего друга. О картѣ я не забылъ, но виноватъ—затерялъ записку о *недостающихъ листахъ*, благоволите мнѣ прислать оную, и тогда я поспѣшу удовлетворить Васъ.

Если будете имѣть случай, узнайте пожалуста отъ достопочтеннаго Г-на *Климеша* въ Тепльскомъ монастырѣ, получилъ ли посланные мною ему оттиски картинъ, принадлежащихъ къ моему Путеш. по Св. Землѣ, которое онъ перевелъ на Чешскій языкъ, я ихъ послалъ въ числѣ 500 экземпл. каждой картины. Не оставьте меня увѣдомлять о библіографическихъ рѣдкостяхъ, кои можно иногда пріобрѣтать у Васъ въ Прагѣ или въ окрестностяхъ, много симъ меня обяжете, а я готовъ служить Вамъ нашимъ добромъ.

Графу Уварову Вашъ поклонъ передамъ.

А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
22 Іюня с. ст. 1849.

15.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Я имѣлъ удовольствіе получить почтенное письмо Ваше, которое мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что я изъ святой Руси давнымъ давно ничего не получилъ. Я не сомнѣваюсь, что Вамъ г. Кеппенъ объяснилъ отношенія Супрасльской рукописи. Я радуюсь, что она не пропала, и любопытенъ узнать о ея судьбѣ. Г. Климешъ получилъ посланные Вами оттиски картинъ, принадлежащихъ къ Вашему путешествію въ Святую землю. Онъ пишетъ ко мнѣ, что онъ тотчасъ послѣ полученія письма отвѣчалъ и благодарилъ. Матица наша, которая его переводъ печатаетъ, имѣетъ слишкомъ 3000 соучастниковъ и рѣшила въ послѣднемъ

засѣданіи дать снова перегравировать эти картины въ стали, у насъ пошлина отъ гравюръ очень дорого стоитъ. Такъ это будетъ гораздо дешевлѣе, и Ваши плотинки, которыхъ Вамъ къ будущимъ изданіямъ нужно, не утерпятъ столько же. Отъ извѣстной Древней Подробной Карты Россійской Имперіи не достаетъ у насъ части XVII, XVIII, XXII и XXIII. Путешествіе къ Божіему Гробу Префата изъ Волканова имѣю честь послать: есть еще одно славнаго Гаранта изъ Полжицъ въ двухъ томахъ въ 4° (Прага 1608), полнаго экземпляра чрезвычайно трудно получить: видать, что Чеховъ занимало путешествіе къ Божіему Гробу. Извольте милостиво принять мои „Начала Русскаго языка", изданныя по случаю венгерской кампаніи, написанныя въ пользу славянскихъ полковъ въ обхожденіе съ храбрыми родственниками.

Позвольте надѣяться, что Вы не лишите меня своего расположенія и охраните въ памяти своего почитателя

Вячеслава Ганку.

Прага,
29 Авг./10 Сент. 1849 г.

16.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Посредствомъ его Высокоблагословенія Михаила Ѳедоровича Раевскаго, я имѣлъ удовольствіе послать къ Вамъ желаемое Префата Волканова путешествіе въ Святую землю, присовокупивъ къ нему теоретическую часть моихъ „Началъ русскаго языка" для нашихъ Чеховъ, и я не сомнѣваюсь, что онѣ давно уже въ почтенныхъ рукахъ Вашихъ. При семъ случаѣ я просилъ о первый томъ „Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей", котораго, хотяжъ мнѣ его послать обѣщено, не могу дождаться. Мнѣ бы очень пріятно было вправить хорошее понятіе моимъ слушателямъ (преподаваю въ университетѣ священный и русскій языки, и слушателей довольно) о лѣтописи преподобнаго Нестора. Мнѣ очень скучно не получать изъ святой Руси никакихъ извѣстій, ибо извѣстія нѣмецкихъ, намъ Славянамъ непріязненныхъ, газетъ несносны. Вы не повѣрите, какими безстыдными выдумками этотъ образованность во ртѣ всегда носящій народъ не устаетъ бросать на насъ подозрѣніе и всякую мерзость, чтобъ остаться въ господствѣ надъ нами, какъ бывало до сихъ поръ.

Желаю Вамъ всевозможныхъ успѣховъ и долгоденствія. Не забывайте меня и удостойте Вашимъ письмомъ. Душевно Вамъ преданный

Вячеславъ Ганка.

Прага,
10/22 Января 1850 г.

17.

Ваше Превосходительство, М. Г., Авраамъ Сергѣевичъ!

На дняхъ я видѣлъ полный экземпляръ, что очень рѣдко случается, сочиненія „Krištofa Haranta z Polžic i Bedružic Putování aneb cesta z království českého do města Benátek, odtud po moři do země svaté, země judské, a dále do Egypta a velikého města Kairu, potom na horu Oreb, Sinai a sv. Kateřiny v pusté Arabii ležící". Dva díly. V Praze, 1608 въ 4°. Онъ описываетъ свои и своихъ сопутешественниковъ приключенія обширно и съ рѣдкою ученостію на оно время, подпирая все географическими и историческими извѣстіями, ссылаясь на многихъ писателей, все въ духѣ необыкновенной внимательности и остроумія. Я думалъ о Васъ, чтобъ эта книга пристойна была въ собраніе путешествій въ Святую Землю Вашей библіотеки. Угодно ли Вамъ, возможно получить ея за 25 fl. Conv. Mze.

Мнѣ очень любопытно узнать, какъ кончилось съ Супрасльскою рукописью: гдѣ она хранится теперь, и та ли это точно, о которой извѣстіе въ Библіографическихъ листахъ П. И. Кеппена, стр. 189 и 533?

Два года какъ у насъ вольно преподавать въ Университетѣ, я читаю довольно многочисленному собранію студентовъ въ зимнемъ курсѣ грамматику и литературу священнаго языка Славянъ, и въ лѣтнемъ—грамматику и литературу русскаго языка. Кстати о русскомъ языкѣ! прилагаю при семъ два экземпляра газеты „Уніонъ". Вотъ куда насъ, Славянъ въ Австріи, склоняетъ нѣмецкая навязчивость! Имъ, нашимъ Нѣмцамъ, очень трудно отвыкать господства надъ Славянами. Прошу покорнѣйше послать другой экземпляръ князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову, и смѣю ли Васъ беспокоить, чтобъ благоволили — это тоже сообщить профессору Измаилу Ивановичу Срезневскому.

Препоручая себя благорасположенію Вашему, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію всегда готовой къ услугамъ Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

У насъ сегодня Свѣтлое Воскресеніе.

Прага,
19/31 Марта 1850 г.

18.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

Объясните мнѣ, сдѣлайте одолженіе, непонятное для меня дѣло. Письмо Ваше изъ Праги, столь для меня пріятное, при посы-

къ рѣдкой книги Префата изъ Вълканова, писанное 29 Августа (10 Сентября), я получилъ только четыре дня тому назадъ! Я это не иначе могу объяснить, какъ только тѣмъ, что эта посылка шла чрезъ наше Вѣнское посольство, гдѣ она оставалась забытою до сего времени. Я уже испытываю это во второй разъ; такимъ же образомъ дошла до меня посылка отъ Климента тому два года назадъ.

Какъ же Вамъ должно было казаться страннымъ мое молчаніе при такой обязательной для меня заботливости Вашей обо мнѣ!

Премного Вы меня одолжили, мой дражайшій Вячеславъ Вячеславовичъ, присланная Вами мнѣ книга есть истинное пріобрѣтеніе для моей коллекціи Путешествій въ Палестину; я могу сказать, что моя коллекція есть одна изъ полнѣйшихъ, или я считалъ ее за таковую, но вижу, что вотъ еще недостаетъ у меня книги Христофора Гаранта, прежде прошу Васъ сообщить мнѣ, что я Вамъ долженъ за доставленную теперь книгу и могу ли я пріобрѣсти чрезъ Ваше пособіе *Гаранта?* Пора мнѣ прислать Вамъ недостающихъ листовъ подробной карты Россіи. Простите великодушно, что за множествомъ дѣлъ такъ запоздалъ, но теперь уже не заставлю Васъ долго дожидаться. Ваши *Начала Русскаго языка* много меня порадовали и много Васъ благодаримъ. Чѣмъ можемъ Вамъ служить,—очень рады.

А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
19-го Августа 1850 г.

19.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше отъ 19 августа съ извѣстіемъ о полученіи Вами путешествія въ Палестину Префата изъ Волканова, и я радуюсь, что оно не пропало. За эту книгу я заплатилъ, какъ я уже къ Вамъ писалъ въ прежнемъ письмѣ, 30 fl. Conv. Mze. У экземпляра путешествія Христофора Гаранта недостаетъ заглавнаго листа, и если Вы согласитесь, то я скажу сдѣлать вѣрный снимокъ онаго, ибо дополнить его изъ другаго какого экземпляра нельзя, даже надежды нѣтъ, ибо езуиты считали эту книгу еретическою, и владѣтели ея спасали книгу выторженіемъ или вырваніемъ заглавнаго листа.

Когда Ваша коллекція путешествій въ Палестину одна изъ полнѣйшихъ, то извольте извѣстить меня, есть ли въ ней и „*La-*

dolfi, rectoris parochialis ecclesiae in Suchen, De terra Sancta et itinere Hierosolimitano et de statu ejus et aliis mirabilibus, quae in mari conspiciuntur videlicet Mediterraneo". Самую первую печать сего путешествія (экземпляръ хорошъ), которая очень рѣдко находится въ самыхъ большихъ библіотекахъ (какъ напр. въ Дрезденской есть только второе изданіе), могъ бы я пріобрѣсти. Есть ли оно въ Вашемъ собраніи, то прошу покорнѣйше сообщить объ этомъ Сергію Александровичу, который тоже собираетъ путешествія. Мнѣ предо всѣмъ нужно Обозрѣніе русской литературы, чтобъ имѣть руководство для моихъ слушателей. Исторія древней русской литературы Максимовича и Чтенія о древней русской словесности Шевырева есть, но о новой ничего. Греча, который тоже есть, нельзя новымъ считать. Впрочемъ я далъ мои *Desiderata* упомянутому Сергію Александровичу Соболевскому, но ничего дождаться нельзя, и особенно пылаю желаніемъ про первый томъ (2-й и 3-й есть у меня) Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей, ибо толкую моимъ слушателямъ Нестора и я принужденъ по неволѣ переписывать его Кирилловскими буквами изъ нѣмецкаго изданія Людвика Шлецеръ.

У меня еще одна просьба: Вы изволили ко мнѣ писать, что къ Вамъ послали рукопись (какъ мнѣ кажется, Супрасльскую), и я очень любопытенъ узнать ея дальшую судьбу.

Прошу покорнѣйше принять милостиво прилагаемую при семъ Далимилову лѣтопись и не забывать преданнѣйшаго Вамъ душевно Вячеслава Ганку.

Прага,
11/23 Сентября 1850 года.

20.

Не взыщите съ меня, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичь, что я за множествомъ дѣлъ запоздалъ Вамъ отвѣчать; сверхъ того, это произошло по той причинѣ, что я все дожидался, не зайдетъ ли Вашъ соотечественникъ, чтобъ чрезъ него удобнѣе переслать Вамъ I-ый томъ Русск. Лѣтопис., части подробной карты и 30 flor. Conv. M. за обязательное доставленіе книги Префата изъ Вълканова. Все это теперь Вамъ придетъ другимъ путемъ.

Если Гарантъ не очень дорогъ, то я бы охотно его пріобрѣлъ. Буду Вамъ подробнѣе писать при посылкѣ книги, а теперь пишу за недосугомъ наскоро, прося принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи Вашего А. Норова.

21 Ноября 1850 г.

21.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Сколько каталоговъ авкціональныхъ я прочиталъ, а до сихъ поръ ни одной Вами назначенныхъ книгъ не нашелъ! То самое несчастіе и съ книгами, которыя у меня графъ Соболевскій записалъ.

De terra sancta Ludolphi rectoris parochialis ecclesiae in Suchen Вы, безъ сомнѣнія, ужъ получили черезъ его Превосходительство Ромуальда Михаиловича Губе. Есть у меня хорошъ экземпляръ Putowání Christofa Haranta do zemi swaté, do Egypta, Arabie etc. w Praze 1666, два тома in 4°. Угодно ли Вамъ, то случайно пошлю къ Вашему Высокопревосходительству, стоитъ 30 гульдиновъ.

В. Ганка.

(Съ черновика).

22.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Письмо ваше съ 21 ноября прошедшаго года я имѣлъ удовольствіе получить и дожидался обѣщаннаго, подробнѣйшаго при посылкѣ книгъ, чтобъ отвѣчать, но къ сожалѣнію не дождался еще. Изъ сего предварительнаго письма довѣдываюсь, что къ вамъ не дошло мое письмо, въ которомъ я увѣдомляю, что здѣсь нельзя получить описаніе Святой земли перваго печатанія подъ заглавіемъ: „*Ludolphus, rector parochialis ecclesiae in Suchen, De terra sancta et itinere Hierosolymitano et de statu ejus et aliis mirabilibus, quae in mari conspiciuntur videlicet Mediterraneo*". Это изданіе очень рѣдко, въ аукціонѣ по Malborought 1819 заплачено 10 pounds и 15 sh. Есть ли въ Вашемъ собраніи путешествій о Св. землѣ, то прошу покорнѣйше сообщить объ этомъ Сергію Александровичу Соболевскому, который тоже подобныя рѣдкости собираетъ. Гарантъ уже въ моихъ рукахъ, я заплатилъ за него 25 гульденовъ серебромъ.

Поздравляя Васъ Новымъ годомъ и пожелавъ Вамъ всѣхъ благъ при совершенномъ здравіи, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію Вашимъ, М. Г., покорный слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага,
11/23 января 1851 г.

23.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ,

Не могу понять неисправности моихъ коммисіонеровъ въ доставленіи Вамъ моихъ посылокъ. Я надѣюсь, что по крайней

мѣрѣ Вы получили посланныя чрезъ Министерство Иностранныхъ дѣлъ: I-й томъ Русскихъ Лѣтописей и недостающія карты Россіи. Вмѣстѣ съ симъ въ избѣжаніе дальнѣйшихъ медленностей прилагаю при семъ ассигновку на полученіе отъ Вашего банкира Лемеля 38 флор. и 28 кр., хотя я Вамъ долженъ за книгу Префата Волдриха 30 фл., но лишніе 8 флор. пойдутъ въ счетъ будущей покупки.

Между тѣмъ примите мою сердечную признательность за Ваши обязательные хлопоты по моимъ книжнымъ дѣламъ, вполнѣ чувствую и цѣню Ваше ко мнѣ благорасположеніе.

Что касается до *Ludolph in Suchen*, то съ благодарностью приму за 25 гульденовъ, обозначенныхъ въ письмѣ Вашемъ, и съ первымъ извѣщеніемъ вышлю слѣдуемыя деньги, и еслибъ можно было найти у Васъ въ Прагѣ слѣдующія недостающія для моей библіотеки сочиненія:

1. Itinerarium B. Antonini Martyris. 1640, in 4°.
2. Adamnanus, de Locis Sanctis Libri III. Ingolstadt, 1619.
3. Jacobi Pantaleonis Liber de terra Sancta.
4. Voyage van Ioos van Ghistele. Ghend. 1557, 4°, по-голландски.
5. Bern. Amico. Trattato delle Piante e Imagine de Sacri Edifizi etc. Roma, 1609, f., или Fiorenza, 1620, f.
6. P.e d'Aveyro. Itinerario da Terra Santa. Lisboa. 1593. 4°.
7. Don Aquilante Rochetta. Peregrinatione. Palermo. 1630. 4°.
8. Willi Lithgow. Disc. of a Peregrination. Lond. 1632 или 1646 in 4°.
9. George Sandys travails. Lond. 1615. in fol., или 1621 и 1658.
10. Henry Timberlake. A true and strange discours of the travels etc. 1616. London,

то я бы за одинъ разъ выслалъ вамъ, мой добрѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, побольше денегъ. Еще одна просьба, мнѣ весьма нужны сочиненія: *Jordani Bruni Nolani* слѣдующія, они всѣ очень рѣдки:

1. Jordani Bruni Nolani. La Cena del le Ceneri. Stamp. nel anno 1580, Parigi, p. in 8°.
2. „ De compendiosa architectura et complemento artis Lullii. Parisiis, 1582, in 12.
3. „ Cantus Circæus. Parisiis. 1583, pet. in 8°.
4. „ Spaccio della bestia trionfante. Parigi. 1584, p. in 8°.
5. „ Del' infinito universo e mondi. Venezia. 1584, p. in 8°.
6. „ Del la causa principio ed uno. Venezia. 1584, in 12.

7.	Jordani Bruni Nolani.	Cabala del cavallo Pegaseo. Parigi. 1585, p. in 8°.
8.	„	Degli heroici furori. Parigi. 1585, in 12.
9.	„	De progressu et lampade. 1587.
10.	„	De specierum scrutinio et lauripode combinat. R. Lullii. Pragae, excud. Georg. Nigrinus. 1588, p. in 8°.
11.	„	Acrotismus seu rationes articulor. phisicor. Wittenbergae. 1588, p. 8°.
12.	„	Jord. Bruni Nolani de Imaginum signorum et idearum composit. Francof. Wechel. 1591, p. in 8°.
13.	„	Summa terminorum metaphysicorum. Tiguri. 1595, in fol.
14.	„	Explicatio triginta sigillorum (et ars reminiscendi). Lond. 1583.
15.	„	Figuratio aristotelici auditus phys. 1586. Paris.
16.	„	Oratio valedictoria. 1588. Wittenb.
17.	„	Oratio consolatoria. 1589. Helmstæd.

Великимъ сочту для себя одолженіемъ, если Вы по дружбѣ Вашей ко мнѣ найдете случай собрать всѣ эти прописанныя сочиненія Брунуса; одно изъ нихъ № 10 напечатано въ Прагѣ. Ваши сношенія въ Германіи велики, и любезность Ваша къ намъ не меньше, а Васъ прошу поручить мнѣ ваши дѣла здѣсь. Примите увѣреніе сердечнаго уваженія и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги. А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
10 Марта 1851 года.

24.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Г. Klimeš, въ надеждѣ, что будетъ у меня скорѣе способность послать къ Вамъ экземпляръ его перевода Putování po svaté zemi, просилъ меня, чтобъ я это отправилъ, пользуясь проѣздомъ Его Превосходительства Ивана Давидовича Делянова [1]). Исполняю такъ честное для меня порученіе, прибавляя къ сему

[1]) И. Д. Деляновъ расписался въ альбомѣ Ганки 13/25 августа 1851 г.: „Радуюсь, что исполнилось давнишнее желаніе сердца моего: узрѣть великаго дѣлателя на поприщѣ славянской народности, Вячеслава Вячеславича Ганку, и прошу его дозволить и мнѣ, въ числѣ другихъ соотечественниковъ моихъ, изъявить ему глубокое уваженіе къ его незабвеннымъ заслугамъ и душевную благодарность за радушный пріемъ".

покорнѣйшую просьбу Г-на Климша, чтобъ изволили къ нему послать Путешествіе къ семи церквамъ. Инкунабуль Путешествія въ Святую землю Людольфа де Сухенъ я отдалъ подъ Вашей адрессой Ромуальду Михаиловичу Губе съ нѣкоторыми другими безделицами. Я радовался читать въ письмѣ Измаила Ивановича Срезневскаго, что Вы здоровы. И я слава Богу здоровъ: работы довольно, досуги посвящены славянской филологіи, тѣмъ отдыхаю и укрѣпляюсь. В. Ганка.

(Съ черновика).

25.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

Сердечно радуюсь всегда, когда читаю Ваши письма и когда имѣю добрыя извѣстія о Васъ отъ тѣхъ, которые Васъ лично видѣли. Дождемся ли мы когда Васъ въ Петербургѣ, чтобы угостить Васъ у насъ за всю любовь Вашу къ нашей родной Россіи? Иванъ Давидовичь Деляновъ вручилъ мнѣ экземпляръ прекраснаго перевода Г. Климеша моей книги. Первый экземпляръ, посланный самимъ Г-мъ Климешемъ при его письмѣ, я уже получилъ тому два мѣсяца назадъ и отвѣчалъ ему при усерднѣйшей моей благодарности за сдѣланную мнѣ честь и за утѣшеніе видѣть мой трудъ въ рукахъ драгоцѣнныхъ моему сердцу Словянъ. Получилъ ли онъ мой отвѣтъ? Пользуясь Вашимъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ, препровождаю путемъ почты экземпляръ моего Путеш. къ VII. Церквамъ и Путеш. по Египту и Нубіи, служащихъ дополненіемъ къ Путеш. по Святой Землѣ, прося покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь, доставить оные достопочтенному отцу Климешу, вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Васъ сообщить мнѣ, какъ зовутъ по отцу Г-на Филиппа Климеша, ибо мы Русскіе всегда называемъ тѣхъ, къ кому пишемъ, по отчеству. Инкунабулъ Людольфа де Суденъ я еще не получалъ.

Много обяжете извѣщеніями о библіографическихъ рѣдкостяхъ, кои будутъ у Васъ подъ рукою. Есть ли надежда имѣть кое что изъ сочиненій *Bruno Nolano*, о которыхъ я Вамъ послалъ записку, я ихъ приму даже не смотря на расходы *почтовые*, если пришлете по почтѣ, потому что его книжки небольшія.

Нельзя ли имѣть каталоги Вашихъ антикварныхъ книгопродавцевъ для доставленія при случаѣ? А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
2-го Ноября 1851 г.

26.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Примите, Милостивый Государь, мою искреннѣйшую признательность за обязательное доставленіе глубоколюбопытнаго изданія Вашего, Остромирова Евангелія, важнаго по Вашимъ критическимъ замѣчаніямъ.

Чешская библіографія также меня очень заняла, этотъ предметъ для насъ совершенно новый.

Благодарю усерднѣйше за благосклонное обѣщаніе пособить мнѣ въ моихъ библіографическихъ изысканіяхъ.

Вѣрьте чувствамъ искренняго уваженія и пр.

А. Норовъ.

25 февр. 1853 г. Помѣта Ганки: „Отвѣтъ 10/22 марта".

27.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Извините меня милостиво, что я послалъ къ Вамъ экземпляръ моего изданія Остромирова Евангелія, не препровождая его своимъ письмомъ. Я не хотѣлъ утруждать Вашего Высокопревосходительства, не имѣя ничего важнѣйшаго.

Сегодня я тоже пишу Ромуальду Михайловичу Губе съ вопросомъ, не лежитъ ли у него до сихъ поръ инкунабель *Ludolphi, rectoris parochialis ecclesiae in Suchen, Descriptio terrae Sanctae?* ибо по послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы ея еще не получили. Мнѣ очень жаль, что я не могу послужить Вамъ въ отношеніи записанныхъ Вами древнихъ книгъ, хотя жь я не пропускаю никакого антикварскаго и аукціональнаго каталога безъ строгаго пересмотренія.

Податель письма моего г. архитектъ Шимунекъ Вашему Высокопревосходительству уже знакомъ. Онъ поѣдетъ посмотрѣть на матушку бѣлокаменную и воротясь черезъ двѣ или три недѣли поѣдетъ съ шуриномъ своимъ генераломъ Гофманномъ назадъ въ Прагу. Онъ можетъ Вамъ сказать, что у насъ новаго, и чѣмъ мы занимаемся здѣсь.

Желая Вамъ постояннаго здоровья, прошу покорнѣйше сохранить ко мнѣ навсегда Ваше дружеское, лестное для меня расположеніе, имѣю честь быть съ отличнымъ искреннѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

Прага,
10/22 Марта 1853 г.

28.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить вдругъ два письма Ваши: одно, писанное два года тому назадъ чрезъ Г. Губе, а другое прямо на мое имя отъ 1/14 Іюля. При письмѣ, посланномъ Вами чрезъ Г. Губе, я получилъ также любопытную Латинскую реляцію Лудольфа о путешествіи его въ Св. Землю, за которую усерднѣйше благодарю и прошу вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить, что я долженъ Вамъ заплатить. Путешествіе Христоф. Гаранта я еще не получилъ, вѣроятно, отъ того, что Г. Срезневскій отлучился на нѣсколько дней изъ города. Впредь, усерднѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, посылки съ книгами посылать прямо ко мнѣ, а не поручать проѣзжающимъ. Вы видѣли, какъ я долго хлопоталъ въ первый разъ за Бонифація, а теперь, какъ былъ исправенъ Г. Губе, я и не подозрѣвалъ ни письма Вашего, ни книги.

Нумера журнала Živy будутъ разосланы въ наши Университеты. Спасибо Вамъ, что Вы награждаете насъ своими учеными трудами.

Хотѣли бы мы угостить Васъ у насъ, но я теряю надежду, чтобъ Вы рѣшились посѣтить насъ, хотя сообщенія теперь и легки и дешевы. А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
30 Іюля 1853.

29.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

Присланныя при письмахъ Вашихъ изъ Праги, отъ 8/20 Октября и 4/16 Декабря минувшаго года, книги всѣ получены и разосланы по назначенію.

Изъ числа экземпляровъ книги „Православная божественная служба“ я имѣлъ счастіе поднести одинъ, согласно съ Вашимъ желаніемъ, Государю Наслѣднику Цесаревичу. Его Императорское Высочество, принявъ книгу благосклонно, соизволилъ мнѣ поручить благодарить Васъ отъ Его Имени.

Исполняя симъ волю Государя Наслѣдника Цесаревича, не излишнимъ считаю присовокупить, что я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы недостающіе въ Чешскомъ Музеѣ экземпляры Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ 1848 по 1853 годъ включительно, были къ Вамъ доставлены, и чтобы этотъ жур-

налъ за наступившій 1854 годъ былъ высылаемъ на имя Чешскаго Музея по мѣрѣ выхода книжекъ его.

Не могу также не принести Вамъ, Милостивый Государь, искренней благодарности за обязательное сообщеніе мнѣ нѣкоторыхъ книгъ, поименованныхъ въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ.

А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
26 Января / 7 Февраля 1854 года.
№ 144.

30.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь!

Присланныя при письмѣ Вашемъ, отъ 10/22 минувшаго Мая, журналы, книги, брошюры и медали всѣ получены и разосланы по назначенію. За поздравленіе меня съ званіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и за доставленные Вами для моей Библіотеки первый томъ новонапечатаннаго путешествія въ Святую землю и въ Египетъ Христофора Гаранта съ Полжицъ и нѣсколько брошюръ, я вмѣняю себѣ въ обязанность принести Вамъ усерднѣйшую мою благодарность.

А. Норовъ.

С.-Петербургъ,
20 Іюля 1854 года.
№ 1483.

31.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Препровождая къ Вамъ дополненіе журналовъ „Живы“ и „Часописи Чешскаго Музея“ за 1855 годъ, поздравляю Васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ и желаю Вашему Высокопревосходительству какъ на этотъ праздникъ, такъ на всю Вашу жизнь постояннаго здоровья и благополучія. Господь да ниспошлетъ Вамъ жизнь и здравія на многія, многія лѣта, и да дастъ Вамъ блага свыше на пользу, честь и славу великаго, нынѣ же оскорбленнаго народа славянскаго.

Война правда несчастіе и препятствіе распространенію наукъ, но я съ полнымъ упованіемъ на Бога жду счастливаго конца ея не токмо для Россіи, но и для всего Славянства.

Препоручаясь милостивой памяти, имѣю честь быть навсегда нижайшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага,
22 Дек. / 3 Янв. 1855—56 г.

32.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Въ газетахъ отъ 7 іюнья нов. ст. такъ, какъ во всѣхъ раньшихъ данныхъ, напечатано только слѣдующее:

Zwischen Liverpool und Triest.

Abreise von Liverpool nach Triest am 5, 15 und 25 jedes Monats mit Berührung von Gibraltar, Palermo, Messina, Corfu und Ancona.

Abreise von Triest nach Liverpool dreimal monatlich mit Berührung von Corfu und Gibraltar.

Изъ Ливерпуля напечатаны дни, но они намъ не нужны, а изъ Трієста только трижды въ мѣсяцъ и ничего болѣе.

Въ надеждѣ, что Вы благополучно возвратились изъ Праги въ Теплицъ, препоручусь милостивой памяти до извѣстнаго свиданія. Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага,
27 Мая / 8 Іюня 1857 г.

33.

Усерднѣйше благодарю Васъ, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичь, за доставленіе объявленія о Тріестскихъ пароходахъ, при семъ возвращаемаго; оно вполнѣ удовлетворяетъ то, что я желалъ знать. День, проведенный мною съ Вами въ Прагѣ, оставилъ во мнѣ самое отрадное воспоминаніе. Надѣюсь въ скоромъ времени повторить мою поѣздку. Завтра ѣду на недѣлю въ Дрезденъ и окрестности. Жена моя поручаетъ мнѣ выразить Вамъ свою благодарность за двѣ Ваши прекрасныя книжки, съ которыми старается ознакомиться,—но всего болѣе желаетъ видѣть самаго автора. Будьте здоровы.

А. Норовъ.

Теплицъ,
1/13 Іюня 1857.

34.

М. Г, Вячеславъ Вячеславовичь!

Послѣ многихъ поѣздокъ, я опять у Васъ въ Богеміи, но только на другой оконечности, въ Франценсбадѣ, гдѣ ожидаю окончанія леченія моей жены. Я нашелъ Ваши два призыва въ Прагу,—вѣрьте, что и сердце мое зоветъ меня къ Вамъ, но те-

ряю надежду выполнить этотъ призывъ,—даже и сюда достаютъ до меня дѣла, и я много кое чего долженъ здѣсь кончить до возврата моего на родину—и развѣ, уже совсѣмъ передъ отъѣздомъ, ѣхавши на Варшаву, поверну къ Вамъ; это будетъ зависѣть отъ того, какъ будетъ чувствовать себя жена послѣ леченія,—и она желаетъ очень познакомиться съ Вами.

Итакъ, не взыщите за долгое молчаніе и вѣрьте чувствамъ истинной преданности и уваженія и пр. А. Норовъ.

Франценсбадъ,
10 Августа н. с. 1857.

35.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Получивъ письмо Ваше, я радуюсь, что Вы благополучно здоровы воротились опять въ предѣлы моего отечества, что изволили въ письмѣ оживить надежду увидѣть еще Ваше Высокопревосходительство передъ отъѣздомъ въ Россію. Не зная, какъ приманить Васъ къ намъ, осмѣливаюсь приложить для милостивѣйшей государыни супруги Вашей: 1) pohled na Prahu z Petřína; 2) двѣ древнѣйшія наши пѣсни; 3) три фотографіи и 4) трое программъ нашихъ училищъ для Вашего Высокопревосходительства; и какъ я узналъ отъ профессора Стасюлевича, что къ Вамъ пріѣхалъ г. Кисловскій, то я подумалъ: вотъ въ Франценсбадѣ канцелярія Министерства Народнаго Просвѣщенія и потому приложилъ къ сему еще обыкновенное число нашего журнала „Живы" для императорскихъ русскихъ университетовъ. Узналъ я тоже изъ Московскаго повременнаго изданія Молвы, что при Московскомъ университетѣ издается журналъ по части естественныхъ наукъ, и осмѣливаюсь покорнѣйше просить о такой для нашего общества при музеѣ по той же части.

Поручая всего себя Вашему милостивѣйшему расположенію и всегдашнему памятованію и вездѣ вашимъ преданнѣйшимъ оставаясь почитателемъ, имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства, М. Г., покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага,
3/15 Августа 1857 года.

Нѣгошъ Петръ Петровичъ.

Поштеный Господине!

Хвала Вамъ на Вашемъ изящномъ умотвору, кои сте ми послали. Драго ми є свагда име Ваше было, па ми є и даръ одъ Васъ драгъ, а особено оваковый даръ. Мало Славяна пишу, а млоги су почели пискарати; да смо силни морално, како смо физически, нигдѣ се мрачнога облака на нашемъ поднебію не бы могло видѣти, али... Я се никадъ домыслити и начудити не могу, одъ кудъ Славянима ово сяйно име, коимъ се называю, ако нієсу они сами оно име, коимъ су познати у свіету, претворили, т. е. одъ *schiavi* прозвали се *Слави* или *Славени*[1]).

Я самъ болестанъ и поскитао самь се по свіету здравля ради, а да самь здравіи и кодъ куће быхъ Вамъ се ситанъ натужіо на мою залудню и слієпу браћу Славяне. Господину Доктору Фанти[2]) одъ моє стране сердечно благодарите за нѣговъ успоменъ.

Будите здрави и весели Г. Ганка, а такъ исто и прилѣжни за ползу рода на Вашемъ славномъ поприщу и изволите ме сохранити у число Вашихъ найискреніи почитателя.

П. П. Нѣгошъ,
Владыка Црногорскій.

Трієстъ,
21 Юлія 1851.

Обреновичъ Милошъ.

1.

Высокоблагородный, любезный и почитаемый Господине!

Съ предрагимъ писмомъ Вашимъ отъ 4. тек. я самь пріиміо присланне ми кньижице „Časopis Českého Museum. Sedmnáctý Ročník. Swazek prwní", потомъ „Malá Encyklopedie Nauk. Díl II" и вашъ „Rukopis Kralodvorský, Vydánie čtvrté", као и раніе посредствомъ высокославне Ц. К. тайне Домовне, Дворне и Державне Канцелларіе Декретъ Сл. Матице Чесске, коимь самъ удостоенъ Членомъ истогъ уважаемогъ дружства. Радуюћи се

[1]) См. Глас Црногорца, 1899, № 38. Взглядъ Владыки на современное ему состояніе славянства см. у Л. Томановића („Петар II Петровић Његош као Владалац", Цетиње, 1898), глава V: „Велика мисо Петра II четрдесет и осме године".

[2]) Дръ Фанта Каспаръ († 1855), извѣстный чешскій хирургъ.

тако извѣстному успѣху словесности Чесске, као членъ Славенскогъ племена, желимъ отъ свега сердца, да и наши народи у просвѣщенію, овомъ найветьемъ благу човѣческомъ, преуспѣваю, къ достиженію истинне сретье, кою човѣкъ на свѣту получити може: а Вама, ученнѣйшій Господине, као найревиостніем' рачителю просвѣщенія, благодаримъ и на великомъ труду у цѣломъ дѣлу вашемъ, као и на усердномъ пріему вашемъ, когъ сте ме лане у Прагу заедно са славнымъ нашимъ Госп. Шафарикомъ удостоити изволили, и на присланію реченны' производа' Чесске литтературе. Моя тье превелика радость быти, свагда о сретьніемъ успѣху трудова ваши' добре гласе получавати, као и о томъ, да сте намъ добро здрави.

У осталомъ сердечно Васъ купно съ Г. Шафарикомъ поздравляютьи, съ чувствомъ отличногъ почитанія и совершенне преданности есамь Вашъ искреннѣйшій

Князь Милошъ Обреновичь.

По заповѣсти княж. Іаковъ Живановичь, діректоръ добара княж.

У Бечу,
15. Марта 1845.

2.

Благородни Господине!

Ваше мени любезно писмо за једно са преключенимъ књигама пріймио самъ. Радуемсе Вашимъ добримъ здравлю и благодаримъ Вама сердечно на послатимъ спомену. Надамъ се ако Богда здравлѣ Васъ, мон прелюбезни Родолюбци и прави Слави, торжествени данъ 31-го Маія изъ међу Васъ быти и ти данова у веселю провести. Я се благодаренію Богу у добримъ здравлю налазимъ, поздравляюћи Васъ любезно, такоћеръ молимъ поздравите одъ мое стране и Господина Паласка (sic) и остаемъ Вамъ насвагда благонаклоньи Князъ Милошъ Обреновићъ.

По заповести Нѣгове Светлости Константинъ Хаджичъ(?).

У Бечу,
12/30 Маія 1848.

Общество, Русское Географическое.

РУССКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

№ 707.

Ce 11/23 Avril 1847.

Monsieur,

La Société Russe de géographie, désirant Vous donner un témoignage public du haut prix, qu'elle attache à Vos utiles travaux, Vous a nommé, dans sa séance du 9/21 Avril 1847, son Membre-Corréspondant.

En Vous transmettant ci joint le diplôme, qui constate Votre nomination, je Vous prie d'agréer l'expression de ma haute considération. (Подписано:) M. Moussine-Pouchkine,
Vice-Président.

à M. de Hanka.

Графъ Г. Олизаръ.

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Hrabia Sternberg, którego list przyłączam tu, zapewniał mnie o grzeczności WMPana dla wszystkich cudzoziemców, a szczególnie dla tych, którzy i pochodzą z ziemi słowiańskiéj i lubią słowiańską literaturę. W tem przekonaniu udaję się do Niego s prozbą, abyś mi przysłał kopią drukowaną sławnych Poezyi Czeskich 11-go i 12-go wieku, znajdujących się w rękopiśmie w Pragskiej bibliotece; albo, żebyś raczył kazać mi one przepisać, jeśli byś WMPan Dobr. już nie miał u siebie drukowanego exemplarza. Z największą wdzięcznością wrócę mu koszt, łożony czy to na drukowaną książkę, czyli na przepisywanie, a chciałbym zawieść na dawną Swiatopełków ziemię odwieczne braci naszych spiéwy.

Nie wątpiąc, że WMPan zadosyć uczynisz prozbie mojej, smiało przesyłam mu adress mój do Drezdna, gdzie przyjadę niezawodnie w ostatnich dniach Sierpnia (August), lecz dla większéj pewności upraszam Go, abyś raczył mi przysłać rzeczoną książkę lub rękopism pod kopertą de Son Excellence Mr. de Błeszyński, Général aide de camp de S. M. le Roi de Saxe, który mi pismo

WMPana wręczy. Korzystam s téj sposobności w wynurzeniu mu uczuć wysokiego szacunku, z jakim mam honor zostawać etc.

Gustaw Hrabia Olizar.

Marienbad,
d. 31-go Lipca 1822 roku.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

List WMPana i przyłączone do niego xiążki miałem dopiéro honor odebrać tutaj w kraju, co przyczyną, żem się tak spóźnił z odpowiedzią. Wyrazów dostatecznych znaleść nie mogę na wyświadczenie mu wdzięczności za tak uprzéjme i prędkie spełnienie prozby mojéj i na tém tylko cierpię, że z mojej strony nie mogę z rowną skwapliwością odpowiedzieć Jego żądaniom.

W mieście, w którém jako urzędnik ciągle przebywam, niema xięgarni, niema biblioteki. Dziwna jest, że gród Olgów, Igorów, Swiatopełków tak najmniéjszego śladu nie zostawił swojej dawnéj wielkości, dawnego przepychu! Niema nawet żadnego dzieła w Kijowie, Kijów opisującego. Brak taki xiążek każe mi się wprzód udać do WMPana z zapytaniem, w jakim rodzaju xiążek polskich chciałbyś mieć dzieła? Czy historyczne, czy filozoficzne, czy poezyią etc., i czyli z samych najnowszych, czyli te, które częścią za panowania Stanisława Augusta, częścią po upadku już Polski wyszły? Za odebraniem takiego od WMPana zawiadomienia nie uchybię znaleść sposobność zadosyć uczynienia chęciom Jego, a teraz wyraziwszy mu raz jeszcze wdzięczność za przysłanie nie tylko Kralodworskiego rukopisma, ale i swoje poezye, upewnić Go jeszcze mocniej żądam o tém prawdziwym i wysokim szacunku, z jakim mam honor zostawać etc.

Gustaw hr. Olizar.

Kijów,
d. 19 Października 1822 roku st. st.

К. Павловъ.

Vaše Blahorodí!

S velkou radostí jsem dostal knihu: „Начала священнаго языка славянъ", na čem vam uctivě děkuji.

Pán, který vam předa to psaní, jest Bulhar ze Svištova v Bulharsku, a jest student Kijevske univerzity. On ma za učel pokračovat študovaní slovanske filologie na univerzitě v Praze. Meno jeho jest: Theodosij Ikonomov.

Ja uctivě prosim, račte míti dobrotu seznamit jeho s chodem studovaní filologickeho oboru Pražske univerzity. Ja vam za to zustanu velmi povděčen, a Bulharský narod vam to nezapomene.

Noveho, co se naše literatury tyče, dozvite se od Pána Ikonomova.

Ja hodlam dřiv, nežli pojedu otsud', navštivit ještě jednou Prahu, a to bude snad okolo měsice července.

Vaš s uctou Konst. Pavlov.

Vídeň,
26 března 1859.

В. А. Пановъ[1]).

1.

Любезнѣйшій Владиславъ Владиславовичь (sic)!

Я долго Вамъ не писалъ и ничѣмъ не отзывался и я думаю — Вы обо мнѣ заключили, что я пропалъ для Васъ и для Славянства, и сами обо мнѣ позабыли. Да, я мало дѣлалъ; надобно повиниться въ лѣности, а вмѣстѣ съ нею, разумѣется, и жизни и участія меньше. Наконецъ я написалъ небольшой отрывокъ изъ своего путешествія. Онъ печатается въ Истор. Сборникѣ Валуева и будетъ совсѣмъ готовъ чрезъ нѣсколько дней; отдѣльные экземпляры будутъ продаваться въ пользу нѣкоторыхъ православныхъ церквей въ Далмаціи и Герцеговинѣ. Этотъ первый отрывокъ заключаетъ описаніе Которскаго округа въ Далмаціи. Продолженіе выдетъ осенью; въ немъ будутъ остальныя части Далмаціи и путешествіе по Герцеговинѣ съ краткимъ очеркомъ исторіи Сербовъ и вообще Южныхъ Славянъ. Я хотѣлъ бы такимъ образомъ выдать постепенно все путешествіе свое по землямъ Южныхъ и Западныхъ Славянъ и ко всякой странѣ присоединять краткій обзоръ ея исторической судьбы. Но свѣдѣнія мои для этого будутъ недостаточны, и я не знаю вездѣ источниковъ, откуда бы могъ ихъ почерпнуть. Надѣюсь,

[1]) Василій Алексѣевичъ Пановъ (р. 1819, † 1849), писатель-славянофилъ, другъ Гоголя, сопровождавшій его во второмъ путешествіи за границу; путешествовалъ по славянскимъ землямъ въ 1842 г. (по Далмаціи, Черной Горѣ и Герцеговинѣ) и въ 1844 г.; написалъ по возвращеніи въ Москву очеркъ: „Путешествіе по землямъ западныхъ и южныхъ славянъ. I. Которскій округъ въ Далмаціи"; въ 1846—1847 г. издалъ два тома „Московскаго Сборника"; написалъ рядъ статей о славянахъ въ „Библіотекѣ для воспитанія" Д. А. Валуева.

что Вы не откажетесь мнѣ въ этомъ пособить. Попросите Шафарика, Палацкаго, чтобы они указали мнѣ на какія нибудь книги, которыя бы могли дать краткое, но ясное понятіе, разумѣется въ духѣ Славянскомъ, объ исторіи Словенцевъ въ Штиріи, Корутаніи и Крайнѣ, Словаковъ въ Венгріи и Сербовъ въ Лузаціи. Скажите, что дѣлается у Васъ? Здѣсь изъ замѣчательныхъ явленій была диссертація Самарина о двухъ проповѣдникахъ Стеф. Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Въ ней сильно высказано чувство Православное. Недѣлю тому назадъ былъ диспутъ, на которомъ онъ защищалъ ее превосходно. Потомъ—одна статья Хомякова, напечатанная въ Москвитянинѣ въ № 5 нынѣшняго года, по поводу оперы Глинки: Жизнь за Царя. Въ этой статьѣ чудесно выражено понятіе объ общинѣ Славянской. Въ Историческомъ Сборникѣ, который издаетъ Валуевъ, много уже напечатано статей превосходныхъ; самая лучшая—есть введеніе Хомякова; но когда онъ выдетъ, еще неизвѣстно. Отъ Библіотеки для воспитанія дѣтей, въ изданіи которой будутъ участвовать тоже многіе профессора, и которая будетъ выходить съ 1-го Генваря, должно ожидать тоже много хорошаго. Собирается подписка для журнала въ Лужицахъ.

Я думаю, Вы уже слышали о несчастіи, которое случилось съ Погодинымъ мѣсяцъ тому назадъ. Онъ упалъ съ дрожекъ, и еще не рѣшено, не переломилъ ли онъ себѣ ноги. Еще пять недѣль велѣно ему лежать неподвижно. Но теперь ему лучше, и есть надежда, что онъ выздоровѣлъ совершенно.

Я хотѣлъ Вамъ послать деньги для Матицы Ческой. Но Валуевъ мнѣ сказалъ, что онъ оставилъ у Васъ денегъ, и просилъ меня Вамъ написать, чтобы Вы за меня внесли ихъ въ Матицу за Časopis. Я заплатилъ только за два года, осталось еще за три. Пока внесите за два Валуевскіе 20 гульд. сер., если Вы ихъ не употребили еще на другое; а я ихъ отдамъ ему здѣсь. Прощайте, почтеннѣйшій Владиславъ Владиславовичъ! Засвидѣтельствуйте мое искреннее уваженіе и любовь Шафарику, Палацкому, Юнгману и всѣмъ, кто меня помнитъ еще въ Прагѣ. Отъ всей души желаю Вамъ быть здоровымъ. Крѣпко Васъ обнимаю. Весь навсегда и вполнѣ Вашъ В. Пановъ.

Нельзя ли Вамъ найти какое нибудь средство пересылать сюда Časopis Č. M. для подписавшихся на имя книгопродавца Дебнера? Онъ имѣетъ большія сношенія съ Лейпцигомъ. Мы здѣсь съ удовольствіемъ платили бы все, что будетъ стоить пересылка.

Напишите мнѣ пожалуста и дайте о себѣ подробное извѣ-

стіе и обо всемъ, что дѣлается у Васъ въ литературномъ отношеніи.

Адресъ мой: Василью Алексѣевичу Панову въ Москвѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, въ приходѣ Успѣнія, въ Печатникахъ, въ домѣ Тихомировой.

Москва,
11-ое Іюня 1844 г.

2.

Дражайшій Вячеславъ Вячеславовичъ!

Съ Д. А. Валуевымъ посылаю Вамъ 20 гульденовъ серебромъ. Сдѣлайте одолженіе, отдайте ихъ за меня въ Матицу Ческую,—кажется, я за два года еще не платилъ. Позвольте Васъ обезпокоить еще одною просьбою: не можете ли Вы при случаѣ отправить два пакета съ четырьмя книгами Москвитянина: одинъ къ Владыкѣ Черногорскому, другой въ Дубровникъ (Рагузу) на имя Отца Георгія Николаевича. Удобнѣе можете Вы ихъ отослать въ Тріэстъ къ негоціанту Ивану Скулевичу, моему корреспонденту, который ихъ и доставитъ по адрессу. Скажите пожалуста, получили ли Вы книги,—всѣ сочиненія Черткова,—которыя я къ Вамъ отправилъ отсюда еще въ Маѣ мѣсяцѣ. Всего послалъ я 18 пакетовъ, въ каждомъ по 10 книгъ,—5 въ Прагу (для Васъ, Шафарика, Палацкаго, Юнгмана и Музеума), 2 въ Бреславль, 2 въ Будишинъ, 2 въ Лейпцигъ, 2 въ Вѣну, въ Пештъ, 2 въ Пресбургъ, 2 въ Загребъ и пр. Все это послано (180 книгъ) franco въ Лейпцигъ на имя книгопродавца Thick.

Д. А. Валуевъ ѣдетъ на югъ Франціи,—его посылаютъ лечиться туда отъ грудной болѣзни. Одна необходимость заставляетъ его предпринять это путешествіе, которое трудно будетъ ему переносить. Всякій лишній шагъ для него теперь тяжелъ. Едвали заѣдетъ онъ въ Прагу. Если нѣтъ, то письмо мое съ деньгами и посылкою (8 книгъ Москвитянина) отправитъ онъ къ Вамъ изъ Дрездена. Свои изданія онъ самъ Вамъ также повезетъ. Я буду ихъ продолжать здѣсь безъ него и по мѣрѣ выходу и при случаѣ буду Вамъ ихъ высылать, т. е. Библ. для воспитанія, Симбирскій и Историческій Сборники. Кромѣ того, я самъ началъ изданіе новаго Московскаго Литературнаго и Ученаго Сборника. Работаю тоже надъ диссертаціей для полученія степени Магистра. Такимъ образомъ Вы видите, что я по силамъ и умѣнію подвизаюсь на поприщѣ книжнаго труда.

В. А. Елагинъ теперь женихъ; живетъ въ деревнѣ, гдѣ въ Генварѣ мѣсяцѣ будетъ его свадьба. Поповъ въ началѣ Октября уѣхалъ отсюда въ Питеръ, чтобъ вступить тамъ въ гражданскую службу. Но онъ не оставилъ литературнаго поприща, и въ разныхъ Московскихъ изданіяхъ Вы увидите его прекрасные труды.

Прощайте, любезнѣйшій и дорогой мой Вячеславъ Вячеславовичъ! Передайте мой усерднѣйшій поклонъ Павлу Павловичу Шафарику и всѣмъ помнящимъ меня въ Прагѣ. Отъ всей души желаю Вамъ быть здоровымъ и прошу Васъ не забывать всегда душевно Вамъ преданнаго и любящаго Васъ

В. Панова.

Скажите, какъ переслать къ Вамъ деньги, которыя я долженъ въ Матицу, кажется, за два года? Письмо это почти мѣсяцъ уже отправлено къ Вамъ съ Д. А. Валуевымъ и теперь получилъ я его обратно въ Новгородѣ, гдѣ уже не засталъ я моего друга—онъ скончался здѣсь 23-го Ноября въ 6-омъ часу утра. Горе намъ, горе намъ! Вся Россія потеряла въ немъ дѣятеля на поприщѣ добра, на поприщѣ науки: я въ немъ потерялъ единственнаго моего друга, съ которымъ съ дѣтства я былъ соединенъ. Погорюйте о насъ, о мнѣ сиротѣ, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ. А ему тамъ лучше.

Москва,
31-ое Окт. / 12-ое Нояб. 1845 г.

В. Пацель [1]).

Slavni gospodine!

Eto Vam glasa iz daleke strane, a od staroga znanca, može biti Vam već izpadoh iz misli, i to bi bila moja krivnja. Pošav iz zlatnog Praga nisam Vam se od g. 1850 nikad više ni oglasio; zato mi neprimajte moje šutanje u zlo. Ja sam sada već od njekoliko godinica profesor na ovdješnjoj c. k. gimnazii, i to za matematiku i fiziku; ali najviše radim okolo našega zanemarenoga književtva; ove dane poslao sam g. Kukuljeviću rukopis: Imena naših pisaca i njihova djela štampana, t. j. Bibliographia; on mi obeća, da će mi to djelo štampati, kako izadje, dobit ćete ga i Vi, da se uzmognete nasladjivati i Vi onim, što imamo.—Toliko

[1]) Винко Пацель, одинъ изъ дѣятелей хорватскаго возрожденія, издавалъ въ Рѣкѣ (Fiume) съ 1858 г. вмѣстѣ съ Іосифомъ Враницани основанный первоначально Боговичемъ журналъ Neven.

o meni. Ovaj list predaje Vam moj kum i dobar znanac, Eugjen Kvaternik, koga žalostno naše stanje prisililo, te se mora seliti iz svoje domovine, ali on si našao drugu u Rusiju; da mu ova bude ugodnija, nego li sama svoja, on je zaredio svu gospodu slavnu u Slavenstvu te ga put i k Vami vodi, koji imate više poznanstva u Rusiji, nego mi svi ostali pisci i književnici. Mi smo sa Rusijom u knjizi tako slabo spojeni, da ne znamo jedno za drugo, nego što nam novine donose, a to je vrlo malo; ovaj moj pobro uzeo si je za glavnu zadaću oblakšati toj posao i svaku književnu svrhu što uzmogne više, ali mu treba dobrog pratioca, a boljega mi u Austriji ne imamo, nego što ste Vi, slavni Gospodine, komu je pukao glas po svemu Slavjanstvu; ja Vam ga preporučati neću, jer bi bilo sramotno po Vas i po mene; a oboje budi daleko od mene, jer Vi i bolje znate od mene, koliko nam je šteta, što ne imamo čovjeka u Rusiji, koj bi pomogao naše književne svrhe, koj bi nas izvješćivao medjusobno o napredku književnom; a što ću Vam duljiti: mi svi Hrvati književnici uzradovali smo se, kad doznasmo njegvu odluku, i očekujemo i izgledamo od njega mnogo. A Vi, naš slavan starina književni, pomozite mu svojim izkustvom i širokim poznanstvom koliko možete, naša hvala i blagoslov Višnjega ne može Vas minuti, koj svako dobro djelo, učinjeno tužnomu našemu narodu, bilježi milom rukom.

Vi bi mene zadužio silno, da mi oznanite, je li se igdje u Rusiji uči na kojem universitetu naš jezik; ja se bojim da ne; a ako ne, ne bi li Vi mogao potaknuti i opomenuti Sreznjevskog ili koga znate, da se brine i mari za nas, pa da jedanput svrne Rusija okom i na naš jezik i njegovo književstvo; ta to je sramota silovita i po Ruse i po nas; a moglo bi se lasno to ukloniti; a znate koliko bi obim koristilo. Prije dvie godine pisao sam ja i Kurelac, koj Vas ovime liepo pozdravlja, g. Sreznjevskomu, ali i danas o tom izgledamo odgovora; učinite za Boga Vi štogodj možete, a Vam je laglje, nego je meni i Kurelcu, za slabo znane. Molim Vas takojer, ako mi izvolite odpisati, naznačite mi, je li i gdje se uči češki i poljski ili drugo koje narečje na kojem ruskom universitetu.

Pozdravljajuć Vas iskreno i sve ostale, koji za nas mare, i preporučujuć Vam još jedanput g. donosnika ovih riečij, ostajem s predubokim štovanjem i punom, iskrenom nadom Vaš na svaku službu pripravan Vinko Pacel.

Vele štovanomu Gospodinu Vačeslavu Hanka, uzkrsitelju i stupu češke književnosti, čovjeku slavnu i Slavenstvu milu, u Zlatnomu Pragu.

Rieka (Fiume),
5. studna 1857.

И. В. Платоновъ[1]).

Милостивый Государь!

Позвольте обратиться къ Вамъ письменно человѣку, не имѣющему чести лично Васъ знать, но всегда питавшему къ Вамъ искреннѣйшее почтеніе наравнѣ съ тѣми, которые имѣли счастіе съ Вами лично ознакомиться. Я товарищъ Г. Крылова, теперь Профессора Московскаго Университета, и самъ Профессоромъ въ Харьковскомъ Университетѣ. По этимъ-то товарищескимъ связямъ подписка, сдѣланная имъ въ бытность въ Прагѣ на издаваемый Г. Юнгманомъ Чешско-Нѣмецкій Словарь, была сдѣлана для меня и по моему прошенію. Не желая болѣе утруждать Г. Крылова хлопотами по полученію этого сочиненія, я прошу Васъ, Милостивый Государь, отселѣ имѣть дѣло со мною непосредственно. Посему извѣщаю Васъ теперь отъ своего лица, что изъ вышедшихъ одиннадцати тетрадей (послѣдняя изъ полученныхъ мною въ разныя времена тетрадь составляетъ Djla III Swazek druhý, начинающійся словами Platina и оканчивающійся—Popruhowý) не достаетъ у меня перваго Отдѣленія (Djl I) тетради (Swazek) второй и втораго отдѣленія (Djla II) тетради (Swazek) тоже второй. Если Вы сихъ недостающихъ у меня тетрадей не высылали къ Г. Крылову, что впрочемъ трудно предположить, то прошу ихъ препроводить ко мнѣ при вѣрной оказіи; если же выслали, то позвольте мнѣ знать, гдѣ и отъ кого я ихъ могу получить, или не можете ли сами принять какихъ нибудь мѣръ къ доставкѣ ихъ по принадлежности. Изъ препровожденныхъ ко мнѣ отъ Г. Крылова двухъ Вашихъ писемъ, въ одномъ изъ нихъ, которое писано Вами 1836 года Сент. 1/13, Вы обращаете его для полученія первой тетради втораго Отдѣленія къ Г. Капитану Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, Адъютанту Генерала Ушакова Шлегелю; но эта тетрадь находится у меня на лицо; не надобно ли искать показанныхъ въ недостачѣ тетрадей у Берлинскаго Книгопродавца Эйхлера; Вы, кажется, препровождали къ нему какія-то тетради; впрочемъ, во всемъ ожидаю Вашего опредѣлительнаго извѣстія. Извините, что при первомъ знакомствѣ я ввожу Васъ въ такія хлопоты; заблаговременная подписка, особенно на заграничныя книги, по отдаленности разстоянія всегда бываетъ сопряжена съ такими затрудненіями. Равно прошу извѣстить меня, сколько я долженъ еще доплатить денегъ къ отданнымъ при подпискѣ Г. Крыло-

---

[1]) Иванъ Васильевичъ Платоновъ (р. 1803, † 1890), юристъ, проф. и почетный членъ Харьковскаго университета.

вымъ 16-ти гульденамъ серебромъ, и наставить, какимъ образомъ могу я препроводить къ Вамъ причитающуюся остальную сумму, о чемъ я уже давно забочусь, не желая подвергнуть чести Русскаго имени какому-нибудь нареканію, потому что у насъ въ Харьковѣ банкировъ нѣтъ, а препровождать чрезъ какого-нибудь Петербургскаго банкира труда не стоитъ. Вы пишете къ Г. Крылову, чтобы онъ на счетъ слѣдующей къ доплатѣ суммы прислалъ Вамъ Этимологическій Словарь Г. Рейфа и другія какія-нибудь занимательныя книги; такъ какъ отселѣ всѣ отношенія Г. Крылова къ Вамъ по выпискѣ словаря переходятъ на меня, то могъ бы и я произвести уплату помянутыми книгами, если только Г. Крыловъ не доставилъ уже ихъ Вамъ; впрочемъ, такъ какъ я не имѣю чести быть лично съ Вами знакомымъ, то Вы хорошо бы сдѣлали, когда бы меня извѣстили, какого рода книги въ особенности Васъ интересуютъ. Я съ своей стороны могъ бы предварительно рекомендовать Вамъ, напр. Сочиненія Пушкина, нашего первокласнаго поэта, вышедшія недавно въ полномъ видѣ (если только занимаютъ Васъ стихи), или весьма достопримѣчательное сочиненіе одного Московскаго Профессора подъ названіемъ: Русскіе въ пословицахъ. Въ заключеніе, свидѣтельствуя мое нелестное и глубочайшее почтеніе къ Вашему имени, которое съ похвалою и честію произносится во всѣхъ почти нашихъ журналахъ литературнаго содержанія и въ самомъ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и прося Васъ употреблять меня для Вашихъ услугъ по учености, я постараюсь Вамъ доказать, что хотя я и не имѣю чести быть лично съ Вами знакомымъ, но тѣмъ не менѣе есмь на всегда Вашъ всепокорнѣйшій слуга Проф. Иванъ Платоновъ.

P. S. Въ залогъ моего къ Вамъ почтенія посылаю Вамъ говоренную мною въ торжественномъ собраніи Харьковскаго Университета рѣчь *О мѣрахъ къ поощренію и усовершенствованію сельскаго хозяйства въ Россіи вообще.* Вы сдѣлали бы мнѣ неоцѣненную услугу, когда бы потрудились перевести ее на Нѣмецкій языкъ и помѣстить, какъ заграничное извѣстіе, въ какомъ-нибудь Нѣмецкомъ Земледѣльческомъ Журналѣ, снабдивъ меня нѣсколькими экземплярами перевода. Я въ своей рѣчи старался изложить принимаемыя у насъ мѣры къ пользѣ сельскаго хозяйства во всей полнотѣ и въ систематической связи.

Адресъ ко мнѣ: Его Высокоблагородію Г. Ординарному Профессору Харьковскаго Университета Ивану Васильевичу Платонову въ Харьковъ.

Харьковъ,
Генв. 27 дня ст. ст. 1839 года.

М. П. Погодинъ[1]).

1.

Свидѣтельствую Вамъ, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславичъ, искреннѣйшую и усерднѣйшую мою благодарность за ваши несчетныя и премилыя одолженія. Жена моя благодаритъ Васъ также. Мы часто поминаемъ объ васъ. Можетъ быть, слѣдующимъ лѣтомъ мнѣ удастся побывать еще въ Прагѣ. Съ какимъ бы удовольствіемъ я обнялъ васъ! Ожидаю вашего каталога. Я буду очень радъ, если смогу сдѣлать для васъ что либо пріятное, въ этомъ и во всякомъ другомъ случаѣ. Можетъ быть, что нибудь и удастся. Между тѣмъ вотъ къ вамъ и покорнѣйшая просьба: въ церкви, принадлежавшей прежде Іезуитамъ, на дорогѣ отъ Г. Шаффарика къ Вышеграду, на стѣнѣ налѣво есть старая картина, представляющая Тайную Вечерю (das heilige Abendmahl). Мнѣ она очень понравилась. Не уступитъ ли ея начальникъ церкви? Я радъ бы былъ заплатить за нее, что ему угодно, если только не слишкомъ много, напримѣръ гульденовъ 200 w. w. Недѣли чрезъ двѣ я пришлю къ вамъ нѣкоторую сумму денегъ и буду просить васъ покупить мнѣ, если попадутся, какія либо старопечатныя книги, напримѣръ изданія Скоринины и тому под., также монеты. Теперь прошу васъ покорно увѣдомить меня о пребываніи нашего Государя въ Вѣнѣ: какъ слѣпые говорили ему рѣчь, пѣли кантъ и проч. Увѣдомьте меня о вашихъ занятіяхъ и проч.

Свидѣтельствуя усердное почтеніе Вашей супругѣ и Вамъ, остаюсь съ совершенною преданностію къ вашимъ услугамъ

М. Погодинъ.

[1]) См. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель". Вып. III-ій. Москва, 1880, подъ ред. П. А. Попова. Здѣсь помѣщены письма Ганки къ Погодину. Въ обширнѣйшей монографіи П. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина" (книги I—XVIII) въ значительной степени исчерпаны матеріалы, относящіеся къ славянскимъ путешествіямъ Погодина и связямъ его съ славянскими учеными. Въ альбомѣ Ганки Погодинъ впервые расписался 7-го сентября 1835 года: „Прага доставила мнѣ много пріятныхъ, сладкихъ минутъ, и многими изъ нихъ обязанъ я вамъ, нашъ любезнѣйшій единоплеменникъ. Примите здѣсь мою искреннѣйшую благодарность. Погодинъ, Московитянинъ". Съ этого года начинается ихъ взаимная переписка. О пребываніи Погодина въ Прагѣ см. еще его воспоминанія: „Годъ въ чужихъ краяхъ" (1839). Въ чешской литературѣ о Погодинѣ помѣстили статьи: Světozor, IV, 1870, č, 19; Slovanský Svět, 1872, ,70—71; „Pogodin a Kostomarov" ст. J. P—fa (Pervolfa) въ газ. Obecné Listy, 1860, 177. По поводу изданія переписки Погодина Яромиръ Грубый написалъ очеркъ: „Styky M. P. Pogodina se zapadnimi Slovany", Osvěta, 1880, 596. Ср. еще Světozor, 1880.

Жена моя кланяется вамъ и вашей супругѣ. Засѣцкой и Черняевъ въ Парижѣ. За письма ко мнѣ денегъ не платите, а надписывайте только: Профессору такому то въ Москвѣ.

Москва,
4 Декабря по ст. ст. 1835.

2.

Милостивому Государю, Вячеславу Вячеславичу свидѣтельствую свое усердное почтеніе. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя письма не дошли до Васъ. Поздравляю Васъ усердно съ подаркомъ Государя нашего, съ золотою медалью Академіи, и желаю Вамъ искренно всякаго благополучія. Я нѣсколько разъ писалъ къ Вамъ о библіотекѣ вашей; прошу Васъ покорнѣйше назначить хоть число вашихъ книгъ и рукописей и отмѣтить примѣчательнѣйшія изъ нихъ и увѣдомить меня, какую цѣну Вы назначаете за нее, хотя чрезъ Г. Шафарика. Я непремѣнно найду охотника купить, или даже пріобрѣту для себя. Обнимаю Васъ крѣпко и пеняю Вамъ за Ваше продолжительное молчаніе, а мнѣ любопытно знать обо всемъ, что касается до Васъ.

Примите и пр. М. Погодинъ.

Москва,
11 Февр. с. с. 1837.

3.

Пользуюсь случаемъ, чтобъ засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе Милостивому Государю, Вячеславу Вячеславичу и попенять ему, что онъ такъ рѣдко пишетъ ко мнѣ и не сообщаетъ никакого извѣстія о своихъ трудахъ. Поручаю доброму его расположенію и руководству Магистра нашего Университета Г. Бодянскаго[1]), который отправленъ въ ученое путешествіе. Авось хоть чрезъ него получу я извѣстіе о Вашей библіотекѣ и объ условіяхъ. Надѣюсь увидѣться съ Вами опять въ будущемъ году. Жена моя свидѣтельствуетъ свое почтеніе Вамъ и Вашей супругѣ. Обнимаю Васъ крѣпко.

Примите и пр. Вашъ Михаилъ Погодинъ.

13/25 Окт. 1837.

---

[1]) См. письма О. М. Бодянскаго къ Погодину въ изд. Н. А. Попова „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель", вып. I-ый, Москва, 1879.

4.

Прошу Васъ покорнѣйше, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславичь, уступаемыя Вами мнѣ старопечатныя книги прислать къ нашему Священнику, Г. Меглицкому въ Вѣну, который тотчасъ отправитъ ихъ въ Москву на мое имя. Вы благоволите прислать мнѣ записочку, что онѣ стоятъ, и я съ благодарностію доставлю вамъ тотчасъ деньги. Вы одолжаете меня сими книгами очень много, ибо я собираю теперь библіотеку. Г. Меглицкій получилъ вѣрно вашу посылку и отправилъ по адресу. Вчера я писалъ объ Васъ къ Г. Жуковскому, который пріѣдетъ сюда 3 марта. М. Погодинъ.

Ѣдемъ чрезъ два часа въ Тріестъ, а до сихъ поръ ѣхали благополучно.

Вѣна,
22 февр. 1839.

5.

Усердно благодарю Милостиваго Государя, Вячеслава Вячеславича за любезное письмо его въ Римъ. Виноватъ я, что долго не отвѣчалъ на оное. Причина та, что я получилъ (его) предъ отъѣздомъ въ Неаполь. Въ Неаполѣ пробыли мы тоже недѣлю и бѣгали, какъ угорѣлые. Въ Парижѣ занемогла жена. Теперь, слава Богу, ей лучше. Касательно монетъ, вѣрно, уже время прошло. Если бы сумма была не слишкомъ велика, то я попросилъ бы васъ купить нумизматическій кабинетъ на мой счетъ, напримѣръ, еслибъ оный стоилъ тысячи три рублей. Если же онъ стоилъ бы гораздо больше, то я совѣтовалъ бы купить его намъ троимъ вмѣстѣ, то есть вамъ, мнѣ и Г. Шафарику, а послѣ я могъ бы продать его въ Россіи съ большею выгодою [1]). Разумѣется, это дѣло нужно бы было сдѣлать осторожно, то есть купить въ случаѣ особенной дешевизны, посовѣтовавшись съ знатоками. Сообщаю вамъ это къ свѣденію и на будущее время относительно всякихъ кабинетовъ, библіотекъ, собраній и тому

[1]) О продажѣ впослѣдствіи Погодинымъ его богатаго древлехранилища Бодянскій въ своемъ „Дневникѣ“ выразился: „Дай Богъ, чтобъ отнынѣ Михайло Петровичъ пересталъ кулаковать, не имѣя, по его же словамъ, болѣе нужды биться объ ледъ, какъ та рыба“. См. А. А. Кочубинскаго, „О. М. Бодянскій въ его дневникѣ“, Историч. Вѣстн., 1887, III, 508.

под. При такихъ покупкахъ со временемъ можно получить въ Россіи значительную выгоду и принести вмѣстѣ пользу.

Повторяя вамъ мою просьбу о старопечатныхъ Славянскихъ книгахъ (не случится ли вамъ еще какихъ пріобрѣсть для меня?), остаюсь и пр. М. Погодинъ.

Въ Маріенбадѣ я располагаюсь быть около 1 Іюля.

Парижъ,
3 Іюня 1839 г.

6.

М. Г., Вацлавъ Вацлавовичъ,

Честь Вамъ и слава за Реймское открытіе. Вѣрно судьба предназначила именно Вамъ всѣ древнѣйшіе памятники Славяно-Чешскіе.

Между тѣмъ я удивляюсь, что такъ долго не имѣю отъ васъ никакого извѣстія. Купленныя Вами монеты я получилъ, но безъ каталога, безъ цѣны. Прошу Васъ покорнѣйше увѣдомить меня поскорѣе, дабы я могъ прислать вамъ деньги съ искреннею моею благодарностію. Повторю Вамъ также покорнѣйшую мою просьбу о старопечатныхъ Славянскихъ книгахъ: пришлите мнѣ тѣ, кои имѣете съ означеніемъ цѣны, чрезъ Г. Меглицкаго. Деньги будутъ вамъ немедленно доставлены.

Жена моя свидѣтельствуетъ Вамъ и вашей супругѣ усердное свое почтеніе. Мое семейство слава Богу здорово. Завтра я ѣду въ Петербургъ недѣли на двѣ. М. Погодинъ.

16/28 Янв. 1840.

7.

Если вы не нашли мнѣ студента для занятій чешскимъ языкомъ, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславичь, то я и не прошу болѣе безпокоиться: здѣсь есть учитель изъ Часлау, съ которымъ я могу упражняться. М. Погодинъ.

25 Авг. Помѣта Ганки: „1842". Почтовая печать: „Marienbad".

8.

Съ покорнѣйшею просьбою обращаюсь къ Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь. Сдѣлайте милость, примите подъ

Ваше покровительство самаго близкаго ко мнѣ человѣка, Г. Путяту, истаго Россіянина и Славянина, который пріѣзжаетъ къ вамъ нарочно въ Прагу, чтобъ познакомиться съ ея достопримѣчательностями. Сдѣлайте милость, доставьте ему всѣ средства, и вы тѣмъ обяжете меня чрезвычайно, покажите Соборъ съ шлемомъ Вячеслава, рукою Св. Кирилла, мозаическими образами, гробницу Карла IV, гробницы св. Войтеха, Прокопія, Людмилы, Грачинъ, дворецъ Мартиница и окошко, изъ котораго онъ бросился, обсерваторію Тихо де Браге, Вышеградъ, Гору Св. Лаврентія, старую ратушу и площадь, Бѣлую гору, главныя вещи въ Музеѣ, монеты Растица и проч., вещи и портретъ Добровскаго,—однимъ словомъ все, что вы сочтете нужнымъ. Это человѣкъ очень любознательный. Вы пріобрѣтете истиннаго друга въ Россіи и дополните число вашихъ многочисленныхъ почитателей.

М. Погодинъ.

27 августа Помѣта Ганки: „Маріанскія Лазни 1842".

9.

Честь имѣю, Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичь, представить Вамъ еще Русскаго путешественника, Г. Сухоцкаго, который, кончивъ курсъ леченія въ Маріенбадѣ, желаетъ познакомиться съ Прагою. Благоволите показать ему Соборъ, гору св. Лаврентія, Обсерваторію, Грачинъ, Галлерею, площадь, острова, мосты и прочія достопримѣчательности. Въ благодарность за ваши одолженія мы всѣ здѣшніе почитатели ваши подносимъ вамъ почетный кубокъ и бокалъ, которой вы получите отъ Г. Шаф. Примите и вспомните о насъ.

М. Погодинъ.

Мнѣ кажется, что я уже не буду въ Прагѣ, а поѣду прямо чрезъ Теплицъ. Не забудьте о древнихъ книгахъ для меня и о Растицѣ.

Маріенбадъ,
8 Сент. н. с. 1842.

10.

Г. Шафарикъ разскажетъ Вамъ, почтенный другъ, о моихъ несчастіяхъ: я лишился моей жены, моего друга, съ которымъ былъ счастливъ одиннадцать лѣтъ. Вы знали ее и можете судить о моей горести. Посылаю Вамъ Сводъ законовъ, за кото-

й вы должны благодарить Графа Дмитрія Николаевича Блува. Я напомнилъ ему о обѣщаніи Г. Сперанскаго, и онъ тотъ съ прислалъ мнѣ экземпляръ..

Обнимаю васъ. М. Погодинъ.

6/18 Янв. 1845.

11.

Усердное мое почтеніе почтеннѣйшему Вячеславу Вячеславичу! Увѣренный въ вашемъ добромъ расположеніи, прошу Васъ корнѣйше принять подъ ваше покровительство Г-жъ Хитровъ и показать имъ достопамятности Музея и Праги. Вы одолжите меня очень много.

Возвращаю вамъ Пчелу и Цвѣты. Рецензіей Г-на К. я недоволенъ. Отъ Г. Шафарика книгъ я не получалъ еще. Началъ пить воду и купаться въ грязи.

До свиданія! Преданный М. Погодинъ.

Графиня Уварова усердно благодаритъ Васъ за ваше вниманіе.

Маріенбадъ,
2 Августа 1846.

12.

Рекомендую Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, господина Астромова, сопровождающаго Графиню Уварову. Благоволите познакомить его съ достопамятностями Праги. Можетъ быть вамъ будетъ угодно видѣть супругу Сергія Семеновича. В такомъ случаѣ онъ представитъ Васъ ей. Полюбите его— онъ милый, образованный молодой человѣкъ!

Преданный М. Погодинъ.

12 Августа 1846 г.

13.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ, за ваше любезное вниманіе къ Русскимъ путешественникамъ! Надѣясь на ваше доброе расположеніе, обременяю я такъ часто васъ рекомендательными письмами. Еслибъ вы не были такъ благосклонны, то я не рѣшился бы безпокоить Васъ!

За рисуноқъ Св. Кирилла и Меѳодія благодарю Г. Макса. Я посылаю его въ Москву, и тамъ мы выгравируемъ его, а извѣстіе переведу.

Страгово вы покажете мнѣ, какъ я пріѣду въ Прагу.

Отчество на памятникѣ нужно бы высѣчь. Чешская надпись очень хороша, а Русская негодится. „Покойся милый прахъ“ etc. употребляется только для младенцевъ. Ея нельзя никакъ употребить.

Въ Прагѣ я буду около 24 Сентября. Впрочемъ изъ Теплица увѣдомлю васъ о томъ вѣрнѣе. М. Погодинъ.

18 Авг. 1846 г. [1]).

14.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, за ваши извѣстія.

Жаль, что вы не познакомились съ Граф. Уваровой. Надписи, кромѣ имени, думаю, не нужны. А если друзья или родные Г. Крам.[2]) вздумаютъ прислать изъ Россіи, то можно будетъ высѣчь ее и послѣ.

Оттиски св. Кир. и Меѳ. разумѣется лучше сдѣлать у васъ. Въ Прагу я надѣюсь пріѣхать 18 и пробыть 18 и 19. Это почти навѣрное. Нестора доставлю Вамъ по возвращеніи въ Москву.

За симъ, пожелавъ всѣхъ благъ, остаюсь и пр.

М. Погодинъ.

Теплицъ,
6 Сентября н. с. 1846 г.

15.

Еще рекомендація достопочтеннѣйшему Вячеславу Вячеславичу. Баронъ Стуартъ, Курляндскій помѣщикъ, живущій теперь въ Одессѣ, а прежде служившій въ Русской миссіи въ Константинополѣ, желаетъ засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе. Вы одолжите его, равно какъ и меня, очень много, познакомивъ его съ достопамятностями Праги. Такъ какъ у него всегда бываетъ экипажъ, то это знакомство по крайней мѣрѣ отниметъ у васъ немного времени. 18-го числа поутру надѣюсь принести Вамъ глубочайшую свою благодарность за всѣ ваши одолженія.

Преданный М. Погодинъ.

Прошу заказать мнѣ 800 оттисковъ Кир. и Меѳ.

Теплицъ,
9 Сент. н. с. 1846.

[1]) См. письмо Ганки къ Погодину отъ 1/13 авг. 1846 г., № 19.
[2]) См. письма Ганки отъ 1/13 авг. и 5 сент. 1846 г., № 19 и 20.

16.

Низко кланяюсь достопочтенному Вячеславу Вячеславичу! Порученіе ваше исполнилъ и Далимила Г. Бодянскому вручилъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что ваши книги привезены сюда, а онъ не принялъ ихъ за неимѣніемъ денегъ. Если угодно, я заплачу, ибо долженъ вамъ за Чешскую библію. Буду ждать увѣдомленія. Книгъ древнихъ Сербскихъ я собралъ до 30. Путешествіе свое совершилъ благополучно: былъ въ Сирміи, Сербіи. Потомъ чрезъ Одессу и Харьковъ возвратился въ Москву 22 окт. с. с. Мои всѣ, слава Богу, здоровы. Обнимаю васъ крѣпко. Рецензія Срезневскаго вашего изданія помѣщена въ Москвитянинѣ, № 8, гдѣ отдана полная справедливость вашему почтенному труду [1]).

Преданный М. Погодинъ.

1/13 ноября 1846.

17.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Вы ко мнѣ не пишете, книгъ своихъ не присылаете и даже о полученіи моихъ не увѣдомляете. Не понимаю, что съ вами сдѣлалось, и сѣтую. Какъ вы поживаете, чѣмъ занимаетесь теперь, что вашъ сынъ? Жду непремѣнно увѣдомленія отъ васъ скораго и по всѣмъ симъ пунктамъ.

Поручаю Вашему доброму расположенію Г. Кулѣша, молодаго Русскаго Литтератора, который ѣдетъ заниматься Славянскими нарѣчіями.

Г. Вагилевичъ изъ Львова проситъ меня, чтобъ я засвидѣтельствовалъ о немъ предъ Русскими правительственными лицами, по поводу желанія его занять мѣсто ученое въ Россіи. Прошу васъ покорнѣйше въ случаѣ нужды довести до свѣденія, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что я Г. Вагилевича знаю хотя не лично, но по письмамъ лѣтъ восемь и могу засвидѣтельствовать о немъ, какъ о человѣкѣ ученомъ, трудолюбивомъ, дѣятельномъ, умномъ, преданномъ Славянскому просвѣщенію, исторіи, языку. Я написалъ вамъ это гораздо прежде, но только что воротился изъ путешествія своего по водамъ и по Славянскимъ странамъ. Прошу васъ его о томъ увѣдомить.

Въ ожиданіи скораго отвѣта на мои вышепредложенные вопросы, остаюсь Вашъ М. Погодинъ.

[1]) Въ Москвитянинѣ, 1846 г., № 8, помѣщенъ былъ отзывъ Срезневскаго о Реймскомъ Ев., изданномъ Ганкою.

Г. Вагилевичу я совѣтовалъ бы начать съ Варшавы, а изъ Варшавы перейдти легче будетъ въ Россію. Вотъ теперь открылась ваканція въ Харьковѣ, а петербургская занята. Не знаю, нѣтъ ли въ Кіевѣ возможности. Пусть онъ всего лучше посылаетъ прямо просьбу въ Петербургъ къ Министру, а я готовъ ходатайствовать.

Напишите ему все это, потому что я боюсь писать на его имя прямо, дабы письмо не попало у нихъ въ другія руки и не повредило ему, а вы найдете средство вѣрнѣе.

Москва,
10/22 Декабря 1846.

18.

Рекомендую достопочтеннѣйшему Вячеславу Вячеславичу Г. Подполковника Горныхъ инженеровъ Іоссе и прошу познакомить его съ главными достопримѣчательностями Праги.

Свидѣтельствую усердное мое почтеніе. Покорный слуга
М. Погодинъ.

Что у васъ есть новаго? У насъ были непріятные слухи о Славянахъ, пущенные изъ Австріи. Теперь утихло. Библіи не получилъ, а еще не нашли ль чего для меня. Прошу прислать мнѣ монетку Rastiza, сдѣлайте милость.

22 Августа с. с. 1847.

19.

Пользуюсь случаемъ, чтобъ обнять Васъ, почтенный другъ, и поручить вашему доброму расположенію молодаго нашего ученаго, Илью Васильевича Бѣляева, котораго вы вѣрно уже знаете, если читаете Бесѣду. Скажите ему хоть на словахъ о вашемъ положеніи, намѣреніяхъ и надеждахъ, для сообщенія мнѣ по возвращеніи. Моя переписка почти прекратилась, и я не знаю ничего, что у васъ дѣлается. Самъ я здоровъ и работаю много. Повторяя просьбу познакомить Г. Бѣляева со всѣми живыми и мертвыми достопримѣчательностями Праги, остаюсь неизмѣнно вамъ преданный Москвитянинъ.

24 Іюля / 6 Авг. (Безъ года).

А. Н. Поповъ[1]).

1.

Жаль, что приходится мнѣ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, писать къ Вамъ изъ Дрездена; должно бы было пріѣхать повидаться съ Вами и посмотрѣть еще на Вашу прекрасную Прагу. Не представляется случай, и потому хотя письменно примите мой поклонъ и сообщите его другимъ моимъ знакомымъ. Къ Вамъ ѣдетъ Г. Ефремовъ, ученый русскій, объѣхавшій уже всю Европу; я увѣренъ, что Вамъ будетъ пріятно съ нимъ познакомиться. Онъ недолго пробудетъ въ Прагѣ, но и въ это недолгое время Вы вѣроятно не откажитесь показать ему все замѣчательное въ Прагѣ. Вѣроятно, я еще увижусь съ Вами, а теперь примите мой поклонъ.

До свиданія. Преданный Вамъ Ал. Поповъ.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Чрезвычайно благодаренъ Вамъ за присылку новаго изданія Краледворской рукописи, я ждалъ его съ большимъ нетерпѣніемъ и читаю теперь съ большимъ наслажденіемъ. Прежде я зналъ изъ ней только одинъ Судъ Любуши и никогда еще не читывалъ другихъ пѣсенъ. Какая глубокая простота и поэзія и какое однородное сходство съ поэзіею всѣхъ другихъ племенъ словянскихъ. Да, это поэзія у всѣхъ нихъ одна общая, которую принесли наши отцы и дѣды изъ общей ихъ родины. Посылаю Вамъ снимки изъ того экземпляра, который поручили Вы мнѣ начать иллюстрировать. Видите, я исполнилъ Ваше желаніе, если это исполненіе не будетъ соотвѣтствовать Вашему предположенію, то простите мое неумѣнье. Я сдѣлалъ такъ, какъ только

[1]) Александръ Николаевичъ Поповъ (р. 1821, † 1877), славистъ и историкъ, авторъ „Путешествія въ Черногорію“, СПБ. 1847 г. и проч. Въ альбомѣ Ганки 22 авг. 1842 г. онъ напиcалъ: „Вдалекѣ отъ родины я встрѣтилъ родное. Прага напомнила мнѣ Москву. Впечатлѣніе, произведенное ею, навсегда сохранится въ моей памяти. Сохранится не такъ, какъ сохраняется всякое любопытное впечатлѣніе, но какъ родное, близкое русскому сердцу. Вмѣстѣ съ Прагою неразлучно будетъ для меня воспоминаніе объ Васъ. Я былъ бы счастливъ, еслибъ хотя изрѣдка вспомнили обо мнѣ и Вы, какъ объ человѣкѣ, который братски любитъ Славянъ, твердо вѣритъ въ ихъ будущее и изучаетъ прошлое.

Александръ Поповъ“.

могъ, хотя и думаю, что могло бы нѣсколько быть лучше, еслибы пергаментъ былъ новый. На старомъ пергаментѣ такому плохому живописцу, какъ я, было очень трудно рисовать. Если же сверхъ моего ожиданія Вамъ понравится моя работа, то это будетъ для меня самою большою наградой. Посылаю также переводъ Суда Любуши на русскій языкъ, сдѣланный однимъ изъ моихъ товарищей—Стаховичемъ [1]), который теперь здѣсь и скоро будетъ у Васъ. Этотъ переводъ мнѣ нравится потому особенно, что онъ сдѣланъ русскимъ народнымъ размѣромъ и буквалънъ. Я написалъ статью объ Богемской школѣ живописи и хочу перевести на нѣмецкой и напечатаю здѣсь [2]). Если это будетъ такъ, то перешлю Вамъ нѣсколько экземпляровъ. Вы спрашиваете, пріѣду ли я къ Вамъ къ Свѣтлому Празднику? Не знаю, что отвѣчать мнѣ Вамъ на это. Мнѣ хочется постоянно побывать еще въ Прагѣ; но мнѣ остается еще такъ много объѣздить, что и не знаю, успѣю ли побывать у Васъ. Зимою разныя обстоятельства отвлекали меня отъ моего намѣренія; и теперь я уже не знаю самъ, удастся ли мнѣ увидѣться съ Вами. Я жду, не дождусь извѣстій изъ Россіи, если скоро получу письма, то, проѣзжая черезъ Дрезденъ, еще не отчаяваюсь побывать и въ Прагѣ. Но если мои письма опоздаютъ, то мнѣ придется спѣшить прямо въ Италію черезъ Мюнхенъ, и тогда Прага останется въ сторонѣ. Порученія Ваши исполнилъ всѣ, но Кёне не видалъ самъ, ибо былъ нездоровъ и не выходилъ въ это время изъ комнаты, но переслалъ ему Вашу посылку. Не имѣете ли какихъ нибудь извѣстій отъ Панова, гдѣ онъ теперь и проѣдетъ ли черезъ Берлинъ, возвращаясь въ Россію, или нѣтъ? Теперь ѣдетъ къ Вамъ Елагинъ, котораго мать Вы знаете, а также его брата Кирѣевскаго.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Г. Г. Шафарику, Палацкому, Юнгману и Горчичкѣ.

Постоянно помнящій Васъ Александръ Поповъ

Сегодня былъ у меня Кёне и посылаетъ Вамъ слѣпки монетъ и книги, которыя препровождаю.

Берлинъ,
20 Марта 1842.

---

[1]) Кандидатъ Московскаго Университета Михаилъ Стаховичъ расписался въ альбомѣ посѣтителей Чешскаго Музея между 16 и 22 Августа (н. ст.) 1843 г.

[2]) Напечатана по-чешски въ Č. Č. Mus., 1846, IV, V; по-русски въ Ж. М. Н. Пр., 1847, прибавл.; посвящена статья В. В. Ганкѣ.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

Ой, Влетава, что волнуешь воду,
Что волнуешь серебристой пѣной?
Поволокъ ли и заплакалъ вихорь,
Разсыпая широкія тучи,
Разливаясь по горамъ зеленымъ,
Возмочивши пески золотые?
Ужъ и какъ бы водъ я не мутила:
Возмутились два родные брата,
За наслѣдство братья родовое,
Расходились круто межъ собою.
У излучистой Отавы лютый Хрюдошъ,
У излучистой Отавы златоносной;
У Радбузы у холодной храбрый Стяглавъ,
Они оба Кленовичи братья,
Родовъ старыхъ Тетвы Попелова,
Что пришелъ въ сіи обильны земли
Изъ зарѣчья съ Чешскою дружиной.
Прилетала подружка касатка,
Прилетала со излучистой Отавы,
На растворчетомъ окошечкѣ садилась
Во златомъ селеніи Любуши,
У ней въ вотчинѣ, въ священномъ Вышеградѣ,
Тосковала, грустно щебетала.
И касатку слушала сестрица
У Любуши во дворѣ родная,
И княжну во самомъ городѣ просила
На расправу суды поуставить.
Тѣхъ бы братьевъ созвать приказала,
Разсудила бы ихъ братьевъ по закону.
Отправлять пословъ княжна велѣла:
Къ Святославу во бѣлой Любицѣ,
Во Любицу, въ дубы молодые,
Къ Лютобору на холмъ Доброславскій,
Гдѣ Орлицу Лаба принимаетъ;
Къ Ратибору въ горы Крконоша,
Тамъ гдѣ Трутъ извелъ лихаго змѣя;
Къ Радовану на Каменномъ мостѣ,
Къ Яромиру во крутые горы,
Къ Стрежибору на Мзѣ сребоносной,
По всѣмъ Кметамъ, Лехамъ и Владыкамъ,
И за братьями за Хрюдошемъ, Стяглавомъ,
Что объ вотчинѣ заспорили наслѣдной.
Какъ сошлися Лехи и Владыки
Въ Вышеградѣ, въ селѣ у Любуши,
Всякъ по роду своемъ становился,
Въ бѣлой ризѣ и княжна предстала
Въ славномъ вѣчѣ на престолъ отцовскій.
Имянитыя двѣ дѣвы приступали,

Дѣвы мудрыя познаньемъ вѣщей рѣчи,
У одной скрижали правды сущей,
У другой каратель-мечь во длани,
Передъ ними пламень-обличитель
И вода святая силы чудной.
Начинала княжна со престола:
„Мои Кметы, Лехи и Владыки,
Разрѣшайте дѣло между братьевъ,
Что поссорилися братья за наслѣдье,
За наслѣдье родовое межъ собою,
Какъ въ законѣ боговъ вѣковѣчныхъ?
Вообще ли имъ владѣть имѣньемъ,
Или поровну имъ братьямъ раздѣлиться?
Мои Кметы, Лехи и Владыки,
По моимъ рѣчамъ вы порѣшайте,
Коль согласно будетъ ваше мнѣнье,
Если жъ мнѣнье ваше не согласно,
Уставляйте новые законы
И мирите братьевъ межъ собою".
Поклонились Лехи и Владыки,
Потихоньку совѣщаться начинали,
Говорили потихоньку межъ собою,
Похвалили Любушины рѣчи.
Всталъ Лютоборъ съ горы Доброславской,
Говорилъ онъ слово таковое:
„О, Княжна отеческой столицы,
Объ рѣчахъ твоихъ мы размышляли,
Я собралъ въ своемъ народѣ гласы".
Гласы дѣвы судныя сбирали,
Во святой сосудъ сбирали дѣвы,
Возглашать ихъ отдавали Лехамъ.
Всталъ Радованъ съ Каменнаго моста,
Различаетъ по числу тѣ гласы,
Возвѣщаетъ большинство народу
Къ разсужденью на Соборномъ Вѣчѣ.
Двоимъ братьямъ роднымъ Кленовичамъ
Родовъ старыхъ Тетвы Попелова,
Что пришелъ въ сіи обильны земли
Изъ зарѣчья съ Чешскою дружиной,
Объ наслѣдьи такъ имъ помириться,
Что владѣть имъ вообще имѣньемъ.
Какъ встаетъ съ Отавы Лютой Хрюдошъ,
Разлилася желчь въ его утробѣ,
Со зла члены всѣ его трясутся,
Замахнулся, взревѣлъ туромъ ярымъ:
„Горе птицѣ, гдѣ змѣя вгнѣздилась,
Горе мужу, гдѣ жена владѣетъ,
Мужу должно управлять мужами,
Первенецъ наслѣдуетъ по праву".
Возстаетъ Любуша со престола:

„Кметы, Лехи и Владыки!“ провѣщала,
„Слышали мое вы поруганье;
Сами жъ вы теперь судите правду,
Ужъ рѣшать не буду споровъ вашихъ,
Изберите мужа межъ собою,
Чтобъ желѣзною рукою правилъ вами,
А дѣвичья правитъ Вами слабо“.
Всталъ Ратиборъ съ горы Креконоша,
Говорилъ онъ слово таковое:
„Въ Нѣмцахъ правды искать непохвально
Намъ, чья правда во святомъ законѣ,
Принесенномъ нашими отцами
Въ эту (область изъ зарѣчья . . .)

3.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Извините, что безпокою Васъ, посылая деньги на Ваше имя, это случилось потому, что я забылъ спросить адресъ того книгопродавца, которому они слѣдуютъ. Увѣренъ, что Вы будете столько добры, возьмете на себя трудъ передать ихъ ему, съ полною отъ меня благодарностію за одолженіе.

Въ Дрезденѣ я передалъ Ваше письмо Грабетѣ и очень радъ, что оно доставило мнѣ случай познакомиться съ истымъ словяниномъ. Но письмо къ Іордану еще у меня; я спѣшилъ въ Берлинъ и проѣхалъ Лейпцигъ, не останавливаясь, и потому не передалъ его. Чрезъ мѣсяцъ я надѣюсь быть въ Лейпцигѣ и тогда передамъ. Очень, очень бы хотѣлось побывать еще въ прекрасной Прагѣ, но еще не знаю, удастся ли мнѣ исполнить мое намѣреніе. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что рано или поздно, а я увижусь съ нею.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ знакомымъ мнѣ чехамъ и княгинѣ Голицыной.

Остаюсь преданный Вамъ Словянинъ тѣломъ и духомъ

Александръ Поповъ.

Берлинъ,
19 Ноября.

4.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ и ожидаю отъ Васъ отвѣта на мое письмо, которое я послалъ къ Вамъ вмѣстѣ съ деньгами, по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ. Причина этому вѣроятно въ моей

разсѣянности,—я позабылъ написать Вамъ мой адресъ. Теперь исправляю свою ошибку и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаю къ Вамъ русскій переводъ Иліады и прошу его доставить отъ меня Г-ну переводчику Иліады на чешскій языкъ. Мое предположеніе побывать зимою въ Прагѣ, кажется, разстраивается; но все я еще не теряю надежды, хотя у меня здѣсь такъ много накопилось занятій, что слѣдовало бы остаться здѣсь во время ферій и работать серьезно. Напишите, пожалуста, что дѣлается у Васъ, что новаго въ чешской литературѣ? Я продолжаю заниматься чешскимъ языкомъ и потому меня очень занимаютъ новыя произведенія. Вѣроятно Вы читали недавно вышедшее сочиненіе Slaven, Russen und Germanen, писанное по видимому западнымъ словяниномъ! Мнѣ бы чрезвычайно любопытно знать его имя.

Надѣюсь, что Вы удостоите меня отвѣтомъ на это письмо. Имѣю честь быть, М. Г., готовый къ услугамъ

Александръ Поповъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Г.Г. Шафарику и Палацкому, равно и княгинѣ Голициной.

Квартира моя въ Dorotheenstrasse № 28, 2 Т. г.

5.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Очень радъ, что имѣю случай переслать Вамъ мой поклонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поклонъ, всегда памятной и родной намъ, Прагѣ. Я наконецъ изъ долгихъ странствованій возвратился въ Москву, но еще не знаю навѣрное, останусь ли здѣсь навсегда, или поѣду въ Петербургъ. Къ новому году у насъ много готовится новостей литературныхъ. Москвитянинъ будетъ издаваться иначе и лучше прежняго. Я окончилъ путешествіе въ Черногоріи и скоро издамъ. Вообще литературная дѣятельность у насъ возрастаетъ болѣе и болѣе; что то дѣлается у Васъ?

Новый годъ, надѣемся, принесетъ и новые плоды. Всѣ Ваши знакомые Вамъ кланяются, къ ихъ поклонамъ присоединяю и я мой усердный поклонъ Вамъ и всѣмъ знакомымъ пражанамъ.

Вашъ преданный Александръ Поповъ.

Это письмо получите отъ Г-на Кублицкаго [1]), нашего москвича, который можетъ Вамъ сообщить объ здѣшней дѣятельности.

Въ Прагу. Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ. Въ Градчинѣ, въ домѣ Чешскаго Музеума.

[1]) Приписка рукой В. Ганки: „Михаилъ Егоровичъ".

6.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Сколько разъ я уже писалъ къ Вамъ и почти ни одно изъ моихъ писемъ не дошло до Вашихъ рукъ. Теперь пользуюсь поѣздкою въ Прагу князя Вяземскаго, чтобы вновь писать къ Вамъ и свидѣтельствовать мой усердный поклонъ. Посылаю также Вамъ мою книгу о Черногоріи. Я прежде уже послалъ съ А. Карамзинымъ экземпляры для Васъ и Шафарика; но не знаю, получили-ли Вы ихъ. Что-то у Васъ новаго замѣчательнаго въ литтературномъ отношеніи? Хомяковъ мнѣ привезъ извѣстія о Прагѣ, и мнѣ такъ было весело слушать его разсказы о Васъ и о Прагѣ, которую я такъ помню. Срезневскій поручилъ мнѣ передать Вамъ его поклонъ, онъ теперь профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ.

Имѣю честь быть и пр. Ал. Поповъ.

Петербургъ. Помѣта Ганки: „въ осень 1847".

7.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, очень радъ случаю написать къ Вамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить брошюру Елагина. Наше вниманіе все устремлено на Васъ, на Богемію и вообще славянъ. Изъ всего Европейскаго броженія долженъ выдти на поприще историческое одинъ вопросъ славянскій, въ немъ начала будущей эпохи; старая Европа уже отжила! Но всѣ извѣстія, которыя мы имѣемъ о томъ, что происходитъ у Васъ, мы принуждены почерпать изъ нѣмецкихъ газетъ, гдѣ онѣ искажены и пропитаны ненавистью къ Славянамъ. Пишите къ намъ пожалуста и познакомьте насъ съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, столько для насъ любопытныхъ. Мы опасаемся только за одно: чтобы ложно-понятой Польскій вопросъ не помѣшалъ обще-славянскому дѣлу. Польша въ томъ видѣ, въ какомъ она была прежде, невозможна. Востановись Польша, она будетъ сѣмянемъ раздора для Славянъ; она пожертвуетъ другими славянскими племенами кому угодно изъ эгоистическихъ выгодъ, какъ жертвовала прежде, подастъ руку и нѣмцу и маджару, какъ подавала прежде. Но польская эмиграція и за нею Франція понимаетъ польскій вопросъ въ видѣ востановленія старой Польши. Между тѣмъ какъ этотъ вопросъ долженъ растаять въ общемъ славянскомъ вопросѣ. Русскіе не враги полякамъ, какъ племени славянскому, но не могутъ быть друзьями той Польши, которая

обливала кровію всю Малороссію и Литву, которая всѣми народными благами жертвовала для выгодъ своей аристократіи.

Пожалуста пишите къ намъ. Преданный Вамъ

Ал. Поповъ.

Мой адресъ: Въ С.-Петербургъ, на Моховой, въ домѣ Устиновой.

Посольство, Императорское Россійское въ Вѣнѣ.

1.

М. И. Д.

Императорское Россійское
Посольство въ Вѣнѣ.

22 Октября/3 Ноября 1836 года.

№ 417-й. Милостивый Государь,

Императорская Россійская Академія доставила Посольству золотую медаль и письмо на имя ваше, честь имѣю препроводить къ вамъ письмо съ просьбою означить мнѣ способъ для доставленія медали.

Примите, М. Г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

К. Горчаковъ.

Г-ну Профессору Ганкѣ.

2.

М. И. Д.

Императорское Россійское
Посольство въ Вѣнѣ.

Ноября 4/16 дня 1836 года.

№ 442. Милостивый Государь,

Въ слѣдствіе письма Вашего отъ 27 Октября / 8 Ноября медали, присланныя Императорскою Академіею для Васъ и Г-на Профессора Шафарика, отправлены сего 4/16 Ноября въ Прагу на Ваше имя, съ дилижансомъ. Извѣщая о семъ Васъ, М. Г., я покорнѣйше прошу не оставить увѣдомить меня о полученіи Вами означенныхъ медалей.

Примите увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи.

К. Горчаковъ.

Г-ну Профессору Ганкѣ.

3.

Ministère Impérial des Affaires étrangères.

AMBASSADE IMPÉRIALE DE RUSSIE.

№ 184.

Die Kais. Russische Botschaft benachrichtiget Seine Wohlgeboren Herrn Wencel Hanka, Bibliothekar und Archivar des Vaterländischen Museums zu Prag, dass dieselbe mittelst Diligence ein in Wachsleinwand eingesiegeltes Kistchen sub Litt. T. № 315, Stanzen enthaltend, an dessen Adresse unter heutigem Datum abgesendet hat.

Indem gedachte Botschaft Herrn Hanka Wohlgeboren ein Schreiben № 315 übermacht, fügt Sie die Bitte hinzu, derselben den Empfang eines und des andern gefälligst anzeigen zu wollen.

I. v. Polkasoffsky,
Botschafts-Sekretär.

Wien,
d. 13/25 Mai 1841.

4.

М. И. Д.

Императорское Россійское Посольство въ Вѣнѣ.

20 Ноября / 2 декабря 1846 года.
№ 674-й.

Члену Ученаго Общества въ Прагѣ, Господину Вацлаву Ганка.

Канцелярія Россійско-Императорскаго Посольства честь имѣетъ препроводить при семъ къ Вашему Высокоблагородію письмо на имя Магистра Казанскаго Университета Григоровича за № 664, съ покорнѣйшей просьбою взять на себя трудъ доставить оное по принадлежности и о полученіи почтить Посольство увѣдомленіемъ.

Графъ О. Пучичъ.

Presvietli Gospodine!

Gosp. Professor Bodanski [1]) predao mi je u Moskvi pismo za Vas, jerbo je mislio, da ću proći preko Zlatnog-Praga, kako sam mu bio rekao. Biući paka' obárnuo drugiem putem, uzimljem si slobodu poslati Vam Bodanskino pismo i dva exemplara jednog Aksakovog statja po mom ujaku Lukcianu gr. Pozza, koji ide danas za Prag. Prostite, molim Vas, i primite pozdrav Vašeg štovatelja i sluge Orsata Počića.

Presvietlomu gospodinu, gosp. Venčeslavu Hanki u Prag, u Českom Muzeumu. – Su dva exemplara Aksakovog statja.

Frankobrod,
na 8 Augusta 1852.

П. И. Прейсъ [2]).

1.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! принимаюсь за перо въ особенномъ, пріятномъ расположеніи духа. Я только что пришелъ отъ моего добраго земляка и Вамъ хорошо знакомаго, отъ Г. Заикина. Вечеръ прошелъ въ пріятномъ разговорѣ. Была рѣчь и о Прагѣ и о томъ, который такъ дорогъ для всѣхъ Русскихъ, посѣщавшихъ очаровательную столицу Чеховъ. Вы простите мое согрѣшеніе, если я признаюсь Вамъ въ томъ, что въ эту минуту зависть мучитъ меня. Г. Заикинъ вѣроятно въ непродолжительномъ времени увидитъ Прагу и все, что въ ней дорого для меня. Я же—но Вы знаете, что я все болѣе и болѣе удаляюсь отъ

„Сихъ прекрасныхъ мѣстъ",

какъ сказано въ одной прекрасной Русской пѣсни.

Вечеръ сегодняшній разнѣжилъ меня и съ другой еще стороны: у Г. Заикина былъ неизвѣстный мнѣ, даже и по имени, моло-

[1]) Въ своемъ „Дневникѣ" Бодянскій о немъ записалъ: „16 іюня 1852 г. пріѣхалъ въ Москву сербскій писатель изъ Дубровника (Ragusa) графъ Пучичъ". Онъ прожилъ въ Москвѣ около двухъ недѣль и уѣхалъ 1-го іюля въ Петербургъ. Съ нимъ Бодянскій послалъ письмо Ганкѣ. См. А. А. Кочубинскаго, Бодянскій въ его Дневникѣ. Историч. Вѣстникъ. 1887, III, 515, 516.

[2]) О Прейсѣ см. П. И. Срезневскаго: „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ", СПБ., 1878. Письма Прейса къ разнымъ лицамъ и планъ славянскаго путешествія его сообщены В. И. Ламанскимъ въ Живой Стар., 1890, II—IV.

дой человѣкъ изъ Петербурга. Онъ одаренъ рѣдкимъ музыкальнымъ талантомъ: игра его на фортепіано подѣйствовала на меня магически. Я имѣю сильное подозрѣніе, что Прага и въ этомъ отношеніи произвела на меня благотворное вліяніе: у меня все болѣе и болѣе развивается чувство къ музыкѣ. Драгоцѣнное пріобрѣтеніе! Этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, вскорѣ намѣренъ отправиться къ Вамъ. Вы—можно ли въ томъ сомнѣваться? — потрудитесь познакомить его съ Г. Томашкомъ. При этомъ нельзя не подумать о богатствахъ Праги. Все есть: чего хочешь, того и просишь! Любители Музыки, Филологи, Юристы, Историки—всѣ выѣзжаютъ изъ Праги съ запасомъ на цѣлую жизнь. Но Прага, какъ все истинно прекрасное, обладаетъ чувствомъ скромности: не должно оскорблять его, а потому обращаюсь къ себѣ и къ Вѣнѣ.

На другой день по пріѣздѣ моемъ я былъ въ Посольствѣ и исполнилъ данное Вами мнѣ порученіе. Посылка принята съ готовностію и обѣщано отправить ее при первой возможности. На дняхъ полученное отъ Г. Іордана письмо вручено Г. Копитару, который опять боленъ. Я рѣдко могъ съ нимъ видѣться, рѣдко могъ бесѣдовать съ нимъ. Разговоръ съ нимъ очень пріятенъ, если исключить тѣ приправы, которыя мнѣ не по вкусу. Въ замѣну этого я почти ежедневно видѣлся съ любезнымъ, умнымъ, добрымъ Вукомъ.

Кромѣ Г. Заикина нашелъ я еще одного безподобнаго земляка, Г. Надеждина, который, къ сожалѣнію, уже уѣхалъ. Я надѣюсь, что Вы будете имѣть случай увидѣться съ нимъ въ проѣздъ его чрезъ Прагу, примѣрно въ Августѣ мѣсяцѣ.

Теперь мнѣ бы слѣдовало отправиться съ Вами въ Библіотеку и начать читать Вамъ мои выписки, замѣтки и т. д. „Да не будетъ"! У меня на сердцѣ лежитъ другая обязанность: я долженъ принесть Вамъ мою искреннюю, душевную благодарность за трогательную готовность къ услугамъ, за радушный пріемъ, за дружеское расположеніе, за.... но Вы думаете легко исчислить все, чѣмъ мы обязаны Вамъ, особенно я. Стоитъ мнѣ только подумать о послѣднихъ дняхъ моего пребыванія въ Прагѣ, вспомнить о томъ, что Вы сдѣлали для меня! Вы вѣрно будете недовольны мною, что я коснулся этого предмета, но могъ ли я молчать?

Заключаю первое мое письмо искреннимъ желаніемъ побѣды, торжества Вашимъ стремленіямъ: онѣ благородны, истинно человѣческія. Кто сомнѣвается, что правда не одолѣетъ? Живу этою сладкою надеждою: объ этотъ камень все должно сокрушиться!

Вашъ П. Прейсъ.

P. S. Послѣ завтра отправляюсь изъ Вѣны, которая мнѣ очень не нравится. Въ первыхъ числахъ Мая непремѣнно буду въ Тріестѣ и оттуда *вѣроятно* поѣду въ Черную Гору въ обществѣ съ Вукомъ. Какъ я радуюсь этому путешествію! Прилагаемую при семъ записку прошу покорнѣйше передать Г. Іордану.

Вѣна,
5-го Апрѣля 1841.

2.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! Вотъ мы и въ Тріестѣ. Говорю: *мы*, потому что и Срезневскій тутъ же. Вукъ, Княжевичъ и Надеждинъ были тоже здѣсь; но предположеніе наше путешествовать всѣмъ вмѣстѣ не могло состояться: они спѣшатъ, хотятъ окончить путешествіе какъ можно скорѣе, а намъ это вовсе не кстати. Мы проводили ихъ въ путь, и сами остались въ Тріестѣ. Изъ гостиницы, гдѣ жить очень дорого, мы перешли въ частную квартиру, занимаемся отчетами и собираемся вмѣстѣ въ путь по Истріи, Далмаціи и далѣе. Ѣздили въ Венецію вмѣстѣ, и найдя тамъ много хорошаго и оригинальнаго и много грязи и запустѣнія, не нашли ничего для себя: двѣ Сербскія рукописи Дожевой Библіотеки не важны, а антикваріи показали намъ только одну Далматскую книгу, совершенно пустую.

Довольные другъ другомъ, мы съ радостію думаемъ о томъ, что вмѣстѣ будемъ путешествовать. Одно только наводитъ раздумье и на меня и еще болѣе на Срезневскаго. Намъ очень хотѣлось вмѣстѣ странствовать какъ можно далѣе — и по границамъ, и въ Сербію, и въ Болгарію, но паспортъ Срезневскаго только до Сентября, и потомъ, если онъ не получитъ позволенія продолжать путешествіе, то долженъ будетъ ѣхать въ Россію и оставить меня въ одиночку. Это сокрушаетъ насъ; а какъ рѣшительно помочь себѣ, не знаемъ. Придумали вотъ что: Срезневскій пишетъ просьбу къ Министру объ исходатайствованіи ему позволенія остаться въ путешествіи еще на годъ, а я къ Вамъ. Вы знаете, какъ намъ полезно путешествовать вмѣстѣ, даже и въ отношеніи къ помощи другъ другу въ случаѣ болѣзни, особенно въ такихъ земляхъ, каковы южно-Славянскія. Вы не нелюбите насъ, а голосъ Вашъ у Министра не можетъ не имѣть вѣса. Вотъ почему и позволяю себѣ просить Васъ: потрудитесь написать къ Сергію Семеновичу письмо, представьте, какъ выгодно намъ путешествовать вмѣстѣ, и ходатайствуйте у него о продолженіи Срезневскому срока путешествія, съ тѣмъ чтобы мы могли странствовать вмѣстѣ—чѣмъ далѣе и долѣе, тѣмъ лучше. Изъ Сербіи, если будетъ можно, про-

браться намѣрены въ Болгарію, потомъ въ Галицію и Венгрію или „ако Бог да". Лишь бы только Срезневскій получилъ позволеніе. Беспокоя Васъ просьбою, остаюсь въ полной надеждѣ, что Вы не замедлите исполнить ее[1]). Наше почтеніе Вашей супругѣ, Шафарику, Юнгману и всѣмъ, кто не забылъ насъ. Поручаю себя Вашему доброму расположенію. П. Прейсъ.

Тріестъ,
Мая 1841 года.

А. Н. Пыпинъ.

1.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичъ!

Недавно прочелъ я нѣсколько строкъ изъ вашего письма къ Буличу, относящихся ко мнѣ: благодарю Васъ за память. Уже нѣсколько недѣль живу я здѣсь, но какъ будто все еще въ Прагѣ; читаю вывезенныя чешскія книги, кое-что пишу, и по этому случаю обращусь къ вамъ съ нѣкоторыми просьбами.

Какъ жаль бѣднаго Прокопа; я не думалъ, что онъ можетъ умереть такъ скоро. Въ какомъ положеніи остались его рисунки? Напишите мнѣ объ этомъ. Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть извѣстныя миніатюры, и если можно, я попрошу васъ устроить для меня это дѣло.

Какъ довольны вы новымъ русскимъ, который пріѣхалъ къ вамъ на мою смѣну? Посадили ли вы его за какую-нибудь работу для Часописа или другаго изданія: я говорилъ ему объ этомъ.

Получили ли вы послѣднюю книжку Русской Бесѣды за прошлый годъ; тамъ есть одна очень любопытная статья о западномъ славянствѣ. Видѣли ли вы также послѣдній № лондонскаго изданія, который касается того же предмета; я читалъ его съ наслажденьемъ. Пишу теперь о новой чешской литературѣ для русскихъ читателей, написавши о русской для чешскихъ[2]). Мнѣ хочется чрезвычайно разсказать послѣднюю исторію о Судѣ Любуши, но главнаго, обвиненій въ Tagesbote, до сихъ поръ не имѣю. Я просилъ Коларжа доставить мнѣ его; онъ обѣщалъ, но теперь не пишетъ ни

[1]) См. Живую Старину, 1890, IV, 34—36.

[2]) Имѣются въ виду: „Listy o ruské literatuře", въ Č. Č. Mus., 1858 и 1859 г. Въ альбомѣ Ганки 13/25 ноября 1858 г. П. написалъ: „Благодарю васъ за радушное гостепріимство, за ваше сочувствіе и поучительные часы, проведенные съ вами. Наши желанія и надежды соединяются на одномъ предметѣ — пусть мужаетъ и утверждается непоколебимо славянская народность. Александръ Пыпинъ".

слова, хотя я ему писалъ отсюда уже *два* раза. Не можете ли вы сдѣлать мнѣ это одолженіе, добрый Вячеславъ Вячеславовичъ? Кромѣ того, у меня осталось въ Прагѣ еще одно дѣло, именно я заказалъ книгопродавцу Эрлиху (Ehrlich, на площади у ратуши) выписать мнѣ изъ Вѣны два экземпляра брошюры: Ueber die Eigenthums-Verletzung von H. Jireček, — за которые уже и заплатилъ деньги. Эрлиху я сказалъ также, чтобъ онъ эти книжки отдалъ Коларжу, который обѣщалъ мнѣ ихъ выслать. Объ этомъ я опять не слышу ни слова. Дальше, я забылъ пріобрѣсти въ Прагѣ Slávy dceru, которая мнѣ совершенно необходима; разумѣется, я желалъ бы имѣть послѣднее, полнѣйшее изданіе, кажется, 1832 года. Напишите мнѣ, сколько всѣ эти вещи будутъ стоить, и я вамъ тотчасъ вышлю деньги.

Мнѣ чрезвычайно совѣстно заваливать васъ моими просьбами, но ваша всегдашняя доброта успокоиваетъ меня, и я надѣюсь, что вы не будете на меня сѣтовать.

Я остаюсь въ Берлинѣ еще мѣсяцъ, можетъ быть полтора, потомъ ѣду вѣроятно въ Парижъ и Лондонъ. Мой настоящій адресъ: Berlin, Mauerstrasse, 22, bei Salbach.

Совсѣмъ забылъ: для моего будущаго путешествія въ Лондонъ я буду просить еще васъ о записочкѣ къ Паницци — такъ, кажется, зовутъ лондонскаго библіотекаря.

До свиданья. Будьте здоровы. Весь вашъ

Александръ Пыпинъ.

Берлинъ,
17 февраля 1859.

2.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина я рѣшился еще разъ напомнить Вамъ о себѣ и вмѣстѣ поблагодарить Васъ за Ваше письмо и посылку, которыя я исправно получилъ отъ Энгельмайера, уже давно уѣхавшаго въ Петербургъ. Чрезвычайно благодаренъ Вамъ за всѣ Ваши одолженія и за извѣстія о Прагѣ, которыя будутъ для меня всегда въ высшей степени интересны. Все время, которое я пробылъ здѣсь, я продолжалъ заниматься тѣмъ, что началъ въ Прагѣ, перечитывалъ свои чешскія книги и кое-что работалъ. Лѣтомъ, вѣроятно въ іюлѣ, пріѣду опять къ Вамъ продолжать мои занятія.

Черезъ два-три дня я выѣзжаю отсюда въ Парижъ, останусь тамъ около мѣсяца и потомъ поѣду въ Лондонъ, гдѣ, при

помощи Паниццы, можетъ быть удастся найти что нибудь интересное. Не знаю, какъ сбудутся мои надежды и желанія, но хотѣлось бы не даромъ побывать въ Лондонѣ и, кромѣ европейскаго интереса, найти тамъ и русскій или славянскій интересъ.

Къ вамъ долженъ пріѣхать, или уже пріѣхалъ еще одинъ русскій, еще одинъ изъ университетскаго русскаго общества, котораго вы довольно видѣли въ послѣднее время. Г. Петровъ хотѣлъ пробыть въ Прагѣ около недѣли.

Русскихъ новостей мы имѣемъ здѣсь мало; письма изъ Россіи какъ-то стали у насъ рѣдки и коротки, такъ что сообщить любопытнаго нечего. Газетные же толки извѣстны и у васъ. „Парусъ" кажется окончательно погибъ; что замѣнитъ его, неизвѣстно; и будетъ ли новая предполагаемая газета имѣть такую же программу, также вопросъ. На „Парусѣ" стало ясно, какъ незначительно еще освобожденіе нашего общественнаго мнѣнія; цензура еще не выдерживаетъ сколько нибудь сильнаго голоса; мы не можемъ еще говорить, какъ слѣдуетъ, вслухъ, — иначе насъ останавливаютъ. Вотъ вамъ характеристика нашего положенія: если общество уже значительно выросло, то и старыя традиціи еще очень сильны, и ихъ вдругъ не побѣдишь. Впрочемъ и „Парусъ" отчасти виноватъ въ своемъ дѣлѣ: онъ заговорилъ слишкомъ самонадѣянно, сколько можно заключать о немъ изъ газетныхъ выписокъ; самого „Паруса" я еще не видѣлъ. Былъ ли онъ у Васъ?

Я получилъ наконецъ изъ Праги все, чего просилъ: и Slávy dceru и Tagesbote; мнѣ прислали и Lumíra, гдѣ было извѣстіе о Любушинѣ Судѣ, и біографію Крамеріуса. Я былъ очень радъ всѣмъ этимъ присылкамъ.

До свиданья, добрый Вячеславъ Вячеславичъ,—будьте здоровы. Если бы въ теченіе апрѣля вы прислали маленькое извѣстіе о себѣ въ Парижъ, poste restante, а въ теченіе мая въ Лондонъ (также p. rest.), то вы чрезвычайно порадовали бы искренно васъ уважающаго Александра Пыпина.

P. S. Будьте такъ добры, передайте моему пріятелю прилагаемую записочку. Вамъ просятъ передать усердные поклоны Н. Н. Буличъ и Б. И. Утинъ.

Берлинъ,
29 марта 1859.

3.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ писалъ къ вамъ и имѣлъ новости о васъ и моихъ

пражскихъ знакомыхъ: съ тѣхъ поръ успѣло случиться много важныхъ событій,— что они принесли новаго и хорошаго (или лурнаго) для васъ? Что вообще новаго въ Прагѣ, и въ частности, у нашихъ общихъ знакомыхъ? Эти вопросы живо меня занимаютъ, и я буду просить васъ дать мнѣ вѣсточку о вашихъ новостяхъ.

Что касается до меня, то, какъ вы видите, мои прежніе планы путешествія разстроились. Я думалъ быть лѣтомъ въ Прагѣ,—болѣзнь удерживаетъ меня и теперь въ Парижѣ. Я думалъ потомъ побывать еще въ Австріи и оттуда проѣхать въ Италію; въ настоящую минуту это очень неудобно. Поэтому я вѣроятно до сентября останусь въ Парижѣ и потомъ, послѣ короткаго путешествія по Италіи, уже на возвратномъ пути попаду еще разъ въ Прагу. Въ маѣ я ѣздилъ въ Лондонъ, благодаря Вашей рекомендаціи нашелъ библіотекарей Британскаго музея очень любезными, занимался тамъ отчасти, но сдѣлалъ немного. Рукописей тамъ очень значительное число, но онѣ не разобраны и разбросаны по множеству различныхъ каталоговъ, такъ что нужно много времени и для того только, чтобы свести ихъ въ одно цѣлое.

Какимъ образомъ кончился споръ о рукописяхъ? Сдѣлалъ ли Томекъ то изданіе, въ которомъ хотѣлъ собрать исторію этого спора и свои опроверженія? Вышло ли приготовлявшееся при мнѣ изданіе Краледворской рукописи? Какъ бы интересно было для меня слѣдить за всѣмъ этимъ, но внѣ Праги это совершенно невозможно. Въ Парижѣ есть только въ одномъ мѣстѣ Pražské Noviny, и тѣ мнѣ рѣдко удавалось видѣть.

У насъ въ литературѣ ничего особеннаго не появлялось. Вышелъ, правда, третій томъ Исторіи древней словесности русской Шевырева, но онъ очень слабъ. Хвалятъ очень филологическій трудъ Буслаева—Историческую грамматику русскаго языка,—но я не видѣлъ еще этой книги. Скоро выдетъ чрезвычайно любопытное сочиненіе Ламанскаго—О древнихъ славянскихъ колоніяхъ, — о которомъ я говорилъ вамъ еще въ Прагѣ. Оно уже отпечатано теперь. Итакъ, до свиданья, котораго я жду съ нетерпѣніемъ. Будьте здоровы и напишите нѣсколько строкъ искренно Вамъ преданному Алекс. Пыпину.

P. S. Передайте мои поклоны моимъ знакомымъ въ Прагѣ которые меня еще не забыли. Что дѣлаетъ и гдѣ находится М. Ив. Сухомлиновъ?

Парижъ,
7 іюля 1859 г.

4.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Очень Вамъ благодаренъ за письмо ваше, котораго я уже давно дожидался. Я самъ раньше не писалъ къ вамъ потому только, что неудобно было во время войны посылать къ вамъ письма изъ Парижа.

Я очень жалѣю, что болѣзнь моя (впрочемъ, не серьезная, и теперь уже почти кончившаяся) не позволила мнѣ провести лѣто въ славянскихъ краяхъ, какъ мнѣ этого желалось, если вы помните. Что дѣлать? Придется искать для этого другого времени.

Благодарю васъ за ваши посылки, которыхъ я впрочемъ еще не получилъ, потому что недѣли три уже какъ не видѣлъ Мартынова; я отправлюсь къ нему на дняхъ.

Мнѣ писали изъ Петербурга, и я самъ читалъ въ нашихъ журналахъ, что бар. Корфъ сдѣлалъ изъ Петербурга протестацію по вашему дѣлу. Какъ это происходило и какое вліяніе имѣла протестація?

Скоро вы получите изъ Петербурга замѣчательную диссертацію моего близкаго пріятеля Ламанскаго „О древнихъ славянскихъ колоніяхъ“. Самъ онъ, осенью или зимой, также отправится за границу и одинъ изъ первыхъ визитовъ сдѣлаетъ къ вамъ въ Прагу. Вы полюбите, я увѣренъ, этого прекраснаго человѣка, который скоро будетъ считаться у насъ однимъ изъ лучшихъ ученыхъ по славянской части.

Я очень радъ, что вы нашли художника, который могъ докончить рисунки въ моемъ экземплярѣ Крал. рукописи и можетъ снять для меня копіи изъ Liber viaticus. Я уже не надѣялся имѣть послѣднія, а Liber viaticus очень мнѣ нравится.

До свиданія, почтенный Вячеславъ Вячеславичъ, до свиданія нынѣшней зимой. Мнѣ хочется провести въ милой Прагѣ еще нѣсколько недѣль передъ моимъ возвращеніемъ домой; я надѣюсь, что это будетъ самое пріятное заключеніе моего вояжа.

Преданный Вамъ Александръ Пыпинъ.

P. S. Нынѣшней весной, когда я ѣхалъ въ Парижъ, мнѣ удалось видѣться нѣсколько разъ съ слечной Вилеминой во Франкфуртѣ; она доставила мнѣ великое удовольствіе своимъ пѣньемъ и воспоминаньями о Прагѣ.

Парижъ,
23 іюля 1859.

5.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Пользуюсь случаемъ написать вамъ нѣсколько строкъ, хотя еще не знаю, получили ли вы мое прежнее письмо. О своихъ собственно дѣлахъ я не могу вамъ сказать ничего новаго, потому что все еще пока живу въ Парижѣ и не могу хорошенько заниматься интересующими меня предметами; мнѣ хотѣлось напротивъ разпросить васъ о томъ, что дѣлается вообще въ Прагѣ и въ Вѣнѣ. Вы будете теперь имѣть случай послать письмо мимо почты и можете говорить прямо. Меня занимаетъ чрезвычайно нынѣшнее положеніе чешскихъ дѣлъ. Зачѣмъ ваше отечество объявлено было въ осадномъ положеніи во время войны? Развѣ были какія-нибудь безпокойства? Говорятъ, народъ въ Австріи былъ сильно недоволенъ войной, и будто бы правительство обѣщало реформы. Старое министерство кажется разстроилось; въ какомъ родѣ новое, и можно ли ждать отъ обѣщанныхъ реформъ чего-нибудь полезнаго для чеховъ?

Что собственно подѣйствовало на разрѣшеніе вашего дѣла съ Кугомъ? Какъ принято было объявленіе, которое, какъ я слышалъ, сдѣлалъ въ вашу пользу баронъ Корфъ [1])?

Что подѣлываетъ чешская литература? Не приготовляется ли въ ней чего-нибудь хорошаго и замѣчательнаго. Мнѣ писалъ недавно Фричъ (съ которымъ я познакомился въ Лондонѣ), будто бы Ригеръ отказывается отъ изданія начатаго имъ словаря. Правда ли это?

Одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, который долженъ привезти вамъ это письмо, привезетъ также книгу для Коларжа. Онъ могъ бы перевести оттуда нѣсколько стихотвореній; тамъ есть прекрасныя пьесы.

Не издали ли чего-нибудь нѣмцы, въ родѣ произведеній Куга? Это также нужно знать.

Будьте здоровы. До свиданія. Вашъ

Александръ Пыпинъ.

P. S. Скажите Коларжу, если его увидите, что я буду ждать письма и отъ него. Адресъ мой я вамъ сообщу.

Парижъ,
29 іюля 1859.

---

[1]) См. выше, стр. 544, письмо бар. М. А. Корфа.

I. B. Раковецкій[1]).

1.

Wielmożny Mci Dobrodzieju!

Na list WWPana Dobr. łaskawie do mnie in apr. a. c. pisany, dotąd niemiałem sposobności odpowiedzieć; oczekiwałem bowiem pewney okazyi, przez którą bym mógł ciągłą korrespondencyę utrzymać. Teraz przez P. Knaute, mieszkającego w Küllmühl, niedaleko Pragi, mam honor na szacowne pismo WWP.Dobr. odpowiedzieć.

Składam naprzód jak nayczulsze podziękowanie za udzielenie dostateczney kopiy powieści o Lubuszy i za udzielenie swych światłych uwag nad pomyłkami zrobionemi, które teraz w II Tomie Prawdy Ruskiéy sprostowane zostaną. Co aby dostateczniey było dopełnioném, upraszam WWPDobr. o udzielenie mi jeszcze swych uwag i objaśnień, na niezrozumiałe przezemnie mieysca, które osobno wypisane załączam. Jeden wiersz przysłanego mi *fac-simile* kazałem wysztychować, który dla porównania, czyli co poprawić nie potrzeba, przesyłam. Upraszam oraz o obszernieysze opisanie Rękopismu. abym o tém mógł w dziele wzmiankę uczynić; to opisanie tém bardziéy iest dla mnie pożądane, iż szacowny list WWPana Dobr., w którym takowe opisanie było zrobione, niewiem jakim przypadkiem zagubiony został. Przesyłam teraz 3 Exemplarze I Tomu Prawdy Ruskiey, z których jeden WWPanu Dobrodziejowi, drugi W. Jungmanowi, a trzeci W. X. Dobrowskiemu mam honor ofiarować, upraszając o łaskawe téy małey ofiary przyięcie. Przesyłam także część Tomu II-go, tyle, ile dotąd wyszło z druku. W dalszym onego ciągu, stosownie do planu, nastąpi z początku przedsłowie i Regestr materyi, daléy zaś *Rys historyczny Języka Słowiańskiego i słownik wyrazów słowiańskich*, w całym dziele znayduiących się. Co do wspomnionego Rysu historycznego, ten w jakowy sposób ma bydź zrobionym, wyczytać WWPDobr. raczysz na str. 150 Tomu II-go. W obu częściach tego Rysu będzie mowa, naprzód, w ogólności o języku słowiańskim, potem, krótka wzmianka o różnych iego dyalektach; daléy, obszernie będzie się zastanawiać nad dyalektami i literaturą Rossyiską, Czeską i Polską. *Pierwsza część* zrobioną będzie na wzór Rivarola (*Sur l'universalité de la langue française*), druga część na wzór de la Brosse (*Traité de la formation méchanique des langues*). Co do Literatury Rossyiskiey i Polskiey,

[1]) Авторъ извѣстнаго труда: „Prawda Ruska" (I—II), Warszawa, 1820 и 1822, и разсужденія: „O stanie cywilnym dawnych Słowian" (1820); скончъ. 22 іюля н. ст. 1839 года.

mam dość materyałów. Lecz co do Literatury Czeskiey—mam bardzo mało. Upraszam zatem WWPana Dobr. o łaskawe mi udzielenie stosownych wiadomości, na które tem łatwiéy mogę oczekiwać, iż dla wielu innych moich zatrudnień druk Tomu II-go zawieszam do dwóch miesięcy, ukończyć go jednak myślę przed nowym rokiem.

Kończąc to pismo napełnione prośbami, do których mnie ośmiela znana gorliwość WWPana Dobr. o postęp Literatury Słowiańskiéy, mam honor powtórzyć jak nayczulsze moie podziękowanie za łaskawie uczynioną do mnie odezwę i polecić mnie nazawsze jego szanowney przyiaźni. W. Jungmanowi móy naywyższy szacunek oświadczam. JW. Linde i JW. Majewski swóy ukłon WWPanom Dobr. zasyłają. Łącząc wyraz wysokiego upoważenia, jestem etc. Rakowiecki.

P. S. Jeżeliby Dzieła moie mogły znaleść lubowników u Szacownych Pobratymców, mógłbym przesłać żądaną liczbę Exemplarzy w mnieyszey nad księgarską cenie, to iest: oba tomy na papierze klejowym za złot. pol. 30., na holend: za zł. 40., licząc w to koszta przesłania, które sam zastąpię. Korrespondencya i przesłanie exemplarzy przez P. Knaute na ręce Pana Hordliczka, mieszkającego w Warszawie na ulicy Rybaki № 215, ułatwianą bydź by mogła.

Warszawa,
d. 4. Lipca 1821.

Помѣта Ганки: „Odpow. 9 pros".

ZAPYTANIA.

Wletawa
Otawa krywa
Radbuże chładne
Lubica biela
Dobrosławski chlemec
Gory Krekonossy
Trut
Kamenny most
Bredy wletorečne
Sazawa
Mža

Jakie iest tych miast, rzek i mieysc położenie geograficzne? czyli te dotąd pod temiż lub odmiennemi nazwiskami exystuią? Co do gór Krekonossy czyli nie masz jakiéy bajecznéy między pospólstwem o tych górach powieści, maiącey podobieństwo do góry Smoczą zwanéy przy Krakowie będącey, gdzie Krakus miał zabić Smoka? Jaki mógłby bydź pierwiastek i znaczenie słowa Krak lub Krek oraz słowa Trut?

W następuiących wierszach wyrazów podkreślonych nierozumiem: Рода стара Тетки Попелова... в сеже жирне власти прес три рѣки (które to są te trzy rzeki?).

Прилетѣше дружна властовица — Co słowo дружна, czyli to nieznaczy drużynę, to iest dwor, fraucymer? (Cf. Prawda Ruska T. I. p. 86). Co do słowa własto wica, zrobiona w liście WPDobrodz. uwaga, iż to ma znaczyć = Pol. Jaskółka, Ross. Ласточка. Lecz czyli tego niemożna stosować do Własty, znanéy w początkowéy historyi Czeskiéy i Polskiéy?

lubo w prawdzie wiadomo mi iest, iż dotąd na Rusi Jaskółka za arcyszacownego i miłego uważana iest ptaka.

На попражїу уставити правду. Czyli iest iaki podobny wyraz w którym dyalekcie słowiańskim i coby ten miał znaczyć? lub też czyliby nie było lepiéy w tem mieyscu, stosownie do zrobionéy przez WPDobr. uwagi, położyć по праву?

Идѣже Орлицу Лабе пїе...?

Идѣже Трут погуби сань люту...?

Но все кметн, лехи и владыки... Czyli słowo лехи można uważać za stan Rycerski, а владыки za stan duchowny? Upewnienie tego domysłu ważną, iak mniemam, byłoby rzeczą dla historyi dawnych Słowian. Pewna iest, iż oni przed wprowadzeniem chrześcianizmu mieli Rząd Theokratyczny, który wspólnie z Rządem Cywilnym był połączonym. Musiał bydź więc stan Duchowny, Rycerski i Gminny. Pierwszy składać musieli Władyki. Drugi Lachy, a trzeci Kmety. Nazwisko Władyków dotąd nadawane iest Biskupóm wyznania Greckiego. Nazwisko Kmetów (Pol. Kmiecie) dotąd nadawane iest włościanóm. Co do nazwiska Lachow, mniemam, iż z tego utworzone zostało nazwisko Morlachów i Lachów czyli Polaków, a to z przyczyny następuiącéy:

Po wstrzęśnieniu i po ujarzmieniu większéy części ogromnego Słowian Narodu, a szczególniéy, iak się zdaie, po upadku Wielkiey Morawii, stan Rycerski Lachami zwany mogł się skupiać w teraźnieyszéy Morlachyi nad golfem Weneckim i w Polszcze nad Wisłą, gdzie jedni pod nazwiskiem Mor-Lachów, a drudzy Pol-Lachów, unosząc swoie swobody i one broniąc, takoweż nazwiska swym potomkom zostawili?

Выученъ вѣщбамъ витѣзовымъ — w oryginale iest uitzouim. Słowo to zdaie się odpowiadać Ross. вѣче, Czes. wèc, Pol. wiece = sąd naywyższy, pod prezydencyą Panuiącego odbywany (Cf. Prawda Ruska T. I, 130. przyp. 146. Także Słow. Pol. pod słowem wiec), czyli zatem nienależałoby czytać вѣчевымъ?

У небуду вам судити свады... U = y, nie wiem co właściwie znaczy i czyli w którym dyalekcie zamiast ja, я (= lat. Ego) używane?

2.

Wielmożny Mci Dobrodzieju!

Miałem honor otrzymać list WWPDobr. w mies. Kwietniu r.b. pisany, na który odpowiedziałem przez niejakiego Pana Knaute, mieszkającego nie daleko Pragi w mieście Küllmühl; przy tym liście posłałem trzy Exemp. I-go Tomu Prawdy Ruskiey. Niepewny, czyli ta Expedycya doszła rąk WWPDobr., mam honor, ninieyszym o takowéy go uwiadomić i razem donieść, iż tom II. wkrótce wyidzie z druku. Umieszczona w nim będzie poprawna kopia powieści o Libuszy, łaskawie mi przez WWPDobr. udzielonéy. Smiem przytem upraszać o udzielenie mi objaśnienia na niezrozumiałe przezemnie w téy powieści mieysca, które na za-

mam dość materyałów. Lecz co do Literatury Czeskiey—mam bardzo mało. Upraszam zatem WWPana Dobr. o łaskawe mi udzielenie stosownych wiadomości, na które tem łatwiéy mogę oczekiwać, iż dla wielu innych moich zatrudnień druk Tomu II-go zawieszam do dwóch miesięcy, ukończyć go jednak myślę przed nowym rokiem.

Kończąc to pismo napełnione prośbami, do których mnie ośmiela znana gorliwość WWPana Dobr. o postęp Literatury Słowiańskiéy, mam honor powtórzyć jak nayczulsze moie podziękowanie za łaskawie uczynioną do mnie odezwę i polecić mnie nazawsze jego szanowney przyiaźni. W. Jungmanowi móy naywyższy szacunek oświadczam. JW. Linde i JW. Majewski swóy ukłon WWPanom Dobr. zasyłają. Łącząc wyraz wysokiego upoważenia, jestem etc. Rakowiecki.

P. S. Jeżeliby Dzieła moie mogły znaleść lubowników u Szacownych Pobratymców, mógłbym przesłać żądaną liczbę Exemplarzy w mnieyszey nad księgarską cenie, to iest: oba tomy na papierze klejowym za złot. pol. 30., na holend: za zł. 40., licząc w to koszta przesłania, które sam zastąpię. Korrespondencya i przesłanie exemplarzy przez P. Knaute na ręce Pana Hordliczka, mieszkającego w Warszawie na ulicy Rybaki № 215, ułatwianą bydź by mogła.

Warszawa,
d. 4. Lipca 1821.

Помѣта Ганки: „Odpow. 9 pros".

ZAPYTANIA.

Wletawa
Otawa krywa
Radbuże chładne
Lubica biela
Dobrosławski chlemec
Gory Krekonossy
Trut
Kamenny most
Bredy wletorečne
Sazawa
Mža

} Jakie iest tych miast, rzek i mieysc położenie geograficzne? czyli te dotąd pod temiż lub odmiennemi nazwiskami exystuią? Co do gór Krekonossy czyli nie masz jakiéy bajecznéy między pospólstwem o tych górach powieści, maiącey podobieństwo do góry Smoczą zwanéy przy Krakowie będącey, gdzie Krakus miał zabić Smoka? Jaki mógłby bydź pierwiastek i znaczenie słowa Krak lub Krek oraz słowa Trut?

W następuiących wierszach wyrazów podkreślonych nierozumiem: Рода стара Тетки Попелова... в сеже жирне власти прес три рѣки (które to są te trzy rzeki?).

Прилетѣше дружна властовица — Co słowo дружна, czyli to nieznaczy drużynę, to iest dwor, fraucymer? (Cf. Prawda Ruska T. I. p. 86). Co do słowa властовица, zrobiona w liście WPDobrodz. uwaga, iż to ma znaczyć = Pol. Jaskółka, Ross. Ласточка. Lecz czyli tego niemożna stosować do Własty, znanéy w początkowéy historyi Czeskiéy i Polskiéy?

lubo w prawdzie wiadomo mi iest, iż dotąd na Rusi Jaskółka za arcyszacownego i miłego uważana iest ptaka.

На попражїу уставити правду. Czyli iest iaki podobny wyraz w którym dyalekcie słowiańskim i coby ten miał znaczyć? lub też czyliby nie było lepiéy w tem mieyscu, stosownie do zrobionéy przez WPDobr. uwagi, położyć по праву?

Идѣже Орлицу Лабе пїе...?

Идѣже Трут погуби сань люту...?

Но все кмети, лехи и владыки... Czyli słowo лехи można uważać za stan Rycerski, а владыки za stan duchowny? Upewnienie tego domysłu ważną, iak mniemam, byłoby rzeczą dla historyi dawnych Słowian. Pewna iest, iż oni przed wprowadzeniem chrześcianizmu mieli Rząd Theokratyczny, który wspólnie z Rządem Cywilnym był połączonym. Musiał bydź więc stan Duchowny, Rycerski i Gminny. Pierwszy składać musieli Władyki. Drugi Lachy, a trzeci Kmety. Nazwisko Władyków dotąd nadawane iest Biskupóm wyznania Greckiego. Nazwisko Kmetów (Pol. Kmiecie) dotąd nadawane iest włościanóm. Co do nazwiska Lachow, mniemam, iż z tego utworzone zostało nazwisko Morlachów i Lachów czyli Polaków, a to z przyczyny następuiącéy:

Po wstrzęśnieniu i po ujarzmieniu większéy części ogromnego Słowian Narodu, a szczególniéy, iak się zdaie, po upadku Wielkiey Morawii, stan Rycerski Lachami zwany mógł się skupiać w teraźnieyszéy Morlachyi nad golfem Weneckim i w Polszcze nad Wisłą, gdzie jedni pod nazwiskiem Mor-Lachów, a drudzy Pol-Lachów, unosząc swoie swobody i one broniąc, takoweż nazwiska swym potomkom zostawili?

Выученъ вѣщбамъ витѣзовымъ — w oryginale iest uitzouim. Słowo to zdaie się odpowiadać Ross. вѣче, Czes. wěc, Pol. wiece = sąd naywyższy, pod prezydencyą Panuiącego odbywany (Cf. Prawda Ruska T. I, 130. przyp. 146. Także Słow. Pol. pod słowem wiec), czyli zatem nienależałoby czytać вѣчевымъ?

У небуду вам судити свады... U = y, nie wiem co właściwie znaczy i czyli w którym dyalekcie zamiast ja, я (= lat. Ego) używane?

2.

Wielmożny Mci Dobrodzieju!

Miałem honor otrzymać list WWPDobr. w mies. Kwietniu r.b. pisany, na który odpowiedziałem przez niejakiego Pana Knaute, mieszkającego nie daleko Pragi w mieście Küllmühl; przy tym liście posłałem trzy Exemp. I-go Tomu Prawdy Ruskiey. Niepewny, czyli ta Expedycya doszła rąk WWPDobr., mam honor, ninieyszym o takowéy go uwiadomić i razem donieść, iż tom II. wkrótce wyidzie z druku. Umieszczona w nim będzie poprawna kopia powieści o Libuszy, łaskawie mi przez WWPDobr. udzielonéy. Smiem przytem upraszać o udzielenie mi objaśnienia na niezrozumiałe przezemnie w téy powieści mieysca, które na za-

łączoney kartce są wypisane, tudzież o obszernieysze opisanie Rękopismu oryginalnego, o którem czytelników uwiadomić by można. J. B. Rakowiecki.

WProfes. Jungmann nayniższy ukłon oświadczyć upraszam.

Warszawa,
d. 28 Listopada 1821. Помѣта Ганки: „Odpow. 9 pros".

3.

Wielmożny Mci Dobrodzieju!

Na list WWPana Dobr. pod d. 3. Maia r. b. łaskawie do mnie pisany zaledwo w dniu dzisiejszym odpowiedzieć jestem w stanie. Rozmaite zatrudnienia domowe, słabość zdrowia, niezliczone kłopoty i trudności pewnej okazyi, stały się przyczyną, iż dotąd nie dopełniłem obowiązku podziękowania WWPana Dobr. za łaskawą o mnie pamięć i udzielenie ważnych i wielce szacownych w przedmiocie, któremu się poświęciłem, wiadomości. W momencie, w którym mam sposobność pisania do WWPana Dobr., tak jestem mocno roztargniony, że podobno list ten napiszę bez żadnego związku, o co naprzód przeprosić mi WWPana Dobr. wypada. Racz łaskawie rozrucone tu myśli zebrać do kupy i przebaczyć temu, który, zostaiąc dla Niego z naywyższym szacunkiem i uszanowaniem, dopełnia jak może swego obowiązku. Posyłam 2 Exemplarze całe II Tomu Prawdy Ruskiej dla JW. Dobrowskiego i Jungmana, resztę zaś dla WPana Dobr. W. Knaute bierze na siebie ten komis. Załączam także przysłane JWW. Linde dla WP. Dobr. dzieło. Do Petersburga poodsyłałem wedle adressu powierzone mi od WWPDobr. expedycye. Sądzę, iż pewnie doszły swego przeznaczenia. Spodziewam się, iż II-gi (tom) Prawdy Ruskiey już dawniey przez księgarzy mógł się dostać do rąk WWPana Dobr. Cały cel i przedsięwzięcie moie były badania nad starożytnym językiem słowiańskim. Jak celu tego dopiąłem, do światłych czytelników sądzić o tem należy. Wiem, że są uchybienia w mym dziele popełnione, które koniecznie nastąpić musiały tak z braku potrzebnych materyałów, jako też z pospiechu w robocie; jakoż kolwiek bądź, mniemam, iż znayduie się tam wiele rzuconych myśli, prowadzących do dalszych badań i odkryć. Jest zamiarem moim, jeśli mi zdrowie i sposobność dozwoli, zrobić obszernieyszą Historyą Języka Słowiańskiego i różnych z niego powstałych dyalektów w sposobie (sic). Już Rys jest zrobiony, o czem jednak niemogę wprzód pomyśleć, aż zbio-

rę potrzebne materyały i recenzye na dzieło moje, jeśli się kiedy widzieć dadzą. Odkrywam ten móy zamiar WWPDobr., jako Prawemu Słowianinowi, szczególniey w tym celu, abyś mnie raczył swemi światłemi uwagami wspierać i wszelkich stosownych wiadomości, jeżeli sposobność i czas dozwalać będą, łaskawie mi udzielać. Złożyłem Towarzystwu przysłane przez WWPana Dobr. dla niego dzieła, za które Towarzystwo składa nayczulsze podziękowanie. Gdy sposobność dozwoli, racz mi WWPD. donieść listownie krótko wiadomość o zasługach literackich WW-ch P.P. Jungmanów.

To widmo, które od wieków pokłuciło niegdyś wszystkich Słowian i ich upadku stało się przyczyną, jest jeszcze zbyt silne i mocne, niewzdrygaymy się iednak, wytrwałość i praca tylko iedynie pokrzepiać nas może w tym, co odkrywa istotną prawdę i co prowadzi do wspólnego jey zamiłowania. Ja mu(szę) wyiechać z Warszawy na prowincyę. Gdy więc WWP. raczysz pisać do mnie, o co naygoręcey upraszam, racz tedy pisać pod adressem JW. Linde.

Całe Towarzystwo zaleciło mi, abym oświadczył WWP.Dobr. Jego wdzięczność za udzielone mu rozmaite dzieła. JW. Linde i Majewski swóy ukłon zasyłają tu WWPDobr., jako też JW. Dobrowskiemu i WW. Jungmanom, którym i ja dołączam wyraz naywyższego szacunku etc. Rakowiecki.

Warszawa,
d. 30 Listopada 1822.

Ф. Рачки [1]).

Blagorodni i Visokoučeni Gospodine!

Neopisiva žalost sviuh Jugo-Slavjanah grudi zauzè, čěm dostignù starodavni Prag sudbina ona, pod kojom i sad stenje, tè koja ogromni udarac zadà Slavskome življu, osobito kad čusmo, da obustavljen je na vrěme daljni naprědak Lipe Slovanske. Ufamo se věndar, da će naša pravedna stvar nadvladati!

Blagorodni Gospodine! početkom ovoga lěta predbrojih se na Novine napomenutoga družtva; tè u pèrvom četvèrtolětju točno ih primih; buduć da koncem Travnja iste prestale jesu izlaziti, a tko znade, jeli i kada ugledati će světlost; molim Vas Gospodine! blagoizvolite ostavši forint i četerdeset krajcarah i četiri izručiti uredničtvu „Blahověsti" za predplatu, ili predbrojite se u moje ime na koji drugi časopis, za koga dovoljni bili bi

[1]) О немъ см.: Život i djela Dra Franje Račkoga, napisao Tade Smičiklas. Zagreb. 1895.

napomenuti novci, n. p. Svato-václavske poselstvy—il: Poutnik (samo ne na kakav politički); ako sva ova nemoguća bila bi, (kao i ostatak predplate) obratite rečenu summu na obće koristnu svèrhu.

Pisao bi na Urednika G. Vavru; nu nisam sĕguran, jeli i njega isti sa mnogimi nije stigao udes; zato obratih se na Vas, Veleučeni Gospodine! uzdajući se u neklonivo Vaše rodoljubje, da mi nećete napomenutu molbu uzkratiti; isto će smionost moju kao i neznanje velecènjenog Imena Vašeg' i naslova izpričati.

Ostajem i nadalje preporučajući se sluga pokorni i Jugo-Slavjan

Franjo Rački,
Bogoslov.

Naslov vèrhu novinah: Častnome Gospodinu Fr. Rački—u Bogoslovu u Senju. Kroz Rèku (Fiume).

U Senju,
dne 28 Lipnja 1849.

Раячичъ Іосифъ, патріархъ.

1.

Ваше Высокоблагородіе, Высокоченый Господине!

Присланыя мнѣ Ексемплари Остромирова святаго Евангелія, въ маломъ образцѣ Вами йзданаго, йко драгоцѣное свидѣтелство Вашихъ велеполезныхъ книжевныхъ содѣланій, и йко знаменіе Вашего прямо особѣ моей особенаго вниманія приняхъ съ велйимъ ѵдоволствіемъ сердца. Мнѣ нравится йзданіе сіе, которымъ потверждается, что и Вы наступили есте на оный пѫть, который ведетъ ко ѳбщей книжевности славенской. Я на семъ пѫти Васъ радостно соглядаю, и труды Ваша ѵважаю премного. Ѵ̈вѣреніе бо имѣю, что безъ ѳбщія своея книжевности Славяне до ѳбщія свѣдомости своего сродства и своея великости пріити немогѫтъ.

Благодаря Вамъ усердно на присланомъ мнѣ ексемплярѣ, и увѣряя Васъ, йко прочыя Епіскопомъ моея церкве хотя ѳ йменованыхъ нѣцыи во живыхъ неѳбрѣтаются, но я вмѣсто умершихъ поставленымъ и поставитися вскорѣ имѫщымъ живымъ послати бѫдѫ, предлагаю Вамъ еще сіе, что бы мнѣ 50 ексемпларей, аще таковыхъ на продажѫ у Васъ ѳбрѣтается, съ назначеніемъ цѣны прислали, и я йхъ въ моей Архіепіезѣ ѵпотребити бѫдѫ. Прочее увѣряя Васъ ѳ моемъ высокопочитаніи есмь Вашемѫ Высокоблагородію доброжелателнѣйшій (подписано:) Іѳсифъ,

Патріархъ.

Въ Карловцѣхъ,
27 февр. 1853.

2.

Ваше Высокородіе!

И паки ѿ щастіе имѣлъ пріяти и второе Ваше писаніе ѿ 6/18-го сего мѣсяца, въ которомъ исвѣствуете ми, что Г. Тоннеръ не можетъ пріимити преподаваніе ѡзначеныхъ ѥмꙋ ꙋчебныхъ предметовъ въ нашой болшой гѵмназіи, и что Вы ѡбрѣли инаго за тыя наꙋки способнаго мужа въ лицѣ Кандідата Г. Карола Калины.

Ꙗ съ предложеніемъ Вашимъ доволенъ ѥсмь, и точію прошꙋ Ваше Высокородіе, что бысте ꙋпутствовали ѥго, ѥже скорше въ Карловцы пріити. Єлико платы ѥго касается, то Г. Шафарикъ можетъ Вамъ извѣстіе ѡ томъ подати. Ꙗ только могꙋ Вамъ ѿ сюду сказать, что ѡнъ кромѣ ꙋреченыя платы за путное иждивеніе ѡбезпещетѣнъ будетъ. Мое пребываніе будетъ здѣ ѥще 5—6 дней.

Желая Вамъ здравствовати и цѣлꙋя Васъ дꙋхомъ сердечныя любви, пребываю съ полнымъ высокопочитаніемъ Вашегъ Высокородія нижайшій слуга (подписано:) Іѡсифъ,
Патріархъ.

An Seine Wohlgeboren den Herrn Venceslaus Hanka, National-Museums Direktor zu Prag.

Въ Вѣнѣ,
8/12-го Септ. 1853.

3.

Ваше Высокородіе!

Ꙗ честь имѣлъ пріяти Ваше посланіе ѿ 6. сего, и съ радостію ꙋразумѣлъ, что Г. Кандідатъ Тоннеръ рѣшился приняти суплетуру на нашей, не новосадской, якоже Ваше Высокородіе пишетъ, но Карловачкой Гѵмназіи. Ꙗ тѣмъ болше радуюся, что Вы именꙋете его ꙋсерднымъ Славяниномъ.

Прошу Ваше Высокородіе сказат' Г. Тоннеру, что онъ преподават' будетъ въ нашей болшой Гѵмназіи (Obergymnasium) предмети маѳиматическія и фѵзіческія, и природныя, и дѣлити бꙋдетъ тія по часомъ съ Г. Петровичьемъ; что ѡнъ добро сотворитъ, абіе ѿдатся въ Карловецъ, ѡво, что бы ѡбрѣлъ благовременно ѡбиталище, ѡво же, что бы ѡпредѣлно ꙋзналъ и съ Петровичьемъ подѣлилъ предмети ꙋчебныя и часы, разумѣетъ ся съ втеченіемъ Гѵмназіалнаго Діректора.

Прочее прошу приняти мое сердечное благодареніе, искренное цѣлованіе и особенное высокопочитаніе колько за Васъ, толь-

ко и҆ за Г. Шафарика, и҆ и҆мѣт' мя выну въ любви и воспоминаніи Вашемъ, ꙋ҆вѣрены сꙋще, что а҆зъ всегда є҆смь и҆ буду Вашъ искренѣйшій почитатель (подписано:) Іѡсифъ, Патріархъ.

Въ Вѣнѣ,
10 Септемврія 1853 п. р.

4.

Ваше Высокородіе!

Ꙗ҆ ѡ҆поминяюся, что Ваше Высокородїе нѣкїя книги ѿ мене требовали є҆сте, ѻ҆баче Писанїя Вашегѡ и҆ли Назначенїя тогѡ, въ которомъ требꙋемыя книги замѣчены были, нынѣ никакѡ не ѡ҆брѣтаю, є҆же ми весма жаль.

Сегѡ ради, желанїю Вашемꙋ и҆скренно удовлетворити хотя, настоящимъ ѡ҆брашаюся на Ваше Высокородїе съ тѣмъ, да бы ми є҆же скорше назначити и҆зволѣли, кїя сꙋть ѻ҆ныя Вами требованыя книги, какѡ бы потомъ въ состоянїе положенъ былъ, є҆же тѣмъ Вамъ неѿложнѡ присланнымъ быти.

Въ прочемъ со совершеннымъ высокопочитанїемъ и҆мѣю честь пребывати Вашегѡ Высокородія нижайшїй слꙋга

(подписано:) Іѡсифъ, Патріархъ.

Въ Карловцѣхъ,
29 Маіа / 10 Іꙋнїа 1854.

5.

Ваше Высоко-Благородіе!

На почитаемое посланїе Ваше не пропꙋстилъ ꙗ҆ писать Седмиградскомꙋ Г. Епїскопꙋ Барону Шагꙋна, что бы немедленнѡ ѿ Брашовскія церкве и҆зискалъ желаемꙋю рꙋкописаннꙋю книгꙋ, и҆ Вамъ тꙋю пꙋтемъ ꙋ҆казанымъ прислалъ, мене же ѡ҆ томъ а҆біе ꙋ҆вѣдомилъ. Ꙗ҆ послалъ є҆мꙋ болшагѡ ради ꙋ҆вѣдомленїя и Ваше подлинное посланїе съ прилогомъ подобоначертанїя и҆зъ ѻ҆ныя книги; и҆ паки надѣюся, что Ваше Высоко-Благородїе въ скорѣ полꙋчит' бꙋдетъ желаемое.

Извините Ваше Высоко-Благородїе толь долгое мое молчанїе; желахъ бо что и҆звѣстно Вамъ принести, ѻ҆баче ѿстоянїе Сибиня ѿсюдꙋ, и҆ Брашова ѿ ѻ҆нꙋдꙋ взыскꙋетъ болше времени къ поразꙋмѣнію.

Примите междꙋ тѣмъ сіе и҆звѣстїе ѡ҆ вещи, и҆ пребꙋдите съ Богомъ, ꙋ҆вѣрени сꙋще ѡ҆ моемъ совершеномъ высокопочитанїи, и҆мже всегда є҆смь Вашего Высоко-Благородія нижайшій

(подписано:) Іѡсифъ, Патріархъ.

Въ Карловцѣ,
21-го Ноемврїа 1854.

6.

Ваше Высокоблагородіе!

Подъ 21 Ноемвр. пр. г. имѣхъ честь ѹвѣдомить Ваше Высокоблагородіе, ꙗкѡ писахъ Седмоградскомꙋ Г. Епіскопꙋ, Баронꙋ Шагꙋна, да Вамъ книги рꙋкописныя: Еѵаггеліе и Апл҃ъ ѿ Церкве Брашовскія ѝзыскавъ послетъ, ѝ тогда ѥще твердꙋю надеждꙋ ѝмѣхъ, ꙗкѡ желанія нашего сподобимся.

Обаче подъ 13 Іанꙋар. 1855. Пр. Ч. 34. извѣщаетъ мя предсловꙋтый Г. Епіскопъ, ꙗкѡ Общество Брашовское, взырая книги сія, аки нѣкꙋю драгоцѣннꙋю древность, не можетъ ѿважитися, словꙋтыя книги ѝзъ церковныя книгохранилницы ѝздати.

Азъ въ семъ ѿвѣтѣ не могохъ почити, но въ моемъ вторичномъ Писаніи ѿ 12 февр. т. л. ч. 67, подавая томꙋ же Г. Епіскопꙋ довольное рꙋчателство, ꙗкѡ тыяже книги по взятомъ употребленіи цѣлы ѝ невредимы касающейся Церкви возвращены бꙋдꙋтъ, ѝ въ ѹвѣреніе сего мой собственный Реверсъ, на который бы книги ѝмѣтися могли, ѥмꙋ пославъ и паки молихъ Его, да настоитъ, да книги частѡпоминаемыя Вамъ присланы бꙋдꙋтъ.

И на сіе Позываніе мое полꙋчихъ подъ 27 февр. т. л. ч. Пр. 160. ѿрицателный въ томъ состоящійся ѿвѣтъ, ꙗкѡ помянꙋтое Общество Брашовское никакѡ рѣшитися не можетъ, да свѡя ѥмꙋ книги ѝздасть, которою приликою ѝ Реверсъ мой мнѣ назадъ возвращенъ ѥсть.

Изъ сегѡ ѝзволите Ваше Высокоблагородіе видѣть, ꙗкѡ ѝзъ всевозможное стараніе приложихъ, да желаніе Ваше ѝсполнено бꙋдетъ, ѡбаче въ томъ ѹспѣти не могохъ, ѥже ми весма жаль ѥсть.

Въ прочемъ пріимите увѣреніе моегѡ совершеннагѡ высокопочитанія, съ которымъ на всегда пребываю Вашего Высокоблагородія нижайшій (подписано:) Іѡсифъ,
Патріархъ.

Въ Карловцѣхъ,
13 Апріліа 1855.

Н. А. Ригельманъ[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Зная, какъ всѣ Ваши минуты посвящены полезнымъ занятіямъ, я не хотѣлъ до сихъ поръ безпокоить Васъ своею пере-

---

[1]) О Николаѣ Аркадьевичѣ Ригельманѣ см. Извѣстія Слав. Благотв. Общ. 1888, апр.—май, 261. „Два письма изъ Вѣны“ напечаталъ въ

пискою, хотя уже давно лежало на моей душѣ—искренно поблагодарить Васъ за расположеніе и ласки, которыя Вы мнѣ оказали въ продолженіи моего кратковременнаго пребыванія въ Прагѣ. Надѣюсь, что Вы не отнесли моего молчанія къ забывчивости или неблагодарности; смѣю Васъ увѣрить, что никто не въ состояніи болѣе меня цѣнить расположеніе человѣка, имѣющаго столько разнообразныхъ и драгоцѣнныхъ заслугъ.

Прибывши въ Вѣну, я немедленно отыскалъ себѣ учителя Чешскаго языка, Г-на Křepelka, и съ помощью его, теперь съ особеннымъ удовольствіемъ знакомлюсь съ Вашею рѣчью и словесностію. Къ сожалѣнію печальныя домашнія обстоятельства не позволяютъ мнѣ сосредоточить на этомъ предметѣ мое вниманіе такъ, какъ бы я хотѣлъ, — я разумѣю болѣзнь моей тётки.

София Алекс. Галаганъ, несмотря на свой недугъ, не забываетъ однако-жъ о Васъ и поручаетъ, равно какъ и дядя, передать Вамъ ихъ усердное почтеніе.

Если бы не это семейное обстоятельство, то я конечно предпочелъ бы жить въ Прагѣ, гдѣ бы имѣлъ болѣе средствъ и удобствъ заняться славянскими языками, а сверхъ того пользовался бы Вашимъ пріятнымъ обществомъ. Здѣсь же очень немного любителей Славянщины, да и съ тѣми я еще не знакомъ. Поэтому Вы легко поймете, почтенный Вячеславъ Вячеславичь, что не могу сообщить Вамъ ничего занимательнаго для Васъ, ничего не имѣю другаго, кромѣ просьбы, передать Вамъ. Отъ себя—сдѣлать мнѣ одолженіе купить и переслать въ Вѣну (не по почтѣ, а черезъ книгопродавца или транспортомъ): послѣднее изданіе Краледворской рукописи; лучшее какое есть изданіе народныхъ Чешскихъ пѣсенъ, съ музыкою для фортепья-

---

Моск. литер. и ученомъ сборникѣ (1846, стр. 371); о своихъ путешествіяхъ: „Три поѣздки за границу". Въ альбомѣ Ганки онъ написалъ: „Странствуя по Европѣ, вездѣ встрѣчаешь равнодушіе, даже непріязнь къ имени русскаго; невыразимо отрадно чувство, встрѣчающее каждаго нашего соотечественника въ Вашемъ, многозначащемъ для Славянскаго міра, градѣ. Кому мы обязаны этою высокою отрадою, какъ не славнымъ Чешскимъ мужамъ, въ кругу которыхъ Вы, Венцеславъ Венцеславовичъ, занимаете почетное мѣсто; и именно Вамъ болѣе, нежели кому-нибудь, мы должны принесть благодарность сердца за развитіе этаго родственнаго сочувствія Вашимъ радушнымъ пріемомъ, Вашею неограниченною добротою. Да содѣлается Чехія, на благо Славянъ, главою нравственнаго славянскаго міра, и Ваша Прага святилищемъ его духовной дѣятельности, такъ, какъ наше любезное отечество есть и да будетъ представителемъ его юношеской силы! Николай Ригельманъ, урож. Черниговской губ., села Андреевки".

на и голоса; и если можно найти—Коллара Slávy Dcera, второе изданіе. Надѣюсь, что Г. Подлипскій, которому прошу передать мой усердный поклонъ, будетъ такъ добръ, что возмётъ на себя трудъ исполнить мою просьбу, если Вы не будете имѣть времени. Благодарю его также за пересылку моихъ вещей, которая обошлась, впрочемъ, довольно дорого, потому что была сдѣлана черезъ почту. Мнѣ бы также хотѣлось знать, имѣете ли Вы уже отвѣтъ на счетъ Г. Подлипскаго. Другая просьба отъ моего учителя Крепелки (съ которымъ знакомъ Г-нъ Подлипскій). Не имѣя здѣсь въ виду ничего вѣрнаго и не зная, гдѣ пристроиться, онъ бы желалъ возвратиться въ Прагу, а потому поручилъ мнѣ убѣдительнѣйше просить Васъ принять въ немъ участіе и при случаѣ рекомендовать его кому-нибудь, или куда-нибудь, въ должность гувернера, учителя и другую.

Г-нъ Раевскій поручаетъ мнѣ передать Вамъ его почтеніе. Въ скоромъ времени будетъ Вамъ писать и пришлетъ при случаѣ, имѣющемся въ виду, ножичекъ, купленный въ Англіи Г. Карейшою.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми остаюсь, М. Г., Вашъ покорный слуга

Н. Ригельманъ.

Прошу еще передать мой усердный поклонъ Селину и его супругѣ.

Если нельзя заплатить за книги книгопродавцу здѣсь, при полученіи, то прошу меня увѣдомить—я вышлю деньги въ Прагу. Къ нимъ прошу пріобщить и изданія Матицы, которой у меня только три номера журнала за этотъ годъ.

Адресъ мой: Bellegardi—Hof, 3-te Stiege, 1 Stock. Николаю Аркадьевичу Ригельманъ.

Вѣна,
22 Ноября (1844).

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Ваше письмо отъ 26 Листопада я имѣлъ удовольствіе получить только 25-го Просынца; а потому Вы вѣрно извините меня, что я прежде не могъ передать Вамъ моей усерднѣйшей благодарности за присылку такого пріятнаго подарка, какъ Краледворская рукопись, подарка, котораго цѣна для меня еще значительно увеличивается тѣмъ, что я вижу въ немъ знакъ Вашего дорогаго воспоминанія и расположенія. Благодарю Васъ

также покорнѣйше за заботу о моемъ матичномъ билетѣ: мнѣ сказали, что я могу его удержать у себя; но теперь высылаю его къ Вамъ, прося передать Кронбергеру и сказать ему, чтобы онъ препроводилъ всё, что по оному слѣдуетъ, въ Вѣну книгопродавцу, своему комиссіонеру, или прямо мнѣ (моя квартира — Bellegardi-Hof, 3 Stiege, 1 Stock). Деньги за посылку нотъ и пѣсень получитъ Г-нъ Подлипскій отъ Селина, которому я пишу объ этомъ въ прилагаемомъ листочкѣ. И впредь, что будетъ выходить по Чешской Матицѣ, прошу пересылать сюда-же: передъ выѣздомъ изъ Вѣны я напишу Кронбергеру, чтобы онъ далъ тогда другое направленіе своимъ посылкамъ. Извините, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, что я осмѣливаюсь безпокоить Васъ этими мелочами. Всё, что выходитъ у нашихъ родныхъ Чеховъ, такъ меня занимаетъ, что я съ особеннымъ нетерпѣніемъ слѣжу за всѣми ея явленіями, и готовъ придраться ко всѣмъ и всякому, чтобы чѣмъ-нибудь воспользоваться. Мои занятія идутъ, хотя медленно. Погодинъ кажется остался въ Москвѣ, потому что по прежнему объявленъ редакторомъ Москвитянина, который, по слухамъ, обѣщаетъ быть лучше прежняго, потому что являются новые участники. Мы здѣсь хлопочемъ о выпискѣ русскаго журнала, какъ представителя между другими славянскими, въ одной кофейнѣ, по моему сосѣдству; но до сихъ поръ не получаемъ отъ цензуры отвѣта — система знакома. Здѣшніе Славяне собираются дать балъ 20 Ген., хотя не подъ славянскимъ именемъ; на немъ обѣщаютъ плясать Хорватское и Славонское Коло.

Петръ Григорьевичъ и Софья Александровна очень благодарятъ Васъ за память, усерднѣйше Вамъ кланяются и желаютъ „благого во всемъ поспѣшенія и на враги одоленія".

Примите увѣреніе въ чувствахъ глубокой преданности и почтенія, съ которыми пребываю, М. Г., Вашъ покорный слуга

Н. Ригельманъ.

Я также прошу Селина, чтобы изъ денегъ, которыя онъ мнѣ долженъ, онъ передъ выѣздомъ заплатилъ 30 гульд. слѣдующихъ еще отъ меня въ Матицу.

Вѣна,
6 Генваря 1845.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Уже болѣе мѣсяца, какъ я писалъ Вамъ, черезъ одного Пражскаго гражданина, по имени Славика, но до сихъ поръ, не

получая отъ Васъ отвѣта, не знаю, дошло-ли къ Вамъ мое писанье. Мнѣ тѣмъ болѣе будетъ жаль, если оно пропало, потому что я препроводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ мой билетъ на Матицу и просилъ Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе распорядиться высылкою сюда въ Вѣну Музейника и вышедшихъ книгъ, изъ которыхъ я еще ничего не получилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ Селина заплатить Г. Подлипскому за Эрбеновы Пѣсни; и если это еще не сдѣлано, то Вы видите, что тутъ не ихъ вина. Во всякомъ случаѣ, будьте такъ добры, Вячеславъ Вячеславичь, увѣдомьте меня безъ отлагательства, могу-ли я надѣяться получить здѣсь что-нибудь изъ изданій Матицы. Что конечно не трудно бы сдѣлать черезъ какого-нибудь здѣшняго книгопродавца, состоящаго въ сношеніи съ Кронбергеромъ. Мы такъ бѣдны новостями, что я не знаю, что бы могъ сообщить Вамъ занимательнаго. О Славянскихъ балахъ, Общеславянскомъ и Сербскомъ, Вы уже конечно слышали; оба они, въ особенности первый, были очень многолюдны и удачны. О Вашемъ балѣ мы имѣемъ покамѣстъ очень мало свѣдѣній. Въ Альманахѣ здѣшнихъ библіотекарей Миклошичь помѣстилъ списокъ Супрасльскій, очень любопытный для языкоспыту, слѣдовательно и для Васъ.

Мои домашнія обстоятельства ни въ чемъ не перемѣнились: тетка моя все еще больна, хотя ей гораздо уже лучше. Весною, можетъ быть, вмѣстѣ отправимся во свояси. Прошу передать мой поклонъ Подлипскому и Селину. О первомъ дядя мой интересуется знать, получилъ-ли онъ уже мѣсто въ Кіевскомъ Университетѣ?

Мои занятія славянствомъ идутъ по немножку; недавно я началъ знакомиться съ языкомъ Сербскимъ или Южныхъ Славянъ. Недавно Пановъ прислалъ Вамъ, черезъ Г. Наумова, прибывшаго сюда, свою брошюру — отрывокъ изъ путешествія по Далмаціи, и стихотворенія Языкова,—то и другое будетъ Вамъ доставлено при первомъ удобномъ случаѣ.

Надѣюсь, что Вы меня обрадуете вскорѣ Вашимъ отвѣтомъ, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми остаюсь Вашъ покорный слуга

Н. Ригельманъ.

Мои родные свидѣтельствуютъ Вамъ искреннее почтеніе.

Вѣна,
26 Февраля.

4.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичь,

Послѣ долгаго промежутка времени, въ продолженіи котораго я только изрѣдка имѣлъ объ Васъ извѣстіе отъ Кат. Алек. Селиной, я теперь въ скоромъ времени надѣюсь снова увидѣть Прагу и Васъ, нашего любезнаго и радушнаго соплеменника, о которомъ я сохранилъ самыя пріятныя воспоминанія. Я надѣюсь выѣхать отсюда черезъ недѣлю и, можетъ быть, пробуду у Васъ недѣльки двѣ.

Я имѣю Вамъ передать поклоны, разумѣется, отъ Селиныхъ, которыхъ оставилъ въ Кіевѣ здоровыми, а на счетъ другихъ русскихъ новостей отлагаю до нашего свиданія. Здѣсь я прожилъ полтора мѣсяца, вижусь часто съ Мих. Ѳедор. Раевскимъ и съ нѣкоторыми Сербами; изъ Чеховъ же здѣсь никого не знаю. Одинъ здѣсь мой прежній пріятель Тереба (?), но и того видѣлъ всего разъ, обѣщалъ прійти ко мнѣ и не былъ и мнѣ своего адресса не оставилъ. „Такъ то времена переходчивы, такъ то люди перемѣнчивы", какъ говоритъ русская пословица; но Вы, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, безъ сомнѣнія, остались вѣрны Вашимъ прежнимъ пріятелямъ; и я съ своей стороны прошу вѣрить неизмѣнно-искреннимъ чувствамъ уваженія и преданности, съ которыми остаюсь Вашъ покорный слуга

Николай Ригельманъ.

Если Вамъ нужно что-нибудь сдѣлать или привезти изъ Вѣны, то поручите мнѣ.

Вѣна,
15 Генв. 1858.

5.

На дняхъ получилъ Ваше письмо, Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичь, и не могу не подосадовать на жадность банкира, который требуетъ съ Васъ 2 гульд. 50 кр. за такую пустую посылку. Пожалуста, не платите или скажите Г. Цапу, чтобы ничего не платилъ, а объявите требующему, чтобы они обратились ко мнѣ. Я не воображалъ никакихъ расходовъ, кромѣ пересылки до Бродъ, но и та выходитъ дорого. Не знаю, что дѣлать. Вы пишете, что нуждаетесь въ новыхъ произведеніяхъ литературы, они у насъ всѣ въ толстыхъ нашихъ журналахъ, которыхъ теперь расплодилось большое множество. Отдѣльно книгъ выходитъ мало, да и тѣ или серіознаго содержа-

нія, или сборники повѣстей, бывшихъ уже напечатанными. Вообще изъ Кіева я Вамъ могу прислать кіевскія изданія, для этого я просилъ Васъ написать мнѣ, какія уже у Васъ есть.

Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что Шодуара уже нѣтъ въ живыхъ, равно и моего дяди Петра Григорьевича, которому Вы посылаете поклонъ. У Должикова справлюсь, но сомнѣваюсь, чтобы нашелъ что-нибудь, по давности времени.

При разборѣ книгъ, присланныхъ Вами, не оказалось совсѣмъ *втораго тома* Исторіи Палацкаго, то есть обѣихъ частей; если можно, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, пришлите при случаѣ. На счетъ нѣмецкаго ея изданія, не помню, оставилъ ли я Вамъ деньги, или нѣтъ. Впрочемъ, у меня теперь нѣтъ подъ рукою прежнихъ томовъ, давней покупки, а потому объ этомъ напишу Вамъ въ другой разъ.

Селины здоровы и Вамъ усерднѣйше кланяются, я ихъ часто вижу. Комитеты о крестьянскомъ вопросѣ продолжаютъ свои занятія въ совершенномъ спокойствіи.

Множество промышленныхъ предпріятій затѣвается, но каковъ-то будетъ успѣхъ—это покажутъ послѣдствія.

Обнимаю Васъ отъ всей души; поклонитесь моимъ знакомымъ. Вашъ искренно преданный Н. Ригельманъ.

Въ Австрію, въ Прагу, въ Богемію. Monsieur W. Hanka à Prag, en Bohême, au Musée national.

Кіевъ,
2/14 Дек. 1858.

6.

Многоуважаемый и дорогой Вячеславъ Вячеславичь!

Усерднѣйше благодарю Васъ за присылку книгъ и за всѣ хлопоты, которыя Вы взяли на себя, чтобы собрать ихъ и переслать. Они получены мною исправно; пересылка до Кіева стоила около 10 р. сер. Поблагодарите отъ меня усерднѣйше и Вашихъ членовъ, разрѣшившихъ выслать мнѣ все сполна. Съ моей стороны я готовъ Вамъ быть полезенъ, сколько могу; и для этого прошу увѣдомить, какія именно книги, или въ какомъ родѣ Вы желаете имѣть? Разумѣется, будучи въ Кіевѣ, я могу въ особенности доставить Вамъ кіевскія изданія. Напр., есть ли у Васъ изданія Кіевской Исторической Коммиссіи; кажется я у Васъ видѣлъ ихъ. Мнѣ, впрочемъ, Предсѣдатель обѣщалъ вчера выдать для пересылки Вамъ все то, чего у Васъ не до-

ставетъ. Равно могу Вамъ выслать, если вы желаете, изданіе Кіевской Статистической Комиссіи. На это все буду ожидать отъ Васъ увѣдомленія. А между тѣмъ прошу Васъ препровождаемыя при семъ ноты передать племянницѣ Г. Цапа—Вильгельминѣ Вячеславовнѣ Медалёвой, въ благодарность отъ меня за удовольствіе, которое она доставила намъ своимъ пѣніемъ.

Я все это время былъ въ деревнѣ и только недавно пріѣхалъ въ Кіевъ, почему и не могъ отвѣчать Вамъ прежде. Мы всѣ, дворяне, заняты теперь разрѣшеніемъ вопроса о крестьянахъ; во всѣхъ нашихъ губерніяхъ комитеты открыты, и есть надежда, что дѣло въ скоромъ времени будетъ приведено къ успѣшному окончанію. Слава Богу, народъ вездѣ тихъ и спокоенъ; ожидаетъ съ терпѣніемъ, чѣмъ разрѣшится его участь.

Вы читали вѣрно рѣчи Государя въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ; хоть онъ тамъ и нападаетъ на дворянъ, но нельзя отдать справедливости его благимъ намѣреніямъ. Въ Варшавѣ его встрѣчали съ искреннимъ энтузіазмомъ.

Вашимъ знакомымъ передалъ я Ваши поклоны; всѣ они вспоминаютъ о Васъ съ искреннимъ участіемъ. Селина часто вижу, но Катер. Алек. еще не видѣлъ, она находится на дачѣ.

Въ Кіевѣ новый Попечитель Университета—извѣстный Пироговъ, хирургъ и медикъ, по общимъ отзывамъ человѣкъ очень умный, отъ котораго можно ожидать всего хорошаго.

Окончу замѣчаніемъ о погодѣ, у насъ очень, очень теплая до сего времени и до того сухая, что мы очень боимся за наши посѣвы. Цѣны на хлѣбъ дорожаютъ, несмотря на недавнюю хорошую жатву.

Примите, любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, увѣреніе въ искреннѣйшемъ уваженіи и преданности отъ Вашего покорнаго слуги Н. Ригельманъ.

Кіевъ,
12/24 Окт. 1858.

С. В. Руссовъ[1]).

Милостивый Государь,

Пользуясь путешествіемъ черезъ Прагу Россійскаго Генерала Графа Мусина-Пушкина, который первый нашелъ и изъяснилъ переведенную Вами Игореву Пѣснь, спѣшу Вамъ принести

[1]) Списокъ трудовъ Руссова сообщилъ Геннади въ Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др., 1857, № 25, стр. 22–32.

чувствительную благодарность за пріязнь, ласки и благорасположеніе, коими пользовался въ бытность мою въ Прагѣ[1]). Сердечно жалѣю, что, не бывъ полнымъ распорядителемъ моего времени, не могъ я дѣлить съ Вами онаго болѣе, зато твердо уповаю, что Вы дружбу и знакомство Ваши продолжите на всегда письменно. Вы мнѣ дали обѣщаніе прислать въ Петербургъ или въ Москву критику Почтеннаго Дубровскаго на Исторію Карамзина и Исторію Стредовскаго по полученіи моихъ писемъ, но я придумалъ здѣлать сіе нѣсколько короче. Я Васъ убѣдительнѣйше прошу написать къ Лейпцигскому Вашему корреспонденту или книгопродавцу, чтобы онъ сіи книги отправилъ отъ себя въ С. Петербургъ къ Петербургскому своему корреспонденту, который бы, получивъ отъ меня принадлежащія деньги, выдалъ мнѣ книги, а чтобы сія коммисія была значительнѣй, то просите его прибавить къ двумъ вышеизъясненнымъ книгамъ еще три, то есть: Почтеннаго же Дубровскаго прежнюю книгу о древнѣйшихъ поселѣніяхъ Славянъ въ Европѣ — Über die ältesten Sitze der Slaven in Europa, его же славянскую грамматику и Аделунгова Митридата,—всего, кажется, четыре части, т. е. съ послѣднею, въ которой находится общая табель для всѣхъ частей.

Въ Петербургъ адресовать онъ можетъ ко мнѣ письма: Въ почтамтъ, Коллежскому Совѣтнику Василью Ѳедоровичу Дружининну; за тѣмъ личному Вашему попеченію оставляю копію Вендскаго Словаря. Съ моей стороны я буду стараться искать всѣ средства исполнить что либо для Васъ угодное и тѣмъ доказать мою преданность и истинное почитаніе, съ коими и пр.

Степанъ Руссовъ.

P. S. Почтеннѣйшей Супругѣ Вашей прошу объявить мое искреннее почтеніе. Также при свиданіи съ Господиномъ Почтеннымъ Дубровскимъ прошу изъявить ему отъ меня нижайшее почтеніе и просить извиненія, что не видавшись отъѣхалъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, кои изъяснилъ я въ письмѣ мо-

[1]) Въ альбомѣ Ганки 13/25 октября 1823 г. Руссовъ написалъ:

„Два года безъ родныхъ скитаясь по вселенной,
Теряю у себя часть жизни драгоцѣнной.
Но какъ же я былъ радъ,
Пріѣхавъ въ Вышеградъ:
Тутъ время съ Ганкою пріятно пролетѣло
И паки возвратить мнѣ, кажется, успѣло
Потери моея хоть нѣсколько часовъ,
За то благодаритъ душевно васъ Руссовъ".

емъ къ Вамъ, и потому смѣю надѣяться, что онъ не лишитъ меня своего благорасположенія.

Еще PS. Вы изволили обѣщать слова булгарскаго языка, и я въ бытность мою въ Прагѣ позабылъ объ нихъ; посему при первомъ письмѣ, коимъ меня удостоить изволите, приложить (sic).

Графъ отправился другимъ путемъ, и я письмо сіе отправляю по почтѣ.

Дрезденъ,
31 октября 1823.

А. И. и Е. А. Селины[1]).

1.

Почтеннѣйшій нашъ Всеславянинъ,
Вячеславъ Вячеславичь!

При частой перемѣнѣ мѣстъ не могъ найти полной свободы выразить Вамъ все, что поселили Вы въ насъ. 38 дней почти пробыли въ Швейцаріи и въ Прагѣ только можемъ Вамъ разсказать, что видѣли; еще до Милана Катерина Александровна безпрестанно твердила о Васъ и бранила меня, что я не пишу къ Вамъ, какъ часто о Васъ бесѣдуемъ. Богъ меня наказалъ,

[1]) Александръ Ивановичъ Селинъ (р. 1816, † 1877), проф. русской словесности въ Кіевскомъ унив. О немъ см. „Біографич. Словарь профессоровъ унив. Св. Владиміра“ Иконникова (Кіевъ, 1884). Въ альбомѣ Ганки Селинъ написалъ слѣдующія строки: „Народъ братій, святое семейство, долго лежала на тебѣ рука испытанія; мрачныя небеса возвышались надъ безпредѣльною колыбелью твоею; тучи враговъ закрыли тебя отъ лица востока; западъ горделивый не узналъ тебя въ одеждѣ смиренія; судьба обрекла тебя на молчаніе вѣковъ... Ангелъ твой хранитель былъ съ тобою, онъ далъ тебѣ звуки чувства, и грядущія поколѣнія уразумѣютъ тебя; твои сыны рады будутъ свѣту свободнаго дня, надъ твоей могилой они ударятъ въ струны, на которыхъ бряцала печаль твоя святая, найдутъ глубокія тайны въ твоихъ страданіяхъ, твоимъ смиреніемъ достигнутъ до престола Вѣчной мысли, голубиною чистотою твоей обратятъ тьму гордыхъ заблужденій въ ясный день истины... Если и ты, божественное семейство, пойдешь на покой въ западѣ твоей жизни, яснымъ вечеромъ скройся отъ очей міра, издали вѣковъ виденъ конецъ великой твоей жизни: тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ отца вашего, иже на небесѣхъ. Александръ Селинъ.

1844 г. 13/25 мая, въ Прагѣ, хранимой геніемъ ея—Вячеславомъ Вячеславичемъ Ганкой“.

ибо ожидалъ я всегда особенной минуты расположенія души, чтобы написать къ Вамъ; будто для Васъ, почтеннѣйшій мужъ, не довольно простаго выраженія прекраснаго къ Вамъ чувства нашего.

Въ Миланѣ купили мы вещи и просили переслать въ Прагу къ купцу; а чтобы мнѣ его найти, я осмѣлился просить прислать письмо ко мнѣ на Ваше почтенное имя. Послѣ такой исповѣди, почтеннѣйшій мужъ, Вы не будете гнѣваться на насъ. Изъ Милана ѣдемъ въ Геную, оттуда во Флоренцію, потомъ въ Неаполь, Римъ, въ Венецію, Тріестъ и къ Вамъ.

Почтеннѣйшей Вашей Супругѣ наше глубокое почтеніе.

Цѣлуемъ Васъ, почтеннѣйшій нашъ Вячеславъ Вячеславичь. Горько намъ будетъ, если не можемъ остаться въ Прагѣ.

Вамъ глубоко преданные и покорные А. и Е. Селины.

14-го Іюля 1844.

2.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь!

Съ немалою грустію оставили мы святую Прагу, грустнѣе еще было разлучаться съ милыми намъ особами, можетъ быть, навсегда. Въ Дрезденѣ Дивовъ насъ упросилъ не ѣхать на Варшаву, и мы прекрасно сдѣлали, отправившись черезъ Берлинъ, въ которомъ у нашего священника оставили мы очень много вещей, могшихъ насъ измучить на другой дорогѣ. Съ границы я послалъ нужныя письма Ваши и очень долго промедлилъ въ Саксоніи, особенно въ Пруссіи, принуждены были еще пробыть на Русской границѣ въ Таврогенѣ четверо сутокъ, по нездоровью Катерины Александровны. Петербургъ мы завидѣли за 40 верстъ и 23-го нашего Марта въѣхали въ него въ 9 часовъ вечера.

25-го я былъ у Сергія Семеновича, который чрезвычайно благодаренъ Вамъ за все присланное и очень былъ радъ за сообщенныя ему свѣдѣнія. Не менѣе радовался онъ Вашему намѣренію издать Реймское Евангеліе и Словяно-Церковную Грамматику. Прочія письма я разослалъ въ разныя времена черезъ курьера нашего брата. Востокова не видалъ, видѣлся только съ Гречемъ.

Мы теперь еще не устроились; не знаю, гдѣ будемъ жить, это будетъ зависѣть отъ службы, въ которую надобно же наконецъ вступить.

Давно бы весьма мы имѣли удовольствіе сообщить Вамъ, какъ живете Вы въ нашей памяти, съ какими благородными

къ Вамъ чувствами мы говоримъ о Васъ съ Катериной Алекс., но со дня пріѣзда начались эти вѣчно необходимыя, случайныя хлопоты, которыя заглушаютъ на время и прекраснаго много. Весной наймемъ мы съ сестрой дачу и проведемъ, вѣроятно, все лѣто въ окрестностяхъ Петрограда.

Сегодня 24-го Апрѣля прошло много льду, и комендантъ съ пушечною пальбою переѣхалъ въ шлюбкѣ черезъ Неву; два плашкота отъ разведеннаго моста оторвало и унесло въ море. Погода холодная, дуетъ сильный вѣтеръ, съ нетерпѣніемъ ждемъ счастливой перемѣны. А какъ у Васъ tam na hoře, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, или въ томъ лѣсу, куда Вы хотѣли уходить послѣ разлуки съ нами? Конечно, не теплѣе нашего. При всей любви нашей къ человѣку, я иногда сильно сѣтую на каждаго изъ насъ. Зачѣмъ такъ неразумно все прекрасное мы обращаемъ въ обыкновенное, когда обладаемъ и наслаждаемся имъ; сдѣлайте это невозможнымъ на время, даже затруднительнымъ, и какъ все становится снова драгоцѣннымъ. Когда возвратятся тѣ вечера, въ которые прекрасно мы себя находили, вѣдь были же богатыя, дорогія мгновенія... минуты откровенія были, и Онъ посреди насъ невидимъ бывалъ... хладная память не въ силахъ забыть это! почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, на людяхъ и смерть красна! Странно, что намъ, недавно возвратившимся въ Русы, кажется, что мы будемъ видѣться съ Вами... Извольте отгадать, есть ли это предчувствіе, или очень живое воспоминаніе о милой и почтенной Особѣ Вашей? Такъ цѣлуемъ Васъ отъ всего нашего сердца; отъ насъ же извольте передать глубокое почтеніе Вашей супругѣ.

Г-ну Шафарику покорнѣйше прошу сообщить наше почтеніе, и пусть онъ меня проститъ, что я не имѣлъ чести лично выразить благодарности моей за вниманіе ко мнѣ.

Г-ну Каубку и Г. Подлипскому усердно кланяюсь. Если вздумаете оторвать полчаса отъ занятій, то честь имѣю сообщить адресъ къ намъ:

Его Высокоблагородію Петру Ивановичу Орлову въ Опекунскій Совѣтъ, съ передачею Ал. Ив. Селину.

Посылаемъ Вамъ благословеніе Неба и желанія наши всего прекраснаго. Васъ любящіе Селины.

24 апрѣля 1845.

3.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь!

Мы имѣли честь сообщить Вамъ свѣдѣнія о судьбѣ нашего путешествія и пріѣздѣ въ Петроградъ. Письмо это послано было

25-го нашего апрѣля, и мы надѣялись, что въ половинѣ мая оно достигнетъ до Вашего кабинета. Въ тотъ же день отправлено было посланіе къ нашимъ друзьямъ Нѣмечковымъ, адресованное на имя ихъ брата Антона Петровича, съ векселемъ на 380 гульденовъ серебромъ для полученія этихъ денегъ отъ *Лемеля*; объ этомъ, къ огорченію нашему, мы ничего не знаемъ. Просимъ Васъ покорно потрудиться и узнать отъ нихъ, получили ли они высланный вексель и ради чего они продлить желаютъ наше мучительное ожиданіе читать ихъ милыя и благія словеса?

Письма Ваши всѣ разосланы по принадлежности, хотя въ разныя времена, чему причиною было непостоянство Невы. Я видѣлъ Сергія Семеновича не болѣе 4-хъ разъ; онъ опредѣлилъ меня въ Кіевскій Университетъ по предмету Русской Словесности, въ слѣдствіе одобрительнаго отношенія Императорскаго С.-Петербургскаго Университета о моей пробной лекціи, которую я читалъ въ Аудиторіи въ присутствіи факультета и студентовъ 2-го русскаго мая. Министръ позволилъ мнѣ погостить въ Петроградѣ до начала іюля; и мы переѣхали на дачу за городъ, которую я же сторговалъ сестрѣ нашей: домъ чудесный, передъ нашей комнатой лѣсъ, кругомъ богатое поле, и въ немъ часто гуляетъ Екатерина Александровна.

Когда Вамъ будетъ угодно прислать въ Россію Древне-Славянскую Грамматику и Сазаво-Эмаузское Евангеліе, — извольте присылать болѣе, охотниковъ найдется много. Жиряева я встрѣтилъ 26-го русскаго мая; онъ успѣлъ помѣняться поклономъ, нѣсколькими словами и спѣшилъ къ Г. Министру.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ Васъ извѣстія о святой Прагѣ и объ ея дорогихъ для насъ обитателяхъ; сдѣлайте одолженіе, попросите Нѣмечковыхъ успокоить насъ извѣстіемъ объ нихъ и о полученіи отъ насъ посылки. Мы такъ ихъ любимъ, что Анна Александровна Орлова ревнуетъ даже. Черезъ мѣсяцъ мы ѣдемъ черезъ Москву въ Кіевъ; иадобно еще проѣхать 1570 верстъ; но на будущее лѣто мы поѣдемъ опять въ чужія страны, — вѣроятно, съ сестрой, на *Одессу, Царьградъ*, а что дивнаго, можетъ быть, привеземъ ее k wašnosti! Я и Екат. Ал. Вамъ и супругѣ Вашей свидѣтельствуемъ усердное почтеніе; Нѣмечковыхъ всѣхъ братски цѣлуемъ; знакомымъ извольте передать наше привѣтствіе.

Любящіе Васъ душею Селинны.

Петроградъ,
Послано мая 30-го дня 1845 г.

4.

Почтеннѣйшій нашъ Вячеславъ Вячеславичь!

Сегодня мы имѣли честь получить Ваше обязательное посланіе, за которое просимъ принять къ сердцу благодарность нашу; не съ меньшею радостію узнали мы, что милые Нѣмечковы получили отъ насъ письма съ векселемъ, за которыя мы очень боялись. Увѣрены въ душѣ, что дѣйствительная Петербургская панорама съ лицами, Васъ любящими, произвела бы на Васъ вліяніе неизмѣримо животворнѣйшее; но знаемъ вмѣстѣ съ Вами, что люди *per excellentiam fatis agunlur!*

Несмотря на поразительныя черты Петрограда, мимо милыхъ лицъ, съ которыми не желали бы разставаться, мы съ нетерпѣніемъ хотимъ отдохнуть на нѣжныхъ нѣдрахъ святой Руси: Петроградъ поражаетъ умъ, не коснется сердца. Весенняя и лѣтняя природа его весьма часто представляетъ видъ суровой осени, которая снова смѣняется жаромъ; непостояннаго человѣка называютъ здѣсь Петроградскимъ поднебьемъ. Съ захожденіемъ солнца наступаетъ заря, продолжающаяся до новаго его восхода; въ часъ и два часа по полуночи я выходилъ на Неву, единственное украшеніе столицы, и видѣлъ, какъ весь городъ и рѣка, тихіе и спокойные, горятъ въ багровомъ заревѣ утра... Но все это—холодное и непріязненное великолѣпіе! Въ старину Новгородцы говорили: умъ на *Великой* (рѣка у Пскова), а душа на *Волховѣ*. Наша душа въ Москвѣ бѣлокаменной! Очень радъ, что доставленіемъ Вашихъ писемъ сдѣлалъ Вамъ угодное; а касательно Сазаво-Еммаузскаго Евангелія и Грамматики съ покорнѣйшею просьбою обращусь къ Вамъ сдѣлать мнѣ одолженіе—выслать въ Кіевъ по экземпляру той и другой книги, если онѣ издаются отдѣльно, съ назначеніемъ цѣны, и я не замедлю съ благодарностью въ скорѣйшемъ времени возвратить должное. Я Вамъ поцѣловалъ бы ручки, еслибы могъ получить эти важныя для меня книги въ концѣ *Іюля нашего;* ибо послѣ завтра ѣдемъ въ Москву, гдѣ пробудемъ не болѣе 10 дней.

Если же не возможно къ этому времени, я благодарилъ бы Васъ за тетради, не Ваши Чешскія, а за Русскія, которыя исписалъ я довольно грубо.

Надѣюсь получить отвѣтъ Вашъ уже въ Кіевѣ; извольте адресовать прямо въ Университетъ.

Въ послѣднемъ свиданіи съ Сергіемъ Семеновичемъ, я былъ приглашенъ имъ еще разъ до отъѣзда. Завтра 8-го Вашего Іюля буду имѣть удовольствіе исполнить въ точности Ваше пору-

ченіе, съ поклономъ отъ Васъ. Сергій Семеновичъ скоро поѣдетъ въ чужіе краи съ сыномъ вмѣстѣ и, полагаю, посѣтитъ Прагу!

Милая моя Екатерина Александровна отъ души Васъ привѣтствуетъ, цѣлуетъ Вашу супругу; я прошу передать мое глубокое почтеніе. Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, цѣлуемъ отъ нашего любящаго сердца. Ваши Селины.

Panům Krolmusu, Šafařikovi a všechnim mužem Svatej Prahy račte řeknut' naše nejuctivější poraučeni. Къ милымъ сестрамъ Ек. Ал. будетъ писать уже изъ Москвы очень скоро.

Петроградъ,
26 Іюня / 7 Іюля 1845.

Въ Середу 27 Іюня / 8 Іюля имѣлъ честь бесѣдовать съ Сергіемъ Семеновичемъ и во всей точности передалъ ему Ваше порученіе. Онъ просилъ меня написать къ Вамъ на это отвѣтъ. Вотъ собственныя слова Г. Министра: „По весьма уважительнымъ причинамъ я не могу это дѣло кончить теперь, потрудитесь написать такъ, а Г. Подлипскій пусть продолжаетъ заниматься". Потомъ онъ мнѣ сообщилъ причину и совѣтовалъ передать ее Вамъ *лично только.*

Поспѣшу сообщить Г. Норову Ваше письмо и по пріѣздѣ въ Кіевъ въ концѣ *нашего Іюля* надѣюсь имѣть удовольствіе получить письмо и, можетъ быть, посылку Вашу. Кланяюсь Г-ну Подлипскому; о немъ спрашивалъ меня Сергій Семеновичь, котораго Вы, полагаю, скоро увидите.

Цѣлуемъ Васъ еще, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь!

5.

Почтеннѣйшій нашъ Вячеславъ Вячеславовичь!

Сегодня 29-го Октября / 10 Ноября имѣлъ удовольствіе получить краткое, но дорогое Ваше посланіе. Мнѣ было очень пріятно слышать, что Ник. Герасимовичь Устряловъ видѣлся съ Вами [1]), еще болѣе радовался извѣстію о скоромъ появленіи Вашихъ трудовъ. Я познакомился съ Шодуаромъ и напрасно освѣдомлялся у него, получилъ ли онъ *Евангеліе съ предисловіемъ* и *Начала св. языка.* Чрезвычайно сожалѣю, что Вы не видались съ Министромъ; ибо онъ могъ бы, съ большою пользою для занимающихся, взять въ Россію приличное количество экземпляровъ. Частнымъ образомъ я предлагалъ Декану нашего факуль-

[1]) Н. Г. Устряловъ былъ въ Прагѣ 1/13 октября 1845 г., когда расписался въ книгѣ посѣтителей Чешскаго Музея.

тета подписаться на Матицу, и онъ спрашивалъ меня, можно ли будетъ, заплативши должное количество денегъ, имѣть всѣ книги оной отъ самаго начала изданія до конца, или, лучше сказать, до безконечнаго ея продолженія. Непремѣнно предложу факультету выписать ожидаемыя мною Ваши изданія.

Въ Кіевѣ видѣлся со мною Ригельманъ: онъ проѣздомъ останавливался не болѣе сутокъ, искалъ проф. Русской Литературы Максимовича и, узнавши отъ Университетскихъ о новоприѣхавшемъ, тотчасъ явился на свиданіе съ нимъ, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

У насъ очень много знакомыхъ, бываютъ вечера; но увѣряемъ Васъ, что въ нихъ нѣтъ той святой простоты, природы, непринужденности, какая была на вечерахъ въ мірѣ нашемъ съ незабвеннымъ и благороднымъ семействомъ, нашими сестрами Slečnami Němečkovic. Катерина Александровна, письмо которой ожидаютъ *наши* изъ Москвы, какъ Вы изволили выразиться, писала къ нимъ въ Прагу о характерѣ бесѣдъ нашихъ у Васъ и здѣшнихъ вечеровъ. Очень пріятное извѣстіе прочитали мы въ письмѣ Вашемъ о блистательности Чешскихъ бесѣдъ; не знаю, когда Богъ приведетъ намъ еще разъ видѣться съ Чехами въ этомъ собраніи; желаніе наше весьма велико. Хорошо ли погуляли въ Москвѣ?

Просимъ Васъ покорно передать наше почтеніе супругѣ Вашей, нашимъ милымъ и добрымъ сестрамъ. Отъ души кланяемся почтенному, велебному Пану Крольмусу и всѣмъ уважаемымъ Чехамъ.

Просимъ Васъ покорно засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе Г. Шафарику и супругѣ его.

Имѣемъ честь быть Вамъ преданными всею душею

Селины.

Скоро ли надѣется Г. Подлипскій пожаловать къ намъ въ Кіевъ. Если это устроится благополучно, то прошу его написать, по крайней мѣрѣ за 2 мѣсяца до отъѣзда, потому что я желалъ бы написать ему нѣсколько замѣчаній, для него, какъ человѣка новаго, не безполезныхъ; за 2 мѣсяца потому, что иначе мы не успѣемъ списаться. Думаю, что нашествіе Русскихъ Славянъ тамъ na hoře не уменьшается!

Помните ли, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславовичь, двухъ Вашихъ посѣтителей, нашихъ профессоровъ: *Ѳедотова* (Александра Алексѣевича) и *Богороцкаго* (Савву Осиповича)? Когда Катер. Алекс. имъ сказала, что она у Васъ училась по-чешски, то

и оба изъявили желаніе брать у ней уроки! Еще разъ цѣлу-
ъ Васъ отъ всего сердца!

6.

Почтеннѣйшій нашъ Вячеславъ Вячеславичь!

Чувствительно благодаримъ Васъ оба за неугасаемую къ
ъ Вашу дружескую пріязнь, прекрасное выраженіе которой
цѣли мы съ глубокимъ чувствомъ удовольствія въ каждомъ
ланіи Вашемъ, и Чешскомъ, и Русскомъ. Первыя Ваши пись-
я получилъ весьма поздно отъ барона и отослалъ листки и
Г. Жиряеву и Г. Попову. Съ неизъяснимымъ удовольстіемъ
отрѣлъ я на *Начала св. языка Словянъ*, заглавіе ихъ весьма
пстно и *значительно*, особенно у насъ, въ дому св. Влади-
а, гдѣ долго существовало невѣжественное равнодушіе къ свя-
му языку. Я роздалъ ихъ и русскимъ и полякамъ. Буду имѣть
овольствіе написать Вамъ объ этомъ подробнѣе, ибо намѣренъ
ро склонить студентовъ къ тому, чтобы они купили эту пре-
асную книжечку, слѣдовательно, могу взять со временемъ у
съ экземпляровъ 50, можетъ быть, болѣе даже. О чемъ по-
льте увѣдомить Васъ послѣ. Притомъ я говорилъ съ Н. Д.
анишевымъ, который прежде соглашался просить Попечителя
ослать эти Начала по гимназіямъ цѣлаго Округа и ввести
руководство при изученіи Священнаго языка; но онъ на 1-й
учай былъ остановленъ примѣрами изъ Остромирова Еванге-
и сказалъ, что это не тотъ языкъ, слишкомъ древній; а уче-
камъ де нуженъ языкъ новѣйшаго Евангелія. Я говорилъ,
о начинать должно съ древняго, ибо лучше тогда понимать и
вѣйшее. Попечителю предложу. Евангеліе Реймское роздали
тчасъ,—для Библіотеки, ученымъ и пр. Если понадобится боль-
е число экземпляровъ, то напишу къ Вашей милой особѣ, ко-
рую отъ всей души цѣлую за прекрасный даръ! Касательно
его распорядитесь точно такъ, какъ Вамъ угодно было на-
ачить.

Извольте посмотрѣть *въ Началахъ* на стр. 8, § 10, начи-
я съ словъ: Польскія шипящія ź, ś, ć и носовыя ą, ę *не мо-
но* (?) изобразить только (не ошибка ли ?)—и тутъ же въ кон-
: у Поляковъ и Чеховъ есть еще шипящее rz, ř во всѣхъ
овахъ, гдѣ р (кажется, должно быть такъ) *находится* (?) передъ
или передъ гласными и, ѣ etc. На страницѣ 9-й же § 13 не
жно ли быть такъ: Если *j* соединяется съ е, а, оу, то упо-
ебляется простое і, и, а, ю; а вмѣсто юу и ам пишется ам? Тутъ
ъ знаки препинанія, не ошибка ли типографіи?

Впрочемъ, если Вамъ угодно будетъ, я свѣрю съ подлинникомъ Вашимъ, и замѣчу все, что могло бы встрѣтиться, и напишу Вамъ; что особенно было бы хорошо для 2-го изданія, когда мои предложенія будутъ приняты: ибо много тогда куплиъ у Васъ. Словомъ, я примусь и за Реймское Ев. и за Начала. Богъ дастъ, Васъ отъ души будутъ благодарить Русскіе Славяне, когда въ ихъ рукахъ будетъ приличное количество экземпляровъ.

Скорби Вашей душевной сочувствуемъ вполнѣ, ибо никакому благородному мужу чувство зависти и всякая подобная низость не могутъ быть не отвратительны. Какъ Вы насъ опечалили грустнымъ извѣстіемъ о *Нашихъ друзьяхъ;* можно ли вѣрить, чтобы жить такъ близко и болѣе полугода не говорить ни звука? Кто бы могъ подумать, что такъ случится послѣ, видя взаимныя вечернія бесѣды у насъ, у Русскихъ, зимнихъ гостей Вашихъ? О, въ жизни есть такіе разительные переходы, что человѣку трудно вѣрить въ ихъ возможность. Повторю, что это насъ сильно огорчило.

Не говорю уже о томъ, что наши милыя сестры совсѣмъ насъ забыли, даже не удовлетворили нашему вызову бесѣдовать съ ними письменно. Это тѣмъ болѣе грустно, что Катерина Александровна ихъ такъ любитъ; не могла же она въ этихъ ужасныхъ переѣздахъ отъ Праги, Петербурга, Москвы и Кіева, быть такъ свободна, какъ онѣ. Впрочемъ, я сбираюсь имъ дать *нотацію!*

Вспоминая все, видѣнное нами на чужбинѣ, весьма нерѣдко мы вдругъ остановимся на Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, и долго, часто не безъ грусти говоримъ многое вдвоемъ, безъ третьяго!

Катерина Александровна любитъ Васъ чрезвычайно, очень желаетъ Васъ видѣть въ Россіи, если это не возможно, то въ Прагѣ; вспоминаетъ Васъ всегда съ сердечнымъ участіемъ. Она была больна простудой, ставили піявки, двѣ недѣли не оставляла постели, теперь совершенно здорова. Погода у насъ перемѣнная, впрочемъ ни одной снѣжинки; а въ 1845 г., мы, оставляя Прагу 16-го вашего марта, ѣхали по ужасному снѣгу

Супругѣ Вашей отъ меня и отъ ней передайте искреннѣйшее почтеніе; Кат. Алекс. отъ души цѣлуетъ ее; Васъ оба цѣлуемъ.

Вамъ всепреданные Селины.

Кіевъ,
3/11 по нашему 1846.

7.

Почтеннѣйшій нашъ Вячеславъ Вячеславичь!

Безъ всякого сомнѣнія, Вы исчислили всѣ возможныя причины столь долговременнаго молчанія нашего и, не найдя ни одной удовлетворительной, въ душѣ рѣшили, что у сердца моего памяти вовсе нѣтъ, или есть, но самая дурная, пренегодная!

Много, весьма виноватъ передъ Вами, вселюбезнѣйшій нашъ другъ, но божусь Вамъ, что память наша о Васъ дружественна и нензгладима. Вотъ нѣсколько оправданій, wašnosti!

Книги *Евангелія* и *Началъ* и послѣ еще одинъ экземпляръ *Евангелія*, съ письмомъ безъ всякаго адреса, а потому я не зналъ, кому и отправить, продалъ разнымъ господамъ, профессорамъ и другимъ, и представьте, до сихъ поръ никто мнѣ не возвратилъ *ani kreicar!* Объ этомъ обо всемъ я послалъ къ Вамъ письмо въ началѣ Іюня 1846 года, съ профессоромъ *Вальтеромъ*, довольно подробное посланіе, и удивляся, почему Вы мнѣ не отвѣчали, и что же, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, — *Г. Вальтеръ* возвратился изъ за границы *въ Декабрѣ* 1846 года и изволилъ мнѣ сказать, что онъ никакъ не могъ быть въ Прагѣ, заболѣлъ и все лѣто провелъ въ Гессенѣ, а потомъ занимался у *Швабовъ*, въ Чехіи совсѣмъ не былъ и письмо привезъ назадъ. Это меня сильно огорчило; черезъ нѣсколько времени я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ; нашъ Военный Генералъ-Губернаторъ, Дмитрій Гавриловичь Бибиковъ, какъ главное лице Временной Коммиссіи, утвержденной Государемъ, которой я имѣю честь быть Дѣйствительнымъ Членомъ, далъ мнѣ порученіе *разсмотрѣть* рукописи Румянцевскаго музеума о Флорентинскомъ Соборѣ и касательно Уніи, о которой будемъ печатать; и я нашелъ въ нихъ весьма важныя вещи. 28-го Декабря выѣхалъ я вечеромъ въ 8 часовъ изъ Кіева, а 3 Генваря въ 11 утра былъ уже въ Петербургѣ! 3 раза былъ у Сергія Семеновича; держу здѣсь экзаменъ на степень магистра Русской Словесности; весьма благополучно окончилъ изъ исторіи Русскаго языка, изъ исторіи Русской Филологіи, изъ исторіи Русской Литературы; въ одно засѣданіе устно, въ другое письменно. Осталось 2 засѣданія: Славянскія нарѣчія, изъ которыхъ будетъ экзаминовать Изм. Ив. Срезневскій, и Русская Исторія; изъ ней проф. Устряловъ! Когда все окончу, буду имѣть удовольствіе извѣстить Васъ! Притомъ еще, нужно сказать, я имѣлъ честь Вамъ писать, что *Начала* Ваши я предложу ввести въ округъ, Учебный Кіевскій, и потомъ же

Вы — счастливѣйшая натура, и если бы въ насъ обоихъ было столько зависти, сколько любви къ Вамъ, то первое гнусное чувство съѣло бы насъ давно: не завидуемъ Вамъ, а радуемся, достойнѣйшій и почтеннѣйшій другъ, Вячеславъ Вячеславичъ!... Сколько юности, свѣжести, изящества и чистой простоты въ Вашей природѣ, не смотря на Ваши почтенныя лѣта. Насъ обоихъ поражаетъ въ особенности одна благороднѣйшая и рѣдкая черта въ характерѣ Вашемъ: удивительная сила постоянства, и именно въ нравственныхъ отношеніяхъ, въ привязанностяхъ! Дорога, мила и любезна нашему сердцу Ваша почтенная особа, но надобно быть справедливымъ, мы должны сознаться, что далеко позади Васъ остались въ выраженіи дружескихъ чувствъ. Сколько разъ Вы, достойнѣйшій другъ, къ намъ писали, давая тѣмъ самымъ понять, что Вы думаете объ насъ; гдѣ же доказательства со стороны нашей, что Вы занимаете почетное мѣсто въ душѣ и въ воспоминаніяхъ нашихъ? Конечно, извиненіямъ помогутъ всегда обстоятельства, на которыя люди привыкли сваливать все, но есть впрочемъ и дѣйствительныя причины нашего непростительнаго молчанія.

Съ 1849 года, 14 іюня, по 1850-ый годъ, по 24-ое ноября, былъ я въ Петербургѣ, и прикомандированъ при Министерствѣ, по дѣламъ службы: ударъ съ Сергѣемъ Семеновичемъ сдѣлался во время моего пребыванія въ столицѣ; видѣлся часто съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ, раза два видѣлся съ отцемъ, который ужасно постарѣлъ и упалъ духомъ. Сынъ прекрасно занимается Русскою Исторіею, древностями, любитъ чрезмѣрно Славянство; иногда бесѣдовали съ нимъ объ Васъ, драгоцѣннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ. Онъ скоро издастъ въ великолѣпномъ видѣ свое сочиненіе, и очень хорошее, подъ заглавіемъ: „Древности береговъ Чернаго моря". Все изданіе, съ чудными украшеніями, будетъ стоить, какъ онъ мнѣ сказалъ, 18,000 руб. серебромъ. Не смѣю Вамъ совѣтовать, но желалъ бы, чтобы Вы написали или отцу или сыну, что слышали о будущемъ появленіи въ свѣтѣ „Древностей береговъ Чернаго моря" и что Вы не сомнѣваетесь, что авторъ вспомнитъ о Васъ; письмо безъ сомнѣнія ихъ обрадуетъ! А я сверху напишу и адресъ.

Въ Петербургѣ я былъ боленъ жабой въ горлѣ, лежалъ два мѣсяца; пріѣхавши домой, нашелъ Вашъ драгоцѣнный подарокъ „Počatky Ruského Jazyka".

Въ концѣ мая 1851 года Г. Глѣбовъ, мой хорошій знакомый, родственникъ Вашего знакомаго, Николая Аркадьевича Ригельмана, который теперь въ Кіевѣ Директоромъ II-ой Гимна-

зіи, отправлялся за границу, и я хотѣлъ послать къ Вамъ всѣ изданные у насъ въ Кіевѣ Акты, лѣтопись Величка, Акты о кн. Курбскомъ, но я потерялъ изъ виду Г. Глѣбова, онъ уѣхалъ внезапно, не видавшись со мною. Буду ждать случая.

Цѣлуя Васъ лобзаніемъ дружескимъ и братскимъ, прошу съ почтеніемъ поклониться Вашей супругѣ; мое почтеніе Госпожѣ Свободовой и г-жѣ Сейдель. Пану Каубеку, добрѣйшему и почтенному пану Кролмусу (храню его портретъ), пану Шафарику. Скажите, ради Бога, пану Франтѣ, или Шумавскому, чтобы онъ ко мнѣ написалъ, за письмо не платилъ бы и прислалъ бы свой адресъ Графу (С. С. или А. С. Уварову), на Англійской Набережной, въ домѣ Потоцкой.

Съ 4-го Іюня, 1851 года, по 27 Іюля я лежалъ въ ужасной горячкѣ, меня чуть не лишилъ жизни *тифъ;* весь медицинскій факультетъ лечилъ меня; особенно важны были совѣты Цыцурина. Мнѣ запрещено заниматься весь Августъ мѣсяцъ; Совѣтъ и Попечитель освободили меня и отъ вступительныхъ экзаменовъ и отъ лекцій до Сентября.

Въ Прагу (Богемія). Sr. Hochwohlgeboren Dem Herrn, Herrn von Hanka. Anzufragen im böhmischen National-Museum. In Prag (Böhmen).

Кіевъ,
30 Іюля / 11 Авг., понедѣльн., 1851 года.

А. В. Семеновъ [1]).

1.

Monsieur!

Visitant par devoir comme gouverneur civil de Wilna les archives de cette ville et des districts, j'y trouvai un grand nombre d'anciennes chartes et autres documens fort remarquables. Afin de les conserver à l'histoire, j'ai confié à des personnes éclairés de les rassembler et j'en ai fait faire à mes frais une édition, precedée d'un aperçu historique de la Lithuanie, basé sur ces documens et tiré d'auteurs véridiques. Les notions renfermés dans ces chartes, étant d'un grand intérêt pour l'histoire de Russie, le sont par la même raison pour celle des peuples Slaves en général. Sachant, Monsieur, combien Vous vous occuper de recherches dans ce genre et de l'antiquité Slaves, et com-

[1]) Помѣта Ганки: „Гражданскій Губернаторъ Виленскій, Дѣйств. Статскій совѣтникъ Алексѣй Васильевичъ Семеновъ".

bien nous vous devons d'obligations à cet égard, je me suis fait un devoir de Vous envoyer ci joint un exemplaire de l'édition des actes de Wilna. Veuillez Monsieur le recevoir, comme un faible hommage, qui vous est dû et agréez en même tems l'assurance de ma haute considération et de ma parfaite estime.

J'ai l'honneur d'être Monsieur Votre affectionné

Aléxis Séménoff.

A Monsieur Waslas Hanka, conservateur du Musé à Prague.

Vilna,
le 8/20 Juin 1843.

2.

Ваше Превосходительство, М. Г.!

Съ удовольствіемъ пользуюсь отъѣздомъ изъ Праги Г. профессора Римкевича, чтобъ поблагодарить Васъ сердечно за честь, мнѣ сдѣланную присланіемъ ко мнѣ „Собранія древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильна, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и пр." Кто не занимался изслѣдованіемъ исторіи, не пойметъ, какую радость можетъ сдѣлать нечаянное полученіе полезной къ сему книги, и у меня удваивается она тѣмъ, что Вы доставили ко мнѣ средства познать и языкъ въ этихъ любопытныхъ памятникахъ, единокровныхъ съ нами людей. Осмѣливаясь поднесть Вашему Превосходительству четвертое изданіе мною открытыхъ древнѣйшихъ нашихъ стихотвореній, прошу принять ихъ въ знакъ глубочайшаго моего уваженія, прибавленное къ нимъ, коротенкое обозрѣніе ческой грамматики можетъ послужить къ лучшему ихъ пониманію.

(Съ черновика Ганки).

Л. И. Семенскій[1]).

1.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Wielce wdzięczen jestem WMPanu Dobrodz. za przysłanie mi prześlicznego wydania Rękopisu Króledworskiego, wdzięczniejszy jeszcze za wybór, jakim zaszczyciłeś tłómaczenie moje[2]).

---

[1]) Lucjan Hippolit Siemieński (p. 1809, † 1877) польскій поэтъ, беллетристъ и критикъ, переводчикъ Краледворской рукописи.

[2]) О переводѣ Краледв. рук. интересно отмѣтить слѣдующее ука-

Łaskawe zdanie Pańskie dodaje mi ochoty do spieszniejszego wydania całego przekładu, który od dwóch lat w tece mojéj leży. W najbliższych miesiącach rospoczynam drukowanie mojego: Guślarza Słowiańskiego — będzie to przekład najwyborniejszych pieśni gminnych ludów Sławiańskich; używałem w tym celu najlepszych zbiorów i wyjmowałem z nich najlepsze pieśni. Wyznać tu powinienem Panu żałość moją, że w moim zbiorze najniższe miejsce trzymają pieśni Czeskie; cała przyczyna, że niemiałem tylko te, co zebrał p. Czelakowski, a które bardzo są liche, bo prócz trzech pieśni, z których żadna niemoże iść w porównanie z naszémi ruskiémi dumkami, nieznalazłem więcéj wartych tłómaczenia. Nieskończone złożyłbym dzięki WMPanu Dobrodziejowi, gdybyś zachciał lub zasilić mię kilką pieśniami czeskiémi, lub wskazać źródła do zebrania onych; albowiem, w wielkim znalazłbym się kłopocie, gdyby do składu całego dziełka brakło utworów tak poetycznego ludu jak czeski. Daruj, Szanowny Panie, że cię zatrudniam taką fraszką, oraz przyjmij zapewnienie wysokiego szacunku, z jakim mam zaszczyt zostawać najniższym sługą etc. Lucjan Siemieński.

Mieszkam pod № 27, przeciw Katedry.

pisałem we Lwowie,
d. 24. Marca 1835.

2.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Kiedy przekład mój Rękopisu Króledworskiego zamierzałem na świat wydawać, czułem chęć żywą złożyć WMPanu Dobrodziejowi w hołdzie moje tłumaczenie, to jest: abyś je pozwolił ozdobić swojém Imieniem. Ale później, gdy się zmieniły okoliczności, gdy wydanie to pod nieprzyjazną wychodziło gwiazdą, już nieśmiałem prosić o wolność umieszczenia Jego imienia na czele. Z tém wszystkiem, głęboka cześć, jaką przejęty jestem ku wskrzèsicielowi narodowości czeskiej, została zawsze w sercu mo-

---

зание современника: „Г. Семеньскій Лукіанъ переложилъ съ нѣмецкаго (а не съ чешскаго, т. е. богемскаго, какъ самъ увѣряетъ, ибо онъ не знаетъ чешскаго языка) извѣстную рукопись Кралодворскую или Кенигсгофскую, хорошо, съ прибавленіемъ въ началѣ нѣсколькихъ словъ къ читателю, столь ловко, гладко и цвѣтно сказанныхъ, что читатель, при небольшой охотѣ къ чтенію подобной старины, заманивается любопытствомъ". Ж. М. Н. Пр., 1836, XI, стр. 713—714. Указаніе это заимствовано изъ ж. Tygodnik Petersburgski, r. XIV, № 78.

jém, i w tenczas się dopiéro pojawi, kiedy pomyślniejsza zejdzie nam doba. Tą razą racz WMPan Dobrodziej przyjąć dołączony przekład Rękopisu Króledworskiego; chciej go osądzić i sprostować zboczenia, jakich się snadno w tej mozolnej pracy dopuścić mogłem.

W tych czasach wygotowuję Rosprawę: O duchu Starożytnej poezyi Sławiańskiej,— pod względem estetycznym i filozoficznym rozbiorę w niej Rękopis Króledworski—Igora—Pieśni o Włodzimierzu—Napad Mamaja—pieśni Serbskie o Łazarze, o Marku i t. p. Ma ona na celu wykazanie wszystkich skarbów poezyi Sławiańskiej—owej świeżości mocy, znamienującej starożytne nasze utwory—a to aby obalić zasmakowanie w utworach francuskich, które tylko po większej części zepsucie do nas wnoszą i wstręt ku rzeczom ojczystym rodzą. Rosprawa ta będzie, że tak się wyrażę, i Prologiem do innych przekładów rzeczy sławiańskich, które wydać zamierzam.

Raz jeszcze ponawiam wyrazy najgłębszego szacunku etc.

Lucjan Siemieński.

Lwów,
d. 26. Września 1836.

3.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Wielce pochlebny list WPana Dobrodzieja, gdzie dajesz zdanie o moim przekładzie rękopisu Króledworskiego, sprawił mi rozkosz niewypowiedzianą; bo zdanie to tem dla mnie jest droższe, iż od znawcy głębokiego rzeczy sławiańskich pochodzi. Poznałem się z Panem Zap, który mi list WMPana Dobrodz. przywiózł, czemu bardzo rad jestem — tym bowiem sposobem poznamy się bliżej ze światem uczonym czeskim. Wręczył mi on dziełko WMPana Dobr.: Pravopis český—za które wielce obowiązany jestem. Niedawnym czasem pisałem do Pana Łukasza Gołębiowskiego, żyjącego teraz na wsi, gdzie się zupełnie oddał pracom gospodarskim, aby mi wyjaśnił, jakie to były owe rękopisa czeskie, o których wzmianka jest w wydaniu mojém rękopisu Królod. Oto jest, co mi odpowiedział: „Kiedym był bibliotekarzem, dawne zabytki języka polskiego zbierałem troskliwie, czeskie przesłałem Szafarzykowi. Oto jest, co mi w tenczas odpowiedział: *„Wypisy z dawnych rękopisów posłałem do Pragi—Hanka i Palacki umieszczą je zapewne w Czasopiśmie muzeum itd. Dwa czeskie listy Swidrygielły, któreś pan w bibliotece Pulawskiej znalazł, umieszczo-*

ne w Czasopiśmie Czeskiego Muz. 1831. Korzystamy z twych darów". „Kopii żadnych niezachowałem". Z tego pokazuje się iż ten, co puścił tę bajeczkę, słyszał że dzwoniono, ale niewiedział w którym kościele; słysząc o jakicheś rękopisach czeskich wziął je za dalszy ciąg sławnych poezyi Króledworskich. Tym sposobem rodzą się wszystkie bajki.

Lubo z wielką nieśmiałością, jednakże udaję się do WMPana Dobrodz. z pewną prośbą, na której nam wiele tu zależy. Trudno wyobrazić WMPanu Dobr., jak tu udręczeni jesteśmy cenzurą— niedlatego, aby była surową, ale że jeden tylko jest cenzor, który pełni nietylko ten obowiązek, ale i urząd komisarza policyi; po roku więc i dłużej zalégają dzieła. Jest to cios wielki dla krajowej literatury! Umyśliłem zatém, korzystając z głośnéj uprzejmości WMPana Dobrodzieja, posłać mu mój i mego przyjaciela rękopis *Dumek* narodowych, aby mogły być w Pradze wydane. Życzyłbym sobie, aby mogły być drukowane na sposób dziełka: *Spisy—Karla Hynka Máchy, w Praze 1836*, i na podobnym papierze, i w takim formacie. Gdyby ta prośba moja znalazła u WMPana Dobrodzieja przyzwolenie, życzyłbym sobie otrzymać wiadomość, po jakiej cenie wypadnie za arkusz druku wraz z papiérem—i jak najrychlej z przesłaniem pieniędzy pospieszę. Jeszcze raz przepraszając Go za natrętność literacką, łączę wyrazy głębokiego szacunku etc. L. Siemieński.

Wielmożnemu JMci Panu Wacławowi Hance, Dyrektorowi Czeskiego Muzeum i Kawalerowi itd., WMPanu Dobrodziejowi w Pradze.

Lwów,
d. 10. Grudnia 1836.

4.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Niemogę dość znaleść wyrazów, na złożenie dzięków moich Szanownemu Panu, za Jego łaskawe zajęcie się wydaniem na świat naszych Dumek. W prawdzie wielkie to nadużycie z mojej strony, że się ośmieliłem szanownego Pana, obarczonego tylą pracami ku pożytkowi narodu, zajmować moją lichą ramotą—ale uprzejmość Jego dodała mi otuchy, iż tego za złe nieweźmiesz. Cena druku i papieru bardzo jest tania; jak w naszej nieszczęśliwéj Galicyi niesłychana nawet, bo u nas za arkusz druku na bibule, daleko więcej płacą. Taniość ta a oraz piękność druku pobudzi bardzo wielu naszych literatów do drukowania w Pradze;

nawet jeden z nich, człowiek wielce zasłużony literaturze, prosił mię, abym Szanownego Pana zapytał, jak długo może Cenzura Pragska zatrzymać rękopis z 10 do 12 arkuszu druku? chodzi mu bowiem o prędkie wydanie tego dzieła, które pragnie aby w Maju wyszło, będzie to rodzaj wiosennego Noworocznika. Bardzo żałuję, żem niewpadł na myśl posłania dwóch exemplarzy Dumek— byłbym panu Dobrodziejowi oszczędził kłopotu drugiego odpisu. Jeszcze tu jedną mam natrącić uwagę: jeżeliby cenzura w Dumkach wielkie porobiła szczerby, a mianowicie we *wstępnej* i *końcowej* pieśni; natenczas prosiłbym pana Dobr., aby druk został wstrzymany—bo całość na zaokrągleniu wieleby straciła. Ze środkowych niech sobie mażą, co im się podoba. Niech więc Szanowny Pan Dobrodz. będzie łaskaw mi donieść, ile będą wynosić wydatki na druk, korrektę itd.—a ja natychmiast potrzebną summę przesłać nieomieszkam. Chciej pan Dobrodziej raz jeszcze przyjąć zapewnienie mego najgłębszego szacunku, z którym mam zaszczyt zostawać etc. Lucian Siemieński.

we Lwowie,
d. 19 Lutego 1837 r.

5.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Gdy druk „Ziewonii" i „Dumek", na który Bielowski posłał już WMPanu Dobrodziejowi część summy, musiał się rozpocząć, lub też niebawem rozpocznie, przeto w niemałym jesteśmy kłopocie, jakimby sposobem zapewnić sobie dobrą korrektę. Wprawdzie uprzedziłeś nas WMPan Dobrodziej nieporównaną grzecznością swoją, iż ostatnią korrektą sam się chcesz zająć—i to też najwięcej dodaje nam otuchy—lecz wcale niechcielibyśmy, abyś WPan Dobr. cały ciężar myłek drukarskich brał na siebie, i tym końcem uprosiliśmy p. Kaubka, aby liścik napisał do swego dawniej ucznia, a dziś przyjaciela Hr. Romera, zobowiązujący go do zajęcia się całą korrektą. Młodzieniec ten ma dobrze posiadać język polski i zapewne tak potrafi oczyścić z myłek książkę, iż gdy ostatnia poprawka przyjdzie na ręce WPana Dobr., niewiele będziesz miał żmudy i straty czasu. List do Hr. Romera dołączam, wraz z notatką niektórych pomyłek, jakie dostrzegłem w rękopiśmie „Dumek", pozostałym u mnie, a któreby zapewne i do druku się wcisnęły. Są tam niektóre wiersze wypuszczone w przepisywaniu, lecz tak niewinne i nic nieznaczące, że Cenzu-

К. Сенкевичъ.

Szanowny Panie!

Mam honor posłać Panu, przez Pana Korna, Xięgarza Wrocławskiego, dwa exemplarze katalogu duplikat biblioteki Xięcia Adama Czartoryskiego, które mają być przedane przez licytacią w Warszawie. „Časopis společnosti wlastenského Muzeum" uczy mię, z jaką gorliwością w Czechach zajmują się teraz literaturą ojczystą; spodziewam się przeto, że i literatura pobratymcza, polska, obojętną tam nie jest. Katalog naszych duplikat obejmuje wiele dzieł polskich i ważnych i rzadkich; mam nadzieję, że posyłając go Panu, przysługę Mu sprawię.

W bibliotece Xięcia Czartoryskiego mamy i szacujemy dzieła czeskie, dawne i nowe. Mamy ich nie wiele, i byłbym szczęśliwym, gdyby mi zdarzyła się sposobność pomnażania ich liczby.

Daruj Panie, że nieznajomy śmiałem Go zajmować pisaniém mojém i pisaniem polskiém. Jako Bibliotekarz, przebaczysz mi pierwszą; jako słowianin, przebaczysz i drugą winę. Mam honor zostawać etc.

Karol Sienkiewicz,
Bibliotekarz Xcia Czartoryskiego.

Печать: Biblioteki Puławskiej.

Puławy,
7 Julii 1829.

Помѣта Ганки: „11 zatj obdrżel. Odp. 1. tjgna".

К. С. Сербиновичъ[1]).

Милостивый Государь!

Пользуясь отъѣздомъ въ Прагу Г. Срезневскаго, Адъюнкта Императорскаго Харьковскаго Университета, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность благодарить Васъ за присланное мнѣ съ Г. Куторгою[2]) привѣтствіе и съ тѣмъ вмѣстѣ прошу Васъ позволить мнѣ вручителя сего письма поручить вашему доброму расположенію. Онъ посылается для усовершенствованія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Ваше Славянское радушіе безъ сомнѣнія согрѣетъ нашего любознательнаго путешественника, подобно тому какъ и многіе изъ нашихъ, имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами, признавались мнѣ, что они были не на чужбинѣ, а точ-

[1]) Константинъ Степановичъ Сербиновичъ съ 1833 по 1856 г. редактировалъ „Журн. Мин. Нар. Просв.".

[2]) Степанъ Семеновичъ Куторга посѣтилъ Ганку 1 окт. 1839 г.

но какъ-бы дома. Такъ недавно хвалился мнѣ и мой пріятель Г. Еліяшевичъ. Въ послѣдствіи прибудетъ въ Прагу еще Г-нъ Прейссъ, изъ С. Петербургскаго Университета, также посылаемый для изученія Славянскихъ нарѣчій; но онъ еще долженъ пробыть довольно долго въ Кёнигсбергѣ, однакожъ я заранѣе вамъ его рекомендую.

Издавая Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, я всегда старался наполнять его извѣстіями о успѣхахъ просвѣщенія и книжной дѣятельности соплеменныхъ намъ Славянскихъ народовъ. Съ удовольствіемъ вижу, что съ году на годъ открываются къ тому новые способы, и остаюсь въ надеждѣ, что и вы, хотя изрѣдка, пожелаете содѣйствовать успѣху изданія, которое любитъ знакомить Россію съ письменностію земель Славянскихъ, хотя и запредѣльныхъ.

Кланяется вамъ Г. Президентъ Россійской Академіи, А. С. Шишковъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, М. Г., покорнѣйшимъ слугою

К. Сербиновичъ.

СПБургъ,
17 ноября 1839.

К. Слотвинскій.

1.

Odbierając tu przez ziomka naszego „Časopis českého Museum" czytamy go z tém upodobaniem, jakie bratniego narodu płody w każdym Sławianie wzbudzają.

Prosimy więc przyjąć nasze „Czasopismo naukowe", które, przez rozmaite smutne wypadki wstrzymane, znowo wydawać się poczęło i ciągle wydawać będzie. Niedocieczone przyczyny tamują piśmiennictwo polskie w Galicji; nie mamy pisem czasowych, nie możemy się w tym względzie równać z kochanymi Czechami, którzy mają: Kroka, Czechosława, Časopis muzeum, Časopis dla katolickiego duchowieństwa, Wieczorne zabawy, a może też i inne w narodowym języku.

My w Galicji, mając oprócz gazety jedno tylko „Czasopismo", musimy trafiać w chęci całej publiczności, a zatém różne mieszać przedmioty, ażeby czytelników zająć. Niech nas to

ra niemogłaby się gniewać, gdyby je domieszczono w korrekcie. Chciej, Szanowny Panie, przyjąć wyrazy mego uszanowania i być zapewnionym o mojej najszczerszej wdzięczności, z którą mam zaszczyt zostawać etc. L. Siemieński.

P. S. Proszę zwrócić uwagę pana korrektora na staroświecki język, jaki tak w Ziewonii, jak w niektórych dumkach przychodzi, aby niebrano za omyłkę niektóre wyrażenia. Tak np.: w pieśni o Henryku pobożnym *psi* zamiast psy; Lignice zamiast Lignicy i t. p. W tej mierze stosować się do rękopisu, który dość poprawnie pisany.

Lwów,
d. 25 Czerwca 1837.

6.

Wielmożny Mości Dobrodzieju!

Zdziwisz się zapewne WMPan Dobrodziej, że mając przed rokiem przyjemność listowania z nim ze Lwowa, teraz tę samą odnawiam ze Strasburga. Los dziwnych pozwala sobie odmian z nami, niezmieniając wszakże chęci i usposobień naszych—toż i ja, rzucony na obcą ziemię, zawsze tchnę duchem Sławiańskim i radbym wszelkiemi siłami rozwijał ową ideję Sławiańszczyzny, któréj jeszcze tu niepojmują na zachodzie. Oddalony od źródeł krajowych i pobratymczych, wielką uczuwam trudność przy wykonaniu prac moich — cały zasiłek jedynie mam w notatach, które wszakże często są niedostatecznémi. W takim razie niewypada mi, jak Szanownego Pana uprosić, abyś zechciał ze mną wejść w zamianę i dostarczyć mi niektórych dzieł Sławiańskich, jakiebyś mógł znaleść pod ręką, a ja natomiast naszemi się przysłużę, wszelako takiémi, któreby niebyły przeciwne postanowieniom rządu, i nie o polityce, ale o rzeczach naukowych traktowały. Co do książek, o którebym prosił, wymieniam: Starożytności Szaffarzyka, Kronikę Hayka, Dalimila, Pieśni Sławackie Kollara, Pieśni Serbskie Wuka Stefanowicza, Starobyle Składanie, Zbiór wydany w 3 t. Czelakowskiego, Pieśni Małoruskie Maxymowicza nowe wydanie. Oto jest, co nam potrzeba na pierwszy raz—natomiast starałbym się przysłużyć następnemi dziełmi: *Le peuple polonais*, wydawany w Strasburgu przez Zienkowicza wraz z niemiecką wersyją, z rycinami kolorowanemi. Dzieło przepyszne. *Gospodarz*, pismo poświęcone odkryciom i wynalazkom, wydawane przez prof. Lelowskiego. *Przegląd Dziejów polskich* — zawiera

same historyczne rozprawy treści narodowej. I inne dzieła które pomijając politykę traktują w mniej drażliwych materyach. Mógłbym także przysłużyć się pięknémi medalami, jak: Mickiewicza, Czartoryskiego, Kościuszki etc. Jeżeli by Szanownemu Panu żądanie moje niezdało się być niepodném do wykonania, tedybym prosił o uiszczenie owego. Adres do przesłania może być następny: *à Monsieur Haydes à Kehl* (gr. duché de Baden), *chez M-r Rehfuss*, we środku adres do mnie. Upraszam jeszcze WMPana Dobr. o wręczenie tego bileciku panu Stulcowi. Chciej WMPan Dobr. przyjąć wyrazy głębokiego szacunku etc.

Lucian Siemieński.

Strasburg,
d. 8 Grudnia 1838.

7.

Szanowny Panie Dobrodzieju!

Zaraz po odebraniu kilku słów pańskich odpisuję co do wydania osobnego Królodworskiego Rękopisu po polsku. Wydanie krakowskie zupełnie jest wyczerpane, i nikt do niego prawa niema, tylko ja. Dla tego możesz Pan przedrukować tyle exemplarzy, ile zechcesz, byle poprawić błędy, jakie tu i owdzie zawadzają.

Proszę przyjąć wyrazy głębokiego szacunku etc.

Lucian Siemieński.

Kraków,
d. 19. Lipca 1851 r.

8.

Szanowny Panie Dobrodzieju!

Zasyłając WPanu Dobrodziejowi serdeczne pozdrowienie, śmiem polecić Jego względom uprzejmym Pana Iwańskiego, obywatela z Ukrainy, który chciałby poznać osobliwości Pragi, a mianowicie Muzeum, zostające pod Dyrekcyą Szanownego Pana.

Czytałem niektóre zarzyty, robione autentyczności Rękopisu Króledworskiego, ale ich niemam wszystkich; gdybym je mógł dostać, bardzo byłbym wdzięczny, bo mam niektóre argumenta, wzięte z natury tych poematów, świadczące wymownie za autentycznością Rękopisu. Potrzebne to jest, bo u nas niektórzy podają Rękopis także w wątpliwość,—trzeba te przypuszczenia zbić dowodnie.

Przyjmij, Szanowny Pan Dobr., wyraz głębokiego uszanowania, z którym mam zaszczyt zostawać prawdziwy sługa

Lucian Siemieński.

Kraków,
d. 17. Października 1858.

zek z powinowatymi, kochanymi w Czechach, a zawsze w lubym języku narodowym.

Słotwiński
Dyr.

Lwów,
dnia 30. Kwietnia 1832.

4.

Zakład narodowy imienia Ossolińskich

Odebrał przez ziomka Rościszewskiego nadesłane dary, jak to:

a) Hlasy Wlastencu etc. 1832. Swazek 1.
b) Časopis českého Museum. 1832. Swazek 1.
c) Krolmusa wiersz: K slawným gmeninám Urozených etc. Panu Mathiasuw Kalin z Jaetensteina etc.
d) Jaroslaw Witiez nad Tatary P. Hanki.
e) Časopis pro katolické duchowenstwo. 1832. Swazek 1.

Odebrał nie mniej Szanowną odezwę z dnia 7 kwietnia (16 maja) r. b., a za nią i za dary najszczérzéj dziękuje. Nie można bowiem obojętnie patrzeć na dowody zawiązywania się przyjacielskich stosunków między pobratymcami, nie można nie pragnąć, ażeby tak przyjemny i konieczny związek, jak przed wieki, i teraz się ustalił.

Zbiory i książki wszechnicy warszawskiej w części już wywieziono; dziś dochodzi wiadomość, że ten sam los spotkał zbiory Towarzystwa przyjaciół nauk. W Warszawie zatém przygasł podnoszący się płomyczek światła; niesczęsne wypadki zeszłego roku rozbestwiły Boreasza, a jego zgubne wybuchy biją nań okropnie i może zadmuchną. Iskra tylko w zarzewiu zostanie, a ta na wieki nie zgaśnie. Cześć i chwała najdostojniejszemu Cesarzowi Franciszkowi! We Lwowie pracujemy nad wzniesieniem ołtarza narodowej oświacie, lubo i tu niemałe do zwalczenia zawady. Nie mamy jeszcze zupełnych zdolności, nie możemy chełpić się z wysokiego stopnia; ale pracować chcemy i pracujemy, a nadzieja pokrzepia w téj pracy.

Szczególniej miło nam jest przywiązywać się do nauki języka czeskiego, a dowody na to w każdym zeszycie Czasopisma naukowego złożymy.

Słotwiński
Dyr.

Lwów,
dnia 26 maja 1832.

5.

Zakład narodowy imienia Ossolińskich

Jaką odpowiedź na zapytanie swoje z dnia 30 Maja r. b. N. 142, względem gramatyki (mównika) języka ruskiego od uczo-

nego i szanownego JX. Ławrowskiego odebrał, takiej natychmiast w odpisie zupełnym udziela w dowód, że najmilej nam jest pobierać i dopełniać polecenia kochanych pobratymców.

Słotwinski
Dyr.

Nr. 124. Nota. Na szanowną odezwę Prześwietnego Zakładu narodowego imienia Ossolińskich pod dniem 30. Maja r. b. № 142. ma honor podpisany odpowiedzieć, że o wyjściu z druku grammatyki (mownika) języka ruskiego z pod pióra ś. p. X. Kanonika Mogilnickiego nic tu nie słychać i podobnoś w ciemnym zakątku zapomnienia na zawsze spoczywać będzie. Może wkrótce wyjdzie z pod innéj ręki grammatyka tegoż języka. Niżej wyrażony jeszcze w roku 1815. zaczął pisać grammatykę (besidosłow) języka ruskiego, i to dało powód X. Mogilnickiemu do przedsięwzięcia podobnéj pracy. Ale zatrudnienia ustawiczne w rzeczach tyczących się urzędowania, przeniesienie się ze Lwowa do Przemyśla i tu ciągłe obarczenie licznemi i różnemi obowiązkami położyło mu tamę, że do tych czas nie mogł zkończyć dzieła, od 17. lat zaczętego. Zabłysnęła nadzieja, że przez zafundowanie Biblioteki swéj w Przemyślu na użytek publiczny znajdzie cokolwiek zfolgowania w swych obowiązkach i że uzyska tyle czasu, ile mu potrzeba będzie, jak do ukończenia innych dzieł zaczętych, tak i mownika języka ruskiego.

Godna uwielbianią troskliwość Prześwietnego Zakładu narodowego imienia Ossolińskich i Szanownego Muzeum narodowego czeskiego, dopytującego się o wydanie na widok publiczny mownika (besidosłowa) języka ruskiego, nie tylko sprawiła w umyśle i sercu podpisanego wysoki szacunek, ale także wzbudziła w nim popęd i czucie do jak najprędszego ukończenia pomienionego besidosłowa, którego tylko małej części składni brakuje. W Przemyślu, dnia 8. Czerwca 1832. (podpisano) X. Jan Ławrowski, Kanonik i Prokurator Kapituły Przem. ob. g., Kaznodzieja Katedr., S. Teolog. i Filoz. Dr., Professor nauk bibl. N. T., Examinator Diecez., Członek honor. Towarzystwa nauk w Krakowie i dziedzic dobr Woli michowej, Smolnika i Łupkowa".

Za zgodność Słotwiński, Dyr.

Do Wielmożnego Wacława Hanki, Kawalera Orderu S-go Włodzimierza, Członka wielu Towarzystw uczonych, Bibliotekarza narodowego Muzeum w Pradze.

Lwów,
dnia 11. Lipca 1832.

6.

Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich

Nadesłane łaskawie próby pisma różnego PP. Haase tak nas tu zajęły, żebyśmy sobie życzyli podobne dla naszej drukarni instytutowej zamówić i zprowadzić. Nie wiemy zaś, czyli te pisma są w Pradze, lub gdzie indziej lane? czy z Lipska? czy z Paryża zprowadzane?

Jeżeli to drogiego wiele czasu nie zabierze, prosimy o doniesienie, czyli i jakie pisma (trzcionki) i za jaką cenę z Pragi dostać byśmy mogli.

Zawsze gotowi do wzajemności, przepraszamy za to naprzykrzanie się.

Słotwiński
Dyr.

Lwów,
dnia 22. Sierpnia 1832.

7.

Zakład narodowy imienia Ossolińskich

Za dary pod d. 5. Kwietnia r. b. wysłane, lubo nie zupełnie nadeszłe, najuprzejmiej dziękuje i jako dowód ciągłej przychylności dla pobratymczego Zakładu w xięgach swoich zapisuje, zkąd do publicznej wiadomości przeniesione będą. Nie małą także wdzięczność czuje za udzielenie spisu wtórotów xięgni muzealnej, z których obok wyszczególnione, jako tu brakujące, wybrał i o ich nadesłanie drogą xięgarską przez P.P. Synów Haase prosi, a przypadającą za nie należytość natychmiast po ich odebraniu wozem pocztowym przesłać nie omieszka.

Żałujemy zaś mocno, że dla niedokończonego jeszcze zupełnie gmachu xiążki tutejsze nie są rozłożone jak należy i wtóroty nie oddzielone, a zatem spisu ich udzielić nie możemy; miło zaś będzie przyspieszać tę robotę dla wywzajemnienia się później naszymi wtórotami.

Czasopismo nasze bardzo jest niedoskonałe, ale nie może bydź inaczéj, kiedy nam nie wolno umieszczać tego nawet, co w Časopisie českého muzeum i w Časopisie pro katolické duchowenstwo już umieszczone było. Praca i cierpliwość, a przecie się lepszych doczekamy czasów.

Słotwiński.

Lwów,
dnia 18. Czerwca 1833.

8.

Wielmożny Mci Dobrodzieju!

Grzeczność, uprzejmość i przychylność Jego wkładają na mnie obowiązek miły zawiązania ściślejszego między nami związku. Szczęśliwym się nazwę, jeżeli zyskam zaufanie, a co większa—i przyjaźń WMPana Dobrodzieja. Dawno już pieszczę sza-

cunek dla Jego światła, głębokiej nauki i pięknych przymiotów duszy. Chciałbym to najjaśniéj udowodnić, lecz niemam sposobów, będę ich jednak szukał, i jakie znajdę, takich użyję.

Mając Ustawą Założyciela, przez N. Pana potwierdzoną, w § 37 nadaną wolność przybiérania współpracowników do Czasopisma, uważam ją niejako za prawo zawiązania Towarzystwa naukowego, którego w Galicji niemamy. Widzę w tém skinienie Opatrzności, że pismiennictwo polskie upaść nie powinno, bo po przytłumieniu Towarzystwa Przyjaciół nauk w Warszawie błysnął promyk zawiązania na jego miejsce innego we Lwowie. Wszak i tu Polska, i tu są jescze Polacy Muzom ojczystym przychylni. Jeżeli więc WMPan Dobrodziéj pozwolisz, z chlubą dla mnie wezmę go na Członka Towarzystwa, dotąd jescze pod skromném imieniem Współpracowników Czasopisma naukowego, z wiedzą i pozwoleniem Rządu zostającego. Trwające dotąd zaburzenia polityczne odtrącają jescze chwilę, w któréj Towarzystwo, jak należy, powstać i działać będzie mogło; ale pielęgnując ziarno, doczekamy się przecie téj chwili, gdzie burze przeminą, podejźrenia przeciw Towarzystwom znikną, i ziarno pod opieką światłego Rządu wzejdzie, wzrośnie i plon obfity wyda. W ten czas miłe mi będzie WPana Dobrodzieja Członkiem filergicznego Towarzystwa mianować; teraz proszę tylko na Współpracownika Czasopisma. Ośmieliłeś mnie, Panie Łaskawy, do tego wezwania nadesłaniem trafnych uwag swoich nad przekładem Luc. Siemińskiego: O wyprawie Igora. Najchętniej je w Czasopiśmie umieszczę, ale Bóg raczy wiedzieć, kiedy to nastąpi? Moja recenzja tego samego przekładu oraz i przekładu P. Bielowskiego już od czterech miesięcy w Cenzurze zalega... kiedyż do mnie wróci? Nie winię tu Cenzora, bo był i jest podobno jescze moim przyjacielem; przepędziliśmy z sobą młodsze lata w tym samym urzędzie, kolegowaliśmy. Ale wina tych, którzy dla całej polskiej literatury w Galicji, na ośm drukarń i dziesięć xięgarń w kraju, tylko jednę osobę, a do tego konsyljarza gubernialnego wyznaczyli, który już jako konsyljarz nadto ma do czynienia. Możnaż od niego żądać, ażeby rękopisma spiesznie odsełał, kiedy dzień cały innymi obowiązkami zatrudniony ledwo wieczorem do Cenzury wolną ma godzinę. W téj tedy godzinie musi wszystkie polskie pisma czytać, a czytać od deski do deski, bo na polskich pismach wielka klątew podejźrenia ciąży, a macosza rózga je chłosta. Nie będę wiele przytaczał dowodów, dosyć na znanych przykładach, aby ocenić ostrość tutejszéj Cenzury. Pogednánj o škodách plynaucjch z německého wy-

chowánj české mládeže etc. z Casopisu pro katolické duchowenstwo a listu Frant. Slamy wyjęte, zupełnie potępione (damnatum) a Den w Kocurkově Jarosl. Langera okropnie obcięty został, jak to Zeszyt II Czasopisma mojego z roku 1833, str. 44 i nast. dowodzi. Czyliż Czechy nie należą równie do państwa rakuskiego, jak nasza Galicja? Dla czegóż, co tam drukowano, tutaj drukować nie można? Niech i tak będzie, a ja powtórzę z Kollárem:

Krásnégj se nikdo nehonosj	Nikt śmieléj czoła nie wznosi
Smělým čelem, gako wlastenec,	Jak ojczyzny polubieniec,
Genž w swém srdci celý národ nosj;	Który w sercu cały naród nosi;
A to práwem, nebo i on složj,	I niech się śmieje szaleniec,
Ať se směje tomu třeštěnec,	On z radoscią liczbę złoży
Za své owce počet ruce bożj.	Za swe owce ręce bożéj.

Ale wróćmy do recenzji. Żałuję mocno, że Cenzura tak długo przytrzymuje moje rękopisma, gdyby bowiem odesłała je była w czasie przyzwoitym, już byś WMCPan Dobrodziéj spotkał się był z myślami swojemi w Czasopismie. I ja wyrzucam Siemińskiemu mylne twierdzenia: np. Moi Kursczanie świadomi kmiecie. Na to ja piszę:

„Nie to chciał stary piewca wyrazić, pisząc: Moi ti Kurjani swiedomi k'meti; meta bowiem, metanie (nasze teraźniejsze miotanie) znaczy wyrzucanie strzał, czyli strzelanie strzałami, tak to słowo мета, метаю, tłomaczy Polykarpów, kładąc obok niego βολή po grecku, a jactio, jactus po łacinie. Nieuważnie więc powstaje L. Siemiński (w Rozm. lwow. j. w. str. 92) na uczonego Hankę; bez zastanowienia podsuwa mylkę w drukowanym texcie; mało się przejął sławiańszczyzną, kiedy meta za wyraz tylko grecki bierze, a nadewszystko kazi słowa starego piewcy, kiedy świadomych czyli doświadczonych strzelców na kmieciów przestraja".

Dalej: „L. Siem. w Rozm. lwow. tłómaczy wyraz: kaleny, na: skalany albo zatruty; ale niewiadomo jeszcze, czyli szable kiedy zatruwano. Linde zaś (str. 383) przełożył to na: stalowy miecz, chociaż tłómacząc z rossijskiego i tak dobrze z Moskiewszczyzną obeznany, powinien był wiedzieć, że калены (каленый) w ross. znaczy: zarzący, rozogniony, rozpalony, *np.* каленое ядро, un boulet rouge, eine glühende Kugel.

Naostatek: „Chcą przykryć cztery słońca. Nie wyjaśnił tego miejsca Bielowski; wyręcza go L. Siemiński zarzucając Szyszkowowi, że się pomylił, chcąc przez cztery słońca czterech Xiążąt rozumieć. My zaś piszemy się na zdanie Szysz-

kowa, bo wiemy, że na téj wyprawie było czterech Xiążąt ruskich, jako to: Igor Swiatosławicz, Wsewołod Swiatosławicz, brat jego, Włodzimirz syn, i Swiatosław Olgowicz, synowiec czyli bratanek Igora (ob. Nestora pod r. 1186). Potwierdza to zdanie sama pieśń poniżej, gdzie jest mowa, że dwa słońca (Igor i Wsewołod) pomierzchły, a dwa młode miesiące (dwaj młodsi Xiążęta) ćmą się powlokły".

To samo WMPan Dobrodziéj mówisz; cieszę się zatém, że mam podporę w tak światłym Sławianinie i tém śmieléj uwagi moje nad przekładami polskiemi Igora, skoro tylko z Cenzury wrócą, drukować będę. Przykro mi jest, że biblioteka narodowa tutejsza nie ma przekładów czeskich i niemieckich tego poematu; jeżeli więc łaska, proszę Pana mego o przyłączenie do wtórotów muzejnych Igora przekładów, jakie są w Pradze, a szczególniej swojego własnego. Radbym kiedyś zrobić porównanie wszystkich tłómaczeń i wydać pierwot (oryginał) tego szanownego zabytku starosławiańskiéj mowy z obszernymi przypisami.

Niewypowiedzianie wzdycham do związku z uczonymi Sławianami; proszę więc WPana Dobrodzieja, ażebyś mnie raczył zaznajomić z uczonymi Szaffarzykiem i Kollarem, dla których mam wielki szacunek. Napiszę do nich, bylem tylko wiedział, dokąd mam listy moje adressować. Z resztą, proszę mi otwarcie zdanie swoje względem Czasopisma mojego otworzyć; od tak światłego, od tak Szanownego Męża przyjmę wszelkie rady, przestrogi i nauki, zostając z prawdziwym szacunkiem etc.

Konstanty Słotwiński.

Jeżeli się nie naprzykrzę, proszę WMPana Dobrodzieja, ażebyś raczył P. Gottlieba (Bogumiła) Haase'go Synom jak najspieszniejsze przesłanie zamówionych tam czcionek (Buchdruckerlettern) dla Instytutu tutejszego przypomnieć i często przypominać, bo już blisko dziewięć miesięcy czekamy i szkodę wielką ponosimy.

Lwów,
dnia 9-go Sierpnia 1833.

9.

Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich.

Mobilitate viget viresque adquirit
eundo. Virg. Aen. IV. 175.

W gorliwej chęci podniesienia upadłego pismiennictwa krajowego i zapatrzywszy się na § 37. Ustawy głównéj Założe-

chowánj české mládeže etc. z Casopisu pro katolické duchowenstwo a listu Frant. Slamy wyjęte, zupełnie potępione (damnatum) a Den w Kocurkově Jarosl. Langera okropnie obcięty został, jak to Zeszyt II Czasopisma mojego z roku 1833, str. 44 i nast. dowodzi. Czyliż Czechy nie należą równie do państwa rakuskiego, jak nasza Galicja? Dla czegóż, co tam drukowano, tutaj drukować nie można? Niech i tak będzie, a ja powtórzę z Kollárem:

Krásnégj se nikdo nehonosj	Nikt śmieléj czoła nie wznosi
Smělým čelem, gako wlastenec,	Jak ojczyzny polubieniec,
Genž w swém srdci celý národ nosj;	Który w sercu cały naród nosi;
A to práwem, nebo i on složj,	I niech się śmieje szaleniec,
Ať se směje tomu třeštěnec,	On z radoscią liczbę złoży
Za své owce počet ruce božj.	Za swe owce ręce bożéj.

Ale wróćmy do recenzji. Żałuję mocno, że Cenzura tak długo przytrzymuje moje rękopisma, gdyby bowiem odesłała je była w czasie przyzwoitym, już byś WMCPan Dobrodziéj spotkał się był z myślami swojemi w Czasopismie. I ja wyrzucam Siemińskiemu mylne twierdzenia: np. Moi Kursczanie świadomi kmiecie. Na to ja piszę:

„Nie to chciał stary piewca wyrazić, pisząc: Moi ti Kurjani swiedomi k'meti; meta bowiem, metanie (nasze teraźniejsze miotanie) znaczy wyrzucanie strzał, czyli strzelanie strzałami, tak to słowo мета, метаю, tłomaczy Polykarpów, kładąc obok niego βολή po grecku, a jactio, jactus po łacinie. Nieuważnie więc powstaje L. Siemiński (w Rozm. lwow. j. w. str. 92) na uczonego Hankę; bez zastanowienia podsuwa myłkę w drukowanym texcie; mało się przejął sławiańszczyzną, kiedy meta za wyraz tylko grecki bierze, a nadewszystko kazi słowa starego piewcy, kiedy świadomych czyli doświadczonych strzelców na kmieciów przestraja".

Dalej: „L. Siem. w Rozm. lwow. tłómaczy wyraz: kaleny, na: skalany albo zatruty; ale niewiadomo jescze, czyli szable kiedy zatruwano. Linde zaś (str. 383) przełożył to na: stalowy miecz, chociaż tłómacząc z rossijskiego i tak dobrze z Moskiewszczyzną obeznany, powinien był wiedzieć, że каленый (калены) w ross. znaczy: zarzący, rozogniony, rozpalony, *np.* каленое ядро, un boulet rouge, eine glühende Kugel.

Naostatek: „Chcą przykryć cztery słońca. Nie wyjaśnił tego miejsca Bielowski; wyręcza go L. Siemiński zarzucając Szyszkowowi, że się pomylił, chcąc przez cztery słońca czterech Xiążąt rozumieć. My zaś piszemy się na zdanie Szysz-

kowa, bo wiemy, że na téj wyprawie było czterech Xiążąt ruskich, jako to: Igor Swiatosławicz, Wsewołod Swiatosławicz, brat jego, Włodzimirz syn, i Swiatosław Olgowicz, synowiec czyli bratanek Igora (ob. Nestora pod r. 1186). Potwierdza to zdanie sama pieśń poniżej, gdzie jest mowa, że dwa słońca (Igor i Wsewołod) pomierzchły, a dwa młode miesiące (dwaj młodsi Xiążęta) ćmą się powlokły".

To samo WMPan Dobrodziéj mówisz; cieszę się zatém, że mam podporę w tak światłym Sławianinie i tém śmieléj uwagi moje nad przekładami polskiemi Igora, skoro tylko z Cenzury wrócą, drukować będę. Przykro mi jest, że biblioteka narodowa tutejsza nie ma przekładów czeskich i niemieckich tego poematu; jeżeli więc łaska, proszę Pana mego o przyłączenie do wtórotów muzejnych Igora przekładów, jakie są w Pradze, a szczególniej swojego własnego. Radbym kiedyś zrobić porównanie wszystkich tłómaczeń i wydać pierwot (oryginał) tego szanownego zabytku starosławiańskiéj mowy z obszernymi przypisami.

Niewypowiedzianie wzdycham do związku z uczonymi Sławianami; proszę więc WPana Dobrodzieja, ażebyś mnie raczył zaznajomić z uczonymi Szaffarzykiem i Kollarem, dla których mam wielki szacunek. Napiszę do nich, bylem tylko wiedział, dokąd mam listy moje adressować. Z resztą, proszę mi otwarcie zdanie swoje względem Czasopisma mojego otworzyć; od tak światłego, od tak Szanownego Męża przyjmę wszelkie rady, przestrogi i nauki, zostając z prawdziwym szacunkiem etc.

Konstanty Słotwiński.

Jeżeli się nie naprzykrzę, proszę WMPana Dobrodzieja, ażebyś raczył P. Gottlieba (Bogumiła) Haase'go Synom jak najspieszniejsze przesłanie zamówionych tam czcionek (Buchdruckerlettern) dla Instytutu tutejszego przypomnieć i często przypominać, bo już blisko dziewięć miesięcy czekamy i szkodę wielką ponosimy.

Lwów,
dnia 9-go Sierpnia 1833.

9.

Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich.

Mobilitate viget viresque adquirit eundo. Virg. Aen. IV. 175.

W gorliwej chęci podniesienia upadłego pismiennictwa krajowego i zapatrzywszy się na § 37. Ustawy głównéj Założe-

nia, a ceniąc prawdziwe światło, zdolności i przymioty duszy, przybiera niniejszem Wielmożnego Wacława Hankę za Współpracownika i wzywa do podjęcia prac naukowych, ile Mu czas i okoliczności pozwolą. Konstanty Słotwiński.
Dyr.

Lwów,
dnia 5-go Lutego 1834.

I. Э. Смолерь[1]).

1.

Wysoko česćenemu knjezej, knjezej W. Hancy,
knihownikej Česk. mus., ryćerjej rjadu sw. Wlad. atd.

Wysoko česćeny knježe:

Přez knjeza Šafařika sće Wy wěsće mój list na kn. Sreznewskeho dostał a dale wobstarał, za čož Wam swój najlubozniši dźak praju. Při tym prošu Was pak wutrobnje, zo byšće też 'šitko, štož dźensa sobu sćelu, po napisanej addresy miłosćiwje přepodać 'cył. Přetož njewěm, kak bych hinak što do Prahi pósłać mó'ł, dyžli na póstach, a dokelž wosebje knjeza Douchi njeznaju, d'a sebi hinašeje rady njewědźach, hač zo lisćik na njeho tutomu pismej připołožich. A nadźějam so, zo Wy, kotrehož dobroćiwosć napřećiwo słowjanskim bratram słowotna je, też špatnemu słowjanskemu človjekej, kaž ja sym, swoju dobrotu i miłosć wopokazaće. Mój dźak za to budź Wam nic jeno we słowach, ale też w skutkach!

Ale 'dyž je też móžno, zo swoje dźakomne słowo praju, d'a tola dotal njewěm, kak bych skutk sčinił, kiž by so Wam dźaka hódny zdał! Tola, snadź mó'ło so Wam lubić, 'dyž Wam pěsničku napisam, kotraž je na Wašu z napismom „Kozák" jara podobna a kaž so praji wot njeboh' knjeza Lubjeńskeho znjesena. Tuta pěseń spěwa so po 'łosu Małorósynskeho: Jicha kozak na Dunaj atd. atd., a je hižom tam a sem do sameho serbskeho ludu přešła. Lubjeński je ju wěsće po němskim: Schöne Minka, ich muss scheiden atd. złožił, přetož rósynski wón njerozumješe. Jeje napismo a słowa maja so pak takle:

---

[1]) Первое письмо напечатано было въ ж. Łužica, 1898, str. 44, 55, 64. О Смолерѣ см.: A. Parczewski, Jan Ernest Smoler (Kłosy, 1881, и отд. оттискъ); В. Васильевъ, Янъ Смолеръ и духовное возрожденіе лужицкосербскаго народа, Благовѣстъ, 1897, № 47.

WOJAK A JEHO HANKA.

Wojak: Budź tu boż'mje, Hanka rjana,
Wjetša zrudźba njeje žana,
Hač dom swojoh' luboh' nana
A će wopušćić.
Och, ja budu 'sednje zrudny,
Budu khodźić jako błudny
Na horach a přez haj khłódny,
Budu žałosćić!
Zabyć nochcu tebje ženje!
Stajnje budźe dopomnjenje
Na tebje mi wokřewjenje
Prečku we cuzbje.
'Dy drje přińdźe, w myslach nošu,
Čas, zo tebje zaso košu.
Wo to jeničke će prošu:
Wostań swěrna mi!

Hanka: Och, kak sym ja wurudźena,
Zo wot tebje wopušćena
B'du nětk 'šeho porubjena,
Štož je lubo mi.
Moju tyšnosć, kiž mje rudźi,
'Cu ja zrudnje skorźić 'šudźi
A so prašeć 'šitkich ludźi,
Luby, po tebi.
Zrudnu nětk mje budźa widźić;
Ale 'šón stysk 'cu ja hidźić,
Budu li će zaso widźić
A być při tebi.
Njech też 'jacy njeb'dźeš rjany,
Njech će přikrywaja rany,
Tola maš mój lubowany
Wostać wobstajnje.

Knjez Safařík je mi Štylfridoweje kroniki dla někotre powěsće pisał (mój wutrobny dźak za to!), ale ja bych hišće rad wědźał, kajke mjeno knihownja ma, w kotrejž tuteje kroniki rukopis leži, a kak stary so Wam zda, přetož z Jungmannoweje hist. lit. Česk. sebi to do syteje wole wułožić njemóžu. Němske knižki „Heinrich der Löwe" znaju kaž w prosy, tak też w spěwu, ale te dźiwaja skoro we wšitkim jenož na Brunswikowu kroniku a mi by tohodla jara lubo było, 'dy bych z'onił, hač maće w Čechach němske knižki, kotrež su po słowach Štylfridoweje a Brunswikoweje Češkeje kroniki přełožene. Ja mam tu dwaj wudawkaj. W starym stoji mjeno: Štylfrid, w nowym: Stogmir, a mi so zda, zo je Stogmir jenož pozdźiše přełoženje. Ma so to tak? Budźće tak dobry, wjele hódny knježe, a wotmołwćе mi na tute prašenja,

a jeli zo je Wam što druhe wo tutymaj kronikomaj wědome, d'a zdźělće mi dobroćiwje też tole. Je Wam snano też familia Štylfrid w historiskim nastupanju znajomna? Abo wěsće koho, kiž by mi historiske powěsće dać mó'ł, kak a hdy je familia Štylfrid w Awstrijach a w Čechach přebywała? Hájek praji něšto, je-li zo so njemylu, ale to mi dosć njeje, a radostna wěc by za mnje była, 'dy bych hišće 'jacy naz'onić mó'ł, dokelž mam nětko dźěło pod rukomaj, kotrehož dla 'šitko to wědźeć dyrbju. Ja dźěłam pak to, zo bych pola wjeselého kn. barona Štylfrida, kiž nět' we Łužicach bydli, dobru mysl za naše 'bohe, hišće jara wopušćene Serbowstwo dale, bóle zbudźił a tak za tosame dobreho přećela nadobył. Miły božo! na kajke 'šelake wašnje mamy za tym honić, zo by naše Serbske Słowjanstwo 'dys a 'dys twjerdšu podpjeru dóstało. A štož mje nastupa, d'a 'šak ja kóždu wobćežnosć rad njesu, jénož zo z toho našim Słowjanam někajki dobytk nastanje. Kaž pak my wot toho dnja, zo zaso do krućišeho zwjazka ze swojimi bratrami stupichny, na mocach přibjerachmy, tak budu drje po swojej swěrnej nadźiji też dale dobru pomoc dostawać.

W Hornich Łužicach zakćěwa naše Serbstwo dźeń wote dnja rjeńšo, ale w Delnich knježi hišće stara pokornosć před němcowstwom, a cuzych železny spřach tłóči wšitko serbske do procha dele. Loni běch někotrych Delnich Serbow ze spanja jich wotročstwa zbudźił a myslach sebi, zo budźa na horliwosći za Słowjanstwo přibjerać, ale woni, bohužel! zaso drěmaja To je mje jara zrudźiło. Ja pak tola hišće wšitku nadźiju njezłožuju, ale pónđu po hodach zaso khwilu do Delan, zo bych tam z nowa za Serbowstwo rěčał a dźěłał, snano so mi mój skutk tón króć lěpje radźi.

Hornja serbska studowaca młodosć ma nět' štyri słowjanske bjesady, a wšitkich wotpo'ladanje je wosebje Serbowstwa přisporjenje a zbudźowanje horliwšeho słowjanskeho ducha. A byrnjež dla małeje ličby našeho ludu mało Serbow studowało, dha założuja mi tući tola ćim wjetšu radosć a podawaja ćim rjeńšu nadźiju, dokelž žadyn mjez nimi njeje, kiž by horliwy Serb njebył. We Wróćławi studuje nětkole pjeć Serbow, a ći su stawy serbskeje sekcije Wróćławskeho Łužiskeho towarstwa. Jich protektor je knjez professor Purkyně. W Lipsku studuje 9 Serbow. Z tych su štyrjo serbskeho předarskeho towarstwa stawy, ći druzy pjećo su pak lětsa nowe serbske towarstwo założili. We wyšich klasach Budyšskeho gymnasia je dźesać Serbow, a tući su stawy Budyšskeho towarstwa. Mjez wšitkimi towarstwami je Budyšske najwažniše, přetož tuto je srjedźa mjez Serbami, a wšitcy

horliwi Serbjo, kiž so z akademijow zaso do wótcneho kraja 'róča, zastupuja z tym, zo při knihowni Budyšskeho towarstwa „Serbske čitelstwo" założić mózachmy, do zwjazka mjez sobu, přibywaja tak sami we słowjanskich wědźeństwach a podpjeraja swojich młódšich Budyšskich bratrow w jich horliwosći.

'Šitke stawy tutychle towarstwow su hač dotal jenož wuknyli, budźa pak w swojim času wěsće na polu serbskeje literatury ćim krasniše płody płodźić, čim wjetšu prócu nětk' na swoju wunawědźitosć waża a čim 'jacy słowjanskich wěcow naz'onja. Ja pak sym w spočatku tohole lěta knižki, kotrež maja napismo: „Mały Serb", čišćeć dał, kotrež swojeho nakładnika dla hišće ze starej, ale trochu porjedźenej, poněmčenej orthografiju, tola pak, kaž so nadźiju, w dobrym słowjanskim duchu spisach. Sym exemplary do Čech pósłał, ale ni'dźe na nje njespomnichu, runjež maja nowiny, 'dźež by też krótke spomnjenje tychle špatnych, ale tola słowjanskich knižkow město dostać mó'ło. W tutych dnjach wuńdźe prěni zwjazk mojich z'romadźenych „Serbskich Narodnych Pěsničkow", kotrež je kn. Hawpt přełożił, na swětło, a nakładnik je tutoho zwjazka prěnje štyri listna w někotrych exemplarach wosebje čišćeć dał, zo bych je rozpósłał a snano tak skerje kupcow nadobył. Też tutomu listej sym tři exemplary přiłożił, a prošu Was, zo byšće 1. exemplar sam za so 'zał, 1 knjezej Šafařikej, 1 knjezej Čelakowskemu podał. Hewak sym pak knjezej Fr. Dauchej swój cyły exemplar „Aushängebogen", kiž 10 listnow wopřija, sobu dał a prošu Was, zo byšće jemu jón z listom, kotryž je na njeho adresowany, tak bórzy hač móžno pósłał. Čehodla wón to dóstanje, a što wón z tym, kaž ja prošu, činić ma, widźiće z mojeho lista na njeho a myslu sebi, zo moju próstwu dopjelni, dokelž so tola hižom dotal w „Časopisu Českeho museum" a w „Kwětach" wo wozjewjenje Serbskich Pěsničkow staraše.

Wy pak, wulcy ważeny knježe, kotrehož mjeno přeze wšitke Słowjanstwo płaći, starajće so też miłosćiwje wo to, zo by serbska literatura prawje wjele přećelow namakała a 'ladajće, zo bychu Słowjenjo 'šitkich krajow tónle prěni płód našeho, na nowiše, wobšěrniše wašnje założeneho pismowstwa derje přijeli a pilnje kupowali. Přetož, budźa-li so tute knihi derje předawać, d'a budźe też naša literatura wěsće dale bóle zakćěwać; njeradźi-li so pak tónle prěni ważniši knižny nakład w serbskej literaturje, d'a je tejsamej też na dołhi čas žałostnje zadźewane, dokelž 'šitcy naši kniherjo po dobrym abo złym předawanju tychle pěsničkow swoju dobru abo złu mysl přećiwo serbskemu pismowstwu złoža. Tola dosć! Wy so hižo bjez próstwy za nas staraće. Njehóršće

So jenož na mój list a na moje bjezskónčne prošenje. Ale, 'dyž domach mocy njedosahaja, 'dźe d'a mózu sej pomoc pytać, dyžli pola dobreho, mócneho susoda! Štó pak w nětčišim času hišće 'jacy pomocy potrjeba, jako Serbjo? A štó móże nam skeršo pomhać, a štó stoji nam bliže, jako Wy?

Tuž 'zmiće 'šitko z miłosćiwym duchom, štož dźensa sćelu a wo čož prošu. Waša dobrota budźe nam zawěrno wjele dobreho płodźić.

Prajće wote mnje wjele dobreho knjezej Šafařikej a zo khartu Delnich Serbow bórzy dóstanje,— tohorunja knjezej Čelakowskemu, a zo by so też wo serbske pismowstwo lubje starać chcył.

Budźće božemje! Budźće strowy! Waš swěrny służomnik

J. E. Smoleŕ mjen. Schmaler,
kand. theol.

Breitestrasse № 29, pola k. prof. Purkyně.

We Wrótsławi,
6. dźeń oktobra 1841.

2.

Najsławniši knježje!

Mi dobroćiwje připósłane wotćišćje kralodwórskjeho rukopisa sym w swojim času dostał, a praju za nje swój najwutrobniši dźak. Dokjelž dołhje časy wo swojim přełoženju ničo słyšał njeběch, myslich sebi skoro, zo je so zhubiło, ćim bólje buch pak zwjeseleny, jako je ćišćane do ruki dostach. Mějće Wy najluboznišši dźak, zo sće moje dźěło na swětło wupósłali a tak znajomnstwo łužiskoserbskjeje ryčje po słowjanskim swěće rozšěrić pomhali.

Dališu rozprawu wo tutej należnosći Wam přichodnje připósćełu, dźensa jenož tu próstwu wuprajam, Wy chcyli tak dobry być a mi na bližši čas 50 eksemplarow spomnjeneho přełoženja sem pósłać, zo bych je za Was předawam. Tak bórzy hač su rozpředate, Wam pjenjezy pósćełu a sebi wjac eksemplarow wuprošu.

Waš najpowólniši Smoleŕ.

Najsławnišemu knjezej a rycerjej Wjacysławej Hancy, musejskjemu knihownikjej w Prazy.

W Budyšinje,
17. meje 1852.

3.

Sławny knježe!

W někotrych českich nowinach je so w swojim času na to spomniło, zo budźa wote mnje „Slawische Jahrbücher" z nowa wudawane. Temu je tak. Alje ja chcu je lěpje wudawać, dyžli so to w prjedawšim času stać móžeše, a teho dla mam za tym honić, zo bych we wšitkich słowjanskich narodach stajnych spoludźěłaćerjow měł. Wšudźom sym hižom derje dosć wobstarany, alje w Čechach a w Rusach nimam hišćje nikoho, kiž by mi chcył stajnje za spomjene nowiny dźěłać. To je za mnje přewulka škoda, a dokjelž sam do Čech jěć njemóžu, dha dowolam sebi so w tutej nuzy na Was wobrócić a Was prosyć:

Wy chcyli tak dobroćiwy być a mi tych wukazać, kotrychž bych w Čechach a w Rusach wo jich społudźěławosć na moich nowinach prosyć móhł.

Za čišćeny arch korpusoweho pisma dawam 8 toleŕ=12 złot. slèbora honorara a to hnydom po wotćišćenju kóždeho artikula, kiž je mi připósłany.

Nimo teho bych rad bórzy wzał dlějši referat wo Šafařikowym pismje: „Izbor jugoslavjanských dostopamiatnostii", a wo Cankowej „Bulgarskjej grammaticy". Móhł ja tutej wěcy w krótkim času wot někoho dostać, to by mi jara lubo było.

Zo byšće lěpje wjedźeli, kak so z „Jahrbücherami" změje, sym na pódlansku stronu tehohlej lisćika programm tych samych připisał.

Najwutrobnišo wo zamolwjenje prošo, zo Was z tajkimi wěcami wobćežuju, a so Wašeho dobroćiweho pomocneho skutkowanja sylnje nadźijo, sym a wostanu

Waš najpodwolniši Smoleŕ.

P. S. Wo spěšne wotedaćje připołożenych listkow prosy S.

W Budyšinje,
8. augusta 1852.

PROGRAMM.

Die Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft erscheinen in 1½ monatlichen Fristen und in Heften von 5—7 Bogen. Ihren Inhalt bilden:

1. Kritiken slawischen Schriften,
2. Referate über die Thätigkeit slawischer Künstler und über Kunstwerke in slawischen Ländern,
3. Historische, geographische, statistische, ethnographische und philologische Artikel hinsichtlich der slawischen Gebiete und der slawischen Mundarten,
4. Revue der slawischen Literatur oder einzelner Zweige derselben,

5. Berichte über slawische gelehrte und literarische Gesellschaften.
6. Beurtheilungen nicht-slawischer Schriften, welche die unter 2—5 angeführten Gegenstände behandeln, und
7. Slawische Bibliographie.

4.

Wysokočesćeny knježe!

W naleznosći, za naš narod tu khwilu jara ważnu, njewěm sebi žaneje hinašeje rady, dyžli so dowěrnje na Was wobroćić a Was najnaležnišo wo dobroćiwu pomoc prosyć.

Serbjo su sebi mjenujcy wotmyslili, Jeho Kralowskej wysokosći pryncej Albertej krasnje wupyšene zbožopřeće k swatbje z J. W. pryncesynu Karolu Wasownu přepodać, a wuwjedźenje tuteje wěcy je mi přeporučene. Ja sym so teho dla za wčerawšim do Draždźan podał a wot tam też z kralowskeho dwora potrjebnu dowolnosć domoj přinjesł. Ale w Serbach so ta należnosć wuwjesć njehodźi, přetož my nimamy w našich knihićišćerńjach požadanych pismikow, ani bjez našimi knihiwjazarjemi dostojnych wumjełcow a duž nam ničo njezawostawa, hač zo so do wućeka wšeho Słowjanstwa, do Prahi, a tam zaso na Was wobroćamy, kiž Wy wšo najlěpje rozemiće, štož je w napohladu na našu wěc nuzne a trěbne.

Z přiłohi tuteho lista Wy widźiće, kajkje něhdźe naše serbskje zbožopřeće budźe. Štož jeho ćišć nastupa, dha je naše žadanje, zo by so tak krasnje sčinił, hač so to při pjenjezach, kotrež smy k temu nahromadźili, wuwjesć hodźi. Tu khwilu mam hižom něšto přez jo toleř. A zwjazk ma po możnosći krasny byś a tajki, kiž je hódny so do kralowskeje ruki położić.

Kak ma so to wšitko sčinić, k temu chcyli Wy w Prazy poručnosć dać.

To je moja najnaležniša prózstwa a ja dawam Wam z tutym wšu połnomóc. W Draždźanach měnjachu, zo snadź budźetaj so herbaj nawoženje a njewjesty při wupyšenju trjebać móc a duž su mi dźensa njewjesćiny herb posłali, kiž sym za Was připołožił. Jenož to hišće přispominam, zo je škit módry a krony žołte. Saski herb Wy sami derje znajeće.

Duž budźće nam z Wašej radu a ruku k pomocy, hjewak bychmy wopušćeni byli. To pak by wulka škoda za Serbstwo było, přetož my dyrbimy kóždu składnosć nałožić, zo bychmy je do jasneho swětła stajili.

Duž budźće nam pomocny!

Jara lubo by mi było, hdy bych hač do 7. t. m., hdźež chcu Wam cyły tekst pósłać, wot Was krótkje wotmolwjenje na moju próstwu dóstał.

Z najwjetšim počesćowanjom Waš najpodwolniši

J. E. Smoleŕ.

W Budyšinje,
2. junija 1853.

5.

Wysokočesćeny knježe!

Z wulkej radosću staj mje Wašej, mi wčera do ruki přepodataj listaj napjelniłaj, a ja praju Wam swój najwutrobniši dźak za Wašu dobroćiwu hotowosć za serbski lud zbožopřeće k kwasej prynca Alberta wobstarać.

Ja sebi myslach, zo budu dźensa wšitko pósłać, štož je trjeba, ale wšitke podpisy hišće přišłe njejsu,— duž je hakhlej jutřje wotpósćełu. Bjez tym pak khwatam Wam wozjewić, zo sym ze wšitkim nanajbóle spokojny, štož sće Wy zarjadowali a prošu, Wy chcyli wše dališe přihoty činić, zo by potom, hdyž posleni rukopis přińdźe, wšitko spěšnje k dokonjenju khwatało.

Pjenjez sym dotal jenož summa summarum jenož 51 toleŕ hromadu znjesł a prošu teho dla, zo bychu wudawki za tu cyłu wěc spomnjenu summu daloko njepřekročili.

Pryncowy eksemplar a 15 eksemplarow za wysokich hosći njech je najkrašno přihotowanych, ale za druhe 300 eksemplary móže so špatniša papjera wzać.

Wospět swój najwutrobniši dźak prajo a wobkruco, zo jutřje wšitko wotpósćełu, wostanu

Waš najpodwolniši J. E. Smoleŕ.

N. B. Za připósłanje č. hexametrow dźakuju so najnaležnišo. S.

W Budyšinje,
7. junija 1853.

6.

Wysocywaženy knježe!

Skónčnje Wam tu připodla wšo sćełu, štož je trjeba a poručam to Wam k najlěpšemu přetrjebanju.

Štož prěnju stronu nastupa, dha ma so po poručnosći z Draždźan dostatej Swedowskej do Wasownje přemjenić; w nastupanju podpiskow zawostawjam wšo Wašej rozhladnosći a my-

słu, zo budźe snadź mózno wšitko na jene listno (arch) přinjesć a by so snadź teho dla mało pismo brać dyrbjało. Tola činće, kaž so Wam dobro zda, a kaž za přihódne dźeržiće. Abo snadź přiwdamy jenož k wotćišćej, za prynca postajenemu, podpisma? je-li so hinak njećini!

Cyła wěc je z našeje strony trochu zapozdźena, ale ja so nadźiju, zo Wy to přez swoju mudrosć wšo zarunaće. Za někotre dny dostanjeće zaso list wote mnje a hnydom też pjenjezy, tola by mi jara lubo było, hdy byšće mi po dostaću dźensnišej posyłki krótke pismičko póslali a to na doswědčenje, zo sće wšo do ruki dostali.

Z najwjetšim počesćowanjom Waš najdźakomniši

J. E. Smoleŕ.

N. B. g. p. = gmejnski prjódkstejer
g. s. = „ starši
r. = rychtar.

W Budyšinje,
8. junija 1853.

7.

Wysokočesćeny knježe!

Přińdźeli tuto pismičko pozdźe, dha wjele nješkodźi, jeli pak hišće času dosć dha budźe mi jara lubo, hdyž nastupace podpisy hišće wotćišća:

Brón. Jakub Winaŕ, g. p. Boranecy. Wićaz, g. p. Kamjenej Horna. Jakub Handrik, g. p. Dubrawka Łupjanska. Jan Nikuš, r. Łupoj. Jan Parjeńc, r. Lutowč. Michał Jèrcha, g. p. Mérkow. Jurij Rječka, g. p. Stróžišćo. Mikławš Cyž, g. p.

To je zlè, hdyž ma jedyn z pomałumyslacymi ludźimi činić, kotřiž jenemu přez njedomasanje wěc zapozdźa. Tak su pomjenowane wsy swój přinošk prjedy dałe a dźensa wječor přińdźe hakhlej pósoł, kiž mjena předstawjenych njese z tej prostwu, zo bychu so wotćišćałe. Ja je teho dla wotpósćełam, hač runje so wulcy jara boju, zo Was snadź z tajkim pózdnym připósłanjom wulcy rozmjerzam. Wy chcyli mi pak to lubosćiwje wodać, přetož bóh wě, zo so lèpje činić njehodźi, hač sym činił a zo wina na mni njewotpočuje. To pak su wěsće poslenje podpisy, kotrež sćełu, žane wjacy na žane wašnje njepřijmu.

Z najwjetšim pečesćowanjom Waš najpodwólniši

Smoleŕ.

Sofort zu besorgen.

W Budyšinje,
9. jun. 1853.

8.

Wysokočesćeny knježe!

Dokelž sym dźensa hišće něšto podpisow dostał, khwatam Wam je připosłać, snadź možeće te same hišće wotćišćeć dać. Mjenujcy wjele gmejnskich prjódkstejerjow je jenož „Widźał a přinošk pjenježny" napisało, ale swoje samsne mjeno nic, a duž je mi ralbičanska wosada nětko swoje mjena pozdźišo pósłała. Po tajkim móže so, je-li hišće k temu čas, město „Njemjenowany g. p." stajić:

Ralbicy. Michał Nuk, g. p. Kónjecy. Michał Bórnač, g. p. Šunow. Jakub Rehor, g. p. Łazk. Michał Kumer, g. p. Rózant. Michał Jurk, g. p. Sernjany. Michał Bjeńš, g. p. Smjerdźaca. Krawc, g. p. Kamjenej Delna. J. K. Čech, g. p. Trupin. Jan Šołta, g. p.

Z Draždźan su mi też wulku mnohosć podpisow póstali, a by mi jara lubo było, hdy bychu so tute też hišće wotćišćeć hodźiłe, přetož my dyrbimy też našu serbsku narodnosć w cuzbje na wše móžno pěstować. Njech so, je-li městna pobrachuje, w petitnym pismje přistaja.

Draždźany.

Handrij Libuša, póstski zastojnik. Jurij Hejduška. F. A. Bjerš. Handrij Panach. Jan Ledźbor. Jakub Wićaz, wučeŕ. Mikławš Buša Jakub Bórnač. Pětr Čornak. Jakub Šwaba. A. Renč. J. Renč. J. Mjerwa. A. Strobach. Michał Słodeńk. Jakub Hanuš, Jurij Cemjera. J. K. Žur. Michał Hodan. Mikławš Pjetŕ. Jan Křižank. Měrćin Lenic. Handrij Ackermann. Handrij Měrćin. Awgust Šala. Awgust Šöna. Jurij Křižank. Michał Renč. Michał Róbel pom. Hurban. Jakub Renč. Michał Nowak. Jakub Jur a mandźelska. Hana Nowakowna. Michał Wóllmann. Jakub Rjelka. J. Rostok. J. Glawš. Jan Kóžnik. Jan Wawrik. Jurij Słódeńk. Jakub Krawc. J. Bohuwěr Keller. T. Winkler.

Mój wčerawši list maće wěsće hižom w rukomaj a sće na titulnej stronje „Šwedowskej" do „Wasownje" přeměnić dali.

Hdyž sym wot Was lisćik dostał, Wam na měsće pjenjezy póscełu.

Bjez tym prošu najnaležnišo, Wy chcyli tu wulku wobćežnosć, kiž sym Wam z tutej cyłej wěcu napołožił, našeje narodnosće dla lubosćiwje sebi lubić dać.

Z wutrobnym postrowjenjom Waš najpodwólniši

Smoleŕ.

W Budyšinje,
9. junija 1853.

С. А. Соболевскій[1]).

1.

Любезнѣйшій Вячеславъ Вячеславовичъ,

Я не болѣе двухъ недѣль тому назадъ воротился въ С. Петербургъ изъ-за границы, такъ что не могъ исполнить ранѣе Вашихъ порученій.

Нынѣ оныя всѣ исполнены, кромѣ одного, а именно передачи князю Шихматову двухъ экземпляровъ Вашей грамматики. Это вотъ почему: письмо Ваше на его имя было положено въ самыя книги, книги проходили и разбирались въ таможняхъ и въ цензурѣ; при этомъ случаѣ письмо Ваше затерялось.

Дабы поправить сіе обстоятельство, я (посовѣтовавшись съ Аб. Серг. Норовымъ) рѣшилъ слѣдующее: пріостановить врученіе Вашихъ книгъ Шихматову для того, чтобы Вы успѣли написать другое письмо къ нему. Сіе послѣднее перешлите ко мнѣ по почтѣ, и какъ только я оное получу, то поспѣшу доставить вмѣстѣ съ книгами, причемъ постараюсь и похлопочу о томъ, чтобы экземпляръ въ красномъ переплетѣ принесъ Вамъ нѣкоторую пользу.

Я здѣсь нашелъ въ своей конторѣ Lev Rosmithal. Сколько долженъ я Вамъ за оный и какъ прикажете платить, или послать Вамъ платежъ черезъ банкировъ въ Прагу, или отдавать деньги, кому Вы назначите здѣсь?

Похлопочите о доставленіи мнѣ также *Таннера*, по оставленной Вамъ запискѣ, и Путешествія къ Святымъ мѣстамъ, но только въ очень хорошихъ экземплярахъ.

Гречь, Малевскій и Срезневскій, а равно С. С. Уваровъ и А. С. Норовъ Вамъ кланяются и благодарятъ Васъ за присланное.

Преданный Вамъ Соболевскій.

Е. В. С. Александр. Соболевскому. На Выборгской сторонѣ, въ конторѣ Мальцова и Соболевскаго.

Прошу Васъ покорнѣйше цѣну книгъ разчислять или на прусскіе талеры, или на сребр. рубли: вашихъ Цесарскихъ денегъ я рѣшительно знать не хочу.

Его Высокоблагородію Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ въ Прагѣ.— Mr. de Hanka au Musée de Prague.

С.-Петербургъ,
10/22 Марта 1851 г.

[1]) Сергѣй Александровичъ Соболевскій (р. 1803, † 1870), писатель и извѣстный библіографъ и библіофилъ; съ 1828 г. долго путешествовалъ за границей, гдѣ положилъ основаніе своей обширной библіотекѣ; близокъ былъ къ Мицкевичу и Пушкину.

свóйбы намакалъ. Кнезъ Срезневскій мѝ восебѣ къ тэму помгаше, зо бóрзы веле русскихъ вученыхъ зезнахъ. Вóнъ е льепши вшесловянъ, ачь самъ вьери, а я буду ему, вще свое живэ дны найветши ђякъ виноўты. Вотъ него а его свóйбы спомина со яра часто на Васъ, а зъ цыла е Ваше мено то, котрэжь въ Руссіи зэ западнэго словянства найльепе зная. Я густо вобжаловахъ, зо себи жаныхъ порученьскихъ листовъ вотъ Васъ вупросылъ небыхъ, пўретожь тутэ буђиху ми, восебье въ започатку, туды веле помгали.

Другы е ми кажь басничка, гдыжь вопомню, зо сымъ въ краю живы, гђежь смье со словянъ своее словянскосће безэ вшего зађьеваня вузнаваћь, а зо въ земи пўребывамъ, по котрэјжь веле льетъ пожаданіе въ вутробье ношахъ.

Вшитко подробнише Вамъ вуповедамъ, гдыжь въ ближщимъ часу до Праги пўриньду.

Буђће стровы! Вашъ найподвóльниши, Смолерь [1]).

Въ С. Пьетрогроће,
1. Февруара 1860.

По поручносћи а зъ пўризволенёмъ наю высоковаженего Измаила Ивановича пўривдамъ я ище ньекотрэ слова во диспутаціи В. И. Ламанскаго. Вона сподобаше со ми ижомъ тэго для, докельжь во повишткомымъ Словянствье еднаше, ницъ зъ цыла, але толя по вулькей ђьельбье,—а вона любеше со ми, докельжь бье виђећь, зо бье послухарьство такъ многочислатэ а такъ вособнэ рунѣ для словянскихъ вьецовъ, во котрэжь мьееше со рычећь. Зо су руссцы послухарё зъ диспутомъ а зъ предметомъ диспута спокоени были, то е Вамъ Измаилъ Ивановичь найпьекнишо розэставялъ, а ми ничо выше невостане, ачь приспомниће, зо е ме западнэго словяна вшо яра яра спокоило, штожь сымъ ђенса (неђелю 11 февруара/31 януара) въ пѣтрогродскимъ университету слышалъ а виђалъ. См. [2]).

[1]) Смолеръ былъ вообще сторонникомъ русской азбуки, какъ единой славянской: „Принятіе той или другой азбуки за единственную для всѣхъ славянъ азбуку не составляетъ чего-либо невозможнаго. Будущее покажетъ, которая изъ двухъ удостоится этой чести, хотя всякій безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что кирилица, т. е. русская азбука, имѣетъ преимущество предъ латинскою"... Cf. Zeitschrift f. slaw. Litt. etc., 1862, I, предисловіе. Тоже: Вѣстн. югозап. и зап. Росс., 1862, кн. IV, отд. IV, 92—93.

[2]) Приписки въ письмѣ И. И. Срезневскаго отъ 31-го янв. и 1-го февр. 1860 года.

пляръ и покорнѣйше прошу Васъ передать его въ библіотеку Чешскаго Музея. Да будетъ этотъ малый даръ знакомъ искренней любви моей къ чешскому языку и литературѣ.

Будьте снисходительны къ ошибкамъ и промахамъ переводчика: этотъ трудъ былъ задуманъ и исполненъ на студенческой скамьѣ (въ 1844 году), при очень скудныхъ пособіяхъ и источникахъ. Это была первая чешская книга, напечатанная въ Казани, въ типографіи, въ которой даже не было чешскаго шрифта.

Посылаю также при этомъ свою статейку о Сербскихъ пѣсняхъ [1]), которую — надѣюсь — Вы примете отъ меня, какъ дань уваженія къ Вашимъ ученымъ заслугамъ отъ далекаго соплеменника.

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Соколовъ,
Старшій учитель I-ой Гимназіи.

Казань,
24 сент. 1859 г.

С. М. Соловьевъ [2]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Распростившись съ вѣчно-любезною мнѣ Прагою, я отправился, какъ Вамъ извѣстно, въ Карловары, гдѣ долженъ былъ пробыть еще двѣ недѣли и принять маленькій курсъ леченія; здѣсь, къ большому моему удовольствію, встрѣтился я съ Госпожею Васильчиковою, пріятельницею Г-жи Карлгофъ, и воспользовался случаемъ переслать съ нею въ Эмсъ къ послѣдней Ваши книги и письмо; но второго порученія Вашего касательно доставленія книги Мицкевичу еще не успѣлъ исполнить, по причинѣ недавняго моего здѣсь пребыванія, ибо я пріѣхалъ въ Парижъ только третьяго дня, т. е. 23 этого мѣсяца. На пути изъ Карловаръ въ Аахэнъ, въ Вашемъ Эгерѣ нашелъ я въ Соборной церкви большой образъ Богоматери, прекрасной Византійской работы, попорченный нѣсколько огнемъ: проводникъ могъ

[1]) Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ сербовъ. Казань, 1854.

[2]) Въ альбомѣ Ганки С. М. Соловьевъ 2 іюня 1843 г. написалъ: „Národy ne hasnau, когда еще сохранили свой языкъ и когда особенно имѣютъ такихъ мужей, которые умѣютъ вдохнуть жизнь въ языкъ и сердце народное. Зато и такіе мужи остаются навсегда въ сердцѣ своего народа: вотъ почему Ганка останется навсегда въ сердцѣ Чеховъ и соплеменныхъ имъ Русскихъ, имѣвшихъ наслажденіе быть съ нимъ знакомыми. Одинъ изъ послѣднихъ Сергѣй Соловьевъ“.

мнѣ сказать только, что этотъ образъ принесенъ изъ Моравіи, но по какому случаю — неизвѣстно. Изъ Эгера чрезъ Байрейтъ, Бамбергъ, Вюрцбургъ, Ашаффенбургъ, Франкфуртъ, Майнцъ и Кёльнъ пріѣхалъ я въ Аахэнъ, гдѣ пробылъ 6 недѣль совершенно одинокъ, приводя въ порядокъ прежде написанное и принимая желѣзныя ванны для подкрѣпленія къ будущимъ зимнимъ трудамъ. Здѣсь въ Парижѣ нашелъ я множество русскихъ; но изъ извѣстныхъ Вамъ можно указать только А. И. Тургенева, собирателя историческихъ актовъ для Русской Исторіи, находящихся за границею, и извѣстнаго нашего писателя Греча.

Вотъ все, что могу сказать Вамъ о себѣ; теперь позвольте мнѣ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою передать извѣстному Вамъ книгопродавцу и коммиссіонеру мой адресъ въ Парижѣ и попросить его переслать мнѣ сюда, кромѣ слѣдующихъ мнѣ книгъ Часописи, всѣ прежніе его нумера, начиная съ перваго года изданія, съ означеніемъ надлежащей суммы денегъ, которую и получитъ онъ немедленно чрезъ Брокгауза. Примите, М. Г., изъявленіе глубочайшаго уваженія и вѣчной преданности, съ каковою имѣю честь пребывать и пр. Сергѣй Соловьевъ.

P. S. Прошу покорнѣйше кланяться отъ меня всѣмъ, кто меня знаетъ и помнитъ.

Адресъ: A M-r de Solovieff, à Paris, faubourg St. Germain, rue St. Dominique № 54.

Парижъ,
25 Сентября 1843 года.

Графъ М. М. Сперанскій[1]).

1.

По отсудствіи моему въ Егру, я умѣдлилъ отвѣчать на письмо ваше отъ 8-го Августа. Весьма много благодаренъ вамъ за книги, отъ Г-на Водзинскаго здѣсь мною полученныя. Къ Бассанжу въ Дрезденъ я писалъ, чтобы книги, кои отъ васъ будутъ

---

[1]) О пребываніи графа Сперанскаго въ Прагѣ см. „Жизнь гр. Сперанскаго", М. А. Корфа, т. II, 352. Въ альбомѣ Ганки Сперанскій расписался 25 іюля 1830 г.: „Въ память доброй пріязни и свиданія въ Прагѣ".

присланы, онъ принялъ и хранилъ до моего пріѣзда; я же надѣюсь быть въ Дрезденѣ 23-го или 24-го сего мѣсяца, откуда и деньги вамъ слѣдующія какъ за книги, такъ и за карандаши немѣдленно доставлю.

Здоровье мое здѣсь, благодаря Бога, еще болѣе поправилось. Въ Дрезденѣ я остановлюсь дней на пять или на шесть и оттуда черезъ Берлинъ во свояси. Изъ Дрездена непремѣнно еще писать къ вамъ буду.

Совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что оставаясь въ Прагѣ, среди матеріаловъ Добровскаго и въ средоточіи сношеній, вы несравненно будете полезнѣе для словянской словесности, нежели въ Петербургѣ. Въ семъ смыслѣ я буду дѣйствовать, чтобъ наименовали васъ корреспондентомъ или сотрудникомъ Россійской нашей Академіи и Университета съ сохраненіемъ всѣхъ выгодъ, принадлежащихъ вашимъ полезнымъ занятіямъ.

Примите искреннюю мою благодарность за всѣ знаки доброй вашей пріязни, оказанной мнѣ въ бытность мою въ Прагѣ. Никогда я ихъ не забуду. Поклонитесь Г-ну Юнгману.

Съ совершеннымъ почтеніемъ есьмъ и пр.

М. Сперанскій.

Маріенбадъ,
17 Августа 1830.

2.

Письма Ваши отъ 1-го и 15-го Декабря дошли ко мнѣ весьма поздно. При послѣднемъ изъ нихъ получивъ Вашу Грамматику, я имѣлъ счастіе поднести одинъ экземпляръ ея Государю Императору, а другой Государю Великому Князю Александру Николаевичу. Они приняты съ благоволеніемъ. При семъ я имѣлъ счастіе привести на память доставленные отъ Васъ прежде въ спискахъ труды, относящіеся къ древнимъ Славянскимъ законамъ. Послѣдствіе сего Вы увидите изъ оффиціальнаго моего къ Вамъ письма.

Письмо Ваше Г-ну Языкову я вручилъ вмѣстѣ съ Легендою о св. Вацлавѣ и его же просилъ отправить и письмо къ Кеппену, коего теперь здѣсь нѣтъ. Назначеніе Ваше по Академіи Россійской остановилось за тѣмъ, что общаго плана трудовъ еще не составлено. Но сколько отъ меня зависитъ, я не выпускаю сего изъ виду, бывъ удостовѣренъ, что отъ общаго свода Славянскихъ діалектовъ въ одинъ Словарь и въ одну Сравнительную Грамматику произойдетъ для каждаго изъ нихъ весьма

важная польза. Какъ скоро планъ будетъ составленъ, Вы будете о томъ извѣщены и будете формально приглашены къ участію въ сей работѣ чрезъ Г-на Языкова.

Книги, для меня Вами купленныя, мы условились, кажется въ Дрезденѣ, отправить чрезъ Бассанжа, коему я оставилъ для отправленія сюда чрезъ Любекъ и другія мои книги; но какъ сіе не сбылось: то прошу оставить ихъ до весны. Я отсюда назначу купеческій домъ въ Прагѣ, чрезъ которой можно будетъ сдѣлать сіе отправленіе.

Прощайте и будьте увѣрены въ моемъ искреннемъ почтаніи. Вашъ покорнѣйшій слуга М. Сперанскій.

P. S. При случаѣ прошу изъявить мое воспоминаніе Графу Стернбергу и поклониться Г-ну Юнгману, пожелавъ ему успѣховъ въ окончаніи его Словаря.

С.-Петербургъ,
16-го февраля 1831.

3.

Ваше Превосходительство!

Получивъ письмо Ваше, я возрадовался, что Вы здоровы, и прочитавъ оно, восхищаюсь, что Вы ко мнѣ такъ благосклонны. Не зная способу изъявить благодарность свою за милости, мнѣ здѣланныя и при Его Императорскомъ Величествѣ причиненныя, я не устану въ любимомъ моемъ упражненіи въ Славянской Литературѣ, сколько силъ довлѣетъ, надѣясь высокую пріязнь Вашу удержу.

Я послалъ къ Вашему ВПрев. книги чрезъ купечески домъ Lämel und Sohn, какъ Вы сами назначить изволили. Къ симъ книгамъ я приложилъ для Вашего ВПрев. Хронику Гайка, Chmelas Wörterbuch, Monumenta Universitatis Prag. и мою грамматику; для Имп. Росс. Академіи Chmelas Wörterbuch и грамматику и для г. Востокова Kralodw. Rukopis, Prawopis, Pjsně, грамматику и Legendy o sw. Wáclawé.

Теперь печетаю древнѣйшіе словари ческіе, начиная сочиненіемъ, называемымъ Mater Verborum съ 1102 года, Bohemarius съ 1309 г. и Vocabularius Kleni Rozkochany, тоже со списка 14 вѣка, и второе изданіе Добровскаго Glagolitica. Не уставаю тоже въ собираніи ветхихъ правъ гражданскихъ Мораво-Ческихъ, которыя какъ только съ древнѣйшими списками сравню, копію къ Вашему ВПрев. пришлю. Нѣкто Вячеславъ Улманъ, искус-

ный техникъ, спрашивалъ меня, невозможно-ли бъ было въ Россіи какой чинъ въ семъ предметѣ получить? И граверъ Лерхъ хочетъ ручную печать въ моделлѣ сего озареннаго храма, какъ я въ отвѣтѣ чрезъ віенс. Миссію писалъ, очень искусно здѣлать, возможно-ли это дерзнуть? Въ глубочайшемъ почитаніи тщусь честь имѣть всепокорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прошу мое почитаніе Его Пр. г. Балугіянскому. Г. Графъ Стернбергъ и Проф. Юнгманнъ кланятся Вашему ВПрев.

Его Высокопрев. Господину Тайному Совѣтнику Его Императ. Величества Сперанскому въ С.-Петербургѣ.

Прага.
. 15/27. Апрѣля 1841

4.

Изъ письма вашего отъ 3-го Августа съ удовольствіемъ я видѣлъ желаніе ваше посѣтить меня въ Маріенбадѣ. Я пробуду здѣсь до 26 Августа и разъ буду васъ видѣть; въ Прагѣ же быть мнѣ время не дозволитъ. Я живу у знакомаго вамъ Доктора Гейдлера, im Römer. гдѣ и вы пристать можете.

По запискѣ Доктора Гейдлера, при семъ прилагаемой, прошу васъ получить 60 пр. талеровъ и вручить ихъ при письмѣ моемъ Г-ну Благовѣщенскому, который писалъ ко мнѣ, что очень нуждается въ деньгахъ.

Convenias, velim. D-num Friccium et meo nomine agas illi gratias pro collatis in patruelem meum beneficiis; nullus dubito quin cura eius et arte restitutus, feliciter coeterum convalescat.

Vale et me tui semper studiosissimum tene.

Сперанскій.

Маріенбадъ.
7-го Августа 1832

5.

Не могу оставить вашей отчизны, не побѣседовавъ съ вами. Я *отлагалъ* писать къ вамъ потому, что надѣялся увидѣть васъ *здѣсь или* въ Карлсбадѣ. Книги ваши въ разныя времена я получилъ исправно и искренне благодарю васъ за воспоминаніе. Посылаю вамъ небольшую книжку: обозрѣніе трудовъ нашихъ. М. А. Балугянскій изъяснитъ вамъ лично, почему дѣло о сла-

вянскомъ всеобщемъ словарѣ въ Академіи остановилось [1]). Со всѣмъ тѣмъ я не теряю еще надежды возобновить его при первомъ удобномъ случаѣ. Продолжайте труды ваши на пользу общей нашей славенской словесности и будьте увѣрены, что и у насъ знаютъ имъ цѣну, а въ послѣдствіи еще болѣе узнаютъ. Примите свидѣтельство искренняго моего почитанія.

М. Сперанскій.

Маріенбадъ,
12/24 Іюля 1833.

6.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Имѣю счастіе представить Вашему Высокопревосходительству продолженіе Чешско-Нѣмецкаго Словаря и Земское Уложе-

---

[1]) Въ черновыхъ бумагахъ Ганки имѣется слѣдующее по этому предмету представленіе Академіи, исправленное собственноручно Сперанскимъ:

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ

Богемскаго Отечественнаго Музеума
Библіотекаря Вячеслава Ганки

Покорнѣйшее представленіе.

Имѣю честь при семъ покорнѣйше представить Императорской Россійской Академіи второе изданіе начертанія ко всеобщему этимологическому Словарю славянскихъ языковъ Г. Добровскаго.

Представляя означеное начертаніе, осмѣливаюсь изъявить (возобновить) мое жеданіе о сочиненіи по оному Етимологическаго Славянскаго Словаря. Словарь по таковой методѣ составленный и потребными указателями по азбучному порядку снабженный, вмѣщая въ себѣ всѣ славянскія нарѣчія, могъ бы принести величайшую пользу славянскому языку, какъ въ этимологическомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Для исполненія сего важнаго и всѣмъ славянскимъ племенамъ равно полезнаго предпріятія самое удобнѣйшее мѣсто было бы Прага: ибо здѣсь находятся всѣ матеріялы покойнаго Г. Добровскаго, потребныя для приведенія помянутаго предпріятія въ дѣйствіе; равно здѣсь находятся славянскіе Литераторы, коихъ совѣтами можно было бы пользоваться, какъ то искуснѣйшій славянскій Лексикографъ Г. Проф. Юнгманъ и Г. Челяковскій; Г. Шаффарикъ въ потребномъ случаѣ такъ же сюда прибыть можетъ; наконецъ здѣсь стекаются всѣ извѣстія объ успѣхахъ славянскаго языка отъ иностранныхъ и иногородныхъ любителей и сотрудниковъ Славянской литературы.

Впрочемъ повергаю сіе мое желаніе на благоусмотрѣніе Императорской Россійской Академіи. Вячеславъ Ганка.

Въ Прагѣ,
Августа 10 дня 1832.

ніе, изданное 1500 года при Вячеславѣ II-мъ, какъ дополненіе къ присланнымъ мною прежде древнѣйшимъ памятникамъ. Книга Товачовская, т. е. Права и Привидегіи Маркъ-Гр. Моравскаго, скоро также будетъ доставлена Вашему Высокопревосходительству. Я посылаю эти памятники, только чтобъ не замедлить трудовъ Г-на Губе, иначе я бы просилъ подождать до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ приготовляемое мною изданіе памятниковъ древнихъ Славянскихъ Законодательствъ, надъ которымъ я теперь тружусь съ молодымъ русскимъ юристомъ студентомъ Главнаго Педагогическаго Института Г-номъ Иванишевымъ, занимающимся съ Высочайшаго соизволенія подъ моимъ руководствомъ изученіемъ Славянскихъ языковъ и законодательствъ.

Если нашъ трудъ будетъ поддержанъ любителями Славянскихъ законодательствъ, и если Г-ну Иванишеву Правительство дозволитъ пробыть въ Прагѣ достаточное для нашего предпріятія время, то въ такомъ случаѣ я буду имѣть смѣлость просить о позволеніи посвятить свое изданіе Вашему Высокопревосходительству.

Я намѣреваюсь издать съ русскимъ переводомъ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ памятники древняго законодательства Чешскаго, частію Польскаго и Сербскіе законы Царя Душана.

Имѣю честь быть и пр. В. Ганка.

Его Превосходительству Г-ну Балугіанскому свидѣтельствую нижайшее почтеніе.

(Черновикъ писанъ рукой Иванишева).

7.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Принимаю смѣлость рекомендовать Вашему Высокопревосходительству своего ученика и сотрудника Г-на Иванишева, о которомъ я уже имѣлъ честь писать къ Вамъ. Надѣюсь, что Г-нъ Иванишевъ, занимаясь съ любовію и прилѣжаніемъ древними Славянскими законодательствами, будетъ въ состояніи прояснить доселѣ темную сторону въ древнихъ юридическахъ памятникахъ Россіи, именно элементъ Славянскій.

У насъ пронеслась молва, что по повелѣнію Вашего Высокопревосходительства собраны всѣ лучшіе списки Статута Литовскаго, изданіе коего сдѣлалось теперь необходимою потребностію для Славянскихъ юристовъ и филологовъ. Ваше Прево-

сходительство сдѣлаете намъ большую милость, если позволите Г-ну Иванишеву разсмотрѣть и сравнить вышеупомянутыя рукописи; потому что, объясняя памятники Чешскаго Законодательства, мы будемъ указывать на сходство оныхъ съ памятниками другихъ Славянскихъ Законодательствъ, а можетъ быть со временемъ займемся изданіемъ и самаго Статута Литовскаго.

Посылаю Вашему Высокопревосходительству 17-ю книжку Юнгманова Лексикона. Имѣю честь быть и пр. Ганка.

(Черновикъ писанъ рукой Иванишева).

И. И. Срезневскій[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

«Привыкши сообщать Вамъ, какъ знатоку и любителю Славянства, все, что привлекаетъ мое вниманіе въ отношеніи къ старинѣ того или другаго Славянскаго народа, не могу не передать Вамъ и вѣсти, на дняхъ сообщенной мнѣ изъ Лейпцига[2]).

[1]) Въ альбомѣ Ганки 3/15 янв. 1841 г. Срезневскій написалъ: „Пятимѣсячное мое пребываніе въ Прагѣ родственно сблизило насъ другъ съ другомъ. Увижу-ли Васъ, наслажусь-ли бесѣдою съ Вами еще когда-нибудь,— Богъ знаетъ; но крайней мѣрѣ навсегда сохраню въ душѣ глубокое уваженіе къ Вашимъ заслугамъ и благодарность за расположеніе Ваше ко мнѣ, за помощь Вашу въ моемъ изученіи Вашего прекраснаго Чешскаго языка. Вспомните когда-нибудь любящаго Васъ И. Срезневскаго". Вторично Срезневскій расписался 18/30 авг. 1860 г.: „Словами я не могу выразить уваженія и признательности моей и всей моей семьи. Увѣрить могу въ одномъ: мы всегда будемъ васъ любить и помнить".

[2]) По-чешски часть, заключенная въ кавычки (« »), напечатана въ Č. Č. Mus., 1840, str. 197—198. Здѣсь это письмо имѣетъ помѣту: „W Boleslawi, 1/13 máje 1840". „O Rękopismie polskim arabskiemi literami" ср. Rozmaitości (Lwowskie), 1840, № 21, str. 179. Объ этомъ же открытіи Bibl. Warszawska (1841, I, 663) сообщала: „Orientalista p. Fleischer znalazł w Bibliotece lipskiéj rękopism polski arabskiemi głoskami bardzo niewyraźnie pisany. Obejmuje rękopism ten 147 stronnic in 12°. Stronnice często pozacierane i pozamazywane. Zdaje się, iż celem autora było dowieść chrześcianom, iż ich pismo święte nie jest świętem, tylko pofałszowaném przez żydów, pogan i t. d. Prócz tego autor zamieścił rozmaite modlitwy, które odmawiają narody wschodnie przy rozmaitych obrządkach pogrzebowych. Napisy modlitw są czysto polskie, głoskami arabskiemi i tatarskiemi pisane, modlitwy zaś mięszaniną języka polskiego, arabskiego i tatarskiego".

Г. Сокольницкій пишетъ ко мнѣ между прочимъ такъ: „Pan Fleischer, professor języków wschodnich, układając spis książek arabskich biblioteki Uniwersytetowéj, odkrył bardzo stary rękopis, którego większa połowa dość czystą polszczyzną, tylko że literami arabskiemi jest napisana; druga połowa zaś obejmuje mieszaninę języków rozmaitych wschodnich z językiem polskim, tak iż częstokroć przymiotnik z polskiego wzięty a przynależny rzeczownik z tureckiego, arabskiego lub też tatarskiego, albo przeciwnie. P. Fleischer, nieznając języka polskiego, przywołał mię do siebie, aby choć kilka zdań rękopisu tego odbadać, co nam się po długiej i mozolnéj pracy udało. Aby tém lepszy dać obraz tego osobliwego rękopisu, załączam przy tym liście sprawozdanie p.p. Fleischera, które..."

Вотъ и выписка изъ извѣстія Флейшера:

„Codex arabicus, tataricus, polonicus, ab initio truncus, 12°, foll. 147, char. neschi scriptus, quali Tatari utuntur, id est rustico et invenusto, quocum convenit charta non laevigata et in primis foliis foedissime inquinata. Fol. 1 v.—8 v. polonica utrinque trunca, literis arabicis scripta, quorum argumenta ex veteri testamento petita esse apparet. Quum is, qui me in his tenebris aliquantulum discutiendis humanissime adjuvit, Eques a Sokolnicki, non omnia, quae ego titubante lingua legebam, intelligere et polonice rescribere posset, aliis et linguae polonicae et literarum arabicarum peritis illas plane dispellendas relinquo. Sed unum non dubito: hac disputatione illud Muhammedis commentum, libros sacros a Judaeis et Christianis demendo, addendo, mutando corruptos esse, mendaciorum, fraudum, adulteriorum, incestuum exemplis inde collectis fulciri. Fol. 9 v.—45 v. precationes arabicae et tataricae cum inscriptionibus et institutionibus polonicis и пр. Fol. 45 v.—64 v. institutio polonica ad auguria ex Corano petenda и пр. Fol. 91 v.—100 v. duae precationes. Fol. 101 v.—116 v. [1]) cum institutione polonica...»

Флейшеръ пишетъ это „za ojca, za matkę, za brata, za dziada, za babę". Это неправильно: тутъ вовсе не употреблено носогласныхъ значковъ, кои употребляются въ Арабской и Татарской азбукѣ, слѣдовательно читать должно: за ойца, за матку, за брата, за чада, за бабу.

N. B. На стр. 117. lin. 1. Abdallâh Ibn Abbâs названъ Абдаллой Абасовичемъ.

---

[1]) Здѣсь опускаемъ арабское слово и. дальше — весь арабскій текстъ, отрывки изъ арабско-польской орѳографіи.

Въ надеждѣ получить о сей рукописи извѣстія болѣе подробныя и даже самому увидѣть ее со временемъ, не дѣлаю никакихъ заключеній о ней. Что это языкъ Польскій — сомнѣнія нѣтъ, что нечистый Польскій, — также нельзя сомнѣваться. Какого вѣка? Рукопись очень стара и ab initio trunca: это ничего не доказываетъ. Очень любопытна она, если относится къ XIII—XIV вѣку; чего впрочемъ не ожидаю. Едвали она не изъ XVII или даже и XVIII вѣка.

Васъ глубокоуважающій Измаилъ Срезневскій.

Прага,
7 Апр. 1840.

Изъ / Въ } Праг { и. / у.

2.

Райградскій монастырь, 29 іюня 1840.

Я наконецъ тутъ,—и Martyrologium Odonis [1]) передо мною. Не могу однако не жалѣть, что Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, что Васъ тутъ нѣтъ: мнѣ бы очень хотѣлось передъ самою рукописью подѣлиться замѣчаніемъ на правило, Вами мнѣ внушенное, Вами столь блестяще оправданное, правило— не пропускать безъ вниманія и кусочковъ пергамена на переплетѣ старыхъ книгъ. Не подумайте, что я нашелъ что нибудь новое, что нибудь важное для чешской литературы: судьба не глупа, знаетъ, кого куда посылать, — и не всякому въ руки дастъ то, что давала Вамъ. Впрочемъ замѣчаніе, которое хочу Вамъ сообщить на этомъ лоскуткѣ бумаги, невовсе незначительно.

Извѣстно, что уже монахъ Храбръ XI вѣка замѣтилъ о древности письменности Славянъ, говоря, что они „погани суще не имѣяху книгъ, но чрьтами и рѣзами чьтяху и читааху", а „кръстившеся" за много лѣтъ до Константина Философа „римскими и гръчьскыми писмены нуждахуся писать". Сказаніе важное. Жаль только, что подтвержденія ему до сихъ поръ еще не было. Martyrologium Odonis, слышалъ я еще въ Прагѣ, можетъ это подтвердить: начавши его разсматривать, я и самъ повѣрилъ было

[1]) Объ этомъ „Martyrologium" и о припискахъ въ немъ подробныя свѣдѣнія сообщилъ О. М. Бодянскій въ своемъ „Донесеніи къ Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа", изъ Пешта, отъ 1/13 февр. 1839 года, въ Ж. М. Н. Пр., 1839, XXIII, отд. IV, стр. 17—23. Срав. еще письма Шафарика къ Бодянскому: № 3, № 4 и № 8 (Письма П. І. Шафарика къ О. М. Бодянскому, изд. П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ, Москва, 1895), также письмо Бодянскаго къ Погодину отъ 10 сент. (29 авг.) 1838 года.

этому: но—вспомнилъ ваше правило, принѣнилъ его къ дѣлу,— и мечта мечтой исчезла. Слѣдуетъ объясненіе:

Кромѣ большой кирилло-словянской приписки въ этомъ Martyrologium, прочтенной Шафарикомъ еще въ 1838 году, и которой мое собственное чтеніе я приложу послѣ, я нашелъ тамъ еще нѣсколько малыхъ, именно: a) на оборотѣ 2-го листа есть: [illegible]; b) на оборотѣ 51-го листа—[illegible]; c) на 65 [illegible]; d) на оборотѣ 71 листа—[illegible]; e) на оборотѣ 88 листа—[illegible]; f) на л. 113—[illegible]; g) на оборотѣ 151—[illegible]; h) на оборотѣ 133 л.—[illegible]. Почти всѣ эти приписки ясно доказываютъ, что рукопись при переплетаніи была обрѣзана, такъ что на обрѣзкахъ остались кое-какія буквы. Кромѣ сихъ приписокъ, есть еще одно слово не приписанное, но входящее въ текстъ рукописи. Вотъ оно съ фразою, въ которую вставлено:—at illo cultui grece латрия (latria) dicitur latine uno verbo dici non potest. Это то самое греческое латрия, написанное кирилловскими буквами, и заставило меня помечтать о древности письменности словянъ. Рукопись писана въ первыхъ годахъ XI вѣка, а кириллицы начало относится ко второй половинѣ IX вѣка: нельзя было не предаться мечтѣ. Къ несчастію — мечта мечтой исчезла.

Точно ли рукопись IX вѣка? Не имѣя ни причинъ, ни надобности не вѣрить своевременности всей рукописи, я однако позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что листокъ, на которомъ находится это слово латрия, принадлежитъ не IX вѣку. Что рукопись была въ рукахъ, умѣвшихъ писать кириллицей, это ясно изъ приписки; но въ какомъ вѣкѣ? Приписка зеленая принадлежитъ едва-ли не къ XII вѣку, другія малыя приписки сдѣланы, кажется, еще позже. Слово латрия писано тѣмъ же почеркомъ, какъ и всѣ эти малыя приписки. Уже и этого было бы довольно для скептика; мнѣ впрочемъ случилось напасть на доказательство, еще болѣе ясное и, кажется, неопровергаемое. Научившись у Васъ не опускать изъ виду и тѣхъ листковъ пергамина, которыми облѣплены доски переплета, я взглянулъ и тутъ на листъ пергамина, приклѣенный къ переплету снутри. Не трудно было увидѣть, что на внѣшней, не приклѣенной къ доскѣ страницѣ написано то-же, что и на оборотѣ 1-го листа. Догадываясь, что и на страницѣ, приклѣенной къ доскѣ, должно быть то-же, что на 1-ой страницѣ 1-го листа, т. е., что весь этотъ листъ есть только повтореніе 1-го листа, я позволилъ себѣ всмотрѣться не только въ связь тетрадей рукописи, но и отклѣить листокъ отъ доски переплета,—и вотъ что увидѣлъ: a) листокъ,

бывшій до сей минуты приклѣеннымъ къ переплету, составляетъ съ 6 листкомъ первой тетради рукописи одно цѣлое, а листъ 1-й приклѣенъ ко второму какъ вставочный и есть только позднѣйшій списокъ этого стараго 1-го листа; b) на первой страницѣ подлиннаго листа, отклѣивши его отъ доски, я нашелъ и слово latria, но написанное уже не кириллицей, а просто по-латыни, и замѣтилъ, что вся эта страница, конечно, отъ долговременнаго употребленія рукописи, успѣла, прежде нежели поступила въ переплетъ, порядочно испачкаться.

Дѣло для меня объяснилось. Владѣлецъ рукописи, желая имѣть испачканный 1-ый листокъ чистымъ, списалъ его на особенномъ кускѣ пергамина и вклѣилъ этотъ кусокъ въ рукопись, а подлинный листъ оставилъ для переплета. Что перепись этого листа могла быть сдѣлана только по истеченіи немалаго времени послѣ того, какъ писана вся рукопись, это ясно: листка неиспачканнаго не для чего было вновь переписывать, а пергаминъ пачкается нескоро.

Такимъ образомъ, отъ подтвержденія сказанія Храбра по этой рукописи, я думаю, должно отказаться и остаться только при вопросѣ: „какими судьбами запала эта рукопись въ руки человѣка, знавшаго Кирилловскую азбуку лучше греческой?“ Рѣшать его не позволяютъ мнѣ ни время, ни мѣсто, ни силы.

Оставляю рукопись и иду обѣдать къ почтенному аббату. Сегодня тутъ храмовой праздникъ.

Прага, 24 Ноября.

Я не только забылъ послать въ свое время къ Вамъ это письмецо, но даже и окончить его. Теперь, воротившись въ Прагу, передаю Вамъ его, какъ Вамъ принадлежащее.

А вотъ и большая приписка на листѣ 70, какъ я ее читаю: a) въ углу на первой страницѣ снизу: оче г҃и благослови иоана хръсостома на рожьсто стья бця свѣтьлъ дьнь дньсь и чуденъ прѣдъ очеси нашими дьньсь мати живота нашего из ложеснь изиде сѫщи въ истинѫ мати свѣта дврь небесънаѩ намь родися носящиѩ сѧсниѩ жизни еѫже раздрушьно бысть прѣ... b) въ углу на оборотѣ сверху: въторое небо земи.

Вашъ И. Срезневскій.

3.

Дрезденъ, 1-го Ноября 1840.

Давно я не писалъ къ Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ! Теперь, хоть и оканчивается наконецъ мое стран-

ствованіе, продолжившееся вмѣсто 2-хъ цѣлые 5 мѣсяцевъ, и хоть вотъ ужъ скоро-скоро я ворочусь опять къ Вамъ, въ Прагу; но, улучивъ минуту свободную отъ занятій, не могу лишить себя удовольствія написать къ Вамъ хоть нѣсколько строкъ. Описывать мои пути и переходы отъ Вратислави, откуда я писалъ къ Вамъ мое послѣднее письмо [1]), до Дрездена, гдѣ теперь отдыхаютъ ноги мои отъ странствій, было бы слишкомъ долго и трудно для моего страннического терпѣнія; впрочемъ, не могу не пересказать кратко, гдѣ я былъ и потомъ... о чемъ нибудь изъ того, что между видѣннымъ мною можетъ быть для Васъ любопытно.

Изъ Вратислави я сдѣлалъ поѣздку въ Ополье и оттуда пѣшкомъ обходилъ всю средину земли, занимаемой Прусскими Слезаками, которымъ Нѣмцы дали чудное названіе Wasser-Polaken, хотя имъ и пристало имя Поляковъ столь же, сколько напр. Словакамъ имя Чеховъ (NB. Одно литература, а другое мѣстность народности). Народъ небольшой, народъ бѣдный, но сохранилъ и сохраняетъ въ образѣ жизни, обычаяхъ, обрядахъ, рѣчи—многое, что стоитъ подороже какого-нибудь стараго слова, запропалаго въ какой нибудь старой книгѣ. Читаютъ же такую книгу въ надеждѣ найдти такое слово (я и самъ не прочь отъ этого), тратятъ на это мѣсяцъ, другой, а народъ... умираетъ непрочтеннымъ. Выгоды промышленности заставляютъ изучать нравы и обычаи дикихъ народовъ, и о дикаряхъ Сибири или Океаніи мы имѣемъ въ 5 разъ болѣе свѣденій, нежели о народахъ Европейскихъ: тутъ я не вижу успѣховъ просвѣщенія. Путешественникъ, ограниченный подобно мнѣ временемъ, не можетъ изучить народъ, хорошо—если успѣетъ только познакомиться съ нимъ: тутъ нужны мѣстные наблюдатели, которые могли бы посвящать на изученіе народа не недѣли, а годы. И Европа, богатая учеными всякаго рода, такихъ мѣстныхъ наблюдателей имѣетъ слишкомъ мало.

Слезаки, подобно многимъ другимъ народамъ и народцамъ Европы, не имѣли ни одного. Я подмѣтилъ, распросилъ, записалъ, что могъ... что могъ! Какъ все это ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что можно сдѣлать! И съ грустію оставлялъ я Слезаковъ, увѣренный, что они, подобно другимъ народамъ, скорѣе утратятъ свою народность, нежели найдутъ мѣсто въ Этнографіи. По неволѣ погрустишь, когда вспомнишь, что этнографическая книга Европы остается бѣлою, не только для Слезаковъ,

[1]) Письма этого въ бумагахъ Ганки мы не нашли.

но и для Славянъ вообще, не только для Славянъ, но и для Германцевъ—бѣлою если не совершенно, то по крайней мѣрѣ почти, и болѣе испачканною, нежели записанною. Не мудрено, что Исторія Европы остается похожею на некрологъ, написанный ex officio по послужному списку... Впрочемъ я, кажется, заболтался. Между землею Слезаковъ и Лужицами Славянъ по языку уже нѣтъ, и между тѣмъ я не могъ проѣхать прямо въ Будишинъ. Въ Легницахъ, напр., надобно было осмотрѣть Славянскія рукописи, хранящіяся въ библіотекѣ при церкви Петропавловской и послушать преданій о татарахъ и ихъ битвахъ со Славянами; изъ Легницъ погода позволила мнѣ сдѣлать прогулку на Исполиновы горы, все еще не совсѣмъ нѣмыя для Славянолюба; страна между Легницами и Сгорѣльцемъ еще болѣе занимательна не только въ отношеніи преданій, но и въ отношеніи архитектуры, одежды, образа жизни и обычаевъ жителей; въ Сгорѣльцѣ я нашелъ много для себя любопытнаго въ Библіотекахъ Ученаго Общества и Милліевской, и радъ былъ знакомству съ Кандидатомъ Смоляромъ, любителемъ и знатокомъ Лужицко-Сербской народности, съ Пасторомъ Гауптомъ и Совѣтникомъ Полиціи Кёлеромъ, любителями Славяно-Германскихъ древностей; около Сгорѣльца Кёнигсганиъ, Ландскрона, Яворникъ и другія мѣста стоили также посѣщенія. Передвинувшись въ Будишинъ, я не могъ и тутъ не остаться на нѣсколько дней: осмотрѣть рукописи и рѣдкія книги въ библіотекахъ Ратуши и Герсдорфской, осмотрѣть городища, лежащія въ немаломъ количествѣ около Будишина, побывать на окрестныхъ горахъ, богатыхъ самыми любопытными преданіями, послушать Горно-Лужицкихъ проповѣдниковъ, между которыми Вамъ не незнакомы имена Якоба и Кригера, принять участіе въ аукціонѣ библіотеки покойнаго Лубенскаго, — на все это нужно было время. Изъ Будишина я пошелъ вмѣстѣ съ Смоляромъ „писать мыслѣте" по Лужицамъ: надобно было и познакомиться съ народомъ Лужицко-Сербскимъ, до сихъ поръ еще столь мало извѣстнымъ, надобно было и обозрѣть городища и могилы, а слѣдовательно нельзя было держаться не только битой дороги, но иногда и тропинокъ. Одна только восточная граница Лужицъ осталась нами непосѣщенною: говорю „нами", ибо по Лужицамъ бродили мы большею частію вмѣстѣ съ Смоляромъ. Этого человѣка я остаюсь вѣчнымъ должникомъ и вѣчнымъ почитателемъ. Это образецъ для называющихъ себя любителями и знатоками народности. Онъ не беретъ на себя многое, хочетъ узнать только свое отечество, оставляя на предбудущее время изученіе другихъ, со-

племенныхъ народовъ, и узнаетъ не по верхамъ: онъ сдѣлался совершенно народнымъ человѣкомъ; обходитъ страну всюду, какъ свой, какъ давно знакомый, какъ родной, и передаетъ замѣчаемое не памятной книжкѣ, а памяти жизни; живетъ въ духѣ и тѣлѣ своей родной народностью, слушая сказку, разсказываетъ другую, танцуя съ поселянкой, напѣваетъ ей забытую ею пѣсню, въ старинномъ обрядѣ не зритель, а исполнитель, — и врагъ всего стараго дурнаго, остается Китайцемъ по чувству ко всему старому, доброму; словомъ, проникаетъ въ жизнь народа, проникаясь самъ ею. О, еслибы каждый Европейскій народъ имѣлъ по одному Смоляру, на такое количество людей, какое въ Лужицахъ Сербскихъ, и еслибы, разумѣется, они имѣли средства давать знать свѣту о своихъ наблюденіяхъ, — иное бы поприще раскрылось для исторіи, для филологіи, для философіи Европейской. Завидую Сербамъ и радуюсь за нихъ: если и смерть удѣлъ ихъ народности, она не умретъ, по крайней мѣрѣ, не отпѣтою, не умретъ для будущаго. Всегда я любилъ изученіе народности, почиталъ его важнымъ и умѣлъ доказать это силлогизмомъ: Смоляръ первый доказалъ мнѣ это жизнію. И что еще можно ждать отъ него! Онъ еще молодъ, только начинаетъ свое поприще: „дайте поброжу", говоритъ онъ самъ: „далъ бы Богъ жизнь и здоровье, дастъ и терпѣнье къ ученымъ трудамъ". Конечно, дастъ и терпѣнье, и умѣнье: кто не ходитъ ощупью въ своемъ вѣкѣ и народѣ, не будетъ ходить ощупью и въ чужихъ вѣкахъ и народахъ... Впрочемъ я, кажется, опять заболтался. Пріѣхавши въ Дрезденъ, я думалъ, что уже не ворочусь на сѣверъ; но, узнавши о городищахъ и могилахъ, лежащихъ въ окрестностяхъ Чернаго Эльстера, воротился, поѣхалъ въ Добрылукъ, оттуда зигзаками до Эльбы, и не увидѣлъ опять Дрездена до тѣхъ поръ, пока не обозрѣлъ всѣхъ важнѣйшихъ насыпей, находящихся въ тѣхъ мѣстахъ. Трудно отвѣчать рѣшительно на вопросъ, кто и для чего строилъ эти насыпи; но онѣ всюду, гдѣ есть или были Славяне, и изыскателю Славянскому не простительно оставаться къ нимъ равнодушнымъ: кто имѣетъ случай, да осматриваетъ и описываетъ ихъ— и поподробнѣе г. Калины и Лиша, ибо нерѣдко самая мелочная топографическая подробность можетъ приводить къ важнымъ выводамъ. Наконецъ въ Дрезденѣ знакомство съ Д-р о м ъ Клеммомъ, его кабинетъ, Публичная Библіотека, Музеумъ Древностей, Музеумъ фарфоровъ, разумѣется, и картинная Галлерея заставляютъ забывать о теченіи времени. Еще хочется прогуляться въ такъ называемую Саксонскую Швейцарію; а пора, по-

ра и къ Вамъ въ музеумъ. Вѣдь болѣе 3 мѣсяцевъ продолжалось мое странствіе отъ Вратислави досюда.

Теперь—о чемъ теперь писать? Предметовъ много, выборъ труденъ. А, кстати! Я что-то сказалъ въ началѣ письма о старыхъ книгахъ. Въ доказательство, что и я люблю ихъ, сколько могу, я намѣренъ сообщить Вамъ мои замѣчанія о чешскихъ пергаминахъ, мною видѣнныхъ на пути. Вы извините бѣдность замѣчаній: я не знатокъ, а ученикъ въ этомъ дѣлѣ.

И прежде всего я долженъ сообщить Вамъ одно извѣстіе особенной важности. Оно касается до отрывка Евангелія Іоанна, подавшаго поводъ нѣкоторымъ недовѣрамъ сомнѣваться въ подлинности его.

Однажды въ Сгорѣльцѣ сидѣли мы съ почтеннымъ Гауптомъ, какъ приходитъ Г. Кёлеръ и обращается прямо ко мнѣ: „Ну знаете что! Я докажу нашимъ скептикамъ, какъ можно сомнѣваться въ подлинности отрывка Евангелія Іоанна. Я получилъ сегодня экземпляръ „Памятниковъ", взглянулъ на снимки, взглянулъ на снимокъ Евангелія, и... чортъ возьми, я не знаю только, гдѣ я дѣвалъ мой лоскутокъ. Я впрочемъ найду его. Онъ долженъ быть или у меня въ бумагахъ, или въ Житавѣ у Пешка: я найду его. Этотъ лоскутокъ—другой отрывокъ того же экземпляра Евангелія: тотъ же почеркъ, тѣ же глоссы, только я не думалъ, что это такая древность, не умѣлъ оцѣнить его". Кёлеръ обѣщался найти и прислать его въ Музеумъ.

Тотъ же Кёлеръ готовитъ послать къ Вамъ отрывокъ изъ объясненія десяти Заповѣдей, писанный на пергаминѣ, кажется, въ XIV вѣкѣ [1]). И. Срезневскій.

4.

Вѣна, 29 Янв. 1841 [2]).

Я въ Вѣнѣ, незабвенный другъ Вячеславъ Вячеславичъ! и останусь тутъ на мѣсяцъ, т. е. до 25 февраля. Случилось такъ, какъ мнѣ хотѣлось: Вукъ Степановичъ согласился мнѣ помогать въ изученіи Сербскаго языка и народа и, кромѣ того, нашелъ мнѣ молодаго хорвата, у котораго беру уроки ежедневно. Я переселился въ сосѣдство къ Вуку и живу въ Вѣнѣ волч-

[1]) Далѣе слѣдуетъ выписка изъ рукописи. Письмо это со всѣми выписками напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1840, str. 403—412. Въ подлинникѣ, съ опущеніемъ извлеченій изъ рукописей, оно напечатано въ Живой Старинѣ, 1891.

[2]) Напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1841, str. 104—105.

комъ: иной день не загляну не только въ городъ, но и никуда изъ своей улицы. Охота заниматься есть,—на успѣхъ надѣюсь. Въ свободныя минуты продолжаю заниматься Венгерскимъ. Иногда загядываю и въ Чехію: подлѣ меня есть кофейня, гдѣ получаются Kwěty и Wčela, а также и Illirske Nowine. Другая кофейня есть am Graben, гдѣ получается Сѣв. Пчела и Illirske Nowine. За Славянскими книгами хожу въ лавку Венедикта. Вотъ нѣкоторыя изъ недавно вышедшихъ: — Новый Сербскій Лѣтописъ за годину 1840. У Будиму. 4 книжки 8°. Въ 1-й книжкѣ любопытны „черты изъ жизни Архимандрита Раича". Тутъ же переведена Ваша статья о Реимскомъ Евангеліи, Греча чтеніе о Русскомъ языкѣ и Мацѣёвскаго о земляхъ и народахъ Славянскихъ. Во 2-й книжкѣ переведено путешествіе Л. Штура по Лужицамъ, представленъ списокъ словъ Турецкихъ въ Серб. языкѣ, сообщена народная пѣсня о женитьбѣ Чарноевича Ивы. Въ 3-й переведена повѣсть Булгарина „Освобожденіе Арконы" и есть народ. пѣсня о Георгіи. Въ 4-й извѣстіе Колляра о „Древнѣйшихъ памятникахъ" Шафарика и Палацкаго, переводъ рѣчи Погодина. Во всякой книжкѣ есть много стихотвореній. Вообще журналъ порядочный.

Хорошо было бы туда сообщать извѣстія о литературѣ Чешской, или по крайней мѣрѣ посылать Muzejnik, Kwěty и т. д.

Лукіана Мушицкогъ Стіхотворенія кньига друга (Славенска). Скупіо Дръ Георгій Мушицкій. У Будиму. 1840. 8°. Славян. буквами. Почтенное имя, прекрасныя чувства,—плохая поэзія, плохой языкъ. Изданіе прекрасное.

Mnemosynon Slavicum suis quondam auditoribus ac amicis carissimis dicat A. Slomšek. Glanforti. 1840. 8°. Вся книга на Краинскомъ и содержитъ описаніе церков. обрядовъ при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи, съ приложеніемъ къ каждому обряду проповѣдей и духов. пѣсенъ. Книга — по нуждѣ — любопытная, и для филолога.

Anhang zur Grammatik der Kroatischen Mundart. v. Ignaz Kriztianovich. Agram. 1840. Самая грамматика издана въ 1837 году. Она любопытна въ томъ отношеніи, что описываетъ нарѣчіе Загребское, имѣющее нѣкоторыя любопытныя особенности. Прибавленіе къ Грамматикѣ, содержащее фразеологію и разговоры, могло бы быть сдѣлано лучше; впрочемъ нельзя не поблагодарить издателя за нѣсколько десятковъ новыхъ или лучше сказать старыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ словъ. Правописаніе какъ и во всемъ, что выходитъ изъ типографіи Жупана. Пора бы, кажется, оглянуться и принять правописаніе Гая, а то

прошу покорно читать ch за č и ć, cz за c, dy и gy за ḑ, ly за l', n за ń, s за ž (а передъ k, p, t за ш), sh за ш, sz за s (z за z). Человѣкъ тѣмъ и отличается отъ неразумной скотины, что усвоиваетъ себѣ все хорошее; а Г. Жупанъ, кажется, не паяцъ, имѣющій хлѣбъ отъ обезьянъ.

J. Poplinski's Grammatik der Polnischen Sprache. Lissa und Gnesen. 1840. Четвертое изданіе. Прибавленія и поправки маловажны.

Bajki Mazurskie. Poezje Jana Nep. Gątkowskiego. We Wiedniu. 1841. Басеньки для дѣтей, написанныя ловко и хорошими стихами.

Пѣсни Вуковы, томъ 1-й, отпечатаны, кромѣ 1-го листа, гдѣ заглавіе и предисловіе; книга большая, толстая, превосходно напечатанная. За 2 гульдена томъ,—это дешевле грибовъ: лучше пива не пить да купить, а поучиться есть чему въ ней,—между прочимъ и тому, какъ должно собирать и печатать народныя пѣсни. Вышелъ и портретъ Вуковъ: очень хорошо литографированный и довольно вѣрный.

Прощайте и не забывайте Срезневскаго.

Вамъ принадлежащую книгу „Очерки Россіи“ вы получите отъ Г. Челяковскаго.

5.

Вѣна, 21 Февр. 1841.

Виноватъ, виноватъ, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! Уже сколько разъ я получалъ упреки, что пишу неразборчиво, но видно, что горбатаго исправитъ могила: сколько разъ я ни хотѣлъ исправиться, всегда забывалъ объ этомъ именно тогда, когда нужно было объ этомъ помнить. Писать и думать о томъ, что писать надобно разборчиво — эти два дѣла я не умѣю дѣлать разомъ. Впрочемъ хоть на этотъ разъ постараюсь быть менѣе несноснымъ, нежели въ предъидущій разъ.

Прежде всего поздравляю Васъ съ избраніемъ въ члены Петер. Академіи Наукъ и всею душею радуюсь этому. Для насъ, Русскихъ, этотъ выборъ тѣмъ пріятнѣе, что мы можемъ по нему заключать, что и академія наша хоть по немногу славянится, начинаетъ, хоть можетъ быть и по неволѣ, признавать достоинства и заслуги людей, подобныхъ Вамъ.

Да, я остался въ Вѣнѣ на мѣсяцъ. Нехудо было бы остаться и еще на мѣсяцъ, но боюсь: надобно подумать о Краинѣ и о путешествіи. 26-го ѣду изъ Вѣны въ Градецъ, оттуда въ

Целовецъ и Марбургъ, оттуда... Какъ расположится далѣе мое путешествіе, самъ не знаю. Можетъ быть съ Княжевичемъ, Надеждинымъ и Вукомъ въ Сербію, Боснію и Черную гору, и оттуда съ однимъ Вукомъ въ Далмацію; можетъ быть съ однимъ Вукомъ въ Далмацію изъ Тріеста. Можетъ быть и самъ одинъ. Вотъ почему я не могу сказать Іордану, когда буду въ Загребѣ. Пусть напишетъ мнѣ въ Любляны или Целовецъ, когда онъ надѣется быть готовымъ къ путешествію, а я увѣдомлю Васъ, что со мною: черезъ мѣсяцъ я буду знать вѣрнѣе.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Барону Нейбергу и скажите ему, что я его письмо отдалъ на третій день по пріѣздѣ въ Вѣну; но вашей посылочки еще не отдалъ: тогда забылъ, а теперь поутру не имѣю времени ходить въ городъ. Впрочемъ отдамъ, если не самъ лично, то черезъ городскую почту.

Съ Копитаромъ видѣлся два раза: болѣе нѣтъ охоты. У него хоть и есть душа, но не по мнѣ. Вукъ очень хвалитъ его, называетъ его честнѣйшимъ человѣкомъ. Можетъ быть это и правда; но всетаки его печатные и изустные поступки оттягиваютъ меня отъ него (о Гезихіусѣ писалъ и Добровскій, и Дурихъ, и даже кажется Альтеръ).

Гораздо пріятнѣе было для меня знакомство съ Чаплович-чемъ. Онъ уже старикъ, лѣтъ 60-ти. Какой впрочемъ старикъ, можете судить изъ послѣдней его статьи, переведенной въ Илир. Денницѣ и напечатанной прежде въ одномъ изъ Венгер. журналовъ,—о мадьяризованіи. Теперь онъ написалъ еще одну статью объ этомъ и послалъ въ Аграмскую нѣмецкую газету. Она велика, написана сильно и доказательно: въ ней онъ доказываетъ, что мадьяризованіе и несправедливо, и ненужно, и невозможно. Вообще этотъ предметъ его очень занимаетъ. Жаль, что онъ старикъ. А трудился и трудится много. Разказывая мнѣ о себѣ, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ: „Я холостякъ, дѣла мои по должности въ порядкѣ, времени для развлеченія у меня много, вотъ я и занимаюсь своей родиной, привожу мало-по-малу въ порядокъ то, что собиралъ многіе годы..." Да и надѣлалъ же онъ: рукописей, готовыхъ къ печати, у него цѣлая полка, вѣрно листовъ на двѣсти печати. Тутъ есть общее обозрѣніе Венгріи, Этнографія Славянъ Венгерскихъ, Венгровъ, Нѣмцевъ и Жидовъ Нѣмецкихъ, отдѣльно о Кроатахъ, Русняках и т. д., Физическая Географія Венгріи. Всюду одна система изложенія, и система прекрасная. „Ну что жъ, надобно издавать все это!" сказалъ я ему. „Гмъ! отвѣчалъ онъ: Это не легко. Едва ли и будетъ это издано когда-нибудь". Доказательствъ его

я впрочемъ не понялъ. Какъ бы ни было, Чаплович ъ достоинъ уваженія.

Какъ мнѣ досадно, что я не былъ на балѣ Чешскомъ. Петръ Ивановичъ описалъ мнѣ его и Манетинскую чудесно [1]); но все я не былъ. И не имѣю права, а завидую Вамъ. Вообще, чѣмъ я далѣе отъ Праги, тѣмъ мнѣ болѣе жаль ее. Прага, Прага! Что будешь ты со временемъ! Тутъ я окончу свое письмо. Право не о чемъ писать. Да и поздно: уже давно за полночь. Надѣюсь больше написать изъ Каринтіи.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей супругѣ, Юнгману, Томашку, Челяковскому, Шафарику, Калинѣ, Станьку, Амерлингу, Каубку, Тилю, Манетинской. Поклонитесь отъ меня всей нашей Прагѣ. Если на мое имя получено письмо изъ Россіи, то потрудитесь переслать на имя Ярника или Кастелица.

Петру Ивановичу потрудитесь сообщить слѣдующее: Всѣ свои записки изъ книжной лавки Гаазе пересмотрѣлъ и ни въ одной не нашелъ о книгѣ „Prag von Legis". Заплочено ли за нее, или нѣтъ, право, не помню. Если не заплочено, то да заплатитъ П. И. прилагаемымъ талеромъ. Вѣрно, я записку потерялъ, впрочемъ странно: у Гаазе я бралъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Прагу, а потомъ уже у Кронбергера, но не у него. Что же Петръ Ивановичъ, вѣрно васъ не ждать въ Вѣнѣ? Да и для переговоровъ нашихъ съ Вукомъ не спѣшите: дѣло не можетъ легко рѣшиться. Если пріѣдете въ Вѣну, и не застанете Вука, то обратитесь къ Хорвату Куриляцу (sic), который теперь со мною занимается: онъ живетъ — Landstrasse, № 24, bey den Holzställen, unterhalb des Invalidenpalais. Спросите у Шафарика, не получилъ ли онъ письма изъ Россіи на мое имя; меня это ужасаетъ, я уже три мѣсяца не имѣю извѣстія о маменькѣ. Прощайте! Вашъ Измаилъ Срезневскій.

БОЛГАРСКІЯ ПѢСНИ ДЛЯ ІОРДАНОВОЙ ХРЕСТОМАТІИ:

Soń me lomi, soń me t r o š i,	огорчаетъ
Soń me n e d o c h o d i;	съ ума сводитъ
Na soń widech m a l k a m o m a,	дѣвушка
De po dwori chodi;	
Z a p r e t a l a beli rukawe,	засучила
K a t u janičarin,	какъ
Propustila đzi poly,	đzi то есть dlzi = д о л г і е
Katu č o c h a d a r i n.	Hofbediener
„Prodal si bych wrana koňa,	
Toku s neja da se stana"	Лишь бы остаться съ нею.

[1]) См. письмо П. И. Прейса отъ 10 февраля 1841 г. Живая Старина, 1891, вып. III, стр. 13—17.

De gu doću' malka moma	услышала
I mu reć pusti:	
Ne prodawaj, ludu, koňa,	безумный
Ni se rasipowaj,	sich verderben
Da by wtela malka moma,	хотѣла
Sama ti by došla,	
Da ti se seta po ćerdaci	шатается по алтану
Katu pajunica,	пава
Da ti guka po kapaci	окно
Katu grlowica	горлица
Da ti legne na raćica	руки
Katu jarebica.	рябушка, самка рябчика.

Хотѣлъ и еще одну, да мѣста нѣтъ.

6.

Загребъ, 20—30 Марта 1841 [1]).

Я въ Загребѣ. Вы удивляетесь, драгоцѣнный мой Вячеславъ Вячеславичъ, это для Васъ неожиданно; это неожиданно, случайно было и для меня. Я хотѣлъ ѣхать изъ Нѣмецкаго Градца въ Целовецъ, но не нашелъ ни почтоваго дилижанса, ни извощика; надобно было перемѣнить планъ,— и я рѣшился ѣхать въ Штирію. Тутъ первая станція моя была Марбургъ. Отсюда я хотѣлъ спуститься къ (Цилли) Цилю; но узнавши, что въ Цильскомъ уѣздѣ жители немногимъ отличаются отъ Крайнцевъ, между тѣмъ какъ въ Сѣверо-Западной части Славянской Штиріи господствуетъ собственно-Штирійское нарѣчіе, я повернулъ на Западъ въ Птую, которую можно назвать средоточіемъ этой части Штиріи, оттуда въ Великую Недѣлю и Ормужъ къ границамъ Венгерскимъ и Хорватскимъ. Заѣхавши такъ далеко на Западъ, мнѣ все равно было—ворочаться ли въ Марбургъ и оттуда ѣхать въ Любляны, или же спуститься въ Варашдинъ и Загребъ и уже изъ Загреба повернуть въ Любляны. Ворочаться не въ моемъ характерѣ,—и я поѣхалъ въ Загребъ.

Загребъ, Загребъ!... Но нѣтъ прежде я долженъ сказать Вамъ что-нибудь о Штиріи.

Начинаю съ Н. Градца. Тутъ я познакомился съ Профессоромъ Словенского языка Квасомъ, капелланомъ Муркомъ,

[1]) Письмо это напечатано въ Č. Č. Mus., 1841, 224—234. П. П. Дубровскій перевелъ это письмо на польскій языкъ и напечаталъ въ Bibliotece Warszawskiej, Tom IV, 1841.

извѣстнымъ Вамъ по словарю и грамматикѣ, съ молодымъ Иллирскимъ поэтомъ Трнскимъ и съ нѣкоторыми другими. Квасъ и Профессоръ, и вмѣстѣ гражданскій чиновникъ: профессорское жалованье его такъ мало (кажется, только 400 фл.), что онъ по необходимости долженъ принимать на себя и такія обязанности, которыя казалось бы несовмѣстны съ филологической профессурой. Впрочемъ онъ, сколько ему позволяетъ время, занимается и Славянской филологіей, изучаетъ и другія Славянскія нарѣчія, получаетъ и Чешскіе и Иллирскіе журналы и т. п. Тѣмъ пріятнѣе видѣть это, что какъ Профессоръ онъ можетъ все это отложить въ сторону, думая только о своемъ Словенскомъ языкѣ по мѣстному Штирійскому нарѣчію. Мурко—любезный молодой человѣкъ, и занимаетъ должность, какъ говорится, Гофмейстера въ домѣ Губернатора, должность очень покойную для человѣка, равнодушнаго къ ученой дѣятельности, но оставляющую слишкомъ мало времени для частныхъ занятій. Мурко впрочемъ не переставалъ по возможности улучшать свой трудъ, умножалъ собранія словъ, дѣлалъ замѣчанія грамматическія, обращалъ вниманіе на народные обороты рѣчи и выраженія,—и теперь особенно занимается приготовленіемъ второго изданія грамматики (отъ перваго изданія остается только нѣсколько оттисковъ). Въ новыхъ своихъ изданіяхъ онъ хочетъ употребить Иллирійское правописаніе: дай Богъ! Хоть бы это общее правописаніе приняли Словенцы Штирійскіе и Краинскіе, и того уже было бы довольно для ихъ сближенія литературнаго съ остальными Иллирійцами, а то у нихъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи „что городъ, то норовъ, что улица, то обычай“. Братья по крови, соотечественники по царю и правительству, они могутъ, они должны быть братьями по всему другимъ Иллирійцамъ. Мѣстныя, простонародныя особенности нарѣчій не могутъ вредить, а напротивъ должны быть полезны образованію общаго литературнаго языка. О Трнскомъ я ничего почти не могу сказать; я видѣлся съ нимъ два-три раза. Вы впрочемъ знаете его изъ Иллирской Денницы: молодой человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ; ему остается только постараться не быть переводчикомъ вольно-невольнымъ чужестранныхъ понятій, не забывать, что и поэзія, какъ и всякое художество, будучи по необходимости обусловливаема личностью художника, должна быть обусловливаема и народностію народа, который онъ называетъ своимъ народомъ, думать о томъ, что Иллирійскій писатель долженъ имѣть взглядъ на вещи не какъ какой-нибудь французскій или Арабскій, а Иллирійскій. Ходя по Градцу, я не могъ не замѣ-

тить, что многіе молодые люди говорятъ по-Славянски: это меня утѣшило; я было думалъ, что тутъ все уже исказилось, очужилось и одичилось. Тутъ напротивъ того и между самими Нѣмцами есть защитники Славянства; таковъ напримѣръ Кустосъ собранія древностей при Іоаннеумѣ, г. Вартингеръ, очень ученой и очень доброй человѣкъ. Профессора Мухара нельзя причислять къ этимъ людямъ, и это тѣмъ болѣе жаль, что его подробная Исторія Штиріи, которою онъ теперь занимается (первый томъ выйдетъ, кажется, еще въ нынѣшнемъ году), могла бы быть гораздо лучше, если-бы авторъ зналъ по-Славянски. Что до книгопродавцевъ, то Славянскія книги можно найдти у Кинреиха, у Ферстля: жаль только, что они сами не знаютъ, что продаютъ, и что имѣютъ на продажу. Переплетчикъ Пебаль не только продаетъ, но и самъ печатаетъ Словенскія молитвенныя книги, и сказалъ мнѣ, что это составляетъ его главный доходъ, что въ иное воскресенье продаетъ онъ по сту оттисковъ разомъ.

Самаго Градца, его замковой горы, его прелестныхъ окрестностей, университета, Іоаннеума и т. д. я описывать не берусь. Замѣчу только, что въ университетской библіотекѣ не 100,000 книгъ, а только 45,000, и въ отношеніи Славянскомъ особеннаго ничего нѣтъ, въ библіотекѣ Іоаннеума 25,000 и Славянскаго также мало. Прекрасное заведеніе при Іоаннеумѣ есть Читальница-Leseverein: въ ней получается около 130 журналовъ на разныхъ языкахъ. Какъ бы хорошо завести подобную и у васъ при Чешскомъ Музеумѣ.

Изъ Градца я поѣхалъ въ Марбургъ. Этотъ городокъ лежитъ уже въ Славянской Штиріи. Кстати о границѣ между Штиріей Славянской и Нѣмецкой: отъ Каринтійской границы у Ротвеина она идетъ черезъ Радула, Нѣм. Радль (горы) къ Лучанамъ (Лейтшаху), потомъ полукруглой линіей черезъ Ремшникъ-Кранахъ (горы) къ Арнушу (Еренгаузену), и далѣе по Мурѣ, такъ что до Радгони (Radkersburg) есть только нѣсколько деревень Нѣмецкихъ по правую сторону Муры, и за Радгоною только 5—6 деревень Словенскихъ по лѣвую сторону Муры. Я слышалъ, что и на сѣверъ отъ Радули и Ремшника говорятъ кое-гдѣ по Словенски, но по мнѣнію другихъ эти говорящіе по Словенски не Словяне, а Нѣмцы, выучившіеся говорить по Словенски по обязанности сосѣдства. Собственно Штирійское нарѣчіе употребляется, какъ я уже сказалъ, на сѣверовостокъ Славянской Штиріи и отличается особенно употребленіемъ ü и ou вмѣсто u; вотъ границы, до которыхъ оно употребляется съ запада: отъ Арнуша къ Ярониѣ (Ерінсу), далѣе къ

с. Маргаритѣ и с. Петру до Дравы, и потомъ по Дравѣ. Голошанъ (д. Kolosa), живущихъ въ горахъ на югъ отъ Дравы къ Границѣ Хорватской, можно причислять къ тому же нарѣчію, съ тою только разницею, что они говорятъ на распѣвъ, начиная рѣчь доминандой и оканчивая тоникой и еще чаще квинтой. На западѣ отъ этой границы до Словенской Быстрицы и Словенскаго Градца употребляется смѣшанное нарѣчіе, различное въ разныхъ мѣстахъ и на западъ отъ Марбурга и Словенскаго Градца подходящее къ Каринтійскому. Въ остальной Словянской Штиріи на югъ отъ Сл. Градца и Сл. Быстрицы употребляется нарѣчіе Краинское, отличное отъ чистаго Краинскаго только удареніемъ въ нѣкоторыхъ словахъ.

Въ Марбургѣ первое знакомство мое было съ Проф. Пуфомъ. Онъ родомъ Нѣмецъ, но душею Славянинъ, любитъ Словянъ, говоритъ по Словенски, много путешествовалъ, собралъ много любопытныхъ свѣденій о Штиріи (кои собирается издать въ особенномъ сочиненіи) и вообще прекрасной и любопытной человѣкъ. Съ нимъ вмѣстѣ мы ѣздили къ Лембахскому священнику Цвѣтку и Франгеймскому священнику Цафу. Цвѣтко почтенный старикъ, ничего не печатавшій, но прекрасно знающій Словянскую Штирію. Капелланомъ въ томъ же приходѣ Матіашичь, молодой человѣкъ, образованный и любящій Иллирійскій языкъ. Цафъ также очень молодой человѣкъ, отъ котораго можно ожидать много: теперь онъ занимается дѣятельно составленіемъ Словено-Штирійского словаря народнаго, и намѣренъ его издать съ переводомъ на Русскій, Иллирійскій, Чешскій и Польскій. Я просилъ его не забыть этнографическихъ примѣчаній, какія такъ роскошно украшаютъ Словарь Вука Стефановича: слово народное, переводи его хоть на 1000 языковъ, останется непонятымъ, если мы не знакомы вполнѣ съ понятіемъ, которое съ нимъ соединяетъ народъ, — и потому, мнѣ кажется, каждый хорошій словарь долженъ быть не только филологическій, но и этнографическій. Не могу умолчать и о Марбургскомъ переплетчикѣ Ферлинцѣ (Verlinz): онъ имѣетъ очень порядочную книжную лавку, и въ ней книгъ Словенскихъ, изданныхъ въ Краинѣ, Каринтіи и Штиріи, сколько угодно.

Далѣе поѣхалъ я въ Птую (Pettau) и изъ нее сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ въ окрестности. Тутъ уже чисто-Словянскія одежды, и въ самомъ языкѣ словъ Нѣмецкихъ не много, а физіономія чистыя, правильныя, нерѣдко прекрасныя. Познакомившись съ священникомъ Вразомъ и нѣкоторыми другими, я былъ ими принятъ, какъ родной. Сама Птуя маленькій городокъ,

красиво расположенный на взгорьи у Дравы, и представляетъ съ Замковой горы прекрасный видъ на Птуйское поле и горы Голошанъ. Остатковъ отъ Римлянъ множество.

Быть близко отъ Дайнка, бывшаго столь дѣятельнымъ на поприщѣ Штирійской литературы, и не быть у Дайнка—былъ бы грѣхъ,— и я поѣхалъ въ Великую Недѣлю (Gross Sonntag). Онъ тамъ приходской священникъ и деканъ. Уже старикъ, воспоминающій о своей литературной дѣятельности, какъ о прошломъ, но при лучшихъ обстоятельствахъ готовый, кажется, снова быть дѣятельнымъ. Народомъ онъ очень любимъ, чему доказательствомъ можетъ служить между прочимъ и то, что многихъ изъ его книгъ уже невозможно достать. Гостепріимство его въ обхожденіи со мною переходило за предѣлы возможности: онъ хотѣлъ было самъ заплатить и извощику, котораго я нанялъ до Варашдина, и въ самомъ Варашдинѣ я обѣдалъ на его счетъ.

Переѣхавши у Ормужи черезъ Драву, я былъ уже въ Хорваціи, и тѣмъ кончилось мое Штирійское путешествіе. Жалѣю, что не былъ въ Радгони: тамъ печатаются книги для Венгерскихъ Штирійцевъ, называемыхъ въ Штиріи Прекмурцами, и вообще у тамошняго переплетчика-книгопродавца — Вейцингера можно было бы найдти много любопытныхъ вещей, не говоря уже о знакомствѣ съ Прекмурцами.

И еще одно жалѣю: жалѣю, что я побывалъ въ Штиріи такою раннею порою. Солнце хотя ужъ и грѣло, но по горамъ лежалъ еще снѣгъ, и трава по лугамъ только пробивалась изъ подъ земли. Лѣтомъ тамъ долженъ быть рай. Горы, долины между горами, поля—какъ наши степи—у горъ, и потомъ пѣсни, пляски селянъ, которые тамъ отличаются особеннымъ радушіемъ... Чего бы не хотѣлъ человѣкъ! Иногда бы хотѣлось прожить во всякой прекрасной землѣ по цѣлой жизни; но кучеръ ждетъ, бичь хлопаетъ, и прощай, можетъ быть, навсегда, прекрасная земля, видѣнная—недовидѣнная.

Варашдиномъ, какъ вы знаете, я началъ мое неожиданное странствіе по Хорватіи. Варашдинъ довольно большой, т. е. несовсѣмъ малой городъ, и внѣшнимъ видомъ очень похожій на Русскіе города: домъ отъ дома въ пристойномъ разстояніи, улицы прямыя и широкія, площади большія, только церквей надо больше. Варашдинъ показался мнѣ впрочемъ слишкомъ пустъ и тихъ: только рожокъ Нѣмчика, продающаго прецлики, да стукъ наковальни нарушаютъ общую дремоту и тишь. Мнѣ все казалось, что я въ домѣ, изъ котораго вчера вынесли покойника.

Обширная равнина облегаетъ городъ кругомъ и идетъ далеко, далеко на востокъ. Нарѣчіе тутъ Хорватское, но не чистое, а смѣшанное съ Штирійскимъ.

Дорога изъ Варашдина въ Загребъ идетъ сначала по равнинѣ, потомъ черезъ довольно живописныя горы, и дорога сама по себѣ очень порядочная. Дилижансъ ѣдетъ только по Понедѣльникамъ, а я выѣзжалъ въ Суботу, и потому ѣхалъ съ извощикомъ, что для меня было впрочемъ лучше, потому что на двухъ остановкахъ, продолжавшихся часа по три, я успѣлъ кое-что распросить и записать.

Особенно любопытны были для меня „племенитые“ мужики: это просто мужики съ дворянскимъ правомъ; и также бѣдны, и также мало „начитанны“, какъ простые мужики Хорватскіе, только горды своей „племенитостью“. Если мужикъ, встрѣтясь съ вами по дорогѣ, привѣтствовалъ васъ снятіемъ шляпы,—это былъ простой Хорватъ; если онъ проѣхалъ мимо васъ, не поздоровавшись съ вами, это на вѣрно былъ „племенитой“. А бѣдность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — истинно Силезская или Бѣлорусская, настоящая бѣдность, безъ надежды, безъ утѣшенія: не мудрено, когда дворянство можетъ по прихоти управлять народомъ, стѣснять его данью, и даже торжественно противится заведенію народныхъ училищъ; освободиться отъ власти помѣщика селянину нѣтъ никакой возможности. Какое вліяніе имѣетъ это стѣсненное состояніе селянъ на ихъ нравственность, очень понятно. Если бы по крайней мѣрѣ помѣщики были образованнѣе; а то многіе изъ нихъ, къ счастію не „домородцы“ (wlastenci), сами немногимъ выше своихъ селянъ по образованію умственному, а по образованію нравственному нерѣдко и ниже.

Наконецъ я въ Загребѣ. Городъ на горѣ, городъ по горѣ, городъ подъ горою; тутъ стѣсненъ, тамъ разметанъ; идешь по истинному Вѣнскому переулочку, и выходишь на огромную площадь. Есть нѣсколько церквей, есть даже двѣ Греко-католическихъ; есть и жиды.—Что сдѣлалъ Гай и имъ пробужденные ото сна „домородцы“ въ литературномъ отношеніи, Вы знаете. Литературное вліяніе не осталось безъ впечатлѣнія и на жизнь общественную: идите по улицамъ—и замѣтите на большей части лавокъ, гостинницъ и т. д. Иллирійскія надписи; заходите въ лавку, въ гостинницу—и услышите большею частью Хорвато-Иллирійское нарѣчіе. О духѣ „домородства“ я уже не говорю: душа проснулась, и хочетъ жить, и чѣмъ больше живетъ, тѣмъ больше хочетъ жить. Мадьяроманы кусаютъ себѣ языкъ, но что съ этого! Иллирійскій подданный Царя Западныхъ Словянъ зна-

ет, что онъ подъ кровомъ закона, а не подъ мечемъ своенравія ордынца.

Что же касается собственно до успѣховъ литературы Илирской, то можно судить даже и по тому списку Ново-Иллирійскихъ писателей, сдѣланному мною на скорую руку и далеко неполному (я означилъ въ немъ родину каждаго, а цифра „35" показываетъ тѣхъ, которые начали писать съ перваго года изданія Данницы по-Иллирійски):

Атанацковичъ. Сербъ. Бабукичъ Вѣкославъ. Славонецъ. 35. Блажекъ Ома. Хорватъ. 35. Бона Перо, Маркизъ. Дубровчанинъ. Бороевичъ Николай. Личанинъ. Вакановичъ Свевладъ. Хорватъ. Вочинчичева Драгоила. Славонка. Вразъ Станиславъ. Штиріецъ. 35. Вукотиновичъ Людевитъ. Хорватъ. 35. Гай Людевитъ, Д-ръ. Хорватъ. 35. Деметаръ, Д-ръ. Хорватъ. Долинскій Любомиръ. Каринтіецъ. Добрановичъ Милое. Боснякъ. Драшковичъ Янко, Графъ. Хорватъ. 35. Деакъ. Сремецъ. Жигровичъ Ф. Хорватъ. Зденчай Александръ. Хорватъ. 35. Зденчанинъ (Топаловичъ). Зринскій Петръ, Графъ. Хорватъ. Іоановичъ, Д-ръ. Сербъ. Іоанновичъ, Д-ръ. Бачанинъ. Казначичъ Антоній. Дубровчанинъ. Керлежа Іосифъ. Хорватъ. Кобе Юрій. Крапнецъ. Косъ Францискъ. Хорватъ. Крашна. Крапнецъ. Кукулевичъ Сакцинскій Иванъ. Хорватъ. Кульянчичъ. Сербъ. Мажураничъ Иванъ. Приморецъ. 35. Маричъ Іосифъ. Хорватъ. 35. Майеръ Іосифъ. Банатецъ. Маріановичъ Степанъ. Славонецъ. Миклошичъ Др. Штиріецъ. Милигласовичъ (Маріановичъ). Милутинъ (Грнскій). Нашкій Недрагъ (Станковичъ). Славонецъ. Нѣмчичъ Антонъ. Хорватъ. Посакъ Богословъ. Хорватъ Венгерскій. Павковичъ А. Хорватъ Венгерскій. Петрановичъ, Д-ръ. Далматинецъ. Пехорникъ, Баронъ. Хорватъ. Поповичъ Павелъ. Банатецъ. Поповичъ Милошъ. Сремецъ. Раковацъ Драгутинъ. Хорватъ. 35. Радославъ Сава. Славонецъ. Русанъ Юрій. Хорватъ. 35. Русси Антонъ. Дубровчанинъ. Свѣтичъ М. Сербъ. Сельянъ. Хорватъ. Степчъ Иванъ, Д-ръ. Сербъ. 35. Стоосъ Павелъ. Хорватъ. 35. Суботичъ Василій. Сербъ. Тербуховичъ. Хорватъ. Терстенякъ Дворникъ. Штиріецъ. Тироль Д. Сербъ. Тѣкѣли Сава. Хорватъ Венгерскій. Топаловичъ М. Славонецъ. 35. Тординацъ Юрій. Славонецъ. 35. Трнскій Иванъ. Хорватъ. Туничъ Драгутинъ. Славонецъ. Ужаревичъ Д-ръ. Славонецъ. Феричъ. Дубровчанинъ. Хаванчъ Степанъ. Хорватъ. Халади Эдуардъ. Хорватъ. Чеваповичъ Г. Славонецъ. Шаянскій Богословъ. Хорватъ Венгерскій. Шиматовичъ Фр. Хорватъ. Шпичичъ Веніаминъ. Хорватъ. Ерневичева Драгоила. Хорватка.

Для 6 лѣтъ этого слишкомъ довольно. Между сими писателями первое мѣсто, если не по слогу и множеству сочиненій, то по духу возбужденія, по вліянію на всѣхъ другихъ, безспорно принадлежитъ незабвенному Гаю. Драшковичъ, Зденчай, Зринскій служатъ примѣромъ другимъ Аристократамъ

Иллирскимъ. Вразъ, Вукотиновичь, Деметаръ, Кукулевичь Сакцинскій, Раковацъ, Стоосъ и нѣкоторые другіе, какъ поэты съ душою, заняли бы почетное мѣсто во всякой литературѣ. Особенно мнѣ нравится Вразъ, какъ поэтъ, умѣющій понимать духъ народный. Между именами въ спискѣ Вы, конечно, замѣтили двухъ дамъ — Вочинчичеву и Ерневичеву: ихъ стихотворенія напоминаютъ, что въ старой Иллирійской, Дубровницкой, литературѣ поэтъ умѣлъ понимать сердце женщины, а женщина сердце поэта. Бабукичь и Мажураничь не могутъ не быть памятны по филологическимъ трудамъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. — Утѣшительно также видѣть, что къ „Слогѣ Иллирской" приступаютъ не только Дубровчане, Далматинцы, Сербы, Сремцы, но и Босняки, и даже Краинцы, Каринтійцы и Штирійцы.

Не менѣе пріятно мнѣ было замѣтить въ Загребѣ рвеніе, съ которымъ молодые люди занимаются изученіемъ другихъ Славянскихъ языковъ: понимающихъ по-Польски и по-Русски довольно много, многіе изучаютъ также и Чешскій языкъ. Я уже не говорю о томъ, съ какою любовью стараются тутъ изучать языкъ народныхъ пѣсенъ и Старо-Иллирійскихъ писателей. И вообще направленіе литературное въ Загребѣ можно представить за примѣръ. Можно бы только пожелать, чтобы болѣе было обращаемо вниманія на изученіе народныхъ нравовъ и обычаевъ. Хоть и не кстати, но чтобъ не забыть скажу, что первая часть Иллирійскаго Словаря, тутъ приготовляемаго, часть Нѣмецко-Иллирская уже готова, и печатаніе началось. Другая пріятная, важная для Славянъ книга „Описаніе Босніи" также готовится къ печати.

Театръ Иллирскій fait des progrès de plus en plus, и открытъ не такъ, какъ въ Прагѣ — по Воскресеньямъ отъ 4 до 6, а напротивъ вечеромъ и по два, иногда по три раза въ недѣлю. Читальница Иллирская имѣетъ очень порядочную библіотеку и, кромѣ Нѣмецкихъ, Итальянскихъ и Венгерскихъ журналовъ, выписываетъ и почти всѣ Славянскіе, издаваемые въ Имперіи и даже нѣкоторые иностранные — Сербскіе, Русскіе, Польскіе. Она открыта ежедневно, и почти всегда полна. Типографіи Гая и Жупана устроены прекрасно, жаль только, что Жупанъ, по незнанію ли дѣла, или по чему другому, печатаетъ книги большею частію старымъ хорватскимъ правописаніемъ. Правда, что книги, имъ издаваемыя, обыкновенно не важны и не могутъ вредить общему успѣху Слоги; но все скучно видѣть, когда мухи лазятъ по кушанію, приготовленному для ѣды. Въ книжной

лавкѣ Жупана порядка гораздо больше, нежели въ правописаніи книгъ, имъ издаваемыхъ: въ ней много Словянскихъ книгъ, есть даже старыя. Другая книжная лавка Гиршфельда также имѣетъ Словянскія книги, но Словянскаго порядка въ ней меньше... Я испросилъ мнѣ показать, что имѣется, и лавочникъ вытащилъ мнѣ изъ полокъ все количество экземпляровъ, какое было, такъ что я самъ долженъ былъ ихъ сортировать. Почему бы казалось не связать всѣ экземпляры одной книги въ особенныя связки, написавши на лоскуткѣ бумаги названіе книги по-Нѣмецки! Такого безпорядка не водится и за нашими безграмотными „варягами“: не умѣя прочесть названіе книги, они умѣютъ однако отличить одну отъ другой по переплету, и знаютъ даже содержаніе книги; тѣмъ не менѣе и на лавкѣ Гиршфельда вывѣска по-Иллирски. О балахъ Иллирскихъ вы знаете изъ Денницы. Въ кондиторскихъ вы найдете конфеты съ иллирскими надписями; а у переплетчиковъ такіе же аплатки.

На дняхъ я ѣздилъ на нѣсколько дней въ Загорье, т. е. изъ Загреба въ Быстрицу, изъ Быстрицы въ Крапину, изъ Крапины черезъ Яковле въ Загребъ. Вотъ нѣсколько обломковъ изъ путевыхъ впечатлѣній моихъ.

Первой ночлегъ. Помѣщичій домикъ на полугорѣ, за нимъ и кругомъ горы, подъ нимъ долина: внизу вокругъ все виноградники, и тамъ и здѣсь разсѣяны сельскіе домики. Домикъ небольшой, но мило-уютной: въ нижнемъ ярусѣ столовая, кабинетъ хозяина, кухня, чуланы; въ верхнемъ небольшая гостиная, двѣ большихъ спальни по бокамъ и дѣвичья; въ сторонѣ отъ дома хозяйственныя пристройки. Прислуга большею частію мужескаго пола. Небольшое семейство владѣльца увеличилось гостями: мы съ Вразомъ только на одну ночь, другіе останутся долѣе, между ними есть и одна дама, сосѣдняя помѣщица, захворавшая и живущая какъ у себя дома (такое гостепріимство иенсюду).

У этой дамы есть дочка—Габріелла. И что за прекрасное дитя, что за душенька эта малютка Габріелла! Чисто-Словянское, мягко-нѣжное личко, такой же взглядъ, такое же сердце, счастливое любовію родныхъ, живущее ею, безъ нее не могшее бы не увянуть навсегда. Вчера я поцѣловалъ ее въ лобокъ, когда она спала мирнымъ, ангельскимъ сномъ; сегодня мы поцѣловались братски—и друзья. И она вѣдь уже „домородка“, хоть и сама того не знаетъ.—„Кто ты, Габріелла?“—„Иллирка!“ отвѣчаетъ она мнѣ, довѣрчиво глядя мнѣ въ глаза.—„А не Мадьярка?“—„Нѣтъ, нѣтъ! я—Иллирка, я—Славянка“.—„А я такъ Ма-

дьяръ!"—„Мадьяръ!!" — И Габріелла уже не такъ глядитъ на меня, уже не хочетъ оставаться у меня на колѣнахъ, бѣжитъ отъ меня къ маменькѣ, говоритъ печально: „Маменька, онъ — Мадьяръ". „А, нѣтъ! Онъ не Иллиръ, но и не Мадьяръ. Поди, приласкайся къ нему по прежнему."—И Габріелла повеселѣла, опять у меня на колѣнахъ, опять мы съ нею друзья.

Верхомъ на лошадяхъ, которымъ очень пристало имя клячь, тащились мы по горамъ—въ Быстрицу. Дорога вьется, поднимается и опускается, то скроется въ лѣсу, то раскроетъ передъ нами широкій, прекрасный видъ на горы и отдаленности. Мы тащимся. Два Хорвата въ широкополыхъ шляпахъ и кабаницахъ, изъ за которыхъ видна рубаха, спущенная по-Великорусски сверхъ широкихъ шараваръ, идутъ пѣшкомъ... Далѣе, далѣе; а вонъ мелькнула изъ за деревьевъ и Быстрица.

Чудотворный образъ (Socha) Божіей Матери Быстрицкой знаменитъ во всей Иллиріи, даже въ Венгріи и Италіи. Лѣтомъ сюда приходятъ толпы молельщиковъ: гостинницы, дворы, площади, поляны наполняются народомъ всѣхъ обличасвъ и цвѣтовъ; тамъ Штиріецъ толкуетъ съ Славонцемъ, тамъ слѣпецъ Далматскій поетъ юнацкую пѣснь, тамъ Мадьярка споритъ съ Краинкой, и такъ далѣе. Теперь еще не лѣто, и въ аббатствѣ нѣсколько пусто; на обѣднѣ были только Загорцы изъ сосѣднихъ деревень — мущины въ кабаницахъ, женщины въ „печахъ" на головахъ и въ бѣлыхъ юпкахъ и передникахъ, вышитыхъ красными узорами, дѣвушки, завивши волосы въ двѣ косы. Обличаи различны: у пришедшихъ съ юга и востока лица неправильны, нехороши; у пришедшихъ съ сѣвера и запада — пріятный очеркъ лица, живые каріе глаза, ростъ выше, станъ ровной, одежда лежитъ какъ то лучше.

Аббатъ — почтенный, гостепріимный старикъ, образованный умомъ и съ дѣвственною любовію къ Словянамъ въ сердцѣ. Не уважать, не любить этого человѣка нельзя. Ему же принадлежитъ между прочимъ и то, что во всемъ аббатствѣ надписи на стѣнахъ, подъ вратами и подъ картинами написаны по-Иллирски и новымъ правописаніемъ.

Домоуправительница въ аббатствѣ — предобрая старушка. Смотритъ на меня и смѣется: ей все кажется удивительнымъ, что я, странникъ изъ за 250 миль, говоря съ нею на своемъ родномъ языкѣ, могу ей быть понятенъ. Еще не успѣетъ окончить своего вопроса мнѣ, и уже смѣется; а потомъ про себя промолвитъ: „чудно, чудно!"

Добродошлица — чара вина, выпиваемая гостемъ, въ

первый разъ посѣтившимъ. Пить се должно до дна. И вообще гостепріимство Загорское знаменито въ цѣлой Хорватской земѣ: не одному гостю случалось болѣть отъ этого гостепріимства; ѣшь—не хочу, пей—не хочу.

Путь изъ Быстрицы въ Крапину по долинѣ, по которой течетъ рѣчка Крапина,—живописной путь. Чудные луга въ серединѣ, горы по бокамъ, горы изъ за горъ вдали,—и вонъ стиснутый между горами лежитъ городокъ Крапина, а тамъ и тутъ виднѣется гдѣ замокъ, гдѣ церковь, гдѣ домики селянъ, маленькіе, бѣленькіе, разсѣянные по отлогостямъ, то выглянувши изъ за лѣса, то пріютившись подъ сѣнь садовыхъ деревьевъ, всюду виноградники. И природа уже развивается: луга покрылись бархатомъ зелени, любица, добрая мысль, дремота, протулѣтка разцвѣли, дѣвственные листочки выглядываютъ изъ почекъ деревьевъ. Дивно хорошо.

Крапина. Съ одной стороны гора и на ней развалины стараго замка Крапины, гдѣ когда-то живали, какъ говоритъ преданіе, Чехъ, Лехъ и Мехъ; съ другой стороны гора и на ней слѣды развалинъ другого стараго замка Псари; между ними по узкой долинѣ улица съ домиками и двѣ церкви на пригоркахъ: это городъ Крапина. Городокъ, а не городъ. Въ немъ, въ его окрестностяхъ можно прожить долго, не соскучась.

Тутъ родился Гай.

Корчма у Яковля. Ждали, ждали „форшпанга", и не дождались, а ждали ночь и день.

Вотъ она, величественная Сава. Вонъ вдали, за широкой долиной, рисуются пограничныя Краинскія и Штирійскія горы, а изъ за нихъ выказываетъ свое снѣжное темя и Триглавъ. Вонъ и Медвѣдь-градъ въ развалинахъ выказывается изъ за горъ. Вонъ и Загребъ. Прощай, Загорье—радъ прибавить—до свиданія. И природа, и люди, тутъ все такъ хорошо, что жаль разставаться, грустно вспоминать, что доля странника только проходить.

А посмотрите, полюбуйтесь на мой красной, вышитой „каламанакъ": это подарокъ милой Загорской ручки, драгоцѣнное воспоминаніе о Загорьи.

Къ двумъ словамъ о Театрѣ Иллирскомъ прибавлю еще два. Вчера (т. е. 29 Марта) давали „Анджело" Виктора Гюго. О выборѣ пьесы я ничего не скажу; но дали—какъ нельзя было ожидать. Г. Исаковичъ могъ бы представить Анджела лучше, равно и г. Бадлай—Родольфа, тѣмъ не менѣе слушать ихъ можно

было съ удовольствіемъ, — и вообще отъ нихъ можно ожидать прекрасныхъ актеровъ: у Исаковича много характера, а у Бадлая молодость, станъ, ростъ, голосъ и чувство. Катарину играла г-жа Ваги: мимика ее прекрасна, и въ каждой отдѣльно взятой сценѣ она занимательна; тѣмъ болѣе жаль, что она какъ будто не заботится о хронологическомъ выраженіи характера, какъ будто не хочетъ проникать въ то, что называется crescendo, постепенность, и вообще имѣетъ наклонность быть чувствительною чрезъ мѣру. Г-жа Штаинъ играла Тизбу: ее умѣнье удерживаться въ предѣлахъ естественности, что касается до выраженія словъ и минъ лица, стоитъ подражанія; мимика нѣсколько однообразна, но благородна и оригинальна; походка и переходъ съ одного мѣста на другое сжаты, невольны, принужденны, и портятъ ея игру. Если бы можно было Ваги и Штаинъ соединить въ одно лице, то была бы превосходная, удивительная актриса. Всѣ другія меньшія роли были также исполнены очень пріятно. Театръ былъ несовсѣмъ полонъ; зато сегодня, думаю, многіе жалѣютъ, что не были: все, что было, слушало со вниманіемъ, съ наслажденіемъ.

Теперь Общество Иллирской Читальницы, подъ предсѣдательствомъ почтеннаго графа Янка Драшковича, заботится о постройкѣ особеннаго зданія для Иллирскаго Театра. Прекрасно; но другого театра въ Загребѣ и не нужно: Нѣмецкія представленія обыкновенно бываютъ глухо-пусты, даже и абонеры не ходятъ, и нерѣдко актеры играютъ для какой-нибудь дюжины лицъ, изъ которыхъ половина нюхаетъ табакъ, а половина спитъ.

Завтра оставляю Загребъ. Не хотѣлось бы, да что дѣлать. Ѣду въ Карловацъ, и оттуда въ Метлику, чѣмъ и начнется мое странствіе по Краинѣ. Вразъ ѣдетъ вмѣстѣ со мною. Въ Вѣну я писалъ письмо къ Вуку, Петру Ивановичу, Надеждину и т. д.; надѣялся получить письмо еще въ Загребѣ, но не получилъ. Не знаю, что и думать. До 10-го или 15-го Мая подожду ихъ въ Тріестѣ, а потомъ и далѣе: не въ обществѣ, такъ одинъ, а въ Маѣ буду на островахъ Далматскихъ. Что Іорданъ? Если онъ хочетъ вмѣстѣ по Далмаціи, то да ѣдетъ въ Тріестъ, написавши мнѣ впередъ, когда туда пріѣдетъ, и можетъ адресовать письмо къ Ярнику, гдѣ я буду изъ Люблянъ (около 15-го Апр.).

1-е Апрѣля.

Прибавлю еще нѣсколько словъ. Я уже не въ Загребѣ, а въ Юровѣ — на границѣ Краинской. Чтобы сдѣлать дорогу за-

нимательнѣе, мы поѣхали въ Вразомъ сначала въ Карловецъ (Karlstadt), и оттуда пріѣхали сюда съ тѣмъ, чтобы завтра черезъ городокъ Метлику пробраться въ Ускоцкія горы къ ускокамъ. Въ Карловцѣ мы нашли не мало домородцевъ, посѣтили Читальницу (кромѣ Загреба есть онѣ въ Карловцѣ, Сисекѣ и Варашдинѣ), посѣтили молодую Иллирійскую писательницу Драгоилу Ярневичеву, вамъ извѣстную по Даницѣ, и т. д. Карловецъ порядочный городокъ съ плохою крѣпостью, для поддержанія которой Краина платитъ ежегодно 40,000 гульд. сер. Солдатства пропасть. Здѣсь въ Юровѣ мы въ имѣніи одного изъ домородцевъ Г. Враницара: имѣніе богатое, прекрасное. Кругомъ горы и прямо на Западъ поднимаются Ускоцкія горы. Завтра въ нихъ. Завтра начнется мое новое письмо. А теперь прощайте!

N. B. Вставьте, куда слѣдуетъ, выше пару словъ, которую напишу здѣсь о нарѣчіяхъ Провинціально-Хорватскихъ:

Главное — иначе можетъ быть названо Кейкавскимъ: Кейкавцы отличаются отъ Штокавцевъ, живущихъ въ Военныхъ границахъ и въ Далмаціи, и отъ Чакавцевъ, живущихъ въ Приморьи до Сенья и на Далматскихъ островахъ, тѣмъ, что употребляетъ кей вмѣсто што и ча. Оно же можетъ быть названо бѣднѣйшимъ изъ Иллирскихъ нарѣчій и занимаетъ средину между Иллирійскимъ Западнымъ (Словенскимъ) и Иллирійскимъ Восточнымъ (Сербо-Далматинскимъ): оно не имѣетъ ни двойственнаго числа, ни прошедшаго простаго времени въ глаголахъ; сохранило впрочемъ l, не измѣняя въ o или u. По западнымъ границамъ это нарѣчіе было подъ вліяніемъ Штирійскаго и Краинскаго. Такъ въ сѣвер. части Загорья употребляется ü, а иногда и oj вмѣсто u; а по границамъ Краинскимъ приняты нѣкоторыя выраженія Краинскія. Кромѣ того въ городахъ вообще говорятъ нѣсколько иначе, нежели въ селахъ, и, кажется, хуже: нѣмецкія слова, нѣмецкіе обороты украшаютъ рѣчь, какъ заплаты на новопродранномъ платьи. Въ Приморьи нарѣчіе Чакавское, занимающее средину между Кейкавскимъ и Штокавскимъ: l еще не измѣнился въ o или u, но уже многія формы изъ Штокавскаго; удареніе совершенно особенное, и довольно похожее на Русское.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей супругѣ, Юнгману. Шафарику, Челяковскому, Томашку, Станьку, Амерлингу и всѣмъ, всѣмъ, кто еще меня не забылъ.

Цѣлую Васъ Измаилъ Срезневскій.

Лайбахъ 8-го Апрѣля. Только что пріѣхалъ, получилъ письмо изъ дому и при немъ записку, при семъ прилагаемую. Въ ней просятъ меня отвѣчать на то, о чемъ я самъ не имѣю никакого понятія. Вотъ почему и посылаю эту записку вамъ, прося васъ написать мнѣ въ Тріестъ (около 1-го Мая), что я долженъ отвѣчать на сіи вопросы. Будьте столько добры.

Сдѣлайте одолженіе, выпишите для меня Лейпцигское изданіе Черногорскихъ пѣсенъ Милутиновича. Что будетъ стоить, я вышлю Вамъ.

И еще просьба: пожалуйста узнайте въ типографіи Гвазе, что стоитъ каждая матрица, хорошо вырѣзанная, и что будетъ стоить полная колода буквъ матричныхъ, употребляемыхъ въ Чешскомъ правописаніи съ прибавленіемъ Польск. ł и гласныхъ: ă, ě, ŭ, ŏ, ŭ—â, ê, î, ô, û,—ą, ę.

И опять просьба:—я выѣхалъ изъ Праги, не купивши себѣ Вашего Завѣта. Пожалуйста припасите мнѣ какой-нибудь порядочной, и увѣдомьте меня о цѣнѣ.

7.

Старое мѣсто (Cividale), 2-ое Мая 1841 г.[1]).

О моихъ странствіяхъ по Краинѣ и Каринтіи послѣ; а теперь напишу Вамъ, незабвенной другъ, Вячеславъ Вячеславичъ, хоть нѣсколько строкъ о Славянахъ Итальянскихъ. Нѣсколько строкъ, потому что вчера вечеромъ не нашелъ покойнаго угла не только для писанья, но и для спанья, а теперь пишу въ кофейнѣ, пока мой проводникъ раздѣлается со своимъ графиномъ вина. Далѣе пойду въ Горицу и къ Идріянамъ, и не знаю еще, гдѣ найду покойной уголъ для писанья. Итакъ: нѣсколько строкъ.

Изъ Тарфиса, куда заходилъ мимоходомъ изъ Зильской долины, я поѣхалъ въ Бѣлую (Resiuta), и на половинѣ дороги, въ Понтеббѣ, былъ уже въ Италіи. Тутъ все иное: иная архитектура—плоскокрышная, иныя лица—много черныхъ, но чистыхъ, иные волосы, много черныхъ и красныхъ („красныхъ"), иныя гостинницы—съ очагами на полу, иной хлѣбъ—палента и бѣлой твердокаменной хлѣбъ, иной языкъ—ни слова по-Нѣмецки, все

[1]) Напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1841, III, str. 341—345: Zpráva literární o Rezjanech. Ср. Денница, 1842, стр. 147—148. Ср. еще здѣсь же, стр. 109—113, статью Шафарика: „О резіянахъ и фурлянскихъ словинахъ", составленную отчасти на основаніи сообщеній Срезневскаго. I. I. Srezněvskij na Slovenskem, въ ж. Dom in Svet, 1899 г., 129, 161, 193 (по письмамъ, напечатаннымъ въ „Живой Старинѣ").

по-Фурлански. Кстати о Фурланскомъ языкѣ: прекрасной, сладкозвучный, богатой языкъ; итальянскимъ жаргономъ его грѣхъ назвать, потому что въ немъ есть много старыхъ формъ, сближающихъ его болѣе съ Испанскимъ и Французскимъ. Онъ употребляется не только въ Фріулѣ, но и въ Гориціѣ и до самаго Терста.

Съ недавняго времени начали думать и о литературѣ Фурланской, и перевели уже на Фурланскій цѣлую Энеиду, кое-что изъ Тассо, издали нѣсколько стихотвореній, нѣсколько календарей, нашли даже нѣсколько отрывковъ изъ стараго времени. Какъ бы то ни было, однако я по-Фурлански не понимаю, и мнѣ приходилось довольно плохо. Въ Дуньи я обѣдалъ. Тутъ, къ счастію, хозяинъ разумѣлъ по-Нѣмецки. Въ отвѣтъ на мои вопросы, онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ я могу попасть въ Резіянскую долину. „Да что я! Вонъ и капелланъ изъ Резіи!“ сказалъ онъ, прерывая самъ себя и указывая на молодого черночулочника, запивавшаго виномъ паленту. Я къ нему, по-Нѣмецки. „No Kapišo! Ma, Signore, parla italiano?“ Задача: до сихъ поръ я еще никогда не говорилъ по-Итальянски „Ma wy, gospóne, wy goworite po-Rezianski?“ отвѣчалъ я ему вопросомъ. „Ün' po'“. И дѣло пошло на ладъ: мѣшалъ Итальянское съ Резіянскимъ (т. е. онъ съ Резіянскимъ, а я самъ не знаю, съ какимъ Словенскимъ нарѣчіемъ), мы понимали другъ друга, и сошлись. Опуская подробности, скажу, что черезъ три часа мы были вмѣстѣ въ Резіи. Дорога изъ Бѣлой въ Резію покойна (она сдѣлана только за три года предъ симъ); а гостинницъ, въ borgo Равенцѣ, цѣлыхъ три, и одна очень хороша. Остатокъ дня я провелъ съ капелланомъ и съ священникомъ, почтеннымъ старцемъ 73 лѣтъ. Двухъ дней было мнѣ почти достаточно, чтобы не только разузнать все главное о нарѣчіи и обычаяхъ Резіянъ, но и обойдти всю долину: священникъ разсказывалъ мнѣ о старинѣ (онъ и родомъ изъ Резіи), а капелланъ водилъ меня по деревнямъ, по селянамъ.

Долина невелика: въ длину не болѣе 6 верстъ, въ ширину не болѣе 2, а жителей только 2767 душъ. Онѣ живутъ въ 4 деревняхъ: Бѣлой, Нивѣ, Осеани и Столбицѣ (tâe po Bjilè, tâe na Njiwê, tâe w Oseánè, tâe u Stólbicè), въ 4-хъ боргахъ: Равенцѣ, Липовцѣ, Куритисѣ и Учеѣ (tâe na Rawancè, tâe u Ljipowcu, tâe w Kurytisu, tâe na Uceê), и кромѣ того въ разныхъ хуторахъ: Na Jâe, na Kryžecych, tâe za mlynom, tâe u Holýštji, tâe u Martyna na Lazu, tâe u Hözdi, tâe u Lištjacê, tâe na Starym mlynu, tâe na Černym potocÿ, tâe u Černym potocÿ, tâe pod Ruštji,

tâe na Hospödnÿcÿ). Особенно замѣчательно это послѣднее поселеніе: тутъ, по преданію, жилъ общій предокъ Резіянъ, пришедшій изъ „Рушіи", т. е. изъ Россіи, какъ объясняетъ dominus reverendissimus Odorico Buttolo. „И патронъ то вѣдь у насъ одинъ и тотъ же святой Георгій" — прибавилъ онъ, повторяя мнѣ преданіе о Рушіи, когда я хотѣлъ узнать подробнѣе о немъ. Въ Равенцѣ главная церковь, и въ каждой изъ деревень есть тоже церкви. Все это жилое и человѣческое находится въ среднихъ полосахъ ложа долины: внизу каменные луга, безъ листка зелени, и по камнямъ течетъ Резія и три потока, въ нее впадающіе, а вверху голыя, дикія, едва приступныя стремнины. Бѣдность да и только. Народъ впрочемъ промышленностью помогаетъ себѣ, какъ можетъ: мущины ходятъ въ Краину и далѣе поденщичать, а женщины продаютъ въ окрестностяхъ издѣлія рукъ, или просятъ милостыню. Домики всѣ Итальян. архитектуры, и многіе очень хороши, въ три четыре яруса, оштукатурены, выбѣлены, огорожены стѣною, чисто убраны внутри. Улички узки, какъ тропинки, да и не для чего шире: въ цѣлой долинѣ нѣтъ ни одного воза, ни одной лошади, ни одного вола; ходятъ пѣшкомъ, а поля такъ дурны и малы, что надобно обработывать руками. Есть сады, есть и виноградники. Главная пища жителей — палента, сыръ, яйца, зелень; свиное и коровье мясо въ рѣдкость. Одежда мужчинъ Нѣмецко-Фурланская. Женщины носятъ „tjúmažát" черной, со складкою у колѣнъ, подпоясанный чернымъ поясомъ и цвѣтной „faielét" или бѣлую „pétju" на головѣ: одежда простая, но милая: особенно нравится мнѣ pétja, оригинально повязываемая на бокъ, такъ что лобъ полузакрытъ, а на открытой правой сторонѣ головы висятъ широкіе концы банта,—она придаетъ лицу какую то легкость и смѣлость. Резіяне—народъ веселой и были бы еще веселѣе, если бы имъ не твердили, что веселіе не есть цвѣтъ міра сего. Главный праздникъ „Майникъ" — 1-го Мая, въ Равенцѣ у приходской церкви, и потому безъ пѣсенъ и танцевъ; но зато другіе 4 (Вита, Георга, Карла и Флоріяна) и вообще всѣ воскресные дни безъ танцевъ и пѣсенъ не обходятся. Резіянка прекрасной танецъ: мужчины становятся рядомъ противъ ряда женщинъ, рядъ съ рядомъ сходятся и расходятся; потомъ пары вальсируютъ на одномъ мѣстѣ, далѣе составляется коло, и идетъ само около себя вправо и влѣво, наконецъ пары гусемъ идутъ польской, и поется пѣсня. Тактъ—$\frac{2}{4}$.

Въ Прагѣ у васъ много любителей и любительницъ до разныхъ Словянскихъ танцевъ: пусть примутъ они и Резіянку въ число любимыхъ танцевъ; она стоитъ того, и вашей Чешской

полькѣ съ родни хоть по такту. Пѣсни поютъ разныя, и даже много фурланскихъ. Изъ домашнихъ самая любимая о „лѣвой ручкѣ“:

1. „Da ljipa moja rokica, jaz sy' ty rudy (всегда) ljipila; kakó ty si mi zábÿla, na to dobro, ke sy' ti 'tyl (желалъ). Da dobrÿ wyčÿr, dobro nutj. Zaspet se wydÿtj druho nutj.

2. Baé jaz bi bila wydâela, da ina taka ty maš byt, ja ty bou rajši te uštralyt, a nikoj s taêbô romonýt (говорить). Da dobry wyčÿr etc.“

А вотъ какъ молится Резіянецъ:

„Otja naš, ky ste tu w nébe! Swétó bódé waše íme; pride kh nâen waša krajuska, bódé zdjélana waša swéta wolontat, takój w nébe pa tâe na zàemjé; dajte nán wsakidanji krôch, odpôstite nan naše grjiche (doljché), kakoj my odpuštjúwamo našin dužnikâen; nezapejîte nâes tâe u tentación, ma wybrânite nâes od chúdégha krýwégha. I tako to bodé.“

Очень жалѣю, что при мнѣ нѣтъ Славина: я могъ бы повѣрить то, что тамъ сказано о Резіянахъ, и сравнить съ тѣмъ, что самъ видѣлъ. Мой проводникъ Резіянецъ и готовъ отвѣчать на всѣ вопросы о Резіи.

Но вотъ ужъ и 8 часовъ,—и Тони мой уже сидитъ передъ порожнимъ графиномъ. Буду писать, гдѣ придется далѣе, а теперь въ путь. Прощайте.

Горица (Görz), 3-е Мая.

Въ Горицѣ уже не то, что въ Италіи (т. е. въ той, гдѣ я былъ): еще все Итальянское, т. е. Фурланское, и самый языкъ народный, господствующій—Фурланскій; но гостинницы—по-Нѣмецки, и въ комнатѣ находишь стулъ и столъ. Съ Тони я распростился: онъ шелъ со мною отъ Резіи до Горицы, и теперь пошелъ домой по ближнему пути черезъ Фличь или Uoc, какъ называютъ его туземцы. Изъ Флича завернетъ онъ налѣво по горной тропинкѣ въ горы, а черезъ гору Бабу спустится въ свою долину; горы завалены еще тамъ снѣгомъ, но тропинка продѣлана, потому что Резіане обыкновенно ею идутъ въ Крайну. Счастливой путь Тони Бобцу; а я сяду написать вамъ еще нѣсколько словъ о Словинахъ или Штявахъ, какъ называютъ ихъ Фурланы.

Изъ Резіи я пошелъ въ Венцоне, Джемону, Трачento, и изъ Трачento завернулъ налѣво въ горы. Тропинка шла вверхъ по потоку Теру, по горамъ, по камнямъ, премучительная, хоть романтическая тропинка. Въ два часа ходьбы устанешь такъ, какъ бы шелъ цѣлой день. Мы шли, шли и сѣли. Сидимъ, бол-

таемъ; вонъ идетъ Горянинъ, ведетъ корову. „Laudato sei'l nome di Christo!" „Sei laudato!" отвѣчаю я ему и спрашиваю: „A wy nejste truden?" Горянинъ остановился, выпучилъ глаза, и ни слова въ отвѣтъ. „A do Tera že nije daléče?" спрашиваю я въ другой разъ.—Горянинъ захохоталъ: „Skod pa ste, gospone?"—„Sym bráter waš, Slawín."—„Iz Rezii!" прибавилъ Тони. „Aha! A kam grjete?"—„W Ter". Но все таки нашему Горянину трудно было придти въ себя отъ удивленія; а что я не говорю по-Фурлански, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить. Фурланизмъ тутъ господствуетъ въ такой силѣ, что Словины и молятся, и поучаются проповѣдями, и учатся въ школахъ все по-Фурлански или по-Итальянски. Часа черезъ два я пришелъ потомъ въ Теръ (на Фурл. Ložéwaro), гдѣ надѣялся найдти капеллана урожденнаго Словина. Приходу моему онъ удивился не менѣе того Горянина, угостилъ какъ могъ, и разсказывалъ о своихъ соотчичахъ все, что зналъ и что вспомнилъ. Далѣе по горамъ пошелъ я по его совѣту и маршруту. Другого Словина я нашелъ въ священникѣ въ Нимисѣ (Nimis), и не только Словина, но и Словенца, всею душею грустящаго о томъ, что они, Словины, отдѣлены отъ своихъ Иллирійскахъ собратій, и должны все болѣе и болѣе фурланиться. Только эти два духовника и есть изъ Словиновъ, всѣ другіе—Фурланы, и ни слова не понимаютъ по-Словински. Словиновъ, живущихъ въ здѣшнихъ горахъ, можно считать не менѣе 19,000. Земля бѣдна, бѣдны и они. Домики, какъ у Резіянъ, изъ камня, на Фурланскій образецъ, но хуже, и не такъ чисты. Пища та же. Одежда почти та же: мужчины по-Фурлански, но бѣдно, а женщины носятъ čemezot, похожій на tjumažat Резіянскій, подпоясанный „čimózô"—бѣлымъ широкимъ поясомъ, и на головѣ „fačolét" или „opječô"—почти какъ Чешки. Юрьевъ день есть важнѣйшій народный праздникъ: въ этотъ день Словины встрѣчаютъ весну и молятъ Бога объ урожаѣ. Передъ этимъ въ „pust" (масляницу) равнымъ образомъ народъ веселится, провожая зиму. Другіе народные праздники, какъ у Резіянъ и другихъ Словянъ.

Народный танецъ—„tâe doühi ples" иначе называется „kolo", а фурланы зовутъ его „la schjava", въ родѣ русскаго хоровода: взявшись за руки въ кружокъ, ходятъ вправо и влѣво, и поютъ. Подлѣ Мекоты есть прекрасная горная поляна: въ Кресъ (Купаловъ день) собирается туда множество народа, составляетъ коло паръ въ 80, и пляшетъ около огня, напѣвая пѣсню:

1. „P'ršou Krjes, p'ršou Krjes! Hori, d'rwo! Hori ljes! Tridladlaj, laj-da-daj, la-da-da, hori ljes.

2. „P'ršou Krjes kos owes! Hori trawa! Hori wez! Tridladlaj etc.

Вотъ Словинскій Отче нашъ: 1) какъ читаютъ его на Сѣверѣ, и 2) какъ на Югѣ.

1) Otja naš, ke ste na nebósach, santifikano body waše íme; pridi nan was renj, storina body waša wolóntád na nébe kój na zémji; dajte nan sakydájnji krúch, perdonajte naše dòuhe, tej ke mji perdanáwamo našin dòužnikan; ne naájte nan spasti to ù tentaciòn; ma librájte nas od slabaa.

2) Otča naš, kjêr ste na nebesach, Poswjéčeno bodi twójè íme; pridi nan twoje kryljestwo; sgodi se twoja wolja na nebésu koj na zémji; daj nan sakydájni krúch; odpusti nan naši dûhé, kekor mi odpuščamo našin dužnikan; nas ne wpelji w skušnjawo; ma odrješi nas od slabaga.

Ljipawa (Wippach), 4-е Мая.

Фурланскій языкъ и Итальянская архитектура и тутъ еще на виду. Писалъ бы и больше; но усталъ. Вы простите, что я такъ дурно написалъ. Многое пропустилъ. Въ письмѣ къ Шафарику дополню, что вспомню еще. Прощайте. Будьте здоровы. Кланяйтесь всѣмъ и не забывайте Вашего Срезневскаго.

Я послалъ изъ Любляны на Ваше имя въ Прагу ящикъ съ книгами и съ разными разностями. Я хотѣлъ было его послать прежде въ Загребъ, но и мѣсто и дороговизна остановили. Примите его, и храните пока. За пересылку уже заплочено 4 гульдена. Я думалъ получить отъ Васъ письмо въ Целовцѣ, но ни отъ Васъ, ни отъ Челяковскаго не получилъ. Еще прощайте.

8.

(Въ письмѣ Прейса отъ мая 1841 г. изъ Трieста).

Что же прибавить мнѣ ко всему этому, добрый другъ Вячеславъ Вячеславичъ? Такъ могъ написать только родной братъ или лучшій другъ,— и Петръ Ивановичъ для меня то и другое. Вмѣстѣ проводили мы время и у Васъ, въ вашей незабвенной Прагѣ; теперь мы проводимъ его не только вмѣстѣ, но такъ сказать нераздѣльно, по одному и тому же закону требованій и желаній: и квартира одна, и изъ дому выходимъ вмѣстѣ, и въ театръ не иначе какъ вмѣстѣ. Душевно благодаренъ Петру Ивановичу, душевно радуюсь, что наше предположеніе путешествовать вмѣстѣ должно исполниться хоть отчасти, если не совершенно. Что же касается до Вашего письма Сергію Семеновичу,

то Вы и меня обяжете имъ, и конечно болѣе, нежели Петра Ивановича. Возвратиться домой я уже не могу не желать: хочется увидѣть и родину, и родныхъ; но Славяне, знаніе ихъ для меня также дороги, а годъ уже не сдѣлаетъ большой разницы. Тѣмъ съ большей радостію возвращусь домой послѣ. Лишь бы только Сергій Семеновичъ потрудился исходатайствовать у Государя Императора соизволеніе на продолженіе срока.

Письмо Ваше отъ 20 Апрѣля получилъ, но не въ Цеповцѣ, а здѣсь въ Тріестѣ: оно бѣгало за мною и догнало наконецъ. Равно благодарю и Петра Николаевича за его письмо. Сожалѣю только, что отвѣчаю ему по неволѣ поздно. Едвали онъ можетъ догнать насъ. Еще болѣе сожалѣю, что при теперешнемъ положеніи нашихъ дѣлъ не могу помочь ему: каждый день ходимъ на почту, и денегъ нѣтъ какъ нѣтъ. Безъ нихъ и выѣдемъ, думаю, поручивъ консульству переслать ихъ намъ въ Аграмъ. А 100 гульденовъ слишкомъ недостаточно: тутъ все очень дорого, не то что въ Прагѣ. Развѣ изъ Аграма въ Сербію поѣдетъ онъ съ нами, если найдетъ это хорошимъ. Пусть собирается съ деньгами; если буду въ состояніи, то раздѣлюсь съ нимъ своимъ, сколько могу. Отъ Владислава Владиславьевича я надѣялся также получить письмо въ Цеповцѣ, и тоже не получилъ. Поклонитесь ему. До большого письма. Вашъ Измаилъ.

Мы надѣемся получить отвѣтъ на это письмо въ Рагузѣ, гдѣ будемъ недѣль черезъ 5—6.

9.

Рѣка, 7-е Іюня 1841 г. [1]).

„Еще только въ Рѣкѣ?“— спрашиваете Вы насъ, и удивляетесь медленности, съ какою двигаемся мы на пути нашемъ. Мы тоже удивляемся, но не медленности своей, а быстротѣ времени. Какъ ни спѣшимъ, какъ ни стараемся проходить въ день верстъ по 40, по 50, а отъ времени всетаки отстаемъ. Такъ и въ Истріи думали пробыть дни три, много четыре; а пробыли ровно восемь: 28-го Мая выѣхали изъ Тріеста въ Копръ (Capo d'Istria), а 5-го Іюня къ позднему вечеру добрались сюда. И вотъ вамъ нѣчто въ родѣ кратенькаго путеваго журнала объ этихъ восьми дняхъ.

[1]) Письмо это въ чешскомъ переводѣ напечатано въ Č. Č. Mus., 1841, IV, str. 468—473. Ср. Денница, 1842, стр. 157—160, гдѣ оно въ извлеченіи переведено съ чешскаго.

2. „P'ršou Krjes kos owes! Hori trawa! Hori wez! Tridladlaj etc.

Вотъ Словинскій Отче нашъ: 1) какъ читаютъ его на Сѣверѣ, и 2) какъ на Югѣ.

1) Otja naš, ke ste na nebósach, santifikano body wase íme; pridi nan was renj, storina body wasa wolóntád na nébe kój na zémji; dajte nan sakydájnji krúch, perdonajte naše dóuhe, tej ke mji perdanáwamo nasin dòužnikan; ne naájte nan spasti to ù tentaciòn; ma librájte nas od slabaa.

2) Otča naš, kjêr ste na nebesach, Poswjéčeno bodi twóje íme; pridi nan twoje kryljestwo; sgodi se twoja wolja na nebésu koj na zémji; daj nan sakydájni krúch; odpusti nan naši dúhé, kekor mi odpuščamo našim dužnikan; nas ne wpelji w skušnjawo; ma odrješi nas od slabaga.

Ljipawa (Wippach), 4-e Мая.

Фурланскій языкъ и Итальянская архитектура и тутъ еще на виду. Писалъ бы и больше; но усталъ. Вы простите, что и такъ дурно написалъ. Многое пропустилъ. Въ письмѣ къ Шафарику дополню, что вспомню еще. Прощайте. Будьте здоровы. Кланяйтесь всѣмъ и не забывайте Вашего Срезневскаго.

Я послалъ изъ Любляны на Ваше имя въ Прагу ящикъ съ книгами и съ разными разностями. Я хотѣлъ было его послать прежде въ Загребъ, но и мѣсто и дороговизна остановили. Примите его, и храните пока. За пересылку уже заплочено 4 гульдена. Я думалъ получить отъ Васъ письмо въ Целовцѣ, но ни отъ Васъ, ни отъ Челяковскаго не получилъ. Еще прощайте.

8.

(Въ письмѣ Прейса отъ мая 1841 г. изъ Трieста).

Что же прибавить мнѣ ко всему этому, добрый другъ Вячеславъ Вячеславичъ? Такъ могъ написать только родной братъ или лучшій другъ,— и Петръ Ивановичъ для меня то и другое. Вмѣстѣ проводили мы время и у Васъ, въ вашей незабвенной Прагѣ; теперь мы проводимъ его не только вмѣстѣ, но такъ зать нераздѣльно, по одному и тому же закону требован ланій: и квартира одна, и изъ дому выходимъ вмѣст атръ не иначе какъ вмѣстѣ. Душевно благодарен новичу, душевно радуюсь, что наше предполож вать вмѣстѣ должно исполниться хоть отча шенно. Что же касается до Вашего пис

За долиною (особеннаго названія мы не могли узнать) на югъ говорятъ по-Истріянски.

Buje = Буле — городокъ въ 1½ часа отъ Курты. Сюда мы заходили только пообѣдать и найдти лошадей для дальнѣйшаго пути. Словянскаго ничего нѣтъ, какъ и всюду въ городахъ Истріи.

Visinada—въ 4-хъ часахъ отъ Буле. Во всей Истріи нынѣшнее лѣто страшно сухо, но лѣто, а не люди; а тутъ и священникъ принялъ насъ такъ сухо, какъ вѣрно ни одинъ священникъ не принималъ никогда путника, какъ бы ни было сухо лѣто. На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ такъ, что въ пять минутъ у меня уже не было силъ продолжать вопросы, и мы сѣли на коней, да скорѣе подалѣе.

St. Lorenzo = Светы Ловречь. Вышедши изъ Буле въ часъ по полудни, мы пріѣхали сюда въ 11 вечера. Давай стучаться въ оштеріи—не достучались; давай проситься къ капеллану, у котораго видѣли огонь, но высунувшаяся изъ окна головка отвѣчала намъ рѣшительно, что мѣста нѣтъ. Къ счастію нашему сыскался добрый человѣкъ—изъ селянъ: онъ взбудоражилъ всю свою семью, далъ намъ постель, далъ вина, велѣлъ женѣ приготовить салатъ и яицъ, и такимъ образомъ ночь прошла хоть и не безъ ощущеній то въ той, то въ другой части тѣла, но и не безъ сна. Истріянскій селянинъ живетъ почти какъ Фурланъ, только гораздо бѣднѣе. Домикъ каменной. Въ передней комнатѣ очагъ, столъ, пара стульевъ, скамьи, а у кого есть другая комната, такъ въ ней постель и скрыни; надъ комнатою чердакъ, подъ комнатою—„коноба“—винной погребъ, въ которомъ нерѣдко и куры и козы. Всюду нечистота, даже и у богатыхъ „поссидентовъ“. Народъ добръ, гостепріименъ, и въ неурожай не унываетъ [1]). Нарѣчіе Истріянское всюду перемѣшано съ Итальянскими словами и выраженіями: чистѣйшимъ считается то, которымъ говорятъ у Антиньяны, Ловреча, Джемино. Оно вообще можетъ быть причислено къ такъ называемому Чакавскому. Вотъ кое что объ его особенностяхъ: Старослав. ъ, ь въ серединѣ словъ иногда не выговариваются (wrt, obrwe, wrst, drwo), очень рѣдко превращаются въ i (ljin, crjikwa), а обычно произносятся какъ a или какъ e (dan, staza, lonac, wan, čern, daska и deska, pas и pes); o иногда измѣняется въ u (ukno, ulej); j и w, какъ призвучные, употребляются рѣдко (jutro, janje, wu); w иногда

[1]) Увѣряли насъ, что мы въ Истріи найдемъ нищихъ-попрошаекъ; но мы, прошедши всю Истрію, только и видѣли нищихъ или лучше сказать просящихъ мальчишекъ въ одномъ Копрѣ и то Итальянцевъ; а Истріяне не позволяли даже благодарить себя за хлѣбъ и вино. С.

опускается (čera, torak); was во множ. числѣ имѣетъ swi, употребительно и swaki; m въ концѣ словъ выговаривается (почти всегда) какъ n (sedan, osan, nan—однако и nam, san (есмь), iman,—однако znadem); мягкое tj выговаривается обыкновенно какъ čj (batičj, молотокъ, tisjučj, 'očju, proljičje, pečji, печь); l мягкое произносится иногда какъ j (pejati, škuja, šmerkaj, mijar, ponedejak,— однако nedelja); старо-слав. ѫ постоянно выговаривается въ серединѣ словъ какъ u (wuk, puk, dug, stup, žut, sunce); ch иногда выговаривается, иногда нѣтъ (očju, chrast); g употребляется всегда, но въ словѣ janjac его не слышно, а въ словѣ lug вмѣсто g въ именит. падежѣ слышно h; Старо слав. ѣ выговаривается то какъ e, то какъ je, то какъ i (leto, obedwati, breg, chleb, wredan, breza, potribno, pjisak, zmija, grjišnik—grjech, wrjeme, sjekira).

Valle = Бале — городокъ въ 4-хъ часахъ отъ Ловреча. Все Итальянское, однако и сами Итальянцы говорятъ по-Истріянски. Вечеромъ слышали мы Славянскіе напѣвы. Въ двухъ часахъ отсюда мы шли по берегу Лима (Lemo), морскаго залива, съ высокими дикими берегами.

Peroj—въ трехъ часахъ отъ Баль (Бале, т. е. Бали - множ. число, род. будетъ Баль, а не Балей). Это колонія Черногорцевъ, переселившаяся сюда почти за двѣсти лѣтъ, колонія небольшая—200 душъ, но сохранившая доселѣ свой языкъ, православную вѣру, многіе обычаи, и самую даже одежду—женскую. Теперешній священникъ ихъ, Петръ Петровичь Маричевичь, урожденный Пероецъ, любитъ горячо свою родину, и старается о поддержаніи между народомъ стараго порядка. Подъ его гостепріимнымъ кровомъ провели мы двѣ ночи, распрашивали его и селянъ объ обычаяхъ, видѣли пляски, слушали пѣсни. Я записалъ между прочимъ пять юнацкихъ пѣсенъ. Ихъ диктовалъ мнѣ Нико Бранчь, научившись имъ отъ старухи тетки своей, у которой, по его словамъ, было не по одной пѣсни на каждой вечеръ. „Što ću da wam pjewam?" спрашивала она. „Jeste-li šlišeli owu ili onu?" и всегда начинала неизвѣстную, неслышанную. Нико и самъ знаетъ ихъ много. Замѣчательно, что три изъ записанныхъ мною пѣсенъ (Wladimjirko Tribinski, Ban Skenderberg, Celembija Mujo i Sekula dijete) помѣщены у Качича, и ни одной изъ пяти нѣтъ у Вука. Что собраніе Вука, какъ ни велико, но еще далеко не полно, объ этомъ нѣтъ и слова; но собраніе Качича должно обратить на себя совершенно другое вниманіе: если въ немъ нашлись три пѣсни народныхъ, которыхъ доселѣ не считали въ числѣ народныхъ, то нельзя-ли заключить, что есть въ немъ и много

гихъ, не менѣе народныхъ. Кто знаетъ, можетъ быть и всѣ :ни собранія Качичева, исключая развѣ 10 или 15, суть на- ны, и только измѣнены имъ кое-гдѣ. Мы беремъ Качича съ со-) въ дальнѣйшій путь и будемъ распрашивать пѣвцовъ о пѣс- ъ, имъ изданныхъ. Перойскіе домики выстроены гораздо лучше, кели у другихъ Истріянъ, и зелени въ Пероѣ гораздо болѣе. 500 шагахъ отъ Пероя море, и Фазанскіе острова въ виду.

Пола—Пула, маленькій, довольно чистенькій городокъ въ ъ часахъ отъ Пероя. Портъ великъ и укрѣпленъ 8-ю крѣ- тями. Амфитеатръ Польскій поражаетъ не однихъ знатоковъ юбителей древности и искуства: сами Перойцы восхищаются ь и, называя его „diwičem", сложили о немъ такую пѣсню:

„Aj Diwiću, bijele gradine! Na tebe je toljiko botkuna, koljiko je u godinu dana.

Tebe jesu Wile ugradile, Ugradile ù jednu temnu nojcu".

Полѣ есть православная церковь: прихожане—Греки, но служ- по-Славянски, и служитъ священникъ изъ Пероя.

Dignano — Воднянъ — городокъ въ одномъ часѣ отъ роя. Сюда пришли мы въ сопровожденіи Ника Браича, и онъ ался нашимъ проводникомъ до самой Рѣки.

Barbano — въ 4-хъ часахъ отъ Водняны, на горѣ, близъ ья Раши (Arso). Тутъ живетъ каноникъ Станковичь, напечаш- ій особенно много брошюрокъ о Гіеронимѣ. Желаніе поговоръ съ нимъ и заставило насъ свернуть сюда съ большой до- и. Станковичь старикъ, имѣетъ довольно большую библіоте- много читалъ, порядочно знаетъ по-Истріянски, но Итальян- й языкъ считаетъ не только роднымъ, но и себя самаго Итальемъ, говоря, что самая фамилія его произошла отъ Итальян- го слова Stanco. Изъ Барбано виденъ городъ и горы Ла- нъ (Albona).

Pisino, Mitterburg—Пажнъ. Вышедши изъ Барбано въ 3, пришли сюда въ 10. Городъ Итальянскій, красиво лежащій долинѣ.

Pas, Pasberg—Пазъ—у долины, за которою высоко и ковеличественно поднимается Учка (Вучка—Monte Maggiore). звалины замка, на которыхъ осталась надпись, на которой прочли „aedificium antiquissimum" и, кажется, 1576.

На Учку поднимаешься 2 часа. Дорога прекрасная, какъ всѣ дороги (strade regie) въ Истріи. Поднявшись, видишь въ ну сторону Истрію, а въ другую весь Quarnero, съ Cherso, віей, и горы Далмаціи. Видъ очаровательный.

Спустившись съ Учки, идешь по дорогѣ (вновь проложен-

ной) по берегу моря до самой Рѣки. Отъ
чистой Чакавскій языкъ.

Fiume—Рѣка. Городъ недуренъ, нс
нивать невозможно: нѣтъ и тѣхъ зданій, і
сти. Зато много славянскаго: всюду и въ
няхъ слышишь Чакавцевъ; пѣсни только
и православная церковь, но православных
Тріестѣ.

Сен

„Еще только въ Сени?“ спрашиваете I
удивитесь еще болѣе, когда узнаете, что,
только и успѣли, добравшись до Кралевиц
правившись на островъ Кркъ (Veglia), пог
ву. Приставши на островъ у Воза (Vos), мі
Омишаль (Castel Muschio), отсюда на др
въ Градъ Кркъ (Veglia città) верхомъ, и о
употребивши одно послѣ обѣда на прогул
люнъ (Calsione), далѣе перешедши черезъ
потоку, называемому Рика, и долиной в
пришли въ Башку (Besca), наконецъ, пе
кой, сѣли въ барку, и приплыли въ Сень.
островъ Кркъ представляется очень жалки
го, сколько мало травы, а виноградные ло
старники даютъ столь же мало тѣни, сколы
имѣть; радуешься, когда встрѣтишь на пут
ня, мраморныя плиты, и можешь скакать
или когда подуетъ вѣтеръ и хоть немного
Островъ гораздо лучше для самыхъ жите
имѣетъ здоровой воздухъ, и населенъ не
го 13,500). Въ Омишалѣ мы были на Г
Пѣніе очень похоже на наше монастырск
женіе господствуетъ на всемъ островѣ, ис
Крка, впрочемъ не надолго: молодые свящ
ною азбуку глаголическую, и предпочитаю
скую.

Въ Омишалѣ есть и нѣсколько рукоп
и нѣсколько надписей на церкви и замкѣ,
вы. Одно намъ досадно: надпись на стѣнѣ
гипановъ) такъ высоко стоитъ, что безъ
брать буквъ нельзя, и взобраться на стѣну
кажутся иной формы, нежели обыкновенн
гостепріимно приняты Господиномъ Подест

въ Докторѣ Кабичѣ нашли человѣка, обѣщающаго подарить ученую публику описаніемъ острова. Островокъ Кошлюнъ лежитъ въ драгѣ (draga—valle, лощина морская или горная, между горами) Пунтской (Punat—Ponte); на немъ монастырь; изъ фратровъ только одинъ читаетъ по-Глаголитски, а въ библіотекѣ, довольно бѣдной, только на переплетахъ нашли мы глаголитскіе отрывки. Въ Башкой есть также глаголит. надписи, и парокъ — не только глаголита, но и стихотворецъ: одно изъ его стихотвореній обратило мое вниманіе тѣмъ болѣе, что, ѣхавши изъ Кошлюна въ Кркъ, я слышалъ отрывокъ изъ него отъ барочника, какъ народную пѣсню. И въ Рѣкѣ еще слышали мы, что нѣкоторыя изъ юнацкихъ пѣсенъ сложены фратрами и монахами. Жители Крка всѣ одѣты въ черное: есть преданіе, что это трауръ по одному изъ фамиліи Франгипани, владѣвшей островомъ, но Богъ знаетъ, въ какой мѣрѣ оно справедливо. Есть впрочемъ о Франгинани и пѣсня, такъ начинающаяся: „Oj, turne mi moj ljepy, ljepy ter mi pošteny, Kako sam te ja ljepo zazidajo, A sada te ljepoga ostawljam. Sad tju ja moliti wticu lastawicu, Kabi mogla meni turan nadletati". Такъ продиктовалъ мнѣ ее одинъ изъ священниковъ Омишальскихъ, и болѣе не могъ мнѣ сказать ничего, прибавя только, что знаютъ ее уже очень, очень немногіе. Нарѣчіе Крка есть хорватское Чакавское, или, вѣрнѣе, Цакавское: вмѣсто što, говорится са, очень рѣдко ča, и вообще вмѣсто č слышно часто с, равно и вмѣсто ž — z, а вмѣсто š — s, и наоборотъ, что и тутъ въ Сени также употребительно; вмѣсто g употребляется h, вмѣсто ć = ħ употребляется tj, а dj или и gj вмѣсто džj = ђ. Народъ гостепріименъ, сохранилъ кое какіе старые обычаи, любитъ пѣть (напѣвы пѣсенъ тѣ же, что въ Кроаціи и Истріи); танцуетъ коло, а промышленнъ очень мало; и по этому очень небогатъ, гораздо бѣднѣе Славиновъ Фріульскихъ. Теперь мы въ Сени, и не можемъ не радоваться, что здѣсь господствуетъ Славянизмъ [1]) и надъ Германизмомъ, и надъ Итальянизмомъ. О Сени я буду говорить впрочемъ въ слѣдующемъ письмѣ, а потому—прощайте. Свидѣтельствуйте наше почтеніе Вашей Супругѣ, Шафарику, Юнгману, Челяковскому, Палацкому, Станьку, Амерлингу, Каубку, Іордану, Франтѣ, Тилю и пр. и — Манетинской. „Bog š njima". И. Срезневскій.

Измаилъ Ивановичъ оставилъ мнѣ такъ мало мѣста, что я могу только сказать: мъногаѩ лѣта вамъ и вьсимъ иже къ свѧтыхъ междѫ Чехы! Вашъ Петръ Прейсъ.

---

[1]) Тутъ переводъ Ганки въ Č. Č. Mus. прерывается. Слѣдуетъ непосредственно письмо отъ 31 іюля 1841 г.

10.

Пароходъ Митровскій—по пути изъ Зары въ Рѣку, 31-е Іюля 1841 [1].

Прощай, Далмація! жаль, если навсегда, но теперь съ удовольствіемъ произношу это „прощай", зная, что оставляемое въ Далмаціи не скоро повторится, не скоро заставитъ считать жизнь путевую особеннымъ родомъ мученія. Что такое? спрашиваете вы, мой дорогой Вячеславъ Вячеславичъ. Извольте: я объясню́сь,— и вы согласитесь, что путешествовать по Далмаціи несовсѣмъ пріятно.

Ищешь Gelegenheit, „прилику" и рѣдко находишь порядочную, чаще мужицкую повозку, а очень часто никакой, и вмѣсто верховыхъ лошадей, даютъ лошаковъ. Порядочная (comme il faut) Gelegenheit называется тутъ старая коляска, за которую и плотишь болѣе гульдена серебромъ отъ каждаго часа пути. Надобно притомъ имѣть дѣло съ полу-Итальянцами, для которыхъ русская пословица „уговоръ лучше денегъ" не только и во снѣ невозможна, но и во снѣ показалась бы смѣшною, безсмысленной. Вы уговорились, вы надѣетесь въ опредѣленное время выѣхать, а вамъ приготовятъ телѣгу вмѣсто уговоренной коляски, дадутъ коляску, когда вы надбавите цѣну, и то такую, въ которой можно только кости молотить. Лучше нанять мужика; по крайней мѣрѣ не будетъ приключеній. Колесная Gelegenheit возможна только до Сплѣта. Далѣе на югъ, какъ и на островахъ, или идите пѣшкомъ, или поѣзжайте на лошаденкѣ, у которой вмѣсто сѣдла нерѣдко случится „самарь"— досчатая накладка, какая обыкновенно надѣвается на осла, когда онъ долженъ нести тяжести. Путешествовать пѣшкомъ или верхомъ и лучше, нежели въ экипажѣ, потому что небольшіе куски дорогъ превосходны, а цѣлыя дороги дурны. Скалистыя горы покрываютъ эти страны почти по всему пространству, исключая долинъ, удаленныхъ отъ моря и Задрскаго „равнаго Котара": и можно даже удивляться, какъ много сдѣлало Правительство въ короткое время своего управленія сими странами.

Какъ бы то ни было, идете-ли вы, ѣдете-ли, отъ утомленія вы хотите покойно отдохнуть... Терпѣніе! И во-первыхъ, зашедши въ какое-нибудь мѣстечко для отдохновенія часа на два, вы не обойдете человѣка, который вамъ объявляетъ съ крикомъ и ругательствомъ, что вы должны сію же минуту идти къ претору. Скажите ему слово: онъ отвѣтитъ вамъ двадцать. Пойдете къ

[1] Напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1841, str. 473—475; 1842, str. 142—147.

претору, объясните ему дѣло, и онъ извинится; но усталому путнику это не утѣшеніе, тѣмъ болѣе, что онъ зашелъ въ село или мѣстечко только духъ перевести. Въ другихъ мѣстахъ отдашь паспорты (хотя бы казалось и не нужно было, потому что паспортъ визированъ до слѣдующаго ночлега), ждешь нѣсколько часовъ, посылаешь разъ, другой, третій,—Преторъ спитъ, спитъ и въ 9 и въ 10 утра, спитъ и въ 3 и въ 4 по-полудни, и дальнѣйшій путь растраивается. А пріѣзжаешь на баркѣ, жди: la sanità спитъ, и пока спитъ, барочникъ умоляетъ не входить внутрь, хотя и никто этому не мѣшаетъ. Каково все это было подъ Венеціянскимъ правленіемъ, когда и теперь подъ мудрымъ закономъ Имперіи чиновникъ спитъ въ надеждѣ, что ему не будетъ дѣла. То ли дѣло путешествовать по Нѣмецкимъ землямъ Австрійскимъ: благородное обхожденіе начальства съ путешественниками можетъ служить примѣромъ въ цѣлой Европѣ.

Наконецъ вы на мѣстѣ ночлега, ищете „локанды". Очень часто вы ищете ее напрасно: ее нѣтъ, и приходится принять съ благодарностью согласіе частнаго человѣка, гостепріимно предлагающаго вамъ что можетъ. Но вотъ... локанда есть. Охъ! лучше бы ее не было! Половину комнаты занимаетъ большая постель, на которую поднимаешься съ помощію стула, и сидя на которой можно свѣсить ноги на столъ какъ на скамейку; бѣлье изъ полотна, которое употребляется для мучныхъ мѣшковъ, и очень рѣдко свѣжее; одѣяло не легче 30 фунтовъ, а населеніе этакой постели превосходитъ всякое вѣроятіе, населеніе столько-же и разнообразное, сколько и кровожадное. Два-три стула, нерѣдко полуразломанныхъ, столъ, тусклое зеркало, pendant къ непремѣнно растресшимся или и подбитымъ окнамъ, и разная разность подъ постелью и по угламъ, между прочимъ и все, что слѣдуетъ для того, чтобы путешественнику не было нужды выходить изъ комнаты, дополняетъ убранство комнаты. Ни слова о чистотѣ стѣнъ и пола, ни слова о прислугѣ: все это здѣсь почитается лишнимъ. Лучшую локанду нашли мы въ Катаро; изъ Дубровачкой бѣжали какъ изъ ада; Сплѣтская въ томъ же родѣ; въ Шебенико самъ хозяинъ признался, что не мылъ пола какъ разъ годъ, и что хотѣлъ уже приказать вымыть; въ Нинѣ и заснуть было невозможно.

Мы отдыхали въ Дубровникѣ—въ частномъ домѣ, въ Омишѣ (Almissa)—тоже въ частномъ домѣ, и теперь здѣсь на пароходѣ. Надобно расказать, какъ мы нашли себѣ квартиру въ Дубровникѣ. Проведши ужасную ночь въ локандѣ Al vapore, мы отправились на другое утро въ кофейню Sotto pile и стали спра-

шивать о квартирѣ; спрашивали, спрашивали,—ничего не доспросились. Въ раздумьи стояли мы другъ передъ другомъ вопросительными знаками. Какъ вдругъ подходитъ къ намъ незнакомый человѣкъ и говоритъ намъ: „Вы ищете квартиры? Я могу дать вамъ, если только вамъ угодно будетъ поселиться въ предмѣстіи. Вонъ на полугорѣ мой домъ: не много далеко, не много высоко: я предлагаю, что есть".—„Намъ нужно 2 комнаты".—„Хоть десять". Я было началъ говорить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, отдающимъ въ наемъ, и долженъ былъ извиниться: почтенный Бодмани сказалъ мнѣ, что онъ предлагаетъ намъ квартиру только потому, что семейства его тутъ нѣтъ, и предлагаетъ по гостепріимству. „Пойдемъ, посмотримъ, понравится ли вамъ"; а между тѣмъ приказалъ кофейщику написать его адресъ, чтобы дать знать полиціи. Мы пошли, нашли прекрасныя, со вкусомъ меблированныя комнаты, и душевно поблагодарили хозяина. Тягостно было принять услугу, но что же было дѣлать, и не принявши предложенія почтеннаго Бодмани мы могли только огорчить его. Въ Дернишѣ мы были приняты гостепріимнымъ Міовичемъ, въ Скрадинѣ незабвеннымъ Синобадомъ. Вообще не уцѣлѣй въ Далмаціи Славянское гостепріимство, путешественнику было бы горько, горько. О локандахъ Далматинскихъ я не могу вспомнить равнодушно.

Наконецъ—жаръ. Путешествовать по Далмаціи надобно не въ Іюнѣ и Іюлѣ, а весной или осенью; иначе жаръ измучитъ хоть кого. И особенно нынѣшнее лѣто необыкновенно жарко. Потъ лился съ насъ ручьями даже и тогда, когда мы сидѣли покойно подъ кровомъ и старались выигрывать вѣтеръ, какъ далматинскіе мореходцы. Переходы и переѣзды, преторы, локанды, жаръ—все вмѣстѣ дѣлали изъ насъ животныхъ очень страннаго порядка и вмѣсто любви къ странствіямъ у насъ рождались мечты о покойной домосѣдной жизни.

Впрочемъ, что касается до опасностей со стороны любителей чужой собственности, о которыхъ я наслышался касательно Далмаціи,—это старыя сказки. Подъ Венеціянскимъ правленіемъ это было; но теперь уже давно прошло: между народомъ, вооруженнымъ и ружьями и пистолетами и „ганжарами", идешь невооруженный какъ между овцами. Не разъ случалось намъ проводить ночи на дорогѣ, чтобы только избавиться отъ безпокойства жилаго ночлега, но и въ мысль не приходило безпокоиться. Сельскій народъ вообще очень честенъ. О полу-Итальянскомъ народонаселеніи городовъ нельзя сказать того же; но и въ городахъ дѣло оканчивается мелкими обманами.

На берега Далмаціи вступили мы 22-го Іюня, приставши къ острову Пагу. Впрочемъ я было и забылъ, что не писалъ вамъ ничего о Военной Границѣ Хорватской. Хоть мы и узнали ее, въ это путешествіе наше, довольно плохо, сколько можно было переѣздомъ изъ Сеня черезъ Оточецъ, Перушичь и Госпичь въ Карловъ Пагъ, но я напишу вамъ и о ней нѣсколько строчекъ.

По берегу моря поднимаются горы Велебитъ подъ угломъ 60°. Буря (bura, bora) вырвала изъ ихъ морскаго наклона и вообще съ вершинъ все, что оттѣняетъ зеленью дико-печальную сѣрину скалъ, изорвала и ихъ самихъ, сколько могла; а человѣкъ кое-гдѣ подъ камнемъ воткнулъ виноградную лозу или сохранилъ старыя развалины. Къ такой пологости Велебита прилегъ Сень, прилегъ Карловъ Пагъ. Въ обоихъ только то и хорошаго, что слышишь хорватскій языкъ, хорватскую пѣсню, и не слышишь испорченнаго Итальянскаго. Сень еще имѣетъ по крайней мѣрѣ нѣсколько грязныхъ улицъ, и довольно много лавокъ, гдѣ продаются народныя вещи; а Карловъ Пагъ не имѣетъ даже и набережной. Кругомъ ихъ виноградные сады поднимаются одинъ за другимъ по горѣ, жалкіе блесточки зелени по однообразной сѣринѣ камня. О маслинахъ ни слова: я не люблю ни ихъ масла, ни безжизненнаго цвѣта ихъ листьевъ; да притомъ тутъ ихъ и мало. По ту сторону Велебитъ гораздо живѣе, зеленѣе; отрасли, отъ него идущія по разнымъ направленіямъ, между долинами покрыты большею частію лѣсомъ, поля покрыты хлѣбами, луга муравчаты, по нимъ текутъ рѣчки и ручьи, — и жилища человѣческія покрыты прочною тѣнью кленовъ, яворовъ, ясеней, липъ и дубовъ. Оточецъ, Перушичь, Госпичь—маленькіе военные городки, болѣе похожіе на деревни, или лучше сказать на тѣ Краинскія села, въ которыхъ живутъ по нѣскольку помѣщиковъ: домики офицерскіе выстроены очень мило, домики гражданъ разбросаны, промежутки застланы огородами и садами. Не смотря на пріятный видъ природы богатства народнаго тутъ очень мало, хотя народъ и трудолюбивъ: поля болѣе хороши на видъ, нежели плодородны, а рабочихъ рукъ мало. Домики селянъ очень малы, большею частію курные, и всѣ строены изъ дерева. По границѣ Турецкой стоятъ кордоны, а по всему пространству земли на возвышенностяхъ видите „panosi", и у каждаго домика виситъ „čekalo". „Panosi"— это длинные шесты, обвитые сверху соломой, которая зажигается, когда надобно дать знать о безпокойствѣ на кордонѣ; а „čekalo" есть клепало, т. е. висящая доска, по которой бьютъ деревяннымъ молоткомъ тревогу: тѣ и другіе вмѣстѣ заставляютъ думать о на-

паденіи врага, какъ будто бы онъ былъ въ верстѣ. Объ айдукахъ уже мало слышно; а ускоки живутъ только въ преданіи, или лучше сказать въ пѣсняхъ (я успѣлъ ихъ собрать довольно въ Сенѣ).

Въ Госпичѣ мы познакомились съ Бороевичемъ, котораго имя вамъ извѣстно изъ Сербскаго Лѣтописа и Сербскихъ Пестскихъ Новинъ. По своему литературному положенію, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые позволяютъ себѣ заимствовать слова и обороты изъ языка русскаго. Заимствованія позволены; но должны быть дѣлаемы сообразно съ духомъ языка, въ который вносятся. Слова подобныя: „нуждѣ, надеждѣ, понятію“ и т. д. пристали языку сербскому такъ же, какъ купцу мундиръ или офицеру жабо. Другое дѣло, еслибы существовала сербская публика, которой литераторъ долженъ бы былъ слушаться и удовлетворять по желанію; это бы еще было простительно; но литераторъ сербскій воленъ дѣлать, что хочетъ, онъ еще только создаетъ читателей, и нхъ масса имѣетъ еще такъ мало общаго въ мысли и желаніи, что о публикѣ сербской и рѣчи быть не можетъ.

Въ Карловомъ Пагѣ познакомились мы съ Деканомъ Старчевичемъ, котораго имя вамъ также извѣстно по маленькой Иллирійской грамматикѣ, изданной въ первые годы нашего столѣтія. Теперь онъ приготовилъ къ печати большую, подробную. Одна изъ важнѣйшихъ главъ въ ней посвящена правописанію, и правописаніе защищается не новое, Иллирійское, а старое Хорвато-Далматинское!! Охъ, правописаніе, правописаніе! когда ты перестанешь сводить людей съ ума. Старчевичь знаетъ прекрасно Иллирскій языкъ, и жаль, если его трудъ не будетъ изданъ.

Не знаю, что еще прибавить о Военной Границѣ, и перехожу къ Далмаціи.

Островъ Пагъ имѣетъ два народонаселенія: сѣверная часть съ городомъ Пагомъ населена Хорватами; на югѣ живутъ Далматинцы. Первые—Чакавцы, вторые—Штокавцы. Прежде была служба глаголическая; но теперь уже пропадаетъ. Однообразіе природы на Пагѣ несносно: горъ нѣтъ, есть виноградъ, маслины, есть небольшія смоквы, но деревьевъ нѣтъ кажется ни одного на цѣломъ островѣ, а камня вдоволь. У Прутны мы взяли лодочку, и переѣхали черезъ море въ Привлаку (Brevilaqua), на твердую землю Далмаціи. Коса перевощика была первая Далматинская коса, которую я видѣлъ. Привлака, равно какъ и Нинъ (Nona) стоятъ на „равномъ Котарѣ“, идущемъ къ Зарѣ: камня мало, луга, деревья, а Велебитъ вдали какъ градовая туча. Въ Ни-

нѣ мы видѣли народный праздникъ, бывшій по случаю пріѣзда епископа; стрѣляли изъ ружей (всякій изъ своего), пѣли пѣсни, танцовали коло. Это совершенно особенные люди, эти далматинцы—и по лицамъ и по одеждѣ, и по пріемамъ, и такіе люди, на которыхъ нельзя глядѣть безъ удовольствія, безъ уваженія. На другой день мы были въ Задрѣ. Довольно изрядной городъ, но много, много объитальянившійся: только селяне, заходящіе въ него, говорятъ по-Далматински, и называются „Влахами". Иллирскій языкъ преподается въ Семинаріумѣ, но дурно и безуспѣшно; и духовенство довольствуется, подобно мѣщанамъ, исковерканнымъ Итальянскимъ нарѣчіемъ Млетачкимъ. Изъ этого можете судить о его образованности. Я заглядывалъ въ книжныя лавки (ихъ 2), и нашелъ въ нихъ жалкое собраніе полустарья и по полдюжинѣ новыхъ Итальянскихъ книгъ; Славянскаго почти нѣтъ. Изъ этого „почти нѣтъ" исключить можно только „Сербско-Далматинскій Магазинъ". Вышла книжка его и на 1841 годъ: лучшая статья въ ней о Босніи. Замѣчательное лице для насъ въ Задрѣ былъ Кузманичь, профессоръ повивальнаго искуства: онъ превосходно знаетъ Далматинскій языкъ, и трудится надъ составленіемъ Словаря, гдѣ будутъ помѣщены только народныя слова. Кузманичь собралъ уже для этого словаря огромные матеріялы. Слушать Кузманича—наслажденіе: онъ управляетъ языкомъ Далматинскимъ, какъ Канова рѣзцомъ и мраморомъ. Изъ Задра я ѣздилъ на островъ Углянъ: жители тутъ называются еще кое-гдѣ Хорватами, но языкъ не Хорватскій. На горѣ св. Михаила былъ замокъ Хорватскаго царя, какъ разсказываетъ преданіе. Съ горы видъ огромный на всю Далмацію и море.

Изъ Задра мы поѣхали въ глубь Далмаціи къ монастырю св. Архангела, иначе называемому Кркой, по имени рѣки. Онъ стоитъ въ горномъ котлѣ. Игуменъ Княжевичь—отлично образованный человѣкъ. Въ Библіотекѣ Церковной есть нѣсколько любопытныхъ Сербскихъ рукописей и одна Болгарская. Свѣденіе объ нихъ будетъ сообщено ученому свѣту Петромъ Ивановичемъ. Далѣе поѣхали мы въ Дернишь, откуда я ѣздилъ въ Петрово и Коссово поле. Неподалеку отъ Коссова поля стоятъ развалины замка Трояня. Изъ Дерниша спустились мы къ Скрадину (Scardona), ѣздили къ Крчкому водопаду, для котораго одного стоитъ видѣть Далмацію, и потомъ въ Шебенико. Изрядной, укрѣпленной городъ. Въ 1½ часа отъ Шебенико лежитъ островокъ Первичь, гдѣ есть Глаголитскій монастырь. Тутъ я пріобрѣлъ отрывокъ изъ старой Глаголич. рукописи, писанной на пергаминѣ. Послѣ сообщу о ней навѣстіе съ выписками. Изъ Ше-

беника въ Трогиръ мы ѣхали всю ночь. Въ Трогирѣ стоитъ обозрѣнія библіотека графа Гараньяни: въ ней есть между прочимъ нѣсколько списковъ старыхъ муниципальныхъ правъ городовъ Далмаціи. Изъ Трогира въ Сплѣтъ. Сплѣтъ—самой большой и самой торговой городъ въ Далмаціи. Есть и книжныя лавки, въ которыхъ продается бумага, табакъ, пряные коренья, чубуки и палки и т. п.: можете судить, какое мѣсто занимаютъ въ нихъ книги.

Майоръ Каталиничь, написавшій изъ Исторій Римскихъ и Венеціянскихъ Исторію Далмаціи, продолжаетъ ее, и уже печатаетъ 4-ый томъ: предобрый человѣкъ. Стазичь—молодой профессоръ, на котораго можно бы надѣяться, что соберетъ этнографическія свѣденія о народѣ Далматинскомъ. Изъ Сплѣта мы ѣздили въ Кастелы или Грады, гдѣ жители очень богаты, прекрасно живутъ, прекрасно одѣваются, и погребаютъ мертвыхъ съ бугараньемъ, т. е. нанимаютъ „нарикачь", которыя особенными пѣснями оплакиваютъ покойниковъ. Въ Сплѣтѣ мы сѣли на пароходъ, и поѣхали въ Катаро. Переѣздъ продолжался три дня, а ночи... Первую ночь ночевали у Курчолы. Отсюда мы ѣздили на полуостровъ Пелешацъ (Sabioncello) въ селеніе Оребичь, гдѣ женщины одѣваются совершенно особенно, будто по-Испански, а преданіе и въ самомъ дѣлѣ говоритъ, что Оребичь—Испанская колонія, хотя по-Испански теперь никто ни одного слова тамъ не знаетъ. Слѣдующую ночь ночевали въ Дубровникѣ. А далѣе,—и мы въѣхали въ очаровательную Боку Катарскую, и увидѣли Пестин-градъ и Ловченъ, преддверія Черной Горы, подъ которыми прижался Катаро, маленькой городокъ, съ прекрасной набережной и еще лучшими видами на окрестности.

Тутъ бы слѣдовало вамъ сказать что нибудь и о нашемъ путешествіи въ Черную гору; но я оставляю это до другаго, особеннаго письма, которое начато уже въ Черной горѣ, и то за тѣмъ, то за сѣмъ осталось безъ продолженія. Мы возвращались изъ Черной горы вмѣстѣ съ Владыкою, который ѣхалъ въ Катаро, и остались еще на нѣсколько дней въ Катаро, чтобы распросить еще о томъ и о другомъ касательно современнаго состоянія Черногорцевъ. Самому Владыкѣ мы обязаны въ этомъ отношеніи болѣе всего. Кстати, чтобы не забыть: книжки ваши, равно какъ и полковника Муравьева я передалъ Владыкѣ,—и онъ приказалъ искренно благодарить васъ: слѣдя по возможности за ходомъ литературъ Славянскихъ, онъ знаетъ и почитаетъ васъ,—да и кто не знаетъ и не почитаетъ того, который первый познакомилъ Европу съ лучшими драгоцѣнностями Старо-Чешской

Литературы! Другое кстати: въ Дубровникѣ жаловались мнѣ, что не имѣютъ возможности достать ни одного экземпляра Краледворской рукописи. Пожалуйста пошлите нѣсколько экземпляровъ на имя священника Георгія Николаевича, или на имя адвоката Антона Казначича.—Изъ Катаро мы поѣхали въ Новый Градъ (Castel-Nuovo), и оттуда ходили пѣшкомъ въ монастырь Савину. Мѣстоположеніе и природа восхитительны: кругомъ благоухающій и тѣнистый лѣсъ, а внизу широкій разливъ моря, и дорожка не камениста,—словомъ будто не въ Далмаціи. Церковь прекрасно выстроена и украшена,— лучшая православная церковь во всей Далмаціи, и чиста, какъ немногія церкви въ цѣлой Европѣ. Въ Библіотекѣ есть нѣсколько любопытныхъ рукописей, между прочимъ хронографъ, у сочинителя котораго подъ руками были и Русскія лѣтописи. На другое утро мы пошли въ Цавтатъ (Ragusa Vecchia)—черезъ Турецкія владѣнія и долину Конавльскую, — и отдохнувши въ Цавтатѣ нѣсколько часовъ, въ тотъ же вечеръ переѣхали черезъ море въ Дубровникъ. Прекрасной городокъ, твердо укрѣпленный. Экипажа, ни простого воза нѣтъ ни одного въ цѣломъ городѣ; и боковыя улицы—не улицы, а тѣсные проходы. Преимущественно слышны три языка: Далматинскій, Итальянскій и Французскій; всѣ образованные говорятъ на всѣхъ трехъ, безъ всякой разницы, а необразованные болѣе по-Далматински, нежели по-Итальянски. „Ты“ въ Дубровникѣ слышится чаще, нежели „вы“. Книжная лавка Мартекини довольно богата. Онъ самъ человѣкъ не безъ благихъ намѣреній, но къ сожалѣнію мало знакомый съ книгопродавческимъ искуствомъ. Онъ владѣетъ богатымъ собраніемъ рукописей Дубровачкихъ писателей, и печатаетъ ихъ не мало, но и печатаетъ безсмысленнымъ старымъ правописаніемъ, и худо ихъ разсылаетъ по свѣту. Теперь перепечатываетъ словарь Делла-Беллы, и издаетъ Галлерею знаменитыхъ Дубровчанъ (Galleria de' illustri Raguzei) съ портретами. Литературной жизни въ Дубровникѣ нѣтъ: за ходомъ литературы не слѣдитъ никто, о книгѣ новой говорятъ какъ и объ старой, а ждать появленія или требовать изданія той или другой книги и въ голову никому бы непришло. Для меня замѣчательнѣйшіе люди были: Николаевичь и Казначичь. Первый приготовилъ къ изданію книгу объ воспитаніи дѣвицы; а второй написалъ нѣсколько стихотвореній. Явись въ Дубровникѣ одинъ человѣкъ съ силою характера, и литературная жизнь Дубровачкая можетъ ожить блистательно. Въ Дубровникѣ мы видѣлись опять съ Черногорскимъ Владыкою: его красота и великолѣпный рыцарскій нарядъ привлекали къ нему толпы народа.

Изъ Дубровника поѣхали мы къ полуострову Пелешцу и, перешедши черезъ перешеекъ Стонскій, продолжали путь далѣе къ Неретвѣ рѣкѣ, и по ней къ Опузену (Fort Opus). Природа на Неретвѣ совершенно особенная: горы далеко, болота кругомъ, сырости и комаровъ страшное множество, болѣзни не прекращаются. Изъ моря до Опузена ходятъ барки, иль жители Неретвы сами ѣздятъ въ маленькихъ, можно сказать крошечныхъ „трупинахъ“ (trupina, Итал.: zoppolo), на которыхъ едва помѣщаются по два человѣка. Отсюда продолжали мы нашъ путь въ Макарску, и потомъ въ Омишь (Almissa). Омишь—маленькій городокъ, тѣсно ставшій подъ величественною Динар-планиною у устья Цетини. На противуположномъ берегу рѣки стоитъ зданіе, на которомъ написано: „Seminarium illiricum“. Въ немъ живетъ почтенный старецъ Кружичевичь, бывшій Викарій въ общинѣ Польицкой. Съ помощію его и нѣкоторыхъ почтенныхъ Омишанъ мы успѣли частію пріобрѣсти, частію переписать довольно большое количество матеріяловъ касательно исторіи Польичкой общины. Миѣ также попалась рукопись о старыхъ Хорватскихъ обычаяхъ изъ XVI вѣка. Изъ Омиша ѣздилъ я къ водопаду Цетинскому, не столь разнообразному какъ Крчкій, но не менѣе красивому: онъ въ 5 часахъ отъ Омиша у деревни Задварье (Duare): и называется Губавицей. Виды по теченію Цетини безъ конца разнообразны и прекрасны. Черезъ землю Польичкую мы поѣхали въ Сплѣтъ,— и на другое утро сѣли на пароходъ. Теперь уже Далмація скрылась. Пароходъ быстро мчится въ Рѣку. Въ свое время я сообщу вамъ выписки изъ моихъ записокъ о томъ, что можетъ васъ занимать; а теперь прощайте.

Вашъ Измаилъ Срезневскій.

Вмѣстѣ съ моимъ поклономъ передайте I. II. Шафарику прилагаемое изображеніе [1]). Оно найдено въ развалинахъ Солина (Solona), близъ Сплѣта; я нашелъ ее въ грудѣ камней, собранныхъ въ Сплѣтскомъ Музеумѣ. Ярнику, какъ любителю подобныхъ надписей, я уже сообщилъ ее. Любопытно знать, что это такое. Едва ли впрочемъ игра природы.

Петръ Ивановичь кланяется Вамъ и всѣмъ. Отъ меня тоже всеобщій поклонъ.

11.

Загребъ, 15 Августа 1841 г. [2]).

Вотъ я и опять въ Загребѣ. Прощай, море; прощайте, дикія скалы и диконравные города! Изъ Рѣки мы поѣхали въ Кар-

[1]) Приложенъ на отдѣльномъ листкѣ снимокъ надписи.

[2]) Извлеченіе изъ этого письма напечатано въ чешскомъ переводѣ въ Č. Č. Mus., 1842, str. 301—302.

ловацъ, и по дорогѣ заѣзжали въ монастырь Гомирье. Тутъ въ почтенномъ Игуменѣ Иличѣ мы увидѣли человѣка, какихъ бы чаще желали видѣть между духовными: онъ занимается литературой, и главный его литературный трудъ—собраніе пословицъ, которыя желаетъ онъ издать въ систематическомъ порядкѣ. Жаль, что съ народными пословицами мѣшаетъ онъ и ненародныя. Мы просили его, чтобы онъ эти послѣднія отмѣтилъ особенными знаками, или бы подписывалъ, кому какая принадлежитъ. Изъ Карловца въ Загребъ.

Въ Загребѣ дѣятельность литературная продолжается по прежнему: Ожаревичь Докторъ редигируетъ Иллирскія Новины, Бабукичь—Иллирскую Данницу и изданіе театральныхъ пьесъ, оба вмѣстѣ печатаютъ Нѣмецко-Иллирскій словарь; Вразъ, возвратившись изъ путешествія по Словенскимъ землямъ печатаетъ новое собраніе своихъ прелестныхъ стихотвореній, и собирается печатать вторую книжку Словенскихъ пѣсенъ; Раковацъ приготовляетъ къ изданію народныя пѣсни od Starine; Деметеръ Докторъ печатаетъ переводъ Шеридановой комедіи; Кукульевичь-Сакчинскій пишетъ драму новую: Марула, Вукотиновичь—драму Gostba и т. д. Нѣмецко-Иллирскаго словаря напечатано уже девять листовъ. Конечно пріятно бы было видѣть, чтобы въ этомъ словарѣ означено было, какое слово принадлежитъ народу, и какое писателямъ; но на первый разъ и того много, что сдѣлано. Иллирско-Нѣмецкую часть можно будетъ сдѣлать болѣе отчетливо, болѣе годно для филологическаго употребленія. Изданія Театральныхъ пьесъ вышло 5 книжекъ: есть и прекрасные переводы, но все переводы. Въ новомъ собраніи Стихотвореній Враза есть вещи превосходныя, и на всѣхъ почти лежитъ печать народности. Въ гостяхъ мы можемъ, а иногда должны стараться не отличаться ничѣмъ отъ требованія общества, въ которое вошли—разумѣется, если общество стоитъ того; но у себя дома другое дѣло: чуждые обычаи были бы тутъ, что коню рога или коровѣ сѣдло. Если это правда вообще, то правда и въ дѣлѣ литературы. Въ литературѣ нѣтъ и быть не можетъ другаго классицизма, кромѣ классицизма народности; понять ее, олицетворить ея изящность: вотъ въ чемъ трудъ и геній, а не въ подражаніи тому, что хорошо было въ свое время, на своемъ мѣстѣ. Не въ томъ дѣло, чтобы писать такъ, какъ писалъ напр. Шекспиръ, а въ томъ, чтобы писать, какъ писалъ бы онъ въ наше время. Если писатели Ново-Иллирскіе станутъ подражать писателямъ Дубровачкимъ, это будетъ также кстати, какъ если писатель современный русскій станетъ подражать писателямъ вѣ-

ка Екатерины II, или современный французъ французу XVIII вѣка. Это понимаетъ Вразъ и идетъ по своей дорогѣ шагомъ ровнымъ и смѣлымъ. Отъ изданія народныхъ пѣсенъ Раковца можно ожидать много хорошаго: во-первыхъ, его собраніе огромно и богато многими драгоцѣнностями; во-вторыхъ, онъ не хочетъ оставить свое изданіе безъ правильнаго плана и нужныхъ примѣчаній; въ-третьихъ, хочетъ дорожить и мѣстностями выговора. Литературный языкъ долженъ имѣть правильное единство, но допускать въ себя только то, что не идетъ противу его главнаго стремленія; между тѣмъ какъ мѣстные выговоры всегда должны, не могутъ не быть разнообразны, и наблюдать ихъ разнообразіе есть одна изъ первыхъ обязанностей филолога, если только его обязанность знать весь кругъ развиваемости языка въ его гармоніи и мелодіи. Нарѣчія Иллирскія такъ занимательно разнообразны, что изданіе народныхъ пѣсенъ по всѣмъ этимъ нарѣчіямъ было бы драгоцѣннымъ подаркомъ для филолога. Не менѣе важны въ изданіи народныхъ пѣсенъ и примѣчанія: съ какимъ наслажденіемъ напримѣръ читаешь The Songs of Borders Валтер-Скотта; въ отдаленіи за 300 — 400 миль и за 300–400 лѣтъ живешь съ народомъ, ихъ пѣвшимъ, чувствуешь ихъ поэзію, какъ свою собственную современную. Я уже не говорю о пользахъ науки.

17-го.

Вчера давали на Иллирскомъ театрѣ осаду Сигета: Зринскій и его дружина говорили по-Иллирски, а Турки по-Нѣмецки. Странно! Дали впрочемъ не дурно. Комедіи однако удаются лучше,— и публика слушаетъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ и у васъ въ Прагѣ, какъ и всюду. Естественно!

28-го.

Четвертаго дни я былъ въ Псаревѣ, помѣстьи М. Шандора: это былъ день ангела Гая. Было много гостей, былъ и Гай, какъ главный гость. За обѣдомъ пили его здоровье, здоровье всѣхъ Славянъ—и разумѣется здоровье Монарха Западныхъ Славянъ. Обѣдъ продолжался до 10 вечера, а пѣсни и танцы далеко за полночь. Какъ было весело, пересказать нелегко. Такихъ дней я не припомню много въ моей жизни.

30-е.

Вчера я ѣздилъ въ Крапину: былъ театръ диллетантовъ и послѣ театра балъ. Играли въ пользу Иллирскаго Загребскаго театра. Балъ продолжался до утра; а когда совершенно разсвѣло, молодые люди пошли съ музыкой на гору къ развалинамъ замка Крапины, и тамъ встрѣтили солнце пѣснію въ славу Чеха, Леха и Меха.

И потомъ я простился съ Загорьемъ—не желаю, чтобы на всегда. Я простился съ ней, какъ съ родною.

1-е Сентября.

Сегодня принесъ мнѣ Вразъ отпечатанную книжку своихъ новыхъ стихотвореній: Glasi iz dubrave Žeravinske. Я прочелъ ее съ наслажденіемъ,—и, желая подѣлиться имъ съ вами, выписываю изъ нее переводъ пѣсни Старо-Чешской изъ Краледворской рукописи:

JAGODE.

Mila ode po jagode
U zelen — goricu,
Oštar se joj tàrn zabode
U bèlu nožicu...
Jao! nè može već ubogom
Mila stupat nogom.
Oj ti tàrne, oštri tàrne,
Zašto ti ju rani?
Za to bit ćeš oštri tàrne
Skoro izćupani.
Čekaj mila ovdè u hladu
Od zelenih jéla,
Dok potàrčim na livadu
Po konjica bèla.
Konjic pasè niz livadu
Po zelenoj travi,
Mila pako ma u hladu
Na ljubog boravi.
Poče mila tugovati
Pod jelom kraj stène:
Šta će reći moja mati!
Ah nesrètnu mene!
Kazaše mi vazda mati:
„Čuvaj se junakah!"
Pa zašto se njih čuvati,
Tih dobrih momakah?
Tim dotàrčah na konjicu
Kano snèg bèlome,
Pa ga pripeh o grančicu
Uzdom srebàrnome.
Te prigàrlih milu k boku
Cèlivajuć usti:
Ele mila bol žestoku—
Tarn iz misli pusti.
Gàrlismo se cèlujući,
Dok sunce zapade...
Ajde mili bàrzo kući,
Sunce nam zapade.
Na konja se bacih svoga
Kano snèg bèloga;
U naručaj metnuh momu,
Pa odjaših domu.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей Супругѣ, Юнгману, Шафарику, Челяковскому, Станьку, Амерлингу, если онъ возвратился изъ путешествія, Каубку, Палацкому и пр. и пр. Поблагодарите незабвенную Toni за ее билетъ на память. Томашку мой поклонъ.

„Od moje strane dužni poklon našemu slavnomu jednopletenniku". Станко Вразъ.

Прощайте. Вашъ Измаилъ Срезневскій.

12-ое Сентября.

Вчера пріѣхалъ въ Загребъ—Колларъ, и останется тутъ дня три. Ѣдетъ въ Италію.

12.

Вѣна, 11-е Декабря 1841 г. [1]).

Вотъ гдѣ я, милый другъ Вячеславъ Вячеславичь. Въ половинѣ Сентября выѣхалъ я изъ Загреба въ Славонію и пр.: 1-го Октября вступилъ на Сербскій Бѣлградскій берегъ: 1-го Ноября вышелъ изъ Землинскаго карантина (который за мною и совсѣмъ растворился); а изъ Землина то по берегу Дуная, то по Дунаю, черезъ Новый Садъ и Пештъ, я добрался до Вѣны, гдѣ и остаюсь на зиму. Хотѣлось бы завернуть и къ Вамъ; но не знаю еще, какъ удастся: мнѣ бы хотѣлось побывать у васъ на Чешскомъ балѣ, который, конечно, не будетъ хуже прошлогодняго. А когда будетъ? Я желалъ бы узнать объ этомъ навѣрно. Не менѣе того желалъ бы познакомиться съ новостями Чешской литературы: кое-что маленькое я нашелъ и взялъ въ книжной лавкѣ Венедикта; но не нашелъ ни Музейника, ни Денницы, ни Цвѣтовъ (Властимила имѣю только 4 книжки); а можетъ быть вышло и что-нибудь новое хорошее. Равнымъ образомъ не имѣю ни Лужицкой грамматики Іордана, ни Пѣсень Луж. Смоляря. Потрудитесь выслать мнѣ все это; а я не замедлю вамъ переслать деньги. О Прейсѣ ничего не могу сказать; во всякомъ случаѣ жду его въ Вѣну—и вѣроятно изъ Сербіи, или всего вѣроятнѣе изъ Пешта. Хотѣлось бы сообщить Вамъ дневникъ моихъ похожденій по Сербіи; но не имѣю расположенія духа, и еще менѣе времени. Мнѣ въ Сербіи было очень хорошо: въ Бѣлградѣ я былъ какъ дома у Русск. консула Ващенка; бывалъ у Князя, Княгини старой, Ефрема Обреновича, Паши, и познакомился со всѣми интереснымі людьми; а для путешествія моего по внутренности Сербіи данъ мнѣ былъ не только паспортъ, но и чиновникъ, водившій меня всюду, за что не могу не быть благодарнымъ Правительству Сербскому. Вмѣсто дневника посылаю Вамъ списокъ новыхъ Сербскихъ книгъ, заслуживающихъ вниманіе:

Сборникъ Законâ и Уредбâ, и уредбены указâ изданы одъ 13 февр. 1839 до Апр. 1840. У Београду (4°. 250).

Книга важная для современной Исторіи и Статистики Сербіи. Она начинается Гати-шерифомъ 1838 Декабря, и заключаетъ послѣдовавшія узаконенія, изданныя Княземъ Милошемъ, далѣе Намѣстничествомъ и наконецъ настоящимъ Княземъ Михаиломъ.

Постанакъ Славенски слова или писменность каква е и каква треба да е у Србскомъ езыку. Од А. Драгосављевића. У Београду. 1840 (8°. 139).

---

[1]) Извлеченіе изъ этого письма сообщено Ганкой въ Č. Č. Mus., 1842, str. 302—304.

Авторъ разсматриваетъ исторически каждую старославянскую букву, и потомъ выводитъ, что лучшее правописаніе есть Вуково, а вовсе не Славянское или Русское. Книга по крайней мѣрѣ для Сербіи очень занимательная. Авторъ не написалъ ее однако Вуковымъ правописаніемъ.

Начални основы умоправословне и положителне Полиціе, списани за потребу младежи Србске у Лицеуму Княжества Србског ученье се Іованомъ Рашићемъ, Професоромъ Православія. У Београду. 1841 (8°. 141).

Подобныхъ учебныхъ книгъ издано уже нѣсколько,— и въ алгебрѣ напр. введены, вмѣсто a, b, x и пр., азъ, буки, вѣди. Впрочемъ подобными вещами ограничиваются перемѣны, все остальное—Нѣмецкое—и, къ сожалѣнію, иногда черезъ чуръ Нѣмецкое, что и въ Германіи остается только на кафедрѣ, а въ жизнь не переходитъ, потому что безжизненно.

Голубица съ цвѣтомъ кньижества Србскога. III. 1841. Григоріемъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. У Београду. 1841. (12°. Не могу сказать опредѣлительно, сколько страницъ, потому что конца книги не видалъ).

Голубица издается уже третій годъ, и во всякой книжкѣ заключаетъ любопытныя статьи. Такъ и въ этой книжкѣ помѣщены между прочимъ: a) Отрывокъ изъ Историческихъ Записокъ Свѣтића (= Хаджића): Бой на Мишару, 1806; b) Мудра изрѣченія отмѣнны списателя — по большей части Нѣмецкихъ; c) продолженіе прозаическаго перевода Мильтонова Рая, Пѣснь 2-я; d) Страшный судъ, Юнга, Пѣснь 1-я; e) Женскій Якобинскій клубъ, комедія Коцебу. Стихотворенія не такъ удачны, какъ проза. Жаль, что вообще Сербскіе писатели хотятъ писать „классическіе стихи", забывая, что поэзія, чѣмъ болѣе удаляется отъ народнаго духа и духа времени, тѣмъ менѣе долговѣчна, менѣе естественна и болѣе скучна. Смѣсь очень любопытна.

Народный Србскій огласитель за годину 1841. Година прва. Свезка 1. У Бѣограду (8°. V + 156).

Въ этой первой книжкѣ кромѣ Календаря помѣщенъ Адресъ-Календарь цѣлаго Сербского Княжества; въ книжкѣ слѣдующей помѣщены будутъ разныя литературныя статьи. Издатель I. Николићь предполагаетъ издавать литературную газету.

Другія вышедшія книги не такъ замѣчательны. Нельзя не желать, чтобы въ Сербіи явился человѣкъ, который бы, имѣя вѣсъ и въ правительствѣ, а умъ и основательныя познанія въ го-

ловѣ, могъ управлять ходомъ литературы и публикой. Желательто бы было по крайней мѣрѣ, чтобы Ученое общество, нынѣ образующееся въ Сербіи, дѣйствовало для прямой пользы Сербской литературы. Пора бы подумать и о простомъ народѣ: умѣнье и охота читать распространяется чрезвычайно, до того, что общины сами отъ себя устроютъ за себя училища; а народныхъ книгъ еще вовсе нѣтъ, т. е. нѣтъ ни одной.

Еще нѣсколько словъ о книгахъ Сербскихъ, издаваемыхъ не въ Сербіи, а въ Венгріи. Мало хорошаго, хоть и не мало книгъ. О переводахъ я умалчиваю; а между прочими отраслями литературы самая цвѣтущая періодическія изданія.

Бачка Вила въ Новомъ Садѣ. Первая книжка вамъ извѣстна, вторая начинаетъ печататься. Редакторъ тотъ же Іоанновичь; а издатель—Киріяковичь.

Сербска Пчела или Нов. Цвѣтникъ за годи 1841. Павломъ Стаматовићемъ. Сегединъ. 1841 (8°. 140).

Это уже 12-я книжка, и любопытна не менѣе прежн Жаль только, что издатель слишкомъ любитъ „продолженіе вп а) „Сербији, ньнове заслуге и судбе у Унгарской"— тянут года до года: b) „Србски Фрушкогорски манастыри"— т „Црна гора"—тоже: d) „Србско у Ерусалимъ путованье дине"—тоже; e) „Славяне у Подунавлю, изъ Старожити фариковыхъ"—тоже. А статьи все любопытныя. Та и со стихами.

Новый Србскій Лѣтописъ. За годи Пешти. Ч. I. (8°. 176) и Ч. II (8°. 178).

Въ этотъ годъ Матица Србска издала толь тописа. Книжка 1-я начинается „Изслѣдованіем лирскогъ имена, и треба-ли, да се Иллирами и „современная". Былъ когда то споръ о клас мѣ, былъ споръ о именахъ Индо-Европейс споръ о Иллирствѣ нѣчто въ этомъ родѣ. его, а сближаться другъ съ другомъ въ языка, и писать книги, которыя бы пр пишутся, въ духѣ народности, любви временности! Въ той же книжкѣ по томъ, пишутъ-ли Сербы буквами св роля. Вопросъ любопытный, если сомъ: старой церковной кирилице ковныя книги; босанскою азбуко требленіи въ Сербіи, и остающ

Далмаціи (отчасти), люди православные совсѣмъ не пишутъ; а время принятія Сербами Русской гражданской и письменной азбуки извѣстно. Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ: изобрѣлъ ли самъ Петръ I. гражданскую Русскую азбуку, или пользовался босанскою? Выдвигая такой вопросъ, мало сказать въ отвѣтъ: я такъ и такъ думаю. Тутъ мало думать, а надобно изслѣдовать, что едвали возможно внѣ Петербурга. Въ книжкѣ 2-й опять о Иллирахъ (изъ Шафарика).

Далѣе слѣдуютъ: a) „Изводъ старе рукописне кньиге, коя се у цркви Баванишкой у Срѣму налази"; b) „Съ Глаголическогъ оригинала Кирильскими писмены преписана Диплома Князя Стеф. Франгепана 1457"; c) „Стародревности Србске, отъ Петровича". Въ послѣдней статьѣ говорится о Глаголитѣ, о книгѣ Посиловића „Наслађенѣ духовно", которая подала Г. Тиролю поводъ думать, что Петръ I заимствовалъ изъ Босны свою гражд. азбуку, о чашѣ, хранящейся въ Вѣнѣ съ надписью: **Сіѧ кѹпа сътвори кнѧгиніѧ Ѳеодора в лѣто ѕчи. ген. кз.** Странно, что авторъ статьи читаетъ **сіну кѹпу** вмѣсто **сіѧ кѹпа**. Книжка оканчивается прощаніемъ Ѳ. Павловича съ Лѣтописью. Редакцію принимаетъ Д-ръ Суботичь. Благодарность прежнему издателю, старавшемуся знакомить Сербовъ съ самими собою и съ другими Славянами; а на Г. Суботичѣ лежитъ надежда не однихъ Сербовъ, но и другихъ Славянъ Австрійскихъ. Онъ молодъ, образованъ, любитъ литературу, не грѣшитъ направленіемъ: остается трудиться.

Вашъ Срезневскій.

Я просилъ бы Васъ сообщить и если можно поскорѣе нѣсколько десятковъ народныхъ чешскихъ pohadek. Еле-еле помѣстилъ, что хотѣлъ сказать о Сербской Литературѣ; а о прочемъ до слѣдующаго письма.

Квартира моя: Landstrasse, Am Glacis. № 498. 2 Stock, Thür 16.

13.

Вѣна, 28 Дек. 1841 г.

Я получилъ наконецъ посылку отъ Вебера. Благодарю Васъ покорно; но Вы не пишете ничего о цѣнѣ: сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ реестрикъ всего, что я вамъ задолжалъ. Я иначе забуду.

Порфирію книги отослалъ, потому что самъ съ нимъ незнакомъ. Къ Булгарину и Сахарову пошлю вѣроятно черезъ посольство.

Между тѣмъ что мнѣ дѣлать съ книгами моими, которыя у васъ и у Клинкачка? Я самъ не знаю, какъ переслать ихъ въ Россію—и куда, черезъ Лейпцигъ ли въ Петербургъ, или черезъ Лембергъ въ Харьковъ? Я хотѣлъ спросить объ этомъ почтеннѣйшаго Шафарика, да забылъ; все равно, спрашиваю Васъ, и прошу васъ увѣдомить меня скорѣе для того, чтобы я такъ или иначе могъ распорядиться съ моимъ Вѣнскимъ запасомъ — послать его или въ Лейпцигъ, или въ Лембергъ.

Мнѣ все что-то нездоровится. Сижу дома цѣлой день. Вечеромъ заходитъ ко мнѣ Вукъ и читаемъ—теперь Ковалевскаго о Черной Горѣ. Любопытная книжка, но ошибокъ много.

Большое письмо къ Вамъ собираюсь писать; а теперь только поздравляю Васъ и Вашу супругу съ новымъ годомъ.

Вашъ Срезневскій.

14.

1841 г.[1]).

I.

На дняхъ я читалъ двѣ занимательныя книги—одну Русскую „Четыре мѣсяца въ Черногоріи", Егора Ковалевскаго (СПБ. 1841), другую Нѣмецкую „Montenegro und die Montenegriner v. Z. Stieglitz (Stuttgart. 1841). Первую мы читали вмѣстѣ съ Вукомъ С. Караджичемъ, о второй съ нимъ говорили. Въ бесѣдахъ съ нимъ о Черногорьи пришлось повторить и то, что онъ написалъ о немъ, и что писалъ когда-то Віалла, и что я самъ видѣлъ въ Черной Горѣ, и что разсказывалъ мнѣ о ней Владыка... Мало по малу пришла мнѣ въ голову мысль—написать Вамъ, незабвенный другъ Вячеславъ Вячеславичъ, нѣсколько писемъ о Черной горѣ, писемъ, въ которыхъ и досказано бы было то, что не досказалъ Вукъ, и поправлено, въ чемъ погрѣшили Віалла, Штиглицъ, Ковалевскій, и сообщено Публикѣ вашей то, что хорошаго имѣетъ любопытная книга послѣдняго. Мысль заронилась въ голову, рука взяла перо, и вотъ вамъ Первое письмо о Черногорьи.

Вышедши изъ Веригъ (Werige-Catene) и обогнувъ Лепетанъ (Lepetan), корабль заворачиваетъ направо, дитъ въ третью—такъ сказать—залу величественнаго Залива. Пърчань (Prčanj—Perzagno), а ближе

[1]) Писемъ эти въ чешскомъ переводѣ помѣщены Mus., 1842, str. 289—300, въ видѣ отдѣльной статьи, подъ nohorj. Popis Izmaila Sreznewského w listech k V

Столиво (Stoliwo) направо, Перастъ (Perasto) и далѣе въ глубинѣ Орѣховецъ (Orachowac) налѣво; а прямо передъ глазами мало по малу, по мѣрѣ приближенія, раскрывается такъ называемая Доброта (Dobrota),—и надъ нею громадныя дикія, сѣрыя скалы. Обогнувши Прчань, корабль еще поворачиваетъ нѣсколько направо,—сѣрыя скалы все болѣе возвышаются. Путешественникъ видитъ наконецъ въ восточной глубинѣ залива городокъ и надъ нимъ крѣпость Которъ (Kotor — Cattaro), и надъ нимъ сѣрыя скалы стоятъ уже страшнымъ кряжемъ горъ. Поразительна разница между сими громадами дикаго камня, круто спускающимися къ берегу, голымн, неприступными, и прелестными засельями, которыя обрисовываютъ побережье залива и глядятся со своими садами и виноградниками въ ея чистую поверхность. Эти сѣрыя, дикія громады скалъ, это—начало Черногорья, его граница отъ Австріи и моря. Возвышеннѣйшая часть ихъ надъ Которомъ называется Ловченъ (Lowčen) и Пестинъ градъ (Pestin-grad). Тропинка изъ Котора въ Черногорье идетъ между сими двумя горами, разумѣется, тоже по горѣ, или, лучше сказать, по обрывамъ, тропинка, по которой можно идти только съ провожатымъ. Взошедши на Ловченъ, путешественникъ видитъ взволнованное море скалъ Черногорья, передъ собою и подъ собой, и далеко, на границѣ Черногорья, опоясываемые облаками, покрытые снѣгомъ Дурмиторъ (Durmitor) и Комъ (Kom), видитъ почтн все Черногорье. Горы да горы и внутри, и по границамъ. Вдоль по границѣ Австрійской горы горы идутъ съ одной стороны къ озеру Скадрскому (jezero Skadarsko, Blato) и Бару (Bar—Antiwari), съ другой къ Герцеговинѣ, различаясь по мѣстностямъ особенными названіями. Такъ напр., гора, находящаяся между Граховымъ полемъ (Grachowo polje), Далмаціей и Черногорьемъ, называется Комориця (Komorica); ближе къ Орѣховцу Лазиной (Lazina), и далѣе за Которомъ Суторманомъ (Sutorman), и пр. Тѣ же громады продолжаются и далѣе на сѣверъ по границѣ: за Комориця начинается Пустой Лисичь (Pusty Lisić); выше, у Турецкаго города Никшичя (Nikšić) идетъ Кіява (Kijawa), изъ подъ которой вытекаетъ рѣчка Зета (Zeta); на самомъ сѣверѣ, отъ сѣвера къ востоку: Дурмиторъ, Яворье, Требичь (Durmitor, Jaworje, Trebić), дающіе первые истоки рѣкамъ Морачи (Morača) и Берскуту (Berskut). Отъ Требичя къ юговостоку горы понижаются, давая мѣсто истокамъ Дрины (Drina), и потомъ опять возвышаются величественною вершиною Кома (Kom), который со своими южными отраслями, извѣстными подъ

сти покрыты зеленью и лѣсами часто огромныхъ размѣровъ. Горные потоки ниспадаютъ въ глубину, кое гдѣ показываются, опять скрываются; воды много подъ землей, а на поверхности мало, такъ что Черногорье водами столько же бѣдно для жителей, сколько богато дикими скалами. Исключая истоковъ Дрины съ рѣчками Маргаритой и Верушей (Margarita, Weruša), всѣ воды въ Черногорьи принадлежатъ къ бассейну Скадрскаго озера, которое, какъ извѣстно, посредствомъ рѣки Бояны (Bojana) соединяется съ Адріятическимъ моремъ. На самомъ югѣ Черногорья, въ нахіи Черницкой (Crnička) протекаютъ рѣчки Черницкая (Crnička) и Орѣховая (Orachowa), которыя недалеко отъ впаденія въ Скадрское озеро соединяются вмѣстѣ и падаютъ въ него однимъ устьемъ. Теченіе ихъ съ запада на востокъ, каждая течетъ около 2 миль. Съ сѣверозапада на юговостокъ въ то же озеро впадаетъ столько же малая Рѣка Иванъ Бега — Черноевичя (Rjeka Iwan-Begowa Crnojewića) или Ободъ (Obod), вытекая изъ пещеры и при самомъ исходѣ становясь удобною для малаго судоходства. Еще менѣе рѣчка Карапула (Karapula), вытекающая изъ небольшаго озерца и впадающая въ Скадрское озеро съ сѣвера. Далѣе за нею впадаетъ въ Скадрское озеро тремя устьями рѣка Морача: она вытекаетъ изъ подъ Яворья, въ Морачкой нахіи и, протекши по ней съ сѣверозапада на юговостокъ, проходитъ почти прямо съ сѣвера на югъ между нахіями Пиперской и Кучкой (Piperi, Kuči), такимъ образомъ, что только меньшая ея половина, не болѣе 3 миль, принадлежитъ Черногорью, а остальная протекаетъ по Турецкой Албаніи. Между рѣками, впадающими въ нее и вообще очень малыми, можно замѣтить Берскутъ (Berskut), впадающій въ нее съ лѣва въ Кучкой нахіи, Зету (Zeta), вытекающую изъ подъ Кіявы (Kijawa) и протекающую по нахіи Бѣлопавличевской (Bjelopawlička) съ сѣверозапада на юговостокъ, мили въ $1\frac{1}{2}$ отъ устья выходящую изъ Черногорья и на границѣ Черногорья, подъ Дукляномъ (Dukljan, Dioclea) впадающую въ Морачу; далѣе Матицу (Matica) съ Ситницей (Sitnica), принадлежащую только истоками Черногорью. Мѣстъ плодоносныхъ, особенно въ южномъ Черногорьи столько же мало, какъ долинъ и горныхъ равнинъ. Замѣчательнѣйшая долина есть Цѣтинская (Cetinjska). Подлѣ рѣчки Орѣховой и Черницкой также образуется малая долина. Есть кое-гдѣ луга и поля по Зетѣ и верхней Морачи. Горныя плодородныя равнины встрѣчаются чаще въ Сѣверномъ Черногорьи, особенно по отлогостямъ Комскаго хребта. Черногорецъ дорожитъ каждымъ клочкомъ плодородной земли,

какъ его коза каждымъ листкомъ травы, выщипываемой ею изъ подъ камня. Земли для посѣвовъ такъ мало, что хлѣба никакъ недостаточно для продовольствія жителей. Виноградники находятся въ Черницкой нахіи и вообще около озера Скадрскаго, и потомъ на горныхъ отлогостяхъ на сѣверѣ Черногорья. Тамъ есть и плодовые садики, предоставленные большею частію попеченіямъ природы. Что касается до климата, то горы съ ихъ верхами и ращелинами дѣлаютъ его холоднѣе, нежели какъ бы можно было ожидать отъ положенія страны. Таково вообще Черногорье, страна занимательная дикостью, а человѣка привлекшая къ себѣ только по его нуждѣ какъ нибудь сохранить свою независимость.

II.

Письмо второе. Топографія.

Черногорье раздѣляется на двѣ части: Собственно Черногорье и Берда (Brda). Собственное Черногорье простирается съ юга на сѣверъ до Гарча (Garač), и со стороны Герцеговины до Никшичя, а со стороны Албаніи до Спужа; далѣе на сѣверъ и востокъ идутъ Берда. Все пространство Черногорья можно положить по сравненію съ окрестными землями въ 90 □ миль (Ковалевскій полагаетъ 100 □ миль), а жителей, считая по 1,000 на □ милю, 90000, между которыми четвертый есть оруженосецъ (Ковалевскій полагаетъ 122,000 жителей и 22,500 оруженосцевъ; Вукъ 100,000 жителей и 20,000 оруженосцевъ).

А. Собственное Черногорье дѣлится на 4 нахіи: западную часть его, почти ⅓ долю всей Черногорской области занимаетъ нахія Катунская (Katunska); на востокъ отъ нея лежитъ нахія Лѣшанская (Lješanska); на югъ отъ нихъ нахія Рѣцкая (Rječka); на самомъ югѣ Черницкая (Crnička).

1. Нахія Черницкая граничитъ съ сѣвера нахіей Рѣцкой, съ востока Скадрскимъ озеромъ, съ юга Турецкой Албаніей, съ запада Австрійскими владѣніями. Омываемая въ самой серединѣ рѣчками Орѣховой и Черницкой она поднимается горами какъ на югъ, такъ и на сѣверъ и западъ, и понижается къ Скадрскому озеру. Горы дики, долина плодоносна. Тутъ родится лучшій Черногорскій виноградъ.

Пространство занимаетъ не болѣе 6 □ миль (Ковалевскій полагаетъ 20,000 ж. и 3500 оружен.).

Племена: Болѣвичи (Boljewići), Сотоничи (Sotonići), Подгоръ (Podgor Utrg), Дупило (Dupilo), Борчели (Brčele),

Глухой долъ (Gluhi do'), Лимяне (Limljani). Между мѣстностями замѣчательны: a) Виръ-базаръ (Wir-bazar) у озера Скадрскаго. Тутъ былъ прежде торгъ между Черногорцами и Турецкими подданными. Вблизи, между озеромъ и р. Черницкой, Бесъ (Bes=Besac)—Римскія развалины. b) Выдрякъ (Widrjak) монастырь на границѣ Австр. c) Болѣвичи. Близь сего находятся желѣзныя марганцовыя руды, содержащія отъ 30 до 40 процентовъ.

2. Нахія Рѣцкая—соприкасается съ запада къ Авст. владѣніямъ и нахіи Катунской, съ востока къ нахіи Лѣшанской, Турецкой Албаніи и озеру, а съ юга къ нахіи Черницкой. Большую часть ея на югѣ занимаетъ горная возвышенность Люботинская съ довольно высокою вершиной; а часть восточная омывается рѣчками Черноевичя и Карапудой, отдѣленными одна отъ другой горами; на юго-западѣ горы углубляются, а на сѣверѣ отдѣляютъ нахію отъ Цѣтинской долины и поднимаются въ нахію Катунскую и Лѣшанскую. Къ этой нахіи принадлежатъ два острова на Скадрскомъ озерѣ: Лесендра (Lesendra) и Вранина (Wranina). Пространство — около 6 □ миль (Ковалевскій полагаетъ 13,000 ж. и 2500 ор.).

Племена: Коссіеры (Kossieri), Добрское село (Dobrsko selo), Люботинъ (Ljubotin), Горожане (Graḥani) и Цѣклинъ (Ceklin). Замѣчательныя мѣстности: a) Рѣка (Rjeka) на р. Черноевичя — важнѣйшій торговый пунктъ во всемъ Черногорьи. Сюда пріѣзжаютъ торговцы изъ Жабляка и даже Бара и Скадра съ рыбой, хлѣбомъ, солью и пр. Базаръ сходится каждую суботу. Тутъ есть также монастырь съ двумя келіями; a близь деревни развалины Ободъ (Obod) — остатки укрѣпленій, строенныхъ, по преданію народному, Черноевичемъ. b) На остр. Лесендрѣ есть сторожевая башня противъ Турокъ съ 2 пушками и 5 человѣк. гарнизона.

3. Нахія Лѣшанская, примыкая съ востока къ Албаніи Турецкой, на сѣверозападѣ граничитъ съ нахіей Катунской, а на югозападѣ съ нахіей Рѣцкой. Вдоль по ней идутъ горы кряжемъ и отрогами, спускаясь на востокъ къ Турціи въ Лѣшское поле (Lješko polje). Рѣчки Матица съ Ситницей истекаютъ изъ сихъ горъ и очень недалеко отъ истока, выходя въ Турцію, впадаютъ въ Морачу.

Пространство около 5 □ миль (Ков.—10,000 ж., 2,000 оруж.). Племена: Дражевина, Гридецъ и Буронье (Dražewine, Gridać, Buronje.

4. Катунская нахія, простираясь на сѣверъ до Никши-

ha (Nikšić = Nikš), а на югъ за Которъ, граничитъ на востокѣ съ Далмаціей и Герцеговиной, на сѣверѣ съ Бердами, на востокѣ съ Тур. Албаніей и Лѣшанской нахіей, а на югѣ и юговостокѣ съ нахіей Рѣцкой. Это зерно Черногорья,—и точно Черногорье. Горы покрываютъ всю ея поверхность, спускаясь только на юговостокѣ къ Цѣтинской долинѣ, тоже покрытой ихъ обломками. Текучихъ рѣкъ на поверхности нѣтъ. Воды спадаютъ съ горы быстрыми (sic) и пропадаютъ въ нихъ. Природа дикая, очень бѣдная растительностію.

Пространство около 30 □ миль (Ков. 30.000 ж., 5500 оруж.). Племена: Плѣшивцы (Plješiwci), Озриничи (Ozrinići), Комане (Komani), Загаречь (Zagarač), Бѣлицы (Bjelice), Цуцы (Cuce), Тѣкличи (Čeklići), Нѣгуши (Njeguši) и Цѣтинь (Cjetinj). Къ этой нахіи можетъ быть отнесено и Горохово поле (Grachowo polje), раздѣляющее у границъ Черногорскихъ Герцеговину отъ Далмаціи. Примѣчательныя мѣстности: a) Станевичь (Stanewić)—монастырь на границѣ Австрійской. Онъ считается народнымъ чудомъ. Былъ нѣкоторое время резиденціей Владыкъ. Прежде былъ укрѣпленъ какъ крѣпость. Теперь хотя стѣны монастыря и остаются невредимы, но слѣды бойницъ уже едва примѣтны. Долчи—цѣлая исторія. Впрочемъ Станевичь принадлежитъ уже теперь Австріи... b) Цѣтинье (Cjetinje)—монастырь на равнинѣ Цѣтинской и резиденція Владыки и правительства. Въ церкви монастыря, малой и тѣсной, покоится тѣло прежняго Владыки, признаннаго Святопочившимъ. Дворецъ—довольно хорошее зданіе, окруженное низкой стѣной. Невдалекѣ отъ дворца базарная площадь съ корчмами и лавками, а также и гостинницей для путешественниковъ. Близь монастыря есть на одномъ изъ утесовъ башня, на которой выставляются головы убитыхъ Черногорцами Турокъ. c) Нѣгуши—село на дорогѣ изъ Котора въ Цѣтинье: отсюда родомъ Владыка, и тамъ живутъ его родители. d) Пестинъ-градъ (Pestin-grad) на горѣ близь Котора — старыя развалины. e) св. Илія (св. Ilia)—на сѣверъ отъ Нѣгушей, бѣдной монастырь. f) Кчево (Kčewo = Čewo) на сѣверѣ нахіи, село, знаменитое въ преданіи Черногорцевъ храбростію жителей и нападеніями Турокъ. g) Стубица на самомъ сѣверѣ нахіи, близь города Никшича. Тутъ открыты Ковалевскимъ охристыя желѣзныя руды. h) Комане—близь границъ Албаніи, село знаменитое по дѣламъ Черногорцевъ съ Турками.

Б. Берда раздѣляются на 4 нахіи: западную часть занимаютъ Бѣлопавличи (Bjelopawlići), сѣверную Морача (Moraча), восточную Кучи (Kuči), а между ними въ серединѣ Пиперы (Piperi).

1. Бѣлопавличи прилегаютъ съ юга и запада къ нахіи Катунской, съ запада и съ сѣвера къ Герцеговинѣ, и отчасти къ Морачѣ, съ востока къ Пиперамъ, а на юговостокѣ къ Турецк. Албаніи, или, лучше, къ выгону города Спужа. Горы лежатъ по границамъ и покрываютъ всю ея поверхность, съ югозапада скатываясь къ долинѣ Зетской, а на сѣверовостокъ поднимаясь къ большому кряжу горъ, отдѣляющихъ Зету отъ Морачи. Рѣка Зета течетъ по срединѣ нахіи съ сѣверозапада на юговостокъ, образуя около себя долину, богатую растительностію и представляющую разительную противоположность съ остальною частію нахіи: тутъ путешественникъ видитъ луга, нивы, виноградники, плодовыя деревья, лѣса; между тѣмъ какъ по обѣ стороны ея, въ горахъ та же дичь природы, какъ и въ нахіи Катунской. На сѣверѣ впрочемъ растительности болѣе, нежели на югѣ. Въ горахъ есть богатыя красножелѣзныя руды.

Пространство около 8 □ миль (Ковал. 15,000 жит., 2750 оруж.). Племена: Острогъ (Ostrog), Павковичи (Pawkowići), Петушиновичи (Petušinowići) и Ворожегорнцы (Wrażegrnci). Примѣчательныя мѣстности: a) Мартиничи (Martinići), село на границахъ Турецкихъ, въ ½ часѣ отъ Спужа, знаменито храбростію жителей и безпрерывною борьбою съ Турками; b) Наждребеникъ (Naždrebanik) на сѣверовостокъ отъ Мартиничей, близь Зетской долины. Монастырь. Церковь была прежде прекрасна, построена, какъ говоритъ преданіе, Серб. царемъ Стефаномъ св., но была часто разрушаема. Невдалекѣ отъ монастыря есть остатки древнихъ Греческихъ или Римскихъ развалинъ. Изъ Зетской долины сюда идетъ мощеная, шириною въ сажень дорога; она же простирается и далѣе на сѣверъ къ Никшичю: это тоже остатки временъ давнихъ. Недалеко отъ Наждребаника у Зеты возвышается могила съ камнемъ на верху, извѣстнымъ подъ именемъ Видова камня: преданіе говоритъ, что онъ положенъ въ память Виду, посѣченному Турками. c) Курилово въ горахъ, въ срединѣ югозападной части нахіи, развалины. d) Боровичи (Borowići)—развалины на верхней Зетѣ. e) Острогъ на сѣверѣ нахіи, недалеко отъ границы Ерцеговины. Монастырь на горѣ. Отъ подошвы горы идетъ къ монастырю улитковая тропинка. До самаго верха, гдѣ находится верхній монастырь, 2 часа хода, а нижній монастырь ниже его за полчаса. Мѣстоположеніе верхняго монастыря изумительно особенностію: на 50 саженъ возвышаются отвѣсною стѣною извѣстковыя скалы, длиною въ 100 сажень, нигдѣ не прерываясь. Мѣстами, особенно по краямъ, образуются небольшія площадки; мѣстами бока утеса

ниспадаютъ далѣе осыпями или образуютъ впадины и пещеры, изъ которыхъ нѣкоторыя очень велики. Въ одной изъ пещеръ очень малая и бѣдная церковь, водохранилище и нѣсколько келій. Въ церкви покоится тѣло изгнанника Василія Голунскаго-Скадрскаго, почитаемаго Черногорцами святымъ. Еще никогда онъ не былъ въ рукахъ Турокъ. Теперь въ немъ живетъ одинъ монахъ. Нижній монастырь помѣщенъ покойнѣе: въ немъ 4 монаха и Архимандритъ. Высоко подъ Острогомъ поднимается Острожская Главица, гора съ видомъ въ Ерцеговину до Горохова поля.

2. Пиперы граничитъ съ запада съ Бѣлопавличами, съ сѣвера съ Морачами, съ востока съ Кучами, а съ юга съ Турец. Албаніей. Отъ Кучей отдѣляется рѣкой Морачей, единственною рѣкою въ нахіи, и та течетъ глубоко между скалами. Вся нахія взрыта горами. Она занимаетъ пространство около 5 миль. Ковалевскій полагаетъ 8,000 жит. и 1,500 оруж.

Племена: Ђурковићи (Gjurkowići), Стѣна (Stijena) и Черницы (Crnci). Примѣчательныя мѣстности: a) Дукляпъ (Dukljan) у границы Турецкой, при впаденіи Зеты въ Морачу. Величественныя развалины. Стѣны почти сохранились, идутъ до самой рѣки Морачи, и толщиною около 2 сажень. Между прочими развалинами внутри стѣнъ замѣтны великолѣпные остатки дворца. Развалины идутъ и за Морачу, куда какъ видно также простирался городъ. Тутъ находятъ множество монетъ—особенно изъ царствованій Діоклетіана и Константина и Елены. b) Чилія (Čilija) также близь Турецкой границы, старый монастырь съ хорошею церковью и нѣсколькими кельями на неприступномъ мѣстоположеніи. c) Дѣвичь-градъ (Djewić-grad)—старинныя развалины на сѣверъ отъ Чиліи. d) Стѣна—селеніе извѣстное храбростію жителей.

3. Кучи занимаютъ восточную часть Бердъ и, прилежа съ востока къ Пиперамъ и Морачамъ, съ другихъ сторонъ окружены Турецкими владѣніями. На восточной границѣ возвышается Комъ, отъ котораго идутъ отроги по всей нахіи подъ названіемъ Малаго Кома, Проклятыхъ горъ и пр., а съ сѣвера идутъ въ сію нахію отроги Требичя. Морача течетъ на западной границѣ; съ лѣва впадаетъ въ нее Берскутъ, по восточной границѣ течетъ р. Цѣвна (Cjewna); на сѣверѣ истекаетъ Дрина съ двумя въ нее впадающими рѣчками Верушей и Маргаритой. Кромѣ того, есть много горныхъ озеръ, между которыми замѣчательнѣйшее есть Раковецъ (Rakowac) на юговостокѣ. Хотя голыхъ горъ съ вершинами, покрытыми снѣ-

гомъ, и много, но есть много и лѣсовъ и плодородныхъ горныхъ равнинъ.

Кучи занимаютъ около 20 □ миль пространства (Ков. 15,000 жителей, 2,750 оруж.).

Племена: Васоевичи (Wasojewići), Братоножичи (Bratonožići), Орѣхово (Orachowo), Затребечь (Zatrebač) и Дрекаловичи (Drekalowići). Примѣч. мѣстности: a) Мѣдунъ (Medun)—развалины замка. b) Долгая (Duga)—монастырь на Морачѣ. c) Царевина (Carewina) развалины на Крмѣ.

4. Морача, прилегая съ юга къ Бѣлопавличамъ и Пиперамъ, а съ юго-востока къ Кучамъ, съ остальныхъ сторонъ окружена Турецкими владѣніями, отъ которыхъ на сѣверѣ отдѣляютъ ее вершины Дурмитора, Яворья и Требичя. Посреди нахіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ течетъ Морача, образуя у береговъ своихъ роскошную долину. Есть много плодородныхъ горныхъ равнинъ, лѣсовъ, и вообще богата природою, хотя жители и бѣдны за неимѣніемъ возможности сбывать свои произведенія.

Пространство около 7 миль (Ковал. 8,000 жит., 1,500 оруж.).

Племена: Ровцы (Rowci), Дольняя Морача (Do'nja Morača), Горняя Морача (Gornja Morača) и Ускоки (Uskoci). Примѣчательныя мѣстности: a) Ровцы — село на границѣ Турецкой, знаменито храбростію жителей. b) Морачскій монастырь св. Успенія стоитъ на утесистомъ берегу Морачи. Церковь древняя и прекрасно построенная въ формѣ креста, съ куполомъ и внутри украшена древнею живописью. Построеніе ея относятъ ко времени Стефана Уроша. Тутъ же и гробъ его, покрытый тяжелою плитою. Есть нѣсколько старыхъ грамотъ и рукописей. Неподалекѣ есть Святая стѣна (Sweta Stijena), откуда однажды упали въ рѣку, какъ говоритъ преданіе, 10000 Турокъ.

Прибавлю еще нѣсколько словъ о путяхъ сообщенія въ Черногоріи. Изъ рѣкъ только Рѣка Черноевичя и Орѣховая; также кое-гдѣ Зета способны къ малому судоходству; остальныя во многихъ мѣстахъ завалены камнями и образуютъ водопады, а въ другихъ мѣстахъ текутъ глубоко между отвѣсными скалами. Дорогъ проѣзжихъ вовсе нѣтъ; дороги для верховой ѣзды продѣланы настоящимъ владыкой изъ Цетинья до границы Австрійской въ двухъ направленіяхъ, также и къ мѣстечку Рѣкѣ и далѣе къ самому озеру Скадрскому; еще одна дѣлается въ Острогъ. Въ остальныхъ частяхъ Черногорья идутъ отъ деревни къ деревнѣ тропинки, съ горы на гору, часто надъ пропастями,

тропинки, по которымъ непривычный путешественникъ невсегда можетъ отважиться идти безъ проводника и безъ горской обуви. Деревни большею частію лежатъ разсѣянно.

Нѣкоторыя изъ книгъ и рукописей моихъ, находящихся у васъ, оказались мнѣ нужны для отчета: а потому прошу васъ прислать мнѣ Verschlag какъ можно скорѣе (Landstrasse, Am Glacis, № 498, Thüre 16). Если можно, то вложите въ него Музейникъ за 1841, 12-ю книжку Денницы за 1840 и что вышло въ 1841, Obrazy Kawkazke od Sjra, Archiwu Ceskeho sw. 3—4—5, Юнгмана сочиненія; а меня увѣдомите, что я вамъ буду долженъ. И. Срезневскій.

15.

Вѣна, 1/13 Января 1842 г.

Еще разъ поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, съ нашимъ, нѣсколько запоздалымъ, но все-таки новымъ годомъ.

У меня впрочемъ все по старому: сижу дома, занимаюсь, а по вечерамъ сходимся, то у меня, то у него, съ Вукомъ, и ловимъ на уду матеріялы для втораго изданія Сербскаго Словаря. Признаюсь, я бы желалъ не оставить его, пока всѣ эти матеріялы не только будутъ собраны, но и приведены въ порядокъ, а то—кто знаетъ!—сегодня онъ живъ, а завтра, не спросясь, придетъ смерть—и поминай какъ звали! Издать его собраніе пѣсенъ можетъ всякой, но словарь—словарь языка народнаго, съ правильнымъ удареніемъ, съ этнографическими изъясненіями, это можетъ одинъ Вукъ. Бесѣды мои съ нимъ не менѣе драгоцѣнны и для меня: Богъ знаетъ, можетъ быть, не придется встрѣтиться съ нимъ въ другой разъ въ этой жизни, Надобно ловить минуту. Вотъ почему.

Вы, можетъ быть, уже отгадываете, въ чемъ дѣло; какъ отгадалъ и П. П. Шафарикъ, хотя въ то время, когда писалъ къ нему свое послѣднее письмо, у меня еще въ головѣ ничего не было. Только теперь я уже рѣшительно знаю, что къ балу Чешскому въ Прагу приспѣть не могу. Позднѣе, это другое дѣло; но теперь—чисто оказалось невозможнымъ. Занятія съ Вукомъ, отчеты Министру и Университету — ничто не кончено. Мнѣ грустно, досадно, жалко; да что дѣлать! Вы будете столько добры, что пришлете мнѣ объявленіе о балѣ, бантикъ, напишете, какъ было, какъ провели вы веселый день; а я въ то самое

время, когда будетъ гремѣть Чешскій балъ, возьму въ руки одну изъ милыхъ мнѣ Чешскихъ книгъ, и переселюсь къ вамъ мечтою.

По крайней мѣрѣ мѣсяцъ еще я долженъ остаться въ Вѣнѣ. Благодарю Д-ра Станька за хлопоты о квартирѣ: постараюсь воспользоваться ею позже. Мнѣ такъ грустно, что я чуть-чуть не колеблюсь въ рѣшеніи; но — напрасно. Прага и Чехи, какъ Вы и всѣ, съ которыми свела меня тамъ добрая моя судьбина, останутся для меня всегда милы, незабвенны, но не могу также оставить и Сербскаго языка, которому учиться можно только отъ одного мастера, и тотъ одинъ едва ли успѣетъ издать за жизнь свою половину того, что хочетъ и долженъ. Такъ я остаюсь въ Вѣнѣ.

Изъ Загреба получилъ письмо отъ Враза: онъ повидимому дѣятельно старается о своемъ властителѣ Колѣ. Кстати, не можете ли сообщить мнѣ письма о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ Чешскихъ литературы въ 1841 году: я бы его перевелъ для Кола. Это былъ бы мнѣ драгоцѣнный подарокъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей Супругѣ, Юнгману, Шафарику, Станьку, Амерлингу, Каубку и всѣмъ.

Продолженіе письма о Черногоріи дней черезъ десять. Прощайте. Будьте здоровы, и не забывайте Васъ любящаго всею душою И. Срезневскаго.

16.

Душевно благодарю Васъ, добрѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславичь! и за письмо, и за желаніе видѣть меня въ Прагѣ. Прискорбно мнѣ только то, что Вы не въ мою пользу объяснили себѣ то, что я не могу быть въ Прагѣ къ Чешскому балу; еще прискорбнѣе, что Вы можете полагать, будто я Вука rádše mám než Wás. Тутъ сравненія быть не можетъ, сколько я Вука ни уважаю за его труды литературные, за его понятія о современныхъ нашихъ литературныхъ нуждахъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть сравненіе между Прагой и Вѣной: у Васъ въ Прагѣ я живу не только головой, но и сердцемъ, а въ Вѣнѣ даже и не головой, а только вопросами, карандашомъ и бумагой. Прага для меня свята, а Вѣну я могу назвать только полезною книгой, которую могу прочесть, но не пріобрѣсть. Я надѣялся окончить чтеніе книги до 26, и потому надѣялся быть и въ Прагѣ на чешскомъ балѣ. Это оказалось невозможнымъ, и я простился со своею надеждою—съ грустію, съ досадою,

Вы сообщаете между прочимъ глухо о вашихъ новыхъ открытіяхъ касательно Реймсскаго Евангелія. Будьте добры, сообщите подобнѣе. Это для меня очень любопытно. А между тѣмъ изъ письма Погодина къ Вуку я вижу, что и въ Новгородѣ открыты Глаголическіе слѣды 1030 года; къ сожалѣнію никакихъ подробностей. А какъ бы хорошо было, если бы Остромиръ печатался у васъ.

Обращаюсь опять къ Вуку, или лучше сказать—къ литературѣ Сербской и Иллирской. Я, признаюсь, не понялъ Вашихъ словъ, что Сербы должны будутъ ѣздить учиться литературному языку въ Загребъ. Покамѣстъ это невозможно, какъ мнѣ кажется. Загребчане знаніемъ языка похвалиться не могутъ. Вразъ знаетъ, но зато и учился языку изъ книгъ Вука. Безъ сомнѣнія, языкъ народный недостаточенъ для литературы, но къ чему удаляться отъ языка народнаго, гдѣ на это нѣтъ причины? Къ чему новыя слова, новые чужіе обороты, когда ихъ народъ уже имѣетъ. Ужели напр. было бы позволительно Русскому взять у Нѣмца Verstand = разстанъ, когда онъ имѣетъ свой разумъ? А такихъ диковинокъ можно найдти довольно въ Загребскомъ литературномъ языкѣ. Къ чему дубровницкіе—итальянскіе обороты, когда есть живые, народные? Если мы будемъ обезьяничать и брать отъ другихъ чужихъ народовъ слова и выраженія, то Славянами никогда не будемъ. Я уважаю глубоко направленіе, характеръ литературнаго общества Загребскаго, душевно желаю имъ успѣховъ, и потому не могу имъ не желать болѣе осмотрительности и болѣе знанія языка народнаго, народной грамматики и лексикографіи. Съ Бабукича грамматикой далеко не уйдешь. И что ни дѣлай Загребчане, безъ книгъ Вука не могутъ ни на шагъ. Теперь, правда, сталъ между ними распространяться ягуанизмъ; но я увѣренъ, что онъ скоро, скоро сдѣлается смѣшнымъ. Увѣренъ, что ни одинъ Славянинъ, знающій Сербскій языкъ, не можетъ защищать въ Дубровчанахъ чистоту языка, а слѣдовательно и будетъ противъ его распространенія въ наше время. Сербское или Иллирское нарѣчіе чистое всюду одно и распространено всюду въ народѣ; мѣстныя различія выговора буквъ ѣ и х слишкомъ незначительны въ дѣлѣ литературномъ. Загребчане должны изучить это нарѣчіе, изучить какъ Вы изучили Старо-Чешское или Востоковъ Старо-Славянское,—и только тогда заставятъ Сербовъ ходить въ Загребъ учиться литературному языку.

Съ другой стороны Загребчане должны сдѣлаться терпимѣе (tolleranter-ибе). Правда, что Сербы православные вмѣшаютъ въ литерат. языкъ много словъ Церковно-Русско-Славянскихъ; но

все же это, кажется, простительнѣе, нежели употребленіемъ противународныхъ оборотовъ грязнить мозгъ народа. И дѣлая это, Загребчане хотятъ еще, чтобы и всѣ другіе дѣлали то же. Смѣшно и жалко. Я уже не говорю объ имени Иллировъ, которымъ хотѣли бы иные совершенно замѣнить имя Сербовъ и Хорватовъ, или правильнѣе однихъ Сербовъ, потому что имя Хорватъ еще дозволено — поневолѣ. Имя Сербовъ изъ исторіи не вытрешь. Впрочемъ, Богъ дастъ, дѣтской споръ за имя совершенно кончится. Теперь уже и сами Загребчане — разумѣется, умнѣйшіе, идутъ противъ Иллироманіи (см. въ Illir. Nowin. Zimne misli, L. Vukotinovića). Особенно въ этомъ отношеніи будетъ важно изданіе Кола. Oglas о немъ вы уже конечно получили. Такъ по крайней мѣрѣ я понялъ письмо Враза.

Первая книжка Кола скоро выйдетъ. Это будетъ въ родѣ Властимила. Между статьями будетъ и нѣсколько этнографическихъ; и вообще направленіе будетъ болѣе этнографическое. Огласъ мнѣ чрезвычайно нравится.

А какъ вамъ понравились Glasi Zeravinski? Неправда-ли, что это бы были перлы въ любой литературѣ?

И въ Загребѣ былъ народный балъ. Онъ отличился особенно тѣмъ, что на немъ танцовали коло: въ немъ принимали участіе первые аристократы, между тѣми и первая lépota Хорватская Сидонія Ердёди.

Книги получилъ. Душевно благодарю. Посылаю Вамъ 15 гульд. серебр. Остаюсь долженъ 10 гульденовъ и 41 крейцер., да кромѣ того за Іордана Грамматику и пѣсни, которыхъ цѣны не знаю. Что останется, прошу васъ передать Д-ру Станьку и попросить его купить для меня портреты Коляра, Челяковскаго, Шафарика и Гусса. Если хотите, то потрудитесь и сами. Ихъ вложить можно въ одинъ изъ тѣхъ ящиковъ, которые находятся у Клинкачка. Что же касается до этихъ ящиковъ, то потрудитесь попросить Клинкачка переслать ихъ мнѣ въ Вѣну къ концу этого мѣсяца. Свои вещи я пошлю отсюду, думаю, въ Тріестъ и изъ Тріеста въ Одессу. Я нахожу это лучшимъ. Въ Вѣнѣ остаюсь до 10-го Марта.

Вашъ И. Срезневскій.

Что на оборотѣ, то бы можно было какъ библіографическое извѣстіе сообщить, гдѣ вамъ угодно.

Pěsmarica. Sbirka I: pěsme domorodne, izdane po (?) D. R. i L. V. U Zagrebu. 1842 (18°. 120 стр.).

Прелестная книжечка. Пѣсни вотъ чьи: Blažek, Bogović,

Boroević, Demeter, Draškoviċ, Gaj, Ilić, Jarnevićeva, Kukuljević, Marić, Marianović, Mažuranić, Mihanović, Němčić, Nosak, Pavković, Peharnik, Popović, Rakovac, Stoos, Simagović, Štur, Tèrnski, Topalović, Tordinac, Vukotinović, Zdenčaj. Вмѣсто вступленія—стихотвореніе Топаловича: Bog i molitva. Потомъ—„Bože! živi našeg Kralja, Ferdinanda dobroga". Между пѣснями есть нѣкоторыя очень милыя. А вотъ эту читая, я не могъ не вспомнить прошлаго, не могъ не погрустить о Загорьи:

Puna sèrca, pune čase,
Neka živi, što je naše,
K tomu ljubav svaki čas,
Bratjo, neka vodi nas...
Bože živi naše krasne,
Našeg žitja zvězde jasne!
Neka bude čitav svèt
Njima samo jedan cvèt.
Bože živi prijatelje
I sve domorodne želje!
U njih nam je prava slast,
U njih domovine čast.

Bože živi sve Slavene!
Nek im Slava ne povene,
Od nje ime naroda.
Čuva nas od propada.
Bože živi sve Illire,
Nek se slože i rašire,
U jeziku, krèposti
I u staroj vèrnosti.
Bratja! Sada zadnju čašu
Za ljubav i slogu našu,
To je ona silna moć
Ko će sravnat sve jednoč.

Всего пѣсенъ 72. Всѣ оживлены благороднымъ чувствомъ.

Вѣна,
9-е Февр. 1842.

17.

18 Февраля 1842 г.

Ваша посылка была для меня, безцѣнный Вячеславъ Вячеславичь, столько же нечаянна, сколько и мила. Я не думалъ ее получить такъ скоро, полагая, что Вы пошлете ее съ книгами, что у Клинкачка; впрочемъ все къ лучшему: къ новостямъ изъ Праги я остаюсь и навсегда останусь нетерпѣливымъ, а тутъ въ Вѣнѣ знаютъ о Прагѣ почти столько же, сколько въ Россіи. Сожалѣю душевно о смерти Шпинки; такихъ людей надобно намъ болѣе, и смерть можетъ вовсе не мѣшаться въ ихъ жизнь. Портретъ Челяковскаго очень удаченъ: то же вѣщее чело, та же горько-насмѣшливая улыбка. А Тиль не похожъ. Вы впрочемъ забыли, доброй Вячеславъ Вячеславичь, о портретѣ Колара, а продаетъ его Нейрейтеръ. Pomněnky—прелесть; я впрочемъ поставилъ бы въ нихъ изъ Вашихъ пѣсенъ не ту. Благодарю Васъ за Kwěty и за Jut'ničku; не знаю впрочемъ, какъ я буду ихъ получать. Что касается до акціи на грамматику Іорданову, то я точно взялъ ее и кажется денегъ не платилъ; впрочемъ, это

не мѣшаетъ: деньги я вамъ вышлю, а вы экземпляры потрудитесь вложить въ одинъ изъ тѣхъ ящиковъ, что у Клинкачка. Кстати: я прилагаю письмо къ нему, и прошу васъ покорно потрудиться передать ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ настоять, чтобы онъ переслалъ мнѣ мои ящики проворнѣе: я остаюсь въ Вѣнѣ только до 10 Марта. Весь свой книжный запасъ пошлю въ Тріестъ и оттуда въ Одессу. Ворочаюсь къ Вашей посылкѣ, или лучше къ долгу моему: теперь ужъ я совершенно потерялся въ расцетѣ и не знаю, что вамъ долженъ. Ужъ какъ хотите, а потрудитесь Вы сами его обозрѣть. Посылка Копитару отдана: онъ благодаритъ Васъ. Гречу и Булгарину будетъ послано, впрочемъ я бы радъ былъ подождать четвертой книжки Выжигина, а если не получу въ Вѣнѣ, то отдамъ Посольству что имѣю. Гречу Вы бы могли писать о новостяхъ Чешской литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и напомнить ему о Пчелѣ. Да полно, ужъ не ваша ли почта и тутъ виною?

Объ Остромирѣ ничего не могу сказать самъ. Всего лучше знаетъ объ этомъ Востоковъ. Не годилось ли бы вамъ написать о томъ къ нему и къ Сергію Семеновичу, впрочемъ не упоминая о раскольникахъ, а представляя причиной трудность добыванія книгъ, печатанныхъ въ Россіи, или что подобное. Если бы Востоковъ согласился, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, и если бы Министръ нашелъ это хорошимъ, то бы и дѣло было въ шляпѣ. А Реймскіе отрывки не медлите печатать: ваше новое открытіе чрезвычайно важно. И какъ бы сдѣлать, чтобы эта ваша книга могла быть подана Академіи для Демидовской преміи? Не напишете ли Вы объ этомъ Кеппену?

Въ Вѣнѣ ничего новаго, кромѣ смерти Принцессы Ерминіи: ее повезли третьяго дни въ Будимъ, а колокола продолжаютъ еще гремѣть, и театры затворены. Говорятъ, была очень добрая. Я хотѣлъ было посмотрѣть на нее хоть на мертвую, но не могъ протолпиться.

Я продолжаю свои чтенія съ Вукомъ ежедневно по вечерамъ. Жаль, онъ теряетъ гибель времени у Милоша: а что изъ того будетъ, самъ Богъ знаетъ. А умри Вукъ, съ его записками никто не сумѣетъ совладать, потому что онѣ въ страшномъ безпорядкѣ. Часто и у меня запишетъ какое нибудь слово или выраженіе на лоскуткѣ бумажки, а тамъ гляди, завтра и потерялъ.

Поклонитесь Челяковскому, Шафарику (собираюсь къ нему писать, да все еще не знаю, о чемъ), Юнгману, Коубку, Станьку, Амерлингу, Тилю и пр. . . . . .

Имѣли ли вы въ рукахъ книгу Гануша о Славянской миѳологіи? Вотъ нѣмецкая ученость! Ссылокъ гибель; а каковы, можете судить по тому, что и повѣсти и стихотворенія Вымотановича принадлежатъ къ unmittelbaren Quellen Славянской миѳологіи, или по тому, что у него рядомъ стоятъ и Гриммъ и Ткачу́. Несчастная Славянская миѳологія!

Что, поѣдетъ ли Челяковскій во Вратиславь? Ужъ если бы это долгое дѣло наконецъ кончилось!

Прощайте, Вячеславъ Вячеславичь! Будьте здоровы. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей супругѣ. Сами же на меня не сердитесь. Прощайте.

Вашъ И. Срезневскій.

Вукъ вамъ кланяется.

18.

Вѣна, 10 Марта 1842 г.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, за сообщеніе разныхъ разностей, а между прочимъ и Тунова Transeat. Любопытная книжка. Но самъ ли Тунъ писалъ ее? Мнѣ все кажется, что она не Тунова, а Палацкаго. Потомъ я бы желалъ знать ваше мнѣніе объ его эпохахъ современной Чешской литературы; находите ли Вы его справедливымъ? Мнѣ бы казалось, что Добровскій открылъ 1-ю эпоху—филологическую: Юнгманъ, Ганка и Пресль—учено-литературную, чисто Чешскую, 2-ю; молодой народъ журналами и театрами—3-ю общественно-литературную, и ожидается 4-я—народная, которую только предвозвѣстилъ Челяковскій: такъ относительно самихъ Чеховъ. Въ обще-Славянскомъ значеніи: 1-е Добровскій и Ганка возбудили вниманіе общее къ литературѣ Чешской старой, какъ одной изъ Славянскихъ, 2-е Шафарикъ и Колларъ сблизили всѣхъ Славянъ между собою или по крайней мѣрѣ показали путь къ этому сближенію; 3-ю эпоху могло бы занять учрежденіе книжной лавки (въ Прагѣ), гдѣ бы можно было доставать всѣ новыя произведенія на всѣхъ Слав. нарѣчіяхъ, и журнала, въ которомъ бы всякой Славянинъ говорилъ Чехо Славяну своимъ нарѣчіемъ. Напишите мнѣ, сколько мое мнѣніе несправедливо.

Что касается до нашего свиданія, то оно, сколько мнѣ это ни досадно, сколько ни желалъ бы я сдѣлать его возможнымъ, теперь невозможно,—и виною тому не я, а то, о чемъ въ письмѣ писать не хочу. 15-го я выѣзжаю изъ Вѣны, сначала въ Wiener Neustadt, а потомъ Брѣтиславь. Изъ Брѣтиславля буду писать Вамъ—и о прошедшемъ и о будущемъ.

Что слѣдуетъ къ передачѣ Посольству, будетъ передано завтра или послѣ завтра.

Сейчасъ только получилъ посылку отъ васъ съ Выжгинымъ и прч. Между Kwětami недостаетъ № 12 и 13.

Опять повторяю: грустно мнѣ, грустно, что не могу быть теперь въ Прагѣ. Кстати, что касается до писемъ къ Востокову и Уварову, то неугодно ли бы Вамъ было прислать ихъ мнѣ въ чернѣ (Вы бы меня этимъ одолжили), разумѣется уже не въ Вѣну, а въ Брѣтиславль, poste restante, или на Штура.

Прощайте, Вячеславъ Вячеславовичь.

Чтобы не запечатывать въ третій разъ письма, пишу тутъ новость, которая не можетъ не порадовать ни лично Васъ, ни всѣхъ васъ.

Государь Императоръ, признавая услуги не только Русскихъ, но и всѣхъ Европейскихъ ученыхъ, соизволилъ черезъ нашего славнаго Норова послать Вуку въ „награду за его неусыпные труды въ пользу Славянской филологіи“ большую золотую медаль. На ней съ одной стороны ликъ нашего Царя-Отца, съ подписью: „Nicolaus I totius Russiae Imperator“; на другой: „praemia digno“ и кругомъ лавровый вѣнецъ. Такъ нашъ Царь умѣетъ уважать заслуги ученыхъ. Храни его, Боже, на счастье и славу всѣхъ насъ Русскихъ.

(Сообщите это извѣстіе гдѣ и какъ знаете).

19.

Брѣтиславь, 1-е Апрѣля 1842 года.

Я тутъ уже отъ 19-го прошлаго мѣсяца. Изъ Вѣны выѣхалъ 15-го въ Wiener Neustadt, оттуда съ Профессоромъ Фіялкою въ Шопронь и къ Хорватамъ, 19-го воротился въ Вѣну и въ тотъ же день сѣлъ на прелестную Гермину—и въ Брѣтиславу [1]). Познакомился тутъ съ благороднымъ Штуромъ, съ Палковичемъ, со многими молодыми Словаками и Сербами, рѣшился остаться на мѣсяцъ, и поселился на Рыбной площади № 781. Уже сдѣлалъ

[1]) Ср. Sreznievskij na Slovensku roku 1842. Vypísal Josef Škultéty. Slovenské Pohl'ady, 1894, 114, 357. Ср. Nezabudki Krivánské. Slovútnemu Mužovi, Professorovi Izmaelovi Sreznëvskjemu od Šajavskjeho. Nitra (M. J. Hurbana), II, 1844. Въ журналѣ Tatranka, R. II, sv. III, 1842, str. 29, Срезневскій помѣстилъ статейку: „Nëkolik statystyckých srownánj A. Rakauského s Markr. Morawským, od ruského prof. Sreznewského“. Редакція присоединила отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Wysocečečený P. Izmail Sreznëwský, rozený Rus, Professor nářečj Slowanských na wysokých ško-

маленькую прогулку къ Карпатамъ, именно въ Модру, гдѣ братъ Штура, тоже ревностный Словакъ, Ректоромъ гимназіи, и провелъ тамъ Свѣтлое воскресенье. Ворочаюсь — и получаю Ваше любопытное письмо. Какъ оно меня обрадовало, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, трудно выразить. Поздравляю Васъ душевно съ перстнемъ: всякой подарокъ Нашего Царя-Батюшки ученому Славянину есть даръ всякому благомыслящему Русскому. Съ наслажденіемъ читалъ и стихи Тютчева: они оживлены теплымъ чувствомъ.

На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ...

О, дай Боже! И Богъ дастъ сблизиться всѣмъ намъ другъ съ другомъ духовно, лишь бы мы умѣли отличать въ мысли, чувствѣ и словѣ наше отъ чужого, лишь бы отстали отъ глупого подражанія чужому, и не грязнили ими чистоты нашей народности.

Книгу вашу жду съ нетерпѣніемъ. По полученіи не замедлю послать о ней извѣстіе куда слѣдуетъ, а о новостяхъ этого вашего письма уже послалъ. Между тѣмъ вотъ и Вамъ новость:

Сербскій лѣтописъ за год. 1842. Часть перва. Учредникъ I. Субботићь. У Будиму (8°. стр. 163).

Я имѣлъ удовольствіе говорить съ Субботичемъ въ Печи и узнать его направленіе. Какъ бы то ни было, я не могъ и подумать, что съ первой книжки принятаго имъ изданія онъ покажетъ себя вполнѣ. Чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ искреннѣе было мое удовольствіе при чтеніи этой книжки. Уже на оберткѣ онъ проситъ, чтобы ему присылали „народне приповедке, гадке, сказке, пословице, песмице, споменице, надписе, описања народных обичајах и пр.“. Книжка начинается статьею изъ Шафарикковыхъ Lesekörner. Далѣе статья о буквѣ ы: авторъ не почитаетъ нужнымъ употребленіе этой буквы въ Сербскомъ; жаль, что не прибавилъ, что если и употреблять, то тамъ только, гдѣ другіе Славяне отличаютъ ы отъ и.

Между стихотвореніями есть баллада Субботича: Сабља момче, цвѣт дѣвојче. Она очень велика, и если бы исключить нѣкоторые стихи, то бы она была истинно превосходна;

---

lách Charkowských (w Russyi), prwé pak Professor Statystyky w Charkowé, putuge giž půltřeta roku po zemjch Slowanských, nawštjwil teď y Prešpurek, a pobyw zde wjce dnu, zdělil se s námi dle swé wljdnosti a dobrotiwosti následugjcým důležitým, českau řečj, kteréž se w Praze dobře naučil, sepsaným článkem k wytisknutj w Tatrance, za kterýž mu tjmto weřegně děkugeme".

даже и въ томъ видѣ, въ какомъ есть, она безспорно занимаетъ первое мѣсто не только въ Сербской, но и вообще во всей новой Южно-Славянской литературѣ. Это „алем драги камен", ставящій Субботича въ число первыхъ Славянскихъ поэтовъ, рядомъ съ Пушкиными и Мицкевичами. Переводы Словацкихъ народныхъ пѣсенъ могли бы быть лучше, но и между ними есть прекрасные. Далѣе слѣдуетъ: описаніе „Баднега дана" Николаевича. Любопытенъ Чакавско-Хорватскій актъ 1594 года. Двѣ народныхъ сказки: одна Сербская—Пепелюга, и другая Русская, переведенная съ Нѣмецкаго, хорошо расказаны, къ сожалѣнію Русская не совсѣмъ вѣрно. Статья о сравненіи языка Сербскаго съ Церковно-Славянскимъ болѣе обѣщаетъ въ заглавіи. На концѣ книжки мелкія статьи. Изъ всего свѣтитъ духъ Славянской, духъ народности и любви къ соплеменникамъ. Такъ цѣлая книжка есть одна изъ лучшихъ, изъ немногихъ, какихъ можемъ ожидать въ Южно-Славянской литературѣ. Всѣ Славяне должны благодарить Субботича и желать, чтобы онъ шелъ далѣе по блестящему пути, имъ избранному.

Если такъ же хорошо будетъ и Коло, то Южные Славяне могутъ „се дичити" несомнѣннымъ успѣхомъ.

Есть и вторая книжка „Бачке виле": надѣюсь скоро получить и напишу вамъ какъ о ней, такъ и о Колу.

А между тѣмъ здѣсь печатается Альманахъ Нитра, я видѣлъ первый листъ. Книжка будетъ прекрасная, и уже имѣетъ до 500 пренумерантовъ (въ томъ числѣ и 7 чеховъ [7? 7!]). Слѣдующая книжка Татранки также редигуется.

Я слышалъ, что уже скоро, скоро будетъ готова книжка Шафарика; попросите его, чтобы онъ переслалъ мнѣ 2 или 3 экземпляра тотчасъ по выходѣ—на имя Штура, а я деньги пошлю ему при первомъ случаѣ.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе ему, Вашей супругѣ, Юнгману и пр. Измаилъ Срезневскій.

Посылаю вамъ на судъ Программу изданія, которое надѣюсь начать съ 1843. Скажите мнѣ о ней свое мнѣніе, и если что находите къ измѣненію, то и измѣнимъ.

НОВОСТИ СЛОВЕСНОСТИ РУССКОЙ и ИНО-СЛАВЯНСКОЙ.

Раздѣляя новости на два отдѣленія, предполагаю въ первомъ знакомить Западныхъ Славянъ съ ходомъ словесности Русской, а въ другомъ Русскихъ съ ходомъ словесности Славянъ на Западѣ.

Въ каждомъ отдѣленіи предполагаю помѣщать:

a) Обозрѣнія литературныя: общія обозрѣнія словесности за извѣстное время;—обозрѣнія частныя словесности духовной, ученой, историко-географической, изящной и народной; -жизнеописанія писателей съ обозрѣніемъ ихъ ученой и литературной дѣятельности.

b) Библіографія: о каждой заслуживающей вниманіе книгѣ особенная статья, въ которой бы читатель нашелъ полное заглавіе книги (съ означеніемъ числа страницъ), обзоръ ее содержанія, мнѣніе о достоинствѣ, а равно и продажную цѣну книги.

c) Выписки изъ лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Каждая выписка должна быть напечатана въ подлинникѣ и въ дословномъ переводѣ на Русское литературное нарѣчіе или на одно изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій.

d) Переписка и выписки о послѣднихъ новостяхъ и ожиданіяхъ. Тутъ же и извѣстія о книгахъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся Русскихъ и Славянъ.

Вообще въ Новостяхъ должно быть обращаемо вниманіе на то, что или по духу, или по содержанію можетъ быть названо народнымъ Славянскимъ. Первая часть Новостей выйдетъ книгой—листовъ по 20 для каждаго отдѣленія. Потомъ, смотря по обстоятельствамъ, будетъ выходить или тетрадями ежемѣсячно, или книгами, три или четыре раза въ годъ.

20.

Вратиславь, 10 Августа 1842 г. [1]).

Виноватъ, сто разъ виноватъ передъ Вами, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, и передъ самимъ собою, что не писалъ къ вамъ съ дороги. Я начиналъ писать, и нѣсколько начатыхъ писемъ лежатъ еще въ бумажникѣ, но кончить ихъ не было времени, и я остался виноватымъ. Со временемъ окончу ихъ и пошлю вамъ, или, если позволите, не посылая къ вамъ, напечатаю. Теперь же изъ монхъ воспоминаній о пути по Словенской Венгріи и Галиціи сообщу вамъ только нѣсколько замѣчаній. Въ Венгріи господствуетъ, какъ вы знаете, мадьяризмъ, въ Галиціи, не въ такой мѣрѣ, но все таки господствуетъ полонизмъ: тамъ господа хотятъ все омадьярить, тутъ они хотятъ все ополять. Въ Венгріи все грубѣе, дичае, зато тамъ и противодѣйствіе сильнѣе, такъ что господа мадьяристы начинаютъ бояться Словаковъ; Русинъ въ Галиціи не боится Поляка, разговарнваетъ съ нимъ своимъ языкомъ, но зато и въ духовенствѣ, особенно между главами не находитъ подпоры, и остается отъ (sic) книги и училища, потому что не только панъ, но и отецъ духовный считаетъ это безполезнымъ, даже вреднымъ. Литераторы и другіе люди, дер-

[1]) Напечатано Ганкой по-чешски въ извлеченіи въ Č. Č. Mus., 1843, str. 306—308.

жащіеся народной стороны, и тамъ и здѣсь отличаются благородной нравственностью въ жизни частной и общественной и образованіемъ ума; это лучшіе семьяне, лучшіе подданные своего Государя, — лучшія головы. Есть правда и между ними кое кто, Богъ знаетъ какъ ве[ле]лѣпно созерцающій свое достоинство, какъ высоко и глубоко цѣнящій свои заслуги и вліяніе, какъ дивно мыслящій о своей славѣ въ будущемъ; но что же дѣлать: самолюбіе, а слѣдовательно — и славолюбіе есть людская общая слабость. И притомъ можемъ радоваться, что такихъ очень мало: одинъ, два и обчелся. Они кричатъ о народности, сами не понимая дѣла, а на одного изъ нихъ работаетъ 100 другихъ съ цѣлію изучить свой народъ. Между Словаками выше всѣхъ ставлю я Голаго и Штура; между Русинами Поповича и Зубрицкаго. Я желалъ бы только, чтобы Голый не былъ такъ одностороненъ въ понятіяхъ о формальности, чтобы Штуръ имѣлъ болѣе времени для своихъ ученыхъ занятій, чтобы Поповичъ могъ дѣйствовать откровеннѣе, чтобы Зубрицкій не скрывалъ передъ публикою своихъ сокровищъ. Къ этимъ незабвеннымъ именамъ я могъ бы прибавить еще сотни только тѣхъ, съ которыми я имѣлъ удовольствіе познакомиться, а молодымъ людямъ, готовящимся выступить на поприще, нѣсть числа. И прибавлю: это все люди, которые не бредятъ новизнами, которые подъ маскою любови къ отечеству не скрываютъ чернаго сердца, которые не думаютъ о своихъ выгодахъ, не продадутъ ни себя, ни другаго, которые терпѣливо сносятъ преслѣдованія враговъ, зная, что, угодивши имъ, приставши къ ихъ сторонѣ, не останутся безъ укоризны въ отношеніи къ исполненію долга гражданина, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, какую бы религію ни исповѣдывалъ. Не было мнѣ пріятно, какъ иногда отличали во мнѣ Россіянина отъ Русскаго Славянина, глядѣли какъ на брата по народности и какъ на иностранца по отечеству, но тѣмъ болѣе вѣрилъ я искренности ихъ разговора, тѣмъ болѣе долженъ былъ цѣнить ихъ нравственность. Не думайте однако, что я и между Мадьярами въ Венгріи и между Поляками въ Галиціи не нашелъ людей истинно благородныхъ, и что смотрѣлъ на нихъ только съ черной стороны: этимъ бы я обидѣлъ самого себя. На Поляковъ я не могъ не смотрѣть, какъ на своихъ братьевъ, и благодаря Бога, нашелъ между ними не мало такихъ, которые понимаютъ долгъ современности; я уже не говорю о томъ чувствѣ радости, которое оживляло меня въ Львовѣ и Краковѣ, гдѣ я слышалъ только Славянскіе звуки, жилъ только Славянскими воспомнинаніями, гдѣ на мой чужеязычный вопросъ отвѣчали моими

родными звуками, гдѣ Славянинъ не со стыдомъ, а съ гордостью говоритъ, что онъ Славянинъ того или другаго названія. Благородные, благомыслящіе и вмѣстѣ образованнѣйшіе изъ Мадьяровъ равнымъ образомъ смѣются надъ необузданностью мадьяризма своихъ соотчичей и понимаютъ, что значитъ, что требуетъ братство народовъ.

Въ путешествіи моемъ я былъ очень счастливъ: мое собраніе народныхъ идіотизмовъ и описаній всего, что касается народной жизни и быта, если не богато, то по крайней мѣрѣ не бѣдно: всюду находилъ я помощь. Особенное вниманіе обратилъ я на нарѣчія и народности Словаковъ: подъ Татрами и Бескидами наблюдатель находитъ еще такъ много новаго и любопытнаго, что могъ бы остаться тамъ на два, на три года, и все бы еще не вычерпалъ рудника сокровищъ, неоцѣнимыхъ для филолога, этнографа, историка.

Теперь я во Вратислави, и между прочимъ имѣлъ удовольствіе быть на Славянской лекціи В. В. Челяковскаго: онъ читалъ о значеніи полугласныхъ ъ и ь въ языкахъ Славянскихъ. Два раза въ недѣлю читаетъ онъ Сравнительную грамматику Славянскихъ нарѣчій; а 2 раза Древности Славянскія по Шафарику.

Если что вздумаете мнѣ послать изъ книгъ, то прошу адресовать на имя книгопродавца Миликовскаго въ Львовъ для пересылки мнѣ. Я буду пересылать Вамъ изъ Россіи тѣмъ же путемъ. Передайте это и почтеннѣйшему П. П. Шафарику, засвидѣтельствуя отъ меня почтеніе ему и его супругѣ.

Можетъ быть, Вы получили на мое имя письмо изъ Россіи, сдѣлайте одолженіе и перешлите его немедленно въ Варшаву на имя Дубровскаго, прибавивши и отъ себя нѣсколько строкъ. Отсюда ѣду въ Познань, изъ Познани въ Варшаву, и оттуда въ Вильно.

Прощайте, почтенный Вячеславъ Вячеславичъ. Вамъ и всѣмъ кланяются Пуркиня и Челяковскій. Поклонитесь и отъ меня супругѣ вашей и всѣмъ, кто не забылъ меня.

Буду писать вамъ изъ Варшавы. Еще разъ прощайте. Вашъ
Измаилъ Срезневскій.

Сдѣлайте одолженіе, перешлите немедленно письмо изъ Россіи, если его имѣете, въ Варшаву на Дубровскаго для передачи мнѣ.

Вашу статью о Реймскомъ Евангеліи читалъ и книгу имѣю.

21.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Во Вратислави я какъ дома, какъ у роднаго отца: не нашелъ бы словъ, если бы хотѣлъ выразить чувства признательности, — и тѣмъ болѣе сильно это чувство, что я не могъ считать себя достойнымъ такого радушнаго, родственнаго пріема.

П. Шафарику я писалъ о моемъ странствіи. Вамъ напишу нѣсколько словъ объ Отечественныхъ Запискахъ, которыя встрѣтилъ у почтеннѣйшаго Профессора Пуркини между множествомъ Русскихъ книгъ и журналовъ[1]). Онъ уже получилъ 5-ть книгъ этого журнала. Въ 5-ой есть мое письмо о Чешской литературѣ и о Рукописи Реймской; а въ этомъ письмѣ стоитъ между прочимъ, что „хорошо бы сдѣлалъ издатель, еслибъ прислалъ въ Прагу свой журналъ". На это онъ замѣтилъ: „съ большимъ удовольствіемъ!" Отсюда же буду писать о путн пересылки.

Болѣе писать не могу, потому что пора запаковывать.

Вашъ Срезневскій.

22.

Харьковъ, 1 Декабря 1842 г.[2]).

Давно я собираюсь писать къ Вамъ, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ; но дѣла столько, что не только никому еще не писалъ, а даже и не у всѣхъ старыхъ знакомыхъ побывалъ съ визитомъ: можете представить, что̀ стоютъ одни университетскія чтенія, а тутъ еще на шеѣ и отчеты. Если бы не пріятный случай писать съ моимъ добрымъ пріятелемъ, который когда то былъ моимъ университ. слушателемъ, и теперь ѣдетъ за границу, то не написалъ бы и теперь. Это письмо вы получите съ П. Л. Соляниковымъ. Прекрасной молодой человѣкъ, но до того занятъ своей фнлософіей, что въ его головѣ и сердцѣ осталось слишкомъ малое мѣсто для Славянства. Поручаю Вамъ пробудить въ немъ мысль и чувство о Славянствѣ: никто лучше Васъ этого не выполнитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будьте добры, найдите средства отрекомендовать его Лейпцигскимъ Славянамъ, напр. Іордану и молодымъ людямъ, чтобы онъ могъ поскорѣе освоиться въ Лейпцигѣ, и не былъ бы тамъ сиротою.

---

[1]) List Sreznėvského J. E. Purkyňovi въ ж. Slov. Sborník, IV, 465. Одно письмо І. Пуркине (отъ 1 авг. 1867 г.) къ Срезневскому напечатано въ ж. Svėtozor, 1887, str. 643.

[2]) Письмо это напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1843, str. 463—467.

Теперь обращаюсь къ себѣ. Путешествія вмѣстѣ съ Бодянскимъ отъ самой Воротислави, мы разстались въ Ковнѣ: онъ поѣхалъ въ Петербургъ, я на Вильно, чтобы оттуда побывать въ Бѣлой Руси. Не жалѣю, что былъ тамъ. Изъ многаго замѣчу вамъ, что Бѣлорусское нарѣчіе отдѣлять отъ Великорусскаго, какъ Южно- или Мало-русское, и грѣхъ и смѣшно, такой же грѣхъ и такъ же смѣшно, какъ отдѣлять Галичанъ отъ нашихъ Малороссіянъ: Бѣлоруссы по всему тѣ же Великоруссы, и по нарѣчію принадлежатъ къ нарѣчію А, т. е. Великороссійскому южному, въ которомъ дзѣканье попадается на востокѣ. Такъ называемое Бѣлорусское письменное по характеру болѣе Южно-Русское, и съ народнымъ Бѣлорусскимъ не имѣетъ почти ничего общаго. Изъ Чернигова я поѣхалъ въ Кіевъ, а изъ Кіева черезъ Полтаву пріѣхалъ въ Харьковъ 21 Сентября.

16 Октября я началъ свои чтенія, и первымъ чтеніемъ отвѣчалъ на вопросъ: „Какъ дошли до мысли, что должно изучать Славянство, и въ самомъ ли дѣлѣ должно изучать Славянство?" Я не ожидалъ, что на мое чтеніе обратятъ такое вниманіе, какое обратили: назначенная зала была мала для всѣхъ посѣтителей, и ихъ перевели въ другую, и та набилась биткомъ; не только Студенты пришли меня слушать, но и много профессоровъ, и не мало постороннихъ частныхъ лицъ; послѣ чтенія профессора благодарили, какъ казалось съ участіемъ, а другіе изъ посѣтителей пріѣзжали знакомиться. Я впрочемъ не могу быть довольнымъ моимъ первымъ чтеніемъ: когда я вошелъ на кафедру, сердце у меня билось, голосъ дрожалъ, съ четверть часа я говорилъ какъ будто осужденный къ наказанію преступникъ, которому позволено оправдываться — и нечѣмъ. За пять лѣтъ, когда я вступалъ на кафедру Статистики, было вовсе не то. Ну однако, какъ было, такъ было. Я теперь читаю уже не робѣя. Общій курсъ чтеній я раздѣлилъ на 3 части: 1. Энциклопедическое введеніе въ изученіе Славянства. 2. Западные Славяне южной отрасли. 3. Западные Славяне сѣверной отрасли. Нынѣшній годъ читаю Студентамъ первогоднимъ Энциклопедическое введеніе, а Студентамъ 2-го курса, которымъ уже не выходитъ времени слушать введеніе, о западныхъ Славянахъ южной отрасли, мимоходомъ вставляя все что нужно изъ введенія. Вотъ содержаніе моего Энциклопедическаго введенія въ изученіе Славянства:

§ 1. Стародавность Славянъ въ Европѣ. По Шафарику съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями.

§ 2. Границы Славянскаго міра прежде и теперь. Разселеніе и пропажа Славянъ.

§ 3. Отрасли Славянскаго племени: 1. Русскіе Славяне. 2. Запад. Славяне южной отрасли. 3. Западные Славяне сѣвер. отрасли=10 народовъ. Великороссіяне, Малороссіяне, Болгар. Славяне, Сербы, Хорваты, Хорут. Словенцы, Поляки, Полабяне, Чехи, Словаки. Характеристика народовъ и нарѣчій.

§ 4. Политическое состояніе Славянъ: 1. Древній бытъ. 2. Перевороты: образованіе, развитіе и упадокъ Государствъ Славянскихъ. 3. Современное состояніе.

§ 5. Религіозное состояніе Славянъ: 1. Язычество. 2. Принятіе Христіанской вѣры и ея распространеніе и утвержденіе между Славянами. 3. Современное состояніе.

§ 6. Литературное состояніе Славянъ: 1. Характеръ народной Словесности. 2. Развитіе письменности. 3. Современная Слав. литература подъ вліяніемъ народности и чуженародности.

Прошу Васъ, Вячеславъ Вячеславичь, сказать мнѣ свое мнѣніе объ этомъ: не опустилъ ли я чего?

Разсматривая каждый Славянскій народъ отдѣльно (въ двухъ слѣд. частяхъ моего курса), я обозрѣваю его Исторію, Географію, бытъ, развитіе нарѣчій, народную Словесность, письменную литературу. Времени однако мало, чтобы читать какъ должно подробно; а потому я долженъ ограничиваться подробнымъ чтеніемъ только какой нибудь части, а прочее кратко, указывая на источники, гдѣ бы слушатели могли почерпнуть подробнѣйшія свѣденія. Я читаю 6 часовъ въ недѣлю: Студентамъ первогоднимъ 2 часа, а второгоднимъ 4. Отъ этихъ 4-хъ часовъ я удѣляю одинъ часъ для чтенія образцовъ Слав. нарѣчій.

У насъ чтеній теперь нѣтъ: грязь такая ужасная, что распустили до морозовъ, и это уже во второй разъ: прежде погуляли недѣлю, и теперь опять гуляемъ.

Отъ грязи прямой переходъ къ впечатлѣнію, которое на меня сдѣлала Россія, послѣ долгой отлучки. Я ее представляю себѣ огромной, величественной превосходною картиной, далеко еще не оконченной; и живописецъ—странный человѣкъ: онъ не испугался ни величія предмета, ни огромности, но, сдѣлавши общій абрисъ, не знаетъ, за что хвататься, что стать обдѣлывать: обдѣлываетъ мастерски, чудесно, но по кусочкамъ, и гдѣ не обдѣлано, тамъ запачкано. Когда картина будетъ совсѣмъ окончена, ей не будетъ подобной, но пока обдѣлаетъ, пройдетъ еще много времени, и пачкотни будетъ немало.

Нашъ Харьковъ безъ меня тоже много обдѣлался: Соборная колокольня немногимъ ниже Стефановской Вѣнской, и легка, какъ перо; построено много домовъ со вкусомъ, открыто много

новыхъ магазиновъ. Жителей полиція считаетъ 37,000; слѣд.: съ пріѣзжими можно считать не менѣе 40,000. Архіерей (Инокентій) говоритъ чудесныя проповѣди и служитъ очень часто. Театръ выстроенъ новый, и говорятъ, внутри хорошо украшенъ (я еще не былъ) и т. д. Кстати. Играли когда то безъ меня Щиру любовь Основьяненка, и неудачно, хоть публика и была довольна. Основьяненко рѣшился поставить ее любителями, и будетъ самъ играть. Приглашалъ и меня, но мнѣ времени нѣтъ учить роль: я буду закулиснымъ суфлеромъ, и послѣ игры выйду поблагодарить публику (играно будетъ въ пользу бѣдныхъ) и выскажу надежду, что такіе вечера могли бы быть чаще. Все будетъ по Малорусски. Потомъ затѣвается художественный вечеръ: любители будутъ читать лучшіе отрывки изъ сочиненій, играть, пѣть, и все кончится живою картиной; иностраннаго не будетъ ничего.

На маскерадѣ надѣюсь будетъ дамъ съ десятокъ въ Славянскихъ одеждахъ: будутъ Далматинки, Польки, Ганачки и т. д.

Литература въ Харьковѣ спитъ. Кромѣ разсужденій, рѣчей и т. п., нынѣшній годъ не выдетъ кажется ничего, кромѣ Энеиды Котляревскаго (первое полное изданіе). Губернскія вѣдомости стали хуже. Пишется Статистич. Исторія Университета Рославскимъ, Историч. значеніе Русскихъ пѣсенъ Костомаровымъ, Исторія химіи въ новѣйшее время Гордѣенковымъ (недавно окончившимъ путешествіе), Малорусскія пословицы въ сравненіи съ Великорусскими и Западно-Славянскими Срезневскимъ, Исторія Малороссіи обществомъ любителей, нѣсколько повѣстей разными.

Молодой Кронебергъ переводитъ Шекспира: нѣсколько пьесъ уже готово, переводъ чудесный. Недавно получилъ я отрывокъ изъ новаго перевода Иліяды—въ рус. духѣ: если таковъ будетъ весь переводъ, то это подарокъ всѣмъ Славянамъ.

Литературные вечера бываютъ у Архіерея, у Помощника Попечителя (Князя Цертелева) и ни у кого больше.

Но—довольно о Харьковѣ. Прибавлю только, что Государь Императоръ былъ тутъ, за нѣсколько дней до моего пріѣзда, и остался очень доволенъ Университетомъ. Отъ него все безъ ума. Кстати о Нѣмцахъ. У насъ есть добрая сосѣдка Нѣмка, вдова университ. садовника; у нее два сына и дочь. Были они однажды въ театрѣ, гдѣ давали какую то глупую шутку насчетъ Нѣмцевъ: дѣти хохотали, мать сердилась. Идучи домой изъ театра, мать не на шутку побранилась съ дѣтьми, зачѣмъ они повели ее въ театръ, какъ будто нарочно. „Вѣдь вы сами Нѣмцы!“ приба-

вида она. „Какіе мы Нѣмцы!“ отвѣчали въ одинъ голосъ дѣти: „мы родились въ Россіи, мы Русскіе, мы знать не хотимъ Нѣмцевъ“. Старушка пересказывала намъ это — и смѣялась, и дѣти тоже, стоя твердо, что они Русскіе, а не Нѣмцы.

Перехожу къ общему движенію Русской литературы, и сначала нѣсколько словъ о журналахъ.

Богъ знаетъ, кому отдать преимущество: Отечественнымъ ли Запискамъ, Библіотекѣ ли для чтенія, или Москвитянину. По огромности (ежемѣсячно до 20—25 листовъ огромнаго формата, большая часть въ 2 столбца компактно), по достоинству переводовъ, по участникамъ (участвуетъ вся наша литератур. знать) первое мѣсто принадлежитъ Отечеств. Запискамъ; но въ нихъ много болтовни, много нѣмецкой философіи, и притомъ ни изъ того, ни изъ сего анти-Славянское направленіе.

Библіотека для чтенія говоритъ основательно о важномъ, глупо-смѣшно о неважномъ, какъ журналъ хороша, но какъ русская книга для чтенія, безъ хорошихъ участниковъ, съ гибелью поспѣшныхъ переводовъ никуда не годится. Москвитянинъ часто даетъ прекрасныя критич. статьи, много матеріаловъ для Русской Исторіи, много извѣстій Славянскихъ, иногда и отличныя ученыя статьи, иногда и довольно вздору, всегда впрочемъ съ желаніемъ быть полезнымъ, и по благородству направленія занимаетъ первое мѣсто. Маяка, Сына Отечества, Русскаго Вѣстника, которые тоже должны издаваться ежемѣсячными большими книгами, еще не читалъ. Журналы Министерствъ выходятъ тоже ежемѣсячно большими книгами: любопытнѣйшій для насъ Ж. М. Народ. Просвѣщенія: Редакція его очень умна, много прекрас. ученыхъ статей, лучшія извѣстія о Русской литературѣ, часто о Славянствѣ. Надобно думать, что будетъ для насъ любопытенъ и Журналъ М. Внутр. дѣлъ, котораго редакція поручена Н. И. Надеждину. Случайно я видѣлся съ нимъ въ Кіевѣ, и онъ это мнѣ самъ сообщилъ. Очерки Россіи прекратились: издатель ихъ, В. В. Пасекъ, умеръ. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей литературныхъ. Въ Москвѣ издается въ родѣ журнала Юридическая библіотека—превосходное собраніе, любопытное и для насъ. О журналахъ медицинскихъ, военныхъ, хозяйственныхъ, которыхъ издается у насъ до дюжины, ничего не могу сказать, я ихъ не читаю. Газеты въ жалкомъ состояніи. Московскія вѣдомости—лучшія; Сѣвер. Пчела—одна изъ лучшихъ. Губернскія вѣдомости выхо-

дятъ въ каждомъ губернскомъ городѣ, и любопытны для изучающихъ Россію по своимъ прибавленіямъ. Книгъ выходитъ до 500 ежегодно. Лучшія изъ вышедшихъ въ прошломъ 1841 году были: — Описаніе Финляндской войны 1808 — 1809, соч. Михайловскаго-Данилевскаго, О Россіи въ царствованіе Царя Алексѣя, современное сочиненіе Кошихина, Энциклопедія Законовѣденія Неволина, Основанія Уголовнаго Судопроизводства Баршева, Уральскій хребетъ Щуровскаго, Китай и его жители Іоакинфа Бичурина, Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю Врангеля, О большихъ военныхъ дѣйствіяхъ Окунева, Исторія Смутнаго времени въ Россіи Бутурлина, Руководство къ познанію Исторіи среднихъ вѣковъ Смарагдова, Древняя Исторія Лоренца, Лекціи Статистики Рославскаго. Повѣсти, драмы, цѣлые романы печатались большею частію въ журналахъ.

Въ нынѣшнемъ году до іюня вышло между прочимъ: Наши, списанные съ натуры Русскими — выходятъ тетрадями со всей типографской роскошью, издаются Башуцкимъ; Памятники Московской древности, съ рисунками Снѣгирева; Акты Историческіе, три тома, изд. Археографич. коммиссіей; Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, изд. по Высочайшему повелѣнію; Сочиненія Платона, прекрасный переводъ Карпова; объ Азіятскихъ народахъ въ Южной Россіи; Кузьма Петровичъ Мирошевъ, романъ Загоскина; Стихотворенія А. Майкова, отъ котораго надѣются очень многаго; Новгородскія лѣтописи; О Нагайцахъ Павлова; Парижъ Строева (покойника); Руководство къ производству съемки, межеванія и пр. Болотова; Матеріялы для Статистики Россійской Имперіи; объ Индійцахъ въ Астрахани Павлова; Руководство къ Геогнозіи Соколова; Описаніе С.-Петербургской Губерніи Пушкарева; Альфъ и Альдона, романъ Кукольника; Рѣчь о Критикѣ Никитенки; Мертвыя души, романъ Гоголя; Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка Павскаго, который какъ слышно перевелъ Священное писаніе на народный Русскій языкъ; Записки Рус. Путешественника Мещерскаго; Финляндія и Финляндцы Дершова; Курсъ опытнаго Русскаго сельскаго хозяйства Шелехова; Курсъ строительнаго искусства Волкова. Эти книги показались мнѣ любопытнѣе другихъ. Кромѣ этого, вышло нѣсколько Альманаховъ и пр., да нѣсколько книгъ прежнихъ новыми изданіями.

Не могу не сообщить вамъ, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, что Сергій Семеновичь получилъ то письмо ваше, въ ко-

торой вы приняли во мнѣ участіе, прося его о продолженіи моего путешествія еще на годъ, и относясь въ Университетъ съ извѣщеніемъ, что Государю Императору угодно было продлить срокъ моего путешествія, упомянулъ какъ о моей просьбѣ, такъ и о вашемъ письмѣ: „по просьбѣ И. Срезневскаго и письму Богемскаго ученаго Ганки". Приношу вамъ за это мою душевную благодарность. Мнѣ кажется, что я вамъ долженъ, но сколько, не знаю. Потрудитесь меня о томъ увѣдомить и сообщить мнѣ любопытнѣйшія новости Чешской литературы. Письмо прошу адресовать или на Запа во Львовъ, или на Дубровскаго въ Варшаву.

Зима пришла, грязь ушла, снѣгъ налегъ,—лица повеселѣли. 1-е Декабря, 1842. Вашъ Срезневскій.

Мое почтеніе вашей супругѣ, Каубку, Юнгману и пр.

23.

Харьковъ, 12 Марта 1843 г. [1]).

Пользуюсь случаемъ, чтобы написать Вамъ, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь, хоть нѣсколько словъ. И разумѣется, прежде всего о себѣ. Живу совершенно уединенно, выходя изъ дому только для чтеній въ Университетѣ, которыя и отнимаютъ у меня почти все время. Съ I-годними слушателями продолжаю энциклопедическое введеніе, и стою теперь на характеристикѣ нарѣчій. Съ 2-годними окончилъ Болгаръ, началъ Сербовъ, и въ суботу буду читать о Стефанѣ Душанѣ и его Законникѣ. Каждую пятницу объясняю Сербскія пѣсни народныя историческія и Дубровчанъ. Въ слѣдующемъ году посвящу эти пятницы Кралодвор. рукописи и Дочери Славы. Замѣчаю, что студентамъ болѣе всего нравятся эти пятницкія объясненія. Къ объясненіямъ же о древностяхъ Запад. Славянъ они равнодушны, если это только непосредственно не касается нашихъ Русско-Польскихъ древностей. Къ современному глухи. На народности обращаютъ вниманіе кажется потому болѣе, что у насъ народности теперь въ модѣ. По одному году конечно судить нельзя, но покамѣстъ все меня заставляетъ предполагать, что у насъ изученіе Славянства станетъ почти на ровнѣ съ изученіемъ Востока: немногіе посвятятъ себя ревностно, другіе останутся при общихъ мѣстахъ. Мы съ Бодянскимъ хотѣли вмѣстѣ издавать журналъ, и отло-

[1]) Извлеченія изъ этого письма сообщены по-чешски въ C. C. Mus., 1843, str. 470—471.

жили: Бодянскій занялся составленіемъ грамматикъ, я приготовленіемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій. Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ изданіи подробно характеризовать нарѣчія, и въ топографико-историческомъ порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчіяхъ съ объясненіями; до сихъ поръ впрочемъ матеріялы, мною собираемые, еще въ хаосѣ. Прейсъ трудится надъ объясненіями и критич. замѣчаніями касательно Остромирова Евангелія, которое можетъ быть къ Пасхѣ выдетъ въ свѣтъ. Онъ все еще боленъ. Казань пошлетъ какого то Григоровича, преподающаго Армянскій языкъ. Въ литературѣ у насъ много хорошаго мѣшается со множествомъ дряни: изъ книгъ лучшія по части Русской Исторіи; изъ журналовъ, которыхъ на нынѣшній годъ издается 99, кромѣ книгъ листами и выпусками, лучшіе для общаго чтенія: Отечественныя записки и Библіотека; для любителей Славянства: Москвитянинъ и Маякъ. Губернскія вѣдомости все болѣе развертываются, показывая, что у насъ дѣятелей литературныхъ несравнимо болѣе, нежели сколько предполагали. Послѣдняя книжная новость по части филологіи Славянской: „Корнесловъ Русскаго языка Э. Шимкевича": русскія слова сравнены со всѣми Слав. нарѣчіями и съ 24 другими языками. Книга заслужила одобреніе Востокова и половинную Демидовскую премію. Обзоръ Рус. литературы пришлю вамъ позже.

Теперь просьбы. Миликовскій пишетъ мнѣ, что получилъ для меня изъ Праги книги,— не знаю, отъ васъ ли, или отъ кого. Во всякомъ случаѣ вы это знаете, и вѣрно приложили и отъ себя; благодарю душевно. А между прочимъ прошу, если въ числѣ тѣхъ книгъ нѣтъ: a) новое изд. Краледворскаго рукописа. b) Časopis Museum на 1842 годъ. c) Český Dějepis od p. Tomka. d) Недостаетъ у меня Властимила книжки 12-й за 1840, и потомъ за 1841 только 4 книжки есть; не знаю,—вышло ли что еще. e) Архива Чешскаго имѣю только 5 книжекъ. f) Не вышло ли Эрбена 2-й книжки? g) Kwěty за 1842 и 1843. Новости литературы Чешской доходятъ до меня только случайно.

Другая просьба: Какъ хотите, а мнѣ нужна ваша живнь, и если вы меня не научите, то я долженъ буду довольствоваться вашими разсказами и тѣмъ, что нашелъ въ книгахъ. Сдѣлайте милость!

Третья: поворачиваю къ моему изданію образцовъ. Посовѣтуйте, что выбрать изъ Старо-Чешскаго, листа на три печатныхъ. Можетъ быть, кое что можете сообщить изъ непечатаннаго. Будьте добры. Я долженъ впрочемъ замѣтить, что для меня не такъ важно содержаніе, какъ языкъ, особенность языка.

Ну, прощайте. Богъ да хранитъ ваше здоровье. Свидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей супругѣ, Томашку, Амерлингу, Станьку, Юнгману, Палацкому, Каубку, Франтѣ, Малому, Тилю и всѣмъ, кто меня помнитъ.

Деньги перешлю черезъ Миликовскаго.

Вашъ И. Срезневскій.

Получили ли вы мое письмо черезъ Соляникова? Пишите мнѣ черезъ Миликовскаго, да пожалуйста на тоненькой бумагѣ. Переписка заграничная у насъ очень дорога: Маменька заплатили за мои письма до 500 рублей.

Слѣдующій листокъ отворите для Павла Павл. Шафарика.

24.

Почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ!

Посылаю Вамъ при этомъ четырнадцать рублей серебромъ въ уплату долга за книги, Вами высланныя, и прошу покорнѣйше дослать изъ Kwětůw за 1842, №№ 54, 55, 56 и 57 и Přilohy отъ № 27 до конца года, да за 1843 отъ № 33 до конца и Přilohy отъ № 1 до конца, а меня увѣдомить, что я долженъ Вамъ за портреты, Вами мнѣ присланные. Отъ Миликовскаго же Вы получите книгу Костомарова „Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи". О Прейсѣ Вы напрасно думаете худо: сколько его знаю, это благородный человѣкъ. Еще болѣе напрасно предполагаете, что od té doby co se poslední putěšestwenníci wrátili ochladla k wám swjataja Rus: нѣтъ, Вячеславъ Вячеславичъ, съ тѣхъ поръ лучше поняли заслуги Западно-славянскихъ-ученыхъ и болѣе стали уважать. Что же касается до статьи Ausland'a, я ее не знаю, но твердо знаю, что могъ относиться о Васъ только съ выгодной стороны, и называть Васъ „Россіяниномъ" мнѣ и въ голову не приходило: отъ имени моего можете тамъ же объявить, что это ложь. Славяниномъ я могъ Васъ назвать, правда; но только Славяниномъ и Чехомъ. Недавно я написалъ статью о новомъ изданіи Краледворской рукописи и намекнулъ объ этомъ: Вы увидите въ ней мое понятіе о Васъ, и смѣю надѣяться его раздѣлятъ со мною многіе. Гораздо болѣе права имѣетъ, можетъ быть, сердиться на меня Шафарикъ за мою статью о Народописи; но и въ его благородствѣ я вполнѣ увѣренъ.

А между тѣмъ вотъ Вамъ обозрѣніе Рус. Литературы за первое полугодіе 1843 года. Утѣшительнаго не такъ много, какъ бы хотѣлось; но что же—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Книгъ во-

обще меньше, нежели журналовъ, такъ что многіе даже, называющіе себя любителями литературы, не читаютъ ничего, кромѣ журналовъ.

Богословіе имѣетъ за себя два журнала: Христіянское чтеніе и Воскресное чтеніе. Даже и Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ выходятъ въ видѣ журнала.

Философію можно выкинуть совершенно изъ Рус. литературы: иногда являются статьи въ журналахъ, писанныя юными фанатиками; но ихъ рѣдко кто читаетъ.

Наша политика ограничивается извѣстіями о новостяхъ, а правовѣденіе — изданіемъ законовъ: Вѣдомости Московскія и Петербургскія, Сѣв. Пчела, Рус. Инвалидъ, Одес. Вѣстникъ сообщаютъ намъ первыя, и тѣ же газеты, да сверхъ того Сенат. Вѣдомости и Вѣдомости Губернскія, издаваемыя почти въ каждомъ губернскомъ городѣ, передаютъ намъ распоряженія правительства. Статьи Лешкова въ Москвитянинѣ составляютъ единственное исключеніе изъ обыкновеннаго хода нашего бездѣйствія въ этомъ отношеніи. Ходъ Законодательства нашего слѣдится въ журналѣ Мин. Народ. просвѣщенія и въ Отеч. Запискахъ.

Исторіей, Этнографіей, Статистикой и Географіей занимаются почти всѣ наши общіе журналы, и особенно Журналъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, издаваемый теперь Надеждинымъ, и Москвитянинъ Погодина.

Изъ книгъ по этой части можно замѣтить: Левшина: Прогулки въ Помпеи, Вельтмана: Достопамятности Московскаго Кремля, Странствователь по сушѣ и морямъ неизвѣстнаго, но прекраснаго раскащика, путешествовавшаго на востокѣ (2 книги), Ханыкова: Описаніе Бухарскаго Ханства, Снегирева: Памятники Московской древности, сочиненіе ученое и роскошно издаваемое, Погодина: Русскій Историческій Сборникъ (часть 4-я), Собраніе Грамотъ и Актовъ городовъ Вильна, Ковна, Трокъ и пр., Арцыбышева: Повѣствованіе о Россіи (томъ 3-й), Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, роскошно издаваемое по повелѣнію Государя Императора (часть 2-я), Черткова: о Манасіиной Лѣтописи, Новое сжатое изданіе Исторіи Карамзина (въ 3-хъ томахъ) и пр.

Теорія и исторія литературы и критика даетъ книгъ очень мало, а журналы занимаетъ почти всѣ. Изъ книгъ

можно замѣтить одну: Давыдова Чтеніе о Словесности (часть 4-я). Изъ журналовъ: Москвитянинъ, гдѣ статьи Шевырева, Библіотека для Чтенія, гдѣ статьи Сенковскаго, Отечественныя Записки, гдѣ работаютъ недоучившіеся юноши, а важнѣе всѣхъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Изящная литература есть необходимое украшеніе всякаго общаго журнала. Особенно красуются этимъ Библіотека для Чтенія и Отечеств. Записки.

Отдѣльными книгами вышли: Полеваго, Драматич. сочиненія (часть 4-я) и Повѣсти Гудошника (2 части), Кукольника, Повѣсти и Расказы (2 части), Сказка за сказкой (часть 3-я), Луганскаго, Солдатскіе досуги, Сологуба графа, На сонъ грядущій (часть 2-я—собраніе повѣстей), Кузмича, Козаки, Масальскаго сочиненія (часть 1-я), Булгарина Полное собраніе сочиненій (томъ 2-ой, сжатое изданіе), Ѳедорова, Князь Курбскій (4 части). Въ Петербургѣ вышла Утренняя звѣзда, альманахъ съ прекрасными картинками, а въ Харьковѣ выходитъ Молодикъ (молод. мѣсяцъ). Печатаются переводы Данте, Кальдерона, Шекспира, Гёте и выходятъ выпусками. Какъ журналъ издается Репертуаръ Русскаго театра и Пантеонъ Иностр. театровъ. Есть и Литер. Газета, посвященная только изящной словесности и библіографіи.

Художества въ журналахъ, особенно въ Отеч. Запискахъ и Библіотекѣ для чтенія. Музыкальныхъ журналовъ выходитъ шесть. Изъ книгъ замѣчу только одну—Картины Рус. живописи, очерки съ текстомъ Кукольника.

Военныя науки въ журналахъ: Военный Журналъ, Журналъ для воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Записки ученаго Комитета Морскаго Министерства, Журналъ Путей Сообщенія. Какъ журналъ выходитъ и Военный Энциклопед. Лексиконъ.

Естествен. науки имѣютъ за себя Горный журналъ, Лѣсной журналъ и пр.

Промышленность имѣетъ за себя Журналъ Министерства Внутр. дѣлъ, Журналъ Министерства Государ. Имуществъ, Мануфактурныя и горнозаводскія извѣстія, Коммерческую газету, Журналъ Мануфактуръ и Торговли и т. д. Изданъ Атласъ Музеума Вольнаго Экономическаго Общества.

Хозяйство: Журналъ Сельскаго Хозяйства и Овцеводства, Журналъ Коннозаводства и охоты, Журналъ Русскаго Общества Любителей садоводства, Земледѣльческую Га-

зету, Посредникъ, Экономъ. Въ Би
нія и Отеч. Запискахъ есть тоже
хозяйства.

Моды занимаютъ скромное мѣстеч
изъ общихъ журналовъ, и кромѣ того из
токъ для свѣтскихъ людей, Журналъ Па
налъ шитья и вышиванья.

Медицина имѣетъ четыре журнал
Терапевтическій журналъ, Военно-
налъ, Журналъ Ветеринарной Медицин

Изъ книгъ Медицинскихъ замѣчу: Ле
Кораблева—Ученіе о женской жизни,
ной и скоромной пищѣ. Вышло 3 книжки М
циклопедич. Лексикона.

Книги учебныя выходятъ своимъ
замѣчу: Павловскаго Русскую Геогра
ныя руководства для военно-учеб. заведен
матику для русскихъ Половцова. Ме
налами вспоминаю Звѣздочку и Би
танія.

Книги для народнаго чтенія вс
ся. Сельское чтеніе издано участіемъ
тераторовъ; Полевой издаетъ Исторію
бинъ издаетъ то же. Живописное О
ется и пр.

Наше журнальное обиходное чтеніе,
вляютъ: Москвитянинъ, Библіотека
Записки, Современникъ, Сынъ С
и т. д. Каждый издается книгами по 15—
хочу. Изъ журналовъ казенныхъ первое
налы Министерствъ Народ. Просвѣщенія,
Госуд. Имуществъ (послѣдній пока выходи
Если желаете узнать подробно содержаніе
то загляните въ Журн. Минист. Народн. П
дете исчисленіе и даже сокращеніе всѣхъ
тей, въ нихъ помѣщенныхъ. Я же скажу
помѣщаются у насъ цѣлыя книги, романы

Остромірово Евангеліе, благодаря Б
Жду съ нетерпѣніемъ. Объ изданіи Рейм
не знаю.

Поклонитесь незабвенному Д-ру Станьку; получивши книгу его, Университетъ нашъ велѣлъ мнѣ передать ему живѣйшую благодарность. Въ Совѣтѣ будетъ разсуждаемо о томъ, чтобы выписать ее въ большомъ количествѣ экземпляровъ для медиковъ нашихъ. Хорошо, еслибы онъ просилъ объ этомъ Министра. Поклонитесь П. П. Шафарику (скоро буду ему писать), Г. Г. Юнгману, Аммерлингу и всѣмъ, меня помнящимъ. Супругѣ Вашей. Вашъ И. Срезневскій.

W Pragě. Wjačesławu Wjačesławiču Hankě.

25.

Любезнѣйшій другъ, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь! [1]) На дняхъ вы получите мое письмо и нѣкоторыя книги черезъ Михаила Михаиловича Лунина, Орд. Проф. Исторіи въ нашемъ Университетѣ, ѣдущаго на Карловарскія воды и предположившаго заѣхать въ Прагу, чтобы хоть нѣсколько часовъ подышать Славянскимъ воздухомъ и познакомиться съ вами. Узнавъ этого человѣка, вы конечно рады будете случаю, сводящему васъ съ нимъ. А между тѣмъ вотъ письмо его супруги: передайте его Михаилу Михаиловичу вмѣстѣ съ поклономъ отъ всѣхъ десяти, его провожавшихъ, заочно его цѣлующихъ, равно и отъ Ректора, посылающаго вслѣдъ за нимъ свое желаніе всего добраго. Скажите ему, что у насъ погода расплакалась по немъ. Скоро буду писать опять къ вамъ и больше, съ обозрѣніемъ нашей литературы,—а теперь некогда: у насъ курсовые экзамены, и надобно ежедневно присутствовать на нихъ.

Слѣдующее передайте П. П. Шафарику: Еще мнѣ попалась подъ руки одна рукопись (судя по почерку XVII—XVIII в.), гдѣ между прочимъ есть: Мл҃тва Кырила Филосоѳа оу҆чт҃ла сло́вѣном. и҆ бо҆лгором. и҆же греческꙋю гра́мотꙋ в рꙋскꙋю́ преложи. скытьскаго покаанїа. Мл҃тва к Гс҃у н҃шемꙋ і҆сꙋ хв҃ и ст҃ѣи животворяще і нераздѣлимѣ трїи єдиносущнѣ. Эта молитва отзывается впрочемъ не Кириловскимъ временемъ; такъ есть въ ней обращеніе къ Борису и Глѣбу. Рукопись принадлежитъ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря (№ 92) и заключаетъ въ себѣ различнаго рода иноческія моленія.

Вашъ И. Срезневскій.

Харьковъ,
26-го Мая 1844.

[1]) Напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1845, I, str. 145—146.

26.

Незабвенный другъ Вячеславъ Вячеславичь!

Письмо это хочетъ Вамъ передать Михаилъ Михайловичь Лунинъ[1]), Профессоръ Исторіи въ нашемъ Университетѣ, одинъ изъ тѣхъ Русскихъ, знакомствомъ съ которыми Вы не можете не дорожить и по уваженію вашему къ учености, и по любви къ намъ, и по сочувствію къ нашимъ успѣхамъ. О, какъ бы я желалъ быть свидѣтелемъ вашей теперешней радости, какъ бы желалъ радоваться вмѣстѣ съ вами!... И по неволѣ станетъ грустно, какъ подумаешь, что еще не скоро буду я въ состоянін быть у васъ... Съ нетерпѣніемъ буду ждать возвращенія Михаила Михайловича, чтобы узнать, что съ вами и у васъ, какъ идетъ впередъ ваше великое дѣло народнаго возрожденія.

Получили ли вы отъ Миликовскаго деньги и письмо? Не помню, писалъ ли я въ немъ о томъ, что скоро къ вамъ явится еще одинъ Славянскій путешественникъ, Викторъ Ивановичь Григоровичь, посылаемый Казанскимъ Университетомъ. Сравнивая его съ нами въ то время, когда мы къ вамъ явились, вы увидите, что Славянство у насъ fait des progrès pas en dormant. Онъ уже прекрасно понимаетъ многія Славянскія нарѣчія, уже написалъ два сочиненія о Славянской литературѣ, между тѣмъ какъ мы и до сихъ поръ остаемся при мечтахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ. Григоровичь начнетъ свой путь, кажется, Болгаріей: по крайней мѣрѣ будетъ въ Харьковѣ (жду его въ Іюнѣ), отсюда въ Одессу и т. д. Почтенному Воцелю будетъ пріятно узнать, что онъ, преподавая Чешское нарѣчіе, объяснялъ Студентамъ его поэмы: Přemyslowci и Kalich a Meč, и даже на одной изъ литературныхъ бесѣдъ читалъ объ немъ статью, какъ объ одномъ изъ лучшихъ поэтовъ Чешскихъ. Что касается до меня, то въ истекающемъ академическомъ году я ограничился по нарѣчію Чешскому двумя пѣснями Краледворской Рукописи и Дочерью Славы, и кромѣ того прочелъ нѣсколько стиховъ изъ разныхъ писателей, когда передавалъ Исторію Чешской литературы. Къ сожалѣнію не на многомъ могъ я остановиться съ подробностью, иное даже долженъ былъ пройдти мелькомъ, потому что надобно было, кромѣ Чеховъ и Словаковъ, помнить и Поляковъ и бѣдненькихъ Сербовъ Лужицкихъ, и покойниковъ Балтійскихъ Славянъ, обращая вниманіе и на древности и исторію, и на нарѣчія. Къ тому же моя неопытность, да и тягость работы: я и не воображалъ, чтобы приготовленіе къ чтенію было такъ тяжело.

---

[1]) Расписался въ альбомѣ Ганки 14/26 іюня 1844 г.

Теперь впрочемъ дѣло пойдетъ уже легче. Записки мои въ чернѣ готовы. Поправлять и дополнять уже будетъ, кажется, не такъ трудно. Въ слѣдующемъ году я обращусь опять къ Южнымъ Славянамъ.

Теперь прошу Васъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, или передать Михаилу Михаиловичу, или переслать Миликовскому 2 послѣд. книжки Музейника за 1843 годъ и Kwěty остальные №№ за 1843, и то, что обратило у васъ особенное вниманіе изъ книгъ вышедшихъ въ 1844.

Вамъ посылаю сочиненіе Костомарова о поэзіи народной русской и, какой могу, экземпляръ Отчета объ университетѣ нашемъ, мною составленный за прошлый учебный годъ, да Москаля Чаривника. Цѣлую Васъ.

Вашъ И. Срезневскій.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Юнгману, Каубку и другимъ, кто меня помнитъ.

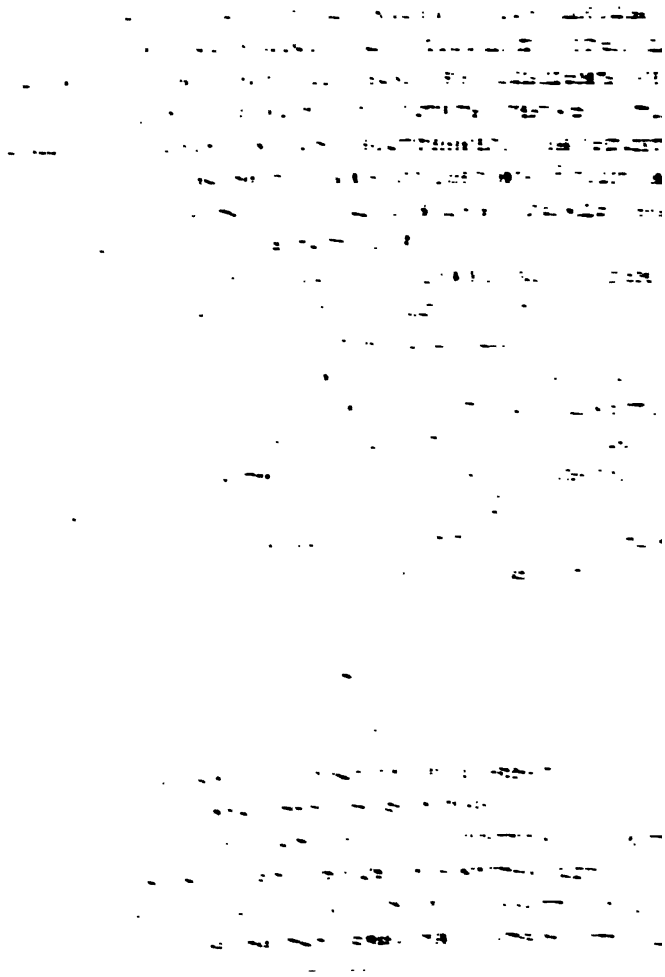
27.

Харьковъ, 2 іюня 1844 г. [1]).

Вотъ и опять я пишу къ вамъ, почтеннѣйшій и незабвенный Вячеславъ Вячеславичь, опять по тому же случаю, посылая при этомъ письмо и Михаилу Михаиловичу. Хотѣлъ было къ этому случаю написать продолженіе литератур. обозрѣнія, да не удалось: у насъ все еще экзамены, и времени мало. Ограничусь только немногими новостями. Изъ нихъ самая важная: Новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ (6-го Апрѣля 1844),—и въ немъ всего любопытнѣе для всѣхъ Славянъ то, что съ этого времени будутъ у насъ не только Магистры Славянской Словесности, но и Доктора Славяно-Русской филологіи. Царь нашъ первый ввелъ Славянство въ разрядъ наукъ высшаго преподаванія,—и вотъ опять первый вводитъ его въ разрядъ тѣхъ первоклассныхъ наукъ, которыхъ знаніе даетъ любителямъ наукъ ученыя привилегіи, у насъ, какъ вы сами знаете, не маловажныя (Докторъ состоитъ въ рангѣ Коллеж. ассессора или Маіора). Нельзя также тутъ не замѣтить, что по тому же положенію знаніе Русской Словесности не считается

---

[1]) Извлеченія изъ этого письма сообщены по-чешски въ Č. Č. Mus., 1845, I, str. 146.



сильнѣйшее вліяніе на наши филологическіе и историческіе труды. Не говоря о сочиненіяхъ прошлогоднихъ Шимкевича, Павскаго, Востокова, Дубенскаго и пр., можно найдти и между книгами, вышедшими въ послѣдніе мѣсяцы, такія, которыя служатъ этому доказательствомъ. Такъ въ сочиненіяхъ Савельева, въ которыхъ онъ, держась Венелиновской системы, добирается до прадревней старины Славянской и для этого перетасовываетъ по своему всю ветошь историческихъ сказаній, ища Славянъ во всѣхъ концахъ Европы. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ его Историческаго „Славянскаго Сборника", который выйдетъ осенью. Еще важнѣе сочиненіе Буслаева „О преподаваніи Русскаго языка", гдѣ чуть ли не въ первый разъ брошенъ ученый взглядъ на новый и старый русскій языкъ, сравнительно съ другими языками, особенно Славянскими, сочиненіе большое (2 тома) и, не смотря на всю сухость предмета, написанное краснорѣчиво и увлекательно. Не менѣе любопытное сочиненіе Панова (вамъ извѣстнаго): Путешествіе по Славянскимъ землямъ, которое, судя по вышедшему началу, обѣщаетъ трудъ и совѣстливый, и большой, и чрезвычайно разнообразный: вышедшая тетрадь заключаетъ только описаніе Которскаго округа Далмаціи. Ждемъ филологическаго и историческаго истолкованія Слова о Полку Игоревомъ, приготовленнаго Дубенскимъ. И т. д. И свѣтскіе и духовные наши любители старины принялись ревностно за разысканіе старинныхъ памятниковъ нашей литературы: наши надежды въ этомъ отношеніи велики и безпрестанно оправдываются. Такъ, чтобы привести хоть что нибудь въ примѣръ, скажу нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Кіевскаго Митрополита Иларіона, современника Ярослава Великаго. Пока найдено ихъ два.

1) Слово „о Законѣ Моисеомъ даннѣемъ ему о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ". Къ нему присовокуплены: a) Похвала „Кагану нашему Владимиру", b) Молитва о благоденствіи новопросвѣщеннаго народа Русскаго и c) Изложеніе вѣры, подписанное Иларіономъ.

2) Поученіе святаго Иларіона о пользѣ душевнѣй къ всѣмъ православнымъ Христіяномъ, начинающееся словами: „Потщитеся, молю вы, братіе и сестры, къ вѣчной жизни свѣтлѣй, юже намъ Господь по своей милости даромъ даетъ".

Первое найдено въ рукописи Синодальной библіотеки (1° № 591, листъ 168 и слѣд.), а второе въ рукописи Академической (№ 175, листъ 141 на обор.).

Объ Иларіонѣ знаемъ изъ Нестора, что онъ сначала былъ

Печерскимъ монахомъ и священникомъ; „хожаше съ Берестоваго на Днѣпрѣ на холмъ, гдѣ нынѣ ветхій монастырь Печерскій, и ту молитву творяше, бѣ бо лѣсъ ту великъ: ископа печерку малу двусажну, и приходя съ Берестоваго отпѣваше часы и моляшесь Богу ту въ тайнѣ". Въ 1051 году „постави Ярославъ Иларіона митрополитомъ Русина въ святѣй Софіи, собравъ Епископы". И вотъ какъ оканчивается Изложеніе вѣры его: „Азъ милостію человѣколюбиваго Бога, мнихъ и прозвитеръ Иларіонъ, изволеніемъ Его, отъ богочестныхъ Епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицѣмъ и богохранимѣмъ градѣ Кыевѣ, яко быти ми въ немъ митрополиту, пастуху и учителю. Быша же си въ лѣтѣ ҂ѕфиѳ (6559 = 1051) владычествующу благовѣрному Кагану Ярославу сыну Владимирю. Аминь".

Изъ двухъ сочиненій Иларіона особенно важно для насъ его Слово, а въ немъ его похвала Владимиру и Молитва. Молитва замѣчательна тѣмъ, что она и послѣ очень долго съ небольшими измѣненіями была употребляема; какъ „молитва за царя и за вся христіаны". Въ похвалѣ Владимиру есть исторически важныя мѣста:

Вотъ выписки для Павла Павловича:

„И уже не идолослужители зовемся, но христіани; не и еще безнадежници, но уповающе въ жизнь вѣчную. И уже не капищъ съграждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ жрътву Богу и Отцу. И уже не жрътвенныа крове вкушающе погыбаемъ, но Христовы пречистыа крове вкушающе спасаемся"...

„Хвалитъ же похвальными гласы Римъскаа страна Петра и Павла etc. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашеа Земля, Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава... И не бысть ни единогожъ противящася благочестному его повелѣнію. Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся; понеже бѣ благовѣріе его съ властію спряжено... Капища раздрушишася, и церкви поставляются; идолы съкрушаются, и иконы святыхъ являхуся; бѣси пробѣгаху, крестъ грады освящаше... Константинъ же съ матерію своею Еленою крестъ отъ Іерусалима принесша, и по всему миру своему разславша, вѣру утвердиша; ты же съ бабою твоею Ольгою принесше крестъ отъ новаго Іерусалима, отъ Константина града, и сего, на земли своей поставивъ, утвердиста вѣру"...

ловѣ очень много ссылокъ на разныя книги Свящ. пи-
знаю, можетъ ли это быть доказательствомъ тому, что
славѣ уже былъ переводъ всего Священнаго писанія.
пеняете, что васъ называютъ незабвеннымъ, а когда
тъ о Славянствѣ, забываютъ: у насъ нѣтъ. Имя Ганки
тся у насъ въ печати все чаще; а скоро надѣюсь, про-
мою статью о Ганкѣ въ Ж. М. Народн. Просв.
тъ Измаилъ Срезневскій.

. Книгъ отъ Миликовскаго еще не получалъ; онъ впро-
увѣдомилъ меня о томъ, что вышлетъ, хоть и не при-
галоговъ.
ниях я получилъ отъ Министра милый для меня пода-
мское Евангеліе Сильвестра. Если будете писать къ Сер-
ловичу, то сдѣлайте милость, поблагодарите его за это
ко мнѣ и отъ себя. Я пишу ему отвѣтъ по этой же

29.

Рукой Ганки: Харьковъ, 3 Окт. 1844 г.[1]).

Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичь!
де всего передамъ Вамъ пріятное извѣстіе, которое
орадуетъ Васъ не менѣе, какъ порадовало и меня.
прѣля мѣсяца нынѣшняго года въ Смирнѣ выходитъ
журналъ, и судя по первымъ двумъ тетрадямъ, кото-
лежатъ передо мною, довольно умно примѣненный
ъ народа, для котораго издается. Вотъ вамъ коротень-
іе двухъ первыхъ тетрадей.
словіе или періодическо повсемѣсячно спи-
трна. Въ типографіи А. Дамianова. 1844.
Число 1 = стр. 1 — 16. Маіи, Число 2 = стр.

зеленевая, шрифтъ чистый, тотъ же, что и въ Смирн-
іи Неофитова перевода Нов. Завѣта; кое гдѣ дере-
тинки; страницы раздѣлены, какъ въ газетахъ, на
кдая тетрадь обернута въ особенную голубую чистень-
, на которой напечатано оглавленіе и цѣна. Имя из-
онцѣ второй тетради означено такъ: „Преводитель

[1]) чатано въ извлеченіи по-чешски въ Č. Č. Mus., 1845, str.
Č. Č. Mus., 1844, str. 308—311, помѣщено письмо И. И. Срез-
8/20 декабря 1844 года изъ Харькова, заключающее обо-
й литературы за первое полугодіе 1813 года. Оригинала
въ бумагахъ Ганки мы не нашли.

и издатель списанія сего Константинъ Е. Ф
но сказано „преводитель“, потому что дѣ
часть содержанія журнала занята въ пере
журналовъ. Впрочемъ изданіе, какъ я уж
довольно умно къ нуждамъ Болгарскаго нар
оно издается Славяниномъ и для Славянъ.
чинается описаніемъ мѣсяца, въ который из
тетради за этимъ слѣдуютъ разсужденія о
потопѣ и раздѣленіи языковъ, кое что о д
чиная отъ Мосоха), обозрѣніе религій, оп
храма, Соломоновы увѣщанія, стихи на см
стія о желѣзныхъ дорогахъ, паровыхъ ма
шихъ библіотекахъ, числѣ журналовъ, из
русскихъ библіотекахъ и журналахъ. Во
щены: двѣ нравоучительныя статьи, описа
честера, продолженіе описанія религій, о
кое-что о народѣ и языкѣ, извѣстія об у
о каналахъ, о Русскихъ и Россіи, анегдот
ди издатель хотѣлъ говорить далѣе о древ
неполученіемъ нужныхъ книгъ оставилъ н
написаны языкомъ простымъ, сообразным
свѣщенія у Болгаръ, и въ нихъ объяснено
непонятно тому, кто не искусился въ шко
тить и любви къ отечеству: ею одушевляе
комъ приличномъ случаѣ, для него дорого
просвѣщеніе, его привязанность къ народ
литературы... и когда говоритъ онъ какъ
женія становятся неподдѣльно краснорѣчи
всякаго, кто не отчудился совсѣмъ отъ
важный упрекъ, какой можно сдѣлать изда
нельзя сказать, чтобы онъ былъ соверше
противъ того, онъ очень близокъ къ прост
ду выраженіями простонародными встрѣ
выраженія, а еще чаще слова, которыя су
книгахъ и для книгъ Славянорусскихъ, не
му живому нарѣчію. Можетъ быть нарум
жетъ нравиться нѣкоторымъ Болгарамъ,
бамъ, нѣкоторымъ, если не многимъ; но сдва
торые его румянятъ, будучи отвратителен
етъ цѣнить свѣжесть природнаго цвѣта
не должны забывать, въ какомъ состоян
турная дѣятельность у Болгаръ, и не може

Болгары и такъ пишутъ, какъ пишутъ. Дай Богъ успѣховъ новому изданію.

Книги, которыя посланы были мнѣ Вами и Миликовскимъ, я наконецъ получилъ, равно и книги про Лукашевича. Благодарю васъ за сообщеніе новостей: многія для меня очень любопытны. Но отъ Миликовскаго получилъ не все ожидаемое: такъ и Клацелева Mostka вѣрно не буду имѣть: „ist vergriffen", говорятъ мнѣ. Kalich a meč тоже не получилъ. Всего, что выходитъ по-Чешски, не хочу имѣть и потому, что не къ чему, но за хорошимъ хотѣлъ бы слѣдить, хотѣлъ бы читать все, что останется хорошимъ не одинъ годъ. Не можете ли Вы потрудиться передавать это Кронбергеру, чтобы онъ пересылалъ Миликовскому по мѣрѣ выхода. А съ Польскими книгами, которыя выходятъ въ Лейпцигѣ напр., не знаю, что и дѣлать: Миликовскій кажется не можетъ высылать ихъ, а съ Лейпцигомъ я не знаю, какъ завести связь. Не знаете ли Вы средства? То же горе и съ книгами Южнославянскими. Кстати, поблагодарите Враза за его Коло: я ему буду писать, но позже. Его журналъ — утѣшительное явленіе среди пустоты такъ названной Иллирской литературы, гдѣ все еще больше говору, нежели дѣла, благодаря говорливости Гая. Не то бы онъ долженъ былъ дѣлать! Впрочемъ и то правда, что легче судить, нежели быть на мѣстѣ подсудимаго.

Скоро получите вы мой Истор. очеркъ Сербо-Луж. литературы, помѣщенный въ Ж. М. Н. П. Очень радъ буду, если онъ заслужитъ ваше одобреніе. Но меня это напечатаніе его нѣсколько смутило: прежде очерка я послалъ въ Ж. М. статью о Кралодв. рукописи и Ганкѣ, и Очеркъ напечатанъ, а статья эта нѣтъ,—и между тѣмъ мнѣ бы очень хотѣлось вамъ послать статью ту, чтобы вы наконецъ увѣрились, какъ я думаю и пишу о васъ. Кралодв. рукопись разбирается у насъ подробно: такъ пѣснь о Татарахъ составила цѣлое разсужденіе. Позволите ли вы автору (гр. Шведову) украсить ее именемъ вашимъ? Другое разсужденіе, поданное мнѣ, касается Suarazici: молодой ученый (Н. Самцовъ), начавши сравненіемъ его съ Сварогомъ и Сварожицемъ, постарался по своему рѣшить задачу о сабеизмѣ и пюризмѣ, и хоть довольно вольничалъ, но сказалъ и много дѣльнаго. Въ Квѣтахъ я нашелъ, что и Павелъ Павловичь писалъ объ этомъ. Хорошо бы сравнить. Не можете ли вы сообщить мнѣ статьи Шафарика, или отъ себя попросивши его, или и отъ меня.

Спѣша на почту, оканчиваю спискомъ Чешск. книгъ, которыхъ не имѣю.

Zrcadlo žiwota, od Zapa. 3-iť swazek.
Ztracený Ráj, od Jungmanna. 1843.
Spisy zábawné Jana z Hwězdy.
Sbírka powěstí Moraw. od M. Mikšička (2 книги).
Německo-český slownik F. Šumawského.
Počátky mluwnictwí čes. od Klacela.
Mostek — jehož.
Nápěwy písní národ. w Čechách. Swazek 2-ý.
Archiw český od sw. 10-ho (девять у меня есть).
Pomněnky na rok 1844 (въ лучш. переплетѣ).
Čitánka J. Kollára. Wydaní druhé.
Zeměpis Balbího sw. 12-ý atd.
Meč a kalich.
D-ra Staňka, Přírodopis.
J. Kollára. Kazně a řeči.
Půwodní powídky od Ehrenbergera.
Poslední Čech, Tyla.
Еще Цыбульскаго, О языкѣ славянскомъ до христіанства.

Поклонитесь Юнгману, Шафарику, Кубку, Станьку, Амерингу и пр. Прощайте. И. Срезневскій.

30.

Харьковъ, 26-го Мая 1846 г. [1]).

Мнѣ не хотѣлось, почтеннѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславичь, писать къ Вамъ какого нибудь пустого письма съ однимъ увѣдомленіемъ о самомъ тебѣ,—хотѣлось написать побольше, написать о предметѣ, хоть сколько нибудь для васъ любопытномъ, а между тѣмъ занятія по службѣ отвлекали со дня на день, съ недѣли на другую, — и вотъ наконецъ я долженъ идти къ Вамъ съ повинною головою. Простите и вѣрьте, что я не переставалъ и не перестану Васъ любить и уважать.

Я увѣдомлялъ васъ какъ то о Болгарскомъ повременномъ изданіи; теперь я получаю его довольно акуратно и сверхъ того знакомлюсь, благодаря Одесскимъ Болгарамъ, особенно Г. Мутіеву, постепенно со всѣми новыми явленіями Болгарской литературной дѣятельности. Нѣсколько библіографическихъ извѣстій о ней хочу я теперь сообщить и Вамъ, предполагая, что Вы, какъ ревностный любитель всего Славянскаго, порадуетесь успѣхамъ этого народа, отставшаго отъ всѣхъ другихъ Слав. народовъ.

---

[1]) Письмо это, подъ заглавіемъ „O bolgarské literatuře. List I. I. Sreznewského W. Hankowi", напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1847, díl II, str. 212—218.

Обозрѣніе свое начинаю 1840 годомъ. До 1840 вышло немного болѣе тридцати книгъ. Первая, сколько мнѣ извѣстно, была: „Молітвенный крінъ". У Будиму (1806. 12°. стр. 80); затѣмъ болѣе другихъ любопытными явленіями были: „Новый Завѣтъ", переводу Петра Сапунова, изданный въ Букарестѣ (1828. 4°. стр. 4 и 220); „Славено-Болгарское дѣтоводство" Архимандрита Неофита, изданное въ Крагуевцѣ (1835, шесть книжекъ); „Болгарска Грамматіка" Іеромонаха Неофита Рыльца, изданная тамъ же (1835. IV+212+6 стр.); „Христоматія" Райна Поповича, изданная въ Будимѣ (1837, стр. 326). Книги эти замѣчательны и по содержанію, и по самому языку, большею частію въ нихъ довольно чистому и естественному, что довольно рѣдко и въ книгахъ другихъ Славянъ, не только въ Болгарскихъ.

1840 годъ ознаменованъ въ лѣтописи Болгарской библіографіи выходомъ книги:

Новый Завѣтъ Господа Нашегѡ Іисуса Хрїста. Сегà нóво превéденный ѿ Славéнскагѡ на Бóлгарскій 'ѧзы́къ ѻ̂тъ Неофѵта, 'Іеромонаха П. П. Ры́лца. и̂ съ прилежáніемъ прегледанъ и̂ ѡ̂добренъ ѿ преѡсвѧщéннѣйшаго и̂ премудраго митрополіта Тернóвскаго Г. Г. 'Іларіона. Въ Смѵрнѣ. Въ тѵпографіи А. Даміанова и содружества. 1840 (8°. 516 стр.). Книга эта издана Американскимъ Библейскимъ Обществомъ, которое имѣло поэтому вліяніе и на самый языкъ перевода, обязавши переводчика перевести точно такъ, какъ говоритъ народъ; впрочемъ, такъ какъ общество не понимаетъ Болгарскаго нарѣчія, а Отецъ Неофитъ не совсѣмъ чуждъ системы очищенія, то и въ этой книгѣ не въ одномъ мѣстѣ встрѣчаешь слова вовсе не Болгарскія.

И вообще болѣе или менѣе почти всѣ писатели Болгарскіе не прочь отъ очищенія своего нарѣчія при помощи Старо-Славянскаго. Основаніемъ ихъ стремленія служитъ увѣренность, что Болгарское нарѣчіе нынѣшнее произошло прямо отъ Старо-Славянскаго, что Болгары во время Кирилла и Меѳодія говорили по Старо-Славянски. Мысль эту защищаетъ между прочимъ и Априловъ, издавшій:

Болгарскитѣ книжницы или на кое Словенско племе собственно принадлежи Кирилловска азбука? Сочини Василій Априловъ. Одесса. Въ Градската типографія. 1841 (12°. стр. 31).

Въ томъ же году вышелъ:

Преводъ на преписатъ (на копіата) на царскія саморучный Хаттишерифъ. Преведесе ѻ̂тъ Грéчески въ Габровъ ѻ̂тъ Каллиста Лукá Сопотненца и̂ прегледáсе и̂ и̂спрáви ѻ̂тъ ѻ̂учителѧ

его Г. Неофита П. П. Рилца. Въ Букурещъ. Въ типографіа-та на Захарія Каркалаки и сина. 1841 (6°. стр. 36). Это уголовный законъ Джезá капои-намé, утвержденный Султаномъ Абдулъ-Меджидомъ 1256 г. Эшры.

Годъ 1842 начался выходомъ книги всегда полезной, а для Болгаріи при нынѣшнемъ состояніи ихъ письменности почти необходимой:

Мѣсецословъ или календарь вѣчный собранъ отъ различны другы, оукрáшенъ сосъ мнóгу назначенія потребна сéкому человѣку, и изданъ на Бóлгарски запотрéба по единорóдны-те сосъ икóны-те на седмь-те планéты и днанáдцеть-те зóдіи. Отъ Христодула К. Х. Сичанъ Николовъ. Издáніе втóро. Въ Букурещь (ib.), 1842. Въ этой книгѣ, кромѣ обыкновенныхъ мѣсячныхъ и пасхальныхъ таблицъ, помѣщены разныя географическія, космографическія, астрономическія замѣтки, стихотворенія и т. д. Книга показалась такъ полезною, что одни подписчики разобрали около 1500 экз.

Тотъ же Богоевъ, который помѣстилъ свои стихотворенія въ Мѣсяцесловѣ, издалъ отдѣльно книгу:

Математическа Географія преведена отъ Русскій-тъ на ново Бѫлгарскій-тъ езыкъ. Часть първа. Одесса. Во Брауновата типографія. 1842 (12°. VII + 72 стр.). Это переводъ третьей части Географическаго учебника Бардовскаго (СПБ., 1837), переводъ недурной, хоть впрочемъ и очень немногими словами отличающійся отъ Русскаго подлинника. Въ предисловіи переводчикъ объяснилъ свои понятія о правописаніи, и тѣмъ возбудилъ желаніе писать и спорить въ другомъ молодомъ Болгаринѣ, Г. Геровѣ. Этотъ написалъ:

Нѣколко думи за преводитъ на Математическа-та Географія... написанъ отъ Найдена Герова. Одесса (ib.), 1842 (12°. стр. 25). Богоевъ съ своей стороны не захотѣлъ пройдти молчаніемъ замѣчанія Герова и издалъ:

Нѣщо на нѣколко то думи за преводитъ на Математическа та Географія... написа по Ново-Бѫлгарски Иванъ Андрея Богоевъ. Одесса (ib.), 1842 (12°. стр. 31). Въ концѣ этой книжки приложено нѣсколько народныхъ пѣсенъ Болгарскихъ. Позже немного Богоевъ издалъ и особенную книжку пѣсенъ и пословицъ Болгарскихъ:

Болгарски народни пѣсне и пословице. Въ Будимѣ, 1842 (16°. стр. 63). Собраніе небольшое, не совсѣмъ отчетливо изданное, но всетаки любопытное. Не менѣе любопытно и Болгарское изданіе статьи Венелина:

Заради возрожденіе новой Болгарской Словесности, соч. Венелина, превелъ Кифаловъ съ притурянье нѣколко пѣсней и исторіи заради полуславяне или Румуне (Молдовласи). Букурещь, 1842.

Совершенно сообразно съ нуждами простыхъ читателей вышли тогда же еще двѣ книжки:

Пріятельски совѣти на родители те, какъ требува да отхранватъ дѣца та си. Въ Смирнѣ (ib.), 1842 (12°. стр. 38).

Коренья на піанство то и каква полза приноса на онія, що го піатъ много. Въ Смирнѣ (ib.), 1842 (12°. стр. 7).

Такихъ книжекъ для простаго народа или дѣтей вышло нѣсколько и въ 1843 г.:

Начала на христіанското ученіе или кратка священна Исторія и кратакъ Катихизисъ. Преведени отъ Русскій-атъ на Балгарскій-атъ языкъ сосъ соизволеніе-то на Святѣйшій-атъ правительствующій-атъ сінодъ и печатани иждивеніемъ Габровскаго училища. Одесса. Въ Градска-та типографія. 1843 (12°. стр. 25).

Лѣтній крінъ йли страданіе стыя великомчіцы Маріны. Списано на просто-Болгарскій азмкъ. Въ Цариградѣ, писмены трудолюбивыя пчелы. Лѣта 1843 (12°. стр. 48).

Нещо за безграмотны-те человѣцы. Въ Смирнѣ (ib.), 1843 (16°. стр. 32).

Букварь съ различны поученія собрани отъ П. Х. Берович. 1843.

Стихійна Ариѳметика отъ А. Гераки. Преведена отъ Саввы Иліевича Панагюрца. Смирна (ib.), 1843.

Географія Фотинова. Смирна (ib.), 1843.

Всеобща Географія за дѣца-та. Преведе отъ Русскій языкъ Иванъ А. Богоевъ. Бѣлъградъ. Въ княжеско-Сърбска типографіа, 1843 (8°. стр. 421). Это полный переводъ книги Бардовскаго, неважный въ отношеніи къ языку, но представляющій собою лучшую Географическую учебную книгу, какая только есть на Болгарскомъ нарѣчіи. И у Русскихъ такихъ учебниковъ немного. Жаль впрочемъ, что Богоевъ ничего не сказалъ о Турціи, опустивъ и то, что есть у Бардовскаго. Или можетъ быть это сдѣлано нарочно, съ намѣреніемъ издать отдѣльное описаніе Турціи. Дай то Богъ!

Страннымъ явленіемъ нельзя не назвать:

Дворянски выборы. Комедія-водевиль въ едно дѣйствіе. Преведена отъ Русскій-атъ езыкъ. Кишново. Печатано въ типографіа-та А. Попова. 1843 (8°. стр. 63 и 5). Самая важная книга Болгарская изъ вышедшихъ въ 1844 году была

Православное ученіе или сокращенно Хрістіáнско богослóвіе сочинено на Русски отъ присно памятнаго Митрополíта Москóвскаго Платона въ 1764 година: Нынѣ же превéдено на Бóлгарски и йздáно позволéніемъ и ѡдобрéніемъ святыѧ Велúкіѧ Хрістовы цéркве, въ пóлза на правослáвны те хрістіáны, ѿ священнойнока Хилиндáрскаго Іларіóна Стоѧнова Елéнчанина. Въ Цариградѣ. Въ Патріáршеска та печáтнѧ. 1844 (8°. VIII, 232 и 30). Книга эта изрядно переведена, хорошо издана и пришлась по вкусу Болгарскихъ читателей: слишкомъ 2200 экземпляровъ ея разошлось по подпискѣ.

Хоть и небольшія, но полезныя книжки вышли тогда же:

Псѵхологія йлѝ душесловіе за ученіе на дѣцата. Преведена ѿ Греческіѧ-тъ. Въ Смѵрнѣ (ib.), 1844 (8°. стр, 57).

Баснословіе Синтипы философа весма любопытное, отъ Перскій на Греческій, отъ Греческій на Болгарскій языкъ преведеное отъ Х. П. У Будиму, 1844 (8°. стр. 74).

Но трудно понять, къ чему были изданы два перевода одной и той же плохой драмы:

Велисарій, драма въ двѣ дѣйстія та. На Нѣмецкій языкъ сочинена отъ Х. К. Х. Траудцена, а отъ Греческіатъ переводъ на Болгарскій языкъ преведена отъ А. Стояновича Копиловскаго. Въ Лейпцикъ, 1844 (8°. стр. 48).

Бѣлисáрій, представленіе на двѣ дѣйствіѧ. Преведено ѿ Захаріе Сѵмеонова Котлѧнца. Въ Цариградѣ. 1844. Оу Ѳаддéа Дивичіана (18°. стр. VIII и 52).

Едва ли не полезнѣе книги, подобныя слѣдующимъ:

Букварь К. Огняновича. Въ Цареградѣ. 1844.

Букварь Бусилина. Москва. 1844.

Въ томъ же 1844 году К. Фотинову пришла счастливая мысль начать на Болгарскомъ нарѣчіи повременное изданіе, которое бы своимъ направленіемъ и содержаніемъ могло удовлетворять ожиданіямъ большинства читателей Болгарскихъ,—и въ Апрѣлѣ появилось первою тетрадью:

Любословіе или періодическо повсемѣсѧчно списаніе. Смѵрна (ib.). Теперь первый годъ изданія уже оконченъ (12 тетр., 4°, стр. 192), и съ Января 1846 года начался второй годъ. Каждый мѣсяцъ выходитъ тетрадь въ два печатныхъ листа in 4° въ 2 колонны, хорошимъ старославянскимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, украшаясь иногда политипажами. Нельзя, конечно, не желать, чтобы въ этомъ журналѣ многое было улучшено, и языкъ, и выборъ статей, и ихъ изложеніе; впрочемъ и такъ, какъ онъ издается, онъ не совсѣмъ дурно удовлетворяетъ потребностямъ

Болгарскихъ читателей и, будучи сравниваемъ съ другими повременными изданіями, немногимъ чѣмъ хуже Сербскихъ листовъ этого рода. Въ содержаніе Любословія входятъ: нравоучительныя разсужденія, выписки изъ житій святыхъ и дѣяній церкви, историческіе разсказы и разсужденія, описанія географическія и статистическія, описанія разныхъ предметовъ естественной исторіи. Есть и нѣсколько разсужденій „любородныхъ", хотя впрочемъ о Болгарахъ говоритъ этотъ журналъ Болгарскій всего менѣе: отъ этого происходитъ то, что онъ для другихъ Славянъ любопытенъ болѣе всего, какъ матеріялъ для изученія нарѣчія, а такъ какъ и языкъ въ немъ небреженъ, то и тутъ надобно имъ пользоваться съ осторожностію.

Столько же любопытенъ и:

Забавникъ за лѣто 1845, отъ К. Огняновича. Печатанъ въ Парижѣ. Въ Типографіи братіевъ Ф. Дидотъ (12°. стр. 180). Это что то въ родѣ мѣсяцеслова, впрочемъ съ претензіями на альманахъ литературный. Кромѣ разныхъ календарныхъ и негромантическихъ статеекъ, есть и нѣсколько нравоучительныхъ повѣстей, изрѣченія философовъ и цѣлое разсужденіе объ употребленіи времени, и много стихотвореній и т. д. Болѣе другихъ статей любопытно: „Писмо отъ Липско въ Паризъ" о современномъ состояніи образованности въ Болгаріи съ замѣчаніями (стран. 101—126).

Кромѣ того въ 1845 году вышли переводы:

Покрещеніе-то на едного священника Исидина или началото на Христіанство-то, собрано отъ У. Еліада, преведено на Болгарскій языкъ отъ В. Станковича Свищовца. Букурещь. 1845.

За должности те человѣчески Соавіа, преведено отъ Гре ческіатъ, Цариградъ. 1845.

Прикліученія Тилемаха одъ П. Г. Пиперова. Часть перва. Въ Віенна. Писмены Мехитар. монаст. 1845 (12°. стр. 148).

Болгарскій разговорникъ за оныя, кои обычатъ да се навыкнуватъ да говоратъ Гречески, сочиненъ трудомъ К. І. Фотінова. Смирна (ib.), 1845 (12°. стр. 96).

Послѣдняя Болгарская новость:

Стоянъ и Рада. Стихотвореніе на Найдена Геровъ. Одесса. [illegible] (12°. стр. 13). Содержаніе этой поэмки взято изъ народной пѣсни: Стоянъ и Рада любятъ другъ друга, но мать Стояна женитъ его противъ воли на другой. Рада умираетъ, за нею и Стоянъ. Ихъ погребаютъ вмѣстѣ, и два дерева, выросши на ихъ могилахъ, сплелись вѣтвями, какъ символъ ихъ вѣчной любви. Стихъ вычуренъ и народности въ изложеніи мало.

Вотъ все, что я могу Вамъ сообщить теперь о современной литературной дѣятельности Болгарской. (Въ книгахъ, которыхъ я самъ не имѣю, не означено числа страницъ). Со временемъ надѣюсь сообщить о Болгарахъ и что нибудь такое, что удовлетворитъ не одному вашему библіографическому любопытству: основываю свою надежду на томъ, что между молодыми Болгарами есть нѣсколько (напр. Палаузовъ, Мутіевъ и др.) прекрасно, европейски образованныхъ и даровитыхъ, которые съ любовію къ отчизнѣ соединяютъ желаніе оставить по себѣ что нибудь достойное былой славы своихъ предковъ. Будемъ ждать!

P. S. Только что получена мною Карта Болгаріи и земель сопредѣльныхъ, составленная Хаджи Русетомъ на Болгарскомъ нарѣчіи и хорошо отпечатанная на 4-хъ листахъ въ Страсбургѣ: судя по первому взгляду, она не вполнѣ удовлетворитъ ожиданію знатоковъ. По крайней мѣрѣ названія многихъ мѣстъ порядочно исковерканы.

P. S. 2. Сегодня же полученъ № 4 Москвитянина: есть тамъ о Болгарскомъ журналѣ, будто бы называемомъ Балканскимъ эхомъ: такого журнала не существуетъ.

Прощайте. Поклонитесь всѣмъ вашимъ отъ не переставшаго уважать и помнить ихъ И. Срезневскаго.

Мой дружескій поклонъ В. И. Григоровичу. Недавно получилъ я отъ него письмо и брошюру: душевно благодарю его.

А моихъ писемъ съ приложеніями, посланныхъ съ пріят. Степановымъ и Подольскимъ вы вѣрно не получили?

Я получилъ Ваше Реймское Евангеліе и Грамматику. Хотѣлъ было предложить Университету и Округу, но къ сожалѣнію Министръ уже предупредилъ меня,—и мнѣ остается предлагать знакомымъ и студентамъ.

Я возьму на послѣдній академ. годъ въ руководство для себя, и разумѣется нѣсколько экземпляровъ сбуду, но навѣрно не всѣ. Покамѣстъ продалъ только одинъ. Преосвященный Иннокентій принялъ вашъ подарокъ съ живѣйшей благодарностью и хотѣлъ Вамъ писать. Книги Лукашевича отправилъ. Благодарю душевно почтеннѣйшаго Грольмуса за 2 книжки его повѣрій, для меня очень любопытныхъ, но 1-й книжки я не имѣю, и это мнѣ очень жаль.

Я получилъ также Вашу біографію, автографъ, но жаль—только начало. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать статью о Васъ большую, потому что короткую уже написалъ и напечаталъ.

Изъ послѣднихъ новостей литературныхъ меня занялъ особенно выходъ 1-го тома Рус. лѣтописей, гдѣ помѣщенъ Несторъ по Лаврентьев. списку, сличенный и отчасти исправленный по другимъ старѣйшимъ спискамъ, съ множествомъ варіянтовъ. Для занимающихся Исторіей Русской и древнимъ Рус. языкомъ это неоцѣнимый подарокъ. О. М. Бодянскій, какъ Секретарь Общества древностей, сталъ издавать Чтенія Общества въ родѣ журнала, по 9 книжекъ въ годъ. Прекрасное изданіе, гдѣ статьи его самаго, Ундольскаго, Бѣляева и другихъ должны на себя обратить вниманіе многихъ Славянъ. Особенно важно изданіе „Оглавленія книгъ“ Медвѣдева, нашего умнаго библіографа XVII вѣка, которое прежде приписывалось Поликарпову и отличается отъ всѣхъ другихъ старинныхъ каталоговъ, рукописей и книгъ ученостію и изобиліемъ: къ нему приложены и разысканія о жизни Медвѣдева. Публичныхъ лекцій, читанныхъ Шевыревымъ въ Москвѣ, вышла первая часть (первыя пять лекцій): въ ней особенно замѣчательны лекціи 4-я и 5-я, въ которыя помѣщены разысканія сочинителя о Русскихъ поэмахъ Владимірова цикла. Любовь къ Русскимъ и къ Славянамъ оживляетъ всю книгу. Очень замѣчательны разысканія о первомъ распространеніи Христіанской вѣры въ Россіи Архимандрита Макарія, печатавшіяся прежде въ Христіанскомъ чтеніи и теперь отпечатанныя отдѣльною книгой.

Журналы наши толсты и тяжелы по вѣсу, но не по внутреннему своему достоинству: романы и повѣсти составляютъ по обычаю слишкомъ половину ихъ содержанія.

Кажется, я буду опять скоро писать къ Вамъ, потому что хочу написать Виктору Ивановичу; да и Вамъ написалъ не обо всемъ, потому что Ваше письмо осталось въ городѣ, а самъ я переселился въ подгороднюю дачу подышать свѣжимъ воздухомъ.

Я что то долженъ Кронбергеру и Ривнацу, но акуратнаго счета не сведу; не можетъ ли онъ мнѣ прислать его вмѣстѣ съ письмомъ Вашимъ?

31.

Добрѣйшій другъ, Вячеславъ Вячеславичъ!

Пишу письмо къ Вамъ по особенному случаю, письмо, которое, противъ моей воли, все должно касаться одного меня.

Вы уже вѣрно знаете, что бѣдный Прейсъ умеръ. Потеря незамѣнимая надолго, тѣмъ болѣе, что даже огромными матеріялами едва ли кто сумѣетъ воспользоваться такъ, чтобы труды

его и мысли не пропали для науки, а онъ только подготовлялъ, ничего не печатая.

Какъ бы то ни было, въ университетѣ Петербургскомъ его профессура праздна, и остается пока никѣмъ незамѣненною. Послѣ борьбы съ самимъ собою и разсужденій съ родными, я рѣшился желать занять это мѣсто, а желая—искать его и прежде всего, въ началѣ исканій обратиться къ Вамъ, въ надеждѣ, что ваше содѣйствіе будетъ въ этомъ случаѣ, если не встрѣтится особенныхъ препятствій, также дѣйствительно, какъ было тогда, когда я просилъ отсрочки въ путешествіи. Я боролся съ самимъ собою, потому что боялся дороговизны Петербургской: живя моими средствами теперь въ довольствѣ, я бы въ Петербургѣ долженъ былъ съ ними терпѣть недостатокъ. Но зато съ другой стороны я терплю здѣсь въ Харьковѣ еще болѣе досадный недостатокъ. Средствъ для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ, пособій не только рукописныхъ или старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ нѣтъ почти никакихъ, кромѣ того, что принадлежитъ мнѣ лично. Естественно, что наша университетская библіотека Славянскимъ отдѣломъ бѣднѣе моей несравненно, потому что до меня Славянствомъ никто здѣсь не занимался. Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончанія нужна полнота, а ее ожидать и даже желать было бы странно. Притомъ сокровища библіотекъ Петербургскихъ до сихъ поръ остаются мнѣ извѣстны немногимъ больше, какъ и всякому, кто знакомъ съ нашей филологической печатной литературой: я не былъ еще въ Петербургѣ съ цѣлію ихъ изученія. Такимъ образомъ Историческій Лексиконъ Старорусскаго языка, для котораго я собираю матеріялъ, не можетъ не оставаться только безсвязнымъ сборникомъ, и если судьбѣ неугодно будетъ меня сблизить съ тѣмъ, что еще не напечатано и не можетъ быть напечатано скоро, то останется такимъ и навсегда. Грамматика Старорусская тоже. По всему этому я не могу не желать всею душою переселиться въ Петербургъ хоть на время, чтобы посвятить всего себя изученію источниковъ. Этого можно достигнуть двумя способами: или проситься въ отпускъ, или искать профессуры. Послѣднее лучше, полезнѣе, и я рѣшился на на это послѣднее, если — само собою разумѣется — не помѣшаю никому другому. Если не поѣдетъ никто изъ вашихъ западныхъ, то едва ли могу кому помѣшать, потому что готовыхъ занять это мѣсто, кажется нѣтъ; если и пошлютъ кого нибудь къ вамъ для усовершенствованія, то все пройдетъ до его возвращенія года три, а можетъ быть и болѣе. Итакъ, рѣшившись искать, ищу

прежде всего къ Вамъ: примите участіе, добрый другъ, и напишите Министру (Вы уже конечно радовались, что Государь наградилъ его саномъ Графа). Напишите, какъ Вамъ скажетъ Ваше сердце, Ваша память обо мнѣ. Если бы мнѣ удалось хоть на два, на три года переселиться въ Петербургъ, то это бы подвинуло меня далеко въ наукѣ. Если бы мнѣ удалось это, то Харьковскій университетъ потеряетъ въ это время немного, даже найдетъ временнаго преподавателя въ одномъ изъ своихъ воспитанниковъ; а напротивъ получитъ во мнѣ назадъ профессора несравненно болѣе опытнаго; а если бы и не было временнаго преподавателя, то все же лучше не имѣть на время преподавателя университету Харьковскому, нежели Петербургскому. Напишите подробнѣе Министру обо всемъ, не забывши, что я могу искать мѣста въ Петербургѣ не для столичныхъ развлеченій, которыми и пользоваться не въ состояніи, да и охоты не имѣю, а единственно для того, чтобы имѣть случай усовершенствовать себя. Много обяжете меня вашимъ ходатайствомъ. И пожалуста поспѣшите. Если можете и еще черезъ кого нибудь дѣйствовать на рѣшеніе Министра, то потрудитесь употребить въ дѣло и это: лишняя рекомендація не мѣшаетъ.

Въ полной надеждѣ на Ваше содѣйствіе, не могу не ждать чего нибудь добраго. Прощайте. Вашъ Срезневскій.

Я еще и не поздравлялъ Васъ съ Царскою милостью: всѣ мы, кто только знаетъ Васъ, радовались этому отъ всей души.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, меня знающимъ и помнящимъ.

Въ послѣднее время напечаталъ три мои статьи: Литературное оживленіе Западн. Славянъ — въ Современникѣ (тутъ и объ васъ); Объ основныхъ звукахъ въ Слав. нарѣчіяхъ — въ Журн. Мин. Народ. Просв.; Біографія Вука — въ Московскомъ Сборникѣ. Для втораго тома этого сборника, по просьбѣ издателя, В. А. Панова, готовлю Біографію Ганки.

9-е Августа 1846 г.

Сдѣлайте одолженіе, скажите Кронбергеру, что я не заплатилъ ему долгу потому, что не знаю, сколько именно долженъ ему: пусть онъ пришлетъ мнѣ записку.

32.

С.-Петербургъ, 15 Марта 1847 г. [1]).

Наконецъ я могу съ спокойнымъ духомъ приняться за письмо къ Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь. Послѣ дол-

---

[1]) Извлеченіе изъ этого письма напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1847, II, str. 331—333.

гихъ и разнообразныхъ хлопотъ, продолжавшихся чуть ли не четыре мѣсяца, я могу воспользоваться минутами тишины внутренней и внѣшней — и по долгу сердца первыя изъ нихъ употребляю на бесѣду съ Вами, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! Раскажу Вамъ похожденія мои съ начала этого академич. года.

Передъ началомъ его всю вакацію я посвятилъ на приготовленіе къ докторскому экзамену; въ Октябрѣ держалъ его, и 2-го Декабря окончилъ благополучно публичное защищеніе. Во все это время, съ Сентября я продолжалъ чтеніе лекцій, не прерывалъ другихъ занятій по службѣ, и слѣдовательно былъ занятъ, какъ Вы можете представить, по горло. Между тѣмъ тянулась переписка съ Петербургомъ, и вдругъ я получилъ, еще до диспута, приказаніе Министра немедленно отправиться въ Петербургъ. Начались новыя хлопоты: тутъ зима, морозы, и нѣтъ снѣгу,—тутъ молодая женочка и крошечка дочь,—тутъ неизвѣстность, какъ надолго я ѣду, и необходимость все скорѣе уладить къ дорогѣ. До 28-го Декабря, когда я выѣхалъ изъ Харькова, я былъ самъ не свой. О поѣздкѣ съ семействомъ, зимней, огромной и Русской — что и говорить: жилось только настоящимъ и заботами. Въ Петербургѣ, едва успѣлъ осмотрѣться, надобно было приниматься за лекціи, — и первую, вступительную читалъ я еще на Масленой. Потомъ продолжались лекціи и хлопоты объ устройствѣ домашнемъ всѣ шесть недѣль Поста. Наконецъ наступила блаженная сегоднешняя суббота: я прочелъ послѣднюю лекцію до Свѣтлаго Воскресенія, и какъ гора съ плечь свалилась. Я вздохнулъ свободно. Въ половинѣ 4-го я воротился съ лекціи, а теперь только 10-й: вотъ Вамъ доказательство, что я не нуждался во времени вспоминать о васъ. Если же хотите доказательствъ, что я и прежде помнилъ Васъ, въ то время, когда весь былъ занятъ хлопотами, то есть и онѣ. Книга моя: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ“ посвящена Артемовскому и Ганкѣ, какъ первымъ наставникамъ моимъ въ Слав. филологіи. Въ то же засѣданіе нашего Университетскаго Совѣта, когда дѣло шло объ утвержденіи меня Докторомъ Славяно-Русской филологіи, я предложилъ черезъ Ректора (Артемовскаго) объ избраніи Почетными Членами Университета Славян. ученыхъ: Ганки, Караджича, Пуркини, Шафарика и Юнгмана. Совѣтъ приялъ предложеніе съ радостью и единогласно, такъ что и не нужно было прибѣгать къ балотированію. Можете представить мою радость и благодарность за участіе Ректора: дѣло сдѣлалось такъ по Славянски, какъ дай Богъ, чтобы совершались всѣ благородныя Слав. дѣла. (NB. Нельзя ли и Ректора

Артемовскаго, Д. С. Совѣтника и знаменитаго поэта и ученаго Украинскаго, одинаково избрать Членомъ Вашей Академіи?). Избраніе утверждено Министромъ, и Вы вѣроятно скоро получите дипломъ. Поздравляю Васъ съ этимъ новымъ титуломъ, столько у насъ уважаемымъ и столько Васъ достойнымъ.

О Петербургскихъ моихъ обстоятельствахъ я долженъ Вамъ сообщить подробнѣе. Попечитель СПБ. Университета и Графъ Сергій Семеновичъ приняли меня такъ ласково, какъ я этого едва ли въ правѣ былъ ожидать. Первый хотѣлъ, чтобы я началъ лекціи какъ можно скорѣе, и довольно часто посѣщалъ меня. Лекціи мои вотъ какія: Студентамъ 1-го и 2-го курса я читаю „Общее Обозрѣніе Славянъ“ и объясняю филологически и исторически „Слово о Полку Игоревомъ“: Студентамъ 3-го курса читаю Исторію древней письменности Славянской.

Сегодня я читалъ о Сгорѣльскихъ (?) Отрывкахъ Евангелія Іоанна и Фрейзингенскихъ статьяхъ, и въ числѣ посѣтителей на студентскихъ скамьяхъ имѣлъ: Графа С. С. Уварова, Попечителя Мусина-Пушкина, Директора Педагогич. Института Давыдова и Ректора Плетнева. Графъ сказалъ мнѣ, по окончаніи лекціи, что ему очень нравится филологическое изыскательное направленіе моихъ лекцій, дѣлающее изъ изученія Славянства науку, достойную изученія, и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, для меня столько же лестныхъ, сколько и незабвенныхъ, прибавилъ: „я очень доволенъ“. Вы понимаете, какъ высоко я цѣню это слово, какою незаслуженною наградою его считаю. Счастіемъ имѣть у себя на лекціи Графа я обязанъ внимательности М. Н. Мусина-Пушкина; но гордясь этимъ для себя лично, еще болѣе радуюсь вниманію нашего Правительства къ наукѣ о Славянствѣ, наукѣ, не имѣющей для насъ такого интереса современности, какъ у Васъ, но, въ общемъ обиходѣ, наукѣ въ истинномъ смыслѣ, отрѣшенной отъ волненій внѣшнихъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Самъ за себя я похвастаю вотъ чѣмъ. Графъ С. С. меня перваго утвердилъ Докторомъ Славяно-Русской филологіи и у меня перваго былъ на обыкновенной университетской (не пробной) лекціи Славянской.

Если будетъ случай, поблагодарите его отъ меня за это счастіе и передайте ему, какъ высоко я цѣню его, какъ каждое слово его, какъ истиннаго Мецената, врѣзалось навсегда въ памяти моей и питаетъ во мнѣ усердіе къ моему долгу и любовь къ наукѣ. На дняхъ я поѣду къ нему самъ и вмѣстѣ съ благодарностью буду (если только осмѣлюсь) просить его, чтобы онъ позволилъ мнѣ, издавши отдѣльно лекцію, на которой онъ присут-

ствовалъ, посвятить ему, какъ знакъ признательности слабый, но чисто сердечный. Тогда Вы узнаете, что читалъ я сегодня.

Я еще ничего не сказалъ Вамъ о томъ, на какихъ условіяхъ я здѣсь: я прикомандированъ сюда безсрочно, и потому не переведенъ совершенно, что Харьковскому Попечителю Князю Долгорукому не хочется меня выпустить. Отпуская меня, онъ сказалъ мнѣ: „Смотрите же, не бросьте насъ навсегда; вѣдь мы вами хвастаемся". Такимъ образомъ не въ моей волѣ здѣсь остаться; да и я самъ не знаю, желать ли этого? Скорѣе похоже на то, что не останусь: боюсь, что климатъ будетъ вреденъ для моей Катеньки или для крошки Оли, или и для меня; притомъ мы тутъ одни, а наши родные на Украинѣ, да и опять здѣсь дорого, съ 2000 руб. серебра надо сжиматься. Во всякомъ случаѣ я воспользуюсь откомандировкой для изученія древнихъ памятниковъ, а тамъ—какъ Богъ дастъ, и какъ рѣшитъ Графъ Уваровъ.

Въ Петербургѣ больше средствъ для занятій, больше и удобствъ могать деньги; на Украинѣ менѣе средствъ и менѣе чужаго: одно другаго стоитъ. Я боюсь только, чтобы мое межеумочное состояніе не долго продолжалось: я оставилъ Маменьку въ Харьковѣ, и пока рѣшится дѣло, я буду съ нею въ разлукѣ, а она старѣетъ, она теперь болѣе нежели когда нуждается въ заботахъ сыновнихъ. Я оставилъ ее правда съ тестемъ, который мнѣ какъ родной отецъ, но все же онъ ей не сынъ.

Библіотеку Прейса покупаетъ СПБ. университетъ, а бумаги его на рукахъ у Профессора Куторги. Я разсматривалъ ихъ, и чуть не плакалъ о томъ, что мы такъ рано лишились этого незамѣнимаго ученаго. Пріуготовительныхъ работъ сдѣлано у него множество, работъ и тяжелыхъ и веденныхъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла, съ акуратностію, съ добросовѣстностію; но кажется ничто не кончено: куда ни заглянешь, все одни матеріялы. Ихъ однако надобно издать. Я съ радостью предлагаю свои услуги... Не знаю, чѣмъ это кончится. И что меня болѣе всего изумляетъ, его здѣсь не всѣ цѣнили, какъ бы надобно было ожидать. Вотъ что значитъ не заботиться о томъ, чтобы товаръ лицомъ продать! Кто не имѣлъ случая сблизиться съ нимъ и понять его, тотъ его не узналъ и не оцѣнилъ; а между тѣмъ, не только не было и нѣтъ, но едва ли скоро и будетъ у насъ такой Профессоръ Славянской литературы, каковъ былъ Прейсъ. Въ немъ все было, что нужно для этого: и ученость, и метода, и любовь къ дѣлу, и характеръ. Развѣ Григоровичь заставитъ забыть о потерѣ Прейса: дай Богъ!

Григоровича я жду здѣсь съ нетерпѣніемъ: онъ долженъ воротиться въ Апрѣлѣ...

А между тѣмъ вотъ уже и одиннадцать. Пора взглянуть на жену. Прощайте, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ! Если что еще напишу, то ужъ завтра или передъ отправкой на почту. А теперь прошу поклониться Шафарику, Юнгману, Станьку, Амерингу, Каубку, Крольмусу и всѣмъ, всѣмъ. Кронбергеру скажите, что онъ скоро получитъ мой долгъ, и извините меня передъ нимъ: виною моего долга неоконченность счетовъ съ Миликовскимъ. Я думалъ, что я долженъ Миликовскому, а не Кронбергеру: теперь онъ получитъ вексель Штигица. И прошу Васъ, сообщите мнѣ, что у васъ вышло примѣчательнаго, чтобъ я могъ выписать себѣ. Для біографіи вашей сообщите болѣе подробностей: мнѣ бы не хотѣлось составить ее какъ нибудь. Еще разъ прощайте. Душевно уважающій Васъ

Измаилъ Срезневскій.

33.

СПБургъ, 1-е Февраля 1848 г.

Вотъ уже годъ, какъ я переселился сюда, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, и если показывалъ до сихъ поръ какъ будто какое отчужденіе отъ Васъ, то причина этому право не лѣнь и не измѣненіе чувствъ, а обстоятельствъ. И между ними главное то, что я очень занятъ: на мнѣ легли мало по малу три разныя должности: Профессора въ Университетѣ и въ Главномъ Педагогич. Институтѣ и Цензора. Къ каждой лекціи надобно приготовиться, цензурныя вещи тоже нельзя откладывать,— и время такимъ образомъ бѣжитъ незамѣтно. Вы скажете: для чего же я взялъ на себя такую обузу, если чувствую тяжесть; что дѣлать! Надо жить, а жить здѣсь дорого. Трехъ тысячъ цѣлковыхъ едва стаетъ на самую умѣренную жизнь, особенно нашему брату ученому, которому нужно или хочется издерживаться на книги. Я не только не жалуюсь, но сердечно благодаренъ М. Н. Мусину-Пушкину, нашему Попечителю, и графу С. С. Уварову за то, что они содѣйствовали получить мнѣ эти должности, дали мнѣ ихъ безъ моего искательства.

По упомнианію моему о томъ, что я читаю въ Главн. Педагогич. Институтѣ, Вы догадываетесь, что кафедра Славян. филологіи въ немъ открыта. Очень счастливъ, что мнѣ пришлось открыть ее,— и вотъ какъ я расположилъ для нее мой курсъ.

Студентамъ младшаго отдѣленія въ продолженіе трехъ семестровъ я буду излагать Старославянскую грамматику сравнительно съ другими нарѣчіями; Студентамъ старшаго отдѣленія (когда они будутъ, т. е. съ Августа 1849 года) Древности и Исторію Литературъ Слав. Подробное преподаваніе Старослав. грамматики сравнительной меня очень утѣшаетъ: до сихъ поръ она не была нигдѣ читана и заставляетъ меня самого отчетливо слѣдить за всѣми частностями своими, чего до сихъ поръ я не могъ, будучи занятъ другимъ. Я открылъ лекціи въ этомъ Январѣ, и въ нынѣшнемъ семестрѣ пройду, кромѣ Введенія, которое еще не окончилъ, Разсмотрѣніе азбуки и фонетики и формы образованія словъ; во 2-мъ семестрѣ буду объяснять формы измѣненія словъ и синтаксисъ; въ 3-мъ семестрѣ—Выводы изъ сравненій и древнѣйшіе памятники Старослав. нарѣчія съ филологоисторич. объясненіемъ каждаго. Между студентами есть очень даровитые и прилежные, прекрасно приготовленные по другимъ предметамъ и, сколько замѣтно, полюбившіе филологію Славянскую: все это меня утѣшаетъ надеждою на успѣхъ.

Въ Университетѣ въ нынѣшнемъ Академ. году я излагаю между прочимъ Слав. древности и Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ Русской письменности. Планъ Слав. древностей такой: I. Введеніе съ обозрѣніемъ источниковъ и пособій. II. Географ. обозрѣніе древн. Славянъ по вѣкамъ (и главн. писателямъ), начиная съ VI до XII (т. е. съ Іорнанда и Прокопія до Адама Брем. и Гельмольда). III. Бытъ и образованность Славянъ южныхъ съ VI в. IV. Бытъ и образованность Моравянъ и Чеховъ. V. Бытъ и образованность Балтійскихъ Славянъ IX—XII в. VI. Бытъ и образованность Поляковъ. VII. Бытъ и образованность Русскихъ IX—X в. VIII. Сравн. выводы о бытѣ и образованности Славянъ вообще. Разсмотрѣніе быта и образованности дѣлю на три главы: Образъ жизни,—Устройство семейное и общественное,—Религія и просвѣщеніе. Теперь читаю о Моравянахъ и Чехахъ: вчерашняя лекція была о военныхъ обычаяхъ.

Обозрѣніе древнѣйшихъ Памятниковъ Русской письменности я читаю въ 4-мъ выпускномъ курсѣ pour la bonne bouche: каждый замѣчательный памятникъ читаю сравнительно по разнымъ спискамъ съ тѣмъ, чтобы добраться до подлиннаго текста; потомъ, очистивши по возможности текстъ, извлекаю изъ него грамматику, отмѣчая особенности нарѣчія, и наконецъ, разсматривая его, какъ источникъ историческій, извлекаю изъ него данныя для древностей, объясняя ихъ по другимъ источникамъ. Теперь объясняю такъ Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ,

и надѣюсь въ нынѣшнемъ году дойдти до памятниковъ времени Святополка. Эти чтенія, я надѣюсь, будутъ полезны для тѣхъ молодыхъ людей, которые разовьютъ въ себѣ охоту заниматься Русск. Литературой и Исторіей; привыкнувши въ Университетѣ къ методѣ и системѣ изученія памятниковъ, они будутъ умѣть, какъ за нихъ взяться. А рабочихъ людей надобно для этого много, потому что памятниковъ множество, и многимъ желающимъ взяться за это мѣшаетъ непривычка.

Говоря о своихъ трудахъ, еще позволю себѣ вспомнить о моемъ словарѣ Болгарскомъ: рукопись его уже такъ испачкалась отъ прибавокъ, что я собираюсь переписывать ее вновь. Авось либо и издамъ его, и тогда, надѣюсь, сама собою распадется мечта нѣкоторыхъ ученыхъ, что Болгарское нарѣчіе есть то же, что Старославянское. Ясно будетъ, что два эти нарѣчія—сами по себѣ. Элементъ Русскій, конечно не Святославова времени и не позднѣйшій, въ нарѣчіи Болгарскомъ (разумѣется, народномъ) такъ же силенъ, какъ и Старославянскій, и образоваться оно могло не иначе, какъ подъ вліяніемъ того и другаго—и, какъ кажется, это случилось давно, давно. Памятники Болгар. письменности то же подтверждаютъ. Доказывать противное можно, не близко зная дѣло, а изъ за чего—право не понимаю. Мы съ Надеждинымъ покамѣстъ двое держимся понятія объ отдѣльности Болгар. нарѣчія; но и Академія уже склоняется по немногу къ тому же понятію. Мнѣ давали просматривать предисловіе къ Акад. Словарю, и приняли мои замѣчанія объ этомъ вопросѣ. Очень жалѣю, что Надеждина не было въ это время въ Пбургѣ (онъ былъ заграницей), и что безъ него мнѣ не хотѣлось выражаться слишкомъ рѣшительно. Кстати о Словарѣ: онъ вышелъ, какъ самое замѣчательное явленіе Русской Литературы въ эту зиму, въ 4-хъ большихъ томахъ, и очень кстати дополняетъ собою небольшое число хорошихъ Словарей Славянскихъ. Подробное мнѣніе мое о немъ Вы прочтете въ Журн. М. Н. Пр., котораго редакція предложила мнѣ заняться этимъ.

Другихъ занимательныхъ новостей въ нашей Литературѣ теперь почти нѣтъ. Все лучшее въ журналахъ: тамъ печатаются цѣлыя книги и исчезаютъ въ массѣ другихъ статей; пересчитывать ихъ очень тяжело: трудно вспомнить все, что издано, и еще труднѣе пріискивать для того, чтобы, сообщая мнѣніе о нихъ, хоть какъ нибудь переглядѣть. Мы все еще однако не довольны нашими журналами, все хотимъ лучшихъ; это потому, что съ хорошими статьями рядомъ стоятъ и дурныя, и послѣднихъ больше, и особенно читатели негодуютъ на множество переводовъ.

Но вотъ странность: переводы съ Англійскаго пользуются исключеніемъ изъ общаго невыгоднаго мнѣнія о переводныхъ статьяхъ; переводы съ Нѣмецкаго, Польскаго и т. д. читаются напротивъ того съ удовольствіемъ только самыми невзыскательными читателями; переводы съ Французскаго нравятся многимъ, но вообще очень дурны. Словомъ, скоро всѣ хорошіе переводчики обратятся къ Англ. литературѣ исключительно. Что касается до Русской литературной дѣятельности, то она вообще въ какомъ то болѣзненномъ состояніи: писатели въ строгомъ смыслѣ этого слова пишутъ мало и они большею частію ученые; писатели-писаки пишутъ много и удовлетворяютъ только нисшую публику: отъ этого очень образованному читателю пищи для чтенія мало, и онъ по неволѣ обращается къ иностранной литературѣ—разумѣется, къ подлинникамъ. Самые требовательные читаютъ только Англійское и кое-что Французское. Между тѣмъ число общее читателей собственно Русскихъ все увеличивается; готовить для нихъ надо много и все больше да больше; требованія увеличиваются не по мѣрѣ дѣятельности хорошихъ писателей, которыхъ число все убываетъ отъ необходимости служить; являются все болѣе на ихъ мѣсто люди не совсѣмъ достойные, и эти съ бездарностью соединяютъ еще и бѣдность; въ слѣдствіе всего этого явился у насъ литературный пролетаріатъ, жалкій и непріятный во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ грязнутъ нерѣдко и дарованія и образованность, мѣшаясь съ бездарностью и пошлостью, въ томъ же родѣ, какъ у васъ, только все въ бо́льшемъ размѣрѣ. Мѣры для излеченія литературы нашей отъ болѣзненнаго состоянія приняты впрочемъ: хорошее цѣнится дорого, а между тѣмъ высшія учебныя заведенія наши выпускаютъ все болѣе людей отлично образованныхъ; мѣста на службѣ становятся все труднѣе, и изъ людей образованныхъ все болѣе отыскивается такихъ, которые съ охотою и съ достоинствомъ выступаютъ на поприще литературное. Потомъ же можетъ быть оправдается и слухъ, что ученому люду нашему дадутъ новыя средства безнужно заниматься наукой и литературой, и тогда конечно число трудовъ учено-литературной дѣятельности нашей все болѣе будетъ увеличиваться, по мѣрѣ увеличенія досуга заниматься. Вообще утѣшительныхъ надеждъ у насъ болѣе, чѣмъ чего бы то ни было печальнаго. Особенно утѣшительна все болѣе умножающаяся требовательность и взыскательность: наша публика въ нынѣшнее царствованіе выросла во всѣхъ отношеніяхъ. Иногда даже досадна ея прихотливость и неумѣренность желаній: то, что на другомъ краѣ, напр. и въ Германіи, было бы удостоено хорошаго

пріема, у насъ остается чуть чуть замѣченнымъ; вкусу больше, чѣмъ средствъ удовлетворить его желаніямъ.

Что же Вамъ сказать вообще о Петербургѣ? Славный Русскій городъ: Винета для своего времени, гдѣ хоть и есть advenae Saxones, но все Русское и на виду и работаетъ. Въ Москвѣ не странно видѣть исключительность дѣятельности Русской; но тутъ ее сила поразительнѣе, потому что казалось бы и безъ нее можно обойтись, и между тѣмъ нельзя: лучшіе огородники во всемъ Прибалтійскомъ краѣ — Русскіе, большею частію родомъ Ярославцы; лучшіе каменьщики — Русскіе; лучшая рѣзная работа — Русская, и массами отправляется за границу и т. д. Безъ Русскихъ тутъ нельзя было бы дня прожить: многое приходится покупать изъ рукъ иностранцевъ, но это внѣшность, вывѣска только. Со временемъ не нужно будетъ и вывѣски; а покамѣстъ она не мѣшаетъ: мы требовательны, уважаемъ образованность и умѣнье Запада, все еще не надѣемся на себя — и хорошо дѣлаемъ, заставляя себя идти по пути улучшеній; скрывать же подъ чужою вывѣскою свою работу хорошую лучше, чѣмъ щеголять своею работою худою или подъ своей вывѣской давать чужую работу.

Говоря о Петербургѣ и Западѣ, невольно вспоминаешь наши литерат. партіи. Самыя ярыя изъ нихъ—партія западниковъ и партія (псевдо-) Славомановъ. Послѣднимъ достается во всѣхъ журналахъ—и подѣломъ. Не зная Славянъ, ни ихъ быта, ни ихъ исторіи, ни ихъ литературы, эти люди кричатъ о Славянахъ и своими возгласами только портятъ. Возгласы эти—панегирики, гдѣ расхваливается то, что не очень стоитъ похвалы, и умалчивается о томъ, что стоитъ не только похвалы, но и удивленія, а все отъ незнанія. Когда то, что хвалилось, не было еще извѣстно, дѣло сходило съ рукъ; но чуть оно становится извѣстнымъ, люди видятъ, что разсыпанныхъ похвалъ оно не стоитъ, и Славянофилоѣ хвалившихъ начинаютъ ругать вмѣстѣ съ тѣмъ, что они хвалили. Теперь по необходимости у насъ отдѣлились Слависты и Славянофилы, какъ двѣ партіи, ничѣмъ не связанныя. Въ партіи Западниковъ тоже ералашь: и тамъ разсыпаются похвалы тому, что, ихъ не стоитъ. И отъ нихъ отдѣлилась партія Европейцевъ (сирѣчь: образованныхъ). Европейцы и Слависты—цвѣтъ общества, и представьте себѣ, имъ не о чемъ спорить. Въ главныхъ мнѣніяхъ они совершенно согласны, да иначе и быть не можетъ: это народъ, знающій цѣну всему, что современно, и все хорошее уважающій, будь оно Русское, Славянское, Нѣмецкое, Англійское или хоть Китайское. У васъ иные почтутъ это хо-

лодностью, но мы совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ вы: намъ нужна холодность, и повредило бы слѣпое увлеченіе.

Впрочемъ довольно: боюсь быть безконечнымъ. Прощайте, будьте здоровы, и не забывайте преданнаго Вамъ и высоко цѣнящаго Ваши заслуги и дружбу

Измаила Срезневскаго.

P. S. Экземпляры Ваши лежатъ у меня. Я всюду предлагаю и всюду есть, даже въ книжн. лавкахъ. Вашего проекта Академіи я никогда не читалъ, и не знаю, гдѣ бы я могъ достать. Поклоны Ваши передалъ—и передаю Вамъ взаимные. Отъ меня поклонитесь Шафарику, Каубку, Крольмусу, Станьку и пр. Боже мой, когда то я доберусь опять къ Вамъ: какъ бы мнѣ хотѣлось привести къ Вамъ жену свою; но раньше 1½ года это невозможно. Отъ Горскаго изъ Троицы получилъ я новый списокъ Сказанія Храбра: тамъ есть упоминаніе о братьяхъ Кириллѣ и Меѳодіи, какъ о недавно умершихъ.

Познакомьте меня съ новостями Вашей литературы, особенно учено-Славянской.

Какъ дорого будетъ стоить отпечатать снимки съ Евангелія Іоанна, Суда Любуши и т. д. экземпляровъ по 200? Если не дорого, то я бы просилъ увѣдомить.

34.

С.-Петербургъ, 21-е Сентября 1849 г.

Вспоминая о Васъ, любезнѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславичь, довольно часто, я не могъ не вспомнить Васъ и сегодня, вспомнить не разъ—и не въ одиночку, а вмѣстѣ со всѣми, посѣщавшими жену мою и крошечное живое существо, лежащее подлѣ нея и за нѣсколько только часовъ привѣтствовавшее впервые свѣтъ и жизнь. Это крошечное живое существо—сынокъ, а имя ему, только что помянутое священникомъ на молитвѣ,—Вячеславъ, имя издавна для меня драгоцѣнное. Повторяя имя это, мы не можемъ не желать, чтобы и онъ, нашъ ангелъ, былъ такимъ же, какъ тотъ Вячеславъ, котораго перваго узналъ я. Уже нѣсколько разъ мы назвали его и Ганкой, и, вѣроятно, въ семейномъ кругу нашемъ имя Ганки останется за нимъ навсегда. Пожелайте ему со своей стороны, добрый другъ, чтобы онъ не ударилъ лицемъ въ грязь, будучи вашимъ тезкой, и былъ бы достоинъ носить Ваше имя. Теперь у меня три утѣшенья: дочь Ольга, сынъ Владиміръ и сынъ Вячеславъ, по именамъ, какъ видите, Славяне, и Ольга (ей четыре года) до того Славянка, что

всякій разъ, какъ услышитъ, что мы читаемъ что нибудь по-Чешски или по-Польски, отправляется къ своей нянѣ и начинаетъ ей болтать какимъ то особеннымъ ломанымъ языкомъ, воображая, что говоритъ по-Чешски. Она въ свое время незамедлитъ (научить) говорить по-Чешски и маленькаго своего братца Вячеслава.

Какъ бы ни было, но повторяя имя Ваше въ такой радостный для меня день, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи написать Вамъ хоть нѣсколько словъ.

26-е Сентября.

Вотъ уже и шестой день, какъ нашъ Вячеславъ смотритъ на свѣтъ Божій... Катенькѣ моей непремѣнно хотѣлось сравнить своего Вячеслава съ Вами, и теперь на постели у нее вмѣстѣ съ ея сынишкой лежатъ два вашихъ портрета. Бабушка утверждаетъ, что малютка лицемъ будетъ похожъ на Васъ: такой же лобъ,— говоритъ она,— такіе же волосы и глаза. Что же, тѣмъ лучше, дай Богъ.

Литературныхъ новостей особенныхъ нѣтъ никакихъ у насъ: лѣтніе мѣсяцы обыкновенно бываютъ въ литературѣ нашей сонливы и безплодны, а осень только что началась, и еще неизвѣстно, чѣмъ насъ подаритъ.

Академическія новости вотъ какія: дополненія къ изданному общему словарю собираются дѣятельно подъ редакціей Полѣнова; а между тѣмъ печатается и читается въ корректурахъ— въ засѣданіяхъ отдѣленія—Опытъ областнаго словаря Великорусскаго. Редакторы: Востоковъ и Коркуновъ. Это будетъ пока только опытъ, но всетаки очень богатый фактами чрезвычайно любопытными, томъ листовъ въ 30. Давыдовъ напечаталъ пробное изданіе своей „Грамматики Русскаго языка“ въ 30 экземплярахъ; для разсмотрѣнія ея назначенъ комитетъ, въ которомъ и я членомъ. Грамматика будетъ прекрасная. Нѣкоторыя страницы написаны такъ, что могутъ быть представляемы, какъ образцы искусства писать о предметахъ науки языкомъ общепонятнымъ. Бередниковъ продолжаетъ работать надъ лѣтописями, Коркуновъ надъ актами, Бутковъ надъ изысканіями древностей.

Монхъ новостей очень немного. На Университетскомъ актѣ нынѣшняго года я читалъ рѣчь и выбралъ предметомъ ея — Исторію Русскаго языка. Теперь текстъ этой рѣчи уже напечатанъ; печатаются дополнительныя примѣчанія и очень медленно. Какъ только отпечатаются, я незамедлю прислать Вамъ. Книжка выдетъ листовъ въ 14 печатныхъ. О статьяхъ, напечатанныхъ въ

лодностью, но мы совершенно въ другомъ положеніи. чѣмъ вы: намъ нужна холодность, и повредило бы слѣпое увлеченіе.

Впрочемъ довольно: боюсь быть безконечнымъ. Прощайте, будьте здоровы, и не забывайте преданнаго Вамъ и высоко цѣнящаго Ваши заслуги и дружбу

Измаила Срезневскаго.

P. S. Экземпляры Ваши лежатъ у меня. Я всюду предлагаю и всюду есть, даже въ книжн. лавкахъ. Вашего проекта Академіи я никогда не читалъ, и не знаю, гдѣ бы я могъ достать. Поклоны Ваши передалъ—и передаю Вамъ взаимные. Отъ меня поклонитесь Шафарику, Каубку, Крольмусу, Станьку и пр. Боже мой, когда то я доберусь опять къ Вамъ: какъ бы мнѣ хотѣлось привести къ Вамъ жену свою; но раньше 1½ года это невозможно. Отъ Горскаго изъ Троицы получилъ я новый списокъ Сказанія Храбра: тамъ есть упоминаніе о братьяхъ Кириллѣ и Меѳодіи, какъ о недавно умершихъ.

Познакомьте меня съ новостями Вашей литературы, особенно учено-Славянской.

Какъ дорого будетъ стоить отпечатать снимки съ Евангелія Іоанна, Суда Любуши и т. д. экземпляровъ по 200? Если не дорого, то я бы просилъ увѣдомить.

34.

С.-Петербургъ, 21-е Сентября 1849 г.

Вспоминая о Васъ, любезнѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславичь, довольно часто, я не могъ не вспомнить Васъ и сегодня, вспомнить не разъ—и не въ одиночку, а вмѣстѣ со всѣми, посѣщавшими жену мою и крошечное живое существо, лежащее подлѣ нея и за нѣсколько только часовъ привѣтствовавшее впервые свѣтъ и жизнь. Это крошечное живое существо—сынокъ, а имя ему, только что помянутое священникомъ на молитвѣ,—Вячеславъ, имя издавна для меня драгоцѣнное. Повторяя имя это, мы не можемъ не желать, чтобы и онъ, нашъ ангелъ, былъ такимъ же, какъ тотъ Вячеславъ, котораго перваго узналъ я. Уже нѣсколько разъ мы назвали его и Ганкой, и, вѣроятно, въ семейномъ кругу нашемъ имя Ганки останется за нимъ навсегда. Пожелайте ему со своей стороны, добрый другъ, чтобы онъ не ударилъ лицемъ въ грязь, будучи вашимъ тезкой, и былъ бы достоинъ носить Ваше имя. Теперь у меня три утѣшенья: дочь Ольга, сынъ Владимиръ и сынъ Вячеславъ, по именамъ, какъ видите, Славяне, и Ольга (ей четыре года) до того Славянка, что

35.

СПбургъ, 7-е Мая 1850 г. [1]).

Здравствуйте, любезнѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславичъ! Привѣтствую васъ съ весною и мысленно переселяюсь въ благословенную землю потомковъ Крока и трехъ его дщерей, гдѣ все цвѣтетъ и благоухаетъ, тогда какъ здѣсь Нева только что сбросила свою ледяную шубу, и солнце еще напрасно грѣетъ землю, не орошенную теплымъ дождемъ. Ровно за десять лѣтъ передъ этимъ я выѣхалъ изъ Праги въ странствіе по юго-западному краю Чешской земли, живо помню это первое странствіе мое по одному изъ краевъ Славянскихъ, и съ завистью вспоминаю счастливое время. Десять лѣтъ! Многое, слишкомъ многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ; но и природа и народъ, вѣрно, остались тѣ же,—и мнѣ кажется, и теперь я бы вынесъ изъ вашей земли впечатлѣнія столь же свѣтлыя, какъ вынесъ за десять лѣтъ,—и тѣмъ болѣе могу себѣ завидовать. Богъ знаетъ, когда то еще удастся мнѣ пріѣхать къ вамъ! Семейному человѣку подняться не легко, и притомъ мнѣ вовсе не хочется подниматься одному, безъ жены. Она же у меня Славистка, смекаетъ кое-что и по-Чешски и по-Сербски, не только по-Польски, и рада узнать Славянъ своими глазами и ушами. А между тѣмъ дѣтки требуютъ надзора, оставать ихъ нельзя. Съ другой стороны обязанности службы и домашнія ученыя работы заставляютъ дорожить временемъ и отвлекаютъ отъ мысли о путешествіи.

Кстати о послѣднихъ. Лекціи мои въ Университетѣ и Институтѣ продолжаются по прежнему. Жалѣю, что не могъ сообщить Вамъ своей программы для преподаванія Слав. филологіи, одобренной преж. Министромъ и отпечатанной безъ моего вѣдома только въ числѣ 50 экз. для разсылки по учебнымъ округамъ. Я приготовлю новое изданіе, и тогда пришлю вамъ нѣсколько экземпляровъ. Новаго въ моемъ преподаваніи противъ прежняго только то, что въ окончат. курсѣ теперь я читаю Исторію Рус. языка сравн. съ другими Слав. нарѣчіями. Взглядъ мой на этотъ предметъ я изложилъ въ особ. сочиненіи, изданномъ на счетъ Университета, подъ назв.: Мысли объ Исторіи Русскаго языка. Я послалъ вамъ эту книгу недавно съ докторомъ Грумомъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ взять съ собою много экземпляровъ. Мнѣ бы хотѣлось сообщить эту книгу всѣмъ Запад. Славистамъ, занимающимся сравнительной филологіей; но я не знаю, какъ это сдѣлать. Воспользуюсь первымъ случаемъ! Въ этой книгѣ

[1]) Напечатано по-чешски въ Č. Č. Mus., 1850, str. 311—317.

вы найдете между прочимъ нѣсколько сообра
Русскаго языка, соображеній предваритель
дробности войдутъ въ особ. сочиненіе, кото
докончить нынѣшнимъ лѣтомъ. Въ этихъ Д
ка мнѣ хочется высказать и все, что могу,
языка вообще, и какъ это будетъ, я еще
все набросано только въ чернѣ и хоть для
тетѣ, уже прочитанныхъ, но отрывочно,
дется передѣлать.

Въ числѣ новыхъ и всѣмъ извѣстныхъ
рыми я воспользовался и еще надѣюсь вос
книгѣ, я укажу вамъ на древнія Русскія п
скивается все болѣе, и нѣкоторыя очень за
но въ отношеніи къ язычеству Русскому.
повѣдей называется: „о кумирѣхъ слово“ (
стантинова), и хотя извѣстна пока только
или XVI вѣка, неправильному, передающем
ко подновленномъ видѣ, но, за исключеніе
можетъ быть возстановлена въ первобытн
каго сомнѣнія относится къ первымъ годамъ
ства въ Руси, когда еще продолжалось по
когда надобно было новообращенныхъ хр
вѣрѣ истинной. Эта проповѣдь начинается
тія, премудрости Гдней: сіе преидетъ, исти
николи же не преидетъ...“ Далѣе: ѡ трѣбахъ
шихъ идолскыхъ вѣмъ (конечно, множ. чис
ако нічьто сѧть. ничьто бо есть и идолъ, и н
единъ... Далѣе: Вамъ же братіе, единъ є҃ѕ҃ъ
него же вся сѧть и в немъ же есьмы вси. и ѥ
Но не всѣмъ есть разумѣніе право: мнози
ливи быти и ничего же не разумѣють и вид
ма страхъ имѧть възрѣть нань и къ тьмѣ
ются. Такъ донынѣ зрите здѣ ако в д
кумiры древяни и камяни сребромъ и зол
багреница на раменехъ имѧща, ихъ же же
ивляюще страхъ странамъ. Хранится, бра
серѣмъ дебели и не отнесете очию вашихъ
яко же се братіе ваша, да не речете како
Гдѣ это здѣ, ако въ древнемъ Вавилонѣ? У
ней Руси съ Вавилономъ можно было сра
Кіевъ или Новгородъ. Что же если это Кіевъ
комъ случаѣ относить проповѣдь ко времен

идолы были разрушены Владимиромъ? Можно было бы подумать, что проповѣдь не русская, а югозападная, но этому противорѣчитъ языкъ, исполненный Руссизмовъ и вмѣстѣ древнихъ формъ, заставляющихъ думать, что подновитель, переписывавшій слово это, не былъ послѣдователенъ въ передѣлкѣ, какъ и вообще дѣлали всѣ наши переписчики. Въ словѣ этомъ нѣтъ впрочемъ названій идоловъ. Есть только упомнианіе о Симѣ (постоянномъ соперникѣ Рыгла). Вотъ это мѣсто: „Еще же и сами халъдеи яхъ (идоловъ) нечьствовали и егда видѣахъ себра сѣща нѣма и невѣголосна приводѣахъ и Симови и моляще и да прорьчеть что с богомъ и глумляхуся томъ овомъ обѣма нма сѣщема бесловесе". Это мѣсто очевидно изъ посланія пр. Іереміи: стихъ 40-й, только тамъ вмѣсто Сима Вилъ. Случайно поставить одно слово вмѣсто другаго было нельзя, слѣд. слово Симъ есть переводъ слова Вилъ, а слѣд. и Симъ въ Русскомъ язычествѣ былъ почитаемъ богомъ солнца. Кстати о посланіи Іеремін, въ Словѣ о кумирахъ есть много заимствованій изъ него, но не дословныхъ, а съ измѣненіями, сдѣланными проповѣдникомъ Русскимъ, конечно, нарочно, примѣнительно къ язычеству Русскому: тѣмъ драгоцѣннѣе эти заимствованія. Въ другомъ сборникѣ тоже XVI в. (принадлеж. г. Болотову, а можетъ быть уже и Сахарову) есть „Поученіе дѣтемъ духовнымъ", въ которомъ встрѣчается новая богиня—Перегиня, до сихъ поръ еще нигдѣ не встрѣтившаяся. Вотъ это мѣсто: молящих чѣкъ родоу и роженіцамъ (не) поревноуи. а половиноу й мокоши й перегини и вѣякимъ мерзькимъ требамъ не прибьлижаися". Вставляю не, очевидно пропущенное. Въ словѣ: а половиноу едва ли тоже не должно подразумѣвать какое нибудь божество языческое, искаженно написанное. Въ другой проповѣди того же сборника въ „Словѣ Сѣтыхъ трех сѣдей" упоминается о Перунѣ, какъ о еллинскомъ старцѣ, и о Хорсѣ, какъ о жидовинѣ, и оба названы ангелами громными. Тутъ же въ паралель этой парѣ божествъ огненныхъ поставлены и два молнійныхъ празднества —„два свята молоньиная". Еще въ одной проповѣди...

Но я забываю, что хотѣлъ Вамъ дать только нѣсколько примѣровъ въ доказательство тому, какъ ими можно пользоваться для объясненія язычества нашего; а не перечислять, чѣмъ каждая изъ нихъ болѣе важна въ этомъ отношеніи. Примѣровъ же и безъ того довольно. Изъ нихъ можно заключить и о томъ, что если эти проповѣди важны для язычества, то важны и для изъясненія древности вообще и древняго языка нашего. Говоря о язычествѣ Русскомъ, а слѣд. и вообще Славянскомъ, я не могу

не вспомнить и о томъ, что число изыск
какъ и вообще по части Древностей наших
должно и ученостью и умомъ, все болѣе
Между ними вамъ, конечно, извѣстны
рѣ по имени Буслаевъ, Кавелинъ, Костом
итъ уваженія Буслаевъ, авторъ книги о П
языка и о Вліяніи христіянства на Слав.
тщательно образованный, трудолюбивый,
стѣ, по внѣшнему цвѣту—Гриммистъ. Ка
издалъ важнаго, большаго, но приготовле
поручило Географ. Общество наше разбо
ловъ, присланныхъ и присылаемыхъ изъ пр
количествѣ, и чрезвычайно важныхъ для
этихъ людей сталъ недавно г. Шеппингъ, и
Славянск. Язычества", очень любопытну
диллетанта, не лишеннаго начитанности и
вниманіе читателей своими предположеніям
го язычества. Между статьями, вышедшим
ги, замѣчательна статья г. Афанасьева, п
мать, что въ этомъ новомъ дѣятелѣ мы
теля дѣльнаго и самостоятельнаго. Эта ст
сколько другихъ, помѣщена въ Современн
Архивѣ Историч. и Юридич. проф. Калачо
вѣстнаго по изданію Рус. Правды и изыск
гѣ. Этотъ Архивъ есть сборникъ разныхъ
ностей и старины Русской, статей больш
ныхъ: первый томъ огромнаго размѣра вы
ступлено уже къ редакціи втораго тома. В
стоитъ и Соловьевъ, извѣстный Проф. Ру
Унив., въ недавнее время умноживший чи
Исторіей Смутнаго времени и Исторіей
найдете и сочиненія самого Калачова и Бус
чительно Москов. ученыхъ. Кромѣ этихъ,
и печатаютъ свои труды по части нашихъ
Бѣляевъ, Вельтманъ, Погодинъ и др. Пого
напечаталъ 4-й и печатаетъ пятый и шест
дованій, знакомя между тѣмъ съ отрывка
Москвитянинѣ. Въ числѣ здѣшнихъ Петер
щихся древностями нашими, первое мѣсто
житъ проф. Неволину. Вамъ извѣстно, вѣ
о пространствѣ духов. суда въ древ. Русн
етъ 3-й томъ Исторіи Гражданскаго права

не уступающее Древностямъ Шафарика. Сахаровъ, послѣ отпечатанія 2-го тома Сказаній Рус. народа, напечаталъ изслѣдованіе о Церковномъ пѣніи и 2 книжки о древнемъ Рус. иконописаніи. Славу его и Снегирева хотѣлъ было похитить нѣкто г. Терещенко (чуть ли вамъ не извѣстный: помните ли, Вы мнѣ когда то показывали его письма изъ Лужицъ въ Сѣвер. Пчелѣ?): онъ издалъ семь томовъ книги: Бытъ Рус. народа. Книга важная по содержанію, по множеству фактовъ, но не имѣющая никакого ученаго достоинства. Это просто выписка изъ другихъ книгъ и газетъ, безъ показанія, откуда что выписано. Не говоря о другихъ ученыхъ, не печатавшихъ пока ничего въ нынѣшнемъ году, или о тѣхъ, которыхъ труды, появясь въ журналахъ, не были напечатаны отдѣльно, я не могу не вспомнить о новомъ изыскателѣ древностей нашихъ, Тюринѣ, и тѣмъ съ большей радостію, что онъ—мнѣ родной, братъ моей жены. Онъ началъ печатать свои изслѣдованія о древн. Рус. Исторіи и издалъ уже книгу подъ заглавіемъ: Обществ. жизнь и Земскія отношенія въ древней Руси, а между тѣмъ приготовилъ къ печати изслѣдованіе о Княжескомъ владѣніи древне-Русскомъ. Онъ не филологъ, сколько бы можно было желать, но зато отличный юристъ и съ свѣтлымъ умомъ соединяющій необыкновенную внимательность въ чтеніи древ. Памятниковъ, какой не изъ филологовъ не показалъ еще у насъ никто, кромѣ развѣ Неволина, и потому не могъ не обратить на себя общее вниманіе. Печатаетъ онъ немногое, а матеріяловъ, сводовъ, словарей и т. п. сдѣлано имъ для этого немногаго пропасть. Богъ дастъ, вы увидите его у себя и тогда полюбуетесь имъ, и какъ ученымъ и вмѣстѣ какъ отличнымъ музыкантомъ, и какъ свѣтскимъ человѣкомъ de la haute volée. Отъ него мы ожидаемъ изданія голосовъ Малорос. пѣсенъ, какого еще не бывало. Устряловъ занимается постоянно Исторіей Петра: первый томъ оконченъ и представленъ Государю Императору. Небольсинъ продолжаетъ изслѣдованіе объ Исторіи Сибири; Савельевъ—о мусульман. кладахъ въ Россіи и издаетъ Записки Археолог. Общества, которыхъ на дняхъ вышелъ 2-ой томъ. Не говорю о Куникѣ, потому что онъ пишетъ не по-Русски. Не говорю и о нѣкоторыхъ другихъ, не имѣя подъ руками всего, что вышло въ послѣднее время. Изданія Матеріяловъ продолжаются безпрерывно. Въ Москвѣ появился 3-й томъ-фоліянтъ великолѣпн. изданія Древностей Русскихъ, 5-ый томъ Временника Общества древностей, 8-я тетрадь Памятниковъ Русской Старины Снегирева и Мартынова, въ Кіевѣ—два тома Записокъ о Курбскомъ, здѣсь—1-й томъ Дворцовыхъ разрядовъ; въ Одессѣ

печатается 3-й томъ Записокъ Общества др
2-й томъ Лѣтописи Величко, здѣсь 5-й то
лѣтописей и два тома Актовъ и т. д., и т.
ловъ причисляю и 2 тома Путешествія Ш
Бѣлозерскій монастырь, которое надѣюсь и

А филологія?— спросите вы. Да и въ
выя утѣшительныя явленія. Академія, въ
принимаю участіе, какъ дѣйств. членъ, пр
Област. словаря Рус. языка подъ редакціе
нова и Русскую Грамматику Давыдова, у
между тѣмъ продолжаетъ собирать дополн
своего Словаря Церков. Слав. и Рус. Павск
тома своихъ наблюденій. Пенинскій издал
Слав. Грамматики, исправленное по рукопи
Хрестоматіи. Костырь издалъ 2-й томъ свои
лолог. изученіи Рус. языка. Новиковъ — и
ширное о Лужиц. нарѣчіяхъ. Буслаевъ—н
критическихъ статей. Зеленецкій въ Одесс
которыхъ я не читалъ. Максимовичъ печат
его Начала Русской филологіи и пр.

И не только филологія и Исторія Рус
стоянно трудами важными и цѣнными, но н
особенно Медицина, Математика, Военны
и Сельское Хозяйство. Есть охотники и
Между ними первое мѣсто занимаетъ Пр
издавшій часть Исторіи Греціи и образова
особ. школу изслѣдователей древностей Гр
телей самобытныхъ, тщательно изучающих
нованіи этого изученія разработывающихъ
наго времени. Другое утѣшительное явленіе
Леонтьевъ, недавно издавшій огромную кн
по словамъ знатоковъ оставила далеко за
объ этомъ дѣлѣ на западѣ.

Объ изящной Литературѣ не скажу т
какъ цензору наскучила, потому что зас
слишкомъ много и пріучила черезъ это бы
тому, что является безъ моей цензуры. В
читалъ, не какъ цензоръ, только два про
Славой и Бели —Чешскую сказку, и комед
люди — сочтемся. Первая вещь для васъ осо
тому что это возсозданіе древ. Чешскихъ
языкомъ и такими стихами, что просто чуд

немного слишкомъ черно, грязно по характерамъ, но всетаки хорошо по обрисовкѣ и по языку.

Журналы огромны по прежнему. Библіотека для чтенія, Отеч. Записки, Современникъ, Сынъ Отечества, Сѣв. Обозрѣніе, Пантеонъ, Москвитянинъ выходятъ ежемѣсячно толстыми томами, такъ что иногда страшно бываетъ взглянуть на массу печатной бумаги. И всетаки журнальные читатели жалуются, что нечего читать; это знакъ, что у насъ такихъ читателей много, гораздо больше, чѣмъ читателей книгъ, особенно ученыхъ.

Ну вотъ вамъ и отчетъ о послѣднихъ явленіяхъ Рус. Литературы. Не пеняйте за неполноту: написалъ наскоро только о томъ, что вспомнилъ,— и многое пропустилъ отчасти потому, что не вспомнилъ, отчасти, что не знаю. Многіе у насъ жалуются на бѣдность Литературы, конечно, потому, что не вспоминаютъ или не знаютъ, что у насъ выходитъ. Я бы поэтому тоже могъ пожаловаться на бѣдность нашу; но желаю быть справедливымъ— охотно упрекаю себя и винюсь передъ вами. Если хотите узнать болѣе, загляните въ Современникъ или Отеч. Записки, гдѣ библіографія Русская полнѣе, чѣмъ въ другихъ журналахъ, и увидите, что въ самомъ дѣлѣ выходитъ много и много хорошаго.

Вотъ и еще двѣ книги, только что мнѣ присланныя авторами: Уманца—Путешествіе на Синай и пр., 2 части; Рафаловича двѣ книжки Путешествія по Нижнему Египту. Я ихъ читалъ, какъ цензоръ, и могу сказать, не перечитывая, что это прекрасныя вещи.. Особенно хороша вторая, какъ сообщающая много новаго. Въ этомъ же родѣ недавно вышла книга проф. Березина: Путешествіе по Востоку: Дагестанъ. Къ этому же роду принадлежатъ и Письма изъ Испаніи Боткина, сочиненіе еще не оконченное, Письма о Сѣв. Италіи Яковлева и пр. Припоминая далѣе, вижу, что забылъ о прекрасномъ сочиненіи Небольсина: Обозрѣніе внѣшней торговли Россіи, заслужившемъ въ Географ. Обществѣ Константиновскую медаль, о постоянно продолжающемся изданіи Военной Статистики Милютина... Ни слова не сказалъ я еще о журналахъ, издаваемыхъ отъ Правительства: ихъ много, всѣ спеціяльные болѣе или менѣе и всѣ превосходны. Ни слова также не сказалъ я о Губерн. вѣдомостяхъ, которыя въ части неоффиціяльной пополняются статьями историч., этнографич., статистич. Одно ихъ обозрѣніе дало бы достаточно матеріялу для отдѣльнаго большого журнала.

Желаю Вамъ всего добраго. Вашъ преданный

И. Срезневскій.

Остается покончить отвѣтами на Ваши письма:

1. Вашего изданія Реймск. Еванг. и Началъ Слав. языка я получилъ отъ Васъ 20 экземп. Изъ нихъ продано 2 экз. Еванг. и 6 экземпл. Началъ. Нѣсколько экземпл. подарено, какъ я Вамъ уже писалъ.

2. Начала Ваши мною прочтены съ карандашомъ въ рукѣ, и я съ истиннымъ удовольствіемъ сообщу Вамъ свои замѣтки, а говорю теперь въ будущемъ времени, потому что оканчиваю свои изслѣдованія о склоненіяхъ и спряженіяхъ Слав. и потому думаю сообщить Вамъ поправки въ этомъ отношеніи уже окончательно обдуманныя.

3. Что касается до Вашего долгу помѣщикамъ Русскимъ, то я не знаю основанія, на которомъ бы Вы могли считать себя въ долгу передъ ними. Вы были только посредникъ и ходатай, и не отъ Васъ зависѣла неудача ходатайства Вашего: у насъ бы и правительство въ своемъ собственно дѣлѣ не вытребовало бы отъ Васъ назадъ денегъ, издержанныхъ хотя и безуспѣшно по его назначенію.

Поклонитесь отъ меня незабвеннымъ Шафарику, Челяковскому, Пуркиньѣ, Станьку, Амерлингу, также доброму Крольмусу, Кубку и др.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе супругѣ Вашей. Оля моя посылаетъ Вамъ (передаю букву въ букву): dobrý den. Она учится читать по Чешской азбукѣ Франты Шумавскаго и спрашивала меня, почему это Чехи говорятъ какъ мы, а пишутъ по французски? Ей только 4¼ года и потому вопросъ простителенъ.

36.

СПбургъ, 1-е Марта 1851 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій другъ Вячеславъ Вячеславичъ! Поклонъ Вамъ отъ всѣхъ Вашихъ здѣшнихъ пріятелей и почитателей. Между прочимъ отъ А. С. Норова, съ которымъ не далѣе какъ вчера еще говорилъ я о Васъ и о книгѣ, которую Вы къ нему послали. Какъ любитель рѣдкостей, онъ очень Вамъ благодаренъ и, постоянно умножая свою прекрасную библіотеку изданіями, стоющими занять въ ней мѣсто по важности содержанія или по древности, не замедлитъ обратиться къ Вамъ съ новою просьбой. Кланяется Вамъ и А. Х. Востоковъ, съ которымъ мы нерѣдко говоримъ о Васъ при нашихъ встрѣчахъ съ нимъ въ засѣданіяхъ Академіи, и о котораго трудахъ я могу сообщить

Вамъ, что его Старославянская Грамматика почти готова и, Богъ дастъ, скоро будетъ печататься, а Словарь все болѣе совершенствуется. Мой отзывъ о томъ и другомъ Вы скоро прочтете въ Отчетѣ II-го Отдѣленія Академіи, который уже печатается. Кланяется Вамъ и А. Н. Поповъ, который вмѣстѣ съ моимъ шуриномъ А. Ѳ. Тюринымъ уже окончили первый огромный томъ Статейныхъ списковъ, т. е. актовъ дипломатическихъ сношеній Россіи, издаваемыхъ отъ II-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, и хлопочетъ надъ вторымъ. Кланяется и Н. И. Надеждинъ, попрежнему трудящійся надъ всѣмъ, что можетъ занимать умъ Русскаго и Славянина, съ юношеской энергіей и съ тѣмъ умѣньемъ пользоваться своей огромной ученостью, которыми, Вы знаете, немногіе могутъ владѣть такъ, какъ онъ. Кланяется и Н. Г. Устряловъ: его превосходный трудъ о жизни Петра В. быстро идетъ впередъ. Вспомня о лицахъ этихъ и другихъ подобныхъ и ихъ работахъ, о благородномъ стремленіи этихъ работъ и трудолюбіи, невольно вспомнишь и о Русской наукѣ, о ея успѣхахъ и порадуешься за нее въ наше время. Поддерживаемая Правительствомъ, она видимая и невидимая душа нашей новой жизни, она возвышается все болѣе, какъ дубъ, тихо, будто и медленно, но прочно, все глубже пуская корни по всему пространству нашей земли. Съ недовѣрчивостью къ самимъ себѣ, даже подсмѣиваясь надъ нечаянными взрывами признанія своихъ успѣховъ, мы однако все болѣе цѣнимъ свою Русскую науку, какъ нашу родную, и придетъ время—заставимъ цѣнить ее и другихъ. Наша скромность тутъ намъ только поможетъ, а не повредитъ; поможетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будетъ развиваться наша требовательность ученая, которая заставляетъ каждаго изъ нашихъ ученыхъ слѣдить за успѣхами его предмета во всей Европѣ, не забывая, разумѣется, того, что дѣлается у насъ, и не привязывая науки къ хвосту прихотей современности.

Желая Вамъ сообщить хоть нѣсколько замѣчаній объ ученыхъ работахъ нашихъ, я ограничусь на этотъ разъ нѣсколькими данными о тѣхъ ученыхъ обществахъ, которыхъ дѣятельность мнѣ болѣе извѣстна.

Старѣйшее изъ нихъ, Академія Наукъ, безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто. Объ отдѣленіи математики и физики я могу сказать только то, что Остроградскій, Буняковскій и нѣкоторые другіе остаются попрежнему свѣтилами, достойными благодарной памяти въ современныхъ успѣхахъ нашей науки.

Отдѣленіе Русское продолжаетъ попрежнему свои труды общіе, предоставляя на волю только частную ученую дѣятель-

ность своихъ членовъ. Этими общими трудами было во 1-хъ: продолженіе изданія Областнаго Словаря Великорус. нарѣчія; теперь уже отпечатано 15 листовъ; во 2-хъ, печатаніе Общесравнительной Грамматики Русской Академика Давыдова; теперь печатается уже она начисто, но не безъ поправокъ и дополненій противъ перваго пробнаго изданія, въ которыхъ принимаютъ участіе многіе члены; въ 3-хъ, собираніе матеріяловъ для полнаго словаря Русскаго: это дѣло пока занимаетъ только досужное время, скоро впрочемъ сдѣлается главнымъ; въ 4-хъ, печатаніе словаря Западнаго Русскаго: отвѣтственная редакція лежитъ на обязанности протоіерея Григоровича, но въ исправленіяхъ принимаютъ участіе и нѣкоторые члены. Изъ числа членовъ Отдѣленія принимали постоянное участіе въ трудахъ общихъ и въ засѣданіяхъ: Полѣновъ, Бутковъ, Востоковъ, Давыдовъ, Кочетовъ, Бередниковъ, Плетневъ, Коркуновъ и Вашъ покорнѣйшій слуга. Изъ нихъ Бутковъ напечаталъ нѣсколько критическихъ статей о древней Рус. Исторіи, Востоковъ окончилъ въ чернѣ Грамматику Старославянскую, Давыдовъ хлопоталъ со своей Русской Грамматикой, Бередниковъ допечаталъ 5-й томъ лѣтописей, Коркуновъ — 4-ый томъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ, а Вашъ покорный слуга—нѣсколько статей о древнихъ памятникахъ Русск. языка. Изъ трудовъ членовъ не присутствовавшихъ явились подъ вліяніемъ Отдѣленія: новый томъ Изслѣдованій Погодина и Путевыя Записки Шевырева. Впрочемъ, обо всѣхъ трудахъ Вы узнаете подробно изъ Отчета, уже отпечатаннаго, который будетъ посланъ и къ Вамъ, какъ къ нашему члену-корреспонденту. Отдѣленіе 3-е Историко-филологическое въ своей дѣятельности извѣстно по Bulletin de la classe des sciences historiques etc. Важнѣе всѣхъ другихъ труды Устрялова и Кёпена. Объ Устряловѣ я уже говорилъ. О Кёпенѣ скажу, что два листа его Этнограф. карты Европ. Россіи уже готовы, два остальные скоро выдутъ; издана также его этнограф. карта Петербург. губерніи и записка о Литовскомъ племени въ Россіи (по его расчету выходитъ, что всѣхъ Литовцевъ у насъ 872,000). Любопытны разысканія Грефе по части Сравнительной Грамматики: въ послѣднее время вышло 3 статьи и одна изъ нихъ—Über die alte Slavonische Sprache in Beziehung auf die Zufälligkeit der verbalen Flexions-Reihen. Замѣчателенъ также трудъ Шёгрена и Бётлинка, а равно и корреспондента Академіи профессора Куторги. Нѣкоторые жалѣютъ, что труды этого Отдѣленія Академіи большею частію случайны, совершенно зависимы отъ частной воли членовъ; несмотря на это, нельзя не видѣть многаго добраго въ этихъ трудахъ, осо-

бенно въ большихъ, каковы труды Устрялова, Кёпена и другихъ.

Вниманіе общее обращаютъ на себя впрочемъ болѣе труды Общества Географическаго, которое соединило въ себѣ уже 400 членовъ и почти всѣхъ здѣшнихъ меценатовъ, ученыхъ и литераторовъ, которыхъ занимаютъ успѣхи нашей географіи, статистики, этнографіи и т. п. Великій князь Константинъ Николаевичъ вниманіемъ и участіемъ своимъ благодѣтельно содѣйствуетъ преуспѣянію Общества. Записокъ Общества печатается уже 6-й томъ. Вмѣсто Географ. извѣстій издается Вѣстникъ Геогр. Общества по 6-ти томовъ въ годъ. Отдѣльно, подъ редакціей Надеждина, издается Этнографическій сборникъ. Такъ же отдѣльно, подъ редакціей его и моей предположено издавать Памятники Рус. языка и Словесности, которыхъ собрано въ Обществѣ очень много. Матеріялы Общества, присылаемые изъ провинцій, растутъ безпрерывно и служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ успѣховъ нашей народной образованности: не говоря о запискахъ, присылаемыхъ отъ сельскаго духовенства, даже записки отъ людей простого званія такъ вообще удовлетворительны, какъ нельзя было и надѣяться.

Общество Археологическое, подъ предсѣдательствомъ Герцога Лейхтембергскаго, несмотря на свою молодость, видимо крѣпнетъ въ своихъ силахъ. Его Записки издаются одни на Русскомъ, другія на франц. и нѣмецкомъ: однихъ вышло два тома, другихъ 4. На дняхъ Общество раздѣлилось на 3 отдѣленія: Археологіи Рус. и Славянской, Археологіи Восточной и Археологіи Западной. Это раздѣленіе очевидно будетъ благодѣтельно для преуспѣянія Общества, сосредоточа силы и цѣли.

Общество Московское Исторіи и Древностей Русскихъ дѣятельно не такъ, какъ прежде, при секретарствѣ Бодянскаго; но не засыпаетъ, не отстаетъ отъ общаго движенія. До сихъ поръ вышло 8 томовъ Временника его, изъ которыхъ въ каждомъ есть изслѣдованія и матеріялы очень важные и любопытные. Дѣятельнѣе всѣхъ другихъ членовъ секретарь Общества Бѣляевъ, продолжающій разрабатывать разные предметы Русскихъ древностей съ удивительнымъ трудолюбіемъ и скоростію. Изъ другихъ членовъ болѣе другихъ дѣятельны Калачовъ, Буслаевъ, Ундольскій, Афанасьевъ и другіе Московскіе представители Русской Науки.

Общество Одесское Древностей тоже не дремлетъ. Недавно вышелъ 2-й большой выпускъ 2-го тома его Записокъ, гдѣ помѣщено много любопытныхъ статей, но любопытныхъ болѣе

для мѣстныхъ изыскателей. Для Васъ интереснѣе другихъ, вѣроятно, будетъ моя статья о Городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, вышедшая впрочемъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ была написана, и уже Вамъ извѣстная изъ моего сочиненія о богослуженіи Славянскомъ. Послѣ открытій городищъ въ долинѣ Миссиссипи нельзя уже, конечно, остаться при прежнемъ о нихъ мнѣніи.

Оставляю письмо въ надеждѣ еще что-нибудь написать послѣ засѣданія Общества Археологическаго.

Исторіей Литературы Русской для Васъ я займусь лѣтомъ. Болгарскій переводъ можетъ быть хоть сейчасъ къ услугамъ Вашимъ, но въ такомъ видѣ, какъ есть, онъ, мнѣ кажется, не годится для Вашего изданія: онъ по языку нехорошъ. Въ Отеч. Запискахъ обозрѣніе Рус. литературы помѣщается каждый годъ, такъ, какъ и въ Современникѣ; но отдѣльныхъ оттисковъ достать невозможно. Кланяйтесь отъ меня Іордану и всѣмъ, кто меня помнитъ. Если что есть для меня, то потрудитесь послать прямо по почтѣ или транспортомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для передачи мнѣ, или на имя А. С. Норова тоже съ передачей.

5-го Марта 1851 г.

Былъ ли у Васъ въ рукахъ № 179-й Бюллетеня de la classe des sciences hist. etc. de l'Académie impériale des sciences? Если былъ, то Васъ конечно остановила тамъ на себѣ статейка: Ein russischer Verkaufsbrief aus dem XIII Jahrhundert, къ которой приложенъ и снимокъ. Посылаю вамъ четыре строчки снимка, а вотъ и вся грамота, какъ есть, строка въ строку и буква въ букву:

се порѧдисѧ. тѣшата. съ ꙗкымомь.
проскладьство. про первоѥ. и про задь
неѥ. и на дѣвцѣ. ꙗкымъ. серебро взѧ
лъ. а мониста. тѣшатина. у ꙗкымо
вы жены. свободна. тѣшатѣ. взѧти.
и рощетъ. оучинила. промежи себе. а
болѣ ненадобѣ. ꙗкыму. тѣшата. нї
тѣшатѣ. ꙗкымъ. а на томь. послуси.
двд҃ъ. попъ. дорожка. домославъ.
вѣкошкънъ. боꙗнъ. кузма. лойкови
чь. жидило. жихновичь. иванъ. смо
лнѧнинъ. а кто сии рѧдъ. переступи
ть. ꙗкымъ ли. тѣшата ли. тотъ дасть
р҃. грив. серебра. а псалъ. довмонтовъ
писець.

Къ грамотѣ приложена свинцовая печать, на которой съ одной стороны крестъ, а съ другой—изображеніе святаго съ подписью съ боку въ четырехъ строкахъ тимо|ѳе|і.

Грамота эта для насъ очень любопытна, какъ актъ о частной сдѣлкѣ, которыхъ до насъ дошло такъ мало отъ нашей древности, и какъ памятникъ правленія князя псковскаго Довмонта-Тимофея. Но что это за грамота, что за сдѣлка, по случаю которой она написана? Ее открылъ въ Рижскомъ город. Архивѣ г. Наперскій и, выдавши ее за Verkaufsbrief или Verkaufseinigung (въ чемъ согласился съ нимъ и Куникъ, давшій мѣсто его объясненію въ своихъ Analectes historiques), перевелъ ее такъ:

„Es kam überein Teschata mit Jakim wegen eines Schmuckes, (bestehend aus) Vorder- und Hintertheil u....(?*). Jakim empfing das Silber und der Schmuck gehört Teschata zu, der ihn von der Frau des Jakim nehmen kann. Auch haben sie sich beide unter sich berechnet und weiter bedarf einer des andern nicht, weder Jakim den Teschata, noch Teschata den Jakim. Darüber waren Zeugen der Pop David, Doroschka, Domoslaw, Wekoschkin, Bojan, Kusma Loikowitsch, Shidilo Shichnowitsch, Iwan von Smolensk. Wer diese Abmachung übertritt, sei's Jakim, sei's Teschata, der zahlt 100 Griwen Silber. Geschrieben hat's Dowmonts Schreiber".

Къ этому переводу Наперскій дѣлаетъ примѣчаніе касательно слова „надѣвцѣ": „vielleicht Umschlag, Ueberzug, oder dgl. Vgl. надѣвать, anziehen. Куникъ, не исправляя перевода Наперскаго, замѣчаетъ: Ich habe nämlich nicht nur selbst bis jetzt mich vergebens bemüht, die Wörter... про складьство про первое и про задьнее и на дѣвцѣ (надѣвцѣ?) aus ähnlichen Documenten zu deuten, sondern auch mehrere gelehrte Freunde in St. Petersburg und Moskau haben mir einstweilen nur ihre Vermuthungen über den Sinn jener Stelle mitgetheilt.

Что касается до меня, то мнѣ вовсе не вѣрится возможности придать акту такой смыслъ, какой даютъ ему Наперскій и Куникъ. Вотъ мой переводъ:

„Es kam überein Tieschata mit Jakim wegen der Mitgift der vorher- und nachher- kommenden. Auch für die Braut empfing Jakim das Silber. Das Halsband aber des Tieschata von der Frau des Jakim ist Tieschata frei abzunehmen. Auch die Rechnung haben sie sich beide unter sich abgemacht. Und mehr bedarf einer des andern nicht, weder Tieschata den Jakim, noch Jakim den Tieschata. Darüber waren Zeugen: David der Pfaffe... (и прочіе). Wer aber diese Vertrag übertritt, entweder Jakim, oder Tieschata,

der zahlet 100 Griwen Silber. Geschrieben hat es Dowmont's Secretär".

Къ этой пробѣ перевода не лишнимъ считаю прибавить:

складьство не значитъ собственно Mitgift, приданое, а вообще все, что составляетъ предметъ склада, слога, сложенья, договора, условія, сговора, соглашенія; только послѣдующія выраженія опредѣляютъ настоящій смыслъ этого слова здѣсь;

слова перьвыи и задьнии въ смыслѣ прежній и послѣдующій не требуютъ объясненія, потому что нерѣдки;

надѣвцѣ читать однимъ словомъ, не отдѣляя предлога на отъ предложнаго падежа дѣвцѣ, нѣтъ никакой возможности. На дѣвцѣ можно понимать только или какъ у дѣвки, или какъ за дѣвку. Въ послѣднемъ смыслѣ на дѣвцѣ значитъ за невѣсту, т. е. за дочь или за родственницу Якима,— и это то выраженіе разрѣшаетъ весь смыслъ грамоты. Якимъ выдавалъ эту дѣвку-невѣсту за мужъ за Тѣшату и, условясь объ имуществѣ, которое долженъ былъ онъ дать жениху сначала и послѣ, обезпечивалъ жениха грамотою, что онъ за свою дѣвку денежную плату уже получилъ, а себя обезпечивалъ въ той же грамотѣ, на случай, еслибы женихъ вздумалъ отказаться отъ невѣсты, условіемъ объ неустойкѣ;

монисто, о которомъ упоминается въ грамотѣ, какъ уже принадлежащемъ Тѣшатѣ-жениху, есть безъ сомнѣнія одна изъ вещей, принадлежавшихъ къ складьству первому, уже жениху переданному, и потому не забыто здѣсь, какъ вещь, которая оставалась у жены Якима противъ условія, или задержана была на время, до формальнаго окончанія ряда;

а кто сий рядъ переступить... тотъ дасть 100 гривенъ серебра. Подъ словомъ рядъ можно понимать всякой договоръ, по преимуществу рядомъ или рядной и называлось и до сихъ поръ въ народѣ нашемъ называется сватебный контрактъ. Что и здѣсь рядъ есть та же рядная сватебная, этому доказательствомъ служитъ, кромѣ упоминанія о дѣвкѣ-невѣстѣ, самая огромность неустойки: 100 гривенъ—для XIII вѣка сумма огромная. Ее можно было ожидать только въ важномъ случаѣ, какъ здѣсь, когда и женихъ лишиться могъ складьства задьняго, и выдававшій замужъ невѣсту могъ опасаться отказа жениха и себѣ съ своей невѣстой сраму;

а псалъ Довмонтовъ писецъ. Писецъ — очевидно не простой Schreiber, а тайникъ, секретарь, дѣлопроизводитель.

Кстати о Довмонтѣ. Хотя Куникъ и сомнѣвается, тотъ ли это Довмонтъ, который игралъ такую важную роль въ Псковѣ

во второй половинѣ XIII в., замѣчая, что „indessen gab es in jener Zeit wenigstens vier litauische Fürsten Namens Dowmont, deren Geschichte durch die späteren Compilatoren der zum Theil verloren gegangen süd-und west-russischen Annalen sehr verwirrt worden ist"; тѣмъ не менѣе ясно, что это тотъ самый, который въ лѣтописяхъ называется еще и Тимоѳѣемъ: въ этомъ убѣждаетъ привѣшенная печать.

Для большей ясности прилагаю другую рядную, хоть и позже писанную, но по характеру и по формѣ очень сходную съ вышеприведенной:

Се язъ Тищина Костянтиновъ сынъ Сулменева: жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михаиловыхъ, дѣтей Ржевскаго, а поняти мнѣ ихъ сестра Олена Михаилова жъ дочь Ржевскаго, за недѣлю до заговѣнья Филипова лѣта 7050—осмаго; а не женюсь язъ Тишина на тотъ срокъ, у Замятни да у Василья, по сей записи сто рублевъ денегъ. А на то послуси... А запись писалъ Васюкъ Ѳедоровъ сынъ Засѣцкого, лѣта 7057 (къ подлиннику приложили руки трое изъ свидѣтелей).

Изъ подобныхъ рядныхъ съ помощію Записокъ Котошихина можно извлечь очень любопытные факты объ древнихъ обычаяхъ сватебныхъ, изъ которыхъ многіе сохранились въ народѣ и до сихъ поръ.

Что же касается до ряда Тѣшаты и Якима, то онъ замѣчателенъ и какъ памятникъ языка второй половины XIII вѣка, служа вмѣстѣ съ немногими другими доказательствомъ тому, что уже въ это время Рус. нарѣчіе было въ переходномъ состояніи, употребляя рядомъ съ формами старыми формы новыя, которыя въ послѣдствіи должны были остаться одни, удаливъ отъ себя старину, какъ стихію отжившую и уже негодную, хотя для изыскателей жизни языка въ народѣ и драгоцѣнную.

37.

Павловскъ, 23 Іюня 1851 г., Суботa.

Въ прошедшіе вторникъ и середу были у меня изъ Славянской филологіи экзамены воспитанниковъ Главнаго Педагогическаго Института... Но вы, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичь, можетъ быть не знаете, что такое этотъ Институтъ; а потому вотъ вамъ нѣсколько данныхъ о немъ.

Г. П. Институтъ, первоначально основанный при Академіи Наукъ еще въ 1725 г., подъ названіемъ Гимназіи, преобразованный въ 1816 г. подъ настоящимъ своимъ названіемъ, въ 1819 г.

соединенный съ Университетомъ и въ 1828 г. вновь получившій свое независимое значеніе, учрежденъ для приготовленія профессоровъ и учителей въ учебныя заведенія Министерства народн. просвѣщенія и состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Министра Н. П. или его товарища. Въ него поступаютъ студенты университетовъ, воспитанники духовныхъ семинарій и вообще молодые люди, получившіе образованіе, равняющееся полному гимназическому курсу. Всѣ они должны имѣть по происхожденію право на вступленіе въ гражданскую службу и выдержать экзаменъ для удостовѣренія въ свѣденіяхъ ихъ и способностяхъ. Принятые въ Институтъ получаютъ званіе студентовъ и мундиръ со шпагой; живутъ въ зданіи Института подъ присмотромъ Директора, Инспектора и надзирателей, одѣты и сыты на счетъ Правительства, отпускающаго для этого на каждаго студента по 500 руб. ас.; остаются такъ въ Институтѣ четыре года, и по окончаніи курса наукъ обязаны прослужить по назначенію Министерства Народн. просвѣщенія не менѣе 8 лѣтъ. Отличительный характеръ ученія въ Институтѣ состоитъ въ приготовленіи студентовъ къ воспитанію юношества. Для этого всѣ науки излагаются критически въ отношеніи къ мнѣніямъ важнѣйшихъ писателей по каждому предмету, и студенты подъ руководствомъ Директора и Профессора педагогики пріучаются давать лекціи по разнымъ предметамъ. Въ факультетѣ Историко-филологическомъ преподаются: Русская словесность, Славянская филологія, Греческая словесность и древности, Римская словесность и древности, Общая сравнительная грамматика, Русская Исторія, Всеобщая Исторія и историческая Географія, Политическая Экономія и Статистика, Русское Законовѣденіе. Въ факультетѣ физико-математическомъ: Аналитическая Геометрія, Дифференціалъ и интегралы, Астрономія, Механика, Физика, Химія, Технологія, Минералогія, Ботаника, Зоологія. Кромѣ того, въ обоихъ факультетахъ: Законъ Божій, Психологія и Логика, Педагогика, Словесность французская и нѣмецкая, а для желающихъ—Англійскій языкъ. Студенты, предназначаемые въ учители по Варшавскому округу, обучаются польскому языку, для котораго есть особенный экстраординарный Профессоръ.

Весь Институтъ управляется Директоромъ и Конференціей профессоровъ. Мѣсто директора занимаетъ теперь извѣстный въ нашей литературѣ по учености и краснорѣчію И. И. Давыдовъ. Изъ Профессоровъ вамъ знакомы, какъ члены Академіи: Грефе, Остроградскій, Купферъ, Устряловъ, Брандтъ, Срезневскій. Самъ Директоръ тоже академикъ и Профессоръ Института.

Въ числѣ Профессоровъ Университета памятны, какъ заслуженные писатели наши: Куторга I-ый, Шиховскій, Лоренцъ и пр.

Счастливый подборъ преподавателей и воспитанниковъ при вниманіи Правительства къ преуспѣянію заведенія и заботливости Директора и Инспектора дѣлаетъ Институтъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ учебныхъ заведеній русскихъ, имѣющихъ чрезвычайно важное вліяніе на успѣхи просвѣщенія. Довольно сказать, что послѣ окончательнаго преобразованія Института въ 1828 году до 1844 года выступило изъ его питомцевъ на службу по Министерству 443 человѣка, и въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія 35. Надобно для ясности прибавить, что по окончаніи курса наукъ воспитанники распредѣляются на степени по дарованіямъ и успѣхамъ. Всѣ хорошіе получаютъ званіе учителей Гимназическихъ, а лучшіе, имѣя право держать прямо экзаменъ на степень Магистра въ Университетѣ, назначаются адъюнктами въ Университеты, въ Лицеи и въ самый Институтъ. Такъ, между преподавателями изъ институтскихъ студентовъ въ С.-Петербургск. Университетѣ считается 2, въ Московскомъ 3, въ Харьковскомъ 8, въ Кіевскомъ 8, въ Казанскомъ 5, въ Дерптскомъ 1, въ Училищѣ Правовѣденія 1, въ Одесскомъ Лицеѣ 1, въ самомъ Институтѣ 6.

Для удостовѣренія въ успѣхахъ студенты каждый годъ въ Іюнѣ подвергаются испытанію, и черезъ каждые 2 года бываетъ выпускъ окончившихъ курсъ и передъ этимъ выпускные экзамены. Въ нынѣшнемъ году были тоже выпускные экзамены и между прочимъ 20 Іюня экзаменъ по Славянск. филологіи — до сихъ поръ въ Институтѣ еще первый, потому что прежде этотъ предметъ еще не былъ преподаваемъ.

Испытанію подвергалось 20 студентовъ въ присутствіи Министра, его товарища, нѣкоторыхъ любителей Наукъ и Славянства и т. п. Экзаменъ продолжался съ 10 до 5, т. е. семь часовъ. Тѣ изъ студентовъ, для которыхъ Слав. филологія предметъ побочный, отдѣлывали свое дѣло довольно скоро, но зато другіе были пытаемы со всей строгостью, и наконецъ одинъ, занимавшійся преимущественно Слав. филологіей, какъ главнымъ своимъ предметомъ, простоялъ въ пыткѣ не менѣе 1¼ часа. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что каждый студентъ, отвѣчая на выпускномъ экзаменѣ, испытывается, какъ будущій наставникъ: отвѣчаетъ съ кафедры, дѣлая изъ своего отвѣта пробную лекцію, въ которой долженъ показать не только знаніе, но и умѣніе выражаться. Этотъ отвѣтъ отличенъ отъ лекціи только тѣмъ, что разсказъ

студента перебивается вопросами присутствующихъ и эпизодическими объясненіями отвѣчающаго.

Отвѣчали у меня всѣ безъ исключенія прекрасно, гораздо лучше, чѣмъ я могъ ожидать, всегда готовые объяснить источники и пособія, нужныя для изученія каждаго изъ вопросовъ; а нѣкоторые и критически разбирали мнѣнія разныхъ писателей. Всѣ разумѣется были готовы переводить и переводили съ разныхъ Слав. нарѣчій. Не смотря на то, что вотъ уже скоро девять лѣтъ, какъ я преподаю Слав. филологію, экзаменъ этотъ былъ для меня тріумфомъ, которому я радовался отъ всей души, и какъ о тріумфѣ пишу вамъ, будучи увѣренъ, что это и для васъ будетъ радостно. Наши Русскіе успѣхи на поприщѣ нашей родной науки, оживленной сознаніемъ необходимости знать Славянство, еще впереди, но послѣ подобныхъ испытаній эти успѣхи уже не мечта, не pium desiderium, а дѣйствительность. Воображаю, какъ бы весело было вашему сердцу, если бы вы могли участвовать въ испытаніи этомъ и слышать, какъ наши воспитанники знакомы со всѣмъ, что было и есть замѣчательнаго въ области науки и словесности Славянской, и знакомы не по однимъ разсказамъ профессора, а лично, собственной наглядкой. Имя ваше, разумѣется, повторялось между другими незабвенными именами довольно часто: было бы странно не знать и не уважать вашихъ заслугъ, когда извѣстны и уважены заслуги десятковъ другихъ писателей Западно-Славянскихъ. Кстати сказать, о чемъ я забылъ написать прежде, что студенты Института имѣютъ подъ руками богатую библіотеку, приноровленную къ ихъ ученымъ потребностямъ, и что ихъ кабинеты похожи на тѣ кабинеты ученыхъ, въ которыхъ книги набирались не случайно, а по строгому выбору, и богаты всѣмъ нужнымъ и хорошимъ изъ всѣхъ краевъ Европы. Еще считаю нужнымъ замѣтить, что изученіе Слав. филологіи не оставалось особнякомъ, не связаннымъ съ другими отраслями филологіи и исторіи. Между прочимъ нѣкоторые изъ моихъ воспитанниковъ, занимавшихся Нѣмецкою словесностью и древнимъ Нѣмецкимъ языкомъ, упражняли свои филологическія способности сравненіями древностей языка и быта Славянъ и Германцевъ; нашелся одинъ и со знаніемъ Шведскаго языка, съ помощію котораго изучилъ языкъ Эдды и Сагъ Исландскихъ и примѣнилъ къ древностямъ родного племени свои знанія, до сихъ поръ еще у насъ очень рѣдкія, и т. д. Никто при этомъ не работалъ самъ по себѣ и для себя; плоды дѣятельности каждаго становились общимъ достояніемъ всѣхъ: это не могло не содѣйствовать къ развитію опытности и ученаго напра-

вленія. Какъ все это зависѣло отъ общаго участія всѣхъ преподавателей, доказательствомъ можетъ служить между прочимъ и слѣд. мѣсто изъ рѣчи одного изъ преподавателей института, занимающагося древней классической литературой: „Satis erit vos, commilitones, hic monuisse quemadmodum saepe antea feci, ne obliviscamini, quae non exigua commoda in discendis linguis classicis praebent vobis sermo patrius. Inter omnes enim linguas recentiores Slavicae dialecti solae servarunt terminationes pleniores; in his igitur quaeratis varietatem formarum et accuratam distinctionem flexionum, quibus illae linguae prae ceteris praestant, ita magis atque magis videbitis Slavicas dialectos aptissimas esse, quae cum lingua graeca et latina comparentur". Понятія старца Греффе, преподающаго Греч. словесность, вамъ извѣстны изъ Bulletins de l'Académie... Словомъ сказать, все содѣйствовало къ тому, чтобы мои воспитанники успѣли въ филологіи Славянской, и потому то я такъ смѣло пишу о своемъ тріумфѣ: онъ не мой, а нашъ. Министръ остался очень доволенъ и съ родительскимъ чувствомъ благодарилъ студентовъ. Товарищъ Министра, А. С. Норовъ, замѣтилъ мнѣ, что къ довершенію торжества надобно было бы желать, чтобъ на этомъ испытаніи присутствовали Ганка, Шафарикъ, Коларъ, Вукъ, Мацѣевскій и порадовались, какъ счастливо привилась у насъ наука, ими созданная.

Сегодня былъ въ Институтѣ выпускной актъ. Двадцать пять воспитанниковъ удостоены званія старшихъ учителей Гимназій, а пять—званія младшихъ учителей. Пять воспитанниковъ получили серебренныя медали, а два (братья Лавровскіе) — золотыя. Изъ этихъ двухъ одинъ посвящаетъ себя Русской Исторіи, а другой — Славянской филологіи. Одинъ представилъ разборъ памятниковъ 1) о воцареніи Михаила Федоровича и 2) о Завоеваніи Руяны Вольдемаромъ, а другой—разборъ Реймскаго Евангелія сравнительно съ Греч. подлинникомъ по Ватиканскому списку и Русскихъ былинъ о пирахъ и богатыряхъ Владимира. Эти сочиненія будутъ напечатаны на казенный щетъ. Можно надѣяться, что оба брата получатъ мѣста въ Университетахъ и поддержатъ честь Института. Министръ и Директоръ напутствовали юныхъ наставниковъ своими совѣтами и наставленіями. Слово Директора, произнесенное имъ съ удивительнымъ искуствомъ, передаю Вамъ вполнѣ, какъ свидѣтельство о характерѣ нашего воспитанія:

„Привѣтствуя Васъ, Господа, съ окончаніемъ курса ученія Вашего въ Главн. Педаг. Институтѣ и съ даруемыми Вамъ учеными званіями, въ торжественныя минуты разлуки съ Вами, я

почитаю долгомъ напутствовать Васъ словомъ совѣта и дружбы. Важная обязанность воспитателя и наставника, къ которой Вы по призванію и собственному выбору, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ готовились, Вамъ извѣстна. Воспитателямъ и Наставникамъ Отечество поручаетъ надежду свою въ будущемъ, а родители лучшее свое сокровище. Вы изучили и всѣ правила науки педагогической, возникшей изъ наблюденій надъ развитіемъ душевныхъ способностей и опытовъ мужей, посвятившихъ жизнь свою воспитанію и образованію юношества. Но ученіе доставляетъ намъ только то, что подлежитъ размышленію; а что образуетъ сердце, то пріобрѣтается не столько изъ книгъ и словъ, сколько изъ примѣровъ наставниковъ и воспитателей. Если воспитатели и наставники не проникнуты сами тѣми чувствованіями, которыя желаютъ возбудить въ питомцахъ своихъ, то наставленія ихъ не произведутъ благотворныхъ послѣдствій, не согрѣютъ юношескаго сердца, которое требуетъ живаго образца.

„Гдѣ жъ найти этотъ небесный, всеодушевляющій огонь, проливающій на юношей и свѣтъ и теплоту? Воспитываетъ только святая Любовь, тотъ Духъ, который „вся во всѣхъ“ дѣйствуетъ. Мы, какъ орудія божественнаго Промысла, лишь только слѣдуя Его внушенію, можемъ дѣйствовать въ важномъ дѣлѣ воспитанія. Благодать небесная посылаетъ намъ духа премудрости и разума, духа совѣта и крѣпости, духа вѣденія и благочестія. Въ Творцѣ всего творенія и истина, и нравственное добро, и высшая красота: здѣсь начало и конецъ вѣденія человѣческаго. Съ умилительнымъ благоговѣніемъ возлагая все упованіе на этотъ живительный источникъ мудрости, напитайте юныя сердца христіанскими добродѣтелями. Вы должны на другихъ низводить благочестіе, мудрость и кротость: не удаляйте же отъ себя этихъ добродѣтелей, совершенствуя самихъ себя и въ познаніяхъ, и въ терпѣніи, и въ упованіи на Промыслъ. Не ожидайте за труды свои наградъ прежде первой и главной награды— благословенія Свыше, которое нисходитъ только на чистую и свѣтлую совѣсть. Не берите на себя успѣховъ, какіе получите отъ трудовъ своихъ: напрасно мы насаждаемъ и поливаемъ, если Податель всѣхъ благъ не возращаетъ. Не страшитесь и трудностей, какія можете встрѣтить въ дѣлѣ своемъ, и не отчаивайтесь: были бы дѣйствія Ваши правы, безукоризненны, — и Вы совершите начатое. Такое воспитаніе, какъ живой образецъ, воздѣйствуетъ на Вашихъ питомцевъ; Вы будете вѣрными слугами Государю, щедротами Его воспитанные; исполните ожиданія На-

чальниковъ и наставниковъ Вашихъ, показавшихъ Вамъ столько любви, принесете честь мѣсту образованія своего и устроите собственное благополучіе.

„Вотъ слово дружбы и совѣта о важной цѣли воспитанія и образованія; къ достиженію ея должны быть направлены Ваши дѣйствія. Отъ всей души желаю Вамъ трудиться добросовѣстно на новомъ для Васъ поприщѣ жизни, къ которому съ такою попечительностью готовило Васъ мѣсто Вашего воспитанія и образованія, и повторяю Вамъ всегдашній завѣтъ нашъ быть преданными Престолу и Русскими".

Праздникъ окончился обѣдомъ, за которымъ пировали вмѣстѣ съ Министромъ и Профессорами и выпускные студенты. Мы пили за здоровье нашего Государя, пѣли нашу народную пѣснь, да хранитъ Его Богъ, пили за благоденствіе Института, за здоровье Министра и всѣхъ ему помогающихъ укрѣплять наше просвѣщеніе,—и молодое поколѣніе проводило потомъ добраго своего Министра до кареты, прощаясь съ нимъ, какъ съ отцомъ.

Пора положить перо и дать покой себѣ и вамъ. Давно уже прошла пора искать огненный цвѣтокъ папоротника, а я все еще пишу. Пишу изъ Павловска, потому что это лѣто мы проводимъ здѣсь на дачѣ. Хоть отъ столицы и далеко, но пары переносятъ туда и сюда довольно быстро, а жить и гулять здѣсь по обширнымъ великолѣпнымъ садамъ есть гдѣ.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ меня помнящимъ. Вашъ

И. Срезневскій.

38.

Въ письмѣ Дубровскаго (безъ даты).

Петръ Павл.[1]) прислалъ мнѣ свое письмо къ Вамъ, чтобы и я написалъ Вамъ нѣсколько строкъ. Очень радъ, тѣмъ болѣе, что я въ долгу у Васъ, не отвѣчая Вамъ на нѣсколько Вашихъ добрыхъ вѣсточекъ. Говоря о нашихъ новостяхъ, П. П. долженъ былъ бы сказать прежде о вниманіи Министра къ Академіи, о дѣятельности новаго предсѣдательствующаго во 2-мъ отдѣленіи оной, И. И. Давыдова, о торжественномъ собраніи, бывшемъ въ Академіи 29 Декабря, объ избраніи проф. В. И. Григоровича и В. С. Караджича въ число членовъ корреспондентовъ; но въ собраніи П. П. не былъ, и ограничился тѣмъ, что было у него подъ рукою. Извѣстія Вы скоро получите: будьте судьею и со-

[1]) Петръ Павловичъ Дубровскій. См. выше, стр. 338.

вѣтникомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вкладчикомъ. Отдѣленіе обратилось къ Вамъ съ просьбою объ этомъ: не могите отказать. Въ 1-мъ листѣ прибавленій Вы найдете и Болгар. переводъ пѣсни о Судѣ Любуши. Отрывки изъ перевода Краледв. рукописи, доставленные мнѣ переводчикомъ [1]), я къ Вамъ при семъ посылаю. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ: переводчикъ лѣнится додѣлывать свое дѣло. Вы, впрочемъ, его скоро увидите и сами заставите его засѣсть за работу.

Ваши экземпляры Бергова перевода я получилъ и жалѣю, что при переводѣ нѣтъ подлинника: съ подлинникомъ лучше бы расходилось. Хорошо было бы, если бы Вы прислали 50 оттисковъ подлинника, такъ чтобы я могъ ихъ пустить въ продажу вмѣстѣ съ Рус. переводомъ.

Собравшись съ свободою, я напишу Вамъ большое письмо, а теперь, право, нѣтъ времени. Или мы Русскіе въ самомъ дѣлѣ лѣнивы, или не умѣемъ распорядиться временемъ, или же и точно у иныхъ изъ насъ работы много, только многіе изъ насъ, право, ненапрасно жалуются на недосугъ.

Поклонитесь Пуркинье, Шафарику, Челяковскому, Станьку, Коубку и всѣмъ, кто меня помнитъ; любезному Крольмусу тоже не забудьте. Да кстати: у меня его Сбѝрки только 6 выпусковъ: не достаетъ 1-го и отъ 8-го. Пожалуста заопатрьте: я радъ заплатить. Еще мнѣ не достаетъ 10-го выпуска Чешскаго Архива.

Поручаю себя Вашей памяти. Весь Вашъ

И. Срезневскій.

39.

СПБ., 10-го Мая 1852.

Посылаю Вамъ первую тетрадь Извѣстій, издаваемыхъ подъ моей редакціей. Примите ихъ благосклонно—и въ знакъ того, что Вы сочувствуете этому изданію, пришлите:

1., статью своей работы о чемъ Богъ пошлетъ;

2., свою біографію, которая напечатана, но съ прибавленіями, потому что я не отложилъ своего намѣренія передать о Васъ нашимъ читателямъ и почитателямъ вашимъ извѣстіе о васъ и заслугахъ вашихъ;

3., ваше мнѣніе о нашемъ изданіи и добрый совѣтъ, какъ его сдѣлать лучше.

---

[1]) Кандидатомъ СПБ. унив. Дмитріевымъ. Переводъ его напечатанъ въ Приложеніи къ Изв. И. А. Н. по отд. русск. яз. и словесн., 1852, л. 1., Пам. языка 11—16.

Четвертый выпускъ (листы 9—12) съ прибавленіями, въ которыхъ помѣщено начало Матеріяловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря Русскаго языка и западныхъ Славянскихъ нарѣчій (листъ I—III), печатается, но не выдетъ въ свѣтъ къ отъѣзду г. Шимонка. Я пришлю его послѣ.

Послѣ Пасхи изданъ Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка г. Давыдова и Опытъ областнаго Великорусскаго словаря, изд. 2-мъ Отдѣленіемъ Академіи. Вы ихъ получите очень скоро.

Я посылаю Извѣстія Шафарику и Челяковскому. Поклонитесь имъ отъ меня. Если еще кому они могутъ быть любопытны, то напишите мнѣ.

Душевно преданный Вамъ И. Срезневскій.

Какъ мнѣ жаль, что г. Шимонекъ не захотѣлъ быть немного терпѣливѣе: онъ бы навѣрно досталъ себѣ мѣсто. Я его увѣрялъ въ необходимости потерпѣть и потолочь, чтобы отворилось, но онъ не повѣрилъ мнѣ.

40.

11-го Мая 1852 г.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Съ г. Шимонкомъ я послалъ Вамъ первую тетрадь Извѣстій Академіи Наукъ, издаваемыхъ подъ моей редакціей; а теперь посылаю Вамъ и цѣлую личность г. Дмитріева Петковича, кандидата нашего Университета, который обѣщаетъ изготовить Болгарскій переводъ всей Краледворской рукописи. Онъ раскажетъ Вамъ о томъ, какъ идетъ у насъ изученіе Славянства, какъ уважаются имена всѣхъ писателей, принимающихъ въ этомъ участіе своею дѣятельностью, какъ чтится и Ваше имя. Это одинъ изъ товарищей третьяго поколѣнія Славянистовъ: примѣрьте его къ вашему третьему же поколѣнію и напишите мнѣ искреннее слово, слово правды и совѣта.

Вы, конечно, давно уже получили извѣщеніе отъ Академіи о возобновленіи дѣятельности ея втораго Отдѣленія,—и между тѣмъ отъ васъ нѣтъ ни словечка въ отвѣтъ. Что̀ бы это значило? А я надѣялся, что Вы откликнетесь ласковымъ привѣтомъ и порадуете насъ добрымъ словомъ. Ужели же къ вамъ не достигло посланіе Академіи?

Спѣша приготовить нѣсколько писемъ для г. Дмитріева, я не

успѣю сообщить Вамъ новости нашей литературы. Часть ихъ вы узнаете изъ Извѣстій, а объ другомъ я напишу Вамъ послѣ.

Не забывайте душевно преданнаго Вамъ

И. Срезневскаго.

41.

СПБургъ, 4-е Іюля 1852 г.

Пользуюсь случаемъ отъѣзда за границу Александра Федоровича Тюрина, чтобы написать Вамъ, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, хоть нѣсколько словъ,—и прежде всего объ Александрѣ Федоровичѣ. Онъ—родной дядя Вашего маленькаго баловня Вячеслава, слѣдовательно въ нѣкоторой степени родной и Вамъ. Объ образованности его не стану говорить: Вы это увидите съ перваго разговора сами такъ же, какъ и его умъ и благородное сердце и направленіе ученое. А любимый конь его—музыка, ученая и народная. Припоминая Ваши отношенія къ г. Томашку и къ другимъ знатокамъ музыки чешскимъ, я прошу Васъ дать ему случай сойтись съ ними, побесѣдовать и поучиться. Постарайтесь вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить его, что чешская народная музыка, въ напѣвахъ пѣсенъ, достойна изученія столько же, какъ и музыка другихъ народовъ Славянскихъ. Отъ него услышите Вы много прекрасныхъ напѣвовъ малороссійскихъ, о собираніи которыхъ имъ, Тюринымъ, мнѣ помнится, я писалъ Вамъ.

Напраснымъ считаю просить Васъ показать ему Вашъ музей и все, что въ немъ есть достойнаго вниманія образованнаго славянина. Вы дѣлаете это и безъ просьбы и для всѣхъ Русскихъ съ тѣмъ радушіемъ, которое вѣрно ни одинъ изъ нихъ не забылъ такъ же, какъ и преданный Вамъ душевно

Измаилъ Срезневскій.

42.

СПБ., 26-е Февраля 1853 г.

Наступающіе три дни масличной свободы позволяютъ мнѣ взяться за перо—и прежде всего къ Вамъ, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ! Я получилъ отъ Б. Корфа Ваше письмо и при немъ книги: 25 экз. Остром. Ев. и 12 экз. Полиглотты, да еще не знаю, сколько экземпл. разныхъ маленькихъ книжекъ. Полиглотты продано уже 9 экз., Остр. Ев. 3 экз. На дняхъ я пошлю Вамъ деньги черезъ Фосса за всѣ 12 экз. Полигл.: я ихъ продаю по 1, 50 срб.,

считая 1 крейцеръ за 1 копейку,—и слѣд. вышлю къ Вамъ 18 руб. Остр. Ев. пойдетъ круто, не смотря на дешевизну, и всему причиною перемѣны, Вами допущенныя въ изданіи противу подлинника. Мнѣ кажется, недурно было бы издать добавочную тетрадку, въ которой бы исчислено было все, чѣмъ отличается Ваше изданіе отъ подлинника, и дополнено все то, что въ Вашемъ изданіи опущено, разумѣется, за исключеніемъ греч. текста. Это добавленіе могло бы помочь ходу книги. А когда, Богъ дастъ, это изданіе выйдетъ все, то не мѣшало бы приступить къ изданію „Древняго перевода Евангелія", гдѣ текстъ Остромировъ можетъ быть дополненъ по Глаголич. тексту, и ко всему прибавлены варіянты по древнѣйшимъ спискамъ,—разумѣется, варіянты не правописанія и выговора, а перевода и пониманія подлинника. Такое изданіе необходимо не только для учащихся, но и для самой науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ не представитъ большой трудности, если только будутъ подъ рукой тексты. Глаголич. главы дастъ Вамъ Григоровичь и т. д.

Обращаясь къ самому письму Вашему, останавливаюсь прежде всего на предположеніи г. М. и на письмѣ его, ко мнѣ присланномъ. Мысль его добрая, но для него, какъ мнѣ кажется, не легко достижимая. Во-первыхъ, надобно ему лично явиться на экзаменъ и оставаться все то время, пока не будетъ защищена публично диссертація, разумѣется, на Русскомъ языкѣ (которымъ впрочемъ онъ владѣетъ на письмѣ, какъ видно, почти вполнѣ). Во-вторыхъ, такъ какъ онъ не имѣетъ степени Русскаго магистра по филологич. факультету, то ему нельзя начать съ докторскаго экзамена, а сдать прежде кандидатскій—со всѣхъ предметовъ филолог. фак., потомъ черезъ годъ—экзаменъ магистерскій по одному изъ предметовъ, и наконецъ, послѣ магистер. защищенія диссертаціи, черезъ годъ — держать экзаменъ докторскій. Все это возможно для него, если уже онъ докторъ одного изъ Вашихъ университетовъ. Если же онъ не докторъ, то надобно начать съ пріемнаго студентскаго экзамена. Напрасно, впрочемъ, онъ думаетъ, что за экзаменъ и т. п. надобно „много" платить: не платится ровно ни копейки. Если обстоятельства, мною представленныя, его не затруднятъ, то пусть онъ извѣститъ меня подробно о своихъ планахъ, и я съ своей стороны радъ буду отъ всей души ему помочь.

Что касается до измѣненій въ составѣ словаря, приготовляемаго Академіей, въ сравненіи съ прежнимъ словаремъ, то да не оскорбляется этимъ Ваше благородное чувство любви къ намъ и къ нашей наукѣ. До Истор. словаря мы еще не доросли; а Ста-

рославянскій элементъ войдетъ въ словарь весь, сколько онъ вошелъ въ нашу литературу. Старослав. словарь отдѣльный, полный приготовляется Востоковымъ; я приготовляю матеріалы для древ. Русскаго словаря, да и не одинъ я... но все это не приготовится на бѣло къ тому времени, когда надобно будетъ начать Словарь Русскій Академическій.

Благодарю Васъ за присылку книжечки Розума и жалѣю, что прислали только одну... зачѣмъ не всѣ, что вышли? Кстати о книжкахъ. Любопытный и прекрасный сборникъ достопочтеннаго Кролмуса — у меня неполный: изъ одиннадцати книжекъ недостаетъ книжки 1-й, 8-й, 9-й. Сдѣлайте одолженіе, пришлите. Изъ трехъ томовъ Чешскаго Архива — недостаетъ 10-й тетради, т. е. окончанія 2-го тома: сдѣлайте одолженіе, пришлите. То и другое мнѣ необходимо для полноты. Пожалуста, не забудьте. На дняхъ я послалъ Вамъ Извѣстія—для Васъ, П. П. Шафарика и В. С. Караджича, а прежде ихъ же Вамъ и Шафарику черезъ Караджича. Извѣстите, что Вы получили, и точно ли до сихъ поръ у Васъ недостаетъ того, чего не было, когда Вы объ этомъ извѣщали Давыдова? Вмѣстѣ съ Извѣстіями я послалъ Вамъ разсужденіе братьевъ Лавровскихъ. Къ весни собираю Вамъ порядочный пакъ разныхъ новостей, изъ которыхъ нѣкоторыя Васъ утѣшатъ. Теперь я могу пересылать только черезъ Министерство.

Говоря объ Извѣстіяхъ, ловлю Васъ на словѣ. Вы пишете, что „co p. Dubrovský z oblast. Slovara z Polského odvádí, to se dá z českého lépe odvádĕti". Во 1-хъ, въ защиту ему я скажу, что онъ nic z Polského neodvádi, ale jen porûvnává Ruský s Polským. Во 2-хъ, если Вы находите нужнымъ сравнить народ. Русскій съ Чешскимъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, то сдѣлайте милость, возьмите на себя трудъ этого сравненія, или поручите это дѣло, кому знаете: Отдѣленіе Академіи заплатитъ за такой трудъ по 30 руб. срб. за печатный листъ. Опытъ Дубровскаго помѣщенъ мною съ этою цѣлію—пробудить охоту къ сравненію Рус. нарѣчія съ другими въ ихъ народномъ богатствѣ. Опытъ Дубровскаго можетъ не нравиться, тѣмъ лучше: другіе опыты будутъ богаче и вообще лучше. Ваша мысль сравненія Русскаго съ Чешскимъ не должна остаться не выполненною, и какъ бы хорошо было, если бы Вы сами были и выполнителемъ.

Мой Вячко въ восторгѣ отъ Вашихъ подарковъ: ему еще только три года, и потому онъ самъ не можетъ высказать свой восторгъ; но книжки бережетъ, какъ церберъ, и самъ догадался, что съ Вами надо говорить по-чешски, а онъ-де не умѣетъ

еще по-чешски. Портретъ Вашъ онъ знаетъ наизусть и разъ, нарядившись въ мой орденъ, воскликнулъ: теперь я Ганка. Оля моя дѣлаетъ успѣхи въ Чешскомъ (ей 7-й годъ): читаетъ еще плохо, но понимаетъ уже кое-что и съ удовольствіемъ затверживала Králička Винарицкаго.

Окончу письмо еще однимъ предложеніемъ. Какъ бы что ни дѣялось вокругъ насъ Славянъ, а намъ, для пользы нашей науки историко-филологической, необходимо изученіе нарѣчій и литературныхъ богатствъ каждаго изъ нихъ. Нужна слѣдовательно и книга, въ которой бы хоть въ небольшомъ числѣ собраны были красоты (les beautés) нашей литературы—хоть одной поэтической. Что еслибы или Вы сами, или съ помощію кого-нибудь изъ Вашихъ учениковъ, сдѣлали бы такой сборникъ, въ которомъ бы каждому изъ Слав. нарѣчій посвященъ былъ особенный отдѣлъ выписокъ изъ лучшихъ ихъ писателей. Отдѣлы Русскій, Польскій, Чешскій и Сербскій должны быть довольно велики, а остальные, разумѣется, поменьше. Всего вмѣстѣ листовъ 30. Въ концѣ словарь съ объясненіями словъ, несовсѣмъ понятныхъ, на латин. языкѣ. Передъ каждымъ отдѣломъ краткій очеркъ состоянія литературы, хоть одной поэтической, если выписки будутъ изъ однихъ поэтовъ. Послѣ Полиглотты эта книга была бы необходимымъ пособіемъ для изученія Слав. языка.

Свидѣтельствую Вамъ почтеніе отъ каждаго изъ всѣхъ насъ и особенно отъ моего Вячка, который просилъ уже меня повезти его въ Прагу и спрашивалъ: отъ чего онъ всѣхъ дядинекъ знаетъ, а своего дядиньку Ганку еще не знаетъ.

Вашъ И. Срезневскій.

Кланяйтесь любезн. Шумавскому, я жду отъ него отвѣта. Потрудитесь поклониться доброму Шимонку отъ всѣхъ насъ.

43.

15-го Апр. 1853 г.

Написавши письмо къ добр. Шумавскому, не могу не написать Вамъ хоть нѣсколько строкъ,—и кстати о Вашемъ изданіи Остром. Евангелія.

Вы знаете, что въ чистый четвергъ вечеромъ (сегодня онъ и есть) у насъ бываетъ въ храмахъ чтеніе евангелій о страстяхъ Господнихъ, называемое „12 евангелій". Мы остались дома, и я предложилъ своимъ прочесть ихъ самъ. Я взялъ Остром. Еванг. Востоковское, но прочесть могъ и то съ утомленіемъ только 1-е евангеліе. Взялъ ваше—и, отыскивая мѣста по Востокову, прочелъ

остальныя одиннадцать не только безъ утомленія, но и для всѣхъ гораздо понятнѣе. Вотъ практическое оправданіе удобства Вашей методы.

Экземпляры Крал. Рук. полиглотты всѣ проданы: ихъ было 12. Я ихъ продавалъ по 1.50 руб. Вѣроятно найдутся охотники и еще.

Остр. Евангелія я подарилъ 3 экземпляра, одинъ продалъ: остальные на лицо.

На дняхъ я передалъ въ Министерство для пересылки П. П. Шафарику нѣсколько экземпляровъ Правилъ для изд. Словаря. По примѣрамъ Вы увидите, что за словарь предполагается здѣлать. Сообщите Ваши замѣчанія о томъ, что Вы найдете нехорошимъ (слова Дворъ и Дѣлать считайте ни во что: они вставлены какъ есть въ угоду тому, кто ихъ доставилъ, а кто, знаете изъ Извѣстій).

Напишите пожалуста, акуратно ли получаете Извѣстія и чего изъ нихъ не получили?

Благодарю за Штитнаго; но мнѣ очень жаль было, что тѣ замѣчанія, которыя Вы раскинули по разнымъ страницамъ, остались въ такомъ разбросанномъ видѣ: будь они вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, я бы ими украсилъ статью объ изданіи Штитнаго.

Жду съ нетерпѣніемъ Вашего отзыва о предположеніи издать древн. текстъ Евангелія всего.

А древн. Слав. календарь можно издать и особою книжкой: кое-что для него могу и я сообщить Вамъ.

Впрочемъ, Вы сами лучше знаете, что̀ дѣлать и сдѣлать на пользу науки, въ житницѣ которой уже такъ много кошницъ сложено Вами.

Мой Вячко̀ растетъ на утѣшеніе всѣмъ: пишу объ немъ потому, что онъ и Вашъ. Онъ даже называетъ себя Ганкой.

Истинно Васъ любящій и уважающій

И. Срезневскій.

44.

Лѣсной, 10-е Іюня 1855 г.

Вотъ уже нѣсколько дней сряду мысль моя часто, часто переносится въ Прагу, и Ваше доброе лице—передо мною, какъ будто въявѣ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Вами, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ; но, вѣрно, лѣта не перемѣняютъ чувствъ, одушевленныхъ прямымъ убѣжденіемъ: мнѣ какъ будто грустно всегда, когда приходится провожать ко-

го-нибудь въ Вашу сторону и къ Вамъ. Такъ и теперь. На дняхъ долженъ уѣхать къ Вамъ на воды Александръ Ѳедор. Гильфердингъ, провожая своего больнаго отца. Имя это, вѣроятно, уже Вамъ извѣстно, какъ имя одного изъ трудолюбивыхъ дѣлателей на поприщѣ архео-филологическомъ. Вы припомните его первый трудъ: Сравненіе языка Славянскаго съ Санскритскимъ, трудъ, который выказалъ его близкое знакомство какъ съ Санскритомъ, такъ и съ нарѣчіями Славянскими. За этимъ первымъ трудомъ слѣдовало нѣсколько подобныхъ, часть которыхъ напечатана, а часть еще ждетъ своего времени. Въ послѣдніе два года онъ особенно занимался Балтійскими Славянами и, написавши о нихъ цѣлую книгу, печатаетъ ее въ Москвитянинѣ (приготовляя вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльные оттиски). Это будетъ очень замѣчательная вещь, какъ основанная на изученіи источниковъ. Написана цѣлая книга, а между тѣмъ авторъ по времени доходитъ только до Карла Великаго. Много любопытныхъ изображеній найдется въ ней и въ отношеніи чисто историческомъ, а еще болѣе въ отношеніи археологическомъ. Авторъ съ любовію остановился и на язычествѣ Балтійскихъ Славянъ. Словомъ, этой книгой восполнится очень достойно пробѣлъ въ Русской литературѣ по этой части, особенно когда А. Ѳ. воспользуется своимъ случайнымъ путешествіемъ такъ, какъ желаетъ. Онъ обратится и къ Вамъ съ просьбою о совѣтахъ и указаніяхъ; а Вы съ своей стороны не откажите сблизить его съ Воцелемъ, который, сколько знаю, занимался съ успѣхомъ древностями Балтійскихъ Славянъ, а можетъ быть и съ другими учеными, не чуждыми этого дѣла. Прошу Васъ объ этомъ—и по личнымъ отношеніямъ къ Гильфердингу и по увѣренности, что его трудъ будетъ прекраснымъ и полезнымъ явленіемъ, однимъ изъ тѣхъ, которыя до недавняго времени были у насъ очень рѣдки.

Были, говорю я, потому что въ самомъ дѣлѣ, благодаря Русскому Богу, мы обогащаемся все болѣе даровитыми и знающими рабочими, которые по всему заняли бы съ честью мѣсто видное въ любой современной литературѣ, а потому и книгъ хорошихъ выходитъ все болѣе. Я едва успѣваю перечитывать то, что меня занимаетъ, иное по недостатку времени приходится только съ легка просмотрѣть. Вотъ, напр., нѣсколько явленій послѣдняго времени, о которыхъ я не могъ еще сообщить свѣденія и въ Извѣстіяхъ: 1) Матеріалы для Исторіи письменъ—труды Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева, 2) 2-я половина 3-го тома Архива Калачова, 3) Юридическій сборникъ Мейера, 4) 21-я книга Временника, 5) Изслѣдованіе Бодянскаго о пись-

менахъ, 6) Исторія Рус. монашества Казанскаго, 7) Исторія Русскаго раскола Еписк. Макарія, 8) О древне-Русскихъ училищахъ Лавровскаго, 9) о Псковской судной грамотѣ Устрялова (сына), 10) 5 томъ Исторіи Россіи Соловьева, 11) Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи Смирнова, 12) Высшій курсъ Русской Грамматики Стоюнина. Все это книги, изъ которыхъ нѣкоторыя даже огромны. О явленіяхъ меньшей величины умалчиваю. Нельзя не радоваться. Радостно и то, что теперь каждый авторъ ученаго труда, издавая его въ свѣтъ, можетъ оставаться въ увѣренности, что онъ не останется въ накладѣ, что книги разойдется по крайней мѣрѣ 200 экз. Книги по наукамъ техническимъ расходятся тысячами экземпляровъ; книги военныя, юридическія—тоже. Всего бѣднѣе мы теперь хорошими явленіями въ Изящной Словесности: романы да романы. И тутъ однако не безъ утѣшеній: такъ я читаю теперь на сонъ грядущій чудесный переводъ Дантова Ада, сдѣланный Д. Миномъ.

Я такъ покойно расказываю о дѣлахъ литературныхъ, какъ будто бы душа и не занята ничѣмъ болѣе важнымъ; а между тѣмъ она не свыклась еще съ потерею нашего Великаго Государя, и вѣроятно никогда не свыкнется съ войною, такъ беззаконно поднятой Наполеоновской сволочью. Такъ вотъ отъ чего можетъ зависѣть миръ и благоденствіе народовъ! И небесная кара минетъ этихъ разбойниковъ!

Кстати: благодарю Васъ за Obzor. Во второй книгѣ его я съ живымъ любопытствомъ прочелъ статью о нашемъ покойномъ Государѣ и, радуясь благородному тону, не могъ однако не поразиться, что авторъ, повидимому умный человѣкъ, могъ не счесть нелѣпостью сплетни о томъ, что покойный царь искалъ овладѣть Константинополемъ и Босфоромъ. Мнѣ было жаль, что статья его испортилась этими нѣсколькими строчками.

Впрочемъ, пора поставить точку. Посылаю Вамъ свою программу, по которой идутъ лекціи Слав. филологіи въ Глав. Педагог. Институтѣ. Что я тутъ не забываю Чеховъ, да послужитъ Вамъ еще однимъ свидѣтельствомъ (о Mater verborum Скворцова Вы уже знаете)—Разборъ древнихъ Чешскихъ пѣсенъ и Сравненіе Далимила съ Козьмою, приготовленные двумя изъ моихъ студентовъ педагоговъ.

Мой Вячко собирался Вамъ самъ писать, да заснулъ. Всякую Слав. книгу онъ называетъ Чешской. Такъ и вчера съ Newenom: взявшись за него, онъ счелъ его сначала Французскимъ журналомъ, потомъ ужъ Богъ знаетъ почему Португальскимъ

здва ли зная, что это такое Португалія), а потомъ, наткнувшись а понятные звуки, приговорилъ быть ему Чешскимъ. Въ слѣдствіе этого уже не мудрено было ему назвать его сочиненіемъ анки.

Жена и дѣти кланяются Вамъ. Поклонитесь отъ меня всѣмъ. ушевно Васъ любящій и уважающій И. Срезневскій.

45.

Посылаю Вамъ, незабвенный Вячеславъ Вячеславичь, Русскую Геральдику[1]) и прошу Васъ отъ себя и отъ автора, молоаго ученаго, можетъ быть, извѣстнаго Вамъ книгой о Вотчиахъ, чтобы Вы сообщили намъ свои замѣчанія какъ вообще о нигѣ, такъ особенно о гербахъ Славянскихъ и Чешскихъ. 1-ое зданіе книги мгновенно все разошлось, и потому надобно приступать ко 2-му изданію; но безъ Вашихъ замѣчаній я считаю еловкимъ, невыгоднымъ. Пожалуйста, пришлите ихъ.

Желаніе Ваше о пополненіи библіотеки Матицы будетъ исполено, хоть—можетъ быть—и не совсѣмъ, потому что не все есть а лицо. Русскія изданія будутъ посланы почти всѣ безъ исключенія. Будьте здоровы и не забывайте Вамъ преданнаго

И. Срезневскаго.

46.

8-е Января 1856 г.

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, любезнѣйшій и незавенный Вячеславъ Вячеславичь. Ваше послѣднее письмо я пеедалъ Лакьеру, а Вамъ передаю его благодарность за вниманіе ъ его книгѣ, тѣмъ болѣе для него драгоцѣнное, что онъ приотовляется къ новому изданію ея.

Благодарю Васъ за Obzor; я впрочемъ только его и полуилъ и ничего изъ тѣхъ maličkostí, о которыхъ Вы упоминаете ъ письмѣ. Въ Обзорѣ письмо мое напечатано не совсѣмъ правильно, т. е. нѣкоторыя фамиліи набраны невѣрно, а причиною, вѣрно, я самъ—по неумѣнью писать разборчиво. Вотъ поправки:

1. Materialy pro historii pismen, prace Petrova, Klina Клина), Menščikova i Buslajeva (Буслаева). Это—превосходое изданіе во всѣхъ отношеніяхъ. Для Васъ особенно любопытны матеріалы Буслаева: это описанія очень подробныя 12-ти

[1]) Русская Геральдика, сочиненіе Александра Лакіера. СПБ. 1855.

рукописей Синодальной Библіотеки. Хотя теперь отпечатанъ и первый томъ подробнаго описанія Славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки, составляемаго Горскимъ (Gorskim) и Новоструевымъ (Novostrujevym) и во всѣхъ отношеніяхъ образцоваго; но и послѣ этой книги трудъ Буслаева не теряетъ своей цѣнности.

2. Druhá polovice 3-ho dílu Archiva Kalačova (Калачова). Это—важный историко-археологическій сборникъ.

3. Juridický zborník Mejera. Прекрасное собраніе изслѣдованій по части древностей Русскаго права.

9. Ustrjalova (Устрялова) — O pskovské soudní listině. Теперь вышло и другое большое изслѣдованіе о той же грамотѣ Энгельмана (Engelmana).

12. Stojunina (Стоюнина)—Vyšší běh ruské grammatiky. Кстати замѣтить, что приготовляется и еще одинъ трудъ въ томъ же родѣ профессоромъ Буслаевымъ.

Получаете ли Вы Извѣстія? Я ихъ постоянно высылаю, почти всегда черезъ М. Ѳ. Раевскаго. Отчего никогда изъ нихъ ничего нѣтъ въ Вашихъ журналахъ?

О желаніи Вашемъ мѣняться Вѣдомостями я передалъ библіотекарю Коркунову.

Истинно Вамъ преданный И. Срезневскій.

47.

Не знаю, много ли успѣю написать Вамъ, душевно уважаемый Вячеславъ Вячеславичь; тѣмъ не менѣе берусь за перо, чтобы хоть вѣсть подать о себѣ.

Благодарю Васъ за письма и посылки. Хотѣлось бы чѣмъ нибудь достойнымъ отблагодарить Васъ; но теперь подъ рукою нѣтъ ничего особенно важнаго. 2-й томъ Ученыхъ Записокъ нашихъ уже мною Вамъ посланъ, а можетъ быть уже и полученъ Вами. 3-й выпускъ Извѣстій еще не готовъ. Вы порадуетесь, найдя при немъ начало Старо-Славянскаго словаря А. Х. Востокова. За неимѣніемъ новыхъ книгъ сообщу выписку изъ вещи для Васъ столько же любопытной, какъ хорошая новая книга, а можетъ быть и болѣе.

Въ Синодальной библіотекѣ, столь богатой разными сокровищами, нашлись служебныя минеи XII или XIII в. (начала), гдѣ сохранились въ одной полная служба св. Кириллу (14 февр.); въ другой канонъ св. Кириллу и Меѳодію (6 апрѣля); въ третьей канонъ св. Вячеславу (28 сент.).

Вотъ одинъ тропарь изъ канона 6 апрѣля въ честь Меѳодія: „Моравьская страна вели застоупъ и стълпъ имѣи къ Богоу, тобою просвѣщена, научи въспѣвати въ свои изыкъ. отьцъ нашихъ боже благословенъ иси".

Какъ ни любопытны эти звуки, для Васъ, какъ добраго Чеха, гораздо ближе къ сердцу подойдутъ слѣдующіе изъ канона св. Вячеславу:

„Весело ликоуютъ Прагъ дьньсь прѣславьныи ти градъ. почитаи память ти и чюдесы ти озаряи свѣтьло вься страны. съзываютъ въпити. благословенъ богъ отьць нашихъ (пѣснь 7-я).

Веселии добротами. прѣславьне паче сълньца въ земли Боемьсцѣ. благодѣтьныими зорями бьвъше освященъ. прѣвзнашаи христа въ вѣкы вся (пѣснь 8-я).

Тѣло твое святое. блажене. приимъ Прагъ дьньсь. прѣхвальныи ти градъ. и прѣдивьнаи чюдеса мирови провъзвѣщаютъ. прѣвъзношая христа въ вѣкы".

Неправда ли, что эти строки стоятъ книги? Рукопись Синод. библ., въ которой онѣ сохранились, значится подъ № 159.

Новѣе и пріятнѣе этой вѣсти у меня для Васъ нѣтъ теперь. Цѣлую Васъ отъ себя и отъ дѣтей.

Истинно Вамъ преданный И. Срезневскій.

16 Мая 1856 г.

48.

СПбургъ, 15-е Іюля 1857 г.

Душевно уважаемый, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ! Примите поклонъ отъ виноватаго передъ Вами и простите ему за долгое молчаніе. Работы по службѣ, заботы семейныя и болѣе всего неумѣнье справляться съ временемъ: вотъ гдѣ причина моей вины передъ Вами и передъ многими другими.

Письмецо это доставитъ Вамъ воспитанникъ Москов. университета, Болгаринъ, г. Филаретовъ, юноша полный надеждъ и достоинствъ. Наставьте его добрымъ совѣтомъ и указаніемъ того, что ему необходимо для ученыхъ работъ въ Болгаріи. Подобную просьбу хотѣлъ я писать къ Вамъ и о другомъ юношѣ, воспитанникѣ нашего университета, магистрѣ Пыпинѣ; но подожду: онъ отправится къ Вамъ осенью. И еще одинъ готовился было къ отъѣзду, г. Ламанскій; но за неимѣніемъ денегъ остался и будетъ держать экзаменъ въ магистры Слав. филологіи.

Поблагодарате за меня П. П. Шафарика за сообщеніе его изданія Пражскихъ глагол. отрывковъ. Получивъ его, я не могъ не бросить всѣ другія работы, съ тѣмъ чтобы впиться въ эту

книгу и вновь начать рыться по рукописямъ и по выпискамъ изъ нихъ. Результаты моей работы посылаю Вамъ въ корректурѣ: сдѣлайте изъ нихъ какое угодно употребленіе. Не могу при этомъ не выразить сожалѣнія о потраченномъ времени на исканіе свѣтиленъ.

Теперь опять воротился къ своей обычной работѣ, которой посвящаю свободное время, къ палеографіи. Собраніе снимковъ у меня уже довольно обширно: изъ рукописей до татарскаго времени сдѣлано, кажется, все. XIII-е столѣтіе тоже довольно богато. XIV—XV уже не такъ интересны. Какъ ни охотно тружусь, а положительныхъ результатовъ въ виду очень немного. И между прочимъ помѣха въ недостаткѣ снимковъ съ Греч. рукописей, отмѣченныхъ годами IX вѣка. Къ рукописямъ XI вѣка прибавится еще нѣсколько — и между прочимъ одна превосходно писанная.

Но Филаретовъ ждетъ. Надо кончать. Обнимаю и цѣлую Васъ. Мой Вячеславъ Вамъ кланяется. Другіе дѣти тоже.

По прежнему любящій Васъ и почитающій

И. Срезневскій.

49.

Всегда равно глубоко чтимый и любимый
Вячеславъ Вячеславичь!

Благодарю Васъ за всѣ Ваши сообщенія, за всѣ равно для меня дорогіе знаки Вашей пріязни и памяти.

Нынѣшнее лѣто мы провели довольно далеко отъ Невы: я, жена и трое старшихъ дѣтей ѣздили въ Москву и оттуда въ Троицкую Лавру, въ Воскресенскій новый Іерусалимъ и въ Савво-Сторожевскій монастырь. Прогулка для всѣхъ насъ была занимательна, а для меня и очень полезна. Хотѣлось намъ съ женою, чтобы была она полезна и дѣтямъ; вышло ли такъ, Богъ знаетъ. Была она имъ, по крайней мѣрѣ, не безполезна: они видѣли глазами то, что прежде знали только изъ книгъ и смутныхъ разсказовъ, увидѣли многое, о чемъ прежде и не слыхали, и полюбили Москву ужъ не какъ сонное видѣніе. И намъ съ женою многое было или заново или ново: за 12 лѣтъ передъ этимъ мы были въ Москвѣ только проѣздомъ на нѣсколько дней и видѣли ее мелькомъ. Нельзя сказать, чтобы и теперь все высмотрѣли... „Дистанція огромнаго размѣра“. Но все таки мы вынесли много живыхъ впечатлѣній.

Не стану ихъ передавать Вамъ всѣ: моихъ силъ на это не станетъ. Напишу только кое что.

Кремль запечатлѣвается въ душѣ образами, ни съ чѣмъ не сравнимыми. Всякій день, что пробылъ въ Москвѣ, я былъ въ Кремлѣ (тамъ и Синодальная библіотека и Чудовъ монастырь), и всякій разъ наслаждался будто въ первый разъ—не красотою зодчества, а достоинствомъ выраженія вѣковъ прошедшихъ. И это прошедшее, сколько ни помѣшано съ новымъ, живо и оживляетъ бо́льшею жизнію все живущее. Нигдѣ минувшая Русь не говоритъ о себѣ такъ ясно, откровенно, задушевно и весело, не напоминая о томъ, что горько вспомнить.

Весело, ясно и привѣтливо глядитъ и окружающая Кремль Москва. Въ чемъ не упрекаютъ ее „старушку!" Но виновата ли она сама, въ чемъ ее упрекаютъ, это еще вопросъ. Она ли виновата, что жить въ ней становится все дороже? или что въ ней тамъ нечисто, гдѣ бы болѣе кстати была роскошь чистоты? или что въ ней выдаютъ иногда муху за слона, а иная муха и сама себя считаетъ слономъ? Въ ней же можно жить и очень дешево, и наслаждаться чистотой и воздуха, и жилья, и всего, и даже не услышать о чудныхъ мухахъ, жужжащихъ въ кое какихъ кружкахъ. Въ ней можно жить „припѣваючи", не тревожа ни себя ни другихъ. Это, конечно, не западный городъ, въ которомъ тѣснятся жильцы надъ жильцами, видя зелень только въ цвѣточныхъ го́ршкахъ и считая открытые просторные дворы и при нихъ сады признакомъ неумѣнья пользоваться капиталомъ. Это не столько городъ, сколько груда усадьбъ, большихъ и малыхъ, богатыхъ и скромныхъ, если не прекрасныхъ, то миленькихъ, усадьбъ, изъ которыхъ каждая, кажется, говоритъ, что въ ней жить хорошо, привольно, уютно, покойно, своимъ полнымъ хозяйствомъ, не задушая чувства гостепріимства, не превращаясь въ расчетную машинку сребролюбія и славолюбія, занимаясь, что по душѣ, безъ суетливости, мирно. Идя изъ переулка въ переулокъ, мимо такихъ дачъ и дачекъ, Вы приходите къ одной—воображаю, къ моей (увы!). Ограда отдѣляетъ улицу отъ просторнаго двора. Въ глубинѣ его домъ въ одинъ ярусъ съ вышкой посереднѣ, съ широкимъ крыльцомъ подъ нею. Домъ деревянный, обитый тесомъ и выкрашенный свѣтлою краской. Сквозь большія окна проходитъ много свѣту. У оконъ цвѣты. На крыльцѣ тоже. Сквозь нихъ и около нихъ видны хозяева и ихъ дѣти: кто занятъ работой, кто читаетъ, кто съ игрушками. Изъ за дома видны верхи деревьевъ сада; но по ту сторону дома грѣетъ солнце, а тутъ прохладно; воздухъ же чистъ и тамъ и здѣсь одинаково, и дворъ какъ воздухъ; а сквозь ограду некому и полюбопытствовать, что дѣлается за нею: рѣдко, рѣдко пройдетъ или

кто-нибудь изъ сосѣднихъ слугъ, или почтальонъ, или извощикъ провеземъ какого-нибудь маловнимательнаго сѣдока. Взойдите за ограду: милому гостю будутъ отъ души рады, привольно и Вамъ будетъ въ ихъ привольи. На берегахъ Невы можно жить только у концевъ города, и то не вездѣ, и то въ сосѣдствѣ фабрикъ или кладбищъ; а въ Москвѣ можно жить такъ чуть не въ верстѣ отъ Кремля. Такая жизнь заманчива и не въ такомъ городѣ какъ Москва. Такъ бы и перелетѣлъ со всѣмъ своимъ гнѣздышкомъ въ одинъ изъ такихъ переулковъ!

Но по пріѣздѣ въ Москву, мы не остались въ ней надолго. Мнѣ не хотѣлось начать своихъ работъ безъ благословенія Митрополита, а В. Н. Филаретъ былъ у Троицы, и мы отправились туда. Въ стѣнахъ этой знаменитой обители, привлекающей къ себѣ ежедневно толпы поклонниковъ,—съ одной стороны храмы и кельи монастыря препод. Сергія, съ другой Московская Духовная Академія. Монастырю принадлежитъ прекрасная библіотека, богатая сотнями замѣчательныхъ рукописей, драгоцѣнная для археолога не менѣе сокровищъ ризницы. И у Академіи есть своя библіотека, замѣчательная и по достоинству и полнотѣ подбора книгъ, нужныхъ для профессоровъ и студентовъ Академіи, постоянно умножаемыхъ, и по собранію рукописей. Есть надъ чѣмъ потрудиться цѣлые годы. Подъ благословеніемъ Митрополита, подъ покровомъ его доброй внимательности, и мнѣ не могли не найтись силы для труда, особенно при дружественной помощи А. В. Горскаго.

Три недѣли прошли, какъ три дня. Часы отдыха были для меня не менѣе полезны и пріятны: Духовная Академія не бѣдна людьми, образованными и учеными. Вамъ знакомъ А. В. Горскій: онъ преподаетъ исторію церкви. Менѣе знакомъ, вѣроятно, П. С. Казанскій, профессоръ исторіи, извѣстный у насъ замѣчательными археологическими изслѣдованіями. Еще менѣе К. С. Смирновъ, излагающій исторію расколовъ, и написавшій Исторію Москов. Академіи. П. С. Дѣлицынъ, можетъ быть, и вовсе не извѣстенъ: онъ занимаетъ каѳедру математики, а по сердечному влеченію филологъ и превосходный знатокъ Греческаго языка и Византійской литературы: онъ главный редакторъ перевода творенія св. Отцовъ. Всѣхъ не перечтешь. Всего болѣе я сблизился съ А. В. Горскимъ, и чѣмъ ближе сходился, тѣмъ болѣе чтилъ его. Громадная ученость, не начитанность, а именно ученость, соединена въ немъ съ рѣдкою скромностію и съ необыкновенною общительностью. Отъ него вѣетъ благодушіемъ и чистой любовію къ наукѣ и къ просвѣщенію. Кто не сможетъ

оцѣнить его знаній, тотъ оцѣнитъ свѣтлую душу. Всѣ, кто знаетъ его, вѣрятъ ему. Можете представить себѣ, какое вліяніе долженъ онъ имѣть на юное поколѣніе, воспитывающееся подъ его призоромъ. Любители общихъ взглядовъ и выводовъ не очень жалуютъ его, потому что онъ не любитъ такихъ взглядовъ и выводовъ, требуя точности и осторожности въ изслѣдованіи на каждомъ шагу; но и они все болѣе цѣнятъ эту требовательность. Сблизился я также съ П. С. Казанскимъ, профессоромъ еще молодымъ, но уже заслуженнымъ въ нашей археологической литературѣ, какъ я замѣтилъ уже выше, и заслужившимъ бы еще болѣе общее уваженіе, если бы извѣстны были его труды, какъ преподавателя исторіи. Весело видѣть, когда этотъ важный предметъ общественнаго образованія въ рукахъ человѣка, умѣющаго цѣнить труды новыхъ дѣлателей не на основаніи какихъ-нибудь схоластическихъ категорій, а помощію знакомства съ самыми источниками и съ новыми открытіями. Кстати сказать: библіотека Дух. Академіи постоянно обогащается всѣмъ важнымъ въ области знаній, въ ней преподаваемыхъ, такъ что мнѣ случилось познакомиться въ первый разъ съ такими произведеніями, которыя не были еще получены въ нашей Академіи наукъ, и услышать о нихъ сужденія знатоковъ, уже ихъ прочетшихъ.

Кстати сказать и то, что у профессора Дух. Академіи гораздо больше времени, чѣмъ у нашего брата здѣсь. Я напр. счастливъ, что могу располагать для кабинетныхъ занятій четырьмя днями въ недѣлю, и что работою трехъ дней могу добывать необходимое для жизни недѣльной. И эти четыре дни не вовсе мои: значительное число часовъ уходитъ на пріемы, на приготовленіе лекцій, на убійственныя корректуры, на необходимость раздѣлять трудъ на разныя работы. Невольно позавидуешь мирной жизни уединенія въ Лаврѣ. И разставаться съ нею мнѣ было грустно.

Изъ нея черезъ Москву я поѣхалъ въ знаменитый Воскресенскій Новый Іерусалимъ. Въ верстѣ отъ бѣднаго городка, среди холмовъ и доловъ, увитая зеленью стоитъ эта обитель Никона-Патріарха, далеко кругомъ блестя золочеными главами своего храма. Этотъ храмъ—снимокъ съ Іерусалимскаго, только немного болѣе и великолѣпнѣе. Никонъ его началъ строить, Растрелли достроилъ: мысли двухъ великихъ умовъ сошлись въ одну. Чудный храмъ по великолѣпію, по величію, по звукоёму, по особенности склада частей, по всему. Всего поразительнѣе задняя часть храма, такъ называемый шатеръ, въ 33 сажени въ выши-

ну съ тройнымъ вѣнцемъ хоръ, съ великолѣпною часовней гроба посерединѣ. Сводъ, на которомъ висятъ два вѣнца хоръ, сдѣланъ такой формы Λ, чуть не какъ сахарная голова, сдѣланъ изъ дерева, но двойною стѣной, такъ что между одною внѣшнею и другою внутреннею стѣною есть ходъ на самый верхъ, даже чуть не къ самому верху главы. Первыя хоры идутъ вокругъ всего храма; очень широки, очень обширны, свѣтлы. За однимъ изъ придѣловъ, находящихся на этихъ хорахъ въ разныхъ мѣстахъ, довольно обширная комната занята библіотекой. Библіотека прекрасно устроена, поддерживается въ порядкѣ; есть въ ней кое что и замѣчательное. То ли было въ ней, когда патріархъ Никонъ ее собиралъ! То ли было въ ней даже и не такъ давно! Теперь въ ней только остатки, оборыши, и все таки остались рукописи XI и XII вѣка. Честь и слава нынѣшнему настоятелю монастыря, о. архимандриту Аѳанасію, что онъ умѣетъ дорожить и этими остатками. Весело мнѣ было заниматься и здѣсь.

Въ Савинъ Сторожевскій монастырь я ѣздилъ только для того, чтобы снять надпись съ колокола. Вторая половина этой надписи начертана особенными буквами, которыя впрочемъ встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Кстати замѣтить, что эти рукописи — того же періода, когда писаны и тѣ, въ которыхъ встрѣчаемъ письмена глагольскія XV—XVI вѣка, хоть по начертанію письменъ глагольскихъ и могутъ показаться гораздо древнѣе.

Остальныя недѣли мы провели въ Москвѣ, мало кого видѣли, потому что многіе были или на дачахъ, или и подальше. Зато мы видѣли многое; а я занимался рукописями — по вечерамъ тѣми, которыя могъ доставать домой, а по утрамъ въ Синодальной ризницѣ и въ Чудовомъ монастырѣ. Въ томъ же величественномъ дворѣ, къ которому прилегаетъ императорскій дворецъ съ старинными теремами, на которомъ стоятъ соборы,—святыня Москвы, находится и зданіе Патріаршее. Въ немъ и Синодальная ризница и библіотека; въ немъ живетъ и ризничій, о. архимандритъ Савва, всегда готовый показывать сокровища, хранимыя подъ его надзоромъ. Въ самомъ дѣлѣ сокровища: читайте его указатель; увѣренъ, что Вы не можете читать его равнодушно, и особенно указатель библіотеки (особенно по новому, только что вышедшему изданію). Можно-ли же равнодушно имѣть эти сокровища передъ глазами, подъ руками? Не недѣли, а годы и годы стоитъ провести въ бесѣдѣ съ этими свидѣтелями минувшей жизни. По благословенію Митрополита, я воспользовался нѣкоторыми изъ рукописей, насколько успѣлъ. Работалъ тамъ, гдѣ работаютъ и другіе—въ келіи о. архимандрита. Представьте

маленькую, узенькую комнатку съ однимъ окномъ, съ двумя небольшими столами, затѣсненной библіотекой о. архимандрита: вотъ куда сходятся любители древности и старины, вотъ гдѣ работаютъ, угождая другъ другу уступкой вершка помѣщенія! Тѣсно, и тѣмъ не менѣе хорошо! Тамъ же хорошо мнѣ было и въ Чудовѣ монастырѣ. Такъ живетъ соиздатель А. В. Горскаго по описанію Слав. рукописей Синодальной библіотеки, профессоръ К. И. Невоструевъ. Въ его келіяхъ сотни рукописей изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ и изъ Синодальной библіотеки и прекрасная библіотека, имъ самимъ собранная. Это человѣкъ труда, страстный археологъ, знатокъ многаго, скромный, я бы сказалъ, до крайности, и услужливый. Своей услужливостью онъ, можно сказать, баловалъ меня. Говоря о немъ, не могу не сказать хоть нѣсколько словъ объ Описаніи Синодальныхъ рукописей, которое приготовляется имъ и А. В. Горскимъ. Каждая изъ рукописей идетъ съ начала въ руки К. И. Невоструева и описывается имъ при помощи молодыхъ, образованныхъ помощниковъ, затѣмъ это описаніе переходитъ къ А. В. Горскому и имъ дополняется. И три раза этотъ трудъ пересматривается ими, прежде чѣмъ выйдетъ въ свѣтъ. При такой внимательности въ работѣ и при работѣ такихъ людей, каковы Горскій и Невоструевъ, немудрено, что Описаніе должно быть превосходное. Его бы стоило издавать съ тою роскошью, съ какою издаваемы были когда то труды Біанкини, Бандини... Это памятникъ, какихъ въ Славянской научной литературѣ очень немного. Вышло пока двѣ книги, но заготовлено къ изданію очень много.

Не разъ былъ я и у другаго труженика науки, Вукола Мих. Ундольскаго, извѣстнаго Вамъ разными археологическими статьями. Онъ человѣкъ небогатый, живетъ очень скромно; а библіотека у него превосходная—и при ней огромное собраніе рукописей—около 1000. Можно подивиться и огромности собранія, а какъ же не подивиться тому, что въ немъ всѣ рукописи—избранныя, подобранныя по цѣли, впередъ задуманной. Глаза разбѣгаются, глядя на эти прелести — по письму, впрочемъ, не древнія. Такого знатока своего ученаго имѣнья я еще не видалъ. Особенный трудъ его, уже печатаемый, важное изслѣдованіе о Георгіи Амартолѣ [1]). Оканчиваю не дописывая, чтобы послать съ Катенинымъ [2]). Вашъ И. Срезневскій.

Мой Вячко Васъ цѣлуетъ и собирается къ Вамъ писать.

---

[1]) Изслѣдованіе это было представлено въ рукописи на Демидовскую премію въ 1855 году.

[2]) См. о посѣщеніи Катенинымъ Праги стр. 433.

50.

Незабвенный Вячеславъ Вячеславичь!

Не могу не написать хоть словечка къ Вамъ, прощаясь съ отъѣзжающимъ къ Вамъ Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ.

Обнимаю Васъ отъ души. Вяча Васъ цѣлуетъ. Онъ бредитъ теперь о сынѣ: хочетъ назвать его непремѣнно Вячеславомъ, чтобы имѣть своего Вячеслава Вячеславича. Мы всѣ Васъ часто часто вспоминаемъ.

Вашъ по прежнему любящій искренно и даже болѣе уважающій И. Срезневскій.

14 іюня 1859.

51.

С.-Петербургъ, 26 янв. 1860.

Хоть нѣсколько словъ, а напишу сегодня же Вамъ, добрѣйшій, незабвенный другъ Вячеславъ Вячеславичъ. Мы повторяемъ съ Иваномъ Ивановичемъ, пиша письмо къ Вамъ сообща съ нимъ, что сдѣлали за 20 лѣтъ передъ этимъ: тогда писали изъ Лужицъ, теперь изъ Руси. И хоть 20 лѣтъ прошло, но мы оба остались тѣ же, и онъ посѣдѣвши, и я состарѣвшись.

По прежнему онъ смотритъ на все слишкомъ хорошо: отъ этого и меня расхвалилъ черезъ мѣру. По прежнему я люблю или по крайней мѣрѣ хотѣлъ бы говорить правду. Вооружась этой правдой, скажу, что теперь смотрятъ у насъ на Славянство уже иначе, чѣмъ прежде: есть уже люди, которые умѣютъ цѣнить и заставлять другихъ цѣнить права и обязанности Славянской взаимности, есть между ними люди молодые, пылкіе и даровитые, ведущіе дѣло куда сильнѣе, чѣмъ мы могли и умѣли въ свое время. Правду сущую сказалъ впрочемъ Иванъ Ивановичъ, говоря, какъ цѣнятъ Васъ: чѣмъ кто болѣе Васъ знаетъ, тѣмъ болѣе уважаетъ; но уважаютъ и тѣ, которые Васъ не знаютъ, знаютъ Ваше имя и тѣ, которые ничего другаго о Славянствѣ [не знаютъ]. О своей семьѣ ужъ не говорю: Вы—родной дѣдушка моимъ дѣтямъ. И какъ бы мнѣ хотѣлось привести ихъ къ Вамъ, чтобы они узнали и полюбили Васъ лично! Когда то наконецъ это исполнится!

Вы, я слышалъ, въ недоумѣніи о печати, на которой нарѣзано имя Ваше неправильно. Это Вамъ подарокъ изъ Сибири отъ сибиряка за сибиряковъ; а виноватъ въ ошибкѣ рѣщикъ. Имя сибиряка: Степанъ Ивановичъ Гуляевъ.

(Въ письмѣ Смолеря отъ 7 февр. 1860 г.)

31-е Января.

Продолжаю свое письмо, только что воротившись съ защищенія разсужденія на степень магистра Славянской словесности В. И. Ламанскимъ. Защищеніе происходило при довольно многочисленномъ собраніи не только студентовъ, но и ученыхъ, литераторовъ, дамъ и т. д. Разсужденіе Ламанскаго Вамъ извѣстно (О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи), и потому я не буду говорить о немъ. Ламанскій выступилъ на каѳедру съ объясненіемъ причинъ, побудившихъ его остановиться въ разсужденіи своемъ именно на этихъ, а не на другихъ предметахъ,— и прекрасно раскрылъ свой общій взглядъ на Славянъ, на ихъ прошедшее и будущее. Все сказано было отъ души и увлекательно. Его благодарило собраніе рукоплесканіями. Затѣмъ начался споръ, диспутъ, преніе — или какъ угодно. Оба опровергавшіе профессора (Касторскій и Костомаровъ) опровергали дѣльно, еще дѣльнѣе защищался Ламанскій. И преніе кончилось рукоплесканіями. Вообще это засѣданіе понравилось всѣмъ. Передъ окончаніемъ прочитанъ протоколъ засѣданія факультета, въ которомъ кандидатъ Ламанскій признанъ достойнымъ степени магистра. Раздались опять рукоплесканія, — и пусть несутся они къ вамъ и встрѣчены будутъ новыми: Ламанскій ихъ заслужилъ и еще болѣе заслужитъ.

1-е Февраля.

Съ новымъ радостнымъ чувствомъ принимаюсь за письмо— почти тотчасъ въ слѣдъ за приходомъ изъ засѣданія Совѣта университета. Черезъ недѣлю (8 февр.) будетъ у насъ годичный университетскій праздникъ, на которомъ обыкновенно награждаются золотыми и серебр. медалями тѣ изъ молодыхъ нашихъ людей, которыхъ отвѣты на задачи, особо для этого назначаемыя, признаны будутъ этого достойными. Въ этомъ году по истор.-филолог. факультету очередь задачи была за мною, — и задано было — „разсмотрѣть сказанія современниковъ VI—X вѣка о нравахъ и обычаяхъ славянъ". Разсужденіе, представленное въ отвѣтъ, я нашелъ достойнымъ золотой медали и напечатанія на счетъ университета. Совѣтъ согласился, — конвертъ, скрывавшій имя сочинителя за эпиграфомъ „Pracuj każdý s chutí usilovnou" и пр. былъ вскрытъ,—и оказалось имя вольнослушающаго В. Макушева. Этотъ молодой человѣкъ въ самомъ дѣлѣ обѣщаетъ многое: онъ прекрасно, многосторонне образованъ, знаетъ много языковъ, читаетъ свободно почти на всѣхъ слав. нарѣчіяхъ, любитъ трудъ, любитъ Славянъ. И разсужденіе его въ самомъ дѣлѣ выразило мысль, высказанную въ эпиграфѣ, имъ взятомъ.

Какъ бы я желалъ, чтобы Макушевъ, ѣдущій лѣтомъ за границу, могъ побывать и у Васъ: это будетъ зависѣть отъ ки Кочубея, съ которымъ онъ ѣдетъ. А еще бы больше желалъ я увидѣть Васъ самъ. Начинаю думать объ этомъ, и если получу пособіе, то пріѣду хоть на нѣсколько дней.

Между тѣмъ поцѣлуйте за меня П. А. Лавровскаго и его милую женочку и передайте имъ содержаніе письма: они вѣрно порадуются новостямъ этимъ.

Вашъ И. Срезневскій.

Письмо это Вамъ доставитъ Августъ Матвѣевичъ Гезенъ[1], нѣмецъ именемъ, но такой славянистъ, какихъ дай Богъ. Онъ и не филологъ, а врачъ, но и между любителями филологіи, по крайней мѣрѣ у насъ, такихъ мало.

Вашъ И. Срезневскій.

52.

Душевно уважаемый другъ, Вячеславъ Вячеславичъ!

Прибѣгаю къ Вамъ съ усердною просьбою, которую Вы поймете по прилагаемому письму. Напрасное мое ожиданіе письма отъ жены здѣсь въ Копенгагенѣ заставляетъ меня думать, что и мои письма къ женѣ ею не получены,—я ихъ адресовалъ въ Будишинъ (Bautzen) И. И. Смоляру (M. M. de Schmahler), а если это такъ, то воображаю, каково это ей. А между тѣмъ боюсь и просто посылать въ Дрезденъ poste-restante, не зная, ждетъ ли она письма этимъ путемъ. Вотъ почему посылаю письмо къ женѣ на Ваше имя и прошу Васъ „ради Бога перешлите ей немедленно“,— ей ли прямо, или на имя д-ра Іфуля, который заботится о дѣтяхъ нашихъ, какъ давній другъ. Вы, конечно, найдете средство переслать такъ, чтобы письмо дошло до нея.

Мое путешествіе по Швеціи и въ Данію, хотя и скорое, мнѣ очень удалось; было чему поучиться. Я надѣюсь разсказать объ этомъ Вамъ подробнѣе. Теперь не могу, потому что непокоенъ духомъ: все мнѣ чудится, что жена моя вовсе не имѣетъ вѣсти обо мнѣ и о дѣтяхъ, а она насъ такъ любитъ. Въ Швеціи я путешествовалъ и наблюдалъ покойно; здѣсь же отъ думки о женѣ мнѣ все неладится, и еслибы сталъ Вамъ писать о чемъ-нибудь подробнѣе, то вѣрно написалъ бы чепуху. Мнѣ кажется, что съ меня, какъ гора съ плечь свалится, когда я узнаю, что жена не беспокоится ни обо мнѣ, ни о Петербургскихъ малют-

[1]) Расписался въ альбомѣ В. Ганки 20-го марта 1860 года.

кахъ нашихъ. Вы же, конечно, получили отъ нея письмо и знаете ея Дрезденскій адресъ. Ради Бога, увѣдомьте ее скорѣе.

Вамъ истинно преданный и неизмѣнный

Измаилъ Срезневскій.

Копенгагенъ,
27 мая 1860 года.

53.

Душевно уважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Письмо это передастъ Вамъ Марья Петровна Попова, съ которой мы грустно разстаемся, проживши вмѣстѣ съ нею нѣсколько времени въ Дрезденѣ и съ которою издавна близки въ Петербургѣ. Она — супруга Вамъ также близко знакомаго Александра Николаевича Попова, который, — помните, — писалъ между прочимъ о Чешской живописи. Проѣздомъ черезъ Прагу, она остановится, чтобы взглянуть на замѣчательности, и въ комъ же найдетъ она лучшаго руководителя, чѣмъ въ Васъ? Завидую ей, что она ѣдетъ уже къ Вамъ. Богъ дастъ, впрочемъ, скоро пріѣдемъ и всѣ мы. Кстати объ этомъ. Отсюда мы располагаемъ ѣхать въ Будишинъ и далѣе черезъ горы въ Прагу. Гдѣ же намъ остановиться въ Прагѣ? Въ какой гостинницѣ, чтобы было прилично и недорого? На этотъ разъ мы остановимся ненадолго, потому что хотимъ проѣхаться и потомъ уже пріѣдемъ къ Вамъ отдыхать. На вопросъ мой, сдѣлайте милость, отвѣтьте въ Будишинъ на имя Ив. Ив. Смоляра.

Но скажите, ради Бога, также и о Шафарикѣ. Уже въ Галле отъ студентовъ я слышалъ, что онъ очень боленъ и что упалъ въ воду. Сегодня слышалъ я здѣсь, что онъ умеръ. Ужели это правда? Страшно подумать, что его уже нѣтъ. Не видѣлъ я въ немъ патріарха Славянской науки, но глубоко уважалъ всегда его ученость и дѣятельность, его научныя заслуги и вліяніе, — и все надѣялся, что онъ издастъ наконецъ и вторую часть своихъ Starožitnosti. Мнѣ хотѣлось съ нимъ поговорить и о Глаголицѣ и о многомъ другомъ. И уже не придется мнѣ даже видѣть его? Мнѣ просто грустно отъ печальныхъ вѣстей.

Благодарю Васъ усердно за участіе въ насъ. Намъ очень хотѣлось, чтобы нашъ Вячко первый Васъ увидѣлъ и потому мы еще дома мечтали, что пустимъ его одного въ Прагу; но на дѣлѣ это оказалось не такъ легко: десятилѣтній мальчикъ нашъ хоть и боекъ, но все таки десятилѣтній, и братъ его Володя, 12 лѣтъ, не пустилъ бы его одного въ такой путь, потому что они

и здѣсь, отдалившись на нѣсколько шаговъ другъ отъ друга, боятся одинъ за одного. Развѣ уже по пріѣздѣ въ Прагу удастся это исполнить, то-есть послать его къ Вамъ передовымъ.

Цѣлую Васъ за себя и за дѣтей, привыкшихъ Васъ любить, какъ роднаго. Жена свидѣтельствуетъ Вамъ искреннее почтеніе.

Если П. А. Лавровскій еще у Васъ, то поклонитесь ему семейно отъ насъ.

Вашъ преданный Измаилъ Срезневскій.

Дрезденъ,
3/15 Іюня 1860.

В. В. Стасовъ.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ,

По возвращеніи своемъ изъ-за границы въ прошломъ году, мой добрый знакомый Вас. Ив. Собольщиковъ [1]) много разсказывалъ мнѣ о Вашей добротѣ и обязательности, а всего болѣе о готовности Вашей быть полезнымъ всѣмъ Русскимъ, занимающимся наукою. Это и даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ и къ великой Вашей учености за помощью по дѣлу, которое глубоко меня теперь занимаетъ. Состоя при Императорской Публичной Библіотекѣ (по художеств. отдѣленію), я имѣю подъ руками большое количество важныхъ матеріяловъ для исторіи нашего искусства и рѣшился въ послѣднее время заняться вопросомъ о заглавныхъ буквахъ въ русскихъ манускриптахъ XI, XII, XIII и XIV вѣковъ (initiales). Смѣю сказать, что мое сочиненіе, когда Богъ дастъ мнѣ его кончить, не будетъ лишено интереса и важности для исторіи Русскаго (и вообще Славянскаго) искусства, потому что я предпринялъ этотъ трудъ вовсе не съ цѣлью палеографическою, а съ цѣлью чисто художественною: по моему мнѣнію, рукописи и заключающіяся въ нихъ заглавныя буквы и орнаменты могутъ и должны служить самымъ вѣрнымъ средствомъ для полученія понятія о характерѣ и стилѣ орнаментальнаго и архитектурнаго искусства древней Россіи въ тѣ періоды.

Немало матеріяловъ уже собрано мною, сколько изъ подлинныхъ Русскихъ рукописей, находящихся въ такомъ огромномъ количествѣ здѣсь въ Петербургѣ, — столько и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ изданій.

[1]) Въ альбомѣ Ганки расписался 10/22 февр. 1859 г.

Но, къ несчастію, у насъ здѣсь нѣтъ рукописей другихъ Славянскихъ народовъ, съ фигурными заглавными буквами. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя Сербскія рукописи и facsimile съ таковыхъ же въ извѣстномъ палеографическомъ изданіи Сильвестра. Такимъ образомъ, я и рѣшаюсь обратиться къ Вамъ, Вячеславъ Вячеславичъ, вотъ съ какою просьбою:

Изъ статьи Ал. Попова: „O starobylé české malbě" (Časopis, 1846, стран. 504), мы знаемъ, что къ числу древнѣйшихъ чешскихъ рукописей XI-го вѣка принадлежатъ: 1) Евангеліе, находящееся въ Университетской библіотекѣ, 2) Евангеліе, находящееся въ церкви Св. Вита. Сверхъ того, изъ статьи г. Воцеля: „O starožitnostech Českých (Časopis, 1845, стран. 670), мы знаемъ, что въ Чешскомъ Музеѣ есть копія съ легенды Св. Вацлава XI вѣка, оригиналъ которой находится въ Вольфенбютельской библіотекѣ.

Спрашивается: заглавныя буквы (initiales) и орнаменты какого стиля въ этихъ рукописяхъ: византійско-славянскаго, или—западно-латинскаго?

Г. Поповъ утверждаетъ, что характеръ тѣхъ рукописей чисто-византійскій (стран. 504); но въ этомъ нельзя убѣдиться иначе, какъ посредствомъ собственныхъ глазъ.

Г. Срезневскій напечаталъ въ 1-й тетради „Извѣстій Археологическаго Общества" 1859-го года большую заглавную букву, присланную Вами, изъ Чешской рукописи XII-го в. Mater verborum. Но весь этотъ рисунокъ, всѣ заглавныя буквы, сплетенныя здѣсь вязью, и всѣ орнаменты — западные, латинскіе. Если и въ рукописяхъ Чешскихъ XI-го вѣка находятся такія же буквы (большія или малыя, все равно), то это не имѣетъ особеннаго интереса для моего сочиненія, и я тогда прошу Васъ только всепокорнѣйше, сдѣлать мнѣ честь, написать мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, что заглавныя буквы—латинскаго характера.

Если же, напротивъ того, эти буквы и орнаменты (окружающіе эти буквы) характера византійско-славянскаго, то я убѣдительнѣйше прошу Васъ поручить кому-нибудь снять съ нихъ копіи,— и если можно, красками.

Само собою разумѣется, что я, немедленно по полученіи отъ Васъ увѣдомленія, поспѣшу переслать Вамъ деньги, которыя нужно будетъ заплатить за эту работу. Я бы просилъ дѣлать рисунки на Calque-Papier, т. е. накладывая эту прозрачную бумагу на рукопись и прорисовывая ее насквозь.

Мнѣ всего интереснѣе было бы знать, есть-ли въ Чешскихъ

рукописяхъ вотъ какія буквы, которыя встрѣчаются въ русскихъ рукописяхъ XI, XII, XIII и XIV столѣтій [1]).

Я эти буквы привожу здѣсь только для примѣра, для того, чтобы показать, что̀ мнѣ особенно нужно. Разнообразіе же Русскихъ буквъ удивительное; особливо въ XIII и XIV вѣкахъ имъ просто счету нѣтъ, такъ онѣ многочисленны. Главныя фигуры, встрѣчаемыя въ нихъ: левъ, драконъ, орелъ, змѣй, птицы, человѣческія головы, львиныя головы и т. д. Но все это совершенно другое, чѣмъ западныя, гдѣ начиная не только съ Карла Великаго, но даже и раньше (во времена Меровингскія) встрѣчается пропасть заглавныхъ буквъ съ птицами, рыбами и т. д.

Итакъ, надѣясь на Вашу крайнюю доброту и снисходительность, осмѣливаюсь ожидать какого-нибудь увѣдомленія (адресуя: „въ Публичную Библіотеку, Владиміру Васильичу Стасову“) и надѣюсь на это тѣмъ болѣе, что Вы конечно не откажете въ своей помощи труду, назначенному для разъясненія одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ древней Славянщины.

Могу сказать Вамъ новость, которая конечно будетъ Вамъ пріятна: Наталья Ивановна на дняхъ произвела на свѣтъ дочь, которую назвали „Александра“. Это великая радость и великое счастье для обоихъ Собольщиковыхъ, которые столько лѣтъ были лишены наслажденія имѣть дѣтей. Скажу Вамъ, что они искренно любятъ Васъ, какъ роднаго отца.

Въ заключеніе, прошу Васъ еще разъ принять мою просьбу со снисходительностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреніе и пр.

Владиміръ Стасовъ.

Мой братъ Дмитрій, имѣвшій въ прошломъ году честь быть у Васъ во время своего путешествія за границу, свидѣтельствуетъ Вамъ глубочайшее свое почтеніе.

СПБ.,
7-го Марта 1860.

М. М. Стасюлевичъ [2]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Когда я былъ у Васъ въ Августѣ нынѣшняго года, я обѣщалъ выслать Вамъ изъ Россіи ожидаемый тогда Литературный

[1]) Въ письмѣ сдѣланы снимки буквы о XII в. (дважды), „глаголитскаго В, въ русской рукописи XI вѣка“, буквы Б XII в., С XII в., Р XIII в.

[2]) Въ альбомѣ Гаики Стасюлевичъ написалъ послѣ М. С. Куторги, расписавшагося 6 авг. 1834 г., слѣдующія строки: „Прошло 23 года, и къ

Сборникъ Студентовъ Петербургскаго Университета. Между тѣмъ, по возвращеніи изъ Праги въ Берлинъ, я нашелъ тамъ новое распоряженіе Университета, предписавшее мнѣ остаться за границею еще на годъ до Сентября будущаго года. Желая тѣмъ не менѣе исполнить свое обѣщаніе, я просилъ Мих. Ив Сухомлинова чрезъ моихъ знакомыхъ выслать мнѣ 2 экземпляра Сборника, одинъ для себя, другой для Васъ. Студентъ-редакторъ Утинъ, бывшій мой слушатель, узнавъ о моемъ желаніи имѣть ихъ Сборникъ, поспѣшилъ мнѣ выслать труды его товарищей и вмѣстѣ просилъ меня переслать Вамъ другой экземпляръ, какъ подарокъ отъ студентовъ [1]). Извѣстный Пироговъ и Аксаковъ писали студентамъ, и ихъ письма Вы найдете въ началѣ Сборника; если и Вамъ будетъ угодно привѣтствовать нашихъ молодыхъ литс-

---

Вамъ явился ученикъ М. С. Куторги свидѣтельствовать, что и новое поколѣніе воодушевлено тѣмъ же уваженіемъ къ Вамъ, которое привлекаетъ въ Прагу всякаго русскаго, всякаго, кому nihil humani alienum. Михаилъ Стасюлевичъ, Профессоръ исторіи въ С.-Петербург. университетѣ".

[1]) Ганка отвѣтилъ на подношеніе ихъ слѣдующимъ письмомъ:

Господа Редакторы!

Имѣвъ удовольствіе получить черезъ соредактора Вашего Льва Исаковича Утина Вашъ Сборникъ, прошу покорнѣйше принять за него мою усерднѣйшую благодарность.

Пришло время и университетскому юношеству сказать свое слово!

Слово, молодые друзья мои, значительнѣйшее орудіе всего человѣчества; словомъ человѣчество отличается отъ всѣхъ другихъ тварей. Слово — начало и источникъ всего превосходства, всей возвышенности; безъ него нѣтъ свѣта, нѣтъ образованія; живое слово двигаетъ весь міръ, живое слово потрясаетъ вселенную. Да, святое благовѣствованіе свидѣтельствуетъ: искони бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово.

И вотъ намъ Славянамъ имя отъ слова: мы дѣти слова — да отъ слова и слава происходитъ, и слава наша родная сестра. Потому, друзья мои, употребляйте слово въ духѣ правды, въ духѣ любви, какъ орудіе мира и дружелюбія. Горе употребляющимъ слово во зло! Ваша мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, да занимаетъ Васъ еще долго на пользу, честь и славу Вашего великаго отечества! Да, будьте увѣрены, что при такомъ стремленіи засвѣтятъ лучи вашего успѣха далеко за предѣлы къ роднымъ племенамъ. Они дремлящихъ разбудятъ, унывающихъ ободрятъ и приходящихъ уже въ отчаяніе исторгнутъ изъ гибели смѣшенія ся съ иноплеменниками, изъ котораго же рода ростутъ жесточайшіе враги.

Примите, любезнѣйшіе друзья, благосклонно мой сердечный привѣтъ и въ слабый знакъ благодарности при семъ прилагаемую книжку Полиглоту Краледворской Рукописи, съ чѣмъ имѣю честь быть навсегда вѣрнѣйшимъ другомъ и почитателемъ Вячеславъ Ганка.

Прага,
13/25 Декабря 1857. (Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

[illegible] Вы можете адресовать свое письмо на имя или М. И. Сухомлинова, или моего молодого друга Льва Исаковича Утина, которого любезности я обязан исполнением данного Вами обещания. Наконец Вы можете адресовать через меня на имя Г. Сухомлинова или Утина, а я почту за особенное удовольствие переслать Ваше письмо в Петербург по принадлежности.

Пользуясь Вашим предложением я не отправлял книги в Прагу, но избрал иной путь, который в других отношениях более прямой. Я поручил Сборник нашему Посольству в Берлине, для пересылки Отцу Ржевскому в Вѣну, съ надписью переслать книгу в Прагу на Ваше имя. Если Вы будете имѣть случай вступить в какія-нибудь сношенія съ отцем Ржевским, то и получите отъ него мою посылку.

Я увѣренъ, что Вы цѣните внимания труды юной Россіи; не ищите въ нихъ только ученаго достоинства: въ томъ состояніи, въ которомъ находится наше русское современное общество, жизнь имѣетъ живое значеніе сама по себѣ, а въ этомъ Сборникѣ Вы найдете не одинъ отвѣтъ изъ новой жизни, но уже и пѣлыя тропинки. Знаю, какъ для Васъ дорого все человѣческое, но если это человѣческое къ тому же и родное, то Вы вѣрно порадуетесь за будущее нашего общества.

Сообщаю Вамъ мой адресъ на тотъ случай, если Вы захотѣли бы чрезъ меня послать свой привѣтъ авторамъ Сборника; я увѣренъ, что Вашъ голосъ пріятно отдастся въ ихъ сердцахъ. Я остаюсь въ Берлинѣ до начала Марта будущаго года, въ квартирѣ: 22. Mauerstrasse. Душевно желалъ бы, чтобъ новое мое странствованіе, которое я начну въ Мартѣ, привело меня снова въ Прагу. Если буду въ Вѣнѣ, то при возвращеніи на Варшаву непремѣнно исполню свое желаніе засвидѣтельствовать Вамъ мое искреннее почтеніе и душевную преданность, съ которыми я пр.

Михаилъ Стасюлевичъ.

Берлинъ, 22. Mauerstrasse.
6/20 Декабря 1857.

М. И. Сухомлиновъ[1]).

1.

Душевно уважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Благодарю Васъ за письмо Ваше отъ 18-го сентября и за вложенныя въ него письма изъ Россіи. Извините, что безпоконлъ

[1]) Заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго унив. и ординарный академикъ И. А. П. (р. 29 февр. 1828 г., † 8 іюля 1901 г.). О его дѣя-

Васъ, но Вы такъ обязательны и добры къ Русамъ, даже къ шпатнымъ и ощкливымъ, какъ напримѣръ ко мнѣ, что я рѣшаюсь еще разъ утруждать Васъ просьбою: потрудитесь переслать прилагаемое письмо Кр., прибавивъ въ нѣсколькихъ строкахъ его содержаніе по-чешски: я самъ не рѣшился поступить въ число чешскихъ писателей, а онъ безъ Вашей не можетъ быть моимъ читателемъ. Я же постараюсь отблагодарить Васъ: разумѣется, Вы лично—выше моей благодарности, но я буду стараться устроить кого-нибудь изъ Вашихъ младшихъ братьевъ—молодыхъ Чеховъ, отправляющихся въ Россію. Недавно нѣсколько Сербовъ пѣшкомъ пришло въ Россію, и теперь въ Петербургѣ и Москвѣ собрана для нихъ довольно значительная сумма. Передайте мою душевную благодарность почтеннѣйшей супругѣ и свояченицѣ Вашей: супруга Ваша проводила меня съ такимъ участіемъ, которое мнѣ напомнило Россію. Кстати о Россіи. Въ Парижѣ множество Русскихъ; я пріѣхалъ въ Парижъ, и одна изъ первыхъ встрѣчъ была съ Тургеневымъ, писателемъ, который сказалъ мнѣ, что никогда не забудетъ дня, проведеннаго съ Вами [1]). Я познакомился съ о. Мартыновымъ и передалъ ему Вашъ вопросъ: онъ сказалъ, что ничего не получалъ отъ Васъ, и обѣщалъ писать Вамъ сегодня же. Такъ какъ курсы въ парижскомъ университетѣ начинаются въ ноябрѣ, то я до ноября предполагаю уѣхать въ Римъ, гдѣ, можетъ быть, встрѣчу и Пыпина. Очень меня обяжете, если къ 1-му ноября пришлете мнѣ извѣстіе о себѣ и о Пражскихъ новостяхъ по адресу: Paris, poste restante.

Вашъ искренно преданный Русъ з Петрограда

М. Сухомлиновъ.

Парижъ,
14/26 Сентября 1859.

2.

Многоуважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

И недавно, кажется, разстался съ Вами, а здается, что прошли цѣлые года: до такой степени я свыкся съ Прагою, до та-

тельности см. брошюру П. Ѳ. Сумцова, М. И. Сухомлиновъ (къ 40 л. юбилею); статьи А. А. Шахматова въ Ж. М. Н. Пр., 1901, ноябрь, и въ Извѣстіяхъ И. А. Н., т. XV, сент. 1901 г.; П. С. въ Литературн. Вѣстникѣ, 1901, кн. VII. Въ альбомѣ Ганки С. расписался 15/27 марта 1859 г.

[1]) 12-го апр. 1858 г. И. С. Тургеневъ написалъ въ альбомѣ Ганки: „На память пріязни и поучительно проведенныхъ часовъ и въ знакъ искренняго и глубокаго сочувствія и уваженія".

кой степени сжился съ Чехами. А ежедневныя бесѣды съ Вами обратились мнѣ въ привычку до того, что каждаго Русскаго, съ которымъ приходилось мнѣ встрѣчаться по отъѣздѣ изъ Праги, я назвалъ, по крайней мѣрѣ, разъ Вячеславомъ Вячеславичемъ. По дорогѣ отъ Праги долго слышался въ вагонахъ чешскій языкъ, потомъ все заговорило по-нѣмецки, но мнѣ все еще слышались чешскіе звуки, и я самъ, по старой привычкѣ, вмѣсто: ja отвѣчалъ Нѣмцамъ: ano.

На пути своемъ я останавливался на нѣсколько дней въ Лейпцигѣ, Базелѣ и Стразбургѣ. Въ настоящую минуту я нахожусь въ Баденъ-Баденѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра уѣхать въ Парижъ. Путешествіе въ Голландію и Белгію я долженъ былъ отложить на нѣсколько мѣсяцевъ, именно до тѣхъ поръ, пока поѣду въ Англію. Погода теперь скверная, дожди и холодные вѣтры, и въ Голландіи и отчасти въ Белгіи — сильная холера.

Такъ какъ центромъ будетъ для меня Парижъ, какъ прежде была Прага, то покорнѣйше прошу Васъ передать прилагаемую записку въ почтамтъ и попросить немедленно выслать письма въ Парижъ, какъ тѣ, которыя теперь въ Пражскомъ почтамтѣ, такъ и тѣ, которыя будутъ получаться впередъ. Сдѣлайте одолженье, потрудитесь увѣдомить, по городской почтѣ, Кр., что я сердечно привѣтствую его и съ нетерпѣніемъ ожидаю письма отъ него: какъ только получу, сейчасъ же напишу ему. Позвольте надѣяться, что Вы увѣдомите меня о себѣ, я же буду Вашимъ вѣрнымъ корреспондентомъ.

Супругѣ и свояченицѣ Вашей свидѣтельствую глубокое уваженье и признательность. Всѣмъ, помнящимъ меня, Чехамъ — усердный поклонъ.

Вашъ весь Михаилъ Сухомлиновъ.

Прошу Кр. прислать мнѣ свой точный и подробный адресъ.

Адресъ мой: Paris, poste-restante.

16 Сентября 1859.

3.

Душевно уважаемый Вячеславъ Вячеславичъ!

Только что возвратился я изъ путешествія по Италіи, и спѣшу просить Васъ увѣдомить меня о себѣ. Я такъ привыкъ каждый день видѣться съ Вами, что до сихъ поръ не могу отучиться называть близкихъ мнѣ людей Вячеславомъ Вячеславичемъ.

Путешествіе по Италіи было для меня въ высшей степени

поучительно. Я посѣтилъ Римъ, Флоренцію, Венецію, Миланъ, Туринъ и нѣсколько другихъ городовъ. Время теперь самое интересное для Италіи, но говорить объ этомъ неудобно по извѣстнымъ причинамъ. Во Флоренціи встрѣтился я съ А. Н. Пыпинымъ; онъ уѣхалъ въ Римъ, оттуда поѣдетъ опять во Флоренцію, потомъ въ Венецію, черезъ Тріестъ въ Вѣну, а изъ Вѣны въ Прагу. Много любопытнѣйшихъ вещей узналъ я для своихъ занятій: одинъ Римъ былъ для меня богатѣйшею школою. Рукописями, къ которымъ чувствую большую наклонность, я не могъ пользоваться въ Римѣ, потому что тамъ въ октябрѣ ваканціи; но зато въ Туринѣ мнѣ удалось найти любопытную для русской исторіи рукопись XVI вѣка.

Парижскіе іезуиты, Мартыновъ и Гагаринъ, готовятъ къ изданію славныя вещи, касающіяся времени самозванцевъ и находящіяся въ архивѣ коллегіи, доступномъ только для іезуитовъ.

Появилась ли статья Палацкаго противъ Бюдингера? Одному изъ моихъ знакомыхъ, бывшему въ Мюнхенѣ, Зибель, издатель журнала, сказалъ, что статья Бюдингера такъ хороша, что онъ не помѣстилъ бы возраженія противъ нея, если бы его написалъ историкъ менѣе знаменитый, нежели Палацкій. Любопытно знать, будетъ ли Бюдингеръ и К° возражать Палацкому.

Что дѣлается въ чешской литературѣ? Вчера я имѣлъ удовольствіе говорить о ней съ Вильменомъ: узнавши, что я былъ въ славянскихъ земляхъ, онъ много разспрашивалъ объ этой для него terra incognita.

Получили ли Вы письмо мое, писанное передъ отъѣздомъ въ Италію; въ него вложено было и письмо къ Кр. Сдѣлайте одолженье, скажите, при свиданьи, Кр. и пану Вртятко, что я ожидаю отъ нихъ писемъ съ большимъ нетерпѣньемъ.

Нѣтъ ли чего новаго въ Прагѣ: я такъ полюбилъ родную славянскому сердцу голубушку Прагу, что такъ бы и хотѣлъ изъ Rue de Seine перелетѣть въ садъ Киньскаго и посмотрѣть оттуда на стобашенную Прагу. Но какъ привилегія летанія усвоена эгоистами птицами, то мнѣ остается только просить Васъ письменно увѣдомить меня о себѣ и о нашей общей Прагѣ.

Въ пріятнѣйшемъ ожиданьи обнимаю Васъ отъ души. Искренно уважающій и любящій Васъ М. Сухомлиновъ.

Почтеннѣйшей супругѣ и свояченицѣ Вашей посылаю усердный поклонъ; всѣмъ, помнящимъ меня, братьямъ-Чехамъ—сердечный привѣтъ.

Парижъ,
3 Ноября 1859.

[illegible]

[illegible] Зачеславичъ

[illegible]

[illegible] Зачеславичъ.

[illegible] Чрез- [illegible] Я порядочно [illegible] рукописей [illegible] составленье о раз- [illegible] языкѣ XIV вѣка.

[illegible] Зачеславичъ, о пред- [illegible] Душа моя нашла сочув- [illegible] Русской, превосходно [illegible] и съ прекраснымъ, доб-

рымъ характеромъ. Я увѣренъ, что Вы и добрѣйшая супруга Ваша отъ души пожелаете мнѣ счастья.

Подѣлившись съ Вами своею радостью, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Потрудитесь прислать мнѣ въ Парижъ als frachtgut вещи мои, оставшіяся у Васъ; прикажите отпереть чемоданъ (слесарь можетъ это сдѣлать и безъ ключа) и вложите въ чемоданъ шинель и сакъ и все, оставшееся у Васъ. У Васъ осталось моихъ, если не ошибаюсь, нѣсколько рублей серебромъ: ихъ, я думаю, нельзя положить въ чемоданъ, тѣмъ болѣе, что французская таможня ужасно строга. Чемоданъ отправьте какъ frachtgut, потому что это всего дешевле, хотя и дольше; деньги заплачу я въ Парижѣ по полученіи вещей. Адресуйте: Paris, Avenue des champs Elysées, № 53, — на мое имя. Увѣдомьте меня по отправленіи вещей.

Извините, дорогой Вячеславъ Вячеславичъ, что Васъ безпокою, но Вамъ ужъ суждено не имѣть покоя отъ Русовъ. Передайте усердный поклонъ супругѣ Вашей и свояченицѣ. Кланяюсь всѣмъ, помнящимъ меня.

Вашъ преданнѣйшій М. Сухомлиновъ.

Не забудьте приложить счетъ издержанныхъ для меня денегъ.

Парижъ,
31 марта / 12 апрѣля 1860.

Д. П. Татищевъ.

1.

Государь Мой,

Доставленныя ко мнѣ двѣ книги вашего перевода, кои вы желаете поднести Государю Императору, я не премину препроводить къ стопамъ Его Императорскаго Величества и надѣюсь, что полезные труды ваши не останутся безъ Высочайшаго воззрѣнія.

Благодарю васъ за книгу, присланную на мое имя, и прошу васъ, Государь мой, принять свидѣтельство моего благожелательства. Дмитрій Татищевъ.

Вѣна,
Марта 7-го дня 1823.

2.

Милостивый Государь мой,

Имѣвъ счастіе препроводить къ стопамъ Государя Императора книги вашего перевода [1]), присланныя ко мнѣ нѣсколько времени тому назадъ, я удовольствіемъ себѣ поставляю увѣдомить васъ, что Его Императорское Величество всемилостивѣйше принялъ поднесеніе ваше и, желая изъявить Свое благоволеніе ученому писателю, столь полезно посвятившему труды свои на познаніе словѣсности древняго корня Россійскаго языка, приказать изволилъ мнѣ доставить вамъ, Милостивый Государь мой, приложенный при семъ перстень.

Честь имѣю быть вашъ покорный слуга

(подписано:) Дмитрій Татищевъ.

Г-ну Ганкѣ, Библіотекарю Прагскаго Музеума.

Вѣна,
Іюня 12/24-го дня 1823.

3.

Monsieur,

J'ai eu la satisfaction de Vous annoncer, Monsieur, par ma lettre datée du 12/24 Juin, que l'Empereur, Mon Auguste Maître, ayant daigné agréer l'hommage, que Vous aviez fait à Sa Majesté des deux volumes de votre traduction, m'avoit autorisé ci Vous faire parvenir une bague en diamants comme marque de sa bienveillance. La Chancellerie d'Etat de S. M. I-le et R-le A-que s'étoit chargée dans le tems de Vous transmettre cette lettre ainsi que la bague qui s'y trouvoit jointe. Mais n'ayant obtenu jusqu'à ce moment aucun avis de votre part de l'exacte reception de cet objet, je vois devoir Vous prier de vouloir bien m'enformer si l'envoi mentionné Vous est parvenu.

Recevez Monsieur l'assurance de ma parfaite estime

Tatistcheff.

à Mr. Hanka.

Vienne,
le 6/18 Août 1823.

[1]) Рукой Ганки приписано: „Слово о полку Игоря Святославича", т. е. изданный имъ въ 1821 г. текстъ и переводъ, подъ заглавіемъ: „Igor Swatoslawič. Hrdinský zpiew o tažení proti Polowcům. Wèrně w původním gazyku, s připogenjm Českého a Německého přeložení". W Praze, 1821.

4.

Monsieur,

Vos travaux distingués sur la litterature et les antiquités des peuples Slaves, ont attiré sur Vous l'attention bienveillante de Sa Majesté l'Empereur Mon Auguste Maître. En témoignage de Sa satisfaction particulière, Sa Majesté a daîgné Vous nommer Chevalier de l'ordre de St. Vladimir de la quatrième classe; cette marque éclatante de distinction, qui Vous est accordé, Monsieur, prouvera au public, combien Vos savantes recherches sont appréciées en Russie.

En Vous transmettant cijoint avec empressement les insignes de l'ordre de S. Vladimir et la Patente qui y appartient, ainsi qu'un paquet à Votre adresse de la part du Conseiller Privé actuel Mr. de Spéransky, je Vous prie, Monsieur, de m'en accuser la reception et de recevoir en même tems l'assurance de ma parfaite considération. (подписано:) Tatistcheff.

Vienne,
le 14/26 Mars 1831.

5.

Въ отвѣтъ на письмо ваше, на сихъ дняхъ мною полученное, нужнымъ почитаю извѣстить васъ, что сообщеніе той особы, съ коею вы имѣли свиданіе, есть совершенная выдумка, ибо я съ нею съ предавняго времени не имѣю никакой переписки, и вѣроятно оно здѣлано съ намѣреніемъ развѣдать отъ Васъ, отъ кого извѣстная статья, помѣщенная въ Ческой газетѣ, дошла до моего свѣдѣнія.

Я сожалѣю, что вы не разсудили отвѣчать откровенно, что къ таковому поступку съ вашей стороны не дали вы никакого повода, ибо я съ Вами не имѣю переписки даже по отношенію къ вашимъ литературнымъ занятіямъ, столь извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ и столь чести вамъ приносящимъ. Газету Прагскую я получаю и языкъ ческой разумѣю.

Впрочемъ, есьлибы сверьхъ всякаго чаянія стали на васъ имѣть подозрѣніе по вышеозначенному предмету, вы можете для вашего оправданія показать настоящее письмо, кому слѣдуетъ.

Что же касается до упоминаемаго вами просительнаго письма, препровождаемаго при письмѣ Г-жи Елагиной, я никогда не получилъ. Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи.

(подписано:) Д. Татищевъ.

Вѣна,
3/15-го Генваря 1836-го года [1]).

[1]) Это письмо сообщено было Ганкой М. П. Сухомлинову, который

6.

По ходатайству Вашему я имѣлъ честь докладывать Государю Императору о вознагражденіи Гравера Лерха, вырѣзавшаго медаль, выбитую въ воспоминаніе Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества въ Прагѣ [1]). Государю угодно было пожаловать сему художнику брильантовый перстень. Полагая, что Вамъ пріятно будетъ вручить ему сей лестный знакъ благоволенія, препровождаю къ Вамъ помянутый перстень и прошу Васъ о полученіи и доставленіи онаго по принадлежности почтить меня увѣдомленіемъ.

Примите и пр. (подписано:) **Димитрій Татищевъ.**

Г. В. Ганкѣ въ Прагѣ.

Карлсбадъ,
17/29 Іюля 1837.

А. В. Терещенко [2]).

1.

М. Г., Вацлавъ Іосифовичъ (sic!),

Давно я собирался писать къ вамъ, но то время не позволяло, потому что я все еще блуждалъ по свѣту; то частехонько

впервые напечаталъ его въ сборникѣ „Братская Помочь“ (СПБ. 1876), въ статьѣ: „О сношеніяхъ В. В. Ганки съ Росс. Акад. и о вызовѣ его въ Россію“, стр. 317, гдѣ изложенъ и весь инцидентъ съ Челаковскимъ. Ср. еще Č. Č. Mus., 1899, str. 44—48; В. Францевъ, Очерки по ист. чешск. возр., стр. 183—192.

[1]) Объ этомъ см. Kwěty, 1837, přil. 8. IV, № XVIII, str. 71—72, здѣсь на стр. 72-й напечатано по-чешски и это письмо Татищева къ Ганкѣ. Ср. еще выше, стр. 1.

[2]) О немъ см. Пыпина, Ист. русск. эти., II. О славянскихъ путешествіяхъ его весьма иронически отзывалась Dennice, 1840, II, sv. II, 373; ср. Ж. М. Н. Пр., 1853, іюль; Notatki z podróży słowianofila, Athenaeum, 1841, V, 237. Особенно рѣзокъ отзывъ о немъ Шафарика въ письмѣ къ Яницу Шафарику отъ 8 іюля 1838 г. изъ Карлсбада: „Hier ist eine Menge junger unwissenden Russen, die durch die Bibl. und Archive Europa's jagen. Alle diese Menschen sind durchaus unfähig und nicht einen Heller werth. Der leere und eitle Geck Strojew ist in Wien; bald wird d... Terešenko dort eintreffen. Es wäre gut, wenn Du die B... Archiv darauf aufmerksam machen könntest, da... ten und Hohlköpfen auf nichts einlassen und ... lassen, da sie alles nur verderben würden. Di... Oesterreicher bleiben...“ Письмо — въ би... Ганки Терещенко расписался 26 іюня /

бывалъ нездоровымъ,—но все это въ сторону,—я долженъ прежде всего сказать Вамъ, что ваше порученіе: писать къ профессору Губе, получилъ ли онъ рукописи Владислава и Товаческую, въ первый разъ чрезъ купца Гартенштейна, а въ другой разъ черезъ Берлинъ,—я уже написалъ, съ мѣсяцъ тому времени, къ Г. Востокову, прося его, чтобы, узнавъ обо всемъ обстоятельно, не оставилъ меня своимъ увѣдомленіемъ. Сверхъ того, я циркуляромъ отправилъ свои письма къ Г. Г. Востокову, цензору Корсакову, брату попечителя С.-Петербургскаго университета, Булгарину, князю Ширинскому-Шихматову, директору департамента народнаго просвѣщенія, и ко многимъ другимъ, чтобы они подвинули нашу пишущую братію: о пересылкѣ своихъ сочиненій и разныхъ русскихъ книгъ въ Прагскій музеумъ — и, если бы можно, то gratis. Ожидаю отъ нихъ отвѣта,—кто же нибудь да будетъ отвѣчать. Объ успѣхѣ и неуспѣхѣ сообщу вамъ. Во время пребыванія графа Воронцова въ Берлинѣ,—Вы кажется знаете, что гр. Воронцовъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, отправился въ Англію для свиданія съ своею сестрою,— я просилъ его, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія нашего Императора обо всемъ томъ, что я видѣлъ и замѣтилъ, и о содѣйствіи къ благимъ намѣреніямъ Славянской литературы. Мнѣ на это отвѣчали: время— лучшій учитель. Не могу сообщить письменно, объ чемъ я говорилъ, и какъ меня распрашивали и съ какою жадностью меня слушали,—всѣ жалѣли, отъ души жалѣли,— но это дѣло политическое,— покамѣстъ терпѣніе. Авось общее желаніе... Надѣюсь еще съ вами видѣться, — я буду въ Вѣнѣ. Мнѣ обѣщано, что многое, мною сказанное, будетъ сообщено нашему министру,—я съ нетерпѣніемъ жду отвѣтовъ изъ Петербурга.

Теперь о себѣ. Я нигдѣ не нашелъ столько драгоцѣнныхъ источниковъ для поясненія не только Польской, но и Русской исторіи, какъ въ Краковѣ, въ коемъ былъ два раза, и во Львовѣ,— здѣсь груда сокровищъ. У меня облилось сердце кровью, когда я перебиралъ грамоты, уже тлѣющія! Зубрицкій, ревнитель народной славы, — онъ долженъ быть Вамъ знакомъ по многимъ своимъ сочиненіямъ, особенно по послѣднему: Rys do historyi narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewney w temże Królewstwie, od roku 988—1340, I часть, 1837,—вторая лежитъ подъ цензурнымъ спудомъ болѣе года,— Зубрицкій занимается собираніемъ, но это дѣло превосходитъ его силы. Въ Львовѣ столько богатства, что надобно много головъ и дѣльныхъ. Во время пересмотра библіотеки базиліянскаго монастыря Св. Онуфрія (во Львовѣ) я нашелъ печатный листъ, вклеенный въ Библію, напеч.

1581 г., что (другая?) Библія (была?) напечатана въ 1580 г.,—слѣдовательно: была еще другая!? Jos. Dobrowsky: Institut. ling. Slavicae dialecti veteris, Vind., на стр. L., говоритъ, что самая древняя напечатана 1581 г. августа 12. Я полагаю, что знаменитый Добровскій не имѣлъ случая видѣть листа той Библіи, въ которую онъ вложенъ. Объ этомъ я забылъ сообщить Г. Востокову, но непремѣнно ему сообщу. Я писалъ къ нему, что Вы съ нетерпѣніемъ ждете его Евангелія.

Виноватъ,—до сихъ поръ ни слова: какъ же я попалъ въ Берлинъ? Заболѣвъ во Львовѣ, я отложилъ свое будущее путешествіе до весны и отправился въ Берлинъ, гдѣ уже другой мѣсяцъ.

Имѣю честь представить Вамъ молодого будущаго профессора Харьковскаго университета Ивана Афанасьевича Свиридова. Онъ, какъ и всякой Русскій, жаждетъ наукъ, — ѣдетъ для изученія медицинскихъ наукъ.

Простите, что пишу не связно. Пишу за нѣсколько часовъ до отъѣзда Ивана Афанасьевича, который прежде не располагалъ было остаться даже на нѣсколько часовъ въ Прагѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ буду писать обстоятельнѣе и понятнѣе, а теперь прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое почтеніе, истинное и нелицемѣрное, Г.Г. Шафарику и Юнгману. Прекрасный трудъ послѣдняго: Historie Literatury České, доставляетъ мнѣ неизмѣнное удовольствіе. Душевно жалѣю, что не имѣю Древностей Шафарика. Здѣсь негдѣ купить. Ваша же: Rukopis Kralodworský—восхищаетъ меня. Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь пребыть и пр. А. Терещенко.

Мой адрессъ: Unter den Linden, № 70. Drei Treppe hoch.

Берлинъ,
18/30 Октября 1838 г.

2.

М. Г., Обстоятельства располагаютъ весьма часто всѣми дѣйствіями человѣка, и я, не думая никогда подвергнуться ихъ вліянію,—какъ человѣкъ, существо разумное, всегда, кажись, поступающее по своему уму, — понялъ истину обстоятельствъ на самомъ дѣлѣ. Гоняясь по Славянской землѣ за историческими разысканіями, случай, одинъ случай, заставилъ меня ѣхать нарочно въ отдаленный западъ,—Парижъ. Во время пребыванія моего, въ нынѣшнее лѣто, на Карлсбадскихъ водахъ я имѣлъ честь

вторично свидѣться съ почтеннѣйшимъ Господиномъ Шафаржикомъ, и въ разговорѣ съ нимъ, что я намѣренъ посѣтить Парижъ, чтобы удостовѣриться, находятся-ли точно рукописи и акты, о коихъ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ сообщили мнѣ свѣдѣніе,—Господинъ Шафаржикъ сказалъ мнѣ, что онъ и самъ знаетъ о нѣкоторыхъ, хранящихся здѣсь, рукописяхъ, и чтобы я по прибытіи сюда писалъ бы къ нему, и онъ тогда сообщитъ мнѣ свое свѣдѣніе.

Вотъ, Милостивый Государь, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вамъ и утруждать Васъ покорнѣйшею просьбою о доставленіи ему извѣстія о моемъ нахожденіи здѣсь и о желаніи моемъ имѣть отъ него обѣщанныя указанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я и Васъ прошу покорнѣйше, если имѣете указанія на рукописи, какъ чисто Славянскія, такъ равно историческія, отечественныя, не оставить меня Вашими наставленіями.

На водахъ я также имѣлъ удовольствіе свидѣться съ Господиномъ Мацѣевскимъ, который доставилъ мнѣ случай пробѣжать недавно изданное имъ „Законодательство Славянъ", на что я сдѣлалъ ему свои замѣчанія, и онъ изъявилъ желаніе, чтобы я сдѣлалъ ему свои замѣтки письменно, особенно на статью Кириллъ и Меѳодій, которая, по моему мнѣнію, подлежитъ многимъ неудовлетвореніямъ. Не имѣя съ собою его сочиненія и не получивъ отъ сдѣшнихъ книгопродавцевъ его маленькой статьи: „Кириллъ и Меѳодій", которая, по его словамъ, переведена на французскій языкъ, я прошу Васъ, если будете писать къ нему, или Господинъ Шафаржикъ, увѣдомить его объ этомъ.

Мое совершенное почтеніе Вашей супругѣ, почтеннѣйшему Господину Юнгману, и дай Богъ ему скораго окончанія превосходнаго Чешскаго словаря.

Съ чувствами глубокаго уваженія имѣю честь быть и пр.

Александръ Терещенко.

Адрессъ: le quartier de St. Jacques, rue St. Hyacinthe, St. Michel, № 17, au 3-e.

Парижъ,
27 Сент./9 Окт. 1839 г.

В. П. Титовъ.

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Пользуюсь отъѣздомъ Авдотьи Петровны Елагиной и моего брата для исправленія невольной, но весьма непростительной

ошибки. Кромѣ письма и книжки, Г. Малевскій поручилъ мнѣ отдать Вамъ отлично хорошій бронзовый оттискъ медали на коронованіе нашего Государя. Я совершенно забылъ о семъ и вспомнилъ только въ Вѣнѣ, разложивъ мои вещи и увидя между ними самую медаль. Братъ мой будетъ имѣть честь вручить оную Вамъ [1]). Извините мою забывчивость; я очень на себя досадую, особливо если сія медаль могла послужить Вамъ въ пользу при изготовленіи портрета Государева ко времени пріѣзда Двора въ Прагу.

Примите мою благодарность за присылку послѣднихъ листковъ Правописи. Буду хранить ее, какъ памятникъ лестнаго для меня знакомства съ Вами. Къ сожалѣнію, я не могъ выполнить Вашихъ порученій къ Г. Погодину, ибо онъ уѣхалъ отсюда въ Россію за два дни до полученія мною Вашего письма. Г. Аделунгъ также не находится въ Вѣнѣ; уѣхалъ въ Англію. Я распрашивалъ другихъ господъ служащихъ при нашемъ Посольствѣ касательно слѣдующаго Вамъ экземпляра Библіотеки для Чтенія; но никто объ этомъ не знаетъ, а потому остается писать въ Петербургъ. Если же случатся впредь книги, къ Вамъ адресованныя, то Вы можете быть увѣрены, что онѣ будутъ исправно пересланы отъ Посольства къ Вамъ въ Прагу.

Поручая себя снова дружескому Вашему расположенію и памяти, пребываю и пр. В. Титовъ.

Monsieur, Monsieur Venceslas Hanka, Chevalier de l'ordre de St. Vladimir, Bibliothécaire du Musée national. Prague.

Вѣна,
15-го Октября 1835.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Лишь на сихъ дняхъ имѣлъ я удовольствіе получить черезъ доктора Цаппе письмо Ваше отъ мая сего года, гдѣ, рекомендуя сего врача, упоминаете и о привѣтливомъ пріемѣ, сдѣланномъ мною минувшею весною вашему соотечественнику Г-ну Шмидту. Дорожа вашимъ знакомствомъ и воспоминаніемъ, мнѣ всегда во всякомъ случаѣ пріятно оказывать зависящее отъ меня содѣйствіе рекомендуемымъ отъ Васъ лицамъ. Доктору Цаппе я могъ быть полезнымъ только благонамѣренными совѣтами. Его мысли и планы вѣроятно встрѣтятъ здѣсь нѣкоторыя трудности. Оцѣ-

[1]) А. П. Елагина, Елиз. Вас. Погодина, П. В. Кирѣевскій и Влад. Павл. Титовъ всѣ вмѣстѣ расписались въ альбомѣ Ганки 3 окт. 1835 г.

нить и облегчить ихъ зависитъ особливо отъ Импер. Австрійской Миссіи и Австрійскихъ врачей, офиціально сюда призванныхъ для пособія Турецкому Правительству по части карантинныхъ учрежденій. Я откровенно объяснилъ это Г-ну Цаппе и полагаю, что убѣдилъ его.

Предполагая въ скоромъ времени отлучиться отсюда въ Петербургъ, прошу Васъ и тамъ располагать мною каждый разъ, когда признать изволите нужнымъ, и въ надеждѣ на продолженіе вашего добраго ко мнѣ расположенія, честь имѣю быть и пр.

В. Титовъ.

Буюкдере,
21-го Сентября ст. ст. 1838.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Скоро минетъ десять лѣтъ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть Васъ въ Прагѣ и пользоваться вашимъ ласковымъ расположеніемъ. Воспоминаніе объ ономъ ободряетъ меня надѣяться, что время не совсѣмъ изгладило меня изъ вашей памяти. Въ такомъ упованіи рѣшаюсь рекомендовать вамъ одного изъ моихъ добрыхъ пріятелей И. Д. Халчинскаго, который, отправляясь изъ Константинополя путешествовать въ Германію, можетъ быть проѣдетъ чрезъ Прагу и въ такомъ случаѣ почтетъ за особливую честь съ вами познакомиться, давно зная славу ученыхъ и литературныхъ трудовъ вашихъ. Душевно буду признателенъ, если благоволите оказать ему ласковый пріемъ и благосклонное руководство къ посѣщенію достопримѣчательностей Праги. Затѣмъ мнѣ остается поручить себя издалека Вашему снисходительному воспоминанію и пр.

В. Титовъ.

Константинополь,
12 Февраля 1845.

4.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Мнѣ отмѣнно было пріятно получить ваше письмо отъ 16/28 марта и тѣмъ возобновить воспоминаніе о старинномъ нашемъ знакомствѣ въ Прагѣ. Чувствительно благодарю за благосклонную присылку Глаголитскихъ Отрывковъ. Весьма радъ видѣть, что мнѣніе столь знаменитаго Славяниста, какъ Вы, подтверждаетъ древность Кириловской грамоты въ сравненіи съ Глаголитскимъ письмомъ. Потрудитесь и впередъ, на досугѣ, извѣщать меня о примѣчательныхъ явленіяхъ въ вашей Литературѣ.

Особливо буду обязанъ, если найдете возможность сообщить мнѣ: какіе у Васъ изданы въ послѣднее время популярные курсы наукъ, для распространенія общеполезныхъ познаній между среднимъ и низшимъ классомъ публики? Такіе курсы тѣмъ болѣе меня интересуютъ, что они же наипаче пригодны для ранней юности: ибо она, во многомъ, относится къ зрѣлому возрасту, какъ низшіе классы народа къ высшимъ. По моему нѣтъ лучшаго призванія для ученыхъ, какъ знакомить массу читателей со всѣмъ, что есть доступнаго и общежительно полезнаго въ наукахъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи къ нравоученію и потребностямъ житейскаго быта; таковъ, послѣ вѣротерпимой и смиренно чистой религіи, вѣрнѣйшій способъ направлять умы къ полезной дѣятельности, отвлекая ихъ тѣмъ самымъ отъ политическихъ, религіозныхъ и всякихъ вредныхъ мечтаній. Въ Западной Европѣ существуетъ нынѣ множество мастерскихъ популярныхъ книгъ. А потому я именно желалъ бы знать: что у Васъ изъ нихъ переведено и переложено для употребленія полу- или мало образованной публики? Сколько я знаю, Матица о томъ уже заботилась. Здравая наука не терпитъ національной исключительности. А потому надо смѣло занимать и усвоять себѣ все, что другіе уже изобрѣли и выдали примѣнительно полезнаго, по примѣру пчелы, даже въ горькихъ цвѣтахъ умѣющей трудомъ находить сладкій медъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ и пр. В. Титовъ.

СПБургъ,
22 Апрѣля 1857.

А. И. Тихоцкій [1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Вашъ обязательный отвѣтъ на письмо Ѳедора Васильевича Чижова, Ваша готовность доставить мнѣ честь знакомства съ Вами и Ваше вниманіе къ моей страсти собирать старопечатныя Славянскія книги обязывали и меня давно благодарить Васъ за оныя и съ своей стороны покорнѣйше просить Вашего знакомства,—но я до сего времени этого не сдѣлалъ. Какія бы ни были причины, онѣ не могутъ служить оправданіемъ, и такъ скажу прямо: виноватъ, простите и благосклонно пріймите прилагаемую при семъ книгу „Описаніе Черниговскаго Намѣстничества

[1]) См. ниже письма Ѳ. В. Чижова.

въ 1786-мъ году", которая пусть будетъ служить штрафомъ за медленность моего отвѣта. Книга недавно отпечатана и заключаетъ въ себѣ много интереснаго.

Еще при зародышѣ моей страсти къ библіографіи мнѣ удалось достать изъ Библіи Скорининой Пятикнижіе Моисеово, напечатанное въ Прагѣ 1519 года, съ того времени ищу остальныхъ книгъ етой рѣдчайшей Библіи, но ни здѣсь, ни у Васъ, какъ вижу изъ почтеннѣйшаго Вашего письма, таковыхъ не находится. Послѣ етого мнѣ остается только терпѣливо ожидать случаевъ, которые хотя и рѣдко бываютъ, но все-таки бываютъ, и какъ они могутъ быть и у Васъ, то позвольте усерднѣйше Васъ просить, почтить меня увѣдомленіемъ, ежели Вы будете имѣть въ виду какое либо древнее Славянское изданіе,—я же съ удовольствіемъ предлагаю Вамъ свои услуги.

Письма Ваши къ профессору Селину доставилъ въ день полученія и въ тотъ же день отправилъ къ Барону Шодуару, живущему въ деревнѣ; ето было 10/22 Сентября, помню потому, что на другой день долженъ былъ выѣхать изъ Кіева, въ который только недавно возвратился. Ѳедоръ Васильевичъ во все ето время тоже въ разъѣздахъ и нынѣ находится въ Москвѣ.

Пріймите и пр. Александръ Тихоцкій.

Кіевъ,
6-го февраля 1852 г.

К. І. Туровскій.

1.

Euer Wohlgeboren!

Ich kenne den ganzen Adel Ihrer Seele und dies ist für mich Grund genug, dass ich mich mit meiner Bitte gerade an Sie wende!

Ich arbeite bereits seit dritthalb Jahren bei der hiesigen Nationalbibliothek, möchte aber, da ich bereits hinlängliche Gelegenheit gehabt habe mich mit der polischen und kleinrussischen Literatur vertraut zu machen, auch die Literatur der andern slawischen Schwestersprachen kennen lernen, dazu biethet sich aber hier zu Lande wenigstens nicht so viele Gelegenheit dar, als ich es wünsche. Ich habe beschlossen mich in das meinem Stammlande am meisten verwandte Čechenland zu begeben, un dann, wo Gott will, in die ferneren Slawenländer zu dringen. Da ich

aber gar keine Hilfsmittel habe, so wünschete ich allenfalls in einen Buchhandel zu Prag aufgenommen zu werden. Haben Sie die Güte Sich für mich bei dem einen und dem andern Buchhändler zu verwenden! Derjenige, der mich aufnehmen möchte, hätte an mir zugleich einen Corrector, falls er polische Werke, wobei er, bei dem gänzlichen Mangel an unternehmenden einheimischen Verlegern, recht viel gewinnen könnte, verlegen wollte. Mit einer klassischen Miniatur-Bibliothek der Polen dürfte er den Anfang machen—Materialien dazu könnte er durch meine Vermittlung von hieraus bekommen.

Könnten Sie mich durchaus nicht, oder doch nicht so bald bei einem Buchhändler anbringen, so haben Sie dann die Güte zu sehen, ob es nicht etwa möglich wäre, dass ich mir unterdessen in Ihrer Hauptstadt durch Lectionengeben in der polischen und kleinrussischen Sprache, wobei ich auf die čechische und grossrussische Rücksicht nehmen würde, oder auf irgend eine andere Art einen kargen Lebensunterhalt verdienen dürfte? Nähere Aufschlüsse über mich, wenn Sie solche zu haben wünschen, haben Sie die Güte beim H. v. Rościšewski, der für Ihre Bibliothek meine gedruckten Schriften geschickt und Ihnen baldigst meine kleinrussische Uibersetzung des Sud Libušy senden wird, wie auch beim Fürsten Curator zu beziehen.

Ich hoffe, Sie werden mich baldigst mit einer gütigen Antwort beehren und mein Vertrauen zu Ihnen als ein Zeichen der vollkommensten Hochachtung ansehen wollen, mit der ich die Ehre habe Euer Wohlgeboren ergebenster Diener zu seyn

Kasimir Joseph Turowski,
Beamte bei der Ossoliński. Nat. Bibliothek.

Lemberg,
am 29 März 1836.

Приписка Ганки:

Wollen Ew. Excellenz beigeschlossenen Brief durchlesen, wenn vielleicht dieses Individuum, als Scriptor der Ossolinskischen Nationalbibliothek von Lemberg, tauglicher gefunden werden sollte. Hr. Turowski, der ohnehin auf einige Monate nach Prag kommt, würde sogleich ohne sich in Mähren aufzuhalten kommen können. Ich hab' diesen Brief Hrn. Grafen Nostitz lesen lassen und er hat mir gesagt, dass ich ihn sogleich auch Ew. Excellenz mittheilen soll. Unterthäniger W. Hanka.

2.

Wielmożny Panie, Panie i Dobrodzieju!

Łaskawy list WPana Dobrodzieja z d. 17. p. m. b. r. otrzymałem 26. p. m. b. r. i mam sobie za świętą powinność złożyć WPanu Dobrodziejowi najczulsze dzięki za łaskawe przyrzeczenie zajmowania Się moją dolą podczas mojego w Pradze pobytu.

Odprawiałem umyślną podróż do W. Pawlikowskiego, zastępcy księcia kuratora, aby się z nim porozumieć, czyliby moich osobistych widoków nie można połączyć s korzyścią zakładu narodowego; iścizna moich w tym względzie zabiegów niepomyślna dla mnie, bo nietylko podczas mojej przy zakładzie niebytności żadnego zasiłku od niego spodziewać się nie mogę, ale nadto, nie zaniechując stałego zamiaru zwiedzania dziewiczej Sławiańsczyzny, muszę prosić o uwolnienie mię od obowiązków przy tutejszéj księgni.

W Bogu nadzieja, że (chociaż nie po małych trudach i nieprzyjemnościach, korzystawszy sumiennie ze wspaniałomyślności WPana Dobrodzieja i innych nieodrodnych Sławy synów, których się spodziewam poznać) nie z małym plonem na niwy ojczyste powrócę i że wtedy dopiero nie bez prawdziwej dla moich współziomków korzyści będę mógł pracować: **Кто терпенъ, Той спасенъ.**

Wedle wszelkiego podobieństwa do prawdy będę miał w miesiącu lipcu b. r. zaszczyt osobiście hołd mój złożyć WPanu Dobrodziejowi. Przygotowując się tedy do podróży zbieram skarby ruskiego języka, abym mógł mieć przyjemność służyć niémi WPanu Dobrodziejowi.

WPan Dobrodziej raczysz mnie łaskawie rychłym odpisem zaszczycić i zaspokoić i przyjąć zapewnienie najgłębszej czci, s którą jestem etc. Kazimierz Józef Turowski.

We Lwowie,
d. 17. maja 1836 r.

Ѳ. И. Тютчевъ[1]).

М. Г., Какъ мнѣ достойно благодарить Васъ за вашу память и за вашъ драгоцѣнный подарокъ? При видѣ етой пресловутой книжицы, въ ея новомъ щегольскомъ нарядѣ, етихъ миогораз-

[1]) Въ альбомѣ Ганки Тютчевъ расписался въ первый разъ 25 авг.—6 сент. 1831 г.; 24 августа—6 сентября 1841 г. онъ написалъ въ альбомъ извѣстное стихотвореніе: „Вѣковать-ли намъ въ разлукѣ?...“ Ср. Русск. Бесѣда, 1858, IV, стр. 1.

личныхъ, многозначительныхъ писменъ одной Великой Семьи— особливо, при видѣ вашего имени, я снова очутился въ Прагѣ, надъ золотистыми струями вашей именитой Молдавы, на высотахъ Градчина, въ тихой и минутной бесѣдѣ съ вами, Милостивый Государь.

Волшебный городъ ета Прага — я, Москвичъ, долженъ сознаться, что ничего не видывалъ краше ея... Ни одинъ городъ не оставилъ во мнѣ такой живой памяти. Ни одинъ городъ не смотритъ на посѣтителя такими чудными, человѣчески-понятливыми глазами... въ нихъ столько жизни настоящей и столько пророческаго... Вѣроятно, у вашей Пророчицы Ванды [1]) были такіе же глаза. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, посѣтивъ Прагу, нельзя не чувствовать на каждомъ шагу, что на этихъ горахъ, подъ полупрозрачною пеленою великаго былова, неотразимо и неизбѣжно зрѣетъ еще бо́льшая будущность!

Простите—на дняхъ я отправляюсь на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію. По разстоянію я буду далѣе отъ васъ, по чувству— ближе... ибо я буду тамъ, гдѣ ваше имя, Милостивый Государь, не просто цѣнится, какъ Европейская именитость, но гдѣ дорожатъ имъ, какъ родовымъ достояніемъ, гдѣ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ развитія народнаго самопознанія, растетъ и крѣпнетъ сочувствіе съ вами и съ Вашими.

Простите, будьте счастливы и дѣйствуйте долго и успѣшно на пользу и благо вашей родины и всего Славянскаго міра. Urbi et orbi.

Поручая себя вашей памяти и дружбѣ, съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и пр. Ф. Тютчевъ.

Минхенъ,
Сего 16/28 Апрѣля 1843.

Графъ С. С. Уваровъ [2]).

1.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Можетъ быть дошло до слуха Вашего ВП., что я, занимаясь Славянскою Филологіею, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ го-

---

[1]) Рукой Ганки исправлено на полѣ: „Любуши“.

[2]) Въ альбомѣ Ганки 12/24 іюня 1843 г. написалъ: „Въ память свиданія и славянскаго радушія“. Сообщаемыя параллельно съ письмами С. С. Уварова къ Ганкѣ нѣкоторыя письма Ганки частью возстановлены

товлю къ изданію памятники древнихъ Славянскихъ Законодательствъ. Всѣ результаты своего труда я сообщилъ Студенту Главнаго Педагогическаго Института Г-ну Иванишеву, который отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія присланъ въ Прагу для изученія Славянскихъ Законодательствъ и преимущественно занимается подъ моимъ руководствомъ чтеніемъ рукописей въ Національномъ Чешскомъ Музеѣ и другихъ Пражскихъ Библіотекахъ. Желая сдѣлать приготовляемые мною къ изданію памятники сколько возможно доступными для всѣхъ Славянъ, я считаю самымъ лучшимъ средствомъ напечатать ихъ въ русскомъ переводѣ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ: потому что политическое величіе Россіи, сила и быстрота, съ какою распространяется въ ней образованіе, изумительная дѣятельность Правительства, все это способствуетъ къ тому, что русскій языкъ начинаетъ дѣлаться общимъ для всѣхъ Славянъ.

Въ Г-нѣ Иванишевѣ, который въ С.-Петерб. и потомъ въ Берлинѣ пріобрѣлъ основательныя юридическія свѣдѣнія, я нашелъ весьма способнаго и трудолюбиваго сотрудника. Зная ревность Вашего ВП. къ образованію, для котораго краеугольнымъ камнемъ въ Россіи Вы считаете національность, а слѣдовательно и Славянизмъ, видя поощренія, какія Вы оказываете каждому въ дѣлѣ образованія, я осмѣлился просить Ваше ВП. о дозволеніи Г-ну Иванишеву остаться на нѣсколько времени въ Прагѣ, чтобъ принять участіе въ обработкѣ памятниковъ древнихъ Славянскихъ Законодательствъ. Если наша просьба удостоится благосклоннаго Вашего ВП. вниманія, то мы приготовимъ къ изданію съ русскимъ переводомъ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ четыре древнѣйшихъ чешскихъ памятника, нѣкоторые польскіе и изъ сербскихъ Законы Царя Душана.

Священнымъ долгомъ считаю изъявить Вашему ВП. отъ лица всѣхъ Богемскихъ ученыхъ сердечную благодарность за вниманіе, которымъ Вы удостоили насъ, прислав къ намъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ для изученія Славянскихъ Памятниковъ, которыми такъ богата Прага. Можетъ быть они не найдутъ здѣсь той разносторонней учености, какою славятся нѣкоторые Германскіе Университеты, по крайней мѣрѣ мы пріймемъ ихъ съ тѣмъ радушіемъ, съ какимъ Славяне всегда принимали гостей своихъ. Счастливыми почтемъ себя, если сколько-нибудь будемъ участвовать въ дѣлѣ просвѣщенія, которое подъ покровомъ мо-

---

нами по сохранившимся въ бумагахъ его черновикамъ, частью извлечены изъ дѣлъ архива Мин. Нар. Просв. Полное изданіе переписки графа С. С. Уварова и его біографію готовитъ графъ А. А. Уваровъ.

гущественнаго Монарха и подъ руководствомъ Вашего ВП. такъ быстро распространяется.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.

Б. Ч. М. Ганка.

13/25 января [1838 года]. (Черновикъ написанъ Иванишевымъ).

2.

М. Г., Получивъ письмо Ваше отъ 13/25 минувшаго Генваря, я считаю долгомъ принести Вамъ искреннюю мою благодарность за попеченіе Ваше о дальнѣйшемъ образованіи находящагося въ Прагѣ Студента Главнаго Педагогическаго Института Иванишева. Чтожъ касается до ходатайства Вашего о дозволеніи ему участвовать въ предполагаемомъ Вами изданіи памятниковъ древнихъ Славянскихъ законодательствъ, то, принявъ съ удовольствіемъ таковое предложеніе Ваше, я разрѣшилъ Иванишеву, чрезъ состоящаго при Берлинской миссіи нашей Генералъ-Адъютанта Мансурова, остаться для сего еще на нѣсколько времени въ Прагѣ, съ тѣмъ однако же, чтобы онъ непремѣнно возвратился въ Россію, вмѣстѣ съ прочими его товарищами, къ назначенному сроку. Примите и пр. (подписано:) Уваровъ.

Библіотекарю Чешскаго Музея въ Прагѣ, Г. Ганкѣ.

№ 2064.

23 Февраля 1838 г.

3.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Съ неизъяснимымъ чувствомъ благоговѣнія и радости я узналъ отъ Михаила Петровича Погодина о особенномъ Вашего ВП. ко мнѣ и трудамъ моимъ вниманіи, также о великодушномъ Вашемъ покровительствѣ. Примите мою благодарность, на которую мнѣ недостается словъ. Нынѣ, я полагаю, не погибнутъ мои труды, кои появленіемъ своимъ объязаны будутъ Вашему ВП. Далѣе я ничего не могу сказать и оставляю, скрывъ свои чувства въ душѣ своей. Слава Россіи, ея Великому Монарху и Русскимъ Меценатамъ, окружающимъ престолъ Его! Съ высокимъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр. В. Ганка.

Его Высокопревосходительству Министру Народнаго Просвѣщенія, многихъ обществъ члену, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и разныхъ высокихъ Орденовъ Кавалеру Сергію Семеновичу Уварову въ Ст.-Петербургѣ.

Въ Прагѣ,
4/16 февр. 1839.

4.

М. Г., Г. Срѣзневскій, Адъюнктъ Харьковскаго Университета, отправляясь по назначенію Русскаго Правительства за границу для изученія Славянскихъ нарѣчій, пожелалъ имѣть нѣсколько словъ отъ меня къ Вамъ, Милостивый Государь.

Мнѣ тѣмъ пріятнѣе поручить вашему благорасположенію сего молодаго ученаго, что это доставляетъ мнѣ случай возобновить вамъ увѣреніе въ искреннемъ уваженіи къ ученымъ заслугамъ вашимъ на поприщѣ Славянской филологіи. Примите и пр. Министръ Народнаго Просвѣщенія (подписано:) Уваровъ.

Г. Ганкѣ.

С.-Петербургъ,
20-го Ноября 1839 года.

5.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Имѣя честь доставить продолженіе журнала нашего „Časopis českého Museum" 4-ю тетрадь 1839, осмѣливаюсь прибавить къ ней сочиненіе „Mluwnice gazyka polského" въ осьми экземплярахъ съ покорнѣйшею просьбою принять милостиво изъ нихъ одинъ и, если приличнымъ найдете, поднесть одинъ Его Императорскому Величеству и другой Государю Наслѣднику, и тоже отдать Императорской Академіи Наукъ и Императорской Россійской Академіи. Другіе, амбалажемъ служащіе экземпляры всепокорнѣйше прошу по аддрессамъ милостиво отослать.

Я началъ издавать грамматики для Чеховъ на другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ Польскимъ, чтобъ отвратить вниманіе правительства нашего въ послѣдствіе отъ Русскаго, и что у насъ красиваго типа Русскаго нѣтъ, ибо дурнымъ типомъ я бъ отвратилъ хотящихъ учиться Русскій языкъ. Найлучше, еслибъ я могъ получить матрицы типа изъ Россіи, ибо казать ихъ здѣлать здѣсь и дорого и непотрафятъ ихъ такъ здѣлать, какъ въ Россіи; и въ здѣшней словолитной возможно бы было вылить, сколько нужно[1]).

---

[1]) По поводу этой просьбы Ганки непремѣнный секретарь Академіи Д. Языковъ извѣщалъ кн. Пл. А. Ширинскаго-Шихматова, что онъ доводилъ до свѣдѣнія Императ. Росс. Ак. о желаніи Ганки имѣть матрицы Русскаго шрифта, и что Академія согласилась удовлетворить его желаніе.

„Получивъ нынѣ изготовленныя матрицы Русскаго цицеро прямаго, и именно: строчныхъ 36, прописныхъ 36, капители 9, цифровъ 10 и знаковъ препинанія 13, а всего сто четыре, имѣю честь препроводить оныя къ Вамъ, М. Г., для пересылки Г. Ганкѣ". 27 іюня 1840.

тающаго въ саксонской и прусской Лузаціи. Три экземпляра, какъ всегда, оставляю благорасположенію Вашего ВП. съ покорнѣйшею просьбою четвертый милостиво препроводить въ Имп. Академію Наукъ и пятый въ Имп. Россійскую Академію. Тоже и изъ книги сей видно, что я еще не усталъ наслаждаться мыслію о учрежденіи мною предложеннаго славянскаго отдѣленія [1]), тѣмъ менѣе, когда воздвигаются катедры славянскихъ нарѣчій въ Парижѣ и у самыхъ непріязненныхъ Славянству Пруссаковъ, и когда и обстоятельства въ Россійской Академіи перемѣнились. Вотъ когда и въ лужицкомъ народкѣ находимъ Г. Іордана заступителя, то въ представителяхъ упомянутаго отдѣленія нужды нѣтъ.

Поручая себя благорасположенію Вашего ВП., честь имѣю пребыть и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
10/22 мая 1841.

Во вчерашнемъ письмѣ къ Вашему ВП. я забылъ замѣтить, что при немъ приложенные три экземпляра Вендицкой Грамматики я присылаю отъ имени сочинителя ея, моего ученика Г. Іордана, который готовъ быть кандидатомъ въ Славянское отдѣленіе, и 2°: что у меня маленькая библіотека (circa 800 ex.) важнѣйшихъ сочиненій старой и новой литературы чешской, которую я тоже съ радостію готовъ уступить упомянутому отдѣленію. Г. Проф. Погодинъ хотѣлъ ее пріобрѣсть для Московскаго Университета (у него еще каталогъ съ назначеніемъ цѣнъ, но отъ сихъ поръ она немножко умножилась), но теперь уже три года тому назадъ, и я не получаю въ отвѣтъ ни да, ни нѣтъ; слѣдовательно, мнѣ возможно съ нею располагать.

Честь имѣю быть Вашего ВП. и пр. В. Ганка.

Прага,
11/23 мая 1841.

8.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Вы изволили принять благосклонно мои извѣстія о Рейнской рукописи, въ которой сохранился послѣдній остатокъ Православія западныхъ Словянъ, и я увѣренъ, что Вы не откажетесь принять и разослать прилагаемыя при семъ Выписки сей же рукописи, сличенныя съ Остромировымъ Евангеліемъ. Я съ Ломоносовымъ истинно сказать могу: „что до меня надлежитъ, то я и къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріяте-

[1]) Записка Ганки объ этомъ сообщена была А. С—чемъ въ Кіевской Старинѣ, 1892, февраль. Ср. В. А. Францева, Очерки по исторіи чешскаго возрожденія, стр. XLIV—XLIX.

Желая Вашему ВП. дожить въ пользу наукъ и благоденствія не токмо Россіи, но всѣхъ Славянъ, 50-лѣтняго юбилея, имѣю честь быть и пр. Вячеславъ Ганка.

При семъ имѣю честь прилагать „Časopis českého Museum 1843 swazek prwní". Я получаю до сихъ поръ „Журналъ Мин. Нар. Пр.", но очень непорядочно, черезъ книгопродавца, и долженъ платить почти втрое. Невозможно ли бы было получать его черезъ Берлинъ, какъ я получаю Сѣверную Пчелу?

Прага,
8/20 января 1843.

10.

М. Г., Экземпляръ четвертаго изданія Царедворской Рукописи я имѣлъ удовольствіе поднести Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, обращая вниманіе Его Высочества на заслугу, оказанную вами Славянской письменности открытіемъ и сохраненіемъ этихъ замѣчательныхъ древнихъ стихотвореній. Считая пріятною обязанностію увѣдомить васъ объ этомъ, я приношу вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ мою благодарность за доставленіе собственно для меня экземпляра этого изданія.

Вы просили меня о содѣйствіи къ снятію для васъ копіи съ Реймскаго Славянскаго Евангелія; котораго fac simile хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Я могу теперь сообщить вамъ, что къ концу настоящаго года, при пособіи, дарованномъ Государемъ Императоромъ, должно быть приготовлено въ Парижѣ самимъ Г. Сильвестромъ палеографическое изданіе этого Евангелія. Министерство Народнаго Просвѣщенія получитъ отъ щедротъ Его Величества 300 экземпляровъ, и въ то время я не упущу изъ виду города Праги. Въ заключеніе мнѣ остается

силъ его „обратить вниманіе Его Высоч. Государя Наслѣдника Цесаревича на сіе изданіе, представляемое отъ имени автора".

„Это собраніе старинныхъ Славянскихъ стихотвореній эпическаго и лирическаго рода составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ древнихъ памятниковъ литературы. Въ Богемской словесности оно имѣетъ такую же важность, какъ Пѣснь о полку Игоревѣ въ нашей. Слава открытія и спасенія сихъ произведеній отъ утраты принадлежитъ Ганкѣ, который въ 1817 году отыскалъ эту единственную рукопись въ книгохранилищѣ одной старинной церкви въ Царедворѣ". Олсуфьевъ читалъ Его Высочеству отношеніе Уварова, и „Его Высоч. за таковой замѣчательный трудъ Г. Ганки изъявить изволилъ ему свою благодарность". Дѣло Канц. Министра Н. Пр. № 1532—68.

увѣдомить васъ, что я сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи вамъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія чрезъ Берлинъ.

Примите и пр. (подписано:) Уваровъ.

Приписка рукой С. С. Уварова:

„Почтенному Г. Шафарику прошу сказать мой поклонъ".

С.-Петербургъ,
14 Мая 1843.

11.

Ваше ВП., Милостивый Государь!

Получивъ вчера Винодольскій законъ отъ 1280 года, я прочелъ этотъ любопытный памятникъ древнѣйшаго Славянскаго законодательства и, надѣясь достать другій экземпляръ, прошу Васъ, Ваше ВП., прилагаемый при семъ доставить во II-е Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Съ безпредѣльною преданностью и сердечнымъ уваженіемъ къ особѣ Вашей остаюсь и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
20 Сент./2 Окт. 1843.

12.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

На лестное для меня письмо Его Сіятельства князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова я послалъ съ дилижансомъ отвѣтъ съ присовокупленіемъ къ нему каталога 20 Сент./2 Окт., но черезъ нѣсколько дней получилъ я все назадъ съ замѣчаніемъ, что въ Россію ничего съ дилижансомъ посылать нельзя. Узнавъ послѣ, что статскій совѣтникъ Малевскій, мой знакомый, въ послѣднихъ числахъ Сентября с. с. будетъ въ Вѣнѣ, я отправилъ этотъ пакетъ также съ дилижансомъ въ Вѣну на его имя poste restante, давъ о томъ знать ему черезъ его пріятеля; но Г. Малевскій вѣроятно съ вопросомъ о пакетѣ на его имя обратился не въ контору дилижансовъ, а на почту, и потому въ концѣ года получилъ я обратно ужъ въ другой разъ пакетъ съ припискою „не было спросу". Между тѣмъ я получилъ отъ Профессора Бодянскаго полную сумму денегъ съ убѣдительною просьбою выслать къ нему немедленно книги, какъ я ужъ имѣлъ честь извѣстить объ этомъ Ваше ВП.

Но главное нынѣшняго письма моего состоитъ въ слѣдующемъ: 13/25 дня Октября с. г. прибылъ въ Прагу Г. Александръ Жиряевъ заниматься по своей части староческимъ правомъ, а если будетъ возможно,—то древнимъ правомъ и другихъ славянъ. Мы начали и прошли до сихъ поръ изрядную часть съ превосходнымъ успѣхомъ, и для того мнѣ было бы очень жаль, еслибъ мы этого въ назначенный ему срокъ кончить не успѣли. Г. Жиряевъ сказывалъ мнѣ, что срокъ возвращенія его падаетъ на время, очень близкое къ закрытію университетскихъ лекцій, въ которое слѣдовательно онъ не можетъ начать дѣйствительной службы, и потому еслибы Вы, Ваше ВП., изволили продолжить ему срокъ сей, могъ бы онъ, пользуясь еще нѣсколькими мѣсяцами, и начатой предметъ кончить и во время въ службу поступить. Ваше ВП. на мои ходатайства ужъ и Г. Иванишеву и Г. Срезневскому, думаю не во вредъ, изволили милостиво время пребыванія за границей удлиннить, и я прошу того же для Г. Жиряева, полагая справедливость имъ сказаннаго. Я объяснился въ одномъ письмѣ своемъ къ Вашему ВП., „что всего лучшаго мы ждемъ только отъ Вашего великаго Отечества, и просвѣщеннымъ покровительствомъ Вашего ВП. можетъ быть исполнено то, что для насъ безъ этого осталось бы еще надолго однимъ желаніемъ". Уже простая мысль существованія могущественной Россіи питаетъ всѣ другіе порабощенные славянскіе народы надеждой на лучшія времена и то уже побуждаетъ ихъ не сливаться со своими угнетателями. Примѣръ вступленія Вашего ВП. въ Матицу Чешскую увлекъ за собой необыкновенное число участниковъ, такъ что съ тѣхъ поръ прибыло слишкомъ двѣсти новыхъ. Книги отъ сей Матицы для Вашего ВП. и для Алексѣя Сергѣевича отправилъ я въ Липскъ къ комиссіонеру Россійской Академіи Наукъ Леопольду Фоссу, съ тѣмъ чтобы онъ ихъ препроводилъ въ С.-Петербургъ.

[1843]. (Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

13.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

При отъѣздѣ Г. Доктора Прашила въ Санктъ-Петербургъ не могу не воспользоваться случаемъ напомнить и о себѣ Вашему ВП. и пожелать Вамъ всякаго благополучія и при семъ освѣдомиться, дошли ли до рукъ Вашего ВП. два письма, которыя я имѣлъ честь послать черезъ Берлинъ.

Г. Прашилъ, который уже прежде пробылъ три года въ Россіи и тамъ подвергалъ себя по части медицины докторскому экзамену лѣкаря первой степени въ Харьковскомъ университетѣ, желалъ бы вступить въ статскую службу; онъ, какъ землякъ мой, усердный Словянинъ и любитъ искренно Россію, и я осмѣливаюсь просить ему Вашего высокаго покровительства. На дняхъ мы похоронили здѣсь Доктора Крамаренка. Онъ уже возвращался на святую Русь, проведя за границею три года, пріѣхавъ въ Прагу, почувствовалъ свою болѣзнь усилившуюся; мы помѣстили его въ нашемъ Госпиталѣ, и несмотря на всѣ попеченія Доктора Опольцера, который посѣщалъ его до пятидесяти [разъ] въ сутки, онъ умеръ. Весь медицинскій факультетъ и всѣ наши главнѣйшіе медики провожали на кладбище гробъ его, почтивъ въ усопшемъ соплеменника по крови и собрата въ наукѣ. Да покоятся его русскія кости въ чешской землѣ до радостнаго утра!

Всепокорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка.

P. S. На дняхъ я получилъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за Ноябрь и Декабрь 1842 г., подписавшись на него въ концѣ 1841 года. Какъ досадно, что мы должны брать извѣстія изъ того самаго журнала во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ съ исковерканными прозваніями и испорченнымъ смысломъ! Зачѣмъ же Парижъ и Мюнхенъ по крайней мѣрѣ десятью мѣсяцами получаютъ русскіе журналы прежде, чѣмъ Прага?

Прага,
1/13 Февраля 1844 г.

14.

М. Г., Вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно, что при Университетахъ нашихъ учреждены каѳедры Славянскихъ нарѣчій и древностей. Министерство принимаетъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы эти каѳедры ввѣрить людямъ, знающимъ основательно сей предметъ, который такъ тѣсно связанъ съ нашею отечественною словесностію и долженъ имѣть несомнѣнное вліяніе на ея дальнѣйшій ходъ и развитіе. Многіе молодые люди были отправляемы въ Славянскія земли для усовершенствованія себя въ познаніи нарѣчій тамошнихъ; и многіе значительно обязаны успѣхомъ своихъ занятій и изученій Вашему руководству и назиданію. Но этотъ способъ, требующій не мало времени приготовительнаго, не вполнѣ удовлетво-

ряетъ настоящимъ потребностямъ нашимъ. Университетъ Св. Владиміра, напр., не имѣетъ еще достойнаго представителя Славянской филологіи, а нужды и обстоятельства того края заставляютъ желать, чтобы каѳедра эта не оставалась праздною на дальнѣйшее время. Все это побуждаетъ меня обратиться къ Вашему содѣйствію въ пріисканіи изъ числа соотечественниковъ Вашихъ ученаго, способнаго и готоваго принять на себя преподаваніе въ Кіевѣ Славянскихъ нарѣчій. Условія, выполненіе которыхъ въ этомъ отношеніи Министерство желало бы найти въ лицѣ, коему оно согласится ввѣрить эти каѳедры, Вамъ совершенно извѣстны; и я напрасно сталъ бы исчислять ихъ для Васъ. Я, конечно, не могу обратиться ни къ кому лучше Васъ въ этомъ дѣлѣ и надѣюсь, что Вы не откажетесь содѣйствовать видамъ Министерства указаніемъ ученаго, котораго можно было бы съ пользою вызвать въ Университетъ Св. Владиміра.

Ожидая Вашего отзыва, пользуюсь симъ случаемъ возобновить Вамъ, М. Г., увѣреніе въ особенномъ моемъ почтеніи и уваженіи. (подписано:) Уваровъ.

С.-Петербургъ,
28 Апрѣля 1844 г.

15.

М. Г., Получивъ письмо ваше отъ 11/23 Іюня, я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность изъявить вамъ мою благодарность за готовность, съ которою вы взяли на себя трудъ пріискать изъ числа соотечественниковъ вашихъ ученаго, который съ пользою могъ бы занять каѳедру Славянской филологіи въ Университетѣ Св. Владиміра. Я не замедлю сообщить вамъ о дальнѣйшемъ распоряженіи моемъ по сему предмету.

Препровождая къ вамъ при семъ экземпляръ Реймскаго Евангелія, котораго изданіе совершено Г. Сильвестромъ при содѣйствіи Министерства мнѣ ввѣреннаго, покорнѣйше прошу другой экземпляръ доставить отъ имени моего Г. Шафарику. Неизлишнимъ считаю увѣдомить васъ, что я отправилъ экземпляръ Реймскаго Евангелія въ библіотеку Пражскаго Музеума, чрезъ Г. Австрійскаго Посла при нашемъ Дворѣ Коллоредо-Вальдзе.

Примите и пр. (подписано:) Уваровъ.

Г. Ганкѣ.

С.-Петербургъ,
22-го Іюля 1844 года.

Помѣта Ганки: „Отвѣтъ 27 Ноября / 9 Дек. 1844 г.“.

16.

Ваше Вл., Милостивѣйшій Государь!

Лукавый Мефистофель славянской литературы исчезъ съ Божьяго свѣта, посѣявъ плевелы въ благонадежной нивѣ. На несчастіе, какъ вижу изъ Сѣверной Пчелы и довѣдываюсь по слухамъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, Русскіе благодарятъ его, непонимая, какими іезуитскими хитростями и кознями стремится онъ не токмо противъ Православія, но и противъ самыхъ кириловскихъ буквъ въ своей хитросплетенной Латини, основывая диктаторское мнѣніе свое безъ всякихъ доказательствъ на своемъ авторитетѣ. Такъ какъ онъ безъ всякихъ доказательствъ читаетъ первую часть Реймскаго Евангелія подлогомъ и произведеніемъ XIV вѣка и даже оскорбляетъ Августѣйшаго Мецената, говоря: „чесо ради гибель сія бысть? можаше бо за сія деньги изданъ быть памятникъ древній, котораго не нужно было искать далеко въ Реймсѣ etc. etc."

Такъ врагъ всего Словянства посмѣивается надъ словянскимъ ученымъ міромъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что глаголическія буквы ведутъ свое начало не ранше, какъ изъ XIII-го вѣка. Самъ кодексъ Клоціанусъ безъ означенія года по языку не можетъ быть отнесенъ къ раннѣйшему времени, а онъ относитъ его къ X-му вѣку, изъ котораго ни одной рукописи кириловской до сихъ поръ неизвѣстно. Я убѣжденъ, что онъ самъ не вѣрилъ такимъ парадоксамъ, но что хотѣлъ только укоренить ложное мнѣніе, что и въ этомъ только западная церковь непогрѣшительна, найспасительна, хотя самъ былъ, что касается религіи, натуралистомъ.

Мнѣ жаль, что я не успѣлъ, не получа Реймскаго Евангелія во время, противорѣчить злонамѣренному при его жизни еще моимъ изданіемъ. Рукопись моя, приготовленная къ изданію, находится теперь въ Вѣнской Цензурѣ.

Извините, покорнѣйше прошу, мою искреннюю прямость, я считаю это должностію написать объ этомъ къ Вашему Вл. еще до напечатанія моей рукописи. Относительно кандидата въ Кіевъ покорнѣйше прошу милостиваго рѣшенія. Съ чѣмъ и честь имѣю быть съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью и пр. Вячеславъ Ганка.

При семъ посылаетъ Матица ческая „Malá Encyklopedie nauk, díl IV" въ двухъ экземпл.

Прага,
9/21 Октября 1844.

17.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

На дняхъ я имѣлъ счастіе получить письмо Ваше отъ 22 Іюлья сего 1844 года и ожидалъ съ сильнымъ желаніемъ экземпляровъ Реймскаго Евангелія. Наконецъ вчера я дождался этой драгоцѣнности, и я не въ состояніи выразить здѣсь мою благодарность. Правительство наше, адрессуя сіе экземпляры къ Президенту нашего Музеума, назначило одинъ для послѣдняго заведенія и другой для меня. Однакожъ въ письмѣ Вашего ВП. упоминается такъ: „Неизлишнимъ считаю увѣдомить Васъ, что я отправилъ экземпляръ Реймскаго Евангелія въ библіотеку Пражскаго Музеума чрезъ Австрійскаго Посла при нашемъ Дворѣ Колоредо Вальдзе". Упомянутые два экземпляра я имѣлъ честь получить, какъ я уже сказалъ, чрезъ наше Правительство, но о третьемъ, посланномъ еще прежде, я ничего не знаю и, не смотря на мое хлопотаніе, узнать ничего не могъ; и потому предполагаю, что этотъ первый экземпляръ покоится до сихъ поръ въ домѣ Австрійскаго Посольства въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, дожидаясь такъ долго милостиво обѣщанныхъ экземпляровъ, я склонилъ нѣкоторыхъ членовъ нашего Общества Наукъ купить такой экземпляръ для ихъ библіотеки у книгопродавца и пользовался имъ къ приготовленію изданія сравнительнаго тѣхъ же священныхъ чтеній съ Остроміровымъ. Рукопись моя находится уже въ типографіи, подъ заглавіемъ: Сазаво-Емаузское святое благовѣствованіе нынѣ же въ Реимсѣ, на неже присагаша при вѣнчальномъ мѵропомазаніи цр҃и французстіи. съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія латинскими буквами и съ сличеніемъ Остромірова Евангелія. Цензура вымарала только нѣкоторыя истины въ историческомъ предисловіи, но въ текстѣ самомъ ни іоты.

Я просилъ тоже книгопродавца писать въ Парижъ, возможно ли получить за умѣренную цѣну третій и шестидесятый первый (3 et 61) листъ въ тысячѣ отпечаткахъ къ приложенію въ мое изданіе, какъ facsimile; правда, что еслибы Ваше ВП. того требовало, то бы это вѣрно сдѣлали. Форматъ моего изданія будетъ точно такой, какъ пергаминъ подлинной рукописи. Надѣюсь, что эта книга понравится Вашему ВП., ибо она будетъ родъ хрестоматіи древнѣйшаго славянскаго письма и при томъ какъ бы дешевое изданіе распространитъ свѣдѣнія о петербургскомъ изданіи Остромірова и парижскомъ Реймскаго Евангелія.

Докторъ Подлипскій приготовляется прилѣжно къ своему назначенію.

Имѣю честь быть и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
27 ноября / 9 декабря 1844.

18.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Я ждалъ долгое время Вашего прибытія въ Прагу, а наконецъ и не дождался. Вы насъ совсѣмъ забываете, но я всетаки не унывая стремлюсь по силамъ своимъ на поприщѣ, давно мною выбранномъ. Въ доказательство осмѣливаюсь представить Вашему ВП. послѣдній, даже и въ русскихъ журналахъ потоптанный цвѣтокъ нашего словянскаго богослуженія и прошу покорнѣйше, какъ Вы мнѣ милостиво обѣщали, приложенный при семъ экземпляръ поднести къ стопамъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго Государя, а третій повелѣть поставить въ Библіотеку Императорской Академіи Наукъ.

Вторая покорнѣйшая просьба моя, чтобъ милостиво изволили принять въ покровительство сей памятникъ: „да не буда поношение враговъ и противоборцевъ моихъ", которые ужъ начинаютъ говорить, что я лишнимъ истощеніемъ напечаталъ макулатуру. Но Ваше ВП. однимъ своимъ словомъ можете это поношение свалить на плеча ихъ. Я думаю, эта книжка годится, какъ она устроена, въ хрестоматію древнѣйшихъ памятниковъ словянской письменности въ Университеты, Семинаріи и Гимназіи, къ которой и маленькая Грамматика „Начала священнаго языка Словянъ" хорошо послужитъ. Евангеліе стоитъ netto 2 гульдина 30 крейц. серебромъ, и Грамматика 16 крейцаровъ. Я ихъ напечаталъ 1000 экземпл. Но какъ ихъ послать, когда печать неуспѣла во время навигаціи?

О кандидатахъ по ученной части я уже не осмѣливаюсь говорить, хотяжь и приглашаются ко мнѣ. Скажу только о Докторѣ Рыбичкѣ[1]), о которомъ Вамъ Г. Алферьевъ говорить можетъ: онъ приготовленъ преподавать греческую словесность.

Затѣмъ мнѣ останется препоручить себя Вашему снисходительному воспоминанію съ истиннымъ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
1/13 Декабря 1845.

[1]) Вѣроятно, Д-ръ Антонинъ Рыбичка (Skutecký), авторъ извѣстной книги „Předni křisitelé národa českého" (1885).

19.

М. Г., Экземпляръ изданнаго Вами Реймсскаго Евангелія, сличеннаго съ Евангеліемъ Остромировымъ и Острожскими чтеніями, я имѣлъ счастіе, согласно съ желаніемъ Вашимъ, поднести Государю Императору. Его Императорское Величество, удостоивъ благосклоннаго принятія это изданіе, и во ознаменованіе высочайшаго вниманія къ литературнымъ трудамъ Вашимъ по части Славянской Филологіи и усердному содѣйствію Вашему ученымъ предпріятіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и образованію молодыхъ людей, которые были отправляемы для изученія Славянскихъ нарѣчій, всемилостивѣйше пожаловалъ Васъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени. Имѣю честь препроводить при семъ знаки сего Ордена и грамоту на оные. При семъ случаѣ вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность благодарить Васъ за экземпляръ, мнѣ собственно доставленный. Сдѣлавъ распоряженіе о передачѣ въ Императорскую Академію Наукъ экземпляра, присланнаго Вами для этого ученаго учрежденія, я пригласилъ также Г.Г. Попечителей Учебныхъ Округовъ къ пріобрѣтенію для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній какъ Реймсскаго Евангелія, такъ и составляемой Вами Славянской Грамматики. О послѣдующемъ не премину извѣстить Васъ.

Примите, М. Г., увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

(подписано:) Уваровъ.

С.-Петербургъ,
21 Марта 1846 года.

20.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Я былъ такъ счастливъ удостоиться ходатайствомъ Вашимъ Высочайшаго вниманія Его Императорскаго Величества и получить при письмѣ Вашего ВП. всемилостивѣйше мнѣ пожалованные знаки Ордена св. Анны 2-й степени и грамату на оные. Но у меня недостаетъ словъ къ выраженію моей благодарности, и мнѣ не останется только стараться заслужить сію Монаршую милость.

Пользуясь проѣздомъ Г-на Кабанова, я наскоро собралъ для Вашего ВП. и для Алексѣя Сергіевича ІІІ. книжку Časopis Českého Museum и XXII книгъ Hlasy o potřebě jednoty spisowného jazyka českého. Предъидущіе нумера взялъ съ собою Его Прев. Михаилъ Антоновичъ Маркусъ.

Г-нъ Профессоръ Устряловъ сообщилъ мнѣ критику на нѣмецкомъ языкѣ на мое изданіе Сазаво-Еммаузскаго Евангелія изъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей. Я прочелъ ее, какъ обыкновенно такую невѣжливую статью читаютъ, и убѣдился, что Русскіе приняли и принимаютъ мою книгу совсѣмъ иначе и вопреки неучтиваго тщанія Г-на Куника. Я никого не принуждаю вѣрить: въ книгѣ моей стоитъ: „мнѣ не пощастливилось найти указанія въ лѣтописяхъ, а впрочемъ скажу свое мнѣніе". Я это сказалъ простосердечно, это мое мнѣніе, какъ и то: Куникъ грубый Нѣмецъ, и Богъ съ нимъ, какъ говорятъ Русскіе въ подобныхъ случаяхъ. Въ другихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть лучшій человѣкъ, но я его знаю только по этой статьи.

Примите Ваше ВП. еще разъ мою душевную благодарность, съ которою я навсегда пребуду въ глубочайшемъ почтеніи и пр.

Вячеславъ Ганка.

Прага,
22 Іюнія / 4 Іюлья 1846.

21.

Ваше ВП., Милостивѣйшій Государь!

Пользуясь проѣздомъ черезъ Прагу Г. Ордыловскаго, я не могъ пропустить не послать съ нимъ Вашему ВП. прилагаемый при семъ снимокъ отрывка географическихъ извѣстій изъ древней греческой рукописи, хранящейся въ нашей библіотекѣ. Сочиненіе это можетъ быть еще неизвѣстно, и въ немъ упоминается тоже и о Россіи.

Имѣю честь быть и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
29 Іюля / 10 Августа 1846.

22.

М. Г., Письмомъ отъ 22 Марта 1846 года я извѣстилъ Васъ о данномъ мною предложеніи ГГ. Попечителямъ учебныхъ округовъ пріобрѣсть для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній изданныя Вами книги: Реймское Славянское Евангеліе и Начала священнаго языка Славянъ.

На этомъ основаніи пріобрѣтено для библіотекъ учебныхъ заведеній девяносто два экземпляра Евангелія и сто пятьдесятъ экземпляровъ Началъ священнаго языка Славянъ, по назначенной вами цѣнѣ первому изданію 2 гульд. 30 кр. и второму 16 кр.,

что составитъ по курсу сто восемьдесятъ рублей шестьдесятъ четыре копѣйки серебромъ.

Препровождая при семъ къ Вамъ, М. Г., на означенную сумму вексель, адресованный на Гамбургъ, прошу о полученіи онаго меня увѣдомить. Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что какъ на С.-Петербургской биржѣ не существуетъ непосредственныхъ сношеній съ Прагою, то означенный вексель не могъ быть данъ на сей городъ; но Вы, М. Г., можете негоцировать этотъ вексель въ Прагѣ.

Примите и пр. (подписано:) Графъ Уваровъ.

С.-Петербургъ,
13/25 Декабря 1847.

23.

Ваше Сіятельство, Милостивѣйшій Государь!

Я имѣлъ счастіе получить письмо Вашего Сіятельства съ 13/25 Декабря прошлаго года съ векселемъ на сто восмьдесять рублей шестьдесять четыре копейки серебромъ, адрессованнымъ на Гамбургъ. Мы вообще чувствуемъ, что Прага не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ Россіей. А случаются припадки, что Русскихъ, особенно у нашихъ цѣлительныхъ водъ, незнающихъ совершенно нѣмецкаго языка, обижаютъ, оскорбляютъ, да и несправедливо осуждаютъ. Я думаю, что теперь удобная пора, когда желѣзная дорога Прагу со всей Европой сближаетъ, приставить и въ Прагѣ русскаго консула.

Примите, Ваше Сіятельство, мою усерднѣйшую благодарность за милостивое ходатайство въ расходѣ моего Сазаво-Еммаускаго Евангелія и моихъ Началъ священнаго языка Словянъ, мою признательнѣйшую благодарность за милостивое посланіе матрицъ русскаго письма, безъ котораго въ время оно невозможно бы было издать упомянутыя книги. Это дало и поводъ, что и у насъ трудятся рѣзьбою русскаго и кирилловскаго письма всякаго рода, какъ свидѣтельствуютъ прилагаемые при семъ листы.

Благословляя Васъ отъ души за Вашу любовь къ доброму дѣлу, имѣю честь быть и пр. Вячеславъ Ганка.

Я осмѣлился приложить при семъ отвѣтъ Г-ну Комовскому.

Прага,
6/18 января 1848.

24.

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!

Пользуясь представившимся мнѣ случаемъ, осмѣливаюсь препроводить къ Вамъ новое мое сочиненіе: Начала Русскаго языка.

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ вышло на то позволеніе при нашихъ Университетахъ, предпринялъ я преподаваніе грамматики и литературы Русскихъ. Я началъ зимою тѣмъ, что ознакомилъ слушателей съ первыми основаніями священнаго языка Славянъ; написалъ пока прилагаемую здѣсь книжку и учу по оной до трехъ сотъ человѣкъ. При составленіи этихъ началъ я имѣлъ въ виду то, что моимъ землякамъ не нужно слишкомъ обширныхъ толкованій о языкѣ, столь сродномъ съ нашимъ, посему и старался я какъ можно болѣе сжать наинужнѣйшія для нихъ правила, дабы не напугать учащихся объемомъ предлагаемаго имъ руководства.

Дозволеніе повергнуть мое сочиненіе къ священнымъ стопамъ Государя Императора Николая Павловича почелъ бы я величайшимъ для меня счастіемъ; не смѣю даже просить Ваше Сіятельство о доставленіи мнѣ на то Высочайшаго разрѣшенія, но на всякій случай, предоставляя дальнѣйшія дѣйствія благоусмотрѣнію Вашему, прилагаю здѣсь назначенный мною на сей предметъ экземпляръ.

Лаская себя надеждою заслужить благосклонность Вашу, почитаю пріятнѣйшею обязанностію свидѣтельствовать свое къ Вамъ высочайшее почтеніе и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
1/13 Мая 1850.

Н. Г. Устряловъ[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Ящикъ съ книгами Вашихъ трудовъ, посланный на мое имя, съ Любскимъ пароходомъ, полученъ мною на сихъ дняхъ. Въ немъ нашелъ я 120 экз. Сазаво-Эмаузскаго Евангелія и столько же Началъ Священнаго языка Славянъ; да сверхъ того пакетъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ редакцію Сѣверной Пчелы, Г.Г. Губе и Малевскому.

Порученіе Ваше я принимаю съ большимъ удовольствіемъ и постараюсь исполнить его согласно съ Вашими желаніями.

Г. Министръ далъ предложеніе Университетамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ о пріобрѣтеніи покупкой книгъ, Вами издан-

[1]) Въ альбомѣ Ганки расписался 1/13 октября 1845 г.

ныхъ. Постепенно получаются требованія отъ разныхъ заведеній. Какъ скоро всѣ свѣдѣнія соберутся, я доставлю книги Ваши въ Министерство.

Продажу въ частныя руки я поручилъ здѣшнему книгопродавцу Исакову, извѣстному честностью и исправностію. Цѣну Сазаво-Эмаузскому Евангелію я назначилъ на наши деньги 2 руб. сереб., а Началамъ Священнаго языка Славянъ 30 коп. сереб., съ уступкою книгопродавцу за коммиссію 25%.

Прилагаю при семъ разборъ Вашего ученаго труда, напечатанный въ нашихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ. Авторъ его адъюнктъ Академіи Наукъ, Куникъ.

Если Вы пожелаете, напишите антикритику, которую Редакція Вѣдомостей охотно напечатаетъ [1]).

Деньги за Ваши книги, какъ скоро накопится значительное количество, я не замедлю Вамъ переслать. При полученіи книгъ отъ купца Юнге, на имя котораго онѣ присланы изъ Любека, издержано мною за провозъ, за пошлины въ таможнѣ и другіе расходы, до 20 руб. сер. Было бы гораздо менѣе, еслибы ящикъ былъ адресованъ на моё имя въ Университетъ.

Въ заключеніе свидѣтельствую Вамъ мое отличное почтеніе, съ которымъ имѣю честь быть и пр.

Николай Устряловъ.

С.-Петербургъ,
13/25 Іюня 1846 года.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Директоръ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ меня, что для учебныхъ заведеній Министерства требуется 67 экз. Сазаво-Эмаузскаго Евангелія и 130 экз. Началъ Священнаго языка Славянъ. Сверхъ того, вѣроятно, потребуется еще нѣкоторое количество экземпляровъ той и другой книги.

Получивъ отъ Васъ по 120 экземпляровъ того и другаго сочиненія, я могъ удовлетворить Г. Комовскаго сполна однимъ Евангеліемъ, а Началъ Св. языка Славянъ послалъ только 85 экз., потому что 30 экз. отданы книгопродавцу, а остальные разосланы по Вашему назначенію.

Посему благоволите выслать мнѣ по полученіи сего письма еще 80 экземпляровъ Началъ Священ. языка Славянъ. Лучше

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ отзывѣ Куника см. В. А. Францева, Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія, Ж. М. Н. Пр., 1900, іюль.

всего отправить бы на мое имя чрезъ книгопродавца Фосса изъ Лейпцига, который уже знаетъ, какъ мнѣ переслать.

Въ послѣднемъ письмѣ я забылъ увѣдомить Васъ, что уважаемый всѣми учеными Славянистами Прейсъ послѣ тяжкой болѣзни отъиде къ праотцамъ.

Примите увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть и пр. Н. Устряловъ.

С.-Петербургъ,
28 Іюня / 9 Іюля 1846 г.

3.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Простите великодушно за долговременное мое молчаніе. Виной тому наши книгопродавцы, которымъ я отдалъ Ваши книги на коммиссію и съ которыми никакъ не могъ сладить въ расчетѣ. Теперь дѣло приходитъ къ концу. Кромѣ переданныхъ мною книгъ въ канцелярію Министра Народнаго Просвѣщенія, а именно 92 экземп. Евангелія и 150 экз. Началъ Священнаго языка, получено мной отъ книгопродавцевъ за 100 экз. Евангелія (2 р.) и 180 экз. Началъ Св. языка (30 к.), съ уступкою имъ по 25% и съ уплатою 31 руб. сер. при полученіи книгъ изъ Лейпцига— всего 160 руб. сереб.

Деньги сіи я поручилъ перевести банкиру Ланцу и К°, отъ котораго получилъ вексель на Ваше имя, при семъ прилагаемый. О полученіи его покорнѣйше прошу меня увѣдомить.

Если Вы найдете нужнымъ прислать сюда свои книги, то благоволите адресовать ихъ прямо на имя книгопродавца Якова Исакова въ Гостиномъ дворѣ. Онъ честнѣе и исправнѣе другихъ, и ему, сколько мнѣ извѣстно, пріятно было бы получить отъ Васъ Начала Св. языка. Съ нимъ благоволите вести всѣ счеты.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и пр. Н. Устряловъ.

Василій Алексѣевичъ Исаковъ, на Невскомъ просп., напротивъ катол. церкви.

С.-Петербургъ,
4/16 Января 1851 года.

В. Францель.

1.

Prečestiti Gospodine! Preslavni Rodoljube!

Zdravstvujte mnoga lěta na slavu i blagor Slovanov! Dolgo, velmi dolgo je več, čto sem zapustil zlatnu Pragu i meni věkoma mile Čechy. Neobdelano, da čisto pusto je še bilo polje, kde postanem delavcem po prihodu u milu domovinu. Vse to me neodstraši, tim več nukne k merljivomu poslovanju, da se i ovde majci Slavi povrate njezini sini. Prva briga bijaše, sebi poverenu mladež zbuditi, od tudjinstva odvratiti, rečjom u njoj ljubav do svojega naroda ukoreniti. Posel biše take prospešen. Mladeži omili Slovanstvo, se ga počne učiti na vrat na nos, plode u tyhodně na 1 do 1½ archu izlazečih listih „Slavija" pokazivati i pri vsakoj priliki svoju narodnost očitovati. Sada utemeljujemo knjigovnu, koja prispevanjem vrlih rodoljubov i istih siromaških djakov verlo napreduje, i čto je najveselejše, se take podobro rabi. Najmerljivejši me take naprosiše, da jih vežbam u Rušćini, pošto Srbštinu več podobro umiju. K toj nameri nam blagovolite 6 komadov vaše Ruske Slovnice poslati, jer ovih mluvnic več několiko imamo, a poleg toga ima vrla „cvičení" koja su meni od vašega prednašenja dobro znana. Kak brzo saznam, što valjajo, vam pošljem peneze. Samo preponizno prosim brzo, da još ovega leta něšto načinimo, jer budučega leta bi radi počeli českí. Nadpis blagovolite načiniti: „Jerneju Franclu supplentu gymnas. u Celju (Cilli, Untersteier)". Slovenska mestjanska Čitalna, koju zimos ovde ustrojismo samo životari, jer činovnici i mestjani slovenšine još niso omilili, študujuća rodoljubna mladež ale radi školskih zakonov tamo nesme.

Predlog i koraki Zagrebačke Matice razveseli ovde verle rodoljube i postraši Nemce, kojim se opet Všeslovanstvo kao nepremagljiva hydra ukažuje.

Bože daj svoju pomoć!

Buduče praznine dojdem, ako Bog da, u zlatnu Pragu, da delam Candidatne izpite. Pripravljam se iz dejepisa i Slovanstva. Samo moram prvo saznati, tko je u Pragu izpitatelj iz zemljopisa i pověstnice. Morda čete imati v besedě priliku Velectěním i dustojním P. P. Dr. Špotovi, Arnoldovi, Škodovi, Krbecu, Erbenu atd. moju prepon. službu i slovanski pozdrav oznaniti.

Da mi prošnje neodrečete, Vas še enkrat prosi, slovanski pozdravlja ter Vam svoju preponižnu službu ponuja preponižen sluga

Jarnej Francl,
privr. gym. ucitel.

U Celju,
17 Maja 1851.

2.

Blagorodni Gospodine! Preslavni rodoljube!

Priznajem, da zaslužim ukoru, što sem tako dugo mučal; nu premnogi poslovi i bolest, koja me dugo mučiše, neka me izgovori. Što nisem za velikih školskih praznin u zlatan Prag došal, kako obečah, zakriviše novčane okolnosti; nu što nebiše, bit će. Pripravljam se za tak zvani candidatni izpit iz pověstnice i slavenskoga jezika, kojega se nadjam barem na koncu pervoga školskoga tečaja položiti. Odavlje veliki poslovi, jerbo je Grauert izpitatelj dějepisný odviše strog i tvrd Nemac. Nebili mi morda bolje bilo izpite kod pražke komissie praviti? Molim preponizno za savět. Zadovoljan sam, ako barem za 4 razrede izpit položim, samo da se zbavim pogibeljne privremenosti, a onda ću raditi, ako Bog dade i sreća slavjanska, za majku vseslavensku. Prevlika hvala na obe brošurky o spisovnem vseslovanskom jeziku od g. Šumavskoga, čitaju se ovde rado. Ja sa mnogimi jesmo istih misli ter obečamo barem časoma kake pomoči, ako bi se, kako očekavamo, takov organ počel izdavati.

Knjige, koje ste našoj marljivoj mladeži nabaviti blagovolili, izvolite na naš k. k. Gymnasium zu Cilli in Steiermark addresirati i muzejnim gerbom naznačiti, nebili pošte to bezplatno odpratile, ako to neide, svejedno, platit ću iz svojega. Oprostite, Milostivi Gospodine! ako Vas još za někoja poprosim. Još minule godine 1850. poslah gosp. Petroviću 10 for. sr., da me učini udom českе Matice. Gosp. Petrović mi odgovori, da je za me sve proskerbil i da su moje knjige, koje mi, kao udu Matice, za godinu 50. i 51. pripadoše kod D-ra Špota. Nedvomim, da se sa Dr. Špotom, kojega slavenski pozdravljam, barem u Besedi gustoma snidete. Nebili moguče bilo, da i ove knjige zajedno dobijem? 10 forenti ovegodišnje prispevke za Maticu, kao i novce, koje sem Vam za poslane ruske slovnice dužan, poslati ću budućega měseca, jer sada jih nemam. Takodjer bi veoma rado dobiti tumačenje pesme iz Kraljodvorskoga rukopisa: Záboj, Slavoj a Ludek po Dr. Amerlingu. Nalazi se, ako se ne bludim, u Poslu z Budče. Neki svešteník, vrli našinec, me zaprosi, da mu pribavim svetu pismu (Bibliu)

izdanu po veoma štovanom i mojem prevelikom dobrotincu p. n. p. Krbcu, kojemu molim svoj preponizan poklon i sardačen pozdrav oznaniti. Trebalo bi mi još više, n. p.: Palackoga, Dějepis český, Posel z Budče, nu šta ću, kad nije penez. Jinače nam nije najbolje, jer nas tudjinstvo goropadno tlači. Mali broj našincev se bori sa tudjinstvom. Ne ostaje nam, nego nada, da će prodret sveta pravda. Tako n. p. je meni zabranjeno u privatnih satih za iskrenu mladež u školi českí prednašati, da se nebi (mladež) mešala, kako veli gymn. savetnik. [Nego molim, da to još nedojde nominatim u kakove Novine, jer bi mi moglo odviše škodit, čas rani, al i céli]. Od ovdašnje gymn. mladeži izdavan pisani list „Slavia" vrlo napreduje takodjer u jezičnoj slavjanskoj uzajemnosti. Da se će ovdě družtvo za izdavanje koristnih, slovensko-pučkih knjig ustrojiti, je valjda bez toga znano, nu mi na panslavizam mislimo: Knjezobiskup Slomšek osnovi družtvo, kojega namera jest raditi o sjedinjenju vseh slavjanah na jeden verozakon. Pripomočki k tomu jesu samo molitva. Kto jest udom, mora da moli svaki dan 1 Otac naš i Zdrava si Marija na čest slovanskim Apoštolum Cirilu i Metudu, a na svetak oviuh apoštolah morat će svaki sveštenik (ako je družbenik) na ovaj namen čitat misu, a ostali se spovedat i pričestit. Do 50 samo sveštjenikah je već podpisanih. Do skora će se cela osnova oznaniti. Veleb. p. Arnoldu, Škodovi, velevaž. p. Dr. Amerlingu prepon. poklon i slavenski pozdrav.

Zdravstvujte preslavni rodoljube! Vaš prepokorni

Jernej Francl,
privr. gymn. učitelj.

U Celju,
20 Oktobra 1851.

3.

Preblagorodni visokoučeni Gospodine!

Prie dva měseca se preselih na zagrebačku, hvala Bogu! docela slavensku gymnasiu. Radimo polag silah doduše slabih, jerbo smo lišeni literature, neumorno na izobraženju nadje pune mladeži. Gèrčki jezik osobito je ovdě docela novo pole, što nam dakle najviše muke zadaje. Sěćam se, da ima u Českom već više u toj struci izradjenoga, zato sam zaželio sebi i g. Mocunu ovdašnjemu učitelju vaše pripomočke pribaviti. Osobito bi nam za jedan članak na skoro trěbalo: „prizpodabljenje gèrčkoga glagola sa slavenskim", što izradi gosp. Šumavský ili Šleihert, ako se nevaram. Takodjer mi se čini, da sam vidio Xenophona

prevedenoga, tako i Cyropediu. Oprostite dakle, rodoljubni Gospodine! da se Vas usudim poprositi, da bi nam naznačene Gèrčke proizvode ili slične iz Gèrčke proze prevode ili sami poslali, ako jih ima kod Vas, ili kod Řivnača naručili, da nam jih odmah pošle. Cěnu i troškove poslat ćemo odmah, pošto saznamo, što će ovo stati. Mislim, da bi išlo najjevtinije pod tak zvanim Kreutzbandom.

Skolske knjige se hvala Bogu sve tiskaju, te se nadjamo, da će buduća školska godina epochu za Jugoslavene učiniti. Da nam sreća posluži samo još pet godinah materinšćinu u školah poderžati, te stojimo na temelju, kojega nam već nitko nepodkopa, premda sada u ovdašnoj varoši tudjinstvo jako zavladà.

Za literaturu se sada slabo radi, jerbo su sve sile u teških službah upotrěbljene; novinarstvo lukavo i učione je sve, čim se narodni duh hrani.

Slavenski pozdrav věrnoj bratji českoj i mojim dobročiniteljem; osobito pako pozdravljam Vas, podporu naše uzajemnosti.

Věkoviti štovatelj Jernej Francel,
t. učitelj na Gymn. Zagrebačkoj

U Zagrebu,
dana 4/7 1853.

А. И. Хмельницкій.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
РУССКОЕ СЛОВО.

С.-Петербургъ.

5 октября 1859 года.
№ 112.

Милостивый Государь,
Вячеславъ Вячеславовичъ!

По предложенію г.г. профессоровъ, О. М. Бодянскаго и А. В. Лохвицкаго, главный редакторъ и издатель Русскаго Слова, графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, выслалъ Вамъ два экземпляра своего журнала—одинъ для Васъ лично, другой для г.г. чешскихъ студентовъ въ Прагѣ. Редакція позволяетъ себѣ надѣяться, что сочувствіе ея къ славянскому дѣлу не ограничится такимъ слабымъ выраженіемъ; напротивъ, при Вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи она предполагаетъ войти въ постоянныя сношенія съ г.г. чешскими и другими славянскими учеными и литераторами. Русское Слово готово открыть у себя особый отдѣлъ для ихъ дѣятельности. Статьи историческія, этнографическія

и филологическія желали бы мы получать преимущественно, равно какъ и постоянную хронику объ общественной и литературной дѣятельности въ славянскихъ земляхъ. Вотъ условія редакціи:

1. Редакція высылаетъ гонораръ отъ 40 до 60 рублей серебромъ за печатный листъ, какъ статей учено-литературныхъ, такъ и за корреспонденцію.

2. Статьи должны быть написаны на русскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ. Съ сожалѣніемъ должно сказать, что переводъ съ славянскихъ нарѣчій, за неимѣніемъ словарей и грамматикъ, встрѣтитъ неодолимое затрудненіе. Этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ останется не наполненнымъ до тѣхъ поръ, пока за него не возьмутся г.г. славянскіе ученые; на нашихъ славянистовъ въ этомъ дѣлѣ полагаться не слѣдуетъ.

3. Статьи будутъ доставляться при Вашихъ письменныхъ извѣщеніяхъ. Безъ соблюденія этого условія, редакція ничего не приметъ для напечатанія, такъ какъ она питаетъ безграничное довѣріе къ чистотѣ и благородству Вашихъ воззрѣній.

4. Всюду, гдѣ будутъ встрѣчаться славянскія имена рѣкъ, областей, городовъ и т. п., слѣдуетъ выставлять и общеевропейскія имена ихъ.

5. Въ ученый міръ не слѣдуетъ вносить страстей политическихъ. Поэтому редакція надѣется, что весьма законное и всѣмъ извѣстное раздраженіе не помѣшаетъ видѣть заслугъ, оказанныхъ человѣчеству нѣмецкимъ племенемъ. Редакція не раздѣляетъ ничьихъ узко-религіозныхъ и узко-политическихъ воззрѣній и полагаетъ свое достоинство въ сочувствіи всѣмъ народамъ въ томъ, что у нихъ достойно сочувствія.

Вы безконечно обяжете насъ, если найдете возможнымъ, на этихъ условіяхъ, доставить нашему журналу Ваше сотрудничество и сотрудничество г.г. славянскихъ ученыхъ и литераторовъ. Письма и статьи, адресуемыя въ редакцію, франкировать не слѣдуетъ.

Редакція будетъ ожидать Вашего отвѣта, который слѣдуетъ адрессовать такъ: въ СПБ., Александру Ивановичу Хмельницкому, въ редакціи Русскаго Слова.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Алекс. Хмельницкій,
завѣдующій редакціею Р. С.

Спб.,
5 октября 1859.

А. С. Хомяковъ[1]).

1[2]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Изъ Обржиствъ[3]) послалъ я Вамъ стихи; писалъ также съ береговъ Рейна и также посылалъ стихи: не знаю, дошло ли все это до Васъ. Въ этомъ сомнѣніи повторяю то, что уже писалъ.

Пріѣхавъ изъ Обржиствъ или, лучше сказать, на дорогѣ сочинилъ я слѣдующую пьесу. Хороша-ли, дурна-ли — все таки посылаю ее Вамъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ... и т. д.[4])

Написавъ и отправивъ эти стихи, я успокоился и легъ спать: но, видно, было что-то вредное въ вашемъ Прагскомъ воздухѣ: меня вмѣсто сна звало къ стихамъ, занятію давно забытому мною; я вспоминалъ Ваши послѣднія слова объ единствѣ вѣры, безъ котораго нѣтъ полнаго единства въ народахъ, и ни то во снѣ, ни то на яву написалъ слѣдующіе стихи:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой... и т. д.[5])

Послѣ нашего свиданія проѣхалъ я въ короткое время много и много земель, наслушался и наглядѣлся довольно. Вездѣ на-

---

[1]) Въ альбомѣ Ганки Хомяковъ написалъ: „Когда то я просилъ Бога объ Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

Эта же молитва у меня для всѣхъ Словянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться какъ истинное счастіе. Алексѣй Хомяковъ. 1847-го года. I. 19-го д." (sic).

[2]) Это письмо напечатано было Е. В. Пѣтуховымъ въ Зап. Юрьевскаго унив., 1896, № 1, стр. 44—45.

[3]) Obřiství — село на Лабѣ, у Мельника.

[4]) Напечатано въ „Стихотвореніяхъ А. С. Хомякова", М. 1861, стр. 109—110. Варьянты сравнительно съ печатнымъ текстомъ: 2-я строфа—„съ грудью грудь, рука съ рукой", 3-я строфа—„не горюй, кто въ долгой брани", 5-я строфа — „просіяетъ день прекрасный", 6-я строфа: „Всѣ велики, всѣ свободны, на враговъ союзный строй, полны мысли благородной, живы вѣрою одной". Это стихотвореніе въ собственноручной копіи Погодина получилъ Ганка и отъ послѣдняго: Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. Вып. III, стр. 493 (письмо Ганки изъ Праги отъ 26 сент./8 окт. 1856 года).

[5]) Напечатано тамъ же, стр. 94—95. Варьянтъ: 3-я строфа—„въ уборѣ и блескѣ весь западный край". Изъ письма видно, что оба стихотво-

шелъ я всесовершенное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми срослася наша жизнь. Если бы міръ Словянскій былъ какимъ-нибудь землетрясеньемъ поглощенъ, Европа и не охнула бы. Все сочувствіе, ею намъ изрѣдка оказываемое, есть или чистое лицемѣріе, или слѣдствіе какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ. Безумны тѣ изъ нашихъ братій, которые ищутъ сочувствія внѣ насъ. Съ другой стороны, наука понимаетъ многія прекрасныя стороны нашего быта и завидуетъ намъ, напр. крестьянской общинѣ въ Россіи и у южныхъ словянъ. Это понимаютъ Нѣмцы и даже нѣкоторые Французы. Общину словянскую изучаютъ и пишутъ объ ней, какъ я уже сказалъ, съ завистью: но зависть— не любовь. Другое сочувствіе, глубокое и сильное, нашелъ я въ Англіи, не къ намъ, но къ нашей церкви. Трудно повѣрить, какъ часто и съ какимъ жаромъ выражается у нихъ любовь или, лучше сказать, жажда церковнаго единства. Неужели она не проснется въ нашихъ единокровныхъ братьяхъ? Вѣрьте мнѣ, ни Протестантство, ни Романизмъ не отвѣчаютъ ни требованіямъ времени, ни глубокимъ требованіямъ словянской души. Одно уходитъ въ Фейербаха, другой въ грубую политику. Оба отжили. Мнѣ кажется, мой сонъ будетъ когда-нибудь несномъ. Дай Богъ поскорѣе. Покуда скажу я, что отраднѣйшимъ днемъ моего путешествія былъ день въ Прагѣ, и что Вашъ привѣтъ и ласки почтеннаго Шафарика мнѣ отогрѣли душу, какъ солнечнымъ лучомъ. Всегда буду отъ души благодарить Васъ и благословлять за Вашу любовь къ доброму дѣлу. Примите увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю быть и пр. Алексѣй Хомяковъ.

Берлинъ.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Въ Москвѣ въ концѣ прошлаго года возобновилось Общество Любителей Русской Словесности. Нынѣшняго года въ засѣданіи 11-го февраля было предположено приступить къ выбору Почетныхъ Заграничныхъ Членовъ. Я протестовалъ противъ слова „Заграничныхъ“, потому что не признаю политическихъ границъ въ области душевныхъ сочувствій, а еще менѣе внутри Славянскаго міра. Общество согласилось со мною.

ренія написаны одно за другимъ, между тѣмъ какъ въ „Стихотвореніяхъ“ первое помѣчено 1852-мъ годомъ, а второе 1847-мъ.

Затѣмъ Секретарь Общества Михаилъ Александровичъ Максимовичъ похитилъ у меня удовольствіе предложить въ наши Почетные Члены Вячеслава Вячеславича Ганку; но я съ радостію простилъ ему это похищеніе, а Общество, разумѣется, единогласно приняло его предложеніе.

Какъ Предсѣдатель, пользуюсь своимъ правомъ извѣстить Васъ объ избраніи: какъ человѣкъ, не только вполнѣ цѣнящій Ваши заслуги, но и преданный Вамъ всею душою, пользуюсь случаемъ выразить радость, съ которою я вижу имя Ваше въ спискѣ нашихъ Почетныхъ Членовъ. Повѣрьте, что оно столько же любимо въ Москвѣ, сколько и въ Прагѣ. Ни въ какомъ случаѣ не могъ бы я согласиться Васъ внести въ списокъ, какъ Заграничнаго.

Я знаю, что Вы намъ пожелаете успѣховъ такъ же искренно, какъ мы Вамъ во всемъ успѣха желаемъ.

Затѣмъ примите увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть и пр.

Алексѣй Хомяковъ.

Москва,
18-го Февраля 1859.

Д. П. Хрущовъ.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Въ 1858 г., чрезъ общаго нашего знакомаго А. И. Кошелева, я имѣлъ честь обращаться къ Вамъ съ просьбой о доставленіи мнѣ нѣкоторыхъ свѣденій о родѣ нашемъ Хрущова, происходящемъ отъ Чесской фамиліи Пелеши. Гордясь этимъ происхожденіемъ отъ лучшаго изъ славянскихъ племенъ и желая привести въ возможную ясность все, что до сего рода относится, я пользуюсь поѣздкою въ Прагу почтенаго моего товарища по службѣ сенатора А. И. Войцеховича, чтобы вновь безпокоить Васъ по означеному предмету.

На оборотѣ прилагаемой при семъ, полученой отъ Васъ въ 1858 г., записки написалъ я нѣсколько вопросовъ для поясненія свѣденій, въ той запискѣ заключающихся. Въ другой запискѣ, также при семъ прилагаемой, написалъ я нѣсколько вопросовъ, до фамиліи Пелешь относящихся. Извѣстная Ваша ученость и доброе расположеніе къ Русскимъ позволяютъ мнѣ надѣяться,

что и сію мою просьбу Вы примите съ обычною Вашею благосклонностью и не оставите возможность удовлетвореніемъ.

Прошу Васъ извинить меня за чинимое Вамъ безпокойство и пр. Д. Хрущовъ, Сенаторъ.

P. S. Подлинную записку Вашу, при семъ прилагаемую, съ моими вопросами, благоволите мнѣ возвратить съ Вашимъ отвѣтомъ.

Адресъ мой: Его Превосходительству Димитрію Петровичу Хрущову, въ С.-Петербургъ, въ собственный домъ № 14 на Фурштатской улицѣ.

С.-Петербургъ,
15-го Апрѣля 1860 года.

Okolski, Orbis Polonus, Tom 3, Pag. 89 и Korona Polska Kaspra Niesieckiego, новое изданіе въ Лейпцигѣ, Томъ Ш, стр. 96.

Изъ этихъ книгъ видно, что въ Чесской землѣ существовалъ родъ Пелеши, изъ коихъ одна линія приняла названіе Хржонщъ (Chrząszcz) отъ имѣнья ихъ Хржонщова воля, на границѣ Богеміи и Польши, въ Сендомірскомъ воеводствѣ. Изъ этой линіи рода Пелеши, Самуилъ Пелешь или Хржонщъ переселился въ Польшѣ при королѣ Стефанѣ, т. е. между 1570 и 1586 годами, и поступилъ на службу Короны Польской.

Изъ Гербовника Папроцкаго и другихъ видно, что Пелеши имѣли гербъ два мѣча крестомъ на щитѣ.

Желательно бы знать: извѣстны ли Пелеши въ Чесской исторіи и чѣмъ? Прославился ли кто-нибудь изъ нихъ и чѣмъ? Занимали ли они какія-либо государственныя должности и проч.? И гдѣ объ этомъ писано или печатано? Вообще все, что можно бы имѣть объ этомъ родѣ и его началѣ и дѣлахъ, очень интересно. Неизвѣстно ли чего особенно о Самуилѣ Пелешѣ?

Что значитъ слово Пелешь? отъ куда его происхожденіе?

Рукой В. Ганки:

Что въ Чехахъ издревле были Хрустовы, свидѣтельствуютъ до сихъ поръ существующія села подъ названіемъ Хрустово, Хрустовицы, Хрустеницы и Хрустиницы.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ находятся въ юридическихъ актахъ Прибекъ (т. е. Прибыславъ) изъ Тынца, сѣдѣніемъ на Хрустовицахъ, въ 1403, 1423 и 1434 годахъ.

Микшикъ (т. е. Николай) изъ Хрустеницъ въ 1410 году.

Здиславъ изъ Маловицъ сѣдѣньемъ на Хрустиницахъ въ 1432 году.

Вячеславъ (Václav) Хрустенскій изъ Маловаръ въ 1476 году.

Эти всѣ находятся въ Чешскомъ Архивѣ, изданномъ Фр. Палацкимъ. Позже никого съ такой фамиліею не нахожу.

Какой гербъ сіи господа употребляли, до сихъ поръ неизвѣстно.

Что о Хрущовыхъ упоминаетъ Несѣцкій и Лакіеръ,-извѣстно, что они пришли изъ Чехъ.

Приписка рукой Хрущова: „Получено чрезъ А. И. Кошелева изъ Праги отъ Ганки 18 апрѣля 1858 года“.

Вопросы по сей запискѣ:

1. Какого сословія были всѣ эти господа?
2. Объ нихъ ли говоритъ Okolski и Несецкой, что они изъ рода Пелеши?
3. О какихъ юридическихъ актахъ здѣсь говорится?
4. Что такое „Чешской Архивъ“ Палацкаго?
5. Упоминаемыя здѣсь села Хрустовъ, Хрустовицы и проч. кому нынѣ принадлежатъ и въ какой части Богеміи находятся?
6. Что значитъ слово, въ запискѣ употребленное: сидѣлъ, сидѣніемъ и т. п.?
7. Что значитъ: такой-то, напр., Здиславъ изъ Маловицъ, сидѣніемъ на Хрустинцахъ?
8. Слово Хронщъ, отъ куда фамилія Хронща, Хрущова, значитъ по-польски Жукъ. А что оно значитъ по-чесски, и отъ того ли получили свое названіе упоминаемыя въ запискѣ села, или имя Хрустовъ, Хрустовицы, Хрустинцы имѣетъ другое значеніе и какое?
9. Есть ли теперь въ Богеміи фамилія Хрущовъ?

В. Цыбульскій[1]).

1.

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

Od wyjazdu mego z Czech ledwie pare razy w tamte strony pisałem — tak jakbym tam żadnych nie miał znajomych ani przyjaciół. A przecież myśl moja bardzo często wśród braci Czechów przemieszkuje, bardzo często, błądząc po narodowych przeszłej sławy pomnikach, i bratniéj ziemi nieśmiertelne odwiedza zabytki: wzmaga się wtenczas, rośnie w siłę, w nadzieję szczęśliwszej przyszłości, gdy miłość wzajemna, wzajemna pomoc, jeden cel narodowego życia wszystkie słowiańskie pokolenia piętnować będzie. W takiej myśli człowiek często całą duszę utapia — zginie — rozumie, że sam by był zdolnym przyszłość tę stworzyć;— gdy zimna rzeczywistość stanie mu przed oczy, opadną skrzydła i wtenczas do bliźnich ludzi—braci równie czujących i myślących się zwraca, aby z nimi spojony, choć wolniej i trudniej, ale bezpieczniej i pewniej do wskazanego dążył celu. Tak i ja sam dotychczas pracując w dziejach własnego narodu, gdy widzę, że słowiański w nich duch najlepiej się wyjaśnia porównaniem z du-

[1]) Wojciech Cybulski (р. 1808, † 1867), съ 1840 г. доцентъ берлинскаго унив. по каѳедрѣ славянскихъ литературъ и нарѣчій, впослѣдствіи (съ 1860 г.) профессоръ бреславльскаго университета. Нѣкоторыя письма его къ Ганкѣ изданы были Од. Елинкомъ: „Listy Wojciecha Cybulskiego do W. Hanki (1840—1847). Poznań. 1894“, отд. отт. изъ Przegl. Poznańsk.

chem innych szczepów, odwiedzam znowu — ale już myślą tylko— bratnie Czechy i wznawiam znajomość ludzi, którzy jak żywe odłamki swego narodu noszą w sobie ślady przeszłego i żywioły przyszłego ruchu i znaczenia. Odświeżam się tem milej w ich pamięci, im mocniej przekonany jestem, że nie tylko chętnie odległych braci przyjmują w swojem gronie, ale i o oddalonych często wspominają, dowiadują się, co robią i czy im pomocnymi w czem być nie mogą. Wkrótce będę śmiał bliżej oznaczyć prośbę i życzenie moje, zależące szczególnie w przesełaniu potrzebnych mi książek—dzisiaj tylko przypomnieć się Wiel. Pana Dobr. pamięci i podziękować za przysłaną gramatykę języka polskiego miałem na myśli.

Pan Preuss, prof. języków słowiańskich — jadący z Petersburga, oddawca tego listu — pobędzie czas niejaki w Pradze — a potem pojedzie do południowych Słowian, w celu poznania bliżej tamecznego narzecza. Poświęca się najwięcej badaniom językowym, i ile sądzić mogłem—głębokie w tym względzie ma wiadomości Nie potrzeba mi z innej strony go przedstawiać, jak z tej, że dobrym jest Słowianinem.

Posyłam Panu Dobr. dziełko: Polska nad brzegami Wisły,— inne rzeczy, które będą interesowniejsze, będę przysyłał drogą księgarską—nie chciałbym oddawcę bardzo obciążać, albo mu na granicy robić nieprzyjemności.

Racz pan łaskawie pozdrowić odemnie wszystkich szanownych Panów—przyjaciół i znajomych—dobrych Słowian-braci— niech czasem przypomną sobie o kochającym ich zawsze W o j c i e c h u.

Z wyrazem wysokiego poważania etc. W. C y b u l s k i.

Berlin, Behrenstrasse 13.
30 Czerwca 1840.

2.

Wielmożny Panie Bibliotekařu! Łaskawy Panie i Dobrodzieju!

Přez tak dobrą, jaka mi się zdařa, sposobność, jest powinnością moją chociaż kilku tylko wyrazami přypomnieć się łaskawéj šanownego Pana pamięci. Uciešyłem się prawdziwie, dowiedziawšy się od Pana Šafařjka, że Panu jak najlepše zdrowie służy i pozwala Mu niepřerwanie pracować dla sławy i dobra narodu swego i całej Slowiańščyzny. Zapewne wysokie zadowolnienie čują

w sobie dziś mężowie tacy, którÿ własném poświęceniem, myślą i učynkiem wznieśli tę świątynię słowiańskiéj nauki, do której cisną się obecnie nietylko swoi, ale i obcy. Ich obrazy będą kiedyś jak twórców na wiečną pamiątkę w niéj zawiešone. Dotąd są one tylko w sercu zwolenników tej nauki godnie uččone, stając się dla nich pobudką do postępowania utorowanemi śladami. Cała Praga wydaje mi się dotąd jako Muzeum, a miejsce, gdzie Pan mieškaš, jak święty jego přybytek, którego střeže mąż pełen powagi i światła. Często, bardzo często rozmyślam, chociaż sam z sobą, w obcém, dalekiém, niemieckiém mieście, o tych wšystkich, których, jakkolwiek rozřuconych, poznałem jako prawych synów jednéj wspólnéj matki. Čuję, że mnie samego přyrodzenia węzły na zawše z nimi spoiły, aby na tej saméj, co oni, drodze dążyć do celu, który losy ludzkości w sobie mieści. Może będę miał wkrótce osobiście sposobność powitania tak jak drugich, tak ščególnie Šanownego Pana, którego doznana dobroć i skorość w udzielaniu mi swej nauki i rady zawše w mej pozostaną pamięci.

Widoki mam pewne utřymać się w Berlinie přy uniwersytecie, počątkowo jako docent dla słowiańskich języków i literatury, i w zimowém półroczu začnę pierwšy raz čytać.

Oddawca listu jest p. Gisevius [1]), kaznodzieja ewangielicki z Osterode w Prusiech wschodnich. Tłumačył niektóre řeči polskie na język niemiecki, zebrał dużo pieśni gminnych w swoim kraju, które wkrótce ma zamiar wydać. Kilka z nich było umieščonych w „Přyjacielu Ludu".

Rač pan Dobrodziej pokazać mu osobliwości Muzeum.

Přyjmij zapewnienie wysokiego poważania etc.

Cybulski.

Berlin,
dnia 17 čerwca 1841.

3.

Łaskawy Panie i Dobrodzieju!

Kořystam ze zdařającej się sposobności, přesełając Šanownemu Panu ščere pozdrowienie, które z počątkiem přyšłego miesiąca będę miał přyjemność osobiście Panu powtóřyć; myślę bo-

[1]) Гизевіусъ Германъ Мартинъ Густавъ (р. 1810, † 1848), другъ Мронговіуса, собиратель народныхъ пѣсенъ, защитникъ правъ польскаго народа въ Пруссіи, сотрудникъ „Slav. Jahrbücher", издававшихся П. Іорданомъ.

wiem około tego času Pragę na parę tygodni nawiedzić, aby posłuchać znowu nieco nauk i rad Patryarchów słowiańščyzny i zabrać z sobą w powrocie potřebniejše do přyšłych zatrudnień książki. Oddawca listu jest pan Jagielski z Gniezna, učący się obecnie na uniwersytecie Berlińskiem i zwiedzający podčas ferii pobliže słowiańskie krainy. Rač mu Pan nie odmawiać přystępu do świątyni narodowych pamiątek, której jesteś kapłanem i stróżem; wstępujący z winną čcią się w niej zachowa i będzie umiał cenić łaskawość Pokazującego.

Nie pišę wiele, bo rozmowę o tém i owém do osobistego odkładam widzenia się. Rač Pan oświadčyć tylko šanownym Rodakom swoim i współpracownikom na polu ojčystej literatury přyjacielskie odemnie pozdrowienie i radość z bliskiego ich powitania. Chciej wreščie přyjąć zapewnienie wysokiego poważania, z jakim zaščytnie mi zawše zostawać etc. Cybulski.

Berlin,
dnia 22 sierpnia 1841.

4.

Łaskawy Panie Bibliotekařu!

Jestem w Čechach—w Eger — čyli račéj we Francensbrunn; nie mogę pominąć sposobności téj, abym Šanownemu Panu nie přesłał serdečnego pozdrowienia. Pan Zappa, obywatel z Litwy, jest oddawcą listu tego—rač pan Dobr. z znaną upřejmością swoją pokazać mu osobliwości Muzeum. Přesyłam Panu zarazem małą książečkę, która świežo wydaną była w Berlinie, jako maleńki datek wzajemności, której pan Dobr. Braciom našym tyle daješ dowodów. Wybrałem się tylko na kilka dni, dla widzenia moich znajomych — nie mogę zatem mimo chęci odwiedzić kochanych Pražan, bo chciałbym ješče dojechać do Monachium, którego nie znam. Potem wracam wprost do Berlina. Wšystkim znajomym rač pan oświadčyć přyjacielskie pozdrowienie z prośbą, aby mnie tyle tylko w części kochali—ile ja ich całem sercem i dušą.

Z prawdziwém ušanowaniem etc. Cybulski.

Dnia 20 sierpnia 1842.

5.

Łaskawy Panie Bibliotekařu!

Najśličniéj dziękuję za přysłany mi tak pięknego, troskliwego i pożytečnego wydania egzemplař królodworskiego rękopismu, który tém więcéj jest mi miłym, że w następném letniem

półroču čytać i wykładać będę jego cudowne pieśni. Stosownie do listu pana Šafařyka posyłam pod pańskim adresem dalšy ciąg pism časowych ruskich i polskich. Jest nie do pojęcia, jak późno počtą nawet pisma te z Petersburga nadchodzą. „Žurnalu ministerstwa nar. oświecenia" posyłam 3 numery z miesięcy Augusta, Septembra, Oktobra; „Žurnalu ministerstwa spraw wewnętřnych" 2 numery z Januara i Februara—więcej nie nadešło. „Orędownika naukowego" 10 numerów, aż do końca zešłego roku. Nadto w podarunku posyłam Piasty. Kursa słowiańskie bardzo dobře mi idą; coraz więcéj obudza się tu dla wspólnéj literatury našéj interesu. Usiłowania i prace učone Čechów imponują Niemcom, któřy nareščie poznali i překonali się, że pole literatury našej nie jest tak puste, za jakie je dotąd uważali. Přybyło mi pracy: zostałem naučycielem języka polskiego w królewskiej Allgemeine Kriegsschule, do któréj učęszčają sami oficerowie. Król Jmość postanowił, aby próč języka francuzkiego i niemieckiego, język także polski był w niéj předmiotem naukowym. W świcie królewskiéj, w głównym štabie, w korpusach armii mają się znajdować oficerowie, któřyby dobře znali język polski. Dotąd ledwoby kilku w całem wojsku poličył. W Poznaniu na sejmie wniesiono petycyą o utwořenie uniwersytetu tamże. Řeč ta podlegać będzie wielu trudnościom, nim přyjdzie do skutku. Tymčasem ma się zawiązać w Poznaniu ješče w tym roku Towařystwo naukowe. Pracują także nad otwořeniem teatru narodowego, którego gwałtowna čuć daje się potřeba. Zdaje się, że plan ten w tym roku ješče přyjdzie do skutku. Dotąd tylko krakowscy, lwowscy, lub waršawscy artyści w časie kontraktów św. Jańskich grywali narodowe štuki, a i to nie każdego roku. Tu i owdzie bywały amatorskie předstawienia. Wychodzi w Poznaniu nowe pismo w nieoznačonych zešytach, pod tytułem „Rok", do którego ja się přykładam sprawozdaniami o literatuře słowiańskiej. Wyšły dwa numery. Tylko całkowite učone rozprawy mogą być w nim umieščane. Moračewski wydał „Historyą panowania Piastów", dzieło nie bez wartości, z innego, jak dotychčasowi historycy okres ten stanowiska uważając. Dr. Liebelt, główny kiedyś współpracownik „Tygodnika Literackiego", teraz pišący do „Roku", wydał pierwšy tom Estetyki. Hr. Działyński wydawać będzie nowy časopism, w majątku swoim Kurniku, poświęcony ščególnie starožytnościom polskim i bibliografii. Posiada on bardzo bogatą prywatną bibliotekę, zamożną w řadkie rękopismy. Bibliotekę tę ma zamiar přenieść do Poznania i otwořyć ją na kořyść publičną.

Załączone listy rač pan łaskawie wręčyć podług adresu. W liście do Kronbergera są pieniądze za przysłane mi książki. Proszę go w nim o przysłanie mi kilku egzemplarzy nowego wydania Król. Rękop., które mi przy čytaniu kursu dla słuchačy będą potrebne.

Z prawdziwem upoważaniem mam zaščyt zostawać etc.

Cybulski.

P. S. Serdečne ukłony Braciom Čechom. Życę dobrych świąt.

Berlin, Werder-Rosenstrasse Nr. 1.
12 kwietnia 1843.

6.

Wielce Szanowny Panie Bibliotekarzu!

Gość dostojny, słynny profesor tutejszego uniwersytetu, Senator i rzeczywisty radzca w ministerstwie oświaty, Bökh, przywozi Panu to pismo, a w niem serdeczne pozdrowienie moje. Ty, znakomity odkrywco królodworskiego rękopisu, staranny i szczęśliwy zbieraczu i komentatorze czeskich starożytności i literackich pomników, przedstawisz z właściwą sobie uprzejmością, bez mojego pośrednictwa, literackie oraz inne skarby czeskiego Muzeum narodowego niemieckiemu Nestorowi nauki o starożytnościach greckich, słynnemu na świat cały wydawcy „Corpus inscriptionum".

Będzie to dla pana większem zadowolnieniem przedstawiać inne skarby wielkiemu starożytnikowi, niż prezentować je zwykłym ciekawskim.

W bieżącem lecie nie odwiedzę Pana. Pewna praca literacka, którą do druku przygotowuję, zatrzymuje mnie tutaj. Ilekroć jednak myślę o Pradze, myślę równocześnie o muzeum i zazdroszczę Panu siedziby na wspaniałym Hradczynie. Używając na zewnątrz mieszkania najpiękniejszego widoku na miasto rodzinne, siedzisz Pan wewnątrz muzeum jak w podziemnym zamku czarodziejskim, gdzie minioną już przeszłość zakląłeś, aby ją nadpływającym z dalekich podróży rycerzom i damom, niby świetne marzenie, które przecież niegdyś było rzeczywistością, ukazać. Rzeczywistość tę ożywić zaklęciem, oto sztuka pańska; i pragnąłbym nieraz biedz do Pragi, aby jej od Pana nauczyć się w całej pełni.

Bądź zdrów, wielce szanowny panie bibliotekarzu. Przyjmij zapewnienie najgłębszego szacunku, z jakim zawsze pozostaje najniższy sługa

Cybulski.

Berlin,
15 sierpnia 1843.

7.

Čcigodny Panie Bibliotekařu!

Zacny gość, přez którego Pan byłeś łaskaw pisać do mnie, wraca přez Pragę do domu. Goniącemu często myślą po smętnej, přy całej piękności, Čechów kraině, odświěżającemu přy każdej okoliczności w pamięci učucia doznane w pożyciu z wskřesicielami nowego duchowego życia w Čechach—trudno přy tak dobrej sposobności nie pisać i nie přesłać z początkiem nowego roku pozdrowienia i życeń dla tych, któřy poświęceněm i usiłowaniami swemi přygotowują přyšłe losy i ščęście narodu swego. Ně maš pan wyobrażenia, ile přyjemności sprawia mi najdrobnějša wiadomość o pomyślnym skutku předsięwzięć patryotów ceskich. Čuję, że gdyby równem sercem, jak dzisiaj Polacy i Česi, pałały wszystkie plemiona słowiańskie ku sobě—přyšłość naša byłaby wkrótce rozstřygnioną. Něščęścia i jedność celów zbližają ludzi i narody do sěbě. Nas, zbližonych rodem i mową, związanych wspomněniami i węzłami wělkiej dzějowej přešłości, čynią one braćmi, któřy wyrośli w škole doświadčenia i klęsk nězličonych, wracają wreście na łono wspólnej matki, poznają się, podają sobě ręce, płoną sercem, wiążą duchem i stanowią wielki přykład wzajemności narodów, która zgodna z zasadą miłości chřeściańskiej, stać się musi celem głównym rodu ludzkiego wogóle. Dzisiaj nie widzą ješče wšyscy tej dążności, a jeżeli widzą, ně oceniają jej należycie. A přeczěž leży ona nětylko w sercach wybranych, ale w samem powětřu, leży w duchu času, którego postępu żadna moc zěmska ně cofně. To wiara moja—a zarazem źródło, z którego čerpię siły do jakiejkolwiek w wielkiem tem dzěle zasługi. Z tego stanowiska patřę, z něgo oceniam serca i duchy tych, któřy pracują w winnicach ojčyzny. Z myśli tej wrěšče wydobywam wšystkie życenia moje, które zacnym mężom českim, braciom mym, ninějszem pismem přesyłam.

Znajomość z šanownym Wukiem nadzwyčaj mi była miłą i pożądaną. Jest to mąż nošący na twařy i w całej postawě swojej piętno charakteru swego. Ně zawiódł się na usiłowaniach swoich. Potomność odda mu tę za ně nagrodę, którą znający go bliżej, dziś mu z serca oddają. Přesyłam Panu přez něgo ostatně dwa numera Dzěnnika Ministerium narodowego oświěcenia i jeden Ministerium spraw wewnętřnych; ostatněgo więcej ně nadeszło.

Co do nadzěi našych w Poznańskiem względem założenia uniwersytetu narodowego w mieście samem Poznaniu, němile byliśmy dotknięci odpowědzią królewską na sejm ostatni, odmawia-

jącą założenia podobnego instytutu — a to z pryčyny braku usposobionych do niego naučycělów Polaków i nědostatečnej ličby učniów, któryby nań učęščać mogli, zwlašča, że będący rodem z Królestwa polskiego ně mogliby mieć w tem udziału. Są to pryčyny nědostatečne, bo utwořeně takowego instytutu twořy i ludzi i jest takowych, chociaž młodych, wystarčająca ličba; ličba zaś słuchačów z samego księstwa Poznańskiego i Prus zachodnich a nawet z górnego Szląska była by na utřymanie instytutu aż zbyt dostatečną. Łatwěj byłoby nějednemu pójść na uniwersytet do Poznania, niż do Królewca lub Berlina, skoroby tego z mnějšym nakładem majątkowym dopełnić można.

Literatura naša postępuje pomyślně. Trentowski, profesor filozofii w badeńskim uniwersytecie we Friburgu, pišący dawněj po německu — piše teraz tylko po polsku. Prócz Pedagogiki, którą nazwał „Chowanna", w 3 wielkich tomach, wydał „Cybernetykę" t. j. štukę řądzenia państwem; rozprawę, uměščoną w pismě měsięčnem „Rok 1843", „O stosunku filozofii do teologii". W druku znajduje się obecně jego Logika, którą nazwał „Myślini", w 3 tomach, wyjdzě w tym měsiącu. Trentowski piše piękną polščyzną, z něsłychaną łatwością, może z zbyt wělką łatwością, přez co dzěła jego nošą piętno pospěchu na sobě, co dla dzěł filozofičnej treści ně jest zaletą. Napoleon Kamieński wydał w księgarni Stefańskiego pěrwšy zeszyt „Filozofii ekonomii materyalnej ludzkěgo społečeństwa", dzěło budowane na nowšych pojęciach filozofii i teoryach państwa Pismo „Rok 1843", wychodzące od počątku zešłego roku w księgarni Kamieńskiego w Poznaniu—přeznačone li dla rozpraw naukowych, całkowicě uměščanych, zawěra rozprawy ważne z obrębu nauk ščególnie filozofičnych, polityčnych, historyčnych, literackich i štuk pięknych wogóle; prócz tego wiadomości mějscowe co do usiłowań umysłowych. Wyšły 4 zeszyty; 6 stanowi 1 tom.

Prócz wspomnianej rozprawy Trentowskiego měščą się w něm następujące: „Stanowisko poetów w społečności" p. S. Goszczyńskiego; O kojařeniu dążeń i prac naukowych w W. Ks. Pozn. p. Augusta Cieszkowskiego, znanego pisařa między filozofami německimi; „O odwadze cywilnej" přez Karola Libelta, jednego z najzdatnějšych i najwykšťalceńšych pisařy polskich; „Přegląd literatury słowiańskiej 1842 r." přeze mně; „Rzut oka z historyi na stanowisko Słowian" p. Jędřeja Moračewskiego, autora „Dziejów Rzečypospolitej polskiej do 15 w." (Poznań 1843); „Ogólny zarys nauki Towiańskiego" p. J. M.; „Pojęcie narodowości" p. Rymarkiewiča;

„O reformach społečnych we Francyi"; „Pierwše wraženia podróžnego" p. Wład. Wężyka, autora „Podróży na Wschodzie", i kilka innych polityčnej, literackiej i miejscowej treści. Pisma inne časowe utřymują się na swem stanowisku, i znajome są učonej publičności českiej.

W księgarni Stefańskiego wyšły prócz tego: „Pamiętniki Franciška Karpińskiego", znanego poety polskiego z časów króla Stanisława Augusta, wydane z rękopismu p. Juljana Moraczewskiego. „August z kości"—dramat bez końca—bezimiennego autora. „Powieści Čajkowskiego", nowe wydanie. W księgarni Nowej wydaje hr. Račyński dalšy ciąg „Pamiętników do historyi polskiej 18 w.; też předrukowuje ważne dzěło Tadeuša Čackiego „O prawach polskich i litewskich", wyszedł 1 Tom in 4°. W księgarni Župańskiego wyšła přeślična pěšń Wincentego Pola, pod nazwą: „Pieśń o ziemi našej", skreśleně wyborne charakteru fizyčnego i moralnego ziem dawnej Polski. Tenže księgař drukuje obecně „Poezye Berwińskiego", znanego już zaščytně autora „Bogunki", čyli powěści wělkopolskich. Poezye te składają się z wěršy rozmaitej treści i formy i z jednego wękšego poematu pod tytułem „Don Žuan Wělkopolski". Jest to satyra w kilkunastu pěśniach na zwyčaje i obyčaje, życě i požyče wyžšych, szczególně domowych i salonowych towařystw poznańskich. Berwiński ma wěle zdolności i nępospolity poetycki talent. Wěle w poemače tym, który znam częściowo z rękopismu, znajduje się řeči dowcipnych, wyborně oddanych. Ně jest to přečěž poemat odpowědni našym życeniom, našemu duchowi. Satyra się přežyła, ně wywěra dawnějšego wpływu, rozśměša, ale ně poprawia. Satyra přeniosła się dziś w radykalizm rozumowy; prawami z něgo wydobytemi i opartą na nich opinią poprawiamy wady społečeńskie: wystawieněm zaś płodów poetyckich li tylko na wělkich historyčnych wypadkach, na prawdziwym charakteře i duchu narodu osnowanych, podněść możemy umysły do šlachetnějšych dążności i očyścić je z drobnostkowych salonowych intryg i plotek, które się tam wšędzě rodzą, gdzě ně maš lub wyžšych celów życia lub prawdziwego wykštalcenia, a o tem wątpić ně można w Poznańskiem. Autor więc mojim zdaněm zapóźno wybrał się z satyryčnym poematem. Ně šumowiny ččego požycia w salonach, ale krynicę čystą, pełną, požywną życia narodowego brać nam potřeba za předmiot narodowej poezyi. W tym względzie nikt obecně Wincentemu Polowi ně wyrównywa. Najznakomitšym z ostatnich płodów poetyckiej našej literatury jest „Předświt" Gaszyńskiego,

wydany w Paryżu. Jest to apoteoza Polski wobec narodów. Wyobraźnia tam wělka jak rozpač wygnańca, pryšłość polsko-słowiańska tak świętna, jak królestwo boże na ziemi, język tak wzniosły i silny jak słowa proroków Chrystusa. Gdyby na karcie nie położono, że autorem jest Gašyński—powědziałbym, że nim jest wěšč Iridiona, ten tylko czuć tak, myśleć tak, twořyć i pisać umie. Bez žadnego wątpěnia Polacy dziś na čele poetyčnej wěščej literatury słowiańskiej.

Drugim poematem dramatyčnym, który rąk moich došedł, jest „Ksiądz Marek" Słowackiego, řeč osnowana na wypadku konfederacyi barskiej, přeprowadzona w duchu nauki Towiańskiego. Gdyby płomień ten učucia, który ożywia bohatera dramatu, přelać można w serca księży našych i načelników ludu, cuda twořyć by można na ziemi. Słowacki—najnamiętniejšy z našych poetów—chociaž obecnie učniem Towiańskiego, któremu zatem tylko żywem słowem naukę nową rozpowiadać było wolno, nie mógł zatřymać w sobě tego nadpřyrodzonego pędu, który go rwě do poezyi i do obwieščania pismem tego, co w myśli swojej na dzieło štuki wypracował. Wdzięčność mu za to winniśmy, bo zdawało się, że Mickiewič, ów ojciec i piastun nowšych poetów našych, skupiając ich silną indywidualnością swoją w sektę Towiańskiego, i přemieniając ich z Tyrteušów narodowych w mnichów modlących się z założonemi na piersi rękoma, Mickiewič, mówię, zdawało się, że požarł jak Saturn dzieci swoje, třymając podniesioną broń na oswobodzenie świata z ucisku. Nie tak się stało. Słowacki pierwšy zerwał milčenie i jakkolwiek w duchu mistřa śpiewa na nowo, a śpiewa z tem większym ogniem, że go ożywia šał, něcony wiarą pryšłego, może bliskiego odrodzenia, wiarą w to, co upaść musi, i w to, co na gruzach přešłości powstać musi. Czechy! Kědyž wy wydacie z łona swego poetów wašych, wašych wěščów—następców Zaboja? Wědzcie, że dopiero wtenčas, gdy takich mieć będziecie—będziecie mieli nowych Žyžków. Tego wam życzy z serca i dušy—brat waš i współpracownik waš w winnicy pańskiej. W. C.

Pozdrowienia i ukłony pp. Szafarzykowi, Palackiemu, Jungmannowi, Preslowi i wšystkim přyjaciołom i znajomym.

Berlin,
dnia 15 stycznia 1844.

8.

Wielmožny Panie Bibliotekařu.

Dla oddawcy niniejšego liściku Pana Droysen, profesora dawniej w Berlinie, a teraz w Kiel, autora historyi Alexandra W.,

a mego germańskiego přyjaciela, prosę o łaskawe słowiańskie přyjęcie i o ukazanie mu skarbów Muzeum. Wšak u pradziadów naših wojną ścigano tych, co nie přyjęli goscinnie cudzoziemca. Pan na siebie takiej wojny nie ściągnieš, bo w względzie upřejmości słowiańskiej wšystkich pradziadów přechodziš. Rač więc i w tym razie nie robić wyjątku, a zobowiążeš Pan sobie nowym učynkiem wysoko poważającego, a po bratersku pozdrawiającego Pana přyjaciela i sługę Cybulskiego.

Berlin,
dnia 13 kwietnia 1844.

9.

Łaskawy Panie Bibliotekařu!

Oto po długiem milčeniu kilka wyrazów od kochającego i wielbiącego Go přyjaciela, który přypomina się dawniejšym względom i pamięci.

Oddawca listu jest francuz z Szwajcaryi, pan Troyon, učony badač starožytności narodów europejskich, osobliwie tyčących się grobów, mogił i wšystkiego tego, co się do nich odnosi. Podróżował już po większej części Europy, naočnie się zabytkom podobnym přypatrując, tym najwięcej, które časów pogańskich sięgają. Chciałby coś podobnego i w Čechach zobačyć. Któż w tym względzie lepšą i pewniejšą może mu dać wskazówkę, jak pan Dobrodziej, co znaš na wskroš swoją Ojčyznę i z grobu jej Rękopis królodworski wydobyłeš! Zapewne i w Muzeum znajdą się řeči, które cudzoziemca interesować będą. Niech się dowie, że słowiaństwo naše nie było w předchřeściańskich časach ciemniejše od jego celtyckiego pokolenia, ani też ciemniejše od pierwšych wieków samego chrześciaństwa. Polecam tedy pana Troyon łaskawej grečności pańskiej, a mnie tej samej, jakiej dawniej doznawałem, przyjaźni — zostając zawše z prawdziwym přywiązaniem i wysokiem poważaniem etc. Cybulski.

Pozdrawiam serdečnie přyjaciół i znajomych.

P. S. Jeśli pan Dobrod. zobačy się z panem Koubkiem, niech mu rači oświadčyć, że żadnego listu od niego přez nikogo nie odebrałem i że dotąd nie wiem, čego w nim żądał. Ustnie tylko dowiedziałem się, że podobno do mnie pisał. Aleć bym był odpisał — gdybym list był jaki odebrał. Pozdrawiam go.

Dnia 9-go maja 1845.

10.

Przypominając się łaskawej pamięci i względom szanownego pana Bibliotekarza, polecam mu uprzejmie oddawcę niniejszego liściku tutejszego literata Franca, który chociaż niemieckiego pochodzenia, zajmuje się przecież szczerze słowiańskiemi rzeczami i w celu bliższego im przypatrzenia się przedsięwziął podróż do Pragi i Wiednia. Racz go pan Dobr. zapoznać z którym z młodych ludzi, aby ten zwrócił uwagę jego na ciekawsze rzeczy i osobliwości. Oczekuję z niecierpliwością programu 500 letniego obchodu założenia uniwersytetu praskiego — w czasie tym koniecznie być muszę w Pradze i dla tego roku tego nie mam zamiaru wyjechać, chociaż tego bardzo jestem spragniony. Najszczersze ukłony przyjaciołom!

Życzliwy przyjaciel i sługa Cybulski.

Dnia 31 lipca 1847.

11.

Szanowny Panie Bibliotekarzu!

Po wyjeździe moim z Pragi bawiłem tu w miejscu, zmysły i serce zwrócone mając ku Pradze. Jutro tu ztąd odjeżdżam do Berlina. Posyłam Panu książkę dla Muzeum, którą w Pradze zostawić przepomniałem. Włączam do niej niektóre rękopisma, przeznaczone do druku. Przy wolnym czasie racz mię Pan o dalszym postępie publikacyj zamierzonych uwiadomić i takowe mi nadesłać. Zasyłam pozdrowienie przyjaciołom moim w Pradze, zostając zawsze z wyrazem wysokiego upoważania. Pana Dobrodzieja uniżony sługa i przyjaciel Cybulski.

Teplice,
d. 28 Czerwca 1848.

12.

Wielmożny Panie i Dobrodzieju!

Oddawna nie miałem przyjemności pisania do łaskawego Pana. Okoliczności uczyniły rzadszemi wzajemne znoszenie się, ale nie zobojętniły ludzi równo czujących i myślących. To przekonanie ośmiela mię zanieść do Niego następującą prośbę.

W Pradze znajduje się zakład naukowy pod nazwiskiem „Handelsinstitut". Jeden z tutejszych moich znajomych prosi mię o postaranie się dla niego o dokładną odpowiedź na następujące pytania, które dla większej pewności wypisuję po niemiecku:

1) Der Ruf des Handelsinstitut?
2) Die muthmassliche Zukunft desselben?
3) Die Art und Weise seiner Gründung?
4) Die Anzahl der Schüler?

Proszącemu chodzi nie tyle o drobne szczegóły, ile o pewną wiadomość, czy ten instytut jest dobrze urządzony, uposażony i ubezpieczony. Przepraszam mocno, że Go, zamiast słowiańską, obcą trudzę sprawą. Znajomemu mojemu nie mogłem tej usługi odmówić. Przy téj sposobności racz mi Pan Dobr. donieść o stanie swego zdrowia. Szanowni młodzieńcy Szafarzyk i Palacky, którzy tu w przeszłym roku byli, dali my pocieszające o stanie zdrowia Jego wiadomości. Ja często tęsknię do Pragi, która dla mnie jest Jerozolimą słowiańszczyzny, a mężowie, w niej mieszkający, jej arcykapłanami. Mam nadzieję, że jeszcze ją kiedy odwiedzę i czcigodnych mężów naszéj piśmiennej sławy osobiście uszanuję. Ja tu jestem jakby „in partibus infidelium". Własnemi zasobami, środkami i siłami utrzymuję i siebie i moje stanowisko. Na tém schodzi cały czas mój, którego straty bardzo żałuję, bo możnaby go do większych prac użyć, aniżeli do ciągłego pisania artykułów do pism czasowych polskich i niemieckich, które chleb dają, ale nic więcej!

Pozdrawiam Pana mojego jak najserdeczniéj i kłaniam przyjaciołom i znajomym. Z wysokiém poważaniem etc.

Cybulski.

W Berlinie, Kochstrasse 12.
25 Maja 1857 r.

Ѳ. С. Цыцуринъ [1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Зная по собственному опыту Ваше всегдашнее расположеніе и доброе участіе, принимаемое въ судьбѣ всѣхъ Вашихъ соплеменниковъ, а моихъ земляковъ, я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою слѣдующаго рода. Судьбѣ угодно было, что-

[1]) Въ альбомѣ Ганки написалъ слѣдующія строки: „Какъ выраженіе глубочайшей признательности за благосклонное вниманіе, которымъ Вы подарили меня, душевно уважаемый соплеменникъ, вписываю здѣсь эти строки. Докторъ Ѳедоръ Цыцуринъ, изъ Малороссіи. Прага, 23-го Генваря 1844 года".

бы одинъ изъ добрыхъ моихъ товарищей, извѣстный Вамъ Крамареиковъ, сложилъ свои кости на чужбинѣ [1]). Правда, ему бѣдняжкѣ все еще было отраднѣе и страдать и умереть въ землѣ добрыхъ Чеховъ... единственной землѣ во всей Европѣ, гдѣ имя Русскаго пробуждаетъ нѣкоторыя другія чувства, кромѣ любви къ его золоту и общепринятой укоризны въ варварствѣ!! Навѣщая моего друга во время его болѣзни и будучи свидѣтелемъ послѣдней его воли, Вы по просьбѣ умирающаго не отказались принять участіе и въ духовномъ завѣщаніи, которое оставилъ покойный другъ мой. Ваше имя фигурируетъ въ немъ въ числѣ свидѣтелей, возлѣ подписи моей и подписи Жиряева, которому вмѣстѣ со мною привела судьба быть свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища—вдали отъ родины!... Чтобы завѣщаніе покойнаго друга имѣло всю законченную силу, порядокъ дѣла требуетъ: отобрать показанія отъ подписавшихся свидѣтелей въ дѣйствительности всего, чему они были свидѣтелями. Форма, принятая у насъ въ дѣлахъ подобнаго рода и часто сопряженная съ большими неудобствами и потерей времени. Какъ бы то ни было, я съ своей стороны далъ уже подобное показаніе, т. е. подтвердилъ еще разъ все, что уже свидѣтельствовалъ моею подписью на самомъ духовномъ завѣщаніи. Остается просить Васъ и Жиряева сдѣлать то же самое. А потому, душевно уважаемый Вячеславъ Вячеславичь, выполняя возложенное на меня порученіе со стороны законныхъ наслѣдниковъ покойнаго друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мою обязанность товарища, я усерднѣйше прошу Васъ по полученіи запроса (форменную объ этомъ бумагу Вы или уже получили, или получите въ скоромъ времени) отъ Русскаго посольства о дѣйствительности сдѣланной Вами подписи отвѣчать на это въ непродолжительномъ времени. Къ Вамъ, вѣроятно, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ препровождена и подлинная Ваша подпись или копія съ духовнаго завѣщанія, на которомъ Вы подписались.

Бѣдное положеніе родныхъ моего покойнаго друга и желаніе наблюсти за точнымъ выполненіемъ его послѣдней воли, заставляетъ меня принимать въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Узнавъ, что по смерти моего друга Медицинскій Факультетъ Прагскаго Университета принялъ полное участіе въ отданіи послѣдняго долга покойнику и приличномъ погребеніи его по Христіанскому обряду, я доводилъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Г. Министру Народн. Просвѣщенія. Его Высокопревосходительство по-

[1]) О смерти доктора Крамаренка см. Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель, III, стр. 485, 487.

ручилъ это дѣло на обсужденіе Совѣту Импер. Университета Св. Владиміра (котораго я самъ сдѣлался теперь членомъ), и по опредѣленію Совѣта положено „принести усерднѣйшую благодарность за участіе, принятое въ Университетскомъ воспитанникѣ, Г.Г. Профессорамъ Прагскаго Университета Медицинскаго Факультета съ просьбою увѣдомить: не сдѣланы ли какія либо издержки при погребеніи моего друга, которыя будутъ тотчасъ же пополнены изъ суммъ Университета Св. Владиміра". Форменная бумага объ этомъ давно уже заготовлена и будетъ съ этою же почтой препровождена въ Прагскій Медицинскій Факультетъ. Еще изъ Петербурга писалъ я къ почтеннѣйшему и достойному Проф. Оппольцеру и просилъ его распорядиться высылкою вещей, оставшихся послѣ смерти покойника и хранившихся при описи въ Прагской больницѣ, какъ увѣдомилъ меня объ этомъ Др. Гаммерникъ. По ходатайству Князя Давыдова, Попечителя нашего Университета, вещи эти приказано пропустить **безъ осмотра** на границѣ до Кіева, гдѣ имъ будетъ сдѣлано приличное освидѣтельствованіе. Если справедливы дошедшіе до меня слухи, то вещи эти уже прибыли давно на **Радзивиловскую** Таможню, въ такомъ разѣ я желалъ бы знать, **кому** я обязанъ за **пересылку** (Transport) вещей и **сколько** именно, потому что, сдавая эти вещи по принадлежности, я взыскалъ бы съ наслѣдниковъ транспортныя деньги (Spesen Gelder) и препроводилъ бы ихъ, кому слѣдуетъ. Усерднѣйше прошу Васъ при свиданіи съ Проф. Оппольцеромъ сказать ему мое искреннее почтеніе и освѣдомиться касательно упомянутого пункта.

Меня же премного бы Вы одолжили, почтивъ хотя парою строкъ отвѣта, и подобное вниманіе съ Вашей стороны сопричтетъ къ величайшему удовольствію

Васъ душевно уважающій и совершенно преданный

Ѳедоръ Цыцуринъ.

Пріѣзжайте къ намъ въ **Кіевъ** молиться Богу. Вы, конечно знаете, что Кіевъ—Русская **Мекка**... единственное достояніе древней Русской Святыни, уцѣлѣвшее отъ вліянія многихъ столѣтій въ первобытномъ видѣ!...

Усерднѣйше прошу Васъ при случаѣ поклониться отъ меня: Проф. **Бохдалеку**, обоимъ братьямъ Пресль, достопочтеннѣйшему нашему любителю Славянщины Шафаржику, Докторамъ **Нусгарду** (Директору Больницы), **Гаммернику** и **Павлусу**. Вниманіе и ласки, оказанныя мнѣ въ Прагѣ, останутся для меня всегда незабвенны... **До свиданія**!...

Всѣ Ваши порученія я въ точности выполнилъ. Книги: Ми-

нистру, Кеппену, Остроградскому, Шодуару, Иванишеву и другимъ отдалъ лично. Всѣ Вамъ очень благодарны и поручили свидѣтельствовать Вамъ почтеніе. Особенно часто мы вспоминаемъ о Васъ съ добрымъ Барономъ Шодуаромъ и Иванишевымъ. Послѣдній мой товарищъ теперь по Университету Св. Владиміра, гдѣ я опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ Клиники, и этого адреса достаточно, если Вы вздумаете отвѣчать мнѣ.

Кіевъ,
28-го Іюля с. с. 1844-го года.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичъ!

Давнымъ давно собираюсь я доставить себѣ удовольствіе побесѣдовать съ Вами, поблагодарить Васъ отъ всей души за столь лестное Ваше вниманіе ко мнѣ, какъ во время моего пребыванія въ радушной Вашей столицѣ, такъ и по возвращеніи домой. Къ сожалѣнію однакожъ жизнь практическаго и къ тому жъ еще подобно мнѣ занятого врача проходитъ среди вѣчныхъ хлопотъ и безпокойства. Въ полгода времени не выберешь свободной минуты, чтобы раздѣлить ее съ друзьями, близкими и отдаленными. Пусть моя труженическая жизнь на указанномъ мнѣ поприщѣ замолвятъ за меня словечко и оправдаютъ меня предъ Вами. Приступаю съ покорнѣйшей къ Вамъ просьбой: Вы конечно не забыли еще о смерти добраго, единственнаго моего друга Крамаренки, которому судила судьба сложить прахъ свой на чужой землѣ. По ходатайству моему разрѣшено его родными употребить сто рублей серебромъ для сооруженія ему какого-либо памятника. Пусть хотя одинъ камень напомнитъ когда-либо соотчичамъ и соплеменникамъ, что подъ нимъ сокрытъ прахъ человѣка, на котораго всѣ мы возлагали большую надежду, какъ на будущаго нашего сотрудника. Опредѣленныя на этотъ предметъ деньги присемъ слѣдуютъ. Но кому же поручить надсмотръ за этимъ дѣломъ? Кто приметъ участіе въ неизвѣстномъ и усопшемъ Русскомъ человѣкѣ...? Въ слѣдствіе представленія моего Совѣту, Общество наше поручило мнѣ просить объ этомъ Васъ, какъ человѣка, котораго расположеніе ко всѣмъ Русскимъ, котораго пріязнь ко всему Русскому всѣмъ намъ извѣстна и всѣмъ намъ дорога!...

Я передаю Вамъ, слѣдовательно, голосъ нашего Совѣта,— голосъ, выраженный оффиціальнымъ образомъ въ слѣдуемой при

семъ бумагѣ, я аппелирую только при этомъ къ Вашему чувству въ особенности, присоединяя, что Вашимъ участіемъ Вы пріобрѣтете полное право на общую нашу благодарность. Не затрудняйтесь формою памятника, сдѣлайте то, „что за сто рубл. серебр. можно сдѣлать"— вотъ Вамъ и все требованіе.

Какъ я обрадованъ былъ, нашедши здѣсь человѣка, съ которымъ могу иногда побесѣдовать объ Васъ. Вы догадываетесь, что это добрые наши Селины. Вы повѣрите также, что бесѣда наша объ Васъ согрѣта всегда теплымъ чувствомъ. Селинъ утѣшилъ меня несказанно, подаривши Вашъ портретъ, который теперь красуется у меня въ кабинетѣ на ряду съ дорогими и душевно чтимыми земляками...

Ничего не могу Вамъ сказать новаго, потому что не имѣю довольно свободы, чтобы сообщить Вамъ даже о болѣе замѣчательномъ старомъ... Живу, тружусь съ утра до вечера, доволенъ и почти счастливъ своей долей — вотъ Вамъ и все.

Повторяя Вамъ еще разъ мою усерднѣйшую просьбу принять участіе въ дѣлѣ Крамаренка, повторяя Вамъ выраженіе моей душевной преданности, имѣю честь быть съ чувствами совершеннаго почтенія и пр. Ѳ. Цыцуринъ.

P. S. Душевно благодарю Васъ за присланныя мнѣ книги и постараюсь со временемъ отплатить Вамъ тѣмъ же. Прошу Васъ передать при случаѣ мое дружеское почтеніе достойнѣйшему Оппольцеру и доброму Гаммернику. Вообще прошу Васъ поклониться отъ меня всѣмъ, сохранившимъ обо мнѣ память.

Кіевъ,
9-го Февраля ст. ст. 1846 г.

3.

Президентъ
Императорской и Царской
Варшавской Медико-Хирургической
Академіи.

Душевно уважаемый другъ,
Вячеславъ Вячеславовичъ!

На нѣсколько истинно отрадныхъ, дружескихъ и пріятныхъ писемъ Вашихъ (послѣднее было черезъ Кунца, который самъ у меня не былъ, а письмо доставилъ его знакомый) едва собрался я нынѣ написать Вамъ хотя нѣсколько строкъ. Не менѣе того постоянная память о Васъ и ничѣмъ непоколебимыя чувства душевнаго уваженія всегда свѣжи и живы въ моемъ сердцѣ. Вы, добрый и рѣдкій другъ мой, были и для меня, какъ для мно-

гихъ другихъ изъ моихъ соотчичей, тѣмъ Единственнымъ Славянином, для котораго Соплеменность нашего братства не составляетъ пустый звукъ, Вы пріютили меня на чужбинѣ и согрѣли родною ласкою и роднымъ словомъ... И когда же все это было? Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ самые счастливые годы моей юности... И потому память о Васъ неразрывно связана съ этою, самою свѣтлою порою моей жизни. И вотъ минуло XX лѣтъ, и Вы, добрый другъ мой, остались всегда вѣрны Вашимъ чувствамъ и въ теченіе всего этого времени Вы безкорыстно и искренне доказывали мнѣ столько разъ Вашу дружбу и Ваше драгоцѣнное для меня расположеніе. Примите же, мой несравненный Вячеславъ Вячеславичь, одинъ разъ навсегда выраженіе самой глубокой и сердечной моей благодарности за все, что Вы мнѣ оказывали, и вѣрьте мнѣ, что я способенъ цѣнить и вполнѣ сочувствовать дружескому вызову такого человѣка, какъ „Ганка".

Слѣжу и я съ своей стороны постоянно за всѣмъ, что съ Вами и около Васъ происходитъ, добрый другъ мой. И не пропускаю ни одного путника, не сдѣлавши ему вопроса: „Видѣлся ли онъ и познакомился ли онъ съ Возстановителемъ Кралодворской Рукописи?... И худо смотрю я на того, кто былъ въ Прагѣ Чешской и не узналъ Достойнѣйшаго изъ Чеховъ!! Знаю я и обо всѣхъ непріятностяхъ, которыми въ послѣднее время такъ безстыдно и нагло мечтало подкопать историческое имя Ганки нечестивое отродье Тейтоновъ. И порадовался я не мало, когда прочиталъ, что подлый клеветникъ нашелъ себѣ приличное мѣсто въ тюрьмѣ.

И у меня, добрый другъ мой, прошли два послѣдніе года не безъ тяжкихъ испытаній. Смѣло можно сказать, что на каждую отрадную минуту приходилось по нѣскольку дней чувствительнаго горя. А между прочимъ, пока я все еще терплю, крѣплюсь и подвизаюсь на пользу общую, имѣя въ виду законы совѣсти и науки, которые, по моему мнѣнію, вездѣ должны быть одни и тѣ же и потому должны лечь въ основаніе всему остальному.

Академія наша развивается медленно, но прочно и соотвѣтственно современному порядку и требованіямъ науки. Я пріобрѣлъ нѣсколько хорошихъ Профессоровъ. Студентовъ у меня теперь 300 и между ними есть много прекрасныхъ молодыхъ людей. Описаніе Проф. Дитля я Вамъ переслалъ прежде, въ этомъ году получите отчетъ за три года. Писать часто не обѣщаю (понеже весьма озабоченъ дѣлами), но любить и душевно уважать Васъ

Ѳ. В. Чижовъ[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславовичъ!

Столько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ щастіе съ Вами познакомиться и знакомство наше было такъ кратковременно, что я никакъ не удивлюсь, если Вы забыли обо мнѣ. Что касается до меня, то я давно напомнилъ бы о себѣ глубокоуважаемому мною нашему истому славянскому поэту, литератору и, что не менѣе уважительно для каждаго Славянина, человѣку, всегда неизмѣнно стойко стоящему за свои родовыя славянскія убѣжденія.

Давно напомнилъ бы я Вамъ о себѣ, если бы щиталъ себя въ правѣ безъ особенной причины посягать на Ваше время, хотя бы даже на минуты Вашего досуга. Теперь представился мнѣ случай обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, и я, не обинуясь, прямо приступаю къ ней. Слава Богу, у насъ съ не такъ давняго времени, именно лѣтъ 15 тому назадъ, пробудилась сильная любовь ко всему древнерусскому, слѣдовательно и древнеславянскому. Между многими явленіями такой любви не послѣднее мѣсто занимаютъ собранія старопечатныхъ книгъ, наочныхъ свидѣтелей хода умственнаго развитія, важныхъ памятниковъ и содержанія его и формы. Вы больше, нежели кто-либо знаете, что древле Ваша отчизна роднилась съ моею не только единствомъ племени, но и единствомъ вѣры, и что это древнее единство ихъ оставило такіе слѣды, что уже гораздо позднѣе, именно въ XVI столѣтіи въ Прагѣ была церковнославянская типографія, которая дала намъ множество превосходныхъ изданій церковнославянскихъ книгъ. У насъ эти изданія довольно рѣдки, часто даже очень рѣдки и неудобонаходимы, особенно первопечатныя (incunabula). Между тѣмъ здѣсь въ Кіевѣ есть человѣкъ, со всею любовію, доходящею до страсти, со всѣми усиліями и съ пожер-

---

[1]) О пребываніи Чижова въ Прагѣ см. „Воспоминанія“ его, напечатанныя, съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго, въ Историч. Вѣстн., 1883, т. XI, стр. 242. Въ альбомѣ Ганки онъ написалъ: „Радъ душевно, что могу присоединиться къ числу моихъ соотечественниковъ, имѣвшихъ щастіе пользоваться Вашею умною и доброю, истинно славянскою бесѣдою. Можетъ быть, и я почти надѣюсь, мы встрѣтимся въ болѣе благопріятное для Славянъ время, тогда Вамъ съ радостью укажу на эти строки, писавъ которыя, я былъ полонъ святой надежды. Ѳедоръ Чижовъ. 8 Іюля / 26 Іюня 1841“.

твованіями собирающій всевозможныя изданія старопечатныхъ книгъ,—Александръ Ивановичь Тихоцкій. Пользуясь его дружбою и зная, съ какою любовію привѣтствуете Вы всякую подобную страсть, я предложилъ ему для Прагскихъ изданій обратиться къ Вамъ и просить Вашего содѣйствія, во-первыхъ, въ томъ, чтобы извѣстить, нѣтъ ли какого-либо полнаго сочиненія о всѣхъ прагскихъ древнихъ изданіяхъ, особенно церковнославянскихъ книгъ; во-вторыхъ, въ томъ, чтобы Вы помогли въ Прагѣ, или въ другомъ мѣстѣ Богеміи и даже Германіи отыскивать самыя эти изданія. Если Вы будете такъ добры, что не откажетесь содѣйствовать въ благородномъ дѣлѣ Вашимъ соучастіемъ, тогда по первому Вашему увѣдомленію Г. Тихоцкій вышлетъ и деньги на покупку книгъ церковнославянскихъ. Зная въ свою очередь, какъ Вы нехладнокровны къ русской литературѣ, особенно къ тому, что по содержанію относится къ древней Россіи, онъ проситъ Васъ принять прилагаемыя при семъ два изданія Кіевскаго Губернатора Ивана Ивановича Фундуклея. Я увѣренъ, что Вамъ пріятно будетъ имѣть ихъ, какъ потому, что они заслуживаютъ вниманія сами по себѣ, такъ и потому, что Вы тутъ увидите, съ какою любовію правитель губерніи смотритъ на управляемый имъ край и какъ, кромѣ служебныхъ о немъ заботъ, заботится объ изслѣдованіи его въ его Исторіи. Какъ я, такъ и Г. Тихоцкій съ нетерпѣніемъ будемъ ждать Вашего отвѣта и почти увѣрены, что онъ будетъ очень въ пользу для книгохранилища Александра Ивановича. Въ ожиданіи Вашихъ строкъ прошу принять увѣреніе въ неизмѣнно-глубокомъ уваженіи и истинной преданности Ѳедора Чижова.

Адресъ: Его Высокоблагородію, Александру Ивановичу Тихоцкому, въ Кіевѣ.

Кіевъ,
17 Іюля 1851 года.

2.

Глубокоуважаемый Вячеславъ Вячеславовичь!

Давно уже я не имѣлъ удовольствія писать къ Вамъ, но все надѣюсь, что Вы еще не забыли одного изъ ревностныхъ Вашихъ почитателей.

Теперь у насъ закипѣла дѣятельность; все и всѣ призваны и вносятъ свою посильную лепту въ общее умственное и нравственное движеніе. Я тоже сдѣлался редакторомъ журнала „Вѣстникъ Промышленности"; очень хотѣлось бы имѣть что-либо о промышленномъ составѣ Чехіи.

Но вотъ еще къ Вамъ покорная просьба: пріятель мой задушевный Семенъ Алексѣичь Смирновъ издаетъ Медицинскую газету, и ему очень хотѣлось имѣть сотрудника въ Вашемъ превосходномъ ученомъ Докторѣ Гамерникѣ. Будьте такъ добры, устройте эти отношенія, чисто ученыя, самымъ положительнымъ образомъ. Газета, хотя и спеціальная, но готова платить вознагражденіе за сотрудничество. Позвольте надѣяться, что Вы по сочувствію ко всякому умственному успѣху, не откажетесь содѣйствовать Вашимъ посредничествомъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. Ѳедоръ Чижовъ.

Мой адресъ: въ Москвѣ, Ѳедору Васильевичу Чижову. На Пречистенкѣ, въ Всеволожскомъ переулкѣ, въ домѣ Савенкова, въ квартирѣ Смирнова.

Москва,
10 Сент. 1858 г.

В. Н. Чичеринъ[1]).

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь,

Позвольте мнѣ письменно напомнить Вамъ о себѣ. Я въ Прагѣ встрѣтилъ такой радушный пріемъ, котораго я не забуду. Въ знакъ благодарности приношу въ Вашъ Музей то, что могу—свои изслѣдованія по исторіи русскаго права. Это предметъ болѣе или менѣе близкій и Вамъ Чехамъ. Можетъ быть, кто-нибудь изъ Вашихъ ученыхъ поинтересуется узнать, что сдѣлала по этой части русская литература. Мнѣ будетъ очень лестно, если я встрѣчу какое-нибудь одобреніе.

Не знаю, удастся ли мнѣ побывать еще въ Прагѣ. Всѣ мои планы разстроились. Я въ Парижѣ получилъ извѣстіе о смерти отца и вернулся въ Россію, гдѣ пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ. Теперь ѣду назадъ за границу доканчивать свое путешествіе. Въ Англіи я пробуду мѣсяца четыре, а зиму проведу въ Парижѣ. На будущее лѣто окончательно возвращаюсь на родину.

Если Вы мнѣ напишете словечко о полученіи моихъ книгъ въ Лондонъ poste restante и вмѣстѣ извѣстите о себѣ, Вы мнѣ доставите истинное удовольствіе.

Затѣмъ примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Вашъ покорный слуга Б. Чичеринъ.

Любекъ,
14/26 Іюня 1860 г.

---

[1]) Борисъ Николаевичъ Чичеринъ (р. 1828, † 1904), извѣстный юристъ и философъ, профессоръ московскаго университета.

I. Човорлянъ Вукадиновичъ.

1.

Domine Spectabilis!

Auf Ihr geehrtestes Versprechen rechne ich zu viel, als Mitglied des Museums ernannt zu werden; ich bitte dahero Spectabilitatem Vestram, für mich nach Kräften zu wirken, um mich Ihrer Person ewig verbindlich zu machen.

Die ältesten Münzen habe ich ausgraben lassen aus einer Ruin, und da in der Winterszeit nicht möglich ist ordentlich mit derley Sachen sich zu beschäftigen, so werde ich später noch merkwürdigere Münzen, die in Serbien bei Belgrad für mich gegraben werden, und mit Auslagen verbunden sind, dem Museum meine Präsente machen, und nie hievon abstehen.

Die serbischen Zeitungen sind hier verbothen und gar nicht zu bekommen, wohl aber wenn es gefällig ist, mit Russischen kann ich aufwarten, weil ich sie hier bekommen kann.

Eine Zahl Bücher, illyrisch geschrieben, habe ich für Hochdieselben und für das Museum in Bereitschaft, nur an Gelegenheit manglt mir, und sobald sich fügen wird, werde ich nach Prag schicken. Ich bitte nur mit mir zu befehlen, ich bin Ihrer Person alles bereit zu erweisen.

Dieses Bild laut Urkunden soll über 500 Jahre alt seyn, vor 260 Jahren kam solches aus Constantinopol nach Serbien, dann Ungarn, in diese filial Capelle, allwo ich Pfarrer bin, und war bis izt als ein Alterthum aufbewahrt, daher glaube ich als würdig hiemit dem Museum ein Geschenk zu machen.

Ich bin im Monathe November als Pfarrer von Oesterreich nach Banat gekommen, allwo ich diese Münzen gesammelt habe. Ich bitte Sie ferner, sich zu bemühen einen Gang bis zu den Dominikaner Herrn zu unternehmen, Sie alle statt meiner herzig zu küssen und milionenmahle zu grüszen. Prag bleibt mir ein Denkmahl bis zum Grabe, und die lobenswerthen Aufnahme die süszeste Erinnerung. Meine Gattin läszt den Herrn das Auge küssen und danket für die freundschaftliche Erinnerung die Sie beglückt ward, dasz man Sie von Prag aus unbekannterweise hat herzlich grüssen lassen. Wenn ich einen Sohn als Präsent von meiner Gemahlin als die allerädelste Gottesgabe bekommen werde, werde allsogleich schreiben und dem Herrn lange Zähne machen.

Ich empfehle mich Ihrer theuersten Wohlgewogenheit und

Freundschaft und erharre in der Anhoffnung Mitglied Musei zu werden, welches mir lieber wird, als alle übrige Gesellschaft, die nicht meiner Nation sind.

Mit aller Hochachtung erharre Spectabilis D-tionis Vestrae ergebenster Diener Csokerlyan,
Pfarrer.

Neu: Becse,
den 30-ten Jänner 1835.

2.

Ваше Благородіе!

Спѣшу вашему родолюбію до вѣдомости доставити мою неисказаную радость о полученіи единаго древнѣишаго рукописа, котори въ Атонской Горѣ в Монастирѣ С. Саввы до лѣта 1849 сохранялося и прошлаго лѣта случаинѣ до моя руки приспѣло, и одкупити можно. Елико азъ поняти могу по греческому числу ҂асиг на концѣ Евангелиста Іоанна червеними словами написаному, мню: яко сей рукопись лѣту 1243 принадлежитъ, ибо и черти о томъ свидѣтельствуютъ. Снимок (fac simile) о тои истинѣ да глаголетъ [1]). Древность сія Славскои Словесности есть од неоцѣнимыя ползы. Она есть Евангеліе на 4 Евангеліста писано, папіръ крутъ (steif und glänzend) мали фоліо форматъ. Корици (Umschlag) обаче показуютъ, како въ новіе время привѣзано бистъ. Бронтъ листовъ 267, надписа ни лѣтописа другаго нѣстъ, развѣ онаго на снимку вамъ присланаго. Кромѣ того притяжаю азъ и другіи рукописъ под насловіемъ: Сьборникъ въ монастирѣ Базіашѣ сохраненъ. Сему писаному сьборнику привязанъ есть и печатанъ сьборникъ, лѣта 1438. въ Млѣткахъ (Venetiis) напечатанъ, како изъ снимковъ видѣти можно. При концѣ придата есть Пасхаліа Кирила Філософа.

Златни Прагь славится древнѣишимъ Рукописомъ латінскаго Евангеліа, в церкви С. Вита находящагося, да славится тѣмъ паче і древностію Славянскою, народнѣи Словесности потребнѣишею. Аще благородное Музеума содружество сія два Рукописа прекупити и народню книгохранілницу украсити желаетъ, изволите мя еже скорше извѣстити. Цѣна Евангелію положена есть 150 f. сребра, а соборникъ од 415 лістовъ состоящіи 80 f. в. М. сребра.

Мца октомвріа прошлаго лѣта писахъ Славному Музеума Содружеству, поднося нѣкія древности, а тою приликою нудихъ

[1]) Его при письмѣ нѣтъ.

С. Содружество, что би мнѣ на путное иждивеніе въ Босну, идѣже многія греческія и̂ латінскія древности находятся, сумму пристоиную опредѣлити изволѣло, обаче до селѣ никаковаго отвѣта неполучихъ. Умоляю убо ваше Благородіе, что би мнѣ како о первомъ, тако и̂ второмъ писати и мене извѣстна сотворити благоизволили.

Бѣлградски Пашша запрещаетъ каждому христіаніну Град походити, бедеми (die Verschanzungen) утверждаетъ съ топовима, коея причини ради не вѣми.

Себе благонаклоности вашего Благородія препоручая съ особливимъ високопочитаніемъ остаю понизнѣишій слуга

Іωаннъ Чокерлянъ Вукадіновичь,
Конзісторіи присѣдатель.

Въ Темишварѣ,
дне 3 Марта 1853.

3.

Ваше Благородіе!

На уважаемое писаніе ваше, под 12 Мартомъ т. г. купно присланымъ мнѣ многополезнымъ изданіемъ вашимъ, дня 20 т. мѣсеца великою радостію пріяхъ; на которое признателнѣйше благодарю. Неωцѣннимая ревность и примѣрное прилѣжаніе Ваше ω распространеніи славянскія словесности толь велико есть, да единоплемяници наши толикω сокровища лишаются, колико вы за народность трудитеся — заслуга Ваша воистину превосходна, приводитъ насъ въ удивленіе. Творецъ и Промислитель вѣкωвъ да содержитъ ваше Благородіе долгоденственнымъ и постоянымъ здравіемъ и да сподобитъ васъ плоды трудωвъ вашихъ вкусити и наслаждатися. Ваше имя вписахомъ златомъ въ скрижали сердецъ нашихъ, а потомству остаютъ многополезная сочиненія ваша. Слава Ваша въ родѣ Славенстѣмъ всегда сіяти, а вѣнецъ похвали мудрую вашу увѣнчитъ главу!

На ваша примѣчанія въ смотреніи печатанаго въ Млѣткахъ Мінеа слѣдующе ωтвѣтствую: На послѣсловіи книги, идѣже лѣточисленіе Міробытія и̂ Христова Рождества назначено стоитъ, изволите на снимку примѣтити: да среднѣе лѣточисленія писмя оскудѣетъ, не можетъ бо знатися, ибо сице стоитъ: совершися сія стая и бжественная книга глаголема сьборникъ лѣта міробитіа ҂з҃ѕ҃, точію изъ лѣтописа ѿ рождества Христова видимъ: да оно 1438 году принадлежитъ, т. е. ҂аѵли.

Нѣмцемъ пристоитъ похвала изобрѣтенія печати, обаче не

слѣдуетъ: да печать нѣмецкая славянскои предстоитъ. Азъ о семъ сице умствую: познато есть, да Аравляне первіи карточніи изобрѣтателе били, они карточныя (Spielkarten) мустры и писменна на древесамъ рѣзали и мастиломъ (чернилomъ) мазали,—ово изобрѣтеніе прешло въ Италію; около года 1300 началъ у Віртенбергу нѣмецъ единъ карти на памучномъ (Baumwolle) папіру печатати, ово изобрѣтеніе поводомъ было, да Гутенбергъ у Маинцу древяними слови либо писмены печатати изобрѣлъ. К нему придружился священикъ Петаръ Шеферъ, котори изобрѣлъ составляти металіческа писмена и мазати кінрусомъ і фірнаизомъ. Предпріятіе сіе подкрѣплялъ богати Фаустъ у Маинцу. Гутенбергъ умрелъ, а монаси возбраняли печать книжевную, тое оніи изъ користолюбія творили, јбо прежде печати они вся книги писали и много злата за трудбу свою истязивали. Въ тое время наступило завоеваніе Маинца, дѣлатели Фаустови одбѣгли въ Италію і въ Млѣткахъ латінскую печать основали. Мало за тѣмъ печаталися 14 вѣка и славянскія книги, между коими и сія Мінеа года 1438 напечатана била. До лѣта 1848 притяжахъ азъ едину въ Млѣткахъ года 1434 лѣта печатаную книгу, она бяше Обрядовная (Ritual), латинской церкви принадлежащая, обаче Кірилицомъ печатана. Въ революціи бившей погибе сія книга купнѣ съ моимъ цѣлимъ имѣніемъ, и азъ всѣхъ лищенъ остахъ.

Азъ убо того мнѣнія есть, да славянская печать ранша нѣмецкія есть и бити имать.

Что же рукописнаго Евангеліа касается, ваше Благородіе примѣчаетъ, да папіръ противословитъ. Изобрѣтеніе папіра существовало прежде Христова рождества. Познато есть вашему Благородію, да древни Егіптяне писали на листахъ пріуготовленныхъ египетскаго папіра, и потому что Хартія она велми драга была, то поводомъ было, да въ Малой Азіи Граду Пергаму изобрѣли на кожамъ тѣлцевъ, козлищъ и овецъ писати, и тое звалося пергаментъ. Около Христова рождества изобрѣли Хінези дѣлати хартію изъ памучнаго вещества (Baumwolle). Хартія ова была дебела и крѣпка (stark, steif), на подобіе пергамена, како и моего рукописнаго Евангеліа листове крѣпки і блистателни (glänzend) суть. Ово изобрѣтеніе прешло изъ Хіны въ Аравію, въ Константінополь, отуду въ Италію, откуду въ вся части Европы распространилася—того ради вѣроятно есть, да рукопись сеи 13-му вѣку принадлежитъ. Желнѣ ожидаю изъ Петрограда словесности содружества мнѣніе, которому снимокъ дне 1-го Марта т. л. прислати умедлихъ.

Аще славное Музеума Чесскаго Содружество на предложе-

ное путешествіе въ Сербію и Босну потребную сумму ѳпредѣлити изволитъ, не пропустите ваше Благородіе мнѣ до вѣдомости доставити: каковыхъ знаменитостехъ (кромѣ славянскихъ древностехъ) музеуму потребни суть, и дадите ми ваше дружебно наставленіе, что? и какѳ ми? въ странахъ тѣхъ за народность дѣлати надлежитъ. Азъ обаче ѳбѣщаю вамъ ѳ времене на время писати, точію аще прилику получимъ.

Нѣсть ми дивно, что изъ Карловцевъ и изъ Новога-Сада на присланая сочиненія ваша ѳвѣта не получисте. Первіи никогда древности любитель не былъ, а другіи отъ времене Революціи точію за корыстію грамзитъ, все оно, что ему лихву не приноситъ, презираетъ. Родолюбіе показуется въ дѣлѣхъ, а не въ празнословнѣмъ велехваленіи. Здравствуйте, славніи Господіне, и любите високопочитателя вашегѳ понизнѣйшого слугу

Іѳ. Чокерлянъ Вукадіновичъ.

П. П. У монастыру Воиловици близь Панчева находится писанъ служебникъ, на концѣ книги стоитъ снцеви надпись, какѳ снимокъ показуетъ, убо книга должна полъ вѣка старша быти.

Аще Братіа Домініканска, ихже азъ посѣтилъ, живи суть, доставите имъ мои дружевни поздравъ и високопочитаніе

І. Ч. Вукадіновичъ.

въ Темишварѣ,
дне 22-го Марта 1853.

С. П. Шевыревъ[1]).

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Позвольте мнѣ подарить Вамъ мою новую книгу: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, и тѣмъ напомнить Вамъ о себѣ, потому что жить въ Вашей памяти для меня всегда лестно.

Эту книгу вручитъ Вамъ Ольга Ѳедоровна Кошелева, которую осмѣливаюсь поручить Вашему дружелюбному Славянскому гостепріимству. Она желаетъ быть непремѣнно въ Прагѣ и, ко-

[1]) Въ альбомѣ Ганки 22 іюня 1840 г. написалъ: „Вы согрѣли мое сердце Слоненскимъ радушіемъ. Чувство уваженія, которое я всегда питалъ къ Вамъ, соединилось во мнѣ съ чувствомъ любви. Благодарю Васъ и прошу сохранить имя мое въ Вашей всеобъемлющей памяти. Степанъ Шевыревъ".

нечно, будетъ любоваться ею съ полнымъ къ ней сочувствіемъ. Кто же лучше, какъ Вы, можетъ показать ей всѣ Славянскія сокровища того города, гдѣ средоточіе Славянской науки?

Она принесетъ намъ живую вѣсть объ Васъ и объ Вашихъ благородныхъ и славныхъ друзьяхъ. Прошу Васъ покорнѣйше передать мое почтеніе Г.Г. Шаффарику и Петржикѣ, чѣмъ Вы меня много обяжете. Съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть и пр.

Степанъ Шевыревъ.

Москва,
11/23 Іюня 1850 г.

2.

Милостивый Государь!

Душевно благодарю Васъ за Вашу „Поѣздку въ Кириллo-Бѣлозерскій монастырь", и еще душевнѣе за способность познакомленья ся съ достойнѣйшей Ольгою Федоровной и ея прекрасной племянницей Людмилой Алексѣевной. Жаль только, что онѣ такъ скоро оставляютъ нашу Прагу. Онѣ Вамъ принесутъ и мои изданія, которыхъ покорнѣйше прошу милостиво принять въ память, какъ знакъ моего къ Вамъ усерднѣйшаго уваженія и искреннѣйшей дружбы.

Въ Началахъ русскаго языка Вы найдете нѣкоторыя желанія на счетъ русскихъ грамматиковъ, н. п. писать по мягкихъ *ж, ш, ц, ч, щ*, и въ мужескомъ родѣ тонкое *ъ*, а не дебелое *ъ*, какъ до сихъ поръ и т. д.

Поручая себя расположенію Вашему, имѣю честь быть съ истиннымъ почитаніемъ и душевною преданностію всегда готовый къ услугамъ Вашимъ Вячеславъ Ганка.

Прага,
30 Августа / 11 Сент. 1850. (Съ черновика).

Баронъ Д. О. Шеппингъ[1]).

1.

М. Г., Венчеславъ Венчеславичь!

Съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ я честь быть у Васъ въ Прагѣ, успѣлъ я зимой написать на нѣмецкомъ языкѣ довольно подроб-

[1]) Баронъ Д. О. Шеппингъ—авторъ извѣстныхъ работъ по миѳологіи и этнографіи: „Миѳы славянскаго язычества" (М. 1849), „Русскія

ное разсужденіе о русской миѳологіи, съ приложеніемъ разныхъ текстовъ на русскомъ языкѣ, писанныхъ чешскими буквами. Спѣша теперь въ Россію, я не успѣю ни привести эти черновыя записки въ порядокъ, ни издать ихъ, почему и рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ вопросомъ, не благоволите ли Вы взять на себя это изданіе и подъ Вашимъ надзоромъ велѣть исправить мои черновыя записки; въ такомъ случаѣ, я бы нарочно пріѣхалъ бы къ Вамъ въ Прагу дня на два перебрать вмѣстѣ мои бумаги и вручить ихъ Вашему почтенному покровительству.

Берлинскій книжникъ Шнейдеръ брался издать эти записки на своемъ иждивеніи; но безъ ученаго надзора за такимъ изданіемъ боюсь, чтобы не надѣлали много глупостей, тѣмъ болѣе, что какъ я вовсе не владѣю нѣмецкимъ языкомъ, прійдется во многомъ, относительно слога, передѣлывать и переправлять.

Благоволите удостоить меня Вашимъ лестнымъ отвѣтомъ въ Дрезденъ poste restante, и если прикажете, то въ первыхъ числахъ іюня буду имѣть честь явиться къ Вамъ съ моимъ сочиненіемъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ и глубокой преданностію имѣю честь быть и пр. Баронъ Дмитрій Шепингъ.

NB. Денежнаго награжденія за свой трудъ я не ищу, но буду просить отъ издателя около 30 экземпляровъ моего сочиненія для самого себя.

Парижъ,
8 Мая 1854 г.

2.

М. Г., Венчеславъ Венчеславичь!

Покорно благодарю Васъ за Ваше любезное желаніе и присылку; къ сожалѣнію, мои обстоятельства мнѣ никакъ не дозволяютъ быть еще разъ у Васъ въ Прагѣ, и нынче же я ѣду въ Варшаву.

Мое нѣмецкое сочиненіе поручилъ я на разсмотрѣніе здѣшнему библіотекарю и доброму моему знакомому Доктору Клему, котораго и просилъ, по напечатаніи онаго, переслать Вамъ отъ моего имени 4 экземпляра, которые оставляю въ полномъ Вашемъ распоряженіи.

Еще не могу не прибавить, что если Вамъ изъ Россіи нуж-

народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ" и др. О немъ см. А. Н. Пыпина Исторія русской этногр., II, 132 и сл.

бы было имѣть какія-нибудь ученыя свѣдѣнія, или выпи-ъ разныя книги, то я всегда съ большимъ удовольствіемъ стою Вашимъ услугамъ по всѣмъ подобнымъ дѣламъ и очень былъ радъ, если между Москвой и Прагой книжный Verkehr гъ бы этимъ оживиться.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.

Дмитрій Шепингъ.

Адресъ мой: въ Москвѣ, на большой Никитской ул. въ соб. домѣ.

3.

М. Г., Издавая въ свѣтъ въ концѣ Апрѣля мѣсяца филоическій сборникъ для Славянскихъ языковъ, имѣю я живѣйе желаніе положить этимъ изданіемъ первую основу къ учему сообщенію Москвы и Россіи съ Прагой и другими Славянми землями. Вотъ почему, вспомнивъ ласковый пріемъ Вашъ 1853 году, осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ, чье участіе въ емъ предпріятіи можетъ служить вѣрнѣйшимъ ручательствомъ пѣшнаго осуществленія моихъ надеждъ. Радостно приму я всяю присылку изъ Праги, нѣсколько же строкъ съ Вашимъ имемъ будутъ для моего Сборника драгоцѣннымъ подаркомъ.

Кромѣ чисто-филологическихъ статей, входятъ въ Сборникъ всѣ историческія разсужденія, гдѣ факты разъясняются пумъ лингвистики, или напротивъ древнія выраженія нашего ыка объясняются историческими и юридическими фактами; такмогутъ имѣть здѣсь мѣсто и небольшіе древніе памятники.

Съ глубокимъ почтеніемъ и пр. Дмитрій Шеппингъ.

Адресъ мой: Въ Старо-Конюшенной, близъ Николы Явленнаго, въ гѣ Князя Яшвиль. Барону Дмитрію Оттоновичу Шеппингъ въ Москвѣ.

Февраля 11/23 дня 1857 года.

Кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ[1]).

1.

М. Г., Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія извѣстилъ мечто во время нынѣшняго пребыванія своего въ Прагѣ онъ

---

[1]) Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (р. 1790, 853) — директоръ департ., товарищъ мин. и министръ народнаго прощенія (съ 1850 г.), академикъ и писатель.

согласился на пріобрѣтеніе для Министерства Славяно-Чешской библіотеки Вашей, состоящей изъ 900—1000 томовъ. Въ слѣдствіе того покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., доставить мнѣ каталогъ этой библіотеки и увѣдомить о послѣдней цѣнѣ, за которую Вы согласны уступить оную Министерству. Вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ бы имѣть положительное свѣдѣніе о томъ, какой способъ Вы признаете удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ для доставленія библіотеки сюда, въ Петербургъ; издержки на эту пересылку Министерство Народнаго Просвѣщенія готово принять на свой счетъ; равномѣрно: чрезъ кого и когда Вы желаете получить уплату причитающихся за ваши книги денегъ, по доставленіи ли ихъ сюда и пріемѣ здѣсь, или предъ отправленіемъ изъ Праги; и въ семъ послѣднемъ случаѣ не представится ли возможности для Министерства Народнаго Просвѣщенія поручить кому-либо изъ Русскихъ чиновниковъ принять отъ Васъ книги на мѣстѣ.

Ожидая отзыва Вашего по вышеизложеннымъ предметамъ, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и пр.

(подписано:) Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

С.-Петербургъ,
27 Іюля 1843 года.
№ 1009.

2.

М. Г., Письмо Ваше отъ 10/22 сего Августа я получилъ; одобряя съ своей стороны совершенно предположенія Ваши на счетъ отправки книгъ чрезъ Русскаго Генеральнаго Консула въ Любекѣ, я нахожу однако необходимымъ для окончательнаго рѣшенія этого дѣла имѣть въ виду каталогъ Вашей библіотеки, посему и буду ожидать доставленія его сюда.

Примите, М. Г., повтореніе увѣренія въ истинномъ почтеніи и пр. (подписано:) Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

С.-Петербургъ,
31 Августа 1843 г.
№ 1112.

3.

Сіятельнѣйшій Князь, М. Г.!

Спѣша составить Вашему Сіятельству для окончательнаго рѣшенія этого дѣла каталогъ моей библіотеки, я осмѣлился прибавить къ нему вчера мною полученый экземпляръ Винодольскаго Закона съ 1280 года для II-го отдѣленія собственной Его Им-

ператорскаго Величества Канцелярiи на имя Его Высокопревосходительства Главноуправляющаго, Статсъ-Секретаря, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Дмитрiя Николаевича Блудова.

Его Высокопревосходительство Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенiя изволилъ ко мнѣ писать: „Въ заключенiе мнѣ остается увѣдомить Васъ, что я сдѣлалъ распоряженiе о доставленiи Вамъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенiя чрезъ Берлинъ", но я до сихъ поръ ничего не получилъ, и безъ журнала сего мнѣ очень скучно. Извините, Ваше Сiятельство, что я въ отсутствiи Его Высокопревосходительства обращаюсь въ этомъ дѣлѣ къ Вамъ.

Съ глубочайшимъ почтенiемъ и безпредѣльною преданностiю честь имѣю быть и пр. Вячеславъ Ганка.

Прага,
20 Сент./2 Окт. 1843.

4.

Сiятельнѣйшiй Князь, М. Г.!

Имѣвъ счастiе получить письмо Вашего Сiятельства, я спѣшу на него отвѣчать. Его Высокопревосходительство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенiя, узнавъ, что профессоръ Бодянскiй домагается пріобрѣсть мою Славяно-Чешскую библiотеку въ уплату на сроки, хочетъ имѣть ее для Императорскаго Министерства, въ чемъ нельзя было ему отказаться, особенно когда, какъ кажется, не понравилась ему уплата на сроки. Въ этомъ отношенiи онъ обѣщалъ успокоить профессора Бодянскаго самъ и просилъ меня писать объ этомъ немедленно Г. Бодянскому, чтобъ не присылать денегъ, и если ужъ присланы, то увѣдомить его, что онѣ ему изъ Министерства возвратятся. Я сдѣлалъ это съ приложенiемъ записочки Его Высокопревосходительства [1]).

(Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

---

[1]) Исторiя продажи Ганкой его славяно-чешской библiотеки изложена подробно въ Очеркахъ по исторiи чешскаго возрожденiя В. А. Францева (1902), стр. 312—324.

А. С. Шишковъ[1]).

1.

Ваше Высокопревосходительство!

Прочитавъ я письма Ваши, сообщенныя мнѣ Его Высокопреподобіемъ Г. Добровскимъ[2]), довѣдался объ томъ, что моя такъ называемая Кральодворская Рукопись въ Извѣстіяхъ Имп. Росс. Академіи вмѣщенна будетъ; вѣсть та наполнила духа моего радостію и восхищеніемъ, особливо когда помню, что Славянскіе Народы начинаютъ языки свои между собою уважать. Въ прочемъ крепкое довѣреніе имѣю, что упомянутая Рукопись щастливѣе понята и истолкована будетъ, нежели оныхъ немножко мѣстъ, которыя Г. Пожарскимъ въ его изданіи Слова о Полку Игоревѣ наведены были. Не понимаю, какъ ему на умъ спасть могло, чтобъ россійскими буквами староческыя слова писать, не зная ихъ настоящаго изговора; у насъ въ томъ случаѣ старыя рукописи читать далеко труднѣе Россіянъ, потому что наши древнѣйшіи писатели, незнаючи божественаго Кириллова изобрѣтенія, довольствовалися латинскими писменами, какъ имъ возможно было, но когда бы былъ Г. Пожарскій на мое противустоящее возобиовленіе свои глаза обратилъ, никакбы возможно не было тако погрѣшиться. Точно и я ныня надаваю Слово о полку Игоревѣ для Славянъ, латинскаго писма употребляющихъ; по истинѣ достойна пѣсь та, чтобъ ю всѣ Славяне въ подлинникѣ читать (sic), и я надѣюсь, что и Россіяне съ моимъ толкованіемъ и примѣчаніями согласны будутъ. Нашихъ древнихъ стихотвореній издано уже мною четыре томиковъ кромѣ Кральодворской Рукописи, и ежели бы я смѣлъ дерзнуть ихъ въ поклонъ съ нѣкоторыми моими сочиненіями Импер. Россійск. Академіи прислать, почиталъ бы я это за великую честь себѣ.

Скажите, прошу Ваше Высокопревосходительство, чего же ради насъ Богемцами называете? Бои или Богемцы германскій

---

[1]) Три письма Ганки къ Александру Семеновичу Шишкову (р. 1754, † 1841) сообщилъ М. И. Сухомлиновъ въ Исторіи Росс. Акад., т. VII, стр. 564—567 (отъ 3 мая 1822 г., 17/29 апр. 1830 г. и 4/16 февр. 1839 г.). Въ „Запискахъ, мнѣніяхъ и перепискѣ адмирала А. С. Шишкова“ (изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлинъ, 1870), т. II, стр. 388—393, напечатаны два письма Ганки (8/20 мая 1820 г. и 3 мая 1822 г.) и одно письмо Шишкова (отъ 28 апр. 1823 г.).

[2]) См. письмо Шишкова къ Добровскому отъ 18 марта 1820 г. Записки, мнѣнія и переписка, II, 376—378.

родъ бывали; мы сами зовемся Чехи и тымже именемъ зовутъ насъ всѣ Славянскіе народы, какоже и Вашъ старый лѣтописецъ Несторъ.

Конечно бы я всѣпокорно упрошалъ, потому что у насъ посредствомъ книгопродавцевъ ничего Россійскаго получить невозможно, ежели что-нибудь Г. Добровскому (нѣкоторыя книги) пришлете, объ одинъ ексем. оныя въ Извѣстіяхъ напечатаной Кральодворской Рукописи, почему будетъ—при счетѣ Г. Добровскаго съ благодарностью заплачу. Будите же Вы ко мнѣ милостивы, и я останусь Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій Вящеславъ Ганка.

Въ Прагѣ,
8 (20) мая 1820 года.

2.

Государь мой.

Я получилъ Ваше письмо и весьма сожалѣю, что не могъ въ скорости ни отвѣчать на оное, ни послать къ Вамъ осмой книжки Академическихъ извѣстій, гдѣ помѣщенъ переводъ изданной Вами Кралодворской рукописи. Мнѣ очень пріятно слышать, что Вы упражняетесь въ собираніи на чехскомъ языкѣ древнихъ сочиненій; пожалуйте, доставляйте ихъ въ нашу Россійскую Академію. Она конечно изъявитъ Вамъ за то свою благодарность. Мы по привычкѣ называемъ языкъ вашъ болѣе богемскимъ, нежели чехскимъ языкомъ. Въ изданной Вами рукописи я нашелъ языкъ совершенно русскій (какой въ церковныхъ книгахъ). Весьма немного такихъ словъ, до которыхъ корня не могъ я добраться. Одно только *s*, вмѣшиваемое въ слова: houorsili (говорили), trsiesta (триста), jutrsie (утрѣ) и проч., отнимаетъ у него благозвучіе и препятствуетъ читать. Изданіемъ сихъ пѣсней Вы такую же принесли услугу русской словесности, какую и чехской, или лучше сказать всякой, ибо вѣрный переводъ ихъ на всякомъ языкѣ можетъ служить образцомъ простаго, но сильнаго краснорѣчія, природою внушаемаго. А для нашихъ славенскихъ наречій, всѣхъ вообще, предрагоцѣнный подарокъ. Я не могу насладиться чтеніемъ онаго. Многія нынѣшнія стихотворенія, въ которыхъ такъ много игры ума и такъ мало простой природы, не приносятъ мнѣ и десятой части того удовольствія... Сію минуту, прежде нежели кончилъ я сіе письмо, получилъ я присланныя отъ Васъ при письмѣ кни-

ги подъ названіемъ „Starobyla skladanie". Я Вамъ очень благодаренъ; Академія, когда я представилъ ей оныя, въ знакъ уваженія своего къ полезнымъ для языка Вашимъ трудамъ назначила почтить Васъ серебряною медалію, которую Вы при семъ получите. Прошу и впредь доставлять ей, что за благо разсудите. Г-нъ Добровскій писалъ ко мнѣ и сдѣлалъ нѣкоторыя примѣчанія на производство словъ, съ которыми однакожъ я несовсѣмъ согласенъ. Г-нъ Негедли, котораго представилъ я въ почетные члены, не удостоилъ отвѣтомъ своимъ ни меня, ни Академію, такъ что мнѣ за него было стыдно предъ обществомъ. На сихъ дняхъ Государыня Императрица Марія Феодоровна прислала въ Академію грамматику русскую, сочиненную господиномъ Пухмейеромъ. Я бы желалъ имѣть чехскій съ нѣмецкимъ или хотя инымъ языкомъ словарь, естьли есть хорошій. Надѣюсь, что вы пришлете ко мнѣ объясненія ваши на Слово о полку Игоревѣ, когда оныя будутъ готовы. Впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ навсегда пребываю Вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

Господину Вацлаву Ганки, издателю Кралодворской рукописи.
С.-Петербургъ,
16 октября 1820 года.

3.

Сіятельная Императорская Россійская Академія!

Какимъ чувствованіемъ взволновалось сердце мое при нечаяномъ полученіи великой серебряной медали и 8-ми книжекъ подъ заглавіемъ Извѣстія Россійской Академіи, въ которыхъ пѣснопѣнія старинныя славныхъ предковъ отечества моего помѣщены, довольно словами описать не могу. Честь сія не сталась только мнѣ одному, но, какъ друзя мои сказываютъ, всему языку или народу нашему. Благодарность моя въ сердцѣ обитаетъ, но чтобъ я впредь почтенія сего, мною доселѣ незаслуженаго, удостоился, то будетъ у меня святѣйшею обязанностію сіе славкое упражненіе по все время жизни моей Славянъ ради, любезной братіи моей, по возможности трудиться и пользовать.

Примите милостиво, Сіятельнѣйшіе и Препочитаемые Члены, въ славный знакъ благодарности моей толковпіе (мое) Слова о полку Игоревѣ [1]), котораго подлинникъ я преставилъ латинскими

[1]) Экземпляръ своего изданія Ганка поднесъ имп. Александру I-му при слѣдующемъ письмѣ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

Передъ годомъ учреждалъ я печатаніе россійской грамматики, которая Ея Величеству Всесвѣтлейшей Матери Вашей посвѣщенна была;

буквами только для того, чтобъ уроженцы мои и другіе латинскіе Славяны участвовать [могли] не только красотъ древняго сочиненія, но болѣе того—очевидно смотрѣть эту маленькую разницу нарѣчій между собою, о преимуществу славянскаго письма удостовѣрится каждый самъ.

(Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

4.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г. [1])!

Какимъ образомъ могу изъяснить благодарность за честь, которую Вы мнѣ и словесности нашей здѣлали?. Мнѣ о томъ ни мыслію мыслити, ни думою думати возможно не было, какую милость и какое восхищеніе Вы для меня приготовили! Не знаю, чѣмъ бы я лучше благосклонность вашу успокоить (могъ), нежели возобновленіемъ обѣта своего, давно уже въ груди пылающаго, что всѣ силы свои прилежнѣйше общей словесности Славянъ посвѣщаю, себѣ въ удовольствіе, въ пользу отечеству. Отъ предпріятія своего я не упущу, хотя и многія препятствія намѣренію моему. Люблю отечественный свой языкъ паче всего, въ немъ я упражнялся съ большимъ наслажденіемъ, научился нарѣчіямъ славянскимъ, чтобъ лучше добираться въ корни отечественнаго, и на всякомъ уже, слава Богу, по крайней мѣрѣ столько же разумѣю, сколько на россійскомъ. Возможно ли думать, чтобъ Славянинъ, понимая несравненныя преимущества и красоты языка своего, могъ на иностранномъ писать! Словесность славянъ разцвѣтетъ точно, (только вы) сохраните языкъ свой, вы меншіе народы, поколѣ возможно; ты, цвѣтъ народа (думаю—писатели), учись побратскимъ нарѣчіямъ,—въ Славянахъ Славянинъ достойно прославится! Такимъ намѣреніемъ основалъ

такимъ милостивымъ принятіемъ и повсюду извѣстнымъ Вашимъ наукъ и просвѣщенія (покровительствомъ) возбужденъ, дерзаю сей цвѣтокъ древнейшей россійской словесности, объясненный для другихъ Славянъ и переведенный на языкъ нашъ Чешскій, къ ногамъ Вашего Величества въ глубочайшемъ почтеніи положить. Есть то маленькій мой опытъ Славянамъ латинскаго письма и красоты подлинника сообщить и близкость нарѣчій Славянскихъ между собою очевидно показать.

Вторая же здѣсь приложенная книжка, содержащая въ себѣ пѣснопѣнія о похвальныхъ подвигахъ славныхъ предковъ отечества моего, была отъ Императорской Россійской Академіи съ такимъ удовольствіемъ принята, что оную самъ президентъ въ русскій языкъ перевесть, и Академія труды мои серебряною медалію увѣнчать удостоили.

(Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

[1]) Въ скобкахъ — зачеркнутое или недостающее.

я юношества ради нашего маленькую доселѣ библіотеку общеславянскую, такимъ образомъ хочу маленькія грамматики и словари всѣхъ нарѣчій на чешскомъ учредить, съ выпущеніемъ всего, чтобъ ни въ правилахъ, ни въ значеніи не разнствовалось; такимъ образомъ хочу конечно каѳедру церковнаго языка вынудить. Но всему тому не противословитъ только, но враждебствуетъ въ величайшей степени г. Негедли. (У васъ то была бы любовь къ отечеству, у насъ — измѣна онаго. У насъ общество словесныхъ наукъ, но пишетъ на нѣмецкомъ языкѣ; у насъ Народное Музеумъ...). Извините, М. Г., что я въ скучномъ, но искреннемъ изповѣданіи своемъ далеко забрался.

Переводъ и объясненія ваши я однимъ разомъ, не пустя книги изъ руки, прочелъ, и кто бы не читалъ съ жарчейшимъ вожделеніемъ, знаючи уже свойства сильнаго и чистаго слога вашего, ясность воображенія и пылкость духа въ сочиненіяхъ; удивленіе заслуживаетъ точность выраженія, когда у васъ никакого чешскаго словаря не было; и только то причиною, что В. П., какъ въ писмѣ и объясненіяхъ сказываете, не могли добраться до корня сихъ немногихъ словъ.

Ольдрихъ и Болеславъ.

2. Владыками у насъ не бывали князи, но нижшіи кавалери.

4. Выгонь Дубъ — собст. Снага въ новочеш. не удержалось, хотя имѣемъ снажитися, снажный и проч. Но смотр. словарь сербскій.

10. mito — мыто, Jahody vymytěno, смотр. Слово о Полку Иг. 55.

12. Я читаю prevalise, превался, т. е. превалилася.

16. viehlasi — то слово я нашелъ тоже въ Нестору; въ нашихъ старыхъ нерѣдко употреблялось, смотр. Starob. sklad.; первый составъ вѣ я считаю предлогомъ нынѣ обветшелымъ.

19. wzhoru, wz въ чешскомъ есть росс. предлогъ возъ.

32. volati — думалъ бы я того же корня, какъ волити, въ другой формѣ и значеніи.

34. prokny — хорошо вы въ Ярославѣ 32. сравнили съ прочіе, котораго корень прок.

41. prszekopi — здѣсь творительный падежъ — перекопами.

42. Jarmir — Яромиръ — думаю происходитъ отъ того же корня, какъ Ярославъ, Ярополкъ и проч.

Бенешь.

19. Shluciehuse — у насъ по старинному лѣтописцу числевіе дружины было 25 мужей, то словетъ сполекъ, 52 сполковъ то словетъ глукъ, и глукъ будетъ 1300 ч., 10 глуковъ то словетъ темъ и темъ, дѣлаетъ 13000; въ прочемъ значитъ hluk — звукъ, звонъ, шумъ; hlučeti — звучать.

20. Hrubá skála — здѣсь имя веси.

21. ime — думаю ялъ отъ емлю.

22. drazliwi, дражливи, раздраженные.

32. poplasi, поплаши, отъ глагола плашить, росс. полошить, всполошить; хорошо въ Забои 31.

Ярославъ.

18. rozenu — рожденною и стройною красотою.

19. hwiezda — того же корня, какъ звѣзда, такимъ образомъ и нашъ kviet, цвѣтъ. Такъ въ Славенстѣмъ языцѣ: помизати отъ мигну, осязати отъ сягну, разжизати отъ жгу, напрязати отъ напрягну и проч.; сѣщати отъ сѣку, нарицати отъ реку и проч.; такъ наше знаю однаго корня съ лат. и греч. gnosco, γιγνώσκω; зерно — съ лат. granum.

34. ni swieti — ни совѣта, нынѣшнее наше rada есть изъ нѣм. Rath.

45. iesutno — хорошо сказываете суетно, такимъ образомъ и глаголъ: суть вм. есуть, отъ есмь.

46. roznoichu — вм. rozznoichu, отъ зной.

63. toci, точи, точилъ, крутилъ.

64. vnoci — самъ корня не понимаю, см. Starob. Sklad.; II, Aleksandr. 1627 стихъ.

69. posula — см. Слово о Полку Иг.: рассушась стрѣлами, 52.

75. prud — у насъ большая рѣка.

80. drtiti — у насъ значитъ крошить, mačkati — давить.

87. kludno, klidno — нашъ глаголъ kliditi значитъ тишить, отдалить, порядокъ и тишину способить.

91. наше tráti, trwati происходитъ изъ того же корня, какъ слав. и сербск. траяти, лат. durare, нѣм. dauern.

93. prorada, по нынѣшн. zrada — значитъ измѣна, Verrath, смот. 34.

97. vedro и у насъ значитъ хорошую, но очень жаркую погоду.

100. zamiersiena — лучше: вознамѣренная. Мерскость есть порабощеніе Господину, — у насъ только Бога Господиномъ называемъ.

101. páchati значитъ у насъ дѣлать, по большой части — худое, мерское дѣлать.

112. Изобильный (богатый) ливень источникъ холмскій возживилъ, который прежде чрезвычайнымъ жаромъ изсохъ.

121. gilec, gelec, думаю, происходитъ отъ емлю, ялъ, такъ какъ и ять, рукоять.

133. надобно читать: улечеся, улечеся душа (Zaboj, 42), испугался, ср. слав. ляку.

134. palowati fig. еще употребит. бѣжать, корень, думаю, плати, палити.

135. Hana — собств. имя рѣчки и плодоноснѣйшей области при оной въ окрестностяхъ Оломуца; жители тамошніе называются Hanák, Haná-ci, есть то отрасль народа нашего, сохранившая найпаче подлинности въ нравахъ и одеждѣ своей.

Честмиръ.

1. holedbašese — думалъ бы росс. голыдьба.

8. záhe, záhy — нарѣчіе, значитъ: утромъ, на разсвѣтѣ.

18. pohowte — отъ глагола говѣть, значитъ у насъ дать отдыхъ.

20. viezeti, vaznouti — по росс. вязнуть.

22. uvadieše — отъ глагола водить.

56. kiti, kyta — задняя бедра, plece — плеча (сей коровы).

Ludiša.

12. iedenie diua — думаю — дикихъ звѣрей.

19. въ мирѣ валку мудро ждати.

24. zeman, zemanka — надо читать: земанъ, земанка, какъ польскій ziemianin = дворянинъ, благородный человѣкъ.

26. zapasista - происходитъ отъ предлога za и pás, поясъ, такъ сказать — запоясить, которое у насъ б о р о т ь с я значитъ, развѣ потому, что наши старые борцы за поясъ хватались. Такимъ образомъ сокращенно наше báti se, вмѣсто боятися, tráti — траяти.

Z a b o j.

27. Старинное drbiti, какъ и новое изъ нѣм. поведенное: musiti, значитъ д о л ж н у быть, долженствовать.

51. zwiest — какъ я чту: з в ѣ с т ъ — было бы: знакомецъ.

52. ostrsiez—надо читать: острѣжъ, falco cenchris. Ястребъ—у насъ gestŕáb, accipiter.

Е л е н ь.

1. Пароги — у насъ зубчатыя роги, напр. здѣсь — оленьи.

П а ю н о ш ѣ р а с т е т ъ д у б о к ъ — д у б ъ, съ начала онъ только дубокъ, въ слѣдствіе конечно — дубъ.

R o z e.

1. Наше večer значитъ — вечеръ.

S k ŕ i v.

4. blana, blanka — значитъ у насъ по нынѣ бѣлая кожа, pellicula alba, 2) значитъ лат. alburnum, 3) перепонку, diaphragma. Мнѣ кажется, что здѣсь второе значеніе употреблено, сирѣчь — бѣлая (вторая) кожица подъ корою дерева.

Въ Предувѣдомленіи: Přebudiž bohužel! значитъ: къ сожалѣнію, Бога ради!

Конечно, имя мое по новому выговору сокращенно: Wáclaw, Вацлавъ, въ старинномъ W á c e s l a w, то же самое, какъ въ Несторѣ В я ч е с л а в ъ, славянское В я щ е с л а в ъ, составленное изъ нарѣчія вяще, по нашему: wáce.

Книгопродавецкое сообщеніе между Славянами очень многими хлопотами отягощенно, и еслибъ я не получилъ изъ Польши что-нибудь случайно, черезъ пріѣзжихъ въ Теплицу или въ Каролowые Вары (Karlsbad), то невозможно ничего надѣяться. Я бы очень радъ съ друзями своими отбиралъ Сына Отечества, котораго 1818 и 1819 года случайно получилъ.

Словаря у насъ полнаго правда еще нѣтъ, того ради бы я желалъ, дабы Академія нашь наконецъ опредѣлила издать, хотя такимъ образомъ народъ нашь въ своемъ достоинствѣ, которое бы ему Академія назначила, позади пришелъ. Надъ полнымъ большимъ Словаремъ трудится прилежнѣйшій и искусный Г-нъ Проф. Юнгманнъ, который при семъ своимъ листочкомъ оглашается. Начатый нѣмецко-чешскій подъ назираніемъ Добровскаго учреждаю теперь я и думаю, что черезъ три мѣсяца готовъ будетъ, ибо уже половина буквы *S* напечатанна. Про междувременіе присылаю ВП. Ѳамовъ, на котораго однакожь невозможно совсѣмъ положиться, и первый томъ Палковичова. Господинъ

Добровскій трудится теперь изданіемъ Старославянской грамматики на латинскомъ языкѣ.

(Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

5.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г. мой!

Къ великому моему удовольствію увѣдомился я, что графъ Лубѣньскій на сихъ дняхъ въ Варшаву поѣдетъ: пользуюся тою удобностію прислать въ сіятельную Импер. Россійскую Академію мною издаваемыя книжки въ слабый знакъ благодарности моей, которыя прошу Ваше Высокопревосходительство многоважнымъ своимъ ходатайствомъ сопровождать и препоручать въ академическую библіотеку, ежели ихъ той почести удостоить изволите.

Я приложилъ также одинъ вытискъ мною открытыя греческія грамматики для Московскаго Университета, зная хорошо, что восточной церкви тотъ прекрасный греческій языкъ нуженъ, какъ западной латинскій, чего ради упрошаю случайно такую въ Москву прислать. Въ прошедшія дни прочиталъ я 6 томовъ сочиненій и переводовъ Росс. Акад., и читая засѣданія, на умъ мнѣ пало, чтобъ не только весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда бъ въ засѣданіяхъ онныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ, особливо когда Академія словари всѣхъ словян. нарѣчій издавать намѣряетъ, ибо таково преславное дѣло никто же во всѣмъ мірѣ кромѣ Академіи Рос. способствовать не можетъ.

Успѣетъ ли во Віенѣ профессура словянскаго языка и словесности, которую тамъ учредить хотятъ, то трудиться буду всѣми силами о томъ, чтобъ и въ Прагѣ такая каѳедра завелася, гдѣ же бы особлнво великую пользу приносила. Того ради задержалося немножко здѣланое мною преложеніе о славянахъ изъ Карамзина [1]) и другихъ новѣйшихъ историковъ отъ набору, потому что мнѣ опредѣлено здѣлать сокращеніе изъ грамматики словянскія г. Добровскаго, бо сочиненіе его очень великое для преподаванія въ училищахъ, которое каждую недѣлю трижды по часѣ годомъ совершить треба. Дай Боже успѣха добрымъ вещамъ!

Г. Добровскій, который здоровъ изъ Віены возвратился, и господ. Юнгманъ, который самъ пачку съ листочкомъ прилагаетъ, здѣлаютъ свои уклоны, кои имѣю честь явить и пр.

Въ Прагѣ,
3 маіа 1822 г.

Вячеславъ Ганка,
библіотекарь народ. муѣа.

[1]) „O Slovanech dle Karamzina“ въ ж. Krok, 1823, II, 448, 485.

Открылъ я опять рукопись найстаршихъ правъ (Правды Ческой), которыя, какъ напечатаны будутъ, пришлю.

6.

Милостивый Государь мой.

Много и много благодарю Васъ за присылку книгъ въ Россійскую Академію и за честь приписанія мнѣ книги подъ названіемъ Starobyla Skladanie. Простите мнѣ, что я умедлилъ отвѣчать Вамъ на письмо Ваше. Недавно Академія наша издала новый словарь въ шести частяхъ, который я со временемъ постараюсь къ Вамъ прислать, а теперь посылаю девятую и десятую часть Академическихъ извѣстій. Думаю, что всѣ предшествовавшія части Вы имѣете. Въ девятой книжкѣ найдете Вы маленькую рѣчь мою о нашемъ общемъ (славенскомъ) языкѣ; древнюю извѣстную Вамъ рукопись о судѣ Любушиномъ и продолженіе изслѣдованія корней. Сія послѣдняя статья, содержащая въ себѣ малый токмо опытъ надъ нѣкоторыми корнями, долженствовала бы обратить на себя вниманіе ученыхъ, разсуждающихъ о славенскомъ языкѣ. Многіе твердятъ о словопроизводствѣ, какъ о первѣйшей части грамматики, но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой опуститься должно, когда хотятъ узнать составъ языка и его нарѣчій, близкихъ и отдаленныхъ. Немудрено добраться, что рукавица, рукоятка, рукоплесканіе и проч., происходятъ отъ слова рука; но этова мало; надобно дойти до первоначальной мысли, какую умъ человѣческій привязалъ къ корню, и отъ ней, какъ отъ источника, переходя послѣдственно изъ одного понятія въ другое, смежное съ нимъ, сталъ извлекать, составлять и плодить слова. Вы увидите, когда возмете трудъ прочитать сію статью, что отъ услышаннаго имъ въ природѣ звука *гр*, пошелъ онъ отъ сего корня производить и громъ, и гора, и городъ, и грызу, и грущу, и гребу, и проч., и проч. Понятія совершенно между собою различныя, но не менше того имѣющія началомъ своимъ одинъ и тотъ же корень, одну и ту же мысль, которая всѣхъ ихъ породила. Вотъ истинное словопроизводство, показующее составъ языка, и можетъ быть въ одномъ токмо словенскомъ языкѣ цѣпь сія сохраняется столь неразрывною, что по ней отъ послѣдняго до первоначальнаго звѣна ея доходить можно. А ежели мы всякое изъ вышеозначенныхъ словъ (громъ, гора, городъ, грызу, грущу, гребу) сочтемъ за первобытное, неизвѣстно откуда произшедшее, то всѣ наши

умствованія объ языкѣ, всѣ словари и грамматики будутъ, какъ домы или зданія, построенныя на пескѣ, косы, кривы и нетверды. Десятая книжка, надѣюсь, покажется Вамъ еще любопытнѣе. Въ ней увидите вы изслѣдованіе, въ чемъ всѣ языки разнятся и въ чемъ сходствуютъ между собою; какимъ образомъ каждый изъ нихъ измѣнялся, отходилъ отъ первобытнаго и, сдѣлавшись совсѣмъ инымъ, сохраняетъ однакожъ въ себѣ признаки своего происхожденія. Славенскій языкъ является въ нихъ древнѣйшимъ и первѣйшимъ. Въ этомъ я увѣренъ не потому, что я Словенинъ или Руской, но потому что мой разумъ меня въ томъ убѣждаетъ, и что сіе убѣжденіе основано на многихъ опытахъ и доказательствахъ. Безъ сомнѣнія нѣмцы и другіе иностранцы возопіютъ противъ меня, какъ смѣю я утверждать, что многія слова ихъ суть вѣтви славенскихъ словъ; но ежелибъ они, отложа всякое пристрастіе къ языку своему, съ холоднымъ и здравымъ разсудкомъ вникли въ началы состава языковъ, то конечно согласились бы со мною, и каждый изъ нихъ увидѣлъ бы въ томъ пользу собственнаго языка своего. Но по нещастію немногіе иностранцы знаютъ славенскій языкъ и потому не могутъ ни прочитать меня, ни почувствовать силу моихъ доводовъ.

Прошу отъ меня поклониться Господину Добровскому и Юнгману. Первому изъ нихъ долженъ бы я былъ отвѣчать на почтенное его ко мнѣ письмо, но пожалуйте извините меня предъ нимъ, что я особаго письма, по скорости отправленія сего, къ нему не пишу, а въ Вашемъ приписываю, что я грамматику его представилъ Россійской Академіи, которая приняла ее съ особливымъ удовольствіемъ и поручила мнѣ засвидѣтельствовать ему свою благодарность. Надѣюсь, что со временемъ оная переведена будетъ на россійскій языкъ. Впрочемъ, желая Вамъ всякихъ благъ и прося о продолженіи пріятной Вашей переписки съ нами, съ истиннымъ почитаніемъ пребываю вашъ, М. Г. моего, покорный слуга Александръ Шишковъ.

Господину Вячеславу Ганки, библіотекарю Чехскаго народнаго Музеума, въ Прагѣ.

С.-Петербургъ,
Апрѣля 28 дня 1823 года.

7.

В. В. Пр. Имѣя честь препроводить къ В. В. Пр. Исторію Ческой Литературы Іос. Юнгманна и вторый томикъ Славянскихъ народныхъ пѣсней Ф. Л. Челаковскаго, издателями В. В. Пр. по-

священныхъ, прилагаю при семъ маленькое сочиненіе Магистра Іо. Гуса и сожалею, что мнѣ не возможно обѣщанную древнѣйшую лѣтопись прислать, съ которою я только времени трудился; десять разныхъ списковъ рукописи сей я съ жаркою похотію сравнивалъ, чтобъ вседревнѣйшее чтеніе изобрать за текстъ и варіанты къ примѣчаніямъ положить, но какъ все уже готово было, и я рукопись чистую цензурѣ подалъ, болѣ полвтора года ея тамъ задержано и послѣ такой проволочки и многократнаго требованія и прошенія доставлено мнѣ: Non admittitur. Лѣтопись сія коичится 1310 годомъ; я незнамъ, какъ это нынѣшнюю политику занимать можетъ то одно, то на нѣкоторыхъ мѣстахъ бранить. Однакожъ думаю я, что работа моя еще не пропала, надобно дожидаться времени. Но болѣе оскорбляетъ меня смотрящаго, какъ день ото дне побратимый народъ Лужнческій нѣмчася вымираетъ. Нынѣ еще пора нарѣчіе погасающаго колѣна славянскаго потомству сохранить: оно нѣтъ нехорошо и заключаетъ въ себѣ очень много древнихъ словъ и формъ, которыхъ напрасно въ другихъ живущихъ нарѣчіяхъ обрѣсти возможно. И въ правдѣ занимается тѣмъ ревнительный издатель священаго писанія на семъ языкѣ Будешинскій проповѣдникъ Андрей Лубенскій, который и Грамматику и Словарь къ печатанію приготовлены имѣетъ, но труды сіе по недостатку покупщиковъ рукописью останутъ, дондеже ихъ огонь, гниль или моль не пожретъ.

Спѣшу и потому прощаюсь съ В. В. П. въ надеждѣ, что благосклонность вашу ко мнѣ продолжать милостиво изволите, которую я буду стараться заслужить и съ высокимъ почтеніемъ доказать, что я В. В. Пр. навсегда пребываю и пр.

(Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

8.

В. В. М. Г.! Извините навязчивости моей: г. Академикъ Грефе мнѣ усильно принятіемъ письма хотѣлъ удовольствіе здѣлать. То я, не хотячи обезпокоить, спрашиваю, ежели В. В. получили при письмѣ моемъ Исторію Ческой Литературы Г. Юнгманна, второй томикъ Словянскихъ народовыхъ пѣсней Ф. Л. Челаковскаго и маленькое сочиненіе М. И. Гуса, мною изданное [1]). Нынѣ же прилагаю при семъ книжку, содержащую въ себѣ оперу Воло-

[1]) M. J. H (usi), Dcerka aneb poznanie cesty pravé k spasenj. W Praze, 1825 года.

чильщикъ, только того ради, что лице сего волочильщика въ нарѣчію, ему прирожденомъ, напечатано и на театрѣ праскомъ съ похвалою провожденна была [1]).

Сѣтую очень надъ смертію найлучшаго Государя и когдабъ не зналъ, что Его Имп. Вел. Н. въ стопы обожаемаго брата своего ходитъ, возвышеніе блага и словесности Словянъ было бы безъ надежды!

Имѣю честь быть съ высочайшимъ уваженіемъ В. Ганка.

(Черновикъ въ бумагахъ Ганки).

9.

Милостивый Государь мой!

Письмо Ваше и приложенныя при ономъ три книги я получилъ хотя и поздно, но къ истинному моему удовольствію. За небольшое сочиненіе Ив. Гуса, вами изданное, приношу Вамъ мою благодарность. Господину Челаковскому прошу изъявить мою признательность за доставленіе ко мнѣ второй книжки Славянскихъ народныхъ пѣсней. Собранія сего рода, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ одобреніе просвѣщенныхъ людей.

Весьма сожалѣю о томъ, что вы не можете издать вашего Далимила вмѣстѣ съ разнословіемъ другихъ списковъ сей лѣтописи. Это трудъ достойный всеобщаго вниманія. Я желалъ бы издать оный при Россійской Академіи, коль скоро бы у насъ нашелся ученый, знающій основательно Чешскій языкъ. Прошу меня увѣдомить, не согласитесь ли вы уступить Академіи вашей рукописи, и на какихъ условіяхъ? Равномѣрно прошу васъ извѣстить меня подробнѣе о Словарѣ и Грамматикѣ Лужичанскаго нарѣчія, составленныхъ Г-мъ Лубенскимъ. Естьли бы сочиненія сіи присланы были въ Академію, то бы она, по разсмотрѣніи, могла ему въ изданіи оныхъ сдѣлать пособіе.

Господину Юнгманну безъ сомнѣнія всѣ любители Славянской литературы будутъ благодарны за изданную имъ Исторію Чешской Словесности.

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ объ операѣ Іосифа Хмеленскаго: „Dráteníjk. Zpěwohra we dwau dęgstwjch, hudba od Frantisska Škraupa“, представленной впервые на сценѣ Пражскаго театра 2 февраля 1826 года. Хмеленскій въ предисловіи замѣчаетъ, что всѣ діалоги и пѣсни „dráteníka“ просмотрѣлъ и исправилъ Каспаръ Фейерпатаки, такъ какъ самъ Хмеленскій не былъ достаточно знакомъ съ словенскимъ нарѣчіемъ.

будьте увѣрены, что умѣю цѣнить Ваше усердіе и стараніе о пользахъ, приносимыхъ Вами славенскому языку. Отселѣ отправляется въ Дрезденъ нѣкто г. Гульяновъ. Онъ будетъ тамъ жить для продолженія своихъ сочиненій. Я бы очень желалъ, чтобъ Вы, хотя чрезъ переписку, съ нимъ познакомились. Онъ доставитъ вамъ сіе письмо. Худое здоровье мое препятствуетъ мнѣ долѣе съ Вами бесѣдовать, притомъ же онъ сей часъ ѣдетъ, итакъ поневолѣ долженъ я прекратить сіе письмо, хотя и весьма желалъ бы о многомъ съ Вами поговорить. Предоставляю сіе до другаго времени, естьли Богъ допустить. Прошу Васъ быть увѣреннымъ въ совершенномъ моемъ почитаніи, съ которымъ навсегда пребываю вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

P. S. Прошу Васъ поклониться отъ меня господину Добровскому.

С.-Петербургъ,
Октября 18 дня 1827 года.

12.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Письмо г. колежскаго совѣтника Кеппена при условіи императорской россійской академіи отъ 10 февр. с. г. доставлено мнѣ здѣсь не болѣе, какъ вчера: того ради спѣшу Вашему Высокопревосходительству радостное мое принятіе и неизреченную благодарность объявить. Я буду стараться соотвѣтствовать поданой мнѣ почести усерднѣйшими услугами, и льщу себя надеждою, что онѣ, потому что всесловянская словесность всегда любимое мое упражненіе, какъ ихъ отъ меня сіятельная академія ожидаетъ, успѣвать будутъ. При семъ тоже всепокорнѣйше просить отважаюсь, естьли катедра всесловянской литературы въ С.-Петербургѣ учредится, чтобъ Ваше Высокопревосходительство меня вспомнить благоволили.

Пору переселенія моего оставляю назначенію сіятельной академіи, однакожь бы я примѣтить отважился, чтобъ выгоднѣе было, нужныя библіотекѣ книги немедлѣнно какъ только можно скупывать, бо коммиссіонарами это всегда труднѣе и ненадежнѣе. Удобнѣйшая пора къ тому бы была во время публичной продажи библіотеки покойнаго графа Стернберга (сконч. 8 апр. н. с.), въ которой большое число чешскихъ рѣдкостей находится. Къ дополненію сего собранія старыхъ книгъ маленькое путешествіе

по Чехамъ и Моравіи очень хорошо бы послужило. Что касается съ другой стороны вендицкихъ и поморянскихъ книжекъ и рукописей, то возможно бы было вылетомъ (par excursion) въ Будешинъ, Котвицы (Kotbus) и Щетнинъ скупить и съ остатками сихъ нѣкогда расширенныхъ людовъ словянскихъ въ самомъ мѣстѣ познакомиться. Того ради въ семъ предметѣ прошу о милостивое рѣшеніе, чтобъ я могъ изъ настоящихъ объязанностей моихъ выступить, бо по заключенному договору мнѣ не токмо полгодомъ впередъ отказать надобно, но я тоже объязанъ по должности (ex officio) всякую книгу, которой бы еще въ библіотекѣ музея недоставалось, можно ли ону въ сходной цѣнѣ получить, сему сословію уступить. При чемъ и примѣтить дерзаю, чтобъ сіятельная академія, ежели бы подобныхъ засыланія книгъ за благо приняла, о безпошлиность въ Россіи стараться благоволила и мнѣ при семъ мои книги и другія вещи приложить милостиво допустила.

Впрочемъ надѣюсь, что библіотекарь, какъ это вездѣ обыкновенно, при библіотекѣ и выгодное жилище имѣетъ, о которое всепокорнѣйше прошу. И потому что я никогда съ семействомъ въ сихъ сторонахъ не путешествовалъ, то мнѣ неизвѣстно, ежели назначенныя дорожныя деньги довлѣютъ, и того ради надѣюсь, что, естьли бы ихъ недоставалось, мнѣ такія сіятельная академія милостиво наградитъ. Вступленіе мое въ предѣлы росс. имперіи засвидѣтельствованіемъ граничнаго чиновника покажу. Но незнаючи, ежели выходу какъ моему, такъ г. Челаковскаго, здѣшнѣе правленіе препятствовать не будетъ, думаю, что бъ это скорѣе и надежнѣе было, когда бъ это императорская россійская академія посредствомъ императорскаго посольства въ Вѣнѣ промыслить благоволила.

Сохраните Небеса еще на долго словянскому свѣту Высокопревосходительство Ваше! чтобъ и всякій его народъ порознь познать, уважить и оцѣнить благотворенія такой усердности, которой потомство благодарить и прославлять не устанетъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю поры, которая меня въ словянское правленіе и въ покровительство великодушнѣйшаго въ свѣтѣ государя переселитъ, съ какимже чувствованіемъ на всегда пребываю и пр. Вячеславъ Вячеславичь Ганка.

Въ Прагѣ,
Апрѣля 17/29 д. 1830 г.

13.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

С.-Петербургъ.
27 Декабря 1838 года.
№ 154.

Милостивый Государь!

Г. Министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ Императорскую Россійскую Академію, что Вы и Г. Шафарикъ приготовили о Славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ нѣкоторыя свои сочиненія, которыя желали бы издать въ свѣтъ, но не имѣете нужныхъ къ тому способовъ. Академія, обращая вниманіе, какъ на увѣдомленіе Г. Министра, такъ и на прежнія сношенія Ваши съ нею, положила: на изданіе сихъ трудовъ Вашихъ отправить къ каждому изъ Васъ по три тысячи рублей, кои Вы и получите.

Славянскій языкъ есть самый древній; обработываніе и раскрытіе онаго было бы полезно не токмо для его нарѣчій, но и вообще для всѣхъ языковъ. Весьма было бы желательно, чтобы для тѣхъ Славянскихъ нарѣчій, для которыхъ нѣтъ еще словарей, составлены были словари достаточные и полные. Къ сожалѣнію языкъ нашъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ иностраннымъ державамъ; но когда бы онѣ имѣли достаточное въ немъ знаніе, то каждая изъ нихъ почерпнула бы изъ него многія свѣденія и о собственномъ своемъ языкѣ. Аделунговъ, напримѣръ, Словарь, впрочемъ весьма достойный, принесъ бы Нѣмецкому языку великую пользу, если бы трудолюбивый сочинитель онаго, вмѣсто ошибочныхъ словопроизводствъ изъ другихъ языковъ, могъ почерпать изъ нашего ближайшее и вѣрнѣйшее. Я упражняюсь въ томъ давно и хотя привелъ многія тому доказательства, но нашелъ бы ихъ еще болѣе, если бы болѣзни и лишеніе зрѣнія не отняли у меня возможности упражняться въ сихъ, требующихъ великаго труда, изслѣдованіяхъ.

Желая отъ искренняго сердца, чтобы Вы и Ваши ученые мужи возвысили языкъ нашъ и содѣлали его болѣе извѣстнымъ, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю Вашимъ покорнымъ слугою

А. Шишковъ[1]).

Господину Ганкѣ.

14.

Ваше Высокопревосходительство, М. Г.!

Драгоцѣнное письмо, врученное мнѣ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, возбудило во мнѣ неизъяснимыя чувства, ко-

[1]) Такое же письмо отправлено было Шафарику.

nadzwyczaynie zaięty i zapomniałem to zanotować. Jeżeli posłałem dwa exemplarze, to proszę ieden wręczyć Panu Szafaryku i oświadczyć mu odemnie ukłon z uszanowaniem moim. P. Szafaryk, iak słyszałem, wydał mappę ziem i krajów słowiańskich, która ma bydź bardzo interessuiąca i ciekawa. Spodziewam się, że ią można kupić w Pradze, to ia bardzo proszę dla mnie dwa exemplarze tey mappy kupić. A ieden exemplarz mi iak można nayprędzey przez pocztę do P. Hausner i Violland do Brodów przysłać, ale bardzo Pana upraszam i chwili w przysłaniu mi tey mappy nie tracić, bo ona nam tu iest b a r d z o i b a r d z o p r ę d k o potrzebna. Dla łatwieyszego przysłania można ią w kilkoro składać, ażeby była tak, iak wielki list, to łatwiey przysłanie przez pocztę uskuteczni się. Drugi zaś exemplarz, któren życzę mieć w moiey Bibliotece, proszę późniey przysłać, kiedy Pan mi książki przyszlesz, ale to iuż nie składaną i nie łamaną.

Moneta, którey odcisk Pan mi przysłał na papierze, iest niezawodnie Króla Serbskiego. Ona mnie się zdaie iest Urosiusa I, aliter Stephanus 1243—1291, powinna mieć nadpis Moneta Regis Stefani, conf. Szechény P. 3. pag. 44. Tab. 7. n. 54. 55. Gdyby Pan mógł przysłać mi za zręcznością odciski na laku, albo odlewania z gypsu z niektórych monet złotych, znalezionych w Trzebowicach, bardzo byś mnie Pan zobowiązał, bo ia takich monet ieszcze nigdy nie widziałem; szkoda wielka, że choć iednego dubleta niema. Już dosyć dawno naszego lubego Nikolaia Dmitrowicza [1]) nie widziałem, gdyż ia byłem słaby, a on bardzo zaięty, a przytem między iego pomieszkaniem a moim droga okropna, bo iedną górę poprawiaią, a przez drogę trzeba iechać daleko dłuższą i nie brukowaną. Jak go zobaczę w tych dniach, co łatwiey będzie, gdyż mróz teraz drogi zaczyna poprawiać, to iemu oświadczę, co Pan o nim piszesz.

Zostaię etc. St. Chaudoir.

z Kiewa,
30 Nov. 1842.

3.

WMD! Przepraszam Pana, że dotychczas nie odpisałem na list Pański 23 Dec., ale przez tę zimę byłem ciężko słaby. Żurnały Ministerstwa просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ Pan wkrótce odbierzesz. Proszę mi napisać, czy Żurnała внутреннихъ дѣлъ

[1]) Н. Д. Иванишева.

miczny ogromnego tego Zakładu z znaczną odpowiedzialnością, zwłaszcza, że wymurowano piękne i wielkie zabudowanie dla tego Instytutu, do którego w tych dniach z tymczasowego maią się przenosić, więc tak byłem zaięty, że nawet własne interesa przymuszony byłem wręczyć Plenipotentowi, ażeby się iedynie tym zaiąć i nieodstępnie w Kijowie siedzieć. Odebrałem książki, które mi Pan raczył przysłać, i piszę do P. Hausnera, żeby Panu kazał wypłacić 54 f. 30 kr. Bardzo Panu dziękuię za przysłane nowości i facsimile, które są doskonale zrobione.

Co do medalu, którego Pan mi przysyłasz rysunek, nie mogę niestety zgłaszać się z opinią Pańską. Takowe medale często znayduią w Panonii i Dacyi, te narody barbarzyńskie mieli zwyczay naśladowania różne monety, nie maiąc swey własney. I ten medal złoty do tey należy kategoryi. Jest to imitacya medalów złotych Alexandra Wielkiego Macedończyka, z iedney strony głowa Minerwy, a na odwrocie Victoria, trzymaiąc maszt okrętowy i koronę. Nadpis zaś iest naśladowanie człowieka, nie umieiącego czytać słowa ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Miałem takowych medalów kilka w moim zbiorze, a na każdym nadpis był inaczey naśladowany.

Spodziewam się, że Pan odebrał paczkę ksiąg rossyiskich, które Panu przez P. Hausnera odesłałem i które proszę umieścić w Pańską Bibliotekę, iako dowód szczerego szacunku i przyiaźni moiey dla osoby Pańskiey.

Przeiazdka kilkodniowa pozbawiła mnie poznać P. Pogodina, któren przez Kijów przeieżdżał i któren pewnie teraz u Pana się znayduie. Jeżeli on ieszcze iest w Pradze, to proszę mu oświadczyć, iak bardzo tego żałuię. Przyimiy Panie wyrazy moiey szczerey wdzięczności za przyiacielskie przyięcie, którym nas raczyłeś zaszczycać etc. Chaudoir.

Nasz dobry i ulubiony Iwaniszef zdrów i ciągle pracuie, kłania się Panu ślicznie.

z Kijowa,
6 Septembra 1842.

2.

WMD! Odebrałem list Pański d. 26 Nov. pisany, dziękuię za przysłane książki, które w swym czasie oczekuię. Ale Pan mi nie przyłączasz reiestr, wiele ia Panu winien. Zapomniałem, czy posłałem Panu ieden, albo dwa exemplarze moiey książki o ruskich monetach po rossyisku. Wysyłaiąc te książki, byłem właśnie

nadzwyczaynie zaięty i zapomniałem to zanotować. Jeżeli posłałem dwa exemplarze, to proszę ieden wręczyć Panu Szafaryku i oświadczyć mu odemnie ukłon z uszanowaniem moim. P. Szafaryk, iak słyszałem, wydał mappę ziem i krajów słowiańskich, która ma bydź bardzo interessuiąca i ciekawa. Spodziewam się, że ią można kupić w Pradze, to ia bardzo proszę dla mnie dwa exemplarze tey mappy kupić. A ieden exemplarz mi iak można nayprędzey przez pocztę do P. Hausner i Violland do Brodów przysłać, ale bardzo Pana upraszam i chwili w przysłaniu mi tey mappy nie tracić, bo ona nam tu iest b a r d z o i b a r d z o p r ę d k o potrzebna. Dla łatwieyszego przysłania można ią w kilkoro składać, ażeby była tak, iak wielki list, to łatwiey przysłanie przez pocztę uskuteczni się. Drugi zaś exemplarz, któren życzę mieć w moiey Bibliotece, proszę późniey przysłać, kiedy Pan mi książki przyszlesz, ale to iuż nie składaną i nie łamaną.

Moneta, którey odcisk Pan mi przysłał na papierze, iest niezawodnie Króla Serbskiego. Ona mnie się zdaie iest Urosiusa I, aliter Stephanus 1243—1291, powinna mieć nadpis Moneta Regis Stefani, conf. Szechény P. 3. pag. 44. Tab. 7. n. 54. 55. Gdyby Pan mógł przysłać mi za zręcznością odciski na laku, albo odlewania z gypsu z niektórych monet złotych, znalezionych w Trzebowicach, bardzo byś mnie Pan zobowiązał, bo ia takich monet ieszcze nigdy nie widziałem; szkoda wielka, że choć iednego dubleta niema. Już dosyć dawno naszego lubego Nikolaia Dmitrowicza [1]) nie widziałem, gdyż ia byłem słaby, a on bardzo zaięty, a przytem między iego pomieszkaniem a moim droga okropna, bo iedną górę poprawiaią, a przez drogę trzeba iechać daleko dłuższą i nie brukowaną. Jak go zobaczę w tych dniach, co łatwiey będzie, gdyż mróz teraz drogi zaczyna poprawiać, to iemu oświadczę, co Pan o nim piszesz.

Zostaię etc. St. Chaudoir.

z Kiewa,
30 Nov. 1842.

3.

WMD! Przepraszam Pana, że dotychczas nie odpisałem na list Pański 23 Dec., ale przez tę zimę byłem ciężko słaby. Żurnały Ministerstwa просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ Pan wkrótce odbierzesz. Proszę mi napisać, czy Żurnała внутреннихъ дѣлъ

[1]) И. Д. Иванишева.

Panu nie dostaie 1842 годъ, to ia go Panu przeszlę. Pan nie piszesz mi, co ia Panu za przysłane książki winien iestem. Ostatnią posyłkę i Narodopis Pana Šafarika z Mappą odebrałem i bardzo za przysłanie mi onych dziękuię. Książki dla lubego naszego Николая Дмитріевича wręczę iemu temi dniami, iak przyidzie do mnie—on teraz zaięty, bo nowego wybieraią Rektora. Odciski gypsowe ieszcze nie odebrałem, ale spodziewam się, że wkrótce odbiorę.

W Bibliotece moiey wiele posiadam dzieł bibliograficznych, ale o czeskiey bibliografiji ledwie wspomniano. Czy exystuie dzieło, opisuiące dawną bibliografią czeską? Jeżeli ono exystuie, to proszę mi ieden exemplarz przysłać, a przynaymniey iakiś katalog, który przy sprzedaży publiczney iakiey Biblioteki dzieł Czeskich był wydany, bo ten oddział bibliografii iest mi zupełnie nieznaiomy, bardzo mi tem Pan wielką łaskę uczynisz. Tu u nas wszystko bardzo cicho. Prócz iednego naszego Nikołaia, któren się nauką zaymuie szczerze, wszyscy tylko ubiegaią się za czynami i orderami, a naukę tylko uważaią iako drabinę, by one dosięgać. Ta nieszczęśliwa czynomania iest zgubą naszey kochaney Oyczyzny i przeszkadza, żeby się Rossya podniosła do wysokiego stopnia, któren pomiędzy naycywilizowańszemi narodami przystoi. Proszę kłaniać się odemnie P. Šafarikowi i przyiąć odemnie i od żony moiey wyrazy nayszczerszey przyiaźni. Zostaię etc.

Chaudoir.

z Kijowa,
18 Marca 1843.

4.

Hochwolgebohrener Herr!

In meinem früheren Schreiben habe ich Ihnen dem Empfang der Bücher angezeigt, später habe ich auch die Gypsabdrücke erhalten, sie sind höchst interessant und ich danke Ihnen vielmals für beyde. Den Journal Министерства Народнаго Просвѣщенія und den vom Министерства внутреннихъ дѣлъ habe ich praenumerirt, nur schien es mir, dass es viel zu theuer wäre es gerade nach Prag zu schicken und dass es Ihnen gleichgültig seyn wird sie alle 3 Monate zu erhalten, sobald ich die erste Partei erhalte, werde ich sie Ihnen sogleich durch den gewöhnlichen Weg schicken. Uebrigens kann ich Ihnen jetzt nichts neues mittheilen, denn ich bin einige Wochen sehr krank gewesen und erst seit einigen Tagen aus dem Bette.

szę mi napisać, iakie mianowicie, ażeby d
kie książki, które Pan iuż posiadasz. Ja b
ieszcze Panu posłać w dowód przyiaźni p
szę mi prędko napisać, iakie Pan sobie ż
ku tygodni ciężko byłem słaby, i dopier
w stanie trochę się znowu zaiąć.

Nasza kommissya do wydawania dav
brze pracuie, my 1-szy Tom wydamy okc
tylko wyidzie z pod prassy, zaraz Panu i
Николай Дмитріевичъ zdrów, ale okropni
nu ślicznie. Oddaiąc się szanowney przyiaź

z Kijowa,
8 Sept. 1844.

7.

WMD! Właśnie odbieram przysłane
we i dawne. Herburt francuzki mnie nadzv
go ieszcze nigdy nie widziałem. Herbers
znayduię się w moiey Bibliotece, ale zd
iaciela, któren zbiera wszystkie dzieła Po
wane, lub które o Polszcze wzmiankuią, i
steina włoskiego bardzo zazdrościł.

Dziś wysyłam Panu małą skrzyneczl
тырь и Сборникъ kiiowskie, **Выходы Гос**
шина, 9-й Томъ Жуковскаго (Pan pewni
poprzednicze, ten tylko co w tym roku w
да законовъ, Сказанія Сахарова 2-й томъ.
ki nie są nowe, ale żadnym sposobem n
lepszych exemplarzów, ieżeli mi się późn
Panu, a tym czasem mi się zdało, że dla
mi przyiaciel odstąpił, posłać, aniżeli nic.
нерлинга въ 4 частяхъ wypisałem z Pete
go exemplarza dostać nie można było, **wkr**
ieszcze nie wydał **Пѣсни русскаго Народ**
Chciał to uczynić, ale podobno nie przyić
wiono; ieżeli wyidzie, to Panu zaraz poszlę
tom naszych Aktów. Spodziewam się, ż
nuaryi będzie gotów.

Pomimo wszelkiey staranności, żeby
ryi Woy. Gubernatora posyłkę **książek**

się dostanie. Widziałem iuż kilka razy P. Seliga, on zdaie się bydź bardzo miły człowiek, i spodziewam się z nim częściey widzieć; niebardzo szczęśliwe mieysce dostał, wątpię, żeby w tym domu długo się został. Oddaię się szanowney przyiaźni Pańskiey. Żona moia ślicznie się Panu kłania i dziękuie za pamięć. Zostaię etc.

St. Chaudoir.

z Kijowa,
29-go Novembra 1843.

6.

WMD! Przepraszam Pana, żem tak długo nie odpisał na list Pański, d. 1 Kwietnia do mnie adressowany. Ale z początku przyczyna była, że z posyłką Pańską nieszczęście się stało, które mnie bardzo zgryzło, to iest, że podług formy poczta tę paczkę odesłała do kancellaryi JW. Woiennego Gubernatora, która ią miała odesłać do Cenzury, żeby po przepatrzeniu mnie ią dostawić. Ale w kancellaryi JW. Woiennego Gubernatora ta paczka przepadła; nie wiadomo, co z nią się stało, i daremnie ią szukali, więc ia, maiąc zawsze nadzieię, że w takim mieyscu to nie może przepaść, czekałem, aż nakoniec iuż wszelka nadzieia ią znaleść stracona, co mi bardzo było boleśno. W tey paczce także były zeszyty Archiwa Czeskiego i Pieśni łużyckich, które z rycinami razem przepadły, więc proszę mnie ie powtórnie przysłać; to pewnie Swazek 11 i 12 Dílu druhého, które przepadły, bo ia mam Swazek 10 i przez P. Cicurina odebrałem z łaski Pańskiey Swazek 1 Dílu 3-ho; Pieśni łużyckich mam Tomu 2-go do stronicy 160-tey.

Proszę Pana mi napisać, wiele ta posyłka kosztowała, ażebym Panu ten łaskawy wydatek mógł zwrócić, bo do tych czas ieszcze mnie o tym Pan nie raczył uwiadomić. Smiem iednak Pana prosić, żebyś mnie Pan ieszcze raz posyłkę takich starych rycin, czy to Holzschnitte, czy to Kupferstiche z dawnieyszych wieków raczył uczynić, bo raz może przepaść, ale nie dwa razy, a ia z naywiększą wdzięcznością Panu wydatek przez Hausnera każę zwrócić. Ja wielki ochotnik do rycin dawnych, ale w tym kraiu ani iedney dostać nie można, z Wiednia dawniey dostawałem niektóre ładne rzeczy, ale teraz iuż dawno nic mi nie przysyłaią, tylko piszą, że się nic takiego nie pokazuie. Więc bardzo by mi Pan wielką przyiaźń oświadczył, żebyś był łaskaw ieszcze raz takich rycin przysłać. W tey ławce podobno w Eisengasse to była tego ogromna moc, to łatwo tak na szczęście na iakie 50 f. co wybrać. Żebyś Pan życzył mieć iakie Rossyiskie książki, to pro-

szę mi napisać, iakie mianowicie, ażeby daremno nie posyłać takie książki, które Pan iuż posiadasz. Ja bardzo życzę przed zimą ieszcze Panu posłać w dowód przyiaźni paczkę książek, więc proszę mi prędko napisać, iakie Pan sobie życzysz. Ja teraz od kilku tygodni ciężko byłem słaby, i dopiero dni kilka iak iestem w stanie trochę się znowu zaiąć.

Nasza kommissya do wydawania dawnych Pamiętników dobrze pracuie, my 1-szy Tom wydamy około 1 Januaryi 1845. Jak tylko wyidzie z pod prassy, zaraz Panu ieden exemplarz poszlę. **Николай Дмитріевичъ** zdrów, ale okropnie zaięty, kłania się Panu ślicznie. Oddaiąc się szanowney przyiaźni Pańskiey, zostaię etc.

St. Chaudoir.

z Kijowa,
8 Sept. 1844.

7.

WMD! Właśnie odbieram przysłane mi łaskawie książki nowe i dawne. Herburt francuzki mnie nadzwyczaynie ucieszył, gdyż go ieszcze nigdy nie widziałem. Herberstein włoski chociaż iuż znayduię się w moiey Bibliotece, ale zda się dla iednego przyiaciela, któren zbiera wszystkie dzieła Polskie, w Polszcze drukowane, lub które o Polszcze wzmiankuią, i któren mi tego Herbersteina włoskiego bardzo zazdrościł.

Dziś wysyłam Panu małą skrzyneczkę dzieł Ruskich. **Псалтырь и Сборникъ** kiiowskie, **Выходы Государей, Записки** Porошина, **9-й Томъ Жуковскаго** (Pan pewnie iuż posiadasz 8 tomy poprzednicze, ten tylko co w tym roku wyszedł), **Указатель Свода законовъ, Сказанія Сахарова 2-й томъ.** Te ostatnie dwie książki nie są nowe, ale żadnym sposobem nie mogłem teraz dostać lepszych exemplarzów, ieżeli mi się późniey uda, to przeszlę co Panu, a tym czasem mi się zdało, że dla użycia lepiey te, które mi przyiaciel odstąpił, posłać, aniżeli nic. **Карамзина изданіе Эйнерлинга въ 4 частяхъ** wypisałem z Petersburga, bo tu i iednego exemplarza dostać nie można było, wkrótce odeszlę. **Сахаровъ** ieszcze nie wydał **Пѣсни русскаго Народа** w iednym tomie in 8°. Chciał to uczynić, ale podobno nie przyidzie do tego, iak mi mówiono; ieżeli wyidzie, to Panu zaraz poszlę. My tu drukuiemy 1-szy tom naszych Aktów. Spodziewam się, że w końcu miesiąca Januaryi będzie gotów.

Pomimo wszelkiey staranności, żeby wynaleść w Kancellaryi Woy. Gubernatora posyłkę książek i kopersztychów, przez

Pana mnie przysłaną, i pomimo rozkazów samego J. Gubernatora, iednak nic nie znaleziono i na wieki przepadło; to dla mnie nad wyrazy bolesno, zwłaszcza że Pan mi piszesz, że to tak rzadkie i ważne kopersztychy byli, tyczące się Rossyi i Polski. To dla mnie nigdy nie nadgrodzona strata. Ale ieszcze raz powtarzam mą prośbę, żeby przynaymniey mogły być dokompletowane Archiw Czeski, którego brakuie Swazek 2-gi Tomu 3-go i Volkslieder der Wenden, których brakuie Tomu 2-go arkusze z signaturą 21 do 28, czyli od strony 161 do strony 224 inclusive. Gdyby nawet Pan miał za ten ieden brakuiący zeszyt zapłacić tyle i więcey, iak za cały tom, tobym Panu to z wdzięcznością zwrócił, bo to dwa są dzieła, które dla mnie bardzo są interessuiące i przez ten brak zupełnie zepsute. Bardzo Pana proszę nie odmawiać mi w tym swoie łaskawe posrzednictwo. Bilet Pański wręczyłem P. Iwaniszewowi; on zdrów, ale teraz okropnie zaięty: 1° swoim Professorstwem, 2° naszą kommissią, którey on Управитель дѣлъ, i 3° nawiązali mu ieszcze mieysce Inspektora klass w naszym Instytucie благородныхъ дѣвицъ, więc teraz przed świętami trudno mu było odpisać Panu, a w tych dniach z tego długu przyiaźni iego ku Panu się uiści.

Właśnie wyszedł w Odessie 1-szy tom Zapisek tameyszego Общества исторіи и древностей; skoro odbiorę, przeszlę Panu exemplarz, bo wiele w nim ciekawych rzeczy. Zostaię etc.

Chaudoir.

Żona moia slicznie się Panu kłania.

z Kijowa,
22 Października 1844.

8.

WMD! Bardzo mi przyiemno było odebrać w tych dniach list tak Szanownego Przyiaciela mego, d. 26 Aprilis pisany. Długo w drodze przebywał dla złych dróg i przerwania wszystkich grobl w tym kraiu!

Bardzo Panu dziękuię za łaskawą staranność dla uzupełnienia przez taki niesłychany przypadek straconych kontynuacyi i pieśni Wędskich i Archiwum. Jest to prawdziwy dowód Przyiacielski, za któren przeięty iestem wdzięcznością. Przepraszam, że do tych czas nie odesłałem Karamzyna, ale tuteyszy księgarz Ruski Litof zawiódł mnie, wziął pieniądze i książki nie dostawił, więc wprost z Stolicy wypisałem i spodziewam się wkrótce odebrać. To razem z naszemi Pamiętnikami Kijowskiey Kommissyi i niektóremi innemi nowościami Panu poszlę.

Z Rejestru, mi przez Pana przysłanego rycin różnych, wybór nie robię, bo ceny mi nie są wiadome, gdyż na tym Rejestrze nie dodane, a może bardzo drogie. Ale na los szczęścia proszę Pana wybrać na fl. 60 albo 100. Oddaię to na łaskawy wybór i osądzenie Pańskie. Gdyby między Tyntoreta rycinami były ryciny Zabicia niewinnych dzieci przez Heroda w Betlehemie (których iest 2 albo 3 odmiennych), to bym o te bardzo prosił. Dostałem niedawno bardzo piękną skicę oleyną, wyobrażaiącą te pobicie, i mnie się zdaie, że to robota Tintoreta, i żem kiedyś widział takową rycinę lub wielkie malowidło, ale nie mogę pamiętać gdzie i chciałbym się o tym przekonać. Ta skica pewnie z Wenecianskiey szkoły i wszelkie przyznaki ma ręki Tintoreta. Nasz biedny Николай Дмитріевичъ okropnie zaięty: prócz swego Professorstwa ieszcze naznaczyli go Inspektorem Instytutu благородныхъ дѣвицъ i Sekretarzem naszey Kommissyi dla wydrukowania dawnych dokumentów, tyczących się tych gubernii, tak pracuie, że aż schudł. Kłania się Panu ślicznie. Chaudoir.

z Kijowa,
7 Maja 1845 r.

9.

WMD! Nakoniec posyłam Panu Karamzina, którego Pan życzyłeś mieć, nie moia wina, że się to tak przedłużyło, ale księgarza, któren mi kilką razy taki nieprzyiemny zawód zrobił. Przyłączyłem ieszcze niektóre nowości, a między innemi broszurkę o wałach Trojanowych, która wyszła z zbyt uczonego mózgu, albo z zbyt głupiego, les extrêmes se touchent. My teraz bardzo zaięci układaniem i tłomaczeniem 2-go Tomu Памятниковъ naszey Kommissyi. Pierwszy Tom był tu w Kijowie przedstawiony Nayiaśnieyszemu Panu naszemu i bardzo mu się podobał, kazał Kommissyi dziękować. Okrutnie trudno tu o ludzi, będących w stanie dobrze przetłumaczyć z Słowiańskiego i Staroruskiego na Rossyiski ięzyk. Bardzo Panu dziękuię za przysłane kopersztychy, ale iuż proszę więcey takich nie kupować, część wprawdzie między niemi była bardzo dobra, ale większa część tak splamiona, obszarpana i oberznięta, że ią nie mogę do kollekcyi dołączyć.

Herbersteina mam iuż kilka wydań, i między innemi także wydanie niemieckie Francfurt 1576. Tu u nas wszystko teraz cicho i spokoynie. Nowości literackich mało i te nieciekawe. Tylko to, że tu Prezes naszey Kommissyi z P. Sudienkiem zaczynaią wydawać swoim kosztem Starożytności Kijowskie in fol. Edition de

luxe, to iest proiekt i rysunki po części gotowe; czy istotnie przyidzie do skutku, nie wiadomo.

Czy nie można będzie dostać od łaski Pańskiey fac-simile autografu Marcina Luthera, któren Pan znalazł na okładce edycyi łacińskiey sw. Oyców, które Pan kupił; bardzo bym sobie życzył taki fac-simile Luthera mieć, bo ieszcze mi się nie trafiło widzieć iego pisanie. Nasz Iwaniszew okropnie obarczony robotą, tak że tylko zrzadka z nim się widuię. Nadto wiele na niego nałożyli roboty, bo przez to on iuż w swoim przedsięwzięciu napisania Historyą czyli Porównienie Praw różnych słowiańskich nie może postępować, i to dla uczonego świata wielka strata. Napisz mi Pan, proszę, czy Panu posłałem exemplarz mego dzieła o monetach Chińskich, bo nie pamiętam. W niey iest rozdział dosyć ciekawy o papierowych monetach chińskich. Zostaię etc.

Chaudoir.

z Kijowa,
1 Oktobra 1845.

10.

WMD! List Pański d. 18-go Oktobr. odebrałem. Spodziewam się, że Pan moie dwie posyłki książek odebrałeś, i nawet trzy. 1-sza—kiedy nie mogłem przyłączyć żądanego Karamzina, to kilka innych książek posłałem—to iuż bardzo dawno. 2-ga. Pierwszy tom naszych Памятниковъ временной Коммиссіи. 3-cia. Karamzin i kilka innych dzieł, a między innemi kazania naszego Ruskiego naylepszego kaznodzieia Archiepiskopa Charkowskiego Inokentia. Pisałem niedawno do Pana dziękuiąc za przysłanie kopersztychów. Niektóre między niemi byli dobre, ale większa część tak potarte, tak oberznięte, że ich do kollekcyi nie mogę używać, ani wcielić.

Jak wyidzie z druku Pańska Ewangelia, to bardzo proszę mi ieden exemplarz przysłać i napisać mi, co za niego będę Panu winien, bo to bardzo ciekawe wydanie, w połączeniu z innemi starodawnemi Ewangeliami, i ważne dla ięzyka Słowiańskiego, zwłaszcza przydatek Pański. Literatura Słowiańska codziennie Panu więcey winna wdzięczności za głębokie trudy Pańskie w tym dla nas tak ważnym przedmiocie.

Nasza Kommissya teraz zaięta przygotowaniem materyałów do 2-go tomu, ale druk się trochę spózni dla trudności o dobrą drukarnię. Drukarnia Uniwersytetska tak nieporządna, że przymuszeni iesteśmy nową drukarnię zakładać, a ta dopiero będzie mogła rozpocząć druk po nowym roku. Ale w Decembrze wyidzie Sek-

stern Starożytności, które nasz Iwaniszew znalazł w kurganie czyli mogile, dosyć ciekawe. Chaudoir.

z Kijowa,
26 Oct. 1845.

11.

WMD! W tych dniach oczekuię ostatnią posyłkę Pańską, gdyż iuż z Brodów mam o niey wiadomość. Dziś włożyła na mnie nasza Kommissya obowiązek prosić Pana o łaskawe uwiadomienie, czy istotnie znayduie się w Pradze blacha złota z różnemi wyobrażeniami, która ma bydź kopią blachy złotey z R. 1039, przez X-cia Czeskiego zabraney w Kijowie, i czy ona na litografii, przez Karola Prozora wydaney, czyli raczey z iego rysunku przez Hr. Tyszkiewicza publikowaney, dobrze zrobiona. W niepewności, czy ta litografia się u Pana znayduie, posyłam ią Panu za zwykłym posrzednictwem Pana Hausnera, prosząc Pana o podrobne objaśnienie w tym przedmiocie, gdyż tak iak to starożytności Kijowskiey ma bydź zabytek, my by ią przyłączyli do zbioru starożytności, którego my teraz z rozkazu Nayjaśnieyszego naszego Imperatora wydawamy, i którego ia Panu odeszlę exemplarz, skoro tylko wyidzie z litografii i z druku. Zdaie się, że bardzo pięknie się litografia udaie. Chaudoir.

Jeżeli ta tablica istotnie się znayduie w Pradze i zabytek starożytności Kijowskiey przypomina, to w przypadku, by rysunek nie był bardzo akuratny lub źle zrobiony co do wyrazu twarzy etc., to bym Pana prosił w Imieniu Kommissyi kazać ią starannie odrysować, za co bym Panu z wdzięcznością wydatki zwrócił.

z Kijowa,
24 Nov. 1845.

12.

WMD! Ja w tłumie zaięć moich podobno zapomniałem Panu odpisać na zapytanie o autorze dzieła Mittelälterliche Völker-Historien fol., Basel 1560; nie posiadam tey książki, ale mam nadzieię, że wkrótce się dowiem, kto ią napisał. Nie pamiętam także, czy Panu napisałem, że z dzieła Paprockiego posiadam: Diadochos, Zrcadło Slawn. Margrabstwy Morawskeho, Sztambuch Slezsky, w którym brakuią na końcu 4 kartki, Gniazdo Cnoty, Herby Rycerstwa Polskiego, ale Ogród Królewski, Panosza i in-

ne dzieła iego ieszcze nie posiadam i bardzo byś mnie Pan uczynił łaskę wielką, gdyby które z nich Pan by dla mnie mógł dostać.

Książki przez Pana przysłane z wdzięcznością odebrałem i za one bardzo Panu dziękuię, iako też i za wiadomość o tablicy kanonika Pontana, którą udzieliłem naszey Kommissyi. Znalazłem w 4-ym Tomie Codexu Morawiae przyłączoną Notatę. Odsyłam ią Panu, gdyż nie wiem, dla czego ona się tam znaydowała. Jeżeli to książka do nabycia, a Panu nie potrzebna, to bym ia ią chętnie nabył. My tu kończemy druk Древностей zeszyt 1-szy. Jest to opisanie i tablica rzeczy, znalezionych w iednym rozrytym kurganie czyli mogile. Takoż prędko zaczniemy drukować drugie wydanie Памятника Tomu 1-go i Tom 2-gi, któren iuż zupełnie do druku przygotowany i w którym daiemy dalszy ciąg o Bractwach, Ustaw o król. Poddanych za Zygmunta Augusta i dalszy ciąg Materyałów do Historyi Małorossyiskich Kozaków; w liczbie są dokumenta bardzo ciekawe.

Za przysłanie Ewangelii Sazawo-Emausskiey bardzo Panu wdzięczny iestem, iest to piękny i bardzo pożyteczny trud Pański. Powszechnie tu zainteressował naszych lubowników Słowiańszczyzny. Chaudoir.

My tu bardzo spokoynie żyiemy, gorączka nam się tu nie dała w znaki. Николай Дмитріевичъ kłania się Panu, on tak obarczony iest robotą i różnemi zaięciami, że i chwili iedney niema wolney, tak dalece, że ia go tylko ex officio widuię.

z Kijowa,
18 Marca 1846.

13.

WMD! Nakoniec udało mi się wynaleść Pańskie Mittelälterliche Völker-Historien. Jest to tłomaczenie Cromera Kronikę na ięzyk niemiecki przez Henryka Pantaleona, drukowane w Basel roku nie 1560, ale 1562, w typografii Henri Petri, stron 458. Jeżeli by się Panu kiedyś zdarzyło znaleść drugi exemplarz, to proszę go dla mnie kupić, i tym mnie Pan bardzo zobowiążesz, bo takiego rodzaiu dzieł naybardziey zbieram i iuż dosyć mam bogatą kollekcyą.

Tak iak tu znayduie się dosyć ochotników na Pańskie Sazawo-Emauzskie Ewangelium, to proszę Pana przysłać mi iak można prędzey, pod adressem P. Hausnera i Viollanda w Brody, 50 exem-

plarzy. Pieniądze Panu wkrótce przez P. Hausnera każę wypłacić, a mam nadzieię, że wkrótce potym ieszcze 50 exemplarzy więcey będę mógł dla Pana w tym kraiu zbyć. Tak iak o nowościach naszych literaturnych Kijowskich Panu przeszłą pocztą iuż napisałem, to kończę wyrażeniem, że zostaię zawsze z wysokim uszanowaniem etc. Chaudoir.

z Kijowa,
21 Marca 1846.

14.

WMD! Miałem zaszczyt pisać do Pana temu iuż kilka tygodni, prosząc o przysłanie mi 50 exemplarzy Ewangelii Sazawo-Emausskiey. Nie maiąc od Pana żadney wiadomości, obawiam się, czy czasem przez wypadki Gallicyiskie list móy może rąk Pańskich nie doszedł, przeto powtarzam moią prozbę z dodatkiem, że ieżeli mi Pan ieszcze chcesz powierzyć w komis drugie 50 exemplarzy, to spodziewam się, że i te z łatwością tu rozdam. Jak tylko dowiem się, że Pan te książki wysłał i o ich cenę, to w ten moment każę Panu za 50 exemplarzy przez Hausnera pieniądze wypłacić. Za drugie zaś exemplarze to pieniądze nieco późniey Panu doydą.

Upraszam Pana o jaknayrychleysze wysłanie i o życzliwą odpowiedź. Tu w świecie literackim niema nic nowego. Temu tydzień odesłałem Panu dzieła Ломоносова in 4°, które racz Pan przyiąć. Chaudoir.

Николай Дмитріевичъ wyiechał na parę tygodni w okolicy rozkopać mogiłę; zdrów, ale okropnie obarczony zatrudnieniami. Zawsze mile i po przyiacielsku o Panu wspomina.

z Kijowa,
3 Maja 1846.

15.

WMD! Odebrałem 50 exemplarzów Ewangelii Pańskiey, za które przesyłam Panu przez W. Hausnera i Violanda w Brodach f. 112½, gdyż mnie się zdaie, że to iest cena, którą Pan oznaczył. Jeżeli się mylę, to proszę mnie o tym uwiadomić, ażebym myłkę poprawił. Dobrzeby było, żeby mnie Pan iaknayrychley ieszcze 50 exemplarzy w komis przysłał, tak jak w poprzedniczym moim liście Panu pisałem.

О Началахъ священнаго языка Словянъ ieszcze Panu nic nie odpisuię, gdyż muszę o tem pomówić z nowym naszym kuratorem Jenerałem Treskinem, a ten teraz licznemi examinami okropnie zaięty, więc na późnieyszy czas to odkładam.

Bardzo dziękuię Panu za przysłanie mi Mittelält. Völker-Historien; postaram się Panu odsłużyć ruskiemi książkami; lepiey by było, żeby mi Pan napisał, iakie sobie Pan imienno życzysz. O Paprockiego Ogród Królewski bardzo proszę. Cenę, którą Pan naznaczysz, chętnie Panu z wdzięcznością zwrócę, ale proszę bardzo kazać facsimilować te 2 pierwsze kartki, które brakuią, bo tu bardzo by mnie trudno było to zrobić.

Jeżeliby kiedyś Panu się popadło drugie dzieło Paprockiego pod tytułem Panosza to iest herby znakomitych familii Woiewództwa Ruskiego i Podolskiego, Kraków, Wierzbięta 1575, to bardzo proszę dla mnie kupić, choćby i bardzo drogo zapłaciwszy. Bardzo by mnie Pan tym zobowiązał. Już dawno życzę sobie mieć to dzieło dla uzupełnienia zbiór móy dosyć bogaty Herbarzy.

Chaudoir.

z Kijowa,
24 Maia 1846.

16.

WMD! Przysłane mi Ewangelii Sazawo-Emausskiey ex. 50 odebrałem, ale ieszcze o nich Panu nic nie mogę pisać, gdyż tego lata iestem w moim maiątku i dopiero za miesiąc powrócę do Kijowa. Odebrałem takoż Ogród Królewski Paprockiego, za któren bardzo Panu dziękuię, i czekam na fac-simile brakuiącego początku. Jak tylko powrócę do Kijowa, postaram się Panu wywdzięczyć.

Bardzo mnie wiadomość ucieszyła, że Minister móy wyiednał u naszego Naymiłościwszego Imperatora tak znakomitą distynkcyą, on człowiek uczony i znaiący się na ludzi pożytecznych dla Imperii w uczonym względzie, przeto distynkcye Pana minąć nie mogły, gdyż Pan dla naszey słowiańskiey litteratury tyle iuż świadczyłeś i bez przestannie świadczysz.

W pace z Ewangelią znalazłem całą pakę pieśni małorossyiskich i Gallicyiskich, Die Bukowina, Изъясненіе на божественную Литургію, Азбука i Abecadło, Kronika miasta Lwowa. Musi to być ta paczka dla Professora Bodjańskiego w Moskwie, ale te pieśni i książki nie byli związane w paczkę, ani zaadressowane, tylko rozrzucone między Ewangelią. To pewnie na Tamożnii one

rozpakowali i pomięszali, dowiem się iak nayprędzey o adressie tego Professora i iemu to odeszlę. Paczkę do P. Saburowa zaraz każę odesłać do Penzy.

Nasz Николай Дмитріевичъ całe lato iak kret ryie ziemię, odkrywa mogiły i pisze mi w krótkości, że bardzo ciekawe rzeczy znalazł. Oświadczę mu Pańską przyiacielską pamięć.

Chaudoir.

w Iwnicy,
5 czerwca 1846.

17.

WMD! W tym momencie odbieram list Pański, d. 11/23 b. m. pisany, w którym Pan mnie raczysz uwiadomić, że do nabycia się znayduie u znaiomego Pańskiego pyszny exemplarz Galeryi Florentyńskiey. Spieszę, gdyż właśnie dziś poczta odchodzi, prosić Pana ten exemplarz dla mnie nabydź i zwyczaynym sposobem przysłać; ieżeli co można utargować, to naturalnie byłoby dobrze.

Na każdy przypadek posyłam Panu przez P.P. Hausnera i Violanda z Brodów Ryńskich koron sto. My tu zawsze bardzo zaymuiemy się naszą Kommissyą i wkrótce ma wyiść 2-gi Tom naszych Pamiętników, którego Panu wraz z pierwszym zeszytem naszych Древностей, któren wyszedł, prześlę. Николай Дмитріевичъ kłania się Panu i dziękuie za pamięć, biedny tak obarczony robotą, że i chwili wolney niema. Kończe móy list, ażeby poczty nie stracić, zeznaniem, że iestem zawsze z szczerą przyiaźnią etc.

Chaudoir.

z Kijowa,
d. 25 Listopada 1846.

18.

WMD! Po moiey słabości tak pamięć straciłem, żem zapomniał, czy Panu dziękowałem za przysłanie Galerie de Florence. Same dzieło mało znaczy, gdyż to tylko w rodzie próbnych rycin tego ogromnego i drogiego dzieła, ale oprawa przepyszna i rysunek Gedroicza bardzo, bardzo zabawny, to dziwaczne złączenie i wyobrażenie; szkoda, że nie można mieć opisanie znaczenia różnych przedmiotów w tym rysunku; iak będę w Iwnicy, u siebie postaram się z Słownikiem przypomnieć sobie dawno zapomnianą chińszczyznę, ażeby te nadpisy Chińskie choć po części zrozumieć, może się tam znaydzie klucz do całey tey historyi.

Syn mój zaymuie się historyą naturalną, a osobliwie Entomologyą, w którey to części on dość znakomity i członkiem francuskich i rossyiskich towarzystw. On się do łaski Pańskiey udaie, byś Pan raczył P. Schmidt Goebel kazać oddać przyłączony list i wraz zarekomendować go temu Jegomości, gdyż on odebrał z Indii iakieś żuki, które teraz do druku podaie, a móy syn życzyłby sobie przez zamiany lub iakim innym sposobem dublety tych żuków (Carabici), które by w kollekcii tego Jegomości bydź mogły, do zbogacenia swoiey, iuż bardzo piękney kollekcyi dostać. Bardzo przepraszam Pana, że Pana tym komissem utrudzam, ale Pan będąc protektorem wszelkiey uczoności, pewnie mi tey przyiacielskiey pomocy nie odmówi, tym bardziey, że różne pisma o Entomologii, które syn móy to w Moskwie, to w Paryżu wydał, może nie doszły do wiadomości tego Pana, i on by nie wiedział, kto do niego pisze. Takoż prosiłbym Pana te dzieła o Indiiskich żukach, które ten P. Schmidt Goebel wydaie, kupić lub na nie prenumerować i razem z innemi książkami, które Pan czasami mi przysyła, przysłać. Zostaię etc. Chaudoir.

z Kijowa,
d. 17 Apriela 1847.

19.

WMD! List Pański d. 1 Maja kilka dni temu odebrałem, a książki dziś rąk moich doszły; temu tydzień posłałem Panu kilka książek nowych Rossyiskich do Pańskiey Biblioteki. Listy wręczyłem lub posłałem. Syn móy pisze do Pana, dziękuiąc bardzo za udzielone mu wiadomości, ale że mu wiadomo, że wiele ochotników na dublety tych żuków zęby ostrzą, boi się, żeby się z oświadczeniem, że i on część do swey kollekcyi nabywać pragnie, nie spóźnił, i żeby kto inny ie nie odebrał, to przyczyna, dla którey on Pana prosi listownie i przezemnie, ażebyś Pan ieszcze nie odmówił swą protekcyą w tym przedmiocie, kiedy przydzie do tego czas sposobny, ażeby nie stracił taką ieḋyną okazyą zbogacić swóy iuż bogaty zbiór temi rzadkościami, ia bardzo Pana proszę synowi memu w tym nie odmówić łaskawey pomocy i zaufany w przyiaźni Pańskiey, że mi ią Pan nie odmówisz, gdyż w tym nie masz nic złego, gdyż za te dublety Museum może mieć lub gotowy grosz lub piękne i rzadkie żuki, których nie posiada, w zamianę.

Chaudoir.

Николай Дмитричъ Panu się pięknie kłania, rzadko się widziemy, gdyż zawsze okropnie zaięty.

z Kijowa,
26 Maia 1847.

20.

WMD! Odebrałem list Pański, d. 10 Decembra pisany, i kładnę Panu dziękczynienia moie za łaskawą protekcyą w interesie żuków czyli robaków, które syn móy z kollekcyi Helferskiey życzy czy akwirować, czy na inne przemienić. On posiada iedną z naywiększych kollekcyi karabików — i iuż dobrze znany w świecie Entomologicznym przez swoie pisma. Więc warto mu pomagać do uzupełnienia tego bogatego zbioru. Ale prócz tego posiada wiele tych żuków, do innych familii należących, z Kawkazu, Sybiru etc. etc., dla zamiany z innemi gabinetami, więc czy za pieniądze, czy za żuki gotów iest wchodzić w stosunki z Museum Pańskim. Co do Ogrodu Królewskiego Paprockiego bardzo będę Panu wdzięczny, ieżeli uczynisz mi Pan łaskę nabyć dla mnie ten exemplarz, w którym Pan piszesz, że iest cały początek, któren mi brakuie. Bo ten exemplarz, którego mi Pan dawniey przysłał, wart, żeby go porządnie uzupełnić, gdyż bardzo iest piękny i dobrze konserwowany.

Pierwszego Tomu Abhandlungen des böhmischen Gesellschaft nie odebrałem, więc bardzo proszę mi go za okazyą przysłać. Dostałem przypadkiem Hagek Herbarz czeski, in fol., ale defektowny. Brakuie tytuł i zaczyna się kartką III—Epistola Nuncupatoria—więc paru kartek początkowych brakuie. Brakuie także pierwsza kartka Předmluwa signaturą **II. Czy nie możnaby dostać fac-simile tych kartek brakuiących? Roku tey edycyi nie znam, tylko na przywileiu łacińskim Zygmunta Augusta Króla Polskiego iest Rok 1561, a na przywileiu Cesarskim po Czesku iest R. 1562, kartek zaś samego Herbarza CCCXCII, a o Distylowany Wod 7 stronic nie liczbowanych.

Bardzo przepraszam, że Panu takiemi prośbami się naprzykrzam, ale ufam w łaskawą Jego dla mnie przyiazń. Wkrótce wyszlę do Brodów dla Pana nieco Russkich książek, ale czekam na dzieło o Kijowie, które nasz Гражданскій Губернаторъ kazał drukować i które prosił mnie Panu przesłać. Chaudoir.

z Kijowa,
1847.

21.

WMD! Z wielkim ukontentowaniem odbieram właśnie list Pański (nie pamiętam, kiedy pisany, gdyż go zaraz, maiąc zręczność do Kijowa, odesłałem do Kijowa moiemu synowi, ażeby go względem swoich жуковъ ucieszyć), posłałem także bilety Pańskie do naszego Николая Дмитрича, o którym iuż miesięcy kilka żadney nie mam wiadomości, bo on do pisania listów okropny leniuch. Ja Panu żadnych nowin literaturnych udzielić teraz nie mogę, bo od mca Junii tu siedzę, w moim maiątku, iak pustelnik. Wielki dom bardzo stary kazałem tu iuż od lat 3 poprawić i nakoniec na wiosnę, po większey części ukończony będąc, wprowadziliśmy się, przeniosłem Bibliotekę i różne gabinety moie, Historyi naturalney i starożytności, więc nie małe miałem zaięcie, to wszystko uporządkować i malowidła rozwieszać etc. Teraz iakoś z gruba ukończyłem to wszystko, i da Bóg życia, to na przyszły rok ostatecznie ukończę. W Kijowie cholera dosyć była silna, do 1500 było słabych, a 7 albo 800 umarło, ale teraz syn móy pisze, że iuż bardzo mało słabych i że choroba zupełnie ustaie.

Pan był łaskaw przysłać mi fac-simile z dwóch kartek Ogrodu Królewskiego Paprockiego, to iest tytuł i kartkę pierwszą Przedmowy, kończąca się słowem faciebat i zsyłką na następuiącą kartkę...

Czy nie trafia się czasem u Państwa do nabycia Библія руская Скорины, która w Pradze drukowana, albo przynaymniey iaka część oney? Jeżeliby się czasem trafiło, to bardzo proszę o mnie pamiętać. Chaudoir.

z Iwnicy,
d. 7 Nov. 1847.

22.

WMD! Bardzo mi przyiemno było odebrać list Pański, gdyż w teraźniejszych nadzwyczajnych okolicznościach i zadziwiaiących działaniach w większey części Europy każden się troszczy o losie swych przyiacioł. Co z tego wszystkiego wyniknie, ieden tylko Bóg wszechmocny wiedzieć może, ale że walka między Sławian i Germanami będzie wielka, to rzecz jest niezaprzeczona, bo odwiecznie Germany w zwyczaiu władać Sławianami, iak swym dziedzictwem, i trudno będzie im to wybić z głowy. Prócz tego Imperya Austryacka, maiąc tyle zatrudnień w Włoszech, a Węgry będąc także nieprzyiazne Sławianom, nie będzie, obawiam się,

w stanie opierać się temu dziwolągu, którego teraz nazywaią Rzeszą Niemiecką. Pomimo chęci, którą bym miał odwiedzić Pana, teraz to iest rzeczą niepodobną, gdyż Rząd nasz, dla przyczyn bardzo słusznych, nikomu paszportów nie wydaie. Mieliśmy tu nieco niespokoyności między chłopami; Rusin Lacha nienawidzi, a chłopi tuteysi, szczęście dla nas, przywiązani szczerze do wiary i do Cara,— więc iest nadzieia, że przynaymniey nasz kątek zostanie spokoyny, i teraz iuż o rozruchach chłopskich iakoś ucichło, w moim maiątku wszystko było cały czas spokoyno.

Posłałem Panu temu parę tygodni do Hausnera paczkę książek, a między niemi dwa egzemplarze opisania **Kiewa**, które kazał drukować nasz **Кіевскій Губернаторъ** Fundukley. On to posyła Panu i W. Szafariku te dzieło w znak szacunku.

Proszę dla mnie kupić tę biblię, o którą Pan do mnie piszesz. Odesłałem list Pański do wyższey władzy do Kijowa, więc zapomniałem tytuł tey biblii. Piszę do Hausnera, żeby Panu kazał zapłacić f. 100. Pan mi także dawniey napisał, że można będzie dostać początek Ogrodu Królewskiego Paprockiego, któren w moim egzemplarzu brakuie; ieżeli to bydź może, to bardzo proszę. Nasz **Николай Дмитричъ** zdrów, ale zawsze zaięty różnemi pracami; odesłałem iemu listy dla niego i dla dwóch drugich professorów, ażeby on ie im wręczył. Zostaię etc.

St. de Chaudoir.

z Iwnicy,
20 Marca 1848.

23.

WMD! Odbieram list Pański d. 11 Oct. pisany i muszę Pana serdecznie przepraszać, żem Pana do tych czas nie uwiadomił, żem odebrał książki przysłane, to iest Ogród Król. Paprockiego, Kronikę Maryni, Dopełnienie mego Herbarza Hayka i dwa dawne Dokumenta Henryka i Augusta, z innemi nowościami bardzo ciekawemi, za którą to posyłkę bardzo Panu dziękuię. Żem z tym uwiadomieniem się tak spóźnił, przyczyna temu, żem do tych czas ieszcze nie odebrał Dykcyionarz Ross. akad. i **Церковный**. Bywszy Guwerner mego syna, teraz Guwernerem u mego przyiaciela Graffa Lewaszewa w St.-Petersburgu, zawsze wszystkie moie komissa spełnia, właśnie z Graffem był wyiechał na wieś, gdzie Graf zachorował i umarł, na moie wielkie umartwienie, bo to był człowiek godny i szanowny i któren sumiennie wykonywał wysoki urząd **Председателя Государственнаго Совѣта**.

Teraz prędko spodziewam się dostać te dwa dykcyonarze i skoro odbiorę, to zaraz odeszlę. Niewiem, co odesłać P. Popowu, bo na granicy przy expedycyi na Таможни to wszystko pomięszali, a tylko próżny papier z adressem znalazłem. O Starobylé české malbě przez Popowa tego się domyślam, ale ieżeli inne nowotne broszurki także dla niego byli przeznaczone, to te iemu nie mogę odesłać, a to dla przyczyn, których się Pan może domyśleć, bo u nas teraz bardzo srogo patrzą. Z resztą my tu spokoynie żyiemy. Chłopi gdzie niegdzie swoim Panom Lachom nie posłuszne, ale ich Правительство uśmierza. Woyska ogromne nad wszystkiemi granicami zgromadzone od Morza Czarnego do Baltyiskiego dla uchronienia nas od cholery polityczney, która ledwie nie całą Europę teraz burzy. U nas azyatycka cholera okropnie wiele ofiar zabrała. Niektóre wioski zupełnie bez mieszkańców, drugie ½, ⅓ ludności straciły, ia w swoim maiątku z łaski Boskiey bardzo byłem szczęśliwy, bo tylko do 30 osób straciłem, chociaż do 200 miałem słabych. St. Chaudoir.

z Iwnicy,
d. 22 Oktobr. 1848.

24.

WMD! Spodziewam się, że Pan odebrał Словарь академии nowey edycyi, którego Panu posłałem przez Hausnera. Piszą do mnie z Petersburga. że drugi Словарь nakoniec dostali i że go przysyłaią; spodziewam się, że to Церковный Словарь; wyieżdżaiąc z Kijowa, zostawiłem dyspozycyę, że ieżeli to te dzieło, żeby w ten moment wysłano zostało do Hausnera, żeby go Panu dostawił. Już też dawno bardzo zostaię bez wiadomości o Panu, spodziewam się i życzę serdecznie, żeby to długie zamilczenie nie miało swoie zrzódło w niezupełnym zdrowiu. Ja po bardzo przykrey zimie, przez którą dla cierpień wychodzić z domu nie mogłem, teraz lepiey się mam nieco i iuż przeiechałem do mego maiątku, gdzie powietrze lepsze, iak w mieście.

Udaię się do Pana z wielką prośbą: iuż dawno Pan raczył mi przysłać facsimile kartek niektórych do zkompletowania mego Zwierzyńca Reya. Przez różne zaięcia nie mogłem się tym zaiąć, teraz, że kazałem te facsimile przenieść na papier przyzwoity, widzę, że te facsimile są z edycyi zupełnie inney i że stronicy Pańskie moim nie odpowiadaią. Ale że charaktery równe, więc udało mi się ułożyć większą część tych kartek tak, iak być powinno

w moiey edycyi, ale ieszcze niektórych nie staie, więc udaię się do łaski Pańskiey, byś raczył kazać zrobić te facsimile podług opisania, którego załączam.

1. Po Przedmowie brakuie początek Rozmowy między Rzeczpospolitą, Prywatem, Stańczykiem, u mnie ta Rozmowa zaczyna się: Rzeczpospolita.

Dzyękuie ubogi z bedł (nasz Panie Prywacie) etc., co przed tym iest—brakuie.

2. Po karcie 70-tey (moiey edycyi) brak 1 kartki. 70-ta kończy się: Latalscy, a ostatni wiersz: a tey miasto pomocy / wiele przekazuią; brakuiący list powinien zaczynać: Opalen..., a list 72 zaczyna się: Gabryel Grabowiecki.

3. Po karcie 79-tey brak iednego listu: 79-a kończy: Jerzy Jasłowiecki (z Buczaca) Woiewoda Ruski, Hetman Polny etc., a ostatni wiersz: Gorszy owo co w polach / w kolpacech harcuią. List 81-szy zaczyna się: Jan Orzechowski / Podkomorzy Chełmski.

4. List 80-y równy z edycyą Pańską u mnie brakuie, ale mam od Pana iednę stronicę, zaczynaiąca się: Czarnkowski Biskup Poznań. y z bracią,—więc tylko brak verso tey kartki, która ma zaczynać: W o l s k i.

5. Po karcie 95-tey, na odwrocie którey iest: ku themu czo czedł i 8 wierszy, niema listów 96 do 99, ale na karcie 95-tey iest sygnatura re^{8}, więc arkusz zupełny, a na liście 100 zaczyna się sygnatura o, więc niewiem, czy to omyłka w druku paginacyi, czy może iakieś byli przydane kartki. List 100 zaczyna się: Thu syę iuż poczynaią przypadki osób...

6. Z karty moiey 106-tey brakuie u mnie strona odwrotna (verso), więc dla ucalenia tego braku trzeba by mnie dostać facsimile od: Gromnica do (inclusive) Krzcilnica, które mam.

7. List 115-ty brak, z dużemi rycinami. List 114 zawiera na odwrotney stronie: Miłość nieprzystoyna, a 116-y recto: Żaden stan śmierci się nie umknie. List brakuiący 115-ty powinien zaczynać słowem: Sława.

8. Po karcie 127 brakuią 3 kartki. Kartka 127 verso kończy się: Na wychowanie Synow, wierszem: Pewnie w złym wychowaniu y z nim wszystko stracisz, a list u mnie 131 verso zaczyna się: Jeleń na przygody. Kartka 128-ma ma zaczynać: Ryby na...

9. Brak. list 142 moiey edycyi. List 141 kończy na odwrotney stronie: Rydl, a wiersz: Miałci marnie zagłuszyć / naturę cnotliwą, a list 143 zaczyna na recto: Szatha; list brakuiący powinien zaczynać: Motyka.

Przepraszam Pana, że go tym trudnię, ale Panu wiadomo,

że te dziełko iest iedne z nayrzadszych w Bibliografii Polskiey, a móy exemplarz celnieysza edycya, gdyż z Roku 1574 zupełnie Bibliografom nieznaioma. Mam doskonałego Pisarza, któren może dobrze go uzupełnić, przenosząc po kilka wierszów z iedney strony na drugą, gdyż Pański exemplarz różni się w rozpołożeniu wierszów i stronica ze stronicą się nie zgadza. Wydatek na te fac-simile z naywiększą wdzięcznością Panu przez P. Hausnera każę zwrócić.

Spodziewam się, że prędko od Pana odbiorę wiadomości. Nasz Николай Дмитріевичъ zawsze okropnie zaięty, to swoim Professorstwem, to iako Inspektor Instytuta благородныхъ дѣвицъ, to naszą Archeologiczną Kommissią, tak dalece, że z nim, chyba na zasiadaniach, rzadko się widziałem, bo nigdzie nie bywa i żyie, iak niedźwiedź. St. de Chaudoir.

z Iwnicy,
17 Aprilis 1849.

25.

WMD! List Pański 18 Maia odebrałem i zaraz napisałem do P. Hausnera względem Słowników, właśnie odbieram od niego odpowiedź i przyznaie się, że istotnie Словарь Академическій zapomniany był w iego składzie, a że drugi Словарь, вѣрно—Церковный, właśnie odebrał od mego Kommissionera w Kiewie. Teraz iuż Pan musiał odebrać te dwie posyłki. Jeżeli te facsimile mogą bydź litografiowane, to pewnie by lepiey było, ale tylko wtenczas, ieżeli exemplarz tego Pana będzie ten sam, co móy, to iest: Z drukarnie Macieia Wirzbięty Roku Pańskiego 1574. Bo ieżeli to inna edycya, to trudno może będzie podług mego opisania układać i przenosić wiersze z iedney stronicy na drugą, nie maiąc móy exemplarz. Ta próba facsimilu, którą mi Pan przysłał, nadzwyczaynie dobrze zrobiona, ale w każdym razie możnaby kazać litografiować te wielkie ryciny, które się znayduią na liście 115 moiey edycyi i które u mnie brakuią, bo trudno będzie ie piórem przenosić, a że się znayduią w górze stronic, to zawsze można będzie przystosować. Moia żona wyiechała 20 Maia v. s. do Anglii do Rodziców na kilka miesięcy; mam iuż wiadomości szczęśliwego iey przybycia do Warszawy, day Bóg, żeby przez te szalone Niemcy przeiechała spokoynie i szczęśliwie, bo to naród, któren działa po ślepemu i sami nie rozumieią, czego chcą. List Pański do Petersburga odesłałem zaraz. Od Николая Дмит-

[illegible] niemam wiadomości, choć do niego pisałem, ale [illegible] okropnie leniwy. St. Chaudoir.

[illegible]

26.

[illegible] Pana wiecznie dawno niemam żadney wia[illegible] by temu nie była przyczyną słabość zdro[illegible] całą zimę tak byłem cierpiący, że z domu [illegible] na spacer wyieżdżać, a od trzech tygodni led[illegible] po pokoiu przez artrytyczne cierpienia w no[illegible] wielkie osłabienie i niezdolność do żadnego [illegible] nadchodzi, pora myśleć o wielkiey podróży, do [illegible] nie potrzeba.

[illegible] zamięszanie w przesłaniu książek. Pan im [illegible] dawniey, żeś odebrał Церковно-Славянскій Рос[illegible] w kilka miesięcy znowu mi przysłano z Petersbur[illegible] Церковно-Славянско-Россійскій Словарь. Więc nie[illegible] exemplarz dla Pana się należy podług żądania Pań[illegible] do moiey Biblioteki. Gdyż osoba, która te wszyst[illegible] mi przysłała, wyiechała za granicę, a ia niechcąc, że[illegible] było spóźnione przesłanie książek Panu, wyieżdżaiąc [illegible] kazałem moiemu Kommissionerowi, żeby ie Panu wprost [illegible] Hausnera odesłał, więc ich i nie widziałem. Racz Pan mnie [illegible] oświecić. Będąc słaby, nie mogłem Panu wcześniey [illegible] Czy Pan iuż posiadasz Dzieie Korony Polskiey Wa[illegible] Tomach? St. Chaudoir.

[illegible] Николаю Дмитричу żadney niemam wiadomości, wiem [illegible] zdrów, ale nawet na listy nie odpisuie, to dziwak.

[illegible]

27.

[illegible] kilkomiesięczney, bardzo boleśney i męczącey [illegible] znowu iestem na nogach i spieszę przypominać [illegible] Pańskiey. Już okropnie dawno żadney [illegible] wiadomości i upraszam Pana choć wierszykiem [illegible] wiadomość o Szanownym swym zdrowiu i powo[illegible] powziąłem wiadomości o postępku literatury,

żyiąc samotnie w swoim maiątku, mało z kim się widuię, ale za dni kilka wyiadę do Kijowa, to tam spodziewam się powziąć o tym nowe wiadomości, i ieżeli nam z Petersburga lub Moskwy co nowego doszło, co by było warto w Bibliotece Pańskiey być umieszczono, to nie omieszkam Panu przez Hausnera posłać. Przy Uniwersytecie ustanowiona nowa Kommissya для ученаго изслѣдованія въ естественномъ, хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи, а также для статистическаго описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Przygłaszaią mnie do tey Komissyi, ale ia iuż nie wiele będę mógł pomagać, mnie się zdaie, i mało bydź użytecznym dla słabości zdrowia. Oczekuiąc z wielką niecierpliwością wiadomości o Panu, mam zaszczyt zostawać etc.

St de Chaudoir.

z M. Iwnicy,
19 Junii 1851 r.

28.

WMD! Już też wiecznie dawno nie pisałem do Pana i od Pana nie odbieram wiadomości. Ja od roku słabuię mocno, że z domu wyieżdżać nie mogę i ciągle w maiątku moim siedzieć muszę. Teraz trochę podkrepiłem się, i te ulepszenie zdrowia w tym iest milszem, że mogę Panu wyrazić wysoki móy szacunek i prawdziwe moie przywiązanie dla Jego godney osoby.

Część książek, które mi Pan przysłał w Junii, dawniey byłem odebrał, a część dopiero w tych dniach z wielką biedą w składzie Cenzury wynaleźli. Między innemi przysłano mi 1 Tom in 4° Kwěty, Narodni Zabawnik 1846; tak iak go niema na notacie, to niewiem, dla kogo on iest. Broszurki nie mogę odesłać, gdyż w Cenzurze koperty zdięto, i że więc adressu niema do kogo. Proszę Pana więc napisać mi, do kogo ie mam odesłać? Николай Дмитричь zawsze tak zaięty, że ani pisze, ani nie czyni, co obiecuie: iuż dawno prosiłem go, żeby wybrał iakie nowe płody literatury naszey Rossyiskiey dla Pana, ale choć obiecał, to nic nie zrobił. Syna moiego, ieżdżącego do Kijowa, prosiłem coś dobrego wybrać i przywiózł mi niektóre dzieła, które zdaie się dobre, posyłam ie więc do Pana Hausnera i Violanda, ażeby ie Panu odesłał. Przyłączam także 2-gi Tom Трудовъ Коммиссіи naszey w Kijowie. Pan w niey znaydzie opisanie monet русскихъ dawnych, znalezionych w Нѣжинѣ, bardzo ciekawe. Chociaż P. Reichel w Petersburgu myśli, że to są monety bulgarskie, ale mnie się zdaie, że one są russkie, a to z przyczyny, że takich monet

i sposób wybicia okazuie w naywiększey części onych ludzi, nieumieiących obchodzić się z tą robotą. Do tego ieszcze, ile widziałem zbiorów w Niemczech, gdzie się znaydowali Słowiańskie monety, w Petersburgu etc., nigdzie takowych monet nie znalazłem, więc na opinię P. Reichla w Petersburgu nie mogę przystać, że to są Bolharskie, albo inne Юго-славянскіе monety, ale poki takowe nie znaydą w Bolharyi, Serbii etc., a ich tylko w okolicy Kyowa znaydą, zostanę przy moim zdaniu, że to są monety naszych B. Князей русскихъ, a żem pomieścił w spisie monet B. Князей русскихъ Swiatosława Cara Bolharskiego, czego mi wyrzucacie, nie wielki grzech, bo z Nestora wiadome, że Swiatosław był Panem Bolharyi. Co w tym grzech, żem te monete źle opisał, w tem виноватъ.

Bardzo kontent iestem, że książki szczęśliwie rąk Pańskich doszły, tylko żałuię, że tyle między niemi byli, które Pan iuż posiadał, ale trudno zgadnąć, a nasz Kyów na księgarni ruskich nie bardzo dobrze opatrzony. Pozwól Pan uczynić Panu iedną uwagę. Posyłaiąc Panu ruskie książki w małey ilości, iest to iedynie, ażeby przypominać mnie szanowney pamięci i drogiey przyiaźni Pańskiey, zupełnie nie dla widoku, żeby Pan takoż mi przysłał znacznieyszy transport. Z wdzięcznością przyimuię czasopis i niektóre czeskie wydania, które bym z trudnością dostał, prosiłbym nawet (ale to za zwrotem wydatku) przysłać, gdyby się trafiło, iaką dawną rzadkość bibliograficzną czeską lub słowiańską, bo to mi wielkie ukontentowanie sprawuie, ale żeby mi Pan przysłał tak ważne dzieła, iak te, które Pan wzmiankuiesz, to proszę nie czynić. Przebacz Pan moią otwartość, ale piszę do przyiaciela i upewniony iestem, że się z moiey szczerości nie obrazi. Żona moia Panu się pięknie kłania. St. de Chaudoir.

Slovanská Mluvověda 1 ex. wkrótce Panu odeszlę, drugie broszurki są: Přehled Literatury České i Wlastencům národnj literatury naši milovným od Zboru Musegnjho. Bilety odsyłam do adressu. Kwiety odeszlę.

z Iwnicy,
9 januarij 1854.

30.

WMDl Już dawno znayduię się bez wiadomości od Pana, spodziewam się, że Panu zdrowie zawsze służy i nie przeszkadza Panu swoie dla uczonego świata tak użyteczne prace przedłużać.

każę wręczyć Dołżykowu. Radzę Panu w znaczne interesa z tym Господиномъ nie bardzo się wdawać, bo on do rzędu ludzi należy, które Polskim ięzykiem zowią szachraie (to między nami). Za dwa Ewangelie, które zatrzymałem, przeszlę Panu oznaczoną kwotę. Dotąd pisałem z Kyowa; powróciwszy do domu, ciężko zachorowałem i z tydzień niczem nie mogłem się zaiąć, teraz, chwała Bogu, trochę lepiey, gdyż gorączka ustała, tylko czuię się bardzo osłabiony. Nie rospakowałem zupełnie w Kyowie paczkę z książkami i dopiero dziś widzę, że ieszcze w niey było kilka exemplarzy Służenia, więc odeszlę P. Dołżykowi ieszcze 9 exemplarzy tego Służenia. Odsyłam Panu Reiestr ksiąg. Jeszcze takich okropnych cen dla książek nie widziałem, zwłaszcza dla dzieł zupełnie nie rzadkich, iak naprzykład Solskiego Architekt i Geometra, którego tu iuż widziałem z 10 exemplarzy i którego sam posiadam, dobrze zapłacono 40 reńsk., Speculum Romanae magnificentiae przez Lefrère w Francyi i w Włoszech można dostać z łatwością za 30 reńsk. etc. Przyznam się Panu, że po takich cenach i amatorstwo chłodnieie, i w ten czas tylko się kupuie, co nieodbycie potrzebne. St. de Chaudoir.

Dla teraznieyszych обстоятельствъ, gdzie może wypadnie wielkie mieć wydatki, to Panu nic рѣшительного nie mogę teraz napisać o Pańskim paradnym Knapiuszu, ale spodziewam się, że na wiosnę wyiaśnieie horyzont, to na ten czas o tym pomówiemy, ieżeli ieszcze będzie w rękach Pańskich.

z Iwnicy,
6 Marca 1854.

32.

WMD! Już też bardzo dawno od kochanego Pana żadney nie odbieram wiadomości, co mnie bardzo niespokoynym czyni, i bardzo nawet natrętnie proszę choć kilku słowami uspokoić tę moią niespokoyność, gdyż szczera przyiaźń, którą dla Pana nieprzestannie czuię, tym milczeniem Pańskim wiele cierpi. Ja teraz chwała Bogu na nogach, choć z pokoiu wychodzić na zimno nie mogę. Czas mamy bardzo niezdrowy i nieprzyiemny, bardzo niestały i przemieniaiący się, kilka dni mrozy na 21½ grad. z ostrym wiatrem, potym raptowne ocieplenie i znowu mrozy z zawieruchami, to dla nie silnych osób bardzo nieprzyiemno. Pod czas słabości moiey papiery moie w wielki nieporządek wpadli, przeto i listy Pańskie znaleść nie mogłem. Teraz ie po większey części znalazłem, i adres tego P. Professora Срезневского въ Спъ-Петерб. iuż mi wiadomy. Ja zaymuiąc się odciskami, które Pan mnie

łaskawie przysłał, tylko uważałem na czeskie monety i zupełnie nie byłem zwrócił uwagę na odciski medalów S. Troycy, z których ieden podobny do mego, którego od Jenerała Tchefkina dostałem i które nazywaią się, iak Pan pisze, składni. Żeby Pan raczył mnie to nieco obiaśnić, z którego wieku i kraju one są, bardzo by mie Pan zobowiązał, gdyż o tych sztukach nic nie mogę w moiey bibliotece znaleść. Powtarzam moią prośbę względem Zwierzyńca Reya. Przyłączam Rejestr brakuiących mnie kartek. Exemplarz z Biblioteki Muzeum zdaie się bardzo dostateczny do uzupełnienia mego, tylko że karta w kartę nie trafia, to trzeba koniec poprzedniczey karty kazać facsimilować, uważaiąc na słowa, przez które stronicy na moim Exemplarzu się kończą i zaczynaią, a ia tu z tego mogę kazać uformować stronicy do mego Exemplarza, iak powinne być; gdyż mam młodego człowieka, któren do tego pisania iest bardzo zgrabny i doskonały. Ja z wdzięcznością naywiększą zwrócę Panu wydatek na te facsimile, o które bardzo upraszam. Ja tym sposobem iuż po części dokompletowałem część brakuiących kartek temi facsimile, które mi Pan dawniey przysłał i bardzo się dobrze udało przenosić 2 albo 3 wiersze podług potrzeby z iedney stronicy na drugą. Po tytule w moim Exemplarzu znayduie się iedna kartka iakieyś Rozmowy wierszem między Rzeczpospolitą, Prywatem i Stańczykiem, zaczyna się: Rzeczpospolita. Dzyękuie ubogi z bedł / nasz panie Prywacie etc. 8 wierszów. Potym Prywat: Prawdać iest moia pani / etc. 8 wierszów; znowu Rzeczpospolita: Azasz niewiesz Prywacie / etc. 8 wierszów. Prywat: Prawdać miła gospodze / etc. 8 wierszów. Stańczyk. Wierz mi ty Prywacie etc. 8 wierszów, a na koniec Prywat: Nye rozumiem kto to iest a postawa szalona etc. 8 wierszów. Niewiem, czy to z innego dzieła kartka, lub czy do Zwierzyńca należąca, ale w każdym przypadku powinno bydź więcey kartek—ieżeli się znayduią u Pana, to proszę także o facsimile. Z tego kraiu wywieźli naywiększą część książek polskich dawnych, iuż żadnych i widzieć nie można, wielki ochotnik nieiaki P. Swidziński strasznie wiele rzadkości tu wykupił i wiele do dopełnienia moiey biblioteki, to iest kartek brakuiących, korzystałem, ale on teraz swoią bibliotekę wysłał, czy do Warszawy, czy do Poznania, tego niewiem,—a nasza Biblioteka S. Włodzimierza w Kyowie nie obfituie w tych rzadkościach, i mało z niey dla dopełnienia korzyści. Więc, choć wiem, że prośba moia natrętna, ale proszę staremu przyiacielowi i ochotnikowi tę natrętność przebaczać i przyiąć wyrazy szczerey przyiaźni etc. St. Chaudoir.

z Iwnicy,
14 Januaryi 1855.

33.

WMD! Przez moią słabość, z którey zostaie mi do tych czas wielkie osłabienie, wysłanie ksiąg zostało nieco spóźnione i dopiero w tym tygodniu ułatwione. Zdaie się, że między temi książkami zamięszała się iedna broszurka pod tytułem: Oehlhausen, Die Pehlewi-Legenden, Leipzig 1843. 8°. Jak pakowali, to ia będąc w łóżku, to może człowiek ią z innemi zachwycił; ieżeli się znaydzie, to proszę za zręcznością mnie ią odesłać.

Nakoniec odebrałem list Pański, d. 23 Oktobra pisany, i do niego przyłączone odciski складныхъ медалей, czyli kieszonkowych ołtarzy, iest to nadzwyczaynie ciekawa rzecz, i bardzo Panu dziękuię za te odciski.

Jakiem w gazetach czytał, że się Hradczyn czyli Zamek Prażski spalił, bardzo się nastraszyłem, bo mnie się zdaie, że Pan w części tego Zamku mieszkasz i że i Muzeum Czeski tam się mieści. Późniey tylko o części Cesarskich Apartamentów pisano, ale dokładney wiadomości nie znalazłem, proszę więc dla mego zaspokoienia napisać mi kilka słów, czy Pan w tym pożarze nie pocierpiał, i czy ten bogaty Muzeum ocalony. Panu wiadoma przyiaźń i przywiązanie, które czuię dla Pana, i która nieodmienna, więc bardzo proszę nie odmówić mi moią proźbę. O Николаю Дмитричу nic Panu pisać nie mogę, to dziwny człowiek, tylko przypadkowie dowiaduię się czasem, że on zawsze Professorem въ Императорскомъ Унив. Св. Владим. i że zdrów; to także wiem, że odsunął się od Inspektorstwa Института благородныхъ дѣвицъ i podobno także z Kommissyi archeologiczney Kyowskiey, ale czym się teraz zaymuie, tego zupełnie nie wiem, a do niego pisać darmo, bo albo 3 słowa, albo nic nie odpisuie. Jeżeli Bóg pozwoli, a moie zdrowie się zmocni, to może na parę tygodni latem poiadę do Kyowa, to może się z nim zobaczę.

St. Chaudoir.

z Iwnicy,
30 Marca 1855.

34.

WMD! Dopiero dnia wczorayszego odebrałem z censury xiążki, które Pan mi łaskawie przysłał, za które ślicznie Panu dziękuię. Bardzo Panu wielce wdzięczny iestem za przysłane facsimile do Zwierzyńca Reya.

Chwała Bogu, że Museum od ognia nie pocierpiał; pewnie, że spalenie wielkiego budynku znaczna szkoda, ale pieniędzmi

można tę szkodę załatwić, lecz zniszczenie zbiorów bibliograficznych i starożytności są nieodwetowane, zwłaszcza kiedy tak znaczne i драгоцѣнные iak Ceski Museum.

Odebrałem także na powrót Oehlhausen Pehlwi-Legenden, dziękuiąc za odesłanie mi tey broszurki.

Rejestr monet tego Господина z Belgrada [1]) odebrałem i także dziękuię, tylko Pan nayważnieyszą rzecz nie napisał, iaka za te monety naznaczona cena. Między monetami greckiemi żadnego miasta niema rzadkiego,—ale zdaie się, że są dobre kollekcyine monety. Imperatorskie Rzymskie mogą bydź dobre, ale te mnie mało interessuią, iako też i Familiine, ale zbiór monet sławiańskich piękny. Jeżeli te monety są prawdziwe i, iak Pan pisze, dobrze konserwowane, to tu rzecz idzie o cenę, gdyż to iak Panu wiadomo wielkie ad libitum.

My teraz tu żadnych nowin litterackich nie mamy. Żyiemy do tych czas spokoynie. Day Boże, żeby się ta spokoyność przedłużyła i nie była naruszona. Zdrowie moie się dosyć polepszyło przez wielkie upały, które tu panuią, bo mieliśmy 29 gradusów Reaumura w cieniu, a 38 grad. na słońcu. Susza okropna, iednak ozimina zdaie się piękna, tylko iarzyna bardzo pocierpiała, może te ostatnie deszcze, które ziemię w tym czasie ochłodzili i ożywiały, ią trochę poprawią. Z serca życzemy, żeby Bóg wszechmocny Pańskie zdrowie, tak dla nauki pożyteczne, czerstwe i dobre utrzymał, ażeby przyiaciele Pańscy, z których ia ieden z naygorętszych, ieszcze długie lata się cieszyli. St. Chaudoir.

w Iwnicy,
27 Junii 1855.

35.

WMD! Trudno mi wyrazić Panu, ile uczułem ukontentowania odbieraiąc list Pański temu kilka dni, pisany 20. X. przez P. Kwiecha, któren był tak grzeczny, że mi go z Berdyczowa umyślnym posłańcem przysłał. Musiał móy ostatni list, iuż dawno do Pana pisany, rąk Pańskich nie doyść, gdyż od tego czasu iuż od Pana nie odebrałem był żadney wiadomości, obawiałem się, czy Pan się może na mnie gniewasz, i czy niewinnie nie obraziłem Pana. Ale list miły i przyiacielski Pana mnie zupełnie uspokoił i uradowałem się, dowiedząc się, że Panu ciągle zdrowie służy, i że Pan bezustannie dla nauki się poświęcasz. Bardzo dzię-

[1]) Монеты продавалъ антикваріи, извѣстный издатель „Веды Славянъ“ Ст. Верковичъ; ходатаемъ за него былъ проф. Янко Шафарикъ.

kuię za przysłane trzy Tablice nowych trudów Pańskich. To prawdziwe skarby Pan zebrał, i numizmatyka czeska i wszyscy ochotnicy wielce Panu wdzięczności powinni bydź winni. Moie zdrowie nie szczególne, trzymam się ieszcze кое-какъ na nogach, ale z pokoiu tylko w gorąco i pogodę mogę wychodzić, bo od trzech lat mam nieszczęśliwą chroniczną bronchitis, która za lada naymnieyszym zimnem się mocno odnawia. Starość nie radość. Szkoda naszego poczciwego Reichla, to był przyiaciel od czterdziestu lat, i choć mało uczony, ale wielką miał praktykę w numizmatyce. Zbiór iego do 44 tysięcy sztuk wynosi, wątpię, żeby Rząd nasz taki ogrom kupił, a może? i dobrze by było. Już do Ermitażu Imperatorskiego kupiono temu kilka lat całą część Rossyiską tey kollekcyi, która bardzo była ważna i bogata.

Ja teraz znowu zacząłem mały zbiór greckich monet, miast, kraiów i królów, ale to wszystko muszę dostać z za granicy, bo iuż w tych stronach nic się nie znayduie; dawniey z dawney Misyi i Thracii często nawozili monety, to iest z Mołdawii i Bulgarii, ale i to zupełnie ustało, i w Pańskich stronach pewnie także nic takiego się nie znayduie. St. Chaudoir.

z Iwnicy,
12 Febr. 1857.

Л. Ягельскій.

1.

Najszanowniejszy Panie,

Hrabia Tytus Działyński, będąc mocno cierpiącym, dał mi zlecenie, abym Panu przesłał jego imieniem facsimile najdawniejszej polszczyzny, jaką posiada archiwum Metropoli Gnieźnieńskiej, oraz czwarty i piąty tom zbioru Tomicianów. Pan Działyński zamierza wydać małe album zabytków dawnych języka polskiego [1]), które prócz kazań, jakich część w podobiznie załączyć mam zaszczyt, będzie zawierało w sobie przekład psalmu 136: „Super flumina Babylonis" w pierwszych przekładach polskich pisma świętego, aby tym sposobem dać mały obraz przemian naszego języka. Pragnąc wzbogacić rzeczone album dodaniem choć krótkiego wyjątku ze słynnego przekładu za staraniem królowej Zofii dokonanego, który się podobno na Węgrzech w Saros Patak znajduje, korzystam ze sposobności i upraszam Pana, abyś łaskawie

[1]) Ср. Zabytek dawnéj mowy polskiéj. Poznań. 1857.

письмомъ; но письма къ Г. Комовскому [1]) и другимъ удержаны Краковскою таможнею. Эта недобрая таможня надѣлала мнѣ много хлопотъ съ Вашей посылкой. Кромѣ того, что съ меня брали деньги и за пересылку и за бумагу и Богъ знаетъ за что, надобно было прожить лишнихъ 12 дней въ Варшавѣ и даже жаловаться Польскому Министру Финансовъ, пока вытребовали Ваши книги въ цензуру. Русская таможня, хотя поступила снисходительно, но, не взирая на то, что книги были уже въ Польской цензурѣ, требовала представить ихъ въ Русскую и наложила свои печати. Такимъ образомъ Ваше Реймское Евангеліе должно было пройти сквозь два цензурныя чистилища, пока достигло къ своему назначенію. Но я радъ по крайней мѣрѣ, что могъ услужить Вамъ хоть чѣмъ-нибудь, и позвольте мнѣ надѣяться, что Вы не лишите меня и на будущее время столь же добраго расположенія, какимъ удостоивали меня въ Прагѣ.

Если будете такъ милостивы, что почтите меня Вашимъ отзывомъ, то адресъ ко мнѣ на имя Его Превосходительства Петра Ивановича Бенарда, въ Грязной ул., близъ Старообрядской церкви, въ домѣ Татаринова. Для передачи Яновскому.

Поздравляя Васъ съ Новымъ Годомъ и пожелавъ Вамъ всѣхъ благъ и радостей, имѣю честь быть и пр.

А. Яновскій.

С.-Петербургъ,
31 Генваря 1846 г.

2.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Письма Ваши, о коихъ я писалъ къ Вамъ, что затеряны Краковскою таможнею, доставлены были ко мнѣ, мѣсяцъ спустя, изъ Варшавы въ цѣлости и вручены мною Г. Комовскому. Равно и послѣднее письмо Ваше къ Г. Устрялову отдано мною ему

[1]) Настоящее письмо Ганки къ Комовскому должно отнести къ стр. 504:

„М. Г., Василій Дмитріевичь! Пользуясь отъѣздомъ отъ насъ Александра Григорьевича Яновскаго, я немогъ пропустить, чтобъ непripомнить себя Вашему благоволенію и при семъ спросить: получили ли Вы все посланное посредствомъ книгопродавца Кронбергера черезъ Липскъ? Къ пакету Вашему я казалъ прибавить пакетъ съ чеcко-нѣмецкимъ словаремъ Юнгманна и нѣкоторыя юридическія сочиненія на имя Александра Степановича Жиряева и покорнѣйше прошу прилагаемое при семъ письмецо отдать его брату въ канцеляріи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

polecając się przychylnej życzliwości Pańskiej prosi, abyś Pan zechciał przyjąć świeżo skończony tom trzeci źródeł do Unii Litwy z Koroną Polską. (Dwa pierwsze tomy dla uzupełnienia materyałów później dopiero wyjdą).

Zaufany w łaskawą Jego uprzejmość śmiem prosić o wystaranie się dla nas podobizny zupełnej w trzech językach psalmu „Super flumina Babylonis" z psałterza S. Florjańskiego, zaś o psalm tenże z biblii Leskowieckiej, jako w Dreznie będącej, już nam łatwiej będzie się wystarać.

Łaskawej pamięci Pańskiej nadal się polecając, zostawam z najgłębszem uszanowaniem etc. Ludwik Jagielski.

Poznań,
4 Października 1856.

4.

Najszanowniejszy Panie!

Składając Mu serdeczne podziękowanie za pomoc tak łaskawą, którą Pan wesprzeć raczyłeś wydanie psalmu „Super flumina", załączam od Pana Działyńskiego, którego zdrowie wody mają pokrzepić, dwa exemplarze tego dziełka z prośbą, abyś zechciał sam przyjąć jeden dla siebie w dowód głębokiego szacunku, z jakim imię Jego nad Wartą wspominają, drugi zaś przy zdarzonej sposobności przesłał do S. Florjana, gdzie tak uprzejmą gotowość w udzieleniu facsimile nam okazano. W literach gockich przy druku zaszło kilka pomyłek z powodu, że czcionki te w czasie druku secerzy wyjmowali, a ja całą uwagę na tekst sam, mianowicie pierwotny, miałem zwróconą, mniej dbając o łacinę średniowieczną.

Łaskawej pamięci Pańskiej nadal się polecając, mam zaszczyt być etc. Ludwik Jagielski.

Poznań, Berlińska ul. 15 A., II piętro,
dnia 29-go Lipca 1857.

А. Г. Яновскій.

1.

М. Г., Вячеславъ Вячеславичь!

Порученіе Ваше на счетъ книгъ исполнено въ точности. Всѣ экземпляры вручены Г. Министру Уварову вмѣстѣ съ Вашимъ

Mnie zdrowie nie bardzo dopisuie. Czas smutny dla przywiązanego do swego Imperatora Русскаго bardzo moie nerwy drażni. Day Boże, żeby tych napaśników prędko się udało uskromić i всеобщій миръ скоро заключить.

Uporządkuiąc swóy gabinet, znalazłem ieden medalion brązowy w sposobie Sigillum. Z iedney strony Trzy osoby siedzące z nadpisem słowiańskim o Troycy Swiętey, na odwrotney stronie Pan Jezus na krzyżu, otoczony Matką Nayświętszą i uczniami. Już kilka lat temu, iak mi tę sztukę podarował Jenerał Czewkin, a na karteczce było napisano, że on ią dostał od Pana w Roku 1837, i że w gabinecie Muzeum Czeskiego znayduią się dwa takowe, to iest ieden z nadpisem łacińskim, drugi niemiecki, i że to ma bydź Sigillum iakiegoś Biskupa niewiadomego czeskiego z 10-go wieku. Że ta karteczka nie Pańską ręką, ale niewiedzieć czyią była napisana, udaię się do łaski Pańskiey, byś mnie raczył objaśnić, czy się istotnie tak rzeczy maią. I ieżeli wzwyż wyrażone dwie sztuki istotnie się znayduią w Czeskim Muzeum, to bym prosił o opisanie onych, i na czym się wspiera wiadomość, że to są Sigilla czeskiego Biskupa X-go wieku, bo to bardzo interessuiące sztuki.

Proszę Pana napisać mi za zręcznością, iak się nazywa ten Professor w St.-Petersburgu, któremu odesłałem literaturny żurnal czeski Kwěty. Zapisałem sobie iego nazwisko, i ta notata iako i list Pański gdzieś zarzucone, że znaleść nie mogę.

St. Chaudoir.

z Iwnicy,
27 Sept. 1854.

31.

WMD! Listy Pańskie i co dziwnieysza i posyłkę z książkami odebrałem, bardzo Panu za te książki dziękuię. Pan móy list źle zrozumiał, nie to chciałem Panu oświadczyć, że te dzieła niemieckie mnie interessuią, ale to, że Pan mi nadto wiele przysyłasz, żeś nadto dobry, zwłaszcza, że tu trudno w księgarniach dostać dobre nowości ruskie, które by Pana interessowali, i których by Pan ieszcze nie posiadał, więc proszę przyiąć wyrazy moiey serdeczney wdzięczności. Przymuszony byłem na kilka dni dla ważnych interessów poiechać do Kyowa, ale trochę nacierpiwszy się w drodze zimna, bezprzestannie przedłużaiącego się w naszych okolicach, tylko raz mogłem z domu wyiechać по дѣлу, a z nikim się nie widziałem, gdyż krótko bawiłem. 7 Ewangelie i 3 Służenie

każę wręczyć Dołżykowu. Radzę Panu w znaczne interesa z tym Господиномъ nie bardzo się wdawać, bo on do rzędu ludzi należy, które Polskim ięzykiem zowią szachraie (to między nami). Za dwa Ewangelie, które zatrzymałem, przeszlę Panu oznaczoną kwotę. Dotąd pisałem z Kyowa; powróciwszy do domu, ciężko zachorowałem i z tydzień niczem nie mogłem się zaiąć, teraz, chwała Bogu, trochę lepiey, gdyż gorączka ustała, tylko czuię się bardzo osłabiony. Nie rospakowałem zupełnie w Kyowie paczkę z książkami i dopiero dziś widzę, że ieszcze w niey było kilka exemplarzy Służenia, więc odeszlę P. Dołżykowi ieszcze 9 exemplarzy tego Służenia. Odsyłam Panu Reiestr ksiąg. Jeszcze takich okropnych cen dla książek nie widziałem, zwłaszcza dla dzieł zupełnie nie rzadkich, iak naprzykład Solskiego Architekt i Geometra, którego tu iuż widziałem z 10 exemplarzy i którego sam posiadam, dobrze zapłacono 40 reńsk., Speculum Romanae magnificentiae przez Lefrère w Francyi i w Włoszech można dostać z łatwością za 30 reńsk. etc. Przyznam się Panu, że po takich cenach i amatorstwo chłodnieie, i w ten czas tylko się kupuie, co nieodbycie potrzebne. St. de Chaudoir.

Dla teraznieyszych обстоятельствъ, gdzie może wypadnie wielkie mieć wydatki, to Panu nic рѣшительного nie mogę teraz napisać o Pańskim paradnym Knapiuszu, ale spodziewam się, że na wiosnę wyiaśnieie horyzont, to na ten czas o tym pomówiemy, ieżeli ieszcze będzie w rękach Pańskich.

z Iwnicy,
6 Marca 1854.

32.

WMD! Już też bardzo dawno od kochanego Pana żadney nie odbieram wiadomości, co mnie bardzo niespokoynym czyni, i bardzo nawet natrętnie proszę choć kilku słowami uspokoić tę moią niespokoyność, gdyż szczera przyiaźń, którą dla Pana nieprzestannie czuię, tym milczeniem Pańskim wiele cierpi. Ja teraz chwała Bogu na nogach, choć z pokoiu wychodzić na zimno nie mogę. Czas mamy bardzo niezdrowy i nieprzyiemny, bardzo niestały i przemieniaiący się, kilka dni mrozy na zł grad. z ostrym wiatrem, potym raptowne ocieplenie i znowu mrozy z zawieruchami, to dla nie silnych osób bardzo nieprzyiemno. Pod czas słabości moiey papiery moie w wielki nieporządek wpadli, przeto i listy Pańskie znaleść nie mogłem. Teraz ie po większey części znalazłem, i adres tego P. Professora Срезневского въ Спъ-Петерб. iuż mi wiadomy. Ja zaymuiąc się odciskami, które Pan mnie

łaskawie przysłał, tylko uważałem na czeskie monety i zupełnie nie byłem zwrócił uwagę na odciski medalów S. Troycy, z których ieden podobny do mego, którego od Jenerała Tchefkina dostałem i które nazywaią się, iak Pan pisze, składni. Żeby Pan raczył mnie to nieco obiaśnić, z którego wieku i kraju one są, bardzo by mie Pan zobowiązał, gdyż o tych sztukach nic nie mogę w moiey bibliotece znaleść. Powtarzam moią prośbę względem Zwierzyńca Reya. Przyłączam Rejestr brakuiących mnie kartek. Exemplarz z Biblioteki Muzeum zdaie się bardzo dostateczny do uzupełnienia mego, tylko że karta w kartę nie trafia, to trzeba koniec poprzedniczey karty kazać facsimilować, uważaiąc na słowa, przez które stronicy na moim Exemplarzu się kończą i zaczynaią, a ia tu z tego mogę kazać uformować stronicy do mego Exemplarza, iak powinne być; gdyż mam młodego człowieka, któren do tego pisania iest bardzo zgrabny i doskonały. Ja z wdzięcznością naywiększą zwrócę Panu wydatek na te facsimile, o które bardzo upraszam. Ja tym sposobem iuż po części dokompletowałem część brakuiących kartek temi facsimile, które mi Pan dawniey przysłał i bardzo się dobrze udało przenosić 2 albo 3 wiersze podług potrzeby z iedney stronicy na drugą. Po tytule w moim Exemplarzu znayduie się iedna kartka iakieyś Rozmowy wierszem między Rzeczpospolitą, Prywatem i Stańczykiem, zaczyna się: Rzeczpospolita. Dzyękuie ubogi z bedł / nasz panie Prywacie etc. 8 wierszów. Potym Prywat: Prawdać iest moia pani / etc. 8 wierszów; znowu Rzeczpospolita: Azasz niewiesz Prywacie / etc. 8 wierszów. Prywat: Prawdać miła gospodze / etc. 8 wierszów. Stańczyk. Wierz mi ty Prywacie etc. 8 wierszów, a na koniec Prywat: Nye rozumiem kto to iest a postawa szalona etc. 8 wierszów. Niewiem, czy to z innego dzieła kartka, lub czy do Zwierzyńca należąca, ale w każdym przypadku powinno bydź więcey kartek—ieżeli się znayduią u Pana, to proszę także o facsimile. Z tego kraiu wywieźli naywiększą część książek polskich dawnych, iuż żadnych i widzieć nie można, wielki ochotnik nieiaki P. Swidziński strasznie wiele rzadkości tu wykupił i wiele do dopełnienia moiey biblioteki, to iest kartek brakuiących, korzystałem, ale on teraz swoią bibliotekę wysłał, czy do Warszawy, czy do Poznania, tego niewiem,—a nasza Biblioteka S. Włodzimierza w Kyowie nie obfituie w tych rzadkościach, i mało z niey dla dopełnienia korzyści. Więc, choć wiem, że prośba moia natrętna, ale proszę staremu przyiacielowi i ochotnikowi tę natrętność przebaczać i przyiąć wyrazy szczerey przyiaźni etc. St. Chaudoir.

z Iwnicy,
14 Januaryi 1855.

33.

WMD! Przez moią słabość, z którey zostaie mi do tych czas wielkie osłabienie, wysłanie ksiąg zostało nieco spóźnione i dopiero w tym tygodniu ułatwione. Zdaie się, że między temi książkami zamięszała się iedna broszurka pod tytułem: Oehlhausen, Die Pehlewi-Legenden, Leipzig 1843. 8°. Jak pakowali, to ia będąc w łóżku, to może człowiek ią z innemi zachwycił; ieżeli się znaydzie, to proszę za zręcznością mnie ią odesłać.

Nakoniec odebrałem list Pański, d. 23 Oktobra pisany, i do niego przyłączone odciski складныхъ медалей, czyli kieszonkowych ołtarzy, iest to nadzwyczaynie ciekawa rzecz, i bardzo Panu dziękuię za te odciski.

Jakiem w gazetach czytał, że się Hradczyn czyli Zamek Prażski spalił, bardzo się nastraszyłem, bo mnie się zdaie, że Pan w części tego Zamku mieszkasz i że i Muzeum Czeski tam się mieści. Późniey tylko o części Cesarskich Apartamentów pisano, ale dokładney wiadomości nie znalazłem, proszę więc dla mego zaspokoienia napisać mi kilka słów, czy Pan w tym pożarze nie pocierpiał, i czy ten bogaty Muzeum ocalony. Panu wiadoma przyiaźń i przywiązanie, które czuię dla Pana, i która nieodmienna, więc bardzo proszę nie odmówić mi moią proźbę. O Николаю Дмитричу nic Panu pisać nie mogę, to dziwny człowiek, tylko przypadkowie dowiaduię się czasem, że on zawsze Professorem въ Императорскомъ Унив. Св. Владим. i że zdrów; to także wiem, że odsunął się od Inspektorstwa Института благородныхъ дѣвицъ i podobno także z Kommissyi archeologiczney Kyowskiey, ale czym się teraz zaymuie, tego zupełnie nie wiem, a do niego pisać darmo, bo albo 3 słowa, albo nic nie odpisuie. Jeżeli Bóg pozwoli, a moie zdrowie się zmocni, to może na parę tygodni latem poiadę do Kyowa, to może się z nim zobaczę.

St. Chaudoir.

z Iwnicy,
30 Marca 1855.

34.

WMD! Dopiero dnia wczorayszego odebrałem z censury xiążki, które Pan mi łaskawie przysłał, za które ślicznie Panu dziękuię. Bardzo Panu wielce wdzięczny iestem za przysłane facsimile do Zwierzyńca Reya.

Chwała Bogu, że Museum od ognia nie pocierpiał; pewnie, że spalenie wielkiego budynku znaczna szkoda, ale pieniędzmi

pierwszej stronicy, które wykonał P. Silvestre i odesłał kapelanowi Moskiewskiej Ambassady, Panu Werszyńskiemu; wnoszę z tego, że ów przepisywacz musi być moskal; pojechał teraz, jak mi mówiono, do Reims. Załączam tu fac-simile wspomnionego MS. wraz z kopią dwóch następnych onego stronic. Może się to Wam do czego zgodzi? więc proszę zrobić z tego użytek, jaki się podoba, i powiedzieć mi, czy mam i resztę przepisać a do Pragi nadesłać? Zdaje mi się, iż nie szkodziłoby zrobić choć małą wzmiankę o tym MS. w Czasopisie Czesk. Muzeum. Nie posyłam teraz opisu bibliograficznego całego kodexu, bo mi tego uczynić czas nie pozwala; powiem tylko, iż ta biografia S-o Symeona znajduje się wewnątrz pergamenowego kodexu in 12°, bardzo starego, od p. 202. i obejmuje kilkadziesiąt kart. Kodex ten nosi № 3537, zapisany jest pod tytułem: „Traits d'histoire, exemples et sentences tirées des vies de Saints", zaś pierwsza karta zaczyna się od słów: „Повѣсти стй ѡц".

Zdaje mi się, że moskal, który skopjował tę biografię S-o Symeona, myśli ją publikować [1]); toż samo zapewne zamierza i co do MS. Reimskiego; widziałem bowiem, jak tu mordował Głagolitykę Dobrowskiego w Król. Bibliotece, żeby się nauczyć czytać karakuły pana Strojewa. Ten ostatni nie w Paryżu, ale wracając do Petersburga w Berlinie pierwszy raz głagolickie pismo widział, czego dowodem jest jego list drukowany w Chronique de Champagne; przyłączam tu kopię onego, bo jest bardzo ciekawy; sprawdza się to, co Alter powiedział w swoim Beitrag zur praktischen Diplomatik für Slaven etc., p. 154: „...Noch heutiges Tages sind die Glagolitischen Charaktere den Russen unbekannt, wenige Russische Gelehrte ausgenommen, die sie in auswärtigen Ländern kennen lernen, etc."

Dziwno mi, że P. Kopitar mój błąd w tłómaczeniu explicytu powtórzył! Jam się pomylił dla niedokładnej znajomości Czeskiego dyalektu, a bardziej dla nieuwagi na kropkę, znajdującą się nad literą ⰲ; niewłaściwy uczyniłem rozdział wyrazów: ⰲⰵ ⱄⰾⱁⰲⰵⱀⱄ, a ztąd powstało w tłómaczeniu: aux Slavons. Inny jeszcze błąd popełniłem, — tłómaczyłem wyraz: ⱂⰹⰵⱄⰵⰽ durant l'année. Pierwszy i ostatni są niezawodnie skutkiem braku dykcyonarza czeskiego, którego tu nigdzie dostać nie mogłem. Ale nie te tylko błędy postrzegają się w mojej rosprawie; i drukarnia ich liczbę

[1]) См. P. J. Šafaříka Památky dřevního písemnictví jihoslovanův (1851). Díl předchozí: Život Sv. Symeona od Krále Štěpána.

powiększyła, jako to w cytacyi kroniki lub w nocie na karcie 9-tej, gdzie po wyrazie expugnationem opuszczono: Constantinopolis; po concinnavit opuszczono 1469; zaś niżej, zamiast: entre les mains d'un Paléocappas, położono de Paléocappas, itp. Opatrzyłem się wprawdzie w tych wszystkich błędach moich i drukarskich, ale już po czasie, pakiet już był do Wiednia posłany.

Nasz Texte du Sacre obudził, jak widzę, publiczną ciekawość. Jedni piszą z Pragi do moich tu znajomych, aby kopię tego MS. nadesłali P.P. Szaffarzykowi lub Palackiemu; lecz pierwsi, nie biegli w tych rzeczach, wątpię aby mogli skutecznie wezwaniu odpowiedzieć. Drudzy udają się do Lelewela po dokładną wiadomość o tymże MS.; ten ciekawych do mnie odsyła. Z Petersburga piszą do P. Silvestre, żeby tam posłał kilka exemplarzy robionego przez siebie fac-simile explicytu; i oto już Moskal do Reims pojechał. Z Wiednia Pan Kopitar nie przestaje pisywać do swego przyjaciela, Pana Silvestre, przypominając mu le Texte du Sacre (zdaje się, iż radby miał albo kopię, albo fac-similę całego MS.). Słowem, zewsząd się zgłaszają; wszyscy się oń dopytują. Czytał mi dziś P. Silvestre świeży list swego Wiedeńskiego korespondenta i przyjaciela, z którego te zauważyłem frazesa: „On demande par la voie diplomatique la communication ou l'envoie du MS. de Reims à Prague, pour en faire une caricature; on s'en occupe partout, et Vous permettez que les Bohêmes et autres se mêlent à ce, qui Vous appartient de droit! etc." Z wyrazu caricature domniemywam się, że Pan Kopitar nie wiele polega na talencie Pragskich litografów! (Przywiodłem wyżej wyrażenia listu li-tylko dla Was samych, Czcigodny Mężu; wiem, że się to nikomu w Pradze komunikować nie będzie). Ale rozumiem, że P. Kopitara wyrażenie miało na celu tem mocniejsze zobowiązanie Pana Silvestre do zrobienia fac-simile z całego volumenu. W istocie wygodnie byłoby dla publiczności mieć wierny odcisk tej książki. Mówił mi P. Silvestre, iż przedsięwziąłby robotę za 12000 franków; ofiaruje się nawet ponieść koszta wydania, jeśliby mu gwarantowano 150 pewnych prenumeratorów, po fr. 100. Postrzegłem po nim, że miałby szczerą chęć to uczynić; co większa, dał się i z tem słyszeć, że na sprowadzenie MS. do Pragi drogą dyplomacyi rachować nie należy, albowiem jest jego zamiarem żądać sprowadzenia go do Paryża; dodał, że ma już przyrzeczenie, iż w tem trudności nie dozna; proponował mi nawet napisanie stosownej o tym MS. rosprawy, odstępując mi w nagrodę wszystkich prenumeratorów, którzyby się znaleźli nad liczbę 150. Jabym tej propozycyi może nie odrzucił, lecz pożądań-

szem byłoby i korzystniejszem dla publiczności, gdybyście się, Czcigodny Mężu, sami zajęli wypracowaniem prolegomenów, mnie tylko część paleograficzną a dyplomatyczną zostawując.

Jeśliby się ta myśl moja Wam stosowną wydała, tedy prosiłbym uprzejmie, abyście raczyli śpiesznie mię uwiadomić: 1°. Czy mam ogłosić prospekt na tę publikacyę, uwiadamiający o Waszem do niej przystąpieniu? 2°. W jakich słowach co do Waszej Osoby należałoby się wyrazić? 3°. Czy zechcecie uczynić osobistą patryotyczną odezwę do Czechów i Morawian, wzywającą ich do prenumeraty? i 4°. Na ilu, mniej więcej, możnaby tam rachować? idzie tu bowiem nie tylko o pokrycie kosztów, ale i o pewną nagrodę za pracę piszących rosprawy.

Oczekując łaskawej odpowiedzi (którą radbym miał nadesłaną drogą poczty), winien jestem oświadczyć, iż w każdym razie miło mi będzie przesłać Wam, do wolnego rozporządzenia, kopię całej Cyrylskiej części Manuskryptu, choćbyście zamierzanej publikacyi swojem imieniem i erudycyą wesprzeć nie raczyli.

Z głębokiem poważaniem i uwielbieniem etc.

J. Ludwik Jastrzębski.

Paryż,
d. 10 Lipca 1840.

2.

Szanowni Mężowie [1])! Proszony od Waszego spół-redaktora Szanownego Pana Hanki o przesłanie wyjątków z Reimskiego MS. pragnąłem uczynić zadość temu żądaniu. Lecz należało mi przedewszystkiem poprawić moje z 1839 r. niedokładne odpisy. Tym celem czekałem aż P. Silvestre, francuski kalligraf (który podjął się był litografowania całej książki), pozwoli mi korzystać z kalków swojej roboty, gdyż do autentyku zatamowany był od niego przystęp wszystkim cudzoziemcóm, pod pozorem, że Francya, jako właścicielka klejnotu, miała wyłączne prawo do jego publikacyi. Ale nieszczęściem, oczekiwanie moje było prawie daremnem: P. Silvestre zakomunikował mi był kilka oderwanych stronic (4-tą, 5, 8, 10, 11 i 13-tą), od dalszej zaś komunikacyi wzbronił się, utrzymując, że jakoby miał wysłać całą swoją robotę do Wiednia, gdzie się miano zajmować historyczną rozprawą o na-

[1]) Въ чешскомъ переводѣ это письмо напечатано Ганкой въ его: „Wýpisky Remešského a Ostromírského Ewangelium" (оттискъ изъ Rozpr. Král. České Společn. Věd, 1842).

szym MS., do którego publikacyi przygotowany już miał być do druku prospekt w języku niemieckim. Doznawszy tej przeciwności, a upewniony nadto o rychłem wyjściu na widok publiczny całego textu, wstrzymywałem się aż dotąd z przesyłką niedokładnych kopii. Dziś dowiaduję się, że Reimski MS. nie tylko że nie ogłoszony, ale nawet nie litografowany; p. Silvestre przestał na zdjęciu z niego ręcznej kopii, czyli fac-simile, utworzył z tego książkę zupełnie Reimskiej podobną, kazał bogato oprawić i posłał w prezencie Rossyjskiemu Carowi. To opóźnienie publikacyi musi być bardzo niedogodnem amatorom słowiańskiej literatury i slawistóm; umyśliłem więc przysłużyć się im komunikując Redakcyi Czasopisu Czeskiego Muzeum choć tą małą cząstkę kopii MS., którą mam poprawioną. Załączone tu trzy wyjątki, rozumiem, że wystarczą do zadeterminowania charakteru języka, a ztąd i pochodzenia, i wieku, i wartości naszego klejnotu. Wyznaję, żem zanadto zaufał był swiadectwu autora Explicitu, podającego Cyrylską część Rpsu za autograf S-o Prokopa; uderzam się w piersi: mea culpa! sądząc albowiem ze skróceń w nagłówkach textów, pismo to nie zdaje się dosięgać czasów 1-go Sazawskiego Opata. Im starsze są MSS., tem rzadsze w nich skrócenia; to paleograficzny pewnik. Lecz nie wiem, czy też, opierając się na nim, należy uważać Cyrylską część MS. Reimskiego za spółczesną głagolickiej, jak to czyni biegły nasz slawista Pan Kopitar; bo jeśli mamy stosować bezwarunkowo prawidła paleografii ogólnej do naszego Rpsu, tedy nie zapominajmy, że ten jest liniowany stylem, zaś wedle spostrzeżeń uczonych kongregacyi S-o Maura podobne liniowanie pargamenu ustało zupełnie z końcem XIII-o wieku, przeciw czemu, ile mi wiadomo, nikt jeszcze nie ustalił dowodów. Ciekawa rzecz, czem p. Kopitar tę objekcyę odeprze? Lecz Papebrock (nie stawię się z nim na równi w erudycyi) nie troskał się, co mu Mabillon odpowie na jego dyplomatyczne rozumowania, więc i ja się nie troskam; rezultatem ówczesnej walki jest nieoceniony traktat „De re diplomatica", z dzisiejszego sporu o Reimski MS. może choć ta wyniknie paleograficzna korzyść, że nasz Mabillon słowiański wyrzeknie ostatecznie, czy w braku innych zewnętrznych cech liniowanie pargamenu stylem, lub ołówkiem może posługiwać do zadeterminowania starości Słowiańskiego Rpsu?

Wszakże powiedzmy, iż aczkolwiek ustalenie zewnętrznych cech paleograficznych wielką ma rolę w oznaczaniu wieku i autencyi RSSów, nie wyrównywają one jednak wewnętrznym, jaką, między innemi, jest np. charakter języka. Nieszczęściem, nie mamy,

do porównania ż Reimskim MS., żadnego pisemnego pomnika z czasów S-o Prokopa Morawsko-Czeskiej liturgii wedle greckiego obrządku; i to właśnie staje na przeszkodzie do stanowczego wyrzeczenia o wieku i pochodzeniu naszego textu. Ale któż dowiódł, że jego język nie był językiem Sazawskiego kościoła? a jeśli można utrzymywać, że Emauski klejnot przedany był Karolowi IV. za autograf S-o Prokopa, dla czegożby, równym prawem, nie można było domniemywać się, że: texta Reimskich Ewangelii przepisane zapewne były z własnoręcznego pisma tego Świętego, które mogło być albo kopią dawniejszego bulgarskiego czy panońskiego kodexu, z czasów S-go Methodiusza lub jego uczniów i następców, albo też oryginalnem tłómaczeniem, od samego S-o Prokopa dokonanem? Za temi domniemaniami zdają się być i język i różnica tłómaczenia od innych znanych słowiańskich tłómaczeń. Lecz komunikując Wam, Szanowni Mężowie, załączone tu wyjątki do bezwarunkowego użycia, winienem wstrzymać się od przesądzania Waszej opinii; dodam tylko że samo stałe używanie w naszym MS. wyrazów: наѱати, наѱаніе (slovacismus), zamiast: напьсати, напьсаніе, wyraźnie przemawia za panońsko-morawsko-czeskiem jego pochodzeniem („...Potuit omnino fieri, ut S. Methodius, cui nato Thessalonicae bulgarica dialectus erat vernacula, in nova sua dioecesi Pannonica non solum pannonicis uteretur interpretibus, sed interdum et ex parte etiam moravicis, quibus dari poterant leviores moravismi, qualis est hic τοῦ ѱсано, pro пьсано..." Glag. Cloz. p 69. col. 3.). Godnem jest uwagi i to, że gdy Ostromirski diakon (1057!) greckie imiona po słowiańsku pisze (Glag. Cloz. p. 51), nasz MS. nawet w czysto słowiańskich wyrazach częstokroć ma litery greckie, jak to widać np. w wyżej przywiedzionych. Miał że kopiista wieku XIV-o! nie wiedzieć, że ѱ ważyło пс? czy też użytą w oryginale tę grecką literę (z powodu nie ustalonej jeszcze w dawniejszych czasach pisowni) zachował jedynie dla większej autencyi? Znalazłoby się jeszcze wiele a wiele do powiedzenia o samej pisowni naszego MS.; lecz to do Was, Uczeni Mężowie, należy. Wyrzeknijcie o wszystkim, co Wasze światło dyktuje, a przebaczcie mi poczynione tu i ówdzie w niniejszym pismie dorywcze obserwacye.

Jeszcze jedno słówko. W dodatku do pisma Szanownego Pana Hanki (Zpráwa o Slow. Ewang. w Remeši) czytam oznajmienie, wyjęte z N-ru 50. Lwowskich Rozmaitości, w którem, zdając sprawę z mojego Raportu do Ministra Oświe

cenia o Reimskim MS., utrzymuje autor, jakobym miał twierdzić że: „Obě časti MS. zawjragj naučení na neděle i swátky..." Nie wiem, dla czego mi to autor przypisuje? zwłaszcza, żem na karcie 6. mojego Raportu wyraźnie powiedział εὐαγγελια ἐκλογαδια! Nie rozumiem też, aby użyty ode mnie wyraz leçons miał wprowadzić autora w błąd, albowiem w stylu kościelnym leçons (lectiones) nie znaczy wcale naučenj (наоучати, doceo, διδάσκω), tylko чтеніе (lectio, ἀνάγνωσις); i ja też w tem ostatniem znaczeniu tego wyrazu użyłem („Leçons, partie du service divin; ...il ya trois leçons à chaque nocturne". Dict. Génér. et gram. des Dict. français, p Napol. Landais: 2-e Vol., p. 308). Raczcie, Szanowni Mężowie, uczynić w Waszym Czasopisie wzmiankę o tej mojej reklamacyi i przyjmijcie zapewnienie wysokiego szacunku etc. J. L. Jastrzębski.

P. S. Z załączonej tu kopii listu P. Parisa, Reimskiego Bibliotekarza, z d. 7 Maja b. r. dowiecie się, Szanowni Mężowie, o niektórych szczegółach pożyczki MS. panu Silvestrowi. Jeśli uznacie stosownem, możecie oną w Časopisie wydrukować [1]). Zda mi się, że te fakta wchodzą do historyi naszego Rękopisu.

Paryż,
d. 12 Września 1841.

[1]) Вотъ это письмо въ собственноручной копіи Ястржембскаго:

„Monsieur,

„Je Vous supplie de croire, que mon retard à répondre à la lettre, que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, ne provient absolument que de l'impossibilité où j'ai été d'en réferer à nos administrateurs, nouvellement installés en fonction et fort difficiles à saisir. Je Vous prie bien encore d'être persuadé, qu'il ne tient point à moi que vous n'ayez sur l'objet de votre lettre toute la satisfaction possible; mais je ne pouvais prendre sur moi de Vous promettre de faire un calque de notre MNS., dont plus que personne Vous connaissez le prix. J'en ai donc causé avec Mr. de St Marseaux, notre nouveau maire, qui s'est fait représenter la déliberation de la commission de la bibliothèque en vertu de laquelle le MS. slavon a été prêté à Mr. Sylvestre. Il y est expressement dit que „voulant favoriser le pétitionnaire dont les travaux paléographiques* [* chyba: calligraphiques? Примѣч. Ястржембскаго] font honneur au pays etc., il sera en sa faveur et à l'exclusion, de tout autre, dérogé aux termes du reglement qui interdit tout calque et surtout tout prêt de MSS. de la bibliotheque..." Mr. Sylvestre dans sa pétition s'appuyait précisément sur cette considération, que calque serait certainement demandé bientôt par des étrangers, des Allemands, des Russes ou des Bohèmes: qu'il reclamait cette faveur préférablement à tout changer, etc.

Vous devinez donc, Monsieur, le peu de chance qui peuvent avoir maintenant des sollicitations telles que la vôtre. Le MS. est copié, calqué, d'un bout à l'autre: il doit être incessament livré au public. Est-il utile pour

wziąć może gotujący się spór w tak ważnym przedmiocie, w którym nie godzi się ustępować z placu aż do ostatniej kropli atramentu, aż do ostatniego gęsiego pióra! Jeśliby tych ostatnich zabrakło, znajdą się w Paryżu stalowe, a w Pradze?

Nie wiem, czyście czytali, Zacny Mężu, w 3 tomie de la Chronique de Champagne (2-e année, p. 59), list Strojewa z Berlina? przyłączam więc tu onego kopię [1]), bo dosyć ciekawy.

---

[1]) Copie de la lettre de M. Stroïew (Chronique de Champagne, Tom 3-e, 2-e année, p. 59).

„Monsieur,

„En arrivant à Berlin, j'ai trouvé la neuvième livraison de Votre Chronique, où Vous eûtes la complaisance d'inserer ma lettre concernant le MS. slavon, sur lequel les rois de France prêtaient serment à leur sacre.

Il s'est glissé dans ma lettre une grande erreur, que je m'empresse de rectifier ici. La seconde partie de ce MS. est écrite non en langue Orientale, mais en glagolite. Vous savez, Messieurs, que le glagolite, appelé ainsi d'après sa quatrième lettre (glagole), a été le plus répandu en Croarie, en Dalmatie, en Istrie et en Krain.

Maintenant il y est remplacé par l'alphabet latin. Mais il fut encore en usage à la fin du XVII-e siècle, ce que prouve un Missel imprimé vers ce temps, en glagolite.

J'espère, Monsieur, que Vous ne refuserez pas d'insérer dans Votre Chronique ces quelques lignes, ainsi qu'une notice, que je me propose de Vous envoyer sur les MS. slaves, que j'ai trouvés à la Bibliothèque royale de Paris, si toutefois cela peut intéresser Vous et Vos lecteurs.

Recevez etc. (signé) Sèrge Stroïeff,
Correspondant du Ministère Russe de l'Instruction Publique.

(à M. M. les Rédacteurs de la Chr. de Champagne).

Berlin, le 5. X-bre 1837.

Къ письму сдѣлана приписка Ястржембскимъ: „Pokazuje się z tego, że Strojeff obaczył po raz pierwszy pismo głagolickie w Berlinie. Nie wiedział nawet, że są druki głagolickie z końca XVIII-go wieku.

Niewypowiedzianie ciekawy jestem, co też P. Kopitar mówi dziś w swojej Hesychii o Reimskim MS? Zapisałem sobie tę książkę z Wiednia, lecz nie rychło zapewne nadejdzie; potrzeba czekać na nią najmniej sześć tygodni. Czybyście nie raczyli, czcigodny Mężu, kazać wypisać dla mnie, jeśli nie cały artykuł, to przynajmniej samą treść opinii autora, i wypis takowy pocztą mi nadesłać? byłbym za tę łaskę niezmiernie wdzięcznym.

Pan Champollion-Figeac ogłosił w 16-tej liwraisonie de la Paléographie Universelle rosprawę o Reimskim MS., lecz opierając się na jakiejś tam autograficznej nocie P. Kopitara odmłodził (dość niezgrabnie) nasz MS. Cyrylicki do wieku XIV-go. Zamierzam sobie powiedzieć o tej rosprawie kilka słów w Tygodniku literackim Poznańskim.

Wiadomo zapewne być musi w Pradze, że tutejszy Rząd zakłada w Collège de France katedrę języków i literatury słowiańskich ludów. Powołanym jest do niej nasz poeta Adam Mickiewicz.

Obaczywszy fac-simile Reimskiego MS., pisałem natychmiast do Redakcyi de la Chronique, upewniając, że druga część RS. jest głagolicka, którą czytam i rozumiem, i załączyłem w liście głagolicki alfabet. Pan Paris (tłómacz [??] i wydawca francuskiego Nestora, z ciekawemi o wyspie Rugii na morzu Atlantyckiem [!] notami) odpisał mi na to w sposób więcej niż śmieszny! Kopia jego odpisu (z d. 4. 8-bra 1837) znajduje się przekreślona przy wyjątkach, które posyłam Redakcyi, oba te documenta są ciekawe dla swojej sprzeczności [1]). Risum teneatis: p. Paris powiada: „Mr. S. est un érudit"; p. Strojeff, przeciwnie, wyprasza się z tego: „C'est une erreur qui s'est glissée... (dans les feuilles de Mr. Paris!)."

Zajmowałem się tu wyszukiwaniem MSS. Słowian(skich), niegdyś Coislińskich ś Germana (Montefoconius, Bibl. Bibl-rum

---

Z nadesłanego mi wycinku z gazety niemieckiej (której nie znam tytułu) widzę, że inaczej ode mnie czytacie, Czcigodny Mężu, moje fac-simile explicytu. Ja zaś tak czytam:

„Let hospodnich 1395. Tato ejelie (jewanhelie) a epistolie estosu pisani słowienskim jezkem. tije maje i spiewani biti. kdiż opat etc."; dalej czytam: caf rzimski; a ostatni wyraz — amn. Znak, położony po dacie (1395), jest to głagolicka media nota (;) podobna do tej, co ją widać po wyrazie trzecim od końca".

[1]) Le Bibliothécaire-Archiviste.

Monsieur,

Depuis 6 semaines nos vacances m'ayant permis de m'éloigner de Rheims, je n'ai pu avoir communication de vos deux lettres qu'hier seulement. Je suis fort désolé de la mauvaise opinion que le retard de ma réponse vous aura fait concevoir de moi. Je vous supplie de ne pas m'imputer la faute. En mon absence a paru le № de Septembre de la Chronique de Champagne qui contient un nouvel article sur le MNS. slavon dont vous vous inquiétez. Cet article, que nous devons à Mr. Stroïeff, correspondant à Paris du Ministre de l'Instruction publique de Russie, achève, avec l'article de notre 1-er №, de donner tous les détails possibles sur la nature et l'importance de ce MNS. Je ne pourrais y rien ajouter pour votre satisfaction personnelle; si ce n'est que Mr. Stroïeff ayant fait une étude spéciale de l'ancien slavon et n'ayant reconnu dans la seconde partie de notre MNS et de notre fac-simile aucune similitude avec le dialecte en question, il est difficile de supposer, ainsi que vous semblez le croire, que l'alphabet que vous avez eu l'obligeance de m'adresser puisse en donner la clef, et surtout aider à y faire reconnaitre du slavon, ce que n'y ont pas vu les divers érudits, qui se sont occupés de cette question. Si j'avais été à Rheims lors de la publication de l'article de Mr. Stroïeff, j'eusse signalé cependant votre opinion et l'envoi que Vous nous avez fait. Aujourd'hui il est trop tard, je me contentrai de joindre au manuscrit même votre lettre et l'alphabet en question... (signé) Louis Paris.

Rheims, le 4 octobre 1837.

MSS-rum, Vol. I, p. 1042), i znalazłem już 8 volumenów; może się i resztę znajdzie późniejszym czasem; teraz moje zatrudnienia zajmować się tem wyłącznie nie pozwalają. Wpadają mi częstokroć w ręce przypadkowo szacowne Rpsy i druki. Z ostatnich zdarzyło mi się widzieć 2 exemplarze (nowe, jeden nawet nie rozcięty) Azbukiwidnika Rafaela Lewakowicza (Romae, 1629, typ. de propag. fide. K. 16. A—B. 4.) i inne rzadkości bibliograficzne. Pisze mi jeden młody Hrabia francuski slavo-phile, mieszkający o kilkadziesiąt mil od Paryża, o bogatej swojej bibliotece, w której ma być takoż przeszło 400 volumenów w rozmaitych dyalektach słowiańskich i, prócz tego, cztery słow. MSS., z których 3 liturgiczne, a 4-ty historyczny [1]).

Dodaje mój korespondent, że żaden z tych Rpsów dotąd nie mógł być wyczytany z powodu bladości pisma (?) i zaprasza mię do siebie na paleograficzny bankiet. Zbieram się tam pojechać, bo te blade MSS. wielce moją ciekawość pobudziły. Doniosę później, co tam znajdę ciekawego. Teraz kończę pisanie, prosząc o rychłe wydrukowanie wyjątków, choćby nawet przyszło rosprawę o nich do następnego odłożyć Numeru. Periculum in mora! Moskale mogą nas uprzedzić. Z wysokim uszanowaniem Jastrzębski.

Tibi soli.

Paryż,
d. 13. 7-bre 1841.

4.

Przezacny Mężu! Miłe pisanie Wasze z d. 16-go Czerwca r. b. miałem przyjemność odebrać wraz z książkami dla Mickiewicza i dla mnie. Wdzięczni jesteśmy za łaskawą pamięć i niewypowiedzianie radujemy się tym nowym nabytkiem. Książki słowiańskie są tu u nas taką rzadkością, mianowicie teraz wychodzące w słowiańskich krajach, że jeśli kiedy niekiedy jaka przybędzie, nie wiemy nawet, jak oną oszacować! Gdybyśmy to mogli mieć kompletny zbiór Czasopisu Czeskiego Muzeum, jakimby on

[1]) Въ бумагахъ Шафарика мы нашли слѣдующую выписку, повидимому, относящуюся къ настоящему сообщенію Ястржембскаго: „Moravia, 1841. Ost und West, 1841, Nr. 84. Oct. 19. „Jastrzębski erzählte mir (Zach?), dass sich bei einem Grafen de la Fekté noch acht alte slawische MSS. befinden, die er aber noch nicht besehen könne, da es ihm an dem nöthigen Reisegelde fehle. La Fecté hat ihn brieflich eingeladen, auf sein Landgut zu kommen".

miecki bardzo mało komu znany, więc wątpię, aby Pan Jordan znalazł tu wielu czytelników. Czekam z niecierpliwością na 1-szy zeszyt.

Nie mogąc, dla słabości zdrowia, wychodzić z domu, nie widziałem się z Chopinem od czasu jego powrotu ze wsi Pani Georges Sand, z którą oddawna w wielkiej żyje przyjaźni. Skoro będę mógł wychodzić, najpierwszą rzeczą będzie dla mnie zakomunikować temu wielkiemu artyście to, co mi raczyliście pisać o młodym Lubowskim.

Czem się teraz zajmuje uczony świat słowiański? co robią P.P. Szaffarzyk, Palacki, Kopitar? nad czem mianowicie uczeni Moskiewscy pracują? co sami przysposabiacie, Przezacny Mężu? Takie i tym podobne literackie i naukowe wiadomości są tu dla nas arcy-szacowne. O ruchu literackim biednej Polski daremnie pytać, bo wszystko w stagnacyi. Pisał mi niedawno Lelewel z Bruxelli, że kończy swoją nową historyę Polski. Uczony to bardzo mąż do dawnych, przedchrystusowych czasów i do średnich wieków, ale co do rzeczy nowych, mianowicie polskich, częstokroć niezmiernie stronny. Przyjemnie nam, polakom, że ten biegły Antykwarjusz jest dziś cytowany od uczonych tutejszych, jako autorité scientifique.

Raczcie zachować mię w Swej szacownej pamięci i łasce

Jastrzębski.

P. S. Niedawnemi czasy przynoszono mi do nabycia rękopism Słowiański, z XVII-go wieku, pisany runami. Nie wiedziano, co to było za pismo. Ale się drożono nad zwyczaj; nie kupiłem, lecz może kupić? Jest to historya księżniczki Olgi.

Co do wiadomości o MS. słow., jeśli mi zdrowie i czas pozwoli, będę się starał pozbierać moje notatki, które tu przez kilka lat zbierałem. Dziś wszystko w nieładzie. Wiele nawet ciekawych niektórych szpargałów moich zaginęło podczas mej choroby i nieobecności w Paryżu. Mocno żałuję, że dziś nic nie posyłam.

Paryż, 5, r. de la Chaussée d'Antin,
d. 5 Listopada 1842.

5.

Zacny Mężu! Najuprzejmiej dziękuję za łaskawą pamięć i dobre słowo, któremiście mię raczyli zaszczycić. Pan Hyrtl zostawił u mnie, w czasie mojej nieobecności w domu, paczkę z książkami i z listem, lecz nie dał swego adresu i od 3-ch tygodni jak jest

wcale mi się nie pokazuje. Nie mogę odgadnąć tego przyczyny; ale mi bardzo przykro, że go nie mogę poznać, — znając dobrze Paryż, jego osobliwości i okolice, byłbym mu może użytecznym. Dowiadywałem się o mieszkaniu P. Hyrtla w Ambassadzie Rakuskiej, lecz mi odpowiedziano, że o jego przybyciu do Paryża nie mają jeszcze wiadomości; żałuję mocno, żem się dotąd z P. Hyrtl nie widział, bo radbym korzystał ze sposobności i przesłał Ci, Zacny Mężu, parę książek, które zamierzam oddawna przesłać, tylko że mi trudno o pewną okazyę. Mam ważne pobudki do wydania tu naszego sławnego Ewangelium Reimskiego (tylko proszę mieć to w jaknajwiększym sekrecie), ale doznaję przeciwności, nie co do kosztów na druk, lecz co do samego druku, albowiem ani można tu dostać w żadnej drukarni słowiańskich liter; umyślnie zaś z Pragi sprowadzać wieleby kosztowało ambarasu i pieniędzy. Są tu wprawdzie głoski słowiańskie w drukarni Królewskiej, nie tylko Cyrylskie, lecz i głagolickie, zakupione dawniej w Wenecyi, ależ bardzo uszkodzone, tak że po rozpatrzeniu na nic się nie przydadzą. Brakuie tu nawet zicera słowiańskiego, słowem z różnych stron doznaję wielkich zawad,— mógłbym, wreszcie, zostać zicerem, bo się uczyłem sztuki drukarskiej, jednakże i to moje poświęcenie na nicby się nie przydało, kiedy brakuje głosek. Być może, iż każę drukować głoskami łacińskiemi wedle polskiej lub czeskiej ortografii. Upraszam więc Cię, Zacny Mężu, poradź mi, jak uczynić, aby to moje przedsięwzięcie było jak najużyteczniejszem dla publiczności. Ale radbym miał jak najrychlej waszą odpowiedź, bo mi wiele bardzo zależy na czasie. Zamiarem moim jest wydrukować tym czasem choć jedną część MS., o którą spór idzie, to jest Cyrylską, z dodatkiem przedmowy w języku polskim; radzą mi, żebym dał przedmowę po francusku dla uczynienia książki przystępną cudzoziemcom, lecz w takim razie wypadałoby, zdaje mi się, i objaśnienia textu pisać po francusku, co byłoby może niestosownie, a nawet z wielu względów trudno. Czekam tedy łaskawej odpowiedzi. Tym czasem pojadę do Reims dla wiernego skopjowania Textu.

Jeśli nie nadużyję względów Zacnego Męża, upraszałbym o zakomunikowanie mi wszystkiego, co tylko pisano o naszym MS. w Czechach lub gdzieindziej, a mianowicie—przez Rossyan. Słyszałem, że jest jakiś artykuł ciekawy w dzienniku Narodnaho proswieszczenia p. Strojewa nie tylko o MS. Reimskim, ale i o innych, które widział w Paryżu. Tego dziennika nigdzie dostać nie mogę; gdybym tedy mógł mieć kopię choć pisaną powyższego artykułu, byłbym Zacnemu Mężowi niewypowiedzianie

wdzięczen. Polecając się Jego łasce i pamięci, mam honor zostawać etc. Jastrzębski.

Czy znana jest w Czechach książka pod tytułem: Notes sur ma prison à St.-Petersbourg, p. J. U. Niemcewicz, niedawno tu wydana?

Najuprzejmiej dziękuję za Królodworską Polyglotę i za 2-de Notice. Upraszam najpokorniej o wiadomość, zkąd ta Notice [1]) wyjęta? Kto ją pisał i w jakim czasie? Co to jest ów Almanach? i gdzie wychodzi?

Paris, Rue de la Chaussée d'Antin № 5,
12. 7-bre 1843.

6.

Tibi soli.

Szanowny Mężu! Nie wiem, doprawdy, jak mam wyrazić uczucie, z którem przyjąłem Wasze uwiadomienie co do publikacyi Reimskiego Textu, bo aczkolwiek przyjemnie mi jest, że ten arcy-ważny dla spółbraci Czechów pomnik historyczny ogłoszony będzie w kraju rodzinnym św. Prokopa, przykro jednak, i bardzo przykro, iż ta publikacya przyjmuje, niejako, charakter drugiej edycyi. Pierwsze wydanie należało się, z prawa, Czechóm lub Polakóm. Pomne na tak bliskie niegdyś stosunki polityczne, tudzież na niezaprzeczone powinowactwo rodowe i językowe Czechów z Polakami, Towarzystwo nasze Literackie w Paryżu, przeznaczywszy, ze szczupłej swej kassy, fundusz na wydanie Reimskiego klejnotu, poleciło mi było zajęcie się tą publikacyą jaknajrychlej, celem usłużenia owym Textem spółbraciom Czechóm. Xiąże Czartoryski, Prezes Towarzystwa, który jest admiratorem Czeskiego Narodu, wziął tę rzecz tyle na serce, że mi ofiarował nawet wszelkie ułatwienia i pomoce osobiste, byle ją spiesznie przywieść do skutku. Winienem wyznać szczerze, iż od Niego wyszedł ten projekt na posiedzeniu T-wa.

Byłem więc najpewniejszym pomyślnego rezultatu antrepryzy, i tym właśnie celem upraszałem Was, Szanowny Mężu, o potrzebne dla mnie materyały. Odpowiedź Wasza (którą komunikowałem Xięciu Adamowi) zmieniła zupełnie projekt Towarzystwa, i fundusz obrócony będzie na inną słowiańską publikacyę; co jednak nie tamuje mi drogi do objawienia mojej osobistej opinii

[1]) „Seconde notice sur le Texte du Sacre" въ Almanach de Carlsbad 1843, Д-ра Kapo.

o naszym klejnocie, czekam tylko, aż wyjdzie na widok publiczny, jak mi to obiecujecie.

Słusznie dziwujecie się, Szanowny Mężu, moją niewiadomością o mającej się pokazać z nowym rokiem Paryskiej edycyi facsimile, rytowanego na stali; w istocie bowiem, jak się domyślacie, trzymano to w wielkim sekrecie; tak, żem ledwie temi czasy dowiedział się, iż kalligraf Sylvestre, zapewniwszy sobie odbyt 300-tu exemplarzy na koszt Rossyjskiego Rządu, zamierza, nadto, odbić 200 exempl. na sprzedaż cząstkową, łącząc do nich prolegomana P. Kopitara, które, jak słyszę, drukują się już tu, w Paryżu. Lecz zadziwienie Wasze było by może większe i słuszniejsze, gdybyście wiedzieli, Szanowny Mężu, wszystkie szczegóły procederu, użytego celem przeszkodzenia, by nasz klejnot nie pokazał się pierwiej w Pradze, lub w Paryżu, pod mojem imieniem. Nie podnoszę całej zasłony, kryjącej tę machynacyę; powiem tylko, iż pewne zazdrości odegrały w tem główną rolę. Zachęcono mię, niby, przez korespondencye, do połączenia się z kalligrafem dla wydania MS.; gdy tym czasem kalligraf (po uczynieniu mi pierwiej tejże propozycyi) poczyna głosić, że mu przeciwnie piszą, radząc, by się ze mną nie łączył, jako z ignorantem w rzeczach słowiańskich, a na dowód tejto ignorancyi mojej cytują mu popełnione błędy na litografowanej karcie, przyłączonej do mego Raportu. Mówiąc właściwie, cytowane błędy nie są błędami kapitalnemi; powstały one bardziej z niedokładności wycisku prassy litograficznej, niż z mej zupełnej nieumiejętności; wszelakoż podana kalligrafowi rada, aby szukał slawisty z professyi na kollaboratora, wpłynęła bardzo wiele na jego decyzyę i niegodne ze mną jego postąpienie; za czem poszło przyczynienie się Reimskiego Bibliotekarza do utrudnienia mi przystępu do naszego klejnotu; albowiem, przyrzeczono mu, w obecności świadka (od którego mam tę wiadomość), że imie jego, Parisa, będzie zaszczytnie w prolegomenach wspomniane. Niechże się zaszczycają wzajemnie, jeśli podobny postępek może być dla nich zaszczytnym!

Wracając do naszego ukochanego klejnotu, muszę się przyznać, iż niewypowiedzianie jestem ciekawy, jaką ma o nim opinię rzeczony Wostokow. Byłbym tedy niewymownie Wam wdzięczen, gdybyście, Szanowny Mężu, raczyli nadesłać mi, na mój koszt, jego publikacyę, skoro tylko wyjdzie na widok publiczny, gdyż inną drogą, ledwiebym ją może w pół-roku, jeśli nie w rok otrzymał. Że mi zaś i swoją przysłać raczycie, o tem ani mogę wątpić, nawet wcześnie składam

za nią podziękowanie, równie jak za inne książki, któreście mi już nadesłać raczyli, a które są tu dla mnie bardzo szacownym skarbem, gdyż na tym tu Sybirze świata słowiańsko-literackiego bardzo jest trudno zaopatrzyć się w słowiańskie książki; niedawnemi czasy dostaliśmy do Biblioteki naszego Towarzystwa literackiego Joana Bulharskiego, lecz musieliśmy czekać na niego przeszło 6 miesięcy i zapłacić kilkadziesiąt franków.

Gdybyśmy to byli szczęśliwi otrzymać z Pragi jaki zasiłek literacki, np.: zbiór kompletny Czasopisu Czeskiego Muzeum, lub coś podobnego, jakżebyśmy za tę braterskość byli wdzięczni!

Ale odbiegłem znowu od Textu; proszę mi tę wycieczkę przebaczyć. Sądząc z tego, co mi p. Kopitar o nim pisywał (bo już nie pisuje i na dwie ostatnie odezwy moje, po chorobie, nie raczył odpisać), przewiduję, iż w prolegomenach swoich będzie utrzymywał, dla własnej reputacyi, swoje sławne „jam dixi". Szkoda, że ten slawista, tyle uczony, którego zdanie nie mały może mieć wpływ na czytającą publiczność a nie bardzo lubiącą zagłębiać się w przedmiocie, tak bardzo się opponuje! Mamy wprawdzie mocne przeciw niemu argumenta, przecież sama już walka w tej materyi nie dozwoli publiczności przyjąć rzecz odrazu tak, jak się ma w istocie.

Wątpię, by P. Kopitar chciał się bronić przeciw argumentóm, jakie ja będę mógł przeciw jego opinii wystosować; wszakże, będę się miał w gotowości za przyjściem stanowczej chwili, bo zamierzam sobie podnieść rękawicę. Wyznaję, że mi to przyjdzie z wielką trudnością uczynić. P. Kopitar jest opatrzony w różnorodną broń, złożoną, jakby w arsenale, w Wiedeńskiej Bibliotece,—jam tego wszystkiego pozbawiony, ale spróbuję szczęścia: odwaga w dobrej sprawie nie może być naganną, ani wstydliwą, a jeśli postrzegę, że przeciwnik zwycięża, powiem, że jest bardzo zręczny.

Przyjąłem bez odpowiedzi Waszą, Szanowny Mężu, uwagę nad mojem uderzeniem się w piersi („mea culpa"), bo i choroba moja i wstręt do narażania się ludziom nie pozwoliły mi w swojej epoce tem się zajmować, lecz oświadczam, żem nigdy nie zwątpił o starości naszego MS. Wszakże nawet to samo, com w tym względzie wyżej powiedział w moim liście z 12-go Września 1841-go, wyraźnie tej prawdy dowodzi. Stałem więc i stoję przy pierwiastkowej mojej opinii, że jest: „...le plus ancien livre d'Evangiles en langue slavone", a nawet, pomimo silnych zarzutów, jakie mi z wielu stron uczyniono, żem się

nadto pokwapił i fundował na wiarogodności autora explicytu, będę się do upadłego bronił, albowiem wyciągnąłem z samegoż przedmiotu dostateczne argumenta, na których opierając się, tak śmiało zdanie moje dawniej wyrzekłem. Ponieważ więc rzeczony mój list był prywatny, a wcale nie dla publiczności pisany, należy przeto do Waszej, Szanowny Mężu, dla mnie przychylności, zneutralizować, przy sposobnej okazyi, zły efekt, jaki mogło sprawić jego ogłoszenie; nie idzie mi tyle o P. Kopitara (który się z tego, widać, powodu na mnie zagniewał), ale o publiczność. Owoż, powtarzam, nigdy nie zwątpiłem o starości MS-tu, prędzej może byłem obałamucony ciągłem szeptaniem mi do ucha uczonego slawisty, co zmięszawszy się z zasadami Zachodniej Paleografii (nie we wszystkiem, jak się przekonywam, dającej się stosować do Paleografii Słowiańskiej), stworzyło właśnie to bałamuctwo. Spodziewałem się ja, wprawdzie, obserwacyi z Waszej strony, ale prywatnej; bo że mój list nie był, jakem już wspomniał, pisany dla publiczności, dowodzi tego dodana przy końcu prośba co do reklamacyi mojej, żebyście z łaski swojej od Siebie, w mojem imieniu, uczynili. Lecz stało się! Na przyszłość, listy moje (jeśli one raczycie, Szanowny Mężu, nadal przyjmować) dla Was tylko samych pisane będą, jak niniejszy, oznaczone na wstępie wyrazami: „Tibi soli". Że ówczesny list adresowałem do Redakcyi, stało się to z natchnienia pewnego Czecha, bawiącego tu w Paryżu.

Raczcie też nauczyć mię, Szanowny Mężu, czy jest koniecznie potrzebnem utrzymywać za rzecz niewątpliwą, jakoby MS. nasz słowiański służył rzeczywiście do przysięgi francuskim królom, kiedy, przeciwnie (jakem już w Raporcie moim powiedział), fakta historyczne bynajmniej owej tradycyi nie sprzyjają? Co do mnie, ja tej potrzeby nie widzę, bo wiem z pewnością, że w Bibl. Reimskiej exystuje prawdziwy Texte du sacre, łaciński, wsparty powagą miejscowej historyi; a idąc za domysłem P. Parisa, Bibliotekarza, rozumiem, iż słuszniej by można powiedzieć, iż klejnot nasz, jako oprawiony w Relikwiarz, dawany był królóm tylko do pocałowania. Zawierzać bezwarunkowo podaniu Plusza byłoby to podawać adwersarzowi świeżą broń. Czytałem podanie, jakoby nasz klejnot sprowadzony był do Reims w IX. wieku; jeśliby więc i temu należało uwierzyć, w cóżby się obróciła prawdomówność Explicytu? Ja zaprzeczać koniecznie tradycyi Plusza i Pigagniola nie mam zamiaru; ale też i wspierać onej nie będę; a żem o niej w Raporcie rosprawiał, uczyniłem to dla obowiązku, jaki na mnie oficyalnie był włożony.

Musicie zapewne wiedzieć, Szanowny Mężu, że P. Champollion-Figeac (konserwator MSS. królew. Bibliot.), nie znający się nic a nic na słowiańszczyznie, a piszący o niej z cudzych notatek..., których nie zrozumiawszy częstokroć pocieszne puszcza bąki; że, mówię, tenże Champollion, znalazłszy na exemplarzu Glagolity Kloza, ofiarowanym Sylvestrowi, ręczną na marginesie notę P. Kopitara, dającą MS. Reimski za pismo XIV-go wieku, pochwycił to jakby wyrocznię i, (w tymże duchu) skleiwszy obszerszą a próżną gadaninę, umieścił ją w Paléographie Universelle, pod tytułem: Evangéliere Slave de la Bibliothèque Communale de Reims vulgairement nommé Texte du Sacre". Powstaje gaskoński autor z pocieszną ironią na prawdomówność Explicitu, a razem zaprzecza identyczności Paléokapasa. Przygotowałem już na to prawie kategoryczną odpowiedź (gdyż zaatakowane są moje osobiste opinie). Nie ogłaszałem dotąd mej odpowiedzi; sądzę, iż stosowniej uczynię wcielając oną do głównej mej pracy, dotyczącej naszego klejnotu, niestety! tyle poniewieranego! Jeślibyście potrzebowali, Szanowny Mężu, owej rozprawy P. Champolliona, chętnie Wam nadeszlę ręczną onej kopię, bowiem całe, drukowane (Paléographie Universelle), kosztuje niezmiernie drogo,—zdaje mi się, że 1200 franków.

Spodziewam się mieć tu do wydania pewien Texte Słowiański, do czego potrzebować będę słowiańskich liter z Lipska albo z Pragi. Jeśliście łaskawi, raczcie kazać, komu należy, aby mi przysłano specimina różnej wielkości i tak zwaną Police drukarską z dołączeniem ceny każdego charakteru, rachując na punty. Może się wybiorę kiedyś osobiście do Pragi dla odetchnienia słowiańskiem powietrzem, lecz nie wiem jeszcze, kiedy to będzie mogło nastąpić. Miło mi będzie złożyć Wam, Szanowny Mężu, moje uszanowanie, a może będę dość szczęśliwym odnieść tu jaki promyk Waszego światła.

Mickiewicz powrócił już z wojażu. Mówiłem mu dziś, coście mi raczyli polecić, o wizycie jego szwagra Malewskiego, przyjął to bardzo mile i prosił, bym załączył Wam w jego imieniu czułe pozdrowienie i wyraz rzetelnego szacunku. Chopin, odjeżdżając z Paryża na czas wakacyi, zobowiązał mię listownie, bym przy okazyi podziękował Wam, Szanowny Mężu, za łaskawą o nim pamięć i nadesłaną dla niego kompozycyę młodego naszego Lubowskiego; nadto, żebym Was najuprzejmiej pozdrowił jego imieniem.

Łączę też i ja swoje ukłony Szanownym Panom Prażakowi (jeśli mię sobie przypomni) i Profesorowi Kaubkowi. Pragnąłbym niewypowiedzianie usłyszeć z katedry Praskiej jego wykładu Li-

dano dokumenta, objaśniające też dzieje Polski. Czy to prawda? racz, Szanowny Mężu, wspomnieć mi o tem w łaskawym swoim odpisie, którego oczekuję przez tęż samą okazyę. Bardzobym rad posłyszał co nowego o naszym Reimskim klejnocie, jakiemu uległ losowi? przypominam sobie, że ś. p. Kopitar miał nas, pono, na miazgę zetrzeć w swoich prolegomenach do Paryskiej edycyi,— nie wiem, czy ta wyszła, lub nie? Przyjemnieby mi było posiadać dziś kompletny zbiór wszystkiego, co napisano o naszym Texcie w Pradze od czasu podniesienia tej kwestyi, bo wszystko, com z waszej łaski miał sobie komunikowane, zostawiłem dla Polskiej Biblioteki, wyjeżdżając z Paryża. Jeślibyś mógł, Szanowny Mężu, zbogacić mię nanowo tą kollekcyą, Pan Max jest uproszony do zapłacenia potrzebnych kosztów, które mu zwrócę za jego powrotem do Rzymu.

Bawię w Rzymie nie dla fantazyi, ale dla pracy—dopełniam zbioru dokumentów do Hist. Polskiego Kościoła, nad którą pracuję, a lubo czas mój bardzo zapełniony, przecież niezaniechałem słowiańskich MSS. w Watykanie, pomimo że znane już są wielu naszym badaczom. Niewiem, który z literatów Pragskich miał zamiar wydrukować Legendę słowiańską o ś. Cyrylim? i czy już wydana? Ja tęż myśl powziąłem, a żem dotąd jej nie wykonał, to dlatego, że druk tutejszej Propagandy zanadto już zużyty. Ale spodziewam się, że będziemy mieli nowe druki, bo ma się tu założyć drukarnia W s z e c h - s ł o w i a ń s k a do drukowania wszystkiego, co warte druku, a mianowicie ksiąg liturgicznych we wszystkich słow. dyalektach. Projekt założenia takiej drukarni wyszedł od Towarzystwa Wschodniego, założonego przez L'u n i o n d e t o u s l e s c h r é t i e n s d'O r i e n t. Komissya Centralna tego tow. jest w Rzymie, przyłączam tu urywek drukowany, na którym są imiona jej urzędników.

Co też w Pradze mówi się o Mickiewiczu? Szkoda! i wielka szkoda dla całej słowiańszczyzny! S i c t r a n s i t g l o r i a m u n d i! Z kursu P. Cyprien Robert nic jeszcze nie czytałem, ale znając zbliska tego Pana i od dawnego czasu, nie mogłem w nim wysledzić żadnej znajomości słowiańszczyzny, więc też nic wielkiego ani ważnego z jego kursu nie oczekuję. Jaka to dla nas klęska z osierocenia Paryskiej katedry! dostała się cudzoziemskiemu szarlatanowi, który nawet ani jednego słowiańskiego nie zna dyalektu. Wolałbym ją widzieć próżną, niż zajętą tak niewłaściwie. Ale Cyprien Robert nie ma wcale nominacyi na Profesora, — wdarł się tylko dla tego, że była próżną,—pod pozorem, że chce i ma prawo okazać publiczności francuskiej swoje wiadomości o kra-

jach północnych. Pensyi od Rządu wcale nie bierze, bo Rząd płaci Mickiewiczowi, a katedrę uważa jako do czasu w zawieszeniu. Jest, pono, nadzieja, że Mickiewicz się opamięta, — może też i krzesło swoje dobrowolnie opuszczone odbierze.

Proszę przyjąć wyraz wysokiego poważania, z którem miło mi zostawać, sługa Jastrzębski.

Rzym, 58, Vicolo del Mortaro,
d. 1-go Sierpnia 1847.

ДОПОЛНЕНІЯ.

В. Ганка — Г. С. Вандтке [1]).

1.

Jasnie Wielmożny Panie Dobrodzieiu!

Listowna korrespondencya WWPana z JMPanem Dobrowskim, którey ia zawsze uczaśnikiem bywałem, tak smiałym mię czyni, że WWPana listem moim uciążam.

Kilka młodych Czechów weiszło w małe prywatne towarzystwo, i życzy uwiadomić się z pobratymczymi dyalektami; z tey zaś przyczyny zakładamy celu temu dostateczną biblioteczkę Sławianską, a owoc usiłowania towarzystwa tego komunikowanym będzie publicznosci drukiem w encyklopedyckim czasopisu pod nazwiskiem Krok w ięzyku czeskim.

I nie rozmyślawszy się długo, ktoby nam w przedsięwzięciu naszem radą iak w literackiey zbiegłosci, tak wygodą neodległosci pożytecznieyszym być mogł, na WWPana Dobrodzieia przypadłem i poważam się upraszać o rzeczy teyto: K biblioteczce naszey trzeba książek i szczególnie czasopisu (nie politickich, lecz literackich) wszystkich Sławiańskich narodów, i w tym względzie wkładamy, co się literatury Polskiej tycze, prośby swoie do WWPana Dobrodzieia, abyś nam takich wyszukał, z nimi nas uwiadomił, Bankiera, ktoremu byśmy zapłacili, mianował i po

[1]) Къ стр. 31—42.

bezpieczney okazyi przesłać raczył. To wszystko roztrąpnosci WWPana Dobrodzieia polecamy; niewątpiąc, iż celu naszemu przymierzonych książek nabędziemy.

Druga zaś prośba byłaby ta, JMPan Dobrowski przerobił latoś czeską swoię gramatykę, edycya ta iuż wydrukowana, i teraz meszkaiąc w Wiedniu Starosławiańską drukuie. U nas w Pradze zaś tymże samym systemem i porządkem drukuie się Gramatyka Rossyiska przez Puchmayera; też i Serbowie według Starosławiańskiey wyższe upomianutey swoią porządaią, a ieżeliby WWPan Dobr. nam Gramatykę Polską według tegoż systemu stosował, nietrzeba nam iuż srownawaczney Gramatyky powszechnego Roda Sławiańskiego. Tudy uczącym się ięzyków tym niesłychana wygoda stałaby się, iakoż i pokrok do przybliżenia się tychże pobratymczych dyalektów nie mały.

Spodziewam się, że WWPan Polskie pismo moie, iakiekolwiek iest, miłostiwie przyimiesz i mię życzliwym responsem uczcisz.

Z głębokiem uszanowaniem etc. Wacław Hanka,

Interim-Bibliothekarz czeskiego Narodowego Muzeum.

Jestliby WWPan drugą edycyę Gramatyky przez Dobrowskiego samym autorem ieszcze nie odebrał, zaraz WWPanu poszlę exemplarz.

Moie mieszkanie: Konvictgasse № 293. Altstadt Prag.

(№ 1874. Рукоп. Ягеллонской библ.).

2.

Jasnie Wielmożny Panie Dobrodzieiu!

Chciąc JPana Grabowskiego dokładnem zaspokoić doniesieniem, opoźniłem się w odpowiedzi na łaskawy i pocieszny list WPana Dobrodzieia. Przyymyy zatém wyraz nayczulszego podziękowania za uwiadomienie, którego nigdy się niespodziewałem, iżbym iedynym listem tego honoru nabyć mogł, zwłaszcza ponieważ, iak WPan Dobr. piszesz, nigdy Polski nie widziałem, ni Autora iedynego, oprócz kilka rozpraw z Roczników Warszawskich i cwierci roku Gazety Lwowskiey, nieprzeczytałem; chociaż pragnę po takowem czytaniu, i bądź przekonanym WPanie, iż więcey rossyyskich, serbskich i inych pobratymczych książek w Czechach znayduiesz, niż polskich. Zatém bardzo wątpię, iżby się Polszczyzna moia wielom podobać miała. Mnie zaś dosyć na tém będzie, gdy się przekonam, że z Sławianami obcym ięzykem

Slovesnost od Jozefa Jungmanna,
Nawedenj o Konjch od Antonjna Jungmanna.
Logika od Antonjna Marka.
Gesnerowy Idylly od W. Hanky,

które xiążki autorowie szanownemu Towarzystwu w naygłębszey uczciwosci ofiaruią.

W-ny Pan Opat Dobrowski poiecha ten tydzień ieszcze w Wiedeń i spodziewa się, iż z JWPanem się tam zgląda.

Polecam się etc. W. Hanka.

W Pradze Czeskiey,
14. Sierpnia 1820. (№ 1874. Ягеллонск. библ.).

4.

Jaśnie Wielmożny Mości Panie! Mości Panie i Dobrodzieiu!

Czytawszy w Dzienniku Wileńskim o bardzo schwalonem Akademiją Ross. dziele Pana Rakowieckiego, ucznia JWMPana Dobr., ośmielam się upraszać, możnoliby było spomianute dzieło jakoż i Pamiatnik Warszawski na rok teraznieyszy okazyią z książkami JWMPana Hrabiego Ossolińskiego do Wiednia przyłożyć. Co zaś do zapłacenia tych pisém, obraciłem się do JMXDobrowskiego, teraz w Wiedniu meszkającego, ktory ich JWMP. Hrabiemu Ossolińskiemu zaprawi, zkąd zaś ja ich lekkim spósobem już otrzymać mogę. Daley spodziewam się, iż JWMPan Dobrodziey odemię tu przyłączone dziełko moje pod tytułem Igorz Swiatosławicz jako słaby znak mego uszanowania nie odrzucisz i ostatnie książki, mianowicie 2-ry, 3-ci i 4-ty tomik Starobylych Składań, Rękopismo Kralodworskie. Tomik pieśni moich i Igorza Swiatosławicza do biblioteki szanownemu Krolewsko-Warszawskiemu Towarzystwu Przyiacioł Nauk w mem imieniu ofiarujesz dobrotliwie. Przyczemże donoszę, żem dwunasty i trzynasty tom Roczników przez Krakowskiego xięgarza Grabowskiego otrzymał dla JMX. Dobrowskiego. Co wyraziwszy, jako Czech nigdy w Polsce niebywaiący odpuszczenia żądam, zostaiąc etc.

Wacław Hanka,
Interim-Bibliotekarz Czesk. Muzea Narodowego.

W Pradze,
10 Grudnia 1820. (№ 1874. Ягеллонск. библ.).

5

Předrahý Přjteli a Wysoce Učený Pane!

Blahorozmarný list Wáš od 14 dubna t. r. mne welmi oradowal, a bylby to tjm wjce byl učinil, kdyby byl polsky psán

a kdyby těžkosti bolesti Wašj newzbuzowal. Gá aspoň sem pewně sobě umjnil, že Slowanu ginak psáti nebudu, než slowansky. Ačkoli sem se při čtenj srdečně smáti musel, přece se na Waši bezegmenau nemoc welmi mrzjm, že Wám tolik trápenj způsobila, a k stářj geště tabák kauřiti naučila. Wždycky sem se těšjwal, že Wás wody naše do Prahy přitáhnau, ale tjmto listem mne giż i o tu naděgi pauhau připrawugete; ano mysljwal sem „widěti se přec gednau musjme, nepřigdeli On, půgdeš ty, až tolik uschránjš, přes Krakow na swaté ostatky národnosti a ducha Lechitůw dáwných do Pulaw se podjwati", ale nehrubě dobře wypočjtaný přewrat a surowost Wirtemberčana zmařili také to: a teď kdyż sem newiděl kwetaucj, pohubené Polsky, abych nad nj plakati musil, widěti nechci, dostit' se zde nad našimi ztrátami a ranami ubohé utištěné češtiny napláču.

Co se dotýče poděkowanj za přigetj w členy Musea našeho, wše sem dle žádosti Wašj wyřjdil, připomenauti wšak musjm, że členem čestným zůstáwati račjte, neboť dle stanow Učeným čest, bez toho nic giného nemagj. U nás člen zhola beze cti, musj platiti, a to nalézám welmi chwalitebné, nebo Museum potřebuge na zachowánj a wzrůst swůg; takowý člen buď 20 zl. stř. ročně, buď 200 zl. stř. nagednau složiti musj.

Zde posjlám Časopisu našeho běh roku předešlého a prwnj dwa swazky letošnjho, wšak ale Museum naše nic darmo dáwati nechce, než žádá se wšj uctiwostj o equivalent buď w podobných časných aneb w staršjch polských wterotách (duplicatech), aby tudy wzrůstáwagicj slowanskau swau knihownu rozmnożowati mohlo. Ocenénj slušnosti liternjch plodů těchto W. M-ti gakožto zkušenému Knihownjku ponechávame. Knihowna naše gest na českau a přjrodopisnau Literaturu obmezena, gá sem ale ku podpoře prwněgšj mjsto pro wšecka sestřenská nářečj wyžádal, a kaupenjm Dobrowského zbírky počátek k tomu učinil, pomalu to přibýwá, także radost mjti mohu, że ze wšech odwětwj giż aspoň něco máme.

Račte mi psáti, které ročnj běhy časopisu Wám chybj, nebo se pamatugi, że sem giż něco byl poslal, a wše chci doplniti. P. kupec Wodffel, kterýž mi list Wáš přinesl, powidal mi, że u P. Prof. Trojanského pro mne od P. Prof. Maciejowského z Waršawy 15-te Exemplářů geho slowanského Práwa ležj. Myslil sem, że to po někom k wodám našim gedaucjm obdržjm, což gestliže giż pozdě nenj prosjm račte něgak sprostředkowati.

Exc. pan hrabě Sternberg a P. Prof. Jungmann uklony swé skládagj, gá zas Pana Dutkiewicze po slowansku ljbám a prosjm,

abyste mu ráčil přiložené pjsně moge přjležitě odewzdati, i poraučege se laskawé paměti zůstáwám we wšj uctiwosti Wašj Blahorodnosti neyoddaněgšj W. Hanka.

Geho Blahorodnosti Panu Prof. a Knihownjku Bandtkiemu w Krakowě.

W Praze,
dne 5 čerwence 1832. (Въ библ. Крак. Акад.).

6.

Drahý přjteli,

Dwě psanjčka Waśnostina mne welmi obradowala, zwlášť že se k nám do Prahy podjwati chcete. Práwě sem na wydanj Wašem Parkoše de orthographia pracowal, kdy mi list Wáš přišel. Gá sem wypracowal polskau grammatiku pro Čechy podlé zakladu Dobrowského české mluwnice, a welmi by mi bylo přigemno, kdybych aspoň několik §§ s Wámi z nj progjti mohl. We Wašem Parkoši mi zcela skoro nic zatmělého nenj, o tom ale austně až Wás sem Pán Bůh do Prahy přinese. Knjže Henryk Lubomirski mi powjdal o nemoci Wašj, což mi welice ljto bylo; snad Wás knjže opět wracege se z Čech nawštjwil? Pana Brodowiče dobře znám; pana Dutkiewiče prosjm račte ode mne pozdrawiti, také na něho často zpomjnám.

Graf Sternberg ist auf seinem Schlosse, bis er kommt, so meld ich ihnen. Von Ihren 7 Sachen hat das Museum Słownik dokładny und die Taschenausgaben, alle Auflagen Ihrer Grammatik, Dzieje królestwa Polsk., Historia Drukarń, Miscellanea crac. I. & II. Miscell. nova I. Rozmaitości I. Parkossii libellus de othogr. Specimen psalt. ad S-tum Florianum. Roczniki krakowskie XIII. tomów; gá sám mám toliko X. Notitia tua de Codice quem Ernestius habebat venalem male mihi convenit, denn eben diese Tage hab ich einen Tausch gegen einen altteuschen Codex geschlossen, wo mir dieser böhm. zugekommen wäre. Dass er in Wien geschrieben sei fällt von selbst weg, da wir wissen, dass der wiener aus Prag nach Wien gekommen. Vom Hrn. Grabowski hab ich noch nichts erhalten, auch war bisher Hr. Wiszniewski nicht angekommen. Von Voigt's Münzgeschichte fehlt Ihnen also der seltenste Theil, das Werk ist auf die Art gar nicht zu completiren. Książe Henryk kupił tu kompletny exemplarz tego dzieła, nie wiem już jak drogo, pod 15 zł. sr. go w licytacyach nie otrzymasz. Pulkawy edycyą przez Prochazkę myslę iż w antykwarzach znajdujemy. Z Časopisu więc muzealnego brakowałby

jak widzę zeszyt (qualis vox! zeszwa?) 4-ty 1829 i 4-ty też z r. 1830, potém cały rok 1831, 1832, 1833 i pierwszy zesz. 1834. O czeskiem Słowniku posyłam WP. Dobr. uwiadomienie. Lexikon zaś 1710 będzie Wussin i nie Welesławina. Zbjrka neydawněgšj slownjkůw latinsko-českých, mezi kterýmiž Mater verborum aneb Glossa Salomonis prwnj misto zanjmá, wyšla giž wloni, a stogj k službám. My máme 12 medalij rozličného stemplu, též gednu kde na Reversu s Lutherem, na památku M-stra Jana Husa, a právě žádná nenj z toho roku, ani z Gdanska; pročežby zbjrce našj welmi wjtána byla. Wir wissen hier auch nichts über ihre Prägung. Reinerz heisst Dušnjk, Münsterberg Zubice, und Neumarkt Středa. máme též w Čechách Neumarkt a ten se zowe Uterý (Wterek).

Naše Češky gsau wjce modro- a siwooké než černooké, černé oči gsau zřjdka tak gako wrané wlasy. Dřjwe než odgedete. račte Panu Muczkowskému wědomost dáti. Poraučege se laskawé paměti, přegi, aby se Wám na wšem dobře a št'astně wedlo. a s taužebnostj očekáwám s wysokau wážnostj Wám wždy oddaný

Waclaw Hanka.

Wielmożnemu JMCi Panu i Dobr. Jerzému Sam. Bandtkie, Bibliotekarzowi i Prof. Jagiellońskiego Uniwersytetu w Krakowie. pl. tit. Cracau.

W Praze,
4 mage 1834. (Въ библ. Крак. Акад.).

В. Ганка — Р. Губе[1]).

Jaśnie Wielmożny Panie, Kochany Przyjacielu!

Pan Petkow przyniósł mnie zacny list i przy niem памятную книжку на 1852 г., coż mię oboje bardzo obradowało, i jeszcze bym sie więcej zaradował, gdybyś do naszej Pragi zajechał. Jeszcze przed przybyciem Pana Petkowa przypakowałem niektóre książki dla Pana do skrzyni odesłanej do P. barona Modesta Korfa, do którego tu liścik załączam prosząc, żebyś go łaskawie kazał w Warszawie rzucić na pocztę. Pan baron mnie kommunikował tytuły czeskich rękopisów, znajdujących się w imperatorskiej publicznej bibliotece w Petersb. i tam jest także Zrzizenie knižetstwí těšinského 1392. Młody Bułgarin Petkow mi się podoba, jest to żywy zdatny chłopczyna, który się zda wiele nadzieji dawać.

[1]) Къ стр. 275, № 16.

Pan Maciejowski nas nawiedził, lecz nie nadługo. Dałem mu kontynuacyą Časopisu Museum na zmianę Biblioteki Warszawskiej, której dòpiero dwa zeszyty 1852 mamy. Jest to ta kommunikacya między Sławianami, Boże zmiłuj się! Z Newyorku prędzej knigi otrzymujemy, niż z Warszawy, nato z Moskwy!

Całuję Jaśnie Wielmożnéj Pani rąkę i ściskając Pana zostaję jak zawsze najoddańszy Wacław Hanka.

A Son Excellence Monsieur Romuald Hube pl. tit. à Varsovie.

Praga,
5 Sierpnia 1852. (Библіотека Имп. Варш. Унив.).

В. Ганка — П. П. Дубровскому[1]).

Drahý Příteli Petře Pavloviči!

Přijměte srdečné moje díky, že ste dobrým spůsobem Izmaila Ivanoviče k tomu přiměl, že mi do Vašeho psaní také několik řádkův připsal. S žaltářem Svatofloriánským sem se dávno také upřimně obíral, a jej srovnal i našel, že jest to tak jako biblie šarošpatácká přeloženo z českého, a sice žaltář se skoro na slovo srovnává s tak nazvaným žaltářem kapitulním. Byloliby Vám libo, přidalbych k práci Vaši české významy z kapitulního žaltáře, a takbych první nějaký příspěvek pro II oddělení Akademie učiniti mohl. K. p. žalm 73. verš 7. Gako w lesie drewnem sekyrami wyrubali drzwi swe w to samo. w sekyrze a w bradatici swehli ge. žalm. 101. v. 9. wes den luzachu neprzatele mogi a giz chwalichu mie protiwu mnie przisahachu. Rukopis kapitulní jest z 14-ho věku—může býti, že polský jest i o něco starší, a že Polák měl před sebou jiný též starší rukopis téhož přeložení českého. Máme rukopis XIII věku v knihovně universitní, a rukopis vitemberský, ale ty oba jsou jiného překladu, tak že máme trojí rozdílné přeložení české žaltáře.

Veřejným oustním jednáním při soudech měli sme největší naději, že se nám naše čeština opět v ouřady vrátí: hesky to šlo, až radost byla jak se mladí advokati při zastupovaní k tomu měli, a pěkně po česku řečnili — ale už i to nám berou a opět tajné předbřeznové jednání zavádějí a němkyňku všemohoucí dělají: ano dnes sem četl v novinach: „In Fällen, wo schriftliche Documente

[1]) Къ стр. 337, къ письму № 28, которое должно быть помѣчено № 27-ымъ, а письмо № 27-ой слѣдуетъ перенести на его мѣсто.

von der Civil- an die Militärbehörde zu leiten sind, wurden sämtliche Jurisdictionen dahin instruirt und darauf aufmerksam gemacht, den in slavischer Sprache vorliegenden Urkunden eine deutsche, oder, wenn dieses nicht thunlich ist, eine ungarische oder lateinische Uebersetzung beizufügen". To máme za vděk, že sme monarchii od skázy Němcův i Maďarův vysvobodili! Čiň čertu dobře — peklem se ti odmění.

Pozdravujte všecky, kteří se na mne pamatují, i zachovejte v laskavé paměti svého nejoddanějšího Вячеслава.

V Praze, 7 února 1852. (Въ бумагахъ Р. Губе, въ Ягеллонской библ., въ Краковѣ).

А. Эйншпилеръ.

Blagorodjeni gospod! Slavni vlastenec!

Sklenili smo vse knjige, koje smo leta 1852 na svitlo dali, tudi svitlemu cesarju Ferdinandu Dobremu poslati. Morde kaj dobimo za naše mladjahno družtvo. Čuli smo pa, da to ne gre take reči naravnost cesarju pošiljati. Nikogarja nimamo u zlatnem Pragu, da bi nam pri ten pomagal. Zato Vas lepo prosimo, priložene knjige cesarju Ferdinandu v roke spraviti. Vemo, da imate veliko opraviti; vendar terdno nadamo se, da Vi—slavni vlastenec! — ponižne prošnje svojih slovenskih bratov v Celovcu ne bote odrekli. Lepo in ponižno še jedenkrat prosimo in se serčno priporočimo.

V znam bratske sloge i ljubavi je pridjano šest družtvenih knjig za sl. češki museum v zlatnom Pragu.

Zdravstvujte! And. Einšpieler, vodja.

Odbor družtva sv. Mohora v Celovcu.

29. januara 1853. Помѣта Ганки: „Odpověd. 21 února".

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

\., проф. 633, 635, 636, 637,
l.
ъ 638.
ь А. Ѳ. 467, 469, 476, 478,
24, 1207.
ргъ В. Ѳ., гр. 1—2, 29, 521.
ргъ г-жа 29, 559.
34.
нъ 88, 89, 91, 95, 100.
ь И. С. 3—9, 154, 210, 213,
11.
ь К. С. 8.
ь С. Т. 214.
дръ I, имп. 26, 99, 511, 1117,
194, 1203.
дръ II, имп. 394, 498, 835,
), 1133, 1136, 1137, 1178.
въ 487.
ъ Б. Н. 64.
въ, д-ръ 238, 1144.
ъ, принцъ сакс. 930, 931,
1248.
гъ, проф. 373, 422, 659, 957,
3, 1057, 1152, 1153.
ій, архим. 1102.
евичъ 265.
ъ-Богоевъ И. 9—11, 12,
въ 86.
871.
ни 583, 587.
ъ В. Е. 9, 10, 11—14, 307,
).
, бар. 529.

Арльтъ, книгопр. 141, 144, 145.
Арнетъ 441.
Арнольдъ 1151, 1153.
Арсеньевъ 179.
Артемовскій-Гулакъ 1054, 1055.
Астромовъ 855.
Афанасьевъ 1075.
Ашикъ А. В. 14—22, 639, 641, 643.

Бабстъ И. К. 22, 151, 152, 347, 605, 606.
Бабукичъ 965, 993, 1012.
Багрѣева 654.
Бадени А. 597.
Бадлай 968, 969.
Баіеръ 203.
Бакунина А. М. 45.
Балабанъ 504—505.
Балабинъ В. П. 23—26.
Балинскій М. 503.
Балугьянскій М. А. 26—31, 88, 272, 472, 477, 528, 529, 559, 560, 561, 641, 669, 670, 671, 672, 942, 944.
Бандтке Г. С. 31—41, 267, 572, 719, 721, 729, 736, 917, 1268—1274.
Бантышъ-Каменскій 116.
Бенедикти 578.
Бартеневъ П. И. 152, 153.
Бартошевичъ Ю. 492, 493.
Бартъ 239.
Баршевъ Я. И. 88, 99.
Барятинскій, кн. 614.
Басинскій 756.
Батюшковъ К. Н. 72, 633.
Безсоновъ П. А. 222.

Беккеръ 510.
Бекъ (Bökh) 1165.
Бендель 629.
Бенедиктъ, книгопр. 674.
Бентковскій 267, 710, 726, 769.
Бервинскій 1168.
Бергманнъ 195, 441.
Бергъ Н. В. 42—87, 332, 1086.
Бередниковъ 180, 1063, 1074.
Берковскій, д-ръ 38.
Беръ, книгопр. 434, 435.
Бесеръ, книгопр. 148.
Бётлинкъ 1074.
Бибиковъ А. 87.
Бибиковъ Д. Г. 903.
Бидерманъ, банкиръ 118.
Билярскій П. 221, 689, 691.
Биндеръ, книгопр. 418, 419, 420, 422, 426.
Благовѣщенскій А. А. 88—100, 560, 942.
Блейвейсъ Я. 100—101.
Блудова А. Д., гр. 101, 216.
Блудовъ В., гр. 275.
Блудовъ Д. Н., гр. 101, 277, 360, 464, 672, 786, 855, 1191.
Бобровичъ, книгопр. 782.
Бобровскій М. К. 102—104, 661.
Богаевскій 147.
Богдалекъ, проф. 1174.
Богороцкій С. О. 900.
Бодмани 986.
Бодянскій О. М. 72, 86, 87, 104—154, 169, 173, 181, 253, 256, 304, 309, 332, 345, 347, 383, 419, 420, 560, 561, 851, 852, 857, 868, 947, 1024, 1029—30, 1051, 1138, 1154, 1191, 1221.
Боппъ 666, 801.
Борковскій І., гр. 164.
Бороевичъ 988.
Боурингъ 552.
Бочекъ А. 105, 270, 361, 679, 681, 683, 684.
Браичь Н. 980, 981.
Брандтъ, проф. 1080.
Бреттеръ 410, 413.
Бродзинскій 176, 726, 741, 746.
Бродовичъ, проф. 33, 34, 35, 38.
Брокгаузъ 412, 413, 423.
Брюловъ 67.
Будзинскій С., проф. 154—145.
Будишевскій 321.
Букъ 239, 240, 242, 246, 247.
Булгаринъ Ѳ. 558, 631, 668, 954, 999, 1015.
Буличъ Н. Н. 150, 155 — 156, 244, 247, 248, 258, 694, 871, 873.
Буняковскій 1073.
Буслаевъ Ѳ. И. 86, 1039, 1075, 1095, 1096.
Буссъ, д-ръ 745.
Бутковъ, акад. 179, 1063, 1074.
Буттоло О. 973.
Бутурлинъ, ген. 76, 308.
Быстровъ 272.
Бьеншъ 239.
Бѣлевскій А. 156—168, 495, 752, 911, 921, 922.
Бѣлосельская - Бѣлозерская, кн. 363.
Бѣляевъ И. Д. 8, 168, 332, 1051.
Бѣляевъ И. В. 858.
Бюдингеръ 1115.

Вавра 882.
Ваврихъ 239.
Ваги г-жа 969.
Вагилевичъ Д. 653, 857, 858.
Вагнеръ Ф., книгопр. 5, 7, 8, 279.
Валицкій 560.
Валуевъ Д. А. 55, 140, 168—173, 844, 845, 846.
Вальтеръ, библ. 512.
Вальтеръ, проф. 903.
Ванакъ 240.
Вангеровъ 354.
Вартингеръ 960.
Васильевъ 73.
Васильчикова, кн. 938.
Васильчиковъ А., кн. 173—174, 499.
Ваттенбахъ 166.
Вацликъ И. 204, 205, 206, 211, 215, 219, 553, 556, 610.
Ващенко 996.
Веберъ, книгопр. 91, 653.
Веверка 257.
Ведецъ (Vidiz) 566.
Вейдлихъ 284, 285.
Вейссъ, д-ръ 105.
Вейтенвеберъ 632, 634, 789.

ингеръ 962.
еръ, книгопр. 416.
серъ 270.
съ 239,
гманъ А. Ѳ. 59, 310.
ей 625.
витиновъ 214.
диктъ, книгопр. 954.
линъ Ю. 55, 470, 472, 475.
ликъ В. 1168.
игъ І. 682, 704.
овичъ Ст. 219, 1238.
инскій, прот. 1248.
ьскій 413.
ь Ф. Ф. 174—175.
ра 356, 358.
орія, королева 361.
кенъ 663.
кинсонъ Г. 625.
чекъ 750.
ржицкій А. 268, 306, 413, 515, 587, 591, 598, 1091.
фильдъ В. 548, 549, 552.
ёръ 244.
ъ 327.
зовскій 794.
зичъ 565.
овичъ, проф. 584.
хъ 313.
евскій М. 39, 175—178, 746,

а 1000.
овскій 864, 1136.
инскій 939.
ицкій, гр. 34.
еховичъ А. И. 1158.
ицкій 307, 310, 747.
оичъ 566.
овъ 310.
онскій П. М., кн. 521.
ичъ Я. 566.
фъ 131, 133.
-Лярлярскій В. А. 67.
ничъ 249.
нцовъ, гр. 1121.
ковъ А. Х. 14, 31, 98, 178—253, 257, 281, 320, 338, 448, 458, 483, 511, 523, 670, 688, 689, 690, 813, 815, 818, 819, 895, 1012, 1015, 1030, 1038, 1039, 1063, 1074,

Востоковъ А. Х. 1090, 1096, 1121, 1122, 1136, 1262.
Воцель 215, 494, 636, 642, 782, 784, 785, 786, 787, 789, 791, 792, 795, 1036, 1093.
Вочинчичева 965.
Вразъ Ст. 180—182, 306, 965, 966, 969, 970, 993, 994, 995, 1011, 1012, 1013, 1043.
Вразъ, свящ. 961.
Враницаръ 970.
Вранчичъ 564.
Враштилъ 653, 1038.
Вржесневскій 570.
Вртятко А. 8, 204, 205, 209, 211, 212, 215, 217, 219, 437, 553, 1115.
Вронченко 323.
Вукотиновичъ 965, 1013.
Вурцбахъ 221.
Высоцкій А. 161.
Вяземскій П. А., кн. 179, 182—183, 641, 865.

Гаазе, типогр. 59, 191, 389, 633, 679, 680, 684, 694, 799, 919, 920, 923, 957, 971.
Габделичъ 564.
Габель, кан. 576.
Гавличекъ-Боровскій К. 116, 129, 171.
Гавранекъ 216.
Гаврінлъ, архіеп. 497.
Гагаринъ И. 679, 684, 686, 1115.
Гагичъ 428, 809, 810.
Гаевскій В. П. 183—184.
Гай Л. 134, 291, 963, 964, 965, 968, 994, 1043.
Гакстгаузенъ, бар. 625.
Галаганъ П. Г. 650, 654, 677, 888, 891.
Галаганъ Софія А. 886.
Галекъ В. 24.
Галицинъ А. М. 937.
Гамерникъ, д-ръ 1174, 1176, 1181.
Гансгиргъ 413.
Ганушъ 233, 244, 1016
Ганъ, проф. 445, 570.
Гарнковскій 277.
Гартенштейнъ 105, 128, 403, 497, 650, 651, 652, 1121.
Гарткнохъ Ф., книгопр. 10.

Гаттала М., проф. 204, 703.
Гауке, графиня 787.
Гауптъ 927, 953.
Гауровицъ, д-ръ 440.
Гауснеръ (и Віолландъ) 384, 405, 1209, 1210, 1212, 1213, 1218, 1219, 1220, 1222, 1226, 1227, 1229, 1230, 1231.
Гашинскій 1168—1169.
Гебгарди 390.
Гебель 761.
Гегенбауеръ, д-ръ 90.
Гедеоновъ 323.
Гедройцъ 1222.
Гезенъ А. М. 1106.
Гейдлеръ, д-ръ 942.
Гейльманнъ 772.
Гельцель А. С. 184—197, 609, 672, 734.
Генингеръ, свящ. 403.
Георгіу Е. 808.
Гербарбтъ М., кс. 492.
Гербель Н. В. 43, 74.
Герберштейнъ 526, 1214, 1216.
Гербуртъ 1214.
Гервинусъ, проф. 355.
Гердиборская 529, 531.
Геркель І. 463.
Германнъ 251.
Герольдъ 683, 686, 687.
Гессъ ф. Гессенталь 749.
Гёфлеръ, проф. 233, 707.
Геце П. 464, 465, 466.
Гешковскій С., типогр. 161, 163.
Гешоглу Х. Д. 11, 808.
Гизевіусъ 1162.
Гильфердингъ А. Ѳ. 8, 168, 197—222, 240, 554, 610, 614, 791, 792, 804, 1093.
Гильфердингъ Ѳ. И. 198, 215, 791.
Гиляровъ Н. П. 213.
Гинилевичъ, кан. 235.
Гинрихсъ, книгопр. 727, 728, 738, 739, 741, 747.
Гиртль 1259, 1260.
Гиршфельдъ, книгопр. 123, 966.
Главатый 805.
Глазеръ Р. 252, 253.
Глина 410.
Глѣбовъ 905, 906.
Глюксбергъ, типогр. 249, 633, 635, 636, 640.
Гнѣвковскій 585.
Гнѣдичъ 214.
Гоголь Н. В. 54, 55, 56, 57, 61, 65, 66, 86, 214, 216, 358, 418.
Голембіовскій Л. 267, 746, 909.
Голицына, кн. 863, 864.
Головацкій Я. Ѳ. 131, 210, 222—238, 388, 567.
Головинъ 792, 793.
Голубарь 400, 403.
Голый Янъ 413, 576, 1021.
Гольмайръ А., архіеп. 551.
Гоппе 390.
Горловъ И. Я. 238.
Гормайеръ 570.
Горникъ М. 238—248.
Горскій А. В. 1062, 1100, 1103.
Горчинскій А. 193, 249—250, 760.
Горчичка 860.
Гофманъ В. Х. 202, 791, 834.
Гофмейстеръ, книгопр. 308, 309, 312.
Гохбергеръ, д-ръ 733.
Гохманнъ І. А. 250—252, 596, 597.
Гощинскій С. 1167.
Грабета Янъ 170, 408, 863.
Грабовскій 176, 570.
Грабовскій Амвр. 32, 39, 42, 1269, 1273.
Грабовскій, гр. 269.
Грановскій Т. Н. 22, 55, 58, 328, 399.
Граувертъ 1152.
Грефе, акад. 450, 457, 1074, 1080, 1083, 1202.
Гречъ Н. И. 252—255, 355, 395, 432, 444, 558, 620, 622, 895, 936, 939, 954, 1015.
Григорьевъ А. 498.
Григорьевъ В. В. 498.
Григоровичъ В. И. 10, 64, 134, 238, 256, 324—325, 347, 867, 1030, 1036, 1050, 1051, 1056, 1057, 1085, 1089.
Григоровичъ, прот. 1074.
Гроссъ Ф. 642.
Грумъ, д-ръ 1065.
Губе Іос. 264.
Губе Р. М. 259—277, 360, 363, 672, 705, 706, 707, 708, 710, 711, 714, 725,

Р. М. 830, 833, 834, 835, 944,
, 1148, 1274—1275.
овскій 136.
новъ И. А. 277—279, 1205.
въ С. И. 1104.
ьскій А., гр. 625.
ъ М. 279.
ка О. 203.
Іоаннъ 217, 292, 346, 461, 1202,
.
еръ Вольфгангъ 12, 13.

цовъ, кн. 1174.
цовъ И. И. 179, 280—283, 367,
1055, 1063, 1074, 1085, 1090.
ко 962.
В. 310.
цкій 176.
ювичъ 267, 272, 294.
лъ, митроп. Черног. 651.
овъ 672.
ачекъ 116.
жакъ І. 392.
иеръ, книгопр. 113.
ювъ И. Д. 675, 832, 833.
овскій Э. 371.
геръ 965, 993.
цовъ А. Н. 283—289.
авинъ Г. Р. 98, 214, 633.
ичъ А. Т. 289—290.
ковскій С. С. 290—292, 699.
иовскій 763, 764, 765.
кковскій 646.
янскій Т., гр. 292—299, 1164,
, 1240, 1241, 1246.
въ 895.
ихъ, еп. 426.
ерло 108.
ошъ 298, 372.
ріевъ (Петковъ) 275, 1064, 1086,
, 1274.
еръ Г. 264, 713, 780.
овольскій, д-ръ 632.
овскій І. 32, 33, 34, 35, 40, 41,
102, 103, 104, 250, 262, 292, 293,
296, 385, 409, 443, 445, 447, 448,
450, 451, 452, 453, 454, 457, 458,
461, 462, 464, 467, 471, 472, 495,
519, 552, 571, 573, 578, 583, 584,
586, 587, 594, 621, 624, 626, 642,

Добровскій І. 648, 662, 663, 666, 667,
668, 670, 679, 683, 687, 688, 689, 690,
709, 764, 877, 881, 893, 943, 1016, 1122,
1192, 1193, 1194, 1199, 1201, 1248,
1268, 1269, 1270, 1271, 1272, 1273.
Добрскій 331.
Долгорукій, кн. 1056,
Должиковъ, книгопр. 891, 1235.
Домашка 410.
Домбровскій, проф. 1212.
Дорнъ 639, 641.
Доуха Фр. 413, 439, 927.
Драшковичъ Я., гр. 964, 969.
Дрейшокъ Ал. 252.
Држевецкій 647.
Дройзенъ, проф. 1169.
Дубенскій 323, 1039.
Дубровскій П. П. 299—338, 599,
767, 768, 769, 770, 773, 775, 780, 783,
1022, 1029, 1085, 1090, 1275—1276.
Дудикъ 608.
Дудкевичъ 36, 38, 40.
Дундеръ А. 136, 137.
Дундеръ В. Г. 477.
Дундуковъ-Корсаковъ, кн. 432.
Дунинъ-Борковскій Ал., гр. 161.
Дунинъ-Борковскій Ст. 339—342.
Дуткевичъ 1272, 1273.
Духновичъ А. 226, 390.
Дучманъ 239, 241, 244, 245, 246, 247,
248.
Дѣдицкій Б. И. 225, 235.
Дѣлицынъ П. С. 1100.

Евгеній, еп. 469.
Евецкій О. 116.
Евецкій Ѳ. 749.
Елагина А. П. 145, 147, 1119, 1123,
1124.
Елагинъ В. А. 55, 147, 173, 342—
346, 846, 860.
Елачичъ, банъ 660.
Еліяшевичъ 763, 765, 766, 769, 783,
915.
Ердѳди С. 1013.
Еремѣевъ 614.
Ермоловъ А. П. 74, 667.
Ерневичева (Ярневичева) 965, 970.
Ефремовъ А. П. 124, 859.
Ешевскій С. В. 347—348.

Жадимiровскій 627.
Живковичъ 693.
Жижка Янъ 217, 295, 376, 377, 397.
Жижка 358, 362.
Жировичъ 387.
Жиряева М. Н. 365, 366, 368.
Жиряевъ А. С. 170, 171, 348—370, 897, 901, 1139, 1173, 1242.
Жиряевъ М. С. 361, 368, 369.
Жоне (Jauner) О. 284.
Жоховскій 338.
Жуковскій В. А. 57, 66, 98, 179, 254, 358, 558, 852, 1214.
Жукъ-Скаршевскій Л. 370—373.
Жупанскій, книгопр. 493, 787, 1168.
Жупанъ, типогр. 123, 954, 955, 965.
Журъ 239.

Заборовскій Ст. 594.
Завадзкій, типогр. 416, 633, 635.
Загоскинъ М. Н. 59, 60, 61, 65, 66, 97, 557, 558, 628.
Заикинъ 868, 869.
Закревскій А. А., гр. 58.
Залѣскій Б. 752.
Залусскій 516.
Замойскій Вл., гр. 1247.
Замятинъ 670, 671.
Зандманнъ 596, 597.
Заппа 1163.
Запъ К. В. 22, 160, 165, 220, 225, 227, 371, 419, 420, 491, 493, 494, 610, 650, 679, 890, 892, 909, 1029.
Засѣцкой 851.
Захертъ 733, 735.
Захъ 1257.
Зденчай 964.
Зейлерь А. 240, 247, 419, 463.
Зелёнацкій, проф. 787.
Зелинскій Л. 373.
Зенневальдъ, книгопр. 308, 309, 312.
Зибель 1115.
Зитекъ 509.
Знаменскій В. П. 100, 375—378, 560.
Зоммеръ, д-ръ 934.
Зринскій 964.
Зубрицкій Д. И. 226, 230, 231, 234, 373, 378—392, 791, 1021, 1121.

Иванеико 501.
Иванишевъ Н. Д. 255, 272, 361, 392—407, 417, 432, 481, 482, 901, 904, 944, 945, 1131, 1132, 1139, 1175, 1209, 1210, 1211, 1212, 1214, 1215, 1216, 1217, 1218, 1219, 1220, 1222, 1224, 1225, 1226, 1229, 1230, 1231, 1237.
Иванскій 913.
Икономовъ Ѳ. 842, 843.
Икскуль А., бар. 407, 465.
Икштетъ, бар. 529.
Иличъ, игум. 993.
Имишъ 241, 410.
Иннокентій, архіеп. 254, 1217.
Иннокентій, еп. 179, 378, 405, 406, 1050.
Исаковичъ 968, 969.
Исаковъ Я. А., книгопр. 143, 1149, 1150.
Ишимова А. О. 407—408.

Іоаннъ, сакс. принцъ 408, 414.
Іоахимъ 804.
Іезбера Ѳ. И. 206, 207, 208, 209, 210, 211, 233, 493.
Ielинекъ Эд. 294, 488, 576, 704, 1160.
Іенчъ 241, 247.
Іорданъ П. 115, 408—427, 863, 869, 870, 956, 969, 977, 983, 1023, 1076, 1135, 1162, 1258—1259.
Іоссе 858.

Кабановъ 1145.
Кабичъ, д-ръ 983.
Казанскій П. С. 436, 1100, 1101.
Казначичъ А. 809, 991.
Каинка 263, 265.
Калайдовичъ К. Ѳ. 98, 325.
Калачовъ 332, 434, 1075.
Калина К. 883, 957.
Калленбахъ, книгопр. 228.
Каменскій Н. 1167.
Каминскій 779.
Капперъ 326.
Караджичъ В. С. 54, 170, 339, 427—429, 446, 570, 571, 622, 654, 870, 953, 955, 956, 957, 969, 981, 1000, 1010, 1011, 1012, 1015, 1053, 1054, 1083, 1085, 1090, 1166.
Караджичъ Мина 427.
Карамзинъ А. 865.

Карамзинъ Н. М. 98, 101, 123, 255, 320, 382, 557, 633, 1199, 1214, 1215, 1216, 1217, 1244.
Карейша Д. В. 11, 12, 429, 887.
Карлгофъ Е. А. 45, 430, 938.
Каровъ, книгопр. 369.
Карпинскій Фр. 1168.
Карро, д-ръ 733.
Кастелицъ 957.
Касторскій М. И. 272, 394, 431—432, 1105, 1134.
Каталиничъ 990.
Катанчичъ 600.
Катенинъ М. И. 155, 432—437, 1103, 1116.
Каткова С. 438.
Катковъ М. Н. 437—439.
Качановскій 179.
Качичъ А. 980—981.
Кашкадамовъ 123.
Квасъ, проф. 958, 959.
Кватерникъ Е., проф. 847, 591.
Квѣхъ 227, 1238.
Келеръ 953.
Келесинскій 158.
Кене Б. В., бар. 440—442, 860.
Кёнигъ 252, 254.
Кеппенъ К. И. 463, 465, 468.
Кеппенъ П. И. 98, 179, 396, 443—488, 515, 561, 631, 639, 641, 668, 824, 825, 827, 940, 1015, 1074, 1175, 1205.
Кинрейхъ 960.
Кинскій, кн. 93, 559, 621.
Кириловъ П. 328.
Киркоръ А. Г. 488—494, 503, 509.
Кирѣева 153.
Кирѣевскій И. В. 172, 173.
Кирѣевскій П. В. 55, 147, 214, 860, 1124.
Киселевъ Н. 1192.
Кисловскій 838.
Киттель 306, 308.
Клейнмайръ, книгопр. 799.
Клеммъ, д-ръ 952, 1188.
Климешъ 814, 815, 825, 828, 832, 833.
Клинкачекъ 1000, 1013, 1014, 1015.
Клинъ, д-ръ 86, 240.
Клодзинскій А. 495.
Кнауте 877, 878, 879, 880.
Княжевичъ Вл. М. 17, 18.
Княжевичъ Д. М. 496—499, 642, 808, 870, 956.
Княжевичъ, игуменъ 989.
Ковалевскій Е. П. 80, 214, 499, 651, 1000, 1002.
Ковалевскій І. М. 254.
Ковнацкій 647.
Кожанчиковъ, книгопр. 615, 616.
Козачковскій А. К. 333.
Козляниновъ 80, 81.
Койсевичъ 761.
Коларжъ І. 871, 872, 876.
Колларъ Янъ 91, 93, 98, 127, 185, 262, 270, 299, 313, 322, 374, 413, 493, 576, 579, 581, 584, 610, 624, 709, 731, 739, 740, 741, 743, 744, 745, 771, 772, 922, 923, 954, 995, 1014, 1016, 1083.
Коллоредо-Вальдзе, гр. 1141, 1143.
Кологривова 306.
Колокольцовъ Г. 499—502.
Коменскій Я. А. 173, 455, 538.
Комовскій В. Д. 504, 1147, 1149, 1242, 1243.
Кондъ-Османъ 85.
Коневка А. 504—505.
Конопка 600.
Константинъ Николаевичъ, в. кн. 24, 436, 440, 524, 526, 681, 1075.
Константинъ Павл., в. кн. 667.
Контецкій 598, 735, 738, 739, 740, 741, 744, 747.
Концевичъ 570.
Копитаръ В. 32, 42, 104, 178, 187, 258, 262, 267, 325, 342, 349, 374, 383, 384, 402, 443, 444, 446, 447, 450, 455, 457, 479, 488, 495, 570, 572, 579, 587, 624, 674, 688, 690, 710, 720, 723, 749, 764, 765, 766, 801, 802, 824, 869, 956, 1015, 1142, 1247, 1248, 1249, 1251, 1254, 1255, 1259, 1262, 1263, 1264, 1265, 1267.
Копчинскій 594.
Коркуновъ 1063, 1074, 1096.
Коротынскій В. 493, 506—509.
Корсаковъ, ценз. 1121.
Корфъ М. А., бар. 490, 510—545, 639, 641, 875, 876, 1088, 1274.
Косицкій, проф. 581, 583, 590.
Костичъ, проф. 794.
Костомаровъ Н. 614, 1031, 1037, 1105.

Котошихинъ 1079.
Коубекъ, проф. 227, 356, 358, 359, 362, 364, 365, 366, 368, 370, 372, 403, 414, 431, 787, 788, 895, 905, 911, 957, 983, 1057, 1062, 1086, 1170, 1265.
Коціанчичъ Ст. 545—553.
Коцъ, бар. 642.
Кочетовъ 1074.
Кочубей Е. П., кн. 441.
Кочубей В. В., кн. 440, 441.
Кошелева Л. А. 53, 1187.
Кошелева О. Ѳ. 8, 53, 141, 145, 1186, 1187.
Кошелевъ А. И. 3, 5, 7, 145, 209, 210, 216, 553—554, 1158, 1159.
Кравь О. 18, 19.
Крамаренко, д-ръ 856, 1140, 1173, 1175, 1176.
Крамеріусъ 873.
Кранихфельдъ 560.
Крашевскій І. И. 307, 308, 325, 326, 373, 492, 554—556.
Крбецъ 395, 400, 401, 403, 406, 651, 1151, 1153.
Крейчи 610, 1246.
Кремеръ 190.
Кржепецка Ѳ. 15, 16, 18, 19, 886, 887.
Кржижановская 35.
Кржижановскій А., проф. 35, 575, 590, 591, 712, 718, 720, 723, 778, 779.
Кригеръ 951.
Крольмусъ 899, 900, 905, 1050, 1057, 1062.
Кронбергеръ, книгопр. 27, 89, 91, 121, 170, 302, 303, 304, 305, 308, 309, 311, 312, 313, 327, 369, 394, 395, 396, 399, 400, 420, 422, 426, 734, 747, 758, 759, 760, 957, 1051, 1053, 1057, 1165, 1242.
Кружичевичъ 992.
Крузенштернъ А. И. 937.
Круповичъ М. 492, 503.
Крыловъ И. А. 179, 558, 602.
Крыловъ Н. И., проф. 479, 480, 481, 482, 556—561, 733, 734, 848, 849.
Кублицкій М. Е. 864.
Кугъ 608, 876.
Кудрявцевъ, проф. 58.
Кузма, пасторъ 577.
Кузманичъ, проф. 181, 777, 989.
Кузьминскій Ал. П. 109.
Куканче 410.
Кукулевичъ И. 622, 785, 846, 965 993.
Кулакъ 584.
Кулишъ П. А. 86, 562, 857.
Кульчинскій 692, 702, 704.
Куникъ А. 420, 1077, 1078, 1146, 1149
Кунцъ 614, 1176.
Купферъ 1080.
Курелацъ Ф. 562—568, 847, 957.
Куторга М. С. 479, 1074, 1081, 1110, 1111.
Куторга С. С. 201, 560, 914.
Кухарскій А. Ф. 32, 193, 251, 264, 268, 299, 322, 334, 374, 461, 463, 569—601, 710, 712, 714, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 726, 727, 728, 730, 732, 739, 741, 745, 747, 748, 753, 754, 758, 771, 781, 783, 790, 791.
Кушелевъ-Безбородко Г. А., гр. 720, 1154.
Кюстинъ, маркизъ 254.

Лабенцкій І. 792.
Лавровскій Нв. 919.
Лавровскій Н. А. 429, 1083, 1090.
Лавровскій П. А. 9, 601—610, 1083, 1090, 1104, 1106, 1108, 1116.
Лазаревы 274.
Лакіеръ А. Б. 211, 240, 610—614, 681, 683, 1095.
Ламанскій В. И. 433, 614—616, 700, 702, 874, 875, 935, 1097, 1105, 1179.
Ламбль Д. 428.
Ланцъ, банк. 1150.
Лауберъ, свящ. 730, 731.
Левакович Р. 1257.
Левашовъ, графъ 1226.
Левецовъ, проф. 584.
Левицкій 645.
Левстикъ Ф. 550, 616—619.
Левшинъ А. И. 465.
Легисъ-Глюкзелигъ 614, 688, 690, 1245.
Ледуайенъ (Ledoyen) 1258.
Лейхтембергскій герц. 1075.
Лелевель І. 260, 294, 663, 664, 667, 721, 1246, 1249, 1259.
Лемель 123.
Лентовскій 193—194.

Леонтовичъ 15, 16.
Леонтьевъ 423.
Лермонтовъ М. Ю. 431.
Лернеттъ, д-ръ 647.
Лерхъ І. 1, 942, 1120.
Лешетицкій 610.
Лешковъ 1032.
Либельтъ К., д-ръ 1164, 1167.
Ливенъ К. А., кн. 467.
Лиманъ Фр., д-ръ 170, 171, 173, 292.
Линде Г. С. 318, 443, 444, 445, 564, 574, 575, 619—622, 624, 626, 633, 648, 747, 751, 752, 753, 754, 758, 762, 764, 768, 769, 878, 880, 881, 917, 922.
Липинскій 269, 270.
Лисинскій В. 622—623.
Литовъ, книгопр. 520, 1215.
Лихачевъ 629.
Лишъ 774.
Лобажевскій 371.
Лобановъ, кн. 680, 1204.
Лобковицъ, кн. 480, 678, 680.
Лобойко И. Н. 21, 486, 623—643.
Лобойко Г. А. 629, 630, 634, 637, 640, 643.
Лозинскій І. 644—645.
Ломоносовъ М. В. 576, 633, 1135.
Лоренци 721, 722.
Лоренцъ, проф. 1081.
Лорике (Loriquet) 699—700.
Лохвицкій А. В. 1154.
Лубенскій Андр. 459, 461, 463, 924, 951, 1202, 1203.
Лубенскій Фр., гр. 646—648, 1199.
Лукашевичъ І. 649, 735.
Лукашевичъ Леславъ 163, 164.
Лукашевичъ П. А. 649—658.
Лунинъ М. М. 1035, 1036, 1037.
Лучкай 578.
Лыжковскій 329.
Льготакъ 330, 331, 335, 788, 789, 790, 793, 794.
Любовскій І. 177, 764, 1259.
Любомирскій Г., кн. 38, 103, 107, 1273.

Мабильонъ 1251.
Магазиновичъ 410, 417.
Магарашевичъ 571.
Магденко 652.
Маевскій В. Ск. 878, 881.
Мажураничъ, проф. 181, 778, 965.
Майковъ А. Н. 171, 328, 660.
Макарій, архим. 1051.
Маккерти (Maccarthy) 699—700.
Максимовичъ М. А. 213, 413, 561, 900, 1158, 1212.
Максъ 856, 1266, 1267.
Макушевъ В. 1105, 1106.
Малевскій С. 661.
Малевскій Ф. 265, 272, 275, 277, 461, 662—675, 936, 1124, 1138, 1148, 1265.
Малиновскій М. 226, 391.
Малиновскій Н. 325, 673.
Малишевскій М. І. 676.
Малый Я. 413, 1246.
Мамоновъ 65.
Манетинская 957, 983.
Манинъ Н. 290.
Мансуровъ 1132.
Маразли, г-жа 643.
Марекъ 668, 669.
Маринъ В. Г. 70, 71.
Маричевичъ П. 980.
Маркевичъ Н. А. 307, 677.
Маркевичъ, проф. 1270.
Маркусъ М. А. 1145.
Марлинскій-Бестужевъ А. 558.
Мартекини, книгопр. 810, 991.
Мартыновъ И. М. 677—704, 875, 1113, 1115.
Матичъ 571.
Матіашичъ, свящ. 961.
Матѣёвскій 413.
Махачекъ 413, 585.
Махекъ 761, 762.
Мацневъ А. О. 174.
Мацѣёвскій В. А. 116, 140, 154, 189, 191, 192, 195, 251, 260, 262, 266, 267, 268, 301, 305, 307, 308, 310, 311, 318, 322, 329, 330, 334, 335, 374, 383, 559, 561, 596, 597, 598, 599, 600, 629, 630, 670, 704—795, 954, 1083, 1123, 1272.
Мацѣевскій И. 705, 707, 710, 712.
Маяръ М. 659—660.
Меглицкій Г. Т. 123, 480, 763, 795—799, 852, 853.
Медалёва В. В. 892.
Медемъ М. М. 821.
Меднянскій, бар. 576.

Мейендорфъ, бар. 407.
Мейеръ 357.
Мейсснеръ А. 629.
Мельгуновъ Н. 252.
Менщиковъ 86.
Меркльсъ 173.
Метелько Ф. 799—800.
Мехержинскій 609.
Миддендорфъ, акад. 350, 351, 367, 369.
Миклошичъ Ф. 11, 386, 514, 624, 633, 801—802, 889.
Миковецъ 567, 568.
Микуцкій Ст. 64.
Миле, проф. 710.
Милевскій 259.
Миллеръ 252, 583, 584.
Милликовскій, книгопр. 162, 167, 225, 390, 650, 651, 652, 1057.
Миловукъ І. 735, 803.
Милорадовичъ 651.
Милошъ Обреновичъ 428, 571, 839—840, 1015.
Милутиновичъ 571.
Милютинъ 487.
Минаевъ 332.
Минъ Д. 1094.
Миттермайеръ, проф. 354.
Михаилъ Николаевичъ, в. кн. 526.
Михайловскій-Данилевскій 180.
Михалевичъ В. В. 373.
Михалекъ 274.
Михановичъ 324, 325.
Михельсонъ, книгопр. 676.
Михль Ю. 406, 423, 424, 797.
Мицкевичъ А. 43, 662, 663, 804, 938, 1169, 1255, 1257, 1258, 1265, 1267, 1268.
Міовичъ 986.
Мняучекъ 413.
Могильницкій 919.
Молостовъ 257.
Моосбахъ А. 806.
Моравчевскій А. 1164, 1167.
Моравчевскій Ю. 1168.
Морбицеръ 187.
Мордовцевы 614.
Морошкинъ М. Я. 804—806.
Мосакъ-Клосопольскій 115, 213, 410, 411, 412, 417, 864.
Моцунъ 1153.
Мроиговіусъ 1162.
Мужакъ 22, 610.
Муравьевъ, полк. 990.
Мурзакевичъ Н. 499.
Мурко, свящ. 396, 958, 959.
Мусинъ-Пушкинъ М. Н., гр. 841, 1055, 1057.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. 892.
Мустіяновичъ С. 229.
Мутьевъ Д. 807—808, 1044, 1050.
Мухановъ П. А. 322, 327, 783, 937.
Мухлинскій 265, 271.
Мучковскій 187, 190, 295, 761.

Надеждинъ Н. И. 380, 381, 382, 497, 498, 808—809, 869, 870, 956, 969, 1027, 1059, 1073.
Назимовъ В. И. 58.
Наперскій 1077.
Наперстокъ 613.
Нарбутъ 279.
Наумовъ 889.
Небескій В. 233, 241, 413.
Невоструевъ К. И. 1103.
Негедли 98, 1194, 1196.
Нейбергъ, бар. 411, 629, 956.
Непили (Nepilý) 598, 600.
Несёловскій 759.
Николаевичъ Г. 809—810, 845, 991.
Николай I, имп. 1, 96, 97, 248, 432, 526, 530, 531, 532, 534, 625, 632, 636, 663, 692, 736, 822, 850, 940, 1017, 1018, 1026, 1028, 1037, 1094, 1119, 1120, 1133, 1136, 1137, 1142, 1144, 1145, 1148, 1203, 1206, 1216, 1218, 1221, 1234, 1251.
Николай Николаевичъ, в. кн. 526.
Ниттингеръ 245.
Новосельскій 757.
Новосильцевъ Н. Н. 26, 262, 263, 266.
Поровъ А. С. 178, 243, 276, 366, 511, 530, 532, 533, 810—838, 899, 936, 937, 1017, 1076, 1083.
Нортъ 285.
Ностицъ, гр. 1128.
Нусгардъ, д-ръ 1174.
Нѣмечковы 172, 349, 351, 352, 354, 356, 359, 362, 364, 365, 366, 368, 370, 897, 898, 900, 904.

зичъ Ю. У. 295, 588, 1261.
ва Б. 220, 221.
нъ (Newman), д-ръ 552.

іскій 170.
ъ 686.
, Ф. И. 427.
іскій 562.
. Е., гр. 76, 81.
зичъ 993.
зичъ 565.
ъ 333.
ъ А. Н. 286, 287.
ъ Г., гр. 841—842.
евъ В. Д. 1136, 1137.
гъ 395.
ймъ, банк. 664.
манъ 511.
керъ, д-ръ 1140, 1174, 1176.
овскій 1146, 1243.
ь 681.
нъ 85.
инскій, гр. 104, 122, 166, 1271.
іскій 55, 63, 64, 66, 71, 73, 788.
радская 638.
радскій 254, 1073, 1080, 1175.
ръ, ген. 85.
ъ 128.

овскій Г. 161, 163, 1129.
цевъ Н. И. 322, 937.
скій, еп. 295.
ъ К. 842—843.
ъ Н. Ф. 59.
ъ, д-ръ 1174.
й Г. П. 254, 655, 1038, 1039.
овъ 1050.
ій Фр. 98, 127, 130, 134, 170,
72, 173, 177, 186, 192, 196, 270,
72, 290, 332, 343, 344, 361, 372,
13, 422, 429, 432, 443, 444, 445,
49, 450, 453, 454, 455, 457, 458,
62, 464, 467, 468, 475, 478, 537,
67, 583, 615, 682, 690, 736, 751,
56, 764, 770, 772, 774, 775, 776,
81, 782, 785, 786, 787, 788, 789,
91, 795, 801, 809, 840, 844, 845,
64, 909, 954, 983, 1016, 1115,
1172, 1249, 1259.
ичъ Ю. 575, 597, 600, 1017.

Палльманъ 247.
Панаевъ 180.
Панина 681.
Паниццци 872, 873, 1116.
Пановъ В. А. 140, 843 — 846, 889, 1039, 1053.
Папеброкъ 1251.
Папроцкій Б. 296, 297, 298, 495, 506, 1218, 1221, 1224, 1225, 1226.
Пари (Paris) 1253, 1254, 1256, 1262, 1264.
Пасекъ В. В. 1027.
Паушицъ, свящ. 978.
Пацель В. 846—847.
Пачичъ 571.
Пашковскій Ф. 196.
Пебаль 960.
Пекарь 247.
Пелешъ 1158, 1159.
Пельцель 295.
Перевлѣсскій 336.
Пертцъ 447.
Петрановичъ 810.
Петржима 1187.
Петровичъ 883, 1152.
Петровъ 86, 873.
Петрушевичъ А. С. 226, 228, 229, 230, 231, 233, 235.
Петръ II. Нѣгошъ 839, 845, 990, 991, 1002, 1006.
Петръ Великій 99, 315, 316, 500, 537, 539, 558, 651.
Пеховскій 423.
Печирка 413.
Пешекъ 953.
Пиганьоль 1264.
Пироговъ 892, 1038, 1111.
Писаревъ, ген. 455.
Писемскій А. Ѳ. 63.
Пицекъ В. 62, 64, 66.
Платоновъ И. В., проф. 561, 848—849.
Плахтовичъ 576.
Плевинская 586, 596.
Плевинскій 734, 741.
Плетневъ 180, 1055, 1074.
Плюшъ 1264.
Плятеръ, гр. 793.
Погодина Е. В. 1124.
Погодинъ М. П. 42, 52, 55, 56, 57,

Рейхель 169, 440, 515, 1231, 1233, 1239.
Рейцъ 345.
Ренне (Rönne) 672.
Ретигова 353.
Реціусъ, д-ръ 614.
Рживначъ, книгопр. 112, 113, 118, 119, 122, 123, 129, 172, 420, 435, 1051, 1154.
Ригельманъ Н. А. 116, 381, 885—892, 905.
Ритеръ Ф. Л. 8, 234, 235, 237, 247, 290, 610, 615, 876, 1246.
Римскій-Корсаковъ Г. 444.
Ристичъ 244.
Риттерсбергъ І. 690.
Риттерсбергъ Л. 217, 246, 287, 288, 490, 491, 492, 493, 494, 506, 614, 690.
Риттерсбергъ Сабина 494.
Риттеръ (Vitezovich) 584.
Ритшель, проф. 251.
Рихтеръ 307.
Робертъ (Robert) К. 330, 1267.
Робида, проф. 659.
Родофиникинъ 448.
Розбергъ, проф. 180.
Розенкампфъ Г. А., бар. 26, 265.
Ромеръ, гр. 911.
Ростопчина, гр. 65.
Росцишевскій Ю. А. 159, 162, 165, 270, 746, 750, 760, 918, 1128.
Рудневъ Ѳ. М. 59.
Рудницкій 443.
Румянцевъ Н. П., гр. 279, 450, 451, 454, 624.
Русецкій 325.
Руссовъ С. В. 892—894.
Рыбицкій 570, 572, 573.
Рыбичка А. 173, 795, 1144.
Рымаркевичъ 1167.
Рымкевичъ, проф. 673, 674, 907.

Сабининъ С. К., свящ. 201, 215, 359.
Сабуровъ И. В. 499, 500, 501, 1222.
Савельевъ-Ростиславичъ 1244.
Садовскій П. М. 64, 73.
Самаринъ 171, 844.
Самцовъ Н. 1043.
Сахаровъ 307, 402, 999, 1214.
Свербеевъ 66.
Свидзинскій 1236.
Свиридовъ И. А. 1122.
Свобода 249, 252, 403, 413.
Святскій 475.
Себерини 577.
Севастьяновъ 544, 692, 697.
Селигъ, д-ръ 1212, 1213.
Селины А. И. и Е. А. 205, 327, 354, 356, 358, 359, 360, 361, 887, 888, 889, 890, 892, 894—906, 1127, 1176.
Семеновъ А. В. 906—907.
Семеньскій Л. И. 156, 157, 160, 163, 746, 752, 907—913, 921, 922.
Семіотъ 480.
Сенкевичъ К. 914.
Сенковскій 558.
Сербиновичъ К. С. 914—915.
Сестини Д. 1208.
Сечени, гр. 567, 568.
Сильвестръ 689, 700, 703, 1041, 1109, 1136, 1137, 1141, 1248, 1249, 1250, 1251, 1253, 1254, 1262.
Синобадъ 986.
Сироничъ, свящ. 978.
Скальковскій А. А. 15, 16, 17, 18.
Скарбекъ, проф. 710, 726.
Скворцовъ 1094.
Скимборовичъ Ст. 371.
Скленаржъ 245.
Скорина, д-ръ 404, 527, 1225.
Славикъ 888.
Славковскій, проф. 578.
Сладовичъ 566.
Словацкій Ю. 1169.
Сломшекъ, еп. 659, 1153.
Слотвинскій К. 743, 915—924.
Сметана, проф. 420.
Смирдинъ, книгопр. 333, 480, 537, 559.
Смирновъ К. С. 1100.
Смирновъ С. А. 1181.
Смола 239.
Смолерь Янъ Э. 204, 206, 207, 208, 209, 210, 240, 241, 245, 247, 248, 302, 426, 615, 924—935, 951, 952, 1104, 1106, 1107.
Смотрицкій М. 505.
Снегиревъ И. 170, 328, 434, 641.
Снядецкій, проф. 648.
Соболевскій И., гр. 446, 621, 622.

нъ 244, 245.
съ, книгопр. 313.
шекъ 252, 299, 869, 957, 970, 1088.
къ В. В. 170, 171, 215, 551, 782, 785, 786, 787, 789, 874.
чекъ 413.
еръ Э. 258, 883.
бицкій 735, 737, 738.
говскій, проф. 1167.
кинъ, ген. 1221.
тржевинскій 715, 717, 719.
кій И. 959.
нскій, проф. 721, 723, 724, 1272.
йонъ (Troyon) 1170.
иньскій 663, 667.
, гр. 278, 279, 411, 412, 681, 690, 5.
невъ А. И. 479, 939.
невъ И. С. 64, 1113.
овскій С. 297.
вскій К. И. 1127—1129.
овскій П. А. 290. 313, 413, 957, 983, 1014.
евичъ Е., гр. 489, 503, 1218.
евичъ К., гр. 492.
нъ А. Ѳ. 521, 1073, 1088.
евъ Ѳ. И. 115, 204, 1129—1130.

ова, гр. 855, 856.
овъ А. С., гр. 905, 906, 1139, .
овъ С. С., гр. 119, 122, 127, 178, 179, 309, 360, 361, 483, 490, 504, 671, 674, 765, 824, 870, 895, 898, 899, 903, 905, 906, 936, 976, 1015, 1017, 1028, 1041, 1053, 1054, , 1056, 1057, 1063, 1083, 1085, —1148, 1173, 1175, 1189, 1191, , 1221, 1241.
евичъ, д-ръ 181.
инъ В. 941.
ьскій В. М. 1051, 1075, 1103.
ковскій 1246.
ловъ Н. Г. 132, 133, 134, 135, 402, 627, 641, 899, 1073, 1074, , 1146, 1148—1150, 1242.
новичъ 237.
ь Л. И. 1111, 1112.
ь Б. И. 873.
вскій 260, 263.

Фанта К., д-ръ 839.
Фейербахъ 1157.
Фейерпатаки К. 1203.
Фекте де ла-, гр. 1257, 1266.
Ферлинцъ 961.
Ферстеръ 410.
Ферстль 960.
Фидлеръ, банк. 717.
Фикельмонъ, гр. 625.
Филаретовъ 1097, 1098.
Филаретъ, митроп. 179, 254, 641, 1100.
Филипецкій 600.
Филиповъ Т. И. 64, 72.
Фіялка, проф. 1017.
Фландерка 242.
Флаттъ 244.
Флейшеръ Ф., книгопр. 450, 452, 464, 465, 466, 468.
Флейшеръ, проф. 946.
Фольке 34.
Фонъ-Визинъ 333.
Фоссъ Л., книгопр. 274, 1139, 1150.
Фотиновъ К. Е. 9, 1041—1042, 1048.
Франтипани 983.
Франекъ 628.
Франклъ, д-ръ 30.
Франкъ К. 91.
Францель В. 1151—1154.
Францъ I, имп. австр. 1.
Францъ, литерат. 1171.
Френъ 253.
Фридрихъ Вильгельмъ, принцъ прусскій 1.
Фричъ, д-ръ 89, 91, 99, 100, 171, 876, 942.
Фудаковскій 244.
Фундуклей И. И. 1180, 1224, 1226.

Хаджичъ 571.
Халчинскій И. Д. 501, 816, 821, 823, 1125.
Хемницеръ 214.
Хиждеу 598, 745, 747.
Хитровы 855.
Хлендовскій 448.
Хмела, проф. 560.
Хмеленскій 585, 1203.
Хмельницкій А. И. 1154—1155.
Хмѣльницкій Н. И. 809.

Хованецъ 387.
Ходаковскій З. Д. 187, 188, 307.
Ходзько 688, 693.
Ходынскій 271.
Хоецкій Эдм. 177.
Холоневскій Ст. 307.
Хомяковъ А. С. 55, 85, 172, 173, 200, 201, 209, 210, 213, 326, 844, 865, 1156—1158.
Хрущовъ Д. П. 1158—1160.

Цанковъ 929.
Цаппе 1124, 1125.
Царскій 520.
Цафъ О., свящ. 961.
Цвѣтко, свящ. 961.
Цейшнеръ, проф. 267, 268, 370, 751.
Ценкеръ, банкиръ 118.
Цертелевъ, кн. 1026.
Цетвинская Ю. 163.
Циммерманнъ 103.
Циппе, проф. 372.
Циховцкій 597.
Цыбульскій В. 1160—1172.
Цыцуринъ Ѳ. С. 906, 1172—1178, 1213.
Цѣшковскій А., гр. 779, 1167.

Чайковскій М. 413, 418, 1168.
Чапловичъ 956—957.
Чарнецкій 312.
Чарторыскій Ад., кн. 26, 260, 1261.
Чарторыскій К., кн. 259.
Чацкій Ѳ. 1168.
Чівчке, книгопр. 447.
Чевкинъ, ген. 1234, 1236.
Челаковскій Ф. Л. 28, 30, 62, 63, 64, 66, 88, 89, 91, 95, 98, 100, 192, 268, 336, 413, 414, 426, 432, 461, 462, 466, 467, 469, 470, 471, 475, 476, 478, 530, 570, 571, 573, 585, 768, 781, 782, 784, 785, 786, 787, 908, 927, 928, 943, 955, 957, 970, 976, 977, 983, 1014, 1016, 1022, 1064, 1086, 1087, 1120, 1201, 1202, 1203, 1206.
Червенакъ 412, 413.
Червеный 216.
Червинка 413.
Чернецкій, д-ръ 356, 358.
Черникъ О. 203.
Черняевъ 861.
Чернышевскій 614.
Чертковъ 170, 172.
Чехъ, книгопр. 41, 785.
Чижовъ Ѳ. В. 153, 332, 777, 1126, 1127, 1179—1181.
Чихачевъ 213.
Чичеринъ Б. Н. 23, 1181.
Чичеринъ (Cziczirin) 787.
Чокердянъ-Вукадиновичъ І. 1182—1186.

Шабранскій 251.
Шагуна, бар. еп. 884, 885.
Шалльбахеръ, книгопр. 34, 719.
Шамполліонъ-Фижакъ 1255, 1265.
Шандоръ М. 994.
Шандоръ, пасторъ 578.
Шатенскій 764.
Шаумбургъ, книгопр. 719.
Шафарикъ Божена 432.
Шафарикъ Войтѣхъ 432.
Шафарикъ П. І. 10, 12, 13, 28, 30, 114, 118, 119, 122, 123, 127, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 145, 146, 148, 150, 151, 152, 153, 167, 171, 173, 175, 177, 178, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 195, 199, 200, 201, 219, 221, 227, 233, 237, 251, 253, 255, 257, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 274, 275, 277, 284, 285, 290, 292, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 311, 313, 320, 322, 336, 345, 349, 351, 352, 354, 356, 358, 359, 362, 364, 365, 366, 368, 369, 371, 375, 380, 382, 383, 394, 396, 399, 400, 401, 402, 403, 406, 413, 418, 419, 422, 427, 428, 429, 431, 432, 451, 459, 470, 471, 472, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 483, 484, 487, 489, 491, 505, 506, 512, 514, 519, 523, 528, 552, 553, 564, 565, 566, 567, 568, 578, 581, 598, 601, 614, 622, 639, 641, 645, 651, 652, 653, 677, 680, 683, 686, 688, 690, 693, 699, 709, 710, 715, 719, 724, 728, 730, 731, 735, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 760, 765, 766, 769, 770, 772, 774, 775, 776, 780, 781, 782, 784, 785, 786, 787, 789, 792, 794, 795, 801, 809, 810, 819,

ікъ П. І. 840, 844, 845, 846,
1, 852, 854, 855, 860, 864, 865,
0, 883, 884, 896, 899, 900, 906,
3, 924, 925, 927, 928, 929, 943,
54, 957, 976, 983, 992, 1000,
1016, 1018, 1019, 1022, 1023,
1031, 1035, 1040, 1043, 1054,
1062, 1064, 1083, 1086, 1087,
1092, 1097, 1107, 1120, 1122,
1138, 1141, 1157, 1161, 1164,
1172, 1174, 1187, 1207, 1210,
1226, 1232, 1244, 1248, 1249,
1259.
икъ Юлія 432.
икъ Янко, проф. 794, 1120,

икъ Ярославъ 432.
кой А. А., кн. 60.
бахъ Іосифъ 349.
зъ, гр. 1043.
овскій, проф. 710.
ико Т. Г. 224, 378.
евъ С. П. 43, 46, 52, 55, 58,
72, 82, 111, 180, 314, 315, 316,
18, 320, 333, 334, 655, 1051,
1186—1187.
нъ, акад. 1074.
иръ 233, 323.
къ, гр. 176.
ра В. А. 256.
И. 465.
нгъ Д. О., бар. 1187—1189.
Христіанъ 241.
вецкій Хр. 295.
ръ 74, 307, 353.
вичъ Ѳ. 309, 813, 815, 816,
19, 1030, 1039.
В., свящ. 576.
въ 138.
екъ, архит. 276, 527, 834,
1091.
скій-Шихматовъ П. А., кн.
11, 827, 936, 1121, 1133, 1138,
1191.
585.
скій 1081.
въ А. С. 214, 277, 407, 445,
47, 449, 450, 451, 454, 457, 460,
52, 466, 467, 469, 475, 477, 479,
24, 915, 922, 1192—1208.

Шкода 1151, 1153.
Шкроупъ 1203.
Шлегель А. К. 559, 848.
Шлецеръ 218, 220, 626.
Шлойзникъ, баронесса 428.
Шлоссеръ 355.
Шмеллеръ 354.
Шмидтъ, книгопр. 535.
Шмидтъ 1124.
Шмидтъ Гебель 1223.
Шнейдеръ, проф. 443.
Шнейдеръ, книгопр. 1188.
Шодуаръ С. И., бар. 131, 380, 381, 383, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 486, 891, 899, 901, 904, 1175, 1208—1239.
Шодуаръ, сынъ 1223—1224, 1226.
Шопенъ (Chopin) 1259.
Шоповъ И. В. 142, 145, 146.
Шпинка 1014.
Шпотъ, д-ръ 1151, 1152.
Шпунъ 25.
Шретеръ 665, 666.
Штайнъ, г-жа 969.
Штегеръ 623.
Штейнкеллеръ, банк. 720, 752.
Штенцъ 410.
Штепанекъ 585.
Штернбергъ, гр. 36, 38, 176, 195, 339, 340, 341, 445, 841, 941, 942, 1205, 1272, 1273.
Штернъ 498.
Штиглицъ, банк. 815, 817, 1000, 1057.
Штильфридъ, бар. 926.
Шторхъ, книгопр. 688.
Штоосъ П. 965.
Штробахъ 274, 290, 362, 365.
Штульцъ 164, 176, 177, 178, 192, 244, 245, 413, 679, 680, 683, 686, 689, 690, 691, 698, 913.
Штуръ Л. 65, 66, 68, 113, 199, 200, 302, 413, 562, 954, 1017, 1018, 1019, 1021.
Шубертъ 726.
Шулекъ С., свящ. 576.
Шульцъ Доминикъ 600.
Шумавскій Фр. 216, 217, 219, 221, 223, 491, 493, 507, 613, 675, 684, 697, 906, 1091, 1152, 1153.
Шункъ, проф. 716, 718.
Шушеринъ 214.

Щастный 304.
Щепкинъ 73.
Щепкинъ, книгопр. 86.

Эбертъ 251.
Эдельсонъ 64.
Эйнштилеръ А. 1276.
Эйхвальдъ 796.
Эйхлеръ 394.
Энгель, г-жа 201, 202, 204, 206, 209, 211, 217, 219.
Энгель І. Хр. 390.
Энгельмайеръ 872.
Эрбенъ К. Я. 22, 152, 182, 205, 206, 211, 213, 215, 216, 218, 219, 302, 433, 553, 610, 784, 785, 786, 787, 789, 790, 792, 795, 1151.
Эрлихъ, книгопр. 414, 422, 423, 424, 872.

Юнгманнъ І. 36, 38, 40, 91, 94, 95, 98, 99, 103, 114, 118, 123, 127, 137, 153, 175, 178, 186, 188, 189, 192, 193, 194, 220, 252, 253, 255, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 304, 305, 345, 356, 359, 361, 365, 369, 399, 400, 401, 403, 411, 412, 413, 422, 424, 443, 445, 448, 449, 450, 452, 453, 454, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 475, 477, 478, 480, 481, 482, 507, 521, 538, 539, 570, 571, 572, 573, 574, 585, 587, 598, 599, 600, 621, 622, 651, 652, 653, 662, 663, 667, 668, 669, 704, 708, 710, 711, 712, 720, 722, 723, 724, 725, 726, 728, 729, 732, 739, 740, 742, 747, 748, 749, 751, 752, 762, 770, 772, 774, 775, 780, 781, 844, 845, 860, 870, 877, 878, 880, 881, 917, 940, 941, 942, 943, 970, 983, 1016, 1054, 1057, 1122, 1123, 1169, 1198, 1199, 1201, 1202, 1203, 1272.
Юнгманнъ, сынъ 91, 662, 663, 667, 668, 669, 707.
Юранекъ 394, 395.
Юревичъ, г-жа 761, 763.
Юрьевичъ Е. А. 799.

Яблонскій 159, 381, 382, 388.
Яворникъ, проф. 660.
Яворницкіе 267.
Ягельскій Л. 1163, 1239—1241.
Языковъ Д. И. 180, 401, 477, 478, 480, 481, 940, 941, 1133.
Языковъ Н. М. 55, 140, 172, 323.
Якоби 253.
Якобъ 951.
Якубъ 247.
Яницкій 570.
Яновскій Н. М. 447.
Яновскій А. Г. 1241—1245.
Янушкевичъ 1247.
Янчевская 194.
Ярникъ 957, 969, 992.
Яроховскій К. В. 1245—1246.
Ярошинскіе 267.
Ястржембскій І. Л. 1247—1268
Яхимъ Ф. 231.

Ѳедоровъ 558.
Ѳедотовъ А. А. 900.
Ѳедотовъ П. А. 67, 68.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы:
Предисловіе.	
Аллербергъ В. Ѳ., гр.	1—2
Аксаковъ И. С.	3—9
Андреовъ-Боголвъ И.	9—11
Априловъ В. Е.	11—14
Ашикъ А. В.	14—22
Бабстъ И. К.	22
Балабинъ В. П.	23—26
Балугьянскій М. А.	26—31
Бандтке Г. С. (Bandtke G. S.)	31—41
Бергъ Н. В.	42—87
Берличъ А. Т. (Berlić A. T.)	289—290
Бибиковъ А.	87
Благовѣщенскій А. А.	88—100
Блейвейсъ Я. (Bleiweis J.)	100—101
Блудовъ Д. Н., гр.	101
Бобровскій М. К. (Bobrowski M.)	102—104
Бодянскій О. М.	104—154
Будзинскій С., проф. (Budziński S.)	154—155
Буличъ Н. Н.	155—156
Бѣлевскій А. (Bielowski A.)	156—168
Бѣляевъ И. Д.	168
Валуевъ Д. А.	168—173
Васильчиковъ А., кн.	173—174
Вишневскій М. (Wiszniewski M.)	175—178
Востоковъ А. Х.	178—180
Вразъ Ст. (Vraz St.)	180—182
Вяземскій П. А., кн.	182—183
Гаевскій В. И.	183—184
Гельцель А. С. (Helcel A. Z.)	184—197

	Стр.
Гильфердингъ А. Ѳ.	197—222
Головацкій Я. Ѳ.	222—238
Горловъ И. Я.	238
Горникъ М. (Hórnik M.)	238—248
Горчинскій А. (Gorczyński A.)	249—250
Гохманнъ І. А. (Hochmann J. A.)	250—252
Гречъ Н. И.	252—255
Григоровичъ В. И.	256—259
Губе Р. М. (Hube R.)	259—277
Гульяновъ И. А.	277—279
Гусевъ М.	279—280
Давыдовъ И. И.	280—283
Демидовъ А. Н.	283—289
Джунковскій С. С.	290—292
Дзялынскій Т., гр. (Działyński T., hr.)	292—299
Дубровскій П. И.	299—338
Дунинъ-Борковскій Ст. (Dunin-Borkowski St.)	339—342
Елагинъ В. А.	342—346
Ешевскій С. В.	347—348
Жиряевъ А. С.	348—370
Жукъ-Скаршевскій Л. (Żuk-Skarszewski L.)	370—373
Зелинскій Л. (Zieliński L.)	373—375
Знаменскій В. П.	375—378
Зубрицкій Д. И.	378—392
Иванишевъ Н. Д.	392—407
Икскуль А., бар.	407
Ишимова А. О.	407—408
Іорданъ П. (Jordan P.)	408—427
Караджичъ В. С.	427—429
Карейша Д. В.	429—430
Карлгофъ Е. А.	430—431
Касторскій М. И.	431—432
Катенинъ М. И.	432—437
Катковъ М. Н.	437—439
Кене Б. В., бар. (von. Koehne B., bar.)	440—442
Кеппенъ П. И. (Koeppen P.)	443—488
Киркоръ А. Г. (Kirkor A. H.)	488—494
Клодзинскій А. (Kłodziński A.)	495
Княжевичъ Д. М.	496—499
Ковалевскій Е. П.	499
Колокольцовъ Г.	499—502
Комиссія Виленская Археолог.	502—503

	Стр.
: В. Д.	504
А. (Konewka A.)	504—505
кій В. (Korotyński W.)	506—509
. А., бар.	510—545
ıъ Ст. (Kociančić St.)	545—553
› А. Н.	553—554
ій І. Н. (Kraszewski J. I.)	554—556
Н. Н., проф.	556—561
І. А.	562
› Ф. (Kurelac F.)	562—568
і А. Ф. (Kucharski A. F.)	569—601
й П. А.	601—610
А. Б.	610—614
і В. Н.	614—616
Ф. (Levstik F.)	616—619
Г. (Linde S. G.)	619—622
і В. (Lisinski V.)	622—623
И. Н.	623—643
і І. (Łoziński J.)	644—645
і Фр., гр. (Łubieński Fr., hr.)	646—648
ичъ І. (Łukaszewicz J.)	649
ичъ П. А.	649—658
А. Н.	660
і С. (Malewski S.)	661
і Ф. (Malewski F.)	662—675
кій М. І. (Maliszewski M. J. X.)	676
ъ Н. А.	677
ıъ П. М.	677—704
ій В. А. (Maciejowski W. A.)	704—795
. (Majar M.)	659—660
і Г. Т.	795—799
Ф. (Metelko F.)	799—800
чъ Ф. (Miklošić F.)	801—802
› І.	803
ъ А. (Mickiewicz A.)	804
› А. (Moosbach A.)	806
нъ М. Я.	804—806
Д.	807—808
ıъ Н. П.	808—809
ичъ Г.	809—810
А. С.	810—838
Петръ	839

Стр.

Обреновичъ Милошъ . . . . . 839—840
Общество Русское Географическое 841
Олизаръ Г., гр. (Olizar G., hr.). . . . . 841—842
Павловъ К. . . . . 842—843
Пановъ В. А. . . . . 843—846
Пацель В. (Pacel V.). . . . . 846—847
Платоновъ И. В., проф. . . . . 848—849
Погодинъ М. П. . . . . 850—858
Поповъ А. Н. . . . . 859—866
Посольство Императ. Росс. въ Вѣнѣ . . . . . 866—867
Почичъ О., гр. (Počić O., gr.). 868
Прейсъ П. И. . . . . 868—871
Пыпинъ А. Н. . . . . 871—876
Раковецкій И. Б. (Rakowiecki I. B.). . . . . 877—881
Рачки Ф. (Rački F.). . . . . 881—882
Раячичъ І., патріархъ . . . . . 882—885
Ригельманъ Н. А. . . . . 885—892
Руссовъ С. В. . . . . 892—894
Селины А. И. и Е. А. . . . . 894—906
Семеновъ А. В. . . . . 906—907
Семенскій Л. И. (Siemieński L.). . . . . 907—913
Сенкевичъ К. (Sienkiewicz K.). 914
Сербиновичъ К. С. . . . . 914—915
Слотвинскій К. (Słotwiński K.). . . . . 915—924
Смолерь Янъ Э. (Smoleń J. E.). . . . . 924—935
Соболевскій С. А. . . . . 936—937
Соколовъ А.. . . . . 937—938
Соловьевъ С. М. . . . . 938—939
Сперанскій М. М., гр. . . . . 939—945
Срезневскій И. И. . . . . 945—1108
Стасовъ В. В. . . . . 1108—1110
Стасюлевичъ М. М. . . . . 1110—1112
Сухомлиновъ М. И. . . . . 1112—1117
Татищевъ Д. И. . . . . 1117—1120
Терещенко А. В. . . . . 1120—1123
Титовъ В. П. . . . . 1123—1126
Тихоцкій А. И. . . . . 1126—1127
Туровскій К. И. (Turowski K. J.). . . . . 1127—1129
Тютчевъ Ѳ. И.. . . . . 1129—1130
Уваровъ С. С., гр. . . . . 1130—1148
Устряловъ Н. Г. . . . . 1148—1150
Францель В. (Francel J.). . . . . 1151—1154

	Стр.
цкій А. И.	1154—1155
ъ А. С.	1156—1158
ь Д. П.	1158—1160
кій В. (Cybulski W.)	1160—1172
ъ О. С.	1172—1178
О. В.	1179—1181
ъ Б. Н.	1181
нъ-Вукадиновичъ І.	1182—1186
въ С. П.	1186—1187
гъ Д. О., бар.	1187—1189
кій-Шихматовъ П. А., кн.	1189—1191
ъ А. С.	1192—1208
ъ С. П., бар. (Chaudoir St., bar.)	1208—1239
й Л. (Jagielski L.)	1239—1241
і А. Г.	1241—1245
кій К. В. (Jarochowski C. W.)	1245—1246
бскій І. Л. (Jastrzębski J. L.)	1247—1268
і къ Г. С. Бандтке	1268—1274
і къ Р. Губе	1274—1275
і къ П. Дубровскому	1275—1276
шпилеръ (Einšpieler A.)	1276
ль	1279—1296

PG 34 .H3 .A4 1905 C.1
Pis'ma k Viacheslavu Gankie iz
Stanford University Libraries
3 6105 035 978 738

DATE DUE

AURORA LIBRARIES